

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

**И.А. БУНИН
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ**

КНИГА ПЕРВАЯ

И.А. Бунин.
Москва, 1903 г.
(РАЛ)

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана в 1931 году

ТОМ СТО ДЕСЯТЫЙ
В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.З. БЕЛОБРОВЦЕВА, Н.А. БОГОМОЛОВ,
С. ГАРДЗОНИО, Р. ДЭВИС, Н.В. КОРНИЕНКО,
О.А. КОРОСТЕЛЕВ (ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ), Н.В. КОТРЕЛЕВ,
А.Б. КУДЕЛИН (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ), А.В. ЛАВРОВ, Д. МАЛМСТАД,
В.В. ПОЛОНСКИЙ, Д. РИЦЦИ, Л.А. СПИРИДОНОВА,
Р.Д. ТИМЕНЧИК, М. ШРУБА

И М Л И Р А Н

2 • 0 • М О С К В А • 1 • 9

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

**И.А. БУНИН
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ**

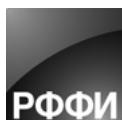
КНИГА ПЕРВАЯ

Редакторы-составители
О.А. КОРОСТЕЛЕВ, С.Н. МОРОЗОВ

И М Л И Р А Н
2 • 0 • М О С К В А • 1 • 9

«Литературное наследство» основано в 1931 году
по инициативе И.С. Зильберштейна
Принципы издания разработаны и осуществлены
И.С. Зильберштейном и С.А. Макашиным

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 13-04-00117)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-112-00216), не подлежит продаже

Научный коллектив тома:
Г.З. Брэдли, Т.М. Двинятина, Р.Д. Дэвис, О.А. Коростелев,
С.Н. Морозов, Е.Р. Пономарев, Е.М. Шинкова

Рецензенты:
А.В. Бакунцев, Г.Н. Воронцова

ИМЛИ РАН и редакция «Литературного наследства»
выражают глубокую благодарность
Русскому архиву в Лидсе (куратор Р.Д. Дэвис)
и Орловскому объединенному государственному
литературному музею И.С. Тургенева
(директор В.В. Ефремова, главный хранитель Н.В. Уракова)
за предоставленные материалы

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Жизнь Ивана Алексеевича Бунина оказалась разделена на две половины: российскую и эмигрантскую. Судьба писателя, как и судьба его архива, сложилась весьма драматично. Архивные материалы были рассеяны по разным странам и континентам, и это стало одной из главных причин, осложнявших изучение творческого наследия писателя.

В 1955 г. в СССР фактически был снят запрет с имени И.А. Бунина, длившийся почти 25 лет. Стали появляться первые сборники произведений писателя, в 1956 г. вышло первое Собрание сочинений в пяти томах, начали защищаться первые диссертации по творчеству И.А. Бунина, публиковаться архивные материалы: письма, неизвестные рукописи, фотографии, воспоминания.

В серии «Литературное наследство» впервые был посвящен И.А. Бунину том 84-й. Том состоял из двух книг и содержал богатейший материал из творческого наследия писателя, большой блок переписки, а также разнообразные материалы о нем: воспоминания, статьи, обзоры, описания отечественных архивохранилищ, содержащих бунинские материалы, и многое другое.

Том готовился к 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, приходившемуся на 1970 г., однако в свет он вышел только в 1973 г. Материалы тома готовили ведущие ученые-буниноведы: Л.Н. Афонин, А.К. Бабореко, И.С. Газер, Т.Г. Динесман, А.Н. Дубовиков, О.Н. Михайлов, А.А. Нинов и другие. Выход 84-го тома «Литературного наследства» явился знаменательным событием не только для ученых, но и для всех ценителей творчества писателя. Том подводил определенный итог большому, почти двадцатилетнему этапу в исследовании жизни и творчества И.А. Бунина.

Готовился этот том сложно, несколько подготовленных материалов не удалось провести через цензуру, возникали и сугубо научные проблемы при подготовке и комментировании текстов И.А. Бунина и его переписки. Авторы и редакторы тома стремились подняться над тогдашним уровнем знаний о литературе русской эмиграции и всего XX века, но не везде это им удалось. При самой высокой оценке работы коллектива, следует сказать о целом ряде выявленных позже неточностей и ошибок, допущенных в томе 84 «Литературного наследства». Это необходимо сделать здесь, при подготовке нового тома серии, т.к. к 84-му тому исследователи обращаются постоянно и нередко повторяют ошибки предшественников в новых работах. Мы не будем упоминать здесь об ошибках в датировке произведений писателя, т.к. это научная проблема, требующая отдельного исследования. Обратим внимание прежде всего на фактические ошибки с атрибуцией текстов и некоторые другие неточности.

В рецензиях на вышедший в 1973 г. том 84 «Литературного наследства» уже указывалось, что в книгу попали тексты, не принадлежавшие И.А. Бунину, были упомянуты произведения, приписываемые И. Бунину, но, как выяснилось, написанные другими людьми. В кратком сообщении «Это не Бунин!» В. Аксельрод¹ указал, что напечатанная в томе рецензия на «Стихотворения» А. Плещеева (Новое слово. 1894. № 10)², подписанная криптонимом И.А.Б-н, принадлежит не И.А. Бунину, а издателю, редактору и критику Ивану Андреевичу Баталину, который являлся также автором статьи «Талант, выброшенный на улицу. По поводу самоубийства Н.В. Успенского» (Колосья. 1889. № 11. Подпись: И.А.Б.), упомянутой в «Литературном наследстве» как бунинская³.

Вызывает большие сомнения атрибуция рецензии на книгу А. Коринфского «Песни сердца» (Орловский вестник. 1895. 20 окт. Подпись: И.А.Б.). Она также напечатана в том 84 «Литературного наследства» на основании единственного аргумента — подписи-криптонима⁴. Совсем никак не доказано буниинское авторство анонимной рецензии на «Сочинения А. Апухтина» (Орловский вестник. 1895. 11 июня), также упомянутой среди статей И.А. Бунина в том 84 «Литературного наследства»⁵. Еще одна анонимная рецензия на книгу Н.Д. Телешова «За Урал» (Естествознание и география. 1897. № 8) напечатана в том 84 с аргументацией, что она публикуется по автографу⁶. Однако этот автограф И.А. Бунина оказался просто переписанным текстом рецензии из журнала, очевидно, для посылки Н.Д. Телешову⁷. В связи с этой рецензией И. Бунину приписывается еще одна упоминаемая в «Литературном наследстве» анонимная рецензия на книгу П.А. Крушевана «Что такое Россия?»⁸.

Ошибочно были атрибутированы в «Литературном наследстве» и некоторые переводы И.А. Бунина. В газете «Полтавские губернские ведомости» (1894. 30 ноября; 1895. 20 мая, 6 августа) были опубликованы переводы трех отрывков из поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате», с подписью: А. Л. В том «Литературного наследства» эти переводы приписываются И. Бунину только на том основании, что в этих отрывках есть совпадения с буниинским переводом⁹. Однако в действительности переводы этих трех отрывков из поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» принадлежат секретарю Полтавской губернской управы Алексею Николаевичу Лисовскому¹⁰.

В том 84 «Литературного наследства» в разделе «Из ранних стихов (1883–1900)» опубликовано стихотворение (№ 96) «Вперед за шагом шаг... Путь долог, дорогая!..»¹¹, которое не принадлежит И.А. Бунину. Это стихотворение написано Леонидом Ивановичем Андрусоном и напечатано в «Журнале для всех» (1901. № 1. Стб. 29). Причем в «Литературном наследстве» опубликованы только две первые строфы этого стихотворения, имеющего три строфы. Очевидно, оно попало в буниинский том случайно, т.к. в этом же номере «Журнала для всех» (№ 1. Стб. 30) рядом напечатано стихотворение И.А. Бунина «Звезды ночью весенней нежнее...».

В разделе «Буниинские материалы в архивах Советского Союза»¹² даны развернутые описания архивных материалов писателя, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ныне — Российский государственный архив литературы и искусства), Орловском государственном литературном музее И.С. Тургенева, Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне — Российская государственная библиотека), Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека), Государственном литературном музее (ныне — Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля), Архиве Академии наук СССР (ныне — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук), Мемориальном кабинете Н.Д. Телешова. По Институту русской литературы (Пушкинский Дом) РАН дано описание только фонда изобразительных материалов И. Бунина в Музее института¹³. Однако в фондах Рукописного отдела Института русской литературы РАН хранится множество разных архивных материалов писателя: автографы 15 стихотворений и переводов, трех рассказов, корректура «Автобиографической заметки», 122 письма И. Бунина к 34 адресатам и 6 писем к писателю, альбомы Ф.Ф. Фидлера с автографами И. Бунина, дневник Е.М. Лопатиной с упоминаниями о встречах с И. Буниным, воспоминания Н.М. Гариной о И. Бунине и ее альбом с автографами писателя. В Библиотеке ИРЛИ РАН хранятся 19 книг И. Бунина с дарственными надписями. Хронологические рамки архивных материалов ИРЛИ РАН — 1897–1952 гг.

Несмотря на единичные ошибки и неточности, том 84 «Литературного наследства» не теряет своего значения. Это фундаментальное научное издание и теперь остается одним из самых ценных источников, т.к. содержит большой массив текстов И.А. Бунина, его переписку, воспоминания о нем и другие материалы.

На новом этапе буниноведения, начавшемся с середины 1990-х гг., стали более активно публиковаться архивные материалы И. Бунина: неизвестные художественные произведения, статьи, воспоминания, письма и др. Вышло Собрание сочинений писателя в 8 томах (Сост. А.К. Бабореко. М.,

1993–2000) — первое издание без купюр. Был выпущен том статей и очерков Бунина «Публицистика 1918–1953 годов» (Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Комментар. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 1998). Издан сборник «С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом» (Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М., 2002), первый раздел которого включает публикации переписки Бунина с К.Д. Бальмонтом, Ф.А. Степуном, В.В. Набоковым, Г.Д. Гребенщиковым, И.Ф. Наживиным, А.В. Тырковой-Вильямс и Т. Манном. В альманахе «Диаспора» (Париж; СПб., 2001–2002. Вып. I–III) опубликована полная переписка Бунина с Н.А. Тэффи. Вышли в свет два тома эпистолярного наследия Бунина: «Письма 1885–1904 годов» (Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, И.А. Костомаровой, Л.Г. Голубевой. М., 2003), «Письма 1905–1919 годов» (Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, И.А. Костомаровой, Л.Г. Голубевой. М., 2007). Начала выходить серия сборников: «И.А. Бунин: Новые материалы» (Сост.-ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. Вып. 1. М., 2004; Вып. 2. М., 2010; Сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарев, Р. Дэвис. Вып. 3. М., 2014). Началось издание «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» (Сост. С.Н. Морозов. Т. 1 (1870–1909). М., 2011; Т. 2 (1910–1919). М., 2017). Вышло научное издание поэзии И.А. Бунина в двух томах «Стихотворения» (Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинягиной. СПб., 2014). Однако за рамками этих и других изданий в российских и зарубежных архивохранилищах остается еще очень большой пласт материалов: художественные произведения И. Бунина (стихи и проза), его статьи, письма, записные книжки, дневники и др.

Новый, 110 том «Литературного наследия» призван стать самым масштабным шагом в освоении архивного наследия Бунина (общий объем четырех книг больше 300 печ. л.). Здесь публикуются извлеченные из архивов и библиотек произведения И.А. Бунина разных жанров: поэзия, проза, газетные статьи и корреспонденции, а также ряд больших корпусов переписки. Наряду с неизвестными текстами И.А. Бунина, в томе представлено огромное количество сведений об окружении писателя, его жизни и творчестве.

Составители тома видели своей главной задачей введение в научный оборот неизвестных текстов И.А. Бунина и его неизданной переписки. Эти публикации дадут буниноведам богатейший материал для дальнейших исследований жизни и творчества писателя, а весь том в целом станет важным этапом на пути подготовки научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина.

В четырех книгах, из которых состоит данный том, материал распределен следующим образом:

Первая книга содержит два раздела. В разделе «Неопубликованные тексты и наброски» представлены неизвестные ранние художественные произведения И.А. Бунина: стихотворения и повесть «Увлечение», две неоконченные литературно-критические статьи, а также эмигрантские тексты: рассказы круга «Темных аллей», материалы второго тома «Жизни Арсеньева», другие наброски и отрывки. В разделе «Письма» публикуется большая переписка И.А. Бунина с женой — В.Н. Муромцевой-Буниной.

Вторая книга включает полный текст дневников писателя и его записные книжки. В разделе «Письма» публикуются двусторонние переписки И.А. Бунина с А.В. Амфитеатовым, А. Беличем и В.Д. Брянским, другие материалы.

Третья книга отдана огромному корпусу переписки И.А. Бунина с М.А. Алдановым, которая продолжалась не одно десятилетие и сохранилась хоть и не целиком, но в послевоенной части достаточно полно.

Четвертая книга состоит преимущественно из эпистолярных материалов, здесь публикуются большие корпусы двусторонней переписки И.А. Бунина с И.С. Шмелевым, Б.К. Зайцевым и др.

Все тексты произведений и писем публикуются по современным нормам орфографии и пунктуации с сохранением особенностей авторского написания, которые при необходимости оговариваются в примечаниях. При этом следует отметить, что Бунины всю жизнь писали по старой орфографии и письма написаны по ней же. Что касается пунктуации, то в текст вводятся нередко

отсутствующие в эпистолярной скорописи запятые и точки. Все редакторские обозначения в тексте даются в угловых скобках <>. Сокращенно написанные слова дополняются также в редакторских угловых скобках <>, кроме общепринятых сокращений (т.д., т.п., т.е., т.к., руб., коп., фр., ул., кв., ч., м., стр., пр., напр. и др.). Мелкие исправления и вычеркивания, не имеющие смыслового значения, во внимание не принимаются. Очевидные описки исправляются без оговорок — за исключением описок в авторских датах. Слова, прочитанные предположительно (при нечетком написании или при поврежденном автографе), сопровождаются вопросительным знаком в угловых скобках <?>. Если какое-либо слово или ряд слов в автографе не поддается прочтению, — в текст вводится обозначение <нрзб> с цифрой, соответствующей числу (если это можно установить) непрочитанных слов, если их больше одного. Зачеркнутые слова и строки, при необходимости, воспроизводятся в квадратных скобках [].

Тексты писем публикуются полностью, без купюр. В рамках каждой отдельной переписки письма располагаются в едином хронологическом ряду, с единой нумерацией. Перед текстом письма, вслед за порядковым номером и фамилиями автора письма и адресата, независимо от наличия или отсутствия авторской даты, дается полная редакционная дата с указанием места написания. Если на письме имеется авторская дата, она сохраняет в печатном тексте формулировку подлинника, при этом ошибки, встречающиеся в датах, в тексте не исправляются. Все редакционные даты, при отсутствии или неточности авторской даты, обосновываются в примечаниях. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода, причем «началом» месяца считаются 1–10 числа, «серединой» месяца — 11–20 числа, «концом» месяца — 21–31 числа. Недатированные письма, написанные на открытках и закрытых письмах, датируются по почтовому штемпелю. При датировках писем принимаются во внимание почтовые штемпели на сохранившихся конвертах, однако в первую очередь анализируется само письмо, т.к. встречаются случаи, когда конверт и посланное в нем письмо лежат в разных местах или сохранились только конверты без писем. При наличии нескольких писем неопределенной датировки они располагаются в порядке убывающей точности их редакционных датировок; в случае наличия нескольких писем с одинаковой возможностью последней даты порядок их определяется по возможным начальным датам. Письма, которые писались в течение нескольких дней, помещаются по последней дате, независимо от начальной. Если дата или какие-либо ее элементы установлены только предположительно и вызывают сомнение, — после нее (или после сомнительного ее элемента) выставляется вопросительный знак в круглых скобках (?).

Между текстом письма и примечаниями к нему дается его археографическое описание, включающее место хранения автографа письма и шифр его (при наличии), указание на тип письма (открытка, «секретка», телеграмма), текст с адресной стороны открытки или конверта (адрес получателя, адрес отправителя), информация с почтовых штемпелей. Далее при необходимости приводится аргументация датировки письма. Все случаи повреждения автографа, создающие невозможные пробелы в тексте, оговариваются в археографическом описании письма.

Примечания к тексту, принадлежащие автору письма, печатаются в конце письма со звездочками тем же шрифтом, что и основной текст. Слова, подчеркнутые автором письма один раз, воспроизводятся курсивом, два раза — полужирным курсивом, три раза — полужирным курсивом с подчеркиванием. Названия газет, журналов, сборников и произведений даются в кавычках, даже если таковые отсутствуют в оригинале.

Приписки в текстах писем других лиц набираются уменьшенным кеглем, перед ними ставятся инициалы и фамилия авторов в угловых скобках, набранные курсивом и заканчивающиеся двоеточием. Например, <Г.Н. Кузнецова:>.

Произведения (письма и другие тексты) И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения the Ivan and Vera Bunin Estate.

Том иллюстрирован большим количеством черно-белых и цветных фотографий, многие из которых печатаются впервые. Вспомогательный аппарат каждой книги содержит Список условных

сокращений, Указатель иллюстраций. По техническим причинам Именной указатель будет помещен во 2-й книге тома.

Редакция «Литературного наследства» выражает глубокую благодарность и признательность за помощь и деятельное участие в подготовке настоящего тома: куратору Русского архива в Лидсе (Великобритания) Р.Д. Дэвису, директору Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева В.В. Ефремовой и главному хранителю музея Н.В. Ураковой, сотрудникам музея Л.Д. Затуловской, И.Л. Ашихмину, Л.Е. Муравину, заведующей Музеем И.А. Бунина в Орле И.А. Костомаровой, заведующей Отделом рукописей ИМЛИ РАН Д.С. Московской, старшим научным сотрудникам ИМЛИ РАН А.С. Акимовой, А.В. Протопоповой, М.А. Фролову.

¹ Аксельрод В. Это не Бунин! // Русская литература. 1974. № 3. С. 220.

² Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 325–327.

³ Там же. С. 309.

⁴ Там же. С. 327–328.

⁵ Там же. С. 289.

⁶ Там же. С. 330–331.

⁷ Подробнее об этом см.: Морозов С.Н. Вопросы атрибуции и датировки в изучении литературного наследия И. Бунина // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 117–119.

⁸ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 289.

⁹ Там же. С. 660.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Морозов С.Н. Указ. соч. С. 119.

¹¹ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 285.

¹² Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 447–514.

¹³ Там же. С. 506–507.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ И НАБРОСКИ

ПОЭЗИЯ

Стихотворения 1885–1898 гг.

Подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова

Помимо стихотворений, опубликованных в авторских собраниях сочинений и сборниках, а также в разнообразных периодических изданиях и альманахах, И.А. Бунин оставил немало поэтических текстов, которые так и не были им напечатаны. Это не только незаконченные стихотворения и отрывки, но и вполне завершённые произведения, которые поэт посылал в журналы для публикации, о чем свидетельствуют пометы автора на полях некоторых автографов. Однако эти стихотворения не были приняты к печати и остались в архиве. После кончины Бунина целый ряд неизвестных стихотворений поэта опубликовали В.Н. Муромцева-Бунина и Л.Ф. Зуров. Позднее некоторые стихотворения Бунина появились впервые в Собрании сочинений в 9 томах (М., 1965–1967). Крупный массив поэтического наследия писателя был опубликован в бунинском томе 84 «Литературного наследства» (кн. 1. М., 1973).

На новом этапе буниноведения в последние годы неизвестные поэтические тексты Бунина 1940-х гг. опубликованы Е.Р. Пономаревым в сборнике «И.А. Бунин. Новые материалы» (Вып. 2. М., 2010). Первое научное издание поэзии Бунина появилось в серии «Новая библиотека поэта» — двухтомник «Стихотворения» (Вступительная статья, составление, подготовка текста, примечания Т.М. Двинятиной. СПб., 2014). Это фундаментальное издание поэтического наследия Бунина является на сегодняшний день наиболее авторитетным. При его подготовке впервые была проведена серьёзная текстологическая работа на основе всех известных архивов писателя. Однако это издание также не может считаться полным: за его рамками остался целый ряд ранних стихотворений Бунина, которые представлены в настоящей публикации.

В фондах Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛМТ) находится большая часть дореволюционного архива И.А. Бунина (ф. 14). В частности, в ОГЛМТ хранятся автографы ранних стихотворений поэта, а также ряд автографов отдельных стихотворений за 1901–1914 гг.

При подготовке данной публикации были исследованы все автографы стихотворений Бунина, хранящиеся в ОГЛМТ. В результате этой работы были выявлены автографы стихотворений поэта, не зафиксированные в книге «Описание материалов государственного музея И.С. Тургенева. II. И.А. Бунин» (Орел, 1979). Свои ранние стихотворные опыты И. Бунин записывал в тонкие самодельные тетради. Автографы под инвентарным номером 8785/1–26 представляют собой вырезанные фрагменты из несохранившихся тетрадей. Эти автографы плохо сохранились и некоторые из них практически утеряны для нас, т.к. чернила выцвели, и текст не читается (напр., № 8785/13, 21, 25). Сохранилось более или менее полно и в достаточно хорошем состоянии три тетради стихотворений за 1886–1887 гг. (инв. № 982; 974; 983). Остальные автографы (инв. № 981/1–30; 8771; 8776; 8778) являются вырезками из несохранившихся тетрадей, или написаны на отдельных листах. Плохая сохранность некоторых автографов (выцветшие чернила, обрезанные края) явилась одной из главных проблем при подготовке текстов, в связи с этим некоторые слова или фрагменты текста прочесть не удалось.

В данный раздел также вошли обнаруженные в Отделе рукописей ИМЛИ РАН три ранних стихотворения поэта 1890 и 1893 гг.

Недавно в Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) поступил архив В.Г. Лидина, в котором были обнаружены три неизвестные стихотворения Бунина 1887 г., которые также включены в настоящую публикацию. В коллекции В.Г. Лидина сохранились листы самодельной тетради, озаглавленной Буниным «Опыты. Стихотворения Ивана Алексеевича Бунина» (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 3. Ед. хр. 26–27). Большую часть этих ранних стихотворений поэта В.Г. Лидин опубликовал в журнале «Юность» (1958. № 1. С. 32–33).

В настоящую публикацию включено 67 стихотворений Бунина, все они печатаются впервые и располагаются в едином хронологическом ряду. В данной публикации максимально сохранено авторское написание слов, авторская пунктуация и авторская строфика. В конце текста стихотворения (при отсутствии авторской даты) дается редакторская дата в угловых скобках; обоснование датировки приводится в примечаниях. В начале примечаний указывается место хранения автографа, дается археографическое описание автографа (при необходимости). Некоторые неизвестные стихотворения поэта в качестве препринта были напечатаны в юбилейном сборнике И. Бунина «Моя начальная любовь. Незданное и известное» (Сост. И.А. Костомарова. Орел, 2015). В данном популярном сборнике опубликованы только тексты, без ссылок на шифры ОГЛМТ, без примечаний и археографического описания автографов.

1

К Ф**

Я люблю Ваши милые глазки,
И любовь всю я объять,
И готов я пожертвовать жизнью
За один Ваш приветливый взгляд.

Я люблю Вас! Вы меня пожалейте
И... простите за это. Будьте милой сестрой,
Нелюбимого Вашей любовью согрейте
Как осеннее небо вечерней зарей.
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 1 об. Через весь текст написано карандашом: «Чужое». Датируется предположительно по содержанию.

Вероятно, обращено к Эмилии Васильевне Фехнер, с которой Бунин познакомился в селе Васильевское-Глово в декабре 1885 г.

2

В стужу, в лютые морозы
По степям родных снегов
Отправляется в извозы
Он в артелях мужиков.

Над широкою рекою,
Выбиваяся из сил,
С бурлаками бичевою
Барки грузные ташил.

Но не помощь, не подмогу
 Приносил он мужику; —
 Только скуку и тревогу
 Только вялую тоску...
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 2. Отрывок, помеченный цифрой «IV». Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

Извозы — перевозка грузов или людей на лошадях.

3

Степи с Половцем сжигал
 И туманом над степями
 От пожаров дым стоял...

Вместе с полчищем Батия
 Оставлял кровавый след
 И томила Россия
 В рабстве много, много лет.

Много лет он правил нами
 С Грозным, бешеным царем,
 И на площадях и в храме
 Вместе с ним был палачом.

И на плахах не смолкая
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 2 об. Отрывок, очевидно, продолжение предыдущего стихотворения. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

Во 2-й строке после «и» зачеркнуто: «над желтыми». В начале 9-й строки зачеркнуто: «Вместе».

4

С полезным можешь сочетать!

Так дум возвышенных ревнитель
 Нередко любит ремесло;
 Так Петр Великий, наш властитель
 Держал топор, держал весло.

Вот твоего пример искусства
 В моих руках твой <нрзб>!..
 Прими же искренние чувства
 Тебе твой друг привет свой шлет!
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 3. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

5

Стансы

к К**

Тебе, тобою вдохновенный
Я строки страстные пишу!
Тебя принять я их прошу
Не мысля о толпе презренной!
Ты обрати на них вниманье
Будь благосклонна ты ко мне:
Послушай их, как в тишине
Ручья младое лепетанье!
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 4. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

6

Вокруг пылающих костров
Ночной порою при луне
Пирует шайка удалцов
Гуляет ковш вокруг большой,
Заморское вино кипит,
И атаман их удалой
С златою чаркою сидит.
Отвагой очи всех горят,
С вина пылают лица их...
И атаману поклонясь
Так говорит один из них.
«Послушай атаман честной!»
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 7. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

7

Но только что ночь поднимала
Таинственный занавес свой,
Те звуки мгновенно смолкали
И снова царили тишь и покой.

Смолкал и фонтан сладкозвучный,
Чуть-чуть лепетал в тишине,

Лишь птицы одни щебетали
В зеленой деревьев листве.

В молчании вилла стояла
И ночи роскошной ждала;
В гробнице царица лежала
И сном непробудным спала...
(Не исправлено).
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 8. См. также следующее стихотворение: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 20 об. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

8

Покинутая вилла

Бегут вдруг от лавров душистых,
И только чуть-чуть в тишине
Лепечет фонтан серебристый.
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 20 об. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г. и текстуальным совпадениям с предыдущим отрывком. Фрагмент текста между заглавием и сохранившимися строками утрачен.

9

Сумерки деревню тихой пеленою
Серой обвивают;
Из избушек темных красною звездою
Огоньки мерцают.

Все темнеет больше. Сумерки сползают
Тихо надвигаясь.
И предметы форму уж свою теряют,
В серое сливаясь.
Небо с снегом серым, горизонт теряя
Будто серый завес
И царит повсюду тишина немая.

В темной избе тихо сына в колыбели
Мать сидит качает.
«Не шуми ты ветер, не шумите ели»,
Тихо напевает.
«Боже, дай малютке всю спокойноно ночьку
Спать не просыпаясь!»
И скрипит тихонько, с милым сыночком
Колыбель качаясь.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 10 об. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

12

Нету мне ни в чем отрады,
 Нету искренних друзей,
 На пути мне все преграды,
 А в груди младой моей
 Сердце бьется вдохновеньем,
 Юных сил могучий строй
 Просит ласк и упоенья,
 И душа моя с другой
 Хочет слиться с молодой
 Юной, пылкой душой!..
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 11. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г. Первая строка зачеркнута: «Одинок я — нет отрады.»

13

Спит река, одетая молчанием
 Смолкнул плеск задумчивый волны...
     А другой взмахнет где крыльями
     Воцарится также сон, —
     Только, кто тем сном забудется
     Не проснется боле он;
 Не откроет очи светлые...
 Безмятежным, вечным сном
 Будет он, объят молчанием,
 Под могильным спать крестом...
     Так по небу полуночному
     Пролетают братья сны
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 11 об. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

14

Призыв

Только скроется солнце за дальней горою
 И туман над долиной всплывет
 Только звезды зажгутся в выси чередою
 И луна из-за леса всплывет, —
 И с росистых лугов лишь повеет прохлада
 И задремлют леса и поля,

Только в зелени темного сада
Зазвучит звонко песнь соловья, —
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 12. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

15

Как волшебно хороши вы
Зимней ночи красоты:
Света лунного разливы
С темно синей высоты.
Спящий лес в красе волшебной
Где с ледяной булавой
И в одежде белоснежной
Ходит Дед, мороз Седой.
И печальные поляны
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 12 об. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

16

Зимняя ночь

I

Воеет и плачет порывистый ветер,
Меж облаками ныряет луна;
Кажется, будто бы, ветром гонимые,
<далее фрагмент текста не сохранился>
С метелью ветер; и порой
Как будто слышен зверя вой,
То будто стон, то будто крик...
Весь занесенный шел лесник
В лесу в ту пору...
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 14–14 об. Отрывки. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

17

Нонче день такой скучный и пасмурный,
А вчера был теплей и ясней...
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 17. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

18

Спит лес. Темно; лишь <нрзб>
 То пропадет звезда, то снова забл<естит>
 И лес стоит кругом недвиж<но>
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 17 об. Отрывок. Правый край листа отрезан. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

19

Я сегодня всю ночь не засну,
 Я всю ночь прохожу у реки...
 Месяц смотрит в ее глубину,
 Как в хрусталь серебра тростники.
 Пробуждался я будто от сна:
 Сердце <2 нрзб> и дрожит
 И я жду, что опять заблестит
 Огонек на горе у окна.
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 18. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

20

И забыл и тоску и печаль!
 И, как прежде, всю ночь не зас<ну>
 Я всю ночь прохожу у реки
 Месяц смотрит в ее глуб<ину>.
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785 оф. Л. 26. Отрывок, вероятно, вариант предыдущего стихотворения. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г. и текстуальным совпадением с предыдущим стихотворением.

21

А помнишь? Светало. Все утром до<текст отрезан>
 Восток золотился над сонной землей
 О, как мое сердце в тот миг задрожало
 Когда ты украдкой мне руку пожала
 Упавши на грудь головой!..
 <1885>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8785/19 оф. Л. 1 об. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

22

Качели высокие в чаще садовой,
Веселые звуки веселых речей,
И сумрак и сырость в аллее сосновой
В безмолвии лунных ночей!
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785/21 оф. Л. 1. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

23

Теплым дыханием ветер проснувшийся,
Веет из темных лощин:
Томно лепечут, на миг встрепенувшись,
Медленно листья осин.
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785/22 оф. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

24

Темно-лиловой прозрачной грядюю
В небе стоят облака...
В воздухе прятном над сонной землею
Звезды всплывают одна за другою
Не шелохнется река...
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785/23 оф. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

25

Как цветы расцветают и вянут,
Так и молодость, жизни заря,
Вместе с юными светлыми грезами
Пронесется стрелою, друзья!
<1885>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8785/24 оф. Л. 1. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1885 г.

26

Много я жарко любил,
Много я слез проливал,

Много я чувств потерял —
Мало взамен находил!

Сердце ж все просит любви,
Хоть, может быть, что любовь,
С каплею сладости, вновь
Муки пробудит в груди!
14 февраля 86 года.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 5.

27

Чтоб весне, все от сна пробуждающей
Я послал бы сердечный привет!
Чтобы ей оживлен был страдающий,
Молодой не погас бы поэт!..
28 марта 1886 года.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/4 оф. Л. 1. Отрывок. Сохранилась верхняя часть листа.

28

Лишь взглядишь, углубись ты в красоты ея
Снова счастлив, спокоен ты будешь.

Будет снова душа снов и мира полна,
Все святое в груди ты пробудишь,
И на душу к тебе, верь, сойдет
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/4 оф. Л. 1 об. Отрывок. Сохранилась верхняя часть листа. Датируется по местоположению автографа вместе с предыдущим отрывком.

29

К Д***...

Тебе сорвал, тебе принес
Я розы первые мои!
Тебе вверял я сладость грез,
Мечты роскошные любви!

Тебе курил я фимиам!
И благородных пыл страстей,
Неся к твоим, твоим ногам,
Воспел на лире я моей!

Но песней тех сердечный звук
 Был не понятен для тебя,
 Не поняла ты моих мук,
 Не поняла души огня!

И ты под маскою твоей
 И с другом пошленьким твоим,
 Любви смеялася моей,
 Мечтам возвышенным, святым!

Не поняла и слез моих,
 Хоть долго плакал я, страдал!..
 Когда ж открыл глаза на миг, —
 Как ты низка — тогда узнал!..
 <1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 4 об–5. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

30

Поздравление от имени
 Н.Г.Р. Иосифу А. Ромашкову.

Любезный крестник! поздравляю
 Тебя с торжественным сим днем!
 Веселья, счастья желаю
 Успеха скорого во всем!

Цвети в сей жизни! Наслаждайся
 Ты ею много, много лет
 Ты с нами чувством поделайся
 Мечтой возвышенной поэт!

Ведь сладкопевцом назывался
 Святой Иосиф, твой патрон,
 И твой глас сладко раздавался,
 Как звук волшебный несся он!

Пусть будет Муза вдохновений
 Тебе подругой навсегда!
 Пусть пыл возвышенных стремлений
 В тебе не стынет никогда!

И я в стихах своих желаю
 Тебя поздравить, наш поэт:

Живи же в счастья, повторяю,
Ты много, много светлых лет.

Ив. Бунин
Ю. Бунин

<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 12–12 об. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

Стихотворение, очевидно, обращено к одному из родственников губернатора И. Бунина — Н.И. Ромашкова.

31

Когда тоскую я порою
Среди людей этих пустых
Сильней страдаю я душою
И даже злобствую на них.

Они меня всем раздражают:
Тупой остротою своей,
Иль тем, что раны раздражают
Души страдающей моей.

Тогда от них я убегаю
И песни грустные пою,
Среди природы забываю
На время скорбь и грусть мою.

<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 13. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

32

Жалобы елей

Я в лесу. Тихий вечер ложится.
Тишина наполняет весь лес.
Вдалеке уже солнце садится
На краю золотистом небес.
Сквозь деревьев стволы вековые,
Сквозь березок и сосенок ряд
Пробираясь, лучи золотые
По траве полосами лежат.
Ветерок не играет с листвою,
Не шуршат молодые кусты,
Разве только на траву порою
Упадают с деревьев листья.
Да! валяются листья! — То примета
Что природа уж скоро заснет,

Что конец наступает уж лета,
    Что опять скоро осень придет.
Грустно видеть из листьев постели,
    Что готовятся грозной зиме!
Слышу: старые сосны и ели
    Шепчут, тихо вздыхаючи, мне:

— «Послушай, о путник, нас, сосен
И елей и нас пожалей:
Уж близко дождливая осень,
Природа готовится к ней».

«Придет она пасмурным, грустным
Предвестником бурь и снегов,
Зеленые снимет искусно
Покровы с холмов и лугов».

«Седые, сырые туманы
За ней вереницей ползут,
Покроют как дымом поляны
И в чащи лесные войдут»;

«И лес — уже голый, с невгодой
Поспорит еще, а потом,
Смирясь пред всеильной природой,
Могильным забудется сном.

Заснет он, счастливый, глубоко
На зимние грустные дни;
А мы... только мы одиноко
Жить будем средь сонных одни.

Нас осенью дождь поливает,
И ветер, бушуя, нас гнет
И — будто он труп провожает —
Печальные песни поет...

В холодные зимние ночи
Мы с ужасом видим порой,
Как волчьи горящие очи
Сверкают средь чащи лесной.

И даже в день светлый, блестящий
На все мы взираем с тоской,
Хоть лес так прекрасен, весь спящий...
Но всюду могильный покой!

Ни звука! А небо так сине,
И солнце, не грея, глядит
Мороз же в серебряный иней,
Гуляя, деревья рядит...

Так в грустном, тяжелом томленьи
Мы зиму проходим одни!..
Как счастливы те, что в забвеньи
Проводят ненастные дни!..»

Так шептали мне сосны, вздыхая...
    Не сквозят уже чащи, стемнев.
Солнце село. Заря, догорая,
    Золотила верхушки дерев.
Мягкий розовый свет, разливаясь
    Нежно так по листьям, трепетал
И, все выше по веткам взбираясь,
    Постепенно совсем угасал.
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 14–16. Перед заглавием авторская помета простым карандашом: «NB». В конце красными чернилами Бунин отметил: «(Стихотворение, посланное в редакцию для напечатания)», позднее надпись перечеркнута простым карандашом. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

33

Порою при солнце на водах
Брильянты и золото сверкает,
И роскошью, прелестью взоры
Природа тогда поражает.

Но к ним подойдите поближе —
И блеск вдруг исчезнет фальшивый,
И речка простая струится
На месте красы горделивой; —

Так грезы, что в розовом свете
Все в юности нам представляют,
При встрече с действительной жизнью
Мгновенно от нас отлетают...
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 17 об. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

34

«Отчего так природа печальна?..»

Отчего так природа печальна?
 Отчего грустен вечер? Гляди:
 За тропинкой по жнивью не дальней
 Ничего не видать впереди.

Далеко на пространстве безлесном
 Тень густая ночная лежит,
 Лишь на гаснущем крае небесном
 Силуэты чуть видны раки

Да сверкает так тускло местами
 В лужах воды под светом зари
 Да мерцают чуть-чуть под межами
 В темной дали пастушьи огни.

Все безмолвно... Ни песни унылой,
 Ни уловишь ни звука ни в чем...
 Вечер грустен, задумчив... Брат милый!
 Отчего грусть на сердце моем?
 <1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 18 об–19. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

35

Весенние порывы

Прочь гнетущие заботы!
 Прочь с нуждой моей борьба!
 Неужели мне судила
 Плакать с юных дней судьба?!
 Неужель заботой мелкой
 Отравлять решится мне
 Сердца светлые порывы
 И святое все в душе?

Тесен мой приют убогий,
 Жизнь печальна и грязна, —
 Но душа-то молодая?
 Нет не грязная она!
 Переселят ли все дрязги
 Светлых спутников весны
 И любовь, и песнопенье,
 И волшебные все сны?

Нет я молод; жизни бремя
    Рано несть и изнывать;
Что дает златое время
    Стыдно с грязью стоптать;
Юность мрачных дум не любит
    Вешний день не носит туч;
Поглядите на природу:
    Как возврат весны могуч!

Уж апрель. Зима умчалась.
    Дни становятся длинней
Солнце в небе ходит выше,
    Воздух мягче и теплей
По полям, в лугах, в оврагах
    Слышен шум: поток, клубясь,
Роет землю и в каскадах
    Вдаль уносится, резвясь;
От оттаявших проталин
    Влажный теплый пар идет
Ярко блещут в лужах воды,
    Мокрый снег в луга ползет.

Как же мил и как приятен
    Для ушей всегда моих
Этот гул неясный, мерный,
    Шум обвалов снеговых!
Как мне радостен немолчный
    В ближней роще гам грачей,
Эти ночи молодые,
    Долгий грустный крик сычей!

В каждой почке, в каждой ветке —
    Жизнь кипучая во всем!
В каждой маленькой былинке,
    В каждом деревце младом!
Наряжается природа
    Новой прелести полна

Как красавица младая,
    Пробудившись ото сна;

Впереди я уже вижу
    Дней прекрасных хоровод;
Что ж вздыхать? Стряхну я смело
    Бремя горя и забот!..

В чудный мир и область грезы
Сердцем юным я лечу!
Звуком вешних песнопений
Восхвалять весну хочу!
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 23 об–25 об. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

36

Картинка

Серп луны почти сгоревший
Как-то грустно встал меж туч;
В глубину реки стемневшей
Свой кидает бледный луч

Тусклой длинной полосой
По воде ложится свет;
Дрогнул мрак и над горою
Завиднелся силуэт;

Силуэт то церкви древней;
Ясно виден крест один.
Ниже сонная деревня
Дремлет, скучась, меж лозин.

Но вот тучка набежала,
За нее ушла луна;
Церковь в сумраке пропала,
Речка больше не видна...

Потемнело все... Но снова
Месяц вынырнул, глядит,
С берега свиснувших речного
Серебриг верхи раки.
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 25 об–26. Перед заглавием простым карандашом авторская помета: «NB». Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

37

Широкие полосы света
Меж сонных деревьев в саду,
Прозрачные тени ночные
И сумрак прозрачный в чаще

И воздух и теплый и влажный —
 Дыханье весенних ночей,
 И запах и тонкий и нежный
 Цветущих берез и осин;
 Он льется волною широкой
 В окно, освежая мне грудь...
 Но, чу! прокатилися трели
 Певца этих юных ночей
 Старательно мило и плавно
 Выводит он их в тишине
 Когда все сквозь дрему внимает
 Ему, не мешая никто
 Закрыв свои глазки до света
 До светлой румяной зари
 Поет соловей и чарует
 Все, что цветет и кипит.
 Не мне его чудные песни
 Не мне описать; без меня
 Его прославляли; безмолвно
 Любуюсь и слушаю я.
 Он вызовет сердца биенье,
 Невольно подымет с земли
 И видишь весну молодую
 В сияньи, в душистых цветах;
 И хочешь навстречу той деве
 Помчаться и жарко
 Ее и высокий и стройный
 Воздушный чарующий стан.

Да, впрочем, довольно! Напрасно
 Болтаю я: чувств не излить.
 <1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 982 оф. Л. 27–27 об. Не закончено: в конце 30 строки оставлено пустое место. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1886 г.

За годом канет в вечность год
 За днями дни бегут чредою:
 Под гнетом жизненных невзгод,
 Старая, вянем мы душою!

И быстро скроется от нас
 Пора любви, увеселений!
 Пройдет она, как краткий час
 <1886>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 981/2. Л. 1. Отрывок, сохранилась верхняя половина листа. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

39

K**

Взгляд твой мне всего милей,
Для меня в нем наслажденье!
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 981/3 оф. Л. 1. Отрывок. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

40

Так сладки они!
В душе возрождают
Мечтаний рассвет
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 981/3 оф. Л. 1 об. Отрывок. Сохранилась верхняя часть листа. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

41

Темнеет запад, угасая,
Луна плывет по небесам,
Но жизнь кипит не умолкая,
В лесу не молкнет птичий гам.

Поток ревет в веселье диком
Оковы разбивает он;
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 981/5 оф. Отрывок. Сохранилась середина листа. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

42

Коль уныла душа, коль страдания в ней,
Коль мрачат тебя жизни невзгоды
Удались ото всех, удались от людей,
Успокойся на лоне природы!
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 981/6 оф. Л. 1. Отрывок. Сохранилась середина листа. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

И.А. Бунин.

Москва, 1887 г.

(ОГЛИМТ)

На обороте Бунин написал стихотворение:

«На один короткий миг
Мы друг друга повстречали,
И души и чувств моих
Вы еще не угадали;

Так пускай же про меня
Хоть портрет напоминает;
А про вас душа моя
Никогда не забывает.

И — кто знает? — может быть,
Никогда не хватит силы
Разлюбить иль позабыть
Ваш невинный образ милый...
И. Бунин».

43

И слетят снова светлые грезы,
И быть может ты слезы прольешь,
Но не горькие — сладкие слезы.

Отдохнешь от забот! Будто нежная
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/6 оф. Л. 1 об. Отрывок. Сохранилась середина листа. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

44

Нет! Нету пределов
Для чувств у поэта!..
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/8 оф. Л. 1. Отрывок. Вырезанный фрагмент листа. Датируется по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

45

Пепельным дымом опять расстиляется
Тонкий туман луговой...
Но через облако свет прорывается,
Дали залив полосой;

Ближе — все в сумраке, дальше, за нивами
Весь косогор освещен.
Тени и свет... и волнами ленивыми
Тучки плывут в небосклон...
<1886>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/11 оф. Л. 1. Отрывок. Сохранился фрагмент листа. Датирована по местоположению автографа среди стихотворений 1886 г.

46

Я с каждым днем смотрю на мир
Иначе, нежели бывало;
Что прежде было — мой кумир,
Теперь в глазах моих упало;

В чем прежде видел красоту
И величал всегда прекрасным,
В том я заметил пустоту
И уж зову теперь ужасным...

И в свете, может быть, найдя
Одну ненависть, грязь и злобу,
Благословлю я смерть, сойдя
Под своды сумрачные гроба.
13 февр. 87 г.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 983 оф. Л. 5–5об.

47

Красавиц стройных рой прелестный
Я в грезах не видал;
Красы божественной, небесной
Я не искал.

Я лишь хотел найти подругу,
Чтоб поняла меня,
Чтоб забывал при ней недуги
Порою я.
Чтоб пыл безумный вдохновенья
Был ясен ей;

Порыв любовного волнения
И жар страстей.
14 февраля
87 года.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 983 оф. Л. 10 об.

48

Я не завидую тому,
Кто под землю скрыт: —
Хоть ненавистна жизнь порой,
Но смерть еще страшит;

За гробом, может быть, опять
Придется мне страдать;
А на земле — взглядишь вокруг —
Таится много мук!..

Быстрее дыма на земле
Исчезнет и мой след...
Мне лишь завидна доля тех,
Кто не рожден на свет!
21-го февраля
87 года.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 983 оф. Л. 9–9 об.

49

(Посв. А.В. Р-ой)

Весна пришла, — придет опять и лето,
В наш уголок воротисься и ты...
У нас теперь все зеленью одето,
Цветут в лугах весенние цветы;

От яблонь, от цветов черемухи ветвистой
Стоит по всей деревне аромат
И соловей поет, когда зарей огнистой,
Как чистым золотом, покроется закат.

Печаль тяжелых дум, унылых и тоскливых
И я забыть решаюся с весной;
Во мгле ночей осенних и дождливых
Она царила долго над душой.

Но вот опять весна — и снова чередую
 Ко мне слетели светлые мечты,
 Они манят знакомой красотой,
 Как первые весенние цветы...

Друг, милый друг! Могу ли я предаться
 Тоске, мой бедный ум томивший с давних пор,
 Когда вокруг все стало просыпаться
 И скоро я увижу милый взор?!

Ты помнишь, прошлый год, за ласковое слово
 За взгляд один я был на все готов,
 Вернешься снова ты — и повстречаешь снова
 Всю ту же пылкую любовь!

Отдайся же и ты весне, любви и счастью,
 Пока ты можешь забывать печаль,
 Ведь, может быть, придет пора, когда ненастье
 Закроет навсегда небесную эмаль!..

1887 года
 Апреля 18-го д<ня>.

Публикуется по автографу: РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 3. Ед. хр. 27. Л. 10.

Стихотворение посвящено Александре Владимировне Резвой (1868(?)–1916), ученице Елецкой гимназии, дочери помещика — соседа Бунинных. Бунин познакомился с Сашей Резвой летом 1883 г., когда она гостила у своих родственников в Озёрках.

50

Отчего весел я, хоть и пасмурен день,
 Хоть и мокнет в саду под дождями сирень
 И по небу ползет серых туч караван,
 Закрывая лазурь, распуская туман?

Отчего иногда я беспечен тогда
 И пою свои песни легко, без труда,
 Я веселые юные песни пою
 И всю жизнь и весь мир безотчетно люблю?

А порой ноет грудь, — когда минет весна, —
 Летний полдень лучист и природа ясна,
 На медвяных цветах пчелы тихо гудут,
 И недвижим, как сталь, под лозинами пруд,

Теплый ветер с хлебов ароматы струит,
 По аллее берез, по цветам пробежит...

Все залито полдненным горячим огнем,
И весь воздух блестит и сверкает на нем.

Над зеленой травой, над высокой густой
Голубых мотыльков резвый носится рой...
И до самой румяной и теплой зари
И звенят, и поют по лесам косари.

Отчего ж я тогда и хожу, и грущу,
И чего-то в природе как будто ищущу?
Весел солнечный день, как цветы на лугу,
Но я петь и любить не хочу, не могу.

Жаворонок поет только в мае, весной,
Соловей — по зорям под цветущей листвой,
Только молодость, свежесть и любят они, —
Эти вешние дни, эти юные дни!

Пусть же зори окутаны серою мглой,
Но уж летнею, жаркой порой
Не звенит жаворонок над гладью полей,
Замолчит, улетит соловей из ветвей.

Может быть, оттого я весною пою
И весь мир и всю жизнь безотчетно люблю,
Хоть по небу ползет серых туч караван,
Закрывая лазурь, распуская туман.
Апреля 20-го <1887>.

Публикуется по автографу: РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 3. Ед. хр. 27. Л. 12–13. Год определен по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

Солнце вышло на небо высоко,
Летний день и горяч и лучист,
Взоры в небо уходят далеко, —
Свод небесный прозрачен и чист.
Посмотри по реке: отливает
Лоно вод серебром в камышах
И камыш гибкий стан наклоняет,
Отражаясь в кристальных водах...
Выйди в поле: далеко, далеко,
Рожь зеленой бежит полосой,
Жаворонок трепещет высоко,
И кузнечик трежит меж травой.
А по рощам теперь, под густою

Сеткой лип тень широко стоит,
 Белый ландыш, облитый росой,
 Мягкий запах свой нежно струит.
 Как привольно здесь! — Ляжешь на межу,
 Небосклон и прозрачен, и чист,
 Дышит жизнью все радостной, свежей,
 Летний день и горяч и лучист...
 Апреля 23-го
 87 года.

Публикуется по автографу: РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 3. Ед. хр. 27. Л. 14.

52

Клавиши рояля тихо напевали
 В тишине вечерней, и лились волною
 Звуки, наполняя сердце молодое
 Непонятной негой сладостной печали.

Сердце изнывало в тех блаженных муках;
 Подступали тихо радостные слезы: —
 Как во сне носились предо мною в звуках
 Чудные картины, золотые грезы...

Светлые надежды роем обступали
 И незримой силой на душе заснувшей
 Вместе с бодрым чувством дивно воскрешали
 В будущее веру, жалость о минувшем...

Чудилось, что мир весь озарило светом;
 Чудилось, что смотрят голубые очи
 С ясною улыбкой, с лаской и приветом
 В сумраке недвижимом серебристой ночи...

Ночь уже смотрела на балкон росистый,
 Месяц полосами лил свое сиянье,
 Слушал звуки чутко темный сад ветвистый,
 Погруженный в думы, затая дыханье...

Авг. 10-го утро <1887>.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 974 оф. Л. 18–18 об. Четвертая строфа обведена и на полях слева Бунин отметил: «плохо». Год определен по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

53

В узкую, длинную тучку скрывается
Розовый месячный круг;
Лето 1887 г.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8778 оф. Отрывок.

54

В нем надежда есть святая,
Время мысли, светлых дней
И замолкнут эти звуки,
Песни жалобы и муки,
Голос злости и страстей.
23 сентября
87 года
1 ч. пополудни.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/14 оф. Л. 1 об.

55

Заветная песня

Эту песню я в детстве певал,
Эту песню я в детстве сложил
В те минуты когда увидал
Милый образ, — и вдруг полюбил...

Эту песню теперь я пою,
Хоть теперь я всегда одинок,
Нет ответа на песню мою,
Но забыть я ту песню не мог.

Ночь наступит, в безмолвной тиши
Я брожу, истомленный тоской,
А из сердца, из скорбной души
Вырываются звуки волной...

И под песню сильнее и сильнее
Разрастается грусть и любовь,
Так и мнится, что пряди кудрей
Шелковистых лобзаю я вновь...

Долго, долго я буду любить
Образ девушки, милой моей,
И всегда буду с грустью твердить
Я заветную песню о ней...

<1887>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 974 оф. Л. 8 об–9. Перед текстом слева авторская помета простым карандашом: «Ж. Об.»; имеется в виду журнал «Живописное обозрение». Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

Стихотворение, очевидно, посвящено А.В. Резвой. См. следующее стихотворение.

56

(посв. А.В.Р.)

Милый друг, не дивись, что в объятьях твоих
 Не отвык я вполне от печалей моих
 И порою о чем-то грущу,
 Что какой-то я тайной тревогой объят,
 Словно счастье забыл, словно счастьем не рад
 И по-прежнему счастья ищу!

Нет, сильна, глубока в моем сердце любовь,
 Я счастлив, так счастлив, что всю душу готов,
 Как ребенок, отдать для тебя,
 Я любовью твоей, как огнем, дорожу,
 Засыпая, во сне постоянно твержу
 Твое милое имя, любя...

Да и как мне любовь и привет не ценить?
 Как мне милых кудрей и очей не любить? —
 Я бываю так редко счастлив,
 Я так долго улыбки и радостей жду!..
 Одинокó бывало хожу я в саду
 И сижу под навесами ив;

Сколько раз не смыкал я, бывало, очей
 До рассвета в тиши деревенских ночей
 И мечтал, — но бесплодно вполне;
 Я порой, истомившись, все проклинал,
 Я порою просил и к себе призывал, —
 Но никто и не думал о мне!..

А теперь?.. Я ожил... Сладок леса мне шум,
 Навевает он тысячи радужных дум,
 Замирает от неги душа,
 Ветер веет ли запахом меда с полей,
 Темной ночью брожу ли во мраке аллей,
 Слышу шепот глухой камыша...

Но мне горько до боли, мне грустно до слез,
 Что пройдет светлый миг наслаждений и грез
 Скоро, скоро!.. настанет опять
 Час безмолвной разлуки, разлуки немой, —

И уйду от тебя я с глубокой тоской,
Для того чтобы снова страдать!..

Буду слушать напевы крещенских метель,
Буду слушать, как снегом скрипучую ель
Под окном засыпает она,
В бледной комнате будет лампада гореть
И сквозь мерзлые стекла недвижно смотреть
Будет ночь, холодна и темна...

<1887>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 974 оф. Л. 10–11. Перед текстом справа авторская помета простым карандашом: «Послать в Ж. О.»; имеется в виду журнал «Живописное обозрение». Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

Посвящено А.В. Резвой, летом 1887 г. она отдыхала у родственников — соседей Буниных в Озёрках.

57

Одинокая ель

Ветвистая елка в лесу выростала
В семье молчаливых дубов,
Росла одиноко и небо видала
Лишь в дальних вершинах дерев...

***

Холодной зимою все вокруг умирало,
Не сладив с морозом седым,
Лишь ель одинокая чуждо блистала
Зеленым нарядом своим.

***

Но грустные дни среди мертвых, спокойных
Её истомили тоской, —
И скоро от ели блестящей и стройной
Остался лишь остов сухой...

<1887>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 974 оф. Л. 12–12 об. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

58

И нега блаженная грез золотых,
Сопутников радостных дней молодых,
И первой любви упоенья!
И слезы любви, и разлуки немой,
И жгучей и радостной встречи,
И стоны души истомленной, больной,

Души истомленной тяжелой нуждой,
 И вновь — те же страстные речи!
 (Все то, что скрывалось в душе молодой,
 Что было святого в ней, светлой волной
 <1887>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 974 оф. Л. 13. Отрывок. Сохранилась нижняя часть листа, автограф перечеркнут вертикальными и двумя косыми чертами. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

59

Слышишь? Вопли и рыдания,
 Слезы, жалобы, стенанья,
 Песни, полные тоской...
 Но не бойся: это звуки —
 Голоса тоскливой скуки,
 Жизни суетной, мирской.
 С колыбели до могилы
 И бессильный и унылый
 Этот голос слышим мы.
 В жизни мелкой и тревожной
 Раздается он тревожно,
 Как во мгле немой тюрьмы...
 <1887>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 974 оф. Л. 19 об. Слева на полях авторская помета: «Пос.». Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

60

Но у жизни благородной,
 Честной, трезвой и свободной
 Гимн другой звучит всегда:
 То призыв забыть стенанья,
 Для любви, для упования,
 Для могучего труда...
 Что придет пора другая
 <1887>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 974 оф. Л. 19 об. Отрывок. Датируется по местоположению автографа в тетради стихотворений 1887 г.

61

Когда в минуты раздраженья
 Ты проклинаешь наши дни, —
 Свои былые увлеченья,

Мечты и юные стремленья
С тоской безумной не кляни!

Им в жизни не было простора,
Их все старалось погубить,
Но ты без жалоб, без укора
Сумей бывшее позабыть!..

И так немного тех осталось,
В ком до последних грустных дней
Душа всем честным увлекалась
И никогда не отрекалась
От пылкой юности своей!..

Так не вселяй же ты сомненья
И в их измученную грудь,
Благослови их увлеченья
И пожелай им добрый путь!..

10 ноября 88-го г.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/15 оф. Л. 1. В восьмой строке вместо зачеркнутого слова «слёз» написано «жалоб», и далее зачеркнут союз «и».

62

Если любить — значит с горем расстаться,
Стать поэтичней, моложе, нежней, —
Я вас люблю!.. и любовью своей
Я, как ребенок, готов увлекаться!..

Милого, чуткого, женской душой
Может быть, поняли вы, дорогая,
Что, свою душу для вас открывая,
Не увлекался я фразой пустой!..

И оттого я не верю, что вновь
Жизнь над моею мечтой посмеется
И оскорбленное сердце сожмется
Новым страданьем, отвергнув любовь!..

Я лишь, голубчик, хотел заглушить
Голос неясных и тайных сомнений!..
Жить без доверья, не зная увлечений —
Нет, — это лучше уж вовсе не жить!..

<Июль 1890>

Публикуется по автографу: ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. Написано на отдельном листе, автограф крестообразно перечеркнут; на верхнем поле листа неизвестной рукой написано: «Экспромты». Датируется по расположению на одном листе со следующим стихотворением.

63

Какая глупость! Боже мой!
Мне стыдно пред самим собою
Я улыбаюсь с тоскою
Над своей детскою мечтой...

Все лишь слова... Никто не мил,
Никто мне не был милым другом,
Никто ни грустью, ни недугом
Души моей не дорожил...

Смущенно улыбаюсь я,
Обидой полон и страданьем...
За свои детские признанья
Полунасмешкой, состраданьем
Быть может, награжден уж я...
А впрочем — все пройдет...

20 июля 1890 года.

Публикуется по автографу: ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1 об. Автограф перечеркнут наискось. 3-я и 4-я строки исправлены, ранее было:

И снова с тихой тоскою
Я улыбаюсь над собой...

64

Для чего любить людей, природу
Для кого переносить невзгоду,
Жить зачем? — с тоской я вопрошал,
И глубокий голос убежденья
После долгого тяжелого сомненья,
После дней безверья отвечал:

«Много в жизни счастья и несчастья,
Много зла, неправды, и участья,
Но для жизни есть пути одни,
Лишь одно все держит в дни лихие:
Редкие мгновенья золотые,
Светлых дней далекие огни!»

Ферма 20 сент. 93 г.

Публикуется по автографу: ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5. Написано в тетради А.Н. Бибикова с его стихами, дневниковыми записями и выписками из книг.

И.А. Бунин.

Озёрки, 11 сентября 1888 г.
(ОГЛИМТ)

На обороте Бунин написал:
«Ив. Ал. Бунин. 11 сентября 1888-го года».

65

В глубокую полночь я был <далее текст оторван>
С своею тоскою всегдашней;
Над городом сонным всплывала луна
За темной церковною башней.

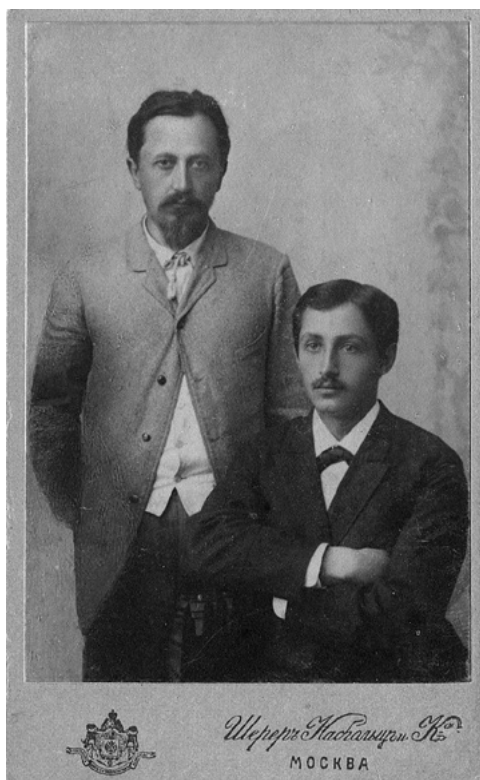
Луна отражалась внизу подо мной
В недвижимом водном просторе,
Как кубок червонный, который скользил
Ко дну темно-синего моря.

И в эту июльскую дивную ночь,
На западе, в дымках тумана
Краснее луны золотая заря
Была и тепла и румяна...

<1896–1898?>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8771 оф. Отрывок. Сохранилась середина листа. Датируется предположительно по местоположению автографа среди стихотворений 1896–1898 гг.

Ю.А. Бунин и И.А. Бунин.
 Москва, 1894 г.
 (ОГЛИМТ)

66

Из «Ночной песни»

I.

Настала ночь. Все быстрые ключи
 Заговорили громче. Ключ подобный —
 Моя душа. Кто любит — не молчи!
 Напев любви в душе моей незлобной.

В ней не затихшей, стихнуть не способной
 Мне что-то шепчет: «Пой, кричи!
 Любви ты жаждешь? Пой же! Миг удобный:
 Роняют звезды дальние лучи.

Язык любви — тоске любви дарован.
 Настала ночь. И мрак везде глубок».
 Увы! Я — свет! Будь мрак я! Заколдован
 От этого, — как свет, я одинок.
 Будь мраком я, о как бы мог
 Припасть к лучам! Как был бы ими очарован!

II.

И все же я вас благодарю,
Земные светляки, небесные светила,
За ласку каждую, что свет и мне дарила.
Но ныне сам сиянием горю.

Чужда теперь мне счастья сила
Свет принимать. Я часто говорю,
Что красть его душа моя любила
Смелее, чем брать. Теперь я сам дарю.

О, как завидую я жаждущему взгляду
И звездной ночи тех, кто солнца только ждет!
О, скорбь того, кто только ожидает!
О, жажда жаждать! Быть светилом — гнет.
Как много в вас мучительного яду!
Затмение солнца солнцу было бы в награду!

III.

Настала ночь. И вот, как ключ в холодном камне,
Во мне пробилась жажда томная моя.
Звезда любая далека мне,
Звезде любой далек и я.

Молчанья гордость не легка мне:
Горячей речи жажду я.
Приливши к сердцу, грудь томит она мне,
Как вод напор — русло ручья.

Испытывал я это не однажды.
Настала ночь. И ключ кипучий каждый
Средь тихой ночи громче зашумел.
Петь в ночь такую — любящих удел.
<1896–1898?>

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 8776 оф. Датируется предположительно по местоположению автографа среди стихотворений 1896–1898 гг.

67

Молчаньем землю обнимая,
Густеют тени. Ночь близка...
А я один... В душе — немая,
Невыразимая тоска.

Как жизнь под кровом ночи черной
Уходит, гаснет в полусне,

Я отдаюсь душой покорной
Ее глубокой тишине.

Но есть мечта: она с любовью
И ободряет, и живит;
Она, склоняясь к изголовью,
Про мир иной мне говорит.

В глуши, печальной, неприветной,
В нужде, в терпении без конца,
Там бьются жизнью незаметной
Простые, чистые сердца.

И сладко думать, что мерцает
Там огонек и за трудом
Неслышно вечер протекает
И дышит миром и теплом,

Что не всемогущ там угрюмый
Полночный мрак и жизни гнет,
И молодые зреют думы,
И нежно молодость цветет.

И горько думать, что далеко
Родимый край, — что он забыт,
И, позабытый, одиноко
Все переносит — и молчит!
<1896–1898?>

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 981/22 оф. Датируется предположительно по местоположению автографа среди стихотворений 1896–1898 гг.

ПРОЗА

Повесть «Увлечение»

Подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова

В изданных собраниях сочинений И. Бунина, а также в отдельных публикациях в периодике представлена почти вся художественная проза писателя. Конечно, все эти тексты требуют нового научного издания с текстологическим исследованием всех известных автографов и прижизненных публикаций. Из ранних произведений оставалась неопубликованной повесть Бунина «Увлечение», автограф которой хранится в фондах Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛИМТ). Первый лист автографа и заключительные строки повести были опубликованы С.Л. Гольдиным в статье «О литературной деятельности И.А. Бунина конца восьмидесятых — начала девяностых годов» (Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. М., 1958. Т. IX, вып. 3. С. 15–16).

Повесть «Увлечение» полностью публикуется впервые. Даты начала и завершения работы над повестью Бунин обозначил в автографе, авторские даты воспроизводятся на своих местах. Автограф представляет собой практически беловую рукопись в самодельной тетради с поправками, правда, не везде законченными. Так, например, в начале повести исправлено название имени «Грубино» (в других местах «Грунино») на «Родники», фамилия героини Богаут исправлена на Макарову, но далее эти исправления не внесены, в настоящей публикации название имени и фамилия героини исправлены по всему тексту. Повесть поделена на главы, однако в автографе, очевидно, по ошибке, нарушен порядок нумерации глав, эти описки здесь исправлены и главы пронумерованы по порядку. В начале повести используется слово «глава», далее по всему тексту написаны только номера глав, эта особенность автографа здесь сохранена. Для полноты картины творческой лаборатории начинающего писателя, зачеркнутые слова, выражения и фрагменты текста приводятся в подстрочных сносках. В публикации максимально сохранены особенности авторского написания некоторых слов.

Удивительным образом содержание повести «Увлечение» в недалеком будущем отчасти станет реальностью для самого автора. Летом 1889 г. Бунин познакомился с В.В. Пашенко, роман с которой длился несколько лет, прерываясь ссорами и разъездами. В конце концов, В.В. Пашенко выходит замуж за А.Н. Бибикова — товарища Бунина. К счастью, в жизни писателя развязка любовной драмы не была столь трагической, как в повести «Увлечение».

Следует обратить внимание на тот факт, что уже в самых ранних прозаических опытах писателя любовь сопряжена со смертью. Эта тема получит свое развитие в зрелом творчестве Бунина: в повести «Митина любовь», романе «Жизнь Арсеньева», книге «Темные аллеи» и других произведениях писателя.

Начато *осенью*
1886 года.

УВЛЕЧЕНИЕ

Глава I.

Вечерело и пассажирский поезд Московско-курской дороги подходил к Туле¹. В открытые окна вагонов² сыпались последние отблески низкого³ солнца. Оно садилось далеко на горизонте, около силуэтика мельницы, чернеющей на ярком фоне заката⁴ двумя крылами...⁵ Свежий ветерок врывается временами в вагон, принося с собою вечернюю прохладу и обдавая⁶ теплым ароматом цветущей ржи, она бежала⁷ зелеными косяками мимо, назад.

Вагоны неслись, раскачиваясь и мерно постукивая; вечер был прелестный, и хорошо было сесть у окна, смотреть в даль, на далекие волнистые очертания леса и нив, покачиваться и полною грудью вдыхать чистый полевой воздух.

Вот этим-то, кажется⁸, и занимался один из пассажиров, молодой человек у окна в П-м кл<ассе>. Его звали Агаповым Виктором Ивановичем.⁹

Лицо его нельзя было назвать красивым в строгом смысле, хотя оно и было очень симпатично. Кудрявые каштановые волосы молодого человека выглядывали из-под мягкой круглой шляпы, усики у него были маленькие, нос неправильный, немного даже большой, глаза серые, задумчивые и ясные, хотя и близоруки, отчего Агапов¹⁰ часто щурился, если старался что-либо разглядеть получше.

На плечах у него было накинуто небрежно летнее пальто. Он сидел, задумавшись, в полуоборот к окну, положив подбородок на дулья красивенькой новенькой двустволки и изредка пощипывая редкую растительность на бороде.¹¹ Агапов¹² только что окончил курс в университете в Петербурге¹³. Биография его не сложна.¹⁴ Отец его Иван Федорович был в юности очень пылкий и восторженный человек, а под конец своей жизни махнувший рукой на все и спокойно доживший свой век в деревушке. Иван Федорович получил высшее образование за границей, был наследник большого¹⁵ состояния, и проездом через Франкфурт, стал мужем купеческой дочки, доброй и кроткой барышни, пописывающей стихи. В России он поселился в своем имении недалеко от губернского города В... и принялся вводить

¹ *Вместо:* дороги подходил к Туле — *было:* ж. д. приближался к Т<уле>. Уже наступал вечер.

² *Было:* вагона П класса

³ *Было:* заходящего

⁴ *Было:* зарева

⁵ *Далее было:* а. В дальнем синем лесу б. В дальней синей роше куковала *вписано*

⁶ *Далее было:* иногда

⁷ *Вместо:* она бежала — *было:* пробегавшей

⁸ *Было:* именно

⁹ Его звали ~ Ивановичем. *вписано*

¹⁰ *Было:* молодой человек

¹¹ *Далее было:* а. Дум его нельзя было назвать грустными, тягостными, потому что выражение его лица было спокойное, мечтательное. Он мечтал о том, как проведет он лето в своем имении, куда он и отправлялся. б. О чем он думал? Трудно решить, трудно обрисовать думы человека, который и т.д.

¹² *Было:* молодой человек

¹³ *Было:* Питере

¹⁴ *Далее было:* Звали студента Виктором Ивановичем Агаповым.

¹⁵ *Было:* громадного

новые методы хозяйства и облегчать участь своих мужиков. Он строил фабрики, залез в долги, вечно кипятился на олухов управляющих, писал хозяйственные статьи, но хозяйство шло из рук вон <плохо>, хотя дом Ивана Федоровича был обставлен великолепно и имел при себе громадную библиотеку.

На второй год брака у молодых супругов родился Витя и получил первоначальное образование и воспитание под руководством родителей. Когда ему исполнилось десять лет, он остался сиротой. Мать его умерла в чахотке, и Витя остался на руках отца, страшно убитого смертью жены. Иван Федорович сразу потерял всю энергию, бросился сам заниматься хозяйством и отдал сына в Петербург в какое-то закрытое учебное заведение. Когда Виктор Иванович был уже на последнем курсе, Иван Федорович принужден был сам продать свое имение, во избежание аукциона, заплатил долги и купил другое имение на остатки денег, десятины в 200. В тот же год Вите¹⁶ пришлось похоронить отца и, окончивши курс, уже наследником возвращаться в имение.

И вот мы видим его уже приближающимся к Туле. На следующем полустанке ему следовало сойти и на лошадях уже достигнуть «Родников»¹⁷.

Он сидел, предавшись созерцанию, потому что унаследовал от матери любовь к природе и страсть к стихотворству. Он писал стихи, объект которых была по большей части девушка, в которую был влюблен Виктор Иванович в Петербурге. Звали ее Василисой Андреевной¹⁸. Она была дочь проживающего в Питере помещика, у которого Виктор репетировал сына. Это была добрая, веселая девушка, горячо полюбившая Виктора. Уезжая, Виктор Иванович обещался писать ей, не забывать¹⁹.

И вот теперь он²⁰ вспомнил об их прощании, улыбнулся и потянул в свои похолодевшие губы вечерний воздух. Солнце уже село, вечерняя заря обхватила половину неба и воздух похолоднел. Молодой месяц, еще днем поднявшийся на небо, начал уже испускать свой бледный свет. Виктор Иванович встал и оперся о подоконник.

II.

Но в это время он услышал, как кто-то сзади него сказал тенорком:

— Милостивый государь, извините, что побеспокою!..²¹

Агапов обернулся. Перед ним стоял человек маленького роста, лет 33–35, с кругленькой бородкой золотого цвета, с мелкими правильными чертами лица, красивый собою. В нем сразу можно было увидеть человека, вращавшегося в высших кругах общества. Одет он был превосходно, на нем была новенькая черная шляпа, богатое пальто было красиво полураспахнуто; маленькими изящными руками, облеченными в светло-серые перчатки, он держал открытые золотые часы.

— Что вам угодно? — спросил Агапов.

¹⁶ Было: ему

¹⁷ Было: Грунина.

¹⁸ Далее было: Озаренковой.

¹⁹ Вместо: не забывать — было: и как только устроит дела по имению, приехать в Петербург и сделать формальное предложение.

²⁰ Вместо: И вот теперь он — было: Виктор Иванович

²¹ Далее было: проговорил кто-то за ним. Он обернулся.

— Позвольте мои часы поставить по вашим, —²² тенорком ответил господин.

— С удовольствием, — согласился Агапов, вынимая часы.

Господин присел на противоположную скамью и стал повертывать ключом в часах.

— Grand merci, — сказал он, закрывая крышку в них и вынимая папиросы.

— Не угодно ли? — предложил он Виктору.

Агапов взял папиросу, они закурили и заговорили.

— Мы наверно сейчас остановимся, — заметил господин, выпуская дымок колечками.

— Да, судя по времени, сейчас полустанок.

— Вы куда изволите ехать, смею спросить?

— Я сейчас сойду, — сказал Агапов, — я в свое имение; тут верстах в 15-ти от железной дороги «Родники»²³, село, может, слышали.

— В таком случае — отлично, — обрадовался господин. — Мы с вами вполне попутчики. Я тоже в «Родники»²⁴, к приятелю. Вы помещик в самом селе?

— Да.

— Так ваша фамилия, вероятно, Агапов?

— Виктор Иванович Агапов.

Господин встал.

— В таком случае, — сказал он, улыбаясь, — позвольте представиться: Валерий Александрович Алфеев, ваш троюродный брат!

Виктор Иванович сначала удивился и²⁵ подумал: «Кто же такой этот Алфеев», но потом быстро вспомнил, что он слышал от отца об Алфеевых, которые действительно приходились близкой родней Агаповым, по стечению каких-то неприятностей из-за наследства не бывали друг у друга.

Виктор поспешил подать руку брату и крепко сжать ее. Они снова уселись и начали разговор. Начались расспросы об родне с обеих сторон. Виктор Иванович заявил, что отец умер.

— Скончался? — переспросил Алфеев. — Скажите, пожалуйста, на Святках я был в «Родниках»²⁶ и дядюшка, кажется, был жив и здоров.

— Да вот подите, — вздохнул Агапов. — И не предполагали. На Святой я его схоронил. Вы-то не были у него на Святках?

— Нет, — ответил Валерий, — вы ведь знаете, что между нашими отцами была какая-то ссора из-за наследственного права что ли, из пустяков каких-то вообще, ну мне знаете и неловко было...

— Конечно, конечно, — подхватил Агапов, — но теперь, я надеюсь, мы уже не будем больше иметь друг на друга претензий, — засмеялся он. — Вы откуда теперь²⁷? — сказал он, чтобы переменить разговор.

Валерий²⁸ сказал, что из Москвы, и начал рассказывать свои путешествия. Оказалось, что он только и делал, что катал по России. Он был и в Финляндии, и в Архангельск неизвестно зачем заглядывал, каждое лето проживал несколько недель в Крыму.

²² Далее было: приятным

²³ Было: Грубино.

²⁴ Исправлено оставленное не зачеркнутым: Грубино на «Родники».

²⁵ Далее было: стал

²⁶ Исправлено оставленное не зачеркнутым: Грубином на «Родниках».

²⁷ Далее было: едете

²⁸ Далее зачеркнуто: начал.

— Я непоседа, — говорил Валерий, рассказывая про свою жизнь. Он рассказывал очень ловко, умело, занимательно и остроумно²⁹. Видно было, что он ловкий человек во всех отношениях, отличный и ловкий собеседник среди дам и хороший и веселый товарищ. Но при этом нельзя было не заметить, что он всегда ценил себя и держался с достоинством. Виктор Иванович только удивлялся, на какие средства он мог кататься и так отлично одеваться. «Алфеевы ведь бедны», — подумал он.

А между тем поезд замедлил ход и остановился. Новые знакомые вышли из вагона. За обоими были присланы лошади.

— Послушайте, — сказал Виктор, — поедемте со мною. Теперь уже поздно, наконец, приехать вам к Брянцеву³⁰, да и мы отлично вместе проедемся, переночуем. А?.. Едем?

— С удовольствием, с удовольствием, — затараторил Валерий. — Человек, возьми мой чемодан и сак. Едем, любезный кузен, — заключил он, вскакивая в тарантас Виктора. Лошади тронулись.

III.

Месяц уже разливал свой голубоватый свет. Ночь была удивительно тихая и свежая. Роса унизывала всю траву. Пыль слеглась на дороге и рожь еще сильнее распространяла свой одуряющий аромат.

Тарантас катился между двумя стенами ее. Валерий Александрович достал сигар, и братья, попыхивая и откинувшись в задок, продолжали болтать.

— Нам не будет особенно скучно в деревне, — говорил Алфеев. — Конечно, после столицы... Но все-таки можно найти знакомство и славно отдохнуть на лоне природы.

— Да где же там найти знакомство? — спросил Виктор. — Ведь в селе только и есть, что две помещичьих усадьбы.

— Ничего, — возразил Алфеев, — например, Брянцев³¹ отличный человек и семейство его тоже. Живет он хорошо, гостей много.

— Сыновья есть у него?

— Нет, у него дочка... Ну, братец, скажу я вам, и барышня же... — Валерий чмокнул кончики пальцев. — Белокурая, голубоокая, стройная — прелесть, словом. Я вас познакомлю. Поедете?

— Так что ж, — согласился Виктор и замолк.

Так они проехали версты две. Ночь была свежая. Они укутались в пальто, и снова заговорили. Алфеев начал расспрашивать про университет, потом коснулся опять деревни... Разговор не клеился. Оба³² устали после дороги.

Скоро вдалеке замелькали огни. Переехав через лошину, в которой сильно пахло травой, они въехали в село.

«Родники»³³ далеко тянулись по реке, верст чуть не на пять и все было в зелени. Под горою по обеим сторонам реки, по ее луговым тонким берегам густо заросли высокие стройные лозины, кудрявые березы и наклоненные над водою ивы; такой лесок в половодье

²⁹ *Вместо:* И остроумно — *было:* много в шутовском тоне.

³⁰ *Было:* Грациоти

³¹ *Было:* Грациоти

³² *Далее было:* они

³³ *Было:* Грунино

затопляли вешние воды и тогда³⁴ вид был вполне прелестный и поэтический; тысячи куликов с звонким тонкоголосым криком и стоном вырывались в светлые апрельские дни из осоки и водяных трав, утки выводками плавали среди зарослей и вешними ночами слышат охотники их тихие кряканья, слышат непонятные шорохи и плеск воды в мертвой тишине, между тем, как в тусклой стали реки темными призраками рисуются деревья и звезды горят и вздрагивают в бездонной темно-синей глубине, и беловатый туман стоит в дальних лощинах.

А летом, когда вода сбывала, стояла между этих стройных зеленоголовых лозин и осин высокая густая трава, качались синие кувшинчики и осока будто сквозь дремоту шуршала при звуке ветерка.

Тарантас, проехавши по выгону, спустился под гору и, въехав в лозинник, застучал по каменному мостику.

— Посмотрите, как тут великолепно, — воскликнул Агапов. — Что за славный лозинник!.. А как живописна перспектива, — указал он рукою туда, где река тонкой темно-зеленой лентой извивалась под навесами деревьев. Месяц пробрасывал туда свои лучи; лучи скользили местами, ложились светлыми полосками на воду и хороша была эта природная беседка, наполненная полусветом.

— Ночь великолепная, — согласился Валерий, — и я бы черт знает что бы дал, если бы мог нарисовать такую картину. Я ведь, знаете, любезный братец, рисую недурно. Я вам покажу пейзажи, которые я снимал в Крыму.

Он замолк и потушил сигару. Лошади поднялись на горку и тарантас, проехав по ней наискось, вкатился на двор агаповской усадьбы. Усадьба была невелика. Прямо против³⁵ ворот стоял дом, одноэтажный, но большой и красивой архитектуры. Он светился тремя угловыми окнами. На парадном крыльце с серыми деревянными колоннами встретил приездных господ молодой малый, староста, живший в доме, и повел их в кабинет.

— Вот мы и дома, — говорил Агапов, осматривая комнату. — Валерий Александрович, давайте-ка ужинать? А? Как думаете?

Валерий изъявил свое согласие, и они засели за ужин. После ужина они прошлись по всему дому, посмотрели библиотеку и пожелали друг другу покойной ночи.

— Вы завтра не поедете со мной к Брянцеву³⁶, — спрашивал уже в постели Алфеев. — Я вас познакомлю...

— Не знаю, право, — отвечал Виктор. — Утро вечера мудренее.

В комнате, наполненной полусумраком, воцарилась тишина.

IV.

На другой день Валерий отправился к Брянцеву³⁷, а Агапов занялся осмотром построек гумна, съездил со старостой в поле и, наконец, после обеда отправился в сад с книгой в руке. День был теплый, сероватый³⁸ и тихий. Все проснулось и все молчало. Виктор ходил

³⁴ *Далее было:* то был

³⁵ *Было:* перед

³⁶ *Было:* Грациоти

³⁷ *Было:* Грациоти

³⁸ *Далее было:* туманный

Л.А. Бунина.
Ефремов (?), 1890-е гг.
(ОГЛИМТ)

по песчаным дорожкам сада. На душе у него было светло и спокойно. Он отдался вполне тем сладостным чувствам, которые овладевают человеком, когда он чувствует себя дома после долгой отлучки. Он зашел было в беседку, прилег на скамейке и взялся за книгу; но читать ему не захотелось; Виктор лениво прочитал страницу, думая совсем не о читанном, потом захлопнул книгу и, закурив, пошел к сажалке, которая была на конце сада. Он ласково заговорил с мальчишкой, который с сачком по колена в воде, бродил в конце пруда³⁹.

В доме он застал приехавшего Алфеева. Валерий Александрович сообщил ему, что он, Алфеев, удачно окончил «экспедицию» на другую сторону реки, сказал своему приятелю и его дочке, что привезет к ним нового знакомого, пообедал там и приехал за Виктором. Виктор Иванович оделся и они поехали.

V.

Усадьба Брянцева была вполне барская, старинная, с огромным домом, со многими хозяйственными постройками, крытыми соломой, с садом большим, но запущенным. В нем только были две липовые аллеи, усыпанные песком, а остальные части сада зарастали высокою травой и были даже без тропинок. Василий Матвеевич получил это имение недавно, года два тому назад от старухи тетки. Он старался привести его в порядок, покрыть постройки железом, уничтожить овины и вообще завести хозяйство на новый лад.

³⁹ *Далее было:* — Ты чей? — сказал Виктор, подходя к берегу. Мальчишка, углубленный в свое занятие, и не заметил сначала барина. Но услышав голос, он выронил сачок, поскользнулся на глине и чуть не шлепнулся в воду, намочив себе края рубашки. Виктор засмеялся.

— Смотри, смотри, брат, захлебнешься, — сказал он.

— Тут мелко... глина, — прошептал мальчуган и стал ловить сачок, упавший в воду.

— Мелко-то, мелко, — продолжал тем же тоном барин, — да ты-то мал очень.

— Я-то? — Мальчишка поднял голову и стал пристально смотреть на барина. — Мне десятый пойдет с Петровок.

— А? Так ты уже здоровый!

Мальчуган стал выходить из пруда.

— Что же ты поймал, Петрушка?

— Я не Петрушка, — звонко засмеялся мальчишка, — я Пашка Анисьин. Я не ловил.

— Что же ты делал?

— Да так...

— Как «да так»?

«Павел Анисьин» не понял, что у него спрашивают, и пустился со всех ног бежать через сад.

— Постой, постой, куда же ты, Павел, — закричал ему вслед Виктор Иванович.

Но мальчишка не слушал и скоро исчез за деревьями. Виктор Иванович добродушно улыбнулся и пошел к дому.

Он⁴⁰ пропадал по полям во время рабочей поры верхом рядом с управляющим и возвращался домой вечерами охрипший и запыленный. Так старался он лето и осень, а зимой отдыхал, устраивал праздники и кутил. Дом у него была полная чаша. Хозяйствовала дочь, потому что жена Василия Матвеевича была вечно больная женщина, не выходившая почти из своей спальни.

Когда приехал Валерий Александрович и Агапов, Василий Матвеевич пил чай с дочерью в саду в беседке над прудом. Увидав гостей, хозяин поднялся к ним навстречу.

Это был мужчина лет 45-ти, громадного роста, тучный и грузный, рыжий, с добрым, почти детским, лицом. Дочь его почти контрастировала с ним:⁴¹ высокого роста, стройная, с вьющимися русыми волосами до плеч, с правильными красивыми чертами лица.

Валерий представил Агапова.

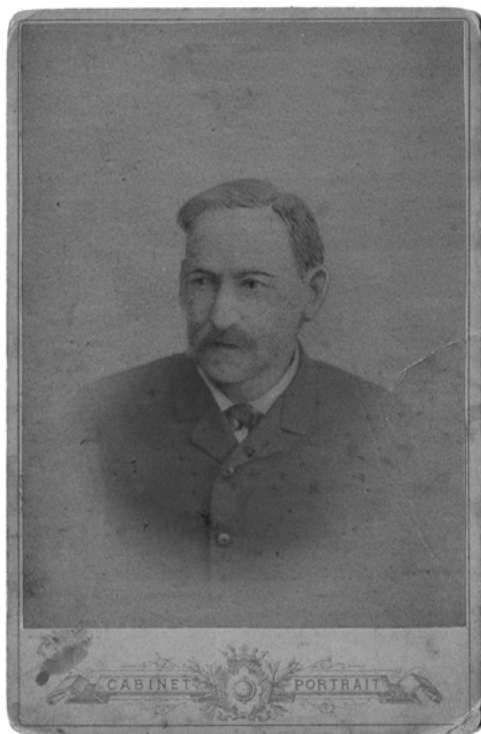
— Милости прошу, очень рад, — говорил радушно Василий Матвеевич. — Чайку, господа. Садитесь, пожалуйста.

Гости сели. Разговор завязался самый обыкновенный, какой только бывает при первых знакомствах в деревне. Василий Матвеевич спросил, давно ли приехал Виктор Иванович и намерен ли он жить в деревне. Агапов отвечал, что он очень любит деревню и потому, наверно, проживет с год в ней, а потом опять уедет в Петербург. Потом они поговорили о старике Агапове, о неудобствах деревенской жизни, о столичных новостях, которыми Вас<илий> Матв<еевич> очень интересовался. Он, хотя и был мало образованный человек, но любил поговорить о научных предметах, о литературе, спросил, какие теперь журналы лучшие выходят и наконец, извинившись, пошел на несколько времени по хозяйству.

Валер<ий> Ал<ександрович> громко болтал с Александрой. Он рассказывал ей анекдоты, шутил и она шутила без умолку. Агапов смотрел на нее; этот громкий хохот ее не нравился ему. Но зато шелковистые волосы, белая нежная шея и вся красивая фигура ее невольно говорили в ее пользу. Виктор Иванович подсел к ней. Александра поправила волосы и перестала смеяться.

— Я помешал? — спросил Агапов.

— О! Нисколько, нисколько, — поспешно возразила Александра, — мне уже надоело смеяться, мы болтали все с В<алерием> А<лександровичем>, а теперь будем разговаривать серьезно.

А.Н. Бунин.
Ефремов, 1880-е гг.
(ОГЛИМТ)

⁴⁰ Далее было: был

⁴¹ Вместо: Дочь его почти контрастировала с ним — было: Дочь его была совершенно не похожа на него. Это была девушка

— Я на все согласен, — заявил Алфеев, утираясь надушенным платочком. — Давайте хмуриться и чинно гулять по вашему парку.

— То есть вы хотите предложить нам гулять? Я согласна. Пойдете мсьё Агапов?

Виктор Иванович поднялся, но в это время прибежал лакей и заявил, что барин просит Валерия Александровича к себе в кабинет. Валерий ушел.

— Давайте подождем, — сказала Александра.

Они уселись и помолчали.

— Какая славная заря, — сказала, наконец Александра, — и зачем только папа узвал Валерия Александровича? Только помешал нашей прогулке.

— Да пойдем гулять вдвоем, — предложил Виктор Иванович. — Или впрочем, вам скучно будет со мною?

— Нет, не скучно, — возразила Александра, — и мне, впрочем, все равно, пойдете.

Молодые люди поднялись.

— Знаете, — говорила Александра, — Валерий Александрович очень веселый человек, но только врун...⁴² хорошо сказки в сумерках слушать; люблю... Я вот серенады все разучиваю на фортепиано.

— А вы играете?

— Поигрываю, — улыбнулась Александра.

— А сыграете ноне что-нибудь?

— Нет,⁴³ вы приходите завтра к сумеркам, и я буду играть серенады, а теперь вы мне расскажите, что нового в столицах? Я ведь давно уже в деревне сижу и потому ничего не знаю, что в мире творится. Рассказывайте. Давайте сядем на скамеечку.

Агапов сел на скамеечку над прудом, и он начал ей рассказывать. Ему понравилась Александра, ее бесцеремонный разговор, лишенный жеманства, и он рассказывал ей все, «что есть нового». Они спорили, шутили, и произвели друг на друга хорошее впечатление. Виктор любовался Александрой и она невольно думала: «Какой он красивый». Виктор Иванович раздумялся⁴⁴, лицо его дышало молодостью и счастьем и глаза его сверкали добрыми огоньками. А вечер был тихий, теплый и ясный. Небо расчистилось, и солнце разогнало туманы. Последние синие его полосы стояли далеко по лощинам, небо было синее и прозрачно и в тихом зеркале пруда отражалось оно.

Остальной вечер был проведен весело. Уже пробило половина третьего, когда Виктор после ужина распрощался и ушел уже хорошим приятелем Александры.

⁴² Слово «врун» подчеркнуто Бунинным и на полях рядом помечено в скобках: «(плохо)».

Далее было: — Как врун? — спросил Виктор.

— Да так... Вы ведь недавно его знаете, а я давно уж с ним знакома. Мы с ним прошлое лето славно проводили. Сядем после чая на балконе, солнце садится в лиловые облака за садом, тихо так, славно станет; свежо, а Валерий Александрович врет; рассказывает, какие с ним любовные приключения в Крыму бывали, описывает море; я, конечно, часто заявляю ему, что не верю ничему этому.

— А все-таки вам приятно слушать?

— А все-таки приятно;

⁴³ *Далее было:* возразила Александра

⁴⁴ *Было:* раскраснелся

VI.

Агапов пошел домой, Василий Матвеевич отправился спать, а Валерий без шляпы долго гулял по саду. Короткая летняя ночь приближалась к концу, уже на востоке показались светлые полосы, когда сквозь тополи, окаймлявшие сад, показался тонкий серп луны, и Валерий пошел к дому. Он застегнул сюртук и быстро направился по липовой алее. В мертвой, но чуткой предрассветной тишине звонко раздавался скрип его шагов по песку.

— Валерий! Это вы? — окликнул его голос Александры. Он взглянул и увидел, что у ней в комнате светилась лампа.

— Я, — ответил он, подходя под открытое окно. — Что ты? Испугалась?

— Нет, — ответила Саша и села на окно. Она была в ночной кофточке и белом платочке, накинутом на шею. — Что же бродишь до сих пор?

— А ты что не спишь до сих пор? — Валерий подошел и оперся о подоконник. — Видно, в головке недобрые грезы роятся?..

— Ничего у меня не роится. Я дочитывала роман и думала о своем новом знакомом. Что, он хороший человек?

— Не могу сказать-с, — возразил Валерий, — добрый он или плохой. Я с ним сам познакомился третьего дня только, и потому не могу судить⁴⁵ о нем. Но на первый взгляд он кажется хорошим малым.

— Да, — подтвердила Александра, — он произвел на меня хорошее впечатление, и я очень благодарна тебе, что ты мне привез его. Все веселее будет.

— А со мной-то разве скучно? — Валерий взял ее левую руку и тихо поцеловал. — Разве со мной одним скучно?

— Конечно с одним скучнее.

— А разве ты меня не любишь, — продолжал тем же тоном Валерий.

Александра ничего не отвечала, но только тихо нагнулась и поцеловала его в лоб...

Где-то далеко на селе прокричал петух.

— Поздно, милый, ступай спи, — сказала Саша. — Да больше не смей гулять, голову простудишь.

Валерий вскочил на подоконник и крепко обнял ее.

— Смотри, — говорил он, целуя ее, — не полюби Виктора.

— Нет, — просто возразила Саша.

Валерий соскочил с подоконника⁴⁶ и пошел к балкону, пожелав ей доброго сна.

— Я всю ночь буду тебя видеть во сне, — раздался за ним контральто Саши и окно стукнуло.

— Добрая девушка, милая, — говорил про себя Алфеев. — Ее невольно будешь любить, — подумал он уже в постели.

А Саша долго не спала. Уже высоко поднялась утренняя звезда, и задымилась пруды, когда, наконец, крепкий утренний сон смежил ей очи. Но снился ей не Алфеев; образ молодого поэта тихо проплывал перед нею и сладко спалось девушке.

⁴⁵ Было: сказать

⁴⁶ Было: балкона (описка)

VII.

С этого дня Виктор Иванович начал часто бывать у Брянцева. Он хорошо ознакомился с его маленьким семейством и был принят у них в доме всегда, как свой. С Александрой он близко сошелся. С первого знакомства он увидел, что с ней можно разговаривать, как говорится «по душе», и держал себя так, — просто и по-дружески; но недели через две их отношения немного изменились. Виктор Иванович стал ей уже не товарищем, а горячо влюбленным в нее человеком; он постоянно мечтал высказать ей всю душу, но боялся и потому смущался. А боялся потому, что он уже знал об отношениях Алфеева к ней. Он знал, что Александра его не любит. Он хотел стать⁴⁷ опять прежним товарищем Саши, но этого воротить было нельзя; а любовь его все более увеличивалась и разгоралась, как костер все более и более вспыхивающий от того, что ветер не дает ему спокойно гореть. О своей любви к Озаренковой он почти забыл; он даже не считал, что любил Василису. Любовь к Саше совершенно вытеснила из его сердца образ ее. Он уже начал завидовать Алфееву, которого он узнал хорошо⁴⁸.

⁴⁷ *Было*: чтобы

⁴⁸ *Далее было*: Виктор Иванович поразился, когда услышал, чем занимается его братец. Валерий, тонко понимая людей, увидел, что на Виктора можно было положиться, и всё рассказал ему; а это «всё» заключалось в том, что Алфеев занимался шулерничеством, крупным мошенничеством. Это мошенничество доставляло ему, не имеющему почти состояния, средства жить шикарно и кататься по России. Я приведу несколько примеров, из которых будет видно, как Валерий обдeldывал свои дела.

Опустел, напр., кошелек Валерия Александровича, он нисколько не тужит об этом. Гостиница, где он живет в городе, самая лучшая в городе. Благодаря тому, что Алфеев имел всегда великолепную одежду, золотые часы, несколько перстней с бриллиантами, он кормится в долг и имеет полное доверие и уважение в гостинице. Наконец, в одно прекрасное утро, одевшись и заперши номер на ключ, где остался чемодан с грязной рубашкой, Алфеев заходит в буфет и важно говорит:

— Послушайте, голубчик, не разменяете ли вы мне банковый билет? Небольшой: в тысячу рублей только? Банкового билета, конечно, нету.

Но кассир, конечно, вежливо заявляет, что не может, никак не может, потому какая охота возиться с билетом.

— Как же мне быть, — говорит как бы про себя Алфеев; надо мелких денег, а их нету... Да вот что, впрочем, выдайте мне двадцать пять рублей мелкими.

Кассир видит, что на постояльце золото, великолепное пальто и цилиндр, и говорит: «С удовольствием». Отсчитывает быстро 25 руб. Алфеев бросает их в карман и уходит будто по своим делам, покуривая сигару.

На улице он берет извозчика и уезжает на вокзал, садится на поезд и отправляется в какой-нибудь другой глухой городок. Он опять останавливается в первой гостинице. Попадает ему барышник. Барышник привел на продажу четырех рысаков. Слыша, что в гостинице стоит, кажется, очень богатый барин, он предлагает ему купить рысаков. Алфеев смотрит рысаков, соглашается купить, предлагает отличную цену и опять несуществующий банковый билет выручает его.

— Хорошо, братец, — говорит «богатый» барин, — я даю тебе пять тысяч. Деньги получишь [после]завтра. Если не можешь сдать сдачи; теперь поздно, а завтра я разменяю банковый билет, приходи и получишь. Лошадей отдай моему человеку, [отвести в имение]; поставь здесь в гостинице. А мы с тобой сейчас выпьем «магарыч» и послаш за шампанским. Барышник берет расписку с барина и решается ждать деньги до [после]завтра. Он отдает лошадей и рад-радешенек, что получил барыша рублей триста.

[Подкупленный Алфеевым малый отводит лошадей на вокзал. Алфеев на другой день уходит опять из номера разменивать билет, и уезжает вместе с лошадьми. А барышник садится и дожидается в гостинице.] А Алфеев в ту же ночь уезжает из гостиницы с поездом ж. д. и захватывает с собою лошадей. Барышник приходит на завтра и к немалому своему удивлению узнает, что барин еще вчера уехал и увел рысаков.

Таким образом, Алфеев на несколько времени с деньгами. Выйдут они, он опять где-нибудь в гостинице знакомится с богачами, дружится, берет по дружески тысяч 10 денег под вексель или обыгрывает их в карты и исчезает.

VIII.

Прошло с полмесяца.

В жаркий полдень на балконе брянцевского дома сидели Алфеев и Саша. В доме после обеда все спали. Так уж было заведено с давних пор, и Василий Матвеевич исполнял обычный аккуратно.⁴⁹ На балконе была тень, так как он до половины был затянут парусиной. Но все-таки полдень брал свое. Воздух был накален июньским солнцем. Ветер совершенно затих. Парило будто перед грозой.

Саша вышивала, Алфеев курил и лениво перебрасывал плотные листы «Нови».

Они почти молчали, изредка разве перекидываясь пустяковыми фразами. Полдень клонил <к> лени. Стояла тишина, от которой казалось, что заткнуты уши. Сад распустил листья и замер. Высокий подсолнечник у балкона словно завял и низко склонил свою желтую пахучую тяжелую голову, между тем как в ней зарылись золотые пчелы и блестяще-черные шмели, высасывая сладкие соки. Золотисто-зеленые мухи облепили ступени крыльца... А солнце жгло, тонкий луч пропускало сквозь ветви деревьев и нашедши дырку в парусе, бросалось на пол и скользило по туфле Александры.

Александра откинулась на спинку стула, опустила свои пухлые ручки и, сдвувши упавшую на щеку прядь волос, посмотрела на Валерия; тот тоже сдул пепел с папироски и взглянул на нее.

— Что читали? — спросила Саша.

— Стихотворение одно, — ответил Валерий.

— Хорошее?

— Так себе... пожалуй, даже и хорошенькое.

— Прочти, пожалуйста, — попросила Александра, — ты славно читаешь.

Алфеев взял книгу и прочел. Стихотворение принадлежало В. Немировичу-Данченко. В нем изображалась поэтическая нега венецианской ночи.

Алфеев прочел и закрыл книгу. Александре оно ужасно понравилось.

— Стихотворение не дурненькое, — согласился и Валерий Александрович с видом знатока, — некоторые места разве только...

— Да что некоторые, — перебила Александра, — поэтическое стихотворение, отличное. Надо дать прочесть Виктору Ивановичу, что он скажет.

В вкесе, конечно, Валерий расписывается вместо «Алфеев» — какой-нибудь Лебединцев, Железняков, Жуков и т.п. Поддельных документов у него было достаточно. Он покупал их у каких-нибудь обнищавших дворянчиков, похожих на него.

Но, конечно, в странствующей жизни Алфеева выпадали и плохие минуты. Раз, напр., он был вполне заперт теснинами. Вывернуться было совершенно невозможно. Тогда он решил покочить с собой. Он пошел в баню, взял номер и в стакане горячей воды отварил коробку спичек. Выпивши такой настой, он заперся и лег спать, надеясь переселиться к праотцам. Но однако заснуть не заснул, а начал размышлять, что он наделал. Когда ему представилось, что он к вечеру будет на столе, ужас объял его. Он вскочил с дивана и, почувствовав, что уже начинает действовать влияние яда, бросился к двери и отчаянно закричал:

— Спасите! За доктором, за доктором! Я отравился!

Приехавший доктор дал ему сейчас противоядие и страшная рвота возвратила Алфеева к жизни. Оправившись он как-то «занял» у доктора денег и уехал в Одессу. Там он очаровал богатую девушку, женился на ней, взял у ней все приданое, обобрал все драгоценности и укатил на север России, покинув навсегда свою супругу. Впрочем, крутые обстоятельства приходили редко и Алфеев весело жил, шиковал, катался, не имея ни копейки за душой. Ему помогал ум и находчивость. *В конце зачеркнутого фрагмента помета Бунина:* Выпустить зачеркнутое, автор.

⁴⁹ *Далее было:* Гимназист ушел в сад в беседку с книгой.

Александра уже знала, что Агапов пишет стихи.

Услыхав последнюю фразу Александры, Алфеев, быстро взглянув на нее и вынув спичку, стал усердно ее зажигать.

— От кого-то вы и поэзии набрались, сударыня, — заметил он, полушутя, полунасмешливо, помолчав.

Александра подняла голову и дерзко⁵⁰ взглянула на него.

— Что за выражения?! — она насмешливо и презрительно чуть заметно улыбнулась. — И что значат они, позвольте спросить?

— Извини, что выразился плохо, — уже серьезно ответил Валерий Александрович, — но ты знаешь, что я хотел сказать...

— Нет, — резко перебила Саша, — я не настолько проницательна, чтобы понимать сокровенный смысл в глупостях. Объяснись, пожалуйста!

— Что же ты рассердилась сразу? Сердиться совершенно не за что. Я хотел сказать, что мне показалось, что отношения между тобой и Виктором Ив<ановичем> мне кажутся не такими...

— А какими же?

— А такими, какими бы они не должны быть.

Александра вспыхнула.

— Откуда же ты заметил что-либо? Какой повод к таким заключениям о моих отношениях к Виктору Ивановичу?

— Видишь ли, — ответил Алфеев, желая как можно более сохранить равнодушие, — видишь ли: я бы, право, при других обстоятельствах не обратил на дело внимания и ничего бы не выводил, но ты в последнее время так странно со мной обращаешься, что любви ни искры не заметишь, при этом ты позволяешь себе уезжать кататься с Виктор<ом> Ив<ановичем> одна, как, напр., дня три тому назад вечером. Мне даже Василий говорил, что ему далеко не приятно видеть это, т.е. подобные катанья! Что ты скажешь?

— Ничего, пожалуй, на глупые допросы не скажу.

— Т.е. отчего же?

— Не имею желаний, потому что это все пошло и глупо.

Алфеев пожал плечами.

— Да как угодно, Боже мой! Мне хоть в объятья его падай. Я еще, слава Богу, не муж тебе!

Александра опустила голову. На больших ее ресницах задрожала слезинка. Тон ее мгновенно переменялся, хотя она старалась говорить резко.

— Я, право, — заговорила она, — не знаю, когда я к тебе относилась холодно или так, как ты выражаешься, любви и искры не заметишь? Ты знаешь, что я тебя люблю горячо, искренно...

Но Алфеев, заметив уже действие своего равнодушия, и потому сохранил его на время. Он не любил серьезно и искренно; он желал только добиться своей цели: жениться и получить хорошее приданое. Правда, порою, он любовно прижимал Александру к груди под обаянием ее красоты.

— На словах, может быть, ты горячо любишь, — проговорил он и закурил папиросу. — Я, кажется, начинаю понимать твою любовь и думаю: не лучше ли мне оставить эту комедию; я знаю — мне тяжело будет порвать с тобою все, но...

---

⁵⁰ Было: быстро

Он остановился и взглянул на Сашу. Слезы уже катились по ее щекам. Алфееву жалко стало ее. «Нет, скверно я поступаю», подумал и схватил ее за руки.

— Оставь, — горячо проговорил он, — оставь, я верю, верю. Прости меня, и забудем этот разговор.

Он потянулся⁵¹ и обнял ее за талию. Александра подняла голову и, порывисто обхватив его руками, прильнула к его губам и засмеялась.

IX.

— А братец-то влюблен в тебя не на шутку; ночи не спит, стихи пишет, — говорил немного погодя Валерий Александрович.

— Пусть пишет, — возражала Саша, — я его ведь не люблю, хотя и всегда скажу, что он хороший человек.

— С этим и я согласен. Он добрый, мягкий человек, влюбчивый, кажется. В Петербурге влюбился в какую-то Озаренкову, жениться уж хотел, а теперь вот в тебе души не чает.

— Какая Озаренкова? — переспросила Александра. — Он жениться хочет?

— Нет, теперь уже наверно не женится. Теперь про тебя стихи строчит. Он мне вот читал одно; я запомнил и записал. Хочешь прочту... или прочти на сама.

Александра начала читать стихотворение. В нем Виктор Иванович говорил, что он, кажется, начинает глубоко любить Сашу. Саша уже кончала стихотворение, когда на балкон вошел неожиданно Виктор Иванович. Он поздоровался и сел.

— Что-то почитываете? — спросил он Сашу.

Она улыбнулась и проговорила:

И новый образ дорогой

В душе теперь живет...

Она спохватилась, что проговорила и, сразу замолчав, взглянула на Агапова. Агапов сразу узнал свои стихи и ужасно покраснел. Он низко опустил голову; потом поднял ее и спросил:

— Это чье же стихотворение... т.е. откуда оно взято?

Александра, не зная, что ответить, ничего не ответила.

А Алфеев откинулся на спинку стула и простодушно проговорил:

— Извини, брат, пожалуйста, что я взял твои стихи. Ты, наверно, за такие пустяки не обидишься?

Но Виктор вспыхнул. Подобное положение было для него хуже всего. «Что, они смеялись надо мной тут?» — подумал он.

— Извините, — резко ответил он, — я ужасно не люблю подобных вещей. Это очень гадко с вашей стороны; подобные поступки называю^тся очень нехорошо!

— То есть как же это? — вспыхнул Валерий Александрович. — Извольте договаривать.

— Вы очень хорошо знаете, что я хотел сказать, — возразил Агапов, — и в следующее время прошу так не поступать.

— Нет, вы dokonчите вашу первую фразу, — повторил, вставая Алфеев.

---

⁵¹ Далее было: к ее губам

— А? Вы требуете; в таком случае, я скажу: поступки, подобные тому, какой вы совершили, называются, как известно, подлостями...

— Что-с? Под-лостями? — взвизгнул Валерий. — Как же вы осмелились? А?

Саша вскочила. «Господа, что это такое, — заговорила она, — оставьте».

Но Алфеев не унялся.

— Я вас на барьер поставлю! Негодай!

Но едва только он окончил, как в воздухе раздалась звонкая пощечина⁵². Валерий Александрович опешил: он сначала, весь бледный, опустил руки, потом схватил стул и снова опустил руки.

— Хорошо, — проговорил он, вынимая платок, — я драться, конечно, не стану... Я не мужик и не в кабаке. Я не хочу оскорблять хозяйку дома, но, но, милостивый государь, извольте к 10-ти часам утра завтра прислать своего секунданта.

— Очень хорошо-с, пришло! — резко ответил Агапов и взглянул на Сашу.

Она стояла и безмолвно смотрела на всю эту сцену. Виктор подошел к ней.

— Ради Бога, извините меня, — заговорил он быстро, — извините, что я... извините, невозможно молчать на такие дерзости... Как он смел брать мои стихотворения, какое <ему> дело, что я вас люблю!.. Вам это, впрочем, все равно... Я уйду и прошу простить...

Он быстро схватил шляпу и сбежал с балкона.

X.

Так неожиданно вышла ссора, благодаря излишней вспыльчивости Виктора. Всем известно, как подозрительны все влюбленные люди, как они всегда могут сделать из мухи слона. Виктор Иванович принадлежал к влюбленным и при этом обладал вспыльчивым характером, иначе поступать не мог. И домой пришел он грустный и задумчивый. Он уже проклинал свою вспыльчивость, но проклинал, конечно, уже не потому, что боялся предстоящей дуэли; нет — о ней он почти и не думал. Ему жалко было потерянного счастья — хотя видеть Александру. «К Брянцеву теперь мне показаться уже, конечно, невозможно... Да и незачем: Саша вполне возненавидит меня... Алфеева она любит...»

Он ходил по саду, а сердце у него ныло.

— Да, впрочем, — размышлял он, — все равно, она и так насмеялась над моими излияниями. Что же после этого я мог ожидать?

Виктор полежал в беседке и, наконец, вспомнил, что ему нужен секундант. «Драться, ведь, необходимо, а откуда взять секунданта?» Николая Петровича, гимназиста, наверно, пригласит Алфеев... Да тот вряд ли и пойдет... Не такой человек. Надо заметить, что приехал к Брянцеву его племянник, гимназист 8-го класса Т-ой гимназии; это был молодой человек среднего роста, с черными, даже блестящими, как вороново крыло, волосами, зачесанными назад, с желтоватым цветом лица и жесткими усиками. Он корчил из себя Базарова. Он держал себя не по летам серьезно и солидно, рисовался этим, хотя и утверждал, что презирает рисующихся и ломающихся «людишек». Он хотел показать, что он характера твердого, честного, не уступающего ни перед чем, имеет свои определенные непоколебимые взгляды и мнения относительно вещей; говорил иногда, что он «работает» над ста-

⁵² Было: оплеуха

тьею под назв<анием> «Родные отголоски»; носил синие очки и занимался гимнастикой, соблюдая гигиенические условия жизни; он по утрам умывался ключевой водой, крепко утирался суровым полотенцем; потом уходил в сад на трапезию, и, покуривши, садился работать. На Алфеева гимназист глядел, конечно, всегда дерзко усмехаясь и как бы сожалел о его «ничтожестве» и не ладил с сестрою из-за него. Про Агапова он сказал:

— Не знаю, право, что это за гусь. Судить еще не могу, но, кажется, он сентиментальничать любит, хотя малый с головой.

Виктор Иванович вспомнил, что верстах в 5 от «Родников» находилось именице мелкого помещика Лебединцева. Виктор Иванович познакомился с сыном Лебединцева в церкви. Он приказал заседлать себе лошадь и отправился.

Для того, чтобы попасть на хутор Лебединцева, надо было проехать версты четыре по большой дороге, потом свернуть на проселок. Проехав проселком с версту, Виктор спустился под горой и попал прямо на двор усадьбы. Усадьба стояла одиноко около осиновой рощи над прудом. Это был вполне глухой деревенский уголок, где жизнь должна идти непременно мирно и по одной колее. Таких уголков становится меньше и меньше теперь.

И в этом затишье именно так и текла она⁵³. Обитатели его были старого света люди. Владелец хуторка после службы в комиссариате, уже лет 20 не выезжал дальше ближнего губернского города. Это был еще⁵⁴ добрый старик, стриженный под гребенку — Александр Григорьевич Лебединцев. Он выписывал себе газетку, читал ее со всеми объявлениями и жил в мире и согласии со своею супругою, намереваясь умереть от удара.

Сын его поступил сначала в гимназию, но по нездоровью должен был выйти из 6-го класса. Он поселился в деревне, намереваясь, кажется, прожить свою жизнь так же, как его батюшка. Иван Александрович был удивительно чувствительный и тихий субъект. Он как-то насмешил раз все общество барышень на вечере в Туле и составил себе репутацию идиота. Когда заиграли известный вальс «Невозвратное», Иван Александрович внезапно заплакал и, не простившись ни с кем, уехал с вечера.

Любимым его занятием была охота. Он уходил с ружьем далеко в луга, ложился где-нибудь там на траве, и глядел в небо, раздумывал... Бог знает о чем он раздумывал... Его невозможно было понять.

Вот к нему-то и приехал Виктор. Он застал семейство за кофеем. При входе его, Александр Григорьевич встал и спросил: с кем имеет он честь видеться? Иван Александрович поспешил представить Виктора Ивановича и старик радушно начал спрашивать его выпить кофейку...

— Дуняшка,⁵⁵ доложи барыне, что гость к нам пожаловал и проси ее сюда, — закричал он и обратился к Виктору с обычным вопросом — давно ли он прибыл из Петербурга. Потом стал расспрашивать, какие изобретены новые машины, какие сделаны открытия и т.д.

Старик очень интересовался этим, и Виктор удовлетворил его.

— Он ужасно будет доволен вами, — говорил ему про отца Ив<ан> А<лександрович>, — если вы побольше порасскажете.

Скоро пришла и барыня, женщина толстая и больная. Она тоже улыбулась очень добродушно и стала спрашивать, есть ли у Виктора папаша, мамаша? и т.д.

⁵³ Было: жизнь.

⁵⁴ Далее было: на вид

⁵⁵ Далее было: закричал он

Ю.А. Бунин.
Полтава, начало 1890-х гг.
(ОГЛМТ)

После чая Виктор отвел в сторону Ив<ана> Ал<ександровича> и рассказал ему, в чем дело.

— Будьте добры, — говорил Агапов, — а то совершенно некого позвать; иначе я вас бы не побеспокоил.

Иван Александрович согласился⁵⁶ и поехал с Виктором в «Родники».

При прощании старики просили Агапова не забывать их «палестин» и пожаловать на именины «Вани».

XI.

А между тем, Алфеев тоже уехал⁵⁷ будто бы за секундантом⁵⁸. Он просил Николая Петровича, но тот отвечал:

— Извините, я в подобных комикодрамах не имею обыкновения участвовать, не желаю. Дуэли — пошлость-с, — и, круто повернувшись, пошел в мезонин.

Валерий Александрович, конечно, знал это. Он и просил Николая Петровича для вида только.

— Мне надо⁵⁹ ехать за секундантом, — говорил он Саше, — Николай Петрович отказался.

И Алфеев действительно уехал, но только не за секундантом; он отправился на полустанок и там дал следующую телеграмму в Тулу к своему другу:

Тихон Сергеевич!

Дай мне завтра в 8 часов такую телеграмму: «В.А. Приезжай немедленно — мать твоя умирает».

Алфеев.

Устроив это, Валерий Александрович возвратился в «Родники».

Виктор Иванович всю ночь не спал. Он хотел было написать прощальное письмо Саше; начал было уже писать, но потом с сердцем изорвал⁶⁰ и под утро заснул глубоким сном.

Высоко уже стояло солнце, когда разбудил его Ив<ан> Александрович:

— Что? Проспал? — с испугом спросил Агапов, вскакивая с постели.

⁵⁶ В автографе: совершился (описка)

⁵⁷ Далее было: на полустанок

⁵⁸ Далее было: в Т.

⁵⁹ Далее было: сказать

⁶⁰ Далее было: бумажку

— Нет, успокойтесь, — улыбаясь, возразил Лебединцев, — теперь еще ½ девятого.

— От Алфеева секундант не приезжал?

— Нет, придется мне послать письмо к нему: кто его секундант?

— Я, право, тоже не знаю, — сказал Агапов. — Вы лучше поезжайте туда сами и спросите Валерия.

— Но ведь я же не знаком, — возразил Лебединцев.

— Помилуйте! На что тут знакомство; это так официально!..

Иван Александрович согласился и после чая отправился к Брянцеву. Лакей провел его прямо к Алфееву, в его комнату. У него сидела Александра, и они о чем-то разговаривали. Лебединцев представился. Саша вышла.

— Сядьте⁶¹, пожалуйста, — попросил Алфеев, — дело наше, кажется, к сожалению, теперь не состоится!

— Что же это значит? — удивился Ив<ан> Ал<ександрович>, — вы мириться хотите?

— О! Нет! — презрительно усмехнулся Алфеев. — Мириться я никак не могу; я свое оскорбление смываю только кровью... только кровью... Но теперь, в настоящее время страшное несчастье, меня посетившее, заставляет меня забыть на время все, все оскорбления...

Валерий Александрович остановился и вынул телеграмму.

— Вот читайте, — подал он ее Лебединцеву. Лебединцев посмотрел:

«В.А.

Приезжай немедленно в “Кресты” — мать твоя при смерти» — стояло в телеграмме.

— Ну что вы думаете теперь, — спросил, горько улыбаясь, Валерий, — могу ли я терять время?

— Конечно, нет, — возразил горячо Лебединцев, — нравственный долг выше всего. Я вполне согласен, что вы теперь не можете располагать временем. Следовательно, дуэль не состоится, — спросил он, берясь за шляпу.

— Нет, к сожалению! Я готов пожертвовать своей честью, лишь бы застать в живых мать, — возразил Алфеев.

Лебединцев поклонился и вышел. У крыльца он увидел уже запряженных лошадей, и человек выносил чемодан Валерия.

ХII.

Таким образом, дуэль не состоялась. Валерий ловко умел увернуться от нее и уехать на время из «Родников». Никто, конечно, про его проделку не узнал, и Виктор остался только буяном в глазах всех. Саша же⁶² была страшно рада, что Алфеев избавился опасности. Но при этом она считала себя⁶³ вино<ва>тою против Виктора Ивановича и потому при первой встрече постаралась сделать так, чтобы Виктор опять начал <ездить> к ним и извинил бы ее.

Встретились они на лугу на третий день⁶⁴ после того, как уехал Алфеев. Виктор гулял

⁶¹ Было: Очень

⁶² Далее было: конечно,

⁶³ себя вписано

⁶⁴ день вписано

над рекою, когда увидел Александру. Она ехала от своей подруги на боковом седле. Увидав Агапова, она уснула кучера, который сопровождал ее домой, вперед, и поехала на луг.

— Здравствуйте, Виктор Иванович, — проговорила она дружеским тоном.

Виктор Иванович обрадовался несказанно. Взволнованный он подал ей руку.

— Что это вы? Гуляли? — продолжала Александра.

— Гулял, — ответил Агапов, неестественно и ни к чему улыбаясь.

— А что же не стыдно Вам у нас-то не побывать, — упрекнула Саша.

Виктор Иванович не знал, что ответить.

— Вы, может, заняты были? — продолжала она.

— Нет, — возразил Агапов, — я был свободен, но бывать мне у вас очень неловко после того, как я наскандальничал... пошло так наскандальничал...

— Послушайте, — перебила Саша, — я понимаю, вы были обижены, вы подумали, что я смеялась над вами... что мы с Валерием Александровичем смеялись... не правда ли?

— Это правда, — опустив голову, согласился⁶⁵ Агапов, — и правда то, что вы смеялись.

— Смеялась — это так... но не насмеялась; не насмеялась, а смеялась по глупости своей... Вы за это меня извините...

Она протянула Агапову руку, сняв перчатку.

— Помилуйте, — смущенно возразил ей Агапов, — я виноват.

Он схватил протянутую руку и крепко сжал ее.

— Мы помирились? — с ласковой улыбкой говорила Саша. — Надеюсь, что вы не будете на меня сердиться и придете к нам?

— А Василий Матвеевич и Николай Петрович?!..

— Молчите, — перебила Саша с шутивою строгостью, — вы завтра же придете к нам.

Она протянула опять ему руку; Виктор Иванович с секунду медлил, держал ее, потом наклонился и крепко поцеловал.

Саша ударила его легонько перчаткой по голове, вскочила на лошадь и поехала рысью.

Радостный и веселый возвращался Виктор Иванович домой.

— Кто знает? Может она меня не оттолкнет, может полюбит, — мечтал он счастливый, засыпая.

XIII.

После отъезда Алфеева Виктор Иванович провел несколько счастливых недель. Он тесно подружился с Сашей и горячо любил ее; с ней-то ему и было отраднее. Жизнь его приняла какой-то идиллический характер. Он часто, почти каждый день виделся с Сашей, с дорогим для него человеком. Они были почти постоянно вдвоем и находились будто на каком-то необитаемом острове, будто в пространстве. Супруга Василия Матвеевича уехала в Тулу лечиться, сам Вас<илий> Матв<еевич> был погружен в хозяйство и сквозь пальцы смотрел на посещения Агапова. А Виктор Ив<анович> уезжал с Сашей кататься в поле, ходил в лес, гулял светлыми вечерами, когда воздух, как хрустальный стоял над рекою, облитый вечерним светом, отблеском солнца, которое тихо погружалось за дальними нивами в огнистое море заката; а когда уходило солнце, поднимался пар от воды и туман расплывался по прибрежному лугу меж стволов лозин; резкий скрип коро-

⁶⁵ Было: ответил

стели раздавался слышнее в тихом воздухе; из темной лазури выплывали одна за другою звезды, становясь час от часу ярче и ярче; слышнее раздавался шепот реки у мельницы; смолкало село, утихали птицы и летняя ночь расстилала свои темные, чутко вздрагивающие крылья над небом и землею.

В такие часы сильнее билось сердце Виктора Ивановича; быстрее кровь пробегала по жилам и душа, полная любовью, рвалась к Александре. А когда она играла на фортепиано, когда ее пальцы, бегая по клавишам, извлекали музыкальные звуки, он трепетал весь, желал сжать до боли в горячих объятиях своего дорогого человека и безмолвно брал ее руку и прижимал к губам. Саша не отрывала руки; ей нравилось, что Агапов горячо любит ее; ей нравились эти вечера, безмолвные и таинственные, зал, наполненный тенями, — обстановка, при которой каждое впечатление ложится тверже и глубже на душу. Образ Алфеева потемнел, затуманился в душе Александры; она увлеклась красивым поэтом, хотя и сознавала, что принадлежит Валерию. Агапов ей нравился, мил был ей. Ей хотелось любить, потому что ей был 18-й год. И потому она с радостью оставалась наедине с Виктором⁶⁶. А меж тем, Агапов сомневался и мучился: верно ли, что любит она его или только так забавляется? Это сомнение отравляло его радости. Когда заходил разговор о Валерии, сердце его сжималось болью. Он боялся, что вот-вот придет ненавистный человек и разрушит его счастье.

XIV.

Поздно вечером однажды, т.е. часа два спустя после заката, Агапов, возвращаясь с охоты, проезжал мимо брянцевской усадьбы. Ночь настала тихая и влажная. Туман затоплял всю луговую часть села, лозинник, избы и, наполненный матовым светом месяца, неподвижно стоял над землею.

Поворотив к ограде сада, мимо которого надо было проезжать, Агапов услышал доносившуюся неизвестно откуда песню. Он натянул поводья, поехал тише, потом совсем остановился. Где-то, как будто сзади его, чистые, звонкие голоса фортепиано пели тихо и страстно. Звуки долетают до слуха не скоро, но все слышно явственно.

А-ах! из рощи, рощи темной
Песнь любви несется.

Поет чей-то сильный контральто с аккомпанементом музыки:

Песня неги, песня страсти
Раздается...

Напев оборвался, ясно слышались музыкальные фортепианные аккорды. Они словно росли, тихо сначала, грустно, потом слышнее и громче, опять затихли, и — снова:

Песня неги, песня страсти
Раздается.

Чудно хороша и поэтична кажется эта песня. Негой и блаженной грустью наполняет она душу. Каждая нота долго стояла в воздухе, потом словно дым, мягко сливалась с ним и замирала, пропадала в белом тумане, наполняющем сад.

---

⁶⁶ *Далее было:* и он обвивал стан ее руками и целовал ее руки. Агапов, конечно, говорил ей много раз, что он любит ее больше всего в мире, но никогда не спрашивал решительно, любит ли его Саша.

Как дрогнуло сердце Агапова, когда замолкли голоса фортепиано и снова контральто запел. Представилась, нарисовалась в его воображении темная с просветами роща, тихая ночь; и будто правда из этой темной рощи песня призывает его любить и щемит ему сердце. «Это Саша, Александра поет, — мелькнуло в его голове, — только как же это? Где-то сзади слышатся звуки?! Он обернулся и полунаклонил голову...

Та же ночь и те же песни,
Тот же месяц нам светит,
Но по-прежнему на песни
Она больше не ответит!..

Грусть, сожаление о невозвратном прошлом послышались в последних словах; «не придет, говорит песня, не придет она в эту тихую ночь на свидание», прошло счастливое время, «не течет река обратно», а...

А из рощи, рощи темной
Песнь любви несется.

Агапов дернул за поводья. Лошадь откинула быстро назад голову, рванулась вперед, немного в сторону и пошла крупной рысью вдоль ограды сада.

Месяц стал тихо уходить в тучу, стоявшую длинной полосой на горизонте.

XV.

На дворе Агапов соскочил с лошади и пошел прямо в дом. В прихожей было темно; он прошел через полуосвещенный зал и остановился на пороге в гостиной. Александра, Ив<ан> Ал<ександрович> и Софья Владимировна, — все были у фортепиано. Александра, стоя, перебрасывала плотные листы в толстой нотной⁶⁷ тетради, очевидно ища что-то. Лебединцев в полголоса разговаривал с хозяйкой. Увидав Агапова, она обернулась.

— Ach, monsieur Agaroff! — воскликнула она, по «привычке», как сама говорила про свои французские фразы, вклеиваемые в разговор, — Саша, monsieur Agaroff приехал, — тронула она за плечо девушку. — Какой легкий на помине, — добавила она, подавая ему руку.

— А вы меня разве поминали, — улыбался в ответ Агапов, выдаясь и с Сашей. Та не взглянула на него и отвернулась к фортепиано. Дивно-прелестною и милой показалась она ему в этот миг. Она была в сером простом платье, с распущенными вьющимися волосами, падающими на белый платочек на шее, грациозная, стройная и почему-то бледная. Поздоровавшись, она вышла. Агапов сел около Софьи Владимировны.

— А мы вас ждали, В<иктор> Ив<анович>, — заговорила та, — и посылали за вами, но вы в поле, наверно, были?

— Да, — ответил Агапов, — но не по хозяйству, а на охоте и при том вполне на неудачной.

— Добычи и трофеев никаких? — улыбнулась Софья Владимировна.

— Никакой! Извините уж, что я в таком костюме.

— Помилуйте! — Соф<ья> Вл<адимировна> даже глаза закатила. — Мы вам так рады!

— Я, видите ли, — пояснил Агапов, — прямо заехал, потому что хотел послушать Александру Васильев<ну>. Я слышал, проезжая мимо вашего сада, ее голос.

— Вы слышали? В самом деле, какой у нее сильный контральто!

— Да и ночь тихая, — добавил Лебединцев⁶⁸.

⁶⁷ Было: длинной

⁶⁸ Вместо: Добавил Лебединцев — было: добавил Агапов.

— Ночь отличная, — согласился и Лебединцев, — вот поэтому-то мы и играли тут серенады.

— Скучно, знаете, стало, — заговорила С<офья> Вл<адимировна>. — Василий Матвеевич уехал.

— Куда? — осведомился Виктор Ив<анович>.

— На вокзал; у него там, знаете, есть дело до начальника станции и при том он привезет с собой Лизу... Вы ее не знаете, В<иктор> Ив<анович> — она подруга Саша, учились они вместе... Да где же это Саша?

Александра скоро вошла и попросила всех закусить. За закуской шел оживленный разговор о том, о сем... Соф<ья> Влад<имировна> выпила даже рюмку мадеры, от которой у нее разболелась голова. Лебединцев уехал. Агапов тоже начал прощаться.

— Погодите, не уезжайте, — сказала ему Саша, — посидите немного. Агапов согласился.

— Только, — прибавила Александра, — пойдемте отсюда. Смотрите — мама задремала.

С<офья> Вл<адимировна>, действительно, задремала в кресле. Александра и Агапов вышли на цыпочках в гостиную.

XVI.

Агапов, как вошел в гостиную, сел прямо на диван и, не зная, что начать, вытащил папиросы. Саша подошла и опустилась возле него на стул.

— Что же мы делать будем? — начала она с улыбкой, не смотря на него и вглядываясь в окно куда-то в сумерки ночи.

Агапов тоже улыбнулся и затянулся дымом папиросы до кашля. Сердце у него билось сильно и редко. Он промолчал, потом сказал единственно для того, чтобы нарушить молчание:

— Нынче к вам, Ал<ександра> В<асильевна>, подруга, кажется, придет? Софья Влад<имировна> мне сказывала, — добавил он пояснительно.

— Да, придет.

Саша обернулась к нему.

— Я вам непременно ее представлю.

— А как ее звать, — полюбопытствовал опять Агапов, не зная, как повести разговор на другую тему.

— Лизой Макаровой⁶⁹. Мы с нею вместе учились. Да вот она наверно скоро придет с папою.

— Так, — согласился почему-то Агапов и встал.

Оба замолчали.

— Послушайте, — заговорила опять Саша, — хотите я вам письмо покажу?

— Какое? — спросил Агапов и подумал: «Наверно, от брата миленького», а потом вслух добавил:

— Покажите.

Саша встала и вышла, проговорив: «Сейчас».

Агапов начал нервно ходить по комнате. Руки у него были холодные, а кровь быстро и упруго пробегала по жилам.

⁶⁹ Было: Богаут

«Нет, решил он, скажу всё», выпил стакан воды и остановился у фортепиано. Александра вошла, села на диван и вынула письмо из большого изящного конверта. Агапов боком поместился около нее на краю дивана, глядя ей на руки.

— Это от Валерия Александровича, — сказала Саша, развертывая и протягивая ему лист почтовой бумаги.

— От Алфеева? — машинально переспросил Агапов, словно удивившись такому замечанию ее.

— Да.

— Ну так не надо... Не надо мне его читать! — решительно ответил он, отодвигаясь. Саша бросила на него косвенный взгляд и спросила:

— Отчего?

— Так... незачем. Вы мне лучше расскажите, что он пишет.

Саша свернула письмо и опустила левую руку на диван. Пальцы ее коснулись руки Агапова. Он вздрогнул, словно от прикосновения к электрическому току.

— Он пишет, что скоро приедет, — заговорила⁷⁰ вполголоса она.

— Довольно, — перебил опять Агапов и вдруг прибавил, взглянув ей в лицо:

— Пожалейте меня!

Саша взглянула в свою очередь на него и чуть не выронила письмо из рук.

— Что вы? — спросила она вдруг нежно, беря его за руку. У Агапова кровь зашумела в голове, он отодвинулся еще дальше и схватился за нее.

— О, для чего я полюбил вас! — выкликнул он... Ему показалось, что сердце у него перестало биться...

— Почему вы так говорите, — тихо спросила Саша, опуская голову и краснея.

— Почему?! — Агапов горько усмехнулся. — Вы знаете, Саша, почему, — заговорил он. — Вы любите другого, и вы знаете, как я вас люблю.

— Так что же, — еще тише проговорила Саша, и руки ее дрогнули, — я знаю, я давно знала, что вы любите, и ценю это.

— Милая, дорогая! — выкликнул В<иктор> Ив<анович>, — если бы вы знали только!.. О, полюбите меня, — говорил он, глядя ей в глаза⁷¹.

Он схватил правую руку Александры, лежащую на коленях, и прижал к своим губам крепко, до боли...

Что это? Агапов услышал горячее дыхание и легкое прикосновение губ к своей щеке...

.....

XVII.

До поздней ночи разговаривала с Сашей ее подруга, лежа в ее комнате. Она сняла свои белые для близоруких очки с толстыми стеклами, которые всегда носила, потягивалась в постели и беспрестанно спрашивала:

— Саша! Сашенька! Спишь?

— Да что ты, Лиза! — воскликнула со смехом Саша, — и не думаю я спать.

— Так пойдем гулять, — грустно умоляла Лиза. — Пойдем.

⁷⁰ Далее было: Саша

⁷¹ Далее было: В эту тихую ночь я отдам всю жизнь тебе! Поверь мне!..

— Боюсь, — шепотом отвечала Саша.

— Чего?

— Полночь. Видения ходят, — опять шепотом,⁷² уткнувшись в подушку, говорила она.

— Нет, милая, хорошо теперь гулять. Помнишь, как мы гуляли с Гикой в саду-то городском?

— Нет.

— Как нет, — удивлялась Лиза. — Да, впрочем, с тобой теперь нечего разговаривать: ты ведь влюблена, кажется, а влюбленные скрытны.

Саша молчала. Лиза поднялась на кровати.

— Так ты вот как, — заговорила она полусуто, полусерьезно, — вот как обрадовалась подружке! Даже на вопросы отвечать не хочешь.

Она посидела, легла опять и заговорила:

— Нет, Саша, расскажи, в самом деле, как твои дела. Помнишь, ты мне писала про како-го-то Арапова.

— Агапова, — поправила Саша, — помню... Только вот что, Лиза, пойдем вправду гулять; там и поговорим.

— Ну вот, миленькая, ну вот, славная! — вскочила Лиза и стала при лунном свете натягивать чулки.

— Идем, — сказала она через несколько минут и подружки тихо, сдерживая смех, вышли в сад.

«Какие они дети еще!», подумал бы всякий, взглянув на них в эту пору.

Месяц высоко. Тучек уже нету и хорошо можно рассмотреть Лизу. Она маленькая ростом; у ней правильный нос, совсем почти белые волосы, стриженные под польку, и мечтательное выражение лица.

Саша увела подружку в беседку середь сада, и они сели. Лиза начинает расспрашивать.

Месяц светит и кладет узорчатые тени. Порою в тишине свистнет птичка и замолчит в кустах над прудом, подернутым светлым глазом. Из села слышен редкий, протяжный, «ночной» лай собаки да шум водяной мельницы. Кто-то проехал верхом мимо садовой ограды. Подкова у лошади, видно, почти оторвана, потому что звонко щелкает, ударяя об тугую, как камень, сухую дорогу.

— А я бы на твоём месте, — шепчет Лиза подружке, — ни за что не променяла бы Виктора на Алфеева.

— Да, впрочем, скажи мне откровенно, проверивши себя, любишь ли ты его. Должно быть, любишь, если говоришь, что нонче...

— Молчи, — перебивает Саша, — мне совестно.

— Кого? Меня-то!.. Ну это значит, что ты не любишь его. Ведь правда?

Е. А. Бунин.
Москва, 1900-е гг.
(ОГИМТ)

⁷² Далее было: смесь и

— Не знаю, — со сдержанным смехом отвечает Саша.

— Противная! — слышится в ответ на это.

— Господи, счастливица же ты, Сашенька, — завистливо продолжает потом Лиза. — Как бы я, напр., любила такого человека на твоём месте. А то мне и полюбить-то некого: все вокруг такие заурядные люди... А ему бы я назначала свидания вот в такие ночи, и в тихих беседках как бы мы проводили их!

— Он поэт к тому же, — добавляет Лиза, — а какие поэты хорошие люди, впрочем, я еще ни одного не знаю; но они, должно быть, все-таки хорошие люди, незаурядные, не холодные какие-нибудь. Ведь правда, Саша? Помнишь, я у тебя нынче видела записанное стихотворение:

Теплой ночи звездный блеск

— Нет, не помню, — опять смеясь, отвечает Саша.

— Как не помнишь? Хочешь, скажу? Я два раза прочла и то запомнила.

И Лиза начинает⁷³:

Теплой ночи звездный блеск,
Свет костра во тьме руины,
Под лагуной сонный плеск,
Тихо плачут мандолины...

— Но это еще не так хорошо, — останавливаясь, говорит она, вот слушай:

С нежных струн едва струясь,
Звуки падают, как слезы;
К старой башне прислонясь,
Их заслушалися розы.

Она даже встает и смотрит, взволнованная, на далекий край неба.

— Не влюблена ли ты уж в него и взаправду? — спрашивала Саша.

— А что ты думаешь? — оживленно переспрашивает Лиза. — Если бы он спросил теперь: люблю ли я его, я бы вместо ответа начала бы целовать его долго и страстно.

— И это бы были лживые поцелуи, — возразила Саша. — Я уж знаю... Да и не отдам тебе его, — добавляет она весело, — я сама его люблю!!!

Месяц поднимается выше. Далеко где-то колокольные часы бьют протяжно три раза.

— Пойдем спать, — говорит Лиза. — Надо скорее уснуть, чтобы увидеть твоего... нет, впрочем, моего Виктора.

— Пойдем.

И подружки, как привидения, пошли одна за другою в дом по освещенным дорожкам.

— Свежеет. Утро скоро, — говорила Саша, затворив окно и сладко засыпая.

Но долго не спала Лиза.

XVIII.

На другой день после этого часа в два дня Алфеев въезжал в «Родники» и встретился с Агаповым. Тот шел откуда-то с тростью в руке, в круглой соломенной шляпе и в новой паре из пикé. Увидав Алфеева, он остановился. Намерение пойти к Брянцевым сразу оставило его. И Алфеев поспешно вынул из глаза монокль, нагнулся к передку пролетки

⁷³ Далее было: говорить

и стал переключать саквояж. Однако же косвенным взглядом оглянул Агапова и потом долго усмехался, въезжая уже на двор к Брянцеву и думал, протирая монокль носовым платком:

— Противники встретились!

— Приехал, — как-то машинально повторил смущенный и Агапов, шагая задумчиво по выгону.

— Да, впрочем, мне-то что до того, что он приехал, — ободрял он сам себя, желая быть равнодушным, как будто бы ему было все равно, что приехал Алфеев, что не приехал.

— А ходить туда пока мне и незачем, — решил он уже в сенцах.

Однако все-таки сердце его защемило. В своем кабинете он нашел на столе письмо из Петербурга. Оно было от одного его знакомого офицера Стеньковича. Агапов взорвал и быстро начал читать; из P.S. к этому письму он узнал, что Озаренкова вышла замуж за какого-то подпоручика Болгота и уехала с ним в Крым.⁷⁴ Потом Стенькович извещал, что Виктор Иванович, если скоро приедет в Петербург, может получить там одно очень хорошее и доходное местечко. Дальше шла товарищеская болтовня. Агапов положил письмо и задумался...

Он не пошел дня два к Брянцевым и сидел все в доме и в риге, где молотили. Но на третий день пошел искупался в купальне перед вечером и встретил Лизу и Сашу. Они гуляли по берегу реки. В<иктор> Ив<анович> издали поклонился и хотел пройти. Но его подозвали. Лиза посмотрела внимательно и серьезно на него сквозь свои толстые стекла.

— Куда отправлялись, — спросила Саша.

— Домой.

— Пойдемте-ка к нам. Вон и папа, — она обернулась к своей усадьбе и Агапов обернулся. Около ворот на горе действительно стоял Брянцев с Алфеевым. Видно было, как они курили, и дым сизыми струйками ползал около них в воздухе. Агапову показалось, что Саша показала ему в пику на Алфеева.

— Мне, pardon, некогда, — ответил он. Он стащил перчатки и положил их в карман.

Лиза толкнула Александру.

— Ах, извините, В<иктор> Ив<анович>, — быстро сказала та, — позвольте вам представить: Лизавета Федоровна Макарова.

Познакомились. Саша пригласила ехать завтра в гости вместе, но В<иктор> Ив<анович> отказался и ушел.

XIX.

И целый день В<иктор> Ив<анович> просидел у себя в кабинете. Ревность его мучила. Сердце ныло и тосковало. И как нарочно день был пасмурный. Думалось, что вот-вот пойдет дождь.

Агапов видел, как по другой стороне реки проехала куда-то Саша, Макарова и Алфеев. В<иктор> Ив<анович> бегом бросился к окну, долго следил за ними глазами, долго

---

⁷⁴ Далее было: Дальше шла товарищеская болтовня.

стоял у окна⁷⁵. Пошел дождь и застучал в стекла. Медленно, как слезы сползали капли по ним. Будь В<иктор> Ив<анович> мальчиком, он, наверное, заплакал надолго и неутешно; но плакать он не мог. Он лег на кровать и начал раздумывать и передумывать прошлое... медленно и тоскливо...

И он пришел к тому заключению, что прожитое им лето в «Родниках» ровно ничего не принесло ему хорошего... Напротив, в результате одно скверное. На душе прошлое оставило тоску, вялость какую-то и безнадежность... Самые неприятные⁷⁶ чувства. Саша его не любит. Это верно. Было одно увлечение. Ее поцелуй еще ничего не доказывает.

— Надо уезжать отсюда... надо. Благо еще место предлагают. Надо начать трезвую жизнь, надо трудиться, а если полюбить — то прежде надо рассмотреть человека. Сойдемся ли мы?

Так думал В<иктор> Ив<анович> и решил обедать.

Вечером приехал Лебединцев. Он был в черной паре, с прилизанными своими белыми волосами.

— Откуда вы? — спросил его Агапов, почти не сомневаясь, что тот от Брянцева. Он был почти уверен, что и Ив<ан> Ал<ександрович> вздыхал тайно по Саше.

Лебединцев так и ответил:

— Мы сначала все вместе, — говорил он, — были у... (он назвал фамилию одного соседа помещика), а потом я заехал к Вас<илию> Матв<еевичу> и, просидев там несколько часов, завернул уже к вам, Виктор Иванович, — добавил он с улыбкой.

— Ну, а скажите, пожалуйста, приехал Алфеев?

— Алфеев? — Приехал, приехал еще вчера.

— Да, это правда, я знаю, — задумчиво повторил Агапов, а потом продолжил:

— Я, собственно, хотел спросить, что же он, как насчет дуэли-то думает. Будем мы драться или нет, а если будем, то когда же? Не говорил он вам ничего?

— Представьте себе и не вспомнил... да и вообще про вас и разговор не начинался.

Агапова такой ответ внутренне покоробил. Он подумал спросить: «Ну, а что Саша? Она что? Тоже ничего про меня не говорила?», однако посовестился и сейчас ему пришло в голову, что и спрашивать не стоит: «все равно не вспоминала». Своим трехдневным непосещением он думал заставить Сашу помучиться, поскучать, доказать свою истинную любовь... а тут вдруг.

— Если бы я был ей нужен, — думал он, — она бы искала случая заговорить про меня... ну хоть с Лебединцевым... велела бы, может, передать что-нибудь вроде поклона, а то — ничего!.. И ему стало очень досадно. Он пошагал по комнате и велел подавать⁷⁷ закусь; потчевал очень усердно Лебединцева, не забывая и себя. «Грустную думу залью я веселым вином», мелькнули у него в голове слова старинного романа.

Он навел разговор на другие темы, заговорил о хозяйстве, о том, о сем, как говорится. И оба пили.

⁷⁵ Было: стекла

⁷⁶ Вместо: Самые неприятные — было: Скверного много

⁷⁷ Было: подумать

— Что же вы думаете, что Алфеев так и не станет стреляться? — спросил Агапов опять потом, уже немного подвыпивши.

Ив<ан> Ал<ександрович> под хмельком в гостях обыкновенно краснел ужасно и начинал конфузиться. Ему представлялось тогда, что все смотрят насмешливо на его покрасневшее лицо, ловят и подмечают все его слова, едко улыбаясь над неудачными.

Поэтому он и теперь только и сказал в ответ:

— Не знаю, право, — и замолчал.

— А с удовольствием бы я ему пулю в лоб пустил, — сказал Виктор, воображая, что он грозен в этот момент. — Трус, фат он... Жаль Алек<сандру> Вас<ильевну>.

Замолчал, налил пива и снова проговорил:

— А мне, впрочем, дела нет... Мне все равно. Сама виновата, глубоко виновата.

— Нет, она девушка красивая, — сказал на это Ив<ан> Ал<ександрович>, и потом уж прибавил, — и хорошая.

Агапов посмотрел на него и проворчал⁷⁸:

— Да, красивая, хорошая, но...

Он умолк и стал глядеть в окно. Лебединцев скоро уехал. Агапов после него долго не спал. Он почувствовал под влиянием вина⁷⁹ наплыв грустных и нежных чувств.

О приди же... Над волнами
Машут лебеди крылами,
Колыхается река...
О приди же! Звезды блещут,
Листья медленно трепещут
И находят облака.

Думал он⁸⁰.

Утомленный душевно и физически он заснул глубоким сном.

XX.

А утром он сидел и писал:

Александра Александровна!⁸¹

Несколько дней тому назад — вы знаете, что произошло между нами... И я, как ребенок, обрадовался такому счастью, я сначала подумал, придавая, может быть, слишком большое значение Вашему поцелую, я подумал, что Вы любите меня. Но потом, когда я обдумал все серьезно, я пришел к иным заключениям и стал уже сомневаться; я пожалел, что не спросил Вас, *действительно ли* Вы любите меня и можете ли Вы подтвердить это, проверивши свои чувства, подумав над ними, заглянув поглубже себе в душу...

В настоящем письме я и ставлю этот вопрос. Ответьте мне письменно или, того лучше, назначьте, где я могу Вас видеть? Не примите за оскорбление того, что я сказал относительно Вашего поцелуя, который, может быть, не выражал Вашей истинной любви.

⁷⁸ Было: сказал

⁷⁹ под влиянием вина *вписано*

⁸⁰ Далее было: в вино чаду, сидя у окна.

⁸¹ Вместо: Александра Александровна! — было: Александра Васильевна!

Сказав это, я не хотел уколоть Вашу нравственность. Я знаю, и Вы наверно поймете это, что часто человек может увлечься и что минуты увлечения могут довести иногда до большого. Под влиянием известной обстановки, наедине с молодым человеком, вы, молодые девушки, может быть, и почувствовали что-то вроде любви, но не любовь: любовь истинная заключается не в этом...

Много приводят меня в смущение и Ваши прежние отношения между Вами... и... Вы знаете кем.

Еще раз прошу Вас рассеять мои сомнения. Если то было увлечение — то нам придется покончить все; если нет — я век буду благословлять судьбу свою.

Агапов.

И отправив такое письмо, он стал ожидать ответа...

Но день прошел, а ответа не последовало. Только Петрушка, принеши самовар, заговорил с ним «о брянцевской барышне». Сев около двери на табурет, он долго смотрел на барина. Тот с нахмуренным лицом пил чай и наконец, спросил:

— Петрушка?

— Чего изволите-с? — ответил скороговоркой Петрушка.

— Не приходило мне ни от кого письмо?

— Письмо-с? Нет. — Петрушка мотнул головой с левой стороны на правую и опять добавил, — нет.

Барин посмотрел на него.

— Да ты, может, не знаешь?

— Господи, помилуй! Да кому ж окромя меня эти дела знать?.. Правильно⁸², что письма не приходило.

— Какие «эти дела»?

— Да, что насчет писем то есть.

— А-а... — Агапов помолчал.

— А ты знаешь, откуда я письмо думаю получить? — сказал он опять Петрушке.

— Знаю-с.

— Почему? Откуда ты узнал?

— Да потому, что, вероятно, вы ответ желаете получить; а письмо свое недавно вы послали Василию Матвеевичу... ну и значит оттуда и ответ должен притить.

Петрушка поглядел на барина и в его глазах ясно было заметно довольство: «что, мол, узнал ведь?..»

Он выпросил папироску у В<иктора> Ив<ановича>, закурил и опять начал:

— А ведь нам на свадьбе должно скоро гулять...

В<иктор> Ив<анович> быстро перевернулся к нему лицом.

— Что? На какой свадьбе? — изумился он. — Про какую ты это свадьбу?

— Да нет⁸³, я так... пошутил, — засмеялся Петрушка, — про свадьбу это я так... к слову, потому у господ Брянцевых помолвка вот-вот...

В<иктор> Ив<анович> при этих словах дыхание затаил даже.

— Что ты брат? Про что ты мелешь? Какая помолвка?

— У Брянцева, — с невозмутимым спокойствием разъяснил Петрушка, — у барышни, значит, с тем... как его... у нас-то был, когда с вами приехал из Петербурга⁸⁴.

⁸² Было: Верно

⁸³ нет вписано

⁸⁴ Далее было: — Кто сказывал? Откуда же это узнал? — желая казаться равнодушным

Агапов⁸⁵ взбил себе волосы и обжегся окурком.

— Да кто тебе сказывал, — начал он, желая <быть> как можно больше равнодушным, — откуда эти новости?

— Кучер ихний сказывал мне утром нынче: лошадей поить приходил, ну а я там, на реке ноги мыл. Увидал меня и говорит: «А что вы, Петр Прокофьевич знаете? Ведь гуляем!» — «Как, сказал я ему, гуляем? Это вы шутите, может?» — «Помилуйте, Петр Прокофьевич, — ей-богу, правда: барышня замуж выходит; она Елене сказывала сама, что помолвка вот-вот», он-то мне отвечает. Ну, я поверил, да вот и сказал вам, что гуляем, мол.

— Гуляем, значит, это хорошо... да, это так, — заметил Агапов, выслал Петрушку и бросился вниз лицом на диван.

XXI.

И он провел бессонную и тягостную ночь. С удивительной силой поразил его поступок Александры. Этот поступок убил в нем, хоть и на время, может быть, веру в будущее; этот поступок темной, нехорошей краскою залил всё и заставил его призадуматься над всей жизнью. «Что же я, обманутый тем, кому⁸⁶ так поверил, обманутый при начале жизненной дороги, могу ждать впереди», решал он. На него нашли те минуты полного отчаяния и разочарования, которые так сильны, и заставили его глубоко страдать.

— Есть о чем печалиться, — говорил ему один голос, — пустяки это все, будет время и счастье еще впереди!

— Нет, нечего ожидать лучшего в будущем; хуже может быть, а лучше... доверять нельзя! — говорил другой голос и Агапов слушал его.

Маленьким и мизерным во всех отношениях казался ему Алфеев... и Александра тоже. И это тоже увеличивало горе.

Он вставал, зажигал свечку, силился сам думать:

— Да, что — не стоит внимания обращать. Забыть эту⁸⁷ любовь, да и вся недолга! Начну жить потихоньку, брошу эти увлечения!

Но почувствовать этого он не мог и с тоскою несколько раз сжимал револьвер...

Серое утро настало⁸⁸, и Агапов встал с тупой головою болью; эта бессонная ночь оставила на душе его какой-то неподвижный серый туман и этот туман, тем не менее, не успокоил его.

Он велел заседлать себе лошадь, горячую и почти необъезженную кобылу. Несколько часов он ездил по полям и это освежило его несколько. Теперь на душе его поднялась злоба и горечь.

— Переломлю себя, — категорически заявил он сам себе, — брошу это все, и завтра же меня здесь не будет. Как приеду, везу прямо Петрушке укладывать чемодан...

⁸⁵ Далее было: даже

⁸⁶ Было: в кого

⁸⁷ Далее было: всю

⁸⁸ Было: вползло

И с этой твердой решимостью въехал в село. Проехав по выгону, он очутился у ограды брянцевского сада и пустил лошадь шагом⁸⁹.

А у Брянцева в это время пообедали только. Алфеев, Лиза и Саша вышли на средину сада, на полянку, где под большой ольхою стояла скамеечка и уселись все на ней. Все весело болтали. Алфеев шутил более обыкновенного и Лиза и Саша не переставали смеяться. День настал теплый. Ни малейшего ветерка не было. В воздухе стояли нагретые солнцем пары, которые смутно виднелись⁹⁰ сквозь облака, похожие на вату.

— А-ах, какой день великолепный, — говорил Алфеев. — Но солнце выйдет, и он улучшится на сто процентов. Тогда едем, любезные барышни, кататься!

— Обязательно, обязательно, — согласились и барышни, — какой вы, Валерий Александрович, кавалер отличный.

— Весьма приятна сия похвала, — отозвался Алфеев, усмехаясь, — я готов для вас сделать, что угодно! — Приказывайте.

Он остановился перед Лизой, потом обернулся к Саше. Та сказала:

— Ну, хорошо, услужите же мне службу: сорвите там по две груши... вот на этом дереве, — прибавила она, указывая на ближнюю грушу.

Алфеев спрятал в карман платок и бросился исполнять приказание.

— Да смотрите поспелей, пожелтей каких, — сказала⁹¹ и Лиза.

Но Алфеев не расслышал последних слов, он быстро⁹² остановился и стал глядеть на ограду.⁹³ Полтуловища Агапова и голова лошади показались над ней в это время.

— Господин Агапов, — прошептал, перевернувшись, Алфеев.

И Агапов увидел их всех в это время. Он весь затрясся, осадил лошадь и порывисто дыша, смотрел на Сашу,⁹⁴ выкатив глаза. Потом быстро выхватил револьвер и поднял на воздух. Отшлифованная сталь сверкнула при солнце, барышни взвизгнули⁹⁵.

В это время раздался сухой треск, и потом раскат выстрела. Саша нервно рванулась со скамейки, дико вскрикнула и упала. Всю грудь залила ей кровь. Белыми волнами поплыли перед нею облака, земля завертелась, потом все стемнело... Что-то тяжелое придавило ее к земле... Рот наполнился теплою кровью.

XXII.

Агапов в тот же день был арестован. Алфеев сейчас же⁹⁶ распорядился послать за урядником и становым. Он был схвачен и посажен в холодную избу до составления акта. Потом его увезли в Тулу и там судили...

⁸⁹ *Вместо:* пустил лошадь шагом — *было:* поехал тихо

⁹⁰ *Далее было:* в тумане

⁹¹ *Было:* добавила

⁹² *быстро вписано*

⁹³ *Далее было:* Агапов в это время

⁹⁴ *Далее было:* пристально

⁹⁵ *Было:* вскрикнули

⁹⁶ *Вместо:* сейчас же — *было:* прямо после

Но печальную картину представлял в тот день дом Василия Матвеевича. Он рыдал как ребенок у стола, на котором под полотном виднелось окоченевшее тело Саши. Ни одной кровинки не было в ее мраморном застывшем личике с закрытыми на век глазами. Русые распущенные волосы лежали по подушке. Она скончалась скоро после удара. Едва ее донесли в дом, как уже началась предсмертная агония. Лиза без чувств лежала в другой комнате. А когда пресеклась молодая жизнь, весь дом наполнился плачем; плакал, неутешно плакал Алфеев, стонал Василий Матвеевич, плакала вся прислуга.

Покойницу положили в шелковом голубом платье, распустили русые волосы, покрыли парчю.⁹⁷ Бледно и худо стало прекрасное застывшее личико с грозною⁹⁸ печатью страшного и мучительного конца. Невыносимо тяжело и грустно смотреть во время панихиды⁹⁹...

А Агапов впал в какую-то апатию. Боялись даже за его рассудок. Он не плакал, ничего не ответил на суде на вопросы и спокойно выслушал приговор присяжных: его осудили на 15 лет в каторгу. Бледный и суровый поднялся он и поблагодарил судей.

Что еще сказать? Судьба остальных моих действующих лиц была более счастлива. Лиза, как бедная девушка, принуждена была выйти замуж за полюбившего ее Лебединцева. Она забыла свои юношеские мечты и надежды и отдалась на жизнь тихую и обыкновенную. Брянцев скоро овдовел, и, женившись, опять принялся за хозяйство. А Алфеев, как я слышал недавно, пойманный в какой-то проделке, попался в тюрьму и удавился на брюках.

Только еще, быть может, донине¹⁰⁰ в темноте рудников томится и¹⁰¹ догорает загубленная жизнь бедного молодого человека¹⁰². Не умело его сердце перенести и обойти первого встретившегося несчастья, не вынес он первую горькую обиду¹⁰³. Он не захотел, быть может, переносить и в будущем эти обиды и сразу покончил с собою. И¹⁰⁴ много таких несчастных субъектов, не поборовших аномалий жизни человеческой, много¹⁰⁵ скрыто в темноте рудников и в сырых могилах...

Конец

Иван Алексеевич
Бунин

1887 года

26 марта.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 963 оф.

---

⁹⁷ *Далее было:* А лицо

⁹⁸ *грозною вписано*

⁹⁹ *Вместо:* во время панихиды — *было:* на картину

¹⁰⁰ *Далее было:* с полуобритой головой

¹⁰¹ *томится и вписано*

¹⁰² *Было:* поэта

¹⁰³ *Далее было:* в жизни

¹⁰⁴ *Далее было:* быть может

¹⁰⁵ *Далее было:* несчастных

Grand merci — большое спасибо (фр.)

A-ax! из рощи, рощи темной — неточные цитаты из романа на слова А.В. Круглова «Солнце за лес закатилось...». В тексте: «А из рощи, рощи темной / Песнь любви несется / И с какой-то болью тайной / В сердце отдается. <...> Те же ночи... та же песня... / Тот же месяц светит... / Да по-старому на песню / Сердце не ответит. / Не течет река обратно, / Что прошло — не будет». Романсы на эти слова написали С.И. Танеев (дуэт), И.К. Гунке.

Грустную думу залью я веселым вином — неточная цитата из старинного русского романа «Что ж ты замолк и сидишь одинок...». В тексте: «Стукнем бокал о бокал и запьем / Мрачную думу веселым вином!» (Новый запевало, или Собрание лучших песен и романсов, исполняемых на сценах театров, в клубах и в домашнем кругу. СПб., 1877. С. 15).

О приди же... Над волнами — неточная цитата из стихотворения И.С. Тургенева «Призвание». У Тургенева: «Слышны клики... над водами / Машут лебеди крылами... / Колыхается река... / О, приди же! Звезды блещут, / Листья медленно трепещут — / И находят облака».

Неоконченные рассказы

I. РАССКАЗЫ КРУГА «ТЕМНЫХ АЛЛЕЙ»

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

Понятие «круг “Темных аллея”» появилось не так давно, но практически сразу было принято в буниноведении. Книга «Темные аллеи», последняя крупная форма И.А. Бунина, представляет собой довольно свободное текстовое единство. Несколько раз (вплоть до последних лет жизни) Бунин составлял «программы» сборника, включая в них разные написанные им рассказы. В «Темных аллеях» есть ядро основных рассказов (попавшее во все «программы»), рассказы, более удаленные от ядра (включавшиеся в сборник не всегда) и, наконец, рассказы, находящиеся на периферии темы, попавшие в «программу» лишь однажды. Показательно, например, что рассказ «Апрель» вошел в первое издание сборника (1943), но был исключен при подготовке второго расширенного издания (1946). Если бы Бунину удалось подготовить третье издание «Темных аллея», состав книги снова бы претерпел изменения: по свидетельству В.Н. Буниной, писатель хотел включить в сборник написанные после 1946 г. «Ночлег» и «Весной, в Иудее»; не исключено, что в сборник вошли бы и другие рассказы второй половины 1940-х гг., а может, и более ранние тексты. Таким образом, книга «Темные аллеи», с одной стороны, отражает постоянную динамику бунинского письма (публикация созданного произведения в сознании Бунина никогда не означает завершение текста, само понятие «созданный текст» ему чуждо, текст у него постоянно изменяется, живет и движется — поэтому он одинаково правит и старые произведения, и новые, только что созданные, поверх последнего печатного варианта)¹, с другой — становится осязаемым воплощением современной теории литературы, стирающей границу между текстом и контекстом.

Есть еще четвертая группа текстов, располагающаяся довольно далеко от ядра «Темных аллея», но, тем не менее, явно ощущающая силу притяжения, исходящую от него. Это рассказы, никогда не включавшиеся Буниным непосредственно в сборник, но тематически и стилистически очень близкие ему. Рассказы этой группы, написанные как в период непосредственного формирования

---

¹ Точнее, в авторском сознании Бунина постоянно сталкиваются две тенденции. С одной стороны, писатель стремится создать последний, совершенный текст своего (давнего или недавнего) произведения, максимально улучшив первую или предыдущую редакцию — ведь со времени последней редакции он стал писать лучше. С другой стороны, едва создав последний вариант текста и начертав на нем «Исправлено мною для будущих изданий», Бунин стремится улучшить и его, потому что нет предела совершенству. Эта постоянная неудовлетворенность собой вызывает искреннее восхищение и заставляет вспомнить идею, высказанную футуристами (негативное отношение Бунина к футуристам в данном случае не важно, важно типологическое единство мышления писателей-модернистов): искусство живо до тех пор, пока не сделан последний мазок на картине, пока не поставлена точка в последнем предложении. В некоторых текстах (прежде всего, в «Темных аллеях») Бунин так и не успел поставить точку: состав сборника 1946 года он хотел изменить, в этом нет сомнений, но как именно, с уверенностью сказать нельзя.

сборника (середина 1940-х гг.), так и после него (конец 1940-х гг.), частично были опубликованы самим Буниным, частично публиковались его наследниками (В.Н. Буниной, затем Л.Ф. Зуровым и М.Э. Грин), а также Ю.В. Мальцевым с разрешения М.Э. Грин в эмигрантской периодике. Эту группу рассказов и называют «кругом “Темных аллеи”». Похожим образом поступила немецкая исследовательница Хелла Реезе: настаивая на том, что «Темные аллеи» — это большая форма, цикл, она рассматривает сборник в контексте всех прозаических текстов, написанных Буниным в 1936–1949 гг.² «Круг» может быть очерчен довольно четко: помимо упомянутых рассказов «Апрель», «Ночлег» и «Весной, в Иудее» — это рассказы «Алупка», «В такую ночь», «Крем Леодор», «Легенда», «Памятный бал», «Три рубля», «Un petit accident» (опубликованы при жизни автора); «Ахмат», «Аля», «Au secours!», «Далекий пожар», «Десятого сентября», «Кибитка», «Когда я впервые...», «Крым» (не завершен), «Лита», «Мария Стюарт», «Модест», «Новая шубка», «Письма», «Ривьера» (опубликованы после смерти писателя). Можно поставить вопрос о том, войдут ли в этот «круг» рассказы, далеко ушедшие от основной темы «Темных аллеи», но сохраняющие ее в подтексте: «В Альпах», «Полуденный жар», «Ловчий».

Однако список будет неполным, если не добавить к нему несколько неопубликованных текстов Бунина, хранящихся в РАЛ. Их можно разбить на две группы. Во-первых, это три формально оконченных рассказа («На постоялом дворе», «Дура», «О. Никон»), не опубликованных, вероятнее всего, из опасений, что содержание их будет сочтено крайне неприличным (известно, что и менее откровенные тексты «Темных аллеи» эмигрантское общество тех лет воспринимало едва ли не как порнографию). Для рассказов «Дура» и «О. Никон» через несколько лет после первой была создана вторая редакция, смягчающая изначальную смелость сюжета, но и в этом виде ни сам Бунин, ни его наследники не стали рассказы публиковать. На эти опасения указывает и многослойная правка финала рассказа «На постоялом дворе»: автор ищет слова, которые не слишком шокируют читающую публику (всячески пытается убрать неожиданное в этом контексте слово «жабры», но оно так важно автору, что в окончательной редакции все-таки остается).

Во-вторых, это ряд незаконченных текстов, работа над которыми оборвалась на той или иной стадии. «Сказка о солдате» поначалу кажется завершенным произведением (не случайно под ней Бунин выставляет год написания), но при внимательном чтении становится ясно — это, скорее, концепт, не развившийся в полноценный рассказ сказовой формы (образцом такого рассказа можно назвать «Балладу», во всех «программах» входившую в первую часть «Темных аллеи») или переложение сказки (образцом можно считать более ранний текст «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», 1923). «Иволга» тоже может показаться законченной, поскольку написаны и начало, и финал. Но вся середина текста, без сомнения, отсутствует: что стало причиной трагического разрыва героев, остается неясным. Небольшой набросок «К “Иволге”» (публикуется вслед за основным текстом «Иволги») представляет собой попытку развить один из эпизодов отсутствующей середины. Наконец, рассказы «Лизок», «Раиса», «Замужество», «Княжна Сайтанова» с очевидностью не окончены, а подробно выписанный отрывок «<Натурщица>» не имеет даже авторского заглавия.

Публикация этих текстов сделает «круг “Темных аллеи”» окончательно завершенным. Откровенность их сюжетов должна восприниматься в общем контексте цикла «Темных аллеи» и всего «круга “Темных аллеи”». Публикация незавершенных рассказов, с одной стороны, размыкает «круг», придает ему бунинскую текучесть и свободу, позволяет домысливать сюжетные повороты и обрывы повествования; с другой стороны, приоткрывает перед нами «творческую лабораторию» Бунина, о которой мы почти ничего не знаем, так как писатель никогда не сохранял черновые наброски, отражающие ранние этапы работы над произведением.

Например, по некоторым рукописям мы можем видеть, как создавались рассказы «Темных аллеи» и «круга “Темных аллеи”». Начало работы над рассказом «Раиса» (см. примечания к основно-

² Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielficht: Ivan Bunins narrative Kurzprosa-Verknüpfung. Temnye Allei zwischen Akzeptanz und Ablehnung. Eine Genrestudie. München, 2003.

му тексту рассказа) — это просто список действующих лиц: «Раиса, дочь вдового уездного купца. Подруга по гимназии Лена. Жених молодой купеческий сын Бобров». Во втором предложении к упомянутым персонажам добавляется тетка Раисы — с первыми подробностями внешности и костюма: «...и тетка, уже наряженная в шелковое коричневое платье, лет пятидесяти, костлявая»; возникает действие: «Одели к вечеру». Первое сюжетное движение сразу изменяет функцию одного из персонажей: «горничная, Лена». Второй слой правки первых двух предложений предлагает уже готовый текст зачина, причем имена второстепенных героев меняются на более удачные. Наконец, третьим слоем правки формируется окончательный вариант. Так отражается в рукописи один из первых этапов работы Бунина над рассказом: конспект практически сразу перерастает в полный текст, наполняясь подробностями и деталями. На этом этапе детали нередко торчат наружу — это скрепы текста, канва будущего действия (об автономном значении детали в бунинском тексте писали, так или иначе, все исследователи). Например, «блестящие крупные зубы» героини усилены, подчеркнуты глаголом (мимолетное, но точно подмеченное движение женщины, накладывающей помаду): «на минутку оскалив их». Они создают мотив хищности и одновременно работают на цепочку мотивов, связанных с внешностью Раисы: броской, не красивой, но сексуальной. А рядом с «зубами» еще стоят конспективные фразы, без проработки деталей: «чувствует себя девушкой (хотя уже давно не девушка)». Этот набросок отражает самый первый этап работы над рассказом: выстраивание сюжета.

Таков же и набросок «Княжна Сайтанова». Первое предложение здесь дается писателю почти сразу, однако в дальнейшем и портреты героев («Обведенные губы, татарские глаза, говорит кратко, отрывисто»), и зачины сюжетных линий («На другой день повез ее катать на беговых дрожках...») пунктирно-конспективны.

«Замужество» и «Лизок» представляют следующий этап работы над текстом: это готовое начало рассказа, выдержанное (в отличие от конспекта) в строгом стилистическом единстве. Единство создается центральным приемом. В «Замужестве» — это нередкое в «Темных аллеях»³ и «Круге» повествование от первого лица, приближающее текст к сказовым формам типа «Баллады» и «Сказки о солдате» (функция прямой речи в этих текстах одинакова: она создает провал во времени — повествование ведется о далеком или легендарном прошлом), формирующее бунинский хронотоп воспоминания. «Лизок», напротив, практически целиком построен на диалоге. Этот астрономический диалог кажется совершенно случайным, придуманным, встроеным — поскольку нужно же с девушкой о чем-то говорить. Таков же диалог и в рассказе «Иволга»: он посвящен разнообразиям бабочек. Генезис этого диалога легко прослеживается: в РАЛ сохранился небольшой листочек бумаги, на котором перечислены все те виды бабочек, которые называет своей возлюбленной герой «Иволги»⁴. Это то ли выписка из какого-то специального источника, то ли специальное писательское упражнение Бунина — попытка вспомнить как можно больше слов на определенную тему. Такого рода упражнениями заполнены некоторые записные книжки писателя (см. публикацию записных книжек во второй книге тома). Упражнения почти дословно повторяются в репликах героя.

В этом можно увидеть упрощение или черновую недоработанность бунинского диалога и даже бунинской словесной точности: диалог теряет самостоятельное значение и подменяется пустыми фразами. Но это лишь внешнее впечатление. При внимательном рассмотрении мы понимаем, что перед нами очередной повествовательный эксперимент (на разного рода нарративных экспериментах строятся, так или иначе, все рассказы книги «Темные аллеи»⁵): диалог отрывается от прямых сло-

³ Ср. «В одной знакомой улице», «Начало», «Дубки» и др. Другой вариант этого приема — ведение рассказа от первого лица при помощи обрамления: герои встречаются в условном настоящем, один из них рассказывает историю, относящуюся к далекому прошлому («Гаяля Ганская», «Речной трактор»). Более эффектный вариант обрамления переводит рассказ в сферу воспоминания, полностью разрушая коммуникацию героев в настоящем («Руся»).

⁴ РАЛ. MS 1066/559.

⁵ Подробнее см.: *Пономарев Е.Р.* Интертекст «Темных аллей»: Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 186–203.

весных значений и целиком переходит на уровень психологических подтекстовых интенций. Такие диалоги можно найти и в известных рассказах «круга “Темных аллей”». Например, в «Новой шубке» (авторская датировка — 1944 г., последнюю редакцию рассказа следует датировать примерно концом 1940-х — началом 1950-х гг.) основу повествования составляет диалог влюбленной парочки, читающей ресторанное меню, а за этим диалогом просматривается вся палитра любовных чувств.

Бунин в последние годы жизни и творчества экспериментирует с формами диалога. В публикуемых рассказах диалоги формально приближаются к монологу. Первый разговор героя и героини в рассказе «Иволга» весь состоит из реплик героини, ответные реплики героя лишь подразумеваются, они не важны. Разговор ведет она, она же подгоняет своими репликами и развитие сюжета. Мы имеем дело с двумя речевыми стратегиями, за которыми скрываются любовные стратегии. Энциклопедизм позднего бунинского диалога, стремление рассказать все, что известно героям о каком-либо предмете, тоже объясняется экспериментом, ведущим писателя к постмодернистской поэтике⁶. Предмет разговора при этом лишь кажется случайным. Он так или иначе имеет существенное отношение к тематике «Темных аллей»: бабочки, о которых рассуждают герои «Иволги», сгорают на свече или живут всего один день — как познавшие подлинную любовь люди; падающие звезды, о которых толкует герой рассказа «Лизок», рассыпаются и моментально сгорают в небе, как бабочки на свечке. Все это метафоры истинной любви и человеческой жизни. В целом, как и во всем позднем творчестве Бунина, остается ощущение одного мгновения, которое и есть жизнь. Или, напротив, жизнь и есть мгновение⁷.

Неопубликованные рассказы «круга “Темных аллей”» позволяют увидеть вещи, важные для бунинской текстологии, — это композиционная последовательность работы Бунина над произведениями. Мы видим, что писатель, как правило, пишет текст подряд, от начала к концу. Однако иногда («Иволга») используется и другой вариант: сначала создается композиционное кольцо, формирующее раму для фабулы и систему прошедших времен (далекому прошлому юности противопоставлено менее далекое прошлое, «десять лет спустя»). Затем уже вписывается середина. А в некоторых случаях (это видно и по наброскам) писатель идет от сложившегося в его сознании эпизода: подробно записывает его, добавляет детали, а затем либо развивает его в рассказ, либо оставляет неразвитым (этот композиционный этап зафиксирован в «<Натурщице>»).

Показательна авторская датировка рассказов. Тексты, имеющие две редакции («Дура», «О. Никон»), сохраняют дату первой редакции, вторая редакция не датируется. Особенно ярко этот принцип проявился в датировке рассказа «На постоялом дворе». Поверх даты первой редакции (1942 г.) сделана пометка, датирующая вторую редакцию (возможно, рукой В.Н. Буниной): 1946 год. Бунин эту пометку вычеркивает. Точно так же автор поступает и с незаконченными текстами: везде сохраняется дата возникновения сюжета и первой работы над ним. В этом проявляется бунинское ощущение текста как вечно становящейся реальности: у текста есть начало (оно и датируется) и нет конца. Любое исправление и даже переработка не так существенны, как первоначальный замысел.

«Круг “Темных аллей”», как и сами «Темные аллеи», имеет тематическое единство. Ряд вечных тем и тем эмигрантского сознания, переплетенных в клубок (любовь, смерть, память, навсегда потерянная Россия, уходящее время и т.д.), позволяет четко отнести то или иное произведение к этому «кругу». Как в основном тексте «Темных аллей», так и в опубликованных рассказах «круга “Темных аллей”» просматриваются генетические связи с более ранним творчеством Бунина, прежде всего — с «Жизнью Арсеньева». Эти же связи можно проследить и в публикуемых ниже текстах.

Рассказ «На постоялом дворе» развивает один из побочных мотивов пятой книги «Жизни Арсеньева» — подворье Никулиной: «Я поднимался на широкое каменное крыльцо, проходил темные

⁶ Пономарев Е.Р. Постмодернистские тенденции в творчестве позднего И.А. Бунина (на материале уникальной записной книжки) // Новое литературное обозрение. 2017. № 3(146). С. 213–226.

⁷ Некоторые биографические источники указывают на то, что сам Бунин в разговорах с дамами использовал похожие речевые стратегии. Например, в 1938 году во время посещения Тарту Бунин, гуляя с В.В. Шмидт, увидел напряженную лошадь, остановился и стал подробно рассказывать, как надо запрягать лошадь — та явно не знала всех подробностей (сообщение О.А. Бердниковой, которой это рассказала В.В. Шмидт).

сенцы, потом теплую кухню с нарами, шел в горницы, — там была спальня хозяйки и та комната, где стояли два больших дивана, на которых спали редкие приезжие из мещан и духовенства, а чаще всего один я. Тишина, в тишине мерный бег в спальне хозяйки будильника... “Прогулялись?” — ласково, с улыбкой милого снисхождения, спрашивает хозяйка, выходя оттуда. Какой очаровательный, гармонический голос! Она была полная, круглолицая. Я порой не мог спокойно смотреть на нее — особенно в те вечера, когда она, вся алая, возвращалась из бани и долго пила чай, сидела с еще темными влажными волосами, с тихим и томным блеском глаз, в белой ночной кофточке, свободно и широко покоя в кресле свое чистое тело, а ее любимая шелковисто-белая с розовыми глазами кошка мурлыкала в ее полных, слегка расставленных коленях. Снаружи слышался стук: стряпуха затворяла с улицы крепкие сплошные ставни, гремела, продевая оттуда в комнату, в круглые отверстия по бокам окон, железные шкворни коленчатых баутов, — нечто, напоминающее старинные, опасные времена. Никулина поднималась, вставляла в дырочки на концах баутов железные клинушки и опять бралась за чай, и в комнате становилось еще уютнее... Дикая чувства и мысли проходили тогда во мне: вот бросить все и навсегда остаться тут, на этом подворье, спать в ее теплой спальне, под мерный бег будильника!»⁸. В редакции 1939 г. есть и дополнительный эротический момент, снятый в двух более поздних редакциях: «По ночам дверь спальни Никулиной была приоткрыта, я видел в ней свет лампы, слышал дыхание, ровное, с правильными промежутками, когда казалось, что Никулина сама прислушивается к нему и ждет меня в свою теплую постель»⁹. Этот момент еще раз подтверждает, что «Темные аллеи» (и «круг “Темных аллей”») вырастают из работы над вторым томом «Жизни Арсеньева».

Ряд дополнительных мотивов указывает на то, что рассказ можно считать «переписанным» заново эпизодом «Жизни Арсеньева» (таким изменением затвердевших в романе эпизодов Бунин занимался совершенно сознательно: например, в 1929 г. он публикует в газете «Последние новости» созданный еще до революции вариант «Зеркало: Из давних набросков “Жизни Арсеньева”»¹⁰, соединяющий в одном тексте 11 и 18 главы первой книги романа; в 1937 г. под заглавием «Восемь лет» и со сноской «Жизнь Арсеньева. Вариант первого наброска»¹¹ — дореволюционный вариант глав 20–21 из той же первой книги). Во-первых, упоминание «дочери немца фотографа», в которую влюблен герой — аналог истории с Анхен из романа. Во-вторых, отражение героя в зеркале, фиксирующее важную веху его жизни и развития. Арсеньев на каждом новом жизненном этапе (в каждой части романа) видит себя в зеркале отраженным и отчужденным. Отражение в зеркале и фотографическая карточка становятся к середине романа контекстуальными синонимами, это одно из главных средств поэтики, позволяющих Арсеньеву выйти из рамок собственной биографии и рефлексировать над ней¹². В рассказе «На постоялом дворе» функция мотива несколько изменена — в соответствии с новым поворотом темы. Отражение героя в зеркале передает внутренний взгляд героини, ее видение героя — и одновременно тайное, подсознательное желание, которое связывает его и ее.

Многие мотивы, использованные в публикуемых рассказах, служат основообразующими в книге «Темные аллеи» и во многих опубликованных текстах «круга “Темных аллей”». Например, мотив религиозной стороны полового чувства (см., например, в «Русе» соединение «иконописности» и эротичности героини). В «Иволге» этот мотив проявляется так: «Я склонился с тем радостным трепетом, с каким в отрочестве склонялся после исповеди под епитрахиль священника, ужасаясь красоте и нежности этой теплой, загорелой продолговатой руки, и едва прикоснулся к ней губами». Необычное решение этого мотива видим в рассказе «О. Никон». Религия и эротика оказываются одинаково притя-

⁸ *Жизнь Арсеньева* (1952). С. 279—280.

⁹ Бунин И.А. *Жизнь Арсеньева*. Лика. Брюссель: Петрополис, 1939. С. 33.

¹⁰ *Последние новости*. 1929. 29 декабря. № 3203. С. 2–3.

¹¹ *Последние новости*. 1937. 28 августа. № 5993. С. 3.

¹² Подробнее см.: Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Часть I // *Вестник СПбГУКИ*. 2014. № 4 (21). С. 161–162.

гательными для героини. В несколько ином виде подан этот мотив в рассказе «На постоялом дворе»: «лик суздальского Спаса» как бы сопровождает запретные мысли молодого героя, но, решившись на сладостно-страшное дело, он задувает лампадку перед иконой, стыдясь своего решения.

Другая важная группа мотивов связана с языческими ассоциациями «силы пола». Эту языческую (инстинктивную) сторону бунинского творчества отметил И.А. Ильин¹³. В «Замужестве» обряд венчания воспринят как жертвоприношение, закляние: «Жених, похожий на Николая Второго <сходство героя с одним из русских царей — повторяющийся мотив книги; см., напр., первый рассказ «Темные аллеи»>, встретил меня на паперти и за руку повел в празднично освещенную церковь, навстречу седому, королевски величавому священнику, тоже церковно нарядному, металлически блестящему треугольником серебряной ризы с выпуклыми тиснениями на ней. Тут я уже полностью почувствовала: вот он, жрец, вот оно, закляние меня! И он привычно, как власть имущий, и даже грубовато взял мои руки, соединенные с руками жениха, и повел нас к аналою, идя вполупорот впереди нас...». Близкое решение этого мотива видим и в «Раисе»: «Священник, похожий на пикового короля, с серебряной широкой бородой, в треугольной металлически-золотой ризе и лиловой камиллавке, строго и важно взглянул на них, благословляя крестом, привычно взял в мягкую руку их соединенные руки и они неловко пошли, влекомые им, к своему роковому месту под грянувший хор: “Гряди, голубица!”». Религиозные мотивы нередко предстают в языческом ракурсе и наоборот. Героиня рассказа «Замужество» после венчания «<...> была похожа на юную мученицу с иконы...». Она, с одной стороны, пережила обряд языческого заклания, с другой — она христианская мученица. Впрочем, эти два мотива логически непротиворечивы.

Тайна замужества волновала Бунина издавна. Показателен фрагмент, появившийся в газетном тексте «Окаянных дней» в 1925 г. и снятый впоследствии. Из него, возможно, вырастает и замысел позднего рассказа «Замужество»:

«Отчего такое жадное любопытство в толпе к невесте?

Отчего в церкви, при венчании, всякая хороша?»¹⁴

Ностальгическая оркестровка тем любви и прежней жизни хорошо заметна в «Иволге». Предметом ностальгического размышления становится ушедшая юность, вступающая, как и во многих других рассказах, в гармоническое соединение с темой ушедшей России. География «Темных аллей», во многом выполняющая ту же функцию ностальгической оркестровки¹⁵, характерно проявляется и в этом контексте. Герой рассказа «Лизок» намечает маршрут романтических приключений: «<...> поеду на Кавказ или в Крым кончать свои каникулы...». Оба топонима в контексте «Темных аллей» играют важную роль. Рассказ «Кавказ» — второй рассказ книги, формирующий кавказский сюжет сборника, связан с темой «душливой чувственности» и событиями чеховской «Дуэли»; неоконченный рассказ «Крым» (опубликован в «Новом журнале» и перепечатан в ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 391–393) с объемными цитатами из Пушкина намечает историю романтического путешествия. В целом, рассказы «Круга “Темных аллей”» значительно развивают южный (черноморский) маршрут, в основном тексте книги оставшийся факультативным, малоразвитым.

Эротическая сторона работы художника, психологически исследуемая в «<Натурщице>», в книге «Темные аллеи» проявилась сразу в нескольких рассказах — прежде всего во «Втором кофейнике», но также намеком в «Музе» и «Гале Ганской». По-видимому, в теме богемной жизни художников любовь и творчество соединяются столь тесно и убедительно, что позволяют многократно проиллюстрировать одну из основных сентенций «Темных аллей», сформулированную в рассказе «Генрих»: «Хорошо сказано в одной старинной книге: “Сочинитель имеет такое же полное право быть смелым в своих словесных изображениях любви и лиц ее, каковое во все времена предоставле-

¹³ Ильин И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики // Ильин И.А. Собрание сочинений. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 210–270.

¹⁴ Бунин Ив. Окаянные дни (Из одесского дневника 1919 г.) // Возрождение. 1925. 8 июня. № 6. С. 3.

¹⁵ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Русский фон «Темных аллей» И.А. Бунина // Вестник СПбГУКИ. 2005. № 1(3). С. 78–85.

но было в этом случае живописцам и ваятелям: только подлые души видят подлое даже в прекрасном или ужасном»¹⁶.

Цитатность и интертекстуальность, отмечаемая в книге «Темные аллеи» и некоторых рассказах «круга», присутствует и здесь, однако не слишком часто. Это снижающее уподобление любовной ситуации «О. Никона» «Каменному гостю» А.С. Пушкина (отец Никон то ли шутит, то ли пытается создать возвышенный контекст для невозышенного дела, но, по сути, добивается обратного — снижения того, что должно произойти) или цитата из «Плодов раздумья» Козьмы Пруtkова в рассказе «Лизок». Можем предположить, что цитатность не является органическим свойством бунинского текста: цитаты добавляются по ходу работы, далеко не на первых этапах оформления сюжета. Более того, сюжетных цитат (аллюзий, растворенных в сюжете рассказа¹⁷) мы здесь практически не видим. Однажды встречается случай автоцитации¹⁸: нарочитое упоминание «Божьего дерева» (в «Иволге») относит к бунинскому заглавию «Божье древо» (1927). Упоминание «Божьего дерева» в финале монолога-диалога, в подтексте которого мощно звучит потенциальная любовная тема, вновь напоминает о специфически бунинском соединении религиозности и эротизма. Эта конечная (и кульминационная) точка разговора, во-первых, намечает дальнейшее развитие любовной истории («Мы сюда будем приходить читать что-нибудь. Тут так тихо, далеко, никто не будет нам мешать, и мы будем сидеть и читать, как какие-нибудь старинные влюбленные, я очень люблю все старинное! Это “Божье дерево”?»), во-вторых, намекает на дальнейшее жизненное одиночество героя (один из смыслов выражения «Божье древо» в рассказе 1927 г.) и, наконец, указывает на присутствие Бога в жизни и особую значимость для обоих этого юношеского романа. Возвращение к прежним своим сюжетам (как показано выше, рассказ «На постоялом дворе» — это попытка переписать один из эпизодов «Жизни Арсеньева») для Бунина сродни автоцитате¹⁹. Можем предположить, что автоцитаты у Бунина несколько иной природы, чем цитаты и аллюзии. Автоцитата появляется на более раннем этапе, она лежит в основе замысла произведения и связана с «переписыванием» ранее созданного текста — созданием нового варианта к уже известному или, как в данном случае, переосмыслением ключевого мотива в новом контексте.

Поздние бунинские тексты задают и ряд сложных текстологических решений, связанных с публикацией рассказов «круга» «Темных аллей». Публикаторы-предшественники (Л.Ф. Зуров, М.Э. Грин, Ю.В. Мальцев) не придавали значения текстологическим вопросам и публиковали тексты позднего Бунина по первому попавшемуся из сохранившихся вариантов. Целый ряд рассказов, опубликованных в 1970–1980-х гг., требует проведения текстологического исследования и републикации текстов по его итогам. В некоторых случаях в качестве канонического текста будет избран иной вариант, чем при первой публикации.

Как сказано выше, два из публикуемых рассказов («Дура» и «О. Никон») имеют две редакции. Поверх рукописи, написанной чернилами в середине 1940-х гг., выполнена правка шариковой ручкой (не ранее конца 1940-х гг.). В рассказе «О. Никон» ситуация ясна: редакция, выполненная шариковой ручкой, — более поздняя. Руководствуясь принципом последней авторской воли, мы счи-

¹⁶ *Темные аллеи* (1946). С. 170.

¹⁷ Например, сюжет рассказа «Темные аллеи», актуализирующий целую традицию произведений о романах благородных мужчин с простыми женщинами: от «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина до «Воскресения» Л.Н. Толстого, включая народническую тему спасения проститутки (от некрасовского «Когда из мрака заблужденья...» до «Происшествия» В.М. Гаршина). Или финал «Чистого понедельника», напоминающий о финале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо».

¹⁸ Автоцитация в рассказах «Темных аллей», вписанная в общий круг цитат и аллюзий, впервые отмечена: Пономарев Е.Р., Аболина М.М. Рассказ И.А. Бунина «Речной трактир»: Материалы для научного комментария // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 2(19). С. 144–148. Подробное описание случаев автоцитации и их функций в книге «Темные аллеи» см.: Пономарев Е.Р. Интертекст «Темных аллей»: Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 186–203.

¹⁹ Добавим, что и рассказ «Божье древо» (1927) можно посчитать вариацией одного из сюжетов повести «Деревня» (1910).

таем основным текстом более поздний вариант — несмотря на то, что более поздняя редакция с очевидностью является актом самоцензуры. С рассказом «Дура» такой ясности нет. У нас есть два источника текста: черновой автограф и авторизованная машинопись. Авторизованная машинопись содержит незначительную правку первой половины рассказа — более позднюю по отношению к черновому автографу. Черновой автограф содержит правку второй части рассказа — более позднюю по отношению к авторизованной машинописи. Таким образом, существует два варианта текста: в одном несущественно изменена первая часть, во втором существенно изменена последняя часть рассказа (создана вторая редакция), но первая часть не исправлена. Согласно принципу последней авторской воли, принято решение публиковать рассказ по черновому автографу с описанием правки, внесенной в авторизованной машинописи, в археографической преамбуле.

Позднее творчество И.А. Бунина и рассказы «круга “Темных аллей”» ставят перед буниноведами целый ряд совершенно необычных задач и вопросов. Разрешение этих задач приведет к переосмыслению традиционных представлений о развитии бунинского творчества.

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

В осеннюю ночь, на постоялом дворе, в уездном городе...

В этом городе я еще весной учился в гимназии. Но летом и осенью жил опять дома, в отцовском¹ имении, — провалился на выпускном экзамене и бросил гимназию², надеясь подготовиться в университет самостоятельно, а пока проводил³ дни в праздности, в постоянной⁴ влюбленности то в одну, то в другую девку и в таком же постоянном вожделении к⁵ бабам, работавшим у нас вместе с девками на поденщине⁶; в неотступных мечтах мальчика по семнадцатому году⁷ о первом соединении с женщиной. И вот как-то в начале октября, когда все работы в усадьбе уже кончились⁸, отец попросил меня съездить в город, узнать цены на рожь и овес нового урожая. Я с удовольствием бросил старые книжки «Современника»⁹, которыми⁹ спасался от наступившего в усадьбе безлюдия, надел картуз и поддевку, сел с нагайкой в¹⁰ руке на старого донца и погнал его большой дорогой, под тем грустным и спокойным небом, ровно обложенным осенними тучками, когда весь день кажется, что смеркается.

В город я приехал¹¹ в сумерки — уже светились огни в домах и совсем пусто было на улицах. Пусто было и на знакомом постоялом дворе мещанина Миронова — кухарка, открывшая мне ворота, сказала, что дворник уехал с хозяином в Ливны^b и что они с хозяйкой одни во всем доме. Кухарка была какая-то новая, крепкая черноволосая¹² баба лет тридца-

¹ отцовском *вписано* (ЧА)

² провалился на выпускном экзамене и бросил гимназию *вписано* (АМ)

³ Было: проводя (ЧА, АМ)

⁴ Далее было: поэтической $\diamond$ (ЧА)

⁵ Далее было: молодым (ЧА, АМ)

⁶ на поденщине *вписано* в АМ

⁷ Вместо: мальчика по семнадцатому году — было: а. пятнадцатилетнего мальчика (ЧА) б. мальчика по шестнадцатому году (ЧА, АМ)

⁸ когда все работы в усадьбе уже кончились *вписано* (АМ). в усадьбе *вычеркнуто* черными чернилами и *возвращено* красными.

⁹ Вместо: старые книжки «Современника», которыми — было: Писемского, которым (ЧА, АМ)

¹⁰ Было: на (ЧА)

¹¹ Далее было *вписано*: уже (АМ, красные чернила, *вычеркнуто* красными чернилами)

¹² черноволосая *вписано* (ЧА)

ти, с зоркими¹³ глазками и тонкими противными¹⁴ губами, как раз одна из тех грудастых и широко<ко>задых¹⁵ баб, к которым влекло меня¹⁶ сильнее всего.

— А вы чей же сами будете? — спросила она.

Я сказал, откуда я и что я князь такой-то. Она отнеслась к моему княжеству без всякого внимания, но мне это даже почему-то понравилось. И, расседывая донца под навесами в глубине большого двора, я уже думал обо всем ее плотном теле и о том, что буду ночевать один во всем доме с двумя женщинами¹⁷. Над двором, пока я таскал в стойло донцу сено, темнело все гуще, начал сыпать дождь. Когда же я взбежал по гнилому деревянному крыльцу в темные сенцы, застарело пахнувшие отхожим местом, по крыше уже шумело¹⁸ затяжным осенним ливнем. И это еще более¹⁹ возбудило во мне какие-то счастливые надежды на предстоящую ночь, на долгие глухие часы наедине с этими²⁰ двумя спящими женщинами. Я бодро вошел в свет и тепло просторной кухни с широкими нарами для постояльцев-мужиков и с²¹ натопленной печью, из которой кухарка сильно и ловко выхватила в эту минуту рогац с кипящим²² чугуном, потом прошел²³ в горницу для чистых приезжих. Тут по стенам стояли черные кожаные диваны, посередине над столом²⁴ жарко горела «Молния»^с, в углу теплилась перед темной доской суздальской иконы лампадка. Теплилась лампадка и в горнице рядом, в хозяйской спальне. И шум дождя за кисейными занавесками и на железные болты²⁵ закрытыми ставнями на окнах этих горниц был особенно приятен и возбуждающ. А хозяйка, неожиданно избавленная мною от скуки одинокого вечера, встретила меня особенно певуче и приветливо и показалась мне чуть ни красавицей в своей статной полноте, в золотистой шелковой наколке²⁶, в турецкой шали на плечах и с длинными хрустальными сережками²⁷.

Сидя с ней потом за ужином и продолжая отвечать на ее притворно-сочувственные²⁸ расспросы о хозяйстве и долгах отца, — мы были в ту пору уже совсем разорены²⁹, — я хорошо понимал всю сомнительность каких-то своих надежд на то, что будто бы осуществится наконец в моей жизни³⁰ в эту ночь, но все больше отдавался им и все настойчивей думал уже не о кухарке, а о ней: ведь она в дочери могла годиться старому и хмурому, с железными волосами

¹³ Далее было: карими (ЧА, АМ)

¹⁴ противными вписано (ЧА)

¹⁵ и широко<ко>задых вписано (АМ)

¹⁶ Далее было вписано: телесно ◊ (ЧА)

¹⁷ Далее было: — хозяйка была не старше кухарки, могла бы, при всей своей несколько тяжелой дородности, годиться в дочери старому и хмурому, с железными волосами Миронову. (ЧА, вычеркнуто в АМ красными чернилами).

¹⁸ Вместо: уже шумело — было: зашумело (ЧА, АМ).

¹⁹ более вписано (ЧА, АМ).

²⁰ этими вписано (АМ, красные чернила)

²¹ Вместо: с — было: кирпичной (ЧА, исправлено в АМ красными чернилами).

²² кипящим вписано (ЧА)

²³ В ЧА прошел отсутствует

²⁴ Вместо: посередине над столом — было: над столом посередине (ЧА, исправлено в АМ красными чернилами).

²⁵ Вместо: на железные болты — было: наглухо ◊ (ЧА)

²⁶ Далее было: на голове (ЧА, АМ).

²⁷ Далее было: в ушах (ЧА, исправлено в АМ красными чернилами).

²⁸ Вместо: притворно-сочувственные — было: как будто сочувственные (ЧА, АМ).

²⁹ мы ~ разорены вписано (ЧА)

³⁰ Вместо: осуществится наконец в моей жизни — было: ждет меня ◊ (ЧА)

Миронову³¹. Серо-серебристое³² зеркало в черной деревянной раме, висевшее в простенке против меня³³, отражало мое оживленно-смущенное и еще отрочески-милоподобное лицо³⁴, — я даже самому себе казался мальчиком рядом с ней, с крупностью всего ее тела в полной женской зрелости, она посматривала на меня весело и ласково, но как будто с некоторой милой снисходительностью³⁵, и я понимал, что уж эти-то думы — о ней — не только сомнительны, но просто глупы³⁶; и однако³⁷ все нетерпеливее ждал конца ужина, ночи, полночи, когда только одни лампадки будут мерцать в темном доме, над которым, в первобытной³⁸ тишине³⁹ всего этого глухого русского города, будет только один дождь шуметь, а в двух шагах от меня будет ее таинственная спальня, ее пышная постель⁴⁰. Что и как должно выйти из всего этого, я не додумывал — я все больше впадал в⁴¹ наваждение от своих порочных⁴² мечтаний, от завораживающего шума дождя, от жаркого света лампы, от горячей лапши с курицей и какой-то очень сладкой⁴³ наливки, которую она то и дело подливала и мне и себе, скинув с широких плечей и круглой шеи⁴⁴ шаль, все больше алея лицом, усмехаясь и приговаривая: «Люблю выпить на сон грядущий! Выпейте, выпейте и вы, авось уж не маленькие!» Кухарка, подавая и убирая, входя и выходя, тоже усмеялась, — верно, на хмельной блеск моих глаз и мою невинную⁴⁵ косоворотку, в которой я сидел⁴⁶, сняв с себя поддевку. Я мысленно⁴⁷ молил Бога, чтобы хозяйка напилась допьяна, но старался быть спокойным и серьезным, взрослым⁴⁸, поддерживал деловые разговоры и все спрашивал одно и то же — что слышно насчет цен на рожь, на овес⁴⁹ и кому⁵⁰ лучше всего запродать наш урожай, хотя она уже не раз сказала, что в этом она не сведуща: «Вот приедет завтра Николай Семеныч — с ним посоветуйтесь...». Напоследок она легонько зевнула и томно улыбнулась своему зевку:

³¹ *Вместо:* ведь ~ Миронову — *было:* а. нет в ЧА б. ведь небось не (АМ, красные чернила) в. окончательный текст вписан красными чернилами.

³² *Было:* Старое, серо-серебристое (ЧА, исправлено в АМ красными чернилами).

³³ *Вместо:* в простенке против меня — *было:* а. в простенке (ЧА) б. в простенке напротив меня (ЧА, АМ)

³⁴ *Вместо:* и еще отрочески-милоподобное лицо — *было:* еще по-детски чистое и милоподобное, худощавое лицо, мою трогательную отроческую шею ◊ (ЧА)

³⁵ *Вместо:* как будто с некоторой милой снисходительностью — *было:* как будто матерински, нежной жалостью ◊ (ЧА)

³⁶ *Вместо:* уж ~ глупы — *было:* а. мои надежды на нее уж слишком смелы и глупы б. уж эти-то думы не только сомнительны, но просто глупы (ЧА)

³⁷ *Было:* все-таки (ЧА, исправлено в АМ красными чернилами)

³⁸ *Было:* мертвой ◊ (ЧА)

³⁹ В ЧА (с сохранением основного варианта) вписано: темноте

⁴⁰ *Вместо:* ее пышная постель — *было:* а. ее постель (ЧА) б. ее мешански-пышная постель (ЧА, исправлено в АМ зелеными чернилами)

⁴¹ *Далее было:* а. какое-то б. блаженное в. сладостное ◊ (ЧА)

⁴² порочных вписано (ЧА)

⁴³ *Вместо:* какой-то очень сладкой — *было:* а. густой вишневой б. густой пьяной черносмородиной ◊ (ЧА; чернила и красный карандаш)

⁴⁴ и круглой шеи вписано (ЧА)

⁴⁵ *Было:* а. мальчишескую, невинную б. гимназическую ◊ (ЧА)

⁴⁶ *Далее было:* за ужином (ЧА)

⁴⁷ *Было:* втайне ◊ (ЧА)

⁴⁸ *Вместо:* спокойным и серьезным, взрослым — *было:* серьезным, как совсем взрослый ◊ (ЧА)

⁴⁹ *Вместо:* на рожь, на овес — *было:* на овес и рожь (ЧА) б. овес в. зерно (АМ, последний слой правки красными чернилами)

⁵⁰ *Далее было:* а. из хлеботорговцев (ЧА, АМ)

— Вы уж извините меня, ведь⁵¹ мы рано ложимся...

А затем настало наконец все то, тайным ожиданием чего я был одержим весь вечер: принеся мне на диван огромную тяжелую подушку и потушив лампу, — ведь и при лампадке мог я раздеться и лечь — она пожелала мне «приятных сновидений»⁵² и затворилась в своей спальне, кухарка затворилась в кухне и, конечно, уж дунула⁵³ там на свою лампочку, а⁵⁴ я лег в церковном полусвете лампадки на диван, глядя на зыбко озаренный ею тонконосый ореховый лик суздальского Спаса^d... Усилившийся⁵⁵ в полной тишине мокрый шум ливня стал уже подлинным наваждением, часы⁵⁶ над дверями в кухню, которых я как-то не слышал вечером, пошли стучать необыкновенно⁵⁷ громко и настойчиво, а я как лег, так и остался⁵⁸ лежать среди всего этого с остановившимися⁵⁹ глазами, все еще чего-то ожидая и⁶⁰ в такой напряженной силе телесного желания, что неудовлетворенность, безвыходность ее казалась просто немислима⁶¹. Я помнил⁶², как равнодушно и шутивно⁶³

И.А. Бунин.
Одесса, 1903 г.
(РАЛ)

⁵¹ ведь *вписано* (ЧА)

⁵² *Вместо:* принеся мне ~ «приятных сновидений» — *было:* а. потушив лампу, — ведь и при лампадке можно раздеться и лечь даже еще милее, она пожелала мне «приятных сновидений», принеся на диван огромную подушку б. потушив лампу, — ведь и при лампадке можно было раздеться и лечь, — она пожелала мне «приятных сновидений», кладя на диван огромную подушку в. принеся мне на диван огромную подушку и потушив лампу, — ведь и при лампадке мог я раздеться и лечь — она пожелала мне «приятных сновидений» (ЧА, последний слой правки чернилами и красным карандашом). *Правка в АМ простым карандашом и красными чернилами.*

⁵³ *Вместо:* конечно, уж дунула — *было:* а. дунула б. конечно, дунула (АМ, последний слой правки простым карандашом)

⁵⁴ а *вписано* (АМ; красные чернила)

⁵⁵ *Вместо:* на диван, глядя на зыбко озаренный ею тонконосый ореховый лик суздальского Спаса... Усилившийся — *было:* а. глядя с дивана на зыбко озаренный ею монгольский маслянисто-коричневый лик суздальского Спаса, усилившийся (ЧА) б. глядя с дивана на зыбко озаренный ею монгольский ореховый лик суздальского Спаса, усилившийся (ЧА, АМ)

⁵⁶ *Было:* а. дешевые часы б. дешевенькие часы ◊ (ЧА)

⁵⁷ *Было:* дьявольски ◊ (ЧА)

⁵⁸ как ~ остался *вписано* (ЧА)

⁵⁹ *Далее было:* открытыми (ЧА)

⁶⁰ и *вписано* (ЧА)

⁶¹ *Вместо:* что неудовлетворенность, безвыходность ее казалась просто немислима — *было:* а. что безвыходность ее была просто немислима б. что неудовлетворенность, безвыходность ее казалась просто немислимой (ЧА)

⁶² *Было:* вспоминал ◊ (ЧА)

⁶³ *Вместо:* равнодушно и шутивно — *было:* равнодушно-шутивно (ЧА, АМ)

пожелала мне хозяйка «приятных сновидений», уходя к себе⁶⁴, как даже не взглянула на меня грудастая⁶⁵ кухарка, затворяя за собой двери в кухню, — вполне⁶⁶ несомненно было, что ни та, ни другая не⁶⁷ считала меня мужчиной, — и чувствовал себя постыдно одураченным⁶⁸ своими⁶⁹ мечтами за ужином. И все-таки никак не мог поверить, что мне остается⁷⁰ теперь только преодолеть свой стыд, благо им обоим и в голову, верно⁷¹, не приходило, что́ и как думал я о них весь вечер,⁷² постараться во что бы то ни стало поскорей заснуть, а завтра держаться как ни в чем не бывало, сделать свое дело в городе и тотчас уехать, увезти с собой свою постыдную тайну. Слышно было иногда из спальни, как сладко вздыхала сквозь сон и повертывала свое жаркое тело хозяйка, и я привставал, жадно прислушивался, потом с тоской опять ложился навзничь...⁷³ И лился и лился, дурманил ровный шум дождя в неразрешающейся тишине бесконечной осенней ночи, околдовывал⁷⁴ бессмысленно громкий и настойчивый стук часов, пристально и дико смотрел большеглазый⁷⁵ ореховый⁷⁶ Лик в благоговейно-грустном сумраке лампадного света — и, все живее представляя себе⁷⁷ двух раздетых женщин, спящих рядом со мной в этом пустом доме, в этот мертвый час ночи, я упорно ждал какой-то последней, неминуемой⁷⁸ минуты, в которую я вдруг решусь-таки на что-то отчаянное, долженствующее дать мне наконец первое мужское счастье, столь загадочное и долгожданное⁷⁹. Встать и ни с того ни с сего пойти к женщине, никак не ожидавшей, конечно, такой дерзости⁸⁰ со стороны скромного мальчишка, сидевшего с ней⁸¹ за ужином, поразить ее со сна испугом до крика на

⁶⁴ *Вместо:* к себе — *было:* в спальню (ЧА, АМ)

⁶⁵ *грудастая* *вписано* (АМ, простой карандаш)

⁶⁶ *Было:* совершенно ◊ (ЧА)

⁶⁷ *Вместо:* ни та, ни другая — *было:* для той и для другой ◊ (ЧА)

⁶⁸ *Было:* опозоренным ◊ (ЧА)

⁶⁹ *Далее было:* а. дурачками б. сладострастными ◊ (ЧА)

⁷⁰ *Вместо:* И все-таки никак не мог поверить, что мне остается — *было:* а. И все-таки все мое существо отказывалось верить, что все уже кончилось, что мне остается б. И все-таки все во мне отказывалось верить, что все уже кончилось, что мне остается (ЧА) в. И все-таки все никак не мог поверить, что мне остается (ЧА, АМ)

⁷¹ *Было:* вероятно (ЧА)

⁷² *Далее было:* и (ЧА, АМ)

⁷³ Слышно ~ навзничь *вписано* (АМ)

⁷⁴ *Вместо:* И лился ~ околдовывал — *было:* а. И лился и дурманил шум дождя в неразрешающейся тишине ночи, которой, казалось, и конца не будет, околдовывал б. И лился и дурманил мокрый шум дождя в неразрешающейся тишине бесконечной осенней ночи, околдовывал (ЧА) в. И лился и дурманил ровный шум дождя в неразрешающейся тишине бесконечной осенней ночи, околдовывал (АМ)

⁷⁵ *большеглазый* *вписано* (АМ)

⁷⁶ *Вместо* большеглазый ореховый — *было:* а. маслянисто-коричневый б. ореховый (ЧА) в. ореховый (АМ)

⁷⁷ *Далее было:* и чувствуя ◊ (ЧА)

⁷⁸ *неминуемой нет в ЧА*

⁷⁹ *Вместо:* первое мужское счастье, столь загадочное и долгожданное. — *было:* а. мое первое мужское счастье. б. мое первое мужское счастье, столь загадочное и долгожданное. (ЧА, исправлено в АМ красными чернилами)

⁸⁰ *Вместо:* к женщине, никак не ожидавшей, конечно, такой дерзости — *было:* к женщине, которой, конечно, и в голову не приходила такая дерзость ◊ (ЧА)

⁸¹ с ней *вписано* (ЧА)

весь дом, — так поступить впору только сумасшедшему⁸², думал я и был вполне⁸³ уверен, что именно так оно и будет — испуг, изумление, крик⁸⁴... Но эту безобразную⁸⁵ мысль тотчас сменяла другая: ну а если ничего этого не будет? Что если я трусливо пропущу такое редкое⁸⁶ стечение благоприятных обстоятельств, которое выпало на мою долю в эту ночь? Ведь все-таки может быть, что этой большой, полной женщине, живущей с хмурым⁸⁷ мужем, похожим на старую лошадь, покажется даже восхитительной⁸⁸ дерзость⁸⁹ мальчишки, ночующего у нее, и будет сладка его невинность, неопытность, — я не раз читал о подобном⁹⁰. Я⁹¹ ужасался на себя: до чего, значит, я порочен, развратен⁹², если меня так страстно⁹³ влечет к наиболее животнo-сильным женщинам⁹⁴! — и дивился⁹⁵ непостижимому противоречию этого влечения той поэтической⁹⁶ влюбленности, которую испытывал к девкам, всегда выбирая между ними высоких и тонких сложением, с прозрачным⁹⁷ румянцем на худощавых лицах, с целомудренно опущенными за работой ресницами, тихих, застенчивых... Весной, в городе, еще будучи гимназистом, я влюблен был в дочь немца фотографа, тайком встречался и сидел с ней в роще на окраине города, — сидел⁹⁸ чаще всего молча, обмениваясь с ней умиленными улыбками,

⁸² *Вместо:* испугом до крика на весь дом, — так поступить впору только сумасшедшему — *было:* а. испугом, изумлением и негодованием, после чего тотчас последует крик на весь дом, — поступить так может только сумасшедший б. испугом, изумлением и, может быть, получить за это пощечину, — так поступить впору только сумасшедшему (ЧА; последний слой правки чернилами и красным карандашом, АМ)

⁸³ *Было:* почти (ЧА, АМ)

⁸⁴ *Было:* а. пощечина... крик б. крик, пощечина... в. пощечина (ЧА) г. пощечина (АМ)

⁸⁵ *Было:* страшную ◊ (ЧА)

⁸⁶ *Вместо:* ну а если ничего этого не будет? Что если я трусливо пропущу такое редкое — *было:* а. ну а если не будет? если я, как трусливый мальчишка, пропущу тот счастливый случай, такое редкое ◊ (ЧА, чернила и красный карандаш)

⁸⁷ *Было:* а. старым б. хмурым, скучным (ЧА)

⁸⁸ *Было:* а. чудесной б. отличной ◊ (ЧА)

⁸⁹ *Далее было:* этого ◊ (ЧА)

⁹⁰ *Было:* а. о подобных случаях б. о подобных случаях в рассказах и романах в. о подобных случаях в книгах (последний слой правки простым карандашом) ◊ (ЧА)

⁹¹ *Было:* а. И я стискивал зубы, дрожа от сладострастного озноба, воображая и уже чувствуя себя в ее теплой постели и в самом бесстыдном соединении с ее горячим, полным телом. И чем бесстыднее и грубее представлялось мне это соединение, тем уподобнее казалось мне оно. Я б. И я стискивал зубы, дрожал от сладострастного озноба, воображал себя в ее теплой постели и в самом бесстыдном соединении с ее горячим, полным телом. И чем бесстыднее и грубее представлялось мне это соединение, тем уподобнее казалось мне оно. Я (ЧА) в. И я упорно воображал себя в ее теплой постели и в самом бесстыдном соединении с ее горячим телом. И чем бесстыднее и грубее представлялось мне это соединение, тем уподобнее казалось мне оно. Я (ЧА, АМ, исправлено красными чернилами)

⁹² *Вместо:* порочен, развратен — *было:* а. животнo-развратен б. грубо развратен ◊ (ЧА)

⁹³ *Было:* неудержимо ◊ (ЧА)

⁹⁴ *Вместо:* животнo-сильным женщинам — *было:* а. сильным женщинам б. животнo-сильным, телесно-грубым женщинам (ЧА)

⁹⁵ *Далее было:* тому ◊ (ЧА)

⁹⁶ *Вместо:* той поэтической — *было:* той непорочной, восторженно-нежной, поэтической ◊ (ЧА)

⁹⁷ *Вместо:* между ними высоких и тонких сложением, с прозрачным — *было:* между ними самых застенчивых, тихих, высоких, девственно-тонких сложением с болезненно-прозрачным ◊ (ЧА, чернила и красный карандаш)

⁹⁸ *Вместо:* ресницами ~ сидел — *было:* а. ресницами, я был влюблен в этом городе в дочь немца фотографа, ходил к нему в дом и подолгу сидел с ней на б. ресницами, я с большой взаимностью влюблен был в этом городе

держа ее теплую руку, глядя в ее влажно-синие немецкие глаза: и ей и мне только одно нужно было — млеть от счастья нежности друг к другу. Все это так шло⁹⁹ к моим романтическим мечтам о любви. Как же, думал я,¹⁰⁰ соединить с ними¹⁰¹ какой-то постоянный двор с темными вонючими сенцами, эту дикую, шумящую ливнем ночь в уездном мещанском захолустье, голый топорный¹⁰² диван, на котором я лежу,¹⁰³ стук рублевых часов — и этих двух спящих со мной рядом баб¹⁰⁴, неотступная мысль о которых сводит меня с ума! Неужели любовь — одно, а «это» нечто совсем другое, и чем оно полнее, сильнее в своей животности, тем и законнее, нужнее для целей природы — ведь как, например, могуча и груба случка животных, вид которой потрясал меня еще в детстве! И, думая так, ужасаясь и дивясь, я уже сидел на диване, с воровской осторожностью¹⁰⁵ стаскивал с ног один за другим сапоги... Потом неслышно¹⁰⁶ перебежал почему-то к лампадке, дунул на нее — и кинулся в темную жаркую кухню¹⁰⁷...

До сих пор помню, как бешено¹⁰⁸ билось у меня сердце —¹⁰⁹ оно совершенно оглушало меня, я уже ничего не слышал, кроме него¹¹⁰. Но это не был страх — это было только высшее напряжение всех¹¹¹ моих сил и такой¹¹² решимости, которую уже ничто не могло остановить. И каким-то наитием я безошибочно попал в непроглядной и нагретой темноте кухни¹¹³ как раз к тому месту нар, где она спала на боку,¹¹⁴ спиной ко мне,¹¹⁵ в одной рубашке. Я быстро лег к ее широкому телу и потянул ее к себе за плечо, чтобы повернуть, положить

в дочь немца фотографа, тайком встречался и сидел с ней часами в городском саду днем, когда там ни души не было — сидел *в*. ресницами, тихих, застенчивых. Весной, еще будучи гимназистом, я влюблен был в городе в дочь немца фотографа, тайком встречался и сидел с ней в городском саду днем, когда там ни души не было — сидел (ЧА) *г*. ресницами, тихих, застенчивых. Весной, еще будучи гимназистом, я влюблен был в городе в дочь немца доктора, тайком встречался и сидел с ней в городском саду днем, когда там ни души не было — сидел (АМ, черные и зеленые чернила).

⁹⁹ *Далее было: а.* ко всему тому, среди чего я родился и рос хотя уже в нищем, но в исконном дворянском гнезде, (ЧА) *б.* ко всему тому, среди чего я родился и рос хотя уже и в нищем, но в исконном дворянском гнезде, (ЧА, АМ; черные и зеленые чернила).

¹⁰⁰ , думал я, *вписано* (ЧА)

¹⁰¹ *Вместо:* с ними — *было:* со всем этим (ЧА, АМ; зеленые чернила и карандаш)

¹⁰² *Было: а.* топорный (ЧА) *б.* топорный *в.* базарный (черные чернила) *г.* как в тексте (зеленые чернила) (АМ)

¹⁰³ *Далее было:* лампадный гробовой свет ◊ (ЧА, красный карандаш) *б.* лампадный гробовой свет (АМ)

¹⁰⁴ *Вместо:* со мной рядом баб — *было: а.* рядом со мной баб (ЧА) *б.* со мной рядом баб *в.* со мной рядом полуголых баб *г.* со мной рядом раздетых полуголых баб (*простой карандаш*). *д.* как в тексте (красные чернила)

¹⁰⁵ *Далее было:* затаивая дыхание, медленно (ЧА, АМ; зеленые чернила)

¹⁰⁶ *Было:* быстро и неслышно ◊ (ЧА)

¹⁰⁷ *Вместо:* кинулся в темную жаркую кухню — *было: а.* побежал в кухню (ЧА, АМ)

¹⁰⁸ *Было:* страшно ◊ (ЧА)

¹⁰⁹ *Вместо* тире *была* запятая ◊ (ЧА)

¹¹⁰ *Вместо:* сердце ~ не слышал, кроме него — *было:* сердце, оно совершенно оглушало меня — ни шума дождя, ни стука часов — я уже ничего не слышал, кроме него (ЧА, АМ; зеленые чернила)

¹¹¹ всех *вписано* (ЧА)

¹¹² *Далее было:* дерзкой (ЧА, АМ)

¹¹³ *Было: а.* непроглядной, нагретой печью темноте (ЧА) *б.* непроглядной, нагретой печью темноте кухни (ЧА, АМ)

¹¹⁴ *Далее было: а.* головой возле самой печи (ЧА) *б.* головой возле печи (ЧА, АМ)

¹¹⁵ *Далее было:* поджав к животу ноги (ЧА, АМ)

навзничь. Она не двинулась, притворяясь спящей¹¹⁶. Я поднял рубашку с ее крутого зада¹¹⁷, поразившего меня гладкостью кожи, — она, все еще будто во сне, выгнулась внутрь, подавая мне¹¹⁸ его окорока с двумя крупными валиками¹¹⁹ ниже раздвоения их... И ни с чем в мире несравнима была та блаженная смерть, которую дали мне через мгновение нежные и горячие¹²⁰ недра этого священного животного, в глубине которых оказалось, к моему сладостному ужасу, что-то зубчатое, похожее на жабры¹²¹.

Ночь 27. XI. 1942

Источники текста:

1) ЧА (РАЛ. MS 1066/196). 6 листов, исписанных с обеих сторон. Авторская датировка в конце: «Ночь. 27 ноября 1942 года». Черные чернила. Правка черными чернилами, отражающая исправления непосредственно по ходу написания, и незначительная более поздняя правка красным карандашом. Правка чернилами дается по умолчанию, правка карандашом оговаривается;

2) АМ (РАЛ. MS 1066/197). 7 листов, текст с одной стороны. Авторская датировка в конце (серый карандаш): «Ночь. 27. XI. 1942». Датировка в левом углу первого листа (рукой В.Н. Буниной?): «21. V. 46» (серый карандаш, зачеркнуто зелеными чернилами). Текст учитывает правку, внесенную в ЧА. Четыре слоя правки поверх машинописи: черными, красными и зелеными чернилами и простым (серым) карандашом. Правка черными чернилами первая по времени, поверх выполнена правка красными чернилами, затем зелеными чернилами. Правка простым карандашом последняя по времени. Правка черными чернилами дается по умолчанию, остальные слои правки оговариваются. Последний слой правки датируется предположительно: 1946 г.

Датируется по авторской дате и примерной датировке последней редакции: 1942–1946 гг.

Публикуется по АМ.

^a «Современник» — литературный журнал, основанный А.С. Пушкиным в 1836 г. После смерти Пушкина журнал продолжала группа писателей, с 1837 г. он перешел к П.А. Плетневу. В 1846 г. «Современник» был куплен Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым, с этого момента журнал стал главным органом натуральной школы, в журнал перешел В.Г. Белинский, в нем стали регулярно печататься писатели, идейно близкие Белинскому. В дальнейшем некрасовский «Современник» стал основным журналом революционно-демократического направления. Закрыт по высочайшему повелению в 1866 г. Вероятно, герой Бунина читает ранние книжки «Современника» (пушкинско-панаевского времени), поскольку разночинную и революционно-демократическую литературу писатель в эмигрантский период не жаловал.

^b По упоминанию города Ливны (Орловской губернии; ныне Орловской области) можно примерно установить место действия рассказа: это вполне может быть Елец (в котором учился в гимназии сам Бунин и в котором учится его герой Арсеньев в «Жизни Арсеньева»), от которого до Ливен около 75 километров.

^c «Молния» — подвесная потолочная керосиновая лампа, предмет обихода конца XIX века.

¹¹⁶ *Вместо:* притворяясь спящей — *было:* осталась недвижна как камень (ЧА, АМ)

¹¹⁷ *Вместо:* с ее крутого зада — *было:* с толстых бедр, с крутого зада (ЧА, АМ; черные и зеленые чернила)

¹¹⁸ *В АМ (с сохранением основного варианта) сверху вписано:* себя

¹¹⁹ *Далее было:* а. и жесткими волосами б. какими-то особыми, жесткими волосами (ЧА) в. и какими-то особыми жесткими волосами (АМ)

¹²⁰ *Вместо:* нежные и горячие — *было:* а. горячие, маслянистые б. горячие, нежные, маслянистые в. нежные, горячие (ЧА, чернила и красный карандаш) г. горячие (АМ)

¹²¹ *Вместо:* недра ~ жабры — *было:* а. недра, в глубине которых было что-то зубчатое, похожее на жабры б. недра этого священного животного. в. недра этого священного животного, в которых, к моему сладостному ужасу, оказалось что-то зубчатое, похожее на жабры. (ЧА, чернила и красный карандаш) г. недра этого священного животного. д. недра этого священного животного, в глубине которых оказалось, к моему сладостному ужасу, что-то зубчатое, похожее на жабры. е. недра этого священного животного... ж. как в тексте (последний слой правки простым карандашом) (АМ)

^d Владимиро-суздальская школа иконописи изображает лик Иисуса с тонкой переносицей. Например, как на иконе Спас Златые Власы (не все искусствоведы относят его к Владимиро-Суздальской школе), хранящейся в Успенском соборе Московского кремля.

О. НИКОН

— Этому, милая, теперь почти¹ сорок лет, а как все еще помнится! Будто вчера было!² В городе о нас с Никоном говорили в ту пору без умолку, — известно, до чего по уездам все всегда рады всякой истории³, — только никто не знал дела доподлинно. Что ты не знаешь, понятно, вы в Орле что ж могли знать⁴. А что именно было, я тебе сейчас расскажу откровенно и подробно, раз мы уж коснулись этой истории. Никона тогда только что перевели к нам из Карачева^a, поставили в приход храма Похвалы Пресвятыя Богородицы, и в одну из первых же его обедней, я восхитилась им⁵. Все им ужасно интересовались тогда, из всех приходов стекались на его службы, — еще до перевода его к нам прошла у нас слава о его красоте, его голосе, о том, как он служит как-то по-своему, очень будто строго и вразумительно, запрещающая причту торопливость в служении, и оказалась эта слава⁶ правдою и, конечно, не одна я была им очарована⁷. Было ему тогда лет двадцать пять, росту он был на редкость высокого, строен на удивление, златокудр, с лазурью в глазах, а лицом, прости Господи, схож со Спасителем, — знаешь, эти русые усики, раздвоенная бородка⁸, — про голос же его покойный отец дьякон той церкви⁹, уж на что не любил его самого, всегда говорил, что таких возгласов и чтений Евангелия за всю жизнь не слыхивал: такая, говорил, свобода, гармония, — лучше всякой оперы! Потом пошла вскоре и другая молва про него: будто ужасно падох до красивых и богатых вдовушек, а свою матушку держит как в тереме. Я же¹⁰ тогда, в мои двадцать два года, была как раз уже вдовая, бездетная и одинокая, — даже почти никого¹¹ из родных мужа у меня не было, всех Бог прибрал, наградил мраморными¹² памятниками да уж такими¹³, что

¹ Было: а. уж почесть б. уж почти (ЧМА). В АМ1 почти вычеркнуто (зеленые чернила)

² Вместо: как ~ было! — было: все порой вспоминается... ◊ (ЧМА)

³ Вместо: рады всякой истории — было: радуются чужому несчастью... ◊ (ЧМА)

⁴ Вместо: Что ты не знаешь, ~ истории — было: а. А дело было так, раз мы коснулись его. б. Что ты не знаешь, простительно, вы в Орле все это одним краем ухом <так!> слышали. А дело было так, раз мы коснулись его. в. Что ты не знаешь, — понятно, вы в Орле что ж могли знать! А дело было так, раз мы коснулись его. (ЧМА) г. Что ты не знаешь, — понятно, вы в Орле что ж могли знать! А дело было так, раз мы коснулись его. Вот послушай все сначала (ЧМА, АМ1)

⁵ Вместо: и в одну из первых же его обедней, я восхитилась им — было: а. и вот в одну из первых служб его там, и прельстилась я им б. и в одну из первых же обедней его там, и прельстилась я им, хотя мне и в голову не могло прийти, что и он прельстится мной в. и в одну из первых же обедней его там, и восхитилась я им. (ЧМА) г. и в одну из первых же обедней его там, и восхитилась я им. д. и вот там и восхитилась я им. (АМ1; изумрудные чернила)

⁶ Далее было: истинной ◊ (вычеркнуто красным карандашом) (ЧМА)

⁷ и, конечно, ~ очарована вписано (ЧМА)

⁸ Вместо: знаешь ~ бородка — было: а. отсутствует в ЧМА б. знаешь, эти русые усы, раздвоенная бородка (ЧМА, АМ1, АМ2)

⁹ той церкви вписано (ЧМА)

¹⁰ Вместо: вдовушек, а свою матушку держит как в тереме. Я же — было: вдовушек. А я ◊ (ЧМА)

¹¹ Вместо: почти никого — было: а. почесть б. никого ◊ (ЧМА)

¹² Далее было: да и гранитными ◊ (ЧМА)

¹³ Далее было: дивными ◊ (ЧМА)

даже смотреть искушение: за что, мол, им такая честь! К тому же считалась и я в городе не беднее прочих и тоже чуть ли не красавицей: что ж, без лести себе скажу, в самом деле хороша была и гимназию кончила, по-французски и по-немецки могла кое-что сказать... И вот вскоре после моего знакомства¹⁴ с Никоном¹⁵ на Пасхе у Сомовых случилась наша нечаянная встреча уже и¹⁶ глаз на глаз. И была она в прелестный майский день, на¹⁷ Короткой улице, на этом, знаешь¹⁸, глухом обрыве над нашей¹⁹ Речной Слободкой. Вздумала я в тот день пойти к гадалке, погадать о своей будущей судьбе, выходить ли мне снова замуж или нет, — той весной стали подсылать ко мне свах и от Сомовых и от Шуриновых. Нарядилась²⁰ с утра во все весеннее, иду с хорошим зонтиком в руке по этой²¹ Короткой улице, под цветущими садами за заборами, гляжу, а навстречу мне — он²²: серая новая шляпа, серая шелковая ряса, посох с серебряным набалдашником... Увидал меня — и так-то весело развел руками: какая, говорит, приятнейшая встреча! Я сразу же смутилась, — уж давно о нем думала с большой²³ тревогой, — подошла под благословение, он подхватил рукав, широко перекрестил, сам дал руку поцеловать, — и рука у него была очень красивая²⁴, — обворожительно²⁵ улыбается: гуляете,²⁶ милая вдовушка? скучаете в одиночестве? Я стараюсь улыбнуться, а он говорит своим звучным голосом: а скучать грех, уныние²⁷ — смертный грех, это даже²⁸ в Писании сказано; жизни надо радоваться, надо любить этот великий Божий дар; и ближнего надо любить, его тоже надо своей любовью радовать; молодость, говорит, должна цвести, как вот эти чудные²⁹ сады цветут... И пошел и пошел... И смутил меня уж до такой³⁰ степени, что стала я вся алая, горю огнем, опустила глаза, не знаю, что ответить от какого-то неизъяснимого счастья... Тут он и назвался посетить меня в первое же воскресенье после обедни. И чего-чего только не говорил мне за завтраком, как только выходила прислуга за новым кушаньем! Будто и нежна-то я, и мила, и умна, и совсем не похожа, что купеческого рода³¹, никакой дворянке ни в чем не уступлю, — улыбается и говорит: парле франсэ, же ву зан³² при^b, прошу вас говорить по-французски, это так идет к вашим вишневым губкам, к

¹⁴ *Вместо:* моего знакомства — *было:* а. знакомства моего (ЧМА) б. знакомства ◊ (АМ2)

¹⁵ *Было:* Никодимом ◊ (ЧМА). Вероятно, опечатка.

¹⁶ и *вписано* (ЧМА)

¹⁷ *Было:* в (ЧМА, АМ2; исправлено синей шариковой ручкой)

¹⁸ знаешь *вписано* (ЧМА)

¹⁹ нашей *вписано* (ЧМА)

²⁰ *Далее было:* я ◊ (ЧМА)

²¹ *Вместо:* по этой — *было:* а. по этой (ЧМА) б. уж по этой (ЧМА, АМ2)

²² *Вместо:* гляжу, а навстречу мне — он — *было:* гляжу, — а навстречу мне он (ЧМА, АМ2)

²³ *Было:* какой-то ◊ (ЧМА)

²⁴ *Вместо:* очень красивая — *было:* прекрасная ◊ (ЧМА)

²⁵ *Было:* и обворожительно ◊ (ЧМА)

²⁶ *Далее было:* говорит, (ЧМА)

²⁷ *Вместо:* голосом: а скучать грех, уныние — *было:* а. голосом и все так ласково: а это грех скучать б. голосом: а скучать грех, говорит, уныние в. голосом: а скучать грех, милая, уныние (ЧМА)

²⁸ *Далее было:* и (ЧМА)

²⁹ *Было:* а. прекрасные б. прелестные ◊ (ЧМА)

³⁰ *Было:* той ◊ (ЧМА)

³¹ *Вместо:* И чего-чего ~ купеческого рода — *было:* а. И чего-чего только не говорил он мне потом! Будто я и нежна, и умна, и красавица, и совсем не похоже, что купеческого рода (ЧМА) б. И чего-чего только не говорил мне тут за завтраком, как только выходила прислуга за новым кушаньем! Будто и нежна-то я, и мила, и умна, и совсем не похоже, что купеческого рода (ЧМА; АМ1; АМ2).

³² зан *вписано* (ЧМА).

синим чудным глазам³³... И в это же первое воскресенье, когда перешли мы пить чай после завтрака в гостиную, взял мою руку, погладил ее, повертел на моем мизинце³⁴ бриллиантовое колечко, потом поглядел на дверь, послушал и вдруг привлек³⁵ меня к себе, — мы сидели рядом на диванчике, — поцеловал в щеку, в глаза, — я уж вся замерла, закрыла их, — и наконец³⁶ стал целовать в губы, все время ничего не говоря, но все крепче³⁷, настойчивей... И с той поры лишилась я, конечно³⁸, всякого покоя: не живу, а считаю часы до другого воскресенья, по ночам плачу, схожу с ума от ревности, — положительно ко всем³⁹ стала ревновать его, — а в церкви, когда он служил, возглашал, выходил в ризе⁴⁰ из Царских Врат, только для виду крестилась, а сама глаз не спускала с него, хоть и чувствовала, что уж страшней этого греха и на свете не может быть. По воскресеньям, за завтраком с ним, меня то⁴¹ в жар то в зноб <так!> бросало, — знаю, что и он это видит и прислуга, может быть, замечает, да как тут совладеть с собой?⁴² А он сидит спокойно, с⁴³ улыбкой, расспрашивает о моих имущественных делах, где и в чем я держу капитал, дает советы, наставления, а я отвечаю невпопад, стараюсь его потчевать и жду одного — той заветной минуты, когда завтрак кончится, подадут чай в гостиную и он опять возьмет мою руку, скажет шепотом: «куропаточка⁴⁴!», а я закрою глаза, и он поцелует их, потом поднимет мое горячее лицо и вопьется в губы... Думаю себе: «Ограбит он⁴⁵ меня! И никакого счастья не может быть мне с ним⁴⁶! Ведь не светский человек, — чего ж тут можно ждать, на что надеяться!⁴⁷». А голова, понимаешь⁴⁸, кружится, губы у него молодые, свежие⁴⁹, усы шелковистые, вьющиеся по плечам⁵⁰ волосы пахнут гвоздичной помадой, ряса вся пропахла⁵¹ и ладаном и сладким табачным дымом, — ну что ж, думаю⁵², пускай⁵³ ограбит, пускай будет что будет, лишь бы было⁵⁴, что сейчас есть! А потом опять страшное — вроде того, что в церкви:

³³ *Вместо:* прошу вас говорить по-французски, это так идет к вашим вишневым губкам, к синим чудным глазам — *было:* а. то есть по-русски сказать — прошу вас говорить по-французски... б. прошу вас, значит, говорить по-французски... ◊ (ЧМА) *Последний вариант правки красным карандашом.*

³⁴ *Вместо:* моем мизинце — *было:* пальце ◊ (ЧМА)

³⁵ *Вместо:* послушал и вдруг привлек — *было:* послушал — и привлек ◊ (ЧМА)

³⁶ *Далее было:* того <?> ◊ (ЧМА). *Правка красным карандашом.*

³⁷ *Было:* жадней ◊ (ЧМА)

³⁸ *конечно вписано (ЧМА)*

³⁹ *Вместо:* положительно ко всем — *было:* ко всему свету ◊ (ЧМА)

⁴⁰ *в ризе вписано (АМ1, АМ2)*

⁴¹ *Было:* и ◊ (ЧМА)

⁴² *Вместо:* да ~ собой? — *было:* да что ж я могла с собой поделаться? ◊ (ЧМА)

⁴³ *Далее было:* веселой (ЧМА, АМ1, АМ2)

⁴⁴ *Далее было:* моя ◊ (ЧМА)

⁴⁵ *он отсутствует в АМ1, в АМ2 вписано. Вероятно, опечатка.*

⁴⁶ *Вместо* не может быть мне с ним! *было:* а. не может мне быть! б. не может мне быть с ним! (ЧМА). в. не может быть с ним (АМ1, АМ2)

⁴⁷ *Было:* надеяться? (ЧМА)

⁴⁸ *понимаешь вписано (ЧМА)*

⁴⁹ *Было:* нежные ◊ (ЧМА)

⁵⁰ *по плечам вписано (ЧМА)*

⁵¹ *вся пропахла вписано (ЧМА)*

⁵² *думаю вписано (ЧМА)*

⁵³ *Далее было:* и ◊ (ЧМА)

⁵⁴ *Далее было:* то ◊ (ЧМА)

это когда он уходил, прощался со мной при горничной, подававшей ему шляпу и посох⁵⁵, говорил со мной⁵⁶ как ни в чем не бывало — и, представь себе, благословлял меня! До того был смел на отвод глаз!

Ну, а теперь слушай, чем все это кончилось. Кончилось тем, что, разумеется, потеряли мы голову, пошли на отчаянность⁵⁷. Терпеть без конца наше положение мы уж никак не могли⁵⁸. А что ж⁵⁹ могли придумать? Отослать после⁶⁰ завтрака куда-нибудь всю⁶¹ прислугу?⁶² Пойти в сад, в беседку? Еще того подозрительней! Опять же на нем ряса — с ума можно сойти от одной мысли о такой картине⁶³! И вот раз он и говорит мне: «Ну, пора нам предпринять какое-нибудь твердое решение. Должна же ты быть наконец моею, увенчать нашу любовь. Брось детские страхи и слушай меня...» И что ж ты думаешь?⁶⁴ Приказывает мне прийти вечером на Старое кладбище! Ты, может, слышала, было у нас когда-то за городом, за Посадам, уж давным-давно пустовавшее, упраздненное кладбище: туда-то и должна была я прийти в тот же вечер⁶⁵. Он так сказал: я придум⁶⁶ раньше тебя, чтобы ты не боялась, чтобы не быть тебе там ни минуты одной⁶⁷; пойду, понятно, без рясы, в пальто, никто и не подумает, что идет священник, да и некому будет и думать — кого ж можно⁶⁸ встретить в сумерки на этой заглохшей⁶⁹ дороге мимо Посада? А ты тоже оденься попроще, накинь на голову твою черную кружевную ман-

⁵⁵ Было: трость (ЧМА)

⁵⁶ говорил со мной *вписано* (ЧМА)

⁵⁷ *Вместо:* Ну, а теперь, ~ на отчаянность. — *было а.* (без красной строки): И чем же все это кончилось, как ты думаешь? Такой бедой, которо[му]й и названия не [придумал] сыщешь! Короче сказать — пошли мы на отчаянность *б.* (с абзаца) — Ну, а теперь слушай, чем все это кончилось. Кончилось такой бедой, которой и названия не сыщешь! Короче сказать — пошли мы на отчаянность *в.* (с абзаца) — Ну, а теперь слушай, чем все это кончилось. Кончилось тем, что потеряли мы голову, пошли на отчаянность ◊ (ЧМА)

⁵⁸ *Вместо:* Терпеть без конца наше положение мы уж никак не могли — *было: а.* Терпеть дальше [мы] наше положение мы были уж не в силах. *б.* Терпеть больше наше положение мы уж никак не могли. ◊ (ЧМА) *Последний слой правки чернилами и красным карандашом.*

⁵⁹ Далее было: мы ◊ (ЧМА)

⁶⁰ Далее было: какого-нибудь ◊ (ЧМА)

⁶¹ всю *вставлено* (ЧМА)

⁶² Далее было: *а.* Невозможно. *б.* А что <оборвано> ◊ (ЧМА)

⁶³ *Вместо:* Еще того подозрительней! Опять же на нем ряса — с ума можно сойти от одной мысли о такой картине! И вот раз — *было: а.* Для всего дома подозрительно. И вот раз *б.* Еще того подозрительней! Опять же на нем ряса — с ума можно сойти от одной мысли об этом. И вот раз ◊ (ЧМА)

⁶⁴ *Вместо:* «Ну, пора нам ~ И что ж ты думаешь? — *было: а.* Ты должна быть наконец моею. *б.* Ну, милая, пора нам наконец предпринять какое-нибудь твердое решение. Должна же ты быть наконец моею, увенчать нашу любовь и не далее, как нынешним вечером. Брось детские страхи и слушай меня...». Слушаю — и ушам своим не верю! *в.* Ну, куропаточка моя, пора нам предпринять какое-нибудь твердое решение. Должна же ты быть наконец моею, увенчать нашу любовь. Брось детские страхи и слушай меня...». И что ж ты думаешь? ◊ (ЧМА) *Последний слой правки чернилами и красным карандашом.*

⁶⁵ *Вместо:* было у нас ~ в тот же вечер — *было: а.* что было у нас за городом давно пустовавшее кладбище *б.* что было у нас когда-то за городом, за Пушкинским, пустовавшее, упраздненное кладбище: так туда-то и должна я была прийти. *в.* что было у нас когда-то за городом, за Посадам, давным-давно пустовавшее, упраздненное кладбище: туда-то и должна я была прийти в тот же вечер. *г.* что было у нас когда-то за городом, за Посадам, уж давным-давно пустовавшее, упраздненное кладбище: туда-то и должна я была прийти в тот же вечер. (ЧМА)

⁶⁶ Далее было: туда ◊ (ЧМА)

⁶⁷ *Вместо:* ни минуты одной — *было:* ни одной минуты в одиночестве ◊ (ЧМА)

⁶⁸ Далее было: будет ◊ (АМ1, АМ2). Возможно, опечатка.

⁶⁹ Далее было: большой (ЧМА, АМ1, АМ2)

тильку — выйдет, мол, как в «Каменном Госте» Пушкина^с, будто ты Дона Анна⁷⁰. А вернемся мы уж совсем спокойно: ночи стоят месячные и уж тут, без всякого сомнения, не встретишь ни души... Говорит и усмехается, а что я чувствую, сама можешь представить себе: просто руки-ноги отнялись — и от неожиданности такого приказания, и от ужаса, и от радости⁷¹. Сижу как во сне и думаю: вот оно наконец, настал мой час! (Сама понимаешь, каково мне было жить монахиней в такие молодые годы.⁷²) Короче сказать, дождалась я, сама не своя, вечера, надела что попроще, накинула на голову эту черную мантильку, помолилась⁷³ поусерднее, — ведь не шутка сказать, кладбище да еще на ночь глядя! — выскочила⁷⁴ тайком из дому⁷⁵ и пустилась⁷⁶ чуть не бегом бежать, уж совсем не понимая: я это или не я? На дворе уж сумерки,⁷⁷ на улицах, слава Богу, никого, все,

⁷⁰ *Вместо:* выйдет ~ Дона Анна. — *было:* а. знаешь, как Донна Анна в «Каменном госте» Пушкина, будто ты Дона Анна. б. выйдет, знаешь, как [со<всем?>][как] Донна Анна в «Каменном госте» Пушкина, будто ты Дона Анна. в. выйдет, как в «Каменном госте» Пушкина, будто ты, говорит и <есть?> Дона Анна. (ЧМА) г. выйдет, говорит, усмехаясь, как в «Каменном госте» Пушкина, будто ты Дона Анна. (ЧМА; последний слой правки красным карандашом; АМ1, АМ2)

⁷¹ *Вместо:* А вернемся ~ от радости — *было:* а. Говорит и [улыбает<ся>] усмехается, а [у меня] что я чувствую, сама можешь представить себе: так меня поразил такой смелостью, таким страшным и неожиданным решением нашего безвыходн <текст обрывается> б. Говорит и усмехается, а что я чувствую, сама можешь представить себе: просто поразил меня такой смелостью, таким страшным и неожиданным решением нашего безвыходн <текст обрывается> в. Говорит и усмехается, а что я чувствую, сама можешь представить себе: просто руки-ноги отнялись и от неожиданности, и от страха выдумки, и от [страха] ужаса, и что тут скрывать? от блаженства... г. Говорит и усмехается, а что я чувствую, сама можешь представить себе: у меня просто руки-ноги отнялись — и от неожиданности [такой] [таких] такого приказания, и от ужаса, и что ж тут скрывать? от радости... д. А вернемся мы уж совсем спокойно: ночи, слава Богу, стоят месячные и уж тут, [нав<ерное>] без всякого сомнения, не встретишь ни души... Говорит и усмехается, а что я чувствую, сама можешь представить себе: у меня просто руки-ноги отнялись — и от неожиданности такого приказания, и от ужаса, и, что ж тут скрывать? от радости... е. А вернемся мы уж совсем спокойно: ночи, слава Богу, месячные и уж тут, без всякого сомнения, не встретишь ни души... Говорит и усмехается, а что я чувствую, сама можешь представить себе: у меня просто руки-ноги отнялись — и от неожиданности такого приказания, и от ужаса, и, что ж тут скрывать? от радости... (ЧМА, последний слой правки красным карандашом) ж. А вернемся мы уж совсем спокойно: ночи, слава Богу, месячные и уж тут, без всякого сомнения, не встретишь ни души... Говорит и усмехается, а что я чувствую, сама можешь представить себе: просто руки-ноги отнялись — и от неожиданности такого приказания, и от ужаса, и, что ж тут скрывать? от радости... (АМ1, АМ2)

⁷² *Вместо:* Сижу как во сне ~ молодые годы — *было:* а. Так оно наконец нынче вечером: заветный час! (Сама понимаешь, каково мне было в самый расцвет во вр в <текст обрывается> б. Сижу как во сне и думаю: вот оно наконец, настал [же наш] мой заветный час! (Сама понимаешь, каково мне было жить вдовой без этого в. Сижу как во сне и думаю: вот оно наконец, настал мой заветный час! (Сама понимаешь, каково мне было жить монахиней в такой молодости). (ЧМА) г. Сижу как во сне и думаю: вот оно наконец, настал мой заветный час! (Сама понимаешь, каково мне было жить монахиней в такие молодые годы). (ЧМА; последний слой правки чернилами и красным карандашом; АМ1, АМ2).

⁷³ *Вместо:* дождалась я, сама не своя ~ помолилась — *было:* а. дождалась я, как во сне, в наваждени, вечера и в таком же состоянии б. дождалась я, сама не своя, вечера, накинула на в. дождалась я, сама не своя, вечера, надела что попроще, накинула на голову это черное кружево г. дождалась я, сама не своя, вечера, надела что попроще, понезаметнее, накинула на голову эту черную мантильку, помолилась д. дождалась я, сама не своя, вечера, надела что попроще, накинула на голову эту черную мантильку, помолилась (ЧМА; последний слой правки красным карандашом)

⁷⁴ *Было:* выскользнула ◊ (ЧМА)

⁷⁵ *Было:* из дома ◊ (ЧМА)

⁷⁶ *Далее было:* бежать ◊ (ЧМА)

⁷⁷ *Далее было:* хоть еще видно все ◊ (ЧМА)

понятно, ужинают, бегу вниз по Крутой улице, думаю: теперь-то⁷⁸ еще видно⁷⁹, а ведь в поле меня совсем захватит ночь, да подняла голову и вижу, к своей великой радости, что⁸⁰ стоит над горой напротив, над дорогой вдоль Посада⁸¹, огромный красный месяц, — ну, думаю, вот-вот светло будет⁸². И правда, пока я поднялась на ту гору, в поле, месяц уж светить стал⁸³ и до кладбища осталось чуть не⁸⁴ два шага. Я там как-то была из любопытства, — понятно, днем, — говорили, будто там провалилась какая-то могила и виден будто край серебряного гроба, — да ничего любопытного и никакого серебряного гроба⁸⁵ там не оказалось, — а ночью, милая, кладбище это и впрямь было куда как жутко!⁸⁶ Стояло оно в поле совсем одиноко⁸⁷, чернело⁸⁸ старыми-престарыми, высокими кирпичными стенами, а за ними-то что было! Могильные бугры да ухабы, гнилые саженные кресты, памятники все только⁸⁹ каменные, грубые, дикие...⁹⁰ Подбегаю наконец⁹¹ к воротам — ворота железные, огромные, ржавые⁹² и без всякого, понятно,⁹³ запора, развалились⁹⁴ почти настезь — что ж⁹⁵ их было запирать, что за ними беречь! А над воротами⁹⁶, на кирпичной перекладине, прибита⁹⁷ ужасная картина на жести⁹⁸ — Успение⁹⁹ Богородицы, Ее смертный одр¹⁰⁰ и на нем Сама Она, лежит, сложив на груди большие руки.¹⁰¹ Перекрестилась я

⁷⁸ -то *вписано* (ЧМА)

⁷⁹ Было: светло ◊ (ЧМА)

⁸⁰ что *вписано* (ЧМА)

⁸¹ над дорогой вдоль Посада *вписано* (ЧМА)

⁸² Далее было: и не ◊ (ЧМА)

⁸³ Вместо: светить стал — было: а. бледнеть стал, тени пошли б. светить стал, тень от меня ◊ (ЧМА)

⁸⁴ чуть не *вписано* (ЧМА)

⁸⁵ и никакого серебряного гроба *вписано* (ЧМА)

⁸⁶ Вместо: и впрямь ~ жутко! — было: а. это, действительно, место было куда как жутко! б. оно, действительно, было куда как жутко! (ЧМА) в. кладбище это, действительно, было куда как жутко! (ЧМА, АМ1, АМ2).

⁸⁷ Было: одинокое ◊ (ЧМА)

⁸⁸ Вместо чернело — было: а. чернело (ЧМА) б. чернело при месяце (ЧМА, АМ1, АМ2).

⁸⁹ только *вписано* (АМ1, АМ2).

⁹⁰ Вместо: а за ними-то ~ дикие... — было: а. а за ними эти древние заброшенные могилы, кресты, памятники... б. а за ними вообрази себе что было! Могильные бугры и ухабы, гнилые и саженные кресты, памятники каменные, грубые, дикие... травы сорные в. а за ними-то что было! Могильные бугры и ухабы, гнилые саженные кресты, памятники только каменные, грубые, дикие... г. а за ними-то что было! Могильные бугры и ухабы, гнилые саженные кресты, памятники и все каменные, грубые, дикие... (ЧМА) д. а за ними-то что было! Могильные бугры да ухабы, гнилые саженные кресты, памятники все только каменные, грубые, дикие... (АМ1, АМ2).

⁹¹ Вместо: Подбегаю наконец — было: а. Подбегаю к б. Подбегаю наконец того (ЧМА)

⁹² Было: а. ржжие от ржавчины б. ржавые и ра<?> ◊ (ЧМА; последний слой правки красным карандашом)

⁹³ , понятно, *вписано* (ЧМА)

⁹⁴ Было: а. раскрыты б. развалены ◊ (ЧМА)

⁹⁵ Было: кому ж ◊ (ЧМА)

⁹⁶ Далее было: железная ◊ (ЧМА)

⁹⁷ прибита *вписано* (ЧМА)

⁹⁸ Было: а. написанная на белой жести: еще можно разобрать: б. на жести написанная (ЧМА; последний слой правки красным карандашом; АМ1)

⁹⁹ Далее было: а. Пресвятыя (ЧМА) б. Пресвятой (АМ1, АМ2)

¹⁰⁰ Вместо: смертный одр — было: одр смертный ◊ (ЧМА)

¹⁰¹ Далее было: В ◊ (ЧМА)

на Нее¹⁰², подняла глаза — и еще пуще испугалась: стоит он во весь свой рост в воротах, в длинном пальто, из-под шляпы выются кудри¹⁰³: не то послушник какой, не то живописец вывесок, — был у нас в городе подобный¹⁰⁴, пьяница ужаснейший. У меня в первую минуту¹⁰⁵ прямо сердце оборвалось от его фигуры. Но в первую-то минуту я подумала, что я только испугалась¹⁰⁶, вдруг увидав его и словно изумившись его присутствием¹⁰⁷ в этих воротах¹⁰⁸ да еще тому, что он стоит в них и молчит, глядит на меня и ждет, пока я подбегу к нему.¹⁰⁹ Да оказалось вскоре¹¹⁰, что вовсе не один испуг поразил меня тут: сразу поняла, что я еще у самых ворот вдруг так возненавидела его за все, за все, ну, совершенно за все, что, будь у меня под рукой нож, зарезала бы, кажется! Он с нежной улыбкой обнял меня за плечо, а я ему¹¹¹ локтем в грудь, вырвалась и вихрем пустилась по полю назад, от Посада просто волчком покатила под гору. И он, слава Богу, не погнался за мной: понял мои чувства!¹¹² А тут в скорости, к моей великой радости, опять перевели его, отослали от нас всего-навсего¹¹³ в заштатный город Чернаву^d. Видно, дошла о нем слава и до ор-

¹⁰² на Нее *вписано* (ЧМА)

¹⁰³ *Было*: кудрями волосы ◊ (ЧМА; чернила и красный карандаш)

¹⁰⁴ *Было*: такой ◊ (ЧМА)

¹⁰⁵ в первую минуту *вписано* (ЧМА)

¹⁰⁶ *Далее было*: до смерти, от неожиданности ◊ (ЧМА)

¹⁰⁷ *Было*: присутствию (ЧМА)

¹⁰⁸ *Далее было тире* ◊ (ЧМА)

¹⁰⁹ *Далее было*: Ну ◊ (ЧМА)

¹¹⁰ *вскоре вписано* (ЧМА)

¹¹¹ ему *вписано* (АМ2)

¹¹² *Вместо*: меня тут ~ понял мои чувства — *было*: а. меня тут. Что было дальше, понятно. Взял он меня за плечи, поцеловал в щеку, в губы и повел, повел, просто потащил по каким-то сухим травам чуть не по пояс нам, [в] потом где-то остановился и положил меня на землю в эти травы. А когда поднялся с меня, захватила я лицо руками да так и осталась, даже не одернувшись. И вот тут и сказке конец. Поняла я, что я так возненавидела его за все, за все, что, будь у меня нож, [каж] зарезала бы, кажется! Ни единым словом после того мы не обменялись. Вышли вместе, вместе дошли почти до Посада, а от Посада я так просто волчком покатила под гору. И он, слава Богу, не погнался за мной: понял все мои чувства. б. меня тут. Он, конечно, тотчас, ты понимаешь, взял меня за плечи, наспех поцеловал в щеку и поскорей повел, просто потащил по каким-то сухим травам чуть не по пояс нам, потом где-то остановился и сразу положил меня на землю. А когда поднялся с меня, захватила я лицо руками да так и осталась, даже не одернувшись. Лежу и понимаю, что я еще с самых ворот так возненавидела его за все, за все, что, будь у меня под рукой нож, зарезала бы его, кажется! Ни единым словом после того мы не обменялись. Молча вышли вместе, молча дошли до Посада, а от Посада я просто покатила под гору. И он, слава Богу, не погнался за мной: понял все мои чувства. в. меня тут. Он, конечно, тотчас, взял меня за плечи, наспех поцеловал в щеку и повел, просто потащил по каким-то сухим травам чуть не по пояс нам, потом где-то остановился и сразу положил меня на землю. А когда поднялся с меня, захватила я лицо руками да так и осталась, даже не одернувшись. Лежу и понимаю, что я еще с самых ворот так возненавидела его за все, за все, что, будь у меня под рукой нож, зарезала бы, кажется! Ни единым словом после того мы не обменялись. Молча вышли вместе, молча дошли до Посада, а от Посада я просто покатила под гору. И он, слава Богу, не погнался за мной: понял все мои чувства. (ЧМА; последний слой правки чернилами и красным карандашом). г. (окончательная редакция 1944 г.) меня тут. Он, конечно, тотчас взял меня за плечи, наспех поцеловал в щеку и повел, просто потащил по каким-то сухим травам чуть не по пояс нам, потом где-то остановился и сразу положил меня на землю. А когда поднялся с меня, захватила я лицо руками да так и осталась, даже не одернувшись. Лежу и понимаю, что я еще с самых ворот так возненавидела его за все, за все, ну совершенно за все, что, будь у меня под рукой нож, зарезала бы, кажется! Ни единым словом после того мы не обменялись. Молча вышли вместе, молча дошли до Посада, а от Посада я просто волчком покатила под гору. И он, слава Богу, не погнался за мной: понял мои чувства! (АМ1, АМ2) *Окончательная редакция конца 1940-х гг. в АМ2 выполнена поверх машинописи синей шариковой ручкой*

¹¹³ *Вместо*: отослали от нас всего-навсего — *было*: а. куда-то и с большим понижением: б. от нас ◊ (ЧМА)

ловской консистории. А и то сказать: что ж¹¹⁴ они, не люди что ли, священники-то, и не имеют права любить?¹¹⁵

27.5.44

Источники текста:

1) ЧМА (РАЛ. MS 1066/214) — документ, представляющий собой две страницы машинописи с двумя слоями правки (черными чернилами и красным карандашом), продолжающиеся четырьмя листами автографа с теми же двумя слоями правки. Текст машинописи как бы переходит в автограф. 6 листов, на двух первых листах машинописи текст с одной стороны, на четырех листах автографа текст с обеих сторон. Авторская датировка в конце: «27.5.44». Правка чернилами дается по умолчанию, правка красным карандашом оговаривается;

2) АМ1 (РАЛ. MS 1066/215). 6 листов, текст с одной стороны. Второй лист утерян: образуется лакуна. Авторская датировка в конце: «27.5.44». Текст более поздний по отношению к ЧМА (учтена правка, внесенная в ЧМА). Два слоя правки: черными и зелеными чернилами. Правка черными чернилами дается по умолчанию, правка зелеными чернилами оговаривается;

3) АМ2 (РАЛ. MS 1066/216). 7 листов, текст с одной стороны. Авторская датировка в конце: «27.5.44». Машинописный слой идентичен АМ1. Вероятно, АМ1 изначально — вторая копия АМ2 (АМ2 напечатана на плотной бумаге в клетку с отверстиями от скоросшивателя, АМ1 на тонкой папиросной бумаге). Рукописная правка в АМ2 более существенна и более поздняя по времени. Два слоя правки: черными чернилами и синей шариковой ручкой. Правка шариковой ручкой в конце документа, по сути, создает вторую редакцию текста. Правка черными чернилами дается по умолчанию, правка шариковой ручкой оговаривается. На оборотной стороне последнего листа надписи: «[cigarettes turques / del' Etat de Turquie:] / Vouinine/ Jas.94.73» (*вверху листа шариковой ручкой*); «Jasm. / Jas.94.73» (*посередине листа черными чернилами*), «Jas.94.73» (*внизу листа черными чернилами*).

Первая редакция датируется согласно авторской датировке: 27 мая 1944 г. Последняя редакция датируется приблизительно по времени появления у Бунина шариковой ручки: конец 1940-х гг.

Публикуется по АМ2. Текст существенно измененной концовки в редакции 1944 г. см. в сноске 112 г.

^a Карачев — в XIX — начале XX вв. уездный город Орловской губернии (ныне административный центр Брянской области). Поскольку о. Никон подчиняется Орловской духовной консистории, действие происходит в одном из городов Орловской епархии. Бунинский Елец в XIX веке был уездным городом Орловской губернии.

^b «Говорите по-французски, пожалуйста» (Parle française, je vous en prie — *фр.*).

^c В «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Каменный гость» (1830) Дон Гуан знакомится с Доной Анной на монастырском кладбище близ Мадрида, куда она приходит ежедневно, чтобы навестить могилу мужа — Командора, убитого Доном Гуаном.

^d Чернава — небольшой город Орловской губернии (ныне районный центр Липецкой области).

¹¹⁴ ж *вписано* (АМ2)

¹¹⁵ А и то сказать: что ж они, не люди что ли, священники-то, и не имеют права любить? *вписано* (АМ2; *синяя шариковая ручка*).

ДУРА¹

Жаркий день к вечеру, в рабочую пору, тишина пустого села. Церковь на выгоне, рядом школа. У открытого окна своей комнатки сидит рыжий учитель в вышитой косоворотке, набивает машинкой² папиросы. К окну неслышно подходит босыми ногами небольшая бабочка³, кланяется.

¹ *Было: а. В рабочую пору б. Sancta Simplicitas <Святая простота — лат.>*

² *машинкой вписано*

³ *Вместо: небольшая бабочка — было: молодая бабенка*

- Баба, ты что?
- К вашей милости.
- Вижу, что к моей милости. А в чем дело?
- Вы, говорят, лечите, всякие лекарства знаете...
- Больна, значит? Ну входи, надо осмотреть, грудь выслушать, диагноз поставить⁴.
- Да у меня не грудь...
- Там увидим.

Поднимается на крыльцо, осторожно входит, крестится на образок в углу, опять кланяется. Учитель стреляет на стол набитой папиросой, кладет машинку и, зорко взглянув на вошедшую⁵, стряхивает с колен обрезки табаку.

- Ты чья? Не Микешиных⁶?
- Так точно, Микешиных⁷... Солдатка ихняя...

— Ну, ясное дело. Забрюхатела и, значит, скинуть хочешь⁸. Ступай, к бабке, брат, я тут не лекарь.

- Никак нет, я не рожаю с чего-й-то...

- Так на что же жалуешься?

— Да вот что-й-то нога прикинулась болеть, какая-то не то муха, не то козявка укусила. Горит, красная... Даже и вязать не пошла, невестку⁹ за себя послала.

- Ну-ка покажи.

- Да это у меня почесть возле самого костреца... Мне стыдно...¹⁰

- А стыдно, уходи с Богом.

- Ну как хотите... Я покажу...

Краснея и опустив голову¹¹, поднимает подол сбоку. На левой ягодице¹² оранжевая опухоль.

- Поднимай как следует.

- Ох, стыдно!

— Авось не съем. Поднимай выше. Так, отлично. Злокачественная опухоль. Но дело поправимое¹³. Дашь на раз — вылечу. А то можешь и к праотцам отправиться.

— Да куда ж я пойду? Я одинокая, ни отца ни матери. Батюшка с матушкой еще в прошлую холеру померли...

— Я не про то¹⁴ тебе говорю. Я говорю — помереть можешь. Это, брат, не шутка¹⁵. Ишь как у тебя занялось!

⁴ *Вместо:* диагноз поставить — *было:* и все такое

⁵ *Вместо:* взглянув на вошедшую — *было:* а. взглянув б. взглянув на больную

⁶ *Было:* Гусевых

⁷ *Было:* Гусевых

⁸ *Вместо:* Забрюхатела и, значит, скинуть хочешь — *было:* а. Забрюхатела значит. б. Забрюхатела, значит, скинуть хочешь

⁹ *Было:* сноху

¹⁰ *Вместо:* Да это у меня почесть возле самого костреца... Мне стыдно... — *было:* Мне стыдно... Это у меня почесть возле самого костреца...

¹¹ Краснея и опустив голову *вписано*

¹² *Далее было:* а. видна б. показывается в. видна

¹³ *Вместо:* Злокачественная опухоль. Но дело поправимое — *было:* а. А теперь слушай б. Ну что же, вылечить все-таки можно.

¹⁴ *Было:* них

¹⁵ *Вместо:* Это, брат, не шутка — *было:* а. Это, брат, серьезно б. Это, брат, дело серьезное

— Огнем горит...

— Про то и толк. Когда вылечу, придешь и дашь разок.

— Я лучше вам десяточек яичек принесу.

— Мне твои яички без надобности. Не дашь — уходи.

Молчит, моргает. Потом нерешительно:

— Я бы дала... Да ну-ка кто узнает!

— Абсурд. Я тебе сейчас мазь дам¹⁶, а она, одна баночка, два целковых сто́ит. Мажь три раза в день, пока не пройдет.

— Ну покорно благодарим вас. Только вы уж¹⁷ за ради Христа не сказывайте никому про меня.

— Подумаешь, Офелия⁸ какая! Не беспокойся, хвастаться тобой не буду.

— Ну благодарим вас...

Закурив и опять сев за стол¹⁸ и продолжая набивать папиросы, посматривает в окно вслед уходящей¹⁹ и качает головой²⁰:

— Ну и дура!^{21b}

21.IX.43

Источники текста:

1) ЧА (РАЛ. MS 1066/109). 2 листа, исписанных с обеих сторон. Авторская датировка в конце: «21.IX.43». Подпись: Ив. Бунин. Черные чернила. Два слоя правки: первый выполнен теми же чернилами-

¹⁶ *После:* Огнем горит... — *было:* (*первая редакция финала*)

— Про то и толк. Ложись.

— Да вы небось смеетесь. Я лучше вам десяточек яичек принесу.

— Мне твои яички без надобности. Не дашь — уходи.

[Большая молчит] Молчит, моргает. Потом нерешительно:

— Я бы дала... Да ну-ка кто зайдет?

— Абсурд! Зайти некому. Ну?

Несмело легла на постель, потянула подол с колен...

— Так. Готово. Ну подмахивай круче!

— Я подмахиваю... Ох, как вы! [Аж до самого сердца.]

Встал, застегиваясь, смеясь:

— Ну вот тебе и лекарство.

Поднимаясь, покраснела до слез:

— Что ж вы меня из меня дуру-то строите!

— И есть дура. Я шучу. Я тебе сейчас мазь дам, а она, одна баночка, два целковых сто́ит. Мажь три раза в день, пока не пройдет.

— Ну покорно благодарим вас. Только вы уж за ради Христа не сказывайте никому про меня.

— Подумаешь, Офелия какая! Не беспокойся, хвастаться тобой не буду.

— Ну благодарим вас...

Закурив и опять [начав набивать] сев за стол и продолжая набивать папиросы, посматривает в окно вслед уходящей [больной] и качает головой [, усмехаясь]:

— [Вот уж поистине sancta simplicitas] Ну и дура!

Правка шариковой ручкой.

¹⁷ *уж вписано*

¹⁸ *Вместо:* сев за стол — *было:* начав набивать

¹⁹ *Далее было:* больной

²⁰ *Далее было:* усмехаясь

²¹ *Вместо:* Ну и дура! — *было:* а. Вот поистине sancta simplicitas! б. Вот уж поистине sancta simplicitas!

ми, какими написан текст — вероятно, правка в процессе работы. Второй слой правки выполнен красной шариковой ручкой (размашистый почерк последних лет жизни, трясущаяся рука), по-видимому, в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

2) АМ (РАЛ. MS 1066/110). 3 листа, текст с одной стороны. Датировка в конце: «21.IX.43». Учитывает первый слой правки, сделанный в ЧА. В АМ внесена незначительная дополнительная правка черными и зелеными чернилами. Правка черными чернилами может быть датирована приблизительно по хорошему почерку серединой 1940-х гг. Правка зелеными чернилами может быть датирована приблизительно по размашистому почерку последних лет жизни: конец 1940-х — начало 1950-х гг. Второй лист АМ сохранился наполовину, нижняя половина оторвана. Возможно, И.А. Бунин при жизни или В.Н. Бунина после смерти мужа, уничтожила часть листа, на которой сохранялась часть первоначальной редакции.

В АМ внесены следующие варианты. *Вместо*: Жаркий день — *стало*: День; *Вместо*: в рабочую пору — *стало*: рабочая пора; *После*: Так точно, Микешиных — *вставлено*: Солдатка ихняя (черные чернила; последнее исправление сделано и в ЧА). *Вместо*: Ну, ясное дело — *стало*: Ну, тогда ясное дело; *Вместо*: Ступай к бабке, брат — *стало*: Ступай, брат, к бабке (зеленые чернила).

Первая редакция текста датируется согласно авторской датировке: 21 сентября 1943 г. Вторая редакция датируется приблизительно по времени появления у Бунина шариковой ручки: конец 1940-х гг. АМ датируется приблизительно концом 1940-х — началом 1950-х гг.

Публикуется по ЧА.

^a Героиня трагедии У. Шекспира «Гамлет» (1601) упоминается, по-видимому, нектати. Вероятно, использование этого имени подчеркивает невысокий культурный уровень говорящего.

^b Первоначальное заглавие «Sancta simplicitas» (святая простота, *лат.*) и соответствующая финальная фраза по-видимому, были сняты как слишком интеллектуальные для героя и всей ситуации.

СКАЗКА ПРО СОЛДАТА

— А то еще есть сказка про солдата. В старину ведь в солдатах как служили, тогда служба долгая была. Машин тогда не было, все пешком. Вот одного солдата и послали, значит, с письмом. Тот шел, шел с этим письмом, приходит, скажем, в какой-нибудь <так!> село, нужно ему ночевать, заходит в один двор, а у этом дворе покойник лежал. У него сыновья были, у старика-то, который помер, вот они и нанимают его псалтырь читать по нем,¹ никто кроме не берется, потому он был колдун страшный,² и только с тем договором — читать все три ночи. Он сторговался — первую ночь пятьдесят³, вторую сто⁴, третью триста⁵ рублей. Стал он читать⁶, подходит наконец того⁷ полночь. Он поднимается из грóбу, а в старину везде в избах палаты на столбах были,⁸ солдат стал за столб и схоронился. Тот походил, походил, не нашел никого — что, мол, за оказия, будит, будит мне этим псалтырем, а никого нету! Другая ночь приходит,⁹ опять встает. Он опять поискал, поискал, опять не нашел и ложится в гроб, а солдат выходит из-за столба и опять читать. Приходит третья ночь, тот опять начинает вставать, походил, походил, видит никого нету и зовет всех чертей, чтобы взять этого солдата. Черти

¹ *Вместо запятой было тире*

² *Вместо запятой было тире*

³ *Было: 50*

⁴ *Было: 100*

⁵ *Было: 300*

⁶ *Вместо: он читать — было: и читает*

⁷ *наконец того вставлено*

⁸ *Вместо запятой было тире*

⁹ *Вместо запятой было тире*

говорят — один говорит — облить керосином и зажечь этот столб, другой еще что-нибудь. Зажгли этот столб, а солдат в дверь и драло. Шел, шел несколько время, приходит ночь, он видит дерево стоит в поле, расстиляет свой <так!> шинель, кладет ранец в голова, ложится спать, а в это самое время на том древе меч с копьем дрались, вот копье и говорит, заступись за меня, служивый. Он заступился за копье, убил этого меча и говорит, какая же мне за это награда будет? Давай, говорит, мне твою дочь замуж. Сыграли, значит, свадьбу, отвели молодых в отхожую спальню, он потушил огонь, завернул ей подол¹⁰, хочет в ноги лезть,¹¹ а у ней там змей лежит — поднял голову, засветил глаза и шипит на него во все рыло. Ну он этого змея поленом убил, да поскорее драло от ней.¹²

Потом подумал, подумал и на Кавказ пошел служить и такой отчаянный был — ни одна военная пуля его не брала! Дослужился до хорошего чина, женился на другой, на какой-нибудь невинной христианке, и зажил не хуже всякого полковника.

1943.

Источники текста:

1) АМ1 (РАЛ. MS 1066/269). 2 листа, текст с одной стороны. Авторская датировка в конце: «1943 г.» Подпись: Ив. Бунин. Заглавие написано от руки. Правка черными чернилами.

2) АМ2 (РАЛ. MS 1066/270). 2 листа, текст с одной стороны. Авторская датировка в конце: «1943». Первоначально второй экземпляр АМ1. Заглавие написано от руки. Правка черными чернилами, идентичная правке в АМ1. Второй слой правки шариковой ручкой.

Датируется предположительно по времени появления у Бунина шариковой ручки: конец 1940-х гг.

Публикуется по АМ2. Правка чернилами не оговаривается, правка шариковой ручкой оговаривается особо. Исправления, сделанные сразу в обоих источниках, не оговариваются.

¹⁰ Было: завернул подол ей (АМ1, АМ2; исправлено шариковой ручкой)

¹¹ Вместо: лезть, а у ней — было: а. лезть, а у ней б. лезть, еть как следует, а у ней ѓ (АМ1)

¹² Далее было: Вот тебе и женился на богатой!

ИВОЛГА

«Пишу Вам в “Покровское”^а, на днях была в Орле, встретила дядю Петю¹, он мне сказал, что Вы² сейчас в “Покровском”, и так вдруг захотелось написать Вам! Помните ли Вы меня? Целых десять лет прошло с тех счастливых дней, когда Вы звали меня Иволгой, так много прошло всего, что Вы, верно, забыли даже о моем существовании! А я еще существую, и мне часто кажется, что я все еще та же, что в “Покровском”, хотя у меня уже³ дочка пяти лет. Я уже⁴ седьмой год замужем, мой муж доктор, я Вам опишу его⁵: он почти одних лет со мной, белокурый, в золотых очках с толстыми стеклами для очень близоруких, я с ним случайно познакомилась в Крыму, где была с больной тетей Катей⁶, и вскоре вышла за него, тетя Катя в ту осень умерла и все ее имение продали за долги, ведь Львовы никогда не умели жить по средствам! Мы жили прежде в Ялте, у него были слабые легкие, теперь жи-

¹ Далее было: Оболенского (АМ, карандаш)

² Далее было: а. по слухам (ЧА, АМ)

³ Было: есть уже (ЧА, АМ)

⁴ уже вписано (ЧА)

⁵ Вместо: доктор, я Вам опишу его — было: доктор, очень милый и немножко наивный человек. Я Вам его опишу (ЧА)

⁶ где ~ Катей вписано (ЧА)

вем в Курске, Александровская улица, дом Шведова. Напишите мне, я вспомню молодость, наши семнадцать лет, нашу скамеечку в саду «Покровского»...⁷ Если напишете, я так буду рада знать, что Вы еще помните меня!⁸ М. Львова (теперь Дмовская)⁹.

P.S. Если захотите, пришлю Вам свою последнюю карточку, он¹⁰ недавно снял меня с моей девочкой в городском саду, он отлично снимает, мы стоим с ней возле цветника, Вы увидите, что я все-таки не очень изменилась¹¹ внешне, только вся как-то подсохла немножко, но¹² все еще тонка¹³, легка, как Вам нравилось, и по-прежнему люблю не ходить, а бегать¹⁴... Я знаю, что я причинила Вам много горя по своей детской¹⁵ ветрености, да ведь Вы, конечно, этого горя теперь уже не помните...»¹⁶.

Нет, я еще помню...¹⁷

Та «скамеечка» стояла в дальней боковой аллее¹⁸ — и сколько, правда,¹⁹ отчаянных юношеских слез было пролито на ней, когда она так странно уехала, точно ничего и не произошло в ее девичьей жизни в те «счастливые дни»!²⁰

Этих дней было немного²¹ — она прожила у нас всего недели две — и прошли они так²² быстро, незаметно, как всегда проходят такие дни²³ в ранней молодости, летом, в деревне. Быстро, чуть не с первого дня ее неожиданного появления в «Покровском», началась и наша близость, дружба, любовь...²⁴

В «Покровском» была она тонка и легка, как девочка²⁵, проносилась порой по дому так стремительно, что пугала нашу старую горничную; легко вспыхивала, легко огорчалась, но сердце у нее было отходчивое, карие глаза необыкновенно живы, во всей ее головке,

⁷ *Далее было:* Муж моих писем не читает, говорит, что уважает мою «личность», хотя я всегда говорю ему, что я вовсе не личность, а просто пустая бабенка, так что можно писать совсем свободно... (ЧА)

⁸ *Вместо:* Если напишете, я так буду рада знать, что Вы еще помните меня! — *было:* а. Напишите! Я так рада знать, что Вы еще помните меня! б. Напишите! Я так буду рада знать, что Вы еще помните меня! (ЧА)

⁹ *Вместо:* М. Львова (теперь Дмовская) — *было:* С. Львова (теперь Бергер) (ЧА)

¹⁰ *Было:* муж (ЧА)

¹¹ *Вместо:* все-таки не очень изменилась — *было:* а. все-таки мало изменилась (ЧА) б. все-таки изменилась (АМ).

¹² только ~ немножко, но *вписано в АМ*

¹³ *Вместо:* все еще тонка — *было:* а. все еще так же тонка б. все еще тонка (ЧА) в. все еще мала, тонка (АМ).

¹⁴ *Далее было:* и носить желтое: как была Иволгой, так и осталась! (ЧА)

¹⁵ *детской нет в ЧА*

¹⁶ *На верхнем поле первого листа АМ, с левой стороны:* Деловито, с детской старательностью (*карандаш*). *На нижнем поле первого листа, с правой стороны:* Очень черная, смуглая, желтое платьице (*карандаш*).

¹⁷ *Вместо:* Нет, я еще помню — *было:* Нет, еще помню (АМ, фраза *вписана и исправлена карандашом*)

¹⁸ *Вместо:* аллея — *было:* а. аллея б. аллея в саду «Покровского» (ЧА)

¹⁹ , правда, *нет в ЧА*

²⁰ *Вместо:* когда она ~ в ее девичьей жизни — *было:* а. когда она уехала с неизменной своей веселостью, беззаботностью, точно ничего и не случилось в ее девичьей жизни (ЧА, АМ) б. когда она так странно уехала, несмотря на все в. когда она так странно уехала после [того, что] того, что случилось в ее девичьей жизни (АМ).

²¹ *Вместо:* Этих дней было немного — *было:* а. Их было немного, этих дней (ЧА) б. Этих дней было очень немного (ЧА, АМ)

²² *Было:* , конечно, (ЧА)

²³ *Вместо:* такие дни — *было:* «счастливые дни» ◊ (ЧА)

²⁴ *Далее было:* , — она во всем была быстра. (ЧА, АМ)

²⁵ *Вместо:* В «Покровском» была она тонка и легка, как девочка, — *было:* а. В Курске она уже не могла быть так же «тонка, легка», как в Покровском, — женщина даже и в двадцать семь лет б. В Курске она уже не могла быть так же «тонка, легка», как в Покровском, — двадцать семь лет все же не семнадцать. в. В Курске, двадца-

повитой темными девичьими косами, была какая-то чуткая внимательность и готовность к чему-то решительному, хотя часто вдруг задумывалась, точно прислушивалась к чему-то²⁶.

Ни я, ни матушка до ее неожиданного приезда к нам с тетей Катей никогда не видели ее, знали только, что тетя Катя приютила у себя сироту Машу Львову, свою племянницу: тетя Катя годами не бывала²⁷ в «Покровском», считая нас слишком дальними и обедневшими, опростившимися²⁸ родственниками, и я лишь одно запомнил с отрочества: тетя Катя очень велика, у нее большое (особенно книзу)²⁹ туловище, ходит³⁰ она своими крупными ступнями поспешно, но³¹ тяжело, несколько подавшись вперед, как кенгуру³², светски свободна и бездушно³³ любезна в обращении, в своей картавой,³⁴ попугайной речи, — недаром была она крови Рюриковичей, рожденная Оболенская, вдова шталмейстера^b Львова!³⁵ Тысяча десятин ее³⁶ была давным-давно так заложена и перезаложена, что в доме³⁷ подавали иногда к обеду одну вареную картошку, но она все еще держала лакея, двух³⁸ горничных, управляющего³⁹, чеха садовника, конюха, ездила на хорошей тройке с кучером в плисовой безрукавке, в круглой шапочке с павлиньими перьями: мой

тисемилетней женщиной, она уже не могла быть так же «тонка, легка», как в Покровском. Тогда она была так тонка и легка, как бывает это только на пороге девичества (ЧА)

²⁶ *Вместо:* проносилась порой ~ прислушивалась к чему-то — *было:* а. Тогда она своей детской беготней, своим желтеньким платьицем, пролетавшим по дому, даже пугала нашу старую няньку, с места срывалась всегда как-то внезапно, решительно, как и во всем была она решительна. Я помню только ее веселость, беззаботность, — она легко вспыхивала, гневалась, огорчалась, но сердце у нее было отходчивое, не склонное к гневу и огорчениям. Карие глаза ее были необыкновенно живы, во всей ее головке, повитой плетенками темных девичьих кос, была какая-то внимательность, чуткость... б. проносилась по дому в своем желтеньком платьице [как вихрь] так стремительно, что пугала нашу старую няньку, с места срывалась всегда внезапно, решительно, как и во всем была решительна она. Я помню только ее веселость, беззаботность, — она легко вспыхивала, гневалась, огорчалась, но сердце у нее было отходчивое, не склонное к гневу и огорчениям. Карие глаза ее были необыкновенно живы, во всей ее головке, повитой плетенками темных девичьих кос, была чуткая внимательность, настороженность. (ЧА) в. проносилась порой по дому так стремительно, что пугала нашу старую горничную; легко вспыхивала, легко огорчалась, но сердце у нее было отходчивое, веселое, карие глаза необыкновенно живы, во всей ее головке, повитой [плетенками] темными девичьими косами, была какая-то чуткая внимательность и готовность к чему-то решительному, хотя она иногда вдруг задумывалась, точно прислушивалась к чему-то (АМ)

²⁷ *Далее было:* у нас ◊ (ЧА)

²⁸ *Было:* уже мелкопоместными (ЧА)

²⁹ *Вместо:* (особенно книзу) — *было:* а. — и особенно книзу — (ЧА) б. и особенно книзу (АМ, исправлено карандашом)

³⁰ *Было:* ступает (ЧА)

³¹ поспешно, но *нет в* ЧА

³² *Вместо:* как кенгуру — *было:* а. как какое-то допотопное животное б. как ступали допотопные животные (ЧА)

³³ *Было:* оскорбительно (ЧА)

³⁴ *Далее было:* бездушной, (ЧА)

³⁵ *Вместо:* недаром была она крови Рюриковичей, рожденная Оболенская, вдова шталмейстера Львова! — *было:* а. [все] словом, во всем такова, как и полагалось ей быть, вдове Оболенской, вдове шталмейстера Львова. б. словом, все, что полагается рожденной Оболенской, вдове шталмейстера Львова. (ЧА)

³⁶ *Вместо:* Тысяча десятин ее: — *было:* а. Ее поместье, ее имение б. Все ее имение ◊ (ЧА).

³⁷ *Далее было:* у нее ◊ (ЧА)

³⁸ *Было:* и двух (ЧА)

³⁹ *Далее было:* конторщика, (ЧА)

покойный отец справедливо говорил — теть Катя до самой смерти⁴⁰ будет картавить и ездить на тройке с малиновыми⁴¹ колокольчиками, как до самой⁴² смерти шталмейстер Львов был похож на того барина из старого дворянского анекдота, который все приказывал, собираясь вечером в клуб, заложить карету, на что его дряхлый камердинер меланхолически отвечал всегда, что она уже полгода тому назад заложена⁴³. Но вот однажды вечером⁴⁴ слышим мы вдруг из-под горы этот малиновый звон, затем видим из окон головы тройки в каменных воротах усадьбы, а через минуту тарантас у крыльца, кучера в безрукавке и в перьях на козлах, в тарантасе тетю Катю в широком чесучевом пальто и соломенном канотье, рядом с ней какую-то молоденькую девушку в коричневом⁴⁵ платье, свободно и весело глядевшую на нас с матушкой, — мы уже вышли на крыльцо навстречу знатной тете, с тяжелой бодростью вылезавшей из тарантаса и без остановки, картаво отчеканивая слова, говорившей так, как будто кто другой говорил за нее:

— Sophie, пгинимай гостей, позволь обнять тебя, пгеставить тебе мою племянницу и познакомиться с твоим сыном, котогый, вегно, уже забыл меня...⁴⁶

С той же светской бодростью говорила она и войдя в дом, сидя с нами в гостиной, пока готовили чай, перескакивала с одного на другое и все как-то так, будто приехала она просто повидаться по родству, по старой дружбе, хотя приехала она, как оказалось, с очень определенной целью, — просить до начала осени, до продажи урожая, тысячу рублей взаймы, — а племянница смирно сидела, слушала, потом вдруг не выдержала, с очаровательной живостью обратилась к матушке:

— Теть Соня, можно посмотреть ваш дом и сад?

И еще живет ко мне:

⁴⁰ *Вместо:* до самой смерти — *было:* а. и до самой своей смерти б. до самой своей смерти (ЧА)

⁴¹ *Было:* валдайскими (ЧА)

⁴² *Далее было:* своей (ЧА)

⁴³ *Вместо:* меланхолически отвечал всегда, что она уже полгода тому назад заложена. — *было:* а. «Осмелюсь доложить, сударь, что она уже полгода тому назад заложена». б. «Осмелюсь напомнить, сударь, что она уже полгода тому назад заложена». (ЧА)

⁴⁴ *Вместо:* Но вот однажды вечером — *было:* а. В то лето мы как-то встретились с ней на станции б. В то лето мы как-то встретились с ней на нашей станции в. Но вот однажды вечером, как сейчас, <на этом месте ЧА обрывается> (ЧА)

⁴⁵ *Далее было:* гимназическом (АМ)

⁴⁶ *Притиска карандашом на верхнем, нижнем и левом поле, а также на оборотной стороне листа:* Львова должна то и дело вставлять в разговор избитые французские фразы, напр.: Le cœur a ses raisons que la raison ne connaît pas, La façon de donner vaux mieux, que ce qu'on donne, La critique est aisée, l'art est difficile, Il n'est [point] si vilain pot qui ne trouve son couvercle, Les absents ont toujours tort, Les [bonne] bons comptes font les bons amis, Les peuples heureux n'ont pas d'histoire, Le mieux est l'ennemi du bien, Les beaux esprits se rencontrent, Chacun voit le monde avec ses lunettes, Honni soit qui mal y pense! La vérité est au fond d'un puits, Comme on fait son lit on se couche, La fin couronne l'œuvre, L'or s'éprouve par le feu, l'homme par le malheur, Les absents ont toujours tort, Les bons comptes font les bons amis. <Описки исправлены без специальных указаний. Перевод: Доводы сердца непонятны рассудку (во французском тексте каламбур: la raison означает 1. причина 2. разум, рассудок. Б. Паскаль. «Мысли», в оригинале не pas, а point); Важен не подарок, важно внимание; Легко критиковать, трудно делать (цитата из комедии Филиппа Детуша (Philippe Detouches, 1680–1754) «Тщеславный», являющаяся цитатой из кн. XII «Истории» Полибия); Нет такого плохого горшка, который не найдет себе крышку; Виноват всегда отсутствующий; Возврат долга сохраняет дружбу; Счастливые народы не имеют истории; Лучшее враг хорошего; Прекрасные умы находят друг друга; Каждый видит мир своими глазами (букв.: через свои очки); Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает; Истина на дне колодца; Что посеешь, то и пожнешь (букв.: Как себе постелишь, так и будешь спать); Конец всему делу венец; Золото испытывается огнем, человек — несчастьем; Виноват всегда отсутствующий; Возврат долга сохраняет дружбу.> (АМ)

— Вы мне покажете?

Дом в «Покровском» был⁴⁷ старый, приземистый, с грубой ясеновой мебелью, с дубовыми некрашеными полами, с тяжелыми подъемными рамами, но пока я поспевал за ней по комнатам, потом по запущенным⁴⁸ аллеям в саду, она все восхищалась, мешая радостные восклицания с быстрыми вопросами⁴⁹:

— Ах, как хорошо у вас, какой прекрасный дом, какой милый сад!⁵⁰ Вы только что кончили гимназию? Я тоже нынешней весной кончила⁵¹... Знаете, что? Я попрошу у тети Сони и у тети Кати позволение остаться у вас погостить! Вы хотите? Мы будем ездить на беговых дрожках в лес, — ведь у вас есть лес? — потом просто в поле, по разным деревьям, я очень люблю разговаривать с девками и с бабами... Можно мне называть вас просто Димой?

В той узкой боковой аллее, глухо замкнутой с двух сторон густыми рядами сирени и акации⁵², где в высокой траве одиноко стояла возле куста «Божьего дерева» косая от времени скамья со спинкой, она остановилась и, что-то подумав, сказала:

— Мы сюда будем приходить читать что-нибудь. Тут так тихо, далеко, никто не будет нам мешать, и мы будем сидеть и читать, как какие-нибудь старинные влюбленные, я очень люблю все старинное! Это «Божье дерево»? — сказала она, держа руки за спиной и внимательно глядя на высокий куст^c возле скамьи, еще цветший бледными фиолетовыми цветочками, и, не дождавшись ответа, напевая какой-то вальс, плавно, отчетливо сделала несколько кругов по заросшей⁵³ дорожке с этим пленительным движеньем длинных девичьих ног и бедр, потом вдруг встрепенулась:

— Ой, как мы заговорились! Нас там ждут, ждут... Бежим скорее!

И вихрем сорвалась с места, замелькав ногами по дорожке, а я, догоняя ее, уже с восторгом думал о ней⁵⁴, о черной бархатке с золотым крестиком на ее открытой шейке... Я чуть не со страхом ждал, прибежав с ней в дом и входя в столовую, попросится ли она остаться у нас гостить и позволит ли тетя Катя, но она попросилась сию же минуту и бросилась целовать и матушку и тетю Катю, получив их согласие.

— Только не больше как до Ильина дня^d, — сказала тетя Катя, — ты знаешь, что ко мне приедет гостить старая Уварова с своей старой дочерью, не могу же я одна с ними... Я еду домой завтра утром, Софи была так мила, что оставила меня ночевать, а к вечеру завтра я пришлю с верховым кое-что необходимое тебе...

После чая с легким ужином она уже стала пересиливать томность дремоты, и матушка, с нежной грустью любуясь ею, обменялась улыбками с тетей Катей и отвела ее на свою половину. Зато утром она была на ногах еще при первом солнечном свете: моя комната была в другой стороне дома, за гостиной и диванной, и вот я вдруг услышал сквозь сон чей-то легкий бег на цыпочках в диванной, привстал на постели и увидел ее в пролет растворенных дверей уже в гостиной, — на босу ногу, в ночных туфлях матушки и в ее длинном и широком сером халате, делавшем ее совсем маленькой, распахнувшимся на ее тонком теле в одной сорочке, она стояла перед зеркалом в простенке между окнами и заботливо устра-

⁴⁷ Далее было: большой, но (АМ)

⁴⁸ запущенным вписано (АМ)

⁴⁹ На полях рядом с этим абзацем приписка карандашом: глухой сад (АМ)

⁵⁰ Вместо: какой прекрасный дом, какой милый сад! — было: как вы прекрасно живете! (АМ)

⁵¹ Далее было: ее (АМ)

⁵² Вместо сирени и акации — было: а. акации и сирени б. сирени (АМ)

⁵³ Далее было: травой (АМ)

⁵⁴ о ней, вписано (АМ)

ивала из своих распущенных волос поднятыми, заголившимися руками какую-то высокую прическу, придержала ее немного, устроив, потом решительно бросила, рассыпала по плечам и, тряхнув головой, неслышно кинулась вон.

За утренним чаем, под картавый говор тети Кати, она вполголоса говорила мне с тем особенно счастливым оживлением, что бывает по утрам за чаем в ранней молодости:

— А я на рассвете, пока вы все спали, опять осмотрела почти весь дом, потом кое-как оделась и побежала в конюшню, там стояла какая-то высокая лошадь с длинной шеей — это, верно, ваша верховая?

Я отвечал, радостно томясь от ее блестящих глаз и воспоминания того, что видел утром в гостиной, что это лошадь уже старая, что теперь я езжу на ней верхом редко, чаще в беговых дрожках.

— Вот хорошо! Будем ездить вместе!

— Хотите поедem нынче же в наш лес? — сказал я.

— Страшно хочу! Когда? После обеда? Ну да, конечно, после обеда, а то надо будет спешить назад домой.

Я не вытерпел:

— А что это вы делали нынче рано утром⁵⁵ в гостиной?

Она как-то радостно изумилась:

— Вы видели?

— Видел нечаянно, из своей спальни.

Она подумала и беззаботно ответила:

— Мне вдруг пришло в голову сделать себе греческую прическу, но потом я подумала, что это не идет к моему короткому платью, мы его переделали, а все-таки оно еще похоже на гимназическое⁵⁶...

«У нее, верно, и⁵⁷ нет другого платья», — подумал я с новым приливом не только восторга, но и любви к ней от той нежной жалости, которой поразила меня эта мысль.

Тетя Катя уехала тотчас после чая, расцеловавшись с матушкой и наговорив мне любезностей насчет моей воспитанности, — «теперь это редкость, мой друг!» — сказала она, особенно энергично картавя: матушка, как я узнал потом, уже дала ей пятьсот рублей, обещав дать еще пятьсот к августу. Мы постояли на крыльце, поглядели, как тройка, малиново позванивая на сдержанной рыси, с еще опущенными постромками плавно пляшущих пристяжных и с мерно качающейся дугой гордого коренника, скрылась в воротах, и матушка с видимым облегчением пошла в дом, а мы в сад:

— После обеда мы поедem, до обеда я буду устраиваться в своей комнате, — сказала она, — а пока пойдem на минуту опять в ту аллею, мне там вчера очень понравилось...

По дороге она стала спрашивать меня, много ли у нас русских книг, — «у тети Кати все только французские, и все ужасно неинтересные, она надевает иногда пенсне и все перечитывает «Les Caractères» de la Bruyère», потом⁵⁸, есть ли у нас крокет и что я люблю

⁵⁵ утром *вписано* (АМ)

⁵⁶ *Вместо:* Мне вдруг пришло в голову сделать ~ гимназическое... — *было:* Ну что ж, не беда.. Я хотела сделать себе греческую прическу, но потом вспомнила, что это не идет к моему гимназическому платью, а я хочу его доносить, оно еще совсем новое. (АМ)

⁵⁷ *Вместо:* , верно, и — *было:* просто (АМ)

⁵⁸ *Вместо:* неинтересные ~ потом — *было:* а. неинтересные, тетя иногда надевает пенсне и все <нрзб> перечитывает «Les caractères de Bruyère», потом б. неинтересные, она надевает иногда пенсне и все перечитывает «Les Caractères» de Jean de la Bruyère», потом (АМ)

«больше всего на свете», но слушала невнимательно, смотрела то вверх, то по сторонам. Утро было тихое и жаркое. По сторонам высокой главной аллеи, где росли на свободных пространствах только фруктовые деревья, всюду неподвижно лежали на траве их прозрачные круглые тени, было весело и мирно от этих теней и солнечного тепла и света. Но в той узкой⁵⁹ боковой аллее⁶⁰, в глуши сирени и акации⁶¹, в полном затишье, солнце жгло и слепило, в неподвижном⁶² воздухе жарко пахло сохнувшей травой, в которой торчали сложенные и поднятые⁶³ крылья точно мертвых бабочек. Дойдя до⁶⁴ «Божьего дерева», она опять, как вчера, постояла возле него в своем коротком коричневом платье⁶⁵, заложив руки за спину, глядя то на фиолетовые цветочки дерева⁶⁶, то вверх, в⁶⁷ знойное небо, слегка вытянув шейку в черной бархатке с золотым крестиком. И чувствуя, что я смотрю на эту бархатку и крестик,⁶⁸ медленно сказала:

— Вот видите, как тут хорошо... А это у меня от мамы. Папу я совсем не помню, а ее немного помню...

Я несмело взял ее руку, не решаясь поднять и поцеловать ее. Она перевела⁶⁹ глаза на меня, — от солнечного света глаза эти казались особенно темными⁷⁰:

— Вы мне еще вчера очень понравились, — сказала она, не отнимая руки. — И потом, мы ведь все-таки немножко родные, мне кажется, что я вас уже давно знаю... Это конечно, неправда, еще совсем не знаю, но все равно, я так чувствую⁷¹...

Я наклонился с тем радостным трепетом, с каким в отрочестве склонялся после исповеди под епитрахиль священника, ужасаясь красоте и нежности этой теплой, загорелой продолговатой руки, и едва прикоснулся к ней губами.

— Поцелуйте меня, — неловко сказала она⁷², закрывая глаза и слегка откидывая голову⁷³.⁷⁴

«Вы этого горя, конечно, уже не помните...». Это горе я помню теперь как великое счастье. В этом горе было, может быть, еще больше счастья, чем в те «счастливые дни». «Божье дерево» все еще цвело бледно-фиолетовыми цветочками, а я уже один сидел под

⁵⁹ узкой *вписано (АМ)*

⁶⁰ Далее было: деревьев не было, ее узкая дорожка шла среди густых кустов, и (АМ)

⁶¹ Вместо: сирени и акации — было: их зарослей (АМ)

⁶² Далее было: душном (АМ)

⁶³ и поднятые *вписано (АМ)*

⁶⁴ Далее было: скамьи и (АМ)

⁶⁵ Вместо: коротком коричневом платье — было: а. довольно коротком коричневом платье б. коротком желтом платье (АМ)

⁶⁶ Вместо: фиолетовые цветочки дерева — было: его фиолетовые цветочки (АМ)

⁶⁷ Далее было: синее (АМ)

⁶⁸ Далее было: она (АМ)

⁶⁹ Далее было: а. тихо сияющие б. сияющие (АМ)

⁷⁰ , — от солнечного ~ темными *вписано (АМ)*

⁷¹ Вместо: Это конечно, неправда ~ чувствую — было: Хотя нет, еще совсем не знаю, но все равно, я чувствую, что мне будет с вами хорошо... (АМ)

⁷² Вместо: неловко сказала она — было: едва слышно сказала (АМ)

⁷³ Вместо: глаза и слегка откидывая голову — было: а. глаза. б. глаза и откидывая голову (АМ)

⁷⁴ Далее было: (с абзаца) И я коснулся ее полураскрытых, полудетских губ, несказанной прелести которых нет и не могло быть имени. (с абзаца) «Вы этого горя, конечно, уже не помните...». Нет, это горе я еще помнил. Только горе ли было это? (АМ).

ним, в солнечной тишине глухого,⁷⁵ уже подсохшего сада, где теперь уже то и дело резко и радостно, счастливо и бесцельно⁷⁶ вскрикивали, проносясь между яблонь, темно-золотые иволги, как всегда вскрикивают, чему-то радуясь и гонясь за воробьями⁷⁷, когда лето идет к концу и в молчаливом, неподвижном саду со стуком падают теплые от солнца яблоки.⁷⁸

Октябрь 1943 г.

Источники текста:

1) ЧА (РАЛ. MS 1066/124). 3 листа, на двух первых текст с обеих сторон, на последнем с одной стороны. Черные чернила. Авторская датировка на первом листе сверху карандашом: «Октябрь 1943 г.». Правка теми же чернилами — вероятно, в процессе работы.

2) АМ (РАЛ. MS 1066/125). 8 листов, текст с одной стороны. На обороте восьмого листа рукописная вставка. Авторская датировка на первом листе сверху карандашом: «Октябрь 1943 г.». Заглавие написано чернилами от руки. Документ более поздний по отношению к ЧА (учитывает правку, внесенную в ЧА, однако не следует непосредственно правке в ЧА. Вероятно, между АМ и ЧА существовала еще одна редакция текста). Документ представляет более полный вариант текста (сохранившийся ЧА доходит примерно до середины рассказа). Два слоя правки: чернилами и карандашом. Карандашная правка производит впечатление более поздней, чем правка чернилами. Правка карандашом оговаривается особо, правка чернилами дается по умолчанию.

Датируется приблизительно (по авторской дате — начало работы над текстом; время правки — до появления у Бунина шариковой ручки): октябрь 1943 — вторая половина 1940-х гг.

Публикуется по АМ.

К «ИВОЛГЕ»

Пока мы скорым шагом шли по аллее, она смотрела на солнечные поляны под яблонями и возбужденно, но как-то бессознательно говорила:

— Посмотрите, сколько бабочек! А у нас почему-то мало... Вы их знаете?

— Нет...

— Но вы же знаете, что гусеница или червяк превращается в куколку, то есть хризолиду, а потом в бабочку...

— Нет, не знаю...

— Ну так слушайте. Во-первых, бабочки имеют два вылета, весенний и осенний... Весенние, конечно, бледнее осенних...

— Почему?

— Не знаю, но я так читала... И вот первые весенние бабочки всегда бывают белые и называются почему-то крапивные, хоть ведь крапива вовсе не белая... Потом вылетают желтые... Ведь это же страшно интересно! Правда?

— Конечно...

— И есть три названия бабочек: во-первых, дневные, потом сумеречные и, наконец, ночные... Ночные, по-моему, страшные, они так и называются — хмелевые...

Я подумал, что в слове «хмелевые» нет ничего страшного, но не посмел этого сказать. А она говорила⁷⁹ все возбужденнее:

⁷⁵ Далее было: теперь (АМ)

⁷⁶ резко и радостно, счастливо и бесцельно *вписано* (АМ)

⁷⁷ и гонясь за воробьями *вписано* (АМ)

⁷⁸ Последний абзац *вписан* на обороте последнего листа АМ. На верхнем поле, над ним, написано карандашом рукой В.Н. Буниной: (Это конец. В<ера> М<уромцева?>)

⁷⁹ говорила *вписано*

— Ночная бабочка любит древесное дупло, у нее совиная головка, тело красновато-желтое, крылышки сверху белоснежные, а снизу темные, бурые... А свечная бабочка маленькая, розовая и называется свечной потому, что любит налетать на свечу... Правда, как смешно сказано? Любит налетать! Отчего? Значит, так любит огонь? Но отчего, почему?

— Я не знаю...

— Оттого, должно быть, что огонь красивый, яркий, горячий... Потом есть бабочки, которые любят летать в поле, на межах, уж этих-то вы, наверно, знаете, крылышки у них темные⁸⁰, зубчатые, в белых пятнах... Но⁸¹ это все простые, а вот есть роскошные, например «Аглая», крылья кругловатые, желто-бурые с черными пятнами, а снизу в перламутровых пятнах, потом «Аталанта», «Галатеея», «Ириса»... Правда, красиво?^f

За обедом она обращалась с разговором только к матушке. В открытые окна веяло жарким теплом, видны были скопившиеся в небе белые облака. Я все молчал, наконец⁸², с притворной небрежностью заметил, что, должно быть⁸³, будет гроза, — она не глядя на меня, брезгливо усмехнулась⁸⁴. Солнце однако уже стало скрываться, потом за окнами вдруг засверкал редкий, крупный дождь, а через минуту хлынул такой сплошной ливень, что ничего не стало видно за его шумящей, мокрой серостью.

— Не удалась ваша поездка! — сказала матушка.

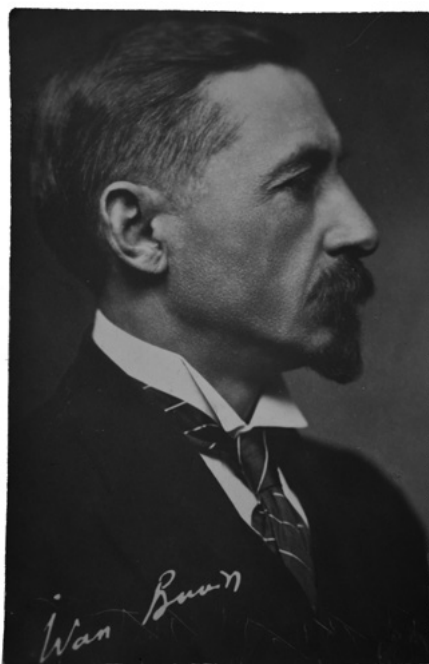
Но она решительно закачала головой:

— Нет, тетя, я знаю — все сейчас пройдет! Вот увидите!

К концу обеда, в самом деле,⁸⁵ стало стихать и совсем стихло. Я вышел и пошел к конюшне, где уже запрягали в беговые дрожки мою «высокую лошадь с длинной шеей», и⁸⁶ сам подал ее к крыльцу. Заслышав, что я подъехал, она тотчас выскочила на крыльцо и крикнула:

— Ну что? Я говорила!

Мокрое⁸⁷ крыльцо слепило на жарком солнце, небо было чистое, синее, лицо у нее было веселое, и у меня отлегло от сердца. Однако я⁸⁸ промолчал на ее восклицание, все еще боясь ее. Я, в одной тонкой косоворотке и белом картузе, остался сидеть впереди, она, с раскры-

И.А. Бунин.
Середина 1910-х гг.
(РАЛ)

⁸⁰ *Вместо:* знаете, крылышки у них темные — *было:* помните, они темные

⁸¹ *Было:* Все

⁸² *Было:* но тут

⁸³ *Вместо:* должно быть — *было:* должно

⁸⁴ *Было:* улыбнулась

⁸⁵ *Вместо:* в самом деле — *было:* действительно

⁸⁶ *Далее было:* остался

⁸⁷ *Далее было:* , темное

⁸⁸ *я вписано*

той головой, села боком сзади. В поле, минуя зеркально блестящую черной грязью дорогу, я погнал лошадь по темной, насыщенной ливнем меже. Лес был в двух верстах от нас, я на рыси въехал в мокрую, яркую зелень лесной дороги, и тут она вдруг потянула из-под моих рук вожжи, перевела лошадь на шаг и сказала:

— Нет, не спешите. Посмотрите, какая прелесть!

Я покорно посмотрел. Нас обступал высокий мокрый лес, его блеск на опять припекавшем солнце, пестрота света и тени среди стволов и ветвей, сладкий запах сырой⁸⁹ коры и пней, наросты которых были похожи на огромные серые грибы, запах трав и цветов, облитых дождем. Где-то близко переливами окарины^g запела иволга, потом вдруг резко, с бессмысленным восхищением вскрикнула и плавно, низко сверкнула мимо нас своей зеленой желтизной.

— Видели? — крикнула она.

Я, вне себя от счастья, обернулся на ласковый звук ее голоса:

— Видел. А что?

— Пересядьте ко мне.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/126. 2 листа, текст с обеих сторон. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе работы. Листы того же формата и цвета, на которых выполнен автограф рассказа «Иволга». Возможно, записанный отдельно эпизод из середины рассказа.

Датируется приблизительно: 1943 — вторая половина 1940-х гг.

^a Отмечено, что, начиная с книги «Темные аллеи», Бунин использует типовые названия дворянских усадеб: например, в рассказе ««Дубки»» дворянское имение — Петровское, в рассказе «Натали» — Благодатное. Эту традицию продолжает и настоящий рассказ «круга “Темных аллей”».

^b Шталмейстер — придворный чин в Российской империи (2 класса согласно «Табели о рангах»).

^c Божьим деревом в народе называют полынь высокую (другие названия: полынь лечебная, полынь лимонная).

^d Ильин день — день памяти пророка Илии, вобравший в себя традиции и легенды славянского Перунова дня. Верующие обращаются к Илье-пророку, прося помощи в любви. Отмечается 20 июля (2 августа).

^e «Характеры» — единственное сочинение французского философа-моралиста Жана Лабрюйера (Jean de La Bruyère; 1645—1696), наполненное живыми описаниями определенных типов людей.

^f Отдельный листок (РАЛ. MS 1066/559) представляет собой набросок-справку к этюду о бабочках, взятому в рассказ. Переписаны виды бабочек (белые — крапивные, желтые; денные, сумеречные и ночные и пр.), расцветка «Аталанты», «Галатеи», «Ирисы».

^g Окарина — музыкальный инструмент: глиняная свистковая флейта.

⁸⁹ Было: мокрой

ЛИЗОК

Так звал ее отец, и это очень шло к ней. Она была дочь моего университетского товарища, рано женившегося, рано овдовевшего и поселившегося после того в своем курском имении. В то лето я гостил у него и вот начал завлекать ее...

Я завлекал осторожно¹, старался войти в близость, в дружескую простоту отношений

¹ *Вместо:* Так звал ее отец ~ завлекал осторожно — *было:* а. Обольщал осторожно б. Она была дочь моего университетского товарища, курского помещика, рано овдовевшего. И очень шло к ней, как звал ее отец: Лизок. И вот я гостил в их имении летом и вот, начал завлекать ее. (*с абзаца*) Завлекал осторожно в. Она была

незаметно, не позволяя себе ни одного слова, которое показалось бы ей подозрительным², притворялся беспечным³ и все выводил ее после ужина⁴ из усадьбы в поле, показывая и называя⁵ звезды. Иногда, как бы забывшись, будто нечаянно⁶, брал ее тонкую девичью руку в тонкой блузке между плечом и локтем и говорил с мягкой настойчивостью:

— Да нет, Полярная звезда как раз над нами. Поднимите голову повыше. Теперь смотрите: она тусклее всех, вон она — видите?

Она покорно закидывала голову, смотрела... А на что нужна была ей Полярная звезда? Она не могла не чувствовать, при всей своей простосердечности, что у меня есть какие-то тайные намерения⁷. Чувствовал и я, что она угадывает эти намерения, но продолжал притворяться, как ни в чем не бывало, делал вид, что увлекаюсь своими уроками и подмечал иногда, как ей все-таки льстит моя тайная цель, как порой она втайне волнует ее⁸.

— Все это чудесное звездное небо, — говорил я, идя с ней рядом в сумраке по степной дороге, — напоминает мне всегда большую карту⁹ звездного полушария, что висела у нас

дочь моего университетского товарища, курского помещика, рано овдовевшего. И очень шло к ней, как звал ее отец: Лизок. В то лето я гостил у них в имении. И вот, начал завлекать ее... (с абзаца) Завлекал осторожно (ЧА) г. Ее звали Лизой, отец звал ее Лизок, и это очень шло к ней. Она была дочь моего университетского товарища, рано женившегося, рано овдовевшего и поселившегося после того в своем курском имении. В то лето я гостил у него и вот начал завлекать ее... (с абзаца) Я увлекал осторожно (ЧМА, АМ).

² Было: ухаживанием ◊ (ЧА)

³ Было: а. беспечным, простодушным б. милым, беспечным ◊ (ЧА) в. милым, беспечным ◊ (ЧМА, АМ)

⁴ Вместо: выводил ее после ужина — было: а. выводил ее по вечерам б. выводил ее по вечерам после ужина (ЧА)

⁵ Далее было: ей (ЧА)

⁶ Далее было: и не придавая этому никакого значения (ЧА)

⁷ Вместо: закидывала ~ намерения — было: а. закидывала белокурую головку, свое милое личико б. закидывала голову, делая вид, что все это ей страшно интересно и втайне чувствуя, к чему все эти уроки клонятся. в. закидывала голову, делая вид, что все это ей очень интересно. [Она чувствовала, что какая-то нрзб] Она не могла не чувствовать. при всей ее детскости, что какая-то цель есть у меня. (карандаш и чернила) г. закидывала голову, делая вид, что все это ей очень интересно. Она не могла не чувствовать. при всей своей [неопытности] простосердечности, что есть у меня какие-то тайные намерения. (ЧА) д. закидывала голову, будто все это было ей очень интересно. Она не могла не чувствовать. при всей своей простосердечности, что есть у меня какие-то тайные намерения. е. закидывала голову, смотрела, будто Полярная звезда была ей совершенно необходима. Она не могла не чувствовать. при всей своей простосердечности, что есть у меня какие-то тайные намерения. (ЧМА, АМ) ж. закидывала голову, напряженно смотрела, будто Полярная звезда была ей совершенно необходима. Она не могла не чувствовать. при всей своей простосердечности, что есть у меня какие-то тайные намерения. (АМ)

⁸ Вместо: Чувствовал и я ~ волнует ее — было: а. Чувствовал и он, что она наитием угадывает его скрытые намерения, но продолжал притворяться, что совершенно простосердечно увлекается своими астрономическими разговорами, тем более, что знал: все-таки влекут мои б. Чувствовал и я, что она уже угадывает эти намерения, но продолжал притворяться, что вполне простосердечно увлекаюсь этими астрономическими разговорами, подме<чая>(карандаш и чернила) в. Чувствовал и я, что она угадывает эти намерения, но продолжал притворяться, как ни в чем ни бывало, делал вид, <что> увлекаюсь своими астрономическими уроками — тем более, что подмечал иногда, как ей все-таки льстит моя тайная цель, как ее втайне волнует она. г. Чувствовал и я, что она угадывает эти намерения, но продолжал притворяться, как ни в чем ни бывало, делал вид, <что> увлекаюсь своими астрономическими уроками — тем более, что подмечал иногда, как ей все-таки льстит моя тайная цель, как порой она втайне волнует ее. (ЧА)

⁹ Вместо: говорил я ~ карту — было: а. говорил он, — всегда напоминает мне большую карту северного б. говорил я, идя с ней рядом в сумерки по степной дороге, — напоминает мне всегда большую карту (ЧА) в. говорил я, идя с ней рядом в звездном сумраке по степной дороге, — напоминает мне всегда большую карту (ЧМА, АМ)

в классе в гимназии, то есть даже не напоминает, а и поныне кажется этой¹⁰ картой. Я в детстве,¹¹ отрочестве был ужасно мечтателен, давал себе, конечно, клятву сбежать в один прекрасный день в Южную Америку, плыть юнгой¹² на каком-нибудь фрегате¹³ в океане, смотреть по целым ночам на Канопус, на Южный Крест...

Она, со своей постоянной застенчивостью, несмело перебивала меня¹⁴:

— У нас в нашей классной тоже висела такая карта...

— Да, да, я ведь знал вас еще девочкой, мы с Петром Николаевичем старые приятели, я нередко бывал в вашем доме в Москве в первые годы его женитьбы и даже раз был в этой вашей классной. Потом¹⁵, после смерти вашей мамы, жизнь как-то развела нас с ним¹⁶, так что вот только теперь, не выдавшись¹⁷ лет пятнадцать, мы опять сошлись, и я так благодарен ему, что он пригласил меня погостить у вас¹⁸, тем более что до сих пор я еще¹⁹ никогда не жил в степной деревне...²⁰ Но мы безбожно заболтались с вами. Возвратимся на предлагаемая, как писалось в старину²¹. Вы, конечно, знаете, что есть звезды и есть планеты...

— Знаю. Но постоит, а то я забуду... *Les étoiles filantes*^a — как это по-русски? Мне очень стыдно, но я забыла, как это по-русски? Летучие²² звезды?

— Падучие^b. Так что?²³ Вы хотели что-нибудь спросить о них?

— Да. Почему они летят и горят? Это маленькие²⁴ звезды?

— Нет, это частицы уже рассыпавшихся звезд. И вот, когда они проходят атмосферу земли, они в ней вспыхивают. Но об этом мы²⁵ потом побеседуем, сейчас мы начали говорить насчет звезд и планет. Звезды, как вы знаете, бесконечно далеки от земли и светят потому, что еще раскалены добела. И быстрота прохождения их света в пространстве про-

¹⁰ этой *вписано* (ЧА)

¹¹ Далее было: в (ЧА)

¹² юнгой *вписано* (ЧА)

¹³ Далее было: или бриге ◊ (ЧА)

¹⁴ *Вместо*: Она, со своей постоянной застенчивостью, несмело перебивала меня — *было*: а. Она несмело перебивала меня б. Она несмело, со своей постоянной застенчивостью, перебивала меня в. Она несмело, со своей постоянной детской застенчивостью, [несмело] перебивала меня (ЧА) г. Она, со своей постоянной застенчивостью, перебивала меня (ЧМА, АМ)

¹⁵ *Вместо*: Да, да, ~ вашей классной. Потом — *было*: а. Да, да, это еще тогда, когда я мог называть вас Лизок б. Да, да, я ведь знал вас еще девочкой, в Москве, мы с Петром Николаевичем старые приятели, товарищи по университету, я нередко бывал у него в первые годы его женитьбы, а потом в. Да, да, я ведь знал вас еще девочкой, мы с Петром Николаевичем старые приятели, я нередко бывал в вашем доме в Москве в первые годы его женитьбы и даже раз был в этой вашей классной, — он водил меня посмотреть, как вы прилежно ◊ (ЧА)

¹⁶ с ним *вписано* (ЧМА, АМ)

¹⁷ *Вместо*: не выдавшись — *было*: не видевшись с ним (ЧА)

¹⁸ *Вместо*: у вас — *было*: а. у него в деревне б. у вас в усадьбе (ЧА).

¹⁹ *Вместо*: я еще — *было*: еще (ЧА)

²⁰ *Вместо*: никогда не жил в степной деревне... — *было*: а. никогда не видал его хохлацкую Сорокопановку... Словом, я когда-то б. никогда не видал [ее] [его обители] ее и вообще никогда не жил в степной деревне... Мне ужасно нравится, как он называет вас: Лизок! Называл и я [вас] когда-то вас так... в. никогда не видал ее и вообще никогда не жил в степной деревне... (ЧА) г. никогда и не жил вообще в степной деревне... (ЧМА, АМ)

²¹ *Вместо*: на предлагаемая, как писалось в старину. — *было*: а. , дорогая моя, к делу. (ЧА) б. на предлагаемое, как писалось в старину (ЧА, ЧМА, АМ)

²² *Было*: Летящие ◊ (ЧА)

²³ Так что? *вписано* (ЧА)

²⁴ *Было*: совсем маленькие ◊ (ЧА)

²⁵ мы *вписано* (ЧА)

сто невообразима: около трехсот тысяч верст в секунду! Если же к этому прибавить, что свет даже самой близкой к нам звезды идет до нас целых четыре года, то получается нечто совершенно²⁶ фантастическое... Но дальше. Как вы знаете...

Она смеялась:

— Да нет, я такая глупая, что ничего не знаю. Прошлый год, когда у нас гостил Алексей Николаевич...

— Кто это Алексей Николаевич? — спрашивал я вдруг сухо, обрывая свое красноречие, почувствовав даже некоторую злобу к этому Алексею Николаевичу²⁷.

— Мой дядя, моряк.

— Ах, да, простите, я только сейчас вспомнил, я лично его никогда не встречал...

— Так вот он тоже много рассказывал мне по астрономии и, представьте, я все, все забыла!

— Так что и мои уроки забудете? Но Бог с вами, я все-таки продолжаю. И вот что еще надо сказать насчет звезд. Звезды только кажется, что движутся вокруг земли²⁸, — это земля движется, а не звезды. Что же до планет, то они, так же, как и наша земля, которая ведь есть²⁹ тоже планета, все движутся и не светят сами по себе, — светят отраженным светом...

— А сейчас — ведь это все звезды, а не планеты?

— Да, это все звезды. И вот, смотрите. Это вот Альтаир³⁰, это Малая Медведица, это Большая, это Арктур... Но вам³¹ не холодно? — вдруг говорил я³², опять как бы несознательно беря ее руку выше локтя.

— Что вы! Ночь такая теплая, прелестная. Я ужасно люблю эти наши степные ночи, в Москве всю зиму мечтаю о лете здесь.

— А я просто очарован ими... Хотите, посидим немного на копнах³³?

И я³⁴ вел ее по шуршащему³⁵ жнивью, помогал взобраться³⁶ на скользкие снопы, пристраивался рядом и шутливо³⁷ вздыхал, глядя³⁸ сквозь сумрак на ее свесившиеся ножки:

— Да, степные ночи, небо, звезды... Но камергер редко наслаждается природой, как справедливо заметил³⁹ Кузьма Прутков^c.⁴⁰ Я, несчастный, хоть и не камергер⁴¹, скоро уже

²⁶ Было: а. уже совсем б. уже совершенно (ЧА)

²⁷ Вместо: спрашивал я ~ Алексею Николаевичу — было: а. перебивал он сухо, вдруг почувствовав неприязнь ревности к б. перебивал я сухо, вдруг почувствовав неприязнь ревности. (ЧА) в. спрашивал я вдруг сухо, обрывая свое пошлейшее красноречие, почувствовал даже некоторую злобу к этому Алексею Николаевичу. (ЧМА, АМ)

²⁸ вокруг земли вписано (ЧМА, АМ)

²⁹ Вместо: ведь есть — было: есть ведь (ЧА) б. есть (ЧМА, АМ)

³⁰ Было: Алтаир (ЧА)

³¹ Вместо: Но вам — было: Вам (ЧА)

³² Было: он ◊ (ЧА)

³³ Было: этих копнах (ЧА, ЧМА, АМ)

³⁴ Было: он ◊ (ЧА)

³⁵ Далее было: а. , колкому (ЧА) б. колкому (ЧМА, АМ)

³⁶ Было: а. ей сесть (ЧА) б. ей взобраться (ЧМА, АМ)

³⁷ Было: а. шутливо б. притворно (ЧА)

³⁸ Было: а. глядя б. слегка глядя (ЧА)

³⁹ Вместо: справедливо заметил — было: а. изрек б. справедливо изрек (ЧА)

⁴⁰ Далее было: «Однажды нес пастух куда-то молоко, но так ужасно далеко, что уж назад не возвращался...» ◊ (ЧА) (цитата из басни К. Пруткова «Пастух, молоко и читатель»)

⁴¹ хоть и не камергер нет в ЧА

не буду любоваться⁴² всем этим вместе с моей милой ученицей — поеду на Кавказ или⁴³ в Крым кончать свои каникулы... А там опять Москва, дожди, осень, осточертевшие судебные дела и делишки... и страшное душевное одиночество, — прибавлял я⁴⁴ уже задумчиво, негромко, все тем же пошлым языком, который так привычен был мне тогда⁴⁵.

— Отчего же вы до сих пор холостой?

Я усмехался с беззаботной грустью⁴⁶:

— Уж такой, значит, бесталанный уродился я⁴⁷! А потом, в этой вот черной бородке, про которую вы недавно так мило⁴⁸ сказали, что она «красивая, но должно быть очень жесткая», есть⁴⁹ уже предательски серебряные нити... Ну да что об этом говорить, вам это может быть только скучно.

— Напротив, мне очень грустно за вас...

— Ну спасибо, спасибо. Но я хотел вас спросить — вы бывали в Крыму?

— Да, но, к сожалению, очень давно⁵⁰. Все прошу папу поехать⁵¹, но ведь⁵² вы знаете⁵³, какой он сидень...

— А вы еще попросите, да понастойчивее. И поедете-ка вместе! Вот будет чудесно! Я вам покажу самые дивные крымские места, мы съездим с вами верхом на Ай-Петри, на Аю-Даг^d... Помните Пушкина? «И зеленеющая влага под ним и плещет и шумит вокруг утесов Аю-Дага...»^e

— Нет, папа сказал, что в нынешнем году он никуда из деревни не поедет. Я говорю: да ведь ты и в прошлом⁵⁴ году никогда не ездил, а он только смеется, до чего ты, говорит, умна стала, даже удивительно... Как странно: я так люблю его, а ведь в сущности не знаю, не понимаю его, не могу представить себе его внутренней жизни. Правда, он ведь только с виду такой простой, откровенный, на самом же деле очень скрытный, может быть, потому, что все еще не может забыть маму и живет чем-то тайным, но мне кажется, что и все люди такие... то есть я хочу сказать, что все скрывают что-то свое главное и никто никого не знает и не понимает, я вот все больше убеждаюсь, что даже самое себя не знаю и не понимаю, не представляю себе даже, чего хочу и что буду делать на свете... Ну, кончила гимназию, а что дальше? Замуж выйти? Ой, ой, ни за что!

— Да ведь в конце концов все-таки выйдете?

— Не знаю, не думаю... Нет, мне хочется сделать что-то совсем, совсем другое!

⁴² Далее было: ни ◊ (ЧА)

⁴³ на Кавказ или вписано (ЧА)

⁴⁴ Было: он ◊ (ЧА)

⁴⁵ Вместо: все тем же пошлым языком, который так привычен был мне тогда — было: а. все тем б. все в той же пошлой манере в. все тем же пошлым и лживым языком, который был привычен мне тогда (ЧА)

⁴⁶ Вместо: Я усмехался с беззаботной грустью — было: а. Он усмехался б. Я усмехался в. Я немножко горько, но все же будто беззаботно усмехался (ЧА)

⁴⁷ я вписано (ЧА)

⁴⁸ Вместо: так мило — было: шутя (ЧА)

⁴⁹ есть вписано (ЧА)

⁵⁰ Было: а. К сожалению, уже так давно, еще девочкой. б. Да, но, к сожалению, уже очень давно, еще девочкой (ЧА)

⁵¹ поехать вписано (ЧА)

⁵² ведь вписано (ЧА)

⁵³ Здесь ЧА обрывается

⁵⁴ Вместо: Я говорю: да ведь ты и в прошлом — было: Он ведь вообще небольшой любитель природы (ЧМА, АМ). На слове прошлом АМ обрывается.

— Все девушки так говорят. А как влюбитесь в кого-нибудь хорошенько...

— Нет, я никогда ни в кого не влюблюсь... Но давайте лучше говорить о звездах и пойдемте домой, я и так наговорила слишком много глупостей...⁵⁵

Октябрь 1943 г.

Источники текста:

1) ЧА (РАЛ. MS 1066/165). 3 листа, текст с обеих сторон. Синие чернила. Авторская датировка на первом листе вверху карандашом: «Октябрь 1943 г.». Два слоя правки: чернилами того же цвета, выполнено в процессе работы над текстом, и карандашом в одном абзаце первого листа — поверх карандашной правки сделана правка чернилами. Карандашная правка оговаривается особо, правка чернилами дается по умолчанию. На обороте третьего листа, внизу под текстом, вверх ногами, зачеркнуто начало, по-видимому, начатого письма: «Villa Jeannette, Grasse, A<lps> M<aritime>»;

2) ЧМА (РАЛ. MS 1066/166) — документ, соединяющий 4 листа АМ (текст с одной стороны) с 1 листом автографа (текст на обеих сторонах). Машинопись переходит в рукопись, составляя единый текст. Вариант текста более поздний по отношению к ЧА (учитывает правку, внесенную в ЧА). Один слой правки чернилами.

3) АМ (РАЛ. MS 1066/167). 4 листа, текст с одной стороны. Представляет собой вторую копию 4 машинописных листов ЧМА. Один слой правки чернилами. Правка большей частью совпадает с правкой в ЧМА, однако имеются некоторые различия, по которым ясно, что правка АМ предшествует окончательным вариантам, зафиксированным в ЧМА.

Датируется по карандашной надписи на первом листе ЧА: октябрь 1943 г.

Публикуется по ЧМА.

^a Дословно: «стреляющие звезды» (*фр.*). В современном русском языке — падающие звезды.

^b Бунин использует языковую форму «падающие звезды», характерную для XIX столетия. Впрочем, эту форму можно встретить и у писателей XX века — например, В.П. Астафьева.

^c «Камергер редко наслаждается природой» — один из афоризмов Козьмы Прутков (вымышленный поэт — плод литературной игры братьев Жемчужниковых и А.К. Толстого), взятый из его «Плодов раздумья».

^d Горы на Южном берегу Крыма.

^e Неточно цитируется финал поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1823). В тексте: «Пред ним и плещет и шумит...».

⁵⁵ *Далее было*: Всякий подумает: ну, дальнейшее не трудно угадать. Всякий решит, что в конце концов я влюбил ее в себя и сделал несчастной, что она погибла, что ее погибель погубила и мою жизнь — и тому подобное. Но ничего подобного не было. Было вот что (*ЧМА*)

РАЙСА

В начале сентября Райса, дочь вдового уездного купца, вышла замуж за купеческого сына Боброва. Перед вечером ее подруга Саня и тетка Василиса Марковна, уже наряженная в шелковое коричневое платье, одели ее с помощью старой, картавой портнихи и горничной Клаши, к венцу.¹

Райса,² довольно костлявая, широкоскулая, высокая, стала легче и тоньше, чище, моложе от воздушного белого подвенечного платья, белой фаты и флердоранжа в каштановых

¹ *Место*: В начале сентября ~ к венцу — *было*: а. Райса, дочь вдового уездного купца. Подруга по гимназии Лена. Жених молодой купеческий сын Бобров. / Одели к вечеру (горничная, Лена и тетка, уже наряженная в шелковое коричневое платье, лет пятидесяти, костлявая). б. В начале сентября Райса, дочь вдового уездного купца вышла замуж за молодого купеческого сына Боброва. Перед вечером ее подруга Саня и тетка Василиса Марковна, уже наряженная в шелковое коричневое платье, одели ее с помощью старой, костлявой, картавой портнихи и горничной Клаши, к венцу.

² *Далее было*: тоже

празднично убранных мягких, густых³ волосах. Кончив одевать, все, отступя, осмотрели ее. Она, приподняв подол, посмотрела в трюмо на свои ноги: все блестит — шелковые белые чулки, серебряные новые туфли. Посмотрела на лицо, на блестящие крупные зубы, на минутку оскалив их, пудру смахнула с ресниц⁴. За дни перед свадьбой похудела, теперь, вся размытая, во всем свежем, девственном, чувствует себя девушкой (хотя уже давно не девушка). Погляделась в трюмо: не похожа сама на себя — какая-то сказочная княжна, красавица!

К церкви Покрова подкатили на извозчике <так!> и озабоченно взбежали на паперть два шафера во фраках, в белых галстучках, с белыми бутонами в петлицах. В церкви уже все готово, церковь ждет — настезь отворены двери, за ним<и> блеск зажженной люстры и иконостаса — праздник, торжество, особенное, свадебное.

Невесту привезли на паре рослых лошадей, в открытом наемном ландо; рядом с ней тетка, непривычно нарядная, на сиденье напротив — мальчик с новым блестящим образом в руках, в новеньком гимназическом мундирчике, с торчащими после нынешней стрижки ушами. Шафера с открытыми напомаженными головами кинулись высаживать невесту. В дверях церкви встретил ее Бобров, высокий, грубоватый на вид, стриженный рыжим ежиком, с небольшими усами. Несознательно дала ему руку и пошла, придерживая другой белый легкий подол над серебряно-блестящими туфлями. О, какой блеск в полутемной уже по-вечернему церкви⁵ — и люстра и целые костры пылающих золотом свечей! Священник, похожий на пикового короля, с серебряной широкой бородой, в треугольной металлически-золотой ризе и лиловой камиллавке, строго и важно взглянул на них, благословляя крестом, привычно взял в мягкую руку их соединенные руки и они неловко пошли⁶, влекомые им, к своему роковому месту под грянувший хор: «Гряди, голубица!».

Стояла перед аналоем с опущенными глазами, заставив себя быть смиренной и покорной неизвестному будущему, жизни с неизвестным и купчески-строгим человеком, стоявшим рядом с ней, пахнувшим новым сукном фрака и парикмахерского бриллиантина на усах и жестком рыжем ежике. Еще больше чувствовала теперь свою брачную⁷ непорочность, чистоту всей себя — тела, белья, платья, чулок, туфель, цветов. И вместе с тем томилась тайной мыслью, как скрыть в эту уже столь близкую ночь свою недевственность. Шло в голову греховное: будет пьян, притворюсь, заплачу, вывернусь из-под него, раздавлю в постели⁸ рыбий пузырек с фуксином^а... А над склоненной головой — золоченая корона, касающаяся волос в слегка дрожащей руке шафера — уже не сказочная княжна она теперь, а царица! И над его головой — золотая корона, столь не идущая к нему... И блестят новые золотые кольца на серебряном блюде на аналое... И вот наконец уже самый главный, уже ликующий раскат хора, и опять соединяются их руки в теплой и мягкой поповской руке, опять повлекшей их уже вокруг аналая... А там — теплое

³ *Вместо:* мягких, густых — *было:* густых и мягких

⁴ *Вместо:* Кончив ~ ресниц — *было:* а. Шелковые белые чулки, серебряные новые туфли. Чуть-чуть напустили, глаза от этого стали темней и маслянистей. Блестящие крупные зубы б. Шелковые белые чулки, серебряные новые туфли. Лицо густо напудренное, глаза от этого стали темней и маслянистей. в. Кончив ее одевать, все, отступя, осмотрели ее. Она посмотрела в трюмо сперва на свои ноги: все блестит — шелковые белые чулки, серебряные новые туфли. Посмотрела на лицо, на блестящие крупные зубы, на минутку оскалив их, пудру смахнула с ресниц. *Вариант б вычеркнут не до конца.*

⁵ *Было:* целых

⁶ пошли *вписано*

⁷ брачную *вписано*

⁸ в постели *вписано*

красное⁹ вино в¹⁰ золотой чаше — и подобие поцелуя мокрыми губами и парикмахерский запах рыжих усов...

Так вошел в дом Боброва новый, неизвестный мир — новый человек со всеми своими особыми, неведомыми никому мыслями и чувствами, со всеми особенностями его женской души, тела, характера...

Вот она¹¹ уже член¹² семьи Бобровых, он зовет ее Раей, ласково-сдержан с ней на людях, неумерен по ночам, наедине, — та ночь сошла благополучно, он был тяжело и мрачно пьян... В просторном кружевном пеньюаре это¹³ она разливает теперь утром и вечером чай вместо «мамаша» в шелковой наколке. От брачных ночей голос у нее стал матовый, раковины глаз слегка коричневы, темные глаза, мягче, тусклее, но еще красивее¹⁴, — единственное, что у нее было прекрасно всегда, — широкоскулее, заметнее...¹⁵

Вскоре младший брат мужа, когда того не бывало дома, начал осторожно, но настойчиво ухаживать за ней¹⁶. И, при каждом вкрадчивом слове его, она уже чувствовала преступную радость, но вид делала рассеянный, насмешливый^b.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/252. 3 листа, на двух первых листах текст с обеих сторон, на последнем — с одной стороны. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе работы. Номера страниц проставлены красным карандашом.

Датируется приблизительно (отсутствие правки шариковой ручкой): начало — середина 1940-х гг.

^a Фуксин — краситель пурпурно-красного цвета.

^b Текст обрывается.

⁹ Было: золотое

¹⁰ Было: из

¹¹ Далее было: ходит

¹² Далее было: большой

¹³ это вписано

¹⁴ Вместо: темные глаза мягче, тусклее, но еще красивее — было: глаза еще красивее

¹⁵ Вместо: широкоскулее, заметнее... — было: но мягче

¹⁶ Вместо: Вскоре младший брат ~ за ней. — было: а. Вскоре брат мужа начал неза<метно?> б. Вскоре брат мужа начал настойчиво ухаживать, когда мужа не было

ЗАМУЖЕСТВО

Почему я пошла замуж да еще так рано, всего двадцати лет, одному Богу известно¹. Отец мой был военный доктор, имевший в Москве² большую частную³ практику,⁴ был вдов и любил меня, единственную дочь, страстно, я знала, что разлука со мной

¹ Вместо: Почему я пошла ~ известно — было: Почему я вышла за этого офицера — и так рано, всего двадцати лет, — одному Богу известно б. Почему я вышла замуж — и да еще так рано, всего двадцати лет, — одному Богу известно

² в Москве вписано

³ частную вписано

⁴ Далее было: так что жили мы

будет для него великим горем, в⁵ будущего своего мужа, ничем не замечательного пехотного⁶ офицера, я совсем не была влюблена... Может быть, потому, что в ту пору я была очень экзальтирована, беспокойна, мечтательна, потому, что тайна⁷ брака влекла меня неотступно — и пугала и влекла... И вот как сейчас помню этот роковой вечер... Часов с четырех я начала готовиться к венчанию, взяла ванну... В ванной комнате стоял жаркий пар, вода казалась зеленоватой⁸ в мраморном водоеме; я вошла в эту комнату в халатике, скинула его, потом легкую сорочку, со страхом взглянула на свое голое⁹ девичье тело, на поднявшиеся от волнения груди, чувствуя последние часы своей девственности,¹⁰ со страхом и влекущим ожиданием думая о предстоящей мне ночи¹¹, занесла, стыдясь себя самой, ногу в горячее тепло воды¹² и стала мылить и мыть себя с каким-то особым старанием, — для кого, для чего?¹³ — так, точно мне предстояло нечто вроде заклания...

Потом пришли убирать меня: горничная, двоюродная сестра отца, пожилая курящая женщина и одна¹⁴ моя подруга по гимназии. Тут мысль о том, что отец сидит сейчас у себя в кабинете в своей серой генеральской тужурке и в очках, пытаюсь что-нибудь читать, так вдруг¹⁵ поразила меня жалостью к нему, что я едва удержалась от¹⁶ желания крикнуть на весь дом, что я сошла с ума, не понимаю, зачем совершаю свой¹⁷ нелепый поступок. Но меня уже одели¹⁸, уже обходили, осматривали...¹⁹ Взглянула и я на себя²⁰ в высокое трюмо, с детства стоявшее в моей спальне: на мне уже было²¹ что-то необыкновенное, то, чего я еще никогда не видала на себе: белое тюлевое платье с короткими рукавами и с небольшим вырезом на груди, длинная вуаль из того же тюля, белые цветы в высоко поднятых волосах... Руки у меня были сиреневые, пятнистые, будто озябшие, глаза темны и расширены, лицо похудевшее, бледное до прозрачности... Я все время, пока меня одевали, молчала, боялась думать и все время отрывно и тревожно думала все о том же: о той загадочной, страшной и влекущей ночи, что предстояла мне²²...

⁵ в вписано

⁶ пехотного вписано

⁷ *Вместо:* Может быть, ~ что тайна — *было:* Но в ту пору я была необыкновенно нервна, странна характером и мысленно очень чувственна. Тайна

⁸ *Вместо:* Часов с четырех ~ зеленоватой — *было:* а. Помню: жаркий пар ванной комнаты, почти горячая вода, казавшаяся зеленоватой б. Часа в

⁹ *Вместо:* свое голое — *было:* свое молодое, худощавое голое

¹⁰ *Далее было:* с

¹¹ *Далее было:* — наедине с ним, в вагоне...

¹² *Вместо:* занесла, стыдясь себя самой, ногу в горячее тепло воды — *было:* занесла ногу в воду, в ее горячее тепло

¹³ *Вместо:* — для кого, для чего? — *было:* , все больше чувствуя себя

¹⁴ одна вписано

¹⁵ вдруг вписано

¹⁶ *Далее было:* страстного

¹⁷ *Было:* этот дикий,

¹⁸ *Было:* а. одевали б. кончили одевать

¹⁹ *Вместо:* уже обходили, осматривали... — *было:* меня уже осматривали.

²⁰ *Вместо:* Взглянула и я на себя — *было:* Я и сама уже смотрела на себя

²¹ уже было вписано

²² *Далее было:* ночью.

Потом отец и тетка²³ благословляли меня — тут я горько заплакала²⁴ с умиленной и горькой покорностью судьбе — тому²⁵ бессмысленному, что я зачем-то²⁶ делала над собой... Потом меня с теткой и с подругой везли в церковь²⁷ в качающейся, старой, твердой, грубой наемной карете, уже темной, но²⁸ то и дело освещавшейся только что²⁹ зажженными вдоль улиц фонарями...

Дальше было все то обычное, что я видела³⁰. Жених, похожий на Николая Второго, встретил меня на паперти и за руку повел в празднично освещенную церковь,³¹ навстречу седому, королевски величавому священнику, тоже церковно нарядному, металлически блестящему треугольником серебряной ризы с выпуклыми тиснениями на ней. Тут³² я уже полностью почувствовала: вот он, жрец, вот оно, заклятие меня! И он привычно, как власть имущий, и даже грубовато взял мои руки³³, соединенные с руками³⁴ жениха, и повел нас³⁵ к аналою, идя вполуоборот впереди нас...

Под золотой короной³⁶ с красными после слез дома глазами, без кровинки в лице, я, верно, была похожа на юную мученицу с иконы...

В вагоне. Страшный испуг в минуту соития: у него вдруг раздулись ноздри, с мукой стиснулись в рыжей бороде оскаленные³⁷ зубы, исказилось лицо, глаза помертвели, закатились, как у зарезанного...

О до чего он гадок был мне! Еще тогда, когда я раздевалась и он вдруг жадно³⁸ поцеловал мою правую грудь...^a

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/298. 2 листа, текст с обеих сторон. Заглавие написано на бумажке, приклеенной к верху первого листа. К рукописи приложен кусок папиросной бумаги с написанным на нем заглавием. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе работы.

Датируется приблизительно (отсутствие правки шариковой ручкой): начало — середина 1940-х гг.

^a Текст обрывается.

²³ *Вместо:* тетка — *было:* а. его двоюродная сестра б. моя тетка

²⁴ *Вместо:* горько заплакала — *было:* тихо и горько плакала

²⁵ *Далее было:* страшному и

²⁶ *зачем-то вписано*

²⁷ *Вместо:* Потом меня с теткой и с подругой везли в церковь — *было:* Потом я сидела с теткой и подругой
²⁸ *но вписано*

²⁹ *Вместо:* только что — *было:* уже

³⁰ *Далее было:* как делали с другими.

³¹ *Далее было:* на пороге встретил [наш] нас жрец, отдававший меня на закляние

³² *Далее было:* у меня

³³ *Вместо:* мои руки — *было:* наши

³⁴ *Далее было:* моего

³⁵ *нас вписано*

³⁶ *Вместо:* золотой короной — *было:* венцом

³⁷ *оскаленные вписано*

³⁸ *жадно вписано*

КНЯЖНА САЙТАНОВА

Княжна Сайтанова^а приехала в усадьбу неожиданно¹, не предупредивши, в тележке мужика извозчика <так!>, которого наняла на станции, вся² запыленная, в жаркий, сухой день в начале сентября. Хозяйка усадьбы, молодая богатая вдова, и кавказский офицер, ее брат, проводивший у нее³ свой отпуск, увидели в окно эту тележку, мужика на козлах, а потом и княжну.

— Маша, кто это?⁴

— Не понимаю... Пстой, да это княжна⁵ Сайтанова, моя подруга по гимназии!

Маша была высокая, красивая, гордая, умная, вдова всего двадцати пяти лет. Михаил, тоже большой, красивый, был очень удивлен. Выйдя с сестрой на крыльцо встречать княжну, офицер был еще больше удивлен: вот так подруга Маши, вот так княжна!⁶ Княжна была одета как горничная, желтоволоса, с простонародным загорелым⁷ лицом, с маленькими и раскосыми коричневыми глазами⁸. За чаем Маша, не имевшая от нее никаких вестей с самой гимназии, узнала, что она все последние⁹ годы была сельской¹⁰ учительницей в Карачевском¹¹ уезде, а теперь переведена в одну из школ Ливенского уезда и вот заехала по пути туда...^б

Обветренные губы, татарские¹² глаза,¹³ говорит кратко, отрывисто.¹⁴

После чая крепко спала в комнате Маши на оттоманке. Во сне раскраснелась¹⁵ уж совсем как девка. Видел, проходя мимо этой комнаты, в приотворенную дверь, ее завернувшийся выше колен подол, красные чулки, грубые башмаки¹⁶.

На другой день повез ее катать на беговых дрожках, рысью ехал по дороге в лесу. День опять совсем летний, жаркий, веселый, а в лесу сказочное царство: лес уже весь ярко золотой,¹⁷ горит золотом на великолепной синеве тучи, заходящей из-за него против солнца с востока. Солнце, эта туча и тяжкие удары высокого¹⁸ грома... Сидели в пустой сторожке,

¹ *Вместо:* Княжна Сайтанова приехала в усадьбу неожиданно — *было:* Усадьба брата и сестры Скарятиных, хоть сестра

² *Вместо:* на станции, вся — *было:* на станции. В жаркий

³ *Вместо:* Хозяйка усадьбы ~ проводивший у нее — *было:* Хозяйка усадьбы, Маша Скарятинна, и ее брат Михаил, кавказский офицер, приехавший к ней

⁴ *Вместо:* Маша, кто это? — *было:* Кто это такое?

⁵ княжна *вписано*

⁶ *Вместо:* очень удивлен ~ вот так княжна! — *было:* а. очень удивлен, вот так б. очень удивлен, выйдя с ней на крыльцо встречать княжну: вот так подруга, вот так княжна! в. очень удивлен. Выйдя с сестрой на крыльцо встречать княжну, офицер был очень удивлен: вот так подруга Маши, вот так княжна!

⁷ *Было:* розовым

⁸ *Вместо:* с маленькими и раскосыми коричневыми глазами — *было:* и к тому же оказалась какой-то блаженной дурочкой.

⁹ последние *вписано*

¹⁰ сельской *вписано*

¹¹ *Было:* а. Архангельском б. Орло<вском?> (*синие чернила*)

¹² *Вместо:* татарские — *было:* голубоватые (*синие чернила*)

¹³ *Далее было:* поминутно смущается, не выносит взгляда на нее, (*синие чернила*)

¹⁴ *Далее было:* (*с абзаца*) — Ты погостишь у меня? (*с абзаца*) — С удовольствием... Если позволишь, могу пробыть два-три дня. (*синие чернила*)

¹⁵ *Далее было:* как

¹⁶ ее завернувшийся выше колен подол, красные чулки, грубые башмаки *вписано в оставленный пропуск* (*синие чернила*).

¹⁷ *Далее было:* точно

¹⁸ высокого *вписано*

думая, что будет гроза. Туча уже расходилась, гром стихал, но офицер¹⁹ все говорил, что надо переждать. Сидя с ней²⁰ на полуразрушенных нарах, вспомнил, как она вчера спала,²¹ обнял, поцеловал в обветренные губы. Она положила руку на его легкие шаровары^{22, 23} закрыла глаза, почувствовав, что под ними...^{24c}

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/136. Один лист, текст с обеих сторон. Черные чернила. Два слоя рукописной правки: 1) теми же черными чернилами — правка в процессе написания; 2) более поздняя правка синими чернилами. Первый слой правки в примечаниях дан по умолчанию, второй слой правки оговаривается.

Датируется приблизительно (отсутствие правки шариковой ручкой): начало — середина 1940-х гг.

^a Княжна Сайтанова значится во втором Плана-конспекте продолжения романа «Жизнь Арсеньева» (с. 236). Интересно, что фамилия Скарятини, принадлежащая хозяевам усадьбы в первоначальном варианте, была взята Буниным для заглавия ненаписанного рассказа (см. раздел «Замыслы рассказов», с. 310).

^b По упоминаемым уездам Орловской губернии примерно устанавливается место действия рассказа.

^c Текст обрывается.

¹⁹ Было: Михаил (синие чернила)

²⁰ с ней вписано

²¹ вспомнил, как она вчера спала вписано (синие чернила)

²² Место: Она положила руку на его легкие шаровары — было: , положил ее руку на свои легкие шаровары (синие чернила)

²³ Далее было: и (синие чернила)

²⁴ После: под ними... — было: а. стала таять б. и стала таять (синие чернила)

<НАТУРЩИЦА>

В два часа, — большое окно на север течет струями, по стеклянному потолку дробит крупный дождь, — звонок. Встал из-за мольберта, — набрасывал кое-что углем, — отворил. Вошла с черным зонтиком, облитым дождем, в черном непромокаемом пальто, подпоясанном по тонкой талии, в таком же шлыке, из-под которого видны темные¹ стриженные волосы. Глаза черные, миловидное удлиненное личико мокро. Преодолевая смущение:

— Я прочитала ваше объявление...

— Прекрасно, но разденьтесь прежде всего, на вас все мокрое. Кладите вот сюда, на стул...

Неловко и поспешно сняла пальто, шлычок, положила на стул. Желтенькое ситцевое платье, тоже подпоясанное — поясом из той же материи. Худошавое прекрасное сложение, девичье.

— Очень рад, что пришла русская, это мне на этот раз очень подходит², хотя с русскими всегда много возни. Француженки, те не стыдятся, — заработок так³ заработок. А вы к тому же позируете, вероятно, первый раз.

¹ Было: желтые

² это ~ подходит вписано

³ На полях первой страницы карандашом: un soutien-gorge (cache-gorge) de satin doré <бюстгальтер из сатина с золотыми переливами (фр.)> / Соски: темные, в коричневом кружке; почти черные, рубчатые; тугие, темные; коричневые. Вялая, тяжелая сиська (верхнее поле) / Мастерская, спальня, кухня. В мастерской кран над раковиной. (правое поле) / Писал Lolotte финском и имел сзади. / Lolotte (Charlotte). Charlotte, ou, plus simplement, Lolotte. <Лолота (Шарлотта). Шарлотта, или проще, Лолота (фр.)>

— Да...

— Ну что ж делать. Надеюсь на вашу храбрость. Будьте добры пройти⁴ за эту занавеску и совсем раздеться.

С храбростью отчаяния вышла из-за занавески очень скоро, но красная лицом и еще более миловидная. Вошла и остановилась, опустив голову.

— Нет, уж извольте поднять личико.

Подняла, как послушная девочка.

Округлость и нежность подбородка, — нечто очень трогательное. Зашел сбоку, посмотрел профиль: нервно моргающая темная ресница, профиль простой и очень приятный⁵, треугольник разреза губ прекрасный. Чистота темных бровей.

— Очень хорошо... Как раз все⁶, что мне нужно...

Маленькое холодноватое ухо под скобочкой стриженных волос. Я коснулся его, отводя волосы, — она дернулась и нервно⁷ усмехнулась. Тихо:

— Я очень рада, что я вам подхожу, но зачем же меня трогать?

— Милая моя, я должен вас всю не только рассмотреть, но и почувствовать, всю⁸ и всюду⁹.

— Ох, какой ужас! Только не смотрите на меня, как на женщину...

— Но ведь я же¹⁰ буду писать женщину!

— Ну, как хотите... А говорили, что художники не смотрят на своих натурщиц, как на женщин...

— То есть вы хотите сказать — не смотрят с вождением?

— Да.

— Глупости. Художники не евнухи. А за всем тем что вам за дело до моих мужских¹¹ чувств? Ведь я их не проявляю, говорю и смотрю как художник...

Все строение ее девичьего¹² тела было безупречно.

— Вы замужем?

— Была. Недолго.

— Теперь совсем одиноки?

— Да. Служила пода<ва>льницей в ресторане, но больше не могу, не по силам...

Я стал продолжать осмотр. Зашел сзади: мальчишеский желобок затылка¹³; торс несколько щуплый¹⁴, ровный скат маленьких плечей; прекрасная¹⁵ спина, лироподобный зад, прелесть¹⁶ нежности под коленками, маленькие розоватые пятки. Зашел спереди (тотчас

⁴ Было: идти

⁵ Вместо: очень приятный — было: милый

⁶ Вместо: Как раз все — было: а. Все, что б. Как все

⁷ нервно вписано

⁸ Вместо вставленного: всю — было: <нрзб>

⁹ Рядом с всю и всюду на верхнем поле карандашом написано и подчеркнуто: Легкий запах пота.

¹⁰ же вписано

¹¹ мужских вписано

¹² девичьего вписано

¹³ Далее было начато: про

¹⁴ торс ~ щуплый вписано

¹⁵ Было: идеальная

¹⁶ Вместо: лироподобный зад, прелесть — было: и зад — статуэтке в пору

опустила руки на низ живота): хороший подъем небольших, крепких¹⁷ грудей, грушевидных, молодых, девственно торчащих¹⁸, соски маленькие, тугие¹⁹, розовые; несильная грудная клетка, маленькие ключицы, живот плоский, очень нежная кожа...

— Ну-с, будьте добры лечь на диван.

— Как?

— На грудь, на живот...

Легла, закрыв лицо руками:

— Ох, это еще стыднее!

— Не бойтесь, я не смотрю на вас, как на женщину... Талия у вас идеальная!²⁰

Шепотом²¹:

— Правда?

— Правда. Чудесные бугорки поясницы...

Ягодицы, когда легла, еще больше восхитили меня. И я уже стал забывать, что я только художник, глядя на них, на копчик и несколько золотых волосков на нем, уходящих в разрез под ним. Видно было и начало волос под ягодицами...²² Потом опять эта нежность под коленками, эти розовые пятки, блеск впадины подошвы, поджатые, точно живые, маленькие пальцы... Вдруг она перевернулась, крепко закрывая руками^{23а}.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/643. 2 больших тетрадных листа, текст с обеих сторон. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания. Надписи простым карандашом на полях обоих листов. Без заглавия.

Датируется примерно по качеству бумаги и почерку: конец 1930-х — первая половина 1940-х гг.

^а Текст обрывается.

¹⁷ небольших, крепких *вписано*

¹⁸ *Вместо:* грушевидных ~ торчащих — *было:* а. груди небольшие, грушевидные б. грушевидных, молодых, непорочных

¹⁹ *Было:* твердые

²⁰ *Было начато (с абзаца):* Идеальна

²¹ Шепотом *вписано*

²² *Вставлено карандашом на полях:* Ее губки сзади

²³ *На полях последней страницы карандашом:* Лепка, цвет и лоск колен — какой? Фаянсовый, фарфоровый. / Лоск локтей / белая лилия? (*левое поле*) Нежность, атласистос<t>ь пахов / Голени, берцовая кость / Красное — и сложное (жабры) влагилица

II. <СМЕРТЬ В ЯЛТЕ>

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

Рассказ обнаружен среди записных книжек и набросков Бунина. По-видимому, набросок был сделан писателем в записной книжке и вырван оттуда для продолжения работы. Авторского заглавия не имеет.

Этот неоконченный рассказ (как «Раиса» или «Княжна Сайтанова», входящие в «круг “Темных аллей”») позволяет представить основной метод работы Бунина. Текст начинается как развернутый конспект будущего произведения, с обдумыванием и поиском подробностей для намеченной канвы (см.: «на Эрикликке, например»). В первых абзацах существенно не хватает деталей, однако вскоре каркас начинает ими обрастать: описание мертвого тела, что весьма характерно для Бунина, намечает первые подробности. Затем деталь становится все более емкой, выпуклой: автономность и самостоятельность детали, как уже многократно отмечали исследователи, — один из главных признаков бунинского текста. И здесь деталь, в какой-то мере, оказывается значительно важнее простого и типового сюжета.

Некоторые мотивы соотносятся с опубликованными текстами позднего Бунина. Финал напоминает о рассказе «Три рубля» (1944) — с той разницей, что в нем тело героини не увозят в Москву, а хоронят на ялтинском кладбище¹. Основная сюжетная канва заставляет вспомнить о сильнейшем переживании юного Арсеньева («Жизнь Арсеньева»), которому, вероятно, передано переживание юного Бунина: «Но все равно — Надсон был “безвременно погибший поэт”, юноша с прекрасным и печальным взором, “угасший среди роз и кипарисов на берегах лазурного южного моря...” Когда я прочел зимой о его смерти и о том, что его металлический гроб, “утопавший в цветах”, отправлен для торжественного погребения “в морозный и туманный Петербург”, я вышел к обеду столь бледный и взволнованный, что даже отец стал тревожно поглядывать на меня <...>»². Ср. еще один эпизод в «Жизни Арсеньева», данный уже как непосредственное крымское впечатление: «А по белому шоссе мимо нас катилась коляска тройкой, с топотом копыт и звоном колокольчиков: на козлах — татарин ямщик, в коляске — чернобровый старик в полотняном картузе, а рядом с ним, вся закутанная, вся восковая, желтая, с темными и страшными глазами, девушка... Верно, не раз я видал, много лет спустя, ее мраморный крест на горе над Ялтой, среди множества прочих крестов, под кипарисами и розами <...>»³. Локус Крыма, соединяющий богатство южной природы и радости отдыха на море с жизнью людей, больных чахоткой (быт чахоточных Бунину хорошо знаком хотя бы по последним годам жизни А.П. Чехова, протекавшим во многом у него на глазах), становится почти символическим выражением близости счастья и смерти в человеческой жизни. Этот символический момент намечен в качестве лейтмотива: ср. абзац, в котором трупный запах перекликается с запахом свежих цветов.

Примерно с середины набросок перерастает в полноценное повествование. Риторическое восклицание «Какой безвыходный ужас!» окончательно отменяет «конспективность» (еще заметную в предыдущем абзаце — ср. предложение: «Пароход»). Далее текст обретает эмоциональность, отсутствующую в первой части. Соединение деталей и эмоциональной окраски позволяет говорить о готовом художественном тексте. Последние два абзаца в какой-то мере возвращают начальную «конспективность». Но обилие подробностей заставляет воспринимать эту ретардацию как осознанный художественный прием.

Рассказ убедительно свидетельствует, что не все произведения, создававшиеся Буниным в последние десятилетия жизни, следует включать в «круг “Темных аллей”». В первоначальном вари-

¹ Ср.: «Ялтинское кладбище на высоком холме. И с него далеко видно море, а из города — кресты и памятники. И среди них, верно, и теперь еще белеет мраморный крест на одной из самых дорогих мне могил» (Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 41).

² *Жизнь Арсеньева* (1952). С. 165.

³ Там же. С. 240.

анте текста намечен сюжет, который мог бы развиваться соответственно тематике «Темных аллея»: «И куда вдруг девалась вся чистота, скромность, невинность!». Однако автор сразу же убирает этот возможный поворот темы (оставляя от него лишь «красавца проводника»)⁴. Тема смерти составляет отдельный пласт творчества писателя. В книге «Освобождение Толстого» Бунин, ссылаясь на М. Алданова, говорит о том, что Лев Толстой думал о смерти постоянно и создал в своем творчестве галерею умирающих персонажей. В творчестве Бунина можно обнаружить такую же галерею — по крайней мере, начиная с 1910-х годов («Смерть Моисея», 1911; «Худая трава», 1913; «Господин из Сан-Франциско», 1916; «Исход», 1918 и т.д.). В эмигрантский период эта тема еще более плодотворна («Огонь пожирающий», 1923; «К роду отцов своих», 1927; «Алексей Алексеевич», 1927 и т.д.)⁵. В письме Ф.А. Степуну от 26 марта 1951 г. Бунин разделил все свои сочинения на пять «родов» — тематически: «О народе», «О любви», «Мистические», «О смерти», «Разные»⁶. Таким образом, если «круг “Темных аллея”» следует отнести в рубрику «О любви», то рядом с ней, на равных правах существует рубрика «О смерти».

Лет двадцать. Всячески мила, прелестна... Голос, глаза...

Год в Крыму на богатой ялтинской даче родных — чахотка. Осенью вдруг точно с ума сошла: каждый⁷ день верхом, с красавцем проводником татаринном, в горы. Вся набережная каждый день дивится на ее отчаянную скачку.

Падение (на Эриклик^а, например).

Вскоре внезапная смерть — хлынула кровь горлом.

Когда несли в гроб, казалась очень длинной — особенно от длинного белого платья, с распущенными длинными волосами, в новых белых бальных туфельках, в белых тонких шелковых чулках.

Так стояла на даче в гробу — до парохода в Севастополь, оттуда в поезде в Россию.

Белый гроб, белый газет покрыва, церковные свечи в бантах белого крепа. Чистое, худое, прекрасное, молодое лицо с удивительными темными ресницами — они крупно⁸ темнеют на лице, точно искусственные. Да и все, вся она уже точно искусственная. Страннее всего то, что все нарядно, новобранно. И как хороши еще волосы (когда лежала на столе, еще не в гробу, на белой новой простыне, на белой новой подушке, еще без покрыва, было еще страннее и страшнее — эта неподвижность,⁹ покорно скрещенные на груди худые руки¹⁰, бальная девичья нарядность. Сперва длинные ноги под платьем были связаны носовым платком. Была подвязана и челюсть, на глазах дико чернели пятаки. Потом все это сняли).

Первая панихида. Тонкие панихидные свечи — их огоньки в еще светлый вечер, с светлым небом на закате за морем. Первая «вечная память». Вот ее уже нет в нашем мире, вот ей уже «вечная память»! От тьмы тем — живших и умерших на земле за всю человеческую

⁴ Впрочем, один из набросков ко второму тому «Жизни Арсеньева» (л. 42 об., с. 205) с упоминанием того же Эриклика можно расценить как возможное развитие сюжета.

⁵ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 2000.

⁶ Бунин—Степун. С. 126.

⁷ *Вместо*: вдруг точно с ума сошла: каждый — *было*: поняла, наконец, что вот-вот конец. И куда вдруг девалась вся чистота, скромность, невинность! Стала всячески неузнаваема. Каждый

⁸ крупно *вписано*

⁹ *Далее было начато*: скре<щенные>

¹⁰ покорно скрещенные на груди худые руки *вписано*

историю (и до истории!) не осталось памяти ни малейшей. Совершенно забудут и ее — через полгода, через год — и все-таки: «вечная память»! Черные ризы в белых галунах. Дым и запах веющей возле полы ризы священника кадилницы, звук ее цепочек в тишине, когда смолкают.

Стояла на даче двое суток — пароход «В<еликий> К<нязь> Александр Михайлович»^b уходил только в субботу. Утром в этот день уже запах. И запах живых цветов¹¹, великолепных в своей красоте и свежести — молодой, нежный, женственный, чувственный — запах их вокруг ее головы, которая, — особенно, если ее качнуть, поправляя цветы, — уже совсем явно смердит. И запах дерева нового гроба.

Лицо обрзалось, уже страшное, гробовое. Чугунно почернели ноздри, плоски и блестящи стали сизые губы, в мертвенно-белых все еще¹² прекрасных руках что-то туберозное.

Пароход. И никто из нарядной толпы, возвращающейся в Россию, не знает, что в трюме — гроб, ее гроб. Ровный ход парохода. Вечное качанье, плесканье волн, бессмысленное, бесцельное, непонятное.¹³ Темно-синеватые, с прозеленью, дуги играющих дельфинов, совершенно так же игравших в этих волнах и при каком-то Митридате, при Одиссее. Вечные, косо летящие за кормой чайки. Осенняя пестрота проходящих справа гор, тени облаков и свет по ним. Этого она уже вовеки не увидит. Лакеи по коридорам звонят — к завтраку...

Какой безвыходный ужас!

Курьерский поезд, к которому прицеплен сзади товарный вагон с гробом и две ночи ее родных в купе — с чувством, все время, что там, сзади, этот страшный вагон, где она одиноко лежит в темноте в гробу, красный, мотающийся всю ночь огонек сзади на этом вагоне... Под Москвой проснулись рано, не выспавшись, в гадко нагретом за ночь ими и топкой купе... Темное, сумрачное утро, тучи, уже поздняя осень, холодная, грязная, скучная... И впереди — самое страшное...

Отвратительно качается с вокзала по улицам верх белого катафалка, кудрявые с надутыми щеками головы херувимов на его углах... (Назад этот катафалк покатит рысью, уже без белых саванов на лошадях, бодро, с видом освобождения от конченного дела, с грубой жизнью этих погребальных мужиков в черном, развязно усевшихся на месте снятого гроба).

Отвратительные минуты — последние приготовления к концу (к самому противоестественному — к зарыванию гроба с ней в землю): конец службы, наступившее вдруг молчание после бесконечных пений, чтений, скорбно-покорных возгласов, выход священнослужителей из алтаря и последние упорные взмахи кадила с вылетающим из него вокруг гроба пахучим дымом... Закрывают мертвое лицо — уже навеки! — газом, льют по газу какое-то особенное темное масло, сыплют на него горсть земли... Потом косо заносят крышку, покрывают ею, завинчивают ее... И самый страшный миг — когда священ<ник> в последний раз широко и разрешительно крестит гроб — перед тем, как с натугой поднимут его и потащат вон из церкви, — потащат его совершенно особенную тяжесть опускать в яму, этот блестящий нарядный ящик с гниющим телом. И как нелеп этот серебр<яный> новенький глаzet на дне свежей, сырой, первобытно-земляной ямы и то, что на него грубо валят лопатами сырую тяжелую землю!

¹¹ *Вместо:* живых цветов — *было:* богатых

¹² *все еще вписано*

¹³ *Далее было:* Дуги

Священник в очках, зоркий, строгий.

Потом будет над ней белый ангел с белыми очами к небу — среди обычного кладбищенского разнообразия деревьев, аллей, крестов, часовенок, цоколей и пирамидок, гранитных и мраморных, белых, серых, черных...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/598. Записано на отдельных листках малого формата, похожих на листки, вырванные из записной книжки. 8 листов, текст на обеих сторонах. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе работы.

Датируется приблизительно по качеству бумаги и уверенному почерку: 1940-е гг.

---

^аЭриклик (современное название Горное) — местность в горах, в 3 км. от Ялты. С середины XIX в. там был построен дворец для больной туберкулезом императрицы Марии Федоровны.

^бПароход «Великий князь Александр Михайлович» обслуживал черноморские пароходные маршруты, начиная с 1912 г. (построен в Швеции в 1907 г. и ранее под другими названиями ходил по Балтийскому морю).

Наброски

Предисловие Е.Р. Пономарева

Наброски можно назвать особым жанром бунинской прозы. Тетради, записные книжки и отдельные листы (и даже обрывки листов), сохранившиеся в архиве писателя, заполнены отрывками, сюжетными зарисовками, а также отдельными фразами, деталями и мотивами.

На эти записи можно посмотреть традиционно (так обычно и делали ранее) — как на аналог записной книжки, имеющей особое значение в творчестве многих писателей конца XIX — начала XX в. Ориентиром здесь выступает творчество А.П. Чехова, сделавшего записную книжку символом литературного профессионализма. Наброски Бунина, как и записи в книжках Чехова, представляют собой калейдоскоп возможностей для будущих текстов. Часть этих записей была так или иначе использована писателем в его сочинениях. Другая часть пригодилась В.Н. Буниной в ее работе. Составляя «посмертную» книгу «О Чехове» из разрозненных записей мужа, вдова писателя освоила бунинский метод работы с набросками и отрывками¹. Этот метод использован ею и при создании книги «Жизнь Бунина» (Париж, 1958). В первых главах «Жизни Бунина» остро ощущалась нехватка материала: В.Н. Муромцева-Бунина (двойная фамилия использовалась ею исключительно как «литературное, авторское имя»; в обычной жизни она подписывалась «Вера Бунина») заполнила недостающее рядом бунинских набросков, относящихся к детству и юности писателя, его пребыванию в деревне, рассказам старших братьев. Показательно, что сам Бунин сохранял и переписывал эти наброски долгие годы, собираясь использовать их в текстах художественных произведений. В биографической книге В.Н. Муромцевой-Буниной функция набросков изменилась: вместо обобщенных иллюстраций деревенской жизни в дореволюционной России они стали свидетельством того, как формировалось сознание подростка Вани Бунина.

Традиционный взгляд на наброски привел к тому, что публикаторы бунинского наследия поступали с ними по своему усмотрению (без того пиетета, который они проявляли к законченным произведениям): публиковали выборочно и частично, произвольно разрывая контексты, не замечая никакой цельности в структуре тех листов, на которые заносил свои краткие записи Бунин. Нередки были случаи (все они перечислены в археографических описаниях публикуемых ниже текстов), когда публикатор брал из документа те отрывки, которые нравились лично ему, оставляя неопубликованными минитексты, находящиеся рядом. Бывало, что из собранной Буниным папки набросков публиковалось лишь несколько страниц (эти случаи тоже перечислены ниже). Более того, публикаторы часто не видели различия между дневником писателя и художественным минитекстом, отправляя наброски в категорию дневниковых записей.

Настоящее издание возвращает все бунинские наброски на их законное место, в авторский контекст. Каждый лист набросков публикуется целиком, записи идут в порядке, установленном автором. Все наброски, собранные Буниным в папки, публикуются в аутентичном виде. В связи с этим пришлось пойти на беспрецедентное² решение: несмотря на то, что «Литературное наследство»

¹ Подробнее см. комментарий Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса в книге *Новые материалы* (3).

² Впрочем, можно сослаться и на решение составителей предыдущего бунинского тома «Литературного наследства»: там был перепечатан целый ряд бунинских публикаций недоступного тогда в СССР «Нового журнала». С этой точки зрения наше решение перестает быть беспрецедентным и становится традиционным для сложнейшей (по идеологическим и правовым причинам) истории издания текстов И.А. Бунина.

публикует только неизвестные ранее тексты, в этом разделе имеется целый ряд фрагментов, уже известных читателям по публикациям в «Новом журнале», а скорее — по пиратским перепечаткам в интернете. С нашей точки зрения, настоящий раздел впервые предлагает читателю канонические тексты И.А. Бунина. Все предшествующие публикации отдельных фрагментов представленных здесь текстов следует рассматривать как случайные, недобросовестные и ненаучные.

С этим связано и новое осмысление набросков Бунина. Это не просто рабочие материалы или разрозненные замыслы, а самостоятельные тексты. Известно, что деталь в прозе Бунина обретает роль независимого элемента. Уже в ранней бунинской прозе исследователи видят «охоту за деталью»³, которая преследует цели наибольшей выразительности и яркости. Ю.В. Мальцев считает фрагментарность характерной особенностью многих новелл зрелого Бунина: «Действие (сюжет) <...> намеренно низводится с центрального места, рамки рассказа раздвигаются в бесконечность жизни, и он обретает характер “фрагмента”»⁴. Бунинский нарратив определяется им как «перечень»⁵. Такое понимание природы бунинского текста позволяет видеть в наброске наиболее органичный бунинский жанр. Он стоит в одном ряду с экспериментами писателя 1930-х гг., воплотившимися в «кратких рассказах».

Первоначально наброски (на этом этапе будем именовать их *начальными текстами*) записывались на том, что оказалось под рукой. В РАЛ хранится папка с начальными текстами Бунина последнего года жизни⁶: они сделаны на коробках из-под папирос, обрывках листов, газет, на случайных бумажках. Затем маленькие тексты переписывались набело — вероятно, при этом показавшееся неважным отбрасывалось, — и первоначальные записи уничтожались. Можно предположить, что наброски последнего периода потому и сохранились, что набело Бунин переписать их не успел. Начальные тексты, переписанные на большие листы в произвольном порядке, можно считать следующим этапом писательской работы Бунина.

В процессе переписываний начальные тексты по-новому группировались и развивались. Эта работа хорошо заметна в публикуемых набросках. Кресты, проставленные карандашом рядом с некоторыми записями, указывают на сюжеты, отобранные для дальнейшего использования, ряд записей вычеркивается — по-видимому, они признаны неинтересными. Иногда на полях рядом с некоторыми записями Бунин пишет: «взято» (это особенно интересно в набросках ко второму тому «Жизни Арсеньева»). С частью записей писатель работает, как с черновиком: возвращается спустя какое-то время и правит поверх первоначального текста (это совершенно ясно в тех случаях, когда правка выполнена чернилами другого цвета). И эта правка давнего наброска лишний раз убеждает в том, что бунинский набросок следует осмыслять как отдельное художественное произведение, а не как «техническую запись».

Для некоторых мотивов можно проследить развитие «начального сюжета». Так, в набросках ко второму тому «Жизни Арсеньева» читаем: «Большой серый пористый нос — как пемза». В № 11 настоящих набросков (л. 1 об., с. 159) мотив расширен: «Старик церковный сторож. Большой серый пористый, как пемза, нос». Деталь обрастает конкретикой небольшого сюжета. Впрочем, можно предположить, что развитие текста шло в ином направлении и запись о церковном стороже первоначальна, вызвана конкретным наблюдением. В этом случае, в набросках ко второму тому романа исчезает конкретика более раннего текста, но сохраняется яркая деталь. Трудно с точностью утверждать, как шло развитие, ибо записи датируются лишь примерно. Здесь нас интересует сам факт движения мотива.

Обращает внимание компактность семантики начального текста: если ранний Бунин создавал «сгущенный бульон» из деталей (письмо А.П. Чехова Бунину от 5 января 1902 г. о рассказе «Сосны»), то поздний Бунин концентрирует мысль в единственной детали «начального текста», а затем разводит подробностями этот «концентрат» (продолжим чеховскую метафору). Принципиальное отличие

³ Мальцев Ю.В. Бунин. 1870–1953. М.: Посев, 1994. С. 91.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ РАЛ. MS 1066/714.

записей Бунина от записей Чехова (и всех иных авторов, сделавших записную книжку частью писательской лаборатории) заключено в самостоятельности детали — ощущении в детали скрытого «начального сюжета» или, точнее, множества потенциальных сюжетов. Возьмем, к примеру, запись из набросков № 8: «Пепельный верблюд». Такая запись возможна и в записной книжке Чехова, но у Чехова она связана с необычным эпитетом, не более. Запись Бунина иного рода: она скрывает в себе сжатый эпизод или целый рассказ в привычном смысле слова, то есть начальный сюжет, имеющий целый ряд возможностей для развития. «Пепельный» получает значение предиката: лексема сама по себе содержит сюжетную возможность. Частичной предикативностью в этом сжатом сюжете начинает обладать и «верблюд», намечая историю, потенциально связанную с югом, арабскими странами и т.д.

Именно в этом концентрированном виде начальный текст проходит несколько стадий переписывания, пока не получит определенный контекст. Из множества потенциальных начальных сюжетов автор выбирает один. При этом выбранный контекст не станет затвердевшим, навсегда приобщенным к «пепельному верблюду». Писатель всегда может вернуться к начальному тексту и погрузить его в иной контекст — что в ряде случаев прослеживается в творчестве Бунина. Для позднего же творчества будет характерна игра контекстами, изменение начального сюжета при сохранении общего временного и пространственного колорита. Например, несколько глав рассказа «Натали» (вторая часть книги «Темные аллеи») перекладывают сюжет «Жизни Арсеньева» с той разницей, что главный герой рассказа не только знатен, но и богат⁷.

Начальный текст, получивший существенное развитие, обросший подробностями, превратившийся в зарисовку или эпизод, становится *промежуточным текстом*. Процесс превращения начального текста в промежуточный наблюдается не часто (Бунин уничтожал использованные начальные тексты — все листы с начальными текстами, сохранившиеся в бунинском архиве, не старше середины 1930-х годов), но кое-что заметить можно. Например, в набросках ко второму тому «Жизни Арсеньева» появляется запись: «Бывший пароходный лакей, будущий убийца. <...> Усат, похож на Ницше». Перед нами уже промежуточный текст, но сохранивший многие признаки начального. Начальной, по-видимому, была курьезная деталь: лакей, похожий на философа. Словосочетание «будущий убийца» (как и ряд портретных подробностей, его сопровождающих) сюжетно, оно намечает развитие конкретного и важного эпизода, связанного с удивительным лакеем, следовательно, превращает начальный текст в промежуточный. При следующем упоминании похожий на Ницше лакей попадает внутрь большого эпизода, связанного с приездом некоего господина Яворского в южный город, проституткой и, по-видимому, подготавливаемым убийством, в котором будут замешаны проститутка и лакей.

Промежуточный текст — наиболее характерная форма бытования текста в творчестве Бунина. Можно сказать, что понятия «завершенный текст» для него не существует. Свои опубликованные тексты Бунин многократно исправляет, иногда радикально переделывает, создавая новые и новые редакции (в этом он типологически ближе модернистской литературе, нежели классической — ближе Андрею Белому, чем Л.Н. Толстому). Переделывает, не останавливаясь, до самых последних лет жизни. Любой бунинский текст следует представлять не как сложившееся целое, а как нечто складывающееся и текучее — как процесс, а не результат. По этой причине традиционные текстологические методы, сложившиеся в процессе изучения и издания наследия писателей-классиков, не всегда применимы к Бунину.

Из промежуточных текстов вырастают *тексты произведений*, готовящихся к публикации. Нередко отдельный промежуточный текст становится центральным эпизодом *готового произведения*. Готовый текст может вобрать в себя целый ряд промежуточных текстов, существенно переработанных. Важным моментом в движении от промежуточного текста к тексту готовому (мы сознательно избегаем выражений «завершенный текст», «оконченный текст», «окончательный текст», потому что к любому готовому тексту Бунин продолжает относиться как к промежуточному) становится

⁷ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Интертекст «Темных аллеи»: Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 186–203.

собрание промежуточных текстов в папки — по тематическому принципу. Ряд таких папок, ориентированных на продолжение «Жизни Арсеньева» или новые рассказы «Темных аллей» («Круга “Темных аллей”») опубликован после раздела «Отдельные наброски». Публикатор продолжил бунинскую логику группировки материала: папки и крупные наброски расположены в данной публикации тематически, с ориентацией на опубликованные произведения Бунина.

В редчайших случаях мы можем проследить всю цепочку: начальный текст — промежуточный текст — текст опубликованного произведения. Рассказ «В Альпах» (1949; опубликован в 1950 г. в журнале «Новоселье», в 1953 г. включен в книгу рассказов «Весной, в Иудее. Роза Иерихона») дает нам такую возможность. В папке «К “Жизни Арсеньева”. Том второй» появляется начальный текст (л. 27 об.). В папке «Юг» начальный текст обрастает подробностями, превращаясь в промежуточный (см. л. 9). В опубликованном тексте рассказа подробностей становится меньше — это обычная практика бунинской редакции: готовя текст к печати, Бунин отделяет стилистику.

Менее четкий путь ведет нас от набросков второго тома «Жизни Арсеньева» к рассказу «Ривьера», так и не опубликованному при жизни автора. Краткое упоминание отеля «Балморал» в Ментоне появляется в папке «К “Жизни Арсеньева”. Том второй». Формирование промежуточного текста на основе этого начального заметно на отдельных листах, связанных с замыслом «Жизни Арсеньева». В папке «Юг» появляется иной контекст, модифицирующий начальный сюжет: история дорогой содержанки, живущей на Лазурном берегу. Наконец, готовый вариант формируется уже в черновике рассказа⁸.

Интересно, что сам писатель находит своим наброскам жанровые аналоги в мировой литературе. В № 3 «Отдельных набросков» цитируется несколько записей из необычного произведения А. Доде «Doulou» (подробнее см. примечания). По сути, это похожий текст, составленный из отдельных мыслей и замечаний.

Итак, в публикуемых ниже набросках соединяются начальные тексты и тексты промежуточные, причем промежуточные преобладают. На листах с «Отдельными набросками» встречаются начальные тексты в чистом виде. Наброски, собранные в папки, можно рассмотреть, как сборные произведения, напоминающие по форме «Doulou». Мы можем прочитать все эти записи как один из этапов становления некоего абстрактного, обобщенного Текста (текст как жизнь — метафора, чрезвычайно значимая для позднего модернизма и для Бунина 1930–1940-х гг.). Можем искать в них моменты, похожие на опубликованные тексты писателя (ощутимое сходство отражено в примечаниях), приближая наброски к формам записных книжек или писательских упражнений. Тем более, что записные книжки Бунина (будут опубликованы во второй книге настоящего тома «Литературного наследства») по форме мало отличаются от набросков. Можем же воспринимать отдельные записи набросков свернутыми, концентрированными текстами, в которых нарративные потенции важнее окончательного развертывания нарратива (что ближе постмодернистскому мышлению и что очень ярко проявляется в некоторых поздних рассказах Бунина — опубликованных и неопубликованных, а также в некоторых записных книжках⁹).

Наброски позволяют увидеть, как в творчестве Бунина пульсирует и развивается несколько постоянных тем, которые лишь кажутся завершенными, но никогда не будут завершены. Показательно, что сюжет «Деревни» (1910), казалось бы, давно законченный писателем, неизменно возвращается в набросках. Бунин, по-видимому, продолжает искать подтверждение собственной правоты в теме русского мужика и русской деревни.

Темы же последних больших произведений Бунина — романа «Жизнь Арсеньева» и книги «Темные аллей» — постоянно ощущаются в набросках. Ни то, ни другое произведение Бунин не считал завершенным.

Некоторые наброски посвящены путешествиям на Восток. Они существуют как бы параллельно опубликованным текстам о Востоке — книге «Тень птицы», а также очеркам, которые Бунин

⁸ РАЛ. MS 1066/255.

⁹ См. подробнее: Пономарев Е.Р. Постмодернистские тенденции в творчестве позднего И.А. Бунина (на материале уникальной записной книжки) // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 213–226.

печатал в газетах в 1930-е гг.: например, «Дамаск — Назарет» (Последние новости. 1938. 7 января. № 6131. С. 2) или затрагивающие темы Древнего Египта «Слова, видения» (Последние новости. 1937. 10 октября. № 6042. С. 2). Наброски вполне соответствуют форме путевых заметок, которые избирает Бунин для публикуемых очерков.

Ряд записей о Цейлоне указывает на незавершенность в бунинском творчестве и цейлонской темы, воплотившейся в нескольких стихотворениях и ряде рассказов. Эти записи то ли продолжают рассказ «Отто Штейн» (1920), то ли формируют еще одно повествование о путешествии по Индийскому океану и острову.

Одним словом, даже те наброски, которые кажутся подготовительными элементами к известным нам опубликованным текстам, следует воспринимать как полноправные варианты этих текстов. Все «подготовительное» писатель нещадно уничтожил. Если наброски сохранились, они сохраняют актуальность.

С точки зрения (модернистской) вариативности текста чрезвычайно важна общая черта позднего творчества Бунина — нераздельность и неслиянность художественного и автобиографического текста. На разных этапах творчества Бунина это свойство проявлялось по-разному: от произведений, близких репортажной технике («Туман», 1901; «Тишина», 1902, вторая редакция 1932), пересказа эпизода из собственной жизни с подробным изложением вызванных им душевных переживаний («В августе», 1901) — к переработке дневника в художественный текст («Тень птицы», 1908–1911; «Окаянные дни», первая половина 1920-х гг.; «Воды многие», 1925–1926 и позднее), вплоть до сложной структуры «Жизни Арсеньева» (1930, 1933, 1939, последняя редакция 1952), где автобиографический роман смещается к «истории моего современника» и, через объективацию понятия Память, движется в сторону философского романа о тайнах бытия. Здесь мы видим обнаженную природу художественного мышления Бунина: дневник (автобиография) и сочиненный текст — для него явления одного порядка, как вариант и инвариант. Показательно, что первая часть «Плана-конспекта продолжения романа “Жизнь Арсеньева”» напоминает некий дожуанский список. Однако список этот не может быть однозначно атрибутирован: отчасти это список Бунина (о многих внесенных в него девушках есть какие-то сведения в бунинской биографии), отчасти — Алексея Арсеньева.

В этом плане органично воспринимается решение В.Н. Муромцевой-Буниной использовать ряд набросков в биографической книге для описания раннего детства и ранней юности будущего писателя. Ее сообщения о том, что эти истории-зарисовки рассказаны старшими братьями писателя, вероятно, восходят к устным семейным источникам. В данной публикации мы возвращаем ряд отдельных записей, уже известных читателю-буниноведу по книге «Жизнь Бунина», на их исконное место — в тот самый контекст, в который они помещены Буниным при последней переработке. Трудно сказать, верно или неверно интерпретированы они В.Н. Муромцевой-Буниной, но можно быть уверенным, что это далеко не единственная интерпретация из тех, какие обнаруживаются в бунинских набросках.

В общую плавильню литературы, в которой соединяются собственные наблюдения и история семьи с выдуманными или смоделированными историями (так могло бы быть, даже если и не было), Бунин кидает и цитаты из прочитанных текстов. Цитат в набросках много, и они важны сами по себе: их функция близка функциям начальных текстов. Цитатные вставки чужого, но близкого, часто встречаются и в опубликованном творчестве Бунина («Освобождение Толстого», 1937; чтение классики в «Жизни Арсеньева», рассказы 1940-х гг.: например, «Мистраль», 1944 — см. о нем в примечаниях к наброскам ко 2 тому «Жизни Арсеньева», с. 216). Особая роль цитаты в собственном тексте, в числе прочего, приближает позднее бунинское творчество к постмодернистскому типу.

Характерно, что приводя цитату, Бунин почти всегда цитирует неточно, нередко разрывая ткани цитируемого текста, привнося в цитату близкий ему самому смысл. Так цитируются даже священные тексты (например, обычно приводятся те части евангельских стихов, которые соответствуют бунинскому чувству бренности преходящего, а ненужные части стихов отбрасываются). Литературные произведения (включая те, что написаны на французском языке) тоже цитируются свободно, по

памяти: писатель не проверяет цитаты по книгам. Цитируя лирические стихи, Бунин нередко переставляет или заменяет слова. Цитата воспринимается как содержимое его памяти — следовательно, это вовсе не искажение первоначального текста, а его вариант, как было бы в случае с фольклорным источником. Такой же вариант, какой представляет собой набросок по сравнению с уже опубликованным текстом на тот же сюжет.

Сама форма набросков воплощает ту форму дискретного повествования, к которой Бунин так или иначе стремился на протяжении всей жизни. Возможно, настоящие наброски и есть главный бунинский текст, еще не известный широкому читателю.

Выражаю глубокую признательность хранителю Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису за целый ряд важнейших указаний и консультаций в процессе подготовки текста, Галине Брэдли (Лидс) за помощь в расшифровке неясных мест, С.Н. Морозову (ИМЛИ РАН) за полезные указания в процессе подготовки текста, а также участникам Бунинского семинара Санкт-Петербургского государственного института культуры Е.А. Кагановой, Д.А. Цветковой, М.С. Щавлинскому за участие в подготовке комментария к различным разделам «Набросков».

I. ОТДЕЛЬНЫЕ НАБРОСКИ

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

Отдельные наброски представляют собой начальные и промежуточные тексты, уже переписанные на большие листы бумаги. Интересны они в первую очередь тем, что воочию представляют нам «творческую лабораторию» Бунина.

Многие из публикуемых ниже набросков развивают те или иные темы, которые характерны для всего творчества писателя. Так, в № 12 звучат темы и мотивы «Деревни» (1910), в № 3 и № 12 можно отметить темы и мотивы, подготавливающие «Темные аллеи» (1946). Рядом с ними можно заметить начальные сюжеты, напоминающие о романе «Жизнь Арсеньева» (1930, 1933, 1939, 1952). В № 6 начальный сюжет, соотносимый с эпизодами смерти Писарева и развивающейся на этом фоне любви к Анхен, переходит в воспоминания о каких-то похоронах на рю Дарю и мысли о собственных похоронах — этот тематический поворот напоминает о рассказе «Поздний час» (1938), завершающем первую часть «Темных аллей». Отдельные сюжетные повороты «Жизни Арсеньева», по-видимому, не отпускают Бунина довольно долго — все военные годы. Писатель нередко создает вариации уже написанных (и уже вошедших в опубликованные произведения) сцен и сюжетов. Можно предположить, что активно работая над книгой «Темные аллеи», Бунин предполагал создать ряд переложений арсеньевских эпизодов для новой книги. Так в упомянутом («писаревском») сюжете из № 6 юноша и девушка говорят о смерти хозяина дома. Однако интонации и возникающее за ними мировоззрение героини существенно изменены; они намного ближе героине рассказа «Смарагд» из «Темных аллей», чем Анхен из «Жизни Арсеньева»¹. Диалог в наброске завершается сентенцией, напрямую относящейся к стилистике и философии «Темных аллей»: «Одна из самых счастливых ночей их», — одновременно ставящей точку в повествовании и заставляющей задуматься о неисповедимых путях бытия.

Одна из записей в № 3, вероятно, использована затем в неоконченном рассказе ««Смерть в Ялте»» (с. 129–131). Близка к ««Смерти в Ялте»» и первая запись из № 6 (несколько иначе выстроены подробности, причина смерти, но общая тональность та же). Таким образом, в этих набросках «снуются» (по выражению А.Н. Веселовского) разные мотивы, выискивая для себя лучшую форму.

Датировать наброски довольно сложно, однако их можно разбить на группы и некоторые группы датировать примерно — по качеству бумаги или по намеченным сюжетам. Так № 1–3 представляют собой записи на бумаге одинаково плохого качества, одинаково выцветшие. Можно предположить, что они создавались в один и тот же период, когда хорошую бумагу было практически не достать: во время Второй мировой войны. № 11–12 по некоторым соответствиям опубликованным произведениям конца 1930-х годов и лучшему качеству бумаги могут быть, с большими оговорками, отнесены к более раннему, предвоенному периоду. Однако несмотря на то, что разные наброски, безусловно, создавались в разное время на протяжении 1930–1940-х гг. (а некоторые и в начале 1950-х гг., в самые последние годы жизни писателя) и должны рассматриваться диахронно, они, вместе с тем, могут рассматриваться и синхронно: ведь все они на 7 ноября 1953 г. были сохранены Буниным для последующей работы. В этой и других публикациях тома мы пытаемся сохранить свойственное Бунину ощущение текста как вечно становящегося и никогда не завершаемого целого.

1

<л. 1>

Большое кладбище в стенах (на выезде из города):

¹ Отметим, впрочем, что смерть Писарева, кроме того, по-своему переписана Буниным (смерть Мещерского, мужа Натали) в рассказе «Натали» (1941), вошедшем в книгу «Темные аллеи».

В конце широкой аллеи, идущей от ворот, по сторонам которой великое множество крестов, плит и памятников в густых диких травах и кустах², низкая кладбищенская церковь. И в ней, пустой, застывшей в каком-то особенном безмолвии, гроб с покойником. В окна справа безразлично³ светит вечернее солнце.

Вот и весь рассказ — несказанно страшный.

Две могилы рядом. Соседи до конца века, до восстания из мертвых!

Зачем так угрожающе и все повышая голоса пели, когда несли гроб, «Святой Боже, святой крепкий, помилуй на-ас»?⁴

<л. 2>

— Non bis in idem!^a (Не повторяться!)

Но все повторялись и повторяются и даже больше всего самые «великие». И это вполне законно, иначе и быть не может.

Горацио, Бернандо, Марцелло, Рейнальдо... Как, почему попало все это в XVI в., в Данию? («Гамлет»)^b.

<л. 3>

Какой-то Одиссей, какая-то Итака... Почему, зачем вошло это в мою жизнь с детства, как и многое, многое другое — Авраам, Исаак, Дон Кихот, Гамлет, Чацкий, Чичиков и т.д.? И нужно же было случиться так, что первая моя жена была гречанка Цакни, род которой был с Итаки!

«Перелет птиц вызывается действием внутренней секреции: осенью — недостатком гормона, весной — избытком его... Возбуждение в птицах можно сравнить с периодами половой зрелости и “сезонными толчками крови” у людей...».

Совсем как птица был я всю жизнь!^c

«Энеида»:

— Una salus <victis> — nullum sperare salutem. (Одно спасение — не надеяться ни на какое спасение)^d.

<л. 4>

10.3.45. Grasse, A<Ipes> M<arities>

В теплую светлую ночь в июле, в деревне, в одинокой возле нее, давно необитаемой усадьбе, где когда-то родился его отец, ночевал в кабинете с открытыми окнами.

Из окон виден широкий, заросший травой двор, за разрушенной каменной оградой которого деревенский выгон, а за ним поля. Ночь веселая, мирная — и даль⁵ особенно прекрасна там, напротив, в полях, под светлым южным небосклоном.

Казалось, что выходил в сад за домом — по комнатам в сумраке, по залу, потом по гостиной и по балкону, по его сгнившим доскам. Сад редкий, мелкий, одичавший, тоже

---

² и кустах *вписано*

³ безразлично *вписано*

⁴ Было: на-а-ас!?

⁵ Далее было: поля

сливается вдаль с полями под северным небосклоном, спокойным и несколько сумрачным, грустным. От балкона идут среди кустов и старых яблонь два ряда старых берез, оставшихся от вырубленной аллеи. Тень от крыши дома падает до одной из них, ближней, ствол которой особенно бледно-ярок от лунного света, и звездное небо над ее высокой вершиной кажется глубже... Потом опять кабинет — и сон или явь? Окна в теплом месячном свете, в комнате легкий сумрак. И из сумрака слышен ласковый, спокойный голос отца, невидимого, давно умершего. Его расспросы, долгая беседа с ним, рассказ ему о своей жизни...

<л. 5>

Псалмы:

— Пришлец есмь на земле^e.

— Человек яко трава; дни его яко цвет сельный, тако отцветет^f.

Иак., 1, 11:

— Яко же цвет травный мимо идет; возсия бо солнце и иссуши траву и цвет ея отпаде; сице и человек в хождении своем отцветает^g.

Первое послание Апостола Петра:

— Ибо всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ея опал.^h

---

Надпись на могильном кресте:

— Аз живу, и вы живы будете. Иоан<н> XIVⁱ.

<л. 6>

Стих калик переходящих:

Что мы видели?

Диву дивную —

Телу мертвую.

Да, диво^j.

Прованс:

— Mème dans les dimanches et jours de fête, la Mort passe sur les chemins^k.

Когда несут, поют Miserere. Потом в самом конце: «Requiescat in pace^l».

На еврейских похоронах все в шапках: «в дороге».

Раввин говорит страшные и дивные слова:

— Великий Бог, Тайна мира, Адонаи.

«Que les âmes des fidèles défunts reposent en paix, par la miséricorde de Dieu!»^m

«En paixⁿ...» Пожиряемые жирными разноцветными червями...

<л. 7>

«В путь узкий ходший прискорбный
...»⁶.

Путь в узкую, глубокую яму, под
тысячепудовую⁶ тяжесть сырой земли, в
несказанный мрак, холод, в многоцветный
гнойный тлен, кишасший червями...

И рядом с этим:

«Блажен путь, в он же идешь днесь»⁷.

Закапывание в землю — нечто⁸ совер-
шенно дикарское, первобытное.

Форма русских гробов для меня осо-
бенно отвратительна.

Ворота кладбища. Написанный над
ними Ангел Судный... «Врата в жизнь веч-
ную»⁹!

Нечто самое непостижимое, самое уди-
вительное на земле: в кустах, среди плит
и крестов, чей-то желтый (с большим кру-
глым затылком) череп.⁹

Коля Бунин.
Одесса, 1904 г.
(РАЛ)

<л. 8>

«Веды»:

Прощание живых с умершим:

— Иди в землю, добрую и великую мать, всегда юную!

— О, Земля! Раскройся! Не повреди его костей! Будь к нему заботлива и мягка! При-
крой его, как мать прикрывает ребенка полрой своей одежды!

«Риг-Веда»:

— Пусть зрение усопшего идет к Солнцу, дух — к Вайу! Возврати небу и земле то, что
ты должен...

— Но в твоём теле есть бессмертная часть. Это она, о, Агни, которую должно согреть
твоим огнём...

— Откуда возникло это творение? Об этом знает тот, кто видит всякую вещь с высоты
небес. Но, может быть, и он сам этого не знает?[†]

⁶ Было: стопудовую. Провка зелеными чернилами.

⁷ Цитата отчеркнута на полях зелеными чернилами.

⁸ Далее было: уже

⁹ Эта и предыдущая записи отчеркнуты на полях зелеными чернилами.

<л. 9>

Умер в Париже.

Провансальский дом его стоит с закрытыми ставнями, пустой, молчащий, в неподвижном солнечном саду. Стоит, молчит — и будет хоть сто лет¹⁰ стоять и молчать и казаться живым, хотя и безмолвным, хранящим в себе прошлое. Что это такое — прошлое? Как его определить, выразить? Это мысль?¹¹ видение? Сущее или¹² несущее?

<л. 10>

Неловко говорить, но всё-таки скажу, — теперь, в мои годы, уже можно сказать: я был красив в молодости и хорошей красотой, совсем не считая себя красивым.

И та заглохшая аллея
С неподметенною листвою,
Где веет детской стариной...^s

Этих *наших* чувств, мучительно прекрасных, уже никто теперь не поймет!

Наши детства — сказки, жития, легенды — где это есть теперь?

<л. 11>

«Невозвратимо! Непоправимо!»

Вот главное в муке воспоминаний (которые всегда мука) в мои годы.

В молодости — да и после и не всегда ли? — у меня то и дело была какая-то опрометчивая готовность то на то, то на другое, часто совершенно внезапная, безрассудная...

Так было и в любви и в моих женитьбах. Действовал, как пьяный, как лунатик...

Жалость к себе — сколько ее в нашей жизни, у всех в жизни!

«Поскорей заснуть, чтобы поскорее встретить утро!»

Так было в детстве, так было и потом нередко, так бывает и теперь.

Люди ценят в жизни, очевидно, не время.

<л. 12>

Вечером мальчик был вял, плаксив, зевал, резало глазки, знобило. Отнесли в спальню, померяли температуру — 38,5. Ночью горел¹³, но крепко спал. Утром доктор: жар 40, скарлатина. Боли в животике, стоны, понос. Давали опий. Вечером в полусне целует мать горячими сухими губками: «Мама, мне грустно!». Следующие дни все без сознания, только стонет. Горит — 42. Сыпь скрылась. Последний вечер: дышит все тише, холодеют ручки, ножки. Потом приоткрыл глазки — и затих.

¹⁰ сто лет *вписано*

¹¹ *Вместо*: Это мысль? — *было*: Что это — мысль?

¹² *Было*: и

¹³ *Было*: горит

Одели в белую шелковую рубашечку, расчесали кудрявые волосики, положили образок на груди в ручки, зажгли восковую свечу в головах¹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/568. 12 листов. Обороты листов чистые (кроме листа 4, на котором текст переходит на оборотную сторону). Листы 2, 8, 9 исписаны не до конца. Бумага тонкая, некачественная. Черные чернила. Местами правка такими же чернилами в процессе написания. На л. 7 правка и пометы зелеными чернилами (оговаривается отдельно).

Датируется предположительно по качеству бумаги: 1939–1945 гг.

^a Формула римского права (дословно: Не дважды за одно и то же): никто не должен дважды нести наказание за одно преступление. Допустимо и расширительное толкование, использованное Буниным: достаточно одного раза.

^b Перечисленные имена персонажей трагедии В. Шекспира «Гамлет» (1600—1601). Одна из возможных интерпретаций указывает, что все названные персонажи с итальянскими именами — итальянские швейцарцы, наемники. При этом имя *Marcellus* (в трагедии он тоже швейцарец) — имя не итальянское, а латинское, указывающее скорее на общность европейской цивилизации. Или придающее литературную условность сюжету, помещенному на землю Датского королевства.

^c Эту запись цитирует В.Н. Муромцева-Бунина — *Жизнь Бунина* (1958). С. 102.

^d Неполная цитата из поэмы Вергилия «Энеида». Правильно: *Una salus victis — nullam sperare salutem*. Одно спасение побежденным — не ожидать никакого спасения (*лат.*).

^e Неточная цитата из Псалтири (118. 19): Пришлец аз есмь на земли.

^f Неточная цитата из Псалтири (102. 15): «Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет».

^g Смешаны стихи 10 и 11 из 1 главы Послания ап. Иакова: «10. богатый же во смиреннии своем, зане якоже цвет травный мимо идет: / 11. возсия бо солнце со зноем, и изсуши траву, и цвет ея отпаде, и благолепие лица ея погиге: сице и богатый в хождении своем увядает».

^h Бунин точно цитирует Первое соборное послание ап. Петра (1. 24). Далее следует: «но слово Господне пребывает вовек; а это есть то слово, которое вам проповедано» (1 Пет: 1. 25).

ⁱ Цитируется концовка 19 стиха 14 главы Евангелия от Иоанна. Стих целиком звучит так: «еще мало, и мир ктому не увидит Мене, вы же увидите Мя, яко аз живу, и вы живи будете».

^j Этот фрагмент в переработанном виде опубликован как отдельный текст Ю.В. Мальцевым: Неизвестные рассказы И.А. Бунина // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1987. № 168–169. С. 74.

^k Даже в воскресенья и праздничные дни Смерть проходит по дорогам (*фр.*).

^l Помилуй ... Да упокоится с миром (*лат.*). Цитата из реквиема (католической заупокойной службы).

^m Да упокоятся с миром души усопших верных, милостью Божией (*фр.*). Бунин неточно цитирует текст католической церемонии «*Le chemin de la croix*», проходящей во время Великого поста. Церемония представляет из себя шествие, прерываемое проповедями и молитвами, которое символизирует путь Христа по 14 «станциям». Приведенная Буниным цитата относится к третьей станции (3 *estation*: первое падение Иисуса под тяжестью креста) и звучит так: «*Et quelles âmes des fidèles défunts, par la miséricorde de Dieu, reposent en paix*» (И души усопших верных, по милости Божией, упокоятся с миром).

ⁿ С миром (*фр.*)

^o Начало третьего тропаря 5 гласа православной панихиды: «В путь узкий хождшии прискорбный, вси в житии крест яко ярем вземшии, и Мне последовавши верою, приидите насладитесь, их же уготовах вам почестей, и венцев небесных».

^p Прокимен, глас 6-й, из православной службы отпевания: «Блажен путь, в оньже идеши днешь, душе, яко уготовася тебе место упокоения».

^q Запись может быть соотнесена со значимой деталью из романа «Жизнь Арсеньева»: «На громадных запертых воротах монастыря, на их створах, во весь рост были написаны два высоких, могильно-изможденных святителя в епитрахилиях, с зеленоватыми печальными ликами, с длинными, до земли развернутыми хартиями в руках: сколько лет стоят они так — и сколько веков уже нет их на свете? Все пройдет, все проходит, будет время, когда не будет в мире и нас, — ни меня, ни отца, ни матери, ни брата, — а эти древнерусские старцы со своим священным и мудрым писанием в руках будут все так же бесстрастно и печально стоять на воротах... И, сняв картуз, со слезами на глазах, я стал креститься на ворота <...>» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 90). Об особом значении этого эпизода (святители как оживающая в вечности Россия) для всего романа см.: *Пономарев Е.Р.* Воскрешение России. Концепция Памяти и российский хронотоп в послереволюционном творчестве Бунина // И.А. Бунин в начале XXI века: Материалы и статьи: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2005. С. 137–138.

[†] Во время Бунина перевода «Вед» (или отдельно «Ригведы») на русский язык не существовало. Все выписки (неточное цитирование) сделаны из предисловия В. Лесевича к популярной книге английского поэта Эдвина Арнольда (1832–1904) «Свет Азии» (впервые вышла на английском языке в 1879 г.). Выходила по-русски в разных переводах. Бунин читал следующее издание: *Арнольд Э. Свет Азии = The Light of Asia: Поэма Эдвина Арнольда / Пер. А. Анненской под ред. В. Лесевича, с его предисл. и введением, редактированным им же.* СПб.: В.А. Тиханов, 1890. В книге процитированные строки звучат так: «О земля, раскройся! Не повреди его костей. Будь к нему предупредительна и мягка! О земля, прикрой его, как мать прикрывает своего ребенка полою платья» (с. XXXV); «Пусть зрение этого усопшего идет к Солнцу, дух — к Ваю. <...> Но в твоём теле есть бессмертная часть. Это она, о Агни, которую должно согреть твоими лучами, воспламенить твоим огнем» (с. XLIII); «Откуда возникло это творение и есть ли оно дело создателя или нет? Об этом знает тот, кто видит всякую вещь с высоты небес! Но, быть может, и он сам этого не знает?» (с. XLV).

[§] Неточная цитата из последней строфы стихотворения Я.П. Полонского (1819–1898) «И.С. Тургеневу» (1877). Возможно, строфа связана с предыдущей записью о провансальском доме. Строфа целиком звучит так: «Быть может, видишь ты свой дом, / Забитый ставнями кругом, — / Гнилой забор — оранжерею — / И ту заглохшую аллею, / С неподметенною листвою, / Где пахнет детской стариной / И где теперь еще, быть может, / Когда луна светла, как день, / Блуждает молодая тень — / Тот бледный призрак, что тревожит / Сердца, когда поет она / Перед толпой, окружена / Лучами славы...».

[†] Возможно, запись навеяна размышлениями о смерти единственного ребенка Бунина — пятилетнего сына Коли (1900–1905).

2

До 15 лет вырос очень немного, только стал шире. Болен с раннего детства. Черные грубые волосы, очень бледен. Лет с 12 началось религиозное помешательство¹. Из своей комнаты сделал подобие часовни — вся в иконах, перед которыми день и ночь горят лампы; всё время читал жития святых.

Весь дом жил только для него, его болезнью — до самой его смерти на 16-м году.

Последнее время чаще всего говорил о Марии Египетской — как она сорок лет жила в пустыне Иорданской, не видя лица человеческого, вся нагая, прикрытая только волосами своими, отросшими до земли. И однажды зимой, в морозную лунную ночь, вдруг послал мать в город за 40 верст — купить ему Ее пространное житие с картинками, чтобы непременно было оно у него завтра к вечеру! Не выходило из головы то, что сказала Мария старцу, обретшему Ее в пустыне: «Не могу, отче, выйти к тебе из сих терновников по причине *наготы моей*»^a. (Уже рукоблудствовал).^b

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/569(1). Один лист, оборот листа чистый. Бумага тонкая, некачественная. Черные чернила. Правка такими же чернилами в процессе написания. В РАЛ хранится машинописная копия автографа: РАЛ. MS 1066/569(2) — вероятно, выполненная В.Н. Буниной для публикации.

Датируется предположительно по качеству бумаги: 1939–1945 гг.

^a Согласно тексту «Жития», Мария обратилась к старцу со словами: «Авва Зосима, прости мне, ради Бога, не могу я обернуться и показаться тебе лицом. Женщина я, и нагая, как видишь, с непокрытым стыдом своего тела» (Житие преподобной матери нашей Марии Египетской. СПб.: В. Шатаев, 1899. С. 26).

^b Мотив Марии Египетской вместе с мотивом религиозного помешательства героя (без эротических коннотаций) использован в 18 главе первой книги романа «Жизнь Арсеньева»: см. мечты героя «<...> о горящей пустыне Иорданской, где, прикрывая свою наготу лишь собственными власами, отросшими до земли, обитала, замаливая свой блуд в миру, Мария Египетская <...>» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 61).

¹ *Далее было начато:* Свою спальню

3

<л. 1>

На Фоминой^а, в апреле, пришла в усадьбу¹ эстафета — старый барин скоропостижно скончался в Орле, на днях привезут его хоронить.

Теплый, солнечный день, блаженно орут, захлебываются грачи на старых березах в низах сада. Серый², обшитый тесом дом с деревянными колоннами.

Из Орла везли на лошадях, — железной дороги еще не было. Длинные дроги, сильная вороная тройка с подвязанными от весенней грязи хвостами, на дрогах черный огромный ящик с коричневым крестом на крышке, в ящике стопудовый гроб из дуба³, внутри цинковый.

При въезде в село встретил церковный причт.

Похоронили в церковной ограде, за алтарной стеной церкви. Чугунный крест в возглавии, под ним большая, широкая плита, на плите серебряными буквами:

«Бригадир Лейб-Гвардии Семеновского Полку Алексей Муравьев. 1764–1836 г.»

Дни⁴ жаркие, всюду уже зелено, весело, нарядно, белые облака над усадьбой. Вынесли на крыльцо, на солнце, и раскрыли⁵ сундук, обшитый тюленьей кожей, в сундуке⁶ слежавшийся мундир, пуховая шляпа с плюмажем, шпага в медных ножнах... Дворовый мальчик надел мундир, до ушей уйдя в его воротник, сел верхом на шпагу и скакал по двору, волоча полы по молодой траве...

Через несколько дней приехал молодой наследник, лейб-гвардии гусарского полка поручик.^б

<л. 2>

А. Додэ («Doulou»):

— Tristesse profonde que cela me cause, cette vie physique que je ne peux plus... Quelle supplice de revenir par les Champs-Élysées, un beau jour, rangées des chaises!

Да, да.^с

Св. Фома Аквинский, месяца за три до кончины, имел, служа обедню, «восхищение» и, придя в себя, сказал своему другу и духовнику Реджинальду:

— Venit finis scripturae meae. (Наступает конец моим писаниям)^д.

Я часто говорю это себе теперь⁷.

Мечты, чувства, мысли о воле, о жизни свободных людей, сидя в остроге, в плену... А вышел на волю — все опять потеряло цену, стало буднично... Так и прошлое: ах, если бы воротить! А если бы воротилось...

¹ в усадьбу *вписано*

² Было: Старый

³ Вместо гроб из дуба — было: дубовый гроб

⁴ Далее было: уже

⁵ и раскрыли *вписано*

⁶ Было: рун<дуке?>

⁷ Рядом с двумя последними строками этой записи большой крест на полях (красные чернила).

<л. 3>

Мысль о ней, отпетои и погребенной, всё еще за всеми мыслями и делами.

Всё мнится, что она, в каком-то бесплотном, неуловимом для воображения образе, где-то там...⁸ Где-то везде, но *надо всем* и в какой-то неземной свободе, воле, легкости — может быть, и в радости...

И всё это вздор, поэтические глупости?^c

Видела во сне незадолго до смерти: горит толстая, пудовая желтая церковная свеча в серебряном церковном свечнике возле ее постели.

(Или: большой белый глазетовый гроб стоит на ее постели, нарядно⁹ покрытый белым с прошивками покрывалом).

Хоронили во всем белом, в цветах, как невесту: страшная мертвая красавица, гробовая девственность.^f

И рядом с ее белым пышным гробом стоял в церкви гроб ее спутника «в жизнь вечную» — какого-то одинокого старичка.

<л. 4>

— Да, да, как только останешься один, начнешь думать о себе, обо всем окружающем, о всем мире, в котором ты оказался на несколько кратких лет, — тотчас нечто вроде сумасшествия: все непонятно, все изумительно! И так и уйдешь из этого мира, ничего, ничего не поняв!

Ночью он вдруг почему-то проснулся, опять вошел в эту непонятную жизнь, осознал сам себя живущим... что это значит: живущим?

В тишине торопливо, заботливо, звонко бежали секунды в золотом хронометре на ночном столике... Тоже какая-то жизнь?

Ночь, один, огонь над изголовьем... Мысленно озираю свои мысли, чувства, свою какую-то «душу», свое прошлое, настоящее... Непостижимо!

<л. 5>

Ради чего, почему, зачем стремимся мы быть добрей, чище, возвышенной, лучше?

Грусть, жалость, сострадание, воспоминания, раскаяния, слезы, преклонение души перед чем-то великим, непостижимым и будто бы благим — откуда всё это?

Ночь, звезды, их мириады, уходящая в беспредельность высоты синяя высота <так!>, переполненная ими... Чувство божественности в самом себе — *того, что* во мне чувствует, думает, что существует во мне, непостижимое для меня самого, сверх меня...

Что такое — слезы? Если слезы — значит, любовь к чему<-то>, погибшему или погибающему.

---

⁸ *Далее было:* Где? (вычеркнуто зелеными чернилами).

⁹ *Было:* празднично

<л. 6>

Кладбищенская роща на окраине уездного города. Солнце, зелень деревьев, пение птиц — все говорит только о прекрасном, о счастье, о радости жизни. А вся земля под этими деревьями, в цветах, в травах, полна сгнившими гробами, костями, черепами... Жалкие, трогательные надписи на плитах, на памятниках:

Быть может, камень распадётся,
Исчезнет крест сей навсегда,
Любовь же к праху не сотрется
В сердцах родимых никогда.

И вдруг огромное Распятие — и на нем: «Аз есмь воскресение и жизнь». Так дивно, так грозно, так властно и твердо!

Еще надпись на могильном кресте:

Смотри на смерть, каков¹⁰ образ сухой,
Будешь, человеце, и ты такой.^g

<л. 7>

«Близ ложа моего печальная свеча...».^h

Очень печальная, а до чего все было прекрасно! Летняя ночь в нашей старой, бедной усадьбе, в старом, бедном доме, в моей спальне, при этой печальной свече у изголовья... Залетевшая из свежей черноты открытых в темный сад окон летучая мышь... Моя одинокая юность, чистота, здоровье, мое «все впереди» — все теперь вовеки невозвратимое и тогда не ценимое... До чего невероятным, бесконечно далеким для ума, души, тела казалось тогда это — старость, смерть, столь близкая теперь! До чего все существо было полно силой жизни, силой пола, — который и есть жизнь, — и ожиданием какой-то дивной любви (тем, тем, что и есть жизнь)!ⁱ

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/570. 7 листов, обороты листов чистые, кроме первого листа. На нем текст с обеих сторон (в верхнем углу лицевой части написано рукой И.А. Бунина: «См. на обороте!»). Бумага тонкая, некачественная. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания. На полях второго листа поставлен крест красными чернилами. На третьем листе одно исправление сделано зелеными чернилами (специально оговаривается).

Датируется предположительно по качеству бумаги: 1939–1945 гг.

^a Фомина неделя следует за пасхальной. На этой неделе по традиции поминают умерших.

^b По-видимому, рассказ о лейб-гусаре Муравьеве планировался как один из рассказов круга «Темных аллея». В данном случае перед нами самый ранний из сохранившихся набросков на эту тему. В РАЛ хранится отдельный документ (MS 1066/156), озаглавленный «К “Лейбгусару Муравьеву”», отражающий дальнейшие этапы работы над рассказом: сделано несколько отдельных записей; предложен набор ситуаций и описаний, относящихся примерно к XVIII веку (см. раздел «Замыслы рассказов», с. 308–309).

^c «La douleur» — это дневник последних лет жизни французского писателя Альфонса Доде (Alphonse Daudet, 1840–1897), в котором он описывает развитие своей болезни, возрастающие страдания и делится своими наблюдениями. «La douleur» — провансальское слово, которое в классическом французском звучит как «la douleur» и значит «боль». Этот дневник А. Доде вел с 1887 года до своей смерти. Опубликован он в 1930 году в 17 томе собрания сочинений (Daudet A. Œuvres complètes illustrées: 20 vols. Vol. 17. La douleur: 1887–1895. Paris: Librairie de France, 1930), а позже текст обработали вдова автора Юлия Доде и его бывший секретарь

¹⁰ Было: какой

Андре Эбнер и опубликовали в парижском издательстве «Fasquelle» в 1931 году (*Daudet A. La doulou; avant-propos d'André Ebner. Paris: Fasquelle, 1931*). Русского перевода этого произведения не существует. «La doulou» состоит из отдельных записей разного рода. Бунин выписывает две фразы из разных записей, идущих друг за другом. Первая запись передана дословно: Глубокую печаль причиняет мне это, эта физическая жизнь, к которой я более неспособен (*фр.*), вторая несколько сокращена и передана с ошибками. У Доде она такова: «Quel supplice de revenir de la douche par les Champs-Élysées, six heures, un beau jour, rangées de chaises» (Какая мука возвращаться из бани в шесть часов, в хорошую погоду по заставленным стульями Елисейским полям. — *фр.*).

^d Согласно жизнеописанию канонизированного итальянского философа и теолога Фомы Аквинского (1225–1274), святой неоднократно впадал в духовный экстаз, созерцая некое видение и находясь как бы без чувств. В 1273 г., живя у сестры, он находился в таком состоянии столь долго, что сестра обеспокоилась этим и обратилась к ученику и секретарю Фомы брату Реджинальду (Рейнальду). Тот вошел к учителю и пробудил его от духовного созерцания. Св. Фома Аквинский сказал Реджинальду следующее: «Venit finis scripturae meae, quia talia sunt mihi revelata, quod ea quae scripsi et docui modica mihi videntur...» (Наступил конец всем моим писаниям, ибо мне было открыто такое, в сравнении с чем все, что я писал и проповедовал, видится мне совершенно ничтожным) (современное критическое издание: *Ystoria sancti Thome de Aquino de Guillaume de Tocco (1323). Edition critique, introduction et notes Claire Le Brun-Gonavic. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1996. 298 p. (Studies and texts, 127)* (Цитируется по: *Томберг В.* Медитации на таро. Путешествие к истокам христианского герметизма. М.: София, 2008. С. 583). Бунин в данном случае цитирует книгу Д.С. Мережковского «Данте» (Брюссель: Петрополис, 1939): «В 1273 году, лет за пятьдесят до смерти Данте, внутренне очень ему близкий, хотя и противоположный человек, св. Фома Аквинский, месяца за три до кончины служа обедню, имел “восхищение”, gartus, и когда пришел в себя, сказал другу своему и духовнику, Реджинальду: “Наступил конец моим писаниям, verdi finis scripturae meae”».

^e Набросок соотносится с завершением пятой книги романа «Жизни Арсеньева»: «Недавно я видел ее во сне — единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» (*Жизнь Арсеньева (1952)*. С. 388).

^f Возможно, отразилась мысль, использованная затем в неоконченном рассказе <<Смерть в Ялте>> (см. с. 129–131).

^g Цитирование надписей с кладбищенских памятников в качестве художественного приема и ранее использовалось Буниным (например, в повести «Деревня»).

^h Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...», 1823). Строка цитируется в третьей книге романа «Жизнь Арсеньева»: «Вот я в постели, и горит “близ ложа моего печальная свеча” <...>» (*Жизнь Арсеньева (1952)*. С. 172).

ⁱ См. схожие с этой записью мотивы в романе «Жизни Арсеньева»: «Все затихло — дом, усадьба, деревня, лунные поля. Я сижу у себя возле открытого окна, читаю, пишу. Чуть посвежевший ночной ветер приходит от времени до времени из сада, там и сям уже озаренного, колеблет огни оплывающих свечей. Ночные мотыльки роями вьются вокруг них, с треском и приятной вонью жгутся, падают и понемногу усеивают весь стол. Неодолимая дремота клонит голову, смыкает веки, но я всячески одолеваю, осиливаю ее...» (конец IX главы третьей книги: *Жизнь Арсеньева (1952)*. С. 176). Или: «В моей комнате все было так, точно я только что вышел из нее: все на тех же местах, — даже та наполовину сгоревшая сальная свеча в железном подсвечнике, которая осталась на письменном столе в день моего отъезда зимой» (конец II главы пятой книги: *Жизнь Арсеньева (1952)*. С. 267). Свеча на письменном столе или у изголовья кровати — один из повторяющихся мотивов романа.

4

<л. I>

Ночь, тьма, бессонница. Возбужденное воображение, яркие, то те, то другие светящиеся¹ видения, лица, картины в черной тьме закрытых глаз... То как в волшебном фонаре^a, то как в зеркальных шарах, что бывают в цветниках на дачах... Плывут, возникая, белесо светятся,

¹ светящиеся *вписано*

меняются, исчезают, опять выплывают — и все разные, то ужасные, то чудесные, то чудовищно-мерзкие, то нежные, прекрасные...

Изумительней всего то, что я сам вызываю их без конца и тайно заказываю их *род* — прекрасный или гнусный, уродливый... Спрашивал других, бывает ли это с ними, могут ли они это делать? Не понимают, о чем я говорю. Неужели это только моя особенность?

Ночь, ветер, тьма, где-то лает на-ветер собака...
Боже мой, Боже мой!

<л. 2>

Ночью внезапно проснулся в ужасе — не от какого-нибудь страшного сновидения, а от резкого, ясного сознания непонятности и краткости своей жизни... «Я живу! И что это значит: я живу? Я скоро умру... что это такое? Как это может быть? Куда ж я денусь? И это мой, мой скелет, мой череп будет лежать где-то, в каком-то заколоченном ящике?».

Живешь, как «смертник» в тюрьме, как тот, кто уже приговорен и знает неизбежность близкого эшафота, то, что, может быть, завтра, послезавтра, ну, через неделю тебе отсекут голову и бросят ее, окровавленную, вместе с безглавым окровавленным телом в деревянный ящик и свезут и закопают где-то в землю все это...^b

Какое счастье, что все-таки как-то не верится всему этому, что не дано возможности додумать это до конца, возбудить в себе полный ужас! Иначе было бы сумасшествие, вой, буйство...

<л. 3> (машинопись).

Поле, осень, мелкий дождь.

На дороге в грязи стоят новые беговые дрожки с новыми медными гайками на втулках колес. На дрожках возле щитка сидит в кошелке связанный индюк, тянет бугристую малиновую голову. На меже возле дороги лежит вниз лицом пьяный мужик, бормоча ругается. Высокая темная лошадь, запряженная в дрожки, по-человечески смотрит на него, повернув голову.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/571. 2 листа, обороты листов чистые. Бумага тонкая, некачественная. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания. По-видимому, существовал утерянный третий лист рукописи. Документ перепечатан на пишущей машинке: РАЛ. MS 1066/573 — первая копия, РАЛ. MS 1066/572 — вторая копия; РАЛ. MS 1066/574 — третья копия. На обороте документа 573 напечатано на пишущей машинке «Комитет по увековечению памяти И.А. Б<унина>». В документах 572 и 573 три листа, на третьем — последняя запись, отсутствующая в рукописи и документе 574. Последняя запись восстановлена по машинописному тексту.

Датируется предположительно по качеству бумаги: 1939–1945 гг. Машинопись, судя по надписи на обороте, создавалась после смерти писателя (В.Н. Бунина перепечатывала на машинке оставшиеся от мужа записи).

---

^a Волшебный фонарь — аппарат для проекций изображений на стену (экран). Широко использовался в повседневном обиходе XIX в.

^b Размышление, схожее с идеей романа В. Сирина (В.В. Набокова) «Приглашение на казнь». Бунин читал романы Набокова — вероятно, прочел и этот, опубликованный в книгах 58–60 «Современных записок» (1935–1936 гг.).

5

<л. 1>

Самая страшная в мире молитва:

В Духов день^а призывает Церковь «сотворить память *всем от века умершим*» — и поминает: «Праотцы, деды и прадеды, от первых и даже до последних... всякий возраст, старцы, юные младенцы и дети... мужи вкупе и жены... усопшие в мори, или на земли, или озерах... в горè, на пути... в пустынях, или во градах и на всяком месте... пополяемые от молний и умершие мразом... Божьим прещением, смертных громов с небесе изнесенных, земли расседшейся, морю восшумевшу... внезапно умершие и от стремнины всякие падшие, древа, железа, всякого камене... сnyder зверем бывшие и птицам и гадам... умершие от ядовитых угрызений, от поглощения змиев, от попрания коней, от давления и обвешения...^б». ^с

Лысый, красный доктор сказал с веселой семинарской¹ жестокостью:

— Quod medicamentum non sanat, ferrum sanat; quod ferrum non sanat, ignis sanat; quod ignis non sanat — mors sanat!^д

<л. 2>

Погребальное:

— Всякое погрешение, содеянное им словом, делом и помышлением, яко Благий чело-
веколюбец Бог, прости. Несть бо человек, иже жив будет и не согрешит. Ты бо Един без
греха, правда Твоя правда вовеки, и слово Твое — истина...

— В месте светле, в месте злачне, в месте покойне, иде же несть болезнь, печаль и воз-
дыхание, но жизнь бесконечная...^е

— Блажен путь, в онь же идешь днесь.^ф

— Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему.^г

— Се бо отходит яко дым от земли, яко цвет отцвете, яко трава посечется.^h

К середине рассказа²

Стройно, хрустально, гармонически³ возносилось заукоянное пение хора подростков⁴
(или девичьего хора).

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/575. 2 листа, обороты листов чистые. Бумага тонкая, некаче-
ственная. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания.

Датируется предположительно по качеству бумаги: 1939–1945 гг.

^а Духов день — День Святого Духа, православный праздник, отмечается в понедельник, следующий за праздником Святой Троицы (Пятидесятница). Литургически посвящен воспоминанию о сошествии Святого Духа на учеников Иисуса Христа. Во время Божественной литургии совершается особое поминовение усопших.

^б Неточно и вперемешку цитируются различные стихи канона (глас 8) преп. Феодора Студита, поющийся в Троицкую родительскую субботу и в Духов день. Ниже приводим полный и верный текст ци-

¹ семинарской *вписано*

² К середине рассказа *вписано*

³ гармонически *вписано*

⁴ *Вместо*: хора подростков — *было*: певчих-подростков.

тируемого Буниным вышеназванного псалма: Из песни 2: «От четырех конец, Господи, приемляй верно усопшия, / в мори, или на земли, или в реках, источниках, или езерах, / или в ровенницах снедь зверем бывшия, и птицам, и гадом, вся упокой». / Из песни 3: «Напрасно восхищенные, попяляемая от молнии, и измершия мразом, и всякою раною, упокой Боже, егда огнем вся искусиши». / Из песни 4: «Отцы и праотцы, деды и прадеды, от первых и даже до последних, во благозаконии умершия и благоверии, вся помяни Спасе наш. / В горе, на пути, на местех пустых житие оставльшия в вере, монахи же и бельцы, юноши и старцы, со святыми Христе всели». / Из песни 9: «Умершия Божиим прешением, смертных громов всяких с небесе изнесенных, земли разседшейся, морю возшумевшюся, вся верныя Христе, упокой. / Всякий возраст, старцы и юныя, младенцы и дети, и сущия млеко, мужское естество и женское, упокой Боже, яже приял еси верныя. / От ядовитых угрызений умершия, от поглощения змиев, от попания коней, и от удавления, и обещения от искренняго, верою Ти послужившия упокой». Также цитируется (неточно) четвертая стихира на хвалитех утрени Троицкой родительской субботы: «Вся отселе преложившия в надежде жизни вечныя, и житие изменивши всяким Спасе образом, всякий чин и род, и всякий возраст, мужи вкупе и жены и новорожденные младенцы, яко Человеколюбец в недрах учини Авраамлих, и в местех ослабы, за велию Твою милость».

^c Начало записи использовано в главе I первой книги романа «Жизнь Арсеньева» (Бунин Ив. Жизнь Арсеньева. Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930. С. 10; *Жизнь Арсеньева* (1952). С. 8).

^d Что не лечит лекарство — лечит железо, что не лечит железо — лечит огонь, что не лечит огонь — лечит смерть (*лат.*).

^e Неточно цитируется молитва из православного чина панихиды: «Боже духов и всякия плоти, смерть поправый, и диавола упразднивый, и живот миру Твоему даровавый, Сам, Господи, упокой душу усопшаго раба Твоего (имярек) в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание; всякое согрешение, содеянное им словом, или делом, или помышлением, яко Благий Человеколюбец Бог, прости: яко несть человек, иже жив будет и не согрешит. Ты бо Един кроме греха, правда Твоя, правда во веки, и слово Твое истина» (Псалтырь. М.: Духовное преображение, 2009. С. 429–430).

^f См. примеч. р к № 1 «Отдельных набросков».

^g Цитируется стихира из православного чина отпевания.

^h Неточная и сокращенная цитата из стихир православного чина отпевания: «Видяще предлежаща мертва, образ восприимем вси конечнаго часа: сей бо отходит яко дым от земли, яко цвет отцвете, яко трава посечесе, вртищем повиваемь, землю покрываемь» (Требник. М.: Издат. совет РПЦ, 2002. С. 199).

6

<л. I>

Умерла 24 лет, через полгода после свадьбы.

Днем гуляла, ходила в лес, была оживлена. Вечером боль¹ под правой лопаткой — воспаление легкого. 40,5, 41,3...

Лежала с закрытыми глазами, рот спекся, голос невнятный, дыхание трудное... В день смерти² жалостно плакала, обнимая склонившегося к ней молодого³ мужа, потом сказала едва внятно: «умираю...». Дыхание было так трудно, что приподняли, наклали за спину подушек, — полусидела с закрытыми глазами, поражая всех своей худобой. Вздохи были все реже, потом икнула — и стихла. Голова склонилась на сторону, лицо покорное, истрадавшееся. Поцеловали в лоб и положили на подушки.

¹ боль *вписано*

² Было: смерть

³ молодого *вписано*

<л. 2>

Вечер его смерти. Уже темно. В усадьбе чернеет⁴ за домом сад, за садом золотистое зарево восходящего месяца, сквозящее в черноте деревьев. На крыльце дома (в котором он уже лежит наряженный на столе в зале) сидят в тусклом сумраке и тихо переговариваются горничные.

Ночью, в освещенном тихим и безразлично-печальным месячным светом саду, жалобно, однообразно кричит совка.

На скамье в аллее тихий женский⁵ голос:

— Вот так-то и мы помрем...

Он, закуривая сигарку, беззаботно:

— Я⁶ этого ничего не боюсь!

— А я страсть их боюсь, этих покойников, — отвечает она, наслаждаясь своим страхом. — Теперь шесть недель не буду ночевать в доме. И днем, и то страшно будет⁷, как глянешь в этот угол, где он лежал...

Одна из самых счастливых ночей их.^а

<л. 3>

День похорон совсем белый от густого утреннего тумана, за которым ничего не видно в двух шагах. Туман оседает каплями на ветвях, жемчугом на осенней паутине — уже пригревает сквозь него солнце.

<л. 4>

Париж, сентябрь, погода милая, теплая, солнечная.

Церковь на rue Daug^b, спокойные, легкие похороны.

Покойник был холост, одинок, незначителен, в церкви всего несколько человек его знакомых; ни слез, ни рыданий.

Певчие пели с беспечной, приятной грустью, без напряжения и щегольства.

Отпели, увезли. С удовольствием, чувствуя себя ровно, хорошо, Н. пошел пешком домой.

Уже много сухих листьев на тротуарах, на бульварах.

Париж поет автомобилями. Начинает счастливую осень, все четыре миллиона живущих в нем хотят счастья, удовольствий... Его в Париже уже нет, он уже всеми забыт...

<л. 5>

Медленно, черным потоком текущая по улице за катафалком толпа.

Жгучее солнце, духота, заходит гроза. Камион^c-водовоз поливает улицу — улица дымится, противно, тепло⁸ пахнет...

⁴ чернеет *вписано*

⁵ женский *вписано*

⁶ Было: А я

⁷ будет *вписано*

⁸ тепло *вписано*

Потом будет долгий⁹ путь на кладбище, бесконечный.
Бесконечно страшна жизнь.

В церкви (на rue Daru) теснота, жара.

Зачем такая долгая служба? Зачем для эту тяжкую церемонию, эти каждения, чтения, пения¹⁰ над этим страшным ящиком, — новым, блестящим, — над мертвым, ничего не слышащим зловонным телом?

В толпе запах изо рта соседей — такой же, как в гробу, трупный.

Год не видал некоторых — как все постарели! И кто на очереди?

И во дворе народ.

<л. 6>

Выходили из церкви во двор — отдохнуть от напряжения, жары, тесноты, курили, сдержанно болтали о житейском.

— Но однако неловко, господа, пойдем...

И все еще длится и длится в церкви никому ненужный обряд, все еще читают и поют — то страшное, то утешительное, обманное...

Певчие горестно-блаженно уносятся все выше и выше куда-то — иде же несть ничего.

— А будет день, и меня принесут сюда, и так же будет народ вокруг моего гроба и на паперти и во дворе. Невероятно, непостижимо, но непременно будет. А уж самое непостижимое, что, зная все это, все-таки совершенно тупо думаю об этом и совершенно беспечно живу, внутренне не верю в это, а главное, что никогда и никто в мире не признавал смерть чем-то законным!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/578. 6 листов, обороты листов чистые. Бумага тонкая, некачественная. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания. На обороте третьего листа зачеркнутая надпись: «Villa Jeannette, Grasse, A<ipes> M<aritimes>». В РАЛ хранится машинопись на 4 отдельных листах, в ней порядок записей несколько изменен (MS 1066/579).

Датируется предположительно по качеству бумаги и упоминанию на обороте виллы «Жаннетт»: 1939–1945 гг. Машинопись, вероятно, создавалась после смерти писателя (В.Н. Бунина перепечатывала на машинке оставшиеся от мужа записи).

Отрывок «Умерла 24 лет ~ Бесконечно страшна жизнь» опубликован В.Н. Буниной: Из литературного наследства И.А. Бунина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 57. С. 9–11.

⁹ Сюжетный ход этого и предыдущего отрывков повторяет любовь Арсеньева и Анхен, протекающую на фоне смерти Писарева (конец второй и начало третьей книги романа «Жизнь Арсеньева»).

¹⁰ Собор Александра Невского (12, rue Daru) — православный кафедральный собор в Париже.

^с Грузовик (*фр.*) — слово из языка русских эмигрантов во Франции.

⁹ *Вместо:* Потом будет долгий — *было:* Долгий

¹⁰, эти каждения, чтения, пения *вписано*

<л. 1>

Нубийская раббаба^a:

По ночам, смотря на страшное великолепие Сириуса на черном от его переливчатого блеска небе, я часто думал:

— А может быть и правда, что душа Изида в Сириусе?^b

На островке Филэ оба храма посвящены ей^c.

От Каира до Филэ 1000 кил<ометров>. Мы сделали этот путь в экспрессе. В уборных вагонов и тут, как по всему свету, сладко и жутко смеялся с объявления о мыле «Cadum» толстенький младенец^d.

Элефантина^e называлась в иероглиф<ических> надписях Абуслон^f.

Там в конце января 1911 г.^g мы с В<ерой> видели раскопки того города, о котором есть у Страбона^h и где был храм Кнуфиса. Стены шахт были сплошь из черепков, битой посуды.

<л. 2>

«Алла регмет иллесин...» (слова погребальной молитвы)^h.

Дамаск, весна 1907 г.ⁱ Я, Вера и музыкант Шор^j. Несли на носилках завернутого покойника, пели. Шор записал на клочке бумажки нотами мотив погребальн<ого> пения. У меня эта бумажка сохранилась до сих <пор>.

Отходный стих Корана — Фátиха (гл. 2-ая)^k.

Измаилия. Барка, идущая по каналу. Самой барки издали не видно — видна только высота тонкой мачты с косым парусом, атласно-белым, сияющим на солнце...

Все мои счастливейшие дни!^l

Сухость и желтизна Египта, его зной, солнце, прямые линии храмов, статуй, столь любимые им: спокойствие, простота, бесконечное долголетие...

<л. 2 об.>

Помню, как в первый раз смотрел на пирамиды: мертвые, загадочные, как мертво и загадочно было и это вечное, все то же, что и в дни Моисея, сияющее, ослепительно синее полдневное небо... Стоя перед сфинксом, все хотел что-то понять, осмыслить², все старался думать что-то важнейшее, великое... напрасно! То же и в Фивах...

<л. 3>

Кхнуму был покровителем Нубии: «Господин водопадов» (порогов)^m.

Одна из могил Озириса в Абидосе, на полпути между Луксором и Асуаном. Там в прибрежных горах есть теснина, «куда на ночь уходит солнце».

Асуан по иерогл<ифам> — Суан. Римская Сиена. «Граница римской империи».

¹ Было: Абуслон

² Было: разрешить

Пещера св. Антония^а выше Бени-Суэфа.

Прибрежн<ые> нильские скалы — все известняк, гранит.

Александрия, полдень, сухой зной, короткие тени, шелковый блеск неба и моря.

Кирпичный пол в комнате отеля, устланный скользкими циновками, полусвет сквозь закр<ытые> жалюзи.

<л. 3 об.>

Восточная песня — гнусавый голос и род балалайки — жалобная, плачущая, даже то и дело надрывающаяся плачем, но каким-то счастливым, сладостно-мучительным, и столь однообразная, что, кажется, нет и не будет конца ей.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/585. 3 листа, оборот первого листа чистый, на втором и третьем листах текст с обеих сторон. Тетрадная бумага формата А4 в клетку. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания.

Датируется предположительно по использованию одной из записей в печатных источниках: конец 1930-х гг.

^а Струнный музыкальный инструмент.

^б Согласно древнеегипетской легенде, душа богини Исида живет на звезде Сириус. Восхождение этой звезды утром в день летнего солнцестояния считалось знаком, что скоро Нил наполнится водой. Это Исида проливает слезы и дарует жизнь всему живому.

^в Филе — священный остров посреди Нила, недалеко от Асуана. На нем располагалось святилище Исиды. В период строительства Асуанской гидроэлектростанции остатки святилища были перенесены на соседний остров Агилика.

^д Мыло «Cadum» появилось в Париже в 1907 г., с 1912 г. стало известно благодаря широкой рекламной кампании, лицом которой стал голый, упитанный и радостный младенец в ванне. После Первой мировой войны и до сороковых годов эта реклама была общеизвестной. Современники сообщают, что младенец смотрел на прохожих едва ли не с каждой парижской стены.

^е Остров на Ниле (ныне называется Гезирет-Асуан; входит в состав современного Асуана), расположенный после первых порогов. На острове находился древний город. Древнегреческое название города и острова Элефантина восходит к древнеегипетскому названию Абу, означавшему «слон» и «слоновая кость». На острове сохранились развалины храма Хнума, бога с головой барана, властителя порогов. Одна из достопримечательностей острова — ниломер (сооружение для измерения уровня воды в Ниле), описанный Страбоном.

^ф Зимой 1910–1911 г. И.А. и В.Н. Бунины совершили одно из своих больших южных путешествий: 15 декабря 1910 г. они выехали на пароходе из Одессы, плыли в Константинополь, далее в Бейрут, Порт-Саид, потом по Суэцкому каналу в Суэц, через Каир на поезде в Хелуан, оттуда едут в Луксор и Асуан. Конец января — датировка по старому стилю (*Летопись* (2). С. 74–84).

^г Страбон (64/63 до н.э. — около 23/24 н.э.) — древнегреческий историк и географ, автор труда «География» в 17 книгах.

^б Дословно: пусть Аллах даст покой (*мур.*).

^и Весной 1907 г. Бунины (это было началом их совместной жизни) предприняли большое путешествие по Черному и Средиземному морям: выехав из Одессы, посетили Константинополь, затем поплыли в Афины, оттуда в Александрию, затем через Порт-Саид в Яффу, оттуда поездом в Иерусалим, затем посетили Вифлеем, Хеврон, Вифанию, Иерихон, Бейрут, Баальбек, Дамаск, Тивериаду, Капернаум, Табху, Назарет, Хайфу, Каир и через Константинополь вернулись в Одессу (*Летопись* (1). С. 651–672).

^й Давид Соломонович Шор (1867–1942) — пианист, музыкант, основатель Московского трио Шора. Давал в Москве частные уроки: В.Н. Муромцева в юности недолго училась у него игре на фортепиано. В 1907 г. вместе с Буниными путешествовал по Палестине и Сирии, после этого стал активным участником сионистского движения в России. В 1922 г. после арестов сионистов убедил советские власти заменить им тюрьму

и ссылкой выдворением из СССР и лишением советского гражданства. С 1927 г. окончательно обосновался в Тель-Авиве.

^k Аль-Фатиха — первая сура Корана.

^l Исмаилия — город в Египте, расположен на берегу озера Тимсах (входит в систему Суэцкого канала). Бунины посетили Исмаилию в феврале 1911 г. (*Летопись* (2) С. 86).

^m О храме Хнума см. примеч. с к наст. отрывку. В публикации «Слова, видения» (Последние новости. 1937. 10 октября. № 6042. С. 2) Бунин использовал этот мотив в другом контексте: сначала речь идет в нем о фиваидских отшельниках, пещере св. Антония, затем — ассоциативный переход к Нилу и далее: «А потом был я на Нильских Порогах и думал о первом из Нильских богов, имя коего было: / — Господин Порогов. / Он мне чудился там, в этом страшном царстве египетского Юга, в вечном молчании его светоносных полдней, всюду незримо сущим и живым: диким, нагим, чернокожим гигантом, со взором блестящим, как черный алмаз, с волосами, “иссушенными и закурчавленными Солнцем”» (РАЛ. MS 1066/831). В слегка измененном виде первая часть публикации стала рассказом «Господин Порогов» в сборнике «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 20). Приведенный текст (с изменением и дополнением первой строки) стал финалом рассказа.

ⁿ Преподобный Антоний Великий (ок. 251–356) — раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельнического монашества.

8

<л. 1>

Раннее, но уже жаркое солнце, расходящийся свежий и душистый светлый туман в горных лесах, радующая душу блестящая белизна снеговых вершин за лесистыми горами, над их зеленью...

Кавказ, молодость, молодые утренние силы. Весь мир, вся жизнь — счастье^a.

Маленькая Ялта, розы, кипарисы... Кофейня и купальня Вернэ на сваях возле набережной. Мои утра там. Купальщицы — не в костюмах, а в рубашках, вздувающимися в воде^b.

<л. 2>

Незабвенная весна (апрель 1903 г.), первый раз в Константинополе...

Золоченый каик на Босфоре. Гребец в короткой расшитой безрукавке и в феске, толсто-мордая негрятянка-служанка и женщина в белой легкой чадре и в черном атласном, широким <бурнусе>, ее молодая маленькая нога в черной лаковой туфельке...^c

Пятна табачного цвета на глазных яблоках. Оч<ень> смуглый, рябой, стройный, высокий. Черный длинный халат, феска обмотана пестро-золотистым платком.

В морде верблюда что-то овечье. Грустные человечьи глаза. Продольные сопчатые ноздри. Выгнутая длинная шея в грязных клоках сухой шерсти, откинута, высоко задранная голова — презрительная, несколько сонная гордость — гордость всех горбунов. Как все горбуны, ровно и важно шагает, — страшными, безобразными, мозолистыми лапами, — ровно качает...

<л. 2 об.>

Казалось что-то священное в медленно качающемся, ровно идущем караване верблюдов.

Пепельный верблюд.

Вход в Босфор, красный с белым полумесяцем флаг на корме фелюки — Боже мой, сколько воспоминаний, какое возвращение к годам мужества, сил, радостей, надежд, мечтаний, бесконечной дальности от смерти, от какого-то конца!

Древние черные гиганты, кипарисы Скутари^d, жесткость, крепость их сжатой хвои, кое-где голые, телесно-розовые могучие стволы... И кажущиеся^a столь поэтическими могилы турчанок под ними — стелы над этими могилами с некоторым подобием корон из каменных роз¹, их голубой и зеленый цвет с золотой вязью надписей...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/586. 2 листа, оборот первого листа чистый, на втором листе текст с обеих сторон. Тетрадная бумага формата А4 в клетку. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания.

Датируется предположительно по сходству бумаги и почерка с предыдущими листами: конец 1930-х гг.

^a Бунин съездил на Кавказ в июне 1904 г. Запись (с опечаткой в слове «силы») использована В.Н. Буниной — *Жизнь Бунина (1958)*. С. 156.

^b Эдмон Верне — француз, владелец Парижской кондитерской, располагавшейся на набережной Ялты. Напротив кондитерской был установлен деревянный павильон на сваях (упоминается в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой»). Чехов был завсегдатаем кондитерского павильона. С 1898 г. владельцем кондитерской и павильона стал Э.А. Флорен, но название «павильон Верне» сохранялось. Эта запись использована В.Н. Буниной при подготовке книги Бунина «О Чехове» (*Бунин И.А. О Чехове: незаконченная рукопись*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 223.). Эта же запись включена в книгу «Жизнь Бунина» в сокращенном виде: «Маленькая Ялта, розы, кипарисы... Кофейня на сваях возле набережной, мои утра там. Купальщицы — не в костюмах, а в рубашках, вздувающихся в воде» (*Жизнь Бунина (1958)*. С. 162.)

^c Бунин впервые побывал в Константинополе (Стамбуле) весной 1903 г. Зимой 1903 г. он провел в Одессе, откуда и отплыл в Константинополь со своим одесским другом А.М. Федоровым. Эта и следующая записи с небольшими ошибками использованы В.Н. Буниной (*Жизнь Бунина (1958)*. С. 145). Пропущенное в рукописи слово восстановлено по книге.

^d Скутари — предместье Стамбула (расположено напротив Стамбула на Босфоре). В Скутари находится большое кладбище в кипарисовой роще.

¹ Было: цветов

9

Из книги священника Щукина:

— Умер человек. Мы полагаем его тело в церкви, пред ним возжигаем светильники, покрываем его священными покровами. И священник воздаст ему честь каждением и поклонением. Этим церковь указывает: веруй — тело не умрет, оно воскреснет. Смерть будет уничтожена. «Царствует ад, но не¹ вечнует» (из «Пасхальной Полунощницы»^a)^b.

— «Никто да не убоится смерти, свободи нас Спасова смерть. — Где твое, смерте, жало? Где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низвергся еси. Воскресе Христос, и падоша демоны. Воскресе Христос, и радуются ангели. Воскресе Христос, и мертвый не един во гробе»^c.

(Последование во святую и великую неделю Пасхи).

Как прекрасно — и как страшно!

¹ не вписано.

Несчастное человеческое самоутешение!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/562. 1 лист, оборот листа чистый. Бумага тонкая, некачественная. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания. Цитата из «Пасхальной Полунощницы» отчеркнута на полях, рядом значок: NB.

Датируется по качеству бумаги и использованию чернил (без химического карандаша и шариковой ручки): 1939 — конец 1940-х гг.

^a Пасхальной полунощницей называется часть службы, предваряющей празднование Пасхи. Цитируется часть канона Великой Субботы (читающегося в Пасхальную полунощницу), обращенного к погребенному и воскресшему Сыну Божию: «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим».

^b Священник Сергей (Сергей Николаевич Шукин; 1872–1931) — духовник А.П. Чехова, одно время служил законоучителем в церковно-приходской школе в Аутке. В середине 1900-х гг. сблизился с С.Н. Булгаковым, разделял идеи «христианской общественности». В 1910-е гг. опубликовал сборник статей на церковные темы «Около церкви». Бунин неточно цитирует последнюю статью этого сборника «Современные думы». В тексте: «Умер человек. Мы полагаем его тело в церкви, перед ним возжигаем светильники, покрываем его священными покровами. И священник “воздаст ему честь каждением и поклонением”. / Это церковь указывает чрез священника всем: веруй, оно не умрет, оно восстанет. Смерть не будет победительницей, она будет унижена. “Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим (из пасхальной полунощницы)”» (Шукин С.Н. Около церкви: Сб. статей. М.: Путь, 1913. С. 151).

^c Отдельные фразы из «Слова Огласительного во Святый и Светоносный день...» св. Иоанна Златоуста. Правильно: «Никтоже да убоится смерти, свободи бо нас Спасова смерть, угаси ю, Иже от нея держимый, плени ада, Сошедый во ад! Огорчи его вкусивша плоти Его. И сие предприемый Исаиа возопи: ад, глаголет, огорчися, срет Тя доле: огорчися, ибо упразднися: огорчися, ибо поруган бысть: огорчися, ибо умертвися: огорчися, ибо низложися: огорчися, ибо связася. Прият тело, и Богу приразися: прият землю, и сrete небо: прият еже видяше, и впаде во еже не видяше. Где твое, смерте, жало? Где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низверглся еси. Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются Ангели. Воскресе Христос, и жизнь жительствует. Воскресе Христос, и мертвый ни един во гробе. Христос бо, востав от мертвых, Начаток усопших бысть. Тому слава и держава во веки веков. Аминь» (Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Пг., 1916. Книга 1. С. 38–39).

10

Мертвый час поздней ночи, пустой порт, пакгаузы, их запахи, их черные тени и чернó-блестящая¹ вода под неподвижным светом высоких электрических фонарей. Крысы...

Утробный, из недр вырывающийся, мощный, гигантский, но низкий, густой, бархатный² рев великолепного океанийского парохода — ровный, долгий, прощальный, говорящий о даях, куда он уходит.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/563. 1 лист, оборот листа чистый. Тетрадная бумага формата А4 в клетку. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания.

Датируется предположительно по качеству бумаги и хорошему почерку: 1935–1939 гг.

¹ Было: черная

² Далее было: ровный

II

<л. 1>

Два сторожа сада, оба босяки. Часто ссорились. Один застрелил другого (сонного) из ржавой одностволки: «Скажу, что сам застрелился». Перемыл в пруде рубашку и портки убитого. Варил потом кулеш³. Уже начало осени, ледяная ночь. От холода ночевал под яблочным ящиком⁴.^a

У мещанина, снимающего сад⁵, старый кобель (с бельмами на больных глазах) с голоду ест яблоки. Мещанин весело:

— Он их у меня целковых на пять сожрал! Гляну, гляну — кто ж это у меня в саду яблочными зернами пакостит? А это он оказывается!

<л. 1 об.>

Деревенский мелкий лавочник. Но лавка только для виду, главное — воровство, скупка краденого⁶ (непобедимая страсть). Пришли с обыском. Его дома нет, одна горбатая девка, дочь. Так дьявольски зажала ключи от лавки, что никакими силами не могли вырвать. Навалились втроем — она откусила нос у сотского⁷.

Старик церковный сторож. Большой серый пористый, как пемза, нос.

На периле <так> крыльца избы приладилась, сидит сжавшись грязно-дымно-голубой котенок, такой худой, что видны все косточки хребта; головастый, с тонкой шеей.⁸

<л. 2>

Изба полна баб и овец — их стригут.

На веретях на полу лежит на боку со связанными тонкими⁹ ногами большая седая овца. Черноглазая баба стрижет ее левой рукой (левша) огромными ножницами, правой складывая возле себя клоки сальной шерсти и без умолку говорит с другими бабами, тоже сидящими возле связанных лежащих бокастых¹⁰ овец и стригущими их.

Овцы лежат смирно, только изредка пытаются освободиться, дергаются и бьются ногами и головой¹¹.^b

<л. 2 об.>

Дурочка. Всю жизнь странствует, «гостит» по избам, по усадьбам.

Великое знание жизни. Знание всяких семейных дел, отношений всех тех мужиков, лавочников, помещиков, духовных, у которых гостит.

³ Было: кашу

⁴ В начале записи поставлен карандашом косой крест.

⁵ Далее было: в шалаше постелена старая, истертая риза.

⁶ Вместо: скупка краденого — было: конокрадство

⁷ В начале записи поставлен карандашом косой крест.

⁸ Этот и предыдущий абзац зачеркнуты карандашом.

⁹ тонкими вписано

¹⁰ бокастых вписано

¹¹ В начале записи поставлен карандашом косой крест.

На все весь век смотрит со стороны — чужая всему миру, всегда в пути.
 Необыкновенно наблюдательна и умна, при всей своей идиотичности и картавости.
 Все состояние — палка и узелок.
 На станции жандарм, на потеху окружающим, отдает ей честь.¹²

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/589. 2 листа, текст с обеих сторон. Тетрадная бумага в клетку. Черные чернила. Два слоя правки: теми же чернилами — в процессе написания — и серым карандашом. Правка карандашом оговаривается специально. В РАЛ хранятся три машинописные копии рукописи (MS 1066/590–592). Зачеркнутые карандашом абзацы и записи в них не вошли.

Датируется предположительно по качеству бумаги и хорошему почерку: 1935–1939 гг.

^a Запись опубликована в иной редакции М.Э. Грин в составе дневников Бунина (*Устами Буниных*. Т. 1. С. 123) как рассказ о деревенской жизни Е.А. Бунина.

^b Запись опубликована В.Н. Муромцевой-Буниной (*Жизнь Бунина* (1958). С. 49).

12

<л. 1>

После похлебки ели (у лавочника)¹³ вареный язык, сверху серый, шаршавый <так!>, точно давно небритый.

Грубые сыроватые пересиненные, пахнущие гадким мылом салфетки¹⁴.

Мать вдова, две сестры (одна картавая) — бедные мещанки. Старшая, высокая, чуть косая, с жалобным голосом, миловидная, вышла замуж за пожилого армейского капитана. И ни сестра, ни мать, и ни она сама все еще не могут поверить, как он мог снизойти до них, бояться глаза на него поднять¹⁵.^a

Окрошка, в ней кусочки ветчины в крупных седых волосах.

<л. 2>

— А правда, И.А., будто вы турецких кровей?

— Откуда ты это взял?

— Я календарь читал про вас.

— Это ты, верно, про одного нашего родственника читал, про Жуковского.

— А, верно, верно. Отец, мол, был у него Бунинской породы, а мать туркиня. Только откуда же она к нам попала? Из Беловодии^b?¹⁶

— Ведь это вы, И.А., теперь только бедные стали. А допрёжь того разве то было! Все ваше потомство^c, всех дедушек, бабушек, под алтарем хоронили.

¹² В начале записи поставлен карандашом косой крест. Последний абзац зачеркнут карандашом.

¹³ (у лавочника) вписано

¹⁴ В начале записи поставлен карандашом косой крест.

¹⁵ В начале записи поставлен карандашом косой крест.

¹⁶ В начале записи поставлен карандашом косой крест.

<л. 2 об.>

— Эти бабы, И.А., все на один вкус. Как курица: что черный, что белый хохол, все одна честь¹⁷.

— И все-то вы под окошечком, и все что-то пишете! Всякому, значит, свое: жук говно роет, пчела соты строит.

Из моих детских воспоминаний: в снежные глухие сумерки под Рождество горят в деревне, на снегу возле изб, костры. Спросил бабу на пороге: зачем это?

— А затем, барчук, чтоб покойники погрелись.

— Да ведь они на кладбище.

— Мало ли что! Все ночью, каждый к своей избе, придут, погреваются. Им под Рождество это всегда дозволяется¹⁸.^d

<л. 3>

Страшная, непроглядная метель, поздняя ночь. Погибали. И вдруг наткнулись на деревню дворов в пять, в шесть. Стучались в темные, белые от снега¹⁹ избы — нигде никакого ответа. Но вот изба с освещенным окошечком, замерзшим, занесенным снегом. Тут пустили. Вошли: на лавке под окном, «под святыми», гроб с покойником, прикрытый рядном. Изба в два шага — гроб от этого кажется громаден. Уже зловоние. И вся семья, и телушка, и овца, проводят тут, с этим гробом, уже третьи сутки²⁰.

<л.3 об.>

Вбивают в избе в переднем углу гвоздь из гроба — «на счастье».

Есть и другое поверье: бывает, что плотники со зла на хозяина вбивают в стену избы, которую строят, тоже гробовой гвоздь — тогда хозяевам все снятся покойники²¹.

[Артель копачей^e — обветренные лица, потрескавшиеся губы]

Ночь в вагоне с мужиками. Не продохнешь от зеленого дыма махорки, самодельной, листовой, такой крепости, что мужики сами говорят:

— Беда! До того крепка — заты<нуться>²²

<л. 4>

Он на это мостак!

(Мостак — ловкий. Наше (орловское, тульское) слово. Есть у Лермонтова^f).

Братие да абие, а на деле — бабие.

На словах апостол, а на деле кобель пестрый^g.

¹⁷ Запись зачеркнута карандашом.

¹⁸ В начале записи поставлен карандашом крест.

¹⁹ белые от снега вписано

²⁰ В начале записи поставлен карандашом крест.

²¹ В начале записи поставлен карандашом крест.

²² Запись зачеркнута карандашом. Лист оборван.

А вот еще²³ был на дворне у вашего папаши дворовый по прозвищу Ткач, — вы тогда, барчук, и на свет еще не родились. И до чего же был этот Ткач веселый, бесстыжий и умный вор! Не воровать — прямо не мог, и нужды нет никакой, а не может не украсть. Раз свел у мужика на селе корову и схоронил ее в лесу — будь коровьи²⁴ следы, по следам нашли бы, а следов никаких: он ее в лапти обул! А у другого овцу унес: пришли с <л. 4 об.> обыском, искали, искали — ничего не нашли. А он сидит в избе, качает люльку — и никакого внимания на них: ищите, мол, ваше дело! А овца-то в люльке: положил ее туда, связанную, завесил пологом, сидит и качает, приговаривает:

— Спи, не кричи, а то зарежу!^h

На гумне, между скирдами, все запакощено девками и бабами, работающими под молотилкой. Жара, крупные мухи, желтые в черных полосах, облепили нечистоты.ⁱ

«Голос у него (у мальчишки-побирушки) сиплый, и от него пахнет мужиком. И все рассказывает о бедных, пьяных и жестоких людях» (из записей Толстого)^{25, j}

<л. 5>

Мужик лет пятидесяти, длинный, нескладный, с обвислыми плечами. Висит и все прочее, жалкое, старое, изношенное: серые длинные волосы, посконная²⁶ рубаха до колен, подпоясанная истертым пояском, дырявые портки. Говорит и думает неясно, невразумительно, живет лениво, кое-как, день за день, совсем махнув рукой²⁷ на свое нищее хозяйство, на развалива<юш>ийся двор, перетаскав в кабак все, что только можно было.

Баба под стать ему — тоже длинная, в длинной паневе, состарившаяся до времени. Дочь, девочка по шестому году, белобрысая, тощая, бледная.

Летний скучный день, точно вымершая степная деревушка. Баба вдруг подходит к нему, празднично сидящему на пороге избы, и говорит: иду к земскому, никакого сладу с тобой <л. 5 об.> нету, — он тебя, пьяница, накажет и все твое имущество отберет...

И ушла. Обошла деревню задами и спряталась у соседки до вечера.

Он ничего не сказал ей в ответ. Посидел еще на пороге, встал, вошел в избу. В избе, на лавке возле окошечка, засиженного мухами и усеянного мелкими новыми мушками, девочка сосала корку хлеба. Он поцеловал и перекрестил ее, снял с деревянного колка возле двери веревочные вожжи, вышел и прошел через сенцы на пустой двор, бугристый от сухого навоза, зачем-то снял лапти, перекинул вожжи на перемет и, перекрестясь, удавился, повиснув трубками онучей почти²⁸ до самого навоза²⁹.

<л. 6>

Я вышла³⁰ к морю (после свидания) — вдруг почувствовала, увидав это огромное свободное пространство, будто моя³¹ любовь стала еще больше, шире, прекраснее, несказаннее.

²³ еще вписано

²⁴ коровьи вписано

²⁵ Запись зачеркнута карандашом.

²⁶ посконная вписано

²⁷ рукой вписано

²⁸ почти вписано

²⁹ В начале записи поставлен карандашом крест.

³⁰ Вместо: Я вышла — Было: Вышла

³¹ Было: ее

В два часа вышел.

Поднялась луна над садом, светлая, тихая.

Прошел мимо³² дома — стена и окна золотисто освещены. Приник к стеклу: в комнате свет, смешанный с сумраком; она лежит на спине — так же, как лежала, даже не закрыв раскинутые ноги^k.

Открыл электричество — она быстро спрятала лицо в изгибе локтя голой руки^l. Не было в нашей любви момента чище, прекраснее!^{33m}

<л. 6 об.>

Особенной страстью потряс меня ее *стыд* перед нашим первым соединением, когда со слезами на глазах стала спеша раздеваться, точно перед погибелью.ⁿ

Молодая, полная, в одной нижней рубашке, босая, теплая со сна, из постели, встала, чтобы дать грудь захныкавшему в люльке ребенку.

Сидя на пороге, расставив колени, кормила грудью ребенка. Когда он подошел, стала стыдливо прятать грудь³⁴ за пазуху, большую, наливную, полновесную.

Грудь, как гранаты. Их крепость, крепость крупного зада, тонкость сильной талии.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/602(1). 6 листов, оборот первого листа чистый, на следующих листах текст с обеих сторон. Тетрадная бумага в клетку. Нижняя часть третьего листа оборвана. Черные чернила. Два слоя правки: теми же чернилами — в процессе написания и серым карандашом. Правка карандашом оговаривается специально.

Датируется предположительно по качеству бумаги и хорошему почерку: 1935–1939 гг.

^a Намечен зачин сюжета, близкого кругу «Темных аллея» (см, напр., рассказ «Раиса»).

^d Беловодье — легендарная страна из крестьянских народных преданий.

^c Употребление слова в неверном значении — прием передачи языка дворовых, щеголяющих «барскими» словами, но не усвоивших их значения.

^d Запись опубликована В.Н. Муромцевой-Буниной (*Жизнь Бунина (1958)*). С. 13).

^e Т.е. землекопов.

^f В первой сцене первого действия драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» (1835) 1-й игрок произносит фразу: «Арбенин ваш мастак».

^g Неточные цитаты из очерка Г.И. Успенского «Власть земли» (гл. XII): «На словах-то он хоть и апостол, а на деле-то кобель пестрый. <...> “Братие, абие”, а на деле-то и вышло абие — бабие!...». Абие — сразу, тотчас, вдруг (*церк.-слав.*)

^h Запись опубликована В.Н. Муромцевой-Буниной (*Жизнь Бунина (1958)*). С. 25) — как рассказ старого повара, жившего в Озёрках. Раньше повар был ловчим, его охотничьи рассказы вошли в текст рассказа «Ловчий».

ⁱ Эта запись взята в наброски ко 2 тому «Жизни Арсеньева» (л. 38, с. 202).

^j Неточная цитата из письма Л.Н. Толстого к С.А. Толстой от 30 января 1884 г.: «Голос у него сиплый, и пахнет от него мужиком. — Все, что он рассказывал про отца, дядей и тех, с кем он имел дело, все это рассказы о бедных, пьяных и жестоких людях» (*Толстой Л.Н. Собрание сочинений*: В 22 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 19. С. 30). По-видимому, Бунин продолжает искать подтверждение собственной правоты в описании русского мужика и русской деревни.

³² *Вместо*: Прошел мимо — *было*: Когда вернулся

³³ *Эта и предыдущая запись зачеркнуты чернилами. Далее была начата новая запись*: Она лежала

³⁴ *грудь вписано*

^k Ср.: Папка «Спят в одной комнате...», л. 3, 4, с. 298–299.

^l Жест героини напоминает жест согласия и покорности из рассказа «Весной, в Иудее» (1946): «Она поняла и опустила ресницы, покорно склонила голову и закрыла глаза внутренним сгибом локтя...» (Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953. С. 18).

^m Эта и предшествующая записи использованы в промежуточном тексте папки «Спят в одной комнате...» (л. 3–5).

ⁿ Отдаленно похоже на следующий момент рассказа «Визитные карточки» из книги «Темные аллеи»: «— Все снять? — шепотом спросила она, совсем как девочка. / — Все, все, — сказал он, мрачнее все более. <...> И он заставил ее испытать то крайнее бесстыдство, которое так не к лицу было ей и потому так возбуждало его жалостью, нежностью, страстью... » (Темные аллеи (1946). С. 98).

II. <ПУТЕШЕСТВИЯ НА ЦЕЙЛОН>

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

В творческой биографии Бунина путешествие на Цейлон (ныне Шри-Ланка) в 1911 г. и тема Цейлона занимают важное место. Остров, на котором, согласно легенде, собственно, и был рай, произвел на Бунина сильнейшее впечатление. Цейлону Бунин посвятил несколько стихотворений. В ряде рассказов Цейлон становится местом действия, важным с точки зрения развития сюжета (например, «Братья», 1914). Затем Бунин неоднократно возвращался в своем творчестве к цейлонской теме, планируя, вероятно, написать большое произведение об этом. В 1920 г. в Одессе был опубликован рассказ «Отто Штейн» с подзаголовком «Из новой повести Ив.А. Бунина», в котором главный герой отправляется в путешествие по тропическим странам. В первые годы эмиграции Бунин посвящает Цейлону целый ряд небольших произведений. Анурадхапура подробно описана в рассказе «Город царя царей» (1924): древняя столица острова, священный город буддийского мира (косвенно ассоциируясь с Россией) становится символом величественного забвения, в которое после смерти погружаются цивилизации. В этот период созданы и другие тексты о Цейлоне: например, рассказ «Третий класс» (1921), представляющий один из эпизодов путешествия. В 1923 г. под общим заглавием «Львиный остров» Бунин напечатал стихотворение «Приморский путь» («Цейлон», 1916) и рассказ «Ночь отречения» (1921).

Океанскому путешествию на Цейлон посвящен текст «Воды многие», опубликованный в 1925–1926 гг. тремя отдельными отрывками и сведенный воедино в 1926 г. (в сборнике «Солнечный удар»). Второй и третий отрывок имели заглавие «Из книги “Воды многие”». Таким образом, можно утверждать, что в середине 1920-х гг. Бунин планировал создать книгу путевой прозы о поездке на Цейлон — наподобие книги «Храм Солнца» (Пг., 1917; переиздана в Париже в 1931 г. под заглавием «Тень птицы»), представляющей собой собрание очерков, публиковавшихся по отдельности на протяжении многих лет. Третий отрывок «Вод многих» завершался описанием ночи перед прибытием повествователя на остров. Можно было ожидать продолжения с описанием Цейлона, но такого продолжения писатель не создал. В 1937 г. в газете «Последние новости» (25 декабря. № 6118. С. 2) появился четвертый отрывок под тем же заглавием: «Воды многие». В нем рассказывалось о средиземноморских впечатлениях от турецких берегов с упоминанием Галлиполи и Стамбула, завершался очерк прибытием в одесский порт (в РАЛ хранятся датированные 1937 г. две копии АМ с большей частью этого эпилога: MS 1066/308(5); MS 1066/308(6)). Полный текст отрывка был опубликован в СССР: Бунин (9). Т. 5. С. 486–491). В последнюю прижизненную редакцию «Вод многих» (Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк, 1954) Бунин этот отрывок не включил.

Таким образом, Бунин неоднократно возвращался к важной для него теме, пытаясь рассказать о Цейлоне то, что недостаточно прозвучало в предшествующих текстах, или продолжить их (см. текст «В стране пращуров»), опубликован: Иллюстрированная Россия. 1937. № 9. 20 февраля. С. 1–2; пу-

И.А. Бунин в коляске рикши.

Цейлон, март 1911 г. (РАЛ)

На полях Бунин написал: «Ив. Бунин. На Цейлоне. Март 1911 г.»

бликация в СССР: *ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 76–78). Публикуемые здесь отрывки — незавершенные тексты о Цейлоне, сохранившиеся в архиве писателя после его смерти.

В первом из публикуемых отрывков герой первоначально носил фамилию Штейн (затем фамилия была заменена обобщающим местоимением «он»), что указывает на генетическую связь наброска с рассказом «Отто Штейн». Этот текст можно рассматривать как возможное продолжение произведения: изначально задумывалась повесть на эту тему; в рукописных набросках об Отто Штейне есть и пребывание героя на Цейлоне¹. С другой стороны, перед нами откровенно «сырой» материал. Описания (железнодорожных) маршрутов, из которых состоит отрывок, напоминают упражнения Бунина в записных книжках, где он перечисляет остановки курьерских поездов на российских железных дорогах. Здесь похоже создан абрис путешествия на Адамов пик. Намечен маршрут путешествия по острову, который может послужить костяком рассказа. Но это самый первый уровень работы над произведением. Второй отрывок организован иначе: это связный текст, оборванный на полуслове. Он тематически и композиционно продолжает книгу «Воды многие». Опубликованная в 1925–1926 гг. версия произведения (три отрывка) завершалась ночным ожиданием прибытия на Цейлон. Этот текст мог начинать четвертую часть «Вод многих». Планируемый финал книги (очерк 1937 г.), написанный раньше ее середины, отражает характерную для бунинского творчества ситуацию, когда сначала пишется начало и конец произведения, а середина — самое важное в семантическом плане — остается на потом (см. незаконченный рассказ «Иволга» из рассказов «Круга “Темных аллей”», с. 105–112). С очерком 1937 г. второй отрывок связан важным мотивом, объединяющим ностальгическую интонацию с темой «Россия, погрузившаяся в вечность» (тот же мотив — в рассказе «Город царя царей»): Цейлон неожиданно походит на Россию. Оба публикуемых отрывка представляют собой разные типы (или разные этапы) работы над текстом. Они позволяют с большой долей вероятности утверждать, что Бунин собирался продолжать цейлонский сюжет.

¹ РАЛ. MS 1066/219–223.

Известно, что Бунин написал несколько важных «путешествий на Восток» и ни одного «путешествия на Запад», несмотря на то, что неоднократно посещал Европу еще в дореволюционные годы и совершил много поездок по континенту в эмигрантскую пору. Сохранившиеся наброски путешествий подчеркивают эту важную закономерность: тревелог (т.е. текст, где маршрут становится конструктивным принципом произведения) писатель создавал только о Востоке. Отдельные структурные элементы «путешествия», характеризующие духовные искания и мужание героя, использованы в романе «Жизнь Арсеньева» (путешествие по России) и ряде рассказов «Темных аллей» (путешествие по России и путешествие на Запад). Однако в этих произведениях путешествие лишь оркеструет основную тему, не поднимаясь на уровень конструктивного принципа.

Авторская датировка первого отрывка (1911 год), как обычно бывает у Бунина, соответствует не времени создания рукописи, а времени появления первого рукописного текста на эту тему (иногда даже замысла — см. публикацию рассказов «Круга “Темных аллей”», с. 79–127). Все заметки и записи (в том числе записи, сделанные во время или по следам путешествий) Бунин неоднократно переписывал. Поэтому возможная датировка крайне неточна. Допустимо считать, что публикуемые отрывки, составляя тематическое единство с другими текстами о Цейлоне, создавались в период работы над цейлонской темой: т.е. с 1911 г. до конца 1930-х гг.

[ИЗ ЗАПИСОК О ЦЕЙЛОНЕ (1911 г.)]

Цейлоном управляет губернатор. Кроме него в каждой провинции — президент (government Agent). Среди чиновников-туземцев — главный (Маха-Муделиар). У него прекрасная вилла в Вейангаде^а, на железной линии Коломбо — Канди.

В середине декабря он¹ ездил из Перадени^б на Адамов Пик^с.

Сперва низменность, рисовые нивы, потом горы мягких очертаний в чайных плантациях. В Хаттоне^д ночевал (в отеле). Дальше на лошадях в Богаванталаву (в долину)^е. Там опять ночевал. Утром² пешком по горной дороге. Волнистые горы в лесах, круглые верхушки деревьев разных цветов: зеленого, желтого, ржаво-красного, оранжевого и³ ярко-красного — это молодые листья какого-то дерева, которые делаются со временем оранжевыми, потом желтыми и наконец зелеными; они твердые. Есть деревья в больших белых цветах. Почти все деревья корявы, сучьи их узловаты.

Небо ярко-голубое.

От Перадени до Новара-Элийи^ф. Подъем по долине. По^{то}м кончаются рисовые нивы и пальмы — идут подъемы, леса,⁴ туннели, речки в теснинах вниз. От Котагалы^г (1230 м.) вид на речную долину. От Талавакеле^б — на Адамов Пик. Подъем, подъем. Нану-ойа¹ над покрытой лесами стремниной.

Пересадка на узкоколейную горную дорогу.

Через час — Nuvara-Eliya¹.

Это — длинная горная долина, окруженная холмами. Два озера в ней. Две площадки для гольфа. Ипподром. Разные клубы и их площадки для игр. Хорошие. Речки с форелью.

¹ Было: Штейн

² Было: На

³ и вписано

⁴ Далее было: речки

В девств<енных> лесах по окрестн<ым> холмам и горам листья деревьев темные, похожи на копыя, хрупки и блестящи, а стволы узловаты, кора их во мхах. Много калофилий, свежие листья которых похожи по⁵ красному цвету на цветы, и *очень* высоких рододендронов.

От Норельи^к к югу, до края плоскогорья, — равнина лорда Гортон^а в первобытных лесах и влажных травах. Слоны, медв<еди>, леопарды. Южный край плоскогорья обрывается, — глубина бездн^ы под ним 5000 ф<утов>: это⁷ «Конец Света». По дороге — горные мирты с ядов<итыми> цветами. Лес темный, листва темная, кожистая в желтых мхах. Днем — 30°, ночью 8, 3, 4. Изморозь. Хрюканье черных обезьян.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/588. Один лист, текст с обеих сторон. Черные чернила. Провка теми же чернилами в процессе написания. Заглавие вычеркнуто.

<ТУМАННАЯ ПОЛОСКА ЗЕМЛИ...>

Туманная полоска земли, наконец означившаяся на горизонте после долгого морского пути, всегда поражает радостно: ведь всё-таки вода⁸ нечто чуждое нам и враждебное, довременное, первичное^м. Но отчего же такая тяжесть легла⁹ мне на душу, когда увидал я с капитанского мостика эту долгожданную тропическую страну, когда смутно и дивно заголубели в глубине млечно-зеленоватых низменностей Цейлона волны его дальних гор с Адамовым Пиком над ними? Я глядел — и меня томило подобие какого-то тягостного предчувствия или как бы снов, воспоминаний о детстве, младенчестве, смешанных с чувством смерти. Правда, было предвечернее время, тот промежуток между днем и закатом, когда¹⁰ золотится¹¹ склоняющийся к пяти часам свет солнца и так пусто кажется в мире. Правда, угадывались, — не видны были, а именно только угадывались, — за этими далекими горами грозовые тучи, их сумрачный оттенок, особенно неприятный против солнца. Но все-таки не это одно томило меня. Было еще и такое чувство, точно я уже был здесь когда-то, — во времена очень давние и несказанно печальные, — что здесь моя родина и я возвращаюсь к ней, после бесконечно давних странствий и разочарований, затем, чтобы умереть. Было в этой стране и какое-то неизъяснимое сходство с Россией. Горы скрылись — потому что¹² низменные берега приближались, и берега эти были в густой зелени лесов, и какая-то церковь, глядевшая из-за них, была похожа на церковь русского провинциального города. М<ожет> б<ыть>, дело¹³ было в этой зелени, от которой глаз совсем отвык в Египте, в море, у берегов Аравии, в аравийском заливе с его голыми островами слонового цвета?

⁵ по вписано

⁶ бездны вписано

⁷ Далее было: а. Wold б. Worls <Вероятно, попытка написать по-английски «World's End»>

⁸ Было: хлябь

⁹ Далее было: на

¹⁰ Далее было: так пусто

¹¹ Далее было начато: сме<няющийся?>

¹² потому что вписано

¹³ Вместо: дело — было: всё дело

Затем все это исчезло, потерялось¹⁴ среди тех новых¹⁵ впечатлений, которыми поразило меня Коломбо^а.

Невысокое солнце слепило и жгло, ветер совсем упал; мы тихо и¹⁶ медленно-медленно входили в жарко¹⁷ пылавшую золотом вечернего солнца гавань; нас обступали низменные побережья, чащи их¹⁸ тонких, причудливо изогнутых, иногда очень далеко и низко склоненных к воде кокосовых пальм. Голые шоколадные люди, глубоко сидящие в узких первобытных ладьях, в «дубках», скользящих в теплой зеленоватой¹⁹ воде, и какие-то теплые, пряные запахи опять дали мне почувствовать, что я в тропиках, в Эдеме, в мире древнего человечества, *моих праотцев*²⁰, то есть опять-таки моей родины, прародины, которую я смутно вспоминаю и которой я уже боюсь, как-то темно, по-обезьяньи тоскую, ибо слишком уж отвык я от нее, от этого утраченного Эдема, и вот снова возвратился к нему, к тем истокам Бытия, где смешивается младенчество и смерть, начало и конец. А вместе с тем что окружало меня? Пароходы всех стран, переполнявшие гавань, бегущие²¹ паровые катеры, белые служебные ботики, каждый из которых стрелой мчали три-четыре пары белых²² матросов, дружно взмахивавших веслами, и²³ голые шоколадные грузчики... В городе, старом, настоящем²⁴ колониальном, полуголландском и полуанглийском^о, длинноногие черные рикши быстрым бегом неслись во все стороны по мостовым цвета крови, теплым и мягким от зноя, густо пахнущим чем-то вроде керосина, смешанного с мускусом... Вот поистине воздух этих вечно голых людей, — банный воздух, ничуть не охлаждаемый даже ночью! И везде деревья, деревья! Они растут вдоль всех тротуаров, раскидистые, огромные, вечно цветущие и благоухающие, образующие гигантские навесы над улицами...

Все отели были полным-полны. Знойный воздух вестибюлей, развеваемый лопастями вентиляторов^р

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/308(3). 2 листа, текст с обеих сторон. Последний лист на обороте не дописан до конца. Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания.

^а Вейангода (Veyangoda) — городок и железнодорожная станция на о. Шри-Ланка.

^б Перадения (Peradeniya) — городок и железнодорожная станция на о. Шри-Ланка, главная достопримечательность — Королевский ботанический сад.

^с Пик Адама (Шри пада, Sri Pada) — горная вершина в западной части о. Шри-Ланка, одна из главных достопримечательностей. Буддисты считают эту гору священной, на ее вершине расположен буддийский храм. Под храмом на скале виден «Священный след» (Шрипада) — след ноги Будды. В индуизме и исламе гора тоже считается священной. В исламе след считается следом Адама, отсюда и европейское название горы.

^д Хаттон (Hatton) — городок на о. Шри-Ланка, округ Нуvara Элия. Во времена Бунина через него пролегла дорога на Адамов пик.

¹⁴ *Вместо:* потерялось — *было:* всё потерялось

¹⁵ *Вместо:* тех — *было:* а. новых б. совершенно новых

¹⁶ тихо и *вписано*

¹⁷ *Далее было начато:* бле<стевшую?>

¹⁸ *Вместо:* чащи их — *было:* в чащи непроходимы<х?>

¹⁹ *Далее было:*, из

²⁰ *Было:* прашуров

²¹ бегущие *вписано*

²² белых *вписано*

²³ и *вписано*

²⁴ настоящим *вписано*

^e Богаванталава (Bogawantalawa) — долина и населенный пункт в Шри-Ланке, округ Нувара Элия.

^f Нувара Элия (Nuwara Eliya) — город в Центральной провинции Шри-Ланки, главный город округа Нувара Элия. Расположен на высоте 1884 м. над уровнем моря.

^g Котагала (Kotagala) — деревня на о. Шри-Ланка, округ Нувара Элия.

^h Талавакеле (Talawakelle) — селение на Шри-Ланке, округ Нувара Элия.

ⁱ Нануойя (Nanu Oya) — селение и железнодорожная станция на Шри-Ланке.

^j Во времена Бунина Нануойя и Нувара Элия были соединены железной дорогой. В колониальное время город Нувара Элия был известен как «маленькая Англия», британцы пытались превратить этот городок в типичную английскую деревню.

^k Местное произношение названия Nuwara Eliya — Ньюрэлия или, в передаче Бунина, Норелья.

^l Речь идет о плато Хортон (Hortonplains) — ныне национальный парк. Названо в честь сэра Роберта Вильмота-Хортон (Sir Robert Wilmot-Horton), британского губернатора Цейлона в 1831—1837 гг. Главная достопримечательность плато — Конец Света, резко обрывающийся склон (сначала на 328 м., затем еще на 1312 м.). Вид, открывающийся оттуда, считается невероятно красивым.

^m Этот мотив звучит в одном из главных рассказов цейлонской темы — «Братья» (1914) в речах англичанина, поднявшегося на борт русского парохода и беседующего с капитаном.

ⁿ Коломбо — крупнейший город о. Шри-Ланка. Во время путешествия Бунина столица британского Цейлона.

^o Первыми из европейцев на Цейлон в XVI веке прибыли португальцы (они и видоизменили изначальное сенегальское название порта на «Коломбо» — в честь Христофора Колумба). В XVII веке город захватили голландцы, а с начала XIX столетия Коломбо стал столицей британской колонии.

^p Текст обрывается.

III. НАБРОСКИ, ТЕМАТИЧЕСКИ БЛИЗКИЕ РОМАНУ «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

1. Папка «К “Жизни Арсеньева”. Том второй “Дни и годы”»

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

После выхода в свет первого издания «Жизни Арсеньева» (1930) И.А. Бунин часто вел разговоры о продолжении романа. По-видимому, сразу был задуман второй том. Конструкция романа с первой же главы строится на том, что Арсеньев в настоящем — эмигрант, живущий на юге Франции. Последняя глава первого тома (в редакции 1930 г.) завершает повествование эмигрантским настоящим — похоронами великого князя Николая Николаевича, имеющими четкую временную привязку: начало 1929 г. Следовательно, второй том «Жизни Арсеньева» мог вместить любой временной период, вплоть до начала 1930-х гг. (можно предположить, что параллельное развертывание текста в нескольких временных планах привело бы автора к такому сюжетному ходу: вместе с взрослеющим в дореволюционной России молодым Арсеньевым на юге Франции стареет Арсеньев-эмигрант).

Еще в ходе работы над первым томом Бунин планировал дальнейшую судьбу Арсеньева и пытался наметить временные рамки второго тома. Например, 20 октября 1928 г., во время писания четвертой книги, В.Н. Бунина отметила в дневнике: «Вечером Ян долго говорил о “Жизни Арсеньева”, он очень горюет, что дал такое заглавие, что нужно было бы назвать “У истока дней” и писать, “как Толстой, душенька, написал “Детство, отрочество, юность” и запнулся... И мне кажется, душа моя, что я больше не напишу... Ведь 17 лет я написал в трех книгах, а 40 лет я должен написать в одной, в крайнем случае, в двух... Ведь одно из двух: или писать гораздо кратче, а если так же, то сколько выйдет томов! Я думаю об этом денно и nocturno»¹. В 1929 г., завершив четвертую книгу, Бунин намечает дальнейшее движение сюжета. В.Н. Бунина сообщает в дневнике об одном из разговоров на

¹ РАЛ. MS 1067/393.

эту тему (13 февраля 1929 г.): «Потом Яна расспрашивали о “Жизни Арс<еньева>”. Он рассказал и о дальнейшем содержании, “все пришли в восторг”. Мы попросили его и нам сообщить, он кратко сказал: “Вот молодой человек ездит, все видит, переживает войну, революцию, а затем и большевизм и приходит к тому, что жизнь выше всего, и тянется к небу”»². Таким образом, Арсеньев, по одному из планов продолжения, должен был пережить большевистский переворот и отправиться в эмиграцию.

Некоторые из набросков второго тома, публикуемых ниже, по-видимому, относятся к началу 1930-х гг. В них намечены сюжетные ходы, которые будут использованы в пятой книге «Жизни Арсеньева» (1933 г., в 1939 г. незначительно переработана в повесть «Лица», в 1952 года вновь стала пятой книгой «Жизни Арсеньева»). Некоторые эпизоды прямо связаны с текстом пятой книги (например, рассказ о сверстниках; слова брата Николая; эпизод с посещением гостиницы и пр.). Некоторые моменты находят соответствия в IV книге романа, созданной в конце 1920-х гг. (подборка народнических песен, которые поют в революционном кружке) — возможно, Бунин планировал и дальше развивать тему народничества в связи с кругом общения Георгия в Малороссии (главы XIX–XXII пятой книги в окончательной редакции) или в параллель теме толстовцев (XXVII глава). Однако множество других подробностей и тем, которые содержат наброски этой папки, позволяет думать, что первоначальный замысел второго тома не сводился к пятой книге. Так, тема знаменитых писателей, писательских собраний и вообще литературной богемы предполагает, вероятно, что ставший писателем Арсеньев будет вращаться в литературных кругах российских столиц. Наметив тему любви Арсеньева и Лики в конце четвертой книги, Бунин сфокусировал пятую на любовной проблематике, отказавшись от многих дополнительных сюжетов (но не всех: пробуждение в Арсеньеве писателя начинается именно в пятой книге). Вслед за автобиографическим сюжетом, связанным с В.В. Пашенко, должен был последовать сюжет о превращении Арсеньева в известного писателя. Однако этого продолжения Бунин уже не написал.

Основной текст пятой книги был в целом готов к 1933 г. Опубликован в январе 1933 г. отрывки из нее в газете «Последние новости», Бунин отдает книгу целиком для публикации в журнал «Современные записки». В конце 1933 г. — двумя частями (в номерах 52 и 53) — пятая книга «Жизни Арсеньева» печатается в журнале. Это был обычный путь для всех книг романа: сначала газетная публикация, затем журнальная редакция и, наконец, отдельная книга («Жизнь Арсеньева», книги 1–4, выпущенные издательством «Современные записки» в 1930 г.). Пятая часть не была выпущена в книжном формате, поскольку ожидалось продолжение романа. Надо думать, что и Бунин в конце 1933 г. полагал, что за пятой книгой последует шестая, а второй том «Жизни Арсеньева» только начат. Однако изменившиеся жизненные обстоятельства (новый строй жизни после получения Нобелевской премии и почти совпавший с этим разрыв с Г.Н. Кузнецовой, музой всех пяти написанных книг — этот момент отразился и в этой папке) не позволили быстро продолжить работу. Попытки наметить продолжение — по крайней мере, на уровне набросков — вероятно, были. Ряд записей из этой папки сделан не раньше середины — второй половины 1930-х гг. Это значит, что Бунин еще несколько лет пытался продолжить роман. Переломным моментом можно считать принятое в 1938 г. решение подготовить отдельное издание пятой книги под заглавием «Жизнь Арсеньева. II. Лица». Сам факт отдельного издания пятой книги (с заглавием, сохраняющим общий титул «Жизнь Арсеньева» и номер тома) говорит о том, что от мысли о шестой, автор, вероятно, отказался. Пользуясь его же выражением, Бунин «запнулся» на отделке «Лики». В письме к В.Н. Буниной от 5 ноября 1938 г. (в письме ошибочно указан 1937 г.) он пишет: «Дописываю эту первую часть второго тома “Арсеньева” с отвращением; но делать нечего — надо добить эту часть. Я много в нее вписал нового — надо, чтобы вышел целый роман с этой выдуманной Ликой и чтобы ее образ был до конца понятен. Дальше писать — просто невозможно! Будет уже явная автобиография — к тому же уже всем известная. Не знаю, как быть»³. Видно, что Бунин еще пользуется прежней нумерацией (первая

² РАЛ. MS 1067/395.

³ См. п. 584 (с. 995).

часть второго тома), но уже склоняется к мысли о том, что продолжение невозможно. Роман превращается в чистую автобиографию, а это противоречит общему замыслу произведения. «Жизнь Арсеньева» не должна быть «жизнью Бунина», но переработанной Памятью «историей современника»⁴.

Можно с большой долей вероятности допустить, что к наброскам второго тома Бунин обращался и после 1939 года. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что наброски второго тома романа хранятся в РАЛ как единая, цельная папка: ее листы разрозненны, но уложены в обложку скоросшивателя. Известно, что архив Бунина разбирали и систематизировали в последний год жизни писателя (В.Н. Бунина с помощью подруги Т.И. Алексинской⁵), а затем после его смерти в 1956 г. (В.Н. Бунина при помощи некоторых подруг⁶) и позднее. Можно предположить: эта папка существовала как отдельная «единица хранения» на протяжении всех 1940-х гг. и в начале 1950-х гг., вплоть до смерти писателя. Возможно, используя в «Лике» некоторые из набросков, писатель предполагал работать с папкой и далее. Тот факт, что некоторые записи из папки взяты для рассказов книги «Темные аллеи» (и рассказов «круга “Темных аллей”»), также свидетельствует о том, что она не была отложена в сторону в 1938 г.

В этой папке обнаруживаются следы потенциального продолжения «Лики», перехода к шестой книге «Жизни Арсеньева». Именно так можно интерпретировать следующую запись: «В ту зиму (после ее бегства, перед Москвой) осмотрел свой край — страшные картины!». Перед этим идет запись со словами «Революции, войны, зверства». Не исключено, что бегство Лики планировалось перенести в более позднюю (по сравнению с реальным бегством Варвары Пащенко) эпоху — мировой войны и революции. Однако верность логике жизненных событий, «отраженность» жизни Арсеньева в конкретных событиях времени заставила отказаться от такого поворота.

Ряд записей из этой папки прямо или косвенно отсылает к некоторым рассказам книги «Темные аллеи» — и это не просто использование в новом тексте ранее наработанного (предназначавшегося для другого текста) материала. Можно сказать, что замысел второго тома и работа над ним инициировали возникновение идеи новой книги. По-видимому, логика этой трансформации такова: рассказ о молодости Арсеньева в какой-то момент сворачивает в сторону любовных историй, они требуют общего философского обрамления (текст с самой первой главы первой книги соединяет в себе формы автобиографического и философского романа), движения «жизни» «к небу» — так рождается идея «Темных аллей». Эта идея радикально меняет первоначальный замысел — и вместо продолжения «Арсеньева» задумывается новая книга: более дробная и менее цельная (так всегда больше нравилось Бунину), чем протяженная история жизни одного героя.

Показательно, что окончательная отделка «Лики» и создание первых рассказов «Темных аллей» хронологически почти совпадают. Некоторые тексты, написанные в конце 1930-х гг., можно вообще назвать пограничными. Это прежде всего рассказ «Поздний час», завершающий первую часть «Темных аллей». Получив рукопись этого рассказа для перепечатки, В.Н. Бунина пишет мужу: «<...> “Последний час” <ошибка в названии рассказа> — который совершенно восхитил меня, — так это хорошо... (я подумала, что это последняя глава из «Жизни Арсеньева», а Галя <Г.Н. Кузнецова снова жила у Буниных вместе с М.А. Степун> не соглашается) <...>»⁷. В рассказе анонимный рассказчик-эмигрант переносится сознанием в застывший в ночной вечности провинциальный русский город — город юности и первой любви (в котором, как и в старинном русском городе арсеньевской молодости, без труда узнается Елец). Он идет на могилу к давно умершей возлюбленной и там — во сне или в параллельной реальности — умирает. Действительно, чем не финал «Жизни Арсеньева»? Тем не менее, Бунин сразу планирует включить рассказ в новый сборник и ни разу не меняет это

⁴ См. об этом подробнее: *Пономарев Е.Р.* «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину // *Вестник СПбГУКИ (СПбГИК)*. 2014. № 4 (21). С. 152–165; 2015. № 1 (22). С. 143–150.

⁵ См.: *Новые материалы* (3). С. 184–185, 189.

⁶ Там же. С. 343, 348.

⁷ См. п. 598 от 23 ноября 1938 г. (с. 1006).

решение. «Поздний час» неизменно присутствует во всех «программах» «Темных аллея», в разные годы составленные Буниным.

Роднит «Лику» с «Темными аллеями» и стилистическая лаконичность. Пяту книгу романа Бунин пишет, временами используя приемы, отработанные в «коротких рассказах» 1930-х гг.: краткость фразы создает лишь общий абрис события. Например, в XVIII главе пятой книги: «Ночь до Орла. На рассвете пересадка в харьковский поезд»⁸. Или: «Она крепко спит. Я все у окна»⁹. Возможно, именно эту перемену стилистической доминанты имел в виду Г. Адамович, когда в рецензии на 52 книгу «Современных записок» заметил, что Бунин как будто устал писать «Жизнь Арсеньева», пропала прежняя охота, нет былого одушевления¹⁰. Такова же и специфика любовного диалога. Это, с одной стороны, совершенно пустые фразы — герои разговаривают о чем угодно, только не о своем настоящем, — но, с другой стороны, за ними просвечивает мощный психологический накал. Так же — с намеренной пустотой и эвфемистичностью — выстроены диалоги героев в ряде рассказов из «Круга «Темных аллея»» (см. с. 94–96, 106–114). Похожи на замысел «Темных аллея» и подзаголовки, встречающиеся в этой папке: «К «Одарке»», «К «Анисье»». Обычно Бунин так маркировал дополнения к уже написанным (или хотя бы начатым) рассказам. Предполагаем, что в данном случае речь идет, по-видимому, не о рассказе (рассказов с такими заглавиями нет), а об отдельном эпизоде, намеченном для «Жизни Арсеньева», — по имени женщины, с которой встретится Арсеньев. Таким образом, мы имеем возможность наблюдать непосредственный переход замыслов Бунина от «Жизни Арсеньева» к «Темным аллеям» и на уровне сюжетов, и на уровне стилистики.

Автобиографичность «Жизни Арсеньева» проявилась в том, что ряд записей этой папки В.Н. Бунина использовала для биографии мужа. Цитировать наброски Бунина как писательские воспоминания давних лет — характерная черта ее работы над книгой «Жизнь Бунина». Обычно такого рода вставки предваряются фразами типа: «Осталась запись Ивана Алексеевича». На последних листах этой папки видим, что неразделенность романа и автобиографии — свойство бунинского мышления. На л. 47 об. реальные люди, места, события из бунинского прошлого: Настя (жена брата Евгения), ее сестра Дуня (в которую молодой Бунин был влюблен), дом Цвилленевых (с которым многое было связано в юности) — соединяются с развитием сюжета «Жизни Арсеньева».

Многое из того, что сказано об автономности жанра набросков в предыдущем разделе, можно повторить и по поводу второго тома «Жизни Арсеньева». Однако, в отличие от обычных начальных текстов, большинство набросков этой папки тематически организованы, связаны друг с другом. Например, сначала идет описание писателя, сделавшего писательство жизненной миссией и постоянной ролью: ««Масгитный» писатель, «передовой». Нечто совершенно противоположное искусству. Самоуверенный, наставительный, наиграл себе суровый вид». Следующая запись продолжает предыдущую: «У него в кабинете гипсовые бюстики Шевченко, Толстого, портреты Герцена, Чернышевского... ». И так далее. В соединенности набросков усматриваются тематические единства, по которым можно (примерно) судить о планирующемся движении сюжета.

Это обработанные (и несколько раз переработанные) начальные тексты — наброски второго уровня, собранные в одной папке для одного произведения. Вероятно, это уже переписанные с отдельных листов записи, отобранные для специального замысла. Об этом свидетельствует то, что записи папки — чистовые, правки по бунинским меркам практически нет (она крайне скудна, несущественна). Начальные тексты переходят в промежуточные — небольшие зарисовки, занимающие полстраницы, страницу, несколько страниц (см. лл. 39–40). При этом начальные и промежуточные тексты практически равноправны: они лишь с большей или меньшей подробностью намечают сюжетные вехи. Здесь можно говорить о «разработках начальных текстов» по аналогии с «разработкой

⁸ *Жизнь Арсеньева* (1952). С. 342.

⁹ *Современные записки*. 1933. Кн. 53. С. 9. (эта фраза есть только в редакции 1933 и 1939 г.; в последнюю редакцию романа фраза не вошла).

¹⁰ *Адамович Г.* «Современные записки». Кн. 52. Часть литературная // *Последние новости*. 1933. 1 июня. № 4453. С. 3.

тем» в традиционных классических текстах. Традиционная разработка тем тоже встречается у Бунина — на более поздних этапах работы.

Именно потому, что мотивы здесь тематически сгущены, во втором томе «Жизни Арсеньева» четче, чем где-либо, можно наблюдать развитие отдельного мотива в процессе работы. Пример с пароходным лакеем, похожим на Ницше, приведен выше¹¹. Другой пример: сначала (для парижского сюжета, который тоже, видимо, планировался в романе) вводится особое парижско-буржуазное выражение глаз: «То холодное, будто ничего не видящее безразличие нагло-спокойных глаз, что наигрывается в постоянном сидении в дорогих барах, в кафе» (л. 32). Потом оно обрастает подробностями, намечается сюжетное развитие: «То холодное, будто ничего не видящее безразличие наглых глаз, что наигрывается постоянным сидением в барах, в кафе и что он считает *comme il faut*. Содержанец. Негодяй, бездельник» (л. 33 об.).

Таким образом, «Записи» второго тома не позволяют проследить цельные сюжеты продолжения «Жизни Арсеньева». Но в них уже определился общий абрис нескольких направлений творческого поиска, частью продолжающих четвертую и пятую книги, частью усиливающих намеченное в них, частью вводящих новые темы, связанные с мужанием главного героя: любовный сюжет (кипение страстей молодого Арсеньева), объединяющий чувственность с ностальгической философией любви (что в скором времени превратится в основную тему «Темных аллей»); деревенский сюжет, объединяющий природную простоту с инстинктивной прямоотой любви (важная составляющая будущих «Темных аллей»); (железно)дорожная тема, очень важная в романе и оркеструющая ряд рассказов «Темных аллей»; французский сюжет — много внимания уделено пейзажам Лазурного берега (в первой–четвертой книгах романа эта тема намечена, в пятой почти пропадает и переходит в рассказы «Темных аллей» и круга «Темных аллей») и Парижу (почти отсутствует в «Жизни Арсеньева», но появится в «Темных аллеях»: рассказе «В Париже» и некоторых других); тема поэзии и женского непонимания поэтических красот (играет важную роль в размолевках Арсеньева и Лики в пятой книге); столичный сюжет — описание литературного общества рубежа веков (намечен в четвертой и пятой книгах, по-видимому, должен существенно развиваться в дальнейшем движении романа); национальные сюжеты (украинский, еврейский) — связанные с темой странствий (активно развиваются в четвертой и пятой книгах романа); европейский сюжет (Берлин, Вена, другие европейские города) — намеченные странствия повзрослевшего Арсеньева до революции или уже в эмиграции; «течение дней» и философия обыденной жизни (так или иначе проявляется во всех книгах романа, создавая тематические переходы между эпохами в жизни героя).

Можно предложить несколько стратегий чтения этих набросков. С одной стороны, перед нами одна из нереализованных возможностей (довольно близкая к завершению — следующим этапом работы стал бы связный текст шестой книги) бунинского творчества. С другой стороны, именно эти наброски выводят писателя к другим формам и темам, воплотившимся в «Темных аллеях» и рассказах «круга «Темных аллей»».

<л. 1, обложка папки>

К «Жизни Арсеньева»
(Том второй. «Дни и годы»)
[Записи Арсеньева^а]

<л. 1 об. обложки>

Загар у нее был давний, постоянный, похожий на то, что ее прокоптили.

Дымчатый загар.

¹¹ См. предисловие к разделу «Наброски» (с. 132–137).

Как бы тень загара, а не загар.

Ходила по улицам босая. Молодая, стройная, распуш^{<енные>} черные волосы, черная шаль.

Бал «Высших женских курсов». Два профессора. Один лет 50, в очках. О подбегавшей¹² к ним курсистке:

— Не вредная девчонка!

Целый день вместе. После этого захотелось еще бóльшей близости.

<л. 2>

Проснувшись, открыл окно в сад¹³, щурясь от утреннего низкого солнца. В свежем воздухе пахло горькой сладостью осеннего утра. На поляне перед окнами слепило таким ярким и теплым светом, что похоже было на лето. Только солнечное тепло было смешано с этой пахучей горькой свежестью, с запахом покрытых крупной росой опавших листьев, и солнечный свет был слегка розовый, а вдали, в тени старых деревьев, уже багряных, желтых и оранжевых, стоял тончайший лазурный дым легкого ночного тумана.

<л. 2 об.>

Поздними вечерами лежали на ометах новой соломы. Очень свежо, но тонешь в теплоте этой новой пахучей соломы. Темно, но вверху огненная жизнь бездны звездного неба и в разные стороны летящие зеленые полосы падающих звезд¹⁴.^b

Осень, осень! Уже летают паутины на жнивьях, яркие кустящиеся зеленя.

Вечера золотистые, потом ярко красные. Небо над закатом темно-синее, ниже вогнутое, прозрачно-сиреневое. Бледность жнивья.

Черные липы сада, загораживающие зеленую всходящую за садом зеленую луну.

Неяркие звезды на смутном южном небосклоне.^c

<л. 3>

Разговоры (воображаемые)

— Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной... Нет, не надейся. Sint ut sunt, aut non sint.^d

— То есть?

— То есть пусть будет так, как есть, или вовсе не будет.

— Ну и не будет. Довольно с меня этого «так, как есть»!

— Высоко ты, змея, забираешься, будешь плакать, раскрасься...^e

— Ну да! Одно и то же всегда¹⁵, неизменно! Чуть не к каждому слову прибаутка, стихи! Боже мой, боже мой!^{16f}

¹² Было: подбегавшей

¹³ в сад *вписано*

¹⁴ В левом верхнем углу листа, рядом с началом этой записи карандашом рукой В.Н. Буниной написано: *взято*

¹⁵ Вместо: Ну да! Одно и то же всегда — *было*: И так всегда

¹⁶ Вместо: Боже мой, боже мой! — *было*: И думает, что он блестяще умен.

Все дело, молодой человек, в новизне каждой новой любовницы и в ее отличии от прежних. О, это совсем не шутка — новое тело, новая душа и так далее! И вот вы видите, почувствуете все это, входите в самую сокровенную близость со всем этим, сопрягаетесь «в едину плоть», будь это хотя бы «блудница»... Помните слова апостола Павла в его первом послании к Коринфянам? «Совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею; ибо сказано в Книге Бытия¹⁷: да будет едина плоть»^g.

<л. 3 об.>

Был такой немец, Боденштедт^h, известный у нас тем, что переводил Лермонтова¹⁸. Так вот, знаешь, что он сказал о женщинах, которых мы любили, любим? «Одна половина их выдумана нами, а за другую стыдно»ⁱ. Вспоминается еще и Пушкин:

Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мне стыдно идиолов своих...^j

Да что! Сам Авраам вспоминается! «Женщина создана твердой и кривой, как ребро, из которого взята она»^k, — сказал он, ругаясь с Сарой. И действительно: до чего это беспощадное и жестокое создание! Какое «кривое»! А что Alfred de Vigny сказал? *La femme — enfant malade et douze fois impure*^l. А Толстой? «Я 70 лет все спускаю и спускаю мое мнение о женщинах — и все еще надо спускать»^m.

— Да к чему все это?ⁿ

Так пьян, что закрываются глаза.

— К чему? К тому, что ты стерва.^o

<л. 4>

Не помню, чьи это стихи, а как¹⁹ хорошо, благородно, изящно! «Над работой пробор наклона...»^p. Чистый, прекрасный, женственный пробор. Наклоня пробор и положив нога на ногу, — удивительную, друг мой! И все это в деревне: усадьба,²⁰ барский дом, вечер поздней осенью, в доме уже топят... А на дворе крепкая свежесть воздуха, чисто и остро блестят звезды сквозь голые сучья, окна дома ярко светят в темноте...

И.А. Бунин и Г.Н. Кузнецова.
Грасс, начало 1930-х гг.
(РАЛ)

¹⁷ Книге Бытия *вписано*

¹⁸ *Далее было*: и еще что-то из русских поэтов.

¹⁹ *Было*: очень

²⁰ *Далее было*: старый

Еще стихи: «И в спальню прекрасной луна проникает...»⁴. Об остальном, о ее постели и так далее²¹, даже страшно думать... Впрочем, мой молодой друг, вам, теперешним, это тоже совершенно непонятно...

[Серебряная ночь глядела в дом,
Она без свеч сидела за роялью...[†]
И стекла люстр разгорались ярко[‡]]

<л. 4 об.>

— Помните, как я встретил вас прошлой весной на бульваре Henri Martin? Цветущие каштаны были осыпаны только что прошумевшим дождем и солнцем, тот каштан, под которым мы с вами остановились, был так густ, так зелен, свеж и цвел крупным розовым цветом... Какая это была красота, какое счастье!

— Не помню.

Она шла навстречу мне по аллее, в сумерках, со слоистой гармоникой бумажного фонаря в руке — гармоника была теплая и золотистая от восковой свечки в ней... Увидав меня, остановилась и подняла ее в уровень своего освещенного ею и улыбающегося, милого, невинного лица...

— Вы ужасно сентиментальны!

— Да, мой друг, теперь между нами уже какая-то неловкость... это конец!

— Бесконечность есть, говорят, только на том свете.

— Какое у тебя жестокое сердце!

— Почему?

<л. 5>

Да как же вы не понимаете? Все привыкли считать, что женщина такой же человек, как мы, мужчины: ничего подобного! Конечно, человек, но ведь на земле есть два совершенно разных²² существа — я, например, и вы, женщина.

— Я все-таки вас не понимаю.

— Вижу, что не понимаете.

Помните лермонтовскую Бэлу? Высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны...[†] Ну, так вот, она была в этом²³ роде... Черные локоны...

<л. 5 об.>

— Да, да...

Souvent la chaleur d'un beau jour
Fait rêver fillette à l'amour.
Il souffla bien fort ce jour-là,
Et le jupon court s'envola!^u

---

²¹ о ее постели и так далее *вписано*

²² *Далее было:* человеческих

²³ *этом вписано*

— Что это такое?

— Это? Довольно страшная песенка нищего, которую слышала умирающая madame Bovary.

<л. 6>

Рябая, даже обезображенная оспой, широколицая. И сама вся широкая, низкорослая, сильная, как мужик; в работе никогда не знает усталости, ворочает за троих. Редкая была бы жена, как работница, но молодые не берут, — «уж дюже корява лицом!» — а за пожилого, за вдовца не хочет: очень романтична в душе, влюбчива и самолюбива, — чуть какая-нибудь обидная шутка, вся загорается алым румянцем (но ни слова в ответ).

Может быть горячо нежна, самоотверженна — и очень жестока.

Любит серебр<яные> перстни и кольца, бирюзовые серьги.

Девка с медным лицом.

Он вполне скот, картуз на затылок, пьян. Раскинувшись под его тяжестью, судорожно не то плачет, не то смеется, ловит его губы теплыми, мокрыми от слез губами, изнемогая от жажды отдать ему всю²⁴ душу, переполненную горьким счастьем, горькой любовью.

<л. 6 об.>

Выйдя из избы, затворила на ржавый замочек ее маленькую дверку и спрятала ключик под верхнюю юбку, в карман нижней, коленкоровой.

Бодрая, быстрая, ловкая, крепкая, зеленоглазая.

Август, сухой, светлый день. Пожар на деревне. Гам, крик, бабий плач, бестолковая суматоха, как попало наваленное на улице, вытащенное из горящих изб добро, — полушубки, лотки, образа, сундуки, подушки...²⁵ Жар в лицо от полотниц оранжевого пламени, вырывающихся из особенно жарко горящей с треском крыши средней избы²⁶, из густого, пахучего гарью²⁷ желтоватого дыма.

Всем распоряжается она, вся в поту, в мокрой рубахе, — то и дело ее обливает из кишки, направляемой то там, то тут, в огонь; юбка подоткнута на босых ногах выше колен, брови обожжены, волосы выбиваются на лоб из-под кругло повязанного платка.

Теперь она была в желтом изношенном платке, в грязной от пыли на гумне и от пота рубашке.

Прошла с гумна через сад, под окном, с граблями на плече, не поднимая глаз.

Ночью видел во сне. Неожиданная, но, как всегда во с<н>е, не удивившая доступность ее, таинствен<ное> согласие.

<л. 7>

Недели через две после найма, позавтракав однажды в людской с работниками и работницами, вдруг стала, выйдя из-за стола, при всех догола раздеваться. Сумасшествие нача-

²⁴ всю вписано

²⁵ — полушубки, лотки, образа, сундуки, подушки... вписано

²⁶ Вместо: из особенно жарко горящей с треском крыши средней избы — было: из горящих с треском крыш

²⁷ гарью вписано

лось как будто внезапно и беспричинно. Крупная, сильная, вид имела до этого простой, здоровый, говорила разумно, работала ловко и с охотой.

Нет, лучше так:

Служила горничной (в деревенской усадьбе). Летом приехал сын барина, молодой казакский офицер. Страстно влюбилась, но ни за что не давалась. Захватив ее раз в малиннике, где она каждый день тайком объедалась ягодами, изнасиловал и вскоре уехал. С неделю служила с какой-то странной, загадочной веселостью, потом вдруг исчезла из усадьбы. Дали знать становому, начались розыски по окрестным деревням, а дом оказался обворованным: пропало столовое серебро, икона из столовой, — в золотой старинной ризе, — большая серебряная чернильница из кабинета барина, его шелковый халат, дорогое издание истории того полка, где он когда-то служил... Все нашлось²⁸ случайно: случайно увидели под балконом что-то белое, — оказалась скатерть, в которую было завязано серебро <л. 7 об.>; нашли и прочее: чернильницу в ворохе опавших листьев в садовой глуши, историю на чердаке, в мусоре под печным боровом, икону в дупле старой ракиты над прудом, а потом и халат: ловили бреднем карасей в пруду и вытащили вместе с карасями, — он был утоплен с завязанным в него²⁹ камнем... А ее поймали мужики верст за двадцать от усадьбы, в лесу, где она скрывалась с неделю, питаюсь желудями и всякими кореньями, и отвезли в сумасшедший дом в Воронеж.

К «Анисье»³⁰:

Муж говорит о ней спокойно, ровно, грустно:

— Что ж я с ней сделаю! Вы поглядите на нее: худа, как кость, суха, мала, чахоточная³⁰, а сильна до того, что с ней никакой мужик не справится, глаза как жуки черные... Тридцатый год пошел, а быстра, как девчонка... Не может она, видно, без распутства жить! Чуть не каждый месяц новый любовник, а я все терплю: что ж, если она не может без того! А главное — какой-то яд в ней. Десятый год она за мной, а я до сих пор не могу видеть ее спокойно — даст мне чуть не раз в полгода, а я потом полгода вспоминаю о таком счастье! Конечно, я ее убью, да навряд скоро...

<л. 8>

Продали овцу и воз овса, справили ей приданое: два платья, два передника (две занавески), шубку, коты³⁰, две рубахи (одна с серыми рукавами), белый платок с красными цветочками... Будущему свекру послали подарок — вышитое полотенце, свекрови — шерстяной черный платок.

После свадьбы и свадебного обеда (начатого с водки и студня с огурцами) сваха и бабы повели ее в пуньку^x спать с мужем, переплетя ее девичью косу в две — женских.

Баба по прозвищу Луковка. Баба Бутылочка. Баба Махоточка.
Мещанка Селедка (лавочница).

²⁸ *Вместо*: Все нашлось — *было*: Стали искать

²⁹ *Было*: нем

³⁰ *Вместо*: суха, мала, чахоточная — *было*: маленькая

<л. 8 об.>

Село, ночь, метель. В доме лавочника не в меру тепло, только в одной комнате горит керосиновая лампа — лавочник с женой спят. Сын дьякона по полночи сидит с их дочерью, его невестой. Оба молчат и млеют — он все целует и щупает ее. Она далеко щупать не пускает и все думает, как быть — уже давно потеряла невинность. Он валит ее на диванчик — отбивается, пускает — и вдруг вскрикивает, так что он отскакивает. Притворно рыдает, зажимая рот, и убегает.

<л. 9>

Первые сентябрьские ночи — месячные, веселые, теплые, мягко блестящие в светлых местах аллеи и на полянах³¹ под яблонями всем, что пересохло за лето; неподвижный, уже проредевший сад и невысокий, спокойно глядящий на его южную сторону месяц.

Он лежал на боку, опершись на локоть, на сухой листе, в легкой, пестрой тени возле аллеи³², смотрел то на озаренные поляны среди яблонь, то на золотые против месяца стекла низкого старого дома перед садом, покусывал сухой, горький лист, чувствуя все растущую, томительную тяжесть своего низа. Вдруг на заднем крыльце дома, там, где блистали эти золотые стекла, стукнула щеколда. Быстро и легко перебежала босыми ногами в аллею, приостановилась, приглядываясь, и шепотом:

— Где вы?

Тотчас после того видит его в двух шагах от себя и весело³³ бросается к нему:

— Ждала, ждала, пока заснут...

<л. 9 об.>

Быстро ложится возле него и сама берется за подол над голыми ногами. Войдя в нее, он глядит³⁴ на ее радостное лицо, пестро осыпанное тенью и блещущее³⁵ остановившимися глазами, вынимает левой рукой из выреза ее рубашки маленькую крепкую грудь, прижимается губами к ее холодку и нежности, а правой приподнимает ее заголенный гладкий зад. Она вся содрогается, как от электрического тока, с тихим стоном охватывает его шею, жмет ее к себе, ищет его губы и вдруг, найдя их, уже чувствует в сладком обмороке, как толчками льется в нее нечто горячее, самое страшное в мире...^{36у}

Так зачата была та, что впоследствии приезжала к нему в гимназическом платье на каникулы, чья мать уже много лет лежала на кладбище за деревней.

<л. 10>

К концу февраля, солнечный день, тишина. Блеск полей в серебряном насте. Коричневая, красноватая низкая полоса леса вдали.

³¹ *Вместо:* в светлых местах аллеи и на полянах — *было:* а. в аллее и на полях б. в аллее и на полянах в. в аллее и на полях

³² *Далее было:* с другой стороны,

³³ весело *вписано*

³⁴ *Вместо:* Войдя в нее, он глядит — *было:* Ложась на нее, на ее заголенный живот своим голым животом, под которым так страшно туго <далее оборвано>

³⁵ *Было:* блестящее

³⁶ *Далее было:* (с абзаца) Когда она, вскочив, стоя и немного присев, пускает стеклянную струю, он опять ловит ее, валит на землю, заголяет до грудей, быстро целует живот, волосы лобка под ним и впивается губами ниже в нежную, горячую, молодую, большую мякоть... (далее с абзаца)

Лес. Очень снежно, тихо, тепло, серо. Мягкая угольная чернота ельника.

Февральский вечер. Синее, как синька, окно.

Масленичная оттепель. Все тает — каплет³⁷ с крыш, запах блинного чада из кухни. Запах жареной наваги.

Дорога на станцию. Туман, сонно. Лошадиный помет как желтый мокрый табак по горбу дороги.

<л. 11>

Оттепель, поле. Лес в стороне, голый, сквозной. Мокнут и виснут тонкими ветвями голые пестрые березы.

Куда еду? Зачем еду? Все равно.

Визг дверей на станции. Забил колокол — бам, бам, бам — как-то ненужно. Подходит поезд. Вонь и тепло в людном третьем классе. Едят, воняют, курят.

Слепящее радостное солнце и белизна ровного глубокого великолепного снега за окнами.

<л. 11 об.>

Москва, март. Воздух резкий, легкий, сладкий на обоняние и для дыхания.

<л. 12>

Луна³⁸ все превратила в черное и белое.

Лунные слезы в море.

Лунный свет забелел в полях.

Лунный свет по полу спальни.

Абрикосовый цвет спеющей ржи.

Акварельные краски вечера.

Тяжелый, горячий воздух в пиниях в полдень.

Гроза. Трагическое небо.

Змея огней ночью — вдоль берега.

Город вечером с моря, огни.

---

³⁷ Было: тает

³⁸ Каждая запись на л. 12 (отсюда и до записи «Агей и дальше...») зачеркнута красным карандашом.

Агей^z и дальше — сангвиновые³⁹ скалы.

<л. 12 об.>

К полудню. Крепкий ветер, блеск солнца, синее небо, море в барашках.

Белая Бордигера^{aa}.

Рыба полосатая⁴⁰, как тигр.

La Garoupe^{bb}.

Hôtel Balmoral (Ментона)^{cc}.

Жаркая ночь.

Снеговой воздух (в горах)⁴¹. Ясность, свежесть души.

<л. 13>

Villa Jeannette, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>⁴².

Кто-то хорошо сказал: «Лишь желание делает нас печальными». Это и⁴³ буддизм говорит.

«Никогда больного места не кажи».

(«Грациан», книга светских приличий, изданная при Елисавете Петровне).^{dd}

К моему великому сожалению, раскаянию, я не всегда держался этого правила (насчет душевных болей).

Для рассказа: имение «Поречье»^{ee}. Глухой сад.

Anatole France: «Lire, c'est traduire. Il y a de belles traductions, peut-être; il n'y en a pas de fidèles».^{ff}

«Ссястья, здоловья, много лет плозить⁴⁴ и меня любить...»^{gg}. Боже мой, Боже мой!

Множество журналов в купе⁴⁵.

<л. 13 об.>

Те прежние «дворовые», что еще жили у нас в моем детстве, пели:

Прикажи, сударь, карету заложить,
Во карету ту двенадцать лошадей, —

³⁹ Было: пурпурн<ые>

⁴⁰ Было: пестр<ая>

⁴¹ Предложение зачеркнуто карандашом. Сверху карандашом написано: «Взято».

⁴² Вместо: Villa Jeannette, Grasse, A<Ipes> M<aritimes> — было: (начало оборванной записи) Ночь, увезла

⁴³ и вписано

⁴⁴ Было: а. прожить б. пложить

⁴⁵ Запись сделана карандашом внизу листа; вероятно, позднее.

Чтобы кони были убранные,
А лакеи принапудренные...^{hh}

Какую старину я еще застал!

<л. 14>

Блаженная Ксения Петербургская, подвизавшаяся в юродстве в царствование Елизаветы Петровны.

Часовня над ее могилой на Смоленск<ом> кладбище.

Рано овдовела и лишилась с горя рассудка, раздала все свое имущество и стала бродяжить, называя себя именем умершего мужа — Андреем Федоровичем.

Дар прозорливости. За неск<олько> дней до убийства Иоанна Антоновича все плакала и повторяла: «Кровь, кровь, кровь...».

Накануне Рождества 1762 г. ходила по П<е>т<ер>б<ургу>, говоря: «Пеките блины, завтра вся Россия будет печь блины». На Рождество Императрица Елизавета скончалась.ⁱⁱ—

Задонский юродивый Антоний Алексеевич. Род<ился> в сельце⁴⁶ Клиновом, в семье крепостн<ого>. Семи лет, во время страшной бури, пропал без вести — нашли только через 3 недели в поле у ручья, где питался росшим там горохом. На расспросы не отвечал или говорил «совсем неподходящее». Так начал жизнь юродивого, длившуюся 120 лет.

В старости высокий, сторбленный. Лицо длинное, худое, сморщенное, нос острый, клинушкой борода, короткие взъерошен<ные> волосы.

Кафтан из толст<ого> белого сукна, красный кушак, суконные онучи, кожаные коты.

Умер в Задонске в доме помещицы Демидовой. «Мама, сказал, заболел, в субботу под Покров пеки блины». И в субботу 29 сент<ября> 1851 г. скончался.^{jj}

<л. 15>

Поздно вечером, возле фонаря, но в тени, под цветущим каштаном.

Горестно, нежно, вполголоса:

— Alors — jamais, jamais?

И гармонический, безразличный женский голос:

— Peut-on savoir?

— Adieu.

— Au revoir^{kk}.

Женская молодость, свежесть, чистота, совершенство, новизна и прелесть всего телесного — нет ничего в мире прекраснее этого! И это понимаешь только в те годы, про которые так пошло говорят: бес в ребро!

Бедная кружевная каемочка на вырезе сорочки, на девичьей груди — вот чего не забуду я вовеки, мой друг! А ведь была блядь.

Что ж вы хотите! «Joli garçon, très sportif»^{ll}, черные зеркальные волосы, пахнет одеколоном и английским табаком, веселый мерзавец... А мне было восемнадцать лет... И как нечеловечески любила я это животное и чего только не делал он со мной в эти «часы любви»!

⁴⁶ Было: деревне

<л. 15 об.>

— Нет, нет, не за красоту женскую умирают!

— А за что же?

— За что-то другое женское. Другое.

«Что ты спишь, безумный, твоя газель идет мимо!»^{mm}. Да ты правда спишь? Бессовестный!

— Всю жизнь помню самый, может быть, прекрасный и самый горький день моей юности: было мне тогда шестнадцать лет, жила я в нашей нищей усадьбе и ходила в тот день по пустому, бедному саду, под холодным ветром начала осени, одинокая, в глуши, и пела какую-то собственного сочинения песенку... Надела новенькое ситцевое платье, белое, в синих глазках, — неизвестно, для кого и для чего надела, — и все ходила и все громче пела что<-то> бесконечно-безнадежное и бесконечно-счастливое... Как непорочно, как чисто, до холода чисто было все тогда: и душа моя, и тело, и это платье!ⁿⁿ

<л. 16>

К «Одарке»^{oo}:

Пан, пани, панич, панночка. Их поместье.

— Богато (много) було паничѐй, панѐв, панний!

— Бачив (видел) я, мамо, паныю, бачив панночку... Ось цурка (девушка)! Ясочка!

Парубки: Тимош, Андрий, Опанас, Петро, Тышкѐ... С Тишкѐм ходив до Золоторѐнки... Бачив Яковѐнкову Одарку... Ганну, Мотрю, Явдоху, Катрю, Варку, Химку, Христю...

Карпо (отец Одарки). Огромный, могучий, мрачный. Спал в камѐре (в амбаре) пьяный. Вечѐря (ужин). «Танцували гѐрлицу».

Варка в очипке.

— Ну, со святым хлибом-солью!

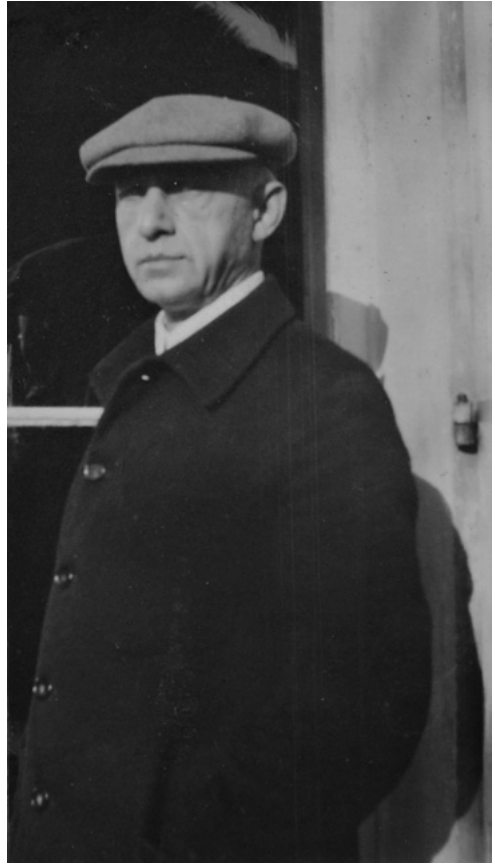
Ушел с чумаками в Крым. На дорогу дала вышитую хустку (платок⁴⁷). (Если чумаки умирали в дороге, хоронили, закрыв ему лицо серой хусткой).

Кунтуш.

Наймыт.

Ее добро в скрѐне (в сундуке).

— Як та качка! (уточка)^{pp}.

И.А. Бунин.

Грасс, 1929 г.

(РАЛ)

На полях альбома рядом с фото Бунин написал: «Рождество 1929 г. ст. ст. Grasse».

⁴⁷ Было: полотенце

<л. 17>

— Нет, куда ж теперешним хоть бы, например, до Бенедиктова:

Ах, очи огневые

Да кудри черные⁴⁸ да перси наливные!⁴⁹

— Милый, не пейте больше. Причем тут Бенедиктов?

Смотрит в упор, усмехаясь:

— Глаза твои сияют, как звезды, отраженные в черной глубине колодца.

— Дался вам этот Венедиктов!

— Во-первых, Бенедиктов, а не Венедиктов. Поповская фамилия. Это значит, если перевести с латыни,⁴⁹ хорошо говорящий. А во-вторых, это не из Бенедиктова, а я сам выдумал на манер арабских сказок.

— Ну все равно. Только не пейте больше. И что ж⁵⁰ все поэзия да поэзия!

— Ночных небес убранство...

— Ох, опять поэзия!^т

<л. 17 об.>

— Ужасно ломит висок. Ужасная мигрень. Будь добр, передай мне sel de vinaigre^{ss}, — вон там, на столике возле тебя.

Молча подал. «Боже мой, как все лживо!»

— Благодарствуй, мой друг.

«Да, я ее уже ненавижу»^т.

Шел домой с мрачно-торжественным лицом, наслаждаясь злой покорностью своему безвыходному положению.

— Ну да, ну да. «Ты все себя воображаешь моею мнимою рабой»^{uu}. Сколько вас таких!

— А это, постоянное: унижение, мука того, кто любит больше!^{vv}

— Помнишь? Влюблен — и, Боже, как хочется жить!

— И это вечное: «Только тебя одного любила я в жизни! Зачем так поздно встретились мы!».

И это: «Я б хотела умереть с тобою!». Откуда она, эта жажда смерти, гибели в минуты любви?^{ww}

<л. 18>

К «Арсеньеву»

[Толстяк, обжора⁵¹ как кормилица.]

⁴⁸ Было: темные

⁴⁹ Вместо: Это значит, если перевести с латыни — было: Если перевести с латыни, будет значить:

⁵⁰ Вместо: Только не пейте больше. И что ж — было: Простите, но это несносно —

⁵¹ обжора вписано

Чудовищная^{xx} нежная полнота, лицо бритое, белое, точно кормилица. Купец. Оч<ень>⁵² умен.

Насмешливый, с густыми усами.

Рыжий, огромный. Похоже, что ему всегда жарко.

Большой, в крылатке, серая борода во всю грудь, губастый, губы всегда мокрые.

Всегда веселый, гордый — от презрения ко всему и ко всем.

[Провинциал, очень загорелый. Загар] Грузный, хохочет⁵³ лестницей⁵⁴ <так!>.

Сидит как огромный истукан, с длинным животом, расставив ноги, — колени, как два полена. Невозмутимо поводит глазами.

Высокий, красивый, бородатый. Очень глупый старик, левый барин.

<л. 18 об.>

Всегда цитирующий Щедрина^{yy}.

Уездный или губернский доктор. Старый сюртук, пахнувший медью. Галстучек (черный, готовый) высоко влез сзади на пожелтевший стоячий воротничок, под ним медная, покрасневшая от времени запонка. Очень весь запущенный.

Тоже весь запущенный, запакощенный, давно нестриженный, весь в лохмах бороды и головы. Называет себя семидесятником. В голове всегда мутная дурь.

Раздеваясь в прихожей, разматывая (как попало) шарф, махнул им и взъерошил сзади волосы еще больше — так и вошел в столовую (жалкий журфикс у его старого приятеля, писателя-народника).

От очков кажется еще глупее.

Уходя, не умолкая говорит в прихожей, сует ноги в чужие калоши — ушел в чужих и разных. [Противный душный запах от его старого пальто⁵⁵.]

Всю жизнь имел один престольный праздник — Татьянин день^{zz}.

<л. 19>

Надо выйти (одному из распорядителей) на эстраду только затем, чтобы сказать, что такой-то участник этого литературно-музык<ального> вечера по болезни не мог приехать: выйдя, облился горячим потом от волнения, страха, спутался...

⁵² *Вместо:* Купец. Оч<ень> — *было:* Тоже оч<ень>

⁵³ Грузный, хохочет *вписано*

⁵⁴ *Было:* этажами

⁵⁵ *Вместо:* Противный душный запах от его старого пальто. — *было:* Противный запах выхухоли.

Банкет.

Все тесно столпились у стола с закусками и водками, поднимая и просовывая руки между плечами друг друга за рюмками и один за другим стали откидывать головы, глотая водку, попадая затылками в лицо или в руку с рюмкой заднего.

Банкет.

Нарочито не спеша поднялся, постучал с печальным⁵⁶ и скромным видом в край тарелки вилок и решительно, вкось дернул левым плечом⁵⁷:

— Господа!

Все сразу смолкло, зашикали на лакеев и замерли в неумеренном (притворном) ожидании. Он склонил голову, глядя в стол, будто что-то крепко думая, не спеша переставил бокал с вином слева направо, потом вдруг⁵⁸ взял его и с дерзкой торжественностью <л. 19 об.> вскинул лицо:

— Господа!

Речь оказалась совершенно ничтожной.

После банкета, поздней зимней ночью.

Страшно пьян, несется на разогнанной извозчицей кляче, на раскатывающихся санках с ледяной собачьей полостью, поминутно чувствует, как сама собой падает голова на грудь и стремительно обрывается сердце и сознание. И, справляясь⁵⁹, кричит:

— Пошел! В Стрельну^{aaa}! И выпьем там на ты! Ты замечательный извозчик!

Nos habebit humus! No-os habebi-it... hu-u-mu-us!^{bbb}

— Ну-с, господа, благословимся еще по единой!

— Presente medico nihil nocet!^{ccc}

Московский букинист. Держится все время с напряженнейшим спокойствием. Страшная точность скупой неприязненной⁶⁰ речи, изнурительная логика.

Старик, читает одним глазом, прищулив другой.

<л. 20>

Вечный протестант, «борец», неряха, грязный, лохматый, выродок умств<енно>, душевно и телесно, всегда возбужденный дурак.

Страстно и бестолково, косноязычно говорит с эстрады, путается, оговаривается: «что же кашается...» (касается).

Журфикс в Москве (интеллигенция).

⁵⁶ *Вместо*: Нарочито не спеша поднялся, постучал с печальным — *было*: а. Постучал с грустным б. Нарочито неловко встал, постучал с печальным в. Не спеша поднялся, постучал с печальным

⁵⁷ *Вместо*: вкось дернул левым плечом — *было*: а. косо вскинув левое плечо, встал б. косо вскинул левое плечо

⁵⁸ *Далее было*: быстро

⁵⁹ *Было*: справясь

⁶⁰ неприязненной *вписано*

Гости с морозу вытирают усы, бороды, близоруко протирают очки свежими носовыми платками.

Некоторые в сюртуках, душно пахнущих выхухолью (от пальто на выхухоли).

У старого, морщинистого⁶¹, знаменитого профессора в складках старых ботинок красноватая пыль (от старых калош).

Старик, все ищущий, к кому бы прицепиться, поговорить.

«Маститый» писатель, «передовой». Нечто совершенно противоположное искусству. Самоуверенный, наставительный⁶², наиграл себе⁶³ суровый вид.

У него в кабинете гипсовые бюстики Шевченко, Толстого, портреты Герцена, Чернышевского...

<л. 20 об.>

Большая белая мягкая борода. Честолюбив ужасно, помешан на счастье быть на всяких обществах<енных> собраниях председателем. К собранию подстригается, молодеет. Наслаждаясь, строго встает, звонит⁶⁴: «Позвольте объявить заседание открытым. Слово предоставляется...».

Вечеринки времен моей молодости. Поют:⁶⁵ «По речке по быстрой становой едет пристав...»^{ddd}.

«На старом кургане в широкой степи прикованный сокол сидит на цепи...»^{eee}.

Сокол — народ. И кто-то этого сокола *приковал к кургану*.^{fff}

В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась
И вдруг, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась... (Горький)^{ggg}

Известный доктор. Большой, грубый лицом. Груб в разговоре. Гордится своей грубостью и топорностью лица, сложения.

Горбуны ходят, точно гордясь горбом.

<л. 21>

Писатель, похож на сельск<ого> учителя. Навязался читать свой нов<ый> рассказ, читает. Все стараются подсмотреть, насколько толста рукопись. Чтение минут через пятнадцать всех приводит в оцепенение, настраивает против чтеца. Глядят (неприязненно) на его левую руку с папиросой, — как она фальшиво-небрежно стряхивает пепел, — на неловко

⁶¹ морщинистого *вписано*

⁶² наставительный *вписано*

⁶³ наиграл себе *вписано*

⁶⁴ *Вместо:* Наслаждаясь, строго встает, звонит — *было:* а. Звонит б. Наслаждаясь внутренно, строго встает, звонит

⁶⁵ Поют: *вписано*

перекрещенные под стулом ноги в растоптанных ботинках, на толстые уши⁶⁶, на то, что он давно не стригся, на наклоненное красное простонародное лицо. Мучительно чувствуя, что все уже ждут не дождутся конца его совершенно никому не нужного произведения, он, читая, сам заглядывает, сколько еще осталось страниц, — чтобы все видели, что уже немного. Счастливы только те, что успели занять кресло, утонуть в нем, курить и закрывать глаза. И вдруг — неожиданное счастье: кончил! Замолк⁶⁷ и некоторое время все еще сидит, согнувшись, глядя в стол, потом⁶⁸ говорит, фальшиво усмехаясь⁶⁹:

— Ну-с, господа, жду⁷⁰ суда строгого и нелицеприятного...

Молчание. Каждый выдумывает, что бы сказать, как бы вывернуться, отыграться на пустяковой критике. Наконец, кто-нибудь решается⁷¹: «Рассказ, по-моему, очень сильный... Только <л. 21 об.> я позволил бы себе сделать автору несколько замечаний. Я, например, не совсем⁷² уловил, почему именно Шура, уходя от любимого человека, порывая с ним, так сказать, идейно...».

Клише: Сын бедняка...⁷³ Отдали в учение к сапожнику... И отец драл и сапожник драл... На последн<ие> гроши тайком⁷⁴ покупал и с жадностью поглощал по ночам при свете огарка⁷⁵ лубочные книжечки... Бежал от сапожника... Перепробовал все профессии... К революции примкнул с юности...^{hhh}

Серо-железные волосы, того же цвета большие брови над серыми впалыми глазами и усы (подбородок бритый). Лицо очень⁷⁶ худое, кости скул — *как ключицы*. Впалая грудь, впалый живот. Сух, серьезен, голос однообразный.

Можно сделать метранпажем.

В косоворотке (на даче), полный, сытый, розово-матовое млаожаовое лицо.

Самоуверен, самодоволен, во всем очень определенных мнений.

<л. 22>

Пухлая белая борода и такая же голова — точно забинтованная ватой.

Губернский город, доктор возвращается из гостей ночью, быстро идет, думает, держа палку по решетке забора — она стрекочет,⁷⁷ перебирает по ней.

⁶⁶ *Вместо*: на толстые уши — *было*: на отставленный под пиджаком зад, на впадины уже не молодой шеи за ушами,

⁶⁷ *Было*: Кончил

⁶⁸ *Далее было*: ненатурально

⁶⁹ фальшиво усмехаясь *вписано*

⁷⁰ *Вместо*: Ну-с, господа, жду — *было*: Ну, вот-с и все. Жду

⁷¹ Наконец, кто-нибудь решается *вписано*

⁷² совсем *вписано*

⁷³ *Вместо*: Клише: Сын бедняка... — *было*: К литературному вечеру...

⁷⁴ *Было*: тайно

⁷⁵ при свете огарка *вписано*

⁷⁶ очень *вписано*

⁷⁷ *Было*: со стуком

Спор, который нет сил слушать: оба страшно логичны.

Очень чистый, худой, высокий старик. Когда ест, надевает золотое пенсне.

Священник в черной соломенной шляпе.

Небольшой, гнутый, скромно и чисто одетый старичок, посещающий все публичн<ые> лекции, литературн<ые> вечера, собрания и т.д. Садится в первом ряду, — плохо слышит, — все слушает удивит<ельно> внимательно, подняв к уху ковшик ладони.

Все слушают, делая вид, что слушают, думают о другом, о своем. Один он действит<ельно> слушает.

<л. 22 об.>

Писатель прочитал (на литерат<урном> вечере), антракт, хочет повидать в зале знакомых, — ловит и не пускает какая-нибудь старуха («ваша страстная поклонница») или морда, психопатка⁷⁸, или полоумный старик, говорящий⁷⁹ чепуху, ненужное, длинное...

Москва, зима, очень людно, прохожие, проезжие (напр., на Арбате). Всем известный и всеми почитаемый «передовой» обществ<енный> деятель, крупный, большой мужчина,⁸⁰ в шубе, в каракул<евой> шапке, в золотых очках, с палкой с серебр<яным>⁸¹ набалдашником, как у протопопа, и сам похожий на протопопа, сидит в низких⁸² санках на извозчике так, точно⁸³ его тащат по снегу в этих санках, как неживого.

С холеной, красивой, молодой еще бородой,⁸⁴ в полном расцвете сил, с блестящими глазами, очень живыми и всегда готовыми к веселой, дружелюбной улыбке, в камергерском мундире, который своими нашивками на груди и ниже похож на ребра скелета.

Старик князь с коричн<евым> лицом⁸⁵, с прокуренными усами, всегда и всех ругает — все негодяи, с<укины> д<ети> и т.д.

<л. 23>

Очень постарел, болен, опух. Щеки завернулись к носу.

Облезлый желтый мех старого пальто, его воротника, такая же шапка.

Вернулся от обедни в морозный солнечный день, глаза полны от мороза светлыми⁸⁶ слезами, огненные потолстевшие (тоже от мороза) уши, желтая борода и желтые⁸⁷ прокуренные усы облеплены ледяными сосульками.

⁷⁸ *Вместо:* старуха («ваша страстная поклонница») или морда, психопатка — *было:* старуха или психопатка

⁷⁹ *Было:* говорит

⁸⁰ крупный, большой мужчина, *вписано*

⁸¹ серебр<яным> *вписано*

⁸² *Далее было:* <нрзб> (*очень густое зачеркивание*)

⁸³ *Было:* что

⁸⁴ *Вместо:* холеной, красивой, молодой еще бородой, — *было:* холеной бородой человека

⁸⁵ *Вместо:* Старик князь с коричн<евым> лицом — *было:* а. Помещик б. Старик с коричн<евым> лицом

⁸⁶ светлыми *вписано*

⁸⁷ желтые *вписано*

Весь металлически пахнет зимой, Москвой.

Не видались лет пять. Поразило, как у нее⁸⁸ расширились, огрубели кости лица.

Большой серый пористый нос — как пемзаⁱⁱⁱ.

Яркие и вместе с тем мутные голубые глаза. Розовый мухоморовый нос, серая борода.

Русский немец, милый, радушный, гостеприимный, в неизменно отличном⁸⁹ расположении духа. Вечно пьян <л. 23 об.> и с сигарой. Лицо красное, глаза ярко-бирюзовые, серо-седой. Хороший костюм цвета древесной коры.

Назвал свою собачку «Шнапс» и всегда хохочет над этой своей выдумкой.

Ужасно морщинистый старик *поляк*. Жидкие глаза, облезлая голова. Нервен необыкновенно.

Рыжий. Молочное лицо в желтых веснушках. Розовые веки.

Господин с вывески магазина готового платья.

Резкий, самоуверенный спорщик.

Люди в⁹⁰ очках⁹¹ часто⁹² оч<ень> чистоплотны, педантичны.

Поверх толстых очков в золотой оправе внимательно осматривает в гостях⁹³ вещи, книги.

Голова господина, похожая на голову геральдического коня.

<л. 24>

Всю жизнь ездил и ездит⁹⁴ в первом классе и все-таки всю жизнь наслаждается тем, что он сидит в первом классеⁱⁱⁱ, во всех отношениях приличный, культурный, ни с кем не вступающий в разговоры, в знакомство. И все как полагается: читает, не снимая перчаток; начитавшись, снимает с усталых глаз пенсне и спокойно смотрит в окно на пейзажи.

Неподвижно сидит у окна третьего класса. В крылатке и широкополой шляпе. Молодой, миловидный, высокий, с русой бородкой. Чрезвычайно нежный цвет лица, при разговоре то и дело ало⁹⁵ вспыхивает: заика, самолюбивый, как все заики.

⁸⁸ Было: него

⁸⁹ Далее было: веселом

⁹⁰ Далее было вписано: золотых

⁹¹ Далее было: (с молодости, иногда даже с детства)

⁹² Было: или

⁹³ в гостях вписано

⁹⁴ и ездит вписано

⁹⁵ ало вписано

Очень глупый и необыкновенно деликатный, изящно одетый, страстный любитель и знаток древних икон, крестов, складней... Оч<ень> худой.⁹⁶

Высокий и тощий молодой человек, все время вытирает потные руки комочком носового платка.

Застенчивый, избегающий в разговоре <л. 24 об.> с прислугой повелительного наклонения: «Надо бы, знаете, воды принести...».

Молодой человек с постоянно полуоткрытым ртом и как будто сонный. (Не в порядке нос).

Старичок на скамейке (напр., в Булонском лесу): крашенные (черно-зеленые) усы, на белках как бы табачный налет, под глазами тряпочками висят мешки. Расчищенные ботинки, размытые руки, их тонкая сморщенная кожа, перстни на исхудавших пальцах, палка с монограммой. В петлице красная розетка. Вид удивительно спокойный, губы сжаты — большой горький опыт.

Лакеи в чулках, все рослые. Безучастность, строгость, непроницаемость. (Особняк в Париже, — напр.,⁹⁷ в С<ен->Жермен^{kkk}).

— Vous croyez en Dieu?

Быстро и сухо:

— Pas tous les jours^{lll}.

Париж⁹⁸. Першерон, телега, вскатывают на нее⁹⁹ винные бочки. Хромой хозяин с огромной подошвой на левом башмаке¹⁰⁰.

<л. 25>

Старый селадон, франт. Накладка на темени. Бриллиантовые запонки.

Постный человек.

Сухие, скупые¹⁰¹ глаза, стянутый рот [(как гаман^{mmmm} скряги)].

Глаза, как у филина.

Тяжкий человек, говорящий, никогда не меняя выражения лица.

⁹⁶ Оч<ень> худой. *вписано*

⁹⁷ напр., *вписано*

⁹⁸ Париж *вписано*

⁹⁹ на нее *вписано*

¹⁰⁰ Было: ботинке

¹⁰¹ скупые *вписано*

Вывеска парикмахерской: господин с черными каменными усами, закутанный простыней. Щетка черных волос, низкий лоб.

Улыбка одним¹⁰² обнажением десен, с отсутствующими глазами.

Вежливый молодой человек, все замечающий в гостях — мебель, убранство...

Ростовщик.

Синие очки в золотой оправе. Пробритый подбородок, котлетки бакенбард, плебейское <л. 25 об.> сухо-красноватое лицо.

Был рыжий, теперь бакенбарды сереют.

Руки в лиловатых жилах (руки рыжего человека), два обручальных кольца — свое и покойной жены.

Близорукие упрямы, педантичны. Или шальные.

Все у него пошрое, — старин<ная> мебель, столики с инкрустацией, ковры, восточн<ые> ткани, вазы, статуэтки, старин<ное> оружие, монеты, камни, старые книги, картины (из лаковой копоти выступают тела, лица...).

Серое лицо, *рубчатые* ногти (задержка мочи).

Глухой губернс<кий> город.

Были так дружны, что купили себе в монастыре могилы рядом.

Потом жестоко поссорились, стали лютыми врагами, так и умерли. А лежат все-таки рядом.

[Соседи до Страшного Суда.]

<л. 26>

Нищий, грязный, пьяница, воняющий выпитым перегаром и гнилью подвала. Моржовые усы.

Нищий, гнусный, в мерзких лохмотьях — длинное истлевшее пальто с чужого плеча, карманы почти на коленях, ветوشка шляпы.

Комната в полуподвале. Свой уют, свое хозяйство, кое-какая посуда.

Ведет очень правильную жизнь.

По ночам выходит на работу, с красным фонариком в руке и роется в ящиках с отбросами возле подъездов. Добычу (главное — окурки) продает.

Чувствует себя постоянно занятым и счастливым. А люди думают: «Боже, какой ужас!»ⁿⁿⁿ.

Нужник, разделенный перегородкой на две половины, освещенный одной тусклой лампочкой над ней.

¹⁰² *Далее было:* выражением

Слышно все, что делает мерзкий сосед — тужится, шуршит подтирочной бумагой, плюет (и, верно, что-то очень пристально думая).

<л. 26 об.>

Исцарапанные перстнями зеркала в отдельном кабинете ресторана — точно в паутине.

Уездная гостиница, новомодная, — «Бристоль». Коридорный однако в валенках.

Убийца. Очень смуглый. Маленькие *впалые* глаза.

[Сахалинец¹⁰³.]

Убийца, в арестантском, в кандалах. Молодое миловидное лицо, кое-где легкие веснушки¹⁰⁴, приятные, но хитрые серые глаза, готовность к дружелюбно-насмешливой улыбке. Молодые мягкие усики.

Знаменитый южный вор, разбойник, по прозвищу «Цыруля».

Бывший пароходный лакей, будущий убийца.

Каскетка, расстегнутая куртка, рубашка, — очень заношенная, — без воротничка, с медной запонкой, впившейся в ямку под большим кадыком (в ямке от нее зеленое пятно).

Усат, похож на Ницше.

Уже давно сидит в пивной, сонно-хмельной, неуклюже держит в щепоти прокуренных пальцев окурков потухшей «слюнявки».

Страшный человек с пристальными глазами.

<л. 27>

Петербург. Черное от сплошной тучи небо, только что прошел ливень. Очень холодно¹⁰⁵, с Невы дует ледяной сыростью.

Слегка согнувшись и запустив в карманы черной щегольской легкой шинели руки в белых перчатках, чего-то нетерпеливо¹⁰⁶ ждет на углу Невского очень хорошенький, изящный¹⁰⁷ лицеист; ¹⁰⁸ плюмажная треуголка¹⁰⁹, красный шелковый шарфик, нарядно видный из-за воротника шинели, тонкие ботинки, николаевские: носки — срезанный треугольник.

Вечером свидание с актрисой-блядью. А денег всего 80 к<опеек>¹¹⁰.

¹⁰³ Вписано карандашом и стерто стирательной резинкой. Слово карандашом в основном тексте на- поминает пометку для памяти. Весь следующий абзац вписан позднее чернилами на полях, карандашная вставка указывает, что он должен заменить написанное карандашом слово.

¹⁰⁴ кое-где легкие веснушки *вписано*

¹⁰⁵ Было: сыро

¹⁰⁶ нетерпеливо *вписано*

¹⁰⁷ изящный *вписано*

¹⁰⁸ Далее было: стройный, тонкий, изящный

¹⁰⁹ Было: шляпа-треуголка

¹¹⁰ Вместо: Вечером свидание с актрисой-блядью. А денег всего 80 к<опеек>. — было: а. Порочный, него- дий. б. Порочный, негодяй, свидание с актрисой-блядью. А денег всего 80 к<опеек>.

В тот же день вечером пытался убить¹¹¹ часовщика в его магазине — среди¹¹² наваждения таких магазинов: все стены в разных часах, и все часы идут, стучат, блестят в разные стороны маятниками. Дал ему посмотреть свои часы и, когда тот, вставив в глаз лупу, наклонился, ударил его в темя молотком, выхваченным из кармана шинели.

Высокий, стройный моложавый генерал. Белая меховая шапка времен Александра III, белые перчатки.^{ooo}

Сошел с ума (доктор). Бред — предельное самоунижение, отвращение к себе. Попытки самоубийства.

<л. 27 об.>

Рослый, красивый, волосы и борода пивного цвета.

Кюре. Идет большими легкими шагами¹¹³, в башмаках, развевая полы черной рясы и концы широкого черн<ого> пояса^{ppp}.

Китаец, парижский студент. Крупный круглый череп в черн<ых> блестящих волосах; лоск и цвет большого лба и большого, скуластого тугого лица деревянно-темно-желтый,¹¹⁴ маслянистый; небольшой нос, большие круглые ноздри; крупные темно-лиловые губы; узкий разрез черных агатовых глаз; длинная верхняя губа. Чисто и прочно одет (по-европейски). Синий костюм, но белые носки и черные ботинки (новые, прочные).

Японец, тоже парижск<ий> студент. Маленький.¹¹⁵ Черные конские волосы, желтоватое лицо, золотые очки.

Католический монах, с раскрытой круглой¹¹⁶ головой (грубые кирпичные¹¹⁷ стриженные¹¹⁸ волосы), в грубом халате с капюшоном, подпоясан жгутом вроде веревки. Толстые лиловые голые ступни в сандалиях. На них тяжело и противно смотреть.

<л. 28>

Длинный китаец, натянутая темная кожа сухого плоского лица, со стянутым сухим ртом; синяя бумажная куртка, стеганая, на вате,¹¹⁹ такие же штаны, стянутые на щиколках, черные шерстяные коты. Собачья остистая шапка.¹²⁰ Разносчик — за спиной плотно завязанный, тяжелый тюк из холстины. Валит его на пол, развязывает — в нем куски шелка.

— А ты давно в России?

¹¹¹ Далее было: а. набалдашником палки б. свинцовым набалдашником палки

¹¹² Далее было: страшного

¹¹³ В рукописи описка: шагах

¹¹⁴ Далее было начато: не<большой?>

¹¹⁵ Маленький. вписано

¹¹⁶ круглой вписано

¹¹⁷ Вместо: грубые кирпичные — было: красно-кирпичные

¹¹⁸ стриженные вписано

¹¹⁹ стеганая, на вате, вписано

¹²⁰ Собачья остистая шапка. вписано

- Тоалька гоад, — оскаливает крупные, широкие, желтые зубы¹²¹.
 — Хорошо торгуешь?
 — Плуаха.

Черные жилы на руке старика.

Год немывтые, блестящие руки старика.

Нижегородский (или, например, касимовский^{qqq}) татарин. Плотный, широкий, большое, несколько скуластое лицо хорошего телесного цвета, на щеках легкий красный лоск, — монгольский, — точно они немножко лакированы, волосы лисьего цвета. Умен, вежлив, говорит негромко, ровно. Руки небольшие, приятные, чуть полные.

<л. 29>

Доктор Котик.

Портной Цацкин.

Вывеска времен Добровольческ<ой> армии: «Моисей Левин, портной вооруженных сил юга России».

Молодой еврей, губастый, чернокудрявый, негрского типа, в черепаховых больших очках.

Еврей, пожилой, хриплым голосом:

— Такого человека не надо на порог *пустить!*

Еврей, хозяин корчмы:

— Но, извините, у нас есть и дамское вино.

Балагула. Фурман.^{тт}

Еврейское вечное восхищение умом своей жены:

— Она мне говорит: но ты же идиёт!

Кременчуг (или, напр., Тирасполь). Вывеска: «Гостиница Гранд Отель».

Афиша — приехал еврейский театр. На <л. 29 об.> афише русскими буквами: «Дер запаснер солдат»^{sss}.

Киевская или одесская газета. Похоронные объявления:

— Убитые горем муж с дочуркой извещают о смерти своей любимицы полной жизни Евочки Биберман двадцати двух лет.

— Ида Лазаревна Зайденберг скорбит о кончине голубки сестрички Евочки Биберман.

— Мошнягер с детьми, Саул Львович Френкель с женой и Цудик Нор с семейством оплакивают смерть дорогой голубки племянницы и двоюродной сестрички Евочки Биберман.

¹²¹, — оскаливает крупные, широкие, желтые зубы *вписано*

Молодой поэт-еврей думает, что гусыня и гусеница одно и то же, что ворона — самка ворона.

Пианист-еврей, сумасшедшие глаза за очками, лохмы густых черных волос. Бросается на рояль, как на врага, как зверь. [Какая-то¹²² отчаянная борьба с роялью.]^т

<л. 30>

Киев или Одесса. Весна. По Крещатику или по Дерибасовской идет актер, несет с удивительным, всякому бросающимся в глаза удовольствием свое плотное тело¹²³. Неизменная бодрость, здоровье. Дорого и с дурным вкусом, слишком светло и нарядно одет: новый светло-серый костюм (видно, что от провинциального портного)¹²⁴, новые ботинки, лакированные, с серым сукном, с пуговками сбоку, носки с голубой искрой, новый галстук <так!>, тоже серый, шелковый,¹²⁵ переливчатый: посмотришь так — льется металлической голубизной, посмотришь иначе — серо-красноватый металл. И такая же шелковая рубашка. Дорогая палка.

Иногда у таких пальто сшито сюртуком, с разрезом сзади от талии, с пуговицами на ней.

За завтраком в ресторане с компанией расцветает особенно. Заказывает удивительно — знает тысячи кушаний и всяческие¹²⁶ способы их приготовления. Страшное богатство знаний во всем житейском. Тысячи знакомых — всюду всех знает.

Любит говорить: «тютелька в тютельку!».

<л. 30 об.>

Эстрада освещена снизу множеством мелких электр<ических>¹²⁷ лампочек. У певца (грубый, сильный детина), стоящего на ней, большие ступни в новых, туго набитых ботинках, кажутся сидящим в партере особенно большими.

Открытая сцена. Молодой человек — трость на плечо, отставленный зад¹²⁸, серый цилиндр набекрень; очень нарядный пижон¹²⁹. Лицо раскрашено конфетно — невероятная красивость, юность.

Гармонист¹³⁰. Заливается, закинув голову:

Отцовский дом спокинул <так!> я,
Траво-ою за-арастет

¹²² Какая-то *вписано*.

¹²³ *Вместо*: идет актер, несет с удивительным, всякому бросающимся в глаза удовольствием свое плотное тело — *было*: а. идет, с удивительным, всякому бросающимся в глаза удовольствием держа все свое тело, актер б. идет актер, держа с удивительным, всякому бросающимся в глаза удовольствием свое плотное тело

¹²⁴ *Вместо*: светло-серый костюм (видно, что от провинциального портного) — *было*: костюм (видно, что от провинциального портного), светло-серый

¹²⁵ *Далее было*: с такой же искрой и

¹²⁶ *Было*: особенные

¹²⁷ мелких электр<ических> *вписано*

¹²⁸ отставленный зад *вписано*

¹²⁹ *Вместо*: очень нарядный пижон — *было*: наряжен пижонном

¹³⁰ *Вместо этой записи первоначально была другая, структурно схожая: одна строка вводит в тему, далее — четверостишие песни*: Певичка на эстраде второсортного ресторана: / Черты лица его увяли, / Когда пришел домой герой, / Его родные не узнали, / Сказали ты для нас чужой.

Широкий двор, поднимет вой
Собачка у ворот,
Собачка верная моя...^{uuu}

Фамилия для актера: Чарин, Радин, Лаврецкий, Иртеньев, Чаев, Тинский.

Красавец вроде П. Нежный цвет лица, нежная борода, усы, синие томные глаза — и пьяница.

Очень противный: молодой — и седой.

<л. 31>

К «Литерат<урному> вечеру». Якубович:
Пусть перл создания ты, могучий царь творенья,
Кто дал тебе, скажи, венец твой золотой?
Ужель ты возмечтал в безумном ослепленье,
Что я — раба, а ты — властитель мой?
Глупец! Я захочу — и, пораженный страхом,
Покорней станешь ты твоих смиреннейших псов,
Я землю потрясу — и разлетится прахом
Величие твоих гигантов-городов...¹³¹

Так¹³² в вихре, в молнии, в грозе стихий природа
Гремит, как легион нездешних голосов.
Но с поднятым челом и с возгласом: «свобода!»
В обетованный край твоих лазурных снов.
Сквозь бурю, ливень, мрак, к долине тихой рая,
Шатаясь, падая под ношей крестных мук,
Вперед идет титан, на миг не выпуская
Хоругви мятежа из напряженных рук.
И гордо говорит:

— «Кто б этот пыл священный
Мне в душу ни вдохнул, карая иль любя,
Игра бездушных сил иль разум сокровенный,
Вновь погасить его нет власти у тебя!
Казни меня, бичуй — пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мне пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я —
Лишь труп холодный мой ты в цепи закуешь!»^{vvv}

¹³¹ Далее было (с абзаца): Это стихи Человек Якубович <так!>

¹³² Дальнейший текст стихотворения — наклеенная вырезка (из газеты или отрывного календаря). На обороте календарного листка видно окончание стихотворения А. Коринфского «Я видел» (1890) и начало стихотворения Якубовича «Человек», которое переписано Бунинным выше. Ниже под вырезкой ближе к правому полю несколько слов в три строчки написаны карандашом (не читаются, стерты ластиком).

<л. 31 об.>

[Болеслав (или Бронеслав) Пикантьевич]

Морда чваная, как у бульдога.

Полупомешанный. Спит, никогда не раздеваясь.

Прогрессивный паралич. Волосы дико загустели, усы огромные, с подусниками, зубы гнилые, нос толстый, мягкий. Поминутно жрет, обжирается до рвоты. Перед тем, как попасть в сумасшедший дом, не пропускал ни одной церковной службы, страстно молился, ставил свечи — и был педераст.

Высокий офицер, в полубачках, длинный сюртук, панталоны с кантом, шпоры. Танцует, обняв ее, мысленно представляя себе, что он ее имеет. Сажает, кланяется, целует почтительно руку. Член чувствуется — напряжен, тяжел, велик. Идет в нужник, серебряно позванивая шпорами, закуривая. Мочится, морщась от дыма папиросы. Перднул <так!>, потряс членом, спрятал его, думая все то же... И если бы она все это знала, видела!

<л. 32>

Полный (женственно) молодой марселец, прекрасные газельи глаза красавицы.

Тиронец, высокий, крепкий, по-горному загорелый. Черные волосы на прямой ряд. Лежат как два крыла ворона.

Старый портье в отеле (напр., в Берлине, в Вене), крупный, осанистый, бородатый, строгий, педантичный, в длинном зеленом сюртуке, весь в орденах. Надевает серебряные очки, разбирая почту.

То холодное, будто ничего не видящее безразличие нагло-спокойных глаз, что наигрывается в постоянном сидении в дорогих барах, в кафе.

Большой американец, танцует, не глядя на свою даму, идет, качаясь и притоптывая в фокстроте.

[Малый лет 17-ти, шоссер^{www}, в крагах и некотором подобии мундира (зеленоватого сукна). Сняв картуз, подает¹³³ в холле¹³⁴ отеля пачку¹³⁵ папирос, за которыми бегал.]

<л. 32 об.>

Старый швед, высокий, в длинном пальто, похожий лицом на смерть. Ночь, палуба парохода, неясно освещенная лампочками навеса.

¹³³ Было вписано: гостям

¹³⁴ Было: вестибюле

¹³⁵ пачку вписано

Чахоточный. Молодой, но толстый (однако не очень) в плечах, в груди. *Загорелый* (зимой все на солнце в горных швейцарских санаториях). Брюнет, синева бритых щек. Церковные, вопрошающие глаза. Много ест. Втайне тревожен.

[Старик читает одним глазом, другой прищурил.]

[Держится очень натянуто, страшно вежливо. С иголки одет. Должно быть, лет 35.]

Мальчик с заячьей головой и мордой — косолобый, лупоглазый. И нос заячий — косые маленькие ноздри. Всю дорогу в вагоне ненависть к нему. Очень много ненавидим втайне!

Обрубленный на кончике нос, большой негодяй.

<л. 33>

На сцену выбежал и закричал Вертер^{xxx}: синий сюртук, желтый жилет, сапоги с коричневыми отверстиями на голенищах.^{yyy}

Дьявольское однообразие опер, певиц, певцов. Вопли с колоратурами героини и вопли тенора. Гогочущий, угрожающий бас (или баритон), его заносчивая¹³⁶ гордость, театральная мужественность, готовность схватиться за шпагу...

Контрасты, особенно подчеркнутые в ее¹³⁷ дуэте с тенором, — то оба совсем замирают, то вдруг отчаянно, спеша перекричать друг друга,¹³⁸ возносят голоса, надрываясь из всех сил; то сходятся, то расходятся. Но крепко помнят, что держат как бы экзамен. Удалось! И взрыв¹³⁹ аплодисментов.

Бас гремит¹⁴⁰ грозно, отдельно, мощно.

После антракта вошел в громадный провал театра, уже с тусклым светом люстр — от скверного густого воздуха, нагретого тысячами дыханий.¹⁴¹

И опять то же самое. Вдруг быстро и грозно входит бас¹⁴², страшно и гордо¹⁴³ гремит нечеловеческим голосом, свирепо раскатывая «р» и хватаясь за шпагу. Отчаянный <л. 33 об.> вопль тенора. Она кидается к басу с детски-женской силой умоляющего крика. Резкие обрывы, кавардак, буря¹⁴⁴ в оркестре — как всегда при этих оперных скандалах, пахнущих убийством.

Вроде¹⁴⁵ Вертинского, томный, напудренный, и без того бледный, все ночи проводящий в барах и похабных танцульках на Монпарнасе, на Монмартре...

¹³⁶ заносчивая *вписано*

¹³⁷ ее *вписано*

¹³⁸ перекричать друг друга, *вписано*

¹³⁹ Было: пять минут

¹⁴⁰ гремит *вписано*

¹⁴¹ Над этой записью простым карандашом *вписано*: Спешат перекричать друг друга.

¹⁴² Вместо: Вдруг быстро и грозно входит бас — было: Бас быстро входит

¹⁴³ и гордо *вписано*

¹⁴⁴ , буря *вписано*

¹⁴⁵ Было: Тип

Из-за маленькой, злой, ограниченной женщины
Погибаю в шести зеркалах...^{zzz}

Высокий, с медными усами.

Большие мертвые ноздри, желтое калмыцкое лицо, черные очки.

То холодное, будто ничего не видящее безразличие наглых глаз, что наигрывается постоянным сидением в барах, в кафе^{aaaa} и что он считает *comme il faut*. Содержанец. Негодяй, бездельник.

Застенчивый юноша, тайный онанист, лицо крапчатое от веснушек, легко заливается румянцем.

<л. 34>

«Изыде от земли твоя, и от рода твоего, и от дома отца твоего»^{bbbb}.

«И пошел, не зная, куда идет... Обитал на земле полученной, как на чужой... ибо ожидал города, коего художник и строитель — Бог.. все сии (подобные) говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле. Все сии, свидетельствованные¹⁴⁶ в вере, не получили обещанного: ибо Бог предусмотрел о нас нечто лучшее...»^{cccc}

«Пришлец аз есмь на земли». Пс. 118.^{dddd}

«Отдался течению дней»^{eeee}.

Как все было ничтожно, *случайно*, как быстро прошло!
Революции, войны, зверства.

В ту зиму (после ее бегства, перед Москвой^{fff}) осмотрел свой край — страшн<ые> картины! Елец, Огнев<ка>, Бабарыкино (сумерки, волчи), мужиц<ие> суды, у Софьи^{gggg} (тепло, вонь), у Арсика^{hhhh}, у Цвил<еневых>ⁱⁱⁱⁱ, у Рышк<овых>^{jjjj}, у «Волка», у Баева...¹⁴⁷

<л. 34 об.>

«Все воды Твои и волны Твои прошли¹⁴⁸ надо мною...»^{kkkk}.

Итак, было, будто бы было время, когда я еще только всходил на корабль: «Итак, ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани — время сходить»^{llll}.

Целая жизнь прошла с тех пор.

«Чего еще ждать мне, Господи?»

«Вот Ты дал мне дни, как пяди, и век мой как ничто пред Тобою»^{mmmm}. И не только пред Тобою, но и предо мною самим. Так где же время?

<л. 35>

В эту ночь он видел во сне Земфиру из того бессарабского табора, в котором бывал Пушкин, — видел точно так, как Пушкин писал о ней: высокая, с большими черными гла-

¹⁴⁶ Было: свидетельствовали

¹⁴⁷ Рядом с этим абзацем на полях шариковой ручкой (следовательно, не ранее конца 1940-х гг.) стоит помета NB.

¹⁴⁸ Было: пронеслись

зами и вьющимися черными косами, в цветных мужских шароварах, в бараньей шапке, в молдавской вышитой рубахе, в ожерелье из старинных золотых и серебряных монет, курящая трубку¹⁴⁹; с той живостью чувствовал ее красоту и дикую женскую мощь, которая бывает только во сне¹⁵⁰.

<л. 36>

Богатый мужицкий двор, большая семья. Старшая дочь стариков, Палаша, девка лет тридцати, чудовищный урод: при низком росте дубово плотна и крепка, сильна, как медведь, ходит, подавшись вперед, оставив громадный, широкий зад, на ходу плоско¹⁴⁹ кладет толстые, косые¹⁵⁰ голые лапы кирпичного цвета; голова — пивной котел в страшном обилии черных грубых косм, морда широкая, тоже кирпичная, глаза бешеные, кроваво-черные. В семье ее¹⁵¹ считают только убогой, дурочкой, хотя работы¹⁵² с нее не требуют, и давно привыкли к тому, что она не спит по ночам, сидит под окошком и все что-то бормочет, иногда дико и весело¹⁵³ гогочет, ругается матерными словами. Скотски похотлива, соблазняет подростков, пастухов, ночующих в избе, когда доходит ее очередь...

Одно лето много ночей ходил к ней мальчишка, сын лавочника. Подойдет в поздний час к окошку, она, сидя на лавке, увидит, что окошко затемнилось,¹⁵⁴ тотчас выскочит из избы, потащит его на гумно, под ригу. Гогоча, толкает его навзничь в солому, бормочет: «я люблю сама, сама!» и садится на него верхом... Низкая, поздняя луна, тени от ометов, сумрак под ригой, мертвая тишина...

<л. 36 об.>

Раз, когда¹⁵⁵ сидела на нем, яростно работая широким голым задом, так сладострастно разъярилась, что кинулась его душить и грызть — с восторженным слюнявым ревом вцепилась ему в горло обеими руками, дьявольски сильными и огромными, изгрызла ему щеку.

<л. 37>

Серые, пестрые глаза, смелое лицо — молодая кухарка постоянного двора в уездном городе. Миткалевая сорочка с широким вырезом на молодой шее, ситцевая воробьиного цвета юбка. Босая. Ладно сложена, крепость всего тела — широкой груди, плечей, зада, бедр <так!>.

Постоялец¹⁵⁶, мелкий купец, пожилой, плотный¹⁵⁷, небольшой, ловит ее в сенцах, разделяющих чистую половину и черную. У нее¹⁵⁸ глаза зелено вспыхивают злобой, вырывается плечом:

— Ишь моду какую выдумал, старый черт!

Он сконфуженно:

¹⁴⁹ плоско *вписано*

¹⁵⁰ косые *вписано*

¹⁵¹ семье ее *вписано*

¹⁵² работы *вписано*

¹⁵³ и весело *вписано*

¹⁵⁴ *Далее было: загогочет и*

¹⁵⁵ *Далее было: так*

¹⁵⁶ *К слову Постоялец карандашом на верхнем поле добавлено: Голова круглая, под гребенку, ежом, плотный, небольшой, серебр<яные> часы луковичей.*

¹⁵⁷ *Было: полнеющий*

¹⁵⁸ *Было: него*

— У дура! Уж и пошутить нельзя!

И опять вдруг схватил, пытаясь поцеловать, бормоча:

— Четвертного не пожалею!

Оттолкнув, еще злее:

— Знаем эти посулы!

Сел под окном чистой половины, красный, курит. Все еще взволнован, стыдно, но на уме все то же. Она пробегает мимо. Он, пытаясь быть развязным:

— Наташ¹⁵⁹, когда ж дашь?

Она уже со смехом:

— Я б дала, да у меня мала¹⁶⁰...

<л. 38>

Август, все везде сухо, пыльно, колко. Густое солнце.

На гумне сухость и колкость и соломенно-ржаный <так!>, сытный запах желтых, круглых и высоких скирдов, заступивших все гумно перед ригой, духота и жар в проходах между ними. Желтые в черных полосах крупные, мерзкие мухи на нечистотах в этих проходах.

Все работающие на гумне бабы и девки, пообедав принесенным с собой квасом и хлебом, спят в риге, — полдень, жара и тишина. Проходя с поля мимо скирдов вдруг увидел ее — она было присела в проходе и, увидав его¹⁶¹, в страхе, с раскосившимися глазами, вскочила с резвостью девчонки.

Подошел, — опустила глаза, смущенная улыбка:

— Ох, уйдите за ради Бога, мне стыдно...

Уговорил перелезть через вал в сад, — «все спят, не бойся...». Солнечная тишина, тень и жар в саду. Слышно, как иногда стучают, падают на пересохшую землю, в шелковистую выпревшую траву яблоки. Счастливо и бесцельно вскрикивают и мелькают то там, то здесь среди яблонь зеленовато-золотые иволги.

Два острия грудей под рубашкой. Рубашка <л. 38 об.> пахнет избой, сладковатым дымком, платочек на голове чем-то женским, головным. Темные пятна пота на рубашке¹⁶² подмышками, запах горячего тела.

— Как же это тебя до сих пор не взяли замуж?

— Боятся. Я ведь по шестнадцатому году так была больна, что не чаяли, что буду жива¹⁶³, и соборовали. А я взяла да и выздоровела. Ну, а замуж не берут, страшно, говорят, ее, мол, соборовали... Разве вы не слыхали про это?

— Нет.

— А теперь вы¹⁶⁴ тоже небось будете бояться.

— Буду, буду...

— Ох, не душите так!

Тихая девка поденщица. Сирота. Босая, серенькая ситцевая юбочка. Не противится, но все время молчит, опущенные глаза.

¹⁵⁹ Было: Маш

¹⁶⁰ Вместо: у меня мала — было: недавно ссала

¹⁶¹ В рукописи описка: ее

¹⁶² на рубашке вписано карандашом

¹⁶³ Вместо: буду жива — было: я выздоровлю

¹⁶⁴ вы вписано

Живет у тетки, худой старухи с жидкими, легкими волосами цвета паутины.

<л. 39>

Началось со ступней и глаз.

Дождь, пузыри в луже перед крыльцом, стоял под навесом крыльца, глядя на дымчато-синеватые тучи, на двор поместья. Быстро шла от ворот с хворостинной в руках, выжимая грязь между пальцами босых белых ступней, накрывшись с головой завернутой сзади верхней юбкой: ступни маленькие, необыкновенно прекрасной формы, поразившие своим совершенством и белой наготой, из юбки молодо, ярко блестят, светят глаза. Подошла, запыхавшись:

— Здравствуйте... Телушка наша не забегала к вам? Рыжая?

— Не видал. Да ты чья?

— Вот грех-то! По всей деревне ищу, бегаю...

— А ты чья, говорю?

— Максима печника... Ну извините, побегу к дьякону...

— Постой. А как звать-то тебя?

— Наташка...

— Хочешь, я пойду с тобой искать? Она, верно, во ржи у нас за гумном.

Засмеялась:

— Вот бы¹⁶⁵ ловко было!

— А что?

— Вся бы деревня видела...

И побежала к воротам.

На другой день встретил на выгоне. День солнечный, но вялый, влажный, на деревне протяжно поют петухи — опять к дождю. Шла навстречу. Опять босая, юбки подоткнуты — видны и голени, тоже совершенно прекрасной формы. На голове желтый кругло повязанный платок. На правом плече тяжелое коромысло, на концах его лежит, свисая, мокрое серое белье, — под его тяжестью идет мелко, быстро, подтянуто, виляя костречами. Взглянула веселыми глазами.

— Здравствуй. Куда-й-то ты?

— На речку, белье полоскать...

— Да ведь нынче праздник, грех работать.

— Бог простит. А то опять дождя дождешься.

И.А. Бунин.
Конец 1920-х гг.
(РАЛ)

¹⁶⁵ бы *вписано*

- Что ж, нашлась телушка?
 — Нашлась. Вы правду сказали — залезла в вашу рожь.
 Пошел за ней:
 — Слушай...
 — Ой, не ходите за мной ради Бога, с деревни видно...
 — Нанимайся к нам.
 — Куда?
 — В дом, в горничные.
 — Вы правду говорите? Я бы с радостью.

<л. 40>

Дождь. Идет от людской к дому с раскрытой головой, с каплями на волосах, босая, выжимая грязь между пальцев маленькой, прекрасной, не испорченной обувью ступни.^{pppp}

Сидя в кабинете, читает историю Ассирии Масперо^{qqqq}. Идет, улыбаясь, виляющей походкой, подоткнута до колен. Чудесные босые ступни, чудесные икры, слегка смуглые, блеск берцовой кости.

- Какие-то басни вы все читаете? Идите лучше чай пить, я уж давно подала самовар...
 Как было все легко, весело! Самая легкая любовь из всех!

[И началось с ее ступней и глаз.]

На крыльце, после огня в доме, точно сразу ослеп: теплая тьма, пахнет дождем¹⁶⁶, мокрой травой. Пригляделся — различаются в небе темные лиловые тучки и звезды в их прогалинах...

- Ой, кто-й-то?
 — Я.

— Испугалась до смерти — кто-й-то у нас на крыльце стоит? Бегу из людской, смотрю, чернеет кто-й-то...

- А я тебя и не слышал.

<л. 40 об.>

- Да я босая.
 — Постой, постой, не спеши... Пойдем в палисадник...
 — Да там, небось, все скамейки мокрые...
 — Я тебе под спину пиджак кину...
 — А в доме будут ждать... Ну идите скорей...

Капли дождя, темнота. Вдали, на речке в лугах, злорадный хохот лягушек...

- Это они над нами хохочут...
 — Тише, молчи... От зависти хохочут...¹⁶⁷

<л. 41>

Усадьба на горе. Дикая сад идет по ее скату вниз.

Утром пробежала по коридору на босу ногу, в купальном халатике^{rrrr} — на минуту поймал, обнял, почувствовал под халатиком все ее девичье тело, коснулся губами щеки — пушистая нежность, запах пудры, в уголке губ красный след зубного порошка.

Вечером ушли далеко в поле. Заря погорела, стало темнеть, в тишине — усыпляющий звук хлебного жука, колосья на розовом западном небосклоне.

¹⁶⁶ Далее было: и

¹⁶⁷ От зависти хохочут... вписано

<л. 42>

Вечерний металл моря, ровный сплав.

Парное после дождя море.

Ночью свечение. Даже видно в этом странном, таинственном, неумном свете песчаное слоистое, рубчатое дно у берега.

Поздняя ночь, маяк. Фосфорически-дымная полоса его света в даль, в черноту моря.

Лунная ночь, жаркая. Море точно горит блеском.

Утренняя Ялта, над которой всюду торчат, чернеют кипарисы.

Утреннее блестящее море.

Низко, мрачно, выпукло проревела труба отходящего парохода. Гулко отдалось в горах, прокатилось кольцом.

Что-то женское в корме уходящего из бухты «В<еликого> К<нязя> Александра Михайловича» с клубящейся под ней пеной.^{ssss}

<л. 42 об.>

В котелке, в новых сапожках, держа левой рукой длинный подол черной амазонки, а правой щегольской хлыстик, взбежала на крыльцо дачи, ловко и быстро перебирая ногами в новых лакированных сапожках.¹⁶⁸

В лесу на Яйле^{tttt} (можно взять «Эриклик»^{uuuu}). Мачтовые сосны. Вдали, далеко внизу плоско белеющее море.¹⁶⁹

Обняв, сняв с седла, понес и положил на хвою. Сняла, лежа¹⁷⁰, маленькую из белой шерсти шляпку, тряхнула головой, спутавшимися жаркими волосами, бросила шляпку в сторону, слегка¹⁷¹ раскинула ноги в сапожках. Жарко дышит,¹⁷² раскрасневшееся лицо, блестящие глаза... Поцеловал в полуоткрытые горячие губы, сев рядом с ней, откинул с колен подол амазонки...

— Погоди минутку. Мне нужно...

Поднялась и, держа подол, спотыкаясь, пошла за сосны. От этого еще больше заломило внизу, похолодела голова. Вернувшись, пьяно улыбаясь, упала на хвою, блаженно закрыла глаза, стала отвечать сильными толчками, настойчиво приближая последнюю минуту. И — «ах!» и замерла, упали руки¹⁷³. Обе груди обнажены, белеют в черном, полные^{174, 175}.

¹⁶⁸ На левом поле у начала абзаца красным карандашом поставлен подчеркнутый значок NB.

¹⁶⁹ На левом поле у начала абзаца красным карандашом поставлен подчеркнутый значок NB.

¹⁷⁰ , лежа, вписано

¹⁷¹ слегка вписано

¹⁷² Далее было вписано: полуоткрытые губы

¹⁷³ , упали руки вписано

¹⁷⁴ белеют в черном, полные вписано

¹⁷⁵ В начале этой и предыдущей записей красным карандашом поставлен (и подчеркнут) значок NB.

<л. 43>

Полтавский поезд пришел в Николаев поздно вечером. Пароход в Одессу только завтра утром, но уже стоит у причала — проезжая с вокзала на извозчике, видел в темноте неба, черной от фонарей вдоль пристани, два высоких таинственных огня на мачтах.

Гостиница «Буг». Все окна освещены и открыты — теплая южная ночь конца лета. Освещенный подъезд тоже открыт. В нижнем этаже ресторан, — щелканье бильярдных шаров.

В номере снял пиджак, сидел на балкончике, курил и пил пиво. Балкончик над деревом, — белая акация, — под деревом фонарь, его свет сквозь прозрачную зелень. Прохожие, говор, папиросы, — счастливая вечерняя жизнь южного города. Вверху, на черном бархате, кое-где крупные золотые звезды.

Осторожно постучался и осторожно вошел в номер кривой еврей, — один глаз впалый, закрыт стянутыми веками, вид от этого хитрый, таинственный.

<л. 43 об.>

— Добрый вечер, господин Яворский¹⁷⁶.

— Откуда это вы узнали мою фамилию?

— А она уже написана на доске в прихожей. Я, извините, просто сказать Мишурис. Может, господин желает провести вечерок с барышней?

Усмехаясь:

— Не прочь.

Барышня вошла весело, молоденькая, с простонародной, но милой мордочкой, курносенькая, похожая на клоунчика. Дешевенькая, но кокетливая соломенная шляпка с красным бумажным цветком, белая¹⁷⁷ шелковая блузка, серая гарусная юбочка, в руке красный зонтик.

— Здравствуйте, барышня, милости просим.

Мелко засмеялась — и милым голоском портняжки:

— Я не баришня.

— А кто же вы?

— Я блядь.

— А зовут вас как?

— Много будете знать, скоро состаритесь. Угостите лучше грушевой водой.

— Ну, снимайте шляпку, садитесь...

<л. 44>

Бывший пароходный лакей, в белой куртке, пожилой, рыжий, конопатый, похожий большими усами на Ницше^{vvv}, принес поднос с бутылочкой грушевой воды и, уходя, кивнул ей, как знакомой, в ответ на ее улыбку в стенное зеркало, перед которым она, сняв шляпку, поправляла стриженные и мелко завитые желтые волосы. Поправив, она запела: «Пой, ласточка, пой»^{www} и села на диван на колени к нему, говоря:

— Если на всю ночь, так это будет стоить десять.

— Отлично. Только не снять ли пока эту прелестную кофточку и юбочку? Жарко.

Она вскочила, быстро расстегнула¹⁷⁸ кнопки сбоку юбки, скинула кофточку, осталась в одних панталончиках и ночной сорочке¹⁷⁹, с голыми плечами и руками¹⁸⁰, оказалась меньше ростом, короче¹⁸¹ ногами, голени которых были похожи на тумбочки.^{xxxx}

¹⁷⁶ Было: Яворский

¹⁷⁷ Было: серая

¹⁷⁸ Далее было: сбоку

¹⁷⁹ и ночной сорочке вписано

¹⁸⁰ Далее было: и

¹⁸¹ Вместо: короче — было: с довольно короткими

<л. 44 об.>

В гостях в усадьбе двоюродной сестры, вдовы в двадцать пять лет.

Она часто играет на небольшом¹⁸² бренчащем рояле карельской березы — шутя, неумело и все один и тот же простенький, жалостный вальс, он сидит, курит на диване, не сводя с нее глаз, она чувствует это, мельком оборачивается, и¹⁸³ оба радостно, влюбленно улыбаются.

Ночью ливень, его потопный шум по крыше и вокруг всего дома. Непроглядная тьма и в доме и всюду. И будто ничего другого в мире — только тьма и потоп. И все длится и длится это, будто и конца этому не будет.

Лунатически встал и пошел в темноте по дому. В коридоре возле ее двери приостановился с бьющимся сердцем.

— Оля, ты спишь?

— Нет..

Войдя, сел к ней на постель, нашел, ничего не видя, ее руку...^{yyyy}

<л. 45>

Ночевал у них в усадьбе. Постелили на балконе на большом диване. Перед рассветом почему-то проснулся: свежо, запах цветущих лип, тусклые низкие звезды в дальнем тумане среди деревьев на окраине сада... И тотчас вошла из открытых¹⁸⁴ дверей гостиной: в полусвете уже видно — босяк, в одной рубашке, на плечи накинута шаль, лицо бледное, заплаканное, волосы в беспорядке... Подошла и села на диван. Он шепотом, с ужасом: «Ты с ума сошла!» — «Ах, мне все равно, пусть все знают... Пусти меня к себе, мне холодно... Я больше не могу, не могу!».

<л. 46>

Офицер, рыжий, крепкий, яркие, веселые глаза. Бывал в доме, — человек своего круга, светский, — немного ухаживал за старшей дочерью. Потом надолго исчез — оказалось, давно болен¹⁸⁵ дурной болезнью, стал сходить с ума, уволили из полка. Стал пьяницей и босяком, ночует по ночлежкам — и настойчиво преследует¹⁸⁶ на улице ту, за которой ухаживал, все больше внушая себе страстную влюбленность в нее, помня, что она была влюблена в него¹⁸⁷. Она в ужасе от него¹⁸⁸ при этих встречах: зарос рыжей небритой щетиной, в опорках, в рваной шинели, воняющей затхлой плесенью ночлежек... Однажды зимней ночью, в метель, часа в четыре, разбудил весь дом страшными звонками. Горничная отворила — глаза горят, задыхается: «Я пришел просить руки Марии Николаевны, пустите меня видеть князя¹⁸⁹ и княжню <так!>!». Оттолкнул горничную, ворвался в дом...

<л. 46 об.>

— Женившись, я жил с ней три года.

Умерла в Крыму, в Ялте. Поставили гроб в трюм парохода. (Пароход низко, мрачно, выпукло заревел жерлом трубы — и только смолк, гулко, полукругом отдалось далеко в горах). Вечером поезд из Севастополя — гроб в заднем товарном вагоне.

¹⁸² небольшим *вписано*

¹⁸³ и *вписано*

¹⁸⁴ открытых *вписано*

¹⁸⁵ *Вместо:* оказалось, давно болен — *было:* заболел

¹⁸⁶ *Вместо:* настойчиво преследует — *было:* стал преследовать

¹⁸⁷ *Вместо:* помня, что она была влюблена в него — *было:* (а она действительно была давно влюблена в него)

¹⁸⁸ от него *вписано*

¹⁸⁹ *Было:* князю

Похоронил в деревне, где проводил с ней первое после женитьбы лето.

Ее вещественные следы — белье в шкапах и комодах — и т.д. Неотступные воспоминания на каждом шагу! Постель, на которой спал с ней тогда — живой, прелестной...

На кладбище за церковью, над бугром ее могилы: обычное — тупое, дикое изумление: как? это вот она тут, у моих ног, в земле! Невероятное, непостижимое...

Живую не любил. И вот — все растущая любовь, благодаря смерти... Началась наша с ней¹⁹⁰ новая жизнь.^{zzzz}

<л. 47>

После завтрака он внезапно¹⁹¹ заснул у себя в номере (в гостинице «Россия»^{aaaaa}) и так же внезапно, вздрогнув, очнулся¹⁹² от взревшего к отходу¹⁹³ в порту парохода: рев мрачный, выпуклый. Смолк — эхо в Яйле. И опять взревел — и опять, вслед за молчанием, кольцо эхо <так!> в стенах гор.

Ее гордость — черная амазонка с длинным шлейфом, висящим слева вдоль стремени. Доверчивые, счастливые глаза, невинность.

Полнеющий, но тонконогий молодой красавец, проводник татарин, щеголь, блядь.

Эреклик. Слезли, оставив лошадей проводнику, пошли по лесу — она держа шлейф и хлыст, в новых сапожках с¹⁹⁴ лакированными голенищами.

Среди стволов, под соснами, на земле.

Так и осталась лежать, закрыв тылом руки глаза^{bbbb}.

Черный пушок на верхней губе и вдоль щек.

Зубчики панталон. «Казанская княжна»^{cccc}. Ниж<н>ий Новгород.

В горном лесу. Вечерний свет, краснеющий на стволах сосен.

<л. 47 об.>

Метель, ночь, фонарь возле монастыря. Пришла вся в снегу, холодная, нежные, горячие губы...

Молодая нянька переменяла рубашку.

Лушка, ее почти детская худоба, щуплость.

Бякин^{dddd}. Что-то особенное в голом теле на карточке.

Дуня. — Настя (подняла).

Цвиленевский дом^{cccc}.

<л. 48>

Москва, конец марта, в открытую форточку номера в¹⁹⁵ гостинице «Арбат» дует легкий ветерок, в двойные рамы двух окон светит тепло солнца и за ними по-весеннему шумит улица.

---

¹⁹⁰ с ней *вписано*

¹⁹¹ внезапно *вписано*

¹⁹² *Было*: проснулся

¹⁹³ к отходу *вписано*

¹⁹⁴ сапожках с *вписано*

¹⁹⁵ номера в *вписано*

Быстро вошла в шубке и мокрых ботиках, в черном бархатном берете, — в черных глазах блеск, веселье:

— Еще любишь мои «полуденные очи»^{fffff}?

Длинные черные локоны вдоль щек.

— Ох, какая у тебя жара! На дворе лето, а у тебя еще топят!

Потом ходила по солнечному номеру в одних сафьяновых туфельках без задка, тонкая, смуглая, ела апельсин и смеялась.

Обнял все ее тело, слегка озябшее, в гусиной коже на бедрах, прижал к себе — зад крепкий, прохладный.^{ggggg}

Неподвижность еще более потемневших, ждущих,¹⁹⁶ будто испуганных глаз на постели за перегородкой. Через минуту, сжав зубы, зло задышала через ноздри — и стала вся таять, умирать, закрывая глаза, раскрывая <л. 48 об.> рот. Стал целовать в него, открытый, не отвечающий, похолодевший.

Потом лежала вниз лицом, слегка раскинув ноги. И долго целовал в шею под волосами, впадину спины, зад и между ногами.

<л. 49>

Японка Абе-Сан.¹⁹⁷

Маленькая хорошенькая японка. Черная блестящая челка на лбу.

Маленькая ростом китайка с большой головой.

К китайской сказочке:

Му и Сю, дочери Ли-Ма, студент. Влюблен и в Му и в Сю. Как быть? Обратился за советом к черту, огненно-рыжему, с круглыми огненно-зелеными глазами.

<л. 50>

Отроковица Ависага, Сунамитянка:

1. И царь Давид состарился, вошел в лета; и окутывали его одеждами, но не было тепло ему.

2. И сказали ему слуги: пусть поищут для господина нашего, царя, отроковицы девственной, чтобы она предстояла перед царем, и ухаживала за ним, и спала бы у груди его; тогда будет тепло господину нашему, царю.

3. И искали отроковицы красивой во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу, Сунамитянку, и привели ее к царю.

4. Отроковица была очень красива, и ухаживала за царем, и прислуживала ему; но царь не познал ее.

(«Первая книга царей, или третья книга царств», гл. 1).^{hhhhh}

<л. 51>¹⁹⁸

Жизнь внешне выражалась чаще всего в ничтожном и случайном. Вневременная, внепространственная, она была связана с известным временем и местом, с известными вре-

¹⁹⁶ Далее было: еще более

¹⁹⁷ Карандашом рядом вписано: 14.VI.38

¹⁹⁸ На верхних полях листа приписка шариковой ручкой почерком последних лет жизни (размашистым, трясущейся рукой): «Жизнь Арс<сньева>»

менными событиями и с людьми, игравшими в свой срок ту или иную роль, казавшуюся очень значительной, — со всем, что в других местах даже и в ту пору было неизвестно, со всем, что теперь уже никому не нужно или не интересно, — что ж говорить обо всем этом, только *мне* памятно? И еще: что вообще остается в человеке от целой прожитой жизни? Только *мысль*, только знание, что вот было тогда-то то-то и то-то, да некоторые разрозненные видения, некоторые чувства.

Мы живем всем тем, чем живем, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живем. Обычно эта цена очень мала: возвышается она¹⁹⁹ лишь в минуты восторга — <л. 51 об.> восторга счастья или несчастья, яркого сознания приобретения или потери; еще — в минуты поэтического преображения прошлого в памяти.

Принято приписывать слабости известного возраста то, что люди этого возраста ясно помнят далекое и почти не помнят недавнего. Но это не слабость, это значит только то, что недавнее еще недостойно памяти — еще²⁰⁰ не преображено, не облечено в некую легендарность, поэзию. Потому-то и для творчества потребно только отжившее, прошлое. *Restitutum in integrum*ⁱⁱⁱ — нечто ненужное (помимо того, что невозможное). «Сеется в тлении — восстает в нетлении»ⁱⁱⁱⁱ. И далеко не все: лишь достойное того²⁰¹

Дальнейшие дни и годы моей жизни образуют при всей их разности нечто все-таки более однородное, более простое, обыденное, более близкое мне теперешнему,²⁰² нежели переменчивость, давность, легендарность детства, отрочества, юности, первой молодости. Присказка всегда поэтичнее сказки.

<л. 52>

И вот дни и годы уже туманятся и сливаются в памяти, — многие дни и годы моих дальнейших скитаний, постепенно ставших для меня обычным существованием, определившейся неопределенностью его, узаконенной бездомностью, длящейся даже и доньше, когда надлежало бы мне иметь хоть какое-нибудь свое собственное и постоянное пристанище, а не смену чужих стен, — теперь, уже²⁰³ почти два десятилетия, французских, — мертвым языком говорящих о чьих-то неизвестных, инобытных жизнях, прожитых в них. Да, зачем мне нужны и кем и когда прибиты эти разветвленные, подобные окаменевшему морскому растению, олени рога цвета пемзы над дверью прихожей с кирпичными голыми полами?²⁰⁴ Кому служила до меня эта холодная столовая с широко зияющим камином, внутри почерневшим от дыма каких-то неведомых мне зимних вечеров? Какие гости сидели на диване в шелковой <л. 52 об.> вишневой обивке, кое-где уже продольно треснувшей, в этом безмолвном салоне с неподвижными портретами каких-то старомодно наряженных женщин и мужчин французской провинции? В кабинете какого-то бывшего хозяина стоит стопудовый секретер с множеством ящиков и ящичков, закапанный чернилами в прошлом или позапрошлом столетии. В спальнях — альковы, в которых под костяными Распятями умирали какие-то французские деды и отцы, бабушки и матери. Глядя на эти Распятя²⁰⁵

¹⁹⁹ она *вписано*

²⁰⁰ еще *вписано*

²⁰¹ Текст *обрывается*.

²⁰² более близкое мне теперешнему, *вписано*

²⁰³ *Далее было: давным-давно*

²⁰⁴ *Строки подобные окаменевшему ~ голыми полами? отчеркнуты на левом поле красным карандашом.*

²⁰⁵ Текст *обрывается*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/309. Папка-скоросшиватель со вложенными в нее отдельными непрошитыми листами. 53 листа, текст на большей части листов с обеих сторон (на лл. 10, 16, 28, 35, 37, 41, 45, 49, 50 оборот чистый), ряд листов не испан до конца, на последнем л. 53 (последний лист папки-скоросшивателя) текста нет. Бумага разного размера и разного качества: преобладают большие тетрадные листы в клетку, лл. 10–12 — тетрадные листы обычного формата, лл. 13–14 — тонкие листы из рабочей тетради (в которой листы проложены копировальной бумагой, Бунины пользовались такими тетрадями часто для дневниковых и частных записей). Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания, местами красным карандашом (оговаривается особо) и простым карандашом (оговаривается особо). Номера листов проставлены не рукой Бунина. Общая нумерация листов простым карандашом. Лл. 18–33 имеют дополнительную пагинацию простым карандашом — по-видимому, это связано с подготовкой Л.Ф. Зуровым публикации части записей (см. ниже). Лл. 43–44 имеют дополнительную пагинацию красным карандашом, обозначающую единство записи на трех страницах (пронумерованы страницы 1, 2 и 3, страница 4 — оборот л. 44 — дополнительной нумерации не имеет: на нем другая запись, не имеющая отношения к предыдущей).

Полностью вычеркнутые записи (как актуальные для предыдущего этапа работы с текстом) даются в основном тексте в квадратных скобках.

Записи «Изыде от земли ~ Так где же время» (вместе с воспоминаниями о Л.Н. Андрееве) были опубликованы Л.Ф. Зуровым: *Бунин И. Записи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 88. С. 36–37. Перепечатано в ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 386–387. Отрывок «Жизнь внешне выражалась ~ Глядя на эти Распятия» был опубликован Л.Ф. Зуровым (с небольшими текстовыми неточностями) вместе с другими записями Бунина: *Бунин И. Записи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. № 82. С. 120–122.**

Датируется примерно: вторая половина 1930-х годов.

^a Напоминает текст из пятой книги романа, рассказывающий о первых писательских опытах Алексея Арсеньева: «Я сходил в писчебумажный магазин, купил толстую тетрадь в черной клеенке. Возвратясь, стал пить чай, думая: “Да, довольно. Буду только читать да иногда, без всяких притязаний, кое-что вкратце записывать — всякие мысли, чувства, наблюдения...”. И, обмакнув перо, старательно и четко вывел: / — Алексей Арсеньев. *Записи» (Жизнь Арсеньева (1952). С. 326.*

^b Использовано в рассказе «Волки» (1940) из книги «Темные аллеи»: «— Дела давно минувших дней! — говорила она, вспоминая то давнее лето, августовские сухие дни и темные ночи, молотьбу на гумне, ометы новой пахучей соломы и небритого гимназиста, с которым она лежала в них вечерами, глядя на ярко-мгновенные дуги падающих звезд» (*Темные аллеи (1946). С. 91.*

^c Все записи л. 2 и его оборота дословно (с одним пропуском одного эпитета в первой записи на обороте листа) процитированы В.Н. Муромцевой-Буниной в «Жизни Бунина» как воспоминания, относящиеся к осени 1903 года (*Жизнь Бунина (1958). С. 150.* Архивных сведений о том, что записи представляют собой воспоминания, обнаружить не удалось.

^d Пусть будут, как есть, или пусть совсем не будут (*лат.*). Слова, произнесенные генералом ордена иезуитов Лоренцо Риччи (по другим источникам — папой Климентом III) в ответ на предложение внести изменения в устав ордена иезуитов.

^e «Высоко ты, змея, забираешься! / Молвил он. — Будешь плакать — раскаешься!..» — два стиха из стихотворения Я.П. Полонского (1819–1898) «Орел и змея» (не позднее 1866 г.).

^f Логика эпизода напоминает о том, как в пятой книге последовательно подчеркивается отсутствие у Лики поэтического чувства, напр.: «Это, правда, прелестно, — говорила она. — Но достаточно стихов, поди ко мне...» (*Жизнь Арсеньева (1952). С. 289–290*) или «Ну, миленький, о чем же тут писать! Что ж все погоду описывать!» (*Жизнь Арсеньева (1952). С. 292.*

^g Неточно цитируется Второе послание к Коринфянам св. апостола Павла (6:16): «Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть».

^h Фридрих Боденштедт (Friedrich Martin von Bodenstedt; 1819–1892) — немецкий писатель и переводчик. Первую половину 1840-х годов провел в России, где в 1841 г. познакомился с М.Ю. Лермонтовым. Переводил Лермонтова на немецкий язык, оставил воспоминания о нем. Переводил также произведения А.С. Пушкина и И.С. Тургенева. Описал свои странствия по Кавказу. Переводил с персидского и английского.

ⁱ Источник цитаты не найден.

^j Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824). В оригинале: «Я так и вспыхну, сердцу больно: / Мне стыдно идолов моих».

^k В Книге Бытие эти слова Авраама отсутствуют. Возможно, Бунин неточно указывает источник: приведенные слова скорее похожи на мусульманские хадисы о семье и браке.

^l Правильно: *La Femme, enfant malade et douze fois impur!* (Женщины — больные дети и двенадцать раз нечистые; *фр.*) — один из стихов поэмы Альфреда Виктора де Виньи (Alfred de Vigny, 1797–1863) «*La colère de Samson* (Гнев Самсона)», вошедшей в посмертно изданный цикл «Судьбы» (1864).

^m Неточная цитата из дневниковой записи Л.Н. Толстого от 20 ноября 1899 г. (по поводу дочери Татьяны, куда-то уехавшей с Сухотиным). В оригинале: «Я 70 лет все спускаю и спускаю мое мнение о женщинах, и все еще и еще надо спускать» (*Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 53. С. 231).

ⁿ Логика высказываний в этом эпизоде напоминает серию провансальских поговорок, которыми сыплет герой рассказа «В Париже» (1940) из книги «Темные аллеи»: «*Rien n'est plus difficile que de reconnaître un bon melon et une femme de bien*» (Нет ничего более трудного, как распознать хороший арбуз и порядочную женщину, *фр.*) или «*L'eau gate le vin comme la charette le chemin et la femme — l'âme*» (Вода портит вино так же, как повозка дорогу и как женщина душу, *фр.*).

^o Отрывок напоминает финальный диалог рассказа «Руся» (1940), вошедшего в книгу «Темные аллеи»: «За Курском, в вагоне-ресторане, когда после завтрака он пил кофе с коньяком, жена сказала ему: / — Что это ты столько пьешь? Это уже, кажется, пятая рюмка. Все еще грустишь, вспоминаешь свою дачную девицу с костлявыми ступнями? / — Грущу, грущу, — ответил он, неприятно усмехаясь. — Дачная девица... *Amata nobis quantum amabitur nulla!* <Возлюбленная нами, как никакая другая возлюблена не будет! (*лат.*)> / — Это по-латыни? Что это значит? / — Этого тебе не нужно знать. / — Как ты груб, — сказала она, небрежно вздохнув, и стала смотреть в солнечное окно» (*Темные аллеи* (1946). С. 66–67).

^p Одна из строк стихотворения А.А. Фета (1820–1892) «Почему?» («Почему, как сидишь озаренной...») (1891).

^q Неточно цитируется строка из стихотворения А.А. Фета «Как ум к ней идет, как к ней чувство идет...» (1842). В оригинале: «Так в спальню прекрасной луна проникает».

^r Два первых стиха 21 строфы поэмы А.А. Фета «Талисман» (1842).

^s Неточная цитата из стихотворения А.А. Фета «Сон» (1856). Правильно: «И стекла люстры разгорались ярко» (*Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 483).

^t В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) о Бэле сказано: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу».

^u Начало и конец (пропущено четверостишие в середине) песенки нищего из романа Г. Флобера (1821–1880) «Мадам Бовари» (1856). В русском переводе Н. Любимова: «Девчонке в жаркий летний день / Мечтать о миленьком не лень...> / Вдруг ветер налетел на дол / И мигом ей задрал подол» (*Флобер Г.* Собрание сочинений: В 4 т. / Под общ. ред. Н.М. Любимова. М.: Правда, 1971. Т. 1. С. 358).

^v Рассказа «Анисья» у Бунина нет. В рассказе «Веселый двор» (1911) мать героя зовут Анисьей. Она так же, как и в этой записи, суха и сильна (получила прозвище Ухват). Однако уже в начале рассказа сообщается, что ее муж умер. Можно посчитать эту запись неким введением к рассказу «Веселый двор». Запись еще раз доказывает, что Бунин продолжает обдумывать и разрабатывать давно созданные и, казалось бы, завершенные сюжеты.

^w Коты — теплая женская обувь, обычно на меху.

^x Пунька (пуня) — сарай для хранения мякины, сена и т.п.

^y Отдаленно напоминает один из эпизодов рассказа «Таня», вошедшего в книгу «Темные аллеи».

^z Городок Аже (Agye) в Бургундии. Бунин, как часто делали его современники, передает название по-русски при помощи транслитерации.

^{aa} Бордигера — город в Италии, у франко-итальянской границы. Пейзажи Бордигеры писал И.И. Левитан. Многие русские путешественники останавливались в Бордигере в XIX — начале XX вв. Например, в 1914 г. в Бордигере жил В.Г. Короленко. В Бордигере надолго поселился П.А. Кропоткин (*Семенова Г.П.* В.Г. Короленко и Г.В. Плеханов (К истории переписки)) // *Русская литература*. 1971. № 2. С. 140–142).

^{bb} Название улицы и бульвара на мысе Антиб (Лазурный берег, Франция).

^{cc} Отель на набережной Ментоны, существует до сегодняшнего дня по адресу: 38 bis avenue Félix Faure. Несколько записей, начиная с записи о Бордигере и заканчивая настоящей записью, перекликаются с рассказом «Ривьера» (1944) из круга «Темных аллей». Рассказ начинается рекламным объявлением *Hôtel des Palmiers et de la Plage*, зачином рассказа становится подробное описание роскошного отеля, дважды в тексте упомянуты «розовые огни Бордигеры» (*ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 123–124).

^{dd} Вероятно, речь идет о регуле (т.е. правиле) 145 «Не показывать большого пальца», содержащейся в книге «Грациан Придворной человек» (СПб.: При Имп. Акад. наук, 1741 или СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1742).

С. 122) — перевод с французского языка сочинения Б. Грасиан-и-Моралеса, выполненный С.С. Волчковым. Напечатана в правление Анны Иоанновны (а не Елизаветы Петровны), о чем специально сообщается на титульном листе.

^{ec} В книге «Темные аллеи» Бунин использует типовые, самые распространенные названия имений (подробнее см.: Пономарев Е.Р. Русский фон «Темных аллей» И.А. Бунина // Вестник СПбГУКИ. 2005. № 1(3). С. 78–85). В набросках ко 2 тому «Жизни Арсеньева» видим тот же принцип.

^{fd} Фраза, ставшая крылатой, из романа Анатоля Франса «Красная лилия» (1894). В оригинале: «Lire, entendre, c'est traduire. Il y a de belles traductions, peut-être; il n'y en a pas de fidèles <В русском переводе А.В. Федоровой: «Читать, слушать — то же, что переводить. Бывают, пожалуй, прекрасные переводы. Но точных не бывает>» (Франс А. Красная лилия. М.: Изд-во МАИ, 1996. С. 72).

^{ge} Вероятно, одна из запомнившихся фраз-поздравлений Г.Н. Кузнецовой, произнесенных на детский манер в первые годы ее жизни у Буниных. Фразы такого рода в семействе Буниных запоминались и повторялись. Похожие записи (воспоминания о прежней близости и «ее» нежных поступках и словах) встречаются и в дневниках писателя. Запись сделана не ранее 1934 г.: в этом году отношения Кузнецовой и Бунина стали сложными и напряженными.

^{hh} Это четверостишие народной песни молодой Бунина использовал в рассказе «Кастрюк»: «А веселые, слышанные еще от дедов, “величальные” дворовые песни вроде: / Прикажи, сударь, карету заложить, / Во каретушку двенадцать лошадей, / Чтобы кони были убранные, / А лакеи принапудренные... / — как-то не шли к его настроению, и он обрывал их с горькой улыбкой» (Бунин И. Кастрюк // Русское богатство. 1895. № 4. С. 129). При переиздании рассказа в 1902 г. году (в сборнике «Рассказы») этот фрагмент был снят.

ⁱⁱ Вероятно, Бунин пересказывает главу «Блаженная Ксения» из книги Е. Поселянина «Русская церковь и русские подвижники 18-го века» (СПб.: И.Л. Тузов, 1905. С. 322–327).

^{jj} Возможно, Бунин сделал выписки из главы «Задонский юродивый Антоний Алексеевич» книги Е. Поселянина «Русские подвижники 19-го века» (2-е изд., значительно доп. СПб.: И.Л. Тузов, 1901. С. 384–398). Речь идет об Антонии Алексеевиче Монкине (1730–1851).

^{kk} — Так что ж — никогда, никогда? / — Кто знает? / — Прощай. / — До свидания (*фр.*).

^{ll} Красавчик, очень спортивного вида (*фр.*).

^{mm} Неточная цитата из повести М.Ю. Лермонтова «Ашик-кериб» (1837, опубликована после смерти автора в 1846 г.). В тексте: «Что ты спишь под виноградником, — запела она <подруга Магуль-Мегери>, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо».

ⁿⁿ Возможно, запись относится к рождению замысла рассказа «Холодная осень» (1944).

^{oo} Рассказ «Одарка» написан не был. Это имя использовано Буниным в рассказе «Без роду-племени» (1899) — так зовут девушку-прислугу в доме главного героя — и в рассказе «Натали» (1941) из книги «Темные аллеи», в речи Сони: «Это ужасно, я ведь замечаю, как идиотски ты пялишь на нее [Натали. — Е.П.] глаза, временами чувствую к тебе ненависть, готова, как какая-нибудь Одарка, вцепиться при всех тебе в волосы, да что же мне делать?» (Темные аллеи (1946). С. 193).

^{pp} Набросок напоминает принцип построения одной из записных книжек Бунина (РАЛ. MS 1066/547) с вариантами имен и используемых выражений для героев разных национальностей. Малороссийская тема играет важную роль в романе «Жизнь Арсеньева». Можно предположить, что и во втором томе планировалось ее продолжать. Поскольку из ряда набросков ко второму тому романа вырастают отдельные рассказы (книги «Темные аллеи» или круга «Темных аллей»), можно предположить, что на каком-то этапе работы планировался малороссийский рассказ с соответствующим тематике книги сюжетом.

^{qq} Цитируется начало стихотворения В.Г. Бенедиктова (1807–1873) «Три искушения» (1846): «В пылкой юности, в разгуле бытия, / Я знал три гибели, знал три предмета я / Весесокрушительных: то очи огневые, / Да кудри темные, да перси наливные» (Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 239).

^{rr} Нелюбовь героини к поэзии, полное ее непонимание соответствует одной из важных характеристик Лики (особенно в гл. VIII пятой книги романа; см. примеч. f к наст. тексту). В набросках 2 тома «Жизни Арсеньева» повторяется неоднократно; см. л. 3, с. 174.

^{ss} Нюхательная соль (*фр.*).

^{tt} Напоминает финальную фразу рассказа «Кума» из книги «Темные аллеи»: «А там я ее <...>, вероятно, тотчас же люто возненавижу!» (Темные аллеи (1946). С. 235).

^{uu} Неточная цитата из стихотворения Я.П. Полонского (1819–1898) «Современная идиллия» (конец 1860-х): «Я знаю, ты меня терзаешь / Или язвишь насмешкой злой, / Когда себя воображаешь / Моею мнимой работой» (Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений: В 5 т. СПб.: А.Ф. Маркс, 1896. Т. 1. С. 463).

^{vv} Эта мысль — одна из доминант любовной темы в «Жизни Арсеньева»: сначала Арсеньев любит Лику, а она позволяет себя любить, затем, с началом совместной жизни, их роли меняются.

^{ww} Обе эти мысли становятся важнейшими темами книги «Темные аллеи».

^{xx} Записи, начиная с этой и до записи (включительно) «Не выдались лет пять», — без учета авторской правки, с ошибками и пропусками — были опубликованы Л.Ф. Зуровым в 1965 г. (Заметки И.А. Бунина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 79. С. 143–149).

^{yy} Цитирование произведений М.Е. Салтыкова (литературный псевдоним Н. Щедрин, 1826–1889) — знак принадлежности к народническим и вообще революционным кругам; знак твердых левых убеждений.

^{zz} В Татьянин день (день поминовения святой великомученицы Татьяны; 12 января старого стиля, 25 января нового стиля) императрица Елизавета Петровна подписала в 1755 г. указ об учреждении Московского университета. Праздновался в дореволюционной России как день Московского университета. Характеристика, данная Буниным своему герою, означает, по-видимому, мироощущение вечного студента и человека «прогрессивных убеждений»: никаких других престольных праздников он не признает.

^{aaa} «Стрельна» — один из самых знаменитых московских загородных ресторанов конца XIX — начала XX вв.

^{bbb} Последний стих первой строфы студенческого гимна «Гаудеамус»: нас возьмет земля (*лат.*).

^{ccc} В присутствии врача ничто не вредно (*лат.*). Известная латинская поговорка.

^{ddd} Начало фольклорной песни «Как по речке по быстрой / Становой идет пристав». Песня была популярна в народнических кругах. См. воспоминания А.И. Свирского «История моей жизни» (Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1956. С. 535). Цитируется также в рассказе А.А. Богданова «Бунт» (Бунт в помещицкой усадьбе. М.: Изд-во ЦК Союза сельхозрабочих, 1927. С. 12).

^{eee} Известная песня на слова И.С. Никитина (из стихотворения «Хозяин», 1861).

^{fff} Песни, популярные в народнической среде, с уничижительно-критическим комментарием повествователя, использованы как важный прием в четвертой книге романа «Жизнь Арсеньева»: «Теперь я “губы кривлю”, потому что, вдоволь наслушавшись знаменитости, вдоволь наговорившись и порядочно выпив, уже поют в одном углу: “Мы пошлём всем злодеям проклятье, на борьбу всех борцов позовем!” Мне тяжко, неловко, и хозяйка, сидящая возле меня на диване с тонкой папироской в руке, замечает это и немного раздражается. Я не знаю, что ей ответить, не умею себя выразить, и она, не дожидаясь моего ответа, звонко затягивает: “От ликующих, праздно болтающих, обгадряющих руки в крови...” Мне это кажется просто ужасно — да кто это уж так ликует, думаю я, кто болтает и обгадряет! А потом идет нечто ещё более для меня ненавистное своим студенческим молодечеством: “Из страны, страны далёкой, с Волги-матушки широкой, ради славного труда, ради вольности весёлой, собрались мы сюда...” Я даже отворачиваюсь от этой Волги-матушки и славного труда и вижу, как Браиловская, прелестная девочка, молчаливая и страстная, с пылкими и пытливыми архангельскими глазами, глядит на меня из угла с какой-то вызывающей прямоотой ненависти...» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 230–231).

^{ggg} Начало произведения М. Горького «Легенда о Марко» (1903).

^{hhh} Вероятно, для обобщенной биографии революционера использована общая канва биографии М. Горького.

ⁱⁱⁱ Ср. с записью в разделе «Наброски» (№ 11), с. 159.

^{jjj} Возможно, писатель обыгрывает собственную черту. Страсть ездить только в железнодорожных вагонах первого класса была присуща самому Бунину. Даже в годы, когда Буниным существенно не хватало денег, Иван Алексеевич брал себе билет первого класса. Часто он ехал в первом классе один, а все его спутники, включая В.Н. Бунину, брали билеты второго класса.

^{kkk} Сен-Жермен — богатый квартал Парижа (6 аррондисман).

^{lll} — Вы верите в Бога? / — Не каждый день (*фр.*).

^{mmm} Гаман — кожаный кошелек для денег (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. С. 343).

ⁿⁿⁿ Последний мотив этой зарисовки напоминает эпизод с нищим из XI главы пятой книги «Жизни Арсеньева»: «Вот я на днях сунул пятак такому же босяку и наивно воскликнул: “Это все-таки ужасно, что вы так живете!” — и нужно было видеть, с какой неожиданной дерзостью, твердостью и злобой на мою глупость хрипло крикнул он мне в ответ: “Ровно ничего ужасного, молодой человек!”» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 315).

^{ooo} Напоминает портрет героя рассказа «Темные аллеи», давшего название книге рассказов: «<...> в тарантасе стройный старик-военный в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником, еще чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами; подбородок у него был пробрит и вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди

военных в пору его царствования; взгляд был тоже вопрошающий, строгий и вместе с тем усталый» (*Темные аллеи* (1946). С. 180–181).

^{ppp} Начальный текст, относящийся к рассказу «В Альпах» (1949). См. промежуточный текст к этому рассказу в папке «Юг» (л. 9).

^{qqq} Одна из групп татарского народа, жили в Рязанской губернии в г. Касимов (в 1452 г. пожалован Василием Темным татарскому царевичу Касиму) и вокруг него.

^{rrr} Балагула — еврейская повозка, получившая название от еврейского названия извозчика: балагула или балагола (см. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Астерль, АСТ, 2003. Т. 1. С. 112). Фурман (вероятно, заимствование XVIII в. из немецкого языка: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 211) — «погонщик, извозчик, либо и сам хозяин фуры» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. С. 539). Слова «балагула» и «фурман» стоят рядом в начале рассказа И.И. Ясинского «Спящая красавица»: «<...> прокричал что-то по-еврейски фурману балагулы» (*Ясинский И.* Спящая красавица // *Отечественные записки.* 1884. № 3 (март). С. 5–43). Бунин мог читать этот рассказ в юности, либо наткнуться на него у букиниста А.П. Струве, который постоянно снабжал его русскими книгами. «Балагула» в значении извозчик и хозяин фуры употреблено в рассказе А.И. Куприна «Трус» (1903). У Бунина есть стихотворение «Балагула» (1907).

^{sss} Солдат запаса (*идиш*).

^{ttt} Зарисовки на темы еврейской жизни функционально соотносятся с зарисовками украинскими (см. выше «К “Одарке”», с. 183).

^{uuu} «Отцовский дом» — популярнейшая песня городского фольклора рубежа XIX–XX вв. В мемуарах А.В. Амфитеатрова эта песня сопоставлена с балладой «Затворница» Я.П. Полонского (первая строчка которой «В одной знакомой улице» стала заглавием одного из рассказов книги «Темные аллеи»): «В 1894 или в 1895 году я с одного из четвергов А.С. Суворина вышел нарочно с стариком-поэтом Яковом Петровичем Полонским, чтобы помочь ему, дряхлому человеку на костылях, спуститься с лестницы. Когда мы выбрались на улицу и я усаживал Полонского к извозчику в сани, загнусаила вдруг по Эргелеву переулку гармоника и весьма пьяный голос запел: / В одной знакомой улице — / Я вспомню старый дом, / С высокой, темной лестницей, / С завешенным окном... / А поэт, даже затрясшись весь от негодования, схватил меня за руку и — с трагической дрожью в голосе: / — Слышите? слышите казнь мою? Сорок лет назад угораздило меня написать эту мерзопакость, сорок лет за то она мне мстит, жизнь отравляет, покоя не дает... тьфу! / Баллада “Затворница” совсем не мерзопакость, как обозвал ее огорченный автор, а, напротив, очень поэтическая вещь. Я уверен, что теперь, когда она совершенно забыта как уличная песня, ее многие читают не без удовольствия. В 90-х годах она была уже уличным архаизмом, умирала. Но за двадцать лет до того, в мои гимназические годы, она была опошлена вытьем “улицы” до непристойности. В популярности с нею соперничал только “Отцовский дом”: / Отцовский дом покинул я, / Травой зарастет, / Собачка верная моя / Залает у ворот. / Опрошенная переделка Байронова “Farewell” из “Чайльд-Гарольда”. Какими таинственными путями пробралась она в репертуар улицы, не знаю, но выли ее повсеместно: на бульварах, в трактирах, в мастерских за работою и даже в тюрьмах. / Унылые мелодии обеих песен несколько схожи. Однажды гимназистом в Москве иду я по Остоженке. А навстречу — смирно и угрюмо пьяный мастерской. Тащится по мостовой рядом с тротуаром и пружалостно выводит: / Собачка верная... верная моя... / Запнулся, подумал и закончил горестно: / С завешенным окном!» (Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: [В 2 т.]. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 344–345).

^{vvv} Стихотворение П.Ф. Якубовича (1860–1911) «Человек» (1891, первая публикация 1896); цитируется (с купюрами) в редакции 1899 г. (*Якубович П.* Стихотворения. 3-е изд., доп. СПб.: Б.М. Вольф, 1899. С. 39–40).

^{www} Мальчик на побегушках в гостинице (от *фр.* «chasseur» — егерь, охотник). Слово из языка русской эмиграции во Франции.

^{xxx} Главный герой романа И.-В. Гёте (1749–1832) «Страдания юного Вертера» (1774). По роману написана опера Ж. Массне (1842–1912) «Вертер» (1886–1887, премьера состоялась в 1892 г.).

^{uyu} Эта и следующие записи перекликаются с отрывком, посвященным пошлости театра и оперы (VIII глава пятой книги «Жизни Арсеньева»).

^{zzz} Неточно цитируется окончание песни А.Н. Вертинского (1889–1952) «О шести зеркалах» (1917): «Из-за маленькой, злой, ограниченной женщины / Умираю в шести зеркалах». С 1925 по 1934 г. Вертинский выступал в различных русских ресторанах Парижа, где его, вероятно, слушал и Бунин.

^{aaaa} Повтор одной из предыдущих записей с развитием темы. Ср. выше: л. 32, с. 198.

^{bbbb} Неточная цитата из книги Бытия: «И рече Господь Аврааму: изыди от земли твоя, и от рода твоего, и

от дому отца твоего, и иди в землю, юже ти покажу» (гл. 12, 1).

^{cccc} Неточная цитата из «Послания к евреям святого апостола Павла». В оригинале: «Верою обитал он <Авраам> на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог» (Евр. 11; 9–10); «Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле» (Евр. 11; 13); «И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (Евр. 11; 39–40).

^{dddd} Цитируется Псалтирь: 118; 19 (первая половина стиха).

^{cccc} Цитируется «Книга о смерти» (в советском издании 1924 г. — «Книга о смерти (Мысли и воспоминания)») С.А. Андреевского (1847–1919). В оригинале: «Я отдался течению дней» (*Андреевский С. Книга о смерти*. Т. 1. Ревель; Берлин: Библиофил, [1922]. С. 94). Это сочинение в жанровом плане (автобиографический нарратив, начинающийся с детства и юности) могло повлиять на замысел «Жизни Арсеньева».

^{ffff} Вероятно, речь идет о бегстве Лики (пятая книга «Жизни Арсеньева»).

^{eeee} Вероятно, Софья Николаевна Пушешникова (урожд. Бунина; 1858/1859–1942) — двоюродная сестра И.А. Бунина. Пушешниковы жили в селе Васильевское (Глотово), тогда — Елецкий уезд Орловской губернии (ныне Измалковский район Липецкой области), где Бунин часто подолгу гостил. Летом 1917 г. Бунин чуть не подвергся в селе Глотово мужицкому суду.

^{hhhh} Арсений Николаевич Бибиков (1873–1927) — сын елецкого помещика, друг Бунина; актер театра и немого кино, литератор, член Московского Литературно-художественного кружка. После бегства В.В. Пашенко от Бунина женился на ней. Бибиков с женой остались в приятельских отношениях с Буниным: по воспоминаниям В.Н. Буниной, они бывали у Буниных в Москве. Вероятно, приезжая в Елецкий уезд, Бунины тоже навещали их.

ⁱⁱⁱⁱ Семья Николая Федоровича Цвиленева (1852—после 1931; в написании В.Н. Буниной — Цвеленева), помещика Елецкого уезда Орловской губернии. Н.Ф. Цвиленев — активный участник хождения в народ и революционного движения, выслан в Сибирь. Вернувшись в европейскую Россию в 1889 г., жил в родовом имении в селе Озёрки с женой, тоже в прошлом революционеркой (умерла в 1894 г.), и дочерью Натальей. Цвиленевы и Бунины дружили. Е.А. Бунин после женитьбы жил с женой в усадьбе Цвиленевых (*Жизнь Бунина (1958)*. С. 48). В 1893 г. усадьбу Буниных в Озёрках продали Цвиленевым (Там же. С. 81). В 1918 г. из-за болезни дочери уехал в Крым, где и прожил до смерти.

ⁱⁱⁱⁱ Семья Рышковых, тоже жившая в Озёрках, была в родстве с Буниными (по линии матери Ивана Алексеевича). В.Н. Бунина сообщает, что в Озёрках было три усадьбы: Буниных, Цвиленевых и Рышковых (*Жизнь Бунина (1958)*. С. 20). После революции некоторые Рышковы остались в России, а с Маргаритой Васильевной Рышковой (в замужестве княгиней Голицыной) Бунины тесно общались в 1930–1940-е годы во Франции.

^{kkkk} Цитата из второй части стиха 8 псалма 41 Псалтири. Стих полностью звучит так: «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною». Использовано в начале рассказа «Мистраль» (1944).

^{llll} «Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора сходить» — изречение Марка Аврелия («Наедине с собой. Размышления»). Использовано в рассказе «Мистраль».

^{mmmm} Цитируется первая часть стиха 6 псалма 38 Псалтири. Стих полностью звучит так: «Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой как ничто пред Тобою. Подлинно, совершенная суета — всякий человек живущий».

ⁿⁿⁿⁿ Вероятно, описание Земфиры взято из воспоминаний Екатерины Захарьевны Стамо, записанных ее племянником З.Н. Ралли-Арборе: «Я прекрасно помню эту девушку, ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски: носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она действительно настоящая красавица, и богатое ожерелье из разных старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников» (*Ралли-Арборе З.Н. Из семейных воспоминаний об А.С. Пушкине // Минувшие годы*. СПб., 1908. № 7. С. 2).

^{oooo} Напоминает мотив, развернутый в финале «Жизни Арсеньева»: «Недавно я видел ее во сне <...>. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» (*Жизнь Арсеньева (1952)*. С. 388).

^{pppp} Вероятно, начальный текст для более развернутого промежуточного, написанного на л. 39. По-видимому, л. 39 был приложен к тому месту, в котором появился начальный текст.

^{qqqq} Труды выдающегося французского египтолога и востоковеда Гастона Камиля Шарля Масперо (Gaston

Camille Charles Maspero; 1846–1916) переводились на русский язык, начиная с 1892 г. Вероятно, упомянута книга «Древняя история. Египет, Ассирия» (СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1892; 2-е изд. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1900; 3-е изд. М., 1905).

^{ттр} Халатик, упоминаемый в похожем контексте, — важный атрибут Сони, героини рассказа «Натали» (1944) из книги «Темные аллеи»: «Когда я выскочил из тарантаса и вбежал в темную прихожую, она вышла туда в ночном фланелевом халатике, высоко держа в левой руке свечку, подставила мне для поцелуя щеку <...>; Какая рука, шея и как соблазнителен этот мягкий халатик, под которым, верно, ничего нет!» (*Темные аллеи* (1946). С. 180–181); «<...> ворот распахнувшегося халатика открывал круглую загорелую шею и начало полнеющей груди, на которой тоже лежал треугольник загара <...>» (Там же. С. 183); «И она встала, запахивая халатик, взяла в прихожей почти догоревшую свечу и повела меня в мою комнату» (Там же. С. 185). Важна в рассказе и сцена купания.

^{sss} Мотив уходящего из Ялты парохода (с тем же названием) использован Буниным в неоконченном рассказе «<Смерть в Ялте>», с. 130.

^{ттр} Яйлами (от общетюркск. «яй» — «лето»; тур. *yaylak* — высокогорное летнее пастбище) в Крыму называют высокогорные плато. Бунин, по-видимому, имеет в виду Ялтинскую яйлу.

^{uuu} Можно посмотреть в этом эпизоде альтернативный сюжетный ход, не востребованный в незаконченном рассказе «<Смерть в Ялте>».

^{vvv} Развитие встречавшейся выше записи: найденная ранее отдельная деталь включается в сюжет. См. с. 193.

^{www} «Пой, ласточка, пой» — старинный романс о любви (музыка А. Лаврова, слова К. Линского). Слова романса соотнесены с ситуацией этого рассказа: / «В том саду есть глухая дорожка, / Тихо все, ты прижалась ко мне... / А над нами лишь ласточка-крошка / Поет песнь в голубой вышине» / А также: / «В тишине задремавшего сада / Нам приветно, уютно сидеть; / Ничего нам на свете не надо, / Только б в милые очи глядеть».

^{xxx} Эпизод отдаленно напоминает рассказ «Мадрид» (1944) — в нем действие перенесено в Москву, но исходная ситуация похожа.

^{yyy} Этот и следующий эпизоды напоминают общий сюжетный рисунок рассказа «Натали» из книги «Темные аллеи».

^{zzz} набросок одновременно напоминает и неоконченный рассказ «<Смерть в Ялте>» и финал «Жизни Арсеньева»: мотив любви к давно умершей героине.

^{aaaa} «Россия» — историческая гостиница Ялты, расположенная на набережной. Открылась в 1875 году, существует по сегодняшний день. В этой гостинице останавливались многочисленные писатели и деятели культуры, включая И.А. Бунина.

^{bbbb} набросок соотносится с более полным промежуточным текстом (см. л. 42 об., с. 205). См. также развитие мотива в папке «Спят в одной комнате...» (л. 3, с. 298).

^{cccc} «Казанская княжна» упоминается также в первой части «Плана-конспекта продолжения романа “Жизнь Арсеньева”».

^{dddd} У мещанина Бякина (на Торговой улице в Ельце) Ваня Бунин, отданный в гимназию, жил с 10-летнего возраста (с 1881 г.) нахлебником — вместе с Егорчиком Захаровым, незаконным сыном мелкого помещика Валентина Николаевича Рышкова (так у Бунина!) (автобиографическая запись; РАЛ. MS 1066/425). См. также: *Жизнь Бунина* (1958). С. 18–20.

^{eeee} О Цвилевых и их усадьбе см. сноску ⁱⁱⁱⁱ к наст. разделу. Е.А. Бунин с женой жили в этой усадьбе. Настя, по-видимому, — Настасья Карловна Бунина (урожд. Гольдман, 1860-е годы — 1930), приемная дочь винокура О.К. Туббе, жена брата И.А. Бунина Евгения Алексеевича (1858–1933). Дуня — сестра Н.К. Буниной, ею Ваня Бунин был увлечен во время свадьбы старшего брата в 1885 г. (*Жизнь Бунина* (1958). С. 24). Дуня вышла замуж в 1888 г. за Александра Иванова (*Жизнь Бунина* (1958). С. 46).

^{fff} Цитата из стихотворения А.А. Фета «Цыганке» (не позднее 1843): «Замолчи: не станет мочи / Мне прогрезить до утра / Про полуденные очи / Под навесом темной ночи / И восточного шатра» (*Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 390).

^{gggg} Напоминает эпизод из пятой книги: «Так же забегала она порой ко мне в гостиницу, вся морозно пахнувшая мехом шубки, зимним воздухом. Я целовал ее яблочко-холодное лицо, обнимая под шубкой все то теплое, нежное, что было ее телом и платьем, она, смеясь, увертывалась, — “пусти, я по делу пришла!” — звонила коридорному, при себе приказывала убрать комнату, сама помогала ему...» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 296.).

^{hhhh} Третья книга царств, гл. 1, стихи 1–4.

ⁱⁱⁱⁱ Букв. «восстановление в целости» (*лат.*); юридический термин — восстановление в прежних пра-

вах.

ⁱⁱⁱⁱ Сокращенная цитата из Первого послания к коринфянам святого апостола Павла (15, 42). Полностью: «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении». В редакции 1939 г. пятая книга «Жизни Арсеньева» (под заглавием «Лица») завершалась следующим абзацем: «Как воскреснут мертвые? И в каком теле придут? Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в немоги, восстает в силе; сеется тело душевное — восстает духовное» (Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Роман. II. Лица. Брюссель: Петрополис, 1939. С. 170).

2. Отдельные листы

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

В этом блоке собраны отрывки, хранящиеся в РАЛ по отдельности, но с большой вероятностью претендующие на то, что в них — так или иначе — отразилась работа над вторым томом «Жизни Арсеньева». Прежде всего, есть ряд совпадений между некоторыми из этих набросков и папкой «К “Жизни Арсеньева”. Том второй». Мотивы, намеченные в записях папки, проступают в публикуемых ниже набросках, развиваются, обрастают деталями, иногда превращаются в полноценные темы. Кроме того, важна общая тематика набросков. Все, что так или иначе напоминает давние воспоминания обобщенного героя: о возлюбленных, писательском ремесле, путешествиях (это, пожалуй, три главные темы пятой — последней из написанных — книги «Жизни Арсеньева») и жизни эмигранта во Франции (эта тема с большой вероятностью должна была усиливаться с каждой новой книгой — по мере приближения рассказчика Арсеньева к своему настоящему) — включено нами в этот раздел. Принимая такое решение, мы почти не боимся совершить ошибку: творческий процесс позднего Бунина текуч и органичен; практически все наброски создаются автономно, без ориентации на конкретный замысел, и лишь потом включаются в тот или иной конкретный контекст. Ряд деталей, эпизодов, сюжетных поворотов, первоначально задуманных для «Жизни Арсеньева», обрел свое окончательное место в рассказах «Темных аллея». Ряд сюжетов, планировавшихся для книги «Темные аллея», вычленился в процессе работы в отдельные рассказы.

В этой связи совсем не удивительно, что некоторые художественные наброски Бунина сливаются с записями автобиографического характера. Близость «Жизни Арсеньева» к автобиографии (на которую критика указала почти сразу, но это указание раздражало Бунина до конца его жизни) и одновременно тенденция к отходу от нее — через обобщение эпизодов собственной судьбы, а также историко-философские рассуждения, заимствованные из традиционной структуры философского романа¹ — делают грань между автобиографическими набросками и набросками к роману практически неразличимой. Можно полагать, что ряд эпизодов и рассуждений, похожих на материалы к автобиографии (или даже на развернутые дневниковые записи), создавались сами по себе, вне конкретного литературного контекста. Как использовать эпизод (включить в роман или оставить для автобиографии/биографии), писатель решал в дальнейшем, в зависимости от того, как развивался сюжет художественного текста.

Многочисленные ошибки публикаторов, стремившихся напечатать остатки бунинского наследия после его смерти (как правило, публикации такого рода не снабжались необходимым комментарием и не пытались осмыслить место наброска в общем контексте творчества Бунина, чему, впрочем, были и объективные причины) связаны с тем, что биографический набросок они были склонны рассматривать только как автобиографию или развернутый дневник, не предполагая его художественного использования: ведь «Жизнь Арсеньева» давно завершена. Самый яркий пример: отрывок «И идут дни

¹ См.: Пономарев Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 4 (21). С. 152–165; 2015. № 1 (22). С. 143–150.

за днями... » был осмыслен опубликовавшим его Л.Ф. Зуровым (а вслед за ним и А.К. Бабореко²) как автобиографический эпизод, несмотря на то, что старший брат повествователя назван Георгием (как в «Жизни Арсеньева»), а не Юлием (как в жизни писателя). Что имелось в виду под «возвращением под отчий кров», Л.Ф. Зуров не объяснил. А это выражение тем более важно³: здесь жизнь Арсеньева не повторяет жизнь Бунина. Публикатора, вероятно, смутило, что «Жизнь Арсеньева» оборвалась значительно ранее лета 1914 г. Но в контексте всех других набросков (и планов продолжения) мы можем заключить, что 1914 г. должен был занять важное место в романе (см. папку «К “Жизни Арсеньева”. Том второй» и предисловие к ней). История Арсеньева должна была продолжиться в войне и революции и привести героя в эмиграцию. Еще менее заметна грань между Иваном Буниным и Алексеем Арсеньевым в «Плане-конспекте продолжения романа “Жизнь Арсеньева”» (см. с. 230–238).

По замыслу Бунина, в шестой-седьмой книгах романа должна была существенно усилиться французская тема. Перечисление отелей Лазурного берега и бальнеологических курортов юга Франции, которые мы видим в публикуемых ниже набросках, наверное, связано с поиском города, в котором Арсеньев мог бы поселиться в эмиграции. Текст такого рода (намечающийся сюжет, связанный с отелем на набережной Ментоны и морскими видами) появляется в папке «К “Жизни Арсеньева”. Том второй». Набросок, приведенный ниже, в этом разделе, представляет более развернутый материал для того же замысла. Окончательно этот сюжет, отталкивающийся от описания прибрежного отеля в Ментоне и переходящий в историю целой жизни, будет реализован в рассказе «Ривьера» (вошедшем в «Круг “Темных аллей”»).

При этом автобиографическая запись и набросок к роману почти перестают различаться. Отель «Балморал» в Ментоне сначала просто упомянут. Потом он обретает контекст, попадает в список курортных городов и отелей. И, наконец, в одном из возвращений к этому сюжету явно проступает ностальгическое любовное переживание — живое воспоминание о давней ночи, когда все было не так, как сейчас. С такими интонациями Бунин пишет в дневниках о Г.Н. Кузнецовой.

Другой пример — рассуждение о смерти в отрывке «<Как резко чернеют они на нем...>»: умерший ничего не знает о новостях в петербургских газетах — ни о погоде, ни о премьере в Александринском театре. Совершенно рядом с этим художественным вымыслом (повествование перенесено в дореволюционный Петербург), буквально следующим предложением — мысль о том, что В.Ф. Ходасевич и Ф.И. Шаляпин, умершие до 1 сентября 1939 года, ничего не знают о Второй мировой войне. В этом же наброске, чуть ранее, появляется абзац (нашедшем отражение и в дневниковой записи) внезапном обмороке у калитки виллы «Бельведер» — помещенный между цитатой из Тургенева и воспоминанием о смерти А.И. Эртеля.

Путешествие в Италию — по-видимому, отдельный сюжет, связанный с Арсеньевым. Путешествия по Европе, которые Бунин совершал в дореволюционные годы, вероятно, должны были стать образцом для путешествий Арсеньева. Показателен набросок с перечислением железнодорожных станций по маршрутам «Москва — Варшава — Вена — Ницца» и «Москва — Варшава — Вена — Венеция» (с добавлением маршрута «Петербург — Варшава» на случай, если герой отправится в путешествие из Петербурга). Этот набросок повторяет «писательские упражнения» Бунина времен «Темных аллей», которые отразились в записных книжках. Развитие этого замысла — австрийские железнодорожные впечатления, оформленные как отдельные эпизоды. Эти писательские опыты перейдут в сюжеты книги «Темные аллей». Европейские маршруты героев некоторых рассказов «Темных аллей» («Генрих», финал «Натали») вырастают из этих набросков второго тома «Жизни Арсеньева».

Наконец, тема писательства и его сверхличного значения — важная тема пятой книги и существенный раздел папки «К “Жизни Арсеньева”. Том второй». Если в пятой книге показано, как Арсеньев постепенно делается писателем из желания что-то понять, войти в другого человека и, в конечном счете, преодолеть убожество жизни и остановить счастливое мгновение; если наброски

² Бабореко А. И. А. Бунин: Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М.: Худож. лит., 1967. С. 199–200.

³ Ср., напр., это выражение в пятой книге: «Мое новое возвращение под отчий кров было уже не похоже на то, что было три года тому назад» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 385).

папки «К “Жизни Арсеньева”. Том второй» намечают становление писателя в литературных кругах Москвы и Петербурга; то эти наброски пытаются осмыслить уже прожитую писательскую жизнь.

Публикуемые ниже отрывки показывают нам и пути развития начальных текстов в прозе Бунина. Одна и та же фраза «*Je ne vis que pour écrire*» становится отправной точкой для двух различных фрагментов. По-видимому, это отражает процесс работы, когда найденная фраза (цитата как емкое выражение глубокой мысли — один из видов начального текста) становится отправной точкой рассуждения, а мыслей по этому поводу так много, что текст может пойти в ту или иную сторону.

Другой важный момент «творческой лаборатории» Бунина показывает возможности перехода от одного промежуточного текста к другому. Тема «сверстников», заданная в первом отрывке («Натура моя с рожденья...») дана отдельно, во втором отрывке («И этих постыдных слов...») интересно развития: я был абсолютно «другим» по отношению ко «всем», но и женщины — «другие». Тема Другого соединяет, таким образом, женщин и героя. В таком же виде тема переходит в отрывок «*Je ne vis que pour écrire*», в котором смешиваются и другие темы, сопровождающие тему «сверстников». Как видим, развитие тем становится важнейшим элементом перерастания начального текста в промежуточный, а также развития промежуточных на пути к текстам произведений.

Кроме того, в некоторых случаях мы в состоянии отследить работу писателя с промежуточными текстами и вычленения из их структуры кусочков для складывающихся больших текстов, текстов готовых произведений. Так, набросок «<Как резко чернеют они на нем...>» представляет собой последовательное рассуждение о смерти, соединение в одном цельном промежуточном тексте целого ряда текстов начальных — соединение тематическое и органическое, имеющее внутреннюю логику. Однако ни один промежуточный текст не перерастает у Бунина в текст большой и готовый к публикации. Промежуточный текст разделяется на мотивы, и мотивы используются там, где они окажутся удачнее. Один из мотивов этого промежуточного текста станет частью «диалектики души» главного героя Б. в толстовском по духу незаконченном рассказе «На извозчике»⁴. Ср. в промежуточном тексте: «Да, умер. И уже никогда не узнает, какие большие новости нынче в вечерних газетах... и как сошло первое представление новой драмы в Александр-инском театре... и какая нынче вечером погода...» (см. ниже). И в тексте рассказа: «А уж он никогда не вздохнет больше этим туманом и не узнает, что нынче нового в вечерних газетах»⁵. Мотив, вошедший в большой текст, теряет некоторые подробности, но сохраняет общую идею и место действия (Петербург). Несколько последних записей того же промежуточного текста войдут целиком блоком в другой бунинский текст — в рассказ «Смерть в Ялте» (см. с. 129–131). Последняя запись («Надгробный ангел — очи к небу») почти дословно повторяется в большом тексте: «Потом будет над ней белый ангел с белыми очами к небу <...>». Предыдущая запись промежуточного текста («Плиты, колонны, цоколи: — гранит, белый, серый и черный мрамор») продолжает финальное предложение рассказа: «<...> — среди обычного кладбищенск<ого> разнообразия деревьев, аллей, крестов, часовенок, цоколей и пирамидок, гранитных и мраморных, белых, серых, черных...». Предшествующие записи использованы в середине рассказа: запах свежего дерева гроба, запах смердящего тела и нежный запах цветов мешаются на погребальных церемониях. Здесь мы видим иное использование промежуточного текста: во-первых, в текст вставлена не отдельная запись, а небольшой блок записей; во-вторых, мотивы промежуточного текста расширяются при помощи добавленных деталей. Таким образом, работа с промежуточным текстом могла привести к его сокращению, а могла — к расширению.

Наброски на отдельных листах большей частью рассказывают о жизни Арсеньева в России. Лишь на некоторых листах русский и французский сюжет перемешаны. Скорее всего, это продолжение замысла романа, который ошутим еще в первой книге: параллельное повествование об Арсеньеве-мальчике (юноше) и пожилум Арсеньеве, вспоминающем свою молодость. На этот замысел

⁴ С существенными ошибками и без текстологического анализа опубликован Ю.В. Мальцевым: Новый журнал. Нью-Йорк, 1987. № 168–169. С. 68–73.

⁵ РАЛ. MS 1066/194.

работает и рефлектирующее сознание повествователя, которое организует большую часть публикуемых ниже набросков.

<И НАТУРА МОЯ С РОЖДЕНЬЯ...>

И натура моя с рожденья была такова, и рос и развивался я одиноко, странно. Всякий к чему-нибудь в юности готовится и в известный срок вступает в ту или иную житейскую деятельность, в соучастие с общей людской деятельностью. А к чему я готовился, во что мечтал вступить? Я рос без сверстников, в юности их тоже не имел, не имел и потом. Да и не мог иметь. В юности <были> у меня одно время сверстники из дворянских недорослей (которые тоже ни к чему не готовились). Но я с ними встречался только на конских ярмарках^а, изредка у них, в их разоренных усадьбах, и не было у меня¹ с ними ровно ничего общего. Иных сверстников я не имел и прохождения обычных путей молодости мне было не дано^б. Все в молодости чему-нибудь, где-нибудь учатся, там, каждый в своей среде, и встречаются, сходятся; а я нигде не учился, никакой среды не знал. Всякого же случайно встреченного сверстника пренебрежительно чуждался, к будущности его испытывал презрительную жалость, недоумение, даже² некоторый страх: зачем, спрашивается, будет существовать на свете еще один из миллиона чиновников, докторов, судей, — всех этих «деятелей», отцов семейств и потом — покойников? Из всех человеческих дел мне было суждено (неизвестно, почему) лишь одно. «Чем ты будешь добывать себе кусок хлеба?», — спрашивал брат Николай^с, когда я стал подрастать. И это вызывало почти слезы негодования^{3, д}.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/310. 1 лист, текст с обеих сторон, на обороте исписан не до конца. Черные чернила. Вид бумаги и форма записи напоминают папку второго тома «Жизни Арсеньева». Текст этого документа перепечатан на машинке: РАЛ. MS 1066/311. Последнее предложение отрывка отсутствует в автографе. Восстановлено по машинописному тексту.

Датируется примерно по типу бумаги и содержанию: вторая половина 1930-х гг.

^а Тема «сверстников» трансформировалась в следующий сюжетный ход из пятой книги «Жизни Арсеньева»: «На ярмарке подружился с некоторыми из своих сверстников, тоже все в поддевках и дворянских картузах, давних завсегдатаев ярмарок, и с их помощью купил молодую породистую кобылу <...>. Лето после того стало для меня сплошным праздником — я и трех дней подряд не проводил в Батурине, все гостил у своих новых друзей <...>» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 269).

^б Совпадает с одной из тем следующего отрывка («И этих постыдных слов...») и отрывка «Je ne vis que pour écrire».

^с Николай, старший брат Алексея Арсеньева (прототип — Евгений Алексеевич Бунин), — важный герой романа «Жизнь Арсеньева», воплощение здравого смысла и бытового рассудка. Серьезные разговоры старшего брата с младшим о его судьбе, будущем вошли в IV и XXIV главы пятой книги (и в целом, поданные несколько иначе, чем здесь, проходят через весь текст романа: см. конец XVI главы первой книги, II главу книги четвертой).

^д Ср. в конце XVI главы первой книги «Жизни Арсеньева»: «А с какими задатками рос я, можно судить по следующему: стал однажды Николай рисовать мне мое будущее, — ну, что ж, сказал он, подшучивая, мы, конечно, уже вполне разорены, и ты куда-нибудь поступишь, когда подрастешь, будешь служить, женишься, заведешь детей, кое-что скопишь, купишь домик, — и я вдруг так живо почувствовал весь ужас и всю низость подобного будущего, что разрыдался...» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 56).

¹ *Вместо:* не было у меня — *было:* не имел

² даже *вписано*

³ В верхнем левом углу листа рукой Бунина красной шариковой ручкой: взято. Ниже рукой В.Н. Буниной синей шариковой ручкой: часть.

<И ЭТИХ ПОСТЫДНЫХ СЛОВ...>

<...> и этих постыдных слов:

— Je ne vis que pour écrire^a, я жил лишь затем, чтобы писать

Две трети всех сил¹ своей жизни я убил на этот будто бы необходимый для меня труд. Но жил все-таки не затем, чтобы только писать. Хотел славы, похвал, даже посмертной памяти (что уже бессмысленнее всего). Но всегда содрогался от мысли о том, что вот будут после моей смерти (без меня) сохнуть на полках библиотек мои книжки, от представления о моем бюсте на могиле под кладбищенской сенью или в каком-нибудь городском сквере, где в летнее предвечернее время с идиотским визгом будут носиться друг за другом вокруг него, вечно немного, неподвижного, тонконогие мещанские дети. На постаменте: «такому-то», а к чему все это? Кто об этом «таком-то» думает? Ниже две даты: год рождения, год смерти, с чертой между ними, и вот эта-та черта, ровно ничего не говорящая, и есть вся никому неизвестная жизнь «такого-то»... [Бюсты, головы, статуи — это хорошо, когда их находят на раскопках в погибших странах, в развалинах дворцов, храмов, монастырей, или]² просто в земле, как тысячелетнюю древность, как тот или иной лик или след легендарных времен, какой-то незапамятной жизни со всеми ее³ первобытными (на взгляд нашедшего) людьми, одеждами, обычаями, жилищами, утварью — и вечной, вовеки одинаковой любовью мужчины и женщины, ребенка и матери, вечными печалью и радостями человека, тайной⁴ его рождения, существования⁵ и смерти.

Тот, кто умер за⁶ две, три тысячи лет до нас⁷, и подобия не имеет того, кто умер и погребен полвека тому назад в нашем мерзком гробу, в сюртуке или мундире и в покойницких туфлях. Две, три тысячи лет — это уже простор, освобождение от времени, от земного тления,⁸ печальное и высокое сознание тщеты всяких слав и величий. Все мои самые заветные⁹ странствия — там, в этих погибших царствах Востока и Юга, в области мертвых, забытых стран, их руин и некрополей...¹⁰

Я тогда жил, несмотря на всю свою внешнюю общительность, вне всякого общества. Я по-прежнему чувствовал, что я чужой всем званиям и состояниям^b (равно как и всем женщинам: ведь¹¹ это¹² даже как бы и не люди — какие-то совсем особые существа, жи<вущие> рядом с людьми, еще никогда ни<кем> не поняты¹³

¹ Было: своих

² Предложение вычеркнуто на одной стороне листа, с другой продолжается как невычеркнутое.

³ ее вписано

⁴ тайной вписано

⁵ существования вписано

⁶ за вписано

⁷ Вместо: до нас — было: тому назад

⁸ Далее было: от

⁹ Далее было: незабвенные

¹⁰ Вписано на нижних полях карандашом: Писать прямо дальше, без пропуска! Текст перечеркнут синим карандашом, на левом поле обеих страниц синим карандашом поставлен знак вопроса, вся первая страница по левому полю отчеркнута красным карандашом.

¹¹ ведь вписано

¹² Далее было: были

¹³ Лист оборван. Строки начиная со слова женщинам, отчеркнуты на полях синим карандашом, рядом поставлен знак NB. На верхнем поле синим карандашом поставлен знак вопроса. Вся сохранившаяся страница по левому полю отчеркнута красным карандашом.

на одинокой острой горе в долине под ним, или по низменностям¹⁴ вдоль реки, по берегу в верболозах, где пахло теплой тиной и лягушками¹⁵, потом на железнодорожную станцию... На реке я купался,¹⁶ с наслаждением¹⁷ часами сидел голый на прибрежной мелкой, всегда снизу парной, траве, в этом¹⁸ пресном¹⁹ речном припеке, среди прибрежных бледно-зеленых зарослей и дрожащего блеска воды. На станцию²⁰

я^с шел завтракать, шел²¹ по горячим²² рельсам, по путям, заглядывал в стоявшие на них после ремонта вагоны²³, до того накаленные²⁴ внутри, до того жаркие, что жгло легкие их печной духотой и²⁵ подпеченным красильным маслом тонких стен и деревянных скамеек с высокими спинками; потом сидел в вокзальном буфете: раки,²⁶ ботвинья со льдом, белое удельное вино; и везде тихо, пусто, — поездов в эти часы не было, — с одной стороны запыленные, но все-таки веселые солнечные окна, с другой — открытые на платформу двери,²⁷ навес на столбах, увитых диким виноградом²⁸...²⁹

один раз³⁰ была, а там так прекрасно, такие толстые стены, входы, ласточки, монахи³¹...

Мне было стыдно и больно глаза поднять. Но одному быть³² в монастыре, одному бродить вокруг него и внутри, во дворах, в соборе, ах, это ведь совсем³³ не то, что вдвоем. Я пожимал плечом³⁴:

— На что тебе эти монахи?

— А тебе на что?

— Я там видел нынче на ихнем кладбище нечто очень странное и неприятное: пустую, но уже совсем готовую могилу — загодя приказал вырыть себе один из братии^d и даже с³⁵

¹⁴ Было: долине

¹⁵ по берегу ~ и лягушками *вписано*

¹⁶ Далее было: сидел

¹⁷ с наслаждением *вписано*

¹⁸ Далее было: а. особом б. особенном сладком

¹⁹ пресном *вписано*. Рядом с этой строкой на полях карандашом: пресном

²⁰ Лист оборван. Текст перечеркнут синим карандашом, на левом поле обеих страниц синим карандашом поставлен знак вопроса.

²¹ Далее было: к ней

²² Было: зно<йным?>

²³ Вместо *вписанного*: стоявшие на них после ремонта вагоны — было: запасные вагоны, отдохавшие на них

²⁴ Далее было: солнцем

²⁵ Далее было: свежим

²⁶ Далее было: южные закуски,

²⁷ Далее было: за ними тень, под [навес] навесом

²⁸ Далее было:, его

²⁹ Лист оборван. Вся сохранившаяся страница по левому полю отчеркнута красным карандашом.

³⁰ раз *вписано*

³¹ Далее было: тишина... этот старый собор... Там даже трава какая-то другая по горе, чистая, ровная, и небо другое над стенами и крестами.

³² Вместо: одному быть — было: побыть одному

³³ Вместо: ах, это ведь совсем — было: а. — это было совсем б. ведь совсем. Последний слой правки простым карандашом

³⁴ Вместо: Я пожимал плечом — было: а. ... Лучше бы — молчать, но я отвечал:

³⁵ Лист оборван. Текст перечеркнут простым карандашом.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/308(4). Записано на трех листах бумаги (нижние части второго и третьего листа оторваны). Черные чернила, правка теми же чернилами в процессе написания и более поздняя: синим, красным и простым карандашом. В верхнем углу страницы пронумерованы рукой Бунина красным и простым карандашом: первоначальная нумерация красным карандашом — от страницы 15 до страницы 20; новая нумерация — с пропущенной (или вычеркнутой) 16 страницей — сделана простым карандашом вместо номера 17 поставлен 16 и далее до номера 19. Текст на страницах 15, 16, 18 перечеркнут синим карандашом, текст на странице 20 перечеркнут простым карандашом.

Датируется примерно по качеству бумаги, почерку и характеру правки: вторая половина 1930-х гг.

Отрывок «и этих постыдных слов ~ некрополей» опубликован Л.Ф. Зуровым: *Бунин И. Записи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. № 82. С. 119-120.* Отрывок «Я тогда жил ~ увитых диким виноградом» опубликован Л.Ф. Зуровым (с небольшими неточностями) отдельно: *Бунин И. Записи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 80. С. 126-127.*

^a Я живу только затем, чтобы писать (*фр.*). По-видимому, фраза, услышанная или вычитанная Буниным из какого-то французского источника, который найти не удалось. Не является общеизвестным во Франции крылатым выражением.

^b Напоминает тему «сверстников» из предыдущего отрывка, но здесь мотив чуждости абсолютно всем быстро переходит в тему женщин. Тема Другого соединяет, таким образом, женщин и героя.

^c Этот абзац напоминает главы из пятой части «Жизни Арсеньева», повествующие о совместном пребывании Арсеньева и Лики в малороссийском городе. Поскольку в композиции романа эпизоды нередко повторяются по два раза с некоторым развитием, можно предположить, что во втором томе Арсеньев снова должен был жить в малороссийском (южнорусском?) городе, наслаждаясь бездельем и жарой. Тема вокзала и вокзальных путей занимает важное место во второй книге романа: начинается в VI главе описанием Заречья и его «железнодорожного царства» (*Жизнь Арсеньева (1952). С. 94*) и продолжается в ряде следующих глав, завершаясь в главе XIV. Таким образом, во втором томе возвращается и вокзальная тема с противопоставлением динамики железнодорожной жизни статике жизни небольшого города.

^d Отдаленно напоминает рассказ о похоронах раскольничьего архиепископа, который ведет героиня рассказа «Чистый понедельник» из книги «Темные аллеи».

<ДАЛЬНЕЙШИЕ ГОДЫ УЖЕ ТУМАНЯТСЯ...>

Дальнейшие годы уже туманятся, сливаются в памяти — многие годы моих дальнейших скитаний, постепенно ставших для меня обычн<ым> существованием, определившей неопределенностью его. И всего смутнее начало этих годов — самая темная душевн<ая> пора всей моей жизни. Внешне эта пора была одна, внутренне другая: тогдашние портреты мои, выражение их глаз неопровержимо свидетельствуют, что был я одержим тайным безумием^a.

Летом я уехал в Крым^b. Ни одной знакомой души там у меня не было. Помню, поздн<им> вечером прибыл я в Гурзуф, долго сидел на балконе гостиницы: темнело, воздух был непривычно тепел <так!> и нежен, пряно пахло дымом татарских очагов, тлеющего кизьяка, горы мягкими черными стенами, просверленными у подножий красноватыми огнями, как будто ближе обступили тесную и темную долину Гурзуфа с его садами и дачами. На другой день я ушел на Аю-Даг. Без конца шел по его лесистым склонам все вверх, достиг почти до его вершины и среди колючих кустов, лег в корявом¹ низкорослом лесу² на обрыве над морем. Было предвечернее время; спокойное, задумчивое море сиреневой равниной лежало внизу, с трех сторон обнимая горизонт, муаром струясь в отвесной бездне подо мною, возле береговых скал Аю-Да-

¹ Было: кудрявом

² Далее было: над

га. Кругом, в тишине, в вечном молчании горной лесной пустыни, беззаботными переливами, мирно-грустными, сладкими, чуждыми всему нашему, человеческому миру, пели черные дрозды — в божественном молчании южного предвечернего часа, среди медового запаха цветущего желтым цветом дрока и девственной свежести морского воздуха. Я лежал, опершись на локоть, слушая дроздов, и цепенел в неразрешающемся чувстве той несказанной загадочности прелести мира и жизни, о которой немолчно говорило в тишине пение дроздов. Потом³

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/580. 1 лист большого тетрадного формата, текст с обеих сторон, оборот до конца не исписан (текст оборван). Черные чернила. Правка теми же чернилами в процессе написания. В РАЛ имеется машинопись с этим же текстом (MS 1066/581).

Датируется примерно по качеству бумаги, почерку и характеру правки: вторая половина 1930-х гг.

Опубликовано В.Н. Муромцевой-Буниной в книге «Жизнь Бунина» в качестве автобиографической записи — *Жизнь Бунина (1958)*. С. 98. Поводом для атрибуции стала описываемая поездка Бунина в Гурзуф (летом 1896 г.).

^a Тема фотографических карточек — одна из важных тем «Жизни Арсеньева». Она напрямую проступает во II главе четвертой книги (размышление о фотографическом альбоме). Однако «эффект фотографии» можно назвать одним из главных приемов повествования: в определенные моменты главный герой на мгновение застывает, как бы обозначая веху в своем развитии. Обычно это происходит в той или иной «раме», похожей на рамку фотографии: это может быть рама зеркала, комната и пр. (см. подробнее об этом: *Пономарев Е.Р.* «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину // *Вестник СПбГУКИ*. 2014. № 4 (21). С. 152–165; 2015. № 1 (22). С. 143–150). «Безумие» или «сумасшествие» — частая характеристика молодого Арсеньева.

^b Первая поездка Арсеньева в Крым — туда, где ждала его «отцовская молодость» (*Жизнь Арсеньева (1952)*. С. 236) — происходит ранней весной (XV глава четвертой книги). В дальнейшем Крым становится важной точкой в предполагаемых странствованиях Арсеньева (см., напр., вопрос Лики в XXI главе пятой книги: «— Скажи, а в Крым мы когда-нибудь поедем?»; Там же. С. 351). Возможно, в шестой книге романа герой должен был ехать в Крым один, уже без Лики (как неоднократно ездил в Крым сам Бунин — в том числе в Гурзуф, где он бывал и у А.П. Чехова в купленной Чеховым татарской саikle). Крым важен в топонимике «Темных аллей» и круга «Темных аллей». В неоконченном рассказе «Крым» Бунин вновь возвращается к путешествию по Крыму вместе с возлюбленной.

³ Текст обрывается.

<И ИДУТ ДНИ ЗА ДНЯМИ...>

И идут дни за днями, сменяется день ночью, ночь¹ днем — и не оставляет тайная боль неуклонной потери их — неуклонной и бесплодной, ибо идут в бездействии, все только в ожидании действия — и чего-то еще... И эти дни и ночи, и эта боль, и все неопределенные< чувства и мысли, и неопределенное сознание себя и всего окружающего и есть моя жизнь, не понимаемая мной.

Вторая часть моей жизни, начавшаяся с моего возвращения под отчий кров^a, длилась ровно четверть века. Последним днем ее мне представляется тот летний день, когда мы с братом Георгием сидели в ожидании отплытия на палубе волжского парохода у пристани в Самаре^b и вдруг услышали радостные крики бежавших к нам с берега мальчишек-газетчиков:

¹ Было: ночью

— Экстренный <так!> выпуск! Убийство наследного принца австрийск<ого> престола!^c

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/582. 1 лист, текст с обеих сторон, первая запись на лицевой стороне листа, вторая на обороте. Черные чернила. Провка теми же чернилами в процессе написания.

Датируется примерно по качеству бумаги, почерку и характеру правки: вторая половина 1930-х гг.

Опубликовано Л.Ф. Зуровым вместе с другими записями (документы 308(4) и частью документа 309): Бунин И. Записи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. № 82. С. 119.

^a Это выражение, маркирующее очередную веху судьбы героя, использовано в конце пятой книги романа «Жизнь Арсеньева»: «Мое новое возвращение под отчий кров было уже не похоже на то, что было три года тому назад» (*Жизнь Арсеньева* (1952). С. 385). Выражение «ровно четверть века», вероятно, следует понимать примерно: действие пятой книги романа завершается в первой половине 1890-х гг. (точную датировку имеет финал четвертой книги благодаря вокзальной сцене с траурным поездом великого князя Николая Николаевича старшего — апрель 1891 г. — и описанию прощания с великим князем Николаем Николаевичем младшим — январь 1929 г.).

^b Существует более поздняя автобиографическая запись И.А. Бунина на отдельном листе (может быть датирована по почерку и использованию шариковой ручки концом 1940-х гг. — началом 1950-х гг.): «В начале июля 1914 г. мы с братом Юлием плыли вверх по Волге от Саратова, 11 (одинадцатого) июля долго стояли в Самаре, съездили в город, вернулись на пароход (уже перед вечером) и вдруг увидели несколько мальчишек, летевших по дамбе к пароходу с газетными клочками в руках и с неистовыми веселыми воплями: / — Экстренная телеграмма, убийство австрийского наследника Сараева в Сербии! / Юлий схватил у одного из них эту телеграмму, прочитал ее несколько раз и, долго помолчав, сказал мне: / — Ну, конец нам! Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни!» (РАЛ. MS 1066/ 440; цитируется в *Устами Буниных*. Т. 1. С. 138).

^c 28 июня 1914 г. эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник престола Австро-Венгрии, и его жена были убиты в Сараеве сербским гимназистом Гаврилой Принципом. Убийство стало поводом к началу Первой мировой войны. Известие о Сараевском убийстве, прочитанное в газете, использовано Буниным в рассказе «Холодная осень» (книга «Темные аллеи»): «Пятнадцатого июня <старый стиль> убили в Сараеве Фердинанда. Утром шестнадцатого привезли с почты газеты. Отец вышел из кабинета с московской вечерней газетой в руках в столовую, где он, мама и я еще сидели за чайным столом, и сказал: / — Ну, друзья мои, война! В Сараеве убит австрийский крон-принц. Это война!» (*Темные аллеи* (1946). С. 269).

<<JE NE VIS QUE POUR ÉCRIRE>>...

«Je ne vis que pour écrire»^a. Нет, я жил все-таки не затем, чтобы только писать и не ради посмертной памяти: что может быть страшнее бюста в каком-нибудь городском сквере, где в летнее предвечернее время с визгом будут носиться вокруг него, вечно немного, неподвижного, тонконогие мещанские дети! На постаменте: «такому-то», а кто об этом «таком-то» думает? Ниже две даты: год рождения и год смерти, с чертой между ними: и вот эта-та черта, ровно ничего не говорящая, и есть вся никому неведомая жизнь «такого-то»¹.

Так же *внутренно* одиноко, обособленно и незрело, вне всякого общества, жил я и в пору моей жизни с ней. Я по-прежнему чувствовал, что я чужой всем званиям и состояниям (равно как и всем женщинам^b: ведь это даже как бы и не люди, а какие-то

¹ Последняя фраза абзаца и вот эта-та черта ~ жизнь «такого-то» отчеркнута на левых полях красным карандашом.

совсем особые существа, живущие рядом с людьми, еще никогда никем точно не определенные, непонятые, хотя от начала веков люди только и делают, что думают о них².^c

Так всю жизнь не понимал я никогда, как можно находить смысл жизни в службе, в хозяйстве, в политике, в наживе, в семье... Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишества и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть — даже всякая средняя гостиная с неизбежной лампой на высокой подставке под громадным рогатым абажуром из красного шелка выводила меня из себя.^d

Я рос одиноко. Всякий в юности к чему-нибудь готовится и в известн<ый> срок вступает в ту или иную житейск<ую> деятельность, в соучастие с общей людской деятельностью. А к чему готовился я и³ во <что> вступал? Я рос без сверстников, в юности их тоже не имел, да и не мог иметь: прохождения обычных путей юности — гимназия, университет — мне было не дано. Все в эту пору чему-нибудь где-нибудь учатся, и там, каждый в своей среде, встречаются, сходятся; а я нигде не учился, никакой среды не знал.^e

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/583. 1 лист, текст с обеих сторон и на левых полях лицевой стороны. Черные чернила. Близко по содержанию к РАЛ. MS 1066/308 (4) (можно считать развитием предложенной там темы) и папке набросков второго тома романа «Жизнь Арсеньева» (можно считать следующей редакцией).

Датируется примерно по качеству бумаги, почерку и характеру правки: вторая половина 1930-х гг.

Опубликовано Л.Ф. Зуровым в ином порядке записей (записи на полях при этом введены в основной текст): *Бунин И.* Записи // Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. № 76. С. 76–77.

^a Я живу только затем, чтобы писать (*фр.*). Наброски этого листа развивают промежуточные тексты из отрывков «<И натура моя с рожденья...>» и «<И этих постыдных слов...>».

^b Развитие темы из отрывка «<И этих постыдных слов...>».

^c Приписка на полях указывает, что запись относится к сюжету пятой книги: жизнь Арсеньева с Ликой и старшим братом (в Малороссии).

^d Развитие мотива из отрывка «<И натура моя с рожденья...>», продолжающего важную тему XVI главы первой книги «Жизни Арсеньева».

^e Запись представляет собой сокращенный вариант отрывка «<И натура моя с рожденья...>». Запись использована В.Н. Муромцевой-Буниной (с некоторыми грамматическими неточностями) в книге «Жизнь Бунина»: «Вот еще запись его о тех днях: “Я рос одиноко. Всякий в юности к чему-нибудь готовится и в известный срок вступает в ту или иную житейскую деятельность, в соучастии с общей людской деятельностью. А к чему готовился я и во что вступал? Я рос без сверстников, в юности их тоже не имел, да и не мог иметь: прохождения обычных путей юности — гимназии, университета — мне было не дано. Все в эту пору чему-нибудь, где-нибудь учатся, и там, каждый в своей среде, встречаются, сходятся, а я нигде не учился, никакой среды не знал”» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 51). Показательно, что В.Н. Бунина не обратила внимания на более ранний вариант этой записи, где упоминается брат Николай (не Евгений!) — персонаж романа «Жизнь Арсеньева».

² *Закрывающая скобка отсутствует. Вдоль всего левого поля страницы вписано:* Я жил, на всех и на все смотря со стороны, до конца ни с кем не соединяясь, — даже с нею и с братом. И по-прежнему дома не сиделось...

³ и вписано

<КАК РЕЗКО ЧЕРНЕЮТ ОНИ НА НЕМ...>

<...> как резко чернеют они на нем — точно искусственные! (Да и все уже искусственное). — Страшной всего то, что все нарядно, красиво, новобранно... И¹ как хороши еще волосы!

— Да, да²: «В путь узкий ходший прискорбный... Сей бо отходит яко дым от земли, яко цвет отцвете, яко трава посечется...»³.^a И черные ризы в белых галунах.⁴

Тургенев писал⁵: «Что я буду думать, когда придется умирать?»^b Ну, это зависит от того, как ты будешь умирать.

Раз был⁷ со мной⁸ внезапный обморок: я *весь* исчез в какое-то мгновение — моя душа, ум, сознание — их просто вдруг не стало. Я даже не поймал этого мгновения. Калитка, у которой это случилось, а потом — я, оказывается, лежу на постели, грудь облита водой, которую мне давали пить...^{9c}

— Стол¹⁰, наряженный покойник, пение, свечи, потом гроб, вынос — и т.д. — вот что *мистически* ужасно. А труп, напр., на поле сражения? Ужасно, но другое, лучше.

Помню¹¹, в день смерти Эртеля^d, — февральский, с ярким, уже весенним светом и морозом, с острым ветерком в синей тени в переулках, я, тогда еще молодой, чувствительный, встретил на улице студента-медика Павлика^e и пошел с ним в университет, в анатомический «театр». Поразили только закрытые¹² глаза, ресницы голого покойника на одном из столов. Остальное — простое, грубое: части трупов — вонючая мясная лавка — и больше ничего.

А это — совсем другое: едешь на извозчике — улица, извозчики, магазины, дома, окна — и вдруг одно необыкновенное: там три желтых огонька, днем! Самое страшное и непонятное, *противоестественное*.

(Быстро ехал в такси по rue de Passy — солнечное утро, чистое и веселое, людная, торговая, грязная, узкая и серая улица, — поднял глаза: по теневой стороне, в третьем этаже большого гадкого дома — огонек восковой свечи за закрытым окном — нечто страшное, нелепое, *противоестественное*).^f

— Да, умер. И уже никогда не узнает, какие большие новости нынче в вечерних газетах... и как сошло первое представление новой драмы в Александр<инском> театре... и какая нынче вечером погода...^{13g}

¹ Было: А

² Вместо: Да, да — было: И вот

³ Рядом на полях карандашная запись: Надгробное.

⁴ Значок, разделяющий записи, вписан на полях.

⁵ Тургенев писал: вписано

⁶ Далее было: (Это написано Тургеневым).

⁷ был вписано

⁸ Далее было: случай

⁹ Рядом на полях карандашная запись: Мой обморок у калитки «Бельведера».

¹⁰ В левом углу абзаца поставлен косой крестик синей шариковой ручкой.

¹¹ В левом углу абзаца поставлен косой крестик синей шариковой ручкой.

¹² закрытые вписано

¹³ Абзац перечеркнут синим карандашом.

(Ходасевич, Шаляпин ничего не знают — о том, что Фр<анция> и Англ<ия> объявили 2 сент<ября> <19>39 г. войну Германии... Кульман не узнает, чем кончится война...^h И я, может быть, не узнаю. Досадно!)

Где-то могилы моего отцаⁱ, матери^j, Юлия^k, Евгения^l, Маши^m, моего Колиⁿ, Наси^o — все в разных местах России, которой я больше никогда не увижу. Что думал бы, стоя над ними? И они ничего, ничего не знали и не узнают обо мне последних моих лет.

И вот — роковое утро. Вынос.

Теплый, серый, снежный день. У подъезда катафалк, мужики в черных кафтанах, ветки еловые на снегу.

Его *навсегда* уносят из его квартиры. Его очки на столе, часы, которые тикали в его кармане тридцать лет, туфли возле тахты... остатки его жизни.

Форма русских гробов для меня особенно отвратительна.

Запах лакированного дерева гроба и увядших цветов.

Покойница. Уже пахнет. И запах пышных живых цветов вокруг головы — свежий, нежный.

Плиты, колонны, цоколи: — гранит, белый, серый и черный мрамор.

Надгробный ангел — очи к небу^p.¹⁴

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/584. Большие тетрадные листы, текст с обеих сторон. Черные чернила, правка теми же чернилами в процессе написания, более поздняя правка красным, синим и простым карандашом, а также шариковой ручкой. Нумерация страниц простым карандашом от 11 до 14. Текст на первой странице перечеркнут синим карандашом, текст второй половины последней страницы перечеркнут простым карандашом. По типу оформления, бумаге и стилю редактирования похоже на набросок «и этих постыдных слов...», однако это разные документы.

Датируется по времени событий, упоминаемых в тексте: между концом октября 1940 г. и 1944 г.

^a См. примеч. h к разделу «Наброски» (№ 5). См. с. 151.

^b Неточно цитируется начало стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Что я буду думать?..». В оригинале: «Что я буду думать тогда, когда мне придется умирать — если я только буду в состоянии тогда думать?» (*Тургенев И.С. Полное собрание сочинений*: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 167).

^c В записях дневникового характера этот эпизод отнесен к 1934 г.

^d Писатель Александр Иванович Эртель скончался 7 (20) февраля 1908 г. Бунин познакомился с Эртелем в 1895 г., между ними завязались приятельские отношения (помимо прочего, Эртель — земляк Бунина, он родился в 1855 г. в Воронежской губернии, долго жил там). В книге Бунина «Воспоминания» Эртелю посвящена отдельная глава

^e Вероятно, Павел Николаевич Муромцев (1887–1933) — младший брат В.Н. Буниной; врач.

^f Этот мотив использован в рассказе «Поздний час» (1940) из книги «Темные аллеи».

^g Напоминает один из мотивов неоконченного рассказа «На извозчике», действие которого происходит в Петербурге. Ср.: «А уж он никогда не вздохнет больше этим туманом и не узнает, что нынче нового в вечерних

¹⁴ *Последние четыре записи отчеркнуты на правом поле красным карандашом. Последние пять записей вычеркнуты простым карандашом.*

газетах» (РАЛ. MS 1066/194). Вероятно, вычеркивание абзаца связано с тем, что его идея была использована в тексте рассказа.

^h Поэт, прозаик, критик, а также хороший знакомый Бунина В.Ф. Ходасевич скончался 14 июня 1939 года, за два с половиной месяца до начала Второй мировой войны. Ф.И. Шалапин, друг Бунина со времен московской молодости, умер в 1938 году. Известный филолог Н.К. Кульман (с ним и его женой Бунины были в дружеских отношениях) умер в Париже 17 октября 1940 г.

ⁱ Алексей Николаевич Бунин (1827–1906) — отец И.А. Бунина; похоронен в селе Грунин Воргол (Елецкий уезд Орловской губернии) в ограде храма во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

^j Людмила Александровна Бунина (урожд. Чубарова, 1835(?)–1910) — мать И.А. Бунина; похоронена в Ефремове.

^k Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921) — литератор, публицист, общественный деятель, педагог, участник революционного народнического движения, кандидат математических наук, старший брат И.А. Бунина; похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве.

^l Е.А. Бунин похоронен в Ефремове.

^m Мария Алексеевна Ласкаржевская (урожд. Бунина, 1873–1930) — младшая сестра И.А. Бунина; похоронена в Ростове-на-Дону.

ⁿ Коля Бунин (1900–1905) — единственный ребенок Бунина, сын от его первой официальной жены Анны Николаевны (урожд. Цакни); похоронен в Одессе.

^o Вероятно, Н.К. Бунина, похоронена в Ефремове.

^p Мотив использован в финале рассказа «<Смерть в Ялте>» (см. с. 131): «Потом будет над ней белый ангел с белыми очами к небу <...>». Четыре предыдущие записи — тоже промежуточные тексты к этому рассказу (не случайно они вычеркнуты карандашом).

3. <План-конспект продолжения романа «Жизнь Арсеньева»>

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

Публикуемый ниже «План-конспект» (название условное, родившееся в ходе анализа и комментирования приведенных текстов) состоит из трех довольно разных документов. Все они представляют собой подступы к автобиографии, которые были характерны для Бунина в послевоенный период. Основным (из сохранившихся¹) результатом этих попыток можно назвать «Автобиографический конспект», не дошедший до нас полностью, но восстановленный по рукописным листкам и машинописи (см. вторую книгу наст. тома). На этот конспект многократно ссылается В.Н. Муромцева-Бунина в книге «Жизнь Бунина». Кроме того, все публикуемые документы охватывают тот период жизни писателя, который имеет прямое отношение к роману об Алексее Арсеньеве. Точнее, к возможному продолжению романа — периоду после бегства Лики.

Первый план-конспект напоминает донжуанский список. Он представляет собой перечень женщин, сыгравших важную роль в жизни писателя. Есть, правда, и два существенных отличия от традиционных донжуанских списков. Во-первых, встречи и отношения с женщинами перечислены в нем не по хронологии. То ли список составлялся по принципу «вспомнил — записал», то ли дело в характерных бунинских абберациях памяти, то ли хронология, как и в «Жизни Арсеньева», здесь не считается важной. Во-вторых, в списке смешаны любовницы Бунина (как случайные, так и те, отношения с которыми занимали несколько месяцев и даже лет) и те женщины, к которым он, возможно, был неравнодушен, но с которыми у него никогда не было интимных отношений (сестры Туббе, М.К. Давыдова, А.Н. Чеботаревская и другие). Несмотря на то, что все девушки и женщины в этом списке названы своими подлинными именами (в романе все биографические совпадения скрыты за

¹ Известно, что в последние годы жизни Бунин с интересом помогал Ю.Л. Сазоновой, выразившей желание написать его биографию. Бунин переслал ей ряд автобиографических материалов. Однако книга написана не была, а материалы пропали (подробнее см.: *Бунины–Сазонова*. С. 267–397).

измененными именами персонажей), можно предположить, что список предназначался скорее для романа, чем для биографии. В биографии нет места для такого количества случайных любовниц, их перечисление противоречило бы законам жанра. Кроме того, в биографии не принято упоминать женщин, которые нравились писателю, но с которыми почему-то ничего не вышло. В «Жизни Арсеньева» широко использованы оба эти приема. С одной стороны, Арсеньев уже в пятой части, во время совместной жизни с Ликой, отвлекается на других девушек и женщин. После бегства Лики, в не-написанной шестой книге Арсеньев почти наверняка должен был иметь множество случайных или коротких связей. Эти связи могли стать вехами его духовного и творческого развития, а также композиционным принципом романа. Что касается темы «упущенных возможностей», то она в полный голос звучит в истории с издательницей Авиловой (ее прототип Н.А. Семенова упомянута в Плане-конспекте № 3), а также в истории с подругой Лики Сашенькой Оболенской (ее прототип, Елена Николаевна Токарева, в Планах-конспектах отсутствует; возможно, упомянутая в Плане-конспекте № 1 Сашенька Померанцева тоже может отчасти считаться прототипом). В предисловии к «Отдельным наброскам» и к папке «К “Жизни Арсеньева”». Том второй» нам уже приходилось говорить, что художественность и биографичность в тексте Бунина нераздельны и неслиянны. Этот, условно говоря, донжуанский список равным образом принадлежит Ивану Бунину и Алексею Арсеньеву.

План-конспект № 2 построен несколько иначе: он частично повторяет План-конспект № 1 и, вероятно, тоже фиксирует некоторые биографические любовные эпизоды (некоторые записи конспекта № 1 в нем повторяются). Однако кажется, что этот список уже не столько жизненный, сколько литературный — он, по-видимому, уже намечает какие-то эпизоды романа или сюжеты отдельных рассказов, которые вырастут из общего замысла романа. Характерно, что наряду с сюжетами из давней российской жизни, большей частью автобиографического характера (разговор с отцом, пребывание в Одессе, знакомство с А.Н. Цакни), появляются автобиографические сюжеты из жизни во Франции (упоминания Шато Нуаре в Амбуазе и соседской виллы в Грассе). Параллелизм «молодость Арсеньева — старость Арсеньева», композиционно выстраивающий роман, сохраняется и в этом конспекте.

План-конспект № 3 ближе к воспоминаниям, местами он напоминает упомянутый выше «Автобиографический конспект», вплоть до характерных форм предложений, построенных в виде риторических вопросов: «Когда Лохвицкая?». Помимо женских имен, перечисляются газеты и журналы, за каждым упомянутым наименованием стоит либо навсегда запомнившийся своей курьезностью эпизод (история с «Крымским курьером»), либо воспоминания о единственной в жизни работе в редакционном комитете журнала («Правда»). Показательна судьба женских имен и любовных эпизодов из этого конспекта. О Мирре Лохвицкой или М.П. Чеховой Бунин не напишет никогда, а вот «дочь фотографа в Ефремове» войдет в качестве воспоминания главного героя в неопубликованный при жизни писателя рассказ «На постоялом дворе» (см. с. 86–93). Движение от списка к списку позволяет увидеть, как эпизоды автобиографии перерабатываются в эпизоды романа, как собираются, а затем отсеиваются памятью те или иные имена и события.

<1>

— Закат, острый запах росистой «Зари»^a и лопухов.

— За сундуком², в темном зале. Хмурая снежная ночь серо и жутко глядит в окна, приступив к ним из тонущего в снегах сада. Молча, без отказа, в полусне^b.

— Лив<енские> номера.^c

— В<аря?>^d.

— Марья Вас<ильевна>. Инст<итутская> роща^e. Морозная лунная ночь в поле. На квартире, диванчик, Кременчуг^f.

² Рядом с записью на левом поле поставлен косой крестик красной шариковой ручкой.

- «Мысов.» Омет
- Солдатка, сумерки, погребница.
- Куртина, в сквере в Полт<аве>^g.
- П<е>т<ер>б<ург>, б<лядь?>
- Номера на Лит<ейном?>^h
- Рябая.
- А<ня?>ⁱ.
- Берл<ин>.
- Люцернⁱ.
- Давыд<ова?>^k
- Ел. П.
- Ялта, вроде чахот<очной?>^l.
- из Курска^m
- На шоссе ночью, по дороге в Лив<адию? ны?>
- Пашка гречанка³
- «Казанск<ая> княжна»ⁿ. Зубчики девств<енных> пант<алон>, покорность.
- Ночь в Ялте^o
- На пути из Севаст<ополя>
- Нина К.
- Таня.
- Люб<очка>^p.
- Зина Завист<овская?>⁴
- Номера в Ефр<емове>^q
- Чеховская знак<омая>^r.
- Снег.
- Саша С<пасская>^s.
- Макс
- Венеция^t
- Парай Кошиц
-
- ^u
- «Катенька». Сипов<атый> голос.
- «Аленушка».
- Бритые колюч<ие> ноги.
- Л.
- Нина
- Померанцева^v
- Нинка
- Н.А.
- Зина Туббе
- Маша Туббе^w
- Любовница Яворской
- Ее подруга
- Белый Негр^x

³ Далее было (с абзаца): Ночь в Ялте

⁴ Далее было (с абзаца): Венеция

- Лизвета Сем<еновна? енова?>
- Лида Р.^y
- Ольхина
- Кат<ерина> Мих<айловна> <Лопати-
на>^z
- Муся^{aa}
- Чеботаревская^{bb}
- Нина Петровск<ая>^{cc}
- «Самоедка».

Саша К. Весной 17 г. перешла из школы
в усадьбу^{dd}.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/567.
Большой тетрадный лист, текст с обеих сторон до кон-
ца. Черные чернила, незначительная правка теми же
чернилами. Один значок красной шариковой ручкой.

Датируется предположительно по качеству бумаги
и почерку: конец 1930-х годов.

^a Возможно, духи известной московской парфю-
мерной фабрики «Новая заря».

^b Напоминает начало любовной истории в рассказе
«Таня» из книги «Темные аллеи».

^c «В сентябре Алексей Николаевич <отец И.А. Бу-
нина> послал его заготовить зерно, он остановился в
«Ливенских номерах», и там случилось нечто, по-
трясшее его, как записано в его автобиографическом
конспекте» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 86). Точнее, в «Ав-
тобиографическом конспекте» сказано: «Был совер-
шенно раздавлен случившимся» (РАЛ. MS 1066/447).

^d Возможно, В.В. Пашенко (1869–1918) — первая (гражданская) жена Бунина, с которой он прожил с 1891
по 1894 г.

^e Институтская роща в Полтаве. Находится на Институтской горе, получившей название от Института бла-
городных девиц, открытого здесь в 1818 г.

^f Мария Васильевна (фамилия неизвестна) — близкая знакомая Бунина в середине 1890-х гг. В.Н. Бунина
сообщает, что в 1896 г. (после Петербурга Бунин приехал к семье в Огнёвку, затем гостил в Полтаве у брата
Юлия до конца мая) Бунин «уехал с какой-то М.В. в Кременчуг, где их пути разошлись. Переночевав в гости-
нице «Варшава», она направилась в Киев, а он на другой день по приезде сел на пароход, идущий в Екатерино-
слав» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 97). Проплыв по Днепру до Александровска (ныне Запорожье), писатель отпра-
вился далее в Крым по железной дороге (см. также: *Летопись* (I). С. 221). В «Автобиографическом конспекте»
Бунин записывает под 1896 годом: «Когда познакомился и сошелся с М.В.?». По-видимому, это произошло не-
сколько раньше и не было случайной встречей. Известно любовное письмо Бунина к ней, написанное в декабре
1895 г. (*Письма* (I). С. 213–214), а также атрибутируемое ей письмо к Бунину от 17 мая 1896 года, в котором она
приглашает Бунина захватить за ней в Белгород (*Летопись* (I). С. 220). Далее в «Автобиографическом конспекте»
сказано: «29 мая вечером с М.В. приехал в Кременчуг. Почти всю ночь не спали. На другой день уплыл в Ека-
теринослав (она — в Киев?)» (РАЛ. MS. 1066/449).

^g В середине июня 1896 г. Бунин вернулся из Крыма в Полтаву, в середине августа уехал из Полтавы, был в
Полтаве снова в конце сентября (*Летопись* (I). С. 223–225).

^h В.Н. Бунина упоминает о том, что Бунин останавливался «в номерах на Литейном проспекте, возле памятни-
ка Ольденбургскому, который был в снегу» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 95) в начале 1896 г. В «Автобиографическом
конспекте» о начале 1896 г. сказано: «Петерб<ургские> номера на Лит<ейном>. Горничная» (РАЛ. MS 1066/427).

А.П. Чехов.
Ялта, 1901 г.
(РАЛ)

С дарственной надписью: «Милому Ивану
Алексеевичу Бунину от коллеги. Антон Чехов.
1901. II. 19».

В другом варианте «Автобиографического конспекта» речь идет о декабре 1896 г.: «В декабре Птб, Литейный, номера возле памятника Ольденбургского в снегу. Горничная. Б. (?)» (РАЛ. MS 1066/449). Весь конец 1896 г. (начиная с 28 октября) Бунин провел в Петербурге, уехал оттуда в Москву в самом конце декабря — начале января всего на несколько дней, а затем вновь вернулся в Петербург (*Летопись* (I). С. 227–234). В конце 1896 г. Бунин жил по другому адресу: в меблированных комнатах Бахваловой на Малой Итальянской, д. 3.

ⁱ Возможно, Анна Николаевна Бунина (урожд. Цакни; 1879–1963). Бунин сделал ей предложение в июле 1898 г. (*Летопись* (I). С. 279–280), они обвенчались в Одессе 23 сентября 1898 г. (*Летопись* (I). С. 286).

^j По-видимому, речь идет о первом заграничном путешествии Бунина осенью 1900 г. в компании с его другом В.П. Куровским. В ходе поездки они посещали Берлин и Люцерн.

^k С редактором журнала «Мир Божий» А.А. Давыдовой и ее младшей дочерью Мусей (будущей женой А.И. Куприна) Бунин познакомился в Петербурге в конце ноября 1896 г. (*Жизнь Бунина* (1958). С. 96; *Летопись* (I). С. 231). Муся Давыдова упоминается и далее в списке.

^l В декабре 1900 г. Бунин приехал в Ялту, остановился в доме Чехова в Аутке (в его отсутствие) и оставался в Ялте до середины февраля 1901 г., до возвращения А.П. Чехова из-за границы. Из Ялты он уехал в Одессу (где пытался вести переговоры о разводе), а затем снова вернулся в Ялту 1 апреля 1901 г. (*Летопись* (I). С. 384–406). Ср. в «Автобиографическом конспекте» в контексте воспоминаний о начале зимы 1901 г.: «Ночь в Ялте у какой-то...» (РАЛ. MS 1066/449).

^m 15 апреля 1901 г. Бунин уехал из Ялты в Одессу, оттуда в Огневку, по пути останавливался в Курске (*Летопись* (I). С. 408–409).

ⁿ «Казанская княжна» упоминается в набросках ко 2 тому «Жизни Арсеньева» (л. 47, с. 208); там местом действия назван Нижний Новгород. В середине октября 1901 г. Бунин вместе с Л.Н. Андреевым гостил несколько дней в Нижнем Новгороде у М. Горького (*Летопись* (I). С. 435).

^o Бунин вновь побывал в Ялте в сентябре 1901 г.

^p Возможно, Любовь Ивановна Рыбакова. См. в «Жизни Бунина»: «Посещал он и “Литературный Кружок”, где Бальмонт его познакомил с Любовью Ивановной Рыбаковой — Любочкой, как ее все звали, женой известного психиатра и сестрой литератора Георгия Чулкова, одного из создателей “мистического анархизма”» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 134).

^q Вероятно, номера Шульгина в Ефремове. См. о них подробнее в Плана-конспекте № 2.

^r В одном из листов «Автобиографического конспекта» под 1907 г. записано: «Когда Завистовская? / Когда знакомая Чеховых? / Когда Ольга Александровна? Весной, в Ялте, но в каком году?». Эти три записи отчеркнуты карандашом, рядом карандашом написано: «Это все раньше» (РАЛ. MS 1066/433).

^s Ср. в «Автобиографическом конспекте»: «Саша Спасская: конец 1905 г. и начало 1906» (РАЛ. MS 1066/452). И на другом листе: «Значит, я был в Ефремове в декабре 905. Саша Спасская в Ефремове и в Васильевском (косы, метель, рига)» (РАЛ. MS 1066/433). Бунин приехал в Ефремов перед самым Новым, 1906-м годом (встречал его в доме О.К. Туббе), весь январь 1906 г. жил в Глотова, наездами бывая в Ефремове, навещая брата Евгения (*Летопись* (I). С. 586–590).

^t Возможно, речь идет о втором путешествии Бунина в Европу вместе с драматургом С.А. Найденовым в конце 1903 г. — начале 1904 г. Венецию они посетили на обратном пути в феврале 1904 г. (*Летопись* (I). С. 534–535). Журналистка Макс-Ли сопровождала приятелей в начале этого путешествия до Варшавы: «С ними до Варшавы ехала Макс-Ли, журналистка, романистка, дружившая с обоими писателями, особенно с Буниным. Он кое-что взял от нее в “Генрихе”» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 153). Судя по «Автобиографическому конспекту», Бунин сошелся с ней во второй половине или в конце 1903 г.: «Макс Ли (в ном<с>рах> Гунста первая ночь — в это время или раньше?). <...> / 24 декабря мы с Найденовым укатили в Ниццу. Макс с нами — до Варшавы. Мы в Вену, она в Берлин» (РАЛ. MS. 1066/432).

^u Две следующие строки пропущены.

^v Вероятно, Александра Владимировна (Сашенька) Померанцева (1871–1967) — елецкая знакомая Бунина, радикально настроенная молодая девушка, с осени 1890 г. ставшая своим человеком в редакции «Орловского вестника», дружившая и с Буниным, и с В. Пашенко. В 1893 г. приезжала навесить Бунина и В. Пашенко в Полтаве (*Жизнь Бунина* (1958). С. 66, 88). На некоторое время стала женой редактора «Орловского вестника» Б.П. Шелехова.

^w Зина Туббе — дочь Отто Карловича Туббе, приемного отца Настасьи Карловны, жены старшего брата Бунина Евгения Алексеевича. Ее сестру звали Сашей, не Машей. С девочками дружила Маша Бунина, младшая сестра писателя — они подходили ей по возрасту.

^x В листках к «Автобиографическому конспекту» упоминается некто «Белый негр» следом за Макс-Ли под 1902 годом (скорее всего, датировка ошибочна): «Макс Ли? “Белый негр”?» (РАЛ. MS. 1066/431).

^y Вероятно, Лидия Валентиновна Рышкова. См. о ней в «Жизни Бунина» (речь идет о конце 1904 — начале 1905 г.): «<...> прогостила с неделю на Святках Лида Рышкова, крестница Софьи Николаевны, превратившаяся в красивую девушку, она внесла женское оживление: стали гадать, играли в снежки во время вечерних прогулок, чаще ездили кататься на розвальнях днем <...>» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 158).

^z С писательницей Екатериной Михайловной Лопатиной (1865–1935) Бунин познакомился в Петербурге в редакции газеты «Новое слово» 10 января 1897 г. (*Летопись* (I). С. 235). Она пригласила его бывать у них в Москве (*Жизнь Бунина* (1958). С. 101). Большая их дружба, напоминающая роман, продолжалась 1897 и первую половину 1898 г. (*Жизнь Бунина* (1958). С. 105). Бунин помогал Е. Лопатиной редактировать ее роман «В чужом гнезде» (опубликован под псевд. К. Ельцова).

^{aa} Вероятно, Мария Карловна Куприна-Иорданская (урожд. Давыдова, 1881–1966) — издательница журнала «Мир Божий», первая жена А.И. Куприна. Рассказывая о том, как Бунин бывал у Давыдовых в 1902 г., В.Н. Бунина утверждает, что Муся: «впоследствии, когда мы с нею познакомились и проводили ночи в Лоскутной гостинице, меня уверяла, что ей очень нравился Иван Алексеевич, но он был женат...» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 133).

^{bb} Анастасия Николаевна Чеботаревская (1877–1921) — писательница, с 1908 г. жена Ф. Сологуба (Ф.К. Терникова, 1863–1927). Вероятно, Бунин и Чеботаревская познакомились в Москве. Первое письмо Бунина Чеботаревской датируется 20 мая 1905 г. (это ответ на несохранившееся письмо Чеботаревской; *Летопись* (I). С. 568).

^{cc} Вероятно, Нина Ивановна Петровская (1879–1928) — писательница и мемуаристка, жена и помощница владельца издательства «Гриф», а затем редактора альманаха «Перевал» С.А. Соколова (Кречетова). Известна своими бурными романами с Андреем Белым, В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом. Прототип Ренаты из романа Брюсова «Огненный ангел». В альманахе «Перевал» (1906–1907) печатались и Петровская и Бунин. С 1911 г. жила за границей. Покончила с собой в Париже 23 февраля 1928 г. На ее похоронах 26 февраля было всего несколько человек, среди них В.Н. Бунина (в дневнике она пишет, что почти не знала Петровскую по Москве: РАЛ 1067/392).

^{dd} Напоминает эпизод с дочерью Максима-печника: набросок из папки «К “Жизни Арсеньева”. Том второй» (л. 39). См. также продолжение сюжета на л. 40.

Волк в зале
 Удавл<енная> борзая. Старуха в лун<ном> саду¹
 Исповедь под платком
 Номера Ш<ульгина>^a
 Ефр<емовская> бар<ышня?>^b
 Нинка
 Курск
 Старый паспорт (itinéraire)
 Ночь под Н<овый> год (все умершие)^c
 Разговор с отцом в Кам<енке>^{2d}
 Соседи (перечень)
 Братья (три Жизни)^{3c}
 Байд<арские> ворота
 Бедуинка⁴

Дача Ковалевского⁵

¹ Удавл<енная> борзая. Старуха в лун<ном> саду *вписано*

² *Вычеркнуто синим карандашом.*

³ *Вычеркнуто синим карандашом.*

⁴ *Вычеркнуто красным карандашом.*

⁵ *Вписано на правом поле.*

Цыганка⁶Анюта^{7f}Смерть мол<одой> жены⁸

Post-Scriptum

Шато Нуарэ^hVieux logisⁱТроюродн<ая> сестра (бережок пруда, серый день, неприятн<ый> ветерок, капли дождя, жалкая рубашонка^j)⁸Белый Негр^{9k}«Прельщения памяти»¹⁰Подростки (брат и сестра^l)¹¹

Литерат<урный> вечер

Лида Р.^mЛюбочкаⁿНина Петр<овская>^{12 o}Саша С<паская>^pКняжна Сайтанова^q

Так что же ты любил в жизни?

Возвращ<ение> в Россию (сон)^r

Те, которых уже нет

Все страшное, пережитое

Лейб-гусар Муравьев^s

Александрит (зеленый днем, красный вечером)

В Венеции^t«Самоедка»¹³

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/567А. Обычный тетрадный лист, текст с обеих сторон, на обороте почти до конца. Черные чернила, незначительная правка теми же чернилами. Более поздняя правка зелеными чернилами, синим, красным и простым карандашами.

Датируется предположительно по качеству бумаги и почерку: конец 1930-х — начало 1940-х гг.

^a Номера Шульгина в Ефремове упоминаются в «Автобиографическом конспекте» под 1888 г., после Ливенских номеров (РАЛ. MS 1066/447) — см. о них в Плана-конспекте № 1. Сегодня — «Гостиница Шульгина» в г. Ефремов (памятник истории местного значения), находится по адресу: ул. Свердлова, д. 38.

^b Вероятно, Эмилия Стиппа, дочь фотографа в Ефремове, в которую Бунин был влюблен в 1888 или 1889 г. Ср. рассказ о влюбленности в дочь фотографа-немца в рассказе «На постоялом дворе» (см. с. 91–92).

^c Соотносится с наброском, посвященным народному обычаю разжигать костры на Рождество для всех мертвых, приходящих погреться (см. раздел «Отдельные наброски», № 12). Кроме того, запись семантически созвучна наброску, посвященному молитве Духова дня (см. «Отдельные наброски», № 5).

^d Каменка — родовая усадьба Буниных, принадлежавшая тете писателя Варваре Николаевне. Отец Бунина Алексей Николаевич после разорения переехал к сестре. Таким образом, вероятнее всего, упоминается эпизод

⁶ Вычеркнуто красным карандашом.

⁷ Вписано на правом поле.

⁸ Запись вычеркнута синим карандашом.

⁹ Запись вычеркнута синим карандашом.

¹⁰ Рядом с записью зелеными чернилами поставлен и дважды подчеркнут значок NB.

¹¹ Запись вычеркнута синим карандашом.

¹² Запись вычеркнута синим карандашом.

¹³ Записано правее остальных записей. Вычеркнуто синим карандашом.

из жизни И.А. Бунина — относящийся, например, к лету 1893 г. (*Летопись* (I). С. 159). В романе «Жизнь Арсеньева» Каменкой названо имение, в котором Алексей Арсеньев живет с семьей до поступления в гимназию. Затем отец продает Каменку, а Арсеньевы переезжают в имение умершей бабушки Батурино. Использование здесь Каменки в романном значении менее вероятно, поскольку продажа Каменки происходит в начале второй книги «Жизни Арсеньева». Однако разговоры Арсеньева с отцом становятся важными вехами романа. Возможно, что упоминаемый здесь разговор должен был сыграть важную роль в дальнейшей судьбе Арсеньева.

^e Рассказ с соответствующим названием («Братья») написан Буниным в 1914 г. по впечатлениям от поездки на Цейлон. Возможно, здесь имеется в виду другой замысел.

^f Дача Ковалевского — дачное место под Одессой в районе Большого фонтана, где располагалась дача купца А.Т. Ковалевского; Бунин отдыхал здесь летом 1913 и 1914 гг. Аннота — вероятно, А.Н. Бунина (урожд. Цакни).

^g Напоминает набросок, приведенный на л. 46 об. папки «К “Жизни Арсеньева”. Том второй» (с. 207–208).

^h Шато Нуаре (Chateau Noiré) в Амбуазе — вилла, на которой И.А. и В.Н. Бунины жили в 1922 г. вместе с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус (подробнее см. с. 577).

ⁱ Старый дом (*фр.*). Название виллы в Грассе, расположенной над виллой «Бельведер», на которой долгое время жили Бунины. На вилле «Vieux logis» жил Жозеф — итальянец, которого Бунины нанимали в качестве прислуги — он был поваром и выполнял другие домашние обязанности.

^j Напоминает сюжет рассказа «Руся» из книги «Темные аллеи».

^k См. План-конспект № 1, с. 232.

^l Вероятно, имеется в виду набросок «Спят в одной комнате — брат и сестра, подростки» (см. с. 297).

^m См. примеч. у к Плану-конспекту № 1, с. 235.

ⁿ См. примеч. р к Плану-конспекту № 1, с. 234.

^o См. примеч. сс к Плану-конспекту № 1, с. 235.

^p См. примеч. с к Плану-конспекту № 1, с. 234.

^q «Княжна Сайтанова» — заглавие незаконченного рассказа Бунина из круга «Темных аллеи» (см. с. 124–125).

^r Напоминает замысел рассказа «Поздний час» из книги «Темные аллеи».

^s «Лейб-гусар Муравьев» — название задуманного Буниным рассказа, но так и не написанного (см. с. 308–309).

^t Венецианский сюжет развивается в одном из набросков (см. папку «Юг», с. 249–250). Путешествие в Венецию — побочный сюжет (географический фон) рассказа «Генрих» из книги «Темные аллеи».

<3>

Зина (не Завистовская) — осень 1903 г. Наше письмо^a ей с Найд<еновым> с вокзала в Киеве: «Тут Рожд<ество?>...»^b.

Крымский курьер^c
Север^d
Правда 1903 (?)
1904 г.^e

Когда Лохвицкая?^f

М.П., Гурзуф^g — я много лет был болен душевно и нервно, оттого так мало и небрежно писал.

Когда на выставку с Семеновой?^h

Когда первая¹ книжка стихов?

¹ первая *вписано*

Рецензии Ив<анова>ⁱ в «Артисте»^j.

Лебедева в «Севере»?^k

Я был тогда в Полтаве!^l?

Когда дочь фотографа в Ефремове?^{3m}

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/602(2). Страница тетрадного формата, текст с одной стороны. Простой карандаш.

Датируется примерно по почерку: 1930-е — 1940-е гг.

^a Письмо не сохранилось.

^b Бунин не был в Киеве в 1903 г. Возможно, это ошибка памяти: он приехал Киев в ноябре 1902 г. для участия в вечере в помощь нуждающимся студентам университета св. Владимира (*Летопись* (I). С. 485). Однако нет свидетельств о том, что в Киеве вместе с ним был С.А. Найденев. Вместе с С. Найденевым 23 декабря 1902 г. Бунин отправился из Москвы в Одессу. Вероятнее всего, письмо было отправлено по пути с вокзала в Киеве именно тогда. Вполне возможно, что друзья проезжали Киев 25 декабря (*Летопись* (I). С. 488).

^c «Крымский курьер» — ежедневная газета, выходившая в Ялте в 1893–1907 гг. 5 августа 1905 г. в ней было напечатано сообщение о якобы имевшем место недопустимом поведении дворянина И.А. Бунина на пароходе «Святой Николай» (он якобы разгуливал по кают-компани в «полном дезабилье»). М.П. Чехова послала этот номер газеты Бунину. Через несколько дней Бунин отправил в московскую газету «Курьер» письмо-опровержение (*Летопись* (I). С. 473–474). 20 августа «Крымский курьер» перепечатал письмо Бунина, опубликованное в «Курьере», и принес Бунину извинения (Там же. С. 477).

^d «Север» — литературно-художественный журнал. Еженедельно выходил в Петербурге с 1888 по 1914 гг. В этом журнале в первые годы своей литературной карьеры Бунин активно печатался, кроме того, в нем появилась рецензия на первую книжку бунинских стихотворений (см. ниже).

^e «Правда» — ежемесячный журнал, посвященный вопросам литературы, искусства и общественной жизни. Выходил в Москве с 1904 (вероятно, поэтому 1903 год под вопросом) до 1906 г. В декабре 1903 г. редактор-издатель журнала В.А. Кожевников предложил Бунину редактировать беллетристический отдел создающегося журнала. Бунин приглашение принял (*Летопись* (I). С. 521). В дальнейшем его роль в журнале свелась к роли члена редакционного комитета. В этот период Бунин печатает в «Правде» ряд своих произведений.

^f И.А. Бунин познакомился с поэтессой Миррой Александровной Лохвицкой (1869–1905) в конце декабря 1895 г., во время очередного приезда в Москву (*Летопись* (I). С. 212). В.Н. Бунина ошибочно полагала, что это произошло в конце 1896 г.: «У них возникла нежная дружба, он всегда восхищался ею, вспоминая “снежный день на улице, ее в нарядной шубке, занесенной снегом. Ее считали чуть ли не за вакханку, так как она писала стихи о любви и страсти, а между тем она была домоседкой, матерью нескольких детей, с очень живым и чутким умом, понимавшая шутку”» (*Жизнь Бунина* (1958). С. 95).

^g Вероятно, Мария Павловна Чехова (1863–1957) — сестра А.П. Чехова. Бунина и М.П. Чехову связывали теплые дружеские отношения. Летом 1902 г. Бунин гостил у М.П. Чеховой в Гурзуфе, где у Чеховых был домик.

^h Издательница «Орловского вестника» Надежда Алексеевна Семенова (по мужу Сентянина; 1862–?) пригласила Бунина съездить в Москву на французскую выставку в конце июля 1891 г. Они провели в Москве с 25 июля по 2 августа 1891 г. (*Летопись* (I). С. 111–113).

ⁱ Речь идет о рецензии И.И. Иванова на книгу И. Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891) в журнале «Артист» (1892. № 20 (февраль). С. 106).

^j «Артист» — театральный журнал, выходивший в Москве в 1889–1895 гг. Имел большой литературно-критический отдел. В частности, И.И. Иванов рецензировал в нем новые произведения А.П. Чехова.

^k Имеется в виду рецензия В.П. Лебедева на книгу И. Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891) в журнале «Север» (1892. № 9. 1 марта. Стб. 495).

^l Бунин был в Полтаве с 25 февраля по 26 марта, с 28 марта по 13 апреля 1892 г. (*Летопись* (I). С. 130–138).

^m См. примеч. б к Плану-конспекту № 2.

² Слева рядом с этой и двумя предыдущими записями написано: Ромадан?

³ Запись сделана по левому полю листа.

4. Папка «Юг»

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

Папка «Юг» внешне похожа на папку «К “Жизни Арсеньева”. Том второй». Она хранится в РАЛ как единая, цельная папка: листы разрозненны, но уложены в такую же обложку скоросшивателя. Можно предположить, что по времени создания она примыкает к наброскам второго тома «Жизни Арсеньева».

Принцип расположения материала в этой папке напоминает принцип папки второго тома. Отдельные начальные тексты уже собраны в тематические подборки — перед нами начальные тексты второго уровня. Местами встречаются полноценные промежуточные тексты, выросшие из начальных.

Поскольку в набросках второго тома мы видим явное усиление французской темы, с большой вероятностью можно предположить, что в каждой из книг романа, следующих за пятой, рассказ о жизни героя во Франции должен был занимать все больше места. Если так, то папка «Юг» задумывалась на перспективу и должна была послужить основой для седьмой-восьмой книг «Жизни Арсеньева».

В этой папке ярко отразился переход авторского мышления от «Жизни Арсеньева» к книге «Темные аллеи» и рассказам «круга “Темных аллей”». Итальянские заметки Арсеньева (или другого автобиографического героя) в сжатом виде попадут в рассказ «Генрих» (1940; вторая часть «Темных аллей»). Большое путешествие по Италии вместе с возлюбленной в «Генрихе» сильно урезано — по сути, только намечено и навсегда останется несовершенным. Такой ход работы над текстом — вычеркивание хорошо проработанного материала — характерен для Бунина и в других случаях. Материал при этом остается, сохраняя возможность «переписывания» сюжета с иным поворотом действия и другой географической канвой.

Повествование о южной женщине в железнодорожном вагоне (на л. 6 — более развернутый вариант, на л. 7 об. — более сжатый, но соотношенный с предыдущим словом «тоже») очень важно в контексте замысла «Темных аллей». В одном наброске место действие обозначено как «Железнодорожная ветка С. Рафаэль — Тулон», в другом — как департамент Вар. Бунин ищет нужный южнобережный локус (Сен-Рафаэль и Тулон, собственно, входят в департамент Вар, так что речь идет прежде всего о словесном обозначении места действия). Позднее локус будет найден: тогда появится заглавие «Камарг» (1944; третья часть «Темных аллей»). Эта папка позволяет проследить за развитием темы от промежуточного текста к готовому. В тексте рассказа сохранена лишь ситуация: портрет женщины уже совершенно иной, чем в публикуемой ниже папке. Тут женщина полная и могучая, в рассказе — сухая и, вероятно, стройная. При этом «солью» рассказа и его конечным пуантом становится древность и первобытность (излюбленные бунинские мотивы еще с дореволюционных лет) зашедшей в вагон незнакомки. Жители области Камарг (в тексте отмечена и столица области — Арль¹; действие, таким образом, в готовом тексте перенесено чуть западнее) имели особую историческую прическу² и особый костюм, который еще носили в бунинское время (до середины 1950-х гг.). В рассказе бросаются в глаза длинные серебряные серьги — вероятно, это серьги «брандато», отличительный признак замужних женщин в Камарге. Женщина из Камарга — не просто женщина, к которой испытывают роковое влечение все сидящие в вагоне мужчины. Это древний лик любви и страсти, который вдруг оказался в обыденной жизни.

То же можно сказать и о сюжете с дорогой содержанкой (появляется на листе 23 и развивается вплоть до последнего листа папки). В какой-то мере содержание этих набросков переключается с рассказом «Ривьера» (не напечатан при жизни писателя; бунинская датировка рукописи — 10 января 1944 г., — по-видимому, отражает либо время создания первого черного варианта, либо время

¹ «Она вошла на маленькой станции между Марселем и Арлем...» (*Темные аллеи* (1946). С. 289).

² У Бунина это выделено не так подробно, хотя на необычной прическе женщины повествователь останавливает взгляд: «Из-под жесткого шелка смольных волос, разделенных на прямой пробор и вьющимися локонами падавших на низкий лоб, поблескивали вдоль круглой шейки длинные серебряные серьги» (Там же).

появления замысла рассказа). Набросок на л. 23 датирован 10 июня 1944 г. Возможно, это время доработки и обработки первоначального наброска. Возможно, это параллельный вариант рассказа о жизни роскошного отеля. Однако связь между целой цепочкой параллельных сюжетов (есть еще одна линия промежуточных текстов, ведущая к рассказу «Ривьера», связанная с Ментоной и отелем «Бальморал» — см. об этом в папке «К “Жизни Арсеньева”. Том второй») и в разделе «Отдельные листы») ощутима.

В этой папке четче, чем в других, прослеживается разработка тем. Например, на л. 12 мы видим конспективно намеченный железнодорожный маршрут: движение поезда от Вены к Ницце. На л. 18 — в продолжение темы — записываются ощущения героев на каждой станции этого маршрута (строение наброска напоминает подробнейший рассказ Арсеньева о железнодорожном путешествии в Крым — или его железнодорожный пробег по древним русским городам, завершающийся в Петербурге, и обратное движение через Москву в Елец).

В южной папке мы видим новый принцип работы с промежуточными текстами. Каждый новый вариант сюжета не перечеркивает (иногда в прямом смысле — новым слоем правки) предыдущий, а записывается рядом, иногда следом. Промежуточные тексты, записанные друг подле друга, свидетельствуют о новом принципе развития тем: перетекании одной записи в другую (запись на лл. 23–24 переходит в запись на л. 25, запись на л. 26 — в запись на л. 27) — это как бы переписывание сюжета заново с расширением и изменением — или создание параллельного варианта. Видимо, принципы работы с (начальными и промежуточными) текстами не были неизменными на протяжении всего (эмигрантского) творчества. Это не удивительно, ведь почти с каждым десятилетием существенно менялась архитектоника созданных Буниным конечных текстов. Здесь мы можем видеть внутреннюю органику этого процесса.

<л. 1, обложка папки>

Юг³

<л. 2>

— Madame, ne désire pas notre omelette maison⁴ au kirsch et aux pêches de vigne?

— Si, je désire vivement cette omelette. Et comme vins?

— Fleuri.^a

Марсель. La Cannebière^b. Старый порт.

— La bouillabaisse, monsieur, se mange dans une calanque, ou chez Isnard, ou chez Pascal^c.
Коридоры «Терминюса»^d.

Capitaine au long cours^e.

В заливе возле Марселя. Завтрак в лодке: une omelette, un grillé au fenouil et une langouste tiède au sel, du pain «croustillant et doré» — «tout arosé» d'une bouteille de Vin de Cassis^f.

Une daube et une saucisse grillée à la Marseillaise, sur un lit de petits champignons^g.

³ Запись сделана значительно позднее, чем остальные записи папки — почерком Бунина последних лет.

⁴ На верхнем поле над словом «maison» вписано: Pouilly <вероятно, название вина>

⁵ По всему левому полю простым карандашом вписано: On peut savourer à Marseille une excellente bouillabaisse chez Pascal et chez Rostand. <В Марселе можно насладиться превосходным буйабесом у Паскаля или у Ростана (фр.)>

-
- Qu'est-ce que vous pouvez nous servir de bon?
 — Des coquilles de poisson, un poulet aux champignons, une bonne salade et un dessert^h.
-

<л. 2 об.>

Messageries Maritimesⁱ.

Agay. Grand Hôtel des Roches Rouges.
 Bandol-sur-Mer. Gr<and> H<ôtel> des Bains
 Cannes. Carlton Hôtel. — Hôtel Suisse.
 Bormes-les-Mimosas^j. У Казака.
 Aix-les-Bains. Gr<and> H<ôtel> d'Albion.
 Annecy⁶. L'Impérial Palace (hôtel de grand luxe)^k
 Avignon. Hôtel d'Europe.
 Bordeaux<x>.

Biarritz. Hôtel du Palais (самый роскошный и противный).
 Deauville. Gr<and> H<ôtel> de la Terrasse (на берегу)
 Dijon. H<ôtel> de la Cloche
 Digne^l. Hermitage (?)
 Hyères^m. ?
 Juan-les-Pins. Le Grand Hôtel
 Menton. Hôtel Restaurant Balmoralⁿ
 Monte Carlo. H<ôtel> de Paris
 Nice. H<ôtel> Negresco.
 Saint-Jean-de-Luz^o. Golf-Hôtel-Beau-Rivage
 Biskra^p. H<ôtel> du Sahara.

<л. 3>

Прованс:

- La vérité est comme l'huile — elle va toujours dessus^q.
 — Le ventre à l'espagnole!^r (голодный).
 — L'âne pense d'une façon et l'ânnier d'une autre^s.
 — Battre sa femme, c'est battre un sac de farine: le bon s'en va, le mauvais reste^t.
 — Il faut se méfier du devant d'une femme — et du derrière d'une mule.^u
-

Старик старухе, с веселой ядовитостью:

— Bien bonsoir, ma belle!^v

Она в ответ:

— Oh, vieux priseur du tabac!^w

Молодые плебеи в вагоне — вульгарные крики, оглушительный хохот:

- Vrai, tu est comique!
 — Tu est joliment bête!
 — Une jolie ordure!^x

---

⁶ Аннесу *втисано*

Осень, холод, ливень. Входит в кабак:

— Vite, vite! Un peu de vin de feu, patron!^y

<л. 3 об.>

Le mois noir^z — ноябрь.

La Toussaint — la messagère de l'hiver^{aa}.

Рабочий. Идет домой, кинув снятый пиджак на плечо.

Деревня, зимний день, солнце, налеты мистрала — и такая тишина, пустынность, неподвижность всего, точно нет и не было времени.

В Альпах. Дикое, лесистое, прекрасное ущелье, не обитаемое от начала времен.

Рождественская ночь, la messe de minuit^{bb}... Сколько уже вспоминаю таких⁷ ледяных, светлых, чистых рождественских ночей с бесконечно высокой луной, над морем, над нашей долиной, над голыми хребтами Альп, над Авиньоном...

Дикая деревушка в горах. Узкие каменистые улочки, площадь, платаны, фонтан; церковь, кладбище; лавчонка, вход завешен рядом; jeux de pommes^{cc} на площади... Церковь древняя — в ней отпеты уже тысячи — тысячи умерших в своей детской, печальной вере.

<л. 4>

Прованс.

Et quand ce fut vers le minuit,

La lune blanche a resplendit,

La cimetièrre a blanchi.

— Sonneur, que vois-tu dans le clos?

— Moi, je vois les morts réveillés

Qui se dressent sur leurs tombeaux.

Et quand ce fut vers le minuit,

Tous les tombeaux se sont ouverts

Et tous les morts en sont sortis,

S'en sont allés par trois chemins

Rien qu'avec leurs squelettes blancs^{dd}.

В горах. Пустыня от создания мира, покой и молчание вечности.

Пустой древний, дикий собор, его пещерный вид и воздух. Перед алтарем черные погреб<альные> носилки.

Муаровая вода быстрой речки.

<л. 4 об.>

---

⁷ таких *вписано*

— Belle comme un jour et innocente comme l'eau.⁸

В знак траур<a> женщины покрываются белым платком.⁸

<л. 5>

Пинии (зончатые). Их темно-зеленые верхушки, кудрявые, как кочаны цветной капусты.

Перед дождем: тучи, черная зелень гор.

Лепка гор, их изваяние, лепка, «пластика»... Невозможно выразить.

Обрывы на Cap Martin (под Ментоной), за отелем. Там вспоминал обрывы⁹ Капри.

Hôtel Balmoral в Ментоне. Наша с ней ночь там, мутно-лунная, душная, жаркая. Ходили на мол, чтобы хоть немного дохнуть бризом. И там ни единого дуновения. Розовые поздние огни в Италии. (Потом Торан^{fi}).

Лунное море золотом светит¹⁰, ровной золотой полосой поверх крыш и садов, лежит выше их. (Золотой зыбкий блеск).

<л. 5 об.>

Mois de Marie^{gg} (май). Как хорошо! Premières communions^{hh}. Лакированные башмачки и новые костюмчики мальчиков с белым бантом, подвязанном выше локтя. Девочки в бело-снежных¹¹, легких длинных платьях, точно венчальных, — маленькие женщины.

[В старину в России говорили прованский¹² вместо провансальский.]

Шли от St. Vallierⁱⁱ. Весенний вечер, кукушка... Моя молодость, мои далекие весны...

«Belvédère», 12.XI. Несказанная прелесть деревьев в на <так!> облаках лунного неба — пальм, кипарисов...

Нежное и безучастное мерцание слабо видимого Сириуса.

2.VII.36. Далеко вдали тусклый и печальный лоск части моря у берегов. Луна вверху в зыби облаков, среди которых крупные золотые звезды. — Все точно для нашей потребности в прекрасном!¹³

<л. 6>

Железнодорожная ветка С. Рафаэль — Тулон, третий класс.¹⁴

⁸ Внизу листа было: Гармоничный и безразличный голос.

⁹ Было: отели

¹⁰ Далее было начато: пер

¹¹ Было: белых

¹² Было: прованьски<й>

¹³ Рядом с последней строчкой записи на левом поле красным карандашом поставлен косой крестик.

¹⁴ Рядом с началом этого предложения красным карандашом поставлен косой крестик.

Толстая, великолепно тяжелая и сильная, круглоликая, с еще молодым густым румянцем цвета бургонск<ого> вина, темный пушок вдоль щек и на верхней губе. С корзиной с базара в С. Рафаэле. Сидит, расставив большие ляжки. Горячий воздух в открытые окна, ее жаркое тело. И от этого еще пуще вожделение к нему мальчишки солдата, сидящего напротив, мысли об этом теле, мысленное соединение с ним. Смотрит так упорно, что она наконец зашевелилась, вздохнула и стала смотреть в окно.^{jj}

<л. 6 об.>

Ночью в море на рыбацкой барке, цепь огней на дальнем берегу справа. Звезды, вечные звезды в небе слева...

Все грусть, все человеческое одиночество, ничтожество, краткость...

<л. 7>

Дижон. Отель «La Cloche».

После Лиона. Ночь, прекрасный край — точно мертвый и тем более прекрасный в своем мертвом молчании и таинственности. Далеко за полночь, слева, над невысокими горами, низкая луна, — грустная, как всегда поздней ночью. Пустынно, дико — каменные городки, деревни, фермы, — каменность уже южная; оливы, оливы, тени от них, чернота кипарисов... Весь поезд спит. В открытое окно бьет теплый, но сильный ветер, запах каменного угля...

Утро. Другой мир, радостный, счастливый. Марсель, Старый порт, Notre Dame de la Garde...^{kk}

Холмы и бухты после Марселя. Все же зима, солнечно, в тени холодно. Густота синевы заливов и что-то^{ll} дымное в море, будто еще не совсем вышедшее из ночи. Резкое — белое и синее: небо и дачи.

Вот дом на холме, кипарисы. Впереди перед ним вечный блеск солнца и моря.

Голые ветвистые фиги — ветви канделябра.

<л. 7 об.>

Ночью^{lll} над садами и крышами на побережье — полоса лунного моря искрится золотой чешуей.

Var. Вагон третьего класса.^{lll} Женщина^{lll}, тоже большая, плотная, могучая, с лицом, которое рдеет, цветет красным вином. Сидит с расставленными мощными ногами; в ногах корзина с томатами.^{lll}

В порту в Каннах — как и в итальянских, испанских и греческих портах — на носгах старых парусных барок резные из дерева и раскрашенные святые, Мадонны; или аттические хари. (Голубое, золотое, меловое). Прекрасные, благочестивые названия барок.

Лоренские <так!> острова (где когда-то поклонялись бесам)^{lll}.

^{ll} Было: черно

^{lll} Далее было: море

^{lll} Далее было: Большой, сильный как бык, на щеках страшный сизый в кровяных жилках — румянец.

^{lll} Рядом со словом Женщина на левом поле поставлен крестик красным карандашом.

<л. 8>

Приморский отель. Море занимает пол-окна. Вдали, в сине-воздушной морской зыбкости, белой заплатой парус.

За морем — розовая вечерняя заря. Голый лесок мачт в гавани рыбацкого городка, сквозящий на этом прозрачном, розовом. Тонкий, как волосок, молодой месяц. Виден и весь его круг, но несветящийся, паутинный¹⁹.

Море, зной. Пиния на самом берегу — и под ней идет, струится, течет и все не утекает солнечное, зеркальное, горячее²⁰ отражение воды. Под пинией душно, жарко, пахнет горячей хвоей, смолой.

Вдали в море сине-зеленая зыбь.

Смородинный цвет гор перед дождем.

Серый вечер. Синева далекого моря, смутная, темнеющая, ничего не значащая, ничего не выражающая, а меж тем для тебя такая печальная. И мучающая: <л. 8 об.> зачем, зачем она существует — тысячи, тысячи лет!²¹

Конец сентября. Опустевший пляж. Конец чему-то — уже грусть, боль прошлого. Солнечное, но как будто уменьшившееся море — плоское, в несколько тусклом блеске солнца.

Солнечный день в ноябре. На пути из Грасса в Канны обернулись: четко, чисто, близко *полулежат* нагие горы несказанно прекрасного серого с сиренью цвета; над ними — эмалевое небо с неподвижными белыми облаками: *панно*.²²

Villa «Vieux logis»^{mm}. По сторонам старого желтого провансальского дома два огромных древних кипариса.

Vieux! В доме живут, умирают, опять живут — новые, недолговечные... Кипарисы стоят.²³

Прованс<альский> городок. Медленное течение дней, смены их ночами и новыми днями. Ничтожность человечес<ого> будничного существования. Обоюдная безучастность — жизни природы и человека. И тысячи лет далекие, неподвижно белеющие вершины в горах.

<л. 9>

Влажная, теплая ночь поздней осенью. Поздний час. Каменный глухой городок²⁴ в Нижних Альпах, совсем мертвый, весь давно²⁵ спящий.

¹⁹ Рядом с записью поставлен крестик простым карандашом на левом поле.

²⁰ горячее вписано

²¹ Рядом с записью поставлен крестик простым карандашом на левом поле.

²² Рядом с записью поставлен крестик простым карандашом на левом поле.

²³ Рядом с записью поставлен крестик простым карандашом на левом поле.

²⁴ Вместо: Каменный глухой городок — было: Городишко (каменно-глиняный)

²⁵ давно вписано

Автомобиль с устремленными вперед длинными дымчато-белесыми столпами-лучами. Мелькающие в них металлически-меловые кусты, камни, потом площадь, фонарь, самоцветные глаза кошки, соскочившей с дороги. И черная фигура шагающего молодого тонконового кюрэ. Шагает, склонив голову. Куда, зачем? Верно, не спится, — одному во всей дикой горной глуши.²⁶ И мгновенный ужас при мысли²⁷ о том, что вся²⁸ его жизнь пройдет тут. А ты только мелькнул.

Площадь, фонтан, этот грустный²⁹ фонарь — точно единственный во всем мире и неизвестно зачем светящий всю ночь. Фасад грубой каменной церковки. Старое большое дерево возле фонтана, уже обнаженное³⁰, ворох опавшей почерневшей, мокрой листвы под ним³¹. Дальше дорога мимо маленького древнего³² кладбища и уже гробовая³³ тьма. [Там в земле, в сгнивших гробах, безносые вытянувшиеся скелеты.]^{oo}

<л. 9 об.>

Старый городок в Верхних Альпах. Лунный осенний вечер, свет и тени.

Тесно, сплошным волнующимся³⁴ потоком³⁵, бестолковой, но очень³⁶ густой гурьбой, мелко семена тонкими ножками, идет овчье стадо, возвращающееся на зиму с гор — шум движения, дыхания, бляение, колокольцы, запах грязно-серого руна.

Сзади вислоухие козы, овчарки, пастух и подпасок. Треньканье колокольца на передовом баране... Все переносит тебя туда, в горы³⁷.

Лето 23 года, жаркая ночь, два часа. Barcelonette.^{pp} Козел, как черт, стоит над спящим овечьим стадом на площади.

Ледяная, зимняя, лунная провансальская ночь, долетающий из-за гор мистраль, резкий, сухой шум пальм.

Луна смотрит в окна, ее свет и блеск на одеяле, — от этого еще холодней кажется в комнате.

Лунная холодная Рождественск<ая> ночь в Альпах. Полнолуние. Что там, выше, в Верхних Альпах?

Мечты о Рожд<ественской> ночи в папские времена в Авиньоне.^{qq}

²⁶ *Вместо:* камни, потом площадь ~ горной глуши — *было:* а. деревья, драгоценные камни глаз кошки на дороге. Черная фигура молодого тонконового кюрэ. (с абзаца) Идет, склонив голову. Один не спит во всем этом мертвом горном, диком царстве. б. камни, потом площадь, самоцветные глаза кошки, соскочившей с дороги. И черная фигура шагающего тонконового кюрэ. Шагает, склонив го<лову>. Куда, зачем? Верно, не спится, — одному во всей дикой горной глуши.

²⁷ *Далее было:* о его одиночестве

²⁸ *Далее было:* , вся

²⁹ *Вместо:* этот грустный — *было:* единственный

³⁰ *Вместо:* Старое большое дерево возле фонтана, уже обнаженное— *было:* а. Дальше кладбище и уже тьма. б. Старое большое дерево, голое, возле фонтана,

³¹ под ним *вписано*

³² маленького древнего *вписано*

³³ гробовая *вписано*

³⁴ волнующимся *вписано*

³⁵ *Рядом (возможно, шло далее) вписано карандашом и вычеркнуто:* грязно-серым руном.

³⁶ но очень *вписано*

³⁷ Треньканье ~ в горы *вписано серым карандашом.*

<л. 10>

Ривьера.

Искривленные и склоненные пинии, меж которыми жарко блещет море.

Вилла. Напр., Villa «Les Agaves^т».

Металлический блеск моря.

Рододендроны. Синее море, бледнеющее к черте горизонта.

Royal-Palace-Hôtel, Excelsior-Monopole-Hôtel... По всему миру одно и то же!

«Le meeting des canots...» Cannes^{ss}.

<л. 10 об.>

— Café nature... Café crème...^т Или короче: «Nature... Crème...» В³⁸ стакане.Летом: «Mazagran!^{uu}» (холодный, в стакане)

Casino de Paris — 16, rue de Clichy

Olympia — 26, Boulevard des Capucines

Luna-Park — à la Porte Maillot

Bal Tabarin—36, rueVictor-Massé³⁹

<л. 11>

— Да, вечно светлый Прованс, мой друг! Мертвый, дикий, древний городок, древняя, пещерно грубая церковка, холодок после жара наружи⁴⁰, гробовое молчание, белая статуя Мадонны, безмолвная, неподвижная, дни и ночи пребывающая в этом диком Божьем доме... Ave Maria, Пречистая, единая земному горю причастная! Единое утешение, единая надежда на помощь — о, как хочется верить этому, когда нет ниоткуда помощи в твоём страдании! Она молчит, стоит — слышит ли, внемлет ли? Сколько таких минут пережил я пред Нею! И не было, не было помощи!⁴¹

Мужэн, Маганьоск^{vv}

Мистраль^{ww} в своих воспоминаниях называет своего отца «le Maître, mon seigneur père», мать «la Maîtresse, ma belle mère»^{xx}... Как хорошо!

Запах старого французского мануара^{yy} — остывший дым каминов...

Каменный пол в большом холодном вестибюле.

В первом этаже (в первом по-французски^{zz}) в конце коридора всегда запертая комната. Хозяин, отворяя дверь в нее: «Эта комната не сдаётся, <л. 11 об.> будет заперта — тут скон-

³⁸ Далее было: чашке или в³⁹ Записи Café nature... ~ rue Victor-Massé вписаны на обороте листа серым карандашом⁴⁰ после жара наружи вписано⁴¹ Рядом с записью косою крестик серым карандашом на полях.

чалась моя мать». Деревянная кровать с голым матрасом. Распятие из слоновой кости на стене над нею... Жить тут все лето, чувствуя эту запертую страшную комнату?

В нужнике, высоко в углу, узкое окошечко. В лунную ночь аметистовое.

Особенная серость древней каменной скамьи, древней статуи в саду (Прованс, Италия).

Во дворе, заросшем сухими дикими травами, высохшая цистерна. Круг ее жерла из грубого древнего камня.

<л. 12>

Москва — Смоленск — Минск — Брест — Варшава (сутки).^{aaa}

Варшава — Граница (рус<ская> граница) — Шакова (австр<ийская>) — Тшебиня — Одерберг^{bbb} — Вена (17 часов; если из Варш<авы> часа в 4 дня, то Вена часов в 9 утра).

Вена — Нейштадт — Брук — Леобен — Понтефель (австр<ийская> гран<ица>) — Понтеба (итальян<ская>) — Венеция (13 часов).

Вена — Земмеринг — Виллах — Понтеба — Удинэ — Падуа — Верона — Милан — Павия — Генуя — Венти<ми>лья — Ментона — М<онте> Карло — Эз — Болье — Вильфранш — Ницца (33 или 38 ч<асов>; если из Вены часов в 9 утра, то Ницца в шестом часу вечера).^{ccc}

Петербург — Вильна — Варшава — Граница — Тшебиня — Одерберг — Вена (45 ч<асов>).

<л. 13>

Тысячи сытых голубей, покрывающих сплошь всю пьядцу, бегут на сыплющиеся на них зерна в разные стороны, шепотко <так!>, качаясь⁴², но одинаково жадно и клюют с удивительной быстротой и ловкостью.

Сумерки, где-то тихий, сладостный, жалобный, дрожащий звон мандолины.

<л. 13 об.>

Замкнутый четырехугольник монастырского двора с портиками. Под аркадами вдруг видишь древнюю языческую гробницу или дико-грубую, как каменная баба, статую святого.

В Риме останавливался в начале семидесятых годов (прошлого столетия) в Hôtel de Russie.^{ddd}

Станцы Рафаэля в Ватикане ему⁴³ не понравились — «картинки с бонбоньерок», Сикстинская Капелла показалась скучна и сыра.^{ccc}

Великая, вечно новая зеркальность внутренности храма Петра.

Бронзовый Петр со ступней уже острой к концу от⁴⁴ несметных поцелуев.^{fff}

---

⁴² шепотко, качаясь *вписано*

⁴³ ему *вписано*

⁴⁴ *Далее было:* мириада

Рогатый Моисей, тоже слишком блестящий гладким мрамором.^{ggg}

Эхо от шагов, от вдоха или от чых-то голосов.

<л. 14>

— Ну, конечно, галереи Берлина, Дрездена, Мюнхена — Старая Пинокотекка <так!>, Новая Пинокотекка <так!>...^{hhh} И все это будто бы⁴⁵ страшно занимало ее...

Потом Верона, Венеция, Равенна — опять все, что полагается...

В Вероне будто бы могила Ромео...ⁱⁱⁱ

[Кругом] [В Равенне болота, пиниевые рощи — Пинета...^{jjj}]

Я всё знал заранее, у меня был составлен загодя список всего примечательного.

В Венеции (хотя она тоже многое заранее знала) ее все-таки⁴⁶ удивило, что, когда мы вышли из вокзала, оказалась вместо площади вода, а на некоторых гондолах нечто весьма прозаическое — то⁴⁷ корзины с овощами, то какие-то ящики с товарами, то груды пассажирского багажа...

На другой день начался, конечно, усерднейший осмотр Венеции. Я, говорю, был заранее образован и даже до того, что знал кое-что совсем неизвестное весьма опытным туристам: например, то, что только Большой Канал называется Canale (просто Canale),⁴⁸ а прочие —⁴⁹ «canali», что улицы — это «calli», площади — «campi», площади небольшие — «campielli», а совсем маленькие — «campazzii»; <л. 14 об.> что до площади Марка, то я знал, что это пьятца Сан-Марко, а дальше — пьятцетта и набережная Скъявони...

Что дальше — всем известно.

На Torre dell'Orologio^{kkk} бронзовые люди, страшно торчащие в небе, били часы в колокол — молотками с длинными рукоятками...

Мимо кафе Флориана и под Прокурациями^{lll} шел непрерывный шорох⁵⁰ шагов по мраморным плитам...⁵¹

Что еще? Приземистый⁵² Марк^{mmm}, Дворец Дожей, Кампаниле, столб с крылатым львом, Мост Вздохов⁵³... На острове — Сан-Джорджио Маджоре, закат за ним... Полдневная пушка — с шумом, с свистом крыльев взлетают тысячи голубей на Piazza и на Piazzeta⁵⁴...ⁿⁿⁿ Ночной праздник на Большом Канале — гондолы в бумажных фонариках, в ветках зелени — человеческое убожество, называемое «феерией»! Прибавьте к этому «великих» венецианских художников — Карпаччио и Тинтаретто — и заметьте, что последний родился в 1508 году, а умер в 1571 и что соверш<енно> необходимо видеть его «Распятие»^{ooo}... Да, забыл: надо еще посетить Santa Maria della Salute... Кроме того, я обратил ее <л. 15> внимание, что венецианки носят на плечах черные платки: это⁵⁵ очень идет к черноте гондол, хотя совершенно⁵⁶ непонятна венецианская любовь к черному.

⁴⁵ бы вписано

⁴⁶ Далее было: радостно

⁴⁷ то вписано

⁴⁸ Вместо: Canale (просто Canale) — было: Canale (Canale grande).

⁴⁹ Далее было: просто

⁵⁰ Было: шум

⁵¹ Далее было (с абзаца): Высились Кампаниле

⁵² Было: Сам приземистый

⁵³ Мост Вздохов вписано

⁵⁴ Вместо: на Piazza и на Piazzeta — было: на Пьяце и на Пьяцете

⁵⁵ Вместо: это — было: , что

⁵⁶ Далее было: непонятно это

На Лидо мы зачем-то ездили два раза и каждый раз ночевали там — сперва в Hôtel des Bains, потом в Hôtel Excelsior. В эту пору там не было ни души...

Ну-с, затем Равенна. Как же без Равенны? Там болота, пиниевые рощи — Пинето...⁵⁷ Там умер в 1321 г. Данте, там и лежит он⁵⁸ в часовне⁵⁹ — уж не помню, как она называется...^{ppp}

Потом, разумеется, Пиза. (К чему я перечисляю и буду и дальше перечислять⁶⁰ все это так подробно, вы увидите впоследствии). Тут, как всем известно, надо смотреть, помимо Падающей Башни, Собор, Баптистерий, Кампо Санто — все это на окраине города, на площади, «равной которой нет во всей Италии» и весьма заросшей травой, и все мраморное, полосатое — черное и белое⁶¹ — и все⁶² «памятники архитектуры 12 века»^{qqq}...

Забыл сказать: в Венеции я уже делал вид, что некоторые гондольеры — мои приятели, что одного зовут Козимо, другого Джован<н>и, третьего Агостино, четвертого Аннибале, пятого Пьетро или Доменико... что нищему или нищенке надо подавать <л. 15 об.> три или четыре сольди — не больше... Знал, что треченто — XIV век, кватроченто — XV, чинквеченто — XVI, что Джотто относится к треченто, Корреджио — к чинквеченто...^{тт} что Гириляндайо Доменико жил на свете от 1449 до 1494 года, Боттичелли Сандро — от 1447 до 1515, Фра Беато — от 1387 до 1455^{sss}... (но насчет⁶³ Джотто, Чимабуэ и Фра Анджелико^{тт} точные даты их жизней, каюсь, запомятовал)... Знал, что любимые цвета итальянских мозаистов — синий, зеленый и винно-красный... И не в меру часто напоминал ей все это...

В Флоренции опять церкви, галереи... Она мне понравилась больше — голая, каменная, песчаного цвета, море черепичных крыш, лежащих⁶⁴ в долине⁶⁵... Но опять⁶⁶ надо было помнить, что во Флоренции жили Данте, Петрарка, Рафаэль, Микельанджело, Леонардо-да-Винчи... что главная площадь называется Santa Maria del Fiore, что на ней собор того же имени с «знаменитым» куполом Брунелески, восьмиугольная баптистерия Сан-Джованни с бронзовыми дверями <л. 16> в изваяниях Гиберти... Потом — Palazzo Vecchio со своим зубчатым карнизом... Потом Ponte Vecchio... Лестница к площадке Микель-Анджело, кипарисы,⁶⁷ копия его «Давида»... Вид оттуда, от балюстрады, на город в долине с этим «знаменитым»⁶⁸ куполом собора, правда, хорош. Хорош резкий, звонкий звон колоколов... Есть еще, как известно, вид на Флоренцию от Сан Миниато... И, конечно, Арно, Арно... Что⁶⁹ еще? Готический фасад церкви Санта Кроче и перед ней — памятник Данте... Церковь Санта-Мария-Новелла...⁷⁰

⁵⁷ Там болота, пиниевые рощи — Пинето... *вписано*

⁵⁸ *Вместо:* там и лежит он — *было:* и лежит там

⁵⁹ *Далее было:* и т.д.

⁶⁰ *Вместо:* перечисляю и буду и дальше перечислять — *было:* говорю

⁶¹ и всё мраморное, полосатое — черное и белое *вписано*

⁶² *Далее было:* это

⁶³ *Было:* про

⁶⁴ *Вместо:* крыш, лежащих — *было:* крыш лежит

⁶⁵ *Вместо:* долине — *было:* а. долине б. ее долине

⁶⁶ *опять вписано*

⁶⁷ кипарисы, *вписано*

⁶⁸ «знаменитым» *вписано*

⁶⁹ *Далее было:* там

⁷⁰ *На обороте листа записи:* <рукой И.А. Бунина, черные чернила, выделено зелеными чернилами> du papier **quadrillé Ommo Ring** de cette dimensions (66, je crois) <листы в клетку Ommo Ring такого размера (66, я думаю)>; <рукой В.Н. Буниной, синяя шариковая ручка> V. Bounine В. Бунина В. Буни В. Бунин; <рукой И.А. Бунина, красные чернила>; Оседлаю коня, коня борзого / И помчусь полечу легче сокола <неточная цитата из стихотворения А.В. Кольцова «Песня старика», 1830>

<л. 17>

Темные сумерки, в темноте⁷¹, далеко впереди насыпаны огни прибрежного города, перед глазами слабо белеющая дорога вдоль моря. Море сонно шумит справа, темно-гранитное. Навстречу теплый ветер. И эта бесцельная громада воды...

Ночь, впереди равномерный шум — черная свежо⁷² шумящая равнина моря.

- <4> Свежий, металлический запах моря.
- <1> Площадь, огни, отель. За светом — ночь,
- <5> Мертвая зыбь, глянец воды, чайки —
- <2> черная тьма, океан, его переливающийся
- <6> к бурному дню завтра
- <3> шум.⁷³

«Ты утвердил еси землю на водах, Ты оградил еси море песками»^{uuu}.

Простой, йодистый запах моря. Желтый слоистый песок, дальше камни, мелкое дно, ходят какие-то рыбки. На песке сети цвета красной ржавчины.

Против ветра к морю — холод по лицу, в рукава.

<л. 17 об.>

Дикий, древний, нищий и грязный, каменный итальянский городок у самого моря. Маленький порт, лодки, мачты рыбачьих барок. В воде у берега ржавые жестянки, отбросы гниющей зелени. Грустные сумерки. Узкая улочка вверх, в город. На углу, в старой нише, за ржавой решеткой, огонек лампадки перед гипсовой фигуркой Мадонны, раскрашенной в голубое.

Каменные мощи Пизы. Баптистерий, падающая башня. Приморская равнина, вдали мутно синеют горы.⁷⁴ Холодный редкий дождь от времени до времени, сырой ветер. Шум холодной речки. Пустота, редкие прохожие — старые, нищенские⁷⁵ плащи, правая пола через левое плечо. — Мутно-зел<еная> Арно делит дугой городок на 2 части.⁷⁶

<л. 18>

Рассвет, поезд стоит — австр<ийская> граница. Горячее⁷⁷ шипение пара под поездом, его запах и запах каучука.

Венский вокзал, его огромность, кам<енные> широкие⁷⁸ лестницы, его запахи, буфеты, киоски книг и журналов, никелевые монетки с орлом в крыльях, в множестве перьев.^{vvv}

⁷¹ в темноте вписано

⁷² свежо вписано

⁷³ Запись сделана в два яруса: над первоначальными строками добавлена еще одна запись. Строки 1–3 — первый этаж записи, строки 4–6 — второй этаж.

⁷⁴ Приморская равнина, вдали мутно синеют горы. вписано. Вместо: мутно синеют — было: синеют

⁷⁵ нищенские вписано

⁷⁶ Мутно-зел<еная> Арно делит дугой городок на 2 части. вписано

⁷⁷ Горячее вписано

⁷⁸ кам<енные> широкие вписано

И.А. Бунин.

Париж, ноябрь 1937 г.
(РАЛ)

Земмеринг.

Виллах^{www}, зимний розовеющий вечер. Все тонет в пухлых снегах, отягченные снегом ели. Глубокая зима.

Тепло и уют поезда. Самоварчик красной меди у вагонного проводника.

Сладостное ожидание обеда в вагоне-ресторане с его плотно опущенными кожаными шторами.^{xxx}

Еловые леса по откосам снежных гор — точно идут вверх — косо, черным сквозным частоколом.

Великие гранитные кряжи высоко в небе, мертвенно белеющие. Изломы, седловины, густо залитые точно сливками.

<л. 18 об.>

Тонкое светло-серое щегольск<ое> сукно на австрийск<их> военных, голубые кепи усеченным конусом, гремящая по тротуару сабля...

Еврей. Котиковый воротник «шалью»^{yyy} на пальто.

Европейское зимнее: проливной дождь, даже темно.

После дождя. Все мокро — мостовая, шиферные крыши, деревья. Запах сигар. Жидкое небо, облака, плывущие над древними башнями. Погребок — Weinstube^{zzz}.

Нечто стерляжье — острый⁷⁹ шпиг башни⁸⁰ готического собора, издалека видного над городом своей высотой и тяжестью⁸¹. Все иглистое, идущее, суживаясь, вверх, костяная зубчатость всего.

[Шпиг собора и звезда]⁸²

<л. 19>

Озеро в горах. За ним чуть видные в туманной дали снеговые вершины.

⁷⁹ острый *вписано*

⁸⁰ башни *вписано*

⁸¹ , издалека видного над городом своей высотой и тяжестью *вписано*

⁸² *Запись добавлена простым карандашом и стерта.*

Воскресное солнечное утро в горах. Звон утреннего колокола — зовущий, равномерно качающийся в разные стороны: бам-бам, бам-бам...

Тепло большой изразцовой печки в столовой в горном отеле среди вечных снегов⁸³. Запах кушаний, пива. Счастье уюта, счастье жизни...

Вечно снежные горы. Все сильно, дико, первозданно. Вечно юно, ново, ярко.
Блеск солнца, снега.
Вечное соседство вечно-белоснежной, девственно-непорочной горы в яркой сини неба.
Горная деревушка, лавка с горными палками.
Шум водяной мельницы, шум зеленой речки по каменистому ложу, визг лесопилки...
Остаться бы тут навеки!

<л. 19 об.>

Дрезден. Младенцы-ангелы у подножия Сикстинской Мадонны, поднявшие на Нее детские-внимательные глаза: м<ожет> б<ыть>, самое прекрасное во всей картине.

<л. 20>

Помню тот дождливый день в Кампанье.

Мужицкая остерия и могилы возле Аппиевой дороги, пропадающей в Албанских горах, такая печальная своей древностью, пустынностью, мертвым прошлым, та, по которой некогда пришел в Рим на распятие Петр.

Катакомбы, где погребена св. Цецилия.^{aaaa}

Катакомбы при церкви св. Агнессы на Via Nomentana^{bbbb}.

Холодная весна. Мраморные облака над Кампаньей и горы, похожие на далекие облака. Жаворонки, скрипучий вопль осла...

<л. 20 об.>

Сиракузы, каменные, голые, ржавая черепица крыш.

Вечный бурный прибой у каменистого мыса, сильный ветер и солнце, тускло блестящая пустыня моря.

Большеглазый, огромный Спаситель в Монреале (возле Палермо)^{cccc}. Все почему-то вспоминал его в Сиракузах.

<л. 21>

Hôtel Danielli^{dddd}. Вестибюль. Из окна вид на огромный простор, на Лидо — бледное небо и плоское Адриатическое море. У набережной под отелем покачиваются причаленные гондолы с своей черной гробовой лакированностью внутри, клонятся бортами к набережной.

Старичок-пьяница с непристойно жалким, заросшим сизой щетиной лицом, в опорках, в рваном пальто с чужого плеча, — оно ему до пят, карманы возле колен^{eeee}, — выполняет свое униженно-вежливое ремесло — помогает в надежде на десять чинтезими^{fff} выйти из гондолы даме и мужчине, — она, поджимая подол, качается, боится упасть, но боится и взять маленькую холодную ручку нищего, который только этим и живет, то есть напивается.

⁸³ Было: кушаний (описка)

Бледный и теплый весенний день.

Высокий, стройный гондольер на корме, его медленные наклоны, плеск выворачивающегося весла. Его голос в стенах узкого канала.

<л. 21 об.>

Лидо, серо-зеленое плоское море под бледно⁸⁴-серым небом. Длинные волны катятся и заворачиваются на берегу медленно и однообразно.

По-сербски — Ядранское море.^{eggg}

<л. 23>

10.6.<19>44

Отель на Антибском мысу.

На этот дорогой отель, на его парк, на сияющее под вечным солнцем море, на дымно-голубой далекий Эстерель — на все смотрит только как на обстановку для себя, для своих нарядов, завтраков, обедов — для своей избранности дорогой содержанки; все принимает как должное — даже всю эту Ривьеру. Купанье — для ее maillot^{hhhh}, для взглядов мужчин на ее большое полное тело с плотным задом и бугорком спереди⁸⁵.

Холодные, твердые, наглые глаза. Крупные, жесткие, как когти, заостренные лакированно-красные ногти; на ногах они еще грубее, страшнее.

Завтракали после купанья «дома» — на террасе отеля с ветерком с моря, с яркой синевой залива перед глазами. За кофе ветерок упал, солнце стало жарко⁸⁶ заглядывать на террасу. Курила египетскую папиросуⁱⁱⁱⁱ, запивая кофе бенедиктином, высовывая кончик языка и снимая с него пальцами табачные крошки: при накрашенных губах толстый⁸⁷ язык белесо-фиолетовый. <л. 23 об.> Разомлела от зноя и еды, питья. Он курит и⁸⁸ пьет коньяк — будто бы 1812 года.

— Assez, allons!ⁱⁱⁱⁱ

В большом номере с полуприкрытыми ставнями горячий солнечный⁸⁹ полусвет:

— Dieu!⁹⁰ Il fait chaud!^{kkkk}

Разделась догола⁹¹, бросив все куда попало, повалилась спиной на постель, раскинув круглые полные⁹² ноги — и вся полнеющая, розоватое тело тридцатилетней раскормленной женщины — местами потно⁹³-холодное, местами горячее, потное под широкими⁹⁴ бритыми мышками, под тяжелыми грудями, по талии, в подушечках пахов⁹⁵... В переплет сандалий из белого сафьяна торчат грубые пальцы с ногтями, крашенными «бычьей кровью».⁹⁶

⁸⁴ бледно вписано

⁸⁵ Вместо: бугорком спереди — было: а. бугром б. бугорком под штанами (вписано простым карандашом)

⁸⁶ жарко вписано

⁸⁷ толстый вписано

⁸⁸ курит и вписано

⁸⁹ солнечный вписано

⁹⁰ Было: Ah, mon Dieu!

⁹¹ Вместо: Разделась догола — было: Вся разделась

⁹² круглые полные вписано

⁹³ потно- вписано

⁹⁴ Было: большими под<мышками?>

⁹⁵ Вместо: в подушечках пахов — было: в нежных пахах

⁹⁶ В переплет сандалий ~ «бычьей кровью». вписано

— Ah! quelle chaleur! — Enlève mes sandales... Et jette ta cigarette. — Quelle drôle de manière vous avez, vous autres russes, de fumer dans la chambre! C'est donc vrai tu es un prince?¹¹¹

Он фатовски, с козлиным смешком⁹⁷:

— Mais, ma chérie...

— «Mais, mais!» Qui donc boit du chambertin au déjeuner!

— Evidemment, évidemment... Puisque tu étais fille de cuisine chez Fouquet^{mmmm} <л. 24> tu es là pour le savoirⁿⁿⁿⁿ.

Ночью они в Каннах, в Пальм-Бич-Казино. В бассейне некоторые для забавы купаются. На другой площадке, над морем, танцы — топчутся пары под негритянскую музыку, под огнями сверху, рядом с переливающимся шумом черноты моря в черноте ночи.

Он за столиком потягивает через соломинку что-то ледяное⁹⁸. Она танцует, подходит, тоже⁹⁹ пьет, отдыхает... То фокстрот, то толчки и ухабы танго... На ее толстозадых ногах белые шерстяные штаны без разреза спереди, красная шерстяная¹⁰⁰ безрукавка, цветистый шейный платочек, белый шерст<яной> берет, на ногах те же сандалии... Глаза подлые, большие...

<л. 25>

Cap d'Antibes^{oooo}, дорогой отель.

Князь русский эмигрант, человек большого петербургского света, все еще мил и беспечен по-прежнему, то впадает в полную нищету и переносит ее с удивительной легкостью, то опять¹⁰¹ живет на какие-то средства в лучших отелях на Ривьере и в Биаррице, играет в рулетку, сидит в барах, заводит любовниц... Всюду у него великое множество друзей и знакомых — богатых англичан, американцев, шведов, голландцев... Нынешним летом, в августе¹⁰², он встретился и сошелся в Каннах с парижской кокоткой и вот уже вторую неделю живет с ней в дорогом¹⁰³ отеле на Антибском мысу. Она крупная, откормленная¹⁰⁴ лангустами¹⁰⁵, майонезами. Гофрированные волосы цвета сливочного масла. Холодные, твердые, наглые глаза. Жесткие, как когти, и заостренные ногти лакированы «бычьей кровью»; на ногах в сандалиях они еще грубее и¹⁰⁶ страшнее.

<л. 26>

В сентябре, в шестом часу вечера, сидела¹⁰⁷ с ним и пила чай на открытой площадке Café de Paris, под музыку, в тесноте¹⁰⁸, среди множества других пьющих чай, не в меру много, как всегда, съела пирожных с кремом, говорила, улыбаясь¹⁰⁹:

⁹⁷ , с козлиным смешком *вписано*

⁹⁸ *Вместо*: что-то ледяное — *было*: а. ледяную б. ледяное шампанское

⁹⁹ *тоже вписано*

¹⁰⁰ *Было*: шелк<овая>

¹⁰¹ *опять вписано*

¹⁰² , в августе, *вписано*

¹⁰³ *дорогом вписано*

¹⁰⁴ *Вместо*: Она крупная, откормленная — *было*: а. Она крупная, холеная, откормленная б. Она крупная, полнеющая, откормленная в. Она крупная, плотная, откормленная

¹⁰⁵ *Было*: омара<ми>

¹⁰⁶ *грубее и вписано*

¹⁰⁷ *Вместо*: В сентябре, в шестом часу вечера, сидела — *было*: Сидела

¹⁰⁸ *Вместо*: под музыку, в тесноте — *было*: а. в тесноте прочих б. под музыку оркестра, в тесноте

¹⁰⁹ *На правом поле вписано и зачеркнуто*: Мы с тобой

— Нет, милый, я ведь всегда была с тобой откровенна, — с милым рай в шалаше не для меня. Я была верна тебе, теперь ни за что не ручаюсь.¹¹⁰ Вот если бы был у нас с тобой ролс-ройс да возможность жить¹¹¹ вот тут, напротив, в Hôtel de Paris^{pppp}, а завтра или послезавтра уехать с шофером-негром в Biarritz, тогда другое дело¹¹². Ну, не ролс-ройс, а какой-нибудь другой, длинный, белый, блестящий каждой гайкой, со скоростью полтораста километров в час и с красными сафьяновыми подушками, — знаешь, такими¹¹³, что когда садишься, так упруго и глубоко оседают под тобой!¹¹⁴ Словом, на пароход¹¹⁵ я нынче непременно поеду. В десять вечера явятся в казино за мной два офицера¹¹⁶. Мало ли какая может быть счастливая встреча^{qqqq}, а кроме того, бал будет, конечно, чудесный...

<л. 26 об.>

Вечер.¹¹⁷ Смокинг, усы щеточкой. Проигравшись дотла, с тупой мыслью о самоубийстве, бессознательно вышел на площадку сзади казино. Лунная ночь, куполом¹¹⁸ охватывающая в необъятной высоте горы сзади и море впереди; золотой лоск по морю, уходящий к светлому горизонту; внизу, недалеко от берега, стоит на рейде белый¹¹⁹ океанский пароход с двумя низкими трубами. Он весь внутри¹²⁰ празднично освещен —¹²¹, и от этого празднична кажется и ночь — весь насквозь, в несколько этажей, блещет золотыми отверстиями иллюминаторов и раскрытых на палубу дверей — все это струистыми столбами отражается в воде под ним^{тт}. Слышна оттуда бальная¹²² музыка.

Подъехал к пароходу, к¹²³ спущенному до воды трапу. Матрос, стоящий сверху трапа, докладывает кому-то о господине, желающем¹²⁴ подняться на палубу. Быстро подходит к трапу молодой, весь в белом, моряк, чрезвычайно вежливый.

— Мне нужно видеть такую-то, передать ей очень срочную телеграмму...

<л. 27>

В шестом часу сентябрьского вечера сидела с ним за чаем на открытой площадке

¹¹⁰ Я была верна тебе, теперь ни за что не ручаюсь. *вписано*

¹¹¹ *Далее было: в*

¹¹² *Вместо: уехать с шофером-негром в Biarritz, тогда другое дело — было: на этом ролс-ройсе в Биарриц...*

¹¹³ *Вместо: Ну, не ролс-ройс ~ такими — было: а. Ну, не ролс-ройс, а что-нибудь другое, длинное, блестящее, что пицей летит полтораста километров в час, а подушки в нем красные, сафьяновые, — знаешь, такие б. Ну, не ролс-ройс, а какой-нибудь другой, бе<лый>, длинный, блестящий каждой гайкой, со скоростью полтораста километров в час и с красными сафьяновыми подушками, — знаешь, такими*

¹¹⁴ *Далее было: а. Мы с <тобой?> провели б. Я сошлась*

¹¹⁵ *Было: этот бал*

¹¹⁶ *Вместо: В десять вечера явятся в казино за мной два офицера — было: а. С парохода явятся за мной в десять часов вечера в казино два офицера б. В десять вечера явятся в казино за мной два премилых офицера с парохода, я в в. В десять вечера явятся в казино за мной два офицера с парохода — они вчера пили тут чай большой компанией и ко мне их подвел, представил их г. В десять вечера явятся в казино за мной два офицера с парохода, они вчера пили тут чай большой компанией и ко мне их подвел и представил их*

¹¹⁷ *Вечер. вписано*

¹¹⁸ *куполом вписано*

¹¹⁹ *белый вписано*

¹²⁰ *весь внутри вписано*

¹²¹ *Далее было: а. золотые отверстия дверей б. золотые отверстия раскрытых дверей и иллюминаторов*

¹²² *бальная вписано*

¹²³ *к вписано*

¹²⁴ *В тексте описка: желающему*

Café de Paris в Монте Карло, в многолюдной¹²⁵ тесноте,¹²⁶ в шуме говора и музыки, съела, как всегда, не в меру много пирожных с кремом и говорила, курая:

— Нет, милый, я ведь всегда была откровенна с тобой, — с милым рай в шалаше не для меня. Я была верна тебе, теперь не ручаюсь ни за что, прожились мы с тобой в пух и прах, живем в этом дрянном «Метрополе», когда я¹²⁷ хотела бы жить вот тут напротив, в Hôtel de Paris, а лучше всего уехать с шофером-негром в Biarritz, в рольс-ройсе... Ну, не в рольс-ройсе, а в каком-нибудь другом, длинном, белом, блестящем каждой полированной стальной гайкой, с красными сафьяновыми подушками, такими, знаешь, что когда садишься, они¹²⁸ так упруго и глубоко оседают под тобой... Словом, на пароход я нынче поеду непременно. В десять вечера явятся в казино за мной два офицера с этого парохода, мне их вчера представили вот на этом самом месте, когда ты бегал куда-то, — удивительно милые мальчики, говорят немножко по-французски с очаровательным английским кваканьем... Зачем мне этот¹²⁹ пароходный бал? А затем, что мало ли какая может быть счастливая встреча!

<л. 27 об.>

Обед в brasserie, почти ничего не ела, — «чудно поужинаю там». После обеда оделись, — он (усы щеточкой)¹³⁰ надел смокинг, она длинное белое атласное платье с голой спиной, — стала еще длиннее в нем, блистая кремовым телом, молодой красотой,¹³¹ сияющими глазами¹³²; стриженный мальчишеский затылок. Пошли в казино; он ушел играть, она осталась ждать моряков в вестибюле; на голых плечах красная¹³³ атласная накидка...

Проиграв все, что было, все последнее, бессознательно, с тупой мыслью о самоубийстве, вышел на площадку сзади казино

<л. 28>

Железнодорожная ветка, короткий поезд. Волнистые поля, тонущие в хлебах. Полдневный, неподвижный солнечный жар, пекущиеся на солнце возле линии травы, цветы, ржи, слышно, как горячо куют в них кузнечики. Местами поезд стучал так медленно, что плотный чернобородый обер^{ssss} в белом длинном мундире, подпоясанном черным лакированным поясом, и в черных блестящих голенищах, соскакивал с подножки вагона и шел рядом с ним, собирая в букет лиловые колокольчики и всякие другие цветы, все нарядные, женственно-прекрасные.

Под городом, под изволок, пошли все шибче и шибче. Выглянув в окно слева, гимназист (с пробивающимися усами, в косоворотке и летней шинели), увидел луга, блестящую в них речку, а за лугами и речкой, на покато́й возвышенности, сады, дома, церкви. С протяжным криком поезд загремел по железному мосту, стал замедлять ход и, переходя по запасным путям, подошел к деревянному вокзалу. <л. 28 об.> Гимназист взял свой чемоданчик и соскочил на жаркую, светлую платформу. Напротив была будка, залитая по полу блестящим, пахучим дегтем. Гимназист зашел туда и постоял, читая на стене¹³⁴ похабные

¹²⁵ многолюдной *вписано*

¹²⁶ *Далее было:* среди множества других пивших чай,

¹²⁷ *Вместо:* живем в этом дрянном «Метрополе», когда я — *было:* а я

¹²⁸ они *вписано*

¹²⁹ этот *вписано*

¹³⁰ (усы щеточкой) *вписано*

¹³¹ молодой красотой, *вписано*

¹³² *Далее было:* , прической

¹³³ красная *вписано*

¹³⁴ на стене *вписано*

надписи, застегнулся и вышел. Тишина, на станции пусто, все горит зноем.¹³⁵ Пустые вагоны с открытыми окнами и дверями стоят, отдыхая. Старый, низкий паровоз выпускал пар и тоже был как будто доволен отдыху. С тем же видом вытирал свои черные, масляные руки еще более сальной ветошкой молодой машинист с черным, диким от сажи лицом, сверкая белками подмазанных сажей глаз.

Дом тетки стоял на другой¹³⁶ окраине города, на пустынной улице, заросшей травой. За домом был сад и пруд в лугу.

Сирота, воспитанница тетки, его троюродная сестра, лет пятнадцати. Часа в три, когда тетка спала, ходила на пруд¹³⁷ купаться. Гимназист ходил подсматривать, забираясь в кусты. Так подсматривал и в тот серенький день с неприятным ветерком, с каплями дождя. Видел, как она сняла с себя свою жалкую, заношенную рубашечку.

<л. 29>

Ослепительный белый солнечный свет, полдень в Ментоне.

Ночь в отеле «Бальмораль».¹³⁸

Сар Martin. Отель, обрывы.

Бич-Казино в Монте Карло.

Grande Bleu в Ницце.

Антибский мыс.

Juan-les-Pins.

Однообразие южных дней и ночей, беспечных, бездельных, райских, скотских.

Яркая синева каннского залива, его влитое в берега лукоморье. Разноцветность больших зонтов, воткнутых в песок, бесконечным табором раскинутых на желтизне пляжа. Рассеянная всюду разноцветность мужских купальных¹³⁸ халатов, женских куп<альных> костюмов. Мужские кирпичные волосатые грубые ноги, нежная полнота женских. Кровав<ые>, серебр<яные>, золотые ногти на <л. 29 об.> пальцах женских рук и ног.

Большая, сильная, стриж<еные> темные волосы, энергичный и грозный красивый профиль. Прекрасный загорелый торс, груди завязаны зеленым фуляром, зеленые шорты на полновесных ляшках <так!>. Иностранка.

Полулежала на камнях над морем, свесив длинные ноги. Черноволосая. Девичья худоба, впалый живот, выступающие кострецы.

Ресторан на сваях над морем.

¹³⁵ Тишина, на станции пусто, всё горит зноем. *вписано*

¹³⁶ другой *вписано*

¹³⁷ на пруд *вписано*

¹³⁸ купальных *вписано*

Пять часов, чай, порто, музыканты, их негритянские¹³⁹ кривляния и топанья.

Все три стены стеклянные. В них вечерн<ее> золотое море, вечерн<ий> свет низкого солнца, мягкая дымчатость гор за заливом.

Обе стриженные, «деланные» ногти, глаза, губы. Мужское и женское в подбритых затылках, вызывающих у мужчин особенную похоть.

У одной волосы желтые, глаза зеленые, ничего не выражающие, красный лепесток губ. Тугие ноги, туго трясет задом под отрывистую музыку.

У другой хищные серые глаза, ястребиные. Вся плотная, как рыба.

<л. 30>

Рассеянно подошел к ней высокий, статный американец лет пятидесяти с жемчужными гладко причесанными волосами, в холстинковых¹⁴⁰ шортах, в такой же рубашке с полурукавами, в сквозных¹⁴¹ сандалиях на крупных ступнях, взял за талию, уставил как бы ничего не видящий взгляд через ее плечо и, весь подавшись вперед, на нее, сразу задвигал ее в зал, напирая передом.

Молодожены. Дорогой номер отеля. Обняв, почувствовал все тело в легком шелковом капоте. Бархат и запах пудреной щеки¹⁴², сладкая мазь губ.

— Погоди... Твоя девочка пипи хочет...

Дорогая содержанка. Вполне животное. Крупная, большая, холеная, откормленная омаами, майонезами. Гофрированные волосы цвета желтого сливочного масла. Холодные, жадные, зоркие глаза. Прозрачные, блестящие, розовые острые ногти. Подмышки бритые, зеленоватые¹⁴³.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/614. Папка-скоросшиватель со вложенными в нее отдельными непрошитыми листами. 30 листов, текст на большей части листов с обеих сторон (на лл. 1, 24, 25, 30 оборот чистый, на л. 16 на обороте посторонние записи, л. 22 представляет собой последний лист папки скоросшивателя, по ошибке оказавшийся в середине документа — записи на нем отсутствуют, кроме карандашной надписи «Муж» рукой Бунина), ряд листов не исписан до конца. Бумага хорошего качества, большие тетрадные листы формата А4. Нумерация листов серым карандашом (выполнена сотрудниками РАЛ). Черные чернила, карандаш (записи карандашом оговариваются особо). Правка теми же чернилами — в процессе написания. По качеству бумаги, почерку, характеру правки и хранения в папке с обобщающим заглавием напоминает папку «К “Жизни Арсеньева” (Том второй. “Дни и годы)”».

Датируется примерно: вторая половина 1930-х — первая половина 1940-х гг.

^a — Не хочет ли мадам наш фирменный омлет с вишнями и персиками? / — Да, именно хочу. А какие вина предложите? / — Флэри (*фр.*).

^b Ла Канебьер — историческая улица в центре Марселя, ведущая к старому порту.

^c Буйабес <марсельская уха>, месье, нужно есть на берегу — или у Иснара или у Паскаля (*фр.*).

^d Hôtel Terminus Marseille — Gare Saint Charles (1 Place des Marseillaises, Marseille). Существует до сегодняшнего дня.

^e Старший капитан (*особое флотское звание*). Букв.: капитан дальнего плавания (*фр.*).

¹³⁹ Было: обезьяны

¹⁴⁰ холстинковых *вписано*

¹⁴¹ Было: плетенных

¹⁴² Вместо: пудреной щеки — было: пудры

¹⁴³ Абзац отчеркнут, под ним надпись карандашом: См. дальше! По-видимому, предыдущее повествование развивает эту, первую по времени, запись.

^f Омлет, жаркое с укропом и теплый лангуст с солью, «хрустящий золотистый» хлеб — «все обмытое» бутылкой вина Кассис (*фр.*).

^g Тушеное мясо и жареная колбаса по-марсельски с мелкими шампиньонами (*фр.*).

^h — Что можете предложить нам хорошего? / — Ракушки, начиненные рыбным фаршем, курица с грибами, хороший салат и десерт (*фр.*).

ⁱ Морское пароходство (*фр.*).

^j Аге, Бандоль, Борм-ле-Мимоза — городки на Лазурном берегу во Франции.

^k Экс-ле-Бен, Анси — города во Франции к востоку от Лиона. Расположены на берегу озер, фешенебельные бальнеологические курорты.

^l Динь-ле-Бен (Digne-les-Bains) — город во Франции, расположен к востоку от Авиньона и к северу от Лазурного берега. Бальнеологический курорт.

^m Йер — город на Лазурном берегу во Франции, к востоку от Тулона. Самый первый и самый южный курорт Ривьеры.

ⁿ Отель «Балморал» в Ментоне упоминается также в набросках папки «К “Жизни Арсеньева”». Том второй» (см. с. 181). А также ниже в настоящей папке (л. 5, с. 243).

^o Сен-Жан-Де-Люз — курортный город на атлантическом побережье Франции, к западу от Байонны и Биаррица, недалеко от границы с Испанией.

^p Бискра — город на севере Алжира. И.А. Бунин побывал в Алжире в апреле 1910 г. Маршрут этого путешествия пролегал так: Ницца — Марсель — Оран — Бискра — Тунис — Сицилия. В Бискре Бунин остановился на семь дней, оттуда он совершил поездку на лошадях вглубь пустыни.

^q Правда, как масло: всегда выходит наружу (*фр.*).

^r Букв.: испанский живот (*фр.*).

^s Осел думает по-своему, а погонщик по-своему (*фр.*).

^t Бить жену все равно что бить мешок муки: хорошее уйдет, плохое останется (*фр.*).

^u Следует остерегаться перед женщиной и зада мула (*фр.*). Провансальские поговорки — иные, но близкие по тематике — используют в своей речи герой рассказа «В Париже» из книги «Темные аллеи». Подборка провансальских поговорок указывает на то, что идея этого приема складывается в сознании писателя значительно раньше, в рамках замысла продолжения «Жизни Арсеньева».

^v — Хорошего вечера, моя красавица! (*фр.*).

^w — О, старый нюхатель табака! (*фр.*).

^x — Ты правда очень смешон! / — Ты такой дурак! / — Дерьмище! (*фр.*).

^y — Скорей, скорей! Глоток коньяку, патрон! (*фр.*).

^z Черный месяц (*фр.*).

^{aa} Праздник всех святых — вестник зимы (*фр.*).

^{bb} Полночная месса (*фр.*).

^{cc} Жё-де-пом (вариант перевода: игра в мяч) — название французской игры, напоминающая русскую лапту, а также помещений для этой игры. В XVIII веке стала придворной игрой в России. Во время Великой французской революции *jeux de romme(s)* получили идеологическое значение: в версальском зале для игры в мяч собрались депутаты третьего сословия и произнесли знаменитую клятву не расходиться до создания и утверждения конституции.

^{dd} Дело было к полуночи, / Светила белая луна, / И кладбище побелело. / — Звонарь, что ты видишь за оградой? / — Я вижу проснувшихся мертвых, / Которые поднимаются из могил. / И когда наступила полночь, / Все могилы открылись / И все мертвые вышли из них / И пошли тремя дорогами / Только белые скелеты (*фр.*).

^{ee} Прекрасная, как день, и невинная, как вода (*фр.*). Неточная цитата из книги мемуаров провансальского поэта и лексикографа Фредерика Мистрала (Frédéric Mistral; 1830–1914), лауреата Нобелевской премии по литературе за 1904 год, «*Mes Origines*» <Мои истоки> (Paris, 1906). Мистраль рассказывает историю некоего Адольфа Дюма, у которого была сестра Лаура: «<...> belle comme le jour et innocente comme l'eau qui naît <...>» <прекрасная, как день, и невинная, как родник <букв.: рождающаяся вода> (*фр.*)> (Mistral F. *Mes Origines. Mémoires et récits*. Trad. du provençal. Paris: Librarie Plon, s.a. P. 213).

^{ff} Торан (Thorenc) — горная деревня в департаменте Приморские Альпы (Alpes Maritimes), место отдыха, известное особым климатом. Там с XIX в. существует санаторий. Расположена недалеко от Грасса.

^{gg} Месяц Марии (*фр.*).

^{hh} Первые причастия (*фр.*).

ⁱⁱ Сен-Валье-де-Тье (*фр.* Saint-Vallier-de-Thiery) — городок недалеко от Грасса. Вероятно, воспоминание о прогулке с Г.Н. Кузнецовой, как и в одной из предыдущих записей о Ментоне.

^{jj} Похоже на сюжет рассказа «Камарг» из книги «Темные аллеи».

^{kk} Собор в Марселе, построен в 1853–1864 гг.

^{ll} Развитие сюжета, окончательно сложившегося в рассказе «Камарг».

^{mmm} Леринские острова (*фр.* Îles de Lérins) — острова в Средиземном море недалеко от Лазурного берега. Известны и заселены еще во времена Древнего Рима. В 410 г. св. Гонорат Арелатский основал там первый монастырь.

ⁿⁿ См. примеч. i к № 2 раздела «Планы-конспекты продолжения романа “Жизнь Арсеньева”».

^{oo} Промежуточный текст рассказа «В Альпах» (1949). См. начальный текст для этого рассказа в папке «К “Жизни Арсеньева”. Том второй» (л. 27 об.).

^{pp} Барселонет — округ в Провансе.

^{qq} В 1309–1378 гг. резиденция римских пап находилась в Авиньоне (так называемое «авиньонское пленение пап»). Папа Григорий XI в 1377 г. вернулся в Рим, однако после его смерти в 1378 г. кардиналы, недовольные следующим папой Урбаном VI, избрали антипапу («Великий западный раскол»). Резиденцией антипапы Климента VII и его преемника Бенедикта XIII (низложен и отлучен от церкви Констанцским собором в 1417 г.) тоже был Авиньон.

^{rr} Агавы (*фр.*).

^{ss} «Встреча лодок...». Канны (*фр.*).

^{tt} Простой кофе... Кофе со сливками... (*фр.*).

^{uu} Дословно: стакан (на ножке) (*фр.*). Здесь: название кофе, подающегося в таком стакане.

^{vv} Мужен (Mougins) — городок на юге Франции, по дороге от Канн к Грассу. Маганьоск (Magagnosc) — деревня к северо-востоку от Грасса. Места прогулок Буниных.

^{ww} О воспоминаниях Ф. Мистралья см. сноски ее. В данном случае речь идет о последнем абзаце первой главы указанных воспоминаний, рассказывающих о сне героя-ребенка. Бунин цитирует не совсем точно. В оригинале: «Lui-même, le patriarche, le Maître, mon seigneur père, était allé cueillir les fleurs qui me faisaient envie; et la Maîtresse, ma mère belle, les avait mises sur mon lit <Он сам, патриарх, Мэтр, мой господин отец, пошел сорвать цветы, которые мне понравились, и госпожа моя прекрасная мать положила их на мою кровать; (*фр.*)>» (Mistral F. Mes Origines. Mémoires et récits. Paris, 1906. P. 20).

^{xx} Мой господин монсиньор отец, моя госпожа матушка (*фр.*).

^{yy} От *фр.* le manoir — усадьба, небольшой замок. В данном случае, вероятно: крестьянская усадьба.

^{zz} Во Франции, в отличие от России, первым этажом называется второй.

^{aaa} Описание-перечень российских железнодорожных маршрутов встречается в записной книжке И.А. Бунина (созданной, по-видимому в конце 1930-х гг.). Железнодорожные маршруты очень важны как в архитектонике романа «Жизнь Арсеньева», так и для понимания общего замысла книги «Темные аллеи». Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Русский фон «Темных аллеи» И.А. Бунина // Вестник СПбГУКИ. 2005. № 1 (3). С. 78–85; Пономарев Е.Р. Постмодернистские тенденции в творчестве позднего И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2017. № (4) 146. С. 202–212. В данном случае, по-видимому, писатель намечает европейские путешествия Арсеньева или героев рассказов книги «Темные аллеи».

^{bbb} Ныне город Богумин (Bohumín) в Чехии. Во времена Австро-Венгерской империи носил название Одерберг (Oderberg).

^{ccc} Маршрут «Москва — Вена» проделан героем рассказа «Генрих» из книги «Темные аллеи».

^{ddd} Hotel de Russie существует по сей день в районе Пьяцца дель Пополо (Via del Babuino, 9). В этом отеле останавливались члены русской императорской семьи.

^{eee} Станцы Рафаэля (Stanze di Raffaello) — анфилада комнат (la stanza, *ит.* — комната) в папском дворце Ватикана: четыре помещения, расписанных Рафаэлом Санти (1483–1520) с учениками в 1508–1517 гг., и одно помещение, расписанное учениками Рафаэля по его эскизам после смерти живописца.

^{fff} Статуя св. Петра (XIII в.) — одна из главных достопримечательностей собора св. Петра в Риме. Ей приписываются чудодейственные свойства, паломники прикалывают губами к ноге статуи.

^{ggg} Статуи Моисея нет среди туристических достопримечательностей собора Св. Петра. Самый известный римский Моисей — статуя Микеланджело Буонаротти на гробнице папы Юлия II — находится в другой церкви, посвященной св. Петру: Сан-Пьетро-ин-Винколи (святого Петра в цепях). Рожки, традиционно изображающиеся над головой Моисея, восходят к неверному латинскому переводу книги «Исход»: слово «карнайим» можно перевести с иврита и как «рога» и как «лучи». Изображение Моисея с рогами стало традиционным в европейском искусстве.

^{hhh} Старая пинакотекa (Alte Pinakothek) и Новая пинакотекa (Neue Pinakothek) — знаменитые музеи изобразительного искусства в Мюнхене. Расположены друг напротив друга. В Старой пинакотекe представлено искусство от Средних веков до середины XVIII в. Новая пинакотекa знакомит с искусством XIX — начала XX вв.

ⁱⁱⁱ Имеется в виду так называемая «гробница Джульетты» — саркофаг из монастыря капуцинов в Вероне. Туристический интерес к нему подстегнул роман Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807), в котором упоминалась «могила Джульетты». Ко времени путешествий Бунина в Италию саркофаг стал важным туристическим объектом: он был перемещен к стене старой церкви, над ним был портик с арками, рядом поместили фрагменты античных колонн. В 1910 г. там же появился бюст Шекспира. Сейчас «гробница Джульетты» выглядит иначе: саркофаг находится в крипте церкви (перенесен туда в конце 1930-х годов) и является одним из экспонатов музея фресок, расположенного в зданиях монастыря.

ⁱⁱⁱ Пинета (Pineta) — гигантская сосновая роща, находящаяся на побережье недалеко от Равенны. Многократно воспета Данте, Боккаччо, Байроном и русскими путешественниками в Италию — например, писал о ней искусствовед П.П. Муратов, хороший знакомый семьи Буниных.

^{kkk} Часовая башня (*ит.*) — одна из достопримечательностей Венеции, расположена на площади Сан Марко.

ⁱⁱⁱ Кафе «Флориан» (Caffè Florian), расположенное на площади Сан Марко, считается старейшим кафе в Италии. Один из символов Венеции. Прокурации (старые прокурации и новые прокурации) — три соединенных здания на площади Сан Марко. Кафе «Флориан» располагается в здании Новых прокураций.

^{mmmm} Т.е. Собор св. Марка.

^{mm} Венецианский обычай — полуденный выстрел из пушки. Путеводители шутят, что это сигнал к ланчу.

^{ooo} Витторе Карпаччо (Vittore Carpaccio; ок. 1465 — ок. 1526) — представитель венецианской школы живописи. Картина Якопо Тинторетто (Tintoretto; Jacopo Robusti; годы жизни указаны неверно, правильно: 1518 или 1519 — 1594) «Распятие» (1565) находится в Венеции в здании Скуола Сан-Рокко (Scuola Grande di San Rocco) на стене залы Альберго. Отдельное упоминание «Распятия», по-видимому, должно указывать на привередливость путешественников, т.к. обычно говорят о росписях стен Сан-Рокко в целом: это все работы Тинторетто.

^{ppp} Данте Алигьери умер в Равенне в 1321 г. и был похоронен в церкви св. Франциска. Позднее прах Данте стал предметом манипуляций. В 1519 г. его решили перевезти во Флоренцию, но во Флоренции гроб оказался пустым. Как выяснилось потом, равеннские монахи-францисканцы решили не отдавать прах, похитили его и захоронили на территории своего монастыря. В 1780 г. на месте первоначального захоронения Данте — рядом с церковью св. Франциска — решили воздвигнуть мавзолей (стоит до сегодняшнего дня). В 1865 г. останки Данте были обнаружены во время ремонта монастыря и торжественно перенесены в мавзолей. Именно этот мавзолей видел Бунин во время посещения Равенны. О нем же говорят и его герои.

^{qqq} Архитектурный ансамбль Соборной площади (Piazza del Duomo) в Пизе создавался с XI по XIII вв. Включает в себя все перечисленные памятники. Кампо Санто (Campo Santo, *ит.*) — мемориальное кладбище, протянувшееся вдоль Соборной площади.

^{ttt} Джотто ди Бондоне (Giotto di Bondone; ок. 1267–1337) — итальянский художник и архитектор эпохи Проторенессанса, основатель итальянской школы живописи. Антонио да Корреджо (Antonio da Correggio наст. имя Antonio Allegri; ок. 1489–1534) — итальянский живописец эпохи Высокого Возрождения. Работал в Парме и Кореджо (от этого города получил свое прозвище).

^{sss} Доменико Гирландайо (Domenico Ghirlandaio; наст. имя Domenico di Tommaso Bigordi) — один из главных живописцев флорентийского кватроченто. Годы жизни Сандро Боттичелли (Sandro Botticelli, наст. имя Alessandro di Mariano di Vanni Filipepi), другого выдающегося представителя флорентийского кватроченто, указаны неверно, правильно: 1445–1510; год рождения Фра Беато Анджелико (Fra Beato Angelico, наст. имя Guido di Pietro, в постриге Giovanni da Fiesole), великого художника кватроченто, работавшего как во Флоренции, так и в Риме, в разных источниках дается по-разному: иногда указывается, как у Бунина, 1387 г., чаще: около 1400 г.

^{ttt} Чимабуэ (Cimabue; наст. имя Cenni di Pepo; ок. 1240–ок. 1302) — флорентийский живописец. Согласно сообщению Дж. Вазари (сегодня подвергается сомнению), учитель Джотто. Считается, что Чимабуэ и Джотто вместе расписывали церковь св. Франциска в Ассизи, и Джотто превзошел учителя. Фра Беато и фра Анджелико — один и тот же живописец.

^{uuu} Часть молитвы освящения воды, читающейся при таинстве крещения, а также в праздник Богоявления, во время чина великого водоосвящения: «Ты утвердил еси землю на водах: Ты оградил еси море песком».

^{vvv} Герб Австро-Венгрии.

^{www} Зиммеринг, Виллах (в сегодняшнем написании Филлах — нем. Villach) — города в Австрии, по движению поезда из Вены в Ниццу (см. на л. 12 перечисление городов по пути следования поезда). Эту запись можно считать разработкой записи на л. 12.

^{xxx} Запись использована в рассказе «Генрих», вошедшем во вторую часть книги «Темные аллеи».

^{yyy} Вероятно, имеется в виду шалевоый воротник.

^{zzz} Винный погребок (*нем.*).

^{aaaa} Катакомбы св. Каллиста (Via Appia 110) — одни из крупнейших катакомб Рима. Расположены рядом с Аппиевой дорогой. Моши св. Цецилии в IX в. перенесены отсюда в церковь св. Цецилии в Трастевере.

^{bbbb} Катакомбы святой Агнессы (Via Nomentana 349) — вероятно, самые посещаемые туристами катакомбы Рима в начале XX в.

^{cccc} Монреале (Monreale) — пригород Палермо. Все стены собора в Монреале украшены средневековыми мозаиками. Это самый большой комплекс средневековых мозаик в Италии. Среди наиболее известных мозаичных картин собора — Христос Вседержитель.

^{dddd} Hotel Danielli — роскошный отель в Венеции на набережной Рива-дельи-Скьявони (Riva degli Schiavoni), рядом с площадью Сан Марко. Существует по сей день.

^{eeee} Развитие мотива из папки «К “Жизни Арсеньева”. Том второй», л. 26, с. 192.

^{ffff} Centesimo (во мн. ч. centesimi) — итальянская монета, 1/100 итальянской лиры.

^{gggg} Сербскохорватское название Адриатического моря — Jadransko more.

^{hhhh} Купальный костюм (*фр.*).

ⁱⁱⁱⁱ Длинная тонкая папироса, набитая ароматным табаком.

^{jjjj} Хватит, пойдем! (*фр.*).

^{kkkk} Боже! Как жарко! (*фр.*).

^{llll} Ах, какая жара! — Сними с меня сандалины... И брось свою сигарету. — Какая странная манера у русских — курить в комнате! Это правда, что вы князь? (*фр.*).

^{mmmm} Грамотно по-французски «Le Fouquet's» — знаменитый ресторан в Париже (на Елисейских полях).

ⁿⁿⁿⁿ — Но, моя дорогая... / — «Но, но!» Кто же пьет шамбертен в обед! / — Конечно, конечно... Раз ты работала на кухне у Фуке, то ты это знаешь (*фр.*).

^{oooo} Мыс Антиб (*фр.*).

^{pppp} Судя по названиям «кафе де Пари» и «отель де Пари» и упомянутому далее казино, дело происходит в Монте-Карло.

^{qqqq} Выражение «счастливая встреча» — одно из ключевых в книге «Темные аллеи». Использовано в рассказе «В Париже» в ином, чем здесь, контексте: «Да, из году в год, изо дня в день, втайне ждешь только одного — счастливой любовной встречи, живешь в сущности только надеждой на эту встречу — и все напрасно...» (*Темные аллеи (1946)*. С. 143).

^{rrrr} Описание морского парохода рядом деталей напоминает описание речного парохода из рассказа «Поздний час» из книги «Темные аллеи»: «<...> белел колесный пароход, который казался пустым, — так молчалив он был, — хотя все его иллюминаторы были освещены, похожи на раскрытые, но спящие золотые глаза и все отражались в воде струистыми золотыми столбами: пароход точно на них и стоял» (*Темные аллеи (1946)*. С. 44–45).

^{ssss} Распространенное немецкое сокращение от различных официальных должностей. Здесь имеется в виду, вероятно, «обер-кондуктор», т.е. начальник поезда. В дореволюционной России начальник поезда тоже назывался «обер-кондуктор».

^{tttt} Развитие ранее встречавшегося эпизода, связанного со счастливыми годами, проведенными с Г.Н. Кузнецовой (см. примеч. n).

IV. НАБРОСКИ, ТЕМАТИЧЕСКИ БЛИЗКИЕ КНИГЕ «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

От замысла «Темных аллей» и «круга “Темных аллей”» сохранилось значительное количество набросков. По-видимому, этот замысел, выросший из работы над вторым томом «Жизни Арсеньева», стал для Бунина неисчерпаемым источником вдохновения. «Темные аллеи» характеризует универсальная, синкретическая тематика, позволяющая соединить практически все темы, которые интересуют Бунина в эмигрантский период (потерянная Россия, Память, связанная с ней Любовь, жгучее влечение пола, тайны бытия, загадка смерти и т.д.). Кроме того, «Темные аллеи» дают широкий простор для формального эксперимента, к которому Бунина (не всегда осознанно) влечет

на протяжении всей жизни. Создав новаторскую форму (авто)биографического романа, комбинированного с историческим, философским и семейным романом, писатель постепенно уходит от определенности главного героя и его стержневой функции. Темы «Жизни Арсеньева» распределяются по отдельным рассказам.

Первая часть «Темных аллей», создававшаяся в конце 1930-х гг., состоит еще в основном из больших новелл. Вторая часть уже чередует большие новеллы (построенные иначе, чем новеллы первой части: новеллистическая структура в них заметно разрушена ситуативностью, эпизодичностью происходящего) с маленькими рассказами, центром сюжета которых становится мелочь, деталь, случайность. Динамизм уходит внутрь диалогов, действие как таковое редуцируется. В третьей же части маленький рассказ занимает доминирующее место. Нередко его содержание — уникальное и единственное впечатление: от созерцания женщины («Начало», «Камарг») до усадебного пейзажа («Часовня»). По сути, это набросок (промежуточный текст), развернувший лишь часть своих возможностей, лишь наметивший возможности развития темы. Благодаря этому все эти возможности актуализированы в сознании читателя. Внешне может показаться, что Бунин возвращается к «импрессионистическому» письму, о котором много писала дореволюционная критика. Но это совершенно новый этап творчества. Теперь писатель создает не наброски очеркового типа, как в 1900-е гг., и не «Краткие рассказы» 1930-х годов, стремящиеся к лаконизму и эпизодичности. Теперь в его творчестве формируется метатекст, притворяющийся маленьким рассказом: в подтексте он сохраняет большую новеллу, из которой вырос. Событие в нем почти исчезает, но подразумевается; сюжет сохраняется, но свертывается в череду намеков, обретая дискретность и потенциальность; диалог превращается в цитату, а иногда к цитате сводится и весь рассказ¹.

В рассказах «круга “Темных аллей”», тематически близких книге, но не вошедших в нее (большая часть этих рассказов окончена после 1946 г.), эксперимент принимает еще более сложные формы. Например, в рассказах «Алупка» и «Крем Леодор» сцена бытовой ссоры супругов (любовников) представляет собой одновременно и случайный эпизод, и историю жизни, и жизненную закономерность (из рассказов, опубликованных после смерти Бунина, так же построены «Новая шубка» и «Когда я впервые...»). Такого же типа промежуточные тексты встречаются и в папке «Женщины, девушки, девочки»: см., например, «Приехал к ней вечером <...>» (л. 16 об.) или «Чернобурая лисица на плечах <...>» (л. 18 об.). Рассказы «В Альпах» или «Ривьера» через один эпизод показывают нам всю жизнь героя (героев), а также сложность и красоту Божьего мира. В «Ривьере» этот момент усложняется неожиданным эротическим поворотом финала, который одновременно указывает на сложность и непредсказуемость человеческой души. Наброски такого же рода встречаем, например, на л. 20 папки «Женщины, девушки, девочки»: «Молодая монахиня-француженка, красавица <...>» или «Маленькая, изящная (француженка) <...>».

Промежуточный текст на этом этапе творчества Бунина приобретает органичность и самостоятельность. Он больше не служит вспомогательным материалом для творчества, он теперь и есть творчество как таковое. Иногда две-три строчки читаются как готовое художественное произведение, вмещающее всю трагическую судьбу героини. Яркий пример — запись из папки «Женщины, девушки, девочки» (л. 2 об.): «Жена шофера, бывшего Галлиполийца. Как только какая-нибудь неприятность, горе, тотчас начинает стирать белье. Слезы в глазах и стирает» — не требует уже никаких дополнений. Указание на мужа-галлиполийца не просто придает женщине негибимое упорство и жертвенность, но включает героическое прошлое в безрадостное настоящее: сюжет получает глубину и стереофоничность.

Таким образом, практически любой набросок из публикуемых ниже папок может рассматриваться как потенциальный рассказ «круга “Темных аллей”». Тематика книги «Темные аллей», существенно расширяясь в «круге “Темных аллей”», вбирает в себя все многообразие жизни. Новая писательская техника Бунина — поэтика недоговоренностей, едва намеченных аллюзий, оставленных

¹ Подробнее см.: Пономарев Е.П. Интертекст «Темных аллей»: Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 186–203.

неразвитыми композиционными возможностями — способствует этой тематической экспансии. В его последних рассказах в случайных эпизодах проступают тайны бытия. Такое же ощущение производят и наброски последнего периода творчества.

Показательно, например, изменение функции пуанта, эффектной финальной точки короткого рассказа. Бунин часто ищет пуант еще на уровне наброска. Например, отрывок «Поздно вечером поехал к ней...» (из папки «Спят в одной комнате...») завершается пуантом: «После ночи застрелила: / — Не доставайся никому после меня!» (л. 5 об.). Пуант здесь задает обратную перспективу, преобразая в новом свете все рассказанное ранее. Двустовка, которую героиня несет на плече во время первой встречи с героем, превращается в символическую деталь, создающую композиционный круг и, вместе с тем, в узнаваемую аллюзию на знаменитое чеховское ружье. Лесной пейзаж начала отрывка и описание лесной караулки преобразается этим последним выстрелом — к выстрелу приводит вся дикая лесная жизнь, которую ведет героиня; к выстрелу идет герой, влюбившийся в девушку-дикарку (аллюзия на повесть А.И. Куприна «Олеся» и похожие сюжеты).

На последнем этапе творчества Бунина пуант приобретает самостоятельное значение. Он уже не требует никакого предшествующего развития сюжета, он сам включает в себя и сюжет и его завершение. Например, следующая запись из папки «Женщины, девушки, девочки»: «Быстро вошла и сказала блистающим голосом: / — Поздравьте меня! Я отравилась!» (л. 17). Ничего больше нет, но ничего больше и не надо: возможности развития сюжета, предшествующего пуанту, проносятся в сознании читателя. Среди рассказов самых последних лет, опубликованных Буниным, есть именно такие — построенные на одном пуанте. Например, «“Un petit accident”».

Еще более интересные примеры изменения писательской техники предлагает нам папка «Спят в одной комнате...». Первая же запись папки завершается пуантом: «Самая прекрасная за всю жизнь любовь» (л. 1). Вариация этого пуанта звучит на л. 3: «Не было в нашей любви минуты чище, прекраснее!». Этот вариант пуанта был найден ранее: см. № 12 раздела «Отдельные наброски» («Открыл электричество...»). Здесь начальный текст из № 12 использован в большом промежуточном тексте. Однако в новом контексте функция фразы существенно меняется. С одной стороны, благодаря этой фразе откровенный эротический эпизод случайного соития обретает черты Любви всей жизни (Любви, навеки сохраненной Памятью) — и попадает в контекст общей тематики «Темных аллей». С другой стороны, сама фраза получает более глубокий смысл, созданный новым контекстом. Кроме того, в этот промежуточный текст попадает и предшествующая запись из № 12 («В два часа вышел»). Два начальных текста, первоначально не связанные, обретают глубинную связь за счет общей тематики тайн бытия. Жест героини («...быстро спрятала лицо в изгибе локтя голой руки»), повторяющийся в разных начальных текстах (см. № 12 «Отдельных набросков» и папку «К “Жизни Арсеньева”. Том второй “Дни и годы”», л. 47), в промежуточном тексте во многом сохраняет те функции, что имеет в начальном. Сохраняет и связь с пуантом «чище, прекраснее!». Но совершенно в иной функции этот жест появляется в рассказе «Весной, в Иудее»: там это жест покорности и согласия. Один и тот же фрагмент получает разные смыслы в различных контекстах; начальные тексты причудливо группируются внутри промежуточных контекстов, иногда сохраняя свои начальные значения, иногда существенно их меняя.

Само собирание начальных текстов в папки — это перевод их на уровень самостоятельных текстов. Не исключено, что такие папки с текстами-набросками появились только на последнем этапе творчества писателя. Показательно, что названия папкам даны в самые последние годы его жизни. Названия всех папок (имеются в виду и папки, публикуемые в предыдущих разделах) написаны старческим почерком: очень крупные и неровные буквы, с трудом выведенные сильно дрожащей рукой — это позволяет однозначно датировать появление названий 1952–1953 годами. Бунин в последние годы жизни не просто систематизирует архив, он в очередной раз переосмысливает сам процесс творчества. Заглавия придают папкам самостоятельное значение, предлагают относиться к ним как к художественным произведениям в полном смысле слова.

Отличие систематизированных набросков от несистематизированных хорошо заметно в этом разделе. «<Зимняя ночь...>» представляет собой собрание начальных текстов — разнородных и слу-

чайных. Папка «Спят в одной комнате...» соединяет начальные тексты и промежуточные тексты, существенно развитые, некоторые из них — почти совсем готовые. Листы «В Париже» — сформированное тематическое единство, нацеленное на определенный замысел: следующим этапом должен создаваться готовый текст. Такова же и папка «Женщины, девушки, девочки» — с той разницей, что эта папка, по-видимому, не ориентирована на конкретный замысел, а должна была поставлять материал для целого ряда промежуточных и готовых текстов. Раздел «Замыслы рассказов» демонстрирует иной ход писательской мысли: работа здесь начинается не с темы, а с заглавия, которое само по себе может рассматриваться как начальный текст. Вслед за тем начальный сюжет начинает обрывать подробностями.

Название первой папки указывает на главную тему «Темных аллей» и «круга “Темных аллей”». Как сказано в рассказе «Генрих»: «<...> “жены человеческие, сеть прельщения человеком”! Эта “сеть” нечто поистине неизъяснимое, божественное и дьявольское <...>»². Загадочность женской природы проступает во многих записях; это, по-видимому, главный критерий отбора. Как в книге, наброски соединяют загадки женской души с красотой и тайной женского тела (от юных девушек до зрелых женщин).

Листы «К Парижу» относят как к парижскому сюжету, намечавшемуся в продолжении романа «Жизнь Арсеньева», так и к рассказу «В Париже» из книги «Темные аллеи». По-видимому, это тот тематический пласт, который очень занимал Бунина, но остался большей частью на уровне начальных и промежуточных текстов. Обычно Бунин так называл дополнения к уже созданным рассказам. Но здесь, по-видимому, наброски предшествуют появлению рассказа «В Париже». На листах 5 и 7 находим несколько промежуточных текстов, очень похожих на эпизоды готового текста, но во многом иначе решенных. Первоначальный вариант рассказа показывает менее устроенных в жизни героев. Их случайная встреча — никак не любовь всей жизни, а любовь от безысходности. Героиня в этом варианте существенно старше и далеко не так привлекательна, как в рассказе. Однако детали ее портрета почти целиком переходят в готовый текст (черный цвет волос, пробор, черное платье) — контекст начинает существенно влиять и на функции ранее найденных деталей. Таким образом, эти листы — не предварительные наброски к рассказу «В Париже». Это набор возможностей, которые не воплотились в бунинском творчестве в виде готовых текстов. Те листы, на которых формируется замысел рассказа, следует рассматривать не столько как первоначальный вариант, сколько как иной вариант знакомого нам текста.

Весьма значительное место занимает в парижской папке кулинарная тема. По-видимому, с одной стороны, она важна сама по себе как характеристика парижской жизни. С другой стороны, можно представить себе, как писал это Бунин в военные годы (ряд моментов позволяет датировать эту папку почти точно: 1940-й или первая половина 1940-х): перечисление изысканных блюд и вин вступало в трагическое противоречие с полуголодным существованием обитателей виллы «Жаннетт». Наконец, ресторанное меню приобретает в позднем творчестве Бунина совершенно особое значение: это лаконичное изображение жизни как таковой³.

Папка «Спят в одной комнате...» вновь предлагает нам наложение двух сюжетов, уже знакомое нам по «Жизни Арсеньева» и «Темным аллеям»: русская деревня — французская провинция. Возможно, это сложное сопоставление-противопоставление, еще не описанное в научной литературе, посвященной творчеству Бунина. Французские провинциальные сюжеты влекут за собой кулинарную тему, которая теперь характеризует не столько парижскую жизнь, сколько вообще французское мироощущение.

Нельзя исключить, что эта папка была продолжением папки «Женщины, девушки, девочки» (у папки «Женщины, девушки, девочки» есть только первая обложка, у папки «Спят в одной комнате...» — только последняя обложка). И обложки и бумага примерно одного времени.

² *Темные аллеи* (1946). С. 170.

³ См. подробнее: *Пономарев Е.Р.* Постмодернистские тенденции в творчестве позднего И.А. Бунина (на материале уникальной записной книжки) // Новое литературное обозрение. 2017. № 4(146). С. 213–226.

«<Зимняя ночь...>», как отмечено выше, представляет собой несистематизированные записи. Тематически эти листы близки «Темным аллеям», структурно — разделу «Отдельные наброски».

Наконец, «Замыслы рассказов» указывают на две важные темы, к которым Бунин движется всю жизнь и которые, по сути, сохранились в его творчестве исключительно в виде потенциалов. Это, во-первых, рассказы об усадебной жизни XVIII века. По-видимому, эта жизнь, о которой он знал лишь понаслышке (от своих предков и старых слуг), чрезвычайно интересовала его. Об этом он часто заводит разговор в своих произведениях, но лишь слегка задевает ее, никогда не раскрывает глубоко. Начиная со знаменитых «Антоновских яблок» (1900) и целого ряда текстов этой эпохи и этого жанра, которые Ю.В. Мальцев называет «лирическими эпиграфиями», — заканчивая «Балладой» (1938; входит в первую часть книги «Темные аллеи») и «Ловчим» (1946). Замыслы рассказов «Лейбгусар Муравьев» и «Скарятин» ближе всего стоят к тем страницам «Жизни Арсеньева», на которых главный герой, неожиданно для самого себя, вдруг на целый ряд мгновений попадает в прошлое, и это прошлое — всегда XVIII век. В романе два ярких момента такого рода. Первый — эпизод похорон Писарева, когда Арсеньев впервые глубоко ощущает себя частью дворянского рода, «всех праотцев и пращуров наших»⁴: «Я пристально глядел потом, стоя за церковью, среди старых могильных плит и памятников всяких бригадиров и секунд-майоров <то же очарование давно отмененных званий, которое чувствуется и в публикуемых замыслах>, в глубокую и узкую яму <...>»⁵. Второй эпизод чаще цитируется в научной литературе. Арсеньев едет в санях на железную дорогу, чтобы сесть в тот поезд, в котором будет Лика: «<...> чувствую в себе кого-то лихого, старинного, куда-то скачущего в кивере и медвежьей шубе <...>»⁶. Эти эпизоды намечают альтернативную жизнь Арсеньева — такую, какую он мог бы прожить, родись на столетие раньше⁷. Полному раскрытию этой темы должны были быть посвящены и задуманные рассказы. Можно предположить, что эти замыслы так и остались нереализованными, поскольку Бунин не знал старинную усадебную жизнь с той точностью деталей, которая требовалась. Кроме того, исторический рассказ оставлял за скобками сферу Памяти и воспоминаний, которые всегда сопровождали у Бунина темы XVIII века.

Замысел рассказа «Аничка» приносит другую тему. Это детство и мировоззрение ребенка, которые Бунин по-своему (с введением в повествование взрослого анализирующего персонажа) раскрыл в романе «Жизнь Арсеньева». Теперь он пытается подойти к детству с другой стороны: со стороны детской речи. Речевые особенности говорящего, неожиданные лексические и грамматические обороты формируют весь сюжет таких дискурсивных рассказов, как «Баллада»

И.А. Бунин.
Петербург, 1907 г.
(РАЛ)

⁴ *Жизнь Арсеньева* (1952). С. 150.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же. С. 284.

⁷ Подробнее см.: *Пономарев Е.Р.* «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Часть I // *Вестник СПбГУКИ*. 2014. № 4(21). С. 152–165.

и «Ловчий». Вероятно, «Аничка» должна была стать рассказом, сюжет которого формировали курьезы детской речи. На протяжении многих лет Бунин мог наблюдать развитие детской речи на примере выраставшей на его глазах Олечки Жировой, во многом заменившей ему дочь (подробнее см. примечания). Очарование и непосредственность говорящей маленькой девочки курьезным образом сближают этот замысел с темой «женской» папки, открывающей настоящий раздел.

1. Папка «Женщины, девушки, девочки»

<л. 1, обложка папки>

*Женщины, девушки, девочки*⁸

<л. 2>

Приехала на станцию на тройке. Породистая, большая, в широком пыльнике. Энергичный, умный взгляд. Рассеянна-приветлива. Конечно, светски картавит.

Изменившийся с тех пор (с нашей⁹ молодости) овал лица — расширился костяк. Стала большой рука — прежней прелестной руки нет и вовеки не будет больше.

Как все было нарядно тогда! И ее молодая красота, и пляж, и синее море, и розовые с фиолетовым оттенком цветы олеандров... (В молодости встретились на Ривьере).

Большого света. Что-то Черногорское или Сербское.¹⁰ Высокая, худая, чернобровая, с черными усами, всегда в черном. Лет 50.

Тех же лет и тоже большого света. Крупная, княжески-мужицкая осанка, большие руки и ноги. Спокойно говорит дерзости друзьям — светское выражение дружбы, принадлежности к одному обществу^а.

Высокая, статная, стройная, считалась и еще <л. 2 об.> считается красавицей. Всю жизнь чувствовала это, чувствует и теперь. Медлительна, благосклонна. На балу или в гостях говорит с собеседником мило и рассеянна, слегка улыбаясь, будто думая что-то свое, подносит к глазам лорнет, смотрит куда-то вдаль, как можно изящнее выгибает руку в белой перчатке до локтя.

В эмиграции. Нищая, одинокая, неизвестно чем живет, помогают родственники — Шуваловы и др. Страшно худа, в чем-то заношенном, черном, похожем на траур. Лицо темное, грустное,¹¹ как у заплаканной старой собаки^б.

⁸ Запись сделана значительно позднее, чем остальные записи папки — почерком Бунина последних лет и шариковой ручкой.

⁹ Было: ее <?>

¹⁰ Что-то Черногорское или Сербское. вписано

¹¹ Далее было: вообще

Жена шофера, бывшего галлиполийца^c. Как только какая-нибудь неприятность, горе, тотчас начинает стирать белье. Слезы в глазах и стирает.

Огромная, сильная, плотная, — особенно в спине, возле подмышек, с огромными грудями.

Долго говорила в телефонной кабинке, вышла, оставив ее нагретой, с густым приторно-сладким запахом духов, пудры, горячего тела в шерстяном платье.

<л. 3>

Девочки, подростки¹².

Уездная белобрысая девочка, вскидывая волосы, пристально и однообразно прыгает на одной тонкой ножке через веревочку. И так десять минут, двадцать... А сама все посматривает на черномазого мальчишку, подмастерье сапожника. Тот тоже глядит на нее. — Начало, пробуждение. (Город вроде Ельца, Ефремова)

Похожая на лисенка. Лет двенадцать, но уже развратна, многое знает (что делает отец с матерью и т.д.).

Девочка без ресниц, в веснушках.

<л. 3 об.>

Танцует «Весенний танец мотылька». Детская безобразная худоба, ноги и руки — палки. Газовая торчащая колоколом юбочка. Костлявые ключицы, плечики, с которых все спадают белые шелковые ленточки перемычек. Со стыдом и мучением старается изо всех сил — подпрыгивает, вспархивает, хлопая в ладошки, вскидывая вперед руки, мелко бежит на носках, опять вспрыгивает... Суетня, неловкость... Того гляди жалобно закричит, заплачет...

Рукоплескания. Вся красная, приседает назад, округло разводит ручками, шлет воздушные поцелуи и убегает. На глазах слезы. (В Париже).

Коротенькая юбочка. Голая нога, колено — все лиловатое, пятнистое. Сидит в автокаре и озирается, чувствует, что на нее уже смотрят.

Скаут-подросток. Толстая. Товарки дразнят «мартадэлой» <так!>^d. Обижается, плачет.

<л. 4>

Означаются малень<ие> груди. Востроглазая.¹³ Ножки черны от загара, в сухих стружьях — обдирает влезая на деревья, на камни на морском берегу. Ветер заворачивает юбочку — старик на берегу жадно смотрит, мучится.

Еще детскость. Как будто немного заспанная, будто только что проснулась и еще плохо соображает.

¹² Написано карандашом в верхнем правом углу страницы.

¹³ Востроглазая. вписано

Невинные, детские, слегка раскрытые губки. На нижней, как это бывает у детей, тонкая блестящая пленочка.

Лет двенадцати. Запавшие грозно печальные глаза, пепельное личико. Похожа на мертвую в гробу.

Почти девушка. Прекрасные крупные глазные яблоки. Часто глядит вверх.

Лет 15. Длинная, нехороша собой, рыжеватая. Часто моргает. Влажные, теплые, нежные ладони.

<л. 4 об.>

Шафранная телом и лицом. Стриж<еные> черные сухие волосы, короткая красного ситца юбочка, длинные ноги.

Волосы цвета сухой ваксы. Пепельно-сизый цвет худощавого лица — что-то абиссинское. Пепельно-сизые губки. Черные большие ресницы, черные привычно-печальные глаза. (Прованс).

Лет 17. Ее первое соитие — серьезные, внимательно-жуткие¹⁴ глаза.

Тех же лет¹⁵. Очень смуглая. Демонический профиль. И¹⁶ не<ч>то ужасное, звериное¹⁷: вдоль щек черный густой пушок, как у юноши, плечи, спина между лопаток, поясница и бедра — все в черных волосах.

Сросшиеся черные брови, черный пух на губе — всюду этот волос, нежный, блестящий, но¹⁸ смоляной.

(Взять пляж в Ницце¹⁹).

Еще первое соитие: детски старается.

<л. 5>

Уездный или губернский город.²⁰ Кончает гимназию; уже полные груди, обилие каштановых волос, убранных кое-как; женственна, все мягкое — тело, руки, движения; очень близорука — все шурит влажно-синие, прекрасные, добрые глаза. То и дело ссорится за обедом, за чаем с братом третьеклассником. Вдовый отец, доктор в очках, только улыбается; дает детям свободу во всем.

— Папа, скажите этому дураку, чтобы он не чавкал, как свинья²¹.

¹⁴ Вместо: внимательно-жуткие — было: грозные

¹⁵ Далее было: Т<я>жка<?> красота — и

¹⁶ Очень ~ И вписано

¹⁷ Вместо: звериное — было: а. страстно и жутко влекущее: б. мистиче<ское?>

¹⁸ но вписано

¹⁹ Вместо: Взять пляж в Ницце — было: Платье можно взять кровавое <?>

²⁰ Уездный или губернский город. вписано

²¹ Далее было (с абзаца): Гимназист: (далее с абзаца)

- Сама дура.
 — Ах, и надеру я тебе когда-нибудь уши!
 — Руки коротки, матушка. Растянулась вчера сослепу на катке перед своим юнкером, вот и тигришься.
 — Нахвтался, болван, словечек!
 — Сама болваниха.

Жарко, полная, прибежала, пахнет горячим телом и муслиновым платьем. Праздник, новые грубые²² ботинки. Села, крупный²³ зад. Он не сводит с него глаз.

<л. 5 об.>

Москва. Деревянный домик во дворе.

Хозяйка, вдова «знаменитого» статистика^с; небольшая, рыжеватая, курносая, живой взгляд, деловита, энергична, непоколебимо уверенная в правоте всех²⁴ своих мнений; курсисткой была очень бойка и недурна собой, на вечеринках лихо запевала сугубо народным голосом: «Как па речке па быстрой становой едя пристав...»^ф. Гимназистка дочь, высокая, крепкая, рыжая, кончает курс. Постоялец, гимназист пятого класса.

Налево из прихожей его комнатка, направо чистая, теплая кухня, прямо — двери в столовую, из столовой направо спальня хозяйки и дочери. В столовой портреты: «знаменитого» статистика, Короленко^с, Златовратского^h...

Николин день в декабре. Розовато-солнечный морозный день. Хозяйка с утра уехала к Златовратскому помогать готовить, печь пирог — его именины. Дочь жарит в кухне битки, иногда запекает. Гимназист, неловко усмехаясь, стоит возле. Иногда берет ее за плечо и продолжительно целует. Первые в жизни поцелуи — ее и его. Отнимаются от мучительно-го блаженства руки и ноги, закрываются глаза.

<л. 6>

Скаут. Юбочка до колен, голенаста, как страус, голени за лето обросли рыжими сухими волосами — от морского воздуха, солнца, купанья. Крупные коленки в засохших ранках. Большие руки.

Рыжая, в веснушках цвета ржавчины. Простонародное лицо. Взгляд ясный, живой, внимательный, готовый к улыбке, к быстрому ответу. И застенчива и решительна.

Смешение мужского отрочества с девочкой-девушкой.

Крупный, сильный зад, уже круглятся груди.

В сумерки с розовой зарей лежит с мальчишкой в теплом мелком южном лесу недалеко от лагеря. Не то злится, не то сладострастничает — он всюду залезает к ней. Вечернее меркнувшее море видно между низкорослыми корявыми деревьями.

<л. 6 об.>

В жарком, мелком²⁵, нежном хвойном лесу на морском²⁶ берегу. На сухой земле в колючих травах. Уже доходит из-за ветвей в легкую тень горячее солнце и зеркальный блеск солнечного моря.

---

²² грубые *вписано*

²³ крупный *вписано*

²⁴ всех *вписано*

²⁵ мелком *вписано*

²⁶ *Вместо:* на морском — *было:* близ моря

Легли, оба закрывшись ее легеньким платком. Душно. Смех и поцелуи.

Шли по песку, глядя на млеющее знойное небо среди вершин кипарисов.

На пляже. Нагретая голова — запах ее нагретых волос.

Дача близ моря.

Жара, сушь, горячий ветер.

Пески. Море голубое, небо бледное.

Сосенник, запах горячей хвои, смолы — чешуйчатая²⁷ кора в липкой²⁸ смоле. (Где ствол обнажен — телесный цвет). Рыжая хвоя, усеявшая белесый песок.

Идут с купанья расслабленно-счастливые. У подростка-девочки все уже женское, но короткая юбочка. На голых загорелых голенях прилипшие²⁹ крупинки песку с солью.

<л. 7>

Девушки, молод<ые> женщины³⁰.

Мила, тиха — как мышь в гостях.

Робка, самолюбива, зла. Острые зубки.

Говорящая всегда быстро, спеша, не слушая того, с кем говорит.

Говорит без выражения, думая что-то свое, глядясь в зеркальце пудреницы, подняв брови.

В глазах всегда что-то яркое и загадочное, что-то тайное, что-то думающее <так!> смело, вызывающе.

Грустная улыбка, грустный и добрый, все понимающий взгляд.

Запекшиеся от молчаливого, смертного горя губы.

Злобно радующаяся, что «погибает ее жизнь». Все советуют ей «переменить обстановку».

Любящая говорить о себе — простосердечна, доверчива к людям.

<л. 7 об.>

Широкоскула, распутна. Накусывает губы, чтобы были ярче. Дурной цвет лица.

²⁷ Далее было: розоватая

²⁸ Далее было: черной

²⁹ прилипшие вписано

³⁰ Написано карандашом в верхнем правом углу страницы.

Манящая молчанием глаз.

Мучительно влекущая изгибом крупно вырезанных губ.

Томный, темный, тягучий взгляд — безмолвное «да».

Смуглая худоба. Смуглые груди. Мягкая чернота ресниц.

Бледная смуглость, сухо-черные глаза.

Черные глаза, льняные волосы.

Синие глаза, пепельные волосы. В трауре.

Резвая, лукавая.

— *Quelle belle fille, quel chien!*ⁱ

Юное чело, вьющиеся на лбу волосы, говорящие глаза.

<л. 8>

Великолепие черных глаз. Набросала в пепельницу золотых окурков.

Фарфоровая бледность.

Красивая, спокойная, ограниченно разумная — и кажется от этого умной³¹.
Немногословна — и потому кажется, что «что-то в ней есть».

Мучительная: загадочно-тоскливая, всегда задающая неразрешимые вопросы.

Прелестная, веселая, но такое лицо, что он, не сводя с него восхищенных глаз, сказал:

Как у юноши от раны
Томен цвет твоих ланит!^j

Вальсировала с ним, откинув голову с блаженной улыбкой, закрыв глаза.

Он на ухо ей:

— Ты меня любишь?

— Не знаю, не знаю, не знаю...

Шляпа «Рубенс»^k. Полнеющая, избыток красоты.

<л. 8 об.>

Бледные маленькие уши, холодные. Маленькая, худощавая, шерстяное платье³², противно, душно пахнет плохой шубкой³³. Пришла в первый раз — и через десять минут без всякого сопротивления. Серый зимний день, под вечер.

³¹ На полях рядом с этой фразой приписано карандашом рукой В.Н. Буниной (?): А.Н.<Цакни?>

³² шерстяное платье вписано

³³ Вместо: плохой шубкой — было: а. выхохулью б. выхохулью

Настойчиво-мерные, вызывающие, манерно-элегантные, но мужественные такты мазурки.

Офицер, держа ее руку, шел танцем несколько отдаленно от нее, сдержанно, кавалерственно-гордо, но не сводя с нее глаз с искательной, ждущей улыбкой.

Она мелко бежала несколько впереди, с манящей, но убегающей грацией, откинувшись, слегка изогнув стан.

Вдруг он, в бойкий такт музыки, победно вскинув плечи, топнул и полетел вперед, унося ее с собой.

В гостиной у нее большой фотографический снимок с неизбежной картины Штука¹ — женщина со змеем: голая, белая, могучая, грозная, мрачно-страстная, и между колоннами ее белых ног — толстый, страшный изгиб черного змея, а с ее плеча — свесившаяся морда его, кошачья, мелко-зубастая, курносая, раскосая, траурно-полосатая.

<л. 9>

— А можно узнать, как вас зовут?

— Шушу.

И хохочет. Полная, хохотунья.

Поцеловал, носясь с ней на качелях^m, на лету, точно падая на нее.

Отдалась в тот же вечер, в саду — все время смеясь. Потом стала под ним хохотать и как будто радостно рыдать.

— «Вы Ника Самофракская^{n!}!» — «Глупо!»

На балу. Лакированые волосы. Удивительная тонкость шелковых чулок — видны все жилки голени³⁴. Крупность черных наклепанных ресниц — точно лапки шмеля. Вся спина голая, мучнисто-белая.

Большая старая усадьба. Огромный пруд, затянутый ряской под гниющими столетними деревьями. Гниющая досчатая <так!> купальня.

«Дриада». «Офелия»^o.

Княжна Лили.

На балу. Стриженная, большая. Играющие, вызывающие глаза.

<л. 9 об.>

На балу. Маленькая, ладная, южная, блеск сплошь карих глаз, смуглая — точно прокопченная. Веселая, смелая, игривая, находчивая.

Что-то негритянское. Выкаченные синеватые белки, вырезанные ноздри, крупные вкусные губы, крупнее зубы, сильное, стройное тело.

³⁴ голени вписано

Коричнево-рыжая, вся в густых веснушках. Живая, вызывающе-веселая.

Оранжевая подсохшая краска губ. Нижняя мелко потрескалась.

Стриженная, как мальчишка, некрасивая, маленькая, худая, изящная, ловкая, легконогая. Просто сшитое черное шелк<овое> платье с вырезом на груди — видно начало костлявой груди и золотой древний крестик.

Милая, умная, на людях беспечная, веселая; пережившая в свое время очень тяжелую, никогда не забываемую любовь.

Ярко темно-желтые волосы. Румянец оранжевый, точно у нее жар, пересохшие губы.

<л. 10>

Чернокурчава, широкоскулая, крупные лиловые губы, сплошь черные блестящие глаза — во всем нечто негритянское. Всегда втайне возбуждена, чего-то ждет. Мучительная выдуманная любовь к пожилому вдовцу — потому только, что он пожилой и вдовец, а ей восемнадцать лет.

Венчалась без вуали, без флердоранжа, по-домашнему причесанная, в будничном³⁵ платье. Деревенская церковь, робеющий священник — она княжна. В усадьбе шампанское, фрукты, конфеты. Потом прощание с отцом, с матерью, поднялась в мезонин в свою опустевшую девичью комнату, упала на колени возле постели, уронила на нее голову, долго плакала...

Уехали. Опустевший дом.³⁶ Пустой серенький осенний день.

[(Еще никто никогда не написал как следует <нрзб> ухода из семьи дочери).]^p —

<л. 10 об.>

В баре (напр., в «Викинге»^q). Северная, рыжая, кирпично-обожженное лицо.

Красавица, слепая. Всю жизнь любила безобразного, воображая его себе прекрасным, не веря никому, кто говорил, что он безобразен.

В меховой дорогой шубке. Идут, скользят — молодой липкий снег. Взял под руку, под самую мышку — нежно-горячее, какое-то совсем особое тепло тела и нежного меха.

Высокая, серые глаза необыкновенной красоты. Волнующаяся мягкость тела в сером фланелевом платье.

В баре. Девушка, похожая на красивого молодого человека типа Байрона. Стриженная, в пиджаке. Лицо, шея, волосы — все молодое, благородное. Лесбиянка.

Шлиссельбургский проспект^r. Красавица учительница.

У одной были золотые глаза, у другой горячие темные, у третьей фиалковые, у четвертой неприятные, сухие, скупые, недобрые...

---

³⁵ *Вместо:* будничном — *было:* сером простом

³⁶ Уехали. Опустевший дом. *вписано*

<л. II>

Особняк в Москве, целое поместье; нечто вроде замка из темного гранита, зеркальные окна, огненно-яркий цветник между ним и дорогой, железной³⁷ решеткой, отделяющей его от улицы;³⁸ большой мощеный двор, за ним, в осеннем бирюзовом небе³⁹, смугло-золотые вершины сада; гранитный⁴⁰ навес перед парадным ходом, под ним каретка, на козлах грум⁴¹ в бачках, в котелке, с длинным бичом, воткнутой рукояткой возле козел; нервно перебирает тонкими ногами англазированной кобылка. Лакей в камзоле, в атласных⁴² коротких штанах, в шелковых чулках, в туфлях:

— Лидия Матвеевна сию минуту выезжают.

— Я на минуту. Передайте карточку...

Через минуту (сажаясь в маленькой гостиной на атласное кресло с золочеными ножками):

— Садитесь, пожалуйста...

Голос певучий, купеческий. Колено, бедро — все крупное, полновесное, но еще совсем молодое — под черным шелком юбки. Нога на ногу. Сильные, красивые икры, тонкие щиколки, небольшая ступня в прекрасной черной туфельке. Платье, чулки, убранство волос — все⁴³ чудесное. Цвет лица — «кровь с молоком».

<л. II об.>

Высока и довольна плоска, костлява, прямые плечи. Простонародность, что-то северное, но лицо темное. Плоские темные волосы на прямой ряд. Широкоскула, впалые щеки, тонкие губы; неподвижность, спокойная надменность профиля, выступающий угол челюсти, выступающий под ухом⁴⁴ мускул шеи. Ресницы чаще всего опущены. Лоб выпуклый⁴⁵. Маленькие груди едва обозначаются под простым платьем. Скупа на слова. Но в минуты страсти горяча, умна, очаровательна. И эта худоба длинных обнаженных ног...

Серые зимние дни, Большая Моск<овская> гостиница⁸, пришла с свежими прелестно пахнущими цветами. В пенсне¹.

Ливень, Орел⁴⁶, вокзал, с подошедшего московск<ого> поезда льет...

Провожал из Орла в Киев до Тихоновой Пустыни⁴...

Яркий, веселый и страшный блеск глаз из прорезей черной маски на маскарадном балу.

³⁷ *Вместо:* дорогой, железной — *было:* тяжелой железной

³⁸ *Далее было:* за замком

³⁹ *Было начато:* да

⁴⁰ *гранитный вписано*

⁴¹ *Было:* кучер

⁴² *Далее было начато:* чулк<ах>

⁴³ *Далее было:* дорогое,

⁴⁴ *под ухом вписано*

⁴⁵ *Было:* небольшой

⁴⁶ *Вместо:* Ливень, Орел — *было:* Ливень в Орле

<л. 12>

Миллионы — и древняя московская красота, восточная, азиатская^v. Старого купеческого рода. Крупная, но статная, в гранатовом бархатном платье, цельном, простого покроя, в бронзовых⁴⁷ легких туфельках с золотыми застежками; тонкие щиколки при полновесном (но легком на ходу) теле. Черноволосая, блестящие, как черный мех, брови; глаза — бархатный уголь; слегка широкие скулы, несколько рыбий, но влекущий бархатно-красными губами рот; нежный темный пушок на верхней губе; лицо желтоватое. Играет на гитаре — всегда что-то глухое и мелодично-заунывное; перебирает струны, думая что-то свое, иногда напевая печально-грозным голосом. Неожиданно бросает гитару на диван:

— Найдите мне жениха. Чуть не тридцать лет, а все сижу в девках! Дайте папиросу.

Оч<ень> близорука, оч<ень> выпуклые глаза, прелестный матовый цвет лица, худа, широкого рта.

В апреле приехал к ней в Вологду. (Муж в отъезде, — «по партийным делам», — рабочий, полуинтеллигент).

Завтрак у него в гостинице. На извозч<ике> за город. Ярко-белый монастырь в поле на возвышенности. Солнечно, ветер, ясная⁴⁸ даль.

<л. 12 об.>

Дача в лесах⁴⁹. Солнце, прозрачно-светлая, праздничная⁵⁰ зелень, пестрота света и теней на проспектах, летние нарядные зонтики и светлые платья дачниц.

Офицер, молодой, всегда веселый, красивый. Жена красавица, блядь. Однажды, катаясь с ней по озеру в лодке, застрелил ее из маленького браунинга после короткого разговора, не изменяя веселого выражения лица^v.

Только что кончила гимназию, дочь военного доктора в уездном городе. Ездил к ней на тайные свидания.

Начало лета, дожди, свинцовое небо, на его свинце — яркая, мокрая, молодая зелень садов и деревьев вдоль тротуаров, ее густота, обилие — весь город тонет в ней. И от нее и от туч тесно, сумрачно.

Свисток поезда на станции — и это низкое небо и ядовитая зелень... Долгие сумерки... Ее мягкая коса.

Когда ворвалась в комнату, все сразу смолкли — и остались одни ее глаза.

<л. 13>

Он в отпуску, в штатском. Странно и что-то ничтожное: Николай II в серой парочке.

В вагоне, первая брачная ночь. Поразили плечи — когда сняла платье: их скат, чистота и ровность лоска, цвета. Нежные ключицы. (Его ненавидит — вышла, любя другого)^x.

Овал щек, опущенные ресницы.

⁴⁷ Было: серых

⁴⁸ ясная вписано

⁴⁹ Далее было: под Москвой

⁵⁰ Было: прозрачная

Некрашен<ые> губы, цвета матовой ягоды малины, их девственность. Юная красота глаз, бархатная чернота ресниц и бровей. Цвет лица, плечей, рук — матовый, бледный.

Мышки матовой синевы. Их запах.

Зеленая жилка в сгибе локтя.

Ночь, каюта, на пути в Крым. В одной прозрачной рубашке, сквозь которую темнеет под животом.

Балаклава. Гурзуф.

Весной такого-то года я был... Осенью того же года приехал в... И т.д.⁵¹

Грязи. Кисловодск (поздн<ая> осень). Касимов. Тих<онова> Пустынь. Орел, дождь^y.

<л. 13 об.>

— У меня волосы были убраны à la chinoise^z, у сестры — букли à la Sévigné^{aa}.

Лежит на отоманке. Ногти крашены кармином.

Ее длинный лакей (на запятках).

— Помните Лугина и Минскую у Лермонтова^{bb?}

— Да, прежние балы! Сколько блестящих глаз и бриллиантов, розовых губок и розовых лент! Волшебно маленькие ножки и чудно узкие башмачки, беломраморные плечи... Но я тогда, будучи эгоист^{cc}...

Небольшая, крепкая, ладная, белизна тела, черная, черное платье... Умница, курит.

Что-то лошадиное в крупных, грубых,⁵² выцветших, рыжих волосах, падавших ей на лоб и на плечи.

<л. 14>

Закрыв глаза: она поднятой рукой, обнажившейся до подмышки, поправляла волосы.

Прижала веер к губам с остановившимися глазами, потом значительно покосилась⁵³. (На балу⁵⁴).

Видел и чувствовал ее лежащее возле него в траве тело. Она вдруг одернула платье.

В спальне разбросаны на полу туфли, на кресле брошено матинэ.

⁵¹ Абзац отчеркнут на полях, рядом поставлен знак NB (подчеркнут).

⁵² Далее было начато: выт. Вероятно, описка.

⁵³ потом значительно покосилась вписано

⁵⁴ На балу зачеркнуто и вставлено вновь в скобках.

— «Ceux qui regardent en face n'aiment pas»^{dd}.

Француженка. Завтракает: шоколад с хлебом.

— Вечная женская детскость!

Всегда вопрошающие глаза.

С грозными бровями⁵⁵.

Нежность, девственность ног выше колен.

Кудри спиральями.

<л. 14 об.>

Танцует как-то отсутствуя, как кукла, со старым высоким американцем с головой юноши, жемчужно седой. Высоко подняв ее правую руку, а своей правой охватив ее талию, идет, притопывая, напирает на нее, а она, изогнувшись, крепко прижимает к его штанам свой лобок под животом. Ни она, ни он не смотрят друг на друга, но знают, что уже совокупляются. У нее ничего не выражающее порочно-детское личико, светлые подлые глаза, тонкие пальцы с острыми ногтями; маленькая, гибкая. Когда он вдруг круто поворачивает ее, она развратно раскорячивается, вильнув задом.

С темно-пламенными волосами.

Диана.

Молочный цвет лица, рыжая.

Злые, куриные глаза.

Вальс, мелькают молодые ноги... Молодость, Орел.

[Прижала веер к губам и покосилась. (На балу)^{ee}]

<л. 15>

Платье из фая (de faille).

Легенькое батистовое платьице цвета лаванды.

Батистовое белое в синем горошке⁵⁶. Большая белая шляпка в голубых⁵⁷ кружевах.

⁵⁵ *Вместо:* С грозными бровями — *было:* Коровьи глаза.

⁵⁶ *Вместо* синем горошке — *было:* синих глазках

⁵⁷ *Было:* белых

Из синей холстинки. Из белой, палевой.

— К вам бы пошел пеплум, туника...

— Что это?

— Пеплум — это женская туника без рукавов, схваченная каким-нибудь аграфом на плече. Туника — верхняя рубашка.

Платье цвета мякоти арбуза: красное в черных зернах. Издалека видное.
(Молоденькая купеческая дочка на ярмарке).

Великолепие черного бархатного платья, вечерней прически, стройного роста, белизны тела — треугольника груди, обнаж<енных> рук.

Сатин⁵⁸. Муслин. Кисея.

Пьет кофе в длинной ночной рубашке, талия под грудями, плечи широко открыты. Черные волосы собраны на макушке.⁵⁹

<л. 15 об.>

— Это был мой первый бал... Давно, давно, в Москве, в одном аристократическом доме... Зажжены были все люстры, канделябры... Буфет — бульон, тартинки, пирожки...

На мне было розовое газовое платье с плюшевыми розами. На сестре — tulle illusion^{ff}, зеленоватое, и везде ландыши с розовым оттенком. А на мамá лиловое⁶⁰ бархатное и желтые анютины глазки...^{gg}

— Это было Бог знает когда — в пятидесятых годах прошлого века. Одетый от Шармера^{hh}, я поехал на великосветский вечер. Хозяин старик со звездой, хозяйка молода и прекрасна: белое атласное платье с воланами из черных кружев, на бальной прическе тоже черное кружево, на плечах⁶¹ пелеринка голубого бархата, вышитая жемчугом и золотом... Была она велика, породиста и совершенно поразила меня своей красотой, блеском, сиянием наряда, лица, глаз...

Летнее платьице из серпинкиⁱⁱ.

<л. 16>

Времена его молодости.

Боа на плечах, обилие пышно убранных волос, шелковая блузка с высоким воротничком⁶², пояс по тонкой (в очень тугом корсете) талии, длинная юбка, крупный зад.

Обилие блестящих, душистых волос, их большой узел на макушке.
Фуляровая блузка, крахмальный воротничок.

⁵⁸ Было: Траур

⁵⁹ Вписано по всему правому полю между Платье из фая... и ...на ярмарке

⁶⁰ Вместо мамá лиловое — было: маме такое ли<ло>вое

⁶¹ Далее было: пере

⁶² с высоким воротничком вписано

В очень большой шляпе с какими-то бантами, лентами, половина лица под вуалью. На плечах накидка со стоячим сзади воротом. Придерживает левой рукой подол длинного платья со множеством оборок. В правой шелковый зонтик.

Он в цилиндре,⁶³ в коротком светлом пальто, в петлице цветок; набалдашник трости вместе с рукой в кармане, конец ее торчит у плеча.

<л. 16 об.>

Приехал к ней вечером, вошел в гостиную, вытирая с мороза волнистые⁶⁴ усы белоснежным платком. Высокий, стоячий, двойной туго⁶⁵ крахмаленный воротничок, шелковый длинный галстук, жилет шалью, длинный шевиотовый сюртук с перехватом в талии; узкие панталоны со штрипками, усеченные носки шавровых башмаков⁶⁶. Поцеловал слабую, нежную руку в колючих перстнях.

— А я, мой друг, коротаю вечер в одиночестве, *au coin du feu*^{kk}...

Горят дрова в камине. Наискось от него лежит на полу⁶⁶ тигр с оскаленными клыками, — он всегда спотыкает на <так!> его голову. Она дальше, в кресле, в нарядном пеньюаре⁶⁷, в воздушной⁶⁸ пышности оборок, кружев. Подняв его до колен, положила ноги⁶⁹ на табуретку — черные ажурные чулки и⁷⁰ туфельки из⁷¹ золотисто-коричневой лайки.

<л. 17>

Крепко пожала руку небольшой горячей рукой.

— Руки лед, губы огонь. Ширококоротая. Дыхание пахнет ванилью, волосы гелиотропом. Удивительная!

Руки худые, но нежные, приятные, податливые. Все как-то извивается. Нехороша, но оч<ень> притягательна.

Высокая. Стриж<еные> бронзов<ые> волосы. Бально нарядна. Бронзов<ые> туфли. Веселая.

Театр, ложа. В белом блеске бриллиантов вспыхивает розовый острый огонек. На великолепно<ой> груди матовые жемчуга.

Так взволнована, что глаза поглощают все лицо.

Быстро вошла и сказала блистающим <так!> голосом:

⁶³ в цилиндре, *вписано*

⁶⁴ волнистые *вписано*

⁶⁵ туго *вписано*

⁶⁶ лежит на полу *вписано*

⁶⁷ *Вместо:* нарядном пеньюаре — *было:* пень<ю>аре

⁶⁸ воздушной *вписано*

⁶⁹ ноги *вписано*

⁷⁰ *Далее было:* чудесные

⁷¹ из *вписано*

— Поздравьте меня! Я отравилась!

Великолепная телом, в полном расцвете женской силы и красоты, вся блистающая белым атласным платьем, декольте, празднично убранными волосами и темными расширенными глазами. Грозно:

Qui chemine si tard par la nuit и<так!> vent?

C'est le père avec son enfant!^{ll}

Голос так силен, что звенят подвески люстры.

<л. 17 об. >

Толстая, вся в розовом и вся розовая телом полная⁷² певица на эстраде с отравительным, деланным упоением:

О свежий дух берозы!^{mm}

Горячий, густой, пахучий женщинами воздух переполненного, слепящего гранеными люстрами концертного зала. Женский высокий голос, с редкой силой обрывающий арию:

L'amou-our... toujou-ours!ⁿⁿ

Плеск аплодисментов. Кланяется, вода глазами по верхам и по сторонам, заботливо откидывая назад ногой шлейф.

Поэтесса на эстраде. Толстая, низкая, завитая барашком, вся в рисовой пудре, — лицо, шея, огромные груди, голые толстые руки, — в серебр<яном> платье, в серебр<яных> туфлях на⁷³ высоких не в меру каблучках. С бесшабашной удалью выкрикивает:

Я хочу быть свободной, как ветер степей,

Как волшебная песня поэта,

Вырвать душу свою из мертвящих цепей,

Из оков лицемерного света!

Я хочу быть твоею безвольной рабой,

Я хочу быть — твоею царицей!^{oo}

<л. 18 >

Она пишет и романы. Героиня — Нина, — у нее «серебристый смех», «ее <так!> «гордая головка, отягченная узлом волос цвета спелой соломы», — герой князь Юрий Кренецкий, «безумно» влюбленный в нее. Пишет в таком роде:

— Когда Нина, после духоты и сутолоки столицы, вырвалась наконец на простор полей...

— Отчаянным движением Нина вырвалась из рук князя и схватила со стены кинжал. Он застонал, как зверь, у которого вырвали из рук добычу...

— Липкая сплетня поползла по городу...

— Наконец корабль *въехал* в гавань...

[Демонический профиль. Очень смуглая. Все тело в черных блестящих волосах — плечи, поясница, бедра... (Можно взять Прованс).]

⁷² телом полная *вписано*

⁷³ *Далее было:* очень

Всегда, всюду чувствует, знает, как она хороша, великолепно. От этого всегда со всеми точно рассеянна.

Оч<ень> черные волосы, великолепно<ое> белое тело. Голубые жилки на полных грудях.

Оч<ень> черн<ые> волосы, брови, глаза. Очень белое — <л. 18 об.> меловое — тело. Тонкие зелено-голубые жилки под ключицами и на грудях. То же и в пахах.

Красавица курсистка, княжна. Высокая, держится стройно. Фланелевая клетчатая — шотландская — блузка. Чистота чела, красота ясных глаз. Приветлива, но ото всех отчужденна.

Чернобурая лисица на плечах. С правого плеча висит острая черная мордочка со стоячими стеклян<ными> глазками; с левого — пушистый дымчато-темный хвост.

Он, говоря с ней, гладит его.

Неопределенно, загадочно усмехается, глядя на него исподлобья. Вертит в зубах стельма махровой чайной розы, бледно-желтой с легким оранжевым налетом.

Руки держит за спиной, точно прячет сюрприз.

Голое розоватое тугое тело крутого заливка молодой сильной женщины впереди (в автокаре^{pp}). Думал, глядя:

— И все это сожрут черви в могиле через 20–30 лет!

<л. 19>

Полная, миловидная, нежная детскость, брильянт<овые> серьги, прелестная рука с брил<ьянтовым> кольцом. Какая радость всего! Опять думал: «И эта сгниет! И сколько их с начала мира, этих женск<их> тел, в земле!»^{qq}

Молоденькая, полное нежное лицо. Веселая, умненькая, живой, прелестный голосок.

Высокая, лиловатое лицо, прыщи — и необыкновен<енное> очарование. Удивит<ельная> коса, грудной голос.

Цвет и овал щеки, шеи за ухом — все нежно, молодо, прекрасно всячески.

Волосы всюду оч<ень> черные, живот — гладкость и блеск белой лилии.

— Милая моя, «les cuisses sont principalement remarquables dans les femmes par leur plénitude voluptueuse, leur poli et la douceur de leur<s> contours»^{rr}. Это сказал некий Moreau de la Sarthe^{ss}...

Волосы темные, молодые, с волнистым лоском.

<л. 19 об.>

Смутло-сизая, черн<ые> глаза с синеватыми белками.

Пепельно-смуглая, черные глаза, неподвижно-удивленные. Высокая, тонкая.

Откинула голову, лицо спокойное, безразличное. Подошел, взял голову, поцеловал глубоко в губы — лицо не изменилось.

Стоит за кулисами, ждет выхода. Торчащая колоколом юбочка, тугие ляжки, мягкость ступней. Все поправляет плечом сползающую розовую шелковую перемычку. Пахнет потом и колдкремом⁷⁴.

Купчиха. Вроде Березиной⁷⁵. Черное муаровое платье.

Нежная, гибкая. Розовые подушечки ладоней.

Засмеялась сквозь зеркальные слезы.

Красновато-рыжая, в веснушках,⁷⁴ девически тонкая, чахоточно худая. Нечистый, слегка сиплый голос. То оч<ень> резка, то оч<ень> нежна, услужлива. Ходит на деревню, ухаживает за больными — взяла на себя эту роль. Ранняя смерть. («Неужели я так и умру — девственницей!»).

<л. 20>

Совсем молоденькая, оч<ень> близорукая, белокровная, красивая француженка-монахиня.

Молодая монахиня-француженка, красавица. Удивит<ельное> по чистоте, гладкости матовое лицо. Во всем черном, широком. Грудь точно забронирована. Черное покрывало с белой плоёной подбивкой, — что-то гробовое, — большой белый накрахмаленный воротник. Черный толстый⁷⁵ шнур длинного пояса с черными четками.

Маленькая, изящная (француженка). Черные волосы, две-три пряди нарядно вьются на лбу, чистом, прекрасном.

Загадочное спокойствие безотносительной⁷⁶ улыбки, безразличная, милая⁷⁷ приветливость. И вечное тайное страдание: втайне страстно влюблена в негодяя, завсегдатая дорогих баров, шулера, жиголов старых американок с трупным дыханием, в густой пудре на лиловой старой коже, в брильянтах. В июле он в Довиле, в сентябре в Биаррице...

Улыбка с отсутствующими глазами.

---

⁷⁴ в веснушках, *вписано*

⁷⁵ толстый *вписано*

⁷⁶ безотносительной *вписано*

⁷⁷ милая *вписано*

Слезы восторженной печали, желание нечеловеческой, необыкновенной, губительной любви.

<л. 20 об.>

Пансион (где-нибудь на Ривьере).

Голубоглазая, с белыми волосами старушка. Аккуратная, чистенькая, деликатная. Живет в этом пансионе уже много лет. Совершенно одинокая, с совершенно неизвестным для всех прошлым. Зачем живет на свете? А живет — и похоже, что приятно живет. И ужели было все это и у нее — молодость, резвость, веселье, любовь, потеря невинности? С кем, где, когда?

Запад Франции, Атлант<ический> океан⁷⁸. Тяжело переполненный, выпуклый, густосиний (в этот солн<ечный> ветр<еный> день), шумящий, дикий, пустынный — ни одного паруса...

«Oceanic Bar. Orchestre. Danses. Ouvert toute la nuit»^{vv}.

Медлительно ухабистые, плавно приседающие ритмы танго — все под одну и ту же мелодию.

Когда сели и спросили виски, бодро затопал джаз — топ-топ, топ-топ...

Зеленая пустыня Адриат<ического> моря, Лидо, пляж. Вечерн<ий> звон из Венеции. Черн<ый> купальн<ый> костюм висит на тощем теле. Видно начало увядших грудей. Стоит на песке⁷⁹ у моря, тонкая, высокая, ноги — палки, плоская узкая ступня — точно лапа чайки.

<л. 21>

[Идут под руку, скользят — липкий молодой снег.]

Сидели в театре. Зашуршал, поднялся занавес — понесло со сцены холодом, запахом столярного клея, теса, клестера <так!>...

Сидя в сумраке кино и держа в руке ее руку, бессознательно смотрел на светлое, белое полотно экрана. Вдруг обернулась к нему, взглянула — и точно ветер прошел насквозь ее и его^{ww}.

— Однажды, — еще в начале нашей любви, — причесалась моим гребешочком: ах, как сблизило это нас!

И.А. Бунин.

Москва, осень 1912 г.

(ОГЛИМТ)

На обороте дарственная надпись: «Уважаемому писателю Ивану Алексеевичу В. Чеховской.

С. Кр<нрзб>. Е. Ребрик. <нрзб>. В.В. Гейз.

Осень 1912 г.»

⁷⁸ Далее было: , зима.

⁷⁹ на песке вписано

Несчастливая любовь. Кругом смех, говор, в ней тяжкая неподвижность, молчание.

Глаза стали тусклые, темные; побледнела, губы пересохли, горячие.

Поздним вечером, осенью, вошли в темноту леса и остановились. Прошептала:

— Какая недобрая тишина..

Осторожно взял ее руку, с замиранием сердца <л. 21 об.> чувствуя, как она⁸⁰ нежна, тепла. Не отняла, смотря куда-то в темноту. Поднял руку, поцеловал, обнял за плечо. Повернула голову, молча смотря в глаза, тихо выжидая...

Босая, на цыпочках, в прозрачной рубашке, сбегала к двери, замкнула на замок; подбежав к постели, дунула на свечу, дрожа нырнула к нему под одеяло... за окнами шумит в саду дождь...^{xx}

Весной 17 года перешла из школы в усадьбу^{yy}.

Креп, серебрившийся на солнце.

— Ваша угаенная любовь...

Слегка волнистые русые волосы на прямой пробор.

Небольшая. Белокурые косы обвивают головку.

Вся прелесть только в нежном цвете лица и правильности небольших черт его, ничего не выражающих.

<л. 22>

Небольшая толстая молодая блядь. Совсем без талии. Кудельные волосы, голубые глаза — вполне кукла. Кажется, положи ее на спину, глаза закатятся под лоб как стеклянные. И глупа как кукла. Говорит, смеется —⁸¹ похоже, будто в ней есть какая-то пружина, от нажатия которой происходят эти звуки, неживые, нечеловеческие.

Уличная блядь. Грубая девка, стерва, резкая, находчивая на брань, умная. Идет одна по улице (Киев или Одесса) и кого-то вслух ругает, с наслаждением выговаривает⁸²:

— Халамидник^{zz} сволочь! Идиёт несчастный!

Веселая молоденькая блядь. Когда ложился в нее <так!>, прошептала с милым смешком:

— Постойте, может, вы с заднего крыльца хотите? Я страсть люблю...

---

⁸⁰ Далее было: мала

⁸¹ Далее было: все

⁸² с наслаждением выговаривает *вписано*

<л. 22 об.>

Шел с блядью поздней ночью по темной улице. Витрина запертой пустой парикмахерской освещена всю ночь — там стоит восковой⁸³ бюст красавицы в черном завитом парике; страшные черные⁸⁴ ресницы — редкие, длинные, стеклянные блестящие глаза. С завистью, с⁸⁵ искренним восхищением:

— Вот бы быть такой красоткой!

Блядь, красавица. На паре злых лошадей.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/702. Папка-скоросшиватель со вложенными в нее отдельными непрошитыми листами (последний лист обложки отсутствует). 22 листа, текст на большей части листов с обеих сторон (на л. 1 оборот чистый), ряд листов не исписан до конца. Бумага хорошего качества, большие тетрадные листы формата А4. Нумерация листов простым карандашом, почерком В.Н. Буниной (?). Черные чернила, карандаш (записи карандашом оговариваются особо). Правка теми же чернилами — в процессе написания. По качеству бумаги, почерку, характеру правки и хранения в папке с обобщающим заглавием напоминает папку «К “Жизни Арсеньева” (Том второй. “Дни и годы”» и папку «Юг».

Датируется примерно: вторая половина 1930-х — середина 1940-х гг.

^a Некоторые детали записей на этом листе (крупная знатная женщина с мужицкими чертами, картавость, грубоватость как принадлежность к высшему обществу) позволяют сопоставить записи с неоконченным рассказом «Иволга» (см. с. 105–112).

^b Отчасти напоминает финал рассказа «Холодная осень» (третья часть «Темных аллей»): «<...> а я жила и все еще живу в Ницце по-прежнему чем Бог пошлет... Была я в Ницце первый раз в девятьсот двенадцатом году — и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!» (*Темные аллеи* (1946) С. 273).

^c Галлиполийцами называли солдат и офицеров I корпуса Русской армии ген. П.Н. Врангеля, размещенных после эвакуации Крыма в военном лагере в окрестностях г. Галлиполи (ныне — Гелиболу, Турция). Так называемое Галлиполийское сидение началось в ноябре 1920 г. и продолжалось до мая 1923 г. Большая часть галлиполийцев выехала в Европу в 1921 г. Общество галлиполийцев, образованное в ноябре 1921 г. в Галлиполийском лагере, стало для участников Галлиполийского сидения важнейшей поддержкой на всю жизнь. И.А. Бунин, отвечая в феврале 1923 г. на анкету газеты «Галлиполи», выразил восхищение подвигом русских солдат, сохранивших Русскую Армию на чужбине: «Галлиполи — часть того истинно великого и священного, что явила Россия за эти страшные и позорные годы, часть того, что было и есть единственной надеждой на ее воскресение и единственным оправданием русского народа, его искуплением перед судом Бога и человечества» (*Публицистика*. С. 147–148).

^d Мортаделла — пятнистая вареная колбаса из Италии, производится в Болонье (называется также Болонской колбасой). Изготавливается из свиного фарша и свиного сала, иногда свиной фарш смешивают с другими сортами мяса: говядиной, телятиной, кониной.

^e Занятие статистикой (активно развивающейся в России конца XIX века) было чрезвычайно популярно среди народнической и прогрессивно настроенной интеллигенции. Ю.А. Бунин служил по статистике, молодой И.А. Бунин (как и его герой Арсеньев) тоже отдал дань этой службе.

^f См. примеч. ddd к папке «К “Жизни Арсеньева”. Том второй», с. 214.

^g Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — выдающийся писатель и журналист второй половины XIX столетия, революционно настроенный, неоднократно подвергавшийся репрессиям (заключение без суда, ссылки в Сибирь), чрезвычайно популярный в народнических кругах.

^h Николай Николаевич Златовратский (1845–1911) — один из крупнейших писателей-народников.

ⁱ Какая красивая девушка, какая собачка! (*фр.*)

^j Строчки, вероятно, сочинены Буниным. Вторая напоминает стих пушкинского стихотворения «Паж, или Пятнадцатый год» (1830): «И цвет ланит ее так темен».

⁸³ восковой *вписано*

⁸⁴ черные *вписано*

⁸⁵ завистью, с *вписано*

^k Вероятно, похожая на шляпу, изображенную на одной из картин Питера Пауля Рубенса (1577–1640). Наиболее известен с этой точки зрения портрет Сюзанны Фоурмент, имеющий второе название «Соломенная шляпка» (1625). Женщина на этом портрете — в большой черной фетровой шляпе со страусиным пером.

^l Речь идет о картине баварского художника Франца фон Штука (1863–1928) «Грех» (1893), это одна из его аллегорий, вдохновленных творчеством А. Бёклина. Хранится в Новой пинакотеке Мюнхена. Эта картина была очень популярна в начале XX века. Например, она упоминается во 2 части «Жизни Клима Самгина» М. Горького.

^m Упоминание качелей отсылает к рассказу «Качели» (1945) из книги «Темные аллеи». Возможно, это один из промежуточных текстов на пути к окончательному тексту рассказа.

ⁿ Ника Самофракийская (названа по острову Самотраки, на котором была обнаружена) — статуя греческой богини Ники. Экспонируется в Лувре.

^o Возможно, отсылка к картине Дж.Э. Милле (Millais; 1829–1896) «Офелия» (1851–1852). На ней Офелия тонет в реке, затянутой ряской и водорослями. Слово «Дриада» можно понять, как отсылку к этой же картине (над Офелией склоняется старое дерево). Возможно же, Бунин имел в виду картину «Дриада» (1884) английской художницы Э. де Морган (De Morgan; 1855–1919), исполненную в похожем стиле. Впрочем, большого интереса к прерафаэлитам и их последователям у Бунина не наблюдалось.

^p Отдаленно напоминает сюжет неоконченного рассказа «Замужество» (см. с. 121–123).

^q Ресторан «Викинг» упоминается в следующей папке (под заглавием «К Парижу») в контексте французских любовных сюжетов. Вероятно, речь идет о парижском ресторане. Этот парижский ресторан Бунин посещал (упоминается в дневнике). Ресторан «Викинг» (Le Viking) до сих пор существует в 9 аррондисмане Парижа: 55, rue du Faubourg Montmartre.

^r Упоминание Шлиссельбургского проспекта указывает на то, что действие происходит в Петербурге, в районе, где квартируют небогатые жители.

^s Большая Московская гостиница — дорогая гостиница с известным рестораном, находилась в самом центре Москвы напротив Иверской часовни. Бунин не раз останавливался в ней. Упоминается в книге Бунина «Воспоминания» (1950).

^t Песне носила В.В. Пашенко. По ряду деталей можно предположить, что в этом и находящихся рядом набросках отразились впечатления Бунина от романа с Пашенко.

^u Тихонова пустынь — железнодорожная станция киевского направления Московской железной дороги.

^v Начало отрывка напоминает важные мотивы (богатая москвичка, восточная внешность, непонятная тоска) рассказа «Чистый понедельник» (1944) из книги «Темные аллеи». Ср.: «А у нее красота была какая-то индийская, перидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза; пленительный бархатисто-пунцовыми губами рот оттенен был темным пушком; выезжая, она чаще всего надевала гранатовое бархатное платье и такие же туфли с золотыми застежками» (*Темные аллеи* (1946). С. 309).

^w Поворот сюжета напоминает рассказ «Пароход “Саратов”» (1944) из книги «Темные аллеи». Возможно, это один из промежуточных текстов на пути к окончательному тексту рассказа.

^x Некоторые мотивы этой записи использованы в неоконченном рассказе «Замужество» из круга «Темных аллей» (см. с. 121–123).

^y Повторяются мотивы из краткой записи с л. 11 об., с. 276.

^z в китайском стиле (*фр.*).

^{aa} в стиле мадам де Севинье (*фр.*). Прически, приписываемые знаменитым женщинам прошлого, были популярны вплоть до революционных лет. Прической маркизы Севинье (Marie de Rabutin-Chantal, marquise de Sévigné; 1626–1696), одной из самых образованных женщин Франции XVII в., автора знаменитых «Писем», называли завитые волосы, собранные в два пучка по бокам головы, со свисающими завитыми локонами.

^{bb} Лугин и Минская — герои повести М.Ю. Лермонтова (1814–1841) «Штосс» (осталась неоконченной, опубликована в 1845 г.).

^{cc} Этот грамматический оборот Бунин особо отмечает в произведениях русской классики: в одной из записных книжек выписывает у Пушкина оборот типа: «Будучи охотник» (см. публикацию записной книжки РАЛ. MS 1066/547 в кн. 2 наст. тома, а также ее препринт: *Бунин И.А. Записная книжка // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 233*).

^{dd} Те, кто смотрят прямо в лицо, не любят (*фр.*). Цитата из книги Франсуа Мориака (1885–1970) «Le fleuve de feu» (в разных русских переводах — «Огненный поток» или «Река огня», 1923).

^{ee} Ср. с записью на л. 14, с. 278.

^{ff} Тюль-иллюзион (по-французски правильнее: *tulle d'illusion*) — модная в первой половине XIX в. прозрачная, гладкая или узорчатая ткань для платья (см., напр.: Руденко Т. Модные магазины и модистки первой половины XIX столетия. М.: Центрполиграф, [2015]. С. 36).

^{gg} Развитие (соединение) двух мотивов: женские бальные платья (прически) и красота бала. Ср., л. 9, с. 274; л. 11 об., с. 276; л. 13 об., с. 278.

^{hh} И.Г. Шармер — знаменитый петербургский портной. Упоминается в книге М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина) «Невинные рассказы». Упоминается также в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Подросток».

ⁱⁱ Легкое летнее платье из «сарпинки» (серпинка — фонетический вариант), легкой хлопчатобумажной ткани с полосатым или клетчатым рисунком, — важный элемент описания героини в рассказе «Алупка» (1949) из круга «Темных аллеи».

^{jj} Башмаки из кожи козленка (от *фр. chevreau*).

^{kk} у камина (*фр.*).

^{ll} Первые строки французского перевода (перевод Жака Поршата, Jacques Porchat), выполненного в 1861 г., стихотворения И.В. Гёте (1749–1832) «Лесной царь (Erk König)» (1782). Правильно: «*Qui chevauche si tard à travers la nuit et le vent? / C'est le père avec son enfant*». В русском переводе (1818) В.А. Жуковского (1783–1852): «Кто скачет, кто мчится под холодной мглой? / Ездок запоздалый, с ним сын молодой». В данном случае речь идет о знаменитой песне Ф. Шуберта (1797–1828) на стихи Гёте (1815). Во времена Бунина музыкальные произведения обычно исполнялись в переводе, поэтому певица во Франции поет по-французски.

^{mm} Заключительный стих романса П.И. Чайковского (1840–1893) на стихи А.К. Толстого «То было раннею весной» (стихотворение написано в 1871 г., романс в 1878 г.).

ⁿⁿ Любовь навсегда (*фр.*). Конкретному атрибутированию не поддается, так как встречается во множестве французских арий.

^{oo} Стихотворение Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874–1952) «Я хочу быть свободной, как ветер степей...» (1894). Цитируется первое четверостишие и два заключительных стиха.

^{pp} Т.е. в автомобиле.

^{qq} Напоминает один из мотивов рассказа «Легенда» (1949, опубл. 1953).

^{rr} Женские бедра особенно примечательны своей чувственной полнотой, блеском и нежностью их очертаний (*фр.*).

^{ss} Луи Жак Моро де ла Сарт (Louis Jacques Moreau de la Sarthe, 1771–1826) — французский врач и анатом, автор известных сочинений на медицинские темы. Приведена цитата из первого тома его трехтомного сочинения «Естественная история женщин, а также трактат о гигиене, применяемый к ее физическому и моральному состоянию в разные периоды ее жизни» (*Histoire naturelle de la femme, suivie d'un traité d'hygiène appliquée à son régime physique et moral aux différentes époques de sa vie*. Paris, 1805. Vol. 1. S. 306).

^{tt} Кольдкрем — мазь для смягчения кожи, изобретенная в Англии.

^{uu} Возможно, Ольга Михайловна Соловьева (по мужу — Березина) — владелица имения Суук-Су в Гурзуфе, на южном берегу Крыма. Была хорошо знакома с А.П. Чеховым, упоминается в дневниковых записях Бунина.

^{vv} Океанский бар (*англ.*). Оркестр. Танцы. Работает всю ночь (*фр.*).

^{ww} Напоминает один из эпизодов рассказа «В Париже» (1940) из книги «Темные аллеи».

^{xx} Похоже на эпизод рассказа «Таня» (1940) из книги «Темные аллеи».

^{yy} Первая часть (№ 1) Плана-конспекта продолжения романа «Жизнь Арсеньева» (см. с. 233) заканчивается упоминанием некой Саши К.: «Весной 17 г. перешла из школы в усадьбу».

^{zz} Халамидник (от хламиды) — одесское слово, синонимично слову «босьяк».

2. Листы «К Парижу»

<л. 1>

К Парижу

Безобразие, грязная нищета предместий.

Лионский вокзал, готовый к отходу на юг «Пульман»^а. Стекланный полукрут, навес дебаркадера. Небо в его арке.¹ Дорожные, длинные пальто пассажиров. Уезжающая на юг желтоволосая, дорого и не в меру нарядно одетая блядь с огромным букетом свежих чудесных цветов.

(Представилось это потому, что ни с того, ни с чего <так!>, как всегда это бывает у меня, вдруг подумал: Новороссийск, эвакуация от большевиков и какая-то блядченка вдруг тоже бежит, попадает в Константинополь, потом в Париж, — нашла в Конст<антинополе> богатого армянина, — и вот стала Парижанкой и уже очень дорогой блядью — и т.д.)

Пошлый, изысканно выдуманный памятник: мраморные молоденькие женщины с лироподобными задами грациозно извиваются по пьедесталу памятника, тянутся к сидящему на нем (поэту или композитору).

<л. 1 об.>

Ранне<е> утро, стук колес огромных повозок, увозящих куда-то отбросы. Страшный, с толстыми мохнатыми ногами першерон.

Зима, утро — слышно, как подсовывает консьержка под дверь прихожей газету и письма, как ставят у дверей молоко, батоны хлеба.

Висящие в мясных² красны <так!> красные туши в бумажных кружевах.

Сырная лавка, девка в насморке.

Сабо.

Дантон, толстые ляжки холоуя, сапоги. Взмахнул рукой, орет, лжет... «L'ami du peuple^b... son ardent amour de l'humanité...»^с Пьяные палачи весь день рубили головы — и: «O pureté! O simplicité antique! O larmes de pitié! O clémence!»^d

Тяжелый жар, парит. Камсион^е, поливающий улицу, улица сзади него черна и дымится, ее запах. Медленный погребальный кортеж на бесконечно далекое кладбище.

<л. 2>

Париж, ноябрь, весь день мелкий дождь, уже темнеет.

Сговорились по телефону. Приехал, когда художник еще не вернулся. Поднялся в лифте на шестой этаж, вошел в мастерскую — английский ключик торчал в двери. Мастерская

¹ Небо в его арке. *вписано*

² в мясных *вписано*

очень просторная, загроможденная всем, что бывает во всех мастерских, вся пропахнувшая сигарным дымом. Газовая плитка, рукомошник в углу. Большой письменный стол под высоким окном на север^f, на нем³ книги, гравюры, банка с английским табаком, трубки с прокуренными, обгорелыми краями, раскрытая тетрадь в сафьяне, в ней какие-то заметки, зарисовки. Взял ее и, повалившись на широчайшее кожаное⁴ канапе с такими же подушками, стал от нечего делать перелистывать, качая головой.

<л. 3>

Вечное французское (времен Мопассана):

— Tu as bien connu le marquis de Ré. A soixante-cinq ans, il avait gardé sa force, sa jeunesse. Il faisait la mode, décidait des élégances et était aimé. Les jeunes gens copiaient sa redingote, son monocle, ses gestes, son insolence exquise, ses manies amusantes. Tout à coup, il abandonna le monde, ferma son hôtel, vendait son écurie... Un jour, on apprit qu'il avait quitté Paris. Il avait fui — sous le coup d'un premier échec...^g (полового, конечно).

Sa redingote, son monocle, son écurie...^h Кто может быть пошлее француза? Впрочем...

Le monde élégant de Paris...

Les gens de Bois, de plage, de villes d'eaux...ⁱ

Старая богатая квартира в старом доме на левом берегу. Ковры, картины, саксонский и севрский фарфор. В кабинете скрещенные шпаги на ковре над тахтой. Щеки, виски, веки — все состоит из темных дряхлых морщин.

Его званые <так!> обеды для небольшого кружка <л. 3 об.> старых друзей.

В Opéra он⁵ в первом ряду, во фраке и с костью — особый шик du monde élégant de Paris.

Весной на скачках — серый цилиндр, серый сюртук, через плечо на ремне⁶ большой футляр с биноклем.

Высокая и все еще великолепная по сложению, несмотря на свои шестьдесят лет, вся чудесно крашеная. Отель^j как дворец. Огромные лакеи в чулках, строго непроницаемые, оскорбительно учтивые. Обеды (званные) при канделябрах со свечами на золотом плато.

Ah, la folie du réveillon! Poissons et mollusques, volailles et charcuteries, pétards de champagne — et fusées de rire, d'ivresse et de luxure!^k

---

<л. 4>

Ресторан на бульваре Клиши, под вывеской: «Le bon fricot» («Хорошие харчи»). Завтрак: Écrevisses à la bordelaise, gigot de pré-salé aux flageolets, salade de saison^l. Пуи и макон^m.

Перед первой войной, в Париже. Café Anglais. Заранее заказали отдельный кабинет и обед: le pot-au-feu avec les croûtons à la moelle et les légumes, des perdreaux sur canapé et des petits pois. Une glace aux fruitsⁿ.

---

³ Было: ночь

⁴ кожаное вписано

⁵ Далее было: всю жизнь

⁶ на ремне вписано

Начало осени.

Завтрак à la Hôtel de la Mulet Noire, célébré par la confection d'escargots, épicés et brûlants^o.

Un caboulot des pêcheurs qui portait l'enseigne «Aux voyageurs»^p.

Auberge sur les bords de la Saône:

Une matelote classique, un gigot à la menthe, des perdreaux recette maison, c'est à dire flambés à la vieille fine. Comme vin — Morgon^q.

<л. 4 об.>

В Париже:

Des écrevisses à la nage. — Chablis.

Un poulet au maïs. — Chateau Larose.

Une salade fraîche.

Une glace framboise^f.

Дома:

Potage aux œufs. Filets de sole. Veau aux carottes. Salade et fruits^s.

Hors d'œuvre, un filet de bœuf aux petits légumes frais, une salade de cresson aux œufs durs, du riz au lait^t.

Завтрак à Nogent-sur-Marne, chez le père Simon:

Une friture, madame, monsieur⁷. Des éperlans avec citron, pain bis et beurre. Puis un bel antrecôte aux pommes soufflées; une salade et des fruits pour terminer. Comme vins — Pouilly et Fleurie en carafe^u.

Goûter: Champagne et les cerises à l'eau-de-vie, le thé, le porto, la galantine, les sand-wiches, les gâteaux^v.

<л. 5>

Приехав⁸ с Монпарн<аса> в третьем часу ночи, он разделся, думая о ней, о начале этой неожиданной связи, погасил огонь над изголовьем и заснул.

Через час проснулся с очень ясной головой, с полной отрешенностью ото всего и ото всех и даже будто от самого себя. Опять зажег огонь, вышел в пижаме, — в ней было особенно видно, как он худ, — в столовую с открытым окном на холодную, мгlistую, зимнюю парижскую ночь и подошел к нему, заглянул в пропасть под ним, освещенную одиноким газовым фонарем: печальная, мертвая глубина узкой улицы четырех часов ночи... И опять вспомнил: как она⁹, когда в ресторане¹⁰ «Викинг»^w поцеловал ее, скорбно закрыла глаза, как шел за ней вверх¹¹ по лестнице ночного отеля, как там, в глухой, жарко натопленной комнате с ярко освещенной ванной¹²,

⁷ Вместо: madame, monsieur — было: cuisse<?> de grasse<?>

⁸ У слова Приехав на левом поле страницы поставлен косой крестик карандашом.

⁹ как она вписано

¹⁰ На правом поле рядом со словом «ресторане» карандашом написано: кафе-крем

¹¹ вверх вписано

¹² Вместо вставленного: ванной — было: комнат<ой>

она торопливо, вся дрожа, разделась и упала навзничь¹³ на постель голым телом в гусиной коже от этой дрожи — и все молча, <л. 5 об.> в каком-то отчаянии...

Так сошлись они, оба брошенные теми, кого любили и продолжали любить. Они знали друг про друга, что продолжали, и все же полюбили и друг друга. И потом были счастливы этой любовью друг к другу и каждую ночь¹⁴ не могли расстаться друг с другом без боли, — оба продолжая любить и тех, что их бросили^x.

«Постоянное чувство необходимости любви». Что это? Почему?
И вечный недостаток чего-то.

— Nostalgie du passé^y, дорогая моя!

Жар, 39. Возбужденное красноречие.

Чахоточная. Выпуклые ногти.

<л. 6>

Прежние франц<узские> писатели о кокотках (всегда одно и то же):

— Dans sa loge le soir... L'après-midi dans sa Victoria... A Longchamp ou à Maison-Lafitte...^z

Тоже постоянное:

— C'était après un dîner d'amis, de vieux amis...^{aa}

— Mon gros coq chéri!^{bb}

Несказанно гнусно.

— Deux douzaines d'Ostende, une bouteille de champagne frappé, trois tranches du roastbeef, une salade de truffes, café et pousse-café^{cc}.

<л. 6 об.>

— Из ресторанов luxe советую: Paillard, r<ue> de la Chaussée d'Antin, 2 (et B<oulevard> des Italiens, 38); Café de Paris, av<enue> de l'Opéra, 41 — и особенно: «Voisin», r<ue> St. Honoré, 261, au coin^{dd} de la rue Cambon (скучно, но вина!); au Bois — du Pré-Catalan, au Pré-Catalan, и — du Pavillon d'Armenonville (летом только). Из других: ну, конечно, Maxim's Bar-Restaurant, près de^{cc} la Place de la Concorde, — ночной рест<оран>; затем скромные: Taverne Royale (на rue Royale), Weber; Grand Vatel, r<ue> St. Honoré, 275 (устрицы!)... о Prunier вы, конечно, слыхали — r<ue> Duphot, 9 (откр<ыт> от сент<ября> до июня)... На Place de la Madeleine — Fauchon — главное, чай и пирожное... Aux Champs-Élysées — Fouquet... Хороший ресторан на Gare St. Lazare... На левом берегу — rest<aurant> de la Tour d'Argent (утки!); Lapérouse — quai des Grands-Augustins, 51, près du^{ff} Pont-Neuf; потом, совсем скромный, restaurant des Sociétés Savants на rue Danton, café-rest<aurant> Soufflet — B<oulevard> d St. Michel au coin de^{gg} la rue des Écoles; près du Luxembourg — Foyot... На B<oulevard> d des Italiens, 9 — итальянский рест<оран> Poccardi...

¹³ На правом поле рядом со словом «навзничь» карандашом написано: груди, соски

¹⁴ каждую ночь вписано

— Bodega (херес, порто) — r<ue> Rivoli, 234.

<л. 7>

Поесть в ночном русском ресторане (напр., в «Poisson d'or» на Монпарнасе).^{hh}

Кроме голых плечей, шеи, начала груди и крупных рук (все это уже полнеющее и розовое от пудры), вся черная, блестящая: черное атласное платье, черные гладкие, на прямой пробор, волосы, черные зеркально-блестящие (от капель) глаза, черные густо наклеенные ресницы, взмахивающиеся как веер¹⁵, черные шелковые туфли с мелкими стразами.

Уже за сорок. Длинное, тяжелое и сложное прошлоеⁱⁱ.

Из вагона метро. Мелькнула направо узкая улица с фонарями, мокрая, асфальт блестит, течет черной речкой.

Ночь перед рассветом, центральный рынок^{jj}, ночные бистро, луковый суп... Дорогие автомобили и такси. Цилиндры, белое шелковое кашне, фраки, смокинги... Из остановившегося перед бистро автомобиля выс<ов>ывается нога женщины, нарядная, в тончайшем шелковом чулке, видная выше колена.

<л. 8>

Ужасный¹⁶ цвет лица¹⁷.

Вялые, с темными сосками груди.

Шестой этаж скверного парижского отельчика.

Четыре часа ночи, — чаще всего возвращается с Монпарнаса в это время. Лампочка под потолком, слабая, тусклая. (Любовник сказал: «Ночное дежурство в бюро погребальных процессий!»).

В одной рубашке (довольно заношенной) подошла к окну, открыла его: холодная дождливая зимняя ночь, за окном пропасть, жуткое ущелье глухой узкой улицы. Вдали, кругом темный, пустой, будто вымерший город, крыши которого только угадываются во мгле. Глубоко внизу светит одинокий газовый фонарь, возле которого видны мелкие летящие вниз капли дождя. Смолисто блестит мокрая мостовая.

Однажды уже травилась.

Одинокая блядь в бистро, ночью. Черные грубые волосы на косой ряд, грубое лицо, нагло и тяжело тоскующие глаза. Кафе-крэм^{kk} в стаканчике на ножке. Сидит, курит.

<л. 8 об.>

Консьержка, лет под пятьдесят, крепкая, большая, усатая и с бородкой (черные выющиеся волосы). Похожа на дьякона.

Вошли в церковь... Металлически-резкие, напряженно скреже<щу>щие звуки орга<на.>^{ll}

---

¹⁵ Вместо: как веер — было: веером

¹⁶ У слова Ужасный на левом поле страницы поставлен косой крестик карандашом.

¹⁷ В верхнем правом углу страницы карандашом написано: Сильные яды: Гарденаль, Диаль

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/639. Восемь листов, объединенных тематически и структурно. Текст на большей части листов с обеих сторон (на лл. 2, 7 оборот чистый), ряд листов не исписан до конца. Бумага хорошего качества, большие тетрадные листы формата А4. Нумерация отсутствует. Черные чернила, простой карандаш (записи карандашом оговариваются особо). ПРАВКА теми же чернилами — в процессе написания. По качеству бумаги, почерку, характеру правки и хранения в папке с обобщающим заглавием напоминает папки «К “Жизни Арсеньева” (Том второй. “Дни и годы”», «Юг» и «Женщины, девушки, девочки».

Датируется примерно (по упоминанию «первой войны» и наброскам к рассказу «В Париже»): не ранее 1940 г.; вероятно, первая половина 1940-х гг.

^a Пульман — роскошный спальный поезд, состоящий из пульмановских вагонов (названных по имени изобретателя и производителя спальных вагонов Джорджа Пульмана). Компания Пульман производила спальные вагоны с середины XIX века по середину XX в.

^b «Друг народа» — газета, издававшаяся Ж.-П. Маратом (1743–1793) в период Французской революции (с сентября 1789 г.). Название газеты стало прозвищем Марата, затем это прозвище стало использоваться для положительной характеристики революционера. Награждались им и М. Робеспьер и Ж.Ж. Дантон.

^c Друг народа... его пылкая любовь к человечеству (*фр.*). «...son ardent amour de l'humanité» (его пылкая любовь к человечеству) — цитата из главы VII романа А. Франса (1844–1924) «Боги жаждут» (1912), посвященного Французской революции. Эта фраза в романе относится не к Дантону, а к Марату.

^d О чистота! О, античная простота! О слезы сострадания! О милосердие! (*фр.*). Неточная цитата из главы XXII романа А. Франса «Боги жаждут». Правильно: «...ô pureté! ô douceur! ô foi! ô simplicité antique! ô larmes de pitié! ô rosée féconde! ô clémence! ô fraternité humaine!» (О чистота! О кротость! О вера! О, античная простота! О слезы сострадания! О благодатная роса! О милосердие! О братское единение людей!). В этом эпизоде романа Максимилиан Робеспьер провозглашает бога, в которого верил Ж.-Ж. Руссо. Сразу за этим идут рассуждения о необходимости казней. По-видимому, в этой и предыдущей записи отразились впечатления Бунина от чтения романа А. Франса. Бунин воспринимает повествование о Французской революции, транспонируя в прошлое собственные впечатления от русской революции и Гражданской войны.

^e Грузовик. Широко распространенное слово в русской речи французских эмигрантов, живших во Франции (от *фр.* camion).

^f По-видимому, ранний этап промежуточного текста по отношению к незаконченному рассказу ««Натурщица»» (см. с. 125–127).

^g В русском переводе А.В. Федорова (последнее искаженное предложение переведено мною. — *Е.П.*): «Ты ведь была хорошо знакома с маркизом де Ре... В шестьдесят пять лет он еще был полон сил, был молод. Он был законодателем мод, с его вкусом считались, и женщины любили маркиза. Молодые люди брали за образец покроя его сюртука, его монокль, его жесты, его очаровательную дерзость, его забавные чудачества. И вдруг он бросил свет, закрыл свой дом, распродал лошадей <...> В один прекрасный день стало известно, что он покинул Париж. <...> Он уехал — под ударом первого провала» (*фр.*). Цитата из XVIII главы романа А. Франса «Красная лилия» (1894). Текст несколько сокращен, в первом случае на месте сокращения отточие поставлено Буниным, во втором случае в скобках — мною (*Е.П.*). Последнее предложение представляет собой радикальное сокращение оригинального текста, соединены два разных кусочка большого предложения. В оригинале: «On chercha les raisons de cette retraite subite, on pensa qu'il avait fui sous le coup de quelque chagrin, dans l'humiliation d'un premier échec et de peur qu'on ne le vît vieillir» (France A. Le Lys Rouge. Paris: Calmann-Lévy, 1894. P. 328). В русском переводе А.В. Федорова: «Стали искать причину этого неожиданного бегства, думали, что скрыться его заставило какое-нибудь горестное событие, унижение, испытанное при первой неудаче, и страх, что люди увидят, как он стареет» (*Франс А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Худ. лит.-ра, 1958. Т. 3. С. 187).

^h Его сюртук, его монокль, его лошади (*фр.*). Повтор фразы из предшествующей французской цитаты.

ⁱ Светский мир Парижа... Это люди, которые проводят время в Булонском лесу, на пляжах, на минеральных водах... (*фр.*).

^j Здесь: дом, особняк (от *фр.* hôtel).

^k Ах, сумасшедший Новый год! Рыба и моллюски, птица и колбасы, хлопки бутылок шампанского — взрывы смеха, пьянства и похоти! (*фр.*).

^l Раки по-бордоски, окорок из баранины (с соленых приморских пастбищ) с фасолью, салат из сезонных овощей (*фр.*).

^m Пуи (*фр.* Pouilly) — белое сухое вино из Бургундии; дорогое, уровня марочных вин. Макон (*фр.* Macon) — белое бургундское вино попроще, названное по имени города и винодельческого района.

ⁿ Потофё с гренками с мозгами и овощами, молодые куропатки на поджаренном хлебе и зеленый горошек. Мороженое с фруктами (*фр.*).

^o в отеле «Черный мул», который славится фирменными улитками, острыми, со специями (*фр.*).

^p Рыбацкий кабак с вывеской «У путешественников» (*фр.*).

^q Деревенская гостиница на берегу Соны. / Классический матлот <блюдо из рыбы и вина>, бараний окорок с мятой, фирменные куропатки, фламбированные старым коньяком. Вино — Моргон (*фр.*).

^r Раки в бульоне. — Шабли. / Курица с маисом. — Шато Ляроз. / Свежий салат. / Клубничное мороженое (*фр.*).

^s Куриный бульон с яйцами. Филе камбалы. Телятина с морковью. Салат и фрукты (*фр.*).

^t Закуски, говяжье филе со свежими овощами, кресс-салат с яйцами вкрутую, молочная рисовая каша (*фр.*).

^u в Ножан-сюр-Марн, у папаша Симона: / Во фритюре, мадам, месье. Корюшка с лимоном, хлеб из муки грубого помола с маслом, затем хороший антрекот с картофельным суфле, салат и фрукты на десерт. Вино — Пуи и Флери в графине (*фр.*).

^v Перекусить: шампанское и вишни в коньяке, чай, портвейн, холодец, бутерброды, торты (*фр.*).

^w См. примеч. q, с. 288.

^x Напоминает вариант сюжета к рассказу «В Париже» из книги «Темные аллеи».

^y Ностальгия по прошлому (*фр.*).

^z Вечером в своей ложе... После обеда в своей виктории <тип экипажа>... В Лоншаме или в Мезон-Лафите (*фр.*).

^{aa} Дело было после обеда с друзьями, со старыми друзьями (*фр.*).

^{bb} Мой дорогой толстый петушок! (*фр.*). Слова из рассказа Г. де Мопассана «Слова любви» (1882).

^{cc} Две дюжины остендских устриц, бутылка ледяного шампанского, три ломтя ростбифа, трюфельный салат, кофе и ликер (*фр.*).

^{dd} на углу (*фр.*).

^{ee} недалеко от (*фр.*).

^{ff} недалеко от (*фр.*).

^{gg} на углу (*фр.*).

^{hh} Один из мотивов рассказа «В Париже» из книги «Темные аллеи».

ⁱⁱ Ср. с внешностью героини рассказа «В Париже». В русской столовой, куда заходит герой: «<...> увидел <...> женщину лет тридцати, с черными волосами на прямой пробор и черными глазами, в белом переднике с прошивками и в черном платье» (*Темные аллеи* (1946). С. 141). Кроме того, герой особо обращает внимание на дорогие хорошие туфли. Во время свидания: «<...> увидел ее крупные колени под вечерним черным платьем, блеск черного глаза и полные в красной помаде губы <...>» (Там же. С. 146).

^{jj} Центральный рынок Парижа — локус ночной жизни города. Здесь располагались ночные рестораны для всех слоев общества. Так, советский писатель Лев Никулин, написавший несколько травелогов о Париже конца 1920-х — 1930-х гг. (после смерти Бунина он станет одним из советских писателей, бывавших у В.Н. Буниной), сообщает о ресторане «Au chien qui fume» («Собака, которая курит») на площади у Центрального рынка (существует и сегодня: 33, rue du Pont Neuf, Paris), открытом всю ночь: в нижнем этаже ели простые люди, в верхнем собирались самые богатые. Есть обычай у людей высшего света, продолжает он, — встречать рассвет на рынке.

^{kk} Один из видов кофе с молоком (*фр. café crème*). «Кафе-крем» упоминалось в похожем контексте в записи на л. 5, с. 292 и сноске 10.

^{ll} Орган в произведениях Бунина занимает важное место. В «Жизни Арсеньева» дважды повторяется эпизод, когда главный герой впервые в жизни слышит орган в католическом костеле в Витебске. По-видимому, Алексею Арсеньеву передано автобиографическое восприятие органа. «Скрежещущие» — неизменный эпитет при описании органной музыки. Первый раз о звуках органа Арсеньев рассуждает в начале романа: «Как потряс меня орган, когда я впервые (в юношеские годы) вошел в костел, хотя это был всего на всего костел в Витебске! Мне показалось тогда, что нет на земле более дивных звуков, чем эти грозные, скрежещущие раскаты, гул и громы, среди которых и наперекор которым вопиют и ликуют в разверстых небесах ангельские гласы...» (*Жизнь Арсеньева* (1952) С. 48). А затем об органе рассказано уже в тот момент, когда молодой Арсеньев по ходу сюжета приезжает в Витебск: «И тотчас медлительно, задумчиво запел где-то надо мной орган, потек глухо и плавно, потом стал возвышаться, расти — резко, металлически... стал кругло дрожать, скрежетать, как бы вырываясь из-под чего-то глушившего его, потом вдруг вырвался и звонко разлился небесными пеннопениями...» (Там же. С. 337).

3. Папка «Спят в одной комнате...»

<л. 1>

Спят¹ в одной комнате — брат и сестра, подростки. За окном лунная ночь. Проснулся, перевортываясь, — она плачет. «Что ты?». Молчит, подавленно рыдает. Подошел, сел к ней на постель, стала рассказывать свое великое горе — несчастно влюблена — в мальчишку, помощника машиниста. Стал утешать, целовать в мокрую горячую щеку, потом в такие же губы... «Ляг, ляг со мною, обними меня покрепче, а то я умру...». Лег — и все произошло само собой, с горячей, порывистой нежностью, счастьем и жалостью, горем.

Самая прекрасная за всю жизнь любовь.

<л. 2>

Крупная, грубоватая, сильная молодым телом, сидит вся голая на полу, на пятках, подавшись на бок, склонив голову, завесив лицо распущенными волосами.

— Упрись правой рукой, то есть ладонью, в пол, левую урони вдоль тела. Вот так. Только не сиди на пятках, разогни колени, склонись на правое бедро... Напишу тебя на этот раз покинутой дриадой.

Зло отвечает сквозь волосы:

— Вечно говорите гадости.

Всегда зла, резка — страстно влюблена в него втайне.^a

Плоский² живот. Черные, как ворон, волосы, заплетенные в тугие косы, пахнущие амброй.

Зубы — жасмин, ляжки — хобот слона.

Во цвете нежных³ лет любил Осгар⁴ Мальвину⁵.^b

Ее подвязка. Теперь их уж не носят.

<л. 2 об.>

Делия⁶. Дорида. Лилета^c.

Весна, Одесса. Короткий ливень, потом опять слепящее солнце — и мостовая блещет полированной чернотой. Много нарядного народа.

На Дерибасовской черноволосая, оборванная, грязная, босая девчонка лет 14 продает, — предлагает сиплым голосом, — букетик фиалок, мокрых, темно-лиловых, несказанно прекрасно, свежо пахнущих.

Я приостановился, осмотрел ее:

¹ *Вместо двух первых строк было: 1 июня 96 г. // Александровск.*

² *Эта и три следующих записи (Плоский живот ~ уж не носят) сделаны карандашом, позднее.*

³ *Было: юных*

⁴ *Было: Оск<ар>*

⁵ *Было: Мельвину*

⁶ *Запись сделана карандашом на верхнем поле.*

— Вот тебе полтинник за твой букетик. Пойдем ко мне, я с тебя портрет сниму и дам тебе еще пять рублей — хочешь?

Пошла недоверчиво, угнув голову. Стал по дороге расспрашивать.

— О Делия драгая^{d1} — говорю ей. — Дорида! Нереида!^c Помните нашу встречу в Крыму?

<л. 3>

Стиснув зубы в последнюю минуту, еще долго лежал в ее ногах, на ее большом теле⁷ неподвижно, прижавшись щекой к круглой и гладкой полноте ее правой груди. Потом, тихо поцеловав грудь, лег⁸ рядом, на ее откинутую голую левую руку. Сумрак комнаты посветлел — ⁹ поднялась поздняя луна. Она продолжала лежать, как лежала, не закрывшись, с раскинутыми ногами, бросив тыл правой руки на лоб^f. Наконец ровно, без выражения сказала:

— Как ты мог решиться вдруг прийти ко мне.¹⁰

Приподнявшись,¹¹ взглянул в лицо ей. Она быстро скрыла лицо в изгибе локтя голой руки. (Не было в нашей любви минуты чище, прекраснее!)^{12g}

— Нет, нет, не смотри на меня...

Он с восторгом продолжал смотреть на спутанные завитки ее черных волос, на раскрасневшееся лицо, на полураскрытые¹³ губы.

— Если бы ты знала, до чего ты¹⁴ прекрасна!

<л. 3 об.>

Она сняла руку с глаз, приподнялась и, обняв его, поцеловала¹⁵ в голову, шепча:

— Если бы ты знал, до чего я счастлива...¹⁶

Потом еще тише:

— Выйди на минутку...

Он осторожно вышел, прошел по темному коридору в прихожую и в сени. На крыльце постоял, делая что нужно, глядя, слушая, чувствуя все окружающее и все то, что шло в нем самом... Все было счастье: и то, что случилось, и то, что был такой глубокий час ночи, и этот свет поздней луны, и безмолвное¹⁷ светлое небо, и осенний¹⁸ запах земли, трав, деревьев, и то, что он живет, думает и чувствует среди всего этого, и больше всего — восторженная, благодарная любовь к ней, ко всему ее женскому существу, к той горячей внезапной нежности, с которой она уступила¹⁹ ему без всякого сопротивления, к ее душе, исходившей в него

⁷ *Вместо:* в ее ногах, на ее большом теле — *было:* в ней и на ней

⁸ *Вместо:* Потом ~ лег — *было:* а. Потом поцеловал грудь, благодарно прижал ее ладонь к губам и осторожно лег б. Потом, поцеловав ее, тихо лег

⁹ *Далее было:* уже

¹⁰ *Вместо:* Как ~ ко мне. — *было:* — Что же это такое. *Далее было (с абзаца):* — Прости, сам не знаю...

¹¹ *Было:* а. Поднявшись, б. Приподнявшись, он

¹² *Вместо:* скрыла ~ прекраснее! — *было:* закрыла тылом руки глаза:

¹³ *Далее было:* жаркие

¹⁴ ты *вписано*

¹⁵ *Далее было:* его

¹⁶ *Вместо:* Если бы ты знал, до чего я счастлива — *было:* Я бесконечно счастлива. Бесконечно

¹⁷ *Было:* тихое

¹⁸ осенний *вписано*

¹⁹ *Было:* отдалась

дыханием среди²⁰ поцелуев, и ко всему ее молодому, сильному телу с его плечами, грудью, животом, полновесным задом и широко, жадно²¹ раскинутыми круглыми ногами²²...

<л. 4>

Он посмотрел на дом, сойдя с крыльца: вся его стена и окна были тепло, золотисто освещены в упор невысокой луной. Он подошел к ее окну и приник к стеклу, увидел за сквозными гардинами внутренность спальни, ее светлый сумрак, кровать у стены и ее на ней, — она опять лежала на спине, уронив руки вдоль тела^h... Быстро и бесшумно войдя в спальню, он упал на колени и стал покрывать крепкими поцелуями ее²³ ступни, потом, откинув с ног рубашку, до боли прижал губы к черным волосам между пахами. Она, глубоко, блаженно вздохнув, уронила руку на голову ему. Он прижал губы ниже, где уже пахло женским. И она²⁴ опять раскинула ноги и, закрыв глаза,²⁵ потянула его к себе... [Он упал в нее и она, закрыв глаза, стала все сильнее отвечать ему всей силой²⁶ и полнотой зада, что-то говоря изнеможенно, поспешно, с открытым ртом и еще больше раскрыла его, встретив его губы.]

<л. 5>

Поздно вечером поехал к ней, в лес, верхом, — сказала, что отец уедет в ночь в город.

Лунно, грустно и спокойно, в полях²⁷ по-осеннему безмолвно. Ровные пустые поля, длинная прямая дорога, с двух сторон вдоль дороги старые приземистые ракиты с узловатыми голыми сучьями. Слева²⁸ равнина жнивья в светлом лунном дыму. За равниной, вдали, низко чернеет лес, и невысокая луна, застывшая над его грядой, кажется бесконечно одинокой. В черноте лесной опушки то и дело мелькают зеленые огоньки — лошадь тогда шарахается, прыдет острыми ушами, приплясывает на натянутом поводу.

Ехал всю дорогу шагом, чтобы приехать попозднее. Старая кожаная подушка казацкого седла совсем утончилась²⁹ от долгого сиденья на ней, — чувствуется дерево арчака, — и стала особенно скользкой.

На перекрестке, на повороте к лесу, приостановил лошадь, закуривая, — она сторожко замерла, высоко подняв голову, все глядя туда, где сверкали огоньки. Теперь уже виден был под чернотой леса неподвижно краснеющий огонь в окне караулки. Закурив, отпустил повод <л. 5 об.> и рысью погнал на этот огонь, — сказала, что поставит лампочку на окно, чтобы дать знать, что отец уже уехал. От топота копыт еще раз прыснули и исчезли в лесу зеленые огоньки. Дорога, впадая в лес, текла в нем лунным золотым потоком. Караулка стояла при начале этого потока, на опушке вправо, в тени леса. Лес был уже обнажен, тень была прозрачная, и еще издали можно было различить, что она стоит³⁰, ждет³¹ у порога избы^l.

В первый раз они встретились в этом лесу летом. Она шла навстречу ему по этой дороге с двухстволкой на плече.

²⁰ Далее было: их

²¹ широко, жадно вписано

²² Далее было: с их дивными маленькими белыми ступнями

²³ Далее было: белые прекрасные

²⁴ Вместо: И она — было: Она

²⁵, закрыв глаза, вписано

²⁶ Было: крепостью

²⁷ в полях вписано

²⁸ Было: Справа

²⁹ В этом слове сочетание нч сделано четче поверх чернил красной шариковой ручкой.

³⁰ стоит вписано

³¹ Далее было: его

После ночи застрелила:
— Не доставайся никому после меня!³²

<л. 6>

Выход из устья реки в море: речная мутная, жидкая вода сменяется чистой, зеленой, тяжелой и упругой морской... Другой ветер, другой воздух, который с упоением пьешь как влагу...³³

Черное море³⁴, солнечное утро, радость этого ветра, простора, воздуха, счастье жизни, молодости... Яркая зелень³⁵ волн, белизна чаек, запахи парохода, запах паровой кухни... Уже слегка подымает и опускает, — это³⁶ было тоже всегда радостно, — и от этого особенно крепко и ловко шагаешь по выпуклой, недавно вымытой, гладкой палубе и глядишь с мужской жадностью³⁷, как на баке кто-то стоит, придерживая одной рукой шляпку³⁸ с развевающимися от ветра³⁹ дымчатой вуалью, а другой обвивающие ее по ногам полы легкого пальто⁴⁰.

<л. 6 об.>

Пароходный лакей, похожий на Ницше, густо уса́тый, рыжий¹.

Штиль. Пароходик мерно гонит раскаты волн и шипящую пену.

Там, внизу, где работают стальные паровые машины, все шипит, все в горячем масле, на котором свертываются крупные капли пара. Пахнет им и горячим⁴¹ металлом.

Неподвижные, крупные металлически-белые электрические высоко висящие огни поздней ночью, в пустом и тихом порту. Тени пакгаузов. Крысы.^k

Мачты барок в порту качались мерно, дремотно, будто сожалея о чем-то.

<л. 7>

Chateau Noiré в Амбуазе, где мы жили с Мережковскими летом 22 года¹.

Все думал тогда: чьи-то кровати в альковах — кто на них спал, потом умер (и как умер)? Чьи-то портреты — чьи? Как прожили жизнь эти люди? Старомодные картинки — кто смотрел на них? Давно прошедшая, французская, неведомая нам жизнь! И чувство враждебности к ней, душевной тяжести, тоски при мысли о⁴² ее пошлости и краткости...

³² После ночи ~ меня! *вписано карандашом позднее.*

³³ *Вместо:* который ~ как влагу — *было:* который точно пьешь [всей] всем существом, с упоением...

³⁴ *Вместо:* Черное море — *было:* а. Помню какой-то такой выход в Черное море б. Вспоминается какой-то такой выход в Черное море

³⁵ *Вместо:* Яркая зелень — *было:* Надежда на что-то прекрасное... Эта зелень

³⁶ *Далее было:* для меня

³⁷ с мужской жадностью *вписано*

³⁸ *Вместо:* как на баке ~ шляпку — *было:* а. как на баке стоит, покачиваясь, какая-то б. как на баке кто-то стоит, придерживая одной рукой в белой перчатке шляпку

³⁹ от ветра *вписано*

⁴⁰ *Вместо:* а другой ~ пальто — *было:* а. и ветер обвивает ее ноги полами легкого пальто б. а другой обвивающие от ветра ее по ногам полы легкого пальто

⁴¹ горячим *вписано*

⁴² *Было:* к

Дворец.

На окраине, в небольшой долине — Кло-Люсэ, где жил и умер Леонардо-да-Винчи (прибыл туда в начале 1516 г., умер 2 мая 1519)^m.

Собор возле Chateau Noiré.

<л. 7 об.>

Деревенский мануарⁿ. Резной железный фонарь в вестибюле с кирпичным полом. Навсегда оставшийся запах камина. На камине в салоне бронзовые часы под стекл<янным> колпаком: бешеный всадник на бешено вздыбленном коне; или Сатурн с косой. Бывает и хуже: по бокам часов, тоже под стекл<янными> колпаками, два яблока из воска, огромные, желтые, с румянцем на боку.

Оленьи рога в вестибюле.

И опять ненависть при мысли о французской охоте, о франц<узских> охотниках — театральные охотничьи наряды и т.д.

Чей-то портрет середины прошлого века. Уже ничего жизненного, уже никто не знает, чей это портрет, — он стал гравюрой.

Двор пустого замка.

Двор пустого аб<б>атства.

<л. 8>

— По пути к ней, к этой богатой молодой вдове, проводившей лето в своем имении под Арлем, я завтракал у знакомого фермера: жирные, крупные маслины и сосиски <так!>, белое вино de la maison^o, совершенно чудесное... Обедал у нее: des homards à l'américaine, une daube de bœuf à la provençale accompagnée de pommes de terre bouillies, Tavel et vin de Crau^p — все это было красиво написано поваром на большой карточке. Возвратясь в Арль, ужинал у себя в отеле⁴³, в столовой в нижнем этаже: une bouillabaisse dorée avec la rouille et un plat de mouton avec une couronne de riz gras; une demie de Tavel et une bouteille de Chateauneuf^q...

На другой день она сама приехала за мной в маленьком автомобиле: английский<ое> непромокаемое пальто и шляпка из зеленоватого драпа почти совсем мужск<ой> формы.

У нее завтракал: un melon, des petits homards à la rémoulade (острый <л. 8 об.> холодный соус), des côtes de veau en papillotes, des aubergines frites, des pêches de vigne^r.

На свадьбе на прованс<альской> ферме:

— Après la poutargue et la bouillabaisse — les agneaux aux pommes de terre et aux courgettes dont la peau recouvrait une chair délicate; ensuite les concombres en salade; après un tian fondant de tomates et d'aubergines, après la salade et les fruits frappés, ce fut le café, mon bon monsieur^s.

Nous avons aujourd'hui une daube fondante, des pieds et paquets marseillais baignés dans une sauce d'or aux aromates.

— Je connais votre auberge, patron!^t

⁴³ Вместо: у себя в отеле — было: в отеле у себя

Auberge^а в Нормандии. Сабо, пестрый платочек накрест на плечах, пестрый передник. Улыбаясь, несет блюдо.

<л. 9>

Темный вечер. Далеко, в глубине темного собора, букеты⁴⁴ красных огней.

Сумрак пустой и холодной, голой, высокой громады соборной внутренности. Какое-то особое, поистине великое молчание, будто бы что-то значащее, благоговейное, внушающее чувство робости, осторожности.

Пещерный вид громадных колонн, их каменных голых и грубых стволов.

Теряющиеся в сумраке изваяния на гробницах по стенам.

Плиты гробниц на полу.

Темные, сумеречные самоцветы окон и огромного витража за алтарем — синее, пунцовое, желтое: индиго, кармин.

Гигантское страшное Распятие, грубо-древнее, грубо-деревянное, грубо-страдальческое... Деревянная худоба рук, ног, провалившийся живот, поникший на грудь Лик, длинные черные волосы, крашенная красной краской рана между ребер... Огромные настоящие гвозди, вбитые в ладони вытянутых рук и в ступни ног...

<л. 9 об.>

Длина внутренности собора. Длинный вогнутый потолок высоко над проходом к алтарю. Высота держащих этот проход столпов, вдали сливающихся, — от этого кажущаяся узость пролета между ними. Бесконечные ряды деревянных стульев... Роза-витраж за алтарем...

Сумерки, сумрак собора, огни свечей вдали. Звоночек — и оттуда, издали, медленно-грустный, благостно-безнадежный носо<во>й, протяжный возглас:

— *Benedictus est Dominus et nunc et semper et in saecula saeculorum...*^в

Ночь, спиц собора в звездах. И так уже тысячу лет...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/642. Десять листов, вложенных в папку-скоросшиватель (сохранился лишь один из двух листов обложки — лист 10, последний лист папки). Нумерация листов отсутствует. Текст с обеих сторон, на лл. 1 и 4 оборот чистый. Не все листы исписаны до конца. Черные чернила. Правка теми же чернилами (в процессе написания) и простым карандашом (по-видимому, позднее; оговаривается специально). На л. 5 правка широким почерком (конец 1940-х гг.) черными чернилами и красной шариковой ручкой.

Датируется приблизительно по качеству бумаги и почерку: конец 1930-х — начало 1940-х гг. Правка частично тогда же, частично в конце 1940-х гг.

Первый лист папки был опубликован Ю.В. Мальцевым в качестве отдельного рассказа: Неизвестные рассказы И.А. Бунина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1987. № 168–169. С. 74–75.

^а Возможно, промежуточный текст к рассказу «Второй кофейник» из книги «Темные аллеи». Тема работы художника, его отношений с натурщицами сильно занимает Бунина. См., например, набросок «<Натурщица>», с. 125–127.

⁴⁴ Было: пучки

^b Цитата из юношеского стихотворения А.С. Пушкина «Оскар», написанного под влиянием «Песен Оссиана». Оскар (Оскар) — сын Оссиана, Мальвина — подруга Осгара и спутница престарелого Оссиана.

^c Вероятно, запись имеет отношение к следующим за ней — упоминаются женские имена условных героинь из дружеских посланий пушкинского времени (ср. примеч. b, d). Имя Лилета, например, встречается в стихотворении К.Н. Батюшкова (1787–1855) «Мои Пенаты» (1811–1812).

^d Первый стих из стихотворения А.С. Пушкина «К Делии» (1816).

^e Отсылка к стихотворениям А.С. Пушкина «Дорида» (1819) и «Нереида» (1820). В последнем стихотворении упоминается Таврида — Крым.

^f Ср.: «Отдельные наброски», № 12, л. 6, с. 163.

^g Использован и развит текст «Отдельных набросков», № 12, л. 6, с. 163.

^h Развитие мотива из № 12 «Отдельных набросков», л. 6, с. 163.

ⁱ Тема и общий колорит напоминают рассказ «“Дубки”» (1943) из книги «Темные аллеи».

^j Тот же мотив, развитый более подробно, см. в набросках второго тома «Жизни Арсеньева», л. 26 об., с. 193.

^k См. № 10 «Отдельных набросков», повторение мотива, с. 158.

^l И.А. и В.Н. Бунины проводили лето и осень 1922 г. в Шато Нуаре в Амбуазе вместе с Д.С. Мережковским (1865–1941) и З.Н. Гиппиус (1869–1943), с которыми их связывали в этот период деловые и приятельские отношения (Мережковские уехали в Париж 7 октября, Бунины остались дольше).

^m Леонардо да Винчи в 1516 г. по приглашению французского короля Франциска I поселился в его замке Кло-Люсе неподалеку от королевского замка в Амбуазе, где и жил до смерти. Дата смерти Леонардо да Винчи указана верно. Похоронен в часовне Сен-Юбер (Chapelle Saint-Hubert) королевского замка. Что имеется в виду под «собором», неясно. Возможно, часовня Сен-Юбер.

ⁿ От *фр.* manoir — хозяйский дом, усадьба.

^o фирменное (*фр.*).

^p омары по-американски, гуляш из говядины по-провансальски с вареной картошкой, Тавель <сорт вина> и вино Кро <сорт вина> (*фр.*).

^q буйабесс с соусом руй <айоли с красным перцем>, тарелка баранины с жирным рисом, полбутылки Тавеля и бутылка Шатенёфа <сорт вина> (*фр.*).

^r дыня, маленькие омары с соусом ремулад... телячьи ребрышки в папильотках, жареные баклажаны, винные персики (*фр.*).

^s После боггари <сушеная икра тунца или кефали> и буйабесса — ягненок с картошкой и кабачками, чья шкурка покрывает нежное мясо, салат из огурцов, помидоры и баклажаны в горшочке, после салата и холодных фруктов будет кофе, дорогой мсье (*фр.*).

^t Сегодня мы предлагаем сочный гуляш, бараньи копытца и фаршированные желудки по-марсельски в золотистом соусе с травами. / — Я ценю кухню вашей гостиницы, хозяин! (*фр.*).

^u Деревенская гостиница (*фр.*).

^v Благословен Бог и ныне и присно и во веки веков (*лат.*).

4. <Зимняя ночь...>

<л. I>

Зимняя ночь, очень снежно. В розвальнях. Величавая, огромная аллея старых елей висит¹ тяжелыми снежными пластами. Иней на ее ресницах. Холодок щек, какой-то фарфоровый, вкус горячих влажных губ. Под ее полущубочком, под теплом фланелевой юбки, выше валенок, горячее тепло ног.

Зашумел, осыпая ледяным снегом, сорвавшийся с ели филин.

Распахнул енотовую шубу, лег в ее раздвинутые ноги.

Все молчит. Всегда загадочно молчалива, только тихо² улыбается счастливой улыбкой.

¹ Далее было: пластами

² Место: только тихо — было: тоже

Так и не спросила ни разу: а что же дальше, что впереди? Так и уехала.
— Вы меня любите? — Не знаю...

<л. 2>

Половина луны, остро светящейся за деревьями. Траурный, торжественно-погребальный лес: чернота рукавов старых елей — и серебро наваленных на них снежных пластов, кое-где³ освещенных.

Розовое морозное утро, тишина, дымы над крышами изб в деревне.
Лыжи.

Ночью отвез ее в бегунках на станцию. Светлый простор русской зимней ночи — свет лунных небес и блеск белой пустыни.

<восстановлено по машинописи>

[Оттепель, поля. Лес в стороне, голый, сквозной. Мокнут и виснут тонкими ветвями голые пестрые березы.

Куда еду? Зачем еду? Все равно⁴.

Визг дверей на станции. Забил колокол — бам, бам, бам — как-то не нужно. Подходит поезд. Вонь и тепло в людном третьем классе. Едят, воняют, курят.

Слепящее радостное солнце и белизна ровного глубокого великолепного снега за окнами.

Москва, март. Воздух резкий, легкий, сладкий на обоняние и для дыхания.]

<л. 3>

Длинные, тонкие корни быстрой стожалой молнии, извилисто в полнеба вспыхнувшей по туче⁵ ослепительным огненно-золотым накалом проволоки.

Поле, дорога, запах и вкус пыли, хлебов... Россия... Все особое!

Перед грозой. Трагическое небо.

Абрикосовый цвет спеющей ржи.

Акварельный вечер.

Морозная, ярко-звездная ночь: *брильянтовая ночь*.

Люциоли^а — топаз.

³ Было: местами

⁴ Текст: Оттепель ~ дыхания. — восстановлен по машинописи. Эта и следующие три записи представлены только в машинописи. Вероятно, один лист рукописи утерян.

⁵ по туче вписано

Граненая звезда.

Солнце, шелковый снег.

<л. 4>

Молочные звезды.

Млечный Путь — Батыев Путь.

В крупно-звездном небе что-то церковное.

Облака как свинцовые белила.

Подножье тучи.

Лунный свет забелел в полях.

Лунные слезы в море⁶.

Змея огней ночью — вдоль морского берега.

Вид с моря⁷ ночного города, его огней.

Горячий, густой воздух в пиниях в полдень.

<л. 5>

Вышли на скрипящее упругим, морозным снегом крыльцо, прошли по двору, вышли за ворота.

Синяя ночь, железный мороз, острый эфирный воздух. Металлически визжат шаги. Она в полушубочке⁸.

Прошли деревню. Забитая снегами усадьба на выезде в поле. Глухо, дико, северно.

Собака стоит у въезда во двор и мерно брешет. Стоит и брешет, но невнимательно, думая, очевидно, о чем-то своем. Во рту точно камень.

Синяя ночь, крупность и яркость звезд, их разноцветных минералов,⁹ резкость их и мороза.

Дорога в поле. Небо хвост павлина. Ровное гудение телеграфных столбов.

Запах обмерзшего острого воротничка¹⁰ ее¹¹ полушубка. Холодок ее лица и <л. 6> вкус горячих губ. Молчит, — только глаза блестят.

И.А. Бунин.
Москва, 1917 г.
(РАЛ)

⁶ На левом поле карандашом вписано: Молочный лунный свет. В машинописи не отражено.

⁷ с моря вписано

⁸ В машинописном варианте: в полушубке

⁹ Далее было: их

¹⁰ В машинописном варианте: воротника

¹¹ ее вставлено

Где теперь? Жива ли?

Был молод, бодр, крепок, темный румянец, красивые усы.

В риге, ночью, в метель. Рига вся гудит от снежной бури. Страшно, — будто тут ночуют черти.

Потом, в доме, стояла спиной к горячо натопленной печке в столовой, руки за спиной, лицо горит, неестественно улыбается.

<л. 7>

Поздняя летняя лунная¹² ночь, нигде ни души — в том уездном городе, в кладбищенской роще возле которого ее могила^b.

Возле собора обрыв, за речкой внизу золотистость и неясность¹³ пустых полей.

Один в мире, с молчаливой Божьей тайной мира, наедине с самим собой и с ней, этой тайной.

— Как стыдилась своего жалкого белья...

— Это была моя¹⁴ лучшая любовь!

Ни сестра, ни мать, ни сама не могли привыкнуть к тому, что толстый, лысый армейский капитан снизошел до женитьбы на ней, нищей уездной мещаночке!^c

Как бесконечно мил, трогателен был однообразный, жалобный голосок!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/659. Семь обычных тетрадных листов, листы 1–2 и 5–6 соединены (тетрадные развороты). Текст с одной стороны листов, обороты чистые. Черные чернила, правка теми же чернилами в процессе написания.

Датируется примерно по качеству бумаги и почерку: первая половина 1940-х гг.

Текст перепечатан на пишущей машинке В.Н. Буниной. В РАЛ хранятся три экземпляра машинописи: РАЛ. MS 1066/660–662, первый экземпляр (660) с правкой опечаток рукой В.Н. Буниной.

^a Светлячки (*фр. luciole*).

^b Мотив напоминает финал рассказа «Поздний час» из книги «Темные аллеи».

^c В более развернутом виде встречается в разделе «Отдельные наброски», № 12, л. 1, с. 160.

¹² лунная *вставлено*

¹³ В *машинописном варианте*: нежность

¹⁴ *Было*: твоя

5. Замыслы рассказов

ЕГО ЗАПИСКИ¹

— Любила сама вводить — с бессмысленно ждущими глазами. Рука красивая, слегка смуглая, ловкая.

— Самая потрясающая минута — как снимала, разворачивая тонкий шелковый чулок, показывая тело ноги и потом тонкую ступню совершенно чудесной формы.

¹ *Было*: Записки художника

Наливные молочно-голубоватые груди молодой вдовы мещанки в Касимове. Мне тогда было двадцать два года. И вот до сих пор вижу ее маслянисто-полные от похоти темно-синие глаза, пот на верхней губе в легком пушке. Белые зубы похожи были на ожерелье. Ствол шеи как у молодого прекрасного животного.

Как сомлела, когда в первый раз взял всей ладонью ее большую выпуклость² в шелковистых волосах между полных нежных ляжек.

— А эта была худая, черноглазая, остроглазая. Помню, лил дождь, она села ко мне на колени, давая чувствовать сквозь легкую юбку тело и кости зада. Поднял подол — голые ноги в гусиной коже — наклонился, поцеловал — молчит, только откинула голову и закрыла глаза...

Жил я тогда на Литейном, возле памятника Принца³ Ольденбургского^a, на шестом этаже меблированных комнат. И помню: все валил крупный снег и, когда я возвращался поздним вечером домой и смотрелся в зеркало, глаза у меня блестели, на щеках рдел свежий, прелестный, молодой темный румянец. А утром приносила мне кофе⁴ горничная Эмилия, девчонка лет шестнадцати — тонкая, красивая головка, белокурая⁵, синие глаза⁶, удивительный млечный цвет невинного лица... Я тотчас крепко⁷ обнимал ее всю стройную фигурку, впивался⁸ в ее губы, поднимал подол, хватал в разрез панталон удлинненный девичий зад, гладкий, как лилия⁹, валил на тахту... Но она пускала только¹⁰ до краев и¹¹ вывертывалась... И я чувствовал, что я умер бы от блаженства, если бы пустила внутрь.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/111. Один большой тетрадный лист, текст с обеих сторон. Бумага плохого качества, выцветшая. Черные чернила, правка теми же чернилами в процессе написания.

Датируется примерно по качеству бумаги: первая половина 1940-х гг.

^a Вероятно, Бунин передает своему герою автобиографические подробности. В Касимове писатель неоднократно бывал в молодости. О том, что Бунин останавливался в 1896 г. в Петербурге, «в номерах на Литейном проспекте, возле памятника Ольденбургскому, который был в снегу» (*Жизнь Бунина (1958)*. С. 95), сообщается в первой бунинской биографии. Ср. с «Планом-конспектом продолжения романа “Жизнь Арсеньева”», № 1, с. 232.

² Было: выпуклую между ляжек

³ Принца вписано

⁴ Далее было: молоденькая.

⁵ Вместо белокурая — было: пристальные

⁶ Далее было: невинно

⁷ крепко вписано

⁸ Далее было: а. целовал б. впился

⁹ Гладкий ~ лилия вписано

¹⁰ Место только — было: меня.

¹¹ И вписано вместо запятой.

К «ЛЕЙБ-ГУСАРУ МУРАВЬЕВУ»

Конец 30 или начало 40 годов.

Если корнет^a, можно дать 22, 23 года, поручик^b — 24, 25.

Его товарищ: Лейб-гвардии Измайловского полка^c поручик Павлищев. Другой, старше лет на десять, — кавалерист штабс-ротмистр^d Загряжский.

Приказ по полку:

«Лейб-гвардии Гусарского полка корнет (или поручик) Муравьев Михаил увольняется по домашним обстоятельствам в губернии Орловскую и Тамбовскую на шесть недель сроком от сего 15 Апреля (такого-то года)».

Конечно, пишет стихи, повторяя все то, что тогда все писали и чего совершенно не было в его жизни: «хижина под сенью Лар, в тени олив и акаций, пир с друзьями, за чашей круговой», хариты и грации^e, которых он совершенно не представлял себе, «презрение к толпе и суете»^f, эпиграммы, элегии, стансы, послания, молитва, романс, подражание Псалму такому-то, подражание Парни, «Песнь грека», «Италия, отчизна вдохновения», «на бой летит питомец брани, а я под сению олив внимаю голос музы мирной...»

Поэт, под «фортопьяны»:

— Бывало, в доме преобширном,

Среди друзей, среди родных,

Проводишь дни в весельях мирных

И спишь в постелях пуховых...^g

— Вздыхаешь о другой, — должна я то зреть,

Досады таковой должна ли я терпеть?

— Я часто наслаждаюсь

Любовных чувств твоих,

Но чаще я терзаюсь

От взоров роковых...

— Любовь сердцам угодна,

Страсть нежная природна,

Нельзя спастись любви^h...¹

Гвардии сержантⁱ Екатерининских времен. Зеленый мундир с красными отворотами, белый камзол, батистовый галстук. Умер в 1790 году.

Другой. (Отец был секунд-майором^j). Родился в 1798 г. В 1815 поступил в пехотный егерский полк^k. В 1823 вышел в отставку.

Отец третьего учился дома, с гувернерами. На 16 году поступил в Измайловский полк. Служил до Павла, вышел в отставку гвардии капитаном^l. В 1801 году отбыл за границу и прожил там в разных странах до 1809 года.

¹ Последние три стиха написаны другими, более яркими чернилами.

Помещик Арапов. В 1845 г. был принят унтер-офицером в Кирасирский полк^м. В 46 произведен в корнеты, в 49 в поручики, в 51 в штабс-ротмистры. В 53 прикомандирован к Лейб-гвардии уланскому Его Величества полку^н, через полгода произведен в поручики «сего полка». В 58 г. вышел в отставку штабс-ротмистром и поселился в деревне.

Любовница, его дворовая,² лет 30. Важная, полнеющая.

Он сухой, загорелый, резкий.

Отравила, тайно жила с его ловчим^о.

Начало двадцатых годов.

— В тот вечер, как сейчас помню, давали «Фенеллу»^р...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/156. Два больших тетрадных листа, текст с обеих сторон. Бумага плохого качества, на ней пятна от воды. Первый лист дописан на обороте не до конца. Черные чернила. Провка теми же чернилами. С середины 2 листа следует набросок «К Скарятину».

Датируется примерно по качеству бумаги: первая половина 1940-х гг.

^а Корнет — первичное обер-офицерское звание в русской кавалерии (14 класса, согласно Табели о рангах). Введено императрицей Анной Иоанновной в 1731 г.

^б Поручик — обер-офицерское звание (11 класса в пехоте, 10 класса в артиллерии и инженерных войсках). Гвардии поручик — чин 9 класса (гвардейские чины были примерно на 2 класса выше таковых же армейских чинов). Срок выслуги корнета до получения чина поручика составлял примерно 3 года.

^в Лейб-гвардии Измайловский полк — третий по старшинству полк русской гвардии. Основан Анной Иоанновной (первые два полка основаны Петром I) в 1730 г.

^д Штаб-ротмистр (штабс-ротмистр) — следующий за чином поручика офицерский чин.

^е Воссоздаются штампы дружеского послания — одного из самых популярных жанров лирической поэзии начала XIX века. Для эпохи 1830–1840-х годов — уже выходящий из моды, устаревающий жанр.

^ф Штамп ранней романтической поэзии.

^г Первое четверостишие стихотворения А.И. Одоевского (1802–1839; написано в Сибири), ставшего популярным романсом. В этом качестве цитируется, например, в произведении В.В. Крестовского (1840–1895) «Покойная квартира» (1865).

^б Эта и две предыдущие песни (песня «Я часто наслаждаюсь...» только до второго стиха и в ином варианте: «Любных слов твоих»; песня «вдыхаешь о другой» — с вариантом «стерпеть») цитируются в тексте «Из записей» (Петрополис, том 1; перепечатан в СССР: *Бунин* (9). Т. 9. С. 271). Там сказано, что «наши бывшие дворовые» пели такие песни, подражая барам, говорившим хорошим русским языком, но иногда начинавшим говорить неграмотно, под речь XVIII века.

^г Гвардии сержант — чин в русской гвардии, в котором начинали службу многие молодые дворяне. Упразднен в 1796 году. Чин гвардии сержанта неоднократно упоминается А.С. Пушкиным как знак прежнего времени. Например, в «Евгении Онегине» мы узнаем, что помещица Ларина в молодости вздыхала не о будущем муже, а о другом: «Сей Грандисон был славный франт, / Игрок и гвардии сержант». «Сержант гвардии» — название первой главы «Капитанской дочки», поскольку Петруша Гринев еще до рождения благодаря знакомствам отца был записан сержантом в Семеновский полк.

^д Секунд-майор — младший штаб-офицерский чин (8 класса в армии, 6 класса в гвардии). В 1797 г. отменено разделение на премьер- и секунд-майоров. Секунд-майоры стали именоваться майорами.

^к Лейб-гвардии Егерский полк сформирован цесаревичем Павлом Петровичем в составе Гатчинских войск. В 1796 г. получил все права гвардейского полка.

^л Чин 7 класса, равный армейскому подполковнику.

^м Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк — полк тяжелой кавалерии, стал гвардейским в ходе войны с Наполеоном в 1813 году. Дислоцировался в Царском Селе.

^н Лейб-гвардии Уланский полк сформирован в 1803 году, отличился в сражениях под Аустерлицем и Фридрихсландом, вошел в состав гвардии в 1809 году.

² Было: красавица

^о По-видимому, сюжет связан с рассказом «Ловчий» (в окончательном тексте которого любовный сюжет остался лишь намеком).

^р Под названием «Фенелла» (имя главной героини) в России ставилась опера французского композитора Даниеля-Франсуа-Эспри Обера (1782–1871) «Немая из Портичи» (*La muette de Portici*, 1828). В России неоднократно ставилась, начиная с середины 1830-х гг. Необычность оперы заключается в том, что главную партию немой девушки исполняла не певица, а артистка балета.

К «СКАРЯТИНУ»

В виде¹ его писем или дневника.

В Москве останавливался у Шевалье (напр., в 1855 году).

В Париже в Hôtel Mirabeau (в 60 годах)

В Дрездене в Hôtel d'Europe (в 1870 г.).

В Риме в Hôtel de Russie (в 73 г.).

В Берлине в Hôtel du Nord (в 74).

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/156. Записано на одном листе с набросками «К “Лейб-гусару Муравьеву”».

Датируется примерно по качеству бумаги: первая половина 1940-х гг.

¹ *Вместо:* В виде *было:* Написать

К «АНИЧКЕ»

Она говорит^а:

— У меня кукла пропала! Ищила, ищила — нигде нет!

— Ты меня не можешь сечь, меня мама защитит!

— У меня животик болит, я нынче весь день буду голодаться.

— А я в сад убегу, а ты меня не поймешь! (Не поймаешь).

— Купи мне собачку, пойдем в собачный магазин.

— Не трогай мою чашечку, ты ее разбьешь.

Ласковому гостю:

—У, не целуй меня! От тебя изо рта карандашом пахнет.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/156. Часть большого тетрадного листа (низ отрезан). Бумага плохого качества, на ней пятна от воды. Текст на одной стороне. Черные чернила. Приложено к листам с набросками «К “Лейб-гусару Муравьеву”» и «К “Скарятину”».

Датируется примерно по качеству бумаги: первая половина 1940-х гг. Первоначальные записи (настоящий набросок, вероятно, переписан с более раннего текста) и замысел рассказа «Аничка», по-видимому, относятся ко второй половине 1930-х гг. (датируется по году рождения О.А. Жировой).

^а По-видимому, набросок и замысел будущего рассказа основан на наблюдениях Бунина над детской речью Олечки — О.А. Жировой (1933–1964), дочери А.М. и Е.Н. Жировых. Вместе с матерью она долгими периодами жила у Буниных, И.А. и В.Н. Бунины относились к ней как к собственной дочери. Подробнее см.: *Новые материалы* (3).

V. НАБРОСКИ, ТЕМАТИЧЕСКИ БЛИЗКИЕ КНИГЕ «ВОСПОМИНАНИЯ»

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева

Набросков, имеющих отношение к книге «Воспоминания», значительно меньше, чем набросков, потенциально близких художественным произведениям. Этот количественный момент позволяет считать не самым верным решение В.Н. Буниной атрибутировать любые записи Бунина о детстве, юности и молодости как автобиографические. Впрочем, книга «Воспоминания», как известно, довольно далека от традиционного представления о мемуарах. Она соединяет в себе целый ряд жанров, одним из которых является жанр воспоминаний. Книга сложилась как собрание мемуарных очерков разных лет, но целый ряд глав написан специально в 1949 г.

Полагаем, что одним из источников книги могли стать не востребуемые начальные тексты-наброски ко второму тому «Жизни Арсеньева», описывающие писательские круги дореволюционной России. Резкость, неприятно поразившая многих читателей бунинских «Воспоминаний», идет именно оттуда. В четвертой книге «Жизни Арсеньева» неоднократно поднимается тема внутренней лживости интеллигентско-кружковской культуры. В пятой книге романа появляются страницы, подчеркивающие пошлость театрального искусства как такового — на полемическую заостренность и яркость этих страниц обратила внимание еще современная автору критика¹. Тема честности/бесчестности искусства проявлялась и ранее в творчестве Бунина (особенно в «Окаянных днях», где интеллигентская культура осуждена за беспринципность и приспособленчество, переходящее в откровенный цинизм). Наброски второго тома «Жизни Арсеньева» зло и толстовски-бескомпромиссно рисуют литературные круги обеих столиц — а возможно, и литературный круг эмиграции. По сути, книга «Воспоминания» посвящена той же теме — это, в основном, портреты поэтов и писателей, деятелей культуры, выполненные с точки зрения честности и морали. Специфика бунинских «Воспоминаний» еще описана недостаточно²; их модернистская природа только начинает раскрываться перед нами: например, отдельная деталь, поступок, высказывание (цитата) нередко замещают в них традиционное описание череды встреч и событий. Нередко воспоминания оборачиваются анализом произведения или небольшого отрывка произведения, превращаясь из воспоминаний о писателе в воспоминания о его тексте. Как и в художественных текстах, Бунин стремится к дискретности воспоминаний. Некоторые главы книги мало отличаются от набросков (см., например, главу «Репин»). Так что обрывочность публикуемых ниже набросков соответствует общей форме книги.

Уже после выхода книги в 1950 г. Бунин пытался ее дополнять. Например, статья «К моим воспоминаниям» (1953) — в нее вошло высказывание М. Горького о Л.Н. Толстом (с характерно резким бунинским комментарием в адрес Горького), которое мы встречаем в отдельных набросках, публикуемых ниже. Это высказывание приводится сразу в двух сохранившихся набросках: вероятно, оно кажется автору воспоминаний принципиально важным. Высказывание при этом остается без изменений, различается степень сарказма в комментарии.

Нумерация и порядок набросков произвольные (однако повторяющиеся сюжеты расставлены по мере работы над ними: фраза Горького о Толстом, эпизод с Л. Андреевым и доктором Добровым) расставлены тематически.

¹ «Характерно, однако, что автор оживляется, главным образом, в отступлениях от хода фабулы, — как, например, на странице, посвященной театру и актерам. Эта страница, кстати сказать, подлинно “просится в антологию”. Сколько убийственной меткости, сколько иронии и зоркости! Арсеньев утверждает, что “талантливость актеров есть только умение быть пошлыми”, и напоминает одно за другим все то, что “приводит его в содрогание” <...>» (Адамович Г. «Современные записки». Кн. 52. Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня. № 4453. С. 3).

² Одним из первых удачных описаний такого рода можно посчитать статью К.В. Анисимова «Книга И.А. Бунина “Воспоминания” как цикл: опыт реконструкции автобиографического сюжета» (Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 143–163).

Отрывки, посвященные «Жупелу» и «Песням мстителя» Бальмонта, явно предшествуют книге «Воспоминания»: в книге оба отрывка развернуты подробно, а здесь даны пока лишь конспективно. В набросках преобладает личная заинтересованность (гонорар, нарушение авторского права) или личное отношение к стихотворениям Бальмонта. В книге эмоции уходят на второй план, преобладает объективная оценка.

Некоторые отрывки, по-видимому, представляют записи, не вошедшие в основные воспоминания. Отрывок из воспоминаний Е.М. Лопатиной о Л.Н. Толстом (которые обильно цитируются еще в книге «Освобождение Толстого», 1937) не попал в основной текст книги о Толстом и воспоминаний о Толстом из-за неприличности и, казалось бы, случайности. Но Бунину запись не кажется случайной. Он ее переписывает и хранит. То же самое можно повторить и об анекдоте о курице, рассказанном неким казаком. Бунин коллекционирует курьезы, потому что они составляют важнейшую часть жизни. По сути, из таких курьезов он и собирает книгу «Воспоминаний».

<1>

«Ум небольшой, но беспокойный».^а

У кого это был³ такой ум?

У Льва Толстого. А определил его ум небольшим, но беспокойным Максим Горький.

Леонид Андреев имел о Льве Толстом мнение тоже довольно скромное⁴. В ту пору⁵, когда звезда⁶ Леонида Андреева стояла⁷ особенно высоко, я однажды вечером⁸, в Москве, зашел к доктору Доброву, его свояку^б. Доктор⁹ сидел, курил, а Леонид Андреев¹⁰ шагал по комнате, тоже¹¹ с папиросой в руке, и пресерьезно¹² говорил:

— Нет, Филипп^с, ты все-таки не прав. Мне, конечно, льстит, что ты ставишь¹³ меня выше Толстого, но ты уж¹⁴ слишком унижаешь его. Ты забываешь, что он бичевал пошлость. И с такой силой, как редко кто!^д

В самом конце двадцатых годов сербы пригласили¹⁵ некоторых русских писателей-эмигрантов в гости¹⁶ в Белград^е. И когда эти писатели съехались, король Александр, — предусмотрительно¹⁷ убитый впоследствии в Марселе по чьему-то приказу^{18 f}, — прини-

³ был *вписано*

⁴ *Вместо:* Леонид ~ скромное. — *было:* Леонид Андреев был о Льве Толстом тоже невысокого мнения.

⁵ *Вместо:* В ту пору — *было:* Это было в пору

⁶ *Было:* а. звезда б. слава

⁷ *Было:* а. достигла б. сияла в. стояла в

⁸ *Далее было:* зашел

⁹ *Было:* Ан<дреев?>

¹⁰ *На полях листа рядом с рассказом о докторе и Андрееве две записи: «коротконогий» (на правом поле) и «с бородой» (на левом поле красной шариковой ручкой).*

¹¹ *Далее было:* кури<л>

¹² пресерьезно *вписано*

¹³ *Далее было:* Тол<стого>

¹⁴ *Было:* все-таки

¹⁵ *Далее было:* русских

¹⁶ эмигрантов в гости *вписано*

¹⁷ предусмотрительно *вписано*

¹⁸ *Вместо:* по чьему-то приказу — *было:* а. то ли Гитлер[ом]а, то ли так называемого маршала какого-то Тито, назвавшего себя маршалом и главой коммунистической Сербии, внезапно превратившейся в коммунистическую, — б. то ли Гитлера, то ли так называемого маршала какого-то Тито, назвавшего себя в свой срок маршалом и диктатором Сербии, превращенной им в коммунистическую

мал¹⁹ и приветствовал их на французск<ом> я<зыке>²⁰ у себя во дворце и, когда дошла очередь до Гиппиус, единственной дамы²¹, особенно любезно обратился к ней как к даме²², а она подняла на него²³ лорнет и раздельно²⁴, наставительно промолвила:

— Нехорошо, король, забывать русский язык. [Ведь вы в Петербурге]

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/400. 1 лист, текст с обеих сторон. Синяя шариковая ручка. Тонкая папиросная бумага. Почерк последних лет жизни: большие буквы, дрожащая рука.

Датируется приблизительно по почерку и времени публикации статьи «К моим “Воспоминаниям”»: 1950–1953 гг.

<2>

Не очень высокого мнения о Толстом был и Леонид Андреев. Я однажды, в ту пору, когда звезда славы Андреева стояла особенно высоко, зашел к доктору Доброву, свояку Андреева, и услышал следующее: доктор сидит и курит на диване, коротконогий Андреев в поддевочке и в сапожках²⁵ с голенищами ходит по кабинету тоже с папироской в руке, и, глядя в пол, задумчиво и энергично говорит:

— Нет, Филипп, ты все-таки не прав. Ты ставишь меня выше Толстого, очень приятно слышать. Но ты как-то с кондачка говоришь о нем, ты слишком ставишь его низко. Вспомни хотя бы то, с какой силой бичевал он пошлость!

Эта речь сделала бы честь сумасшедшему или идиоту. Но Андреев не был ни сумасшедшим, ни идиотом. Он сам был слишком ошеломлен своей славой после дикого успеха его смехотворной «Бездны», патологически отвратительного «Василия Фивейского», «Красного Смеха», «Царя Голода», где Смерть, притоптывая, ест бутерброд^g, но порою²⁶, когда ему не нужно было играть роль великого писателя или во хмелю среди приятелей, он бывал прост, мил, шутлив: до сих пор вспоминаю с улыбкой, как осенью 1913 года он приехал на Капри, остановился в том же отеле, где жили мы^h, вошел в мою комнату ранним солнечным утром, держа в руке стакан с умывальника (с надписью²⁷), полный белым вином и вдруг отшатнулся, изумленно глядя на меня:

— Что такое? Что с тобой? Ты сбрил свою бородку? Ну, знаешь, это замечательно: с бородой ты козел обыкновенный, а без бороды ты козел необыкновенный.¹

Публикуется по машинописи: РАЛ. MS 1066/402. 1 лист, текст с одной стороны, на верхнем поле номер 4 (вероятно, часть более крупного текста).

Датируется приблизительно по времени работы над текстом статьи «К моим “Воспоминаниям”»: весна 1953 г.

¹⁹ Далее было: их

²⁰ на французск<ом> я<зыке> вписано

²¹ единственной дамы вычеркнуто и затем восстановлено

²² Далее было: с приветствием на французско<м>

²³ на него вписано

²⁴ Было: медлительно

²⁵ Было: сапогах

²⁶ Было: иногда

²⁷ Далее было: одо<л>. Надпись зачеркнута, оставлено место для латиницы. В тексте статьи: Odol.

<3>

«Ум небольшой, но беспокойный».

Так определил ум Льва Толстого некто, назвавший себя Максимом Горьким, прославившийся на всю Россию²⁸ стишками о «Буревестнике», который «гордо реет над седой пучиной моря, черной молнии подобный» и «Песню²⁹ о Соколе» с ужом,³⁰ тоже довольно удивительном³¹:

Высоко в горы

Вполз уж и лег там,

вполз³², кажется, лишь затем, чтобы³³ доказать, что «рожденный ползать летать не может»³⁴, и быть не то свидетелем, не то виновником³⁵ непонятной³⁶ гибели сокола, который, не в пример ужу³⁷, имея полную возм<ожность> летать³⁸, кувырком все-таки покатился с этих гор³⁹ вниз, «ломаю»⁴⁰ свои крылья и вообще перья и обагрив скалы своей «горячей кровью»⁴¹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/401. Один лист большого формата, вырванный из тетради, текст с обеих сторон, исписан не до конца. Синяя шариковая ручка. Провка ею же.

Датируется приблизительно по использованию шариковой ручки, по почерку последних лет жизни и по факту частичного использования в книге «Воспоминания»: конец 1940-х гг.

<4>

людям⁴². Об искусстве она <Е.М. Лопатина^k> рассказывала мне его же <Л.Н. Толстого> слова еще грубее:

— Это все равно, как люди, когда напакостят⁴³, еще нагибаются и смотрят, как и сколько, а я в таких случаях спешу надеть штаны и бежать не оглядываясь...

Но это опять-таки происходило от привычек, от быта. У нас тоже говорили так отец, братья постоянно. Но все это смягчалось непридаванием этому того значения, которое придают люди непривычные, и личным обаянием. У Толстого это обаяние было в высшей сте-

²⁸ на всю Россию *вписано*

²⁹ Песню *вписано*

³⁰ *Далее было: а. который почему-то высоко в горы вполз б. который почему-то вполз высоко в горы*

³¹ *Далее было: в своей гордо<сти>*

³² *Далее было: совершенно неизве<стно>*

³³ *Далее было: не будучи от природы смертоносным гадом, все на смерть*

³⁴ *Далее было: и кажется*

³⁵ *Вместо: не то свидетелем, не то виновником — было: свидетелем или виновником того*

³⁶ *непонятной вписано*

³⁷ *, не в пример ужу, вписано*

³⁸ *имея полную возм<ожность> летать, вписано*

³⁹ *Вместо: с этих гор — было: с гор*

⁴⁰ *Далее было: перья себе*

⁴¹ *Внизу под записью: Лубочное, заборное.*

⁴² *Начало текста отсутствует.*

⁴³ *Было: пакостят.*

пени. У Берсов¹ его не было, а у детей Толстых Берсы перевешивали и оттого они все были грубые. Толстовские колонии я сам не любил и сам писал о них, показывая их с не⁴⁴ очень приглядной стороны^м. Но Толстой — это совсем особое дело... А Катерина Михайловна, при всей ее талантливости и уме, в некоторых вопросах все же наивна по-детски. Так и в ее суждениях о Толстом^п.

Публикуется по АМ: РАЛ. MS 1066/405. Текст представляет из себя подклеенный обрывок верхней части листа.

Датируется по качеству машинописи: вторая половина 1930-х гг.

<5>

«Писателей из народа» и прежде было немало. В молодости я многих из них знал в Москве, встречался с ними, получал от них письма, всегда очень многословные и лирические — этим особенно отличался отец известного теперь писателя Леонова^о, служившего приказчиком в какой-то галантерейной лавочке. Один из этих писателей видел однажды Толстого и вот с какой чудесной наивностью⁴⁵ рассказывал об этом:

— Мне довелось однажды воочию видеть патриарха русской литературы Льва Николаевича Толстого. Дело было так, что я разметал снег возле своей калитки, когда показалась передо мной фигура маститого старца, совершавшего свою обычную прогулку. Я отставил в сторону лопату и, сняв шапку, приветствовал его поклоном, при чем он вступил со мной в беседу:

— Надеюсь, что вы не пьете много вина? — спросил меня великий писатель земли русской.

Я сказал наоборот, добавив при этом, что очень страдаю от своей слабости. И тогда он тотчас посоветовал мне совсем бросить эту пагубную привычку и доставить себе нравственное удовлетворение. Потом он спросил меня: а чем вы занимаетесь? Тут я не удержался, сказав, что я писатель из народа, на что он ответил:

— Ну что ж, пишите, только всегда правду, а не какие-нибудь выдумки.

Встреча эта глубоко врезалась мне в память^р.

Публикуется по АМ: РАЛ. MS 1066/407. 1 лист, текст с одной стороны. Правка синей шариковой ручкой.

Датируется приблизительно по использованию шариковой ручки и по времени работы над книгой «Воспоминания»: конец 1940-х гг.

Опубликовано: *Жизнь Бунина* (1958). С. 93–94.

<6>

Старик⁴⁶, донской казак⁴⁷, беженец от большевиков, живший в Болгарии, рассказывал, что мальчишкой знал Толстого на Кавказе:

⁴⁴ не вписано

⁴⁵ Вместо: с какой чудесной наивностью — было: как

⁴⁶ Далее было: лет под

⁴⁷ донской казак вписано

— Этот Толстой был мошенник и обманщик. Как так? А вот как. Возьмет курицу за ноги и начнет крутить зли себе. Потом бросит. А она и лежит, как сдохлая. «Видишь курицу^{48?}» говорит. — «Вижу». — «Сдохлая?» — «Сдохлая». — «А я вот ее воскрешу. Хочешь?». И поштуркает эту курицу, а она вскочит и бежит, как пьяная. Тады этот Толстой и спрашивает: — «Ну, видал^{49?}⁵⁰ Причем⁵¹ тут Бог?».

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/408. Один лист большого формата, текст с одной стороны.

Датируется приблизительно по шариковой ручке и почерку последних лет жизни: конец 1940-х — начало 1950-х гг.

<7>

«Народ, то есть большевик, стрелял из пушек по Успенским соборам. Вполне понятно: ведь там туполобый, ожиревший поп сто лет, икая, брал взятки и водкой торговал...». *Блок*^{52, 9}

«Безумство храбрых», а говоря проще — золоторотцев⁷.
(«Безумству храбрых поем мы песню!»)⁸. Горький).

«Борьба с космополитизмом в Узбекской республике» (Москва, «Правда»). А ведь есть⁵³ и доселе многие, что считали Сталина все-таки замечательным человеком!

«Жизнь Арсеньева. — Истоки дней». Первое издание («Современных записок») вышло в свет 24 янв. 1930 г.⁵⁴

Россия, нищая Россия.
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви!¹

Блок

Что ни слово — махровая глупость! «Нищая»! В те годы не было страны в мире богаче! «Серые избы — как слезы первые любви»! Замечательно!⁵⁵

Гитлер гениально сказал, что люди гораздо легче верят большой, великой лжи, чем маленькой, что лгать надо так, чтобы нельзя было представить себе, что можно лгать до такой степени.¹¹

Впрочем, я гораздо раньше Гитлера — кажется, еще в 1922 году⁵⁶, — написал:

⁴⁸ *Было:* курицу

⁴⁹ *Было:* видишь.

⁵⁰ *Далее было:* — «Вижу».

⁵¹ *Было:* Так причем же

⁵² Блок подчеркнуто красной шариковой ручкой.

⁵³ *есть вписано*

⁵⁴ *Запись отчеркнута на полях красной шариковой ручкой.*

⁵⁵ *Запись сделана красной шариковой ручкой. Блок подчеркнуто синей шариковой ручкой.*

⁵⁶ — кажется, еще в 1922 году, — *вписано красной шариковой ручкой.*

Всему предел, всему есть мера,
 Но ты перешагни предел —
 И будет и столбняк и вера
 В законность самых страшных дел!^у

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/564. Два листа из тетради с листами, проложенными копировальной бумагой (в верхних углах типографские цифры: 2 и 3). Текст с одной стороны. Синяя шариковая ручка, красная шариковая ручка (использование красной ручки оговаривается).

Датируется приблизительно по использованию шариковой ручки, почерку последних лет и работе над книгой «Воспоминания»: конец 1940-х гг.

<8>

Я когда-то зачем-то переключивал в стихи то то, то другое из Апокалипсиса, из древних халдейских сказаний о Потопе (коиими, кстати сказать, очень воспользовались евреи), гимны Огнепоклонников, гимны Митре⁵⁷ — и вот в том самом подлейшем в мире первом номере журнала «Жупел», который стал издавать тотчас после царского⁵⁸ «дарования всех свобод» в октябре 1905 года Гржебин и напечатал на обложке этого номера огромный голый человеческий зад, увенчанный царской короной^в, а в тексте, среди всякого прочего похабного острословия, — революционного, конечно, — мои стихи, переложение гимна Митре, кои вполне можно было выдать за относящиеся к этой первой «октябрьской революции»⁵⁹. И когда я увидел эти стихи в этом первом номере «Жупела», я с бешенством кинулся на Гржебина, — как смел он⁶⁰ опоганить мое имя моим мнимым сотрудничеством в «Жупеле», кто дал ему право печатать мои стихи в нем без моего ведома и разрешения, он мне нагло ответил, что право это ему дала революция и что⁶¹ наплевать ему на все мои⁶² «фигли-мигли» насчет моих авторских прав...

Постыднее всего то, что я не только не дал ему как следует в морду тогда, но по своей истинно преступной беспечности махнул на всю эту историю рукой, а впоследствии⁶³ появился в его альманахе «Шиповник» с каким-то своим рассказом.^х

«Песни мстителя» Бальмонта^у, нечто несказанное по буйному кретинизму, по низости самого низкого мерзавца и подхалима⁶⁴, я прочел только недавно — лет пять тому назад, здесь, в Париже. Знай я эти «Песни» раньше⁶⁵, я бы никогда на порог⁶⁶ к себе не пустил Бальмонта ни в России, ни в эмиграции.

⁵⁷ По левому полю первого листа написано: Найти эти стихи: «Ни алтарей, ни истуканов...»

⁵⁸ царского вписано

⁵⁹ Вместо: этой первой «октябрьской революции» — было: революции

⁶⁰ Вместо: — как смел он — было: осмелившегося

⁶¹ Далее было: не такое теперь время

⁶² Вместо: все мои — было: какие-то

⁶³ Далее было: чт<о-то> дал

⁶⁴ Далее было: перед

⁶⁵ Вместо: раньше — было: при жизни Бальмонта

⁶⁶ Далее было: его

А Горький? И о нем я узнал многое, многое только теперь⁶⁷.

Ночь с 17 на 18 Авг<уста> 1953 года.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/594. Три половинки тетрадных листов, текст с обеих сторон. Красная шариковая ручка. Провка той же ручкой. В РАЛ хранятся три машинописные копии этого текста (каждая по 2 листа), вверху первого листа на обеих копиях рукой В.Н. Буниной: «С 17 на 18 Авг. [19]1953» (РАЛ. MS 1066/595, 596).

<9>

<...> коммунизмом. Но что же доброго я мог сказать о Бальмонте, о Есенине⁶⁸ и даже о Блоке? Главное, что я хотел сказать, главная тема⁶⁹ половины моих «Восп<оминаний>» — историческая: тема того нравственного падения и литературного позора, которым ознаменовалось предревол<юционное> и револ<юционное> время в России.

И вот Брюсов с его стихами:

мы натеш<имся> с козой^z

с его перелетами^{aa}.

Вот Бальмонт (при всех прочих⁷⁰ высоких⁷¹ пошлостях его,⁷² его⁷³ изумит<ельной> наглости и редкого бесстыдства самовосхваления)⁷⁴.

Вот Есенин⁷⁵

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/714(27).

Датируется приблизительно: 1953 г. Хранится среди обрывочных записей последних месяцев, плохой почерк.

<10>

О Шаляпине:

— Хамелеон!

— Что значит?

— Хам, желающий иметь миллион.

Дезертир в замятой короткой шинели.

⁶⁷ Фраза дописана на левом поле оборота третьего листа.

⁶⁸ Далее было: о

⁶⁹ Далее было: моей книги

⁷⁰ Далее было: его

⁷¹ высоких вписано

⁷² Далее было: при

⁷³ Далее было начато: ска

⁷⁴ Не согласовано в оригинале.

⁷⁵ Текст обрывается.

Страшно ей⁷⁶ было за свою счастливую жизнь. (Вечный наш страх за счастье, за жизнь и здоровье близких...).

Сологуб умер 5 дек. 27 г.

Сам-пят (Пушкин)^{bb}.

Составить отрывной календарь «Копилка»^{cc}.

Ушки горять, щечки вянуть,
На милого боюсь глянуть!
Много прекрасного было в русских любовных даже «частушках». А теперь?

Перед мальчиками
Хожу пальчиками,
Перед добрыми людьми
Хожу белыми грудьми.

Уоллес^{dd} такой мерзавец, что даже и при теперешних редкость. 28.3.1948.⁷⁷

Резвится зефир по лугам и полям,
Роговский^{cc} рога наставляет мужьям.

Тамаре^{ff}:
За все, что между нами было,
Хотя ты воротила рыло,
Даю тебе кусочек мыла.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066/565. Три листа тонкой бумаги, вырванные из тетради для записей (в верхних углах первого и второго листа типографские цифры: 3 и 5). Текст с одной стороны. Второй и третий листы оборваны примерно посередине. Зеленые и черные чернила (оговариваются специально), приписки на полях сделаны синей шариковой ручкой. На полях первого листа написано: «Отонок». На полях третьего листа несколько записей: «Околоток». «Пузатый комод». «Пальма». «“Красный цветок” 2/5»^{gg}.

Датируется приблизительно по использованию шариковой ручки: конец 1940-х гг.

^a Фразу «Ум у меня беспокойный», — говорит Павлин в «Варварах». Это горьковское определение ума Л.Н. Толстого несколько раз повторяется в набросках, тематически связанных с книгой «Воспоминания». Бунин включит его в статью «К моим “Воспоминаниям”» (Новое русское слово. 1953. 17 мая. № 14995. С. 8).

^b Филипп Александрович Добров (1869–1941) — врач; человек, близкий искусству, — и Л.Н. Андреев были женаты на сестрах: Елизавете Михайловне Велигорской (1868–1942) и Александре Михайловне Велигорской (1881–1906). Сын Л.Н. Андреева будущий писатель Даниил Леонидович Андреев (1906–1959) рос в семье Добровых. Доктор Добров жил в Москве в Малом Левшинском переулке, на Пречистенке.

^c Обращение на «ты» и подчеркнуто по имени (как гений к гению) стало в книге «Воспоминания» характерным образцом пошлости эпохи начала века: «Другие — Горький, Андреев, Шаляпин — жили в непрестанном упоении своими славами, в непрерывном чувствовании их не только на людях, на всяких публичных собраниях, но и в гостях, друг у друга, в отдельных кабинетах ресторанов, — сидели, говорили, курили с ужасной

⁷⁶ Было: ему

⁷⁷ Эта и следующая записи сделаны черными чернилами.

неестественностью, каждую минуту подчеркивали избранность своей компании и свою фальшивую дружбу этими к каждому слову прибавляемыми “ты, Алексей, ты, Леонид, ты, Федор...”» (*Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 148).

^d Этот эпизод будет развит подробнее в следующем из публикуемых ниже документов и в этом расширенном виде войдет в текст статьи «К моим “Воспоминаниям”» (1953).

^e Речь идет о съезде русских писателей и журналистов в Белграде, проходившем в 1928 г. В съезде участвовали крупнейшие писатели эмиграции, Бунин в Белград не поехал. Король Александр принял в своем дворце всех участников съезда, в том числе 14 писателей (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, Б.К. Зайцев и др.) и наградил их орденами.

^f Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) — король сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), король Югославии (1929–1934). Окончил Пажецкий корпус в С.-Петербурге. Во время Первой мировой войны — верховный главнокомандующий сербской армии и принц-регент Сербского королевства. Покровительствовал русской эмиграции. 9 октября 1934 г. был убит в Марселе болгарским террористом Владо Черномоземским. Согласно основной версии, убийство было организовано болгарской националистической организацией ВМОРО, которую поддерживали власти нацистской Германии, а также усташа (вероятно, отсюда версия Бунина, отсылающая к Тито) — хорватская фашистская организация.

^g В картине третьей («Суд над голодными») пьесы Л.Н. Андреева «Царь голод» есть эпизод, когда герои — участники суда — приглашают друг друга поесть. Они садятся вокруг свиньи, полосуя ее ножами, едят мясо и давятся. Смерть в этом эпизоде ведет себя иначе: «Смерть вынула из кармана сухой бутерброд с сыром и кушает в одиночестве» (*Андреев Л.Н.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. М.: Наука, 2013. Т. 6. С. 223).

^h И.А. и В.Н. Бунины провели на Капри три зимы подряд: зимы 1911/12, 1912/13 и 1913/14 гг. Жили они всегда в отеле «Quisisana», в который позднее Бунин поселит господина из Сан-Франциско. По-видимому, писатель путает дату. Скорее всего, эпизод мог произойти в январе 1913 г., когда Л.Н. Андреев посетил Капри. 25 января 1913 г. Бунин писал в письме П.А. Нилусу: «Был Андреев 4 дня, пьянствовал, зацеловывал меня и говорил дерзости» (*Письма* (2). С. 257). Сентябрь 1913 г. Бунин проводил в Одессе, потом несколько месяцев жил в основном в Москве (ненадолго выезжал оттуда, например, в Kisловодск и Петербург), во второй половине декабря Бунины путешествовали по Европе, на Капри приехали лишь к началу нового года.

ⁱ В слегка отредактированном виде (редактирование носит, в основном, стилистический характер) набросок вошел в текст статьи «К моим “Воспоминаниям”» (1953).

^j Нашло отражение в главе «Воспоминаний», посвященной М. Горькому: «Конечно, талант, но вот до сих пор не нашлось никого, кто сказал бы наконец здраво и смело о том, что такое и какого рода этот талант, создавший, например, такую вещь, как “Песня о соколе”, — песня о том, как совершенно неизвестно зачем “высоко в горы вполз уж и лег там”, а к нему прилетел какой-то ужасно гордый сокол» (*Бунин И.А.* Воспоминания. Париж, 1950. С. 119).

^k Е.М. Лопатина — представитель известного московского семейства Лопатиных (сестра философа Л.М. Лопатина), хорошо знакомого с семьей Л.Н. Толстого. Бунин с Е. Лопатиной серьезно сблизилась: «Под влиянием Толстого, писавшего о ночлежных домах, Иван Алексеевич с Катериной Михайловной, как он ее всегда звал, ходили по ночлежным домам и притонам <...>. Иногда они с Иваном Алексеевичем, шутя, говорили о браке <...>. Иван Алексеевич определял свои чувства к Катерине Михайловне романтическими» (*Муромцева-Бунина* (1989). С. 169). В.Н. Муромцева тоже была хорошо знакома с семьей Лопатиных: обе семьи снимали дачи в Царицыно под Москвой. Е.М. Лопатина, как и Бунины, выехала в эмиграцию и жила во Франции. Работала в детском преванториуме (замок Клозон в Приморских Альпах) и часто бывала у Буниных в Грассе. Лопатина оставила воспоминания о Л.Н. Толстом, которые Бунин много цитирует в книге «Освобождение Толстого» (Париж, 1937).

^l Л.Н. Толстой в 1862 г. женился на Софье Андреевне Берс, дочери врача Московской дворцовой конторы Андрея Евстафьевича Берса (1808–1868), происходившего по отцу из немецких дворян.

^m Тему толстовских поселений Бунин затрагивал неоднократно. В книге «Освобождение Толстого» рассказывал о собственном кратком увлечении толстовством, а также об известных толстовцах (В.Г. Черткове, например), противопоставляя их Л.Н. Толстому как человеку, свободному в своих суждениях, не подчиняющемуся даже собственной доктрине. В пятой книге романа «Жизнь Арсеньева» есть глава, посвященная толстовскому поселению в Малороссии. В воспоминаниях Бунина о Толстом (отдельных статьях в периодике и специальной главе из книги «Воспоминания», во многом повторяющей личные воспоминания из «Освобождения Толстого») тема толстовцев, их идейной несостоятельности, доходящей до глупости, возникает всегда.

^п Нельзя исключить, что этот отрывок в 1930-е гг. предназначался для книги «Освобождение Толстого» (в ней много цитируются воспоминания Е.М. Лопатиной), был исключен оттуда (как не соответствующий общему тону книги) и вновь использован в работе над книгой «Воспоминания» в конце 1940-х гг.

^о Максим Леонидович Леонов (лит. псевд. Максим Горемыка, 1872–1929), отец советского писателя Л.М. Леонова (1899–1994) — писатель и журналист. Печатался с 15 лет, один из организаторов Московского товарищеского кружка писателей из народа, с 1903 г. — «Суриковский литературно-музыкальный кружок» (назван в честь крестьянского поэта Ивана Сурикова). В 1905 г. Максим Леонов и Филипп Шкулёв открыли в Москве издательство «Искра» и книжный магазин, просуществовали они недолго и были закрыты полицией за издание и торговлю литературой эсеровского толка. В 1910 г. выслан в Архангельск, где и жил до смерти.

^р Лубочная одноплановость в восприятии Толстого (основатель толстовства, вегетарианец, противник спиртного) неизменно раздражала Бунина. В книге «Освобождение Толстого» (а до этого еще несколько раз, включая газетную редакцию «Окаянных дней») он приводит эпизод собственной встречи с Толстым, когда молодой писатель-толстолец Бунин заговаривает об обществах трезвости, которые возникают повсеместно, и получает совершенно неожиданный, остроумный ответ: «То есть это когда собираются, чтобы водки не пить? Вздор. Чтобы не пить, незачем собираться. А уж если собираться, то надо пить» (*Бунин* (8). Т. 6. С. 70).

^с Запись дословно использована в статье «Июния и Китеж» (1925). Неточная цитата из статьи А.А. Блока «Интеллигенция и революция». В оригинале: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что здесь сто лет ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой».

^т Здесь возможны два значения этого выражения: 1) опустившиеся, обнищавшие люди — босяки, оборванцы; 2) самые отпетые отчаянные преступники.

^у Цитата из произведения М. Горького «Песня о соколе» (1899). Ср. пародийный пересказ этого текста выше.

^в Цитата из стихотворения А.А. Блока «Россия» (1908) из цикла «Родина».

^г В 10 главе книги «Моя борьба» (*Mein Kampf*, 1925) Гитлер рассуждал о том, что ответственность за проигранную Первую мировую войну возложили на генерала Людендорфа — единственного немца, боровшегося за спасение Германии от катастрофы. И далее обобщал: «Рядовые люди скорее верят большой лжи, чем маленькой, поскольку лгать незначительно они способны и сами, а солгать очень сильно они постесняются. Поэтому масса не может себе представить, что другие способны на чудовищную ложь. Виртуозы лжи всегда прибегают к этому методу».

^д Бунин цитирует свое стихотворение, записанное в так называемой «Парижской тетради» в 1922 г. и никогда при жизни автора не публиковавшееся. Впервые опубликовано: Литературная Россия. 1987. 11 сентября. № 37. См. также первую научную публикацию текста Т.М. Двинятиной (*Бунин И. Стихотворения: В 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 276*).

^е История с обложкой журнала «Жупел» в ином контексте присутствует в разделе «Автобиографические заметки» книги «Воспоминания»: она замыкает рассказ о Бальмонте (см. следующий набросок): «Все это было напечатано в 1907 году в Париже, куда Бальмонт бежал после разгрома московского восстания и ничуть не помешало ему вполне безопасно вернуться в Россию. А Гржебин, начавший еще до восстания издавать в Петербурге иллюстрированный сатирический журнал, первый выпуск его украсив обложкой с нарисованным на ней во всю страницу голым человеческим задом под императорской короной, даже и не бежал никуда, и никто его и пальцем не тронул» (*Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 32*). Сатирический журнал «Жупел» выходил в Петербурге в 1905 г. (редактором выступал З.И. Гржебин, издатель С.П. Юрицин), запрещен на третьем номере. Первый номер вышел в ноябре 1905 г., на странице 3 этого номера опубликовано стихотворение Бунина «Ормузд» («Ни алтарей, ни истуканов...»).

^ж Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник» (издатель З.И. Гржебин) выходили в Петербурге с 1907 по 1917 гг., всего выпущено 26 альманахов. Бунин печатался в «Шиповнике» лишь в 1907 г.: в книге 2 опубликованы его стихотворения «Петров день», «Проводы», «Геймдаль», «Александр в Египте» (с. 105–109), а в книге третьей — рассказ «Астма» (с. 69–108; в эмиграции был переработан и получил заглавие «Белая лошадь»). Вероятно, Бунина привлек в альманах редактировавший его Л.Н. Андреев.

^з Сборник стихотворений К.Д. Бальмонта (1867–1942) «Песни мстителя» (1907), отражающий реакцию поэта на революцию 1905–1907 гг., был опубликован в Париже, в России его распространение запретили. По этой причине Бунин, действительно, мог его в те годы не прочитать. В разделе «Автобиографические заметки» книги «Воспоминания» перед абзацем, посвященным обложке журнала «Жупел», идет рассказ о революционных стихотворениях Бальмонта. В частности, приводится большая цитата из стихотворения «Русскому офицеру», входящего в «Песни мстителя».

^z Речь идет о стихотворении В.Я. Брюсова (1873–1924) «In hac lacrimarum valle [В этой юдоли слез]» (1902), в котором есть такое четверостишие: «Повлекут меня с собой / К играм рыжие силены; / Мы натешимся с козой, / Где лужайку сжали стены». Эти стихи были осуждены и спародированы разными поэтами — современниками Брюсова.

^{aa} Бунин имеет в виду активное сотрудничество Брюсова с правительством большевиков, вплоть до вступления в РКП(б) в 1919 г. и членство в Моссовете.

^{bb} Это слово, означающее «впятером, в числе пяти, включая себя» встречается в «Истории Пугачева» А.С. Пушкина (см.: Словарь языка Пушкина. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. Т. 4. С. 24).

^{cc} Под «копилкой» Бунин обычно имеет в виду особо значимые фразы знаменитых людей — как правило, с отрицательными коннотациями. Так, в РАЛ сохранилась отдельная запись Бунина, озаглавленная «Копилка»: «По примеру Толстого, собиравшего “Мысли мудрых людей на каждый день”, давно следовало мне начать собирать “Мысли идиотов и мерзавцев на каждый день”. Начинаю» (РАЛ. MS.1067/461). Далее следует цитата из Бухарина.

^{dd} Генри Эгард Уоллес (Wallace; 1888–1965) — крупный политический деятель США. В 1941–1945 гг. вице-президент США. Противник политики «холодной войны» против СССР (вероятно, поэтому и «мерзавец» в восприятии Бунина). В 1948 г. участвовал в президентских выборах, но выборы проиграл. После этого отошел от политической деятельности.

^{ee} Евгений Францевич Роговский (1888–1950) — предприниматель, общественный деятель. В России — присяжный поверенный, член партии эсеров. В 1917 г. — петроградский градоначальник, депутат Учредительного собрания, выслан из России правительством адмирала А.В. Колчака. В эмиграции — создатель и директор Русского дома в Жуан-ле-Пен. Член Исполнительного комитета Земгора. Бунин жил в «Русском доме» в 1948 и 1950 гг., его принимали как большую знаменитость.

^{ff} Тамара М. Букуаран (Bucsoigan; в предыдущем браке Бродская) — знакомая Буниных по Грассу. Бунины познакомились с ней в годы Второй мировой войны. Она приходила в гости к А.В. Бахраху (у них был недолгий роман) на виллу «Жаннетт», вскоре стала другом всей семьи. В дневниках и письмах Бунины называют Тамару Бродской — так ее звали в момент знакомства. «Кусочек мыла» в качестве ценного подарка — вероятно, ирония по поводу нищеты военного быта.

^{gg} «Околоток» и «Пузатый комод» — вероятно, записаны как устаревшие слова или избитые выражения из литературы второй половины XIX в. «Пальма» и «Красный цветок» — заглавия произведений В.М. Гаршина (1855–1888). Под «Пальмой» подразумевается сказка «Attalea princeps» (1880). «Красный цветок» (1883) — на-верное, самый известный рассказ Гаршина.

Неоконченные литературно-критические статьи

Подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова

С 1888 г. Бунин начинает писать и публиковать свои первые литературно-критические статьи и журнальные обзоры: «Наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве», «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова», «Недостатки современной поэзии», «Периодические издания». До сих пор еще не собраны все статьи, журнальные обзоры, корреспонденции Бунина, некоторые из них не атрибутированы. Эти тексты Бунина с разной периодичностью публиковались на страницах провинциальных и столичных изданий, в эмигрантских газетах и журналах в течение практически всей жизни писателя.

В фондах ОГЛИМТ хранятся две неопубликованные литературно-критические статьи Бунина: «Поэзия и отвлеченное мышление» и «<О поэзии В.Я. Брюсова>». Сохранилось только начало статьи «Поэзия и отвлеченное мышление», два первых листа с авторской правкой. На первой странице автографа после заглавия имеется подзаголовок «Ст. И.А. Бунина». В письме к старшему брату Ю.А. Бунину от 15 сентября 1888 г. И. Бунин спрашивал: «Напиши мне, что делать с “Поэзией и отвлеченным мышлением”? Послать ли в “Неделю”?» (*Письма (I)*. С. 12). По этому письму можно приблизительно датировать эту раннюю статью И. Бунина серединой 1888 г., а также из этого письма следует, что данная статья была, очевидно, закончена (если автор собирался посылать ее в журнал), до нас же дошло только ее начало.

Над заглавием статьи в автографе имеются пометы Бунина уже другими чернилами: «Будущее поэзии мне, господа», ниже: «Приступая к чтению, я». Теми же чернилами, которыми написаны эти две незавершенные фразы, выполнена и правка, которая касается перестройки структуры статьи. Эти незавершенные фразы и правка показывают, что Бунин хотел прочесть лекцию на материале своей ранней статьи. Судя по почерку, эти надписи и правка выполнены значительно позднее, но датировать эту правку пока затруднительно более или менее точно.

Статья «<О поэзии В.Я. Брюсова>» публикуется под редакционным заглавием, т.к. в автографе заглавие отсутствует. Данная работа Бунина осталась незаконченной, сохранились черновые материалы к статье и собственно черновой автограф, который представляет собой, скорее, развернутый план-конспект будущей статьи. Но даже в таком виде этот текст Бунина является для нас ценным материалом, показывающим, во-первых, как Бунин работал над этой статьёй, а во-вторых, довольно развернутую картину критического разбора почти всей поэзии В.Я. Брюсова.

Отношения двух писателей были сложные. Бунин познакомился с В. Брюсовым в Москве в декабре 1895 г. Более тесные отношения между писателями установились с 1899 г. Но с самого начала это были взаимоотношения художников разных поэтических направлений. После 1901 г. писатели разошлись. Однако в 1910 г., когда В. Брюсов стал редактором литературного отдела журнала «Русская мысль», он сам обратился к Бунину с просьбой о сотрудничестве. С этого года возобновляется переписка писателей, которая носит преимущественно деловой характер и продолжается только до 1915 г.

В черновых материалах к статье Бунин, прежде всего, выписывал цитаты из стихотворений В. Брюсова, которые должны были иллюстрировать заключения и выводы критика. Примечательна и показательна запись в дневнике Н.А. Пушкишеникова по поводу вышедших в 1927 г. «Дневников

1891–1910 гг.» В.Я. Брюсова. Цитируя отрывок беседы писателей осенью 1901 г., Н.А. Пушешников далее вспоминает отношение Бунина к творчеству В. Брюсова: «В “Дневнике” Бр<юсова>: “На скорпионовском вторнике я с ним опять поговорил крупно, сказав, что все его писания ни на что не нужны, главное скучны и т.д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи”. Это неправда, И.А. <Бунин> был очень невысокого мнения о стихах Бр<юсова>. Все книги Бр<юсова>, принадлежавшие И.А. <Бунину> и им читанные, пестрят его надписями: “косноязычно”, “глупо”, “плоско”, “тупо” и пр. Он всегда поражался отсутствию у Бр<юсова> музыкальности и эстетического вкуса. Содержание же его стихов с “козлованиями”, педерастией, труположеством было всегда для И.А. <Бунина>, как человека, не выносящего ничего патологического (даже у Достоевского) — омерзительно. Некоторые выражения (вроде, напр., строфы из его стих<отворения> “Только волки проходят как сон” и мн. др.) приводились им как образцы глупости. Он считал гениальным определение Айхенвальда, высказанное им в отношении Б<рюсова> “Преодоленная бездарность”» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/6 оф. С. 56). Оценки Н.А. Пушешникова и приведенные им слова Бунина по поводу поэзии В. Брюсова очень тесно, иногда дословно, перекликаются с текстом статьи Бунина.

Датировать статью «<О поэзии В.Я. Брюсова>» можно только предположительно, основываясь на следующих фактах. В начале статьи цитируется «Автобиография» В. Брюсова, напечатанная в 1-й книге 1-го тома сборника «Русская литература XX века» (М., 1914), вышедшего под редакцией С.А. Венгерова; а также в статье упоминается книга В. Брюсова «Семь цветов радуги», изданная в мае 1916 г. На одном из листов рукописи статьи Бунин написал список своих стихотворений с указанием дат их написания (ОГЛМТ, ф. 14, № 971 оф, л. 1), в списке присутствуют стихотворения, написанные в январе–октябре 1915 г. и январе–феврале 1916 г. Автограф статьи, безусловно, остался в Москве у Ю.А. Бунина, который хранил весь дореволюционный архив своего младшего брата, после смерти Ю.А. Бунина в 1921 г. этот архив перешел к Н.А. Пушешникову, позднее его большая часть попала в фонды ОГЛМТ. Бунин покинул Москву в мае 1918 г., следовательно, можно предположить, что над этой статьей Бунин мог работать в период с середины 1916 г. по апрель 1918 г.

Отрывки из этой статьи опубликовал С.Л. Гольдин в сборнике «Брюсовские чтения» (Ереван, 1963. С. 178–179), а также эта статья Бунина цитировалась в «Литературном наследстве» (М., 1973. Т. 84, кн. 1. С. 436–438). Полностью статья «<О поэзии В.Я. Брюсова>» со всеми черновыми материалами к ней публикуется впервые.

ПОЭЗИЯ И ОТВЛЕЧЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

1.

Упадок искусства вообще, а в частности поэзии, составляет одну из отличительных черт нашего времени. Факт этот давно замечен многими.¹ Напр., один из талантливейших русских мыслителей, покойный К.Д. Кавелин в своем известном сочинении «Задачи психологии» говорит о нем: «Не подлежит никакому сомнению, что душа, видимо, оскудевает в людях и в их взаимных отношениях. Великие утешители жизни, поэзия и искусство, заметно падают, быстро исчезает та добродушная веселость, то радостное настроение, та беззаботная², которые сблизжают людей, поднимают общежитие и общественность, с которыми живется так легко, даже при самых трудных и прискорбных обстоятельствах. Цвет, краски и благоухание жизни теряются, даже потребность в них, смысл к ним постепенно вымирает из поколения в поколение. Оттого нравы, при видимой утонченности, на самом

¹ *Далее было:* Вот, что говорит о нем один

² *Далее было:* добротность

деле грубеют; самый горизонт воззрений суживается, мысль теряет свой размах и полет, а с утратой широты мысли и убеждения, человек мельчает характером, делается менее и менее способным настойчиво преследовать задуманные цели, теряет твердость и выдержку, бежит труда, сразу хочет получить то, что приобретается лишь долгим, напряженным усилием, и при первой неудаче оказывается жалким и малодушным. Характеры бледнеют и исчезают вслед за художественным творчеством и чувством...»

Многочисленные жалобы на упадок искусства и поэзии за последние десятилетия раздаются не только у нас, но и повсеместно за границей, так что волей-неволей задаешься при подобном положении вещей вопросом: *объясняется ли это обстоятельство временными условиями, которые при более благоприятных житейских комбинациях могут быть устранены, или же оно является результатом самого характера и психического склада цивилизованного человека.*

Некоторые из весьма серьезных и солидных мыслителей склоняются к последнему мнению³. К числу подобных мыслителей <принадлежит>, между прочим, и английский историк Маколей. «Мы полагаем, говорит он, что по мере того, как цивилизация подвигается вперед, поэзия почти неминуемо клонится к упадку...»*.

С этой мыслью едва ли можно согласиться. Не говоря пока ни о каких других доказательствах, достаточно одного перечисления великих поэтов и названия их произведений, появившихся в века высокой культуры и цивилизации, чтобы не сойтись в этом отношении с мнением знаменитого ученого.

Возьмите древний мир.

Время Перикла вообще считается, по справедливости, высшим кульминационным пунктом развития греческой цивилизации. В эту эпоху, а равно и в период времени, несколько предшествующий ей, а также и в непосредственно за ней следующий, мысль греческого народа, в лице величайших философов всех времен и народов, Сократа, Платона и Аристотеля, достигла высшей степени отвлеченности и тонкого анализа, причем эти лица не были лишь блистательными исключениями из всей среды, но хотя по своей гениальности и в самом деле чуть не целой головой стояли выше окружающей их среды, тем не менее не только понимались ею, но и по достоинству оценивались; они образовали целую группу последователей и обширную школу ученых, известных под именем «академиков». Словом, они были детьми своего века, а не каким-либо исключительным явлением, если только в человеческой истории возможны подобного рода исключения. Греческая мысль достигла в это время своей высоты не в одной только сфере философии, как мы⁴

---

* Я надеюсь, что меня нельзя упрекнуть за то, что я в данном случае остановился на этом мыслителе, ибо, во-первых, он принадлежит к числу людей, обладавших громадным энциклопедическим образованием, следовательно способных обнять предмет более или менее всесторонне; во-вторых, он был сам поэт (правда не из первоклассных) и обнаружил в своих блестящих критических этюдах тонкое эстетическое понимание; наконец, в-третьих, выбор мой потому пал на писателя, в известной мере отошедшего в область истории,

³ *Далее было:* , утверждая, что поэзия плохо может уживаться с интеллектуальными свойствами представителя культурных рас, так как абстрактное логическое мышление, характеризующее умственный облик цивилизованного человека, весьма мало способно дать пищу поэзии, которая по самому существу своему должна быть образной и исполненной конкретных представлений.

⁴ Далее текст обрывается.

что мне казалось небезынтересным указать, что разбираемые мною мысли имеют свою некоторую давность и высказывались уже шестьдесят лет тому назад.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 967 оф.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — историк, правовед, социолог и публицист.

«*Не подлежит никакому сомнению...*» — неточная и сокращенная цитата из философского труда К.Д. Кавелина «Задачи психологии: Соображения о методах и программе психологических исследований» (СПб., 1872. С. 207–208). У К.Д. Кавелина: «Нравственная личность как будто сходит со сцены, а на место ее выступают безличные массы. Многие видят в этом успех, другие упадок. Как бы то ни было, но не подлежит сомнению, что душа видимо оскудевает в людях и в их взаимных отношениях. Великие утешители жизни, поэзия и искусство, заметно падают; быстро исчезает та добродушная веселость, то радостное настроение, та беззаботная бодрость, которые сближают людей, устанавливают между ними прочные связи, поднимают общежитие и общественность и с которыми живется так легко, даже при самых трудных и прискорбных обстоятельствах. Народонаселение всюду быстро растет, сношение между людьми ежедневно усиливаются, обмен услуг и мыслей возрастает в поразительной прогрессии, а в нравственном смысле люди больше и больше становятся похожи на троплодитов, — так равнодушны, холодны, недоверчивы, подозрительны становятся они друг к другу, так мало между ними искренности, задушевности и сердечного доброжелательства. С виду общественная жизнь никогда так не процветала; на самом деле каждый глубоко ушел в самого себя, старается отгородить себя от других каменной стеной и думает только о себе, мало заботясь о других. Действительное одиночество при кажущейся общительности сушит и портит людей. Цвет, краски и благоухание жизни теряются; даже потребность в них, смысл к ним, постепенно вымирают из поколения в поколение. Оттого нравы, при видимой утонченности, на самом деле грубеют; самый горизонт воззрений суживается, мысль теряет размах и полет, а с утратою широты мысли и убеждения, человек мельчает характером, делается менее и менее способным настойчиво преследовать задуманные планы и цели, теряет твердость и выдержку, бежит труда, сразу хочет получить то, что приобретается лишь долгим, напряженным усилием, и при первой неудаче оказывается жалким и малодушным. Характеры бледнеют и исчезают вслед за художественным творчеством и чувством...».

Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) — английский историк, поэт и прозаик, публицист и политический деятель.

«*Мы полагаем, говорит он...*» — неточная цитата из статьи Т.Б. Маколей «Мильтон» (Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. Том I: Критические и исторические опыты. СПб., 1860. С. 5). У Т. Маколей: «Мы полагаем, что по мере того, как просвещение подвигается вперед, поэзия почти неминуемо клонится к упадку».

Перикл (494–429 г. до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, оратор, полководец.

Сократ (469–399 г. до н. э.) — древнегреческий философ.

Платон (428 или 427–348 или 347 г. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

Аристотель (384–322 г. до н. э.) — древнегреческий философ.

Под именем «академиков» — в состав философской школы «древняя академия» входили последователи непосредственно Платона: Крантор, Аристотель, Гераклид Понтийский, Евдокс Книдский, Менемах, Динострат, Филипп Опунтский, Амикл из Гераклеи, Феудий из Магнезии, Афинаей из Кизика, Филипп из Менде и др.

<О ПОЭЗИИ В.Я. БРЮСОВА>

В лубочной «Рус<ской> литературе XX в.» Венгерова есть автобиография Брюсова. Вот суть ее.

Родился Брюсов¹ в 1873 г. Дед его по отцу² был крепостным, потом откупился у барина, был в Москве печником, торговал пробками, «во время Крымской кампании посчастливилось» — нажился, купил каменный дом, умирая, оставил более 200000 р.; «не без

¹ Брюсов *вписано*

² его по отцу *вписано*

труда подписывал свое имя». Дед по матери — лебедянский мещанин, арендовал помещицы именица — и писал стихи, романы, драмы, басни, «неустанно исписывал груды бумаги»; «семья и дочери подсмеивались над ним», но он умер с уверенностью, что когда-нибудь «Россия поставит после имен Державина, Крылова и Пушкина равное им его имя»; отец продолжал торговлю пробками и усердно самообразовывался. Лет десяти Брюсов³ был отдан в гимназию,⁴ учился сперва хорошо, но «с третьего класса забросил учение ради удовольствий, не совсем невинных», ибо «лет 12 узнал продажную любовь, заглянул в область кафе-шантанов и “веселых” домов, сблизился с любителями кутежей и девиц с⁵ Тверского бульвара», потом, будучи «взят» из этой гимназии по предложению начальства, не одобрявшего такого поведения⁶, перешел в другую, где и кончил курс, хотя и «нисколько не переменил жизни»,⁷ а затем одолел и университет, — довольно поздно, впрочем: в 26 лет⁸. Писать Брюсов начал еще в гимназии, где, по его словам, «все» его товарищи писали стихи, подражал сперва Некрасову, потом Надсону, потом Лермонтову и Пушкину⁹ и, наконец, познакомился¹⁰ с поэзией франц<узских> символистов, с Верленом, Малларме и Рембо,¹¹ что и послужило началом (как известно, довольно печальным) его известности¹². В 94 г. серия его стихов была напечатана в сборнике «Рус<ские> символисты», а в 95 г. внук печника¹³ уже стал «знаменит».

I.

Стихотворения 1892–1896 г. (Вошли в первый том¹⁴ «Путей и перепутий», изданный в 1908 г. Это не полное¹⁵ собрание всего того, что было¹⁶ напечатано Брюсовым¹⁷ в сборниках «Русские символисты» и в книжках «Chefs d’œuvre» и «Me eum esse», а только выборки из них, — *то, что мне представляется удачным и сильным и то, что характерно для моей ранней поэзии*», как сказал сам он¹⁸ в предисловии к этому¹⁹ тому. Тем²⁰ легче обозреть их и решить: чем именно²¹ Брюсов положил начало своей известности²², за что возведен он²³

³ *Вместо:* Лет десяти Брюсов — *было:* Будущий «поэт»

⁴ *Далее было:* где все его товарищи «писали стихи», и вскоре тоже начал писать, «мечтал стать великим», ибо еще в раннем детстве

⁵ девиц с *вписано*

⁶ не одобрявшего такого поведения *вписано*

⁷ *Далее было:* а. а затем провел пять лет в университете на филологическом курсе б. а затем одолел и университет в

⁸ *Далее было:* , уже женатым

⁹ *Далее было:* , а узнав лет семнадцати

¹⁰ *Было:* познакомившись

¹¹ *Далее было:* а. стал б. и сам вообразил б. он захотел и сам стать символистом

¹² *Вместо:* послужило началом (как известно, довольно печальным) его известности — *было:* его известности, вначале весьма печальной, конечно

¹³ *Вместо:* внук печника — *было:* он

¹⁴ *Далее было:* а. трудов Брюсова б. брюсовских

¹⁵ *Вместо:* не полное — *было:* полное первое

¹⁶ *Далее было:* им

¹⁷ Брюсовым *вписано*

¹⁸ *Было:* Брюсов

¹⁹ *Далее было:* первому

²⁰ *Далее было:* лучше, тем

²¹ *Было:* же

²² *Было:* «славе»

²³ *Вместо:* возведен он — *было:* он облечен

был в²⁴ «символисты» и новаторы, что он представлял из себя в молодости, в пору самых смелых «дерзаний»?)

Отдел I. «Стихи о любви». (7 стих<отворений>).

1. Вполне правильно сработанный и курьезный в своей зловещей мрачности сонет. «Моя любовь — палящий полдень Явы» — говорит поэт своей возлюбленной и, напугав ее «смертельными ароматами, ящерами и удавами», продолжает²⁵:

Идем: я здесь! Мы будем *наслаждаться*,
Играть, блуждать в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!
День промелькнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. — И *саваном лиан*
Я обовью твой неподвижный стан.²⁶

При чтении этого сюжета вспоминается строчка из «Фальшивого купона» Толстого: — «Махин был гимназист с усами».

Не Бог весть как «силен и удачен» этот сонет²⁷, но несомненно «характерен» не только для ранней, но и для всей поэзии Брюсова. Так, напр., на стр. 11 первого тома мы опять²⁸ встретимся с этими змеями:

И, рыдая, сплетемся, как змеи...

Встретимся²⁹ и на стр. 88:

В этой смене наслаждений —
Будем биться до утра.

Встретимся и далее в книге уже не совсем ранней³⁰, — на стр. 169 сборника «*Tertia vigilia*» (стих<отворения> 1898–1901 г.):

И от объятий в вихре *наслажденья*,
От тел, сплетенных, словно пара змей,
Означилось на камне углубленье...³¹

2. Мечты о померкшем, мечты о былом...

На брачной *веселой* постели...

3.³² Опять на постели:

Сладострастные тени на темной постели...
И без силы подняться, *без воли прижаться*
И вдавить свои пальцы в округлости плеч,
Точно труп наблюдаю бесстыдные тени
В раздражающем блеске курящихся свеч...

²⁴ *Далее было*: сан

²⁵ *Было*: и лианами

²⁶ *Далее было (с абзаца)*: а. Какие страсти и какое знакомство с Явой, особенно с лианами и орхидеями! б. Какие ужасы и какое знакомство с Явой, особенно с лианами и орхидеями!

²⁷ этот сонет *вписано*

²⁸ *Было*: снова

²⁹ *Далее было*: а. с ними и на стр. 88 уже не совсем б. и далее в книге

³⁰ *Вместо*: в книге уже не совсем ранней — *было*: и что хуже всего — в книге уже не совсем ранней

³¹ *Далее было (с абзаца)*: Подумать только: даже камень подался! — Но дальше: зовет в мечте о любви

³² *Далее было*: Действие там происходит

Махин опять³³. Стих<отворение>³⁴ «примечательное», как любит выражаться Брюсов, тем, что может сойти у публики за стих<отворение> с новым размером, что достигнуто простым способом: напечатано в одну строчку то, что обычно печатается в две³⁵.

4. Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!
Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!

Опять разочарование в любви. Поэт настойчиво уговаривает свою³⁶ возлюбленную ждать с ним появления звезды любви; звезда не появляется³⁷. Новая форма создана здесь³⁸ опять-таки очень просто: первая строчка обычная³⁹, вторая заменена ухабом.

5. Опять разочарование:
Знаешь, Миньона, — один только раз
Были с тобою мы близки.
Час лишь один был действительный час,
Прочие — бледные списки...
...Сжались извивы объятий —
Стрелка часов обозначила «час»
На роковом циферблате...
Нет, не всемогущ любовный экстаз!

Это уже⁴⁰ верх словесного убожества.

6. Опять разочарование⁴¹:

Не дремлют тени,
Не молкнет сад;
Слова сомнений —
Созвездий взгляд.
Пусть ропщут струи,
Пусть плачет пруд —
Так поцелуй,
Прильнув, солгут...

По замыслу и образам необыкновенно ново и символично. Исполнено с мастерством Смердякова, певшего под гитару:

Царская корона,
Была бы моя милочка здорова!

³³ *Вместо:* Махин опять — *было:* а. Этот «труп» тоже не один раз довольно неуклюже рассказывает о своей адской страстности б. и на этот раз еще не удачнее рассказывает о своей роковой страстности.

³⁴ *Далее было:* это

³⁵ *Далее было:* (Другой новатор, А. Белый, поступал иногда иначе: часто разбивал на две, на три, даже на четыре строчки то, что до него печаталось в одну).

³⁶ *Вместо:* Поэт настойчиво уговаривает свою — *было:* Поэт, повторяя одни и те же слова, приглашает свою

³⁷ *Далее было:* Суть этого стих<отворения> — разочарование в страстных «наслаждениях»: звезда любви не появляется.

³⁸ *Вместо:* создана здесь — *было:* придана ему

³⁹ *Вместо:* первая строчка обычная — *было:* взята одна строчка старый размер,

⁴⁰ *Вместо:* Это уже — *было:* а. Подчеркнутые мною строки б. Это ли не верх

⁴¹ *Далее было:* , высказанное весьма темно

7. «Заветный сон»⁴²:

...О не жалея, что яркость побледнела!..
Вернется все — и не погаснет свет,
И в зеркале, заученно и смело,
Приникнет к телу тело.

Это уже просто скверно во всех отношениях, но опять-таки «характерно» для Брюсова. Теперь усы у него уже седеют, а он поет все о том же:⁴³ в последней его⁴⁴ книге («Семь цветов радуги, стихи 1912–1915 гг.»), в цикле стихов, *обращенных им к памяти своей умершей возлюбленной*, читаем следующее⁴⁵:

...Качаясь *серповидно*,
Тень на стене была жива;
...Клонилось к телу тело...
Качались тела. Губы млели,
Светилась тела белизна...

Какое «дерзновение» нужно иметь⁴⁶, что<бы> говорить так⁴⁷, вспоминая умершую! И каким нужно быть изобретательным в созерцании своих «наслаждений», чтобы за неимением зеркала пользоваться тенью! И при чем тут «маг», «волхв», как не раз называл сам себя Брюсов и как повторяют за ним его поклонники!⁴⁸ У Брюсова⁴⁹ была дурная⁵⁰ молодость,⁵¹ дурные вкусы, он делал себе карьеру, бравирюя бессмыслицами, вроде «фиолетовых рук на эмалевой стене», и просто пошлостями⁵², но это было бы еще полбеды: беда в том, что он мало менялся с годами⁵³. Он и всю жизнь твердил одно и то же:

...Альков *задвинутый*,
Дрожанье тьмы,
Ты запрокинута —
И *две мы!* («Urbi et orbi»). Стих<отворения> 1900–03 г.)
...Кто связал нас мукой страстной?
Кто нас бросил грудь на грудь? (ibid.)

⁴² *Вместо*: «Заветный сон» — *было*: Бодрая нота

⁴³ *Вместо*: Это уже просто ~ все о том же — *было*: Какая «яркость», какой свет, [автор не] и символическое ли это зеркало или обыкновенное, [свинство?] — неизвестно. Зато общий смысл как нельзя более ясен. Махин в отрочестве писал о том же по латыни (Брюсов, автор книг «Me eum esse», «Tertia vigilia», «Urbi et orbi», тоже любит латынь), но только проще и короче, «corpus in corpus amabile est opus», — и, думаю, только в отрочестве. Брюсов и теперь пишет

⁴⁴ *Было*: своей

⁴⁵ *Вместо*: читаем следующее — *было*: и что доказывают прочие стихи этого цикла, он говорит

⁴⁶ *Вместо*: Какое «дерзновение» нужно иметь — *было*: Сколь дерзновенным нужно быть

⁴⁷ *Вместо*: говорить так — *было*: а. выговорить это б. сказать это

⁴⁸ *Вместо*: И каким нужно быть ~ за ним его поклонники! — *было*: Каким изобретательным в созерцании самого себя, — и когда же — уже с седеющими усами! — во время «наслаждений», нет зеркала — можно на тень глядеть. И это «маг», «волхв», как называют Брюсова его поклонники! А какое богатство замыслов и словаря! Тени да тени, губы да губы, тело да тело... Не беда, сила.

⁴⁹ *Было*: Махина

⁵⁰ *Было*: скверная

⁵¹ *Далее было*: очень

⁵² *Вместо*: просто пошлостями — *было*: скабрзными пошлостями

⁵³ *Вместо*: он мало менялся с годами — *было*: он, как видите, мало изменился с тех пор. Усы у него росли и росли, а он все твердил: сам порою даже не совсем

...Иль, скажи, не нами смяты
 На постели простыни? (ibid.⁵⁴)
 ...Мы натешимся с козой (ibid.⁵⁵)⁵⁶
 ...«Адам! Адам! Мне больно, больно!
 Пусти меня — оставь, оставь!» (Stefanos, стих<отворения> 1903–05 г.)
 ...Когда мы бывали
 Томительно сцеплены,
 Губы и руки
 И груди и плечи... (ibid.⁵⁷)
 ...И было здесь (в вагоне) *влияние*
 Качания и тьмы
 И было здесь *влияние*,
 В котором *никли* мы. (ibid.⁵⁸)⁵⁹
 ...В певучих волнах тело тонет,
 Твои касанья — из огня. (ibid.⁶⁰)
 ...Мальчик милый! — почему бы
 Тело к телу не привлечь! (Все напевы. Стих<отворения> 1906–1909 г.)
 ...На ложе ласк в смешном порыве *выгнут*... (ibidem)

О форме приведенных стихов⁶¹ я уже не говорю, — здесь «комментарии излишни»⁶². А какой ни к селу ни к городу лихой тон в некоторых из них⁶³! А каким языком говорит⁶⁴ с Адамом Ева!⁶⁵

Отдел II. «Криптомерии» (6 стих<отворений>).

1. Опять экзотика:

Лист широкий, лист банана... и т.д.⁶⁶

2.

Ты, монахиня! лилия Бога!
 ...Я безумно тебя обовью,
 Дикой лаской отвечу!
 И мы вздрогнем, и мы упадем,
 И, рыдая, сплетемся, как змеи...
 ...Я *нащупаю горло твое*,
 Я *сдавлю его страстно* — и все
 Будет кончено стоном.

⁵⁴ *Было*: Urbi et orbi

⁵⁵ *Было*: Urbi et orbi

⁵⁶ *Далее было* (с абзаца): Где лужайку сжали стены

⁵⁷ *Было*: Stefanos

⁵⁸ *Было*: Stefanos

⁵⁹ *Далее было* (с абзаца): Кто глаза ее оправил / В завлекательный магнит? (Все напевы)

⁶⁰ *Было*: Stefanos

⁶¹ *Было*: образцов

⁶² *Вместо*: здесь «комментарии излишни» — *было*: курсив хорошо «выявляет» ее достоинства

⁶³ *Вместо*: в некоторых из них — *было*: местами

⁶⁴ *Далее было*: Ева! «Пусти, больно, оста<вь>

⁶⁵ *Далее было*: точно действие в меблированных номерах происходит

⁶⁶ *Далее было* (с абзаца): Просто слабое стихотворение

3. Опять ужасы лубочных книжек⁶⁷:

Холодная ночь над угрюмою Сеной...
...Да *труп* позабытый, обрызганный пеной

Здесь был «подвиг любви и отваги», поясняет⁶⁸ поэт. Рифма к «отваге», конечно, «шпаги».

4. Опять «демоническое»⁶⁹ стихотворение, обращенное к Сириусу, «холодному, немому, надменному»:

Губи меня! и отравляй! и мучь!

5. Опять лубочно-трагическая история:

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась *по сдвинутым скалам*...
...*Диссонанс величавых мелодий* –
Дальний топот врывался неожиданно...

Этот топот, похожий на «диссонанс величавых мелодий», был топотом коня, на котором мчался мертвец. А пока он мчался, умер и молившийся⁷⁰ прокаженный:

Конь всхрапел, на дыбы приподнялся...
...Прокаженного *труп* улыбался.

Тут уже два трупа⁷¹.

6. Весьма фантастическое стихотв<орение>, под заглавием⁷²: «С кометы»:

Помнишь эту *пурпурную* ночь?
Серебрилась на небе земля...
И в тоске мы мечтали с тобой:
Есть ли там и мечта и любовь?

Почему все это «криптомерии» — неизвестно.

Отдел III. «Будни».

1. Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне...

Суть этого стих<отворения> проста⁷³:

Вы солгали, туманные ночи в июне!

2. История⁷⁴, по замыслу автора, ужасная, но у читателя вызывающая только улыбку: поэт борется со страстью, бродя в лунную ночь по городу, небо шепчет ему: «не надо!» –

А там на ее занавеске
Повисла Летучая Мышь.

И поэт не выдерживает:

Лицом на седой подоконник,
На камень холодный упав,
Я вновь — твой поэт и поклонник,
Царица позорных забав!

⁶⁷ *Вместо*: Опять ужасы лубочных книжек: — *было*: В старом Париже.

⁶⁸ *Было*: говорит

⁶⁹ *Далее было*: а. и притворно-иступленное стих<отворение>, — обращение б. трагические зовы к

⁷⁰ молившийся *вписано*

⁷¹ *Далее было*: и наконец

⁷² *Вместо*: Под заглавием — *было*: озаглавленное

⁷³ *Вместо*: Суть этого стих<отворения> проста — *было*: Стихотворение незамысловатое

⁷⁴ *Было*: Стихотв.

А там — у нее, с занавески —
Хочет Летучая Мышь.

3. Раскаianie проститутки, которой стало уже «непонятно святое слово *наслаждение*», которая лежит — «как труп (опять труп!) в объятиях могильных»:

Я наблюдаю из кровати
Калейдоскоп людей и лиц
И поцелуев и объятий...

4. Медленно всходит луна,
Пурпур бледнеющих губ.
Милая, ты у окна —
Тиной опутанный *труп*...

Еще труп.⁷⁵ Точно ли это «искусство» было «новым искусством» даже в ту пору?⁷⁶ Отчасти — да: никогда еще в русскую литературу не входило столько «французского», бульварного, как тогда.⁷⁷

5. Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются...
Поют свои песни, ругаются... и т.д.

6. «Первый снег», — необыкновенно новая картина:
...В жемчугах горят березки...
...Серебро, огни и блески...
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены...

7. Очень плоская выдумка.⁷⁸ Выписываю целиком.
Чтоб меня не увидал никто,
На прогулках я прячусь, как трус,
Приподняв воротник у пальто
И на брови надвинув картуз.
Я встречаю нагие тела,
Посинелые в рыхлом снегу,
Я минуты убийств стерегу
И смеюсь беспощадно *с угла*.
Я спускаюсь к реке. Под мостом
Выбираю угрюмый сугроб,
И могилу копаю я в нем
И ложусь в приготовленный гроб.
Загорается дом... и другой...
Вот весь город пылает в огне,
Полюбуюсь на блеск *дорогой*
Только я — в ледяной тишине.
А потом, отряхнувши пальто,

⁷⁵ *Вместо*: Еще труп — *было*: Опять труп. И заметьте: я ведь умышленно подбираю их, я выписываю стих<отворение> за стихотворением. Точно ли это искусство символизма?

⁷⁶ *Далее было*: в девяностых годах?

⁷⁷ *Далее было*: Но и только.

⁷⁸ *Вместо*: Очень плоская выдумка — *было*: Очень плохо и очень старо.

Принадвинув картуз на глаза,
Я бегу в неживые леса...
И не гонится сзади никто!

8. «Под музыку, сулившую канкан», поэт задремал в «изысканном вертепе» —
И вдруг себя увидел в черном склепе.

Вполне правильный — и понятный⁷⁹ сонет.

Отдел III. Первые раздумья (4 стих<отворения>).

1. Хорошо одному у окна!
...*И сплетает* опять тишина
Вдохновенье с раздумьем *святым*.

Моя воля, говорит поэт, «свободна опять», мысль —
Как комета, вольна!
...И не надо тебя целовать,
О, мой друг, у *ночного* окна!

Похоже на Фофанова, но⁸⁰ даже и Фофанов, при своей склонности к болтливости и «поэтическому» пустословию, редко выражался так плохо.

2. Скала к скале⁸¹; безмолвие пустыни;
Тоска ветров и *раскаленный сплин*.
...Хранит утес *два образа святыни*.
То — демоны в объятиях...
...Внизу стихи, не стертые доныне:
«Добро и зло — два брата и друзья.
Их общий путь, их жребий одинаков».
Неясен смысл клинообразных знаков.
Звенят порой *признанья соловья*;
Приходит тигр к подножию утеса,
Скала молчит. *Ответам нет вопроса*.

Смысл, действительно, неясен. Картина пустыни редкая⁸².

3. Опять, очевидно, прокаженные:

...Мы как звери вгнездились в пещеры...
...Душно нам без лучей и без веры...
...Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...

4. Друзья! Мы спустимся до края!
Стоим над разверзнутой бездной —
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая...

Вот и все «раздумия» этого отдела.

IV. Поэмы (4 стих<отворения>).

⁷⁹ *Далее было*: и совсем не интересный

⁸⁰ *Далее было*: Фоф<анов>, кажется

⁸¹ *Вместо*: Скала к скале — *было*: Сонет, видимо

⁸² *Далее было*: и склеп, и соловей, и также тигр.

1. «Снега».

Луны холодные рога
 Струят мерцанье голубое...
 ...«Увы, Мария, навсегда
 ...Любовь скатилась, как звезда...»
 На вышине сверкает Вега –

та самая, которая, как известно⁸³, никогда не бывает зимой на вышине и взята только для рифмы к слову «снега».

2. «И снова...» (октавы).

И снова ночь в томительном июне...
 Мне чуждо все, что звало накануне,
 Как призрак ночь летает надо мной
 И, властная, напевами заклятий
 Зовет меня для мерзостных объятий.
 ...И призраки слетаются для пира...
 На этот праздник, с яростью вампира,
 Вхожу я сам — и там встречаюсь с ней,
 С моей мечтой...
 ...Я помню боль, я помню ужас страсти,
 И страшный вид окровавленных губ...
 ...Кругом светло, в моих объятьях *труп*...

3. «Три свидания». Первая попытка «создания свободного стиха». Первое свидание — в пассаже:

Красивая рама свиданий! —

галантерейно восклицает поэт —

Залит пассаж электрическим светом,
 Звуки оркестра доносятся...

Второе — в ресторане:

...Спряталась мне на плечо...
 А я целовал твои волосы
 И смеялся. Смеялась и ты, повторяя:
 «Гадкий, гадкий!»

Третье — на вокзале. Прощание:

Тихо мы идем по платформе...
 ...Последний топот и шум...
 «Прощай же!» — и плачет, и плачет...

4. «Идеал». История старая:

Ее он увидел в *магический час*:
 ...первые тени над полем и лесом
 Дрожали, сквозили ажурным навесом...
 ...Они обменялись медлительным взглядом...
 ...Сияньем их жизнь оказалась с тех пор...
 ...И больше они никогда не встречались!
 Но светлой святыней в их душах остались
 Блаженные тени мгновенного дня...

⁸³ Место: как известно — было: зимой

II.

«*Me eum esse*». Стих<отворения> 1896–1898 г.

I. «Новые заветы» (Всего 2 стих<отворения>, а какое⁸⁴ заглавие!)

1. Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
...Проходят бледные тени
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и *победы* слова...
...А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте,
Я чужд тревогам вселенной
Отдавшись холодной мечте...
  2. И покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтами живу

II. «Видения».

1. ...Девушка вензель чертила на зимнем стекле...
...Грезы томили все утро предчувствием нег...

Грезы, конечно, обманчивы:

2. Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?
С опущенным взором, в пелериночке белой,
Она мимо нас мелькнула несмело.
...Это было на улице, серой и пыльной...
И только небо — всегда голубое —
Сияло, прекрасное, в строгом покое...

3. Выписываю целиком:

Она была в трауре с длинной вуалью;
На небе горели в огне облака.
Черты ее нежно дышали печалью;
Небесные тайны качала река.
Но яркое небо — мираж непонятный,
Но думы печали — обманы минут;
А строгие строфы *скользят невозвратно*,
Скользят и не дышат, — и вечно живут.

Претензий не мало. Конец — пустословие.

4. Восторженная риторика:

Один ее взгляд ярче тысячи звезд!
...*О что за вопросы виднелися в нем!*
...Умрите, умрите, слова и мечты, —
Что может вся мудрость пред сном красоты!
5. Пьяные лица и дымный туман...
...Клонятся красные губы ко мне...
Звезды *бесстрастно* плывут в вышине.

⁸⁴ Далее было: пышное

6. «Продажная»⁸⁵. Опять!

Едва ли ей было четырнадцать лет –
 Так *задумчиво гасли линии бюста*.
 ...Альков задрожал золотой бахромой –
 Она *задернула длинные кисти*.
 О, да ей грезится свод голубой...

Ну, конечно: грезится небо, а земля — и т.д.

7. Снова постель⁸⁶:

День рассветает, встречая мечту...
 ...*Женская тень на постели бледна*.

8. Снова публичный дом, но символический:

Венчальные платья мы сняли
 ...И в царственной Зале Веселья
 Смущенной толпою стояли.
 ...И только надменно горели
 У нас в волосах диадемы.

9. Пустословие:

Ветви клонились в мое окно...⁸⁷
 ...Но я смотрел в окно мимо них.
 Мой взор погасал в небесах голубых.
 — Там, где движенья и страсти нет,
 Там вечно светит нетленный свет...
 ...Красота и смерть непременно одно...

Пока диапазон у автора маленький!

II. «Скитания». Ряд мелких путевых картинок, пять совершенно простеньких стихшков, шестой⁸⁸:

О, плачьте, о плачьте
 До радостных слез!
 — Высоко на мачте
 Мелькает магрос.
 За гранью страданий
 Есть новые дни...
 Желанья — как воды,
 Страданья — маяк...

III. «Ненужная любовь». (7 стих<отворений>).

1. И снова дрожат они, грезы бессильные,
 Бессильные слезы ненужной любви.
3. О, когда бы я назвал своею
 Хоть тень твою!
 ...Ты прошла недоступно небесной
 Среди зеркал

⁸⁵ *Было*: Снова про

⁸⁶ *Вместо*: Снова постель — *было*: Пустяк в 6 строк, смысл которых выражен очень мутно

⁸⁷ *Вместо*: Ветви клонились в мое окно... — *было* (с абзаца): Красота и смерть неизменно одно... / А ветви гнутся и рвутся в окно.

⁸⁸ *Вместо*: стихшков, шестой — *было*: стихов, а шестой в другом роде

И твой образ над призрачной бездной
 На миг дрожал.
 Он ушел, как в пустую безбрежность
 Во глубь стекла...
 И опять для меня — безнадежность
 И смерть и мгла.

Темно, косноязычно, высокомерно, но смысл понятен. Все одно и то же.

4. Стишки точно с конфетной бумажки:

В лабиринте аллей
 Между скал и развалин,
 Я тоскую о ней,
 Я блуждаю печален...

И т.д.

5. Нет, я не знаю жизни смутной:

Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — твои минуты...

7. Мы бродили вдвоем и печальны...

...Беспощадные, жадные тайны
 Нас томили, томили без слов...⁸⁹

Мир теней...

К отдаленным *кустам* отступил...

...Ты хотела сказать... *Невозможным*

Диссонансом раздались слова...

Романс — и «невозможно» плохой.

IV. «Веянье смерти» (6 стих<отворений>).

1. И ночи и дни примелькались,
 Как дольные тени *волхву*.
 В безжизненном мире живу,
 Живыми лишь думы остались...

Отсюда и пошло, что Брюсов — маг, волхв. Так поступил и Бальмонт: сам надавал себе кличек: «Я играющий гром, я ручей, я облачко, я вольный, я солнечный, я паутинка, я детка малая,⁹⁰ я чародей стиха» — и пошло.

3. Ни красок, ни лучей, ни аромата,
 Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз
 Ни даже снов беспечного разврата,
 Ни слез...

Ни рыб, ни роз, ни даже разврата... Очень хорошо.

5. Кончено, кончено! Я побежден.
 — Смейтесь!

Погас. Погас весенний сон...

V. «В пути» (7 стих<отворений>)

1. *Сумрак за черным окном*
В полночь тоскливо погас... (?)

⁸⁹ *Далее было (с абзаца)*: Это было бы не хуже Ратгауза, если бы

⁹⁰ *Далее было*: я точка

- ...Вот приподнялись в гробах
Тени погибших надежд...
- «Так он писал темно и вяло» — и все об одном и том же.
3. Весна «пьянит» поэта «ласкающим намеком»:
О чем-то горестном, далеком
Поют осмеянные сны...
4. Опять к позору искушений
Душа мечтой увлечена...
...Мелькнут, для плясок и объятий,
Нагие, страстные тела.
Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах *волхва*...
5. Зловещи и хмуры
Скользят меж теней
Слепые лемуры
Погибших страстей...
...И тайные знаки
Сверкая жезлом,
Стою я во мраке
Бесстрастным *волхвом*.
6. Снова искушение:
К Озеру Слов, по знакомым тропам,
Медленно тянутся гады...
7. Неожиданная бодрая нота:
Что вечно, — желанно,
Что горько, — умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.

III.

Tertia Vigilia. Стих<отворения> 1898–1901 г.

I. Возвращение.

1. Я убежал от пышных бражек,
От плясок сладострастных дев,
Туда, где мир уныл <и> страшен...
Таился в норах давней мглы,
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседил орлы,
Мои прозренья были дики,
Мой каждый день *запечатлен*;
Крылато-радостные *лики*
Глядели с *довременных стен*.
И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я — в шуме слов, я — в суете.

Надел я прежнюю порфиру,
 Умастил миром волоса.
 Едва предстал я, гордый, пиру,
 «Ты царь!» — *решили голоса*.
 Среди цариц веселой пляски
 Я вольно предизбрал одну...
 Но если, страстный, в миг заветный
 Заслышу я мой трубный звук,
 — Воспряну! Кину клич ответный
 И вырвусь из стесненных рук!

2. «Рондо».

Что в будущем *восторжествуем мы*,
 Я знаю.

Я в человеке Бога прозреваю.
 Рассеется при свете сон тюрьмы,
 И мир дойдет к предсказанному раю.

Почему взята столь искусственная,⁹¹ щеголеватая⁹² форма, — рондо, — для столь серьезной темы? «Мы восторжествуем...» Очень неожиданное заявление, ни в какой связи не стоящее с предыдущими стихотворениями. Кто «мы»? Над чем «восторжествуем»? И в силу чего? В силу того, что Брюсов в человеке Бога прозревает? Подумаешь, новость! И что это за рай будет? Высокопарное пустословие.

3. Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
 ...Я все мечты люблю, мне дороги все встречи
 И все богам я посвящаю стих.
 Я посещал сады Линеев, Академий,
 ...Как верный ученик я был ласкаем всеми,
 Но сам любил лишь сочетанья слов.
 И странно полюбил я мглу противоречий,
 И жадно стал искать сплетений роковых...

Опять новость. Из предыдущих стихотворений можно было узнать только то, что автор постигал совсем не <в> Академии. Снова⁹³ высокопарное пустословие. И почему это поэзия — сухими стихами рассказывать о себе: я такой-то, я сякой?

4. Мы гребень встающей волны...

Снова голословное и напыщенное⁹⁴ хвастовство. Нужно было предварительно дать почувствовать это читателю⁹⁵.

II. «Любимцы веков». (Очень плохо выдуманное заглавие).

1. «Ассаргадон. Ассирийская надпись»⁹⁶.
 Я вождь земных царей и царь, Ассаргадон...
 Я исчерпал до дна тебя, земная слава!

⁹¹ Далее было: салонная

⁹² щеголеватая вписано

⁹³ Снова вписано

⁹⁴ напыщенное вписано

⁹⁵ Вместо: Нужно было ~ это читателю — было: Читателю нигде не дано было почувствовать

⁹⁶ Вместо: Ассирийская надпись — было: Переложение в очень недурной сонет ассирийской надписи.

И вот стою один, величьем упоен...

С трудом сработанный⁹⁷, но все же очень недурной сонет⁹⁸. Ассирийского, конечно, в нем ничего нет.

2. Скифы.

Если б некогда гостем я прибыл.
К вам мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы...

В дубовых, местами комичных по своей неуклюжести, местами довольно сильных стихах, поэт уверяет, что из него вышел бы чудесный скиф:

Вот я — чувствую гибкость лука,
На плечах моих *барсова* шкура...
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге... и т.д.

«Барсова шкура» тут, конечно, не причем. Дев и⁹⁹ ласк было уже чересчур довольно, можно было¹⁰⁰ хоть тут-то удержаться от них.

Рабочие материалы к статье

Мы будем наслаждаться

Тела сплетать как пара жадных змей

Т. I., изд. 1908 г.

1. Юношеск<ие> стих<отворения> — 1892–1896 г.

а) *Стихи о любви:*

Предчувствие: Моя любовь — палящий полдень Явы

Мечты о померкшей тени —

И без силы подняться, без воли прижаться
И вдавить свои пальцы в округлости плеч
Точно труп наблюдаю бесстыдные тени
В раздражающем блеске курящихся свеч.

Утр<енняя> звезда —

Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое. (Ждут звезду любви — ее нет).

К моей Миньоне —

Знаешь, Миньона, один только раз
Были с тобою мы близки
Час лишь один был действительно час.
Прочие — бледные списки.
Свет озарил нас и быстро погас,
Сжались извивы объятий —
Стрелка часов обозначила «час»
На роковом циферблате!

⁹⁷ *Вместо:* С трудом сработанный — *было:* а. Очень недурен сонет. б. Видно, что очень недурен сонет.

⁹⁸ *Вместо:* но все же очень недурной сонет — *было:* но все же недурной сонет.

⁹⁹ *Вместо:* Дев и — *было:* А уж без

¹⁰⁰ *Вместо:* можно было — *было:* в предш<ествующих> стихах

Нет не всесилен любовный экстаз!

«Ласки исполненные яда...»¹⁰¹.

В саду — Не дремлют тени,
Не молкнет сад;
Слова сомнений —
Созвездий взгляд.
Пусть ропщут струи,
Пусть плачет пруд —
Так поцелуй,
Прильнув, солгут...

Заветный сон — О не жалею, что яркость (прежних страстных мгновений) побледнела
Когда-нибудь, в печальной смене лет
Вернется все, — и не погаснет свет,
И в зеркале, заученно и смело,
Приникнет к телу тело.

б) Криптомерии.

На журчащей Годавери — Лист терпкий,
Лист банана...
Помоги любви и вере
Орхидеи и мимозы...
И к безумной Годавери
Снизойдет богиня Кали

К монахине — Выходи же! Иди мне навстречу
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвечу!
И мы вздрогнем и мы упадем
И рыдая сплетемся как змеи...
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно — и все
Будет кончено стоном
(Сравни «Предчувствие»)

В старом Париже — Холодная ночь над угрюмою (?) Сенной,
Да труп позабытый, обрызганный пеной
Здесь слышались стоны и звяканья шпаги...

Жрец — Далекий Сириус, холодный и немой!
Губи меня! И отравляй и мучь!

Прокаженный — Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутым скалам
Диссонанс величавых мелодий —
Дальний топот врывался неожиданно.
Конь спешил, конь летел на свободе
.....
В двух шагах перед ним на дороге
Прокаженного труп улыбался.

¹⁰¹ «Ласки исполненные яда...» вписано на левом поле страницы

С кометы — Помнишь эту пурпурную ночь?

Серебрилась на небе земля...

Есть ли там и любовь и мечта?

в) *Будни* — туманные ночи¹⁰² —

Вы солгали, туманные ночи в июле!

Летучая мышь — А там на ее занавеске

Повисла Летучая Мышь

Все небо мне шепчет: «не надо»,

Но Мышь повторяет: «забуди!»

Дрожат мои руки от страсти

В ушах моих шум веретен,

Я вновь — твой поэт и поклонник,

Царица позорных забав

А там — у нее, с занавески,

Хохочет Летучая Мышь!

Осужденная жрица — одна из ос<ужденных> жриц.

Я наблюдаю из кровати

Калейдоскоп людей и лиц

И поцелуев и объятий

(Все незамысловатые темы!)

Пурпур бледнеющих губ — Медленно всходит луна,

Пурпур бледнеющих губ.

Милая, ты у окна —

Тиной опутанный труп

Подруги — Три женщины, пьяные, грязные,

Обнявшись идут и шатаются

Первый снег — Серебро, огни и блески, —

Целый мир из серебра...

Все предметы старой прозы

Волшебством озарены...

(Хуже Раггауза!)

Сумасшедший — NB. Форменная дичь!

(Почему «Будни»?)

В вертепе — Я задремал, поникнув на диване,

И вдруг себя увидел в черном склепе...

Горько я заплакал в полусне

г) *Первые раздумья* — 1. Хорошо одному у окна!

2. Форм<енная> чушь. (Два демона какие-то).

3. Опять что-то о прокаженных

...Наши язвы наполнены гноем,

Наше тело на пададь похоже

4. Свиваются бледные тени...

(мы над бездной и т.д.)

¹⁰² туманные ночи *вписано*

д) *Поэмы. Снега.*

...Любовь скатилась, как звезда,
(Все застыло любовь и мир¹⁰³)
На высоте сверкает Вега
(Деланно, длинно)

И снова... NB (Опять ст<рашно> натянуто — и опять труп!)

Три свидания — роман приказчика.

Идеал — NB (Увидал, встретились и больше ничего).

Tertia vigilia (третья стража)¹⁰⁴.

Открывается изумительным по вздорности стих<отворением> «Ребенком я, не зная страху...». Стих легкий и хорош. Затем:

1. Возвращение. Высокопарно и темно, но все же можно понять, что опять пришел к жизни и к страсти. NB

2. *Рондо* (опять искусств<енная> форма!) Смысл: «мы восторжествуем!» Кто мы? Затем — без всякой связи: «Я в человеке Бога прозреваю». Из предыдущего не было видно «Бога в человеке», был, напротив, скот.

3. «Я». Мой дух не изнемог во мгле противоречий. «Я все мечты люблю, всем богам кланялся», «но сам люблю лишь сочетанья слов». ¹⁰⁵ Был на островах мечты. «И странно полюбил я *мглу* противоречий».

Как стих, недурно, хотя деревянно, высокопарно¹⁰⁶.

4. «Мы». «Мы — гребень встающей волны...» Голословно!

Пока «возвращенья» все еще нет.¹⁰⁷

б) *Любимцы веков* (говенно сказано).

1. *Ассаргадон*. Ничего себе. Но «гребня» тут еще нет.

2. Скифы. Дубовые стихи, еловые. NB

3. Хилдейский пастух.

4. Рамзес. Ничего не значащие, тяжкие стихи.

5. Александр Вел<икий>. Как упражнение гимназиста 8-го кл<асса> недурно. «Махин был гимназист с усами».

6. *Ламия*. Никаких «достижений» и в этом стих<отворении>. «Всех красивей я из ламии». Бенедиктов! Опять «губ» и «труп». «Члены в слабости раскину» — как говенно, бессильно! И опять: «Убиваю я, люблю!»

Остается ли хоть какое-нибудь впечатление от¹⁰⁸ стихов 1892–98 г.? Никакого: поэзия и не ночевала. Все мертво, разнородно. Только отзвуки ебли. Все сочинено.¹⁰⁹

7. Амалтея. Недурно, хотя тук-тук-тук... Бревна! Но здесь связано хотя бы это стих<отворение> с предыдущими!

8. Старый викинг. Банальный образ. «О скалы грозные» и т.д.

¹⁰³ Любовь и мир *вписано*

¹⁰⁴ *Далее было* (с абзаца): Книжка стихов, написанных Брюсовым.

¹⁰⁵ *Далее было*: Это стих<отворение> NB «И странно»

¹⁰⁶ Как стих ~ высокопарно *написано на правом поле страницы, волнистой линией отмечены все три стихотворения.*

¹⁰⁷ Пока «возвращенья» все еще нет. *обведено в рамочку*

¹⁰⁸ *Далее было*: юнош<еских>

¹⁰⁹ Остается ли хоть ~ Все сочинено. *обведено в рамочку*

Там, где движенья и страсти нет
Там вечно светит нетленный свет...

в) *Скитания*.¹¹²

5 стихотворений — все едет, все пустяки, картиночки.

6-ое — О плачьте, о плачьте.

7-ое Создал я в тайных мечтах

Мир идеальной природы

(Доказательств тому однако нет).

Рифмы: самые банальные (снега — нега, тени — пени, снега — нега, ночь — прочь, мечты — красоты, угрюм — дум, море — просторе, облако — около, медленно — месяца, крест — лес) чередуются с такими, как:¹¹³ и еще: тишину — живу, утаить — свои, слова — звезда, бюста — чувства, плачьте — на мачте.

Это¹¹⁴ выписано из всех трех первых отделов.

На первых 39 стр. I-го тома рифмы самые обычные — не плохие не хорошие, только¹¹⁵ такие «кровати — объятий», труп — губ, пьяные — туманные.¹¹⁶

Ненужная любовь

1. И снова дрожат они, грезы бессильные

2. Сквозь туман таинств<енный>

Голос слышу вновь

Голос твой единств<енный>

Юная любовь.

3. О когда бы я назвал своею

Хоть тень твою!

4. Я тоскую о ней.

Вирши

5. Я помню вечер.

6. Побледневшие звезды *дрожали* (?)

тополей — аллее,

зари — Марии

7. Мы бродили, вдвоем и печальны

Очень говенно. NB.

д) *Веянье смерти*. (Высокопарно!)

1. И ночи и дни примелькались...

В безжизненном мире живу...

Одиночество!

2. После ночи бессонной...

Я не знаю ответа

На призыв и мольбы...

Все грядущее грозно,

Нет надежды в *былом*

¹¹² *Далее было* (с абзаца): Облако — около, крест — лес, медленно — месяца

¹¹³ *Далее было*: выше написано

¹¹⁴ *Далее было*: относится ко всем

¹¹⁵ *Далее было*: часто

¹¹⁶ Рифмы: самые банальные ~ пьяные — туманные *обведено в рамочку*

- Беспощадное «поздно»
 Вырастает, как *гром*.
 3. Ни красок, ни лучей... Очень говенно NB
 4. Я бы умер с тайной радостью...
     В час когда взойдет луна (почему?)
 Я покину круг изведанный
     Повторенных слов и дум.

5. Кончено!

6. Я вернулся на яркую землю. NB

е) *В пути*

1. Сумрак за черным окном
 В полночь тоскливо *погас* (?)
     Встают на заклинании из гробов
     «Тени погибших надежд».
2. Тайны мрака побледнели...
 Но туманность ледяная
 Нависает как бывало.
3. Прохлада утренней весны
 Пьянит ласкающим намеком,
 О чем-то горестном, далеком
 Поют *осмеянные сны* (какофония).
4. *Из бездны ужасов и слез*
 Я выхожу к дыханью роз.
 Мне жаль восторженного сна,
 С палящей роскошью видений...
 Смело бы только шепнут — и —
 Мелькнут для плясок, для объятий
 Нагие страстные тела.¹¹⁷
 Пускай желанья сладострастны —
 Покорно холодны слова!

Опять *заклятий* и объятий. И опять *волхв*.¹¹⁸

- 5.¹¹⁹ Последние думы
 О яркой земле...
 Скользят меж теней
 Слепые лемуры —
 Погибших страстей...

(Опять!)¹²⁰

(Но) тайные знаки
 Сверкая жезлом
 Стою я во мраке
 Бесстрастным волхвом.

¹¹⁷ *Далее было* (с абзаца): Но умирает вызов.

¹¹⁸ Опять *заклятий* ~ *волхв*. написано на левом поле

¹¹⁹ *Далее было*: Опять!

¹²⁰ (Опять!) написано на правом поле, прямой линией отмечены последние три строки

6. (Гады) NB

7. Не плачь и не думай —
 Прошедшего нет...
 Иди неустанно
 Вперед и вперед.

ж) Заключение

1. NB (Опять манит соблазн).
 2. Числа. (Мутный вздор).
 4. За снами страсти — суждено
 Нам подступить к заветным тайнам.

(Каким?)

Во всех стихах 1892–1898 г. нет ни единой живой строки.

<на отдельном листе>

*Лекция*¹²¹

Оторванность от жизни, незнание ее, книжность, литературщина — гибель от нее: Бальмонт, Брюсов, Иванов, Горький, Андреев. И это «новая» литература, «добыча “Золотого руна”»! Копиисты, архивариусы! Подражание друг другу. Да что же! Так легче писать. А древность! Неужели древние только и делали, что богами занимались?!

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 971 оф, 984 оф, 8764 оф, 8765 оф.

«Русская литература XX века» — крупный свод критических, исследовательских и библиографических материалов, собранных С.А. Венгеровым: «Русская литература XX в. (1890–1910)» (М., 1914–1918. Вып. 1–8). Автобиография В.Я. Брюсова напечатана в 1-й книге 1-го тома «Русской литературы XX века» (М., 1914. С. 101–118).

Дед его по отцу — Кузьма Андреевич Брюсов, крепостной помещика Брюса, выкупился на волю в 1859 г. и переехал из Костромы в Москву, где купил дом.

Дед по матери — А.Я. Бакулин издавал в 1840-х гг. сборник «Басни провинциала».

Отец — Яков Кузьмич Брюсов (1848–1907) писал стихи и публиковался в журналах, сочувствовал идеям революционеров-народников.

Верлен Поль Мари (1844–1896) — французский поэт, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма.

Малларме Стефан (1842–1898) — французский поэт, примыкавший сначала к парнасцам (печатался в сб. «Современный Парнас»), позднее — один из вождей символизма.

Рембо Артюр (1854–1891) — французский поэт, один из основоположников символизма.

«Русские символисты» — три сборника стихотворений, изданных В. Брюсовым в 1894–1895 гг. В этих книгах большинство стихотворений принадлежало самому В. Брюсову. В третьем выпуске «Русских символистов» было напечатано брюсовское однострочное стихотворение «О закрой свои бледные ноги», которое быстро приобрело известность, при этом вызвало неприятие критики и насмешки читателей. Долгое время имя Брюсова ассоциировалось именно с этим произведением.

В первый том — Брюсов В.Я. Пути и перепутья: Собрание стихов. Том 1: Юношеские стихотворения. Это — я. Третья стража. (1892–1901 г.). М.: Скорпион, 1908.

в книжках «*Chefs d'œuvre*» и «*Me eum esse*» — «*Chefs d'œuvre*» («Шедевры»). (М., 1895), «*Me eum esse*» («Это я»). (М., 1897) — первые авторские сборники В. Брюсова.

¹²¹ Лекция ~ что богами занимались?! написано на отдельном листе

«то, что мне представляется удачным...» — не совсем точная цитата из Предисловия к 1-му тому «Пути и перепутья» (М., 1908). У В. Брюсова: «Если вообще мое творчество заслуживает внимание, то заслуживают его и те “пути и перепутья”, по которым вышел я на свою настоящую дорогу. Вот почему, выбирая стихи для этой книги, я брал не только то, что мне представлялось удачным и сильным, но и все, что характерно для моей ранней поэзии».

в своей зловецей мрачности сонет — стихотворение «Предчувствие».

День промелькнет. Глаза твои смежатся — у В. Брюсова: «День проскользнет. Глаза твои смежатся».

«Фальшивого купона» Толстого — рассказ Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» (1904).

И, рыдая, сплетемся, как змеи... — цитата из стихотворения «К монахине».

В этой смене наслаждений — неточная цитата из стихотворения «Ламия». У Брюсова: «В этих сменах наслаждений».

И от объятий в вихре наслажденья — цитата из поэмы «Аганатис».

Мечты о померкшем, мечты о былом — первая и последняя строки из стихотворения «Мечты о померкшем».

Сладострастные тени на темной постели — цитируется стихотворение «Тени».

Мы встанем с тобой при свечах — цитата из стихотворения «Утренняя звезда».

Знаешь, Миньона, — один только раз — цитируется стихотворение «К моей Миньоне».

Не дремлют тени — цитата из стихотворения «В саду».

с мастерством Смердякова, певшего под гитару — имеется в виду эпизод из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (часть вторая, книга пятая, глава II).

«Tertia vigilia», «Urbi et orbi» — книги В. Брюсова «Tertia vigilia» (М., 1900), «Urbi et orbi» (М., 1903).

«corpus in corpus amabile est opus» — тело в тело милое дело (*лат.*); из гимназических выражений.

«Семь цветов радуги, стихи 1912–1915 гг.» — книга В. Брюсова вышла в мае 1916 г.

...Качаясь серповидно — цитата из стихотворения «Мне вспомнить страшно, вспомнить стыдно...».

«фиолетовых рук на эмалевой стене» — цитата из стихотворения «Творчество».

...Альков задвинутый — цитируется стихотворение «В ночном безлюдии» из 2-го тома собрания стихов (1901–1905 гг.) «Пути и перепутья» (М., 1908).

...Кто связал нас мукой страстной? — цитируется стихотворение «В застенке» из книги «Stefanos» (М., 1906).

...Иль, скажи, не нами смяты — цитируется стихотворение «Утром» из книги «Зеркало теней: Стихи 1909–1912 гг.» (М., 1912).

...Мы натешимся с козой — цитируется стихотворение «In hac lacrimarum valle» из 2-го тома собрания стихов (1901–1905 гг.) «Пути и перепутья» (М., 1908).

...«Адам! Адам! Мне больно, больно!» — цитата из стихотворения «Адам и Ева».

...Когда мы бывали — цитата из стихотворения «Когда мы бывали...».

...И было здесь (в вагоне) влияние — цитата из стихотворения «В вагоне».

...В певучих волнах тело тонет — цитата из стихотворения «Адам и Ева».

...Мальчик милый! — почему бы — неточно цитируется стихотворение «Уголек» из 3-го тома собрания стихов (1906–1909 гг.) «Пути и перепутья» (М., 1909). У Брюсова: «Телу к телу не прилечь!».

...На ложе ласк в смешном порыве выгнут — цитируется стихотворение «Голос города» из 3-го тома собрания стихов (1906–1909 гг.) «Пути и перепутья» (М., 1909).

Лист широкий, лист банана — цитата из стихотворения «На журчащей Годавери».

Ты, монахиня! лилия Бога! — цитата из стихотворения «К монахине».

Холодная ночь над узрюмою Сенной — цитата из стихотворения «В старом Париже».

Губи меня! и отравляй! и мучь! — цитата из стихотворения «Жрец».

Прокаженный молился. Дорога — цитата из стихотворения «Прокаженный».

Вся дрожа, я стою на подъезде — цитата из стихотворения «Туманные ночи».

А там на ее занавеске — цитата из стихотворения «Летучая мышь».

Я наблюдаю из кровати — цитата из стихотворения «Осужденная жрица».

Медленно всходит луна — цитата из стихотворения «Пурпур бледноющих губ».

Три женщины, грязные, пьяные — цитата из стихотворения «Подруги».

...В жемчугах горят березки — не последовательно выписанные строки из стихотворения «Первый снег». У В. Брюсова: «Серебро, огни и блестящие, — / Целый мир из серебра! / В жемчугах горят березки, / Черно-голые вчера. / Это — область чей-то грезы, / Это — призраки и сны! / Все предметы старой прозы / Волшебством озарены».

Чтоб меня не увидал никто — цитируется стихотворение «Сумасшедший» без деления на строфы.

И вдруг себя увидел в черном склепе — цитата из стихотворения «В вертепе».

...Мы как звери вгнездились в пещеры — цитата из стихотворения «Облегчи нам страдания, Боже!..».

Друзья! Мы спустимся до края! — цитата из стихотворения «Свиваются бледные тени...».

И снова ночь в томительном июне... — неточная цитата из поэмы «И снова...». У Брюсова: «И снова день в томительном июне...».

...Девушка вензель чертила на зимнем стекле — цитата из стихотворения «Весна».

С опущенным взором, в пелериночке белой — цитата из стихотворения «На бульваре».

Она была в трауре с длинной вуалью — приводится стихотворение «В трауре».

Один ее взгляд ярче тысячи звезд! ...О что за вопросы виднелись в нем! — не совсем точная цитата из стихотворения «Мгновение». У Брюсова: «О, что за вопросы виделись в нем!».

Пьяные лица и дымный туман... — цитата из стихотворения «Туман».

День рассветает, встречая мечту — цитата из стихотворения «Рассвет».

Венчальные платья мы сняли — цитата из стихотворения «Позор».

Ветви склонялись в мое окно — цитата из стихотворения «Ветви».

...пять совершенно простеньких стихиков — речь идет о стихотворениях: «Мерный шум колес...», «Месяц бледный, словно облако...», «Мы ехали долго, без цели, куда-то...», «Поезд врывается в древние скалы...», «Спит вагон, мерцает газ...».

Бессильные слезы ненужной любви — неточная цитата из стихотворения «И снова дрожат они, грезы бессильные...». У Брюсова: «Бессильные грезы ненужной любви».

Нет, я не знаю жизни смутной — цитата из стихотворения «Я помню вечер, бледно-скромный...».

О чем-то горестно далеко — цитата из стихотворения «Прохлада утренней весны...».

Опять к позору искушений — цитата из стихотворения «Из бездны ужасов и слез...».

Зловещи и хмуры — цитата из стихотворения «Последние думы...».

К Озеру Слов, по знакомым тропам — цитата из стихотворения «В час, когда Гений вечерней прохлады...».

Что вечно, — желанно — цитата из стихотворения «Не плачь и не думай...».

Мой дух не изнемог во мгле противоречий — цитата из стихотворения «Я».

Мы — гребень встающей волны — цитата из стихотворения «Мы».

Убивая, я люблю! — неточная цитата из стихотворения «Ламия». У Брюсова: «Убиваю я, любя».

Отдавшись холодным мечтам — неточная цитата из стихотворения «Как царство белого снега». У Брюсова: «Отдавшись холодной мечте».

Я тоскую о ней — цитата из стихотворения «В лабиринте аллея».

Вырастает, как гром — неточная цитата из стихотворения «После ночи бессонной». У Брюсова: «Прозвучало, как гром».

Кончено! — имеется в виду стихотворение «Кончено, кончено! Я побежден...».

Но туманность ледяная — неточная цитата из стихотворения «Тайны мрака побледнели...». У Брюсова: «Но туманные сомненья».

(Гадь). NB — имеется в виду стихотворение «В час, когда Гений вечерней прохлады...».

NB (Опять манит соблазн) — имеется в виду стихотворение «Годы молчания».

Нам подступить к заветным тайнам — неточная цитата из стихотворения «Строгое звено». У Брюсова: «Всем подступить к заветным тайнам».

ПИСЬМА

Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной 1906–1947 гг.

*Предисловие Т.М. Двигятиной, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой.
Подготовка текста и примечания Г.З. Брэдли, Т.М. Двигятиной,
Р.Д. Дэвиса, О.А. Коростелева, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой*

Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной — исключительный по своему значению и объему источник для воссоздания и понимания самых разных сторон бунинской жизни на протяжении наиболее зрелых, сложных и плодотворных десятилетий его человеческой и писательской биографии. Как и сама жизнь Бунина, эта переписка распадается на две части: до-революционную и эмигрантскую. Первая часть — с 1906 г. по 1917 г. — включает 192 письма, из которых только шесть принадлежат самому Бунину (судьба остальных его писем, которых было определенно больше, неизвестна). Все эти письма остались в России и ныне находятся в Орловском объединенном государственном литературном музее И.С. Тургенева (ОГЛМТ, ф. 14. «И. А. Бунин»). Вторая часть охватывает 1922–1947 гг., то есть ровно четверть века эмигрантской жизни, и состоит из 577 писем, между которыми есть единичные лакуны. Эти письма хранятся в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (РАЛ, Великобритания).

Переписка всегда представляет собой двойной портрет, и если о Бунине широкий читатель имеет представление, то образ его жены еще нуждается в прояснении.

Вера Николаевна Муромцева (2/14 октября 1881 — 3 апреля 1961) родилась в московской дворянской семье; отец ее, Николай Андреевич Муромцев, был членом Московской городской управы, дядя, Сергей Андреевич Муромцев, председателем I Государственной Думы. Окончив гимназию, Вера Муромцева поступила на Высшие женские курсы профессора В.И. Герье, где училась на естественном факультете и занималась химией. Кроме того, она изучала иностранные языки и впоследствии переводила сочинения Г. Флобера, Г. Мопассана, А. Ламартина.

Первая встреча Бунина с В.Н. Муромцевой произошла в парке Царицыно летом 1898 г., их познакомила Е.М. Лопатина при случайной встрече на прогулке. Но Бунин тогда был влюблен в Е.М. Лопатину, поэтому мимолетное знакомство в то время не получило продолжения. Расставшись тем же летом с Лопатиной, Бунин уехал в Одессу, где встретил Анну Николаевну Цакни и довольно скоро женился на ней. От этого брака у Бунина родился сын Коля (единственный его ребенок), умерший в возрасте пяти лет. Семейная жизнь продолжалась недолго, и супруги расстались.

В середине октября 1906 г. в Москве была еще одна случайная встреча Бунина с В.Н. Муромцевой: у постели больного писателя Н.Е. Пояркова, но очевидно, в этот момент Бунину, а главное, В.Н. Муромцевой было неловко завести разговор, она впоследствии признавалась, что была тогда «еще очень застенчива»¹.

Следующая встреча Бунина с В.Н. Муромцевой состоялась 4 ноября 1906 г. на квартире Б.К. Зайцева, в доме на углу Гранатного переулка и улицы Спиридоновки. С этого дня и началось их личное знакомство. Вера Николаевна была с отрочества дружна с Верой Орешниковой, ставшей гражданской (с апреля 1912 г. официальной) женой Б.К. Зайцева. В.А. Орешникова и пригласила Веру Муромцеву в этот день на литературный вечер, где писатели, и среди них Бунин, читали свои новые произведения. На этом вечере Бунин увидел «тихую барышню с леонардовскими глазами», как

¹ Муромцева-Бунина (1989). С. 259.

В.Н. Муромцева.

Москва, 1900-е гг.

(РАЛ)

много позже писал о В.Н. Муромцевой Б.К. Зайцев, «и вряд ли мог кто-нибудь тогда подумать, что недалеко время, когда обратится Вера Николаевна Муромцева в Веру Николаевну Бунину»². «Иван появился. Было ему тогда тридцать шесть лет — изящный, худенький, с острой бородкой, боковым пробором, читал у нас стихи свои и зачитал Веру»³.

Дальнейшие события подробно описывает В.Н. Муромцева в своей книге «Беседы с памятью». Однако эта серия мемуарных очерков писалась в эмиграции, когда с Буниным было прожито немало лет, и на многое Вера Николаевна смотрела уже другими глазами, а о чем-то и не упоминала. Настоящая публикация значительно восполнит этот пробел и даст по возможности целостное представление о взаимоотношениях Бунина и В.Н. Муромцевой, многое откроет в образе и характере Веры Николаевны, добавит значительные и важные черты к портрету Бунина. В переписке проступает не ретроспективно созданный образ отношений, а реальное их течение сквозь почти полвека общей жизни.

Начало переписки относится к декабрю 1906 г., когда Бунин уехал из Москвы в село Глотово. Родители В.Н. Муромцевой были против ее общения с Буниным, пользовавшимся репутацией свободного мужчины, не испытывающим обязательств по отношению к женщинам. К тому же его брак с А.Н. Цакни еще не был официально расторгнут. Поэтому сначала переписка велась тайно, Вера Николаевна получала письма Бунина через специальный ящик с ячейками на женских курсах, называя их «почтовым отделением». Письма В.Н. Муромцевой, как обычно, были довольно подробны, она сообщала буквально обо всем: о своем распорядке дня, встречах, делах, учебе, отдыхе и, конечно, о своем душевном состоянии.

Встретив новый 1907 г., В.Н. Муромцева, как она позднее вспоминала, «чувствовала себя выбитой из колеи, и хотя скрывала свое состояние от всех, но все же мне стало невыносимо, и я телеграммой вызвала Ивана Алексеевича в Москву»⁴. Бунин буквально на один-два дня приехал из Глотово в Москву, чтобы повидаться с ней. После этой встречи Бунин написал В.Н. Муромцевой письмо (не сохранилось), кото-

² Зайцев (11). Т. 6. С. 49.

³ Зайцев (11). Т. 6. С. 374.

⁴ Муромцева-Бунина (1989). С. 282.

рое, очевидно, было в чем-то обидным и даже резким. Судя по ответному письму Веры Николаевны, Бунин возмущался, что его лично и их отношения часто обсуждают в семье Муромцевых, выражал сомнение в чувствах Веры Николаевны к нему. В ответном послании В.Н. Муромцевой (см. п. 6) выражены ее смятенное настроение и обида по поводу этого письма. Однако в этом же письме она еще раз подтверждает всю искренность своих чувств и решимость защищать их от всех без исключения.

Бунин не мог долго сидеть на одном месте: он то в деревне, то опять в Москве, но при каждом приезде в город, конечно, он встречался с Верой Николаевной. И буквально с самого начала переписки В.Н. Муромцева сетует на то, что Бунин ей редко пишет. Сама она иногда посылает по два письма в день.

Уже в феврале 1907 г. Вера Николаевна отмечает: «Дома стали относиться к нашим отношениям несколько иначе, и у меня является надежда, что всё образуется» (п. 12). Вскоре так и случилось. Бунину удалось убедить родителей Веры Николаевны в серьезности их отношений. 10 апреля 1907 г. Бунин и В.Н. Муромцева уехали в «дальнее странствие, брачное путешествие» (как скажет Бунин в «Розе Иерихона»⁵), в Святую Землю. Этот день Бунины всю жизнь отмечали как начало общей, семейной жизни.

В дальнейших письмах ясно видно, что Вера Николаевна стала не только заботливой женой, но и секретарем, литературным агентом Бунина, переписчицей его произведений, доверенным лицом в переговорах с издательствами. Эти письма свидетельствуют, что Бунин был редактором почти всех переводов жены и Н.А. Пушкишников — своего любимого племянника, который тоже был переводчиком. Иногда Н.А. Пушкишников переводил совместно с Верой Николаевной, например, «Грациэллу» А. Ламартина. По сведениям из этих писем мы можем выявить практически все произведения зарубежных писателей в переводах В.Н. Муромцевой и Н.А. Пушкишников.

Почти весь август и начало сентября 1911 г. В.Н. Муромцева жила в Глотова вместе с Пушкишниковыми, в это время Бунин жил и работал в Одессе. Этот период оказался для нее довольно неприятным, тоскливым и скучным. В одном из писем она признается: «Вообще я поняла, какой ужас жить одной среди чужих людей. В тысячу раз лучше жить совсем одной» (п. 113). И при этом почти в каждом своем послании сетует на то, что Бунин ей редко пишет. Чтобы хоть как-то дополнительно обратить на это внимание Бунина, В.Н. Муромцева нумерует свои письма, указывая тем самым на их количество, а также сообщает, что в ответ ничего не получает. Иногда использует другой прием: посылает в качестве письма свод важных новостей, написанных в форме дневника (п. 148, 149). Бунин не любил писать письма, но всегда любил читать их. Не получая несколько дней от В.Н. Муромцевой очередного послания, он начинал волноваться и требовал от нее писать чаще, хотя бы краткие записки, открытки.

В.Н. Муромцева следит за состоянием здоровья Бунина, его режимом и питанием, даже когда они в разлуке (что не раз отражено в этой переписке), старается вовремя направить его к врачам, к которым Бунин не очень любил ходить. Помимо этого, она пытается давать мужу советы по изданию

А.Н. Цакни (Бунина).
Одесса, 26 сентября 1898 г.
(ОГЛИМТ)

⁵ Бунин (8). Т. 4. С. 279.

Коля Бунин.
Одесса, 1902 г.
(ОГЛМТ)

его книг, участию в литературно-музыкальных концертах, в соблюдении его литературных прав. Она прилагает немало усилий, чтобы 25-летний юбилей литературной деятельности Бунина в 1912 г. прошел в Москве на должном уровне. В свою очередь Бунин всегда очень беспокоился о здоровье Веры Николаевны и волновался, когда она не своевременно, по его мнению, обращалась к врачам.

В доэмигрантские годы Бунин и В.Н. Муромцева пережили много счастливых моментов и трагических событий. В эти периоды они практически всегда были вместе, поэтому далеко не все события тех лет нашли отражение в их переписке: их первое совместное путешествие в Святую Землю в 1907 г. и другие заграничные путешествия 1910-х гг., избрание Бунина почетным академиком по Разряду изящной словесности Императорской академии наук и присуждение ему второй Пушкинской премии в 1909 г., торжественное празднование в Москве 25-летнего юбилея литературной деятельности в 1912 г., а также смерть матери Бунина Людмилы Александровны и кончина Л.Н. Толстого в 1910 г., Первая мировая война, две революции 1917 г. и начало Гражданской войны.

В эмиграции жизнь была не менее разнообразной. После долгого, тяжелого и опасного пути из Одессы во Францию Бунин с В.Н. Муромцевой остались жить в Париже. Бунин не сразу смог вернуться к творческой работе. Как и в дореволюционное время он постарался организовать такой распорядок жизни: летом — на юге Франции, зимой поездки в Париж и другие города. В 1923 г. Бунины снимают виллу «Монфлери» («Mont Fleuri»), с 1925 г. на целых одиннадцать лет (и затем еще на летний сезон 1939 г.) их домом становится вилла «Бельведер» («Belvédère»), с сентября 1939 г. до окончания войны они живут на вилле «Жаннетт» («Jeannette»), а в Париже за ними остается квартира в доме 1 на улице Жака Оффенбаха (rue Jacques Offenbach), где в их отсутствие могли жить и другие люди.

В июне 1922 г., получив наконец развод с А.Н. Цакни (Буниной), Бунин официально зарегистрировал свой брак с В.Н. Муромцевой, а 24 ноября того же года состоялось венчание их в Свято-Троицкой Александро-Невской церкви. В дневнике 24 ноября В.Н. Бунина записала: «Сегодня мы венчались. <...> я чувствовала, что совершается *таинство*. И счастье коснулось меня. Было лишь грустно, что все близкие далеко...»⁶.

Переписка Буниных открывает и драматическую сторону их семейной жизни. Как мы видели, с самого начала переписки уже возникло определенное взаимное недопонимание друг друга. В.Н. Бунина часто сетовала на свое одиночество, обижалась на редкие и краткие письма мужа. Вера Николаевна периодически указывала на то, что они почти всегда живут на глазах знакомых и друзей. Только в дореволюционной России это были родственники, а в эмиграции — люди, заботу о которых им приходилось нести на протяжении многих лет, иногда в самых отчаянных жизненных обстоятельствах. Эта тяжесть, а еще более — вызываемые ею отношения, были порой непосильны и для самих Буниных, и для тех, кого они любили и о ком непрестанно думали, каждый по-своему.

⁶ РАЛ. MS 1067/374.

В июле 1926 г.⁷ Бунин познакомился с молодой поэтессой Галиной Николаевной Кузнецовой (1900–1976) и на протяжении последующих лет был связан с ней напряженными любовными отношениями. С 1927 г. Галина Кузнецова жила у Буниных, и Вера Николаевна должна была смириться и принять новую любовь мужа в дом. В конце 1929 г. по приглашению Бунина в Грасс из Риги приехал молодой писатель Леонид Федорович Зуров (1902–1971)⁸. Скоро он «вошел в жизнь дома, но нельзя сказать, чтобы слился с ней»⁹, и тут уже Бунин должен был уступить жене в ее желании дать кров и заботу начинающему литератору.

Начало романа Бунина с Кузнецовой совпало с первым приступом желчнокаменной болезни В.Н. Буниной (26 августа 1926 г.), что привело к операции в январе 1927 г. и длительному восстановлению (весной 1927 г. она в Авиньоне, Ницце и т.д.). Вспоминая начало своей болезни, она записала в августе 1938 г.: «С этого дня жизнь моя меняется. <...> начинается, или собственно продолжается, путь к Богу»¹⁰. Сложившуюся ситуацию В.Н. Бунина осмысляла как посланные ей испытания: «По христианству, надо смириться, а это трудно, выше сил. <...> пережито столько за этот год, сколько за 10 лет не переживала. По существу, м<ожет> б<ыть> история очень простая, но по форме невыносимая зачастую»¹¹. С тех пор она считала главным в своей жизни служение своим близким, в котором ей виделось ее предназначение и служение Богу. К этому времени относятся и первые мысли В.Н. Буниной, укрепившиеся с появлением в их доме Л.Ф. Зурова, о том, что «тяжело бездетным женщинам невыносимо» и что «бездетность — это наказание за грехи»¹².

О произошедшей в ней перемене В.Н. Бунина писала брату Д.Н. Муромцеву, который не поощрял ее уклона в «мистику» и вызывал в памяти прошлый, более близкий ему образ сестры: «Увлекавшаяся в молодости естествознанием, работавшая над ним, знакомая с основными политическими учениями, в достаточной мере сведущая в вопросах экономики и когда-то разделявшая положения исторического материализма и марксизма, ты всегда была человеком реального, позитивного мышления»¹³.

Для В.Н. Буниной эта пора была, однако, далеко позади. 17 июля 1931 г. она записала: «Хочу начать писать дневник и озаглавить его “Дневник бездарной женщины”, и правда, разве я не бездарна: прошла жизнь, мне уже 43 года, значит, можно и подвести итог, и в итоге: жизнь прожита бездарно, — ни детей, ни любовников, и даже нет теперь самого обыкновенного скучного законного мужа... И я одна, совсем одна, если не считать нескольких друзей. Но с друзьями, в большинстве случаев, разговариваешь, а не живешь. А человеку именно нужно жить с кем-то, иметь общие будни, общие мелкие неприятности, заботы, одними праздниками не проживешь»¹⁴.

Единственную возможность создать подобие доброй семьи и сохранить мир в доме В.Н. Бунина видела в принятии и Г. Кузнецовой, и Л. Зурова как «младших», «детей» при чете «старших», к которым она относилась, естественно, своего мужа и себя. 23 апреля 1932 г. Бунины в Париже совместным завтраком с «детьми» отмечают четверть века совместной жизни. В тот день В. Н. Бунина записывает в дневнике: «За завтраком я Яну сказала: “Вот какую я тебе семью создала. Доволен?” Много

⁷ О знакомстве с Г.Н. Кузнецовой см. в поздних записях Бунина: «Знакомство на пляже 6/19 июля 1926 г. в Juan-les-Pins. 15/28 ездили к Зайцевым в Пюжет (имение Эльяшевича)» (РАЛ. MS 1066/45), упоминания в письме В.Н. Буниной к Бунину от 17 июля 1936 г. (п. 426) и в письме Бунина к Г. Кузнецовой от 29 июля 1951 г. (*Кузнецова* (1995). С. 6) и др.

⁸ Историю отношений см. по публикациям писем: *Бунин–Зуров* (1). С. 232–284; *Бунин–Зуров* (2). С. 179–224.

⁹ *Кузнецова* (1995). С. 123.

¹⁰ *Устами Буниных*. Т. 3. С. 25.

¹¹ Запись в дневнике В.Н. Буниной от 23 апреля и 31 мая 1927 г. (РАЛ. MS 1067/387–388; *Устами Буниных*. Т. 2. С. 167).

¹² Запись в дневнике от 29 декабря 1928 г. (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 191).

¹³ См. письмо Д.Н. Муромцева к В.Н. Буниной от 17 декабря 1934 г. (РАЛ. MS 1067/4674).

¹⁴ РАЛ. MS 1067/403.

В.Н. Муромцева (крайняя слева) в группе знакомых.
Москва, 1900-е гг. (ОГЛМТ)

болтали ерунды, все были в хорошем настроении»¹⁵. В декабре того же года она пишет Бунину в Париж: «Не давай в обиду наших детей, если ты не заступишься, то при нынешней конкуренции и дальности их от центра их затрут, тем более, что ни <u> того, ни у другой нет клеточки рекламиста» (п. 244). Однако ее мечтам не суждено было сбыться. Атмосфера в доме была напряженной не только из-за присутствия Г. Кузнецовой, но и из-за Л. Зурова: его раздражительности по отношению к В.Н. Буниной, и тем более — ссор, возникавших между Буниным и Л. Зуровым по любому, бытовому или творческому, поводу. По отдельным намекам в письмах можно понять, что Бунин имел случай ревновать к разговорам, которые Л. Зуров вел с Г. Кузнецовой о его, бунинском, творчестве, и к дружбе «с лирическим оттенком», которая на первых порах наметилась в младшем поколении грасской «писательской колонии» (см., например, пп. 354, 359). Осень 1932 г. прошла в ожидании решения Нобелевского комитета (премию получил Дж. Голсуорси за «Сагу о Форсайтах»). И до и после оглашения вердикта (10 ноября) Бунин, как и в прошлом году — и как в будущем, «спасается писанием» — идет напряженная работа над «Жизнью Арсеньева»¹⁶. В марте 1933 г. Г. Кузнецова констатирует: «У нас наступает бедность. <...> У И. А. такого положения, кажется, еще не было»; в следующие дни фиксирует визит Г.П. Олейникова, связанный, вероятно, в том числе с оказанием Бунину денежной помощи¹⁷. К маю ситуация достигает пика: «Кризис полный, даже нет чернил — буквально на доньшке <...>»; «Безденежье. Однообразие. Неврастения»¹⁸.

Накануне драматических событий в жизни Буниных, на последнем витке ожидания решения Нобелевского комитета, 19 мая 1933 г. В.Н. Бунина так описывает в дневнике семейные отношения: «Ян на днях сказал мне: “Я пока внизу, я тысячу раз подумаю о тебе, тысячи мыслей прорежут мой ум”... Он, конечно, говорил правду. Но я ему нужна лишь чем-то одним. И понятно: он весь собственнно в творчестве, то есть сам в себе, и я ему одна из многих. Если бы были дети, то, может быть,

¹⁵ РАЛ. MS 1067/407.

¹⁶ *Устами Буниных*. Т. 2. С. 276; *Кузнецова* (1995). С. 264.

¹⁷ *Кузнецова* (1995). С. 269.

¹⁸ Записи В. Н. Буниной от 26 и 27 мая 1933 г. (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 285–286).

заботы о них отвлекали бы меня или какое-нибудь свое дело. А то у меня столько остается неизрасходованных чувств, что даже порой жутко, и никому-то они здесь не нужны. С Л<сней> тоже ничего не вышло. Какое-то великое недоразумение. Его нервность, собственно, не выносит меня. В нем нет совсем тонкости, нет ни сострадания, ни доброты. Ему тоже нужны лишь заботы, я от забот не отказываюсь, но все же тяжело, когда заботаешься о человеке, который, в сущности, тебя не выносит. Г<алина> холодна, равнодушна и, конечно, не любит меня, она меня хотела бы отвести на роль бабушки, но такой, которая жила бы где-то в своем уединении. Она и к своей бабушке относилась всегда очень жестко, сужу по роману ее <имеется в виду роман Г. Кузнецовой “Пролог”>. Вообще, более нелепой жизни, чем моя с ними, трудно отыскать. Может быть, я действительно ужасный человек, не имеющий никакой привлекательности внутренней, не вызывающий желания общаться?»¹⁹. В сущности, это то же, что звучит в давнем письме В.Н. Буниной мужу от 17 или 18 сентября 1912 г.: «Ну, да относительно себя я пришла к печальным выводам. Всякие нелепости в жизни бывают, но такие как у меня — поискать» (п. 163). Что же касается ответа на последний вопрос, то он — в дневниковой записи самой Веры Николаевны, сделанной в разгар терзаний Бунина от ухода Кузнецовой: «Да, жестока жизнь. И всего ужаснее, что *никто* не виноват!»²⁰.

В декабре 1933 г. на обратном пути из Стокгольма Бунина заезжают в Дрезден в гости к Ф.А. и Н.Н. Степунам, и там Г.Н. Кузнецова встречает сестру Ф.А. Степуна певицу (контральто) Маргариту (Маргу) Августовну Степун (1895 или 1897–1971), которая жила с 1920-х гг. в эмиграции в Германии и была солисткой оперного театра в Геттингене, затем в Нюрнберге²¹. Происходит событие, о котором Бунин напишет жене 9 ноября 1938 г.: «Грустно еще и потому, что нынче 9 ноября: 5 лет тому назад в этот день судьба меня побаловала. Но потом взяла за это такую контрибуцию, что хоть трагический рассказ пиши!» (п. 588). «Контрибуцией» Бунин называет стремительный роман, который разгорелся между Г. Кузнецовой и М. Степун зимой 1933–1934 гг., положил конец близости Кузнецовой с Буниным и стал для него источником долгих мучительных переживаний. Перипетии этого романа, осложненного его неприятием семьями обеих сторон и отчаянным безденежьем самих участниц, можно проследить по переписке Буниных с «барышнями», как звали Г. Кузнецову и М. Степун в бунинском доме, изданной в третьем выпуске сборника «И.А. Бунин: Новые материалы»²², а также по дневникам И.А. и В.Н. Буниных и их переписке. Дневников 1934–1938 гг., однако, сохранилось мало (Бунин почти все свои записи этих лет сжег, записи В.Н. Буниной за это время фрагментарны), из переписки с Г. Кузнецовой этого периода уцелели единичные послания, — таким образом, подробная и полная семейная переписка Буниных оказывается уникальным свидетельством разыгравшейся трагедии²³.

Весной 1934 г. в Грассе ждут М. Степун, сама ее переписка с Кузнецовой настораживает Бунина. С мая М. Степун гостит у Буниных, в июле уезжает, Кузнецова стремится за ней, Бунин недоумевает и мучается. Наконец, 3 октября Кузнецова уезжает, и В.Н. Бунина записывает в дневнике: «В доме стало пустынное, но легче. <...> Ян очень утомлен. <...> Живет воображением и от этого очень страдает»²⁴. В ноябре 1934 г. Бунин в очередной раз едет в Париж (идет подготовка его собрания сочинений в берлинском издательстве «Петрополис»). Не получая известий от Кузнецовой, не находя себе места от волнения, он 30 ноября 1934 г. пишет жене: «Милая моя, совершенно не понимаю,

¹⁹ РАЛ. MS 1067/408.

²⁰ Запись от 26 апреля 1936 г. (РАЛ. MS 1067/410).

²¹ Еще во время нобелевских торжеств Г. Кузнецова оказалась на положении «приемной дочери», в тени четы Буниных. Пройдет совсем немного времени, и В.Н. Бунина назовет это одной из причин внутреннего разлада и расхождения Кузнецовой с Буниным; 13 февраля 1934 г. она отмечает в дневнике, что Кузнецова «внутренне раздражена, и настоящего мира не хочет» (РАЛ. MS 1067/410).

²² См. *Новые материалы* (3).

²³ В дневниковой записи от 25 августа 1938 г. В.Н. Бунина признается: «Не вела дневник несколько лет. Почти два года назад одна запись» (РАЛ. MS 1067/410). Так и у Бунина: сохранились только единичные записи за 1935–1939 гг.

²⁴ РАЛ. MS 1067/410.

как же мы будем жить после этого вместе — *хотя бы как-нибудь?*! / Приходит в голову спокойно и твердо написать Марге — чтобы они серьезно подумали: не лучше ли нам расстаться?» (п. 316).

В новой ситуации В.Н. Бунина берет на себя роль утешителя и примирителя всех сторон. Основными темами ее писем этого времени являются пожелания мужу жить дальше с Г. Кузнецовой, «как жил с Нилусом» (п. 341), ни на чем не настаивать, «ослаблять, но умно» связь с М. Степун (п. 375), не уподобляться Мите из «Митиной любви» (п. 361), не обращать внимания на сплетни и заодно — пересмотреть свое отношение к Л. Зурову, который, если бы не неприязнь к нему Бунина, был бы, по словам Веры Николаевны, самым преданным ему человеком (п. 354). «Смежная» ситуация позволяет высказать то, что составляет для В.Н. Буниной суть ее непосредственных отношений с мужем: «Ты всегда от всего отмахиваешься, никогда не хочешь понять чужой души, не умеешь идти в ритме с другим человеком. Я недавно поняла, почему ты, такой способный к танцам, не умеешь танцевать с дамой, — тебе не дано ни в какой области согласовать своих движений с другим человеком, что необходимо в танце вдвоем. Ты можешь лишь один. И со мной ты *никогда* не мог пойти в лад, как и с другими. Я только отличаюсь от всех <тем>, что я это приняла и стала жить *одна*, не бросая тебя физически и приходя к тебе, когда тебе *нужно*, а не мне» (п. 354). Но Бунин, при всей любви к жене и благодарности ей, едва ли мог в полной мере прислушаться к ее увещаниям.

На конец 1934 г. приходится драматический пик в его непроявленных отношениях с Г. Кузнецовой. Обида и оскорбленность от ее близости с М. Степун — постоянная тема в переписке Бунина с женой, старавшейся смягчить его мужское самолюбие, и, по его словам, «вопрос о Г<алине> — вопрос нашей общей жизни, которая отравляется чепухой и *опять дикой чепухой*» (п. 359). Для того, чтобы «общая жизнь» была возможна, Бунин, повторяет Вера Николаевна, должен согласиться «жить семьей», где роль «детей» равно делилась бы между Г. Кузнецовой и Л. Зуровым и где бы им предоставлялась необходимая для творчества и развития свобода. Вспоминая, что довелось пережить ей самой восемь лет назад, когда в их жизни Г. Кузнецова только появилась (см. напр. п. 375), В.Н. Бунина уговаривает мужа перетерпеть и отпустить ее: «Помни, что ни один человек не желает тебе столько добра, как я, редко кто хочет, чтобы люди не мучили себя и других, как я. <...> *Для себя лично я ничего не хочу*» (п. 319), и Бунин отвечает: «Спасибо тебе, милая, дорогая, за добрые и, правда, оч<ень> умные наставления. / Я вообще дурак, каких мало» (п. 322). В.Н. Бунина формулирует суть отношения Г. Кузнецовой к Бунину неутожительно: «Связала она свою судьбу с твоей не ради любви к тебе, не ради *тебя*, как большого писателя, — не ее стиль *сидеть у ног учителя*, а связала потому, что ей казалось, что близость с тобой поможет ей *для нее самой* стать писателем и *жить для себя*, а не для *тебя*, хотя бы и рядом с тобой. <...> / Да, великий художник, плохой психолог!!!!» (п. 354).

Видимо, «плохой психолог» вызвал Кузнецову²⁵, и она «весьма неожиданно очутилась в Париже» (см. ее приписку в п. 364). Бунину сразу стало ясно: «Влюбленность их <Г. Кузнецовой и М. Степун>, истинно бешеная, *ничуть* не ослабела пока» (п. 371). В.Н. Бунина делает еще одну попытку остановить мужа: «Ты, как жупела боишься М<арги> и все делаешь с какой-то сумасшедшей страстью, чтобы утвердить эту связь. Точно бес тебя научает. И зачем? <...> если есть любовь, то уничтожить ее *нельзя* насильно, можно лишь отвлекать, ослаблять, но умно» (п. 375). Но Бунин все-таки выдвигает Кузнецовой требование ехать с ним в Грасс и там все обдумать, и она вынуждена подчиниться. Однако прежних отношений уже нет.

8 марта 1935 г. Бунин записывает: «Разговор с Г<алиной>. Я ей: “Наша душевная близость кончена”. И ухом не повела»²⁶. 20 июня 1935 г. в Грасс приезжает М. Степун. Через месяц (25 июля) В.Н. Бунина записывает в дневнике: «Ян очень отошел от Гали. Мне даже за нее жутко. Насколько могу, удерживаю его от более определенных проявлений своих чувств»²⁷. Бунин

²⁵ Письма Бунина к Кузнецовой этого времени не сохранились. В 1934 г. (возможно, именно в эту встречу) Бунин забрал у Кузнецовой свои письма, «изорвал и сжег» их (он вспоминает об этом в своем дневнике 2 мая 1940 г.: РАЛ. MS 1066/532).

²⁶ *Устами Буниных*. Т. 3. С. 14.

²⁷ РАЛ. MS 1067/410.

примерно тогда же в одной из редких своих записей говорит: «Без конца длится страшно тяжелое для меня время»²⁸.

В начале сентября 1935 г. М. Степун уезжает. Следом в начале октября в Геттинген уезжает и Г. Кузнецова. В.Н. Бунина об этом пишет: «Думаю, вернее, уверена, что навсегда. Они сливают свои жизни. И до чего они из разных миров, но это залог крепости»²⁹.

Проходит более полугода, и В.Н. Бунина впервые за восемь месяцев открывает свой дневник: «Все мои старания примирить Яна с создавшимся положением оказались тщетными. В ноябре–декабре <1935 г.> произошел у него полный разрыв с Галей, он жестоко разрубил запутавшийся узел, и все очень страдали. Но, видимо, для его натуры был лишь один выход — или “все”, или “ничего”, самое печальное, что никакого <“>всего<“> не было. Была лишь более или менее общая жизнь»³⁰. В одной из немногих дневниковых записей Бунина этого года об уходе Г. Кузнецовой говорится: «Главное — тяжкое чувство обиды, подлого оскорбления — и собственного постыдного поведения. Собственно, уже два года болен душевно, — душевно больной»³¹.

В середине июня 1936 г. Г. Кузнецова и М. Степун приезжают в Париж. 17 июля туда же отправляется В.Н. Бунина. К моменту ее приезда М. Степун уже уехала (в конце мая 1936 г. она подписала двухлетний контракт с оперным театром Нюрнберга), и десять дней (до 28 июля) В.Н. Бунина проводит в постоянном общении с Г. Кузнецовой. Она всеми силами старается помочь Кузнецовой в ее первом самостоятельном парижском житье, при этом пытаясь смягчить напряженность отношений с Буниным. Тот, со своей стороны, после первого же сообщения жены о том, что Кузнецова говорит о нем «очень сдержанно, с большой печалью и без всякой злобы» (п. 427), пишет большое письмо — объяснение всех прошлых отношений (п. 431), в другом послании просит жену «с предельной убедительностью» повлиять на Кузнецову, заставить исправить сделанную ею, по его мнению, ужасную ошибку и в последний возможный миг спасти себя и свою жизнь, разорвав связь с М. Степун (п. 433). Происходит новое обострение отношений. В.Н. Бунина увещевает мужа: «Ты ведешь себя так, как будто тебе 18 лет. Недаром Рильке сказал, что вся беда, что у Мити не хватило терпения» (п. 443). Бунин на это отвечает только одно: «Больше ваших встреч уже никогда не допущу. <...> Это протivoестественно в конце концов при наших с ней отношениях» (п. 440).

И все-таки уговоры В.Н. Буниной не прошли даром: осенью 1936 г., во время поездки в Чехословакию, точнее — на обратном пути из Праги, Бунин неожиданно для самого себя должен был проехать через Нюрнберг, где в то время живут Г. Кузнецова и М. Степун. Он уже почти год не видел Кузнецову и, очевидно, хочет наконец сказать ей то, что прежде было в нем только поднимающимся восторгом от времени «горячим побуждением»: «нет, все ерунда: невзирая ни на что, я ее люблю, не могу продолжать жить с ней в злобе, решительно ничего не хочу от нее для себя, пусть живет, где хочет и как хочет, — я хочу только примириться с ней и знать, что, живя где-то и с кем-то, она помнит меня, забыла все дурное, тяжелое, пережитое нами, и опять стала дорогим и близким мне человеком, хотя и где-то вдали» (как он писал жене 21 июля 1936 г., см. п. 433). 25 октября он заезжает к Кузнецовой, оставляет записку. Она звонит ему в отель, и они встречаются: два часа за кофе вечером. На следующий день утром вновь встреча —

²⁸ Запись в дневнике от 6 июля 1935 г. (*Устами Буниных*. Т. 3. С. 15).

²⁹ *Устами Буниных*. Т. 3. С. 15.

³⁰ Запись от 26 апреля 1936 г. (РАЛ. MS 1067/410). Ко времени этого разрыва относится первое из двух сохранившихся писем Ф.А. Степуна к Бунину (от 17 декабря 1935 г.), посвященных «злосчастной трагедии», которая связала его сестру с Кузнецовой и Буниным. Во втором из этих писем (от 22 октября 1936 г.) Ф.А. Степун писал: «В том, что на человека находит, что на него насылают судьба, он в значительной мере не повинен, но за свое отношение к случившемуся он отвечает. <...> Ведь не хотите же Вы вогнать в гроб ту самую Галину Николаевну, на которую Вы потратили “девять лет великой любви и заботы”. Мне кажется, ей, как и Марге, сейчас бесконечно тяжело жить» (см. *Степун–Бунин*. С. 113–117). Если первое письмо, судя по упоминаниям во втором, встретило у Бунина яростный отпор, то второе совпало по времени с примирением, которое произошло между ним и Кузнецовой в октябре 1936 г. (см. ниже).

³¹ Запись от 7 июня 1936 г. (*Устами Буниных*. Т. 3. С. 19).

завтрак и прогулка. Днем — поезд, на который она не успевает его проводить. «Жаль мне ее страшно. Ничуть она не изменилась», — напишет Бунин жене с дороги. И потом: «Ну, вот и помирились, как будто» (п. 460).

После встречи в Нюрнберге будет еще много острых и неприятных ситуаций (первая из них — письмо Кузнецовой, полученное Буниным в Риме через месяц, см. п. 464), но перелом уже произошел: и Г. Кузнецова, и М. Степун останутся в жизни Буниных. В феврале–марте 1937 г. Кузнецова живет у Буниных в Париже, ждет немецкую визу для поездки в Германию к М. Степун, и в последний день перед отъездом они с Буниным вместе ходят «за билетом и башмаками и еще всякими мелочами»³². В конце августа 1937 г. Г. Кузнецова пишет В.Н. Буниной и просит разрешения пожить в бунинской квартире на ул. Жака Оффенбаха в Париже, пока к выходу в свет готовится ее перевод романа Ф. Мориака «Волчица» (см. пп. 486, 487). Бунин возвращается домой из поездки по Югославии 4 сентября, на следующий день после приезда Кузнецовой. С тех пор Кузнецова живет у Буниных, а в июле 1938 г. в Париж приезжает и М. Степун. Осенью 1938 г. В.Н. Бунина хлопочет об устройстве вечера М. Степун в Париже и радуется его успеху (п. 595). Бунин тем временем живет на снятой на один сезон вилле в Босолее (рядом с Монте-Карло), впервые за долгое время возвращается к творчеству и посылает В.Н. Буниной и Г.Н. Кузнецовой в Париж на перепечатку свои рассказы: той осенью создано сразу несколько рассказов «Темных аллей», окончена «Лика»...

В тот год «семья» Буниных пополнилась: весной 1938-го у них поселились Елена Николаевна («Ляля») Жирова и ее пятилетняя дочь Оля, с которой В.Н. Бунина проводила много времени и для которой Бунин писал шуточные стихи. Сначала до июня 1940 г., затем с конца 1944 по 1948 г. Жировы находятся под кровом и фактически на попечении Буниных. Осенью 1938 г. Бунин в Босолее живет вместе с ними, Олечка Жирова болеет, Бунин должен заботиться о них, и 3 октября 1938 г. пишет В.Н. Буниной: «И думаю о себе: за что послал мне Бог в конце концов такую странную и горькую жизнь! Один, какая-то Ляля, какая-то девочка... Недоставало еще ребенка в моем несчастном доме — того, чего я всю жизнь так боялся... за что, за что? / Ну, да “плакать не поможет”» (п. 551). Уже к 1940 г. отношения с Жировыми, несмотря на неимоверные усилия В.Н. Буниной, будут испорчены, причина — «патологическая ревность <Е.Н. Жировой> к Олечке», то есть к ее занятиям с В.Н. Буниной, для которой они были большой радостью³³. Но и после войны Жировым придется пользоваться гостеприимством Буниных: они смогут уехать из их дома только весной 1948 г.

Вместе с тем до апреля 1942 г. в Грассе (на «Бельведере», затем на вилле «Жаннетт») вместе с Буниными живут Г. Кузнецова и М. Степун. Несмотря на прошлое примирение, и финансово, и психологически общая жизнь подчас невыносима. Скудная еда, скромные расходы на повседневные нужды вызывают упреки «гостей» (живущих, главным образом, на средства Буниных), но отказать им от дома Бунины не могут. Тяжелее всего приходится В.Н. Буниной, которая изо дня в день повторяет: «злоба на меня, недовольство мною, издевки и тому подобное». Она беспомощно признается: «Я все стараюсь понять свою вину». Бельведерские жильцы ведут себя неприязненно, и однажды, выходя из дома в сад, В.Н. Бунина застаёт такую картину: «<...> за одним столом пьют чай Галя с Маргой. За другим — Ляля, около нее Олечка стоит. Чем не пансион!»³⁴.

В мае 1940 г., после принятия французским правительством закона о высылке в Германию ее поданных, Бунин активно вступается за М. Степун и делает все, чтобы эта участь ее миновала³⁵. Только в апреле 1942 г. Г. Кузнецова и М. Степун навсегда покидают дом Буниных: они переезжают сначала в Канны, затем в мае 1943 г. в Дрезден, наконец в 1949 г. в США. Там они принимают ближайшее участие в подготовке к печати бунинских книг «Весной в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар» (обе вышли в Нью-Йорке в конце февраля 1953 г.), и Бунин горячо благодарит «дорогую Маргу» и «золотую киевлянку» (Кузнецова родилась в Киеве) «за труды <...> над моими злосчастны-

³² Запись в дневнике В.Н. Буниной от 22 марта 1937 г. (РАЛ. MS 1067/412).

³³ Запись в дневнике В.Н. Буниной от 11 января 1940 г. (РАЛ. MS 1067/410).

³⁴ Записи в дневнике В.Н. Буниной от 15 июня, 5 июля, 2 августа 1939 г. (РАЛ. MS 1067/410).

³⁵ Об этом см., напр.: *Устами Буниных*. Т. 3. С. 49.

ми книгами»³⁶. Позже Кузнецова вспоминала: «До самой смерти И. А. мы обе переписывались с В. Н. и с И. А. Всякий оттенок горечи исчез из его писем, некоторые из них были трогательно-сердечны. Вера Николаевна писала мне, что последнее письмо, которое он получил и прочел, было от меня»³⁷.

Л. Зуров в январе 1937 г. уехал от Буниных и начал самостоятельную жизнь³⁸. Но весной 1940 г. у него был обнаружен туберкулез, и осенью того же года, после пребывания в санатории, он вернулся в бунинский дом. Они вместе прожили военные годы в Грассе и послевоенные в Париже, и В.Н. Бунина, как прежде, в острых ситуациях пыталась примирить его с Буниным, хотя и сама не раз испытывала на себе раздражение своего «Питомца» (как называли поначалу Л. Зурова в бунинском доме). В январе 1953 г. в дневнике В.Н. Буниной были впервые отмечены признаки душевной болезни Л. Зурова³⁹. С конца июля 1953 г. он находился в частной клинике в Шато де Сюрен (Suresnes)⁴⁰, откуда был выписан 12 декабря 1953 г., уже после смерти Бунина.

И только В.Н. Бунина оставалась с мужем до последнего дня его земной жизни, пока 8 ноября 1953 г. смерть не разлучила их.

Следует обратить особое внимание на сохранность этой переписки. Дело в том, что письма В.Н. Муромцевой дореволюционного времени, судя по их содержанию, дошли до нас почти все. Однако ответных писем Бунина этого периода известно только шесть. Почему так произошло — не совсем ясно. Для полноты картины эти шесть писем Бунина к В.Н. Муромцевой здесь перепечатываются из научного издания эпистолярного наследия писателя: *Письма* (2).

В.Н. Муромцева бережно хранила все письма мужа, в одном из своих посланий (п. 121) она сообщает Бунину: «Сегодня я снова перечитывала все твои письма». Уезжая с Буниным из Москвы в Одессу в мае 1918 г., В.Н. Муромцева, естественно, свой архив (по крайней мере, основную его часть) оставила в Москве у родителей. Ведь тогда никто не мог подумать, что они покидали Москву навсегда. Сам факт, что известные нам шесть писем Бунина к В.Н. Муромцевой позднее появились в поле зрения исследователей, говорит о том, что мог сохраниться и весь корпус его писем. Сначала эти шесть писем Бунина были в частных собраниях, в настоящее время их автографы находятся в государственных архивохранилищах (ОГЛМТ, РГАЛИ). Трудно предположить, что все остальные письма Бунина пропали или были уничтожены.

Местонахождение дореволюционного архива В.Н. Муромцевой неизвестно. Вряд ли этот архив исчез или погиб. Если бы это случилось, тогда, вероятно, мы не знали бы писем Бунина к жене, а также других ее архивных материалов, отложившихся в ОГЛМТ.

Что касается дореволюционного архива Бунина, то его судьба также была непростой. В Орловском государственном музее И.С. Тургенева (ныне: Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева — ОГЛМТ) основная, наиболее значимая часть личного фонда И.А. Бунина (№ 14) формировалась в 1950–1970-е гг.

История этого собрания такова⁴¹: в 1918 г., после отъезда И.А. и В.Н. Буниных из Москвы в Одессу, литературный архив Бунина остался на хранении у старшего брата писателя, Ю.А. Бу-

³⁶ *Новые материалы* (3). С. 180.

³⁷ Письмо к А.К. Бабореко от 6 ноября 1969 г. (*Бабореко* (2004). С. 349). С 1955 г. Г. Кузнецова и М. Степун работали в издательском отделе ООН, в 1959 г. были переведены в Женеву, встречались с В.Н. Буниной (запись в дневнике В.Н. Буниной 25 января 1958; РАЛ. MS 1067/437). Последние годы жили в Мюнхене. М. Степун умерла в 1971 г., Г. Кузнецова 8 февраля 1976 г.

³⁸ 11 января 1937 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Сегодня утром Леня ушел от нас и поселился в общежитии <на> 43 rue François Gérard. / Как мне грустно и не опишешь. <...> Но ему будет лучше» (РАЛ. MS 1067/412).

³⁹ РАЛ. MS 1067/428.

⁴⁰ *Бунины–Адамович*. С. 110–111.

⁴¹ См.: Описание материалов Государственного музея И.С. Тургенева. II. И.А. Бунин. Орел: Приокское кн. изд-во, 1979. С. 3–4.

нина. Летом 1921 г., не пережив тягот послереволюционной жизни, Ю.А. Бунин скончался. Всё собрание, составной частью которого стали также материалы самого Юлия Алексеевича, было отправлено Н.А. Пушешникову. В 1936 г. в связи с кончиной Дмитрия Николаевича Муромцева, брата Веры Николаевны, собрание пополнилось письмами, посылавшимися ему сестрой из Франции в Москву.

После смерти в 1939 г. Н.А. Пушешникова хранительницей архива стала Клавдия Петровна Пушешникова, его вдова. В начале Великой Отечественной войны во время бомбардировки Москвы в ее квартиру попала бомба, в связи с чем архив пострадал, возможно, какие-то документы были утрачены. Спасая бесценные архивные реликвии, Клавдия Петровна временно перевезла их на квартиру к литературоведу Д.Л. Тальникову⁴², а после войны пришла к решению передать их в государственные хранилища Москвы и Орла.

В настоящее время ОГЛИМТ располагает значительным по объему личным фондом И.А. Бунина, в рукописно-документальной части которого хранятся также письма к нему его жены, В.Н. Муромцевой-Буниной.

Литературоведы и исследователи не раз обращались к ним, цитировали их, а в качестве приложения к публикации А.К. Бабореко⁴³ «В.Н. Бунина. Беседы с памятью», в томе 84 «Литературного наследия»⁴⁴, Л.Н. Афонин⁴⁵ подготовил обзор писем Веры Николаевны к писателю, подчеркнув, что в них «не только полно раскрывается обаятельная личность <...> спутницы и заботливой, самоотверженной помощницы Бунина в течение почти полувека, — но и отражены многие важные факты биографии писателя»⁴⁶.

Переписка Бунина с В.Н. Муромцевой эмигрантского периода сохранилась значительно лучше. Судя по содержанию, имеются лишь единичные лакуны.

Особенность данной переписки состоит в том, что она велась неравномерно, т.к. письма Бунины писали друг другу только в периоды разъездов, когда дела, здоровье или внешние обстоятельства вынуждали их на время расставаться. Непрерывность эпистолярного общения при расставании составляла неотъемлемую часть общего уклада семейной жизни, принятого Буниными и в их кругу.

Прежде всего переписка И.А. и В.Н. Буниных позволяет прояснить «географию» их жизни и проследить почти все бунинские поездки в данных хронологических рамках. Затем, это во многих отношениях психологический путеводитель по семейной истории, нетривиальные повороты которой сам Бунин наверняка хотел бы утаить от посторонних глаз. И наконец, в бунинской переписке с женой содержится отражение множества событий культурной жизни дореволюционной России и русской эмиграции во Франции 1920–1940-х гг., и всё это — вместе с адресами, личными отношениями, литературными вечерами и встречами в кафе и в издательствах — составляет целую энциклопедию повседневной жизни России и русского Парижа.

Если Бунин уезжал в Париж с Г. Кузнецовой, в его письмах могли быть ее (и тех, кто находился в тот момент рядом) приписки, адресованные В.Н. Буниной. Если В.Н. Бунина с Г. Кузнецовой оказывались в Париже, а Бунин и Л. Зуров оставались в Грассе, в письмах В.Н. Буниной были фрагменты, обращенные к ним обоим, и приписки Г. Кузнецовой. Письма, посланные из Парижа в Грасс и наоборот, представляют «маршрутные листы» всех четверых обитателей бунинского дома, позволяя

⁴² Давид Лазаревич Тальников (литературный псевдоним Дельта, настоящая фамилия Шпитальников; 1882–1961) — театральный критик, литературный критик, историк театра, литературовед, журналист; был хорошо знаком с Буниными и переписывался с ним.

⁴³ Александр Кузьмич Бабореко (1913–1999) — литературовед, кандидат филологических наук, текстолог, известный исследователь жизни и творчества И.А. Бунина.

⁴⁴ ЛН. Т. 84. Кн. 2. С. 159–220.

⁴⁵ Леонид Николаевич Афонин (1918–1975) — русский советский писатель, литературовед, театральный критик, педагог, кандидат филологических наук, Заслуженный работник культуры РСФСР (1966). Член Союза писателей СССР (с 1960). С 1959 по 1967 гг. — директор Государственного музея И.С. Тургенева.

⁴⁶ ЛН. Т. 84. Кн. 2. С. 221.

понять сложившиеся между ними отношения и показывают повседневную жизнь «русского Парижа» между 1931 и 1940 г. (когда эта тема звучит в переписке).

Существенна роль этих писем и для параллельной переписки — Бунина и Г. Кузнецовой, известной нам всего по нескольким письмам: в этом смысле приписки Г. Кузнецовой в письмах Бунина и В.Н. Буниной являются редкими уцелевшими образцами стиля общения, не предназначенного — не забудем об этом — для посторонних глаз (пп. 364, 527, 543, 579, 590, 637 и др.). Почти все письма Г. Кузнецовой к Бунину нам не известны, поэтому здесь следует сразу оговориться, что при частых упоминаниях в переписке ее писем в примечаниях к ним не будет каждый раз указываться, что данное письмо неизвестно. В этом же ряду — письма, написанные с участием ближнего бунинского окружения: М.А. Степун (п. 637), Е.Н. и О. Жировы (пп. 527, 603, 640) и др.

Подготовка текстов этой обширной переписки была связана с целым рядом сложностей: плохая сохранность некоторых писем, из-за чего отдельные фрагменты их почти не читались, нечетко написанные слова или выражения, недатированные письма или датированные ошибочно, открытки с оторванными марками и т.д. Вера Николаевна в большинстве случаев датировала свои письма, иногда в начале письма или в конце его она ставила не только дату, но время и место написания. Однако целый ряд писем или совсем не имеет даты или содержит некоторые элементы ее, например, число и месяц, только день недели или только одно число. При датировке подобных писем удавалось уточнить некоторые факты биографии Веры Николаевны и внести необходимые коррективы в хронологию ее «Бесед с памятью».

Например, одно письмо В.Н. Муромцевой к Бунину (п. 29) отправлено из Москвы и датировано: «20-го июля». В первую очередь была проанализирована сама дата, т.к. часто в письмах бывают опiski в месяцах июнь и июль, но в данном письме указано: «сегодня Ильин день», следовательно, написана дата правильно, т.к. память пророка Илии празднуется именно 20 июля (по старому стилю). По указанию в письме, что «послезавтра воскресенье» по календарям удалось установить возможные годы его написания: 1907, 1912, 1918. Последние два года — 1912 и 1918 сразу были исключены, т.к. в эти годы в июле В.Н. Муромцева была вместе с Буниным, что подтверждается несколькими документальными свидетельствами. Методом исключения остается 1907 г., но тогда это письмо входит в противоречие с воспоминаниями В.Н. Муромцевой, которая писала в книге «Беседы с памятью», что летом 1907 г. жила вместе с Буниным в Глогово. Этот факт еще подтверждается двумя письмами Бунина из Глогово к Н.Д. Телешову от 18 июня 1907 г.: «Вера тоже все время за работой» и к И.А. Белоусову от 25 июля 1907 г.: «Мы живем с Верой не в Огневке, а в Глодове, у моей сестры». При этом в первых числах июля 1907 г. Бунин с В.Н. Муромцевой едет из Глогово в Ефремов к большой матери. В.Н. Муромцева пишет в «Беседах с памятью» об этой поездке и знакомстве с Л.А. Буниной. Далее В.Н. Муромцева вспоминает, что вместе с Буниным возвратилась в Глогово и наблюдала как проходит там престольный праздник Кирика и Иулитты (краткое народное название Кирики) 15 июля.

На самом деле, очевидно, В.Н. Муромцева уехала в Москву примерно 5 или 6 июля 1907 г., а вернулась в Глогово 24 июля 1907 г. Данное письмо помогло нам выяснить не только местопребывание В.Н. Муромцевой, но и уточнить и поправить ее воспоминания. Действительно, В.Н. Муромцева в 1908 и 1909 гг. в июле находилась в Глогово и не раз могла наблюдать празднование Кириков, и эти впечатления, возможно, сместились у нее в памяти на 1907 г.

Публикация переписки Буниных подготовлена на основе общих принципов, изложенных во вступительной статье «От составителей». При текстологической подготовке данной переписки публикаторы столкнулись с несколькими проблемами. Довольно часто Бунины, иногда даже в одном письме, по-разному писали одну и ту же фамилию, например, фамилию Кянджунцев Бунины писали как Кенжунцев, Кянжунцев, Кенджунцев, редко встречалось и правильное написание этой фамилии. Иногда имело место неправильное написание географических названий. Часто бывали явные опiski: перепутаны местами буквы в середине слова, неправильная последовательность слов или несогласованность падежей и т.д. Все подобные случаи отнесены к разряду описок и в данной публикации исправляются без оговорок. Однако в других случаях, когда встречалось некое выду-

манное слово или чье-либо прозвище, тогда подобные слова оставались в авторском написании (например, «яда», «усчитил», «Парик», «Провинциальный монах» и т.д.). Все прозвища, если их удалось идентифицировать с конкретным лицом, каждый раз комментируются.

В тексте сохраняется прописная буква в «Вы» как форма вежливости, но только в единственном числе; встречающееся неустойчивое написание «вы» то с прописной, то со строчной буквы и обращенное к нескольким лицам, унифицируется — со строчной буквы. Воспроизводятся в авторском написании наиболее характерные для времени особенности написания некоторых слов («конфеты», «начай», «с начаем»). В текст вводятся пропущенные вопросительные знаки, необходимые по смыслу предложений.

При первом письме хронологического блока переписки примечания начинаются с информации об отсутствии одного из супругов: кто куда уехал и сколько времени длилась разлука.

В результате изучения всего корпуса текстов выяснилось, что ряд текстов, написанных В.Н. Муромцевой, как бы выпадает из общего эпистолярного собрания, например, два текста, написанные в форме дневника. Прежде всего можно было бы предположить, что эти дневниковые записи попали в эту переписку случайно и их следует изъять из писем и публиковать среди дневников Веры Николаевны. В целом таких случаев во всей переписке шесть: два в дореволюционном разделе и четыре в эмигрантском. Однако при внимательном изучении этих текстов выяснилось следующее.

Два текста из дореволюционного раздела, на первый взгляд, похожи на странички из дневника: от 27 августа 1912 г. (п. 148) и от 28 августа 1912 г. (п. 149). Первый текст даже имеет заголовок «Страничка из дневника». Как мы видели ранее, Вера Николаевна пыталась разными способами напомнить мужу, что он долго ей не пишет. Случай с «дневниковыми страничками» из той же категории: В.Н. Муромцева хотела показать Бунину, что обижена его молчанием и посылает только информацию о событиях и важных делах. Она с 1900-х гг. вела дневник. Для этих двух посланий она могла переписать из дневника необходимый текст и послать Бунину. Но главное, что эти «странички из дневника» действительно посылались в конвертах Бунину в качестве писем. Оба эти послания имеют номера, представленные рукой В.Н. Муромцевой: «Страничка из дневника» от 27 августа 1912 г. имеет «№ 5», а послание от 28 августа 1912 г. помечено — «б-ое». Оба эти текста имеют сгибы по размерам почтового конверта, а авторская нумерация вписывается в единый блок писем, который был пронумерован В.Н. Муромцевой. Так, письмо от 26 августа 1912 г. имеет помету «Письмо № 4», а в письме от 31 августа 1912 г. говорится, что оно седьмое, письмо от 2 сентября 1912 г. имеет помету «Это восьмое письмо». После получения писем от Бунина, В.Н. Муромцева прекращала нумеровать свои письма к нему.

Еще одно доказательство того, что эти два текста были посланы Бунину в качестве писем, состоит в том, что оба они заканчиваются предложениями, обращенными к Бунину в виде письма. При этом первое послание, от 27 августа 1912 г., распалось на два фрагмента: первый фрагмент письма (ОГЛМТ. Ф. 14. № 3227 оф) обрывается, а его концовка числится под другим инвентарным номером (ОГЛМТ. Ф. 14. 2959/98 оф) — листок без даты с заключительными формулами, написанными в стиле письма: «Целую. Поклон. Твоя Лошадка». Оба фрагмента совпадают по сгибам на бумаге, появившимся при вложении в почтовый конверт, и складываются по содержанию в единый текст. Второе послание, от 28 августа 1912 г., также заканчивается предложениями, обращенными к Бунину и его спутнику Н.А. Пушешникову в стиле письма: «Вот вы попали в Гурзуф, а когда я хотела дать тебе несколько советов, ты и слушать не хотел! Поклон Н<иколаю> Ал<ексеевичу>. Целую».

Подобные ситуации имели место и позже. В 1940 г. Вера Николаевна послала Бунину четыре письма в виде рукописной газеты «Вести из Пасси», содержавшей новости эмигрантской жизни (см. пп. 696, 697, 700, 706)⁴⁷.

⁴⁷ Подробнее см.: *Коростелев О.А.* «Вести из Пасси»: Рукописная газета В.Н. Буниной // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 348–369.

Для удобства восприятия столь большой переписки и ориентации в ней далее приводится хроника разъездов И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной.

1906 г. 18 декабря Бунин с племянниками Д.А. и Н.А. Пушешниковыми уезжает из Москвы в село Глотово. На Павелецком вокзале его провожает В.Н. Муромцева. Письма 1–5 (23–31 декабря).

1907 г. 3 или 4 января Бунин возвращается в Москву, куда его вызвала телеграммой В.Н. Муромцева, встречается с ней, а вечером 4 января вновь уезжает в Глотово, где живет до 12 января. Письма 6–7 (7–8 января). Письмо 8 (20 января) послано по городской почте, Бунин и В.Н. Муромцева в это время находились в Москве.

1–22 февраля Бунин живет в Глотово. Письма 9–21 (1–19 февраля).

9–17 марта Бунин живет в Петербурге. Письма 22–23 (11–14 марта).

25 мая — 5 июня В.Н. Муромцева после возвращения из зарубежного путешествия остается в Москве, а Бунин едет сначала в поселок Грязи (Тамбовской губернии), чтобы навестить больную мать, затем в Глотово, куда 6 июня приезжает В.Н. Муромцева. Письма 24–28 (26–31 мая).

6–23 июля В.Н. Муромцева живет в Москве, а Бунин — в Глотово, куда В.Н. Муромцева возвращается 24 июля. Письмо 29 (20 июля).

25 августа — 3 сентября В.Н. Муромцева живет в Москве, сдает экзамены на курсах, Бунин приезжает 4 сентября, останавливается в доме Муромцевых в Столовом переулке. Письма 30–33 (26 августа — 2 сентября).

10–17 сентября Бунин по издательским делам находится в Петербурге. Письма 34–39 (10–16 сентября).

1–13 октября Бунин вновь приезжает в Петербург. Письма 40–47 (2–11 октября).

26 октября — 2 ноября Бунин едет по делам в Петербург. Письма 48–50 (27–28 октября).

12 ноября Бунин приезжает в Петербург вместе с В.Н. Муромцевой, 17 ноября он возвращается в Москву, а В.Н. Муромцева остается гостить у знакомых в Сосновке под Петербургом. 1 декабря Бунин снова приезжает в Петербург. Письмо 51 (27 ноября).

1908 г. 25–28 февраля Бунин — в Петербурге, а В.Н. Муромцева — в Москве. Письма 52–54 (25–27 февраля).

1–8 апреля Бунин в Одессе. Письма 55–58 (1–4 апреля).

27 или 28 июля Бунин с Ю.А. Буниным уезжает из Ефремова в Москву, В.Н. Муромцева остается в Ефремове помогать ухаживать за больными М.А. Ласкаржевской и Л.А. Буниной. 3 августа Бунин уезжает из Москвы в Глотово, куда накануне уже вернулась В.Н. Муромцева. Письма 59–60 (29 июля — 2 августа).

9 декабря Бунин уезжает из Глотово, оставляя там В.Н. Муромцеву, возвращается 17 декабря. Письма 61–64 (10–14 декабря).

1909 г. 16 мая Бунин, оставив В.Н. Муромцеву в Москве, уезжает с Ю.А. Буниным в Ефремов к больной матери, 21 мая едет в Глотово, куда В.Н. Муромцева прибывает 10 или 11 июня. Письма 65–75 (17–31 мая).

И.А. Бунин и В.Н. Муромцева.

Москва, весна 1907 г.

(РАЛ)

На нижнем поле паспарту Бунин написал: «Весна 1907 г. Первое путешествие в Сирию, Палестину»

25 сентября Бунин уезжает из Москвы в Одессу, заболевшая В.Н. Муромцева остается в Москве. Бунин возвращается в Москву 19 или 20 октября. Письма 76–87 (25 сентября — 10 октября).

10 ноября Бунин с В.Н. Муромцевой приезжает в Петербург для официальных визитов после избрания его почетным академиком Императорской академии наук по Разряду изящной словесности. 19 ноября Бунин уезжает из Петербурга в Москву, В.Н. Муромцева остается гостить у профессора А.Г. Гусакова в Сосновке под Петербургом до 2 декабря. Письма 88–96 (20 ноября — 1 декабря).

1910 г. 22 мая — 3 июня Бунин в Ефремове навещает больную мать, затем пытается снять дачу на лето под Ефремовым или под Липецком, потом приезжает в Глоотово, где его уже ждала В.Н. Муромцева. Письмо 97 (31 мая).

1911 г. 29 июля. Письмо 98 (29 июля) послано с дороги во время краткой деловой поездки В.Н. Муромцевой.

6 августа — 10 сентября Бунин уезжает из Глоотово через Москву в Одессу, В.Н. Муромцева остается в Глоотово, заканчивая перевод романа Г. Флобера «Сентиментальное путешествие». Письма 99–124 (7 августа — 2 сентября).

20–29 сентября Бунин едет по делам в Петербург. Письма неизвестны.

1912 г. Бунин, В.Н. Муромцева и Н.А. Пушешников вернулись 28 февраля из заграничного путешествия в Одессу. 2 апреля В.Н. Муромцева и Н.А. Пушешников уезжают из Одессы в Москву, Бунин остается в Одессе до 27 или 28 апреля. Письма 125–141 (2–21 апреля).

С 4 июля Бунин, В.Н. Муромцева и Н.А. Пушешников живут в имении А.С. Черемнова Клеевка в Витебской губернии, 10 августа В.Н. Муромцева уезжает из Клеевки в Москву, Бунин с Н.А. Пушешниковым остается до 15 августа. Письма 142–144 (10–12 августа).

21 августа — 24 сентября Бунин и Н.А. Пушешников путешествуют по Крыму: Севастополь, Гурзуф, и 2 сентября приезжают в Одессу. Письма 145–165 (23 августа — 19 сентября).

1913 г. Возвращаясь из заграничного путешествия, Бунин 6 апреля под Одессой расстается с В.Н. Муромцевой, которая едет в Москву, Бунин — в Одессу, где живет до 17 апреля. Письма 166–170 (8–17 апреля).

2–13 июня Бунин с Ю.А. Буниным путешествует по Черному морю. Письма 171–172 (5–7 июня).

2–13 ноября Бунин с Н.А. Пушешниковым путешествует, заезжая в Кисловодск, Керчь, Ялту. Письма 173–175 (5–11 ноября).

30 ноября — 5 декабря Бунин в Петербурге. Письма 176–178 (1–4 декабря).

1914 г. 11–27 июня Бунин с Ю.А. Буниным путешествует на пароходе по Волге: Саратов, Самара, Жигули, Балахна, Городец, Ярославль. Письма 179–180 (15–18 июня).

16–19 октября В.Н. Муромцева гостит у знакомых в Спас-Загорье, Бунин в это время в Москве. Письма 181–182 (16–17 октября).

1915 г. 3–28 февраля В.Н. Муромцева находится на лечении в санатории в Малоярославце. Письма 183–187 (3–27 февраля).

С 12 мая Бунин с В.Н. Муромцевой и Ю.А. Буниным живет в Глоотово, 10 июля В.Н. Муромцева уезжает из Глоотово в Москву, возвращается 6 августа. Письма неизвестны.

В конце сентября В.Н. Муромцева уезжает из Глоотово в Москву, Бунин остается в Глоотово до 30 октября. Письмо 188 (после 3 октября).

19–21 ноября Бунин в Петрограде. Письма 189–190 (19–20 ноября).

1917 г. 2–18 апреля Бунин в Петрограде. Письма 191–192 (5–6 апреля).

1922 г. 31 мая — 8 июня поездка Бунина с В.А. Злобиным по югу Франции в поисках дома на лето, в результате на окраине Амбуаза они сняли Шато Нуарэ (Chateau Noiré). Бунины вместе с Мержековскими прожили в нем с 7 июля по 6 ноября 1922 г. Письма 193–196 (1–6 июня).

1925 г. 2–6 февраля Бунин по приглашению английского ПЕН-клуба посещает Лондон (см. мемуарный очерк «Джером Джером»). В.Н. Бунина остается в Париже. Письма 197–200 (2–4 февраля).

1927 г. 17 января — 3 февраля В.Н. Бунина пишет Бунину из больницы Виль Жуив, где ей была сделана операция по удалению желчного пузыря. Годом раньше в этом госпитале оперировали Бу-

нина, и воспоминания В.Н. Буниной о том времени смыкаются с прощальными письмами мужу на случай неблагоприятного исхода операции. Письма 201–204 (17–18 января).

1931 г. 6–13 ноября В.Н. Бунина и Л. Зуров остаются в Грассе. Бунин уезжает в Париж, чтобы посетить врачей. В Париже в это же время находится Г. Кузнецова (она уехала туда раньше, 27 октября), в Грасс они возвращаются вместе. Письма 205–212 (6–13 ноября).

1932 г. 3–21 апреля. Бунину нездоровится, он чувствует, что ему необходимо сменить обстановку, и предлагает поехать в Париж всем вместе, что заведомо почти невозможно финансово. 1 апреля он неожиданно объявляет В.Н. Буниной свое желание отправить ее и Г. Кузнецову в Париж, и через день, 3 апреля они уезжают (см. примеч. 1 к п. 213). Смысл пребывания в Париже В.Н. Бунина формулирует в письме к мужу от 12 апреля 1932 г.: «Нужно поддерживать отношения с людьми, и нужно сознаться, что у меня появилось сознание, что нас не оставят и что у нас есть настоящие друзья» (п. 228). Бунин тем временем испытывает огромную усталость и тревогу и 22 апреля вместе с Л. Зуровым тоже приезжает в Париж. Письма 213–237 (3–22 апреля).

8 мая Бунин и Г. Кузнецова возвращаются в Грасс, а В.Н. Бунина и Л. Зуров задерживаются в Париже до 13 мая из-за лечения Л. Зурова у стоматолога. Письма 238–242 (9–12 мая).

20 декабря — **1933 г.** 12 января. Бунин и Г. Кузнецова едут в Париж (один из поводов — в «Современных записках» готовится к изданию ее первый роман «Пролог», см. примеч. 11 к п. 244). Через три дня после их отъезда приходит известие о необходимости в наступающем январе представить кандидатов на Нобелевскую премию следующего года (п. 244 и примеч. 1 к нему). Бунин хочет вернуться в Грасс к «русскому Рождеству», но Г. Кузнецова заболевает («Я вне себя от горя», — пишет он жене 4 января 1933 г.), и они остаются в Париже еще на несколько дней. В.Н. Бунина тем временем в Грассе. Письма 243–269 (20 декабря 1932 г. — 12 января 1933 г.).

1933 г. 9–12 июня Бунин едет в Париж, где 10 июня в рамках Дня русской культуры выступает в Сорбонне на торжественном собрании, посвященном И.С. Тургеневу, с чтением отрывков из его произведений. В.Н. Бунина в Грассе. Письма 270–273 (9–11 июня).

15–22 ноября. Этот приезд Бунина в Париж был вызван событием, которое резко изменило жизнь всех обитателей «Бельведера» и стало триумфом русской эмиграции в целом: 9 ноября 1933 г. Шведская королевская академия присудила Бунину Нобелевскую премию по литературе. «И сразу обрывается вся моя прежняя жизнь» (*Публицистика*. С. 396). 14 ноября 1933 г. Бунин одинок уехал в Париж, его сборы, по словам его жены, представляли собой «настоящее комическое сиема», ибо он «все делал сам <...> волновался очень» (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 294). В Париже Бунин чувствует, что его понесло «стремительным потоком, который превратился вскоре даже в некоторое подобие сумасшедшего существования»: фотографии, журналисты, «приветственные телеграммы чуть не из всех стран мира, — отовсюду, кроме России!» (*Публицистика*. С. 397, 396). Парадная часть нобелевских торжеств хорошо известна (*Марченко* (2007). С. 405–433 и др.), переписка с женой дает комментарий к скрытой их стороне. Описывая эти дни, Я.Б. Полонский отмечает в дневнике: «Все судачат, с кем Бунин поедет в Стокгольм, с Кузнецовой или Верой Николаевной» (*Полонский*. С. 270). Оказывается, что первоначально Бунин намеревался поехать в Стокгольм один, о чем, видимо, и сообщил своим домашним по телефону (во всяком случае, письма не сохранилось). Это решение было доведено, очевидно, и до сведения шведской стороны, так как в письме к Бунину С. де Шессена от 21 ноября 1933 г. есть прямой ответ на него: «Очень удручены известием, что Вера Николаевна не приезжает. Мы так радовались при мысли, что увидим вас обоих» (РАЛ. MS 1066/5034; см. также далее примеч. 1 к п. 277). Психологическим контрапунктом переписки этих дней является письмо В.Н. Буниной от 18 ноября 1933 г., в котором она прилагает все силы к увещанию мужа (см. п. 277). Через день Бунин отвечает ей полным согласием (п. 278), неловкость разрешается, 22 или 23 ноября В.Н. Бунина и Г. Кузнецова выезжают в Париж. 3 декабря они вместе с Буниным и его «нобелевским секретарем» А. Седых (Я.М. Цвибаком) отправляются в Стокгольм. Письма 274–279 (15–21 ноября).

1934 г. 21–31 января Бунин с Г. Кузнецовой в Париже, В.Н. Бунина с Л. Зуровым через Дижон и Авиньон приезжает в Грасс. На обратном пути из Швеции, доехав через Германию до Парижа,

Бунины разделились: Бунин с Г. Кузнецовой остался в Париже, а В.Н. Бунина вместе с Л. Зуровым 20 января уехала из Парижа, провела несколько дней в Дижоне и Авиньоне, 23 января вернулась в Грасс и своими более чем скромными тратами вызвала негодование Бунина, послужившее причиной нового обострения отношений в бунинском доме. В эти дни В.Н. Бунина впервые так полно формулирует в письме к мужу то, что уже давно стало основой ее собственной внутренней жизни: «<...> я <...> поняла, что человек рождается один, страдает один, умирает один и жить, значит, должен один, не физически, а душевно, духовно, психически. Поняла, что жить без Бога, без личной ответственности нельзя, и еще больше поняла, и это за самое последнее время, что ни на кого, даже на самого близкого человека, надеяться нельзя <...>» (см. п. 281). Это сознание определило ее жизнь до самого конца и придало ей мужества в тех испытаниях, на пороге которых Бунины только оказались. Письма 280–288 (21 января — 1 февраля).

20–24 марта. Бунин в Париже, В.Н. Бунина в Грассе. Письма 289–296 (19–24 марта).

15–17 мая. Бунин с Г. Кузнецовой в Париже, В.Н. Бунина в Грассе. Письма 297–300 (15–17 мая).

17–23 сентября. Бунин уехал в Париж, В.Н. Бунина осталась в Грассе. Поездка была вызвана, прежде всего, дополнительными переговорами о подготовке собрания сочинений в берлинском издательстве «Петрополис», которое затягивало выход первых томов. Вместе с тем Бунин был занят поиском квартиры: после Нобелевской премии Бунины думали не только о покупке «Бельведера», но и о постоянном жилье в столице. Однако премиальные деньги таяли буквально на глазах, и ни вилла в Грассе, ни квартира в Париже так и не были куплены, а по-прежнему снимались: «Бельведер» — до сентября 1936 г. (и потом один сезон летом 1939 г., см. примеч. 1 к п. 296), квартира на ул. Жака Оффенбаха — с ноября 1934 г. Письма 301–308 (17–22 сентября).

26 ноября — 15 января 1935 г. Как и в прошлый раз, Бунин уезжает в Париж, где занят подготовкой собрания сочинений для издательства «Петрополис». С 14 по 19 декабря он едет (с П.А. Михайловым) развезать письма в Бельгию, из Брюсселя совершает однодневные поездки в Антверпен и Брюгге, но дождливая погода и собственные мысли заслоняют от него фламандское своеобразие (шп. 342–347). В.Н. Бунина и Л. Зуров остаются тем временем в Грассе, Г. Кузнецова по-прежнему в Германии. Не получая от нее писем, Бунин находится в сильнейшем волнении, и В.Н. Бунина всеми силами пытается успокоить его, со своей точки зрения объясняя мужу характер его возлюбленной. В начале декабря В.Н. Бунина тоже думает над поездкой в Париж, но вскоре оставляет эту мысль. Зато в самом конце декабря в Париж приезжает срочно вызванная Буниным Г. Кузнецова. Видя, что она по-прежнему стремится соединить свою жизнь с М. Степун, Бунин выдвигает Г. Кузнецовой ультиматум: «*Требую*, чтобы ты ехала в Грасс и прожила там до апреля — очухалась, пришла в себя и уж *потом* решила этот вопрос о переселении к Марге и о жизни с ней» (п. 379). Г. Кузнецова, находясь в крайне стесненных денежных обстоятельствах и не имея средств к независимой жизни, должна уступить: 15 января она и Бунин вместе выезжают из Парижа и возвращаются в Грасс. Письма 309–382 (26 ноября 1934 г. — 16 января 1935 г.).

1935 г. 15–26 марта Бунин с Г. Кузнецовой в Париже, куда 27 марта приезжает В.Н. Бунина с Л. Зуровым, который вскоре уезжает в этнографическую экспедицию в Прибалтику. Бунины вернутся в Грасс только в конце мая. Летом (20 июня — <10> сентября) в Грассе гостит М. Степун. Письма 383–388 (16–23 марта).

16–20 ноября. По приглашению бельгийского ПЕН-клуба Бунин едет в Брюссель с лекцией «Л.Н. Толстой (25-летие со дня смерти)». В.Н. Бунина остается в Грассе. Письма 389–391 (17–19 ноября).

1936 г. 3–16 марта. В.Н. Бунина с Л. Зуровым уехала в Париж, Бунин остался в Грассе. Л. Зуров возвращается в Грасс через три дня, В.Н. Бунина — 17 марта. Г. Кузнецова в это время в Германии, она и М. Степун придут в Париж только в середине июня. Письма 392–404 (4–16 марта).

25 апреля — 5 мая. Бунин уезжает в Париж 23 или 24 апреля⁴⁸, надеется получить визу для поездки в Польшу и уже планирует маршрут. В.Н. Бунина остается в Грассе. Бунину не удается

⁴⁸ Ср. сообщение в письме к Б. К. Зайцеву от 16 апреля 1936 г.: «думаю быть в Париже через неделю» (Бунины–Зайцевы (1979). № 134. С. 182) и п. 410.

получить визу (о причинах см. п. 410), и он возвращается в Грасс. Письма 405–419 (25 апреля — 5 мая).

25 мая — 2 июня. Бунин едет в Париж. Накануне его отъезда В.Н. Бунина пишет Г. Кузнецовой в Берлин: «У нас всякие планы, может быть, мы переедем в другую страну — Англию или Швейцарию, пока ничего не решено, но идут разговоры»⁴⁹. Через день: «Ян уехал: может быть, он поедет в Лондон, почти наверное»⁵⁰. Но ни в Лондон (ни тем более в Швейцарию) ни Бунин (ни тем более Бунины) не поехали, и накануне возвращения Бунина в Грасс его жена сообщила Г. Кузнецовой: «В Лондон не поехал. Дела устроил. И Лондон, и Швейцария зависят не от нас, а от обстоятельности»⁵¹. Вернулся 3 июня. В.Н. Бунина оставалась в Грассе. Письма 420–425 (25 мая — 31 мая).

17–28 июля. В.Н. Бунина в Париже, там же (еще с середины июня) Г. Кузнецова. Их встрече предшествовала дружеская переписка, о подробностях которой Бунин, очевидно, не знал (так, В.Н. Бунина предлагала Г. Кузнецовой в его отсутствие приехать в Грасс и разобрать оставшиеся там ее вещи⁵². В.Н. Бунина помогла достать для Г. Кузнецовой деньги и устроиться с жильем (в первое время в Париже Кузнецова жила у Л.А. Каминской), посылала ей (еще из Грасса) вещи и извещала о том, как настроен к ней Бунин⁵³. Снова В.Н. Бунина оказалась в роли посредника и своей главной задачей в Париже, очевидно, считала примирение мужа с создавшимся положением. Г. Кузнецова передавала через Веру Николаевну, как изменилось ее отношение к своему прошлому, а Бунин писал жене в расчете на то, что его письма будут прочтены и Кузнецовой, в последний раз умолял ее одуматься и не связывать свою жизнь с М. Степун. Примирения в этот раз не произошло, но через три месяца Бунин и Кузнецова встретятся в Нюрнберге, и на этом самый тяжелый период их отношений закончится. После отъезда Кузнецовой в Германию (28 июля), В.Н. Бунина 31 июля вернулась в Грасс, где ее ждали Бунин, Л. Зуров и приехавшие в последний раз погостить на «Бельведере» Б.К. и В.А. Зайцевы. Письма 426–445 (17–28 июля).

12–26 октября. В конце сентября 1936 г. после бесплодных переговоров о покупке «Бельведера» Бунины покидают его и переезжают в Париж на ул. Жака Оффенбаха. Именно отсюда 12 октября Бунин уезжает в Германию (Кёльн, Берлин, Лейпциг) и затем в Чехословакию. В Праге 23 октября 1936 г. он выступает на вечере, устроенном Союзом русских писателей и журналистов, читает отрывки из «Освобождения Толстого» и рассказа «Ида». Как и обещал Бунину устроитель вечера С.И. Варшавский, «народу на вечере была тьма, успех был большой», а выручка в половину меньше той, на которую можно было рассчитывать (п. 460). На обратном пути Бунин неожиданно для себя проезжает через Нюрнберг. Там происходит его встреча и примирение с Г. Кузнецовой (подробное описание в п. 460). В.Н. Бунина все это время остается в Париже. Письма 446–460 (13–26 октября).

11–16 ноября. Бунин в Италии, В.Н. Бунина в Париже. В Риме Бунин встречается с Вяч.И. Ивановым, Т.Л. Сухотиной-Толстой, Мережковскими. Видимо, в русле прежних идей о переезде из Франции в другую страну он примеряет возможность жизни в Риме, но к тому есть серьезные препятствия: «Колония тут, — это все говорят, — оч^{<ень>} небольшая, нищая, старорежимная... Нет, я думаю, нам тут не жить — огромный город, и будет оч^{<ень>} одиноко» (п. 461). Думает о поездке во Флоренцию, но отказывается от этой мысли и 17 ноября возвращается в Париж. Письма 461–464 (11–15 ноября).

6–13 декабря. Бунин в Лондоне. 10 декабря прием в его честь организует Англо-русский спортивный клуб. 12 декабря еще один прием устраивается в «Русском доме» Е.В. и Н.И. Саблиных. На следующий день он выезжает в Париж, где его ждет В.Н. Бунина. Письма 465–470 (6–11 декабря).

25–31 декабря. Бунин в Швейцарии, на модном высокогорном курорте Санкт-Морице: «Льжи — одно из самых любимых увлечений последних лет», — пишет в те дни остающаяся в Париже

⁴⁹ *Новые материалы* (3). С. 31; письмо от 23 мая 1936 г.

⁵⁰ *Новые материалы* (3). С. 33–34; письмо от 25 мая 1936 г.

⁵¹ *Новые материалы* (3). С. 36; письмо от 1 июня 1936 г.

⁵² *Новые материалы* (3). С. 33–35.

⁵³ *Новые материалы* (3). С. 41, 47 и др.

В.Н. Бунина (см. п. 473). Основная цель поездки состоит, видимо, во встречах с М.О. и М.С. Цетлиными (которые большую часть времени проводили тогда не в Париже, а в Лондоне), А.М. Михельсоном и банкиром Л.М. Бененсоном. Летом 1934 г. Бунин уже обсуждал с Цетлиными и Михельсоном покупку–продажу акций различных компаний (см.: *Бунин—СЗ*. С. 894–896). Возможно, сейчас, когда Франция особенно тяжело переживала мировой финансовый кризис и все больше погружалась в инфляцию, а Бунин был крайне заинтересован в том, чтобы сохранить остатки своего нобелевского «капитала», они вернулись к этой теме. Письма 471–476 (25–29 декабря).

1937 г. 26–31 мая. Письма написаны во время поездки Бунина в Швейцарию (Женева, Лозанна, Вева, Монтре) и Италию (Милан, Генуя). В.Н. Бунина остается в Париже. Письма 477–479 (26–28 мая).

17–31 июля. Бунин в Швейцарии, посетил Базель, Женеву, Хертенштайн, Монтре и Лозанну; видимо, был он и у Рахманиновых, живших на своей вилле «Сенар» на берегу Фирвальдштетского озера. Письма неизвестны⁵⁴.

18 августа — 3 сентября. Бунин едет в Югославию. Когда-то, в сентябре 1928 г. Бунин отказался поехать в Белград на съезд русских писателей, и нынешняя поездка могла считаться с его стороны знаком внимания к «сербам», уже почти 10 лет посылавшим ему и некоторым другим русским писателям денежные пособия. В Италии Бунин на двое суток задерживается в Венеции. Потом почти сутки плывет на пароходе, посещая о. Раб, Сплит, Дубровник, Любляну, Белград, Загреб. В интервью, данном по случаю приезда, Бунин скажет, что «<е>хал <...> к теплому морю с единственной целью отдохнуть, полежать на горячем песке под палящим солнцем». Но когда оказалось, что и в Италии, и на югославянском побережье Адриатики все переполнено отдыхающими, он отправился прямо в Белград, и его приезд «несмотря на свою неожиданность и кратковременность, явился крупным событием в культурной жизни Югославии»⁵⁵. Возвращается Бунин через Канны. В Париже его ждет не только В.Н. Бунина, но и приехавшая за время его отсутствия Г. Кузнецова. В июле 1938 г. к ней присоединится М. Степун. Л. Зуров уже с начала 1937 г. живет отдельно, он вернется в дом Буниных только осенью 1940 г. Письма 480–497 (18 августа — 3 сентября 1937 г.).

1938 г. 4 или 5 апреля Бунин уехал из Парижа в Грасс (?). Этот период в жизни Бунина документирован плохо. Письмо 498 (6 апреля).

21 апреля — 12 мая. Бунин едет в Прибалтику с серией литературных выступлений, посещает Каунас, Ригу, Даугавпилс, Тарту и Таллин⁵⁶. Письма 499–521 (21 апреля — 9 мая).

4–15 июля. 3 июля 1938 г. Бунин уехал из Парижа и в поисках замены «Бельведеру» «больше недели <...> скакал по Ривьере, от Ментоны до Марселя, ища <...> пристанища на лето, — и ничего не нашел» (как писал он М.В. Карамзиной 20 июля 1938 г.⁵⁷). За время отсутствия Бунина в Париж по окончании сезона в нюрнбергской опере приехала М. Степун. Видимо, они с Г. Кузнецовой хотели жить в Париже отдельно, но подходящего жилья найти не удалось (пп. 526, 548, 566, 579, 581 и далее), и В.Н. Бунина приютила «барышень» — они останутся у Буниных до апреля 1942 г. В своих письмах

⁵⁴ 28 июля 1937 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Ян уехал в Basel и на Рейн» (РАЛ. MS 1067/412). В Базеле Бунин жил в «Grand Hotel & Hotel Euler». Сохранились счета за поездку, дающие представление об образе жизни Бунина того времени: в Женеве (19–21 июля) он останавливался в «Hôtel Richemond», на Фирвальдштетском озере (21–25 июля) — в «Schloss-Hotel und Hotel Hertenstein»; в Лозанне (26–31 июля) — в «Hôtel Victoria», в Монтре (25–28 июля) — в «Grand Hotel Monney» (см. РАЛ. MS 1066/9834–9841).

⁵⁵ См.: *Рыбинский Н. И. А.* Бунин в Югославии. Писатель о поездке на юг, своих работах и встрече с Алексеем Толстым. (Письмо из Белграда) // *Сегодня*. 1937. 1 сентября. № 239. С. 2; *Р. [Рыбинский Н. И. А.]* Бунин в Югославии // *Иллюстрированная Россия*. 1937. № 39 (645). 18 сентября. С. 2. Поездка была организована с помощью П.Б. Струве (он с 1928 г. жил в Белграде, был председателем отделения общественных наук Русского научного института) и известного сербского лингвиста, возглавившего в тот год Сербскую академию наук и искусств Александра Белича. Подробнее см. примеч. к п. 488.

⁵⁶ Поездка подробно освещена в книге: *Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года*. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012.

⁵⁷ *ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 669.

В.Н. Бунина не устает подчеркивать, что «отношения у всех равные» (п. 527), стараясь подготовить мужа к новой семейной ситуации. Когда Бунин возвращается, в парижской квартире, кроме Веры Николаевны, его ждут Г. Кузнецова, М. Степун и Е.Н. и О. Жировы. Письма 522–532 (4–12 июля).

31 июля — 1 августа. Бунин уезжает в Биарриц, продолжая поиски жилья. Наконец, в начале августа с помощью Н.Б. Соллогуб Бунины сняли квартиру на вилле «Доминант» с садиком в Босолее (villa «La Dominante»), рядом с Монте-Карло. Около 20 августа 1938 г. Бунины уезжают из Парижа на машине в Босолей и до середины сентября живут там вместе. Письмо 533 (31 июля).

16 сентября — 25 ноября. В.Н. Бунина и Зайцевы уезжают в Париж. В.Н. Бунина едет, чтобы «устроить дела по Атаур'у, помочь Марге в устройстве концерта <это ее первый парижский концерт, он с успехом пройдет 15 ноября>, познакомиться с Леней <Л. Зуров только что вернулся из экспедиции в Эстонию>, взять зимние вещи, если Ян решит проводить здесь время»⁵⁸. Тем временем разгорается Судетский кризис, Европа наполняется ожиданием большой войны, растет инфляция, и со стороны В.Н. Буниной раздаются «опять вопли о деньгах» (п. 546). Надо платить за квартиру, а перевод от мужа задерживается: «Это стыднее, чем если ушла любовница», — пишет В.Н. Бунина (п. 567). Сам Бунин все это время остается в Босолее, вместе с ним живут Жировы. Осень в Босолее — один из самых плодотворных периодов позднего бунинского творчества. Как всегда перед писанием, он перечитывает любимые стихи, в этот раз — Я.П. Полонского, вспоминает «те чувства, что были в ранней молодости, в Озёрках» (см. его записи об этом при следующем перечитывании, осенью 1942 г.⁵⁹). Потом «вдруг» пишет рассказы «Степа», «Муза», «Поздний час», возвращается к оставленной несколько лет назад «Лике», и сочиняет несколько стихотворений, среди которых поздний поэтический шедевр, «Ночь» («Ледяная ночь, мистраль...»), последнее стихотворение, опубликованное при его жизни (в 1952 г.). Через год, вспоминая это время, Бунин напишет Б.К. и В.А. Зайцевым: «Прошлая зима, такая грустная и одинокая для меня, кажется теперь уже счастьем»⁶⁰. В.Н. Бунина возвращается в Босолей 25 ноября. Теперь ее задача — не только побить с мужем, но и сгладить его нарастающий конфликт с Е.Н. Жировой («Лялей»). Следующий месяц они проживут в Босолее все вместе. Срок аренды, первоначально ограниченный 15 октября, будет продлен, и Бунины останутся на вилле «Доминант» до мая 1939 г. Письма 534–599 (16 сентября — 23 ноября).

22 декабря — 1939 г. 13 февраля. Бунин в Париже, В.Н. Бунина в Босолее. 21 декабря Бунин уехал в Париж, где уже шла корректура «Лики», а на ул. Жака Оффенбаха в одной из комнат бунинской квартиры по-прежнему жили Г. Кузнецова и М. Степун. Корректурa все откладывалась (о «крахе» типографии см. п. 615), да и сам Бунин все правил и правил конец (см. п. 628), и книга выйдет только

В.Н. Муромцева и И.А. Бунин.

Москва, 1907 г.

(РАЛ)

⁵⁸ Запись в дневнике от 25 августа 1938 г. РАЛ. MS 1067/410.

⁵⁹ *Устами Буниных*. Т. 3. С. 142.

⁶⁰ *Бунин–Зайцевы* (1979). № 136. С. 130.

в начале апреля (Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Ч. 2. Лица. Брюссель, 1939). Отношения с «дамами», как называла их В.Н. Бунина в письмах, оставались напряженными и по-прежнему уязвляли бунинское самолюбие (см. п. 602, 627). Однако, когда М. Степун высказала пожелание устроить свой концерт на юге, Бунины моментально откликнулись согласием помочь и ей, и Г. Кузнецовой (пп. 612, 614). В.Н. Бунина все зимние месяцы живет в Босолее и заботится о Жировых, много внимания и времени уделяя пятилетней Оле. 14 февраля 1939 г. Бунин возвращается в Босолей. Через две недели В.Н. Бунина отмечает: «Ян в тяжелом состоянии — книга все не выходит. <...> Поездка в Париж выбила его из колеи»⁶¹. Письма 600–642 (22 декабря 1938 г. — 13 февраля 1939 г.).

1939 г. 19 апреля — 16 мая. Бунин в Париже (там же Г. Кузнецова и М. Степун), В.Н. Бунина и Жировы в Босолее. Бунин приехал в Париж, думая на случай войны снять в пригороде более дешевую квартиру. Но по приезде простыл, страдал от боли в правом виске (настигавшей его раз или два в году) и квартиры не смотрел, а согласился на освободившийся к этому времени знакомый ему «Бельведер». Как всегда во время отъезда, «платежи сыплются, как из рога изобилия» (п. 648), и с обеих сторон — Бунина и В.Н. Буниной — раздаются «скандальные вопли из-за денег» (там же), обостренные необходимостью хотя бы время от времени помогать Г. Кузнецовой и М. Степун и содержать Е.Н. и О. Жировых. В разгар ссоры Бунин пишет: «есть люди и хуже меня, идеальных браков не бывает» (там же), и Вера Николаевна, чтобы предотвратить выяснения отношений дома, накануне приезда мужа дает ему полный отчет в своих тратах (п. 669). Пока Бунин в Париже, 2 мая В.Н. Бунина, Е.Н. и О. Жировы переселяются на виллу «Бельведер». 16 мая 1939 г. туда на машине приезжают Бунин, Г. Кузнецова, М. Степун. Вместе с ними в Грасс впервые едет Н.В. Кодрянская. В этот, последний раз Бунины проживут на «Бельведере» до 26 сентября 1939 г. Письма 643–669 (19 апреля — 16 мая 1939 г.).

1940 г. 29 января — 16 февраля. Бунин в Париже, В.Н. Бунина в Грассе. От предыдущей переписки эти письма отделены историческим рубежом: 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. В конце сентября Бунины поспешно сняли виллу «Жаннетт», на которой провели затем все военные годы⁶². 28 января 1940 г. Бунин уезжает в Париж по врачевным и финансовым делам. В.Н. Бунина, Жировы, Г. Кузнецова и М. Степун живут в Грассе. Отношения в доме крайне натянутые, Вера Николаевна описывает их как «вежливо-безразличные», а свою жизнь как «отъединенн<ую> от всех» (п. 676). После возвращения Бунина она отмечает в дневнике: «Ян вернулся из Парижа в хорошем духе. Все, что нужно, сделал. Многих повидал»⁶³. Письма 670–690 (29 января — 13 февраля).

17 апреля — 8 мая. Бунин в Грассе, В.Н. Бунина в Париже. 12 апреля 1940 г. приходит известие о том, что у Л. Зурова (к тому времени уже три года жившего отдельно от них) обнаружен туберкулез. Охваченная тревогой, 16 апреля В.Н. Бунина едет к нему в Париж. Бунин, Г. Кузнецова, М. Степун, Е.Н. и О. Жировы остаются в Грассе. 19 апреля В.Н. Бунина участвует в организации вечера Б.К. Зайцева и на следующий день сообщает об этом в письме, написанном в виде рукописной «новой историко-литературной газеты ежедневной» «Вести из Пасси» (п. 696). Наконец, Бунин тоже собирается в Париж показаться врачам. 7 мая, накануне отъезда, он подводит итог последним годам, восстанавливая хронологию своей работы над «Жизнью Арсеньева»⁶⁴. Это действительно окончание большого этапа жизни: Бунин приезжает в Париж 9 мая, а на следующий день Германия вторгается в Люксембург, Голландию, Бельгию и Францию. Бунин пробудет в столице две недели, до 22 мая, успев за это время сдать в наем квартиру на ул. Жака Оффенбаха, разделить архив (часть отправляет в Тургеневскую библиотеку, часть берет с собой в Грасс) и в последний раз встретиться с уезжающим в США В.В. Набоковым. Письма 691–714 (17 апреля — 6 мая).

⁶¹ Запись от 28 февраля 1939 г. — *Устами Буниных*. Т. 3. С. 28.

⁶² Наиболее полное описание виллы см. в воспоминаниях Т.Д. Муравьевой-Логиновой (*ЛН*. Т. 84. Кн. 2. С. 309–311).

⁶³ РАЛ. MS 1067/410; запись от 23 февраля 1940 г.

⁶⁴ См. *Устами Буниных*. Т. 3. С. 48.

1947 г. 23 марта — 31 мая. Бунин в Русском доме в Жуан-ле-Пен (Juan-les-Pins). В.Н. Бунина в Париже. С декабря 1945 г., после переезда из Грасса в Париж, Бунин несколько раз тяжело болеет. Очередное воспаление легких настигает его в конце 1946 г., и к марту врачи и близкие в сильнейшем беспокойстве: никакие меры не помогают, слабость, кашель и кровотечения не проходят. 22 марта 1947 г. Бунин отправляется в Русский дом в Жуан-ле-Пен, расположенный на Лазурном берегу близ г. Антиб, и два месяца проводит «на курорте, несколько подобном нашему Гурзуфу» (так он пробует объяснить свое положение в письме к Н.Д. Телешову⁶⁵, под постоянным наблюдением врачей, и прежде всего, Б.Н. Беляева. Вместе с Буниным там в это время находится Н. Тэффи, часто приезжает М. Алданов. В Париже выходят первые номера газеты «Русская мысль», и 24 мая проходит собрание Союза русских писателей и журналистов (п. 768). Начинается резкая политическая поляризация «советских» и «непримиримых» эмигрантов, и Бунин очень скоро окажется в центре политического круговорота. Но пока Вера Николаевна ждет его возвращения в Париже, говееет, на Пасху причащается и на следующий день пишет: «Сегодня я поняла, что я, вероятно, одна теперь в мире люблю тебя только за тебя самого и, если бы ты не был в славе, ни лауреатом, то, м<ожет> б<ыть>, любила бы тебя еще сильнее, т.к. ты больше был бы моим. Я всегда боялась твоей славы, — она отнимает тебя от меня. Это я чувствовала сегодня за обедней, и слезы были на глазах» (п. 741). Это самая долгая их разлука — два месяца — будет и последней: до конца жизни они уже не расстанутся. Письма 715–769 (24 марта — 29 мая).

Подготовка текстов 1-й части писем и примечания к ним выполнены С.Н. Морозовым, Е.М. Шинковой, при участии О.А. Коростелева.

Подготовка текстов 2-й части писем и примечания к ним выполнены Г.З. Брэдли, Т.М. Двинятиной, Р.Д. Дэвисом, О.А. Коростелевым, при участии С.Н. Морозова; примечания к письмам 499–521 написаны при участии А.В. Бакунцева.

Переводы с итальянского языка выполнены А.С. Акимовой.

Авторы выражают благодарность Университету Санкт-Галлена (Universität St. Gallen, Швейцария) и профессору Ульриху Шмиду (Prof. Dr. Ulrich Schmid), М.В. Захаровой, И. Кареновичу, Т.И. Краснобородько, Е.Р. Пономареву, М. Юнгтрену (Гётеборг), Héléne Ravaisse, Jean-Yves Bazin (Paris), Anna Teicher (Cambridge) за всестороннюю помощь в работе над публикацией.

⁶⁵ См. ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 633.

ЧАСТЬ 1. ПЕРЕПИСКА 1906–1917 ГГ.

*Подготовка текста и примечания С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой***1. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину***Москва. 23 декабря 1906 г.*№ 2¹.

23 декабря 1906 г.

Еще не выходила пить чай, мой дорогой Дусик, а уже пишу тебе². Хочется послать тебе лучшие пожелания и сказать, как ты мил мне в эту минуту.

Чувствую эти дни себя не очень хорошо и в нравственном, и физическом отношении. Трудно вставать по утрам, — надо будет снова принимать пилюли.

Сегодня приступаю с сердечным трепетом к геологии³ недельки на две, а затем надеюсь с ней распрощаться если не навсегда, то, во всяком случае, на долгий срок.

Какая досада, что мы живем в такой несовершенный век, — так хотелось бы взглянуть на тебя одним глазком!!!

Черкни хоть пару слов.

Твой Тишка.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/56 оф.

¹ В.Н. Муромцева иногда ставила номера на своих письмах для того, чтобы, с одной стороны, показать Бунину, сколько она послала ему писем, а с другой стороны, очевидно, чтобы отслеживать, все ли ее письма доходят до адресата. Данное первое посланное Бунину письмо помечено: «№ 2», объяснение этого факта см. в п. 2.

² С 19 декабря 1906 г. Бунин жил в селе Глотова (Васильевское) Елецкого уезда Орловской губернии в имении своей двоюродной сестры С.Н. Пушешниковой. У Пушешниковых Бунин часто гостил и плодотворно там работал. В Москву Бунин вернулся 3 или 4 января 1907 г. (*Летопись* (1). С. 622, 631).

³ С 1903 г. В.Н. Муромцева училась на Московских Высших женских курсах профессора В.И. Герье, на физико-математическом факультете, имевшем в своем составе химико-фармацевтическое отделение. Владимир Иванович Герье (1837–1919) — историк, общественный деятель, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868–1904), почетный член Московского, Харьковского, Юрьевского университетов, университета в Кане (Нормандия), член Общества истории и древностей российских, Психологического общества и Общества любителей российской словесности при Московском университете, Московского археологического общества и Русского исторического общества в Санкт-Петербурге. В 1872 г. по его инициативе в Москве открыты Высшие женские курсы — курсы Герье.

2. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 23 декабря 1906 г.*

№ 3.

23 дек. 1906 г.
вечер.

«Это уж слишком писать два письма в день», — подумаешь ты при получении этого послания. Но что делать, когда мне неудержимо хочется говорить с тобой, рассказать тебе, что я перечувствовала за эти дни, передумала. И вот, не имея возможности этого сделать, я хочу просто сказать тебе, что сейчас, вернее весь этот день, я жила и живу тобой. Мне делалось

хорошо при мысли, что ты отдыхаешь, ведешь правильный образ жизни, будешь работать, творить. Что ты далек от пошлости, которая этот год, увы, тебя окружала. Я же до сих пор еще не пришла в себя, все как-то нервничаю, не могу приняться за науки, не могу собрать своих мыслей, не могу как следует выспаться. Хотя и веду правильный образ жизни, — по вечерам сажу дома и ложусь рано спать.

Вчера была на докладе Мандельштама¹, последний талантливо уничтожил «правых». Левым же покадил. Прения были воспрещены полицией.

Сегодня была у Верочки², покупали елку для Лешки³. Она написала тебе письмо⁴, которое я опущу вместе с моим. Видишь, как балуют тебя, маленького детеныша, женщины! Сумеешь ли ты оценить.

Тебя, может, удивит «№ 3» в заголовке письма? Ты ведь получаешь только второе письмо. Правда. Написано всех писем три, но первое я бросила не в почтовый ящик, а в свой собственный, так как оно было произведено на свет в то время, когда я была против тебя настроена, и знаешь почему? Мне сделалось обидно, зачем ты ездил к Адашеву⁵. Я уверена, что ты нарочно для этого остался несколько лишних часов в Москве. Вот ваше писательское тщеславие и огорчает меня. Ведь ты, Дусик, должен быть выше суеты людишек. Прости, что касаюсь я этого, но делаю я только потому, что я слишком остро отнеслась к этому и, сознаюсь, пережила тяжелые минуты. Но теперь я успокоилась, и кроме хорошего в моем сердце нет ничего по отношению к тебе.

Не сердись за мое невежество, напиши, что, собственно, значит «Сапсан»⁶. Я перечитала за эти дни многое из твоих вещей⁷ и скажу, что в минуты, когда мне особенно грустно без тебя, они являются большим утешением — «все-таки» частичка тебя.

Пиши, не забывай своего Тишку.

Давай знать о себе.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф.14. № 2959/59 оф.

¹ Михаил Львович Мандельштам (наст. имя Моисей Лейбович, 1866–1939) — адвокат, писатель, участник русского революционного движения. Газета «Русские ведомости» (1906. 22 декабря. № 310. С. 5) сообщала: «Сегодня, 22-го декабря доклад М.Л. Мандельштама “О парламентаризме”, в помещении бывшего театра Гирша на Поварской ул., в 8 ч. вечера».

² Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова, в 1-м браке Смирнова, во 2-м браке — жена писателя Б.К. Зайцева, 1878–1965) — близкая подруга В.Н. Муромцевой.

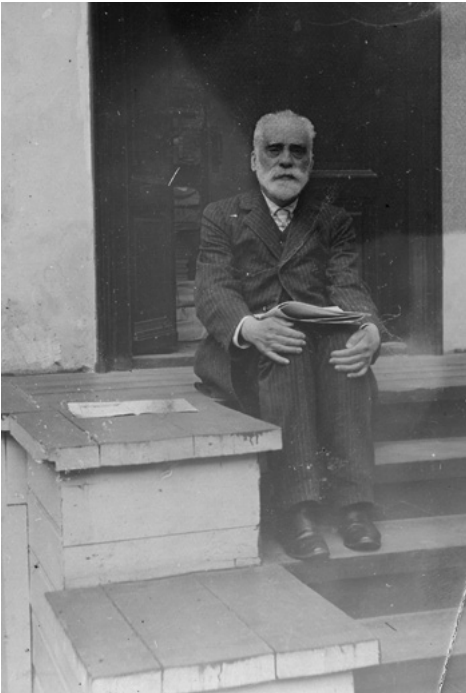
³ Алексей Николаевич Смирнов (1897–1919) — сын В.А. Зайцевой от первого брака.

⁴ Письмо В.А. Зайцевой неизвестно. См. п. 5.

⁵ Александр Иванович Адашев (наст. фам. Платонов, 1871–1934) — артист Московского Художественного театра; в 1906 г. основал и руководил частными драматическими курсами («Курсы драмы Адашева» 1906–1913). Бунин познакомился с Адашевым 15 апреля 1900 г. в Ялте, на обеде у Вл.И. Немировича-Данченко (см.: *Летопись (I)*. С. 349).

⁶ Сапсан — часто встречающееся, заимствованное из калмыцкого языка название настоящего сокола. Поэму Бунина «Сапсан» В.Н. Муромцева читала в 3-м томе сочинений Бунина «Стихотворения 1903–1906 гг.» (СПб., 1906), который он подарил ей 1 декабря 1906 г. (см.: *Муромцева-Бунина (1989)*. С. 277–278).

⁷ Вместе с 3-м томом Бунин подарил В.Н. Муромцевой свои книги: «Листопад» (М., 1901), «Новые стихотворения» (М., 1902), 1-й том «Рассказы» (СПб., 1904), 2-й том «Стихотворения» (СПб., 1903), перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (СПб., 1903) (см.: *Муромцева-Бунина (1989)*. С. 277–278).

Н.А. Муромцев.

Под Москвой на даче, 4 августа 1915 г.
(РАЛ)

3. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26 декабря 1906 г.

№ 5¹.

1906 г. 26 декабря.

Твое красноречивое письмо получила². Жаль, праздники мешают увидеть, чем кончается «Verseuse»³.

Более скромно проводить праздники нельзя, — уже сегодня я готовилась по геологии!

Чувствую себя относительно хорошо. Радуюсь за тебя, что ты далеко от Москвы, далеко от всяких людских пошлостей, которые меня нетнет, да и коснутся.

Представь, папа⁴ бывал в Глодове. Вчера я заставила его рассказать об местоположении этого имения и, насколько мне позволяет фантазия, я представляю тебя в твоих палестинах.

Будь здоров, счастлив, спокоен, работай.

Твой Тишка.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14.
№ 2959/58 оф.

¹ Письмо В.Муромцевой «№ 4» неизвестно.

² Письмо неизвестно.

³ Verseuse — колыбельная (*фр.*). Неясно, что имеется в виду.

⁴ Николай Андреевич Муромцев (1852–1933) — отец В.Н. Муромцевой, в 1907 г. — член Московской городской управы.

4. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 29 декабря 1906 г.

№ 6.

1906 г. 29 декабря.

Твое письмо¹ было живой водой для меня. Оно дало мне бодрость и силу. За последние дни я так намучилась и истрадалась от людской пошлости, что стала чувствовать себя очень дурно². Книга валилась из рук, симптомы тоски пугали меня. Подробно об этом писать не стану, — жаль чернил. Тем более, что все прошло, и я чувствую себя хорошо. Праздники провожу я более чем скромно. Только раз была в театре и наслаждалась игрою Шаляпина³. Даже не поехала вчера ни на вечер в пользу наших курсисток⁴, ни в литературно-художественный кружок⁵. Единственное удовольствие теперь у меня — прогулки. Каждый день, большею частью одна, я отправляюсь бродить по Москве. Сегодня был очень хороший морозный вечер, и я с большим удовольствием прошла по милой Пречистенке, по некоторым близлежащим переулкам, Пречистенскому бульвару, где не встретила ни души, наконец, по Мерзляковскому пер<еулку>. Здесь я зашла на курсы и нашла то, что тщетно

ждала все эти дни⁶. Дело в том, <что> начиная с сочельника, я заходила на курсы дня три подряд, но безуспешно. Решила, что ты позабыл об этом адресе, и перестала бывать там. Сегодня же зашла на всякий случай, может быть, не ты виноват, а почта... И не ошиблась.

Жаль, что у тебя нет привычки обозначать день отправления письма. По-моему, пиши лучше на курсы. Получать их там очень удобно, как войдешь, так направо висит ящик, разделенный на 30 частей, бери оттуда и в праздник, и в будни, когда хочешь. Вот относительно заказных — не знаю. Нужно об этом поговорить со швейцаром. Хотя заказные можно и на дом. Ведь я и те предпочитаю получать на курсах только потому, чтоб было меньше разговоров.

Какой скверный рассказ написала Нина Петровская⁷ «Раб» в «Перевале», во втором номере⁸. Мало того, что она, не стесняясь, рассказывает свои интимные отношения с Брюсовым⁹, но она касается его отношений с женой. стыдно делается, когда читаешь сие произведение. Твои же стихи, в особенности «Панихида», мне очень понравились¹⁰. Как-то странно их видеть в такой компании...

Поздно. Все уже спят. И мне пора. Жду обещанного письма, дусик.

М. В.

Далеко ли от Глотова могила твоего отца¹¹?

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/60 оф.

В левом верхнем углу: «№ 6» — проставлено В.Н. Муромцевой.

¹ Письмо неизвестно.

² В.Н. Муромцева намекает на недоброжелательное отношение ее родителей и друзей семьи к ее роману с женатым человеком из писательской среды — Буниным.

³ Очевидно, В.Н. Муромцева слушала в Большом театре 26 декабря оперу А.П. Бородина «Князь Игорь» с участием Федора Ивановича Шаляпина (1873–1938) (*Летопись Шаляпина*. Т. 1. С. 264).

⁴ В газете «Русские ведомости» (1906. 28 декабря. № 314. С. 2) опубликовано объявление: «Во всех залах Благородного собрания в четверг, 28-го декабря, состоится концерт в пользу недостаточных слушательниц высших женских курсов при благосклонном участии артистов императорских театров».

⁵ Литературно-художественный кружок — московский клуб деятелей литературы и искусств, существовал в 1898–1920 гг.; в его помещении (Большая Дмитровка, 15) часто читались лекции, устраивались литературно-музыкальные вечера. В рубрике «Московские вести» газета «Русские ведомости» (1906. 28 декабря. № 314. С. 5) сообщала: «Вместо обычного вторника 9-е собеседование в Литературно-художественном кружке состоится сегодня, 28-го декабря, Н.М. Гольденвейзер сделает сообщение “Поверженный Шекспир” (по поводу фельетонов Л.Н. Толстого о Шекспире)».

⁶ Переписка между В.Н. Муромцевой и Буниным шла втайне от ее родителей, поэтому письма Бунина Вера Николаевна получала через «почтовое отделение» (как она его называла) Московских высших женских курсов, где был установлен специальный ящик с ячейками для корреспонденции курсисток.

⁷ Нина Ивановна Петровская (в замужестве Соколова, 1879–1928) — прозаик, критик, переводчица.

⁸ *Петровская Н.И.* Раб // Перевал: Журнал свободной мысли. М., 1906. № 2 (декабрь). С. 48–50.

⁹ Близкие отношения В.Я. Брюсова с Н.И. Петровской длились семь лет.

¹⁰ В журнале «Перевал» (1906. № 2. С. 12) были напечатаны два стихотворения Бунина: «Панихида» («Ограда, крест, зеленая могила...»), «На рейде» («Люблю сухой, горячий блеск червонца...»).

¹¹ Алексей Николаевич Бунин (1827–1906) умер 6 декабря 1906 г., похоронен в ограде Скорбященской церкви в селе Грунин Воргол. Могила утрачена. 17 марта 1916 г. Бунин записал в «Дневнике»: «<...> Нынче именины отца. Уже десять лет в могиле в Грунине — одинокий, всеми забытый, на мужицком кладбище! И уж не найти теперь этой могилы — давно скотина столкла» (*Устами Буниных*. Т. 1. С. 149). Село Грунин Воргол расположено в 21 км от села Глотова (справка Е.Н. Дёмкина).

5. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 31 декабря 1906 г.

31 декабря 1906 г.

9 ч. вечера.

Дома никого нет, все разошлись. Кто в театр, кто — кататься на розвальнях и т.д. Я осталась одна и, пользуясь хорошим настроением, навеянным тишиной, решила побыть с тобой вдвоем часок другой, вплоть до того времени, когда мне нужно будет ехать «встречать» Новый год... Первый глоток будет за твоё здоровье, твою любовь и твой талант.

Какая прелесть «Джордано Бруно»¹! Очень благодарю за внимание. «Каина»² не получила. Письмом же от 28 дек<абря>³ успела начитаться. Так в Москве балы! И потому нет писем. Ошибаешься. Сегодня в первый раз я чувствую праздники.

С каким-то непонятным волнением отношусь я к нынешней встрече года. Целый день думаю о том, что он принесет мне? Будет ли он так же хорош для меня, как его папаша или же уродится в дедушку...

Как жаль, что Верочкино письмо⁴ пропало. Ей было очень скверно, и она написала тебе хорошее письмо. Мне бывает всегда досадно, когда подобные письма пропадают.

Заниматься я начала, но пока не особенно интенсивно, — больше одного билета в день не приходится проходить. После Нового года будет лучше в том отношении, что перестанут ходить поздравлять неизвестно с чем.

Пиши чаще, твои письма на меня очень хорошо действуют, дают энергию и поднимают нервы.

В Москве сильный мороз. Сейчас 24° P⁵. Вода в трубах замерзла у нас, и мы ощущали в некотором роде прошлогоднюю забастовку.

Очень беспокоюсь об Зое⁶, кажется, сегодня свершится великий акт, еще родится один смертный! Бедная, как должно быть, она страдает! Вообще я все больше и больше прихожу к заключению, как скверно быть женщиной, в особенности тогда, когда хочешь быть в то же время и человеком. Думается мне, что много горя увижу я в жизни... уж очень страдала я с раннего детства оттого, что я не мальчик. Вот и лирика, а ты не любишь этого. Ну не сердись, дорогой мой, за мою болтовню. Так спокойно в этот миг у меня на сердце.

Кто-то пришел. Слышу голоса в передней. Никак не пойму, чей голос. Догадалась — Сережа Одарченко⁷. Вот тоже странствующий артист!

Павлик⁸ тебя поздравляет с Новым годом, желает всего хорошего. Наговорил много глупостей, которых я не воспроизвожу.

Будь мил и счастлив.

Тишка.

P.S. Я опять стала похожа на Тишку, а то последние дни я переменяла прическу, которая меня очень изменила. Ты, может быть, и не узнал бы меня...

М. В.

Получил ли ты формулы⁹? Я послала их в ответ на твой «Чернозем»¹⁰ гласно. Верочка была в восторге от моего остроумия. Ты, конечно, рассердился. Впрочем, ты умен.

Верка.

¹ Имеется в виду книга XIV «Сборника товарищества “Знание”» (СПб., 1906), в которой (с. 185–198) были напечатаны стихотворения Бунина: «Пугач» («Он сел в глуши, в шатре столетней ели...»), «Утро» («И скрип, и визг над бухтой, наводненной...»), «Джордано Бруно» («Ковчег под предводительством осла...»), а также перевод Бунина поэмы А. Теннисона «Годива». Данная книга «Сборника» вышла в свет 19 декабря 1906 г. (*Летопись (I)*. С. 623). Очевидно, по просьбе Бунина эта книга «Сборника» была послана В. Муромцевой.

² Отдельное издание перевода Бунина мистерии Д. Байрона «Каин» (СПб.: Шиповник, 1907) вышло в свет в середине декабря 1906 г. (*Летопись (I)*. С. 622). В.Н. Муромцева вспоминала: «Новый год я встречала в Кружке, <...>. Наутро я получила из Петербурга новую его книгу, перевод “Каина” Байрона, изданный “Шиповником”» (*Муромцева-Бунина (1989)*. С. 282).

³ Письмо неизвестно.

⁴ Письмо В.А. Зайцевой неизвестно.

⁵ Реомюр — температурная шкала, названная по имени французского ученого Р.А. Реомюра. 24° по Реомюру соответствует 30° Цельсия.

⁶ Зоя Евгеньевна Шрейдер — близкая подруга В.Н. Муромцевой.

⁷ Сергей Константинович Одарченко — друг брата В.Н. Муромцевой — Д.Н. Муромцева; студент Московского университета, в будущем — помощник присяжного поверенного.

⁸ Павел Николаевич Муромцев (1887–1933) — брат В.Н. Муромцевой; врач.

⁹ Очевидно, шутивное письмо В.Н. Муромцевой к Бунину (неизвестно).

¹⁰ Имеется в виду брошюра Бунина «Чернозем» (Ростов-на-Дону: Донская речь, 1906), включавшая два рассказа: «Золотое дно» и «Сны».

6. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 7 января 1907 г.

Скажи на милость, какое преступление совершено мною, что ты нашел возможность применить ко мне такой способ наказания, какой не применяется даже при полевых судах. Даже там дают возможность обвиняемому оправдаться и тогда уже выносят приговор. Ты же, прямо обвиняя, наказываешь. Ты не захотел даже и спросить меня, почему, по каким побуждениям и причинам я поступила так или иначе. Может ты удивляешься, в чем наказание? То, что было пережито и перечувствовано вчера мною, долго не изгладится из моей памяти, долго еще при воспоминании об том письме¹ дрожь будет пробегать по моему телу. Когда я прочла вчера первые две страницы, слезы брызнули из глаз — это было в первый раз в жизни. Самые разнообразные чувства поднялись во мне: оскорбление, обида и т.д. Не помню, что написала тебе². Прости за небрежность этих строк, опять ты поставишь мне это на вид. Затем 10 часов подряд я не могла прийти в себя, разнообразные мысли, предположения и, наконец, подозрения кружились в моей голове. Ночь прошла без сна. Что за дикие планы приходили мне в голову. Сегодня я немного успокоилась и решила написать хорошее письмо, ничего от тебя не скрывая, что все это время волновало, мучило и заставляло писать тебе неопределенные письма — единственный правильный и заслуженный упрек. Дело вот в чем. С первого дня твоего отъезда, даже с четверга вечера, когда твой поезд еще не тронулся, я уже начала тосковать по тебе, и тоска эта продолжалась все время. Каждую минуту, каждую секунду я мысленно была с тобой, часто, гуляя одна по улицам Москвы, я воображала, что я с тобой, и вела беседы на различные темы. Все это было бы ничего, ведь и в тоске есть своего рода сладость, если бы к этому не примешивались другие огорчения. Ты напал на мое выражение: «людская пошлость»³, что оно книжно. Но скажи, как назвать, если мужчина с цензом на ученого приходит в дом с различными сплетнями, намеками и касается человека, который виноват перед ним только тем, что интересней его. Тебе приходит мысль, зачем я позволяла говорить об этом. Успокойся. Мало того, я прекратила с ним

всякие сношения. Кроме сего фрукта еще были рассказаны некоторые истории из твоей биографии, которые немного напугали домашних, и, благодаря которым, мне пришлось иметь несколько объяснений с родителями. Кончились они отлично. Теперь в моем присутствии о тебе почти не говорят. Решили, что хотя я и люблю тебя, но ты, конечно, скоро меня позабудешь вследствие своего непостоянства. Я не разuverяю их...

С первого января я чувствовала себя хорошо и бодро, занятия пошли успешно. С большим удовольствием я готовлюсь по геологии. Скучала только без писем. Раза два я даже бегала на курсы. Тебе же не писала потому, что думала ты в Воронеже⁴, во-первых, а во-вторых, начала сердиться за твое молчание. Ведь ты написал мне только два письма. Вчерашнее не считаю. Если б я была уверена, что ты не оскорбишься, я с удовольствием прислала <бы> тебе обратно его, чтоб ты уничтожил это противное письмо.

Дорогой мой, как можешь ты сомневаться в моей любви. Только тебя одного люблю я, только тобой и живу в настоящее время. Я, правда, очень похудела за это время, немного изнервничалась, но я бодрa, смела и ничего меня не страшит.

Одно мучает меня: по временам начинает казаться, что ты меня больше не любишь, что ты в деревне почувствовал, что я для тебя такая же маленькая незначительная встреча, каких в твоей жизни было немало. Если есть хоть какое-нибудь основание для подобных подозрений, напиши мне просто чистосердечно. Ведь что бы там о тебе ни говорили, а я знаю, что ты искренний, что ты не способен ломаться. Как бы тяжело не было бы мне, мне легче, если ты скажешь обо всем сам, чем, если мы разойдемся после многих ссор и неприятностей. Вот все, что я хотела сказать тебе. Верь только одному, что я никогда не сделаю тебе ни одного упрека, если ты сразу мне скажешь какую угодно истину. Надеюсь, что вопрос исчерпан, и мы на время оставим пререкания, если ты ко мне не изменился.

В Москве произошло важное событие. Любочка ушла от своего Федюка⁵. Разрыв, говорят, произошел на политической почве (?!). На днях зашла к Верке⁶, застала там весь Ареопаг с Апреевым⁷ во главе, обсуждали со всех сторон, по-видимому, этот факт. Меня туда не пустили — мала еще!

Холода у нас ужасные. Теплее 20° Р не бывает. В нашем дворянском доме такой мороз, что приходится, по крайней мере, в моей комнате заниматься в шубе. Часто вспоминаю Короленкинский рассказ, в котором проводится мысль, что под влиянием холода человек перестает чувствовать жалость и сострадание к ближнему⁸.

Прошла сегодня по геологии страниц 30-ть, после бессонной ночи, это хорошо! Читала об землетрясениях, ужас охватывает при мысли, как ничтожен человек в борьбе с природой. До сих пор не умеют определять времени катастроф. Узнают об этом *post factum*.

Однако и письмище я накатала тебе! Может, и не дочитаешь? Приезжай скорей, очень соскучилась. Как тебе не стыдно было писать, что ты, проезжая в Петербург через Москву, «может быть», со мной увидишься.

Ну, целую крепко-крепко.

Не сердись на своего
Тишку.

Боже, сколько бы я отдала лет жизни, чтоб видеть сейчас тебя. Не ставь мне всякое лыко в строку.

7 янв.

Вера.

Р.С. Приезжай так, чтоб 21 января ты мог бы быть на концерте⁹. Очень нужно. Я оставлю для тебя билет.

В. М.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/124 оф. Год установлен по содержанию письма. Р.С. — написано в верхней части л. 4 об.

¹ Бунин вновь уехал из Москвы в Глово в четверг вечером 4 января 1907 г., возвратился в Москву 13 января 1907 г. (*Летопись* (1). С. 631, 633). Письмо его неизвестно.

² Письмо неизвестно.

³ См. п. 3.

⁴ В Воронеже 8 января 1907 г. Бунин выступил на студенческом вечере с чтением своего перевода поэмы А.Теннисона «Годива».

⁵ Неустановленные лица.

⁶ В.А. Зайцева.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Имеется в виду рассказ В.Г. Короленко «Мороз» (Сибирские рассказы. I. Мороз. II. Последний путь // Русское богатство. 1901. № 1. С. 125–151).

⁹ Газета «Русские ведомости» (1907. 18 января. № 13. С. 1) поместила объявление: «В воскресенье, 21-го января 1907 г. в московском Благородном собрании состоится Музыкально-вокально-танцевальный вечер Общества вспомоществования нуждающимся ученицам училища для фельдшерниц в память М.К. Клейн при Старо-Екатерининской больнице <...>. По окончании концерта танцы до 3-х часов ночи».

7. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 8 января 1907 г.

Убедительно прошу тебя приехать на этих днях в Москву — мне *необходимо* видеть тебя¹.

К тому же в деревне скарлатина, ты заразишься еще там! Приезжай хотя на день на два. Не сомневаюсь, что моя просьба будет исполнена, и я скоро увижу тебя.

В. М.

1907 г. 8 января.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/2 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Ивану Алексеевичу Бунину. Орловская губ. Ст. Измалково Юго-вост. ж. д. с. Глово, имени Пушешниково»; слово «Заказное» зачеркнуто; почт. шт.: «Москва, 9.1.07»; «Измалково, 11.1.1907».

¹ См. примеч. 1 к п. 6.

8. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

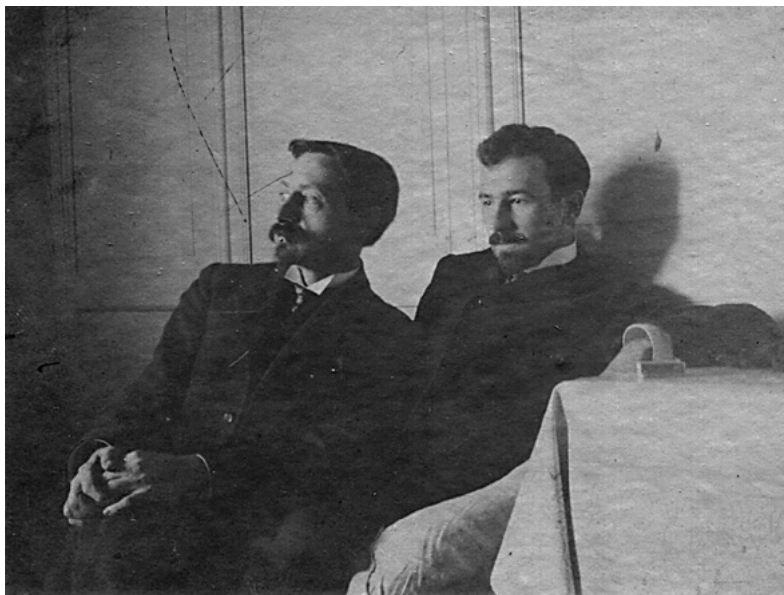
Москва. 20 января 1907 г.

Уже 10 часов пробило после того, как я приехала к Шрейдер¹. К счастью, мама² и Зоя³ в спальне, и я на свободе могу написать тебе несколько строк.

Молю судьбу, чтобы боль под ложечкой прошла у тебя, и ты заснул сном праведника. Будь здоров. Кланяйся Коле⁴. Кончаю, пожалуй, войдут.

Вера.

20 янв. 10 ч. 5 м.

И.А. Бунин и Н.А. Пушешников.

Глово, 1907 г.

(ОГЛИМТ)

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/165 оф. Написано красными чернилами. Год установлен по содержанию. Письмо послано по городской почте, в это время Бунин был в Москве.

¹ Семья Михаила Ильича Шрейдера — друзей Муромцевых.

² Лидия Федоровна Муромцева (урожд. Соколова, 1855–1923) — мать В.Н. Муромцевой.

³ З.Е. Шрейдер — жена М.И. Шрейдера.

⁴ Николай Алексеевич Пушешников (1882–1939) — двоюродный племянник Бунина, сын С.Н. Пушешниковой; переводчик.

9. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 1 февраля 1907 г.

С каждым днем я открываю в тебе все новые и новые гениальные черты, мой дорогой. Как хорошо ты сделал, что прислал весточку с дороги¹, — я засну сегодня спокойно и завтра встану со свежими силами и с энергией примусь за работу.

Сегодня я целый день приводила в порядок свою комнату, распределяла книги по шкафам, истребляла ненужные бумажонки и т.д. Занималась только часа 2 физиологией. Вечером ходила в гости к той самой подруге², которую ты видел у нас за обедом. Она потеряла недавно ребенка и до сих пор не может успокоиться. Сейчас около одиннадцати часов. Возьму ванну и лягу спать.

Кончаю, хочу сейчас сбежать и бросить письмо в ящик.

Будь здоров. В.

1 февраля 1907 г.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/27 оф.

¹ 1 февраля 1907 г. Бунин выехал из Москвы в Глоново, возвратился в Москву 22 или 23 февраля (*Летопись (I)*. С. 637, 642). Письмо его неизвестно.

² Неустановленное лицо.

10. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 2 февраля 1907 г.

2 февраля 1907 г.

Через четверть часа я должна быть уже в постели, — завтра нужно встать рано, чтоб попасть на лекцию к 9 часам утра. «Сегодня» прошло у меня отлично, — я целый день занималась делом, включая сюда и английский язык. Посему чувствую себя хорошо и бодро.

Если у вас такая же погода, как здесь, то ты, наверное, очень доволен, что в деревне, — сегодня пахнуло весной. Такой был ясный солнечный день, хотя и морозило. Один момент мне очень захотелось поехать с тобой куда-нибудь... Прочла «Искушение Св. Антония»¹. Произвело сильное впечатление. Но чтоб разобраться детально, надо прочесть еще несколько раз. Хорошо было прочесть вместе с тобой. Ведь там целая философия, и чтоб хорошо усвоить, нужно кое-что почитать.

12 часов. Хочу быть педантичной.

Пиши, мой дорогой, а то скучно без тебя.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/22 оф.

¹ Роман Гюстава Флобера (1821–1880) «Искушение святого Антония» В.Н. Муромцева впоследствии перевела на русский язык. Об этом есть упоминание в дневниках Н.А. Пушешникова: «“Искушение св. Антония” В<ера> Н<иколаевна> перевела, рукопись была исправлена И<ваном> А<лексеевичем> и сдана в издательство “Польза”» (ОГЛИМТ. Ф. 14. № 9076 оф, с. 9). Рукопись перевода с многочисленными поправками Бунина хранится в ОГЛИМТ (Ф. 14. № 3364 оф). См. также статью Л.Н. Афонина «Из записной книжки книголюба. Переведено В.Н. Муромцевой» (Орловская правда. 1970. 23 июня. № 143. С. 3).

11. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 4 февраля 1907 г.

1907 г. 4 февраля.

Дорогой Светик, как тебе не стыдно, до сих пор мне ничего не написать о том, как ты доехал и как твое здоровье. Сегодня из-за тебя зря прошла на курсы...

Я здорова, бодря. Зубрю, читаю и т.д. Веду монашеский образ жизни.

Сейчас мальчишки¹ звали в «Прагу»² на «Понте-Нанс»³ и сыр «Бри»⁴, но я осталась тверда перед таким искушением, да и их отговорила.

Никаких новостей не имеется. Все в Москве по-прежнему.

Будь здоров, пиши.

Начал ли ты работать?

Митя⁵ и Павлик⁶ шлют тебе самые искренние пожелания... (точки к Мите не относятся).

Тишка.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/26 оф.

¹ Очевидно, братья В.Н. Муромцевой. См. ниже примеч. 5 и 6.

² «Прага» — знаменитый московский ресторан на Арбате, где в начале XX в. собирались представители литературных и театральных кругов московской интеллигенции.

³ Сорт вина.

⁴ Сыр Бри (*фр.* Brie) — мягкий сыр из коровьего молока, названный по наименованию французской провинции, где его впервые стали делать.

⁵ Дмитрий Николаевич Муромцев (1886–1937) — брат В.Н. Муромцевой; юрист.

⁶ П.Н. Муромцев.

12. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 5 февраля 1907 г.

По дороге на лекцию эмбриологии я зашла в наше «почтовое отделение»¹, нашла твое письмо и с радостью узнала, что ты благополучно прибыл в деревню² и чувствуешь себя хорошо. Затем была на спевке, там узнала, что вчера наш хор пел в Пушкинской аудитории Палестрину с твоими словами³. Затем завтракала. За завтраком вышел неприятный разговор. Мама была вчера у Верочки⁴ и там слышала о том, что Марина⁵ вскочила тебе на колени и т.д., и что ты рассердился. На эту тему пошли разные разговоры. Не могу сказать, чтоб это было мне приятно.

Дома стали относиться к нашим отношениям несколько иначе, и у меня является надежда, что все образуется. И наши планы осуществляются без скандала⁶. Как это было бы хорошо!

Сейчас пришел Миша⁷ с известием, что университет, по всем вероятностям, закроют, т.к. в Петербурге был обыск в у<ниверсите>те, а в Одессе у<ниверсите>т уже закрыт⁸. В Москве, в техническом, тоже был обыск, и 100 чел<овек> арестовано⁹. Пишу тебе все это потому, что сегодня газет нет, а получаешь ли ты вечерние — я не знаю.

Носятся слухи, что, в конце концов, кадеты уступают одно место рабочему, но за достоверность не ручаюсь. Есть, между прочим, слух, что Думу совсем не созовут. В Петербурге меньшевики перегрызли с большевиками. Ленина будут судить партийным судом. Процесс обещает быть интересным. Если хочешь, я пришлю тебе ту брошюрку, за которую его привлекают к ответственности¹⁰.

Ем апельсин и сожалею, что лишена возможности положить одну дольку тебе в рот.

Чувствую себя хорошо, если не считать некоторой скуки, которую я ощущаю, не видя тебя. Утешаюсь мыслью, что ты работаешь и отдыхаешь от городской сутолоки. Сейчас буду заниматься английским языком. Сегодня у меня трудный день. До шести дома. От 6–8 — пройтись по физиологии животных, а от 8–11 пойду к Генкиной¹¹ готовиться к экзамену. Иногда ужас охватывает, когда сообразишь, сколько еще нужно будет вызубрить в эти месяцы.

Ну, пиши во всех смыслах.

Твоя.

1907 г. 5 февраля.

22 ч. и 30 м.

P.S. Если ты не получаешь вечерних газет, то я буду посылать тебе по понедельникам «Зорю»¹² или что-нибудь в этом роде. Напиши. Мне кроме удовольствия это ничего не доставит.

P.P.S. Сомнения наши с тобой разрешились в благоприятную сторону, дорогой мой¹³.

Целую.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/19 оф.

¹ Имеются в виду Московские Высшие женские курсы, куда адресовал Бунин свои письма к В.Н. Муромцевой.

² Письмо Бунина из Глотова неизвестно.

³ В рубрике «Театр и музыка» газета «Русские ведомости» (1907. 1 февраля. № 25. С. 4) сообщала: «В воскресенье, 4-го февраля в Введенском народном доме и в Пушкинской аудитории состоятся концерты, посвященные памяти М.И. Глинки, по поводу 50-летия со дня его смерти». Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (ок. 1525–1594) — выдающийся итальянский композитор XVI в., непревзойденный мастер хоровой полифонии, является одной из самых крупных фигур в музыке позднего Возрождения. Возможно, имеется в виду стихотворение Бунина «За все Тебя, Господь, благодарю!..», которое использовалось в качестве русского текста к Мессе Д. Палестрины.

⁴ В.А. Зайцева.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ В начале 1907 г. Бунин и В.Н. Муромцева планировали совершить совместное заграничное путешествие, что не вызвало одобрения в семье Муромцевых.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Газета «Русские ведомости» (1907. 4 февраля. № 27. С. 4) в рубрике «Внутренние известия» сообщала: «Одесса. 3-го февраля на общестуденческой сходке после трехдневного обсуждения положения, созданного избиением членами Союза русского народа студентов и граждан, студенческая сходка подавляющим большинством голосов постановила закрыть университет». В той же газете в рубрике «Московские вести» (с. 5) сообщалось: «На состоявшемся вчера заседании Центрального Университетского органа <...> большинством 106-ти голосов была отвергнута общеобязательность решений общестуденческих сходок».

⁹ Имеется в виду Императорское Московское техническое училище, впоследствии МГТУ им. Баумана.

¹⁰ В марте 1907 г. В.И. Ленин был привлечен меньшевистским ЦК к «партийному суду» за брошюру «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика», выпущенную в январе 1907 г. в Петербурге издательством «Новая дума» и подписанную «Н. Ленин».

¹¹ Эльза Михайловна Генкина — сотрудница библиотеки Московского университета, возможно, дочь московского врача М.С. Генкина. (См. пп. 21, 24, 26, 27, 41).

¹² Возможно, имеется в виду литературная, общественная и политическая иллюстрированная газета «Заря» (М., 1891–1907).

¹³ Что имеется в виду, неясно.

13. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 6 февраля 1907 г.

6 февраля 1907 г.

9 ч. 40 м.

Спешу сообщить некоторые политические новости, которые принес Митя¹ с выборов депутатов в Думу². Он пробрался в зал заседаний и все время был там. Кадеты не уступили место рабочему и выбрали Долгорукого³, Кизеветтера⁴, Маклакова⁵ и Тесленко⁶. Вели себя кадеты очень неаккуратно: когда говорили рабочие, то прерывали, кричали и т.д. Выборы же от губерний проходят великолепно — все левые, есть слух, что, может быть, относительное большинство левых не проведет ни Головина⁷, ни Челнокова⁸ в отместку кадетам. Правда, жаль, что последние не попадут в Думу — они очень знающие и дельные люди. Но я буду искренне рада, если кадетам не повезет здесь, уж очень они самодовольны!

Ужасно устала, а потому кончаю.

Целую тебя в твою гениальную бровь и прошу меньше курить.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/23 оф.

¹ Д.Н. Муромцев.

² Речь идет о выборах во II Государственную думу, которая функционировала с 20 февраля по 2 июня 1907 г.

³ Павел Дмитриевич Долгоруков (1866–1927) — политический деятель, один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии; председатель кадетской фракции II Государственной думы.

⁴ Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — историк, публицист, политический деятель, депутат II Государственной думы.

⁵ Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист, член ЦК партии кадетов. Депутат Государственной думы II, III и IV созывов.

⁶ Николай Васильевич Тесленко (1870–1942) — адвокат, общественный деятель. С 1899 г. присяжный поверенный юрист. Депутат Государственной думы II и III созывов, гласный Московской городской думы.

⁷ Федор Александрович Головин (1867–1937) — председатель II Государственной думы, земский деятель, один из основателей партии кадетов и член ее ЦК.

⁸ Михаил Васильевич Челноков (1863–1935) — политический деятель, член конституционно-демократической партии. В 1907 г. избран членом II Государственной думы от Московской губернии; в Думе избран ее секретарем.

14. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 7 февраля 1907 г.

Получила твое письмо от 5 февраля¹, и радостно и хорошо сделалось мне на душе. Не знаю «туман» ли это, или что другое, но то, что я чувствую, так сильно и так хорошо, что ни в сказке сказать, ни пером описать, в особенности уж моим... Сейчас я только что вернулась из электро-театра², где была с мальцами³, спасаясь от Горбунова⁴. Просмотрели там все, что можно и нельзя, кой-что было смешно. Как приедешь, обязательно пойдем. А то стыдно, что ты не был в таком цивилизованном месте!

С.А. Муромцев⁵ будет жить в Москве и писать мемуары о первой Думе и еще о чем-то. Какой-то Великий Князь его встретил где-то в поезде и в поезде же отдал ему визит. Говорят, что все подобные мелочи занимают его, как ребенка. Впрочем, меня это не удивляет, он очень тщеславный человек, и всякое внимание ему доставляет удовольствие.

На минутку заходила я к Верочке⁶, Зоя⁷ просила у нее взять на фасон одну кофточку. Там я встретила Зворыкина⁸ — настоящая пассия Нади Акопиан⁹, сестры Веры. Дурак поразительный. И опять они впутали Верочку в свою историю, и ей приходится выслушивать неприятности от самого Акопиана¹⁰. Ужасно, она странный человек, никогда не может отказать, если ее просят оказать услугу даже тем людям, которые, в конце концов, на нее наговаривают, и ей же придется расхлебывать всякую мерзость. И жалко, и досадно! А все-таки она хороший человек. В особенности я люблю ее тогда, когда она бывает настоящим человеком, тогда она говорит обыкновенным языком без всяких «выражений», и чувствуется в ней глубоко несчастный человек, несмотря на ее веселость.

На тебя произвели впечатление слова: «кончаю, пожалуй, войдут»¹¹. Не помню, кто, собственно, должен был войти. По всей вероятности, кто-нибудь из посторонних, а мне хотелось в тот же вечер послать, т.к. с нашими я не стесняюсь, они знают, что я пишу тебе. Тебе очень опасно писать, нужно всякое слово обдумывать, впрочем, это хорошо в воспитательном отношении — ты приучаешь меня к аккуратности, и мне это не во вред.

Почему ты ничего не пишешь, чем ты занимаешься, над чем работаешь. Ведь мне очень интересно знать, чем ты живешь. Ведь во всякую свободную минутку я с тобой!

Пора спать. Устала. А завтра нужно встать со свежими силами, ведь только неделя до экзамена.

7 ф. 1907 г.

Чувствую, как я начинаю тупеть от зубрежки.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/11 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² Электро-театр — так называли первые кинотеатры.

³ Имеются в виду младшие братья В.Н. Муромцевой: Д.Н. и П.Н. Муромцевы.

⁴ Очевидно, имеется в виду Александр Владимирович Горбунов (1867–1925) — профессор права Московских высших женских курсов; приват-доцент Московского университета.

⁵ Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) — юрист, публицист и политический деятель, профессор Московского университета, председатель I Государственной думы (1906), родной дядя В.Н. Муромцевой. В июле 1906 г. подписал Выборгское воззвание, за что был лишен избирательных прав (вскоре отсидел за это положенный срок — три месяца) и исключен из дворянского сословия, т.е. не мог быть и присяжным поверенным, почему ему и дорого было в этот момент внимание. По специальному прошению ему разрешено было снова преподавать в Московском университете (откуда он был в 1884 г. уволен за неблагонадежность), поэтому он и возвращался в Москву.

⁶ В.А. Зайцева.

⁷ З.Е. Шрейдер.

⁸ Зворыкин — второй муж Н.А. Акопиан.

⁹ Надежда Алексеевна Акопиан (урожд. Орешникова; в 1-м браке Акопиан, во 2-м — Зворыкина, 1877–1964) — сестра В.А. Зайцевой.

¹⁰ Аркадий Иванович Акопиан — присяжный поверенный в Москве; первый муж Н.А. Акопиан.

¹¹ См. п. 8.

15. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 9 февраля 1907 г.

9 февраля.

11 ч. 30 м.

Дорогой, хороший мой, сегодня я как-то особенно настроена нежно к тебе, как-то особенно грустно, что ты вдали от меня. Очень жалею, что ты не захотел воспользоваться Телешовской дружбой, не захотел быть поближе ко мне¹...

Москва со дня твоего отъезда мало чем изменилась, разве погодой. Тает, на улицах грязь, бегут ручьи. Но это временно, т.к. по метеорологическим данным весна обещает быть поздней.

Занятия мои находятся в удовлетворительном состоянии. Работаю с утра до вечера. Экзамен по физиологии мы перенесли (после зрелого обсуждения) с 16 ф<евраля> на 23. Как-никак этот предмет интересный, да и профессор хороший, а потому приготовиться кой-как не хочется. Впрочем, от этого мы ничего не теряем, т.к. следующий экзамен нельзя будет держать раньше первой недели поста.

Прочла несколько рассказов Чехова сегодня между делом, немного развеселилась. И с большим удовольствием принялась за физиологию. (Читала я у Генкиных).

Вечером у нас была Зоя². Трудное время приходится им переживать. Но она — молодец, не падает духом. Мама за них хлопочет. В одном месте обещали к 20 фев<аля> достать место для М.И.³

Вообще же, я никого не вижу, ни о ком не слышу, кроме курсовых. Вчера была в нашей фракции. Против обыкновенного было интересно. Очень хотелось взять какую-нибудь работу, но дамоклов меч в виде экзаменов удержал меня от сего благородного поступка.

На последней лекции геологии наш профессор сказал, что весною, после Пасхи, будут устраиваться различные экскурсии. Особенно интересна будет одна из них, трехдневная. Сначала в Рязань, затем по Оке до Муром, там в Ковров и Москву. Поедут знакомиться с пермскими отложениями. Если все будет благополучно, я буду еще в Москве, и <если> ты ничего не будешь иметь против этого, то я с большим удовольствием приму участие в этой интересной во всех отношениях поездке.

Часто, очень часто думаю о нашем будущем, и страшно, и хорошо делается мне, когда представляю нас с тобой где-нибудь на Шотландском берегу Атлантического океана, болтающими с местными рыбаками, или где-нибудь в Лондонской библиотеке, занимающимися каждый своим делом. А вечером идем гулять по городу, знакомимся с нравами и обычаями этой страны. Я не могу без волнения читать в газетах про Англию. Так тянет туда. Неужели все это мечты? А как хотелось бы мне, чтоб ты по-прежнему был тверд. Мне кажется по временам, что ты не решишься, в конце концов, на это, а уедешь в Палестину... и дрожь пробегает по телу.

Покойной ночи, родной мой, пиши. Ведь мне скучно не знать о том, что делаешь ты, чем живешь. А то ты на тот раз отделяешься общими фразами. Это мало мне. Я хочу знать все, что касается тебя. Надеюсь, что подобного упрека ты сделать не сможешь своему Волчонку.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/129 оф. Год определен по содержанию.

¹ Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957) — писатель, литературный и общественный деятель, один из организаторов литературно-художественного кружка «Среда», близкий друг Бунина, очевидно, приглашал его погостить на свою дачу в Малаховке под Москвой.

² З.Е. Шрейдер.

³ М.И. Шрейдер.

16. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 11 февраля 1907 г.

Получила сегодня стихи¹. Спасибо. Целую за них крепко. Последнее слово в приписке — «Пишу». Сначала я поняла так: что ты одновременно послал стихи на дом и письмо на курсы. Была там, но в ящике ничего не нашла. Таким образом, или письма, идущие на курсы, читаются, или же слово «пишу» относится к чему-нибудь другому.

Сейчас у нас Шуша², пришел прощаться, во вторник едет в Лодзь. «Мальчишник», из-за которого мы с тобой чуть было не поссорились, не состоялся. Говорит, денег нет. Но затем маме проговорился, что его будущий тесть прислал ему 500 рублей. Воображаю их разговор с матерью на тему, что лучше не тратиться, а приберечь копейку на черный день и т.д.

Что-то у меня разболелась сегодня вечером голова. Я стала даже читать статьи Троцкого³ вместо физиологии.

Забавная история! «Вече» привлекается к ответственности и один номер конфискован. Знаешь за что? За акростих в одном стихотворении «Врагам России»⁴. Кто-то подшутил, редакция проглядела, а вышли Гурко⁵ — вор, а Николай⁶ — хам и палач. Теперь этот номер

продается за 1 р. 50 и дороже. Я просила Сережу⁷ достать мне это стихотворение, тогда пришлю его.

Вчера мы были большой компанией в электро-театре. Все помешались на них. Мальчишки⁸ обегали почти всю Москву, осматривая подобные учреждения. Нужно сознаться, что доставляет удовольствие смотреть, как падает Ниагара, как швейцарцы делают восхождение на Монблан, как дети шалят; есть и парижский жанр, правда, доморощенный. По-моему, движущейся фотографии принадлежит большая будущность. Ведь можно будет применять ее на лекциях. Например, вместо того, чтобы показывать какую-нибудь большую студентам, профессор может заменить живых пациенток фотографическими, а при некотором усовершенствовании, я думаю, дело пойдет хорошо. Или когда нужно показать студентам редкую операцию, ведь, может статься, что нужных больных нет под рукою, вот на выручку тоже явится синематограф и т.д. Теперь же пока он приносит выгоду только предпринимателям, т.к. публика не оставляет их своим вниманием. Особенной популярностью пользуется парижский жанр, который показывается после 10 часов вечера.

Во вторник — выборы в Думе. На днях было бурное заседание. Против папы восстала черная сотня, но, говорят, что все-таки он будет избран в члены Управы⁹.

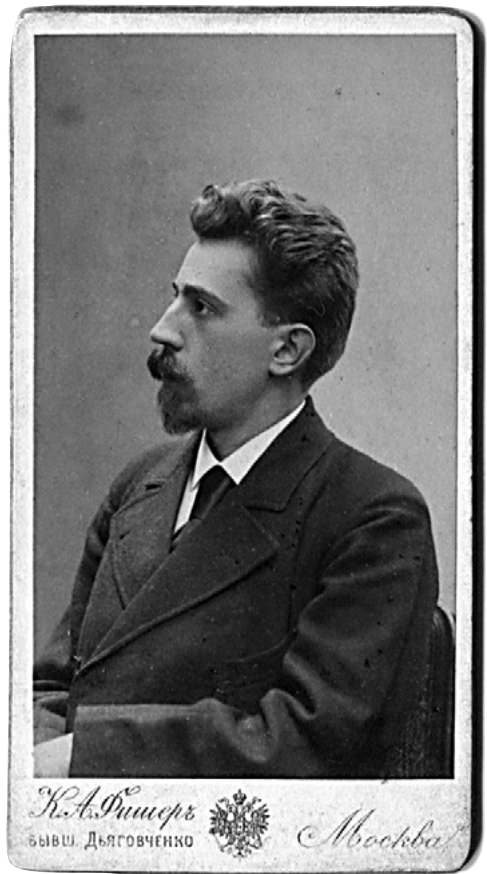
У меня еще забота. Моя ученица поссорилась со своей сестрой — портнихой, у которой она работала и теперь ее нужно куда-нибудь пристроить. Разошлись они из-за того, что мою ученицу, а также и других мастериц, она заставляла работать чуть не до полуночи, и вот они решили устроить «забастовку». Все это хорошо, только пока не знаю, куда деть Анюту (имя ученицы). Очень глупая у нас квартира, довольно большая, а толку нет! Если мама уедет в Петербург, тогда я помещу ее в маминую комнату. В настоящее время она обретается где-то у своей подружки.

Кончаю. Пойду пить чай. Послушаю Шушину болтовню, да и спать.

Крепко обнимаю и ...

Из столовой доносятся голоса, Шуша папе рассказывает, как портной переделал ему шубу и еще что-то.

1907 г. 11 февраля
8 ч. вечера.

Н.Д. Телешов.

Москва, 1897 г.

(ОГЛИМТ).

На обороте дарственная надпись:

«Ивану Алексеевичу Бунину
на доброе воспоминание.

Н. Телешов. 1897 г. Ноября 28».

В. М.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/10 оф.

¹ Какие стихотворения прислал Бунин — неизвестно.

² Неустановленное лицо.

³ Илья Маркович (Минахем Элияху Мордухаевич) Троцкий (1879–1969) — берлинский корреспондент газеты «Русское слово». См. также примеч. 3 к п. 206.

⁴ Стихотворение «Врагам России» («Господь прогневался на грешную Россию...») напечатано в газете «Вече» (1907. 8 февраля. № 16. С. 3. Подпись: В.С.М-ъ). Акrostих: Гурко вор, Николай хам и палач.

⁵ Владимир Иосифович Гурко (1863–1927) — помещик, монархист, в 1906 г. — товарищ министра внутренних дел. Был привлечен к суду за заключение неудачной сделки на поставку зерна с купцом Лидвалем. Обвиненный в превышении власти и нерадении, Гурко был уволен от должности товарища министра.

⁶ Император Николай II.

⁷ С.К. Одарченко.

⁸ Младшие братья В.Н. Муромцевой — Д.Н. и П.Н. Муромцевы.

⁹ См. примеч. 4 к п. 3.

17. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 12 февраля 1907 г.

Получила от тебя сегодня письмо¹. Глазам не верила, увидя 8 стр<аниц>. Какая щедрость поразительная! Seriously, я очень рада, что ты написал мне такое письмо, так сразу хорошо сделалось на душе.

Газету «Мысль»² посылаю. Купила № юмористич<еского> журнала «Барабан»³, но при знакомстве с ним увидела, что там исключительно одни пошлости, я взяла и бросила. А подлец газетчик продал мне его как кадетское остроумие. Наверное, и в тех, что я послала на прошлой неделе, одна пошлость. А ведь тоже продали за политическую литературу. В Москве стала выходить новая газета «Парус»⁴. Хвалят. Завтра pošлю тебе для знакомства.

Мои подозрения относительно курсов не оправдались — письма пришли одновременно. Напиши, думаешь ли ты приехать в Москву в этом месяце или нет? Мне нужно знать, и вот почему. Если ты не приедешь, то я на масленицу поеду к Бакастовым⁵ в Климовку. Я устала и с удовольствием отдохну несколько дней. Ничего не буду делать, только есть, спать и гулять. Обстановка там для этого очень подходящая. Если же ты решишь быть это время в Москве, то я, конечно, не поеду. Но знать мне хотелось бы заранее, чтоб успеть побывать у Бакастовых и назваться к ним. Сегодня я долго думала, приезжать тебе или нет, и решила так. Если тебя ничего, кроме меня, не притягивает в Москву, то лучше оставайся в деревне и работай, при теперешнем положении наши с тобой свидания сопряжены с такой затратой сил и нервов, что благоразумнее будет, пока до чертиков не соскучимся, работать каждому в своей норе. Не подумай, голубчик, что я пишу это в «рассуждении» поездки к Бакастовым. Туда я еду исключительно для поправки, вернее отдыха от всяких московских мелких забот и всего дня на 3–4. Да, впрочем, ты сам, не хуже меня, понимаешь. Одним словом, подумай об этом и напиши, и я поступлю согласно твоему решению.

В своем письме ты отлично нарисовал положение деревни, а что скажешь, когда вспомнишь, что в Казанской губернии отцы от голода продают своих дочерей на Кавказ. Дальше, по-моему, некуда идти. Вчера была заметка об этом «Р<усских> вед<омостей>»⁶. Скоро пять часов. Кончаю и посылаю на почту газету и письмо. Такая досада: «Мысль» сегодня вышла после 2 ч., приходится посылать только в 5 ч.

Сейчас обед. Затем практич<еские> занятия по физиологии. Потом теоретические часов до 10 с половиной, и ванна. Последнее — единственное удовольствие в моей настоящей жизни, если не считать писем из Глотова.

Будь умник, дите мое, не часто ли я пишу тебе? Как бы я поцеловала бы тебя крепко, крепко и в гениальные бровки, и в милые глаза.

В. М.

Шуша вчера вечером долго ораторствовал на тему: «Что такое ревность». Развивал мысль, что ревность — чувство, присущее нервным людям. И что он никогда не унижится до подобного чувства. Если же ему изменит его будущая жена, он тотчас без скандала даст ей паспорт и до свидания.

Подали «кушать».

12 ф. 1907.

Что означает (?) после 7 (?) в твоём письме, когда ты писал, что отвечаешь на 4 письма сразу.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/12 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² «Мысль» — имеется в виду ежедневная политическая и литературная вечерняя газета «Новая мысль» (М., 1906–1907).

³ «Барабан» — еженедельный юмористический журнал (М., 1907, вышло 9 номеров), редактор-издатель Х.А. Шухмин. Журнал ориентировался на мещанского читателя, печатая порнографическую беллетристику, большинство опубликованных в журнале стихов написано в псевдонародном стиле.

⁴ «Парус» — ежедневная политическая и литературная газета. Орган кадетов. Выходила в Москве с 11 (24) февраля по 9 (22) июня 1907. Выпущено 98 номеров. Редактор-издатель Н.М. Ахумов.

⁵ Неустановленные лица.

⁶ Речь идет о заметке в рубрике «Внутренние известия» в газете «Русские ведомости» (1907. 11 февраля. № 33. С. 3): «Казань. Продажа дочерей-девушек голодающими крестьянами продолжается. Вот новые данные торговли девушками: в Тетюшском уезде, в деревне Даушево, продана халифам девушка 19 лет за 100 руб. <...> По словам отцов, ездили и скупали девушек туркмены для отправки на Кавказ. Голод в Тетюшском уезде достиг ужасных размеров».

18. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 13–14 февраля 1907 г.

13 февраля.

Сегодня вечером я сделала две неловкости: не поехала провожать Шушу¹ на Брестский вокзал и не пошла к Зое² на именины. Произошло, главным образом, потому, что я слишком устала после занятий с Генкиной. Прочли мы с ней 66 стр<аниц>, причем половина напечатана мелким шрифтом. К тому же я и днем сегодня одна прошла стр<аниц> 30, постигала человеческое сердце. Трудная вещь и оно, да и вся физиология. Очень интересно, но зато и объемисто! Английским языком пришлось заниматься лишь один час, ну, да и это хорошо при нынешних обстоятельствах.

Пришли мальчики³ из Думы. Папа выбран⁴. Пришел вторым. За него подали 72 гол<о-са>, против — 37.

«Геймдаль»⁵ получила. Красиво.

Вчера мама была на Керзинском вечере⁶. Пелись и игрались произведения Рахманинова⁷. Романс на твои слова «Я опять одинок»⁸ имел большой успех, и маме очень понра-

вился. Исполнял Богданович⁹. Кроме того, тем же исполнителем было пропето романс на слова «Ночь печальна»¹⁰.

Приехала мама от Зои¹¹. Поздно. Пора спать, да и настроение прошло.

14 февраля. С добрым утром! Иду на лекцию и практические занятия по палеонтологии. Буду готовить шлиф¹². Чувствую себя хорошо. Жалко, что могу посмотреть только на портрет... Боже, какими урывками приходится писать тебе. «Ай, тяжела турецкая шарманка!...»¹³
В.М.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/127 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Неустановленное лицо

² З.Е. Шрейдер.

³ Братья Д.Н. и П.Н. Муромцевы.

⁴ См. примеч. 4 к п. 3.

⁵ Бунин прислал автограф стихотворения «Геймдаль», которое впервые было опубликовано во 2-й книге «Литературно-художественного альманаха издательства “Шиповник”» (СПб., 1907).

⁶ Аркадий Михайлович Керзин (1856–1914) — адвокат и любитель музыки, страстный пропагандист русской музыки. Организовал в Москве музыкально-просветительное общество — Кружок любителей русской музыки, сыгравшее большую роль в популяризации русской музыки (в особенности камерной). Автор брошюр «Мысли Чайковского о музыке и ее представителях» (М., 1905) и «Мусоргский Модест Петрович» (М., 1906), а также статей о русской опере, Ф.И. Шаляпине, С.В. Рахманинове-дирижере («Русский листок», 1904). Упоминаемый вечер Кружка любителей русской музыки состоялся 12 февраля 1907 г. в Большом зале Дворянского собрания.

⁷ Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943) — композитор, пианист, дирижер; близкий друг Бунина.

⁸ Романс С.В. Рахманинова «Я опять одинок» назван по заключительной строке стихотворения Бунина «Как светла, как нарядна весна!» (1899); романс написан 4 сентября 1906 г. в селе Ивановка Тамбовской губ., в имени, принадлежавшем его родственникам Сатиным.

⁹ Александр Владимирович Богданович (сцен. псевд. Владимиров, 1874–1950) — оперный артист, концертный певец, вокальный педагог, музыкальный общественный деятель.

¹⁰ Романс «Ночь печальна» написан С.В. Рахманиновым на слова стихотворения Бунина «Ночь печальна, как мечты мои...» (1900) 4 сентября 1906 г. в Ивановке (авторская дата) и посвящен М.С. и А.М. Керзиным.

¹¹ З.Е. Шрейдер.

¹² Шлиф — в геологии: тонкая пластинка горной породы или минерала, приклеенная на стекло; в палеонтологии: гистологический препарат кости или зуба в виде тонкой полированной пластинки, приклеенной между двумя стеклами.

¹³ Первая строка из стихотворения Бунина «С обезьяной» («Ай, тяжела турецкая шарманка...»), автограф которого был прислан в очередном письме. Впервые опубликовано в 20-й книге «Сборника товарищества “Знание”» (СПб., 1908).

19. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 15 февраля 1907 г.

Дорогой, хороший мой, час тому назад получила от тебя записочку¹ на курсах. Так хорошо и грустно на сердце! Грустное настроение у меня со вчерашнего дня. Вчера вечером мы все были в балете «Спящая красавица»² — Волинин³ прислал нам ложу. Когда я ехала туда, то была очень довольна, — по крайней мере, хотя на время забуду об экзаменах и дам отдых голове. Но на деле вышло не так — мне стало так грустно без тебя, так тоскливо, что не знала, когда все кончится. Вообще, вот психологическая черта — я гораздо лучше чувствую себя, когда я дома и, в особенности, занимаюсь. Как только попадаю на люди или куда-ни-

будь, то делается невероятно скучно, что ты не со мной. Это же ощущение я испытывала, когда была в последний раз в электро-театре. Таким образом, не приписывай моим добродетельным качествам то обстоятельство, что я почти нигде не бываю.

Твое длинное письмо я читаю и перечитываю чуть ли не каждый день, а о стихах — и не говорю. Кроме того, в промежутках между занятиями читаю Чехова. Вчера начала «Попрыгунью». А здорово он выставил Кувшинникову⁴, я немного с ней знакома. Вот все развлечения. Но, несмотря на это, я, в среднем, чувствую себя хорошо и бодро, надеюсь, что у меня хватит всяких сил выдержать все экзамены и быть к лету свободным человеком.

Вчера был в театре нижеследующий разговор, по-моему, небезынтересный для тебя. Сидим в ложе: папа, мама и я. Мама: «Сегодня была Маша⁵ (папина сестра). И я, между прочим, говорю: “Как ты отнеслась бы, если бы Вера с кем-нибудь стала жить нелегально?” (Нужно сказать, что у них разговор шел как раз на эту тему, т.к. дочь тети Маши⁶ сначала хотела жить, не венчаясь, но потом, по настоянию родителей, с одной стороны, и по здравому размышлению, с другой, она вступила в законный брак). Маме на это тетя Маша сказала, что Коле будет это очень тяжело, ведь он такой религиозный. «Правда ли?» — спросила мама папу. Папа: «Если я буду против этого, то, во всяком случае, не из религиозности, т. к. религия должна быть в душе у каждого, а обрядность — пустяки, а по практическим соображениям...» В этот момент оркестр заиграл увертюру и разговор прервался. Из этого маленького разговора ты видишь, что мои родители начали серьезно считаться с возможностью нашего с тобой «отъезда за границу». И мне кажется, если они действительно убедятся, что ты любишь меня и серьезно смотришь на наши отношения, то я думаю, все обойдется по-хорошему. Ведь само собой понятно, что равнодушны к этому они не могут быть, и то, что они беспокоятся, понятно.

Читал ли ты Толстого «О Шекспире и о драме»⁷, не забудь написать мне об этом.

На этот раз будет. Целую крепко моего Светика и желаю, чтоб он чувствовал себя хорошо, бодро и успешно работал.

А денек сегодня великолепный! Солнышко весело освещает мою комнатку! Перед окном у меня, как в деревне, сугроб и деревца...

Ну, довольно. Пора «пробивать» голову.

Твой Волчонок.

1907 г. 15 февраля.

С.Н. Пушешникова.

Елец, 1900-е гг.

(ОГЛИМТ)

Через 5 дней — Дума⁸! Что-то будет!

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/13 оф.

¹ Записка неизвестна.

² Балет П.И. Чайковского «Спящая красавица» (1889).

³ Александр Емельянович Волинин (1882–1955) — артист балета и известный балетный педагог.

⁴ Софья Петровна Кувшинникова (1847–1907) — художница, ученица И.И. Левитана. Современники увидели в рассказе А.П.Чехова «Попрыгунья» намек на отношения И.И. Левитана и С.П. Кувшинниковой, что привело к временному разрыву между художником и писателем.

⁵ Мария Андреевна Вокач (урожд. Муромцева, 1854–1920) — сестра Н.А. Муромцева.

⁶ У М.А. Вокач было две дочери: Наталья Николаевна Вокач (1882–1963) вышла замуж за И.А. Ильина; Елена Николаевна Вокач (1884–1936) вышла замуж за П.П. Зотова.

⁷ Очевидно, имеется в виду статья Л.Н. Толстого, вышедшая отдельным изданием: «О Шекспире и о драме: Критический очерк» (М.: Изд-е Товарищества И.Д. Сытина, 1907).

⁸ Государственная дума II созыва работала с 20 февраля по 3 июня 1907 г. В целом по составу она была более левой, чем первая, т.к. в выборах участвовали социал-демократы и эсеры.

20. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 18 февраля 1907 г.

Как рада, что ты скоро будешь в Москве¹, — соскучилась. Написала бы много, да времени нет, нужно последние дни основательно позубрить, а то просыплюсь. На счастье, завтра и во вторник лекций нет, можно будет сидеть с утра до ночи.

Спасибо за стихи и за объяснение, что Сириус изменил свой цвет². Знаешь ли ты причину этого явления, спрошу я теперь в свою очередь.

Письмо от 14 ф<евралья>³ получила, целую за него.

До скорого свидания.

Вера.

18 ф. 1907 г.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/21 оф.

¹ См. примеч. 1 к п. 9.

² Одна из нерешенных загадок астрономии: в древности авторы от Сенеки до Сыма Цяня описывали Сириус как звезду красного цвета, а сейчас она отчетливо видна как голубая. Об этом много писали, делая разные предположения, но окончательного объяснения этого явления нет.

³ Письмо неизвестно.

21. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 19 февраля 1907 г.

19 февраля 1907 г.

Итак, дорогой мой схимник, ты, по-видимому, обиделся на мое письмо, где я писала о Климовке¹. Сужу по тону письма² от 17. Напрасно. Я жалела потом, что коснулась об этом в письме, боялась, что ты к нему отнесешься так, как в самом деле и вышло. Но потом успокоилась, не получая по этому поводу ничего, думая, что ты понял, что говорить об этом не

стоит и обошел этот вопрос молчанием, за что была тебе очень благодарна. Поверь, дружок, что ведь мне очень хочется всегда тебя видеть и быть с тобой, а поэтому зачем ты хочешь уколоть меня фразой «до чертиков соскучившись»³, ведь ты знаешь, что когда я писала тебе об этом, то, главным образом, думала о тебе. В Климовку я расхотела ехать по некоторым обстоятельствам. Вот зовут в Петербург.

В. М.

Сейчас попало на глаза твое письмо от 14 ф<евраля>, и такой прилив чувств к тебе вызвало оно. Я даже распечатала конверт, чтобы приписать эти строки. Ну, не беспокойся, я скоро тебя не выпущу, противный мальчишка, поколотить мне тебя хочется и поцеловать в одно и то же время. Ну, Душек, не сердись, как сердился, а то, что ты сердишься, я чувствую. Как только приедешь, то дай знать, я теперь целые дни дома, а если дома нет, то у Генкиной. Скажи Мите или Павлику⁴ тогда, чтоб они мне дали об этом знать. Если б я наверное знала, когда ты будешь, я <бы> встретила тебя на вокзале. Эти дни кажутся длиннее, чем недели.

Ну, кончаю, а то — физиология-бризиология.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/14 оф.

¹ См. п. 17.

² Письмо неизвестно.

³ См. п. 17.

⁴ Д.Н. и П.Н. Муромцевы.

И.А. Бунин (в центре)
с А.М. Федоровым и Л.К. Федоровой.
Ялта, 1900-е гг.
(ОГЛИМТ)

22. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 11 марта 1907 г.

Тотчас же по получении твоей закрытки¹ я села писать, дорогой Кролик. Прошу, в свою очередь, не очень трепаться и не ложиться поздно спать, а то, если по возвращении из С.Птб я увижу соответствующую физиономию, то и здороваться не стану. Так и запомни! День сегодня серый, опять морозит. А вчера совсем было весной запахло. У меня насморк, и от него скверное настроение.

Готовлюсь к экзамену по эмбриологии. От мамы получила письмо, спрашивает, где ты, и, если в Москве — просит кланяться. Я написала ей относительно наших планов. Не знаю, как подействует на нее наш ускоренный отъезд. Кстати, порасспроси у твоих петербургских друзей и знакомых относительно Финляндии и Балтийского моря. Я боюсь, что под Одессой трудно будет устроиться потому, что там дачи сдаются без мебели. Ведь ты и

представить себе не можешь, как много нужно будет приобретать, если мы снимем только стены. Я же за это время наведу справки относительно Киева.

Вчера вечером у меня были гости: Олечка Бакастова, Соничка Субботина² и Зоя³, а позднее пришли Шрейдер⁴ и Валиев⁵. Время провели очень мило и скромно. Пили чай в маминой комнате. Соблазняли ехать на Кавказ в Нальчик. Говорят, дешевизна там поразительная. Одним словом, я по-прежнему путешествую по карте России, не находя для нас достойного места.

А я все-таки завидую тебе, что ты в Петербурге, как-никак я соскучилась по нем. С удовольствием прошлась бы по набережной, посмотрела вечером на Троицкий мост и т.д. Да, не забудь, во-первых, пойти в Думу, а, во-вторых, купить мне шпильки винтом у Alexandre⁶. Пишу тебе об этом, т.к. уверена, что ты будешь вести беспутный образ жизни и забудешь сделать то, что надо.

Ну, пока кончаю. Как захочется, так напишу еще.

Крепко целую тебя, если ты стоишь этого, и жду от тебя письма.

В.М.

P.S. Сегодня мы начали последнюю банку варенья — замечательно вкусное! Если ты будешь очень долго в Петербурге, то мы все уничтожим, и ты не будешь иметь удовольствия попробовать сего замечательного произведения искусства.

1907 г. 11 марта.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/15 оф.

¹ Бунин уехал из Москвы в Петербург 8 или 9 марта 1907 г., вернулся в Москву 17 или 18 марта 1907 г. (*Летопись* (I). С. 645–646). Имеется в виду закрытое письмо «секретка», посылаемое без конверта, бланк закрытого письма складывался пополам и заклеивался по краям. Письмо неизвестно.

² Неустановленные лица.

³ З.Е. Шрейдер.

⁴ М.И. Шрейдер.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Магазин фирмы «Александр и К°» в Петербурге (Невский пр., д. 11), владелец Александр Трейберг.

23. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 14 марта 1907 г.

Наконец-то, дорогой мой Светик, получила я от тебя письмо¹. А то я уже затосковала, не имея почти никаких известий.

Вчера от мамы получила письмо в ответ на мое, где я изложила наши планы. Посылаю его. Пожалуйста, возьми его опять мне.

С Раппопортом² я знакома. Но только он, вероятно, с кем-нибудь меня путает, т.к. я с ним никогда в переписке не состояла. Правда, летом он прислал мне открытку из Финляндии, но этим все и ограничилось. Относительно Маттесена³ тоже сущий вздор. Хотя я признаю его очень милым мальчиком.

Погода сегодня у нас великолепная, ясная, солнечная. Я ходила сегодня в драповом пальто. Если в Петерб<урге> так же тепло, то тебе невыносимо, должно быть, в меху. Радуюсь, что, может, это заставит тебя раньше вернуться в Москву.

Я начала работу в лаборатории, вчера произвела первое сжигание. Не знаю, какие еще

результаты, но голова у меня вчера разболелась так, что и рассказать не сумею. Сегодня опять предстоит такое же удовольствие. В лаборатории те, кто давно не видели меня, нашли, что я очень изменилась, стала, как они говорят, на себя не похожа. Там я случайно разговорилась с одной девицей, которая отлично знает места под Киевом. Она с таким увлечением рассказывает о них, что меня невольно потянуло туда.

А то, что Федоров⁴ болтает, меня нисколько не удивляет, — это в его стиле. Конечно, и Одесса уже оповещена о наших намерениях и планах. Это нужно принять во внимание.

М.И. Шрейдера чуть не убила льдина, упавшая с дома Дворцового ведомства, пудов в 10. Все-таки маленькое сотрясение мозга было. Вот не везет. Поразительно!

Целую тебя крепко. Пиши, родной мой.

Вера.

14 марта 1907 г.

Как долго идут письма из Петербурга в Москву.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/16 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² Неустановленное лицо.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Александр Митрофанович Федоров (1868–1949) — одесский поэт, драматург, прозаик, журналист, близкий друг Бунина. См. также примеч. 5 к п. 262.

24. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26 мая 1907 г.

26 мая 1907 г.

Дорогой мой Светик, только сегодня почувствовала, как я устала. Воображаю, что ощущаешь ты!¹ Вчера вечером рецептов не нашла... ну, подумала, не избежать мне турецких зверств от своего Повелителя. Даже заснуть долго не могла, несмотря на то, что после ванны чувствовала необыкновенную сладость чистоты. На утро мне посчастливилось. Вижу, в красненькой книжечке, что из папиросной бумаги, что-то желтеется. Вглядываюсь. Рецепты. Ну, слава Аллаху. На днях пойду к Феррейну² и закажу лекарства.

Сейчас говорила с Книппер³. М<ария> П<авловна>⁴ — в Ялте, где пробудет до половины июня. В понедельник туда выезжает Ольга Леонардовна, которая приглашала тебя приехать в Ялту. Она сказала, что вчера она ждала тебя. Я объяснила в чем дело.

В «Русской мысли» была и деньги получила, как говорится, сполна, 12 рубл.⁵

Мама все еще слаба.

Была и у Дерягина⁶. Но там заявили, что больше, как на 2 недели, книгу не дают. Оттуда зашла к Эльзе⁷ в университетскую библиотеку и просила посмотреть, нет ли у них Суворина⁸. К сожалению, этой книги не оказалось. Но зато она обещала принести несколько книг по Палестине, и мы можем их держать до осени.

Сейчас иду с Сево⁹ покупать башмаки, невыносимо жарко в высоких.

Ну, будь здоров, мой золотой. Как-то ты без меня, «весь нечесанный».

Напиши о том, как все нашел.

Кланяйся Юлию Алексеевичу¹⁰.

Ну, целую крепко-крепко.

Не забывай своего Гуську.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/54 оф.

¹ 25 мая 1907 г. Бунин с В.Н. Муромцевой возвратился из заграничного путешествия в Москву, в тот же день он выехал в Грязи проведать большую мать и сестру М.А. Ласкаржевскую, там же в это время был Ю.А. Бунин. 29 мая 1907 г. Бунин уехал из Грязей и через Ефремов прибыл в Глотова, куда 6 июня приехала и В.Н. Муромцева. (*Летопись (I)*. С. 673–675).

² Владимир Карлович Феррейн (1834–1918) — владелец центральной аптеки Москвы на Никольской улице.

³ Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868–1959) — выдающаяся актриса МХТ, с 25 мая 1901 г. — жена А.П. Чехова.

⁴ Мария Павловна Чехова (1863–1957) — сестра А.П. Чехова.

⁵ Речь идет о гонораре за публикацию в журнале «Русская мысль» (1907. № 3. С. 198) стихотворения Бунина «В день суда» («В подземный мир введет на суд Отца...»).

⁶ Частная московская библиотека, владельцами которой были Елена Корнильевна и ее сын Анатолий Николаевич Дерягины; библиотека находилась на углу улиц Воздвиженка и Моховая.

⁷ Э.М. Генкина, работавшая в библиотеке Московского университета.

⁸ Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) — журналист, издатель, писатель, театральный критик, драматург. О какой книге Суворина идет речь неясно.

⁹ Всеволод Николаевич Муромцев (1884–1921) — старший брат В.Н. Муромцевой.

¹⁰ Ю.А. Бунин.

25. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 мая 1907 г.

28 мая 1907 г.

3 часа дня.

Дорогой Ян, наконец, только сегодня получила я от тебя известие¹. Беспокоилась сильно. Судя по тону письма, в Грязях ты нашел мать² в лучшем состоянии, чем предполагал. Радуюсь, если это так. Мама поправляется медленно. Теперь она начала время от времени ходить по комнатам. Надеюсь, что к концу этой недели она перейдет на положение здоровой. Мало-помалу исполняю данные мне поручения. У г. губернатора спрашивала относительно твоего паспорта. По почте обменять можно, только нужно послать при этом прошение и марки. Там, в канцелярии, я встретила Андрея³, который сказал, что белье будет готово завтра. Завтра же уберу в сундук.

Записалась на «Парус»⁴. Сейчас пришла Эльза⁵, принесла книги о Палестине. Пока — 4. 2 тома «Святая земля» экстраординарного профессора Киевской Духовной Академии Акима Олесницкого⁶. Затем «Terre-Sainte» par Constantin Tischendorf⁷. Один том. Эту книжку я буду тебе переводить. И четвертая — исключительно картинки, на которых есть и костюмы, и инструменты⁸ и т.д. Все эти книги можно держать до осени. До сих пор не могу отдохнуть еще, все никак не выплусь. Ну, а ты?

Вчера была целый день дома, если не считать часа, когда я ходила провожать Зою⁹. Она очень подурнела, да и как не подурнеть от такой жизни. Женька¹⁰ ее вырос и уже говорит: «Бунин». Меня он сразу узнал, я же долго не могла понять, чей он.

«Новое слово»¹¹ прочла с начала до конца. По-моему, сборник интересный. И Безграмотный-Скиталец¹² понравился мне. Статья Глаушева¹³ с некоторых сторон интересна, хотя он частенько цитирует дамские воспоминания о Левитане¹⁴, почему может быть, и вся статья имеет характер, как говорится, «дамский».

Получаешь ли ты газеты? Я посылаю тебе ежедневно, утреннюю и вечернюю. С завтрашнего дня буду посылать только утреннюю.

Какой сегодня был в Москве дождь с градом! Совершенно как в Баальбеке¹⁵. Я как раз шла в редакцию «Парус» и к зубному врачу. Пришлось нанять извозчика. Повернуться задом к дождю и ждать, когда он утихомирится. Дождь был настолько силен, что вся улица была затоплена, а вдоль тротуаров неслись потоки воды.

На сегодня довольно, нужно посидеть с Эльзой.

Вчера вечером мне было очень скучно без Светика. Я думала все, как это он без меня. Наверное, скучает. Некому его чесать. Некому уложить его в постель.

Ну, целую тебя крепко-крепко. Будь здоров, не нервничай. Может, все будет хорошо. Все кланяются тебе.

Еще раз целую и обнимаю.

Твой Кустик.

P.S. Да, забыла: зубной врач — Маркович¹⁶, который знаком с Шором¹⁷, боится, как бы Д<авид> С<оломонович> не сошел с ума от всех его фантазий. Я успокоила его, сказав, что пока он совершенно нормален.

В. М.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/17 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² Л.А. Бунина в это время тяжело болела, у нее была астма.

³ Андрей — слуга Ю.А. Бунина.

⁴ См. примеч. 4 к п. 17.

⁵ См. примеч. 7 к п. 24.

⁶ Аким Алексеевич Олесницкий (1842–1907) — русский православный богослов, палестиновед, профессор кафедры библейской археологии в Киевской Духовной Академии. Упоминается его книга «Святая земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней стороны, 1873–1874» (В 2 т. Киев: Тип. Еремеева, 1875–1876).

⁷ Константин фон Тишендорф (1815–1874) — немецкий богослов и исследователь Библии. В 1853 году при материальной поддержке русского правительства предпринял второе путешествие на Восток, откуда привез в Петербург рукопись, известную ныне как Синайский кодекс (издана к юбилею 1000-летия русского государства — 1862 год), за что получил в 1869 году Российское потомственное дворянство. Упоминается его книга «Terre-Sainte» (С. Reinwald, 1868).

⁸ Очевидно, имеется в виду этнографическая книга, рассказывающая о культуре и быте народов.

⁹ З.Е. Шрейдер.

¹⁰ Евгений Михайлович Шрейдер — сын З.Е. и М.И. Шрейдер.

¹¹ «Новое слово» — товарищеские сборники; речь идет о 1-й книге «Нового слова» (М., 1907), которая готовилась под редакцией Бунина, Н.Д. Телешова и Н.А. Крашенинникова, вышла в свет в середине мая 1907 г. Содержание 1-й книги: Бунин И. «Тезей» («Тезей уснул в венке из мирт и лавра...»), «Берег» («Вдоль этих плоских знойных берегов...»), «Наследство» («В угольной — солнце, запах кипариса...»), «Стамбул» («Облезлые худые кобели...»), «Цифры». Рассказ; Скиталец. «Манифест»; Федоров А. Стихи и очерк «Азорские острова»; Крашенинников Н. «Восемь лет»; Чириков Е. «Соломон и Розалия»; Тимковский Н. «Мечты»; Юшкевич С. «Панорама»; Найденов С. «Дети Ванюшина». Неизданный IV акт; Чехов. «Об Ант.П. Чехове»; Глаголь С. «И.И. Левитан».

¹² Степан Гаврилович Скиталец (наст. фам. Петров, 1868–1941) — поэт, прозаик.

¹³ Имеется в виду Сергей Сергеевич Голоушев (псевд. Сергей Глаголь, 1855–1920) — художник, художественный и театральный критик; врач. С.С. Голоушев занимал видное место в истории русской художественной культуры второй половины XIX — начала XX в. Обладая от природы многогранным талантом, он был известен современникам как интересный, энергично искавший новые пути в искусстве художник-график.

¹⁴ Речь идет об упомянутой в примеч. 11 статье С.С. Голоушева о художнике Исааке Ильиче Левитане (1860–1900), о котором позднее он написал монографию в соавторстве с И. Грабарем: Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество. М., 1913.

¹⁵ Баальбек — древний город в Ливане. Расположен в 80 км к северо-востоку от Бейрута. Бунины посетили Баальбек во время заграничного путешествия в начале мая 1907 г.

¹⁶ Исидор Михайлович Маркович — московский зубной врач.

¹⁷ Бунины познакомились с пианистом Д.С. Шором и его отцом во время путешествия из Александрии в Яффу в апреле 1907 г.

26. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 мая 1907 г.

Дорогой мой, без 8 мин. 11 часов вечера. Мама заснула. Я ушла в свою комнату, чтоб не будить ее лишней раз. Тихо. Со двора несетя запах зелени после сильного дождя. И мне грустно. Грустно, что ты далеко. Что тебя нет около меня. Что я не могу сейчас крепко-крепко поцеловать тебя. Стал ли ты уже заниматься? Или же отдыхаешь среди деревенской тишины, слушая пение соловьев, <о> которых ты рассказывал мне так много. Дел у меня осталось еще порядочно. В среду иду к Кезельманам¹, устраиваюсь с рецептом. С книгами у меня дело налаживается — Генкина обещает дать почти все, что нужно, на лето.

Вторую открытку получила². Надеюсь, третье письмо будет закрытое. А то открытки — капли вина. А кто удовлетворится, кроме Шора³, и то в присутствии отца⁴, несколькими каплями вина?!!

Ну, кончаю, поцеловав мысленно твою гениальную бровку. Не скучай, будь здоров. Пиши.
Твоя Вера.

28. 1907 г.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/24 оф. Месяц установлен по содержанию и по сопоставлению с письмами от 29 мая и 30–31 мая 1907 г.

¹ Ольга Дмитриевна Кезельман (1883–1958) — дочь историка Д.И. Иловайского, жена Сергея Матвеевича Кезельмана (1880–после 1940) — юриста; знакомые В.Н. Муромцевой.

² Письмо неизвестно.

³ Д.С. Шор.

⁴ Соломон Моисеевич Шор (1836–1921) — бухгалтер, пианист-самоучка; отец Д.С. Шора.

27. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 29 мая 1907 г.

29 мая 1907 г.

11 часов 30 мин. вечера.

Сейчас ты находишься в Ефремове, если поступил, как хотел. Нервничаешь, раздражаешься. Чувствуется мне, что нехорошо тебе там. Да и устал ты, мой дорогой Светик. Вот приеду, буду тебя лелеять. Ведь помнишь, ты обещал меня слушаться шесть недель. И если это будет так, ты снова сделаешься прекрасным «юношей», каким был прежде, если судить по твоим портретам.

Я сегодня пересыпала твои вещи нафталином. Прачка обещала принести белье к половине 11 утра, а принесла около трех. Все это время я просидела у Ю<лия> А<лексеевича>¹. Сначала читала, а когда утомилась, то стала пересматривать твои портреты. Нужно сознаться, что на некоторых ты очень мил...

Твоя прачка очень дорогая. Пришлось ей 4 р. 7 коп., и то после того, как я ей спустила 35 коп. Причем, как-то ты оказался дороже меня.

«Каина»² послала, сама ходила на почту.

Вечером была у Гефтер³, нашей курсистки-химички, там встретила еще двух. Время прошло оживленно. Много узнала полезного относительно экзаменов. Завтра иду к Генкиной, надеюсь добыть у нее книги. Вообще, замечательно милый народ. Меня снабжают всем, чем могут. Кто книгами, кто конспектами, а кто советами. Рассказывали много курьезов во время экзамена метеорологии, но о них при свидании.

Между прочим, *они* никак не могут меня представить в роли заботливой жены, убирающей вещи в сундук... Очень смеялись, когда я рассказывала им об этом.

Раньше пятницы-субботы книг не соберу, т.к. 1<-го> кончаются экзамены. Таким образом, с Ю<лием> А<лексеевичем> увижусь в Москве. Я сказала Андрею⁴, чтобы он дал мне знать по телефону об его приезде.

Мама поправляется. Сегодня она уже гуляла по переулку. Доктор назначил ей диету на два года. Не есть сладкого, мало мучного и пить молоко только в том случае, когда есть возможность, много двигаться.

Целую крепко.

Твоя В. Муромцева.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/20 оф.

¹ Ю.А. Бунин.

² Имеется в виду отдельное издание перевода Бунина мистерии Д. Байрона «Каин» (СПб.: Шиповник, 1907).

³ Юлия Марковна Гефтер — сокурсница В.Н. Муромцевой на Высших женских курсах В.И. Герье.

⁴ См. примеч. 3 к п. 25.

28. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 30–31 мая 1907 г.

30 мая 1907 г.
вечер, 11 ч. 45 м.

Вот и еще один день прошел без тебя, дорогой Ян, и еще впереди шесть дней. Шесть потому, что мама просит остаться меня до вторника. Придется исполнить ее желание, т.к. она еще слаба, и, если уехать двумя днями раньше то, во-первых, она может расстроиться, а во-вторых, пойдут нарекания: «вот 2 дня не могла остаться, когда ее об этом просили».

Меня же стало тянуть в деревню, во-первых, без Светика скучно и беспокоюсь, как он себя там ведет, во-вторых, в городе душно, а в-третьих, пора заниматься.

Дома сию мало, приходится рыскать по Москве. Сегодня вечером была у Кезельман. Здесь я соединила приятное с полезным — рецепт подписан так, как ты сказал.

Сегодня письма от тебя не было, и грустно потому на душе. Странно мне, что я не знаю, как ты. Иногда очень хочется посмотреть на тебя хотя минутку. Утешаюсь только мыслью, что ты начнешь заниматься без меня, войдешь в обычную колею, ведь ты говорил, что тебе лучше одному находиться. Ты хотел уехать для этого в Огнёвку¹...

Думаю, в субботу закончить все свои дела и следующие три дня отдохнуть, посидеть дома.

Наша жилища Задомская² сегодня уехала на Измалково. Она будет жить в 25 верстах от Глотова, около Оберца. Там они компанией наняли помещичий дом за 20 рублей в месяц. А ты и не знал, что в вашей местности сдаются дачи...

Таким образом, завтра или, вернее, сегодня утром посылаю тебе заказным это письмо, и, если ничего не случится, телеграммы посылать не стану. Надеюсь, в шесть дней оно дойдет к тебе. Приеду, значит, в Измалково в среду 6 июня в 4 часа по Петербургскому времени³.

Ну, а теперь пора спать.

Целую тебя крепко-крепко.

Пиши обо всем.

Твоя Вера.

1907 г. 31 мая.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/18 оф.

¹ В селе Огнёвка Тульской губернии находилась усадьба брата Бунина Евгения Алексеевича, приобретенная им в начале 1893 г. Бунин часто гостил у брата, работал там над переводом «Песни о Гайавате», написал поэму «Листопад», ряд стихотворений и рассказов. В Огнёвке, у сына Евгения, последние годы жил А.Н. Бунин, который скончался там в 1906 г. Огнёвка стала прообразом Дурновки в повести «Деревня».

² Неустановленное лицо.

³ См. примеч. 1 к п. 24.

29. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 20 июля 1907 г.

20-го июля.

Только сегодня получила твое письмо, написанное 12-го¹, но со штемпелем 19-го. Я тебе писала уже больше недели тому назад², не знаю, получил ли ты? Я жду ответа на него.

Сегодня библиотека Дерягиной³ и та, в которой записана я, оказались закрыты, д<олжно> б<ыть> пот<ому>, что сегодня Ильин день. Завтра я дежурю, послезавтра воскресенье, библиотеки опять закрыты, раньше 23-го узнать не могу.

Ты пишешь, что у тебя нет новостей. Я все-таки жду ответа на вопросы в моем последнем, заказном письме, т.к. я спрашиваю о намерениях, а не о фактах. М<ожет> б<ыть>, твои намерения новость только для меня, т.к. с мая я не знаю ничего.

Я себя чувствую то хорошо, то плохо. Иногда почти в отчаянии, иногда ничего не чувствую, иногда надеюсь на лучшее.

Мне опять захотелось учиться. Только все недоступно. Служба мешает, и денег нет. Больше всего меня тянет к медицине, но это больше всего недоступно. Думаю, не поступить ли на фельдшерские курсы, но и там будет трудно — ведь придется пропускать через день.

Есть у меня один план о совсем новой жизни, не похожей на эту, но и там все зависит от денег (не моих).

На днях пойду узнавать, есть ли надежда, но если все и устроится, я, м<ожет> б<ыть>, побоюсь уезжать так далеко — не смогу вернуться, если пожелаю и захочу видеть всех своих⁴.

Надоело писать все только о себе, а если начну писать о ком-нибудь или о чем-нибудь, выйдет очень длинно и несвязно.

Напиши мне, пожалуйста, как твоё настроение и здоровье?

Когда думаешь приезжать? Давно не видала, хочется посмотреть на тебя и поговорить.

Целую тебя крепко-крепко за два слова в твоём последнем письме.

Не думай, что я им придаю особенное значение, а все-таки я обрадовалась.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/134 оф. Год определен по содержанию и следующим фактам: дата письма написана правильно, т.к. Ильин день празднуется именно 20 июля; по упоминанию в письме, что «послезавтра воскресенье», это письмо может относиться к 1907, 1912 или 1918 гг., последние два года сразу отпадают, т.к. летом в эти годы В.Н. Муромцева не расставалась с Буниным, что подтверждается несколькими документальными свидетельствами. Следовательно, остается 1907 г., но по воспоминаниям В.Н. Муромцевой, лето 1907 г. она прожила вместе с Буниным в Глотова, однако данное письмо это опровергает. Судя по письмам Бунина к другим корреспондентам и по содержанию данного письма, В.Н. Муромцева жила в Глотова с Буниным в июне и в августе 1907 г.

И.А. Бунин и С.А. Найденов.
Москва, 1900-е гг.
(ОГЛИМТ)

¹ В.Н. Муромцева уехала из Глотова в Москву примерно 6 или 7 июля, а возвратилась 24 или 25 июля 1907 г. Письмо неизвестно.

² Письмо неизвестно.

³ См. примеч. 6 к п. 24.

⁴ Далее густо зачеркнуто три строки.

30. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26–27 августа 1907 г.

Дорогой, золотой, до дома добралась хорошо¹. В нашем переулке встретила меня Верочка², совсем парижанка! И предупредила, что мама очень плоха и что я, по всем вероятностям, очень поражусь. И, несмотря на предупреждение, я до слез поразилась. Оказывается, за границей у нее отнимались рука, нога и даже язык. Да и теперь она слаба и раздражительна до невозможности. Ко всему, завтра уезжает Андрей Георгиевич³, и она остается на нашем попечении. Мы решили разделить день на 4 части, и каждый из нас берет на свою ответственность ¼ дня. Все это осложняется экзаменами не только мои<ми>, но и братьев. Вообще, ни с какой стороны не хорошо. Сева⁴ в Казань не едет, хочет служить, но ни в коем случае не желает быть писцом. Мечтает о невероятных планах, и посему мрачен. Денеж-

ные дела тоже не велики. Таким образом, невеселые обстоятельства. Одно утешение — ты, мой прелестный Янчик!

На курсах была, но по случаю праздника узнала только, что экзамены начнутся третьего, этому я очень рада, так как завтра день или полдня уйдет на уборку, да и сплошь целый день сидеть едва ли придется.

У Юлия Алексеевича⁵ была ½ 6-го вечера. Коля⁶ уже уехал «туда». Просидела у него больше часа, беседовали на различные темы. План снятия квартиры с детьми он одобрил.

Как всегда, я оказалась права: сборник «Любовь» ничего общего, кроме издателя, с альманахом не имеет. Редактировать его будет Андреев⁷. Верочка говорила, что он все хвалил тебя вместе с нею (?). От «Каира»⁸ твоего она в восторге, а, следовательно, и все ее гении. Набубнила она в полчаса массу, но об этом при свидании. Да, сенсационная новость: Глаушев вышел в отставку, так как его заставляли присутствовать при казнях. Теперь он в деревне, затем переселяется на маленькую квартиру, — прощай «Среда»!!! в его квартире⁹. Все твои наставления исполняю, сегодня отказалась от чудной груши. Впрочем, Мечников¹⁰ пишет, есть все можно, только чистить и обдавать кипятком. Я пришлю эту статью.

Буренин отделал Андреева, но статью еще не читала¹¹.

Очень беспокоит меня, как ты все делаешь сам, да и скучно, особенно по вечерам. И почесать некого. Чернила кончаются, а посему продолжение в следующем письме.

Поклон Софье Никол<аевне>¹², П<етру> Ник<олаевичу>¹³, Светлой Личности и «Вы со ясной примите»¹⁴. А моего Светика я крепко-крепко целую во все мои и не мои места.

Твой С--р--к.

26/27 августа.

Напиши, что делать мне с Крашенинниковым¹⁵? Поподробнее.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/170 оф. Год установлен по содержанию.

¹ 25 августа В.Н. Муромцева уехала из Глового в Москву для сдачи экзаменов на курсах (*Летопись* (1). С. 685).

² В.А. Зайцева.

³ Андрей Георгиевич Гусаков (1857–1936) — юрист, профессор по кафедре торгового права и декан экономического отделения Петербургского политехнического института; друг семьи Муромцевых.

⁴ Вс.Н. Муромцев.

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ Н.А. Пушешников.

⁷ Сборник «Любовь», редактором которого должен был стать Леонид Николаевич Андреев (1871–1919), предполагалось выпустить в издательстве «Шиповник», которое печатало «Литературно-художественные альманахи». Издание сборника «Любовь» не состоялось.

⁸ Очевидно, В.А. Зайцева читала стихотворение Бунина «Каир» («Английские солдаты с цитадели...») в автографе. Бунин послал это стихотворение В.И. Стражеву для новой московской газеты «Литературно-художественная неделя», где оно и было опубликовано 17 сентября 1907 г. (№ 1. С. 2).

⁹ См. примеч. 13 к п. 25. Речь идет об отставке С.С. Голоушева с должности врача. При создании нового московского литературного кружка в 1899 г., он придумал его название — «Среда», заседания которого иногда проходили на его квартире.

¹⁰ Илья Ильич Мечников (1845–1916) — выдающийся русский ученый, биолог и патолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии, создатель сравнительной патологии воспаления и фагоцитарной теории иммунитета. Почетный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1902); почетный член многих зарубежных академий наук, научных обществ и институтов. В 1887 г. покинул Россию и переехал в Париж, где ему была предоставлена лаборатория в созданном Л. Пастером институте. С 1905 г. заместитель директора этого института.

¹¹ Имеется в виду статья литературного критика Виктора Петровича Буренина (1841–1926) в газете «Новое время» (1907. 24 августа. № 11296. С. 3) с критическим разбором пьесы Л.Н. Андреева «Жизнь человека».

¹² С.Н. Пушешникова — владелица имения в Глотова.

¹³ Петр Николаевич Бунин (1857 — после 1917) — брат С.Н. Пушешниковой, двоюродный брат Бунина; проживал в Глотова.

¹⁴ Неустановленные лица.

¹⁵ Николай Александрович Крашенинников (1878–1941) — писатель, издатель-редактор журнала, позднее товарищеских сборников «Новое слово», член литературного кружка «Среда». Бунин вместе с В.Н. Муромцевой отослал в Москву рукописи Н.П. Ашешова и М.П. Чехова, которые он читал по просьбе Н.А. Крашенинникова для решения вопроса о помещении этих произведений в товарищеском сборнике «Новое слово». Бунин воздержался от высказывания своего мнения. См. его письмо к Н.А. Крашенинникову от 30 августа 1907 г. (*Письма* (2). С. 57).

31. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 августа 1907 г.

Не забывай принимать Каспар, если нужно. Если ты думаешь приехать 2 или 3, то приезжай лучше 3, т.к. в этот день я совсем свободна, а то будет хотеться быть с тобой и нельзя¹.

Третий день тебя не вижу, мой дорогой Любимчик. Сегодня устраивала свои дела: была на курсах, узнала, что 3 можно держать геологию; завтра достану книги и с утра начну зубить. Затем взяла ванну (и после нее никуда не ходила). Вечером была у меня Подемская², она нашла, что за лето мне удалось много сделать; и уверяет, что экзамены пройдут гладко. Это, конечно, меня очень ободрило.

Мама понемногу поправляется. Вид у нее лучше, хотя ходить может очень мало — сейчас же заплетается нога.

Завтра придет доктор и начнет лечить ее, эту неделю она отдыхала от лечения. Между прочим, ей необходимо самое лучшее масло. Поэтому попроси Софью Николаевну³ сбить фунтов 10-15 и привези. Деньги или сам заплати, или же мы вышлем. Если тебе будет неудобно, то попроси привезти Митю⁴ или Петю⁵.

О Мите я хлопотала, его записали и, если повезет ему, то с 8 сентября он может попасть в Думу. Правда, очень скучное дело писать конверты (нужно скоро, крупно и четко), но Павлик⁶ говорит, что если попадет, то может заработать рублей 60.

Сегодня опять была Верочка⁷, она очень похорошела. Литературных разговоров не было. Между прочим, Зайцев⁸ будет редактором новой газеты⁹ (которую издает Рябушинский¹⁰) и шьет себе сюртук. Гадости и неприличности Вера болтать перестала.

Пока целую и думаю о том, как ты ложишься спать. Так бы расцеловала.

Твой Стервенек.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/112 оф. Сохранился последний лист письма. Датируется по содержанию.

¹ Бунин приехал в Москву 4 сентября 1907 г.

² Неустановленное лицо.

³ С.Н. Пушешникова.

⁴ Дмитрий Алексеевич Пушешников (1880–1954) — сын С.Н. Пушешниковой; юрист.

⁵ Петр Алексеевич Пушешников (1884–1945) — сын С.Н. Пушешниковой; зубной врач.

⁶ П.Н. Муромцев.

⁷ В.А. Зайцева.

⁸ Борис Константинович Зайцев (1881–1972) — писатель, член литературного кружка «Среда», близкий знакомый Бунина.

⁹ Имеется в виду газета «Утро России», которая начала выходить с сентября 1907 г. в Москве. Б.К. Зайцев не стал редактором этой газеты.

¹⁰ Павел Павлович Рябушинский (1871–1924) — предприниматель, банкир, издатель московских газет «Утро», «Раннее утро», «Утро России».

32. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 31 августа 1907 г.

31 августа.

Пятница.

Пишу тебе, Ян, седьмое письмо, от тебя же имею лишь одно¹. Это само по себе столь красноречиво, что не требует никаких комментариев. По-видимому, ты не скучаешь, тем лучше для тебя. Письма ведь показатель скуки по тому, кому пишешь. Пишу об этом не <к> тому, чтобы заставить тебя писать. Если не хочется — не пиши, твое дело, — я не принадлежу к числу тех людей, которые вымаливают что-либо; повторяю: не хочешь — не надо. Я, может, вовсе не стала бы писать тебе, а терпеливо бы ждала твоего приезда, да не нахожу одного листа из лекций по геологии. Посмотри: не оставила ли я его в какой-нибудь книге Грэма² или Неймайера³. Лист литографированный. Если найдешь, обязательно привези его — он чужой.

Сегодня говорил по телефону Коля⁴, ему сделали операцию. Судя по тону голоса, он чувствует себя хорошо. У Ю<лия> А<лексеевича>⁵ не была всю неделю, так как из дому совсем не выхожу. Как-то говорила с ним по телефону, думала, нет ли писем от тебя или тебе, но ни оттуда, ни отсюда ничего нет.

На днях опять забегала Верочка⁶, сообщила некоторые литературные новости: во-первых, у Гржебина⁷ (она его очень хвалит) дочь вторая родилась⁸, во-вторых, Бориса⁹ пригласили в «Знание»¹⁰ и, по ее словам, будут платить ему 400 руб. за лист; в-третьих, забыла что; вспомнила: Койранский¹¹ уехал в Марокко в качестве военного корреспондента¹². Телешову звонила по указанному телефону, но безрезультатно.

Мама все еще слаба, сегодня день прошел хуже, чем вчера. Уговаривает, чтобы мы останавливались с тобой у них. Предлагают две папины комнаты как самые удобные для тебя.

О себе по понятным причинам ничего не пишу.

Все спрашивают, когда ты приедешь?

Целую тебя.

Твоя Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/106 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Неустановленное лицо.

³ Георг Неймайер (1826–1909) — выдающийся немецкий физикогеограф, гидрограф.

⁴ Н.А. Пушешников.

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ В.А. Зайцева.

⁷ Зиновий Исаевич Гржебин (1877–1929) — художник-график, издатель, с 1906 г. совладелец петербургского издательства «Шиповник», с 1919 г. организатор и владелец «Издательства З.И. Гржебина».

⁸ Ирина Зиновьевна Гржебина (1907–1994) — дочь З.И. Гржебина, балерина, хореограф, педагог.

⁹ Б.К. Зайцев.

¹⁰ «Знание» — товарищеское издательство в Петербурге, главными организаторами и пайщиками которого были А.М. Горький и К.П. Пятницкий.

¹¹ Александр Арнольдович (Ааронович) Койранский (1884–1968) — беллетрист, поэт, критик, художник, театральный деятель.

¹² В 1907 г. по соглашению с Великобританией и Испанией Франция ввела войска на территорию марокканского султаната с целью присоединения этих земель к своим владениям в Магрибе, началась Вторая франко-марокканская война, в результате которой через пять лет султанат Марокко из независимого государства превратился во французский протекторат.

33. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 2 сентября 1907 г.

2 сентября.

Дорогой Ян, сегодня одно за другим получила от тебя письма¹ и успокоилась, а то вчера даже заниматься не могла вечером, да и спала плохо, все думала, не случилось ли с тобой чего-нибудь неприятного. Ты пишешь, что приедешь 4, но я на всякий случай посылаю это письмо, вдруг задержишься². Пойду ли завтра на экзамен, еще не решила, может, отложу до 5, если не буду чувствовать достаточной бодрости. Занимаюсь я много, и дома мне никто не мешает, так как мама стала поправляться и пока наводит порядок. Вчера была у Ю<лия>А<лексеевича>³, просидела у него недолго. Он рассказывал мне о земском съезде⁴. Сейчас передала по телефону Ю<лию>А<лексеевичу> все, что нужно. С Колей⁵ ни разу не виделась, раз он говорил со мной по телефону.

Целую крепко, крепко.

Очень соскучилась, ведь уже неделя прошла.

Твоя.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/107 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письма неизвестны.

² Бунин приехал в Москву 4 сентября 1907 г.

³ Ю.А. Бунин.

⁴ Имеется в виду II Всероссийский съезд земских деятелей, проходивший в Москве в августе 1907 г.

⁵ Н.А. Пушешников.

34. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 10 сентября 1907 г.

Дорогой Ян, доехала я благополучно до дому, хотя и прозябла¹. Впрочем, может быть, это была нервная дрожь. На душе очень грустно-грустно, главным образом, потому, что мы последний час употребили не на то, на что нужно было бы. В таких случаях всегда мне делается страшно и досадно: зачем мы портим часы, которые нам удастся быть вдвоем. Ведь я ценю их, как ты знаешь, на вес золота. А кто знает, много ли их у нас будет? Ты не сердись, что я пишу обо всем этом — мне скверно настолько, что молчать трудно. Больше всего меня огорчает то, что ты мне не веришь так, как должен был бы верить. Как я хотела бы, и так, как я верю тебе! И, по-моему, это не есть признак глупости. На тебя я не сержусь совершенно, а люблю тебя очень сильно и чувствую тебя сейчас, точно ты около меня — наверное, ты думаешь обо мне. Как окончу письмо, так лягу спать. Завтра с утра начну упорно заниматься и буду стараться не скучать без моего Светика. Если что-нибудь тебе не

понравится в этом письме, то не суди строго: трудно бывает выразить ясно иногда то, что хочется.

Если в Петербурге будет холодно, то купи себе демисезонное пальто. Я очень боюсь, что ты простудишься.

Старайся писать чаще. Десять-пятнадцать минут в день можешь тратить на меня. Да зря не засиживайся там.

Целую крепко-крепко и жду писем.

Твоя Вера.

1907 г. 10 сентября.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/3 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «С. Петербург, Невский проспект, 92. Книгоиздательство “Знание”. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 11.9.07»; «Спб., 12.IX.07». Графитным карандашом написано: «17, 9-ая Рожд., д. 30, кв. 5».

¹ 9 сентября 1907 г. В.Н. Муромцева провожала на вокзале Бунина, уезжавшего в Петербург; в Москву он вернулся 18 сентября (*Летопись (I)*. С. 687, 689).

35. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 11 сентября 1907 г.

11 сентября,
вторник. 3 ч. дня.

Дорогой Ян, пишу тебе опять на «Знание». Сегодня в 12 часов заходил Коля¹, взял у меня Ранке 2 тома² (значит, думает заниматься) и спрашивал о каких-то рукописях, которые ты должен был ему оставить. Я поискала, но ничего не нашла.

В моей комнате перемена: шкаф я поставила к двери, а стол вкось, лицом к окну. Сделала я это потому, что при прежней постановке очень дуло из окна в левый бок, теперь же и уютно, и безопасно, и перед глазами зелень. Кроме того, я нашла для нас небольшой стеклянный кувшинчик для воды такого же фасона, как в Глодове. Устраиваю тебе темные шторы — покупаю у Марьи Сергеевны³. Погода сегодня невозможная, дождь и холод, боюсь, что и в Петербурге такая же. Если так, то купи как *можно скорей* себе пальто. Чувствую себя не очень хорошо: во-первых, погода, а во-вторых все еще не здорова, а потому слабость. Никак не могу начать заниматься сегодня, никак не сосредоточусь.

Не забудь купить спилик спиралью у Alexandre'a⁴. Как дела? Как ты доехал?

Сегодня был Флеров⁵, нашел у меня значительное улучшение.

Вдруг небо прояснилось, выглянуло солнышко. Может погода разгуляется, а то тоска!

Просматривала «Перевал», что за стихи у Кузьмина⁶?

Целую тебя крепко-крепко, не сердись, что истребляю эту бумагу⁷, — другой нет.

Митя⁸ стоит рядом, говорит глупости и кланяется. Сева⁹ только вошел, сел на табуретку и не кланяется, т.к. находит этот обычай, несогласным со своим «принципиальным» взглядом. Все собирается купить штаны. Не продашь ли ему что-нибудь от Сиже¹⁰.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/1 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «С. Петербург, Невский, 92. Книгоиздательство “Знание”. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 12.9.07»; «Спб., 13.IX.07». Год установлен по почтовым штемпелям.

¹ Н.А. Пушешников.

² Иоганн Ранке (Johannes Ranke) — известный немецкий физиолог и антрополог, профессор Мюнхенского университета; автор двухтомника «Der Mensch» (1882), вышедшего позднее в русском переводе: «Человек» (СПб., 1901), который был довольно популярен.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Магазин фирмы «Александр и К^о» в Петербурге (Невский пр., д. 11).

⁵ Владимир Федорович Флеров — врач; знакомый семьи Муромцевых.

⁶ «Перевал» — ежемесячный «журнал свободной мысли» (М., 1906–1907). Среди литераторов, участвующих в журнале, заявлен Бунин. В № 4 за 1907 г. на с. 3 помещены стихотворения Бунина «Дия» и «На Плющихе». В № 10 «Перевала» за 1907 г. опубликован цикл из трех стихотворений Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) «На фабрике».

⁷ Письмо написано на тонированной почтовой бумаге с тиснением, возможно, иностранного производства. В нижнем левом углу тисненый товарный знак магазина «Мюр и Мерилиз».

⁸ Д.Н. Муромцев.

⁹ Вс.Н. Муромцев.

¹⁰ Сижэ — очевидно, какая-то шутка.

36. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 12 сентября 1907 г.

Среда, 7 ч. вечера.

Если я простужусь, то ты будешь виноват, так как я все выбегаю смотреть, нет ли от тебя письма. Из Петербурга пока еще ничего не получила! Записочку из Клина¹ получила, за нее лишний раз целую.

Вчера мы с Митей² составили меню на неделю, очень полезное и достаточно вкусно. Лампу в твоей комнате переменили. Теперь у тебя будет светло, как в Глотове.

Вчера была у Шрейдер, пробыла у них часа два. Чувствовала себя не очень хорошо и пришла к заключению, что пока я совершенно не гоюсь для хождения в гости. Трудно поддерживать разговор, трудно даже просто сидеть на одном месте. Мальчишка³ у них прелестный, сейчас он говорил со мной по телефону: «Если у вас есть кирпичики, то я к вам приду».

Перед моим столом будет стоять такой же стул, как и перед твоим.

Сегодня я часа три спала днем. Если завтра выдержи экзамен, то дня 2 совершенно буду отдыхать, никуда не буду ходить и <буду> спать, а то чувствую какую-то усталость. Маме опять было плохо сегодня, какая-то острая боль не то в кишках, не то в яичнике, пришлось прикладывать термофар. К тому же ей попало письмо Глаушева к Флерову⁴, в котором первый констатирует опухоль около матки, от нее это скрывали.

Утром ко мне заходил Митюшка⁵. Ему прислали повестку на выборы. Сегодня он отбывает в Елец. Из Думы сказали ему, что по возвращении он может начать там работу, теперь же как раз перерыв занятий, т.к. Министр не прислал еще какого-то циркуляра.

Вот видишь, как много я пишу тебе, и, если хочешь, чтобы это продолжалось впредь, то должен мне писать обо всем, ½ часа в день должен отдавать мне, иначе я «разлюблю» тебя и, главное, писать перестану, и ты не будешь знать, что делает без тебя твой Стервенек.

Целую во все мои места. Обнимаю крепко-крепко. Не забывай принимать Каспар. Много не пей вина. Не хрякуй.

У Коли⁶ бронхит. Завтра зайду к нему.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/4 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «С. Петербург, Невский проспект, 92. Книгоиздательство “Знание”. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 13. 9. 07»; «СПб., 14.IX.07». Дата установлена по почтовому штемпелю и по помете на письме «Среда»: 12 сентября 1907 г. была среда.

¹ Записка неизвестна.

² Д.Н. Муромцев.

³ Е.М. Шрейдер.

⁴ Врачи С.С. Голоушев и В.Ф. Флеров.

⁵ Д.А. Пушешников.

⁶ Н.А. Пушешников.

37. И.А. Бунин — В.Н. Муромцевой

Петербург. 13 сентября 1907 г.

13 сент. 07.

Спасибо, дорогой друг, за хорошее письмо¹, — повторяю — мне очень больно, что все это случилось. Не будем же больше говорить об этом.

Вчера много занимался дома, был в разных местах. От Пятницкого² получено известие, что придет он завтра³. Боюсь, что опять надует, но все-таки до него никуда ничего не отдаю.

Сейчас был у меня Высоцкий⁴ — и в Москве тоже затевается альманах⁵. Просил дать что-либо, гонорар — какой угодно. «Я подумаю».

Нынче опять тепло — и поэтому вопрос о пальто пока снимаю с очереди. Если нужно будет — разорюсь с болью в сердце.

Все спрашивают о тебе — какая ты. Куприн⁶ просится домой, к Марье Карловне⁷.

Обнимаю тебя, деточка, с самой горячей любовью.

Публикуется по изд.: *Письма* (2). С. 58. Написано на почтовой бумаге Большой Северной гостиницы в Петербурге (Невский, 118).

¹ См. п. 34.

² Константин Петрович Пятницкий (1864–1938) — основатель (в 1898 г.) и директор-распорядитель издательства «Товарищество “Знание”».

³ К.П. Пятницкий уехал с Капри в Петербург 3 ноября (21 октября) 1907 г. (Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М., 1958. Т. 1. С. 680).

⁴ Возможно, Владимир А.Высоцкий — поэт и переводчик.

⁵ Речь идет об альманахе «Земля», который стал выходить в «Московском книгоиздательстве» с 1908 г.

⁶ Александр Иванович Куприн (1870–1938) — писатель, близкий друг Бунина.

⁷ Мария Карловна Куприна (1881–1966) — первая жена А.И. Куприна, рассталась с ним в 1907 г.

38. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 14 сентября 1907 г.

Дорогулька моя, получила, наконец, твое письмо¹ и, судя по тону, ты доволен. Очень рада за тебя, жаль, что подлец Пятницкий все еще не приехал, а то ты скоро мог бы и вернуться сюда. Мне что-то скучно без тебя, некого почесать! Сегодня приехал Павлик², весел и доволен. Он тебе кланяется. У Одарченко³ его приняли очень радушно, как родственника.

Ведь мы с ними в родстве через Чупрова⁴. Один из них знает хорошо Ю<лия> А<лексеевича>⁵ и все хвалил его.

Вчера я получила 5 по эмбриологии, не отвечая. Случилось это вот почему: к 6 часам мы (трое) собрались в эмбриологической, чтобы держать экзамен. Руднев⁶ не пришел. Что делать? Решили отправиться в университет. Там его не нашли. Отправились к нему на квартиру попросить, чтобы он назначил нам экзамен на сегодня утром, т. к. одной из нас завтра нужно уезжать из Москвы. После некоторых усилий нашли его. Вошли. Он угостил нас грушами и, узнав, что мы химички, сказал, что оных не экзаменует, а просто ставит отметки. Так он и сделал. Нас это очень развеселило, так как мы весь долгий путь к нему все повторяли, и вдруг никаких...

У Ю<лия> А<лексеевича> еще не была, хотела зайти вчера, да за этой беготной так устала, что сил не хватило идти еще на Арбат. Получил ли ты мои 3 письма, посланные на «Знание»?

Следующий экзамен хочу держать в понедельник 17 по физиологии растений.

Почему ты не хочешь купить демисезонное пальто, ведь в меху ходить жарко, а в драповом холодно. Завтра пошлю Андрея⁷ за шубой.

Целую крепко-крепко и жду писем. Помнишь уговор — к 17 длинное письмо⁸, а то приедешь, накажу. Вот увидишь. Сегодня обедает Вл. С.⁹

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/116 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «С. Петербург. Невский, 118. Большая Северная Гостилица. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 14.9.07»; «СПб., 15.IX.07». Синим карандашом написано, очевидно, № в гостинице: «123». Дата установлена по почтовому штемпелю.

¹ См. п. 37.

² П.Н. Муромцев.

³ Одарченко — очевидно, родственники С.К. Одарченко.

⁴ Александр Александрович Чупров (1874–1926) — русский статистик, который выработал образцовую систему преподавания статистики и успешно ее осуществил в годы преподавания в Санкт-Петербургском Политехническом институте.

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ Михаил Матвеевич Руднев (1837–1878) — патологоанатом, профессор, педагог.

⁷ См. примеч. 3 к п. 25.

⁸ 17 сентября — именины В.Н. Муромцевой.

⁹ Возможно, Владимир Семенович Муромцев, предтечевский помещик, отставной генерал-майор, двоюродный брат Н.А. Муромцева, двоюродный дядя В.Н. Муромцевой; постоянно проживал в Предтечево.

39. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 16 сентября 1907 г.

16 сентября.

Сейчас получила твое письмо от 14 сентября¹, дорогой мой Янчик. Обрадовалась, что скоро приедешь², а то тоскливо без тебя. Беспокоюсь только из-за крушения³. У нас опять неприятности: у мамы со среды каждый день припадки с острой болью. Вчера был Штурм⁴ и говорит (мама не знает), что, по всем вероятностям, придется делать операцию. Но, конечно, без консилиума решить ничего нельзя.

К Ю<лию> А<лексеевичу>⁵ ходила вчера, пили чай и взяла 100 рублей, т.к. мельче у него не было. Взяла же сто рублей потому, что мне необходимо заплатить за курсы. Ведь и так со-

вестно, что у меня недоимки. У папы же просить мне не хотелось, тем более, что в настоящий момент он не при деньгах. Едва ли буду держать завтра экзамен, т.к. все утро пришлось быть с мамой. Чувствую сама себя нехорошо, хочу во вторник обратиться к Флерову, пусть даст мне что-нибудь поднимающее.

Митя Пушеш<ников> вернулся с выборов⁶, прошли все правые. Говорит, что в Ельце очень хорошо. Привез еще фруктов 6 мешк<ов>.

Пока, целую крепко-крепко и жду с нетерпением исполнить это лично.

Твой Стерв<енок>.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/130 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² См. примеч. 1 к п. 34.

³ Газета «Русские ведомости» (1907. 16 сентября. № 211. С. 3) в заметке «Крушение поезда» (без подписи) сообщала: «Скорый пассажирский поезд, приходящий в Петербург в 9 часов 45 минут утра, потерпел близ станции Колпино крушение, столкнувшись с пробным товарным поездом. Есть человеческие жертвы, разрушен большой мост. Катастрофа представляет собою страшную картину. Паника среди пассажиров. Женщины и дети плачут».

⁴ Всеволод Николаевич Штурм (? — 1911) — дядя В.Н. Муромцевой; врач, основатель Иверской общины в Москве, где в 1908 г. оперировали М.А. Ласкаржевскую.

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ В Ельце в начале сентября 1907 г. проходили выборы в III Государственную думу выборщиков по городу Ельцу; большинством голосов были избраны Н.А. Ростовцев и М.С. Жаворонков. См. объявления, хронику и результаты выборов в газете «Голос порядка» (Елец). 1907. 6–25 сентября. № 38–49.

40. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 2 октября 1907 г.

2 октября.

Дорогой Превосходимчик, перед тем, как ложиться спать, я хочу поцеловать тебя мысленно во все твои-мои места и сказать, что целый вечер думала о тебе и твоих планах относительно Крыма¹. И должна сознаться, что, на мой взгляд, откладывать экзамены довольно безрассудно: во-первых, на целые три месяца откладывать момент, когда я могу свободно вздохнуть при мысли, что я уже не должна больше зубрить ненужные вещи, а во-вторых, хорошо ехать в Крым поправлять здоровье, а при экзаменах — это трудно. Поэтому я предлагаю следующий план: ехать в Крым в ноябре и прожить там месяца три, к февралю возвратиться в Москву, прожить месяца полтора, а затем — в Глотове или же, если деньги будут, за границу, ну, да это далеко еще... И ты сам будешь доволен бесконечно, если я буду жить в Крыму без экзаменов, и тогда я смогу устроить тебе жизнь падишаха... вот зацелуешь до смерти! Да и здоровье мое придет в нормальное состояние. Кроме того, еще месяц в Москве пробыть и для дел недурно... начало сезона, нужно показаться и т.д. и т.д. Ты же, если любишь меня, то должен натянуться и этот месяц проработать в Москве, ведь я для тебя и не такие вещи делала, делаю, и буду делать, и если даже ты принесешь мне жертву, то тебе зачтется вдвое, втрое, а может, и вдесятеро. Хотя, по правде сказать, я думаю, что ты и бескорыстно можешь сделать для меня многое. Ведь, да? Ведь все-таки ты любишь Стервенка?! Работать же и в Москве можно, если будешь вести относительно правильный образ жизни, и запретишь кому-то бы ни было, и даже мне, входить в твою комнату вплоть

до обеда. Вот все, что я могу сказать тебе обо всем этом, подумай на досуге и, взвесив все мои доводы, реши, как поступить, если ты найдешь, что нужно ехать через недели 2, поездом через 2, что делать. Я воспитание получила в Турции², а ты — мой повелитель!

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/146 оф. Написано красными чернилами. Год установлен по содержанию.

¹ Бунин уехал из Москвы в Петербург 30 сентября 1907 г.; вернулся в Москву 14 октября. (*Летопись* (1). С. 691, 695). Речь идет о планируемой совместной поездке на юг, которая не состоялась.

² Имеется в виду первая совместная заграничная поездка Бунина с В.Н. Муромцевой в апреле-мае 1907 г.

41. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 3 октября 1907 г.

Пишу тебе в то время, дорогой Янчик, когда вы пьянствуете у маститого писателя¹, впрочем, ты, конечно, выпил только ½ бутылки вина! День я провела сегодня над книгой. Встала только очень поздно. Проснулась в полдень, и уже снова клонит ко сну, несмотря на то, что только 10 часов вечера. Заниматься никто не мешал, так было тихо и спокойно. Неприятностей никаких не было, а потому чувствую себя хорошо, если не считать некоторого беспокойства за тебя и скуки без тебя.

Сегодня утром ты получил 4 письма: одно от Аверьянова², одно от Федорова³, одно от Городецкого⁴ и, наконец, от не пойму, от кого. Содержание первых двух писем не сообщаю, ты, наверное, узнал уже от них самих все, что надо. Городецкий пишет, нужно ли ему присылать стихи или уже поздно. В последнем же письме приглашают тебя на реферат Айхенвальда о поэте Фете, который прочтется 5 октября, в пятницу⁵. Жаль, что ты не здесь, а то я пошла бы с тобой туда, мне интересно теперь послушать о Фете.

Вот видишь, «Шиповник»-то какой⁶! Смотри, не спеши, ничего не делай с маху. Напиши, как долго пробудешь ты без меня? Если очень долго, то я возьму, да приеду. Если тебе нужно будет, то ты распусти слух, что я в ближайшем будущем явлюсь в Петербург...

Вчера Сева⁷, Митя⁸ и 2 Одарченко были в Международном⁹ и видели там Ю<лия> А<лексеевича>¹⁰ с Петей¹¹, сидят и пьют пиво.

Ну, детеныш, спокойной ночи. Старайся поздно спать не ложиться, береги здоровье, а то ведь мне скверно будет (преданный паж, подумаешь ты) на сердце, если я буду чувствовать, что ты треплешься. Поклоны и поцелуи кому следует. Жду от вас с Верочкой¹² писем.

Твой Кустик.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/6 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Ивану Алексеевичу Бунину. С. Петербург, Невский, 92. Книгоиздательство “Знание”»; почт. шт.: «Москва, 4.10.07»; «СПб., 5.X.07». Синим карандашом написано: «115». Дата установлена по почтовому штемпелю и по содержанию.

¹ Возможно, имеется в виду А.М. Федоров, который находился в это время в Петербурге.

² Михаил Васильевич Аверьянов (1867–1941) — книгоиздатель. Имеется в виду письмо М.В. Аверьянова, который еще не знал о приезде Бунина в Петербург, писал ему в Москву 2 октября 1907 г., что в Петербург приехал А.М. Федоров, предостерегал Бунина от сотрудничества с издательством «Шиповник»: «издатели — аферисты, по выражению <А.Л.> Волинского, и с ними нужно быть осторожными, не доверяя решительно ни в чем» (*Летопись* (1). С. 692).

³ Письмо А.М. Федорова неизвестно.

⁴ Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) — поэт. Письмо его к Бунину неизвестно; для какого издания хотел прислать свои стихи Городецкий неясно.

⁵ Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928) — литературный критик, пользовавшийся большой популярностью и влиянием в 1905–1917, в период расцвета русского модернизма. Речь идет о лекции Ю.И. Айхенвальда «Поэзия Фета», которую он прочел 5 октября 1907 г. в Женском клубе (Гагаринский переулок, дом Маслова). См. объявление о лекции: «Русские ведомости» (1907. 5 октября. № 227. С. 3).

⁶ «Шиповник» — частное издательство, основанное в 1906 г. в Петербурге З.И. Гржебиным и С.Ю. Копельманом; выпускало книги современных писателей и «Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник»». В.Н. Муромцева имеет в виду содержание письма М.А. Аверьянова от 2 октября 1907 г. (см. здесь примеч. 2).

⁷ Вс. Н. Муромцев.

⁸ Д.Н. Муромцев.

⁹ Ресторан «Международный» располагался на Тверском бульваре в Москве.

¹⁰ Ю.А. Бунин.

¹¹ П.А. Пушешников.

¹² В.А. Зайцева.

42. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 5 октября 1907 г.

Вчера, дорогой Светик, ты был, кажется, без писем по вине Федорова, в другой раз приятелям не поручай опускать письма... Я же вчера так разогорчилась, что и сказать не могу. Мне стало казаться, что ты разлюбил меня и забыл обо мне среди друзей и приятелей. Такое мое состояние объясняется тем, что недалеко «то» время (понимаешь), а потому и душевное, и физическое состояние отвратительно. Заниматься же можно целый день, никто не мешает, к тому же эти дни никаких неприятных разговоров не было.

Заходила на минутку сегодня к Ю<лию> А<лексеевичу>¹, передала ему приглашение на реферат Айхенвальда² и узнала от него, что Коля³ все эти дни задыхался. Он был у Генкина⁴, который сказал, что сейчас нельзя делать операцию. Кажется, через несколько дней Коля едет в Глотово. У меня же не был ни разу.

Голубчик, перейди в другой номер, а то что же это ты себя истязашь, уж лучше я сожматься⁵ буду в чем-нибудь. Впрочем, я вчера заказала себе из белки шляпу, очень изящную, простую, небольшую и идет. Стоить это будет 8 рублей. Кстати, отдала поправить шляпу, купленную у Шанкс^а⁶.

Умник за ½ бутылки в вине, за это будет тебе награда по приезде, поступай и впредь так.

Если бы ты знал, как у меня болит спина, когда я сижу над книгой. Вот поистине мучения! Мне вспоминается сказка про татарина, который видел во сне кисель, да ложки не было, на другой день положил ложку под подушку, а киселя не увидел. Так и я: хорошо чувствовала — Куприна⁷ мешала заниматься, теперь Куприной нет, так боли не дают покоя. Правда, такая досада: так эти дни покойно по-глотовски.

Целую тебя и... Больше никуда не буду пускать тебя без себя, а то скучно, так поцеловать хочется сейчас.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/9 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Ивану Алексеичу Бунину. С. Петербург, Невский, 118. Большая Северная гостиница»; почт. шт.: «Москва, 6.10.07»; «СПб., 7.X.07». Синим карандашом написано: «115». Дата установлена по почтовому штемпелю и по содержанию.

¹ Ю.А. Бунин.² См. примеч. 5 к п. 41.³ Н.А. Пушешников.⁴ Михаил Семенович Генкин (1854–1935) — московский врач.⁵ Домашнее слово В.Н. Муромцевой, употреблявшееся ею в письмах.⁶ Шанкс и К^о — английский магазин на Кузнецком мосту в Москве, один из самых фешенебельных в то время. Открыл его еще в 1852 г. Джеймс Стюарт Шанкс (Shanks, 1826–1911) в доме Третьякова (ныне Кузнецкий мост, д. 9/10) — «Английский магазин Shanks & Bolin».⁷ М.К. Куприна.

43. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 6 октября 1907 г.

6 октября.

Дорогульчик, если бы ты был сегодня здесь, то целовал, целовал меня без конца, а то больно и некому приласкать. Сегодня была на курсах, спрашивала Голенкина¹, когда он будет экзаменовать. Назначил — вторник, среда и четверг в 9 — ½ 10 ч. утра в Ботаническом саду, что на 1 Мещанской. Какой из этих дней выберу, еще не решила, все будет зависеть от моего состояния здоровья. На этот раз боли не сопровождали «начало», а появились лишь после того, как я сходила на курсы. Буду все эти дни лежать, сегодня с 7 часов утра готовилась в постели до 11.

Без меня был Ю<лий> А<лексеевич>², принес тебе телеграмму, 22 слова, из редакции «Жизни и школы»³, просят сообщить день присылки фельетона и условия, с оплаченным ответом. Отвечу, что ты в Петербурге в «Северной», пусть телеграфируют туда⁴.

Настроение у меня сделалось лучше, да и погода этому благоприятствует: голубое небо, солнышко; радостный сегодня какой-то день. Так бы и уехала за город... Тревожусь, что тебе нехорошо. Перейди, золотой, в лучшую комнату, здоровье твое важнее всего. Если будет время у тебя, съезди на всякий случай в Сестрорецк⁵, посмотри, что там есть хорошего для нас.

За целковый моя шляпа (от Шанкса⁶) приняла настолько хороший вид, что в ней снова можно — куда хочешь. Видишь, я зря тебя не разоряю. Я сделала экономию еще на одном пустячке, а потому ты можешь хотя бы на 2–3 суток перейти в другое помещение. Напиши, когда тебя ждать. Крепко целую тебя и т... Поклон Зайцевым⁷.

Верка.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/5 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Ивану Алексеевичу Бунину. С. Петербург, Невский, 118. Большая Северная гостиница»; почт. шт.: «Москва, 6.10.07». Синим карандашом написано: «115». Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Михаил Ильич Голенкин (1864–1941) — ботаник, профессор Московского университета по кафедре систематики и морфологии растений, директор Ботанического сада Московского университета, читал лекции на Высших женских курсах.

² Ю.А. Бунин.

³ «Жизнь и школа» — еженедельная педагогическая, общественная и литературная газета (СПб., 1907–1908). Телеграмма неизвестна.

⁴ По поручению редакции газеты «Жизнь и школа» Н.Н. Окулов вновь обратился к Бунину в письме от 6 октября 1907 г. с просьбой «дать хотя бы крошечный беллетристический этюд <...>, чтобы украсить первые же номера. <...> Мы жаждем хорошей беллетристики, которая подходила к задачам газеты. <...> Ваш искренний читатель друг» (*Летопись* (1). С. 693).

⁵ Сестрорецк — город под Петербургом; с 1900 г. приморский климатический бальнеогрязевый курорт со своей минеральной водой и лечебными грязями на северном берегу Финского залива Балтийского моря.

⁶ См. п. 42 и примеч. 6 к нему.

⁷ Б.К. и В.А. Зайцевы.

44. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину
Москва. 6 октября 1907 г.

6 октября.

Необыкновенное свинство — опять нет письма! Если так будет продолжаться, буду посылать телеграммы с оплаченным ответом. Если это не поможет, прибегну к телефонам. (Запищит копеечка!) А то и сама приеду. Беспокоиться надоело, да и вредно!

В. Муром<цева>.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/8 оф. Написано красными чернилами. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «С. Петербург, Невский, 118. Большая Северная гостиница. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 7.10.07»; «СПб., 8.X.07». Синим карандашом написано: «115». Год установлен по почтовому штемпелю.

45. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину
Москва. 7 октября 1907 г.

7 октября 1907.

11 ч. утра.

Сейчас получила твое письмо от 5 числа¹. И из него увидала, что чувствуешь ты себя скверно. Не принимай так к сердцу земные невзгоды, не в них суть жизни. Относительно «Шиповника» скажу, я была уверена, что они так тебе будут говорить. Но это они гово́рят... Не беспокойся, они всегда будут рады вырвать тебя из «Знания». Ты же можешь и не порывать со «Знанием», если не захочешь, а потому бояться тебе нечего. «Шиповнику» же нужно поставить на вид, что со «Знанием» ты так порвать не можешь, т.к. оно принадлежит Горькому, твоему приятелю, и ты считаешь некрасивым уйти без предупреждения. И не беспокойся, они будут больше ценить и уважать тебя, если увидят, что тебя не так легко переманить минутным рублем².

Я не знала, что теперь нужно хлопотать о Ласкаржевском³, уезжая, ты мне ничего не сказал об этом. На днях попрошу, и Зоя⁴ съездит. Если мы решим далеко от Москвы не уезжать, то я могу посвятить несколько дней на хлопоты о Ласкаржевском, да и голова эти дни отдохнет.

На этот раз боли меня не очень беспокоили, таким образом, можно надеяться, что в этот месяц можно будет усиленно заниматься.

Коля⁵ уезжает завтра, вчера он провел у нас вечер. Едва ли он согласится остаться. Да и трудно уговорить, когда ничего определенного нет, а, между тем, он еженощно задыхается. Генкин отсоветовал теперь ехать в Крым, т.к. <к> концу октября и ноябрь погода сильно портится. Если же мы устроимся где-нибудь под Москвой, то он придет к нам, т.к. ему все равно нужно будет делать операцию.

Что-то на этот раз я сильно скучаю, в особенности, если нет письма. Устала я жить без тебя, мой дорогульчик, скучно без Светика и т.д. и т.д., хочется поцеловать всюду.

Стервенюк.

Ю<лия> А<лексеевича>⁶ сегодня не придется увидеть, т.к. сегодня заседание литераторов. Вчера же мы все никак не могли поймать друг друга, он был у меня, когда я была на курсах, так я пошла к нему вечером, правда, через час после назначенного времени, т.к. Коля задержал, и, конечно, его уже не захватила. Постараюсь пойти к нему завтра. Еще раз целую и обнимаю.

Петя⁷ ходит в университет на лекции Ключевского⁸. А дома все время занимается.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/7 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Ивану Алексеевичу Бунину. С. Петербург, Невский, 118. Большая Северная гостиница»; почт. шт.: «Москва, 7.10.07»; «СПб., 8.X.07». Синим карандашом написано: «115».

¹ Письмо неизвестно.

² Издатели альманаха «Шиповник» З.И. Гржебин и Соломон Юльевич (Юрьевич) Копельман (1880–1944) предложили Бунину продать на выгодных условиях IV, V и VI тома собрания сочинений. Бунин считал для себя невозможным перейти к другому издателю, не уведомив директора-распорядителя книгоиздательства «Товарищество “Знание”» К.П. Пятницкого, одним из главных пайщиков «Знания» был А.М. Горький. Кроме того, он полагал, что К.П. Пятницкий, возможно, предложит ему те же условия, что и «Шиповник». С издательством «Знание» сотрудничество Бунина прекращено не было.

³ Иосиф Адамович Ласкаржевский (1875–1937) — зять Бунина, муж его сестры Марии Алексеевны; работал на железной дороге (машинист).

⁴ З.Е. Шрейдер.

⁵ Н.А. Пушешников.

⁶ Ю.А. Бунин.

⁷ П.А. Пушешников.

⁸ Василий Осипович Ключевский (1841–1911) — историк, профессор русской истории Московского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук; читал лекции также на Высших женских курсах.

46. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 10 октября 1907 г.

Дорогульчик, идя в Румянцевский музей¹, я нашла в ящике два твоих письма от 8 и 9 ок<тября>², два дня подряд я не имела от тебя ни строчки. Пишу же тебе ежедневно³. Но почему почта так «манкирует», не понимаю?

Завтра иду на экзамен. Чем-то он кончится. Чувствую себя так, как будто вместо головы котел, наполненный разными вещами и, если его чуть пошевелинуть, как все там перемешается, что и сам Бог не разберет... Если ты получил мои письма, то знаешь, что все обстоит «благополучно». Телеграмму послала потому, что очень стала беспокоиться, а сегодня нужно быть особенно сосредоточенной. Вчера училась много: семь часов сряду зубрила! Да еще потом, после обеда. Вот досада, тебя нет, а то бы я зацеловала тебя до смерти сегодня, ведь как-никак, не родись ты, не было бы у меня Светика, правда, он мучает меня, но все-таки я люблю его и крепко целую. На сегодня кончаю, нет минутки свободной. Завтра напишу больше. Коля⁴ уехал.

Твой Стервенюк.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/148 оф. Датируется по содержанию.

¹ Румянцевский музей — крупное собрание книг, монет, рукописей, других этнографических и исторических материалов; возник на основе частной коллекции, которую при жизни собрал, а частью унаследовал русский граф и дипломат Николай Петрович Румянцев (1754–1826). Румянцевский музей был создан в 1831 г. в Петербурге, с 1861 г. располагался в Доме Пашкова в Москве.

² Письма неизвестны.

³ Письма В.Н. Муромцевой от 8 и 9 октября 1907 г. неизвестны.

⁴ Н.А. Пушешников.

47. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 11 октября 1907 г.

11 октября.

Дорогой Ян, только что пришла от Верочки¹, она принесла нам утром все, что было нужно. Спасибо за шпильки. Затем я проводила ее и зашла к ним. Зайцев говорит, что, по его мнению, тебе не имеет смысла уезжать через 2 дня, и хотя это для меня неприятно, но я нахожу, что он прав. Уж если в Москве ты не хотел подождать недельку, как я говорила тебе, то ехать ни с чем обратно, по-моему, не стоит². Боюсь, что скучаешь без меня, но я, во всяком случае, скучаю больше, т.к. в настоящий момент жизнь моя течет без всякого просвета.

На экзамен сегодня ходила, но выдержала только первую часть, вторую же профессор попросил перенести на вторник, т.к. ему нужно было куда-то ехать. С завтрашнего дня я все-таки начну готовиться по зоологии с одной курсисткой, а повторять ботанику буду по вечерам. А ты все-таки назююкался у Куприной. Так-то ты держишь слово!

Почему не прислал ты письма с Зайцевыми, ведь оно дошло бы скорей, чем по почте, или же ты решил вчера не писать? А между тем, ты не ответил на многие мои вопросы, заданные еще на прошлой неделе... Станный ты человек. Ну, да что говорить, все равно мои просьбы не принимаются в расчет.

Покинутый Стервенек.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/149 оф. Год установлен по содержанию.

¹ В.А. Зайцева.

² Бунин надеялся дожидаться в Петербурге К.П. Пятницкого для переговоров по издательским делам. См. примеч. 1 к п. 40, примеч. 2 к п. 45.

48. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 27 октября 1907 г.

Прелестный Янчик, пишу тебе в первый перерыв наших занятий. Целую крепко во все места за письмо¹. Телеграмму послала утром². Утром же пришла тебе к штанишкам пуговицы. Хорошо было бы отдать их портному, чтобы зашил карманы, я было начала, да что-то скверно выходит. Тупа я на этот счет.

Крашенинникову звонила. Сказали, что он будет в Москве только завтра в 11 ч. или 3, а теперь он в Гирееве³.

От Нилуса⁴ тебе присыл, наверное, гениальное произведение. Посмотрю.

Очень меня беспокоит история с Арцыбашевым⁵, не вышло бы для тебя каких-нибудь неприятностей. Напиши, как все это обошлось.

В отношении моего здоровья не беспокойся, жара нет. Да и чувствую себя много лучше, чем вчера.

Целую и обнимаю крепко-крепко.

Твой Стервенюк.

Завтра напишу, как встану.

27 октября.

Куда ты спрятал все конверты? Никак не найду!

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/151 оф. Год определен по содержанию.

¹ 25 октября 1907 г. Бунин вновь уехал из Москвы в Петербург, где пробыл до первых чисел ноября (*Летопись (I)*. С. 697, 699). Письмо неизвестно.

² Телеграмма неизвестна.

³ Гиреево — деревня и усадьба под Москвой, попеременно принадлежала Губиным, Шереметьевым, Голицыным, а в данное время владельцами были Торлецкие. У Н.А. Крашенинникова была дача в Новогиреево.

⁴ Петр Александрович Нилус (1869–1943) — одесский художник, писатель, художественный критик; близкий друг Бунина.

⁵ Михаил Петрович Арцыбашев (1878–1927) — прозаик, драматург. Возможно, имеется в виду рассматриваемое редакторство М. Арцыбашева в альманахе «Земля».

49. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 октября 1907 г.

Любимчик золотой, как встала, так и пишу. Скучно мне было вчера вечером, все никак заснуть не могла. Все беспокойства сразу лезли в голову, и тяжело было на душе...

Крашенинников звонил вчера из Гиреева, и я уже отослала ему твои стихи¹ и передала все, что нужно. На все он выразил полное согласие. У Е<катерины> П<авловны>² была вчера вечером, записала, каким образом нужно составить прошение. Она сказала Парфенову³, что Ласкаржевский⁴ — твой родственник, что имело значение, а также и Муромцевым... Е<катерина> П<авловна> думает, что Парфенов сделает все, что от него зависит, и потому надо надеяться, что в недалеком будущем Ласкаржевские покинут Грязи⁵.

Как идут твои дела? Когда вернешься к Кустику? Помни условие: пить только ½ бутылки вина, иначе я перестану уважать тебя. Пиши ежедневно и опускай письма вовремя.

Вчера маме сняли швы, поэтому она чувствует себя нехорошо.

Целую и обнимаю.

Твой Стервенюк.

28 окт. Сегодня рождение Севочки⁶!

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/147 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Речь идет о 2-й книге товарищеских сборников «Новое слово» (М., 1907), в которой (с. 51–61) были напечатаны стихотворения Бунина: «Христос» («По алтарям пустым и белым...»), «Храм Солнца» («Шесть золотистых мраморных колонн...»), «Лен» («Присела на могильнике Савуре...»), «Забвение» («Растет, растет могильная трава...»), «Каир» («Английские солдаты с цитадели...»), «Стрижи» («Костел-маяк, примета мореходу...»), «Из Анатолийских песней»: 1. «Девичья» («Свежий ветер дует в сумерках...»), 2. «Рыбацкая» («Летом в море легкая вода...»). 2-я книга «Нового слова» вышла в свет в декабре 1907 г.

² Екатерина Павловна Пешкова (урожд. Волжина, 1878–1965) — жена А.М. Горького.

³ Возможно, Сергей Алексеевич Парфенов — присяжный поверенный.

⁴ И.А. Ласкаржевский.

⁵ Грязи — поселок в Елецком уезде Орловской губ., где жили в это время И.А. и М.А. Ласкаржевские; там находилась железнодорожная станция Грязи-Елецкие.

⁶ Вс.Н. Муромцев.

50. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 октября 1907 г.

28 о. вечером.

Еще один скучный день прошел, дорогой Янчик, день раков, моллюсков и иглокожих. Ты представить не можешь, как мне надоели все кишечники, нервные системы и половые железы... Завтра еще день мучений, т.к. осталось еще очень много и пройти, и повторить. От Коли получено письмо¹, я прочла его. Печку не начали класть, да и печника нет. Дешевле 75 р. она стоять не может. Подробности узнаешь по приезде.

Звонил Высоцкий², спрашивал, когда будешь в Москве³...

У Ю<лия> А<лексеевича>⁴ был сегодня Кожевников⁵, спрашивал, правда ли ты стал редактором⁶. Собирается предложить свои вещи. Ценный сотрудник!

Солодовникова⁷ кланяется тебе. Она сегодня ночует у меня.

Пиши. Помни данное слово.

Целует Стервенюк.

Я — здорова.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/25 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Ивану Алексеевичу Бунину. С. Петербург. Невский, 118. Северная гостиница»; почт. шт.: «Москва, 29.10.07»; «СПб., 30.X.07». Год установлен по почтовому штемпелю. Приписка: «Я здорова» сделана в верхней части письма.

¹ Письмо Н.А. Пушешникова неизвестно.

² Возможно, В.А. Высоцкий.

³ Бунин вернулся в Москву в первых числах ноября 1907 г.

⁴ Ю.А. Бунин.

⁵ Петр Алексеевич Кожевников (1871–1933) — беллетрист, литературный критик.

⁶ В октябре 1907 г. Бунин стал редактором нового альманаха «Земля», который издавался «Московским книгоиздательством».

⁷ Наталья Константиновна Солодовникова — сокурсница В.Н. Муромцевой на Высших женских курсах.

51. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Сосновка. 27 ноября 1907 г.

1907, 27 н.

Дорогой мой Ян, сегодня получила деньги. Благодарю за них. Вчера не было от тебя письма¹, и я беспокоилась, вернее, скучала.

Жду от тебя письма с известием, куда и когда едем. Последние дни я безвыездно живу в Сосновке². Морозит. Небо синевато-молочное. Читаю Пушкина и Мережковского³. Немного перевожу⁴. Вчера были вечером у Гамбаровых⁵. Представь, он сорвал мозоль, и теперь

у него воспалилась ткань вокруг вен. Чем все кончится, Бог ведает? Он в постели. И так похож на восточного человека, что на минуту я забыла, где я, и так потянуло к пестрым одеждам, к солнцу и т.д. Посылаю открытку с изображением твоего сна по дороге в Александрию⁶. Помнишь? Нравится ли тебе Мария? Крепко обнимаю, нежно целую.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/55 оф. Почтовая открытка с репродукцией картины Б.Э. Мурильо «Бегство в Египет». Без адреса. Конверт отсутствует.

¹ Бунин с В.Н. Муромцевой приехал в Петербург 12 ноября 1907 г.; Бунин возвратился в Москву 17 ноября один, а В.Н. Муромцева осталась гостить у друзей (*Летопись* (I). С. 699, 702). См. след. примеч.

² Сосновка — дачное место под Петербургом, где гостила В.Н. Муромцева на даче профессора А.Г. Гусаква — друга семьи Муромцевых.

³ Какие именно произведения Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941) читала в тот год В.Н. Муромцева, установить не удалось.

⁴ Какие произведения переводила в это время В.Н. Муромцева установить не удалось.

⁵ Неустановленные лица.

⁶ Имеется в виду переход на корабле из Пирея в Александрию между 18 апреля (1 мая) и 20 апреля (3 мая) 1907 г. во время совместного заграничного путешествия.

52. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 25 февраля 1908 г.

25 ф. 1908 г.
половина 12 ч. дня.

Дорогой Ян, сегодня я проспала 11 часов, следовательно, выспалась и надеюсь хорошо заняться английским языком¹. Об Маше² спрашивала: температура 36,3, чувствует себя хорошо, но спала не особенно. Может быть, это происходит от того, что по ночам в их комнате очень холодно? Не купить ли ей одеяло?

Сама тоже лечусь: полоскаю горло, обтерла его одеколоном и повязала шелковый платочек, который нашла среди «забытых вещей». За оберзалц брун³ послала. Папа встал с постели. Всю ночь у него были страшные боли в щеке, «точно нарывало что-то», сейчас немного успокоилось, но я боюсь, что как бы не повторилась история Тани Полиевктовой⁴.

Погода здесь сыро-мутная. Как-то принимался идти снежок.

Блюменберг⁵ до сих пор не делал попытки насчет денег! Будем ждать!

Пиши подробнее обо всем, а то все-таки скучно без «капризного» Светика.

Сегодня утром чуть было по привычке не пошла в соседнюю комнату, да вовремя вспомнила, что он далеко...

Звонил ли ты в Политехнический институт?

Целую тебя крепко-крепко.

Не смей много пить, а то я тебе задам...

Поклон Марии Карловне⁶ и всем знакомым.

Еще раз целую и обнимаю.

Твой Стервенек.

Нет еще 12 часов.

Телеграмму сейчас получила⁷. Умник!

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/63 оф.

¹ Бунин уехал из Москвы в Петербург 24 февраля 1908 г., возвратился в Москву 29 февраля (*Летопись* (1). С. 724–725). В.Н. Муромцева специально занималась английским языком для переводческой работы.

² М.А. Ласкаржевская в это время лежала в больнице в Москве.

³ Obersalz brunn (ныне Szczawno-Zdrój) — курорт с минеральной водой в Польше. Муромцева приводит это название в письмах в разных написаниях.

⁴ Татьяна Полиевктова — общая знакомая В.Н. Муромцевой и Б.К. и В.А. Зайцевых.

⁵ Георгий Густавович Блюменберг — сын московского писчебумажного фабриканта организатора «Московского книгоиздательства», Г.А. Блюменберга, формальный владелец «Московского книгоиздательства». В 1908 г. Блюменберг-отец начал выпуск литературных сборников «Земля», непосредственным руководством издания сборников занимался Г.Г. Блюменберг, который в ноябре 1907 г. уговорил Бунина занять пост редактора «Земли», предложив ему 3000 рублей в год. 1-й сборник «Земля» вышел в свет 30 января 1908 г. В качестве редактора Бунин составил 1-й и 2-й сборники «Земля», однако после того, как в редакцию был приглашен М.П. Арцыбашев, он покинул пост редактора сборников.

⁶ М.К. Куприна.

⁷ Телеграмма неизвестна.

53. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26 февраля 1908 г.

Дорогой Ян, вчера четверть второго Блюменберг¹ позвонил по телефону и спросил, дома ли ты. Я сказала, что ты уехал и спросила: «Вы насчет денег?». «Да». И<ван> А<лексеевич> оставил расписку и т.д. «Хорошо, — ответил он, — я приеду». И правда, в половине третьего звонок и Блюменберг. Сидел около полчаса и все силился доказать, как ты неправ по отношению к нему в своих подозрениях и т.д. Из всего разговора я поняла, что он не хочет раньше, чем не вернет *затраченные деньги на I сборник, тратить на второй*². Почему? Я уяснить себе не могу. Весной сборник он выпускать не думает, а хочет выпустить его осенью. Он уверял меня, что все это он говорил тебе, очень жалел, что не повидался с тобой, т.к. хотел, чтобы ты разузнал обо всем. На это я сказала, что ты остановился в Северной³ и, если он хочет, то может написать тебе. С тобой же порывать, по-моему, он и не думает, и не хочет.

Относительно Маши⁴ опять загадка. Алексинский⁵ говорит, что рентген нужен чем скорей, тем лучше, а уменьшение опухоли относит к улучшению кишечника (?). Штурм же стоит на своем и говорит, что, если неделю подождать, то ничего плохого из этого не выйдет. В терапевтическом отделении место есть. Завтра он хочет поговорить с Готье⁶ и Соколовским⁷. Сегодня утром у Маши опять боль и t 37,2 Ц.

Сегодня я встала половина десятого, теперь больше одиннадцати, и я минуты не имела свободной, чтоб сесть за английский язык. Почти все время стояла у телефона... Вчера вечером была у Мальцевых⁸. Нюся⁹ в восторге от «Тени птицы»¹⁰. Говорит, что ей очень захотелось в Константинополь и с нетерпением ждет дальнейших очерков. Того же мнения m-me Мальцева.

Много мы говорили об Эртеле¹¹, оказывается, они знакомы потому, что Эртель арендовал имение и дом их. И они знали его, когда он был еще очень беден. Много интересного я узнала об всей этой семье. Но об этом при свидании. А вот о чем я хочу сообщить тебе: у Эртель на днях был отец Петров¹², зашел разговор о «Суламифи»¹³; он стал ругать это «грязное» произведение, скраденное все из Библии и, главным образом, из «Песни песен»,

этого тоже, по его словам, *грязного* произведения (?). «Да и вообще я понимаю только тенденциозную литературу, а писать о любви в то время, как вешают... пр. и пр.». Эртелям он очень на этот раз не понравился, все хотел показать свою ученость, сыпал иностранными словами, Рёскиным¹⁴ и тому под. Одним словом, запахло семинаром, как выразилась дочь Эртеля¹⁵.

Ну, заболталась, целую. Поклон Н<иколаю> Д<митриевичу>¹⁶. Я ему велела строго следить за тобой.

Твой Кустик.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/164 оф. Написано красными чернилами. Датируется по содержанию.

¹ Г.Г. Блюменберг.

² Речь идет о литературном альманахе «Земля», 1-й сборник которого вышел 30 января 1908 г. (см.: *Летопись* (I). С. 718). 2-й сборник «Земля» вышел в феврале 1909 г.

³ «Большая Северная гостиница» в Петербурге, где останавливался Бунин.

⁴ М.А. Ласкаржевская.

⁵ Иван Павлович Алексинский (1871–1945) — хирург, профессор Московского университета, доктор медицины, директор университетской клиники. Депутат I Государственной думы. Знакомый семьи Муромцевых. См. также примеч. 1 к п. 311.

⁶ Эдуард Владимирович Готье-Дюфайе (1859–1921) — врач-терапевт, профессор медицины, работал в Первой Градской больнице Москвы.

⁷ Дмитрий Владимирович Соколовский — московский врач.

⁸ Очевидно, семья Савватия Феликиссимовича Мальцева — члена Московской судебной палаты; в это время Мальцевы снимали квартиру в доме Муромцевых в Скатертном переулке.

⁹ Анна Владимировна Муромцева — кузина В.Н. Муромцевой, дочь предтечевского помещика Владимира Семеновича Муромцева (см. примеч. 9 к п. 38).

¹⁰ Рассказ Бунина «Тень птицы» опубликован в альманахе «Земля», сб. 1 (М., 1908. С. 229–272).

¹¹ А.И. Эртель в конце жизни отошел от литературной работы, работал управляющим помещичьими имениями.

¹² Возможно, Григорий Спиридонович Петров (1866–1925) — священник, общественный деятель, журналист, публицист, проповедник.

¹³ Повесть А.И. Куприна «Суламифь» опубликована в 1-м сборнике «Земля» с посвящением И.А. Бунину (М., 1908. С. 159–228).

¹⁴ Джон Рёскин (1819–1900) — знаменитый английский писатель, художник, историк искусств, моралист и общественный деятель, литературный критик.

¹⁵ Елена Александровна Эртель (1889–1974) — дочь А.И. Эртеля; окончила Московские высшие женские педагогические курсы.

¹⁶ Н.Д. Телешов, с которым, очевидно, Бунин вместе поехал в Петербург.

54. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26 или 27 февраля 1908 г.

Дорогой Ян, вчера ты получил три письма и одну газету. Одно письмо от Кармена¹, молодого писателя-еврея, просящего позволения прислать тебе свой рассказ для помещения его в «Новое слово»². Между прочим, он передает тебе поклон от Иерусалимского Шаца³. Другое — от Буковецкого⁴. Благодарит за «Землю» и приглашение вместе ехать в Париж. И, наконец, третье — от Сумбатова⁵ — приглашение по поручению комитета почина чествования 80-летия Толстого в среду 27 ф<евраля> в 3 ч. дня к нему на квартиру. Газета же прислана Нилусом «Одесские новости» потому, что в ней находится фельетон о «Земле»⁶.

Содержание передать трудно за неимением оногo, ведь нельзя же считать за содержание пересказ ваших произведений и упрёки по поводу того, что вы не пишете на современные темы «классных сочинений». Вообще, по прочтении этой статьи я спросила, почему я не критик, тогда я могла бы, по крайней мере⁷.

У Маши⁸ t сегодня 36,7. Мы решили, чтобы, прежде всего, посмотрел ее Готьё⁹. Сева¹⁰ был у последнего, и тот согласился, но с условием, чтоб Алексинский сам попросил его об этом. Вчера весь вечер не могли добиться Алексинского.

Кашляю я сильно, но думаю начать немного выходить, только не разговаривать на улице, конечно, в морозные дни и не сырые. Пью оберзальц-брун. Сейчас пришло письмо от Марии Карловны Куприной¹¹, очень длинное, и поэтому передавать содержание не стану, кроме того, что дела «Шиповника» очень плохи.

Пора кончать, целую, передай поклон Николаю Дмитриевичу¹². Начинаю сердиться, что от тебя нет письма, противный! Забыл Стервенка!!

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/171 оф. Датируется по содержанию.

¹ Лазарь Осипович Кармен (наст. фам. Коренман, 1876–1920) — журналист, прозаик. Имеется в виду его письмо к Бунину от 22 февраля 1908 г. (ОГЛИМТ. Ф. 14. № 3053 оф).

² Речь идет о товарищеских сборниках «Новое слово» (М., 1907–1908). Произведения Л.О. Кармена там не печатались.

³ Борис Шац (1866–1932) — еврейский скульптор, деятель культуры, профессор, с 1906 г. жил и работал в Иерусалиме, где открыл школу искусств и ремесел Бецалель; экскурсовод и проводник в Иерусалиме.

⁴ Евгений Иосифович Буковецкий (1866–1948) — одесский художник; друг Бунина и коллекционер, обладавший одной из лучших коллекций живописи в Одессе, играл значительную роль в культурной жизни Одессы в конце XIX — начале XX вв. В его доме по четвергам, затем по воскресеньям собирался цвет местной интеллигенции. Письмо Буковецкого к Бунину неизвестно.

⁵ Александр Иванович Южин (настоящая фамилия – Сумбатов, Сумбаташвили) (1857–1927) – актер, драматург, театральный деятель. Сумбатов был секретарем организованного в марте 1908 г. Московского комитета по подготовке чествования Л.Н. Толстого по случаю его 80-летия. Имеется в виду его письмо к Бунину от 25 февраля 1908 г. (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 247. Л. 1).

⁶ Речь идет о статье Н.Л. Геккера «Еще о “Земле”» (Одесские новости. 1908. 22 февраля. № 7449. С. 2), в которой, в частности, говорится по поводу рассказа «Тень птицы»: «Как и многим нынешним писателям, г. Бунину, видимо, также делать нечего в нашем невеселом отечестве. В этом последнем есть что-то фатально тяжелое, что отгоняет от себя творческое внимание художника и переносит его на темы экзотические, доисторические и чужеземные. <...> У г. Бунина это временное настроение совпадает с основным тоном его духовного склада и с общим его настроением».

⁷ Далее несколько слов густо вычеркнуто.

⁸ М.А. Ласкаржевская.

⁹ Э.В. Готьё-Дюфайе.

¹⁰ Вс.Н. Муромцев.

¹¹ В письме из Италии от 22 февраля (6 марта) 1908 г. М.К. Куприна сообщала Бунину о разводе с А.И. Куприным, а также отмечала: «Ваш сборник <“Земля”> блестящ не только по содержанию, но и по внешности чрезвычайно изящен. Когда Вы думаете выпускать второй?» (*Летопись* (I). С. 724).

¹² Н.Д. Телешов.

55. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 1 апреля 1908 г.

Дорогой мой, сегодня необыкновенно хороший день и, если это так везде, то ты, наверно, испытывал весь день необыкновенно хорошее чувство, — чувство, которое охватыва-

ет человека всегда, когда он, вырвавшись из зимнего пальто, попадает сразу в весеннюю обстановку¹. Помнишь, как в прошлом году ты вышел со мной на какой-то станции, как вдруг сразу мы почувствовали тепло, и как весело хорошо сделалось на душе...

Я сегодня весь день мысленно еду с тобой, то в уме мелькают деревушки, то необъятные поля, кое-где покрытые снегом, то, наконец, сосновые леса. Помнишь, перед Киевом? А как в прошлом году был хорош Днепр! Помнишь? А как теперь? Воображаю, какое у тебя лицо и как ругаешь ты сейчас меня; ведь ты не любишь, когда я болтаю, предаюсь воспоминаниям или надеждам. Но что делать, писать нечего. Всё то же. О Маше² же пока ничего не знаю.

Да, еще о деле: посылаю корректуру³ и сведения относительно Лонгфелло⁴. Да, вот еще что: вчера, как только ты уехал, принесли от Вольфа⁵ «Фауста»⁶, пришлось из моих скудных средств заплатить 2 рубля! Сегодня посылаю Коле⁷ книгу и письмо. Относительно денег думаю поступить так: попробую занять у папы руб<лей> 50 до твоего приезда, и постарайся написать рассказ, не ленись! Ведь глупо же при нашем положении отворачиваться от Кати⁸, ведь ты не Коля!

Целую тебя крепко. Если ты получишь деньги скоро, то вышли мне сколько-нибудь, а то вдруг папа откажет, и я останусь без копейки.

Привет Нилусу. Целую крепко.

Твой покинутый Кустик.

1 апреля.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/117 оф. Год определен по содержанию.

¹ 31 марта 1908 г. Бунин уехал из Москвы в Одессу, возвратился в Москву 9 апреля (*Летопись* (1). С. 732–733).

² М.А. Ласкаржевская.

³ Очевидно, речь идет о подготовке к изданию 4-го тома сочинений Бунина «Стихотворения 1907 г.; “Годива”, поэма Теннисона; Из “Золотой легенды” Лонгфелло; “Каин”, мистерия Байрона» (СПб.: Знание, 1908).

⁴ Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882) — американский поэт. Бунин перевел поэму Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» и несколько стихотворений.

⁵ Маврикий Осипович Вольф (1825–1883) — русский издатель, книгопродавец, просветитель и энциклопедист; основатель издательской фирмы «Товарищество М.О. Вольф».

⁶ Очевидно, имеется в виду книга: И.В. Гёте «Фауст» (Пер. А.Н. Струговщикова; С 50 картинками и офортами А. Лицен-Майер и орнаментными украшениями Р. Зайтца. 2-е изд. СПб.; М., 1899).

⁷ Н.А. Пушешников.

⁸ Неустановленное лицо.

В.Н. Муромцева.
Москва, 1908 г.
(РАЛ)

56. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 2 апреля 1908 г.*

Мама была вчера у Майкова¹. Он берет 200 р. в месяц вместе с рентгеном. Комната маленькая, но, по-видимому, мы остановимся на ней. Состояние М<арии> А<лексеевны>² все такое же. Прилагаю письмо от Коли³. Как ему не совестно издеваться над В. Ив.⁴ — ведь она не девчонка — и только за то, что она с ним любезна. Хам!

Вчера я легла спать часов в 10. Заснула, вдруг просыпаюсь в страшном волнении. Видела во сне, что ты накачиваешься шампанским и т.д. Пришла в такое нервное состояние, что едва успокоилась. Если правда это, то стыдно тебе, так вогнать недолго в гроб. Я сердита на тебя до сих пор.

Поклон Нилусу. Если ты живешь в Одессе правильно, то оставайся дольше. Лучше отдохнешь.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/120 оф. Датируется по содержанию и по сопоставлению с письмами от 3 и 4 апреля 1908.

¹ Сергей Федорович Майков (1864–1940) — московский врач; профессор, преподаватель Московской Покровской общины сестер милосердия; владелец водолечебницы; приятель Ю.А. Бунина.

² М.А. Ласкаржевская.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ Неустановленное лицо.

57. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 3 апреля 1908 г.*

Наконец-то сегодня под вечер получила я твою открытку¹, дорогой мой Ивчик. А забыл опустить и в Нежине²! Я уже стала беспокоиться и сердиться без известий о тебе. Да и скучно, несмотря на то, что дни стоят солнечные, веселые. Ты выбрал хорошее время для поездки, ночи теперь в Одессе, должно быть, удивительные! Вместе с твоим письмом я, придя домой, нашла и книги, присланные тебе Вейнбергом³, его сочинения с надписями. На одной книге написано: «И.А. Бунину, моему любимому истинному поэту. Старый стихотворец Петр Вейнберг».

От Боголюбова⁴ телеграмма: «Жду утверждения обложки последних листов»⁵. Не знаю, что делать? Ю<лий> А<лексеевич>⁶ советует телеграфировать тебе. Может завтра «так он и сделал». Раньше же не имеет смысла, т.к. едва ли корректура придет ранее 4 апреля в Одессу. Машу⁷ устроили к Майкову⁸ за 200 р. в месяц. Завтра ее туда перевозят. Эти дни я не была у нее, т.к. пришлось ездить по магазинам и портникам. Истратила порядочно, но все крайне необходимое, всякое желание, выходящее из границы «нужного», я немилосердно подавляла. Но все-таки все, что я купила, будет очень мило, так, что тебе захочется лишний раз поцеловать Стервенка... Люличка⁹ купил новую шляпу — нечто вроде котелка. Он к нему очень идет. Вообще весенний костюм его делает очень интересным и молодым.

Чувствую себя хорошо, хотя и не все кончилось. Ем много, но железо, к сожалению, еще нельзя принимать. Немного читаю, т.к. быстро утомляюсь. Но читаю Шерра¹⁰, все-таки, как будто Светик около находится. Изволь написать мне письмо, да подлинней, а то никогда не буду тебе ничего писать. Нельзя же издеваться так над человеческой мягкостью. Как

твое самочувствие? Рад ощущать себя холостым? Правда, хорошо быть свободным, знать, что никто тебя не ждет, никто не заботится об твоём здоровье, никто не исполняет твоих капризов! Да?

Поклонись Нилусу, хотела попросить его посмотреть за тобой, да раздумала — побегай на свободе.

Если поедешь на Фонтан¹¹, то поклонись от меня, я там так чудно провела час моей жизни (уж и выругаешь ты меня за последнюю фразу).

Фактический материал исчерпан. Писать же «эрунду», жаль отнимать у тебя время.

Крепко целует и обнимает
твой одинокий Кустик.

3 апреля.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/102 оф. Год определен по содержанию.

¹ Открытка неизвестна.

² Нежин — уездный город Черниговской губернии.

³ Петр Исаевич Вейнберг (1831–1908) — поэт, переводчик, историк литературы. Книги П. Вейнберга с дарственными надписями неизвестны.

⁴ Семен Павлович Боголюбов (1858–1927) — заведующий конторой издательства «Знание». Подлинник телеграммы его к Бунину неизвестен.

⁵ Речь идет о подготовленном к изданию 4-м томе сочинений Бунина «Стихотворения 1907 г.; “Годива”, поэма Теннисона; Из “Золотой легенды” Лонгфелло; “Каин”, мистерия Байрона» (СПб.: Знание, 1908).

⁶ Ю.А. Бунин.

⁷ М.А. Ласкаржевская.

⁸ Лечебница доктора С.Ф. Майкова.

⁹ Домашнее прозвище Ю.А. Бунина.

¹⁰ Иоганн Шерр (1817–1886) — немецкий историк литературы, публицист, беллетрист, общественный деятель.

¹¹ Речь идет о дачном районе Одессы — Большой Фонтан (названо так по минеральным источникам, были еще Малый и Средний Фонтаны), наиболее посещаемое место, где было много дач. Бунин часто снимал дачу летом на Большом Фонтане или жил там у друзей.

58. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 4 апреля 1908 г.

4 апреля.

Дорогульчик, золотульчик. Получила сегодня письмо из Киева¹. Целую крепко за него и за то, что кионти² не ввело тебя в искушение и избавило от лукавого³. На этот раз сон — наоборот.

Сегодня перевозила Машу⁴ к Майкову. Устроилась она хорошо. Доктор был при мне очень внимателен. Сейчас получено письмо от Боголюбова, пишет, что сборник выходит в понедельник⁵, пожалуй, ты опоздаешь со своими листами. А Андреев⁶ опять попался! Ну, а критика много хуже — ведь только сейчас об этом вспомнили!

Забыла. Опять от Бонье⁷ письмо, умоляет прислать денег 115 р. Напиши ей, по крайней мере, а то ведь правда свинство, даже на письма не отвечаешь. Еще получил от Коли⁸ письмо. Таять начинает.

Целую крепко. Привет П<стру> А<лександровичу>⁹.

Твой.

Нет конвертов!!!

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф.14. № 2959/62 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Одесса, Княжеская, 27, кв. Буковецкого. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 5.4.08»; «Одесса, 7.4.08». В верхней части текста приписка: «Нет конвертов!!!». Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Письмо неизвестно.

² «Кионти» — неточное написание итальянского слова «chianti».

³ Слова из молитвы «Отче наш».

⁴ М.А. Ласкаржевская.

⁵ Речь идет о выходе в свет книги 21 «Сборника товарищества “Знание”» (СПб., 1908), где было напечатано пять стихотворений Бунина под общим заглавием «Русь»: «В роще» («Там иволга, как флейта, распевала...»), «Сиротка» («Шла сиротка пыльной дорогой...»), «Пустошь» («...Мир вам, в земле почившие! — За садом...»), «Будни» («Бегут, бегут листы раскрытой книги...»), «Кружево» («Весь день метель. За дверью, у соседа...»).

⁶ Возможно, речь идет об откликах критики на новые произведения Л. Андреева.

⁷ Софья Павловна Бонье (? —1921) — вдова врача, ялтинская знакомая А.П. Чехова, преданная его помощница, состоявшая вместе с ним в благотворительном Обществе по опеке бедных, больных туберкулезом. Ее письмо к Бунину неизвестно.

⁸ Письмо Н.А. Пушешникова неизвестно.

⁹ П.А. Нилус.

59. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Ефремов. 29 июля 1908 г.

Не читай всего письма никому.

Дорогой, золотой мой Янчик, вчера послала вам телеграмму и открытку¹. Как вы отнеслись к тому, что я написала? Матери лучше. Ночь она провела много лучше предыдущих. Пульс стал чаще, около 80. Степанов² нашел тоже, что сегодня ей лучше. У меня есть надежда, что, может, на этот раз опасность минует. За столом я наблюдаю и добавляю, когда вижу, что он недостаточно питательный. Кроме того, при мне нет сильных ссор. Сегодня при докторе мать была даже веселой, чего не было вчера. Аппетит у нее тоже есть. Мне кажется, если бы она была в надлежащих условиях, она, может, и выздоровела. Уж очень все здесь думают только о себе. Кресло ей, по-моему, необходимо, а то скрюченной спать трудно и вредно. Если увижу, что ей будет делаться все лучше и лучше, то я предприму в этом направлении, т.е. попробую здесь заказать кресло.

Я чувствую себя неплохо. Почти весь день сижу в саду. Читаю Стэнли³, пока скучновато, и Плутарха⁴. Беспокоюсь о тебе. Следи за желудком. Как-то ты все без меня управляешься? Съезди в мое отсутствие к Гармонисту⁵ и походи по мужикам, не трать попусту времени.

Передай Юл<ию> Ал<ексеевичу>⁶, что ему письмо из «Вестн<ика> восп<итания>»⁷ и повестка из Москвы: посылка — 5 руб. цен<ностью>.

Я думаю, мне еще пробыть здесь дня 4, так числа до второго, ибо в этот промежуток времени все выяснится.

Маша⁸ сегодня уже встала, но теперь взбрело, что у нее сифилис. Степанов хохотал, конечно. Да, впрочем, от такой бездельной жизни и не то взбредет, она ведь положительно ничего не делает, даже и не гуляет теперь.

Н<астасья> К<арловна>⁹ поправилась, мы вчера были с ней и Смарагдовым¹⁰ в саду. Пиши мне больше. По утрам я ем пару яиц, а так столом я довольна.

Целую тебя крепко.

Твой Красотун.

P.S. За обедом мать была веселая, даже шутила.

Сейчас весь дом погрузился в сон Обломова¹¹.

Жду детей в беседку учиться.

В. М.

Не ленитесь, учитесь по-английски! Я догоню вас.

Петра Ник<олаевича>¹² с ангелом прошедшим поздравь. В.М.

Возвращусь, как стговорились, на другой день по приезде Юл<ия> Алексеевича.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/169 оф. Датируется по содержанию.

¹ 27 или 28 июля 1908 г. Бунин с Ю.А. Буниным уехал из Ефремова в Москву. В Ефремове осталась В.Н. Муромцева помогать ухаживать за больными М.А. Ласкаржевской и Л.А. Буниной; 2 августа В.Н. Муромцева вернулась в Глотова, куда через день приехал и Бунин (*Летопись (I)*. С. 747–748). Телеграмма и открытка неизвестны.

² Степанов — лечащий врач М.А. Ласкаржевской в Ефремове.

³ Генри Мортон Стэнли (Stanley, наст. имя Джон Роулэндс; 1841–1904) — английский журналист, знаменитый путешественник, исследователь Африки. Имеется в виду его книга «В царстве черных (сцены из жизни и природы Средней Африки)» (пер. М. Гранстрем. СПб., 1895), к этому времени вышло уже три издания этой книги.

⁴ Плутарх (ок. 45–ок. 127) — древнегреческий философ, биограф, моралист, писатель.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Ю.А. Бунин.

⁷ «Вестник воспитания» — ежемесячный научно-популярный журнал (М., 1890–1917).

⁸ М.А. Ласкаржевская.

⁹ Н.К. Бунина.

¹⁰ Владимир Павлович Смарагдов — коллежский ассессор, податный инспектор Тульской казенной палаты Министерства финансов по Ефремовскому и Чернскому уездам Тульской губернии.

¹¹ Девятая глава первой части романа И.А. Гончарова «Обломов» называлась «Сон Обломова».

¹² П.Н. Бунин.

М.А. Бунина.

Елец, конец 1898 г.

(РАЛ)

На обороте надпись М.А. Буниной:

«Моему будущему другу жизни

и возлюбленному мужу

Иосифу Ласкаржевскому

от его Марии». Ниже рукой Бунина:

«Моя покойн<ая> сестра Маша. Ив. Бунин»

60. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Ефремов. 2 августа 1908 г.

2 августа.

Дорогой Ян, вчера, в ночь послала тебе телеграмму¹ относительно предложения Сологуба². Сегодня сообщаю подробности: пьеса называется «Ванька-ключник и паж Жан»³, объем

2 ³/₄ листа почти (107.000 букв). Предлагает это во второй сборник и просит скорее ответить.

Я здорова. Сегодня выехала в Измалково — вдруг еще какое-нибудь важное письмо придет с поездом! На станции Вл<адимир> Сем<енович>⁴, сейчас пойду здороваться с ним. Сегодня ты получил письмо от Бонье⁵.

Целую. Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/61 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Москва. Столовый, д. Муромцева против Арбатской части. И.Ал. Бунину»; почт. шт.: «Орел, 2.8.08»; «Москва, 3.VIII.1908». Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Телеграмма неизвестна.

² Федор Кузьмич Сологуб (наст. фам. Тетерников, 1863–1927) — поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик, теоретик символизма.

³ Пьесу «Ванька Ключник и паж Жеан» (драма в тринадцати двойных сценах) автор предложил Бунину, редактирующему альманах «Земля», для 2-го сборника. Бунин отказался публиковать в «Земле» эту драму.

⁴ В.С. Муромцев.

⁵ Письмо С.П. Бонье неизвестно.

61. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 10 декабря 1908 г.

10 д.

Дорогой мой Кустичек, получила сегодня от тебя открытку¹ и не так скучно было начинать день. Как это ты забыл носки!

Из «Знания» пришло I лист корректуры книги рассказов², отсылаю его в Москву. По-моему, следовало опустить на стр. 16 строчки 27 слова «очень толстой и ...». Перечитала «Чехов», нахожу, что это одно из твоих лучших произведений.

Вчера, как только ваши сани скрылись из глаз, я повернулась и пошла к усадьбе. На душе было хорошо, радостно — такой ты был милый, нежный, прелестный перед отъездом... Остановилась и смотрела, как ребята на своих самодельных санях катались с горы, — и веселей еще стало. Сколько жизни, здоровья, энергии было в их лицах и криках. И что ждет их в будущем... Голод, унижения... Может быть и расстрелы!! Потом пошла в наш сад, прошла по дорожке, идущей мимо пчельника, поднялась до изгороди, пошла вдоль ее и снова вошла в аллею. Затем на дорогу и по привычке дошла почти до деревни. На обратном пути встретила девку, которая несла на чем прядут. Остановила ее, она показала, как работать на ней. Обошла сад и мимо церкви возвратилась на двор. У крыльца стоял П<етр> Н<иколаевич>³ в своей бобриковой поддевке, кормил собак и Натаха⁴ выливала керосин из перелитой лампы. «Древность, Археология!» — кричит П<етр> Н<иколаевич> — «Чего-с, маленько перелила...» — отвечает Натаха... И я прохожу в дом. С<офья> Н<иколаевна>⁵ вяжет чулок. Оказывается, П<етр> Н<иколаевич> все говорил в мое отсутствие: «Уехала “Пикonosая”, уехала на станцию»; С<офья> Н<иколаевна> же была уверена, что ты не возьмешь меня. Села за рояль. Проиграла все, что есть из Бетховена. Затем в твоей комнате прочла «Зодиакальный свет»⁶. По-моему, хорошо. Ведь я читаю его в полном виде в первый раз. После этого написала письмо Насте Михаловской⁷. Вдруг — стук-стук. Войдите. Зина⁸. Она только что приехала из Домовин⁹, была очень уставшая, да и мне спать хотелось, и мы не занимались. Четверть 10-го мы пошли погулять. Но было северно: поднялся ветер, все тускло и туманно, иней весь слетел. Где-то сильно залаяли собаки, мы испугались и

разошлись. Легла в постель в 10 ч., думала сейчас же засну, не тут-то было. Промучившись час, я зажгла свечку и прочла твой «Скит»¹⁰. Как много поэзии в этом рассказе, особенно понятной мне теперь... Потушив свечку, я кое-как заснула и спала очень тяжелым сном — сны — сны и сны. Проснулась в 10 часов. Утро серое, мглистое, ветер. Скучно смотреть в окно.

Всех целую.

Твой Капризный Стерв.

Не забудь предложить за свое содержание¹¹, а если не возьмут, то купи что-нибудь (это, конечно, между нами).

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/121 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Вечером 9 декабря 1908 г. Бунин уехал из Глотова в Москву. В.Н. Муромцева осталась в Глотова, куда Бунин вернулся 17 декабря. (*Летопись* (I). С. 773, 775). Открытка неизвестна.

² Речь идет о готовящемся к изданию 5-м томе сочинений Бунина «Рассказы» (СПб.: Знание, 1909). Том открывался мемуарным очерком «Чехов».

³ П.Н. Бунин.

⁴ Наталья — прислуга в доме Пушешниковых в Глотова.

⁵ С.Н. Пушешникова.

⁶ Рассказ «Зодиакальный свет» завершал 5-й том сочинений Бунина «Рассказы» (СПб., 1909).

⁷ Анастасия Михаловская — знакомая В.Н. Муромцевой.

⁸ Возможно, Зинаида Филипповна Лозинская, дочь лавочника Лозинского в Глотова. См. пп. 113, 121.

⁹ Домовины — село Елецкого уезда Орловской губернии.

¹⁰ Рассказ «Скит» (1901) вошел в 1-й том сочинений Бунина «Рассказы» (СПб., 1902).

¹¹ В этот приезд в Москву Бунин остановился в доме Муромцевых в Столовом переулке.

62. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотова. 11 декабря 1908 г.

Глотова 11 д.

Дорогой мой Янчик, сегодня, проснувшись в половине девятого, первую мысль было, придет ли открытка или нет? И к моей радости я узнала¹, что ты, как всегда, в начале экономен, ибо пьешь № 26.

Получил ли ты письмо и корректуру²? Я вечером сама ездила на станцию, чтобы бросить все в поезд. Погода была теплая, но скучная, все небо во мгле, и только на юге темнее, точно гроззовые тучи собрались. На обратном пути мы с Лидой³ заехали на почту. Там производилась ревизия. Какой-то очень толстый чиновник с мясистым носом, в очках, важно и медленно просматривал книги. А бедный почтарь так волновался, что жалко было смотреть, хотя и не терял человеческого достоинства, почтальон, все тот же, видимо, тоже струхнул... На публику тоже это подействовало. Народу было много, но все молчали. И, казалось, без всякого нетерпения ожидали корреспонденцию... Я сама стала проникаться уважением к начальству и чувствовать душевный трепет.

Затем мы заезжали к Жеребцовым⁴ и входили туда. В комнатах пахло лампой и было немного насорено, последнее объясняется массой детей, кажется, около 10 штук. Но дети очень выдержаны и милы. На стенах «гостиной» висят олеографии и портреты царя и царицы. До дому доехали без приключений, хотя я, на всякий случай, брала, как опытный путешественник, компас и лампочку. Между прочим, купи еще такую лампочку. Вчера, когда

я уезжала, П<етр> Н<иколаевич>⁵ увидел ее и сказал: «Нужно и себе приобрести такую же»; вот ему и будет «прекрасный подарочек». Цена ее 85 коп., купи в Газетном переулке⁶. Поручи Севе⁷. Не забудь.

Сегодня я занимаюсь целый день. Перевела из Бедекера «От Бейрута в Дамаск»⁸ немного. А с французского Паскали Иванович⁹, трудно. Но надеюсь преодолеть это. Зато очень интересно. Гуляла сегодня одна около часу. На дворе тепло, капель. Очень жаль бросать занятия на три дня, если бы ты знал как. Так приятно покойно, не торопясь работать. Да, пришел «Современный мир», там статья Куприна о Киплинге и о переводе Азбелева¹⁰. Статья хорошая, но «Московское книгоиздательство» лягнул, по-моему, стрела намечена и в тебя... Ну, а что «Земля»¹¹? Зайцев? Ради Бога, пиши, хоть карандашом, а то забытый Стервенюк будет плакать. Пожалуйста, из-за меня не торопись. Если хочешь, поезжай с Нилусом в Одессу, я так теперь настроена, что могу быть одна. Только пиши.

Всем нашим передай, что я их целую. Нилусу кланяйся.

Очень боюсь, что завтра будет плохая погода. Будь осторожен, не простудись. Без меня веди себя хорошо и не капризничай. А то больше пускать одного не стану. Буду все за ручку водить. Вот и стыдно будет.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/181 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² См. примеч. 2 к п. 61.

³ Возможно, Лидия Лозинская.

⁴ Жеребцовы — семья крестьян, с которой были знакомы Бунины.

⁵ П.Н. Бунин.

⁶ Московский магазин по адресу: Газетный переулок, д. 9, стр. 3.

⁷ Вс.Н. Муромцев.

⁸ Имеется в виду один из путеводителей, составителем которых был Карл Бедекер (1801–1859) — немецкий издатель; по его фамилии серия этих путеводителей так и называлась — «бедекерами», которым он положил начало.

⁹ Что имеется в виду, неясно.

¹⁰ Рецензия А.И. Куприна на книги английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга (1865–1936) «Избранные рассказы. Кн. 1–2» (Пер. и предисл. Н.П. Азбелева>. М.: Московское книгоиздательство, 1908. «Библиотека иностранных писателей под ред. Ив.А. Бунина») напечатана в журнале «Современный мир» (1908. № 12. Отд. II, с. 127–131). В частности, в рецензии говорится: «Перевод принадлежит Н.П.А. Я не смею раскрывать этих инициалов, но, если я их угадал, то самое имя переводчика служит ручательством в том, что перед нами Киплинг, переведенный точно и добросовестно, а это особенно важно потому, что Киплинг со своим особенным языком — то капризным, небрежным и расточительным, то сжатым, точным и скупым, с обилием тире, вводных предложений и технических выражений — труден даже и для англичан. Что касается художественной стороны перевода, то она несколько слабее. Чувствуется шероховатость в построении фраз, иногда однообразие в их конструкции, иногда утомительность языка. Но, конечно, здесь надо много отнести на счет многочисленных опечаток, чем так грешит Московское издательство, которому, однако, нельзя не принести благодарности за две очень хорошие, хотя и недешевые книги». Николай Павлович Азбелев (1857–1912) — генерал-майор по адмиралтейству (1903), состоял в Русском астрономическом обществе, автор романов, повестей и рассказов, сотрудник журнала «Современный мир».

¹¹ С октября 1908 г. редакцией сборников «Земля» стал заниматься М.П. Арцыбашев, в связи с чем Бунин оставил пост редактора этого альманаха.

63. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Ефремов. 13 декабря 1908 г.*

Дорогой Ян, вчера писала Юл<ию> Ал<ексеевичу>¹, сегодня — тебе. Маше² безусловно лучше, только она распухла так, что ей ничего не сходится, поэтому-то она просила капот. Когда сюда приедешь, обязательно при себе пригласи доктора и пусть он при тебе ее осмотрит и смерит мерку для бандажа. Сделала бы сама я, да, во-первых, денег нет, а во-вторых, она меня и не слушает. Ты, конечно, не говори ни слова, что я писала тебе об этом, ибо тогда она на меня рассердится. Побудь в Ефремове дня два, три, здесь теперь быть приятно. Маша стала спокойнее. Спала плохо, хотя нам с С<офьей> Н<иколаевной>³ отвели спальню, а «сами» спали на полу.

Вчера на Куволяпового⁴ надели с грудью рубашечку, она к нему очень идет, и он был очень доволен, что на боках разрезы. Жене⁵ хочу купить шапку, и ему не в чем ходить. Ну, до свидания, мой дорогой, все тебя целуют и ждут, обязательно приезжай и погости.

Целую крепко твою бровку.

Твой Любимчик.

Что Митюшка⁶ и Антонишка⁷?

1908 г. 13 д.

Я взяла у С<офьи> Н<иколаевны> еще пять рублей с тем, чтобы ты передал Пете⁸ такую же сумму в подарок за именины. Обязательно сделай это немедленно.

Маша просит передать поклон всем нашим.

Целую. Твоя Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/64 оф.

¹ Ю.А. Бунин.

² М.А. Ласкаржевская.

³ С.Н. Пушешникова.

⁴ Домашнее прозвище Николая Иосифовича Ласкаржевского (1903–1990) — сына М.А. и И.А. Ласкаржевских.

⁵ Евгений Иосифович Ласкаржевский (1899–1919) — сын М.А. и И.А. Ласкаржевских.

⁶ Д.Н. Муромцев.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ П.А. Пушешников.

64. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Ефремов. 14 декабря 1908 г.*

Дорогой Ян, если ты, правда, приедешь 15, то, значит, моего письма из Ефремова¹ ты не получил. А я там писала, чтобы ты передал Пете² 5 руб. от С<офьи> Н<иколаевны>³, кот<орые> я у нее взяла. Тогда пошли ему переводом их отсюда.

По-моему, ты при себе пригласи доктора и заставь Л<юдмилу> Ал<ександровну>⁴ показаться, и пусть он снимет мерку. А потом мы пошлем ее в Москву.

Маше⁵ следует купить теплые башмаки, ибо иначе она простудится, а в валенках, по-моему, ей ходить вредно, слишком сильный прилив крови к ногам.

Поживи сколько хочешь здесь. Из-за меня не *торопись*, а то опять будешь говорить, что я отрываю тебя от твоих родных. Я здорова. Меня все уговаривали подождать тебя⁶, но я

боюсь, что, ты, во-первых, приедешь с Колей⁷, тогда как мы доедем втроем со станции, а во-вторых, может, ты приедешь и 17 или 20.

Ну, целую крепко-крепко. Буду эти дни работать. Черкни отсюда хоть пару слов.

Твоя Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/144 оф. Написано простым карандашом. Датируется по содержанию.

¹ См. п. 63.

² П.А. Пушешников.

³ С.Н. Пушешникова.

⁴ Л.А. Бунина.

⁵ М.А. Ласкаржевская.

⁶ Бунин приехал в Ефремов 15 или 16 декабря 1908 г. (*Летопись* (I). С. 775).

⁷ Н.А. Пушешников.

65. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 17 мая 1909 г.

Дорогой мой Кустик, вчера до дому я добралась вполне благополучно¹. О Грузинском² не забыла. Конец вечера провела у Инны Вас<ильевны>³. Много говорили об «Яме» Куприна⁴, и, конечно, еще больше о проституции. Шли разговоры и об опере и реформах в ней. Беседа затянулась за полночь. Дома была около двух часов.

Сегодня тепло, ясно, зелено. Днем с родителями и З<инаидой> Н<иколаевной>⁵ я ходила на выставку Поленова⁶. С его Христом я не согласна. Нравится мне он, вернее, его поза, на двух только картинах. Кое-где хорошо передан пейзаж. «В Гефсиманском саду»⁷ у него немного лучше, чем у Федорова⁸. По правде сказать, я ожидала большего, ожидала увидеть более значительное все в целом. По-моему, самая лучшая картина его та, что у Карзинкина⁹. Все-таки жаль, что я была там не с тобой. Мы кое о чем вспомнили бы!

Жду к себе Маню Петунникову¹⁰.

На книги, вероятно, денег достану.

Целую крепко, крепко. Будь умник, гуляй и пиши. Как ты себя чувствуешь? Очень много думаю я об Сытине¹¹. Боюсь я за тебя...

Еще раз обнимаю.

Твой С.

Всем поклон и поцелуи.

Посылаю без марки, — все магазины заперты.

17 мая 1909 г.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/38 оф.

¹ Вечером 16 мая 1909 г. Бунин с Ю.А. Буниным уехал из Москвы в Ефремов к больной матери. В.Н. Муромцева, проводив их на вокзале, осталась в Москве. 21 мая Бунин приехал в Глотова, куда 10 или 11 июня приезжает В.Н. Муромцева (*Летопись* (I). С. 805–806, 810).

² Алексей Евгеньевич Грузинский (1858–1930) — историк литературы, этнограф, переводчик. В 1883 г. окончил Московский университет, преподавал в учебных заведениях Москвы, вел практические занятия в Московском университете, читал лекции на высших женских курсах и в университете Шанявского. С 1905 г. был

временным председателем Общества любителей российской словесности, с 1909 по 1922 г. его председателем. Член литературного кружка «Среда». Что имеет в виду В.Н. Муромцева — не установлено.

³ Неустановленное лицо.

⁴ А.И. Куприн начал публиковать повесть «Яма» в 1909 г. См.: сб. «Земля», 1909, кн. 3. Продолжение публиковалось в сборниках «Земля»: 1914, кн. 15; 1915, кн. 16.

⁵ Зинаида Николаевна Муромцева — жена Д.Н. Муромцева.

⁶ Василий Дмитриевич Поленов (1844–1927) — художник, в 1909 г. завершил цикл произведений «Из жизни Христа». В Москве его работы были показаны на персональной выставке в мае 1909 г. (64 картины).

⁷ В.Д. Поленов. «Олива в Гефсиманском саду» (1882).

⁸ Возможно, имеется в виду А.М. Федоров, который был художником-любителем.

⁹ Александр Андреевич Карзинкин (1863–1932) — брат жены Н.Д. Телешова — Е.А. Телешовой, директор торгово-промышленного товарищества Ярославской большой мануфактуры, «льняной король», знаток живописи, член художественного совета Третьяковской галереи и любитель литературы, член литературного кружка «Среда». Какая картина в собрании А.А. Карзинкина имеется в виду — неизвестно.

¹⁰ Возможно, врач Мария Алексеевна Петунникова (1877–?), подруга В.Н. Муромцевой.

¹¹ Издатель-просветитель Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934) предлагал Бунину стать редактором новой издательской серии книг.

66. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 18 мая 1909 г.

18 мая 1909.

Дорогой мой, сегодня получила твое письмо¹, крепко целую тебя за него. Получил папа и деньги из «Знания» 260 рублей². Пока я оставила их у него. Завтра пошлю 50 р. А<нне> Н<иколаевне>³, а полтораста положу в сберегательную кассу. Передавая мне деньги, папа опять, смеясь, сказал: «Ну, куда же мы с тобой поедим, в Яр⁴, Стрельну⁵». Должно быть, иногда и ему хотелось бы развернуться. И он купил бы вола, да...⁶

Погода второй день прелестная. У нас в садике очень хорошо. Иногда «притон пустословия» переносится туда. Митюшке⁷ так нравится там, что, если бы не заграничный паспорт, он «ни в какую бы за границу не поехал бы», а сидел бы в нем. Впрочем, тут, кажется, дело не в садике, а «коготок увяз...» Это — между нами, никому не говори. Он в ночь после вашего отъезда вернулся домой в 8 ч. утра. Бог даст, восток выбьет дурь из головы⁸! Вернее из т...а!

Вчера вечером у меня была Маня Петунникова. Мы с ней очень хорошо провели время. Много в ней восхищает меня. Эта настоящая любовь к медицине и музыке. Полная самостоятельность натуры. Но сейчас ей нелегко. От того, что она женщина, да еще хирург, ей не дают ходу, ибо мужчины-врачи считают, что *женщина* не может быть хирургом, т.к. у *нее мало* инициативы. А между тем, в Мане инициативы сколько угодно. И она уже делала много раз операции. Вот тебе и мужская логика!

Сегодня целый день проведу дома, буду заниматься. Петя⁹ выезжает, по словам Митюшки, 20 мая. Сегодня он принесет мне 10 рубл. Немного болит десна, боюсь, как бы не заболел зуб. Будь умник, зайди к дантисту в Ефремове. У тебя простая история, а запустишь, будешь лечиться. Послушай меня.

С квартирами идет ерунда. Рогожины хотят взять квартиру Оттал¹⁰, а она съезжать не желает. Чем все кончится, Аллах ведает. Боюсь, как бы обе квартиры не остались бы пустыми.

Крепко целую твои гениальные бровки и все остальное.

Стервенек.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/39 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² Возможно, был получен остаток гонорара за 5-й том сочинений Бунина «Рассказы» (СПб.: Знание, 1909), вышедший в свет 2 марта 1909 г. (*Летопись (I)*. С. 790).

³ А.Н. Бунина (урожд. Цакни).

⁴ «Яр» — знаменитый ресторан в Москве, в Петровском парке; пользовался популярностью у представителей богемы, был одним из центров цыганской музыки, прославился благодаря лучшему цыганскому хору Соколова, выступавшему здесь.

⁵ «Стрельна» — ресторан с цыганским хором под руководством Александры Ивановны Паниной; находился в Петровском парке на Петербургском шоссе, в то время самая окраина Москвы, где был дачный поселок.

⁶ Цитируется часть поговорки: «Купил бы вола, да жопа гола».

⁷ Д.А. Пушешников.

⁸ Намек на влюбленность Д.А. Пушешникова, не установлено, в кого.

⁹ П.А. Пушешников.

¹⁰ Рогожины и Отталь — очевидно, жильцы, которым Муромцевы сдавали квартиры. Данные о них не обнаружены.

67. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 20 мая 1909 г.

20 мая 1909 г.

Дорогой мой, на дворе волнение, какой-то подозрительный дым. Все бегут ищут причину. Вдруг пожар!

Обе квартиры сданы. Мальцевская снята доктором-гинекологом Варнеком¹, теперь можешь ты смело болеть женскими болезнями, есть кому лечить! Отталевскую взяли Рогожины. Цены обеих квартир по 1500 р. (Пожара не оказалось). Сегодня выветривались все вещи. Твое платье повешено в гардероб. Мама говорит, что, если оно будет лежать, то скорее износится. Да и измяться может. Бог даст, не обворуют. Впрочем, напиши, если хочешь, я отнесу в сундук все. Что касается меня, то десна, или, вернее, воспаление надкостницы, еще продолжается, хотя и без особых болей. Кроме того, у меня болит грудная кость, особенно тогда, когда я пишу. Была я вчера у Козелманова² и спрашивала о сем доктора, он объясняет это явление малокровием. Советует принимать железо и солнечные ванны. Для этого нужно одеться во все черное, голову покрыть белым и лечь, ничего не делая, на солнце, лежать до тех пор, пока не забьется сердце, но не более часу. Хорошо и обтираться. Вот и теперь пишу, а грудь болит. Просто наказание, не то, так другое.

Сева³ пристаёт все с чемоданом, прошу тебя переслать его. Но я боюсь, что во время пересылки он придет в такое состояние, что нельзя будет им пользоваться. Впрочем, тебе виднее.

Сегодня я была у Коровиной⁴, она может умереть каждую минуту, самый долгий срок доктор ей дает неделю, ибо сердце у нее чуть ли не до спины. Из всех знакомых она хочет видеть только меня. Сегодня, когда я поцеловала ее при прощанье, у меня мелькнула мысль, вот-вот останется только труп. И мне сделалось страшно. Точно я почувствовала смерть. Боюсь, что я плохо передаю свои ощущения. Помня твой завет, стараюсь быть краткой.

У меня Оболенская⁵. У нее была постом операция, после которой она заболела воспалением кишок. Исхудала страшно.

Целую крепко

своего милого Куську.

Должно быть в Глотова дивно!
Теперь даже в Москве хорошо. Спроси Колно⁶, посылал ли он Горькому⁷ каталоги от Фадеева⁸? Ответ на это немедленно.

Поклон всем.

М. В.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/31 оф.

¹ Леонид Николаевич Варнек (1857–1912) — акушер-гинеколог, доктор медицины, с 1908 г. главный врач 1-й Градской больницы в Москве.

² Неустановленное лицо.

³ Вс.Н. Муромцев.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Раиса Владимировна Оболенская — близкая подруга В.Н. Муромцевой, сокурсница на Высших женских курсах В.И. Герье.

⁶ Н.А. Пушешников.

⁷ Будучи библиофилом, Максим Горький (наст. имя и фам. — Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) иногда пользовался услугами Н.А. Пушешникова, который помогал ему находить необходимые старинные книги.

⁸ Иван Михайлович Фадеев — владелец букинистической книжной лавки в Москве; периодически издавал «Каталог старых и редких книг книжной торговли И.М. Фадеева», за 1898–1914 гг. он выпустил 50 таких каталогов.

68. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 22 мая 1909 г.

Дорогой, золотой Кустик, твое письмо получила¹, где ты напоминаешь мне о малокровии. Спасибо, дорогой мой, за рецепт, *ты все знаешь*, сейчас он нужен мне, и я знала, что он у тебя.

У нас опять дождь и непогодность. Зелень нежна и ярка. Москва по вечерам поэтична. Если бы я была Брюсовым², я воспела бы непременно Москву в конце мая, когда большинство уже на лоне природы. Квартиры не освещены, извозчиков мало, дворники с женской прислугой у ворот грызут подсолнушки и поют «Коробушку»³. И веет от всего кладбищенстью <так!>.

До трех часов я не сижу каждую ночь. Я по вечерам часто дома. Чувствую себя прекрасно. Даже с мамой почти не ссорюсь. Ты не можешь представить, как я рада, что осталась в Москве. Мне кажется, что если бы я поехала с тобой, то ссоры продолжались бы. Теперь я чувствую в себе силу жить, как живут «взрослые люди». Жить, как будто все очень обыкновенно, раньше же мое отношение к тебе было слишком необычно, и поэтому выводило меня из равновесия. Я уверена, что в будущем ничего подобного не повторится. Прости, что я возвращаюсь к нашим отношениям, но это в последний раз: ни писать, ни говорить я больше не хочу об этом. Сейчас же я коснулась этого только для того, чтобы ты не сердился, что я в Москве. Мне нужно было некоторое время побыть одной для того, чтобы найти себя самое. Кроме того, я почти со всеми повидалась.

Вчера была у Орешниковых. Поздравляла Елену Дмитриевну⁴. За обедом было шито лафит⁵ № 46. Если ты любишь, то я привезу тебе одну бутылочку. Вино это дешевое. Мне оно понравилось.

Целую тебя крепко-крепко всего.

Твой С.

1909 г. 22 мая, утро.

Поклон всем. Напиши, как сейчас в Глотова.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/29 оф. Приписка в верхней части л. 1 сделана химическим карандашом.

¹ Письмо неизвестно.

² Речь идет о том, что В. Брюсов славился как мастер городского (московского) пейзажа в стихах, урбанист, русский Э. Верхарн.

³ Русская народная песня «Коробушка», являющаяся переложением начала поэмы Н.А. Некрасова «Коробейники»; известно несколько авторских мелодий и аранжировок этой песни.

⁴ Елена (Шарлотта) Дмитриевна Орешникова (урожд. Штраус, 1856–1934) — мать В.А. Зайцевой.

⁵ Вино Château Lafite.

69. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 23 мая 1909 г.

23 мая.
12 ч. дня.

Дорогой мой, вчера получил ты прекрасный подарочек от Е.А.Телешовой¹ — песни, собранные Рыбниковым². Я этого Рыбникова слышала. Книжку я привезу тебе. Ты же поблагодари Е<лену> А<ндреевну>.

Сегодня утром пришла открытка из Парижа от Ларисы Гавриловны³. Кланяется тебе.

Я вожусь с зубом. Опухоль увеличивается, но боли незначительные. На ночь делала компресс из водки. Очень жалею, что не послушалась Маркович⁴ и не сделала себе коронки на два зуба. Это как раз кандидат на коронку. Она говорила, что иначе он будет болеть. Так оно и вышло.

Калоши нашлись.

Написал ли ты Ал<ексею> Макс<имовичу>⁵?

Как адрес Федорова? Напиши *непрерывно*. Особенных новостей нет. Приезжает Мечников⁶. Постараюсь его увидеть. Мне очень повезло, — я почти всех своих друзей увидела. Случайно в Москву приехала Мальцева, Оболенская. Спать вчера легла в 11 часов.

Кланяюсь всем. Тебя целую

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/126 оф. Год установлен по содержанию письма.

¹ Елена Андреевна Телешова (урожд. Карзинкина, 1861–1943) — жена Н.Д.Телешова; представительница известной купеческой династии, свободно говорила на английском, итальянском, французском, греческом, немецком языках. Окончила Московскую школу живописи, ваяния и зодчества, была ученицей В.Д. Поленова и интересной художницей. Благодаря ей на «Средах» бывали художники А.Я. Головин, К.С. Первухин, В.М. Васнецов, И.И. Левитан.

² Павел Николаевич Рыбников (1831–1885) — русский фольклорист, этнограф. Имеется в виду книга «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (в 4 ч., издавались с 1861 по 1867 гг.). Возможно, речь идет о 1-м томе 2-го издания этой книги «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (Вступ. ст. А.Е. Грузинского. 2-е изд. Т. 1–3, М., 1909–10).

³ Неустановленное лицо.

⁴ И.М. Маркович — московский зубной врач.

⁵ А.М. Горький.

⁶ Проживая до конца жизни в Париже, И.И. Мечников не порывал связи с Россией. В 1908 г. И.И. Мечников вместе с инфекционистом и иммунологом П. Эрлихом получил Нобелевскую премию. Это послужило поводом

для путешествия И.И. Мечникова в Швецию (Нобелевская премия присуждалась в Стокгольме) и в Россию, предпринятого им в мае 1909 г. В Москву И.И. Мечников приехал 26 мая 1909 г.

70. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 24 мая 1909 г.

24 мая.

Дорогульчик мой, Колино письмо¹ получила. Спасибо за приписку. Я чувствую себя не очень хорошо из-за зуба. Он у меня закапризничал, ни туда, ни сюда. На ночь кладу компресс из водки. Кажется, промахнулась, не пошла к Маркович, ибо случай редкий. Поговорю завтра с Ушаковой², может, пойти к какому-нибудь врачу? Я сижу почти два дня дома. Сейчас в полном одиночестве. Все ушли, кто куда. Митюшка³ же с Севочкой⁴ — к Желтухину⁵ в чайную, должно быть, вольют в себя стаканов по десяти! Митюшка завтра уезжает. Занимаюсь мало. Больше вышиваю. Сегодня ночью у меня был настоящий кошмар. Вот ужасное ощущение. Да и сны были хороши!

Передай Коле, что завтра pošлю Горькому книги сама. Гораздо проще сделать все дома, чем обращаться к Андрею⁶. Павлик⁷ ведь очень много отправлял твоих книг.

Сережа Одарченко окончил курс в уни<версите>те. Павлик перешел на 4 курс. Относительно солнечных ванн не беспокойся. Они прописаны мне в Глотове. Тогда мы и поговорим. Я так и знала, что ты восстанешь против них. Кажется, ты не прав.

Во вторник приезжает Мечников⁸. Зелинский⁹ обещал достать билеты на заседание мне с Павликом. Это было бы хорошо.

Были как-то у тети Мани¹⁰. Она была не здорова и просила меня с мамой приехать к ней. Мы были у нее с визитом днем. Звала в Царицыно. Приглашала приехать с тобой, чтобы ты посмотрел их дачу! Я очень рада, что ей не удастся тебя дозваться. Был и с ней разговор о проститутках, и если б ты слышал, как она заносилась! Говорила тоном старой аристократки и о неравных браках (шел разговор о Мите¹¹) и т.д. и т.д. Если поедем в Царицыно, ночуем у нее. Теперь она там одна. Винявские¹² приезжают 7 июня.

Целую тебя крепко-крепко. Кланяйся всем.

Нужно ли написать что-нибудь Горьким, или же ты напишешь.

Твой С.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/125 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо Н.А. Пушешникова неизвестно.

² Неустановленное лицо.

³ Д.А. Пушешников.

⁴ В.Н. Муромцев.

⁵ Желтухин — владелец чайной в Москве.

⁶ См. примеч. 3 к п. 25.

⁷ П.Н. Муромцев.

⁸ См. примеч. 6 к п. 69.

⁹ Николай Дмитриевич Зелинский (1861–1953) — профессор по органической химии, организовал на Высших женских курсах кафедру органической химии, создал прекрасную лабораторию, изобретатель прогивогаза.

¹⁰ Мария Николаевна Климентова-Муромцева (1857–1946) — певица (сопрано), преподавательница пения; жена С.А. Муромцева.

¹¹ Д.Н. Муромцев.

¹² Мария Сергеевна Венявская (урожд. Муромцева, во втором браке — Брюан; 1884 или 1888–1930) — дочь М.Н. Климентовой-Муромцевой и С.А. Муромцева, двоюродная сестра В.Н. Муромцевой; певица. Ее муж Александр Венявский — виолончелист. См. также примеч. 9 к п. 198.

71. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26 мая 1909 г.

26 мая.

Получила вчера твою открытку¹. Все сделаю, что пишешь. Приеду, как только зуб будет запломбирован. Как будто дело идет на лад.

Сегодня я увижу и услышу Мечникова², — это меня волнует!

Вчера обедала Нюся³, она передавала, что М<ария> В<асильевна>⁴ просит или письма, или копии с них Эргеля. Где они находятся?

Все эти дни ложусь спать около 12.

Митюшка⁵ вчера уехал.

Погода теплая, вчера была гроза.

На каком подворье Герасим⁶: на Афонском или Пантелеевском? Один знакомый с компанией едет в Константинополь. Узнал о нем из «Тени птицы»⁷. Вчера у зубного врача я читала этот очерк. Ей-богу, это поразительная вещь. «Прочел с удовольствием»⁸. Чем ты стал заниматься? Почему так лаконичен?

Была в переплетной за Колиной⁹ книжкой, подлецы надули, обещали сделать к 4 ч. сегодня. Таким образом, отсылка книги¹⁰ Горькому отложились еще на день или на два.

Целую.

Твоя В. Муромц.

Поклон С<офье> Н<иколаевне>¹¹, Коле, П<етру> Н<иколаевичу>¹². Кто теперь горничная?

Сейчас в газете прочла: «В г. Серпухове гимназист *Иван Бунин* убил учителя»¹³. Не родственник ли вам?

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/115 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Открытка неизвестна.

² Лекцию о флоре кишечника И.И. Мечников прочел в большой аудитории Политехнического музея 26 мая 1909 г.; после лекции И.И. Мечникова чествовали, подносили поздравительные адреса. См. отчетную заметку «И.И. Мечников в Москве» (без подписи) в газете «Русские ведомости» (1909. 27 мая. № 119. С. 3–4).

³ А.В. Муромцева.

⁴ Мария Васильевна Эргель (урожд. Огаркова; 1861–1919) — вдова писателя А.И. Эргеля.

⁵ Д.А. Пушешников.

⁶ Герасим — проводник-экскурсовод в Константинополе.

⁷ В рассказе «Тень птицы» (Земля. Сб. 1. М., 1908) Бунин описывает своего проводника, грека Герасима, который сопровождал его по Константинополю и афонским подворьям.

⁸ Выражение Николая II, которое любил часто цитировать.

⁹ Н.А. Пушешников.

¹⁰ Речь идет о 1-м томе сочинений литературного и театрального критика, поэта, переводчика Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864), изд. в Петербурге в 1876 г. См. п. 73.

¹¹ С.Н. Пушешникова.

¹² П.Н. Бунин.

¹³ Газета «Русские ведомости» (1909. 26 мая. № 118. С. 4) в рубрике «Московские вести» сообщала: «В Москве получено известие, что 25-го мая в Серпухове ученик 6-го класса гимназии Иван Бунин убил учителя

Сафонова. Бунин явился к своему учителю на квартиру в 11 ч. утра и ударил его ножом в сердце; через 10 минут г. Сафонов скончался. Бунин арестован и говорит, что он убил г. Сафонова за несправедливое, будто бы, к нему отношение».

72. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26 мая 1909 г.

26 мая. 11 ч. 30 м. вечера.

Дорогой мой, пишу на толстой бумаге. Почтовой под рукой нет. Письмо от 24 получила¹. Все твои поручения уже выписаны на отдельном листке. Как будет назначен день отъезда, так все и закуплю.

Час назад мы вернулись с Мечникова². Мечников читал лекцию о флоре кишечника. Сам он среднего роста, сутуловат, с типичным русским лицом, длинными негустыми черными волосами, на шее загибающимися³ или, как говорят, вьющимися, и седой бородой, в сюртуке и отложном воротнике, производит немного глыбообразное впечатление. Встретили его шумно: все встали и долго аплодировали. Затем он сделал доклад. Говорил он хорошо, произносил только неправильно, немного по-французски букву р, просто, ясно не по-ученому, иногда, правда, с французскими оборотами, сильно жестикулирует. Говорил с полчаса. Много я узнала и нового. По его мнению, флора нашего кишечника (как гов<орит> он) вредна, поэтому может в будущем будут вырезать толстые кишки, где она разводится.

Вредна очень карболка, ибо она действует на артерии и получается т<ак> наз<ываемый> склероз, что вызывает преждевременную старость. В человеке находится кишечная палочка, кот<орая> и вырабатывает карболовую кислоту, уничтожить ее возможно с помощью молочной кислоты, получ<аемой> при помощи болгарской бактерии — лактобациллы⁴. Вот почему полезна простокваша. Вот самая сущность доклада. Впрочем, может в газетах будет подробнее, тогда ты узнаешь. Да и я по приезде расскажу. Когда Мечников кончил, началось чествование. Масса аплодисментов, депутатий, адресов, папок и всего того, что обыкновенно бывает в таких случаях. Сказал хорошо, по-моему, только Мензбир⁵ от Моск<овского> уни<версите>та. Понравилось мне, что он преподнес от ун<версите>та роскошное издание всех сочинений Сеченова⁶, кот<орый> был его другом.

Зуб мой все еще ноет, это портит настроение.

Немного утомилась, клонит ко сну. Вот видишь, я права относительно белья, когда ты начнешь мне верить. Каприйскую парочку⁷ можно и не привозить. Впрочем, я может и привезу, если будет свободное место. У нас все грозы.

Целую Кустика крепко. Иногда хочется почесать головку.

С.

Что ты так мало пишешь о себе?

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/104 оф. Письмо на плотном разлинованном листе бумаги. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² См. примеч. 2 к п. 71.

³ Над этим словом нарисован мужской профиль с завивающимися сзади волосами, и приписано: «вот так».

⁴ Имеются в виду лактобациллы — род молочнокислых бактерий, применяются для получения кисломолочных продуктов и при производстве молочной кислоты.

⁵ Михаил Александрович Мензбир (1855–1935) — зоолог и зоогеограф, основатель русской орнитологии, профессор Московского университета.

⁶ Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) — российский ученый и мыслитель-материалист, создатель физиологической школы, член-корреспондент (1869), почетный член (1904) Императорской Академии наук. Имеется в виду Собрание сочинений И.М. Сеченова в 2-х томах (М., 1907–1908).

⁷ Каприйская парочка — так назвала В.Н. Муромцева мужской костюм, который Бунин носил на Капри.

73. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 мая 1909 г.

28 мая.

Дорогой Ян, письма от тебя вчера не было, не узнаю, будет ли и сегодня, ибо сейчас мы с мамой едем в Царицыно, вернемся завтра. У зубного врача была, зуб начинает уступать лечению. Бог даст, в понедельник запломбируют. Тогда начну собираться в Глотова.

Из переплета Григорьева¹ взяла. Вчера вечером сравнивала обе книги. Есть и одни и те же статьи, есть и разные. Но об этом завтра напишу Коле² подробно. Завтра же отошлю на Капри купленные мною книги.

Напиши обязательно адрес Федорова.

Читал ли ты в «Русск<ом> слове» Сергея Мамонтова о Капри и о Горьком³? Мне не понравилось. Должно быть, труднее всего описывать, как живут живые люди. И о «Знании» не сумел сказать главного.

Твой другой костюм тоже взяли вычистить за 3 рубля. Посмотрю, какое впечатление произведут на меня Царицынские развалины⁴ после того, что я видела. Там я не была 5 лет.

Целую. Твой С.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/135 оф. Год установлен по содержанию.

¹ См. примеч. 10 к п. 71.

² Н.А. Пушешников.

³ Сергей Саввич Мамонтов (1867–1915) — литератор, журналист, создатель театра миниатюр. Имеется в виду статья С.С. Мамонтова «У Горького на Капри» в газете «Русское слово» (1909. 24 мая. № 117. С. 3), в которой он рассказывал о своей поездке на Капри и беседе с А.М. Горьким.

⁴ Царицынские развалины — разрушенный дворец, проектирование которого было начато в 1775 году В.И. Баженовым (1738–1799) по приказу императрицы Екатерины II, после ее смерти работы по строительству прекратились, и уже через несколько лет недостроенный дворец в парке Царицыно воспринимался современниками как «мрачная развалина» или «руина».

74. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Царицыно. 29 мая 1909 г.

Дорогой мой Янчик, мне тоже сегодня весь день было тоскливо. И до сих пор на душе тяжело. Зуб мой, может, будет готов в понедельник. И если все благополучно окончится, то в среду или четверг я буду мочь зачесать своего Любимчика. Меня самою очень тянет к занятиям, но когда зуб ноет или компресс на щеке, то настроение пропадает. Да и ходьба к дантисту ломает день. Это время я почти каждый день дома. Приятно здесь это то, что через день беру ванну, — это хорошо!

Какой вчера был ливень, ты и представить не можешь. Нас с мамой он захватил в трам¹. Но мы все-таки поехали в Царицыно. Погода там была, хоть и скверная, но обычная. Сегодня тепло, ясно. Ночевали у тети Мани². Она была очень любезна и даже мила. В Ефремов писала. Спрашивала о здоровье Л<юдмилы> Ал<ександровны>³. Пока ответа не получила.

Целую крепко, крепко.

Твой С.

P. S. Посылать ли мне телеграмму? Или же за два дня довольно открытки.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/33 оф. Датируется по помете Бунина: «29 мая 09».

¹ Трам — так называли в обиходе трамвай.

² М.А. Вокач.

³ Л.А. Бунина.

75. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Коренево. 31 мая 1909 г.

Коренево.

31 мая 1909 г.

Дорогой мой, пишу тебе из прелестного уголка. Дача стоит в смешанном лесу. Утро хорошее. В воздухе носятся какие-то острокрылые птицы, немного напоминающие стрижей. Мы ночевали у Зворыкиных¹, сестры Верочки Орешниковой². Коренево находится в 3 верстах от Малаховки.

Вчера мы были у Телешовых³. Дача у них хорошая, хотя и нет особенно больших комнат, как, нап<ример>, у Муромцевых в Царицыно⁴. Сегодня мы с мамой будем там обедать. Увидим Белоусова⁵. У Е<лены> А<ндреевны>⁶ было до меня дело. При свидании расскажу, хотя это страшная тайна. Поэтому *никому*, кроме Ю<лия> А<лексеевича>⁷, ты не должен сообщать о том, что я *скажу*. Николай Дмитриевич⁸ был в синей <блузе> с белыми, тонкими полосками, подпоясан и <в> картузе. Тебя ругал, хотя за что, я не поняла хорошо. «Нет, я вам скажу, Иван — это милая свинья...»

Зуб меня эти дни не беспокоит. Бог даст, завтра запломбируют, и буду свободна! Чем меньше остается срок пребывания в Москве, тем более мне хочется тебя увидеть. Особенно тоскливо по вечерам или, когда вокруг меня красиво, мне тогда недостает тебя. Впрочем, может, и лучше быть одной! Думаю, что в Глотове очень красиво теперь. Я нахожу теперь большую разницу между Москвой и Орловской губернией. Здесь недостает мне ширины горизонта. Должно быть, море избаловало меня, и у меня потребность в шири. Вот, подумаешь ты, «какой избалованный Стервенюк!»

У Телешовых слышала, что ты приезжаешь сюда 15 июня⁹. Правда ли это? Почему ты ничего не писал об этом?

Боюсь утомлять твое внимание моей болтливостью, а потому, мысленно поцеловав мои любимые места, я кончаю.

Вера.

Поклон всем.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/32 оф.

¹ Надежда Алексеевна Зворыкина (урожд. Орешникова, 1877–1964) — сестра В.А. Зайцевой.

² В.А. Зайцева.

³ Летом Телешовы жили в Малаховке, под Москвой, на берегу живописного озера. В доме была особенная комната специально для Ивана Бунина — Бунинская.

⁴ В 1893 году С.А. Муромцев взял в аренду земельный участок на Покровской стороне, в левобережье Верхнего Царицынского пруда. В июне 1893 года он сообщал в одном из писем: «К постройке своей дачи приступаю». Возведенное в том же году двухэтажное здание с террасами, резным крыльцом и мезонином в виде башни состояло из 13 комнат, прихожей, буфетной. Своеобразной его достопримечательностью являлась просторная двусветная зала с цветными витражными окнами, в которой проходили музыкальные вечера. Имелись также ванная комната и «наливные ватерклозеты» — редкость для того времени. Дом, приспособленный для круглогодичного проживания, оборудовали водопроводом; отопление осуществлялось голландскими печами. На прилегающей территории находились кухня, каретный сарай, конюшня на три стойла и сторожка для дворника. Дача Муромцева была в парке Царицыно одной из самых больших и дорогих.

⁵ Иван Алексеевич Белоусов (1863–1930) — русский поэт-самоучка, автор книг для детей, переводчик с украинского и белорусского языков. Один из руководителей «Суриковского литературно-музыкального кружка». Бунина и Белоусова связывали деловые и дружеские отношения.

⁶ Е.А. Телешова.

⁷ Ю.А. Бунин.

⁸ Н.Д. Телешов.

⁹ 15 июня 1909 г. Бунин к Телешовым не приезжал, а продолжал жить в Глотова, куда к нему приехала В.Н. Муромцева 10 или 11 июня. В Москву Бунин с В.Н. Муромцевой приехал 1 сентября 1909 г. (*Летопись* (1). С. 810, 822).

76. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 25 сентября 1909 г.

25 сентября.

Вечер.

Получила твою записочку¹, мой золотой, целую за нее, поступай впредь так же. Сейчас смотрю на твои портреты в молодости, какие различные чувства вызывают они во мне.

Сегодня была у Кунде² (погода летняя, насморк почти прошел), там курсы годичные, спросила совета, дали № телефона очень хорошего учителя итальян<ского> язык<a>, он преподает в консерватории. Я с ним говорила по-французски. Он оказался непомерно дорогим — три рубля час! Пошла к Берлицу³, записалась на английский язык в группу, ведь в нем пока мне прежде всего важно произношение. Для итальянского языка мне хотелось бы более серьезного. Я спрашивала об отдельных уроках, за 50 — 110 рублей, дешевле, чем у учителя, а если вдвоем — 75 р. с лица, ну это все же дорого. Поэтому решила пока преподавать его Зое⁴ — ей это нужно для пения, таким образом, час в день буду им занята обязательно. Сегодня все утро потратила на разборку своих литерат<урных> материалов: завтра принимаюсь за Флобера⁵.

Целую Ненаглядыша.

Поклон Н<иколаю> Ал<ексеевичу>⁶.

Твой Верун.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/85 оф. Год определен по содержанию.

¹ 25 сентября 1909 г. Бунин уехал из Москвы в Одессу, заболевшая В.Н. Муромцева осталась в Москве. Бунин возвратился в Москву 19 или 20 октября 1909 г. (*Летопись* (1). С. 826, 830). Записка неизвестна.

² Неустановленное лицо.

³ Максимилиан Дельфинус Берлиц (1852–1921) — немецкий и американский лингвист и педагог, разработчик популярной методики обучения иностранным языкам посредством погружения в языковую среду, основатель международной системы школ, использующих эту методику. В начале XX века открыл языковые школы в Москве и Петербурге. Преподавал английский язык Николаю II. В Москве (Кузнецкий мост, 16) работала школа М.Д. Берлица от Международного общества школ М.Д. Берлица. В школе изучались японский, французский, английский, немецкий, итальянский языки.

⁴ З.Е. Шрейдер.

⁵ Возможно, речь идет о начале работы над переводом романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

⁶ Н.А. Пушкинчиков.

77. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 27 сентября 1909 г.

27 с. 12 дня.

Сейчас получила твою открытку¹, дорогой мой Ян. Хорошо, что написал относительно рукописи, — я уже раз сто перерывала стол, боясь заслужить от тебя возгласа «бездарность». Вот как ты запугал меня...

Утром был Костылев², я сказала, что, должно быть, ты увез его повесть с собой. Обещала тебе написать, чтобы ты ее переслал в Москву. Что мне сказать ему при отдаче ее. Он похорошел и менее застенчив.

Звонил часа два тому назад Юшкевич³. Приехал из Петербурга. Жалел, что уже не застал тебя. Спрашивал о писателях. Я направила его к Митричу⁴. Сегодня же во время моей прогулки приносил почтальон тебе из Петербурга 14 рублей из какого-то Ежемесячника. Сева⁵ не догадался сам посмотреть. Я думаю, что это из «Аполлона»⁶. Вот тебе и эстетя!

Должно быть, как раз теперь делают операцию С<офье> Н<иколаевне>⁷. Я не видала ее, но, по словам Коли⁸ и Мити⁹, она без страха и сомнения решила на нее. Впрочем, может она не хочет зря волновать детей. Митюшка очень волновался вчера. Только что пришел Митюшка, операция сделана. Он сегодня видел Руднева, тот сказал, что кроме фибромы у С<офьи> Н<иколаевны> еще катар кишок, кот<орый> нужно лечить. Как она чувствует себя после операции, еще неизвестно.

Погода у нас хоть и теплая, но сырая и серая, как Николка Серый¹⁰. Должно быть, от этого чувствую тяжесть в голове. Санатоген¹¹ приготовила себе, вышло 15 штук. Боюсь, что трудно будет мне принять все их в день. Уж очень неприятно чувствую себя после того, как проглатываю их.

Книги для Шим¹² достала. Не забудь написать в «Знание», чтоб прислали V и II тома¹³. Нашла у тебя в шкапу Anatole France. Le Puits de Sainte Claire¹⁴. Буду понемногу читать.

Целую крепко. Что лишнее писать.

Поклон П<етру> А<лександровичу>¹⁵ и Буковецкому.

Вера.

Передал ли ты все П<етру> А<лександровичу>, что я просила тебя?

Р. S. Очень советую тебе пока никому не читать I часть «Деревни»¹⁶, и сплзят, и ...

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/155 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Открытка неизвестна.

² Валентин Иванович Костылев (1884–1950) — писатель. В 1903 г. Бунин поддержал начинающего писателя, прочитав рукопись его рассказа «Развалины», на обложке которого написал: «Проблески способностей есть» (*Дарков В. В.И. Костылев: критико-биографический очерк. Горький, 1959. С. 7*).

³ Семен Соломонович Юшкевич (1868–1927) — писатель, драматург; был добрым знакомым Бунина. Постоянный автор издательства «Знание», где вышло три его собрания сочинений. Автор повестей «Портной», «Левка Гем», романа «Леон Дрей», драмы «Король». Печатался в «Русском богатстве», «Восходе», «Мире Божьем», «Журнале для всех» и других. Пьеса «Miserere» была поставлена Московским Художественным театром.

⁴ Н.Д. Телешов.

⁵ Вс.Н. Муромцев.

⁶ «Аполлон» — ежемесячный литературно-художественный журнал (СПб., 1909–1917). Произведения Бунина в журнале не печатались.

⁷ С.Н. Пушешникова.

⁸ Н.А. Пушешников.

⁹ Д.А. Пушешников.

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Санатоген — белый порошок, содержащий 95% казеина и 5% глицерофосфорнокислого натрия, применяется как питательный препарат.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ Речь идет о 5-м томе сочинений Бунина «Рассказы» (СПб.: Знание, 1909), 2-м издании 2-го тома «Стихотворения» (СПб.: Знание, 1909).

¹⁴ Анатоль Франс (наст. имя и фам. Франсуа Анатоль Тибо, 1844–1924) — французский писатель и литературный критик; член Французской академии (1896), лауреат Нобелевской премии (1921). Упоминается сборник новелл А. Франса «Колодезь Святой Клары» (France A. Le Puits de Sainte Claire, 1895).

¹⁵ П.А. Нилус.

¹⁶ Первую часть повести «Деревня» Бунин написал в Москве 2–5 сентября 1909 г. (*Летопись (1). С. 822*).

78. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 сентября 1909 г.

Получила твою и вторую открытку¹. О чем еще вы говорили с Блюмом²? Немного проясняется. Стало много теплее. С<офье> Н<иколаевне>³ ничего не перевязали, а пригнали. Почему Руднев так поступил — еще не известно. Как ты устроился в Одессе, мой ненаглядный, боюсь, что ты начнешь экономить. Устраивайся так, чтобы ты чувствовал себя приятно. Сейчас была Оболенская. Очень зовет к себе в имение, но я пока не поеду, ибо все-таки чувствую слабость. Вчера была у Шрейдер. Зоя⁴ пела. Голос окреп, есть и темперамент. Она очень смеялась, когда я рассказывала, как ты встретил ее в «Праге»⁵ «усталую от жизни и роскоши». Михаил Ильич⁶ сиял, хотя башмаки и не блестели. Получил письмо из Асхабада, где говорится, что слава его дошла и до этого города. Обещан ему и граммофон в виде тумбы за составление условия между Граммоф<оном> и Литер<атурными> обществами⁷. Ушла от них я в 10 ч., несмотря на то, что мама у них еще осталась.

Целую и обнимаю крепко. Будь умник.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/145 оф. Датируется по содержанию и по сравнению с предыдущим и последующими письмами.

¹ Открытка неизвестна.

² Имеется в виду Г.Г. Блюменберг.

³ С.Н. Пушешникова.⁴ З.Е. Шрейдер.⁵ См. примеч. 2 к п. 11.⁶ М.И. Шрейдер.

⁷ Очевидно, М.И. Шрейдер принимал участие в составлении соглашения между фирмой «Граммфон» и Обществом деятелей периодической печати и литературы по поводу записи голосов известных писателей, общественных деятелей, в том числе, Бунина. Об этом проекте см. в статье, сопровождавшейся фотографиями И.А. Бунина, С.А. Муромцева и др.: Живые слова наших писателей и общественных деятелей // Официальные известия Акционерного общества «Граммфон». 1910. № 14 (январь). С. 9–10.

79. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 29 сентября 1909 г.

Москва Столовый Муромцева

29 сен. 1909 г.

5 ч. вечера.

Сейчас получила твое третье письмо¹ с дороги, мой далекий Кустик. Радуюсь, что ты не находишься среди «серости», которая окутывает Москву.

Веду эти дни самый правильный образ жизни, вчера была в постели в 10 ч. в<ечера>. Чувствую себя безразлично. Вернее, ничего не чувствую, нет никаких желаний... «Антипатию питаю ко всему».

С С<офьей> Н<иколаевной>² какие-то чудеса творятся. Оказывается, что и фибромы нет, и геморрой отсутствует. Руднев думает, что у нее невралгия. Посылает к Минору³. Я не видала ее еще. Коля⁴ купил для тебя две книжки о Палестине. «Собрание сочинений и писем Святогорца» о Св. Горе Афонской, Палестине⁵ и т.д. Может, переслать их тебе? Хотя я думаю не стоит, ибо относительно Палестины там не очень много.

Спешу кончить, пора идти к Берлиц⁶.

Твой С.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/40 оф.

¹ Письмо неизвестно.² С.Н. Пушешникова.

³ Лазарь Соломонович Минор (1855–1942) — выдающийся клиницист-невропатолог, один из основателей «московской» школы невропатологов конца XIX — начала XX вв., консультант многих московских больниц.

⁴ Н.А. Пушешников.

⁵ Серафим Святогорец (в миру Семен Авдиевич Веснин, 1814–1853) — иеромонах, путешественник по святым местам, духовный писатель. Речь идет о книге «Сочинения и письма Святогорца, собранные после его смерти» (СПб., 1858).

⁶ См. примеч. 3 к п. 76.

80. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 30 сентября 1909 г.

30 с. 1909 г.

Получила, дорогой мой, твое первое письмо из Одессы¹. Не нравится мне только то, что прибегаешь к валерьянке. А я так и не купила никаких капель.

Сегодня я нарушила режим: была в суде, Сережа² впервые защищал уголовного. Дело он выиграл. Для первого раза говорил хорошо, хотя очень волновался. Фрак идет к нему. И весь облик его производил приятное впечатление. Полное оправдание было неожиданно, ибо подсудимый сознался, и мы все ждали лишь снисхождения. Я разговорилась с одним из присяжн<ых> засед<ателей>; и он объяснил мне, что одним из побудителей к оправданию было то, что он уже просидел в предвари<тельном> заключении более года. После такой внезапной радости мы решили пойти и позавтракать вместе. Пошли к Мартьянычу³ в количестве 9 ч<еловек>: виновник торжества, Сева⁴, Митя⁵, Павлик⁶, Маша Одарченко⁷, одна барышня со студентом, Зин<аида> Ник<олаевна>⁸ и я. Довольно скромно позавтракали: ели расстегаи и севрюжку. Последняя приготовлена была недурно. Сева все-таки ухитрился назююкаться. Говорил, не умолкая, ухаживая за новой барышней. Были и речи, и спичи. Но, вообще, мне было дико представлять, что Сережа уже вышел в люди, уже большой. Все стареем. На философские мысли наталкивало меня и то обстоятельство, что завтра мое рождение, как раз 28 лет, совершенное число. Один жизненный цикл пройден. Ведь ты знаешь, что через 28 лет все снова повторяется, т.е. завтра четверг, и я увидела свет в четверг, в 8 ч. вечера. Вот тебе, на всякий случай, сведения из моей биографии.

Сегодня вечером выбирают в члены общества Андрея Белого⁹ в Общ<естве> люб<ителей> росс<ийской> словесности¹⁰.

Кто-то уже читал рецензию о Зайцевской пьесе¹¹, говорят, успех небольшой.

Заходила к С<офье> Н<иколаевне>¹², она все еще у Руднева. Жалко мне стало ее. Лежит одна. Очень огорчена, что не перевязали ей. Должно быть, что-нибудь да есть в ней.

Была 3 раза у Ю<лия> А<лексеевича>¹³, и 2 раза не застала его дома.

Целую всего тебя нежно и крепко.

Твой Золотун.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/36 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² С.К. Одарченко.

³ Популярный московский трактир «У Мартьяныча», расположенный в подвальном помещении Верхних торговых рядов (ГУМ).

⁴ Вс.Н. Муромцев.

⁵ Д.Н. Муромцев.

⁶ П.Н. Муромцев.

⁷ Мария Одарченко, очевидно, сестра С.К. Одарченко.

⁸ З.Н. Муромцева.

⁹ Андрей Белый (наст. имя Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) — писатель, поэт, критик, мемуарист, стиховед; один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма. А. Белый был избран действительным членом Общества любителей российской словесности 30 сентября 1909 г.

¹⁰ Общество любителей российской словесности — литературно-научное общество при Московском университете, созданное в 1811 г.

¹¹ Речь идет о пьесе Б.К. Зайцева «Верность», написанной в 1909 г. и опубликованной в 11-й книге «Литературно-художественного альманаха издательства “Шиповник”» (М., 1909). Осенью 1909 г. пьеса была поставлена в Новом драматическом театре (бывшем театре В.Ф. Комиссаржевской) в Петербурге (главный режиссер А.А. Санин). Премьера пьесы «Верность» состоялась 28 сентября 1909 г. Большинство откликов на спектакль были отрицательными, и пьеса не удержалась на сцене (см.: История русского драматического театра. М., 1987. Т. 7. С. 94, 354, 366–368).

¹² С.Н. Пушешникова.

¹³ Ю.А. Бунин.

81. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 2 октября 1909 г.*

2 октября.

Отрывок от неотправленного письма.

Вчера не писала тебе, ибо сверх ожидания к вечеру собрался народ¹, дорогой мой поэт утра любви. Получила твое письмо от 29-е². Беспокоит меня, что комнаты нет подходящей для твоих занятий и, по правде сказать, присутствие Куприна. Боюсь, что он доставит тебе неприятности. Очень советую с ним не пить. Да пора тебе воздерживаться от возлияний. Ведь и так чего-чего у тебя нет: и море, и солнце, и друзья, да и Стервенек не надоедает... Вчера Зайцевых не видала, есть слухи, что они приехали. Пьеса, кажется, успеха не имела³. Б<орис> К<онстантинович>⁴, по словам Гривцова⁵, очень нервничает. Чуть не удрал из Петербурга, не говори об этом пока никому. Надо навести справки.

Будь умник, работай, помни, что расстраивать С<тервенка> нельзя. С<офья> Н<иколаевна>⁶ все еще у Руднева. Петя⁷ завтра едет в Глотова.

Твой В...

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/153 оф. Помета «Отрывок от неотправленного письма» принадлежит В.Н. Муромцевой, очевидно, данное письмо не было послано (см. следующее письмо). Год определен по содержанию.

¹ 2 октября — день рождения В.Н. Муромцевой.

² Письмо неизвестно.

³ См. примеч. 11 к п. 80.

⁴ Б.К. Зайцев.

⁵ Имеется в виду Борис Александрович Грифцов (псевд. Гриф, 1885–1950) — литературовед, искусствовед, переводчик.

⁶ С.Н. Пушешникова.

⁷ П.А. Пушешников.

82. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 3 октября 1909 г.*

Дорогой мой Кустик, два дня меня все поздравляют¹, а потому не было времени написать тебе. А хотелось написать побольше. Хотя я еще и не тоскую, а все-таки нет-нет, да и хотелось бы почесать головку и потерзать своего ребенка. Как я вчера ни старалась сократить число гостей, но все-таки набралось вечером человек 10. Правда, все такие, что я не стеснялась. Но все же немного утомилась я. К обеду пришли Зоя², в громадной черной шляпе с страусовыми перьями, с зеленовато-голубым шарфом, небрежно наброшенным на плечо, с туберозами в подарок; Сережа³, начавший чувствовать в себе зачатки знаменитости, Зин<аида> Ник<олаевна>⁴, подарившая мне прелестный халат, Шуша, неожиданно порадовавший меня своим присутствием, и, наконец, из Московского явились очень интересные и очень веселые Люлечка⁵ и М.И. Шрейдер после обеда в Московском с граммофонами, оба с цветами (должно быть, скрали из ресторана). Ю<лий> Ал<ексеевич>⁶ быстро ушел на час спать, а М<ихаил> Ил<ьич>⁷ вел обед, занимал публику остротами. Между прочим, мне Зоя сказала, что он купил мне лампу в подарок, да только забыл ее в том магазине, где ее продали!?!.. За обедом отличился Севочка⁸. Он хозяйничал, разрезал ростбиф

и когда всех оделил, громогласно произнес: «разыграли ростбиф». Он накануне ухаживал за какой-то барышней, ездил с ней в балет и был в отличном настроении. Выспавшийся Юлий Алексеевич рассказал кое-что интересное: во-первых, об «Анатэме»⁹. Интересно, утомительно, думает, будет иметь успех. Леонид¹⁰ здесь, останется в Москве дней 10. Хочет устроить «Среду» и прочесть новую пьесу «Анфису»¹¹. Супруга его¹² с ним, но Юлий Алексеевич ее не видел. 2) Был он также и на банкете Щепкина¹³, говорит — интересно. Масса была речей и мало дам.

За твоё отсутствие в Москве открыли (inaugurer) два памятника: первопечатнику¹⁴ и Гаазу¹⁵. Первый я видела, памятник хороший, да только что-то мне в нем не нравится, надо пойти еще раз к нему.

К Берлиц¹⁶ хожу. Дома также понемногу занимаюсь по-французски. Читаю какую-то французскую книгу о музыке. Представь, меня на курсах все спрашивают, давно ли я кончила гимназию, и очень удивлены, когда я говорю, что уже окончила я курсы. Хочется очень послушать хорошую музыку. Здоровье — так себе. Очень быстро утомляюсь. Сейчас иду брать ванну.

Целую крепко Ненаглядыша. Еще могла много-много писать, да запугана.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/34 оф. Датируется по содержанию.

¹ 2 октября — день рождения В.Н. Муромцевой.

² З.Е. Шрейдер.

³ С.К. Одарченко.

⁴ З.Н. Муромцева.

⁵ Домашнее прозвище Ю.А. Бунина.

⁶ Ю.А. Бунин.

⁷ М.И. Шрейдер.

⁸ Вс.Н. Муромцев.

⁹ Премьера пьесы Л.Н. Андреева «Анатэма» состоялась в Московском Художественном театре 2 октября 1909 г. Режиссеры В.И. Немирович-Данченко и В.В. Лужский. В роли Анатэмы — В.И. Качалов.

¹⁰ Л.Н. Андреев.

¹¹ Пьеса Л.Н. Андреева «Анфиса» опубликована в «Литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник»» (СПб., 1909. Кн. 11).

¹² А.И. Андреева.

¹³ Возможно, имеется в виду Николай Николаевич Щепкин (1854–1919) — российский политический деятель, депутат Государственной думы III и IV созывов от Москвы, член финансовой комиссии и комиссии по рабочему вопросу. Впервые был избран в 1909 г. на дополнительных выборах, которые символизировали возрождение влияния кадетской партии после поражения на выборах 1907 г.

¹⁴ Торжественное открытие памятника первопечатнику Ивану Федорову (ок. 1520–1583) работы скульптора С.М. Волнухина состоялось 28 сентября 1909 г. См. сообщение об этом в газете «Русские ведомости» (1909. 29 сентября. № 222. С. 4–5).

¹⁵ Федор Петрович Гааз (1780–1853) — русский врач немецкого происхождения, филантроп, известен под именем «святой доктор». Днем 1 октября 1909 г. в сквере Александровской больницы состоялось торжественное открытие бюста доктору Ф.П. Гаазу работы скульптора Н.А. Андреева. См. сообщение об этом в газете «Русские ведомости» (1909. 1 октября. № 224. С. 4).

¹⁶ См. примеч. 3 к п. 76.

83. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 4 октября 1909 г.*

Октябрь 4.

Дорогой мой, вчера я не получила от тебя ничего. Если это оттого, что ты «сел за стол», то я прощаю, а если по другим причинам, то «это не хорошо».

Вчера не состоялось моего знакомства с Арсиком¹, который был у Коли² в 6 ч., ибо у меня в этот час был урок. Они поселились опять около Коли. Их гениальная девочка³ будет два часа в день играть у Коли, поэтому за пианино будут платить пополам. Я советую Коле об этом никому не говорить. Твоя первая жена⁴, по его словам, очень нехороша стала. Седые волосы, стриженная, одним словом, она тебя старит. Арсик спрашивал: «А Ваничка опять разлетается со своей новой женой?» Коля думает, что это ему сказал Евг<ений> Ал<ексеевич>⁵, с которым он недавно виделся.

Вчера вечером я была у Михаловской, вышла маленькая неловкость. Он стал говорить, что Настя плохая хозяйка и не умеет с нужным вкусом устраивать обеды. На это Настя говорит: «Ну да, твои родители были помещиками, и ты привык»; тогда он перебил ее, немного смутившись. А я не знала, куда девать глаза. Михаловский⁶ блистательно на днях кого-то защищал. Он все вчера просил, чтобы я познакомила тебя с ним. Домой я вернулась вчера в половине одиннадцатого. Утром сегодня Коля зашел за мной на Сухаревку, но мама и Павлик⁷ не пустили, находя, что для меня это утомительно. Мое здоровье в таком состоянии: очень быстро утомляюсь, по утрам болит голова. Потом проходит. Погода сейчас чудная. Масса зеленых листьев. Листопад в этом году очень растянулся.

Вчера была у нас Верочка⁸. Говорит, провал⁹. Хотя на первом представлении хлопали и вызывали автора. Актеры заставили Зайцева конец пьесы изменить. Герой теперь в последнем действии стреляется. Верочку я видела 5 минут, но она жизнерадостна и весела. Бобик¹⁰ теперь успокоился, и вновь спокойствие овладело им, а в день представления он очень волновался, и когда его вызывали, то он был бледен, как бумага, и никому не кланялся, а стоял как соляной стол<б> или изваяние, испытывая презрение к толпе. Кому-то Верочка сказала, что нет театра еще для Зайцевских пьес, и что как Художеств<енный> разъяснил Чехова, так Х-театр разъяснит Зайцева.

Зовут завтракать. Да я что-то уж очень сильно расписалась, а потому, вспомнив изречение Козьмы Прутковка «Да и фонтану дай отдохнуть»¹¹, я мысленно целую тебя и кончаю.

Твой Любимчик.

Нилусу поклон.

Что-то не пишешь о своем здоровье, берешь ли ванны и т.д.?

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/103 оф. Год определен по содержанию.

На обороте листа машинопись начала стихотворения «Колдун» («В мелколесьи пело глухо строго...»).

¹ А.Н. Бибиков.

² Н.А. Пушешников.

³ Милица Арсеньевна Бибикова (1898(?)–1914) — дочь А.Н. и В.В. Бибиковых; музыкально одаренная, поступила в консерваторию по классу фортепиано; в возрасте 13 лет она заболела туберкулезом, и ее отправили на лечение в Давос, в санаторий. После начала Первой мировой войны родителям предложили забрать девочку домой, и по дороге в Россию она скончалась в Стокгольме.

⁴ Варвара Владимировна Бибикова (урожд. Пашенко, 1869–1918) — дочь елецкого врача; гражданская жена Бунина; в 1894 г. покинула Бунина и вскоре вышла замуж за А.Н. Бибикова.

⁵ Е.А. Бунин жил в Ефремове в собственном доме. С 1906 г. работал акцизным чиновником. Дом Е.А. Бунина в Ефремове стал семейным очагом для всех Буниных.

⁶ Николай Андреевич Михаловский — присяжный поверенный.

⁷ П.Н. Муромцев.

⁸ В.А. Зайцева.

⁹ См. примеч. 11 к п. 80.

¹⁰ Б.К. Зайцев.

¹¹ Неточно цитируется афоризм из «Плодов раздумья» Козьмы Прутковка: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану».

84. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 5 октября 1909 г.

5 окт.

Ненаглядный Янчик, спасибо за рецепт, очень рада, что ты пишешь мне¹. Все боюсь, что ты не используешь с толком времени. Зря обо мне не беспокойся. Я веду очень правильный образ жизни, и, кажется, начинаю поправляться. Появляются желания. Так, сегодня, проснувшись и взглянув на синее небо, мне страстно захотелось лежать где-нибудь на пароходе и идти по южным морям. Вчера была у Ю<лия> А<лексеевича>². Он давал на сегодня мне билет на «Анатэму»³, но я из благоразумия отказалась. Пойдет Коля⁴. А уж мы с тобой! Теперь предстоит второе искушение: 10 в день празднования Лит<ературно->Худ<ожественного> кружка⁵ в концертном отделении будет петь Маня Винявская⁶. Мне, само собой, очень интересно послушать ее. Но удерживает меня цена, будет все стоить рублей 15, мама уговаривает. Я — подумаю.

Звонил ко мне Федоров. Сегодня будет у нас обедать. Пробудет в Москве до субботы.

У нас был болен Митюшка⁷, была жаба. И так был заколочен желудок, что и касторка не действовала! С<офья> Н<иколаевна>⁸ все у Руднева, вчера опять был слух, что ей надо будет что-то подрезать. Да, умерла Авдотья Вуколовна, мать Володи Лукина⁹, должно быть опилась.

Относительно повестки, по-моему, ничего не делай, приедешь, получишь. Заботит меня, что денег у тебя мало, если ты еще ни откуда больше не получал. Куда позвонить Гальберштадту¹⁰ относительно 100 руб. и в какой форме спросить его об них — *напиши непременно*.

Из «Знания» твои книги пришли¹¹, а Коля до сих пор не получил денег. «Знание» теперь к Максимичу¹² относится так, как Евг<ений> Ал<ексеевич>¹³ к Кагачкам¹⁴ или С<офья> Н<иколаевна> к Куволяпому¹⁵... Коля еще купил для тебя 2 книги о Константинополе... Вчера мы с Ю<лием> А<лексеевичем> дразнили Колю, что у него будет роман с А-ахи¹⁶!

Поклон твоим друзьям.

Твой Л.....к.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/136 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Ю.А. Бунин.

³ См. примеч. 9 к п. 82.

⁴ Н.А. Пушешников.

⁵ Литературно-художественный кружок — клуб деятелей литературы и искусств, организованный в Москве в 1898 г.; официальное открытие Литературно-художественного кружка состоялось в октябре 1899 г. в помещении на Воздвиженке. Газета «Русские ведомости» (1909. 2 октября. № 225. С. 3) в рубрике «Московские вести» сообщила: «Литературно-художественный кружок празднует 10-го октября десятилетие своего существования. Дирекция кружка устраивает в этот день торжественное заседание, на котором будет прочитан отчет за десять лет деятельности кружка. Предположено также устроить исполнительское собрание и подписной ужин».

⁶ М.С. Венявская.

⁷ Д.А. Пушешников.

⁸ С.Н. Пушешникова.

⁹ Авдотья Вуколовна Лукина — жена Г.А. Лукина, учителя Пушешниковых. Владимир Григорьевич Лукин — сын Г.А. Лукина. В книге «Беседы с памятью» В.Н. Муромцева, вспоминая его приезды в Глотова, называет его «вологодским гимназистом».

¹⁰ Лев Исаевич Гальберштадт (1878–?) — журналист, секретарь редакции московского журнала «Северное сияние», редактором которого был Бунин. Работал в администрации книгоиздательства И.Д. Сытина. Редактор переводов в книгоиздательстве В.М. Саблина (1907–1908); член Правления Толстовского общества (1912). Автор статей о внешней политике России и военной истории в журналах и газетах «Новь» (вел иностранный отдел), «Русь» (ежедневная, 1908, был редактором газеты), «Русские ведомости», «Русская мысль» (с 1908 вел иностранное обозрение), «Московский еженедельник», «Возрождение», «Голос минувшего», а также в Энциклопедическом словаре братьев Гранат. Бунин упоминает о Гальберштадте в «Окаянных днях» как о сотруднике газеты «Голос красноармейца».

¹¹ Имеются в виду, очевидно, два тома сочинений Бунина: 2-е издание 2-го тома «Стихотворения» (СПб.: Знание, 1909), 5-й том «Рассказы» (СПб.: Знание, 1909).

¹² А.М. Горький.

¹³ Е.А. Бунин.

¹⁴ Что или кто имеется в виду, неясно.

¹⁵ Домашнее прозвище Н.И. Ласкаржевского.

¹⁶ А-ахи — домашнее прозвище В.В. Бибиковой (Пашенко).

85. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 7 октября 1909 г.

7 октября.

Только что возвратилась, дорогой Ян, я со своей утренней прогулки. День чудный. Небо чистое, бирюзовое. Ветер; сильно крутятся, падают листья. Но много и зеленых еще. У меня перед окном сирень еще и не начинала желтеть. Была в книжном магазине, спрашивала, что больше всего теперь идет. Ответили — переводная вещь с итальянского под назв<анием> «Навозный жук»¹, нечто вроде «Ямы»², но талантливей! Вот интерес к падшим. По правде сказать, меня удивляет это, как не надоело.

Третьего дня обедать у нас Федоров и будет обедать и сегодня. Он очень мил, в новом отлично сшитом сюртуке и ... без денег. Я очень рада, что он бывает, «вносит свежую струю» в мою однообразно лечебную жизнь. По его словам, Зайцев провалился так, как редко кто проваливается. Все газеты хором ругают³. Мне очень жаль его, как бы не заболел! Все-таки это сильный удар. Сегодня А<лександр> М<итрофанович> нам прочтет одноактную пьесу в стихах⁴. «Гефсиманию»⁵ он взял.

Я с каждым разом все больше и больше довольна методой Берлица⁶. Вчера перевели меня в более старшую группу. Если будут деньги и здоровье, пройду все языки — и тогда у меня будет куча денег...

Целую нежно твои бровки.

Все никак не начну писать рассказ Т... в футляре.

Р. С. Решила поехать в субботу только на исполнительное собрание. Послушаю Маню⁷, да и домой. Это будет в день твоего рождения, и я должна как-нибудь отметить его, раз ты всегда страшился проводить без меня. Мама очень кланяется тебе, говорит, что она больше всего соскучилась по тебе.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/123 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Имеется в виду роман «Der heilige Scarabäus» еврейской писательницы австрийского происхождения Эльзы Иерузалем (Jerusalem; урожд. Kotányi; по второму мужу Widakowitsch; 1877–1942?) в переводе не с итальянского, а с немецкого языка. Осенью 1909 г. этот роман стал печататься в России сразу в нескольких изданиях под разными названиями. Под названием «Навозный жук» роман публиковался в переводе Э.К. Пименовой в журнале «Современный мир» (1909. № 9–12) и тут же был выпущен книгой (СПб.: С.-Петербург. кн. экспедиция, 1910). Одновременно роман печатался под названиями «Красный фонарь» и «Из мрака к свету».

² Роман А.И. Куприна.

³ См. примеч. 11 к п. 80.

⁴ Речь идет, очевидно, о драме А.М. Федорова «Мишень» (в 1 действии, в стихах). Вышла отдельным изданием в Петербурге в 1910 г.

⁵ Очерк А.М. Федорова «Гефсимания» был опубликован в петербургском журнале «Новое слово» в апреле 1911 г. В этом очерке переданы впечатления от посещения автором Гефсиманского сада в лунную весеннюю ночь.

⁶ См. примеч. 3 к п. 76.

⁷ М.С. Венявская. См. примеч. 5 к п. 84.

86. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 7 октября 1909 г.

7 октября вечером. Перед ванной.

Дорогой мой золотой Янчик, получила сегодня твое от 4 октября письмо¹ и глазам не верила: целых две страницы! Боюсь сглазить.

О днягах не беспокойся — завтра же позвоню Телешову. Не знаю, куда звонить Гальберштадту? А то я давно начала бы атаку². Вот уже 4 дня, как я положительно ни к кому не хожу, ложусь рано спать, гуляю положенное время, питаюсь хорошо, только мало принимаю санатогена, так изумительно трудно глотать.

У нас сегодня обедал Федоров, будет обедать и завтра. Он очень милый и простой, всем нашим нравится. Читал свою небольшую пьесу в стихах³. Мне нравится. Думаю, на сцене она будет хороша. Дела его очень плохи. Незлобин⁴ его пьесу «Брат» оставил до будущего года⁵.

Сейчас была у Митюшки⁶ С<офья> Н<иколаевна>⁷. Из лечебницы она выписалась. Ей ничего не резали и ничего не перевязывали. В пятницу пойдет с ней Митюшка к Рудневу. Что он скажет? Сейчас иду брать ванну, кончу завтра утром. Если бы ты знал, как мне надоела эта санаторная жизнь, — и это в 28 лет!!! Как хорошо бы я могла теперь заниматься, если была бы здорова. Одно утешение Берлиц⁸. Я стараюсь читать по-французски. У меня есть книга о композиторах на этом языке⁹. И сколько неизвестных нам было их. И все жаждали славы и бессмертия!

Есть вероятие, что Сева¹⁰ получает завтра место в <нрзб>, ибо пришла к нему повестка из Управы, чтобы он явился туда. Тогда мама начнет хлопоты о Ласкаржевском¹¹. Она дала

слово. Да и на Ев. Павл.¹² наяду, у ней все были драмы с Тamarой, кот<орая> едет в Рижскую санаторию, вот до чего доводят: «как сладко спит».

Утро.

Сейчас говорила с Телешовым, обещал завтра выслать¹³.

Целую. Твоя В. Муромц<ева>.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/131 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Очевидно, речь идет об окладе за редактуру Буниным журнала «Северное сияние», секретарем редакции которого был Л.И. Гальберштадт.

³ См. примеч. 4 к п. 85.

⁴ Константин Николаевич Незлобин (наст. фам. Алябьев, 1857–1930) — антрепренер, режиссер и актер, открыл в 1909 г. в Москве частный театр (Театр Незлобина).

⁵ Была ли поставлена в Театре Незлобина пьеса А.М. Федорова «Брат» неизвестно.

⁶ Д.А. Пушешников.

⁷ С.Н. Пушешникова.

⁸ См. примеч. 3 к п. 76.

⁹ О какой книге идет речь неизвестно.

¹⁰ Вс.Н. Муромцев.

¹¹ И.А. Ласкаржевский.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ Речь идет об авансе за рассказ «Иудея» для сборника «Друкарь» (М., 1910).

87. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 9–10 октября 1909 г.

9 октября. 11 ч. вечера после ванны.

Дорогой, золотой Ненаглядьш, получила твое длинное письмо¹, и так меня оно успокоило, а то все эти дни, как лягу спать, так и расстроюсь: нелепые мысли лезут в голову и часа два-три никак не засну. Вчера проворочалась так до третьего часа. А ложусь я спать теперь очень рано, всю эту неделю я в 10 ч. была уже в постели. Сегодня хочу перед сном утомиться писанием письма — может лучше засну. Да, повторяю, ты успокоил почему-то меня. Жаль только, что ты опять пренебрег водой. А как желудок и т.д.? Напиши, а то я беспокоюсь. Завтрашний день разрешен в положительном смысле: я еду, при этом даром². Ю<лий> А<лексеевич>³ имеет право ввести двух дам из своего семейства бесплатно. Относительно ужина еще? Как буду чувствовать и будет ли билет. Если не будет, то плакать не стану. А если будет, то поужинаю, а на пьянство не останусь, будь покоен, и немного боюсь устать, да и без тебя считаю это лишним. Ты, пожалуйста, не сердись, знай, что я ничего такого не делаю без тебя, чего не делаю при тебе, тем более, там будет Ю<лий> Ал<ексеевич>, и, конечно, в депутатии. Читала адрес, и дифирамбы же они поют кружку! Ю<лий> Ал<ексеевич> очень трогает меня своей заботой обо мне. Вообще удивительно он хороший человек! Я вчера с ним и Федоровым пошла к Зайцевым, но их не застали дома. Федоров отправился к «умнице и красавице», их у него здесь несколько. У меня с ним была пикантная история. Расскажу при свидании. А мы с Ю<лием> Ал<ексеевичем> пошли пешком к нему, у него я посидела с ½ часа, пока он прихорашивался, чтобы отправиться в женский клуб, — все хлопочет об Верности, сиречь Треугольнике⁴. Дорогой он рассказывал, между прочим, что накануне он был у Бибиковых. Твоя первая супруга⁵ переменялась не так

сильно, как рассказывал Коля⁶, только растолстела. Купили они пианино для своей дочки⁷. Арсик⁸ ждет место и собирается на сцену... Коля, кажется, с ними подружился.

Да, я забыла, надо было начать письмо с выговора. Митрофаныч⁹ получил от Л<идии> К<арловны>¹⁰ письмо, и она пишет, что ты ни разу у ней не был. Он очень обижен, а я удивлена... Нехорошо. А у нас он был уже три раза, собирается и завтра. Он всем нашим очень нравится, особенно папе. Сейчас у него Сева и Митюшка¹¹, он звал и меня, но я из-за ванны осталась дома. Вчера у нас за обедом было сражение между ним и Ю<лием> Ал<ексеевичем> и Ал<ександром> М<итрофановичем> из-за драмы Зайцева¹². Юл<ий> Ал<ексеевич> защищал более, чем сильно, Ал<ександр> М<итрофанович> уничтожил. Остальные слушали, даже мама редко вставляла словечко. Затем на сцену появилась «Анатэма»¹³ и опять закипел спор. Я, помня твои и Флерова наставления, только слушала.

Коля ушел после III-ьего действия, говорит, хуже ничего не видел. Я его, впрочем, давно видела, до «Анатэмы».

Да, Белоусов просил твой портрет для альбома Телешова¹⁴. Я искала-искала, но пока безрезультатно. Не помнишь, куда ты забелешил его? Буду искать еще и завтра. Не забудь об этом написать, что делать, если я не найду его. Какой портрет дать ему тогда? Ты ничего не ответил насчет Костылева¹⁵.

Ну, целую и обнимаю и ... надеюсь хорошо заснуть.

Твой Лю.....к.

10 утра.

Ночь спала прекрасно. Проснулась и пожалела, что не могу сделать условленный знак и лично расцеловать по случаю дня рождения. Хоть ты и не любишь этого дня, а я все же бесконечно рада, что ты родился и что ты — мой. Первый раз мне остро захотелось видеть тебя за это время. День сегодня ясный, но дым застилает противоположную часть неба из моего окна, т<ак> что сначала я думала, что это тучи. Вчера вечером была С<офья> Н<иколаевна>¹⁶ и Турик¹⁷ в новой парочке и с котелком в руке, побрился, похорошел. Увидав Св. Сецилию¹⁸, он спросил: «Вы давно снимались?» У С<офьи> Н<иколаевны> ничего нет, а фибромочки рассосались. Руднев не велел даже к нервному доктору, и сказал Коле, чтобы он внушил ей, что она здорова. Мясо советует есть только 2 раза в неделю. Я подарила ей вегетарианскую книжку.

Новость: Митюшка снова закурил!..

Расписалась же я, так и слышу: «Помолчите-с»... Умолкаю.

Твой Вер.

Из «Освобождения» Петербургского прислали письмо — просят, чтобы ты разрешил напечатать им «Астму» в 5000 эк. Издание по 10 коп., а плата 50 рублей¹⁹.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/154 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² См. примеч. 5 к п. 84.

³ Ю.А. Бунин.

⁴ Возможно, речь идет о романе Ю.А. Бунина с Е.Е. Юргенс.

⁵ В.В. Бибикова.

⁶ Н.А. Пушешников.

⁷ М.А. Бибикова.

⁸ А.Н. Бибиков.

⁹ А.М. Федоров.

¹⁰ Лидия Карловна Федорова — жена А.М. Федорова; в прошлом актриса провинциальной сцены.

¹¹ Вс.Н. Муромцев и Д.А. Пушешников.

¹² Очевидно, спор шел из-за пьесы Б.К. Зайцева «Верность». См. примеч. 11 к п. 80.

¹³ Пьеса Л.Н. Андреева.

¹⁴ 27 октября 1909 г. в Москве торжественно праздновался 25-летний юбилей литературной деятельности Н.Д. Телешова. Бунин выступил с приветственной речью и преподнес юбиляру альбом с фотографиями членов «Среды».

¹⁵ См. примеч. 2 к п. 77.

¹⁶ С.Н. Пушешникова.

¹⁷ Неустановленное лицо.

¹⁸ Имеется в виду Цецилия Римская (200–230) — святая римская дева-мученица. В католической церкви является покровительницей церковной музыки; обычно изображается как мученица с мечом и розой, рядом с клавишным инструментом или со скрипкой. Св. Цецилию на своих полотнах изображали Рафаэль, О. Джентилески, Доминикино, П. Рубенс, К. Дольчи, Н. Пуссен, С. Конча, Г. Рени и др. Здесь речь идет о репродукции одной из картин с образом Св. Цецилии.

¹⁹ Имеется в виду письмо М.О. Мазель из издательства «Освобождение» от 8 октября 1909 г. (*Летопись* (I). С. 828). Бунин дал согласие на отдельное издание рассказа «Астма», которое вышло в свет в 1910 или 1911 г. в серии «Современная русская литература» (вып. 72).

88. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Сосновка. 20 ноября 1909 г.

20 ноября.

Дорогой мой Ненаглядный, доехала я вчера вполне благополучно¹. Книги завезла и передала их швейцару². В Сосновке вчера было очень красиво, сегодня же оттепель, небольшой ветер и небо серо.

Сегодня я встала ровно в 12 ч. и все-таки чувствую большую усталость. Нужно же было так не вовремя заболеть мне! Буду стараться эту неделю наверстывать потерянное. Пиши, как чувствуешь себя, что нашел в Москве? и т.д. и т.д. Передай Павлику³, если он сегодня получит 10 рублей от Субботиной, то пусть он их передаст папе. Не забудь отдать грязное белье прачке.

Когда будешь посылать мне деньги, не присылай в обрез, ведь все равно я лишнего не потрачу. Пришли мне рецепт моего лекарства для носа, подписанный д-р<ом> Малютиным⁴, сделай это немедленно, а то сухой насморк замучил меня. Думаю начать принимать фитин⁵, может, и мясной порошок⁶.

Пока целую крепко. Как ты обходишься без футляра, который ты позабыл в Сосновке? Все тебе кланяются. Мама и А<ндрей> Г<еоргиевич>⁷ благодарят за книги⁸.

Твой Любимчик.

Целуй наших.

Виделся ли с Елпатьевским⁹?

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/179 оф. Год определен по содержанию.

¹ С 10 ноября 1909 г. Бунин и В.Н. Муромцева находились в Петербурге, вечером 19 ноября Бунин уехал из Петербурга в Москву, а В.Н. Муромцева осталась гостить у А.Г. Гусакова в Сосновке под Петербургом. В.Н. Муромцева с матерью вернулись в Москву 3 декабря 1909 г. (*Летопись* (I). С. 841, 845, 852).

² О каких книгах идет речь и кому они передавались, неясно.

³ П.Н. Муромцев.

⁴ Евгений Николаевич Малютин — московский врач.

⁵ Фитин — лекарственный препарат, обладающий свойствами витамина и применяемый, в частности, при малокровии для стимуляции кроветворения, усиления роста и развития костной ткани.

⁶ Мясной порошок — высококалорийный продукт, применявшийся для усиленного питания.

⁷ А.Г. Гусаков.

⁸ Очевидно, Бунин послал свои книги.

⁹ Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933) — прозаик, публицист, общественный деятель, врач.

89. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Сосновка. 21 ноября 1909 г.

Золотой мой Ян, со мной что-то странное творится — сегодня встала в час дня, правда, вчера я очень долго не могла заснуть, несмотря на то, что в постели была уже в половине двенадцатого. Ворочалась, ворочалась, да и стала читать Мережковского. Много нашла там ценного для себя. Сейчас перевожу для Коли¹, но до дела никак не доберусь, все болтовня и болтовня, впрочем, я еще недалеко ушла. Погода мрачная. Перед глазами молочное небо и черно-коричневые покачивающиеся сосны с красноватыми стволами. Вспоминаются твои стихи «Безнадежность»². Сейчас около половины третьего, а я сижу с лампой и завтраком при огне... вот и можно вычеркнуть один день из моей жизни. Сейчас ожидаю сюда Соню³. Вечером в Институте концерт и бал⁴. А<ндрей> Г<еоргиевич>⁵ взял билеты. Пойду посмотрю на петербургскую молодежь. Да и зала здесь, должно быть, при электрическом освещении будет очень красива.

Фитин принимать начала, сегодня чувствую себя хорошо. Главное, здесь я чувствую в себе какое-то «Зайцевское» спокойствие⁶, а это чудо, как хорошо, по крайней мере, в настоящее время.

Пока от тебя ничего не получила. Немного беспокоюсь. Пока нечего больше писать. Жду известий от тебя. Целуй наших и Ю<лия> Ал<ексеевича>⁷.

Все кланяются.

Твой Верун.

Сосновка. 21 н<оября> 1909 г.

Зайди как-нибудь к Мите⁸.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/37 оф.

¹ Н.А. Пушешников.

² Стихотворение Бунина «Безнадежность» («На севере есть розовые мхи...») впервые опубликовано в журнале «Перевал» (М., 1907. № 10, август), вошло в 4-й том сочинений писателя «Стихотворения 1907 г.; “Годива”, поэма Теннисона; Из “Золотой легенды” Лонгфелло; “Каин”, мистерия Байрона» (СПб.: Знание, 1908).

³ Неустановленное лицо.

⁴ В газете «Речь» (1909. 21 ноября. № 320. С. 3) напечатано объявление: «В актовом зале СПб. Политехнического института 21-го ноября 1909 г. состоится традиционный концерт-бал в пользу недостаточных студентов-политехников <...>. После концерта танцы до 3-х часов ночи. Два оркестра музыки».

⁵ А.Г. Гусаков.

⁶ Возможно, намек на рассказ Б.К. Зайцева «Спокойствие».

⁷ Ю.А. Бунин.

⁸ Д.Н. Муромцев.

90. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Сосновка. 22 ноября 1909 г.*

Уж если не повезет, так уж не повезет, дорогой мой Золотун: то твой портрет был заменен каким-то господином¹, то теперь буквы перепутаны². Прочтя то, что там написано, ты еще раз убедишься, как трудно передавать чужие мысли и как вообще трудны всякие воспоминания, и как публика мало ценит, когда они хороши!

На концерте я вчера в Институте была, но это был горе-концерт³: половина не приехала, да и приехавшие были далеко не на высоте. Ни красивых лиц и очень мало красивых туалетов. На танцы не оставалась. Придя домой, разыграли, как говорит Сева⁴, бутылку пива, да и в постель.

Сегодня опять все в каком-то молочном тумане, ну и климат, хотя на меня он как-то пока не действует. Сегодня утром я с большим удовольствием переводила, и дело шло довольно гладко, встретились на пути только два-три провала. Третий день нет от тебя известий. Почему такой бойкот, говоря языком соц<иал>-демокр<атов>? Беспокоюсь. Если и сегодня не получу, то забастую на целую неделю.

А пока еще крепко обнимаю и целую гениальную бровку нежно.

Твой Бездомный бродяга.

22 ноября.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/150 оф. Год определен по содержанию.

¹ Имеется в виду журнал «Огонек» (1909. № 46. 14 нояб. С. 12), в котором воспроизведен фотопортрет неизвестного мужчины с подписью «Вновь избранный почетный академик И.А. Бунин».

² Имеется в виду интервью «У академика И.А. Бунина», опубликованное в «Петербургской газете» (21 ноября. № 320. С. 3), инициалы Бунина, как в названии, так и в тексте интервью были перепутаны местами: А.И. Бунин. На следующий день в той же «Петербургской газете» (22 ноября. № 321. С. 3) напечатан ответ Бунина на анкету «Как вы творите? Муки творчества», и вновь инициалы писателя были так же перепутаны.

³ См. примеч. 4 к п. 89.

⁴ Вс.Н. Муромцев.

И.А. Бунин после избрания академиком.

Москва, ноябрь 1909 г.

(РАЛ)

На полях Бунин написал:

«Я в Академии, 1909 г. Ив. Б.»

91. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Сосновка. 23 ноября 1909 г.

23 ноября.

Твою открытку¹, дорогой мой Янчик, получила я вчера, возвратясь от Рахмановых², где обедали с мамой. Время прошло очень приятно. Очень мне понравился мой двоюродный брат Саша³ — редкое сочетание ума, серьезности с простотой и веселостью.

Сейчас получила от тебя письмо⁴. Целую за него. Куда ты дел все носовые платки? Не забыл ли в Северной? Радуюсь за Арсиков⁵. Небось, стали очень заноситься. Кланяйся им от меня. Бедный Зайчик⁶, должно быть все-таки неверность «Верности» на него сильно подействовала⁷. Зайди к ним и от меня целуй их всех.

Вырезку из «Петербур<ургской> газеты»⁸ послала тебе, хочу послать и в Ефремов⁹.

Две строчки Пушкина¹⁰ я давно знала и в его письмах еще раз прочла в прошлом году в Глово. И как только они у нас не повторялись! Как это ты их не знал? А сказано очень хорошо. Умел он это делать.

Передай Коле¹¹, что понемногу я перевожу, но до дела никак не доберусь. Передай ему также, что я буду слушать Яна Кубелика¹². А как ему понравился Гофман¹³?

Ты пишешь, что «непривычно» тебе без меня и «скучновато», а сам спешил от меня уехать и не захотел пожить со мной здесь! Погода по-прежнему однообразно сера, но здесь я ее как-то не чувствую. У здешних ни у кого не была. Так нравится комната, где я сплю...

Целую и обнимаю крепко

Твой С...

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/166 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Открытка неизвестна.

² Рахмановы — родственники Муромцевых.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Письмо неизвестно.

⁵ Речь идет о семье А.Н. Бибикова.

⁶ Б.К. Зайцев.

⁷ См. примеч. 11 к п. 80.

⁸ Имеется в виду, очевидно, одна из двух публикаций в «Петербургской газете»: 21 ноября. № 320. С. 3 — интервью «У академика И.А. Бунина», записанное М. Снарским, 22 ноября. № 321. С. 3 — ответ Бунина на анкету «Как вы творите? Муки творчества».

⁹ Очевидно, для Е.А. Бунина.

¹⁰ О каких строчках А.С. Пушкина идет речь, неизвестно.

¹¹ Н.А. Пушешников.

¹² Ян Кубелик (1880–1940) — чешский скрипач и композитор, один из лучших скрипачей-виртуозов своего времени. Автор оригинальной музыки, в том числе шести концертов для скрипки с оркестром. Концертировал по всему миру с 1898 г. В России он концертировал в 1904, 1909, 1910 и 1912 годах. В ноябре 1909 г. Я. Кубелик выступал попеременно в Москве и Петербурге; 23 ноября он дал прощальный концерт в зале Дворянского собрания Петербурга, в программе произведения Баха, Шумана, Сен-Санса, Вагнера, Паганини.

¹³ Иосиф (Йозеф Казимир) Гофман (1876–1957) — польский пианист и композитор. В ноябре 1909 г. давал сольные концерты в Москве и Петербурге, в программе произведения Бетховена, Глазунова, Шопена, Скрябина, Шуберта и др.

92. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Сосновка. 24 ноября 1909 г.*

Сосновка. 24 ноябр.

1909 г.

Дорогой мой Ненаглядьш, сейчас вернулась с прогулки и чувствую в себе такой подъем, что если б я была тобой, то свет увидел бы отличный сонет! Выходила в поле. Были нежные северные сумерки. Небо очистилось от трехдневной мглы. И необыкновенно ярко сверкала какая-то звезда на западе, уж не Марс ли это? Вечером выйду, чтобы решить. Грустно было только, что ты далеко от меня. Ну, да видно наслаждаться нам суждено в одиночку. Да это, может, и лучше. Человек должен быть один, ну, занесло, скажешь ты. Звонок, получила твое письмо с рецептом¹. Спасибо за него. 25 рублей мне более, чем довольно. Ведь я здесь почти никуда не трачу. Портит мне настроение, что ты скучаешь, и к тебе хочется «маленькая, миленькая», и здесь мне очень хорошо. Ведь такого ровного, хорошего настроения у меня давно не было. Да и кроме тебя я здесь имею все, чего только пожелаешь. Андрей Георгиевич² очень балует меня. Но все-таки напиши мне, если тебе я нужна и мое отсутствие мешает работать, то я ускорю свой приезд. Почему ты ничего не пишешь о планах на будущее? Я много думаю и никак не могу придумать, что для тебя лучше. Хотелось бы, чтобы ты принял(ась) снова за «Деревню»³, а то, не ровен час, сгладят. Напиши мне обо всем откровенно, а то твоя привычка не договаривать ставит меня всегда в неопределенное положение.

Ах, да, я вчера с мамой слушала Кубелика⁴. Вот артист! Все думала о тебе: зачем ты лишаешь себя такого наслаждения, как музыка. Кубелик в декабре будет в Москве, и если ты еще будешь там, то возьми себе билет, и, если будет милость, и мне, и ты тогда сам поймешь, как он играет. Лучшего скрипача я не слышала. Так извлекать звуки из инструмента, как он, на моей памяти никто не умел. Мама отсюда хочет уехать 4 дек<абря>, но если я хочу ехать с ней, то она поедет 2, в крайнем случае, первого, т.к. 30 именины Анд<рея> Г<еоргиевича>, и он очень просит остаться меня на этот день. Как, по-твоему, ждать мне маму или ехать одной? Взвесь все, не сердясь, и напиши, мой далекий капризный Кустик. Эх, зачем поспешил уехать. Как бы я тебя здесь полежала, Светик мой.

Завтра иду в Эрмитаж, опять жалко, что без тебя. Может, туда придет Соня⁵, а, может быть, я и одна буду смотреть на Веласкеса⁶. Почему-то его картины меня больше всего интересуют. Читаю понемногу Мережковского. Нравится. Буду читать статью о Пушкине⁷, читаю и Пушкина. Вот сколько удовольствий сразу. Давно этого не было. Для Коли⁸ перевожу, сегодня работала над переводом часа 3–4.

Целую крепко, нежно все, что мое и что я люблю.

Папе и мальчикам⁹ привет.

Твой Верун.

Что-то ничего не пишешь об Юл<ии> Ал<ексеевиче>¹⁰. Целуй его. Скажи, что я соскучилась по нем.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/28 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² А.Г. Гусаков.

³ Работу над повестью «Деревня» Бунин продолжил лишь в августе 1910 г.

⁴ См. примеч. 12 к п. 91.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Диего Родригес де Сильва Веласкес (1599–1660) — испанский художник, величайший представитель золотого века испанской живописи.

⁷ Очевидно, В.Н. Муромцева читала главу о Пушкине в книге Д.С.Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (3-е изд. СПб.: Отечественная польза, 1909). Во всех изданиях статья о Пушкине заключала книгу. В 1906 г. эта статья с некоторыми изменениями была издана М.В. Пирожковым отдельной брошюрой.

⁸ Н.А. Пушешников.

⁹ Д.Н. и П.Н. Муромцевы.

¹⁰ Ю.А. Бунин.

93. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Сосновка. 25 ноября 1909 г.

Сосновка.
4 ч. 30 минут.
25 н. 1909 г.

Прелестный мой Янчик, получила открытку твою от 24 только сию минуту¹. Погода опять испортилась, тает. Я ездила сегодня в Эрмитаж, пробыла там 3 часа совершенно одна и получила большое наслаждение. Я первый раз в жизни одна в музее, нахожу, что «это хорошо»! Иногда жалела, что ты не был там ни разу со мной. Долго я пробыла в Испанской школе. Теперь хорошо знаю Веласкеса, впрочем, он там не в большом количестве, Мурильо². Рассматривала Рембрандта³, должно быть, он был очень интересным человеком. Вот портреты писал! Немного была и у Итальянцев. Рафаэль мне понравился гораздо больше, чем в Ватикане. Очень хороша по тонам, да и вообще, картина Фра-Джовани ди-Фьезоле, называемого также Фра-Анджелико и Беато Анджелико⁴ Богоматерь с предстоящими ей св. Домиником и Фомой Аквитанским⁵, только не поняла, кто из них Доминик, кто Фома? Перед ней я сидела долго: все трудно было уйти. Многое останавливало мое внимание у Тициана⁶. Да всего не пересчитаешь. Я с удовольствием ходила бы туда ежедневно часа на два и постепенно образовалась с художественной стороны. Какая разница между итальянской живописью и голландской, когда я из одной попала в другую, я на минуту остолбене-ла, все равно, как попасть из яркого солнца в какой-нибудь полумрак.

Дорогой я читала Пушкина «Борис Годунов», это чудо как хорошо! Вчера прочла I главу о Пушкине у Мережковского⁷, вот откуда все Муни⁸ почерпнули презрение к Писареву⁹, Добролюбову¹⁰ и Чернышевскому¹¹. Читается Мережковский очень легко, и с интересом, хотя и не во всем согласна я.

Купила себе на французском языке *Lettres de Plin le Jeune*¹². Очень их хвалит Мережковский¹³, да и читать приятно — коротко, можно читать по письму ежедневно. Вот если мы с тобой поедem в Египет, то там будем вместе читать.

Ты пишешь, чтобы я не трепалась, да я живу правильно. Из-за погоды хожу мало.

К Кулаковым¹⁴ зайду, когда буду в Петербурге.

Целую и люблю нежно.

Твой Верун.

¹ Письмо неизвестно.

² Бартоломе Эстебан Мурильо (1617–1682) — ведущий испанский живописец «золотого века», глава севильской школы.

³ Харменс ван Рейн Рембрандт (1606–1669) — голландский художник, рисовальщик и гравёр, великий мастер светотени, крупнейший представитель золотого века голландской живописи.

⁴ Фра Беато Анджелико (Анжелико, итал. Fra Beato Angelico, букв. «брат Блаженный Ангельский», собственное имя Гвидо ди Пьетро, итал. Guido di Pietro, имя в постриге Джованни да Фьезоле, 1400–18 февраля 1455) — итальянский художник эпохи Раннего Возрождения, доминиканский монах.

⁵ Имеется в виду фреска работы Фра Анджелико из монастыря Сан Доменико в Фьезоле (1424–1430. Флоренция) «Богоматерь с младенцем и святыми Домиником и Фомой Аквинским» (Эрмитаж, Санкт Петербург). Симметричная композиция изображает мадонну на троне в окружении святых. Слева от Марии — святой Доминик, держащий в руках лилию, символ целомудрия. Справа — великий теолог Фома Аквинский, и на страницах книги, которую он держит, можно прочитать текст псалмов.

⁶ Вечеллио Тициан (1488/1490–1576) — итальянский живописец эпохи Возрождения.

⁷ См. примеч. 7 к п. 92.

⁸ Муни (наст. имя и фам. Самуил Викторович Киссин, 1885–1916) — поэт, критик. Очевидно, здесь Муни упомянут как имя нарицательное. Муромцева имеет в виду рассуждение Мережковского о том, что русская критика с 1860-х гг. стала хуже понимать литературу: «Это непонимание объясняется и общими причинами: первородным грехом русской критики — ее культурной неотзывчивостью, и частными — тем упадком художественного вкуса, эстетического и философского образования, который начиная с 60-х годов продолжается донныне и вызван проповедью утилитарного и тенденциозного искусства, проповедью таких критиков, как Добролюбов, Чернышевский, Писарев. Одичание вкуса и мысли, продолжающееся полвека, не могло пройти даром для русской литературы. След мутной волны черни, нахлынувшей с такою силою, чувствуется и понныне. Авторитет Писарева поколеблен, но не пал. <...> Писарев, Добролюбов, Чернышевский вошли в плоть и кровь некультурной русской критики: это — грехи ее молодости, которые нелегко прощаются» (*Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы*. СПб.: Наука, 2007. С. 230).

⁹ Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868) — русский публицист и литературный критик, революционный демократ.

¹⁰ Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) — русский литературный критик рубежа 1850-х и 1860-х гг., публицист, революционный демократ.

¹¹ Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) — русский философ-утопист, революционер-демократ, ученый, литературный критик, публицист и писатель.

¹² Плиний Младший (полное имя: Гай Плиний Цецилий Секунд, приблизительно 61–113) — древнеримский политический деятель и писатель, адвокат. Между 97 и 109 годами Плиний опубликовал 9 книг своих писем. Все они дошли до нашего времени, и являются образцами эпистолярного жанра. Имеется в виду, вероятно, издание на французском языке: *Lettres de Pline le Jeune / Trad. par De Sacy: Nouvelle édition revue et corrigée par Jules Pierrot. Paris, 1826–1828.*

¹³ Д.С. Мережковский посвятил Плинию отдельную главу в своей книге «Вечные спутники» и, действительно, писал с большим пиететом: «“Письма Плиния младшего” — одна из самых удивительных книг, какие нам оставила древность, — особенный род литературы, близкий нашему современному вкусу, исключаящий все условное и внешнее, немного поверхностный, но зато грациозный, очаровательно-разнообразный. Читается эта маленькая драгоценная книга как интересный роман, полный живых характеров, движения и страстей» (*Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы*. СПб.: Наука, 2007. С. 47).

¹⁴ Петр Ефимович Кулаков (1867–1937) — директор-распорядитель книгоиздательского товарищества «Общественная польза»; репрессирован. Его жена: Людмила Сергеевна (урожд. Елпатьевская, во втором браке Врангель, 1881–1969).

94. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Сосновка. 28 ноября 1909 г.

28 ноября.

3 часа ночи. Я лежу в постели, но сон бежит от меня. Твое письмо от 26 получила¹. Обеспокоилась о твоём здоровье. Не рискуй зря. Если бы не боялась показаться тебе сентиментальной, то приехала бы в воскресенье к Кустику. Напиши точнее, когда думаешь ехать? 30 ноября судят А<ндрея> Г<еоргиевича>², и как-то неудобно уехать накануне этого дня.

Очень рада, что Нилус появится в отдельном издании³. Мне помнится, что он с Буковецким хотели быть в конце ноября в Москве. Разве передумали? Жаль, что не прислал газеты, где о тебе Айхенвальд говорил⁴. Так ты опять возобновил знакомство с Граф⁵. Только почему она пригласила тебя в мое отсутствие? Печально, если и в этом году наша поездка будет скомкана. А мне очень хотелось пожить где-нибудь тихо и скромно, пожить хорошей рабочей жизнью. Мне так хочется учиться, работать, но не судорожно, не запоем, ибо на последнее у меня нет сил. А про тебя я и не говорю, ты, по-моему, обязан теперь работать насколько возможно спокойно. Сколько планов у меня роится в голове насчет тебя, но не смею писать о них.

Сегодня мы спускались к Дружининим⁶. Он — профессор, она — художница, на мой взгляд, со способностями. Был там, кроме нас трех, еще Драгомиров⁷, сын известного. Говорили о последнем. Между прочим, сын рассказал, что отец⁸ однажды дал такой отзыв об одном генерале: «На параде может командовать кавалерийским полком, на войне — не может и армейским пехотным. Может заседать в Военном Совете, но военных советов давать не может». Потом вот еще: на экзамене в какую-то академию офицеры должны экзаменоваться и по диктанту. Один из них, вместо того, чтобы расставить, как требуется, знаки препинания, написал весь диктант без них, а в конце поставил под написанным . , ; ? ! в количестве нужном и написал: «Марш по местам». Драгомирову так показалось это остроумно, что, несмотря на это, офицер был принят. Кроме того, был у нас большой спор, что такое цельный человек. А вино (здесь подают вино всегда к чаю) я пила только красное Макон, мне понравилось. Знакомый вкус.

Вот почему я не могу спать по ночам, скажи мне. Стрелка приближается к четырем. Может, ты ведешь себя сейчас нехорошо? Напиши, пожалуйста, что делал *сейчас*. Пушкин меня все более и более волнует. Зачем преподают его в гимназиях?! Я перечитала его очень много за эти дни и ночи.

Отчего ты не пишешь, чем ты стал заниматься. Неужели ни до чего не дотрагивался?

Пушкин проездом из Москвы пишет жене: «Однако, скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадают две-три салопницы⁹, студент в очках, в фуражке, да кн. Шаликов¹⁰»¹¹. Неправда ли, что ты все мог бы мне это написать, заменив князя Койранским? Ну, заболталась.

Мысленно лелею тебя.

Твой С...

Проснулась во втором часу дня! В.М.

Зайди к нашему Мите¹², а то правда нехорошо, ни разу не был. Новинский бульвар, д. Хомякова, от нас на противоположной стороне.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/140 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Имеются в виду именины А.Г. Гусакова.

³ Речь идет о готовящейся к изданию книге П.А. Нилуса «Рассказы», которая вышла в свет в феврале 1910 г.

⁴ В Педагогическом собрании в Москве Ю.И. Айхенвальд выступил 25 ноября 1909 г. с лекцией «Наши современники. (Брюсов, Бунин, Сологуб)». См. объявление в газете «Русские ведомости» (1909. 24 ноября. № 269. С. 1).

⁵ Евгения Николаевна Граф (урожд. Клочкова, по второму мужу Устинова, 1882–1942) — дочь богатого воронежского купца (справка В.В. Бойкова). В рассказе «Чистый понедельник» Бунин описал ее квартиру. О посещении Буниным семейства Граф см. книгу «Жизнь Бунина» (Муромцева-Бунина (1989). С. 231).

⁶ Сергей Иванович Дружинин (1872–1935) — профессор Санкт-Петербургского Политехнического университета, специалист в области строительных материалов. О его жене сведений не обнаружено.

⁷ Один из 6 сыновей М.И. Драгомирова, возможно, Андрей Михайлович Драгомиров.

⁸ Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905) — военачальник и военный теоретик, государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного Совета, известный военный писатель, мыслитель и педагог; создал военно-педагогическую систему, базирующуюся на совершенно новых взглядах. В годы своей научной деятельности написал фундаментальный, выдержавший не одно издание, учебник тактики, по которому десятилетия учились офицеры, издал десятки трудов по военным вопросам. Он одним из первых возродил суворовский опыт обучения и воспитания войск, определил степень подготовки солдат по самым различным направлениям.

⁹ Салопница — в 20–30-е гг. XIX в. так назывались мещанки, ходящие в изношенном салопе и просящие на бедность.

¹⁰ Петр Иванович Шаликов (1767 или 1768–1852) — князь, писатель-сентименталист, журналист и издатель.

¹¹ Цитата из письма А.С. Пушкина к Н.Н. Пушкиной от 27 августа 1833 г. из Москвы в Петербург.

¹² Д.Н. Муромцев.

95. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Сосновка. 30 ноября 1909 г.

29/30 ноября

1 ночи.

Вспомнил ли ты меня сейчас, мой ненаглядный Ян? Много хочется тебе сказать, но помню твой завет — не буду многословной, да и поздно; мысленно переносусь к тебе и желаю только всю свою жизнь прожить с тобой, моим драгоценным Любимчиком. Поздно. Завтра dokonчу. А сейчас спать... спать...

В. М.

Еду в город. Возьму билет в Москву либо на завтра, либо на среду¹. На минутку забегу в музей Александра III², да еще по разным делам. Вчера я видела всю свою тенишевскую компанию³. Драгомиров⁴ сделал обед и всех нас пригласил. Обед был отличный. Вино, крющон. Но оставались там недолго. В институте был студенто-симфонический концерт⁵. Удивительный человек это <т> Драгомиров. Среднего роста, черты лица неправильные, с черными в беспорядке положенными довольно редкими волосами на большой голове, в будущем лысой. Носит инженерную форму и очень широкие панталоны. Крайне рассеян. Часто посреди разговора о чем-то задумывается. Бывает минутами очень грустный. Несмотря на эти странности, его очень все любят. Говорят, что в своей области он талантлив. Несколько лет <тому назад> от рака или от чего-то в этом роде умерла его жена. Он был тогда потрясен. Да и до сих пор еще не утешился, несмотря на то, что у него прислуга очень хорошо одета... квартира его в подвальном этаже, комнаты небольшие, но совершенно заставленные громадными письменными столами, массой мебели, должно быть

наследственной, и книгами. Концерт тоже удался. Для любителей играли очень хорошо. В программе стояли имена Мендельсона⁶, Бетховена, Моцарта. Был и солист скрипач, конечно, еврей.

Сегодня в «Речи» тебя лягнули, и все из-за Кипплинга⁷. Там переведено слово horse — ослом. А рассказ из Шотландской жизни. Автор заметки прибавляет, что «почетный Академик думает, что Шотландия находится в Иерусалиме». Кто же автор сей остроумной заметки — Чуковский⁸! Разве уже его перевод Кипплинга готов⁹?

Коле¹⁰ передай, что о комете Галлея я ему перевела¹¹. Это очерк открытия этой кометы, да и общий обзор всей ее жизни. Приводятся слова Лаланда¹². Я многое узнала нового. Ему же, я думаю, все будет известно.

На дворе морозит, слегка иней покрыл сосны, которые теперь похожи на седеющих шатенов.

Будь умник. Бог даст скоро увидимся. Загулял, загулял ваш председатель.

Блудный сын.

P.S. В среду защищает свою диссертацию Чупров¹³, носятся слухи, что ему сразу дадут доктора.

Целую нежно гениальную бровку.

В.М.

Сейчас судят Андр<ея> Георг<иевича>¹⁴.

Все тебе кланяются.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/108 оф. Год определен по содержанию.

¹ В.Н. Муромцева с Л.Ф. Муромцевой приехала в Москву 3 декабря 1909 г.

² Имеется в виду Русский Музей Императора Александра III (ныне Государственный Русский музей) — крупнейший музей русского искусства в мире.

³ Очевидно, речь идет о знакомых В.Н. Муромцевой из художественной студии, организованной в Петербурге княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой (1858–1928) — дворянкой, общественной деятельницей, педагогом, меценатом и коллекционером.

⁴ См. примеч. 7 к п. 94.

⁵ О каком концерте идет речь неизвестно.

⁶ Якоб Людвиг Феликс Бартольди Мендельсон (1809–1847) — немецкий композитор еврейского происхождения, пианист, дирижер, педагог; один из крупнейших представителей романтизма в музыке, глава художественного направления «Лейпцигская школа».

⁷ Имеется в виду заметка К.И. Чуковского «Литературные стружки» в газете «Речь» (1909. 30 ноября. № 329. С. 3), в которой говорилось о книге Р. Кипплинга «Избранные рассказы» (Кн. 1 / Пер. Н.П. А<збелева>. М., 1908), вышедшей в серии «Библиотека иностранных писателей под редакцией Ив.А. Бунина».

⁸ Корней Иванович Чуковский (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков, 1882–1969) — поэт, публицист, литературный критик, переводчик, литературовед, детский писатель, журналист.

⁹ К этому времени уже вышла в переводе К.И. Чуковского книга Р. Кипплинга «Рассказы» (Вступ. ст. В. Тана. СПб.: Пантеон, 1909).

¹⁰ Н.А. Пушешников.

¹¹ Комета Галлея — яркая комета, возвращающаяся к Солнцу каждые 75–76 лет, является первой кометой, для которой определили эллиптическую орбиту и установили периодичность возвращений. Названа в честь английского астронома Эдмунда Галлея (1656–1742).

¹² Жозеф Лаланд (de Lalande; 1732–1807) — французский астроном, член Берлинской Академии наук (1753).

¹³ А.А. Чупров защитил диссертацию на тему «Очерки по теории статистики»; в 1902–1917 гг. руководил кафедрой статистики в Петербургском политехническом институте; организовал семинар по статистике, ставший школой многих русских статистиков — «чупровцев»; член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1917).

¹⁴ А.Г. Гусаков.

96. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Сосновка. 1 декабря 1909 г.*

Сосновка. 1909 г. 1 декабря.

Дорогой Я<н>, билеты взяла на среду¹ — на вторник не было ничего подходящего. На среду пришлось взять в поезд, который отходит в 4 ч. В Москве буду в 8 часов утра. Ты, конечно, еще будешь в постели. В Музей Алек<сандра> Ш² мне вчера не удалось попасть по той простой причине, что по понедельникам он закрыт. Жаль. Можно было бы съездить сегодня, да не хочется трепаться. Заезжала вчера к Кулаковым — никого дома не застала. Отправилась на Подъяческую в редакцию «Общественной пользы»³. Книги твои швейцар им передал. В награду за посещение Петр Ефимович⁴ подарил мне несколько книг. Обещал прислать мне все вновь выходящие. Кажется, он хочет иметь с тобой дела, этим, по крайней мере, я объясняю такую любезность с его стороны. Куприн в Питере и пьет напрапалую. Третьего дня от Л.С. Кулаковой он должен был куда-то ехать, но вместо этого прислал длинную телеграмму, сущность которой заключалась в том, что он потерянная личность и что на него нужно рукой махнуть. Говорят, он опять продал кому-то «Яму»⁵.

Кажется, обо всем вкратце написала, о чем забыла, о том расскажу при свидании.

А все-таки я соскучилась по тебе, не дождусь утра четверга. А, судя по письмам, ты — не очень!

Целую крепко-крепко.

Твой Верун.

П.Н. Муромцев.
Москва, 1910-е гг.
(ОГЛМТ)

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/30 оф. На конверте адрес получателя: «Москва, Никитская, Столовый пер., д. 17. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «СПб., 1.12.09»; «Москва, 3.12.09».

¹ На 2 декабря, в Москву В.Н. Муромцева приехала с матерью утром 3 декабря.

² См. примеч. 2 к п. 95.

³ Редакция и типография Товарищества «Общественная польза» находилась в Петербурге по адресу: ул. Большая Подъяческая, д. 39.

⁴ П.Е. Кулаков.

⁵ Свою повесть «Яма» А.И. Куприн писал и публиковал частями: первая часть была напечатана в 1909 г. в сборнике «Земля», здесь речь идет о продолжении повести, вторая и третья части увидели свет только в 1914 и 1915 гг.

97. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 31 мая 1910 г.*

31 мая.

Только что, вернувшись от Телешовых, я прочла все три письма¹. Если успею, выйду завтра же, хотя шансов на это и мало, ибо утром будут зубы запломбировывать, а затем нужно будет исполнить все твои поручения и окончательно уложиться. Больше вероятий, что уеду отсюда во вторник². Впрочем, боюсь загадывать. Мне очень жаль, что я теперь *не с тобой*. Как я чувствую тебя, у меня была особенная тоска 28 и 29, да другие дни вот-вот и охватывает.

У Телешовых было хорошо. Все «исторические места» видела. Я надеюсь, что, Бог даст, Людмила Александровна³ поправится. Ты погоди отчаиваться.

Не знаю просто, что написать тебе, мой дорогой, золотой, ненаглядный, прелестный Кустик. Сейчас ясно вижу, как ты один лежишь на постельке и, может, не спишь и некому успокоить, хоть немного облегчить твои страдания. Много дала бы, чтобы быть с тобой. Нежно целую тебя.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/137 оф. Год установлен по содержанию.

¹ 21 или 22 мая 1910 г. Бунин уехал из Москвы в Ефремов, чтобы навестить больную мать. 3 июня Бунин прибывает в Глово (Летопись (2). С. 41–42). Письма его неизвестны.

² В.Н. Муромцева уехала из Москвы в Глово 1 или 2 июня 1910 г.

³ Л.А. Бунина. Ю.А. Бунин писал Е.Е. Юргенс 19 июля 1910 г.: «Дорогая моя, вчера похоронили нашу мать. Она скончалась в ночь с 15-го на 16-е июля»; 1 августа 1910 г. Ю.А. Бунин писал тому же адресату: «Из всех нас отсутствовал при кончине матери Ваня, уехавший в Москву, так как говорит, что совершенно не выносит таких событий. К тому же ему совершенно необходимо окончить повесть <<Дервня>> в августе, и он работает, не вставая» (цит. по: *Бабореко (2004)*. С. 143).

98. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Измалково (?). 29 июля 1911 г.*

Приехали за час 10 минут!

Корзинка моя не заперта: замки повешены для видимости — там кружка¹.

Лягушка-путешественница.

29 июля 1911 год.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/45 оф. Написано простым карандашом.

¹ Очевидно, имеется в виду кружка для сбора средств на какие-то благотворительные цели. В это время В.Н. Муромцева жила вместе с Буниным в Глово; очевидно, это была у нее краткая деловая поездка.

99. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Готово. 7–8 августа 1911 г.

7 августа.

Как только ты уехал¹, я пошла в комнату С<офьи> Н<иколаевны>². Посидели с Лилей³, потом пошли к мельнице, шли, шли да дошли до Скородного⁴. Вошли в лес. Хорошо там. Тишина. Птиц почти не слышно. Но еще зелено. Прошли лес насквозь, до самой лужайки, где пни, уселись на них, отдохнули, полюбовались освещением, порадовались на солнце. День ведь был чудесный! Невдалеке паслись лошади, жеребята и свиньи. Пришла домой, уже солнце село. За пианино Уманец⁵ творил вторную мелодекламацию, Провинциального Монаха⁶ не было дома, С<офьи> Н<иколаевны> тоже. Мы втроем поужинали. Лиля много мне рассказывала про Колю⁷, он уверяет их, что ему с ними очень весело и приятно. Но она говорит, что ей не нравится, что он говорит лишь о пустяках, и уверяет их, что он думает лишь о щекоточном, и, по мнению Лили, Коля «трусливый нахал». Когда мы кончили ужинать, пришла Маня⁸, затем Пр<овинциальный> М<онах>, я спросила его: «Вы далеко гуляли?» — Он сделал таинственный вид и говорит, как всегда: «Да так». — Я говорю: «Но, а все-таки?» Но он не ответил почему-то. Потом Маня, Лиля и он ушли. А я села играть в 4 руки с Париком⁹. Подали самовар. Сели пить чай. Вернулись с прогулки Маня с Лилей. С<офья> Н<иколаевна> спрашивает: «А Коля?» Они хохочут и не говорят. «Куда же вы ходили?» — «К пескам». — «Ну, я знаю, где он», — говорит она. «Нет, не знаете», — смеются девицы. — «Ну, пойдемте, я скажу вам». И С<офья> Н<иколаевна>, и Маня вышли в другую комнату. «Угадали», — гов<орит> Маня. А я говорю: «Кто его знает, может Маня нарочно, чтоб замести следы». — «Конечно, — подхватывает Маня. — Пусть человек думает и радуется, что угадал». Затем, весь согнувшись и в картузе, и пальто нараспашку пришел и Пр<овинциальный> М<онах> с книгой в руках. Тотчас же обе девицы кинулись за ним. Я встала из-за стола и пошла к себе. Немного прочла из Брандеса о Поль Гейзе¹⁰. Приходила С<офья> Н<иколаевна>. Сказала, что они взяли одеяло тоненькое, которым была покрыта кровать в молочной, и ушли на омет. «Простудятся они там», — гов<орю> я. «Нет, да и они недолго, часов до 12 ночи». В начале одиннадцатого я взяла твой костюм, надела пальто и красную шапочку и вышла перед сном прогуляться. Ночь звездная. Тихо, но прохладно и сыро. Прошла по аллее, вышла за сад. Глянула кругом! Хорошо. Стрелец (это то созвездие, о кот<ором> ты вчера спрашивал, кот<орое> стоит над Готовск<ой> деревней) да и другие звезды так и раздoleваются. Направилась к омету, еле-еле различаю голоса. Иду тихо. Слышится редкий смешок. Начинаю подниматься. Тихо. Думаю, может их здесь нет. Шушаю солому с края. Поднимаюсь выше. Вдруг испуганные крики девиц. Маня первая узнала меня. Довольно высоко в омете вырыто углубление и рядом лежат Коля, Маня и Лиля. Пр<овинциальный> Монах совершенно захлебнулся, но уверяет, что для «наморка лучше всего свежий воздух». Поговорили о звездах, я рассказала кое-что о южных созвездиях да и пошла домой.

Подойдя к аллее, я посмотрела на восток. Два зловещих огненных глаза поднимались. Но уже они были дальше друг от друга, и один немного выше другого. Я стояла и смотрела на них, вдруг слышу страшный лай. И на меня несется Волчок. Я сильно выпугалась, главное, боялась его ласки: вдруг, узнав, что я своя, он кинется на грудь. Я стала кричать на него, ругать, бить по земле костылем, он завертелся, потом сконфуженно присел и, когда я пошла по аллее, все еще беспокоясь не коснется ли он меня, то он побежал сначала с одного

бока, потом с другого и, наконец, отстал. Пришла домой. Наташа¹¹ легла в гостиной. Я села и написала тебе «пустячки». Теперь ½ 12. Сейчас ложусь. Лечение насморка продолжается. Кажется, твои последние советы даже и на день не подействовали.

Мысленно целую тебя, мой дорогой. Где-то ты теперь. Как-то чувствуешь себя?

8 августа. Ночь провела плохо. Долго не могла заснуть. Так что пришлось даже прибегнуть к чтению. Проснулась в 8 ч., встала тотчас же. В девять часов села за твой стол, поправляла перевод той главы, над которой я работала последние дни¹². Вошел Пр<овинциальный> Монах.

- Я хотел попросить Кубарька?
- Зачем?
- Да поехать в Измалково¹³, нужен порошок.
- Да ведь Кубарек 50 верст пробежал.
- Ничего!
- Кто же еще едет?
- Может, Лилька увяжется.
- Почему же вы не возьмете Самаритянку.
- Не хочу просить у мамы.

Ну я не дала определенного ответа. Но это испортило мне настроение: я не люблю отказывать, а в то же время я сама перед ужином хотела проехать, и значит, если я дам лошадей, — уж не говоря о том, что 20 верст пробежать ей сегодня тяжело, — то я лишу себя единственного развлечения — проехать. Я поняла бы еще, если бы он подбивал меня поехать вместе в Измалково, хотя бы из приличия или «деликатности», какую вы все приписываете ему. Затем зашла С<офья> Н<иколаевна>. Оказывается, Коля всю ночь кашлял. Я говорю: ведь сколько же сидеть на соломе в сырые вечера.

- А разве они на соломе сидели? — спросила она, делая вид, что не знает.
- Да.

— А в Измалково я не пушу его, — сказала она. — Это значит он за порошками от кашля в аптеку хочет ехать, а день-то ветренный.

— Воздушное лечение насморка вызвало кашель.

Сегодня ветрено, холодно и пасмурно.

Сейчас ты получил два письма: одно — от Маши в 1 стр<аницу>¹⁴, пишет, что узнала от Ю<лия> Ал<ексеевича>¹⁵, что мы едем в Одессу, спрашивает, где будем на зимовке. Я хотела ответить, да не знаю ее адреса; другое — от Белоусова¹⁶. Просит участвовать тебя в новом его журнале. «Голубчик, на тебя надежда, не оставь. Думаю 1 № выпустить в ноябре. 14 уезжаю в Москву. Черкни мне туда письмецо». Обед прошел в молчании. Пр<овинциальный> М<онах> сначала бессознательно ел свининую грудинку, а затем выпил полторы рюмки портвейна, кажется, заболевает.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/177 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Бунин уехал из Глового в Москву 6 августа 1911 г., В.Н. Муромцева осталась в Глового. Из Москвы Бунин отправился в Одессу вечером 8 августа, вернулся в Москву 11 сентября. Совершив краткую деловую поездку в Петербург с 20 по 30 сентября, Бунин вновь прибывает в Москву. В.Н. Муромцева, очевидно, приехала в Москву в сентябре 1911 г. (*Летопись* (2). С. 107–108, 118, 120–121).

² С.Н. Пушешникова.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Скородное — село неподалеку от Глотова, часто служило местом прогулок И.А. Бунина. Часть скородненского полевого леса принадлежала Пушешниковым.

⁵ Николай Васильевич Уманец — землемер, знакомый Пушешниковых.

⁶ Домашнее прозвище Н.А. Пушешникова.

⁷ Н.А. Пушешников.

⁸ Мария Яковлевна Лозинская — сестра Авдотьи Яковлевны Лозинской, хозяйки глотовской лавки.

⁹ Домашнее прозвище землемера Н.В. Уманца.

¹⁰ Георг Моррис Кохен Брандес (1842–1927) — датский литературный критик, публицист, теоретик натурализма. Речь идет о статье Г. Брандеса о немецком писателе, лауреате Нобелевской премии по литературе 1910 года Пауле Гейзе (Хейзе) (1830–1914). Статья Брандеса «Пауль Гейзе» в русском переводе была опубликована в его сборнике «Новые веяния. Литературные портреты и критические очерки» (СПб., 1889) и включена в «Собрание сочинений» (СПб.: Просвещение, 1896–1899).

¹¹ Прислуга в доме Пушешниковых.

¹² В это время В.Н. Муромцева переводила роман Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

¹³ Измалково — село, расположено на железнодорожной линии Юго-Восточной железной дороги Елец–Орел, ближайшая от села Глотова (Васильевское) железнодорожная станция.

¹⁴ Письмо неизвестно.

¹⁵ Ю.А. Бунин.

¹⁶ Имеется в виду письмо И.А. Белоусова к Бунину от 4 августа 1911 г. (*Письма* (2). С. 579).

100. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотова. 9 или 10 августа 1911 г.

Был здесь Миша Муромцев¹, но в день его приезда мы ходили в Скородное, зажигали костер. Со вчерашнего дня погода испортилась. Холодно, пасмурно. Вчера я даже и не выходила из дому. Днем занималась, а вечером было страшно, ибо звезд не было. А «молодежь» в комнате Н<иколая> Ал<ексеевича>² заперлась на весь вечер, по словам Наташи, прохотали. Взрослые же сидели и тоже неестественно хохотали, занимая землемера³, живого и жизнерадостного человека лет 27, среднего роста, с круглой головой, белыми отличными зубами, мелкими чертами лица с глубоко посаженными глазками, над которыми нависают густые брови, со шрамом на правой стороне шеи. Он говорит тонким высоким голосом. Говорит много. Знает в округе всех помещиков. Уже женат и скопил за восемь лет денег, на кот<орые> купил себе в Ельце дом с садом. Рассказывал, как его помощника, ехавшего на велосипеде по деревне, собака стащила и чуть не загрызла. Потом, что у Ремера⁴, по слухам, водятся черти. (А Маня⁵ этот дом называет волшебный, в смысле таинственный). И затем как он десяти лет видел черта.

Раз я каталась с Маней и Лилей — удивительно в них отсутствует чувство любознательности. Редко ограниченные девицы, хотя и неглупые, особенно удивляет меня Лиля. Они уже на «ты». 13 августа едут сюда Петя⁶, отец Лили⁷ и Соня⁸.

Вчера Наташе прочла твой «Листопад», она все поняла, и ей очень понравился, — вот и Толстой⁹ должен был бы быть доволен.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 3744 оф. Сохранился один лист письма с пометой «3». Датируется по содержанию.

¹ Михаил Муромцев — родственник В.Н. Муромцевой.

² Н.А. Пушешников.

³ Н.В. Уманец.

⁴ Дмитрий Николаевич Ремер — отставной гвардии полковник, богатый помещик в селе Знаменском в 8–10 верстах от Глотова.

⁵ М.А. Лозинская.

⁶ П.А. Пушешников.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Имеется в виду Л.Н. Толстой.

101. В.Н.Муромцева — И.А.Бунину

Глотово. 9 или 10 августа 1911 г.

Сейчас только что пообедали. Обед теперь проходит без споров. Говорил лишь землемер¹, он все рассказывал, как ему приходилось часто становиться в тупик из-за бестолковости русских людей, объясняющих дорогу: «Говорят, доедешь до ржи, а там прямо; приезжаешь, видишь две дороги и обе под одним и тем же углом. Куда ехать?» и т.д., но всякий раз в подобных случаях он попадал верно, за четверть часа до отхода поезда. Да, я забыла, у него еще темя приплюснуто (острижен он машинкой) и лоб сердечком. Не сердись за болтливость, но ведь я почти все время молчу.

— Вы в Ельце живете? — спрашивает неожиданно Н<иколай> Ал<ексеевич>².

— Да, — отвеч<ает> землемер.

— И оттуда разъезжаете?

Все смеются.

— Да, оттуда, — усмехаясь, гов<орит> землемер.

— А на чем вы ездите, — продолжает свой допрос Н<иколай> Ал<ексеевич>, — на извозчиках?

— Да, то по жел<езной> дороге, то на лошадях, — отвечает землемер удивленным тоном.

Уманец-Адский (как назыв<ает> его Маня³), то пишет романс на слова Андерсен⁴, то носит в мазурке. А эти дни мерит землю.

Ну, пора и кончать, а то ты, пожалуй, и не дочитаешь.

Скромный наблюдатель.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/138 оф. Сохранился один лист письма с пометой «5». Датируется по содержанию.

¹ Н.В. Уманец.

² Н.А. Пушешников.

³ М.Я. Лозинская.

⁴ Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875) — датский прозаик, поэт.

102. В.Н.Муромцева — И.А.Бунину

Глотово. 11 августа 1911 г.

11 августа 1911 г.

Только сегодня в 11 ч. утра получила я твое письмо от 8 августа¹, дорогой, золотой мой Ивчик. Почему оно шло так долго? Не понимаю. Боясь, что ты будешь беспокоиться, что не получаешь от меня писем, я посылаю тебе это письмо к первому же поезду. Я почему-то боялась послать письмо раньше, чем не получу от тебя весточки, — вдруг что случится, и

ты не попадешь к своим друзьям... А уже тебе написаны большие 4 страницы, кот<орые> я не посылаю, ибо там много пустяков, когда приедешь, я прочту тебе. Теперь же сообщу тебе важное: в твоё отсутствие ты получил три письма. Первое — от Марьи Алексеевны²: пишет, что собирает Женю³ в путь. Просит писать, а я адреса не знаю. Спрашивает, где мы будем на зимовье. Письмо в 1 страницу.

Второе — от Белоусова из Крыма⁴. Повторяет о прекращении существования «Наш журнал»⁵. «С конца года буду издавать другой журнал. Голубчик, на тебя надежда — не оставь. Думаю 1 № выпустить в ноябре». Затем несколько слов о жизни на берегу Черного моря и сообщение, что 14 уезжает в Москву, куда и просит писать. «Митрич⁶ в сред<ине> сентября трафит⁷ по Крым<у>». — Адрес: Москва, Соколиная, 22.

Третье, заказное — от М.Ф. Горькой⁸. Обращение: «Милые друзья Ив. Ал. и В.Н.» (сокращения мои). Пишет, что приближается осень, и ей хочется, чтобы мы не изменили плана провести это время в Италии. Кроме того, приезд может быть и не бесплоден: «В русском августе собираются сюда Сыгин, Ладыхников⁹, предполагались всякие интересные разговоры, приедет и Тихонов¹⁰». К<онстантин> П<етрович>¹¹ все там и занимается лишь антикварными приобретениями. «Лично я была бы Вам в высокой степени признательна, И<ван> Ал<ексеевич>, если бы Вы собрались сюда, не откладывая, о многом писать не хочется — не мастерица я <в> этом, кроме всего прочего, а уж как хорошо было, если бы Вы были здесь!» Обещает устроить с удобствами, и т.д. А.М. кончает «Городок Окурков»¹². Здоровье его неважно.

Вот видишь, что. Подумай и немедленно ответь ей. Может быть, на что-нибудь и решишься¹³. Теперь несколько слов о себе. К сожалению, не могу написать слово здорова, но за эту болезнь я получила бы от тебя массу поцелуев и даже могла бы безнаказанно поуродничать. Случилось это сегодня ночью и так, как уже не было года три.

Очень тоскливо мне было лишь первые дня два, особенно по вечерам, когда я одна уходила в поле. Один раз было очень интересное небо. Кругом горизонта чисто, а над головой очень неправильной формы облако, похожее на темно-дымчатый мягкий муслин, сквозь который видны были звезды. Но это продолжалось недолго, и небо стало совсем чистым, это было как раз 8 августа, когда ты выехал в Одессу¹⁴. Я так увлеклась созерцанием неба и собственной тоской, что не заметила, как дошла до крестов¹⁵ по левой дорожке. И жутко бы<ло>, и хорошо! Ты не сердись, что я одна ушла. Но с кем? «Молодежь любит быть по вечерам без старших». Брать же с собой Уманца и скучно, и глупо. А не гулять перед сном опасно: я первый вечер не погуляла, так почти всю ночь не спала.

Два мистических глаза: Марс и Сатурн, а не Альдебаран, последний ниже. Это сообщил мне папа. Папа мне подробно описал о твоём костюме, это мне нравится, а идет к тебе?

И.А. Бунин.
Москва, 1916 г.
(ОГЛИМТ)

Целую тебя крепко. Помни о том, что ты ничего не ел летом кроме цыплят. Поклоны Е<вгению> И<осифовичу>¹⁶, П<етру> А<лександровичу>¹⁷ и другим. Пиши больше.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/42 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² Письмо М.А. Ласкаржевской неизвестно.

³ Е.И. Ласкаржевский.

⁴ См. примеч. 16 к п. 99.

⁵ «Наш журнал» — художественно-литературный и общественно-политический журнал (М., 1910–1911).

⁶ Н.Д. Телешов.

⁷ Графит, т.е. путешествует.

⁸ Имеется в виду Мария Федоровна Андреева (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская, 1868–1953) — гражданская жена А.М. Горького, актриса, общественная деятельница. Письмо ее неизвестно.

⁹ Иван Павлович Ладыжников (1874–1945) — друг и помощник А.М. Горького в его литературно-издательской деятельности, руководитель большевистского издательства за границей (1905–1913 гг.).

¹⁰ Александр Николаевич Тихонов (псевд. Н. Серебров, 1880–1956) — писатель, общественный деятель, издательский работник, редактор; активный помощник А.М. Горького во многих литературно-издательских проектах.

¹¹ К.П. Пятницкий.

¹² Очевидно, речь идет о замысле Горького написать трилогию, роман «Жизнь Матвея Кожемякина» он начинал писать, как продолжение «Городка Окурова».

¹³ Бунин с В.Н. Муромцевой и Н.А. Пушешниковым 21 октября 1911 г. отправился из Петербурга в заграничное путешествие через Германию и Швейцарию на Капри.

¹⁴ Бунин 8 августа 1911 г. выехал из Москвы в Одессу.

¹⁵ Кресты — так назывался перекресток дорог неподалеку от Глотова.

¹⁶ Е.И. Буковецкий.

¹⁷ П.А. Нилус.

103. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотова. 12 августа 1911 г.

Дорогой мой, нахожусь я сейчас в таком состоянии, в каком не была уже года 3, 4: болит голова, и, ты понимаешь? еще кое-где. Спала я 12 ч. тяжелым сном. Вчера была тупа, да и сегодня буду бездарна, но все-таки меня это радует, думаю, что обтирания подействовали.

Вчера выходила лишь на полчаса за сад. Сегодня думаю воздержаться и от этого, ибо «кашель болит».

Вчера у меня довольно долго сидел Пров<инициальный> Монах¹, причина этому была та, что папа написал, что слушал Дидура², ну, захотелось порасспросить. Но папа написал кратко. Пришлось посылать открытку с шестью вопросами. Говорил Пров<инициальный> М<онах>, что ему тоска. «Хорошо куда-нибудь уехать, поедмте в Бутырки³, ведь вы не были там?» — «Была». — «Ну, в Каменку⁴, что ли». Я сначала удивилась, что это он приглашает меня? А не просит лошади, а потом понял. Ведь ему отставка «на два с половиной дня», ведь уже завтра рано утром явится Петя⁵ с Поповыми⁶. Вот колбня пойдет! Ведь Турик⁷ ухаживает за Лилей. Вчера явился в одиннадцатом часу и привез ей пару георгинов. Она, по-видимому, очень польщена, да, кто знает, может, и он нравится ей?! А Коля⁸ «мне очень не нравится»: теперь поет не он, а Арсик⁹ — ни одного звука, и какой-то крик. Я убеждала его отдохнуть с месяц перед Москвой, не указывая на то, что голос его пропал, а просто для того, чтобы осенью быть во всеоружии. Сегодня утром он ограни-

чился игрою в три руки, но надолго ли? Он, по-моему, ненормален. Представь себе, вчера весь день грохотал. Поужинали. Опять слышим — кричит. С<офья> Н<иколаевна>¹⁰ зовет и говорит, чтобы не пел, сердится. Ведь желудок полон, конечно, давит на сердце и т.д. «Нет, я только 2 минуты». Лиля гов<орит>: «Да что ты сделаешь в 2 м<инуты>»? Потом, пропев свои две минуты, пришел пить чай. «Мама, а мама, *завари* мне бром». — «А что, — спрашиваю я, — разве опять сердце?» — «Да». Ну как тебе нравится? Потом мне говорил, что девицы ему надоели, скучны и т.д. и т.д. А сам всякую свободную минуту бежит к ним, теперь даже часто проводит время вдвоем с Лилей*. По-итальянски он не занимается еще. Я вчера пробовала пробудить интерес, говорила, что мы можем осенью съездить с ним в Петербург, он посмотрит море, Эрмитаж, музей Алек<сандра> III. «Итальян<скую> оперу, — добавил он, — остановимся в Сосновке». Но он все-таки, как только ушел от меня, так сейчас же и юркнул к девицам. А там приехал Ильин¹¹, я ушла спать, а они ходили провожать Маню¹². Зовут обедать. Обед ничем не отличился. После обеда я читала час «Notre Dame de Paris»¹³, потом легла, вдруг стук, стук в дверь. «Войдите». — «В<ера> Н<иколаевна>, не хотите ли на пожар пойти». — «Хорошо». На дворе тихота, как гов<орит> Наташа. Бьет набат, мы с Колей тихонько идем по саду через вал мимо дьякона, издали видны оранжевые языки пламени. Навстречу мчится Парик¹⁴: «Это солома глотовская горит». Доходим до дома дьякона. На крышах мужики, у дверей бабы с иконами, на краю обрыва дьякон и семейство, из-за деревьев его сада высовывается Влад<имир> Сем<енович>¹⁵ в растерзанном виде, в каких-то шоколадных войлочных туфлях. Перед глазами оранжево-золотые пламени, местами солома фиолетового тона. Идем дальше. Горит омет на гумне Глотова¹⁶. Когда мы поравнялись, то однотонность огня перешла в целую «гамму» оттенков, были и розово-дымчатые языки, и зелено-золотые пятна, и ярко, и бледно, и оранжев<ые>, и желт<ые> и т. под. Когда мы вышли за каменную ограду, то увидели, что кроме омета и хоботьев горит молотилка, стоящая 2500 р. Народу было мало. В кучке стояли несколько растрепанных девиц, проливающих слезы, затем несколько мужчин во главе с винокуром¹⁷, кот<орый> с радостным видом рассказывал, что он первый увидел, стоя на крыльце: «Ребята, да никак пожар». Раз десять повторял он эту фразу. «Прибежали мы первые, хотим молотилку отодвинуть, а каната нет, побежали за канатом. Принесли, а она уж вся загорелась». Несколько человек заливали хоботье, впрочем, тебе писать об этом не нужно. Конечно, на пожаре была Маня, прибежала и Лиля, явился опять и Парик, прошел, медленно шагая, с палочкой, твой любимец–монопольщик¹⁸ со своей серебряной бородкой. Постояли, постояли, я и говорю: «Пойдемте-ка к Таганку¹⁹». Отправились. Подошли к избе, спрашиваем: «Где Таганок». — «Да вон он с иконой стоял». Подошли к его избе, икона стоит, а Таганка нет. Подошел сын²⁰ и, узнав в чем дело, повел нас на свое гумно, где был Таг<анок>. Мельком я видела его «дом». Не знаю, был ли ты на их гумне? Оно у них очень уютное, за скирдом на соломе сидел Таганок, весь в белом, и обувал ногу. Рубашка на нем очень грязная, штаны на левом колене продрались, и я увидела его красно-синее тело, показавшееся мне в первую минуту, что это нечто среднее между раной и болячкой. Он нисколько не удивился нашему приходу. Мы сели на солому, в это время выглянуло солнце. Мы заговорили. Он довольно много говорил, но опять о старом, о пожаре сказал лишь, что гораздо лучше, если сгорит дом, чем солома и хоботье, ибо бедной скотине нечего больше есть. В этом поддержал его и сын. Затем он все говорил о прежних господах. Сравнивал «прежнее житье и настоящее». Прежнее лучше было. Скотина вся вместе паслась с господской, прежде возьмут хлеба и вернут такой же величины, а теперь вешают, скоро солому бу-

дут брать на вес, говорил он, возмущаяся. Мы посидели, обещали принести гостинец и ушли. Когда мы проходили мимо избы старухи, знаешь, одной, она выскочила и, плача, стала говорить, что ей жаль очень барыню, она ведь мне уже две зимы подряд воз соломы давала. Но говорить неприятно с ней, ибо она все жалуется, Таганок — наоборот, Коля спросил его, не хочет ли он ветчинки, чтобы мы принесли, он ответил, что теперь пост, да и у них своя есть.

Но я была удивлена, что ей уже 80 лет, я думала, самое большее 50 лет.

Не сердись за обширное письмо, я сегодня не работаю — тяжела голова, а потому не относись строго к написанному. Больше простынь присылать не буду.

Сейчас вечер, «молодежь» ушла гулять, я сижу одна, развлекаясь ударами маятника. Сейчас почитаю, выйду за сад, да и спать.

Вот жаль *Монну Лизу*²¹! Мне кажется, что я могла бы только написать тебе.

Скромный наблюдатель.

Ал. Ив.²² взял доверенность, но когда он показал ее на почте, то ее назад ему не отдали. Я очень рассердилась и велела на другой день Ал. Ив. взять ее оттуда, но почтмейстер сказал, что она уже отослана куда-то. Что теперь делать? Не знаю.

Таким образом, по ней получилось одно лишь письмо от М<арии> Ф<едоровны>²³ с Капри²⁴. Одна повестка, подписанная тобой, нашлась здесь. Советую достать несколько в Одессе и прислать их сюда, мне, подписанные.

Почтарь гов<орил> Ал. Ив., что ты напрасно не заехал на почту и не посоветовался с ними. Понимаешь? Меня вчера это очень расстроило, а сегодня я думаю, что ты придумаешь, как выйти из этого положения.

* Я неожиданно зашла, Лилия положила руку на его плечо, а он наклонился к ней. А еще человек с худож<ественным> вкусом!

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/167 оф. Конверт от этого письма см. при письме 114 (№ 2959/43) от 29 августа 1911. Датируется по содержанию.

¹ Н.А. Пушешников.

² Адам Дидур (1874–1946) — польский оперный певец (бас), вокальный педагог; В 1909–1910 гг. пел в Большом театре в Москве.

³ В хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии было имение родителей Бунина; сюда семья Буниных переехала из Воронежа летом 1874 г.; продано весной 1883 г. (*Летопись (I)*). С. 14–15).

⁴ При селе Каменка располагалось родовое имение Буниных, принадлежавшее Н.Н. Бунину, брату А.Н. Бунина. В Каменке жила родная сестра отца писателя Варвара Николаевна Бунина — прообраз тети Тони в повести «Суходол».

⁵ П.А. Пушешников.

⁶ Неустановленные лица.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Н.А. Пушешников.

⁹ А.Н. Бибиков.

¹⁰ С.Н. Пушешникова.

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² М.Я. Лозинская.

¹³ Роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831).

¹⁴ Н.В. Уманец.

¹⁵ В.С. Муромцев.

¹⁶ Глотовы — помещики, владельцы одной из усадеб в селе Глотово.

¹⁷ Отто Карлович Туббе — винокур, работавший на заводе помещиков Бахтеяровых.

¹⁸ Возможно, Филипп Лозинский — лавочник.

¹⁹ Таганок — домашнее прозвище крестьянина Филиппа Федоровича Дёмкина, который явился прототипом главного героя рассказа Бунина «Древний человек».

²⁰ Стефан Филиппович Дёмкин — сын Ф.Ф. Дёмкина.

²¹ Газета «Русское слово» (1911. 10 августа. № 183. С. 3) в анонимной заметке «Похищение “Джиоконды”» извещала: «Париж. “Temps” сообщает, что знаменитая картина Леонардо да Винчи “Gioconda” похищена из Луврского музея. <...> Похищение “Джиоконды” производит на парижан потрясающее впечатление. По общему мнению, кража совершена в ночь на сегодня. Все розыски до сих пор не привели ни к чему». Картина Леонардо да Винчи «Джоконда» была обнаружена и возвращена в Лувр лишь через два с половиной года — в декабре 1913 г.

²² Неустановленное лицо.

²³ М.Ф. Андреева.

²⁴ См. п. 102.

104. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 14–15 августа 1911 г.

14 августа.

Сегодня 14 августа, а от тебя из Одессы я не получила ни одного письма. Неужели у тебя не было потребности уйти на час в свою комнату и написать, как доехал, как устроился?! Ну, да все равно, не из-за этого пишу тебе. Очень прошу: напиши Шиповникам и спроси, *когда* они думают, хотя приблизительно, начать печатать мой перевод¹, и вышло ли изд<ание> Канар С.В.² Пошли письмо заказным, приложи на ответ две марки, одним словом, заставь их написать. Напиши, что я волнуюсь, ну, да ты сам знаешь лучше меня, что сделать.

(Опять заперли собаку, и на нервы действует ее вытье).

В «Р<усском> слове» сегодня статья Измайлова, между прочим, о трех новых книгах Мопассана³. Перевод хвалит. Из этого я заключаю, что, может быть, они еще не кончили с Ги и до меня доберутся не скоро. Хорошо бы все выяснить.

Сегодня пришло письмо от М<арии> Ал<ексеевны>⁴ на имя С<офьи> Н<иколаевны>⁵, а обращено к тебе. Пишет, что денег нет, а большая необходимость, и просит съездить к Прокошке⁶ и сказать ему, что<бы> он 16 приехал в Ефремов, где она будет в то время.

Едем мы сегодня с Колей⁷ в Каменку, ибо «и полная свобода ей при дворе дана»⁸. Петя⁹ приехал, приехал и Миша¹⁰, они по дням охотятся, а по вечерам — с барышнями. Я их почти не вижу.

Вчера мы опять были у Таганка¹¹. Он поразил меня сходством с Толстым¹². Вчера он был очень чистеньким, он вымылся, причесался, ибо собирался сегодня в церковь. Много говорил. Хвалил прежнее время, «предовольствия было больше».

Да, Ласкаржевские сняли квартиру в доме Кижитца¹³ по контракту за 14 р. в месяц.

Поклон твоим друзьям. Не хочу отвлекать тебя от них, а потому кончаю.

Вера.

Сейчас кипит спор между Мишей и Париком¹⁴ уже часа два о каком-то директоре корпуса. Парик — как щенок в соломе путняется, а Миша высказывает подчас несимпатичные взгляды, все-таки корпус сказывается.

Были в Каменке¹⁵. Обошли все кругом, где текла мирная, а потом беспокойная жизнь Суходола. На том месте, где был знаменитый сад, теперь коричнево-фиолетовое просо,

да две-три яблони. Коля очень растреузился, все постарели, многие уже умерли — на возвратном пути он напевал все: «Нет уже тех селений». Да, исчезла Каменка с лица земли, осталась только по ней память в «Суходоле»¹⁶!

Ложусь спать. Я с Наташей погуляла немного. На сев<ерной> стороне неба два пожара. Готовский омет III день полыхает.

Ну, целую тебя, дорогой мой. Ты, должно быть сегодня весело провел день — ведь и летом, кажется, продолжают «недоступные воскресенья» у Е<вгения> И<осифовича>¹⁷.

Думаю, с завтрашнего дня возобновить усиленные занятия, прерванные моей «болезней», от которой я оправилась.

Спи спокойно.

Как твоё здоровье? Беспокоят твои кишки.

Твой Верун.

15 августа. 10 ч. утра.

Сейчас, Ненаглядьш, получила открытку, написанную 10 августа¹⁸. 5 дней шла она от тебя ко мне! Впрочем, штемпель Одесский — 12, следовательно, или ты протаскал его в кармане, или же письмо с Фонтана в Одессу идет два дня, имей это в виду.

Получила сейчас и письмецо от 11 авгу<ста>¹⁹, то, помеченное в Одессе 12-ым августом.

Опять появились мухи. Дни стоят погожие. Собака доводит меня до бешенства.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/172 оф. Год определен по содержанию.

¹ Речь идет о переводе В.Н. Муромцевой романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание», который вышел отдельным томом в 1915 г. в составе Собрания сочинений Г. Флобера, выпускаемого петербургским издательством «Шиповник».

² Неустановленное лицо.

³ В статье литературного критика, поэта и прозаика Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) «Новые книги» в газете «Русское слово» (1911. 13 августа. № 186. С. 2) говорится: «“Шиповник” издал три новые томика Мопассана. Издание это, без сомнения, пока лучшее в России». Речь идет о Полном собрании сочинений Г. де Мопассана (СПб.: Шиповник, 1909–1912).

⁴ Письмо М.А. Ласкаржевской неизвестно.

⁵ С.Н. Пушешникова.

⁶ У М.А. Ласкаржевской была рента с земли, сдаваемой в аренду. От мужика Прокошки она регулярно получала за нее деньги.

⁷ Н.А. Пушешников.

⁸ Слова из романа М.П. Мусоргского «Блоха» на слова И.В. Гёте.

⁹ П.А. Пушешников.

¹⁰ М. Муромцев.

¹¹ Ф.Ф. Дёмкин.

¹² Л.Н. Толстой.

¹³ Место жительства семьи Ласкаржевских установить не удалось.

¹⁴ Землемер Н.В. Уманец.

¹⁵ См. примеч. 4 к п. 103.

¹⁶ Повесть Бунина «Суходол».

¹⁷ Имеются в виду еженедельные воскресные собрания художников, писателей, артистов и других представителей одесской творческой интеллигенции в доме Е.И. Буковецкого в Одессе; женщины на эти собрания допускались редко.

¹⁸ Открытка неизвестна.

¹⁹ Письмо неизвестно.

105. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 15 августа 1911 г.

15 а.

Дорогой мой дружок, половина одиннадцатого. Весь дом пуст: С<офья> Н<иколаевна>¹ с Париком² где-то азарту предаются. Коля³ — на омете с девицами — тонким ощущениям. Я только что вернулась с прогулки, мы с Наташей дошли почти что до Крестов. Не сердись, что я так много трачу марок и бумаги, да уж очень тоскливо. Ведь я положительно сегодня почти ни с кем не говорила, даже кататься ездила одна. Не беспокойся, это было днем, и это доставило мне массу наслаждений, опять явилась давно забытая печаль: «зачем я — женщина», а то бы мне и горя мало, заливалась бы в поля, таинственные лога, а теперь все-таки страшновато, приходится по проторенной дорожке таскаться. Поехала же я все-таки одна из-за Коли. Часа в три он зашел ко мне, и мы сговорились поехать кататься, и сам назначил в пять часов.

— А как же пение, — спросила я.

— Сегодня я петь не буду.

— Может, вы не хотите? А то я одна поеду.

— Нет, нет, я с удовольствием, что это Вы, как Иван Алекс...

— Ну, хорошо, хорошо.

Я скорей села на два часа переписывать на машинке. В пять часов он входит.

— Ну что, поедете? — спрашивает он.

— Ну, конечно. А что, разве вы не хотите.

— Нет, день плохой.

— Ну, как хотите.

— А вы поедете.

— Поеду.

— С кем.

— Одна.

— Ну, я пойду, скажу, чтоб Вам запрягали.

— Пожалуйста.

Я продолжала дописывать страницу.

Пришла Клаша, я переделалась. Взяла кнут. На крыльце сидели С<офья> Н<иколаевна> и разряженная Лиля, ей Петя⁴ привез еще платье. (А сегодня она с Уманцом ходила в остров перед ужином в громадной шляпе).

— Вы что, одна, — спросила С<офья> Н<иколаевна>.

— Одна, — ответила я и помчалась.

**В.Н. Муромцева, М.А. Ласкаржевская,
Н.А. Пушеников, С.Н. Пушеникова,
Коля Ласкаржевский.**

Глотово, 14 августа 1915 г.
(ОГЛИМТ)

День, наоборот, был чудесный. Розоватые жнивья блестели вдаль. На горизонте было мутно-фиолетово. На небе было много намазанных облаков и одинокая тучка, но чувствовалось, что погода будет хорошая. Ехала, все думала о тебе, временами отдавалась совершенно чувству «наслаждения природой», одиночеству, запаху ржи и тишине, удивительной осенней тишине! В лесу началась позолота. Как бы мне хотелось кратко описать все, что я чувствовала и видела, да боюсь, не умею, да это, я думаю, было бы под силу лишь тебе. Например, как передать впечатление от птиц, сидящих на жнивье и при приближении они стаей вспархивают... да и многое, многое другое. К ужину я была дома. Вхожу, слышу: грохочет. Оказывается, уже с час. Сели за ужин. Коля говорит, что есть ему не хочется. Он уже третий день перед обедом говорит, что у него нет аппетита, и все спрашивает у С<офьи> Н<иколаевны> «нет ли для вкусных ощущений», и, конечно, получает отпор. За ужином он то садился, то вскакивал, то грохотал, входил, уходил, «что же вы за ним не смотрите?»

Вечером я сидела и читала твои стихи. И я как-то поняла многое. Почему ты в жизни со мной сух: слишком, должно быть, ты много переживаешь, как поэт, ну, да ты не любишь эти темы. Издали доносились звуки похоронного марша, отрывки из Лунной сонаты⁵, словом, знакомый тебе репертуар. Растрегузило все это меня и лишало возможности по-итальянски заниматься (*tre giorni ho oscurato le due ore*⁶). Потом завыли опять собаки. Я пошла к Коле. Вхожу. Маня⁷ лежит на его постели, одеяло смято, ее лицо на простыне, как ей не противно: ведь *что лежит* на этом самом месте?! Они сконфузились. Они думали, что это Лиля. Поговорили минут 5 о собаках. Они вышли. Вообще я поражена их поведением.

Оказывается, по словам Коли, они его тащут на омет.

— Да зачем вы идете, если вам не хочется?

— Да я обещал.

— Да вы и мне обещали.

— Да, не поехали.

— Да, тут неудобно.

— Чего же неудобнее меня одну в поле отпустить.

— Нет, уж сегодня в последний раз.

— Да как вам не стыдно, — говорю я, — ну хочется, идите, зачем же все сваливать на них.

Он стал говорить, что ему ужасно все надоело. Я говорю: «Ну, поезжайте куда-нибудь».

— Да я и думаю поехать на Воргол⁸.

— Да это все лучше, там хоть околесину прут, а здесь совершенно жуть...

Да что говорить. Мне кажется, нехорошо все это. Полнейшее отсутствие воли. 10 раз в день меняются его желания, намерения и т.д. Мне прямо тяжело на него смотреть. Да и занимается он это время маловато. Сегодня перевел 3 стр<аницы>, так бубнил об этом раз 5, 6, совершенно младенец.

Меня сегодня ночью охватило сильное беспокойство, я жалела даже, что под рукой не было валерианки. Уж не чувствовал ли ты себя нехорошо? Почему ты не написал, как ты устроился, какая у тебя комната и т.д. и т.д.? Я уже с первых дней жалела, что не навязала тебе зимовку. Как же ты отделился, а то купи черного коленкора да повесь.

Представь, собаку до сих пор не увели, если я повешусь, то не удивляйся! Вчера вечером я гов<орила> С<офье> Н<иколаевне> и никакого результата, она говорит, что это П<етр> Ник<олаевич>⁹. Вчера я отдала ей 30 руб. Она попросила «взаймы» десять — Петю проводить и сегодня она едет в Елец, ну, я и поняла, в чем дело.

Коля прочел твое письмо и сказал, и, пожалуй, Судорожный¹⁰ развлекается там. Я говорю: «Не думаю». — «Почему?» — «Верен», — смеясь, отвечаю ему. — «Ну, какой мужчина может быть верен, когда нет около». Он, кажется, хочет поддразнивать меня этим: «Нашел петух жемчужное зерно»¹¹.

Сегодня я проснулась в 7 ч<асов>. Без четверти 8 я сидела уже за переводом. День погожий. Легкий ветерок. «Я очень, очень рад». «Я выбрал бы другую, когда бы был как ты почти»¹², но голос звучит плохо, но я уж молчу.

Лиля совершенно распетлялась: я никогда не видала, чтоб так откровенно и бесстыдно подчеркивали, что нужно лишь «щекоточное». Уж не говорю, что за все время они ни разу не предложили и не позвали меня погулять, но третьего дня пошли гулять Петя, Миша и девичьи. Потом вышли и мы с Пров<инциальным> Монахом¹³. Видим, к крыльцу подъехал Тупик, это был уже одиннадцатый час. Потом мы сидели на омете, другом, около сада. Вдруг слышим голос Лили и шум дрожек, и мимо нас проехал Тупик. Мы удивились. Я подумала, что они все простились с Тупиком и пошли в сад. Приходим домой, видим, Миша уже спит. Следовательно, он заметил, что «лишний», и ушел спать. И куда они заливались ночью — «знает только рожь высокая»¹⁴. Но “chaque vilaine trouve son vilain”¹⁵.

Вчера из статьи Измайлова я узнала, что Чеботаревская¹⁶ издала книгу с крит<ически>ми> статьями о Сологубе, и все хвалебные¹⁷. Как тебе нравится!..

Крепко, мой золотой, целую тебя. Пиши почаще. Все-таки веселей, когда получу письмо.

Целую крепко. Если бы у меня было больше времени, я писала бы тебе более обстоятельно и отделано, а то работа, работа.

Крепко целую и очень люблю. Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/152 оф. Год установлен по содержанию.

¹ С.Н. Пушешникова.

² Домашнее прозвище землемера Н.В. Уманца.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ П.А. Пушешников.

⁵ Очевидно, имеется в виду Похоронный марш польского композитора и пианиста-виртуоза Фредерика Франсуа Шопена (1810–1849), третья часть сонаты № 2 (ор. 35), а также соната № 14 «Лунная» Л. ван Бетховена.

⁶ три дня я занята два часа (*итал.*). Не совсем грамотно составленная на итальянском языке фраза, В.Н. Муромцева хотела сказать, что последние три дня она занималась по два часа в день.

⁷ М.Я. Лозинская.

⁸ Воргол — река в Елецком уезде Орловской губ. Село Воргол — по названию реки. Именно там находилось имение Бибиковых.

⁹ П.Н. Бунин.

¹⁰ Домашнее прозвище И. Бунина.

¹¹ Строка из басни И.А. Крылова «Петух и жемчужное зерно» (1809).

¹² Слова арии из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» (1877–1878, либретто К.С. Шилловского по одноименному роману в стихах А.С. Пушкина).

¹³ Н.А. Пушешников.

¹⁴ Строка из стихотворения Н.А. Некрасова «Коробейники» (1861).

¹⁵ Каждая уродина находит себе уroda (*фр.*).

¹⁶ Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876–1921) — писательница, переводчица, драматург, жена Ф. Сологуба.

¹⁷ Речь идет о книге: О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / Предисл. А. Чеботаревской. СПб., 1911. В статье А. Измайлова «Новые книги» в газете «Русское слово» (1911. 13 августа. № 186. С. 2) говорится: «А. Чеботаревская издала книгу “О Федоре Сологубе”. Это — свод критических статей о писателе, насчет кото-

рого читателю наиболее нужны подсказки критики. Отрицательные мнения удалены из сборника. Может быть, это придаст книге несколько односторонний характер и подчас переводит ее почти в панегирик».

106. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 16 августа 1911 г.

16 августа.

Погода отличная, иду на час в сад. Не забыл ли ты о наших лонг-шезах¹? Сегодня письма от тебя нет. Чувствую себя хорошо. Сегодня было «для вкусовых ощущений» и у Н.В.², и у Коли³. Сейчас идут за С<офьей> Н<иколаевной>⁴.

Весь дом спит.

Поклон твоим друзьям.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/51 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Одесса. Большой Фонтан. 13 станция трамвая, д. Климовича. Е.И. Буковецкому для Ив.А. Бунина»; почт. шт.: «Грязи-Орел, 16.8.11»; «Большой Фонтан, 18.8.11». Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Шезлонг: от *фр.* chaise longue — буквально: длинный стул.

² Возможно, Н.В. Уманец.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ С.Н. Пушешникова.

107. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 17–18 августа 1911 г.

17 августа.

Дорогой мой, только сегодня получила от тебя письмо от 13 авг<уста>¹. Обрадовалась ему донельзя. Даже все кругом стало как будто веселее. Впрочем, два последние дня я чувствую себя много лучше. Погода — самая твоя любимая. Тихо, ясно, тепло, гудит молотилка, только паутинок еще нет. Вчера мы с Колей² ездили очень далеко кататься. Была я, наконец, в Подмалиновом³, хорошая, ничего. Выгон, мальвы разноцветные в палисаднике, хорошо! Поехала я из-за Коли, ибо он был в своей «тоске», я писала, каков он был те дни, много говорила с ним и, кажется, очаж, сегодня за обедом был такой веселый, каким я его никогда не видала, все пел: «Пастушок, пастушок, милый, славный пастушок». Да и занимался он сегодня порядочно.

Вчера вечером после обеда я отправилась погулять, мне почему-то захотелось пойти на кладбище. Дорога к нему, как повернешь от Лозинского⁴ сада налево, удивительно стала уютной: с одной стороны — конопля, а с другой — скирды хлеба, между которыми дорога, только что проложенная, пахло чудесно соломой и «ситно». Когда я пришла на кладбище, солнце уже село, и на горизонте оставалась лишь розово-красная полоса. Рог месяца понемногу начал золотиться и около него показался Юпитер. Мне почему-то вспомнился Египет, Гелуан⁵, Пустыня, может быть, по той тишине, которая вчера была разлита повсюду. Сначала впала в меланхолию, в которую так часто впадает Паул Лоти⁶, а потом развеялась, и знаешь почему? Вспомнила:

«Первая четверть — месяц змейка,
Вторая четверть — месяц лик,
Третья четверть — примечай-ка,
Не луна, а сам старик»⁷.

Вот какая бессмысленность, какое убожество, я как-то особенно поняла это вчера.

Потом еще немного погуляла по полю. На возвратном пути встретила трио, «контрабас»⁸ со мной остановился, мы посидели с полчаса на соломе, затем я пошла домой, а он к своим девицам. Перед сном почитала Успенского, очень мне нравится. Я читаю «Растеряевскую улицу»⁹, по-моему, он прямо какой-то фокусник, почти не выписывает фигуры, а видишь их, «нет, не все выдохлось». «108» прочла, в печати, по-моему, рассказ выиграл¹⁰. Нам с Колей пока удалось скрыть его от Готовской публики, боюсь, что Парик пойдет к дьяконову сыну, а тот ему даст прочесть. Таганку мы отнесли штаны и рубашку, Наташа говорит, он очень доволен.

Сижу я много, но что делать и работы много и гулять не с кем. Слава Богу, катаюсь ежедневно. Завтра еду в Предтечево: везу Наташу к земскому утверждаться в правах наследства. Она вместо «письмоводитель» говорит «присмоводитель». Да и к Муромцевым¹¹ заеду, а то я у них сто лет не была.

Занимаюсь я так: переписываю на машинке первую часть. И перевожу I главу III части¹². Сегодня наткнулась на страницу, которая не появлялась на русском языке, как сядились пролетарии на трон, как он был выброшен из окошка в сад, откуда его понесли на площадь Бастилии и сожгли. Может, за эту страницу конфискуют книгу? Кроме того, я читаю, вернее, сверяю «Notre Dame de Paris» с русским переводом¹³, а из русских — Успенского, итальянским занимаюсь немного, Коля — и совсем нет, а ты? В минуты грусти беру «поэта утра любви»¹⁴.

Сейчас без четверти 11 часов, ложусь спать, мысленно целую тебя.

Почему ты живешь «так себе»? Что ты читаешь?

Да, сегодня, когда мы с Колей ездили после ужина кататься, вдруг слышим, нас обгоняет тройка (мы ездили по Измалковой дороге, и я думала: «Вот и Кустик смотрит на заходящий месяц»), поравнялись, «Здрасте», — голос Петра¹⁵, он в шапочке с перьями, безрукавке, должно быть, горд, для этого и поздоровался, чтоб обратить на себя внимание.

18 августа.

Проснулась рано. Погожий, чудесный день, на небе ни облачка, на клене несколько золотых листочков, гудит молотилка. До девяти позанимаюсь — и в Предтечево.

Вчера получила от папы письмо¹⁶. Он подробно описал насчет Дидура, а письмо кончил так: «В рассказе Ив<ана> Ал<ексеевича> “108” про одного говорится: “Похож на Мефистофеля, но человек приятный”. Это можно сказать про Дидура, когда он выходит на вызов и раскланивается».

Сева¹⁷ за июль получил более 1000 рублей, «но куда они пошли — дело темное». Сейчас у него жаба, он переменял квартиру, живет на Новинском бульваре, а Митя¹⁸ — на Патриарших прудах. Павлик¹⁹ уже вернулся, мама приезжает после 20 авг. Она очень довольна летом: «Никогда в жизни не проводила так хорошо». Все время была здорова.

Сейчас еду. Но все-таки час и 20 минут проработала — переписывала на машинке. Как бы мне хотелось все переделать. Коля прав, говоря, что у нас чувствуется перевод, а нужно, конечно, так переводить, чтобы казался он просто романом, но для нас, я думаю, это не под силу. Мне думается, через неделю я перепишу I часть до конца. Перечитаю его внимательно и дам на твое усмотрение.

Купаешься ли ты? Был ли у доктора?
 Целую своего Любимчика, которому подарили «мателицы на шаровары».
 Кланяюсь... Верун. Секрет.
 Писем на твое имя пока нет.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/182 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Н.А. Пушешников.

³ Подмалиново — другое название Лутовиново — деревня Бредихинской волости Новосильского уезда Тульской губернии.

⁴ Ф. Лозинский — владелец лавки за селом Глотова.

⁵ В.Н. Муромцева вспоминает совместную с Буниным заграничную поездку, длившуюся с 15 декабря 1910 г. по 6 апреля 1911 г.; они посетили Константинополь, Бейрут, Порт-Саид, Каир, Гелуан, Луксор, Асуан, Фивы, Исмаилию, Джибути, Коломбо, Канди, Нурилью, Анурадхапуру (*Летопись* (2). С. 74–97).

⁶ Имеется в виду Пьер Лоти (наст. имя и фам. Луи Мари Жюльен Вио, 1850–1923) — французский писатель, морской офицер.

⁷ Неточная цитата из стихотворения С.М. Городецкого «В лунном свете белый дворик...» (1906). У Городецкого: «Первая четверть — месяц-змейка, / Снова четверть — месяц-лик. / Полнолуние — разумеи-ка! — / Не Луна, а сам Старик». Как раз в Гелуане 23 января / 5 февраля 1911 г. Бунин дописал запрошенный Императорской Санкт-Петербургской академией наук отзыв на стихи С.М. Городецкого, представившего свои сочинения на соискание премии имени А.С. Пушкина. В отзыве Бунин привел и это четверостишие, добавив: «Это говорится, вероятно, от лица какого-нибудь юродивого, думаю я, не придавая большого значения тому, что луна и старик написаны с большой буквы, — ведь уж таков обычай теперь, но, перечитав стихотворение, вижу, что ошибся: нет, автор говорит от своего лица — и оказывается, что эта прибаутка заканчивает высокопарнейшие вирши цикла “Луна”» (*ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 342).

⁸ Домашнее прозвище Н.А. Пушешникова.

⁹ Имеется в виду серия очерков Глеба Ивановича Успенского (1843–1902) «Нравы Растеряевой улицы» (1866).

¹⁰ Рассказ Бунина «Сто восемь» (позднее озаглавленный «Древний человек») впервые был напечатан в московской газете «Русское слово» (1911. 14 августа. № 187. С. 3–4).

¹¹ В Предтечево (село в Елецком уезде, неподалеку от Глотова) жил В.С. Муромцев с семьей.

¹² Речь идет о переводе романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

¹³ Роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831) вышел на русском языке (вероятно, в переводе Ю.П. Померанцевой) отдельным изданием в 1874 г.

¹⁴ Имеются в виду стихотворения Бунина. См. п. 81. Почему так называла его В.Н. Муромцева, не установлено.

¹⁵ П.Н. Бунин.

¹⁶ Письмо неизвестно.

¹⁷ В.С.Н. Муромцев.

¹⁸ Д.Н. Муромцев.

¹⁹ П.Н. Муромцев.

108. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотова. 19 августа 1911 г.

Дорогой мой, получила вчера твое длинное письмо¹, порадовало оно меня сильно, хотя и бранишь за поспешность моих посланий. Но что делать? Время мало, а хочется сказать много-много. В некотором роде, на свободе, ведь никто не скажет: «ну, ступай отседова». А мне самой хотелось бы писать так, как говорит Шопенгауэр², т.е., что нужно только такую фразу оставлять на бумаге, которую вполне считаешь хорошей. Но для

этого нужно еще много-много работать и над стилем, и над собой, последнее, может, даже и важнее.

Я ужасно боюсь, что ты из-за меня сократишь срок своего пребывания у Буковецкого. Не делай этого, ибо я чувствую себя прекрасно. Я переменяла режим. Встаю в шесть, катаюсь и гуляю перед ужином, а вечером не выхожу, таким образом, вопрос о вечерних прогулках падает сам собой, а днем гулять не страшно. Везде кипит работа. Иногда я останавливаюсь и разговариваю с бабами, мужиками. Я даже рада, что живу одна в деревне, я яснее чувствую «ее пульс». Да и бывать одной очень полезно, начинаешь чаще думать о «божеском».

Вчера я была в Предтечеве. Отвозила Наташу в волость. Сначала хотела послушать, как там разбирает дела земский, может, увидела бы что достойное для «кисти Айвазовского»³, но затем раздумала. Не с кем было оставить лошадь, еще какое-нибудь замечание получила бы от земского, кто его знает. Запомнился мне лишь один человек. Когда мы подъехали, земского еще не было, и публика сидела на каменных ступеньках крыльца или стояла около. Так вот, между ними выделялся один человек, совсем непохожий на мужика. Худой, среднего роста с очень испитым и малокровным лицом, с бородкой в виде пакли, в очень засаленной, но фетровой шляпе с высокой тульей и небольшими полями, и в довершение — с завязанными зубами, думается, что это — ходатай. Представляешь?

«Потомусто» не было дома. Он уехал в гости, несмотря на то, что нужно было какое-то сено свозить. Без себя не позволил, а отменить поездку не захотел, ибо не любит нарушать расписание. На этот раз не повезло: сегодня погода весь день капризничала, точно красивая женщина, как мне говорил о погоде в Палермо какой-то портъе. Вл<адимир> Сем<енович>⁴, оказывается, нас протаскивает, что мы за полгода не знаем, что будем делать. С Ньюсей⁵ мы наконец увиделись. Она почти всю зиму проживает в деревне, ибо ей надо готовить к корпусу племянника.

Сегодня за обедом кипел спор. Парик⁶ кричал, тряся руками и подскакивая довольно высоко: «Мне противны все люди, сидящие в своих клеточках и думающие об рублях и пишущие никому не нужные вещи. Ненавижу людей гордых, ломающихся, потому что у всех внутри бог знает какая грязь» и т.д. и т.д. Мы под конец так хохотали, что у меня заболели корни волос, а П<етр> Н<иколаевич>⁷ чуть не захлебнулся чаем. Спор продолжался 2 ч. и чего-чего не было затронуто. «Он и плевал на всех» и говорил, что через 5 лет мы услышим о режиссере Уманце. Нет, только стенограф мог бы записать все, что было сказано, и только химический анализ крови мог бы указать, сколько желчи разлилось в нем сегодня.

А Кретин⁸ запускается: похоронный марш раздается. Он сегодня окончательно решил не заниматься по-итальянски. «Не буду до Ив<ана> Ал<ексеевича> или до Москвы». — «Ведь вы забудете все, что выучили», — робко говорю я. — «Небось повторю, вспомню».

Клевер⁹ хорош, он ожил и кроме перевода читает лишь «Войну и мир»¹⁰. Come sta <i>il tuo amico Niluss e come sta <i>il tuo amico Bucovezky? Mi rincresce molto <per> Mitroffanoc. Oggi mi levai alle sei del mattino e alle dieci della sera io vado a dormire, perché sono molto uстала.

Scrivimi come passate i giorni della settimana. Mio caro arbusto!¹¹ Целую крепко. А то, что ты все спать хочешь, это от соленых ванн. Берись, Ненаглядьш мой. Твой покинутый Любимчик.

19 августа
1911 года.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/41 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² У Артура Шопенгауэра (1788–1860) в «Paralipomena» (глава XXIII. О писательстве и стиле) есть высказывание: «Выдающийся ум составляет каждую фразу лишь однажды, для особого насущного случая» (*Шопенгауэр А.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2001. Т. 5. С. 403).

³ Слова «Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского» произносит Телегин в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня»; данная фраза часто употребляется в современной разговорной речи в ироническом смысле. Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) — художник-маринист, баталист, коллекционер, меценат.

⁴ В.С. Муромцев.

⁵ А.В. Муромцева.

⁶ Домашнее прозвище землемера Н.В. Уманца.

⁷ П.Н. Бунин.

⁸ Домашнее прозвище Н.А. Пушешникова.

⁹ Возможно, домашнее прозвище Н.А. Пушешникова.

¹⁰ Роман Л.Н. Толстого «Война и мир».

¹¹ Как поживает твой друг Нилус и как поживает твой друг Буковецкий? Мне очень жаль Митрофаныха <А.М. Федоров>. Сегодня я встала в шесть утра и в десять вечера я иду спать, потому что очень устала. / Напиши мне, как вы проводите дни недели. Мой дорогой кустик! (*итал.*, допущенные в итальянском тексте орфографические ошибки исправлены).

109. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 20 августа 1911 г.

20 августа.

Только что получила твое письмо от 17 августа¹, где ты беспокоился и сердился, мой дорогой Глупыш! Не стыдно тебе? то говорил всегда: «Ты свистнешь — я смысю», а то и не понял, что я подразумевала под «кашель болит». Ведь я писала же тебе в предыдущем письме о своем «нездоровье», т.е. о регулах, и, чтобы показать, что они у меня настоящие, я и описала тебе, что, как всегда бывает, и более продолжительный сон и боли, ты знаешь ведь. Ты же Бог знает, что подумал. Мне это очень неприятно, надеюсь, что ты успокоился. Новый режим на меня действует хорошо: настроение ровное, ничто не «возмущает», смотрю на все, как будто сижу в театре. Ты пишешь, чтобы я писала тебе каждый день, «лучше меньше, да почаше». Но я и так пишу почти ежедневно, но вот поменьше, это труднее. Ведь письма к тебе — это только за ними «я душой отдыхаю». А после того, как получу от тебя письмо, я волнуюсь почти что так же, как волновалась года четыре с половиной тому назад и, хотя Коля² и говорит, что, по его мнению, в наших с тобой отношениях ничего не осталось из «прежнего», но я думаю, что он не прав. Он как раз поет сейчас: «Послушай, Ленский, ты не прав, ты не прав»³.

Сегодня день опять чудесный. Особенно хорошо было утро. Я встала в седьмом часу, растворила окно, пахло дымом и свежестью, совсем осенней, а на деревьях необыкновенно красиво блестели капельки росы. В семь часов я уже сидела за письменным столом. Поправляла то место, которое я переводила в Измаилии⁴. И как я живо и ясно все вижу, что было там, и вне меня, и во мне. Мне кажется, я могла бы очень подробно все записать.

Пение уже кончилось, а началось оно позднее, чем это письмо!

Да, писала ли я, что Катька Лопати⁵ родила сына Владимира. Перед родами за две недели у нее отнимались ноги.

Успенский восхищает меня. Вот особенность: я забываю, как зовут его героев, но отлично вижу их. А ты? Порадовал ты меня рассказом⁶.

Сейчас иду с Колей кататься. Сегодня ничего не произошло замечательного.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/105 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Н.А. Пушешников.

³ Слова из арии Онегина в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

⁴ См. примеч. 5 к п. 107. Исмаилия небольшой городок у озера Тимза недалеко от Порт-Саида.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Возможно, речь идет о рассказе «Сила».

110. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотова. 21 августа 1911 г.

21 августа.

Дорогой мой Ян, если ты правда так беспокоился, послал бы телеграмму; («это поумней бы было»), а то ведь как досадно: из-за неудачно употребленного выражения ты беспокоился зря, пожалуй, плохо спал. И толкушка же ты, если бы ты внимательней прочел письмо, ты, конечно, понял бы, в чем дело. Я еще изменила свой режим: час гуляю утром. Сегодня опять ходила на кладбище. Погода хорошая, все время набегают легкий ветерок. Я занималась тем, что слушала сухой мелкий шелест коноп<л>и, покрываемый более густым шумом лозинки, и мне очень хотелось определить, на что это похоже, стояла довольно долго, но хорошего не придумала, видно в ... не кругло.

Сегодня я окончила переписывать первую часть¹, если бы ты проредактировал, то к 1 сентября она была бы готова, жаль все-таки, что затягивается перевод мой, ведь еще 400 страниц перечитывать, сверять, переписывать! Иногда жуть охватывает! Что делать, что делать? Никогда не нужно что-нибудь строить, основываясь на чужой помощи!

За обедом узнала о смерти Алешки Барина², но аппетит у меня не пропал. Похоронить его не на что: Лозинский дал доску, Костин — другую... Коля³ за обедом сказал: «Умер знаменитый сводник IX столетия!»

Вчера в шарабане мы ездили с Колей кататься в Калантаевку⁴. Вечер был какой-то таинственный. Мы много говорили о тебе как о писателе, вспоминали твою «Астму»⁵, спорили, но мирно. Вообще, не сглазить, мы очень любезны относительно друг друга. Лилька, по словам Коли, устраивает ему сцены ревности из-за меня. А я иногда ее дразню, вообще она дура и несимпатичная, С<офья> Н<иколаевна>⁶ говорит «совершенная Евгения Дмитриевна».

Целую крепко, поклон Е<вгению> И<осифовичу>,
П<етру> А<лександровичу>⁷

Тебе сегодня слишком много читать.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/113 оф. Год определен по содержанию.

¹ Речь идет о переводе романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

² Неустановленное лицо.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ Колонтаевка — деревня неподалеку от Глотова.

⁵ Рассказ Бунина «Астма» (1907), позднее озаглавлен «Белая лошадь».

⁶ С.Н. Пушешникова.

⁷ Е.И. Буковецкий и П.А. Нилус.

111. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Глотово. 22 августа 1911 г.*22 августа
1911 г.

Сегодня письма от тебя не было. Все здоровы. Погода скверная. Поклон Евгению Иосифовичу¹ и Петру Александровичу². Коля³ кланяется и крепко целует.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/48 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Одесса. Большой Фонтан, 13 трамвайная станция, д. Климовича. Е.И. Буковецкому. Ив.А. Бунину»; почт. шт.: «Грязи-Орел, 23.8.11»; «Одесса, 26.8.11»; «Большой Фонтан, 26.8.11».

¹ Е.И. Буковецкий.² П.А. Нилус.³ Н.А. Пушешников.**112. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину***Глотово. 23 августа 1911 г.*

23 августа.

Дорогой Ян, написала тебе вчера длинное письмо, да вместо него послала открытку, не послала бы, может, и это письмо, да боюсь, что будет хуже, буду все думать о том, что мучает, а это отражается на работе, на здоровье. Ты не можешь представить, как я проклиная тот час, что я осталась одна среди чужих людей, и еще более проклиная тот день, когда я согласилась четыре года назад поселиться в Глотове. Я уверена, мы лучше бы прожили бы, и ты до такой степени не испортил своего желудка, а уж о своем здоровье я и не говорю. Ведь только в том случае можно жить среди чужих людей, только тогда, когда эти люди тебя *любят*, иначе всякая лачуга лучше! Ты не можешь представить, как я устала от мысли, удастся ли мне погулять и когда? Ведь это трагикомедия, а между тем это так. Вчера весь день шел дождь, и я успела лишь два раза выйти: один раз — за сад, другой — на кладбище. У меня даже болела голова, ведь пролил весь день. После ужина предлагала кататься Н<иколаю> Ал<ексеевичу>¹, говорит холодно, а вечер был чудесный, небо почти чистое. Луна. «Ну, пойдемте пройдемся». — «Хорошо, через полчаса». Проходят полчаса. Иду к нему. Он у девиц в С<офьи> Н<иколаевны>² комнате. Услыхал, что я прошла, вышел. Мы вошли в его комнату. Он лег на постель, я села в кресло. Я говорю, «ну, что, пойдем». «Знаете, мне что-то холодно». «Ну, да это бывает, пройдемся, и вы согреетесь». «Нет. Голова что-то болит», — вскочил, принял какой-то порошок, убежал за водой, надеясь, что я уйду. Я нарочно осталась. Говорю: «Ведь это ужас, что за дом, такая простая вещь, как прогулка на час вызывает такие долгие разговоры». «Да, это верно, надо написать Ив<ану> Ал<ексеевичу>, чтобы он приезжал». — «Да, помилуйте, ведь он не здоров, ему нужно как можно дольше пожить на юге». — «А вы бы все-таки написали». Ну, я увидела перед собой не человека, а какого<-то> идиота, сумасшедшего, без всякого чувства, подчиняющегося лишь инстинктам. Затем я замолчала. И молчали мы минут десять. Я чуть не расплакалась от мысли, что присутствием такого субъекта отравлена моя любовь, мое лучшее время жизни, когда..., ну, да я не стану писать, что «я

прочувствовала» в те минуты, мне казалось, что ножом пронзили мое тело. Затем я оправилась. Заговорила о его делах. О пении, Италии. Даже пошутила. «Ну, ухожу, ухожу, идите к своим девицам». Вышла в столовую, пригласила Парика³ и отправилась гулять. И, по праву сказать, ей-богу, он не хуже. Вел он со мной очень хорошо, и мы прошлись кругом крестов. Ночь была отличная. Не холодная, но ветряная. Возвратились домой. Но Н<иколай> Ал<ексеевич> и девицы ушли гулять. Голова, озноб прошли. Очень возможно, прочтя все это, ты, как всегда, меня же повинишь. Это, конечно, дело твоей совести, твоей чуткости.

Между прочим, Ник<олай> Ал<ексеевич> убежден, что ты меня не любишь, как вообще любят жен. И на мое возражение он ответил: «Это вы мне говорите потому, что вам хочется спорить. Уж я ли не знаю Ив<ана> Ал<ексеевича>!» Я говорю: «Да вы, может, и знаете его хорошо, да только не с этой стороны». «Мало ли я видал его с женщинами. Я всегда определяю отношения между мужем и женой. По взгляду, как пальто подает». «Ну, и тут-то вы и проглядели!», ну, и т. далее и т.д. Я уверена, он всем так рассказывает, и у Бибиковых и у др.

Сию минуту получила твое письмо от 19 августа⁴. Крепко целую за него. Порадовало оно меня, что тебе хорошо. А у нас погода скучнее рассказа Серафимовича⁵. Ветер. Небо затянуто. Поднимешь глаза, только и видишь красное строение, да утки по реке плавают.

Да, я забыла написать тебе, что Кузьмина⁶ называет Влад. Семен. Муромц<ева> в глаза «шлюхой». «Опять, шлюха, ездила?! Умрете когда-нибудь в поезде!» Относительно Коли⁷ у меня есть догадка, но об этом при свидании. Это поистине трагикомический тип!

Вчера во сне я видела «Шиповников»⁸. Как бы не нажали <на> меня!

Здесь все перемолотили. Сеют. Скоро примутся за клевер. Начались карты. Осень, осень, осень! Очень будет обидно, если осень будет плохая, и тебе не придется сюда приехать. Ведь, главным образом, я из-за этого здесь оставалась. Жаль, что Провин<циального> Монаха⁹ не было с женой Юшкевича¹⁰, он это всего более любит! Я уверена, если бы я лежала на нем, как Лиля, то он дорожил моим обществом.

На дворе Бог знает, что делается, ветер так немилосердно стучит ставнями, хотя они и пристегнуты, и так шумят елки, что, когда играл Парик, то я едва-едва улавливала ухом музыкальные звуки. Что ты не пишешь ничего об итальянском языке? Неужели ты не повторяешь пройденного? Вот, для упражнения переведи: Ah! eccoti qua, non ti ho veduto da un secolo, mio caro Arbusto! Che leggi tu? hai-tu preso il tuo libro da Федоров Масперо? Fa cattivo tempo oggi. Voglio dopo pranzo andare al campo, perché non sono stata oggi nel giardino. Adesso andrò al posto di Bahtiaroff¹¹.

Обед прошел не особенно весело. Я молчала. Коля был погружен в свои думы. С<офья> Н<иколаевна> на радостях, что Лиля уезжает, рассыпалась в любезностях, та мстила ей в надежде получить приглашение на рождество.

После обеда остались П<етр> Н<иколаевич>¹², Н.В.¹³ и я. Парик рассказывал о различных болезнях, вычитанных им из лекций Захарина¹⁴ у Вл<адимира> Сем<еновича>¹⁵, и о том как прирастает и кожа к больному месту и т. под. Вдруг П<етр> Н<иколаевич> гов<орит>: «А вот отцу Бахтиарова¹⁶ собачью кость в ногу вставили, вот и брехал всю жизнь». Неужели это правда, что не нашли человеческую и вставили собачью?

Ну, целую тебя, не сердись за болтливость, за неприятные вещи, о которых я пишу, но зато я никому больше не пишу, даже дома получают редко от меня письма.

Ну, крепко целую все мои любимые места. Ты и не знаешь, кто о ком очень соскучился? Что это с Алек<сандром> Митр<офановичем>¹⁷? Твой одинокий Любимчик.

Кланяйся им и всем вообще. Все-таки будь осторожен.

Написала тебе, — и настроение у меня сделалось лучше, и не так пессимистически гляжу на мир.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/111 оф. Год определен по содержанию.

¹ Н.А. Пушешников.

² С.Н. Пушешникова.

³ Землемер Н.В. Уманец.

⁴ Письмо неизвестно.

⁵ Александр Серафимович Серафимович (наст. фам. Попов, 1863–1949) — писатель.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Н.А. Пушешников.

⁸ Имеются в виду сотрудники издательства «Шиповник», в котором должен был выйти перевод В.Н. Муромцевой романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

⁹ Н.А. Пушешников.

¹⁰ Жена С.С. Юшкевича — Настасья Соломоновна.

¹¹ А, вот ты где, я сто лет тебя не видела, мой дорогой Кустик! Что ты читаешь? Ты забрал свою книгу у Федорова Масперо? Сегодня плохая погода. Хочу после обеда пойти на поле, потому что я сегодня не была в саду. Сейчас пойду к Бахтияровым (*итал.*, допущенные в итальянском тексте орфографические ошибки исправлены).

¹² П.Н. Бунин.

¹³ Возможно, инициалы землемера Н.В. Уманца.

¹⁴ Григорий Антонович Захарьин (1829/30–1897) — врач-терапевт, профессор, основатель московской клинической школы.

¹⁵ Возможно, В.С. Муромцев.

¹⁶ Бахтяровы — владельцы винокуренного завода в Глозово.

¹⁷ А.М. Федоров.

113. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глозово. 24 или 25 августа 1911 г.

2 <дефект> ав<дефект>.

Дорогой Ян, если ты получишь телеграмму о том, что я уехала в Лазовку¹, то не удивляйся и сердись. Я серьезно боюсь разболеться от того, что почти не гуляю. Ведь нельзя же назвать прогулкой, если раза три в день выбегу и дойду до кладбища и назад, да и это не безопасно, ибо идет сучня теперь — пугают, что загрызут. Теперь, чтоб выйти из дому, приходится осматриваться, нет ли вблизи, и если есть, то идти на другое крыльцо и, выждав момент, *darle a gambe*². В доме идет не меньшая сучня, и там еще хуже, чем загрызут... За все время я только два раза гуляла с Колей³, и то в один и тот же день и то не по его инициативе. Первый раз я, перебегая с крыльца на крыльцо, столкнулась с ним, — он выходил тоже погулять, и мы дошли до кладбища, да потом немного прошились за садом. Второй раз вечером, мы с ним приехали с катанья, Лиля за это на него надулась. С<офья> Н<иколаевна>⁴, лежа в постели, спросила: «Что же, разве ты не идешь». «Да никто не хочет», — ответил Коля, хотя меня он и не приглашал, ну, я сама назвалась, вот мы и прошились до мельницы, да зашли к Лозинским узнать, слышала ли Зина⁵ Дидура и «как впечатление». Но, увы, Зина слона и не заметила, прожив два месяца в одном доме с пластинкой Дидура и не слыхала, стоило в Москву ездить! Вот все. У меня побаливает голова, да и работоспособность стала понижаться.

Кататься он ездит теперь. Вообще я поняла, какой ужас жить одной среди чужих людей. В тысячу раз лучше жить совсем одной. Ведь живи я самостоятельно, я могла пригласить к себе Павлика⁶ или кого-нибудь, да и прожить на те же 55 руб., кот<орые> с меня берут здесь. Это выяснилось вчера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/119 оф. Письмо с дефектами, авторская дата частично оторвана. Датируется по содержанию.

¹ Лазовка — Елецкая Лозовка (ранее Елецкая Лазовка), село, основанное выходцами из г. Ельца; названо по Елецкому уезду, куда село входило до 1779 г. и реке Лазовке. В Лазовке жили родственники В.Н. Муромцевой.

² от итал. *darsela a gambe* — пробежать со всех ног.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ С.Н. Пушешникова.

⁵ З.Ф. Лозинская.

⁶ П.Н. Муромцев.

114. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Готово. 26 августа 1911 г.

Дорогой Ян, ты раздражаешь меня своими просьбами «коротких писем»¹, которые я не люблю и не умею писать. Писала же я тебе ежедневно, почему ты по три дня ничего не получаешь — не могу понять? Я вообще не понимаю, что за труд написать длинное письмо? Ведь если любишь человека и любишь бывать в его обществе, то хочется хоть часа два в день побыть с ним, хотя мысленно. Но, может, тебе некогда читать их? Поэтому с завтрашнего дня буду присылать открытки, но без слов «жива и здорова», ибо раз пишу, то жива, а раз не пишу о болезни — то здорова. А если хочешь знать, у меня гораздо больше написано писем к тебе, чем послано, но теперь об этом я не жалею.

Вера.

P. S. Вчера я написала, чтобы ты купил перчатки, а № не проставила — 6½.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/157 оф. Датируется по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

115. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Готово. 27 августа 1911 г.

27 августа 1911 г.

без четверти 12 ч.

Дорогой Ян, еду после обеда в Измалково, и я пользуюсь случаем написать тебе успокоительное письмо. Но сказать, чтобы я хорошо себя чувствовала, не могу. Сейчас меня охватило какое-то беспокойство и тоска, даже слезы, что пришлось даже прибегнуть к Гофманским каплям. Уж не случилось ли с кем чего? Или же просто от собственной жизни расстроилась. Невеселая она у меня. Да и будущее одно: подавляй в себе все свои желания. Много я могла бы написать, рассказать, да, во-первых, отнимет это у тебя время, а во-вто-

рых, «сытый голодного не уразумеет». Ведь ты только и можешь понимать как художник, или же прав Коля¹, что у тебя ко мне нет нужных чувств, отношений, а потому нет ни любви, ни понимания, ни интереса.

Напиши, до какого числа я должна посылать тебе письма и на какой адрес?

Погода хорошая. Третьего дня был такой вечер, что я чувствовала себя влюбленной. Вчера — еще лучше, но я в 9½ часов уже легла спать. Гулять было положительно не с кем: Уманец ушел играть в карты, Цветаев Г² приехал, следовательно, Зина³ занята. Он выдержал экзамен в учительскую семинарию. Будет жить в Москве. Цветаев П⁴, хотя и был дома, т.к. у Мани⁵ были гости, но последние дни он перестал даже заходить ко мне, ну я его и не трогаю. Встаю в шесть, трава бывает покрыта морозом. Занимаюсь, хотя, мне кажется, и не очень много, может, потому, что на душе неспокойно.

Сегодня письма от тебя не было.

Может, лучше было бы не посылать это письмо?

Вера.

Так застываю в комнате, что ужас, поэтому и приходится рано спать ложиться, днем все-таки выбежать можно.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/44 оф.

¹ Н.А. Пушешников.

² Неустановленное лицо.

³ З.Ф. Лозинская.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ М.Я. Лозинская.

116. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 28 августа 1911 г.

Дорогой мой Ян, пишу тебе сейчас из дому Жеребцова¹. Хотела написать тебе из дому, да кипел после обеда спор между Н<иколаем> Ал<ексеевичем>² и Ник<олаем> Вас<ильевичем>³ по поводу твоего рассказа «108», который Парик называет с презрением фельетон. Я сидела в гостиной и записывала то, что истерически выкрикивал Парик. Они с Вл<адимиром> Сем<еновичем>⁴ спустили с тебя шкурку. Если <в> двух словах сказать, в чем заключается их критика, то вот: ученическая работа, души у Таганка не показано, а только кирпичики. Все-таки дерзок и нагл он. Коля не сумел его отбрить, хотя и говорил правильно и резко. Если будет настроение, то опишу этот спор в следующем письме, если же нет, то по приезде прочтешь то, что я записала.

Сегодня уже 7-<й> день, как я не знаю, как ты живешь, это немного жестоко с твоей стороны. Ведь письма твои мне бывают большой отрадой, я даже работать начала вялей. Тем более, что я почти все одна и одна. Коля теперь сам со мной не заговаривает, должно быть, боится, что я отниму от него время, предназначенное для его дел. У него бронхит, хотя в саду у Лозинских он вчера сидел на земле с Маней⁵. Сегодня совсем захлебнулся, а нос у него совершенно такого цвета, как феска.

Когда ты приедешь? Теперь у нас прекрасная яда! Бывает рыба, зелень, цветная капуста.

Мы с Маней сейчас приехали за обер-зале-брун для Ник<олая> Ал<ексеевича> и какие-то порошки.

Крепко целую. Сердечный привет твоим друзьям. Сегодня 3 недели, как ты уехал.
Твой одинокий Арбюстик.

28 августа.

Маня кланяется.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/114 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Неустановленное лицо.

² Н.А. Пушешников.

³ Н.В. Уманец, у которого было домашнее прозвище Парик.

⁴ В.С. Муромцев.

⁵ М.Я. Лозинская.

117. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Готово. 28 августа 1911 г.

Дорогой Ян, кипит спор о твоём Таганке¹ между Н<иколаем> В<асильевичем> и Колей².

«Почему подражать, я не знаю, что Белинский говорит о театре...»

Дело в том, что Н<иколаю> В<асильевичу> с Вл<адимиром> Сем<еновичем>³ не нравится твой Таганок: ученический.

«Мне Толстой⁴ ближе, чем евония», — кричит Парик⁵.

«Всегда, безусловно, авторит. если (?)»

«Мне неинтересно знать, как живет стол<етний> Таганков. Это не рассказ, это фельетон, конечно, у Бунина это возьмут, ученическая работа, таких Таганков тысячи, мне нужно душу Таганка, а тут только кирпичики. Я вижу, где он живет, а самого типа

Коля, писатель должен стучать вам в дверь: вот вам душа человека bis.

«Как он жив? Никак.

«Как он относ<ится> к Богу. Никак.

Он живет в имени у Гло<то>во, а что он переживает.

«Деревня — это не деревня Ив<ана> Ал<ексеевича>, это набор тип<ажей>, набор изб.

Если ...

Что такое мужики: скоты.

Не вижу, чтобы показали

Мне все равно, чем пашет плугом или

Мы не знаем, что такое чиновники,

«Литература вроде это ни на черта не нужно».

Толстой: Не прочти Толстого я ходил бы в

«Литература обязана служить жизни

«В нариц<ательном смысле> что литер<атура> шестая держава.

«Ради Бога господ люди сожгите все книги, если нужно <нрзб> с литер, чтобы <нрзб> ее.

«Чему она нас учит?»

«Байрон⁶ не нужен»

Фауст⁷ нужен, я объяснил вам

Вот обрывки спора, которые я записала, сидя в гостиной.

«Что я выношу существенное из этого вопроса о Таганке»

(Я только записываю слова Парика)

Если это рассказ назван «Сосны»⁸, я нашел, что поэтическ<ий>.

«Не правда. Тот же Успенский⁹, Левидов¹⁰».

«На кой черт мне эта поэзия». «Музыка это другое. Музыка принимает участие в медицине, лечит сумасш<едших>, а лит<ература> нет. Покажи мне в эстетике сознание Бога «Что такое Таганок». «Или писатель не нашел хорошей черты, что в нем оригин<ального> или интер<есного>. Или описать». На мой взгляд, не нужно описывать, как живет Таганок.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/185 оф. Датируется по содержанию и сопоставлению с предыдущим письмом.

¹ Имеется в виду рассказ «Сто восемь» («Древний человек»).

² Н.В. Уманец и Н.А. Пушешников.

³ Н.В. Уманец и В.С. Муромцев.

⁴ Л.Н. Толстой.

⁵ Н.В. Уманец.

⁶ Джордж Гордон Байрон (1788–1824) — английский поэт-романтик.

⁷ Иоганн Георг Фауст (нем. Johann Georg Faust; 1480–1540) — чернокнижник, живший в первой половине XVI века в Германии, легендарная биография которого сложилась уже в эпоху Реформации и на протяжении ряда столетий является темой многочисленных произведений европейской литературы. Наиболее известна трагедия И.В. Гёте «Фауст» (1774–1831).

⁸ Рассказ Бунина «Сосны» (1901).

⁹ Речь идет, очевидно, о писателе Николае Васильевиче Успенском (1837–1889) — двоюродном брате Г.И. Успенского.

¹⁰ Имеется в виду Александр Иванович Левитов (1835–1877) — писатель, «народник».

118. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 28 августа 1911 г.

28 августа.

Сегодня от тебя письма не было.

«до свидания, луна, я одна,

«я хожу по дорогам с

«коричневым догом»».

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14 № 2959/50 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Одесса, Большой Фонтан, 13 ст. трамвая, д. Климовича. Е.И. Буковецкому для Ив.А. Бунина»; почт. шт.: «Измалково, 28.8.11»; «Одесса, 30.8.11»; «Большой Фонтан, 30.8.11». На лицевой стороне несколько слов в левом верхнем углу густо зачеркнуты. Год установлен по почтовому штемпелю.

119. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 29 августа 1911 г.

29 августа.

Погода испортилась, ночью шел дождь, а теперь пасмурно. Вчера на станции Измалково встретила опять с Е.М. Лопатиной: у ее брата Владимира Михайловича¹ умерла внезапно жена². Он, по ее словам, в ужасном состоянии. Уже вышел в отставку, и она их всех везет к себе. С Измалково мы поехали в Предтечево, встретили генеральскую тройку,

которая ехала за Вл<адимиром> Сем<еновичем>³, возвращаю<щим>ся с именин от Головиных⁴. Вернулась домой около девяти. Подъезжая к усадьбе Глотова, почувствовала запах дыма: сгорел до нас стог сена. Ночь была странная, вся в облаках, луны не было видно, но было светло, и в каком месте находилась луна, мы определить не могли.

Приехав домой и поужинав, я легла спать в 10 ч., но долго заснуть не могла, тоска, тоска, ты не пишешь, последнее письмо от тебя было от 19 авг., последняя открытка⁵ — от 21. Неужели до сих пор ты конвертов себе не купил? Ведь две марки я тебе послала.

Вчера от мамы получила длинное письмо. Она с 17 августа уже в Москве. Была на свадьбе Жени Шпицмахер⁶. Папа еще в Управу не ходил. Зайчиха⁷ была, она сделала перевод по 65 рублей за лист, но какой — мама не написала.

Вот уже шесть дней, как Коля⁸ мне не задал ни одного вопроса, я тоже молчу, чтобы не нарушать его покоя.

Может быть уеду в Лазовку.

Твой покинутый и забытый.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/43 оф. Сохранился конверт; адрес получателя: «Одесса, Большой Фонтан, 13-я станция трамвая, д. Климовича, Е.И. Буковецкого для Ив.А. Бунина»; почт. шт.: «Грязи-Орел, 13.8.11»; «Одесса, 15.8.11»; «Большой Фонтан, 15.8.11». Этот конверт от другого письма (№ 99) от 12 августа 1911. Год определен по содержанию.

¹ Владимир Михайлович Лопатин (1861–1935) — юрист, судебный деятель, действительный статский советник, позднее — выдающийся артист, игравший под псевдонимом В. Михайлов, снимался в кино, актер Московского Художественного театра.

² Надежда Александровна Лопатина (урожд. Эртель, 1864–1911) — жена В.М. Лопатина.

³ В.С. Муромцев.

⁴ Вероятно, семья Николая Николаевича Головина (1875–1944) — военачальника, генерал-лейтенанта, профессора Николаевской академии Генерального штаба, военного ученого, историка и исследователя военного дела.

⁵ Письма неизвестны.

⁶ Евгений Шпицмахер — студент-медик (см.: *Муромцева-Бунина (1989)*. С. 397).

⁷ В.А. Зайцева.

⁸ Н.А. Пушешников.

120. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотова. 29 августа 1911 г.

29 августа.

Дорогой мой Светик (давно я так тебя не называла, вдруг вспомнила). Получила, наконец, от тебя письмо¹, но сначала я даже ничего не ощутила — так истосковалась по тебе, без писем. Заскучал, заскучал твой Любимчик.

Целый день ничего я не делала, прибралась к празднику, а читала Бувар и Пекюше² и развеселилась немного, в некоторых местах хохотала, сидя одна в комнате, особенно смеялась, как они случали козла с овцой, и вспомнила прошлогоднего козла. Помнишь?

Дошел слух, что и Н<иколай> Ал<ексеевич> получил от тебя письмо³, но он ничего мне не сказал. Я же решила сама с ним не заговаривать. Бог с ним. Я не нужна ему, а для тебя, по крайней мере, он думает, все равно как бы ко мне не относились, все равно на дрожках ему будет преимущество, а большего он и не добивается. О нем я узнала кое-что ценное, но это при свидании. С Маней⁴ он уже всю зиму переписывается.

Сегодня целый день музицировала, ибо вчера Митюшка⁵ прислал четыре романса, ну и несмотря на сильный бронхит, он все-таки подпевает. Уманец просил позволения остаться до 12 сентября.

Мы с С<офьей> Н<иколаевной>⁶ решили, что он сам не читал «Сто восемь», а все говорил, должно быть, со слов Вл<адимира> Сем<еновича>⁷, который тебя ненавидит, он, оказывается, даже Тупику⁸ разносил твою «Деревню»⁹. Ведь не так глуп он, чтобы не понимать, что Тупик не способен поддерживать литературные разговоры, из это<го> я вывожу, что он ругает тебя со всяким встречным, на всяком перекрестке. Должно быть, он злая скотина. А Ник<олай> Сем<енович>¹⁰ лучше всех сочинение на экзамене написал на тему «Об избрании своего места в жизни». Он так и сияет. Купил коричневую фетровую шляпу с резинкой, чтобы не улетала. Гуляет сегодня здесь в последний вечер. Завтра зачистит в Москву. Сегодня я не выходила, почти весь день дождь шел. Пойду погуляю с Маней, она пришла во время ужина. Пров<инциальный> М<онах>¹¹ скоро вышел из-за стола. «Что ты, не будешь?» — спросила С<офья> Н<иколаевна>. — «Не хочу». — «А сам просил!». Он стал вывертываться.

Пока я пишу письмо, он несколько раз цапнул свой романс. Парик¹² сегодня тих в ожидании Наполеона¹³.

Читала я в «Р<усском> сл<ове>» об Энрико художнике¹⁴. Это что <так!> интересно, но все-таки Петров не сумел убедить меня, что это действительно хорошо. Мне кажется, что Петров внес в описание какую-то пошлость, но, может, я и ошибаюсь. А отношения его с женой мне кажутся идеальными. Я спрятала для тебя этот номер, если ты не читал. Впрочем, все газеты сохраняются.

Я сегодня прочла 2 раза «108»¹⁵, один — сама себе, другой — С<офье> Н<иколаевне>, которой понравился, а я нахожу, что это одна из твоих удачных вещей, так много там поэзии, так много она дает читателю, не думаю, что я пристрастна!

А по секрету скажу, что я стала похожа на m-me Юшкевич. Понимаешь?

Целую крепко и нежно. Твой Покинутый

См. на обороте.

Сейчас за чаем П<етр> Н<иколаевич>¹⁶ уговаривал Уманца ехать с ним в Москву, берет на себя плату за проезд и, кажется, еще 5 рублей. Тот колеблется. Интересно, чем кончится. А П<етр> Н<иколаевич> с Абакумовым¹⁷ едут в Москву покупать двигатель, ибо хотят выстроить паровую мельницу. Уж не знаю, что из этого Бунинского проекта выйдет что-нибудь или нет? Мельница будет стоять около пивной.

Интересно знать, когда ты сразу получил мои 4 письма. Как ты прочел их? В хронологическом порядке или нет?

Тебя удивило, что Н<иколай> Ал<ексеевич> серьезно оправдывается по поводу письма к Мите¹⁸. Но он вообще шуток не понимает. Он как-то серьезно уверял меня, что он не занимается понимаешь чем. И когда я стала уверять, что ты шутил все, то он стал говорить, что нет. Да всего не напишешь, но теперь я убеждена, что у него мало как воли, так и ума, и его способности к некоторым вещам большие, а живет он инстинктами и ощущениями. А чуткости и доброты я у него не могу найти, может, мне не дано этого сделать, и думается мне, что его безразличность часто принимается за эти качества. А что можно умирать, страдать, он не догадается куска хлеба дать или слова сказать не сумеет в утешение. Толстым и то перестал интересоваться, даже сегодняшнюю газету не попросил, а вчера ведь он знал, что день рождения¹⁹. Он как-то сказал, что ты здорово угадываешь, а потому он тебя и боится. Но теперь он, наконец, в отличном настроении.

Неужели ты не писал стихов? Мне думается, что ты здесь их будешь писать, вот увидишь. Ты пишешь, что дни у тебя летят. А мне представляются они такими же неповоротливыми, как глыбы камней, кот<орые> тащили для постройки пирамид.

А в голове у меня топь. Всякая мысль мне представляется человеком, идущим по болоту, одну ногу вынет, другая увязнет, так трудно мне было последнюю неделю работать, а все отчего? Оттого, что писем не было. И почему я в дни, когда не получаю от тебя писем, все-таки пишу, впрочем, когда весело, то не до писем.

Ну, будь здоров, весел.

«Ну, спите теперь спокойно», — как говорит каждый вечер Наташа.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/173 оф. Год установлен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Неоконченный роман Г. Флобера «Бувар и Пекюше» (опубликован посмертно в 1881 г.).

³ Письмо Бунина к Н.А. Пушешникову неизвестно.

⁴ М.Я. Лозинская.

⁵ Д.А. Пушешников.

⁶ С.Н. Пушешникова.

⁷ В.С. Муромцев.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Повесть Бунина «Деревня».

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Н.А. Пушешников.

¹² Н.В. Уманец.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Речь идет о статье Г.С. Петрова «В мастерской Энрико» в газете «Русское слово» (1911. 26 августа. № 196. С. 2–3). Симоне Ломбардо Энрике (1866–1927) — выдающийся испанский живописец.

¹⁵ См. примеч. 10 к п. 107.

¹⁶ П.Н. Бунин.

¹⁷ Неустановленное лицо.

¹⁸ Д.Н. Муромцев.

¹⁹ Имеется в виду Л.Н. Толстой, день рождения которого 28 августа.

121. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Готово. 30 августа 1911 г.

30 августа.

Представь, мой дорогой, золотой Ненаглядыш, письмо от 24 августа я получила сегодня, на штемпеле одесском на конверте 23 (?), а вчера я получила письмо от 25 ав<густа>¹ со штемпелем одесским 26 (?). Вот тебе Русь, Русь!!! Это письмо подал Коля², но ни слово не спросил, что ты пишешь... Ты пишешь, что соскучился, а уж я так и говорить нечего, все плакать хочется.

Из твоих писем вижу, что А<нна> Н<иколаевна>³ настигает тебя. Вот ты должен ко мне проникнуться уважением: «не все выдохлось». Ты хорошо сделал, что сказал о «плохом годе». И еще лучше сделаешь, если намекнешь, что я и зарабатываю, и у моих родителей средства есть. О разводе поговори, хотя я думаю, едва ли она тебе даст, во всяком случае, задаром. А почему началась дружба с Федоровыми? Ну, впрочем, об этом поговорим. А я лучше опять буду писать тебе из хроники гатовских событий. Давно ожидаемое сверши-

лось: Николай Семенович⁴ сделал утром вчера «предложение Зине»⁵, родителям и не хочет ехать без нее в Москву, а ехать ему необходимо сегодня. Они хотят перевенчаться в Москве. Авдотья Яковлевна ревет, Филипп⁶ посмеивается: «Малый хороший, чего еще, экзамен выдержал». Дьяконица вчера весь вечер уговаривала отпустить, «нуждаться они не будут, все, что им нужно, мы будем делать». Уж не знаю, как все разрешится.

Опять лупит дождь.

Петр Николаевич⁷ уволакивает Уманца за десять рублей. Сегодня едут через Елец в Москву. Остаемся втроем: С<офья> Н<иколаевна>⁸, П<ровинциальный> М<онах>⁹ и я.

Я думаю, что нам поумней будет прожить весь сентябрь в Глотове. Ты поработаешь, да и мой перевод¹⁰ в надлежащий вид приведем, да и сэкономим.

Получила от мамы письмо, она ни слова не написала о сорока рублях, кот<орые> ты взял, хотя и занимается теперь моими «нарядами». Ну, я и рада, приеду, кроме драпового пальто и башмак, ни о чем не нужно думать. Не написать ли маме, чтобы она с твоей шубой что-нибудь сделала? Продала бы татарам? Она купила себе по случаю бобровый воротник очень дешево. А<ндрей> Г<еоргиевич>¹¹ тоже был в Москве и уже переделал себе шубу. Вот как умные люди живут.

Сегодня я снова перечитывала все твои письма.

Целую крепко. Твой С...

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/158 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письма неизвестны.

² Н.А. Пушешников.

³ А.Н. Бунина.

⁴ Н.С. Абакумов (?).

⁵ З.Ф. Лозинская.

⁶ Родители Зины — Авдотья Яковлевна и Филипп Лозинские.

⁷ П.Н. Бунин.

⁸ С.Н. Пушешникова.

⁹ Н.А. Пушешников.

¹⁰ Речь идет о переводе романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

¹¹ А.Г. Гусаков.

122. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 31 августа 1911 г.

Очень прошу остаться больше Одессе здорова весела пишу Вера.

Публикуется по оригиналу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/97 оф. Телеграмма. См. след. п. Датируется по отметкам на бланке.

123. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 31 августа 1911 г.

Дорогой мой, получила твое письмо¹, в котором ты нажигаешь меня. Скажу только, «что за труд написать длинное письмо» я относилась лишь к себе, ибо знаю отлично, как

тебе трудно писать и не требую, и не прошу ничего кроме закрытых писем. А браниться я с тобой и не думала, это ты уже видел из многочисленных моих писем к тебе после того письма. Я, правда, очень скверно себя чувствовала на той неделе. Теперь же чувствую себя отлично: я, после того как расплакалась за гаммондом² ни с того, ни с сего 27 августа, решила отдохнуть и четыре дня ничего не делаю с переводом³. Завтра, если ничего не случится, начну с новыми силами работать, работать.

Читаю Бувар и Пекюше⁴, очень мне нравится, жалею, что не взяла перевода этого романа. Гораздо короче, уже я кончила бы его теперь!

Как я рада за тебя, что ты пожил так хорошо: «занятия, потом прогулка, сидение на балконе под усыпляющим морским ветром, чай, опять прогулка — и сон». Великое счастье иметь друзей!

Вчера мы с Маней Лозинской далеко уходили в поле, ночь была какая-то сказочная, прохладная, на луну то находили тучи, то она снова освобождалась от них, то проглядывала сквозь тонкое облачко-кисею. Тишина, покой кругом, и уже по-осеннему блестят колеи накатанной дороги... Спала я сегодня долго и во сне видела пьяного Телешова, который целовал меня, Селезня⁵, Павлика⁶ и массу другого народа.

Я послала тебе телеграмму, чтобы ты не спешил с юга, ибо холода здесь стоят. Теперь я хожу к Лозинским иногда. Коля⁷ по-прежнему не замечает меня, он даже газеты теперь не просматривает, хотя о Толстом пишут⁸; то ли он у меня даже их просить не хочет, то ли у него, как у Бувара и Пекюше меняются увлечения. Вчера была ужасная погода, он надел бараний тулуп и, несмотря на бронхит, ушел куда-то. После ужина я пошла проводить Авд<отью> Яковл<евну>⁹, она очень огорчена, главным образом, тем, что свадьба¹⁰ будет в Москве, а не в Глотове. Вхожу в их летнюю резиденцию. Слышу Коля оживленно о чем-то говорит. Я открыла дверь. На диване Маня рядом с ним. Он — в бараньей поддевке. Я села, разделась. Да, думаю, что он с ума сходит. Ведь вспотеет. Говорю: «Вы с ума сходите, ведь простудитесь, когда пойдете домой, моросит дождь, самая ноябрьская погода». «Нет, я скоро уйду». А всего пробыл он там часа три. Ты пишешь, чтобы я «повзрослей относилась бы к свинствам Коли». Да я не знаю, как более взросло относиться. Я ни одного резкого слова за все время не сказала ему. И первую неделю, когда он был со мной минимально вежлив, я со своей стороны делала все, что могла, если ему что-либо нужно было. Когда мы с тобой увидимся, я расскажу о многих вещах тебе. По-моему, он и к тебе всякий интерес потерял. Он как-то сказал, что хотя он и любит тебя и прекрасно относится, но жить с тобой ни за какие тысячи не стал бы. С<офья> Н<иколаевна>¹¹ уже со мной открыто говорит, что Коля влюбился в Маню.

Она, т.е. С<офья> Н<иколаевна>, расстроилась: Петя¹² прислал письмо, заявляет, что уезжает в Тифлис. Оказывается, что он как-то писал С<офье> Н<иколаевне> и спрашивал о том, какое ее мнение, если он женится на Мане. Она, кажется, ответила, что против Мани она ничего не имеет, но родство неприятное. Коля, по словам С<офьи> Н<иколаевны>, восстает сильно против этого. Вот я и не знаю теперь. Почему Тифлис? Может, Лиля что-нибудь наговорила? С<офья> Н<иколаевна> вызывала Маню, хотела с ней поговорить, но Коля не дал, «все время здесь вертелся и провожать пошел». Вот видишь, колбня здесь какая!

Получила сегодня от Юл<ия> Ал<ексеевича> письмо¹³ по поводу Машинных¹⁴ денег с земли. Напишу ему ответ.

Сейчас опять разгулялось. Выйду.

До ужина погуляла. Вечер был чудесный. Я почувствовала вдруг, что я совершенно спокойна, покойнее Зайцевского «Спокойствия»¹⁵. Ужинала, как и вчера, вдвоем с Уманцем,

П<етр> Н<иколаевич>¹⁶ чай пил. Они уже третий день торгуются. Уманец просит 10 рублей, а П<етр> Н<иколаевич> давал лишь билет, кажется, дошли до 8 рублей. Уж не знаю, увезет его или нет. Очень прошу тебя: если ты заедешь в Орел к Ласкаржевским, то ничего не говори М<арии> Ал<ексеевне>, ни о Пете, ни о Коле и Мане, помни, что языки такие длинные, приплетут, и мне будет неприятно. А также не говори ничего Коле о том, что я тебе писала обо всем этом вообще, а об наших с ним отношениях, в частности.

Нюся Муромцева¹⁷ как-то была в Ельце. Остановилась в Петербургской гостинице, и ей долго мешали спать два голоса: один говорил: «У женщин я люблю и цену ножку и бюст». «Я служил в гвардии, а теперь в армии». «Вот, говорят, светские женщины пусты». «Моя жена — светская женщина, а в деревне не скучает». Нюся на другой день спросила, «кто это». Оказывается, Алешка Победимов¹⁸! И ни в какой армии он больше не служит. А жена его очень скучает в деревне, как мне сообщил Тупик.

Пробудь в Крыму или Одессе подольше. Хотя я и очень хочу тебя видеть, но все же терпеть еще могу. А если это полезно тебе, то побудь как только можешь и хочешь долго! Извести только приблизительный твой приезд. Боже, завтра уже 1 сентября. Пропал мой договор, да, может, и денежки. Что-то Шиповники ничего не отвечают¹⁹.

Целую крепко-крепко. Не сердись ты на меня никогда, ведь сколько я пишу тебе! Только о тебе и думаю, о своем Любимчике. Сегодня опять лягу в 10 часов, завтра встану в шесть.
Твой ...

Поклонись от меня Петру Александровичу и Евгению Иосифовичу²⁰.

Прочла сегодня «Изнасилованную пустыню» Федорова²¹. Еще один человек *насильно* обладал ею.

Еще раз обнимаю, целую, люблю.

Верун-Секрет.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/110 оф. Датируется по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Гаммонд — пишущая машинка, названная по имени одного из первых создателей Джеймса Хаммонда, он начал работу над своим изобретением в конце 1870-х гг., а в 1881 г. она была изготовлена.

³ См. примеч. 10 к п. 121.

⁴ См. примеч. 2 к п. 120.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ П.Н. Муромцев.

⁷ Н.А. Пушешников.

⁸ Например, в газете «Русское слово» (1911. 28 августа. № 198. С. 3) напечатаны материалы о Л.Н. Толстом в связи с днем его рождения: *Яблоновский С.* С ним...; *Хирьяков А.* Из воспоминаний о Толстом; Переписка Л.Н. Толстого с граф. С.А. Толстой (по телефону от нашего петербургского корреспондента); *Панкратов А.* Накануне торжеств (от нашего специального корреспондента).

⁹ А.Я. Лозинская.

¹⁰ Речь идет о свадьбе З.Ф. Лозинской.

¹¹ С.Н. Пушешникова.

¹² П.А. Пушешников.

¹³ Письмо Ю.А. Бунина неизвестно.

¹⁴ М.А. Ласкаржевская.

¹⁵ Имеется в виду рассказ Б.К. Зайцева «Спокойствие» (1909).

¹⁶ П.Н. Бунин.

¹⁷ А.В. Муромцева.

¹⁸ Неустановленное лицо.

¹⁹ Речь идет об издании романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание» в переводе В.Н. Муромцевой.

²⁰ П.А. Нилус и Е.И. Буковецкий.

²¹ О каком произведении А.М. Федорова идет речь, неясно.

124. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Глотово. 2 сентября 1911 г.

2 сентября.

Больше закрытых писем посылать не буду, ибо не знаю, как долго ты останешься¹. По года здесь то очаровательная, то плохая. Чувствую себя хорошо. Работаю.

Поклон Евгению Иосифовичу и Петру Александровичу².

Вера.

Гамак.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/47 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Одесса, Большой Фонтан, 13 станция трамвая, д. Климовича. Е.И. Буковецкому. Ив.А. Бунину»; почт. шт.: «Измалково, 2.9.11»; «Одесса, 4.9.11»; «Большой Фонтан, 4.9.11». Год определен по почтовому штемпелю.

¹ Бунин приехал из Одессы в Москву 11 сентября 1911 г.

² Е.И. Буковецкий и П.А. Нилус.

125. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Киев. 2 апреля 1912 г.

1912 г. 2 апреля.

Дорогой Ян, доехали мы вполне хорошо¹. Меня на вокзале встретил Сергей Николаевич². Для Коли³ отыскали носильщика, чтобы взять плацкарту, ибо народу ехало много. Себе же я купила на завтра на Городской станции, в дамском купе, внизу. Спала недурно, мешал немного свет. Мы с Олей⁴ были уже в Лавре⁵ и Софийском соборе, но о них в другой раз. Утром было мокро и холодно, а теперь — три часа — ясно и даже жарко.

Целую.

Поклон Петру Ал<ександровичу>⁶ и другим. Оля кланяется.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/74 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Одесса, Лондонская гостиница № 54. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Киев, 3.4.12»; «Одесса, 4.4.12».

¹ Вернувшись из зарубежной поездки, Бунин, В.Н. Муромцева и Н.А. Пушешников жили в Одессе. 2 апреля 1912 г. В.Н. Муромцева вместе с Н.А. Пушешниковым выехала из Одессы в Москву, Бунин остался в Одессе. В Москву Бунин вернулся 30 апреля (*Летопись* (2). С. 182, 195).

² Сергей Николаевич Исаев — знакомый В.Н. Муромцевой.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ Ольга Исаева — жена С.Н. Исаева.

⁵ Киево-Печерская Лавра.

⁶ П.А. Нилус.

126. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Киев. 3 апреля 1912 г.*

Дорогой Ян, через ½ часа еду на Москву. Спала сегодня прекрасно. Остановкой очень довольна. Погода хмурится. Дама, кот<орая> едет со мной, имеет 1001 место: 2 деревян<ные> картонки, 2 корзины, 1 деревян<ную> коробку и громадный тюк.

В одной корзинке — пластинки от Граммофона¹.

Целую. Поклон П<етру> Ал<ександровичу>².

Дамы ругаются. Скандал будет. Потешусь. Твой В.

3 апреля.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/73 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Одесса, Лондонская гостиница № 54. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Киев, 3.4.12»; «Одесса, 4.4.12». Год определен по почтовому штемпелю.

¹ Английское акционерное общество «Граммофон», созданное в 1902 г., выпускало пластинки с записями знаменитых певцов, актеров, писателей, общественных деятелей. В его обширном каталоге собраны практически все ведущие артистические силы того времени: Ф.И. Шаляпин, Л.В. Собинов, Н.Н. Фигнер, А.М. Давыдов и др.

² П.А. Нилус.

127. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Нежин. 3 апреля 1912 г.*

Пишу из Нежина. Еду пока отлично. Завтракала, часа два сидела в вагоне-ресторане. Рано лягу спать. Пиши.

Целую.

Вера.

Здесь уже весна, снегу совсем нет. Синеют леса.

3 апреля.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/46 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Одесса, Лондонская гостиница. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Воронеж, 4.4.12»; «Одесса, 5.4.12». Год определен по почтовому штемпелю.

128. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 4 апреля 1912 г.*

1912 г. 4 апреля

Дорогой Ян.

Пишу пока несколько слов. Павлик¹ едет в Крым на месяц. По всем вероятностям, выйдет в воскресенье, следовательно, в Севастополе будет во вторник. Он очень переутомился, и А<ндрей> Г<еоргиевич>² подарил ему 150 рублей. Если хочешь, то он будет рад провести с ним месяц в Крыму. Из поездки в Испанию, должно быть, у тебя ничего не выйдет, ибо Юл<ий> Ал<ексеевич>³ едет с Евгением Алек<сеевичем>⁴ (опять я права) и морем

не поедут, а поедут тихим ходом, рассчитывая тратить по 10 руб. в сутки на круг. Не поехать ли тебе с Нилусом, а то, по-моему, из этого триумvirата — Евг<ений> Ал<ексеевич>, Юл<ий> Ал<ексеевич> и П<етр> Алек<сандрович> — ничего не выйдет.

Целую. Вера.

Если поедешь в Крым, телеграфируй, где вы встретитесь.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/75 оф.

¹ П.Н. Муромцев.

² А.Г. Гусаков.

³ Ю.А. Бунин.

⁴ Е.А. Бунин.

129. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 5 апреля 1912 г.

Москва. Павликова комната.

5 апреля 1912 года.

Дорогой мой, вчера послала тебе коротенькое письмо, сегодня хочу написать обо всем поподробнее. Начну с дороги, доехала я хорошо, хотя обе ночи в вагоне спала плохо. В первую — мешал свет, ибо одна дама боялась спать в темноте, а вторую — потому, что одна пассажирка вылезала среди ночи. Та самая, что заполнила наше купе своими вещами. Она рябая, да еще с веснушками, с глазами сине-молочными. Была 12 лет учительница, затем поступила на медицинские курсы в Киеве, но не выдержала работы над трупами и, бросив курсы, уехала в Оренбург, собирается на следующий год поступать на Московские историко-философские курсы. Одна корзина у нее была с пластинками, купила она их потому, что была распродажа, и Собинов с Шаляпиным¹ шли по 2 рубля, граммофона же не имеет, собирается выписывать из Москвы.

Кроме нее были еще две сестры, они ехали из Киева после похорон матери, очень приятные дамы, с ними я полдня проиграла в карты в «дурачки», в «тысячу». Денег я истратила за дорогу порядочно, рублей 15 р., заезд в Киев обошелся 68 коп. Правда, до Киева Коля² был на моем иждивении. Я все до мельчайшей копейки записывала, записываю и буду записывать. Между Одессой и Киевом я чуть было не осталась без постельного белья, пришлось <с> 50 к. на чай давать, ибо правило у них: второму классу давать его лишь тогда, когда останется белье от I класса. В поезде я завтракала, пила чай, а вместо обеда выпила кофе и съела тартинки с ветчиной и сыром. Много вышло денег и на телеграммы. Приехала, меня не ждали, думали, что я в Киеве проживу дольше.

Митя³ выбран подбальным, т.е., если освободится место судьи, то он 4 кандидат, но это без жалования пока, во вторник будет баллотироваться в добавочные судьи, много шансов, что выберут. Против не все черносотенцы, он и Шипов⁴ единственные, которые прошли по прогрессивному списку, что, конечно, нам всем приятно. Если его выберут, то он будет самым молодым судьей. Челищев⁵, правда, о нем очень высокого мнения. Он на собраниях говорил, что он первый раз встретил «юношу 25 лет с таким знанием и пониманием жизни, с такою наблюдательностью» и т.д., говорил он целый час. Митя работал у него шесть месяцев. И, по-видимому, Челищев очень полюбил, так, Митя рассказывает, что вчера, когда Митя был у него, он подошел к нему и вдруг ни с того, ни с

сего поцеловал его. Если его выберут в добавочные, то жалованье он будет получать в размере 250 рублей.

Дочурка⁶ его — примерная крошка, только худа очень. Синие глаза и очень длинные ресницы, ножки длинные, пальчики тоненькие. Характер живой и веселый. Крестить буду с удовольствием. Зинаида Николаевна⁷ чудесная мать, представь, она обходится без няньки, продолжает танцевать, так что чувствует себя плохо, а это очень нехорошо в виду того, что она кормит.

Павлик⁸ очень устал и решил отдохнуть месяц в Крыму, т.к., если ему удастся месяц проплавать, то вторую половину лета проведет в Сосновке, готовясь к докторантскому экзамену. Представь себе, он уже было хотел ехать в земство, ибо пока на руках папы Сева⁹ и Митя, но Андрей Георгиевич¹⁰ подарил на Крым ему 200 рублей с условием, что осенью он держал экзамены и занимался бы языками. Кроме того, Андрей Георгиевич согласился читать лекции в лицее, где Бонди¹¹, а весь гонорар будет отдавать Павлику, чтобы он два года только бы учился и не думал о заработке. Таким образом, есть надежда, что Павлик будет хорошим врачом. Он смеется и говорит, что когда он будет знаменитостью, то всех, кто в Одессе хлопотал за него, он будет лечить даром, вообще, он полон ко всем благодарности. Он был бы очень рад провести с тобою месяц или две-три недели. Он человек покладистый. Цель его — отдых. А потому он согласен жить везде, где ты хочешь. Конечно, у вас разница в средствах, но, может быть, вы спелись бы или же ты поместился бы в гостинице, а он снял бы комнату, или же, если тебе было бы надо и покойнее, ты заплатил бы больше, а он поменьше, хотя помни, он очень самолюбивый и принимает только тогда, когда чувствует, что это от души. Ну, конечно, не бери с него, если поедете куда-нибудь, за коляску. Я же была бы крайне покойна за тебя, если бы ты был с ним, и радовалась бы за него, что он месяц провел бы в твоём обществе, ему во многом бы было это полезно. Он развился бы в том направлении, в котором можно развиваться, если жить с тобой. А к концу апреля, если ты поедешь в Испанию, ты можешь вернуться в Одессу, может, и Павлик проедет туда с тобой.

Я очень расстроилась вчера, что Юлкий Алексеевич¹² едет в Испанию по железной дороге, да еще с Евгением Алексеевичем¹³. Никак не пойму, при чем тут Нилус. Единственно, ехать тебе с Нилусом. На неделю съездить в Крым, а 17 апреля сесть на пароход, идущий в Гибралтар, и медленно подниматься к Мадриду, где вы можете встретиться с твоими братьями, ну, да вам виднее. Юлкий Алексеевич, по-моему, с тобою не очень хочет путешествовать, многое бы написала я, что мне не нравилось, да все равно ты во всем увидишь лишь мою «стервозность». Скажу только, что меня все это расстроило. Конечно, у меня все обострено, но когда я подумаю, что ты только и думал, как бы устроить получше лето для Юлкия Алексеевича, чтобы и Колю-то на дачу пригласить, чтобы Юлию Алексеевичу не скучно было, и как наряду с этим ты жесток был к моим желаниям, то я начинаю плакать «вот уж она к нему, а он ко мне»¹⁴, только наоборот «я к нему, а он к ним». Вот моя драма за эти пять лет. Может быть, я когда-нибудь напишу о ней в виде рассказа, тогда, может быть, ты немного больше призадуматься и не все отнесешь к моей «стервозности». Теперь обо мне: я, должно быть, имею плохой вид, ибо в доме начали сразу относиться ко мне, как к больной. Бифштекс к завтраку, ванну. Уговаривают ехать в санаторию, хотя маме очень хочется, чтобы я поехала в Сосновку. Но поправиться я могу лишь при том условии, если я буду знать, что ты в хороших условиях. Если же ты будешь в Глотове, то я буду очень беспокоиться, туда я не поеду ранее, чем у меня не будет регул, я боюсь. Если ты увидишься с Павликом, посоветуйся с ним и о себе. Может, ты подыщешь дачу в Крыму. Андрей Георгиевич вчера

говорил о Судаке, кажется, в июле наши хотят туда поехать. Юл<ий> Ал<ексеевич> ничего не имеет против Крыма на II половину лета. На границу же на все лето он, по-моему, как-то не очень соглашается, да и как тогда быть с Евг<ением> Ал<ексеевичем>. Мама едет 1 июня со Штурмами в Ессентуки. Папа — еще не известно.

Прости, что так беспорядочно пишу, — у меня сильно болит голова, думаю, от того, что вчера ночью я долго плакала, очень было обидно на судьбу, что мы с тобой так могли бы жить хорошо и так живем беспорядочно, на тычке живем, на глазах третьих лиц. Но поверь, что ни чуточки я не упрекаю и не обвиняю тебя. Ты сам от этого несчастный.

О моем здоровье не беспокойся, лечиться я буду. Вчера была «Среда», но я не пошла, чувствовала усталость. Сейчас иду к Юл<ию> Ал<ексеевичу>.

Живу я в комнате Павлика, что мне очень нравится.

Пора бы и от тебя иметь письмо!

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/67 оф.

¹ См. примеч. 1 к п. 126. К этому времени оперные певцы Леонид Витальевич Собинов (1872–1934) (лирический тенор) и Ф.И. Шаляпин записали десятки грампластинок.

² Н.А. Пушешников.

³ Д.Н. Муромцев.

⁴ Дмитрий Николаевич Шипов — гласный Московской городской думы.

⁵ Виктор Николаевич Челищев (1870–1952) — князь, мировой судья, позже председатель Московской судебной палаты, председатель правления Всероссийского союза юристов.

⁶ Татьяна Дмитриевна Муромцева (1912–1921) — дочь Д.Н. Муромцева; племянница и крестница В.Н. Муромцевой.

⁷ З.Н. Муромцева.

⁸ П.Н. Муромцев.

⁹ Вс.Н. Муромцев.

¹⁰ А.Г. Гусаков.

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² Ю.А. Бунин.

¹³ Е.А. Бунин.

¹⁴ Слова из пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума».

130. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 6 апреля 1912 г.

Дорогой Кустик, сейчас 3 часа ночи, а мне не спится, я взяла ванну перед сном, да вот заснуть никак не могу. Впрочем, здесь не только ванна. Волнует меня все. Получила твое письмо¹, Юл<ий> Ал<ексеевич>² опять ругал тебя. Ведь он ранее *конца апреля* или *начала мая* выехать не может. 23 апреля Евг<ений> Ал<ексеевич>³ только едет в Тулу за деньгами. Таким образом, если вы хотите путешествовать по Испании вместе с ними, то вам нужно ехать с пароходом 30 апреля, если же вы пойдете ранее, то путешествовать вам нужно розно, т.е. тебе с Петром Александровичем⁴, а Юлию Ал<ексеевичу> с Евг<ением> Ал<ексеевичем>. Мое мнение, что сначала Юл<ий> Ал<ексеевич> совсем не был доволен, что ты едешь, а теперь ему как будто жаль, что он взманил Евг<ения> Ал<ексеевича>, а взманил он потому, что Нилус сначала отказался. Мне жаль его очень. Ругает он нас сильно. Возмущается нашим проектом жить в Глотове. Говорит, что лучше нанять дачу под Одессой и в Крыму, а уж лучше, если тебе нужно на месяц съездить в

Глотова. На это я возразила, что ты будешь меня бояться одну оставить, он говорит, да я бы с вами пожил.

— Да Вам скучно со мной будет. Ян даже боялся, что с нами обоими вы соскучитесь.

— Вот глупости, да я читал бы, занимался, купался бы, гулял.

Вот видишь, как ты во всем мнителен. Но я говорю, что я была за дачу и если бы моя воля, то я наняла бы. Ведь можно было бы по твоём возвращении нанять под Одессой дачу, если не задаваться на макароны, да и прожить на ней три месяца. А в июне они гораздо дешевле, а если не под Одессой, то в Крыму. Ведь летом в Крыму тоже не очень дорого. Поэтому мой план: поезжай с П<етром> Ал<ександровичем> в Испанию, а по возвращении найдем на юге дачку. Я к этому времени постараюсь поправиться. Обдумаю все покрепче, может, поеду в санаторию, а может в Сосновку. В санатории у Пупышева⁵ мне уступят, может, удастся мне устроиться за 100–125 рублей. Павлик⁶ находит мое положение серьезным. Да. Нервы плохи. Очень неприятно подействовал на меня рассказ о пребывании А.Н. Буниной в Москве. Она была в кружке. Обедала у Михайловых⁷. А мама мне сегодня сказала, что Брун⁸ ей говорили, что она в ужасном положении, без гроша денег, знают они это от подруги А<нны> Н<иколаевны>⁹. По-моему, она решила прибегнуть к общественному мнению, чтобы заставить тебя содержать себя. Хотя в Москве она не заикалась еще об этом, а мотивирует свой переезд в Москву тем, <что> ей надоела Одесса и в Москве ей легче найти место. Ну, да об этом еще успеем переговорить.

Очень мне грустно, что в воскресенье уезжает Павлик, вот не везет пожить с тем, с кем хочется. А это — единственный человек, который меня понимает по-настоящему.

Спасибо за «Нормандца»¹⁰. Я еще не звонила к Антику¹¹ и не начинала переписывать.

Коля¹² за эти дни похорошел, должно быть, от радости, что в Москве, вижу его ежедневно мельком, все в разных галстуках. За Колю достается от всех, начиная от Ю<лия> Ал<ексеевича>, кончая мамой, и все винят тебя, что будто бы все хорошо и у него был бы ангажемент, если бы не Италия. А он, кажется, опять за пение принялся. Сегодня побежал к Жданову¹³.

Зоя уехала от М<ихаила> Ил<ьича>¹⁴ в Сухуми с офицером!

Целую тебя, мой золотой, очень прошу, береги здоровье, не волнуйся, если ты будешь покоен, то я скорее поправлюсь, ведь все-таки: «желтую собачку надо подкормить».

Твой Любимчик.

Была Верочка Зайцева, 1 апреля была свадьба¹⁵, она горда, что стала дворянкой...

Пьеса П<етра> А<лександровича> в Москве у меня в столе под назв<анием> «Любовь». Что с ней сделать?

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/183 оф. Датируется по содержанию и по связи с п. 129.

¹ Письмо неизвестно.

² Ю.А. Бунин.

³ Е.А. Бунин.

⁴ П.А. Нилус.

⁵ Санаторий «Надеждино», основанный врачом-невропатологом Николаем Федоровичем Пупышевым (? — 1919) в 1896 г., находился в 30 км от Москвы, помогала в санатории мужу и его супруга Надежда Николаевна Пупышева (? — 1927; урожд. Бахрушина). Место для санатория было выбрано не случайно, с трех сторон санаторий окружает изгиб реки Сходня, благодаря этой особенности воздух в этой местности насыщен отрицательными ионами, смешанный лес также способствует созданию особого микроклимата; ныне санаторий им. Артема (Сергеева).

⁶ П.Н. Муромцев.

⁷ Николай Федорович Михайлов (1849–1915) — врач, редактор-издатель журнала «Вестник воспитания», член московского литературно-художественного кружка.

⁸ Возможно, Михаил Исаакович Брун (1860–1916) — юрист, правовед, присяжный поверенный, профессор Коммерческого института в Москве. Он упоминается (и не раз) в полном варианте «Бесед с памятью» В.Н. Муромцевой, с ним и его женой дружили мать В.Н. Муромцевой и А.Г. Гусаков. Жил он в доме французской церкви на Малой Лубянке, имел дачу в Мамонтовке (по Ярославской ж/д), женат был на бывшей фрейлине императрицы, удивительной красавице, которая была старше его на 20 лет.

⁹ А.Н. Бунина.

¹⁰ Рассказ Г. Мопассана «Нормандец», перевод которого редактировал Бунин.

¹¹ Имеется в виду Владимир Морицевич Антик (1882–1972) — основавший в 1906 г. в Москве «Книгоиздательство “Польза” В. Антик и К°».

¹² Н.А. Пушешников.

¹³ Василий Александрович Жданов — оперный певец (баритон).

¹⁴ З.Е. и М.И. Шрейдеры.

¹⁵ Б.К. Зайцев и В.А. Орешникова обвенчались 2 апреля 1912 года.

131. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 6 апреля 1912 г.

Дорогой мой Золотусик, что ты так волнуешься. Жизнь не стоит того, что ты крови и нерв тратишь! Поступай как тебе лучше. Помни, что, в конце концов, каждый думает о себе. Обо мне не беспокойся. Я чувствую себя хорошо. Буду лечиться. Живу в Павликиной¹ комнате.

Сегодня у Коли² радость — получил в гранках свои переводы!!!³ Мой Мопассан будет печататься в июне⁴. Но ты присылай, что поправишь, если что не успел, не утомляйся, ну на один рассказ меньше. Поправь обязательно «В море» и «Страх», а «Сын» — Бог с ним.

Можно будет взять Зола⁵. Телеграфируй, брать ли мне, или напиши.

Целую. Твой Золотун.
6 апреля.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/142 оф. Год определен по содержанию.

¹ П.Н. Муромцев.

² Н.А. Пушешников.

³ Речь идет, очевидно, о готовящихся в московском издательстве В. Антик и К° «Польза» к выпуску в свет книгах в переводе Н.А. Пушешникова: *Диккенс Ч.* Колокола: Волшебный рассказ о колоколах, звонивших в конце старого и начале нового года. М., 1912. 104 с. (Универсальная библиотека, № 758); *Диккенс Ч.* Рождественская песнь в прозе. М., 1912. 98 с. (Универсальная библиотека, № 753).

⁴ Имеется в виду подготовка к печати в издательстве В. Антик и К° «Польза» книги в переводе В.Н. Муромцевой: *Мопассан Г.* Рассказы Бекаса. Могила. Заметки путешественника. М., 1913. 188 с. (Универсальная библиотека, № 857–858).

⁵ Переводила ли В.Н. Муромцева сочинения французского писателя Эмиля Золя (1840–1902), не установлено.

132. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 7 апреля 1912 г.

Дорогой мой, от 4 апреля письмо от тебя получила вчера¹, сегодня писем еще нет. Юл<ий> Ал<ексеевич> сказал, что написал тебе письмо в 12 страниц², а потому я о поездке

писать ничего не буду. Вот наколумжили вы все, а все от неопределенности, нет, Владимир Семенович³ — мудрец! Говорят, что и погода бывает хорошая в дни, когда он куда-нибудь собирается!.. Спасибо за Павлика⁴, он всех вас очень благодарит. Боюсь, что слишком поздно будет назначение, и лето его разобьется. Дело в том, что осенью он хочет выдержать экзамен на докторанта, с тем Ан<дрей> Г<еоргиевич>⁵ и дал ему денег на Крым, чтобы он во второй половине лета готовился к экзаменам. Ну, да впрочем — это его дело. Ты об этом не говори Ценовскому⁶, а только поблагодари его и от меня, и от Павлика. Я начинаю входить в жизнь обыденную. Сегодня начала переписывать на машинке Мопассана⁷. Засидела и Севу⁸.

Эти дни у нас большие волнения из-за выборов Мити⁹. Молись 10 апреля, что<бы> его выбрали, а то страшно подумать, что будет, если нет. Начинаю серьезно раздумывать, к какому доктору обратиться. Мама сейчас была у Штурма, он сказал, что это иногда бывает, но вызывать не надо, а нужно лечить весь организм.

Завтра Павлик уезжает в Крым. Он напишет тебе, где он будет. С Ребриком¹⁰ говорила, обещал прислать и книги, и сведения, да что-то ничего не присылает. Вообще они скоты. «Тираж «Перевала» прошел такой, как и рассчитывали», — сказал он мне. Счета от «Совершенного» мира» у Ан<дрей> Г<еоргиевича>¹¹.

«Грациэллу»¹² нашли. Я перевела почти что слово <в> слово, но, кажется, Антики¹³ не довольны, что это Ламартин.

Пьеса П<етра> Ал<ександровича>¹⁴ «Любовь» у меня в столе, что с ней делать? Если ты уедешь, то напиши Юл<ию> Ал<ексеевичу>, что делать с деньгами, а то он сказал, что, если не будет от тебя распоряжения, то он не отдаст их мне (опять я права).

Целую крепко.

Твой Верун.

Сейчас получила «В море»¹⁵. Очень благодарю и целую. Напрасно не приписал двух слов о своем здоровье. Митюшка¹⁶ просит тебя поцеловать и очень жалеет, что ты не приехал, хотя бы на короткое время. Он чуть было не женился.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/156 оф. Датируется по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Письмо Ю.А. Бунина неизвестно.

³ В.С. Муромцев.

⁴ П.Н. Муромцев.

⁵ А.Г. Гусаков.

⁶ Антон Антонович Ценовский (1863–1930) — врач, журналист, музыкальный критик; сотрудничал в газетах «Одесские новости», «Киевская мысль», «Русское слово».

⁷ Речь идет о переводах В.Н. Муромцевой рассказов Г. Мопассана. См. примеч. 4 к п. 131.

⁸ Вс.Н. Муромцев.

⁹ Д.Н. Муромцев.

¹⁰ Дмитрий Маркович Ребрик — сотрудник «Московского книгоиздательства», который подписывал от имени издательства договоры с Буниным.

¹¹ А.Г. Гусаков.

¹² Повесть французского писателя Альфонса Мари Луи де Ламартина (1790–1869) «Грациэлла» (1852) была переведена на русский язык В.Н. Муромцевой совместно с Н.А. Пушешниковым. По всей видимости, этот перевод не издавался; беловая машинопись перевода с незначительной правкой хранится в ОГЛИМТ (ф. 14, № 7455 оф).

¹³ В.М. Антик.

¹⁴ П.А. Нилус.

¹⁵ Рассказ Г. Мопассана, перевод которого редактировал Бунин.

¹⁶ Д.А. Пушешников.

133. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 8 апреля 1912 г.

8 апреля.

Дорогой Ян, Павлик¹ поедет сегодня в Крым. В Севастополе будет во вторник. В этот же день он едет в Ялту, где устроится жить, неизвестно. Если ты не поедешь в Испанию или поедешь 30 апреля, то, может, съездишь к нему?

Сегодня взяла билет на литературный спектакль. Играют литераторы «Ревизор»². Не ехать неловко: в пользу голодающих, всех увижу. Билет стоит 5 р. 10 к. в 12 ряду.

Не провести ли нам лето на Капри? Ты из Испании прямо в Quisisan'u, и я тоже туда. Подумай. Каменская с девочкой³ едет на Капри, а муж⁴ — на кумыс. Была вчера на 15 м. у Зайцевых. Они повенчались⁵. Кажется, этим очень довольны. Верочка в восторге от твоего «Сверчка», и «Хорошей жизни», и «Березки»⁶, а Зайцев говорит, что ты «сделал шаг вперед». Леша⁷ обиделся за гимназиста, он очень вырос и возмужал, голос его ломается.

А<нна> Н<иколаевна>⁸ была в кружке, обедали у Михайлова⁹. Об этом при свидании.

Целую крепко. Ты получишь это письмо 10 апреля, если 9 не уедешь в Испанию¹⁰. Вспомнил ли ты об этом дне¹¹? Твой Верун.

Чувствую я недурно.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/141 оф. Год определен по содержанию.

¹ П.Н. Муромцев.

² В Литературно-художественном кружке 8 апреля 1912 г. была представлена постановка комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в пользу пострадавших от неурожая (было собрано 1502 р.); все роли исполняли писатели и журналисты: К.С. Баранцевич, С. Кречетов, Ю.В. Соболев, С.Д. Разумовский, М.П. Гальперин, В.Я. Брюсов, С.С. Мамонтов, Н.Д. Телешов, С.А. Найденов, Б.К. Зайцев, И.А. Белоусов, Ю.А. Бунин и др.

³ Ольга Александровна Каменская — жена В.М. Каменского; ее дочь — Ольга Васильевна.

⁴ Василий Михайлович Каменский — инженер, совладелец «Товарищества пароходства и транспортировки грузов братьев Федора и Григория Каменских», меценат.

⁵ См. примеч. 15 к п. 130.

⁶ Рассказы Бунина напечатаны: «Сверчок» — во «Всеобщем ежемесячнике» (1911. № 12. С. 3–12), «Хорошая жизнь» — в «Современном мире» (1912. № 1. С. 57–78), стихотворение «Березка» («На перевале дальнем, на краю...») — во «Всеобщем ежемесячнике» (1911. № 11. С. 11).

⁷ А.Н. Смирнов.

⁸ А.Н. Бунина.

⁹ Н.Ф. Михайлов.

¹⁰ Бунин в Испанию не ездил.

¹¹ Имеется в виду день 10 апреля 1907 г., когда началась совместная жизнь Бунина с В.Н. Муромцевой и их первое заграничное путешествие.

134. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 9–10 апреля 1912 г.

1912 г. 9 апреля.

Дорогой мой, сейчас получила от тебя «Нормандца»¹ и письмо от 7 апреля², за первого очень благодарю, за второе крепко целую. Мне так много надо писать тебе, что не знаю, что сказать. Начну о делах. Коле³ предлагают вместо «Зверобоя» «Всадника без головы» Купера⁴, он побежал отыскивать эту книгу. Завтра он уезжает. С<офья> Н<иколаевна>⁵ никакой провизии не прислала, говорит, что теперь все испортится. Он едет с видимым удовольствием. Москвой он более чем доволен. Даже похорошел. Летает в своем ярко-зеленом каприйском галстуке. Мои рассказы переписывает Сева⁶, немного переписываю и я. В «Антике» не торопят, но я буду рада, когда свалится с меня эта пирамидка рассказов⁷. С Ламартином⁸ они покобенились, но когда я напомнила об Атоле⁹, то они пришли к заключению, что «взять надо». Что-то с технической стороны неудобно. По-видимому, удастся взять еще что-нибудь из Мопассана. Я им напомнила, что работаю для «Шиповника»¹⁰. Турбин¹¹ был с нами любезен. Коля говорит, что когда он один приходил, то отношение было другое. У Турбина на пиджаке около рукава распоролся шов, должно быть жена хуже меня. Получила из М<осковского> книг<оиздательства>, наконец, «сведения»¹², но это не так, как в «Знание», а копия письма, посланного тебе на Капри. Там дело идет и о «Перевале», и о том, что в VI томе нужно переместить стихи и прозу и т.д. А затем одна строчка: «Деревни» на 1-ое февраля осталось на складе 1550 экз.» О' е. д.!!!

Волнуемся мы очень о завтрашнем дне: если Митю¹³ не выберут, тяжело будет всем.

Павлик¹⁴ вчера не достал билет и уехал только сегодня в 2 ч. 55 м. с пассажирским поездом. Через Одессу он не поехал, во-первых потому, что было бы дороже, а во-вторых, ему скорее хочется не быть в городе, он очень устал. Да, кроме того, ты до сегодня даже никак не отзывался на его отъезд в Крым. Ведь ты мог прислать телеграмму, если бы хотел, чтобы он заехал. Впрочем, ты ведь сам не знал, что Дарданеллы закрыты.

Относительно дачи Чернова¹⁵ ничего не могу сказать против, нахожу, что лучше 500 р. Чернову, чем 400 Федоровым. Папа с удовольствием приехал бы к нам, но, по-видимому, ему сто рублей только за комнату дорого, ведь он, должно быть, проживет всего один месяц или недель пять, но рублей 75 он, я думаю, заплатит, хотя это еще не наверно.

Вчера я была на спектакле литераторов¹⁶, повидалась со всеми, поужинала вместе с мамой, Митей, Каменскими, Третьяковой¹⁷, Белоусовыми¹⁸ и Кишкиными¹⁹. С Кишкиным я говорила и о твоём здоровье, и о своем. Он говорит, что так избегать севера опасно, уж тогда нужно совсем не приезжать. Очень советовал лето проводить в Финляндии. Я объяснила твоё отношение к северу. Уехали мы около двух часов. А артисты досидели до восьми утра. Мне очень понравился Телешов в Держиморде, играл и Брюсов, при встрече со мной он опять не узнал меня.

Когда мы провожали Павлика на Курский вокзал, пришел Митрич²⁰. «Жена в Малаховке, сын²¹ — в гимназии. Завтрак я проспал. Ничего дома нет. Вот и пришел закусить на скорую руку». Ну, «скорая рука» продолжалась довольно долго. Съел он бульон, а выпил при нас 2 бут<ылки> пива, сколько выпил после, не знаю.

На «Ревизоре» видела Третьякову, она благодарила за «Хорошую жизнь», хочет писать тебе. Я спросила, как понравилось? «Очень, но тяжело, тяжело». Она очень просила меня приехать посмотреть, как она играет «Псишу»²². Отправляемся мама, Митюшка и я.

10 апреля. На «псише» видела Ел<ену> Ан<дреевну>²³, она спрашивала об юбилее²⁴, а также о том, какую картинку, миленький, ты хочешь: Левитана или Бенуа²⁵, после ее матери²⁶. Левитан — березки, Бенуа — восточное. Напиши, что мне выбрать, я к ней поеду на следующей неделе.

Пишу мало, это потому, что не все письма отсылаю. Сегодня 5 лет нашего с тобой странствования²⁷. Первый раз я не с тобой в этот день. Грустно. Много бы написала, да боюсь, что ты не поймешь, да и не так, как я, ты ко многому относишься. Больше всего желаю уметь жить одной и быть спокойной. Целую крепко. Твой Чебукчи²⁸.

Вспомнил ли ты обо мне сегодня?

«Суходол» еще <не> видела²⁹.

Сейчас звонил Митрофаныч³⁰. Будет сегодня обедать у нас.

Лоти прислан³¹. О издательстве напишет Юл<ий> Алек<сеевич>³².

Погода хорошая. Ясно. Вчера было только очень холодно, я ездила в театр в шубе.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/83 оф.

¹ Рассказ Г. Мопассана «Нормандец» (1882), перевод которого, очевидно, редактировал Бунин.

² Письмо неизвестно.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ Речь идет о романе американского прозаика Джеймса Фенимора Купера (1789–1851) «Зверобой, или Первая тропа войны», а также о романе английского писателя Томаса Майн Рида (1818–1883) «Всадник без головы» (1865).

⁵ С.Н. Пушешникова.

⁶ В.Н. Муромцев.

⁷ См. примеч. 4 к п. 131.

⁸ Речь идет о возможном издании перевода повести А. де Ламартина «Грациэлла» в издательстве «Польза».

⁹ Что имеется в виду, неясно.

¹⁰ Петербургское издательство «Шиповник».

¹¹ Владимир Михайлович Турбин — редактор издательства «Польза».

¹² Имеется в виду письмо Бунину из «Московского книгоиздательства» от 20 марта 1912 г. (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 4). В нем идет речь о вышедшей в свет до 20 марта 1912 г. книге Бунина «Перевал и другие рассказы» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912), а также о готовящихся к изданию книгах Бунина: «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (2-е изд., доп. М., 1912), «Стихотворения 1903–1906 гг.» (М., 1912).

¹³ Д.Н. Муромцев.

¹⁴ П.Н. Муромцев.

¹⁵ Чернов — владелец дачи.

¹⁶ См. примеч. 2 к п. 133.

¹⁷ Анна Иосифовна Третьякова (урожд. Чернявская, 1879–1953) — актриса театра Незлобина.

¹⁸ И.А. Белоусов и его жена Белоусова Ирина Павловна.

¹⁹ Николай Михайлович Кишкин (1864–1930) — врач-физиотерапевт; совладелец и директор клиники в Москве, затем санатория. Один из лидеров партии кадетов.

²⁰ Н.Д. Телешов.

²¹ Андрей Николаевич Телешов (1899–1966) — сын Н.Д. Телешова.

²² «Псиша» — популярная пьеса Юрия Дмитриевича Беляева (1876–1917), драматурга, театрального критика, прозаика, журналиста.

²³ Е.А. Телешова.

²⁴ Имеется в виду 25-летний юбилей литературной деятельности Бунина, который широко отмечался в октябре 1912 г. в Москве.

²⁵ Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — художник, искусствовед, мемуарист.

²⁶ Софья Николаевна Карзинкина (урожд. Рыбникова, 1836–1911) — мать Е.А. Телешовой.

²⁷ См. примеч. 11 к п. 133.

²⁸ Правильно — чубукчи (*тур.*) мальчик, набивающий и подающий трубки у турок. Бунин дал такое прозвище В.Н. Муромцевой во время их первого совместного заграничного путешествия в 1910 г. В.Н. Муромцева вспоминает: «Потом Ян томительно долго ходил по табачным лавкам, где стояли нарядные коробки с папиросами, сигарами и табаком. Выйдя из одной из них, он дал мне коробочку спичек и, смеясь, сказал: — Я ничего не люблю носить лишнего, носи ты спички, ты будешь моим чубукчи...» (*Муромцева-Бунина (1989)*. С. 316).

²⁹ Повесть Бунина «Суходол» была напечатана в журнале «Вестник Европы» (1912. № 4. С. 3–60). Этот номер журнала вышел в свет до 5 апреля 1912 г.

³⁰ А.М. Федоров.

³¹ Возможно, речь идет об одном томе из Собрания сочинений П. Лоти в 12 томах, выходившем в Москве в 1909–1911 гг.

³² Ю.А. Бунин.

135. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 11 апреля 1912 г.

1912 г. 11 апреля.

Дорогой Ян, сейчас на имя папы пришел чек из «Вестника Европы» на 1683 рубля¹. Что мне с ним делать? Положить ли на текущий счет, или в сберегательную кассу, или же к себе <в> ящик? Напиши. «Суходола» же не прислали, хотя Ал<ександр> Митр<офанович>² говорит, что просил прислать мне³.

В «Речи» Колтоновская написала: «В сборнике “Знания” еще есть выразительный, но скучноватый рассказ Бунина: “Захар Воробьев”, написанный в обычном (?) стиле его деревенских рассказов»⁴. О, дура, прости, Господи!

Федоров обедал вчера, свою мастерскую они сдают Пастернаку⁵! Вот видишь! Но я, конечно, и бровью не повела, когда он это мне сказал, хотя он немного, как мне показалось, сконфузился. Сегодня на «Среде» он будет читать свой рассказ из Арабской жизни⁶. Я не еду.

Слава Богу, Митя⁷ выбран в добавочные судьи, но прошел первым. Жалованье 225 рублей в месяц, должность пятого класса. Он самый молодой из всех судей. Тебе следует его поздравить письмом или телеграммой. Ведь это для него важнее, чем для тебя были выборы в Академию. Адрес его: Спиридоновка, Ермоловский пер., д. 10, кв. 1.

Теперь начну думать о себе. Павлик⁸ советовал обратиться к Усову⁹, ибо он мой организм знает, и уже несколько раз я под его руководством выздоравливала. Да и он работает под его руководством.

Сейчас получили «Страх»¹⁰, крепко целую, все-таки много я даю тебе заботы, но это в последний раз, в будущем я буду аккуратнее и смелее. Да и ты сам виноват, что массу времени у меня уходило на волнения. Жаль, что ты ни строчки не приписал на полях, хотя бы выругал, а то, как скучно мне совсем не знать ничего о тебе. Колю¹¹ я почти никогда не вижу, он заходит лишь только тогда, когда надо, чтобы я с ним к Антику¹² шла. Ну да это и понятно, он, должно быть, на седьмом небе, что, наконец, кончился этот насильственный симбиоз¹³.

Прочла я об Италии Ив. Ив. Иванова¹⁴. Видно, что писал русский интеллигент, но для ничего не знающих эта книга незаменима! Есть и ошибки, относительно, например, Капри. О Фридрихе Барбароссе¹⁵.

Сейчас я получила вырезки из газет. Очень ругает тебя «Новое время». Кончается так: «От писаний наших венчаных лаврами изящных словесников становится не по себе». Это по поводу «Захара Воробьева»¹⁶.

Федоров выезжает завтра в Одессу. Он расскажет тебе о разговоре, но не «ночном», а по поводу «Ночного разговора» в «Современном мире»¹⁷.

На днях в трамвае я видела высокого мужика в желтом полушубке с приятным лицом, он вошел в вагон, сел против меня, на колени посадил ребенка лет восьми в сапогах и платке на голове, одного глаза совсем нет, а другой с бельмом, им он, конечно, не видит, но он вращал им так, что мне все казалось, что он смотрит на меня и разглядывает, и мне почему-то становилось страшно. И вот уже три дня я не могу забыть его. Я думаю, что неприятно-мистически действовало сочетание сапогов, платка и бельма. Мне кажется, что если бы он был в шапке, то было бы лучше. А по-твоему?

Что ты мало пишешь о своей жизни? Как ты чувствуешь?

Погода была ясная, теперь облачно.

Крестины будут в воскресенье¹⁸.

Напиши поподробнее о твоих планах.

Едешь ли в Испанию?

— // — в Крым?

Останешься ли в Одессе?

Где? На сколько?

Приедешь ли в Москву¹⁹?

В одной из вырезок написано, что тебя ждут в Петербурге²⁰.

Что думаешь о Глотове?

Целую крепко тебя, еще раз благодарю за переводы.

Твой К. ^[P.]_[SEP]

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/76 оф.

¹ Гонорар за повесть «Суходол».

² А.М. Федоров.

³ См. примеч. 29 к п. 134.

⁴ Елена Александровна Колтоновская (1871–1952) — писательница, литературный критик, журналист, историк литературы. Цитируется краткая рецензия Е. Колтоновской в газете «Речь» (1912. 9 апреля. № 96. С. 3) на 38-й «Сборник товарищества “Знание”» (СПб., 1912).

⁵ Очевидно, имеется в виду живописец и график, педагог Леонид Осипович Пастернак (1862–1945).

⁶ Речь идет, вероятно, о рассказе А.М. Федорова «Баядера».

⁷ Д.Н. Муромцев.

⁸ П.Н. Муромцев.

⁹ Павел Сергеевич Усов (1867–1917) — московский врач-терапевт, профессор.

¹⁰ Рассказ Г. Мопассана «Страх» (1882), перевод которого редактировал Бунин.

¹¹ Н.А. Пушешников.

¹² В.М. Антик, владелец издательства «Польза».

¹³ Речь идет о совместной работе В.Н. Муромцевой и Н.А. Пушешникова над переводом повести А. де Ламартина «Грациэлла».

¹⁴ Очевидно, речь идет о книге литературного и театрального критика, историка Ивана Ивановича Иванова (1862–1929) «Из западной культуры» (в 2 т. М., 1899–1900).

¹⁵ Фридрих I Гогенштауфен (1122–1190) — король Германии с 1152 г., император Священной Римской империи с 1155 г., герцог Швабии в 1147–1152 гг. под именем Фридрих III. Прозвище Барбаросса он получил в Италии из-за своей рыжеватой бороды (от итал. Barba, борода, rossa, рыжая).

¹⁶ Речь идет об анонимной рецензии на 38-й «Сборник товарищества “Знание”» (СПб., 1912) в петербургской газете «Новое время» (1912. 10 апреля. № 12958. С. 5), в которой рецензент пишет о рассказе «Захар Воробьев»: «Почетный академик рассказывает <...> деревенский анекдот о том, как гигант Захар Воробьев, по прозвищу Малолетка, мужик из Осиновых Дворов, в сутки прошел чуть ли не сто верст, выпил четверть водки, съел на заклад гору хлеба, луку, селедки и... наконец решил жить. <...> Видимо почетному академику очень хотелось исчерпать до конца выписку из какого-нибудь прошения в волостном суде, вот он и заставил

Геркулеса докладывать свою тяжбу. Но так как ничего не выходило, кроме мертвящей скуки, то Ив. Бунин дал на прощанье Захару еще штоф водки и отправил умирать от разрыва сердца. И это художественная, изящная словесность!.. От писаний наших венчаных лаврами изящных словесников становится не по себе».

¹⁷ Рассказ Бунина «Ночной разговор» напечатан в сборнике первом «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912. С. 75–100), сборник вышел 27 февраля 1912 г.

¹⁸ Речь идет о крестинах дочери Д.Н. и З.Н. Муромцевых Татьяны, крестной матерью которой была В.Н. Муромцева. См. п. 137.

¹⁹ Бунин приехал в Москву 30 апреля 1912 г.

²⁰ О какой газете идет речь, неизвестно.

136. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину Москва. 13 апреля 1912 г.

13 апреля.

Дорогой мой Ненаглядный, получила сегодня от тебя два письма¹ от 10 и от 11. Первое прочла очень внимательно и с большим интересом, второе — с радостью. Скажу лишь, что это от тебя зависит, чтобы я «не отбивалась от тебя душою». За то время я много передумала о прошедшем пятилетии. Немного жалко, что часто я обнажала перед тобой свою душу, теперь буду поумнее, а то лишь из этого выходили ссоры. Впрочем, я надеюсь, что в конце концов ты поймешь меня. Очень беспокоит меня твоя нервность. Чего ты так волнуешься? Бог даст, все будет хорошо. Против Глотова я ничего не имею. С<о-фье> Н<иколаевне>² напишу. Если мое здоровье будет требовать, то на май я помешусь в санаторию. К доктору я до сих пор не пошла, потому что у меня очень сильный был насморк, и я боялась выходить, теперь он у меня прошел, и, если завтра будет хорошая погода, то я выйду.

Живу я более чем правильно, почти никого, кроме своих, не вижу. Колю³ уже не видела 5 дней. Как перестал бояться один ходить в «Антик»⁴, так и сюда не заглядывает. По слухам, он живет у Бибиковых и завтра едет в Глотова, как волка не корми, все в лес смотрит.

Павлик⁵ говорит, что мне нужен покой и режим, была мама и у Штурма, он тоже говорит, что смертельной опасности нет. Все никак не выберу доктора. Чувствую себя много лучше в некотором отношении. Питаюсь очень хорошо, мне даже куплен очень хороший портвейн, пью по рюмке за завтраком и обедом. Ничего не делаю, ибо мешал насморк, целый день лежу и читаю на франц<узском> языке «Sur la branche» Pierre de Coulevain⁶. Описывается женщина-писательница в 52 года, кот<орая> после того, как в день смерти мужа узнала, что он изменял ей с ее кузиной и что у них есть сын, порвала все связи с родными и стала путешествовать, и даже в Париже жить в отелях. Роман ведется от ее лица. Много есть интересных мыслей, написан очень хорошим языком.

Начала читать твой «Перевал»⁷.

Все твои, данные мне, поручения исполнила, кроме Товарищ<еского> издат<ельства>⁸, ибо в настоящее время там заняты «уставом», кроме того, я думала, что Юл<ий> Ал<ексеевич>⁹ писал тебе.

Умоляю тебя, не беспокойся о моем здоровье. Я очень отношусь к этому *серьезно*. Даю слово, что в Глотова приеду здоровой. Почему ты против Сосновки? Какие там знакомые? Ведь если доктор будет настаивать на санатории, то я думаю, «Сосновка» могла бы заметить ее. Главное, дешевле, да и ощущение «дома», но это я пишу так.

Я нарочно сразу не бросилась к докторам, надо делать все не спеша и без нервности. Живу же я так, что всякий доктор похвалил бы.

Написала вчера письмо Черемновым¹⁰. М<арии> Ф<едоровны>¹¹ все еще нет. Написал ли ты на Капри?

А<ндрей> Г<еоргиевич>¹² очень звал в Сосновку, но я даже о ней ни разу не задумывалась. Бог даст, в воскресенье окрещу¹³, в понедельник или во вторник отнесу Мопассана¹⁴, тогда освобожусь и подумаю о своих планах. Ты же хорошо надумал: поживи в Одессе, потом через Крым — на север, не поняла я только того, что ты заедешь в Москву или нет, мне хотелось бы это знать¹⁵.

Вчера ночью я тосковала по тебе.

Мы прочли, что сегодня погибло судно, шедшее в Феодосию¹⁶, и я разволновалась, должно быть и Юл<ий> Ал<ексеевич> оттого послал тебе телеграмму.

Много ли моих писем ты получил, ты никогда не отзываешься на них, <так!> что поэтому я не знаю, что ты получил и чего не получил.

От Павлика открытка. Теперь он уже в Ялте. Между прочим, он пишет: «Не скучаю, ехал, еду и буду ехать с спутницейй». Если ты поедешь в Крым, спишишь с ним, чтобы встретиться где-нибудь. Может, вместе будете возвращаться. Митя¹⁷ уже судит, немного нервничает, конечно, еще очень неопытен, а самолюбив. Да и переволновался он перед выборами.

Сева¹⁸ мне переписал все рассказы. Он, правда, очень изменился. Ничего не хочет. Целый день дома. Но, конечно, ему трудно пока устроиться, на лето он, может быть, куда-нибудь поедет, в Крым или по Волге. Дала я ему переписать из Флобера¹⁹, чтобы мне летом не тратить время на это. Вообще я хочу «vita nuova»²⁰. Довольно книг. В деревне я буду «общаться с людьми».

Целую крепко, крепко, как бы хотелось это сделать сейчас

Красотун твой.

Пишу неинтересные письма, но пока я даю отдых уму и воображению.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/71 оф; концовка письма со слов «Я нарочно сразу...» под № 2959/77 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письма неизвестны.

² С.Н. Пушешникова.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ Имеется в виду издательство «Польза» В. Антик и К^о.

⁵ П.Н. Муромцев.

⁶ «На ветке» («Sur la branche», 1903) — третий роман французской писательницы Жанны Филомены Лаперш (Jeanne Philomène Laperche, 1853–1927), публиковавшейся под псевдонимом Pierre de Coulevain.

⁷ Имеется в виду книга Бунина «Перевал и другие рассказы» (4-е изд., испр. и доп. М., 1912), которая готовилась к печати в «Московском книгоиздательстве».

⁸ Речь идет, очевидно, о новом товариществе «Книгоиздательство писателей в Москве».

⁹ Ю.А. Бунин.

¹⁰ Александр Сергеевич Черемнов (1881–1919) — поэт, переводчик. Мария Павловна Миловидова — приемная мать А.С. Черемнова.

¹¹ М.Ф. Андреева.

¹² А.Г. Гусаков.

¹³ См. примеч. 18 к п. 135.

¹⁴ См. примеч. 4 к п. 131.

¹⁵ См. примеч. 19 к п. 135.

¹⁶ Сообщение о кораблекрушении в просмотренных газетах не найдено.

¹⁷ Д.Н. Муромцев.

¹⁸ Вс.Н. Муромцев.

¹⁹ Речь идет о романе Г. Флобера «Сентиментальное воспитание», который переводила В.Н. Муромцева.^{7.9.20}
с.97
 новая жизнь (*ит.*).

137. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину
Москва. 15 апреля 1912 г.

15 апреля 1912 г.

Дорогой мой Детеныш, сейчас нам дали знать, что пришла от тебя телеграмма к Мите¹. Ну, я и успокоилась, значит здоров, а то ни вчера, ни сегодня писем нет.

Митюшка сейчас по телефону разговаривает с Бахтеяровым Евг. Як.² И к каждому слову прибавляет «видите ли». Разговор идет об основании какой-то газеты.

Сегодня я окрестила с папой Танюшку³. Боюсь, как бы она не простудилась. Я, как Боборыкин⁴, ездила в карете, боюсь еще из-за насморка, ибо погода плохая.

Завтра поеду исследовать свою кровь. Хотя это будет стоить десять рублей, но я решила не жалеть, тогда ясно будет, каково у меня малокровие. Сейчас Митюшка читает мне о Брюсове Бурнакина⁵. Достается! Рецензия Митюшки: «По существу критика верная, но, по-моему, следовало несколько сократить, тогда было бы сильнее». Мне не нравится тон, тон, какой вообще берут критики по отношению к писателям.

Я все забываю написать тебе о затмении⁶. Мы видели его отлично. Был ясный солнечный день. Смотрели в закопченные стекла у нас на дворе. Небо сделалось густо-синего цвета, как это бывает на далеком юге. Весь двор покрылся ярко-фиолетовыми тенями. Заметно стемнело. От солнца остался лишь рог. Запели петухи, заржали лошади...

Коля⁷ вчера уехал с большими надеждами работать, за две недели он ничего не сделал. Я вчера отдала ему переписать «Грациэлу»⁸, а теперь дрожу: потеряет. Ругаю себя, зачем согласилась, да он так внезапно стал собираться уходить, что я не успела сообразить. Ну и человек! Ну, об этом при свидании.

Митя наш очень волнуется, все еще не освоился, так что принимает бром. Не принимать ли его тебе? Раз ты нервен? А напрасно стал вспрыскивать мышьяк. Ведь Вдовиковский⁹ не советовал.

Я думаю, Павлику¹⁰ лучше не плавать в этом году, ты напугал меня минами, пусть плавает на будущий год, а в этом и Крымом может удовольствоваться.

К Телешовым поеду и свезу сто рублей, если мы должны, на этой неделе, когда насморк совсем пройдет. Сейчас говорила по телефону с Николаем Дмитриевичем. Он говорит, что переписать вексель надо. А как же без тебя? Или твоей подписи не нужно? А мне неловко было его спросить. Спрошу как-нибудь Елену Андреевну¹¹. Ты напиши и о картинке¹², и о векселе. Впрочем, я думаю и без тебя можно это сделать. Я наведу справки у наших адвокатов, а подпишешься ты потом.

Сейчас пришел Верун¹³, он нежно целует тебя, она до сих пор не успокоится, что законная жена. Она говорит, что все то же, то же самое.

Сегодня вечер в кружке¹⁴, но я не еду.

Целую, спешу отослать письмо.

Твой Чебукчи¹⁵.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/88 оф.

¹ Д.Н. Муромцев.

² Евгений Яковлевич Бахтеяров — владелец винокуренного завода в селе Глоотово.

³ См. примеч. 18 к п. 135.

⁴ Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) — прозаик, почетный академик по разряду изящной словесности Императорской Академии наук.

⁵ Речь идет о статье критика, журналиста, поэта Анатолия Андреевича Бурнакина (? — 1932) «Литературные заметки. Ритор» в газете «Новое время» (1912. 6 апреля. № 12954. С. 5) по поводу книги В.Я. Брюсова «Зеркало теней». Критик отмечает: «Валерий Брюсов выпустил новый сборник стихов: “Зеркало теней” <...> и в нем нет иных отражений кроме бледной немочи, потуги и уродства. С сотней стихотворений, и в них ничего, кроме вымученных рифм и ходульной риторики. Читаешь преславного Валерия и диву даешься: до чего он неестественен, неоригинален, какое роковое отсутствие чувства и воображения, ритма и мелодии. <...> Ни малейшего намека на непосредственность, на вдохновение, на сердечное волнение — сплошь лед и сплошной умысел. Все высосано, выстругано, рассчитано, все надуманно, нарочито, сознательно, <...> во всем гримаса и поза. <...> Сборник его может служить образцом мертворожденной и глухорожденной музыки века».

⁶ Солнечное затмение было 4 апреля 1912 г.

⁷ Н.А. Пушешников.

⁸ См. примеч. 13 к п. 135.

⁹ Теофил Игнатъевич Вдовиковский (1833– ?) — хирург, общественный деятель; старший врач одесской больницы, где основал первое в России отделение мочевых и половых органов.

¹⁰ П.Н. Муромцев.

¹¹ Е.А. Телешова.

¹² См. п. 134 и примеч. 24 к нему.

¹³ В.А. Зайцева.

¹⁴ О каком вечере в Литературно-художественном кружке идет речь, неизвестно.

¹⁵ См. примеч. 28 к п. 134.

138. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 16–17 апреля 1912 г.

Москва. 16 апреля 1912 года.

Дорогой мой, я — одна дома. Папа — в Думе. Мама — у Барановых¹. Сева² пошел за мамой. Митюшка³ — к Петровскому⁴. Меня же никуда не тянет. Я даже рада насморку, что он дает мне оправдание никуда не ходить. Только дома в одиночестве «я душой отдыхаю». Пишешь, что живешь тихо и однообразно. На минуту страшно захотелось разделить с тобой это однообразие, но сейчас же вспомнила, что со мной бы ты не стал жить такой жизнью. Это очень странно, но это так: мое присутствие возбуждает у тебя желание третьих лиц. Пишу тебе не в упрек. Я пережила все это. Перестрадала. И ко многому стала относиться иначе. Теперь я спокойно живу без тебя. Нет того вечного беспокойства, нет того желания всегда находиться около тебя, желание, совершенно неосновательное — слышать каждое твое слово, остроту, смех, создать наши особенные отношения, которых бы никто не касался бы. Но не вышло. Я совершенно искренне говорю, что ты не виноват. Разные натуры. Может, и разный возраст. За то отношение ко мне, которое ты даешь мне, я очень тебе благодарна и думаю, что понимаю и ценю лучше и правильнее всех окружающих. Скажу только — прошел год как мы ни на один день не оставались вдвоем. Немножко тяжело было при моем отношении к тебе. Теперь, Бог даст, будет полегче. Вот поправлюсь!

Сегодня была в лаборатории Кедровского⁵, чтобы исследовали мне кровь. Оказывается, что стоит это, если к ним пойти, 5 рублей. Я очень обрадовалась. Доктор сказал, что, долж-

но быть, гемоглобину будет 75%, в прошлое исследование было 80%, в год болезни Маши⁶, кажется, 50%. Завтра будет готов анализ в 3 часа дня.

17 апреля. Вчера очень быстро вернулся Митюшка от Петровского, и мы с ним вели беседу. Он очень милый. Волнует его будущее. В декабре кончается стаж. А он еще ничего определенного не имеет. А патрон, как и все адвокаты, платит ему гроши, да и дел почти не дает. Кажется, никто так не эксплуатирует подчиненных, как присяжные поверенные своих помощников. Он рассказал мне интересный случай. Ты помнишь, что Митюшка попал к Петровскому в фактические потому, что помощника зарезал паровоз. Вот он и рассказал об этом помощнике. Вся его семья погибла во время землетрясения в Верном⁷, и вместе с ней погибло и все состояние их. Но он страшно захотел попасть в Московский университет и с несколькими рублями в кармане он пешком дошел до Москвы. Я расспросила об его облике, кое о чем сама догадалась. Ростом он немного ниже Митюшки, широкоплеч, немного с кривыми ногами. Цвет лица — смугловатый, подбородок короткий, кажется срезанный, глаза небольшие, нос неправильный, немного вздернутый. Очень молчаливый и застенчивый, почти что дикий, его никогда не могли вытащить к гостям. А есть мнение, что он нарочно попал под паровоз из-за несчастной любви. Неправда ли любопытная история?

Вчера утром папа получил твои деньги⁸. Я их положила на текущий счет в Волжско-Камский банк⁹. Предварительно узнала, что это один из самых солидных банков, что в нем лежат деньги города. Кроме того, помощник управляющего папин знакомый, и он в пять минут мне сделал все. Положила я 1600 рублей. 83 р. пока оставила у себя, так как до 20 апреля я не беру у папы, ибо у него сейчас нет. 20 — же, т.е. после двадцатого я думаю положить еще рублей 400, 100 р. отдать Телешову, а на остальные жить лето. И, если мы проживем в Глотове, то должно у нас еще остаться рублей 400. Если, конечно, ты не истратишь всех денег, кот<орые> находятся у тебя. Не забудь написать в Московское книгоизд<ательство>, чтобы они прислали или мне, или Юл<ию> Ал<ексеевичу>¹⁰. Я положила деньги так, что каждую минуту можно их взять и туда прикладывать, процентов дают при этом три, если положить там вклады на год и больше, то дают по 4 ½ %, но тогда раньше года взять нельзя. Из «Заветов» я еще ничего не получала¹¹. «Суходол» мне тоже никто не прислал. Потеряю терпение и куплю «Вест<ник> Европы»¹².

Беспокоят меня твои кошмары! Не поместиться ли тебе на месяц в санаторию в Евпатории или под Москвой, ведь это будет немного дороже, рублей на сто против того, что ты теперь проживаешь. Юл<ий> Ал<ексеевич> уезжает после 10 мая, не в Испанию с Евг<ением> Ал<ексеевичем>¹³, но зато он свободен будет до 20 августа. Таким образом, если бы ты май прожил в санатории, то июнь, июль, август, даже сентябрь мы могли бы прожить в Глотове. И поправившись, жить в Глотове хорошо. Одна наша знакомая месяц прожила у Пупышевых¹⁴, в санатории под Москвой, и стала неузнаваемая. И заплатила она 125 рублей. Мне кажется, что тебе побыть хотя бы месяц под наблюдением врача было <бы> очень полезно. Подумай об этом.

Посоветуйся с умными людьми. Не будь малодушным и не живи лишь своими желаниями. Ведь это до добра не доведет, а главное — займись кишками, от них у тебя «все качества». А стол только в санаториях тебе могут предоставить такой, какой тебе нужен. Не сердись на меня. «Вы не можете меня огорчать». Но подумай, подумай. Будешь здоров, писать будешь. А то и работоспособность потеряешь. Я уж работать теперь не могу. Почитаю часок — голова болит. Мне, должно быть, на месяц запретят книгу в руки брать.

Сейчас несколько слов о психике рецензии маминной о Захаре: «Мастерски написано, так и вижу его со слезящимися глазами громадину, поспорил, что выпьет на четверть, что

дальше будет еще не дочитала». А за «Ночной разговор» тебе досталось за фуготню. Мама говорит, что ты пишешь как Барков¹⁵!!!

Ответы на вопросы.

Письмо Юл<ия> Ал<ексеевича> прочла¹⁶.

О Мите¹⁷ ты узнал.

Павлик¹⁸ в Ялте, Лютеранская, кв. доктора Музи¹⁹.

Он, кажется, попал в историю²⁰.

Готовлюсь к докторам, получу анализ крови. Посылаю мочу. Потом пойду к женскому и затем к терапевту.

Вчера мы считывали при Митюшке с Севой «Сабо»²¹. Он хвалил перевод.

«Вырезки»²² идут, из них я узнала, что ты был на банкете в Петербургской гост<инице>²³, вот если бы я осталась, платье бы и пригодилось. Познакомился ли с Шухминой²⁴?

Это я-то кратко пишу, а ты тогда как же?

Лето нужно проводить в Глотове, а если мне придется лечиться где-нибудь в другом месте, то я уеду одна. Ведь нельзя же тебя заставлять так из-за меня ломать себя. Ведь ты бы и не простил бы мне, если бы я лишила тебя вдруг Глотова, если сейчас пошел на это, то впоследствии, когда будешь сердиться, попрекал бы меня. Нет, я твердо решила — Глотово. И уже сделала распоряжение о сломке стены.

Мой руки после этого письма — у меня сильный затыжной насморк.

Я думала, что Чубукчи²⁵ — слово турецкое.

Целую крепко.

Все-таки твой Чубукчи.

Погода серая, но стало теплее.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/77 оф.

¹ Неустановленные лица.

² В.Н. Муромцев.

³ Д.А. Пушешников.

⁴ Петр Андреевич Петровский — присяжный поверенный; или Петр Николаевич Петровский — член Московского окружного суда.

⁵ Возможно, Василий Иванович Кедровский (1865–1937) — микробиолог и патологоанатом; в 1910–1923 гг. директор Бактериологического института им. Г.Н. Габричевского.

⁶ М.А. Ласкаржевская.

⁷ Землетрясение в Верном (с 1921 Алма-Ата) произошло 22 декабря 1910 г. (4 января 1911). Город был разрушен почти до основания (11–12 баллов), было много жертв. Горные хребты были рассечены разломами, а в результате гигантского обвала возникло Сарезское озеро. Сейсмографы многих сейсмических станций Европы были им испорчены и перестали работать.

⁸ См. п. 135 и примеч. 1 к нему.

⁹ Волжско-Камский банк — один из крупнейших банков дореволюционной России, отделение банка в Москве располагалось на ул. Ильинке. В 1890-х гг. он занял лидирующие позиции среди российских коммерческих банков.

¹⁰ Ю.А. Бунин.

¹¹ В петербургском журнале «Заветы» (1912. № 1 (апрель). С. 20–61) была напечатана повесть Бунина «Веселый двор».

¹² См. примеч. 29 к п. 134.

¹³ Е.А. Бунин.

¹⁴ См. примеч. 5 к п. 130.

¹⁵ Иван Семенович Барков (1732–1768) — поэт, автор эротических, «срамных од», переводчик Академии наук, ученик М.В. Ломоносова, поэтические произведения которого пародировал.

¹⁶ Письмо Ю.А. Бунина неизвестно.

¹⁷ Д.Н. Муромцев.

¹⁸ П.Н. Муромцев.

¹⁹ Биографические сведения не найдены.

²⁰ О чем идет речь, неясно.

²¹ Новелла Г. де Мопассана «Сабо».

²² В Петербурге существовало специальное «Бюро газетных вырезок», где по желанию заказчика ежедневно вырезались из газет и присылались ему все имеющиеся к нему отношения статьи, выходящие в Российской империи. Такие вырезки, заказанные Буниным (более 460 единиц), хранятся в коллекции ОГЛМТ под единым инв. номером 3765 оф.

²³ В газете «Одесские новости» (1912. 10 апреля. № 8692. С. 4) в анонимной информационной заметке «Литературно-художественный клуб» сообщалось: «8 апреля представители одесского Литературно-художественного клуба чествовали в залах Петербургской гостиницы ужином артисток, артистов и лекторов, участвовавших в литературных и музыкально-вокальных вечерах клуба. К ужину были приглашены и гостиющие в Одессе писатели Н.Н. Потапенко и И.А. Бунин, а также г. Певин, издатель журнала «Современник»».

²⁴ Возможно, Нина Иосифовна Слестенина-Шухмина (1889–1966) — артистка.

²⁵ См. примеч. 28 к п. 134.

139. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 19 апреля 1912 г.

Сейчас получила твое письмо¹, дорогой мой, зачем же ты бесишься, что я не иду к докторам. Я решила заняться собою серьезно, а потому и не тороплюсь: семь раз отмерь, один отрежь. Когда нездоровый человек должен сам о себе заботиться, то он должен найти в самом себе силу и спокойствие, а тогда и отправляться на мытарства. Кроме того, я заполучила страшный насморк, такой, какого никогда не имела, а погода такая, что Штурм говорит, что не запомнит за всю свою жизнь такой весны. Вчера шел снег, и наш двор был засыпан довольно густым белым слоем. Сегодня сыро, серо и противно. Как в такую погоду выйдешь? А мне до терапевта нужно быть у женского врача. Приглашать же последнего нет смысла, так как лучше делать осмотр у них на дому. Может, нужны особые приспособления. Сегодня поговорю по телефону с Сергеем Сергеевичем² (я как-то позабыла о нем). Пусть он посмотрит, а если есть что-либо серьезное, то тогда уж к Снегиреву³. Я все-таки убеждена, что это у меня на почве малокровно-нервной.

Прилагаю тебе письма Черемновых, зовут очень на май⁴. Если бы ты делал, как я хочу, то мы поехали бы на май в Клеевку⁵. Я даже одна бы туда поехала, ибо уверена, что Марья Павловна⁶ обо мне будет заботиться не хуже мамы, а мне это необходимо, да ты, конечно, одну меня туда непустишь, хотя это было бы для меня самым лучшим. Новое место, люди хорошо по-настоящему ко мне относятся, здоровая местность и т.д. и т.д., доктор. Ведь кроме Черемновых там живет его сестра с мужем и детьми. Все равно, пока я не поправлюсь, я в Глотова *не поеду*. Там слишком много у меня плохих воспоминаний, которые меня волнуют, я и теперь, как вспомню обо всем, что я там пережила, так разбаливается голова и слезы подступают. Поэтому я в Глотова поеду, когда вполне успокоюсь, поправлюсь, не ранее начала июня. Если ты в Клеевку не поедешь на май и меня туда непустишь, то я май все равно проведу где-нибудь, только не в Глотова, ибо боюсь, что разболеюсь. Это не каприз, я много и подробно написала бы, да боюсь разволновать, «стара стала, слаба стала»⁷. О вырезках и денежных делах напишу завтра — устала.

Целую крепко-крепко.

Твой С...

19 апреля.

Исследование крови.
Количественное.

Копия

Гемоглобина 73 %

Эритроциты 4.140.000

Показатель окраски каждого эритроцита 0,88 (нормально = 1,0)

Лейкоциты 8, 400

Процентное соотношение различных видов лейкоцитов выразилось следующими цифрами

нейтрофилов ..... 76 %

лимфоцитов ..... 18 %

переходных форм ..... 5,5 %

эозинофилов ..... 0,5 %

Отношение числа лейкоцитов к числу эритроцитов 1: 492.

Штурм сказала (я говорила с ним по телефону), что у меня слишком много белых и мало красных.

Анализ мочи.

Копия.

Удельный вес 1015

прозрачность чистая

цвет соломенно-желтый

Химический анализ

Реакция очень кислая

Белка нет

Сахара нет

Пигментные реакции

Индикан слабо выраж<ен>.

Имомоглобина нет

Уробилина слабо выражено

Желчные пигм. нет

Микроскопич<еское> исследование

Осадок, добытый центрифугой:

Редкие лейкоциты.

Редкие клетки эпителия слизистой оболочки пузыря.

Немного плоского эпителия наружных частей.

Мало кристаллов мочевой кислоты.

Крови, цилиндров нет.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/132 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² С.С. Голоушев.

³ Владимир Федорович Снегирев (1847–1916/1917) — врач-гинеколог, один из основоположников гинекологии как научной дисциплины в России.

⁴ Имеется в виду письмо А.С. Черемнова от 15 апреля 1912 г. (ОГЛИМТ. Ф. 14. № 3239/2 оф).

⁵ Клеевка — имение Черемновых в Витебской губернии.

⁶ М.П. Миловидова.

⁷ Слова из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Верный Трезор» (1885).

140. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 20 апреля 1912 г.

Баку: Статья «Живые и мертвые» — подпись Огонек¹. Много о Горьком, затем не менее реальные вещи дали Бунин и Гусев²; Бунин дал большой рассказ, написанный в стиле его «Деревни». Образы опивающ<ихся> мужиков яркие и мрачны. С такими людьми едва ли возможно какое-либо жизнестроительство. Если этих мужик<ов> сделать королями и поселить в хруст<альном> дворце, то и они просто разворуют все, разбегутся и обопьются...

Рига: Два слова³. И.Б. дал в сборник натуралистический «Ночн<ой> разг<овор>» крестьян-работников в присутств<вии> барчука.

Да, еще из петерб<ургской> газеты «Современное слово». В большой статье Огинского «Два новых романа: “Томление духа” Дымова и “Хромой барин” Толст<ого>», упоминается в сноске о тебе: «Кроме романа Тол<стого> в нем помещен замечательный этюд Бунина, о кот<ором> нам придется еще говорить»⁴.

Вот пока и все⁵. И устала же я. Все утро и полдня посвятила вырезкам.

Погода ужасная: снег и снег. Я все не выхожу. Сегодня придет ко мне Сергей Сергеевич⁶. Посоветуюсь с ним, что делать, и нужно ли еще обращаться к кому-нибудь, к Снегиреву, например. Придут сегодня Юл<ий> Ал<ексеевич>⁷ и Арсик⁸.

Вчера вечером была у меня Каменская. Все также не справляется никак с прислугой. Тратит на туалеты около 5000 рублей и говорит, иногда надеть нечего... Была Мустья⁹, говорит, что тратит на туалеты 3500–4000 рублей. Заработал муж 30000 р. Да мало еще, не хватает. Был и М<ихаил> И<льич>¹⁰ в серой парочке с прямым пробором. Рассказал о подробностях их драмы, о ней в другой раз. Браня Зою¹¹ за ничегонеделание, он сказал, что ему приходится по 15 р. самому покупать подштанники, а заработал в этом году он 24000 рублей. Видела Зернова¹² во время крестин, говорит, что заработал 20000 рублей за этот год. О, господи! Что за адвокаты у нас. Я все слушаю. Хочу кое-что записывать, может, тебе и пригодится.

О денежных делах завтра, а то устала. Что же, пришьешь «Сына»¹³? У меня все переписано. Пора отправлять в «Антик»¹⁴.

Целую тебя крепко. Говорят, в Москве до 7 мая будет плохая погода. Напиши о планах своих.

Твой Любимчик.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/184 оф. Сохранилась концовка письма. Датируется по содержанию и по связи с предыдущим письмом.

¹ В газете «Баку» (1912. 31 марта. № 72. С. 3) напечатана рецензия «Живые и мертвые» на книгу 38 «Сборника товарищества “Знания”», в которой был напечатан рассказ Бунина «Захар Воробьев». Подпись: Огонек. Далее цитируется фрагмент рецензии по поводу данного рассказа.

² Сергей Иванович Гусев-Оренбургский (наст. фам. Гусев, 1867–1963) — прозаик, поэт, драматург.

³ О какой рижской газете идет речь, не установлено.

⁴ Речь идет о статье критика и публициста Николая Петровича Апешова (псевд. А. Ожигов; 1866–1923) «Литературные мотивы» в петербургской газете «Современное слово» (1912. 11 апреля. № 1530. С. 2. Подпись:

А. Ожигов). Осип Дымов (наст. имя и фам. Осип Исидорович Перельман, 1878–1959) — писатель, журналист; его роман «Томление духа» (1912) и роман Алексея Николаевича Толстого (1882–1945) «Хромой барин» были напечатаны в сборнике первом «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912).

⁵ Обзор отзывов критики на «Ночной разговор» см. в примеч. Д. Риникера (*Бунин в русской периодической печати*. С. 485–487).

⁶ С.С. Голоушев.

⁷ Ю.А. Бунин.

⁸ А.Н. Бибииков.

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ М.И. Шрейдер.

¹¹ Возможно, З.Е. Шрейдер.

¹² Зернов — московский адвокат.

¹³ Рассказ Г. Мопассана «Сын» (1882), перевод которого редактировал Бунин.

¹⁴ Имеется в виду издательство «Польза» В. Антик и К^о, в котором должен был печататься сборник рассказов Г. Мопассана в переводе В.Н. Муромцевой.

141. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 21 апреля 1912 г.

21 апреля 1912 г.

Дорогой мой, спешу обрадовать тебя: Сергей Сергеевич¹ ничего не нашел у меня «там». Должно быть, все от малокровия. Дал мне то, что обычно дают, но сохрани Боже вызывать, при моем малокровии это более чем опасно. Завтра пойду к Штурм. Остановилась я на нем вот почему: он знает очень хорошо мой организм — ведь он принимал меня, когда я родилась, и почти всю жизнь лечил меня. Помню, что после тифа он очень хорошо вел меня. Я созвонилась с ним, и он сказал, что надо мне прослушать сердце, легкие и селезенку, вот ведь где собака зарыта, ведь селезенка выделяет у меня больше, чем нужно, белых шариков. Если после его осмотра я увижу и почувствую какую-нибудь неясность или подозрение в какой-нибудь серьезной болезни, то я пойду еще к кому-нибудь, но я думаю, у меня более-менее все в порядке, ибо никаких болей я не чувствую, только страшную слабость: напишу письмо и устала. Завтра, как приду от Штурма, так и напишу тебе, в чем дело и какое лечение. Сейчас живу как в санатории, все за меня делают, только ешь, да пей. Погода прекрасная сегодня: ясно, четко, весело. Я немного с мамой погуляла по солнышку. Какой прекрасный крепкий барский дом выстроили на Поварской прямо против Трубниковского пер<сулка>²! Я все им люблюсь, когда прохожу! Погода так хороша, что я вспомнила Афины, Акрополь... Синее небо и золотистый мрамор.

Сегодня после обеда нас всех позвала к себе Муся³, в том числе и Митюшка⁴, — супруг ее в Вильне, вот она собирает нас без него. Митюшка, видимо, доволен, выбрался и погога-тывает. Вчера в 4 ч. вместе с Юл<ием> Ал<ексеевичем>⁵ был Арсик⁶. Он еще больше стал похож на актера. Под глазами много волос, как и везде сбритых. Но все такой же милый. На днях они едут на Воргол, а затем папка, мамка, Варварка и Милка⁷ — в Сочи. Варварка больна — у нее не найдешь пульса — так слаб, — сердце плохо. Из лиги равноправия она получила букет цветов⁸. От Н<иколая> Ал<ексеевича>⁹ ни звука, хотя он уже давно уехал. Должно быть хрякнул в Орле. Петя¹⁰ лечит ему зубы. Доверился!

Денежные дела так: у Юл<ия> Ал<ексеевича> больше тысячи, если за апрель заплатит Блум¹¹. Через несколько дней отправлюсь к Е<лене> Ан<дreeвне>¹² и отвезу тысячу, а процентами можно заплатить сто рублей, остальные деньги спрячу в Лионский¹³, и если лето

пройдет благоприятно, то у нас в запасе будет около 4000 рублей. Я зря деньги никуда не трачу, только на «Ревизора»¹⁴, ну да это в пользу голодающих, «noblesse oblige»¹⁵. Хочу 20 рублей отдать Фон-Виккен¹⁶, а то неловко.

Целую крепко, но уже 3 дня нет писем. Вера.

Мама говорит, что лучше «Суходола» ты ничего не писал. Нравится и «Сверчок»¹⁷. Вообще, очень многие хвалят «Сверчка».

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/70 оф. Последний абзац приписан в начале 1-й страницы письма.

¹ С.С. Голоушев.

² Городская усадьба купца первой гильдии Я.М. Шлоссберга (Поварская, 46, угол Скарятинского пер.) была построена в 1910–1911 гг. по проекту А.Н. Зелигсона (ныне это резиденция посла ФРГ и охраняемый государством объект культурного архитектурного наследия).

³ Неустановленное лицо.

⁴ Д.А. Пушешников.

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ А.Н. Бибиков.

⁷ Возможно, В.Е. и В.П. Пашенко, В.В. и М.А. Бибиковы.

⁸ Очевидно, В.В. Бибикова принимала участие в работе московского отделения Всероссийской Лиги равноправия женщин (год основания — 1907).

⁹ Н.А. Пушешников.

¹⁰ П.А. Пушешников работал в Орле зубным врачом.

¹¹ Г.Г. Блюменберг.

¹² Е.А. Телешова.

¹³ Имеется в виду банк «Лионский кредит».

¹⁴ См. примеч. 2 к п. 133.

¹⁵ «Noblesse oblige» — французский фразеологизм, буквально означающий «благородное (дворянское) происхождение обязывает». Переносный смысл — «честь обязывает» или «положение обязывает».

¹⁶ Неустановленное лицо.

¹⁷ См. примеч. 6 к п. 133.

142. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Новоскольники. 10 августа 1912 г.

Ново-Сокольники.

Устроилась хорошо¹: вдвоем с барышней, которая всю ночь танцевала на балу в Люцене², она едет в Уфу. Со спутниками я рассталась сейчас, их поезд уходит. Они заняли прекрасные места.

Всем привет.

В.

Р. S. Пью чай очень скверный.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/72 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Витебская губ. Ст. Нащокино. Клеевка. Марии Павловне Миловидовой. Для Ив. Алек. Бунина»; почт. шт.: «Новоскольники, 10.8.12»; «Нащокино, 10.8.12». Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В.Н. Муромцева уехала из Клеевки в Москву 10 августа, сопровождавший ее Ю.А. Бунин уехал в Орел. Бунин с Н.А. Пушешниковым остался в Клеевке до 15 августа (*Летопись* (2). С. 243, 247).

² Что имеется в виду, неясно.

В первом ряду: В.Н. Муромцева, Н.А. Пушешников, во втором ряду: М.П. Миловидова, И.А. Бунин, в третьем ряду А.С. Черемнов, неизвестная.
Клевка, 1912 г.
(РАЛ)

143. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину
Москва. 11 августа 1912 г.

11 августа.
2 часа дня.

Дорогой, золотой мой, доехала очень хорошо: всю дорогу нас было двое в купе; спать легла вчера в 8 ч. вечера, встала сегодня в 6 ч. утра. В Москве серо и прохладно, но все-таки приятно.

Все твои поручения исполнила: I. была в типографии, корректуру отдала¹, но отпечатанных листов мне не дали, говорят, что они посланы вчера тебе; эпитафия снимут с Захара Воробьева², новые листы еще не отпечатаны — ждут разрешения от Махалова³.

II — к Сер<гею> Дмитр<иевичу>⁴ звонила, никто не отвечает, позвоню еще раз, если не ответят, то зайду сама. III — Клестову⁵ звонила, обещали передать ему, чтобы он позвонил 11.10. Вот пока все сделано, что от меня зависело. Прачку тоже наняла, придет стирать в понедельник. В нашей квартире был основательный ремонт. В зале переложена печь, во всех комнатах новые обои.

Сегодня у нас обедает Соня Зноско-Боровская⁶. Вот удачно я приехала. Зоя⁷ никуда не ездила, ты прав, как всегда, я получила от нее письмо в Нашокине⁸. На днях ждут Павлика⁹. Мама же, кажется, поедет еще в Крым.

Митюша¹⁰ спит пока в маленькой комнате, ибо его кушетка обивается. Я поместилась в маминной. Папе Рига очень понравилась, особенно средневековая часть города, но, говорит, трудно было найти дорогих номеров. Представь, он говорит, что с ним были «какие-то припадки», так что он боял<ся> умереть ночью, оставлял записки-распоряжения на случай смерти, «но умереть не боялся», прибавил он. «А оставлял, чтобы не ставить людей в затруднительное положение».

Севочка¹¹ думает ехать с княгиней Шаховской¹² за границу.

Целую крепко-крепко. Ненаглядного Кустика. Передай Марье Павловне¹³, что букет я довезла до самого дома совсем свежим.

Поклоны М<арии> П<авловне>, Ал<ександру> С<ергеевичу>¹⁴, Н<иколаю> Ал<ексеевичу>¹⁵, Ан. К.¹⁶

Твой Верун.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/109 оф. Год определен по содержанию.

¹ Речь идет о корректуре книги Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.», которая готовилась к выпуску в «Книгоиздательстве писателей в Москве».

² Рассказ «Захар Воробьев» в печати эпитафия не имел.

³ Сергей Дмитриевич Махалов (псевд. С. Разумовский, 1864–1942) — драматург, публицист, критик, театральный деятель; один из учредителей «Книгоиздательства писателей в Москве».

⁴ С.Д. Махалов.

⁵ Николай Семенович Клестов (псевд. Ангарский, 1873–1941) — редактор-издатель, журналист, литературный критик, мемуарист.

⁶ Соня Зноско-Боровская — кузина В.Н. Муромцевой.

⁷ З.Е. Шрейдер.

⁸ Почтовое отделение, куда приходила корреспонденция для Клеевки.

⁹ П.Н. Муромцев.

¹⁰ Д.А. Пушешников.

¹¹ Вс.Н. Муромцев.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ М.П. Миловидова.

¹⁴ М.П. Миловидова и А.С. Черемнов.

¹⁵ Н.А. Пушешников.

¹⁶ Неустановленное лицо.

144. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 12 августа 1912 г.

Москва 12 августа

1912 г. 11 ч. утра.

Вчера, мой Ненаглядыш, был у меня в 7 ч. вечера Клестов. Главное, что он сказал мне, что до 16 августа книжка не будет печататься: будут ждать тебя, т.к. ты не уполномочил меня распорядиться по этому поводу, то я сказала, что сообщу тебе об этом. Из разговора я поняла, что ни Клестов, ни Вересаев¹ *органически* не могут понять твоего отношения к книге, но Клестов, не знаю искренно или нет, очень огорчен всем этим². «Я, — говорит, — три ночи не спал, боюсь теперь увидеться с Ив<аном> Ал<ексеевичем>. Но книгу я показывал очень и очень многим, она имеет *отличный вид*, гораздо лучше “Перевала”»³. Они складывали пустые листы. Сегодня Клестов едет в Петербург. Я думаю, что, конечно, умнее всего подождать тебя, 12 — воскресенье, 15 — праздник Успения, следовательно, работали бы только 13 и 14. Клестов говорит, что обошел все склады в Москве и к 16 августу подберет все образцы бумаги, имеющиеся в Москве, и если тебе окончательно не понравится «их» бумага, то напечатают на другой. Клестов, по-моему, обиделся, что ты написал, что «до разрешения Махалова не печатать» и спрашивал меня, что это значит. Я объяснила так: что ты писал в Ригу

С<ергею> Дм<итриевичу>⁴ и знал, что С<ергей> Дм<итриевич> раньше него будет в Москве, т.к. он, Клестов, уезжал к Вересаеву.

Сергей Дм<итриевич> переменял адрес. Никитская, Б<ольшой> Чернышевский пер., д. № 5 (рядом с «Русскими Ведомостями»⁵). Сегодня зайду к нему. Погода мрачная, но настроение хорошее. Вчера обедала у нас Соня⁶, она пополнила и похорошела. Потом пришел Зотов⁷ — муж другой кухни. Мы очень весело провели вечер, папа оживлен. Много рассказывал о своей поездке. Была и Зоя⁸. Она чувствует себя лучше. Думает поступать к Мозетти⁹, а затем на сцену. Перед сном взяла ванну, но голову не мыла.

Проснулась в 8 ч., наши же деловые люди только что выходят из своих норок. Митюшка¹⁰, к большому неудовольствию Ник<олая> Алек<сеевича>¹¹, нашел, что я похудела с тех пор, как он меня видел. Комната его оклеена тоном электрик.

Целую крепко, нежно гениальную бровку. Поклон М<арии> П<авловне>, Ал<ександру> С<ергеевичу>¹², Ан.К.¹³, Н<иколаю> Ал<ексеевичу>.

Спрашивала о Скрудже¹⁴, еще не вышла, завтра обойду все магазины.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/81 оф. Сохранился конверт, но от другого неизвестного письма, очевидно, от 25 августа 1912 г.; адрес получателя: «Д. Гурзуф. [Г. Севастополь], до востребования. Его Превосходительству Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 26.VIII.12»; «Севастополь, 28.8.12»; «Гурзуф, 31.8.12».

¹ Викентий Викентьевич Вересаев (наст. фам. Смидович, 1867–1945) — прозаик, поэт-переводчик, литературовед; один из учредителей «Книгоиздательства писателей в Москве».

² Бунин писал Н.С. Клестову из Клеевки 28 июля 1912 г. по поводу готовящейся к печати своей новой книги «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.»: «Многоуважаемый Николай Семенович, сейчас получил от Вас бандероль — обложку, титул и отпечатанный лист. Взглянув на последний, ахнул — и посылаю в типографию телеграмму — приостановить печатание. Что хотите со мной делайте, а я не могу выпускать книгу на такой бумаге, с текстом, обитым по краям и мазаным! Бумага “Перевала” на вид, на плотность в десять раз лучше, печать — тоже! Пишу Вересаеву и Махалову, посылаю кусочки этого листа. Надо перепечатывать?»

Что делать — не знаю, но на это нет моего согласия. Погодите печатать.

И разбивка слов осталась такая же нелепая, и между главами — то верста, то вершок. Бумага легка, убога, бледна, краска — тоже» (*Письма* (2). С. 237).

³ Имеется в виду книга Бунина «Перевал. Рассказы 1892–1902 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1912).

⁴ С.Д. Махалов.

⁵ Редакция газеты «Русские ведомости» с 1886 г. размещалась по адресу: Большой Чернышевский пер., д. 7 (ныне Вознесенский пер.).

⁶ Возможно, Соня Зноско-Боровская.

⁷ Петр Петрович Зотов — муж Марии Николаевны (урожд. Вокач), дочери Н.А. Вокач и Марии Андреевны Муромцевой — сестры Н.А. Муромцева.

⁸ З.Е. Шрейдер.

⁹ Имеется в виду Умберто Августович Мазетти (1869–1919) — итальянский певец (лирический тенор), педагог; с 1899 г. преподавал в Московской консерватории (профессор).

¹⁰ Д.А. Пушешников.

¹¹ Н.А. Пушешников.

¹² М.П. Миловидова и А.С. Черемнов.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Скрудж — главный герой повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе», которая в переводе Н.А. Пушешникова вышла отдельным изданием в московском издательстве «Польза» В. Антик и К^о в 1912 г. в серии «Универсальная библиотека».

145. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 23 августа 1912 г.*

10 ч. 30 м.

23 августа 1912 года.

Дорогой мой, я уже разделась и в своем капоте пишу тебе¹. У папы 39,3. Павлик² думает, что это кишечно-желудочного происхождения, — вчера он ел виноград. Самочувствие его плохое. У Зайцевых все, слава Богу, благополучно³, и он сам едет сегодня в Притыкино⁴, он — счастливый отец! Все уговаривал меня иметь детей. Верун⁵ был очень мил, к тебе настроен очень хорошо. Лешка⁶ выше меня на голову, очень приятный юноша. Мы с ним доехали до Лубянской площади на № 22-ом, он слез, я же поехала дальше. Возвращаться было грустно. Пришла домой. Зоя⁷ позвонила по телефону, позвала в синематограф, и мы с Митюшкой⁸ отправились, он был так любезен, что не позволил нам платить. Четверть десятого я была уже дома. И, напившись чаю и убравши свою комнату, пишу тебе. Сейчас ложусь. На дворе шуршит по листьям сирени дождь. Хорошо, что уехали⁹. Поклон Николаю Алексеевичу¹⁰. Целую крепко и нежно.

Твой С.

У папы сейчас 38,9, немного понизилась.

Нашла массу твоих рецензий, завтра пересмотрю.

Еще целую.

Твой К.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/87 оф. Сохранился конверт; адрес получателя: «Д. Гурзуф. [Г. Севастополь], до востребования. Его Превосходительству Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 24.8.12»; «Гурзуф, 31.8.12».

¹ Бунин вместе с Н.А. Пушешниковым уехал из Москвы 21 или 22 августа 1912 г. на юг: Севастополь, Гурзуф, Одесса. Вернулся в Москву 25 сентября 1912 г. (*Летопись* (2). С. 247, 262).

² П.Н. Муромцев.

³ У Б.К. и В.А. Зайцевых 16 августа родилась дочь Наталья (в замужестве Соллогуб, 1912–2008).

⁴ Притыкино — калужское имение Зайцевых.

⁵ В.А. Зайцева.

⁶ А.Н. Смирнов.

⁷ З.Е. Шрейдер.

⁸ Д.А. Пушешников.

⁹ Бунин с Н.А. Пушешниковым уехал из Клеевки в Москву 15 августа 1912 г., а 21 или 22 августа отправились в Севастополь, откуда в Гурзуф.

¹⁰ Н.А. Пушешников.

146. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 24 августа 1912 г.*

24 августа 1912 г.

7 ч. вечера.

Дорогой Ян, посылаю тебе письмо Нилуса¹. Я целый день сижу дома: вчера на всякий случай приняла 5 гр. хины и чихала с полночи, сдуру приняла и сегодня столько же и весь день чувствую себя обалделой, но зато, кажется, заболеть себе не позволила. Погода

мерзкая, серая, только часа на два днем прояснилось. У папы после касторки жар спал. От хины я не могла ничем заниматься, только прочла «Надежду»² с удовольствием. Мне даже кажется, что я сама все это видела. Был Юл<ий> Ал<ексеевич>³, с Митюшкой⁴ и Севои⁵ ходил заказывать сюртук педагогический из крепа за 85 рублей (всю тройку).

Столовая у нас теперь очень хорошая. Буфет стоит у противоположной стены, где стоял книжный шкаф, который перенесен к Павлику⁶, там же и Митюшкина кушетка, а у него, Митюшки, тахта и два мягких, удобных кресла. У меня же постель, чему я очень рада. В комнате порядок. Сильное желание работать. Статью о А.П. Буниной⁷ в Брокгаузе⁸ я прочла, отыскала еще источники, где искать материалы.

Поклон Н<иколаю> Ал<ексеевичу>⁹.

Тебя же нежно и крепко целую.

Твой К.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/84 оф. Сохранился конверт; адрес получателя: «Д. Гурзуф. [Г. Севастополь], до востребования. Его Превосходительству Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 25.8.12»; «Севастополь, 27.8.12»; «Гурзуф, <оторван>.12».

¹ Имеется в виду письмо П.А. Нилуса к Бунину от 21 августа 1912 г. См.: *Письма* (2). С. 627.

² Рассказ Бунина «Надежда» (1902).

³ Ю.А. Бунин.

⁴ Д.А. Пушешников.

⁵ Вс.Н. Муромцев.

⁶ П.Н. Муромцев.

⁷ Анна Петровна Бунина (1774–1829) — поэтесса, переводчица.

⁸ Речь идет об «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» в 86 томах, выпущенном в 1890–1907 гг. Статья об А.П. Буниной в т. IVa. (СПб., 1891. С. 933–934).

⁹ Н.А. Пушешников.

147. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 26 августа 1912 г.

Письмо № 4.

26 августа 1912

года.

10 ч. вечера.

Дорогой мой Ян, я уже распростилась и удалилась в свои внутренние покои; напишу тебе письмо, лягу в постель, почитаю, да Бог даст скоро и засну. Сегодня я с половины десятого занималась Флобером¹ и до трех с перерывом в 1 ч. После трех была у З<инаиды> Ник<олаевны>², главным образом затем, чтобы взять книжку Берлица³ по английскому языку. Стоимость на курсах⁴ понижена: 13 рублей, если группа в 5 чел., и 7 рублей, если 10 ч., думаю записаться в первую. Вообще настроение рабочее и серьезное, если бы проработать так два месяца, то сделать было бы можно много. Очень хотелось бы мирной жизни. Я почему-то хуже стала себя чувствовать, должно быть, надо принять фитин.

От Ал<ексея> Мак<симовича> тебе письмо очень длинное⁵. Существенного вот что:

1) Книга его сказок отправляется В<икентию> В<икентьевичу> на днях⁶.

2) Он посвящает тебе не рассказ, а повесть «Большая любовь», которую он сейчас пишет⁷.

3) Вероятно, с нового года появится новый журнал, который «во многом действительно будет новым»⁸.

4) Затем идет разнос «Заветов»⁹.

5) «Я рад, что Вы пишете стихи и Саша Черный¹⁰ — тоже».

6) Был серьезный бронхит.

7) «Помните, Вы обещали дать рассказ для сборника в честь Франко¹¹? Срок до конца октября, рукопись надо посылать по адресу: Австрия, Львов-Lemberg, улица Супінського 21. Ивану Кривецкому¹²».

8) Сильно сожалеет Анненского¹³.

9) Радость, что ты собираешься приехать на Капри. «Винограду — воз припасем, вина — озеро!»

10) Длинный рассказ о двух неаполитанках, матери и дочери, пересказывать его я не стану, приедешь, прочтешь.

11) «Ада Негри¹⁴ выразила желание познакомиться с русскими стихами — одну книжку послал. Кого бы вы рекомендовали? Пушкина она знает по переводам “русской антологии”».

Вот и все.

После обеда я была в кинематографе, смотрела «1812 год»¹⁵. Боже, как все грубо, и как омерзительно играют актеры, я ни на минуту не могла забыть.

Без четверти 11. Пора спать.

Целую крепко, о тебе стараюсь не думать и пока покойна. Сегодня письма не было. Поклон Н<иколаю> А<лексеевичу>¹⁶.

Твоя Лошадка.

Погода хорошая.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/82 оф. Сохранился конверт; адрес получателя: «Д. Гурзуф. [Г. Севастополь], до востребования. Его Превосходительству Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 27.8.12»; «Севастополь, 29.8.12»; «Гурзуф, 31.8.12».

¹ Имеется в виду перевод романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

² З.Н. Муромцева.

³ Речь идет о книге М.Д. Берлица: *Berlitz M.D. Method for Teaching Modern Languages. English Part for Adults. First Book. 148th revised edition. Berlin (?), 1910.*

⁴ См. примеч. 3 к п. 76.

⁵ Имеется в виду письмо А.М. Горького к Бунину от 18 (31) августа 1912 г. с Капри (*Горький. ПСС. Письма. Т. 10. С. 98*).

⁶ Рукопись «Сказок» А.М. Горького была послана В.В. Вересаеву. Книга А.М. Горького «Сказки» была выпущена «Книгоиздательством писателей в Москве» в 1913 г.

⁷ А.М. Горький не посвящал Бунину своих произведений. Речь идет о задуманной Горьким повести «Большая любовь», которая явилась третьей частью произведения об Окурове. Повесть осталась незаконченной. Первые упоминания о повести «Большая любовь» содержатся в письмах М. Горького, относящихся к концу 1909 и к 1910 г. В одном из них писатель говорит о своем замысле написать повесть о русской девушке — носителнице «большой любви». Бунин, однако, успел об этом заявить даже в печати: «С Горьким я нахожусь в постоянной переписке. В последнем письме он сообщает мне, что написал новую повесть “Большая любовь”, над которой работал почти все лето» (*Т. [Тамарин А.А.(?)] У академика Бунина: Беседа // Южная мысль. 1912. 6 сентября. № 307. С. 5*).

⁸ Речь идет о реорганизации журнала «Современник» с января 1913 г. (Горький в письмах того периода много об этом писал).

⁹ «Заветы» — ежемесячный литературно-политический журнал (СПб., 1912–1914) создан по инициативе одного из лидеров партии социалистов-революционеров В.М. Чернова. Горький ушел из «Заветов» после первого номера.

¹⁰ Саша Черный (наст. имя и фам. Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) — поэт, прозаик, получивший широкую известность как автор популярных лирико-сатирических стихотворных фельетонов. Саша Черный в это время приезжал к Горькому на Капри, поэтому последний всем о нем и писал.

¹¹ Иван Яковлевич Франко (1856–1916) — украинский писатель, ученый и общественный деятель. В июне и июле 1913 г. торжественно отмечался 40-летний юбилей литературной и общественно-политической деятельности И. Франко. Речь идет о сборнике «Привіт Іванови Франкові в сороколїтє його письменської праці (1874–1914). Літературно-науковий збірник» (Львів, 1916), произведений Бунина в сборнике нет.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ Николай Федорович Анненский (1843–1912) — экономист, статистик, публицист-народник, журналист, переводчик и общественный деятель, скончался 26 июля 1912 г.; брат поэта И.Ф. Анненского.

¹⁴ Ада Негри (1870–1945) — итальянская поэтесса.

¹⁵ Художественный фильм «1812» был снят к 100-летию победы в войне с Наполеоном. 32-минутная лента была снята тремя режиссерами В.М. Гончаровым, Ганзеном Каем и А.Н. Уральским. Премьера фильма «1812» состоялась в Москве 26 августа 1912 г. в 100-летнюю годовщину Бородинского сражения. В фильме снимались П. Кнорр, В.Р. Гардин, А.В. Гончарова, А.А. Громов, В.К. Сережников.

148. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 27 августа 1912 г.

№ 5

Страничка из дневника

27 августа. 9 ч. утра.

Проснулась в 8 ч. Спала довольно хорошо. Видела сон, что с Зоей¹ и детьми еду в Крым. В девять часов уже за письменным столом. До сих пор ощущаю радость, что за утренним кофе можно сидеть лишь 20 минут.

День ветреный, хотя и тепло. Небо голубое, все в маленьких ватных облачках. Настроение ровное.

20 минут 12-ого получила открытку от Яна².

Сейчас небо очистилось. Может, установится погода!

Без 10 м. час. Иду завтракать. Занималась без перерыву почти 4 часа. Поправляю по 7 стр. в день, рассчитала, что, если пойдет так, то к началу октября кончу всю книгу³.

Половина второго на трам⁴ отправилась к Берлицу⁵ и записалась на английский яз. за 13 рублей в месяц. Из вагона видела, как украшена дума и Воскресенская площадь⁶. Стильно. С Кузнецкого шла пешком. Было очень жарко. Я прямо обливалась потом в своем лиловом костюме. По дороге встречала массу колясок с генералами, усеянными звездами и орденами с женами, очень типичными, в шляпах с большими полями и очень длинными носами. Зашла к Хлатину⁷, но хозяина не было в магазине. Зашла в бывший магазин «Звено»⁸, купила себе Историю франц<узской> революции 48-го года Эритье⁹. Книга объемистая. Буду читать по 25 стр<аниц> в день и через месяц осилю. Ян выругал бы за это. Да я не могу переводить, когда мне что-либо не ясно. Купила бумаги для машинки. Вернувшись домой, я нашла в ящике три письма для Дм<итрия> Ал<ексеевича>¹⁰, из кот<орых> два от Соф<ьи> Ник<олаевны>¹¹. Она страшно испугана отъездом сынка в Крым, вообразила, что у него чуть ли не чахотка. Оказывается, Н<иколай> Ал<ексеевич>¹² даже не написал ей, что мы вернулись от Черемновых. По моему совету отправлена ей Д<митрием> Ал<ексеевичем> успокоительная телеграмма. Сегодня напишу ей письмо. Свадьба Пети¹³ будет или 31 августа, или 3 сентября. Еще два часа переписывала на машинке до обеда. Теперь жду Зою давать итальянский урок.

С Зоей¹⁴ занималась около часу. Объяснила ей склонения. Очень жаль, что нет начала Туссена¹⁵. Не знаю, куда дел Ян два первых выпуска?

За 25 урок<ов> просят у Берлица 55 рублей, а если вдвоем, то 80 рублей. И цену понизили. Сейчас бьет 11 ч. Ложусь спать. Идет сильный дождь.

Мих<аил> Ильич¹⁶ сегодня вернулся домой в час дня и потребовал себе соленых огурцов.

Вот тебе «моя жизнь во Христе»¹⁷, мой дорогульчик, как видишь, живу хорошо. Дай Бог, чтобы так было все время.

Прочла твою «Тишину»¹⁸, да поезжай с Нилусом в Испанию, с друзьями ты сентиментальнее, чем со мной, и чувствуешь все гораздо менее суше и любишь вспоминать с ними о своих поездках, тогда как со мною — все у тебя сереет, это и понятно, ты так внушил себе, что женщина — это камень, что это сосуд всех пакостей, что присутствие ее отнимает у тебя всякое непосредственное восприятие мира. Ну, пора спать, 15 мин. двенадцатого.

Целую. Поклон.

Твоя Лошадка.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 3227 оф; концовка письма со слов: «С Зоей занималась около часу» — под № 2959/98 оф. Год установлен по содержанию.

¹ З.Е. Шрейдер.

² Открытка неизвестна.

³ Очевидно, речь идет о переводе романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

⁴ Трам — так называли трамвай.

⁵ См. примеч. 3 к п. 76.

⁶ Город был украшен в связи с празднованием 100-летия Отечественной войны с Наполеоном, юбилейные торжества начались 26 августа 1912 г. на Бородинском поле, а 27 августа переместились в Москву.

⁷ Книжный магазин Андрея Сергеевича Хлатина в Москве (Большая Никитская, д. 12).

⁸ «Звено» — частное издательство Л.О. Крумбюгеля и книжный магазин при издательстве, существовали в 1908–1911 гг.

⁹ Имеется в виду книга Луи Эритье «История французской революции 1848 г. и Второй Республики» (Пер. с нем. Гинзбурга. СПб.: Типография т-ва «Дело», 1907).

¹⁰ Д.А. Пушешников.

¹¹ С.Н. Пушешникова.

¹² Н.А. Пушешников.

¹³ Речь идет о свадьбе П.А. Пушешникова.

¹⁴ З.Е. Шрейдер.

¹⁵ Шарль Туссен (Toussaint, 1813–1877) — французский педагог, создатель метода заочного обучения иностранным языкам (метод Туссена-Лангеншейдта), получившего популярность во многих странах, в том числе и в России. Возможно, речь об издании: Самоучитель французского языка для взрослых по методу Туссена и Лангеншейдта: В 58 вып. СПб.: Центральная типо-литография М.Я. Минкова, 1900.

¹⁶ М.И. Шрейдер.

¹⁷ В письме использовано название книги святого праведного Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе или Минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге» (СПб., 1905).

¹⁸ Рассказ Бунина «Тишина» (1901).

149. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 28 августа 1912 г.

6-ое.

28 августа 1912
года.

День рождения Толстого!

Сегодня по обыкновению работала все утро и затем после завтрака до 3 часов дня. Затем пошла к Берлицу. Очень довольна, опять восхитилась системой. Мучает только то, что едва ли удастся взять нужное число уроков. Учитель — молодой человек с рыжими волосами, с длинным немного кривым плотным носом, довольно живой. Сначала мне было очень трудно разбирать вопросы, потом стала осваиваться. На счастье, кроме меня был только один ученик сияющий, мордо-ж-к. Вернувшись домой пешком, я после обеда еще немного постукала на машинке. Папа уехал в Думу принимать Царя¹. Утром я получила ненужную телеграмму от Яна, ибо все равно я писала бы в Севастополь², письма же не было еще ни одного. Пора бы!

Пришло письмо от Горького, а также и сказки его, просит Яна переправить их Вересаеву, который скоро приезжает в Москву³. Я передам ему лично, а завтра напишу Алексею Максимовичу⁴ письмо, чтобы он не беспокоился о судьбе посланных книжек. Вечером на минутку заходил Юлий Алексеевич⁵. Я показала письма Горького ему. Затем Шуршин⁶ с Митюшкой⁷ отправились к Бибиковым разрешать принципиальные вопросы, а затем, конечно, в кабак. Часов в 7 вечера звонил по телефону Грузинский, назывался в гости, я сказала, что ухожу с мамой куда-то. Настигает, настагает! Дмитрий Алексеевич⁸ получил письмо от Софьи Николаевны⁹, свадьба второго сентября¹⁰. Софья Николаевна — 31 августа выезжает из Глотова, а 3 возвращается уже домой.

За вечерним чаем папа много рассказывал о приеме в Думе¹¹. Царь со всеми ними здоровался за руку. А Царица¹² не может ходить, ее вносили на лестницу на кресле. Сейчас половина одиннадцатого, ложусь спать. Хорошо бы начать вставать в семь часов, а то ничего не успеваешь сделать.

Вот тебе еще денег, дорогой мой. Что же ты зря тратишься на телеграмму? Ведь мы условились, что если ты переменишь адрес, то телеграфировать. Вот вы попали в Гурзуф, а когда я хотела дать тебе несколько советов, ты и слушать не хотел! Поклон Николаю Алексеевичу¹³.

Целую.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/80 оф.

¹ Николай II.² Телеграмма неизвестна. Бунин переехал из Севастополя в Гурзуф 26 или 27 августа.³ См. примеч. 6 к п. 147.⁴ А.М. Горький.⁵ Ю.А. Бунин.⁶ Неустановленное лицо.⁷ Д.А. Пушешников.⁸ Д.А. Пушешников.⁹ С.Н. Пушешникова.¹⁰ См. примеч. 13 к п. 148.

¹¹ Прием в Думе был организован в связи с празднованием 100-летия Отечественной войны 1812 г.

¹² Александра Федоровна (урожд. принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, 1872–1918) — российская императрица, супруга Николая II.

¹³ Н.А. Пушешников.

150. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 31 августа 1912 г.

31 августа.

Дорогой Ян, ты как не резнешь, все мимо: первая телеграмма совершенно была не нужна, я все равно писала бы в Севастополь, во второй же¹ необходимо было пометить — Сууксу, если бы что и перепутали, я разобрала бы, ведь и Гурзуф, и Суук-су знаю, как свои пять пальцев, если бы вы исполнили единственную мою просьбу: ежедневно писать мне хотя бы открытки, то не вышло бы того, что вышло. Отныне я прекращаю с Н. Ал. <Пушешниковым> всякие сношения, ибо такой свиньи, я думаю, на всем свете не найдешь — неужели трудно было ежедневно писать открытки, сообщая куда приехали, ведь это ровно пять минут. Я бы знала, где вы. А то вчера я послала тебе срочную телеграмму², истратила три рубля и сейчас получила извещение, что ты не разыскан, да это и понятно, раз ты в Сууксу. Дело шло об вчерашнем юбилее Южина³. Мы с Юл<ием> Ал<ексеевичем>⁴ решили послать тебе телеграмму, чтобы ты приветствовал бы его, но из-за вашей лени «ни телеграммы, ни трех рублей». За эту неделю я послала тебе 7 писем⁵. Ты до 28 не мог собраться написать! Да мне все равно, даже и знать ничего не хочется о вас, да и писать пропадает охота. Сообщаю лишь о делах: сейчас был Клестов, я передала ему сказки Горького⁶, ибо Вересаев до 15 сентября пробудет на Средней. В субботу он доставит мне для прочтения твои первые листы⁷. Ваше товарищество⁸ наняло квартиру на Никитском бульв<аре>. «Прага»⁹ — близко! В воскресенье пойду туда.

Павлик¹⁰ говорит, если что-либо тухлое съедают и потом ставят горчичники на желудок, то результат один: *быстрее всосется яд*. Если *отравление*, то *касторку*. В Гурзуфе есть дача Лятошинской¹¹, моей знакомой, если она там, то за стол я ручаюсь, она находится над аптекой и почтой, дача называется «Марией». Хозяйка немного странная, глухая особа, но очень порядочная и интеллигентная. Скажи, что ты мой муж, и она отнесется к тебе с большим вниманием. Ее там все знают. Клестову я заплатила три руб. 5 к. за бюллетени, расписка у меня.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/159 оф. Год определен по содержанию.

¹ Телеграммы неизвестны.

² Телеграмма неизвестна.

³ Юбилей А.И. Южина (Сумбатова) был приурочен к 55-летию со дня рождения и 30-летию его работы в Малом театре.

⁴ Ю.А. Бунин.

⁵ Третье письмо неизвестно.

⁶ См. примеч. 6 к п. 147.

⁷ Речь идет о печатании книги Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

⁸ Имеется в виду «Книгоиздательство писателей в Москве».

⁹ «Прага» — известный и популярный московский ресторан на Арбате.

¹⁰ П.Н. Муромцев.

¹¹ В путеводителе по Крыму того времени (*Москвич Г.Г.* Путеводитель по Крыму. СПб., 1913. Ч. 2) упоминается дача Лятошинской с пансионом в Новом Гурзуфе.

151. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 2 сентября 1912 г.

2 сентября.

Это восьмое письмо.

Дорогой Ян, за письма Жемчужнико<ва>¹ и Гайдебурова² я еще не принималась³, ибо я думала, что их нужно подготовить к середине сентября, завтра буду переписывать их целый день. Сегодня я занята корректурой⁴. Митюшка⁵ надул, обещал вчера прочесть ее со мной, а сегодня позвонил ему Юл<ий> Ал<ексеевич>⁶, позвал гулять, он и все бросил. Юл<ий> Ал<ексеевич> сказал, что это глупость — твоя корректура — и завтра можно. А мы с Клестовым торопимся. Придется за помощью обратиться к кому-нибудь из наших.

Итак, из жизни в Крыму ничего не вышло, очень жалею, что не поехала сама, вышло бы чуточку поумней, да и я опять стала чувствовать себя очень плохо, ибо очень волнуюсь о будущей зиме, денег нет, моего перевода ты, конечно, не читаешь, а тратишь двойные деньги, а впереди юбилей⁷, большие расходы. Почему ты повез Н<иколая> Ал<ексеевича>⁸ в Одессу, отправил бы его из Севастополя. Все равно в Одессе ты работать не будешь, а близких людей у тебя там более, чем нужно одному человеку. А уж если ты хотел работать, то надо было из Крыма ехать в Глотово. Да не рассказывай с газетчиками, что ты пишешь⁹, ты только глазишь¹⁰.

Если ты скучаешь обо мне только по ночам, то это очень печально, постараюсь и я днем о тебе не только не скучать, но и не думать. По ночам я вижу тебя во сне и сегодня от этого в очень плохом настроении, а поэтому кончаю. Сегодня увижу Клестова и передам ему твое письмо¹¹.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/68 оф. Год определен по содержанию.

¹ Алексей Михайлович Жемчужников (1821–1908) — поэт, публицист; был знаком с Буниным, поощрял его занятия литературой, при его содействии произведения Бунина впервые появились в журнале «Вестник Европы».

² Павел Александрович Гайдебуров (1841–1893/94) — редактор-издатель газеты «Неделя» и литературных приложений к ней «Книжки Недели»; первым заметил талант Бунина-поэта и советовал ему серьезно заниматься литературой.

³ В.Н. Муромцева переписывала письма А.М. Жемчужникова к Бунину 1892–1894 гг. для публикации в московском журнале «Путь» (1912. № 12 (окт.). С. 34–38), редактором которого был И.А. Белоусов. Письма П.А. Гайдебурова не были опубликованы в журнале.

⁴ Речь идет о корректуре книги Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

⁵ Д.А. Пушешников.

⁶ Ю.А. Бунин.

⁷ 25-летний юбилей литературной деятельности Бунина праздновался 24–28 октября 1912 г.

⁸ Н.А. Пушешников.

⁹ Данное интервью Бунина не обнаружено.

¹⁰ Далее густо зачеркнуто две строки.

¹¹ Имеется в виду письмо Бунина к Н.С. Клестову от 29 авг. 1912 г. (см.: *Письма* (2). С. 239–240).

152. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 2 сентября 1912 г.*

2 сентября.

Дорогульник мой, получила сегодня от Н<иколая> Ал<ексеевича> письмо¹ и узнала, что «ты умирал». Ужасно обеспокоилась. Должно быть, у тебя это желудочное, тебе необходимо когда-нибудь поправить кишки. Жаль, что ты так против санатории, но уверяю тебя, что все равно придется рано или поздно пожить в подобном учреждении. Правда, дорого, но зато польза, а та жизнь, которую ты ведешь, только треплет твои нервы. Ты ищешь и борешься с недостатками извне и совершенно не обращаешь внимания на недостатки твоего организма. Тебе кажется, главное — это погода, тогда как, если бы ты был здоров, то и погоду бы не замечал.

Что же ты для «Среды» не присылаешь стихи. Пора.

Сегодня была в вашем издательстве², оно находится на Никитском бульваре, там же живет Клестов. Пока более точного адреса не знаю, завтра сообщу. Книга твоя³, если ты не удержишь, выйдет к 15 сентября. В газетах будут помещены заметки о книге⁴. Сегодня свадьба Пети⁵, я послала телеграмму.

Целую крепко. Поклон Н<иколаю> Ал<ексеевичу>.

Твой С.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/160 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письмо Н.А. Пушешникова неизвестно.

² «Книгоиздательство писателей в Москве» размещалось у Никитского бульвара по адресу: Скатертный пер., 8, кв. 18. См. о нем: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923) // Книга. Исследования и материалы. М., 1965. Сб. 10. С. 192–220.

³ Имеется в виду книга «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912), которая готовилась к выпуску в «Книгоиздательстве писателей в Москве»; книга вышла 27 или 28 сентября 1912 г.

⁴ Речь идет о рекламных объявлениях в газетах накануне выхода в свет книги Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.»; эта информация появлялась в различных газетах Одессы и Москвы.

⁵ П.А. Пушешников.

153. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 3 сентября 1912 г.*

Москва.

9-ое письмо.

1912 г. 3 сентября.

Дорогой мой Янчик, сейчас половина девятого. На дворе льет ливнем дождь. Сегодня я переписала все письма от Жемчужникова и два — Гайдебурова¹. В четверг Юл<ий> Ал<ексеевич>² передаст их Белоусову³, а также статьи Когана⁴ и Эйхенвальда⁵. Завтра отнесу твои фотографии, хорошо, что ты указал фотографию. От восьми часов утра я прочитывала корректуру твоего «Суходола»⁶, затем отнесла их Клестову, адрес «Книгоиздательства писателей»: Москва, Никитский Бульвар, д. 6. Потом, наконец, отправилась в сберегательную кассу, на твою книжку положила 230 р., а на мою — 10 рублей (теперь у меня 12 р.), ибо я истратила уже на тебя 3 р. за бюллетени, 3 рубля — телеграмма, которую ты не получил, так как я посылала ее в Гурзуф, 1 р. — Коган, да еще сколько-то Будда⁷, да еще за фотографич<еские> карточки.

Меня очень обрадовал Клестов, сказав, что в ближайшее будущее будет обсуждаться вопрос об издательстве переводов⁸, нужно, по его мнению, избрать редактора и делать строгий выбор. Я была бы счастлива, если бы это удалось, тогда работой только и жить можно будет, как мне хочется, т.е. могу, если захочется, снять себе квартиру, вот недавно отдавалась: две комнаты с отоплением, ванной и т.д. за 600 рублей в год, комнаты очень большие, а теперь отдается: три комнаты за 70 рублей в месяц или же уехать с кем-нибудь, ну, скажем, на Кавказ и полежать на горячем гравии, при моем малокровии это полезно, да мало ли что. Ну, это мечты, а есть и очень серьезное дело: *Клестов говорит, что нужно как можно скорее выкупать у Блюменберга твои книги, ибо у них теперь своя типография. Я сказала, что пусть они от имени книгоиздательства начнут переговоры, если ты против этого, то телеграфируй.* Если же ты за, то напиши, и мы энергично примемся за это дело⁹. Они говорят, что «Деревня»¹⁰ идет отлично, и что давным-давно твои 4000 разошлись.

Получила твое милое письмо сегодня, только зачем ты мне прислал план Суук-Су? Ты, должно быть, меня никогда не слушаешь, иначе ты <бы> помнил, что в Суук-Су мы были своими людьми. А прожить лето в Крыму я очень хотела бы, но тогда нужно нанять там дачу. А как будем мы проводить зиму? Неужели опять не вдвоем? Сегодня Юлий Алексеевич мне рисовал картинки будущей нашей жизни, от которых мне захотелось повеситься. Да и шкурки с вас были содраны, особенно с Ник<олая> Ал<ексеевича>¹¹.

Митюшка¹² шлет вам поцелуи, горячие, как крымское солнце.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/69 оф.

¹ См. примеч. 3 к п. 151.

² Ю.А. Бунин.

³ И.А. Белоусов готовил специальный № 12 журнала «Путь», который вышел в октябре 1912 г. к 25-летию юбилею литературной деятельности Бунина; этот номер открывался фотопортретом Бунина с факсимильной подписью под ним, а также содержал публикации: стихотворение И.А. Белоусова «Ивану Алексеевичу Бунину» («Его душа чутка, — как воздух предвечерний...») (с. 5), статья Н.М. Мешкова «Поэзия Ивана Бунина. (К 25-летию литературной деятельности)» (с. 24–34), четыре письма А.М. Жемчужникова к Бунину 1892–1894 гг. (с. 34–38), раннее стихотворение Бунина «Жизнь увлекает пошлостью дневной...» (с. 38).

⁴ Петр Семенович Коган (1872–1932) — историк литературы, критик, переводчик. В 1911–1918 гг. — приват-доцент Петербургского университета.

⁵ Имеется в виду Ю.И. Айхенвальд.

⁶ См. примеч. 3 к п. 152.

⁷ О чем идет речь неизвестно.

⁸ «Книгоиздательство писателей в Москве» выпускало в основном русскую литературу, однако, выходила серия «Библиотека польских писателей».

⁹ Позднее Бунин принял решение о выкупе у Г.Г. Блюменберга из «Московского книгоиздательства» своих книг для выпуска их в «Книгоиздательстве писателей в Москве».

¹⁰ Имеется в виду отдельное издание повести Бунина «Деревня» (М., 1912), выпущенное «Книгоиздательством писателей в Москве».

¹¹ Н.А. Пушешников.

¹² Д.А. Пушешников.

154. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 4 сентября 1912 г.

4 сентября 1912 г. 8 ч. в<вчера>.

Дорогой мой, получила твое письмо от 2 сентября из Одессы¹ и очень обеспокоилась. Что здоровье? Ты и представить не можешь, как я эти дни беспокоюсь, да я и без писем знаю всегда, что с тобой. Не слушаешься ты меня. Говорила, что тебе Финляндия и Эстляндия нужны, а не жара. Погода здесь отвратительная, я такого сентября не запомню.

А все-таки, если бы ты приехал со мною, чуточку поумней бы вышло. Ты, конечно, не согласен? Ну, что ж, живи без меня, если это тебе нравится. Сегодня я все утро до двух часов дня занималась Флобером². Потом была у Надгольца³, отдала переснять только две карточки: одну со стихами и другую, где ты с Юл<ием> Ал<ексеевичем>⁴ и Варваркой⁵, чтобы сняли тебя с Юл<ием> Алексеевичем. Взяли за это по 3 р., я три заплатила, а три отдам после, затем ходила смотреть материю для платья, но лучше, чем выбрала, ничего не придумаешь, есть, конечно, кое-что и лучше, но так дорого, что противно смотреть. Затем мы зашли и абонировались с мамой на концерты Кусевицкого⁶, два билета, билеты стоят по 7 рублей, но я плачу 5, а мама 9. Это цикл концертов из произведений Чайковского⁷, между прочим, Манфред и Патетическая симфония⁸. Ты можешь <быть> не доволен, но я так живу однообразно, что нахожу, что мне необходимо развлекаться, а то тоска нападает, все-таки я не ты и сердце мое не улей, а потому скучаю без тебя. Но жизнью довольна, работаю, беру уроки у Берлица⁹, завтра иду к Фон-Виккен, передай Н<иколаю> Ал<ексеевичу>¹⁰, что понесу к ней Пентю¹¹. Я очень не тороплюсь, ибо вместе с книгой я получила письмо от Черемнова¹², и он пишет, что перевел еще несколько явлений, следовательно, до конца еще далеко. За все время мы только один раз «веселились», были в «Праге», а затем на автомобиле поехали к «Яру», как ты думаешь с кем? С мамой, Андреем Георгиевичем¹³, двумя Митями¹⁴ и Павликом¹⁵. Хороша компания. Ели много, но пили мало.

Целую крепко.

Сейчас на часок иду с мамой к Анофриевой¹⁶.

Твоя Лошадка.

В четверг открытие в Кружке¹⁷ зимнего сезона, подписной ужин по 2 рубля, Юл<ий> Ал<ексеевич> звал, но я не пойду.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/78 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² Речь идет о переводе романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

³ Имеется в виду Богдан Иванович Наболец (? — 1888) — один из владельцев фотоателье в Москве «Шерер, Наболец и К^о», просуществовавшего до 1918 г.

⁴ Ю.А. Бунин.

⁵ В.В. Бибикова (урожд. Пащенко).

⁶ Сергей Александрович Кусевицкий (1874–1951) — дирижер, контрабасист, музыкальный деятель; в 1909 г. создал в Москве симфонический оркестр, выступавший под его управлением во многих городах России.

⁷ Петр Ильич Чайковский (1840–1893) — композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. Речь идет о цикле концертов С.А. Кусевицкого, посвященном произведениям П.И. Чайковского — 18 сентября исполнялись: Симфония № 1, Увертюра из «Ромео и Джульетты», Симфония № 4; 19 сентября: Симфония № 2, Концерт для фортепиано № 1, Симфония № 5; 21 сентября: Симфония № 3, Концерт для скрипки, Симфония № 6 (патетическая). См. объявление о концертах в газете «Русские ведомости» (1912. 8 сентября. № 208. С. 2).

⁸ Симфонии П.И.Чайковского: «Манфред» (1885, соч. 58), «Патетическая» — последняя симфония № 6 (1893, соч. 74).

⁹ См. примеч. 3 к п. 76.

¹⁰ Н.А. Пушешников.

¹¹ Имеется в виду трагедия немецкого драматурга Генриха фон Клейста (1777–1811) «Пентесилея» (1805–1807) по мотивам античного мифа о царице амазонок Пентесилее. Перевод трагедии на русский язык намеревался сделать Н.А. Пушешников, однако его опередил Ф. Сологуб, который выполнил этот перевод совместно с А.Н. Чеботаревской (*Клейст Г. Пентезилея: Трагедия // Русская мысль. 1914. № 8/9. С. 150–240*).

¹² Письмо А.С. Черемнова неизвестно.

¹³ А.Г. Гусаков.

¹⁴ Д.Н. Муромцев и Д.А. Пушешников.

¹⁵ П.Н. Муромцев.

¹⁶ Неустановленное лицо.

¹⁷ Московский Литературно-художественный кружок.

155. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 6 сентября 1912 г.

6 сентября.

Дорогой Ян, получила и вчера, и сегодня твои письма¹. Сегодняшнее взволновало. С чем обращается Анна Николаевна²? У меня вчера целый день было какое-то беспокойство, Павлик³ уверял, что от мышьяку, кот<орый> я принимаю, а я теперь думаю, не было ли у тебя неприятного разговора? Жду с нетерпением твоего следующего письма.

Сегодня ты получил письмо от Аверьянова⁴ следующего содержания: «Дорогой Иван Алексеевич, из прилагаемой копии Вы видите, к чему привели меня “товарищеские” отношения Н.С. Клестова, ныне Вашего товарища. Мне казалось, что я проживу жизнь, не встретившись с мелким человеком, а он тут как тут, и теперь мне приходится делать усилия, чтобы превратить его в просто “человека”. Помогите мне своим присутствием при встрече с ним. Об этом же прошу и уважаемого Ив. Сер. Шмелева. К Вересаеву обращусь лично.

Любящий и уважающий Вас

Аверьянов».

К письму приложена копия письма к Клестову⁵, ее я пришло завтра, ибо хочу раньше показать ее Юл<ию> Ал<ексеевичу>⁶. А он сегодня на банкете в кружке. Я не поехала, как-то не хотелось ни денег тратить, ни времени портить.

Жизнь веду праведную, но делаю меньше, чем хочется, домашнее неустройство иногда выбывает из колеи. Зато у Берлица⁷ я душою отдыхаю, как приятно чувствовать, что <нрзб> не пропадает, ни одна минута зря. Ах, если бы я была со средствами, все языки там <бы> выучила!

Передай Ник<олаю> Ал<ексеевичу>⁸, что его Пентя⁹ у сестры Фон-Викен, она специалистка по немецкому языку, обещала мне перевести все подчеркнутые места, как получу их, так перешлю.

У нас сегодня весь вечер сидела тетя Маня¹⁰, рассказывала в лицах о том, какие ученики к ней являются, прямо Лебедевские¹¹ рассказы; мы много хохотали. Про Ник<олая> Ал<ексеевича> она сказала (мама о нем спрашивала): «Голос хороший, но поет как-то странно, видно, что подражает знаменитым певцам, а потому не чувствуется школы, пахнет дилетантством». — «Sic!»

Целую тебя крепко.

Твой Конёк-Горбунёк.

P.S. Ты пишешь, что иногда тебе хочется вызвать меня, нет, я не поеду: у меня очень серьезные дела.

Вчера было написано тебе очень длинное письмо, но я не послала — слишком много лирики. А ты меня ушиб на Капри, и теперь мне трудно писать тебе так, как раньше.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/178 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письма неизвестны.

² А.Н. Бунина.

³ П.Н. Муромцев.

⁴ Подлинник письма М.В. Аверьянова неизвестен, для каких переговоров он хотел привлечь Бунина и Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), неясно.

⁵ Копия письма М.В. Аверьянова к Н.С. Клецову неизвестна.

⁶ Ю.А. Бунин.

⁷ См. примеч. 3 к п. 76.

⁸ Н.А. Пушешников.

⁹ См. примеч. 11 к п. 154.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду М.Н. Климентова-Муромцева.

¹¹ Возможно, Владимир Петрович Лебедев (1869–1939) — поэт, прозаик, переводчик.

156. В.Н. Муромцева, Ю.А. Бунин — И.А. Бунину

Москва. 8 сентября 1912 г.

8 сентября 1912 года.

Дорогой мой Ян, сегодня утром меня вызвал к себе Юлий Алексеевич¹ поговорить об юбилее².

Вчера на первом заседании юбилейного комитета решили праздновать твой юбилей в воскресенье 28 октября³, а накануне в субботу вечером устроить торжественное заседание в Обществе любителей российской словесности⁴, где тебя изберут почетным членом общества⁵, но ты должен будешь прочесть что-нибудь новое *значительное, минут на сорок* (мое мнение)⁶. Если будет нужно, то отведут богословскую аудиторию. Юл<ий> Ал<ексеевич> говорит, что Грузинский очень старается. Ответь телеграммой, согласен ли ты на эти дни или же нет, а также будешь ли ты читать или нет. Отказываться от последнего глупо. Натягивайся и пиши, но без матерщины, будет учащаяся молодежь.

Приехать тебе следует в конце сентября⁷, надо побывать как можно в больших местах. Телеграмму папа твою получил⁸.

У нас гости все те же. Уже прослушаны обычные пластинки, папа получил Шаляпина «Не плачь, дитя»⁹. Мне нравится, как он поет. Понемногу я завязываю светские отношения.

Сегодня опять нет от тебя письма, это уже меня беспокоит.

Что за разговор был у тебя с Ан<ной> Ник<олаевной>¹⁰?

Погода здесь плохая. Очень беспокоюсь о тебе, мой дружочек.

Целую тебя крепко. Будь, ради Бога, спокоен. Павлик¹¹ думает, что желудок у тебя только нервный.

<Ю.А. Бунин.> Милый Ваня! Устройство заседания Любителей словесности, по моему мнению, явится, быть может, наиболее важной частью юбилея. Будут произнесены официальные приветствия; зала, конечно, будет наполнена массой публики, особенно молодежи, которая иначе не будет

присутствовать на юбилее, а ты знаешь, что для писателя значат симпатии молодежи. Кроме того, заседание будет носить, несомненно, торжественный характер. Отказываться от этого было бы абсурдом. Устроить заседание без твоего участия в нем невозможно. Поэтому ты должен непременно прочесть что-либо, разумеется, новое. Необходимо, надо написать. В крайнем случае, можно обойтись стихами. Во всяком случае, не отказывайся от этого. По получении этого письма ответь мне или Вере Ник<олаевне> телеграммой, потому что пора уже опубликовывать о дне юбилея.

Исполнительное собрание перед банкетом также намереваются устроить¹². Я думаю, что дело вообще наладится. Я недавно писал Овс<янику>-Кул<иковскому>¹³ и сообщал ему, что юбилейный комитет особенно озабочен, чтобы появились своевременно статьи в газетах и журналах¹⁴.

Будь здоров. Целую тебя. Напиши хоть раз.

Ю. Бунин.

Начни принимать фитин. Он думает, что у тебя чистейшая неврастения, а <я> думаю, нет ли глистов. Чего ты на меня рассердился, ведь я не знала, что ты заболел в Крыму. Ну, да это мелочи. Целую крепко Ненаглядыша своего.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/79 оф.

¹ Ю.А. Бунин.

² См. примеч. 7 к п. 151.

³ В юбилейный комитет, созданный для организации празднования 25-летия литературной деятельности Бунина, входили: от Общества любителей российской словесности председатель А.Е. Грузинский, товарищ председателя П.Н. Сакулин; от Толстовского общества председатель Н.В. Давыдов, член правления Л.И. Гальберштадт; от Общества драматических писателей и оперных композиторов и.о. председателя кн. А.И. Сумбатов-Южин; от московского Литературно-художественного кружка председатель дирекции В.Я. Брюсов, директора И.А. Белоусов и И.И. Попов; от московского отделения кассы взаимопомощи литераторов и ученых председатель Н.Д. Телешов, член правления И.А. Данилин; от Общества деятелей периодической печати и литературы председатель правления Д.А. Жаринов, член правления А.Л. Шер, члены совета Е.М. Курч и С.А. Соколов (Кречетов); от товарищеского Книгоиздательства писателей члены правления А.А. Карзинкин, С.Д. Разумовский и Н.С. Клестов; от Общества им. А.Н. Островского А.А. Яблочкина и Н.П. Кашин; от московского литературного кружка «Среда» члены бюро Д.Я. Голубев, А.Р. Ледницкий, С.С. Мамонтов, секретарь М.П. Гальперин. 28 октября 1912 г. днем в Лоскутной гостинице, где остановился Бунин, прошло общественное чествование писателя по случаю 25-летнего юбилея его литературной деятельности. Бунину торжественно вручили 26 поздравительных адресов, к этому дню он получил со всей России и из-за рубежа более 300 поздравительных телеграмм и писем. Подробнее о праздновании юбилея см.: *Морозов С.Н. 25-летний юбилей литературной деятельности И.А. Бунина в освещении русской печати 1912–1913 гг.* // Вестник Московского университета. Серия 10 Журналистика. 2014. № 5. С. 71–86.

⁴ 27 октября 1912 г. состоялось торжественное заседание Общества любителей российской словесности в связи с 25-летием литературной деятельности Бунина.

⁵ По предложению И.А. Белоусова, Н.Д. Телешова и А.Е. Грузинского 6 октября 1912 г. Бунин был избран почетным членом Общества любителей российской словесности; объявлено об этом было на торжественном заседании Общества 27 октября 1912 г.

⁶ На торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 октября 1912 г. Бунин прочел свои новые произведения: рассказ «Смерть», стихотворения «Монастыри в предгорьях глухих...», «Летняя ночь» («Дай мне звезду, — твердит ребенок сонный...»), «Мать» («И дни и ночи до утра...»).

⁷ Бунин приехал в Москву 25 сентября 1912 г.

⁸ Телеграмма неизвестна.

⁹ Имеется в виду ария Демона «Не плачь, дитя» из оперы А.Г. Рубинштейна «Демон» (1872).

¹⁰ А.Н. Бунина.

¹¹ П.Н. Муромцев.

¹² На торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 октября 1912 г. произведения Бунина читали артисты М.Н. Ермолова, А.И. Сумбатов (Южин) и О.А. Правдин.

¹³ Дмитрий Николаевич Овсянко-Куликовский (1853–1920) — литературовед, лингвист, критик, публицист, с 1908 г. член редакции журнала «Вестник Европы».

¹⁴ Юбилейные статьи и заметки, а также фотопортреты писателя и групповые фотографии появились во многих газетах и журналах Москвы, Петербурга, Орла, Рязани, Нижнего Новгорода, Киева, Одессы, Харькова, Екатеринодара, Ростова-на-Дону, Саратова, Оренбурга, Иркутска, Томска, Омска, Симбирска, Владикавказа. С начала октября до декабря 1912 г. было напечатано 50 статей, посвященных жизни и творчеству Бунина в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности.

157. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 9 сентября 1912 г.

1912 года 9 с.

Дорогой Ян, вчера я с Павликом ездила к курьерскому поезду, чтоб послать тебе заказное письмо¹, которое ты должен получить завтра. Вчера же получила от тебя письмо от 6 <сентября>², тоже не из приятных. Хорошо в нем только то, что ты вывернулся перед Южиным³.

Юл<ию> Ал<ексеевичу>⁴ я показала текст твоей телеграммы⁵. Вообще мы видаемся с ним очень часто, и я в «Вестнике воспитания» бываю чаще, чем при тебе. Беспokoит меня твое здоровье. Не знаю, что тебе посоветовать. Обратиться что ли тебе <к> Двоеховскому⁶? Мне кажется, что на такие вещи он должен быть опытен. Я все-таки уверена, что если бы ты, как хотел в Глотова, поехал бы на юг со мною, то ничего бы не было: во-первых, я все-таки слежу за твоим желудком, а во-вторых, никто кроме меня не умеет тебя успокаивать. Ведь ты помнишь в год, когда ты писал вторую часть «Деревни» и холера в Москве была, и горе большое у тебя было, а я сумела так тебя лелеять, что ты чувствовал себя, насколько при данных условиях было можно, хорошо, но последние годы ты отвык от меня, а я убеждена, если бы мы большую часть года жили вдвоем, ты был бы здоров, и это вовсе не из-за идиллии какой-нибудь, а именно из-за серьезного отношения к жизни и к тебе. Я много за это время продумала, твердо пришла ко многим заключениям, и если бы у меня были бы личные средства, то я устроила бы жизнь такую, что ты и здоров был бы и работал бы хорошо. Подумай и ты. А твоя болезнь, переезды опять задерживают мои регулы, хотя пока еще дня на три. Я начала лечиться.

Приехать же мне в Одессу и дорого, и не умно. Я здесь нужна и для юбилея, и для своих дел. Изучаю языки, работаю над Флобером⁷, который меня крайне беспокоит, нужно приниматься и за Грациэллу⁸, придется с ней повозиться еще около месяца. Ведь большею частью она не переписана. А Н<иколай> Ал<ексеевич>⁹ не счел своей обязанностью кончить хотя эту часть работы. Я думаю издать ее в Вашем книгоиздательстве. День сегодня ясный, с легкими облачками, с небольшим ветром. Иногда охватывает меня желание попасть в природу.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/86 оф. Очевидно, конец письма утрачен.

¹ См. п. 156.

² Письмо неизвестно.

³ См. п. 150 и примеч. 3 к нему.

⁴ Ю.А. Бунин.

⁵ Телеграмма неизвестна.

⁶ Двоеховский — врач.

⁷ Имеется в виду перевод романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

⁸ См. примеч. 12 к п. 132.

⁹ Н.А. Пушешников.

158. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 10, 11, 12 сентября 1912 г.

10 сентября.

Дорогой Ян, что мне делать с твоей книжкой, которую ты надписал Мешкову¹: отправить по адресу, или же пусть она дожидается тебя? Не забудь написать об этом. На дворе холодно, вставили рамы, комнаты приняли зимний вид. Жду от тебя сегодня телеграммы, а также письма, — вчера я ничего не получила.

Имей в виду, что 28 — воскресенье, а потому выходит «Искра»² и «Женское дело»³, — а это хорошо.

11 сентября. Сейчас получила твою телеграмму⁴. Ждем твоих стихов к завтрашнему дню. Как ты небрежен, это будет очень глупо, если ты не пришлешь их к завтраму. Ник<олай> Ал<ексеевич>⁵ пишет, что ты не начинал работать. Ну, что же, набирай хоть сил, главное, будь покоен. Завтра мой первый выезд в «свет». Еду на «Среду» в чудесной рубашечке. Ужинать думаю не оставаться: привыкла рано ложиться спать. У них очень я быстро утомляюсь, начну глотать фитин.

12 сентября 1912 года. 10 ч. утра.

Все небо затянуто серо-грязной кисеей. А письма от тебя со стихами все нет и нет. Почему ты не присылаешь? Ведь я напоминала тебе. Сейчас начну стучать на машинке. Сегодня Берлица нет, и я могу побольше поработать. Пришли полотеры. Весь день ждали стихов. В 5 ч. получила три письма твоих⁶, но без стихов, очень жалею, что ты надул.

Народу собирается много.

18, 19, 20 лист я свезла уже в типографию, там мне сказали, что во вторник будет книжка готова⁷. Сегодня поговорю и с Клестовым, и Мах<аловым>, и Гол<оушевым> о выкупе твоих книг⁸. Я забыла, сколько тысяч «Перевала» других двух книг продал ты Блюму?

От Овсяннико-Куликовского получил Юл<ий> Ал<ексеевич>⁹ письмо, где он пишет, что он очень высоко ценит твой талант. Сейчас иду с Юл<ием> Ал<ексеевичем> на «Среду» в шикарном туалете, Бунина-красавица идет.

Ну, целую тебя, нелепый Мальчущка.

Твой Кустик.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/175 оф.

¹ Николай Михайлович Мешков (1885–1947) — поэт; автор статьи «Поэзия Ивана Бунина» (Путь. 1912. № 12 (окт.). С. 24–34). Книга с дарственной надписью неизвестна.

² Имеется в виду иллюстрированный художественно-литературный и юмористический журнал с карикатурами «Искры» (М., 1900–1917). В журнале «Искры» (1912. 28 октября. № 42. С. 331) был воспроизведен фотопортрет Бунина.

³ Иллюстрированный журнал «Женское дело» (М., 1910–1918). В журнале «Женское дело» (1912. № 20. 15 октября. С. 5–7) напечатана статья И.И. Попова «Иван Алексеевич Бунин», в тексте статьи воспроизведены две фотографии: «Академик Иван Алексеевич Бунин»; «Ю.А. и И.А. Бунины».

⁴ Телеграмма неизвестна.

⁵ Н.А. Пушешников.

⁶ Письма неизвестны.

⁷ Речь идет о книге «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (М., 1912).

⁸ См. примеч. 9 к п. 153.

⁹ Ю.А. Бунин.

159. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 13 сентября 1912 г.

13 сентября.
10 ч. 30 м. вечера.

Дорогой мой, золотой Ненаглядьш, сейчас получила твое милое письмо¹ и крепко за него целую. Конечно, если распишешься, то оставайся до первого октября, ибо написать тебе хоть что-нибудь надо во всех смыслах, хотя, если не напишешь, ради Бога, не огорчайся, все это, в конце концов, тлен и суета сует. Не знаю, временно ли у меня состояние или же начало чего-то важного, но мне кажется, что я переживаю какой-то душевный кризис. Многое, что я раньше воспринимала просто, теперь стало на меня остро действовать, казаться пошлостью и ненужностью. Все чаще и чаще думаю о Толстом. Все более и более тянет к тихой жизни, жить где-нибудь уединенно (пока, конечно, с тобою) и заниматься переводами хороших книг. Вчера я была на Среде. И все мне показалось какой-то игрой. Детскими пьесами кажутся пьесы Мамонтова², точно на заданную тему, все насчет 12 года. Многие очень хвалили, в том числе Смирнов-Треплев³ (я с ним познакомилась, он выражал сожаление, что вы все никак не столкнетесь), затем Левушка Лопатин⁴, хорошо он говорил, кое-кто нападал, Юл<ий> Ал<ексеевич>⁵ тоже хвалил. Варв<ара> Ал<оллоновна>⁶ под конец вечера пришла в хорошее настроение. Ужинать я осталась из-за Юшкевичей⁷, у них на Среде почти не было знакомых, по крайней мере, никто не обратил на них внимания. Я же нашла для себя неудобным не быть с ними любезной, а потому ужинала с ними. И Юшкевич надоел мне разговорами обо мне, о том, «что Вам нужен терем, а не Берлиц», что «я без жены трех дней прожить не могу» и т.д. и т.д. Затем он стал хулиганить, мешать всем слушать стихи, которые читались за ужином, т<ак> что молодые поэты очень обиделись, и мы с Юл<ием> Ал<ексеевичем> едва их успокоили, сказав, что Юшкевич напился. Вообще, он невоспитанный мужлан, да еще одессит. За нашим столиком сидел и Вознесенский⁸, муж Юрeneuveй⁹, я была любезна, но очень строга. Уехала, как и приехала, с Юл<ием> Ал<ексеевичем>, но поздно в 3 ч., очень затянулись прения, а затем ужин. Встала около девяти, а потому весь день чувствую себя расслабленной, хотя и была у Берлица. Теперь предстоит еще удовольствие принимать Юшкевичей у себя. Я всем говорю, что свободна я после 7 ч. вечера. Пока еще никто не был. Сегодня я обедала у Третьяковой¹⁰, она упросила меня приехать. Ну, я от Берлица и поехала. Она много расспрашивала о тебе, еще больше рассказывала о себе. Я еще больше утвердилась в своем мнении о ней. Актриса поглощает в ней человека. В десятом часу был у меня Юл<ий> Ал<ексеевич>, мы с ним поговорили об юбилее¹¹. Пора распределять фотографии. Вчера я со всеми говорила об выкупе книг¹². Решили, чтобы я позвонила к Блюменбергу и попросила бы отчет о книгах. А затем, смотря по тому, сколько осталось, начнут выкупать, может быть, сначала одну «Деревню», а затем уж и остальные.

Все, что ты мне поручил, я выполнила. В Книгоиздательство¹³ пришли уже заказы. В Одессу больше всего требуют тебя, потом идет Шмелев, затем Горький и, наконец, Нови-

ков¹⁴, а в Петербург — Горький, ты, Шмелев и Новиков. Если нужно ехать в Петербург, то у меня все готово, и туалеты не уступят Ростовцевой¹⁵ и Котляревской¹⁶. Пошли им 17 сентября телеграммы, я послала бы им, да не знаю, как точный их адрес. Ростовцева Морская, 31, а Котляревские — Кирочная? Не забудь этого сделать.

Не поехать ли нам к 17 окт. в Петербург, чтобы побывать на журфиксах у Котляревских¹⁷. Вообще, следует поумнее провести октябрь месяц. Федоров, должно быть, скоро будет в Москве: уже какая-то женщина звонила и спрашивала его.

Вчера, когда я возвращалась из Кружка¹⁸, то увидела, что весь дом освещен, ну, думаю, что такое? А оказывается, что с мамой был сердечный припадок на почве кишок. Павлик¹⁹ думает, не начинается ли сердечная жаба. Вот неприятность еще.

Целую тебя крепко и нежно. Будь здоров и покоен.

Твой далекий Кустик.

13 <сентября> 1912 г., без четверти 12 ч. ночи. Сейчас ложусь спать, уже слипаются глаза.

В.Н. Муромцева.
Одесса, 1919 г.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/66 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² На заседании литературного кружка «Среда» С.С. Мамонтов мог читать одну из своих пьес, посвященных Отечественной войне 1812 г.: «Завоеватели», «Каменный остров» или «Неприятель».

³ Александр Александрович Смирнов (псевд. Треплев, 1864–1943) — литературный и театральный критик, автор стихов; общественный деятель.

⁴ Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) — философ-идеалист и психолог, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества, редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ Варвара Аполлоновна Мамонтова (урожд. Эберле, в первом браке — Мельникова; во втором браке — Мамонтова, 1870 — после 1915) — жена С.С. Мамонтова, артистка оперы (сопрано), драмы, камерная певица.

⁷ С.С. и Н.С. Юшкевичи.

⁸ Александр Сергеевич Вознесенский (наст. фам. Бродский, 1880–1939) — драматург, деятель кино (сценарист, педагог), поэт, литературный критик и переводчик; юрист по образованию. Второй муж В.Л. Юренивой.

⁹ Вера Леонидовна Юренива (наст. фам. Шадурская, 1876–1962) — драматическая актриса, работала в театре Н.Н. Соловцова в Киеве и Московском Художественном театре.

¹⁰ А.И. Третьякова.

¹¹ 25-летний юбилей литературной деятельности Бунина.

¹² См. примеч. 9 к п. 153.

¹³ «Книгоиздательство писателей в Москве».

¹⁴ Иван Алексеевич Новиков (1877–1959) — поэт, прозаик, драматург, эссеист.

¹⁵ Софья Михайловна Ростовцева (урожд. Кульницкая, 1878–1950-е?) — жена профессора, историка античности М.И. Ростовцева.

¹⁶ Вера Васильевна Котляревская (урожд. Пушкарева, 1898–1918) — артистка Александринского театра; жена Н.А. Котляревского.

¹⁷ Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) — литературовед, академик Петербургской академии наук. В доме Н.А. и В.В. Котляревских часто бывал Бунин, приезжая в Петербург.

¹⁸ Московский литературно-художественный кружок.

¹⁹ П.Н. Муромцев.

160. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 14 сентября 1912 г.

14 сентября.

10 ч. утра.

Дорогой Ян, ответь *немедленно* мне и скажи свое мнение о следующем: Митя¹ избран организовать продажу цветка в пользу малолетних преступников². Его участок — Петровский парк. Он очень просил продавать меня у «Яра» или в «Стрельне». Я, конечно, с удовольствием согласилась бы, но не знаю, как ты отнесешься к этому. Если я откажусь, Митя затаит злобу против нас, в особенности против тебя, ибо мотив моего отказа будет ясен. Мама тоже нападает на это, т.е. на мой отказ. Говорит, по обычаю, прочувствованные слова. Таким образом, отказавшись, я получу массу неприятностей. В прошлом году за «Яр» дрались и сидели там аристократки, и вообще к этому отношение самое хорошее. Если я поеду, то со мной неотлучно будет Митюшка³ и еще кто-нибудь. Во второстепенные загородные рестораны Митя назначает других, в том числе и Зин<айдун> Ник<олаевну>⁴. Оля Муромцева⁵ тоже принимает в этом участие. Подумай об этом и напиши, только успеешь ответить к 18 с<ентября>, ибо продажа будет 19 с<ентября>. Пойми, что восстанавливать перед юбилеем кого бы то ни было глупо.

Одета я буду очень скромно, в черном бархатном платье с длинными рукавами, а через плечо широкая лента.

День сегодня мокрый.

Еще раз говорю: подумай и не поддавайся чувству. Спрашиваю тебя об этом потому, что мне не хочется делать тебе хоть малейшую неприятность. Если придут Каменские, Митя пригласит Ол<ьгу> Ал<ександровну>⁶, она в прошлом году принимала деятельное участие в колесе ржи⁷. (Sic!)

Целую крепко.

Твой С.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/174 оф. Год определен по содержанию.

¹ Д.Н. Муромцев.

² Речь идет о сборе средств для организации специальных приютов, в которые могли бы помещать несовершеннолетних преступников, вместо того, чтобы отправлять их в тюрьму. В газете «Русские ведомости» (1912. 4 сентября. № 204. С. 4) напечатана заметка «Спасите детей от тюрьмы» (без подписи), в которой говорится: «Такой девиз выбран для предстоящего 20-го сентября “дня незабудки”, когда будет произведен в Москве, на ее улицах и в различных общественных учреждениях, театрах, ресторанах и т.п. сбор в пользу молодого “Общества патроната над несовершеннолетними”, стоящего в тесной связи с детским судом. <...> Он <девиз> будет

изображен на голубых лентах, которые будут иметь продавщицы цветка и сборщики». В следующей информационной заметке «День незабудки», опубликованной в «Русских ведомостях» (1912. 8 сентября. № 208. С. 5), сообщалось, в частности: «С 12 ч. ночи на 20-е сентября сбор будет производиться в ресторанах».

³ Д.А. Пушешников.

⁴ З.Н. Муромцева.

⁵ Ольга Сергеевна Муромцева (в 1-м браке Шаврина, во 2-м — Родионова, 1883–1968) — дочь С.А. Муромцева; врач.

⁶ О.А. Каменская.

⁷ Неурожай 1911 г., поразивший юг и восток Европейской части России и часть азиатской России, вызвал в обществе большой резонанс. В начале 1912 г. во многих городах России были организованы «Дни колоса ржи» для сбора средств в пользу голодающих. В Москве «День колоса ржи» прошел 16 марта 1912 г.

161. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 14 сентября 1912 г.

Дорогой Ян, получила я от тебя письмо от 12 с<ентября>¹. Ты спрашиваешь, почему регул нет. И опять приписываешь, что я сижу много, неправда, я гуляю много, а если хочешь знать, то я уверена, что мне твой отъезд очень дорого стоил, ведь то, что я страстно желаю, т.е. вернее уже я не смею больше желать — а именно: жить с тобою вдвоем, но если бы ты этого тоже хотел, я лишена возможности. Ради Бога, не пиши мне, что вы никуда не выходите, это действует на меня так ужасно, что ты и представить себе не можешь. Разве ты не заметил, что ни разу не спросила тебя, как вы живете? Ты опять скажешь — упреки. Нет, это уже и не упреки, это хуже. Ну да сытый голодного не уразумеет.

К Флоберу я сравнительно отношусь.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/143 оф. Датируется по содержанию и по сравнению с п. от 16 сент. 1912 г.

¹ Письмо неизвестно.

162. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 16 сентября 1912 г.

16 сентября 1912 года.

Дорогой Ян, третьего дня я получила твое письмо¹ с просьбой переслать тебе 200 р. Вчера все утро я употребила на это. Ездил в «Лион<ский> кр<едит>» взять чек, отправилась в Волжско-Камский банк, затем на почту и около ½ 12 деньги были отправлены. Вчера получила стихи², Юл<ий> Ал<ексеевич>³ заходил ко мне, и я передала ему для Ив. Ив.⁴ Выбрали мы с ним фотографии твои для «Женского Дела»⁵ и для «Пути»⁶ Белоусова.

Твои предписания я прочла Юл<ию> Ал<ексеевичу>, исполнит ли их он или нет? Очень досадно, что ты стихи прислал к этой среде, у меня как раз концерт Кусевичского⁷, теперь думаю, как устроиться: и концерта жаль, и твои стихи хочется послушать, а главное, взять их от ттеца⁸.

Мне кажется, что пара из черного шевиота — хорошо! Надеюсь, что Лантье⁹ в этот раз уже сошьет тебе хорошо.

Погода второй день у нас стоит ясно-холодная. Вчера ночью, говорят, был мороз. Может быть, вторая половина сентября будет хорошая. Дай-то Бог, а то мокрота надоела. Вчера я взяла ванну, чувствую себя лучше. Вообще, ложусь в 9, 10 и 11 ч. Встаю в 7, 8, 9. Митюшка¹⁰ спит долго, из-за этого я не могу по утрам стучать на машинке. Я вовсе не так беспокоюсь о Флобере, как ты об этом пишешь, но все же хочется когда-нибудь его окончить¹¹, да и деньги будут нужны, ведь этот год у нас неурожайный, а трат много.

Вчера по телефону потребовала сведения о твоих книгах у Дмитрия Марковича¹², обещал прислать сегодня или завтра. Я сказала, что ты написал мне об этом и просишь выслать их тебе. Когда же они будут у меня в руках, то я передам их Махалову и Голубеву¹³.

Мне кажется, они найдут деньги для выкупа их. Во всяком случае, для «Деревни». Я буду действовать на свой страх, конечно, советуясь обо всем с Юлием Алексеевичем.

Целую тебя крепко.

Твой К.

Был утром Юл<ий> Ал<ексеевич>. В «Пути» о тебе будет писать Мешков¹⁴, взято туда два портрета в «Рампу»¹⁵ и «Женское дело».

Утром был Арси¹⁶, очень расстроен: у Милки¹⁷ нашли туберкулез. Должно быть, на зиму уедут в Давос¹⁸ или Крым.

От Милки это *скрывают*.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/65 оф.

¹ Письмо неизвестно.

² Какие стихотворения прислал Бунин, неизвестно; вернувшись в Москву, Бунин сам прочел свои новые стихотворения на заседании литературного кружка «Среда» 26 сентября 1912 г.

³ Ю.А. Бунин.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ См. примеч. 3 к п. 158.

⁶ См. примеч. 3 к п. 153.

⁷ В среду 19 сентября 1912 г. в Большом зале Благородного собрания состоялся очередной концерт с участием оркестра под управлением С.А. Кусевицкого; исполнялись произведения П.И. Чайковского: Симфония № 2, Концерт № 1, Симфония № 5. См. объявление в газете «Русские ведомости» (1912. 8 сентября. № 208. С. 2).

⁸ Какие были прочитаны стихотворения на заседании литературного кружка «Среда», неизвестно.

⁹ Братья Лантье вошли в историю Одессы как одни из крупнейших торговцев одеждой собственного пошива. Юлий Людвигович и Луи Людвигович Лантье владели магазином одежды и мастерской на Екатерининской, 9 в торговых рядах «Пале-Рояль». Третий брат, Август Людвигович упоминается в справочниках за 1907 и 1910 гг. как мужской портной и располагает собственной мастерской.

¹⁰ Д.А. Пушешников.

¹¹ Речь идет о переводе романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

¹² Д.М. Ребрик.

¹³ Дмитрий Яковлевич Голубев — издатель, заведующий финансовой частью «Книгоиздательства писателей в Москве».

¹⁴ См. примеч. 1 к п. 158.

¹⁵ Имеется в виду московский еженедельный иллюстрированный журнал «Рампа и жизнь» (1909–1918). На обложке № 44 «Рампы и жизни», вышедшем 28 октября 1912 г., был воспроизведен фотопортрет Бунина, в номере были напечатаны: стихотворение Бунина «Завеса» («Так говорит Господь: “Когда, Мой раб любимый...”») (с. 5), статья Ю.В. Соболева «Любовь, смерть и вечность в творчестве Бунина» (с. 3–5), интервью «У И.А. Бунина» (подпись: Ю.С. <Ю. Соболев>, с. 5), воспроизведены фотографии И. Бунина и шарж работы И. Малютина.

¹⁶ А.Н. Бибииков.

¹⁷ М.А. Бибиикова.

¹⁸ Давос — один из самых дорогих и известных Швейцарских курортов, где отдыхали и лечились русские

больные туберкулезом, начиная с середины XIX столетия. В октябре 1909 г. здесь открывается «Русский дом для недостаточных туберкулезных больных», который первое время находился в пансионе Танцбюль, в 1913 г. «Русское общество» приобрело виллу «Анна-Мария». С наплывом граждан России русское правительство открывает в Давосе в 1911 г. даже вице-консульство, таким образом, эта курортная деревня стала четвертым местом в Швейцарии послеерна, Женевы и Лозанны с официальным русским представительством.

163. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 17 или 18 сентября 1912 г.

...где мы будем жить перед и во время юбилея. Ведь, если <в> «Лоскутной»¹, то следовало бы заявить, а то займут лучшие номера. Вообще пора и о практических делах подумать. Вообще, насколько было бы лучше, если бы мы сняли квартиру, да и прожили до января месяца в Москве, а затем уехали бы куда-нибудь, уверяю, вышло бы дешевле. Да и я не заболела бы. Впрочем, ты к этому относишься равнодушно на деле, конечно. Ну, да относительно себя я пришла к печальным выводам. Всякие нелепости в жизни бывают, но такие как у меня — поискать. Ник<олай> Ал<ексеевич> пишет, что вы живете хорошо². Я каждый раз расстраиваюсь, когда пишу тебе, что и рассказать трудно.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/99 оф. Сохранилась середина письма. Датируется по содержанию.

¹ «Лоскутная» — московская гостиница в начале Тверской улицы; в этой гостинице Бунин часто останавливался, приезжая в Москву.

² Письмо Н.А. Пушешникова неизвестно.

164. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 18 сентября 1912 г.

18 сентября.

Дорогой Ян, сегодня получила твое письмо от 15 <сентября>, вчера — телеграмму¹. Деньги посланы были 15 <сентября> в субботу, на другой день получения письма (14 — праздник)². Если пишется, то не приезжай, ибо время уйдет на устройство жизни, так как у нас ведь для работы тесно, и разобьет твоё настроение. Скуку же можно преодолеть. Тяжело то, что ты предпочел уехать без меня, а теперь проживешь ли ты неделю, две или месяц — разница невелика. Да не дразни меня, ради Бога, что ты нигде не бываешь, ведь этого счастья я не могу дождаться целых пять лет.

Вера.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/161 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Одесса, Николаевский бульвар, Петербургская гостиница. Ивану Алексеичу Бунину»; без почт. шт. Год определен по содержанию.

¹ Письмо и телеграмма неизвестны.

² См. п. 162.

165. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 19 сентября 1912 г.*

19 сентября.

Ну, будь по-твоему, продавать у «Яра» я не буду¹. Митя² чуть не плачет, ибо многие шли при условии, если еду я. А относительно усталости и простуды, это глупости, ибо устану я больше завтра, т.к. пришлось согласиться на день³, что мне гораздо меньше нравится, т.к. весь день придется быть на ногах, а устаю я быстро.

Спасибо, что вспомнил меня 17, должно быть, кто-нибудь напомнил⁴. Была сегодня у Юлия Алексеевича⁵, видела там Хитрово⁶ и Арсика⁷, последний очень удручен. Завтра идут к Усову, вид у Милки⁸ очень испортился за две недели. Завтра иду к ним.

Целую тебя. Вера.

Стихи из «Журнала для всех» одни вернули с письмом⁹, где пишут, что оба стихотв<орения> печатать им дорого.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/89 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Одесса, Петербургская гостиница. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Москва, 20.9.12»; «Одесса, 22.9.12». Год определен по почтовому штемпелю.

¹ См. п. 160 и примеч. 2 к нему.

² Д.Н. Муромцев.

³ Вероятно, речь идет о дневном дежурстве по продаже цветка на помощь малолетним преступникам.

⁴ 17 сентября — именины В.Н. Муромцевой.

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ Лев Аркадьевич Хитрово (псевд. Андрей Мирославич, 1848–1926) — журналист, один из основателей и член литературного кружка «Среда».

⁷ А.Н. Бибиков.

⁸ М.А. Бибикова.

⁹ Имеется в виду петербургский журнал «Заветы», который издавал В.С. Миролубов, ранее выпускавший в Петербурге «Журнал для всех». Письмо из редакции журнала неизвестно. В № 8 (нояб.) «Заветов» напечатано стихотворение Бунина «Светляк» («Леса, пески, сухой и теплый воздух...»).

166. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Киев. 8 апреля 1913 г.*

Дорогой Ян, доехали мы великолепно¹. Я брала белье и раздевалась, а Ник<олая> Ал<ексеевичу>² завернула бархатную подушку в свой шарф и затем обернула еще в чистые свои панталоны, т<ак> ч<то> он все боялся лечь и испачкать их, а на диване я растелила свою юбку и уговорила его снять с себя венские штаны. Таким образом, все было сделано для эротических снов. Утром мы переложились. Он забил свою парочку и потник в сумку, а книги и портфель аккуратно связали веревкой. Приехав в Киев, отправились к Исаевым³. Напились прекрасного кофе и отправились провожать Ник<олая> Ал<ексеевича> на вокзал⁴.

Сергей Николаевич, муж Оли, был все время более чем любезен. Мы с ним, как две няньки, бегали за Ник<олаем> Ал<ексеевичем>. Было кое-что и курьезного. Но усадили мы его хорошо. Поехал он через Брянск, ибо там пересадка в 11 ч., а в Курске — в 2 ч. ночи, билет взят прямо до Измалково, стоит он 12 р. 35 коп. Коля доволен: «Денег масса остается». Ва-

гон, в котором он поехал, рядом с рестораном, собирался сидеть в нем, завтракать. Накупил массу газет и несколько книжек Антик⁵! Но вагон плох тем, что не купе, а просто длинные лавки. Поэтому я, вероятно, поеду в международном вагоне, ибо, пожалуй, еще попадешь в такой — и нельзя будет раздеться. Решила ехать во вторник⁶, ибо с проводами я не успела зайти и взять заранее билет, а вчера касса была открыта лишь два часа. Иду сегодня.

Вчера я была в гостях у Ивановых⁷, дочери старухи-медведь. Муж ее — доктор, он говорит, что каждая рюмка вина для тебя — яд. Я рассказала о твоей болезни. «Лучше всего чикнуть». «Ни за что не согласится». Тогда можно попробовать лечиться, но серьезно. Советовал в санаторию на берегу Баденского озера. Я объяснила твоё отношение к подобным учреждениям. Тогда пусть *он* *подробно* *разузнает о способе лечения и пусть следует ему дома*.

Очень беспокоюсь, как ты доехал. Я неверно сказала адрес: Подвальная, 14, — 26. Сейчас пойду на телеграф узнать, не было ли от тебя телеграммы.

Если все будет благополучно, то 10 апреля я буду в Москве. Как раз в день, когда началось наше с тобой странствование по белу свету⁸. Можно и подвести итоги. Как раз мы вступаем в роковой год супружеских отношений, по опытному мнению Зайчихи⁹, большинство разводов бывает на этом году!

Мне, конечно, грустно, что я в этот день буду без тебя.

Целую нежно.

Твой

Р. С. Оля кланяется.

Привет твоим друзьям.

Сейчас взяла билет в простом вагоне, нижнее место в дамском купе № 3.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/128 оф. Датируется по содержанию.

¹ Возвращаясь из заграничного путешествия, под Одессой 6 апреля 1913 г. Бунин расстается с В.Н. Муромцевой и Н.А. Пушешниковым: Бунин отправляется в Одессу, В.Н. Муромцева едет через Киев в Москву, а Н.А. Пушешников — в Глоново. Бунин приезжает в Москву 17 или 18 апреля 1913 г. (*Летопись* (2). С. 436, 442).

² Н.А. Пушешников.

³ Сергей Николаевич Исаев и его жена Ольга — знакомые Буниных.

⁴ В Киеве В.Н. Муромцева рассталась с Н.А. Пушешниковым, который поехал в Глоново.

⁵ Имеются в виду книги, выпущенные в издательстве «Польза» В. Антик и К°.

⁶ Т.е. 9 апреля 1913 г.

⁷ Неустановленные лица.

⁸ См. примеч. 11 к п. 133.

⁹ В.А. Зайцева.

Ю.А. Бунин.

Москва, 1918 или 1919 г.

(ОГЛИМТ)

167. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину
Москва. 10 апреля 1913 г.

10 апреля 1913 года.

Дорой мой Янчик, доехала я до Москвы великолепно. Ждала найти от тебя письмо или, по крайней мере, открытку с адресом — ни того, ни другого не оказалось. Как тебе не стыдно? Ведь с субботы я не знаю, что с тобой!¹

Дома я нашла не все благополучно: Павлик² в постели. У него сделался сердечный припадок, затем обнаружилась жаба, которая уже прошла дня три, но он все лежит, так как ему больно сидеть, воспаление мышц. Он очень похудел и побледнел. Завтра хочет встать.

С Юлием Алексеевичем³ виделась. Он все такой же. Недоволен, что ты не написал большой вещи, я сказала, что у тебя она намечена. С нами он думает прожить летом недель шесть. Определенных планов у него пока не имеется. Кажется, Дм<итрий> Ал<ексеевич>⁴ уговаривает его ехать с ним за гран<ицу>. По телефону разговаривала с Блюменбергом, любезен, он находит, что книгу выпускать поздно теперь. Хочет первую выпустить в конце августа, а вторую — в конце ноября⁵. Печатать будет летом. Я сказала, что ты прочтешь еще в корректуре. Затем спросила насчет денег, он сказал, что посмотрит в условие, я просила позвонить, но он не позвонил. По-видимому, платить ему не очень хочется. Поэтому, пусть ты или Ник<олай> Ал<ексеевич>⁶ напишет на *основании условия*, чтобы тот прислал деньги мне. Мне же неудобно второй раз звонить.

Брун в восторге от «Иоанна-Рыдальца»⁷, специально звонил по телефону, чтобы сказать это. «Вестн<ик> Европы» тебе не присылается. Напиши, чтобы выслали. «Соврем<енный> мир» вышел 3 номер, в нем «Илья Пророк»⁸, завтра прочту.

Погода в Москве хорошая, а неделю назад была жара, все ходили в летних платьях. Юл<ий> Ал<ексеевич> на праздники из Москвы не уезжает. В Орле и Ефремове жизнь течет обычно.

Митина девочка⁹ выросла, ты не узнаешь ее. Знает тебя по портрету: «Дядя Бу». Зоя¹⁰ была у меня. Очень похудела. Пластике учится у Зин<аиды> Ник<олаевны>¹¹. Пеню у Ин<ны> Вас<ильевны>¹². Принята она в Вольный театр¹³. Ан<дрей> Г<еоргиевич>¹⁴ тоже сегодня приехал. Пора спать, весь дом уж спит.

Целую
Твой Верун.

Поклон твоим друзьям.

Если завтра не будет известий, пошлю телеграмму тебе.

Поправка пишущей машинки стоит 8 р., но если менять валы, чтобы она *не косила*, то будет стоить 20 р. Что делать? Ответь!

Тимофеев¹⁵ привез лишь мой чемодан, а Колиного нет? Вот история.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/94 оф.

¹ Возвратившись из заграничной поездки, В.Н. Муромцева рассталась с Буниным под Одессой 6 апреля 1913 г.

² П.Н. Муромцев.

³ Ю.А. Бунин.

⁴ Д.А. Пушешников.

⁵ Возможно, речь идет о выпуске в «Московском книгоиздательстве» Г.Г. Блюменберга двух книг Р. Киплинга «Избранные рассказы» в переводе Н.А. Пушешникова под редакцией И. Бунина. Книги выходили в

издательской серии «Библиотека иностранных писателей под редакцией Ив.А. Бунина», первые две книги «Избранных рассказов» Р. Киплинга вышли в переводе Н.П. Азбелева, 3 и 4 книги — в переводе Н.А. Пушешникова (М., 1914, 1915).

⁶ Н.А. Пушешников.

⁷ Бунин И. Иоанн Рыдалец // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 5–10.

⁸ Бунин И. Илья пророк // Современный мир. 1913. № 3. С. 1–4.

⁹ Т.Д. Муромцева.

¹⁰ З.Е. Шрейдер.

¹¹ З.Н. Муромцева.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ Имеется в виду Свободный театр, основанный К.А. Марджанишвили (Марджановым) в 1913 г.; работал в саду «Эрмитаж»; театр просуществовал только один сезон, с 21 октября 1913 г. по 2 мая 1914 г.

¹⁴ А.Г. Гусаков.

¹⁵ Неустановленное лицо.

168. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 11 апреля 1913 г.

1913 г. 11 апреля.

Дорогой Ян, сегодня я была у Юл<ия> Ал<ексеевича>¹, и мы долго разговаривали с ним о лете. Оказывается, С<офья> Н<иколаевна>² была в Москве. И он из разговоров понял, что ей не очень-то хочется, чтобы мы жили у нее. Например, при прощании она сказала Юл<ию> Ал<ексеевичу>: «Заезжайте, пожалуйста». Как тебе нравится! Кроме того, она зла на тебя за Ник<олая> Ал<ексеевича>³. Видишь ли, ты разъединяешь их. «Поташил»⁴. Кроме того, к нашим она не зашла. Впрочем, Юл<ий> Ал<ексеевич> сам будет писать тебе.

Я нахожу, что, если ты будешь по своему здоровью в состоянии жить под Одессой, то снимай дачу, только не у Федоровых. Пора жить своим гнездом. Я готова взять все на свою ответственность и уверена, что все будет хорошо.

Почему ты не пишешь мне? Меня это очень беспокоит. Чуть ли не неделя, как я не знаю о тебе ничего. Как ты равнодушен к моим нервам!

Сегодня я встретила в магазине Доброву⁵, мать ее умерла⁶. Жена Леонида Ник<олаевича>⁷ здесь, приехала за Данилушкой⁸. Мне показалось, что она смущалась, когда говорила о них, но я, ни чуточки не смущаясь, просила Анне Ильиничне передать поклон.

Меня очень беспокоит Павлик⁹, он все еще не может спать. Он почти не улыбается. Все молчит. Хотя сегодня мне и удалось вызвать его на разговор. У него сильное недовольство собою, хотя на мой взгляд и неосновательно.

С Телешевой Ел. Ан. еще не видалась. Неловко, седьмая неделя. Может, говеют. Юл<ий> Ал<ексеевич> не верит, что ты выживешь в Одинцове¹⁰. Почти во всем мы сходимся с ним. Он очень рад, если ты будешь писать большую вещь. Ваше книгоиздательство выпускает сборник осенью¹¹, к концу июня надо доставить вещь в редакцию.

В «Русском слове»¹² была Горячева¹³ видела. Все, что ты просил, сделала. Завтра обещал прислать твой счет. Пока у Юл<ия> Ал<ексеевича> твоих денег около 400 р. Я у него не взяла ни копейки. Да, вероятно, и не возьму. У меня осталось неприятное впечатление от того, что ты с такой неохотой согласился, чтобы я взяла деньги у него. Впрочем, это мелочь. Эти дни сижу дома, сегодня взяла ванну. Сейчас ложусь спать. В ванне я вдруг затосковала по тебе. Вероятно, это письмо получишь в первый день праздника¹⁴, трижды целую тебя. Погода хорошая, хоть и прохладно. В твоей комнате только наши вещи. Ада¹⁵ написала тебе письмо,

которое прогулялось *aller et retour*¹⁶ на Капри и в Москву — гимн русской весне; приложены 2 стихотв<орения>. Прислать его тебе? Тулуп¹⁷ в отчаянии, что ты не отвечаешь.

Целую еще раз. Верун.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/92 оф.

¹ Ю.А. Бунин.

² С.Н. Пушешников.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ Подразумевается совместная поездка Бунина с Н.А.Пушешниковым в Италию.

⁵ Вероятно, Е.М. Доброва — жена врача Ф.А. Доброва; родная сестра А.М. Андреевой, 1-й жены Л.Н. Андреева.

⁶ Ефросинья Варфоломеевна Велигорская (урожд. Шевченко, 1846–1913) — мать Е.М. Добровой.

⁷ Вторая жена Л.Н. Андреева — А.И. Андреева.

⁸ Д.Л. Андреев — второй сын Л.Н. Андреева.

⁹ П.Н. Муромцев.

¹⁰ Одинцово — дачное место под Москвой.

¹¹ Речь идет о 1-м сборнике «Слово» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913), в котором был напечатан рассказ Бунина «При дороге».

¹² «Русское слово» — ежедневная газета (М., 1895–1918), в которой регулярно печатался Бунин.

¹³ Горячев — сотрудник редакции газеты «Русское слово».

¹⁴ Имеется в виду Пасха, в 1913 г. она праздновалась 14 апреля.

¹⁵ Письмо поэтессы Ады Артемьевны Чумаченко (1887–1954) неизвестно.

¹⁶ Туда и обратно (*фр.*).

¹⁷ Возможно, имеется в виду Зинаида Павловна Тулуб (1890–1964) — писательница.

169. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 14, 15, 16 апреля 1913 г.

14 апреля.

Дорогой Ян, вторая неделя пошла, что мы с тобой расстались, и за все время от тебя лишь одно письмо, в котором ты забыл написать, где ты остановился. Приходится писать все на Княжескую¹. На телеграмму² же ты даже и не ответил мне. Ну, Бог тебе судья! Твое письмо от 9 апр.³ я получила только вчера, 13 апреля. И весь день очень волновалась, не получая от тебя ответа на телеграмму. Мне уж стало казаться, что ты также пропал без вести, как тот доктор, о котором мы читали объявление на какой-то станции в Швейцарии. Но, слава Богу, пока этого не случилось.

15 апреля.

Сегодня почти весь день провела у Телешовых. Было очень приятно. Они уже переехали в новую квартиру⁴. У них хорошо. Ал. Ан.⁵ не видела, так как у Сони⁶ корь. Митрич⁷ был серьезно болен, думали, водянка. Даже созывался консилиум, оказалось — ожирение брюшины. Посылают куда-то на Рейн. Ел<ена> Ан<дреевна>⁸ опять жаловалась, что он не пишет. Бранила его. Говорила: «Пусть пишет для меня, если не хочет печатать». Я говорю: «Но, может быть, он не пишет потому, что некогда?» «Да кто же его заставляет работать. Он нажил себе капитал и мог бы делом совсем не заниматься. Но он влюблен в Малаховку и все придумывает, как бы заключить такой контракт, чтобы на 75 лет был он действителен». Об Одинцове я ничего пока не говорила, ибо об этом имеет смысл под-

нимать вопрос, если ты под Одессой не будешь жить. Меня крайне удивляет, почему ты ничего не сообщаем. Почти десять суток прошло, как мы разъехались⁹. От Ник<олая> Ал<ексеевича> получила открытку¹⁰: задохнулся и, по-видимому очень сильно.

Погода здесь изумительная. Почти все время небо безоблачное. Иногда так и сверкают крылья у извозчиков, издали точно блески.

У Зайцевых еще не была, но Койранского встретила, у него все такие же редкие зубы и козлиная бородка, но за пять минут разговора он не сказал ни одной остроты — выдохся.

Пасху мы встречали в Кремле, т.е. Юл<ий> Ал<ексеевич>¹¹, Сева¹², Настя¹³ с помощником мужа и я. Меня поразила красота Успенского собора и звон на Иване Великом, Юл<ий> Ал<ексеевич> говорил, что его колокол самый большой в мире, удивительный у него гул. На первый день Юл<ий> Ал<ексеевич> тоже был у нас вечером. А сегодня он уехал куда-то из Москвы на три дня. Пока облечено в тайну.

Получила сейчас 16 апреля письмо твое от десятого¹⁴. Целую за него. Только как ты краток. Против Куровских¹⁵ ничего не имею. Конечно, хорошо, если бы комнаты были бы изолированы. Не знаю, какая хозяйка Вера Павловна. Помни о своих кишках.

Твой К.

Написал ли письмо в «Шиповник»¹⁶?

Адрес Желябужского¹⁷: Лесной, Малая объездная, 10, 3.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/90 оф. Год определен по содержанию.

¹ На улице Княжеской в Одессе жил художник Е.И. Буковецкий, через которого Бунин мог получать письма.

² Телеграмма неизвестна.

³ Письмо неизвестно.

⁴ В апреле 1913 г. семья Н.Д. Телешова переехала в новую квартиру по адресу Покровский бульвар, д. 18/15.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Н.Д. Телешов.

⁸ Е.А. Телешова.

⁹ См. примеч. 1 к п. 167.

¹⁰ Открытка Н.А. Пушешникова неизвестна.

¹¹ Ю.А. Бунин.

¹² Вс.Н. Муромцев.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Письмо неизвестно.

¹⁵ Владимир Павлович Куровский (1869–1915) — художник, член Товарищества южнорусских художников, хранитель Одесского художественного музея, служащий городской управы. Его жена — Вера Павловна Куровская.

¹⁶ Петербургское издательство «Шиповник».

¹⁷ Возможно, имеется в виду дворянин Георгий (Юрий) Андреевич Желябужский (1888–1955) — кинооператор, режиссер, сценарист (см.: Весь Петербург за 1912 г.).

170. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 17 апреля 1913 г.

17 апреля.

Дорогой мой Ян, не тароват ты на письма. У меня тоже пропадает охота писать в пустоту. Сегодня утром послала я тебе относительно Куровских. Повторяю, против них я ничего

не имею, боюсь только за стол, будут ли они готовить тебе отдельно. Не лучше ли обедать нам отдельно в своих комнатах.

В «Современнике» — «Худая трава»¹. Мне сегодня дали эту книжку Каменские. Я подсчитала, выходит около 600 р. В «Русском Слове» напечатано не «Отец Кир», а «Сказка» и «Псалма»². Оттуда я получила счет. За тобою 418 р. 25 коп. Рассчитывают по 50 коп. за строчку. За Пасхальный номер приходится тебе 174 р. 50 к. За Кира еще не плачено. Напиши, чтобы из «Современника» тебе выслали бы деньги, если ты за рассказ еще не получал. Послал ли «При дороге»³? Розенфельд⁴ так 44 рублей и не прислал, Д<митрий> Ал<ексеевич>⁵ ничего не сделал, не понимаю, зачем тебе понадобилось давать ему доверенность. Я думаю, через А<ндрея> Г<еоргиевича>⁶ действовать было бы вернее. Сегодня звонил по телефону Черемнов. Я пригласила их на завтра обедать, да мама восстала, скучно объяснять, короче, приходится писать отказ. Думаю, с Юл<ием> Ал<ексеевичем>⁷ съездить к ним с визитом. М<ария> П<авловна>⁸ не здорова, насколько я поняла, Ал<ександр> С<ергеевич>⁹ опять влюбился, а она разболелась. Он даже думает отвезти ее в санаторию?!!

Вчера была у Зайцевых. У них счастливая семейная жизнь, чувствуется поэзия в ней. Он занят переводом «Божеств<енной> комедии»¹⁰. Патя¹¹ будет писать статьи и комментарии, а он — перевод в прозе. Он — Зайчик и ничего. Верочка снялась с ребенком с обнаженной грудью во время кормления.

Заниматься еще не начала, все гости, и я — в гости. Уже надоедает, а не повидаться нельзя. Вчера обедали у Брун. И читали вслух, по желанию хозяев «Иоанн Рыдалец», им это очень нравится, и затем Троеперова петуха¹². «Это — Пушкин», — сказала m-me Брун.

Целую нежно.

Верун.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/139 оф. Год определен по содержанию.

¹ В петербургском журнале «Современник» (1913. № 4. С. 3, 41–61) были напечатаны два стихотворения под общим заглавием «Мудрость»: «Уголь» («Могол Тимур принес малютке-сыну...»), «Потомки пророка» («Не мало царств, не мало стран на свете...») и рассказ «Худая трава».

² В московской газете «Русское слово» (1913. 14 апреля. № 87. С. 6–7) опубликованы два рассказа «Псалма», «Сказка». Рассказ «О. Кир» был напечатан позднее в газете «Русское слово» (1913. 26 мая. № 120. С. 4).

³ См. примеч. 11 к п. 168.

⁴ Исаак Мордухович Розенфельд — редактор-издатель 1910-х гг. О чем идет речь, неясно.

⁵ Д.А. Пушешников.

⁶ А.Г. Гусаков.

⁷ Ю.А. Бунин.

⁸ М.П. Миловидова.

⁹ А.С. Черемнов.

¹⁰ Б.К. Зайцев перевел «Божественную комедию» Данте Алигьери.

¹¹ Павел Павлович Муратов (1881–1950) — писатель, искусствовед, переводчик и издатель; Б.К. Зайцев совместно с П.П. Муратовым задумывал это издание «Божественной комедии».

¹² Возможно, прозвище А.М. Горького.

171. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Большой Фонтан. 5 июня 1913 г.*

5 июня.

Дорогой, золотой. Пишу первое письмо. Здоровы. Ждем телеграммы от вас. Вероятно, вас качало¹. Погода мерзкая.

Я начала брать уроки английского языка. Целый час говорила с англичанкой, толстой женщиной шестидесяти лет, и представь, почти все понимала. Три раза в неделю 15 рублей в месяц, а два раза — 10 рублей в месяц.

В понедельник был Палыч² с Шуриком³, хотели писать этюды, но дождь не дал им работать. Просидели они у нас до 10 часов.

Павлика⁴ в воскресенье вечером пригласила Строганова⁵ к своему сыну⁶. За визит заплатила 5 рублей.

Целую крепко и нежно.

Поклон и поцелуи от нас Юл<ию> Ал<ексеевичу>⁷.

Пишите.

Твой К.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/96 оф. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Заказное. Recommandé. Константинополь. Constantinople. Poste russe. Poste Restante. Jean de Bounine. Ивану Алексеичу Бунину»; почт. шт.: «Большой Фонтан, 5.6.13»; «<нрзб> 7.VI.13». Год определен по почтовому штампе.

¹ Бунин с Ю.А. Буниным во время путешествия по Черному морю между 2 и 14 июня 1913 г. посетили Батум, Трапезунд, Керасунд, Самсун, Инеболи, Константинополь (*Летопись* (2). С. 453–457).

² В.П. Куровский.

³ Неустановленное лицо.

⁴ П.Н. Муромцев.

⁵ В истории Одессы значительное место занимает деятельность генерал-губернатора Новороссии графа Александра Григорьевича Строганова (1795–1891). При выходе в отставку в 1862 г. он получил честь быть первым «Почетным пожизненным гражданином Одессы». Потомки его проживали в Одессе и после его смерти. Очевидно, речь идет о ком-то из них.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Ю.А. Бунин.

172. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Большой Фонтан. 7 июня 1913 г.*

7 июня.

Дорогой, золотой Ян мой, послала тебе закрытку с почты, т.к. вспомнила там, что в четверг отходит пароход в Константинополь. Сейчас напишу все пообстоятельнее. Чувствую себя хорошо: все боли прошли, хотя занимаюсь почти весь день. Гулять ходим два раза, в общем, часа на три. Ложимся между 10 ч. и половиной 11, засыпаем в 11–11 ½ ч. Встаем между 7 ½ — 8 ½. Нигде не бываем, да и у нас, как бы не сглазить, никто, кроме Федоровых, не бывает. В воскресенье, вероятно, приедет Палыч¹. Папа еще не приезжал и известий от него не имею.

Сегодня взяла второй урок у англичанки. К моему удивлению, я с ней объясняюсь, Берлиц помог, читаем пока легкий роман, очень многое понимаю и рассказываю ей, затем она сделала диктант и, вообрази, я написала его хорошо. Вообще, я думаю, если все будет благополучно, то через три месяца я буду в состоянии сопровождать тебя в качестве переводчика во все английские страны. А через месяц начну для тебя переводить поэтов: Теннисона², Лонгфелло. Кроме того, для меня отдых заниматься с ней. Деньги на языки у меня найдутся. Да и нужно пользоваться, когда еще будем жить так долго на одном месте.

Погода поправилась, сегодня тепло. Я каждый вечер хожу к морю и мысленно бываю с тобой. Вчера была луна цвета красного каления, и волны широкими складками набегали на берег. Не качало ли вас?

Тебе написал Митрич³ письмо. Поздравляет с «Нивой»⁴. Пошли ему хоть открытку, да и Юл<ию> Ал<ексеевичу>⁵ следует, он нежно в письме говорит о нем. Пришло тебе письмо и от Ильи Толстого⁶ с сказкою, очень хорошей, под Толстого. Интересной и оригинальной по теме. И мне, и Павлику⁷ понравилась, произвела впечатление. В письме своем он прохватил тебя, Юл<ия> Ал<ексеевича> и всю «Среду». Человек он, во всяком случае, наблюдательный, но со всячинкой. Газеты все сохраняю и читаю все пристально. Ничего интересного нет. В Тырнове было землетрясение⁸.

Прочла пол книги Лоти Matlot⁹ по-французски, читаю совершенно, как по-русски. Вот легко бы перевести! Но он уже переведен в изд<ательстве> Антик. Мне это произведение очень нравится, и в нем Лоти не так тщательно выписывает природу, я не знаю, но вероятно, это одно из первых его произведений, когда еще он не увлекался à la Nilouss¹⁰ описанием природы. И как он пишет по-своему! Жаль, что ты не приучил себя читать по-французски, — какое это наслаждение. По-итальянски читаю со словариком «Le mie prigioni»¹¹. И испытываю удовольствие. Не остается ни одной неясной фразы. Я думаю, если лето пройдет для меня счастливо, то я овладею, по крайней мере, для чтения, и итальянским языком. Флобер тоже подвигается, к твоему приезду, в ящике, отведенном для моих рукописей, будет лежать, Бог даст, вся I часть и немного второй¹². Готовься! Бекасы еще не прилетали. Ну, да я и рада. Все-таки при тебе покойнее. Из русских книг пока читаю лишь Зайцева на ночь. Вывод один. Как он любит Верочку, он видит в ней лишь одно хорошее и увеличивает это хорошее раз в сто и не только как писатель, но и как человек. Любит он и всех, кто его окружает, и нравятся они ему, вот отчего и приятно его читать: все проникнуто «золотым туманом». Но художник он плохой, а уж филос<оф> совсем никудышный и кувоялп. Напрасно он взялся за такие серьезные вопросы, лучше бы прыгал с козлогорими. Я прочла половину, даже страшно и совестно читать, когда он станет говорить о революции и т.п.¹³ Мешает еще мне то обстоятельство, что я все знаю. Все анекдоты о Шумахере, т.е. Шмитте-акушере, дяде Верочки и т.д.

Занимаюсь я у тебя в комнате, здесь же и сплю. Павлик спит рядом со мною. У повара ревматизм, Павлик его лечит, запретил купаться. Ты доволен. Нехорошо у него и сердце. Но люди они, на мой взгляд, хорошие. Поэтому ты не опасайся за нас.

Целую тебя крепко и нежно.

Поцелуй Юл<ия> Ал<ексеевича>. Писем ему пока нет.

Беспокоит меня лишь твой живот. Как бы я бы<ла> счастлива, если ты по приезде стал бы внимательно относиться к нему.

Павлик вам кланяется. Он еще возится с зубами.

Твой Верун-Секрет.

Все поручения исполнены.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/162 оф. Год определен по содержанию.

¹ В.П. Куровский.

² Альфред Теннисон (1809–1892) — английский поэт.

³ Н.Д. Телешов.

⁴ В письме от 18 июня 1913 г. Н.Д. Телешов писал Бунину: «Читал сегодня в газете, что тебя и Короленко и “прочих” приложат в 1914 году. Недурная компания. Вот деревню-то когда точно в стереоскопе увидим: и с левого глаза, и с правого; какой глаз ни закрой — все выходит односторонне, а гляди в оба — картинка с “воздухом”» (*ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 612–613). В газетных объявлениях о подписке на журнал «Нива» сообщалось, что в 1914 г. выйдут в качестве бесплатных приложений собрания сочинений Короленко, Бунина, А. Майкова и Э. Ростана. Позднее было решено выпуск собрания сочинений Бунина перенести на 1915 г.

⁵ Ю.А. Бунин.

⁶ Илья Львович Толстой (1866–1933) — писатель; сын Л.Н. Толстого.

⁷ П.Н. Муромцев.

⁸ Речь идет о землетрясении в древней столице Болгарии (XII–XIV век) — городе Велико-Тырново, на скалистом склоне долины реки Янтры, в северных предгорьях Балкан. Утром 1/14 июня 1913 г. землетрясение силой почти 7 баллов произвело много разрушений.

⁹ Имеется в виду роман П. Лоти «Матрос» («*Matelot*», 1893). Антик выпустил несколько его романов в серии «Универсальная библиотека», в том числе и этот: *Лоту П. Матрос* / Пер. с фр. А. Кипена. М.: Книгоиздательство «Польза», 1913. Впрочем, роман переводился на русский язык и раньше: *Лоту П. Матрос* / Пер. с фр. В.Ф. Корш. М.: тип. В.М. Саблина, 1910.

¹⁰ Речь идет о П.А. Нилусе.

¹¹ Речь идет о книге итальянского писателя Сильвио Пеллико (Silvio Pellico, наст. фам. Saluzzo, 1789–1854) «Мои темницы» («*Le mie prigioni*», 1832).

¹² Речь идет о переводе романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание».

¹³ Имеется в виду роман Б.К. Зайцева «Дальний край», опубликованный в «Литературно-художественных альманахах издательства Шиповник» (СПб., 1913. Кн. 20, 21).

173. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 5 ноября 1913 г.

Дорогой Ян, не писала я все эти дни потому, что чувствовала себя очень слабой¹. Почти все время лежала в постели или на постели, боли были сильные. Сегодня лучше, хотя пустяки еще волнуют и сейчас опять боюсь, что поднимутся боли. С пятницы я живу безвыездно дома. Вижу только тех, кто бывает у меня. Юл<ия> Ал<ексеевича>² не видала, раз он говорил по телефону со мной, но еще в субботу, а потому сообщить ничего о нем не могу. Должно быть, занят по горло. Смутила твоя телеграмма³, неужели 15 руб. за каждого, вот разбой! Но мы с тобой ведь решили о деньгах не думать, устраивайся так, чтобы ты мог работать и жить в свое удовольствие, тогда «щипчики сами себя оправдают». Мама уверяет, что можно торговаться с хозяйкой, советовать боюсь, устраивайся, как тебе лучше, как хочется тебе. Со мной не считайся, будь уж последовательным, а то останешься не в тех, не в сех. Поэтому повторяю, устраивайся, где нравится, живи, с кем хочешь. Если ты можешь работать в мое отсутствие — работай, я в претензии не буду. Я теперь больше всего мучаюсь тем, что я в октябре не смогла скрыть от тебя своего недовольствия, но это произошло потому, что я была серьезно больна, и хотя ты говоришь, что я всегда больна, но это неправда, то, что я пережила за октябрь, в смысле нервных потрясений, у меня не было почти никогда. Сейчас у меня вид, как после серьезных болезней бывает. Но все же я счастлива, что у меня регулы были, как только они у меня пройдут, так начну принимать железо, фитин, ванны и, Бог даст, быстро восстановлю упавшие силы.

Машинку купила за 224 р. вместе с чехлом, в эту же цену входит и поправка Колиной⁴ машинки, таким образом, я передам ее ему в исправленном виде. В настоящее время она у Таина⁵. Корректурa «Чаша жизни»⁶ получилась вчера поздно вечером.

В новый Гаммонд⁷ я слегка влюблена. Но пока еще не начала стучать — подожду полного выздоровления. В первый день после твоего отъезда⁸ я очень взволновалась и расстроилась тем, что не нашла своего шелкового одеяла, подаренного тобой, не взял ли ты с собой его. Оно было в Лоскутной, это я твердо знаю, потом нет моей записной книжки, в которой вложено стихотворение о тебе и Строеве⁹ и, наконец, золотого пера. Неужели оно пропало! Надо поставить себе за правило в день отъезда не собираться. Нужно всем говорить: едем в пятницу, а уехать в воскресенье, тогда суббота идет на уборку, а воскресенье на прощание с родными, а у нас всегда при отъезде черт ногу сломит.

Сейчас от Яблочкого¹⁰ пришла рукопись. Напиши ему, что я получила ее.

Целую. Устала писать.

Поклон Н<иколаю> Ал<ексеевичу>¹¹.

Твой Вер.

1913 г. 5 ноября.

Да, новость: у нас была т-те Бекетова¹², жена винодела. Очень сетовала, что никто из нас не был после 1904 г. у них в имении, она, оказывается, приятельница В.В. Котляревской, которая в настоящее время беременна! Это после 20-летнего бесплодного замужества! Никогда не следует унывать.

Сейчас звонил Юл<ий> Ал<ексеевич>, он придет ко мне через ¼ часа. Я очень рада. Сейчас я совсем одна. Тишина удивительная.

Целую нежно.

Твой С.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/93 оф.

¹ Между 2 и 13 ноября 1913 г. Бунин с Н.А. Пушешниковым живет в Кисловодске, Керчи и Ялте. В Москву возвращается 15 ноября 1913 г. (*Летопись* (2). С. 504–510).

² Ю.А. Бунин.

³ Телеграмма неизвестна.

⁴ Н.А. Пушешников.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Речь идет о рассказе Бунина «Чаша жизни», который был напечатан в журнале «Вестник Европы» (1913. № 12. С. 65–84).

⁷ Пишущая машинка фирмы «Гаммонд».

⁸ Бунин вместе с Н.А. Пушешниковым уехал из Москвы в Кисловодск в начале ноября 1913 г.

⁹ Строев — полицейский пристав, присутствовавший на юбилейных торжествах в связи с 50-летием газеты «Русские ведомости». У Бунина со Строевым произошел инцидент, получивший широкую огласку в газетах. Имеется в виду шуточное стихотворение по этому поводу: *Воинов В.* «Рукава» (Новый сатирик. 1913. № 21. 24 окт. С. 3).

¹⁰ Георгий Алексеевич Яблочков (1869–?) — врач, писатель, переводчик; Г. Яблочков прислал рукопись своего перевода произведений французского поэта Леконта де Лиля (см. *Письма* (2). С. 293, 675).

¹¹ Н.А. Пушешников.

¹² Александра Александровна Бекетова (урожд. Гольц; ? — 1942) — жена ученого-винодела Николая Николаевича Бекетова (1868–1918) — хозяина имения «Болгатур» в Гурзуфе; их сын Николай.

174. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Москва. 10 ноября 1913 г.*

10 ноября 1913 г.

Дорогой Ян, получила сейчас твою телеграмму из Керчи¹. Устраивайтесь в Ялте. Мама очень хвалит гостиницу «Метрополь». Зайди на всякий случай туда. Относительно твоего приезда в Москву дикого ничего не нахожу, — я очень боялась морского переезда, легко схватить воспаление легких. Надеюсь, что все обойдется, и ты не простудишься. Будь осторожен в Ялте. Высиди несколько дней, тогда будешь здоров. В одной телеграмме ты спрашиваешь, «почему не едешь». Куда? Да, кроме того, я не кончила с зубами: у меня только несколько дней тому назад выскочил последний осколок зуба из десны, который меня сильно мучил. Твое письмо получила². Напрасно уехал без меня, все равно неделя пропала даром. Мама завтра едет в Сосновку. Вероятно, скоро будут переходить в другой дом. Сейчас как раз решается судьба нашего владения³. Как долго думаешь жить в Крыму? И почему ни звука не написал ты о «Чаше жизни». А корректура, между тем, в плохом состоянии⁴. С четверга я стала выезжать. Была у Телешевых днем, а вечером на «Борисе Годунове»⁵. Шляпин во многом очень хорош, главное, чувствуешь все время, как Борис страдает, но голос много хуже, чем я слышала его в этой же роли раз тому лет пять назад.

На другой день была у Зои⁶ на обеде, а затем на «Лоэнгрине»⁷, дирижировал Никиш⁸, пела Нежданова⁹ и др. Опера мне понравилась, все время вызывала она настоящие впечатления: вспоминала море, Нюрнберг и т<ому> под<обное>. Завтра мне Юл<ий> Ал<ексеевич>¹⁰ даст свой билет в Худож<ественный> т<еатр> на тургеневские пьесы¹¹. Сегодня вечером мы открываем женский клуб¹². Вот пока и все. С завтрашнего дня хочу начать работать. Приезжать ли мне или нет? Может быть, мне приехать после того, как мы переберемся на новую квартиру? Как вообще ты чувствуешь себя? Способен ли писать или же нужно поправляться? Как у нас все глупо выходит! Напиши мне поподробнее. Вырезки собираю. Есть и письма. Очень милое — от Сакулина¹³. Здоровье мое хорошо. Только сон испортился: трудно засыпать. С Юл<ием> Ал<ексеевичем> виделась сегодня. Он здоров, как всегда сильно занят.

Целую тебя крепко.

Твой К.

Для Ник<олая> Ал<ексеевича>¹⁴ два письма в «Вест<нике> восп<итания>». Куда их переслать?

Е.И. Ласкаржевский.

1918 или 1919 г.

(ОГЛИМТ)

¹ Телеграмма неизвестна.

² Письмо неизвестно.

³ В ноябре 1913 г. Муромцевы переехали из дома 11 в Столовом переулке в другой дом Муромцевых — Скатертный переулок, д. 22.

⁴ См. примеч. 6 к п. 173.

⁵ Опера М.П. Мусоргского «Борис Годунов» (1869), главную партию в которой исполнял Ф.И. Шаляпин.

⁶ З.Е. Шрейдер.

⁷ Опера Р. Вагнера «Лоэнгрин» (1848).

⁸ Артур Никиш (1855–1922) — венгерский дирижер, один из основоположников современной школы дирижирования.

⁹ Антонина Васильевна Нежданова (1873–1950) — оперная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог.

¹⁰ Ю.А. Бунин.

¹¹ В ноябре 1913 г. в Художественном театре шли пьесы И.С. Тургенева «Нахлебник», «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка».

¹² Газета «Русские ведомости» (1913. 10 ноября. № 260. С. 6) в рубрике «Московские вести» сообщала: «Первый московский Женский клуб возобновляет свою деятельность в новом помещении: Арбат, Филипповский пер., д. 9 (бывш. Лепешинское общежитие). В 8 час. вечера предполагается очередной чай».

¹³ Литературовед, временный председатель Общества любителей российской словесности Павел Никитич Сакулин (1868–1930), получив от Бунина книгу «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913), писал ему 4 ноября 1913 г.: «Очень тронули Вы меня своим новым подарком. Он тем более для меня дорог, что в этом сборнике я нашел несколько произведений, которые мне посчастливилось услышать в Вашем собственном чтении. <...> С наслаждением прочитаю всего “Иоанна Рыдалца”. Земно кланяюсь художнику Бунину и крепко обнимаю дорогого Ивана Алексеевича» (*Летопись* (2). С. 506).

¹⁴ Н.А. Пущешников.

175. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 11 ноября 1913 г.

Дорогой мой Ян, вчера беспокоилась: каково было плавание? Не простудился ли ты? Жду сегодня телеграммы. Вчера открыли в новом здании клуб¹. Варвара Алексеевна² была со мной очень любезна, спрашивала о тебе. Грузинский читал о переписке Л<ьва> Н<иколаевича> с С<офьей> Ан<дreeвной>³, читал хорошо, но говорил обо всем, кроме отношения Л<ьва> Н<иколаевича> к жене.

Вчера решена продажа дома⁴, если все будет благополучно, то в четверг мы будем переезжать в новую квартиру, т.е. в Скатертный пер. Вероятно, это продлится до воскресенья. Мама уезжает сегодня в Сосновку, таким образом, надеяться не на кого, я думаю, что мне можно будет уехать на той неделе. Да и вы за это время сможете устроиться.

Я как провинциалка почти каждый день в театре. Сегодня в Худож<ественном>⁵, завтра на Щепкинском в Кружке⁶, в среду обедаю у М<арии> Ф<едоровны>⁷, а затем на Мольера⁸. Чувствую себя несравненно лучше. Все находят во мне большую перемену. Грузинский так просто спрашивал: «Что с Вами случилось? Как вы изменились за эту неделю». Вот что значит было то, чего так долго у меня не было. Думаю начать глотать железо. Теперь уже можно. Да, я не писала тебе, ведь регулы у меня прошли на этот раз с жаром, доходило до 38°. Но Павлик⁹ выдержал меня без лекарств, и все прошло. Я дня два лежала в постели. У Каменского операция прошла удачно, но послеоперационный период еще протекает (?). Завтра еду к нему в лечебницу.

Вчера Грузинский, Юл<ий> Ал<ексеевич>¹⁰ и я были в «Праге». Были скромны. Селетка с отварным карт<офелем> и белуга на сковородке и пиво. Было очень приятно, и все

время шел интересный разговор о Толстом и о Герцене. Ал<ексей> Ев<геньевич>¹¹ переменял со мной тактику. Хвалил мой перевод¹². Ну, а ты прочел хоть главку или же ты занят Кипплингом¹³? Знаете ли вы, что Тагор получил Нобелевскую премию¹⁴?

Как мне быть с деньгами. Я ведь за машинку заплатила 112 р., т.е. все, что у меня было на книжке, кроме 1000 р., которую я хочу перевести на вклад, т.е. буду тогда получать 4 ½ %, т.е. 45 р., но это сделаю тогда, когда у меня будет еще сто рублей, чтобы не терять чековой книжки. Может быть, занять на дорогу мне у папы? Или же напиши, что мне сделать?

От Черемнова получено письмо¹⁵, едут в Гелуан, и нас зовут туда. Будут жить у Рабиновича¹⁶. М<ария> П<авловна>¹⁷ воображает, что в пустыне она уберезет его от романов, и как она нарвется! Я думаю, что это ее последняя зима. Сердце не выдержит!

Передай Ник<олаю> Ал<ексеевичу>¹⁸, что Пентезиля¹⁹ готова, сдана в набор и что на днях он получит 500 руб. за нее и, вероятно, поедет в Германию!

Целую тебя крепко и нежно.

Покинутый К.

Павлик стал ходить в 1 городскую больницу.

От Федорова открытка²⁰ из Муската <?>, пишет, что никогда не видал ничего подобного, но болит голова, маленький солнечный удар.

Твой

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/163 оф. Датируется по содержанию.

¹ См. примеч. 12 к п. 174.

² Неустановленное лицо.

³ Л.Н. и С.А. Толстые.

⁴ См. примеч. 3 к п. 174.

⁵ В Московском Художественном театре 11 ноября 1913 г. шли три пьесы И.С. Тургенева «Нахлебник», «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка».

⁶ В Московском Литературно-художественном кружке 12 ноября 1913 г. проходил вечер, посвященный 50-летию со дня кончины актера Михаила Семеновича Щепкина (1788–1863). Газета «Русские ведомости» (1913. 12 ноября. № 261. С. 6) в рубрике «Театр и музыка» сообщала: «Сегодня Литературно-художественный кружок чествует память М.С. Щепкина и посвящает ему свое первое в этом сезоне исполнительное собрание. Центральной частью программы юбилейного собрания — водевиль “Москаль-чаривник”, в котором так восхителен Щепкин, и акт из гоголевской “Женитьбы”. Участвуют в пьесе артисты Малого театра с О.О. Садовской во главе. Откроется собрание докладом о Щепкине».

⁷ М.Ф. Андреева.

⁸ В 1913 г. в Художественном театре шли две пьесы Мольера: «Брак поневоле» и «Мнимый больной».

⁹ П.Н. Муромцев.

¹⁰ Ю.А. Бунин.

¹¹ А.Е. Грузинский.

¹² Возможно, речь идет о книге Г. Мопассана «Рассказы Бекаса. Могила. Заметки путешественника» (М., 1913) в переводе В.Н. Муромцевой.

¹³ Имеется в виду редактирование Буниным перевода В.Н. Муромцевой романа Г. Флобера «Сентиментальное воспитание» и перевода Н.А. Пушкинкова рассказов Р. Кипплинга.

¹⁴ Рабиндранат Тагор (1861–1941) — индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель. В ноябре 1913 г. Р. Тагору была присуждена Нобелевская премия по литературе.

¹⁵ А.С. Черемнов в нескольких письмах за ноябрь 1913 г. приглашал Бунина поехать с ним в Египет.

¹⁶ Неустановленное лицо.

¹⁷ М.П. Миловидова.

¹⁸ Н.А. Пушкинчиков.

¹⁹ См. примеч. 11 к п. 154.

²⁰ Открытка А.М. Федорова неизвестна.

176. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 1 декабря 1913 г.

Дорогой Ян, получила твою телеграмму¹ около семи вечера, а потому не смогла сразу написать, ибо ехала на концерт Кусевицкого. Каменский не мог ехать, и Ол<ьга> Ал<ександровна>² предложила мне. Я очень довольна, ибо слышала вещи Дебюсси и видела его³. Он дирижировал. Ни музыка, ни он сам не удовлетворили меня, как говорит Шкляр⁴, музыка — это модерн, погоня за внешним и полное отсутствие внутреннего содержания. У публики лица были скучающие, впрочем, утешится — не доросли. Когда он входил на эстраду его с хор осыпали цветами, а затем жидкие аплодисменты и, наконец, многие, не дослушавши всей программы, уезжали. Объявлен Манин концерт с Пюньо⁵. Мы с Ольгой Ал<ександровной> и Маней Петунниковой идем, концерт будет 10 дек.

Ребрику звонила. Деньги С<офье> Н<иколаевне>⁶ 250 руб. послала, на что имею квитанцию.

Очень довольна своим уединением, как Натаха царюю в доме. Хорошо! Не понимаю людей, кот<орые> могут жить одни, живут, напр., кн. Дмитр. Ал.⁷ вдвоем с чужим человеком. Мне кажется, если б я прожила месяц одна, я сильно поправилась. Я испытываю физическое удовольствие, когда я сижу за столом и пишу, и кругом никого, никого. Лучшее этого — это жизнь с тобой вдвоем.

Достали записки Пассек⁸ и читаем их с Каменской. Вчера я у них завтракала, сегодня пойду после завтрака. Она, кажется, безумно может меня полюбить. У М<арии> Ф<едоровны>⁹ все не ладится!

Сейчас в «Искре» видела снимки из «Анны Карениной»¹⁰. Сволочь — Яворская¹¹!

Поедем на зиму в San-Sebastian (Испания) «Море и горы одновременно». Поработаем там, а потом проедемся по Испании. Сегодня конец «Детства»¹² кончается: «Я сидел на полатах, глядя вниз; все люди казались мне коротенькими, толстыми и страшными...» Это с полатай-то! Читала о тебе рецензию в «Совр<еменном> мире»¹³. Здорово! Даже Кранихфельд¹⁴ хвалит. А ты говоришь, что из-<за> меня пишешь плохо! Общих знакомых я никого не видала.

Как ты читал¹⁵?

Видел ли маму, Павлика¹⁶?

Целую. Вера.

1 дек. 1913.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/95 оф.

¹ Телеграмма неизвестна. Бунин уехал из Москвы в Петербург 29 ноября 1913 г., вернулся в Москву 6 декабря 1913 г. (*Летопись* (2). С. 519, 522).

² О.А. Каменская.

³ Ашиль Клод Дебюсси (1862–1918) — французский композитор, музыкальный критик, дирижер. 20 ноября 1913 г. он приехал в Москву; 30 ноября 1913 г. очередной концерт С.А. Кусевицкого был посвящен произведениям К. Дебюсси, который сам дирижировал оркестром. См. объявление в газете «Русские ведомости» (1913. 30 ноября. № 276. С. 2).

⁴ Николай Григорьевич Шкляр (1878–1953) — прозаик, драматург, критик, участник литературного кружка «Среда».

⁵ Намеченный на 10 декабря 1913 г. концерт М.С. Венявской-Муромцевой и Р. Пюньо был сначала перенесен на 16 декабря, а позднее в связи с болезнью Р. Пюньо был отменен. См. объявления в газете «Русские ведомости» (1913. 4 декабря. № 279. С. 2; 6 декабря. № 281. С. 6; 11 декабря. № 285. С. 2; 15 декабря.

№ 289. С. 1). Рауль Пюньо (1852–1914) — французский пианист и композитор, в 1913 г. гастролировал в России.

⁶ С.Н. Пушешникова.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Вадим Васильевич Пассек (1808–1842) — краевед, историк, фольклорист-этнограф, издатель. Речь идет о книге В.В. Пассека «Путевые записки Вадима» (М., 1834).

⁹ М.Ф. Андреева.

¹⁰ В журнале «Искра» № 47 от 1 декабря 1913 г. напечатана заметка: «“Анна Каренина” в Лондоне». 19 ноября в лондонском театре “Ambassador” прошло с большим успехом первое представление пьесы “Анна Каренина”. Гвоздем пьесы была сцена на скачках, разыгранная увлекательно. Последняя сцена, смерть Анны Карениной, произвела на публику огромное впечатление. Л.Б. Яворскую, игравшую роль Анны, вызывали после спектакля 12 раз. Состав публики был фешенебельный. Присутствовали, между прочим, и высокие особы». В журнале опубликовано 3 фотографии сцен из спектакля: Вронский и Анна в финальной сцене близ полотна железной дороги; Кн. Щербацкий (Л. Шеферд) и Левин (Чарльз Доран); Сцена на скачках.

¹¹ Лидия Борисовна Яворская (урожд. Гюббенет, по мужу Барятинская, 1871–1921) — актриса, в 1901 г. открыла в Петербурге «Новый театр». В 1907–1915 гг. гастролировала по городам России и Европы.

¹² Цитируется повесть А.М. Горького «Детство». Печаталась подвалами в газете «Русское слово» с 25 августа 1913 г. по 30 января 1914 г.

¹³ Речь идет о рецензии В.П. Кранихфельда на книгу Бунина «Иоанн Рыдалец» (М., 1913) в журнале «Современный мир» (1913. № 11. Отд. II, с. 278. Подпись: Вл. Кр.). Рецензент писал: «Книга как книга: самого обычного формата, обычного размера. Но она так богата содержанием, так полна интереса, что просто теряешься, как и подойти к ней, как втиснуть ее в предельные рамки рецензии. <...> Своими зрячими глазами художник смотрит на современную деревню, проникая через всю толщу ее бытовых устоев и устанавливая таинственную связь психики проходящего “сегодня” с отдаленным прошлым. <...> Среди наших современных художников, оторвавшихся от жизни и населивших мир своей фантазии какими-то отвлеченными категориями и бесплотными призраками, Бунин представляет одно из редких счастливейших исключений. Он цепко держится за корни жизни и, питаясь их целебными соками, продолжает неизменно расти в своем здоровом творчестве, сближающем его чеканные произведения с лучшим наследием наших классиков».

¹⁴ Владимир Павлович Кранихфельд (1865–1918) — литературный критик, публицист; с 1906 г. — заведующий отделом литературной критики журнала «Современный мир».

¹⁵ В Петербурге на литературно-музыкальном вечере 30 ноября 1913 г. Бунин читал стихотворение «Алисафия».

¹⁶ П.Н. Муромцев.

177. И.А. Бунин — В.Н. Муромцевой

Петербург. 4 декабря 1913 г.

Как ты беспокоишь меня всегда своим молчанием! Что с того, что я мало пишу — у меня ни единой минуты свободной.

Д<олжно> б<ыть>, завтра выедем, т.е. будем в пятницу¹. Но не наверно.

Целую.

Ив. Б.

4 дек.

Публикуется по: *Письма* (2). С. 296. Почтовая открытка. Год и место написания определены по почтовому штемпелю.

¹ Бунин вернулся в Москву 6 декабря 1913 г.

178. В.Н. Муромцева, Е.П. Пешкова — И.А. Бунину

Москва. 4 декабря 1913 г.

4 дек.

Дорогой, золотой мой дружок, получила твое письмо¹, целую за него. На минуту сделалось неприятно, — все мы врозь и врозь, так и отвыкнуть недолго. Но я очень рада, что не поехала с тобой, прежде всего, потому, что у меня гостит, как бы ты думал кто? Екатерина Павловна². Она приехала с Капри на несколько дней, чтобы разузнать все относительно экзаменов для Максима³. Пробудет она, вероятно, до воскресенья. Телеграфируй, когда приедешь, ей хочется тебя повидать, хотя несколько часов. Ал<ексей> Мак<симович>⁴ здоров. Это верно, что Манухин⁵ его вылечил, прямо чудо. Очень много интересного могла бы написать, но нет времени: и корректура⁶, и Ек<атерина> П<авловна>, и светская жизнь. Вчера была на Верхарне⁷. Он очаровал меня. За ужином я сидела рядом с ним. Он взял наш адрес, хочет прислать тебе книгу свою. Приглашал нас с тобой в С<ен->Клу⁸. Познакомил меня со своей женой⁹, очень просто одетой женщиной. Детей у них нет. Они путешествуют вдвоем. Всю лекцию я прекрасно поняла, стихи тоже и какие чудесные! Мне особенно понравились о дюнах, захотелось в Бельгию. Ек<атерина> П<авловна> торопит, а потому целую крепко.

Твой С(ари). Понял!

Пришла корректура от Клестова¹⁰, что мне с ней делать? Был ли у Шиповников¹¹.

Еду сегодня к Белоусову выпить, закусить! Ох, Москва, Москва! Вчера многое я наблюла.

Брюсов был лишь на лекции¹², но прятался, стоя в наполеон<овской> позе за кулисами, мне из I ряда было его видно.

<Е.П.Пешкова:> Милый Ив<ан> Ал<ексеевич>, неужели я Вас не увижу? Когда вернетесь? Вы-еду не раньше суб<боты>, но вернее и не позднее воскр<есенья>.

Крепко жму руку и так рада буду Вас увидеть!

Ек.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/122 оф. Год определен по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Е.П. Пешкова.

³ Максим Алексеевич Пешков (1897–1934) — сын А.М. Горького.

⁴ А.М. Горький.

⁵ Иван Иванович Манухин (1882–1958) — врач-терапевт, ученый-иммунолог, радиобиолог, доктор медицины, общественный деятель, лечил А.М. Горького. См. также примеч. 12 к п. 228.

⁶ Возможно, имеется в виду корректура книги Бунина (см. ниже примеч. 7) или корректура книги Р. Тагора «Гитанджали. Жертвенные песнопения» (М., 1914) в переводе Н.А. Пушешникова под редакцией Бунина.

⁷ Эмиль Верхарн (1855–1916) — бельгийский поэт-символист, фламандец, писавший по-французски. В Москве Э. Верхарн прожил с 27 ноября по 12 декабря 1913 г. Газета «Русские ведомости» (1913. 4 декабря. № 279. С. 5) в отчетной заметке «“Фландрия” Верхарна» сообщала: «Лекция о Фландрии, прочитанная вчера в Литературно-художественном кружке, носила другой характер, чем лекция об энтузиазме. Это был вечер не пафоса, а интимной лирики. Поэт хотел познакомить слушателей с родиной, которую он нежно и страстно любит. И он достиг своей цели».

⁸ Сен-Клу — пригород Парижа.

⁹ Марга Верхарн.

¹⁰ Имеется в виду корректура книги Бунина «Золотое дно. Рассказы 1903–1907 гг.» (2-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914).

¹¹ Речь идет о петербургском издательстве «Шиповник».

¹² Имеется в виду лекция Э. Верхарна.

179. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 15 июня 1914 г.

15 июня.

Дорогой мой Ян, вчера писала тебе в Царицын, сегодня адресую в Саратов¹. Пока мы здоровы. Погода хорошая, жаркая. За твое отсутствие пришли письма: 1) от начальника Одесской почтовой конторы². Он извиняется перед тобой, грубость объясняет нервностью чиновника. 2) От Черемнова³, как всегда, зубоскальства, зовет вас к себе. И пишет, что может дать для книгоиздательства денег 3000 р., но все в такой несерьезной форме и с такой же легкостью, как деньги Коле за Пентезилею⁴. 3) Вчера получено от Клестова письмо⁵ в шесть страниц большого формата. Изложить все сегодня не успею, ибо надо сейчас ехать на почту, изложу в Нижний. 4) Я получила письмо от Евг<ения> Ал<ексеевича>⁶, спрашивает меня насчет асфальта: у него процесс — судится с подрядчиком. 5) Письмо от Маши и Ласкарж<евского> к Маше⁷, из которого ясно, что он ее ненавидит, письмо грубое и хамское. Денег у Маши нет. Я посылаю 25 руб.

Целую обоих. Иду на почту.

Твой Верун.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/100 оф. Год определен по содержанию.

¹ Предыдущее письмо неизвестно. Бунин с Ю.А. Буниным путешествовал по Волге между 11 и 27 июня 1914 г.: от Саратова до Ярославля. 28 июня братья прибыли в Одессу, Бунин приехал в Москву 14 или 15 августа 1914 г. (*Летопись* (2). С. 568–573, 578).

² Письмо неизвестно.

³ Имеется в виду письмо А.С. Черемнова от 9 июня 1914 г. (*ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 651).

⁴ См. примеч. 11 к п. 154.

⁵ Письмо неизвестно.

⁶ Е.А. Бунин.

⁷ Письма М.А. и И.А. Ласкаржевских неизвестны.

180. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. 18 июня 1914 г.

18 июня 1914.

Дорогой Ян, до сих пор нет от тебя известий. Я не знаю, будете ли вы в Нижнем, и потому пишу кратко. Пока все благополучно. Погода была сначала знойная, теперь прохладно, вчера был дождь. Сегодня день с серым налетом. От Маши была телеграмма: «Репетитор требует денег, мы без копейки, Ласкаржевский отпуске Верховье»¹. Я как раз в тот день утром послала ей 25 рублей. Вероятно, скоро они снова будут без копейки. Пошлите, если хотите, или телеграфируйте мне, что делать. Ведь к 1 июлю ей нужно платить за Женю² и, кроме того, есть и пить.

Тренев³ прислал свои рассказы для просмотра. Начну их читать. Митя⁴ и Оля⁵ уезжают 27 июня. Я почти ничего не делала, но, вероятно, на днях начну работать. Каменская бывает часто. Вчера пил чай у нас Нилус, затем, когда он ушел, явился Федоров из города, веселый и нарядный, вероятно, устоял кого-нибудь.

Целую вас обоих.

Вера.

Отсутствие известий портит мне сон.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/53 оф.

¹ Подлинник телеграммы М.А. Ласкаржевской неизвестен. Верховье — село в Орловской губернии (около 97 км. от Орла).

² Е.И. Ласкаржевский.

³ Константин Андреевич Тренев (1876–1945) — прозаик, драматург. Бунин, будучи одним из редакторов «Книгоиздательства писателей в Москве», читал произведения, намеченные к изданию. Позднее в этом издательстве вышла книга К.А. Тренева «Владыка. Рассказы» (М., 1915).

⁴ Д.Н. Муромцев.

⁵ Возможно, О.С. Муромцева.

181. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину *Спас-Загорье (?). 16 октября 1914 г.*

Спас¹ 16 октября.

Дорогой мой, доехали мы благополучно, только уж очень медленно ползет поезд по этой дороге!

Как только вышли из вагона, так я почувствовала сразу себя удивительно хорошо — верно не для города рождена я. Здесь мне очень нравится: прелестный старинный дом, большой парк, отличные виды. Погода ясная. Очень красивы деревья, до половины обнаженные, покрытые как будто фиолетовой дымкою, с удивительными красиво желтыми листьями на верхушках. Желтый цвет листьев напоминает мне цвет пустыни. Вот и я попала на листопад не хуже Нилуса.

Если бы не ты, я прожила здесь как можно дольше, так хорошо теперь на воле. Придумай в мое отсутствие, куда нам ехать, ты будешь счастлив, когда вырвешься из Москвы.

Смотри, не забывай себя в смысле здоровья, не ленись с кружкой... Напиши мне, а то я беспокоюсь, как у вас там.

Вчера мы легли спать, когда еще не было 10 часов, а встали тоже около 10 ч. — вот что значит деревенский воздух!

Девчонка Раина² похожа на Найденовскую³. Дочитала Андреевскую вещь⁴ и прочла Бальмонта «Ревность»⁵, <по->моему, это удачнее, чем та, кот<орую> приносила Таня⁶, хотя много банальностей.

Как чувствует себя мама? Наших всех целую. Тебя нежно обнимаю.

Твой С..... нок.

Рая кланяется.

Все-таки жаль, что тебя нет здесь.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/133 оф. Год определен по содержанию.

¹ Возможно, В.Н. Муромцева гостила с 16 по 19 октября в имении Оболенских в селе Спас-Загорье Малоярославского уезда Калужской губернии у своей близкой подруги Р.В. Оболенской. Село Спас-Загорье расположено на излучине реки Протвы в 9,5 км от Малоярославца. Во владении рода Оболенских село оставалось до 1919 г.

² Р.В. Оболенская.

³ Сергей Александрович Найденов (наст. фам. Алексеев, 1868–1922) — драматург.

⁴ «Мои записки» Л.Н. Андреева (Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». 1908 Кн. 6. С. 165–262).

⁵ Имеется в виду рассказ К.Д. Бальмонта «Ревность», опубликованный в «Литературно-художественных альманахах издательства «Шиповник»» (1908. Кн. 6. С. 137–149).

⁶ Неустановленное лицо.

182. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Спас-Загорье (?). 17 октября 1914 г.

Спас 17 октября.

Дорогой Кустик, «заболел Ваш председатель» — каждый день у меня болит голова, да и вид плохой. «Вот что значит революция!»

Сегодня день серый, но зато тихо. Гулять не выходила. Все утро я читала про Данте¹. Удивительно прелестный человек! Вчера вечером из биографии Бирюкова² я узнала, что Л<ев> Н<иколаевич>³ страдал геморроидальными припадками. Передай это Коле⁴, может, после этого он перестанет так отрицательно относиться к этой болезни?..

Очень жалко, что не захватила с собой ноты: здесь есть рояль, а играть нечего.

Передай Маше⁵, чтобы она сказала прачешнику прийти в понедельник утром, ибо я думаю приехать в воскресенье⁶ с поездом, который здесь бывает около 2 ч. 30 м. В Москву он приходит около шести.

Сейчас входила Рая, говорит, что на дворе совсем тепло, должно быть, будет жарко гулять в ватном пальто.

Передай нашим, что я их всех целую.

Мысленно целую нежно твою бровку и т.д.

Твой Любимчик (?)

P.S. Позаботься об еде к моему приезду (к половине шестого). Посмотри в газету.

Еще раз целую.

В.М.

Сейчас возвратились с прогулки, здесь очень много мест для гуляния, можно с интересом много пройти. После обеда хотим пройтись подальше.

Зовут обедать.

Беспокоюсь, — не получала от тебя известий, впрочем, теперь это уже бесполезно писать.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/180 оф. Год определен по содержанию и по связи с предыдущим письмом.

¹ Что именно читала В.Н. Муромцева о Данте Алигьери (1265–1321), установить не удалось.

² Павел Иванович Бирюков (1860–1931) — публицист, общественный деятель; друг и последователь Л.Н. Толстого, его биограф. Имеется в виду работа П.И. Бирюкова «Биография Л.Н. Толстого», 1-й том которой вышел в 1905 г.

³ Л.Н. Толстой.⁴ Н.А. Пушешников.⁵ Очевидно, прислуга в доме Муромцевых.⁶ Т.е. 19 октября.**183. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину***В пути. 3 февраля 1915 г.*

3 февраля.

В вагоне заняла место хорошее¹. Спутница — дама лет сорока. Чувствую себя хорошо. Только одну перчатку забыла дома.

В купе сидят кроме меня 4 дамы и три зеленых попугая. Везет офицерская жена, одетая в военную блузку. Попугаи немецкие, взяты в плен, говорят по-немецки и поют. Солнце ослепительной силы. Хорошо! Скоро и Оболенское². Одна дама читает «Слово»³. Чувствуется весна!!!

Целую. Кланяюсь Журналисту⁴ и Анюте⁵.

Твой Верун.

На горизонте ржавые леса.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/52 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Москва, Zubovo, Долгий пер., д. 14, кв. 12. Ив.А.Бунину»; почт. шт.: «Оболенское Калуж. г. 3.П.1915». Год определен по почтовому штемпелю.

¹ В.Н. Муромцева находилась в санатории в Малоярославце с 3 по 28 февраля 1915 г. (*Летопись* (2). С. 628, 637).² Оболенское — село Тарусского уезда Калужской губернии, в 27 верстах от города Таруса.³ Литературный сборник «Слово».⁴ Домашнее прозвище Н.А. Пушешникова.⁵ Неустановленное лицо.**184. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину***Малоярославец. 4 февраля 1915 г.*

4 февраля 1915 г.

Телеграмму можно послать: Малый Ярославец, нарочным, Оболенской.

Дорогой мой, я здорова, погода прелестная, теплая, полдня было солнце. Я много была на воздухе. Здесь, кроме меня, еще две дамы с детьми, с которыми я в дружбе. Рая¹ шлет тебе привет.

Целую тебя и кланяюсь Ник<олаю> Ал<ексеевичу>² и Анюте.

Твой Вер.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/49 оф. Почтовая открытка; адрес получателя: «Москва, Zubovo, Долгий пер., д. 14, кв. 12. Ивану Алексеевичу Бунину»; почт. шт.: «Малоярославец Калужск. г., 5.2.15».

¹ Р.В. Оболенская.² Н.А. Пушешников.

185. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Малоярославец. До 25 февраля 1915 г.*

Дорогульчик мой, доктор¹ уверяет, что у меня простое запоздание вследствие белокровия, но что благодаря этим манипуляциям у меня будущие регулы будут безболезненны.

Ночью были сильные боли, спать было невозможно, и, если бы не Герцен², я не знала бы, что делать. Герценым я восхищаюсь, вот удивительный человек!

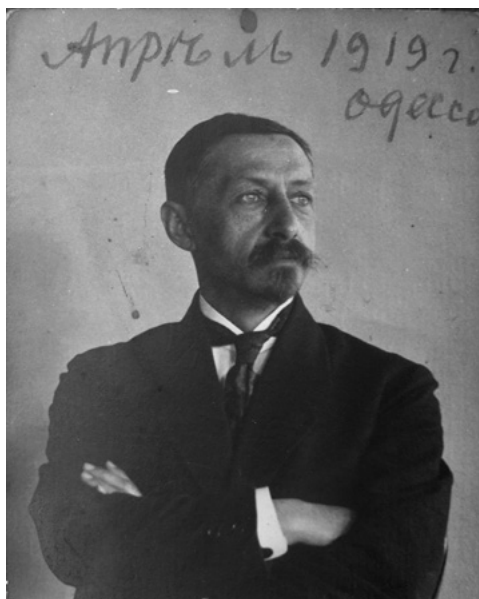
Выехать отсюда можно будет в субботу вечером³.

Лечить же белокровие советует мне серьезно, иначе дело может дойти и не до таких вещей. Вот видишь, я права была, говоря, что меня в санаторию нужно.

Жаль, Чехов умер, а то и рассказ готов.

К....

Заглавие: — Не было —

И.А. Бунин.

Одесса, апрель 1919 г.

(РАЛ)

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/176 оф. Датируется по содержанию и по связи с последующими письмами.

¹ В 1897 г. часть земель рядом с селом Воробьево (близ Малого Ярославца) приобрел подающий надежды петербургский хирург Сергей Петрович Федоров. Здесь он начал строительство амбулаторий для крестьян и церковноприходской школы, которые были завершены к 1904 году.

² Очевидно, В.Н. Муромцева читала какие-то произведения Александра Ивановича Герцена (1812–1870).

³ Т.е. 28 февраля.

186. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину*Малоярославец. 26 февраля 1915 г.*

Дорогой мой Янчик, сегодня боли были только после того, как вставляли что-то. Вчера появилась кровь в небольшом количестве. Доктор гов<орит>, что до сих пор идет все хорошо. Прочла очень много из Герцена, стр<аниц> 100, и «On the Eve»¹.

Скучаю без стерженочка, но все-таки покойнее, если не увижу его сегодня.

Целую тебя крепко.

Будь покоен, постарайся взять себя в руки и, если останешься в Москве, то начни заниматься.

Еще раз обнимает тебя Кустик.

26.

Публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. № 2959/118 оф. Месяц и год определены по содержанию и по связи с предыдущими и последующим письмами.

¹ Очевидно, имеется в виду перевод романа И.С. Тургенева «Накануне» на английский язык. В.Н. Муромцева могла читать одно из трех изданий: («On the Eve» by I. S. Tourgueneff. A tale, translation from the Russian by C. E. Turner. London, 1871; New York, 1873, 1875).

187. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Малоярославец. 27 февраля 1915 г.

Ты ужасный подлец, — ничего не напишешь. После долгого и упорного сопротивления я заставила Павлика¹ дать мне письмо и телеграмму, которые я и прочла.

Чувствую себя так себе, т.к. целый день ощущала голод, да и боли есть.

Очень рада, если ты возьмешь меня завтра из моего заключения². Как ты себя чувствуешь? Очень ли скучаешь без Стервенка? Как не случился разрыв сердца, — ведь никто не чешет.

Обнимаю и целую.

Кустик.

27.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/168 оф. Месяц и год определены по содержанию и по связи с предыдущими письмами.

¹ П.Н. Муромцев.

² В.Н. Муромцева вернулась в Москву из санатория 28 февраля 1915 г.

188. В.Н. Муромцева — И.А. Бунину

Москва. После 3 октября 1915 г.

...ходит без калош. А у нас зима, все деревья опушены снегом, хотя тает¹.

Вчера я достала у Ек<атерины> П<авловны>² словарь Редькина³. Она говорит, что в нем масса ошибок. От Кончевской⁴ она получила письмо, в котором та просит достать ей переводов, а образец ее работы — это Верхарн⁵, переведенный ею для нашего книгоиздательства.

Она пишет, что она читает перевод Брюсова⁶ и находит в нем много неточностей и незнания тонкостей французского языка. Меня обуял ужас: раз Брюсов не знает их, то что же я? Не побрать ли мне уроки французского языка? Захвати с собой на всякий случай все три книжки Берлица⁷? А как ваши успехи в лингвистике?

Из письма к Юл<ию> Ал<ексеевичу>⁸ я вижу, что тебе надо работать и, по-видимому, ты пока можешь. Очень беспокоит меня то, что вдруг ты своим приездом разобьешь свое рабочее настроение, в которое тебе прийти стоило столько труда, и опять ты будешь чувствовать себя неудовлетворенным, поэтому не лучше ли остаться тебе в деревне еще на месяц, а я приеду к тебе, если ты хочешь. Конечно, ты давно живешь без впечатлений, но какие впечатления в Москве, в сущности, грусть и печаль! Вообще советую тебе руководствоваться своим внутренним голосом и ничем больше. Если хочется писать, пиши. Слов твоих ждуг. Если хочется проветриться, проветришься. Обо мне не беспокойся. Большую часть времени провожу в Парке⁹. Когда бываю где-нибудь вечером, то ночую в Москве. Одно плохо, работаю мало, трудно сосредоточиваться. Утешаюсь, что для здоровья это

лучше. Я очень редко раздражаюсь. Взяла свои книги из книгоиздательства¹⁰ и читаю. Доканчиваю Кони¹¹ с большим сожалением, очень приятно находиться в его обществе.

Да, забыла, Клестов стал говорить, что Горький не может быть нашим пайщиком, раз у него свое книгоиздательство, может, он и прав, — как показывать конкуренту наши отчеты. Но с этого он перешел, что вообще наши писатели не могут участвовать не только в другом издательстве, но и даже в сборниках, кроме «Слова». Позвольте, возражала я, ведь нельзя же запретить писателям печататься в других местах, раз у нас выходит сборник раз в год. Кл<естов>: «Мы не отказываемся от материала». Я: «Не знаю, но у Ив. Ал. всегда просили лист ½ листа и меньше. Но ведь нормально он пишет больше, где же тогда печатать. Кл<естов>: в журналах можно, а в сборниках нет, да мы и не отказываемся никогда. Если Ив. Ал. напишет 10 листов, возьмем и 10. Я: сомневаюсь. Вот вкратце наш разговор. То, что относилось к другим писателям, я выпустила.

Публикуется по автографу: ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2959/101 оф. Сохранилась середина письма с пометой «5». Датируется предположительно по содержанию. В.Н. Муромцева уехала из Глотова в Москву до 3 октября 1915 г.

¹ С 12 мая 1915 г. Бунин вместе В.Н. Муромцевой живет в Глотова, откуда В.Н. Муромцева уезжает в Москву в конце сентября; Бунин приезжает в Москву в последних числах октября 1915 г. (*Летопись* (2). С. 664, 689, 697).

² Е.П. Пешкова.

³ О каком словаре идет речь, неясно.

⁴ Надежда Владимировна Кончевская (урожд. Скарятина, 1856–1917) — падчерица Л.И. Мечникова, жена Л.Э. Шишко, секретарь Э. Реклю; переводчица.

⁵ Возможно, имеется в виду книга Э. Верхарна «Окровавленная Бельгия» (пер. с франц. Н. Кончевской. М., 1916).

⁶ Имеется в виду книга «Эмиль Верхарн. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова» (М., 1906).

⁷ Речь идет об учебниках иностранных языков по методу М.Д. Берлица.

⁸ Ю.А. Бунин.

⁹ В это время В.Н. Муромцева жила в Подмоскowie, возможно, в Царицыно, у тетушки, сестры отца — Марии Андреевны Муромцевой.

¹⁰ Имеется в виду книга в переводе В.Н. Муромцевой: Мопассан Г. «Избранные рассказы» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915).

¹¹ Анатолий Федорович Кони (1844–1927) — юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, действительный тайный советник, член Государственного совета Российской Империи, почетный академик по разряду изящной словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук, доктор уголовного права. В.Н. Муромцева читала, возможно, одну из книг А.Ф. Кони: «Очерки и воспоминания» (СПб., 1906), «На жизненном пути» (Том 1, 2. СПб., 1912), «Отцы и дети судебной реформы. 1864–1914» (М., 1914).

189. И.А. Бунин — В.Н. Муромцевой

Петроград. 19 ноября 1915 г.

Золотой мой, доехал хорошо¹. Беспокоюсь о тебе. Остановился в «Астории». Сейчас еду к Горькому².

Целую.

И.Б.

19.XI.1915.

Публикуется по: *Письма* (2). С. 354. Закрытое письмо «секретка».

¹ С 19 по 21 ноября 1915 г. Бунин был в Петрограде (*Летопись* (2). С. 702–703).

² Бунин при встрече с А.М. Горьким обсуждал условия своего участия в новом журнале «Летопись», в котором впоследствии часто печатался.

190. И.А. Бунин — В.Н. Муромцевой

Петроград. 20 ноября 1915 г.

Выеду, д<олжно> б<ыть>, завтра¹.

И.Б.

20.XI.1915.

Публикуется по: *Письма* (2). С. 354. Почтовая открытка.

¹ Бунин вернулся в Москву 22 ноября 1915 г.

191. И.А. Бунин — В.Н. Муромцевой

Петроград. 5 апреля 1917 г.

5 апреля 1917 г.

Милая Вера, доехал хорошо¹ — Амфитеатров² оказался легким и неглупым малым, хотя, кажется, ко всему равнодушный, ничего не уважающий. Остановился в «Медведе»³, комната 12 рубл., но довольно комфортная, с ванной. Ах, как мало я испытал в жизни комфорта и как он приятен! В день приезда, т.е. 2-го, был у Горького⁴. Прост, мил, спокоен. Вечер провел дома, читал «При дворе Габсбургов» графини Латиш⁵. Оч<ень> меня интересуют такие книги, оч<ень> интересует этот мир. Ах, если бы мне мир пошире был открыт! — На другой день был на открытии финляндск<ой> выставки⁶. Много народу, музыка, речь Милокова⁷ в честь новой жизни финнов — хорошо и просто говорит, — речь Родичева⁸ — деланно — страстная и сильная, — чувствуется, что за секунду не знает, что скажет, — банальная, конечно, но гром аплодисментов, речь Брешковской⁹, краткое и серверное¹⁰ слово Веры Фигнер¹¹, десять слов Горького: «Я знаю только 4 слова по-фински: (да здравствует Финляндия) — (что-то неудобнопроизносимое)». Выставка в доме на Марсовом поле. Сильное и неприятное впечатление от длинных траурных флагов¹². После выставки поехал к Горькому. У него — заседание по устройству Дома-музея революции¹³: опять Брешковская, Вера Фигнер, Гинцбург¹⁴, Куликовский¹⁵, Карев¹⁶, еще какие-то старухи. Посидел на этом заседании, в кабинете, пошел чай пить, но приехали финские художники (Галлен¹⁷ и пр.), я удрал, не умея говорить по-французски. Катя¹⁸ губаста, наряжена блядски и артистически — модерн. Вечером — банкет в честь финнов у Донона¹⁹, человек 200. Сидел на конце стола, где был Галлен, Горький, Гржебин, Тихонов, пеит Десницкий²⁰, мерзкий жиденек Зданкевич²¹, Маяковский²² и Бурлюк²³. Финны страшно напились, особенно один мордастый, вроде шкипера, бритый, и Галлен. Первый орал, хотя мил, как пьяный финн, Галлен, во фраке, пьян был культурно. Человек сильный, слегка пещерный. Целовался бешено с Горьким. Маяковский, как я убедился из нескольких его слов, глуп и невежда, но держит себя нагло, как первое лицо в зале. Нагло мерзок был и Зданкевич. Был Милоков, Родичев, — Милоков сказал краткую речь. По-

сле банкета были в подвале «Бродячей собаки» (или «Привал комедиантов»)²⁴. Были все вышеперечисленные. Дикий гам, жара, лютая наглость Зданкевича, Маяковский орал, читал стихи Кузьмин, с облезлой головой. Я рано ушел. Вчера был дома, вырабатывали условие на изд<ание> моих сочинений²⁵. Вечером обедал у Иорданских. Был Чириков²⁶, Каринская²⁷. Плехановы²⁸ остановились у Иорданских. Во время после обеда у Плеханова были министры — Милюков, Коновалов²⁹. Потом я с ним познакомился. Но о нем после.

Целую.

Публикуется по: *Письма* (2). С. 384–385.

¹ С 2 по 18 апреля 1917 г. Бунин был в Петрограде (*Летопись* (2). С. 845–851).

² Очевидно, речь идет о публицисте, прозаике, драматурге, критике, переводчике Владимире Александровиче Амфитеатрове-Кадашеве (1888–1942).

³ «Медведь» — гостиница в Петрограде.

⁴ Бунин вел переговоры с А.М. Горьким по поводу выпуска в петроградском издательстве «Парус» своего собрания сочинений в 10 томах; вышел только один — 10-й том: «Произведения 1915–1916 гг.» (Пг., 1918).

⁵ Речь идет о книге Марии Лариш «При дворе Габсбургов» (Пер. с англ. М.А. Андреевой-Маевской. М., 1914).

⁶ Открытие выставки финского искусства в Петрограде состоялось 3 апреля 1917 г. в выставочном салоне Н.Е. Добычиной на Марсовом поле; выставка работала до 10 мая 1917 г.

⁷ Павел Николаевич Милюков (1859–1943) — историк, публицист, мемуарист, политический деятель; министр иностранных дел Временного правительства.

⁸ Федор Измайлович Родичев (1853–1932) — земский деятель, юрист; один из лидеров кадетов. В марте — мае 1917 г. министр Временного правительства по делам Финляндии, был противником свободного отделения Финляндии от России. В составе России Великое княжество Финляндское пользовалось автономией, после Февральской революции Финляндия стремилась к независимости, которую получила в декабре 1917 г.

⁹ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934) — один из организаторов и лидер партии эсеров.

¹⁰ От *англ.* server — обслуживающий.

¹¹ Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) — деятельница революционного движения, писательница, член исполкома «Народной воли». С марта 1917 г. председатель комитета Общества помощи освобожденным политическим.

¹² На Марсовом поле 23 марта 1917 г. были похоронены жертвы Февральской революции.

¹³ А.М. Горький участвовал в учреждении «Общества Дома-музея памяти борцов за свободу».

¹⁴ Илья Яковлевич Гинцбург (1859–1939) — скульптор.

¹⁵ Д.Н. Овсянко-Куликовский.

¹⁶ Николай Иванович Кареев (1850–1931) — историк.

¹⁷ Каллела Аксели Галлен (1865–1931) — финский живописец и график.

¹⁸ Е.П. Пешкова.

¹⁹ Французский ресторан «Донон» на набережной реки Мойки, назван по фамилии одного из владельцев ресторана — француза Жана Батиста Донона.

²⁰ Вероятно, имеется в виду Василий Алексеевич Десницкий (1878–1958).

²¹ Имеется в виду Илья Михайлович Зданевич (1894–1975) — поэт-футурист, критик, драматург.

²² Свои впечатления от встречи с поэтом Владимиром Владимировичем Маяковским (1893–1930) Бунин описал в книге «Воспоминания» (глава «Маяковский»).

²³ Давид Давидович Бурлюк (1882–1967) — поэт, художник, литературный и художественный критик, издатель.

²⁴ Бунин посетил литературно-артистическое кабаре «Привал комедиантов», которое существовало в Петрограде в 1916–1919 гг. (Марсово поле, 7) и было задумано как продолжение литературно-артистического кабаре «Бродячая собака», действовавшего в Петербурге в 1911–1915 гг. См. подробнее о кабаре и об этом вечере: *Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия, 1988. М.: Наука, 1989. С. 136.

²⁵ Во время пребывания Бунина в Петрограде был выработан и подписан Договор с книгоиздательством «Парус» об издании собрания сочинений Бунина в 10 томах тиражом в 5 тысяч экземпляров (см. подлинник Договора — ОГЛМТ. Ф. 14. № 5818 оф).

²⁶ Евгений Николаевич Чириков (1864–1932) — романист, драматург.

²⁷ Мария Александровна Каринская (1882–1942) — эстрадная певица.

²⁸ Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) — теоретик и пропагандист марксизма, деятель российского и международного социал-демократического движения, философ. 31 марта 1917 г. он с женой Розалией Марковной (Меировной) Плехановой (1856–1949; урожд. Боград) вернулся в Петроград после 37-летнего изгнания.

²⁹ Александр Иванович Коновалов (1875–1948) — крупный предприниматель, общественный и политический деятель, член IV Государственной думы и министр торговли и промышленности во Временном правительстве, лидер партии прогрессистов.

192. И.А. Бунин — В.Н. Муромцевой

Петроград. 6 апреля 1917 г.

В Международном обществе все билеты на Москву проданы до 15 мая. Взял билет 1-го кл. в казенном вагоне без плацкарты на 12 апр. — Вчера послал тебе довольно большое письмо.

Ив. Б.

6 апр.

Публикуется по: *Письма* (2). С. 385. Почтовая открытка.

ЧАСТЬ 2. ПЕРЕПИСКА 1922–1947 ГГ.

*Подготовка текста и примечания Г.З. Брэдли, Т.М. Двинятиной,
Р.Д. Дэвиса, О.А. Коростелева*

193. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Экс-ле-Бен. 1 июня 1922 г.

Четверг 1 июня.

Доехали слава Богу¹. Сейчас (11 часов утра) уезжаем в Шамбери–Гренобль². Здесь *все неподходящее*³. Целую, храни Тебя Господь. *Если можно, не отказывайся от квартиры до воскресенья.*

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/1. Почтовая открытка; адрес получателя: «Bouvine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI»; почт. шт.: «Savoie, Gare d'Aix-les-Bains. 1.6.22». Год и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ С 31 мая по 8 июня 1922 г. Бунин вместе с В.А. Злобиным ездит по югу Франции в поисках жилья на лето.

² Шамбери (Chambéry) — город во французских Альпах в полусотне километров от Гренобля, административный центр департамента Савоя.

³ Лето 1922 года Бунины планировали провести с Мережковскими. Опыт совместного отдыха у них уже был: в прошлом (1921) году Бунины полтора месяца, с 31 июля по 15 сентября, по приглашению Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус провели в Висбадене и Нероберге (близ Висбадена). По словам В.Н. Буниной, Бунин с В. Злобиным «объехали пол-Франции. <...> Понравился ему один замок на окраине города Амбуаза <...>» (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 72). В конце концов на этом варианте они и остановились: с 7 июля по 6 ноября 1922 г. Бунины прожили в Амбуазе в Шато Нуарэ, которое представляло собой «старинное имение (некогда древний монастырь)» на окраине Сен-Клу (вблизи Амбуаза), недалеко от дома, где жил Леонардо да Винчи (Адрес: 9, rue de Tours, Amboise, Indre et Loire). В записях В.Н. Буниной того времени описание бунинского кабинета, в котором «есть какой-то уютский уют» и замечание о ландшафте: «Эта часть Франции напоминает Россию» (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 74–75). Там же до начала октября жили и Мережковские: «С ними жить приятно, т^ак к^ак сюрпризов не будет — все размеренно и точно» (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 75).

194. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лион. 2 июня 1922 г.

Пятница 2 июня.

Ночую в Лионе, завтра утром еду в Бордо. Целую, Христос с тобою.

Иван.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/2. На почтовой бумаге Hôtel Terminus et Buffet Gare de Lyon-Regnache. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению со следующими письмами.

И.А. Бунин.

Висбаден, сентябрь 1921 г.
(РАЛ)

**195. И.А. Бунин, В.А. Злобин —
В.Н. Буниной**

Бордо. 3 июня 1922 г.

Суббота, 8 ч. вечера.

Подъезжаю к Бордо. Не знаю, что-то Бог даст здесь. Беспокоюсь насчет квартиры: *ведь надо заявить отказ*. Заяви, если сочтешь нужным. Думаю, что ведь все равно надо где-нибудь жить летом вне Парижа. Авось найду что-нибудь под Бордо.

Целую, Христос с тобою.

<На обороте рукой В.А.Злобина¹:> Мы — все у Розенталя² завтракаем.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/3. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с предыдущим и последующим письмами.

¹ Владимир Ананьевич Злобин (1894–1968) — поэт, критик; литературный секретарь Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус.

² Леонард (Лазарь) Михайлович Розенталь (1875 или 1874–1955) — ювелир, предприниматель, меценат,

литератор. С 1890-х гг. жил во Франции. Сделал состояние на добыче и продаже жемчуга. Владелец кино-театров, ресторанов и десятков коммерческих зданий в Париже. Организатор множества филантропических учреждений и проектов (приюты, школы, мастерские, фонды и др.). Член попечительского совета Комитета помощи русским ученым и писателям во Франции, в течение ряда лет оказывал материальную поддержку литераторам эмиграции, в том числе Бунину. Опубликовал книги «В царстве жемчуга» (1919), «В саду драгоценных камней» (1922), «Будем богаты» (1923), «Дух предпринимательства» (1925) и др. За благотворительную деятельность награжден орденом Почетного легиона (1925). Во время кризиса 1930-х гг. потерял часть состояния. В 1939 г. переехал из Франции в Португалию, затем в Бразилию, с 1940 г. жил в США. Подробнее о нем см.: Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского / Публ. М.Ю. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. Вып. 23. С. 321–325; Сорокина М. Аймек Гуарузим — Foundation Rosenthal // Евреи России — иммигранты Франции. Иерусалим; Париж; М., 2000. С. 47–69. Бунин познакомился с Розенталем на «банжете с французами» 23 июня 1921 г., через три дня (26 июня) был у него в гостях (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 37–38). «Он очень прост, интересуется русскими писателями», — записала в те дни В. Н. Муромцева (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 37–39). Далее см. дневниковую запись Бунина 11 апреля 1922 г.: «Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц» (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 70–71). Вероятно, поиск дома на лето был связан с финансовой помощью Розенталя.

196. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Бордо. 6 июня 1922 г.

Бордо, вторник 6 июня 22 г.

Дела плохи. Жара адская, устал, измучился страшно. Дачка в Камбе¹ оказалась ужасна, все же я ее задержал на неделю (без всякой, впрочем, надежды жить в ней). Аркашон² — бешенство цен и тысячу градусов жары. Еду в Тур и в бальмонтские места³. Думаю, что дня через 3–4 вернусь в Париж. Сокрушаюсь о квартире. Отказалась? Умоляй, проси дать

нам ее осенью, обещаю консьержке 300–500 фр. Жить где попало, питаться как попало — вижу, *совсем не могу*.

Целую, Христос с тобою.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/4.

¹ Камб (La Cambe) — коммуна на северном побережье Франции, в регионе Нижняя Нормандия.

² Аркашон — курортный город неподалеку от Бордо.

³ К.Д. Бальмонт 1921–1922 гг. провел в Бретани (Сен-Бревен-ле-Пэн), позже жил в Капбретоне на юго-западе Франции, см.: *Бунин–Бальмонт*. С. 25–60. От приморского Saint-Brévin-les-Pins до города Tours на Луаре около 250 км.

197. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лондон. 2 февраля 1925 г.

Милый, дорогой, доехал хорошо¹, завтра или нынче попозднее напишу, пока целую тебя, сохрани тебя Христос.

Вечер 2-го.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/5. На почтовой бумаге The Berkeley Hotel, Piccadilly, W.1. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Бунин приезжал в Лондон по приглашению ПЕН-клуба 2–6 февраля 1925 г. В.Н. Бунина оставила об этом в дневнике несколько записей. 9/22 января 1925 г.: «В 2 часа звонок. Отпереть или нет? Отперла. Мелитта <Левина, см. примеч. 7 к письму 198>. Мы как раз писали письмо в PEN club. Рассказали ей, в чем дело. Она подхватила. Энергично стала уговаривать, чтобы нам с ней тотчас ехать в англ<ийское> консульство. Поехали. Разузнали. Вызвали по телефону Яна. Послали в Лондон письмо-экспресс. Значит, Ян почти едет, если, конечно, все будет благополучно». 13/26 января: «Без четверти час пришла Мелитта, как всегда, бодрая и энергичная. Через ½ часа она с Яном уехала за визой, которая уже пришла из Лондона. Кроме того, и в Префектуру за обратной визой». 14/27 января (вторник): «Ян уже готовится к Лондону. Временами упрекает меня, что я “подбила” его на эту поездку. Волнуется. Но я нахожу, что ему полезно хоть на миг заглянуть в иной мир, встряхнуться и быть хотя 4 дня не эмигрантом». 28 января: «Ян просматривает английские слова, изрядно им забытые». 29 января: «Мучается, у кого достать денег на Лондон до возвращения оттуда, когда он получит деньги за свой проезд». 1 февраля: «Завтра Ян едет в Лондон. Как-то грустно, грустен и он. “Многое отдал бы, чтобы не ехать туда”, — сказал он мне вчера» (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 133–134; РАЛ. MS 1066/383).

Банкет в ПЕН-клубе состоялся 3 февраля 1925 г., однако в парижской печати заметка о нем и фотография появились гораздо позже: «В Лондоне состоялось чествование И.А. Бунина, организованное по инициативе английских литературных кругов. По приглашению инициаторов чествования И.А. Бунин выехал в Лондон, где состоялся ряд заседаний и банкетов в честь нашего знаменитого писателя. На фотографии представлен банкет, организованный Лондонским Литературным обществом “P.E.N. Club”. В центре И.А. Бунин рядом с председателем банкета М-г А. E.W. Mason» (Чествование И.А. Бунина в Лондоне // *Иллюстрированная Россия*. 1925. № 15. 15 марта. С. 3). Подробнее см. главу «И.А. Бунин в Лондонском ПЕН-Клубе в 1925 году» монографии: *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М.: Наследие, 1997. С. 374–381. Впечатления Бунина от Лондона коротко зафиксированы в дневнике В.Н. Буниной от 6 февраля 1925 г.: «Устал. Париж показался ему Конст<антинополем> после Лондона. Англичане сердечнее французов, проще» (РАЛ. MS 1066/383).

198. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 3 февраля 1925 г.

№ 2¹. 1925 г. 3 ф.

Ненаглядный мой, сегодня ночью просыпалась, и со сна мне казалось, что ты нездоров или кричишь, и страшное беспокойство охватывало меня, — это было в 3 ч. ночи и 7 ч. утра. А как ты провел эту ночь с понедельника на вторник?

Прочла 3 раза «Подторжье»² и сама отвезла Винаверу³ на квартиру. Папа⁴ болен. Вышел ко мне г. Кантор⁵, который обещал еще раз после меня продержаться корректуру.

Прилагаю письмо Ольги Львовны⁶. Я думаю, что к 14 ф<евраля> нам из Парижа не выбраться! Что ей ответить? Или ответь сам.

Завтракала у Левиных⁷. Она осталась того же мнения об «идиотах», но об этом при свидании. Сейчас пойду к Даманской⁸.

Пишу, а сама с тобою, так и вижу, как ты одеваешься и кого-то ругаешь, вероятно, весь пэн club в целом...

Вчера я испытала острое удовольствие, когда Маня и Gaston⁹ танцевали. Сидя одна над бокалом шампанского и не отвлекаясь разговорами, я все острее видела, острее чувствовала. Как жутко ощущается одиночество в таких местах... Вот тема, а не то, что дух приходит после смерти... Как все танцуют по-своему. Мне кажется, что если немного присмотреться, то вперед можно предсказывать, как какая женщина будет выгибать спину, шею, класть руку... Видела одну танцующую кокаионистку — противное зрелище.

Потом перекочевали в Jockey Club¹⁰. Если не был, необходимо побывать. Это стоит смотреть! Одни музыканты чего стоят! Тут чувствуется след Парижа Поль де Кока, Флобера, Мопассана, Гонкуров. При нас ворвалась банда из довольно пожилых студентов со своими гризетками. Один сел за рояль и под какую-то очень забористую песенку все стали танцевать, образовав нечто вроде хоровода и, кончив, с шумом ушли. Gaston сказал, что они обойдут все рестораны. Он долго жил на Montparnass'e и, по-видимому, любит это quartier¹¹. Дела у них неважны¹². Маня очень грустна.

Лозинский¹³ по поручению Institut d'Etudes Slaves письмом запрашивает, когда и на какую тему прочтешь ты лекцию в Сорбонне¹⁴. Нечего даром денежки получать...

Съев 2 котлеты, я иду к Даманской, буду спать под ее журчание.

Целую нежно.

Твой К.

Сию минуту получила твою записочку. Спасибо за нее. Еще раз обнимаю моего Светика.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/1.

¹ Первое письмо в Лондон, по-видимому, не сохранилось.

² Датированный 1909 г. рассказ Бунина, вскоре опубликованный в «Звене» с примечанием: «Неиспользованный отрывок из “Деревни”» (*Бунин И.А. Подторжье // Звено. 1925. 9 февраля. № 106. С. 2*). Двумя годами ранее Бунин напечатал в «Звене» свою прозу: *Бунин И. Гибель (Из повести) // Звено. 1923. 12 марта. № 6. С. 2–3*. Размером гонорара он остался недоволен, о чем и написал М.М. Винаверу в ответ на приглашение продолжить сотрудничество: «С удовольствием исполню Вашу просьбу, если “Звено” хоть несколько изменит те условия, которые столь необычны для меня и при которых я мог бы дать ему рассказ только однажды, в виде исключения. Я прошу 300 фр. за фельетон, независимо от его величины, т.е. и так впятеро меньше того, что следует» («Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923–1928) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. Вып. 24. С. 133). После этого на просьбы редакторов «Звена» прислать что-нибудь Бунин предлагал преимущественно стихи.

³ О редакторе «Звена» Максиме Моисеевиче Винавере (1863–1926) см.: *Коростелев О.А.* Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том I (VI) / Сост., гл. ред. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. С. 192–194; *Кельнер В.Е.* Максим Моисеевич Винавер: Последние годы жизни (1919–1926): Документы, письма, воспоминания // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том I (VI) / Сост., гл. ред. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. С. 356–376; *Винавер Р.Г.* Воспоминания / Подготовка к печати и комментарии В.Е. Кельнера и О.А. Коростелева // Архив еврейской истории. Т. 7 / Под ред. О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2012. С. 11–134.

⁴ Так иногда называли М.М. Винавера редакторы и авторы «Звена» в разговорах друг с другом.

⁵ Помощник М.М. Винавера по адвокатуре и редакторским делам Михаил Львович Кантор (1884–1970) был в то время секретарем «Звена» (а после смерти М.М. Винавера стал редактором). Подробнее о нем см.: *Коростелев О.А.* Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том I (VI) / Сост., гл. ред. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. С. 194–195. См. также примеч. 1 к п. 305.

⁶ Ольга Львовна Еремеева и Е.М. Лопатина жили в Шато де Клозон (Château de Clausonnes) недалеко от Грасса; позднее они там организовали «дом отдыха на открытом воздухе», детский «preventorium» против чихотки. В несохранившемся письме О.Л. Еремеева, по-видимому, приглашала Буниных пожить в доме отдыха, те обсуждали такой вариант, но в тот раз не решились. Позже В.Н. Бунина несколько раз приезжала в Шато де Клозон (РАЛ. MS 1067/398). См. недатированный очерк Буниной «Как хорошо в Шато Клозоне» (РАЛ. MS 1067/15). См. примеч. 1 к п. 304.

⁷ Левины — большая семья, со многими членами которой В.Н. Бунина была дружна: мать семейства Мария Исааковна Левина (? — 1936) и ее дочери Надежда, Мелитта и Раиса (Джигур, мать А.В. Бахраха). Упоминаемая здесь «она» — по-видимому, Мелитта, принимавшая участие в организации поездки Бунина в Лондон.

⁸ Августа Филипповна Даманская (урожд. Вейсман; лит. псевдоним: Арсений Мерич, 1877–1959) — писательница, переводчица, журналистка. С 1920 г. в эмиграции в Эстонии, затем в Германии, с 1923 г. в Париже, сотрудничала в «Звене», «Последних новостях», «Иллюстрированной России» и др. С Буниными Даманская была в приятельских отношениях, сохранилось два десятка ее писем к В.Н. Буниной (РАЛ. MS 1067/1879–1898).

⁹ М.С. Муромцева-Брюан и ее второй муж, французский банкир Теофиль Белинер Гастон Брюан (Théophile Bélineaire Gaston Bruyant, 1883–?). Подробнее о них см.: *Mouromzeff Tatiana.* A la recherche de ma Russie. Lille, 2006; *Бунина-Миллиоти.* С. 402–403, 425–428.

¹⁰ Жокей-клуб (Jockey Club) действует в Париже с 1834 г., занимая помещение близ Елисейских Полей по адресу: 2, rue Rabelais, на первом этаже которого находится кафе.

¹¹ квартал (фр.).

¹² К этому времени их брак уже начал распадаться, у Гастона Брюана появилась другая семья, что позднее привело к разрыву, вдобавок и дела его пошли плохо (в конце концов он разорился), см об этом: *Бунина-Миллиоти.* С. 425–428.

¹³ Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) — критик, переводчик, историк литературы, библиофил. Приват-доцент Петербургского университета. С 1921 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Париже. С 1922 г. преподаватель русского отделения Сорбонны, Русской гимназии в Париже и др. Соредатор «Временника общества друзей русской книги» (1925–1938). Сотрудник «Звена», «Последних новостей», многих других эмигрантских, французских, немецких изданий, в том числе «Ученых записок» парижского Института славяноведения (Institut d'Etudes Slaves).

¹⁴ На каком основании Бунин получал деньги от Institut d'Etudes Slaves, неизвестно.

199. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лондон. 4 февраля 1925 г.

Среда.

Милый, золотой мой, все пока слава Богу. Уезжаю из Лондона в пятницу (т.е. послезавтра) в 11 ч. утра, значит должен быть в Париже в 6 часов вечера (с минутами). Целую, одно письмо от тебя получил.

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/6. На почтовой бумаге The Berkeley Hotel, Piccadilly, W. 1. Дата и место установлены по содержанию.

200. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 4 февраля 1925 г.

№ 3. 4 февраля 1925 г.
Среда.

Милый, золотой мой, была в церкви. Завтракала у Хигерович¹, потом с обеими сестрами отправились в Лувр-музей, что доставило мне большое удовольствие. Оттуда поехали пить чай в Printemps² в новый магазин. Обедала и вечер провела у Мани³. Возвращалась на автомобиле. Маня гадала на тебя. Вышло все хорошо, кроме того, что у тебя флирт с какой-то молодой психопаткой, которая прилетит вскоре после тебя в Париж, и что ты привезешь мне сюрприз.

Вчера была Даманская. Говорили о любви, о ревности, об ее пьесе⁴. Дала ей займы 10 fr. Завтра буду хлопотать за нее в комитете⁵.

Потом мы с ней пили чай у Хигерович, т.к. она пожалела в смысле мытья чашек. У нее был атеист с женой⁶, женщиной самоуверенной, которая упоена Степуном⁷. Даманская ругала Мережковских.

Писем не было.

Завтра пошлю par avion⁸.

Пока целую моего дорогого, надеюсь дома найти от тебя весточку.

Маня дивно красиво лежит среди подушек, как цыганка в палатке, и страшно жалеет, что только один мужчина, да и то французский мальчишка, пользуется и любит de set ensemble genial⁹... Кто-то любит тебя.

Обнимаю.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/2.

¹ Анна Львовна Хигерович — журналистка, подруга Буниной с дореволюционных времен. Ее письма более позднего времени (1933–1957 гг.) к В.Н. Буниной см.: РАЛ. MS 1067/3270–3287.

² «Printemps» — один из «больших» универмагов Парижа на бул. Османа (Bd. Haussmann).

³ М.С. Муромцева-Брюан. См. примеч. 9 к п. 198.

⁴ В 1929 г. во Флоренции шла пьеса А.Ф. Даманской «Дом номер 18», возможно, здесь речь о ней.

⁵ Очевидно, имеется в виду дамский комитет «Союза русских писателей и журналистов в Париже».

⁶ Неустановленные лица.

⁷ Федор Августович Степун (1884–1965) — философ, литературный критик, историк, писатель.

⁸ авиапочтой (*фр.*)

⁹ этим потрясающим ансамблем (*фр.*).

201. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Виль Жуив. 17 января 1927 г.

Дорогой мой Ненаглядный, я как вошла в «нашу» беленькую комнатку¹, так совершенно успокоилась². Сестра будет завтра с самого утра та самая, какую я хотела. Игорь Ипполитович³ теперь в нашем этаже, — это тоже очень хорошо. Милая, легконогая сестра уже сидела со мной. Она тоже завтра наверху, так что тебе бояться нечего.

Меня волнует лишь мысль, что ты беспокоишься. Чем ты будешь покойнее, тем мне будет лучше. Призови на помощь свою «sagesse»⁴, которой тебя наградил Левинсон⁵.

Здесь говорят, что может у меня все же оказаться только аппендицит.

Когда поедешь ко мне, захвати детское платьице, оно лежит в моей черной шляпной коробке. У сестры есть девочка 6 лет. Пусть только вычистят бархат на нем.

Я так довольна, что я за городом, ты и представить не можешь.

Кончаю, золотой мой, все, Бог даст, будет хорошо. Береги себя, не волнуйся.

Я тебя очень люблю и думаю лишь о хорошем, что у нас было.

Привези и свои книги.

Я забыла лиловый пор<т>фелик⁶ свой.

Поцелуй милого Петра Алекс<андровича>⁷ и Ан<ну> Львовну⁸, всем привет.

Твой К.

4 часа.

Ville Juive

17 января 1927 г.

В.Н. Бунина и И.А. Бунин.

Амбуаз, 1922 г.

(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/3.

¹ С 17 января до 3 февраля 1927 г. В.Н. Бунина лежала в госпитале Виль Жуив, где ей была сделана операция по удалению желчного пузыря, подробно об этом см. ее записи в дневнике, начиная с 1 января 1927 г. (РАЛ. MS 1067/388, 390).

² Годом раньше Бунины уже приезжали в Виль Жуив, когда на операцию в госпиталь ложился Бунин. См. запись В.Н. Буниной в дневнике 15 апреля 1926 г.: «Сегодня были в Ville Juive. Ездили на такси. Дорога произвела на него гнетущее впечатление. Да еще встретили похороны, вернее, обогнали. Но самый госпиталь мне понравился. На больницу не похож. Среди сада стоит высокий каменный дом дикого цвета. За садом птичник, есть и парники. Комната у нас будет одна, небольшая с приятным видом, но боюсь, что все же трудно будет в ней жить вдвоем. Стола нет. Там вообще высчитан каждый закоулочек. Чисто и даже уютно не по-больничному» (РАЛ. MS 1067/385).

³ Санитар в госпитале Виль Жуив. 29 января 1927 г. В.Н. Бунина записала в дневнике о нем: «У него было 3 бога: Скрябин, Врубель и Бальмонт. Стильно. Но что он переживает теперь в подчинении Д<оры> П<авловны>?.. Ведь он сам музыкант, эстет, и каково ему выносить судна. Не чувствуется, что он смирился... Нет, он сильно страдает, с надрывом. Вот хорошо взять его для рассказа. Сын генерала. Консерватория. Институт восточных языков. Дружба со Скрябиным. Затем война, патриотический порыв, революция, гражданская война, эмиграция, и вот докатился до санитара. В Париже он служить не может, так как от шума у него начинает неистово болеть голова. Он одно время был летчиком и разбился» (РАЛ. MS 1067/385).

⁴ мудрость (фр.).

⁵ В.Н. Бунина имеет в виду статью критика, искусствоведа и переводчика Андрея Яковлевича Левинсона (1887–1933), опубликованную днем ранее: *Levinson A. La sagesse de Bounine // Comœdia. 1927. 16 janvier. № 5129. P. 3.* Об А.Я. Левинсоне, к тому времени уже полностью перешедшем на французский язык в своей журналистской деятельности, см.: *Коростелев О.А. Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том I (VI). Иерусалим, 1998. С. 177–201.*

⁶ Вероятно, имеется в виду маленький портфельчик.

⁷ П.А. Нилус. Сохранился огромный корпус переписки П. Нилуса с И. Буниным, опубликованной лишь частично (РАЛ. MS 1066/4040–4235; РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 169). См.: *Письма* (2).

⁸ А.Л. Хигерович.

202. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Виль Жуив. 17 января 1927 г.

17 ян. 1927 г.

Дорогой, бесконечно любимый. Это письмо ты получишь, если операция после всех надежд пройдет неблагоприятно.

Что бы то ни было, умоляю не винить себя, — ты ни в чем *не виноват!* Если же ты будешь в порыве горя винить и себя, то ты оскорбишь мою память.

Я благословляю нашу жизнь, которая мне кажется в настоящее время сплошным счастьем.

Иду на операцию спокойно, хотя допускаю и дурной исход. Но смотрю как на волю Божию.

Жизнь люблю, благословляю всех друзей, пусть они позаботятся о тебе. Очень прошу, поговей! Это даст тебе силу жить и творить.

Не оскверняй своей печали вином.

Твоя и за гробом.

Моя *carte d'identité*¹ в шкапе в черном клеенчатом конверте, в моей спальне.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/4. Сохранился конверт, на котором рукой В.Н. Буниной написано: «Яну». Место установлено по содержанию.

¹ удостоверение личности (*фр.*).

203. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Виль Жуив. 17 января 1927 г.

2)¹ Дорогой, сейчас ложусь спать. Чувствую себя умиротворенной. Надеюсь выспаться. Никакого волнения не чувствую пока, а завтра что Бог даст.

Если бы ты был здесь, то ты был бы покоен.

Уж очень мне нравится белизна комнаты, тишина и безлюдье. Я давно так хорошо не проводила время, как сегодня. Не веришь? Правда! Читала Евангелие, Паскаля и *Imitation*² — очень успокаивает такое чтение.

Кончила «Земляничку»³. Местами остро и талантливо, хорошо дан Париж. Заглавие противное. Есть хорошие сравнения. Прочти и отошли Ладинскому⁴, адрес на книжке.

Похлопочи о Сургучеве и Вейдле⁵.

Нежно обнимаю. К.

Палата — точно келья, и это очень приятно!

9 ч. 30 м.

В. Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/5. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с предыдущими и последующим письмами.

¹ Предыдущее п. 202 было спрятано В.Н. Буниной, а под № 1 подразумевалось п. 201.

² «L'Imitation de Jésus-Christ» — «Подражание Христу» Фомы Кемпийского во французском переводе.

³ Вторая книга Эльзы Триоле, почти одновременно была опубликована на французском («Fraise des bois», 1926) и на русском языке: *Триоле Э. Земляничка*. М.: Круг, 1926.

⁴ Антонин Петрович Ладинский (1896–1961) — поэт, прозаик, журналист. Участник Первой мировой войны и белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Египте, с 1924 г. в Париже. Работал телефонистом в газете «Последние новости». Принимал активное участие в литературной жизни русского Парижа, много печатался, выпустил несколько книг стихов и прозы. После Второй мировой войны принял советское гражданство. В 1950 г. был выслан из Франции в Германию, в 1955 г. вернулся в Россию. Подробно о нем см.: *Коростелев О.А. Лирический театр Антонина Ладинского // Ладинский А. Собрание стихотворений / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева*. М.: Викмо; Русский путь, 2008. С. 5–22. Именно А.П. Ладинский посоветовал В.Н. Буниной прочитать роман Триоле и, вероятно, дал свой экземпляр, см. ее запись в дневнике 14 января 1927 г.: «Долго разговаривала с Ладинским. Он все допытывался мнения Яна о нем. Рекомендовал прочесть роман “Земляничка”» (РАЛ. MS 1067/385).

⁵ Прозаик и драматург Илья Дмитриевич Сургучев (1881–1956) навещал В.Н. Бунину и в госпитале, и после выписки, см. ее запись в дневнике 9 февраля 1927 г.: «Вдруг звонок, пришел Сургучев, но, узнав, что у меня массаж, не вошел, оставил только фиалки. Он очень трогает меня: был и в Вильжюиф, но в день, когда я уехала оттуда» (РАЛ. MS 1067/385). Почему Бунин должен был хлопотать за него и Владимира Васильевича Вейдле (1895–1979), не вполне ясно, возможно, речь идет о суде или материальной помощи от Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции или Союза писателей и журналистов. Среди отложившихся в РАЛ писем И.Д. Сургучева (MS 1066/5363–5369) и В.В. Вейдле (MS 1066/5738–5739) посланий за этот период не сохранилось.

204. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Виль Жуив. 18 января 1927 г.

18/5 ян. 9 ч. 30 м.

3)¹ Сейчас я жду, что за мной придут на операцию. Я совсем спокойна. Можешь судить по почерку. Страданий не боюсь. Вспоминаю все бабушку, мамину мать². Когда она умирала от рака, то все улыбалась и говорила: «Я счастлива, что страдаю, Христос страдал, а мне и подавно нужно». Мне было семь лет, но я до сих пор помню то впечатление, которое произвели эти слова на меня.

Боюсь за тебя. Погода ужасная, не простудись.

Здесь так чисто и уютно, что я давно не чувствовала себя так хорошо. Для нерв моих пребывание здесь очень полезно. Главное, я одна, и ничто не волнует меня.

Дня два, вероятно, будут тяжелыми, но ты отнесись к этому мудро. А то Левинсону³ скажу, что он выдумал, что у тебя есть мудрость...

Целую крепко. Будь спокоен.

9 ч. 42 м.

Твой неизменный К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/6. Место установлено по содержанию.

¹ См. примеч. 1 к п. 203.

² Биографические данные о матери Л.Ф. Муромцевой неизвестны.

³ См. примеч. 5 к п. 201.

205. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 6 ноября 1931 г.*

Милая, дорогая моя, приехал 2 часа тому назад¹. Был прямо с вокзала (только оставив вещи в этом отеле²) у тетушки³. Слава Богу, экземы она не находит, завтра (я у них завтракаю) будет смотреть подробней. Ночь от волнения спать не мог, хотя нас было всего двое. Крепко, крепко целую и Зурова тоже.

Твой Ив. Бунин.

Пиши на Рерю⁴.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/7. Почтовая открытка с фотографией холла парижского Hôtel Baltimore; адрес получателя: «M-me Bounine, Villa Belvédère, Grasse, A<Ips> M<aritimes>»; почт. шт.: «Place Chopine, Paris XVI. 6.XI.1931». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ С 6 по 13 ноября 1931 г. Бунин находился в Париже, чтобы показаться врачам (заподозрив, что у него экзема и ряд других болезней). Возвращался он с Г. Кузнецовой (которая еще раньше уехала в Париж по издательским делам и заодно для лечения зубов), В.Н. Бунина и Л. Зуров оставались в Грассе.

² Бунин остановился в Париже в отеле «Балтимор» (Hôtel Baltimore, 88bis, avenue Kléber, Paris, XVIe).

³ Анна Елеазаровна Шварцман (урожд. Березовская, 1870–1962) — врач-дерматолог, массажистка; жена Л.И. Шестова.

⁴ Рери — Рахиль (Рахель, Роза) Григорьевна (Гиршевна) Осоргина (урожд. Гинзберг (Гинцберг), 1885–1957) — дочь видного еврейского общественного деятеля Ахад-Гаама. Училась на юридическом факультете в Неаполе, затем в Риме. С 1908 г. подруга, а с 1912 г. жена М.А. Осоргина (для него это был второй брак, продолжавшийся до 1923 г., развод оформлен в 1932 г.). В 1914 г. вернулась с Осоргиным в Россию, откуда вместе с ним в 1922 г. была выслана в Германию. С 1923 г. жила в Париже, занималась юридической практикой, журналистикой, общественной деятельностью. Входила в Дамский комитет Союза русских писателей и журналистов в Париже. Расставшись с Осоргиным, была гражданской женой Н.В. Макеева (до 1933 г., когда ее сменила Н.Н. Берберова). В 1938 г. уехала в Палестину, в 1949 г. открыла юридическую контору в Тель-Авиве. Приятельница Буниной в парижский период, в ее квартире Бунина останавливалась в Париже весной 1932 г. Адрес Рери (M-me Ossorguine, 2, rue Claude Lorraine, Paris, XVIe) Бунины использовали для связи при кратковременных визитах в Париж.

206. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 7 ноября 1931 г.*

Сейчас иду посылать тебе телеграмму, чтобы ты увиделся скорее с Кир. Ос. Зайцевым, — он едет в Прагу¹, к Францеву² зайдет.

Письмо от Троцкого³: его я не пересылаю, не знаю, когда вернешься. Обещанной телеграммы не присылал, — не знаю, где ты? а потому пишу на Рерю⁴, что удлинит время.

Троцкий пишет, что он в сентябре получил письмо от одного из членов жюри, в котором тот довольно прозрачно намекает, что комитет смущен, что выдвинуты в кандидаты даже и такие писатели, как Бальмонт и Шмелев, — шансов не имеют, а головы забивают. Но главное, «большевики предложили через немцев Горького и вели в кругах Нобелевского комитета бешеную агитацию против Вашей и Мережковского кандидатур. Короче, создан клубок интриг и большевицкой агитации, поставившей Н<обелевский> К<омитет> в очень затруднительное положение. Сов<етское> пос<ольство> пустило в Стокг<ольме> слух, что присуждение премии эмигр<антскому> писателю незамедлительно отразится на шведо-сов<етских> торг<овых> делах и т.д.».

Но Троцкий думает все же, что «не все потеряно, нет, не все! Я доподлинно знаю, что Ваша кандидатура будет выставлена и в 1932 г. Придется в ближайшем году приложить все усилия к преодолению интриг и большевицкой агитации. В феврале 1932 г. буду лично в Стокгольме и все, что сумею, сделаю к достижению намеченной цели».

Будь осторожен. Говори только с теми, с кем нужно, а не с кем можно, и бери слово, что не будут рассказывать.

О себе ничего не пишу. Спешу на почту, да тебе и не интересно. Идет дождь. В доме сумрачно и холодно.

Германский адрес Троцкого:

Berlin — Grunewald 10.

Jagostrasse

Письмо послано из Швейцарии, Hôtel «Metropole».

Целуем.

Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/7. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Кирилл Иосифович (Осипович) Зайцев (архимандрит Константин, 1887–1975) — экономист, юрист, богослов. С 1920 г. в эмиграции в Париже (в 1922–1924 гг. в Праге), читал лекции во Франко-русском институте (1926), Русском коммерческом институте (1928–1932). Входил в редакционный комитет парижской газеты «Россия и славянство» (1928–1934). 12 ноября 1931 г. выступил в пражском Русском институте с докладом «Существовало ли рабство в императорской России». Бунин познакомился с К. Зайцевым в начале 1931 г. К. Зайцев неоднократно посещал Бунина в Грассе (январь 1931 г., август 1932 г., март 1934 г.) и выпустил первую книгу о нем: «И.А. Бунин. Жизнь и творчество» (Берлин: Парабола, 1934). В 1934 г. уехал в Харбин, в 1948 г. в США.

² Владимир Андреевич Францев (1867–1942) — славяновед, филолог, историк; профессор Варшавского университета (с 1900), член-корреспондент Императорской академии наук (1915), академик (1921). Член множества научных обществ. С 1921 г. жил в Чехии, профессор Карлова университета в Праге (1921–1937), председатель Русского института (с 1924), председатель Русской академической группы (с 1927).

³ Сохранилась лишь послевоенная переписка Буниных с И.М. Троцким. Подробнее о нем см.: *Уральский М.* Неизвестный Троцкий. Илья Троцкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2017. Как пишет М. Уральский, Бунин познакомился с И.М. Троцким, возможно, еще до революции, но более близкое знакомство началось с конца 1920-х гг. 7 ноября 1931 г. В.Н. Бунина сделала запись в дневнике: «Письмо от Троцкого: большевики ведут агитацию против “эмигрантской премии”, распускают слухи, в случае чего порвут договор, Горький представлен немцами. Карлфельд был за Яна. Мешает отсутствие единодушия, всякие другие эмигрантские кандидатуры. Но Троцкий надежды не теряет. Думает быть в феврале 1932 года в Стокгольме и там побороться со всеми интригами» (РАЛ. MS 1067/403).

⁴ См. 4 к. п. 205.

207. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 7 ноября 1931 г.

Милая, дорогая, очень удивлен — в **первый** день послал открытку¹, на другой день телеграмму². Все пока слава Богу. Все доктора утешили, но я сбился с ног, достигая их. Целую, ангел мой. Поцелуй Лёню³.

Твой Ив.Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/8. Почтовая открытка с экзотическим видом Французской Экваториальной Африки; адрес получателя: «M-me Bounine, Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris. 8.XI.1931», «Grasse, 10.XI.31».

¹ См. п. 205.

² Телеграмма не сохранилась.

³ Л.Ф. Зуров.

208. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 8 ноября 1931 г.

Милая, дорогая, с К. Зайцевым говорил. Разрываюсь на части между докторами и знаковыми. Не сердись, что не пишу. Выехать надеюсь 10, т.е. во вторник. Доктора успокоили. Остался Аитов¹. Обнимаю и целую, драгоценная моя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/9. Почтовая открытка с фотографией Международной колониальной выставки; адрес получателя: «M-me Bounine, Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Gare Saint Lazare, Paris, 8.XI.1931». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Владимир Давыдович Аитов (1879–1963) — доктор медицины, кардиолог, общественный деятель. Уроженец Парижа, в 1904–1918 гг. жил в России, заведовал терапевтическим отделением больницы св. Марии Магдалины в Петербурге, затем вернулся во Францию. Работал в амбулатории Российского общества Красного Креста, затем в амбулатории имени В.И. Темкина. Член правления Общества русских врачей имени Мечникова, член правления Объединения русских врачей за границей.

209. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 8 ноября 1931 г.

Воскресенье 8-го

Нынче послал тебе, дорогая моя, открытку, сейчас пишу, чтобы сказать, что боли в печени продолжают, но не так, слава Богу, сильно, как ночью. Сейчас еду к Гукасовым¹, потом к Нилусу, а в 6½ к Аитову. Пока лечусь от этих болей только горячими припарками (держал ночью). Целую.

Твой Ив.

4 часа дня.

Завтракал у Кульманов².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/10. На почтовой бумаге Hôtel Baltimore, Paris. Месяц, год и место установлены по содержанию и сопоставлению с предыдущим посланием.

¹ Имеются в виду Павел Осипович Гукасов (1858–1937) — нефтепромышленник, финансист. Брат издателя А.О. Гукасова. До революции председатель правлений ряда крупных нефтепромышленных обществ и товариществ в Баку. После революции в эмиграции в Париже, товарищ председателя Российского торгово-промышленного и финансового союза; его жена — Евгения Самуиловна (сестра Елизаветы Самуиловны Кянджунцевой).

² Николай Карлович Кульман (1871–1940) — филолог, литературовед, профессор Высших Бестужевских курсов и Женского педагогического института. С 1919 г. в эмиграции в Белграде, профессор русской литературы Белградского и Софийского университетов, воспитатель Сербского короля Александра. С 1928 г. в Париже, профессор, затем декан русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны, преподаватель

Франко-русского института и Богословского института св. Сергия. Его жена Наталья Ивановна Кульман (урожд. Бокий, 1877–1958) — педагог, общественный деятель. Бунин познакомился с Кульманом в сентябре 1901 г. в Ялте. В эмиграции они были дружны, Кульман был главой комитета по распределению части Нобелевской премии Бунина между нуждающимися писателями. В марте 1928 г. Кульман читал в Сорбонне лекцию о творчестве Бунина (отчет о ней см.: Россия. 1928. 24 марта. № 31. С. 5), отзывался на его произведения, см. статью Кульмана «“Цикады” Бунина» (Возрождение. 1925. 17 декабря. № 198. С. 3–4), рецензии на сборники «Митина любовь» (Возрождение. 1926. 25 февраля. № 268. С. 4) и «Солнечный удар» (Возрождение. 1927. 3 февраля. № 611. С. 2–3). Обширную переписку Буниных и Кульманов 1920–1950-х гг. см.: РАЛ. MS 1066/3412–3416; MS 1066/3417–3445; MS 1067/3483–3701; MS 1067/3702–3704.

210. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 9 ноября 1931 г.

Утром.

Понедельник.

Милая, драгоценная, вчера вечером был у Аитова: у меня эти боли в области печени, оказывается, только ревматически-невралгические. Все прочее про докторов ты знаешь от Гали¹. Выедем, вероятно, завтра — м<ожет> б<ыть>, утром, м<ожет> б<ыть>, вечером. Когда именно будем в Грассе, извещу телеграммой. Сейчас спешу к Гавронскому² — у меня выкрошился внезапно зуб.

Крепко целую, Зурова тоже.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/11. На почтовой бумаге Hôtel Baltimore, Paris. На конверте адрес получателя: «Madame Bounine, Villa Belvédère, Grasse, A<l'p> M<aritime>»; почт. шт.: «Rue Longchamp, Paris 16, 9.11.31». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Г. Кузнецова, судя по записям в дневнике В.Н. Буниной, из этой своей поездки писала письма практически ежедневно, причем отдельные всем обитателям «Бельведера»: Бунину (пока он не приехал в Париж), В.Н. Буниной, Л. Зурову, так что в некоторые дни В.Н. Бунина фиксировала в дневнике и не по одному письму от Г. Кузнецовой.

² Илья Осипович Гавронский (1870–1940) — парижский зубной врач, лечивший Буниных, брат А.О. Фондаминской.

211. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 10 ноября 1931 г.

Крепко целую тебя, дорогая моя, и прилагаю полученное нынче письмо.

Вторник.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/23. Дата и место установлены предположительно по содержанию, вторник — 10 ноября.

212. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 13 ноября 1931 г.

Милая, драгоценная, Галя тебе вчера писала, мне было некогда. Был у Гукасовых — очень ласковы, звали на обед в воскресенье. Когда выходил от Гукасовых, встретил Кянд-

жунцеву¹. Ласкова, но не позвала. Потом сидел у Гавронского. И сейчас (пятница, утро), сижу у него — будет главный осмотр. Вчера звонили Цетлиным², приехали, но пойду ли к ним, не знаю — там лежит Шура³, у нее была ангина.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/12. Дата и место установлены предположительно по содержанию (пятница приходилась на 13 ноября, а в следующую пятницу Бунин был уже в Грассе).

¹ Елизавета Самуиловна Кянджунцева — жена Гайка Григорьевича Кянджунцева (Кунджунцев, ?–1939) — инженера-технолога, общественного деятеля. В России был ответственным агентом «Англо-русского Максимова общества», членом правлений ряда торговых и нефтепромышленных компаний. В эмиграции во Франции. Член комитета Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже, член административно-финансового совета Русского высшего технического института (1934). 25 апреля 1932 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «После обедни, которая кончилась очень поздно, почти в час дня, я села на такси и прямо отправилась к Кянджунцевым, где мы должны были завтракать. Приезжаю — Яна нет, звоним, телефон все занят. Опоздал на полчаса. Оказывается, ждал меня. Было неловко. Но завтрак был редкий. Осетрина, утки на вертеле и все в таком роде. Кянджунцев предложил познакомить Яна с Густавом Нобель. Сказал, что нужно будет вместе позавтракать. Гукасовы пригласили завтракать в четверг» (РАЛ. MS 1067/407). Сохранилось письмо Е.С. Кянджунцевой от 1 декабря 1939 г. — благодарность И.А. и В.Н. Буниным за соболезнование в связи со смертью «дорогого Гайка Григорьевича, нашей главы, опоры, нашего незаменимого друга» (РАЛ. MS 1067/3301). Похоронен он на Пер-Лашез.

² Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина, в 1-м браке Авксентьева, 1882–1976) — общественно-политический деятель, благотворитель. Доктор философии Бернского университета. Член партии эсеров, участник революции 1905 г. С 1907 г. в эмиграции во Франции, в 1917 г. вернулась в Россию, с 1919 г. снова в эмиграции. Участвовала в разного рода благотворительных объединениях. Ее муж, поэт и критик Михаил Осипович Цетлин (псевд. Амари, 1882–1945). Знакомство Буниных с Цетлиными состоялось в революционной Москве, куда Цетлины вернулись из эмиграции после Февральской революции, подружившись с Буниными в Одессе 1919 г., в течение четверти века (и во Франции, и после их переезда в 1940 г. в США) оставались в кругу наиболее преданных Буниным людей. Об их политической, издательской и общественной деятельности см.: *Хазан (2010)*. С. 66–103. Об отношениях с Буниными, драматически нарушившихся в 1947 г., см.: *Бунины–Цетлины*. С. 282–328. Неделей раньше, 4 ноября 1931 г. М.О. Цетлин написал Бунину: «Видал Галину Николаевну <Кузнецову> и узнал хоть немного о Вашей жизни в Grasse'e» (*Бунин–СЗ*. С. 840).

³ Дочь М.С. Цетлиной от первого брака (с Н.Д. Авксентьевым), художница Александра Николаевна (в первом браке (с 1923) Болотова, во втором (с 1937) Прегель, 1907–1984), ученица Н.С. Гончаровой.

213. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова — И.А. Бунину, Л.Ф. Зурову Тулон. 3 апреля 1932 г.

7 ч. вечера Toulon¹.

У Гали палец прошел. Она весело болтала со мной почти все время. Газеты прочли, интересна статья о Гоголе Голен<ищева->Кутузова². Прочтите обязательно.

Хороши места между Fréjus'ом и Тулоном³. Вот бы вам съездить.

С нами парочка: молодой человек до Марселя, а барышня до Парижа⁴. Сидим около двери, чтобы не дуло. Целуем вас обоих.

В.

<Г.Н. Кузнецова:> Обнимаю вас обоих, как пишет Кульман. Сейчас садимся ужинать.

Галя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/8. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur I. Bounine, Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritime>»; почт. шт.: «Toulon, 3.4.32», «Grasse, 4.4.32». Дата установлена по почтовому штемпелю.

¹ 3 апреля 1932 г. В.Н. Бунина с Г. Кузнецовой уехала из Грасса в Париж; Бунин с Л. Зуровым остался в Грассе, но 22 апреля он с Л. Зуровым приехал в Париж. В.Н. Бунина записала в дневнике 1 апреля 1932 г.: «Совершенно неожиданно, по настоянию Яна, еду в Париж. Поводов не много, нужно удалить два зуба, показаться Серову, Каминской. И главное — выйти из того мучительного состояния, в котором я нахожусь. Я впервые за всю жизнь стала принимать усыпляющее. А главное, уже давно не могу работать. А отдохнуть здесь очень трудно, слишком однообразно. Не знаю, почему Яну пришло в голову отправлять и меня? Я ему не жаловалась. Точно его осенило сверху. Одно жаль, что он хочет, чтобы я пробыла не больше двух недель» (РАЛ. MS 1067/407).

² *Голенищев-Кутузов И.* Гоголь в Италии // Возрождение. 1932. 2 апреля. № 2496. С. 4.

³ Фрежюс (Fréjus) — курортный, а Тулон (Toulon) — портовый город на Лазурном Берегу Франции между Ниццей и Марселем.

⁴ В дневнике 3 апреля 1932 г. В.Н. Бунина записала: «Вагон III-его класса. До Тулона только юноша, пожирающий роман. В Тулоне к нам села девица, которая, оказалось, учится в том же колледже в Кале, где и Оля с Таней <Муромцевы>. Она их хвалила» (РАЛ. MS 1067/407).

М.С. Цетлина.
Шантильи, 1920-е гг.
(РАЛ)

214. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 4 апреля 1932 г.

Яну

№ 2

4. IV. 1932. 8 ч. 45 м.

Милый, драгоценный, вчера, читая о каком-то снобе, я все время видела тебя, каким ты был на вокзале, с таким прекрасным лицом, необыкновенно молодым, каким-то преображенным, и эти желтые «наши» цветы так шли ко всему твоему облику. Пусть Лёня снимет тебя так, может быть, еще лучше в фетровой шляпе¹? И ночью я тебя все время видела, твое милое лицо так и мелькало передо мной. А, когда я на вокзале смотрела на тебя, ты мне казался и очень близким, и далеким...

Пиши, как живете? Я напишу фразу, и потом долго смотрю кругом. Проезжаем каменный городок, который мне кажется очаровательным и под низким небом.

Галя мила, довольна и спокойна. Едем мы с ней, как самые культурные, спокойные англичанки.

Крепко и нежно обнимаю тебя, мой ненаглядный, и уже чуть скучно.

Твой К.

¹ Это же записала В.Н. Бунина и в дневнике 3 апреля 1932 г.: «Наши нас провожали и долго смотрели вслед. Ян был необыкновенно прекрасен, очень помолодевшим, каким-то преображенным, и желтые цветы в петличке, которые нам поднесла А<малия> Ос<иповна>, очень шли к его серому костюму. И как идет к нему фетровая шляпа, и как редко он ее носит. <...> Почему он всегда так мил, когда я куда-нибудь уезжаю, это бывало всегда. Сначала долго отговаривает, сердится, а когда видит, что я непоколебима, то делается очень заботлив, мил, трогателен. На этот раз он меня отправил. Я не думала» (РАЛ. MS 1067/407).

215. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 5 апреля 1932 г.

10 ч. утра 5 ап./ 23 м. 1932 г.

№ 3¹. Дорогой, драгоценный мой! Прежде всего сообщаю, что я здорова, что видом моим все довольны и что я чувствую себя живой и энергичной. С Галей расстались вчера вечером. Она здесь² обедала, и ей дали с собой яблоко и апельсин. Она, вероятно, возьмет сегодня комнату, ибо И<лья> И<сидорович>³ прав: в месяц 300 фр. Комната чистенькая и довольно светлая, Гале нравится очень место. Решать нужно быстро, иначе день — 20 фр. М<арии> С<амойловне>⁴ вчера не дозвонилась, не дозвонилась я и сегодня. У Зайцевых — все же далеко. И они страдают уже от того, что не живут на Claude Lorrain⁵. Может быть, Гале и полезно пожить самостоятельно, а лишнего будет стоить франков триста, ибо кофе она может готовить у себя. Сегодня мы идем к Зайцевым к их обеду, я куплю ветчины, т.к. они не предупреждены. А откладывать не хочется, да сегодня день ангела мамы, и мне с Верочкой быть приятно. В пятницу мы обедаем у Ельяшевич⁶, которая со мной по телефону была необыкновенно любезна, звала жить, завтра я пойду к ней завтракать одна. Думаю, что получаю, как получает обыкновенно П.Б. Струве, приглашение всегда, когда нужно у них есть, мы «сосновские»⁷, так что я, как Вл<адимир> Сем<енович>⁸, вероятно, буду на «общественном кормлении». Тэффи мне сказала: «Все вам так рады, все любят»...⁹ Тоже звала меня жить к ней. Словом, не имей «ста рублей, а имей сто друзей».

Вчера мы были у милого И<льи> Ос<иповича>¹⁰. Я все больше и больше им восхищаюсь и его люблю. Такого заботливого доктора я никогда не встречала. Там столкнулась с... Миллиоти¹¹. Что с ним стало! Весь раздулся, и всякая красота куда-то пропала. Настроение самое мрачное. В пятницу в 4 ч. иду к нему «смотреть» его «новые картины». Сазонова¹² очень плоха. Операции ей, бедной, не помогли¹³.

От Гавронского в «П<оследние> н<овости>». По дороге я напоила Галю кофе у «2 Magots»¹⁴, ибо она ослабела — мы ведь в поезде спали всего 2 часа. Кофе восхитил ее, и она чуть ожила. Пешком мы прошли очень много, а затем по траму¹⁵. Я не могла вчера ездить в метро, — хотелось смотреть, день был светлый, сухой.

В газете нас приняли хорошо, особенно Поляков¹⁶. Он не ожидал и, действительно, обрадовался, увидя меня, и долго не отпускал. На радостях обещал быстро пропустить Галины «Цветные стекла»¹⁷. Галя уверяет, что я очень покраснела и тоже выразила радость, но ей же лучше! Деньги она получила¹⁸. Получила и я за твой фельетон¹⁹ 500 фр., а 500 фр. получу на днях. 300 фр. дала Гале, так что она может кой-что себе купить.

Вечером был Алданов²⁰, мил, любезен. Предлагал сегодня у них обедать... с Кульман, но мы отклонили, не знаю, как я буду себя чувствовать, после удаления зуба. Христос с тобой. Жду известий.

Твой К.

Дом, где я живу, стоит в другом конце, чем я думала, рядом с rue Chardon Lagache.
Даманская уезжает в Гамбург.
Макеев²¹ кланяется.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/10.

¹ Нумерация писем В.Н. Буниной, начатая после отъезда из Грасса 3 апреля 1932 г. См. также далее.

² По-видимому, речь идет о Р.Г. Осоргиной, у которой остановилась В.Н. Бунина (см. примеч. 4 к п. 205 и адрес на п. 216). Об этой квартире см. в дневнике Буниной 5 апреля 1932 г.: «Квартира Рери очень хорошая, со всеми удобствами, но с неудобной мебелью, особенно в столовой. Да и стиль модерн — не моего романа. Испытываю страх что-либо не испортить. Хорошо, что в кухне и горячая вода круглые сутки, и то, что можно почти все “ордюры” спускать прямо с “леве” в преисподнюю» (т.е. спускать отходы из мойки в мусоропровод?). Днем раньше в дневнике В.Н. Буниной упоминается рю Шеве (rue Chevert), где сняла комнату Г. Кузнецова, — маленькая улочка в 6-м аррондисмане Парижа (РАЛ. MS 1067/407).

³ Илья Исидорович Фондаминский (псевд. Бунаков, 1880–1942) — общественно-политический деятель, издатель, публицист. В эмиграции с апреля 1919 г., член редакции журналов «Современные записки» (1920–1940), «Новый град» (1931–1939), «Русские записки» (1937–1939), организатор многих эмигрантских начинаний. Входил в близкое окружение Буниных и пользовался их безусловным доверием. Переписку Бунина и Фондаминского см.: *Бунин—СЗ*. С. 697–932.

⁴ М.С. Цетлина.

⁵ С марта 1926 г. по февраль 1932 г. Б.К. и В.А. Зайцевы снимали квартиру в 16 аррондисмане Парижа (11, rue Claude Lorraine), а затем пытались обосноваться в Булони.

⁶ Фаина Осиповна Ельяшевич (урожд. Моргулис, 1877–1941) — юрист, общественный деятель; училась в Берлине; ее муж юрист, правовед, историк Василий Борисович Ельяшевич (1875–1956). Они были хорошими знакомыми семьи Муромцевых еще с дореволюционных времен. В эмиграции Ф.О. Ельяшевич занималась переводами и общественной деятельностью, принимала участие в деятельности многих объединений, куда входила и В.Н. Бунина: была членом бюро Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, членом правления общества «Быстрая помощь», одной из основательниц кружка «Амаур» («Amis auteurs russes»), созданного под председательством Бунина в конце 1930-х с целью оказания материальной помощи русским писателям. Письма Ф.О. и В.Б. Ельяшевичей 1930–1940-х гг. к В.Н. Буниной хранятся: РАЛ. MS 1067/2104–2146, MS 1067/2147–2160. В эмиграции фамилию Ельяшевичей часто писали через «Э».

⁷ Сосновка — дачное место, расположенное в начале XX в. под Петербургом (сейчас внутри города), где иногда жила у знакомых В.Н. Муромцева; там жили в свое время и Ельяшевичи.

⁸ Возможно, имеется в виду Владимир Семенович Муромцев — дядя В.Н. Буниной; помещик Орловской губернии, генерал-майор артиллерии, выйдя в отставку, постоянно проживал в своем имении Предтечево, которое после 1917 г. он потерял и, возможно, доживал на чьем-то попечении.

⁹ Тэффи (наст. имя Надежда Александровна Лохвицкая, в замужестве Бучинская, 1872–1852) — поэтесса и писательница, фельетонистка, мемуаристка, в эмиграции с 1919 г. О многолетних добрых отношениях Тэффи и Буниных, завязавшихся в 1918–1919 г. в Одессе, см. в публикациях Р. Дэвиса и Э. Хейбер (*Бунин—Тэффи* (1). С. 348–421; *Бунин—Тэффи* (2). С. 477–584; *Бунин—Тэффи* (3). С. 536–626), а также: *Трубилова Е.М.* Бунин, Тэффи, Пантелеймонов: История дружбы // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 октября 1995 г. / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наследие, 1995. С. 195–206; *Морозов С.Н.* Н.А. Тэффи и И.А. Бунин: К истории творческих отношений // *Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века*. М., 1999. С. 280–286.

¹⁰ И.О. Гавронский.

¹¹ Несколькими годами ранее Николай Дмитриевич Миллиоти (1874–1962) вызывал симпатии у В.Н. Буниной. В.Ф. Ходасевич писал Н.Н. Берберовой 5 апреля 1928 г.: «Потом я был в Select, где в полутьме накрыл Верочку Бунину с Миллиоти. Она адски сконфузилась. Тогда я сказал: / — Я живу в Версале, а здесь на ½ часа incognito. Никому не говорите, что меня видели. / — Хорошо, хорошо! — Она буквально захлопала в ладоши. — А вы не говорите, что меня видели. Ах, как смешно. У нас с вами теперь будет тайна» (Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публ. Д. Бетеа // *Минувшее: Исторический альманах*. Париж: Athenaeum, 1991. Вып. 5. 1991. С. 245). Сохранившаяся переписка их опубликована: *Бунин—Миллиоти*. С. 398–462.

¹² Юлия Леонидовна Сазонова-Слонимская (1884–1957) до войны не входила в близкий круг общения Буниных. Их активная переписка приходится на послевоенное время: *Бунины–Сазонова*. С. 267–397.

¹³ В ноябре 1931 г. Ю.Л. Сазонова перенесла две операции (ей вырезали 71 см кишечника). 21 января 1932 г. Н.Д. Миллиоти написал В.Н. Буниной: «Вы, верно, знаете про страшных 2 операции, кот<орые> перенесла Ю.Л. Сазонова, кот<орую> я очень люблю. Эти операции спасли ее от смерти *тогда*, но поправляется она плохо, и я думаю, что у всех ее друзей одинаково щемит сердце, глядя на нее» (*Бунина–Миллиоти*. С. 429).

¹⁴ «Les Deux Magots» — кафе на площади Сен-Жермен в 6 аррондисмане Парижа (6, place Saint-Germain-des-Prés), открытое в 1885 г. и сыгравшее заметную роль в культурной жизни французской столицы (в разное время оно становилось местом встреч сюрреалистов, экзистенциалистов и др.).

¹⁵ Т.е. поехали на трамвае.

¹⁶ Александр Абрамович Поляков (1879–1970) — журналист, с 1904 г. сотрудник «Одесских новостей», затем заведующий отделом «Биржевых ведомостей», руководитель петербургского отделения редакции «Русского слова». С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, с 1922 г. в Париже, секретарь редакции, затем заместитель главного редактора «Последних новостей», ночной выпускающий газеты. В 1942 г. переехал в Нью-Йорк. См. о нем: *Дон Аминадо*. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. С. 289–293; *Бирман М.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 3. Иерусалим, 1994. С. 150–151.

¹⁷ Рассказ был опубликован три недели спустя: *Кузнецова Г.* Цветные стекла // Последние новости. 1932. 24 апреля. № 4050. С. 4–5.

¹⁸ По-видимому, речь о гонораре за предыдущую публикацию: *Кузнецова Г.* Ривьера // Последние новости. 1932. 28 марта. № 4023. С. 2–3.

¹⁹ *Бунин И.А.* Записи // Последние новости. 1932. 6 марта. № 4001. С. 2–3.

²⁰ Марк Алданов (наст. имя Марк Александрович Ландау, 1886–1957) — прозаик, критик, публицист. Один из близких и самых надежных друзей Бунина, неоднократно и щедро помогавший ему в самых разных жизненных обстоятельствах, в том числе в издании бунинских книг в США. См. переписку Бунина с М.А. Алдановым в 3-й книге наст. тома.

²¹ Николай Васильевич Макеев (1888–1973) — художник, журналист. Окончил Московский университет, доктор философии и истории. Эсер, депутат Учредительного собрания. В эмиграции жил в Лондоне и Париже; был членом правления Земгора. В 1933–1947 гг. — муж Н.Н. Берберовой.

216. И.А. Бунин — В.Н. Буниной, Г.Н. Кузнецовой

Грасс. 5 апреля 1932 г.

Милые, дорогие, как доехали? Нынче от вас нет ничего, а вчера была открытка¹ только из-под Тулона всего-навсего. Когда мы² вернулись, проведив вас, было, конечно, неприятно при входе в дом — пустота, тишина. Вчера была истинно ужасная погода — непроглядный туман, дождь. Ночью нынче — ураган, гром, ливень, град, мы спали плохо. Сейчас — холодный ветер, ясно.

Как твои зубы, Вера? Беспокоюсь. Крепко целую вас обеих. Пишите почаще хоть по 2 слова. Поклон Рери³.

Ив. Б.

Вторник.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/13. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Aux bons soins de M-me Ossorguine <просьба передать через Осоргину Буниной — *фр.*>, 2, rue Claude Lorrain, Paris, 16»; почт. шт.: «Grasse, 5.4.32», «Paris, 6.IV.1932». Дата и место установлены по почтовому штампу.

¹ См. п. 213.

² Бунин и Л. Зуров провожали В.Н. Бунину и Г. Кузнецову на вокзал.

³ Р.Г. Осоргина.

217. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 6 апреля 1932 г.

6 апреля 1932 г.

Среда.

№ 4. Мой драгоценный, вчера в пять И<лья> О<сипович>¹ удалил мне зуб мудрости. Было немного больно, ибо нельзя было много вспрыснуть анестезирующего, так как по снимку оказалось, что гною порядочно. Зато потом болей не было, до сих пор приняла два sachets² и два comprimés³. Полоскать не нужно, так как мне наложена «повязка» с йодоформом. Завтра в пять часов дня опять пойду к И<лье> О<сиповичу>.

Галю он вчера тоже осмотрел. Работы, кажется, будет с ней очень много. Она вчера много потратила времени на меня, — И<лья> О<сипович> сказал ей, что «лучше ей меня отвести домой», но ехали мы по метро.

Вид у Гали хороший теперь. Вчера мы с ней были у Зайцевых⁴. У них очень приятная квартира, студенческого типа. Там мы почувствовали настоящий родной воздух. Кричали при встрече так, что Боря, выйдя из своей комнаты, сказал: «по крику я догадался, что это вы пришли»... Вид у него ужасный, щеки провалились. Накануне был у Зернова⁵, и тот нашел у него истощение, расширение сердца и нервину: конечно, фетин, ферофетин, фосфор и т.д., а к завтраку было приготовлено две мерланки⁶!.. Я в русской лавке купила снеди, и мы поели, для Гали это было основное питание, обедать она вчера решила не обедать, а легко закусить.

Вечером она пошла к Гофману⁷, но об этом ты узнаешь из письма ее.

Вечером ко мне пришли опять Зайцевы и были оба в лучшем своем ударе. Верочка неистощима на расказни. Кулишер⁸ любит, чтоб его секли, и за это платит женщине по 300 фр.! Потом она рассказывала о таких извращениях, что я даже тебе писать не могу⁹. Угощала их fruits confits¹⁰ и чудным бургундским в очень приятных граненых стаканах на ножках, вообще квартира и обстановка здесь с большими удобствами и вкусом, нет еще только телефона. Оказалось, что телефон Цетлиных у меня неправильный, и я с М<арьей> С<амойловой> еще не снеслась¹¹. Вчера от Гавронского говорила с Ангелиночкой¹². У Цетлиных гости завтра и в субботу, когда нас пригласят, не знаю, вероятно, в субботнюю свору, т.к. моих хозяев в субботу. Позвоню от Ельяшевич, а то выходит очень дорого, вчера на телефоны вышло шесть франков.

Все почему-то уверены, что вы приедете, и думают, что мы скрываем. Вот уж действительно, нужно говорить правду, чтобы думали, что врешь, а если врать, то все верят.

Сегодня завтракаю на Vossador'e¹³, может, будет свидание с Тэффи, затем всеношная, вероятно, на rue Daru¹⁴, а затем у Зензинова¹⁵ встреча с Игорь Платоновичем¹⁶. С Галей увижусь лишь перед Chernoviz¹⁷ в Café de la Tour¹⁸. «И полная свобода ей при дворе дана...»¹⁹

Очень грустно было вчера, пока засыпала. Как ты обходишься без нас?

Целую тебя нежно. Передай привет Фондаминским.

Твой К.

А Лёне, чтоб писать, тоже нужно встряхнуться. Жить так, как он живет, ему вредно для момента, а о проке никто не думает.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/11.

¹ И.О. Гавронский.

² капсулы (*фр.*).

³ таблетки (*фр.*).

⁴ В феврале 1932 г. Зайцевы поменяли квартиру и переехали из Пасси (11, rue Claude Lorrain, XVIe) в Boulogne-Billancourt (Boulogne-sur-Seine) по адресу: 110, rue Thiers, где и жили 30 лет; только во время Второй мировой войны (апрель 1943 — март 1945 г.) жили на квартирах Н.Н. Берберовой и Б.П. Вышеславцева в 15-м аррондисмане Парижа.

⁵ Владимир Михайлович Зернов (1904–1990) — врач, доктор медицины, общественный деятель. Знакомый В.Н. Буниной с юношеских лет. Лечил Буниных и многих других эмигрантских писателей.

⁶ Мерланги — рыбы семейства тресковых.

⁷ Неустановленное лицо. В дневнике 6 апреля 1932 г. В.Н. Бунина записала: «Гали меня проводила домой. Но обедать не осталась. Я дала ей апельсин и чаю. Она поехала к Гофману, купить в русской лавке что-нибудь, и у него, может быть, закусь» (РАЛ. MS 1067/407).

⁸ Александр Михайлович Кулишер (псевд. Юниус, 1890–1942) — историк, правовед, журналист; ближайший сотрудник Милокова в редакции «Последних новостей».

⁹ В этой же форме рассказ В.А. Зайцевой В.Н. Бунина привела и в дневнике, добавив: «Ей поставляет такие сведения какая-то Клавдия» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁰ засахаренными фруктами (*фр.*).

¹¹ В дневнике В.Н. Буниной 6 апреля 1932 г.: «Понятно, что я не могла дозвониться до Цетлиных, у меня записан старый их телефон» (РАЛ. MS 1067/407).

¹² Ангелина Михайловна Цетлина-Доминик (1917–1996) — младшая дочь М.О. и М.С. Цетлиных.

¹³ Из контекста неясно, чем именно был обусловлен выбор места для завтрака именно на rue du Voccador. Тэффи с 1931 г. жила в Париже на квартире Тикстона (18 bis, avenue de Versailles), не так чтобы очень далеко, но и не рядом. В дневнике 6 апреля 1932 г. В.Н. Бунина повторила ту же информацию: «Распорядок дня: завтракаю на Боккадоре. Может быть, свидание с Тэффи» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁴ По адресу 12, rue Dagu находился Свято-Александро-Невский кафедральный собор, главный православный храм русского Парижа.

¹⁵ Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) — публицист, мемуарист, общественно-политический деятель, член ЦК партии эсеров, во время Гражданской войны член Всероссийского правительства. В 1919–1939 гг. жил в Париже, Берлине, Праге, с 1940 г. в Нью-Йорке. Состоял в Комитете помощи русским писателям и ученым во Франции, в Российском обществе Лиги Наций, в правлении Союза русских писателей и журналистов в Париже. Редактор парижской газеты «Pour la Russie», соредактор газеты «La Russe opprimée», один из частых авторов «Современных записок». В 1940 г. в Нью-Йорке.

¹⁶ Игорь Платонович Демидов (1873–1946) — журналист, литератор, общественно-политический деятель, член партии кадетов; один из организаторов Республиканско-демократического объединения; член многочисленных парижских эмигрантских организаций; в 1924–1940 гг. помощник редактора «Последних новостей».

¹⁷ То есть перед визитом к Фондаминским, чья парижская квартира находилась по адресу 1, rue Chernoviz.

¹⁸ Café de la Tour — парижское кафе неподалеку от Марсова Поля (6, rue Desaix), в нескольких минутах ходьбы от дома, где жили Фондаминские.

¹⁹ Из песни Мефистофеля о блохе (5 сцена первой части «Фауста» И.В. Гёте в переводе А. Струговщикова). Начало этой песни Бунин цитирует в мемуарном очерке о Шаялине, исполнявшем партию Мефистофеля (Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 107).

218. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 7 апреля 1932 г.

7 апр.

Милая, дорогая моя, вчера получили твое письмо с дороги, и открытку от Гали из Парижа. Ты меня своей записочкой¹ очень тронула, спасибо тебе, крепко тебя целую. Сейчас скоро 12 часов, с волнением и нетерпением жду от тебя известия насчет зуба. Жду и от Гали письма — где же основалась наконец? Вчерашняя открытка была с улицы Chevert², но я все еще не теряю надежды, что ты ее где-нибудь устроишь, а то дорого, гадко и одиноко будет ей в номерах! — Новостей у нас пока нет. Погода второй день ничего себе. Я вчера на

З.Н. Гиппиус, М.О. Цетлин, В.А. Злобин, В.Н. Бунина, неизвестные,
И.А. Бунин, Д.С. Мережковский.
Амбуаз, 1922 г. (РАЛ)

минутку ездил в Cannes. Зуров был вечером в «Олимпии»³; я не пошел, лег пораньше спать, погулявши по городу (проводив Зурова). Тебе было письмо от Ильяшевич⁴. Переслать?

Сейчас пришли большие письма от тебя и от Гали. И только из письма Гали узнали, что зуб уже вырвали и что, слава Богу, пока все благополучно.

Дивился тому, что вы обе сообщаете о знакомых — об их мрачности. Как дико все преувеличивают российские люди! И опять эти дурацкие советы Гале и Зурову — переходить на журналистику⁵! Зуров-то только ругается в ответ, а вот Галя все это серьезно принимает — вместо того, чтобы посылать эти советы к черту *спокойно*.

Еще раз целую, сохрани тебя Господь. Устал, хочется выйти на воздух, в город.
Всем поклон.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/14. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 215 и 220.

¹ Речь о п. 214.

² Т.е. от Г. Кузнецовой. См. примеч. 2 к п. 215.

³ Кинотеатр «Олимпия» в Грассе.

⁴ Письмо от Ф.О. Ельяшевич неизвестно.

⁵ О том, как М. Алданов «нападал на Леню, да и отчасти на Галю», В.Н. Бунина подробно писала в дневнике 5 апреля 1932 г.: «М<арк> А<лександрович> уверяет, что если Зуров будет присылать фельетоны, то его будут печатать на пятьсот, шестьсот франков в месяц! Что будто это постановление редакции, и его просили передать. Он очень осуждал Леню. Издевался, что он не мог писать фельетоны, пока кончал роман <“Древний путь”>. Не принимал в расчет его еще неопытность. Ссылался на себя. Я указывала и на нездоровье Лени. И опять насмешки. “А кто здоров”... Опять внешне он прав. А по существу нет. Он выставлял и резоны: если он будет всегда на очереди, то незаметно станет постоянным сотрудником, и тогда легче и аванс у Волкова <имеется в виду Н.К. Волков, директор-распорядитель “Последних новостей”> получить, так как этот дает охотно только тем, кто много пишет, “значит, — отработает быстро, а тому, кто мало печатается, ни за что не даст!” Он прибавил, что к Зурову как к писателю относятся хорошо. И что если бы он больше писал, то и франк за строчку стал бы получать. Со многим я согласна. Но меня огорчает жесткость М<арка> А<лек-

сандровича», хотя, конечно, он охвачен и хорошим чувством. И даже книгу, по его мнению, устроить легче тому писателю, который много печатается. Но все же мне тяжело. Остался какой-то дурной осадок от этого разговора. / А Гале он сказал: “Мадам, пора переходить на журналистику”... точно каждый писатель может быть журналистом...» (РАЛ. MS 1967/406). М. Алданов был «охвачен» сочувствием к Бунину, что следует из той же записи В.Н. Буниной, передающей слова Алданова: «“Бедному И<вану> А<лексеевичу> трудно. Я знаю от И<льи> И<сидоровича>, он жаловался”. И на все мои возражения — одно возмущение! Даже несвойственное Алданову. И что неприятно, что это при Максее, который тоже очень осуждал Зурова. О Господи, сам прожил сто тысяч в год чужих денег и еще возмущается, что кто-то может, работая и учася, жить не совсем на свой счет... И какое кому дело! Неужели правда Ян жаловался?» Но Бунин, как следует из дальнейших записей его жены, не жаловался, и этот разговор (о котором Бунин узнал, видимо, не из письма жены) был инициирован через Фондаминского без его участия.

219. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 7–8 апреля 1932 г.

25 м./ 7 ап. № 5.

Сижу у Гавронского, жду очереди. Сейчас была у Кульмана в Сорбонне¹. Он так мне обрадовался, что не передашь. Мы с ним решили, что я приду к ним сегодня обедать. Я хорошо завтракала у Кянджунцевых, а потому вечером могу закусить пустяками². Вечером Н<аталя> Ив<ановна>³ будет одна дома, и я могу посидеть у нее до 10 ч., а затем домой. Возьму ванну.

Сегодня была потрясена за обедней, особенно когда вся церковь пела «Верую». Первый раз я в жизни не могла удержать слез. Вообще, мне очень грустно. Вероятно, я не могу быть довольной, зная, что вам скучно и тяжело.

Меня так все встречают, что я очень тронута, и будь у меня другая натура, я «купалась бы в вихре удовольствий». А теперь мне мало чего хочется. Уже дважды была в церкви, «только в церкви душой отдыхаю». И даже не отдыхаю, а еще глубже все чувствую.

Очень у меня остался неприятный осадок от М<арка> Ал<ександровича>: в некотором отношении И<льи> И<сидорович> прав — он все переводит на деньги и совершенно не может понимать, что есть что-то выше денег⁴. Что-то для его души недоступно, и мне его не хочется видеть. Он, вероятно, почувствовал разность наших климатов. Я к ним не зашла. Увидимся, вероятно, у Цетлиных в субботу, там будет «*bal paré*»⁵.

Завтра мы с Галей у Цетлиных завтракаем. В субботу же она к ним не пойдет, так как идет с Ростей⁶ в Орега.

Платье черное мое рвется, все утро зашивала. Ф<аина> Ос<иповна>⁷ уговорила заказать за 275 fr., дает займы, можно отдавать понемногу каждый месяц.

26/8. У Кульман просидела до 11 ч., т.к. неожиданно пришел Родионов⁸ и отнял часа два. Потом мы все поговорили. Они сообщили <много> интересного о Рахманинове. Затевався сборник⁹ только потому, что те писатели, которым он давал в свое время кое-что, заплатили бы ему товаром... На твой вечер в прошлом году ни он, ни Волконская¹⁰ не взяли билетов. Причем секретарь Рахманинова написал, когда его запросили вторично: С<ергей> В<асильевич> «не просил присылать ему никакого билета»...

Галя на «Тангейзера» билета не достала. Сейчас к ней еду. Она за 150 fr. купила платье и просит посмотреть. Юбку коричневую продает ей Ельшевич¹¹.

Гавронский меня все очаровывает и очаровывает, — прямо живой воды выпьешь, когда у него побываешь. Вчера переменял тампон и положил пломбу, начинал портиться передний зуб.

Вчера заходила в магазин Струве¹². Его не застала. Узнала, что живут близко от меня¹³, поговорю по телефону и попрошу о свидании с Глебом¹⁴. Очень много денег выходит на

проезд: концы огромные, а все время в метро — скучно: «я хочу смотреть». Почему вы не пишете? Всего одна открытка.

Целую вас обоих.

Твой К.

Рери¹⁵ и Макеев¹⁶ кланяются.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/12. Год и место установлены по содержанию.

¹ См. примеч. 2 к п. 209. В дневнике В.Н. Буниной 7 апреля 1932 г.: «Сорбонна. Жду Николая Карловича. Решила тут его поймать, чтобы сговориться, когда повидаться. <...> Кульман обрадовался мне так, что я представить себе не могла. Лучше всего узнать, как относится к тебе человек — прийти к нему неожиданно. Пока могу быть уверена в Зайцевых, Полякове и Кульмане» (РАЛ. MS 1067/407).

² В дневнике в этот день В.Н. Бунина записала: «Завтракала у Кянджунцевых. Семья милая на редкость, но, конечно, живет в ином плане, чем мы. Очаровательная Ирочка. Интересуется литературой, легка, любезна, приветлива. Обрадовались, что приезжает Сирина. Вот ему и дружеский дом. Савва рассказал о нем разные “штучки”. Как-то зимой на пари за пять рублей он выкупался в бассейне. Затем вывихнул Савве ногу. Ирочка восьми лет писала стихи. Брат показал их товарищам, и “Володя Набоков” написал: “даже и великий поэт должен писать стихи без ошибок!” Савва с Набоковым сидели рядом на парте семь лет. <...> Сегодня я так плотно позавтракала у Кянджунцевых, что обед роли не играет. Действительно, только у армян подается все в каких-то гомерических размерах, отбивные котлеты были такой величины, что я видала такие только в былые времена в России. Говорят, что они едят только за завтраком, а вечером почти ничего» (РАЛ. MS 1067/407).

³ Н.И. Кульман.

⁴ См. примеч. 5 к п. 218.

⁵ костюмированный бал (*фр.*).

⁶ Ростислав Александрович Колчак (1910–1965) — сын адмирала А.В. Колчака. В 1919 г. увезен матерью из России. Жил в Париже. Окончил Высшую школу дипломатических и коммерческих наук. Служил в Алжирском банке.

⁷ Ф.О. Ельяшевич.

⁸ Вадим Николаевич Родионов (1890, по другим сведениям: 1886–1963) — выпускник петербургского юрфака, до революции служил в канцелярии Совета министров. В эмиграции добровольный попечитель больных от Комитета Русского Красного Креста. Писал стихи, которые одобряли эмигрантские литераторы, в том числе Бунин (сборник стихов был опубликован лишь посмертно в 1971 г.). Об этой встрече см. в дневнике В.Н. Буниной 8 апреля 1932 г.: «Он <Родионов> служит в гараже, разливает эссенцию. Чувствует себя лучше, — у него легкие не в порядке. Но уже озлоблен, и психика бедняка» (РАЛ. MS 1067/407).

⁹ В дневнике В.Н. Буниной за 1932 г. есть несколько записей об этом неосуществленном проекте композитора Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943). 8 апреля: «Оказывается, он рассержен на писателей за то, что они недостаточно рьяно откликнулись на предложение издавать “Таиром” Сборнику»; 10 апреля: «По словам Лоллия <Львова>, сборник, который затевал Таир, провалили старшие писатели, а Таир серьезно хотел развить это дело»; 15 апреля: «Лоллий должен был быть заведующим этим делом. <...> Оказывается, сборник провалил Сирина. И.И. <Фондаминский> не позволил ему печататься в другом месте» (РАЛ. MS 1067/407). См. примеч. 21 к п. 233.

¹⁰ Ирина Сергеевна Волконская (урожд. Рахманинова, 1903–1969) — старшая дочь С.В. Рахманинова, жена (с 1924) князя Петра Григорьевича Волконского.

¹¹ На следующий день В.Н. Бунина записала в дневнике: «Была у Гали. Платье травяного цвета. Для весны хорошо, но оно не из “легких”, чтобы надевать. Юбку ей продаст Ф<аина> О<сиповна>» (РАЛ. MS 1067/407).

¹² Алексей Петрович Струве (1899–1976) — сын П.Б. Струве, библиограф, антиквар. В эмиграции с 1919 г., держал в Париже антикварный магазин «Au vieux livre» в Латинском квартале.

¹³ Уточнение в дневнике В.Н. Буниной 8 апреля 1932 г.: «Узнала, что они переехали в Отей. Живут в одном доме со Ступнищниками» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁴ В.Н. Бунина хотела встретиться с другим сыном П.Б. Струве Глебом Петровичем (1898–1985), который в то время готовил статью о Бунине. Статья вскоре была опубликована в Англии, куда Г.П. Струве перебрался в том же 1932 году (*Struve G. The Art of Ivan Bunin // The Slavonic and East European Review. 1933. Vol. XI. № 32*).

(January). P. 423–436), а затем вышла и сокращенная русская версия: *Струве Г.* Творчество Бунина // Россия и славянство. 1933. 1 декабря. № 227. С. 5.

¹⁵ Р.Г. Осоргина.

¹⁶ Н.В. Макеев.

220. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 8 апреля 1932 г.

Милая, дорогая моя, нынче получил твое письмо от среды. О зубе узнал еще вчера — из письма Гали. Я очень беспокоился. Слава Богу, что все пока хорошо.

Будет ли еще вырывать?

Удивлен Зайцевым — с чего это он так ослабел? Поцелуй их всех от меня¹.

Христос с тобою. Хочу пройтись, сбегу в город. Солнце, мистраль.

Крепко тебя целую.

8. IV. 32

Как нехорошо все-таки, что Галя осталась в отеле! Дрянь будет есть.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/15.

¹ См. п. 217.

221. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 9 апреля 1932 г.

Яну

№ 6

Радость моя, солнышко. Как было приятно прочесть твои строки, хотя и скупые¹. Ведь я почти душой все время в Грассе, и очень хочется все знать. И что же Лось² молчит, хоть бы он написал, как живете, что едите? Joseph'у³ поклон. Фондамин<ских> целуй.

Вчера я незаметно без всяких лекарств «заболела», я рассчитывала позднее, и на вторник мне Каминская⁴ назначила на rue Grenelle прием, а теперь нужно отложить. Она говорит, что мне *необходимо* показаться, так как по тому, что я рассказываю, могут быть «фибрзные узлы», а это нужно захватить вовремя. Но я надеюсь, что все эти явления у меня нервного происхождения, так как вид у меня такой, что никто не верит, что я плохо себя чувствовала. Ко мне так все милы, что я боюсь, как бы судьба за это не взяла бы с меня дорого... уж очень за все приходится расплачиваться... К Гале тоже все относятся хорошо, и ей, по-видимому, со мной хорошо, так как охотно соглашается на всякое предложение. Я стараюсь ее ни в чем не стеснять, только балую насколько могу и устраиваю ей обеды. Вчера Ельяшевич ей продала за сто франков чудесный теплый костюм *deux pièces*⁵: коричневая юбка и очень красивая блузка, внизу тоже коричневая, а наверху кирпичная. Ей идет, а главное, теплое, а в ее комнате холодно, и вид у нее солидный, я сказала — единственно, что ты и Лёня одобрите, ибо солидно и прочно.

Мы вчера у них обедали⁶, было очень приятно. Им сейчас хорошо, и это отражается на «климате» дома. Он стал похож на американца.

Завтракали у Цетлиных. Очень милы, радушны, но они уже все же в каком-то ином мире. Вечером мы еще с ними сидели в кафе, сначала с Аминадом⁷ еще, а затем приехали

О.А. Шмелева, В.Н. Бунина, И.А. Бунин, И.С. Шмелев.

Грасс, 4 октября 1923 г.

(РАЛ)

На обороте Бунин написал: «22 сент./4 окт. 1923. Grasse (A<ipes> M<aritime>) О.А. Шмелева, В.Н. Бунина, И.А. Бунин, И.С. Шмелев в саду виллы “Монфлери”, где я жил первые 2 года».

с вечера Ремизова⁸ Рери⁹, Алдановы¹⁰ и Боря¹¹, вид которого всех очень огорчает. Ему еще сократили в «Возрождении».

Все очень жалеют, что тебя нет, и все надеются, что ты приедешь. Напиши о планах. Хотелось бы 10/23 провести вместе¹²... Едва ли что можно будет сделать, но, может быть, вы и нагрянете, хоть на неделю. Взяли бы у сестер¹³ билеты в III классе. Лучше бы потом записали. Или Лёня непреклонен? Алданов вчера опять повторил, что это официальное предложение Лёне писать на 500–700 фр. в месяц.

Встретили Михайловых¹⁴, у нее счастливое лицо и более светлые волосы, а он очень постарел. Звали нас к обеду на утку в понедельник. Сегодня обедаем у Ляли Струве¹⁵, а завтра у Рери, таким образом Галины покупки окупаются, да и мои тоже, главный расход — езда.

С Аминадом еще не говорила наедине, но вот вам его рассказ. Был конкурс: написать рассказ в 400 слов. Получил премию тот, кто написал в 30 — содержание. Солдаты жили в казармах. Им было очень плохо. Унтер притеснял. Нужники примитивные. Яма, доска. Когда кончилось их стояние там, они решили отомстить. Подпили<ли> доску. Унтер упал. И 370 слов сказал он! М<ария> С<амойловна> не поняла. Смеялись только я и Мишечка¹⁶.

К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/13. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 217 и 219.

¹ См. п. 218.

² Одно из домашних прозвищ Л. Зурова.

³ Жозеф — итальянец, служивший у Буниных в Грассе, выполнял обязанности повара и другие домашние поручения. Его дом располагался над виллой «Бельведер».

⁴ Лидия Абрамовна Каминская (урожд. Асс, 1877–1970) — врач, общественный деятель. В эмиграции во Франции, держала в Париже кабинет по лечению женских болезней и акушерству (120, bd de Grenelle, 15-е). Член Общества русских врачей имени Мечникова. Член правления Общества «Быстрая помощь».

⁵ из двух предметов (*фр.*).

⁶ Видимо, у Ф.О. и В.Б. Ельяшевич.

⁷ Аминад (Арнольд-Аминодав) Петрович (Пейсахович) Шполянский (1888–1957) — известный под именем Дон-Аминадо поэт-сатирик, прозаик, мемуарист, драматург, мемуарист.

⁸ Творческий вечер Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) состоялся 8 апреля 1932 г. в зале отеля «Лютеция». См. газетный отчет: *О. [Оцун Н.А.?]* На вечере А.М. Ремизова // Последние новости. 1932. 10 апреля. № 4036. С. 3.

⁹ Р.Г. Осоргина.

¹⁰ М. Алданов и его жена Татьяна Марковна Ландау (урожд. Зайцева, 1893–1968).

¹¹ Б.К. Зайцев.

¹² В 1932 году исполнялось 25 лет совместной жизни Буниных, которую они отсчитывали от 10 (23) апреля 1907 года, когда началось их путешествие в Палестину.

¹³ Имеются в виду Е.М. Лопатина и О.Л. Еремеева.

¹⁴ Знакомые Буниных Павел Александрович Михайлов (1878–1962) — юрист, приват-доцент Новороссийского университета и его жена Эмма Францевна. В 1922 г. П.А. Михайлов был выслан из Советской России, жил в Париже. В 1923–1926 гг. преподавал государственное право на юридическом факультете Парижского университета и во Франко-русском институте, затем занялся торговлей антиквариатом. Член правления Парижской академической группы.

¹⁵ А.П. Струве.

¹⁶ М.О. Цетлин.

222. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 9 апреля 1932 г.

Суббота 9. IV. 32.

Милая моя, дорогая, нынче получил от тебя письмо только Зуров¹. Сейчас час, он пошел садиться на автобус, поехал в Ниццу, я еду (тоже сейчас), в Cannes. Были позавчера у Фонд<аминских>. Вот и все новости.

Беспокоюсь, что слишком много бегаешь и волнуешься. В сущности, до сих пор не видала никого нужного. Всюду говори побольше о нашей бедности. Ведь правда — я совсем погибаю, оступел от однообразия, никогда никого не вижу и т.д., и т.д. У Кульманов поговори о вечере². Ведь иначе не проживем. Когда устроить? Осенью? Можно придраться — 45 лет моей литерат<урной> деятельности. *И собирать придется кроме того* на нас непременно.

Заплати Коварскому³ 21 фр. за «Жизнь Арс<еньева>». *Больше ни за что не плати.* А что же «Солнеч<ный> удар»? «Жизнь Арс<еньева>»? *Сколько продано?!?* Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/16.

¹ Письмо В.Н. Буниной к Л. Зурову от 25 марта/ 7 апреля 1932 г. (РАЛ. MS 1067/7929).

² 45 лет литературной деятельности Бунина исполнялось в 1932 г. — первая его публикация была в феврале 1887 г. Сведений о вечере Бунина в 1932 г. нет. Вероятно, вечер не стали организовывать, ограничившись сбором денег.

³ Илья Николаевич Коварский (1880–1962) — врач, эсер, с 1919 г. в эмиграции в Париже, владелец книжного магазина и издательства «Родник». В 1940 г. уехал в США, возглавлял Общество российских врачей в Нью-Йорке.

223. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова — И.А. Бунину

Париж. 9 апреля 1932 г.

27 м./9 апр. 1932. № 7

Парикмахерская.

Сижу и жду очереди. Сегодня «*bal paré*¹» у Цетлиных². Первый раз завиваюсь!

Утром были у Гали, принесли ей еды, и мы скромно позавтракали. Читали друг другу ваши письма. Вы не совсем верно поняли то, что говорил М<арк> Ал<ександрович>. Он не журналистику предлагает писать Лёне, а передал «официальное постановление редакции, что Зуров может написывать в месяц на 500–600 fr.». И мне думается, что это должно окрылить, значит, материал не будет залеживаться. Очень советую Лёне сейчас же написать М<арку> Ал<ександровичу> письмо, поблагодарить его за заботу. Он всё же делает всё из желания помочь³. И если Лёня воспользуется этим редким обстоятельством, то и аванс на поездку в Эстонию⁴ можно будет устроить. Я бы советовала очень «ковать железо, пока горячо». Пока М<арк> Ал<ександрович> в редакции, пока Поляков к нам расположен, нужно пользоваться. Иначе будет очень трудно, а зацепившись, тогда у него будет твердая почва под ногами. Все происходит от неврастения. Нужно встряхнуться и серьезно подумать о себе. Если не соберетесь в Париж, съездите хоть в Авиньон или Тараскон⁵, главное, нужно быть в хорошем ровном настроении. Я за шесть дней ни разу не рассердилась, сразу поздоровела. Все удивляются моему виду, боюсь даже, что слезают, а энергия такая, что хоть на десять человек. А Галя, молодец, даже сшила себе под платье чехол. Вчера она говори<ла> мне, что долго жить в Париже она не хотела и что ей кажется, что по приезде она будет много писать. Не огорчайся, что она в отеле, — это ей будет на пользу, а пока я в Париже, малокровия она не наживет. Сегодня я ей принесла в коробочке патэ⁶. Она завтра этим позавтракает, а вечером пообедает у Рери⁷, а в понедельник — у Михайлова — обещал утку.

Оттого, что Мережковских и Бальмонта не любят, очень трудно распространять билеты...⁸

У Мережковских на вечере выступают Тэффи, Аминад и т.д.⁹ Зал дает Кривицкий¹⁰.

Пишу, пока меня завивают. Парикм<ахерская> самая дешевая, но вышло хорошо.

Тэффи тоже собирается сделать вечер¹¹.

<Г.Н. Кузнецова:> В<ера> Н<иколаевна> дала мне прочесть письмо и предложила написать неск<олько> слов. Мы сидим в гостиной Ляли Струве¹². Пока *madame* жарит котлеты на кухне, старший сын занимает нас разговором. Ему 7 лет и он говорит, что хочет быть циркачом, и ходит по комнате колесом¹³. Есть еще третье дитя — бэбэ¹⁴. Отсюда мы поедем на вечер к Цетлиным. В<ера> Н<иколаевна> в новом черном платье — вид у нее величественный, она лежит на диване. Каштаны распускаются в холоде. Я много хожу, езжу по метро и в автобусах.

Целую крепко. Галя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/14.

¹ костюмированный бал (*фр.*).

² Судя по всему, это был званный вечер для своих, в хронике парижских газет о нем не упоминалось.

³ См. примеч. 5 к п. 218.

⁴ Поездка осуществилась лишь три года спустя. Л. Зуров предпринял экспедицию в Эстонию в апреле–октябре 1935 г.

⁵ Авиньон и находящийся в 20 км от него Тараскон — два древних, еще основанных римлянами, города в Провансе, расположенных примерно в 250 км от Грасса.

⁶ От *fr. raté* — французский пирог или паштет.

⁷ Р.Г. Осоргина.

⁸ Вечер К.Д. Бальмонта планировался на частной квартире, и упоминаний в газетной хронике о нем не было. См. записи В.Н. Буниной в дневнике 6 апреля 1932 г.: «От Ельяшевич узнала, что вечер устраивать теперь очень плохо. Рассчитывают собрать на Бальмонта тысячи две, две с половиной. А вечер с танцами и бриджем у новых богатых людей, каких-то Левенсонов»; 14 апреля 1932 г.: «У Бальмонта дела с балом очень плохи, и бридж с танцами и угощением не помогают. Мирра в полной нищете. Ф.О. <Ельяшевич> говорит, что дай Бог, чтобы вечер дал 2 000 франков» (РАЛ. MS 1067/407).

⁹ Литературно-музыкальный вечер Д.С. Мережковского состоялся 3 мая в частном салоне (avenue Marceau, XVIe). Помимо Дон-Аминадо и Тэффи в нем приняли участие Н.В. Плевицкая, Н.Я. Брюсова, М.Н. Спиридович, графиня Буарувре и др. В программе вечера были также бридж, покер и танцы.

¹⁰ Не удалось найти сведений.

¹¹ 22 января 1933 г. Тэффи устроила в Salle Gaveau «Веселый вечер любви и вальса», в котором приняли участие М.А. Крыжановская, И.К. Денисов, В.И. Поль, Д.Н. Кирова, Борис Князев, Иеши Нимура, М.Л. Сойтенс и др. Журналисты в отчетах особо отметили необычное название и программу: «Вечер Н.А. Тэффи прошел блестяще. Была почти полностью исполнена вся сложная, большая и нарядная программа» (Р. На вечере Н.А. Тэффи // Возрождение. 1933. 24 января. № 2793. С. 4).

¹² А.П. Струве.

¹³ Петру Алексеевичу Струве (1925–1968) суждено было стать не цирковым акробатом, а протонереем, вице-президентом РСХД и общественным деятелем.

¹⁴ Никита Алексеевич Струве (1931–2016) — будущий издатель и профессор Сорбонны.

224. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 10 апреля 1932 г.

Воскресенье.

Милая, дорогая моя, дела *очень* плохи. Нынче во *второй раз* получен счет за уголь — почти 700 фр. — с припиской: «уплатите в течение недели!» Не знаю, что и делать. Платить нечем. Сходи к сербам¹ — если еще не послали (за апрель), попроси послать *немедля* (Légation Royale de Yougoslavie, 46, rue Ampère, Paris 17 — это в тех местах, где rue Prony). Прием там от 11 ч. до часу. Потом: я думал, что остался должен в кассе взаимопомощи «Посл<едних> нов<остей>»² совсем пустяки, потом стал вспоминать и вижу, что ошибался — должен еще много. Узнай или попроси Галию узнать, сколько именно я должен (это надо сделать поскорее).

Чувствую себя душевно и телесно (вероятно, от душевного) совершенно ужасно. И как тебе не стыдно — не о *моей* страшной усталости от сидения в Грассе думать, а о том, что этому жеребцу надо проветриться!

Крепко целую, храни тебя Господь.

Поклон Рери³.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/17. Дата и место установлены по содержанию, по помете на письме «воскресенье», по сопоставлению с пп. 222 и 225. 10 апреля 1932 г. было воскресенье.

¹ В середине 1920-х–начале 1930-х гг. Бунин получал от правительства Югославии регулярную финансовую помощь. В 1928 г. при сербской Академии наук была создана специальная издательская комиссия, которая на правительственные средства в серии «Русская библиотека» стала выпускать произведения русских писателей, в том числе Бунина (см.: Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 139; Бунины–Ходасевич. С. 182). Но помощь от «сербов» упоминается еще в письме Бунина от <18> октября

1927 г. к Б.К. и В.А. Зайцевым: «Дорогие, мы в легком ужасе: до сих пор нет денег от сербов. Что значит? Пожалуйста, ответьте» (*Бунин–Зайцевы* (1979). № 137. С. 182).

² Касса взаимопомощи в «Последних новостях» располагала определенными возможностями, для эмиграции довольно существенными, поскольку газета была рентабельной и довольно состоятельной. О сумме долга Бунина в кассу взаимопомощи см. ниже п. 227.

³ Р.Г. Осоргина.

225. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 11 апреля 1932 г.

Понедельник 11 апр. 32 г.

Очень рад, драгоценная моя, что всюду вас обеих ласково и радостно встречают, что ты чувствуешь себя очень оживленной, что вы пируете то там, то здесь... А на меня не дивись, что скупо пишу — о чем же писать? Жизнь нашу ты легко себе представляешь, а нового в ней пока, слава Богу, ничего нет. Беспокоюсь, что тебе скажет Каминская¹. Когда к ней пойдешь?

Нынче от тебя 2 письма, одно с припиской Гали.

Вижу из них, что ты еще и не начала думать о возвращении. Сколько же однако ты хочешь пробыть в Париже? Я тебя не тороплю, но ведь все-таки числа 20-го тебе нужно будет выезжать — *никак не позднее*. Выйдет, что ты будешь в поездке чуть не три недели (вы уехали ведь 3-го). Это вполне достаточно. Помни, что мне слишком скучно сидеть здесь, а кроме того, не забывай о деньгах. Все же Париж требует расходов. Да еще на обратный путь надо. Я вам купил билеты — 500 фр. Дал по 200. Выходит — 900. Тысячу вы взяли в «Посл<едних> нов<остях>». *Вот уже почти 2 тысячи*. Откуда же я больше возьму? Жду от сербов 600, из Америки 1160². Итого получить надеюсь 1760. Но 700 отдам за уголь, остальное уйдет на жизнь до новых получек, а до них чуть не месяц: как его прожить на этот остаток в 1000 франков? Занять? Но если займу, то ведь только на то, чтобы самому куда-нибудь проехать. *Без этого, конечно, чувствую, никак не обойдусь* — я дошел до последней степени душевной усталости и тревоги. Хотя, куда? В <далее фрагмент письма утрачен>.

Почти с самого вашего отъезда дергает веко левого глаза. Замучился. Мука читать, писать. Дышать трудно — нос! Да! *Сходи же к Серову*³!

Поцелуй Галю.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/18.

¹ См. примеч. 4 к п. 221.

² Очевидно, благотворительная помощь.

³ Подчеркнуто красным карандашом. Сергей Михеевич Серов (1884–1960) — военный врач, общественный и церковный деятель. Участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Заведовал амбулаторией имени Св. Патриарха Тихона при Сергиевском подворье, лечил русских актеров, художников, литераторов, в том числе семьи Буниных, Зайцевых, Шмелевых, Осоргиных. В.Н. Бунина в письме к Г. Кузнецовой от 25 июня 1936 г. отзывалась о нем не лестно: «И с Серовым надо быть начеку, он человек жадный и пристрастный <...> он оставил у Ивана Алексеевича последний раз, весной, особенно неприятное впечатление. Когда И.А. был болен зимой, он к нему ездил чаще, чем надо: взглянет на горло и уедет, — И.А. заплатил ему за каждый визит по пятидесяти франков, а весной он еще стал приставать к И.А., чтобы он заплатил за зиму еще 200 франков, потому что он считает свои визиты иногда, как оперативные, если смажет горло» (*Новые материалы* (3). С. 54).

226. В.Н. Бунина — И.А. Бунину, Л.Ф. Зурову
Париж. 11–12 апреля 1932 г.

1932 г. 29 марта/11 апреля.

№ 6¹.

Ночь.

Ненаглядный мой, получила утром твою записочку, — даже когда меня нет около тебя, ты тоже не можешь подарить мне часа времени, и почему ты пишешь мне тогда, когда идешь в город, хоть бы раз в «академии» вместо Мариуса² написал бы мне о том, как ты живешь, что делаешь, пишешь ли? Это удивительная твоя черта. Впрочем, может быть, это к лучшему, — легче каждому будет перенести уход из этого мира другого. Ну да это лирика. А ты ее допускаешь лишь в своем творчестве, на жизнь ее почти не остается, а на меня совсем. И почему тебе всегда некогда, когда дело доходит до меня? Неужели в твоей жизни я ничто? Как все это нелепо, странно и, строго говоря, необъяснимо. Тебя могут волновать пустяки и совершенно не интересует душа, внутренняя жизнь человека, с которым ты живешь уже четверть века и с которым ты связан лишь чем-то невесомым.

Ночь, и мне не спится, то ли от «нездоровья», то ли от тягостного чувства, которое возникло во мне после свидания с Тверским³. Об этом расскажу при свидании. Скажу одно, что он умнее, чем я думала, и Маню воспринимает почти правильно. Но это уже ушло в историю, и может подождать, ибо настоящего так много, что всего не напишешь.

Вчера⁴ были у Цетлиных, где был сбор всем частям. Самое сильное впечатление от Мережковского: худой, испуганный, он бегал от одного к другому, как в панике. Со мной он не сказал ни слова, с Галей разговаривал, когда за чаем сидел с ней рядом. Она сказала, что мы зайдем к ним. Зинаиды > Николаевны > не было, — она не совсем здорова. Володя⁵ был. Он разжирел и важно с прищуренными глазами выступал за Мережковским в вязаном ярко-зеленом жилете и довольно светлом коричневом костюме. Публика верит в голодный паек Мережковских, и многие сочувствуют. Их вечер налаживается⁶. И знаешь, кто участвует? Тэффи, Аминад, Плевицкая, Вертинский. Я сидела в салоне на диване, когда Мережковский мелкими шажками подбежал к Аминаду. Аминад встал. Они говорили недолго, тихо. Аминад был спокоен, а Мережковский, избочась, странно выгнул шею, смотря на него снизу вверх.

Когда Аминад сел снова, то сказал:

— Мережковский сейчас просил лично меня участвовать в его вечере и сказал: «Я, кажется, глупо задел Вас». — «Я этого не заметил». Я добил его великодушием, сразу согласился.

Многие удивлялись, что Д<митрий> С<ергеевич> обратился к Аминад<у>. А затем последний прибавил через минуту: «И ведь будет кричать, что вот “до какого унижения довела меня нищета, что на моем вечере Аминад с Вертинским участвуют”...» Вот, действительно, умница! И добрый человек. Потом они с Тэффи, которая сидела с другой стороны меня, хохотали, проектируя программу — она прочтет фельетон, в котором она насыпала Д<митрию> С<ергеевичу> за Пилсудского, а он стихи, где тоже воспевался Мережковский. Помнишь их⁷?

А у бедного Бальмонта дело с балом очень плохо, а ведь то бридж и танцы с легким пением. Положение его ужасное. Мирра⁸ в полной нищете, а вечер, дай Бог, чтобы дал 2 000 фр.

Тэффи тоже думает устроить вечер⁹...

Видела Наташу с мужем¹⁰. Она застенчиво счастлива. Он не такой, каким я воображала его. Но, несмотря на его положение, еще совсем дите, хотя и серьезное. В четверг они уезжают в Лион. В июне могут быть в Ницце. Еще ни разу они не поссорились. Вот это хорошо воспитанные дети. Верочка¹¹ все еще иногда плачет, но сама очень в добром настроении, а потому очаровательна. Борис¹² тоже, хотя стал тоже волноваться о будущем, ему еще франков на двести сократили.

Берберова¹³ все так же самоуверена, но похорошела, стала изящнее. С Галей была мила, впрочем, об этом она вам сама напишет.

Я Галю одела «как куколку», она мила и очень ровна, мучает ее, как и меня, что мало денег, встретились неожиданные расходы. Все-таки Париж не Грасс. Мы изворачиваемся, как возможно, я совершенно на «общественном питании» и все же уже перерасходовала денег много и сделала долг в 275 fr. на платье. А туфли вечерние мы купили с Галей по 25 фр. под шелковые. Все Ельяшевич нам указала. Нет у меня лишь шляпы!

Очень милы мои хозяева¹⁴. И меня совершенно не стесняют. Я чувствую себя здесь, как в родном доме. И порядок у меня образцовый, когда меня нет, а сейчас секретер, на котором я пишу, живет письмами, конвертами, часами, перчатками.

Сейчас иду завтракать по приглашению Фенички¹⁵ к Шик¹⁶.

Вернусь и dokonчу письмо.

12 апр./30 м. Вчера не успела кончить вам письмо — 6 часов сряду не расставалась с Феничкой. Что бы стало с Галей, а я выдержала эту марку, только обалдела так, что не могла закончить к семи часам ни одной фразы. В четверг она едет на отдых в Висбаден. Кажется, влюблена в Алданова¹⁷. Подарила мне духи, а Яну посылает какой-то сыр Kräuter Gerberkäse — какой-то особенный¹⁸ — и сделала мне маникюр.

Погода очень холодная с дождями, но я еще ни разу не брала с собой зонтика.

О Сирине ничего не слышно¹⁹.

Будьте здоровы, веселы, заботьтесь об Яне. Собирается ли он в Париж? Скучает ли без нас? Или отдыхает?

Дайте мне почувствовать атмосферу «Бельведера»²⁰.

Привет—bonjour à mr. Joseph²¹.

Кланяйтесь Фондаминским. А вы в Париж?

Ваша В.

Слышала комплименты кратким рассказам.

Лёня²² пишет, что ты мил с ним. Это меня успокоило, — значит живете по-Божески. Целую нежно гениал<ьную> бровь.

Макеев кланяется.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/15. Первая половина письма обращена к одному Бунину, но, дописывая на следующий день вторую половину, В.Н. Бунина спуталась и принялась обращаться к обоим и даже в первую очередь к Л. Зурову, прося его заботиться о «Яне». В постскриптуме, впрочем, опять обращение только к Бунину.

¹ Видимо, описка. Это 8-е письмо, посланное В.Н. Буниной в тот приезд из Парижа.

² Очевидно, семейное выражение.

³ Михаил Михайлович Тверской в эмиграции жил в Париже, зарабатывал на жизнь рекламой, был членом ряда эмигрантских обществ и объединений: Союза сценических и кинематографических деятелей в Париже, Российского музыкального общества, Зарубежного союза инвалидов. Летом 1930 г. он стал последним любовником М.С. Муромцевой-Брюан, которая в письме к именинам Буниной в сентябре 1930 г. написала о нем:

«М<ихаил> М<ихайлович> шлет тебе и привет, и поздравления. Хотел написать сам, но я отговорила, чтобы не обращать на нас внимания» (РАЛ. MS 1067/1711). В начале письма о смерти Муромцевой-Брюан к Буниной от 10 декабря 1930 г. Тверской писал: «Вы были единственным человеком, которого она искренне любила» (РАЛ. MS 1067/7313). В.Н. Бунина встречалась с Тверским 10 апреля 1932 г., записав в дневнике: «Он оказался умнее, чем можно было судить по его письмам. Маню он понял и всю ее сущность. Она напугала <его> своей требовательностью по всем статьям. Словом, когда я уходила от него, то сказала: “Знаете, у меня такое чувство теперь, что для нее лучше, что она умерла”... Он в большом восторге от ее пения. Но могла бы она зарабатывать им? Ведь здоровье ее было очень расстроено. Требовательность же ее не имела границ ни в каких смыслах. От Тверского она требовала, чтобы он реже видался с сыном, которого он обожает. На новую квартиру она за месяц успела истратить сорок тысяч! А Гастон <Брюан, второй муж М.С. Муромцевой-Брюан, см. примеч. 9 к п. 198> с апреля переставал ей давать какие-то ни было деньги. Она уже продавала вещи, продала свой замечательный гобелен. Кроме того, она требовала от пятидесятилетнего человека пылкости юноши, все это я поняла из разных намеков. У него горечь большая, он сказал: любила она только себя самую. Он и это почувствовал. <...> Тверской был очень расстроган. Говорил, что разговор со мной его успокоил, что он говорил со мной даже не “как с сестрой, а как с братом”» (РАЛ. MS 1067/407).

⁴ В.Н. Бунина и Г. Кузнецова были у Цетлиных днем раньше («вчера» названо, поскольку письмо писалось в ночь с 10 на 11 апреля). См. запись в дневнике В.Н. Буниной от 9 апреля 1932 г.: «Вернулись от Цетлиных. Были, кажется, все их знакомые, а потому было “не уютно”. Сильное впечатление произвел на меня Мережковский: худ и испуган. Он весь вечер перебежал от одного к другому и говорил что-то с паническим видом. Конечно, о своем вечере, о том, что *им есть нечего*» (РАЛ. MS 1067/407).

⁵ В.А. Злобин.

⁶ См. примеч. 9 к п. 223.

⁷ В «Воспоминаниях» Тэффи позже писала насчет отношения Мережковского к Пилсудскому; упомянув некую графиню Г., она отмечала далее: «Под влиянием графини Мережковский стал милостивее к немцам. (Это черти, которые работают против большевиков.) И даже стал прозевать в Гитлере Наполеона. / — Зинаида Николаевна! Что это с ним делается? — спрашивала я Гиппиус. / — Это все оттого, что он низкопоклонный. Он сын дворцового служащего. Поэтому он и преклонялся и перед Пилсудским, и перед Муссолини. Низкопоклонство. / Жестоко, но, может быть, и верно» (Тэффи. О Мережковских // Тэффи. Моя летопись / Сост., вступ. статья, примеч. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2004. С. 220–221). В дневнике 9 апреля 1932 г. В.Н. Бунина конкретизирует: «Потом они с Тэффи, давась от смеха, проектировали программу: она прочтет фельетон, в котором она насыпала Мережковскому за Пилсудского, когда тот *сравнивал его с Христом*, а Аминад — стихи, где он “воспел” Д<митрия> С<ергеевича>» (РАЛ. MS 1067/407). При этом имеется в виду очерк Мережковского «Иосиф Пилсудский» (Свобода. Варшава, 1920. 18 июля. № 2. С. 2–3). Летом–осенью 1920 г. Мережковский возлагал большие надежды на Пилсудского и писал о нем в это время с невероятным пафосом: «Когда он вошел в комнату, на меня “повеяло веяние тихого ветра”, о котором говорится в Третьей Книге Царств; я сразу почувствовал: да, это Он, Герой <...> Если даже весь мир поклонится дьяволу, прославит царство зверя <...> то не он, не Иосиф Пилсудский. От этого стыда избавит он Польшу и, может быть, избавит мир. Вот для чего он избран Богом. <...> Как возлюбил Господь Польшу, <...> что в такие дни послал ей такого Вождя!» (Мережковский Д.С. Иосиф Пилсудский // Свобода (Варшава). 1920. 18 июля. № 2. С. 2–3).

⁸ Мирра Константиновна Бальмонт (в первом браке Бойченко; во втором браке Аутин; Aoutine, 1907–1970) — поэтесса, дочь К.Д. Бальмонта.

⁹ См. примеч. 11 к п. 223.

¹⁰ 6 марта 1932 г. дочь Зайцевых Наталья Борисовна (1912–2008) вышла замуж за финансиста Андрея Владимировича Соллогуба (1906–1996). В дневнике (в ночь с 10 на 11 апреля) В.Н. Бунина описывала свою встречу с ними: «Наташу встретила около метро. Мужа ее я представляла иным. Он немного выше ее и еще совсем мальчик. Оба бежали весело. Сказали, что еще ни разу не поссорились. Думают летом в наши края. В четверг они уезжают в Лион» (РАЛ. MS 1067/407).

¹¹ В.А. Зайцева.

¹² Б.К. Зайцев.

¹³ Нина Николаевна Берберова (1901–1992) — поэт, прозаик, литературный критик, мемуарист.

¹⁴ Р. Г. Осоргина и Н.В. Макеев.

¹⁵ Фанни Самойловна Шлезингер (Fanny Schlesinger, 1884–1959) — подруга Буниной с дореволюционных времен. В эмиграции жила в Париже и в Швейцарии, под Берном. В конце 1930-х участвовала в создании круж-

ка «Amis auteurs russes») («Друзья русских писателей»), созданного под председательством Бунина с целью оказания материальной помощи русским писателям.

¹⁶ Исаак Яковлевич Шик (1878–1959) — меховщик, общественный деятель. Жил во Франции, занимался благотворительностью, в 1940 г. переехал в США, в 1950 г. вернулся во Францию. Его жена Глафира Исаакиевна Шик (урожд. Александрова, 1885–1959) занималась общественной деятельностью, участвовала в благотворительных проектах В.Н. Буниной. Член Комитета помощи нуждающимся евреям в России (с 1933).

¹⁷ В дневнике 11 апреля 1932 г. В.Н. Бунина сделала более подробную запись: «О Феничке можно написать целый юмористический рассказ. Теперь она вообразила, что влюблена в Алданова. Пристает к нему. Он сердится, смущается, а Таня сказала ей: “Я разговаривать не буду, вы меня знаете, прямо серной кислотой”. Феничка серьезно обсуждала со мной этот разговор и возмущалась Таней. Признавалась, что ей нравится, действительно, М<арк> А<лександрович>. Я советовала ей это бросить. Она едет отдыхать к матери в Висбаден, и там уже лучше завести какой-нибудь роман, да посерьезнее, да со свободным человеком, чтобы устроить, наконец, свою судьбу» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁸ В дневниковой записи 11 апреля 1932 г. В.Н. Бунина внесла дополнительный штрих: «Феничка мне подарила духи, а Яну посылает какой-то особый сыр зеленый, Рери возмущена: “Я сказала ей, что хочу послать его И<вану> А<лексеевичу>, а она взяла и убежала вперед! Удивительный человек!”» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁹ Речь идет о возможном приезде В.В. Набокова в Париж, который состоялся только в октябре-ноябре 1932 г. См. примеч. 2 к п. 219.

²⁰ Вилла в Грассе (Belvédère), на которой Бунины жили с мая 1925 по сентябрь 1936 г. и с мая по сентябрь 1939 г. Как объясняла В.Н. Бунина брату Д.Н. Муромцеву, вилла «нужна так же, как было нужно Глотова или Капри для Яна. Ведь ты знаешь, что работать он может только в уединении, и когда это уединение нам по вкусу, чтобы было спокойно и весело. Почти все созданное им за эти годы создано здесь» (письмо от 19 сентября 1935 года, цит. по: *Бабореко* (2004). С. 261). На «Бельведере» Буниным были написаны «Митина любовь», «Солнечный удар», «Божье древо», «Жизнь Арсеньева», «Освобождение Толстого». Вместе с Буниными на «Бельведере» с мая 1927 г. жила Г. Кузнецова, с конца 1929 г. Л. Зуров.

²¹ См. примеч. 3 к п. 221.

²² Л.Ф. Зуров.

227. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 12 апреля 1932 г.

Милый, ты взволновал меня письмом к Гале, и мы сейчас же отправились в «П<оследние> н<овости>». У тебя долг не 800 fr., как ты писал, а 425 fr.¹ Вот как ты все преувеличиваешь.

Демидов *умоляет* тебя о фельетоне к Пасхе². Тогда по получении его деньги можно выслать.

Скончалась не Анна Сергеевна³, а belle fille⁴ Милюкова⁵. Сочувствие можно не посылать⁶.

Завтракали у Любочки Полонской⁷, она подарила Гале пояс кожаный коричневый к ее новому платью, купленному у Фаины⁸. У них прекрасная квартира.

Гале дают аванс в 300 fr. послезавтра. О ней не беспокойся.

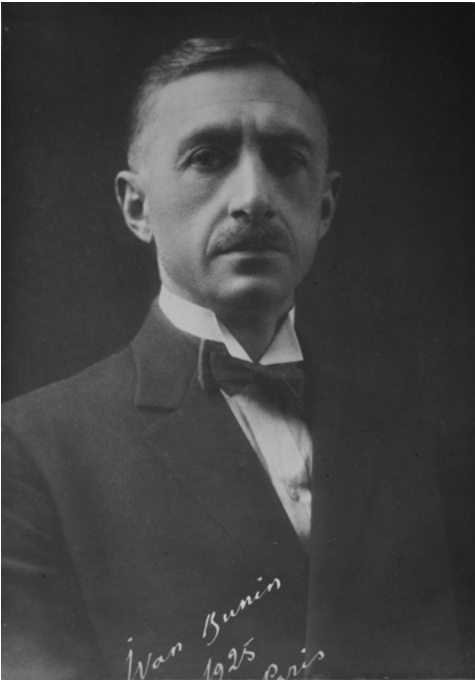
Яша Цвибак женится на богатой певице, Липовской⁹.

Сыну¹⁰ Любочки не понравилась свадьба Наташи, потому что у невесты был «хвост» — и он показывает рукой.

Аминад у меня только что занял 80 фр. до четверга, когда мы будем у него обедать. Просил 200 fr.

Сегодня ко мне под завтрак явился Лазаревский¹¹. Поймал нас на улице, мы спаслись к Полонским. Лицо у Л<азаревского> распухло и красное. Сказал, что признает из писателей Ладинского, Струве¹² и Кузнецову.

Ответь, приедешь или нет. Нужно мне хлопотать о билете?

И.А. Бунин.
Париж, 1925 г.
(РАЛ)

М.А. Осоргина, Дон-Аминадо, Н.Н. Берберовой, А. Черного, В. Федорова): *Бунин И.А. Прекраснейшая солнца* // Последние новости. 1932. 1 мая. № 4057. С. 2.

³ Анна Сергеевна Милокова (урожд. Смирнова, 1861–1935) скончалась тремя годами позже, 12 февраля 1935 г. П.Н. Милоков сильно переживал смерть супруги, но через некоторое время женился второй раз, на Нине (Антонине) Васильевне (урожд. Григорьева; в первом браке Лаврова, 1881 — после 1959).

⁴ сноха (*фр.*).

⁵ 11 апреля 1932 г. скоропостижно скончалась сноха П.Н. Милокова — Людмила Николаевна Милокова (урожд. Гембер, ?–1932) — жена его старшего сына, военного летчика Николая Павловича Милокова (1889–1957).

⁶ 12 апреля 1932 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Из «Последних» н«овостей»» на почту, послали Яну экспресс, — Галя вообразила, что скончалась Анна Сергеевна Милокова, а это внезапно умерла его невестка. Шла по комнате, упала — и конец. Мы спрашивали, нужно ли посылать кондoléанс. И.П. Демидов сказал, что нет» (РАЛ. MS 1067/407).

⁷ Любовь Александровна Полонская (урожд. Ландау, 1893–1963) — писательница, переводчица. Жена Я.Б. Полонского, сестра М.А. Алданова.

⁸ Ф.О. Ельяшевич.

⁹ В 1932 г. писатель и журналист Яков Моисеевич Цвибак (псевд.: Андрей Седых, 1902–1994) женился на актрисе и певице Евгении Иосифовне Липовской (псевд. Женни Грэй / Jenny Grey, 1902–1988).

¹⁰ Александр Яковлевич Полонский (1925–1990) — сын Любви Александровны и Якова Борисовича Полонских, впоследствии филолог-русист, юрист, библиофил, торговец русской антикварной книгой, адвокат польства СССР в Париже.

¹¹ Борис Александрович Лазаревский (1871–1936) — военный юрист, писатель. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине и Париже. Сотрудник «Последних новостей», газет «Возрождение», «Россия и славянство» и многих других эмигрантских изданий. Знакомый Бунина с дореволюционных времен.

¹² Имеется в виду Михаил Александрович Струве (1890–1949) — поэт, прозаик, критик, редактор. С 1920 г. в эмиграции, с 1921 г. в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, член Товарищества объединенных русских издательств (с 1935). Активный участник многих эмигрантских литературных кружков и объединений («Палата поэтов», «Гатаратапак», «Через», Цех поэтов, Союз молодых поэтов и писателей).

Пишу на почте. Галя стоит рядом.

Я обедаю у Вышнеградских¹³, а у Гали есть котлеты.

Вечером мы будем наслаждаться Шопеном¹⁴.

Погода ледяная, переменчивая.

Поляков обещал «Цветные стекла»¹⁵ пропустить скоро, и был с Галей редко любезен, ну а со мной...

В субботу Галя пойдет на чтение стихов, будет читать Берберова¹⁶, а я пойду на Кульмана¹⁷.

Завтра свидание с Капитаном¹⁸.

Целуем вас — обоих.

Твой К.

А я тебя еще нежно обнимаю.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/16. Датируется по содержанию.

¹ См. п. 224 и, возможно, п. 225.

² Бунин выполнил пожелание И.П. Демидова и дал рассказ в пасхальный номер газеты (где тот предвараля произведения К.Д. Бальмонта, А.М. Ремизова,

¹³ Возможно, речь о семье композитора Ивана Александровича Вышнеградского (1893–1979), сыне финансиста Александра Ивановича Вышнеградского (1867–1925). В этот период он был женат вторым браком на Люсиль Гайден (урожд. Маркова, 1896–1970).

¹⁴ 12 апреля 1932 г. Российское музыкальное общество за границей устроило в зале École Normale de Musique (78, rue Cardinet) речиталь пианиста Николая Андреевича Орлова (1892–1964), посвященный Ф. Шопену. См. далее примеч. 1 к п. 230.

¹⁵ См. примеч. 17 к п. 215.

¹⁶ 16 апреля 1932 г. литературное объединение «Перекресток» устроило в зале Sociétés Savantes вечер чтения стихов с участием И.Н. Голенищева-Кутузова, Д. Кнута, Ю.В. Мандельштама, В.А. Смоленского, Ю.К. Терапиано. Н.Н. Берберова читала на вечере цикл стихов «Наше сердце».

¹⁷ В тот же день 16 апреля 1932 г. Народный университет провел в Salle Gaveau очередной вечер из цикла «Беседы по русской культуре». Н.К. Кульман выступил с докладом «Современная русская литература в России и за рубежом», свои произведения читали Б.К. Зайцев, А.И. Куприн, М.А. Осоргин.

¹⁸ Домашнее прозвище журналиста и прозаика Николая Рошина (наст. имя Николай Яковлевич Федоров, 1896–1956), данное ему в память о его офицерском прошлом в армии А.И. Деникина. В эмиграции с 1919 г. Был знаком с Буниными с 1924 или 1925 г., часто и подолгу гостил в их доме в Грассе. Однако 3 сентября 1928 г. В.Н. Бунина отмечала в дневнике: «Странный он человек. Я часто раздражаюсь на него, а минутами мне жаль его очень. Он как-то не в ту точку бьет, а самоуверен и самолюбив. <...> Как много Галина взяла от Яна, и как она развилась и распустилась за год, и как Капитан остался тем же, только потерял застенчивость и некоторое воспитание» (РАЛ. MS 1067/393). Несмотря на то, что Н. Рошин и в дальнейшем пользовался расположением и помощью Буниных, их отношения не становились ближе. 7 января 1932 г. В.Н. Бунина фиксирует в дневнике: «Все мы получили от Капитана по открытке. Письма он даже к праздникам не написал. А ведь сам знает, как здесь томительно скучно». Наконец, после приезда в Париж, 6 апреля 1932 г.: «Капитан узнал от Бори <Б.К. Зайцева>, что мы приехали. Очень смутился. Что-то забормотал о том, что напишет мне». Свидание, о котором В.Н. Бунина пишет в этом письме, тогда не состоялось: Н. Рошин перепутал время и не застал хозяев дома (см. п. 233). 21 апреля В.Н. Бунина упоминает в дневнике о том, что «<е>ше ни разу с ним <Рошиным> не выдалась» (РАЛ. MS 1067/407). В декабре 1946 г. Рошин возвратился в СССР.

228. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 12 апреля 1932 г.

12. IV/30. III. 1932 г.

Где это вы были вчера без четверти девять, дорогой мой? Михайлов¹ звонил к нам по телефону и хотел с тобой обменяться приветствиями, за три минуты 18 фр. Мы удерживали его, он ответил, что, если бы ты был здесь, то он угостил бы тебя хорошим вином, и это стоило бы дороже. Так как вас не оказалось дома, то ему ничего не стоил этот жест. Приняли они нас по-царски — комната очень большая, высокая, чудно меблированная, стол сервирован красиво, стекло тонкое, графины с вином, цветы — нарциссы. С нами обеими очень милы, особенно m-me², которая воскресла после операции, у нее опухоль была на желудке. Меню: сардинки, *утка*, картофель, зел<еный> горошек, салат, ананасовый компот с киршем, сыры, фрукты, кофе, конфекты, ни в одном богатом доме нас так не чествовали. Он стал гораздо приятнее — отношения с женой иные. Просидели мы незаметно до 11 часов. Жить трудно. Crise³. Долги. Показывал две гравюры, которые хочет продать за 75 000 fr. каждую.

Феничка⁴ дала гениальный совет по своей простоте: пусть на будущий год на твоём вечере играет Рахманинов⁵. О вечере осеннем твоём я говорю, как о деле решённом, говорила и с Шик⁶, и они меня приглашают к себе гостить... Между прочим, Михайлов хорош теперь с Альмой Поляковой⁷. У нее, если решим вечер в частном доме делать, можно достать зал. Советую тебе написать Мигуэлло⁸, он очень был с нами хорош, я очень тронута. Взял обещание, что мы не уедем, не протыся.

Напиши, когда ты хочешь, чтобы я приехала. Боюсь, что на отъезд у меня денег не будет. Стоят концерты, театры, а главное проезды, я не успеваю покупать carnet⁹ II класса для метро и автобусов.

Галя очень огорчается, что ты не пишешь. Она в ровном настроении, но жизнь парижскую в гостинице оценила по достоинству, едва ли она будет очень ее манить.

Напиши твердо, приедешь ли ты или нет? Можешь на неделю... Галя, вероятно, может вернуться к 5 мая — не думаю, чтобы Гавронский успел кончить работу ранее.

У меня пропала эта неделя для докторов, — не могу показаться им «нездоровой».

Сегодня мы с Галей идем к Мережковским часа в три. Я обедаю у Вышнеградских. А вечером концерт Орлова¹⁰. Галя здесь со мной позавтракает, я сказала ей принести кой-чего. В ресторане я не была ни разу, а она, кажется, один или два раза.

У Нилусов сделали дезинфекцию вчера. Валя¹¹ выздоровела, но у нее нехорошо с сердцем.

Вот, видишь, я день начинаю письмом тебе, а ты нам пишешь мало, да и Лёня тоже не очень многословен, особенно с Галей. А ведь нам всякая мелочь интересна, несмотря на то, что мы вертимся «в вихре парижской жизни». Вся душа на «Бельведере». Но я очень рада, что ты настоял на моем приезде, и для меня, и для «дела» эта поездка полезна. Нужно поддерживать отношения с людьми, и нужно сознаться, что у меня появилось сознание, что нас не оставят и что у нас есть настоящие друзья. Это меня успокоило. А то, живя в уединении, все мне казалось, что собственно мы забытые всеми, я только молчала.

С Рожиным я не виделась. Увижусь в четверг. С Галей уже было свидание. Он при зубах. Она, конечно, об этом напишет.

Манухины¹² через Зайцевых передали мне, что очень просят зайти к ним, — зайду.

Платьем довольна — вышло два, то есть и вечернее (без кофты), и дневное. Когда дневное, то отделано синим, а вечернее — черное. Значит, было необходимо, раз Ельяшевич дала займы¹³.

Кого ты хочешь, чтобы я повидала еще? Кого ты считаешь «путным»?

Ты не сердись, что я раза два схожу в театр и концерт, ведь я почти никогда не бываю в синема, а мне это дает большое наслаждение, ведь опять надолго засяду.

Интересная выставка в Нац<иональной> Библиотеке¹⁴. Эти дни я хотя и треплюсь, но не там, где нужно быть на ногах. Вот когда не нужно, то без всяких лекарств заболела, и проходит совершенно незаметно, что меня успокаивает, — ведь если бы было что, то во всякой обстановке проявилось бы.

У Нилуса ничего не покупают. Он пишет все nature morte и удачно, но «никто не покупает содовой воды»¹⁵, и он угнетен, а Берта¹⁶ в очках шумно-взволнована.

Еще у многих не была. Нужно никого не пропустить, а это не так легко.

Мои все записочки сохрани. Я пишу, как попало, только хоть немного ум развлечь.

Париж начинает быть очаровательным, каштаны покрылись молодой листвой, скоро зацветут...¹⁷

Все тебе кланяются. Целую я тебя нежно и крепко.

Макеев увлечен живописью. Уже выставял свои этюды, и его хвалили¹⁸. Все на свете бывает. В воскресенье здесь вечер gala¹⁹.

В пятницу будут друзья чествовать Цетлиных²⁰. Еще лишний расход, но отказаться *мне*, ты сам понимаешь, нельзя. Они уезжают 20 апреля²¹.

Еще раз обнимаю, радость моя.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/17.

¹ См. примеч. 14 к п. 221.

² Э.Ф. Михайлова — жена П.А. Михайлова.

³ кризис (*фр.*).

⁴ Ф.С. Шлезингер.

⁵ На следующий год Бунин получил Нобелевскую премию, и для привлечения публики на его вечере участие С.В. Рахманинова не потребовалось.

⁶ См. примеч. 16 к п. 226.

⁷ Альма (Анна) Эдуардовна Полякова (урожд. Рейсс; ?–1940) — артистка, общественный деятель. В эмиграции жила в Париже, активно занималась благотворительной деятельностью: председатель Общества помощи бывшим русским воинам во Франции, попечитель Союза русских военных инвалидов, член совета Российского музыкального общества за границей. Устраивала благотворительные художественные вечера, в которых участвовали известные артисты, художники, музыканты, аристократы.

⁸ Так Бунина иногда именовала П.А. Михайлова.

⁹ карне (*фр.*) — комплект из 10 билетов, продаваемый со скидкой.

¹⁰ См. примеч. 14 к п. 227.

¹¹ Валентина Лазаревна Голубовская (1907–1996) — дочь Б.С. Нилус от первого брака с Лазарем Борисовичем Голубовским (1884–1919).

¹² Врач И.И. Манухин и его жена Татьяна Ивановна Манухина (урожд. Крундышева, лит. псевд. Т. Таманин, 1885/1886–1962), писательница, журналистка, общественный деятель. Письма Т.И. Манухиной к В.Н. Буниной см.: Вестник РСХД. 1996–1997. № 173–175. В Париже с 1921 г. (уехали при содействии М. Горького, которого Манухин в 1913–1914 гг. лечил от туберкулеза).

¹³ 6 апреля 1932 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Вчера я неожиданно заказала себе платье. Ф.О. <Ельяшевич> дает мне взаймы. Обойдется оно двести семьдесят пять франков с кофтой, так что это почти два платья. Черное с синим шарфиком и синими пуговицами» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁴ Очевидно, имеется в виду книжно-журнальная выставка в Национальной библиотеке Франции, о которой упоминаний в дневнике В.Н. Буниной нет.

¹⁵ Не вполне точная цитата из пьесы Л.Н. Андреева «Анатэма» (1909), вторая картина которой открывается словами лавочкицы Суры: «Никто не покупает. Никто не пьет содовой воды...».

¹⁶ Берта Соломоновна Нилус (урожд. Липовская, в первом браке Голубовская, 1884–1979) — жена художника Петра Александровича Нилуса (1869–1943), друга Бунина с дореволюционных лет и до смерти. В эмиграции в течение многих лет Нилусы жили в том же доме, что и Бунины, на rue Jacques Offenbach, 1.

¹⁷ См. в дневнике В.Н. Буниной 11 апреля 1932 г.: «Париж очарователен, каштаны покрылись молоденькими листочками... Как жаль, что их становится все меньше и меньше, они гибнут от эссенции автомобилей, и уже на Шан-з-Елизе их заменили платанами. Вот как цивилизация борется с природой и побеждает ее, уничтожая самое прекрасное» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁸ Н.В. Макеев как художник принимал участие в выставках Салона независимых, в частности, в 44-й выставке Салона независимых, вернисаж которой состоялся 21 января 1933 г.

¹⁹ Трудно сказать, что имела в виду В.Н. Бунина, возможно, состоявшийся 17 апреля 1932 г. в Salle Jean-Goujon вечер артиста А. Бондырева с участием Ольги Чеховой, Шошаны Авивит и др.

²⁰ Это произошло не в пятницу, а в субботу, 16 апреля 1932 г. В.Н. Бунина в этот день записала в дневнике: «У Ага <хозяин магазина и при нем ресторана на rue de la Pompe> все близкие друзья Цетлиных: Руднева, Вишняки, Макеев, Рери, Аминады, Ходасевич, Берберова, Алдановы, Лебедевы, Керенский, Тэффи, Зензинов. Я сидела на конце стола с В.И. Рудневой, Лебедевым. Он производит странное впечатление, особенно в этой компании — не подходит. Он учился в Медведниковской гимназии с Мишей Штурм. Похож на И.И. <Фондаминского>, но совсем от него другие флюиды исходят. Говорить с ним трудно, даже про Африку ничего не рассказал интересного. Впрочем, я чувствовала себя дурно, болела голова. Неужели заболела? Громко было на противоположном конце, где Керенский веселился с Берберовой, ему вторил Вишняк с главного стола, который, по обычаю своему, шумел почти все время. Макеев сидел прямо напротив Цетлиных. Он цену себе знает и любит быть на виду. Как в мелочах проявляется характер!» (РАЛ. MS 1067/407).

²¹ Этот срок был перенесен, см. запись В.Н. Буниной в дневнике 16 апреля 1932 г.: «Цетлины откладывают отъезд до 23 апреля» (РАЛ. MS 1067/407). Цетлины собирались переехать в Лондон еще в начале года,

В.Н. Бунина.
Париж, 1926 г.
(РАЛ)

24 декабря 1931 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Письмо Алданова: “Цетлины в начале января переезжают в Лондон, — Марья Сам<ойловна> говорит «до лета», а носятся слухи, что они совсем покидают Париж: произвели революцию на заседании правления чайной фирмы, свергли Бориса Осиповича, — и М<ихаил> О<сипович> получил место, так что жить им придется то в Лондоне, то в Данциге”». Следующее упоминание об их встрече только в декабре 1933 г.

229. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 13 апреля 1932 г.

Среда, 13-го.

Драгоценный голубчик мой, сейчас получил твое письмо от 11-го и, конечно, оч<ень> огорчен твоими упреками¹. Все ты толкуешь неправильно. Мне всегда было трудно писать (даже и физически — ты знаешь, как не ходит у меня перо в руке), я всегда писал кратко, плохо — что ж ты дивишься, что и теперь я пишу мало, плохо? Теперь — особенно последние дни — я совсем едва могу писать (и все-таки пишу тебе почти каждый день). Да и что писать? Как живем, ты знаешь: как всегда. Я все стараюсь заниматься. Из по-

пыток писать (и даже читать) все ничего не выходит, [тупость моя о] это меня вгоняет в большую грусть. [(но все-таки я стараюсь заниматься, и занят всячески с утра до вечера)]. Кроме того, очень плоха, утомительна погода: то дождь, тучи, то мистраль. И, повторяю, все время дергает веко...

Все остальное в твоём письме очень хорошо и оч<ень> интересно.

Целую тебя ото всего сердца, храни тебя Господь. Больше писать не могу — больно руку, перо дерет уже совсем неловко, с большим трудом.

Твой Я.

Скажи Рери и Ник<олаю> Васильевичу², что я их сердечно целую, спасибо им за тебя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/19. Дата и место установлены по сопоставлению с п. 225.

¹ См. п. 226.

² Р.Г. Осоргина и Н.В. Макеев, у которых В.Н. Бунина жила в Париже.

230. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 13–14 апреля 1932 г.

1932 г. 13 апр./ 31 марта.

Вернувшись с концерта Орлова, где я получила истинное наслаждение, слушая Шопена, вспоминая молодость¹, я нашла два твоих письма и карикатуру на Толстого². Галя, ока-

зывается, впервые слышала настоящего виртуоза и, кажется, взволновалась очень. Народу было много и овации тоже.

Теперь о деле: приезжай немедленно в Париж. Из твоих писем вижу, что это тебе необходимо. Если боишься ехать один, то приезжай с Рудневым³. Он едет на два дня в Грасс по делам. Лёня и один проживет. Вероятно, жизнь его будет стоять пустяки. А тебе необходимо показаться доктору-носовику, да и глаз меня беспокоит, да и нервы ты себе портишь. Я все купила, что мне нужно, а потому дальнейшая жизнь мне будет стоять совсем пустяки, — еще много у меня приглашений, а потому уеду ли я 21 или через неделю, все равно не хватит только на обратный путь. А я бы здесь поговела, ведь ездить в Канны, Бокка⁴ дорого. У Гали, вероятно, все кончится к Пасхе. Да и для дел тебе *следует* приехать. А Лёня и один прекрасно проживет. Он *очень хорошо* о тебе пишет. Может сесть на Мото⁵, а Страстную неделю будет поститься, говеть, — совсем дешево. Поверь мне, что тебе необходимо приехать. Можно оставаться на Belvédèr'e только тогда, когда пишешь и в спокойном настроении. А ты нездоров. Нет денег. Займи. У всех долги. Но не доводи себя до состояния самого ужасного — *бессильного раздражения на жизнь*. Приезжай поскорей. 20 апреля уезжают Цетлины⁶, тебе *нужно* с ними повидаться. Приехать же тебе в Париж, когда я вернусь через несколько дней — *не советую*. Встретила сегодня Яблоновского Сергея⁷: «вчера из десяти уст слышал: какая m-me Бунина прелесть»... Я советую тебе сразу собраться и ехать, — я это чувствую так, когда мое чувство меня *не обманывает*. Вероятно, скоро приедет Сирин, и тебе будет интересно на него посмотреть⁸. А как Михайлов-то будет рад! Он, действительно, тебя любит и, может быть, полезно познакомиться с Альмой Поляковой. Да и все хотят тебя видеть.

Вечер Мережк<овского> 3 мая. Танцы, бридж, Плевицкая, Тэффи, Аминад...⁹ Ты прав, что денег нами истрачено много, но будь покоен, мои траты *не пропадут*, увидишь.

Поляков к Гале стал относиться хорошо. И сегодня она довольна «П<оследними> н<о-востями>». Вообще, у меня есть «savoir vivre¹⁰». Будь только добр. А словам Лёни не придавай значения. Что делать, не хочет писать фельетоны, или не может, то пусть посидит дома, тем более, что он стал работать «над новым романом»¹¹, и слава Богу. Извести, приедешь ли ты или нет. Тогда буду хлопотать о билете.

Уже половина второго, а встаю я рано.

Целую тебя, мой дорогой, буду несказанно рада увидеть тебя здесь. Погода холодная. Возьми теплое белье. Рери¹² и Н<иколай> В<асильевич>¹³ тебе кланяются. Они редко милые.
Твой К.

В пятницу чествование Цетлиных. В субботу читает Кульман¹⁴, я иду. Воскресенье — вечер у нас. Понедельник идем все на Керенского¹⁵, вторник у Алданова, среда — Шаляпин¹⁶, а затем Кянджунцевы, Вышнеградские, Гукасовы, Михайловы, Ельяшевич и т.д. и т.д.

Приезжай, вывернемся! Я очень соскучилась.

Утро, сейчас еду в сербское учреждение¹⁷.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/18.

¹ См. примеч. 14 к п. 227. Критики оценили концерт Н.А. Орлова очень высоко: «Зал Нормальной Школы был переполнен, пианист имел очень большой успех, и, хотя он показался мне на этот раз не в ударе (по сравнению с прошлогодним его выступлением в большом зале Плейель), мы вновь восхищались его очаровательным звуком в “пиано” и “ми-форте”, его легкой, воздушной техникой; простейший пассаж под его пальцами приобретает особую прелесть» (*Шлёцер Б.* Музыкальные заметки // Последние новости. 1932. 17 апреля. № 4043. С. 3), а один из них специально подчеркнул ностальгическую нотку, которую почувствовала и В.Н. Бунина:

«Москвичей было особенно много на этом прекрасном шопеновском концерте пианиста-москвича, некогда лауреата Московской консерватории» (*Л-ий Л-вь. [Львов Л.И.] Шопеновский концерт Н. Орлова // Россия и славянство. 1932. 16 апреля. № 177. С. 3.*). В дневнике В.Н. Буниной 12 апреля 1932 г. говорится: «На концерте был, кажется, весь русский Париж, вернее, хотел быть, так как многие ушли» (РАЛ. MS 1067/407).

² В дневнике В.Н. Буниной 12 апреля 1932 г.: «Дома нашла два письма от Яна. В одном карикатура на Алешку Толстого, похож!» (РАЛ. MS 1067/407).

³ Судя по дневниковой записи В.Н. Буниной 13 апреля 1932 г., в те дни Вадим Викторович Руднев (1879–1940) «на два дня отправляется в Грасс к Фондаминским» — очевидно, по редакционным делам (РАЛ. MS 1067/407). См. также: *Внутриредакционная переписка СЗ. С. 654–655.*

⁴ В Каннах на бульваре Александра III с 1894 г. действовала православная церковь Архангела Михаила. Из-за разделения эмигрантской церкви на разные юрисдикции также действовал с 1929 г. временный храм в честь святителя Тихона Задонского в пригороде Канн Ла-Бокка.

⁵ Мото — блюдо из теста с начинкой, аналогично русским пельменям.

⁶ См. примеч. 21 к п. 228.

⁷ Сергей Викторович Яблоновский (наст. фам. Потресов, 1870–1953) — журналист, критик, общественный деятель. До революции сотрудник «Русского слова» (1901–1917), один из руководителей Московского литературно-художественного кружка. С 1920 г. в эмиграции в Египте, затем во Франции. Преподавал русский язык и литературу во французских лицеях, организатор и преподаватель Русского народного университета. В 1928 г. в Париже под председательством Бунина прошло чествование С.В. Яблоновского по случаю 35-летия его литературной деятельности.

⁸ Об их встречах и взаимоотношениях см.: *Бунин–Набоков. С. 167–219; Шпраер М.* Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

⁹ См. примеч. 9 к п. 223.

¹⁰ знание жизни (*фр.*).

¹¹ Вплоть до октября 1932 г. Л. Зуров работал над романом «Умиление сердец», который был опубликован под названием «Древний путь» сперва в сокращенном журнальном варианте (Современные записки. 1933. Кн. 51. С. 142–177; Кн. 52. С. 152–183), а затем отдельным изданием (Париж: Современные записки, 1934).

¹² Р.Г. Осоргина.

¹³ Н.В. Макеев.

¹⁴ См. примеч. 17 к п. 227.

¹⁵ 18 апреля 1932 г. в зале масонской ложи «Grand Orient de France» (16, rue Cadet, 9e) А.Ф. Керенский прочитал доклад «Канун февраля».

¹⁶ 20 апреля 1932 г. в Oréga-Comique устраивался благотворительный спектакль в пользу Центрального комитета помощи безработным на питание женщин и детей: ставилась опера Массне «Дон-Кихот» с участием Ф.И. Шалапина. Газеты писали: «Еще не совсем оправившись от болезни, Ф.И. Шалапин выступил в среду вечером в Опера-Комик в роли “Дон-Кихота”. Спектакль прошел с огромным подъемом. В течение всего вечера Ф.И. был предметом нескончаемых оваций со стороны публики» (Спектакль Ф.И. Шалапина // Последние новости. 1932. 22 апреля. № 4048. С. 5).

¹⁷ Т.е. в сербское консульство, см. п. 231.

231. В.Н. Бунин — И.А. Бунину

Париж. 14 апреля 1932 г.

12 ч. дня
14 апр. 1931¹ г.

Сейчас была в консульстве и получила 600 fr., было искушение *chiper*² один билетик, но я хоть бедна, но честна.

Чем больше думаю, тем яснее чувствую, что тебе *нужно* приехать. Не падай духом, Бог поможет. Помни завет отца: «здоровье прежде всего». Уныние — великий грех³.

Целую.

Вера.

Завтракаю у Гукасовых⁴ сегодня.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/19. На бланке уведомления о почтовом денежном переводе на сумму 600 франков; адрес получателя: «M-me Bounine ches M-me Ossorguine, 2 rue Claude Lerrain. Paris 16»; почт. шт: «Avenue Wagram, Paris XVII. 13.4.32». Год уточнен по почтовому штемпелю.

¹ В оригинале письма В.Н. Бунина ошибочно указала 1931 г. См. почт. шт.

² стащить (*фр.*).

³ «Завет отца» будет варьироваться и в ненаписанной пока части «Жизни Арсеньева» («нет беднее беды, чем печаль» — кн. 4, VI; «все в жизни все равно проходит и не стоит слез» — кн. 5, XXX), и в словах А.Н. Бунина, сказанных сыну, которые приводит в своих воспоминаниях В.Н. Бунина: «Помни, нет большей беды, чем печаль...» (*Муромцева-Бунина (1989)*. С. 142; там же и повтор цитаты из книги Бунина).

⁴ См. примеч. 1 к п. 209.

232. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 14 апреля 1932 г.

Милый, дорогой друг мой, вчера даже испугался: вдруг сразу два экспресса, дрожащими руками разрывал их — думал, что что-нибудь случилось... Нынче пришло еще письмо от тебя. Целую тебя крепко за всю ласковость их, все новости твои интересны и принимаются мной к сведению, но ты же понимаешь, что я не могу отвечать по поводу каждой из них. Мережковский не сказал с тобой ни слова? Вполне мерзавец, и я жалею, что вы идете к нему. О нашем вечере поговорим при свидании. Насчет твоего возвращения я уж писал тебе. Реши сама, когда выедешь. По-моему, во всяком случае к 23-му тебе надо быть здесь. О себе пока ничего не могу сказать — т.е. поеду ли куда-нибудь. Париж меня совсем не тянет. Доставило бы удовольствие некоторое только съездить куда-нибудь на западный берег. Да туда, если бы даже и деньги были, нельзя — холодно. Опять упрекаешь, что мало тебе пишу? Но ведь я тебе уже объяснил причины. Теперь кроме того крепко засел — выдумываю, пробую что-нибудь написать для пасх<ального> № «Посл<едних> нов<остей>»¹. С деньгами на проезд тебе просто не знаю, как и быть. Получил из Америки², но из них тотчас отдал 668 фр. за уголь. Осталось меньше половины, а ведь до новой получки сколько еще времени! Что ж я могу придумать? Одно: возьми из сербских³.

Пока до свидания, моя драгоценная, обнимаю и целую тебя от всей души.

Четверг.

Михайлову написал очень *нежно*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/20. Дата и место установлены предположительно по содержанию и сопоставлению с пп. 226 и 227.

¹ См. примеч. 2 к п. 227.

² См. примеч. 2 к п. 225.

³ См. примеч. 1 к п. 224, п. 231.

233. В.Н. Бунина — И.А. Бунину, Л.Ф. Зурову
 Париж. 15–16 апреля 1932 г.

1932 г. 15.

Пятница 9 ч. 15 м.

Адресую это письмо Лёне, так как у меня есть надежда, что ты уже уехал. Если колеблешься, то все же приезжай: веко меня очень беспокоит...

В понедельник пойду к Серову, во вторник к Каминской, — раньше нельзя было...

В среду, отправив деньги, я поехала к Гукасовым завтракать¹, сговорила за час перед этим, а завтрак у них был такой, каким у нас бывает обед по большим праздникам, и вспомнила я «Хорошую жизнь»²... Приняли дружески. Очень хотят тебя видеть. Болезнь Нобеля очень повредила³. П<авел> О<сипович>⁴ действительно считает тебя лучшим писателем. Это мне сказал Кепинов⁵, с которым мы доехали до Pasteur'a⁶. Я была у И<льи> О<сиповича>⁷ — мне удалил он корни. После этого я встретила с Галей, и мы пошли к «Мише» Струве, слава Богу, он на ногах. Там был и Лазаревский. У всех полное безденежье, но вопят меньше, чем на «полковничьей» улице⁸. Струве читал нам свои стихи, которые написал больным. У него трое детей, жена замучена, он вздрагивает при всяком стуке. Был тронут нашим приходом. Лазаревский на этот раз был почти приятен.

Потом к Гале пешком по чудесному кварталу «Invalides». Всего я накупила для обеда. Ждали Рощина. Но он все перепутал. И вместо него garçon внес бутылку вина. Хорошо, что я была, а то о Гале стали странно бы думать⁹. Так я до сих пор и не видала его. Потом мы пошли в театр. «Chambre d'hôtel»¹⁰. Забавная пьеса. Одиннадцать комнат в новом отеле средней руки — комнаты на одно лицо. И что там происходит. Подробности при свидании. Одно: на сцене дама неувомимого возраста стреляла в gigolo, который желал ее бросить, и... нечаянно поранила себя, так что вместо одиннадцати картин было десять. Там встретили Ельяшевич, — это был 26 год их свадьбы, и они весь <день> пиروвали à deux¹¹. Оба были в счастливом настроении. Выбрали ей драгоценность старинную, но в цене еще не сошлись...

Вчера.

Кладбище Neuilly¹². Долгие поиски. Наконец, совсем за городом небольшое пространство в памятниках с голыми еще деревьями. День грустный с же<м>чужными облаками. Консьерж привел меня на ее могилу¹³. И я глазам не верила: вместо памятника или креста лист гофрированного железа, на нем узкий черный крест — «M-me Gruyant»... Расстроилась. Потом пошла на могилу Н.И. Алексинской¹⁴. Простой крест, на могиле зелень, цветы, — видна забота близких.

Завтрак у Левиных. Все радушны. Бахрак¹⁵ худ, бледен, молчалив.

Оттуда в «Р<оссию и> сл<авянство>» — конец немалый¹⁶. Там никого. Оттуда в типографию. Сказали 7 мин. Оказалось полчаса¹⁷. Видела Глеба¹⁸. С ним сегодня завтракаю у Ляли¹⁹. Видела Лоллия²⁰ — говорила об издании «Древнего пути» у «Таира»²¹. Рахманинову Вы, Лёня, очень понравились²². Может быть, Бог поможет. Потом к Манухиной. Очень приятно говорили о книгах. Она предлагает нам высылать книги в Грасс²³. Мережковские (с Галей) опять о премии. Я сказала, что Ян суверен и что мы потеряли надежду²⁴.

Вторым номером (по впечатлению на меня) — Керенский. Весел, легок, жив. Болтал, уже когда метрошники²⁵ ушли, больше всех. Отнял от Вольфсон²⁶ какой-то заветный камешек и не хотел отдавать, я тогда залезла к нему в жилетный карман и стащила ключ от его двери, — пришлось отдать ей ее камешек... В будущий понедельник идем на его доклад²⁷.

А вы будете есть в тот день курицу и, надеюсь, пить хорошее вино! И, может, вам будет приятнее и веселее.

Галя была очень мила и молода в своем светло-синем платье. У М<арии> С<амойловны>²⁸ лицо стало одухотворенное. Она напоминает себя на рисунке Бакста²⁹. Она очень мила со мной, подарила мне сумочку, правда, накануне Аминад говорил, что мою нужно разорвать и выбросить, а мне подарить вскладчину.

Платье мое новое — деньги 275 fr. дала *взаимы* Ельяшевич — вышло элегантным и на все случаи. Но пришлось купить новый корсет, купила, увы, дешевый, тяжелый, всего за 55 fr., ибо на мой портниха отказалась шить, да и он мою печень уже не поддерживает — растянулся, да и пора, три с половиной года служил!

М<ихаил> Ос<ипович>³⁰ очень обрадовался, когда я сказала, что ты ему кланяешься. «Неужели мне отдельно?» — спросил он, улыбаясь. — «Да, отдельно!» — подтвердила я.

Ангелиночка³¹ с меня ростом. И редко очаровательна. М<ария> С<амойловна>³² мне сказала, что я ей очень понравилась и что она мной все восхищалась, впрочем, это сейчас в моде... Сегодня мы с Галей были на русском вечере в Трокадеро³³ и там встретили ее с М<ихаилом> Ос<иповичем>, и она была особенно мила и приветлива.

Я спросила у М<ихаила> Ос<иповича> о Шурочке³⁴. Никаких женихов пока не имеется, — это очень преувеличено³⁵.

Скульптору 54 года, и он женат³⁶!

М<арья> С<амойловна> сказала, что Шура похудела и похорошела. Я больше ничего не спросила ее.

В Трокадеро видела сегодня Серова. Он тоже мне очень обрадовался. Я сказала, что хочу, чтобы он пощупал мою печень. К сожалению, на этой неделе не могу из-за «болезни».

Утро. Получила твое письмо, солнышко мое, целую тебя за него нежно. В субботу ты не получил от меня письма лишь потому, что я не могла никак купить себе марок, а бегодня в тот день была очень большая. Но пишу я тебе ежедневно, — лишь вчера не писала — второй день, и масса всяких rendez-vous. И все по метро и автобусам и без всяких такси. Ни разу не взяла ни одного, и то деньги летят, поистине они с крылышками, что меня очень огорчает, хотя мое пребывание здесь, может, принесет большую пользу. Не сглазить, тьфу, тьфу, «пресса у меня хорошая». Верочка говорит, что я даже «слишком умна». Не огорчайся, что еще не со всеми увидалась, весь план исполню. Уже об осеннем вечере говорила и встретила сочувственное отношение. В четверг обедаем с Галей у Аминада — надеюсь тогда поговорить с ним очень подробно и откровенно, а пока «шармирую» — вопить, как Мережковский, не умею, у всякого свой стиль, и лишь стилем, если он выдержан, можно произвести впечатление. О 45-ти я уже говорила³⁷. Напишите несколько слов по адресу Рери³⁸, Макеева, они очень милы с нами, пришли поклонны Цетлиным, Алданову, Аминадо, — это очень ценится. А может быть, ты приедешь к 23 апреля? Изумрудный мой.

Твой когда-то К.

Обед у Аминада в семейном кругу. О вечере твоём, Ян, осенью я говорю как о деле решенном. Целую В.

Приезжай!!!

Сборник «Таира» провалил Сирин. И<лья> И<сидорович> не позволил ему печататься в другом месте³⁹.

Лоллий⁴⁰ говорит, что Рахм<анинова> можно на многое завести... Он вернется в начале мая.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/20. Месяц и место установлены по содержанию.

¹ Судя по предыдущим письмам, В.Н. Бунина отправляла деньги и ездила к Гукасовым завтракать не в среду, а в четверг, 14 апреля 1932 г.

² Рассказ Бунина, написанный на Капри в ноябре 1911 г.

³ 14 апреля 1932 г. В.Н. Бунина записала в дневнике более определенно (правда, вычеркнув позже эту фразу): «Он <П.О. Гукасов> думает, что если бы Нобель не заболел, то премию получил бы Ян» (РАЛ. MS 1067/407).

⁴ П.О. Гукасов.

⁵ Леон Иванович Кепинов (наст. фам. Левон Кепинянц, 1881–1962) — биолог, врач, доктор медицины, общественный деятель. Доктор медицины Гейдельбергского университета (1909), доктор медицины Московского университета (1912). С 1920 г. в эмиграции в Париже. Заведовал в Пастеровском институте физиологической лабораторией и отделением по производству лечебных сывороток. С 1944 г. председатель Русской академической группы.

⁶ Станция метро в 15 аррондисмане Парижа, функционирующая с 1906 г.

⁷ И.О. Гавронский.

⁸ Имеются в виду Мережковские, жившие в Париже на улице полковника Бонне (11 bis, l'avenue du Colonel Bonnet).

⁹ В дневниковой записи 14 апреля 1932 г. В.Н. Бунина изложила ситуацию чуть подробнее: «Ждали Рощина. Пришли, его нет. Через четверть часа после нашего прихода стук в дверь, и номерной вносит бутылку и письмо. Оказывается, он все перепутал. Приехал к пяти, хотя мы дважды писали и дважды указывали время. Было досадно. Еды много. Вино хорошее, только странное подношение даме. Хорошо, что я была, а то Галю сочли бы за пьяницу» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁰ Пьеса Пьера Роше (Rocher, 1898–1963) «Номер в гостинице» была поставлена Гастоном Бати (Baty, 1885–1952) в феврале 1932 г. в Théâtre Montparnasse. В эмигрантской газетной хронике в этот и ближайшие дни о таком спектакле упоминания нет.

¹¹ вдвоем (*фр.*).

¹² Старое кладбище Neuilly-sur-Seine находится в предместье Парижа у Булонского леса.

¹³ Могила М.С. Брюан. См. примеч. 12 к п. 70; примеч. 3 к п. 226.

¹⁴ Надежда Ивановна Алексинская (1897–1929) — врач. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Работала во Франко-русском хирургическом госпитале в г. Вильжюиф.

¹⁵ Александр Васильевич Бахрах (Бахрак, 1902–1985) упоминается здесь как родственник Левиных (см. примеч. 7 к п. 198). Критик, адресат стихов и писем М.И. Цветаевой, в поздние годы мемуарист, он с конца 1923 г. жил в Париже, а в 1940–1944 гг. в доме Буниных в Грассе, о чем см. в его воспоминаниях «Бунин в халате. По памяти, по записям» (первое книжное изд.: Vauville: Товарищество зарубеж. писателей, 1979).

¹⁶ Редакция газеты «Россия и славянство» в то время находилась по адресу: 9, rue Le Goff, Paris, Ve, а типография по адресу: 13, rue Pascal, Paris, Ve.

¹⁷ В дневнике в этот день В.Н. Бунина более внятно изложила свои переживания: «От них в “Славянство и Россию”. Там я уже ни Глеба, ни Лоллия не застала. Пришлось бежать в типографию, на улицу Паскаль. Мне сказали в редакции, что это близко, а я почти полчаса туда шла» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁸ Г.П. Струве был членом редакционного комитета газеты «Россия и славянство».

¹⁹ А.П. Струве.

²⁰ Лоллий Иванович Львов (1888–1967) — литератор, журналист, критик. С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Эстонии, Болгарии, Чехословакии, Германии, с 1924 г. в Париже. Член редакционного комитета газеты «Россия и славянство», сотрудник «Возрождения», «Иллюстрированной России» и др.

²¹ «Таир» — частное издательство, которое было создано в Париже в 1920 г. С.В. Рахманиновым и его дочерьми Ириной Сергеевной Волконской и Татьяной Сергеевной Конюс. Название издательства состоит из первых букв имен сестер: Татьяны и Ирины. Подробнее см.: И.Ш. [Шомакова И.А.] «Таир» // Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник / Сост. П.Н. Базанов. СПб., 2005. С. 308. Под маркой издательства «Таир» в конце двадцатых — начале тридцатых годов печатались книги А.М. Ремизова, И.С. Шмелева. Издатели намеревались привлечь более широкий круг авторов, но эти планы остались неосуществленными.

²² В дневнике в этот день В.Н. Бунина записала: «Я закинула удочку, не издало бы это издательство “Древний путь”, Лоллий обещал прозондировать. Он сказал мне, что Леня произвел на Рахманинова очень хорошее впечатление. И что Рахманинов все сделал бы, лишь бы Татьяна Сергеевне найти занятие. Что теперь он в Швейцарии, но в начале мая они надеются вернуться опять в Париж» (РАЛ. MS 1067/407).

²³ В это время у Т.И. Манухиной готовился к выходу роман: *Таманин Т.* Отечество. Париж: YMCA-Press, 1933. В дневнике в этот день В.Н. Бунина сделала чуть более подробную запись об этом: «Говорили о святых католических. Она предложила мне высылать книги. Я обрадовалась. Она предложила мне зайти и выбрать, какие я хочу взять книги с собой. Потом она говорила, что хорошо бы переводить их и частью издавать их, и что, может быть, я приняла бы в этом участие. Меня это предложение очень радует. Ведь это как раз то, о чем втайне я мечтала, правда, мне хотелось бы написать что-либо о русских святых, но и католические тоже работа высокая, только бы Господь дал мне силы и умение» (РАЛ. MS 1067/407).

²⁴ В дневнике В.Н. Буниной в этот день встреча у Манухиной описана так: «Затем вошел Мережковский. Вид его страшен. Глаза сверкают черным огнем, и, сев на постель, он с места в карьер стал снова говорить о том, чтобы “застраховаться” на случай получения Нобелевской премии. Я сказала, что Ян едва ли согласится, что он суверен, и что едва ли дадут русским» (РАЛ. MS 1067/407).

²⁵ Т.е. те, кто возвращался домой на метро и должен был успеть до его закрытия.

²⁶ Эрна Сигизмундовна Вольфсон (урожд. Давидова, 1889–1943) — скульптор. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Работала на Севрскую мануфактуру, где имела свое ателье. Занималась скульптурой, керамикой, фарфором, выставлялась под псевдонимом Дэм. Среди ее работ — керамический портрет А.Ф. Керенского.

²⁷ См. примеч. 15 к п. 230.

²⁸ М.С. Цетлина.

²⁹ Речь о портрете М.С. Цетлиной, который Лев Самойлович Бакст (наст. имя и фам. Лейб-Хаим Израилевич Розенберг, 1866–1924) написал в 1915 г. Хранится в коллекции Цетлиных (в 1959 г. М.С. Цетлина завещала коллекцию израильскому городу Рамат-Ган).

³⁰ М.О. Цетлин.

³¹ А.М. Цетлина.

³² М.С. Цетлина.

³³ 15 апреля 1932 г. Комитет помощи больным и нуждающимся студентам устроил в зале Виктор Гюго (46-bis, rue St-Didier, XVIe) литературно-музыкальный благотворительный концерт-бал в пользу больных и недостаточных студентов с участием М. Гонич, Е. Кедровой, Д. Кировой, учениц балетных студий О.О. Преображенской, Л.Р. Нестеровской. Подробнее см. в газетном отчете: *В.М.* Студенческий вечер // Последние новости. 1932. 21 апреля. № 4047. С. 5). В дневнике В.Н. Буниной осталась такая запись об этом вечере: «Только что вернулась из Трокадеро. “Русский вечер”. Приятно было слушать “Евгения Онегина”, жаль только — мы опоздали, остался лишь конец. Татьяну пела Гонич очень прилично, но Онегин был смешон, оскорбителен — маленький, в очках, пел не наизусть, и вспомнились другие Онегины. Балет Нижинской хорош, забавны “Три Ивана”, лучше всех, конечно, сама Нижинская <имеется в виду Бронислава Фоминична Нижинская, младшая сестра В. Нижинского>, она танцевала, как в наше старое доброе время, большой юмор, танцевала она куклу. Хорош был и гармонист-казак. Он исполнял <зорю>. Мы пожалели обе, что с нами нет Лёни, ему было бы, вероятно, очень приятно. А когда вышли цыгане, одна девчонка плясала с какой-то отчаянностью, то мы пожалели, что с нами нет Яна, он пришел бы в восторг. Галя тоже восхитилась ими очень. Этот вечер доставил нам, действительно, удовольствие, вот что значит два года ничего не видеть и не слышать. Дорого, а то я никуда бы не ходила, только концерты да театры...» (РАЛ. MS 1067/407).

³⁴ См. примеч. 3 к п. 212.

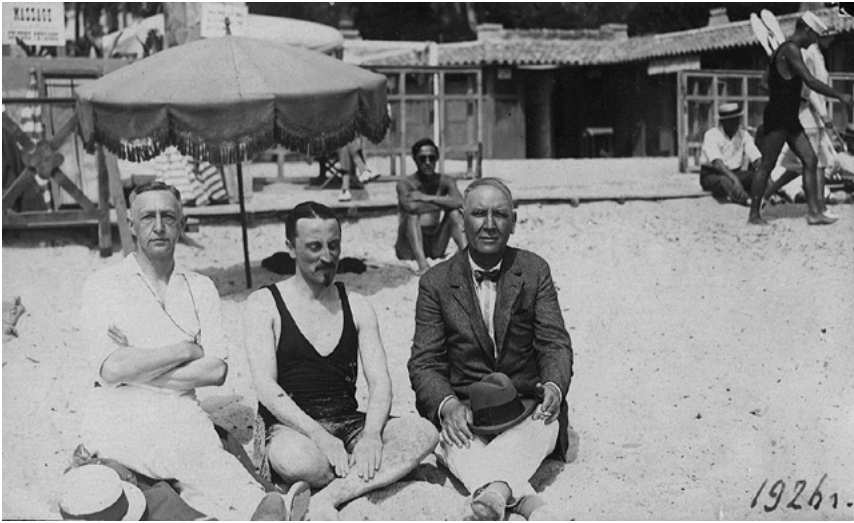
³⁵ 15 апреля 1932 г. (в дневнике опечатка: 10 апреля) В.Н. Бунина записала: «Встретили Цетлиных, М<ихаила> О<сиповича> с Ангелиночкой, которая была очень просто одета и от этого еще милей. Мы с ними ходили в антрактах. М<ихаил> О<сипович> сказал, что пока Шуручка ни за кого замуж не выходит. Из “трех богатых евреев” один — муж Веры, сестры Алданова, другой — скульптор, правда, знаменитый, но он женат, и ему пятьдесят четыре года, так что остается только один, бриллианщик. Я, конечно, почти ничего не расспрашивала, только сказала, что мы в Грассе думали, что она уже выходит снова замуж. Он сказал, что на вопрос Илюши: правда ли, что за Шуручкой ухаживают двое богатых евреев, он ответил: не два, а три, конечно, шутя. Мужу Веры она нравится, но в Англии считается допустимым, если муж ездит в театр с знакомой дамой. Они иногда вместе “выходят”. Вот и все» (РАЛ. MS 1067/407).

³⁶ Речь идет о предполагаемом «женихе» А.М. Цетлиной.

³⁷ В.Н. Бунина имеет в виду предложение Бунина использовать как повод для вечера 45-летие его творческой деятельности, см. п. 222.

³⁸ Р.Г. Осоргина.

³⁹ И.И. Фондаминский с самого начала проводил такую линию и еще полутора годами раньше, 22 октября 1930 г. писал Бунину о романе В.В. Набокова «Подвиг»: «Написал новый большой роман — надеюсь, что

И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, С.С. Юшкевич.
Канны, 1926 г.
(ОГЛИМТ)

отдаст нам, хотя его и смывает Рахманинова. Думаю, что у ней ничего не выйдет, если она рассчитывает на “имена” — Вас, Алданова, Зайцева, Сирина. “Имена” связаны с “Совр<еменными> зап<исками>”, и уходить отсюда нельзя. Надо набирать “молодых”, а вряд ли Рахманинова на это решится» (Бунин—СЗ. С. 826).

⁴⁰ Л.И. Львов.

234. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной Грасс. 15 апреля 1932 г.

Пятница 15 апр.

Дорогая моя, милая, вчера получил от тебя новый экспресс, уже совсем перед вечером, после того, как в 5 часов сбежал в город и бросил тебе письмо. Не стал тотчас же писать тебе ответ на этот экспресс — ты меня смутила своей решительностью, натиском, хотел обдуматься. Но и нынче не обдумался еще. Ты говоришь: «Приезжай немедленно!» Что же это выйдет? Ты хочешь говеть в Париже, значит, остаться до Пасхи, до 1-го мая. Но ведь до 1-го мая еще полмесяца. Как же тут будет Зуров? — целых полмесяца? А главное — сколько это будет нам стоить — жить в Париже втроем до 2, до 3 мая! Сколько будет стоить даже мне одному, ибо я не могу жить в скверной гостинице, а можно ли остановиться у Фондаминских, *теперь* не знаю, — Амалия¹ что-то об этом замолчала. Да и у Фондаминских... ох, как «неуютно»! А питаться где? И сколько надо на это денег в течение 15–16 дней? Обедать будут приглашать? Да, три, четыре раза, ну, пять пригласят... И, повторяю, не тянет меня в Париж — все заранее знаю, вижу... Одно, правда: надо к Серову, м<ожет> б<ыть>, и глаз от носа (а глаз все дергает)... Что же до пользы для какого-то дела, то тут ты, думаю, ошибаешься: какая там особая польза! Конечно, напомнить о себе своим живым присутствием всегда неплохо; но и только...

Словом, дай мне еще немного подумать. Завтра, верно, напишу тебе определеннее.

Ты перечисляешь, сколько у тебя еще визитов и вообще всяких вечеров. Серьезно начинаю бояться, что ты переутомишься. Думаю, что держишься уже только на натянутых нервах.

На дворе и в доме редкий холод. Разорила топка за зиму, а делать нечего — иногда топим. От холода у меня опять насморк. Сегодня мне особенно трудно писать — ломит голову.

Нынче идем обедать к Фондаминским — обед от Илюши, т.е. простой.

Храни тебя Господь, крепко целую.

Прочти это письмо Гале².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/21. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с предыдущими письмами. Нижняя часть листа с подписью отрезана.

¹ Амалия Осиповна Фондаминская (урожд. Гавронская, 1882–1935) — жена И.И. Фондаминского.

² Приписано в начале письма.

235. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 16 апреля 1932 г.

16/3 апр. 1932 г.

Дорогой мой, утром получила твоё письмо. Спасибо за него, оно такое милое. Но ещё не знаю, поедешь ли ты или нет? Мне кажется, что тебе следует, боюсь, что ты очень утомился, и дней десять в Париже тебя освежат. Стоить будет лишь дорога и карманные расходы. Ну да раза два пойдешь в ресторан с Михайловым, Алдановым. А встряхнешься очень. И в третьем классе можно доехать. Ну трудно, зато отдохнешь от однообразия. Если решишь ехать, дай телеграмму Зензинову¹. Ему нужно снять газеты с постели. Для дела, то есть будущего вечера твой приезд *полезен*. А там — «не настаиваю, не настаиваю»... Если ты не приедешь, то я выйду в пятницу вечером и двадцать третьего, Бог даст, буду уже с тобой.

Сегодня пойду на Кульмана². Будет читать о русской литературе, из тебя «Косцы»...

Галя перед болезнью в своём мучительном настроении, жить в отеле ей не нравится. Хорошо, что попробовала. Мы с ней живем дружно. За все время ни одной недомолвки. Видимся почти ежедневно. Сегодня она идет на «Перекресток»³, где Одоевцева с Берберовой будут мириться⁴... Берберова очень противна. Гале говорила: «что вы все со старьем», а сама всегда всюду лезет к этому «старью». У Одоевцевой шишка на лице. Аксида⁵ в автомобиле. Мы Ивановых не видали.

Аминад очарователен и родственен. Марк Ал<ександрович> очень мил, и опять мне вчера сказал, что в редакции и Галины вещи, и Лёнины не будут задерживаться.

Зовут есть сосиски и щи.

Целую тебя с большой нежностью.

Галя обнимает.

Твой В.

Рери⁶ и Н<иколай> В<асильевич>⁷ тебе кланяются и ждут.

Вечер 16 апреля 1932 г.

Сейчас получила твоё письмо. Питание тебе почти ничего не будет стоить. Я уже получила приглашение для тебя к Вышнеградским, Гукасовым, Кянджунцевым, Ельяшевичам, Аминадо, Цетлиным, если ты приедешь до их отъезда. Они уезжают 23 апреля. Если хочешь, мы к Пасхе вернемся, а Галя потом. Лёню и мне жаль, но я знаю, что для него самое

важное, чтобы ты писал, и я боюсь, что ты закис и от этого не работаешь. Тут все должны, а у нас всего 425 fr. долгу. Могилевский⁸ сказал, что после 15 апр<еля> будут деньги в кассе. Спешу на лекцию Куль<мана>.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/21.

¹ Телеграмма неизвестна. В.М. Зензинов жил в квартире Фондаминских (1, rue Chernoviz. Paris, XVIe). Бунин должен был остановиться там же (см. ниже п. 236).

² 16 апреля 1932 г. Народный университет в цикле «Бесед по русской культуре» устроил в Salle Gaveau лекцию Н.К. Кульмана «Современная русская литература в России и за рубежом». Об этой лекции В.Н. Бунина писала в дневнике 17 апреля 1932 г.: «Кульман в своей лекции ни разу добрым словом не помянул Осоргина, даже я считаю это не очень тактично, раз он выступает, то надо было хоть несколько слов сказать по его адресу, зато Яна, Зайцева, Куприна, Шмелева хвалил очень. Народу было порядочно» (РАЛ. MS 1067/407).

³ См. примеч. 16 к п. 227.

⁴ Причина ссоры поэтессы Ирины Владимировны Одоевцевой (наст. имя Ираида Густавовна Гейнике, 1895–1990) и Н.Н. Берберовой неизвестна.

⁵ От *фр.* accident — несчастный случай.

⁶ Р.Г. Осоргина.

⁷ Н.В. Макеев.

⁸ Владимир Андреевич Могилевский (1879–1974) — журналист, общественный деятель, за участие в акциях социал-демократов выслан за границу, вернулся в Россию в 1917 г., редактор севастопольской газеты «Прибой», выбирался Керченским, затем Севастопольским городским головой. С 1920 г. в эмиграции в Париже, управляющий конторой, администратор газеты «Последние новости».

236. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 18 апреля 1932 г.

Понедельник.

Дорогая моя, решил ехать. Еду с Зуровым. Надеемся выехать в четверг. Будем, значит, Бог даст, в пятницу — утром или *вечером* (если будем ночевать в Лионе). Остановимся у Фондаминских¹, — я попросил разрешения и для Зурова. Он будет в какой-то комнате наверху, очень хорошей, ибо отделанной для занятий Ильи Исидоровича.

Предупреди Зензинова.

Крепко целую. Прости краткость — пишу фельетон².

Твой Я.

Точнее о часе приезда извещу телеграммой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/22. Дата и место установлены по содержанию.

¹ См. примеч. 1 к п. 235.

² Вероятно, речь все о том же материале для пасхального номера «Последних новостей» (см. примеч. 2 к п. 227).

237. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 22 апреля 1932 г.

Подъезжаем к Парижу. Пока все слава Богу. ½ ночи спали. Крепко целуем.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/24. Дата и место установлены предположительно по содержанию и сопоставлению с п. 236.

238. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 9 мая 1932 г.

Милая, дорогая, вчера вечером приехали в Грасс¹. Оч<ень> устали от Парижа, поэтому остановились в Valence². Всю ночь проливной дождь, прямо потоп! Утром бежали в Avignon — там то же самое! И холод! Переночевали — и уехали в Грасс. Сейчас шлю тебе телеграмму, спрашиваю, что сказали доктора Лёне, как ты себя чувствуешь и каковы ваши планы.

Крепко целую, телеграфируй и пиши. Забыл в умывальной комнате свою зубн<ую> щетку (черную), зубн<ой> порошок и мыло (прозрачно-розовое). Привези.

Понедельник утро.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/25. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bouvine (Appart. de Mme Fondaminsky). 1, rue Chernoviz. Paris 16»; почт. шт.: «Grasse, 10.V.32». Дата и место установлены по почтовому штемпелю с уточнением даты по содержанию: понедельник — 9 мая.

¹ Бунин и Г. Кузнецова приехали из Парижа в Грасс 8 мая 1932 г. В.Н. Бунина и Л. Зуров остались в Париже до 13 мая из-за лечения Л. Зурова у стоматолога (см. пп. 239–242).

² Валанс (Valence) — старинный город на р. Роне между Лионом и Авиньоном, в 360 км от Грасса.

239. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 9 мая 1932 г.

DEMAIN MARDI IRONS CHEZ RIST ENVOYE CHEC TROIS MILLE DE FINLANDE
DENT ARRACHEE CAS SERIEUX LETTRE SUIT = EMBRASSONS VERA

Перевод с французского:

Завтра во вторник идем к Ристу¹. Посылаю чек на три тысячи из Финляндии. Зуб вырвали, случай серьезный. Подробности письмом. = Обнимаем. Вера

Публикуется по подлиннику: РАЛ. MS 1067A/22. Телеграмма; почт. шт.: «Grasse, 9.5.32».

¹ Эдуард Рист (1871–1956) — врач, знаменитый специалист по лечению туберкулеза. См. п. 240.

240. В.Н. Бунина — И.А. Бунину, Г.Н. Кузнецовой

Париж. 9 мая 1932 г.

1932 г. 9 мая.

6 ч. вечера.

Дорогие, только что вернулась с почты. Послала вам телеграмму и ехрèс Фондаминским, чтобы вы поскорее узнали о том, как мы провели эти дни. Письмо к ним было написано еще утром, и я протаскала его целый день.

Лёне сегодня вырвал зуб Казас¹. Слава Богу, что я настояла хоть на Казасе. Зуб оказался очень трудным, с кистой, пришлось разрезать десну. Уж, действительно, на бедного

Макара... Сегодня он был у Казаса не то три, не то четыре раза. Сейчас он лежит. Говорит с трудом. Есть не может. Казас сказал, что едва ли ему можно будет выехать в четверг. Если это так, то выйдем в пятницу.

Завтра его будут обследовать у Риста. С результатами отправимся к Серову. Он знает условия нашей жизни и назначит, что нужно.

Я эти дни отсыпаюсь. Сплю по десять часов в день. Сегодня на автобусе встретились мы с Васильевой², она затащила меня к себе, и я у них обедала.

Пересылаю тебе письмо и чек³. Кто прав? А ты забыл мне оставить денег на *femme de ménage*⁴ и за молоко. Кроме того, ты рассчитывал мне на четыре дня, а я останусь неделю. Лёня живет на свои деньги. Пришлось купить чулки.

Вечер 11 ч. 45 м.

Сегодня обедал Керенский у нас, а потом мы были у Тэффи. Она пела песенки. Прием был отменен. Кроме Зайцевых, Веры Рафаил<овны>⁵ и нас с Лёней никого не было. Сегодня день ее рождения, и должно было быть восемнадцать человек, но испугались консьержки. Вообще, русские очень напуганы. А французы держат себя изумительно тактично. Но на выборы убийство Думера⁶ повлияло. О нем уже забыли. Теперь все заняты выбором Президента. Называют Пэнлеве⁷.

Когда Милюкову позвонили, то он сказал: «Кулишера на версту не подпускать к передовой»... и хорошо сделал. Кажется, тот хотел обвинять «Возрождение»... Многие сотрудники быстро смылись. Калишевич⁸ вспоминал «Киев<скую> мысль»⁹ после убийства Столыпина¹⁰, «тоже в редакции стало пусто, — боялись, что будут громить»... Но все обошлось.

Пришли письма Амалии Осиповны¹¹. Если мы не уедем в четверг, то я где-нибудь переночую, да и Лёню можно будет где-нибудь устроить, у Аминадо, например. Очень досадно, что вовремя зуб не удалили.

Билеты нам уже даны льготные до Гренобля, только нужно их взять.

Все время мы беспокоились о Гале. Надеюсь, что она не заболела. Целуем вас обоих. Поцелуй А<малию> О<сиповну>.

Твой В.

Вечер¹² Мережковским дал меньше трех тысяч. Обнимаю еще раз.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/23.

¹ Семен Маркович Казас (1881–1965) — зубной врач. С 1919 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Работал как хирург-дантист.

² Софья Николаевна Васильева-Будакович (урожд. Борноволокowa, 1893–1958) — жена врача С.Н. Васильева. См. также примеч. 6 к п. 309.

³ Письмо неизвестно. О чем идет речь установить не удалось. См. п. 239.

⁴ домработница (*фр.*).

⁵ Вера Рафаиловна Мартынова (?–1958) — подруга Буниной, принимавшая участие в распространении билетов на вечера.

⁶ Поль Думер (Doumer, 1857–1932) — французский политик, президент Третьей Республики (с 1931). Погиб в результате покушения — 6 мая 1932 г. его смертельно ранил выстрелами из пистолета русский эмигрант Павел Тимофеевич Горгулов (1895–1932).

⁷ Поль Пенлеве (Painlevé, 1863–1933) — французский математик и политик, премьер-министр Третьей Республики в 1917 и 1925 г. Преемником Думера на посту президента стал не Пенлеве (скончавшийся через год, 29 октября 1933 г.), а Альбер Лебрен (Lebrun, 1871–1950).

⁸ Николай Викторович Калишевич (Калишевский, псевд.: Р. Словцов, 1881–1941) — журналист, литературный критик, сотрудник «Киевской мысли», «Киевских откликов» и «Русского слова», с 1920 г. в эмиграции в Софии, сотрудник газет «Утро», «Голос России»; с лета 1923 г. в Париже, сотрудник «Последних новостей» (постоянный автор и ночной редактор) и рижской газеты «Сегодня».

⁹ «Киевская мысль» — ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в 1906–1918 гг. и получившая большую популярность (распространялась по всему Юго-Западному краю и имела самый большой тираж из региональных изданий того периода — до 80000 экземпляров).

¹⁰ Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) во время посещения киевского городского оперного театра 1 (14) сентября 1911 года был смертельно ранен выстрелами из браунинга анархистом и секретным осведомителем охранного отделения Дмитрием Григорьевичем (Мордко Гершковичем) Богровым (1887–1911). Убийство вызвало панику среди еврейского населения Киева, погромные ожидания стали спадать только после 9 сентября — дня похорон скончавшегося 5 сентября от ран премьер-министра.

¹¹ Эти письма А.О. Фондаминской не сохранились.

¹² См. примеч. 9 к п. 223.

241. В.Н. Бунина — И.А. Бунину, Г.Н. Кузнецовой

Париж. 10–11 мая 1932 г.

10 мая 1932 г.

Дорогие, сегодня в клинике Риста отказали осмотреть Лёню потому, что он русский! Сначала это нас прямо убило. Зря ждали столько дней! Затем у Аминадо, с милой Над<еждой> Мих<айловой>¹, успокоились. Я позвонила Серову, который устроил, что сегодня в 5 ч. сделают снимок или просвечивание, но уже не бесплатно, а франков за 100 или 150.

У Казаса Лёня был сегодня и еще раз идет. Не слезить, заживление идет нормально. Казас боялся осложнений. Он у него уже был раз пять.

Надеемся выехать утром в четверг. Завтра поедем за льготными билетами. Они уже нам приготовлены.

Получили на твое имя счет от Semeie² 172 фр. 25 с. и письмо благодарственное за автограф из Америки.

Как получишь 3 000 fr., так немедленно пошли Гавронскому за меня 250 фр. и спроси, сколько нужно за тебя. Сумма небольшая, не стоит должать. Очень прошу тебя об этом. А Галю, чтобы она настояла и сходила на почту.

Очень сердечно относятся Аминады, прямо, как родные. Милы Зайцевы, Каминские и некоторые другие. Видаюсь лишь с немногими, кто попадает под руку.

11 мая. Утро.

Лёня вернулся от Казаса. Он завтра не позволяет выезжать. Мы в отчаянии. Виню себя, что я не повела его к Илье Осиповичу³. Ему бы я верила. Сегодня Лёня плохо спал из-за боли десны.

Вчера просвечивали, левое легкое затронуто, но Серов говорит, как и Манухин (знаю от Демидова), что состояние его легких в благоприятном положении, если месяца два его продержат на режиме. Сегодня со снимком мы поедем к Серову, и он окончательно сделает предписание, как ему вести себя. Стоило это вместо 210 фр. 150 fr. Снимал тот же доктор, кто светил тебя «горным солнцем» и поэтому сделал уступку. Но по Лёне это еще удар. Он получил аванс 250 фр. — полтора за снимок и, вероятно, франков сто Казасу. У меня тоже деньги, оставленные на жизнь, на исходе. Сегодня иду завтракать к Ельшешевич, а обедаем мы оба у Аминадо. Всю неделю Лёня жил на свои деньги. Выручает нас Вера Рафаиловна⁴, но я еще не знаю суммы. Сегодня к ней заеду и оттуда тебе напишу. Ты тогда, не медля вышли, вероятно, 200 фр. Ты мне оставил на жизнь 200, но мне нуж-

Г.Н. Кузнецова.
Грасс, 1926 г.
(РАЛ)

но еще за тебя будет платить f<emme> d<e>
m<énage>

Целуем вас. Вера.

Много приходится проезжать. Вчера ви-
дела толпу, шедшую поклониться праху Ду-
мера, Зеелер⁵ был среди нее.

Обнимаю нежно. Вера.

Серов действительно редкий человек.
Он вчера из-за Лёни приехал в поликлинику,
устроил сбавку за снимок и сегодня при-
ни>мает нас у себя на дому, чтобы сохранить
Лёне 20 фр. А у их Агаши⁶ воспаление лег-
ких.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/24.

¹ Надежда Михайловна Шполянская (урожд. Крав-
цова, ?–1978) — жена Дон-Аминадо (с 1925).

² Торговец углем в Грассе.

³ И.О. Гавронский.

⁴ В.Р. Мартынова.

⁵ Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954) — об-
щественно-политический деятель, журналист, юрист, с
1920 г. в эмиграции в Париже, член исполнительного
комитета Земгора, секретарь Союза русских адвокатов
во Франции, один из организаторов (1921), затем гене-

ральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов.

⁶ Домочадница Серовых, няня их дочери Ирины (в замужестве Мамонтовой, 1913–1999). По предположению
Н.П. Белевцевой, могла являться одним из прототипов шмелевской «Няни из Москвы», см.: Письма И.С. Шме-
лева доктору С.М. Серову — прототипу врача в романе «Иностранец» / Предисл., сост. и подгот. текста Н.П. Бе-
левцевой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского
зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. С. 401.

242. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 12 мая 1932 г.

Утро
1932 г. 12 мая.

Драгоценный мой, вчера получила твою открытку и почувствовала, как я соскучилась
по дому. Надеюсь, завтра выйдем утром, а в субботу уже будем обедать вместе. Узнайте,
когда приход автобуса из Гренобля и встретьте, если будет хорошая погода. Надо будет
взять или носильщика, или нашего шофера. Последнее лучше.

Вчера получили снимок. Левое легкое затронут. По-видимому, процесс кончается. Сам
организм переборол, иначе весной была бы повышенная температура. Серов еще раз и
очень внимательно его прослушал и предписал режим месяца на два. Опасного ничего нет,
но меры принять нужно энергичные, чтобы ликвидировать эту историю. Слава Богу, что
процесс *не активный* и, вероятно, поддастся лечению и режиму. Мышьяк, ферофетин, еще
что-то, усиленное питание кашами и кониной, фоскао или какао, лежание, гулять утром

½ ч. и вечером 1½. Солнца избегать. Спать ложиться в 10 ч. и *не читать* и вставать в 8. *Десять часов сна*. Он думает, что его очень обессилило лечение печени. Есть велел *все*. На знойное время лучше уехать из Грасса. Главное, ему нужно пополнить. Серов находит его организм очень истощенным. Для окружающих опасности *нет*.

Вчера обедали у Аминадо. Он посылает тебе подарок. Он совсем задерган. Только и оживился, когда стал говорить о тебе.

Сегодня вечером нас опять позвала к себе Тэффи, говорит: «собачье настроение». Я: «два собачьих настроения», то есть «минус на минус дадут плюс», смеется.

Теперь вот что. Сегодня же отошли двести франков Вере Рафаиловне: М-me Martynoff, 29, rue de Cronstadt, Paris 15. Она нас выручила. Лёнин аванс весь ушел на снимок и Казаса (100 фр.). Сейчас он опять идет к нему, это, кажется, десятый раз! Он кладет ему какие-то вакцины. Он говорит, что это «была операция».

Щетку, зуб<ной> порошок и мыло в мыльнице привезу.

У Лёни до сих пор болит десна, это четвертый день!

Очень беспокоюсь, как Галя обходится без шубы, небось вспомнили меня, да и сомнет-ся она очень! Ты ничего не сообщаем об ее здоровье, — значит хорошо.

Обнимаем вас обоих.

Поцелуй Ам<алию> Ос<иповну>. Будет жаль, если мы не столкнемся хоть с И<льей> И<сидоровичем>¹.

Храни вас Господь.

Еще раз нежно целую.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/25.

¹ А.О. и И.И. Фондаминские.

243. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Марсель. 20 декабря 1932 г.

Марсель.

Целуюм¹.

ИБу

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/26. Почтовая открытка с видом Марселя (Fontaine Cantini); адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse»; почт. шт.: «Marseille, 20.XII.32». Дата и место установлены по почтовому штемпелю. См. вклейку, № 26.

¹ Бунин и Г. Кузнецова 20 декабря 1932 г. уехали в Париж, вернулись в Грасс 12 января 1933 г. В.Н. Бунина осталась в Грассе и 20 декабря 1932 г. записала в дневнике: «Ян и Галя уехали. <...> Галя, мне кажется, больна, а Ян не тот, кто создан быть с больными. Вид у нее сегодня был плохой, какой-то прозрачный, и все время ей хотелось заплакать. Мы их проводили только до автобуса. В Канн не спустились. Ян сегодня мне раза три сказал, что ехать ему очень не хочется. Это немного меня волнует. <...> Ян сегодня тяжело расставался со мной. [а между тем зачем я нужна ему]. И как он мучительно устраивает свою жизнь» (РАЛ. MS 1067/407).

244. В.Н. Буннина — И.А. Буннину

Грасс. 24 декабря 1932 г.

24 декабря 1932.

1 час 50 мин.

Начинаю с самого интересного:

«Дорогой Иван Алексеевич, представление относительно кандидатов нужно послать: Nobelstiftelsen 14, Sturegatan, Stockholm (начертания букв списала).

Необходимо послать в январе.

Могу Вам с полной уверенностью сказать, что было только два кандидата, Вы и Гольсворти¹. Только *никому не говорите*. Из двух лучших источников, можно поверить, что у Вас все шансы на будущее. Я в этом совершенно уверен.

О Вашей последней книге (на шведском языке)² писали два академика: Остерлинг³ чудно отозвался, Бергман⁴ очень хорошо. Первый в свенски Доувгггг⁵, второй в До..... (не могу разобрать....)⁶

Гебер⁷ очень доволен.

Пишете ли Вы продолжение «Жизни Арсеньева»?

Было бы очень хорошо, если бы продолжение появилось *в будущем году*.

Гебер тоже этого мнения.

Как здоровье? Счастливых праздников. Сердечный привет <от> нас обоих. Обнимаю Вас.

Искренне любящий

С.....»⁸

Понимаешь, от кого?

Если нужно спешно, ты можешь через Гайку Григорьевича⁹ узнать адрес Комитета у Нобеля.

Письма не пересылаю, можешь потерять, а все это секретно.

От Гали узнала, что вы остановились в «Пажу»¹⁰, судя по ее письму, она чувствует себя лучше. Дай Бог, чтобы устроилось дело с ее книгой¹¹.

Мы живем ничего, весело. Немного холодно. Топим, и то не каждый день, по вечерам, зато вечером не затопляется плита.

Из электрического общества пришли в день вашего отъезда. Я не заплатила и взяла квитанцию, но прочла, что там написано, что деньги нужно внести в течение недели — 100 фр. 60 сантимов. Я их передала Жозефу. И сказала, чтобы он заплатил. Живем мы скромно. Но жаль, что нет возможности хоть куда-нибудь поехать и, главное, потому, что у Лёни ни гроша. Хоть бы дали ему аванс в счет двух его фельетонов. У него подметки прикреплены были несколько дней кнопками... Он ничего не говорит, но очень грустный.

Я же чувствую себя хорошо, наслаждаюсь комфортом, вечером долго моюсь в ванной комнате, бывает тепло, и никто не гонит спать... Кровать стоит с севера на юг, словом, живу, как хочу, что мне нравится! И совершенно не скучаю, так что из-за меня не сокращай своего пребывания. Будь разумен и обделай больше свои дела и отдохни от писания. Виделся ли ты с Кульманами? Говорил ли ты с Аминадо о книге твоих стихов¹²? Был ли у Гукасовых, Кянджунцевых? Нобель, судя по газетам, в Париже. Может, конечно, на праздники уехать к себе в имение. Поговори начистоту с Кянджунцевым, может быть, опять позавтракаете вместе. Густав¹³ может рассказать тебе. Словом, подумай о деле, а не о том, в какой синематограф тебе вечером пойти. Я не против синема, но против того, чтобы тратить утро и

день на обдумывание — куда пойти? Виделся ли с Михайловыми, он тоже может тебе дать какой-нибудь совет относительно книги... Словом, помни, что не я скулю, когда нет денег, а другие... Зайди и к Нилусам, поговори и с ними. Лучше пробыть лишние дни и сделать дело, чем повертеться и потом, сохранив пятьсот франков, потерять несколько тысяч...

Желаю тебе здоровья и здравого смысла во всех твоих делах. Дай Гале полную свободу, она тогда скорее отдохнет от монотонности нашей жизни. О нас не беспокойся, Лёня очень заботится обо мне. Даже не дает мне ничего делать в кухне. Видимся мы мало, что очень полезно обоим. Он просит передать тебе привет, низкий поклон и поцелуй.

Я нежно обнимаю тебя и крепко целую, а ты уже отталкиваешь меня рукой.

Твой .....

Не давай в обиду наших детей¹⁴, если ты не заступишься, то при нынешней конкуренции и дальности их от центра их затрут, тем более, что ни <у> того, ни у другой нет клеточки рекламиста.*) С Илюшей¹⁵ говори тоже твердо.

*) Как ни единой капли царской крови, которую так ценят социалисты...

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/26.

¹ На самом деле в списке кандидатов 1932 г. было более 20 человек, среди которых были К. Чапек, П. Валери, Д. Мережковский, И. Шмелев и др., так что речь, видимо, шла о наиболее вероятных кандидатах с точки зрения стокгольмского корреспондента Буниных (см. примеч. 8). С октября 1932 г. последовала серия новых представлений Бунина на Нобелевскую премию. После нескольких встреч с Буниным в Грассе 5–13 октября 1932 г. свою рекомендацию вновь (первая была в 1931 г.) посылает проф. славистики в Беркли Александр Каун. Зимой свои представления повторяют профессора Олаф Брок (Осло), проф. Сигурд Агрелль (Лунд), проф. Фридрих Браун (Лейпциг). См.: *Марченко* (2007). С. 386–387.

² По всей вероятности, имеется в виду «Livets bågare och andra noveller» — перевод на шведский язык сборника рассказов «Чаша жизни» (в него вошли также рассказы «Сны Чанга», «Дело корнета Елагина», «При дороге», «Лапти», «Соотечественник», «Крик», «Ночь»). Перевод был сделан Сигурдом Агреллем и вышел в стокгольмском издательстве «Geber» в 1932 г. 25 октября 1932 г., в именины Бунина, В.Н. Бунина пишет в дневнике: «Сегодня получен чек от Гербера <так!> в 3000 фр. за “Чашу жизни и другие рассказы” на шведском языке» (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 276).

³ Андерс Эстерлинг (Österling, 1884–1981) — поэт, литературный критик, действительный член (позже постоянный секретарь) Шведской академии. О его роли в присуждении Бунину Нобелевской премии см.: *Марченко* (2007). С. 388–392 и др.

⁴ Бу Бергман (Bo Hjalmar Bergman, 1869–1967) — известный шведский поэт, критик, действительный член Шведской академии.

⁵ Рецензия А. Эстерлинга на книгу Бунина «Чаша жизни» напечатана в газете «Свенска дагбладет» («Svenska Dagbladet») 16 декабря 1932 г. Многократная «г» в тексте письма является, возможно, ошибкой машинописной печати. А. Эстерлинг писал: «Отрадно, что выдающаяся проза Бунина стала известна и у нас благодаря переводу, выполненному на высоком уровне. Последний сборник рассказов, “Чаша жизни”, как и предыдущие, переведён Сигурдом Агреллем, и это даёт полную уверенность, что вся изящность и острота, точность и богатство

В.Н. Бунина.

Париж, начало 1927 г.
(РАЛ)

оттенков великолепного стиля Бунина переданы верно. <...> В его ранних рассказах воздух словно наполнен страхом перед чем-то predetermined, неизбежной катастрофой. На горизонте его русского летнего дня всегда присутствует грозное облако, и даже в шуме ржаного поля угадывается грустное предупреждение о чём-то мрачном и диком, что ждёт впереди. Поскольку Бунин с его художественным аристократизмом входит в число авторов, которых уважают — до определённой степени — даже в Советской России, то это объясняется именно тем сильным чувством тревожности, которое пронизывает его натуралистическое описание страны и народа до революции. Он показал происходящее, то, что в России пробил час. Достаточно прочесть заглавное произведение данного сборника, написанное в 1913-м году, чтобы понять всю горечь восприятия этой среды Буниным». Упомянув далее рассказ «При дороге» и повесть «Дело корнета Елагина», критик подчеркивает по поводу последней: «Удивительно, как писателю-эмигранту удаётся в мельчайших деталях воссоздать специфический русский фон для этого мотива, в исчезнувшей “культуре”, где стремление к разрушению исследуется до самых эмоциональных глубин». И далее заключает: «Эти рассказы стоят на переднем плане, но и в других произведениях просматривается новеллист, способный самым точным образом передать действительность, воспринимаемую им в данный момент. Повествование-медитация “Ночь”, написанная на французской Ривьере, где сейчас живёт Бунин, даёт глубокое представление о его темпераменте и его жизненной философии, которая под влиянием испытаний эмиграции скорее стала более светлой, чем мрачной. Бунин — художник с тончайшей нервной организацией, и пусть у него нет присущей классикам широты, он тем не менее несёт на своих узких плечах некую часть русской повествовательной традиции. Говоря его словами, мгновения оставили таинственный отпечаток в скрытых пластах его внутреннего мира. Исчезнувший общественный строй, целая эпоха, где было больше зла, чем добра, по-прежнему живёт в этих отпечатках, которые он передаёт потомству и которые насыщены редким захватывающим эффектом присутствия» (перевод М.А. Архипенко).

⁶ Статья Бу Бергмана (под псевдонимом «Б. Б-н») напечатана в крупнейшей шведской ежедневной газете «Dagens Nyheter» 20 декабря 1932 г. Критик писал: «Ещё два-три года назад имя Бунина было неизвестно шведским читателям. Сегодня многие из его книг переведены, самой известной из которых стал автобиографический роман “Жизнь Арсеньева”. Бунин начинал как лирик. Это видно и по его прозе. Ему нет равных в описании состояний, в передаче запахов и цвета, изысканности стиля, который, согласно авторитетному мнению, очень трудно облачить в форму другого языка. Его корни — в дореволюционной России. Как и у Тургенева, чьей линии в творчестве он следует, при наличии точек соприкосновения с Чеховым и другими, в творчестве Бунина основную среду составляет российский захолустный город и старинные поместья с их подчинёнными. Мир простых мужиков не переставал занимать его даже в эмиграции. Пейзаж его души — это пейзажи, где прошла его юность. / Возможно, рассказы из сборника “Чаша жизни” не дотягивают до тех высот, которые мы видели в творчестве автора ранее, но они очень интересные и типичные для их автора. В первом рассказе особенно прослеживается влияние Чехова. <...> Никогда ещё не было столь горького описания давящей атмосферы захолустного города. Бунинский взгляд на жизнь колеблется между лирическим экстазом от красоты настоящего момента и мрачным размышлением, трагическим чувством тщеты, с отголосками из Книг Иова и Экклезиаста. <...> Сегодняшняя действительность в сравнении с прошлым — эта тема вновь и вновь возникает у Бунина. Контраст между человеком и природой, мысль и самозабвение, между натурами деятельными и созерцательными — таково долгое меланхоличное, похожее на натягивание тетивы лука атмосферное повествование “Ночь”, где сплав лирики и философии Бунина, ощущения природы, размышлений и страха перед неопределённостью бытия образует изысканную поэму в прозе. / Рассказ “Дело корнета Елагина” написан мастерски, но оставляет нас немного равнодушными. История убийства более напоминает детектив, а героиня — красиво умирающая соблазнительная и истеричная актриса являет себя читателю слишком поздно. Этот типаж известен. На куда более высоком уровне сцены из народной жизни “При дороге” и “Лапти”. <...> У Бунина нет широты, сочности и силы, формирующей образы, как у Толстого; его творчество не столь насыщено. Но особое удовольствие — наблюдать за этим аристократичным искусством, интеллектуальной утончённостью и пригубить из этой чаши жизни, где перемешаны горечь и сладость. Перевод выполнен Сигурдом Агреллем; имя говорит само за себя» (перевод М.А. Архипенко).

⁷ Нильс Гебер (Geber, 1878–1937) — шведский издатель, владелец издательства «Hugo Gebers förlag», выпустивший в начале 1930-х годов шесть книг Бунина.

⁸ В.Н. Бунина переписала для мужа письмо, которое прислал С. де Шессен (Serge de Chessin, Сергей Борисович Шершевский, 1880–1942), французский журналист русского происхождения, стокгольмский корреспондент нескольких французских газет, атташе французского посольства в Швеции, горячо сочувствовавший Бунину в получении Нобелевской премии. В письме самого С. де Шессена (РАЛ. MS 1066/5035) не выделены

слова «никому не говорите», вместо «можно поверить» написано «могу Вам повторить», все нерусские имена и названия даны на языке оригинала. Письма С. де Шессена к Бунину 1931–1934 гг. см.: РАЛ. MS 1066/5025–5036.

⁹ Г.Г. Кянджунцев.

¹⁰ Отель находился в Пасси: Hôtel Pajou, 20, rue des Bauches, Paris, XVIe.

¹¹ 13 августа 1932 г. И.И. Фондаминский писал Бунину, рассматривая возможности опубликовать роман Г. Кузнецовой и предлагая отложить издание его до осени: «Во всяком случае прошу и Вас, и Галю положить на меня — я всё сделаю, что надо, чтобы ее роман появился в свет возможно скорее и лучше» (*Бунин–СЗ*. С. 844). Одним из поводов для поездки в Париж, по-видимому, и были хлопоты по изданию романа. Книга вышла через полгода: *Кузнецова Г.Н.* Пролог: Роман. Париж: Современные записки, 1933.

¹² Планы Бунина выпустить еще одну книгу стихов в то время не осуществились.

¹³ Густав Людвигович Нобель (1886–1955) — промышленник, общественный деятель, меценат, сын Людвиг-а Эммануиловича Нобеля (1831–1888). После революции эмигрировал в Париж. Принимал участие в чествовании Бунина в связи с присуждением ему Нобелевской премии.

¹⁴ Речь о Г. Кузнецовой и Л. Зурове. В.Н. Бунина видела единственную возможность сохранить мир в доме принятием и того, и другого на положении опекаемых «младших» при чете «старших», к которым относилась, естественно, своего мужа и себя.

¹⁵ И.И. Фондаминский.

245. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 25 декабря 1932 г.

Второе письмо.

1932 года 25 декабря.

11 ч. утра.

Драгоценный мой, получила сейчас твою записочку, за которую целую¹. Очень рада, что она от Гавронского, поправь *обязательно* все, что нужно. Помни, что вставная челюсть — истинное мучение, особенно была бы для тебя, а потому нужно все сделать, чтобы ее избежать.

Вчера мы провели французский сочельник² приятно. Два раза ходили по городу. Смотрели на выставки в магазинах, правда, очень жалкие, и Лёня все говорил, что бы он купил, если бы у него были деньги, и почему-то его особенно привлекали вина... Но купить, и то с большими колебаниями, мы себе разрешили лишнего только экто³ какой-то очень вкусной фаршированной вещи на шесть франков, половину съели вчера, а половину будем есть сегодня.

Лёня сервировал обед красиво. Взяли розе⁴, которая его привела в восторг, — и он стал веселее. Ведь у него опять большая неприятность, но он не хочет, чтобы я писала вам о ней. Скажу по секрету, но не говори ему и не пиши, впрочем, он сказал сейчас, что пишет о ней Гале: Руднев написал ему, что просит сократить еще на 25 стр<аниц> «Древний путь»⁵. Он внешне относится к этому спокойно, а внутренне тяжело: за день похудел и стал кашлять. Вчера успокоился и даже посмотрел на это дело с хорошей стороны: «По крайней мере, будет у меня два лишних фельетона»... И, если бы были хоть какие-нибудь деньги у него в кармане, то он, может быть, и совсем отвлекся бы, хоть в церковь съездил... А то ведь «вечно видеть тот же круг»... «ох тяжело, тяжело, господа»⁶... Меня он покоит, не позволяет ничего почти мне делать. Очень ласков и заботлив. Сегодня опять огорчение: Кускова⁷. За то время, что он не появлялся — ее печатали раз десять по крайней мере.

Мне все-таки очень интересно, для кого «С<овременные> з<аписки>» сохранили в каждой книжке по 12 стр<аниц>? Как я счастлива, что ты ничего не даешь этим не редакторам, а сапожникам, которые в литературе понимают меньше, чем свинья в апельсинах... Хоть ты им головы прочистил бы и сказал бы, что все же нельзя по весу печатать [книги]

произведения искусства. И скажи им, что ни один уважающий себя концерт не играет по-пурри, а они свой журнал именно понемногу превращают в «попурри», лучше отказать совсем автору, чем его изуродовать...⁸ Журнал не антология или чтец-декламатор!!!

Теперь о деле. Денег ты оставил мне на десять дней, значит 200 fr. до пятницы 30 д<скабря> включительно. Если ты останешься дольше, то вышли, — а то я буду без копейки. Ты спросишь, а куда девались еще двести франков. Сто отдала Жозефу, а сто вот на что:

Марки	Кофе	Cinema	Закуски	Оварин	Лёне на лек<арства>	почтальону
	сырки				на экспрессы	
10	+ 10 fr.	50	+ 14.50	6	15	15
						2

Серебро (Самсон⁹ мне сказал, что их не берут 1 fr. стоит 2<0> су), вата 5.

10+

Таким образом почти нет ничего: те же 25, что ты мне дал, уйдут на парикмахера и Казаран¹⁰. Нас пригласила к себе в среду мисс Пирс¹¹, нужно быть в приличном виде. В понедельник и вторник Маргарите¹² думала сократить часа на два, да оказалось твоего белья полный ящик, но все же сокращу. Поэтому, если это возможно, вышли мне хоть еще сто франков. Меньше, чем 20 fr. в день Жозеф тратить не может. 20 фр. на двоих меньше, чем 40 на четверых¹³.

Погода мягкая. Днем солнечно. А вечером — холодно. Нужно надевать шубку. В доме холодно, часто уже теперь леденеют ноги выше колен. Но настроение прекрасное. Молю Бога, чтобы вы себя чувствовали хорошо. Что же это ты сочельник провел у Кульман...

Не забудь Манухиных. Лёня тебя целует. Я обнимаю нежно. Целую Галю.

Твой К.

Получила от Каминской очень ласковое письмо¹⁴. Что она нашла у Гали? А «Ю-Ю от литературы»¹⁵ прелестно!!!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/27.

¹ 25 декабря 1932 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Письма: от Яна очень нежное, короткое, писал, сидя у Гавронского. Пишет, что спать душно» (РАЛ. MS 1067/407). Видимо, было еще одно письмо, несохранившееся.

² Во Франции, как и в большинстве других стран, живущих по григорианскому стилю, сочельник празднуется 24 декабря.

³ От *греч.* *hecto* — 100 граммов.

⁴ Возможно, бутылка розового вина.

⁵ См. письмо В.В. Руднева к Л. Зурову от 18 декабря 1932 г. (*Зуров—СЗ.* С. 886–887). В дневнике 25 декабря 1932 г. В.Н. Бунина писала: «За эти дни кое-что случилось. Главное событие, что Руднев написал Лене письмо, прося его еще сократить на двадцать пять страниц “Древний путь” для журнала. Это не редакторы, а сапожники... И для кого они берегут эти двенадцать страниц в каждом номере, интересно знать... <...> Сколько он уже получил всяких ударов, связанных с этой вещью» (РАЛ. MS 1067/407). См. далее примеч. 6 к п. 252.

⁶ Первая цитата, возможно, восходит к стихотворению Бальмонта «Странный мир противоречья...» (из цикла «Земля», 1905): «Если вечно видеть то же, / Кто захочет видеть сон?». Вторая цитата — из песни со словами «Ах, тяжело, тяжело, господа, жить с одной женой всегда», которая доносилась из граммофона в рассказе Бунина «Старуха» (1916).

⁷ Екатерина Дмитриевна Кускова (урожд. Есипова, в 1-м браке Ювеналиева, во 2-м Кускова, в 3-м Прокопович, 1869–1958) — общественно-политическая деятельница, публицистка. В номере «Последних новостей» от 24 декабря 1932 г. (№ 4294. С. 2–3) была опубликована ее большая, на два газетных подвала статья «О легендах и о победителях», посвященная полемике с А.В. Луначарским по поводу А.М. Горького и роли «интеллигентского ордена».

⁸ Редакторы «Современных записок» действительно просили сокращать почти все поступавшие к ним материалы вплоть до рецензий, экономя место на всем и стараясь в каждый номер втиснуть побольше имен в безуспешных попытках примирить под одной обложкой всю эмигрантскую литературу. И.И. Фондаминский еще 18 февраля 1932 г. писал М.В. Вишняку: «Есть некоторая надежда, что Бунин что-нибудь даст. <...> Согласно в этом случае не давать Зурова» (*Внутриредакционная переписка* СЗ. С. 642).

⁹ Возможно, Самсон Моисеевич Соловейчик (1884–1974) — юрист, журналист, общественный деятель, эсер; после 1917 г. в эмиграции (Вена–Берлин–Париж), ближайший помощник А.Ф. Керенского по редактированию газеты «Дни» (1922–1928) и журнала «Новая Россия» (1936–1940), с 1940 г. в США, профессор Канзасского университета (с 1946). Один из псевдонимов — М. Самсонов.

¹⁰ Madame Casauran — массажистка в Грассе.

¹¹ Грасская соседка Буниных англичанка Клэр Пирс.

¹² Домработница Буниных в Грассе.

¹³ 29 декабря В.Н. Бунина получила от мужа 200 франков. См. п. 251.

¹⁴ Письмо Л.А. Каминской от 22 декабря 1932 г. сохранилось: РАЛ. MS 1067/3172. Она благодарит В.Н. Бунину за «ноябрьский взнос», рассказывает об организации будущего вечера «Быстрой помощи» и далее пишет: «Сегодня утром мне позвонил Иван Алексеевич. Я обрадовалась тем более, что думала — и Вы приехали. Хотелось бы поговорить и поделиться с Вами своими заботами и переживаниями. Галина Ник<олаевна> придет ко мне завтра, надеюсь, что мне удастся помочь ей во всех смыслах. Я понимаю, что молодые, м<ожет> б<ыть>, скучают в Грассе, но Париж так утомляет, что для нас Ваша жизнь там кажется раем...». О будущем вечере В.Н. Бунина размышляет в дневнике 26 декабря 1932 г.: «Устраивают теперь концерт, чтобы деньги истратить на убежище для стариков, которым негде приклонить голову. Мне это очень по душе. Вообще, старики меня больше всего беспокоят. Хорошо, если бы собрали достаточную сумму. Это внепартийное, внепрофессиональное, а просто человеческое учреждение мне очень по сердцу» (РАЛ. MS 1067/407).

¹⁵ 25 декабря 1932 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Лене от Гали. Пишет, Гиппиус едва сказала два слова с Сириным, и то по большой просьбе Амалии. Затем назвала его “Ю-ю” от литературы. Кажется, очень метко» (РАЛ. MS 1067/407). З.Н. Гиппиус, вероятно, имела в виду рассказ А.И. Куприна «Ю-ю» (1927), в котором так звали кошку, и выразила тем самым свои впечатления от встречи с Сириным (Набоковым), который в октябре–ноябре 1932 г. приезжал в Париж с выступлениями и снискал восторженные отзывы публики.

246. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 25 декабря 1932 г.

Милая моя, драгоценная, я очень устал, оч<ень> болит висок — замучился у Гавронского, вчера ездил к черту на кулички — бесконечно долго и мучительно — к Коварскому¹, добывать «Избр<анные> стихи», добыл пока 25 экз. и отвез Нат<алье> Ив<ановне>². Она говорит, что надо образовать хоть маленький комитет и что начнет тотчас работать³. Остальное все знаешь от Гали. Нынче пойду обедать к Гукасовым, там, говорят, будут Кянджунцевы.

Обнимаю тебя и крепко целую.

Твой Ив.

25.XII.32

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/28.

¹ Склад издательства И.Н. Коварского «Родник» находился в Пасси (E. Kovarsky, La Source, 106, rue de la Tour, Paris, XVIe). Бунин, по-видимому, ездил за экземплярами своей книги в другое место.

² Н.И. Кульман. Бунин отвез ей экземпляры своего сборника «Избранные стихи» (Париж: Современные записки, 1929). См. также примеч. 2 к п. 248.

³ Планировалась продажа книг с автографами на традиционном писательском балу в отеле «Лютеция», а также на юбилейном вечере в честь 45-летия творческой деятельности Бунина.

247. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 26 декабря 1932 г.

26 декабря 1932 года.

Писем сегодня никаких. Только две книги от Манухиной¹. Прочли Арсеньева. Почему ты стал печатать не с самого начала?² Неужели решил дать в журнал «Попурри»...³ Лёня в восторге, говорит: «превосходно, блестяще», а подробно скажет тебе, когда ты приедешь. Мне жаль некоторых сокращений. Впрочем, тебе виднее. А какие отзывы в Париже?

Сегодня мы опять полдня без Жозефа. Когда его нет: экономия на уголь. Не топим плиты. Завтракали более чем скромно: вчерашним винегретом и потом каким-то новым изобретенным Лёней блюдом, очень вкусным, из яиц и зелени. Днем поедем нашей картошки, так как прикупать нет возможности. Вечером, чтобы не топить, Жозеф привезет нам экто ветчины и зеленого горошку, а суп приготовит на лестнице. Как видишь, экономим. Жозеф без вас был у нас только два с половиной дня.

Лёня очень мил, в хорошем настроении, мне не позволяет стряпать, сам накрывает на стол, словом, «кавалер галант», заставляет есть. Правда, я дала ему полную свободу, хочет, яичницу с луком мастерит, хочет, с селери⁴, — по крайней мере могу работать без всяких забот.

В кабинете открываю, пока солнце, окно, так что сырости там не будет, а холод выгоним в день твоего приезда, так что и на дровах тоже экономия.

У меня, кажется, небольшой прострел в том месте, где болело еще при вас. Жаль, что не могу найти горчишников. Сегодня ночью не спала полтора часа. Вероятно, меня продуло в меховой кофте, как раз ниже ее... Иногда бывает больно, что вскрикнешь, но это не портит настроения, и я чувствую себя прекрасно. Беспокоюсь лишь о вас. Лёня тоже очень радуется, — ты даже и представить не можешь, как он мил и заботлив.

Была ли Галя у доктора? У Рери⁵? Зайди и ты к ним. Это необходимо. Прочла сегодня «Печенег»⁶, очень хорошо. Этот том самый лучший⁷. Я кое-что перечитаю из него, хотя беллетристики я теперь и не читаю почти совсем. Занимаюсь по целым дням и ничего не успеваю сделать, то есть, вернее сказать, что успеваю втрое меньше, чем хотелось бы. Мы ведь даже почти и не разговариваем. И совсем не скучно, а наоборот, очень приятно, так что о нас не беспокойтесь. Если бы всегда все были в таком настроении, как мы теперь, то было бы сделано гораздо бы больше на «Бельведере», и все были бы здоровы.

Если увидишь Татьяну Ивановну⁸, поблагодари ее за последние книги. На днях я ей напишу сама. Вообще, ты кланяйся всем от меня.

Так мало событий, что я действительно не знаю, что еще писать. А «главное» в моей жизни тебя не интересует, да, вероятно, так это и надо. Каждому интересно лишь только свое «главное». Интересным же это «главное» делается лишь после смерти⁹.

Мое чтение Марка Аврелия, — это для Гали, подвигается очень успешно, — прочла шесть книг, то есть половину. Нового мало. Но все же читать такую книгу очень приятно.

Целуем вас обоих и ждем больше ваших писем, чем вас самих. Хотим, чтобы вы приехали в бодром, радостном настроении с непреодолимым желанием писать.

Да хранит вас Бог.

Узнай в Париже насчет серебра. Неужели оно правда ничего не стоит?

Все залито солнцем. Утром море было смугло-золотым, даже захотелось к нему. Такой рождественской погоды давно не было. А по вечерам холодно даже в шубке...

В.

Отцу Жозефа лучше¹⁰. Он уже ел пюре.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/28.

¹ См. примеч. 23 к п. 233. Возможно, экземпляры своей книги: *Таманин Т. <Манухина Т.И.>* Отечество: Роман. Париж: YMCA-Press, 1933. Книга вышла в конце декабря 1932 г.

² Речь о газетной публикации: *Бунин И.А. Из «Жизни Арсеньева»* // Последние новости. 1932. 25 декабря. № 4295. С. 2–3.

³ В.Н. Бунина имеет в виду «Современные записки», где главы из «Жизни Арсеньева» печатались, начиная с 1928 г. (Кн. 34, 35, 37, 40). В ближайших номерах журнала действительно появилось продолжение: *Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Кн. 5 // Современные записки. 1933. Кн. 52. С. 5–65; Кн. 53. С. 5–26.*

⁴ От *фр.* céleri — сельдерей.

⁵ Р.Г. Осоргина.

⁶ Рассказ А.П. Чехова, написанный в 1897 г. в Ницце.

⁷ В.Н. Бунина имеет в виду том 11 «Сочинений» А.П. Чехова, выпущенных берлинским издательством «Слово» в 1921–1922 гг. В этот том вошли также рассказы «Супруга», «Анна на шее», «Дом с мезонином», «В одном углу», «Новая дача», «На подводе», «Мужики», «Моя жизнь».

⁸ Т.И. Манухина.

⁹ В.Н. Бунина высказывает здесь одну из своих сокровенных и повторяющихся мыслей, отразившихся в ее дневнике. См. запись 3 января 1933 г.: «Ах, как мне хотелось бы ко всему, ко всему относиться спокойно. Относиться спокойно к тому, что твоя душа никому не нужна, а если что и нужно кому, так только твои заботы». На следующий день, 4 января 1933 г.: «Я все время живу в какой-то особой отъединенности. Как-то моя внутренняя жизнь не совпадает с внешней, и это несовпадение причиняет мне большую душевную боль. Я вечно страдаю, как это было в мои отроческие годы. С кем мне доводится жить, с теми нет никакого душевного общения, а какое-то отталкивание. Кажется, что живешь с иностранцами, и от этого неизъяснимо тяжело» (РАЛ. MS 1067/408).

¹⁰ См. запись В.Н. Буниной в дневнике 20 декабря 1932 г.: «У Жозефа горе: сегодня делали его отцу операцию — язва в желудке. Я отпустила его на сегодня и на завтра, вчера его тоже не было целый день» (РАЛ. MS 1067/407).

248. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 27 декабря 1932 г.

Яну.

27 декабря 1932 г.

Спасибо тебе, что ты пишешь хоть коротенькие письма.

Был ли у Михайловых и у Нилус? Помни, что П<етр> А<лександрович>¹ был серьезно болен.

Получила письмо от Кульман², жалеет, что я не приехала. Я же рада, что не в Париже.

Сегодня день рождения Павлика³. Беспokoюсь о нем. Хочет в Магнитстрой перебираться⁴.

В Париже ли Поляков-Литовцев⁵? Может быть, его в Комитет? С ним можно говорить прямо: «нет денег».

Главное, кончи зубы.

Уже становится тяжело до вечера сидеть в холоде, но мы держимся. Хотим топить плиту деревянным нашим углем, чтобы до Нового Года не заказывать ничего у Семери⁶. Но о нас не беспокойся, мы очень бодры, не менее бодры, чем были на «Фраме»⁷.

Прострел мой идет на убыль, и сегодня я спала совсем хорошо — от 11 до 8 без просыпу, а в постель легла в десять — час читала.

Сейчас Маргарита стирает. Больше двух часов ее под видом праздника не продержу. У ее belle-mère⁸ несколько болезней смертельных — надежды на выздоровление нет —

может умереть всякую минуту, может пролежать и три года. Она так толста, что в дверь не пройдет! У всех свои горя!

Целую тебя, мой Н....., нежно и обнимаю.

«Всё в прошлом»⁹. Помнишь ли ты эту картину?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/29.

¹ Имеется в виду П.А. Нилус, который серьезно заболел в конце октября 1932 г. См. письмо П.А. Нилуса к В.Н. Буниной от 16 октября 1932 г. (РАЛ. MS 1067/5639).

² Имеется в виду письмо от 25 декабря 1932 г. от Н.К. и Н.И. Кульман (РАЛ. MS 1067/3572). В своей части письма Н. К. Кульман писал о пребывании Бунина в Париже: «Иван Алексеевич заезжал к нам в четверг <22 декабря>, вчера обедал. Очень были рады видеть его в добром здравии. Сегодня прочитали в “Посл<едних> нов<остях>” прелестный отрывок из “Жизни Арсеньева” и будем ждать с величайшим нетерпением появления ее в полном виде. — Обсудили некоторые вопросы, связанные с продажей сборника стихов. Трудно все это сейчас, одна надежда на энергию Нат<алии> Ив<ановны>». Н.И. Кульман, со своей стороны, продолжала: «Очень жалеем, что не видим Вас здесь, в Париже. Вчера обсуждали с Ив<аном> Ал<ексеевичем> вопрос о составе Комитета по продаже его книги. Это довольно сложный вопрос благодаря вражде к Мар<ии> Сам<ойловне> <Цетлиной> ряда дам. Я сказала Ив<ану> Ал<ексеевичу>, что, если бы Вы были здесь, все было бы гораздо легче, так как всеобщая симпатия к Вам примиряет враждующие стороны и дает возможность “врагам” работать рядом». См. п. 246.

³ П.Н. Муромцев.

⁴ В письме от 15 декабря 1932 г. П.Н. Муромцев сообщал сестре, что «ввиду материального неустройства в Москве» думает о переезде в Магнитогорск, «если предложение работы будет соответствовать потребностям» (РАЛ. MS 1067/5136).

⁵ Соломон Львович Поляков-Литовцев (наст. фам. Поляков, 1875–1945) — журналист, литератор, общественный деятель, думский корреспондент газеты «Речь», с 1915 г. корреспондент «Русского слова» в Лондоне, в 1921–1922 гг. редактор берлинской газеты «Голос России». С 1921 г. член правления (в 1924–1925 гг. генеральный секретарь), позже член ревизионной комиссии Союза русских писателей и журналистов. С 1921 г. жил в Париже, сотрудничал в «Последних новостях» и многих других эмигрантских, а также французских, английских, американских изданиях. Состоял членом и принимал активное участие в деятельности множества эмигрантских обществ, кружков и объединений.

⁶ См. примеч. 2 к п 241.

⁷ В ходе норвежской полярной экспедиции 1893–1896 гг. под руководством Фритьофа Нансена (1861–1930) шхуна «Фрам» была сжата льдами и дрейфовала с октября 1893 г. по март 1895 г., поставив мировой рекорд и не потеряв ни одного человека. Труднее всего было избежать конфликтов между людьми, вынужденными долгое время находиться в тесных помещениях (что и имеет в виду В.Н. Бунин). Это же сравнение Бунин употребил после оккупации Франции немецкими войсками, записав в дневнике 8 сентября 1940 г.: «Осенью мы будем сидеть здесь как на “Фраме” Нансена. И что будем есть?» (*Устами Буниных*. Т. 3. С. 68–69).

⁸ свекрови (*фр.*).

⁹ «Всё в прошлом» (1889) — картина художника-передвижника Василия Максимовича Максимова (1844–1911).

249. В.Н. Бунин — И.А. Бунину

Грасс. 28 декабря 1932 г.

Пишу ежедневно.

1932 г. 28 д.

Утра такие солнечные, что дух захватывает. Окна потеют. В доме уже настоящий холод. Но топим мы только после захода солнца, сегодня исключение, — беру ванну, и затопим в 2 ч. 25 м.

Получили «Числа»¹. Еще не просмотрела даже.

Получил ты открытку от Амфитеатрова. У них ад: опять его сын Роман² заболел психически. Сочельник провел «в борьбе с беснующимся» до самой зари. И в доме ни копейки,

Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин, Н. Рошин.
Грасс, вилла «Бельведер», 1927 г.
(РАЛ)

пишет, что всюду посылает S.O.S.³ Это действительное горе. Может быть, что-нибудь можно сделать? Поговори с Бернацким⁴ и другими.

Письмо от Мани⁵. Воля Брянский⁶ в Париже благоденствует. Директор чего-то, — своя квартира... Этот не пропадет.

Меня огорчает, что ты не был еще ни у Нилуса, ни у Михайлова, во-первых, потому, что это их огорчит, и во-вторых, они могут советы дать. Берта⁷ на 9 000 для Юшкевич⁸ продала, а Михайлов мне говорил, что он дружен с Альмой Поляковой, — а ведь она сила!

Мы теперь и в город не ходим. Вот уж действительно живем, как, если не как Дрейфус, то как Наполеон⁹.

Вчера по случаю кризиса пили фоскао¹⁰ без молока. Ох, как тяжело было глотать! Но мы смеялись, и было даже весело.

Целую нежно, мой ненаглядный.

Твой *ci-devant*¹¹ К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/30.

¹ Речь о двоекном (№ 7/8) номере журнала «Числа», который вышел 24 декабря 1932 г. и поступил в продажу 12 января 1933 г.

² Роман Александрович Амфитеатров (1907–?) — младший сын А.В. Амфитеатрова, страдал психическим расстройством с 1930 г.

³ В.Н. Бунина близко к тексту пересказывает посланную 26 декабря 1932 г. открытку, в которой А.В. Амфитеатров писал: «Я переживаю поистине трагические дни. К сыну Роману возвратилась его психическая болезнь 1930 года — и в доме ад. Вот уже неделя, что почти вовсе не спим. Рождественскую ночь провел всю с вечера до белого утра в борьбе с бесновавшимся. Вот так “юбилей” 70-летия и 50-летия деятельности! Все это — при абсолютном безденежьи, безработице, бессилии лечить, беспомощности содержать, кормить, давать уход. Очень жутко. Пишу в разные пункты S.O.S., но вряд ли дождусь толка» (РАЛ. MS 1066/1593).

⁴ Вероятно, имеется в виду Михаил Владимирович Бернацкий (1876–1943) — финансист, публицист, педагог. Профессор Петербургского политехнического института, министр финансов Временного правительства. В 1919–1920 гг. начальник Управления финансов Вооруженных сил Юга России. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Казначей Комитета русских послов, преподаватель русского отделения юридического факультета Парижского университета, Русского коммерческого института, Русского высшего технического института и др. Печатался в «Возрождении» и других эмигрантских, а также французских изданиях. Один из организаторов и член правления (позже председатель) Русской академической группы в Париже.

⁵ Мария Алексеевна Брянская (урожд. Петунникова, 1880–1967) — врач-гинеколог, хирург, подруга В.Н. Буниной по гимназии. С 1920 г. в эмиграции в Белграде, занималась врачебной практикой, руководила отделением женских болезней амбулатории Российского общества Красного Креста. В РАЛ хранятся 154 письма от М.А. Брянской к В.Н. Буниной за период 1919–1960 гг. (РАЛ. MS 1067/1544–1697). Здесь имеется в виду письмо М.А. Брянской, датое 3-го и законченное 23-го декабря 1932 г., в котором она, в частности, сообщала: «Всеволод процветает в Париже, сделан директором, имеет прекрасную квартиру, настоящую обстановку, одним словом живет по-настоящему» (РАЛ. MS 1067/1575).

⁶ Всеволод Викторович Брянский (1890–1948) — сын М.А. и В.Д. Брянских; церковнослужитель. В эмиграции во Франции, жил в предместье Парижа. Член приходского совета и многолетний казначей прихода храма Христа Спасителя в Аньере (в 1936–1947). Бунины с одесских времен были знакомы с ним и между собой всегда называли его Волей Брянским. Подробнее о семье Брянских см. публикацию А.В. Бакунцева в кн. 2 наст. тома.

⁷ Б.С. Нилус.

⁸ Наталия Семеновна Юшкевич — дочь С.С. Юшкевича, певица. С 1921 г. жила в Париже, занималась концертной деятельностью, с 1931 г. давала сольные концерты. Ближайший по времени из отраженных в *Хронике*. Т. 2. С. 271: концерт 30 января 1932 г.

⁹ Альфред Дрейфус (1859–1935), приговоренный в 1894 г. к пожизненному заключению, был отправлен в тюрьму на Чёртов остров во французской Гвиане. Наполеон I Бонапарт (1769–1821) после падения Парижа в 1814 г. был сослан на остров Эльба, а последние годы жизни провел на острове Святой Елены, хоть и не в тюрьме, но пленником англичан.

¹⁰ Растворимое сухое молоко с какао, выпускавшееся фирмой «Phoscao».

¹¹ бывший (*фр.*).

250. В.Н. Бунина — И.А. Бунину, Г.Н. Кузнецовой

Грасс. 29 декабря 1932 г.

29 дек. 1932.

Сегодня, дорогие, от вас писем не было, — это не упрек, а для сведения.

Утром — телефон из Лиона. Думала, кто-нибудь от вас. Ошибка. Нужен был отель «Бельведер». Пришлось кому-то истратить десять франков за то, что услышал мой голос.

Второй телефон. Ничего понять не могу. Позвала Жозефа. Со станции — 35 с чем-то франков платить до 1 ян<варя>, иначе телефон закроют. Жозеф обещал выручить...

На завтра на обед дам, а завтра давать нечего... Лёня уже скачет на своем Россинанте, а я, как Санчо Панса, попрозаичнее, три дня сряду ем рыбы котлеты, обходится — два франка в день, а удовольствия масса!

С Сочельника не были в городе, чтобы не искушать себя, не взять чего в кредит.

Вчера я одна была у мисс Пирс. Тепло — камин с большими дровами, — чудный кофе, от которого я не спала полночи, конфеты из Лондона. Приятные разговоры. Обстановка какая-то русская, удобные кресла, диваны. Просидела два часа. Надела черное платье без корсета, — похудела заметно. Приглашали еще. Я сказала, что придем, когда Галя приедет из Парижа.

Прочла Бакунину¹. Бывает ли она у Мережковских? «Числа» нужно было бы назвать действительно «Попурри»².

Холод у нас настоящий!

Целуем.

Вера.

От папы письмо³. Павлику сократили жалованье вдвое, сократив также и рабочие часы.

С дровами и углем удалось дотянуть до первого, так что тут значительная экономия, но зато мерзли.

Но мы очень бодры и веселы. Лёня много работает. Я сегодня почти ничего не делала из-за того, что не выспалась.

Обнимаю. В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/31.

¹ Екатерина Васильевна Бакунина (в замуж. Новоселова, 1889–1976) — поэтесса, прозаик, литературный критик. С 1923 г. жила в Париже. Речь идет о журнальной версии романа: *Бакунина Е. Тело // Числа. 1933. № 7/8. С. 34–50.* Отдельное издание появилось через два месяца, к началу марта: *Бакунина Е. Тело: Роман.* Берлин: Парабола, 1933.

² № 7/8 «Чисел», как, впрочем, и предыдущие, содержал множество самых разнообразных материалов, от текстов Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус и стихов молодых поэтов до заметок о бридже, теннисе и росписи Медонской церкви.

³ Письма Н.А. Муромцева к дочери, В.Н. Буниной за 1918–1933 гг. хранятся: РАЛ. MS 1067/4878–5036. В данном случае речь идет о письме от 22 декабря 1932 г., в котором Н.А. Муромцев описывал свой день рождения («19-го <декабря> я чувствовал себя бодро. У меня было всего 18 человек») и в конце сообщал новости о брате В.Н. Буниной П.Н. Муромцеве: «Павлик еще плохо устроился; в диспансере, где он работает, убавили работу, а вместе с тем и жалованье вдвое. Ищет еще места, но действует не особенно энергично» (РАЛ. MS 1067/5035).

251. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 30 декабря 1932 г.

30 д. 1932 года.

1 час 25 минут.

Получила сегодня двести франков, ненаглядный мой. Очень благодарю. Отдала долг Жозефу за телефон и остальное на расходы, сто франков. Сто оставила себе. Через час идем с Лёней в город. Купить бумаги и кое-что для встречи Нового года, конечно, очень скромно, полбутылки какого-нибудь вина, сыру и сушеных фруктов. На этой неделе мы себе не доставляли ни одного больше удовольствия, а потому на «Встречу Нового года» право имеем. Будем его встречать в Галиной комнате и вытопим у нее печь.

Я очень довольна: угля и дров удалось дотянуть до 33 года. Последние дни топим печь на лестнице с часу дня. Прострел у меня прошел. Лёня здоров, а потому можно было немного и померзнуть. К вашему приезду дом будет в тепле. И обед вкусный. Надеюсь вас встретить или в среду, или в четверг. В пятницу мы все приглашены к Кугушевым¹, хотелось бы быть всем вместе. Но делайте так, как вам больше хочется. Мы, повторяю, заняты так целый день, что нет времени скучать, даже разговариваем мало. А настроение очень хорошее. Лёня тоже держит себя ровно и бодро.

Меня очень трогает Т.И. Манухина. Опять прислала мне вчера одну для меня интересную статью и очень милое письмо, и как всегда содержательное².

Прочла вчера Бакунину³. И даже стало жутко. До чего можно быть несчастной от своего тупого атеизма, чтобы дойти до такого цинизма, до какого, мне кажется, ни одна

самая циничная проститутка в доме терпимости дойти не может, ибо у всякой из этих несчастных есть что-то святое, о чем не говорят. А тут случай, когда именно этого-то святого и нет. Вот уж до жуткости безблагодатная душа. И до чего можно дойти, если жить без Бога. Это хуже даже коммунизма, ибо там пусть грубый, но все же есть какой-то идеал, к которому стремятся, а стремясь, не замечают или, вернее, не отмечают всех пятен на грязном белье. Мне вспоминается случай: Жермен⁴ стирала, я подошла, чтобы что-то ей сказать. Она в это время взяла белье и, быстро увидав, что на нем есть пятно, сложила так, чтобы не было видно. Стирать необходимо, но рассказывать и показывать всю грязь, какую ты отмываешь, не нужно. И это понимает самая грубая прачка. Ее страницы, написанные неплохо, интересны лишь, мне кажется, психиатру или невропатологу.

Сейчас проглянуло солнышко, и стало еще веселее. Я сижу в твоей спальне у стены под образком. Сплю я хорошо, постель стоит с севера на юг.

Очень я рада, что вы почти у всех побывали. Получила я письмо от Левиной⁵. Она просит послать цветов в Ниццу. Жозеф обещал мне их отнести в воскресенье утром. Я опять отпускаю его до понедельника вечера. Он очень мил, и я рада ему сделать приятное. На эти дни он наделает нам котлет из телятины, и мы будем сыты, а к завтраку рисовых котлет. Я хотя и заказываю кашу гречневую, но все же не очень часто, чтобы осталось для вас. Может быть, попрошу князя⁶ привезти нам кило пять еще, а в сочельник мы крупу и возьмем у них. Едва <ли> вы теперь скоро попадете в Ниццу.

Как вы думаете вернуться? Через Гренобль или прямо? Имейте в ви<ду>, что число на билете можно проставить в последнюю минуту.

Кажется, все написала, о чем хотела. Да, если у тебя хватит денег, купи мне тетрадку для моих записей в холщовом переплете. Я ту, которую ты мне подарил три года назад, всю исписала. Я могла бы сама купить, но мне приятнее будет, если это ты мне подарить, — ты всегда мне покупал такие тетради. Можно и не очень толстую, но все же, чтобы на год хватило...

Лёня тебя крепко целует.

Я нежно обнимаю. Твой К.

«Последние новости» все же с ума сходят. Мне кажется, вовсе Москвин не так много читателей им доставляет⁷. Он талантлив, но все одно и то же в общем.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/32.

¹ Князь Александр Александрович Кугушев (1898–1935) и его жена Ася (Анна Михайловна) (урожд. Лапинская, 1900–1989) жили с маленьким сыном Шурой («Шишкин») (р. 1931) недалеко от Грасса в Ле Рурэ (Le Rouret) на ферме «Дубок», где Кугушев занимался куроводством.

² Письмо неизвестно. Первое из сохранившихся писем Т.И. Манухиной к В.Н. Буниной (РАЛ. MS 1067/4162–4175) датировано 24 марта 1933 г.

³ См. примеч. 1 к п. 250.

⁴ Прачка Буниных в Грассе.

⁵ В письме от 28 декабря 1932 г. М.Г. Левина писала: «Верочка, родная, у меня к Вам большая просьба: будьте добренька и пошлите в пятницу или субботу букет фиалок или других цветов М-ме Schlossberg, 3, rue или avenue (это я не помню) Desambrois, в Ницце, с карточкой, кот<орую> я при сем прилагаю, цветы не должны стоить больше 15 франков, т.к. ее очень тяготит, если ей посылают дорогие» (РАЛ. MS 1067/3819).

⁶ А.А. Кугушев.

⁷ В.Н. Бунина имеет в виду печатавшиеся подвалами в «Последних новостях» на протяжении почти целого года (с 28 сентября 1932 г. по 16 июня 1933 г.) записки о быте советской молодежи, вскоре выпущенные отдельным изданием: *Москвин М.* Хождение по ВУЗам: Воспоминания комсомольца. Париж: YMCA-Press, 1933.

252. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 31 декабря 1932 г.

1932 г. 31 дек.

Ненаглядный мой, как в жизни за всякую маленькую радость нужно платить!

Вчера мы, получив деньги, решили встретить Новый год с честью. Истопить печку у Гали и там устроить пир. Пошли к Лонтемм¹. Я взяла без денег ½ бут<ылки> шампанского 12 фр., разных сыров на 5 фр. (4 сорта сыру) и чаю, — мы уже дня четыре не пили его, затем спустились к Вонпип² и купили красного за 5 фр. — это на все дни, потом «Жозеф купит нам», решили мы, «франка на два фиг и фиников». Зашли в писчебумажный магазин. Лёня взял себе пачку бумаги, я пошет³ и белый лист на твой в спальне красный стол, ибо старый грязен был. И в чудном настроении пришли домой, выпили чаю с рыбными котлетами, удержались от искушения отведать сыру. Поднялись вверх. Звонок. Экспресс: Лёне от Руднева. «Еще нужно выкинуть 8 стр<аниц>». Он выкинул 12⁴. Сделал это в четверть часа, и опять мы вниз, на почту, на нижнюю, уже был шестой час.

Когда экспресс был вручен, и мы поднялись в город, а затем ходили взад и вперед по Куру⁵, Лёня сказал: «Вы не думайте, что я огорчен, расстроен. Я даже рад, теперь, пожалуй, стройнее. Мне было очень тяжело, когда не приняли целую вещь, а раз она идет в искаженном виде, то, пожалуй, теперь лучше. Я даже доволен...»

Пойдет, оказывается, все, что относится к Львовым и жизни города, а деревня — хутор Якова, убийство пристава.

Выкинуто все, что относится к Назимовым и к Тимофею, так что многих ударных мест не будет, как например, казнь Тимофея немцами. Пожалуй, он прав: нужно было пожертвовать ударными местами ради хоть половинной, но все же цельности.

Он вчера молодцом перенес эту неприятность. Почти не говорил о ней. Я больше расстроилась, а главное, хоть это и грех, возмутилась на этих аршинников-редакторов, ведь на 4 стр<аницы> в каждой книжке нужно было сократить! Неужели нельзя было, например, на два стихотв<орения> меньше пус<ти>ть или самим редакторам писать сокращенное, ведь они не нужны⁶.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/33.

¹ Вероятно, владелец местного магазина.

² Возможно, владелец винного магазина.

³ От фр. pochette — конверт.

⁴ Речь идет о сокращении романа Л. Зурова «Древний путь», напечатанного в «Современных записках» в 1933 г. (Кн. 51. С. 142–177; Кн. 52. С. 152–183). См. письмо В.В. Руднева от 25 декабря 1932 г. и ответ Л. Зурова от 30 декабря 1932 г. (Зуров–СЗ. С. 888–889).

⁵ Площадь в Грассе — place du Cours Honoré-Cresp.

⁶ См. подробное описание в дневнике В.Н. Буниной 30 декабря 1932 г.: «Экспресс от Руднева: еще сократить надо на восемь страниц. Ох, аршинники, тупые люди! Уж действительно, бездарны во всем, а хотели Россией управлять, а ни в чем смысла не имеют. Им все равно — испортится вещь или нет, но раз решили, что семьдесят страниц отдано Зурову, так хоть умри, а восемьдесят напечатать не согласятся. Ведь для каждой книжки нужно снять по четыре страницы, неужели нельзя как-нибудь иначе было сделать. Но Леня отнесся к этому даже с радостью. Он теперь совершенно убрал Тимофея, его мать, отца, как убрал Назимовых, так что будет только город, Львовы, хутор Якова и убийство исправника. Жаль, конечно, казни Тимофея, его прощание с матерью, его самого, — все удачные места, но зато все же хоть какая-нибудь цельность будет. / Внешне Леня перенес эту неприятность очень мужественно. Он мне сказал: “Я даже рад. Было очень, конечно, тяжело,

когда не взяли мою вещь целой, что год не печатали, а эти сокращения не очень мне неприятны. Даже теперь лучше”. Потом мы всю дорогу говорили о Сирине. Он мне говорил: “Я не хочу разблестываться, как Сирин, я даже вычеркиваю очень удачные сравнения, я как комнату свою просто держу, так и писать хочу. В этом я и от И<вана> А<лексеевича> отличаюсь. У него только этот блеск временами, и за ним есть что-то серьезное. А у Сирина только блеск. Он взял эту особенность у Бунина и разблестался. Теперь даже и сравнивают Сирина с И<ваном> А<лексеевичем>. И<вану> А<лексеевичу> это может быть неприятно. Раньше он один умел так, а теперь и Сирин стал то же делать, да только еще чаще”» (РАЛ. MS 1067/407).

253. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 31 декабря 1932 г.

1 дня. 31 д. 1932.

Пришла почта. Но обещанного письма от тебя нет. Зато письмо тебе от Кусковой¹: «Только что писала П<авлу> Н<иколаевичу>², — спрашивала, почему так давно нет Вас в “П<оследних> н<овостях>”. И вдруг — фельетон³. И какой!

Время дикое и тоска дикая. Изю всех пор лезет что-то отвратительное. Не знаю, как и жить. А вот прочла Вас, прочла еще и еще... И точно посветлело на душе. Захотелось низко поклониться Вам, дивному Вашему искусству. Если б умела так писать, пожалуй, была бы счастлива независимо от всего этого окружающего...» Затем идет поздравление с Новым годом и т.д.

Кончат: «...и долго, долго еще дарите несчастным людям счастье». И привет от мужа⁴.

Ты им прочти, может быть, и не только «хождение по вузам»⁵ приобретает читателя...

Письмо от тетушки⁶. Ей брат ее сообщил о смерти двух ее братьев. Она ждет, что ты заедешь к ним. Брат ее пишет ей, что в Москве скоро нельзя будет достать самых необходимых продуктов...

Сегодня нам Жозеф сделал к завтраку отличные котлеты из рису, — чудо как хорошо! Я ему, по совету Лёни, заказала на сегодня и на завтра, — ведь завтра мы будем весь день одни. И к завтраку будут рисовые котлеты, а к обеду телячьи рубленые. Только таким способом можно тратить от 17 до 20 франков в день. А чуть лишь что себе позволишь, так сейчас переходит за двадцать франков. Я теперь до вашего приезда, кроме котлет, ничего не буду есть, и сытно, и дешево. Ни молока, ни льду мы тоже не берем. И с котлетами это легко. Утром можно с ней и черный кофе выпить, и сытей и лучше.

Сегодня последний день этого високосного года! Все его ругают, но пока мне он лично ничего дурного не принес, а даже в нем я нашла свой путь, по которому надеюсь идти до самой смерти, а за это надо быть ему очень благодарной.

В понедельник десять лет со дня смерти мамы⁷. Как всегда, посвящу ей этот день. Почитаю ее письма, подумаю о ней, помолюсь. Надо было бы поехать в церковь завтра, да боюсь лишнее тратить, а вдруг вы третьего не выйдете, очень неприятное ощущение, когда в доме нет хотя бы 20 франков бумажных.

Сегодня привезли угля и дров. К вашему приезду дом будет вытоплен. Жозеф говорит, что даже кабинет нагреется быстро, часа в два хорошей топки, а сейчас в нем погреб. В понедельник велю вымыть в нем пол, тогда он будет блеснуть весь, и тебе приятно станет в нем сидеть.

Сегодня я проснулась в шесть и не спала до половины восьмого, а потом заснула и встала в девять.

Надеюсь получить от тебя или от Гали завтра весточку.

Читал ли ты рецензию о Сирине в «Попурри», то есть «Числах», Варшавского, там он говорит и о тебе⁸. Прочти, вероятно, у многих есть этот журнал.

Что еще написать? Не люблю оставлять неписанный листок, хотя никто, как ты бранишь меня за длинные письма, но я думаю, что все же тебе приятно прочесть от меня лишнее слово, да еще на машинке настуканное.

Жаль, что ты мне не пишешь хотя бы тогда, когда ты принужден находиться один...

Сейчас уходит Жозеф, и двое суток мы будем опять одни.

Будь здоров. Да хранит тебя Бог, нежно целую и обнимаю. Лёня целует и поздравляет с Новым годом.

У него в комнате прекрасно дозревают помидоры, надеемся вас угостить по приезду.

Что Галя? Отдохнула ли она от нашей однообразной жизни? Целую ее.

Твой К.

31 д. 1932 г.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067А/34.

Г.Н. Кузнецова.

Грасс, конец 1920-х гг.
(РАЛ)

¹ В.Н. Бунина приводит основную часть письма Е.Д. Кусковой от 29 декабря 1932 г. (РАЛ. MS 1066/3464) с небольшими неточностями.

² П.Н. Миллюков.

³ Бунин И.А. Из «Жизни Арсеньева» // Последние новости. 1932. 25 декабря. № 4295. С. 2–3.

⁴ Муж Е.Д. Кусковой — Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955), экономист, политический деятель, министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства. Декан юридического факультета Московского университета (1918), один из организаторов Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола). В 1922 г. вместе с женой выслан из России. В 1930-е гг. супруги жили в Праге.

⁵ См. примеч. 7 к п. 251.

⁶ Мария Николаевна Муромцева (урожд. Климентова, 1856–1946) — оперная певица, жена председателя I Государственной думы С.А. Муромцева, дяди В.Н. Буниной. В эмиграции профессор вокала Русской консерватории в Париже.

⁷ Л.Ф. Муромцева скончалась 2 января 1923 г.

⁸ В рецензии на книгу В. Сирина (Набокова) «Подвиг» (Париж: Современные записки, 1932) В.С. Варшавский писал: «Сирин критики часто ставят рядом с Буниным. Бунин несомненно связан с концом классического периода русской литературы. Как словесное искусство творчество его стоит на уровне самых высоких образцов, даже приближается к какому-то торжественному совершенству, которого, может быть, и раньше ни у кого не было. Иногда кажется, что и Толстой так хорошо не описывал “пейзажи”. Но в то же время иссякло великое и страшное волнение, из которого родилось творчество Толстого и Достоевского (иностранцы, вероятно, все-таки правы, говоря Tolstoi и Dostoïevsky, как только заходит разговор о русской литературе). И все же у Бунина есть что-то подкупающе-величественное, что-то надменно-архаическое. Это творчество человека вымирающей, неприспособившейся расы. Последний из могикан» (Числа. 1933. № 7/8. С. 266).

254. И.А. Бунин и другие — В.Н. Буниной

Париж. 1 января 1933 г.

<Дон-Аминадо:> 31 дек. — 1 янв. — 1½ ч. ночи. Дорогая Верочка! Пьем Ваше здоровье и целуем, дай Вам Бог благополучия и удачи! Лёне Зурову — все жмут руки, а жмуших 18 человек!

<Р.Г. Осоргина:> Целую, обнимаю. Regi.

<Т.М. Ландау:> И я присоединяюсь. Т. Ландау¹

<Э.С. Вольфсон:> Сердечный привет. Э. Вольфсон.

<М.А. Алданов:> Весело, страсть. Целую руку. М.Л.

Н. Берберова.

<М.С. Цетлина:> Мария Цетлина.

М. Вольфсон².

Hélène.

<Г.Н. Кузнецова:> Целует Вас и Лёню — Галя.

<М.О. Цетлин:> Обнимаю Вас. Мих. Цетлин.

Ник. Макеев.

Marjorie Tollman.

<А.Н. Авксентьева:> Шура А.

<В.М. Цетлин:> Валя³.

А. Шик⁴.

Ив. Бунин.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/29. Почтовая открытка с репродукцией картины Луи де Сильвестра из музея Версаля (портрет Анны Австрийской); адрес получателя: «M-me Véra Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ires> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 1.1.33».

¹ 11 января 1933 г. Т.М. Ландау писала В.Н. Буниной: «Вас тоже еще раз сердечно поздравляю с Новым Годом. Всего, всего Вам хорошего. Вы, должно быть, уже знаете все подробности нашего вечера у Вольфсонов. Было довольно приятно, жаль только, что Аминадо нас оттуда потащил на бал Кр<асного> Креста» (*Бунина–Ландау*. С. 376).

² См. примеч. 2 к п. 255.

³ Валентин Михайлович Цетлин (Valentine Wolf Zetlin, 1912–2007) — сын М.О. и М.С. Цетлиных, в будущем психоаналитик, президент Нью-Йоркского фрейдистского общества.

⁴ Александр Адольфович Шик (1887–1968) — журналист, критик, юрист. В эмиграции жил в Берлине, в 1933 г. переехал в Париж.

255. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 1 января 1933 г.

1 янв. 33.

Милая, драгоценная моя, мучусь, что не пишу тебе и что вы ведете такую скучную жизнь! Зубы, как ты знаешь, я кончил (долгу 1 175 fr.), почти у всех был. Нынче — к Ельяшевичам, завтра — к Рери¹. Новый год встречал у Вольфсонов², потом потащили на бал Крас<ого> Креста³. Вернулись в 5 утра. Я почти ничего не ел и не пил, но спать не мог — спал всего часа 4. Страшно хочется выехать послезавтра (вторник), но будут ли готовы билеты (достаёт Руднев), еще неизвестно.

Поляков опять вчера сказал, что пустит Лёню оч<ень> скоро⁴. Поцелуй его.

Чувствую себя *очень* усталым. Целую тысячу раз, храни тебя Господь.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/30.

¹ Р.Г. Осоргина.

² Адвокат Марк Карлович Вольфсон (1883–1942) и его жена, скульптор Эрна Сигизмундовна.

³ Комитет Парижского Политического Красного Креста устроил в ночь с 31 декабря на 1 января 1933 г. в Salle Noche благотворительный новогодний концерт-бал в пользу фонда помощи политзаключенным в России. Вечере приняли участие многие артисты, пожертвования делали торговые дома, магазины, рестораны и др., в результате вечер дал 25000 франков чистой прибыли, см.: *Комитет*. От Политического Красного Креста // Последние новости. 1933. 10 января. № 4311. С. 2.

⁴ Речь о публикациях Л.Ф. Зурова в «Последних новостях», его рассказ был опубликован лишь в конце месяца: *Зуров Л.Ф.* Вечер // Последние новости. 1933. 28 января. № 4329. С. 2–3.

256. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 3 января 1933 г.

Ничего не понимаю — откуда у вас такая нищая жизнь, — ведь я тебе оставил больше 400 фр. да послал 200 — итого **600 фр.**! А мы в отсутствии всего 12 дней. Мы же тут, когда не обедаем в гостях, *почти ничего* не едим, за все время 2 раза были в ресторане, да и то нищенски. — Теперь горе: Галя (с которой мы, кстати сказать, иногда по целым дням не виделись, хотя ты пишешь: «когда ты один») вчера заболела — 38 и 5. Нынче с утра 37 и 5.

Целую. Бегу к сербам¹.

Вторник.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/31. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ips> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue Singer, Paris, 3.1.1933». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 1 к п. 224, п. 231.

257. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 4 января 1933 г.

Утро среды, 4 янв. 33 г.

Голубчик, драгоценная моя, большое горе! Нынче ночью у Гали 39 и 6, утром — 39. Заразилась где-то — все в гриппе. Жду к 12 часам Серова. Что-то он скажет — а вдруг воспаление легких? Можешь себе представить мое отчаяние! И как быть теперь с деньгами! Я уже задолжал (у Илюши) 1 000 фр. Придется еще где-нибудь просить. Вчера получили билеты со скидкой до Гренобля — какой же теперь Гренобль!

Как ты? Третий день нет от тебя письма. *Очень* беспокоюсь. Бегу на почту послать тебе сербские деньги. Как получишь, *немедля*, не дожидаясь 7-го, отдай Жозефу 500. Сто оставь себе. Постараюсь как можно скорее выслать тебе еще хоть немного.

Крепко целую тебя и Лёню.

Твой Ив.

Е.А. Бунин и Н.К. Бунина (сидят) с детьми — Маргаритой и Арсением.
Ефремов, начало 1930-х гг.
(ОГЛМТ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/32. На почтовой бумаге Hôtel Rajou. Paris XVIe. Место установлено по содержанию.

258. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 4 января 1933 г.

Среда, полдень.

Утром послал письмо и 600 fr. денег — из них 500 Жозефу.

Сейчас у Гали был Серов. Сильный грипп и маленькое воспаление внизу левого легкого. Была Амалия¹. Поставили банки. Я вне себя от горя. Хотя Серов утешает — будет, говорит, дня через 2–3 здорова.

Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/33. Дата и место установлены по сопоставлению с предыдущим письмом.

¹ А.О. Фондаминская.

259. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 5 января 1933 г.

Утро 5 янв. 33 г.

Драгоценная моя, мы чуть не плачем — не попадем, значит, к Рождеству домой! Вчера послал тебе две записочки. Гале, дай Господи не сглазить, кажется, лучше — вчера вечером было 37 и 5, нынче утром около 37. Самочувствие тоже лучше. Нынче в первый раз выпила

кофе с молоком. В час ждем Серова, Амалию и Веру Зайцеву — надо опять поставить банки. М<ожет> б<ыть>, даст Бог, выедем уже через 2 <дня>.

Очень соскучился по тебе, дорогой, голубчик мой. Писем от тебя все нет — не понимаю, почему? Измучился я душевно из-за того, что пришлось сидеть тут, ужасно. *Очень* боюсь заболеть тоже.

Был позавчера у Н<атальи> И<вановны>¹ — надписал книг 20². Все остальное узнаешь из прилагаемого письма. Целую тебя от всей души, милый, родной мой. Целую Лёню.

Твой Ив.

Ем все время один хвостик ветчины.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/34. На почтовой бумаге Hôtel Rajou.

¹ Н.И. Кульман.

² Для продажи на писательском балу. См. п. 246 и примеч. 2 к п. 248.

260. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 5 января 1933 г.

5/23 декабря 1933 г.

Четверг.

Твоя сегодняшняя открытка от вторника¹ меня очень встревожила: я даже сразу не могла сесть и написать тебе. Встревожились мы за Галю и за тебя. Раз в один день болезнь не переломилась, то едва ли она кончится в два. Может, нужно было ехать вечером в понедельник при жаре, — тогда не простуживаются, а теперь не знаю, — нужно быть очень осторожной, когда спадет температура, — легко снова простудиться. Впрочем, вам виднее. Имей это только в виду. У Гали организм в последнее время ослаб, она очень нервничала, ей было легко схватить и грипп, и инфлуэнцию.

Представь, я с вечера понедельника очень за вас беспокоюсь, даже плохо спала ночи, — значит, передалось по беспроволочному.

Нам, конечно, грустно, что и русское Рождество мы проведем врозь. А мы к вашему приезду весь дом вычистили, вытопили, все приготовили, и погода сегодня с утра была веселая, солнечная! И вдруг твоя открытка.

Теперь о том, что меня задело и насчет чего ты раздражаешься.

Если бы Галя не понимала, куда идут деньги, я не удивилась бы, она еще «на детском положении». Но ты, который ведешь все расходы, как ты не понимаешь?

Лёня тоже все не верил, пока я не сунула ему счета.

Вы, мужчины, думаете, что обед должен стоить только то, что стоит мясо, а дом — только то, что тратится на еду. Стирку же, чистку, всякое мыло для мытья полов, тряпку — вам кажется, совершенно незаконные траты. А нельзя жить в вилле, иметь Жозефа и запустить ее так, чтобы он нас не уважал. Я была у них в кухне — все блестит, не то что у нас. И, вероятно, на всю эту гигиену вышло франков двадцать. И это грош, спроси хозяйек. Жозеф работал много, да иначе ему нечего было бы делать. Маргарита оставалась два часа, два с половиной. Я писала уже, что ты оставил много белья. Нужно было вымыть пол у тебя в кабинете, — он был очень грязен, ведь давно не мыли, а зимой там топят, да и ты сидишь по целым дням...

Но скажу, что все же нельзя называть нашу жизнь нищей, раз мы сыты и живем в хороших условиях. Ведь и при вас для меня разнилась лишь жизнь в том, что ты иногда мне

давал ветчину или банан, а ведь я тоже с приезда из Парижа была всего раз пять в Каннах и окрестностях. А все-таки относительно ты гораздо больше денег тратил, чем я теперь, даже и на меня. Я не могу сейчас позволить себе купить бумаги для машинки, при тебе купила бы. К Пирс пошла без всякого парикмахера, — сидела в шляпе, у Казаран была в день вашего отъезда, и теперь с ужасом думаю, что завтра нужно быть «одетой» и причесанной. Лёня меня упрекает за письма, но я на марки и бумагу тратила и трачу из бутылки. Я писала самые необходимые письма или близким в Россию, или в Париж. Кроме того, подумай: я сейчас *болжна*, работать мне в этом состоянии трудно. Лёня видим лишь за едой. Значит, часов пятнадцать я нахожусь в собственном обществе, иногда хочется и перекинуться хоть с тем, кто на твое письмо ответит, то есть на те мысли, какие ты выскажешь. И все же, несмотря на физическое мое состояние, за это время душевно я ровна и спокойна, хотя тревожусь и за вас, и за родных в Москве. Моя фраза «когда ты один» относилась ко времени, «когда ты занят своими делами», как говорит Галя, — и только.

Еще одно: ты, который никогда не считаешь денег в своем кошельке, необыкновенно хорошо считаешь то, что мне дал. Опять 600 фр. Я ведь писала, что 100 фр. дала Жозефу сначала, чтобы он уплатил за электричество, но он там устроил отсрочку, но я, чтобы меньше тратить, отдала ему к празднику. Лёня этого не знает. Но теперь я очень рада. Послезавтра ему платить. Если ты не приедешь, то он будет ждать, но если бы я ничего не дала ему к празднику, то я чувствовала бы себя очень неловко, тем более, что уже раз он давал займы за телефон.

Значит, давай считать. Буду точна до мелочи. Ты оставил мне 425 фр. и прислал 200 фр. = 625.

100 fr.	Жозефу
34 fr. 75	телефон
<u>6 fr.</u>	на чай угольщикам
140.	

25 фр.	на парик<махера> и другие мои нужды: вата, Казаран
21 фр. 75	взял займы Лёня на лекарство, бумагу, 2 экспресса
<u>14 фр.</u>	один раз в синема, Лёня шесть франков тебе отдаст.
<u>60</u>	
200 fr.	

+ <u>341 fr. 50</u>	семнадцать дней по 20 fr. были дни дорогие, были дешевые.
541 ф. 50	

24 фр. 50	стирка (за три раза)
8 фр.	починка простыни
4 fr. 50	мыло
7 fr.	savon noir ²
3	lessive ³
<u>6</u>	почтальону — были книги, письма и т.д.
53.	

594 fr. 50
Прибавь, что я раз купила коробку сырков

4 fr.
 3 fr.   экто
 9 fr.   что<-то> очень вкусное рождественское
1.50   финики
17 50

6/2 00 Вот видишь, без всякого заглядывания в счета я не помню лишь 13 fr. Когда приедешь, то и их ты увидишь.

Сегодня отдала свои башмаки в починку 22 fr.

У меня этот мой опыт вызвал совершенно иные чувства, чем у тебя. Я обратно стала понимать, куда у тебя деваются деньги. И теперь вижу, что мы, собственно, не можем тратить, значит, ничего, кроме самого необходимого.

Все это я написала тебе потому, чтобы ты понял. Вероятно, ты очень невнимательно читаешь мои письма, ибо в одном я подробно тебе перечислила, куда идут деньги.

Вчера у нас завтракал Неклюдов⁴, и день тоже стоил 20 fr. Он привез две бутылки вина. Одну оставили тебе, одну выпили вчера с ним. Завтрак был очень скудный. Главное блюдо — вчерашние рыбные котлеты. А Ася⁵ пила чай с сушеным хлебом. Варенье я взяла у Лонтемм, а масла и не подали, его не было.

Пишешь: что «мы почти ничего не едим», а все-таки честно подсчитай, сколько это «ничего» стоит, *minimum* 20 fr. на двоих, но я думаю, больше. Есть нужно.

Все это не для ссоры, а для отдания отчета. Напиши обстоятельно, как здоровье Гали, какие ваши планы?

А Самойловы⁶, кажется, блеснуть хотели 9 января. Может быть, еще попадете?

А Галю ты не ругай, — руготня плохо действует на больного.

Целуй ее от нас. Пусть и к Куэ⁷ прибегает, иной раз и поможет.

Храни тебя Бог. Будь сам осторожен и не оставляй без известий нас.

Целуем тебя

В.

О нас во всяком случае не беспокойся, мы живем чистой, рабочей жизнью.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/35.

¹ См. п. 256.

² жидкое мыло (*фр.*).

³ стиральный порошок (*фр.*).

⁴ Анатолий Васильевич Неклюдов (1856–1943) — дипломат. Посол России в Болгарии (1911), чрезвычайный посланник, полномочный министр России в Швеции (1914–1917), посол Временного правительства в Мадриде (1917). С 1917 г. в эмиграции во Франции, жил под Грассом. Был старостой нищского прихода, принимал участие в деятельности многих эмигрантских обществ и кружков в Ницце. Автор мемуарного двухтомника «Старые портреты: семейная летопись», вышедшего с предисловием Бунина (Париж, 1932).

⁵ А.М. Кугушева.

⁶ Сибиряк Федор Яковлевич Самойлов и его жена Августа Протогеновна, жившие в соседнем с Грассом городке Рокфор, в начале 1933 г. сняли в Ле Рурэ по соседству с Кугушевыми хутор, чтобы также заниматься куроводством.

⁷ Имеется в виду метод психотерапии и самовнушения, разработанный французским психологом и фармацевтом Эмилем Куэ (Coué, 1857–1926).

261. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 5 января 1933 г.*

5. I. 33. Четыре часа дня.

Опять нет от тебя письма! Не понимаю, почему, и, повторяю, оч<ень> беспокоюсь.

Утром нынче писал тебе.

В час дня был опять Серов. Гале лучше — немного ела, немного ободрилась. Температура — 36 и 9. Серов надеется, что завтра будет совсем лучше. Снова ставил банки. Легкая боль где-то внизу левого легкого еще есть. Однако Серов говорит, что, м<ожет> б<ыть>, послезавтра (т.е. в субботу) можно будет выехать (только оч<ень> беречься в дороге). Если бы дал Бог!

Я чувствую себя слабо, мутно. Но лишь бы не заболеть гриппом!

Целую моего ненаглядного!

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/35. На почтовой бумаге Hôtel Rajou.

262. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 6 января 1933 г.*

6 января 1933 г./24 декабря 1932 г.

12 ч. 30 минут

Бесценный мой, ты можешь представить, в какой тревоге мы провели ночь и сегодня утро. Я могла только читать. Почта теперь приходит около полдня. К счастью, я прочла твоё 2-ое письмо раньше первого. Но все же расстроились мы оба и за бедную Галю, и за тебя.

Рада, что обратились к Сергею Михеичу¹. Я верю ему, — у него отличное ухо. Передай ему от меня всякие нежные слова. Вчера Лёня ему послал поздравление.

Деньги получили; отдала Жозефу, сто себе. К сожалению, придется истратить на «красоту». Сегодня мы, к счастью, у Кугушевых. Иначе было бы тяжело. Они будут очень огорчены вашим отсутствием, а главное, болезнью Гали.

Неклюдовы венчали Глебова² в мэрии сегодня. Нам прислали gâteau du Roi³. Это очень мило. Вероятно, ему стало нас жаль, когда он у нас завтракал... Во всяком случае это очень тронуло меня.

Очень меня беспокоишь ты. Я знаю, как ты приходишь в отчаяние от всякой болезни. Серову верь. Он доктор для бедных, то есть зря не пугает, а советует всегда дельное. Никогда не забуду, как он был добр и мудр к Лёне.

Одно лишь, чтобы Галя не простудилась еще. О деньгах не беспокойся, Бог поможет. От Гореньки⁴ тебе письмо с *большими надеждами* видеть тебя в их городской квартире; милое письмо от Федорова⁵; спрашивает о Нилусе.

Гале сегодня от Лазаревского и Бакуниной⁶ письма.

Лёня очень взволновался. Вероятно, сильно соскучился, но не показывает.

Как все-таки странно, что с вечера понедельника я стала о вас беспокоиться и плохо спать.

Держи меня в курсе всего, попроси Ам<алию> Ос<иповну>⁷ написать, если самому не до этого.

Гале напишу завтра⁸. А пока целую «вас обоих» от нас обоих.

Твой К.

Что же, книгу твоих стихов продавать будут?

Кому лучше подавать прошение о пособии Лёне? Узнай. Ведь, Бог даст, бал принесет хоть немного⁹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/36.

¹ С.М. Серов.

² Не удалось найти сведений.

³ королевский пирог (*фр.*). Во Франции и многих других странах традиционно готовится на Рождество.

⁴ Георгий Павлович Олейников (Оленников, 1865–1937) — врач, доктор медицины. Женат на М.Л. Нобель-Олейниковой. Работал в Военно-медицинской академии. До 1917 г. служил в нефтяном концерне Нобелей в Баку. В эмиграции жил в Финляндии и Швеции. Приезжал к Бунину в Грасс в 1931 и 1933 гг., в ноябре 1932 г. прислал денежную помощь. Письмо неизвестно.

⁵ А.М. Фёдоров с 1920 г. в эмиграции в Болгарии, преподавал русский язык и литературу в гимназиях. Письмо неизвестно.

⁶ Письма неизвестны.

⁷ А.О. Фондаминская.

⁸ См. примеч. 5 к п. 281.

⁹ См. п. 246, примеч. 2 к п. 248.

263. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 6 января 1933 г.

2 часа дня. Пятница. 6-го янв. 33.

И нынче нет от тебя письма — как тебе не грех!

Все очень плохо. Гале лучше, темп<ература> с утра нормальная, хотя кашель. Зато я начинаю чувствовать себя совсем больным: дерет грудь бронхит, немножко повысилась температура (около 37, что для меня уже плохо). Если не станет хуже, завтра, Бог даст, выедем — утром на Гренобль: жалко терять билеты со скидкой. Но как от Гренобля? Конечно, по ж<елезной> д<ороге>, но, кажется, тогда нужно будет ночевать в Digne¹. Подумываю и другое: плюнуть на билеты и ехать обычно — Марсель. Завтра решу — в соответствии с самочувствием.

«Посл<едние> нов<ости>» начинают подражать Гукасову — жадность и подлость. Заставили меня сократить первый фельетон, чтобы поменьше платить, конечно. Второй обещали пустить завтра, 7-го². И вдруг отказ: «Нет, не можем, пустим немного позднее». А я под него у Илюши большой долг сделал... Спрашивал нынче опять про Лёню: «Когда пустите?» — «Вот-вот». — «Но когда именно?» — «Не можем сказать...»³ Оч<ень> плохо. Целую.

Твой Ив.

P.S. Завтра сообщу, когда именно и как выедем.

P.P.S. Если выедем завтра, все-таки не могу точно сказать о дне приезда. М<ожет> б<ыть>, придется ночевать 2 раза в дороге. Галя очень слаба.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/36. На почтовой бумаге Hôtel Rajou.

¹ Динь-ле-Бен (Digne-les-Bains) — курортный город в Провансе, префектура департамента Альпы Верхнего Прованса.

² По-видимому, публикация очередного отрывка из романа Бунина планировалась в рождественском номере (№ 4308 от 7 января 1933 г.), однако появилась не в нем, а неделей позже: *Бунин И.А.* Из «Жизни Арсеньева» // Последние новости. 1933. 15 января. № 4316. С. 2–3. Первым фельетоном, очевидно, названа публикация: *Бунин И.А.* Из «Жизни Арсеньева» // Последние новости. 1932. 25 декабря. № 4295. С. 2–3.

³ См. примеч. 4 к п. 255.

264. В.Н. Буннина — И.А. Бунину

Грасс. 6 января 1933 г.

6. I. 1933/24. XII. 1932.

Дорогой Ян, пишу тебе второе сегодня письмо. Первое было наспех, — хотела, чтобы оно скорее дошло.

Привела себя в порядок. Вернулась домой. Попили чайку с Лёней, и теперь в ожидании часа, когда нужно одеваться для Дубка¹, пишу тебе.

Лёня мне показал в газете об эпидемии гриппа², он очень теперь боится за тебя. Как твои планы? То, что сегодня не было экстренного известия, меня чуть успокоило. Но все же ты сам понимаешь, что я теперь чувствую. Главное, мучает неизвестность. Как протекает болезнь Гали, как твое физическое самочувствие, душевное я представляю.

Хотя вы все меня обвиняете в том, что будто я люблю давать советы, но как раз, если бы ты меня спросил, что делать?, я ответила бы, что не знаю. Возможно ли Галию оставить одну, когда она уже встанет с постели, или нет?

Одно прошу: не переутомляйся и не пей много. Раз ты около больной, то ты должен вести правильный образ жизни. Обязательно отдыхай днем.

Теперь о делах. Мы еще больше сократились. Но я заметила, что как ни сокращаюсь, а около 20 fr. уходит, — Жозеф тогда что-нибудь купит, как то: соль, сахар, т<ому> под<обное>. Значит, 20 fr. нам на стол нужно. Теперь могут быть счета: электричество и дрова.

Если ты приедешь до 15 ян<варя>, то, конечно, можно большие счета подождать платить, но если ты задержишься, то нужно где-нибудь занять. А как дела с французами? Ведь если они дадут, то занять ты можешь на короткий срок. Только не мучь ты Галию тем, что нет денег, что ты в отчаянии. Помни, что всякое выздоровление лучше течет в хорошем настроении, ей, вероятно, и так несладко. Ей очень хотелось с нами провести наши праздники, да и вообще болеть не дома очень тяжело. А как мы все приготовили вам. В Галину комнату — это было во вторник — Лёня поставил цветы. А я хотела сорвать для тебя гелиотроп, а затем удержалась: «сорву, когда получу известие, что едут»... В среду весь дом был вытоплен. Зима все же очень мягкая. Сегодня мы совсем не топим, и я сижу и не мерзну. На топливо в этом году мы истратили гораздо меньше, чем даже в прошлый. Кроме того, пока вас нет, мы плиты разводим лишь раз в сутки. А печку на лестнице чаще всего затапливаем в пять часов. Да теперь дело на весну идет. А это всегда легче.

Лёня очень мил, особенно сегодня, он нам родной. Жаль, что ты не хочешь его по-настоящему узнать. У него удивительная душа и удивительная стойкость духа. Ни разу не поныл! Все время бодр и все время занят, очень сосредоточен. Последнюю неделю мы даже не гуляли, — я болела. Вообще, о нас вы не беспокойтесь, мы, конечно по-разному, обрели спокойствие, целыми днями каждый сидит в своей норке.

Поздравь от меня Манухину с выходом книги³. Вероятно, Иван Иванович⁴ так и сияет. В этом отношении она счастливый человек.

И.А. Бунин, В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова, Н. Рощин.

Грасс, 1929 г.
(ОГЛИМТ).

На обороте В.Н. Бунина написала: «Утренняя почта пришла на “Бельведер”. 1929 г.»

Сегодня был со мной «рождественский рассказ». Зашла в нужник, заперлась, а отпереть не могу. Кликнула Лёню, он спустился и тоже не может. Что делать? Он надоумил острым концом палки нажать то, что заело, и мы открыли...

Когда я вышла, он сказал: «Что бы вы делали без меня! Вот и я оказался нужен, а то бы всю ночь до утра просидели...» Чем не краткий рассказ! и ни елки, ни ужина!!!

Сейчас телеграмма, испугались очень.

Оказывается, сто fr., но денег не принесли, не было написано à domicile⁵. Завтра принесет почтальон.

Целую крепко и нежно.

Лёня шлет привет и поцелуй.

Т. К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/37.

¹ Т.е. для визита к Кутушевым на их ферму «Дубок».

² О надвигающейся эпидемии сообщали одна за другой две неподписанные заметки с одинаковым названием «Грипп в Париже» (Последние новости. 1933. 5 января. № 4306. С. 4; 6 января. № 4307. С. 5).

³ Таманин Т. <Манухина Т.И.> Отечество: Роман. Париж: YMCA-Press, 1933.

⁴ И.И. Манухин.

⁵ домой (фр.).

265. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 9 января 1933 г.

9. 1933 г.

Ненаглядный мой, то, чего я так боялась, случилось, ты заболел. Ради Бога, слушайся Серова. Будь осторожен. Не пей зря. Не натруждай сердце. Когда ты здоров, я легко пере-

ношу разлуку, а вот заболел, знаю, что тебе без меня трудно, кто голову потешет <так!>, кто успокоит?

Надеюсь, что Бог поможет и что ты уже здоров.

Погода последние дни стоит радостная, ночи лунные, свежие. Мы к вашему приезду дом весь уже раз вытопили, теперь в нем не так холодно. Сегодня Маргарита вымоет пол в столовой, он черен, и я велю затопить печку железную в столовой. Я пользуюсь тем, что мы не обедаем сегодня дома, — пол теперь сохнет медленно.

Спасибо тебе за все письма и деньги.

Если ты не будешь мочь выехать так, чтобы быть дома 15, то нужно прислать денег, чтобы заплатить за электричество. Ведь могут скоро и новый счет прислать. А Semerie?

Пиши ежедневно, хоть кратко.

Какая досада, эти дни из-за конкуренции из Гренобля в Ниццу 35 фр., а мы заплатили 90 за место!

Советую лишь одно: быть благоразумным.

Нежно обнимаю тебя, мой милый Ивчик, да сохрани тебя Бог.

Пусть Галя оставит прошение, чтоб ей дали что-нибудь с бала. Лёня пошлет Зеелеру. Прости за клочок, но я стала бедна бумагой, а пока не приедете, для машинки покупать не стану.

Нежно целую

Твой К.

Был ли ты у Манухиных?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/38. Месяц и место установлены по содержанию и сопоставлению с двумя предыдущими письмами.

266. В.Н. Бунина — И.А. Бунину, Г.Н. Кузнецовой

Грасс. 9 января 1933 г.

1933 г. 9 ян.

Милые, дорогие, отослала вам экспресс, а сейчас пишу, чтобы и в среду вы получили от нас весточку.

День чудный, но холодно.

Просмотрела газеты, и грусть одна! А почему они «Петра Первого» напечатали? Кажется, Толстой не корку жует, да и Словцов не мало получает¹. Я ничего не имею и против справедливости. Только какая же справедливость: Сазонова², я люблю ее читать, раз пятнадцать была, пока Лёню не печатали, а ведь у него тоже на лекарство денег нет. Кончился рыбий жир, а на вторую бутылку действительно нет. Да и что он получит с фельетона, пойдет в долги. Если бал³ не даст доходу, то будет очень плохо.

Смешной фельетон Тэффи⁴, видел ли ты ее, мы ведь тоже чуть с карточкой Неклюдова *gâteau du Roi* в «Дубок» не свезли... А там этого пирога ждали, — уже традиция.

У Маргариты муж надыхался серой, работая у Negre, и три дня была у него t. 40,3. Отец Жозефа поправляется. Вчера он не ездил в Ниццу.

Крепко целуем.

Открытка от Брауна⁵. Все сделано. Лютер⁶ тоже.

Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/39.

¹ Литературный раздел рождественского номера «Последних новостей» (№ 4308 от 7 января 1933 г.) составили произведения В. Барятинского, Н. Берберовой, А. Лукина, М. Струве, А. Ладинского, Р. Словцова, а также перепечатка из «Вечерней Москвы» главы из романа А. Толстого «Петр Первый». На перепечатку конкурирующее издание не замедлило откликнуться заметкой, открывавшейся словами: «Одна эмигрантская газета сочла нужным преподнести, как достойное чтение, своим читателям в рождественском своем номере отрывок из романа “Петр Первый” давно уже перешедшего к большевикам Алексея Толстого» («Петр Первый» — роман А. Толстого: Отзыв акад. С.Ф. Платонова // Возрождение. 1933. 8 января. № 2777. С. 2).

² В последнем на тот момент номере газеты была опубликована ее большая статья: *Сазонова Ю.* Графиня Сегор // Последние новости. 1933. 8 января. № 4309. С. 3–4.

³ 13 января 1933 г. Союз русских писателей и журналистов в Париже устраивал в залах отеля «Лютеция» очередной традиционный бал-концерт русских писателей. Был еще один бал, на который В.Н. Бунина могла возлагать надежды. 7 января 1933 г. общество «Быстрая помощь» провело первый вечер из серии «Былой Петербург», который завершился «Петербургским балом».

⁴ Фельетон был посвящен путанице с новогодними подарками и визитными карточками (*Тэффи.* Подарки // Возрождение. 1933. 8 января. № 2777. С. 2).

⁵ Федор (Фридрих) Александрович Браун (1862–1942) — филолог-германист, декан и профессор Петербургского университета (1905–1920). В 1920 г. не возвратился из научной командировки в Германию, профессор Лейпцигского университета (1922–1932), соредатор журнала «Беседа» (1923–1925). Его открытка неизвестна. В РАЛ сохранилось только одно его поздравительное письмо с Нобелевской премией от 22 ноября 1933 г. (РАЛ. MS 1066/1973).

⁶ Артур Федорович Лютер (Luther, 1876–1955) — славист, историк русской литературы, переводчик, критик, прозаик, мемуарист. Выходец из России, в 1899 г. окончил Московский университет, в 1903–1914 гг. преподавал историю литературы на Высших женских курсах, в 1912–1914 гг. преподаватель Московского университета, с 1914 г. жил в Германии, с 1918 г. сотрудник Немецкой национальной библиотеки в Лейпциге («Deutsche Bucherei»). Письма А. Лютера этого времени неизвестны.

267. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 9 января 1933 г.

Понедельник 9-го.

6 ч. вечера.

Милая, дорогая моя, нынче мне лучше — жар, дай Бог не сглазить, всего 37. Сейчас был Серов, говорит, что дело идет хорошо и что послезавтра можно будет выехать. Целую крепко.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/37. На фирменном конверте Hôtel Rajou печать Exprès; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue Singer, Paris, 9.1.1933», «Grasse. 10.1.33». Место, месяц и год установлены по почтовому штемпелю.

268. В.Н. Бунина — И.А. Бунину, Г.Н. Кузнецовой

Грасс. 10 января 1933 г.

1933. 10 января

Дорогие мои, шлю вам несколько слов. Надеюсь, что скоро приедете. С каждым днем ждать труднее.

Вчера были у Самойловых.

Радушие, гостеприимство, изобилие яств. Всякие закуски. Водка. Пирог с рыбой, маленькие птички. Вина (было и собственное). Розовый крем. Сыр. Фрукты, кофе, чай, варенье, мед. Радио. Мы танцевали. Лёня с Асей¹, а со мной князь². Хозяева уверили, что не умеют. Разговоры были: о идеализме, любви. Политику не трогали.

Домой добрались в третьем часу.

Я встала сегодня в 11 ч. утра. Проснулась обычно, но чуть не два часа лежала, чтоб отлежаться до отдыха полного после болезни.

День радостный, дом чист. Маргарита останется сегодня часа 2 ч., 2½. У вас все выстирано.

В комнате цветы, так что жилой вид. Солнце просушивает комнаты внизу. Их топили лишь тогда, когда мыли полы, и в день, когда мы ждали от вас весточки о приезде. Слава Богу, что можно топить с сумерками, — погода пока радует.

Вчера мы от Pré du Lac³ дошли до Дубка пешком. Шли молча. Высоко луна. Лай собак из Оrio⁴, белый замок его на возвышении, впереди море, сзади вдали огни Грасса, порой тишина такая, что уши ломило, вот уж правда: «слышите ли вы эту тишину?»⁵ (у Ибсена).

Перед уходом получили второй экспресс. И успокоились, и взволновались. Кашель? Нужно принимать то лекарство, которое принимает Лёня.

Молю Бога, чтобы у Яна не было бы осложнения.

Ждем и целуем вас обоих.

Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/40.

¹ Л.Ф. Зуров с А.М. Кугушевой.

² А.А. Кугушев.

³ Пре дю Лак (Pré du Lac) — селение между Ле Рурэ и Грассом.

⁴ Оrio (Оrio) — селение в Приморских Альпах по соседству с Ле Рурэ.

⁵ Очевидно, из пьесы Генрика Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899).

269. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Марсель. 12 января 1933 г.

ARRIVONS AUJOURDHUI DEUX HEURES DEMI. BOUNINE

Перевод с французского:

Приезжаем сегодня в половине третьего. Бунин

Публикуется по оригиналу: РАЛ. MS 1066A/38. Телеграмма. Почт. шт.: «Grasse, 12.I.33». Дата и место установлены по почтовому штемпелю и отметкам на бланке.

270. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Ларош. 9 июня 1933 г.

9. VI. 33.

5 утра (страшно качает — трудно писать)¹, проехал Дижон². Народу тьма, перешел в полночь в 1-й класс, оч<ень> измучился. В Avignon'e купил «Возрождение». Мерзавец Хо-

дасевич: «из *всего* самое ценное и интересное — воспоминания Толстой»³. Это «из всего» сказано *очень* недаром. Спал часа три. Крепко всех целую.

Публикуется по автографу: PAJL. MS 1066A/39. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>», почт. шт.: «Laroche Gare Yonne, 9.6.33», «Grasse, 10.VI.33».

¹ Бунин приезжал в Париж только на два дня: 10–11 июня 1933 г., остановившись вновь в Hôtel Rajou (12 июня отправился назад в Грасс). Письмо написано в поезде, отослано на железнодорожной станции. 10 июня 1933 г. в Сорбонне в рамках Дня русской культуры состоялось торжественное собрание, посвященное И.С. Тургеневу, на котором Бунин выступил с чтением отрывков из произведений Тургенева. В газетных отчетах репортеры писали: «И.А. Бунин мастерски прочитал из “Записок охотника” — “Хорь и Калиныч” — и две страницы из “Певцов”» (С. К. День русской культуры: Собрание в Сорбонне // Последние новости. 1933. 12 июня. № 4464. С. 2); «Профессора Омана сменил И.А. Бунин, специально приехавший на торжество с юга, где он обычно проживает. Бунин недаром пользуется репутацией лучшего чтеца среди писателей. “Хорь и Калиныч” и центральный отрывок из “Певцов” были прочитаны им поистине прекрасно» (Р. Д. День русской культуры в Париже // Возрождение. 1933. 13 июня. № 2933. С. 4).

² Дижон (Dijon) — главный город региона Бургундия, в 650 км от Грасса и в 320 км к юго-востоку от Парижа.

³ Бунина возмутило начало рецензии поэта и критика Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939) на номер журнала, открывавшийся его «Жизнью Арсеньева»: «Самое интересное и самое ценное из всего, что есть в 52-й книжке “Современных записок”, — это, конечно, воспоминания Александры Львовны Толстой об ее отце» (Ходасевич В. Книги и люди. «Современные записки», кн. 52 // Возрождение. 1933. 8 июня. № 2928. С. 3). Помимо Бунина, в номере были опубликованы главы из «Древнего пути» Л.Ф. Зурова, «Дома в Пасси» Б.К. Зайцева, «Самегга obscura» В.В. Набокова, стихи З.Н. Гиппиус, М.И. Цветаевой, Б.Ю. Поплавского, А.С. Штейгера, статьи Д.С. Мережковского, В.В. Вейдле, М.А. Алданова и др.

271. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 9 июня 1933 г.

1933 г. 9 июня
11 ч. 15 мин.
Villa Belvédère.

Дорогой мой, всю ночь тревожные сны, — беспокоилась о тебе. Как-то «неуютно», как бы сказал Горенька¹, стоял ты, отъезжая. И как это мы не догадались взять носильщика. Все бедность пугает, а вышло, вероятно, дороже. Не пришла сегодня и открытка от тебя, значит, из Марселя ты не послал нам ничего.

Утро свежее. Проснулась рано. Встала, выпила кофе и опять легла, но заснуть не могла. Открыла окно и читала в постели, пользуясь каким-то правом. Вошли садоводы со словами: «А, Иван Алексеевич!» и сообщили о выходе Ходасевича². Что это, месть Илюше за напоминание о долге³? И кто эта истеричка из его жен, которая хотела бы его снизить⁴? Марина⁵? Нюрка⁶? Нина⁷?.. И как он длинно развивал не новую мысль, что оба правы и оба виноваты⁸. Уж не заболевает ли и он какой-нибудь истерической болезнью?..

Тебе письмо от Ковалевского⁹. Посылаю ему эстафету, что ты в Париже у Rajou. Вот русские люди, только 6 мая собрался написать тебе! Кепинов в Бельгии.

Пошло это письмо экспрессом, чтобы оно пришло завтра, было бы вместо меня на вечере с тобой.

Очень прошу тебя не утомляться, помни, что при бедности нужно прежде всего думать о здоровье. Не пей лишнего. Маленький поток может доставить такое же удовольствие,

как и большой. Важно ведь «уметь съесть и уметь выпить». Помни, что «gourmet»¹⁰ выше «gourmand»¹¹ и пора нам с тобой быть только «gourmet».

Без тебя в доме пусто, даже быть не хочется. Все тихи. Лёня держит себя gentleman'ом, Галя мила, Жозеф предупредителен.

Чувствую себя спокойно, беспокоюсь лишь за тебя. Береги себя. Будь такой, каким ты был, когда вчера ехал на автобусе, милым, добрым и благостным.

Нам писем сегодня не было.

«Последние новости» опять не пришли, это уже бытовое явление...

Целую тебя, мой ненаглядный, Христос с Тобой.

Твой К.

Кланяйся, кого увидишь.

Сейчас Жозеф генерально чистит твой кабинет.

Ковалевского зовут Евграф Петрович.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/41.

¹ Г.П. Олейников.

² См. примеч. 3 к п. 270.

³ О чем идет речь, неясно.

⁴ В.Н. Бунина имеет в виду слова В.Ф. Ходасевича: «Кому приходилось иметь дело с истеричками (не в клинике, а в жизни), тот без труда различит в поведении Софьи Андреевны черты слишком знакомые. <...> Истерия особенно успешно развивается в тех случаях, когда больная постоянно видит возле себя человека, значительно превосходящего ее умом, дарованием или нравственными качествами. Весь ее пыл и напад направлены именно на то, чтобы сравняться с этим человеком, то есть либо подняться до него (сразу, без труда и для всех очевидно), либо принизить его до себя; я ничто — будь и ты ничто» (*Ходасевич В.* Книги и люди. «Современные записки», кн. 52 // Возрождение. 1933. 8 июня. № 2928. С. 3).

⁵ Марина Эрастовна Рындина (1887–1973) — первая жена В.Ф. Ходасевича (в 1905–1907).

⁶ Анна Ивановна Чулкова-Гренцион (1887–1964) — вторая жена В.Ф. Ходасевича (в 1911–1921, повенчалась в 1917).

⁷ Н.Н. Берберова — гражданская жена В.Ф. Ходасевича в 1922–1932 гг. Подробнее см. в биографии: *Шубинский В.И.* Владислав Ходасевич. Чающий и говорящий. СПб.: Вита Нова, 2011.

⁸ Текст Ходасевича почти целиком был посвящен этой теме: «В той непрестанной внутренней тяжбе, которою отмечены долгие годы отношений Толстого с его женой, правота и неправота разделились, мне кажется с некою равномерностью. Потому-то и самая тяжба, если мы непременно захотим решить ее в пользу одной из сторон, представляет такие непреодолимые трудности. Скажу больше — в этом деле мне обе стороны представляются одинаково правыми и неправыми, смотря по тому, с чьей стороны смотреть и что положить в основу суждения» (*Ходасевич В.* Книги и люди. «Современные записки», кн. 52 // Возрождение. 1933. 8 июня. № 2928. С. 3).

⁹ Евграф Петрович Ковалевский (1865/1866–1941) — юрист, государственный, церковный, общественный деятель. Действительный статский советник, чиновник особых поручений при министре народного просвещения, депутат III и IV Государственных дум. С 1919 г. в эмиграции во Франции. Активный участник и член правления многих эмигрантских объединений, обществ и союзов: Русской академической группы во Франции, Союза освобождения и возрождения России, Народно-монархического союза, Союза русских адвокатов за границей, Российского торгово-промышленного и финансового союза, Епархиального совета и др. Письмо его неизвестно.

¹⁰ гурман (*фр.*).

¹¹ лакомка, обжора (*фр.*).

Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин, В.А. Зайцева,
Б.К. Зайцев, Н.Б. Зайцева, В.Н. Бунина.
Конец 1920-х гг.
(РАЛ)

272. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Грасс. 11 июня 1933 г.

11 июня 1933.

Полдень.

Ненаглядный мой, у нас в доме ликование — две рецензии о «Прологе» от двух Зайцев. Боря прислал очень милое, интересное письмо по поводу книги¹, а К<онстантина> Ос<иповича> ты, вероятно, прочел². Он очень верно все сказал, на «мой слух». Даже Лёня признал, что я говорила то же самое ему в связи с «Прологом» о Гале... — Помнишь, мы шли по Mont Fleuri, и я уверяла тебя, что эта книга будет иметь успех, а ты сомневался. Бицилли написал и И<лье> И<сидоровичу> письмо с предложением дать рецензию о «Прологе». Илюша уже ответил согласием³. Он думает, что это для Гали лучше. Бицилли не знаком, а Степун — друг.

Вчера Фондаминские обедали у нас⁴, меню было такое же, как и в последний раз, когда у нас обедала А<малия> Ос<иповна>. Зеленые щи, спаржа, наша картошка, сыр, клубника, затем чай и кофе с вареньем и печеньем.

Наше путешествие в Драгиньян⁵ прошло благополучно. А как мне следовало бы поездить. Просто сидеть у окна и смотреть. Ты и представить не можешь, до чего у меня изболелась душа, а когда вижу новые пейзажи, виды, то ни о чем не думаю. Необыкновенно живописен путь, много полей лилий, дрок поражает своей пышностью и огромностью, — выше человеческого роста! Но много заброшенных домов, поместий. Очаровательные городки, одна замечательная церковь около Фаянса⁶. В Драгиньяне есть тоже художественные уголки из прежнего мира, но жить там, вероятно, очень тоскливо, хотя есть чудесная с огромными садами усадьба, и гулять можно много по гладкому. Стоило каждому по 40 франков.

Вчера была вечером сильнейшая гроза, и у меня ночью очень болело физически сердце, я даже от боли проснулась, приняла капель, и все прошло.

Очень плохо миссис Далглиш⁷. Ждут смерти из часа в час. А<малия> О<сиповна> не спит ночей.

Илюша очень еще возбужден от своего успеха⁸. Он сделал невозможное. Все обнимаюсь...

Без тебя мне грустно, но все же не спеши домой. Получи хоть какое-нибудь впечатление, — ведь тебя ждет большая работа.

Может быть, ты приедешь с Борей⁹? Он пишет, что им на юг нет возможности приехать. Мне жаль его. Ему я с радостью уступлю свой кабинет. Только пусть привезет наволочек и простынь. Целуй его и Верочку.

У меня на столе русский жасмин.

Лёня тебя целует. Галя сама пишет. Жаль, сегодня нельзя послать письмо экспрессом.

Голубой домик в Rouret разлетается. Милия — в Прагу плясать, муж ее будет шоферствовать, поэтесса — в Ригу, Волков — в Америку, куроводство продается¹⁰... Ну и русские люди!!! Обнимаю тебя со всей нежностью.

Твой К.

Не забудь мне несколько газет от 18 марта с «Москвичами»¹¹.

Узнай, пойдет ли мой Елпатьевский¹².

С шофером говорила, у него новая большая машина.

Ждем распоряжений.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/42.

¹ См. отзыв Б.К. Зайцева в его письме Г. Кузнецовой от 9 июня 1933 года: «Дорогая Галина, пишу Вам, только что окончив Вашу книжку — с *очень приятным и светлым* впечатлением. Вам удалась эта вещь! Прямо надо сказать. Изяшно, тонко, отличный, правдивый тон. “Живописные” места иногда — прелесть, и у меня даже отмечено на страницах, красным карандашом. В пейзажной и лирической стороне Вы сильнее, чем в человечески-изобразительной. (Зину Вашу я не знаю. На слово Вам верю, но больше по дружескому знакомству.) Киев, Днепр, все Аскольдовы могилы, краски, запахи — это все *есть*. Вот погодите, Вас назовут теперь “акварелисткой” и протаскаете на себе эту кличку лет 25. А мне Ваши нежные и прозрачные краски родные очень — нравятся. / Хороша еще композиция: оживленно — несмотря на малое количество событий и отсутствие движения “развертывания”. Сценки взяты очень своеобразно — даже <неприданное?> для Вас своеобразие я усмотрел именно в *постройке* этих сенок. Читается Ваш роман легко — он наверно будет вообще иметь успех. (Вернее сказать: уже имеет.) Я слышу хорошие отзывы. Даже от Масло-Ходасевича. (Оказывается, у него двойная фамилия. Мне сперва послышалось: Ясло — и я довольно долго “держал” его за Ясло-Ходасевича.) / Но только это не роман. Понимаю, что надо же как-нибудь назвать, в подзаголовке. Не роман. Роман обязательно требует элемента фантазии, комбинаций, вранья, чего в Вашем “Прологе” нет. Вы поэт по преимуществу» (FSO. F. 141).

² Зайцев К. Женская доля // Россия и славянство. 1933. Июнь. № 221. С. 4.

³ Письма П.М. Бицилли к И.И. Фондаминскому утрачены со всем архивом последнего, но сохранилось письмо П.М. Бицилли к В.В. Рудневу от 7 июня 1933 г.: «Мне бы хотелось дать рецензию на очень мне понравившуюся книжку Г. Кузнецовой (“Пролог”» (*Бицилли—СЗ*. С. 521). 31 июля 1933 г. И.И. Фондаминский написал Бунину: «Пришла от Бицилли рецензия на “Пролог” — хвалебная» (*Бунин—СЗ*. С. 860). Рецензия П.М. Бицилли была опубликована осенью (*Современные записки*. 1933. Кн. 53. С. 453–454). Г. Кузнецова записала в дневнике 13 октября 1933 г.: «Пришла книжка “Современных записок”. В ней статья Адамовича об И.А. и рецензия Бицилли на мою книгу. Рецензия, спору нет, лестная, но беда в том, что о самой книге мало, а больше по поводу» (*Кузнецова (1995)*. С. 280).

⁴ В дневнике В.Н. Буниной нет записей между 27 мая и 13 июня 1933 г.

⁵ Драгиньян (Draguignan) — город в горах к западу от Грасса. 13 июня 1933 г. В.Н. Бунина сделала в дневнике запись о путешествии почти теми же словами: «Были в Драгиньяне. Изумительно хороша дорога, и ехали в поезде. Целые прямоугольники лилий, дроки поражали, восхищали и даже пугали своей величиной и пышностью» (РАЛ. MS 1067/408).

⁶ Фауенсе (Файанс), коммуна в департаменте Вар, в Провансе.

⁷ Маргарет Далглиш. Не удалось найти сведений.

⁸ Вероятно, публикация «Пролога» воспринималась как, в значительной мере, успех Фондаминского.

⁹ Б.К. Зайцев.

¹⁰ Речь идет о Кугушевых, Самойловых и их окружении.

¹¹ В газете был опубликован мемуарный очерк В.Н. Буниной об учителях гимназии Степане Федоровиче Фортунатове и Всеволоде Петровиче Шереметьевском: *Муромцева В.* Москвичи // *Последние новости.* 1933. 18 марта. № 4378. С. 4.

¹² «Последние новости» отказались печатать очерк В.Н. Буниной о С.Я.Елпатьевском. 24 октября 1933 г. ей написала М.И. Цветаева: «Мне бы *очень* хотелось прочесть Ваше про Елпатьевского — нет ли у Вас машинного оттиска? Давайте обмениваться “отверженцами”» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7: Письма. М.: Эллис Лак, 1995. С. 259). Машинопись статьи сохранилась (РАЛ. MS 1067/48–49).

273. И.А. Бунин — В.Н. Буниной, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зурову

Париж. 11 июня 1933 г.

Воскресенье.

Милые, дорогие, писать некогда. Выеду, вероятно, завтра (в понедельник), в Гренобле ночью, в *Digne 'e*¹, Бог даст, буду во *вторник* в 3 ч. 42 минуты дня. К этому времени и буду ждать вас — возле вокзала².

Крепко целую.

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/40. На почтовой бумаге Hôtel Rajou. Дата установлена по содержанию.

¹ См. примеч. 1 к п. 263.

² 13 июня 1933 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «*Ян сегодня должен вернуться.* Мы едем его встречать в Динь» (РАЛ. MS 1067/408).

274. И.А. Бунин и другие — В.Н. Буниной

Париж. 15 ноября 1933 г.

Целую всех!¹

Ив. Бунин

15. XI. 33. У Корнилова².

<Р.Г. Осоргина:> Целую, обнимаю нежно. Завтракаем все у Корнилова и очень жалеем, что Вы не с нами. Пьем за здоровье И<вана> А<лексеевича> и Ваше.

Reri³.

Борис З.⁴ И. Демидов

<И.И. Фондаминский:> Целуем и любим. И. Фондаминский.

<М.А. Алданов:> Целую — ручки. Ваш М. Ландау.

<М.С. Цетлина:> *Очень* всех ждем. Мария Цетлина.

<Я.М. Цвибак:> Седой Цвибак!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/41. Фирменная открытка с фотографией ресторана зала и подписью: Restaurant «*Chez Korniloff*», 6, rue Armaillé, Paris»; адрес получателя: «*Mme V. Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ips> M<aritimes>*»; почтовых штемпелей на открытке нет, вероятно, была послана в несохранившемся конверте.

¹ После объявления Нобелевского комитета о присуждении премии по литературе Бунин 14 ноября 1933 г. уехал в Париж; В.Н. Бунина и Г. Кузнецова приехали туда 23 ноября.

² Званный завтрак в ресторане был устроен по случаю присуждения Бунину Нобелевской премии в первый день его приезда в Париж. Федор Дмитриевич Корнилов (1864–1945) — повар, ресторатор, благотворитель. До революции работал в ресторане петербургской гостиницы «Европа», затем выполнял заказы для Царского Села, Петергофа и Зимнего дворца, для великих князей. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Работал в ресторане «Эрмитаж», в 1924 г. открыл собственный ресторан «Осетр» и в том же году был признан первым кулинаром Франции. Работал шеф-поваром в ресторане «Доминик», затем открыл ресторан «У Корнилова» («Chez Korniloff») по адресу: 6, rue d'Armaillé, Paris, XVIIe.

³ Р.Г. Осоргина.

⁴ Б.К. Зайцев.

275. В.Н. Бунина и другие — И.А. Бунину
Ле Рурэ. 15 ноября 1933 г.

Среда.
15 ноября 1933 г.

Дорогой, пьем в Дубке¹ за твое здоровье шампанское. Я заказала 2 платья за 2000 фр. Будут готовы в субботу.

М-ме Неклюдова² изумительна и советует все сделать здесь.

Вера

<А.М. Кугушева:> Милый Иван Алексеевич, пьем Ваше здоровье и жалеем, что Вас нет среди нас.

Ася Кугушева³

<В.П. Штернберг:> И я присоединяюсь со своим сердечным поздравлением и искренним приветом.

В.П. Штернберг⁴

<Г.Н. Кузнецова:> Родной мой, будьте счастливы и здоровы.

Галя

<Л.Ф. Зуров:> Здравья, здоровья и здоровья.

Л. Зуров

<А.А. Кугушев:> Спасибо!

А. Кугушев
Н. Минаев⁵

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/43. Почтовая открытка; адрес получателя: «Mr Bounine, Hôtel Majestic, Av<enue> Kléber, Paris 16e»; адрес отправителя: «M. Doubak. Le Rouret, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Le Rouret, 16.11.1933». Место установлено по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 1 к п. 251.

² Надежда Васильевна Неклюдова (урожд. Безобразова, 1864–1945) — жена А.В. Неклюдова, член Дамского общества в память императрицы Марии Федоровны.

³ См. примеч. 1 к п. 251.

⁴ Не удалось найти сведений.

⁵ Не удалось найти сведений.

276. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 16 ноября 1933 г.

1933 г. 16 ноября

12 ч. 35 м. дня.

Дорогой мой, дождь обломный с грозой, — жутко было, — помешал мне с Галей ехать в Ниццу. Надежда Вас<ильевна>¹ вчера провела со мной весь день. Она меня очень трогает своей заботой. Но я рада, хоть день отдохну, а главное, я услышала твой голос и почувствовала, что ты спокоен и, не сглазить, доволен. Береги себя.

Вчера мы ужинали у Кугушевых. Было шампанское, но не было Самойловых. Послали тебе открытку², как и Лапинскому³, где я написала, что ты благодаришь его. Послали и Пэке⁴.

Утром был синемаграфщик, чтобы заснять тебя, я сказала, где ты⁵.

Живем мы хорошо, я своими детьми⁶ довольна, они оба много работают с корреспонденцией, и очень спокойно⁷, сейчас готовят для экспресса список поздравлений, которые ты и получишь. На почту идет Жозеф, я не пустила ни того, ни другого, — сыро, а Галя покашливает, как всегда в такие дни.

Лёня ведет точный расход всех трат. Было ли в газетах, что Кульманы поздравляли⁸? Виделся ли ты с ними?

Пришло трогательное поздравление от Ниндаль⁹ (1 rue Jacques Offenbach).

Да, главное: Гебер просит ему дать право на шведском языке издать мои мемуары! Пришлал телеграмму¹⁰. Вот не хотел между делом просмотреть их, а то бы и аванс сейчас у меня был бы!

Пошли Евг. Ал.¹¹ через Торгсин. Рери¹² это сделает, а то вдруг они голодают в эти дни!

Нежно целую, ci-devant К.

Был ли у Евлогия¹³? Хорошо было бы отслужить молебен.

Когда банкет¹⁴?

Видел ли Пэку¹⁵? Прислал восторж<енное> письмо¹⁶.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/44.

¹ Н.В. Неклюдова.

² См. п. 275.

³ Михаил Никитич Лапинский (1862–1949) — отец А.М. Кугушевой, невропатолог. До революции профессор Киевского университета. С 1920 г. в эмиграции в Югославии, профессор Загребского университета, основатель клиники нервных и душевных болезней.

⁴ Н. Рошин.

⁵ Съёмка для кинохроники была произведена 18 ноября 1933 г., см. об этом: И.А. Бунин в Париже // Последние новости. 1933. 21 ноября. № 4626. С. 3.

⁶ Речь о Г. Кузнецовой и Л. Зурове.

⁷ Однако уже через несколько дней В.Н. Бунина в дневнике 21 ноября 1933 г. записала: «А дома у нас плохо. Галя с Леней все ссорятся» (РАЛ. MS 1067/409).

⁸ К тому времени газеты успели опубликовать лишь поздравительные телеграммы от редакций и союзов, да самые первые интервью и статьи.

⁹ В письме Ниндаль от 11 ноября 1933 г. говорилось: «Господин Бунин, с какой радостью мы узнали из газет о присуждении Вам Нобелевской премии. После всех похвал, полученных от самого высокого общества, примите и наши смиренные, но самые искренние поздравления. Наши добрые пожелания мадам Бунин, мадам Кузнецовой и месье Зурову» (пер. с фр.) (РАЛ. MS 1066/4236).

¹⁰ Телеграмма неизвестна.

¹¹ Старший брат Бунина Е.А. Бунин умер в Ефремове 21 ноября 1933 г. И.А. Бунин из-за границы помогал ему материально и продуктовыми посылками, в частности, через Торгсин.

¹² Р.Г. Осоргина.

¹³ Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946) — епископ, митрополит (1922), общественный деятель. Один из руководителей Союза русского народа, депутат II и III Государственной думы. С 1920 г. в эмиграции в Югославии, затем в Германии, с 1922 г. в Париже. Управляющий русскими православными приходами Московской Патриархии в Западной Европе, с февраля 1931 г. в юрисдикции Константинопольского Патриархата (Западноевропейский экзархат русских приходов). Организатор и затем ректор Богословского института в Париже (1925–1946). Член правления объединения «Православное дело».

¹⁴ Чествование Бунина в Париже состоялось 26 ноября 1933 г.

¹⁵ Н. Рошин.

¹⁶ Писем Н. Рошина к Буниным за этот период в РАЛ не сохранилось.

277. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 18 ноября 1933 г.

18 ноября 1933 года.

Прости, что взяла твою бумагу, но на ней можно писать четко, чтобы ты не тратил времени на разбор почерка.

Вчера ночью писала тебе длинное письмо, пронесла его в кармане, но не послала, именно потому, что оно написано мелко и тесно.

Буду кратка. Твое нежелание быть с нами в дни твоего торжества меня удивило. Действительно, ни один человек не знает другого. Да и сам он себя не знает. Через двадцать семь лет ты удивляешь меня... Думаю, что если бы год назад тебе говорили, что ты будешь в состоянии жить один в Париже и поедешь *один* в Стокгольм, ты возмутился бы на говорившего.

Цель моего этого письма — просьба подумать серьезно о твоём решении ехать без нас за премией. Галя призналась мне, что это *самое её сильное желание*, и, поверь, никакие будущие путешествия не искупят некоего оскорбления, то есть нежелание иметь около себя лиц в самый значительный день твоей жизни, которые делили с тобой гречневую кашу. Кроме того, Неклюдов, насколько ему позволяет воспитание, настаивает на моей поездке в Стокгольм: «шведы — народ семейственный, Вы в их вкусе, — они любят интеллектуальных женщин, и ваше присутствие для И<вана> А<лексеевича> прежде всего необходимо!». Подумай, у тебя двое молодых писателей с замечательными точными глазами. А что несут твои новые «любимцы» — какая порой бестактность, и не будет наших письменных опровержений в форме дневников, записей и воспоминаний. Мы прочли внимательно, например, запись Цвибака², и только *две твои фразы*, остальное à-ла-Шмелев!.. И как ты позволяешь, что тебя Цвибак за плечи усаживает. Нет, интервьюеры <так> на Belvédèr'e даже Кугушевыми обрабатывались лучше... Поэтому боюсь, что без нас ты очень проигрываешь, даже «маленького роста кажешься». И сколько ненужного наперла Городецкая³, надо выбирать!

Теперь денежный вопрос. Если наша поездка в Швецию состоится, то я *на три года отказываюсь* от всяких путешествий, с кем ты их ни совершал бы. Ты знаешь, что я *слово свое держать умею*.

Из London Gothenburg в 35 h. стоит 800 fr. — это уж не так дорого.

Еще все можно устроить: и визы, и остановку в Стокгольме. Подумай, ведь после Швеции, где было бы так приятно и поэтично провести Рождество, ты будешь так утомлен, что

жить в Париже не будет сил. Да и жизнь там после премии будет и *тяжка*, и *дорога*. А тут мы можем после нее вернуться или домой, или... кто куда. Ты с Галей можешь проехать по Италии. Я же могу поехать с Лёней или домой, или в какую-нибудь савойскую дыру. Иначе у нас никакой радости от твоего торжества не будет, и до могилы мы будем нести горечь обиды. И ты сам в будущем будешь раскаиваться *очень*.

Мы ведь и не улыбаемся. Заботы, тревога за тебя и обида. Я почти не сплю — час, два в сутки.

Заказали себе туалеты, а сами думаем: к чему — парижскую публику развлекать... Гале сегодня выбрали очень изящное платье. Мне уже мерили оба, не сглазить, хорошо. Я даже удивлена, что я такая. Помогает еще то, что я катастрофически худею. Была Казаран, чтобы помассировать мои «люмбаги», и пришла в изумлении: «Конечно, для нервов массаж необходим, а так не нужно, вы очень сильно похудели с сентября!» Я, конечно, довольна: «линия» есть в силуэте в моей «лебединой песне», но, боюсь, что все-таки жизнь на Колà⁴ до добра не доведет. Галя грустна, внутренне нервна, но сдерживается. Живем мы очень дружно. С Галей проводим много времени вместе. Она и Лёня много работают для тебя. Лёня в дождь, вчера, в рваных башмаках полетел на почту, чтобы ты поскорей получил контракты. Промочил ноги, но, к счастью, волновался и не простудился. Галя перебрала всю корзину. Как-то работали до часу ночи, словом, не один Цвибак для тебя «старается». У меня почти все готово. Белья я не покупала — это можно в Париже между делом, как и манто, то есть шубку. Ее можно купить у Солдатского⁵ в кредит.

По вечерам мы на часок собираемся вместе или в спальне у телефона, или в кабинете возле газет и тихо сидим под шепот дождя. Погода ужасная. Очень боюсь, как бы не простудился бы кто из нас. Слава Богу, сегодня взяла свой зонтик из магазина. В среду наши платья будут готовы, в четверг или пятницу мы могли бы и выехать. Извести по телеграмме или телефону, когда ты хочешь, чтобы мы приехали. Рери⁶ написала, что все «сказка», а мы в этой сказке — Золушки. Она пишет, что у тебя две постели, огромная ванна, где можно жить двум. Может быть, только и нужно один лишний номер где-нибудь вверху занять, а мы с Галей и у тебя поместились бы, хотя бы на первое время.

Кажется, обо всем написала. Может быть, и засну.

Очень милы Неклюдовы, кормят нас завтраками. Она подарила Гале шелковую рубашку, а то мерить платье было не в чем.

Гебер просит телеграммой авторизацию у меня на мои мемуары⁷. Я ответила ему на превосходном французском языке ни да, ни нет. Но меня это очень подбодрило. Может быть, и на моей улице будет праздник, и я заработаю кроны. Ведь у меня много написано.

Будь здоров, не утомляй себя. Иногда вспоминай о своих кроликах. Вот уже, действительно, «кто был удивлен, так это кролики»⁸... — не ожидали!

Кроме Рери никто не написал, как все было. Открытку получили из Корниловского ресторана⁹.

Завтра весь день посвящу уборке дома.

Бесперывные дожди мешают стирать.

Надеюсь сегодня заснуть. За двое суток я не спала и пяти часов.

Целую.

Т. В.

Галя уже спит. Лёня тоже в постели.

Я могу написать и Олейникову¹⁰, и Шессену¹¹, чтобы достали билеты нам на раздачу¹².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/45.

¹ Решение Бунина ехать в Стокгольм одному было высказано им жене, очевидно, по телефону. Во всяком случае, письма не сохранилось, см. в то же время записи Г. Кузнецовой о двух телефонных звонках Бунина из Парижа 17 ноября (*Кузнецова (1995)*, С. 285) и доведено, очевидно, и до сведения шведской стороны. В письме к Бунину С. де Шессена от 21 ноября 1933 г. есть прямой ответ на него: «Очень удручены известием, что Вера Николаевна не приезжает. Мы так радовались при мысли, что увидим вас обоих» (РАЛ. MS 1066/5034). Когда же решение Бунина изменилось, Г.П. Олейников прислал письмо В.Н. Буниной: «Дорогая Вера Николаевна. Получил телеграмму от Густава Людвиговича <Нобеля>, что Вы приезжаете в Stockholm и очень этому возрадовался <...> ибо сообщение о том, что Вы не приедете, огорчило многих» (РАЛ. MS 1067/5693; письмо от 28 ноября 1933 г.)

² *Седых А. <Цвибак Я.М.>* И.А. Бунин в Париже // Последние новости. 1933. 16 ноября. № 4621. С. 4.

³ Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985) — литератор и журналист. Ее статья о Бунине была опубликована во французской «Энтрансижан» 12 ноября 1933 г. Заметка об этом появилась в эмигрантской газете: Французская печать о Бунине // Возрождение. 1933. 13 ноября. № 3086. С. 3.

⁴ Кока-кола появилась во Франции в 1920 г. Трудно сказать, имеет ли в виду В.Н. Бунина напиток или какой-то другой продукт со схожим составом.

⁵ Неделю спустя, 25 ноября 1933 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Уже заказываем манто у Солдатского» (РАЛ. MS 1057/409).

⁶ Р.Г. Осоргина.

⁷ Телеграмма Н. Гебера не сохранилась.

⁸ Первая фраза эссе А. Доде «Водворение» (1868), открывавшего его сборник «Письма с моей мельницы» (1869).

⁹ См. п. 274.

¹⁰ См. примеч. 4 к п. 262.

¹¹ С. де Шессен (С.Б. Шершевский) принимал участие в организации бунинских Нобелевских дней в Стокгольме (в частности, обеда в Foreign Press Association). См. также примеч. 8 к п. 244.

¹² Речь о билетах на торжественное собрание по случаю присуждения Бунину Нобелевской премии. См. газетные сообщения: «В торжественном собрании 26 ноября в Театре Елисейских Полей председательствовать будет В.А. Маклаков <...> Билеты на чествование И.А. Бунина в 3, 5, 6, 10, 15, 20 и 25 фр. Есть небольшое количество в 40 и 50 фр.» (Чествование И.А. Бунина // Последние новости. 1933. 21 ноября. № 4626. С. 1).

278. И.А. Бунин — В.Н. Буниной, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зурову Париж. 20 ноября 1933 г.

Понедельник 20-го.
2 часа дня.

Дорогие, милые, повторяю то, что сию минуту говорил по телефону: 1) я ни в чем не виноват, рассказать, как я живу эти дни, *невозможно* — расскажу более или менее, когда приедете; 2) огорчен за тебя, Вера, истинно до глубины сердца; но — точка — этого в письме особенно нельзя высказать; 3) посылаю нынче или завтра телеграфом три тысячи (сейчас бегу доставать эти деньги — не думайте, что у меня лежат на столе миллионы! 4) выезжайте *в среду*, если можно, — в крайнем случае в четверг, но не позднее.

Крепко всех целую.

Больше нет ни минуты свободной.

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/42. На почтовой бумаге Hôtel Majestic, Paris. На конверте «Exprès» адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère. Grasse. A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris 75, 20.11.33», «Grasse, 21.11.33». Месяц и год установлены по почтовому штемпелю.

279. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 21 ноября 1933 г.

1933 г. 20–21.

Ночь.

Заснула скоро, а затем проснулась и не могу спать. Долго лежала в большом оцепенении. Встала, сошла в кухню, съела рубленую котлетку, выпила красного вина и потянуло писать тебе, сказать, что твои милые слова меня сегодня очень утешили и остро захотелось тебя. Я держусь. Молю Бога, чтобы Он тебя сохранил, даже с радостью принимаю страдания. Может быть, это искупление за то счастье, вполне тобой заработанное, которое выпало на твою долю. Сохрани тебя Господь! Был ли ты у Евлогия?

Мне кажется, что поездка в Швецию меня отвлекла бы. Не бойся трат на это. О Лёне не думай. Он и в Париж не хотел ехать. Он еще слаб. Его на наше отсутствие можно будет где-нибудь устроить. Он

очень скромнен в своих тратах. Купил, наконец, пару ботинок черных за 135 fr. у Nanan¹. И в восторге! Там теперь цены доступные. А для Грасса хочет потом купить за 35 fr. у Бата². Галя тоже купила у Nanan³ — прямо чудо какие! А я у Рауля³, и тоже очень довольна. Платье вечернее вышло очень удачное, подчеркивает все мои достоинства. Дневное тоже черное, пожалуй, менее красиво, но во всяком случае вполне может присутствовать при раздаче премий... Галино вечернее белое очень хорошо, скромно и изящно, мало открыто, не простудится. Завтра постараемся купить ей готовое, вероятно, тоже черное. Шляпы и у меня, и у ней удачные. Мне осталось купить перчатки и немного белья. Все это для Швеции вполне достаточно, а шубка нужна и для Парижа. Моей ведь 19 лет! Можно взять в кредит у Солдатского. Может быть, мне кто-нибудь и дал бы с собой манто, но лучше свое. Очень хороша удалась у меня юбка и светтер, так что — пиджачная пара, смокинг и фрак у меня имеются. Все скромно, изящно — как и подобает тем, кто в изгнании.

Квартиру *не снимай* до нашего приезда. Обсудим и решим все вместе.

Обнимаю тебя, ненаглядный мой, очень тяжело мне без тебя. Но я держусь лучше, чем весной.

Твой К.

У Гали тоже все есть.

Гебер в телеграмме меня приглашает в Стокгольм⁴.

Митя пишет, что Павлик очень страдал⁵.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/46. Месяц и место установлены по содержанию.

¹ Nanane — обувная фирма.

В.Н. Бунина, И.А. Бунин, В.Н. Ладыженский.

Грасс, конец 1920-х гг.

(РАЛ)

² Bata — до Второй мировой войны крупнейшая в Европе чешская обувная фирма, действующая и поныне, но в Швейцарии.

³ Владелец местного магазина одежды.

⁴ Телеграмма неизвестна.

⁵ Письмо Д.Н. Муромцева от 12 ноября 1933 г. (РАЛ. MS 1067/4601) о самоубийстве П.Н. Муромцева. В дневнике В.Н. Бунина записала 21 ноября 1933 г.: «Вчера письмо Мити — *Павлик покончил с собой*. 12 ноября в 1 час дня принял яд. Увезли в клинику Кончаловского, где он учился и был ординатором. Мучили его там, в 7 часов скончался. Да, действительно, он прав, он — неудачник. А он был очень одаренный человек, мучился он этот год ужасно. Страдал невыразимо и почти не жаловался. Почему он это сделал? Потому ли, что почувствовал возврат болезни или чувствовал, что не может работать? И не хотел влачить своего жалкого существования? Ян очень взволновался, хорошо сказал мне несколько слов. Остро хочется быть с ним» (РАЛ. MS 1067/409).

280. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Дижон. 21 января 1934 г.

21 Janvier 1934.

Дорогой Ян, сижу в кафе и под веселую музыку пишу¹. Сейчас пять часов. Лёня еще шагает по городу, а я, проехав город насквозь на траме, — (рецепт папы для знакомства с городами) — я засела писать тебе.

Холодно так, как бывало в самые морозные дни в Стокгольме. Небо тоже стокгольмское, но жизнь совсем другая. Там было богато, славно. Здесь бедность и безвестность, но чувствую я себя гораздо лучше здесь, чем там, вероятно, от бедности и безвестности. Кафе теплое, музыка веселая, чашка с шоколадом «дымится», как пишут плохие беллетристы, и вытертые обшлага шубы не смущают и не портят настроения, — жалею, что давно не приехала сюда, тогда можно было пожить и в лучших условиях, чем теперь. Дело в том, что багаж стоил 129 фр. 80, сто двадцать девять! кроме того, мы свои чемоданы взяли в вагон, — значит, всякий раз нужен носильщик. Я вспомнила, что когда мы ехали в Париж, то за багаж заплатили около ста франков, — ведь мы везли с собой весь дом! И поэтому, чтобы снова не попасть в то положение, в каком я была в Гренобле, приходится экономить! За комнаты — 12 фр. Я обошла пять отелей и, наконец, удалось найти за такую цену (без подушек, лифта, и нужник внизу — арабский, а мы в III-ем этаже), на 15 франков не взошла². Обедали на вокзале — я мозгами и сыром, а Лёня эскарго³ — 5 fr. дюжина, говорит, сытно — съел огромный хлеб, лежащий на столе. Пишу тебе это так подробно, чтобы тебе не казалось, что наше возвращение в Грасс тебя разорило. Пока расходы таковы.

Выход из отеля	35 fr.
такси с багажом	20 оно бы<ло> завалено чемоданами
носильщик в Париже	20 fr. они с нами возились долго
доплата до Grasse ville	10 _____
носильщик в Дижоне	5
комнаты	24
обед à la carte	23 — fixe 15 fr. — не взошли.
кафе	_____

137

Больше на вокзале есть не будем, Лёня нашел ресторанчик, где обед стоит 9 fr.

Здесь мы выпили по чашке шоколаду и съели по кусочку дижонского пряника⁴, очень они вкусны.

Между прочим, выяснилось, что Лёня чемоданы купил не на твои деньги. Он занял у знакомых.

Чувствую себя недурно, капель не принимала.

Ночью было очень грустно. Подумать только: прожить с человеком 27 лет, и когда он стал богат, то он лишает тебя всякого доверия — Кульман, Фондаминский, Ельяшевич — знают о тебе больше, чем я⁵. Советую тебе подумать о последствиях. Как бы это тебя не погубило. Со мною ты шел вверх.

Целую.

Вера

Гале напишу отдельно.

Лёня шлет привет и целует.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/47. На почтовой бумаге Grand Café Glacier, Dijon.

¹ На обратном пути из Швеции, доехав через Германию до Парижа, Бунины разделились: 20 января 1934 г. В.Н. Бунина вместе с Л. Зуровым уехала из Парижа, провела несколько дней в Дижоне и Авиньоне, затем приехала в Грасс. Бунин с Г. Кузнецовой остался в Париже до 31 января.

² См. в рассказе Бунина «Капитал» (1930): «Нет, на семитку не взойду. Капитал не позволяет».

³ От *фр.* escargots — улитки.

⁴ Известный со Средних веков бургундский деликатес — пряники на сваренном меду с анисом, имбирем, апельсином или лимоном.

⁵ Н.К. Кульман, И.И. Фондаминский и В.Б. Ельяшевич образовали комитет, взявший на себя распределение пожертвованной Буниным части денег из Нобелевской премии между эмигрантскими организациями и нуждающимися отдельными писателями. См.: *Марченко* (2007). С. 493–495.

281. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Авиньон. 23 января 1934 г.

23 января 1934 года.

Дорогой Ян, вчера я в первый раз после 10 марта¹ испытала настоящую радость. Может быть, это оттого, что около семи лет тому назад мне в Авиньоне показалось, что мне улыбнулась судьба², правда, на деле улыбка так и осталась улыбкой, но все же и за эту улыбку я благодарна этому папскому городу³. Кроме того, я увидела замок ночью. Большая Медведица, опустив свой хвост вниз, как-то необычно стояла над северной грубой башней, а над южной высоко взвился Орион, и Сириус мягким светом не уступал полумесяцу. Было холодно, но тихо. Вспомнился Нюрнберг⁴. Мы медленно поднялись и с террасы увидели реку с отраженными огнями и услышали шум, что это, поезд или пороги-шлюзы? Город спал, хотя было всего 10 ч. 20 <м.> вечера.

Я долго смотрела на реку, на портал храма, чудесный по линиям, на южную башню под Орионом, на мохнатую ель и думала, как почти всегда в подобных местах, что очень немногие люди знают, в чем счастье. За семь лет я очень изменилась — и срок такой, когда человек даже телесно почти весь меняется. Много ценного приобрела я за этот срок, от многого, чего жаждала двадцать лет моя душа с несказанной болью, отказалась. До конца поняла, что человек рождается один, страдает один, умирает один и жить, значит, должен один, не физически, а душевно, духовно, психически. Поняла, что жить без Бога, без личной ответственности нельзя, и еще больше поняла, и это за самое последнее время, что ни

на кого, даже на самого близкого человека, надеяться нельзя, и он может тебя оскорбить тем, что тебе не верит, как люди оскорбляют Бога своим неверием. Надеяться нужно лишь на Бога и при Его помощи на самого себя. Поняла, что и обижаться, и оскорбляться за это невозможно, а нужно лишь освободиться от всяких пут земных, если Бог и долг не накладывают их на тебя.

Счастлива я и отличной чистой комнатой, которая стоит 15 фр.! Отель Midi. Очень чисто, только лифта нет, счастлива и солнечной холодной погодой. Вообще, я на улице очень мерзну. Напрасно Галя отправила свою шубу. Правда, у меня нет теплого белья, и я еду в кофточке с легкими рукавами. Радуют лишь ботики.

Сейчас опять выйдем в город. Вчера весь день сидели на холодной еде — с ресторанами покончили на долгое время.

Отдал ли ты деньги, 35 фр., Ельяшевичам за телефон? Послал ли за виллу? Помнишь мои соображения?

Напиши в Париже свой доход. М<ожет> б<ыть>, можно подать его в Париже.

Целую. Лёня шлет привет и целует.

Вера.

Гале писала из Дижона⁵. Целую ее.

Вера.

Очень счастлива, что в Grasse приеду не прямо из Парижа, было бы тяжело очень...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/48. Место установлено по содержанию.

¹ 10 марта 1933 г. В.Н. Бунина получила известие о смерти своего отца — Н.А. Муромцева, который умер 5 марта 1933 г.

² 7–8 апреля 1927 г. Бунины во время путешествия по Франции останавливались в Авиньоне, после чего В.Н. Бунина записала в дневнике: «Редко приятно я провела сутки, давно так не проводили. Вспомнились прежние путешествия. Я даже чувствовала себя совершенно счастливой... Ян был весел, нежен, какой-то прежний, как бывал в первые приезды на Капри, в Египте, на Цейлоне...» (РАЛ. MS 1067/390). Но кроме того, ровно семь лет назад, в январе 1927 года В.Н. Бунина перенесла операцию (см. пп. 201–204), от которой она отсчитывала начало нового этапа своей жизни. О первом приступе болезни, случившемся в августе 1926 г. и приведшем к операции, она позднее писала: «С этого дня жизнь моя меняется. <...> начинается, или собственно продолжается, путь к Богу» (*Устами Буниных*. Т. 3. С. 25).

³ С 1309 по 1378 гг. Авиньон служил резиденцией римских пап (т.н. Авиньонское пленение пап).

⁴ Бунины провели в Нюрнберге один день в конце октября 1911 г. по дороге из Петербурга (откуда выехали 21 октября) через Берлин и Нюрнберг в Швейцарию (куда прибыли 25 октября) и затем в Италию. 26 октября И.А. Бунин писал Ю.А. Бунину из Люцерна: «В Берлине пробыли день, в Нюрнберге вечер и ночь — очарованы!» (*Письма* (2). С. 186). Ср. в письме В.Н. Буниной к Г. Кузнецовой от 25 мая 1936 г.: «<...> Нюрнберг, вечер и лунная ночь, проведенная там нами в 1911, до сих пор мне кажутся одним из лучших моих воспоминаний» (*Новые материалы* (3). С. 35).

⁵ Письма В.Н. Буниной к Г. Кузнецовой с конца 1934 г. опубликованы Е.Р. Пономаревым: *Новые материалы* (3). Более ранние письма, возможно, находятся в собрании Ренэ Герра.

282. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Grass. 24 января 1934 г.

24 января 1934 года.

Дорогой Ян, вчера благополучно прибыли сюда. Жозеф нас встретил внизу у PLM¹. Багаж доста<ви>ли только сегодня. Все разобрали. Путешествием мы довольны. Более длин-

Ф.А. Степун, И.И. Фондаминский, И.А. Бунин, И.П. Демидов.
Грасс, 1920-е гг.
(РАЛ)

ные перегоны мне делать в условиях третьего класса пока было бы не под силу. Сегодня я много лежу. Вчера «заболела», — пришлось кое-что купить. Вообще, мы о многом забыли, когда считали, сколько будет стоить. За электричество уплачено, но на еду уже почти ничего не осталось. Мы решили несколько дней, до вашего приезда, не есть мяса, — дать отдохнуть печеням. За автомобили платил Жозеф.

Здесь так хорошо, что я никуда не хочу ехать до конца июля. Мне кажется, что самое разумное было бы взять дачу в Анеси² на два месяца, август и сентябрь. А здесь прожить до августа. А на зиму, как захочешь. Мне кажется, что мы так устали, что сразу работать начать трудно. Когда же начнем... опять перебираться?.. Жозеф очарователен, такого нигде не сыщешь. В Грассе мы могли бы поправить свои дела и исподволь подыскивать себе постоянное пристанище. Без юга ты не проживешь. Перевозить весь дом очень дорого. Я уверена, когда вы приедете, то почувствуете, что здесь «чудо, как хорошо»! А что сделано по пути из Канн в Грасс!.. Вечером едешь, как днем.

Лёня, который всю дорогу вел себя джентльменом, хочет посадить картошку, порей, лук.

Очень советую привезти Жозефу подарок. Такой чистоты и в Швеции нет! М<ожет> б<ыть>, светтер, кажется, он demi-patron³.

Вера

Принес почтальон календарь. Нужно давать денег. А где мне их взять? Сегодня 4 письма заказных, и все просьбы!!! Не дал ты мне и на карманные расходы, на лекарство, марки.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/49. На почтовой бумаге Hotel Bellevue, Dresden. Место установлено по содержанию.

¹ У железной дороги, принадлежащей Compagnie des chemins de fer de Paris à Lyon et à la Méditerranée (PLM).

² Анеси, Анси (Аппесу) — город-курорт на берегу одноименного озера на востоке Франции в 60 км к югу от Женевы, столица департамента Верхняя Савойя.

³ Имеется в виду, вероятно, размер одежды.

283. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 24 января 1934 г.

24. I. 34.

Письмо твое из Дижона ужасно¹, просто изумительно по злобе на меня, по садизму, мазохизму, поступки злы (опять-таки в пику мне) по бессмысленности, по самомучительству. Все-таки, после всех расходов на прислугу, носильщиков и багаж, оставалось у тебя франков 200 — зачем же бегать по гнусным отельчикам и выбирать без подушек и с арабским нужником? А ведь ты уверяла, будто эти остановки нужны тебе для отдыха! Если точно для отдыха, зачем же было не остановиться разумно — в Лионе и только в Лионе, т.е. один раз? Тогда бы с излишком хватило на все. Но нет, «Лёне», видите ли, необходимы и Дижон, и Авиньон! Кстати — что же он, просидев 2½ месяца в Париже, не дал *ни строки* в «Посл<едние> нов<ости>», чтобы иметь хоть грош *свой* на себя? Главное же — почему было не написать просто: «перерасходовалась, трачу деньги, данные на жизнь в Грассе, — вышли еще»? Да что, всего и не скажешь! И в чем и какого я *доверия тебя* лишил? Не ввел в Комитет²? Не распределял денег по твоим указаниям, по твоим бессмысленным размахам насчет пожертвований?

Словом, я огорчен до крайности.

Высылаю 300 фр. (почтовым переводом) (из коих, конечно, половина, по крайней мере, пойдет опять на «Лёню»).

Позавчера день ушел на банк, где Михельсон³ и гр<аф> Коковцев⁴, — вошел туда клиентом и приказал производить операции по извлечению денег из Стокгольма. Вчера — тоже. Сидеть здесь для завершения этих операций нужно будет, вероятно, еще несколько дней — пока ответит и сделает свое дело Стокгольм.

С животом все еще неладно. Езжу к Серову — лечить нос.

Галя третий день нездорова — немного простужена, кашляет еще пуше.

Гвоздей у Яши нашлась еще одна коробка⁵.

Целую тебя с большим горем — ты совсем больна нервно и даже умственно, несешь Бог знает что. Ради Бога отдохни, приди в себя.

Сколько склянок серовского лекарства ты выпила? Он говорит — должна была выпить всего три. Но две, я думаю, ты уже выпила. Где взять третью? Он пишет рецепты по латыни, — значит, в Грассе нельзя по ним заказывать, там латыни не знают, могут Бог знает чего налить, а лекарство это *не шуточное*. Лучше не заказывай, *очень* прошу тебя. Лучше, если чувствуешь себя плохо, вызови Маака⁶. Телефон его у меня записан на стене в шкапе, *в том, что возле телефона, направо*.

Сохрани тебя Господи, еще раз целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/43.

¹ См. п. 280.

² См. примеч. 5 к п. 280.

³ Александр Михайлович Михельсон (1883–1976) — экономист, финансист, публицист, общественно-политический деятель, профессор финансового права. С 1910-х гг. член русской торговой палаты в Париже, казначей парижской группы Партии народной свободы (с 1921 г. в РДО), член правления (с 1924) Союза русских писателей и журналистов в Париже, член правления (с 1926), затем казначей и генеральный секретарь Русского академического союза в Париже. Финансовый советник Бунина. Его советы по покупке-продаже акций обсуждались в письмах М.О. и М.С. Цетлиных к Бунину летом 1934 г. (*Бунин—СЗ*. С. 894–896).

⁴ Владимир Николаевич Коковцов, граф (1853–1943) — государственный, общественный, церковный деятель. Сенатор (1900), член Государственного совета (с 1905), министр финансов (1906–1914), затем Председатель Совета министров с сохранением поста министра финансов (1911–1914). С 1918 г. в эмиграции в Париже. Работал в Международном коммерческом банке. Председатель Русско-французской торговой палаты.

⁵ Я.М. Цвибак. О каких гвоздях идет речь, неясно.

⁶ Георгий Георгиевич Маак (1882–1938) — врач, лечил Буниных с 1920-х гг.

284а. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 26 января 1934 г.

1934 г. 26 января.

Дорогой Ян, деньги триста франков получила. Спасибо за них. Получила и письмо твое от 24 ян<варя>. [И хочу на него ответить.] Ни злобы, ни садизма, ни мазохизма у меня не было. Я была очень в хорошем настроении, — [внешние неудобства редко портят мне настроение. Кроме того, «В. Н. умеет устраиваться», и в арабский нужник я заглянула раз, — ходила на вокзал. Написала тебе все]

Твои строки относительно Зурова меня очень удивили. Ведь я уже тебе объясняла в Мажестике¹ о том, что в Париже он и не мог, и не хотел писать, так как все свободное время тратил на Венсен², зная, что едва ли скоро ему удастся опять иметь возможность работать в библиотеке. Он пробыл в Париже не два с половиной месяца, а меньше двух, причем первое время, то есть десять дней, был в той суете, в которой мы все находились перед отъездом в Стокгольм. Затем месяц он жил без нас, время, когда он окончательно подлечился. Когда мы приехали, он в первый же день говорил, что хочет ехать в Грасс, т.к. ему было очень тяжело жить на твои деньги, он мне это говорил не раз. Он перед отъездом твоим из Грасса просил тебя оставить его на «Бельведере», где он хотел жить с наименьшими затратами, приготавливая себе еду сам. Ты, видно, забыл, что <далее оставлено пустое место>.

[Он] два месяца был очень серьезно болен мокрым плевритом, ровно два месяца не вставал с постели. Ко времени Нобелевской премии он первый раз спустился в город. Ты, кажется, забыл, что ему Маак прописал длительный отдых. [и отсутствие волнений] Его [мы] насильно вытащили в Париж, куда он не хотел ехать, так как хотел окончательно поправиться и начать работать над новой книгой. Приехав в Париж, он должен был сразу же начать лечение у Серова, который нашел у него остатки плеврита не только в правом боку, но и в левом, нашел расширение сердца, а нервы после перенесенной болезни в ужасном состоянии. Когда ты органически не можешь писать, ты это понимаешь и оправдываешь, даже во время своей молодости, когда же дело коснулось Зурова, ты показал все свое отношение, которое можно по человечеству назвать бессердечным. Таким отношением, более чем несправедливым, (сознательно или бессознательно) ты оскорбляешь его, напоминая ему, даже и в эти дни, в дни твоего счастья и удачи, что он живет на твои деньги, то есть делаешь то, что ты делал и в Грассе во время своей бедности, которую ты мог переносить только потому, что тебе помогали и французы, и сербы, и в свое время и чехи, и американец, и многие другие, помогали тебе как русскому писателю после большевизма, очутившемуся в тяжелом положении в эмиграции. Тебя никто не оскорблял, оказывая помощь. Вся вина Зурова, что он нищ, что ему негде писать, что его здоровье, которое он испортил на белом фронте, не позволяет ему совмещать физический труд с писанием. Многие оправдывают твои странности только тем, что у тебя живут и имеют возможность работать

молодые писатели. Что бы сказали эти люди, если бы узнали твое отношение к одному из них. Зуров, перемогаясь, [во время работы] учась, [выполняя литературное задание] пиша свою книгу он, когда позволяло здоровье, почти ежемесячно посылал в «П<оследние> н<о-ности>» фельетоны, и с каждого при своей нищете давал часть на хозяйство и посылно мог физически работать на огороде, чтобы скрасить нашу тяжелую жизнь. За четыре эти года он позволил себе приобрести костюм в 250 fr., три пары штанов — все за 165 fr., три пары ботинок, две белых шляпы и немного белья. Главный его расход были лекарства. И в этих условиях, не имея средств даже на то, чтобы брать книги из библиотеки, он все время работал, как он сам говорил, только «писанием оправдывая свою жизнь у тебя». Согласись, что эта жизнь была не из легких, согласись, что ты ни разу не пытался облегчить эту жизнь, хотя ты пережил и бедность, и помощь от чужих людей.

За все время ты ни разу даже не подошел к нему, как учитель, как старший. Единственно, что ты делал, это — осаживал его, находя его мнения, его образ мыслей, его критику литературной среды, самоуверенными.

Чего ты сейчас хочешь? Зуров сегодня говорил об этом со мною, и ему необходимо выяснить этот очень важный вопрос — выяснить ко времени твоего приезда сюда, так как в подобной атмосфере недоброжелательства с твоей стороны и перманентного обвинения он писать не может. Слава Богу, он сейчас здоров, он хочет ехать в Латвию, и весь вопрос о нем может решиться просто. Все это я пишу по его просьбе, т<ак> как ему тяжело объясняться с тобой лично, а ты сам создал такие внутренние отношения, что объясняться с тобой ему очень трудно. Вопрос этот назревал до получения тобой Нобелевской премии; Ноб<елевская> прем<ия> на тебя сильно повлияла и изменила. Еще задолго до нее Зуров мне говорил, что «если можно жить с И.А. в бедности, как-то мизерно участвовать в общей жизни, то после Н<обелевской> п<ремии> — жить станет тяжело»... Судя по твоему последнему письму, да и твоим нападкам в Мажестике, он оказался пророком. [Письмо это серьезное: хоте]

Нобелевская премия существует для масс. Правда, кто тебя не ценил, те оценили. А для людей, ценивших твой талант, Ноб<елевская> п<ремия> ничего не прибавила, как, согласись, она не могла ничего прибавить бывшим ноб<елевским> лауреатам, ни Анато<лю> Франсу, ни Синклеру Льюису³.

В. Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/50. На почтовой бумаге Hôtel Vernet, Paris. Это первый вариант письма, написанного В.Н. Буниной в ответ на п. 283. Свое ответное письмо В.Н. Бунина написала в нескольких вариантах, которые здесь последовательно публикуются под одним номером с буквенным обозначением при нем. По всей видимости, ни один из вариантов этого письма не был послан Бунину. Вероятно, В.Н. Бунина решила отложить разговор на эту тему до личной встречи с мужем; ср. п. 285.

¹ В парижском отеле «Majestic» Бунин останавливался перед поездкой в Стокгольм в ноябре 1933 г.

² После того, как Венсенский замок (Château de Vincennes) перестал играть роль королевской резиденции, в нем размещались военные учреждения, а в XX веке королевские павильоны заняла Служба истории национальной обороны, сконцентрировавшая военные архивы и библиотеки.

³ Анатолий Франс получил Нобелевскую премию в 1921 г., Синклер Льюис — в 1930 г.

2846. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 26 января 1934 г.*

1934 года 26 января.

Дорогой Ян, деньги, триста франков, получила. Спасибо за них. Получила и письмо твое от 24 января. Ни злобы, ни садизма, ни мазохизма у меня нет и не было. Я, когда писала тебе, скорее находилась в хорошем настроении.

Твои строки относительно Зурова меня очень огорчили. Значит, все, что я тебе говорила по этому поводу в Мажестике, прошло мимо твоих ушей и не дошло до сердца.

Я прочла ему твое письмо, и он осознал теперь твое отношение к себе. Очень расстроился и много говорил. Жить с нами он может лишь при условии, что он член нашей семьи, иначе он должен уехать, и чем скорее, тем лучше. Думаю, что проиграем мы, а не он. Он более нам нужен, чем мы ему.

Твое обвинение, что он не писал в Париже, очень странно. А кто из нас писал? И кто мог писать? Он же единственный из нас работал. Все свободное время проводил в Венсенской библиотеке, зная, что едва ли скоро ему удастся опять иметь возможность работать среди старых газет. В Париже он пробыл не два с половиной месяца, а меньше двух, причем первое время, то есть десять дней, был в той суете, в какой мы все находились перед нашим отъездом в Стокгольм. Правда, месяц он жил без нас и в хороших условиях. Но ведь это я его устроила в Вернэ¹, и это мне нужно было, чтобы он там жил, а не ему. И этот месяц ушел у него на лечение. Когда мы вернулись в Париж, он в первый же день говорил, что он хочет уехать в Грасс, чтобы засесть за работу. Он несколько раз говорил мне, что ему очень тяжело жить на твои деньги в Париже. Разве ты забыл, что перед твоим отъездом в Париж из Грасса он просил тебя оставить его на «Бельведере», где он хотел жить с наименьшими затратами, приготавливая еду себе сам. Ты, видно, забыл, что он два месяца был серьезно болен мокрым плевритом, пролежав все это время в постели. Ко времени Нобелевской премии он первый раз спустился в город. И первая поездка его в Ниццу в автомобиле 10 ноября оказалась ему еще не под силу. Ты, конечно, забыл, что Маак прописал ему длительный отдых. Мы его насильно вытащили в Париж, куда он не хотел ехать, так как боялся, что там не поправится, а тут он надеялся писать свою новую книгу.

По приезде в Париж он должен был сразу начать лечение под наблюдением Серова, который нашел у него остатки плеврита не только в правом боку, но и в левом, нашел у него расширение сердца, которое у него произошло не только от плеврита, а и от той работы, какую ему пришлось сделать по уборке дома, запаковав много ящиков, да и немало он бегал за эти дни на почту по нашей горке, нашел Серов и нервы его в ужасном состоянии. И как же ты не понимаешь, что в таких условиях трудно писать? Ведь когда ты органически не можешь писать, ты это оправдываешь, оправдывал и во время своей молодости, когда же дело коснулось Зурова, то ты проявляешь такое отношение, что по человечеству можно назвать его бессердечным. К тому же еще в Грассе, когда я раз спросила его, что бы он хотел от тебя в знак премии, он ответил: «вот если бы некоторое время не писать фельетоны»... Я, смеясь, ответила, «да это, конечно, можно». И поверь мне, что если бы все мне стали говорить, что ты будешь его за это упрекать, я горячо стала бы возражать. Ах, как я мало знаю тебя!.. Твоим отношением, более чем несправедливым (сознательно или бессознательно), ты оскорбляешь его, напоминаешь ему даже и в эти дни, в дни твоих успехов и удачи, что он живет на твои деньги, то есть делаешь то, что ты делал в Грассе во время своей бедности, которую ты мог переносить только потому, что тебе помогали и французы,

и сербы, и чехи, и американец, и многие другие, помогали тебе как русскому писателю после большевизма, очутившемуся в тяжелом положении в эмиграции. И никто из тех, кто помогал тебе, не оскорблял тебя. Вся вина Зурова, что он писатель, что он нищ, что ему негде жить и писать, что его здоровье, надорванное гражданской войной, не позволяет ему совмещать физический труд с писательским. Будущее покажет, конечно, имел ли он право на твою помощь. К слову сказать, многие оправдывают некоторые твои странности именно тем, что ты даешь возможность жить и работать молодым писателям. Что бы сказали эти люди, если бы узнали твое отношение к одному из них...

Были годы, когда Зуров, перемогаясь во время работы, учась, пища свою книгу, почти ежемесячно посылал в газету свои фельетоны и с каждого при своей нищете давал часть на хозяйство и, поскольку позволяло здоровье, работал на огороде, чтобы скрасить нашу тяжелую жизнь. За четыре года до премии он [позволил себе приобрести] приобрел один костюм в 250 франк., три пары штанов — все за 165 фр., три пары ботинок, [две белых шляпы, один берет и немного белья]. Главный расход его был — лечение. И в этих условиях, не имея средств даже на то, чтобы брать книги из библиотеки, он все время работал, как он сам говорил, «только писанием оправдывал свою жизнь [у тебя] на “Бельведере”». Согласись, что эта жизнь была не из легких, согласись, что ты ни разу не пытался облегчить ее, хотя ты и сам пережил и бедность, и помощь от чужих людей.

За все время ты ни разу даже не подошел к нему как учитель, как старший. Единственно, что ты делал, это — осаживал его, находя его мнения, его образ мыслей, его критику литературной среды самоуверенными.

Чего ты сейчас хочешь? Ведь не зря же ты пишешь о нем. Не все ли тебе равно, для себя ли я заезжаю в Авиньон или для него? Ведь я не спрашиваю тебя никогда, сколько ты даешь денег Гале, почему ты едешь туда или сюда? И не все ли равно, каким образом человек себя радуется, ест ли сам или угощает? Ты можешь сердиться на это только на меня, а раз у тебя злоба идет на него, то с этим нужно покончить. Как мне ни тяжела будет разлука с ним, но я настолько его люблю и уважаю, что ставить его в ложное положение теперь, когда ты имеешь свои деньги, я считаю невозможным.

Зуров сегодня говорил об этом со мною, и ему необходимо выяснить этот очень важный вопрос — выяснить ко времени твоего приезда сюда, так как в подобной атмосфере недоброжелательства с твоей стороны и перманентного обвинения он писать не в состоянии. Слава Богу, он сейчас здоров, он хочет ехать в Латвию, и весь вопрос о нем может решиться просто. Все это я пишу по его просьбе, так как ему тяжело объясняться с тобой лично, и ты сам создал такие внутренние отношения, что объясняться с тобой ему очень трудно. Вопрос этот назревал до получения тобою Нобелевской премии, которая, к слову сказать, очень на тебя повлияла и тебя изменила. Еще задолго до нее Зуров мне говорил, что «если можно жить с Иваном Алексеевичем в бедности, как-то мизерно участвуя в общей жизни, то после Нобелевской премии — жить станет невыносимо»... Судя по твоему последнему письму, а главное по твоим нападкам в Мажестике, он оказался пророком...

Нобелевская премия производит впечатление на массы, на тех людей, которые ничего в литературе не понимают. Действительно, те, кто тебя не ценил, оценили. А для людей, любящих литературу, ценивших твой талант, Нобелевская премия ничего не прибавила, как, согласись, она не могла ничего прибавить в наших глазах ни Анатолю Франсу, ни Синклеру Люису.

Подумай серьезно о том, что я тебе написала. (Реши сам, как жить дальше. Помни одно, что когда ты кому помогаешь, это ты делаешь не для него, а для себя и для Бога. Но лучше не помогать, чем помогать со злобой, это великий грех.)

О себе напишу тебе завтра. (Твое недоверие ко мне проявилось не только в том, что ты отстранил меня от «пожертвования», но во многом другом, но это твое право, 27 лет назад я не возлагала на тебя никаких обязанностей, не буду возлагать и теперь, но и за собой оставлю свободу действия.)

О здоровье не беспокойся. Много лежу. Принимаю капли. Дальше сада не выхожу.
Целую. Вера.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/51.

¹ В отеле «Верне» («Vernet») Л. Зуров жил с 30 ноября 1933 г. до середины января 1934 г.

284в. В.Н. Бунинна — И.А. Бунину

Грасс. 26 января 1934 г.

1934 года 26 янв.

Дорогой Ян, получила твое письмо от 24 января. Ни злобы, ни садизма, ни мазохизма у меня нет и не было. Я писала тебе скорее в хорошем, веселом настроении.

Твои строки относительно Зурова меня очень огорчили. Значит, все, что я тебе говорила по этому поводу в Мажестике, не дошло до твоего сердца. Прошло мимо ушей.

Я прочла ему твое письмо, и он осознал теперь твое отношение к себе. Очень расстроился и много говорил. Жить с нами он мог лишь при условии, что он член нашей семьи, иначе он должен уехать, и чем скорее, тем лучше. Думаю, что проиграем мы, а не он. Он более нам нужен, чем мы ему.

Твое обвинение, что он не писал в Париже, очень странно. А кто из нас писал? И кто мог писать? Он единственный из нас работал. Все свободное время проводил в Венсенском замке, зная, что едва ли скоро ему придется опять иметь возможность работать в библиотеке, рыться среди старых газет. В Париже он пробыл не два с половиной месяца, а меньше двух, причем первое время, то есть десять дней жил в той суеде, в какой жили все мы перед нашим отъездом в Стокгольм. Правда, месяц он жил без нас и в хороших условиях. Но ведь это я его устроила в Вернэ, считая, что это нам надо, а не ему. И этот месяц ушел у него на лечение и работу, и только последнее время он стал себя чувствовать вполне здоровым. Когда мы вернулись в Париж, он в первый же день говорил, что он хочет уехать в Грасс, чтобы писать. Мне он несколько раз объяснял это желание тем, что ему тяжело жить на твои деньги в Париже, что в Грассе он проживал бы меньше и мог работать. Разве ты забыл, что перед твоим отъездом в Париж из Грасса он на лестнице просил тебя оставить его на «Бельведере», где он хотел жить с наименьшими затратами, приготавливая еду себе сам. Забыл, видно, ты и то, что он два месяца был серьезно болен мокрым плевритом, пролежав все это время в постели. Ко времени Нобелевской премии он первый раз спустился в город. И первая его поездка в Ниццу 10 ноября оказалась ему не под силу. Ты забыл, конечно, и то, что Маак прописал ему длительный отдых. В Париж мы вытащили его насильно [— он боялся, что там не поправится, тут же он хотел писать свою новую книгу].

По приезде в Париж он должен был сразу же начать лечение под наблюдением Сергея Михеевича, который нашел у него остатки плеврита не только в правом боку, но и в левом, нашел расширение сердца (которое у него произошло и от плеврита, и от той работы, какую ему пришлось сделать по уборке дома, по запаковке ящиков, да и немало он бегал

И.А. Бунин.

Париж, апрель 1930 г.
(РАЛ)

за эти дни на почту, чтобы поскорее отослать тебе письма и телеграммы), нашел Серов и нервы его в ужасном состоянии. И как же ты не понимаешь, что при таких условиях трудно писать? Ведь когда ты органически не можешь писать, ты это оправдываешь, оправдывал себя и во время своей молодости, когда же дело касается Зурова, то ты проявляешь такое отношение, что по человечеству можно назвать его бессердечным. К тому же еще в Грассе, когда я его спросила, что бы он хотел от тебя в знак премии, он ответил: «вот если бы некоторое время не писать фельетоны... Я, смеясь, сказала: «да это во всяком случае можно». И, поверь мне, что если бы все мне стали говорить, что ты будешь его за это именно упрекать, я горячо стала бы возражать. Ах, как я мало знаю тебя!.. Твоим отношением, более чем несправедливым (сознательно или бессознательно), ты оскорбляешь его, напоминаешь ему даже и в эти дни, в дни твоих успехов и удачи, что он живет на

твои деньги, то есть делаешь то, что ты делал в Грассе во время бедности, которую ты мог переносить только потому, что тебе помогали и французы, и сербы, и чехи, и американец, и многие другие, помогали тебе как русскому писателю после большевизма, очутившемуся в тяжелом положении в эмиграции. И никто из тех, кто помогал тебе, не оскорблял тебя. Вся вина Зурова, что он писатель и что он нищ, и что ему негде писать, что его здоровье, надорванное гражданской войной, не позволяет ему совмещать физический труд с писанием. Будущее покажет, конечно, имел ли он право на твою помощь? Хотя ты отлично знаешь, что она была больше моей, чем твоей. К слову сказать, многие оправдывают некоторые твои странности именно тем, что ты даешь возможность жить и работать молодым писателям. Что бы сказали эти люди, если бы узнали твоё отношение к одному из них...

Были годы, когда Зуров, перемогаясь во время работы, учась, пища свою книгу, почти ежемесячно посылал в газету свои фельетоны и с каждого при своей нищете давал часть на хозяйство, и насколько позволяло здоровье, работал на огороде, чтобы скрасить нашу монотонную еду. За четыре года до премии он купил себе всего один костюм в 250 фр., да три пары панталон... Главный расход его было лечение. Он много раз говорил, что «только писанием оправдываю свою жизнь на “Бельведере”». Согласись, что эта жизнь не всегда была легка, согласись, что ты ни разу не пытался облегчить ее, хотя ты и сам пережил и бедность и знаешь, что такое помощь от чужих людей.

За все время ты ни разу не подошел к нему, как учитель, как старший. Единственно, что ты делал, это — осаживал его, находя всегда его мнения, его образ мыслей, его критику литературной среды слишком самоуверенными.

Чего ты сейчас хочешь? Ведь не зря же ты пишешь о нем! Не все ли тебе равно, для себя ли я заезжала в Авиньон или для него? Ведь я не спрашиваю тебя никогда, сколько ты даешь денег Гале, почему ты едешь с ней то туда, то сюда? Не все ли равно, каким образом

человек себя радует, ест ли он сам или угощает? Ты можешь сердиться на это только на меня, а раз у тебя злоба идет на него, то с этим нужно покончить. Как мне ни тяжела будет разлука с ним, но я настолько его люблю и уважаю, что ставить его в ложное унижительное положение теперь, когда ты имеешь свои деньги, я считаю невозможным.

Зуров сегодня говорил об этом со мною, и ему необходимо выяснить этот очень важный вопрос — выяснить ко времени твоего приезда сюда, так как в подобной атмосфере он ни жить, ни писать не в состоянии. Слава Богу, он сейчас здоров, он хочет ехать в Латвию, и весь вопрос о нем может решиться просто. Все это я пишу по его просьбе, так как ему тяжело объясняться с тобой лично, ты сам создал такие внутренние отношения, что объясняться с тобой ему очень трудно. Вопрос этот назрел до получения тобою премии, которая, к слову сказать, очень на тебя повлияла и очень тебя изменила. Еще задолго до нее Зуров мне говорил, что «если можно жить с Иваном Алексеевичем в бедности, как-то мизерно участвуя в общей жизни, то после Нобелевской Премии — жить станет невыносимо». Судя по твоему последнему письму, а главное, по твоим нападкам в Мажестике, он оказался пророком...

Нобелевская премия производит впечатление на массы, на тех людей, которые ничего в литературе не понимают. Действительно, те, кто тебя не ценил, оценили. А для людей, любящих литературу, ценивших твой талант, она ничего не прибавила, как, согласишься, она не могла ничего прибавить в наших глазах и Анатолю Франсу, и Синклеру Льюису.

Подумай о том, что я тебе написала.

О себе напишу в другом письме.

Целую.

Вера.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/52.

284г. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 26 января 1934 г.

26 января 1934 года

6 часов вечера.

Дорогой Ян, деньги триста франков получила. Спасибо за них. Как уже писала в предыдущем письме, я никакой злобы к тебе не питала и не питаю, написала же все подробности, чтобы ты не задерживался с присылкой денег. Если бы я даже и доехала до Лиона, то от Лиона до Грасса мне было бы тяжело. Последний час каждого перегона я уже мучилась. А так все путешествие я сравнительно провела хорошо, и даже плохой отель не очень отразился на моем сердце. Из письма авиньонского ты уже знаешь, что я чувствовала там себя почти счастливой, так что Авиньон мне был нужен больше, чем кому другому. Даже моя «болезнь», которая вызвала лишние расходы, не испортила моего хорошего настроения. А Грасс, «Бельведер», Жозеф меня совсем успокоили, как ты мог судить по моим письмам к тебе и к Гале.

О моем здоровье не беспокойся, я принимаю капли и много лежу. Жозеф и Лёня очень заботятся обо мне. Почти весь дом убран. Вчера баба все твоё бельё выстирала, завтра придет гладить. Из сада я еще никуда не выходила. Звонили из Бо-Сит¹, но Жозеф сказал, что мы еще не приехали.

Теперь о «доверии». С самого начала ты решил, что хуже меня никто ни в чем не разбирается. Первого интервьюера <так!> ты принял чуть ли не за проходимца, а он был от

самой большой газеты, как выяснилось на обеде у Шессена². На все мои просьбы ты не дал ему ни книги, ни фотографии, о которых он просил. Без моего совета ты неизвестно для чего таскал Яшу в Стокгольм³, без моего совета ты решал, что мы не поедим с тобой⁴. И даже когда я, видя, что ты совершаешь самые бессмысленные поступки, забыв самолюбие, не обращая <внимания> на твой пренебрежительный тон в Стокгольме, давала тебе совет послать, например, деньги в Париж оттуда, ты не только не слушал его, а потом в Дрездене⁵ мне говорил «оттого и не послал, что ты советовала»... Не ввел ты меня и в свои литературные дела, хотя просто потому, что у меня память лучше твоей, как когда ты решал их совместно с Яшей, так и со Слонимом⁶, проявил недоверие даже тогда, когда К<ирилл> Ос<ипович>⁷ захотел кое-что спросить меня. Что же это значит? Ведь большего оскорбления мне, как человеку, прожившему с тобой 27 лет, ты нанести не мог. Неужели ты этого не понимаешь? Неужели ты действительно безответственный человек, «стихия», как теперь тебя называют. И почему тебе кажется, что все, кто тебя знал и знает, лучше о тебе расскажут, чем я? У меня, например, написано о твоей семье. Думаю, что с большим тактом едва ли кто напишет, а это было написано до «Жизни Арсеньева»⁸. Затем о «Комитете по пожертвованию»⁹. Неужели я хуже других защитила бы твои интересы? Неужели, если бы ты мне серьезно сказал, что ты хочешь пожертвовать такую-то сумму, я стала бы спорить. Вероятно, я возразила бы, привела доводы, но, увидя, что ты желаешь то или другое, я постаралась <бы> обставить это так, чтобы выставить тебя в лучшем свете. Что же ты делаешь, не предупредив меня, что ты хочешь изменить свое первоначальное желание, — это желание было твое, а не мое, ты перед людьми, лишенными всякого образного мышления, начинаешь развивать мотивы твоей воли против тебя самого. Почему ты ничего не упомянул о России, о том, что у тебя оказались на руках племянники¹⁰, что существует Андрей Георгиевич¹¹, которому мы должны посылать, как у нас было условлено с Ельшиевичем (по сто франков в месяц), что у нас на руках молодые писатели, что, наконец, у нас еще есть долги, Розенталь, ведь это долг чести и так далее, что же ты понес, о «шелковом белье»... Уверяю тебя, когда я знала бы настоящую сумму, которую ты жертвуешь, то я лучше других распределила бы ее, просто потому, что у меня есть в натуре большая справедливость. Ведь не давать Мереж<ковским> моя идея¹². Я до премии говорила, что жизнь нашу нам менять нельзя, а можно только ее немного улучшить, а потому обвинять меня в каких-то размахах нельзя, ты сам сначала размахнулся. И я первая из всех стала покупать себе дешевые вещи. Если бы ты знал, как мне хотелось сшить костюм у Солдатских, это мечта всей моей жизни из сферы одежд, но я даже не попросила тебя об этом¹³. Если я сделала несколько подарков, то это надо было сделать. Я, например, удивлена, что ты никак не отблагодарил Алданова за то, что он написал тебе речь¹⁴. Хоть предложил бы ему взаймы? Угостил обедом, сделал бы подарок... Но это твое дело. Не настаиваю...

Все это я пишу тебе не для ссоры. Я очень устала. Год для меня выдался до редкости тяжелый, и нужно удивляться только моей выносливостью и здоровьем. Я даже как-то смирилась перед твоим отношением ко мне. И, если бы я видела, что все идет гладко и хорошо, то я ничего <бы> не говорила. Но уж очень обидно. Вместо того, чтобы съездить в саксонский городок, проводить время по таможенным и присутственным местам, пропустить целых одиннадцать дней для устройства дел в Германии, не побывать у издателя, не заехать сразу к Горному¹⁵, — ведь если бы я была в курсе дел, то сколько бы денег было бы сохранено, сколько бы неприятностей было сразу улажено! Выходит так, что я сама себя хвалю, что же делать, если только накануне моего отъезда по моему почину, ты удосужился поговорить с Нобелем и выяснить свое отношение со стокгольмским банком. Ты не виноват, что ты этого

не сделал, ты очень утомлен, болен, но ты виноват перед *самим собой*, что ты все делал сам, не введя меня в свои дела. Отчего раньше у нас сравнительно все выходило хорошо? Ведь я была менее опытна, чем теперь. Ты сильно преувеличиваешь и мою нервную болезнь, уж не говорю об умственной, покажи мое письмо самому знаменитому психиатру, и он не найдет ни малейшего отклонения от нормы.

В своем письме ты не удержался и написал «высылаю 300 фр. (из которых, конечно, половина по крайней мере пойдет опять на “Лёню”»)). Отдай себе отчет, что одна я жить не могу на горе в пустой вилле. Ты сам не допустил бы этого. Значит, кто-то должен жить. И, конечно, дешевле всех обойдется Лёня. Мы едим с ним совершенно так, как ели прежде, каша, зелень, 2 мандарина, суп, рыба дешевая, компот. Но первое время всегда больше выходит, сахар, кофе, сегодня куплено прованское масло, и весь день стоит 26 фр., кроме того газеты, пять франков почтальону. Я ему дала десять. Не знаю, как это — много или мало за календарь? Больше давать не буду. Ты сам дашь. Из трехсот причитается сто Казаран, массажистке, так как ее деньги я истратила дорогой. У меня перегорела лампочка, сказала Жозефу завтра купить. Не знаю, куда девалась моя маленькая, а между тем я под ней читаю. Завтра платить бабе за стирку и глаженья. Так что при всем моем желании я не могу отдать даже и половины Лёне. Кроме того, если бы его не было, мне пришлось <бы> остаться в Париже, и одна моя неделя стоила бы гораздо больше, чем мы оба здесь проживаем. Все это очень тяжело. Откуда у тебя такая злоба на него. Что он тебе сделал? Действительно, «простите, что я существую»¹⁶...

Ты пишешь, чтобы я отдохнула, пришла в себя, а сам бьешь в самое больное место. Ты не поверишь, как мне тяжело брать от тебя деньги, воображаю, что он чувствует...

Ты пишешь, что ты целуешь меня «с большим горем», но ведь это ты сам творишь свое горе. Я все время старалась делать то, что тебе приятно, обставила так все, как сам Соломон не придумал бы лучше, и ты же своим непонятным отношением все рушишь. Хоть из приличия продержался бы некоторое время. Да что говорить, своего сердца никому нельзя вложить. Я так привыкла к страданиям, к потере близких, что меня теперь ничто не пугает. Одно скажу, помни, что как все хорошее человек делает для себя, так и все дурное, и хоть перед самим собой не лги и пойми мотивы своей злобы.

Что это с Галей? Опять простудилась? Она не написала сюда ни единой строчки. Я же написала ей письма три. Впрочем, в Париже писать трудно.

Вот представь, я могла бы пригласить сюда на несколько дней Е<катерину> М<ихайловну>¹⁷, но я не могу этого сделать, так как не знаю, дал ли ты ей что-нибудь или нет? То есть, может ли она истратить на поездку к нам или нет? Да и нормально ли, правда, чтобы жена не знала того, что знают уже минимум три человека, кроме тебя? Я уверена, что они-то своим женам рассказали все... А ведь ты мне на мой самый простой и естественный вопрос не ответил. Ей Богу, чем больше думаю, тем мне больше кажется, что ты ненормален. Как же такую вещь скрывать от меня? И почему? Неприятности, да ты больше их имеешь из-за обмана. Ведь если бы ты мне ответил: Лопатиной ничего не дали, или только пятьсот... Ну я огорчилась бы, да и все, теперь же я чувствую себя оскорбленной. Что лучше, решай сам.

Прости, если я расстроила тебя, но ты расстраиваешь меня третий месяц.

Иногда мне кажется, что жизнь в бедности гораздо лучше, чем та, в какой я теперь живу. Никогда я так не мучилась, как теперь от полного бессилия. Боюсь, что не выдержу этого креста.

У меня стало в комнате очень хорошо. Я устроила себе из ящиков книгохранилища и радуюсь на это. Вообще, мы до твоего письма были в очень хорошем настроении. А сейчас

Лёня зловеще шагает по саду. Я еще не выхожу. Действительно, сегодня <для> него открылась Америка. Он не подозревал, как выяснилось, твоего отношения.

Ты не принес мне моего зеленого покрывала на мой диван. Не оставляй его в Париже. Забыл и уют. Да вот еще расход. Пришлось отдать в чистку после III классов платья¹⁸. Перо не радуется, а это твой единственный подарок мне.

Обо мне не беспокойся, я скоро войду в рабочую жизнь. Жаль, что ты разрушаешь нашу жизнь. У нас с тобой на земле почти никого не осталось из близких, родных, зачем же рвать с теми, кого нам послал Бог. Человек сам себе враг первый. Целую тебя с большой печалью.

В.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/53.

¹ Т.е. Фондаминские, которые жили на вилле Beau Site.

² Обед у С. де Шессена был 14 декабря 1933 г. Сразу после известия о присуждении Бунину Нобелевской премии на виллу «Бельведер» стали приходить корреспонденты различных газет, в первую очередь, шведских, чтобы взять у лауреата интервью. О первом шведском интервьюере В.Н. Бунина написала в мемуарном очерке «То, что я запомнила о Нобелевской премии» (*Муромцева-Бунина (1989)*, С. 484). Более подробно о первых интервьюерах в Грассе пишет Г. Кузнецова (*Кузнецова (1995)*, С. 281–282). Первые статьи-интервью в шведской печати появились в газетах «Stockholms tidningen» (1933. 10 ноября. С. 1) и «Dagens nyheter» (1933. 10 ноября. С. 1) и др. Подробнее см.: *Марченко (2007)*, С. 435–448.

³ Я.М. Цвибак (псевд.: Андрей Седых) был литературным секретарем Бунина в «нобелевские» дни, регулярно писал корреспонденции для газет «Сегодня» и «Последние новости» и оставил воспоминания об этом времени, вошедшие в его мемуарную книгу «Далекие, близкие» (1962). См. также примеч. 9 к п. 227.

⁴ См. п. 277.

⁵ В конце декабря 1933 г. на обратном пути из Стокгольма Бунины заезжали в Дрезден к Ф.А. и Н.Н. Степунам.

⁶ Марк Львович Слоним (1894–1976), критик, журналист, переводчик, соредатор журнала «Воля России» (1922–1932), с конца 1933 года был литературным агентом Бунина. Упоминается в редакционной переписке «Современных записок» в связи с публикациями Бунина (*Внутриредакционная переписка СЗ*, С. 752, письмо И.И. Фондаминского В.В. Рудневу от 20 июня 1934 г.).

⁷ К.И. Зайцев.

⁸ С 1928 г. В.Н. Бунина начала писать воспоминания о своем первом приезде в Глотова, о Л.Н. Андрееве и своих встречах с писателями 1907–1909 гг. и др.

⁹ См. примеч. 5 к п. 280.

¹⁰ Имеются в виду племянники Бунина: дети Е.А. Бунина (Арсений и Маргарита) и М.А. Ласкаржевской (Николай), а также, возможно, и двоюродные племянники: Н.А., Д.А. и П.А. Пушешниковы.

¹¹ А.Г. Гусаков.

¹² Возможно, В.Н. Бунина имеет в виду историю, случившуюся осенью 1931 года, описанную в ее дневнике следующим образом (запись 2 октября 1931 г.): «Вчера была Ек<атерина> М<ихайловна> парламентаром от Мережковских. Д<митрий> С<ергеевич> предлагает Яну написать друг другу письма и их удостоверить у нотариуса, что в случае, если кто из них получит Нобелевскую премию, то другому даст 200 000 франков. Не знаю, но в этом есть что-то ужасно низкое — нотариус и почему 200 000. Ведь если кто получит, то ему придется помочь и другим, да и весь этот способ очень унижающий каждого. Допустим, <если> получает Д<митрий> С<ергеевич>, то мне неприятны были бы эти вынужденные 200 000 фр. / Ну и дети же они — выбрать Лоратин для дипломатических переговоров! Но все это мне очень неприятно. Мережковские уверили Е<катерину> М<ихайловну>, что у них ничего нет, что зима была для них чуть ли не хуже, чем большевистская. И что он очень любит Яна, читал его, ценит как писателя. / В прошлом году, когда Мережковские знали, что он выставлен, а нам ничего не было известно, он не предлагал страховать, а теперь, когда дошли слухи, что у Яна есть шанс, то он и полюбил, и оценил. У меня почти нет надежды, что Ян получит, но все же, если получит, то почему дать такую сумму Мережковскому — ведь у нас есть более близкие друзья. Если же получит Мережковский, то же ne fiens pas... их счастье» (РАЛ. MS 1067/403).

¹³ См. примеч. 5 к п. 277, п. 279.

¹⁴ См. об этом в переписке Бунина с М.А. Алдановым в третьей книге наст. тома.

¹⁵ Сергей Горный (наст. имя Александр-Марк Авдеевич Оцуп, 1882–1949) — старший брат Н.А. Оцуца и Г. Раевского, до революции поэт-сатирик. С 1920 г. в эмиграции на Кипре, с 1921 г. в Берлине, беллетрист, журналист. Подробнее о нем см.: *Яковлева Е.П.* Разные судьбы: Братья Оцупы // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2005. Т. 3. С. 537–554.

¹⁶ Фраза А.Н. Толстого, которую любил повторять Бунин, см. его письмо к Тэффи от 28 марта 1949 г. (*Бунин-ны-Тэффи* (3). С. 581). Г.В. Адамович в письме Ю.П. Иваску от 26 мая 1957 г. пересказывал это так: «Когда-то Ал. Толстой подошел к З. Гиппиус и сказал: “Простите меня”. — За что? — недовольно спросила Гиппиус. — Простите, что я существую» (*Адамович-Иваск.* С. 500).

¹⁷ Е.М. Лопатина.

¹⁸ В смысле, после поездок в железнодорожных вагонах третьего класса.

284д. В.Н. Бунин — И.А. Бунину

Грасс. 27 января 1934 г.

27 января 1934 года.

Дорогой Ян, сначала о деле: 1) пришла открытка от Муратова¹, — поздравление с Новым годом! Из Сингапура. Значит, не сомневается, что ты дашь его семье денег. 2) Пришло письмо, которое помечено 9 декабрем, его пересылаю. Адрес такой: «Monsieur Jean Bounine Villa Belvédère Grasse Antibes» — и все. Шло оно из Парижа 48 дней! Конверт сохранию. [Письмо посылаю.]

Деньги триста франков получила. Спасибо за них. Они пришли кстати. Перегорела моя лампочка, пропала другая маленькая, пришлось их купить, принес Жозеф из чистки мою юбку, которая в третьих классах очень загрязнилась. Сегодня придет гладить баба, значит, и ей платить. Сто франков пока отложила на массажистку. Часть отдала Жозефу на расход. Едим мы по-прежнему кашу, зелень, по мандарину, дешевую рыбу, но все же, как я и говорила, расходы больше нормы, нужно было купить сахару, кофе, оливкового масла. Так что успокойся, при всем желании я не могу дать Лёне не только больше половины, но даже и десяти франков. Но кормить его я должна и сейчас для себя. Как же я могла бы жить одна на горе в уединенной вилле? И кто обошелся бы мне дешевле? А если бы я осталась в Париже, то моя жизнь там тебе стоила бы почти вдвое дороже, чем наша здесь. Не понимаю, откуда у тебя такая злоба на него. Что он тебе сделал дурного? Действительно, «простите, что я существую».

Ты пишешь, чтобы «я отдохнула», «пришла в себя», а сам бьешь в самое больное место. Мне тяжело брать твои деньги, воображаю, что он чувствует. [Он за вчерашний день похудел, стал кашлять.] Он и не воображал твоего оскорбительного отношения к себе. Очень жалеет, что не знал об этом в Париже.

Я чувствую себя перед ним виноватой: как я могла говорить в Швеции о том, что у нас как бы двое детей, умилять людей нашей, а особенно твоей добротой, когда мы, не успев сносить одной пары башмаков, выгоняем одного из этих детей. И за что? За то, что он по случаю купил себе хороший чемодан? Или за то, что ему привезена «оплетенная» фляжка? Или что мне «захотелось ему показать Дижон и Авиньон»? Что же это за преступления? Не писал фельетона? Но это тоже с моего разрешения. И как ты можешь в месяцы твоего вознесения над людьми, в месяцы, когда ты в удаче, быть таким мелким, невеликодушным. Ты радоваться должен был бы, что хоть один человек доволен. Ведь ему отчасти повредила премия, никто ему теперь не даст ни гроша. Если он жил у нас, то не зря, книга его отмечена², и как ни странно, вместо удовольствия от этого, ты испытываешь раздражение.

И.А. Бунин.
Грасс, 1931 г.
(РАЛ)

Неужели права Наташа Степун³, что ты «как матерый волк хочешь загрызть молодого волчонка»?.. Ведь и последняя наша ссора с ним произошла из-за того, что я отложила отъезд еще на день. Он уже давно тяготился жизнью в Вернэ за твой счет.

Но это касается его. Теперь обо мне. Почему ты так все позволяешь себе и ничего мне. Сколько раз ты ездил с Галей, останавливался в Баньоле исключительно для нее, бывал с ней и там и сям и до всякой премии во втором или первом классе, и я ни разу тебя за это не упрекнула. Почему же теперь, когда я так или иначе хотела развлечь себя по очень скромному бюджету, ты злобствуешь. Я чувствовала, что после Парижа у меня должна быть прослойка, иначе мне будет очень тяжело здесь. Ведь тем, что ты гнал меня из Парижа, ты заставил меня без усталости скакать из дома в дом. Ты скажешь: «зачем ты это делала?» Не хотела огорчать людей, которые в прошлой моей жизни были ко мне добры, и от Парижа я не получила ни одного настоящего впечатления. Дижон же и

Авиньон меня прямо возродили, и мы приехали в Грасс радостными и веселыми, и ни третий класс, и ни плохая гостиница не испортили нам наших впечатлений от этого пути.

Ты пишешь, что для отдыха надо было остановиться в Лионе. Может быть, до Лиона я и доехала бы, но от Лиона до Грасса было бы трудно. Пришлось бы все равно останавливаться в Марселе. Теперь я всегда буду ездить с двумя ночевками, или в III спальном. Зачем устать, когда можно ехать с удовольствием, не мучаясь.

Я никакой злобы к тебе не питаю и не питала, сообщила же все подробности, чтобы ты поскорее прислал мне денег. Ты удивительный человек, ты всю жизнь ездил и ты всегда мне даешь в обрез, ведь ты знаешь, что в пути могут быть неожиданности: болезнь, перерасход на еде, на гостинице. Ты же высчитывал по пяти и по десяти франков. Я все ждала, что ты дашь мне просто сверх этой сметы и скажешь: «вот тебе на всякий случай, что останется — на твои личные расходы»... Но ты этого не сделал. Это твое право. Но тогда не оскорбляйся, что я сообщаю тебе, что останавливаюсь в дешевых отелях. Ведь если бы мы остановились в Лионе, то, вероятно, комнаты стоили бы вдвое дороже, так как город большой, и найти дешевый отель было бы труднее. И чего ты тут сердиться на Лёню, ведь я не могла ехать одна, а всякий другой или другая обошлись бы мне дороже.

Я понимаю, ты устал сейчас платить, тратить деньги, и тебя теперь раздражает всякий франк, от тебя требуемый, поэтому я и уехала, поэтому я и не обращалась к дорогим врачам, поэтому я и отказалась от своей мечты в сфере одежды заказать костюм у Солдатского, мечты еще со времен Москвы.

Спроси всех своих новых и старых друзей, сколько по их мнению человек в твоём положении должен давать жене, и ты услышишь цифру гораздо выше, чем ты мне будешь давать. Я ничего не требую. Деньги твои. А у тебя нет чувства мужа, как нет чувства хозяина.

Теперь о «доверии». Я только руками развожу. Редкий ты экземпляр: ты ударишь человека, а потом удивлен, если он кричит от боли.

Я не хочу удлиннять и без того длинного письма примерами твоего недоверия ко мне. Я скорее спрошу тебя, укажи мне хоть один пример за эти два с половиной месяца проявления ко мне доверия? Уважение к моим советам? Внимание к моим словам? И это не мое мнение, а общее. Ты знаешь, что многие мне уже советовали уйти от тебя, видя мое оскорбительное положение, удивляясь твоему тону со мной.

Вот я вернулась после всего. Что я знаю? Ничего. Я не знаю, сколько у тебя денег? Не знаю, на сколько подписано контрактов? Не знаю, какую сумму ты пожертвовал? Не знаю, сколько стоят твои костюмы? Словом, я знаю меньше, чем знают другие.

Прежде я знала все, и дурного от этого не было. Ты даже не постеснялся К<онстантина> Ос<иповича>⁴ и при нем дал понять, что ты не доверяешь мне даже в сфере воспоминаний. Не думаю, что в его глазах выиграл от этого ты. Он старался меня утешить... Фрейдом — «ненависть в любви»...

Все это пишу тебе потому, что ты дошел до того, что стал даже [обвинять меня] сомневаться в моих умственных способностях. Предлагаю тебе показать это письмо психиатру, уверена, что в нем не найдет он ни малейшего отступления от нормы.

А насчет «Комитета» — это просто юмористика! Неужели я хуже других защитила бы твои интересы⁵? Неужели, если бы ты серьезно сказал, что ты хочешь пожертвовать такую-то сумму, я стала бы долго спорить. Вероятно, я возразила бы, привела доводы, но, убедясь, что ты тверд, постаралась бы все-таки выставить тебя в лучшем свете. Что же ты сделал? Не предупредив меня, что хочешь изменить высказанное тобою решение (твое, а не мое), ты перед людьми, лишенными художественного мышления, начал развивать мотивы своего перерешения в образах и что ты говорил? Почему ты не упомянул о России, что у тебя на руках оказались племянники, что наш долг помогать Андрею Георгиевичу⁶ (если не твой, то мой), и ты мог для него выделить хоть 1 000 фр. (как мы накануне говорили с Ельяшевичем), что у тебя на руках молодые писатели, которым ты тоже должен дать, что у тебя еще долги, например, Розенталь, долг чести и т.д., ты же ни с того, ни с сего понес о «шелковом белье»... [Поверь, если бы я присутствовала при распределении, то все было бы лучше. У меня к этому жалость и большой опыт. Но я рада, что меня ты отстранил от этого.] Если бы шло все хорошо, я молчала бы. Но сколько лишних трат было!

Вывод такой: *я тебе не нужна, ни с какой стороны.* Я раздражаю тебя. Ты сам признался, что оттого и не послал денег из Швеции в Париж, что я советовала... Ты ни разу не устроил так (хотя бы под видом болезни), чтобы я переночевала у тебя. Насильно мил не будешь. «Вера без дел мертва», а любовь тем более. Я не обвиняю тебя. Обратное, я считаю, что я заслужила чем-то такой крест. Додумай до конца. Ведь не безответственный ты человек, не стихия, как теперь тебя называют новые твои друзья!

О здоровье моем не беспокойся. Я здорова. Целую.

Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/54. На почтовой бумаге Hôtel Vernet, Paris. Место установлено по содержанию.

¹ С.П.П. Муратовым Бунины были знакомы еще по Москве 1900-х гг. В декабре 1933 г. он отправился в Японию и перед отъездом, 6 декабря 1933 г., обратился к Бунину с просьбой помочь деньгами его жене (см. примеч. 4 к п. 556) и сыну, только что приехавшим в Париж из Рима, в первое время их обустройства во Франции, и Бунин, очевидно, его просьбу выполнил (см. РАЛ. MS 1066/3924 и след.). Это письмо имел в виду и Б.К. Зай-

цев (предполагалось, что через него Бунин передаст деньги, 2 500–3 000 франков), когда 11 января 1934 г. писал Бунину: «Уезжая в Японию, Муратов оставил мне письмо на твое имя — я его и прилагаю. Если можешь, сделай для него что-нибудь (т.е. не для письма, а для Муратова)» (РАЛ. MS 1066/5303). Открытка, о которой пишет В.Н. Бунина, в архиве отсутствует, однако сохранилась предыдущая открытка от 14 декабря 1933, посланная из Египта, с видом Суэцкого канала: «Еду путем, Вам знакомым, дорогой Иван Алексеевич! Завтра Красное море, 26-го Коломбо. Погода все время великолепная. Преданный П. Муратов» (РАЛ. MS 1066/3925).

² На книгу Л.Ф. Зурова «Древний путь» (Париж: Современные записки, 1933) к тому времени уже появился ряд откликов в печати: *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1933. 30 ноября. № 4635. С. 3; *Ходасевич В.* Книги и люди: «Древний путь» // Возрождение. 1934. 11 января. № 3145. С. 3; *Биццли П.* // Современные записки. 1934. Кн. 54. С. 460–461; *Пильский П.* Древний путь. Новый роман Л. Зурова // Сегодня. 1934. 17 февраля. № 48. С. 2.

³ Наталья Николаевна Степун (урожд. Никольская, 1886–1961) — жена Ф.А. Степуна.

⁴ К.И. Зайцев.

⁵ См. примеч. 5 к п. 280.

⁶ А.Г. Гусаков.

285. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 28 января 1934 г.

1934 г. 28 января.

Утро.

Дорогой Ян, вчера, как почти всегда, я в одиннадцатом часу легла спать и сразу заснула. А затем в сильной тревоге за тебя проснулась. Посмотрела на часы — половина первого, ночь с субботы на воскресенье. И потом часа три не могла заснуть, читала «Войну и мир». Интересно, что чувствовал ты в это время и где был?

Что с твоим желудком? Выдерживаешь ли ты диету?¹ Как ты будешь питаться во время поисков дачи? Не лучше ли ехать сюда, а отдохнувши, с маленьким чемоданом съездить в Аннеси? Ведь это тоже для нас новое место, и все говорят, что там чудесно.

Сегодня неделя, как мы покинули Париж, пять дней, как дома. Ни разу не спустились с горы, а я не вышла за пределы сада. Лёня очень заботлив. Все заставляет меня лежать, что я и делаю. Много молчу, что тоже хорошо для сердца. Думаю, что оно понемногу приходит в норму. Недели через две-три покажусь Мааку. Интересно, что он найдет?

Погода изумительная. Дни ослепительно прекрасны, а раньше было плохо, дождливо.

Топим экономно. Но жить можно. Едим по-прежнему и чувствуем себя хорошо. Когда сыт организм, то есть особенно не хочется. Бутылка вина идет со дня нашего приезда — 5-й день!

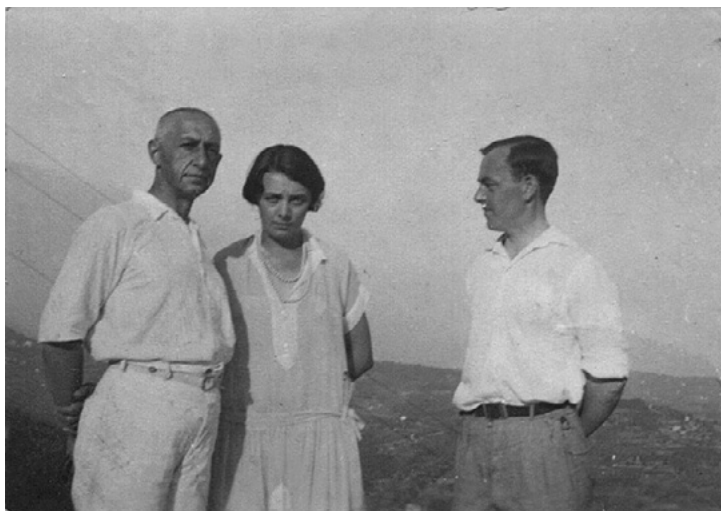
Сейчас Жозеф принес почту, есть твое милое письмо². Спасибо за него. Беспокоит твой нос. Я думаю, «от него все качества».

Есть и от Гали. Целуй ее. Она разумно пишет, что сейчас дачу искать не нужно. Приезжайте прямо. Не надрывайся.

Рада, что она себе купила пальто. Здесь скоро будет тепло, и оно сохранит ей дорогое, черное.

Если вы задержитесь еще, то вышли деньги. Ведь здесь я трачу только по дому, почти всегда через Жозефа. Может прийти наш с Галей сундук. Придется, м<ожет> б<ыть>, заплатить за доставку его.

Получила письмо от И.С. Шмелева³. Очень благодарит за твой «подарок». Я очень рада, что ты им помог. Действительно, для них это передышка. Нат<алья> Ив<ановна> пишет⁴, что Карташов написал «радостное письмо» за чек в 2.000. Пишет «ошеломлен и взволнован», «эти деньги дают возможность рассчитаться с летними долгами, кот<орые> его очень

И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова, Н. Рощин.

Грасс, 1931 г.
(ОГЛМТ)

угнетали». Как я счастлива, что [по силам] им ты помог! Хоть бы ты его в синема сводил еще. Ведь ты получил бы огромное удовольствие, да и обедом в «Москве» угостил! Боюсь, что не будет на это у тебя времени.

Письмо от Лоло⁵. Счастливы, что и они попали в список твоих *préférés*⁶. У В<еры> Н<и>колаевны⁷, кажется, камни в печени... Денег они еще не получили. Спрашивают меня. А я не знаю ни суммы, ни кто им должен послать. Пишет, что положение их критическое, «вода подошла к горлу». Если не посланы еще деньги, то пусть пошлют скорее.

Пришло письмо от тех женщин, которые просили <у> тебя в Берлине на дорогу в Ригу, просят 60 марок⁸! Вот и все наши дела.

Повторяю, что здесь «чудо как хорошо». И что пока нам следует жить очень скромно. Жаль, что ты не разрешаешь Гале купить скатертей и салфеток, — сейчас дешевка, а с февраля цены поднимутся. Конечно, можно и в Каннах, но, боюсь, что вы опоздаете к сольдам⁹, а у меня нет денег, а салфеток у нас нет, и если кто заедет, очень будет неудобно. Остальное может подождать.

Мы еще никого не извещали о нашем приезде.

Сейчас я позвонила на Бо-Сит¹⁰, говорила с Яшвиль¹¹. Старушка только что скончалась¹². Как здоровье Амалии¹³? Приедут ли они в Грасс?

Целую тебя крепко.

Твоя В.

Отдала починить свои большие часы. Я довольна, не нужно будет переносить из комнаты в комнату ни очков, ни часов. Эта моя мечта осуществилась!

Мaman Stepin зовут Марьей Федоровной¹⁴, передай это Гале.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/55.

¹ Боли в животе продолжали мучить Бунина и в феврале, см. его письмо В.В. Рудневу от 10 февраля 1934 г. с жалобой «Все еще болен — что-то неладно в кишках!» (Бунин—СЗ. С. 881).

² Письмо неизвестно.

³ В письме от 26 января 1934 г. Шмелев писал Бунину: «Спасибо Вам, дорогой Иван Алексеевич, за Ваш братский подарок, за полученные через К<омите>т, из рук Н.К. Кульмана 3 000 фр. От всего сердца благодарю, и Ольга Александровна благодарит сердечно. Ко всему доброму, что от Вас видел за тяжкие эти годы, — приложу с теплотою. Спасибо! Будьте только здоровы и покойны, и так все хорошо. И, — отдохнув после такого *славного* испытания, — за дело, с Господом! Ваш душевно, с О. А., Ив. Шмелев» (РАЛ. MS 1066/5179). См. также след. примеч.

⁴ В.Н. Бунина пересказывает приписку из письма к ней Н.И. Кульман от 25 января 1934 г., в которой пересказывается письмо А.В. Каргашева к Н.К. Кульману. В том же письме Н.И. Кульман пишет о реакции И.С. Шмелева на помощь Бунина: «Вчера Ник<олай> Карл<ович> лично отвез чек на 3 000 фр. Ивану Серг<еевичу>, который отнесся к подарку очень просто и хорошо: был, видимо, чрезвычайно благодарен Ив<ану> Ал<ексеевичу>. Я рада, что он теперь поборол свою гордыню и не чувствует унижения от помощи, кот<орую> ему оказывают, а смотрит на нее, как следует христианину» (РАЛ. MS 1067/3531).

⁵ Лоло (наст. имя Леонид Григорьевич (Леон Гершкович) Мунштейн, 1866/1867–1947) — поэт-юморист, драматург, переводчик, журналист. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Совершал поездки в Германию, Италию. Организатор и художественный руководитель театра миниатюр «Маски» (1923). С 1926 г. жил в Ницце. Сотрудник «Последних новостей», «Возрождения», «Иллюстрированной России» и др. В бумагах В.Н. Буниной сохранилось, видимо, предыдущее письмо Lolo на ту же тему, см.: РАЛ. MS 1067/3985; б. д.

⁶ любимчиков (*фр.*).

⁷ Вера Николаевна Ильнарская (урожд. Ильнская; 1880–1946) — актриса, жена Л.Г. Мунштейна. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже.

⁸ Письмо неизвестно.

⁹ От *фр. solde* — распродажа.

¹⁰ Т.е. Фондаминским.

¹¹ Анастасия Петровна Яшвилль, княгиня (урожд. Стахович, 1880–1952) — сестра милосердия. После революции в эмиграции в Париже. Работала медицинской сестрой. Член Объединения сестер милосердия Русского общества Красного Креста. Была дружна с Фондаминскими, ухаживала за больными членами семьи. Автор воспоминаний о последних днях А.О. Фондаминской (опубликованы в сборнике «Памяти Амалии Осиповны Фондаминской», Париж, 1937).

¹² Родственница Фондаминских.

¹³ У А.О. Фондаминской был туберкулез, почти весь 1934 г. она провела в швейцарских санаториях и скончалась 6 июня 1935 г.

¹⁴ Мария Федоровна Степун (урожд. Аргеландер, 1861–1941) — мать Ф.А. Степуна и М.А. Степун.

286. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 28 января 1934 г.

Вечер воскресенья.

Милая, дорогая моя, беспокоюсь — третий день нет письма от тебя. Завтра еду в банк для довольно решительных операций. М<ожет> б<ыть>, послезавтра удастся выехать¹. Крепко целую.

Твой Ив.

Дело Амалии плохо. Дня через 2 везут в Швейцарию².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/44. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue La Pérouse, Paris, 29.1.1934», «Grasse, 30.1.34». Дата и место установлены по почтовому штемпелю, дата уточнена по содержанию: воскресенье — 28 января.

¹ Бунин и Г. Кузнецова вернулись из Парижа в Грасс 3 февраля 1934 г.

² А.О. Фондаминская написала В.Н. Буниной 24 февраля 1934 г.: «Мне очень совестно, что всем доставляю столько забот, но ведь 22 года я свою болезнь побеждала и жила к<а>к здоровый человек и гораздо лучше, чем 22 года жить с термометром под мышкой. Теперь настала очередь болезни восторжествовать» (РАЛ. MS 1067/2241).

287. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 29 января 1934 г.

29 января 1934 года

9 ч. утра.

Если это письмо застанет тебя в Париже, дорогой мой, то спроси у Сергея Михеича¹, какой мышьяковистый препарат мне нужно впрыскивать. Лёня настаивает. Он берется это делать. Мне ведь ты не решаешься. Завтра неделя, как мы тут, и мы ни разу с горы не спустились, и я не вышла за ограду нашего сада, не поднялась на верхнюю площадку. Теснения в груди совсем перестала чувствовать, боли в сердце тоже редки. Много лежу и принимаю ландышевые капли, остались они у меня на доньшке. Вина почти не пьем. За все это время, к огорчению Жозефа, осушили только одну бутылку красного вина, которая нас приветствовала в первый день нашего приезда.

Сегодня погода испортилась. Небо затянуто, как в Дрездене. На Эстереле² пятна снега.

У нас нововведения: Жозеф накрывает завтрак и обед со скатертью, считая, что Лауреату не подобает есть на клеенке. Устроила я в нужнике умывальник: поставила на тумбочку таз, повесила мыльницу и полотенце, и чем теперь не Швеция. Для меня это спасение — меньше буду подниматься по лестнице.

Нужно купить одну или две электрических кастрюльки, для кофе и тебе в умывальню. Большую же оставить для воды, для чая. А то будет в чае кофейный запах и вкус.

Была вчера у нас Яшвиль. Она уже в среду уезжает. Очень устала. С русского Рождества ждали ежеминутно кончины, но старушка боролась со смертью еще целых три недели! Англичане³ внешне не проявляют никак горя.

Очень мне нравится мой кабинетик со своими самодельными шкапами. Понемногу я обоюю их или ситцем, или бумагой, а пока еще они стоят в старых вышивках. Шкап же у меня для вещей и тетрадей, словом, «Маша, я доволен»⁴... Вот уж правда: «Когда ж постранствуешь, воротисься домой, и дым отечества нам сладок и приятен»⁵... Конечно, наше отечество — наша комната. И все же это радость большая. Не грусти, что тебе нужно расстаться с твоим appartement, здесь лучше: поют птицы, цветут левкой и белые ирисы, и еще желтеют мандарины на дереве.

Виделся ли ты с Марком Александровичем⁶? Мне кажется, ты еще его не отблагодарил за его помощь. А что же Гебер? Еще ничего ему не ответил относительно книг⁷? М<ожет> б<ыть>, ему следует предложить займы? Чтобы избавить его от векселя? Подумай. На твоём месте я это сделала бы.

Что у тебя с желудком? У Лёни тоже все никак не наладится. Мне кажется, что это последствие гриппа, как у тебя, так и у него. Когда ты приедешь, я с месяц тебя продержу на легкой пище. Ты оставь для этого деньги. Отварная рыба, курица, зелень, компоты, ветчина и ничего больше. Иначе ты можешь страдать годы.

Извести ты или попроси Галю, когда вы приблизительно приедете. Нужно усиленно топить низ дня за два, за три.

Сундук еще не пришел. А там у меня и бумага, и конверты, купленные в Prixunic за 10 фр. коробка, а потому прости за мятый конверт.

Будь здоров и добр. Бог даст, все образуется. Не мучь себя тем, что наделаны глупости, нужно лишь думать о будущем, которое у нас с тобой уже не так велико на этой земле, так зачем его портить и себе, и другим.

Гале привет, поцелуй.

Целую нежно.

Т.В.

Лёня кланяется, он очень стал грустен. Мы почти все время молчим, но не злобно, а тихо, — мне это очень полезно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/56.

¹ С.М. Серов.

² Estérel — горный массив на юге Франции, мыс, был виден из окна грасской комнаты Бунина.

³ Имеются в виду проживавшие в Лондоне Яков Осипович Гавронский с семьей.

⁴ По-видимому, В.Н. Бунин цитирует слова Кулыгина из «Трех сестер» (1900) А.П. Чехова.

⁵ Слова Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824), д. 1, явл. 7.

⁶ М.А. Алданов.

⁷ В издательстве Гебера было выпущено 6 книг Бунина в переводах на шведский язык общим тиражом 30 тыс. экз. Это были «Suchodol» («Суходол»), «Arsenjevs ingdom» («Молодость Арсеньева»), «Arsenjevs itrfärder» («Странствия Арсеньева»), «Herrn från San Fransisco» («Господин из Сан-Франциско»), «Mitjas kärlek» («Митина любовь») и «Livets bägere» («Чаша жизни»). См.: *Марченко* (2007). С. 490.

288. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Дижон. 1 февраля 1934 г.

Четверг 1-го февр.

Милая, дорогая моя, приехали сюда вчера вечером, наконец-то я выспался, и сейчас (в 12 ч. 40 мин.) уезжаем на Aix-les-Bains¹. Тут смотреть ничего нельзя — валит мокрый снег, холод, все мрачно. Мне все-таки оч<ень> хочется посмотреть Аннесу — в Aix-les-Bains увидим, смотря по погоде, стоит ли ехать туда.

Крепко целую. О дальнейшем извещу.

Твой Ив.

Серов все время (три недели) лечил мне нос. Все-таки подлечил. Взял безобразно — 1 500.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/45. На почтовой бумаге Hôtel de La Cloche. Dijon. На фирменном конверте — «Exprès» адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Dijon, Côte-d'Or, 1.2.1934». Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Экс-ле-Бен (Aix-les-Bains) — курортный город на востоке Франции в регионе Рона–Альпы.

289. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Марсель. 19 марта 1934 г.*

Марсель¹
 Целую всех
 19-III-34

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/46. Почтовая открытка с фотографией скульптуры Notre-Dame de la Garde; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse»; почт. шт.: «Marseille, 19.3.1934».

¹ Бунин уехал в Париж и вернется в Грасс 25 марта 1934 г.

290. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 20 марта 1934 г.*

20 марта 1934 года.

Твоя открытка из Марселя пришла сегодня, дорогой мой. Пришло и письмо от Стémieux¹. Содержание его ты, вероятно уже знаешь, а потому я и не передаю его. Письмо от Амфитеатрова². У них опять горе: ураган снес у них все³. Нет, при бедности кров «обоюдная» вещь! Из этого письма узнала, что мне писала, по-видимому, его жена, а мне об этом никто не говорил, и письма я не видала⁴. Теперь придется извиняться за невольную невежливость.

От Т<агьяны> Льв<овны> выписка из письма Ал<ександры> Л<ьвовны> о последних месяцах И<льи> Л<ьвовича>⁵. Впечатление огромное, и Ал<ександра> Л<ьвовна> выступает в новом свете. И<лья> Л<ьвович> высох, был скелетом, умер замечательно как хорошо.

Из Либавы огромный адрес из чудесной кожи⁶, Лёня так и загорелся! От учеников гимназии, наивно-восторженные поклонники излагают свои чувства высоким слогом, перелагают стихами «Сверчок» и «Несрочная весна». Мы даже повеселились.

Пришли без нас вчера 2 книги Нивские⁷. Жозеф заплатил 35 фр. — I и V томы.

Осенний дождь и ветер. Убрала твои костюмы. Жозеф их не чистит, прикажу сегодня их вычистить бабе, ибо стирать нельзя, а она придет. Возьму ванну.

Вчера ужинала у Кугушевых, было приятно. Я люблю бывать у них накануне поездки князя в город. Работа кипит, моют яйца, ставят на них клейма, кладут в коробки, приходят соседи, приносят свои яйца. Был Самойлов в сером по колени «пальто-фраке», сшитом его супругой специально для подобных походов. Был и Зайцев⁸. Они репетировали с Асей⁹ романсы — будут исполнять их у бельгийской писательницы в Rouget¹⁰. Я Зайцева пригласила к нам. Он хорошо танцует, в пятницу¹¹ будет лишний кавалер. Все жалеют, что тебя не будет.

Сегодня вечером будем слушать, не выиграла ли Галя 2 500 000¹²... Жозеф тоже надеется на этот транш! Но говорит, что подождет до утра. Я думаю, что и у нас не хватит терпения слушать все цифры по радио.

Писать больше не о чем. Целую тебя со всей нежностью.

Твой К.

Лёня тебя целует.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/57.

¹ Бенжамен Кремьё (Benjamin Crémieux, 1888–1944) — французский литератор, секретарь французского ПЕН-клуба. В письме от 18 марта 1934 г. он сообщил Бунину, что в связи с политическими волнениями последнего времени (антиправительственный путч правых сил 6 февраля и его подавление) намеченный в честь Бунина обед в ПЕН-клубе не собирает обычного числа гостей (50–100 человек) и он предлагает отложить чествование (РАЛ. MS 1066/2168).

² Письмо А.В. Амфитеатрова Бунину от 17 марта 1934 г. (РАЛ. MS 1066/1602).

³ Об урагане А.В. Амфитеатров уже написал Бунину в предыдущем письме от 8 февраля 1934 г.: «Миновал ли Ваши места ураган 2–3 февраля? У нас он смел все, что могло быть снесено. Все мятошася языци, созида 11 лет хозяйство. От курятников, свинарника и т.п. — к счастью, пустых, ибо население мы за абсолютно безденежный год поприели — остались груды камней, да свинцовые крыши, свороченные в свиток; оливы переломаны, две старые сосны выдрало с корнем, с дома послетало множество черепиц» (РАЛ. MS 1066/1601).

⁴ В письме от 17 марта 1934 г. А.В. Амфитеатров упомянул: «О том, что Ил. Влад. писала Вере Николаевне, я узнал только теперь». А разобравшись, в чем дело, следующее письмо от 21 апреля 1934 г. начал с шутки: «Дорогой Иван Алексеевич, узнал, что между моей супругой и Вами возникла преступная переписка, единственно благодаря которой мы могли кое-как просуществовать пасхальные дни. Уж и не знаю, как высказать Вам мою признательность» (РАЛ. MS 1066/1603).

⁵ В письме от 10 марта 1934 г. Т.Л. Толстая писала Бунину: «Дорогой Иван Алексеевич, <...> я пришло Вам на днях выписки из Сашиних писем о кончине Ильи, и также выписки из его прощальных писем. Он удивительно хорошо умер. Это не для печати, но и не секрет. Можете давать читать тем, кому это может быть на пользу» (РАЛ. MS 1066/5352). Но следующего письма с выписками в архиве Бунина не сохранилось: Т.Л. Толстая попросила его вернуть (см. п. 293). Еще прежде, 22 декабря 1933 г., поздравляя Бунина с получением Нобелевской премии (называя это днем «нашей общей русской радости»), она писала Бунину: «Умирал мой брат Илья в ужасных моральных и материальных условиях. Я постоянно получала известия о ходе его внутреннего и внешнего состояния и каждый день ждала новости о его кончине. <...> 12 дек<абря> он тихо угас» (РАЛ. MS 1066/5351). И.Л. Толстой скончался в Нью-Хейвене (США), рядом с ним была А.Л. Толстая, описавшая последние дни брата жившей в Риме Т.Л. Толстой (а затем и в книге «Дочь», гл. «Смерть Ильи Львовича»).

⁶ Адрес подписали устроители и гости посвященного Бунину вечера, состоявшегося в Либаве (Лиепая, Латвия) 26 февраля 1934 г. (РАЛ. MS 1066/5544). См. вклейку, фото № 20–21.

⁷ Имеются в виду тома из собрания, выходившего как приложение к журналу «Нива»: *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. Первый том этого собрания включал стихи, а пятый — «Деревню», повести и рассказы 1911–1912 гг.

⁸ Неустановленное лицо, встречается в письмах В.Н. Буниной как «танцор» и как знакомый Буниных, Самойловых и Кутателадзе, занимавшийся разведением кур в Ле Рурэ.

⁹ А.М. Кугушева.

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Что имеется в виду, неизвестно.

¹² 20 марта 1934 г. во Франции по радио объявлялись результаты розыгрыша 8 тиража Национальной лотереи.

291. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 20 марта 1934 г.

20. III. 34

Милая, дорога<я>, доехал благополучно, хотя уморился — ведь весь день сидел! Номер в «Majestic» дали дурной — сосед за дверью не давал спать до 2 ч. ночи. Цетлины едут на юг, к нам (не лично к нам, конечно) в субботу — будут строить себе дом в Лаванду. Еще никого не видал (пишу утром). Целую вас всех.

И.Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/47. Почтовая открытка — «Exprès»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lps> M<aritime>»; почт. шт.: «Rue La Pérouse, Paris, 20.3.1934», «Grasse, 21.3.1934».

292. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 21 марта 1934 г.

1934 г. 21 м.
Среда 4 часа.

Милый мой Янчик!

Только что, за чаем, получила твою открытку. Спасибо, что не оставляешь нас без вестей. Мы, слава Богу, сохраняемся благополучно. Я два дня сряду сплю днем, может быть, от погоды. Вчера весь сад был полон туманом. Сегодня баба вымыла пол в твоём кабинете, хотя и хмуро.

Куда, то есть в какое место едут теперь Цетлины? Зачем они хотят строиться, когда так дешево можно купить целое поместье. Впрочем, у них куплена земля уже давно.

Пришел «Русский медведь»¹. В нем на первой странице «Обращение русского национального общества к нобелевскому лауреату» в 25 строках. Бог даст, вернешься и прочтешь.

Письмо от Кассирера². — Посылает тебе один экземпляр «*Illustrierte Deutsche Bücher-Zeitung*»³, вероятно, ты его получил, так как и письмо⁴ было отправлено на Париж. А что ты нашел в таможене⁵? Не забыл ли ты об этом. Не забыл ли ты о Глебе Струве⁶? Солдатским деньги вчера отправила⁷. Кланяйся и целуй кого надо. Обнимаю тебя со всей нежностью. Без тебя стало пусто. Галя и Лёня целуют.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/58.

¹ Возможно, имеется в виду газета «Русский медведь» — орган русского национального студенческого общества при Калифорнийском университете (Беркли).

² Берлинский издатель Бруно Кассирер (Cassirer, 1872–1941) выпустил в 1934–1936 гг. на немецком языке три книги Бунина: «Жизнь Арсеньева», сборник рассказов «Грамматика любви», «Деревня». См.: *Степун-Бунина*. С. 148.

³ Газета выпускалась издательством Koehler в Лейпциге в 1933–1941 гг. Очевидно, Б. Кассирер послал Бунину номер этой газеты с рекламой книг, выходящих в первой половине 1934 г., среди которых, как он сообщал в сопроводительном письме, на первом месте стояла книга Бунина. В следующем своем письме от 16 апреля 1934 г. Кассирер писал о выходе немецкого перевода «Жизни Арсеньева» («*Im Anbruch der Tage*») и спрашивал Бунина о том, готов ли второй том (РАЛ. MS 1066/2103–2104).

⁴ Имеется в виду письмо Б. Кассирера.

⁵ Возможно, вопрос связан с прохождением изданных в Германии книг через таможеню.

⁶ Вероятно, имеется в виду оказание материальной помощи.

⁷ За сшитую у них одежду. См. примеч. 5 к п. 277, п. 279.

293. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 22 марта 1934 г.

22 марта 1934.

Дорогой Ян, сейчас пришло письмо к Гале¹. Ты рассчитывал, что оно придет 23-го, а потому будем говорить с Рукье² завтра. Пусть позвонит ему князь. Жозефу же скажу, что тебе делают много предложений и очень выгодных...

Сегодня вымыли у нас столовую. Мы переставили по моему предложению мебель, и стало просторнее и удобнее слушать радио, лежа. Если тебе не понравится, то можно опять все поставить по-старому. Но так удобнее Жозефу лазить в шкаф, когда сидят за столом.

Вчера мыли твой кабинет, за секретером стена оказалась сырой, отодвинули секретер, следовало бы хоть на время переставить на другое место, иначе разведется плесень.

Погода у нас ни то, ни се, вчера вечером собиралась гроза, но прошла боком, так что можно было даже пойти гулять.

Сегодня пришел журнал-газета, о которой тебе писал твой немецкий издатель³, там твой портрет и несколько слов о том, что в Германии тебя знают мало, что скоро появится в свет тот роман, за который тебе и дана Нобелевская премия (?)...

Сегодня тебе всего одно письмо и не интересное, от какого-то студента, который приглашает тебя на средневековый спектакль или что-то в этом роде, который их группой будет дан 23 марта в Ницце⁴. Мне письмо от Мелитты⁵, Гале от Амалии⁶ — поздравление, ей как будто лучше, а Лёне от Горенки⁷ — благодарность за книгу и извинение, что так долго не отвечал, и, конечно, несколько замечаний, но более осторожных, чем он делал Гале, вероятно, прочел рецензии Пильского⁸ и Ходасевича⁹, ибо в Стокгольме он мне «Древний путь» сильно критиковал, а сейчас перековал язычок. Пошли ему хоть открытку из Парижа и Марте Людвиговне¹⁰, кой-какое раздражение я в нем чувствую... Сегодня год, как у нас лилось шампанское его, и он влюбился в Наташу¹¹... Даже страшно, как все быстро проходит. Как нужно нам стараться до полноты, до предела изживать всякий час нашей жизни, пока мы еще чувствуем себя в силах и людьми, а не развалинами. Читаю сейчас тебя — в настоящее время «Песнь о Гайавате». И совершенно иными глазами вижу тебя. Ты в юности, молодости был на верном пути, потом уклонился, но я теперь верю, именно вникнув как-то по-новому в твои ранние произведения, что ты опять вернешься туда, откуда начал, только умудренным и очень примиренным. Ведь и в «На Донце», и в «Байбаках», и даже «На даче» уже есть семена «Жизни Арсеньева»... И, представь, мне все эти вещи кажутся гораздо значительнее и лучше написаны, чем казались раньше, а если принять во внимание, что это написано мальчиком в 22–24 года, то нужно удивляться зрелости такого еще незрелого писателя. Прочла и все стихи, многие удивляют совершенством, и еще больше меня укрепляют они в том убеждении, что к твоим стихам вернутся, жаль, что в Нивском издании у тебя перемешаны они¹², а не в хронологическом порядке, интересен был бы рост. Одно из двух — или не нужно ставить дат, и тогда можно их печатать в каком угодно порядке, или же нужно подряд, кроме того, в первом случае требуется для каждого стихотворения своя страница.

Таким образом я живу с тобой и пока еще очень далеким, мне, собственно, еще неведомым, но в то же время очень мне близким, не мне теперешней, а мне в моей очень ранней юности, которой ты не знал, и о которой ты знать не хочешь. Не сердись, что я читаю то, что тебе неприятно, для меня это очень важно, впрочем, это тебе совершенно безразлично, как, собственно, все, чем живет моя душа. Это не упрек. Ты редкий человек, который всегда живет только настоящим, а прошедшее у тебя воскрешает<ся> только лишь в творчестве, и там же начинается будущее.

Открытка вчера была тебе от Тат<ьяны> Л<ьвовны>¹³. Она просит возвратить ей по прочтении выписки из писем о смерти И<льи> Л<ьвовича>. Есть потрясающие места. Последние минуты его выше во много раз, чем у отца, и Александра Львовна вся была в эти страдные дни преображенной...

Нежно обнимаю тебя, почему-то очень грустно. Галя и Лёня целуют. Они ушли в город за покупками на завтра.

Только что вернулись.
Обнимаю.

В.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/59.

¹ Письмо неизвестно.

² Рукье (Rouquier) — хозяин виллы «Бельведер» в Грассе. Предполагались переговоры насчет покупки «Бельведера» Буниным.

³ См. примеч. 2 и 3 к п. 292.

⁴ Письмо неизвестно. Сведений об этом спектакле найти не удалось.

⁵ Письмо М.Г. Левиной от 20 марта 1934 г. было посвящено семейным новостям и советам по улучшению самочувствия: «Я думаю, Вам было бы очень полезно провести несколько недель в горах, от Вас ведь очень близко и удобно проехать на автокаре в Савойю» (РАЛ. MS 1067/3826).

⁶ Письмо А.О. Фондаминской к Г. Кузнецовой не сохранилось.

⁷ Г.П. Олейников писал Л.Ф. Зурову 16 марта 1934 г. по поводу его книги «Древний путь» (Париж, 1933): «Очень я провинился перед Вами, так долго не отзвываясь на Вашу любезную присылку “Старого пути”. Но эта книга получена была мною как раз на второй день российского праздника литературы и отодвинул благодарственный ответ на неопределенно дальний срок. <...> Ваш роман, заглавие которого мне непонятно, я прочел опять с удовольствием, и он мне понравился больше, чем в первом чтении. Вы даёте интересную книгу без занимательности и без романической конструкции, но боюсь, что она будет серьезна для среднего читателя. <...>» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 89. Л. 1).

⁸ *Пильский П.* Древний путь. Новый роман Л. Зурова // Сегодня. 1934. 17 февраля. № 48. С. 2.

⁹ *Ходасевич В.* Книги и люди: «Древний путь» // Возрождение. 1934. 11 января. № 3145. С. 3.

¹⁰ Марта Людвиговна Нобель-Олейникова (Märta Helena Nobel-Oleinikoff, 1881–1973) — врач, дочь Л.Э. Нобеля, жена Г.П. Олейникова. Их письма к Бунину этого времени в РАЛ отсутствуют, поэтому понять, последовал ли Бунин совету жены, трудно.

¹¹ 20 марта 1933 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «*Приехал Олейников.* <...> Познакомили его со Степунами и Фондаминскими. В Степуна он влюбился» (РАЛ. MS 1067/408), из чего можно сделать вывод, что Олейникову были симпатичны и Ф.А. и Н.Н. Степуны, гостившие в то время в Грассе. Один из дней (18 марта), проведенных Буниными, Степунами, Фондаминскими и Олейниковым вместе, запечатлен в «Грасском дневнике» Г. Кузнецовой: «Поездка в Ванс, завтрак, потом чай у Амалии <Фондаминской> и разговор за столом о необходимости “героического сознания” у современной эмиграции» (*Кузнецова (1995)*. С. 269).

¹² В первом томе издания А.Ф. Маркса стихи были даны по разделам («Из юношеских стихотворений», «Стихотворения 1886–1900 гг.», «Новые стихотворения, 1901 г.», «Стихотворения. 1902 г.»), однако хронологический принцип не выдерживался строго.

¹³ Открытка не сохранилась. См. примеч. 5 к п. 290.

294. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 22 марта 1934 г.

Skol!¹

I.B.

Chez les Vikings²

22. III. 34

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/48. Почтовая открытка с фотонаюрмортом (норвежское пиво, закуски); адрес получателя: «M-me Bounine et sa famille. Villa Belvédère, Grasse, A<lps> M<aritime>»; почт. шт.: «Rue Singer, Paris. 22.3.1934», «Grasse, 23.3.1934».

И.А. Бунин и Ф.А. Степун.
Грасс, 1931 г.
(РАЛ)

² Вероятно, Aix-en-Provence (в обиходе Aix), расположенный в 25 км от Марселя.

³ Bormes-les-Mimosas — городок на Лазурном берегу Франции в 78 км от Марселя рядом с Le Lavandou.

¹ Правильно: skål — используется носителями датского, норвежского и шведского языков во время застолий. Историческое значение слова «skål» — чаша для вина, братина; в современных языках это просто здравница или тост без определенного значения.

² Среди викингов (*фр.*).

295. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 22 марта 1934 г.

Дорогая моя, милая, выеду домой, вероятно, в субботу¹. М<ожет> б<ыть>, остановлюсь в Марселе, чтобы посмотреть Ехе² и Bormes³. Извещу. Крепко целую.

Твой Ив.

Четверг.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/49. Почтовая открытка с фотографией ресторана и подписью: «Traktir-Maison Prunier, 16, avenue Victor Hugo, Paris»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lps> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue La Pérouse, Paris, 22.III.1934». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Т.е. 24 марта 1934 г.

296. И.А. Бунин — В.Н. Буниной, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зурову
Париж. 24 марта 1934 г.

Выезжаю, дорогие мои, нынче вечером — до Марселя. Из Марселя поеду в Ехе и в Bormes. Вечером завтра (т.е. в воскресенье) надеюсь быть дома. *) Получил депешу Рукье: 86¹. Ни за что не куплю за эту цену. Целую.

И.Б.

24-III-34. Полдень.

*) Если *паче чаяния* задержусь, не беспокойся.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/50. Почтовая открытка со схемой проезда к ресторану и подписью: «Restaurant A. Bernard, 29–31, place de la Madeleine» — «Exprès»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lps> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue d'Anjou, Paris, 24.3.1934».

¹ Всю первую половину 1934 г. обсуждался вопрос о покупке виллы «Бельведер». Рукье просил 87 тысяч франков, затем немного сбрасывал цену. См. дневниковые записи В.Н. Буниной 8 марта 1934 г.: «На очереди вопрос о покупке “Бельведера”. Рукье хочет 87.000. Ян ездит и смотрит. Везде дороже» (*Устами Буниных*. Т. 3. С. 8), 21 апреля 1934 г.: «Ян все мучается и насчет покупки “Бельведера”» (Там же), 11 июля 1934 г.: «Вчера Ян твердо сказал, что покупает “Бельведер”» (Там же. С. 11). На этом настаивали и друзья. А.О. Фондаминская писала В.Н. Буниной 5 апреля 1934 г.: «Меня хоть никто и не спрашивает, но я очень

стою за покупку “Belvédère” и уверена, что лучше ее ничего на свете нет» (Бунин—СЗ. С. 889). Покупка, однако, так и не состоялась.

297. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 15 мая 1934 г.

MAJESTIC EMBRASSE

Перевод с французского:

Мажестик¹. Целую

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/51. Телеграмма; почт. шт. «Grasse, 15.5.1934».

¹ Бунин и Г. Кузнецова уехали на два дня в Париж: 17 мая они возвращаются в Грасс.

298. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 15 мая 1934 г.

15 мая 1934.

Дорогой, телеграмму получила. И без нее знала, что вы в Мажестике.

Пока всего одно письмо, заслуживающее внимания — от Грига. Просит, чтобы ты послал исправленный экземпляр «Деревни» прямо к переводчице или переводчику: à M. Thomas Christensen, Falkoner Allé 14. Copenhague¹.

Сегодня ничего нет, кроме вырезки из газеты Nacion из Buenos-Aires. Там перевод «Иды». Получены ли за это пезеты? И выдержки из рецензии. Я прилагаю один экземпляр².

После вас прогулялись и посидели в матросском кабачке. Был красив порт, и было грустно, хотя болтали оживленно под Cinzano.

Живем хорошо. Боря ждет от Веры известий³, Лёня пишет, я тоже кое-что делаю.

Вчера вечером завязался интересный разговор, и мы чуть ли не до полночи проговорили. Я, правда, в это время клеила.

Сегодня в «Сегодня» Яша написал о тебе — все то же самое — стал повторяться⁴.

Звонила Наташа⁵. Нашла комнату родителям за 200 фр. Боря рад.

От Аси длинное письмо⁶, очень довольна, даже в восторге.

Как живете и работаете? Был ли у доктора?

Клэр⁷ заказала лекарство, позвонила Лёне об этом, и я заплатила в аптеке 9 фр.

Целуем Галю и тебя.

Твой.

Мы живем дружно, а вы?

Помнишь ли обещание? Исполняешь ли его⁸?

Будьте здоровы и веселы, дорогой мой, Галю обнимаю.

В.Н.Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/60.

¹ Возможно, издатель Н. Grieg, сохранилось два письма от него (РАЛ. MS 1066/2894–2896).

² Газета в бунинском архиве не сохранилась.

³ Б.К. Зайцев с 25 апреля 1934 г. гостил у Буниных. Возможно, он ждал от жены известий по поводу жилья на лето (см. упоминание в этом же письме о «комнате»).

⁴ Седых А. О Бунине (Из записной книжки) // Сегодня. 1934. 13 мая. № 132. С. 4.

⁵ Н.Б. Соллогуб.

⁶ См. письмо от А.М. Кутушевой с описанием жизни в Белграде от 10 мая 1934 г. (РАЛ. MS 1067/3481), ее привело в восторг гостеприимство сербов.

⁷ См. примеч. 11 к п. 245.

⁸ По всей видимости, это было обещание Бунина вести размеренный образ жизни и не ссориться с Г. Кузнецовой.

299. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 17 мая 1934 г.

Милая, дорогая моя, как всегда, ни минуты свободной. Наткнулся на Шессена и Троцкого. Нынче вместе завтракаем. О всех делах расскажу лично. Все слава Богу пока. Галя была у Аитова. [Не нашел ничего серьезного] Нашел большую нервность, малокровие. Крепко целую. Л<ёню> и Бюрю тоже.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/52. Почтовая открытка с фотографией отеля «Мажестик»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lps> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue Bayen, Paris, 17.V.34». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

300. И.А. Бунин и другие — В.Н. Буниной

Париж. 17 мая 1934 г.

<И.М. Троцкий.> Дорогая Вера Николаевна!

Сидим у «Корнилова» и вспоминаем «сидение» в кабачке в Стокгольме¹. Вспоминаем Вас, дорогая и сердечная Вера Николаевна! Вспоминаем и пьем за Ваше здоровье. Будьте здоровы!..

Целую Ваши ручки,

Ваш И. Троцкий

M. de Chessin².

Целую, дорогая моя! Ив. <Бунин>

M-me N. de Chessin³.

<А.Р. Троцкая.> Шлю сердечный привет. А. Троцкая⁴.

<С. де Шессен.> Respectueux souvenirs⁵. S. de Chessin.

<Г.Н. Кузнецова.> Стива, fais jouer le téléphone⁶. А все же вылезла и я. Галя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/53. Почтовая открытка с фотографией ресторанный зала и подписью «Chez Korniloff»; адрес получателя: «M-me Véra Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lps> M<aritimes>»; почт. шт.: «Avenue Wagram, Paris XVII, 17.V.1934». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ И.М. Троцкий приезжал в Стокгольм на торжества по случаю получения Буниным Нобелевской премии и опубликовал о них много корреспонденций, статей и заметок в «Последних новостях» и «Сегодня».

² Мария Шессен (Marie de Chessin-Cherchevsky, 1881–1965) — жена С.Б. Шершевского (Сержа де Шессена).

³ Мать С. де Шессена.

⁴ Анна Родионовна Троцкая (урожд. Шварцберг, ?–1957) — жена И.М. Троцкого.

⁵ Помним с уважением (*фр.*).

⁶ Г. Кузнецова неточно цитирует «Анну Каренину». У Л.Н. Толстого: «За обедом было послано несколько

телеграмм людям, интересовавшимся ходом выборов. И Степан Аркадьич, которому было очень весело, послал Дарье Александровне телеграмму такого содержания: “Неведовский выбран двенадцатью шарами. Поздравляю. Передай”. Он продиктовал ее вслух, заметив: “Надо их порадовать”. Дарья же Александровна, получив депешу, только вздохнула о рубле за телеграмму и поняла, что дело было в конце обеда. Она знала, что Стива имеет слабость в конце обедов “faire jouer le télégraphe” <злоупотреблять телеграфом (фр.)>» (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1935. Т. 19. С. 241).

301. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 17 сентября 1934 г.

17. IX. 34.

Все пока, слава Богу, благополучно¹. Спал часов 6. В купе мы были вдвоем — третьего выставили (за *pourboire*² проводнику)³. Оч<ень> свежо, но солнечно. Париж *на редкость* хорош. Остановился в «Majestic». Целую.

И.Б.

½ б<утылки> Chavignol, ½ дюж<ины> устриц, Turbo⁴, Filtr⁵.

Пэка⁶ дрожал от счастья.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/55. Почтовая открытка с фотографией ресторанный зала и подписью «Traktir-Maison Prunier, [16, avenue Victor Hugo, Paris]»; печатный адрес перечеркнут рукой Бунина и вписано: «Rue Dufot» (правильный адрес: 9, rue Duphot); адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 17.IX.1934».

¹ Поездка Бунина в Париж с 17 по 22 сентября была вызвана прежде всего переговорами об издании его Собрания сочинений в издательстве «Петрополис», которое затягивало начало выпуска первых томов.

² чаевые (фр.).

³ Н. Рошин гостил у Буниных в Грассе с середины июля 1934 г. См. его письмо В.Н. Буниной от 17 сентября 1934 г. о поездке с Буниным в Париж: «Моя очень милая и сердечно дорогая Танга, / полчаса назад выкинул чемоданы и побежал в кабак, — в моей комнате пахнет холостяцким покойником и пыли, будто все это время бушевал самум. / К порядку! / Когда я вчера повернулся от окна, то увидел И.А. в весело-деловой ажитации. Он держал за борт куртки проводника, толстяка хитрого и добродушного. Они шурились друг на дружку и кричали один другому на ухо: / — Alors, combien? / — Non, dites-vous, combien? / — Mais non, vous êtes spécialiste. Combien? / — Non, non, dites-vous! / <— Итак, сколько? — Нет, вы скажите, сколько? — Ну нет же, вы специалист. Сколько? — Нет-нет, говорите. — фр.> / Шла подлинная ярмарка в Лебедяни. Я понял, что речь — о выселении толстого бакалейщика, — того, который стоял рядом с Вишняком у окна и так Вам и Г.Н. не понравился. Наконец, И.А. очень осторожно, и после фразы проводника, что дорогой господин несомненно русский, а все русские благородны, назвал цифру: / — 50! / Но тотчас же спохватился, что тот вознегодует, и хотел накинуть. А проводник даже зарделся от радости. Тут уж мне пришла корыстная жалость, — продорожил. / Бакалейщик должен был покинуть купе вечером, после Марселя, но уже через полчаса забрал свой котелок и пожелал нам спокойной ночи, как мне показалось, не без намека и ехидства. Этакая грязная свинья! / Безумства продолжались. Мы отправились в вагон-ресторан, тешились чайком. И.А. сидел в одних подтяжках, за стеклом плясала Ривьера. Чай с лимоном, молоком и порцией сухаря стоил 7 фр., чашки огромные, я пожалел о малой вместимости человеческого и моего, в частности, желудка. Потом мы вернулись в купе и вот, по странному стечению и совпадению чувств, руки наши одновременно потянулись к курице. Не успели мы ее и раскусить, как от коварной птицы осталась одна ножка. Мы испугались, — а что же будем есть в обще-обеденный час? Но оказалось, что уже без четверти семь. И.А. спросил пол-бутылки винца Листрак, весьма вкусного, ну, а я нажимал на местное кисленькое. / Признаться, садясь в поезд, я думал, что И.А. замкнется в раковину и будет только отдакиваться и отнекиваться. Ничего подобного! Мы всласть наговорились, — о вещах не сокровенных, а обще-домашних, а он то сердился, то — чаще — хохотал. Словом, “Бельведер” продолжался и на колесах. В 9 я пошел уже один в вагон-ресторан, — учиться жизни и пить пиво, — стояла адская жара. Проводник

заялся кроватями. В 10 ½ мы улеглись, — И.А. внизу, я наверху, за детскими ремнями, средняя полка пустовала. Но еще до половины первого мы перекликались. В час он заснул, а я до трех томился баней и близкими трудностями Парижа. / В половине седьмого я проснулся, и сейчас же снизу басом раздался один из обычных вопросов И.А. Все было в порядке. / В 7, в La Roche, проводник принес кофе в двух больших стаканах с надписью “Озоль”. Кофе, впрочем, пил я один — минут за 10 до того И.А. съел остатки колбасы, а я последнее яйцо и запил последним глотком кофе из оледеневшего термоса. Я брился, он совал мои башмаки в плевательницу. Он попробовал было сказать, что, кажется, у него начинается простуда, но я так поднял его на смех, что купе наше превратилось в ристалище. / Утро было прекрасное, все в солнце. Скоро пришел и Париж, — мы опоздали всего на 5 мин. и прибыли в 9.25. / Ну, вот. Все великолепно, все в порядке. Мы расцеловались у такси. Я получил мелочишку — 30 фр. (+ вчера 20) с обещанием, что, может быть, получу еще. Я дал И.А. адрес и телефон и взял твердое обещание не порывать связи. Сегодня буду звонить ему в 6 в Мажестик. И вообще, если не буду получать вестей от него, установлю час звонка ему ежедневно. И конечно, часто буду писать Вам, а в случае надобности и — экстра. <...>» (РАЛ. MS 1067/6345).

⁴ Рыба из отряда камбалообразных, известна как большой ромб или морской фазан, мясо ее отличается нежным вкусом и очень высоко ценится любителями; или же моллюск с толстой круглой раковиной (от фр. turbot).

⁵ Имеется в виду un filtre — чашка фильтрованного кофе.

⁶ Н. Рошин.

302. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова — И.А. Бунину

Грасс. 17 сентября 1934 г.

Понедельник 17 с.

Дорогой Ян, все пока, не сглазить, слава Богу, благополучно.

Вернувшись, вчера нашла записочку Ник. Ник. Кедрова¹, которую я тебе и пересылаю.

Утром экспресс — «Деревня»² — тоже пересылаю.

Почтальон принес письмо от Слонима с маленьким чеком³, его тоже пересылаю. Жалею, что не могу его сама реализовать.

У меня началась светская жизнь — сегодня звонок по телефону — Екат<ерина> Михайловна⁴ просит спуститься в Канн сегодня к 4 ч., rendez-vous в Монопри⁵. А завтра <в> 3 ч. 30 м. rendez-vous с Савинковой⁶, с которой мы встретились вчера у моря. Боюсь, что эти rendez-vous выбьют меня из моего бюджета. Но отказаться было невозможно. Ек<а>терине> М<ихайловне> прочту о св. Терезе⁷. Галя одобрила. Я сильно сократила. Одна страница.

Галя чувствует себя еще слабой. Но я надеюсь, что она за неделю поправится, успокоится. Мы ее не трогаем, а я стараюсь быть с ней как можно меньше.

Получили из Марселя открытку от Пэки⁸. Спасибо ему.

Было от Мити письмо, вопрос об операции еще не решен, так как хорошие хирурги еще на летнем отдыхе. Письмо его спокойнее много предыдущих⁹.

Погода прелестная. Небо безоблачное. Легкий ветерок. А в Париже?

Я на твоём месте все же послала бы в Ефремов денег, передай Rery¹⁰, она пошлет, ведь уже пора¹¹. Наступает зима.

Позавтракали. Разговор на литературные темы. Восхищение перед Гончаровым. Читают «Обрыв».

Лёня боится, что я потрачу много денег на rendez-vous...

Все тебя целуют и Пэку.

Обнимаю нежно. Вера.

Сейчас твоя телеграмма¹². Да, Majestic дорогой отель. Одно слово мне обошлось 5 фр.

Вера.

Сегодня истрчено почтарям 7 фр. на еще экспресс будет стоить больше 3 франк. В. Б.
<Г.Н. Кузнецова.> Целую нежно.

Галя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/61. Год установлен по содержанию.

¹ Николай Николаевич Кедров (старший) (1871–1940) — певец, композитор. Солист Московской частной оперы С.И. Мамонтова, профессор С.-Петербургской консерватории, руководитель Придворной певческой капеллы. С 1923 г. в эмиграции во Франции. Один из основателей и товарищ председателя правления Русской консерватории в Париже, член совета Российского музыкального общества за границей, организатор «квартета Кедрова», известного своими концертами в разных странах. Записка Н.Н. Кедрова сохранилась: «Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич! После долгих “хождений по горам”, в поисках Вашего обиталища, наконец, — нашел “Belvédère”, но увы, он был пуст. В среду я уезжаю в Париж. Если Вы, быть может, приедете в сей Вавилон, то будьте добры сообщить мне о Вашем приезде. Очень хочу и увидеть Вас и порадовать Вас и многоуважаемую Веру Николаевну квартетным пением. Сердечный привет вам обоим и — будьте Богом хранимы! Искренне Вам преданный Ник. Кедров. 78, 13^e. Voltaire. Paris, XI. Tel Roquette 27-77» (РАЛ. MS 1066/3203). См. также примеч. 7 к п. 753.

² Еще одно раннее издание, которое Бунин, по-видимому, решил заказать у букинистов, собирая их в эмиграции заново после получения Нобелевской премии. Возможно, первое отдельное издание повести «Деревня» (М., 1910).

³ Письмо не сохранилось.

⁴ Е.М. Лопатина.

⁵ Мопоріх — сеть французских универмагов, действующая и поныне.

⁶ Евгения Ивановна Савинкова (урожд. Зильберберг; в первом браке Сомова; в третьем браке Ширинская-Шихматова, 1883–1942) — вторая жена Б.В. Савинкова (с 1908), знакомая В.Н. Буниной с юношеских лет. После революции жила во Франции, вышла замуж за князя Юрия Алексеевича Ширинского-Шихматова (1890–1942).

⁷ Св. Тереза привлекала внимание В.Н. Буниной с начала 1920-х годов, а Е.М. Лопатина была одной из наиболее близких и важных для В.Н. Буниной собеседниц в религиозных вопросах. 31 декабря 1932 г. В.Н. Бунина, подводя итоги года, писала в дневнике: «У меня благодаря чтению действительно хороших книг выработалось спокойное отношение ко всему, что происходит. <...> Кроме того, моей души коснулись две замечательные души, жившие на земле — Тереза Святая и Жюльена Норвич. От них я узнала, нет, это слово мало выражает, не узнала, а почувствовала, что такое душа каждого человека, что она больше всего мира, если уметь в нее смотреть <...>» (РАЛ. MS 1067/407). В Ницце в часовне Пресвятой Троицы и Святой Плащаницы находится статуя св. Терезы, упоминаемая в дневнике В.Н. Буниной именно в контексте встреч с Е.М. Лопатиной (РАЛ. MS 1067/398-402, 23 ноября 1930).

⁸ Открытка Н. Рощина не сохранилась.

⁹ Возможно, имеется в виду письмо Д.Н. Муромцева от 4 сентября 1934 г., в котором речь шла о предполагаемой операции по удалению камней из желчного пузыря (РАЛ. MS 1067/4646). Позднее, в 1936 г. Д.Н. Муромцеву будет сделана и операция по удалению щитовидной железы. См. п. 421.

¹⁰ Р.Г. Осоргина.

¹¹ Речь идет о посылке денег в Ефремов детям Е.А. Бунина: Арсению и Маргарите. См. адрес Арсения Евгеньевича Бунина в записной книжке В.Н. Буниной: «88/46 Свердловская ул. Г. Ефремов Московской обл. URSS» (РАЛ. MS 1067/833).

¹² Телеграмма не сохранилась.

303. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 19 сентября 1934 г.

Пока, слава Богу, чувствую себя сносно. С «Петроп<олисом>» дело, кажется, устроится¹. Квартиры дороги — уже немало смотрел, — все 10, 12 тысяч, ежели что-нибудь удобное и теплое. Подробнее напишу не нынче-завтра. Экспресс твой получил. Всех вас

целую.

Ив.

19. IX. 34.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/56. Почтовая открытка — «Exprès»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue La Pérouse, Paris, 19.9.34», «Grasse, 20.9.34».

¹ Бунин ездил в Париж на переговоры по изданию собрания сочинений в берлинском издательстве «Петрополис». Издательский договор с «Петрополисом» по поводу выпуска Собрания сочинений Бунина подписал 31 марта 1934 г., по которому издательство должно было выпустить всё Собрание сочинений писателя в течение одного года. Однако к сентябрю 1934 г. не вышло ни одного тома, подготовленный к изданию первый том (т. 7) Бунин забраковал из-за его малого объема, который своевольно сделали издатели, не выполнив указаний Бунина по составу этого тома. Именно в связи со всей этой историей Бунин и приезжал в Париж разбираться и заключать новые дополнительные соглашения. Первые тома (седьмой, второй и третий) вышли уже в 1934 г., соответственно в октябре, ноябре и декабре. Подробнее об этом см.: «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.Н. Морозова, при участии В.В. Леонидова // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–92; Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

304. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 20 сентября 1934 г.

20 сентября 1934 г.

Дорогой Ян, светская моя жизнь, не сглазить, кончилась, обошлась она мне в 37 фр.

Кат<ерина> Мих<айловна>, совсем больная, приехала в Канн по делам, к адвокату. Они нашли в пол<у>тора километра<х> от Рокфора (или нищкой дороги) чудесный дом с центр<альным> отоплением, водою и электричеством за 5 000 фр. в год, что будет оплачивать им Америка. Но нужны деньги на переезд, на жизнь первый месяц. Нищкая Префектура будет им посылать девочек-сироток за плату, но платеж по истечении месяца. Нужны деньги. 3 000 фр. надеются получить с хозяина Funel'я de Clausonne¹. Хотят обратиться к Лиге Наций, чтобы получить взаимобразно какую-то сумму. Как «клезонским барышням» все известно!.. Мне очень жаль Кат<ерину> Мих<айловну> — вид очень плохой, неестественная бледность, руки горячие, — жар, нехорошо кашляет, боюсь, не воспаление ли легкого у нее? Она говорит, что в Клозоне им не под силу, а там жить можно отлично — верный заработок. Узнай при случае о Лиге Наций и замолви словечко, если кого из влиятельных увидишь. Они будут писать Илюше. В «Зем<ский> Союз» они всегда свои долги платили, когда обращались туда за деньгами. Кат<ерина> Мих<айловна> мне сказала: «даже умереть там лучше». Поблизости есть соседи. Очень милые хозяева этой виллы. Она находится между Вальбон, Виот и Рокфор, называется Бюгет. Мы мимо проезжали, по словам К<атерины> М<ихайловны>.

Савинкова произвела хорошее впечатление, провела с ней часа три. Она выучилась красить волосы, будет этим ремеслом зарабатывать. Левочка Камионщик² пишет стихи и прозу, он еще не печатает³. Муж — шофер и создатель партии⁴ — современная семья! Соединение материи и духа.

Я три дня ездила в Канн, — счастлива, что сию сегодня дома.

Твой кабинет вычистили, вымыли, убрали. Сейчас будет мыться столовая.

Письмо от Пэки⁵, твоя открытка⁶. Спасибо и за то, и за другое.

Галя сегодня совсем почти хорошо себя чувствует. А два дня еле ноги волочила. Не было сил вымыть голову. Отлично сделала, что не соблазнилась Парижем. Думаю, что за эти дни покоя и отсутствия всяких впечатлений она будет чувствовать себя совсем здоровой. Хорошо, успокоительно действуют карты: по вечерам я штопаю, а они играют в 66⁷, — оба учатся считать, оба в этом не очень сильны.

Вчера был день Ангела тетки⁸ Лёни, и он нам сварил грог с мускатным орешком. Уверял, что это очень здорово.

Разговор только на литературные темы, — читают «Обрыв», — Гончаров им очень по вкусу. Я читаю «На ножах» — ну и роман: нигилисты у него à la Красновских социалистов!!! Даже странно, что Лесков писал это.

Звонил Никитин «с очень интересными предложениями»⁹.

Звонили из Канн от Инвалидов¹⁰ за 280 фр. Сказала, что ты вернешься через неделю.

Был Анат<олий> Вас<ильевич>¹¹ без меня, оставил подписной лист для ниццких детей и письмо от Томилиной¹², которая просит три-четыре книги для учениц русской школы, чтобы раздать их «как награду». Если хочешь, возьми у М.С. Ц<етлиной>.

Две небольшие рецензии о тебе (иностр<анные>)¹³.

Книга какой-то спиритки Писаревой¹⁴.

Запрос от агента из le Cannet mr. Rutel¹⁵ — будешь ли покупать виллу... и какую?

Вот и все из нашей «Маленькой жизни»¹⁶.

Галя и Лёня тебя целуют.

Обнимаю нежно.

И.А. Бунин.
Канн, 21 июля 1933 г.
(РАЛ)

Твоя В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/62.

¹ Е.М. Лопатина и О.Л. Еремеева основали неподалеку от Грасса в Шато Фюнель де Клозон (Château Funel de Clausonnes) дом отдыха «на открытом воздухе», главным образом, для больных туберкулезом детей, действовавший в 1930–1934 гг. Бунины несколько раз приезжали в Шато де Клозон. В частности, 21 сентября 1930 г. В.Н. Бунина навещала жившего там Д.П. Сазонова, который так характеризовал это заведение: «Chateau Funel de Clausonnes, детский “preventorium” против чахотки, под управлением Ол<ьги> Львовн<ы> Еремеевой и Эк<атерины> Мих<айловны> Лопатиной, у кого жил я в 1930–33-м годах около деревни Biot, средиземноморской области Alpes Maritimes, на полпути между Nice и Cannes — вблизи Grasse, мировой столицы духов, где в имени проживали Бунины» (Бунины–Сазонова. С. 287).

² Лев Борисович Савинков (1912–1987) — сын Е.И. Зильберберг от второго брака с Б.В. Савинковым, во Франции работал водителем грузовика (камионщик — от фр. camion, грузовик), а помимо этого был литератором, журналистом, общественным деятелем: с 1931 г. член Объединения писателей и поэтов в Париже, младо-

росс, член Пореволюционного клуба, член редколлегии ежемесячника «утвержденцев» «Завтра» (в 1933–1935).

³ Его первый сборник стихов вышел полутора годами позже, в апреле 1936 г.: *Савинков Л.* Аванпост. Париж, 1936.

⁴ Третий муж Е.И. Зильберберг — Ю.А. Ширинский-Шихматов в Париже работал шофером такси и вел бурную общественно-политическую деятельность: был лидером движения национал-максималистов, издателем журнала «Утверждения» (1931–1932), одним из руководителей Объединения пореволюционных течений, организатором и председателем парижского Пореволюционного клуба (1932–1936) и др.

⁵ См. примеч. 3 к п. 301.

⁶ См. п. 301.

⁷ Коммерческая карточная игра — «шестьдесят шесть» или «шуба с клином».

⁸ Елизавета Федоровна Левкович (сестра бабушки Л.Ф. Зурова Анны Федоровны). У нее и ее мужа Ивана Ульяновича Зуров жил в Риге. См.: *Новые материалы* (3). С. 348.

⁹ Возможно, Василий Петрович Никитин (1885–1960) — дипломат, востоковед, евразиец. В эмиграции с 1919 г., жил в Париже.

¹⁰ Имеется в виду каннское Общество помощи инвалидам.

¹¹ А.В. Неклюдов.

¹² Не удалось найти сведений.

¹³ О каких рецензиях идет речь, неизвестно.

¹⁴ Елена Федоровна Писарева (урожд. Рагозина, 1853–1944) — теософка, переводчица, литератор, с 1922 г. жила в Италии. Возможно, речь об издании: *Писарева Е.Ф.* О скрытом смысле жизни: Письма «Друга Читателя» за период 1908–1917 г. 2-е изд., доп. Женева: Изд. журн. «Вестник», 1931.

¹⁵ Письмо неизвестно, возможно, это был звонок по телефону.

¹⁶ В.Н. Бунина обыгрывает название книги: *Дон-Аминадо*. Наша маленькая жизнь. Париж: Я. Поволоцкий и К°, 1927.

305. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 20 сентября 1934 г.

Четверг.

Дорогая моя, кое с кем виделся, но больше всего ушло времени на Кантора¹ и Каплана² — в конце концов «Петрополис» дал письменное обязательство выпустить первые два тома не позднее 10 окт<ября>, остальное гнать так, чтобы еще 8 томов вышли к апрелю 35 г.³

Очень много видел квартир — все то же: что мало-мальски подходящее — 10–12 тысяч. Буду искать еще. Выеду, вероятно, завтра (пятница) вечером.

Все печальны — нищета у всех страшная.

Слоним тоже оч<ень> грустен⁴ — все издатели всего мира всего боятся — никто нигде книг больше не покупает. Поэтому надежд на сделки, на доходы с переводов нет почти никаких.

Нынче был у меня Серов, нашел довольно пониженную сердечную деятельность. Даже спросил: «Да что такое с Вами?» Прописал строфант, потом нужно будет принимать дигиталис. Как видишь, и тут дело очень неважно.

Целую тебя и всех вас.

Ив.

Кроводавление 11½. Маловато!

Все время — ливень.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/57. На почтовой бумаге Hôtel Majestic, Paris. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Адвокат, литератор и редактор М.Л. Кантор после революции работал в издательстве «Библиофил» в

Ревеле, затем в Берлине. С 1923 г. во Франции, юрисконсульт парижского адвокатского кабинета М.М. Винавера, секретарь редакции, а с 1926 г. редактор «Звена». В 1934 г. вместе с Г.В. Адамовичем редактировал журнал «Встречи», затем составлял первую антологию эмигрантской поэзии «Якорь» (Берлин, 1936), печатался в «Числах», «Встречах», «Русской мысли», «Опытах». Консультировал Буниных, помогая решать вопросы юридического характера.

² Михаил Семенович Каплан (1894–1979) — книготорговец, издатель. С 1918 г. во Франции, в составе Русского экспедиционного корпуса, затем в Иностранном легионе. С 1920 г. работал в издательстве «Я. Поволоцкий и К^о», в 1929 г. открыл свое дело: издательство и книжный магазин «Дом книги» (9, rue de l'Érepon, Paris, VIe). Был парижским представителем берлинского издательства «Петрополис». Издавал, среди прочего, книги Бунина. Подробно о его роли в издании Собрания сочинений Бунина в 11 томах в издательстве «Петрополис» см.: «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери». Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова. Подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова (при участии В.В. Леонидова) // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–92.

³ В 1934 г. «Петрополис» выпустил три тома (7-й, 2-й, 3-й), в течение 1935 г. вышло семь томов (5-й, 4-й, 6-й, 8-й, 11-й, 9-й, 10-й), последним вышел том 1-й в 1936 г.

⁴ М.Л. Слоним в это время руководил агентством по устройству иностранных переводов книг русских писателей (13, rue Bonaparte, Paris VIe) и Европейским литературным бюро в Лондоне.

306. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 20 сентября 1934 г.

20 сентября 1934 г.

Дорогой Ян, вчера неожиданно приехали гости из Дубка: княгиня, князь и профессор¹. Профессор — свеж, бодр, одет по-городски. Очень жалел, что я не могла показать ему Нобелевского диплома. Как всегда, рассказывал кое-что интересное по своей специальности, главным образом по эпилепсии. Я спросила о Мите². Он думает, что его трясение головой от болезни внутренней какого-нибудь органа, когда я сказала о печени, то он подтвердил: «вот, вот», бывают такие ненормальности и от желудка, и от аппендикса...

Ася была скромна, молчалива, с гордостью взирала на отца, как всегда, при нем она кажется моложе.

А князь! Профессор запретил ему на год брать в рот алкоголь. Он был насильно освидетельствован, и профессор нашел печень не в порядке! Кажется, и ведением дел тоже не доволен (это между нами).

Пили они у нас чай с вареньем и печеньем, — спасло «Вье Ложье»³, их кладовая, а мы, как нарочно, dokonчили вчера варенье из ежевики.

Сегодня будем варить из айвы нашего сада, Лёня вчера снял больше трех кило.

Почта сегодня ничего не принесла кроме двух писем: мне от Кульман, совершенно пустое — ждут дочерей Николая Карловича⁴, и Гале коротенькую записку от Марги: «почему она давно ей не пишет? Что случилось?»

Галя только что вымыла себе голову. В гору ей подниматься вчера было трудно. Вид у нее гораздо лучше, нормальный. Надеюсь, еще два–три дня спокойной жизни, и она поправится, вернее, оправится. Нужно, чтобы она уехала в Геттинген здоровой⁵, — это прежде всего «честь дома».

Лёня работает почти до обеда. Днем сам стучит на моей машинке. Опять принялся за роман.

Внизу комнаты блещут чистотой. Завтра Жозеф будет чистить спальню. Где ты хочешь спать, внизу или наверху? Извести.

Я на твоём месте развлеклась бы. Жаль, что не взял смокинга, хотя бы старого, — мог

бы хоть раз побывать в Casino de Paris. Тебе следует один смокинг оставлять в Париже, а другой держать в Грассе.

Отчего ты ничего не пишешь о делах. Ведь это очень интересно нам. От тебя была всего одна открытка⁶. От Пэки⁷ письмо, отлично написанное, — вот дурак, не понимает, как нужно писать⁸!

Вчера было хмуро. Сегодня утро ясное, а сейчас к завтраку хмурится. Осень! Осень!

Сегодня ты получил книжку стихов Зинаиды Шаховской из Бельгии, надпись сделана крупным почерком⁹, — женщина с характером!

Зовут в синема.

Будь здоров, бодр и разумен.

Смотришь ли квартиру? Хорошо бы иметь и в Париже постоянное пристанище. Все равно, чтобы жить, нужно тебе работать и зарабатывать, иначе пропадем, а чтобы зарабатывать, нужно приятно устроиться. Квартира скрашивала бы очень нам жизнь. Подумай и сними. Сейчас момент. Большой выбор. Дешево можно купить обстановку. Будут свои вещи в Париже, а это кое-что. Могли бы переехать туда в декабре.

Лёня шлет привет. Галя пишет сама. Обнимаю нежно. Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/63.

¹ А.А. и А.М. Кугушевы и М.Н. Лапинский.

² Д.Н. Муромцев.

³ Вероятно, продуктовый магазин в Грассе. Ср. п. 351 и примеч. 2 к нему.

⁴ Видимо, имеется в виду письмо Н.И. Кульман к В.Н. Буниной, написанное между 5 и 21 сентября 1934 г. (в РАЛ не сохранилось).

⁵ В начале октября 1934 г. Г. Кузнецова на два месяца отправилась в Германию к М. Степун, остановившись по адресу: Rosdorfer Weg 14 II bei Rosenberg, Göttingen, Allemagne.

⁶ См. п. 301.

⁷ Н. Рошин.

⁸ См. примеч. 3 к п. 301.

⁹ Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001), очевидно, прислала свой сборник стихов «Уход» (Брюссель, 1934). Характер она проявила и в разговорах с Буниным после их знакомства, судя по ее воспоминаниям: *Шаховская З.А.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 202–229.

307. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 21 сентября 1934 г.

1934 г. 21 сентября.

10 ч. утра.

Дорогой Ян, сейчас присланный от Рукье дядя вымерил все комнаты, чтобы провести центральное отопление, значит решил повесить стоимость виллы. Этот мр. сказал, что Рукье хочет, чтобы все работы были кончены к 1 октября. Я заметила, что при нас это неудобно, что тебя нет, что я не знаю еще, на какие месяцы мы уедем в Париж. Спросила, можно ли устанавливать центральное отопление зимой, например, в декабре. Он ответил утвердительно. Но эти разговоры велись частным образом. Важно одно, что и зимой можно вести работы. Вероятно, на днях придет Рукье и будет вести разговор на эту тему. Что мне отвечать? И как после этого он повысит стоимость виллы? Какие у тебя мысли насчет жизни в Париже? Будешь ли снимать квартиру? Если снимешь, то в какие месяцы ты думаешь в ней жить? Словом, подумай и сообщи, как мне поступить, до твоего письма я не позволю

начать работы.

Мне кажется, что может быть три проекта.

1) Ты возвращаешься назад, не сняв квартиры. Галя уезжает в Германию, а мы месяца два работаем дома, затем едем в Париж, а на «Бельведере» идут работы, затем через желаемое время мы все с Галей возвращаемся под сень нашей пальмы¹.

2) Ты снимаешь квартиру. Мы с Галей едем в Париж. Лёня пока остается на «Бельведере», будет писать и наблюдать за рабочими. Галя уезжает в Германию. Мы с тобой обставляем квартиру и живем в ней, пока живется. Лёня, если пожелает, придет в Париж на месяц или два. Галя возвращается во Францию и, побыв некоторое время в Париже, вместе с нами едет в Грасс. Обставить квартиру можно теперь дешево. Я занялась бы этим.

3) Ты не снимаешь теперь квартиры. Остаешься в Париже, пока идет установка центрального отопления. Галя едет в Германию через Париж. Лёня остается в Грассе, на «Бельведере». Я переезжаю в Канн на время громких работ. Наслаждаюсь прогулками, церковью, одиночеством. Это дешевле, чем мне ехать в Париж, меньше трепки и всяких дружеских встреч.

Если у тебя возникнет четвертый или пятый проекты, то обсуди и сообщи.

Все это я пишу, не поговорив с Рукье. Хотела бы с ним говорить, зная твоё желание.

В каждом проекте есть и хорошая, и дурная сторона. Нужно сделать так, чтобы тебе было приятнее. Не смущайся тратами. Если ты будешь в хорошем настроении, то ты будешь работать, деньги будут, а если ты будешь в прострации, то все равно денег будет мало даже на грасскую жизнь.

Галя себя чувствует лучше, хотя иной раз и побаливает у нее верхняя часть груди с левой стороны. Она принимает лекарство, прописанное Аитовым. Настроение у нее очень домашнее. Уже живет мыслью, как вернется назад из Германии. Насколько понимаю, ей хотелось бы сначала в Париж, а затем домой, на «Бельведер».

Сегодня дали Жозефу полдня свободы. У нас будет рассольник и холодные сардинки. Но мы никуда не поедем, так как Галя еще быстро устает, да и денег уже вышло много, хотя лишнего ничего себе не позволяем.

Целуем все.

Твой В.

Вчера получила твою экспрессную открытку. Жаль, что ты так лаконичен. Кого ты видел?

Прилагаю письмо Штемберг².

Еще раз обнимаю нежно.

В.

Ответь тотчас же. Можно даже по телефону. Лучше утром или в 8 ч. вечера.

Если ты не приедешь, то пришли деньги Инвалидам³, 280 фр. У меня есть уже и адрес, и человек, кот<орый> за ними придет.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/64.

¹ Во дворе «Бельведера» росла пальма, под которой Бунины летом накрывали стол.

² Предположительно имеется в виду педагог Николай Константинович Штемберг (1872–1947). Был преподавателем в Морском корпусе, затем инспектором и директором разных средних учебных заведений Министерства народного просвещения и Ведомства учреждений императрицы Марии. С начала 1920-х гг. в эмиграции, директор гимназии в Варшаве и Данциге. С начала 1930-х преподаватель (с 1939 г. директор) Русского кадет-

ского корпуса-лица имени Николая II в Версале. Его писем к Бунину в РАЛ не сохранилось.

³ См. примеч. 10 к п. 304.

308. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 22 сентября 1934 г.

ARRIVE DEMAIN MATIN MARSEILLE TELEPHONERAI QUAND SERAI CANNES

Перевод с французского:

Прибываю завтра утром в Марсель, телефонирую, когда буду в Каннах

Публикуется по оригиналу: РАЛ. MS 1066А/54. Телеграмма; место и время отправления: «Paris–22–15.50»; почт. шт.: «Grasse, 22.9.34».

309. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 26 ноября 1934 г.

Утро 26 н. 1934 г.¹

Дорогой, только что прочла «Захара»², нашла две опечатки. Очень хорошо! И перенеслась на Капри и все так ясно увидела, что точно все это было вчера. И твое чтение у Горьких, и восторг Ал<ексея> М<аксимовича>³, и Черемнова⁴, и следующий год — приезд Шалыпина, и как Горький именно этот рассказ читал ему: «Сила-то в Захаре наша!.. Да не туда направил!» А далеко им до Захара, до души его! А что пропал зря, — это правда!

Вчера, вернувшись и поужинавши русской молочной яичницей и кашей, послушав музыку и сыграв одну партию в бб, мы в десять часов разошлись по комнатам.

Спала беспокойно, но выспалась. На дворе тепло, а в доме прохладно, — вчера не топили, — сегодня затопили в 5 ч.

Сейчас иду на почту отправлять письмо Гале и тебе экспресс, будет дорого!

Писем тебе не было, мне от Каллаш⁵ — художественное описание похорон Васильева⁶. Madame всю обедню и отпевание только и делали, что вносили и выносили из церкви. Похороны на себя взял его пациент Хагелин⁷, компаньон Нобеля, как и расходы по лечебнице, кроме того он берет на свое попечение безутешную вдову.

О Шмелеве: «Как он весь *расползся* внутренно в упительных воспоминаниях о мелком купеческо-мещанском быте! Московские трактиры “для свадеб и балов и обедов”, лавочников, приказчиков, четвертную водки и пироги с кашей воспевают, точно трубадур прекрас<ую> даму. Поэзия “самоварчика и графинчика” совершенно задушила в нем писателя. Его “художество” — жирная оладья с Сухаревского лотка, но никак не литература. Любители “оладей и блинов” и “графинчиков” пускают слюни от восторга, но эти слюни от *истощения желудка*. Красота, преображенность близко не ночевали...» Как это верно!

Лёня стучит все утро. Целую нежно.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/67.

¹ 25 ноября 1936 г. Бунин вновь поехал в Париж, где был занят подготовкой Собрания сочинений для издательства «Петрополис». Из Парижа Бунин с П.А. Михайловым едет в Бельгию, где находится с 14 по 19 декабря 1934 г. (см. пп. 345–349). Возвращается в Грасс вместе с Г. Кузнецовой 15 января 1935 г.

² Рассказ Бунина «Захар Воробьев» написан на Капри в феврале 1912 г. В.Н. Бунина, очевидно, читала корректуру 3-го тома Собрания сочинений (Петрополис), куда вошел «Захар Воробьев», этот том вышел в свет в декабре 1934 г.

³ Рассказ «Захар Воробьев» Бунин читал А.М. Горькому на Капри 7 (20) февраля 1912 г. В письме к Ю.А. Бунину от 8 (21) февраля 1912 г. Н.А. Пушешников сообщал: «“Захар Воробьев” будет в сборнике “Знание”. По прочтении его Г<орький> сказал: “Об этом ни слова никому не говорить. Это пойдет ко мне”. Чтение было вчера <...>. После двух первых страниц Г<орький> сказал: “Это что-то хорошо! Постойте, дайте дух перевести”. Г<орький> был захвачен — “Это великолепно! Какие люди у нас бывают!”» (*Летопись* (2). С. 155–156).

⁴ Бунин познакомился с А.С. Черемновым у А.М. Горького на Капри в январе 1912 г., их переписка опубликована: *ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 639–658.

⁵ Мария Александровна Каллаш (урожд. Новикова, псевд. М. Курдюмов, 1886–1955) — журналистка, писательница, религиозный деятель. Автор книги о творчестве А.П. Чехова «Сердце смятенное» (Париж: УМСА-Press, 1934), высоко оцененной Буниным и использованной им в работе над книгой «О Чехове». Принимала активное участие в церковной деятельности эмиграции. В 1931 г. одна из основателей Трехсвятительского подворья в Париже. Подруга Буниной. Письмо ее неизвестно.

⁶ Спиридон Николаевич Васильев (1869–1934) — врач, специалист по легочным болезням. До революции ординатор у проф. А.А. Остроумова, затем практикующий врач и владелец санатория «Гнездышко» в Ялте. С начала 1920-х гг. в эмиграции в Париже, консультант по внутренним болезням при Русской амбулатории, член Общества русских врачей имени И.И. Мечникова, один из основателей лечебницы Красного Креста в Париже. 8 ноября 1934 г. скончался в лечебнице Перголез от осложнений после гриппа.

⁷ Карл Васильевич Хагелин (Карл Вильгельм) (1860–1955) — инженер, нефтепромышленник. Из семьи обрусевших шведов. До революции управляющий делами фирмы «Нобель» в России, главный инженер «Товарищества на Волге», управляющий, затем директор правления нефтепромышленного и торгового акционерного общества «Эмба», генеральный консул Швеции в Санкт-Петербурге. С 1918 г. жил в Швеции, крупнейший акционер «Шведской криптографической компании».

310. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 26 ноября 1934 г.

Милая, дорогая моя, бесценный друг, доехал, слава Богу, благополучно. Остановился в «Majestic» (Avenue Kléber, Paris 16). В 4 ч. пойду на Jacques Offenbach — узнать, когда можно переехать. Наши пока на «Majestic». Крепко целую тебя, поклон Лёне.

Твой Ив.

26. XI. 34

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/58. Почтовая открытка — «Expres»; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue La Pérouse, Paris, 26.11.34», «Grasse, 27.11.34».

311. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 27 ноября 1934 г.

27 ноября 1934 г.

Дорогой мой, сейчас пришел экспресс. И я, хотя уже перестала беспокоиться, — если бы, не дай Бог, что случилось, меня уже известили бы, — но все же очень приятно прочесть строки, написанные твоей рукой. Жаль только, что ты вместо адреса не написал, какой у тебя номер.

В.Н. Бунина.
Грасс, 1930-е гг.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/68.

¹ Врач И.П. Алексинский с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1923 г. в Париже, работал хирургом, возглавлял Общество русских врачей имени И.И. Мечникова. В 1926 г. оперировал В.Н. Бунину.

² Лидия Викторовна Часовникова (урожд. Арсеньева, лит. псевдоним Л. Часинг, Tchassing-Marcus) — прозаик, литературный критик; в эмиграции — во Франции, с 1938 г. в Шотландии; грасская знакомая Буниных.

³ См. примеч. 1 к п. 251.

⁴ «Слон» — написанная в 1930 г. миниатюра Бунина о маленькой девочке.

⁵ бюстгальтер (*фр.*).

Живем мы очень хорошо, не сглазить, Лёня старается быть очень заботливым. Вчера мы ездили к Кугушевым, и они нам очень обрадовались, непустили без ужина. У Аси вид плохой, хоть бы Алексинский¹ скорей бы приехал! В среду и они будут у Часинг², так что развлечемся. Шишкин³ вчера за чайным столом, когда никто не обращал на него внимания, сказал отцу: *«расскажи что-нибудь обо мне»*... Вот это из твоего «Слона»⁴. Но мил поразительно, весь в сером.

Сегодня рано утром ездила одна в Канн, — было изумительно хорошо, купила корсет и *soutien-gorge*⁵, дешевле, чем думала, а потому еще купила пару тонких чулок под «дворцовое» платье и туфли плюanelевые за 19 фр. — это для ботиков, а то в кожаных тяжело. Сейчас я в обновках и модничаю. Погода вообще изумительная. Чувствую себя очень уставшей, радуюсь одиночеству, молчанию. Мне ведь тоже полезно было бы помолчать! Лёня кланяется. Нежно обнимаю тебя.

Твой К.

312. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 28 ноября 1934 г.

Среда.

Милый голубчик мой, позавчера был у Слонима, у Каплана и у Нилусов. Переезжаю на квартиру утром в субботу. К этому дню будет, говорят, и телефон. Вчера не выходил — началось что-то вроде насморка, побоялся. Нынче, слава Богу, ничего как-будто. Экспресс твой вчера получил. Деньги вышлю не нынче, завтра. Еще никого, кроме вышеназванных, не видел — нет никакой охоты.

Сейчас опять пойду на Offenbach — окончательно осмотреть, что купить.

Целую тебя истинно ото всего сердца.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/59. На почтовой бумаге Hôtel Majestic, Paris. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 310.

313. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 28 ноября 1934 г.

28 н. 1934 г.

Драгоценный, и сегодня почта ничего не принесла интересна <так!>: 1) вырезка из «П<оследних> н<овостей>» о том, что ты не поехал из-за визы в Белград¹. 2) Письмо Томила² из Ниццы — благодарность за книгу, помечено 8 окт<ября> — штемпель Ниццы 27 XI — кто-то проносил в кармане, или письмо валялось на почте почти два месяца. 3) Письмо от Maurice и его переписка с издателем³. Последнее я пересылаю тебе. Больше ничего, кроме газет, ничего не было никому.

Стало совсем тепло. Сегодня мы не топим, не топили и в понедельник.

Только что вернулись с маленькой прогулки. Строят ярмарку. А так все то же самое. Только погода изумительно прелестная.

Стену все никак не кончат, работают трое. Пиши это на доход...

Опять стала чувствовать большое утомление, хотя сплю много. Вчера легла в постель в 10 ч. вечера. Встала в 8 ч. Днем лежала. Вероятно, я при тебе напрягалась, а сейчас ослабла.

Часа через полтора будем собираться к Часинг.

Целую со всей нежностью. Лёня кланяется.

Будь бодр и *не порти себе жизнь*.

Твой С.

Жду подробного письма.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/69.

¹ Публикация данного сообщения не обнаружена.

² Письмо неизвестно.

³ Морис Донзель (Maurice Donzel, псевд. Парижанин, 1885–1937) — французский писатель, журналист и переводчик, сотрудник «Les Humbles» и «L'Humanité»; зять Б.К. Зайцева, муж его сестры Надежды (в первом браке Буйневич, 1878–1959). В ответ на, как он выразился, «сердитую открытку» Бунина (видимо, с вопросом о деньгах и переводе) М. Донзель 27 октября 1934 г. сообщал, что три недели назад сдал полный перевод «Жизни Арсеньева» в «Stock» (французский издательский дом, филиал «Hachette Livres»), что свой долг (1 500 франков, взятых в счет бунинского гонорара за перевод «Жизнь Арсеньева» и одолженных Донзелю по просьбе его жены, см. РАЛ. MS 1066/2305) перед Буниным он признает, но по состоянию здоровья деньги сейчас вернуть не может и готов расплатиться будущими переводами. Описывая свои мытарства с различными издательствами, он добавлял: «Прошу Вас только меня не резать и иметь в виду, что в Западной Европе Ваша слава — немалое дело моих рук. *M-r de San-Francisco* (не забудьте!) перевели в Англии с *франц<узского>* текста» (РАЛ. MS 1066/2300–2301). В то же время в издательстве «Stock» готовился перевод М. Донзеля бунинской «Деревни», и Б.К. Зайцев (со слов Надежды Донзель, жены переводчика) писал Бунину об этом как о единственной возможности получить с Донзеля деньги: «<...> его долю от продажи книги <...> Сток и должен выплатить тебе» (РАЛ. MS 1066/5912; письмо от 28 октября 1934 г.). При этом М. Донзель в следующем письме Бунину от 7 декабря 1934 г., написанном уже по-французски, отвечал отказом на просьбу сделать перевод «Деревни» более понятным обычным французам, уверяя, что его текст годится и для образованных, и для простых читателей (РАЛ. MS 1066/2302). М. Донзель и дальше переводил Бунина, см. примеч. 5 к п. 325 и письма М. и Н. Донзель к Бунину: РАЛ. MS 1066/2294–2305.

314. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 29 ноября 1934 г.

1934 г. 29 ноября.

Драгоценный, посылаю тебе все, что ты получил сегодня. Maurice просит тебя *возвратить* второй экземпляр его первой половины письма¹. Я тебе не послала его третьего дня, увидев, что это два одинаковых листа. Хотела сама послать ему, да не знаю адреса. Отошли тотчас же, а конец прочти. Сток тоже тебе посылает копию своего письма к Maurice'у². Написано оно очень ядовито. Видимо, Донзель перемудрил! И «овеществление» — «vivification³» им не понятно.

А Донзель дурак — письмо его не умно.

Вчера были у Часинг. Очень было приятно, просто. Пили за твое здоровье. Они гостеприимны, радушны и без всякой натянутости. Родители стушевываются, но держат себя с достоинством. Жиго⁴ было сжарено по твоему вкусу и хорошо прошиповано чесноком. Закуска хорошая, хотя и без претензий, только зеленые оливки, начиненные красным перцем — очень пикантно. Водка, две бутылки вина. Пьянства никакого, что очень приятно. Но князь пил водку и опьянел, а опьяневши, стал говорить, что он уже все знает, что ему никто не импонирует (передаю смысл) и что он самого Толстого «за его бороденку взял бы и сказал, ну что, Лева»...

Потом оказалось, что он очень любит стихи, «но они должны быть немного бессмысленные»... поэтому Блок, Игорь Северянин, а эпические, даже Пушкина, не признает, даже Гомера: «это и прозой можно написать было бы»... много знает наизусть — восхищался твоим «Шмелем», хотя непонятого там ничего нет. Он сидел на пуфе задом к зеркалу — чувствовался восток и в положении ног, и узких глазах. Когда его спросили, а какое стихотворение его любимое, он ответил: «Почти “Виктория Регия” Северянина»...

Был и Зайцев⁵, пел. Ася играла — Шопена Полонез и этюд. Были и литературные прозаические разговоры. Князь нападал на Каратаева, Лёня защищал. Там еще второй «Жоржик», тоже маленький, шупленький, но знает хорошо Пушкина, а первый очень любит Бейрут, Ливан, был и в Дамаске⁶. Они оба интеллигентные люди, хорошо воспитанные и милые. Словом, тебе было бы приятнее у них, чем у других соседей, так что зря поспешил уехать.

Сегодня совсем тепло — я даже не в шерстяном платье.

Мне были письма от Кульман и Манухиной⁷. Зайди и туда, и сюда, когда будет свободная минута. Ив<ан> Ив<анович> уже лечит Амалию. Т<атьяна> Ив<ановна>⁸ пишет, что положение ее тяжелое. От Гали нет ничего. Думаю, что она теперь будет писать чаще в Majestic⁹.

Что квартира? Не забудь о понедельник — свадьба внучки Гукасовой¹⁰. Позвони Кепинову. Узнай подробности, как *нужно* или можно быть одетым, напomini, что у тебя все есть, цилиндр и т.д.... Позови его куда-нибудь посидеть. У них сейчас, конечно, суета, а он, м<ожет> б<ыть>, и свободен.

Сейчас два часа дня. За стеной стучит машинка. Пошлю тебе весь пакет exprès'ом.

Целую нежно. Лёня кланяется. Жозеф шлет свои «compliments»¹¹.

Пока Лёня твердо говорит, что остается. Ася и Часинг рады. Вчера его посадили между ними, а князя с тапан, хорошо, что я была с другой стороны, и все смешила его, по другую руку мою сидел рарà.

Твой К.

Экспресс от среды уже получила.

В воскресенье вечером на пирог нас позвали Кугушевы. Мне перед отъездом надо будет их всех позвать, иначе неудобно. Да, м<ожет> б<ыть>, без тебя, как ты говорил, и лучше. Если позову, то 10 дек<абря>... будем ловить речь Пиранделло¹².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/70.

¹ Письмо М. Донзеля не сохранилось.

² Не сохранилась.

³ оживление, одухотворение (*фр.*).

⁴ От *фр.* *gigot* — жаркое из задней части барашка или телянка, приготовленное одним куском.

⁵ См. примеч. 8 к п. 290.

⁶ Не удалось найти сведений.

⁷ Последними письмами Н.И. Кульман к В.Н. Буниной были письма от 18 и 21 ноября 1934 г. В первом из них она писала: «Очень, очень жаль, что Ив<ан> Ал<ексеевич> не поехал в Белград. Это было бы очень важно для получающих пособия от сербов» (РАЛ. MS 1067/3544). Во втором спрашивала: «Когда Ив<ан> Ал<ексеевич> приедет в Париж? По слухам, идущим от Зайцевых, он давно должен был быть здесь» (РАЛ. MS 1067/3545), — это, видимо, и вызвало просьбу в письме В.Н. Буниной мужу. Писем Т.И. Манухиной к В.Н. Буниной этого времени не сохранилось.

⁸ Т.И. Манухина.

⁹ Т.е. Бунину, поселившемуся на первое время в этом отеле. Несколько днями ранее, 18 ноября 1934 г., В.Н. Бунина записала в дневнике: «Доставляет неприятность и Галя, вернее, не она сама, а из-за нее. Она из тех, кто выше всего ставит свои желания, не обращая внимания, как они действуют на других. Поступиться ими ради кого бы то ни было с улыбкой она не умеет. Не представляет и того, как ее поступок действует на другого человека. Всегда удивляется. Не умеет становиться на точку зрения другого человека. Ян же предъявляет ей требования как к человеку иной природы» (РАЛ. MS 1067/410).

¹⁰ Понедельник приходился на 3 декабря. Сообщений в газетах об этом не обнаружено.

¹¹ приветствия (*фр.*).

¹² Имеется в виду нобелевская речь Луиджи Пиранделло (Pirandello, 1867–1936), который 10 ноября 1934 г. был объявлен лауреатом Нобелевской премии. После получения Нобелевской премии Бунин купил самый совершенный и мощный на то время радиоприемник, по которому В.Н. Бунина и собиралась «ловить» речь Пиранделло.

315. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 30 ноября 1934 г.

30 ноября 1934.

С Новосельем!!!¹

В этой квартире мы жили с тобой счастливо! Бог даст, опять будет хорошо.

Сейчас только что прочла статью Ходасевича². Очень хорошо! Прочла, что ты был на чествовании Пиранделло³. Правда? Тогда, подробности. Почта сегодня очень скудная. Тебе одно письмо от Израэльсона⁴ и вырезки из газет, — пересылаю и то, и другое. Затем книга «Mémoires d'une Aventurière» — préface notes et production de Marc Slonim⁵. Надпись: «Дорогому Ивану Алексеевичу с искренним уважением — создатель этой русско-французской книги. М. Слоним»⁶. Книгу привезу сама.

Три экземпляра «Под русским стягом»⁷. Очень неинтересна. Пересылать не стоит.

Во вчерашнем экспрессе мне почудилась твоя тоска. Не предавайся ей, ненаглядный мой, — ржа железо точит, а тоска человека. Побереги себя. Не смотри в одну точку. Помни, что это и грех, а главное, жить нам осталось уже не так много, а между тем мы еще очень многого не видели, не перечувствовали, не пережили, что же все из одной чашки лакать.

Погода и сегодня прелестная. Но я жду бабу, буду купаться, наводить порядок, чтобы все было чисто к твоему возвращению.

Если будешь покупать сомье⁸ в столовую, то купи мягкое, я на твердом спать не могу, а в столовой *буду я спать*. Но можешь меня подождать. Лёня твердо говорит, что не поедет со мной, так что мы можем купить по моему приезду. Я не уговариваю его. Чехов говорил, что «от всякого человека отдыхать надо»⁹, надо и тебе от него отдохнуть. Пусть поживет один. Для души это очень полезно, а если не выдержит, то мы что-нибудь придумаем.

Я перечитала одно письмо ко мне Гали. Она пишет, что приедет в Париж к 1 января. Я пошлю ей газету с критикой Ходасевича. Ей будет интересно и полезно прочесть.

Дорогу все поправляют, надеюсь, сегодня кончат. Пора!

Купи до меня только все необходимое тебе, а я тогда займусь и постараюсь все купить дешевле. Узнаю у опытных людей, где и как.

Питаемся мы очень скромно, но стол, то есть все, что проходит через руки Жозефа, стоит не меньше 20 фр., так что 10 фр., которые ты дал, идут *на все остальное*. На почту взяли мало, уже истрчено 11 ф. $50 + 7.50 + 2 = 21$, а ты оставил 50 фр. Правда, экспрессом я пересылать почту не буду, так как едва ли что будет экстренное, — теперь, небось, уже все знают, что ты в Париже.

Что мне привезти? 1) Нужна ли тебе подушка? 2) пледы, 3) твоё белье, которое выстирала баба? Платки я все привезу. Я отсылаю тебе рукавицы и один мундштук, но не янтарный, который мы так и не нашли.

Жозеф пятнадцатого хочет ехать в отпуск в Ниццу, Турин, но предлагает и отложить.

Нужно ли ему что-либо давать к Новому году? Ведь раньше мы давали ему всегда 100 фр., а теперь, как праздники, так уезжаем. Они ведь очень ценят этрены¹⁰.

Как ты нашел квартиру? Очень ли она грязна? Ты ничего не пишешь. А вчерашний экспресс даже какой-то недоконченный, я объяснила Лёне, что тебя, вероятно, кто-то прервал и ты, не кончив его, запечатал, но он не очень поверил...

Напиши хоть раз обстоятельное письмо. Если тебе не будет скучно без меня, то я просто не приеду, а поверю, что тебе скучно и что ты думаешь обо мне, только в том случае, если ты будешь мне писать длинные письма, *иначе не поверю*. Когда что тебя схватывает под жабры, ты пишешь. Я начала работать, хотя письма отнимают много времени. Целую нежно. Лёня кланяется.

Т.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/71.

¹ Бунин переехал из отеля «Majestic» на rue Jacques Offenbach, 1. Постоянно держать за собой квартиру в этом доме Бунин не мог из-за больших расходов. Поэтому во время его отсутствия в ней могли жить его знакомые и друзья (М. Алданова, Г. Кузнецова и т.д.) или квартира сдавалась другим людям. Вот и на этот раз, очевидно, очередные жильцы уехали, а Бунин опять поселился. В этом доме Бунин жил в разные годы по меньшей мере в трех разных квартирах на разных этажах.

² Статья была посвящена второму и седьмому томам собрания, только что изданным «Петрополисом»: Ходасевич В. Книги и люди: Бунин, собрание сочинений // Возрождение. 1934. 29 ноября. № 3466. С. 3–4.

³ Луиджи Пиранделло прибыл в Париж из Лондона 28 ноября 1934 г. и в тот же день присутствовал на коктейле, устроенном в его честь редакцией «Фигаро», где собрались журналисты, дипломаты и официальные лица во главе с министром народного просвещения, а также французские и иностранные писатели. Среди приглашенных был объявлен и Бунин, см. заметку в газете: Чествование Пиранделло в Париже // Последние новости. 1934. 29 ноября. № 4998. С. 3. Однако на коктейль Бунин не пошел. См. п. 322.

⁴ Осип Александрович Израэльсон (псевд.: Осип Волжанин, 1870–1913) — писатель, журналист. Редактор газеты «Московский вестник». С 1924 г. в эмиграции в Париже, с 1928 г. в Ницце, сотрудник газеты «Вестник Ривьеры». Печатался в «Последних новостях», «Днях», «Иллюстрированной России». Его письма к Бунину см.: РАЛ. MS 1066/5790–5793. Письмо не сохранилось.

⁵ Речь идет об издании: *Hommaire de Hell A. Mémoires d'une aventurière (1833–1852) / Préface, notes et traduction de Marc Slonim. Paris: Plon, 1934.* Адель Оммер де Гелль (Hommaire de Hell; урожд. Adèle Hériot, 1817–1883) была женой геолога Ксавье Оммер де Гелля (1812–1848) и сопровождала мужа в путешествии по России в конце 1830-х гг. В 1887 г. П.П. Вяземский, сын поэта, опубликовал в своем переводе на русский «Письма и записки» А. Оммер де Гелль, в которых, в частности, описывались ее встречи с М.Ю. Лермонтовым на Кавказе и в Крыму осенью 1840 г. (*Вяземский П.П. Лермонтов и госпожа Гоммер де Гелль в 1840 г. // Русский архив. 1887. № 9. С. 129–142.*) В советское время этому сюжету был посвящен целый ряд статей и художественных произведений (среди них повести Б.А. Пильняка, С.Н. Сергеева-Ценского, П.А. Павленко), а также был выпущен полный текст дневников: *Оммер де Гелль. Письма и записки / Вступ. ст., ред. и примеч. М.М. Чистяковой. М.; Л.: Academia, 1933.* Книга Слонима была подготовлена по материалам этого издания. Однако уже в мае 1934 г. Н.О. Лернер выступил в Пушкинском Доме с докладом о подложности записок. За ним последовала статья П.С. Попова, доказывавшая, что П.П. Вяземский был не переводчиком, а автором «Писем и записок»: *Понов П.С. Мистификация (Лермонтов и Омэр де Гелль) // Новый мир. 1935. № 3. С. 282–293.* Итоги были подведены в блоке материалов под названием «Новое об Омэр де Гелль» в лермонтовском томе «Литературного наследства» (материалы готовились еще в конце 1930-х гг., однако том увидел свет лишь после войны): *Каплан Л. П.П. Вяземский — Автор «Писем и записок» Омэр де Гелль // Литературное наследство. М.: Наука, 1948. Т. 45–46. С. 761–766; Попов П.С. Отклики иностранной печати на публикацию «Писем и записок» Омэр де Гелль // Там же. С. 767–775.* В последнем материале отражена и полемика, которую вызвала во французской печати книга, выпущенная Слонимом (Жан-Жак Бруссон, к примеру, требовал суда чести, считая Слонима пособником большевистской заты, преследующей политические цели).

⁶ Данный экземпляр книги не сохранился.

⁷ Однодневная газета, выпущенная Российским общественным комитетом (РОК) в Польше, в ней был опубликован ответ И.А. Бунина на анкету РОК: Под русским стягом. Варшава, 1934.

⁸ От *фр. sommier* — матрас.

⁹ Очевидно, устное выражение А.П. Чехова.

¹⁰ От *фр. étrenne* — новогодний подарок.

316. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 30 ноября 1934 г.

30 ноября, вечер.

Дорогая моя, сейчас получил твой *exgrès* от 29-го — со многими письмами. Новостей особенных нет. Про тебя всем говорю, что болезнь брата тебя за последнее время особенно расстроила, что ты чувствуешь себя неважно, собираешься быть в Париже, *может быть*, к середине декабря. Видел Зайцева, Алданова — позавчера вечером, посидели в кабачке, немножко выпили. *На квартиру надеюсь переехать завтра* — т.е. в субботу. Значит, пиши уже — 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16. Обещали к завтраму телефон: *Auteuil 17–88* (это уже фиксировано). Ходить ко мне — пока, *на время* сговорилась Берта — какая-то Имберг¹ (будто бы француженка) — будет часа 2 (по 4 фр. час), кое-что готовить и убирать. Купил стол письменный — очень скромный — 350 фр.

Чувствую себя так себе, довольно грустно. С Галиной дело дрянь — от нее ни слова, как видишь. Это меня беспокоит очень — *не потому, что хочу от нее писем*, а потому, что она, *значит* — и, конечно, не без помощи Марги — «держит фасон», а кроме того не чувствует за собой никакой вины ни за что, а напротив, — чувствует, что *я* виноват перед ней, и вообще находится в таком настроении: *«ах, да ну его к черту совсем! Отравляет мне жизнь!»*

NB Милая моя, совершенно не понимаю, как же мы будем жить после этого вместе — *хотя бы как-нибудь*?!

Приходит в голову спокойно и твердо написать Марге — чтобы они серьезно подумали: не лучше ли нам расстаться?

Целую.
Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/60. Год и место установлены по содержанию.

¹ Marie Elise Imbert (1870–1949) — соседка Буниных по дому (1, rue Jacques Offenbach), с 1934 г. была у них домработницей. Сохранились 12 писем и открыток Имбер к В.Н. Буниной, написанных в 1939–1945 гг. (РАЛ. MS 1067/2954–2965).

317. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 1 декабря 1934 г.

Милая моя, дорогая, переехал. В квартире оч<ень> приятно и мило, но зачем я здесь, непонятно. Одно оправдание — надо оч<ень> серьезно поговорить о литер<атурных> делах и финансах и *устроить* их. Это и хочу сделать в начале будущей недели. Все остальное в Париже изумительно неинтересно.

Целую тебя. Забыл вчера написать, что очень хорошо описала ты обед у Часинг.

Твой Ив.

Суббота.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/61. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue Singer, Paris, 2 dec. 34», «Grasse, 3.XII.34». Дата и место установлены по почтовому штампе, дата уточнена по содержанию: 1 декабря — суббота.

318. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 1 декабря 1934 г.

1 декабря 1934 г.

Дорогой, ни вчера, ни сегодня от тебя нет вестей. Было письмецо от Рери¹, так что я знаю, что в четверг ты был здоров. Пишет, что Берта тебя опекает². Это успокаивает меня за тебя. Как дошли фрукты? Довольна ли она? Реря довольна цветами. Сегодня писем, кроме как от Рери, никому не было.

Мы были в Каннах. Кое-что купили из съестного в Монопри. Едим очень воздержанно. Лишнего не трагит, но все выходит 22, 23, 21 фр., правда, тут и газета, и иной раз марка.

Завтра будем на пироге у Кугушевых. Погода прелестная.

Я чувствую себя лучше. Вероятно, от капель, принимаю их по 15 два раза в день.

Кончаю. Жозеф ждет письма.

Целую нежно. Лёня кланяется.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/72. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Mr. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16», почт. шт.: «Grasse, 2.XII.34», «Paris, 3 dec 34».

¹ Р. Г. Осоргина.² Письмо не сохранилось.**319. В.Н. Бунина — И.А. Бунину***Грасс. 2 декабря 1934 г.*

2 декабря 1934 г.

Встала, вышла в сад, Лёня говорит: «А Вам письмо от Ивана Алексеевича».

Стало сразу весело. Спасибо. Письмо от 30 н<оября> (вечер). Во вчерашней записочке я поздравляла тебя с новосельем, поздравляю еще раз от всего сердца, желаю, чтобы мы жили на этой квартире так же хорошо, как жили на ней некогда.

Я очень рада, что в телефоне есть цифра 7¹. Знак хороший. Огорчает меня твоя грусть. Мне кажется, что иногда человек не пишет именно потому, что чувствует себя виноватым и не знает, какой тон взять, ложный стыд мешает признать свою вину, отсюда и молчание.

Вчера я Гале написала бытовое письмо. Сообщила, что ее платье вычищено, описала наш обед и вечер у Часинг в лицах. Думаю, что если она захочет, то ответит мне в тех же тонах, поймет, что полемика должна быть прекращена. Не ответила она еще и Лёне, на его очень сдержанное, состоящее из коротких фраз письмо. Впрочем, может быть, и не успела.

Очень прошу тебя, хоть ты меня *никогда* не слушаешься, потерпеть, подождать. Все нужно решить глаз на глаз без постороннего влияния. Помни: «семь раз отмерь, один отрежь». Знаю, что тебе это очень трудно. Но хоть на этом поупражняй свою волю, терпение, это очень полезно. Если бы ты слушал меня, насколько меньше неприятностей ты получил <бы>.

И очень прошу, *ни с кем* не говори. Помни, все равнодушны, большинство только будет торжествовать. Иметь возможность сообщать пикантные сведения друг другу. Помни одно: когда кто-нибудь с человек<ом> *поступит дурно*, то одни начинают возмущаться (чаще неискренне), а другие или из злорадства, или из чувства противоречия начинают оправдывать, и кроме горечи у пострадавшего ничего не остается, *по себе знаю*. Даже М<арье> С<амойловне>² постарайся все представить в упрощенном виде: «Ничего не случилось».

Люди делают огромную ошибку, преуменьшая достоинства противника, нужно их преувеличивать, даже в своих глазах, тогда будешь в выигрыше.

Скажем: Гале с Маргой хорошо не потому, что они дурны или хороши, а потому, что они сверстницы, обе друг от друга в телячьем восторге первого знакомства. У Марги есть выдержка, она сейчас в успехе, пусть не мировом, но геттингенском. Она *не доставляет пока никаких неприятностей*, наоборот помогает переносить тяжелое. *И на этой точке зрения нужно стоять и*, если нужно почему-либо из жалости или чувства, желать сохранить некую связь с человеком. Ты же все делаешь так, *как не надо*. Горе твое, что ты не хочешь вспоминать о себе. Ведь когда тебе кто нравился, разве мнение, возмущение всех почти поголовно твоих знакомых имели какое-нибудь действие, кроме обратного? Ведь общие нападки вызывают лишь бóльшую нежность к любимому. Зачем же ты девять месяцев тратишь весь свой талант, чтобы усилить чувство Гали к Марге. Ты виноват лишь перед Галей тем, что подстегивал ее чувство к Марге, раздувал его всеми мехами. Виноват и перед самим собой, ибо ты этим доставлял себе большие мучения. Пока ты этого не поймешь (не умом, а *всем организмом*), до тех пор *ты не обретишь покоя*. Подумай, как было бы хорошо тебе. Галя успокоилась бы на дружбе с Маргой. Не чувствовала бы себя несчастной, ибо у нее явился *Друг*, с год они поехали бы друг к другу, пописали бы письма, которые потом нужно жечь, а затем остыли бы. И Галя бы очень оценила твою позицию. Ты должен понять, что Гале кажется, что у нее

Г.Н. Кузнецова.
1930-е гг.
(РАЛ)

нет настоящей жизни. У ней, я сто раз говорила, *мещанские взгляды.* Ей нужен муж, правда, из первосортных, нужна квартира, она хотела бы быть всегда *первой.* Она очень *честолюбива.* *Без каждого дня ей жизнь не в жизнь.* Живя с нами, она этого не имеет. Значит, ей нужно что-то другое. И, *на мой слух,* трудно было бы придумать более подходящее, чем Марга, человек в успехе, занятой, с характером, в некотором отношении хорошо влияющий на Галю. Уверяю тебя, *все дело в тебе.* И это самое трудное. Если бы я была на твоём месте, я с Маргой примирилась бы. И если бы им написала письмо, то такое. «Милые мои, после глубокой проверки и обдумывания я пришел к такому заключению: против вашей дружбы я *ничего не имею.* Все люди с недостатками. Я вижу их зорче порой, чем сам человек. Святых нет. Никаких дурных чувств больше не испытываю к Марге, желаю ей от души самых больших успехов. Буду всегда рад *видеть ее у нас в свободное для нее время.* Надеюсь, что и она не будет питать ничего ко мне дурного». Послала бы это письмо к 10 дек<абря>, ко дню рождения Гали. По приезде Гали, *никаких объяснений,* жизнь сама придумала бы те или другие взаимные отношения.

Летом же «Бельведера» *не должно быть,* и приехать некуда. Май–июнь живем в Париже — квартира тесна. Да Марге, поверь, с Гизель, да и с матерью нужно пожить.

Но это *если бы я.* А у тебя нет выдержки. Ты все себя жалеешь. Прими это как *искупление.* Много у тебя вин. И не мсти Гале за то, что она сделала и делает тебе больно, — без тебя за все расплатится. Как это люди редко понимают! И сколько мучений себе делают!

Прочти все это *внимательно.* Обдумай каждую фразу без раздражения, боли, как будто это *не тебя касается.* Помни, что ни один человек не желает тебе столько добра, как я, редко кто хочет, чтобы люди не мучили себя и других, как я. Это письмо я пишу с молитвою. *Для себя лично я ничего не хочу.*

Но что бы ты не предпринял, взвесь очень тщательно. Отдай себе отчет в своих силах. Пойди в церковь, помолись, чтобы у тебя хватило сил *переносить взятое.* Я уверена, если Бог тебе поможет, то ты сам будешь удивлен, *как это легко.* Нужно брать от жизни то, что она дает, и мы не знаем, когда *получим лучшее.*

Погода все прелестная. Я чувствую себя лучше. Дважды в день принимаю ландышевые капли. Лёня еще лучше, чем был. Заботлив до трогательности. По-прежнему целыми днями работает. Очень был доволен фельетоном Ходасевича³.

То, что ты нам оставил, хватает, но очень на скромное питание. Все-таки ежедневно выходит через Жозефа 21–22–23. Десять франков идут на баб, — я чищу дом, нужно стирать одеяла Рощинские, и на добавок питания, купили колбасы и сыру вчера, но все дешево, нужна лента на машинку, много стоит почта. Очень мне хотелось бы пригласить на 10 д<екабря>⁴ гостей. Ведь Самойловых мы не приглашали обедать с весны. То же и Часинг. Я устроила бы очень дешево — мули⁵ и мясо, а тогда бы до поздней весны мы освободились бы. Лёня против, но он не отдает себе отчета, что я *не могу бывать, а сама не приглашать.* Да и не так будет *грустно* в этот день *врозь.* Да и рождение Гали отметить.

Это тоже для здешней публики было бы хорошо. Если бы ты на это прислал 100 фр., то я обошлась бы. Но если ты согласен с Лёней, то я подчинюсь.

Лёня кланяется. Целую.

Тв. В.

Почтальон ушел, не видя меня, а потому письмо не отправила. Почта тощая. Письмо из России Гале и мне от Мити⁶. Он очень просил тебя целовать. Написал бы ему открытку, пошли с видом каким-нибудь. Адрес: Малая Никитская, д. 33, кв. 5. Москва 69.

Теперь о квартире.

1) Сделай цепочку у входной двери.

2) Пусть консьержка не каждому говорит, что ты живешь.

3) Из маленькой комнаты устрой приемную, поставь гостинный диванчик, письмен<ный> стол, два стула.

Раз Лёня не едет, будем в ней принимать посетителей, а я еще писать письма...

Если кто придет, а ты работаешь, то тут можно поболтать. Одно время так было у Куприных, и было отлично. А раз Лёня не едет, то комната пока не нужна как спальня. Я спать буду в столовой, ты в салоне, Галя в спальне. И нужно все сделать до ее приезда, чтобы не было контродансов⁷ и всяких ненужных разговоров. Купить диван в столовую можно и по моем приезде. Пока узнавай, где лучше и дешевле?

Жаль, что письменный стол ты купил плохой. Ты заслужил самый лучший! Устрой в каждой комнате штепселя⁸. Это необходимо. *Необходимо* купить и механическую щетку. Хорошая стоит 80 фр. Ею и я могу подметать, не требуется усилий, иначе задохнусь, да и пыли гораздо меньше.

Купил ли ты простынь, наволочек? Нужно ли привезти тебе подушку? Я могу привезти тебе свою для тебя, и ее оставим только для *тебя*. Будем прятать ее под замок, когда уедем. Я могу обходиться с маленькой. Купил ли ты скатертей, салфеток? Купи белые, легче стирать. Но немного. Остальное куплю я.

Ну, будь здоров. Не забывай, что я живу *не одна*, пришли привет и Жозефу. Оказывается, на его руках почти все его родные. И он собственно работает на них. Из-за этого не женится. Замечательный человек!

Нежно целую тебя, мой неоцененный. Лёня кланяется с грустью.

Твой К.

Ты ничего не пишешь о делах. Взял ли ты несгораемый ящик и на мое имя, я не поняла? — Следовало бы. Я могу быть в Париже тогда, когда ты в Грассе. Если какие полочки? В котором часу ты говорил речь на банкете 10 дек<абря>⁹? Будем ловить Пираделло.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS.1067A/73.

¹ См. номер телефона Буниных в п. 316.

² М.С. Цетлина.

³ См. примеч. 2 к п. 315.

⁴ 10 декабря Бунины отмечали годовщину вручения Нобелевской премии.

⁵ Вероятно, имеются в виду moules (*фр.*) — мидии.

⁶ Возможно, в этом случае имелись в виду письма Д.Н. Муромцева как В.Н. Буниной, так и Г.Н. Кузнецовой, которая недавно впервые написала ему. В письме к сестре от 18 ноября 1934 г. Д.Н. Муромцев писал: «Посылаю ответ Гале. От нее получил открытку, подписанную “Неизвестная Вам, но знакомая из писем В. Н.”» (РАЛ. MS 1067/4667).

⁷ От *фр.* contredanse — народный танец. В.Н. Бунина употребляет это слово в переносном смысле.

⁸ Речь идет об электрических розетках.

⁹ В.Н. Бунина имеет в виду Нобелевскую речь Бунина, рассчитывая, что речь Пиранделло будет транслироваться по радио в то же время.

320. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 3 декабря 1934 г.

3 декабря.

Утром.

Дорогой, только что прочла о смерти Нины Нобель. Чья это дочь, неужели Göste¹? Тогда так или иначе вырази соболезнование и сообщи мне его адрес. Это *необходимо*. И в один почти час свадьба внучки Гукасовых и заупокойная литургия по Нине Нобель²! Как это печально.

Сегодня серее, немного холодно, так как мы не топили, — обедали у Кугушевых и сэкономили.

Асю, м<ожет> б<ыть>, на этой неделе будут оперировать, она все ждет Иван<а> Павловича³.

Лёня уже стучит на машинке, а я сейчас начну. Хочу эти дни переписать все, что относится к нашей поездке и пребыванию в Швеции⁴. Сегодня год, как мы туда выехали...

Обнимаю. Твой В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/74. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «V. Bounine. Grasse. A<lps> M<aritimes>», почт. шт.: «Grasse, 3.12.34», «Paris, 4 dec 34». Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Gösta или Гостя — так В.Н. Бунина называла Густава Людвиговича Нобеля. Скончавшаяся 1 декабря 1934 г. Нина Нобель действительно была его дочерью.

² Заупокойная литургия по Нине Нобель была назначена на 11.30 ч. 3 декабря в Шведской церкви (rue Guyot, Paris, XVIIe), см. сообщение в газете: Возрождение. 1934. 2 декабря. № 3469. С. 1.

³ И.П. Алексинский.

⁴ Мемуарный очерк В.Н. Буниной «То, что я запомнила о Нобелевской премии» был опубликован Л.Ф. Зуровым в «Новом журнале» (1962. № 67. С. 136–140).

321. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 3–4 декабря 1934 г.

1934 г. 3 декабря.

Дорогой мой, я сейчас одна. Лёня ушел на ярмарку. Мы уже были с ним там днем и купили чудесного вроде ситного хлеба. Второй раз идти я отказалась, решила лучше написать тебе. А ему нравится: там девчонка в костюме денди, правда талантливая, все время пляшет, делает вид, что поет (а поют пластинки граммофона) — это в главной лотерее, ритма в ней много, много и ловкости, грации. Новое — лодочки в карусели по воде для детей. А то же самое.

Как я рада, что тебе нравится квартира! Обязательно займись делами. Мне Ася говорит, что она поместила деньги в Английские бумаги — по совету Рейна¹, а «дедушка знает». Поговори, посоветуйся. Я теперь записываю всякую копейку и вижу: жизнь очень дорога. Мы очень скромны — бутылка вина четыре дня, за все это время начали только вторую бутылку пива. А все же меньше 22 фр. в среднем не выходит, а когда ты и Галя живете, и то гораздо больше относительно.

Князь² мне сказал: «Как жаль, что И.А. мало так использовал своей славы в смысле денег. Я и то после каждого приза кое-что лишнего зарабатываю»...

Ты должен смотреть на то, что у нас есть, как на бронированный фонд на всякий случай, а также, как раньше, работать, измышлять, как достать средств на жизнь. Только раньше тебе помогали друзья, а теперь должна помочь слава. Нужно хоть немного зарабатывать и с «П<оследних> н<овостей>», и с «С<овременных> з<аписок>», а главное, с переводов, хлопотать о синема³. Видаться с нужными людьми, словом, не жить бирюком. Посмотри на Шаляпина, на Рахманинова, а у тебя одно — нужно «сожматься», знай: *деньга идет к деньге*. Если будешь бездеятелен, то потеряешь и то, что имеешь. Нужно *поддерживать* связи, нужно умело приходить на помощь. Не создавать врагов явных, много и без того тайных. Словом, не нужно жалеть ни о нанятой квартире, ни о телефоне, ни о тех месяцах, которые ты проведешь в Париже, если ты их проведешь с пользой и приятностью. Тогда, вернувшись сюда, ты захочешь писать, — а это ведь главная твоя цель, — и ты будешь. Главное, не пропускай случая что-нибудь делать и не предавайся ненужной печали. Все от нас самих. Если бы ты мог в шапке-невидимке побыть здесь, на «Бельведере», то ты не поверил бы глазам, своему ощущению, слуху, как хорошо мы живем, какой тон голоса у Лёни, как кипит работа, какое выражение лица⁴. Как мы оба довольны. А что мы имеем гораздо более скромную пищу, чем при вас, маленькие развлечения (Часинг и Дубок, редко Канн). Уверяю тебя, если ты будешь весело все делать, то у тебя не хватит времени для уныния.

4 декабря.

Теперь о моем приезде. Когда ты хочешь, чтобы я приехала? По зрелому обдумыванию я пришла к заключению, что когда «комплекс» будет, мне необходимо быть. Поверь моему природному такту. Сам будешь рад и доволен. Если все обойдется, я могу уехать раньше тебя.

Как ты обходишься один? Если не очень дурно, то, может быть, мне приехать в двадцатых числах декабря? 15 дек<абря> отпускаю Жозефа. Несколько дней проживем одни. Дом чистится à fond⁵. Выведем все пятна на твоём костюме, все выстираем.

Лёня твердо решил *не ехать*. Уже закупил рису 1 kilo в Монопри, кофе, есть и гречневая крупа на время его жизни Робинзоном. Я не уговариваю. Одиночество очень полезно для души.^[P. SEP] Целую. Хочу отдать письмо почтальону.

Твой К.

Ты забыл об электричестве. Могут прийти за деньгами скоро.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/75.

¹ Вероятно, имеется в виду Рафаил Абрамович Абрамович (наст. фам. Рейн, 1880–1963) — политический деятель, один из руководителей Бунда. С 1920 г. в эмиграции в Берлине, с 1933 г. в Париже, с 1940 г. в США. Один из основателей и многолетний соредaktor (с 1921) «Социалистического вестника».

² А.А. Кугушев не раз получал призы на сельскохозяйственных выставках. В 1932 г. в Ницце на выставке куроводства награжден Grand Prix d'honneur.

В.Н. Бунина.
Грасс, 1930-е гг.
(РАЛ)

³ В 1930-е годы Бунин несколько раз обдумывал планы сотрудничества с кинематографом. В октябре 1933 г. он ждал решения из Голливуда о съемках фильма по рассказу «Господин из Сан-Франциско». «Если бы это дело вышло, то мы были бы спасены, иначе будет очень плохо», — записывала в те дни В.Н. Бунина (*Устами Буниных*. Т. 2. С. 292). Этот проект не осуществился, но спасла Нобелевская премия. Осенью 1934 г. М.Л. Слоним сообщал Бунину: «Усиленно веду переговоры по поводу “<Дела корнета> Елагина” для фильма» (РАЛ. MS 1066/5238; письмо от 8 октября 1934 г.). В 1938 г. Бунин с М.А. Алдановым и Т.Л. Толстой собирался писать сценарий фильма о Л.Н. Толстом. «...Это были планы и толки, которые ни к чему не привели (то же самое было с намерением И.А. писать жизнь Лермонтова)» (Г.Н. Кузнецова в письме А.К. Бабореко от 30 марта 1967 г., цит. по: *Бабореко* (2004). С. 317).

⁴ В тех же выражениях В.Н. Бунина пишет о жизни в Грассе в пп. 370, 376.

⁵ основательно (*фр.*).

322. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 5 декабря 1934 г.

Милая, дорогая, были очень многие мелкие хлопоты, сидел кроме того с утра до вечера, готовил Слониму 2-й экземпляр «Окаян<ных> дней»¹. Потому и молчал. Слава Богу, пока здоров, но больных в городе много, погода чудовищная — тьма, дождь. Боюсь даже в синема бывать — чтобы не заразиться. На свадьбе не был, чувствую себя слабо, никого не хочу видеть, люди мне тяжелы. Густаву сочувствие послал².

Простынь пока не покупал — дала Берта³ 2. Пока не нужно и нет времени заниматься этим.

М-ле Имбер, которая готовит мне, заботлива, хороша, хотя оч<ень> сдержана.

На Пиранделло не был⁴ — был только М<арк> А<лександрович>⁵. Он мне и сказал о том, что мне послало «Figaro» приглашение: на «Общее Дело» Бурцева, в тот дом, где это «Дело» было 12 лет тому назад!

Поступлений от Слонима оч<ень> мало. Почти ничего не предвидится и впредь. Вообще, денежные дела наши таковы, что я не знаю — как тебе приезжать? Да и оставаться ли мне самому здесь долго? Подождем с решением этого вопроса. *Только ты напиши откровенно: если тебе хочется приехать, если соскучишься в Грассе, надо, конечно, приехать*⁶. Я, повторяю, вряд ли высижу здесь долго.

Жить пока неважно: лифт еще не ходит и не будет ходить числа до 15-го — все в доме переделывают⁷.

Посылочку твою получил. Больше мне пока ничего не надо.

Квартира *очень* чиста.

Что ты жалуешься на краткость моих писем? Точно ты меня не знаешь!

Все, что относится к Жозефу, обсудим немного позднее.

От Гали было письмо — тихое, доброе, но очень уклончивое какое-то. Я ответил кратко, ласково.

Я очень скупой трачу деньги. Трать и ты так.

Шлю 300 франков.

NB = 10-го гостей, конечно, пригласи.

NB Пиши Галине *побезразличнее и помягче* — ведь она *болезненно* обидчива.

Спасибо тебе, милая, дорогая, за добрые и, правда, оч<ень> умные наставления.

Я вообще дурак, каких мало.

NB

Теперь самое главное: мне дали в Грассе в «Лионском кредите» расписку, по которой я должен был получить деньги за *облигации, вышедшие в тираж*. Я об этом забыл. Теперь нашел эту расписку и шлю тебе.

Ради Бога не потеряй ее. И ступай в «Лионск<ий> кредит» и спроси: могут ли они выдать эти деньги тебе? (*Чтобы ты положила на мой текущий счет*⁸).

Или: не могут ли сами положить и дать тебе в этом удостоверение?

Крепко тебя целую, привет Зурову.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/62. Дата и место установлены по сопоставлению с пп. 319 и 320, на которые данное является ответом, а также по упоминанию в п. 325.

¹ В списке переводов Бунина на европейские языки по состоянию на 14 июня 1934 г. «Окаянные дни» отсутствуют (РАЛ. MS 1066/5240). Однако в письме М.Л. Слонима к Бунину от 8 октября 1934 г. говорится: «Разговаривал я с Монго насчет перевода “Окаянных дней”, он согласен в принципе, но хочет посмотреть текст — очень Вас боится — “чтобы переводить Бунина, надо год сидеть над одной книгой” — таково его мнение. По существу-то он, конечно, прав, но я его успокоил, что “Окаянные дни” все же не роман, а потому несколько легче для перевода» (РАЛ. MS 1066/5238). Анри Ф. Монго (Henri Mongault, 1888–1941) — переводчик на французский язык Л.Н. Толстого («Война и мир») и Достоевского («Игрок»), сотрудничавший с издательством «Gallimard», его письмо-записку Бунину на визитной карточке (без даты) см.: РАЛ. MS 1066/3907.

² См. примеч. 1 к п. 320.

³ Б.С. Нилус.

⁴ См. примеч. 3 к п. 315.

⁵ М.А. Алданов.

⁶ Подчеркнутое предложение помечено на полях NB.

⁷ Абзац помечен на полях NB.

⁸ Предложение помечено на полях еще одним NB, дважды подчеркнутым.

323. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 6 декабря 1934 г.

1934 г. 6 дек.

Дорогой мой, четвертый день нет от тебя писем! Хорошо, что сегодня Нат<алья> Ив<ановна> написала о тебе два слова¹. А то как-то беспокоино. Стала спать хуже. Я совершенно не знаю ничего о тебе. Как ты строг к другим и снисходителен к себе. Когда тебе нужно, ты пишешь, а когда тебе все равно, ты молчишь. Не прислал ты и денег, как обещал, на электричество, а уже идет декабрь.

Когда ты хочешь, чтобы я приехала? Мне нужно знать, чтобы заранее предупредить f<emme> de ménage². Жозефу заплачу 15 д<екабря> и расстанусь с ним. Если не уеду, то проживем и одни.

От Гали никаких известий. Сегодня посылаем поздравление³, Лёня краткую записку, а я «бытовое» письмо. Писала ли она тебе хоть раз? Если нет, советую 10-го послать телеграмму.

Я гостей решила не звать на это число.

Твоя комната-кабинет вычищена. Завтра выведем все пятна на костюме. Жозеф все твое вычистил. Галина комната тоже вычищена. На следующей неделе очередь за столовой.

У Зелинского⁴ умерла одна из жен. Мгновенно, а ей всего 54 года, он с ней разошелся несколько лет тому назад. Кровоизлияние. На меня эта смерть произвела впечатление, хотя ее я видела только раз в жизни. Молодой, тонкой женщиной.

Сообщил подробности А<ндрей> Г<еоргиевич>⁵. Он чувствует себя сносно. Главная болезнь — мочевого пузыря, нужна операция, а он не решается.

Был сегодня господин из Финляндии. Жозеф сказал, что мы уехали, а живет лишь Лёня, который к нему вышел и пробыл с ним часа полтора. Он человек состоятельный. Приехал посмотреть, как ты живешь. Хоронил Репина. Много рассказывал. Он профессор пения. Живет в Выборге. Сейчас на побережье, вскоре поедет в Париж. Лёня дал Majestic как твой адрес. Фамилия его Шмаков, имя Николай⁶. Лёне понравился, как и Жозефу. Если будет добиваться свидания, прими, но *не говори*, что я в Грассе.

Целую нежно. Лёня кланяется.

Твой К.

Напиши обстоятельно письмо. Ведь теперь почта очень тощая. Ты знаешь, как здесь весело не знать ничего!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/76.

¹ Н.И. Кульман.

² домработница (*фр.*).

³ Ко дню рождения Г. Кузнецовой 10 декабря.

⁴ Имеется в виду химик Н.Д. Зелинский.

⁵ А.Г. Гусаков сообщал подробности о смерти Евгении Павловны Кузьминой-Каравасовой, пианистки и второй (с 1909) жены Н.Д. Зелинского, в письме от 28 ноября 1934 г. (РАЛ. MS 1067/2837).

⁶ Николай Николаевич Шмаков — живший в Выборге близкий знакомый семьи Репиных. О его участии в похоронах И.Е. Репина 5 октября 1930 г. см. в воспоминаниях И.М. Карпинского (Новое о Репине: Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Публикации / Сост., ред. И.А. Бродский, В.Н. Москвинов. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 339–341).

324. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 6 декабря 1934 г.

6 дек. 1934 г.

Ненаглядный! Сегодня счастливый день: 1) Я с утра занималась: пишу о нашей поездке в Стокгольм, доехали до Мальме, теперь ночь, и я сделала перерыв. 2) Чувствую себя лучше, чем последние дни, но все же завтра поедем к Мааку¹. 3) Длинное письмо от тебя (я знаю, что ты всегда ленив писать, но мне, увы, без твоих весточек *всегда* было беспокойно, а это время *особенно*). 4) Длинное письмо Гали, которое я тебе и пересылаю (оно очень хорошее, спокойное, мне кажется, все «образуется»)². 5) Деньги, очень благодарю за них. Сейчас половина второго. После завтрака час полежала. Жду бабу, буду брать ванну, поэтому уже на лестнице тепло. Лёня уже затопил ванну. День сегодня бессолнечный, а потому это не противозаконно, — когда солнце, не топим, и если на дворе тепло, то не топим и вечером. Дух нашей жизни очень экономный. Делаем все время дешевые блюда. Сегодня была говьяжья печенка. Но очень вкусная.

10-го гостей не будет, поздно звать Часинг. Не знаю, дома ли Ася³? Будем, как всегда, сидеть вдвоем у радио и ловить речь Пиранделло. Может быть, сделаю к обеду что-нибудь вкусное, голубя? лапэна⁴? или курицу? А может быть, и свинными котлетами обойдемся. Буду вспоминать, как и я «царевала» не хуже Натахи⁵.

Как придет баба, дам ей работу и пойду в город, чтобы послать экспресс и зайти в банк. Береги себя, не выходи без калош.

Жаль, что не был на свадьбе, но неужели не послал поздравления? Это ведь очень невежливо. Я понадеялась на тебя и тоже ничего не написала. *Обязательно нанеси им визит и объясни чем-нибудь свое нерадение...*⁶

Что слышно о Göste. Поедет ли он в Стокгольм?

Что за идиоты в Figaro!!! Жаль, что туда ты не попал, увидел бы новых лиц⁷.

Теперь о моем приезде.

Что значат твои слова «вряд ли выживу здесь *долго*». Что ты называешь «долго»?

Я *по чистой совести* говорю, что без Парижа легко могла бы обойтись до весны. Хотелось бы одного (и то больше в воображении) — пожить немного *à deux*⁸ с тобой, — ведь этого не было почти 8 лет! Все остальное подождет. Может, конечно, подождать и это, тем более, что кажется все очаровательнее, чем на деле выходит.

Но, если мы *не будем* в январе в Париже, то это, может быть, очень огорчит Галю? Может быть, запросить ее на этот счет? *Если же ты останешься* на январь хотя бы в Париже, то думаю, что мне разумнее приехать, ибо я и соскучусь без тебя, да думаю, что все же мне *следует* тогда приехать на праздниках, чтобы все устроить и купить дешевле.

Напрасно ты взял простыни у Берты⁹, ты всегда прожигашь. Поезжай в Лувр и купи полдюжины и наволочек столько же, они пришлют все на дом, надо и полотенец. Это не так уж трудно. Не хочешь Лувр, то Прентан, Галери¹⁰ — метро прямо тебя довезет. Но это сделать *необходимо*, как и скатерть и салфетки.

Письмо Гали произвело, повторяю, на меня хорошее впечатление, чувствует<ся>, что она и соскучилась, что думает и о жизни в Грассе (рада новому дому Часинг¹¹), просит писать. Из ее письма ты видишь, что мои письма к ней после твоего отъезда были правильными и ее никак не задела. Может быть, если ей пообещать Париж весной (например, во время концерта Рахманинова¹²), то она и без большого огорчения придет прямо в Грасс, где есть «новый дом», мы пригласим гостей, на Рождестве, — вероятно, нашем, — Часинг с Кугушевыми хотят «повеселиться», словом, подумай и напиши. Если хочешь, я об этом напишу Гале, хочешь, ты сам. Я предложила ей денег. Советую тебе, не дожидаясь ее просьбы, спросить ее, когда нужно ей выслать деньги на дорогу. = Пока не будет готов лифт, мне *приезжать нельзя*. Сейчас бегу на почту. Нежно целую.

ТК

Лёня ведет достойный образ жизни. Бодро смотрит на жизнь Робинзоном. На твои 50 фр., прибавив немного денег, купил себе теплую вязанку. Топим мы иногда и через день. Обнимаю.

ТВ

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/77.

¹ Грасский врач Г.Г. Маак.

² Письмо неизвестно.

³ А.М. Кугушева.

⁴ От *фр. lapin* — кролик.

⁵ Имеется в виду героиня повести «Суходол» Наталья.

⁶ См. п. 314.

⁷ См. п. 322.

⁸ вдвоем (*фр.*).

⁹ Б.С. Нилус.

¹⁰ Крупнейшие в Париже магазины: «Les Grands Magasins du Louvre» (существовал с 1855 по 1974 гг.), «Le Printemps», третий — имеется в виду, вероятно, «Галери Лафайет» («Les Galeries Lafayette»).

¹¹ См. примеч. 2 к п. 311.

¹² В январе–апреле 1935 г. С.В. Рахманинов совершал концертное турне по Европе. В частности, 29 марта 1935 г. в парижском Salle Rameau дал концерт в пользу русских благотворительных учреждений во Франции. См. газетный отчет: *Шлёцер Б.* Концерт С.В. Рахманинова // Последние новости. 1935. 31 марта. № 5120. С. 4.

325. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 6 декабря 1934 г.

6. XII. 34.

Милая моя, получил твое письмо от 3 дек<абря>. Вчера написал тебе большое¹. Все сказанное в твоём нынешнем принято во внимание. Завтра напишу тебе еще. Нынче (сейчас уже 8 часов) оч<ень> устал — мало оч<ень> спал, — стучали с 8 часов утра в ремонтируемых квартирах, — был в городе, у Каплана, где взял свой только что вышедший III том², — ты получила его или он врет? — потом у Слонима: отдал для устройства у Стока³ продолжение «<Жизни> Арсеньева» — это будет книжечка больше «Sacrement de l'amour»⁴, вполне законченная, назвал я ее: «Elle»⁵.

Шлю Мориака. Потом перешли Галине⁶. Она тебе пишет? Обиделась, как ты ее немножко отчитала, очевидно, — обидчива ужасно.

Ее новый адрес: Nicolausberger Weg 59, Göttingen, Allemagne.

P.S. Дочь Густава умерла от воспаления брюшины. Ей было уже 19 лет. Она, конечно, от первой его жены⁷.

Mes compliments⁸ Лёне.

Вчера послал тебе 300 фр.

Если ты хочешь приехать в 20-х числах, что ж отпускать Жозефа 15-го? Вообще, погоди немного с решением всех этих вопросов. На днях напишу тебе подробнее. Очень колеблюсь: а не уехать ли мне из Парижа куда-нибудь? Не то домой, не то в Швейцарию⁹.

Что не пишешь точно, откровенно: тебе *хочется* сюда или нет?

Галина может приехать сюда и пожить здесь *и* одна.

Целую тебя крепко, поклон Жозефу.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/63.

¹ См. п. 322.

² Речь о третьем томе собрания сочинений, выпускаемого издательством «Петрополис». Том имел название «Древний человек» и включал рассказы и стихотворения 1911–1912 гг.

³ Stock — французский издательский дом, основанный в 1708 г., филиал «Hachette Livre». Выпустил в переводах несколько книг Бунина. См. примеч. 3 к п. 313.

⁴ «Таинство любви» (*фр.*). Под таким названием во Франции выходила «Митина любовь». Бунин, скорее всего, имеет в виду последнее издание: *Bounine I. Le sacrement de l'amour / Traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur par Dumesnil de Gramont. Paris: Librairie Stock, 1934.*

⁵ Имеется в виду «Лика». Книга вышла несколькими годами позже в переводе Мориса Парижанна (М. Донзеля): *Bounine I. Elle: roman / Traduit du russe par Maurice Parijanine. Paris: Librairie Stock, 1938.* См. письмо М. Донзеля Бунину по сдаче перевода в издательство от 25 августа 1936 г., в котором он, в частности, предлагает дать книге заглавие «Elle, Prédestinée...» (РАЛ. MS 1066/2304).

⁶ Г. Кузнецова вскоре взялась за перевод романа Ф. Мориака «Волчица».

⁷ См. п. 320.

⁸ Мои приветствия (*фр.*).

⁹ В итоге Бунин поехал на несколько дней в Бельгию. См. п. 342.

326. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 7 декабря 1934 г.

7. XII. 34.

Вчера получил от Г<алины> длинное письмо — описание ихнего пансиона и как чудно, уютно в их комнатах, предпраздничных немецких елок и пр., всего того «чисто немецкого», в чем она «так счастлива провести последние недели». Начало: «Дорогой», в конце: «Храни Вас Бог», было еще «целую», но зачеркнуто довольно тщательно. Словом, *неукоснительное* установление «границ» <в> наших новых отношениях, коих ей предписано ее «другом», оч<ень>, конечно, холодным и ловким, держаться, не сбиваясь ни на йоту. Ни одного *живого* следа столь долгой и близкой прежней жизни! Кроме того, просьба: «вышлите 1 000 фр., — приеду, *рассчитаемся*». А я ей написал на днях 2 *самых простых*, ласковых письма. Спрашивал, между прочим: *сколько* времени она надеется быть в Париже, каковы ее планы на весну, на лето — все это хотелось знать ради *наших* планов. Об этом ни звука. Только: «Точно день приезда еще не знаю». Ответил очень кратко, уже на «Вы»: «жаль, что не ответили на некоторые *практические* вопросы, деньги постараюсь выслать». Без единого неприязненного слова.

Купил лампочку на стол и висячую, на стену над постелью.

Вот и все мои новости.

Ты говоришь: «могу и не приехать». Но как же не приезжать, если Жозеф *все-таки* уезжает — если не 15 дек<абря>, то все равно уезжает позднее?

Целую тебя, милая, дорогая моя.

Никого не вижу. Не хочется.

Вот точное название моего сейфа в Парижск<ом> «Лионск<ом> кредите»:

Caisse 607

Compartiment 21

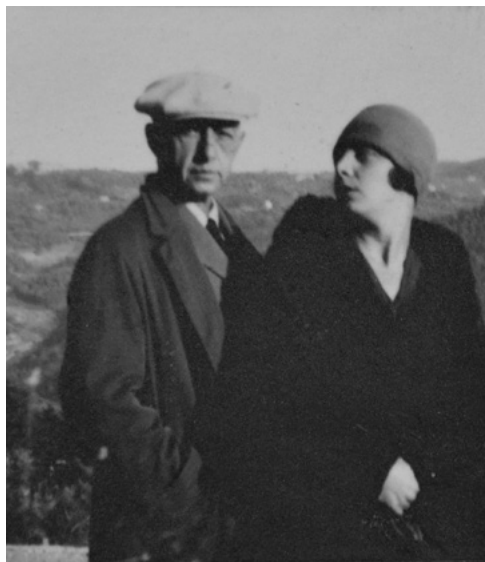
Без меня забегал Рошин, оставил карточку — «ради Бога хоть на минутку на мой вечер 7 декабря!»¹

Без конца звонит в телефон «Крэчеттов²». «Mr. n'est pas là»³.

В «Лионск<ом> кредите» взяли 500 фр. залогу — на случай потери мной ключа.

NB Ни в каком случае не пиши Галине о том, что пишу. Держись самого невинного тона.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/64.

И.А. Бунин и Г.Н. Кузнецова.

Начало 1930-х гг.

(РАЛ)

¹ Н. Рошин устраивал свой вечер 7 декабря (26, avenue de Tokyo, XVIe) с участием актеров и писателей, среди которых были, помимо Бунина, Зайцевы, Тэффи, В.Ф. Ходасевич, Ю.В. Мандельштам и др. См. газетный отчет: На вечере Николая Рошина // Возрождение. 1934. 16 декабря. № 3483. С. 5. Карточка, оставленная в тот раз Н. Рошиным у Бунина, не сохранилась.

² Сергей Алексеевич Кречетов (наст. фам. Соколов, 1878–1936) — литератор, издатель. Редактор издательства «Гриф» (1903–1915), журналов «Золотое руно», «Перевал». С 1919 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже, с 1922 г. в Берлине. Глава издательства «Медный всадник», редактор журнала «Русская правда» (1922–1933), товарищ председателя правления Союза русских литераторов и журналистов в Германии. В 1934 г. вернулся в Париж.

³ Его здесь нет (*фр*).

327. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 7 декабря 1934 г.

7. XII. 34.

Душенька, понес бросать тебе письмо — в 5-м часу — консьержка подала твое письмо от 6-го¹. Напрасно упрекаешь — я пишу тебе не мало, это твое последнее письмо просто разошлось с моим, последним, тоже большим. Повторяю: что ж ты не знаешь, как я вообще плох на письма? Потом: я никого и не вижу, целый день сижу за работой².

Теперь о твоём приезде: забыл сказать тебе главное — ничего не известно, когда именно начнет ходить лифт. Сейчас спрашивал консьержку: жмет плечами — «не знаю, — м<о-жет> б<ыть>, на днях, может быть, через неделю или десять дней... а м<о-жет> б<ыть>, и через 2 недели, через 3...»

Все жильцы ропшут, хотя не нынче-завтра выяснить этот вопрос твердо — главное, требовать, чтобы ходил.

Значит, жду выяснения этого дела. А без лифта жить тебе тут и думать нечего — как ты будешь с своим малокровием ходить на 5-й (т.е. по настоящему-то на 6-ой) этаж³?

Целую еще раз. Сейчас выйду пройтись перед сном и брошу это письмо.

Завтра у меня Буров⁴ — у него какие-то оч<ень> серьезные сведения насчет финансов.

Галю мне очень жалко. Погубила ее эта стерва — блядь!

Почему решила не звать гостей 10-го? *Глуго*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/65.

¹ См. п. 323.

² Бунин готовил к выходу тома Собрания сочинений для издательства «Петрополис» (Берлин).

³ Во французских домах первый этаж считается нулевым, второй — первым и т.д.

⁴ Александр Павлович Буров (наст. фам. Бурд, 1876–1957) — инженер, литератор, меценат, с 1919 г. в эмиграции в Германии, затем в Париже, с конца 1930-х гг. жил в Амстердаме; печатался в «Числах», «Иллюстрированной России», написал несколько книг (как правило, выпускавшихся на средства автора). Подробнее см.: «Чудак, дурак, “писатель”, богатей...» (Александр Буров и его корреспонденты) / Обзор С.В. Шумихина // Встречи с прошлым. Вып. 10. М., 2004. С. 551–644.

328. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 7 декабря 1934 г.

1934 г. 7 ноября¹
6 ч. 30 м. вечера.

Дорогой мой Ив!

Второе письмо² пишу тебе сегодня, милый мой друг. Первое было наспех.

Была в банке. Там эту сумму три тысячи с чем-то внесла на твой текущий счет, и эта расписка уже цены не имеет, но я ее все же не отдала. Деньги ты можешь вытребовать в Париже обычным способом. Отправила с нижней почты ехрèс, там еще находится извещение от Швейцарского банка из Англии.

Прошу очень не говорить, что я *отослала* тебе *письмо*, а еще лучше, если ты вернешь мне его по прочтении. Понимаешь³?

Я выкупалась. В доме тепло, хотя сегодня очистилось небо лишь к закату, но мы топим. Твой костюм и пижама, и серые штаны вычищены, как и кабинет. Стало очень приятно там.

После ванны я лежала и крепко думала о приезде. И собственно ничего не придумала... Как ехать, когда денег мало? Здесь и то как-то перетрачиваешь, а в Париже очень будет трудно. Тут все дело в тебе и Гале. Решай сам. *Только очень прошу со мной не считаться*, так как поистине говорю: мне все равно, ехать или не ехать. Я во всяком положении найду выгодную для себя сторону. И Париж мне может кое-что дать, и здесь, Бог даст, постараюсь провести время с пользой. У меня много ведь неоконченных дел. Поэтому думай лишь, как тебе лучше и приятнее. Если ты хочешь быстро вернуться, то, конечно, мне ехать не стоит, хотя я и могу одна остаться на некоторое время. Может быть, тебе кажется, что лучше дожидаться Галю и с ней к нашему Рождеству вернуться, остановись на этом. Можно даже это как бы решить в последнюю минуту. Я на все согласна.

Лёня будет огорчен, он, как гимназист, уже нацеливается жить Робинзоном, «почти не буду есть мяса», «варить картошки по-деревенски с молоком» и т.д. Но проживет и он без этой игры, которая все же может быть не так интересна, как кажется, особенно в холод.

Пообедали. Гречневая каша и цветная капуста (она теперь совсем не дорога) и по яблочку. С твоего отъезда, кажется, третья бутылка вина и одна пива.

Ни разу не были в синема, так что совсем умники.

Лёня меня очень радует, работает положительно целый день, совсем не скучает. Всегда бодр и очень скромен в своих привычках. Все его недостатки это от ненормальности его положения, уверяю тебя, ненормально работать так, как он, и быть в состоянии заработать всего 200 фр. в два месяца! Уверяю тебя, его очень мучает невозможность жить на свои средства, мучения портят нервы, здоровье, печень, а от этого все качества. Если бы ты мог его видеть, когда он чувствует себя хорошо, ты не узнал бы его. Тих, скромен, молчалив.

Да, ужасно бывает, когда два человека волею судеб всегда стоят друг к другу своими дурными сторонами и приносят один другому много неприятностей только от этого.

Я все надеюсь, что когда-нибудь будет иначе.

Вот еще вариант: насытившись Парижем, ты уезжаешь сюда, пишешь Гале, что она может сколько ей захочется остаться на Jacques Offenbach, объяснив, что денег мало и семьей жить дорого. Но я боюсь, что тебе здесь будет тоже скучно, если ты не будешь писать. Тебе надо кончать все отвлекающие от писания дела, а сюда приехать *только* для того, чтобы *писать*, так, на мой взгляд, и Гале. Ведь, может быть, и ей надоело безделье. И нужно на нее действовать в этом смысле лаской, а главное, дать ей свободу выбора, ведь может быть,

это нервный заскок, что ей кажется, что она не может жить, как ей хочется, вернее, как хотелось, от воли кого-то, а не от обстоятельств.

Тут нужно по Фрейду вскрыть и довести до ее сознания действительность. Мне кажется, все в этом дело. Нужно делать вид, что на все согласен, но откуда взять средства? Нельзя жить, ничего не делая. И вообще удерживаться от советов.

Мне кажется, Галя уже кое-что поняла. Только не нужно задевать самолюбие. Ведь у нее тоже «ненормальное» положение. Я думаю, что и Марга кое-что разумела. Поняла отношение и Дрездена⁴, уже меня «целует»⁵. Я не думаю, чтобы она плохая была, просто истерична, сумасбродна, тоже с ненормальной жизнью. И, может быть, она искренне тянулась к нам. Ей ведь солоно, несмотря на богатство, было и у Гизель⁶, да и не очень радостно на Snorrstrasse⁷. Да, начав серьезно работать, ей уже, вероятно, будет меньше времени на ее воспаленные письма. И мне кажется, все войдет в норму.

А тебе советую *поразвлекаться*. Посмотри Париж. Сговорись с Леон Ив<ановичем>⁸ или Кянджунцевым. Ржа железо ест, а печаль человека.

Спасибо, что хочешь написать Мите, этим ты доставишь ему настоящую радость. Он сейчас к тебе настроен любовно. А он ведь действительно несчастен. Он в последнем письме пишет: «Никто мне не оказывал того внимания, как я вижу от Яна. Я очень глубоко переживаю это и ценю. У меня к нему нежные чувства — на словах не выразишь, искренние, настоящие, цельные. Его портрет молодой с пышными волосами и ясными глазами повесил слева от стола, ниже мамы». О Гале: «... К Вам, видимо, она привязана. Даже меня сумела вспомнить. Это большое внимание к тебе. Я так это и оценил»...⁹

Это письмо придет в понедельник, в такой для тебя знаменательный день¹⁰. Дай Бог, чтобы ты провел его в хорошем состоянии духа, в радости и спокойствии. Бог даст, следующий год будет для тебя удачнее.

Не забудь о налоге. Нужен адвокат. У Мелитты¹¹ есть очень хороший, поговори с ней, tel. их Maillot 24–55. Он недорогой — француз. Надо все заранее написать.

Целую нежно. Лёня шлет привет. Жозеф свои compliments¹².

Твой К.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS 1067A/65–66).

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле — 7 декабря.

² Первое письмо не сохранилось.

³ Речь идет о письме Г. Кузнецовой к В.Н. Буниной, это письмо В.Н. Бунина переслала Бунину. См. п. 324, 329.

⁴ Со стороны матери М.А. Степун — М.Ф. Степун — близость ее дочери с Г.Н. Кузнецовой встретила неодобрение и надолго осложнила семейные отношения.

⁵ Письмо М.А. Степун неизвестно.

⁶ Состоятельная подруга М.А. Степун в Геттингене.

⁷ Schnorrstrasse, 80 — адрес Степунов в Дрездене.

⁸ Л.И. Кепинов.

⁹ В.Н. Бунина приводит выдержку из письма Д.Н. Муромцева от 27 ноября 1934 г. (РАЛ. MS 1067/4668). См. также в письмах Д.Н. Муромцева этого времени о Бунине: «23 и 25 <октября> рождение и именины Яна. Поздравь его от меня и поцелуй очень крепко. Много хорошего желаю ему. Но не всегда желаемое сбывается. Я горд его вниманием ко мне и крепко его люблю» (РАЛ. MS 1067/4654; письмо от 14 октября 1934). О Кузнецовой (до получения открытки от нее, см. примеч. 5 к п. 135): «<...> ненормальное воспитание, <...> приучена видеть себя обиженной, любит очень себя» (РАЛ. MS 1067/4666; письмо от 12 ноября 1934).

¹⁰ Понедельник приходился на 10 декабря — день вручения Нобелевской премии.

¹¹ М.Г. Левина.

¹² приветствия (*фр.*)

329. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 8 декабря 1934 г.

8. XII. 34.

Дорогая моя, получил твой экспресс от 6-го. Рад, что ты лучше себя чувствуешь, очень рад, сохрани тебя Господь. Что топите редко и, м<ожет> б<ыть>, страдаешь от холода, глупо.

Спрашиваешь, что значит, когда я говорю: «вряд ли проживу здесь *долго*». «Долго» — это значит, что, м<ожет> б<ыть>, вернусь через неделю в Grasse. Но — *может быть*.

Что, если мы не будем в Париже, это Галлю огорчит, *несомненно*. *Очень* огорчит. *Прямо* приехать ей в Грасс, по-моему, *невозможно*. Часниковы¹ ее *ничуть не интересуют* — это она так, болтает.

Письмо ее, правда, спокойное, но хорошего в нем ничего не вижу. Она, конечно, стала спокойнее, но отчего? Оттого, что утвердилась (при большой помощи Марги) в таком поведении: «довольно волноваться с ними — буду соблюдать приличия, держась на твердо ограниченной линии, — и только». А дальнейшие ее мечты и планы — т.е. на дальнейшую жизнь, где и как, — об этом мы и понятия не имеем, и она нам и не скажет их никогда (т.е. до поры, до времени). Письмо к тебе — точнейшее повторение того же, что она и мне написала, и *совершенно в одном тоне* — теперь для нее различия между тобой и *мною* уже нет никакого. Дико, подло, но так. *Это, мне кажется, уже совсем чужой нам человек, очень от нас замкнувшийся*.

О покупках подумаю, когда почувствую более определенное решение насчет того, сколько здесь останусь.

Да и занят сейчас — сдаю материал Каплану.

Сейчас у меня долго сидел (после Капитана, на вечере² которого я вчера был и который нынче у меня завтракал) Буров. Серьезный разговор о финансах — у него есть *редкие сведения*. *Пока* — ничего. Но ближайшее будущее почти наверняка будет *очень скверно*.

Крепко тебя целую, привет Зурову.

Гале деньги посылаю в понедельник.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/66.

¹ Вероятно, так Бунин назвал семейство Л.В. Часовниковой (Л. Часинг).

² См. примеч. 1 к п. 326.

330. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 9 декабря 1934 г.

9 декабря 1934 г.

Дорогой, милый мой, проснулась сегодня в семь. И на свежую голову подумала, что ехать мне в Париж *бессмысленно*. Зачем? Выслушать драму Марины Цветаевой с дочерью¹? Поспорить о том, кто кого больше любил, Чехов Книппер или Книппер Чехова, и посмеяться с Каллаш, слушая о похоронах Васильева²? Поговорить о «божественном» с Манухиной, посидеть в кабачке с Алдановым, Нилусом и Бахраком? Сходить на выставку с m-те Михайловой, послушать вздохи о бедности Фаины³? Разбередить себя рассказом о Мите Верочке⁴? Посидеть в прекрасной обстановке у Рери⁵ и посочувствовать неудаче ее

жизни? Узнать «все новости» от Фенички⁶? Посидеть с Бертой⁷ и выслушать о их ужасном положении? Выпить аперитив с Хигерович, побывать на именинах у Кульман⁸, встретить Новый год среди друзей? и все в таком роде. И за это заплатить две-три тысячи. Тысяча переезд *aller et retour*⁹, а тысяча уйдет в месяц на меня в Париже, — это самое малое. Так стоит ли это? До лифта мне ехать *нельзя*, будет ли он готов 15, неизвестно? Это они говорят. Если ты останешься *до марта*, дело иное. Но раз тебе там делать нечего, то дожись Гали и приезжайте в январе, когда насытитесь Парижем. *На короткий срок мне ехать трудно: и дорого, и утомительно*. Во вторник поеду к Мааку, думаю, он *не* очень меня похвалит.

На праздниках мы можем раз съездить в Ниццу, переночевать там. Потом будут приглашения. Скучать я не скучаю, лишь беспокойство и досада, если чувствую себя дурно. 15 дек<абря> уходит от нас Итало¹⁰. Но ты не беспокойся: два-три раза в неделю будет приходиться баба и делать трудную работу. Готовить же будем по очереди: спорт, кто вкуснее? Да и то не каждый день, а через день. Жозеф теперь убирает и чистит дом, на нас работать ему почти ничего не приходится. Я ему каждую неделю дарю полдня. Пока что *ясно*, что я могу легко подождать *весеннего Парижа*, и без гриппа, здесь меньше шансов его захватить.

Чтобы тебе не было очень скучно. Сговоришься с кем-нибудь и поезжай в Шартр или Руан. Получи новые впечатления. Или съезди в Брюссель. Деньги, оставленные мне на билет, положу на книжку. Поэтому ты их не считай. Помни, что ты нам дал до 15 дек<абря>. Значит, рассчитывать по 30 фр. в день — сюда входят и бабы. Все еще не выстирано, — в следующий раз Галино одеяло, под ним спал Зензинов, халаты купальные. Жозефа с 15 д<екабря> не будет — это доход. До вашего приезда его можно не брать. Думаю, что это *разумно* — обдумай и уже решай твердо.

У меня оказалась кузина в Каннах, муж ее имеет малярное заведение, в прошлом офицер. Сегодня после церкви зайду к ним¹¹. Нежно целую. Леня кланяется.

В.

Сию минуту получила твои письма. Мне кажется, что наши мнения совпадают. Если ты мне сделаешь маленький подарочек к Новому году, то мы можем доставить себе удовольствие (лучше раздели надвое: мне и Лёне), мы поедем дня на два в Ниццу, пойдем в театр синема и будем вполне удовлетворены.

Гостей не позвали потому, что было поздно — как известить Часинг? Да и Ася¹², м<ожет> б<ыть>, уже в клинике. Ничего, это не уйдет. М<ожет> б<ыть>, кто-нибудь зайдет невзначай?

Вчера послала тебе цветы, не сердись — это стоит дешево, зато к обеду не будет птичек, а просто свиные котлеты.

А как ты проведешь этот день?

Может быть, и лучше без меня вам сговориться. А мне это мое отсутствие и для здоровья лучше. Я уже все тебе высказала. Получил ли ты экспресс от *пятницы*?

Если будут спрашивать, почему не еду, скажи, что Маак «пока» отсоветовал.

Как ты сам живешь без лифта, ходи медленно. Отдай как можно скорее Берте ее простыни, купи хоть четыре и две наволочки.

Еще раз обнимаю, солнышко мое.

Твой К.

Получила 3 твоих письма. Вот это здорово! Точно с тобой побыла.

Не забыл ли ты о Федорове¹³? Хоть к празднику послать ему с приятелями что-либо.

¹ См. письмо М.И. Цветаевой к В.Н. Буниной от 22 ноября 1934 г. (*Цветаева М.И.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 7. Письма. С. 277–281).

² См. примеч. 6 к п. 309.

³ Ф.О. Ельяшевич.

⁴ В.А. Зайцева.

⁵ Р. Г. Осоргина.

⁶ Ф.С. Шлезингер.

⁷ Б. С. Нилус.

⁸ Именины Н.К. Кульмана («Никола Зимний») приходились на 19 декабря (н. ст.).

⁹ туда и обратно (*фр.*).

¹⁰ Домработник Буниных в Грассе.

¹¹ Неустановленные лица.

¹² А.М. Кугушева.

¹³ Прислушался ли Бунин к напоминанию о А.М. Федорове, установить по письмам Федорова к Бунину не удалось.

331. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 10 декабря 1934 г.

10 декабря 1934.

Сегодня, драгоценный мой, начинаю я день письмом к тебе.

Я вылежалась, легла до десяти часов, выпалась и чувствую себя хорошо, хотя на дворе идет малообещающий дождь, похожий на те, что были при тебе в ноябре. Да это и справедливо, все время была редкая погода.

Вчера я послала тебе письмо из Канн, надеюсь, ты получил (на картонках, три), где я тебе все ясно и определенно высказала. И я после этого даже успокоилась.

Надеюсь, ты исполнишь все мои маленькие желания, они ведь *очень* скромны.

Были у родственников¹. Очень понравились дети. Они люди порядочные, самолюбивые, в настоящее время в трудном положении. Он в прошлом гусар, очень был красив, *правый*.

Теперь о деле:

1) Если поедешь за границу, вышли мне заказным нансеновский паспорт². Вообще, лучше, если бы он был у меня.

2) Ты забыл о вине у Самойлова. Что сделать? Во всяком случае пришли за него деньги, а взять можно по твоём возвращении, но деньги не нужно задерживать.

3) *Ходи очень медленно по лестнице.*

4) Купи себе простыни. А Бертины отдай выстирать и возврати.

5) Не нужно ли ей послать цветов к Новому году? Я не знаю, много ли она о тебе заботится. Это будет недорого.

6) Как узнаешь, когда точно Галя возвращается, так сообщи. Я пришлю по почте ей ее платье.

Вот тебе деловая часть письма.

Теперь еще довод против моего приезда. Если приеду, нужно покупать диван, а это стоит со всеми причудами, вероятно, франков шестьсот–семьсот. Может быть, правда, подождать до лучших времен, а то сразу много истратишь, а потом будешь плакаться. И белья можно меньше купить в этом случае.

Ты, может быть, удивлен, что я поставила мой приезд 1 000 фр., билет в спальном 350, багаж, скажем, 50, переезд на вокзал и с вокзала 50. 1 000 в месяц — если здесь на круг при скромной жизни я обхожусь франков 600, то как же меньше тысячи в Париже? Да ты и по своим трагам знаешь.

Т.М. Ландау, М.А. Алданов, В.Н. Бунина, И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова.
Грасс, конец 1920-х гг.
(РАЛ)

Так что не преувеличиваю.
Меня еще пугает грипп. Очень боюсь за тебя. Выходи всегда в галошах.
Был ли ты у доктора? У кого?

Новости:

Троцкий жил в Grand Hôtel в Грассе целую неделю. Узнала я *из верного* источника. Догадываешься, конечно, из какого? Говорят, что он обречен переезжать с места на место³. Elaireur⁴ ничего не писала о *казнях* после убийства Кирова. (?) Что говорят по этому поводу в редакции и других местах⁵.

Литературные собеседования в Грассе продолжают, по вторникам.
Сегодня выпьем за Пиранделло⁶. А кто остальные лауреаты, не знаю⁷?
Повидался бы с Гукасовыми и Кянджунцевыми.

О своей дочери мне много рассказывал Göste⁸, она училась в Швейцарии. Поехал ли он в Стокгольм.

Мориака прочла. Сегодня отошлю.
Жозеф шлет тебе привет. L'ènia ses compliments.

Целую. Твой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/79.

¹ О ком идет речь не установлено. См. п. 330. Д.Н. Муромцев в письмах декабря 1934 г. упоминает неких «Таню» и «Нину», которым В.Н. Бунина при встрече должна передать от него привет.

² Нансеновский паспорт — международный документ, удостоверяющий личность эмигрантов без гражданства; документ был разработан в 1922 г. Ф. Нансеном, комиссаром Лиги наций по делам беженцев. В 1920-х гг. Бунины жили по российским заграничным паспортам (РАЛ. MS 1066/1253, MS 1067/573), в 1933 г. для поездки в Стокгольм Бунины оформили Нансеновские паспорта (не сохранились). Известны только их Нансеновские паспорта 1941 г. (РАЛ. MS 1066/1273, MS 1067/580). См. п. 339.

³ Вскоре после прихода к власти нацистов И.М. Троцкий уехал из Германии сперва в Брюссель, затем в Копенгаген, Париж, в 1935 г. в Аргентину. А.Ф. Аврех писал М.С. Мильруду 29 апреля 1933 г.: «Неистовствует проклятый Гитлер, и Троцкий удрал из Берлина, бросив все имущество, в числе коего имеется и дом» (*Русская печать в Риге*. Кн. III. С. 12).

⁴ Имеется в виду ежедневная республиканская газета «L'Éclairneur de Nice» (издавалась в Ницце с 1888 по 1944 гг.)

⁵ В «Последних новостях» публиковались списки репрессированных по этому делу, см.: После убийства Кирова // Последние новости. 1934. 8 декабря. № 5007. С. 1–2.

⁶ 10 декабря 1934 г. Нобелевская премия по литературе была вручена Луиджи Пиранделло.

⁷ В 1934 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине получили американцы Джордж Х. Уиппл, Джордж Р. Майнот и Уильям П. Мёрфи, по химии — американец Гарольд Юри, премию за мир — англичанин Артур Хендерсон.

⁸ Г.Л. Нобель.

332. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 10 декабря 1934 г.

Спасибо, спасибо, милая, дорогая моя, — цветы получил.

Получил и письмо от 7-го.

Крепко целую.

10-ХП-34

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/67. Почтовая открытка с фотографией (Èze. Oratoire); адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Rue Singer, Paris, 10.XII.1934».

333. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 10 декабря 1934 г.

1934 г. 10 дек.

10 ч. вечера.

Твое письмо от 8 XII получила, родной мой, целую за него.

Топим мы достаточно, но не зря, — Лёня не позволяет, следит. Пока совсем от холода не страдали. Сегодня весь день дождь. Но ничего, мы оба в хорошем настроении. Лёня шагает сейчас по саду.

Тебе через неделю приехать сюда нельзя, — Жозеф уезжает. Он ведь не может то ехать, то не ехать. Я думаю, он вернется назад или через неделю, или через две. К этому времени ты должен выяснить: брать ли его сразу, если ты скоро вернешься, или ждать вашего приезда?

Относительно Гали ты прав. Но ведь это единственный выход из «создавшегося положения». Я понимаю, что тебе тяжело, но это не от нас. Положение и ее незавидное, хотя какое-то чувство у нее и осталось к нам. Но ведь на глубокие чувства она не способна. У нее всегда увлечения, а не чувства, в этом она не виновата, такой родилась.

Сегодня были Кугушевы. Мулей они *не ели*. Позвала на пятницу все Rouret¹ и Часинг, на рыбный обед²...*)

Как прошел вечер Рощина³? Вели ему написать нам. Узнай, получил ли он из «Возрождения» курицу из Дубка в лаврах⁴, что же не благодарит? Как его Оля⁵? Кланяйся Бурову. Подумай *о налоге*.

Целую тебя.

Твой К.

*) Будем свободны от гостей до марта!!!

Ну и среда, где рос Шмелев!!! Рассказец!!!⁶

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/80. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16», почт. шт.: «Grasse, 11.12.34», «Paris, 12 dec 34».

¹ Т.е. Кугушевых, живших в Лэ Рурэ (Le Rouret). См. примеч. 1 к п. 251.

² 12 декабря 1934 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Завтра у нас “морской обед” — приглашены: Кугушевы, Самойловы, Часинг, Зайцевы и Слюсарев. Будут мули, лососина с майонезом и провансалем, меренги, фрукты сырые и сушеные, орехи, белое вино, коньяк. Танцы. Жозеф хочет на зеркале написать меню, причём оно составлено шуточно “pour amuser les jeunes gens”. Звонила Ася, взволнована. “Можно ли надеть длинное платье”. Вот она не избалована. Все радуется» (РАЛ. MS 1067/410).

³ Газетный репортер о вечере Н. Рощина 7 декабря написал благосклонно: «“Юбиляр” с большой выразительностью прочитал три своих “маленьких рассказа” и талантливая Е. Кедрова блестяще прочла отрывок из “Евгения Онегина”. Концертная часть вечера была очень эффектна. <...> Ученицы О.О. Преображенской <...> показали себя почти законченными балеринами в прекрасных сольных номерах <...> Зал был занят до последнего места» (На вечере Николая Рощина // Возрождение. 1934. 16 декабря. № 3483. С. 5).

⁴ Вероятно, какая-то шутка или почтовая открытка.

⁵ Возможно, имеется в виду знакомая Н. Рощина.

⁶ Возможно, В.Н. Бунина имеет в виду ответ И.С. Шмелева на анкету «Как Вы стали писателем?» (Иллюстрированная Россия. 1934. № 50 (500). 8 декабря. С. 9).

334. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 10 или 11 декабря 1934 г.

Если можно *подождать* с получением денег по расписке до моего приезда, храни ее. Но думаю, что смогут положить на мой счет. *Только возьми тогда удостоверение.* Взять сейф *и на твоё* имя я не мог — это нельзя без тебя.

—

Пожалуйста, съезди к Мааку, принимай что-нибудь укрепляющее. Что Митя? *Пришли мне его адрес*¹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/68. Дата и место установлены предположительно по содержанию.

¹ Д.Н. Муромцев. См. п. 378. Писем Д.Н. Муромцева к Бунину в РАЛ нет. В письмах Д.Н. Муромцева к В.Н. Буниной упоминаний о письме Бунина не сохранилось (часть письма от 19 декабря 1934 г. отрезана, РАЛ. MS 1067/4675). Адрес Д.Н. Муромцева в Москве: Малая Никитская, д. 33, кв. 5. См. также п. 409.

335. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 12 декабря 1934 г.

9 ч. утра. 12 д. 1934 г.

Получила письмо от Мани Брянской. Она пишет: «Весь русский Белград очень ждал и был очень огорчен, что Ив<ан> Ал<ексеевич> не приехал, не говоря уже о себе, я ведь ждала и тебя; мало того, что ждала — я накануне для лекции отправилась в 6 ч. на вокзал встречать заграничные поезда и очень разочарованная ушла одна. Был снят номер в гостинице, я заказала 2 индейки, чтобы вас ими потчевать (долго их ели), одним словом — в полной боевой готовности — и никого. Конечно, приехать сюда дорого и сложно, но, я думаю, Ив<ану> А<лексеевичу> дорогу оплатили»¹.

Родился еще пра-пра-внук Пушкина². С Ильиным была и Таля³. Вот они как-то могут всюду ездить вдвоем...

Вот Таля, как она сумела удержать и удерживать такого интересного и живого мужа, а ведь она «не хороша, Бог с ней»⁴... Связь у них крепкая главным образом с интеллектуальной стороны. Это, конечно, с годами не слабеет, а, пожалуй, усиливается.

Не забудь о налоге. Поговори с кем нужно. Имей в виду и Мелитту⁵. Возьми отовсюду справки, ты можешь что-нибудь и забыть.

Может быть, можно показать, что Галя и Лёня живут на твои средства или просто, или отнести их как расход — секретари!..

Кроме того, можно вычистить пожертвования. Я помню, кому сколько.

Целую еще раз, мой милый. Пишу о прошлом годе. Представь, письма к Лёне — написаны понятно, хорошо, хоть в печать. Можно будет заработать!!!

Твой С.

Да, все забываю, в Белграде вышли 2 газеты с твои<ми> портретами, и тебе не прислали⁶!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/81.

¹ См. письмо М.А. Брянской от 6 декабря 1934 г. (РАЛ. MS 1067/1587). О том, что Бунин решил не ехать в Белград, В.Н. Бунина записала в своем дневнике еще 10 ноября 1934 г. (РАЛ. MS 1067/410). О разочаровании, которое вызвало его решение среди русских эмигрантов, см. также примеч. 7 к п. 314.

² 13 ноября 1934 г. родился Николай Александрович, сын Натальи Николаевны Пушкиной (1907–1947) и Александра Николаевича Гревеница (1911–1988).

³ Речь идет о философе, писателе и публицисте Иване Александровиче Ильине (1883–1954) и его жене Наталье (Тале) Николаевне (урожд. Вокач) — двоюродной сестре В.Н. Буниной. Супруги вместе приезжали в Белград на съезд.

⁴ В своей книге «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончаров характеризовал так жену доктора Ведерхеда.

⁵ М.Г. Левина.

⁶ О каких газетах идет речь, не установлено.

336. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 12 декабря 1934 г.

1934 г. 12 дек.

Спешу тебе сообщить, что нашел Маак, бесценный мой. Аорта пока не вызывает *никакого беспокойства*, сердце *нормально*. Все эти явления, очень мучительные по субъективному ощущению, от «критического возраста», и нужно бороться в этом направлении. *Crinex*¹, лекарство в каплях, стоит флакон 32 fr., я взяла полфлакона за 18, ибо деньги к концу. Ты оставил 50 fr. на доктора. Заплатила ему 30 fr. + 18 *crinex* + 5 дорога + 2.50 еда, так что 5 fr. 50 пришлось взять из тех денег, что ты оставил на «прочие» расходы.

Без лифта жить все-таки *не советует*, да и вообще советует беречься. Он сказал: «видал Вас и в лучшем виде, видал и в худшем». Но все же я успокоилась и сразу стала чувствовать себя лучше. Думаю, что он говорит правду, так как никаких лекарств больше не дал, кроме стрихнина, но его я должна принимать в перерыве с *crinex*, *crinex* нужно ежемесячно. Это тоже «*extract ovarienne standardisé contient toutes les hormones*»². Он надеется, что это лекарство даст мне облегчение. И крайняя утомляемость, и сердцебиение, и горячие волны — все от этого. Печень тоже нормальна.

До 14-ого я дотяну и обед надеюсь справиться³. Меню все рыбное. Выработали с Кугушевыми: 1) Мули (они, как и Самойловы, не ели), рис к ним. 2) Холодная лососина с сала-

том русским под майонезом. 3) Меренги, затем мандарины с орехами. 4) Кофе, чай... Вино только белое, может быть, возьму у Lantelme бутылку коньяку. Князь опять стал пить, но гораздо меньше. Пригласила и Зайцева⁴ (он танцор), и Слюсарева⁵ (он — рассказчик). Но Зайцеву тоже Лапинский запретил пить, тоже нашел печень в непорядке. Мы уже вместе с Кугушевыми распределили, кому где сидеть, решили Самойлова, чтобы он *не* обиделся, посадить на твое место. Ася страшно радовалась этому обеду и танцам, так что мне очень приятно их всех повеселить. Леня уже отметил в журнале, где в каком часу будет <д>жаз. А за мной будет ухаживать раrà Tchasing, он уже мне сказал, что на Кавказе женщин воруют... Смотри, как бы меня не «уворовал кто»... Л<идия> В<икторовна>⁶ рассказывает обо мне всякие небылицы...

В субботу последний день Жозеф. Пришли, не откладывая, денег на какой срок хочешь, по 30 фр. в день. Настроение бодрое. Нежно целую.

В.

Лёня шлет привет.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/82. Число и месяц подчеркнуты красным карандашом, очевидно, позднее.

¹ Stipex — фармацевтическая фирма (основана в 1928 г.) и марка выпускавшихся ею витаминов.

² стандартизированный экстракт яичников содержит все сопутствующие гормоны (*фр.*).

³ См. примеч. 2 к п. 333.

⁴ См. примеч. 8 к п. 290.

⁵ Не удалось найти сведений.

⁶ Л.В. Кутателадзе (в замуж. Маркус), грасская знакомая Буниных. Ее письма к В.Н. Буниной см.: РАЛ. MS 1067/4177–4187.

337. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 12 декабря 1934 г.

12. XII. 34.

Милая моя, родная, спешу тебе написать сейчас только 2 слова: по моему мнению, тебе — по крайней мере, *пока* — *не надо писать* Галине, *что ты твердо решаешь не ехать в Париж*¹: иначе Марга *не позволит* ей, не пустит ее в Париж на жизнь вдвоем со мной; да она *и* сама так одурела, что может бояться, что у нас *наедине* с ней пойдут ссоры, объяснения; она ведь не понимает, что есть же предел всему, что самое элементарное самолюбие не позволит мне больше объясняться с ней. Уж чего все ясней дело теперь!

Курицу Рощин получил и даже уже благодарность послал. Вечерок был скудный, доходу, верно, 3 копейки.

Сейчас твое письмо от 10-го. Я очень грустно провел эту годовщину. Купил хеддоку² и селедку у Прюнье, поел себе один, потом пошел в синема... Ну, да что ж делать! Крепко тебя целую.

Заходил Фондаминский. Амалию лечит Манух<ин>. Говорил: «Степуны страшно огорчены, думают, что вы и их мешаете в эту мерзкую историю, уже не первую у Марги».

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/69.

¹ Подчеркнуто красным карандашом и дважды отчеркнуто на полях.

² haddock (*англ.*) — пикша.

338. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 13 декабря 1934 г.

13 дек./ 30 ноября.

Дорогой мой, купила в Канн ленту¹, там вместо двенадцати стоит девять франков, но она оказалась двуцветная, и я решила красную половину извести на письма.

Сегодня у меня радость. Пришли деньги сто франков от Сергея Викторовича². А я ночью даже не спала, думая, как я проживу несколько дней, если ты удержишь присылку денег. Четыреста франков, оставленных на дорогу, не хочу трогать. И вдруг такая радость! Если ты с ним встретишься, то поблагодари.

Завтра обед. Все очень скромно. Ася тоже просила об этом, чтобы «не задаваться на макароны», но все же будет двенадцать человек! Спасут мули. Кроме того, только белое вино. Но зато одним ударом по пяти Зайцам³.

Жозеф уже в воскресенье не придет. Мне кажется, что он разочаровался, что ему ничего не дали, так сказать, к празднику, он стал огорченно говорить, что не знает, поедет ли в Турин, так у него мало денег. Дело в том, что у него умирает уже года два невестка от туберкулеза, и ему приходится ее содержать. Он это делает с большим неудовольствием, она вдова, имеет мальчика. Поэтому он почти все время работает на других. В воскресенье он едет на несколько дней в Ниццу, и тогда решит, поедет ли в Турин или нет? Если ты захочешь ему дать стрэн⁴, то ты успеешь выслать. Но сколько? Мне кажется, следовало бы франков двести. Ведь при бедности мы давали сто. Деньги меня (сто франков) еще устроили потому, что я должна сделать закупки у Жозефа на время нашего одиночества: десять кило картошки, два кило сахару, десяток яиц, чтобы в случае дождя можно было пропитаться своей провизией.

Представь, я после визита доктора стала чувствовать сразу хорошо. Только осталось сердцебиение при всяких, даже небольших движениях.

Получил ты письмо от так называемого «Коли Гольденвейзера», моего друга детства. Исполни его просьбу. Я напишу ему, чтобы он позвонил тебе, и ты ему скажешь, или он тебе скажет, что делать; зовут его Николаем Моисеевичем. Фамилия нынешняя Любимов⁵. Мы у него раз даже завтракали. Он женат на американке. Он действительно журналист. Рекомендовать ты его можешь вполне.

Была открытка к десятому от Гали: вспоминает прошлый год, благодарит за поздравление (как я стала письма отдавать почтальону, так они до Геттингена ходят чуть ли не два дня!)⁶. Спрашивает, когда я приеду в Париж? Я написала, что еще не знаю, поеду ли? Сейчас не могу из-за лифта. А затем... «Ян пишет, что дела очень плохи, доходов так мало, что можно ли прожить долго в Париже, не знаю, а на короткий срок мне, конечно, лучше не трепаться, так как чувствую себя не очень хорошо. Вы поживите сколько хотите, Вы другое дело, да у Вас и меньше знакомых, да и с Вас меньше спросится». Потом спрашиваю, «когда она думает быть в Париже, чтобы к тому времени выслать ей платье» (голубое, вычищенное). Это, конечно, самое мудрое решение. Поживите, сколько вздумается, а затем и в Грасс. Пора вам обоим писать. Если, конечно, Галя не решила резко изменить свою жизнь, тогда ей нужно изучить какое-нибудь ремесло или найти место. Может, без меня вы лучше все решите?

Мы оба очень бодры. Видаемся лишь за едой да за Бетховеном⁷. Читаем сейчас опять Лескова. Отлично. Но и безнадежно он смотрит на Россию. Я сейчас читаю «Смех и

горе»⁸... Не знаю, помнишь ли ты это произведение? Очень острое. Он говорит, что в России всегда сюрпризы, и сюрпризы неприятные, а за границей все знаешь наперед, что будет, а все думали, что за границу нужно ездить для развлечения...⁹

Яблоновскому напишу. Лёня шлет привет. Открытку получила, счастлива, что цветы тебя порадовали. Нежно обнимаю, драгоценный мой.

Твой К.

Сегодня ночью проснулась, — ведь это была ночь с 29 на 30. 28 лет. Помнишь бал¹⁰? Коле можешь позвонить по телефону и с ним сговориться. Telephone Jasmin 12.00.

Публикуется по оригиналу (машинопись красного цвета с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067А/83. Год и место установлены по содержанию.

¹ Речь о ленте для пишущей машинки.

² С.В. Яблоновский.

³ Б.К. Зайцев с женой, их дочь с мужем и танцор Зайцев. См. примеч. 8 к п. 290.

⁴ От *фр.* étrenne — новогодний подарок.

⁵ Николай Моисеевич Гольденвейзер — юрист, литератор, журналист, глава юридического отделения русского земства и гражданского союза, преподавал в Московском университете. В эмиграции жил в Париже, позже во Флоренции, взял фамилию Любимов (подписывался и двойной фамилией). Автор брошюры: *Гольденвейзер-Любимов Н.* Да здравствует эмиграция. Париж, 1928. Сохранилось 29 его посланий к В.Н. Бунинной 1929–1959 гг. (РАЛ. MS 1067/3952–3980), но писем к И.А. Бунину нет.

⁶ Письмо неизвестно.

⁷ В.Н. Бунина и Л.Ф. Зуров слушали музыку, пользуясь радиоприемником.

⁸ Повесть Н.С. Лескова, написанная в 1870 г. и опубликованная в еженедельнике «Современная летопись» (1871. № 1–3, 8–16).

⁹ В дневниковой записи 12 декабря 1934 г. В.Н. Бунина мрачно дополнила это наблюдение: «Верно говорит Лесков, что в России всегда сюрпризы, и сюрпризы неприятные, нужно прибавить, что эмиграция вывезла с собой эту особенность» (РАЛ. MS 1067/410).

¹⁰ В.Н. Бунина отмечает 12 декабря (29 ноября по ст.ст.) 1906 г. как особый день в ее жизни с Буниным, см. ее запись 12 декабря 1918 г.: «13 лет тому назад <неверно, на самом деле: 12 лет> в этот вечер многое стало ясно для нас обоих, и свершился перелом в отношениях. Как много прошло с тех пор, но отношения наши стали еще нежнее и много ближе. Но конечно, тогда была свежесть и острый интерес друг <к> другу. Дай Боже трижды столько же прожить нам вместе, а затем вместе и умереть» (РАЛ. MS 1067/352).

339. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 13 декабря 1934 г.

5 часов 13 дек.

Душенька моя, три часа тому назад послал тебе заказное письмо — в нем твой заграничный паспорт. Писал в нем о Бельгии. Сейчас был в посольстве бельгийском — визу дали тотчас. Так что, если не передумаю и все, Бог даст, будет благополучно, мы *завтра*, 14 дек<абря,>¹ с Михайловым уедем в 2 часа дня в Брюссель. Сколько пробуду, не знаю, конечно. М<ожет> б<ыть>, мы съездим в Кельн, в Берлин. Но пиши мне так: *Monsieur Jean* Bounine, Poste-Restante, Bruxelles, Belgique*². Может быть, проезжу дней 10.

Сейчас твое письмо от 12-го. Дай тебе, Господи, здоровья — оч<ень> рад, что Маак не нашел ничего серьезного.

Завтра утром вышлю тебе денег — 500 фр.

Все яснее вижу — ехать тебе в Париж не надо. Жалко мне тебя и грустно без тебя, но — ясное дело, нельзя. В Париже скучно, все известно, о лифте у нас в доме пока ни слуху, ни духу, денег у нас мало... Вот только, повторяю, как быть с Галиной? Правда, до чего дошло, как гнусно — Марга не пустит из ревности (я убежден все-таки, что это ревность развратная, половая, даже если нету действий физических)! Но, *может быть*, я ошибаюсь. Напиши мне в Брюссель — не съездить ли нам с Михайловым в Геттинген — *чтобы сгладить* все ссоры, вести себя весело и так, чтобы она чувствовала, что «полная свобода ей при дворе дана³» — и вернуться в Париж *второе*? Напиши. Я Михайлову, конечно, *слова ни о чем не скажу*.

Завтра еще напишу.

Целую тебя очень нежно.

Твой Ив.

Л.Ф. Зуров, Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин,
М.А. Алданов.

Грасс, конец 1920-х гг.

(РАЛ)

Письмо это написал в 5 часов, потом решил поговорить с тобой по телефону. Письмо это все-таки посылаю.

После разговора по телефону, 10 ч. вечера:

Ты права, не надо мне идти Галине навстречу. Верно, она сама напишет свои планы на счет Парижа. *Можно ей соврать, что ты приедешь как раз перед ее приездом. Это даже, думаю, необходимо⁴*. Приехав, она увидит, что никаких объяснений нет и не будет⁵.

* Непременно: Jean!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/70. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 336 и 341.

¹ Слово «завтра» подчеркнуто красным карандашом, «14 дек<абря>» вставлено им же.

² Подчеркнуто красным карандашом. *Poste restante (фр.)* — до востребования.

³ См. примеч. 19 к п. 217.

⁴ Подчеркнуто красным карандашом.

⁵ Это предложение дважды отчеркнуто на полях красным карандашом.

340. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 14 декабря 1934 г.

Милый друг, сейчас получил твое письмо, писан<ное> красной лентой, и очень разочлился: что же это за вечное безобразие — когда бы мы ни расставались, всегда ты впада-

ешь в нищету, сколько бы я тебе ни оставлял! Давно ли я уехал и ужели мало оставил! Да еще отсюда послал 300 франков! — Ничего, ничего не понимаю!

А Жозеф в *сто* раз нас с тобой богаче. Я прямо запрещаю давать больше *ста фр.* «Ведь при бедности мы давали сто!» А теперь мы богачи?!

Очень рад, очень рад, что чувствуешь себя лучше. Но сердцебиение «даже при легких движениях» — это все-таки очень огорчает. Ясное дело, что у тебя очень сильное малокровие.

Целую тебя, Христос тебя сохрани. Едем нынче вечером, в 8½ часов. В Брюсселе — в 12-м часу.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/71. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 339.

341. В.Н. Буннина — И.А. Бунину

Грасс. 15 декабря 1934 г.

15 дек. 1934 г.

Дорогой мой Ив, получила сегодня от тебя и паспорт, и письма, целую за них. Сегодня послала тебе коллективный привет от наших гостей и нас¹. Было очень хорошо, непринужденно, приятно. Все были довольны. Жозеф на зеркале мылом нарисовал рыбу и написал меню с шуткой и остроумием, как это делают в ресторанах, и сразу всех развеселил. Мули имели огромный успех. Лососина тоже. Мяса не было. Пили немного. Я купила тебе «прекрасный подарочек». Будешь очень доволен. Ты любишь такие вещи. Настоящий случай. Стоит дорого, а я заплатила пустяк.

Сегодня длинное письмо от Гали. Очень милое, простое. Спрашивает, когда я думаю приехать. Значит, ты ей ничего не писал о лифте. Спрашивает: надолго ли взята квартира? Значит, тоже ты ей толком ничего, как впрочем и мне, не пишешь. Отчего, когда ты пишешь письма, ты спешишь, тебе жаль на это тратить время, а ведь в данном случае чем обыденнее ты писал бы, тем было бы для тебя лучше. Она пишет, что «несмотря на все мои усилия наладить отношения, продолжает очень огорчать меня», чем, не знаю, может быть, тем, что ты написал на «Вы»? Знаешь, у тебя очень не развит инстинкт, ты должен поступать, на мой взгляд, как раз наоборот тому, как тебе хочется, тогда будет все хорошо и на пользу тебе.

Сообщает Галя о рождении: «Мое рождение прошло очень хорошо. Погода была в этот день прекрасная, к обеду оказался гусь с яблоками, мы выпили с Маргой рейнвейну, она подарила мне *кольцо* (разбивка моя В.Б.) с аметистом, бумагу, на которой я сейчас пишу, и ландышей. Поздравили меня Ася и Роцин». А ты? Неужели не поздравил. Вот видишь, как Марга сумела угодить Гале, вероятно, та рассказывала, что ты обещал кольцо, поняла, что Гале хочется, и подарила, и, конечно, сюрпризом... И Галя в восторге, хотя пишет сдержанно, скупно и кратко, но я чувствую, что она в восхищении от такой тонкости!.. Спроси у Мигуэлло², он знает, как действует вовремя угаданное желание. А ты всегда как бы гордишься, что «я не умею делать подарки», а ведь этого стыдиться надо, а не гордиться. Это значит, ты не умеешь представить себе другого человека, его желания, то, чем можно доставить радость. Но так как нельзя допустить, что ты этого не умеешь делать, то значит, просто *не хочешь*. Тогда пеняй на себя. Уверяю тебя, если бы ты дал Гале в пять раз меньше, но угадал бы несколько ее маленьких заветных желаний и сюрпризом подарил то, что именно

ей нравится, а не тебе (как часы, например), то она, уверяю тебя, ценила бы это в сто раз больше, ибо подарок подарком, но внимание к твоим желаниям, к *твоей душе* ценится в сто раз больше. Может быть, это и неразумно, но ведь в жизни многое делается не от разума. И «увести Галю от Марги» пока и пытаться не нужно, а нужно лишь дать ей ощутить, что если она будет жить у нас, то мы ей мешать не будем, и сделать так, чтобы ей было приятно жить, а для этого прежде всего перестать думать чего нет, не преувеличивать вреда Марги на Галю. Всегда буду утверждать, что *влияние Марги на Галю не плохое*, а скорее *хорошее*. Уверяю, что Гале нужна Марга больше, чем Марге Галя, хотя та ее и сразу восхищенно полюбила. Гале приятно у Марги потому, что ей с ней жить естественно, нет чувства неловкости, какое она чувствовала [в прошлом году] всегда, даже тогда, когда все относились очень к ней хорошо, именно в Стокгольме, как ты этого тоже не понимаешь? Именно, что не на кого жаловаться, винить, а все же тяжело. И чем лучше, тем хуже*). Галя могла чувствовать себя у нас хорошо только в одном случае, если бы ты Лёню любил и *хотел бы жить семьею*, и, может, поэтому ей так хотелось нас загнать в одно, в «старшие». Если бы ты был человек, который делает, что нужно, а не то, что хочется, то ты воспользовался бы этим редким положением «семьи», но ты никогда ни с кем не хочешь считаться, когда можно и *не* считаться, поэтому люди, которых ты любишь, тягостятся. Как ты не понимал, например, что Коле³ лучше, приятнее хоть иногда ходить в гости на Пикола Марину⁴, и ему веселей, и Горьким приятнее хоть иногда проводить время *только с нами*, но ты всегда его тащил к ним. Он сидел мучился, а между тем, если бы он в это время посидел с молодыми писателями, он чувствовал <бы> себя на равной ноге, и ему было бы весело возвратиться домой и представить всех в лицах... Напоминаю тебе все это потому, что считаю своим долгом **последний раз дать тебе совет**, если ты хочешь жить с Галей, то уважай ее привязанности, дружбы, и, поверь, тогда ей сразу покажется жить с нами хорошо. Живи с ней, как жил с Нилусом. Думаю, что не следует ее обманывать, обман всегда открывается, и его люди *не прощают*. Нужно прямо смотреть в глаза правде и не бояться последствий. Мне кажется, что Галя сейчас в серьезном настроении, и если ты ее не будешь «цукать», то она скоро примется за дело. Она уже просит привезти ей машинку. Мне кажется, что самое лучшее было бы ей поскорей вернуться в Грасс и начать ровную жизнь, да и тебе пора писать. Помни одно, когда человеку приятно, то он не будет никуда зря стремиться. **Выяснить нужно лишь одно**: хочет ли Галя *вернуться* в Грасс. Я спрашиваю ее об этом. И если она ответит, что против Грасса в принципе она ничего не имеет, то, мне кажется, вам нужно как можно скорей приезжать домой. А в Париж поедем весной. Повторяю, что все дело в тебе теперь, а не в ней. Чувство ее к Марге *убить нельзя*, можно лишь охладить, да я думаю, что жизнь, если это нужно, и без нас сделает.

Прости, что я тебе написала много горького, но ты, как скала, сколько не бейся, а вода в тебя не входит. И ты видишь опасность не там, где она есть.

Привет Мигуэлло, хоть бы он написал письмо о том, как вы живете, проводите время.

Целую тебя нежно, да хранит тебя Бог, не злоупотребляйте «вкусовыми ощущениями».

Твой К.

Письмо тебе от Штемберг⁵, пишет 10 дек<абря>: «Сегодня в годовщину Н<обелевской> п<ремии> мои мысли посвящены Вам»... благодарит за художественные радости. Пожелания. Сообщает об ответе Frankfurter Zeitung. Твоя статья заинтересовала, охотно напечатает⁶, но когда, неизвестно. Ждет «Окаянные дни», сетует, что Слоним медлит⁷.

Сегодня у нас обедает и будет ночевать Иванжин⁸, ему 16 лет, он мне приходится внуачьим троюродным племянником.

М.А. Ласкаржевская.
Ростов-на-Дону, конец 1920-х гг.
(РАЛ).

На обороте Бунин написал:
«Моя покойн<ая> сестра Маша. Ив. Бунин.
Под большевиками».

Письмо от Веры Аркадьевны⁹. Маша¹⁰ умерла потому, что не бросила после плеврита курить, как настаивал врач.

Подумай хорошо обо всем, что я написала. Каждая человеческая душа прежде всего требует свободы чувств, и она не виновата, если кого начинает любить. Да, ведь это только хорошо, для тебя свободнее. Прожил три месяца, но насколько было бы приятнее, если бы ты эти месяцы истратил на писание. Иду обедать. Еще раз обнимаю.

Твой С.

*) Это очень интересная тема. Что женщина чувствует свое «фальшивое положение» тогда, когда все относится хорошо. Я тебе разовью это.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописными вставками): РАЛ. MS 1067А/84.

¹ Письмо не сохранилось.

² П.А. Михайлов.

³ В 1911–1912 гг. И.А. и В.Н. Бунины путешествовали по Европе вместе с двоюродным племянником Бунина, Н.А.Пушешниковым. 1 ноября 1911 г. они поселились на Капри в отеле «Quisisana», где прожили четыре месяца, до 1 марта 1912 г. Бунин и сам тяготился визитами к Горькому, 19 ноября 1911 г. написав с Капри брату Ю.А. Бунину: «А что до Горького, то необходимость ходить к нему, выбиваться из интимной, тихой жизни, при которой я только и могу работать; мучиться тем, что совершенно не о чем говорить, а говорить надо, имитировать дружбу, которой нету, — все это так тревожит меня, как я и не ожидал. Да и скверно мы встретились: чувствовало мое сердце, что энтузиазму этой “дружбы” приходит конец, — так оно и оказалось, никогда еще не встречались мы с ним на Капри так сухо и фальшиво, как теперь» (*Письма* (2). С. 188).

⁴ Пиккола Марина — местечко на Капри у одноименной бухты на юге острова. См. также примеч. 11 к п. 354.

⁵ Письмо не сохранилось.

⁶ Была ли опубликована статья Бунина, установить не удалось.

⁷ См. примеч. 1 к п. 322.

⁸ Сведений о Юрии Иванжине найти не удалось. См. п. 343.

⁹ Вера Аркадьевна Орлова (урожд. Петина) — двоюродная сестра Бунина, у которой в Ельце в 1885 г. он жил во время учебы в гимназии. Письмо не сохранилось.

¹⁰ М.А. Ласкаржевская (Бунина) — младшая сестра Бунина, умерла 5 ноября 1930 г.

342. И.А. Бунин — В.Н. Буниной *Брюссель. 16 декабря 1934 г.*

Милая моя, мы в Брюсселе. Пока, слава Богу, чувствую себя сносно. Довольно интересно. Сейчас (утро 16-го) едем в Антверпен — это ½ часа езды. К вечеру воротимся опять сюда. Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/72. Почтовая открытка с фотографией интерьера отеля и подписью «Bruxelles. Hôtel Métropole. Le salon de lecture»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>, France»; почт. шт.: «Bruxelles, 16.XII.34». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

343. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 16 декабря 1934 г.

Милый Ян, за что ты на меня рассердился? Не понимаю. Ни о какой «нищете» я тебе не писала. Уезжая, ты мне оставил на покрытие некоторых расходов и еще на двадцать дней, которые уже истекли, рассчитывая по 30 франков в день. 20 франков тратил Жозеф, а 10 уходило на все остальное; еженедельно 35 — бабы, а 35 — марки, вот лампочка перегорела, была в церкви и так далее. 300 франков, которые ты мне прислал, ушли на электричество и обед; немного сделали запасов, для этого взяла из денег, оставленных на мой билет, если поеду в Париж. Бабы приходили потому, что было много стирки, перестирала митоны¹, под которыми спали гости, вымыла нижние комнаты. Вычистила твои костюмы, которые остались в пятнах. Сегодня Жозеф уехал в «отпуск», и мы остаемся одни, *два раза только* в неделю будут приходиться бабы, одна на целый день стирать и гладить, а вторая на полдня. Все остальное будем делать сами. Мы перед нашим обедом два дня жили без мяса, желая сэкономить, и все же день обходился десять, одиннадцать франков, хотя мы даже доедали твои макароны. Поэтому я и написала, чтобы ты прислал к пятнадцатому, так как ты дал *до этого числа*, а ни на какую «нищету» не жаловалась. Я даже вчера Гале написала, что с денежной стороны ты ко мне очень мил, можешь ее спросить. Не понимаешь ты потому, что ты никогда не записываешь расходы, не знаешь, сколько ты проживаешь сам. Мне кажется, что ты за это время проживал вдвое больше, чем я, если не втрое, да и Галя больше. Единственно, что я позволила себе обед, но и это с твоего разрешения, да и с тем, что когда приедет Галя, то ей будет некоторое общество. Что ты там не говори, она любит поехать в гости. Спроси Михайлова, сколько он оставил своей жене? Меня твое письмо не рассердило, а глубоко обидело. Действительно, чем меньше требуешь, тем меньше тебе будут давать. Кажется, за все 28 лет жизни я ни разу не попрекнула тебя никакой тратой, которую ты делал на себя ли самого или на другого. Ты понимаешь лишь одно, что тебе нужно развлечься, пойти в синема, поехать в Канн, в Ниццу, в Бельгию, мне же достаточно быть сытой и сидеть на твоей же любимой горке, никого не видя, а чуть если я выражу за год желание только поехать *на сутки*, скажем, в Ниццу, где не была с октября, зайти в театр, ты на дыбы. Сегодня ведь три недели, как ты уехал. И я от тебя не прошу ничего лишнего. Ты сам согласился, что 30 франков на еду и на всякие другие расходы совсем немного. Отпустить же баб я не хотела, так как знала, что Жозеф уедет, и совсем без всякой помощи женской мне остаться трудно. Я сейчас *не* в состоянии сделать себе ванну. Я тебе шлю отчет в самой маленькой трате, и, если ты покажешь Михайлову, то он удивится, что я так мало трачу. Тебе всегда жаль давать мне. Я думала, что хоть теперь, когда я так измучена всем, что мне пришлось видеть за последнее время, когда я шла навстречу тебе во всем, подавляя в себе все чувства, тебе захочется хоть чем-нибудь меня порадовать, но нет, ты только можешь думать о себе, как только ты способен чувствовать лишь свою собственную боль, сочувствовать ты не умеешь или не хочешь. Ведь если бы я поехала в Париж, то на меня вышло бы *вдвое* больше. Ты пишешь, что ты рад, что я чувствую себя лучше, должна тебя огорчить, вероятно, несколько дней буду чувствовать себя гораздо хуже после твоего

письма. Конечно, я дура, и какая еще!!! Жозефу я сказала, что ты ему даришь сто франков. Он доволен. Просил поблагодарить. Во вторник он еще сюда вернется, тогда я, получив от тебя деньги, ему отдам. Топить плитку мы будем раза два в неделю: в день стирки и когда будет приходиться портнишка. Готовить будем тоже дня на два, на три. Сейчас нам Жозеф тоже наготовил дня на два или на три. Разогревать будем на печке, что на лестнице или на спиртовке.

Малокровия у меня нет, — ведь летом было 90% гемоглоб<ина>².

Привет Мигуэлло³.

Вера.

Оставлено тобой 2210 франков.

Прислано 300 франков.

Расходы: за три недели.

Жалованье Жозефу.....500 франков

Фрюи-дор⁴ 82 (за прежнее)

Почта 73

Доктор 30

Лекарства 30

Мите⁵ 100

Корсет, лифчики, чулки, башмаки 300 (это ведь надолго)

Обед 150 (было 10 чел<овек> гостей)

Стол (через Жозефа) 400

Стирка, мыло, эсанс⁶ 80

Портнишка 45

Платье Гали (чистка) 22

Паста, одеколон, мыло 43

Синема 20

Поездки в Канн (три раза) 15

Церковь 5

Электричество 131

Газеты 7

Лента для машинки 9

Шерсть, бумага (для штопки) 7

Казаран 15

Парикмахер 20

Запасы на время жизни без Жозефа 75

Пыльные тряпки и щетка для стирки 7

-----
2 085

Перенос⁷ 2 085

Бумага 5 фр. (для писем)

Бумага 3 фр. (машиночная)

Шампунь 3

Люкс 3

Подарок 20 (тебе)

Пуговицы 350 с.

Крем баш<мачный> 250

-----
2 260

Осталось 250 фр.

Вот тебе почти все, что я тратила до сегодняшнего дня. Эти две недели не будешь платить Жозефу, во всяком случае доход 150 фр., вычитаю из 250 сто, которые ты подаришь ему как стрэн⁸.

Я, конечно, на эти 250 франков скромно могу жить, но я ведь не хотела трогать деньги на билет. Без Жозефа меньше будем тратить угля, да, может быть, что-нибудь и будет стоить дешевле. Посмотрю, как это будет. Даже портнишка с сыном тратит в день на еду 15–18 фр. и мясо ест очень редко.

С субботы 15 уже начинается новый счет. Когда получу деньги, то внесу в коробочку, где лежат «на билет», а пока беру оттуда. Вот и права Марга, что заставила Галю записывать расходы! Жаль, что тебя никто не приучил к этому.

Лёня из своих заплатил доктору за себя и за лекарство, так что на него ничего лишнего я не трачу.

Сегодня у нас ночевал и проводит день Юра Иванжин, очень милый юноша 16 лет. Много интересного узнали от него о жизни русских в Каннах. Сейчас он пошел с Лёней в синема, но я не пошла, чтобы не тратить лишних шести франков.

Сегодня погода полусолнечная, но мы еще нигде не затопили. Разогрели гречневую кашу на спиртовке, остальное ели холодным.

За все время мы ни разу не взошли даже на плечо баранье. Покупали все самое дешевое. Но от этого не теряли ни бодрости, ни веселого настроения, отчего мне еще горше твое раздражение...

Сейчас долго лежала на постели, смотрела на одинокую оливку и давно так не плакала, — да, устроила я себе жизнь!

Лёня мне ничего не позволяет делать. Он вообще очень заботлив и экономен. Бутылка вина у нас идет три, четыре дня!!!

При тебе: ты мне давал 40 фр. в день, да еще у Лонтемма сколько ты оставлял!!! Это без Гали.

Это третье письмо R<oste> R<estante>. Жить на три дома дорого! Но я в этом *не* виновата. За все время я у Лонтемма не взяла ни на франк!

Сейчас прошлась по парку. Немного успокоилась. Очень бодрая погода, и в доме становится холодно.

Попробую, чтобы баба для стирки одну неделю пропустила, мелочь станем сами стирать. Нужно выкинуть пока из головы мой приезд в Париж, раз *эти* расходы кажутся *большими*, тут «метро» хоть нет.

У меня новая беда: ломит челюсть, то верхнюю, то нижнюю, это не от зуба, вероятно, нерв.

Я не знаю, сколько дать почтальону на праздники. *Не забудь написать*. Очень прошу тебя внимательно просмотреть счета и сказать, в чем я *должна* сократиться?

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/85. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 347.

¹ От *фр.* molletonné — изделия из мольтона, шерстяной ткани, в данном случае одеяла.

² В то время гемоглобин измерялся не в граммах на литр (как сейчас), а в процентах.

³ П.А. Михайлов.

⁴ Буквально: «золотой фрукт» (*фр.*); сейчас одна из марок бутербродного маргарина. ^{† P 1935} ^{SEP} Время от времени В.Н. Бунина посылала брату в Москву деньги. Как это делалось, она объясняла в письме к Г. Кузнецовой 25 июня 1936 г., когда просила ее отправить очередной перевод: «Авеню де л' Опера. Нужно войти, там дадут Вам бланк, и Вы должны заполнить: Муромцеву Дмитрию Николаевичу Москва 69 Малая Никитская дом 33, кв. 5. Писать нужно по-русски от имени Раисы Григорьевны Дижур, 26 рю де Шартр (с на конце), Ней Сюр Сен, адрес по-французски» (*Новые материалы* (3). С. 52).

⁶ *essence* (*фр.*) — бензин (см. примеч. 8 к п. 219: «служит в гараже ... разливает бензин...»), или иное горючее, ароматическая эссенция или т.п.

⁷ Продолжение подсчетов на следующей странице.

⁸ См. примеч. 4 к п. 338.

344. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 17 декабря 1934 г.

1934 г. 17 декабря.

Четвертое письмо в Брюссель.

Дорогой Ян, получила сегодня 1 000 фр. с твоей просьбой. Постараюсь это исполнить. 500 фр. сегодня же положу на книжку, это — фонд — на всякий случай.

100 фр. отдали Жозефу.

100 фр. отложу на январь для Мити.

На остальные будем жить. Жозефа не будет, так что можно очень быть экономными.

Сейчас варю из легюмов¹ суп и студень — на весь день, — это блюдо дешевое.

Сегодня ясно. Обещала приехать Ася², чтобы пойти в парк к Ротшильд³.

Из Амстердама прислали обратно твои фотографии и рецензии⁴. Их пересылать, конечно, не буду. Почта сегодня маленькая, письмо от Зензинова об Амалии⁵ и Гале из России.

Сейчас звонил князь⁶. Ася не может приехать, отпустила Веру Петровну⁷.

Пойду одна гулять, на нижнюю почту.

Челюсти ноют, принимаю на ночь аспирин, сплю тогда хорошо.

Зайцев из Рурэ⁸ привез тебе в подарок две книги. «Городок» Тэффи⁹, который она тебе подарила, и номер «Правды»¹⁰, на котором твоей рукой написано «Бунин». Это уже «из города шли», то есть из Москвы.

Целую крепко. Лёня кланяется. Привет Мигуэлло¹¹.

Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/86.

¹ От *фр. légumes* — овощи, зелень.

² А.М. Кугушева.

³ Возможно, имеется в виду парк вокруг виллы баронессы Беатрисы Эфрусси де Ротшильд на Лазурном берегу Франции (мыс Сен-Жан-Кап-Ферра); после смерти баронессы в 1934 г. ее вилла с богатой коллекцией картин, скульптур, фарфора и мебели XV–XVIII вв. и парк по ее завещанию были переданы французской Академии изящных искусств.

⁴ По какому поводу посылались рецензии и фотографии в Амстердам, неизвестно.

⁵ В письме от 14 декабря 1934 г. В.М. Зензинов сообщал В.Н. Буниной о том, что изменений в состоянии А.О. Фондаминской нет (*Бунин–СЗ*. С. 900).

⁶ А.А. Кугушев.

⁷ Вера Петровна — пожилая женщина, работавшая у Кугушевых на ферме «Дубок».

⁸ См. примеч. 8 к п. 290.

⁹ *Тэффи Н.А.* Городок: Новые рассказы. Париж: Изд. т-ва «Н.П. Карбасников», 1927.

¹⁰ Возможно, имеется в виду журнал «Правда» (М., 1904–1906), редактором которого был в свое время Бунин.

¹¹ П.А. Михайлов.

345. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Брюгге. 17 декабря 1934 г.

Целую. Нынче получил (в Брюсселе) твое письмо с подписями гостей¹. Вечером возвращаюсь в Брюссель.

Ив.

Брюгге
17. XII. 34.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/73. Почтовая открытка с видом Брюгге и подписью «Bruges. Panorama du Quai Vert»; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<ipes> M<aritimes>, France»; почт. шт.: «Brugge, 17.12.34».

¹ Не сохранилось.

346. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Брюссель. 18 декабря 1934 г.

Получил твое письмо от 15-го. Вчера послал тебе открытку из Брюгге. Был еще в Антверпене. Ужасающие дожди все время. Завтра думаю ехать назад, в Париж. Слоним пишет, что если бы я и поехал в Берлин, денег от издателя не получил бы — таков закон¹. От Г<алины> было письмецо, ласковое, простое — и оч<ень> сдержанное.

Целую.

18. XII. 34

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/74. Почтовая открытка с фотографией банкетного зала и подписью «Bruxelles. Hôtel Métropol. La Salle de Banquet (1000 places)»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<ipes> M<aritimes>, France»; почт. шт.: «Bruxelles, 18.XII.1934», «Grasse, 20.XII.34».

¹ Письмо неизвестно.

347. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Брюссель. 19 декабря 1934 г.

19. XII. 34.

Душенька моя, получил нынче два письма от тебя — 3-ье и 4-ое — и опять «рассердил-ся» — теперь уже на то, что ты так горячо приняла к сердцу мое письмо насчет денег (из Парижа). Ты что — от Гали заразилась — обижаться на меня? Я не о тратах тех писал, а о том, что ты всегда жалуешься на нищету, когда я уезжаю. Короче сказать — оставим этот «газетный разговор». Прошу тебя очень — не жмись, пожалуйста, не веди нищего образа жизни — трать сколько хочешь. Целую тебя с бесконечной нежностью.

Нынче уезжаю в Париж — все самое интересное уже видел, все, что полагается, отбыл — фотографы, журналисты, делегация от русской колонии... Кроме того — погода истинно ужасная.

В Париже надеюсь быть в 7 часов вечера. Оттуда напишу толковее.
Сохрани тебя Бог, бесценный друг.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/75. На почтовой бумаге Hôtel Métropole, Bruxelles. Место установлено по содержанию.

348. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Грасс. 19 декабря 1934 г.

1934 г. 19 декабря.

Дорогой Ян, вчера получила твою открытку из Брюсселя. Очень я рада, что ты немного развлечешься и отвлечешься. С Мигуэлло¹ путешествовать приятно. И с ним я за тебя спокойна.

Мы очень хорошо организовали нашу жизнь. Жозеф отпущен. До вашего возвращения я его брать не буду. Лёня готовит вкусно. Даже сам все закупает и вдвое дешевле. Готовит с вечера на печке, что на лестнице. С субботы плиты не растапливали. Прачка будет приходиться два раза в месяц, так как все выстирано, а для двоих это довольно. Портнишка по мере моей надобности в ней. Она тоже все вычистила, и твое, и мое. Настроение у нас бодрое и веселое. Утром работаем. После завтрака положим, да и гулять. Вернемся — чай, а там опять стрекочет машинка. После обеда под музыку мытьё посуды и приготовление на завтра. Чистота и порядок во всем.

500 fr. я положила на книжку, 100 отложила для Мити, сто сегодня отдам Жозефу. Нам остается триста. Куда адресовать? Ты не написал.

Леня шлет привет тебе и П<авлу> Ал<ександровичу>², я присоединяюсь.

Целую. Вера.

Сколько дать *почтальону*?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/87. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur Jean Bounine. [Hôtel Métropole. Bruxelles. Belgique]. Rue Jacques Offenbach 1. Paris 16»; почт. шт. «Grasse, 19.XII.34», «Bruxelles, 20.XII.1934».

¹ П.А. Михайлов.

² П.А. Михайлов.

349. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 20 декабря 1934 г.

Милая моя, приехал вчера в 1-м часу ночи, а спать не дали — все телефон и все спрашивают: «Это гараж Мирабо?» Устал, но, слава Богу, пока здоров. Жду от тебя вестей и целую. У меня новостей нет. Приедет ли Г<алина> сюда, не знаю.

Твой Ив.

20.XII.33¹

Л.Ф. Зуров, Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин, Г.В. Адамович, В.Н. Бунина.
Грасс, начало 1930-х гг.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/76. Почтовая открытка с фотографией здания отеля и подписью «Majestic Hôtel. Paris. Avenue Kléber», подпись зачеркнута и рукой Бунина вписан адрес: «Exp. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 20.XII.1934».

¹ Описка Бунина.

350. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 20 декабря 1934 г.

Послал тебе записочку, сейчас, вечером, пишу опять. Был на Av<enue> de l'Opera, купил себе палку, картуз (серый, шведский, ужасно тепел), M-lle Imbert приготовила мне жареную глось¹ — оказывается, есть глоси и тут, и не хуже одесских. Звонила M<арья> C<амойловна>², звала к себе. Пойду к ней в 9 ч. Все жалеют, что тебя нет; спрашивают про Галину тоном, — как мне *кажется*, — м<ожет> б<ыть>, и по моей мнительности, — что-то уж очень подозрительно-невинным: «А Г<алина> Н<иколаевна> остается в Германии?» Мне это как-то неприятно, неловко. — Да нет, я прав, конечно, все *чуют* что-то неладное. «Сбежала». Если расстанемся с ней совсем, надо это сделать как-нибудь постепенно; во всяком случае *после некоторого пребывания в Париже*, — *совместного*, чтобы все подумали, что подозрения их были неосновательны. Когда уеду в Грасс, пусть будет, что будет; ведь не покажусь в Париже после того долго.

Галина *настойчиво* спрашивает: на какой срок снята квартира? Ясное дело — чтобы знать, могут ли они с Маргой <часть строки срезана> тут весной или в начале лета. Ответил, что квартира снята до 1-го июля. Теперь все наши объяснения с ней кончены *навсегда*, совершенно точно чувствую: *довольно*, пусть делает, что хочет, ведет себя, как хочет. А так как убежден, что вести себя она будет *по-прежнему*, опять всю свою жизнь устремляя на Маргу, то дело, конечно, кончится нашим *полным* разрывом, — жить с ней в таких отношениях не буду. Но пусть она поймет это *сама*. Я надеюсь быть — и твердо уверен, что буду — непроницаемо-молчалив, прост, отчужден — и только.

Ты не поверишь, как мне грустно за тебя. Ты ведь только крепишься, а, конечно, тебе очень, очень скучно. Но лифт не ходит — и, верно, — по словам консьержки, — не будет ходить еще долго, долго — решили ставить новый; и доходов нет. Да и мне грустно без тебя, — я ведь тебя *очень* люблю.

Целую, драгоценная моя, очень крепко тебя.

<От приписки по краю письма после вырезания остались лишь отдельные слова:> едино — <...> много пл<о>х<о>го и <низ>кого <...> к ней, отношения <...> настроил <...> нет ужасно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/77. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 349 и 354. На месте приписки вдоль по краю листа письмо изрезано ножницами, чтобы максимально сохранить текст письма на первой странице, но на второй странице максимально уничтожить текст приписки на полях.

¹ Южное разговорное название камбалы.

² М.С. Цетлина.

351. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 21 декабря 1934 г.

21 декабря 1934 г.

Я писала, дорогой мой, что я на тебя не обиделась, а только огорчилась, да и это прошло. Сейчас получила *expres* от 19 дек<абря>¹.

Живем мы, не слгзать, слава Богу, хорошо. Без Жозефа расходы сократились. Едим простую пищу, что хорошо действует на печень. Лёня ничего не позволяет мне готовить, все делает сам, даже на стол накрывает, зовет, когда все готово. Сам ходит за покупками. Мы сделали запасы франков на сто, так что все, что не портится, под рукой. Молоко получаем через *Vieux Logis*². Бабы будут ходить каждая *2 раза в месяц*, чаще теперь, когда вымыт дом и все одеяла, не нужно. Думаю, что теперь на все круглым числом буду тратить 20 фр. в день, — это так тратит Нат<алья> Ив<ановна>³, а у нее копеечка запищит. Посмотрю, что выйдет. Я нарочно 500 fr. положила на книжку, сто отложила на Митю, сто отдала Жозефу, — он очень просил тебя поблагодарить. Он еще здесь. В Турин уезжает в сочельник. На наши расходы таким образом остается 300 фр. Я считаю с 15 д<екабря> по 1 янв<аря>, т.е. по 20 fr. в день. То, что осталось от прежних денег, пойдет на мои так называемые вторые расходы, на парикмахера, поездку в Канны (на Ниццу едва ли хватит), на праздники, почтальону (напиши же, сколько им дать), на лекарства, марки. Это не нищета. Повторяю, что я Гале как раз писала, что ты с этой стороны *очень мил*. Пишу потому об этом опять, чтобы ты отдал себе отчет в том, что сколько стоит.

Погода изумительная. Гулять приятно. Ходим теперь днем, хотя вечера и месячные, но Бетховен мешает. Чудесные концерты классической музыки и почти теперь без паразитов⁴. Но все же перед сном ходим с полчаса по саду.

Сердцебиения почти прекратились, горячие волны тоже. *Grinex* помогает. После него нужно принимать стрихнин, а затем опять его, — каждый месяц!

Посылаю тебе то, что пришло на этих днях. Из Голландии тебе прислали обратно твои фотографии и вырезки из газет. Их пересылать, я нахожу, не стоит. Ответ Голланду⁵ об этом.

После пятницы я никого не видела. Лёня был 19<-го> на именинах в «Дубке»⁶.

Чувствую себя очень хорошо в душевном отношении. Легко с приятностью переношу одиночество и полное молчание — ведь с Лёней мы разговариваем лишь по вечерам ½ часа, да за едой.

От Гали давно не было никаких известий.

Как ты решил насчет Парижа? Проводить там зиму или возвратиться сюда, оставив его до весны? На короткий срок я *не поеду*, мне будет утомительно, да и жаль денег. Ведь кроме расходов на поезд<к>у нужно купить еще диван, белье в бóльшем количестве, чем теперь ты должен купить, и т.д. Всем же ты можешь сказать, что доктор мне дал лечение, которое лучше проводить в тихой обстановке. Я думаю, и Галя это поймет. Если же ты решишь проводить зиму в Париже, то я могу приехать в январе, скажем, к русскому Новому году. Но не пора ли и тебе, и Гале приняться за дело? Целую тебя. *Лёня кланяется.*

Твоя В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/88.

¹ Речь о п. 347.

² Вероятно, продуктовый магазин в Грассе. Ср. п. 306 и примеч. 3 к нему.

³ Н.И. Кульман.

⁴ В.Н. Бунина так называла радиопомехи.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Именины (по ст. ст.) отмечал А.А. Кугушев (6 декабря память св. блгв. кн. Александра Невского).

352. В.Н. Бунина — И.А. Бунину Грасс. 22 декабря 1934 г.

22 декабря 1934 года.

Дорогой Ив, получила сегодня открытку из Парижа¹. Позвони на станцию и заяви, что мешают телефон. М<ожет> б<ыть>, переменить номер? Но не сердись на звонящих, они не виноваты, что на станции путают. Узнай у опытных людей, как избавиться от этого. Неужели телефон не переносной? Если переносной, ты на ночь можешь вынимать его из штепселя.

Живем по-прежнему хорошо. Вчера была портнишка. И за шесть дней в первый раз топили плиту. Я сварила гречневую кашу. И обедали в тепле. После ванны, а я еще вымыла голову, в нетопленной столовой можно было бы и простудиться. Теперь эта портнишка придет 4 янв<аря>. А в следующую пятницу прачка. Нужно выстирать скатерть и салфетки после гостей. Кроме твоей открытки почта ничего не принесла. Я довольна — много и так выходит на марки.

Сегодня совсем тепло, — как бы не было дождя.

Вчера отправила тебе большой пакет.

У тебя в кабинете очень хорошо. Сегодня солнечно, и я открыла окна. На столе цветы. Несмотря на отсутствие Жозефа, у нас очень чисто, и все в большом порядке. Пишу об этих мелочах, ибо не о чем. Все-таки Лёня редкий человек!

Видел ли ты Пиранделло перед королем? Ты был лучше. Я вырезала, как и статью Троцкого².

Как только узнаешь, что Галя придет в Париж, извести. Я вышлю ей платье. Оно уже запаковано.

Целую. В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/89. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «V. Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A< Alpes> M< aritimes>»; почт. шт.: «Cannes, 22.XII.34».

¹ Речь о п. 349.

² Имеется в виду статья о новом нобелевском лауреате Л. Пиранделло: *Троцкий И.М.* Пиранделло о себе, обилии чествований, навязанном ему “пиранделлизме”, русской литературе и сов<етских> экспериментах. (Письмо из Стокгольма) // Сегодня. 1934. 18 декабря. № 349. С. 3).

353. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 22 декабря 1934 г.

Суббота.

Дорогая моя, почему-то нет писем от тебя — была только «закрытка» вчера, которую мне переслали из Брюсселя. А я тебе послал ехгрès еще в среду, перед отъездом оттуда. Новостей у меня пока нет; был позавчера у М<арьи> С<амойловны>¹ (Рудневы, Вишняки, Марк Ал<ександрович>², Илюша³), нынче иду к ней завтракать. Галина денег от Кассирера⁴ еще не получила, верно, он и не пришлет, а она уже в отчаянии: вчера от нее ехгрès: — «нечем платить в пансионе»⁵. Добила до копеечки! Пишет, что ты пишешь ей, чтобы она в Париже не задерживалась, ехала поскорее в Грасс. «Не знаю, пишет она, я еще ничего не решила...» Вообще, она никогда ничего не сообщает решительного. Что ни спрошу — на все один ответ: «Я еще ничего не знаю». Когда приедет, то же: «не знаю еще». Жду нынче от нее последнего извещения насчет Кассирера, если он не прислал, pošлю сам. В «Возрожд<ении>» говорят (по словам Капитана⁶): у нас гостил летом Степун, оболыстил ее, и она «сбежала к нему». Никто из знакомых меня о ней уже не спрашивает по-человечески, все вскользь, тоном неумеренно-невинным. Слышал еще (это уже не от Капитана, а на Монпарнасе): «она жила с З<уровым>, он где-то в кафе — прошлой зимой — вел себя с ней как с любовницей, уже надоевшей ему, видимо, — грубо и небрежно». Верно, и на «ты». Мерси, мерси.

Крепко целую, иду бриться, потом к М<арье> С<амойловне>.

P.S. Все-таки ты так и не сказала точно: приедешь ты или нет? Лифт не ходит, не будет ходить, говорят, еще с месяц.

«Все смешалось в доме Облонских»⁷.

Рад ужасно одному: у меня что-то переломилось к Г<алине>, ровно ничего уже не чувствую к ней, — ни любви, ни злобы (ни малейшей). Надоела, конец.

Почтальону надо дать франков 10 — ведь мы даем за каждое заказное.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/78. В начале письма после слова «Суббота» рукой В.Н. Бунинной вписана дата: «22 декабр. 1934 г.».

¹ М.С. Цетлина.

² М.А. Алданов.

³ И.И. Фондаминский.

⁴ См. примеч. 2 к п. 292.

⁵ Письмо неизвестно.

⁶ Н. Рошин.

⁷ Слова из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

354. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 23–24 декабря 1934 г.

1934 г. 23 декабря.

Дорогой Ян, прежде всего *за меня* не грусти. Мне очень хорошо. В доме чисто, живем по-Божески, Лёня не позволяет мне ничего делать и кормит очень вкусно, давно так не ела!

Вчера были в Канн<ах>, привезли фунт какой-то рыбы, и он часть ее изжарил, а из другой части сварил уху такую, что и у Прюнье вкуснее не съешь, прямо архиерейская! Но я все же много отдаю времени дому, поддерживаю чистоту, ставлю цветы, сама одеваюсь тщательно, когда живешь так уединенно, прежде всего не распускаться! Чувствую, как у меня поправляются нервы, — я, например, ни разу не забыла принять лекарство. Хорошо и приятно действует, что видишь перед глазами веселое, бодрое лицо человека, который с утра до вечера работает, и вечером серьезная музыка служит ему отдыхом. Мы в карты больше не играем.

В Каннах вчера было хорошо. Десять дней не были, захотелось погулять. Прежде всего на мол — день был тихий, жемчужный. Эстерель и небо над ним совершенно офорт. (Я вдруг вспомнила чудесные офорты, которые меня поразили своей четкостью и прелестью в 14 лет, когда я в первый раз попала в Эрмитаж.) А другая сторона была проста, обыденна. Прошли оттуда в ту сторону мимо казино. Какой-то худой с белыми усами под острым носом англичанин бросал кусочки белого хлеба чайкам, которые их ловили на лету. Это было чудо как хорошо! Когда он разбросал весь хлеб, он улыбнулся, сказал что-то по-английски, вынул из кармана хлебец, раздавил его каблуком, потом стал ломать и опять кидать в воздух чайкам кусочки... Мы пошли дальше. Ну, конечно, зашли в Монопри, купили бумагу для машинки (3 фр.), я еще конвертов, тоже 3 фр., выпили по чашке какао с пирожным. Потом опять через сверкающий огнями в своих эталяжах¹ Канн вышли к морю. Была уже ночь. Опять старый город поразил меня своей прелестью. В море было темно, один огонек, вероятно, лодка... Молча посидели, отдохнули. Затем прошлись вдоль набережной *aller et retour*² и к автобусу, я зашла за пеклеванным хлебцем, Лёня за рыбой. В Грассе я пошла к парикмахеру, а Лёня побежал домой, чтобы топить печь, готовить обед. И, действительно, я вернулась в уже теплый дом.

Жалею очень, что сразу после твоего отъезда не отпустила Жозефа. Много бы сэкономили и ели вкуснее бы. Нужно было бы, чтобы он только дней 5 побыл бы и убрал часть дома. Но мы не догадались. Впредь будем умнее.

Написала все это тебе для того, чтобы ты ощутил, как мы живем. Уверяю тебя, живем недурно.

Теперь перейду к другим вопросам.

Не преувеличивай насчет Гали в вопросах о ней. Конечно, интересно, но и для большинства понятно: надоело жить в Грассе, гостит у подруги. Если сам не будешь рассказывать, то «все» скоро перестанут интересоваться. Не так уж это «всем» интересно. Вот Володя стал жить отдельно от Мережковских³. Кое-кто поболтал на эту тему, не думай, что Галя значительно в глазах «всех» Володи.

Думаю, ничего не надо делать искусственно. И зачем Гале «сбегать», если ее никто не удерживает. Помни одно, насильно мил не будешь. Если у нее есть настоящее чувство, крепкая привязанность к тебе, то и увлечение Маргой не может уменьшить их, а если это мираж, то о чем тут говорить. Вот нам Галя уже 2 недели ничего не пишет, как узнала, что я из-за лифта могу *не* приехать, так и замолчала. Имей в виду, что *в мае и июне я буду жить*

в квартире, — это, если все будет благополучно, *решено*. Думаю, что Марге не будет места. Если она будет в Париже, может снять комнату, она теперь зарабатывает.

Теперь хочу в *последний* раз поговорить вот о чем. О твоей «линии поведения» по отношению к Лёне.

Ты с ним простился по-дружески, поцеловался (ведь не Иуда же ты), дал 50 fr., и он *принял* от тебя как от *близкого* человека. Что он сделал после твоего отъезда? А между тем, ты неизвестно для него почему даже на открытках перестал посылать ему даже поклон (а как ты возмущался на Нат<алью> Ив<ановну>⁴, а она едва знала Галю...) несмотря на мои очень деликатные просьбы, мало того, ты пишешь все письма такие, точно я живу одна. А в последнем письме просто уже написал непозволительные вещи⁵. Не будь смешон и жалок! Если ты его считаешь таким, каким обозначаешь, то как же ты можешь оставлять меня на такого человека? И зачем ты делаешь все, чтобы удержать его в своем доме? Это игра кошки с мышью, недостойная всякого мало мальски культурного человека, себя уважающего.

Ты пишешь, что «мне грустно за тебя», что «я *очень* люблю тебя». И дальше все, чтоб ухудшить настроение наше. Все это слова. Любить человека для него ты не умеешь. Ты отлично понимаешь, что человек, который живет на средства другого, особенно уязвим, и ты сознательно бьешь по этому и отлично тоже знаешь, что от этого мелкого укола и мне больно, так и не говори, что тебе «грустно» за меня. Когда грустно, то стараются порадовать, доставить удовольствие, поддержать дух. А что делаешь ты? Деньги пришлешь с припиской «будь экономнее», скажешь тебе, что вот в Ниццу на сутки хотим поехать: «ах, поезжайте, куда хотите», — ответишь с раздражением. Порадуйся, в Ниццу не поедем. Но от этого у нас настроение не испортится. Действительно, не место красит человека, а человек место. И не жалея меня, мне хорошо, жалеть нужно тебя.

Все твоё раздражение к нему [зиждется] создалось на том, что он критиковал тебя Гале, вернее с Галей. Но задал ли ты вопрос, почему критиковал? Кто устраивал непристойные скандалы и из-за того, что человек осмелился покритиковать роман из эпохи, где он, действительно, кровь пролил дважды, или из-за сметаны, ведь из-за Гали только в этом году было два скандала. И кому он критиковал? Человеку, присутствующему при этом. И мог ли он три года тому назад разобрать подоплеку этих скандалов?.. И, уверяю тебя, если б он тебя *не* критиковал, если бы его характер был сдержаннее, нервы не издерганы, то Галя еще более *считала бы его правым*, а ты выступал бы в худшем в ее глазах свете.

Лёня после твоего отъезда и особенно после твоих открыток мне несколько раз говорил: «Одного понять не могу, зачем Иван Алексеевич меня удерживал. И очень скоро после приезда я хотел вернуться в Ригу, и в 1932 году, и теперь. Ведь я просил у него взаймы, а он прекрасно знает, что я никому *не должен* и ему всегда *отдаю*, что взял *в долг*». И откуда ему, Лёне, могло прийти в голову, что Галя не имеет права заводить тех или иных отношений в пределах, ну, скажем, «эстетических». И этих пределов они *не переходили*. Была дружба, с лирическим оттенком, потом они стали ссориться из-за дурных характеров, и уже к болезни Лёни отношения их стали далекими. И *несколько* Лёнины слова *не действовали* на Галино *отношение к тебе*. Ты просто от своей боли нашел «козла отпущения» и его бьешь, так как он уязвим — имеет несчастье жить на твой счет. Сейчас не живет, работает не меньше Жозефа, помни это.

У Гали изменились отношения к тебе вот почему.

Поверь, если б она знала, что ты будешь контролировать *каждый ее шаг*, она *никогда* не ушла бы от мужа.

Связала она свою судьбу с твоей *не* ради любви к тебе, *не* ради *тебя*, как большого писателя, — не ее стиль *сидеть у ног учителя*, а связала потому, что ей казалось, что близость с тобой поможет ей *для нее самой* стать писателем и *жить для себя*, а *не для тебя*, хотя бы и рядом с тобой. Пока ты этого не поймешь, у тебя будут все виноваты, Ася⁶, Сорин⁷, Городецкая⁸, Лёня, Марга, Илюша⁹ и т.д., и т.д. Митя ничего не слышал из уст Лёни, но всмотревшись в портрет Гали, написал: «Поверь, Галя будет стараться устроить свою жизнь личную». А он женщин знает. Гале *жить* хочется, получать удовольствия. А что она имела? Вечные длинные разговоры, куда бы и с кем бы она ни собралась, даже если к Гофману¹⁰. Это твое несчастье, и Коля должен был скрывать от тебя визиты к нему Кати¹¹. У Гали не было чувства легкости жизни, и это больше всего ее *тяготило* и на это *она* всем жаловалась. Я уже писала, что нужно, если хочешь удерживать любовь или дружбу, надо уметь *угадывать* желания. Ничего нет преступного, например, что людям порой хочется быть в «своем возрасте», и иногда даже надо устраивать это, а не поднимать истории. Пока ты Гале казался интересным, то есть она не знала тебя всего, ей было весело с тобой, а ты ее «перекормил» собой, потому что думал лишь о себе, а *не о других*. Я ведь уже давно заметила это «перекармливание», еще до приезда Лёни к нам, и знала, какое последствие оно будет иметь и, желая сохранить status quo, многое сделала — устроила семью, которую опять ты всеми силами *разрушал*, а между тем это единственно, что Галю могло удержать около тебя. Лёня по природе своей являлся союзником твоим, а *ты* сделал из него врага. Он старался все время уничтожать в Гале «*праздское*», что в ней очень поддерживает Марга, никогда не *восхищался* ею, — отчего прежде всего и *не* могло у них быть романа, — уговаривал работать и за столом, и в саду. И если бы ты хотел простой Божеской жизни, если бы ты подошел к Лёне по-человечески, как старший к младшему, то у нас в доме было бы легко и хорошо дышать, и Гале не захотелось бы так истерически броситься с криком «спасите» на шею Марги... А чего ты хотел, сам Соломон не поймет. Ты избало<ва>н мною. Но два раза счастья не бывает. Да оно и не по зубам тебе. Ты не захотел принять и взлелеять то, что ты мог иметь от меня. И Галя не виновата, что ты *принял* ее за *другую*. И не верь льстивым словам Илюши о «большом человеке», дело не в «большом», около «большого» человека можно жить, если *или* ее душа больше его души, или если *он* все понимает и дает жить *свободно* каждому, кто рядом, а тут этого не было. «Цыпленок маленький, цыпленок жареный, цыпленку тоже нужно жить», а ты мешал и мешал в пустаках...

Почувствовала ненормальность своего положения Галя *не из-за Лёни*, а именно потому, что Лёни *не было* в Швеции. Он спас бы положение. При нем <бы> *не вскрылось* то, что вскрылось в его отсутствии и чего Галя *не могла перенести*. После Швеции она сказала мне: «Я могу быть счастлива только в *законном* состоянии, я даже не могла бы жить вне брака, как жили Вы»... Прибавь к этому русские газеты, Цвибака, ее зависимость от меня, что особенно ее раздражало. И главное, не на что было жаловаться. Обратное все милы, любезны, внимательны, а все *не то*... Помни, Галя честолобива. И ты уже в Швеции ее раздражал. Отдай отчет, почему? Да, великий художник, плохой психолог!!!!

Все это, если ты прочтешь со вниманием, должно убедить тебя в твоей неправильной позиции в отношении и ее, и Лёни.

Меня теперь никто не уверит, что с Лёней трудно жить, если к нему относиться по-человечески, то он удивительно приятный для жизни человек.

Всякая работа кипит у него, работает весело и хорошо, за что бы ни взялся. Как без всяких слов он все стал делать сам, как он всегда думает обо мне, лишнего куска не съест, все пополам, хотя он и физических сейчас много тратит сил.

А вчера он восхитил меня. Днем отправился к Часинг, к обеду обещал вернуться. Но вернулся раньше. Приехал веселый, возбужденный. Оказывается, от Часинг поехал к Муравьевым¹² (говорит, настоящее имение, чудный дом, вид, а не куроводство), там стол ломился от всяких вкусных вещей, приняли очень любезно, танцевали. Но он пробыл час и уехал, ничего не съев. «Почему», — спросила я. «Ну как вы тут одна»... «Но ведь вы сказали к обеду, а приехали в пять?» — «Представил, что вам холодно»... И главное, все весело, не давал мне чувствовать, что из-за меня лишил себя все-таки редкого удовольствия. И я вспомнила свою болезнь, когда меня оставляли одну по целым дням, почти умирающую, — это не Пэка¹³. И если бы ты не начал против него похода, то, вероятно, это был бы самый преданный тебе человек.

Я не закрываю глаза на его недостатки, но они не уменьшались, а увеличивались от вечного недоброго к нему отношения.

И вот очень прошу тебя серьезно подумать. Лучше пусть он уйдет из нашей жизни. Это цинично — оставлять его ради меня. Не так ему полезно жить у нас. Если ты такой человек, который не способен понять, что человек, даже доставлявший тебе неприятности, не виновен, ибо ты не хочешь разобраться, в чем тут дело, а только чувствуешь боль и, не понимая откуда она, бьешь того, кто под рукой, то лучше этому человеку уйти. Он не пропадет. Наша же духовная и душевно-умственная связь не порвется, как не рвется у меня со всеми близкими, хотя они живут за 3 000 верст, и мы знаем, что здесь, на земле, мы не увидимся, но это не мешает любить и поддерживать друг друга в трудные, черные минуты.

Мы, слава Богу, не «бунинско-пушешниковской» породы.

Да, испортил ты мне два дня своей припиской¹⁴. Как ты лишен дара Любви с большой буквы, даже просто чувства милосердия. И зачем писать лживые слова, что тебе «грустно за меня» и тут рядом доставлять огромную неприятность. За что? За то, что я действительно дура, Верочка¹⁵ права.

Ты всегда от всего отмахиваешься, никогда не хочешь понять чужой души, не умеешь идти в ритме с другим человеком. Я недавно поняла, почему ты, такой способный к танцам, не умеешь танцевать с дамой, — тебе не дано *ни в какой области* согласовать своих движений с другим человеком, что необходимо в танце вдвоем. Ты можешь лишь один. И со мной ты *никогда* не мог пойти в лад, как и с другими. Я только отличаюсь от всех <тем>, что я это приняла и стала жить *одна*, не бросая тебя физически и приходя к тебе, когда *тебе нужно*, а не мне. Особенно это ты проявил в дни славы и ко мне, и к Гале, да ко всем. Только одно свое желание.

Только что кончила писать тебе длиннейшее письмо, которое писала вчера полдня и сегодня все утро, к<a>к получила от тебя, писанное в субботу. Спасибо за него.

Ты, вероятно, уже получил закрытку, посланную на Jacques Offenbach¹⁶, но все же повторяю то, что писала:

1) Без лифта *не поеду* в Париж, мне надоело болеть. Я только что стала понемногу работать.

2) Чувствую себя очень хорошо, не вижу, как день идет.

3) Послала тебе письмо в конверте большом вместе с почтой¹⁷. Получил ли?

Ты очень удивил меня, дорогой, тем, что оказывается, ты Галю оставил без денег. Да как же ей было и не добить до копейки, раз она живет на свои деньги, что ты делаешь вид, что тебя это удивляет. И зачем ты меня обманул, что 10 дек<абря> ей посылаешь 1 000 фр.¹⁸? Вот это очень характерно для тебя, от таких черт люди и бегают от тебя. Да зачем ты связывал свой присыл с Кассирером, ну она привезла <бы> обратно 1 000 фр., но ставить ее

в тяжелое положение не следовало бы. Просыпают<ся> в тебе черты Ев<гения> Ал<ексеевича>¹⁹.

Удивляет меня еще одно: придаешь значение сплетням. И кто это твои враги, кто тебе, конечно, в искаженном виде передают всякие сплетни. Ты не мальчик, ты знаешь, что люди всегда хотят, чтобы все с друг другом «жили». Неужели ты мог думать, что никто не говорит о нас: одни, что Галя живет с Зуровым, другие, что с тобой, третьи, что я с Зуровым, — одни, что Зуров небрежен к ней, другие, что ты ко мне непозволительно небрежен, взять ли хоть прошлый год. Послушал бы, что о тебе говорят и Гале.

Сплетни меня не удивляют, а отношение к ним *твое* удивляет, все злобно и не о<бо>сновано. Были на Парнасе. Лёня ухаживал за другими. Вывод: он ведет себя с ней, как с надоевшей любовницей, ибо на Монпарнасе *не могут* представить иных отношений, кроме половых. «Ты» на Монпарнасе никого не удивило бы, вероятно, большинство там на «ты», и при чем тут твоё «мерси, мерси»...

Вот я осталась в пустой вилле с Лёней. 99 чел<овек> из ста, вероятно, думают, что я его любовница. Представь, ты услышишь или тебе какой-нибудь Капитан²⁰ передаст сплетню, и ты опять вознегодуеть на Лёню? Я знаю, если я живу не так, как принято, я *не должна обижаться* на людей, если они, судя по себе, будут иначе истолковывать мои отношения. Нельзя требовать от людей ни тонкостей, ни деликатности. Мы и сами вечно о других Бог знает, что болтаем. И кто это мог в «Возрожд<ении>» это пустить, кроме Зайцева и Капитана... Услышали Степун, ну и решили.

Сегодня серо, и в доме холодно. Мы позавтракали и скоро пойдем за покупками. Два дня будут закрыты лавки. Ничего рождественского не купим. Приготовит Лёня на эти дни что-нибудь самое простое, гороховый суп со свиной, но это будет очень вкусно. Пришлось мне взять билеты на утро в пользу Каннского азилия²¹, если мы откажемся, то кому же брать, вот и нужно съэкономить. Но я не поеду, чтобы зря не тратить еще до 1 ян<варя>, не буду ничего брать с книжки, а 1 I возьму.

Надоела я тебе, больше на эти темы писать не буду. Но и ты хоть бы об Амалии²² написал. Хоть бы о Бельгии. Только об одном. Для тебя друг — это «пара ушей», как сказал Мориак²³. Так и я — Галя, Галя и Галя и больше ни о чем.

Целую тебя и очень прошу обо всем продумать, особенно перед приездом Гали. Все зависит от тебя одного.

Твоя В.

Чудное духовное пение — вероятно, уже рождественское. Я все больше и больше понимаю, что «царствие Божие внутри нас». Очень ты огорчил меня припиской. И зачем? Ты знал, что это мне очень больно, ты ведь знаешь мое мнение. В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/90.

¹ От *фр.* étalage — витрина.

² туда и обратно (*фр.*).

³ Осень и зиму 1934 г. Мережковские провели в Италии, В.А. Злобин не сопровождал их в этой поездке, оставаясь в Париже.

⁴ Н.И. Кульман.

⁵ В.Н. Бунина отвечает на два письма Бунина: 350 и 353.

⁶ А.М. Кугушева.

⁷ Художник Савелий Абрамович Сорин (наст. имя Савий, Завель Израилевич, 1878–1953) с 11 августа по 8 сентября 1930 г. писал портрет Г. Кузнецовой (см.: *Кузнецова (1995)*. С. 161–166).

⁸ Н.Д. Городецкая гостила в Грассе в сентябре 1932 г. и в июле 1933 г.

⁹ И.И. Фондаминский для всех членов бунинской семьи был близким человеком, в том числе и для Г.Н. Кузнецовой, см. ее мемуарный очерк «Друзья» (*Кузнецова (1995)*). С. 311–317; впервые: Мосты. Кн. 11. Мюнхен, 1965. С. 63–68).

¹⁰ См. п. 217 и примеч. 7 к нему.

¹¹ Н.А. Пушешников и, возможно, Катя Желябужская, дочь М.Ф. Андреевой, о которой В.Н. Бунина писала в очерке «Италия» (*Муромцева-Бунина (1989)*). С. 432–433).

¹² Возможно, Лев Николаевич Муравьев (1905–?) — пианист, композитор, преподавал в Русской консерватории в Париже; приятель Л. Зурова, бывал на «Бельведере» в середине 1930-х гг. Кроме того, в дневнике В.Н. Буниной упоминается Михаил Викторович Муравьев, иных сведений о котором найти не удалось.

¹³ Н. Рошин.

¹⁴ Речь здесь идет о приписке в п. 350, от которой остались отдельные слова.

¹⁵ В.А. Зайцева.

¹⁶ Речь о п. 352.

¹⁷ По-видимому, речь о п. 351.

¹⁸ См. п. 326, в котором Бунин писал о просьбе Г. Кузнецовой выслать ей эту сумму и о своем намерении послать деньги. См. п. 355.

¹⁹ Е.А. Бунин — старший брат И.А. Бунина.

²⁰ Н. Рошин.

²¹ Общество «Азиль» («Убежище для неимущих евреев») было создано в 1934 г., но просуществовало недолго, устроив лишь несколько благотворительных мероприятий.

²² А.О. Фондаминская.

²³ В.Н. Бунина вспоминает фразу из романа Ф. Мориака «Пустыня любви»: «В те времена товарищи были ему нужны лишь как свидетели и поверенные его тайн; друг был для него прежде всего парой ушей» (*Мориак Ф.* Романы. М.: Худ. лит., 1981. С. 78; пер. с фр. С. Шлапоберской). Ф. Мориак несколько раз встречается в дневниковых записях В.Н. Буниной (в т.ч. 1934 г.); в 1938 г. вышел выполненный Г. Кузнецовой перевод романа Ф. Мориака «Волчица» с предисловием Бунина (Париж: «Русские записки»). См. также пп. 325, 365.

355. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 24 декабря 1934 г.

24. XII. 34.

Милая моя, все твои письма получил — последнее от 22-го. Еще раз — сохрани тебя Господь, очень рад, что ты лучше себя чувствуешь. Ты пишешь: «Проводить зиму в Париже...» Возможно ли это? Это будет для нас дорого необыкновенно! Страшно и подумать! Значит, что же? Возвращаться в Грасс, — лучше, правда, весной сюда приехать. Но когда возвращаться? Ничего еще сейчас не знаю. Может, дней через 10, через 2 недели; а может, и сбегу отсюда *внезапно*. Последнее скорей всего. И, если приедет сюда наша барышня, пусть она уж как знает, так и краёт. Послал ей 1 000 фр., — Кассирер отказал: «не могу платить по приказу иностранца даже немке». Alors¹, что же ей останется после праздничных пиров, расплаты в пансионе (где уже должна 300 фр.) и переезда сюда? А мне она и до сих пор ни *единого* слова *определенного*: *когда* приедет, *на сколько*, как будет жить здесь без денег, без простынь, без наволочек и т.д. — не знаю и знать больше не хочу. Я хотел затушить всякие дружеские подозрения, побывши с ней хоть несколько дней тут, — все ведь чувствуют, что-то неладно, — да теперь решил и на это наплевать. И тем более, что почти уверен: визу свою она продолжит, прикидывалась мерзлым бараном², лишь бы деньги получить... а там, мол, видно будет... Ибо повторяю: как же так, все твердить: «ничего еще не знаю, ничего — когда приеду, на сколько...» *накануне*, казалось бы, приезда. Последнее ее письмо ведь от 22-го, а по закону она должна выехать 30-го. Alors...

И.А. Бунин и Г.В. Адамович.
Грасс, начало 1930-х гг.
(РАЛ)

С деньгами ты меня опять поразила. Опять без денег! «На книжку положила». Да зачем же это? А я опять высылай? Нет, мой друг, это что-то совсем нелепое.

Сижу, почти никого не видя, за письм<енным> столом³.

Крепко целую.
Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/79.

¹ В таком случае, итак (*фр.*).

² Выражение использовано еще в рассказе Бунина «В поле» (1895).

³ См. примеч. 2 к п. 327.

356. В.Н. Бунин — И.А. Бунину

Грасс. 24 декабря 1934 г.

24 декабря 1934 года.

Их сочельник, дорогой Ив, где ты проводишь его? Мы встретили Асю. Я зашла с ней к портнихе — шьет белое кружевное платье. Потом зашли к нам, пили чай.

26 дек<абря> «все» едут в Канны на «утро»¹. Я не еду. Утомительно, да и лишние деньги. 31 дек<абря> будут «все» встречать Новый год тоже в Каннах, в Азиле², где читал Борис³. Очень уговаривают поехать. Кугушевы отвезут, привезут. Мне не очень хочется. Посмотрим, лишний парикмахер, билет за вход.

6 янв<аря> традиционный вечер у Кугушевых с индейкой, будет 17 человек, танцы и т.д.

9 I (еще не известно) день Ангела у Самойловых⁴.

13 I — встреча русского Нового года у Часинг.

Как видишь, имеем приглашение, а потому скучать не будем.

«Все» страшно рады, что лифта нет, и я не еду в Париж.

Надеюсь, что ты тоже приятно проводишь праздники. Обязательно побывай у Гукасовых.

Целую нежно.

Твоя В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/91. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «V. Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Grasse, 25.12.34», «Paris, 26 dec 34».

¹ Благотворительное музыкальное утро в Каннах в пользу приюта имени кн. П.П. Голицына устраивала вдова А.Б. Голицына. Организатором выступил пианист и композитор А.А. Страхов. Выступали преимущественно его ученики, юные певцы, а также ученицы балетной студии Ю.Н. Седовой, см. подробнее: Русская жизнь во французской провинции: Канны // Возрождение. 1934. 31 декабря. № 3498. С. 6.

² См. примеч. 21 к п. 354.

³ Б.К. Зайцев. О месте, где он читал, не удалось найти сведений.

⁴ 9 января именины отмечал Ф.Я. Самойлов. См. пп. 357, 358.

357. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 25 декабря 1934 г.

1934 г. 25 дек.

Дорогой мой Ив, сейчас письмо от Гали очень милое и хорошее. Она пишет, что очень рада моему проекту приехать почти прямо в Грасс. Ей хочется писать, работать, а главное *жить в мире*. Вероятно, вернется в начале самого января, так как к 1 не может приехать из-за «болезни». Тон ее письма очень сердечный и милый. Я думаю, если вы скоро поедете в Грасс, то и все «сплетни» и «разговоры» сами собой падут. Да и пора всем сесть за работу. Сегодня ровно месяц, как мы расстались. Это чуть ли не в первый раз на такой большой срок!

Вчера весь вечер слушали чудное пение и музыку из католических церквей¹. Хотели было пойти в церковь, да пошел дождь.

Ничего праздничного не сделали, но настроение хорошее, только ты нам портишь. Когда ты успокоишься! Вот у тебя всегда подозрения. Ты думаешь, что из-за Марги Галя спрашивала о квартире, а оказывается для того, чтобы решить, ехать ли ей сразу в Грасс или пожить в Париже? Раз квартира не на один, два месяца, то ей приятнее приехать сейчас сюда, а в Париж когда-нибудь потом. Да ведь и ей не очень хорошо жить без лифта, как и тебе.

13 янв<аря> у Часинг встреча Нового года, вот и приехали бы вы к этому дню, числа 8–11. Галя пишет, что она хотела бы к 9-му, именины Самойлова.

Мне кажется, ты уже «наелся» и Парижем, и друзьями, и всеми. Лучше опять месяца через два-три поедешь, м<ожет> б<ыть>, и доходы повысятся.

Только не забудь о налоге. Поговори с Мелиттой², у них очень *хорошие* связи. Tel. Maillot 24–55.

Главное, что мне понравилось в письме Гали, это спокойствие и то, что ей уже хочется в Грасс, домой. Не порти этого ее настроения. Помни, «в гостях хорошо, а дома лучше», и от тебя зависит *оставить* Гале *дом* в Грассе.

Здесь все очень естественно смотрят на пребывание Гали в Германии. На нашем обеде пили и за твое здоровье, и за ее, послали и ей коллективный привет. И, мне кажется, что это самое лучшее — «домой, домой!»

Мы очень живем скромно, ничего себе лишнего не позволяем. Лёня прямо на высоте. Ты к нему очень несправедлив и жесток. Когда-нибудь сам в этом убедишься. Бог правду видит, да не скоро скажет. Я вижу, он очень огорчен твоим отношением, хотя и молчит.

Вчера купил баранины на 6 франков — ребрышки, уже сварил гороховый суп из них, а мясо срезал на жаркое, и все весело, аккуратно, чисто и, главное, вкусно!

На Страховское представление³ не еду, но билет взяла, «Азиль» погибает. Не еду потому, что лишний парикмахер, да еще кто-нибудь куда-нибудь навяжет билет. Лёня едет с Кугушевыми, будут танцевать. Это днем, и я свободно могу остаться дома. Попрошу Лёню сказать, что меня нет в Грассе. А из Ниццы тоже, вероятно, билеты? Я и распечатывать не стала. Что-нибудь следует тебе послать, все-таки «чувствовали».

Получила письмо от Цвибака⁴. Очень милое, он пишет, что «правда, и за что, собственно, И<ван> А<лексеевич> на меня сердится?»

Ну вот, писать совсем не о чем, день солнечный, на дворе теплее, чем в доме. Угля у нас еще очень много.

Будь здоров, добр, бодр, весел, радуйся, что мы так еще хорошо живем. И не выдумывай лишних мук себе, особенно там, где их нет. И старайся быть справедливым ко всем, особенно к тем, кто тебе в жизни делал больно. Вспомни: «кто сам без греха, пусть бросит камень»⁵... Это одно из самых лучших мест.

Писем, кроме Галиного, не было.

Нежно целую.

В.

Сейчас Лёня дал мне счет за уголь, не плачено за два раза, 6 ноября и 24 ноября, всего 561 f. 50, если скоро не приедешь, пришли. Сейчас ходила в туннель, и угля, и дров еще много, хватит нам, наверное, еще недели на две. Мы ведь топим лишь вечером. Слава Богу, погода хорошая!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/92.

¹ 24 декабря — Рождественский сочельник по григорианскому календарю.

² М.Г. Левина.

³ Алексей Алексеевич Страхов (1874–1937) — брат Л.А. Авилловой, композитор, пианист, хормейстер, педагог, общественный деятель. Ученик Н.А. Римского-Корсакова. В эмиграции жил во Франции. Заведовал музыкальной частью в балетной студии Ю.Н. Седовой в Ницце и Каннах (с 1925), руководил хором Русской гимназии, хором приюта кн. Голицыной, хором русской школы «Александрино», «Хором русских бояр» и др. Давал сольные концерты как пианист. 10 января 1935 г. он вместе с Л.Л. Сабанеевым принимал участие в благотворительном спектакле, на котором юные балерины студии Ю.Н. Седовой представили лирические картины из балетов «Конек-Горбунок» и «Карнавал». Подробнее см.: Спектакль в Канн // Последние новости. 1935. 15 января. № 5045. С. 5.

⁴ Письмо неизвестно.

⁵ В.Н. Бунина имеет в виду слова из Евангелия от Иоанна: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень» (Ин. 8:7).

358. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 25 декабря 1934 г.

1934 г. 25 дек.

6 ч. вечера

Сейчас получила твой экспресс¹, спасибо за милые слова. Но откуда ты взял, что я *прошу еще денег*? Я и на книжку положила, чтобы *не* тратить лишнего, чтобы 300 фр. дотянуть до

Нового года. Завтра или послезавтра пойду и возьму еще. Если бы ты видел, как мы скромны, то ты при всей своей несправедливости умилился бы, и что хорошо, что очень радостны и веселы. Одна забота — ты. Галя ждет от тебя ответа на ее письмо. Мне она твердо написала, что в Париж приедет самое позднее — 6 января². Вероятно, и ты получил от нее уже письмо. Она пишет: «В Вашем письме есть нечто, что шло как раз навстречу моим желаниям, хотя я и не решаю еще ничего окончательно. Мне кажется, что сейчас было бы действительно хорошо несколько заняться и в Париже не задерживаться. Хотелось бы тихо и ладно жить — было бы это *великим облегчением*. Не знаю, однако, каково желание И<вана> А<лексеевича> в этом направлении, так как написала ему предположительно несколько слов по этому поводу недавно и письма в ответ еще не получила. Дай Бог, чтобы вы были правы, я желаю *мира, мира*. Сейчас и книги меня тянут, и заниматься хочется. Мне хочется и быть в добром отношении с людьми еще больше.

Вы спрашиваете, думаю ли я продлить визу. Если продолжу, то на время своей болезни — она должна быть как раз в конце месяца, то есть на 5–6 дней. Будет это зависеть от денег.

На писательский бал³ я не поеду, неинтересно мне это. Кто знает, м<ожет> б<ыть>, к 9 янв<аря> можно попасть в Грасс. (Это день Ангела Самойлова)».

Мне кажется, чем меньше «друзья» вас будут видеть, тем меньше будут трепать языком. Ох уж эти мне «друзья».

Как я счастлива, что никого не вижу. Если бы ты знал, как здесь хорошо! Сколько ты тратишь в день? И сколько ты считаешь, что я могу тратить? Ведь я тебе писала, что без Жозефа — не 30 fr. на все, а 20... Разве это много?

Публикуется по автографу: Р.А.Л. MS 1067A/93.

¹ См. п. 355.

² Письмо неизвестно.

³ Благотворительные концерты в отеле «Лютеция» на вечерах встречи русского Нового года, сборы с которых шли нуждающимся, устраивались Комитетом помощи русским писателям и ученым с 1924 г. Начиная с 1927 г., к устройству их присоединился Союз русских писателей и журналистов в Париже, и встречи переросли в настоящие балы, называвшиеся также балами прессы, они проводились ежегодно до 1937 г.

359. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 25 декабря 1934 г.

но¹, то и дело даже чуть не умолять их: «поезжайте, деточки, куда-нибудь, — вот вам деньги и котлеты на дорогу!» И *вообще* [повторяю] со *всем соглашаться с ним* («Соглашайтесь со мной!») — это ты уж у него спроси. *Ведь он дошел до того, что бесился, когда я ей давал что-нибудь свое переписывать!*² Верочка, милая, да что с тобой? Ведь это все сущая правда — и подумай, какая дикая! Какого же ты требовала *моего отношения* после этого к этому вполне обалдевшему человеку?³

И откуда он — и ты с ним — взяли, что я и *вообще*⁴ «держал» его? Это называется «держал», если не говорил: «да уходите, если хотите», а потом не дал на отъезд 4 или 3 тысячи? Выпей воды, милая!

Но мало того: не он ли долбил (а за ним и Галина) *уже совершенный бред*⁵: «Их старческое *догорание*⁶ стремится погасить и нас!» Ты только подумай! Почему это мы с тобой

«догорали»? Весь мир дивился на *редкое*⁷ явление: «Бунин все расцветает, все богатеет и свежее уместно, душевно, художественно, в жизни просто блещет (даже физически)!» И вдруг — *догорание*!! — Да нет, тут даже и слов не найдешь для удивления и негодования! А ты мне — тоже как сумасшедшая: «не будь смешон и жалок! Ты ведешь себя непозволительно!» Милая моя, ты потеряла ко мне малейшее уважение. А главное — зачем, из-за чего ты лезешь на ссору со мной, настраиваешь себя на горе и на возмущения себя против меня?! Чем я сейчас *перед тобой-то* виноват? О Г<алине> много пишу, а о Бельгии — два слова? Да *когда же* я описывал тебе в письмах свои поездки подробно? *Почти* никогда. Не моя это черта. А вопрос о Г<алине> — вопрос нашей общей жизни, которая отравляется чепухой и *опять* дикой чепухой.

И чем дальше, тем все запальчивей пишешь: «Порадуйся, в Ниццу не поедем!» Это уже форменное свинство! Когда это я писал тебе? «*Ах, поезжайте*⁸, куда хотите!» Ведь ты прямо врешь на меня! Я писал *прямо противоположным тоном*⁹: «Поезжай, милая, куда хочется»!

Фу-фу, больше не хочу писать. Целую тебя крепко, крепко, милая, драгоценная моя, и прошу бросить думать обо всем: все это уже прошлое, настроен я как нельзя более мирно и просто. Только ты не смей поддерживать его в наглых этих словах, будто *я ему* устраивал «непристойные скандалы». Это твердо говорю. Я только взрывался иногда на его грубость и глупость. Но — точка, точка об этом. Еще одно только: никогда я не «контролировал» *каждого* шага Г<алины>. Контролировал только те шаги, когда он ее тащил куда-нибудь, чтобы обкладывать меня, а еще — *вульгарно-комсо<мо>льское амикошонство*¹⁰.

Твой Ив.

Г.Н. Кузнецова.
Грасс, 1930-е гг.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/80. Дата и место установлены предположительно по сопоставлению с п. 355.

¹ Начало письма утрачено, сохранились страницы, помеченные Буниным 5–10.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ Видимо, Бунин отвечает на письмо В.Н. Буниной от 23 декабря 1934 г. (п. 354), которое в свою очередь было вызвано припиской Бунина в п. 350 или п. 353.

⁴ Подчеркнуто красным карандашом.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

⁶ Подчеркнуто красным карандашом.

⁷ Подчеркнуто дважды чернилами, а затем еще красным карандашом.

⁸ Подчеркнуто красным карандашом.

⁹ Подчеркнуто красным карандашом.

¹⁰ Подчеркнуто красным карандашом.

360. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 27 декабря 1934 г.

Утро 27-го дек. 1934.

Душа моя, сейчас получил твое письмо от 25-го¹. Очень рад, что оно доброе и тихое.

Насчет Галины ты опять не права. Она опять «крутит Янкеля». Почему так упорно не сообщает мне *ничего определенного*? Хочет «мира», а делает все, чтобы бесить меня. Больна она бывает оч^{чень} правильно, — значит, могла высчитать *точно*², когда может выехать — и сообщить: тогда-то. Но ничего этого нет. Пишу: «мне надо знать хоть что-нибудь точно, хоть приблизительно точно: *когда* приезд в Париж и *на сколько* времени — мне ведь надо *заранее* достать денег и заранее знать, сколько именно». Ответ: «ничего еще не знаю, в свое время сообщу». Но ведь это *пытка ожиданием*³. Ты хорошо знаешь: *ждать втемную*⁴ *кого бы то ни было*, хоть совсем почти неизвестного Ивана Чертовича — мучительно. Это раз. А второе: неужели провести одну ночь в вагоне «больной» так уж невозможно? Разве уж так тяжело проходит у нее «болезнь»? Нет, это просто бесстыдная, *безмерная* жажда побыть еще и еще с Маргой. И эта *безмерность* уже совсем приводит в негодование. А уклонялась от *прямого* ответа затем, конечно, чтобы выгадать время и *получить деньги*.*) Мир, мир! Хорош мир! Нет, его, видно, не будет.

Нынче еще напишу. Решу: выехать ли дня через 2 или еще остаться. Целую.

Твой Ив.

*) Вот получила — и опять замолкла!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/81.

¹ Речь о п. 357. Второе, вечернее письмо от 25 декабря, по-видимому, еще не дошло.

² Подчеркнуто пером и красным карандашом.

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ Подчеркнуто пером и красным карандашом.

361. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 28 декабря 1934 г.

28 дек. 1934.

Дорогой Ив, ты меня очень взволновал своим телефонным разговором. Главное, я вижу, что на тебя положиться нельзя. Давал мне слово, что не будешь вызывать Галю и не мог выдержать четырех дней! По-моему, она должна именно быть нездорова в этих числах, и жить без лифта ей очень вредно. Кроме того, опять волнения, телефонный разговор, и все от чего? «кошка оценилась».

А Галя мне написала очень милое письмо, писала, что желает жить в мире, хочет работать, а ты опять всякими ультиматумами уничтожаешь в ней то, что она обрела за эти месяцы. Зачем ты мучаешь и себя, и ее? Нельзя от человека требовать *больше, чем он может дать*. Я все понимаю, что ты чувствуешь. Но ведь ты не Митя из «Митиной любви», ведь ты все же создатель этого произведения, как же ты не понимаешь, что ложка

дегтя в бочку меду весь мед портит. Пишу, а знаю, что ты одержим, и *ни одно* мое слово не доходит ни до твоего сердца, ни <до> ума. Просто руки опускаются. А главное, самое глупое то, что Марга на Галю действует хорошо как на личность, утверждая ее, и она будет сравнивать тебя и ее. И ей искренне будет казаться, что Марга ее любит *для нее*, а ты ее мучаешь.

Если ты болен, то *не Галю* тебе нужно, она за больными ходить *не* умеет, так же, как *и ты*. Если тебе было одному неважно, приехал бы сюда, даже уж лучше сам бы туда съездил. Я уверена, что сейчас их «восторженность» улеглась. Марга работает, захотелось работать и Гале. И зачем перед их расставанием подстегивать опять их чувства?.. Но ты со мной перестал советоваться. Все говоришь *post factum*. По крайней мере, прими прилично. Купи простыни, наволочки, скатерть. И почему вместо радостного возвращения домой ты делаешь Бог знает что. Не по-Божески живешь, оттого и мучаешься. Советую в Париже не задерживаться, узнала, что Жозеф будет [несколько дней будет ходить *Mary Fleury*¹] уже дома завтра. Но до вашего приезда его не возьму. Сегодня Лёня сварил такой грибной суп, что прачка пришла в восторг. Капитан² пишет, что ты плохо ешь, только ветчину. И я вспомнила Маню, «когда буду бедная, то буду есть ветчину». Мы же ее без тебя ели всего раз в Монопри. И вообще, разносолов никаких! Бабе дали вина, а сами не пили... И как это хорошо, если бы ты знал, воздержание, и по себе, и по Лёне вижу. Если бы ты знал, какая у нас хорошая атмосфера. Вчера не было неприятных писем, так мы прямо счастливы были. Весело вышли за покупками, встретили<сь> с Кугушевыми, весело пошли по лавкам, потом я с Асей³ к портнихе; сегодня тоже пойду посмотреть на примерку; портниха грошовая, платье тоже грошовое, а радости и веселья много, к нему красная бархатная кофточка и красные туфли... Как ей хочется танцевать, веселиться.

В Канны я, вероятно, не поеду. Мне не до веселья, да и траты лишние. Не хочу встречать этого года. Нарочно засну. Может быть, будет лучше. А то все время неприятность за неприятностью. Устала очень.

Посылаю тебе две чудесные молитвы.

Успокоюсь, когда *получу от Гали из Парижа письмо*, пойму, что *все благополучно*. Что у тебя за болезнь? Ведь кроме меня, никто не успокоит тебя. Галя растеряется. Ей нервные болезни *яд*. Ты не для объяснений при посторонних, а просто чтобы было легче, позови хоть Нилуса (хоть бы ты словечко о ком написал!). Или Михайлова, еще лучше. Если Галя была бы умна, она, конечно, старалась бы весело и спокойно привести тебя в нормальное состояние, но я боюсь, что она *растеряется*.

Господь с тобою. Успокойся. Приди в себя. Как со стороны все кажется пустяками, если бы ты знал! Ведь жить-то нам осталось мало, а ты из-за ерунды расстраиваешь здоровье, мало в тебе отца⁴ — это сделало бы честь Маше⁵.

Целую нежно.

Т.

Сегодня у меня горе, разбила лампочку в кухне. Я утром там переодевалась, обрадовавшись, что плита топится, и рукой задела...

Все неудача, хоть и маленькая, чуть не заплакала.

Христос с тобой. Какие чудесные молитвы и какая простота и будничность в них. Они очень помогают. Нежно обнимаю.

В.

Повседневная молитва Филарета митрополита Московского.

Господи, Ты знаешь, чего мне просить у Тебя. Ты любишь меня больше, чем я сам умею любить себя. Дай же рабу Твоему, чего я просить у Тебя не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстаю перед Тобою. Сердце мое Тебе отверзте. Ты зришь нужды моя, коих я не знаю. Зри и твори по милости Твоей. Порази меня и исцели, низложи и подыми. Не зная произволений Твоих, я безмолвствую перед Тобою. Предаюсь Тебе. Нет у меня другого желания, как только исполнять волю Твою святую. Научи меня молиться. Сам во мне молись.

Аминь.

Молитва Оптинских старцев.

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. На всякий час этого дня во всем наставь и поддержи меня. Открой мне волю Твою для меня и для окружающих меня. Какие бы ни получал я известия в течение этого дня, научи принять их со спокойной душой и с твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не огорчая, никого не смущая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение его. Руководи моею волею и научи меня молиться, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать.

Аминь.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/94. Тексты молитв — машинопись.

¹ Мари Флери (Mary Fleury) — грасская знакомая Буниных, временами помогавшая им как домработница или швея.

² Н. Рошин.

³ А.М. Кугушева.

⁴ В.Н. Бунина не раз писала о жизнерадостном характере А.Н. Бунина, о том, что он «вообще, жил настоящим, совершенно не умел унывать», «уравновешивал грустную атмосферу дома» и т.д. (*Муромцева-Бунина (1989)*. С. 28, 31).

⁵ М.А. Ласкаржевская — сестра Бунина.

362. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 29 декабря 1934 г.

29 дек.

Милый Ив, посылаю тебе заказное письмо из Югославии¹. Как на него реагировать? Не знаю. Посоветуйся с Кульманом. Думаю, что тебе придется подписать что-нибудь самому, франков сто (?), а от сборов отказаться, сказав, вернее, дав понять, что это бестактно обращаться к тебе с таким предложением. Словом, *отнесись серьезно*. Может быть, Пэка² соберет, — ведь у него много друзей монархистов... (это я шучу).

Сегодня серо. Сейчас иду на почту за деньгами.

Почерк ужасный, у меня беда — на большом пальце ранка незаживающая уже с неделю, вероятно, от холода и холодной воды. Мы ведь топим, когда солнце зайдет. Было бы терпимо вполне, — зима мягкая, если бы не мои руки. Хорошо бы теплые перчатки, да не могу

нарушить сметы, а вдруг вы *не приедете* до 15 ян<варя>. Если бы ты мне в заказном письме прислал бы 50 фр., то я порадовала бы мои пальцы, — купила бы перчатки. Кроме того, съедают доплаты писем! То 1 ф. 80, то 2.40 — вчера от Городецкой³. Пришлось потратиться и на поздравление в Швецию — кажется, пустяки — а при небольшом бюджете чувствительно, да еще вчера *exprès*, — сегодня заказное. Вообще, «жизнь прекрасна, но дорога».

На встречу Нового года решила не ехать. Навстречалась на своем веку. Пока еще не получила ни одного «праздничного удовольствия», а очень довольна.

А как, где и с кем вы будете встречать Новый год?

Я хорошо не поняла, когда будет «въезд в Париж» Гали. Но думаю, что она уже на Яшкиной улице⁴. Целую ее.

Моих черных туфель привозить не надо. Они для Парижа. Присылать ли Гале платье? Напиши мне деловое, а не лирическое письмо.

Как ты нашел Галю?

Сегодня я опять работала, а днем спала. Сейчас попили чаю и в город.

Кланяйся Нилусам.

Будь здоров. Целую тебя нежно.

Твой В.

Письмо от 27 дек<абря> получила. Спасибо, что пишешь.

Вчера послала *exprès*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/96. Год и место установлены по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Н. Рошин.

³ Письмо неизвестно.

⁴ Т.е. на rue Jacques Offenbach.

363. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 30 декабря 1934 г.

30 декабря 1934 г.

11 часов утра.

Дорогой мой Ив, я подумала сейчас крепко: действительно тебе было бы *вредно* сейчас возвращаться в Грасс. Побудьте в Париже, а затем сделайте маленькое путешествие, хорошо снега, хорошо повидать, особенно Гале, Венецию. Если поедешь один, буду *беспокоиться*.

Обо мне не беспокойтесь. Мне сейчас очень полезно *одиночество*. Я только-только начинаю работать, а если я буду знать, что ты чувствуешь себя приятно, то я буду спокойно работать, иначе сбиваюсь.

Лёня так мил ко мне, что даже я и представить *не могла*.

Конечно, денег у нас в обрез. Не остается почти ни на какое развлечение, особенно у меня. Лёня все же зарабатывает. Но если ты немного сверх нужного пришлешь мне, то и это неудобство отпадает. Так что хоть до марта не возвращайтесь. Вот холодно дома. У меня есть меховая штучка — кофточка, но ее нужно проремонтировать (рукава в ужасном виде), прикупить бархату, и я смогла бы ею спастись, но, конечно, это лишние деньги... Когда солнце, то прямо хорошо, но в серые дни тяжело до вечера не топить, а если топить

целый день — разврат на двоих тратить столько угля! Я надеюсь, что мы еще некоторое время протянем... При тебе вышло в двадцать дней то, что теперь в сорок *не* выйдет.

Значит помни: за уголь ты должен 561 fr. 50 с. Если не приедете, то пришли их.

У нас хватит до 15 января с *электричеством* 150 фр. После необходимо прислать, рассчитывая так на первые потребности 20 fr. в день. На вторые, как возможно, вполне хорошо 10 в день, если это трудно, хоть 5–7. «Сожматься я умею». Помни, что у нас экономия — мы живем *без* Жозефа. Уже 250 фр. сэкономили!

Сегодня думаю съездить к Самойловым, раз ты посылаешь сто франков.

Ты ни разу не сообщил, сколько ты за это время получил от Слонима? Я ничего не знаю. Неужели совсем ничего?

Очень прошу тебя, зайди к Гукасовым. Я получила сегодня от Евгении Самойловны письмо¹, о тебе ни звука: обижена. Я понимаю. Мы от них ничего не видели, кроме внимания, хлопот, а ты вдруг так поступаешь. Обязательно зайди, позвони по телефону Леон Ив<ановичу>². Он ведь тоже твой *друг*. Заезжай и к Кянджунцевым. Он тебе может дать недурные советы. Проверь Михельсона. Словом, будь серьезен. Помни, что с людьми нужно поступать по-Божески. Повидайся и с Кульманами. Ну пригласи к себе, или сам поезжай. Нельзя же быть только с Пэкой.

А главное, о налоге не забудь. Тот же Кянджунцев тоже может посоветовать, а главная Мелитта³, ее адвокат, всего 100 франков. Узнать нужно и относительно квартиры: «правда ли, что платят только за *одно помещение квартирного налога*»? Прочти все это Гале и пусть она тебя *заставит* все это сделать.

Еще: в январе можно за гроши купить белья. Воспользуйтесь и этим. Нельзя иметь квартиру *без белья*. Словом, сделайте в Париже *все* нужное, а затем айда, куда вам вздумается и, насладившись жизнью, вы с удовольствием вернетесь к работе.

А пока целую вас «обоих».

Твой В.

И еще раз прошу помнить, что нам хорошо. Соображайтесь только с собой. Одному тебе ехать *не следует*.

Лёня кланяется.

Еще раз целую нежно.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/97.

¹ Письмо Е.С. Гукасовой неизвестно. См. также примеч. 1 к п. 209.

² Л.И. Кепинов.

³ М.Г. Левина.

364. И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова — В.Н. Бунинной
Париж. 30 декабря 1934.

30. XII. 34.

Душенька, нынче воскресенье, не могу поэтому послать тебе денег. Пошлю завтра. Истрать то, что я тебе пришло, из того, что я тебе пришло. Не пишу тоже ничего больше пока, — много знаешь уже из телефонного разговора. Целую тебя крепко.

Твой Ив.

<Г.Н. Кузнецова:> Дорогая Вера Николаевна, целую Вас крепко, поздравляю Вас и Лёню с Новым годом, желаю всего прекрасного. Как уже знаете, я весьма неожиданно очутилась в Париже.

Платья мне присылать пока не надо, у меня ведь есть в случае чего подаренное Вами, желтое, а на балы я не собираюсь. Приехала вчера вечером, еще ничего и никого, кроме Нилусов и Капитана¹, не видела. О встрече Нового года ничего пока не решалось. И<ван> А<лексеевич> в лучшем здоровье, чем я думала, я очень перепугалась и переволновалась — но, конечно, дай ему Бог здоровья и в дальнейшем, и я рада, что он здоров. Ничего еще в дальнейшем не знаю, раньше недели во всяком случае вряд ли выедем — мне *неудобно* эту неделю будет ехать. Мебели в квартире очень мало, так, стоит кое-что по углам, хороша только кушетка, на кот<орой> И<ван> А<лексеевич> спит, и стол и буфет ничего, а диван и кресла обиты ужасным серо-голубым плюшем. Ехала я через Саарскую область, с одной пересадкой, выехала в 2 ч. ночи, а в 5 сл<едующего> дня была в Париже. Привезла И<вану> А<лексеевичу> кое-что в подарок и два сорта отличной колбасы, и кубастенькую бутылку настоящего старого шварцвальдского кирша. Он ими, кажется, доволен, даже от Капитана спрятал.

Ну вот, дорогая, пока все. Целую Вас еще раз, дай Вам Бог здоровья и мира душевного. Получили ли Маргино письмо²? Она тоже была расстроена очень позавчера — она взяла было отпуск, и мы думали съездить на один день в Ганновер 31-го.

Кланяйтесь всем, кого увидите под Новый год. Вспомните и меня в этот вечер.

Ваша Галя.

Сегодня вечером пойдем с И<ваном> А<лексеевичем> к Марье Самойловне³.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/82.

¹ Н. Роцин.

² Письма М.А. Степун также были возвращены ей и не сохранились.

³ М.С. Цетлина.

Г.Н. Кузнецова, Н. Роцин, В.Н. Бунина, И.А. Бунин.
Грасс, 1930-е гг.
(РАЛ)

365. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 31 декабря 1934 г.

Милый Ив, посылаю тебе к Новому году отчет о моих тратах. Очень прошу внимательно просмотреть их, ты должен отдать себе отчет, куда идут деньги и перестать писать мне о них тем задевающим меня тоном, каким ты всегда пишешь о них.

О тратах до 15 декабря я тебе уже сообщала.

У меня осталось после ухода Жозефа 210 франков.

Ты прислал еще 1 000 франков.

300 я отложила на еду, исходя из того, чтобы тратить 20 франков в день. Но на еду мы тратим меньше, всего 15 франков, так что в эти 300 франков вошло:

Расходы за 2 недели

Еда-----	225
прачка	20
портнишка	15
мыло для стирки, наб, кристо ¹	10
билеты на матинэ ²	30 удалось сэкономить с еды

-----
300 фр.

Жозефу-----	100
марки	25
почтальону на праздник	10
заказные письма и доплаты	7
подметки и каблуки	22
бумага, конверты	10
бумага для машинки	3
эска ³	6
мыло	2
Казаран	10
парикмахер	20
синема	12
автобус в Канн<ы> два раза	10
еда в Каннах дважды	13
стрихнин	12
членский взнос в М<осковское>	
З<емлячество> ⁴ за 34 г.	30, о тебе написала, что ты не москвич.

192

Значит, за две недели истрачено 492, не считая Жозефа. С ним 592. На 1 января у меня остается 618 франков.

Смета на 1–15 января.

Электричество, вероятно, -----	150
Мите-----	100 (это все те же, я тебе о них писала)
еда на две недели	225

бабы, каждая раз в две недели	35
Казаран и парикмахер	30
вата и гиг<иена>	5

	545
Перенос ⁵ -----	545
Из 618 вычесть 545 = 63 франка	
63 франка на две недели, смета:	
мыло на стирку-----	2 ф. 50 с.
марки-----	15
церковь хоть раз	5
автобус в Канн<ы>	5
автобус в Рурэ	7 (хочу съездить к Самойловым и 6-го к Кугушевым)
автобус к Часинг	150 ⁶
поесть в Каннах	12 (после церкви)
почтальону за заказные письма	5
синема	6

	53
проч.....	10

Это, конечно, смета, но погляди ее внимательно, и ты поймешь, что я нигде не могла бы жить дешевле. Конечно, о каком бы то ни было удовольствии, стоящем денег, и мечтать не приходится. Да я и без большого огорчения отказалась, например, от Ниццы. Что тут лишнего? Портнишка 15 франков в две недели, но я ее, главным образом, беру для ванны, для мытья головы. Я, вообще-то, и здоровая не умела мыть одна голову, но теперь не в состоянии, малейшее движение, и сердце колотится, хотя Маак говорит, что оно у меня нормальное, а это явление от общего состояния. Может, ты найдешь, что дорог парикмахер, но когда живешь в таком уединении, то нужно не *распускаться*. Я теперь почти всегда в корсете, по праздникам надеваю лучшее платье, и самый скромный гороховый суп едим на чистой скатерти. За одиннадцать дней выпили одну бутылку вина и одну пива!

Жизнь дорога, что говорить, но нельзя же требовать, чтобы я все сокращалась и сокращалась. Да, живя в Грассе на «Бельведере», мне одной без отопления и платы за виллу нужно минимум тысяча франков.

Ты не сердись, дорогой, что я тебе так подробно обо всем пишу. Нужно когда-нибудь понять, что все это стоит. Лёню в этот месяц считать нечего, он работает, не было бы его, надо было кого-то нанять, *это ты тоже запомни*.

Сейчас я одна. Лёня поехал на матинэ. Если бы ты видел, с какой заботливостью он мне все приготовил на случай, если он запоздает к обеду. Растопил печку, все поставил на стол, что я должна есть. Меню: гороховый суп из бараньих ребрышек и молочная рисовая каша. Только самый идеальный сын так может заботиться, как он обо мне.

Сегодня я перепечатала половину его нового фельетона, завтра отсылает⁷. От меня он не берет *ни гроша*.

Спасибо, милый мой, за Мориака, ты меня очень трогаешь этим. Вечером, написав письма (получили от Олейниковых⁸ поздравление, надо им написать), я буду наслаждаться

моим любимым французским писателем. Прочла, тонко. Вот знание души людей! Хорош Жорж⁹.

Получил ли ты что-либо от Гали? Я не знаю, отсылать ли ей платье? Сообщи твоё мнение. Оно уже запаковано Жозефом и ждёт лишь, когда мы его отправим. Ведь теперь всё ясно. Она приедет самое позднее к русскому Рождеству. Сколько вы думаете остаться? Очень прошу: мною не руководствуетесь! Я очень хорошо себя чувствую в одиночестве. Даже сейчас, несмотря на то, что Лёню я не чувствую, мне всё же приятно, что я совсем одна. Вероятно, нервы мои ещё не совсем пришли в норму, а потому делайте только так, как вам будет приятнее. До вашего возвращения Жозефа брать *не будем*, это экономия, не только жалованья, но и стоимости стола. У него всегда счёт 22, 23, а мы в среднем <тра-тим> 15 франков. Да при нём и неловко так есть, как мы едим.

Вот всё, мой драгоценный, что могу тебе сказать. Желая, чтобы ты был сдержан и мудр и не поступал опрометчиво, а главное, не слушай глупых и злых сплетников, кто передаёт, тот, поверь, злой и скверный человек.

Целую.

Твой В.

Я Бога благодарю, что так живу, не для упрека я тебе это посылаю. Меня самую пугает, как дорога жизнь!

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/95. Дата и место установлены предположительно по содержанию. См. п. 361, 362, 363.

¹ Наб — марка известного чистящего порошка, ставшая общим обозначением продукта. Представляет собой смесь толченой пемзы с марсельским мылом (изготавливалось из оливковых масел с использованием морской воды и соды). Изобретена в 1905 г. и названа по первым буквам имени Nabuchodonosor, которое восьмилетняя дочка производителя порошка О. Дусселэна не могла произнести полностью. Кристо — Crystaux de soude (сода).

² От *фр.* matinée — утренний спектакль или прием.

³ Вероятно, какая-то хозяйственная принадлежность.

⁴ Имеется в виду взнос в парижское Московское землячество, членом которого была В.Н. Бунина.

⁵ Продолжение подсчетов на следующей странице.

⁶ Так у В.Н. Буниной, явная опечатка, но в любом случае (даже если это 1.50 или 15) с итогом никак не сойдётся.

⁷ Вероятно, речь об одной из ближайших его публикаций: Зуров Л. История // Последние новости. 1935. 7 января. № 5037. С. 4; Зуров Л. Увоз: Латгальская история // Сегодня. 1935. 14 февраля. № 45. С. 3.

⁸ Письмо неизвестно.

⁹ Жорж Фило — персонаж романа Франсуа Мориака «Конец ночи» (1935).

366. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 1 января 1935 г.

Дорогая моя, напишу тебе завтра немного подробней. С Нов<ым> годом не поздравляю — ведь все-таки не наш. Мы держимся ровно, спокойно. Она ласкова, проста, но главная её жизнь, видно, сейчас там. Что-то уже, как будто стабилизированное. М<ожет> б<ыть>, после разлуки? Там будет видно. Проехать хоть через Венецию *очень бы* хотел — была бы какая-то передышка. Но ты права — я и сам как-то боюсь. А она особого желанья не выражает. «Погодим немного, там посмотрим», — говорит.

Целую тебя от всей души. Зурову поклон.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/83. Почтовая открытка; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 1.I.35», «Grasse, 2.I.35».

367. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 2 января 1935 г.

2. I. 35.

Милая моя, ты что-то замолчала — мне это неприятно. Что сам пишу мало — опять говорю: что ж ты, меня не знаешь? Думаю, что ты думаешь так: «ну, да, конечно, *теперь* я ему не нужна!» А это вздор: ничего «теперь» не изменилось. И всегда, и «теперь» ты одна во всем свете и была, и есть ближайшая мне. Всем другим я нужен «постольку, поскольку». Это вообще. То же, если взять «теперь» в частности: приехал и живет со мной сейчас человек, совершенно чужой мне, связанный со мной только старым знакомством и которому просто некуда деваться до поры, до времени, да и жить без меня нет никаких средств. Будь иначе, она заехала бы только платья, дневники да машинку взять. Планы ее, насколько я понял, таковы: просидеть до конца апреля (срок окончания Геттингенской оперы) в Грассе, затем — Париж с Маргой... что дальше, не знаю. Только вздыхает: «да, а как могло бы быть хорошо! Приехала бы Марга, после Парижа, к нам на лето! Но, вот ее за что-то*) возненавидели, оскорбили... Жаль, очень жаль!» — Кого жаль? Конечно, *только себя и Маргу* (что теперь уже одно и то же). А моя роль, конечно, должна состоять в одном: в приятии *всего* и даже в непрестанном помогании собственными руками и вообще всем своим собственным устройению их счастья.

Я теперь почти совсем, дай Бог не взглянуть, спокоен, дорогая моя. Не беспокойся за меня.

Решил было ехать в Грасс в субботу 5-го — обижается: «что же я поеду одна, а мне в субботу ехать, верно, не придется — буду больна». М^{ожет} б^{ыть}, и подожду с отъездом. А все эти мои надежды хоть чуть-чуть порадовать себя проездом через Швейцарию и Венецию, вздор: одному — как-то ночей одиноких боюсь, а ехать с *чужим* человеком, который имеет теперь ко мне чувств даже гораздо меньше, чем Капитан¹, что ж за радость? Да и когда я заикнулся об этой поездке, уклонилась все-таки от прямого ответа: верно, ждет разрешения (или запрещения) от Марги.

Целую тебя, твой Ив.

Напиши же поскорей: что и как, — как провели эти дни?

*) А меж тем это «что-то» даже ни на иоту не уменьшилось!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/84.

¹ Н. Рошин.

368. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 2 или 3 января 1935 г.

«Юлий Алексеевич — маленького роста, подвижный, застенчивость в движениях, некоторая внешняя суровость от той же внешней застенчивости, вернее, благородной скромности. Но стоило начать говорить, как сразу становился понятным, — все выступало: и

его ясный, трезвый, благородный ум, эрудиция, светлая, незапятнанная совесть. Он всегда вызывал у меня глубокое к себе уважение, которое заслуживают очень немногие. Трезвость мышления и простота в подходе к усвоению жизни — делали его для меня очень близким, понятным. Твердый, покойный, ясный, трезвый, умный, уверенный в той правоте жизни, которую он знал, в которую верил и которой служил настойчиво, скромно, просто, правдиво. Таких мало. — Мало я с ним общался, но были у нас беседы, которые для меня бесследно не прошли. Помню несколько бесед о социализме. Как искренне просто он говорил о его неизбежности, он знал, что социализм будет, и твердо, уверенно о нем говорил. И часто и теперь я его вспоминаю в процессе своих дум. Такие люди редко мимо бесследно проходят. Он — большая культурная сила. Он один из тех просветителей, которых формировала наша прошлая суровая действительность.

Будучи в те трудные дни — сам седьмой, окруженный больными и беспомощными, тяжело переживая собственное бессилие, я не получал ни от кого сведений о положении Ю<лия> А<лексеевича> и, кажется, уже после смерти Тани¹, узнал, что он в приюте для престарелых, больной и ослабший. Да я всегда был уверен, что около него есть молодые друзья, и то, что ты мне сообщаешь, — для меня новость. Но она меня, конечно, не удивляет. Я очень жалею, что жизнь тогда нас не столкнула, — он был бы у меня. Когда я узнал, то немедленно пошел к нему и нашел его, действительно, больным, уже несвязно говорившим. Через несколько дней я вновь пошел к нему, захватив для него кое-что, что он просил, но его уже там не было. Он был в больнице. Хоронил его я заботливо, как мог. И делал это из личного, глубокого к нему уважения, которое, искренне говорю, и сейчас очень сильно во мне. Такие люди мне очень близки. Этого не могу сказать об его племянниках². Маленькие, худосочные натуры, — чрезвычайно себялюбивые и думающие о своем покое, устраивать который, к тому же, не очень удачно умеют. Трусливость — серьезное в них качество, которое и вертит ими. Вот М.³ был у меня, хотел прийти, чтобы кое-что сообщить о себе Вам. — Но, увы, не видно. А вот у М.Ф.⁴ — был и даже интересовался, принимает ли она «приятелей». Форма вопроса ее шокировала, о чем она мне с ужимками рассказала. Уж не роман ли? Не подбирается ли М. заманить сердце. Я бы не возражал. Думаю, что это устроило бы обоим. — Его жены, в этой роли, я никогда не видал. Он очень ревнивый и знал, что я ей когда-то очень нравился. Я знал это от мамы и М.Ф. — Он мне ее не показывал. С нею у нас не бывал и к себе не звал. — Я познакомился с нею давно, когда они смотрели у нас квартиру. С ее братом я учился в гимназии⁵.

Вот, дорогой Ив, посылаю я тебе выписку из письма Мити⁶, тебе будет приятно прочесть, как запечатлелся Юлий Алексеевич в сердце Мити. Конечно, он не знал его до конца. Но характеристика очень верная.

Последнее письмо Мити было очень милое, грустное, хотя ему лучше, чуть поправились⁷. Я получила письмо от Брежневой⁸, она по просьбе Е.П.⁹ сообщает мне, что он¹⁰ очень хочет со мной повидаться. Если бы он окреп, то можно было бы на лето поехать в Эстонию, мне кажется, небольшой переезд для него возможен, и мы тогда бы о многом переговорили, что тебе очень знать интересно. Хорошо было бы поехать и тебе. Об этом только нельзя никому говорить. Жаль, что я не повидалась с Е.П. От нее можно было бы многое узнать. Она сообщила Брежневой, что она «полужива»... Была в Сорренто. Она думала, что Брежневые в Ницце, а они на Корфу, уехали, потому что там жизнь гораздо дешевле. Вообще, нам следовало бы лето прожить не во Франции, куда бы ни поехали, дорога окупится. Везде дешевле. Да и нужно тебе менять впечатления. Всю-то жизнь я отдала, чтобы ты имел всегда новое и новое, а ты теперь стал жить так, как вредно твоему таланту и твоей душе.

Если бы ты знал, как это мне тяжело. «Нехорошо, Иван Алексеич, нехорошо!»¹¹ Открытку получила, а деньги еще нет.

Посылаю тебе сегодняшнюю корреспонденцию. Когда я прочла вслух письма Иртеля¹², Лёня сказал: «вот я так чувствовал, да что вышло...»¹³ — и, махнув рукой, вышел из комнаты.

Целую тебя крепко.

Твой В.

Целую Галю.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067А/98 (1). Дата и место установлены предположительно по содержанию. Сохранился также машинописный отпуск этого письма (под красную копиру): РАЛ. MS 1067А/98 (2).

¹ Татьяна Дмитриевна Муромцева (? –1921) — дочь Д.Н. Муромцева.

² Имеются в виду двоюродные племянники Д.А., Н.А. и П.А. Пушешниковы.

³ Вероятно, Дмитрий (Митя) Алексеевич Пушешников.

⁴ Возможно, Мария Федотовна Муромцева — вдова П.Н. Муромцева.

⁵ В.Н. Бунина приводит выписки из письма Д.Н. Муромцева от 25 декабря 1934 г. (РАЛ. MS 1067/4676).

⁶ Д.Н. Муромцев.

⁷ См. примеч. 9 к п. 302.

⁸ Письмо неизвестно. Жена А.Н. Брежнева. Семейство Брежневых В.Н. Бунина не раз упоминает в дневниках. Брежневы, в частности, навестили Буниных 17 марта 1931 г. Тогда они приехали в Грасс вместе с овдовевшей невесткой, которая после смерти сына Брежневых вышла замуж за голландского инженера, работающего в СССР. Тогда вместе с восторженными впечатлениями о строительстве там новой жизни до Буниных дошли рассказы о роскошной жизни писателей и особенно А.Н. Толстого. См.: *Кузнецова (1995)*. С. 211–212; дневник В.Н. Буниной (РАЛ. MS 1067/403).

⁹ Возможно, Е.П. Пешкова.

¹⁰ Д.Н. Муромцев.

¹¹ Постоянная автоцитата из семейного обихода.

¹² Павел Михайлович Иртель (наст. фам. Иртель фон Брендорф, 1896–1979) — поэт, один из основателей и лидеров Ревельского цеха поэтов (1933–1935), таллиннского литературного кружка, редактор альманаха «Новь».

¹³ Вероятно, речь о разногласиях в Ревельском цехе поэтов, вспыхнувших при подготовке восьмого сборника «Нови». В 1935 г. из цеха в знак протеста против действий редактора «Нови» П. Иртеля вышли Ю. Иваск, К. Гершельман, И. Борман. Б. Нарциссов и Б. Новосадов, и цех прекратил существование.

369. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 4 января 1935 г.

4 января.

Дорогой мой, бесценный Ив!

Получила я твое очень грустное письмо от 2. I.

Как мы проводим эти дни? Да очень буднично, в работе, чтении, небольших прогулках, в слушании музыки.

Сегодня Лёня получил из Риги свои рукописи, — может быть, напишет фельетон, два. Прислали и рецензии. Очень хорошая Эхенвальда¹. Он очень взволновался и первый раз утром не работал.

Я все больше и больше признаю, что «Царство Божие» внутри нас. И настоящую радость можно получить лишь в жизни тихой, Божеской, не делая никому зла.

И.А. Бунин.

Грассе, 10 ноября 1933 г.

(РАЛ).

К фотографии приложена записка рукой Бунина:
«На пороге виллы
“Belvédère” на другой день после присуждения
Нобелевск<ой> премии».

Погода чудесная. До сих пор топим лишь только после заката, и ничего: терпимо.

Я очень рада, что ты стал «спокоен», дай-то Бог.

У нас так мало впечатлений, что тебе даже трудно представить.

Да, вчера весь вечер перелистывала поэтов. Кугушевы хотят в воскресенье каждому приглашенному положить несколько строк стихов на прибор, подходящих к данному лицу. Кое-что уже нашла. Получила много удовольствия, перечитывая стихи. И грустно мне стало, что ты перестал делать то, для чего ты рожден. На ночь прочла «Боярин Орша» — жестокое произведение, но та же тема, что и «Мцыри», даже те же строки: «руками молнии ловил»...

Пришла «Новь» из Эстонии. О тебе хорошая статья⁴.

Извести, когда приедете. Нужно протопить в кабинете и у Гали.

Посылаю тебе заказное письмо с корреспонденцией, а это пошлю ехрès'ом.

Нежно обнимаю тебя.

Твой В.

Целую Галю.

Горный прислал поздравительную открытку⁵.

Никитин⁶ — визитную карточку.

¹ Имеются в виду старые рецензии, присланные Л. Зурову, и рецензия Ю. Айхенвальда на книгу Л. Зурова «Кадет» (Руль. 1928. 10 октября. № 2394. С. 2–3).

² См. примеч. 1 к п. 251.

³ От *фр.* *могуче* — треска.

⁴ *Нарциссов Б.А.* И. Бунин // *Новь: Шестой сб. ко «Дню русской культуры»*. Таллин, 1934. № 6. С. 44–49.

⁵ С. Горный, который, вероятно, встречался с Буниным во время прошлогоднего приезда того в Берлин и участвовал в устройстве переводов книг Бунина на немецкий язык, в упомянутой открытке писал: «Дорогой Иван Алексеевич! У нас тут под Берлином есть некая лесная Венеция: Шпревалд, сплошь каналы. Так вот с берегов этой Венеции шлем Вам, Вере Алекс. <так!> и всем Вашим самые сердечные новогодние пожелания. Дай Бог вам всем здоровья и уюта! Ваш Сергей Горный. 1934/1935» (РАЛ. MS 1066/2852).

⁶ Карточка не сохранилась.

370. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 5 января 1935 г.

5 января 1934¹ г.

Утро!

Дорогой Ив, пишу кратко, так как нечего совсем писать. Да скоро придет почтальон, хочу с ним отправить это письмо — поздравление. Поздравляю и тебя и Галю с Великим Праздником² и желаю вам того, что сама обрела: довольствоваться малым, ибо только в «малом» и есть настоящее и без «малого» нет «великого». Все в нас. И во всем мы сами виноваты. Если бы вы могли в шапке-невидимке побывать на «Бельведере», то вы удивились бы тому веселью, радости и довольству, которые тут живут³. А что мы имеем? Очень простую пищу, комнаты не очень теплые, небольшие прогулки, правда, чудесные дни, изумительную музыку, возможность читать и работать. Везде порядок. Ну а мой кабинетик «живет» особенно эти дни, когда выбирали на 17 человек подходящие стихи и выбрали! Порой изменяли Пушкина, прибавляли свои строчки. Авось не заметят. Обнимаю тебя нежно. Галю крепко целую. Лёня поздравляет вас.

Твой В.

Жду денег. Неужели зря!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/100. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «V. Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>», почт. шт.: «Grasse, 5.I.35». На адресной стороне карточки В.Н. Бунина написала: «Деньги получили».

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 1935 г.

² Рождество Христово. См. начало п. 374.

³ В тех же выражениях В.Н. Бунина пишет о жизни в Грассе в пп. 321, 376.

371. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 5 января 1935 г.

5. I. 35.

Милая моя, дорогая, а я было уже начал очень сердиться, что не пишешь, замолчала. Но вот твой *xhrès* от 4-го.

Дни провожу в кое-каких занятиях по приготовлению дальнейшего материала для собрания сочинений и пр. Чувствую себя слабо, грустно, порою противно — переписка у них

кипит во всю, каждый день, иногда даже *exprès*. В день приезда Галины, — неожиданного, ибо думал, что все-таки в конце концов не приедет, — послал ей письмо, где совершенно твердо сказал: если не будет у нее какого-то отрезвления и возвращения к какой-то человеческой и благородной нашей близости и если не станет М<арга> для нее *только другом* (в действительности *только другом*) и останется человеком ревниво восстанавливающим ее против меня, надо *все порвать окончательно*, сказал и про деньги: я давал их при *совершенно других* отношениях наших и при обстоятельствах тоже других, про черный день, и посему не дам их проживать с Маргами, не дам растратить в какой-нибудь год, а буду давать, в случае нашей раздельной жизни, только в виде маленького подарка к тому заработку, конечно, нищему, — который ей придется найти. Это письмо Галину уже не захватило, но М<арга>, конечно, разорвала и прочла его, как свое собственное, и вот, очевидно, поэтому, — от тревоги: «как же нам теперь быть?» — и пошла у них переписка особенно яростная. Легко себе представишь, как «приятно» чувствовать возле себя враждебный комплот двух бешено-сладоэротических любовниц, старающихся как-нибудь исхитриться *до поры, до времени!* Планы их таковы: в середине апреля новая встреча в Париже (насколько понимаю, не меньше, как на месяц), потом летом опять вместе — Г<алина>, конечно, говорила, «как все могло бы быть хорошо, как бы М<арга> пожила у нас!» — осенью *короткая* разлука, а потом *опять к Марге*¹. Я на это уклончиво молчал. Влюбленность их, истинно бешеная, *ничуть* не ослабела пока. *Но надо до времени молчать*². И вот я сдержан, молчалив... Впрочем, все это я, кажется, тебе уже писал. На поездку со мной разрешения, очевидно, *не* получено. А меж тем в Грасс мне ехать сейчас, оказалось, нельзя: я ведь имел неосторожность дать «Совр<еменным> запискам», т.е. Рудневу, слово, что готов поехать в Лондон, где будет устроен банкет в мою честь и с моим небольшим чтением, доход с которого, — вероятно, порядочный, — пойдет на «Совр<еменные> зап<иски>». И вот теперь оказалось, что банкет этот будет только 19-го янв<аря>³ — иначе не успеет Комитет, для этого банкета образованный, распродать, рассовать билеты. Нынче был у меня Руднев — в ужасе: «Как, слышу, что вы уезжаете?!» Сказал ему: «хорошо, не уеду до 19-го, в Лондон поеду — при условии, если ничего не случится экстренного, требующего моего отъезда в Грасс». Значит, придется нам с ней сидеть тут числа до 22-го января. Радости мало, но как же быть? Посмотрю еще денька 2–3, а там, м<ожет> б<ыть>, вдруг извещу Руднева: «Нет, уезжаю, в Лондон не поеду, отмените этот банкет». Но ведь какой это будет им удар! Вот бы когда уехать на эти 2 недели (до 19-го-то) хоть в Швейцарию. Но повторяю: нервно болен, один боюсь...

Напишу тебе завтра еще. Завтра вечером пойду к Гукасовым.

Целую тебя, драгоценная моя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/85.

¹ М. Степун приехала в Грасс только 20 июня и пробыла до начала октября 1935 г. Следом за ней, в начале октября в Геттинген уехала Г. Кузнецова.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ Вечер в поддержку журнала «Современные записки» намеревалось устроить в Лондоне Общество Северян в Великобритании (The North Russia Association), однако из-за ремонта своего помещения несколько раз переносило сроки, пока Бунин не выставил собственные условия, после чего идея была оставлена. Подробно об этом см. в примечаниях к письму И.А. Бунина В.В. Рудневу от 23 февраля 1935 г. (Бунин—СЗ. С. 903–905).

372. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 5 января 1935 г.*

5 января 1935 года.

Дорогой мой Ив! Спасибо, деньги получила.

У нас сегодня чудесно: тепло. Брала ванну, вымыла голову, и даже вытопили кухню, чтобы обедать в тепле. Завтра утром пойду к парикмахеру.

Если вы решили приехать сюда на этой неделе, то не приезжайте в среду, в этот день мы приглашены к Самойловым. И, если вы приедете, то едва ли будете в состоянии к ним приехать. Значит, или нужно вам приехать во вторник 8, или уже после среды, но ни в коем случае *не в воскресенье 13*. В этот день мы у Часовник¹. Соображайтесь с этим.

Завтра я буду в платье от Томá.

У них будет Директор Королевского Сербского Куроводства с женой. Это Ася² устроила. Привез куриное царство на выставку. Целую вас обоих. Трудно писать, все руки потрепались, в пластыре.

Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/101. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16», почт. шт.: «Grasse, 6.1.35».

¹ Л.В. Часовникова (Л. Часинг).

² А.М. Кугушева.

373. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 7 января 1935 г.*

7. I. 35. (25. XII. 34)

Милая, дорогая моя, поздравляю вас с праздником, от всей души целую тебя.

Завтра напишу подробнее (хотя, слава Богу, новостей нет). *Немедленно* сходите в полицию, узнайте, *когда* мы должны менять cartes d'identité.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/86. Почтовая открытка; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lps> M<aritime>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 8.I.1935», «Grasse, 10.I.35».

374. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 7 января 1935 г.*25¹.

Рожество!

Дорогой Ив, из Галиной записки ты узнаешь, что будет в среду и что нужно сделать тебе. Мне кажется, коллективная телеграмма была бы хороша: ты, Галя, Фондаминские и Зайцевы².

Сегодня в 9 ч. меня разбудил твой экспресс³.

Что я могу тебе сказать? Лишь одно: что ты *все делаешь*, чтоб скреплять, укреплять дружбу Гали к Марге. Зачем это? Действительно, если Бог захочет наказать, он отнимает ум!

Все, что я узнаю, меня потрясает: что ты наделал. Скажи, чего ты хочешь? Ведь нельзя вырвать из сердца чувства. А ты *именно этого* хочешь. И все делаешь не так, как надо. Я поступила эгоистически: не приехала в Париж, — ведь дело не в лифте, конечно. Но, увидев, что ты не хочешь моего приезда, я поддалась желанию своему остаться здесь. Но если бы ты был умен, ты <бы> меня выписал, а не *ее*. Но ты или сознательно, или хитришь. Только сегодня en passant⁴ сообщаем о Лондоне⁵. Как-то все нелепо. Я думаю, что ты заболеваешь нервно. Подумай об этом. Пойди опять к врачу. Когда я прочла сегодня твое письмо, то первое желание: ехать в Париж. Ты давно известно<е> сообщаем мне в тоне нового, неожиданного. Да мы полгода назад знали, что Марга собирается в Париж. Что же тут нового? И чем тут возмущаться? Виноват ты сам. Если ты хочешь жить с человеком, то должен любить тех, кого он любит, во всяком случае уважать чувство любви. Иначе неприятности, отчуждение. Ты удивляешься оживленной переписке их, да как ей не быть, когда ты Бог знает что наделал? Напугал, заставил в 2 ч. ночи лететь, как угорелой, в Париж, а ты даже и дома не был. Что за малодушие? Это позорно. Трудно было одному, выписал бы меня. Нет, тебе захотелось испортить им последние дни. Им не удалось встретить 34 год, была мечта о 35, ты и эту мечту помешал осуществить. Ну скажи — зачем, ведь лучше тебе не стало, а в сердце Гали еще новая обида. Дождался бы добровольного возвращения, было бы у ней чувство вины и благодарности. Очень мне тяжело. Целую нежно. Буду молиться за тебя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/102. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 371.

¹ Имеется в виду 25 декабря 1934 г. по старому стилю.

² О чем речь, неясно.

³ Видимо, п. 371.

⁴ походя (*фр.*).

⁵ См. примеч. 3 к п. 371.

375. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 8 января 1935 г.

8 января 1935 года.

Милый Ив, мороз крепчал! — как пишут плохие беллетристы. Да, у нас ясная холодная погода. Вставать было очень трудно. Вчера решили сэкономить и не топили, так как домой вернулись около девяти. Поели и легли спать. Зато сегодня Лёня с утра затопил.

Вчера мы почти весь день провели в Каннах, то есть с 12 часов дня до 8 вечера.

Доехали до моста. Я села на автобус, чтобы успеть хоть на молебен попасть, а Лёня пошел пешком, пожалел франк. Но и я молебен застала на кончике. Но хорошо помолилась у чудотворной иконы. Вся уже церковь опустела. Я ждала Лёню. Он все же успел к ней приложиться. Этой иконе более семисот лет, она Киевская Божья Матерь с Младенцем. Очень оригинального письма, с поднятыми руками. Он у Нее на груди, en face, вокруг святые. Я купила за два франка образец бумажный этой иконы.

Из церкви пешком до Монопри. День изумительно красивый. Канны были пусты. И час обеденный, да и приехавшие на праздники разъехались. Сезон же очень плохой, Казаран

мне говорила, что она работает, как летом... В Монопри тоже было довольно пусто, так как шел второй час. Мы взяли завтрак по три франка с хлебом. Лёня ростбиф со спагетти, я английскую тарелку. Вина не взяли. Потом перешли в твое кафе, чтобы отдохнуть, взяли кафе-крем. Тут Лёня ушел к Мааку. А я написала письмо Гале. Потом пошла в аптеку. У аптекаря то же самое, что у меня (аптека английская), и он дал мне какое-то коллоидальное средство для рук за 3 фр. 50 с. И, действительно, стало немного лучше. Вот могу стучать на машинке. У меня на трех пальцах трещинки, на большом, указательном и среднем правой руки. Из аптеки на почту. Послала экспресс. Потом на вокзал, где мы условились встретиться с Лёней. Маак его успокоил, говорит, что при известном лечении это пройдет, дал лекарства на тридцать франков, одно с кальцием — он повеселел, хотя 45 фр. ему до слез жалко! Он определяет, что это от симпатического нерва. Лёня говорил с Мааком о тебе. Что ты плохо себя чувствуешь. Он советует обратиться к Аганманжану, фамилия его, конечно, другая, но я никогда не могу ее запомнить. Но мы думаем, если ты уже был у француза, то лучше продолжать у него лечиться. Все-таки тебе надо обратить внимание на свои нервы, на свое *душевное состояние*, если ты хочешь жить приятно, *не* запускай себя. Мне кажется, что ты чем-то болен, уж очень ты все делаешь не так, как надо. Я не хочу тебя критиковать, чтобы тебя не сердить, но помни одно, что помочь *только ты сам* можешь себе и только тем, если ты будешь сдерживаться и не позволять себе делать, что тебе в данный момент хочется, против всякого разума. Подумай, ведь ты мне напомнил Машу, когда Ю<лию> А<лексеевичу>, сломя голову, пришлось ехать в Новочеркасск...¹ И что он там нашел? Ведь это картинка с натуры! Но словами здесь не поможешь. Я очень до слез вчера молилась о тебе. Ведь все, что бы я тебе ни советовала, ни говорила, ты никогда с *самой премией меня не слушаешь*. Я не навязываюсь, как видишь, я отстранилась от твоей жизни, но мне все же очень жаль тебя, и мой долг тебе сказать: пожалей себя! Кроме тебя *никто не виноват*. Бери жизнь и людей, какие они есть. Из каждого можно взять очень приятного человека. Умей его проявлять. Вся беда, что люди возьмут кошку и хотят, чтобы она была собака, возьмут собаку и требуют от нее, чтобы она мышей ловила. А не выходит, начинают выдумывать Бог знает что и портят жизнь и им, а главное *себе*.

Потом мы пошли к Иванжиным. У них маленькая квартирочка, нищая елка. Посидели за чаем. Ел печенья только младший сын... Пробыли у них до семи с половиной часов. И затем домой.

Я заказала себе вязаную кофточку, моя серая совсем вытерлась, с одной черной очень трудно, а без шерстяной одежды в нашем доме очень тяжело, — я сверх черной еще в желтой, московской. Она работает на тот магазин, где мы с Галей купили в прошлом году себе по вязанке. Значит, хорошо. Кофточка будет ручной работы, а стоит столько же, сколько мы платили за машинную. 150 франков, в магазине 300. Ручная вязанка теплее и прочнее, так как машина всегда «дерет и снимает ворс». Я думаю, что ты не рассердишься, — это мне *необходимо*. Считай, это мне «прекрасный подарочек» к русскому Новому году. Теперь я хотела тебя вот о чем спросить. Я было решила сделать себе ее темно-фиолетового цвета, цвета фиалки, Галя тебе покажет, но сегодня вспомнила, что ты не любишь этого цвета. Если тебе неприятно на него смотреть, то я могу сделать темно-серую. Напиши мне об этом *тотчас же или попроси Галю*. Я еще могу переменить. Оба эти цвета идут к моим волосам. Очень прошу тебя *не забыть* об этом. Так как чем скорее ответишь, тем я скорее буду иметь теплую вещь, она будет вроде Галиной, так что можно будет надевать и под пальто, а то ведь мое ветром подбито. Я по вечерам ношу старое, в старом ездила и к Кутушевым, но и в нем холодно.

Твой экспресс², как я уже писала, я получила на первый день Рождества.

Ты меня удивил Лондоном³. Отчего раньше ты ничего не писал? И в нем ничего толком не объяснил. Меня пугает, что ты пишешь мне исключительно *на одну тему*. Если бы это делала я или кто другой, ты очень бы возмутился, и не потому, что это не интересно, но нельзя *только* об одном писать. Ни на один мой вопрос ты не ответил. Ничего о налоге. Какого размера. Уверяю тебя, что это своего рода распушенность. Ты должен и обо мне подумать. Ведь мы живем без всяких почти впечатлений, и хотя бы ты о чем сообщил, помимо одной темы. Ведь это очень большое пренебрежение ко мне. Ты ни разу не спросил меня, что я делаю, даже из вежливости. Пишу все это для того, чтобы ты, пока не поздно, начал бы думать *о чем бы то ни было*, кроме того, о чем ты думаешь постоянно. Вспомни, как ты возмутился Колей в Риме⁴, а ведь ты стал хуже его! Думаю, что вам быть *вдвоем* вредно, ибо ты ежеминутно делаешь ошибки, которые прежде всего *вредят* тебе. Твое самое большое несчастье, что ты не умеешь, не воспитал в себе способность думать о других, понимать не только боль свою, но и ту, которую ты другим наносишь. И пока ты этого не поймешь, ты будешь очень страдать. Ведь ты понимаешь, что *никто*, как я, не понимает ту боль, какую ты теперь чувствуешь, ибо восемь лет тому назад я перенесла такую же болезнь, если не большею⁵. Разница одна, я стала винить себя и сделала невероятное усилие, оправдала тебя и преобразила свое чувство к человеку, из-за которого я испытала, уверяю тебя, не меньшую боль, чем ты теперь испытываешь, — ведь это была награда, так сказать, за двадцать лет службы... за двадцать лет настоящей любви, но любви, конечно, не той, о которой стоит жалеть, ибо она все-таки была эгоистичной. И скажу: я не жалею, что так случилось, ибо я, благодаря всему пережитому, поняла самое *главное, нетленное* и очень многое приобрела для своей души, чего не имела бы, если бы все шло гладко. И вот ты именно это и должен обдумать. Представь на минуту, если бы я действовала, как ты, что бы вышло и для меня, и для тебя? И как бы мы испортили то чувство, то именно *нетленное*, что есть в нашем чувстве друг к другу, если бы я была тобой! И насколько бы жизнь моя была беднее в душевном отношении, и сколько бы злобы я возбуждала бы в тебе, а ведь это большой грех! Вот подумай: было ли хоть *что-нибудь* хорошее из того, что ты сделал *за последнее время*? Я знаю, вот так, как я теперь пишу тебе, что если бы ты делал так, как мне кажется правильным, то ты сейчас бы был и здоров, и счастлив, и радостен, и вокруг тебя *все* было хорошо. Но как тебя в этом убедить? не знаю, только молюсь об этом. Ты как жупела боишься М<арги> и все делаешь с какой-то сумасшедшей страстью, чтобы утвердить эту связь. Точно бес тебя научает. И зачем? Это все равно <что> в конфектном магазине запретить есть конфекты. Ты знаешь, что первое время позволено сколько угодно есть, затем барышни в рот не могут взять... Это мудро.

Даю слово, больше не буду писать тебе об этом. Но очень прошу, не обращай никакого внимания, а главное не возмущайся: если есть любовь, то уничтожить ее *нельзя* насильно, можно лишь отвлекать, ослаблять, но умно. Очень мне это тяжело. Тяжелее, чем было 8 лет тому назад.

Очень прошу серьезно подумать о себе. Целую со всей нежностью. Не сердись на меня. Я очень хочу, чтобы ты был хотя немного радостен.

Повторяю, если вы не приедете к 13<-му>, вышли деньги и прибавь на вязанку 150 fr. На что возможно, мы экономим. Но вот завтра ехать на куриную выставку! Неожиданный расход, но это мы введем в еду.

Твой В.

Галю целую.

И.А. Бунин.
Париж, ноябрь 1933 г.
(РАЛ)

Перечитала твое письмо. Конечно, следует ехать в Лондон. Это отвлечение. Но Швейцария не по дороге, мне кажется. 13<-го> — тоже тебе нужно, пожалуй, быть, а то ты многих восстановишь против себя⁶. И без того врагов немало.

Храни тебя Христос, бесценный мой.

Твой.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/103. Письмо, возможно, осталось неотосланным, см. п. 376.

¹ М.А. Ласкаржевская с семьей и больной матерью в 1903 г. жила в Новочеркасске; вероятно, имеется в виду ее тревожная телеграмма Ю.А. Бунину в связи с состоянием матери.

² См. п. 371.

³ См. примеч. 3 к п. 371.

⁴ Бунин с В.Н. Муромцевой и Н.А. Пушешниковым жил в Риме с 6 апреля (24 марта) по 12 апреля (30 марта) 1914 г. По какому поводу Бунин возмущался Н.А. Пушешниковым неизвестно.

⁵ Имеется в виду начало романа между Буниным и Г. Кузнецовой в 1926–1927 гг.

⁶ Очевидно, имеется в виду встреча Нового года у Л. Часинг 13 января. См. пп. 356, 357.

376. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 8 января 1935 г.

8 января 1935 г.

Дорогой мой Ив, написала тебе сегодня длинное письмо, запечатала, и перед самым уходом в город оно пропало¹. Так как я живу в мистическом настроении, то решила, что нужно написать новое. Вообще, много у меня к тебе неотправленных писем... Мне кажется, что ты в таком настроении, что на тебя ничего не производит впечатления, ты, как одержимый, слушаешь лишь себя. Но в пропавшем письме ничего не было такого,

что бы тебя могло рассердить. Я очень не хочу этого. Оно было отчасти в ответ на твой экспресс². Повторяться не хочется. Скажу одно: очень мне хотелось бы, чтобы ты успокоился, а успокоишься только тогда, когда перестанешь думать о себе. Если ты себя в этом не переломишь, то тебе будет очень тяжело. Отвлекайся, чем хочешь и как хочешь, только не думай о себе. Ты, конечно, болен, но горе в том, что помочь можешь только ты сам себе. Ты все преувеличиваешь. Со стороны все кажется пустяками, а у тебя Бог знает во что разрастается. Если ты хочешь чего-нибудь добиться, ты должен прежде всего сделать легкую атмосферу. Как жаль, что ты не можешь в шапке-невидимке побыть на вилле «Бельведер», ты был бы поражен тем довольством и благостностью, которые на ней воцарились³. Мне порой кажется, что это даже не «Бельведер», а что-то другое, такое непохожее на прежнее здесь настроение. Лёня прямо преобразился. Ничего мне не позволяет делать, даже сам ходит на базар. И все делается весело, легко и радостно. А ведь мы имеем гораздо меньше вас, в чем же дело? Я приписываю это себе. Я старшая, я должна кое-что уступить. Он любит делать сюрпризы, пусть делает. И радость от какого-нибудь нового супа такая, какую не вызывает у вас тюрбо⁴. Ведь у тебя все неприятности от твоего неверного воображения. Я и теперь буду доказывать, что М<арга> вовсе тебе не помеха, а была бы обратно подспорьем, если бы ты был мудрый человек. Повторяю: ты делал и, вероятно, делаешь все, чтобы укреплять и скреплять их дружбу. И как ты сам этого не понимаешь, не видишь! Думаю, что вам вдвоем сейчас особенно в природе было бы тяжело, сужу по тому, что ты пишешь, и по тому, что пишет Галя. Ни у того, ни у другого нет легкого радостного настроения. А тогда зачем Швейцария? Как ты не видишь, что ты всегда делал неверные предположения, хотя бы взять твое последнее письмо к ней. И что самое печальное, ты усложняешь все.

Ты видишь, что сделано все, как ты хотел, даже лифт за тебя, и все не так, как надо. Я же на твоём месте как раз все делала бы наоборот, и уверена, что результаты были бы иные. Но тебя не убедишь.

Милый мой, у нас очень холодно. На дворе чудесная морозная погода. Мне необходима теплая вязанка. Моя родственница работает на тот магазин, где мы с Галей в прошлом году купили себе вязанки. Я заказала ей. Работа ручная, а будет стоить столько же, сколько наши машинные, то есть полтора ста франков. Ручная теплее и прочнее, машина уменьшает ворс и утоньшает нитку. Я думаю, что ты не будешь сердиться. Это действительно необходимо: моя серая совсем истерлась и греет очень мало, а с одной черной трудно, — нужна перемена. Еще колеблюсь насчет цвета: фиалковый или темно-серый? Ты ведь лиловые тона не любишь... Очень прошу тебя прибавить к присылаемой сумме 150 франков, так как я обещала ей заплатить вперед. Она будет в стиле Галиной, — можно будет надевать и на платья. Уже в черном пальто здесь холодно. Завтра и в Ниццу, и к Самойловым надену шерстяное черное платье, иначе замерзну. Вообще, мы «с большими слезами» едем на куроводную выставку, на торжество князя, — неожиданный расход! Но не ехать нельзя. Лёня поедет с утра, а я с Асей⁵ после завтрака, чтобы меньше утомиться...

Читаю письма А.К. Толстого к невесте, а затем к жене...⁶ Приятные письма. Как он хорошо говорит о молитве, о дружбе. Я вчера в каннской церкви очень долго молилась и за тебя перед чудотворной иконой, ей больше семисот лет! Очень оригинальная икона. Она из Курска⁷.

Целую тебя со всей нежностью и молюсь о тебе. Христос с тобой.

Твой.

Сегодня уже спала в маленькой комнате. Твою закрыли — невозможно холодно. Топим ведь полдня, но все же уголь и дрова на исходе, — ведь куплены они были 24 ноября. Повторяю: за два счета *не плачено!* Я рада, если вы самое холодное время проведете в тепле, хотя при вас будет, конечно, теплее. Гале напишу завтра. Писать пером и больно, и неудобно.

Целуй Галю.

Христос с тобой, будь благостен. Алданов возмущается, что ты снял дешевую квартиру и за мебель заплатил всего 2 000 франков⁸. Прочисть ему голову. Посмотрел бы он, как я живу!

Папа Часинг все спрашивает меня: «Скажите секрет, что вы все хорошеете?» Я: «Не думаю о себе»... Линия у меня на ять!

Пошел снег. Вот хорошо, что у меня ботики! Лёня надел сегодня теплое белье, кот<о-рое> ему подарила Лизок⁹. Я тоже рада, а то ведь его пальто на рыбьем меху. Жалею, что вязанка не готова...

Сейчас принесли за электричество получать 217 <фр.> за ноябрь — это при тебе, а у меня было отложено всего 150. Принес календарь, значит, нужно было дать еще 10 фр. Пришлось у Жозефа занимать. Пришли поскорее. Сегодня еду в Ниццу. Опять расход, придется, вероятно, мне там поест. Нет, при таком пайке праздники не под силу! 30 фр. на круг мало. К счастью, все кончается, и будни наступают. Сколько вам обходится день *tout compris*¹⁰?

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/104.

¹ См. п. 375.

² См. п. 371.

³ В тех же выражениях В. Н. Бунина пишет о жизни в Грассе в пп. 321, 370.

⁴ См. примеч. 4 к п. 301.

⁵ А.М. Кутушева.

⁶ Возможно, по изд.: *Толстой А.К.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. СПб.: А.Ф. Маркс, 1908.

⁷ Ср. п. 375.

⁸ 5 января 1935 г. М.А. Алданов писал В.Н. Бунинной: «Очень мне досадно, что Иван Алексеевич снял эту плохую квартиру и купил мебель за 2000» (ОРЭУ).

⁹ Возможно, Елизавета Федоровна Левкович. См. примеч. 8 к п. 304.

¹⁰ с учетом всего (*фр.*).

377. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 9 января 1935 г.

Милый мой голубчик, вечер в Лондоне откладывается на конец марта. Alors, я *никуда* не проедусь!! Грустно. Выедем, верно, 15-го.

Подробно напишу еще.

Крепко целую.

Твой Ив.

9. I. 35

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/87. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Cler, 10.I.1935», «Grasse, 11.I.35».

378. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 10 января 1935 г.

1935 г. 10 ян. 6 ч. вечера.

Дорогой мой Ив, посылаю тебе вырезку о вчерашнем дне¹. Пусть Галя и Капитан² напишут по заметке и в один день поместят в своих газетах. Нужно помочь землякам!

Сейчас собираемся в Дубок на обед с Небо³.

Были в полиции, мне дали новую карту зеленого цвета⁴. Твоя тоже готова. Сказали, что если ты приедешь в январе или начале февраля, то переменишь по приезду, если же после, то пришли старую, и мне выдадут новую. Лёнина еще не готова. Нужно наведаться в течение месяца. Дала 10 франков!

Погода чудесная, холодно, воздух живительный. Может быть, и от этого я чувствую себя очень хорошо. Как много радостей в жизни, если уметь их отыскивать. А для этого нужно одно: быть довольной малым. Мне очень жаль, что ты не можешь ощутить той чудесной атмосферы, которая сейчас на «Бельведере». Как бы я хотела, чтобы она не изменилась с вашим приездом. Мы «чудно» живем, как говорит Наташа⁵. И ко всему относимся весело. Я умываюсь около печки. На ночь ставлю воду на нее, и к утру, если печь бывает истоплена, вода теплая. Иной раз, когда холодно, мы и обедаем возле печки. Но завтра у нас будет прачка, и, значит, в кухне будет тепло! И мы будем царевать не хуже Натахи!

Спасибо тебе за открытку, за поздравление нам⁶. От души молю Бога, чтобы ты стал, наконец, чувствовать себя хорошо. Все зависит от тебя самого. Когда нет огорчений от тебя или от Мити⁷, то я ничего больше и не желаю. Мы ведь в общем живем хорошо, особенно после того, как удалось сделать передышку монотонной жизни. Теперь с радостью думаю, что с понедельника опять можно начать тихую размеренную жизнь. Только бы ты был в хорошем настроении.

Надеюсь, что ты за вязанку не сердисься, а даже рад, что у меня будет «прекрасный подарочек». Решила сделать серую.

Деньги нужно послать так, чтобы к пятнадцатому они уже были бы у нас. Я осталась должна за электричество Жозефу. Он не спрашивает, когда вы приедете, я тоже молчу, но он очень мил.

Если ты будешь говорить под Новый год, то подготовься и скажи хорошо, как только ты умеешь сказать, когда ты захочешь. Что же с Лондоном⁸? Напиши мне толковое письмо.

Будь здоров. Если увидишь Капитана, скажи, что я напишу ему на днях.

Кажется, ты знаешь теперь всю нашу жизнь до мельчайшей подробности, не то что мы вашу. Но если не хочется, не пиши. Только будь доволен и радостен.

Митя очень тронут твоей открыткой и тем, что ты ему написал⁹. Спасибо тебе, дорогой мой.

Пора кончать. Лёня уже одет. Я одеваюсь теперь всегда у печки. И тепло, и весело. Вот выдержка, ни разу не употребила электрическую печь! Интересно, на сколько мы сожгли электричества. Узнаем через месяц.

Храни тебя Бог. Лёня поздравляет тебя с праздниками и Новым годом.

Да, попроси в Союзе писателей, чтобы *Каллаш* дали хотя бы *двести франков*¹⁰. Она очень бедствует. Очень прошу тебя это сделать. Ведь к ней там плохо относятся. А она заслуживает, чтобы ей дали, особенно после книги о Чехове¹¹.

Кажется, все написала. Рукам легче. Хорошее лекарство мне дали в английской аптеке, почти не больно. Надеюсь, что скоро пройдет.

Вчера наверху все было покрыто снегом, и какая это радость, если бы ты знал. Все-таки снег — одно из лучших украшений земли.

Нежно целую.

Твой В.

Гале поцелуй и привет. Кланяйся Нилусам.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/105.

¹ Видимо, речь идет о «куриной выставке», см. примеч. 3 к наст. п.

² Н. Рошин.

³ Директор югославского куроводства при королевском дворе, приятель Л. Зурова, с которым они встретились днем раньше на куриной выставке 9 января, см. дневник В.Н. Буниной (РАЛ. MS 1067/410).

⁴ Имеется в виду удостоверение личности с правом путешествовать «Titre d'identité et de voyage», которое выдавалось иностранцам во Франции; эти удостоверения были зеленого цвета. Очевидно, этот документ имел срок годности, в связи с чем его необходимо было периодически менять.

⁵ Имеется в виду героиня «Суходола» Наташа, как и далее «Натаха».

⁶ См. п. 373.

⁷ Д.Н. Муромцев.

⁸ См. примеч. 3 к п. 371.

⁹ См. п. 334.

¹⁰ Не удалось найти сведения.

¹¹ Курдюмов М. <М.А.Каллаш> Сердце смятенное: О творчестве Чехова. Paris: YMCA-Press, 1934.

379. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 11 января 1935 г.

Вечер 11-го января.

Милая моя, выезжаем 15-го (т.е. во вторник) *утром*, в 10 часов. Значит, если не очень устанем за день и *не* остановимся в Марселе ночевать, будем в Каннах ровно через 12 часов после выезда из Парижа, т.е. во вторник же, в 10 часов *вечера*. Пришли Фостера¹ за нами. Был бы, конечно, очень рад, если бы была возможность, чтобы ты нас встретила в Каннах. Но боюсь, что ты очень устанешь за эту езду *в Канны и назад*, а кроме того боюсь, что будет тесно: ведь у нас весьма порядочно вещей, — куда их девать и особенно в том случае, если будет дождь? Реши этот вопрос *по самочувствию и по погоде*.

Если решим в пути, что ночуем в Марселе, дам тебе телеграмму. А если телеграммы не будет, значит, шли Фостера (или сама с ним приезжай за нами).

Вчера мы с Галей чудесно обедали у Михайловых, потом отлично провели вечер (все четвером) в «Фоли Бержер»². Вернулись в час — под дверью *express* от Марги. Схватила — и в свою комнату. Вышла как сумасшедшая. «Что такое?» — «Марга немедленно вызывает меня к себе, — жить с ней. Она с ума сходит, думая, как я страдаю тут, и вообще не может жить без меня. Скажу наконец правду и про себя: и я не могу. Не могу, не могу!» И пошли истерические вопли, слезы: «Я задыхаюсь без нее! Мне белый свет не мил!» Я со всей силой ласковости и жалости без конца успокаивал ее, но заявил с совершенной беспощадностью: «Хоть ты умри, *копейки* денег не дам ни на дорогу, ни на жизнь с Маргой! *Требую*, чтобы ты ехала в Грасс и прожила там до апреля — очухалась, пришла в себя и уж *потом* решила этот вопрос о переселении к Марге и о жизни с ней». Увидала, что уже не шучу, испугалась, согласилась.

Все это совершенно секретно пишу тебе. И виду не подавай, что это знаешь — до поры, до времени. Целую тебя крепко³.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/88. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 380.

¹ Водитель, услугами которого Бунины часто пользовались в Грассе.

² Folies Bergère — знаменитое варьете и кабаре в Париже на rue Richer.

³ Абзац дважды отчеркнут на полях красным карандашом.

380. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 12 января 1935 г.

Повторяю то, что писал вчера вечером: выезжаем 15-го *утром*, в Cannes должны быть 15-го же, в 10 вечера. Если задержит что и выедем *не* 15-го, извещу телеграммой.

Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/89. На бланке уведомления о почтовом денежном переводе на сумму 1000 франков. Адрес отправителя: «J. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 12.1.35». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

381. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 12 января 1935 г.

1935 г. 12 ян.

С Новым годом!

Дорогой мой Ив, получила сегодня твою открытку и твое письмо. Целую и за то, и за другое. Но опять, как будто я живу одна. «Нехорошо, Иван Лексеич, нехорошо!»

Теперь о вашем приезде. Я должна предупредить, что очень холодно. На дворе опять вот-вот пойдет снег. Белье, как в России, замерзшее. В доме, ты неправ, думая, что мы чего-то не делаем, но что делать? Я перешла в маленькую комнату, все двери закрыты, и топим теперь с полдня, утром еще терпимо, хотя я пишу в теплых старых перчатках и сижу в ботиках. Все тепло идет в наши комнаты. Ну а вы приедете, отчего же будет теплее? Будет с утра, скажем, топиться чугунок, будут затоплены все печи, но сколько это будет стоить? Подумайте. Ведь мы понемногу привыкали к холоду, а вы из тепла, как бы не простудились... К слову сказать, что у Кугушевых, несмотря на центральное отопление, очень холодно было оба раза, у Самойловых тоже пришлось накидывать на себя, а я была в теплом платье. По-видимому, здесь центральное отопление не рассчитано на морозы.

Ты опять спрашиваешь о деньгах¹. Я ведь писала тебе, сколько надо. Конечно, праздники, особенно поездка в Ниццу нас выбила из колеи. Я сейчас должна сто франков Лёне, сто Жозефу (так как за электричество пришлось заплатить больше, чем было ассигновано, на 77 франков), сейчас мы живем уже на следующую получку, после пятнадцатого нагоним, что истрачено в эти дни, — сейчас мы едим гороховый суп на бараньей грудинке, да гречневую кашу. Вообще, еда пустяки, но всякий выход из дома всегда что-нибудь да стоит. Думаю все же, что мы праздники провели дешевле, чем люди в нашем положении. Если вы останетесь до февраля, то прислать *надо и за уголь*. Кажется, что-то около [550] 561 франка, ибо боюсь, что нам придется заказать, ведь взято было 24 ноября, а сегодня

12 января! На остальное, я уже говорила, нужно кругом мне франков тридцать в день. Хотя ты и плохой математик, но, надеюсь, помножить сумеешь. Ведь в это войдет и лекарства, которые мне следует повторить через несколько дней, и всякие другие необходимые вещи, как чулки — ни одной пары мало-мальски теплой, — мыло, эска², чернила, бумага. Уверяю тебя, мы так экономны, но все же есть потребности, без которых не проживешь.

Теперь о том, чего я «не понимаю»³. Я *все* понимаю. И я пишу о тактике, а не по существу. Понимаю и твои чувства, но на то мы и люди, чтобы владеть ими, чтобы не толкать на дурное, а удерживать. А ведь всякий раз нужно действовать по-разному. Для этого закона нет. Всякий раз нужно понять, что именно нужно сделать. Я видела твои ошибки, и это меня особенно огорчало, так как они *всем* приносили вред, без них многое *пошло бы иначе*. Но ты не мог владеть собой, и в этом большое горе. Ты многое преувеличиваешь по своей природе, любишь раздувать. Я не против главного, а против мелочей, которыми очень портится все главное. Нужно помнить, что чувства никогда не находятся в статике, а всегда в динамике, а ты по природе своей этого не понимаешь, тут я уже сужу по себе. Поистине чудо, что мое чувство к тебе, если и видоизменилось, то по существу, по силе осталось то же. Но, повторяю, это чудо. Ты все делал, чтобы было бы не так. Вот я читаю сейчас письма А.К. Толстого к жене. Ведь было же на земле так, как у них! И задаю себе вопрос, почему ты мне ни за что не хотел никогда дать этой книги? Хотя там для меня, для моей души необыкновенно много ценного... Ты все хочешь винить других, а всегда следует винить себя. Если любишь кого, то прежде всего нужно понять, чем он живет, и что ему надо, чтобы он около тебя чувствовал себя хорошо, я, по крайней мере, давно это делаю. И, конечно, я была неправа с Колей, хотя Коля мне принес страданий больше, чем кто бы то ни было в жизни⁴. Но у меня извинение молодость, незнание жизни, натура, требующая исключительного чувства Любви, как было и у Ал<ексея> К<онстантиновича> с женой. Как я их понимаю.

Я, как никто, могу понять тебя, так как сама пережила очень похожее. Но ты никогда не хотел считаться с моими чувствами. Всегда от всего отмахиваешься.

Всегда во всяких отношениях нужно понять — кто более одарен в смысле мудрости, терпения и даже самопожертвования и, если не хочешь *Зла*, возьми на себя то, чтобы его не было или оно стало бы уменьшаться. Нельзя не признать того, *что есть*. Вот Фондаминские хотели бороться непризнанием болезни, и что вышло?!⁵ Если все, что ты пишешь, есть на самом деле, то это тоже болезнь, и надо бороться с нею *умно*.

Целую Галю. Нежно обнимаю.

Твой.

Нужно:

уголь, дрова	561
вязанка	150
перетрата	99 (Ницца, лекарства)
элект<ричество>	67

877

а с 15 по 30 фр. в день.

31 день в январе	480
------------------	-----

877

480

-----

1 357.

Сейчас Лёня прибил молитон⁶ на лестнице, думаю, будет теплее, а то дверь наружная поглощает много тепла. — Я сегодня после завтрака спала два часа. Все еще быстро утомляюсь, Париж, пожалуй, был бы не под силу. Еще раз целую.

Т. К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067А/106.

¹ Видимо, письмо не сохранилось.

² См. примеч. 3 к п. 365.

³ Возможно, отсылка к несохранившемуся письму Бунина.

⁴ В поздних дневниках В.Н. Буниной есть несколько отрывочных упоминаний о ее юношеской любви к «Коле Р.» (Москва, 1900-е) и его смерти в эмиграции.

⁵ А.О. Фондаминская писала В.Н. Буниной 24 февраля 1934 г.: «22 года я свою болезнь побеждала и жила как здоровый человек и гораздо лучше, чем 22 года жить с термометром под мышкой. Теперь настала очередь болезни восторжествовать» (*Бунин—СЗ*. С. 885).

⁶ Мольтон (от *фр.* molleton) — шерстяная мягкая толстая ткань типа фланели.

382. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лион. 16 января 1935 г.

ARRIVONS DEMAIN QUATRE HEURES CANNES

Перевод с французского:

Завтра в четыре часа приезжаем в Канны

Публикуется по оригиналу: РАЛ. MS 1066А/90. Телеграмма; почт шт.: «Lyon, 16.I.35», «Grasse, 16.I.35».

383. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 16 марта 1935 г.

16 марта 1935 г.

9 ч. 15 м.

Драгоценный, встаю эти дни рано. В постели бываю в 10 ч. веч<ера>. Только сейчас поняла, как я утомлена. Сплю в кабинете. Скучно идти наверх. Первую ночь провела ужасно. Ныла правая верхняя челюсть. (Колеблюсь, идти ли к дантисту.) Просыпалась несколько раз. Пила кофе. Беспокоилась за вас...¹

Проснулась, половина восьмого. Открыла бабе дверь. Началась стирка. А я стала собираться в Ниццу — послать Мите² деньги. Из банка — это оказалось очень просто — зашла в церковь. Издали видела Неклюдовых, но уклонилась от встречи, Бог с ними совсем... Потом зашла в Uniprix³ и прозавтракала 4 фр. 75 с. — руже⁴, rommes frites⁵ и кофе. Затем пошла к автобусу и айда домой. В два часа уже была на «Бельведере».

Только что прилегла отдохнуть за крестословицей, как звонок. Выглянула — Ляля, внучка Рейна⁶. Пришла показать тебе условие. Я посоветовала отправить тебе копию⁷. Она посидела около меня часа полтора среди разгрома, так как в это время мылась столовая, и кабинет был заставлен. Она мне все больше и больше нравится.

Чествование И.А. Бунина в редакции газеты «Последние новости».
Париж, 15 ноября 1933 г.
(РАЛ).

М.С. Цетлина, В.В. Вейдле, А.П. Ладинский, Е.В. Ратнер,
А.А. Поляков, И.А. Бунин, П.Н. Миллюков

Вечером на машинке настукала несколько деловых писем. И спать. Сегодня спала хорошо и почти выспалась.

Баба моет кабинет. Скоро начнет гладить. Лёня уехал в Ниццу, — продлить нансеновский паспорт и посмотреть пальто. Очень волновался. Все подсчитывал. Ему, как представителю⁸, нужно иметь приличный вид. А капиталов немного. Я сказала ему, чтобы дряни не покупал. Посмотрим тогда в Париже. С Наташей⁹ у него rendez-vous в кафе Casino. Андрей¹⁰ подъедет после службы, часам к двум.

Вчера не было ни одного письма *никому*.

Комнату Галину тоже вымыли. На очереди спрятать ее капот и одеяло.

Завтра, вероятно, поеду к Иванжиным за вязанкой.

Билеты возьмем в Грассе. Можно по дороге остановиться трижды, и за всякую остановку приплата в 2 фр. на билет. Но, конечно, остановимся лишь один раз. Путь еще не выбран. Разница в стоимости 1 фр. на билет.

Вот тебе и все наши события.

Не задаю вопросов. Сами понимаете, о чем нужно писать.

Напоминаю о Рахманинове¹¹ — это удовольствие *нужно доставить нам*. Вероятно, больше не придется его услышать. Лови момент!

Не забывай о ноге, о рентгене.

Кончаю, чтобы отправить письмо с почтальоном.

Целую Галю. Как ее здоровье и самочувствие?

Обнимаю тебя со всей нежностью.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/107.

¹ С 15 марта 1935 г. Бунин и Г. Кузнецова живут в Париже, 27 марта к ним приезжают В.Н. Бунина и Л. Зуров.

² Д.Н. Муромцев.

³ Uniprix — сеть магазинов «единой цены», открыты в 1928 г.

⁴ «Руже де рош» («Rougets de roche») — во Франции так называют барабульку.

⁵ картофель фри (*фр.*).

⁶ Р.А. Абрамович.

⁷ О чем идет речь, неясно.

⁸ В феврале 1935 г. Л. Зуров устроился на работу лаборантом и представителем лаборатории по производству парфюмерии в Грассе для поездки в Прибалтику. 4 марта 1935 г. он писал М.С. Мильруду: «В Латвию и Эстонию я еду не только как журналист, но и как представитель химической лаборатории, в которой я работаю в качестве лаборанта. Лаборатория желает, чтобы я установил связь с прибалтийскими купцами»; и затем 21 марта: «Лаборатория просила меня устроить представительство Лаборатории в Ковно и в Риге. Представитель получает пять процентов с проданных эфирных масел и десять процентов с остальных фабрикатов. Дело представителя — связать лабораторию с купцами и фабрикантами. Лаборатория обслуживает крупные фабрики Грасса и имеет возможность продавать фабрикаты, парфюмерные продукты и композиции по сравнительно низкой цене, конкурируя с другими поставщиками» (*Русская печать в Риге*. Кн. IV. С. 106–107).

⁹ Н.Б. Соллогуб.

¹⁰ А.В. Соллогуб.

¹¹ См. примеч. 12 к п. 324.

384. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 16 марта 1935 г.

Дорогая моя, ночь провел в вагоне плохо, оттого и не написал ничего вчера, — написала Г<алина>. Я уверен, что лифт будет недели через 3, самое позднее. Поэтому вернее всего, что останемся на этой квартире. Нынче был у меня Алексинский¹, радиоскопии не надо, массажа тоже, — «лучше ходите побольше, а делайте только ванны для ноги, опухоль со временем пройдет». Крепко целую, поклон З<урову>.

Твой Ив.

16. III. 35.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/91. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 18 mars 1935».

¹ См. примеч. 1 к п. 311.

385. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 19 марта 1935 г.

1935 г. 19 м.

Милый Ив!

Во-первых, неотложный счет от Lantelm'a¹, что-то не то 87, не то 97. Он у Жозефа. Вышли поскорей, если хочешь, на его имя, но так, чтобы он эти деньги получил при нас. А то неловко мне уезжать.

Во-вторых — срубили макушку, очень большую, фиги, якобы от нее сырость, хоть как раз эта стена сухая. Все это сделано без предупреждения. И рабочий, не зная об антенне, направил дерево на нее, и она порвалась.

Какой наглец Рукье! Отнять последнюю тень...²

Как вы живете? Вчера не было известий. Писать нам не нужно много, но хотелось бы знать, как решили с квартирой. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что нужно оставаться на Offenbach'е. Мы ведь недолго будем жить вчетвером. Лёня говорит, как получит визы, так уедет, — боится парижских трат. Впрочем, вам с горы виднее.

У нас новостей мало. Вчера был Муравьев³, Лёня почему-то его позвал от 10–12. Угощали белым вином. Он математик, но как его зовут, не знаю.

Целую Галю.

Обнимаю со всей нежностью.

Твой К.

Письма вчера все отослала в Париж, не читая.

Идете сегодня на Лифаря⁴?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/108. Месяц установлен по содержанию.

¹ Хозяин продуктового магазина.

² См. примеч. 2 к п. 293, примеч. 1 к п. 296.

³ Игорь Николаевич Муравьев (ум. после 1993) — муж Т.Д. Логиновой-Муравьевой.

⁴ Имеется в виду Большой артистический вечер в Гросадёго в пользу русских эмигрантов-апатридов. Организаторы — группа французских парламентариев и политических деятелей во главе с сенатором Густавом Готеро. В частности, в концертной программе выступал Серж Лифарь (Сергей Михайлович, 1905–1986) (*Хроника. Франция, 1920–1940*. Т. 3. С. 45).

386. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 20 марта 1935 г.

20 марта.

Драгоценный мой Ив, ты не можешь себе представить, как мне было вчера приятно услышать твой голос. Я все еще сплю вниз. Вероятно, на днях перейду в свою комнату, чтобы твою закрыть совсем. Галина тоже уже убрана.

Теперь слушай, может быть, мы приедем во вторник¹. Начинайте нас ждать с этого дня. Лёне очень хочется Пасху провести в Печорах², а там по новому стилю, то есть она будет 21 марта. Он не хочет совсем задерживаться в Париже, как достанет визы, так и уедет, боится растратить деньги. Мы вчера с ним подсчитывали, нужно каждую копейку беречь, как зеницу ока. Эстонскую визу, Иртель ему писал, получить нетрудно, хуже обстоит дело с латвийской, но он надеется, что проездную ему дадут, а там, Мильруд³ писал, — продолжат. Может быть, ты у кого-нибудь узнал бы ход к латвийскому консулу. Ведь ездят же в Ригу люди. Цвибак написал, что у него в этом консульстве отношения скверные⁴. Если задержки не будет, то он числа пятого может и выехать. Хорошо, если бы ты узнал, какой самый близкий и дешевый путь в Ригу, с тем, чтобы остановиться в Ковно, — на эту остановку Рождественский⁵ ему дает еще сто франков. Ты ведь любишь ходить по Кукам⁶, тебя, вероятно, и в Париже знают, и отнесутся к твоему желанию очень внимательно. Если же тебе будет некогда, то не надо, Лёня не знает, что я тебе пишу об этом. Он сейчас уехал опять в Ниццу за нансеновским паспортом. Он написал, и сегодня я пошлю его фельетон в

«Последние новости»⁷. Хорошо, если бы они его не очень задерживали! Эти деньги предназначены на башмаки и визы. Перебирал он вчера свои вещички, и жалко мне его стало... Но ничего, он очень аккуратный, а потому все в большом порядке. Завтра Мари Флери⁸ наведет глянец, — последний удар кисти.

Возьми один диван напрокат. Нужно его поставить в маленькую комнату. Я там днем своих подружек буду принимать, чтобы не мешать тебе заниматься, когда Лёня уедет, а у меня ведь их немало.

Познакомилась я с Рождественским. Представь, понравился. Но, конечно, он человек не версальского воспитания. Видимо, способный, жадный, понимающий людей. Держится просто, но все же как патрон. Все это очень неуловимо. Редкий русский человек, который в наше время имеет деньги, а живет скромно, главным образом потому, что нет у него никаких потребностей. Веселый, как человек преуспевающий и не имеющий никаких домашних или семейных неприятностей. Спальня у него при лаборатории, без всяких затей, комната с поразительно низким потолком. Летом он меня звал приходиться к нему работать. Вот буду где спасаться от жары... В пятницу он придет к нам чай пить.

Пишу обо всем этом, так как положительно не о чем. Никого не видим, я даже читаю мало, так как все время уходит на уборку и разборку дома, белья, архива.

Теперь вернемся к нашим баранам. «Вы не верьте». Будь со *всеми* осторожен и не очень откровенен. Люди сами не знают, когда они выдумывают. Самое легкое ругать кого-нибудь и самое трудное быть справедливым к человеку, который кажется тебе врагом. И очень часто от этого происходит много неприятностей, драм. Уверяю тебя, не М<арга> выдумала, а теперь Н<аталья> вывертывается за мужа, да и знает ли она уже все до конца, что говорили брат с сестрой?..⁹ Помни, ты лауреат, и честолюбивым людям всегда будет хотеться остаться с тобой в видимой дружбе. Горькую правду в глаза буду говорить тебе только я, — остальным не верь, и будь с ними хитер и мудр. Но, конечно, не показывай, что ты не веришь. Ошибка твоя была, что ты сказал, что знаешь мнение Ф<едора>, эх, где тебе быть «послом», на редкость не дипломат!

Галино здоровье меня беспокоит. Но главное, теперь не нужно ей доставлять ненужных волнений. Дай ей спокойно прожить и «до свидания» и во время его. Я думаю, что она тогда поправится. Ведь Серов не все знает. Кроме того, кто же из женщин во время болезни идет к врачу? Сказала ли она, по крайней мере, что «нездорова»? Подумай, у Лёни от радости, что купил пальто, поднялась температура, а Галя еще нервнее его. Вот я читала статью одного знаменитого профессора, что грудная жаба, то есть аорта и сердце зависит от ненависти, от этого чувства развиваются эти болезни... Сейчас твоя открытка. Целую за нее.

Старайся быть в хорошем настроении. Никого не ненавидь, от это<го> страдает аорта. Прислали книги из «Петрополиса»¹⁰. Извести быстро, пересылать их или нет, я их не распечатала еще.

Христос с тобой. Мне как-то «неуютно» в этот раз без тебя!.. В субботу день Ангела Гали. Не забудь. Не ссорься с ней в этот день!

Целую Галю. Заставляй ее по утрам есть яйца и ветчину. Главное, утром, и пусть *больше лежит*. Ее нужно поместить в спальню. Перенеси ее постель.

Деньги Лантельму и за радио 50 фр. сегодня вечером передаю Жозефу, — не подведи!

У меня стоит теперь на столе одна твоя фотография, которую я очень люблю, с опущенными глазами. У тебя на ней очень доброе, прекрасное тонкое лицо. Еще раз обнимаю.

Твой когда-то К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/109. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 387.

¹ 26 марта.

² Л. Зуров из Парижа уехал в этнографическую экспедицию в Прибалтику.

³ Михаил Семенович Мильруд (1883–1942) — журналист, после революции в эмиграции в Риге, технический, а затем ответственный редактор газеты «Сегодня» с 1924 по 1939 г.

⁴ Письмо Я.М. Цвибака неизвестно.

⁵ Аркадий Илларионович Рождественский — владелец лаборатории по производству парфюмерии в Грассе. Именно он в феврале 1935 г. оформил Л. Зурова лаборантом и представителем этой лаборатории для поездки в Прибалтику. Об этом знакомстве В.Н. Бунина писала в дневнике 25 марта 1935 г.: «Познакомилась с Рождественским. С Лёниным патроном. Впечатление смешанное. Неглупый, способный, нетеряющийся, но все же большой неврастеник. Быстро меняет свои решения. Жаден, мелочен. Лёня с ним намучается. Хочет завязать дела со всем миром и боится рискнуть 500 фр. Интересный для беллетриста характер. И все откладывает до последней минуты, все платёжи» (РАЛ. MS 1067/410).

⁶ Старейшее в мире туристическое агентство Кука, открытое в 1841 г. Томасом Куком (Cook, 1808–1892), через столетие стало крупной международной сетью туристических офисов.

⁷ Ближайшая публикация появилась через полмесяца: *Зуров Л.* Ветер // Последние новости. 1935. 7 апреля. № 5127. С. 4.

⁸ См. примеч. 1 к п. 361.

⁹ Имеется в виду обсуждение в семье Ф.А. и Н.Н. Степунов сложившейся ситуации с М. Степун и Г. Кузнецовой. См. первое после годового перерыва письмо Ф.А. Степуна Бунину от 17 декабря 1935 г., в котором он обещает написать вскоре «настоящее письмо <...> в связи с тем страшным несчастьем, которое обрушилось на Вас, Галину Николаевну <...> и Маргу» и следующее письмо от 22 октября 1936 г., написанное уже в ответ на бунинское (письма Бунина к Ф.А. Степуну пропали в Дрездене во время войны), с уверениями в том, что «той жестокой роли, о которой Вы пишете, я в печальном повороте Вашей жизни не сыграл» (*Степун–Бунин*. С. 113, 116).

¹⁰ См. примеч. 3 к п. 305. Очевидно, авторские экземпляры вышедшего в свет очередного тома «Собрания сочинений»: том 4 «Последнее свидание: [Рассказы 1912–1913 гг.; Стихотворения 1913–1914 гг.]» (Берлин, 1935).

387. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 22 марта 1935 г.

Милая моя, приезжайте лучше в четверг¹. В понедельн<ик> или во вторник у меня решительное свидание с хозяином нашего дома: жить на Offenbach'е очень трудно — стук, грязь и т.д. М<ожет> б<ыть>, надо перейти. Целую.

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/92. Почтовая открытка с фотографией Sacré Coeur; Exprès, адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 22.3.35». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ 28 марта. В.Н. Бунина и Л. Зуров выехали из Грасса 26 марта и 27-го были в Париже. См. п. 388.

388. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Канны. 23 марта 1935 г.

Драгоценный мой Ив! Как видишь, пишу из Канны. Лёня ушел к Мааку, который вчера у нас пил чай с Рождественским. Мааку наш «лаборант»¹ понес его воспоминания, — пока всего 4 страницы!

Встреча И.А. Бунина на вокзале.

Стокгольм, 5 декабря 1933 г.

(РАЛ)

К фотографии приложена записка рукой Бунина:

«Приезд в Стокгольм 5 дек. 1933 г. В.Н. Бунина, Цвибак, Бунин, Олейников».

Билеты мы взяли на вторник. Места сзади шофера. Если не очень устанем, и народу будет немного, поедem прямо в Париж. Значит, будем в среду утром у вас.

Я на этот раз *очень скучаю* без тебя. Хочется поскорее тебя видеть. М<ожет> б<ыть>, потому, что ты не пишешь, и я не чувствую тебя хотя бы через почерк.

Получила последние сто франков от Яблоновского², ими заплатила Лантельму, так что осталось лишь за радио *50 fr.*

Галины именины поспрадновали в Uniprix³ ветчиной и мадерой, — выпили за ее здоровье.

Лёня купил себе необходимые вещички. Остались лишь ботинки и шляпа, — представителю⁴ нельзя быть в берете, несолидно. Ему придется заехать в Ковно. Башмаки купили здесь, а шляпу оставили до Парижа. Он мне дал 200 fr. на билет, так что доплачу франков 12–13.

Он за это время очень похудел, Маак прямо ахнул. Пока ведь одни хлопоты и заботы. Рождественский дает на Ковну ему еще 150 fr., по-моему, мало.

Сегодня письмо от Мити⁵. Был грипп, после которого страшные боли головы — в затылке и в шейных связках, — последствие прошлогоднего покушения⁶. Стараюсь о нем не думать. Отвлекаюсь Лёней, его делами...

Дом убран на ять, к каждому ключу — этикетка. Сразу все можно найти.

Завтра поедem в Рурэ⁷.

В понедельник будем отдыхать.

Юбка и мои башмаки (подметки) будут готовы сегодня, возьму по дороге домой.

Сейчас у нас идет мандаринное лечение, Лёня набрал их огромную корзину, и мы едим их для витаминов.

Живем мы очень хорошо. В доме тепло. Со вчерашнего дня не топим на лестнице.

Ну вот тебе мелочи нашей жизни, действительно, маленькой.

Лёня хочет как можно скорее уехать. Как получит визы. Я надеюсь, что в случае затруднения ты поможешь, попросишь Маклакова⁸ или еще кого.

От Гали открытка сегодня. Целую ее за нее и за хлопоты по постели.

В дорогу возьмем холодной свинины.

Вещей у нас сравнительно с вами немного: у Лёни чемодан обычный, чемодан маленький и ремни. У меня Галин чемодан, несессер, porte-coussin⁹, подушка, картонка и машинка. Если бы у меня был чемодан побольше, то на одну вещь было бы меньше.

Обнимаю тебя со всей нежностью.

Твой К.

Твой костюм отдали в чистку — сплошные пятна — раздолье для моли! Деньги вышлю Marie Fleury¹⁰, и она отнесет его Жозефу.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/110. На почтовой бумаге Grand Café des Négociants, Cannes. Дата и место установлены по содержанию.

¹ См. примеч. 8 к п. 383.

² Возможно, возврат долга.

³ См. примеч. 3 к п. 383.

⁴ См. примеч. 8 к п. 383.

⁵ В.Н. Бунина пересказывает письмо Д.Н. Муромцева от 18 марта 1935 г. (РАЛ. MS 1067/4601).

⁶ Находясь в трудном материальном положении, тяжело больной и подавленный, Д.Н. Муромцев в 1934 г. пытался покончить с собой.

⁷ См. примеч. 1 к п. 251.

⁸ В.А. Маклаков с 1924 г. был председателем Эмигрантского комитета в Париже, выдававшего удостоверения русским эмигрантам, в связи с чем, вероятно, и мог оказать помощь Л. Зурову.

⁹ дорожная сумка (*фр.*).

¹⁰ Грасская знакомая Буниных, иногда помогавшая им по хозяйству.

389. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Брюссель. 17 ноября 1935 г.

Пока все слава Богу¹. Целую мою дорогую.

И.Б.

17. XI. 35.

Вот адрес

<подчеркнута имеющаяся на открытке печатная надпись: Bruxelles. Hôtel Métropole>

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/93. Почтовая открытка с фотографией интерьера номера и подписью «Bruxelles. Hôtel Métropole»; адрес получателя: «M-me Vouinine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Bruxelles, 18.XI.35».

¹ По приглашению бельгийского ПЕН-клуба Бунин поехал в Брюссель, где 17 ноября 1935 г. выступил с лекцией «Л.Н. Толстой (25-летие со дня смерти)» (см. приглашение на нее: РАЛ. MS 1066/1335). Бунин уехал из Брюсселя 20 ноября.

390. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Брюссель. 18 ноября 1935 г.

Понедельник

18.XI¹.35

Милая, дорогая, конечно, меня замотали — ни минуты покоя². Читал хорошо, зал переполнен, «овации» и т.д. В среду в мою честь завтрак в Р.Е.С. (Пэн-Клэб). Думаю, что в среду вечером буду дома. Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/94. На почтовой бумаге Hôtel Métropole Bruxelles. Месяц и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 391.

¹ Описка Бунина, на самом деле 18 ноября (в 1935 г. это число действительно приходилось на понедельник).

² См. в письме Бунина Н. Рошину от 19 ноября 1935 г.: «Меня очень чествуют. На вокзале — встреча: представители русской колонии, журналисты, фотографы (это 16 вечером). После сего (вечером же) — обед в Русском клубе. Речи, приветствия. 17-го, в пять часов, было мое выступление, — народу пушкой не пробьешь. Читал не плохо! Овации. Нынче (19-го) вечером я у Пушкиных (Николай Александрович, родной внук Александра Сергеевича)» (цит. по *Бабореко (2004)*. С. 307–308). В день отъезда, 20 ноября состоялся завтрак в честь Бунина, устроенный бельгийскими писателями.

391. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Брюссель. 19 ноября 1935 г.

Милая моя, что же ты не написала мне ни словечка? Здорова ли?

Думаю, что выеду завтра (после завтрака в Pen Club) — в 4 ч. 11 м. и, Бог даст, буду в Париже в 7-28, а дома в 8, к обеду.

Целую. (Вторник 19 ноября 1935)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/95. Почтовая открытка с фотографией отеля и подписью «Bruxelles. Hôtel Métropole et la Place de Brouckère»; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Bruxelles, 19.XI.35». Над текстом письма более поздняя надпись Бунина синей шариковой ручкой: «Bruxelles».

392. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Грасс. 4 марта 1936 г.

4. III. 36.

Милая, дорогая, крепко целую, боюсь за твое здоровье¹. Я пока слава Богу, но, конечно, душевно очень тяжело². Завтра напишу.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/96.

¹ В.Н. Бунина уехала из Грасса в Париж 3 марта 1936 г. Бунин оставался в Грассе. В.Н. Бунина вернулась из поездки 17 марта.

² Вероятнее всего, имеются в виду отголоски разрыва с Г. Кузнецовой. См. ретроспективную запись в дневнике В.Н. Буниной о том, что в ноябре–декабре 1935 г. у Бунина произошел «полный разрыв с Галей, он жестоко разрубил запутавшийся узел, и все очень страдали» (запись от 26 апреля 1936; РАЛ. MS 1067/410).

393. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 5 марта 1936 г.

Дорогой мой, как ты? Как Пэка¹? Ни строчки от вас не было.

Я говею. Вчера в церкви за обедней очень плакала и все молилась за тебя. Чувствовала, что никто, кроме тебя самого, не может помочь тебе.

Тебе нужно побыть одному, то есть без меня. Я утомилась за говение, нужно хоть дней пять отдохнуть. Если ты был бы мил, то я выехала бы 15 марта, но, конечно, ты на это не согласишься-

ся, и поэтому буду стараться выехать или в четверг вечером, или в пятницу утром, — в четверг придет прачешник. Но пятница падает на 13 марта. Как?

От Аминадо ни звонка. Что делать? Книги² перевезены, стоило больше 25 фр. Лёня расскажет. Их поместили в твой шкаф на полку.

Сегодня три года, как скончался папа³. Очень грустно.

От Гали писем не было. Я тоже ей не писала еще.

Вчера была на духовном концерте Денисова⁴. Пел и Каминский⁵. Я пригласила на пасхальную неделю Лидию Абрамовну⁶ в Грасс на «Бельведер», она прописала мне *crinex*. Очень советует, чтобы я *здесь неделю* его принимала. Он даст мне силы доехать. Вчера не спала полночи, все беспокоилась о тебе.

У Лёни сейчас Андрюша Бакст⁷ и барышня из Печер⁸, чудо, как свежа! Жаль, что ты не видел.

Обнимаю со всей нежностью. Пэке привет и поцелуй.

Звонила Логинова⁹. Я сказала, что ты уехал с бронхитом и не выходил.

Христос с тобой.

Жозефу mes compliments.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/111. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Н. Рошин.

² Возможно, авторские экземпляры томов Собрания сочинений, выпускаемого «Петрополисом».

³ Н.А. Муромцев скончался 5 марта 1933 г.

⁴ 4 марта 1936 г. хор Богословского института под руководством и при участии Ивана Кузьмича Денисова (1883–1963) дал концерт древних распевов (26, avenue de Tokyo, XVIe).

⁵ Сергей Владиславович Каминский (1883–1969) — юрист, певец, общественный деятель. До революции присяжный поверенный Московской и Петербургской адвокатур. С 1921 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Париже. Член правлений Союза русских адвокатов в Париже и Общества «Быстрая помощь». Пел в церковном хоре Богословского института в Париже, выступал на вечерах, устраивал гастрольные концерты. Член административного совета, позже генеральный секретарь Российского музыкального общества за границей.

⁶ Л.А. Каминская.

⁷ Андрей Львович Бакст (1907–1972) — сын Л.С. Бакста, художник театра и кино. С 1921 г. в эмиграции во Франции.

⁸ Возможно, речь об Ольге Мас, которая недолгое время была женой А.Л. Бакста.

⁹ Татьяна Дмитриевна Логинова-Муравьева (урожд. Хохбаум, 1904–1993) — художница, литератор. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Занималась росписью тканей, участвовала в выставках. Познакомилась с Буниными в 1935 г., позже подготовила к печати их письма (Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой, 1936–1961. Париж: YMCA-Press, 1982), опубликовала воспоминания о Бунине (*ЛН*. Т. 84. Кн. 2. С. 300–330).

394. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 6 марта 1936 г.

1936 г.

2 ч. 35 м. дня.

Дорогой мой, вот я и одна! Пока очень нравится.

Утром была у обедни.

Пришла. Убрала кабинет и столовую. Написала несколько писем.

Через полтора часа пойду на исповедь, отстою всенощную.

Отчего ни от тебя, ни от Капитана¹ нет ни строчки?

Начала принимать Кринекс². Он подкрепит меня.

Погода весенняя.

Хотела позвать Марину³ в субботу, но она идет на Керенского⁴. Просила отложить на среду. Я рада. Завтра я буду очень уставшей.

Читал ли ты, что Манухиной присудили за ее роман премию, как и Лукашу, а Папа Римский отменил, так как они не католики⁵. Возмутительно. А они с Иван Ивановичем⁶ работали на соединение Церквей! Поздравь — все же.

Я наслаждаюсь тишиной. Лестница у нас теперь покрыта серым ковром.

Писем тебе не было, а газету прислали. Я отсылаю ее сейчас⁷. От Аминадо ничего.

А внизу написано, что должны прийти за деньгами от электрического общества.

О тебе я очень молюсь и хочу, чтобы ты, наконец, пришел в себя. Какое впечатление у тебя от Грасса?

Напиши мне хорошее письмо.

Прости меня за все, чем я тебя огорчала и <что> не была достаточно терпеливой с тобой. Привет Пэке⁸ и [особенно] Лёне.

Твой К.

Поезди, пока Капитан, а там, Бог даст, за работу.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/112. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 395.

¹ Н. Роцин.

² См. примеч. 1 к п. 336.

³ Возможно, М.И. Цветаева или Марина Ивановна Ставрова.

⁴ 7 марта 1936 г. в зале Социального музея (5, rue Las-Cases, Paris VIIe) А.Ф. Керенский выступил с докладом «Гибель царской семьи (переговоры с Англией, отъезд в Тобольск, Екатеринбург)», вызвавшим большой интерес и подробные газетные отчеты: Л. Л. [Львов Л.И.] Можно ли было спасти Государя? Второй доклад А.Ф. Керенского // Возрождение. 1936. 9 марта. № 3932. С. 3; Н. П. В. [Вакар Н.П.] Гибель царской семьи: Доклад А.Ф. Керенского // Последние новости. 1936. 10 марта. № 5465. С. 4.

⁵ Академия общественного воспитания и сотрудничества при Католическом институте в январе 1933 г. объявила конкурс на лучший роман, «живописующий психологию большевизма и разрушения, производимые большевистскими идеями в семье, стране и обществе, с точки зрения вековых традиций, созданных христианской доктриной и моралью». Работа жюри продолжалась три года, и лучшими были признаны русские авторы, наиболее глубоко сознававшие ситуацию. Результаты конкурса были объявлены 3 марта 1936 г. на торжественном акте Католического института в Париже: первая премия (50000 франков) была присуждена роману А. Рахмановой «Фабрика новых людей», вторая (20000 франков) — роману Т. Таманина «Отечество», третья (10000 франков) — роману И. Лукаша «Дом пытки». О дальнейших событиях рассказал газетный репортер: «Неожиданно для участников конкурса решение жюри, вынесенное летом прошлого года, отправлено было на рассмотрение католической церкви. <...> Рим нашел, что в романах И. Лукаша и Т. Таманина “христианская мораль слишком растворена в славянском мистицизме”, и предложил исключить их из списка лауреатов. <...> Первая премия осталась за романом А. Рахмановой, 2-ю же получил австрийский иезуит Эрик фон Кюнелъг-Леддин, а третью, в половинном размере, генерал П.Н. Краснов за роман «Ненависть» (5000 фр.)» (Н. П. В. [Вакар Н.П.] Романы о большевизме: Премии католического института // Последние новости. 1936. 4 марта. № 5459. С. 2).

⁶ И.И. Манухин.

⁷ О какой газете идет речь, неизвестно.

⁸ Н. Роцин.

395. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 7 марта 1936 г.*1936 г. 7 марта
12 ч.

Дорогой мой, сейчас вернулась из церкви. Очень молилась за тебя, чтобы ты был бы в состоянии *простить*. Ведь «не ведают, что творят»¹... Какое бы ты почувствовал облегчение и радость. Сразу вся тяжесть свалится. Очень я просила Бога, чтобы он тебе помог.

Звонок по телефону — Аминад. Обещал отдать 1000 фр. в среду, так что ты не беспокойся, и деньги из «Ил<люстрированной> Р<оссии>»² пусть отправят тебе. За электричество 320 фр. заплатила. Сейчас трачу, вернее, буду тратить эти дни «книжные деньги». Жаль, конечно, что до среды ничего нельзя будет купить. Мне необходимо немного белья — все ночные рубашки разорвались, куплю хоть одну, а то холодно будет спать.

Твою записочку³ получила, целую за нее, мой Ненаглядыш.

А житье у вас Огневское!!!⁴

Байбаки, да и только, гитары лишь не хватало⁵!

Как ты чувствуешь себя в «мужском обществе»? Пора тебе от баб отдохнуть.

Сегодня очень холодно. Все теперь шиворот навыворот.

Скоро пойду завтракать к Ельяшевич с Лоллием Львовым. Узнаю, как было в Пушкинском комитете⁶. Он мне говорил, что «не допущу»...

А потом к Манухиной. Там царит возбуждение возмущения. 20000 мякнули! А так присуждение остается присуждением, хотя французские газеты об этом молчат. Жаль очень Лукаша. В его положении 10000 очень нужны. Кажется, Иван Иванович так не оставит!!! Самому Папе покажет, да и действительно возмутительно. Жюри католическое присуждает, а Рим отменяет. Обнимаю нежно.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/113.

¹ Возможно, подразумеваются отношения с семьей Степунов. См. примеч. 9 к п. 386.

² 1 марта 1936 г. Бунин вместе с Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцевым и И.С. Шмелевым вошел в редакционный комитет журнала «Иллюстрированная Россия». В.Н. Бунина здесь имеет в виду гонорар за его первую публикацию в новом качестве, появившуюся в день написания ею письма: *Бунин И. Записи // Иллюстрированная Россия. 1936. № 11 (565). 7 марта. С. 2–3.*

³ Речь о п. 392.

⁴ Имеется в виду житье в Огневке, т.е. у брата Бунина Евгения.

⁵ Отсылка к раннему рассказу Бунина «В поле» (1895; впервые опубликован под заглавием «Байбаки. Из быта мелкопоместных»).

⁶ Пушкинский комитет в Париже был создан в конце февраля 1935 г. для подготовки к столетию со дня смерти А.С. Пушкина. В Президиум комитета были избраны В.А. Маклаков (председатель), И.А. Бунин, П.Н. Миллюков и М.М. Федоров (товарищи председателя), Г.Л. Лозинский (генеральный секретарь). Члены комитета с самого начала не сходились во мнениях по поводу задач и методов их осуществления. В.Ф. Ходасевич писал А.Л. Бему 6 ноября 1935 г.: «Вы имели осторожность запросить меня, каковы планы здешнего Пушкинского комитета. Письмо Ваше пришло как раз в такую минуту, когда, казалось, вот-вот должны разрешиться главные вопросы. Но решения эти откладывались от заседания к заседанию, а, не теряя надежды, соответственно откладывал свой ответ Вам. Наконец, вижу, что больше уже ждать нельзя, ибо кроме заседаний может ничего и не оказаться. / Дело в том, что в комитете сидит человек сорок, из которых читали Пушкина четверо: Гофман, Лозинский, Кульман и Ваш покорный слуга. Читали его, впрочем, еще двое: Бурцев и Тыркова, — но от этого у них в головах произошел только совершенный кавардак. И вот — вздумали непременно издавать Пушкина.

И Гофман, и я от этого отговаривали, но тщетно. <...> / Наконец, Гофман предложил свой план издания <...>. В письме от 14 августа 1935 г. В.Ф. Ходасевич сообщал Г.П. Струве: «Пушкинский Комитет не доставляет мне никаких радостей. Я не сочувствую его главной затее — издавать Пушкина. Сижу в редакц<ионной> комиссии и на общих собраниях отстаиваю наименьшее зло — проект Гофмана» (*Янгиров Р.* Пушкин и пушкинсты: По материалам из чешских архивов <письма В.Ф. Ходасевича А.Л. Бему 1935–1938> // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 194, 198).

396. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Грасс. 7 марта 1936 г.

7. III. 36.

Grasse.

Зуров доехал благополучно и хорошо — мог даже спать в дороге, в купе было всего 3 человека.

Очень благодарю тебя за нежные слова — что ты молилась за меня. Мне без тебя, конечно, труднее, но Господь с тобой, гоевой и отдыхай. Только плохо верю, что ты будешь отдыхать. Буду рад, если выедешь в четверг вечером — ведь «прачешник» придет в четверг *утром*.

Если Аминад будет молчать, позвони ему *сама* — стыдиться тут нечего. Денежные наши дела из рук вон, *страшно плохи*. Пожалуйста, пойми это наконец.

NB. Найди книги Толстого — *Цетлинские* — и отдай Шуре¹. Их три (*кажется*). Из одной выпало несколько страниц — *прилагаю их*. Все эти в зеленых переплетах.

Тут оказалось порядочно мелких долгов. Беда! Нельзя нам жить на 2 дома.

Физически чувствую себя, дай Бог не сглазить, сносно. Позавчера потерял много крови.

Все эти последние 2 года были у нас сплошным безумием — тут, в тишине, в этой уже полной законченности нашей прошлой жизни, почувствовал и увидел теперь особенно ясно. Господи, что она наделала над собой и над нами! Вот тебе и премия и вершина моей жизни — полетел, благодаря ей, истинно к черту на рога!

Целую тебя горячо, драгоценная моя.

Агент, который предлагал квартиру купить на Michel Ange, — Юрий Владимирович Эдельберг². *Позвони ему как-нибудь* — непременно: может, у него окажется что-нибудь интересное для нас — в Париже или в С. Клу, или в Chavil<e>. Телефон: Anjou 09–59.

Пожалуйста, не забудь.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/97.

¹ А.Н. Авксентьева. См. примеч. 3 к п. 212.

² Не удалось найти сведений.

397. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Грасс. 8 марта 1936 г.

Получил твое письмо от 6-го. Нынче в газетах известие об огромном событии насчет выступления Германии¹. *Все возможно* после этого. Следовало бы Г<алине> немедля удирать во Францию. Целую тебя, драгоценная.

8 марта.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/98. Почтовая открытка; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Grasse, 9.III.36». Год и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ 7 марта 1936 г. немецкие войска вошли в Рейнскую демилитаризованную зону, установленную в 1919 г. с целью затруднить нападение Германии на Францию. 8 марта 1936 г. первые полосы газет пестрели заголовками: «Германия денонсировала Локарнский договор», «Вступление германских войск в Рейнскую область», «Франция обращается в Лигу Наций».

398. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 9 марта 1936 г.

9 марта 1936 г.

Дорогой, бесценный, получила от тебя сегодня письмо. Целую за него.

Все три вечера, пятница, суббота, воскресенье, была дома. Ложилась спать около двенадцати. Но сегодня долго не могла заснуть, все думала о тебе.

Не знаю, удастся ли мне выехать в четверг? Дело в том, что Нилус попросил меня переписать ему одну драму¹. Это касается и тебя. Он никому не может это дать переписывать, так как это тайна, и он боится, что разгласят. Пока я переписала ему семнадцать страниц. Сколько еще осталось, не знаю. Мне жаль его, если из-<за> одного-двух дней эта работа не будет окончена. Он возлагает на нее большие надежды. Я, конечно, не разделяю их. Но ведь у него так мало радостей, что мне не хочется огорчать его. Завтра же я не могу писать. Разве вечером. Утром обедня, панихида по Ирочке². Днем свидание с Аминадом. Звонил и сегодня. Сказал, что отдаст деньги завтра. Я думаю твердо, что тебе *полезно* пожить без меня, особенно пока Капитан³. Он уедет, и если я уже обживусь, тебе будет грустнее. А привозить еще кого бы то ни было невозможно при наших средствах. Тон твоего письма меня сегодня утешил. И как ни странно, не сердись, мне кажется, что Бог услышал мои молитвы, и тебе стало чуточку легче. Кроме того, я хочу дом убрать. М<адемуаз>ель Имбер ходит пока через день. Многое я делаю сама. Сегодня утром стирала. А если потороплюсь с отъездом, то придется ей больше платить: ведь нельзя оставить дом в грязи. Сегодня она будет стирать твою рубашку. Нужно ли ее привозить или нет? Напиши, не забудь.

Вчера со мной случилась история: я решила, уходя, запираю на ключ квартиру. Была у Левиных. Вернулась с Верой Рафаиловной⁴. Вложила ключ в скважину, повернула и... ни туда, ни сюда... обычная история. Берта и Имбер открыли двери, но ключа не вынули, хотя работали с остервенением. Пришлось Петру Александровичу сходить за слесарем на рю Анонсиасьон. Он ключ вынул. Придет в среду поправлять замок. Обидно. Но нужно быть довольной, что это случилось днем, а не ночью.

Пила чай вчера у Жирмунской⁵. Квартира — модерн, к ней подходит и хозяйка. Муж⁶ очень приятный человек.

В субботу у меня обедали Свинина⁷ и Бакст. Свининой я дала билет на Керенского⁸. А Бакст просидел у меня до полночи. Мы все вспоминали Москву, Петербург. Он много мне рассказывал о Третьяковых⁹, об их быте семейном.

Татьяна Ивановна¹⁰ сдержана, но возмущена и огорчена сильно. Действительно, возмутительно поступили иезуиты. Читали ли вы разговор Вакара с кардиналом¹¹? Жаль, нет Пэки¹², он тоже отправился бы и поговорил...

Получила открытку от Гали¹³. Беспokoится, что не писала я ей давно. Спрашивает: «Здоровы ли вы и все?..» Потом о Мите¹⁴. «Когда от Вас долго нет известия, думается ведь

всякое...» Марги опять нет с ней. Вызвали ее опять в Берлин. Галя здорова. Много сидит за книгами и много гуляет. Куда назначат Маргу, еще, видимо, неизвестно. Ничего не пишет.

Здесь все очень взволнованы германскими событиями. Мне советуют эту неделю пробыть в Париже. Кое-что должно выясниться. Хотя, конечно, никто ничего не знает. Бакст пришел очень взволнованный относительно войны. Ведь его заберут в первую голову. Уверают, что война, если будет, то не раньше лета.

Слушали ли вы Гитлера, когда он говорил речь¹⁵? Жаль, что никто не понимает по-немецки.

Я живу очень скромно. Сейчас едем в объезд.

Целую тебя со всей нежностью, мой милый. Я все-таки скучаю по тебе, но пока эту скуку терпеть могу.

Привет и поцелуй Пэке и Лёне. Как они себя ведут? Что не напишут?

Обнимаю крепко.

Твой К.

Дома сидеть очень нравится!

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/114.

¹ О новой своей пьесе П.А. Нилус писал Бунину 16 марта 1936 г.: «Посылаю тебе на просмотр пьесу для кинематографа. Если ты подпишешься под ней, она м.б. куплена в Америке за имя, необычный сюжет. <...> *Прошу тебя очень, никому не давать пьесы на прочет* — украдут — бывали такие случаи; по этой же причине я не могу отдать пьесы для переписки в неизвестные руки» (РАЛ. MS. 1066/4230). Дальнейшая судьба этой пьесы и ее название неизвестны.

² Неустановленное лицо.

³ Н. Рошин.

⁴ В.Р. Мартынова.

⁵ Не удалось найти сведений.

⁶ Не удалось найти сведений.

⁷ Возможно, Людмила Александровна Дурова (урожд. Свиньина, 1883–1983).

⁸ См. примеч. 4 к п. 394.

⁹ Возможно, речь идет о семье предпринимателя, коллекционера, мецената Павла Михайловича Третьякова (1832–1898) и его брате Сергее Михайловиче (1834–1892).

¹⁰ Т.И. Манухина.

¹¹ Н.П. Вакар еще в первой статье упомянул о своем разговоре с одним из членов жюри конкурса на лучший антибольшевистский роман: «Генеральный секретарь г. Белль в беседе с нами после собрания заявил, что романы гг. Лукаша и Таманина лишены премии за несоответствие с “христианской доктриной”. Христианство устроители конкурса, очевидно, понимают только, как “католичество”. Нигде в правилах конкурса, однако, такого указания не было» (Н. П. В. [Вакар Н.П.] Романы о большевизме: Премии католического института // Последние новости. 1936. 4 марта. № 5459. С. 2). Неделю спустя он опубликовал свою беседу с ректором Католического института: Н. П. В. [Вакар Н.П.] «Лучший» роман о большевизме: Беседа с кардиналом Бодрильяром // Последние новости. 1936. 8 марта. № 5463. С. 4.

¹² Н. Рошин.

¹³ Открытка неизвестна.

¹⁴ Д.Н. Муромцев.

¹⁵ 7 марта 1936 г. А. Гитлер выступил на заседании Рейхстага с речью по случаю вступления германских войск в Рейнскую область. В ней нарушителем прежде действовавших локарных соглашений (1925 г.) была объявлена Франция, заключившая договор с СССР. Речь продолжалась полтора часа, транслировалась по радио и вызвала острую реакцию во всей Европе. См. примеч. 1 к п. 397.

399. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 10 марта 1936 г.*

10 марта 1936 г.

Дорогой мой, получила твою открыточку¹, спасибо, что пишешь.

Завтра выезжает в Канн Шаляпина с дочерью². Она хотела тебе позвонить. Она тебе позвонит. Развлекись с ней без меня. Помогите им устроиться.

Я в третьем классе ночью ехать не могу, а потому решила тоже ехать с дневным поездом. Завтра постараюсь достать билет. Зайду к Зилоти³. Узнаю, в котором часу лучше ехать. Выйду в воскресенье⁴, чтобы иметь возможность в Грасс приехать с последним автобусом. По воскресеньям ходят в час ночи. Было бы приятно, если бы кто-нибудь приехал из вас встретить меня, кажется, придется дожидаться этого автобуса часа полтора. Я не уверена, что в будни есть этот часовой автобус. Я совершенно не могу лежать на этих кожаных твердых лавках. Надеюсь, что за два дня ты меня не будешь бранить. Да, может быть, и с Шаляпиной повидаетесь. И тебе будет не очень скучно.

Сегодня была в церкви. За обедней опять плакала. Все думала о тебе. Были и на кладбище. Познакомилась с кузиной Кугушева⁵. Милая женщина. Без слез не может о нем говорить⁶. Она мне сообщила, что Шишкин⁷ чуть не умер: было воспаление уха.

Сегодня переписала шестнадцать страниц Нилусу. Наверчено много.

Марья Самойловна до сих пор не приехала и ничего не написала, а сказала по телефону, что приедет сегодня. Шурочка⁸ ничего не понимает.

Аминад был. Все расчеты с ним кончены. Мадемуазель Имбер бывает через день. Вчера стирала белье.

Наш Кружок⁹ плачет, что я уезжаю. Вчера опять ездили, но никого не застали. Да и время не очень подходящее.

От Гали на мое письмо ответа еще нет. Не знаю, как она воспримет все эти события. Здесь думают, что если будет война, то к лету. Многие верят. А Аргутинский¹⁰ говорит, что войны никакой не будет. Англичане сегодня предали французов¹¹. Я ничего не понимаю. Бумаги очень упали на бирже¹², а франк нет.

Была вчера у Кульман, простилась. Лоллий¹³ еще не передал им книги. Скажи об этом Лёне. Не звонил и Круг¹⁴ мне. А Шурочка придет за Толстым завтра.

Завтра у меня обедают Цветаева с Муром¹⁵, Полонская с Лялей¹⁶, Бакст и еще кто-то. Это последний прием. Я перед Цветаевой страшная свинья. Да, еще Каллаш. Может быть, Хигерович, к которой я иду сегодня обедать.

До сих пор я ничего себе не покупала. Времени совсем нет. А все требуют свиданий и прощаний. Верочка¹⁷ была в церкви, очень расстроена из-за Наташи. Кажется, там дело табак¹⁸! Они вчера уехали в Марсель, где будут жить пять недель. Придет в пятницу ко мне. Ей нужно о чем-то очень серьезном со мной поговорить.

И.А. Бунин.
Стокгольм, декабрь 1933 г.
(РАЛ)

Бальмонта уже били. Теперь его перевезли. Какой ужас. Жальче всего Ньюшеньку¹⁹. Она написала Верочке потрясающее письмо. «Я вчера испытала настоящее отчаяние. До вчерашнего дня я не знала, что такое горе, а я прожила долгую жизнь, как Вы знаете. Пока видеться не могу»... Это она писала на другой день после того, как Бальмонта посадили в Питье²⁰. Значит, она не верила, что это безнадежно.

Аминад нашел, что у меня очень чисто. А он ведь маньяк. Был мил и весел.

Скажи Лёне, что он забыл свои вязанки²¹. Я привезу их, как и рубашки. Нужно ли приносить твою белую? Не забудь ответить.

Обнимаю тебя со всей нежностью. Поцелуй Пэку²² и Ямбо²³.

В «Иллюстрированную Россию» я не пойду. Напиши, чтобы тебе выслали деньги в Грасс или, если хочешь, я скажу туда по телефону.

Твоя В.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/115.

¹ См. п. 397.

² Вторая жена Ф.И. Шаляпина (с 1906 г., официально с 1927 г.) Мария Валентиновна Петцольд (урожд. Элухен, 1882–1964) и их дочь Марина Федоровна Шаляпина (в замуж. Фредди, 1912–2009), киноактриса, победительница конкурса красоты Мисс Россия 1931.

³ Александр Александрович Зилоти (1887–1950) — художник, искусствовед. С 1925 г. в эмиграции в Париже. Участвовал в выставках, преподавал в Русской академии Т.Л. Сухотиной-Толстой, работал гидом в туристическом агентстве Кука.

⁴ 15 марта.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Князь А.А. Кугушев застрелился 26 июля 1935 г.

⁷ См. примеч. 1 к п. 251.

⁸ М.С. Цетлина и А.Н. Авксентьева.

⁹ Благотворительный кружок «Амау» («Amis auteurs russes» — «Друзья русских писателей») был создан в конце 1936 г. с целью оказания материальной помощи русским писателям; председателем кружка был Бунин, а В.Н. Бунина принимала деятельное участие в его работе.

¹⁰ Владимир Николаевич Аргутинский–Долгоруков, князь (1874–1941) — дипломат, деятель искусств, меценат. До революции чиновник Министерства иностранных дел, секретарь русского посольства в Париже. Участвовал в организации Русских сезонов С.П. Дягилева в Париже. С 1921 г. в эмиграции во Франции. Член-учредитель Общества друзей Русского музея (1930). Член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935–1937).

¹¹ 9 марта 1936 г. премьер-министр Великобритании Стэнли Болдуин и министр иностранных дел сэр Энтони Иден выступили в палате общин, официально определив отношение английского правительства к оккупации немцами Рейнской области как невмешательство.

¹² Газеты в тот день сообщали: «Биржа на события в Рейнской области ответила общим понижением» (Последние новости. 1936. 10 марта. № 5465. С. 6).

¹³ Л.И. Львов.

¹⁴ Георгий Иванович Круг (1907/1908–1969) — художник-иконописец, реставратор. С 1921 г. в эмиграции в Эстонии, с 1931 г. в Париже. Учился у Н.Д. Миллиоти и К.А. Сомова. Член общества «Икона». Позже постригся в монахи (в 1948).

¹⁵ М.И. Цветаева с сыном Георгием Сергеевичем Эфроном.

¹⁶ Л.А. Полонская с сыном А.Я. Полонским.

¹⁷ В.А. Зайцева.

¹⁸ Имеются в виду Н.Б. Соллогуб и ее муж.

¹⁹ Анна Николаевна Иванова (1877–1939) — поэтесса, переводчик, племянница второй жены Бальмонта Е.А. Андреевой. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Жила в семье Бальмонтов.

²⁰ Парижский госпиталь Питье-Сальпетриер (Pitié-Salpêtrière; 47-83 Boulevard de l'Hôpital), созданный в 1656 г. как богадельня, к XIX в. стал крупнейшей французской больницей, куда с 1796 г. помещали душевнобольных.

²¹ Вязаная кофта или джемпер.²² Н. Рошин.²³ Неустановленное лицо.**400. И.А. Бунин — В.Н. Буниной***Ницца. 11 марта 1936 г.*

На почте в Ницце.

11. III. 36.

Получил нынче твое письмо. Выезжай в воскресенье вечером. В субботу заседание Лиги Наций в Лондоне¹. Значит, узнаешь, куда клонятся события.

Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/99. Почтовая открытка — Exprès; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Nice, 11.3.36», «Paris. Boulevard Diderot, 11–50.12. III.1936», «Paris. Rue Singer, 12–15.12.3.1936», «Paris. Rue de la Bastille, 12–35.12.III.1936».

¹ 14 марта 1936 г. действительно состоялось заседание совета Лиги Наций, но никаких существенных решений принято не было.

401. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Грасс. 12 марта 1936 г.*

Вчера послал тебе ехрès, советовал выехать в воскр<есень> *вечером*. Нынче Шаляпина сказала мне по телефону, что выезжаешь в воскр<есень> *утром*. Хорошо. Но не лучше ли тебе выехать в *понедельник*, тоже *утром*? Или даже во вторник (если понед<ельник> плохой день)? Встретим на Фостере¹. Целую.

Ив.

Четверг.

Поезд выходит из Парижа в 8 ч. 5 м. утра, в Cannes приходит в 10 ч. 42 м. вечера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/100. Почтовая открытка — Exprès; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Cannes, 12.3.36», «Marseille à Lyon, 12.3.36», «Paris. Boulevard Diderot, 9-30.13.III.1936», «Paris. Rue Singer, 10-00.13.3.1936», «Paris. Rue de la Bastille, 10–30.13. III.1936». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 1 к п. 379.**402. В.Н. Бунина — И.А. Бунину***Париж. 13 марта 1936 г.*

1936 г. 13 марта.

Милый мой, я совсем собралась ехать в воскресенье утром, чтобы быть в Грассе в час ночи, то есть выехать из Канн с последним автобусом. А теперь ты смутил меня. Ночью ехать мне тяжело. Я не знаю, есть ли ночной автобус из Канн в Грасс в будни? Дай телеграмму.

Я обедала сегодня у Михельсон¹. Она говорит, что о положении можно знать лишь во вторник.

Я теперь не знаю, что делать?

Читал ли ты, что о тебе пишут? Не участвуй в том, о чем тебя просит вся Илюшина клика², — добра не будет!

Где Пруст? В сундуке его нет. Поблагодари Пэку за письмо³. Как же это ты свинцовой примочкой открытую рану поливал!

Надеюсь, что все прошло?

Звонила ли тебе Шаляпина?

Ждать ли мне вторника или выезжать в понедельник утром или в воскресенье вечером. Но я боюсь за ночь. Физически очень устала, так как масса всяких дел. Вчера до часу ночи приводили с Ф<аиной> Осип<овной>⁴ дела Amaur'a⁵.

Купила себе два летних платья, оба стоят 135 fr., — ведь у меня нет на лето ничего, кроме белого. Одно стоит всего 35 fr. На башмаки денег не хватило. Биль⁶ из газового общества за 2 м<есяца> 123 — это дешево. За деньгами не приходили, нужно их выслать m-elle Imbert.

Целую тебя, мой дорогой. Приветы Капитану⁷ и Лёне.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/116.

¹ Наталья Игнатьевна Михельсон — общественная деятельница, знакомая Буниных. Жена А.М. Михельсона. См. пп. 449, 451.

² Вероятно, речь об открытом письме, которое планировалось опубликовать в только что начавшем выходить под редакцией А.Ф. Керенского двухнедельнике «Новая Россия» (Париж, 1936–1940. № 1–84). См. об этом в письме И.И. Фондаминского Бунину от середины марта 1936 г. (*Бунин–СЗ*. С. 912–913). По-видимому, Бунин последовал совету В.Н. Буниной, никаких открытых писем в ближайших номерах журнала не появилось.

³ Письмо Н. Рощина неизвестно.

⁴ Ф.О. Ельяшевич.

⁵ См. примеч. 9 к п. 399.

⁶ От англ. bill — счет.

⁷ Н. Рощин.

403. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 13 марта 1936 г.

13 марта.

Va bene!¹ Выеду, если все будет благополучно, во вторник утром. Послала тебе экспресс до получения открытки.

Вчера отвезла шубку к Лафаэтту², и... стало холодно, хотя день ясный.

Сейчас пришла Верочка³. Иду с ней к Прэнтан⁴ с щеткой <так>, иначе нельзя чистить квартиру.

Целую. Напишу еще.

Твой К.

Целую тебя, мой дорогой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/117. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 402.

¹ Ладно! (*ит.*)

² См. примеч. 10 к п. 324.

³ В.А. Зайцева.⁴ См. примеч. 10 к п. 324.**404. В.Н. Бунина — И.А. Бунину***Париж. 16 марта 1936 г.*

ARRIVE MARDI CANNES 10.42 SOIR EMBRASSE = VERA

Перевод с французского:

Приезжаю Канны вторник 10.42 вечера обнимаю = Вера

Публикуется по оригиналу: РАЛ. MS 1067A/118. Телеграмма; отправлена: «Paris. 22–30. 16.3»; почт. шт.: «Grasse, 17.3.36». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

405. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 25 апреля 1936 г.*

Суббота.

Милая душенька, доехал без особого утомления¹. Нынче вечером увижу в Ротонде² М<арью> С<амойловну>³, Мишечку⁴, Алданова, Керенского. Пришла Имбер готовить мне соль⁵ на обед. Храни тебя Христос. Поклон Л<ёне>.

Твой Ив.

У нас, оказывается, ни одного одеяла.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/101. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bouinine. Villa Belvédère, Grasse, A<pres> M<aritime>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 26.IV.1936», «Grasse, 27.IV.36». Над текстом рукой В.Н. Буниной сделаны приписки: «Получено во вторник 28 апреля», после слова «Суббота» дописана дата: «1936. 25 апр.».

¹ Поехав в Париж, Бунин надеялся получить польскую визу и сразу поехать в Польшу, где были запланированы его литературные выступления. Однако визу получить не удалось, и поездка отменилась. 6 мая 1936 г. Бунин возвращается в Грасс

² Парижское кафе «Ротонда» (Café La Rotonde, 103, bd du Montparnasse), открывшееся в 1911 г., долгое время было местом встреч монпарнасских художников, после ремонта в 1922 г. одним из первых превратилось в относительно дорогой «американский бар-ресторан и дансинг». Подробнее о месте «Ротонды» в жизни парижской художественной богемы: *Гудиаивили Л.* Книга воспоминаний. В Париже // *Литературная Грузия*. 1979. № 9. С. 139–140, 144–146; *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга первая // *Эренбург И.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 8. С. 133–149.

³ М.С. Цетлина.⁴ М.О. Цетлин.

⁵ Соль (от *лат.* Solea solea; другие названия: морской язык, дуврская камбала) — деликатесная рыба из семейства камбаловых.

406. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 25 апреля 1936 г.*

25 апреля 1936 года

4 часа 45 минут.

День сегодня отличный, ненаглядный мой, кажется, весна хочет, наконец, быть веселой. Вчера, возвращаясь домой на автобусе, заметила, что цветут каштаны.

Заснула после того, как ты приехал в Париж, хотя легла спать в десять: чувствовала себя утомленной, а ночью чувствовала сердце.

Вчера купила себе «скандаль»¹, очень хорош, только дороже, чем думала, стоит он 130 фр., покупала в английском магазине, чтобы не подсунили гнили, поэтому несколько дороже, потом зашла к оптику, который и поставил на место мои стекла, купила там и футлярчик, и шнурочек, и теперь пенсне всегда при мне, и я перестала чувствовать себя беспомощной внизу, могу, когда надо, посмотреть и журнал для радио, стоило все 8 франков, если прибавить еще 10 франков на «шайку» для мытья посуды, то я перерасходовала 50 франков, поэтому считай, что в «неприкосновенном фонде» у меня не 300 франков, а 250. Удовольствие от всех этих трех вещей получила большое, а потому ты не сердись, я очень за них тебе благодарна. Мне хотелось, чтобы подарок за 23/10 апреля был бы хорошим². Шашка голубая, веселенькая, оживила кухню. Жозеф очень доволен. Книгу Бицилли отправили³, стоило 4 ф. 10 с. У Фенички⁴ было бестолково, она наверное не знала, уедет или нет, так как Фляксы⁵ оказались большими «неврастеничками», сами не знают, чего хотят. Но думаю, что все-таки уехали. Вернулась я к обеду. Пили кофе в ресторане над морем, где нас когда-то угощал Тикстон⁶. Феничке хотелось вобрать в себя все — и море, и солнце, и всю мужскую любовь, существующую в мире... Купался толстяк с невероятно огромным животом, не немец ли? Возвращалась я домой с радостным чувством: «скандал» и пенсне с футляром на мне. Обедали вчерашним супом и макро в фуре⁷. После обеда почувствовала сильную усталость. Немного полежала, а затем в 10 и спать.

Сегодня с утра ушла по делам: разменяла сто франков в банке, отнесла деньги на почту, положила 800 на книжку, Жозефу пятисот франков отдала еще вчера. Оставила себе на расходы 300 франков, да Жозефу вчера дала пятьдесят на базар. Заплатили Лантельм.

Завтракали макаронами и яичницей. Потом я легла спать и заснула. Почта пришла поздно. Получила письмо от Свининой⁸, к тебе пересылаю, так как у них нет теперь телефона, а ты будешь думать, что нет дома. У нее, у бедной, видимо, нет совсем денег, ничего не может найти... Кланяйся ей от меня. Возьми ей билет на Тэффи⁹. Могут дать ей вместо меня.

С этой почтой я получила очень печальное известие. Погиб в горах уже два месяца назад зять¹⁰ Иды¹¹. Ему было 28 лет. Он был блестящим ученым, уже профессор и инспектор горного, по-нашему, института, в Сент-Этьене. Пишут о нем как о большой потере для Франции, он уже был корреспондентом Академии наук... Мне до слез жаль бедную Киру¹², какая она очаровательная женщина! Ей всего 27 лет, двое детей. Ида пишет, что сердце разрывается, глядя на нее. Погиб он над Греноблем. Об этом писали во всех французских газетах. Она прислала мне две вырезки¹³. Одну с портретом — красивый, с умными, немного насмешливыми глазами с твердым взглядом совсем молодой человек. В газетах пишут, что положительно весь институт плакал. Его очень все любили. Вот какие несчастья бывают на земле. Получал он до 80 000 тысяч в год, а теперь Кира — нищая! И ко всему ей не выдают из банка деньги, так как официально он не умер, труп не найден¹⁴. Когда увидишь Ельяшевич, скажи им об этом. Они знают и Иду, и Киру. Ида просит меня сообщить Фаине Осиповне¹⁵ об этом, а я ей только что написала. Этим горем и объясняется, что Ида ничего не ответила на письмо Ф<аины> Ос<иповны>.

Теперь о делах: 1) Отдал ли ты мадемузель Имбер долг наш? 2) Повидался ли с Кульманом? И поговорил ли насчет польской литературы? Если Вейдле в Париже, поговори и с ним. 3) Видался ли с Каллаш? Она, по газетам, выступает с докладом¹⁶. Значит, понравилась. Скажи ей, что я не писала В<ере> Р<афаиловне>¹⁷. Может, через тебя передать ей что надо, или сам зайди. 4) Береги себя, а то я волнуюсь, и у меня физически начинает болеть

сердце. 5) Старайся быть в деловом настроении. 6) Ложись вовремя спать, ведь хлопоты о визах нужно делать по утрам.

Лёня заботлив: утром мне сунул бутерброд из оставшегося вчерашнего его завтрака, а днем принес цветов. Сейчас он пошел к сапожнику. Днем сидели с ним на лавочке в саду.

Жозеф сегодня вычистил твою комнату. Весь день окна настежь. Вот и все новости.

Нежно обнимаю, дорогой мой.

Твой К.

Подумай о ремонте квартиры. Может вести переговоры и Хигерович. Она умеет. А то ведь стыдно принять кого-нибудь с такими обоями. Подумай серьезно.

От Мити¹⁸ письмо сегодня. Операцию произведут до 1 мая. Письмо от 20 мая¹⁹ из терапевтической клиники.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067А/119.

¹ Корсет известной фирмы корректирующего и моделирующего женского белья, упоминается в письме В.Н. Буниной Г. Кузнецовой от 19 июня 1936 г. (см.: *Новые материалы* (3). С. 49, 51).

² Те. на день, который Бунины считали началом совместной жизни.

³ В письме к Бунину от 16 апреля 1936 г. П.М. Бицилли просил: «Дорогой Иван Алексеевич, мне очень совестно протягивать руку, но все-таки не могу удержаться: если есть у Вас лишний экземпляр “Жизни Арсеньева”, подарите мне: у меня есть все тома Ваших сочинений, кроме этого». Посланный Бицилли экземпляр 11-го тома Собрания сочинений Бунина (Берлин, 1935), в котором напечатана «Жизнь Арсеньева», хранится: ИРЛИ. Ф. 804 (П.М. Бицилли). Оп. 2. Ед. хр. 57. Когда в 1939 г. вышла пятая книга «Жизни Арсеньева» «Лица», Бунин также прислал ее Бицилли (ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 2. Ед. хр. 43). Подробнее (в том числе о пометках П.М. Бицилли на первом из присланных экземпляров) см.: *Бунин–Бицилли*. С. 134–136.

⁴ Ф.С. Шлезингер.

⁵ Не удалось найти сведений.

⁶ Павел Андреевич Тикстон (1872–1935) — промышленник, банкир, предприниматель. До революции директор Петербургского Международного банка, член правления страхового общества «Саламандра». В эмиграции жил в Париже. Член президиума Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже. Гражданский муж Н.А. Тэффи.

⁷ От *фр.* maquegeaux au four — скумбрия, запеченная в духовке.

⁸ Письмо неизвестно.

⁹ 2 мая 1936 г. в зале Социального музея (5, rue Las-Cases, Paris VIIe) устраивался вечер журнала «Современные записки», посвященный Н.А. Тэффи со вступительным словом М.О. Цетлина. Отчет о вечере см.: [Б.н.] Вечера «Современных записок» // Последние новости. 1936. 8 мая. № 5524. С. 5.

¹⁰ Пьер Копель (Copeil, 1907–1936) — член-корреспондент Французской академии наук, вице-директор горного института в Сент-Этьене, погиб во время горной прогулки в 1936 г.

¹¹ Ида Здиславовна Александрова (1885–1941) — родственница В.Н. Буниной.

¹² Кира Сергеевна Грар (Grard; урожд. Александрова; в первом браке Копель, 1908–2001) — дочь И.З. Александровой, жена Пьера Копеля.

¹³ Вырезки не сохранились.

¹⁴ Тело Пьера Копеля, сорвавшегося со скалы 2 февраля 1936 г., было найдено лишь в мае, см.: [Б.н.] Гибель ученого // Последние новости. 1936. 12 мая. № 5528. С. 4.

¹⁵ Ф.О. Ельяшевич.

¹⁶ 26 апреля 1936 г. в помещении церкви Пресвятой Троицы (2, impasse Alexandre, Vanves) М.А. Каллаш повторяла прочитанную там же месяцем раньше, 29 марта, лекцию «Русская православная миссия в Америке сто лет назад и ее забытые подвижники».

¹⁷ В.Р. Мартынова.

¹⁸ Д.Н. Муромцев.

¹⁹ Видимо, описка, и следует читать «от 20 апреля», хотя именно от этого числа письма Д.Н. Муромцева в РАЛ нет. Похожие сведения он сообщает о себе в письме от 18 апреля 1936 г. (РАЛ. MS 1067/4768). Операция была сделана 7 мая, и на следующий день В.Н. Буниной была послана открытка, в которой начало и конец на-

В.Н. Бунина.

Стокгольм, декабрь 1933 г.
(РАЛ)

писаны Д.Н. Муромцевым, а основная часть (о состоянии его здоровья: «Тревога за жизнь миновала» и т.д.) рукой другого человека (РАЛ. MS 1067/4772).

407. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 26 апреля 1936 г.

26 апреля 1936 г.

11 ч. утра.

Дорогой мой, сейчас получила почту. Пересылаю письма к тебе. Тебе придется дольше остаться в Париже, ибо первый вечер назначен на 9 мая¹. Что думаешь относительно Прибалтики²?

К сожалению, уже нельзя сегодня послать экспресс. Попрошу Жозефа послать его завтра утром.

Немного поспешил уехать, но ведь ты горяч, ничего с тобой не поделаешь...

Лёня уехал к обедне в Канн, я просила его вынуть просфирку, сама решила полежать после завтрака, не утомляться, чтобы привести

сердце в норму — все волнуюсь за тебя, что ты опять начнешь жить не так, как тебе подобает. Ложись вовремя спать. Кульманы тебя ждут. 2 мая на Тэффи³ увидишь всех с Феничкой⁴ во главе, которая, конечно, обнажит свои руки, чтобы все видели, что она была на юге... Боже, чем только люди не тщеславятся!

Не забудь известить «Лионский кредит», что ты получил чек.

От тебя ни строчки, утешаюсь: «pas de nouvelles bonnes nouvelles»⁵.

Было бы очень хорошо, если бы ты написал Кире два слова утешения: Madame Copel, Villa Moxie, rue de la Convention, Saint Etienne.

«Дорогая Кира, очень огорчен Вашим горем... и еще что-нибудь. Передайте мое сочувствие и привет Иде Дзиславовне». Твое внимание их очень тронет.

День чудесный. Вчера легла в 10 ч. 30 м. Встала в 8 ч. Вечером Лёня час читал мне по-французски. Я очень удивилась, почти все понимает, а книга была не из легких. Это мне будет маленькое развлечение.

Если ты уедешь только 7–6 мая⁶, то едва ли вернешься раньше июня домой, думаю, что тогда следует тебе распорядиться, чтобы мне выслали деньги из «Илл<юстрированной> Р<оссии>»⁷. Я зря тратить не буду.

Сегодня мне письмо только одно, от Наталии Ивановны⁸. Виделся ли ты с ними?

Надеюсь сегодня начать работать, отдохнувши после завтрака, сейчас пойду слушать мессу из Рима.

Господь с тобой, мой ненаглядный, будь осторожен, а то у меня будет болеть сердце.

Вот Шурочка⁹ может докончить твой портрет. Отдай М<арье> С<амойловне>¹⁰ 18 фр. 50 за чай. **Не забудь.**

Обнимаю тебя со всей нежностью. 29 лет тому назад мы в этот день были у Федоровых в Отраде¹¹, я познакомилась с Куровским, на обратном пути ты мне говорил, что тебе оста-

лось всего жить 14 лет, то есть 7 — а семь на сон... Веселенький разговор для «voyage de pose¹²»... оригинальная моя женская жизнь!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/120.

¹ О каком вечере идет речь, неясно.

² Трехнедельную поездку в Прибалтику Бунин предпринял двумя годами позже, подробнее об этом см.: Бакуницев (2012).

³ См. примеч. 9 к п. 406.

⁴ Ф.С. Шлезингер.

⁵ отсутствие новостей — лучшая новость (*фр.*).

⁶ Бунин собирался ехать с литературными выступлениями в Польшу, но поездка не состоялась.

⁷ К этому времени за текущий год в журнале был напечатан мемуарный очерк Бунина о нобелевских днях «Записи» (Иллюстрированная Россия. 1936. № 11. 7 марта. С. 2–3; № 15. 4 апр. С. 1–2, 4).

⁸ Письмо Н.И. Кульмана неизвестно.

⁹ А.Н. Авксентьева.

¹⁰ М.С. Цетлина.

¹¹ Дачная местность под Одессой, где Федоровы с друзьями снимали на зиму большой дом в саду. См. об этом: Муромцева-Бунина (1989). С. 179.

¹² медового месяца (*фр.*).

408. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 27 апреля 1936 г.

Милая моя, дорогая, получил твое письмо. «Чувствовала сердце» — это меня беспокоило. Не утомляйся. Съезди к Мааку. Видел почти всех — все то же. Имбер все заплатил. Нынче у Кульмана обедаю. Каллаш напишу завтра — мне надо сидеть над Толстым¹. Нынче начал демарши о визе. Первый вечер назначен на 9-ое мая. Выеду, если получу визу, 5-го. Образ жизни веду оч^{ень} умеренный. Все оч^{ень} грущу. Тут все цветет — от этого еще грустнее. Крепко тебя целую. Поговорю о 3^{уров}е с Игорем² — свинство ужасное. Выборы огорчили³.

Сейчас говорил с Игорем — говорит, что сам оч^{ень} огорчен, все был давний белл^е-тристический^е материал, обещает напечатать 3-го в воскр^есен^ье^е непрем^енно^е⁴.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/102. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<lres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 27.IV.1936». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ В это время Бунин работал над книгой «Освобождение Толстого», которая вышла в следующем году (Paris: YMCA-Press, 1937).

² И.П. Демидов. Видимо, разговор возымел действие: вскоре в «Последних новостях» появилась публикация Л. Зурова. См. примеч. 4 к наст. п., п. 412.

³ 27 апреля 1936 г. были обнародованы результаты первого тура парламентских выборов во Франции, который показал, что левые (радикалы, социалисты и коммунисты) имеют большие шансы на успех. В результате второго тура выборов 3 мая победу одержал Народный фронт, сформировавший правительство Леона Блюма.

⁴ Публикация появилась, как и было обещано, в воскресенье: Зуров Л. Дыхание России // Последние новости. 1936. 3 мая. № 5519. С. 4.

409. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 27 апреля 1936 г.

№ 3. Третье письмо.

Понедельник, 27 апреля 1936.

6 часов вечера.

Дорогой мой, и сегодня нет от тебя ни строчки. Но я не сержусь, я воспитала в себе ни от кого ничего не требовать. Пишу тебе, чтобы сказать, что сердце, не сплзить, слава Богу, перестало болеть. Я, оказывается, очень утомлена, ибо ежедневно сплю днем по два, по три часа. А ложусь рано и сплю хорошо. Вероятно, еще утомление парижское¹. При тебе я держалась на нервах, а сейчас отдыхаю, хотя понемногу уже стала пересматривать свои рукописи. Оказывается, написано гораздо больше, чем я думала.

Сегодня только одно письмо от Михельсон мне². Ты и им скажи, что мне нужно *отдохнуть*. Она криком кричит, что может все пропасть без меня. Совершенно нет дам, которые могут, вернее, хотят работать. А как будет обидно, если это дело погибнет. Может быть, ты к кому-нибудь съездишь?! Не приехала ли Детердинг³, основательница русской гимназии? Узнай у твоих турчанок или персиянок⁴. Ведь и Куприну, и Зайцеву без этой помощи будет очень трудно. Повидайся с Ельяшевич и Михельсон. Подействуй на Марию Самойловну⁵, которая неизвестно почему от всего отказывается. Словом, помоги, раз у тебя лишняя неделя, то ты можешь при желании что-нибудь сделать. Может быть, наконец, вы с Михельсоном поедете к Коковцеву? Не сердись на меня, ведь это я делаю не для себя. Вспомни, как бывало трудно до премии. А ведь 300 фр. это плата за квартиру.

Что дал вечер в пользу Бальмонта⁶? Отозвалась ли публика на все призывы?

Отдал ли ты деньги мадемуазель Имбер? Виделся ли с Кульман? Думаешь ли ты о речи в Пэн-клубе? Не откладывай, как ты все любишь, до последнего дня. Помни, что это Польша, то есть там много врагов, и ты должен быть во всеоружии.

От Мити⁷ письма сегодня не было. Послал бы ты ему открытку: Малая Никитская, д. 33, кв. 5. Это очень утешит его в его трудном положении...⁸

Как ты чувствуешь себя? Видел ли Капитана? Целуй его от меня. Женился ли он⁹?

Вообще с кем ты проводишь время?

Я почти все время одна, чем очень довольна. Все эти дни сижу дома. Отдыхаю. В среду куда-нибудь поедем — именины Лёни, да и проветриться следует. Сегодня здесь ярмарка, но Лёня не соблазнил меня ею.

Видел ли Зайцевых? Поцелуй их. Привет Нилусам. Скажи П<етру> А<лександровичу>, что в Библию входит и Евангелие, и Апостолы. А что на Страстной всегда читают пророков и Псалтырь, а потому я и написала «Библию», даже Книгу Бытия читают в эти дни.

Ну, что тебе сказать еще. Сегодня погода серая и прохладно, но мы не топим. Еще мож-но терпеть. Обнимаю нежно. Лёня шлет привет, а Жозеф свои комплименты...

Твой К.

Кланяйся m-elle Imbert. Молюсь очень о тебе.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/121.

¹ В конце марта В.Н. Бунина (с Л. Зуровым) приехала в Париж, где тогда находился Бунин и где она предположительно пробыла до середины апреля. См. п. 388.

² Письмо неизвестно.

³ Лидия Павловна Детердинг (урожд. Кудеярова; в первом браке Багратуни, 1904–1980) — благотворитель, общественный деятель. Жена нефтяного магната Г. Детердинга. В эмиграции жила в Париже. Поддерживала

русские школы и гимназии, оказывала помощь эмигрантским союзам и обществам, содействовала реставрации православных храмов. Член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935–1937). Великий князь Кирилл Владимирович пожаловал ей титул княгини Донской.

⁴ Вероятно, так шуточно В.Н. Бунина назвала знакомых Бунина из различных благотворительных обществ.

⁵ М.С. Цетлина.

⁶ 24 апреля 1936 г. Союз русских литераторов и журналистов в Париже в зале Социального музея (5, rue Las-Cases, Paris VIIe) устроил вечер «Писатели — поэту» в ознаменование 50-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта. Бунин вместе с М.А. Алдановым, Б.К. Зайцевым, Н.А. Тэффи, И.С. Шмелевым, К.А. Коровиным, С.В. Рахманиновым входил в комитет по организации вечера.

⁷ Д.Н. Муромцев.

⁸ Бунин исполнил просьбу жены, и 20 мая 1936 г. Д.Н. Муромцев писал В.Н. Буниной: «Ваши ласковые открытки пришли сегодня утром. Спасибо Яну, Лёне, тебе. Мне было очень приятно получить их, приятно очень. Поцелуй крепко от меня Яна и поблагодари Лёню» (РАЛ. MS 1067/4781).

⁹ Н. Рошин женился на Е.Н. Жировой («Ляле») в октябре 1936 г. См. п. 459 и примеч. 13 к нему.

410. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 28 апреля 1936 г.

Милая моя, с пол<ьской> визой дело нелегкое: решено *никого* не пускать из эмигрантов, «добьется, говорят, въезда на неделю и не хочет выезжать — мне, мол, некуда!» Для меня хотят сделать *исключение*, но шлют запрос в Варшаву. Завтра (в среду) узнаю результаты, — м<ожет> б<ыть>, посол в Париже разрешит своей волей. Кельнич¹ меня запутал: теперь, оказывается, снял залу на 9-ое! С «Лионск<им> кредитом» я счастливо ошибся — держал в голове, что у меня облигации по 500, а они были тысячные. Завтра туда заеду. (Кстати, помни — это наши *послед<ие>* деньги!) Был вчера у Кульм<ана>. Сговорились, о чем надо. Кире² напишу. Веду образ жизни оч<ень> разумный. Крепко целую, храни тебя Господь. Лёне поклон.

Вторник.

Завтра обедаю у Каминских.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/103. Почтовая открытка; адрес получателя: «M-me Vouline. Villa Belvédère, Grasse, A<pres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 28.IV.1936». В начале письма рукой В.Н. Буниной написано: «Написано. Вторник 28 апреля 1936 г. Получено 30 апреля».

¹ Сергей Михайлович Кельнич (ок. 1890–1969) — журналист, издатель, общественный деятель. Уроженец Варшавы, в 1910-х гг. жил в Киеве и в Одессе, в 1920 г. вернулся в Варшаву, заведовал издательской частью эмигрантского Русского политического комитета. В 1921 г. организовал и возглавил «Русское телеграфное агентство» («Русс-пресс»), был директором издательства «Добро». С 1944 г. в Германии (Ди-Пи), затем в Аргентине.

² К.С. Граф. См. п. 406.

411. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 28 апреля 1936 г.

1936 г. 28 апреля.

5 ч. дня

Дорогой мой, только сегодня получила твою открытку от субботы¹. Получила письмо и от Капитана², поблагодари его за него. Из него о тебе узнала больше, чем из твоей открытки. Ничего не понимаю относительно одеял³. Я спала под большим прекрасным. Может быть, оно уложено тоже в клеенчатой корзине? Кроме того, есть и разорванное, на котором

всегда гладили. Впрочем, я уверена, что ты уже ими укрываешься. Mademoiselle Imbert все тебе поможет найти.

Утром Жозеф принес письмо от Рукье, в котором говорится, что мы имеем право прохода и проезда через Mont Fleuri и что «le chiens du locataire ne sont pas désagréables⁴» и что «le Capitain Parlouges est particulièrement aimable»⁵. Кроме того я потребовала, чтобы он поправил твоё сомье⁶. Он обещал. Жозеф сказал, что ты возвращаешься через 10 дней и уже был у драпировщика, так что, Бог даст, тебе будет удобно спать.

Сегодня опять с утра дождь. Сейчас стало яснее. Баба стирает. В доме холодно, но мы держимся и не топим. Сегодня я опять спала часа полтора днем. Отогреваемся в кухне. Сегодня в ней тепло.

Завтра хотим поехать к морю. Не по-будничному провести именины⁷. Хотим поесть у Месакуди⁸. Это дешево. На двоих франков 15.

Сейчас звонила Ольга Львовна⁹. Я сказала, что Маруся¹⁰ недовольна, что она не отослала по почте Чехова. О<льга> Л<ьвовна> говорит, что Маруся дала деньги не ей, а какому-то Алек. Павл.¹¹, который и повез книги. Она с ним в переписке и не понимает, почему он не доставил ей их. Словом, сам квартальный не разберет.

Немного работаю¹².

Прочла сегодня «Холстомера». Чудесно. Уже в ту пору Толстой был против собственности. Помнишь ли ты это?

Вот и все новости.

Храни тебя Господь, обнимаю нежно.

Твой К.

Лёня кланяется.

Виделся ли с Кульман? Не забыл ли о речи. Поговори об этом и с Мишечкой¹³. Он, вероятно, следит и за польской литературой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/122.

¹ См. п. 405.

² Письмо Н. Рощина неизвестно.

³ См. п. 405.

⁴ Собаки арендатора дружелюбны (*фр.*).

⁵ Капитан Парлуж особенно дружелюбен (*фр.*).

⁶ От *фр. sommier* — матрас или кровать в целом, как ее называла В.Н. Бунина.

⁷ Хотели отмечать именины Л. Зурова, 16 (29) апреля празднуется память мученика Леонида. См. п. 412.

⁸ Об этой дешевой «лавочке у ворот Grand Hôtel'я», которую держал Месакуди в Ницце, см. в письме Бунина от 10 июля 1938 г. (п. 530).

⁹ О.Л. Еремеева.

¹⁰ М.А. Каллаш.

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² Имеется в виду написание мемуарных очерков.

¹³ М.О. Цетлин.

412. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 29 апреля 1936 г.

11 ч. утра 1936 г. 29 апреля.

Дорогой мой, сегодня почта принесла 1) твоё письмо-открытку¹, 2) письмецо от Мити от 24 апр<еля> (его уже перевели в хирургическое отделение. «Когда будет операция, ска-

зять не могу»)². За 9 дней у него был всего один человек. Это меня больше всего огорчает. Все время один со своими мыслями... Подумай, представь, как это тяжело! 3) Письмо тебе из Голландии, пересылаю его, не распечатывая, чтобы скорее дошло.

Лёня тебя очень благодарит за разговор с Иг<орем> Пл<атоновичем>³. Сегодня его день Ангела, и это точно подарок. Успокоился. После завтрака едем в Канн, хотя день и серый, но у меня есть калоши, а потому не страшно. Но нужно для поддержания нашего духа развлечься.

Вчера *так* было *холодно*, что мы сидели вечером часа полтора в кухне, пока Лёня читал мне по-французски.

Я велела сегодня затопить, так как сегодня и кухня будет холодная, — плиту не топим. Завтрак вчерашний, рыбное суфле, а обед у Месаксуди. Все-таки разнообразие! Да и Жозефу радость, неожиданное свободное après-midi⁴. Он чистит сейчас столовую, в буфете меняет бумагу.

Огорчаешь меня, что грустишь, хотя я и сама грущу, когда есть свободное время⁵. Поэтому стараюсь, чтобы его было как можно меньше.

Обнимаю тебя со всей нежностью.

Лёня шлет привет, Жозеф ses compliments⁶.

Лёня получил поздравление от Лидии Абр<амовны>⁷. Она пишет, что ты сегодня у них обедаешь. Очень рада. Это тебя немного развлечет.

Как бы мне хотелось, чтобы был ты хоть «равнодушен», спокоен. Не отравлял бы себе годы жизни, ведь не так их много у нас <с> тобой осталось. Ведь многое от воображения. Одно умоляю, *не коти злобы*. Злоба всего *вреднее* для самого себя. Я это так чувствую, как запах левкоя, когда держу этот цветок в руках.

Куда тебе писать в Варшаву? Получил ли ты мой экспресс⁸. Виделся ли с Михайловым? Повидайся, а то он опять огорчится. Кланяйся им, обоим. *Повидайся с Ельяшевичами*.

Как жаль, что хмуро. Гораздо легче все переносить, когда хорошая погода, а то и соловьи замолкли! Утешаюсь одним, что дело идет к лету, к теплу.

Поговори с Хигерович насчет ремонта квартиры. Можно ведь стены по обоям выкрасить. Она переговорила бы с управляющим. Ремонт можно было бы сделать после твоего отъезда в Грасс. Уж очень плохи у нас обои, очень мешчанско-безвкусны!

Получил ли ты что-нибудь от Слонима⁹?

Целую.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/123.

¹ См. п. 408.

² Письмо Д.Н. Муромцева не сохранилось.

³ И.П. Демидов. См. также примеч. 2 к п. 408.

⁴ вторая половина дня (*фр.*).

⁵ Описка В.Н. Буниной: было написано вместо «время» слово «дело».

⁶ свои приветствия (*фр.*).

⁷ Письмо Л.А. Каминской не сохранилось.

⁸ Видимо, п. 409.

⁹ См. п. 322.

413. И.А. Бунин и другие — В.Н. Буниной
Париж. 29 апреля 1936 г.

29/IV.

<Л.А. Каминская:> Пьем за здоровье милой Веры Николаевны, жалеем, что ее нет с нами. Шлем привет Леон<иду> Фед<оровичу>.

Л.А. Каминская

Л.М. Каминский<?>

Ирина Лидова¹

Ив. Бунин

М. Ларионов²Привет. С. Лидов³Т. Каминская⁴

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/104. Почтовая открытка с фотографией *Sacré Coeur*; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa Belvédère, Grasse, A<Ipres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 29.4.36». Год и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Ирина Сергеевна Лидова (Irène Lidoff, Lidova; урожд. Каминская, 1907–2002) — балерина, журналист. Дочь Л.А. Каминской, жена балетного фотографа Сергея Лидо (Serge Lido, 1906–1984).

² Михаил Федорович Ларионов (1881–1964) — живописец, график, театральный художник. С ним и его женой, художницей Н.С. Гончаровой Бунины познакомились в Париже весной 1920 г. В РАЛ хранятся два письма Ларионова Бунину (РАЛ. MS 1066/3532–3533).

³ См. примеч. 1 к этому письму.

⁴ Татьяна Сергеевна Малинина (урожд. Каминская, 1908–1983) — зубной врач, лечила Буниных и Л. Зурова. Дочь Л.А. Каминской.

414. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 30 апреля 1936 г.

Милый голубчик, вчера опять мыкался — из польск<ого> консул<ства> в посольство — и все напрасно. А нынче (четверг) внезапно дали визу, и я успел взять и транзит-н<ые> визы — Бельгия–Германия. Взял и билет — *на вторник* 5-го мая — Nord-Express, выезд в 7 ч. 15 вечера, в Варшаву приезд в среду в 5 ч. 35 м. дня. Остановлюсь: *Hôtel Europe, Warszawa, Varsovie, Pologne*. Пиши туда. Всем говорю, что уеду, может быть, послезавтра или в воскресенье¹. Чувствую себя сносно, но все грустно. Была Каллаш, завтракала. Нынче пойду к Цетлиным. Вчера был у Каминских. Кульманов не забыл, он обещал сделать, что нужно. Что-то меня беспокоит твое здоровье, пиши почаще, драгоценная моя. А что же наша красавица — что у них решено²? Жалко мне ее ужасно. Целую от всей души. Ездили в Cannes?

Это что — именины З<урова>? Если так, поздравь.

30. IV. 36

Заплатил за квартиру до 1-го июля. Беда!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/105. Почтовая открытка; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa Belvédère, Grasse, Alpes Mar<itimes>»; почт. шт.: «Paris, 1 mai 36», «Grasse, 2.V.36».

С. де Шессен, Г.Н. Кузнецова, Я.М. Цвибак,
И.А. Бунин, В.Н. Бунина, И.М. Троцкий, А.Р. Троцкая, М. де Шессен.
Стокгольм, 16 декабря 1933 г.
(РАЛ)

¹ Поездка, однако, опять была отложена, а потом и вовсе отменена, см.: [Б.л.] Почему И.А. Бунин не приехал в Польшу // Сегодня. 1936. 12 мая. № 131. С. 8.

² Видимо, Бунин спрашивал о новостях из Берлина, где тогда находилась Г. Кузнецова.

415. В.Н. Бунина — И.А. Бунину Грасс. 30 апреля 1936 г.

30 апреля 1936 года.

Дорогой мой, получила сегодня твою открытку от вторника¹. Сегодняшняя почта принесла тебе письмо от Хирьякова², которое пересылаю, и письмо Штейнберг³.

Вчера весь день лил такой дождь, какого давно не было, и мы праздновали именины тем, что ездили в автобусах: из Грасса в Канн, из Канн в Ниццу. В Ницце угощались в Приюник, истратили 7 фр., в Каннах на обратном пути пировали у Месаксуди, и пир обошелся нам в 10 фр. 65 с. — съели по пирожку с красной икрой, по котлете с огурцом и по чашке чая, ни водки, ни вина не брали. Выпили белого за завтраком. Купили еще варенья на 4 фр. 90 и дома попили чайку всласть. Кроме <того>, купили на 3 фр. 65 с. хвостик колбаски, которую еще не съели. Так что с домашними расходами именины обошлись в 28 фр. Столько же стоили автобусы, да еще купила ему в 4 фр. коробку папирос, при таком дожде вертеть сигарки не было возможности.

А сегодня неожиданный счет от фотографа, 16 фр. за наши фотографии для карт д'идантите, ты, вероятно, забыл осенью заплатить. Заплачу из «фондовых денег».

Сегодня весь день работала, гладила. Хочу, чтобы баба вымыла твою комнату, пока нет дивана, его сегодня унесли поправлять.

Временами почти до слез тревожусь о Мите, ведь или сделали, или вот-вот сделают операцию⁴. Нет слов выразить, как мне жаль его. Вчера, когда мы ездили по старому Котдазору⁵, было легче. Но это дорого. Беспokoюсь и о тебе, хотя ты меня и утешаешь. Обнимаю нежно.

Твой К.

Привет всем.

Лёня кланяется. Жозеф шлет свои комп<лименты>.

Сегодня звонила Наташа⁶. Они в Монте-Карло. Хотят приехать к нам не в эту, а будущую субботу. Андрей⁷ был болен гриппом, павшим на кишки.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/124.

¹ См. п. 410.

² Александр Модестович Хирьяков (1863–1942) — литератор, журналист, по взглядам толстовец. С 1923 г. в эмиграции в Берлине, затем в Париже, с 1928 г. в Варшаве. См. о нем: *Гомолицкий Л. А.М. Хирьяков: Пятидесятилетие литературной деятельности // Меч. 1937. 28 августа. № 33. С. 3.* В письме от 27 апреля 1936 г. А.М. Хирьяков спрашивал Бунина о дате его приезда в Варшаву с тем, чтобы представить ему местную русскую эмиграцию (РАЛ. MS 1067/3237).

³ Письмо Иды Штейнберг не сохранилось.

⁴ См. примеч. 19 к п. 406.

⁵ От *фр.* Côte d'Azur — Лазурный Берег.

⁶ Н.Б. Соллогуб.

⁷ А.В. Соллогуб.

416. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 1 мая 1936 г.

1936 г. 1 мая

9 ч. 45 м.

Дорогой мой, опять дождь, опять ледяные руки, и я в двух вязанках¹, опять придется топить, что очень досадно, — ведь 1 мая на дворе. Сегодня встала рано, пришла баба гладить. После завтрака вымоет твой кабинет, благо он без дивана.

Жду почтальона. Что-то он принесет мне сегодня? У нас два новых (с Mont Fleuri) ночных столика. Один с четырьмя ящиками и местом для твоего любимого предмета. И стол для умывания. Его мы поставили в коридор, а то ящики были очень плохи, и ящики в нужнике, — вышел столик, покрытый клеенкой, будешь доволен, стало там уютнее.

С Лёней пока живем хорошо, он в ровном настроении. Вчера вечером ходили гулять наверх. Хорошая была ночь! В Грассе выборы дали следующее. Foyssat получил 5 054. Gras 1 873, Jonas² — 2 509 (соц<иалист>), Raymond (ком<мунист>) 2 119. На втором туре первые два соединятся 5 054 + 1 873 = 6 927, а третий и четвертый соединятся 2 509 + 2 119 = **4 628**, то есть, если не будет какой-нибудь неожиданности, то депутатом останется Foyssat. Но все-же коммунистов немало, 2 119! Лицо у Raymond — все дышит злобой, я видела портрет у Cauzaran.

Да, обязательно повидайся с Лидией Викторовной³. Она тебе может кое-что рассказать о новой польской литературе. Сообщит удельный вес каждого писателя. Хорошо, если бы ты просмотрел несколько романов. На время оставь Толстого⁴. Займешься по возвращении, а сейчас думай только о Польше. Не оставляй все на завтра, как это ты всегда любишь делать, помни — едешь к врагам. Походил бы и к m-me Михайловой...

Спала я хорошо, слава Богу. И сердце, не сглазить, последние дни физически не болело.

Стараюсь заниматься, писать, чинить, штопать, читать, и дни летят незаметно, рада, что много одна, много молчу, устала я за все эти годы очень, и от горя, и от неприятностей, и от людей. Надеюсь к твоему возвращению отдохнуть, поправиться.

Хорошо, если бы ты в понедельник заглянул хоть на часок к Аргутинскому⁵. Там очень легкая атмосфера, и можно приходиться поздно. (Только не говори об этом Кульман.)

Ну, что написать тебе еще? Слышу, пришел Жозеф. Скоро и почтальон. Нужно кончать.

Целую нежно. Береги себя, мой золотой.

Как ты развлекаешься?

Лёня кланяется. Жозеф и баба шлют свои compliments.

Привет m-elle Imbert и всем знакомым.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/125.

¹ Имеется в виду вязаная кофта или жилетка.

² Эдуард Жонас (Edouard Jonas, 1883–1961) — французский предприниматель и политик, член партии Union socialiste républicaine. Именно он в результате победил на выборах и стал депутатом от Грасса в Национальном собрании Франции (в 1936–1940 гг.) Об этих выборах подробнее см. также в письме В.Н. Буниной Г. Кузнецовой от 19 июня 1936 г. (*Новые материалы* (3). С. 49).

³ Л.В. Кутателадзе.

⁴ См. примеч. 1 к п. 408.

⁵ См. примеч. 10 к п. 399.

417. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 2 мая 1936 г.

Суббота 1936 г. 2 мая.

11 ч. 30 м.

Дорогой мой, надеюсь, что это письмо еще тебя застанет. Пересылаю письмо Горенки¹. Напиши ему [из Варшавы]. Что обижать старика! Спроси об его островке, словом, скажи, что мы без его писем на «Бельведере» скучаем. От Мити² сегодня опять записочка³ из больницы: «Хирург (Левит) произвел на меня чарующее впечатление, был со мной очень ласков и нежен, задал несколько вопросов. Разговаривая с ним, я переносил припадок, и он имел возможность наблюдать меня в этом больном состоянии». 28 IV было подробное исследование Мити. Операция назначена на 4 мая⁴. В Москве Левит считается лучшим хирургом. «Условия в больнице — прекрасные, кровать и матрац отличные, сплю хорошо, и дни бегут незаметно. 30 и 2 меня навещают друзья, и все будет хорошо». «Кормят хорошо.» Тебя целует. Пошли ему открытку. «Операция меня несколько не пугает и не волнует. Волнуюсь, чтобы она как-нибудь не сорвалась. Боюсь простудиться, боюсь, чтобы ее почему-нибудь не отменили бы. Живу надеждой на исцеление»...

Получила весточку от Гали, насколько поняла, она думает приехать во Францию в конце мая или начале июня. Из Гёттингена они уехали. Адреса пока не сообщает своего⁵. Просила деньги держать наготове...

Когда ты думаешь вернуться в Париж? И сколько времени ты там пробудешь? [Со вторника буду писать тебе в Варшаву.] Пиши ты мне почаще, как раз наступят дни волнений. Узнаю лишь об исходе операции, — а ведь исход может быть всякий, — только 9 мая, самое раннее...

Сегодня ты на Тэффи увидишь «всех»⁶ и, конечно, простишься. Что ты решил с Каллаш? Поправилась ли она? Виделся ли с Ельяшевичами? Рассказали ли им о бедной Кире⁷?

Живем мы очень скромно, но все же расход не бывает меньше, чем 19 франков, а ведь нужно еще кофе, чай, варенье, — так бывает холодно, что согреваешься лишь теплым, а как чай пить без варенья?! Пришлось купить и пассифлорин, твой уже выпила. У меня все нервное: представь, я все время чувствую горло, где будут Мите делать операцию...

Звонок к завтраку.

За завтраком твой телефон. Очень досадно! Относительно Берлина. Ничего интересного не нахожу. Деньги? Но разве ты можешь их вывести? Но тебе виднее. Я на твоём месте поехала бы скорее в Прагу. Но боюсь советовать. К тому же моим советам ты редко следуешь.

Будь здоров. Жду от тебя известий. Куда тебе писать?

Лёня благодарит за поздравление⁸ и кланяется.

Твой К.

Сегодня погода солнечная, хотя есть и облака. Распустились и цветут розы у нас и сирень в соседнем саду.

Деньги за виллу только что передала Жозефу вместе с письмом от Рукье насчет прохода через Mont Fleuri. Он отнесет к нотариусу 2 000 фр. после того, как твое ложе будет уже в твоём кабинете, который хорошо вымыт, но пока в разгроме.

Обнимаю тебя нежно.

Твой

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/126.

¹ Письмо Г.П. Олейникова не сохранилось.

² Д.Н. Муромцев.

³ Письмо не сохранилось.

⁴ См. примеч. 19 к п. 406.

⁵ Письмо Г. Кузнецовой неизвестно. Адрес Г. Кузнецовой в Берлине будет: Schaper Str. 30 bei Thieneman. Узнав его, В.Н. Бунина ответит: «Очень мне знакома фамилия Тинеман. Не жила ли она в Царицыне под Москвой?» (*Новые материалы* (3). С. 35; письмо В.Н. Буниной Г. Кузнецовой от 25 мая 1936 г.)

⁶ См. примеч. 9 к п. 406.

⁷ К.С. Грар. См. п. 406.

⁸ См. п. 414.

418. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 3 мая 1936 г.

Воскресенье

3 мая 1936 г.

Дорогой Ив, забыла вчера написать, чтобы ты оставил перед своим отъездом 36 fr. M-elle Imbert за плитку. Если не придут, попроси ее пойти и заплатить, это недалеко, она знает, мы с ней покупали там ее.

Пишу лишь два слова, ибо Жозеф едет в Ниццу и опустит там это письмо, — из Грасса почта сегодня уже больше не пойдет.

Сейчас прослушала мессу. Очень молилась за Митю, за тебя и за других.

Здесь сильная борьба между Foyssat и Jonas — миллионер-социалист-еврей. Коммунисты отдали ему голоса.

Целую.

Твой К.

Писем нам сегодня не было.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/127.

419. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 5 мая 1936 г.

1936 г. 5 мая.

Дорогой мой, я удивлена: ты пишешь: «очень жаль, что ты не хочешь Зайцева»¹, — откуда ты это выдумал? Я не хотела *никого* без тебя, так как мы живем очень скромно, при тебе дело другое. Я даже хотела предложить тебе пригласить их обоих. Место у нас есть. Кульман мне написала, что им плохо². Вот они бы и поправились и поправили свои дела. Очень грустно, что ты *никогда* не слушаешь внимательно о том, что я говорю.

Галя мне написала, что они собираются уезжать из Гёттингена. Почему это сумасшествие, что она адреса не сообщает, не понимаю. Когда она писала, она еще не знала его, вот и все³.

Хоть грустно, что тебе не удалось развлечься⁴, но я рада, что ты приедешь, а то все беспокоилась за тебя.

Целую нежно.

Жду телеграммы.

А может быть, ты и успеешь, если еще не взял билета, уговорить Бориса⁵ поехать с собой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/128.

¹ В.Н. Бунина ссылается на недошедшее до нас письмо Бунина.

² О необходимости помочь Зайцевым (и Купринным) Н.И. Кульман сообщила В.Н. Буниной в письме от 3 мая 1936 г. (РАЛ. MS 1067/3556).

³ Видимо, в утраченном письме Бунин так оценил переезд Г. Кузнецовой и М. Степун из Геттингена в Берлин.

⁴ Речь о несостоявшейся поездке Бунина в Польшу.

⁵ Б.К. Зайцева.

420. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 25 или 26 мая 1936 г.

Я почти не спал, могу проспать. Пошли *открытку exprès* — и деньги по телеграфу¹. Пиши адрес Галины *очень разборчиво*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/27. Дата и место установлены предположительно по содержанию и по сопоставлению с пп. 423, 425.

¹ Узнав адрес Г. Кузнецовой и, очевидно, получив от нее уже несколько писем, Бунин, уезжая в Париж, просил В.Н. Бунина послать ей денег на дорогу. См. п. 421.

421. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 27 мая 1936 г.

1936 г. 27 мая
5 ч. 30.

Дорогой мой, услышала сейчас твой голос, и стало как-то очень грустно¹. Даже захотелось написать тебе.

В понедельник² я весь день была сама не своя: волновалась очень, следила мысленно за поездом, почти ничего не ела, пила только кофе с молоком. В этот день пришло письмо от Мити³: «Пока никакого успеха. Боли, припадки стали хуже, чем до операции»... «Мне не везет! В этом убедился и мой хирург. Другие говорят, что успех может быть только через 1½–2 м<есяца>, когда произойдет изменение в порядке обмена веществ в организме, когда перестроится работа сердца и оно станет требовать меньше кислорода и т.д. — Будет ли он. — Не знаю. Будем надеяться. Говорили и третье: уничтожение щитовидной железы — ему удалили щитовидную, оставив парашитовидные отростки — превращает людей в болванов. Это лучше или хуже? Между прочим, удаленная моя щитов<идная> железа — вполне нормальна по размеру.

Таких операций во всем мире сделано только 250–260.

В ожидании исхода — ты, Верушок, конечно прибегнешь к помощи Глеба (на нашем аргэ это Бог, церковь), а я буду просто ждать. 2 месяца пролетят быстро. Две недели уже прошли.

«Операция прошла не так блестяще, как ты думаешь. Страдать, почти без наркоза, вторые 1 ч. 20 м. не было нужды. Но ведь мне не везет. Через два часа после первой расшили и вновь зашили. Много потерял крови. Добавлять наркоза нельзя было. Так ты представляешь страдания мои (вторую делал ассистент), которые я переносил без единого звука.

После второй — рвота и потрясающий озноб.

В результате после всего пережитого — вспышки печени, вспышки грудной жабы. 8 мая — утром меня в течение часа спасали, был без сознания. Вернулся домой разбитый, сильно ослабленный, кашляю, печень лучше, но далеко не в порядке. Припадки повторяются ежедневно по несколько раз. — Прихожу в себя. — Думаю показаться проф. Егорову. Сложно добраться до него.

На шее еще хирург<ическая> повязка — небольшая. Маленькая ранка — результат второй операции — еще осталась. Думаю делать перевязки в Поликлинике 2 унив<ерситета> против Консерватории, — но все же могу надевать воротнички». (Он ведь большой кокет.) «Горло еще стиснуто, но это преходяще. Заживление идет хорошо, я этого не ожидал. Голос еще хрипит, но стал лучше. Он тоже, вероятно, восстановится. Итак — итог: операция прошла в конечном результате благополучно, но сильно ослабила меня, состояние хуже, чем до операции (припадки печени), результат через 1½ м<есяца>»⁴. У него еще начиналось воспаление в легком. (В.Б.)

«Вчера звонил к Анд<рею> Г<еоргиевичу>⁵. М<ария> Ф<едотовна>⁶ рассказала, что он упал в уборной и долго лежал без сознания. Вызвали врача, ставили пивявки. У него было ущемление грыжи. Теперь ходит. Дело было на днях».

Митя очень благодарит тебя за открытку⁷, видимо, только мы и утешаем его. Просит целовать.

Вот и представь себе мой понедельник.

Прочти это письмо Верочке, Аминадо и кому хочешь. (Как жена Аминадо⁸?)

Отчасти помогла открытка Гали⁹: вначале вопрос о Мите, затем просьба в этот же день выслать ей на дорогу, билет стоит 45 м<арок>. Затем: «Вчера М<арга> вернулась вечером из Нюрнберга, туда она подписала контракт¹⁰. Через несколько дней сообщу, когда выйду. Хотелось бы устроиться в семье, то есть снять комнату у кого-нибудь, а не в отеле».

Я, конечно, написав ей письмо, побежала на почту и послала, как это было с тобой условлено, 62 м<арки> ей, то есть 380 fr. Франк понизился, марка стоит 6 ф. 13 с., а раньше 6 ф. ровно. Потом сидела в кафе Эстерель, писала открытки ей¹¹ и Мите. Вернувшись домой, лежала на твоей постели, чувствовала озноб, болело физически сердце, затем заснула и очень тяжело спала. Около семи закусила колбаской, которую ты дал мне. Жозефа я отпустила на весь день. Вечером читала одну замечательную книгу об одном святом французском¹². В 10 ч. пришел Жозеф. Я угощала его вином, сама пила чай. Поговорили. Какой он тонкий и замечательный человек. Он очень любит работать. Очень деликатный и все понимает до странности.

Вчера чувствовала себя лучше. Днем работала.

К обеду вернулся Лёня: оживлен, загорелый, три раза купался. Очень его оставляли, но он из-за меня приехал. Ему было там и весело, и приятно. Но вообще, в М<онте>-К<арло> скука¹³.

Сегодня открытка от Мити¹⁴:

«Вчера опустил довольно грустное, но правдивое письмо. Сегодня 21 мая проснулся иным: чувствую в себе бодрость, сильный аппетит и ходить не больно. (А ведь ему было больно шаг сделать.) Сегодня тепло с утра. Может быть, легкие и печень приходят в порядок. А м<ожет> б<ыть>, началось и общее улучшение. Гадать трудно. Пока я буду изменяться, могут быть всякого рода явления, и не надо придавать им значения, если они будут отражаться в моих письмах». Все боится меня пугать.

«Анна Адр. (женщина, кот<орая> за ним ходит) говорит, что у меня сегодня совсем другие глаза. Они у меня меняются». Эта открытка мне дает передышку. Уж очень его жаль, уж очень он одинок. За все время его навещал всего один приятель, а был в больнице 34 дня...

Если бы он поправился хоть немного, то и это было бы великим счастьем.

Сейчас читаю: «Toutes choses sont possibles à celui qui croit, encore plus à celui qui espère, encore plus à celui qui aime, et encore plus à celui qui pratique et persévère en ces trois vertus»¹⁵.

Купила одну ночную рубашку с длинными рукавами, 68 фр., очень хорошо бы другую, а то моя старая уже очень истерта, а эта чудо как хороша. Если бы ты мне разрешил еще 50 fr. истратить, то я была бы довольна. Я еще купила себе за 28 фр. рубашечку, у меня все разорваны, и поясок замшевый за 13 ф. 50. Пока истратила 109 fr. Зимой такие рубашки дороже, сейчас кончается серия, — с длинными рукавами никто не покупает. А все же ответь быстро — могут и раскупить, их осталось немного¹⁶.

Только что ушла тому подобная баба. Вывела тебе чернильное пятно на скатерти с «письменного стола».

Завтра мы с Лёней приглашены к Pearce в 4 ч. дня¹⁷.

А в пятницу к Нечитайло¹⁸.

В субботу хочется съездить ко всенощной, — ведь это под Троицу.

Не советую тебе выезжать под праздник. Лучше после. А как Зайцевы? Едут с тобой¹⁹?

Вообще, если тебе приятно, поживи. Пользуйся случаем. Ведь сейчас Париж должен быть хорош.

Погода ясная, но прохладно. Лёня говорит, что у моря гораздо теплее.

Кажется, обо всем написала.

Будь осторожен и бодр. Не порти себе зря настроения, пока еще нет настоящего горя, болезни.

Обнимаю тебя.

Лёня шлет привет. Сегодня он опять почти весь день в работе. На огороде показалась ботва картофеля.

Кланяйся m-elle Imbert и всем, кого увидишь.

Твой грустный К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/129.

¹ Как следует из писем В.Н. Буниной к Г. Кузнецовой, Бунин 24 мая уехал в Париж и пробыл там до 2 июня. Вероятно, в это время велись переговоры о публикации «Освобождения Толстого» в издательстве Гастона Галлимара (1881–1975). В самом начале июля 1936 г. В.Н. Бунина писала Г. Кузнецовой: «Книга о Толстом подвигается быстро. Она уже продана Галлимару. Надеемся, что продается она и в другие страны» (*Новые материалы* (3). С. 60; о контракте с книгоиздателем Гастоном Галлимаром и книге Бунина в переводе М. Слонима «La Délivrance de Tolstoï», вышедшей в 1939 г., см. там же, с. 61). Возможно, тогда же Бунину предлагалась поездка в Лондон (а в связи с обострившимися отношениями Франции и Германии Бунины некоторое время думали над переездом в Швейцарию или Лондон). «В Лондон не поехал. Дела устроил», — резюмировала итоги этой поездки В.Н. Бунина (*Новые материалы* (3). С. 36; письмо от 1 июня 1936 г.).

² 25 мая 1936 г.

³ Цитируемое (с незначительными неточностями) письмо Д.Н. Муромцева от 20 мая 1936 г. хранится в РАЛ (MS 1067/4781).

⁴ Д.Н. Муромцеву была сделана операция по удалению щитовидной железы. В несколько сокращенном виде В.Н. Бунина приводила это же его письмо в письме к Г. Кузнецовой от 25 мая 1936, добавляя: «Простите, что пишу так подробно, но я одна, даже прочесть письма некому, и чтобы не расстроиться до слез, я пишу Вам» (*Новые материалы* (3). С. 34).

⁵ А.Г. Гусаков.

⁶ Вероятно, вдова П.Н. Муромцева — Мария Федотовна Муромцева, которая, возможно, ухаживала за А.Г. Гусаковым.

⁷ См. примеч. 8 к п. 409.

⁸ Не удалось найти сведений.

⁹ Открытка неизвестна.

¹⁰ В мае 1936 г. М.А. Степун подписала контракт на два сезона с Государственным театром Нюрнберга.

¹¹ О посылке денег В.Н. Бунина извещала Г. Кузнецову в открытке от 25 мая 1936, завершавшейся словами «Обнимаю Вас и Нюрнбергскую певицу. Ваша В.», и в подробном письме, написанном в тот же день (*Новые материалы* (3). С. 33–35).

¹² Лаврентий Воскресения (Laurent de la Résurrection; в миру Никола Эрман, 1614–1691) — монах-трудник из ордена Босых Кармелитов. Письма и максимы брата Лаврентия, а также беседы с ним, записанные его учеником, составили книгу «Хождение пред Богом».

¹³ Л.Ф. Зуров ездил в Монте-Карло к А.В. и Н.Б. Соллогубам.

¹⁴ Открытка Д.Н. Муромцева (РАЛ. MS 1067/4782).

¹⁵ «Все возможно для того, кто верит, еще больше для того, кто надеется, еще больше для того, кто любит, еще больше для того, кто твердо держится этих трех добродетелей» (*фр.*). В.Н. Бунина приводит первую из Духовных максим брата Лаврентия Воскресения.

¹⁶ В.Н. Буниной удалось (видимо, втайне от Бунина) купить также ночные рубашки для Г. Кузнецовой и М. Степун, что составило отдельную тему в ее письмах к ним 1 июня 1936 года (*Новые материалы* (3). С. 36–37).

¹⁷ 28 мая 1936 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Были у Пирс — five o'clock — настоящая Лига Наций: англичане, французы, немка, немецкий еврей и мы. Было интересно» (РАЛ. MS 1967/410). Ср. п. 424.

¹⁸ Михаил Федорович Нечитайло-Андреевко (1894–1982) — художник, декоратор. С 1920 г. в эмиграции в Бухаресте, затем в Праге, с 1923 г. в Париже. Для заработка занимался пчеловодством.

¹⁹ Бунин вернулся в Грасс один. Из писем В.Н. Буниной к Г. Кузнецовой от июня 1936 г. следует, что Б.К. и В.А. Зайцевы поехали сначала в Монте-Карло к дочери и зятю, Н.Б. и А.В. Соллогубам (*Новые материалы* (3). С. 43, 47). Только в середине июля Б.К. и В.А. Зайцевы приехали в Грасс. См. п. 429, 436.

422. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 28 мая 1936 г.

28 мая 1936 г.

Дорогой, получила твою закрывку¹.

Открытка сегодня от Мити² и письмо от Хигерович³. От Гали ничего нет, да я и не жду раньше, чем дня через два, дня через три, после получения ею денег.

Митя пишет: «22 мая. Вчера с утра почувствовал лучше, а вечером было плохо. Боли при движении, удушья хуже, чем до операции. Сейчас живу неважно. Приходится очень сжиматься. О лечении думать не приходится. Вся надежда на операцию, на исцеление. А пока что хуже стало. Будем надеяться».

Мне кажется, что если надежды на исцеление не оправдаются, то он последует примеру Павлика...⁴

Едут ли Зайцевы с тобой⁵? Вообще, напиши обстоятельное письмо.

Если Хигерович попросит тебя, дай ей письмо о Мите, дай ей прочесть. Она зайдет к тебе. Мне очень жаль ее. Она поступает на службу, и очень ей хотелось бы отдохнуть 2 недели. М<ожет> б<ыть>, ты пригласишь ее к нам?.. Она научила бы Жозефа дешевым кушаньям. Впрочем, она, может быть, так далеко и не поедет.

Видел ли ты Каллаш? Кого вообще видел? И кем и с кем развлекаешься?

Поставили ли ванну и биде?

Какие слухи?

В газетах — забастовки⁶. Жозеф смотрит оптимистически: «французы поймут, что может сделать народный фронт, так будет, как в Италии»...

Сегодня пойдем к Реагсе в 3 ч. 30 м. Интересно, что они думают⁷.

Целую.

Вера.

Привет всем.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/130.

¹ Очевидно, п. 420.

² Открытка Д.Н. Муромцева (РАЛ. MS 1067/4783).

³ Письмо А.Л. Хигерович к В.Н. Буниной от 13 мая 1936 г., в котором она рассказывала свои жизненные неурядицы последнего времени, см.: РАЛ. MS 1067/3273.

⁴ П.Н. Муромцев, заболел психически после смерти отца, покончил с собой 12 ноября 1933 г., приняв яд. Д.Н. Муромцев после тяжелой болезни покончил с собой 23 сентября 1937 г.

⁵ См. примеч. 19 к п. 421.

⁶ Забастовки во Франции начались на следующий день после выборов 3 мая 1936 г. На своем пике они охватили 2,5 млн бастующих (12000 забастовок), парализовали жизнь страны на 2–2,5 месяца, вызвали закрытие ряда предприятий, магазинов и недостаток продовольствия. 7 июня в резиденции премьер-министра (Матиньонском дворце) были подписаны соглашения, по которым рабочим повысили заработную плату, признали права профсоюзов, двухнедельный оплачиваемый отпуск, 40-часовую рабочую неделю и т.д. Однако фактически забастовочное движение закончилось лишь в первой половине июля, то есть почти через месяц после «Матиньонских соглашений».

⁷ См. примеч. 17 к п. 421.

423. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 29 мая 1936 г.

Милая, драгоценная, что же ты ни слова не пишешь? Мое дело закончилось только нынче¹. Воскр<есенье>, понедельник — праздники, завтра, значит, все поезда будут переполнены. Думаю поэтому выехать во вторник, м<ожет> б<ыть>, вместе с Зайцевыми².

Новостей нету.

Крепко целую.

Твой Ив.

Пятница.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/106. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 421. 29 мая — пятница.

¹ См. примеч. 1 к п. 421.

² См. примеч. 19 к п. 421.

424. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 30 мая 1936 г.

30 мая 1936 г.

6 ч. вечера.

Милый мой, я пишу тебе третье письмо.*)¹ Вероятно, ты получил уже два после того, как ты отправил экспресс². Но стоило ли эти несколько слов посылать экспрессом, тратить в общем 5 фр. А еще говоришь об экономии.

Погода сегодня была опять ужасная. Лил весь день дождь, а сейчас опять сыро, точно дым стоит.

Третьего дня были у Пирс — там five o'clock — Лига наций — англичане, французы, немка, немецкий еврей и мы. Говорили о политике. Лёня спорил. Сумел Полно³ рассказать все, что он сделал в Эстонии⁴, Поль потом рассказывал об этом за столом. Немцы понравились, живые люди, интеллигенты на русский манер, особенно он. Шпенглера знает назубок. Гитлера ненавидит. Оптимист насчет французов. Он покупает заброшенное имение, сажает фруктовые деревья и перепродает с выгодой. Это тебе не Самойлов, а человек с размахом. В прошлом у них под Ганновером был завод, тоже в деревне. Она художница. Сейчас они живут в имении, купленном у повара Алекс<андра> III, недалеко от Часинг.

Вчера были у Нечитайло⁵. Маленькая квартирка. Вкусный мед. Показывал свои картины. Много с Корсики. Живет с меда. До Пре дю Лак доехали и затем пешком 4 к<илометра>. Дорога прекрасная. Много зелени, которая необыкновенно, конечно, свежа. Особенно уютно на пчельнике.

Сегодня открытки от Мити и Гали⁶.

Митя: «Когда в покое — только слабость, движения вызывают боли и удушье. Сегодня ночью потел. Сегодня самочувствие лучше. Креплюсь и надеюсь». Как ужасно, что нет возможности ему провести в хороших условиях после такой тяжелой операции где-нибудь на воздухе, в санатории... Ведь все один, без всяких отвлечений от самого себя. Между прочим он сообщил о сыне Митюшки: «работал на заводе, затем поступил на курсы по пароходному делу и будет работать на пароходинах, водить их. Митюшка

на него не жалуется». «Колюшка работает в библиотеч<ном> деле, Митюшка по своей специальности»⁷.

Галя прислала открытку из какого-то кабачка, с припиской Марги и... Гизель⁸. Видимо, последняя их угощает. Гизель написала по-русски «шлю Вам письменный привет».

Галя обещает написать письмо «завтра», если обещание выполнит, то письмо получу.

Думаю, что они тоже начнут разъезжаться после праздников.

Мне очень интересно, какой Марга будет получать оклад⁹?

Целую тебя.

Вера.

* 1) — в среду — опускал Ж<озеф>.

2) в четверг — опускала сама.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/131.

¹ См. пп. 421, 422.

² См. п. 423.

³ Вероятно, имеется в виду Владимир Иванович Поль (1875–1962) — композитор, пианист. С 1922 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Германии, с 1925 г. в Париже. Создатель и член правления Российского музыкального общества за границей. Один из основателей, профессор, позже директор Русской консерватории имени С.В. Рахманинова.

⁴ С апреля по октябрь 1935 г. Л. Зуров находился в Печорском крае, где проводил археологические и этнографические разыскания.

⁵ М.Ф. Нечитайло-Андреевко.

⁶ Письмо Д.Н. Муромцева от 24 мая 1936 г. см.: РАЛ. MS 1067/4784. Письмо Г. Кузнецовой неизвестно.

⁷ Речь идет о двоюродных племянниках Бунина Д.А. и Н.А. Пушешниковых.

⁸ См. примеч. 6 к п. 328.

⁹ См. примеч. 10 к п. 421.

425. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 31 мая 1936 г.

Воскресенье.

Милая моя, дорогая, хотел выехать нынче, но, говорят, на вокзалах столпотворение — весь Париж выезжает на праздники. Боюсь ехать и завтра. Выеду, верно, утром во вторник, только боюсь, что не высижу 15 часов, м<ожет> б<ыть>, остановлюсь в дороге. Так что жди телеграммы¹.

Крепко целую, поздравляю З<урова> — нынче его напечатали².

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/107. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Бунин вернулся в Грасс утром 3 июня. На следующий день В.Н. Бунина писала Г. Кузнецовой: «Ян приехал очень уставшим. Сильно болел своей болезнью. Купил себе и мне по прекрасному плэду: себе синий и серый, а мне фиолетовый и серый» (*Новые материалы* (3). С. 40).

² *Зуров Л. Бой // Последние новости. 1936. 31 мая. № 5547. С. 4. См. также примеч. 2 к п. 408, п. 412.*

426. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
С. Рафаэль, Авиньон, Дижон. 17 июля 1936 г.

17 июля 1936 г.¹

С. Рафаэль².

Дорогой мой!

Сижу в купе с милыми людьми: одна пара до Парижа. Пока нас семеро. Съела апельсин. Ночью я не сомкнула глаз, но чувствую себя бодро. Поддерживаюсь едой. Билет стоит 339 — 11 франков нажилась.

Чувствую, что мне очень хорошо переменить обстановку.

Ничего не воспринимаю.

Фрезюс³! Здесь стало облачно, а в Каннах был голубой день. Беспокоюсь за тебя, драгоценный мой. Не скучай. Отдохни без меня.

Из нашего купе только один идет завтракать...

Лезарг⁴! Десять лет прошло [почти], как мы ездили в Пюжет на «юбилей» Бориса, вспомнилось, как вчера⁵. Хорошо провели тогда день! И опять вместе, только вместо 25 л<ет> 35... Целую всех.

Твой К.

Одна чета, молодая, посмотрят друг на друга и улыбнутся. Это значит любовь!!!

Сейчас встретили train bleu⁶!

Compliments à Mr. Joseph.

17 июля 1936 г.

Без пяти час.

Авиньон⁷.

Дорогие, добрались до города пап⁸ — ехать еще 10 часов. Жарко, на каждой станции входят, реже выходят.

Публика приятная, благожелательная. Очень симпатичный подросток, обливший свой новенький костюм водой с видом из термоса...⁹ Доверчив, не меньше Красной шапочки.

Все время то ест, то пьет.

Жарко. Клонит в сон. Пью чай крепкий.

Валанс¹⁰. 2 ч. 40 мин. Чуточку вздремнула. Прочла 79 стран<иц> Рындиной¹¹. Увлекательно.

Трое из нас в Лионе слезут, если будет свободная лавка, посплю. От Лиона до Женевы 3 ч. 50 минут в поезде. Имей это в виду¹².

Целую всех. Как живете? Что было в Каннах¹³?

Еще сидеть 8 часов!!!

Вера.

7 часов вечера 17 июля 1936 года.

Драгоценный мой, проехали только что Дижон¹⁴, где я купила себе к обеду ¼ бутылки вина, оказалось плохим. Но нечего пить, не лимонад же, как пьют все кругом. Термос чудесный, чай был сутки горячим! Купила и пряник для Парижа. Вот и все мои расходы за дорогу. Жозеф с такой заботливостью мне все приготовил и уложил. Прямо — «Маша, я доволен»¹⁵...

Заря чудесная, какая-то глотовская¹⁶. Днем постояли. Читаю роман, и с Дона, и с моря прет. А увлекательно. Лучшего чтения и не придумаешь. А она очень неглупая баба!

Захотелось на дрожках покататься! Ах, как это я любила! До Парижа нас осталось четверо — два мужчины <так!> чемодан мне снимут с полки и через окно передадут.

Целую тебя и toute la famille¹⁷.

Твой К.

Письмо опушу в Париже, значит доехала.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/132.

¹ 17 июля 1936 г. В.Н. Бунина выехала из Грасса в Париж, где уже месяц была приехавшая вместе с М. Степун из Берлина Г. Кузнецова. В.Н. Бунина пробыла в Париже две недели; Бунин и Л. Зуров тем временем оставались в Грассе.

² Сен-Рафаэль (Saint-Raphaël) — средневековый город в департаменте Вар, по другую сторону мыса Эстерель, в 50 км от Грасса.

³ Фрезюс (Фрежюс, Fréjus) — древний (основанный римлянами) город в 4 км от Сен-Рафаэля.

⁴ Лезарг (Les-Arcs-sur-Argens) — город в 20 километрах от Фрежюса.

⁵ В 1926 г. Б.К. Зайцев отмечал 25-летие литературной деятельности, 28 июля устраивал званый обед, на котором были Бунины. Неделей ранее, 22 июля 1926 г., Бунины приезжали к Зайцевым, гостившим в имении профессора В.Б. Ельяшевича «Пюжет». Это было время первых встреч Бунина с Г. Кузнецовой. См. в поздних записях Бунина: «Знакомство на пляже 6/19 июля 1926 г. в Juan-les-Pins. 15/28 ездили к Зайцевым в Пюжет (имение Эльяшевича)» (РАЛ. MS. 1066/45).

⁶ Французский экспресс с темно-синими вагонами класса люкс, курсировавший между Кале и Ниццей в 1886–2003 гг.

⁷ См. примеч. 5 к п. 223.

⁸ С 1309 по 1378 гг. в Авиньоне находилась резиденция римских пап.

⁹ Очевидно, ошибочная последовательность слов, надо: «из термоса с видом», т.е. на термосе был изображен какой-то пейзаж.

¹⁰ Валанс (Valence) — основанный еще римлянами город в департаменте Дром, в 350 км от Грасса.

¹¹ Лидия Дмитриевна Рындина (в 1-м браке Брылкина, во 2-м браке Соколова, 1883–1964) — актриса театра и кино, писательница. В.Н. Бунина, вероятно, читала ее недавно вышедший роман «Живые маски» (Рига, 1936).

¹² В конце декабря 1936 г., затем в мае и в июле 1937 г. Бунин трижды приезжал в Швейцарию, см. пп. 471–479, а также с. 370.

¹³ Возможно, Бунин и Л. Зуров провожали В.Н. Бунину до Канн.

¹⁴ См. примеч. 2 к п. 270.

¹⁵ См. примеч. 4 к п. 287.

¹⁶ В селе Глотова (Васильевское) Орловской губернии находилась принадлежащая Пушешниковым усадьба, где Бунин много раз бывал с детства, а после 1907 г. приезжал и с В.Н. Буниной, которая в своих воспоминаниях неоднократно упоминала об этом и, в частности, привела запись Бунина о глотовской заре: «Начинается пора прелестных облаков. Вечера с теплым ветром, который еще веет как бы несколько погребной сыростью, недавно вышедшей из-под снега земли, прелого жнивья. На востоке, за Островом, смутные, сливающиеся с несколько сумрачным небом, облачные розоватые горы. Темнеет — в Острове кукушка, за Островом зарницы. И опять, опять такая несказанно-сладкая грусть от этого вечного обмана еще одной весны, надежд и любви ко всему миру (и к себе самому), что хочется со слезами благодарности поцеловать землю. Господи, Господи, за что Ты так мучишь нас!» (*Жизнь Бунина (1958)*. С. 167).

¹⁷ все семейство (*фр.*).

427. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 18 июля 1936 г.

18 июля 1936.

Драгоценный, пишу из кафе. Галя пошла по делам.

Встретила она меня с такой радостью, что я даже не ожидала. Много раз принималась целовать¹.

По приезде домой (автомобиль стоил 39 фр. — ночной тариф) я нашла накрытый стол, цветы, колбасу и рыбу, фрукты. Было и белое вино. Просидели до половины третьего! Предварительно я взяла ванну, — бы<ла> грязна до невозможности.

Галя очень изменилась, внутренне окрепла. Пропала детскость, но очень милая. Но не та, не та.

Соглашается со всем, что говорю я.

О тебе говорит очень сдержанно, с большой печалью и без всякой злобы.

Она говорит, что стала оптимисткой. Очень скромна во всем. И не требовательна. Я сказала — «вот купим Вам платье», — «а разве можно?» Надеть ей положительно нечего. Я даже купила ей из своих сбережений платьице в 20 фр., а то сегодня не в чем идти в Триумф², где будут Ельяшевичи, которые в Париже, так что я попала на работу для Амаур³.

Галя говорит, что она очень изменилась, что она перестала что-либо требовать от жизни. Думает, что писать будет. Что она душевно окрепла.

Внешне она возмужала.

Ходит в полотняных туфлях. Коричневых нет, они в починке.

Завтракали в Uniprix⁴: кокий из тюрбо, рêche Melba⁵. Истратили 18 с начаем⁶.

Ключ не подходит к сундуку, Галя не могла открыть.

Сразу потребовали плату за квартиру 1 853 f. 75, да надо консьержу дать. Телефон звонит, но сегодня требование. Придется заплатить.

Деньги за квартиру пришли немедленно.

Я сплю в спальне. Галя в кабинете.

На двоих три простыни и одна наволочка, но я сплю на маленькой подушечке, а Галя обходится с одной простыней.

Шляпы я еще не купила.

Погода мрачная, но не жарко.

Обедать будем дома остатками от вчерашнего дня.

Целую всех.

Твоя Вера.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/133. На почтовой бумаге Café-Restaurant Le Gramont, Paris.

¹ Встрече В.Н. Буниной и Г. Кузнецовой в Париже предшествовала их дружеская переписка. Из писем В.Н. Буниной июня 1936 г. следует, что она помогла Кузнецовой с жильем, собрала для нее деньги, посылала (еще из Грасса) вещи и всячески заботилась об устройстве Кузнецовой во время ее первого самостоятельного пребывания в Париже (*Новые материалы* (3). С. 39–62).

² По-видимому, Ельяшевичи останавливались в Hôtel Triumph (1-bis, rue Troyon, Paris XVIIIe), где их и посетила В.Н. Бунина.

³ См. примеч. 9 к п. 399.

⁴ См. примеч. 3 к п. 383.

⁵ Кокий (coquille) из тюрбо (рыба под соусом бешамель, подаваемая на раковине — в данном случае это тюрбо) и «персик Мельба» (rêche Melba — классический десерт из очищенных от кожуры половинок персика, малинового соуса и ванильного мороженого; создан в 1892 или 1893 г. Огюстом Эскофье в честь оперной дивы Нелли Мельбы).

⁶ Т. е. с чаевыми.

428. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 19 июля 1936 г.*

1936 г. 19 июля.

Дорогой, вчера закончили вечер в Триумфе¹ с М<арком> Ал<ександровичем>² и Ельяшевичами, которые во вторник пригласили нас обедать. У Ф<аины> Ос<иповны>³ была какая-то опухоль на десне. Она думает, злокачественная. Вот не везет. Но, слава Богу, выжгли. В<асилий> Бор<исович>⁴ очень умно говорил относительно положения. Ругал речь Блюма — антидемократическая⁵.

До чего Галя изменилась: подобранный вид, выражение глаз почти все время, как на портрете Сорина⁶. Она сказала: «эта история меня воспитала». Здесь она чувствует себя дома. Я просыпаюсь, уже кофе готов, молоко принесено...

Просила не писать, что у нее нечего надеть, так что не выдавай.

Плохо с ногой. Боли. Завтра по совету Ф<аины> Ос<иповны> пойдет в ортопед<ическое> заведение. Сейчас едем за ее вещами в отель, там ее коричневые туфли, а то ходит в полотняных. А сегодня вот-вот дождь. Была у Л<идии> Абр<амовны>⁷, на 6 дней прописано лечение. Пришлось купить лекарства и причиндалы.

Алдановы едут в автобусе, жаль, что у меня обратный билет.

Всех целую нежно.

Т. К.

Как я просила не тратить то, что лежало в ящике стола. Мне нужна сумочка, и ее нет.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/134.

¹ См. примеч. 2 к п. 427.

² М.А. Алданов.

³ Ф.О. Ельяшевич.

⁴ В.Б. Ельяшевич.

⁵ Имеется в виду речь Леона Блюма на демонстрации, организованной Народным фронтом 14 июля 1936 г. См. изложение ее в эмигрантской печати: Я. Ц. [Цвибак Я.М.] Демонстрация «Народного фронта» // Последние новости. 1936. 15 июля. № 5591. С. 1, 3.

⁶ См. примеч. 7 к п. 354.

⁷ Л.А. Каминская.

В.Н. Бунина.

Стокгольм, декабрь 1933 г.
(РАЛ)

429. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Грасс. 19 июля 1936 г.*

Милая моя, дорогая, получил три твои карточки с дороги¹. Так и знал — трудно тебе было. В пятницу весь день мучился — зачем позволил тебе ехать без удобств. В пятницу весь день писал, вечером все мы гуляли. Вчера ездил с Борисом² купаться, — вода уже отличная, и на берегу было оч<ень> весело. Зуров тоже ездил и веселился, вероятно, еще

более: уехал с утра, один, вернулся поздно вечером, страшно возбужденный, — купался с этой деревянной блядью Милочкой В., завтракал с ней у нее, — она сняла в Cannes комнату, — потом опять закатился с ней на берег, видел еще каких-то красавиц и красавцев: съезд парижской «молодежи» в наши места будет в это лето огромный, многие уже съезжаются. — Писем особенно интересных нет, от Мити³ пока нет ничего. Не беспокойся о нем с утра до вечера, отвлекайся от грустных мыслей. Дай Бог, чтобы было все благополучно, а пока я рад, что ты поехала, — необходимо было тебе проветриться. Побегай по Парижу, только не до бесчувствия, и не скупись на развлечения. Целую тебя, Христос с тобой.

Воскресенье.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/108. Дата и место установлены по сопоставлению с п. 426.

¹ См. п. 426.

² Б.К. Зайцев. См. п. 421 и примеч. 19 к нему.

³ Д.Н. Муромцев.

430. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Грасс. 19 июля 1936 г.

Воскр. вечером.

Получил твой exprès¹, рад, что все-таки благополучно доехала. Обыскал все мышинные норки — ключа от сундука нигде нет! Очевидно, он в той связке, что я дал тебе, только Галья не могла подобрать и отпереть. Позови, если правда нет у тебя, слесаря — пусть сделает ключ (но не ломать замка!).

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/109. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Grasse, 20.VII.36». Дата и место установлены по почтовому штемпелю, дата уточнена по содержанию: 19 июля — воскресенье.

¹ См. п. 427.

431. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Грасс. 20 июля 1936 г.

Пересылаю письма и карточки, получ<енные> нынче.

Вчера вечером были у нас Часинги. Нынче сидим и пишем в очень милой тишине. Ужасно хочется на море, но зажал себя крепко — надо поскорее свалить с себя работу¹ и куда-нибудь закатиться; ведь я целых 2 года не видал путем ничего, не видал лета, да и вообще света белого в той до неправоподобности дикой чепухе, в которую полетел я вдруг, да еще с такой высокой горы, на которую взлез я было, — все-таки «вдруг», хотя давным-давно все отлично понимал и видел (да думал, что, Бог даст, как-нибудь образуется — ведь в какой семье не бывает и охлаждений, и скуки, и даже периодов ненависти?). Она за эту чепуху наказана судьбой страшно жестоко, — думаю, что теперь уже понимает, что ценой целой жизни заплатила она за свое «счастье», — но ведь она сама шла на то, а за что я наказан был этими 2 годами? Чем это я «разочаровал» ее, каких обещаний не сдержал? «Сдержал, не сдержал — все равно: не могу жить без волшебства!»² Вот если так, то тут спорить не о

чем. О вкусах не спорят — кто любит дыню, кто арбуз, а кто свиной хрящик. Ну, и не ешь арбуза, только не говори, что он оказался гнилой будто бы. Главное ее самооправдание — «я страдала». Да кто же виноват в этом, кроме ее натуры? Другая не страдала бы, все-таки нашла бы счастье в том, что Бог послал. А моя вина в чем? В «скандалах»? Ну, да ведь «против жару и камень лопнет». К чести моей можно сказать — я ведь ни разу, ни единой попытки не сделал воротить «прежнее», после того, как мне было заявлено, что «прежних чувств» уже не имеется. И «скандалил» я не из-за этого. «Он меня смертельно оскорбил!» Ах, в сто раз было бы для нее оскорбительней, если бы я не «скандалил», а в ответ на это заявление прехладнокровно сказал: «Мерси за откровенность. Наконец-то вы бросили придираться, намекать, не договаривать. Насильно мил не будешь, да и не велика беда. Кума пешей, куму легче. Найду других сколько угодно и не хуже вас, — не так уж плох я еще. Надеюсь только, что завтра я уже не увижу вас». Вот это было бы действительно оскорбительно — и человеку, и женщине. А я вот такой, что и теперь еще жалею ее.

Целую тебя, дорогой друг, будь здорова.

Понедельник

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/110. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 437. 20 июля — понедельник.

¹ Видимо, имеется в виду окончание работы над «Освобождением Толстого». См. примеч. 1 к п. 421.

² Источник цитаты не установлен.

432. В.Н. Бунина — И.А. Бунину *Париж. 20 июля 1936 г.*

1936 г. 20 июля
4 ч. дня.

Дорогой мой, до сей минуты от тебя ни строчки.

Вчера мы истратили весь день на визиты.

Утром отправились в отель, где жила Галя, ей пришлось сделать вид, что она три дня прожила там, так как в том quartier¹ ей сделали отметку, что она жила в Париже. Пришлось за это заплатить зря около 50 фр., да перевезти оттуда вещи к нам на такси (она не все взяла к Ассам²), перевезли только что.

Перед отелем зашли в церковь на Петель³. Попали к молебну пер<ед> Иверской. Отстояли.

Зашли к Каллаш. Нет дома. Пошли завтракать, где ела Галя. Стоило 16 фр. на двоих. Сносно. Потом опять к Каллаш. Застали, был там и графчик Ковалевский⁴, и еще одна дама. Маруся⁵ оторопела. Бледна, похудела, вид мерзкий. Ковалевский уговаривал ехать в Турэн⁶. Я не отговаривала и к себе не приглашала. Едва ли ей переносима жара. Потом она без умолку говорила, посидели часа полтора. От нее к Кульман. Застали Нат<алью> Ив<ановну>. Вид ужасный, еще взволнована пережитым⁷. Часовой рассказ о всех подробностях. С Галей была мила. Приглашала еще. Материально положение их плохо. От нее к Шмелеву. Измученное, измятое лицо, кажется меньше ростом. Два часа говорил без умолку. Плакал. Плакала и Галя, у меня тоже слезы стояли в глазах. Рассказ был талантливый, жуткий и с подробностями⁸. Но я за него успокоилась. Переживет, если не разболеется физически. Хочет читать католич<еские> и правосл<авные> богосл<овские> книги.

Я обещала с Манухиной ему доставить список. Очень просил всем вам передать привет и благодарность⁹.

Жутко, что он один. Близких настоящих людей у него нет. Боюсь, что и Ивун¹⁰, который в среду едет в Прагу к отцу¹¹, не очень надежен. Юлия¹² *не* хочет, чтобы зимой он жил у него... В квартире такая же чистота, так же блестят полы, как при Ол<ьге> Ал<ександровне>. «Все хочу делать, как при ней». И все делает сам: готовит, стирает, убирает комнаты. Ездит на могилу. Купил и для себя место в ней... В восьмом часу выбрались. На Avenue Mozart купили ветчины, дома было два яйца, простокваша, сырки, поели. А после обеда к Левиным.

Там другая культура — ни слова о покойной¹³. Я только у Бахраха узнала, когда он нас провожал до метро, что она три <дня?> была в бессознании. Все очень похудели, осунулись. Но действительно они сильные люди, и весь вечер шел разговор на всякие темы, даже смеялись. Больше всех рассказывала Галя. Она очень развилась. Разбирается в политике, особенно в немецкой, как редкая женщина. Вообще, Германия «сделала из нее человека». Она стала деловита и очень подобрана. Все останавливает меня в тратах. Много я расскажу, когда вернусь. Я оказалась во многом права. Она мне сказала: «эта история меня воспитала». И это не слова. Нас она очень любит. Счастлива, что я здесь. Часто целует. Утром я проснусь, все готово — и молоко, и кофе. Очень стала скромна в потребностях. Ах, если бы ты мне верил, многого бы не случилось. Сейчас дело обстоит так, что ей нужно ехать к 1 августа, так как в этот день начинаются репетиции, и до половины июня будут спектакли¹⁴. Галя мечтает приехать (это между нами) весной в Париж. Ей нужно найти *самой* комнаты, так как ведь она больше живет дома. Очень упрасивает, чтобы я осталась до ее отъезда, но я еще не знаю, как ты без меня живешь, впрочем, как Лид<ия> Абр<амовна>¹⁵ меня отпустит. Но кажется, лечение на пользу. Она денег с меня не берет, но я обещала ее угостить где-нибудь в кафе.

Сегодня с Пэкой¹⁶ были в Префектуре, там столкнулись с Бертой¹⁷, которая оказалась грузинкой, едет в Спа¹⁸ с матерью и Свинойой, которая, наконец, уезжает в Лондон. Пэку и Свинину я пригласила завтракать. Оба были счастливы, у Пэки 25 с. Я дала ему 10 фр. Он нас повел в русский ресторан, и мы вчетвером проели с начаем 57 fr. 50 с. Было весело. Главное, мне было приятно, что едят все с аппетитом. Пэке была разрешена рюмка водки и закуска, а мы съели завтрак и выпили все 1 бутылку розе.

Расставшись, мы пошли с Галей по Сен-Жермену и купили себе туфли. Она черные, у нее с ногой нехорошо, необходима обувь твердая. Придется обратиться к доктору. Ужасно досадно, но и Ельяшевич, и Нат<алья> Ив<ановна>, и Свинина советуют не запускать, может деформироваться нога.

Квитанция за телефон 347 f. 50 с. Иду платить, как и за печку. Прибавь мне хоть 100 фр. на лечение, пришли.

Сегодня мы попались: по понедельникам теперь *ничего* нельзя купить из съестного, а в доме лишь рис и картофель¹⁹. Второй раз идти в ресторан — разврат.

Обнимаю тебя, мой Ненаглядный.

Всех целую, как живете.

Твой К.

¹ квартале (фр.).

² Брат Л.А. Каминской адвокат Николай Абрамович Асс (1878–1965) и его жена Вера Карловна Асс (1890–1972) открыли пансион в Байоне, вблизи Шантйи, куда Г. Кузнецова и переехала в августе в 1936 г.

³ Храм Трех святителей (свв. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста; Трехсвятительское подворье), оставшийся в ведении Московского патриархата, расположен на rue Pétel 5. Его святыней является икона Иверской Божией Матери, вывезенная в 1812 г. войсками Наполеона из Москвы.

⁴ Графчиком В.Н. Бунина называла Евграфа Евграфовича Ковалевского (1905–1970), художника, позже богослова и религиозного деятеля.

⁵ М.А. Каллаш.

⁶ Турэн — историческая провинция, в которой расположен Амбуаз, где Бунины проводили лето–осень 1922 г.

⁷ Летом 1936 г. врачи обнаружили у Н.К. Кульмана рак. 4 августа 1936 г. ему была сделана операция. См. письма Н.И. Кульман к В.Н. Буниной от 1, 8 и 14 августа 1936 г. (РАЛ. MS 1067/3560–3562).

⁸ 22 июня 1936 г. скончалась Ольга Александровна Шмелева (урожд. Охтерлони, 1875–1936), жена И.С. Шмелева.

⁹ 25 июня 1936 г. В.Н. Бунина писала Г. Кузнецовой: «Я сильно огорчена смертью Ольги Александровны Шмелевой. Он <И.С. Шмелев>, вероятно, в отчаянии. Что он будет делать без нее. Ведь вся жизнь с 21 года была с ней. А ведь она несла все тяготы жизни, и самые тяжелые и противные, а делала все с радостью и любовью. Ее, как Вы знаете, я и любила и ценила. Она была замечательной женщиной в полном смысле этого слова. Очень благородная, прямая, верующая, всегда чем-то занятая, несмотря на ее давнишнюю болезнь сердца. А как она просто, хорошо, несла свое великое горе» (*Новые материалы* (3). С. 52). Имеется в виду расстрел большевиками сына Шмелевых — Сергея.

¹⁰ Ивистион (Ив) Андреевич Жантийом (Gentilhomme, 1920–2016) — сын Ю.А. Кутыриной, племянницы О.А. Шмелевой, крестник И.С. Шмелева. См. его воспоминания: *Жантийом-Кутырин II. Мой Дядя Ваня. Воспоминания об Иване Шмелеве*. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2000.

¹¹ Отцом Ива был француз, учитель русского языка Рене Андре Эдмон Жантийом (1883–1954). С Юлией Александровной Кутыриной (1891–1979) они к тому времени уже развелись.

¹² Ю.А. Кутырина.

¹³ 21 июня 1936 г. скончалась Мария Исааковна Левина (некролог: *Последние новости*. 1936. 25 июня. № 5571. С. 1). См. также сообщение в письме В.Н. Буниной к Г. Кузнецовой от 27 июня 1936 г. (*Новые материалы* (3). С. 55).

¹⁴ Речь о репетициях и спектаклях в оперном театре Нюрнберга, где начинала работать М. Степун.

¹⁵ Л.А. Каминская.

¹⁶ Н. Рошин.

¹⁷ Б.С. Нилус.

¹⁸ Курорт в Бельгии.

¹⁹ Видимо, последствия забастовок. См. примеч. 6 к п. 422.

433. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 21 июля 1936 г.

Вторник, утро.

Подумай *очень серьезно* над моими словами — и скажи ей кратко и с предельной убедительностью: настал последний — это уже действительно *самый последний* — срок собрать все силы своего разума и своей воли, очнуться до конца — и, *пока не поздно*, — а *ведь вот-вот будет поздно!* — выскочить из той погибельной*) ямы, в которую она, разбежавшись в бездумной воспаленности всего своего обезумевшего существа, сорвалась и покатила. Сто раз говорил это — повторяю сто первый, знаю, что 100 шансов за то, что *напрасно* повторяю, и все-таки повторяю: спасайся. Брось всякий ложный стыд, изорви в клочки все векселя, что надавала, отмахнись с полной жестокостью от всякой жалости (и тем более, что эта *жалость будет в страшный вред даже и самой М<арге>*), пойми, что все, *все, что было* — совершенный, самый пустяковый вздор перед спасением всей своей жиз-

ни — и спасайся. Богом заклинаю — решишь — и Богом клянусь: ни малейшей личной, корыстной цели не имею. И всячески помогу — жить как угодно и где угодно. Я уже *совсем почти* остыл в своей жалости — знаю, что вот-вот *совсем* остыну: пусть же *не теряет времени*. Боюсь, что если (почти паче всякого чаяния) вдруг наконец разбудят ее мои слова, она попытается увильнуть от решительного шага: «поеду, поживу и постепенно...» Но это вздор — постепенность [будет лишь засасывающей тиной] — вздор. Надо *сейчас* решиться — на то, что представляется таким диким, таким странным, таким невозможным, а на самом деле *все-таки возможно*. Должно быть, должно *сейчас* быть написано это «дикое» письмо: «Плачу, рыдаю, бесконечно люблю, бесконечно жалею — и все-таки прощай (или: до свидания через ½ года, через год): *не могу погубить всю свою жизнь — да и твою, твою тоже*. Подумай только, что, в противном случае, у нас впереди: будни, нищета, преждевременная старость...» — и т.д., и т.д.

Милая Верочка, я не пьяный, не сумасшедший, хотя и пишу опять столь «сумасшедшее» письмо. Подумай же над моими словами — и толкни ее изо всей силы: «проснись, вскочи, спасайся! *Не играй в твердость покорности* судьбе, не дурачь себя надеждами: “буду читать, писать, нести свой крест — и не пропаду, не пропаду!” Это истинно игра, детская и гибельная — через полгода *ровно ничего* не останется от этой “твердости”, в которой сейчас еще столько полыни, но и *меду*, то есть игры, игры».

У тебя есть ключ от письменного стола: сумочка в нем.

Когда выедешь назад? Не спеши. Ужели ради панихиды по князю¹ сорвешься с места?

Шлю письмо Каллаш². Не яришь ты на нее, на сумасшедшую бабу, тем более, что она очень раскаивается, — я больна была. Если не позовешь ее к себе — подумай, какая будет страшная обида! Ведь это полный разрыв!

Целую и обнимаю.

*) — и позорной — все, все так смотрят! —

Вторник.

Вчера я послал ей *exgrès*³. Вызван он главным образом тем, что, к моему крайнему изумлению, она оказалась еще непостижимее, чем я думал. В нашей с ней жизни было нечто очень большое, и вот оказывается, что для нее ровно ничего не было, и я стал для нее просто несуществующим. Ты скажешь, что это не так. Нет, так, *та мера* ее чувства прошлого и меня так ничтожна, что об этом всерьез и говорить нечего. Ты знаешь и, конечно, говорила ей, что я то и дело испытывал за последнее время самое горячее побуждение сказать наконец совершенно решительно: «нет, все ерунда: невзирая ни на что, я ее люблю, не могу продолжать жить с ней в злобе, решительно ничего не хочу от нее для себя, пусть живет, где хочет и как хочет, — я хочу только примириться с ней и знать, что, живя где-то и с кем-то, она помнит меня, забыла все дурное, тяжкое, пережитое нами, и опять стала дорогим и близким мне человеком, хотя и где-то вдали». И вот, ни единого движения не сделала она к этому, не вырвалось у нее, за эту двухнедельную жизнь с тобой, ни единого слова человеческого, женского, слова воспоминания, боли о нашем разрыве⁴, — ну, словом, ничего из того, что трудно уточнить, но что дол<жно> быть всякому понятно. Вот. Враги так враги. «Какие враги? Откуда ты взял это?» Да нет, что же тут вилить. *В конце концов* именно так. А раз так, будущее покажет, что из этого выйдет. И с этой самой Маргой, *весьма укрепившей ее в ее зверстве*, я еще посчитаюсь и так, что ей небо с овчинку покажется.

Г.Н. Кузнецова и В.Н. Бунина.
Стокгольм, декабрь 1933 г.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/111. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 428 и 437.

¹ Панихида к годовщине кончины А.А. Кугушева, застрелившегося 26 июля 1935 г.

² В переписке В.Н. Буниной с М.А. Каллаш с марта 1936 г. был перерыв, и в письме от 17 июля <1936 г.> М.А. Каллаш писала: «Ты (предполагаю) какой-то возымела против меня зуб за мое последнее письмо и потому мне не пишешь. Мне самой потом было неприятно, что меня “прорвало”, я даже жалела о том, что высказала впечатления каких-то отдельных дней, может быть, ничего в существе и не определяющие впечатления! Ведь я *очень* была больна (не совсем еще пришла в норму и до сих пор), а при болезни нервно-сердечной человек становится раздражительным и чрезмерно (гиперболически) восприимчивым» (РАЛ. MS 1067/3120). М.А. Каллаш гостила в Грассе в августе 1935 г., накануне отъезда М. Степун (и потом Г. Кузнецовой) в Германию. На то время пришелся перелом в отношениях В.Н. Буниной с М. Степун, прежде бывших вполне доброжелательными, и Каллаш, вероятно, стала тому невольной свидетельницей. 21 августа 1935 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Каллаш у нас вторую неделю, много смеемся. С Маргой мои дружеские отношения порваны. Она оказалась неискренней, отказывалась от своих слов. Внешне же мы примирились» (РАЛ. MS 1067/410).

³ Письмо не сохранилось.

⁴ Имеется в виду, вероятно, последнее выяснение отношений Бунина с Кузнецовой. См. примеч. 2 к п. 392.

434. В.Н. Бунина — И.А. Бунину *Париж. 21 июля 1936 г.*

1936 г. 21 июля

Дорогой мой Ян, сейчас два слова. Бегу к Л<идии> Абр<амовне>¹, с этой стороны идет все хорошо. Целую тебя за письма. Благодарю за них.

Я уже писала, что мы завтракали вчетвером и прозавтракали 57 фр. (жаль было не пригласить Свинину, она ведь совсем уезжает), да Пэке² 10 фр. Подсчитала, сколько за эти дни стоили метро и автобусы — 30 фр.!!! Так что те сто фр., кот<орые> назначены на развлечение, уже вышли.

Гале сегодня купили платье, 75 fr., очень простое и элегантное, и шляпу, 39 fr., и она сказала — «вот это понравилось бы Ив<ану> Ал<ексеевичу>, как странно, а мне хотелось бы ему все это показать»... Она страшно нежна со мной.

Живем редко хорошо.

Нужно бежать.

О тратах написала Верочке³.

Мы забыли внести лечение, да и телефон оказался много дороже.

Галя днем отдыхает, а я нет. Нахожусь в нервно-возбужденном настроении. О Мите⁴ тревожусь.

Вчера с ней проговорили до 3 ч. 30 м. ночи. Она много мне рассказывала. Все выслушивает спокойно.

У Аргутинского было весело и приятно.

Обнимаю.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/136.

¹ Л.А. Каминская.

² Н. Рошин.

³ В.А. Зайцева.

⁴ Д.Н. Муромцев.

435. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 21 июля 1936 г.

Дорогой Ян, как ты огорчаешь меня¹. Я просто теряюсь, не знаю, что тебе сказать. Ты все портишь. Действуешь не так.

Если бы ты знал, как Галя настроена внутренне к тебе. Она все восхищалась тобой это время. А писать еще не может. Трудно ей еще это. «Проклятий» она писать тебе не может. А написать настоящее письмо еще не пришло время. Ты в ярости, что она не разрывает с М<аргой>. Но встань на ее место, почему оскорбить человека, который ей ничего не сделал дурного. Ни разу она не отказала тебе в твоих требованиях писем, не откажет и теперь. Только почему такая спешка²? Они, конечно, в Германии и будут в ее руках, когда она получит свой чемодан, но раньше им нужно найти пристанище.

Ты преувеличиваешь ее боязнь Марги. Она делает и поступает по своему усмотрению. Без всякого совета поехала к нам на квартиру и только тогда сообщила ей, где она живет.

Все в письмах не напишешь, подожди, Бог даст, вернусь и *все* расскажу. Ей очень, например, хочется, чтобы мы приехали в Берлин...

Я за это время сделала очень много, и зачем ты хочешь все испортить?

Сейчас можно многое потушить. Мой приезд и ее пребывание у нас многое сгладило, и зачем ты начинаешь «сказку про белого бычка»?

Не понимаю я тебя: зачем ты хочешь ее оторвать от близкого человека, может быть, и выдуманного, раз в твоём сердце нет ей прощения?

Галя, повторяю, стала ответственным человеком. Она за этот год выросла сильно. Думаю, если бы она в настоящее время начинала жизнь на «Бельведере», то она жила бы совсем иначе. У нее стали другие требования от жизни.

Я думаю, что если ты не станешь выходить из себя, то не за горами время, что вы увидите³, и ты тогда сам поймешь свою неправоту.

В ней нет никакого падения, утеряна детскость и беспомощность. Прожили мы с ней душа в душу, и я ей высказала весь свой взгляд, но не употребила ни единого бранного слова. Она о многом жалеет: «Я была больна, воспалена, ничего не понимала; — теперь стала другой, здоровой»... И она действительно имеет свежий вид, нормальный,

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/137. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 436. Письмо не закончено.

¹ Очевидно, ответ на п. 431 или, скорее, на более раннее, несохранившееся письмо Бунина.

² Видимо, речь идет о письмах Бунина к Г. Кузнецовой, написанных после 1934 г. О том, что в 1934 г. он забрал у Г. Кузнецовой свои письма, «изорвал и сжег» их, см. в его дневнике от 2 мая 1940 г.: РАЛ. MS. 1066/532. См. также пп. 442, 445.

³ Бунина и Г. Кузнецова не виделись с конца 1935 г. и встретятся во время его приезда в Нюрнберг в октябре 1936 г.

436. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 22 июля 1936 г.

22 июля 1936 года.

Драгоценный мой, сегодня заплатила за квартиру. Пришлось ехать в общество. Ездила с m-elle Imbert. Обедали сегодня вдвоем с Галей. Вчерашний суп и жареный colin¹. Завтракал у нас Пэка². У него надежды на Днепровские переводы³. Влюблен и радостен⁴.

Вчера всю ночь почти не спала. Написала тебе письмо — в ответ на твои два, и куда оно делось, не понимаю.

Сейчас об этом не буду писать, так как не теряю надежды его отыскать. Да и после бессонной ночи голова несвежая.

Галя была сегодня у Л<идии> Абр<амовны>⁵, которая ей сказала, что ей хотелось бы меня «задержать», а у меня билет кончается через 13 дней, то есть в среду. Можно, конечно, продолжить, но как, еще не знаю. Впрочем, до среды далеко. В субботу пойду к ней.

Завтра мы обедаем у Каминских, сей<час> говорила со мной Ира⁶.

Вчера видела М<арью> Сам<ойловну>⁷. Ходила к ней по аморским делам⁸. Я уже говорила с Поллаком, Лунцев<ым>⁹ и <с н>ею, если все мне дадут, то будет полная сумма и на октябрь. Скажи Зайчикам, что я везу им за два месяца¹⁰. Словом, мой приезд в этом смысле оказался вовремя.

Тэффи нашла Галю тоже очень изменившейся.

Твои планы сейчас *не* подходят. Ночью я тебе писала, почему этого сейчас делать нельзя. Но скажу одно, что Галя не погибнет, даже если действительно будет бедность.

У нее есть сейчас крепкий остов.

Но я замечаю с каждым днем, что она все больше и больше ценит наш дом. Сегодня она сказала: «Моя судьба с детства разрываться между двумя семьями»...

Она оставляет у нас свои вещи...

Ну вот, пока кончаю и целую.

Сегодня мы никуда не идем. Устали.

Целую всех.

Твой К.

Марко Богатый¹¹ уезжает на днях, но они во II классе или в автобусе.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/138.

¹ хек (*фр.*).

² Н. Рошин.

³ Н. Рошин печатался также под другим псевдонимом: Р. Днепров.

⁴ См. примеч. 9 к п. 409 и п. 459.

⁵ Л.А. Каминская.

⁶ И.С. Лидова.

⁷ М.С. Цетлина.

⁸ Т.е. по благотворительным делам кружка «Амаур» («Amis auteurs russes»). См. примеч. 9 к п. 399.

⁹ Неустановленные лица.

¹⁰ Т.е. денежное пособие от «Амаур» Б.К. и В.А. Зайцевым, которые находились тогда в Грассе.

¹¹ М.А. Алданов.

437. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 22 июля 1936 г.

Ночь с 22–23 июля 1936.

Дорогой мой, сегодня получила два твоих письма с фотографиями¹ и деньги. Консьержка отправила уже квитанцию «сиконезу»², и мне завтра придется туда ехать. Поеду с Имбер. Для Амора³ стала работать в один день 250 фр. Везу деньги Зайцевым.

Открыла стол, нашла там два ключа. Обрадовалась: от сундука! Да не тут-то было, — не подходят! Слесаря не звала. Без тебя боюсь.

Твои письма меня взволновали. Особенно второе, — спать не могу. Очень трудно мне объяснить тебя. А мне ты как-то не веришь. Сейчас предлагать Гале твой план невозможно, да и не нужно. Нельзя, бесчеловечно заставлять кого бы то ни было жить в драме перманентно. Нужна передышка. Да и бесполезно. Мне кажется, что кое-что я сделала: желание жить и в Париже. Слышала, как она кому-то говорила, что она думает весной, в марте, приехать в Париж, а мне говорила раньше, что летом. Хотела видеть Фельзена⁴, а сестра его уже пригласила ее в гости, и Галя об этом мне сказала с удовольствием.

Твердо говорит, что хочет писать, что без литературы жить не может. Я указываю: «Это прекрасно, но как без среды? Вот Чехов писал Горькому и так далее»⁵... «Да, конечно»...

Сейчас ее думы о Нюрнберге понятны⁶. Нужно устраиваться на зиму. Денег мало, а потому надо долго искать.

Отношение у нее к М<арга> крепкое, очень укрепилось за этот год (она мне сказала), — слишком обе пострадали, особенно М<арга> тяжело переживала разрыв с семьей. Галя мне сказала: «все пережитое меня воспитало, — я стала оптимисткой. Теперь меня ничего не пугает. Я стала тверже». Это правда. Мы разговариваем много. Я говорю ей все, что ты хотел. Читала ей твои письма. Она все выслушивает спокойно. Тебя она ни в чем не обвиняет. Вообще о тебе говорит порой очень хорошо. Но письмо на Шнорштрассе⁷ забыть, конечно, еще очень трудно⁸. Ты как-то не отдаешь себе отчета, что оно принесло им. Кстати, М<арга> о тебе до этого письма там ничего, кроме восхищения, не говорила. Это Галя слышала от Федора⁹. Считает Галя себя ответственной за то, что М<арга> потеряла семью. «У нее нет теперь никого». Конечно, неизвестно, как будет в будущем, но сейчас она чувствует так. И тут самое мудрое не настаивать. Дурного для Гали ничего нет. Резуль-

таты налицо. Темп жизни в Германии таков, что *растрепываться нельзя*. И, если думать о Гале, то ей, ее натуре полезно жить среди немцев. Она и с М<аргой> в течение недели мало разговаривает. Кроме того ей полезна регулярная жизнь, часам к 11 ее уже клонит в сон. Я за нее не боюсь теперь. Она мечтает, что мы поедем зимой в Германию...

Л<идия> Абр<амовна>¹⁰ рвет и мечет. «Я вижу столько женщин, я психолог все же, никогда не поверю, что у нее есть извращение, — это все сплетни!» Галя со мной очень откровенна, и я еще больше убеждена в своей правоте.

Купила она платье в виде костюма, шелковый, скромный, очень она в нем тонка. Так что и разговоры о том, что она раздалась, ерунда. Записывает всякий грош. Боится перетрачивать. Но масса всяких трат. Неожиданных.

Сегодня шли мимо Викинга¹¹. Я предложила зайти позавтракать: «Дорого»... Я не настаивала, т.к. ты не разрешил, и мы пошли к Доминику¹². Но и там оказалось недешево, все стоило 23 фр. В При-юни дешевле.

Мне очень тяжело за тебя, что ты расстраиваешься. Но что теперь делать?

Я не спешу. Меня и Л<идия> Абр<амовна> еще не пускает. Приеду после ее отъезда.

Сегодня сидели с М<арком> Ал<ександровичем>¹³, Фельзеным у Murat¹⁴. Днем я была у М<арьи> С<амойловны>¹⁵.

Берберова купила автомобиль.

Фельзен едет в Канн... с сестрой.

Главная твоя беда, что ты все воображаешь, а вообразив, начинаешь в это верить.

Гефтер — еврей¹⁶. Гликберг¹⁷ его товарищ по гимназии.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/139.

¹ См. пп. 431, 433.

² Секанез (La Séquanaise Capitalisation) — страховая компания, в ведении которой находился дом на rue Jacques Offenbach.

³ См. примеч. 9 к п. 399.

⁴ Юрий Фельзен (наст. имя Николай Бернгардович Фрейдентштейн, 1894–1943) — писатель, критик. С 1918 г. в эмиграции в Риге, с 1921 г. в Берлине, с 1924 г. в Париже. Активный участник литературной жизни русского Парижа, секретарь редакции журнала «Числа».

⁵ А.П. Чехов писал А.М. Горькому 22 июня 1899 г.: «...литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции. Что бы Вы там ни говорили, Вы вкусили от литературы, Вы отравлены уже безнадежно, Вы литератор, литератором и останетесь. Естественное же состояние литератора — это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой. Не боритесь же с естеством, покоритесь раз навсегда — и переезжайте в Петербург или Москву. Бранитесь с литераторами, не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними» (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 8. Письма, 1899. М.: Наука, 1980. С. 206). Ср. выписку Бунина из А.К. Толстого в записной книжке 1944 г.: «Нельзя быть художником одному — когда нет художников среди окружающих тебя» (РАЛ. MS 1066/548).

⁶ См. примеч. 10 к п. 421.

⁷ Адрес Степунов в Дрездене (см. примеч. 7 к п. 328). Видимо, имеется в виду несохранившееся письмо Бунина к Ф.А. Степуну. См. примеч. 9 к п. 386.

⁸ Письмо неизвестно.

⁹ Ф.А. Степун.

¹⁰ Л.А. Каминская.

¹¹ Ресторан Le Viking, расположен по адресу 64, Boulevard Edgar-Quinet (рядом с Монпарнасом).

¹² Популярный в эмигрантской среде ресторан «Доминик» был открыт в 1927 г. театральным критиком Львом Адольфовичем Аронсоном (1893–1984) в одном из самых бойких мест Парижа, у легендарного перекрестка бульваров Распай и Монпарнас (19, rue Vréa). Подробнее см.: Носик Б. «На бульваре Распай господин Доминик у руля» // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. IV. С. 504–512.

¹³ М.А. Алданов.

¹⁴ Парижский ресторан «Le Murat» (1, Boulevard Murat, Paris XVIe).

¹⁵ М.С. Цетлина.

¹⁶ Александр Александрович Гефтер (1885–1956) — мичман флота, писатель, художник. Участник мировой и Гражданской войн. С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Дании, с 1921 г. во Франции. Служил в банке. Публиковался в эмигрантской печати, участвовал в выставках. В.Н. Бунина писала о нем Г. Кузнецовой 18 июня 1936 г.: «Гефтер был: это мал<ен>кий, широкоплечий, форносый <курносый?> человек с седеющими волосами, которые были раньше рыжеватыми, такие бывали <у?> боцмана. Человек органически веселый, живо рассказывает. Сразу дает человека. Но, вероятно, литературно не развит, как это иногда бывает у людей из другого лагеря, одаренных художественно. Он одарен разносторонне: рисует, в будущий вторник придет к нам завтракать и нарисует И.А., поет, бас, на своем вечере под фамилией Ипатов будет петь. Танцует и матросский танец. Умеет строить лодки, какие плавают по Индийскому океану. Словом, на все руки. Был женат. Теперь один. Понимает шутку и совсем не застенчив» (*Новые материалы* (3). С. 45). И далее, 25 июня 1936 г., В.Н. Бунина к Г. Кузнецовой: «У нас третий день Гефтер. Написал <...> <о>чень удачный портрет» (*Новые материалы* (3). С. 52). Впрочем, в тот же день, будучи «в восторге от “Бельведера”» и испросив разрешения приехать еще, Гефтер уехал, см. описание проводов в другом письме В.Н. Буниной к Г. Кузнецовой того же дня (*Новые материалы* (3). С. 54).

¹⁷ Д.Л. Гликберг (см. примеч. 3 к п. 537) или А.М. Гликберг (псевд. Саша Черный).

438. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 23 июля 1936 г.

Послал тебе вчера 200 фр. — что могу: ты знаешь, какой это исключительный месяц у меня: парижск<ая> квартира, налог по Парижу, налог по Грассу...

Едем с Борисом¹ на море. Съезд «молодых» парижан с Монпарнаса продолжается.

Целую мою милую.

Четверг.

P.S. Давать переписывать Вере² — стесняюсь, — всегда стыжусь давать свои рукописи чужим. Подожду тебя. Да это и не к спеху — переписка. Главное — написать. А я уже почти все написал.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/112. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Б.К. Зайцев.

² В.А. Зайцева.

439. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 24 июля 1936 г.

Очень беспокоюсь, голубчик, что ты опять поедешь днем. Нельзя так надирать себе сердце.

Ночь перед отъездом ты, конечно, спать не будешь — и от обычной тревоги перед выездом рано утром, и от разговоров ночных; а разговоров этих, конечно, не миновать — ведь когда-то вы теперь еще встретитесь, — скорее всего, никогда. Поспи же в день отъезда днем — непременно — и выезжай *вечером*. Пожалуйста, послушайся меня. У нас все пока, слава Богу, благополучно. Я уже похудел и загорел, чувствую себя, чтоб не сглазить, ничего себе, только временами как-то очень широко грустно <так!>. Целую, главное — будь здорова.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/113. Почтовая открытка — Exprès; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 24.7.36», «Paris, boulevard Diderot, 25.VII.1936». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

440. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 25 июля 1936 г.

Суббота.

Получил только нынче — 25-го — твое письмо от 22-го¹. Значит, ты его таскала в сумочке дня три. Из этого и из всего прочего вижу, что ты уже замоталась совершенно. Пора домой.

Денег больше не пошлю — пора домой. Да и переписывать мне надо.

Что до того, что писал насчет Г<алины>, то все-таки напрасно ты отнеслась к этому делу так легкомысленно, с прежней глупой нерешительностью — результаты твоих прошлогодних советов ей — вести двойственную политику — налицо. Но сейчас все еще остатки моей помощи. А вот что будет дальше, когда от этой помощи не останется больше ни крохи, — посмотрим. Она «теперь не пропадет ни в какой бедности»? Посмотрим. Да и что значит «не пропадет»? Конечно, с голоду не умрет, да ведь не в этом дело. Дело — в идиотском, постыдном, противоестественном существовании в каком-то ни с того, ни с сего Нюрнберге в качестве приживалки и любовницы какого-то польско-немецкого выроodka². Все боишься говорить с ней прямо? Крутишь Янкеля? Знаю, что, если бы и не крутила, все равно уехала бы. Но, может, все-таки задумалась бы наконец. А ты даже и этого боишься, — даже, верю, и писем моих не прочла ей. Вон³, делайте, как хотите. Посмотрим, кто окажется в накладе. Ты и в прошлом году подучивала ее (напр.: «скажите, что приедете в мае»), оставляла ей какие-то надежды на *не* полный разрыв — что же вышло? Оставляешь и теперь? Но теперь это уже глупей глупого. «Тверда, крепка» она? Что ж, переломленное дерево всегда тверже становится — *засыхая*. И посмотрим, какова будет эта твердость сухости еще через год. Советую сказать ей это.

Больше ваших встреч уже никогда не допущу.*)

Жду тебя домой скорее.

Опять шлю exprès — все-таки не знаю, когда выезжаешь.

*) Это противоестественно в конце концов при наших с ней отношениях.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/114. Дата и место установлены по содержанию и по сопоставлению с пп. 437, 441, 444.

¹ См. п. 436.

² Имеется в виду М.А. Степун.

³ хорошо (*фр.*)

441. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 26 июля 1936 г.

26 июля 1936.

Дорогой мой, получила твой экспресс за завтраком¹, за которым были Тэффи, Каллаш и Хигерович, впрочем, последняя пришла после завтрака. Присидели до 6 часов!!! Тэффи нам пела свои песенки, была в самом лучшем своем настроении, гадала...

Чествование И.А. Бунина на празднике святой Люции.
В.Н. Бунина, С. де Шессен, И.А. Бунин, Люция (Анна-Лиза Берг).
Стокгольм, декабрь 1933 г.
(РАЛ)

Я не еду в Грасс не из-за Гали, а потому что лечусь у Лидии Абрамовны². Прошлую неделю — дома. Вчера была у ней и должна к ней пойти еще три раза, понедельник, вторник и четверг. У меня катар немного запущенный. Советует она сейчас энергично за него приняться. Мой билет кончается в пятницу. Ты смущаешь меня, настаивая, чтобы я ехала ночью, но ты забыл, что такое ехать в третьем классе в темноте, сидя, да еще в корсете, когда все спят. Мне после манипуляций Л<идии> Абр<амовны> нужно лежать. Если в четверг она меня примет рано, то я, конечно, выйду в четверг, а если поздно, то придется уже ехать в пятницу. Ты знаешь, как я не люблю лечиться, а потому, раз я это делаю, то, значит, это серьезно. Галя уедет раньше меня, а потому говорить ночью не с кем; накануне лягу спать рано. У Г<алины> тоже беда с ногой. Ей сказали, что если она будет ходить без пластинки в туфлях, то кость провалится. Вчера ей стоило визит к доктору и эти «стельки» 140 fr. Вот уже правда, где тонко, там и рвется.

На душе у меня очень невесело, хотя внешне и не заметно. Гале я *все* письма твои читала. Прочту и это, выпустив, конечно, оскорбительные слова по отношению к М<арге>. Что значит, приживалка? Она может тебе сказать, что, значит, и у нас она была таковой, а это не так. Твое несчастье, что ты пускаешь в оборот разные оскорбительные слова. Я Гале говорила *все*, только не резко, она выслушивала все. Со многим соглашалась. Я с ней никакого Янкеля не кручу. Теперь не до Янкелей. Но куда ей ехать? Денег у нее остается около 4 000 fr. — ведь это грош. А мы обе здесь поняли, *что все стоит*. Так ни в театр, ни в синема не пошли, а истратили много, — зарезает всякое лечение, ты сам знаешь.

Если у тебя нет денег, то ты не высылай, — у меня есть аморские³, ты можешь мне возместить их в сентябре.

Сегодня я m-elle Imbert заплатила 130 fr. Кроме работы у нас не каждый день, еще за прачку и за то, что она убирала после твоего отъезда.

Очень теперь трудно по понедельникам: ничего нельзя купить⁴ — в прошлый пришлось идти в ресторан, да и завтра придется: уже жарко, а главное, муравьи. И муравьи крохотные, противные, красноватые. Даже в молоко лезут.

Да как Гале и не уехать, когда все ее вещи зимние там. Да и почему ей Марге вдруг сделать такую неприятность. Я еще больше утвердилась в том, что у них совсем не то, что ты думаешь. Уверены в этом Нат<алья> Ив<ановна>⁵ и Лид<ия> Абр<амовна>, которые тоже находят, что Г<алина> очень изменилась в свою пользу. Она развилась, стала интеллигентной вполне. Интересно рассказывает о Германии. Вид здоровый, свежий. Ни разу не видела ее с поникшей головой.

Вчера было свидание в эльзасской таверне с Илюшей⁶ и Цетлиными, мы еще пригласили Хигерович и Валю⁷, разговор шел на отвлеченные темы.

Сейчас она пошла на свидание с Мелиттой⁸. Ты узнаешь от них, какое впечатление она оставила. Я понимаю тебя, ибо ты все живешь прошлым, а между тем, все меняется.

Когда приеду, то все расскажу, не все хочется писать, и ты тогда многое поймешь, если захочешь меня слушать по-настоящему.

Сегодня мы обедали вдвоем, пили рислинг, и Галя предложила выпить за тебя.

У Берты⁹ чуть не сгорела мать. Вытащили ночью в одной рубашке. Поджег мальчишка, пять домов сгорели дотла. Берта ездила к ней. Слава Богу, мать этот шок спокойно пережила.

Целую всех.

Приеду и буду тебе писать¹⁰ с утра до ночи, мой Ненаглядыш.

Платье Вере¹¹ купила [за 20 fr.]

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/140.

¹ В.Н. Бунина отвечает сразу на два последних письма Бунина, которые были посланы экспрессом (пп. 439, 440).

² Л.А. Каминская.

³ См. примеч. 9 к п. 399.

⁴ Некоторые продовольственные магазины не работали по понедельникам. Возможно, это были еще последствия забастовок во Франции. См. примеч. 6 к п. 422.

⁵ Н.И. Кульман.

⁶ И.И. Фондаминский.

⁷ В.Л. Голубовская.

⁸ М.Г. Левина.

⁹ Б.С. Нилус.

¹⁰ Т. е. перепечатывать на машинке. См. п. 438.

¹¹ В.А. Зайцева или В.Р. Мартынова.

442. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 27 июля 1936 г.

Все шлю ехрèс, но ничего не поделаешь. Не знал, когда выезжаешь, теперь знаю, что она уезжает в среду и потому спешу: прошу ее возвратить мне или изорвать нек<оторые> мои письма. Если они тут и она отдаст тебе, страшно прошу — не читай, заклей в конверт — мне стыдно. Позвони Слониму, непременно повидайся или поговори: что же насчет перевода о Толстом? Можно начать переводить по частям, теперь же¹.

Есть письмо от Мити — он ничего себе².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/115. Почтовая открытка — Exprès; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Cannes, 27.7.36», «Paris, boulevard Diderot, 28.VII.1936». Дата установлена по почтовому штемпелю.

¹ Книга Бунина о Толстом в переводе М.Л. Слонима вышла лишь три года спустя: *Bounine Ivan. La Délivrance de Tolstoï / Traduit du russe par Marc Slonim. Paris: Gallimard, 1939. См. примеч. 1 к п. 421.*

² Видимо, имеется в виду открытка от Д.Н. Муромцева от 17 июля 1936 г., в которой он писал, что после ухудшения последних дней, ему стало лучше: «Сегодня чувствую сносно <...>» (РАЛ. MS 1067/4811).

443. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 27 июля 1936 г.

1936 г. 27 июля.

Дорогой мой, вчера, опустив тебе письмо, мы с Галей пошли в Булонский лес. Дошли до озера. Очень хороши были лебеди на темной воде. Мешали впечатлению, раздражали фонари. Выяснилось, что Галя даже не понимает, о чем ты говоришь, но об этом при свидании. Она мне сказала: «вот как вы гораздо лучше, М<арга> мне пишет: — Я понимаю, что тебе очень тяжело расставаться <с> В<ерой> Н<иколаевной>». Не знаю, что по этому поводу писала Галя ей. Сегодня она подарила мне свой черный браслет.

Сейчас ты звонил. Почему такой раздраженный тон? Мы никуда особенно не треплемся. Но ведь за неделю пришлось много переделать дел, а кроме того столько горя кругом, что отдохнуть не на чем.

Кажется, очень нехорошо у Кульмана¹. Во вторник выяснится, что за опухоль у него была. Он еще не знает об опасности, но на Нат<алью> Ив<ановну> смотреть жалко. И материальное положение у них очень плохо.

Галя вчера гуляла с Мелиттой², говорит, что на нее смотреть жалко, так изменилась. Не говорю я уже об Ив<ане> Серг<еевиче>³.

У Любочки Полонской⁴ какая-то опухоль, но пусть Верочка ей ничего не пишет, если она ей об этом не сообщает.

Ты напрасно волнуешься, сердисься, ах, если бы у тебя была выдержка, то все было <бы> не так.

Завтра пойду в церковь и помолюсь, что<бы> Бог тебе послал терпение. Ты не понимаешь, что в жизни ценно лишь то, что делается свободно, а не под давлением, во всяком случае явным.

Ты ведешь себя так, как будто тебе 18 лет. Недаром Рильке сказал, что вся беда, что у Мити не хватило терпения⁵. И нужно было мне очень перестроиться, чтобы на тебя не обижаться⁶.

Я весь день вчера сидела с камнем в душе, тревожилась ночью, — чувствовала, что ты волнуешься, неспокоен. Подожди моего приезда. Я не все могу писать. Мне эти дни нужно быть спокойной. Л<идия> Абр<амовна>⁷ говорит, что это и от общего состояния, а ты меня волнуешь, и я сама не своя внутренне.

За четверг одно — не нужен Фостер⁸. М<ожет> б<ыть>, и решусь ехать ночью. А то и так много истрачено.

Целую всех, à bientôt⁹.

Твоя В.

Я очень рада, что видела Галю своими глазами. Мы за все время ни разу не поссорились, а я ей высказала все, всю вину ее перед тобой...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/141.

¹ См. примеч. 7 к п. 432.

² М. Г. Левина.

³ И.С. Шмелев.

⁴ Л.А. Полонская.

⁵ В.Н. Бунина имеет в виду высказывание Р.М. Рильке в письме от 25 февраля 1926 г., написанном в ответ на просьбу Л.П. Струве высказаться по поводу некоторых сходных мыслей в повести Бунина и одной из «Дуинских элегий». В письме, опубликованном после его смерти, Р.М. Рильке, в частности, писал: «“Случай” Мити — это один из тех многочисленных случаев нетерпения (и притом один из самых чистых и трогательных), когда молодой человек теряет любопытство и способность ожидать течения событий и выхода из невыносимого положения и перестает верить в то, что за этими страданиями, в которые вступил и вовлечен был весь мир, должно последовать что-то иное, может быть, поначалу и не более легкое, но во всяком случае *иное*» (Р.М. Рильке по поводу «Митиной любви» // Русская мысль. 1927. № 1. С. 55). См. также: *Рильке Р.М. О повести И.А. Бунина «Митина любовь»* // Вопросы литературы. 1966. № 9. С. 247–249.

⁶ Ср. сходные мысли В.Н. Буниной в п. 354.

⁷ Л.А. Каминская.

⁸ См. примеч. 1 к п. 379.

⁹ до скорого (*фр.*).

444. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 27 июля 1936 г.

Понедельник
11 ч. вечера
27 июля 1936 г.

Дорогой мой, мы решили, что Галя уедет завтра. Мне необходимо взять с собой две простыни, надо их выстирать дома и дать время высохнуть. Я же решила ехать в четверг в ночь. Все равно еще одну ночь не посплю, да и ночи еще короткие. За ночной поезд говорит то, что приеду днем, сразу возьму ванну и не помешаю тебе спать разговорами, да и Фостер¹ ни к чему, у меня легкий чемодан.

Галя в хорошем духе. Очень хорошо о тебе всегда говорит. Лидия Абрамовна² мне рассказывала, что она никому не позволяла сказать о тебе дурного слова. Всегда «с пеной у рта защищала»... С Одоевцевой чуть не поссорилась. Я чувствую, что она втайне мечтает помириться, она мне говорила, что скучает по тебе. Вообще, я много тебе расскажу. Я очень рада, что она изменилась в такую сторону. Может быть, тебя это и не пленяло бы, так как почти исчезла детскость, беспомощность. Очень развилась умственно и душевно. Ты не прав, думая, что она срубленное дерево, у нее много мягкости и нежности. Я уверена, что если бы ты не оскорблял М<аргу>, то уже теперь вы помирились бы. Думаю, что никогда она с такой мукой не расстанется с нашим домом, как теперь, и я ей ничего почти не говорила. Она почти никуда от меня не уходит. Если бы она была такой, как теперь, она и в Грассе жила бы иначе. Если бы ты знал, как мне тяжело, что ты не понимаешь, вернее, не хочешь понимать, отворачиваешься от добра ко злу, к мести. Помни, всякое дурное, оскорбительное слово — вода на мельницу М<арги>, всякое доброе — на твою. Пора спать. Нежно целую тебя.

Твоя В.

Привет и поцелуй всем бельведерцам.
Сегодня завтракал у нас Рошин, голодает!!!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/142.

¹ См. примеч. 1 к п. 379.

² Л.А. Каминская.

445. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 28 июля 1936 г.

Дорогой мой Ян, сегодня проводила Галю. Было очень тяжело. Дома она плакала. Заплакала и на вокзале. Когда поезд тронулся, слезы потекли и из моих глаз. Когда мы ехали на вокзал, она очень тобой восхищалась. Ей экспресса¹ не передала, не хватило духа. Мальчик принес в ее отсутствие и сказал: М-me Vouinine. И я в темноте распечатала. И когда начала читать, то благословила Бога, что так случилось. Разве можно оскорблять гостя? Если захочешь и хочешь, она вернет тебе твои письма. Она совсем не «железо-бетонная», уверяю тебя. Подожди моего возвращения. М<арги> она не боится. Она приехала на нашу квартиру по своему желанию и пост-фактум ей об этом написала.

Почему она тебе ничего не писала, объясню по приезде.

Проклятий она тебе не может выкрикнуть, ибо она тебя любит..

Ян, где у тебя разум? Если тебе что-нибудь нужно от врага, которого ты оскорбляешь, как же ты пишешь и открываешь, что тебе нужно, что тебе будет очень неприятно именно то, что там есть? Если тебе хочется взять назад письма, то надо действовать иначе. А главное, все это можно сделать просто.

И что ты возмущаешься, что она уехала? На что она жила бы? Брать у тебя деньги теперь после всех оскорблений ведь все<-таки> трудно. Нужно время. Я за это время сделала в 10 000 раз больше, чем ты.

И вовсе «все» не так смотрят, как ты, тебе сочувствуют в лицо. А главное, осуждают тебя, что ты на весь мир трезвонишь. В каждой семье всякое бывает, и никто не имеет права вмешиваться, а в нашу все нос суют.

Илюша² сам написал Гале письмо, что хочет ее видеть. Цетлина тоже, и в гости звали, и приехали в Эльзасскую таверну.

И даже Хигерович сказала, как Галя хорошо держится. Сейчас можно еще многое потушить. Мой приезд очень много сглаживает, зачем же ты хочешь сказку «про белого бычка» повторять?

Раз в твоём сердце нет ей прощения, как же ты хочешь ее оторвать от близкого человека, который ничего ей дурного ни в каком смысле не делает. Мало ли кто кому жизни портил и ломал. От личности человека зависит, как нести свое горе.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/143. Дата и место установлены по сопоставлению с п. 444.

¹ См. п. 442.

² И.И. Фондаминский.

446. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Кёльн. 13 октября 1936 г.*

Жив, здоров,
еду в Лейпциг¹.
Крепко целую.
13. X. 36

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/116. На почтовой бумаге Dom Hotel, Köln.

¹ Видимо, 11 или 12 октября Бунин отправился в Германию (Кёльн, Берлин и Лейпциг), а затем в Прагу, где 23 октября 1936 г. на вечере, устроенном Союзом русских писателей и журналистов, должен был выступать с чтением своих произведений. См. примеч. 3 к п. 453 и п. 456.

447. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Лейпциг. 13 октября 1936 г.*

13.X.36

Милая, драгоценная моя, поздравляю тебя, горячо целую, да хранит тебя Бог. Только что приехал — 11 часов вечера (по-парижски — 10). Очень устал. Дождь, но все прочее прекрасно. Напиши мне в Берлин Hôtel Metropol.

Поклон З<урову>.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/117. На почтовой бумаге Hotel Astoria, Leipzig.

448. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Лейпциг. 14 октября 1936 г.*

Пью твое здоровье, драгоценная моя, в погребке, где пировал Мефистофель¹. Через час еду в Берлин².

14. X.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/118. Почтовая открытка Auerbachs Keller; адрес получателя: «M-me Voupine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Leipzig, 14.10.36». Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ «Погреб Ауэрбаха» (Auerbachs Keller) — самый известный и один из самых старинных ресторанов Лейпцига, расположенный в нескольких шагах от Рыночной площади (Grimmaische Straße, 2–4). Именно в нем происходило действие первой части «Фауста» Гёте.

² В Берлине Бунин должен был получить визу, как писал ему С.И. Варшавский 17 октября 1936 г. (РАЛ. MS 1066/5732).

449. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Берлин. 14 октября 1936 г.

14. X. 36.

Милая моя, дорогая, в Лейпциге видел проф. Брауна и Лютера (который перевел для Кассирера «Деревню», скоро выходящую¹). «Hôtel Metropol» не существует. Остановился здесь, — как когда-то, после Стокгольма. Роскошно и дорого. Завтра переезжаю: Eden-Hôtel, Berlin W., Nähe Bahnhof Zoo, Budapesterstr. 18.

Пробуду там до понедельника. Потом Прага — Варшавский² написал восторженно: «вся Прага ждет!»³.

Напиши немедля в этот Eden-Hôtel. Какие новости насчет — Михельсона (читал — какие-то новые штуки)⁴.

Видел уже Горного. Завтра Кассирер.

Целую, обнимаю.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/119. На почтовой бумаге Hotel Kaiserhof, Berlin.

¹ *Bunin Iwan. Das Dorf: Roman / Aus dem Russischen von Arthur Luther. Berlin: Bruno Cassirer Verlag, 1936.* О Ф.А. Брауне и А.Ф. Лютере, принимавших участие в «нобелевской» кампании Бунина, см. примеч. 5 и 6 к п. 266.

² Сергей Иванович Варшавский (1879–1945) — журналист, юрист, в эмиграции с 1920 г., с 1923 г. в Чехословакии, преподаватель Русского юридического факультета, председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (1934–1940). Устроитель «Бунинского литературного вечера» в Праге 23 октября 1936 г. См. след. примеч.

³ Имеется в виду письмо С.И. Варшавского Бунину от 13 октября 1936 г., в котором он писал: «<...> вся русская Прага порадуетя Вашему приезду совершенно искренне. <...> Думаю, что и чешское общество, при всей формальной связанности с нашими супостатами, не упустит счастливого случая — лицезреть лауреата Нобелевской премии» (РАЛ. MS 1066/5731). На этот момент Варшавский только еще ждал от Бунина «благословения» на устройство вечера, который был решен в ближайшие дни. 17 октября, получив согласие Бунина и выхлопотав для него визу, Варшавский писал: «Итак, в понедельник вечером <т. е. 19 октября> буду иметь радость встретить Вас на вокзале. / Ваше выступление состоится в конце недели. <...> Интерес к Вашему прибытию и у русской, и у чешской публики большой, хотя большие газеты дадут заметки только во вторник (по понедельникам выходят только телеграммы). <...> за то, что аудитория будет полна, ручаюсь. Я хорошо знаю местные условия» (РАЛ. MS 1066/5732).

⁴ Бунин встретится с А.М. Михельсоном, к которому он обращался за финансовыми советами, в конце декабря 1936 г. в Швейцарии.

450. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Берлин. 15 октября 1936 г.

Нет, я, милая, *не* переехал в Eden Hôtel, *остался здесь*.

Поскорей напиши мне сюда. Целую.

Твой Ив.

15. X. 36

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/120. Почтовая открытка с фотографией здания Hotel Kaiserhof, Berlin; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Berlin, 15.10.36».

451. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 15 октября 1936 г.

15 октября 1936 г.

Дорогой мой, только что, — сейчас восемь часов вечера, — получила открытку из Лейпцига, за которую нежно целую, и письмо из Берлина, а в два часа я тебе отправила длинное послание в Метрополь, а вчера, нет, третьего дня, телеграмму Варшавского туда же¹. Очень досадно, что все пропадет. Тратила время и силы зря.

Сегодня заплатила терм², больше, чем мы думали, 1 893 фр. 95 с. Из «Ил<люстрированной> Р<оссии>» прислали чек на двести франков на твоё имя³. Значит, я не имею тех денег, на которые я рассчитывала. Очень досадно. Пока отставляю юбку, хотя она мне *очень* нужна. Чек отдала Борису⁴, чтобы он, когда будет в редакции, обменял бы его или на деньги, или на чек на моё имя. Надеюсь, что они это сделают.

Вчера я, не ожидая такой пакости со стороны Секонеза⁵, размахнулась и сделала курицу, которую, впрочем, ела и сегодня, кроме того у меня были вечером Зайцевы и Хигерович. Пришлось сделать легкую закуску и чай. Знала бы, ничего не истратила на этот день, а то полсотни как не бывало. Но мне стало очень жаль Верочку, ведь как раз в ночь на Покров арестовали Лешу⁶, и она в церкви очень плакала, я и решила их позвать. День я провела мирно. Лёня поднес мне красные розы и был весь день очень внимательным. Мы с ним много гуляли пешком по Парижу. Как он хорош!!! Лучше города не знаю. Вечером Лёня ушел в гости к Мандельштаму⁷, у которого начались Среды, — все, как у больших.

Сегодня вечером должна идти к Левиным. У меня болит голова, с удовольствием легла бы спать. Нервы у меня болят. Надеюсь, что они совсем смолкнут, когда ты будешь в Праге, очень рада, что тебя там ждут.

Завтра я завтракаю у Михельсон⁸, тогда и разузнаю, а пока я ничего нового не слыхала, впрочем, я никого не видала почти за эти дни.

Будь здоров, не огорчай меня, береги себя. Храни тебя Бог!

Только что принесли пне⁹, которое я тебе прилагаю. Советую написать пару слов. Я уже по телефону сказала, что ты за границей.

Еще раз обнимаю.

Твой К.

Достаточно писать 1 rue Jacques Offenbach. Почтальоны знают все улицы их района.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/145.

Люция — актриса Анна-Лиза Берг.
Стокгольм, декабрь 1933 г.
(РАЛ)

¹ В.Н. Бунина упоминает пп. 448, 449. Ее письмо и телеграмма С.И. Варшавского, очевидно, не сохранились, т.к. были посланы в отель «Метрополь», которого, как стало ясно из только что полученного письма Бунина (п. 449), более не существовало.

² плата за квартиру (от *фр.* *terme*).

³ Самая последняя по времени публикация Бунина в журнале мемуарный очерк о Л.Н. Толстом: «Соня, что нам делать?» // Иллюстрированная Россия. 1936. № 38. 12 сентября. С. 1–2.

⁴ Б.К. Зайцев.

⁵ См. примеч. 2 к п. 437.

⁶ Сын В.А. Зайцевой от первого мужа А.Н. Смирнов был арестован в Москве 1 октября 1919 г., обвинен в участии в заговоре и расстрелян.

⁷ Юрий Владимирович Мандельштам (1908–1943) — поэт, литературный критик, с 1920 г. в эмиграции во Франции, участник литературного объединения «Перекресток» (с 1928), объединения «Круг» (1935–1939). Насколько долговечными оказались эти среды у него, неизвестно.

⁸ Н.И. Михельсон, возможно, жена А.М. Михельсона.

⁹ *рпсн*, сокращение от *фр.* *pneumatique* — письмо, переданное по пневматической почте. См. п. 452 и примеч. 1 к нему.

452. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 16 октября 1936 г.

16 октября 1936 года.

Ну и характер же у тебя, дорогой мой, вчера послала я тебе два письма: одно в несуществующий Метрополь, а другое в Эден-отель. Очень жаль, что ты не получил их, хотя из Эдена отеля ты можешь вытребовать. В этом письме есть записочка Шаляпина к тебе с приглашением на завтрак завтра, в субботу¹. Я, конечно, сейчас же позвонила по телефону и отказалась за тебя, сказав, что ты за границей. Советую тебе ему ответить.

Повторю вкратце то, что я писала тебе в предыдущих письмах. За квартиру заплатила. Оказалось, не тысяча восемьсот, а тысяча <восемьсот> девяносто три франка девяносто пять сантимов, таким образом, юбка моя мякнула, это очень жаль, так как она мне более чем необходима. Из «Ил<люстрированной> Р<оссии>» чек <на> 200 фр., а не 300 фр., прислали на твое имя, ты не догадался их предупредить, что ты уезжаешь. Отдала его Борису², который был у меня на рождении, просила его при случае обменять в редакции или на деньги, или на чек на мое имя. Надеюсь, что они это сделают.

Погода стала совсем теплой, хожу в сером. Сегодня я с Нат<альей> Игнат<ьевной>³ начала обход по Амору⁴, собрали с обещаниями около пятисот франков. Да я одна уже сбрала триста. Значит, и ноябрь писателям уже обеспечен.

Сегодня будет воздушная атака⁵. Четверть часа придется сидеть в темноте. Думаю взять в это время ванну, так как она у нас без окон, и можно там зажечь свет.

Все чемоданы перетаскала в спальню, и кабинет стал кабинетом. Завтра начну разбирать бумаги. После твоего отъезда я чувствовала себя *очень* уставшей, болят нервы, что-то напоминает люмбаго. Думаю, что это у меня пройдет, когда ты будешь в Праге, нет-нет, а меня охватывает беспокойство.

Целую тебя нежно. Лёня, который тебе кланяется, выходит погулять, и я хочу отправить это письмо как можно скорее.

Твой К.

Цетлины написали Тумаркиным⁶, дали адрес Метрополь, потом Эден.

Только что получила открытку от 15 ок<тября>⁷.

¹ Сохранилась визитная карточка Ф.И. Шаляпина с запиской: «15/X 36 г. Дорогой мой Иван Алексеевич. Пожалуйста, приходи ко мне в субботу 17-го к часу дня. Позавтракаем, поговорим и, словом, опять омолодимся. Не забудь и не опаздывай. Обнимаю. Федор» (РАЛ. MS 1966/5014).

² Б.К. Зайцев.

³ Н.И. Михельсон.

⁴ См. примеч. 9 к п. 399.

⁵ В этот день в Париже по инициативе Гражданской обороны в учебных целях проводилась имитация авианалета и газовой атаки.

⁶ Братья М.С. Целлиной: Михаил Самойлович (Самуилович, ?–1939) и Аркадий Самойлович (Самуилович, ок. 1886–?) Тумаркины.

⁷ См. п. 450.

453. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Берлин. 17 октября 1936 г.

17. X. 36.

Ужасная чепуха идет, — все ехал, не сразу поселился на все время здесь, и вот никаких вестей от тебя. Тут очень мотаюсь, — дело, известное тебе¹, выходит трудно, и еще не знаю, чем кончится.

Сейчас еду обедать (это тут ужин) к немецкому издателю².

Завтра опять дела, о которых расскажу при свидании.

Послезавтра выезжаю в Прагу. Сколько там останусь не знаю, ибо неизвестно еще, будет ли там мой вечер³. (Узнаю, верно, завтра). Все еще надеюсь получить от тебя до отъезда записочку. Во всяком случае напиши в Прагу (и непременно узнай и сообщи мне адрес д-ра Членова⁴). Напиши — exprès — на Варшавского:

Pan S. Varšavský

Praha II

Slezska, 114

Tchécoslovaquie.

Крепко целую, храни тебя Господь.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/121. На почтовой бумаге Hotel Kaiserhof, Berlin.

¹ Вероятно, устройство немецких переводов в издательстве Б. Кассирера.

² Имеется в виду Б. Кассирер.

³ Вечер Бунина, устроенный Союзом русских писателей и журналистов, состоялся 23 октября 1936 г. (Národní dům na Vinohradech), на нем Бунин прочитал отрывки из книги «Освобождение Толстого» и рассказ «Ида». Вступительное слово на вечере произнес председатель Союза С.И. Варшавский.

⁴ Борис Аркадьевич Членов (1864–1952) — врач-терапевт, общественный деятель. Руководил санаториями в Швейцарии. Основал санаторий для туберкулезных в Давосе, который в течение 30 лет был приютом для больных политических эмигрантов.

454. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 18 октября 1936 г.

18 октября 1936.

Дорогой мой Ян, ни вчера, ни сегодня вестей от тебя нет. Надеюсь, что это письмо застанет тебя в Берлине.

За эти дни ничего не случилось особенного. Познакомились только с Любовью Пэки¹. Она очень мила, даже красива, гораздо лучше внутренне, чем он рассказывает. Жаль мне ее очень. Она его не видит. Большие страдания на ее пути. Если бы она не красила волосы, то была бы вполне *distinguée*². Очень женственна, тиха, несчастна³. Он рядом с ней вульгарен. Вчера я встретила с ними на вечере памяти Блока⁴. Поехали в Napoli⁵, где скромно пили *café crème*⁶. Они уехали раньше, и мне пришлось заплатить. Вообще, 10 fr. «на представительство» в день мне без тебя очень мало. Ведь в это входят и гости. Сегодня в первый раз Капитан⁷ приходит завтракать, а завтра Володя⁸ обедать. Втроем на 20 фр. в день не обернешься. Придется, вероятно, последующие недели носу никуда не показывать. Мясо мы едим три раза в неделю. M-lle Imbert приходила на прошлой неделе 4 раза, один раз для тебя, стирала пижаму, пришлось купить *lux*'у, мыла. Жизнь дорожает не из-за девальвации, а из-за 40 ч. недели.

Пришло письмо от Жозефа — прислал инвентарь и счет: за электр<ичество> за 2 месяца, перенос твоих чемоданов и за стирку простынь, всего 241 fr. 50 с. Подписался: «Recevez, cher Monsieur, mes salutations les plus respectueuses sans oublier Madame et Monsieur Zuroff»⁹.

Я напишу ему, что деньги мы вышлем, когда ты вернешься, то есть в первой половине ноября.

Ты получил письмо от Антона Влад<имировича>¹⁰ — предлагает совместное выступление. Хочу написать, что ты за границей.

Люмбаго или ишиас у меня разбаливается, но я креплюсь, и даже Лёня не знает. Сейчас страшная боль справа от крестца.

Сегодня идем к Шмелеву с Лёней. Несу ему деньги. Кажется, он с неделю уже дома. А что о нем говорят в Берлине?

Отчего у тебя нет времени для настоящего письма? Станный ты русский тип.

Что насчет денег? Хоть что-нибудь получил? Если бы ты все же купил мне сумку черную большую длинную. М<ожет> б<ыть>, какая-нибудь знакомая знакомых едет в Париж, а то мне положительно в приличное место нельзя показаться. Поговори с Горными. Конечно, если издатель тебе заплатит.

Будь здоров и благ. Нежно обнимаю тебя.

Твой К. ci-devant¹¹.

Пришел Капитан, поставил на стул радио около штепселя. Отлично слышно и без антенны. Сейчас гладит себе штаны.

Лёня идет к Шмелеву один, а я буду разбирать архив.

Обнимаю.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/147.

¹ Н. Роцин.

² изысканная (*фр.*).

³ Речь идет о Е.Н. Жировой. См. п. 459 и примеч. 13 к нему.

⁴ 17 октября 1936 г. Объединение писателей и поэтов устроило в Salle des Sociétés Savantes вечер памяти А. Блока со вступительным словом Г.В. Иванова, докладом Л.Д. Червинской «Об отношении к Блоку» и чтением стихов Блока членами Объединения.

⁵ Популярное у эмигрантской богемы монпарнасское кафе «Le Napoli» (95, Boulevard du Montparnasse) закрылось в 1937 г., теперь на этом месте находится кафе «L'Atelier».

⁶ кофе со сливками (*фр.*).

⁷ Н. Роцин.

⁸ Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978) — прозаик и публицист.

⁹ «Примите, милостивый государь, мои самые почтительные приветствия, не забывая мадам и мсье Зурова» (*фр.*).

¹⁰ В письме от 12 октября 1936 г. государственный, церковный и общественный деятель Антон Владимирович Карташев (1875–1960) писал Бунину: «Дорогой Иван Алексеевич! Л. Львов говорил Вам о нашей мечте, чтобы Вы, вместе с двумя “политиками”, как я грешный и М.В. Бернацкий, а м<ожет> б<ыть> еще со Шмелевым и Мережковским, выступили бы с неким антибольшевицким <так!> словом в траурные дни около 7 ноября (25 окт<я>б<ря>). Конечно, это собрание, при нашей разделенности, не будет единственным. Будут, вероятно, собрания а) Керенский “Нов<ая> Россия”, б) младороссов, с) нац<ионал>-<с<оциалистов> молод<ого> покол<ения>, d) “оборонцев” и т. д. 19-я годовщина “октября” совпадает с большим напряжением и в мировой борьбе и в чекистской берлоге. “Злоба дня” здоровенная. Молчать неудобно» и т.д. (РАЛ. MS 1066/3163).

¹¹ бывший (*фр.*).

455. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Прага. 19 октября 1936 г.

Я в Праге, в этом отеле. Целую, напиши немедля. Письмо в Kaiserhof получил.

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/122. Почтовая открытка с фотографией интерьера Hotel Alcron, Praha; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Praha, 19.X.36», «Paris, 20.10.36». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

456. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Прага. 20 октября 1936 г.

Вторник 20. X. 36.

Читать буду здесь *в пятницу*¹. В субботу выеду в Женеву. Опять меняю отель — тут оказалось очень шумно — окна на улицу, грохот с 6 ч. утра.

Вчера послал Галине через Маргу 300 марок. Где ее деньги? Ты не все же отдала Кульманам? По приезде ты должна мне эти 300 марок выдать франками.

Купил два платиновых кольца.

Вчера был встречен на границе Бельговским², тут, на вокзале — Варшавским и представителями разных организаций. Фотографы и все прочее.

Целую и обнимаю.

За чтение мне дадут только половину чистого сбора — остальное Обществу здешних журналистов и писателей. Получу, значит, немного — говорят, крон 1 000.

И.А. Бунин.
Прага, 1936 г.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/123. На почтовой бумаге Hotel Alcron, Praha. На конверте адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16. France», почт. шт.: «Praha, 20.X.36», «Paris, 22 oct 36».

¹ См. примеч. 3 к п. 453.

² Константин Павлович Бельговский (1895–после 1945) — журналист, общественный деятель. С 1921 г. в эмиграции в Праге, член правления Русской земледельческой партии в Чехословакии, один из основателей Союза русских писателей и журналистов, директор агентства Центропресс в Праге. Через несколько дней после встречи с Буниным он опубликовал статьи: *Бельговский К.* Беседа с И.А. Буниным в Праге // *Сегодня.* 1936. 26 октября. № 296. С. 2; *Бельговский К.* Четыре дня И.А. Бунина в Праге // *Сегодня.* 1936. 29 октября. № 298. С. 2.

457. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 20–21 октября 1936 г.

20 октября 1936 г.
8 ч. 45 м. вечера.

Дорогой мой, поздравляю тебя с днем твоего рождения, желаю здоровья, плодотворной работы, а главное, чтобы ты излучал добро, а не зло. Как всегда <в> эти дни, радуюсь, что ты родился, что Бог сохранил тебя для меня и хранит для всех. Будь и ты за это благодарен Ему и благодетен ко всем.

Стало опять свежо. Сегодня надевала «солдатское» пальто, ходила с Нат<альей> Иг<натьевной>¹ к Бегагону². Он вспоминал, какой ты был «веселый в кафе» (с Шалапиной³)...

Ждем Мочульского⁴.

Вчера Володя⁵ обил мой диван. Я перетащила его в столовую. В кабинет поставила голубую мебель. Пока сплю в спальне. Все сундуки покрыла желтым. Стало совсем прилично, и я тебе больше мешать не буду.

Будь добр, пришли из Женевы мне, во-первых, на электричество 259 + 241 Жозефу + 37 за печку и, конечно, на днях придут получать за газ (?), да, кстати, и на юбку. А то очень уж не хочется бегать и занимать. Действительно, ведь всегда после терма⁶ приходят и от электрического, и от газового обществ. Мне сегодня было очень тяжело говорить, что денег у меня нет. Ведь все равно не помилуют, так зачем же переживать ненужные тяжелые минуты, разве у меня и без того их мало?

От Гали получаю письма⁷. Ты ей посылал открытки?

21 октября.

Пришлось прервать, — пришел Мочульский. Хорошо посидели «погугорили», как писал тебе Шалапин⁸. Получил ли ты письмо на Eden-Hotel, в нем была записочка и от Шалапина. Сегодня опять твой exrès⁹ меня разбудил. Перестань тратить зря деньги. Ну, придется на день позже, зато выплусь. Я не очень хорошо сплю, и утренний сон у меня

сладок. А то и недоспишь, и разочаруешь<ся>, только и узнаешь, что ты в Праге... Письмо к Варшавскому я послала с авионом. Ты, конечно, его получил.

В доме у нас чистота, порядок, тишина. Девочка бегает реже¹⁰. Атмосфера в городе спокойная.

Сейчас пришел прачешник, принес твои синие штаны и 2 воротничка, и мне стало радостно, — увидела твои вещи.

Сейчас выбегу, чтобы отправить это письмо и кое-что купить.

Лёня в понедельник был в Круге¹¹. Злобин еще не допущен в эту «академию»¹².

Люмбаго мое болит, замедляет все движения, но я скрываю, Лёня не догадывается, что встать, сесть, нагнуться для меня целое дело.

В субботу приглашены к Шик¹³, там бридж в пользу еврейской больницы, буду «работать» в буфете вместе с Нат<альей> Игн<атьевной>¹⁴ и Феничкой¹⁵ в благодарность за их отзывчивость к писателям.

Вот тебе и все новости.

Лёня просит передать тебе поздравление и пожелание здоровья и доброй работы.

Обнимаю со всей нежностью и крепко целую.

Храни тебя Христос. Твой К.

P.S. Очень прошу выслать мне деньги.

PP.SS. Каллаш после этого ни разу не была.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/148.

¹ Н.И. Михельсон.

² Неустановленное лицо.

³ Возможно, вторая жена Ф.И. Шаляпина — Мария Валентиновна Петцольд.

⁴ Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) — литературовед, с 1919 г. в эмиграции в Софии, с 1922 г. в Париже. Автор книг о творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева. Преподавал в Сорбонне и Свято-Сергиевском Православном богословском институте. В архиве Бунина сохранились два его письма (РАЛ. MS 1066/3898–3899).

⁵ В.С. Варшавский.

⁶ плата за квартиру (от *фр.* terme).

⁷ Письма неизвестны.

⁸ См. примеч. 1 к п. 452.

⁹ См. п. 455.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду ребенок соседней этажом выше.

¹¹ Религиозно-философское и литературное объединение «Круг» было создано по инициативе И.И. Фондаминского в 1935 г., после смерти его жены. С осени 1935 г. собрания «Круга» проходили каждый второй понедельник на квартире у Фондаминского (130, avenue de Versailles).

¹² Историю появления В.А. Злобина в «Круге» рассказал В.С. Яновский в своих воспоминаниях: «Все мы с самого начала высказались против Мережковских как членов “Круга”. <...> А через год Фондаминский *вдруг* выставил кандидатуру Злобина. Это нас изумило. Злобин политически не лучше Мережковских и не обладает ни их шармом, ни талантами... Зачем он нам? / — Вот именно, — объяснял Фондаминский. — Мережковский сила, с ним трудно и утомительно спорить. А Злобин, кто такой Злобин? Неужели вы боитесь Злобина? Пусть сидит здесь, а потом расскажет Мережковским, может, они научатся чему-нибудь. / И Злобин к самому концу, уже перед войной, появился на собраниях “Круга”, сел рядом с Ивановым на диване» (Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. Н.Г. Мельников. Комментар. Н.Г. Мельников, О.А. Коростелев. М.: Астрель, 2012. С. 148).

¹³ См. примеч. 16 к п. 226.

¹⁴ Н.И. Михельсон.

¹⁵ Ф.С. Шлезингер.

Встреча Нового 1934 года в доме князей Кугушевых.

Грасс, 1934 г.

(ОГЛМТ)

Сидят: Л.Ф. Зуров, И.А. Бунин; стоят: неизвестный, А.М. Кугушева,
Г.Н. Кузнецова, В.Н. Бунина, Н. Рошин, А.А. Кугушев.

458. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 22 октября 1936 г.

1936 г. 22 октября
четверг.

Дорогой мой, только что получила твое письмо в довольно странном тоне¹.

Не могу понять, почему ты послал Гале деньги через Маргу? Чтобы ей сделать больно? Кроме того, ей теперь уже трудно будет приехать в Париж, а у меня есть основания думать, что она мечтает об этом. Деньги ее почти все у Кульман, которые сказали, что отдадут *нам* (они думают, что ты дал) в марте. У меня на книжке осталось 600 fr., но книжка сейчас переводится на Париж, и месяц я не могу с нее взять ничего².

Сейчас здесь тихо, и я думаю, что до весны мы проживем спокойно. Мы сейчас живем почти как в Грассе или Глотове. Вчера были в гостях у Ляли Струве³, где был Мочульский и еще несколько пражан из Слободарни⁴. Было очень приятно. Твой кабинет стал просторным и очень милым, моего духа чувствовать не будешь.

Никого из твоих друзей не вижу. Рада, что много одна. Разбираю свой архив. Много работаю по дому. У нас большой порядок и чистота. Mademoiselle больше стирает. Только сегодня придет утром сделать котлеты. Лёня ест мясо только три раза в неделю, а то больше молоко, картошку и гречневую кашу, кисель — все дешевое.

Сегодня пришло письмо из общества, где была куплена печка⁵, тон угрожающий. В июле я заплатила, оказывается, за июнь. Ты, вероятно, за июнь не внес, как я тебя просила, когда ты был в Париже.

Значит, сегодня отсылаю им 36 фр. 60 с.

Это письмо получишь уже в Женеве, нет, разорюсь и пошлю с авионом на Варшавского. Жаль, что ты не сообщил, в какой отель ты переселился.

Читать ты будешь в день своего рождения, а именины проведешь в Женеве. Извести, где ты будешь жить там? *Beau rivage*⁶? Там останавливался Ельяшевич.

Вчера уже приходили смотреть квартиру на апрель. Слава Богу, кухня показалась слишком мала.

Повторяю *просьбу* прислать за электричество и за газ. Электр<ичество> 259 f. 05 с., газ — еще не знаю, а Жозефу, может быть, ты пошлешь сам 241,50. Это за два месяца электричество, перевоз твоих чемоданов и стирка наших простынь и наволочек. Ведь из Женевы разрешают высылать деньги. Не забудь и об юбке.

Обнимаю тебя, мой милый, храни тебя Господь. Одно письмо послано в *Alcron*⁷, зайди за ним.

Твой К.

Сегодня «по делу» ко мне придет m-me Ходасевич⁸. Вероятно, продавать билеты на него⁹. «Тяжелый случай», все будут «принципиально» отказываться¹⁰...

А Мочульский просил пристроить 5 книг его о Соловьеве¹¹, — это будет сделать легко.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/149.

¹ См. п. 456.

² В конце сентября 1936 г. Бунины переехали из Грасса в Париж.

³ А.П. Струве.

⁴ Имеется в виду «Свободарна» — русское общежитие в Праге.

⁵ См. примеч. 7 к п. 721.

⁶ Отель в Женеве «*Beau Rivage*», в центре города, на берегу Женевского озера.

⁷ Отель, в котором Бунин останавливался в Праге.

⁸ Ольга Борисовна Ходасевич (урожд. Марголина, 1899 или 1890–1942) — четвертая жена В.Ф. Ходасевича (с 1933). В эмиграции жила в Швейцарии, затем во Франции. В 1939 г. приняла православие. Погибла в концлагере.

⁹ 14 ноября 1936 г. В.Ф. Ходасевич устраивал в *Salle du Musée Social* (5, rue Las-Cases, Paris VIIe) вечер, на котором прочел свои воспоминания о Горьком. В газетном отчете сообщалось: «Устроенный 14 ноября, в зале Лас Каз, “Современными записками”, вечер В.Ф. Ходасевича, прошел с большим и на редкость заслуженным успехом» (*М. [Мандельштам Ю.В.] Вечер В.Ф. Ходасевича // Возрождение. 1936. 21 ноября. № 4953. С. 9.*)

¹⁰ В это время активный поход против В.Ф. Ходасевича затеял М.А. Осоргин, требуя от редакций ведущих парижских изданий «осуществить общественный ostrакизм для этого очень дрянного человека» (*Осоргин—СЗ. С. 404*). Развитие сюжета см. там же, в письмах М.А. Осоргина В.В. Рудневу 1936–1938 гг. См. также: *Осоргина Т. Как это было: По поводу двух книг Нины Берберовой, «Курсив мой» и «Люди и ложи: Русские масоны XX века» // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31. № 1. P. 95–102.*

¹¹ *Мочульский К.В.* Владимир Соловьев: Жизнь и учение. Париж: YMCA-Press, 1936.

459. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 25–26 октября 1936 г.

1936 г. 25 октября.

Яночка дорогой, тихо, одиноко провожу я твои именины и даже не знаю, куда посылать тебе это письмо? Думаю, что ты в Женеве долго не останешься, тем более что Членов¹ здесь. Оказывается, нужно было наводить о нем справки у Маршака².

Вчера я была у Шик, «работала» за буфетом. Был бридж в пользу еврейской больницы. Доход больше шести тысяч. Были все сливки еврейских богачей. Я была в нобелевском платье. Все очень довольны. Теперь мне никто не может сказать, что русские не помогают евреям... Кассиром был Савельев³. Мы очень обрадовались друг другу. Все-таки родная душа.

Сегодня была у обедни, но просфорку не удалось вынуть, опоздала, — вчера поздно легла спать, — шел дождь, и было не очень уютно, как говорит Олейников, выходить на улицу. Кстати, написал ли ты ему поздравление по поводу свадьбы Свена⁴? Спроси его о здоровье.

Сегодня я завтракала у Ельяшевич, оказывается, у Верочки сердце в *очень* плохом состоянии. Вербов⁵ ей не сказал, не сказал он и Борису. Но я нахожу, что Боре нужно сказать. Нужно, чтобы он ничего ей не позволял делать. Очень меня расстроило это известие. Нужно написать и Наташе⁶.

Сегодня священник сказал очень хорошее слово, я была в галлиполийской церкви⁷, на тему о том, что такое духовная жизнь. Начало ее, когда человек начинает всматриваться в свою душу, начинает «жить по совести». Как просто и глубоко. Притча о сеятеле и о блудном сыне...

Ну, на сегодня довольно. Остальное напишу завтра. Может быть, и от тебя прилетит весточка...

Ходасевич попросил меня распространить на его вечер⁸ билеты. Завтра иду к Пти⁹. Они у меня берут два по 15 фр. в первом ряду. Он прислал и тебе, и Лёне, и мне пригласительные.

А в субботу читает Аминад в пользу <<Современных> записок<>¹⁰. Впрочем, он читает мало. О нем читает Мишечка, а кроме него читает и Хмара¹¹.

26 октября.

Сегодня ни утром, ни днем письма не было от тебя. Беспokoюсь.

Сейчас звонил Пэка¹² — женится! Она¹³ завтра переезжает к нему. Ребенок¹⁴ и отец¹⁵ его переселяются к ее матери¹⁶. Он ищет денег. Я ничего не могла ему дать, у самой на исходе. А все-таки его жалко. Начинает новую жизнь...

Жду к обеду Злобина и Каллаш — у них, кажется, *amitié amoureuse*¹⁷. Все бывает на свете.

А люмбаго мое все разбалывается, простудила, ходя в легкой юбке. Сегодня надела черное шерстяное платье.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/150.

¹ См. примеч. 4 к п. 453.

² Возможно, А.И. Маршак. См. примеч. 2 к п. 726.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Сын Г.П. Олейникова и М.Л. Нобель.

⁵ Сергей Федорович (Самуил Фриделевич) Вербов (1883–1976) — врач-уролог. С 1920 г. в эмиграции в Берлине, с 1935 г. в Париже. Занимался частной практикой, принимал активное участие в работе Общества русских врачей имени Мечникова. Подробнее о нем см.: *Васильев К.К.* Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С.Ф. Вербова (1883–1976) // Вестник Харьковского национального университета. 2004. № 639. С. 96–101.

⁶ Речь о Б.К., В.А. Зайцевых и Н.Б. Соллогуб.

⁷ Церковь преп. Сергия Радонежского при Обществе галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie), действовавшая в Париже по этому адресу с 1932 по 1942 г. Настоятелем церкви в 1932–1939 гг. был протопресвитер Виктор Андреевич Юрьев (1893–1966), участник Первой мировой войны и Белого движения, полковник, галлиполиец, выпускник Свято-Сергиевского богословского института в Париже, активный деятель РСХД.

⁸ См. примеч. 9 к п. 458.

⁹ Семья Эжена (Евгения Юльевича) Пети (1871–1938) и Софии Григорьевны Балаховской-Пети (1870–1966). Подробнее о них см.: *Ливак Л.* Ранний период русской эмиграции. По материалам собрания Софии и Эжена Пети // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes.* Stanford, 2006. С. 416–451.

¹⁰ Вечер Дон-Аминадо был устроен «Современными записками» 31 октября 1936 г. в зале Социального музея (5, rue Las-Cases, Paris VIIIe). Вступительное слово произнес М.О. Цетлин, помимо самого Дон-Аминадо на вечеру также выступили Е.Н. Кедрова и Г.М. Хмара.

¹¹ Григорий Михайлович Хмара (1887–1970) — актер, режиссер. В 1910–1920 гг. актер МХТ. С 1920 г. жил во Франции.

¹² Н. Рошин.

¹³ Елена Николаевна Жирова (урожд. Лишина, 1903–1960) разошлась с мужем — А.М. Жировым и вышла замуж за Н. Рошина. Новая семейная жизнь оказалась недолгой, в 1938 г. супруги разошлись. В семье Буниных ее звали Ляля. См. также п. 489 и примеч. 11 к нему.

¹⁴ Ольга Алексеевна Жирова (в замужестве Colard, 1933–1964) — дочь Е.Н. и А.М. Жировых.

¹⁵ Алексей Матвеевич Жиров (1897–1982) — электромеханик, шофер. В разное время служил шофером у Рахманиновых и Конюсов. Муж Е.Н. Жировой, отец О.А. Жировой.

¹⁶ Марья Карловна Лишина (урожд. Леммерман, 1878–1966) — мать Е.Н. Жировой.

¹⁷ дружеская влюбленность (*фр.*).

460. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Линдау. 26 октября 1936 г.

В вагоне, на пути в Линдау,
вечер 26. X. 36.

Милая моя душенька, в Праге меня замотали и слегка простудили. Народу на вечеру была тьма, успех был большой, но половину сбору, оказалось, нужно было отдать просвет<ительно>-литерат<урным> организациям. Когда приехал в Мюнхен, узнал, что поездка в Швейцарию и сообщение ужасны — через Нюрнберг гораздо лучше. Клянусь Богом, не ожидал, что попаду туда, и не думал ее видеть. В Прагу она мне написала (оч<ень> ласково), что они «ничего не понимают» — что значит эта посылка (почему *на Маргу*, это они поняли, оказались умнее тебя и, конечно, ничуть не обиделись). В Нюрнберге написал объяснит<ельную> записочку и сам завез ее — вчера вечером — на их квартиру. Отворила хозяйка, взяла письмо с моей надписью на конверте: «такой-то», кликнула ее, она выглянула в коридор, я поклонился, сказал: «Привез Вам письмо» — и ушел. Когда воротился в отель, мне сказали, что она мне звонила, позвонит еще. И точно — через 10 минут новый звонок: «Можно мне Вас видеть?» И через полчаса приехала, и мы просидели часа 2 в танцев<альном> зале, пили кофе. Записка моя была оч<ень> успокоительная, простая, и все-таки волновалась она *ужасно* (не от страха, конечно), просила у меня за все прощения, — со слезами говорила, как я обижал Маргу, как М<арга> страшно страдала... Я подвез ее домой, условились, что нынче будем завтракать, и так нынче и сделали, завтракали в прекр<асном> ресторане, потом она мне показала ту гору, где мы с тобой и Колей были тогда ночью¹, расстались только потому, что к ней в 3 ч. должна была зайти дочь Кизеветтер² из Праги; я должен был уехать в 4 ч. 37, и она непременно захотела приехать меня проводить на вокзале, но портье мне сказал не точно, поезд мой ушел в 4 ч. 21 и совсем не с той платформы, так что мы больше не видались. Жаль мне ее страшно. *Ничуть* она не изменилась, так же нервна, болезненна, трогательна, только — [постаревшая] стало испортившееся от дурной жизни лицо. Вчера принарядилась во все свое самое лучшее — в знаменитый смокинг. Дом их в далекой, новой и довольно захолустной, широкой, адски скучной улице (есть местами даже заводские трубы, дом *угловой*, такой, что при взгляде одним хочется повеситься), довольно старый, для бедных, внизу мебельная лавка, а по улице каждую секунду несутся мотоциклетки... Я бы *через день* тут повесился, что-то inferнальное по очевидному мизеру жильцов в этом проклятом доме! Освещение в их окнах — скудное,

нищее, темное. Живут в одной комнате... Нет, она и теперь еще вдребезги больна, — иначе сбежала бы от этой идиотской, паскудно-бедной жизни на край света.

Принесла мне назад 100, так что за ней теперь всего 200. «Что с ними делать?» — «Что хотите».

Ну, вот и помирились, как будто.

Марге я попросил передать: «Пусть, если может, забудет все мои жестокие слова. Пусть ее судит Бог за все страшное, что она сделала с Вами».

Выслать тебе денег? Ты с ума сошла, откуда же я их возьму? Есть 200 от «Ил<люстрированной> России», 500 *обещал тебе* передать Слоним — возьми у него, настойчиво требуй: *обещал*.

Крепко целую.

P.S. Ночую в Линдау — нет поездов до утра. Женева — завтра.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/124. Фирменный конверт Grand Hotel, Nürnberg; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16. France»; почт. шт.: «Lindau, 26.10.36», «Paris, 28.X.1936».

¹ В конце октября 1911 г. Бунин с В. Н. Буниной и Н. А. Пушешниковым останавливались в Нюрнберге во время заграничного путешествия (Германия, Швейцария, Италия). Узнав, что М. Степун будет работать в этом городе, В.Н. Бунина писала Г. Кузнецовой 25 мая 1936 г.: «<...> Нюрнберг, вечер и лунная ночь, проведенная там нами в 1911, до сих пор мне кажутся одним из лучших моих воспоминаний» (*Новые материалы* (3). С. 35). В письмах В.Н. Буниной название города Нюрнберг имело неустойчивое написание: иногда правильно, но чаще через букву «е» — Нюренберг; в настоящей публикации написание названия этого города унифицировано и приведено к правильной форме.

² Екатерина Александровна Кизеветтер (в замуж. Максимович, 1895–1990) — дочь историка А.А. Кизеветтера.

461. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Рим. 11 ноября 1936 г.

11-XI-36.

Милая моя, дорогая, доехал хорошо¹, перед вечером вчера проезжал и видел из вагона Пизу, потом Флоренцию — все показалось печальным, глухим... На вокзале меня встретила Варшер² (толстая черная каракатица лет 50-ти, еврейка и, говорят, несносная стерва, — *все это между нами*) и отвезла меня в этот отель, — тут всегда останавливаются Ростовцевы, это 2 шага от Испанской лестницы, — потом я должен был с ней ужинать³ — черт бы ее взял совсем. Нынче завтракал у Татьяны Львовны⁴, потом был у Браиловских⁵ (уже старики!), потом у Мережковских⁶ — живут отлично, целая квартира, но, конечно, жалуются — «деньги все прожили, надо ехать в Париж!» Колония тут, — это все говорят, — оч<ень> небольшая, нищая, старорежимная... Нет, я думаю, нам тут не жить — огромный город, и будет оч<ень> одиноко.

Нынче написал Гале очень нежное письмо, — даже попросил передать Марге, что достаточно нам с ней злобы, — «пусть забудет, если может, все дурное».

Сейчас иду в город, куда-нибудь обедать. Одиноко!

Целую, Христос с тобою. Сколько здесь останусь, не знаю. Пиши — *poste restante*⁷.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/125. На почтовой бумаге Hôtel de la Ville, Rome. Место установлено по содержанию.

¹ 10 ноября 1936 г. Бунин отправляется в короткую поездку в Рим, В.Н. Бунина тем временем остается в Париже. Бунин вернулся в Париж 16 или 17 ноября.

² Татьяна Сергеевна Варшер (1880–1960) — археолог, историк-античник, выпускница Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге, ученица М.И. Ростовцева. С 1922 г. в эмиграции в Берлине, с 1924 г. в Риме. Исследователь помпейской живописи, сотрудница Немецкого археологического института в Риме. Подробнее о ней см.: *Тала-лай М.* «Самый близкий в мире человек»: Т.С. Варшер и ее свидетельство о П.Н. Милюкове // Мыслящие миры российского либерализма: П.Н. Милюков (1859–1943). М., 2010. С. 200–213.

³ Результатом этого ужина стала опубликованная через несколько дней статья: *Варшер Т. И.А.* Бунин в Риме // Сегодня. 1936. 15 ноября. № 316. С. 3.

⁴ Т.Л. Сухотина-Толстая.

⁵ Жившие в Риме с 1925 г. художник Леонид Михайлович Браиловский (1867–1937), основавший в 1933 г. Музей русского религиозного зодчества при Конгрегации восточных церквей в Ватикане, и его жена Римма Никитична (урожд. Шмидт, 1877–1959). Подробнее о них см.: *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. Биографический словарь. СПб., 1999. С. 170–173.

⁶ В 1936–1937 гг. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус по приглашению правительства Муссолини жили в Италии, где Мережковский работал над книгой о Данте.

⁷ до востребования (*фр.*).

462. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 14 ноября 1936 г.

1936 г. 14 ноября.

Дорогой мой Янчик, перо поправили как мое, так и твое. Письмо от тебя получила только вчера под вечер, а потому пишу лишь сегодня, так как я чай пила у Аминадов, а ужинала у Ельяшевич. Вернулась уставшей, взяла ванну и спать, даже не читала.

Утром получила открытку от Гали¹ — «Сегодня получила письмо из Рима, очень хорошее. На душе стало легче»... «Очень беспокоюсь о Вашем здоровье»... Вероятно, она уже тебе ответила.

Вчера похоронили несчастного Гиршмана². Она³ очень плакала. Но все же, когда я пошла, выразила благодарность мне и затем спросила меня о тебе. Она очень настрадалась с ним. А все же его смерть ей горе.

Погода ясная, небо безоблачное. А в Риме как?

Премия, как ты знаешь, получил неизвестный нам американский писатель⁴, но от Ко-нюс⁵ и еще кого-то я слышала, что в Америке он пользуется успехом, пишет и драмы. Ему нет пятидесяти лет.

Я теперь много лежу. Стараюсь все делать, не спеша. M-lle Imbert приходит почти ежедневно, но главным образом из-за твоего белья.

Очень понимаю твою грусть и всем сердцем и душой с тобой. Хорошо вижу Флоренцию, когда мы были там с тобой в первое наше путешествие...⁶ Хорошо было, и за это нужно быть всегда благодарным Богу, что *было*.

Пришел счет телефона 62 фр. в месяц. Это терпимо.

На той неделе пойду исследовать кровь. Фаина Осиповна⁷ дала адрес в Caponne — лучшую аптеку, где все очень дешево. А все Болотовы⁸ и Абрамовы⁹ берут дорого и порой делают небрежно.

Вкладываю тебе письмо от Демидова¹⁰ из Таллина. Правда ли он крестник С.А. Толстой, узнай у Т<атьяны> Львовны.

Лёня очень заботится обо мне, но очень волнуется перед вечером¹¹, долго не может заснуть, не знает, что читать, напоминает в этом тебя. Билеты продаются. Кой-кто дал хорошо, а большинство 10–5 fr., так что я не жду большого материального успеха, а между тем ведь он себе не шил пары уже три года.

Я наконец узнала, кто посылает их в Эстонию, если это дело выгорит: Ривер¹², директор г<ородского> музея Трокадеро, чтобы устроить в нем этнографический отдел Эстонии. Если это устроится, то Лёня станет на ноги. Вероятно, на будущий год им придется работать в Трокадеро, это было бы отлично. Только бы не сглазить!

Кира, Севина дочь¹³, пишет, что с мужем живет «хорошо, дружно. У нас хорошая комната, большая, в два окна, с паровым отоплением. Соседи у меня хорошие, с одной мы очень дружим». Я очень рада. Есть 3 семьи знакомых. Ходят в кино, театр. Берет книги из библиотеки, вяжет, связала сумку для базара и шапочку. Я очень утешилась. Ведь росла сиротой. В отпуск поедут в ноябре, хотят заехать к Мите. Я очень рада. Это его тоже утешит. Посылает тебе привет и «привет от Витюли¹⁴». Почерк стал крепкий, хороший.

Вот тебе все новости.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/151.

¹ Письмо неизвестно.

² Владимир Осипович Гиришман (1867–1936) — купец I гильдии, меценат, коллекционер. Один из основателей «Общества свободной эстетики» в Москве. С 1918 г. в эмиграции в Лондоне, затем в Париже. Владелец антикварного магазина и художественного салона, где устраивал выставки русских художников. Скончался 11 ноября 1936 г.

³ Генриэтта (Евгения) Леопольдовна Гиришман (урожд. Леон, 1885–1970) — коллекционер, художник, деятель культуры. С 1919 г. в эмиграции в Париже. Помогала мужу содержать антикварный магазин и художественный салон.

⁴ В 1936 г. Нобелевскую премию по литературе получил Юджин Гладстон О'Нил (1888–1953).

⁵ Татьяна Сергеевна Конос (урожд. Рахманинова, 1907–1961) — младшая дочь С.В. Рахманинова, близкий друг Буниных и Л. Зурова.

⁶ Бунины посетили Флоренцию осенью 1911 г. См. отправленное из Флоренции письмо И.А. Бунина брату Ю.А. Бунину от 12 ноября (30 октября) 1911 г.: «В Генуе ночевали и во Флоренции. Здесь почти двое суток» (*Письма* (2). С. 186).

⁷ Ф.О. Ельяшевич.

⁸ Владимир Александрович Болотов (1893–1956) — физиолог, биохимик. С 1920 г. в эмиграции в Болгарии, ассистент-техник кафедры физиологии Софийского университета. С 1930-х гг. в Париже, работал в частной лаборатории, производившей медицинские анализы. Подробнее о нем см.: *Васильев К.К.* Физиолог и биохимик Владимир Александрович Болотов (1893–1956). К истории политической эмиграции из Украины // *Актуальні питання вітчизняної та світової історії: збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23–24 квітня 2010 року / За заг. ред. С.І.Дегтярьова. Суми: СумДУ, 2010. С. 186–188.*

⁹ Сергей Семенович (Симеонович) Абрамов (1875–1951) — патологоанатом, бактериолог, общественный деятель, редактор. До революции профессор Московского частного женского медицинского института, затем профессор Московского университета по кафедре патологической анатомии. С 1920 г. в эмиграции в Берлине, затем в Болгарии, профессор Софийского университета (1921–1924). С 1925 г. в Париже. Основатель и руководитель лаборатории медицинских анализов. Входил в правление Общества русских врачей имени Мечникова и Общества бывших воспитанников Московского университета.

¹⁰ Письмо неизвестно.

¹¹ Состоялся ли вечер Л. Зурова, установить не удалось.

¹² Поль Риве (Rivet, 1876–1958) — этнограф, антрополог, языковед. Профессор Парижского университета и директор Музея человека.

¹³ В.Н. Бунина передает содержание письма жившей в Саратове своей племянницы Киры Всеволодовны Муромцевой от 23 октября 1936 г. (РАЛ. MS 1067/ 5315).

¹⁴ Письмо К.В. Муромцевой (см. предыд. примеч.) заканчивалось словами: «Пишите ответ. Привет дяде Ване. Привет от Витюли» — очевидно, так звали ее мужа.

463. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Рим. 14 ноября 1936 г.

Нынче уже суббота, 14 ноября, а от тебя нет еще ни строчки. Что значит? Начинаю беспокоиться.

Немало ходил и ездил по Риму, — все кажется прозаичней, чем прежде, когда-то, когда мы с тобой, драгоценный друг, были немножко помоложе. С грустью вспоминаю это время¹.

Был у Браиловских, у Мережковских, — о своей судьбе еще ничего не знают, боятся, что денег больше не получают и придется ехать в Париж².

Был 2 раза у Т<атьяны> Львовны, — это я тебе, кажется, писал. Был у Вяч. Иванова³. Все расскажу, когда, Бог даст, приеду.

Величайший секрет буквально ото всех (и Зурову ни слова!): вдруг что-то вроде начала грыжи, больно ходить.

Все гадаю: заезжать ли во Флоренцию? Все не знаю, — стоит ли? Лишняя трата, и будет грустно, одиноко.

Выеду, верно, в понедельник или во вторник.

Целую.

Твой Ив.

И.А. Бунин.

Париж, январь 1934 г.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/126. На почтовой бумаге Hôtel de la Ville, Rome. Фирменный конверт с логотипом отеля, адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16. France»; почт. шт.: «Roma, 14.XI.36», «Paris, 17 nov 36». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Бунины проезжали через Рим в марте 1909 г. по дороге на Капри, затем провели там четыре дня в апреле 1909 г., также посещали Рим в ноябре 1911 г., в ноябре 1912 г. и в апреле 1914 г.

² 24 декабря 1936 г. Мережковские и впрямь вернулись в Париж, хотя Бунин при встрече советовал им оставаться в Риме, уверяя, что во Франции происходит «социалистическая революция».

³ О поэте, философе, переводчике, драматурге Вячеславе Ивановиче Иванове (1866–1949) Бунин говорил: «Интереснейший, хоть и путаный, человек и собеседник, державший вас в постоянном напряжении. Я очень любил некоторые его стихи — у него есть настоящие и непреходящие. Вот только его “Диониса” не приемлю» (*Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2006. С. 106).

464. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Рим. 15 ноября 1936 г.

Воскресенье, утро

Сейчас письмо от Галины. Никогда еще, кажется, не оскорбляла она, не поражала меня так: в ответ на мое удивительно нежное письмо, — где я написал даже так: «От всей души

целую», — она написала всего несколько слов: «Сегодняшнее письмо из Рима принесло мне большое облегчение. Хочу верить, что теперь всем нам будет жить легче».

Да, это выродок, камень! Целую. Выезжаю, верно, завтра.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/127. На почтовой бумаге Hôtel de la Ville, Rome. Дата и место установлены по содержанию.

465. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лондон. 6 декабря 1936 г.

6. XII. 36.

Милая моя, дорогая, доехал благополучно¹, хотя трудно — гнусный третий класс по Франции. Потом было неплохо — на пароходе, а в английском вагоне даже превосходно. Целую и жду от тебя известий.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/128. На почтовой бумаге Savoy Hotel, London. На конверте адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16. France»; почт. шт.: «London, 7 Dec 1936», «Paris, 8 Dec 36».

¹ Бунин на неделю едет в Лондон (см. примеч. 4 к п. 466, примеч. 7 к п. 469), В.Н. Бунина остается в Париже.

466. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лондон. 8 декабря 1936 г.

Вчера почти весь день с Цетлиными¹. Нынче буду у Тырковой² и на обеде у Веры Марк<овны>³. В четверг обед в мою честь в каком-то рус<ско>-англ<ийском> клубе⁴.

Целую.

1936 г. 8 XII вторник.

Адрес Свинойной⁵? Сообщи.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/129. Почтовая открытка с карикатурами на персонал и подписью «The “Etat Major” of the Savoy Hotel, London»; адрес получателя: «Mme Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «London, 8 Dec. 1936».

¹ См. примеч. 21 к п. 228.

² Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (урожд. Тыркова; в первом браке Борман; во втором браке Вильямс, 1869–1962) — политический деятель, журналистка. Один из организаторов партии кадетов, член ЦК. Жила в Англии, с 1939 г. во Франции, с 1951 г. в США. Письма А.В. Тырковой-Вильямс Бунину опубликованы (Тыркова-Бунин. С. 327–369).

³ Родная сестра жены М.А. Алданова Вера Марковна Хаскелл (Haskell, урожд. Зайцева) в 1926 г. вышла замуж за балетного критика и исследователя балета, автора книги «The Russian Genius in Ballet», впоследствии директора Королевской Школы балета Арнольда Хаскелла (Arnold Haskell, 1903–1980), после замужества жила в Лондоне.

⁴ Прием в честь Бунина устроил 10 декабря 1936 г. Англо-русский спортивный клуб, см.: Русский в Англии. 1936. 16 декабря. № 23. С. 1.

⁵ Возможно, Л.А. Дурова (урожд. Свинына).

467. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 8 декабря 1936 г.

8 декабря 1936 г.

Дорогой мой Ив, сегодня утром получила от тебя весточку.

Живу тихо, вчера легла спать в 11 ч. 30 м., вернувшись с именин madame Roulé-Lenqui¹<?>, где интересней всех была mademoiselle Imbert, — настоящая барыня в черном шелковом платье. Днем была у Кянджунцевых, купила билет на армянский чай. Накануне приехала Ирочка². Она лицом похорошела, стала светиться изнутри. Роды должны быть через месяц. Жалеет, что ты ей не позвонил, как раз в то время, как ты был, в том же отеле жила ее подруга, «интересная молодая барышня». Ирочка была там, но не решилась к тебе «навязываться». Ждало тебя в Лейпциге и русское общество, которое хотело чествовать, но ты слишком быстро уехал.

Прислал письмо Сирина³ — просит помочь в устройстве вечера... который по-дурачки назначен на 26 дек<абря>⁴, когда «все» уезжают на зимний спорт... Илюша⁵, как ни резнет, так мимо.

Проводив тебя, я поехала к Рудневым, где был обильный чай, а потом зашла к Зайцевым. Верочка грустная. Ужинали они коробочкой шпрот, хлебом и мандаринами... Вечером зашла к Нилусам. Берге лучше, там застала Юшкевич, Настенька⁶ действительно умница и очень милая.

Целую нежно. Письмо придет, вероятно, 10. Поздравляю⁷.

Твой К.

От Гали была открытка. Благодарит за твою книгу⁸ с восклицат<ельным> знаком. М<арга> больна, у нее что-то со связками. Рано после ангины стала петь...

Галя была простужена.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/152.

¹ Неустановленное лицо.

² И.С. Лидова.

³ По-видимому, это единственное письмо В.В. Набокова В.Н. Буниной: «Многоуважаемая Вера Николаевна, вспоминая ту деятельную помощь, которую вы так любезно оказали мне прошлый раз, позволяю себе вас просить и на этот раз не отказать мне в вашем содействии. Мой вечер в соединении с Совр<еменными> Зап<исками> состоится 26.XII. Надеюсь, что и вы и Иван Алексеевич здоровы. Целую вашу ручку. В. Набоков» (Бунина–Набоков. С. 200; дата на почтовом штемпеле: 6.12.1936). Вечер Набокова, на котором он читал отрывки из «Дара», а Ходасевич говорил вступительное слово, состоялся 24 января 1937 г. в Salle des Sociétés Savantes, и В.Н. Бунина участвовала в его организации. 31 января Набоков (пропустив назначенный для него у Буниных обед 27 января) пришел к В.Н. Буниной: «Сирин хотел меня видеть потому, что надеется, что я сделаю ему что-то» (РАЛ. MS 1067/412).

⁴ 26 декабря 1936 г. на третьем вечере «Современных записок» В.Е. Жаботинский прочитал доклад «Борьба за “царство” социальной жизни», а чтение В.В. Набоковым своих произведений было перенесено на четвертый вечер «Современных записок», который состоялся месяцем позже, 24 января 1937 г. и открывался «Словом о Сирине» В.Ф. Ходасевича. См. газетный отчет: М. [Мандельштам Ю.В.] Вечер В.В. Сирина // Возрождение. 30 января. № 4063. С. 9. В.Н. Бунина весь январь помогала распространять билеты на вечер, и 25 января 1937 г. записала в дневнике: «Сирину я собрала 370 фр. + 400 от Кянджунцевых» (РАЛ. MS 1067/412).

⁵ И.И. Фондаминский.

⁶ Вдова С.С. Юшкевича — Настасья Соломоновна Юшкевич.

⁷ В.Н. Бунина напоминает о дне вручения Нобелевской премии в 1933 г.

⁸ О какой книге идет речь, неясно.

468. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 9 декабря 1936 г.*

Среда 9 дек. 1936.

9 ч. утра.

Дорогой мой, только что получила твою открытку.

Адреса Свиной под рукой нет. Узнай его у Саблиных¹, это ее друзья. Вчера звонила Тэффи (она вернулась в пятницу вечером) и очень советовала тебе побывать у Саблиных, «милые люди, и м<ожет> б<ыть> полезно». Завтра твой день увенчания. Поздравляю и целую.

Вчера легла <в> 11 ч. 30 м. Была на заседании «Быстрой помощи»², едва отбилась, чтобы не быть выбранной в Правление. Весь день была дома. Сегодня обед у Ельяшевич. Обнимаю. В.

Тебе прислали приглашенный билет на армянский чай, кот<орый> будет в воскресенье³. Говорят — очень элегантно общество и много интересных женщин.

В. Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/153. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Bounine. <далее адрес заклеен ярлыком «Savoy Hotel. London», на котором написан адрес:> 1, rue Jacques Offenbach. Paris», адрес отправителя: «Madame Bounine. 1 rue Jacques Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Paris, 9.XII.1936», «London, 13 dec 36».

¹ Евгений Васильевич Саблин (1875–1949) — дипломат, общественный деятель. С декабря 1915 г. первый секретарь посольства в Лондоне (с сентября 1919 г. руководил посольством в качестве поверенного в делах, пока Англия не признала советскую власть). В 1924 г. основал «Русский дом», ставший центром русской эмиграции в Лондоне. Председатель Объединенного комитета русских организаций в Англии. В создании «Русского дома» ему помогала жена Надежда Ивановна (урожд. Баженова, 1892–1966).

² См. примеч. 9 к п. 399.

³ 13 декабря 1936 г. Союз русских армянок устраивал в Hôtel Royal Monceau (35–39, avenue Hoche, VIIIe) в пользу немущих больных русских армянок парижской колонии «thé-dansant» — «чашку чаю с музыкальными и хореографическими номерами» (*Хроника. Франция, 1920–1940*. Т. 3. С. 258).

469. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Лондон. 10 декабря 1936 г.*

Милая моя, драгоценная — это письмо придет в субботу — обнимаю тебя и целую и благодарю с горячей и неизменной любовью и молю Бога, чтобы Он сохранил тебя еще на много, много лет¹.

Выехать решил в воскресенье² в 11 ч. утра, должен быть в Париже около шести вечера — в 5–40 или в 6–10 (есть 2 поезда, — не знаю еще, на какой попаду).

Сумочку М<арья> С<амойловна>³ соглашалась везти, но, я почувствовал, не очень. Купим в Париже. А про шевиот⁴ и говорить нечего — это просто опасно. Довольно с меня и Линдау⁵.

Еще раз целую от всего сердца, дорогая моя и родная.

Твой Ив.

P.S. Сейчас еду в рус<ско>-анг<лийский> клуб — там меня «чествуют»⁶.

В субботу — вечер у Саблиных⁷ — тоже вроде этого. Нигде не читаю.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/130. На почтовой бумаге Savoy Hotel, London. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 466.

¹ См. примеч. 7 к п. 467.

² 13 декабря.

³ М.С. Цетлина.

⁴ Шeviот — плотная, тонкая, ворсистая шерстяная ткань. Очевидно, были таможенные ограничения на провоз дорогостоящих предметов и вещей.

⁵ 26 октября 1936 г. на обратном пути из поездки в Германию и Чехословакию Бунин был задержан в немецком пограничном городе Линдау и подвергся унизительному обыску. Он рассказал об этом в газетах: «Я стоял перед ним раздетый, разутый, — он сорвал с меня даже носки, — весь дрожал и стучал зубами от холода и дувшего в дверь сырого сквозняка, а он залезал пальцами в подкладку моей шляпы, местами отрывая ее, пытался отрывать даже подошвы моих ботинок. <...> Меня долго вели через весь город под проливным дождем. Когда же привели, *ровно три часа* осматривали каждую малейшую вещьцу в моих чемоданах и в моем портфеле с такой жадностью, точно я был пойманный убийца, и все время осыпали меня кричащими вопросами, хотя я уже сто раз заявил, что не говорю и почти ничего не понимаю по-немецки» ([Б.н.] Злоключения И.А. Бунина в Германии // Последние новости. 1936. 1 ноября. № 5700. С. 1–2; то же под названием: Бунин рассказывает о своих злоключениях в германском городе Линдау // Сегодня вечером. 1936. 3 ноября. № 253. С. 4).

⁶ См. примеч. 4 к п. 466.

⁷ 12 декабря 1936 г. в Лондоне был устроен еще один прием в честь Бунина, см. газетный отчет: «Прием в честь И.А. Бунина, приехавшего на несколько дней в Лондон, был устроен 12 декабря в Русском Доме Н.И. и Е.В. Саблиными. На приеме, носившем интимный, почти семейный характер, присутствовали многие представители русской колонии. Е.В. Саблин в краткой, прочувствованной речи приветствовал И.А. Бунина от лица проживающих в Англии русских людей и выразил надежду, что И.А. Бунин еще приедет в Лондон на более продолжительное время и тем даст возможность всей русской колонии выразить те чувства, которые русские эмигранты питают к русскому поэту и писателю, получившему теперь всемирную известность и признание» (Русский в Англии. 1936. 31 декабря. № 24. С. 1–2).

470. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лондон. 11 декабря 1936 г.

Дорогая моя, нынче обедаю у Гавронской¹, завтра у Саблиных. Выезжаю в воскресенье в 11 утра, должен быть в Париже в 5 ч. 40 м., значит, дома в 6½.

Целую. Пятница.

Все в этой Англии страшно дорого!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/131. Почтовая открытка с лондонским видом на Savoy Hotel; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «London, 12 Dec. 36».

¹ Мэри (Мария) Евсеевна Гавронская (урожд. Калмановская, 1890–1955) — вторая жена Я.О. Гавронского, работавшего врачом в Лондонском госпитале. Адрес их лондонского дома (4, Eton av<enue>. N.W.3). См. также примеч. 17 к п. 718.

471. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Санкт-Мориц. 25 декабря 1936 г.

25-ХП-35¹

Доехал благополучно², спал плохо, — оч<ень> было жарко в купэ. Высота пока чувствуется³ — некоторая дрожь сердца. Вчера пил чай в Grand Hotel'e у Михельсонов. М<о-жет> б<ыть>, переселюсь в Palace Hotel, но пиши пока сюда.

Целую тебя, дорогая моя.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/132. На почтовой бумаге Hotel Monopol, St. Moritz. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 474.

¹ Описка Бунина, на самом деле 1936 г.

² Бунин отправился на несколько дней (с 25 по 29 декабря 1936 г.) в Швейцарию, видимо, для того, чтобы посоветоваться с отдохавшими там Цетлиными, А.М. Михельсоном и банкиром Л.М. Бененсоном о том, как поступить с деньгами, оставшимися от Нобелевской премии. См. также п. 449.

³ Город Санкт-Мориц находится в горах на высоте 1822 м над уровнем моря.

472. В.Н. Бунин — И.А. Бунину

Париж. 26 декабря 1936 г.

26 декабря 1936 г.

3 часа дня.

Дорогой мой, сегодня утром получила твою весточку. Только сейчас удалось сесть и написать тебе, что все, слава Богу, благополучно. Длинное письмо напишу на свободе, так как скоро мне нужно идти к Манухиной. Получены поздравления от Горенки и Марты Людвиговны¹. Пошли им к Новому году. — Kirjola Gård Johanes Finlande. Я в свою очередь тоже пошлю им открытку.

От Séquanaise² получено согласие на то, чтобы мы не покидали нашей квартиры.

Вчера была у Левиных. Были очень любезны: я даже спала у них после завтрака. «Надюшу»³ не ругала. Я сказала, что в прошлом году я ее даже приглашала зайти. Посмеялись лишь, что у нее имение в Литве, оказывается, у нее есть жилища из Литвы, которая и получает эти колбасы и наливку и продает...

Была у Кянджунцевых — взяли 10 бил<етов> на Сирина⁴. Ирочка должна родить 10 I... Была у поэтессы Прегель⁵, она дала 100 fr. на Яновского⁶. Я настоящий мытарь!

Прегель сегодня выезжает в С. Мориц. Познакомься. Она красивая, сильная молодая особь, да еще поэтесса!..

Видела у Левиных Кепинова. Очень доволен твоим поздравлением.

Réveillon⁷ был у Нилус. Был и Рысс⁸, он говорит, что Абрам Гукасов⁹ тебя ненавидит... Он тоже в С. Морице.

Еда была вкусная и сытная. Михайлов принес вина, а я сыры, и то и другое очень хорошие. Потом слушали мессу в Страсбургском соборе. Вот тебе и вся история...

Целую нежно.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/154.

¹ Письмо Г.П. Олейникова и М.Л. Нобель-Олейниковой неизвестно.

² См. примеч. 2 к п. 437.

³ Надежда Григорьевна Левина — дочь М.И. Левиной.

⁴ См. примеч. 3 и 4 к п. 467.

⁵ Софья Юльевна Прегель (1897–1972) — поэтесса, прозаик, мемуаристка, издатель, общественная деятельница. С 1921 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, с 1932 г. постоянно жила в Париже, в 1942 г. переехала в Нью-Йорк. Подруга В.Н. Буниной.

⁶ Сведений о вечере В. Яновского обнаружить не удалось.

⁷ Праздничный ужин ночью в сочельник (*фр.*).

⁸ Петр Яковлевич Рысс (1879 или 1870–1948) — общественно-политический деятель, журналист. С 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1920 г. в Париже. Один из основателей и член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже. Секретарь редакции газеты «Последние новости» (с 1921). Сотрудничал во многих эмигрантских, а также французских периодических изданиях.

⁹ Абрам Осипович Гукасов (1872–1969) — нефтепромышленник, общественный деятель, основатель и издатель газеты «Возрождение». Брат П.О. Гукасова.

473. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 27 декабря 1936 г.

27 дек. 1936 г.

Вот тебе тема на рождественский рассказ. Можно писать и от мужского имени, и от женского. Я пишу от женского, мне легче это. Но ты можешь написать и от мужского.

Поезд трэн-бле¹ тронулся тихо, без всякой суеты. Провожающих было мало, человек семь на всей платформе. Я не чувствовала ничего, смотря на уходящее лицо, и когда вагон, в котором он ехал, прошел мимо меня, я повернулась и пошла к выходу. В одном окне я увидела знакомое, молодое лицо, окаймленное со всех сторон настоящим котиком, и мы ласково улынулись друг другу и помахали рукой. Она тоже с мужем отправлялась на зимний спорт, в снега С. Морица, куда уже несколько дней сряду ехали очень многие парижане всех национальностей, у которых была возможность. И когда мы подъезжали к вокзалу, от лыж деться было некуда. Лыжи — одно из самых любимых увлечений последних лет.

Я быстро шла, закутавшись в меховое манто, было приятно свежо. Прошла мимо контролера, всунула ему на ходу свой билет и оказалась перед невысокой дверью. Открыв ее, я очутилась в темном узком закоулке, и на меня напала тяжелая тоска. Я как-то вдруг все сразу пережила, что жило в бессознании последние дни, во время его сборов, поездок с ним по магазинам, когда он примеривал будто бы по моему настоянию брюки, да и самый отъезд, он уверял, зависел только от меня: «ты меня уговаривала»... Формально он был прав, я уговаривала его. Но я давно выработала такую систему уговаривать его сделать то, что ему хочется, но он не решается. В этом же темном закоулке у меня прежде всего мелькнула мысль: как странно, в первый раз в жизни он не спросил меня, как я буду возвращаться, не сказал мне, чтобы я была осторожней на площади, был занят тем, что не заказал себе раньше места в вагоне-ресторане, словом, прощался не так, как прежде, а как-то рассеянно, думая о своем... И вот я в тоске полного одиночества, какого еще никогда не испытывала, вышла на залитую огнями площадь. Было восемь часов вечера. Куда пойти? в синема? в гости, домой? Нет, в синема не стоит. Как-то стало жаль той тоски, которая наполняла сердце, а вдруг там будет веселая фильма, и я потеряю ее. Да вот и 30 номер прямо на нашу маленькую площадь, и я быстро вскочила в пустой автобус. Села у окна и с какой-то редкой жадностью смотрела на вечерний Париж, залитый огнями, особенно радостное чувство, смешанное с тоской, вызывали те места, где было много всяких разноцветных вывесок, красных, зеленых огней, которые звали, приглашали, рассказывали о всяких необыкновенно интересных развлечениях и рекламировали свои особенно хорошие продукты или вещи, долго катил нас автобус по чужому Парижу, но вот и Вилье², и парк Монсо, и церковь, в которой мы когда-то венчались³, и я вспомнила, что не допила теплоты, и мне теперь кажется, что я не допила своего счастья. Но огни площади Терма⁴, а главное, раздражающий красный свет Ваграма⁵ прогнали мое элегическое настроение, и опять тоска заняла

господствующее место. У Этуали стало легче, люблю я эту площадь, люблю Шан-з-Елизе, залитое огнями, промелькнуло оно быстро, и вот я на авеню Клебер, уже дома. Вот и «Мажестик», вот и красный ободок огней под вывеской «Балтимора»⁶... Вспомнила знакомого, жившего там, его странную судьбу, потом попался на глаза красный конек на противоположной стороне. И вот остановка на Трокадеро. Кондуктор просит выходить. Как? Почему? Оказывается, попала не в свой автобус. Постояла, подождала следующего, но не дождалась и пошла пешком по Авеню Поль Думер. Что за нелепость. Чудесный проспект назван в память президента, который знаменит только тем, что его убил сумасшедший русский⁷. И что за случай! Ведь как легко было бы помешать этому злодеянию, такому бессмысленному, ненужному. Кажется, никогда ничего глупей не было. Идти было приятно, я люблю прямые улицы, если они широкие, напоминает мне Петербург⁸, молодость, когда я такой же твердой и ловкой походкой ходила по ним и одна, и вдвоем. Но какая разница. Сколько было надежд, веры в будущее, как хотелось вырваться из настоящего, хотя тогда настоящее было необыкновенно хорошо, а теперь все силы тратишь, чтобы удержать это настоящее, когда оно далеко не радует. Мимо неслись с большой быстротой машины и частные, и такси...

Продолжение следует.

Привет Михельсонам и другим... Целую. В.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/155.

¹ Калька с *фр.* train bleu. См. примеч. 6 к п. 426.

² Вилье — станция метро.

³ Бунины венчались 24 ноября 1922 г. в кафедральном соборе Александра Невского (12, rue Daru), недалеко от парка Монсо.

⁴ Имеется в виду площадь Place des Ternes.

⁵ Ваграм — площадь и улица Парижа.

⁶ «Мажестик» и «Балтимор» — отели на авеню Клебер.

⁷ См. примеч. 6 к п. 240.

⁸ Приезжая в молодости в Петербург, В.Н. Бунина обычно жила в семье А.Г. Гусакова в Сосновке (тогда — северном пригороде).

474. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Санкт-Мориц. 28 декабря 1936 г.

28-ХП-36.

Вчера получил твое первое письмо. Здесь «весь Париж», еврейский, конечно. Обедал в Palace Hotel у Цетлиных, потом (вчера) у Бененсонов¹.

Дни изумительные — горы, снега, синева, ослеп<ительное> и горячее солнце.

Крепко целую, храни тебя Господь.

М<ожет> б<ыть>, завтра-послезавтра уеду в Montreux, а оттуда домой.

Твой Ив.

Пишу на террасе Gr<and> Hot<el>. Жду Михельсона ехать с ним на прогулку.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/133. На почтовой бумаге Grand Hotel, St. Moritz. На конверте адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16. France»; почт. шт.: «St. Moritz, 28.XII.36».

¹ Банкир Леопольд Моисеевич Бененсон (1888–1954) и его жена Александра Карловна (урожд. Вейсбрем, 1901–1979).

475. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 28 декабря 1936 г.

28 дек. 1936.

Дорогой мой, ни вчера, ни сегодня не было от тебя вестей. Здоров ли ты? Как действует высота. Если чувствуешь себя сносно, побудь подольше, а то только зря утомишься. Воспользуйся солнцем. Не думай о тратах.

Я пока все дома, но почти всегда кто-нибудь. Сегодня обедают Рощины и берут ванну — им очень плохо.

Привет Н<аталье> Иг<натъевне>¹. Целую нежно.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/156. Почтовая открытка с парижским видом на Эйфелеву башню; адрес получателя: «Monsieur Bounine. Hotel Monopol, St. Moritz, Suisse»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 28.XII.36».

¹ Н.И. Михельсон.

Г.Н. Кузнецова.
Грасс, 19 марта 1934 г.
(РАЛ)

476. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Санкт-Мориц. 29 декабря 1936 г.

Хоть это и не наш Нов<ый> год, все-таки поздравляю и крепко целую.

Ив.

29-XII-36.

Сейчас получил твой «рассказ». Зачем так грустно пишешь? Я тебя очень люблю.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/134. Почтовая открытка с горным швейцарским видом и подписью: «Die besten Glückwünsche zum neuen Jahre» (Наилучшие пожелания к Новому году — нем.); адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «St. Moritz, 29.XII.36».

477. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Лозанна. 26 мая 1937 г.

26.V.37. 9½ вечера.

Через ½ часа швейц<арская> граница¹. Обнимаю и целую мою драгоценную.

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/135. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Lausanne, 28.V.1937».

¹ Маршрут краткой поездки Бунина (с 26 по 31 мая 1937 г.) пролегал через Швейцарию (Женева, Лозанна, Веве, Монтре) в Италию (Милан, Генуя).

478. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Лозанна. 27 мая 1937 г.*

27. V. 37.

Пятница¹.

Был, дорогая моя, в Веве, в Монтре и высоко и довольно далеко за городом, в чудесной, очень зеленой и с лесами кругом местности, — в том пансионе, где сейчас д-р Членов. В Веве, в Монтре летом очень жарко, нужно жить выше, говорит он, — напр., хоть здесь (700 м. над уровнем моря). На 2-х пансион выйдет тысячи 3 франц<узских> франков в месяц. Завтра посмотрю еще кое-что. К Рахманиновым не поеду, — до них отсюда 4 часа езды с пересадками. Все здесь великолепно, но дорого. Целую, храни тебя Бог.

Твой Ив.

В Италию еду завтра вечером.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/136. На почтовой бумаге Hotel Victoria, Lausanne. Фирменный конверт с логотипом отеля; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16. France»; почт. шт.: «Lausanne, 28.V.1937», «Paris, 29 mai 37».

¹ Описка Бунина: 27 мая 1937 г. — четверг.

479. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 28 мая 1937 г.*Дорогой мой, пересылаю письмо¹.

Сегодня была на похоронах Людмилы Ивановны Елпатьевской². Было очень грустно. Людмила Сергеевна³ в глубоком трауре. Напиши ей. Она, видимо, очень горюет.

Отпевали у Матери Марии⁴, в три часа 30 мин. дня. Вернулась пешком, а туда пришлось взять такси (4 фр.). Устала. Спала. Сейчас иду обедать к Михельсон, а оттуда вместе с Н<атальей> Иг<натъевной>⁵ на вечер Крыжановской⁶ (10 фр.).

Днем был Лёня. День его отъезда еще не назначен⁷. Кажется, сегодня вечером узнает об ассигновке.

Вчера я доехала в метро. Лионский вокзал стоит на линии Нейи Венсен⁸, ты прав. Прямо подвезли к Мариньяну⁹. Там меня ждала Нат<алья> Иг<натъевна>. Угостила мороженым. Мимо проходила Нюта¹⁰ — ей хочется «напиться»...

Купила себе черные летние перчатки, 15 франков, очень хорошие. Почистила в метро туфли — 2 ф. 50 с.

Дома пообедала остатками. А вечером пошла к Феничке¹¹ с Н<атальей> Иг<натъевной>, мне нужно было взять для проверки ее книжку для Амора¹². Она чуть на ногах стояла от усталости, но все же примеряла свои летние костюмы. Я вспомнила прежние времена, у нее, кажется, шесть костюмов разных родов, пять шелковых платьев, кофточки, словом, недостает только вздыхателя, а все онеры¹³ на лицо. У Нат<альи> Иг<натъевны> — семь костюмов! Я даже как-то одурела от такого количества тряпок...

Вернувшись, легла на твоей постели. Но заснула очень поздно, часа в три. Сама не знаю, почему. Может быть, устала. Вчера мы были в четырех местах, получили для Амора 400 франков, 200 наличными и двести обещаны. Продала по одному билету я на Лоллия¹⁴ и Крыжановскую.

Мадемуазель¹⁵ вчера не была, а сегодня «а фон¹⁶» убрала твой кабинет.

Завтра она не придет, зато придет в воскресенье утром, чтобы сжарить что-нибудь к вечеру.

Если это письмо получишь в воскресенье, знай, что я весь день душою буду с тобой и все буду тебя видеть молодого, идущего по Скородному, рвущего ландыши...¹⁷

Сейчас письма: из банка желтая бумажка, ее я не посылаю, приглашение на «Русскую природу и Русскую охоту» — лекция Давыдова¹⁸, да мне еще от Даманской — просьба дать ей за два месяца вперед¹⁹.

Ну, целую тебя нежно. Храни тебя Бог.

Звонил Богданов²⁰, хотел к тебе зачем-то приехать, выразить какое-то не то восхищение, не то благодарность.

Звонила М<арья> С<амойловна>²¹. Я дала ей твой адрес.

Твой си-деван²² К.

28 мая 1937 года.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/157.

¹ О каком письме идет речь, неизвестно.

² Людмила Ивановна Елпатьевская (урожд. Сокологорская, 1857–1937), жена писателя С.Я. Елпатьевского, скончалась 26 мая 1937 г.

³ Баронесса Людмила Сергеевна Врангель (урожд. Елпатьевская, в первом браке Кулакова, 1881–1969) — дочь С.Я. Елпатьевского, писатель, журналист, общественный деятель, мемуаристка. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Югославии, с 1924 г. во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже.

⁴ Т.е. в церкви Покрова Пресвятой Богородицы (77, rue de Lourmel, Paris XVIe), основанной матерью Марией (Скобцовой). Мать Мария — монашеское имя Елизаветы Юрьевны Скобцовой (урожд. Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева, 1891–1945) — поэт, общественный деятель, участник движения Сопротивления.

⁵ Н.И. Михельсон.

⁶ 28 мая 1937 г. в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe) состоялся литературно-художественный вечер М.А. Крыжановской с участием Тэффи и артистов МХТ М.Н. Германовой, Г.М. Хмары, А.Н. Богданова. См. газетный отчет: *Н. Вечер М.А. Крыжановской // Последние новости. 1937. 4 июня. № 5914. С. 5.*

⁷ Летом 1937 г. Л. Зуров вновь отправился в экспедицию в Эстонию.

⁸ В.Н. Бунина имеет в виду крайние станции линии метро, на которой расположен Лионский вокзал: Neuilly — Vincennes.

⁹ Видимо, В.Н. Бунина доехала на метро до Елисейских полей и вышла там на станции «Marbeuf» у отеля «Marignan Champs-Élysées» (12, rue de Marignan).

¹⁰ А.Л. Хигерович.

¹¹ Ф.С. Шлезингер.

¹² См. примеч. 9 к п. 399.

¹³ выгодные стороны (уст.), от *фр.* honneur — старшие козыри.

¹⁴ 8 июня 1937 г. в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe) состоялся вечер, посвященный памяти актрисы Марии Малибран (к 100-летию со дня смерти), со вступительным словом Лоллия Львова «Гений и судьба Марии Малибран».

¹⁵ М.Е. Imbert. См. примеч. 1 к п. 316.

¹⁶ От *фр.* à fond — основательно.

¹⁷ Скородное — деревня в Орловской губернии, возле которой было имение, принадлежащее помещикам Победимовым, место частых прогулок Бунина. Много позже, 8 ноября 1956 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Вспоминается одна ночная поездка в лунный осенний вечер в Скородное. Сказочно стояла залитая месячным светом березовая аллея, по которой мы ехали на дрожжах... И как передать, что я тогда чувствовала в этой волшебной тишине» (РАЛ. MS 1067/432). В воскресенье, 30 мая 1937 г. исполнялось 50 лет публикации в газ. «Родина» стихотворения Бунина «Деревенский нищий», которую он считал своим литературным дебютом. В «Автобиографической заметке» (1915) он вспоминал: «Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озерки,

рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду» (Бунин 9). Т. 9. С. 260; на самом деле еще раньше, 22 февраля 1887 г. в том же издании было напечатано стихотворение Бунина «Над могилой С.Я. Надсона»).

¹⁸ 29 мая 1937 г. в зале Социального музея (5, rue Las-Cases, Paris VIIe) прошел восьмой вечер «Современных записок», на котором К.Н. Давыдов прочитал лекцию «Русская природа — русская охота».

¹⁹ Вероятно, речь идет о письме А.Ф. Даманской к В.Н. Бунинной с просьбой «прислать июльскую ссуду “АМОРА” — июньская получена давно, еще в начале мая». В нем она писала: «Мне необходимо, и в спешном порядке вернуться в Париж, и не на что сняться. Даю слово, теперь до августа месяца — Вас беспокоить не буду. Выручите, ради Бога». См.: РАЛ. MS 1067/1898 (дата на письме оторвана).

²⁰ Александр Николаевич Богданов (1892–1963) — актер, театральный деятель. В эмиграции в Праге, с 1926 г. в Париже. Один из организаторов Русского драматического театра в Париже.

²¹ М.С. Цетлина.

²² От *фр.* *ci-devant* — бывший.

480. В.Н. Буннина — И.А. Бунину

Париж. 18 августа 1937 г.

Письмо № 1.

1936 г. 18 августа
1937 г.

в маленькой комнате в твоей пижаме!
4 ч. дня.

Дорогой мой, только что проснулась от дневного сна. Натянула твою пижаму. Очень мне хорошо в ней!

Вчера ехала на 19<-м> номере. Старалась думать о приятном¹. С моста любовалась синими, зелеными огнями, то вспыхивающими, то потухающими на выставке. Слезла на Пляс Альма. Подошла к театру, около него два молодых человека. Продают один журнал: «За Родину»² в темной обложке... Шла Анна³.

Потом кафе. Села, заказала сандвич с сыром и бок⁴. А тут и Цетлины. Очень тронули, что пришли. Говорили о Горьком⁵. Немного о тебе. В 12 ч. разошлись. Дома: сразу в твою постель! Быстро заснула. Проснулась четверть одиннадцатого. Не слыхала звонка прачечника. Нашла у двери белье — 15 фр. Пришел неожиданно рано!

Кофе. Вышла на улицу. Заплатила Hauser 9 фр. 40 (4 ф. 40 — молоко, 5 фр. — сахар) и в булочную за полторы недели 10 фр. И там, и сям отменила принос. Зашла в лавочку. Купила винограду 2 фр. 50.

Дома: поев винограду, подмела спальню и столовую, а затем выстирала *все твоё белье*, кроме пижамы, ее выстираю завтра. Развесив белье, взяла ванну, после которой лежала полчаса, читала «Рахманинов как композитор»⁶. Интересно. Потом позавтракала. Меню: фасоль, мерлан⁷ с стаканом белого вина, кофе с печеньем. Легла на час с газетой и проспала до 3 ч. 30 м. Встав, постелив постель и прибрав в маленькой комнате, села за это письмо.

Чувствую себя хорошо. Радуюсь одиночеству, молчанию. Конечно, и Венеция манит, и купаться хочется, и места Iv. Paskolovitch⁸ а влекут⁸, и Маню Б<рянскую> повидала бы⁹, но все же и одной хорошо, — только бы ты был здоров и доволен!

К пяти пойду навестить мать Нат<альи> Иг<натъевны>¹⁰, она уже дома, оттуда ко все-нощной. Завтра мой один из самых любимых праздников — Преображение — и по глубокому смыслу его, — помнишь, как ты хорошо о нем говорил, когда мы проезжали мимо Фавора? — и по тому, что завтра после обедни будут благословлять плоды, можно есть

яблоки! Я в этом году их еще не ела, завтра разговлюсь. Вообще, эту неделю я буду больше всего питаться фруктами. А с Успения буду есть бифштексы.

Целую тебя, драгоценный мой.

Да хранит тебя Господь Бог!

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/158. На конверте адрес получателя: «Monsieur Bounine. Venise. Italie. P.R.», адрес отправителя: «V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 18.VIII.1937», «Venezia, 20.8.37».

¹ 17 августа 1937 г. Бунин уехал (через Швейцарию и Италию) в Белград. Возвращался через Канны 3 сентября 1937 г. В.Н. Бунина оставалась в Париже. Подробнее см. во вступ. статье.

² Вероятно, выпускавшееся в Софии издание Национального трудового союза нового поколения (выходило с 1932 г. под названием «За Россию», с 1935 г. «За Новую Россию», в 1937–1940 гг. под названием «За Родину»).

³ Выйдя на площади Альма, В.Н. Бунина проходила мимо Театра Елисейских полей (Théâtre des Champs-Élysées), где шел спектакль МХАТа по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина». См. примеч. 16 к п. 493.

⁴ От нем. Bock — крепкое немецкое пиво.

⁵ М. Горький умер 18 июня 1936 г., год и два месяца назад. Узнав о его смерти, Бунин сразу сел писать о нем воспоминания, а В.Н. Бунина написала о Горьком несколько прочувствованных слов Г. Кузнецовой (*Новые материалы* (3). С. 45, 47; письма В.Н. Буниной к Г. Кузнецовой от 18 и 19 июня 1936 г.). Его судьба была, возможно, и темой этого разговора В.Н. Буниной с Цетлиными.

⁶ Возможно, имеется в виду глава «Рахманинов — композитор» из книги «Rachmaninoff's Recollections told to Oskar von Riesenmann» (London, 1934). (Справка С.Р. Федякина.)

⁷ Рыба семейства тресковых.

⁸ О чем идет речь, неясно.

⁹ Гимназическая подруга В.Н. Буниной — М.А. Брянская жила в Белграде. См. примеч. 5 к п. 249.

¹⁰ Н.И. Михельсон.

481. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Венеция. 18 августа 1937 г.

Милая, дорогая моя, народу тут — миллион. У Бауэра¹ ни единой комнаты. Нашел в «Британии»² — 58 лир с полупансионом. Очень устал за дорогу. Отдохнул, иду обедать, — может, поеду на Лидо³. Целую, храни тебя Бог.

Ив.

18. VIII. 37.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/137. На бланке для телеграмм Hotel Europa e Britannia - Venezia: Ufficio Telegrafico di Venezia.

¹ «Bauer Palazzo» — отель в центре Венеции (San Marco 1459).

² «Hotel Europa e Britannia» (ныне «The Westin Europa & Regina», San Marco 2159). Счет Бунина за проживание там: РАЛ. MS 1066/3842.

³ Цепь песчаных островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Адриатики; главный остров (Лидо) славится своими пляжами.

482. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 19 августа 1937 г.

№ 2.

1937 г. 19 авг.

Дорогой мой, вчера, вернувшись от всенощной, нашла обильную корреспонденцию:

1) Письмо от Ляли¹ — всех ненавидит! А потом хорошо написано о дружбе собаки с Олей².

2) Письмо от Мани Брянской — ждет меня с нетерпением. Сообщает, что виза и мне выслана³.

3) От Лёни⁴. Очень длинное. Работает, как стахановец. Много нашел интересного. Но питается плохо. Очень устал. Прислал вырезки. «Л. Зуров пробудил за границей интерес к сетам в Петсерском крае», «Научный поход на Петсерский край»⁵. Книгу печатает в Таллине, куда выехал⁶.

4) Счет за телефон. Уплатила сегодня 202 f. 50 с. Я даже смеялась, — как ты за дверь, так сейчас же счет!

Целую. К.

Сегодня была у обедни. Потом спала до пятого часа. Затем пошла на почту. Пообедала, сию за столом. Радио то играет, то умолкает.

В.Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/159. Почтовая открытка с видом Notre Dame de Paris; адрес получателя: «Monsieur Bounine. Poste Restante. Venise-Venezia. Italia»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 20.VIII.1937».

¹ Е.Н. Жирова.

² В письме из Хертенштайна (на берегу Фирвальдштетского озера недалеко от Люцерна) от 16 августа 1937 г. Е.Н. Жирова, в частности, писала: «Ненавижу это место! ненавижу яму с водой, заключенную горами! Моментами так красиво, что горло перехватывает от восторга <...> — а потом опять ненавижу. Тяжело, воздуха нет, нечем дышать! Никогда у меня не было еще такого ужаса перед жизнью, такого непонимания происходящего, как сейчас. <...> Ненавижу людей — за их тупость, бессердечие, самовлюбленность и грязь. Вероятно — я такая же, и я себя так же ненавижу, как и других. <...> Очень устаю от возни с Олечкой. Меня спасает наша цепная собака. Олечка проводит с нею много времени. Собака позволяет ей делать с собою что угодно: Олечка дергает ее за уши, за хвост, садится на нее, отнимает у нее еду, таскает ее всюду за собой. В глазах собаки предопределенная покорность. Хозяева собаки ничего не понимают. На днях я нашла собаку привязанной на веревочку с базарной сеткой на голове. Собака спокойно лежала. Олечка объяснила мне, что сделала это, чтобы собака не лаяла» (РАЛ. MS 1067/7679).

³ Это письмо М.А. Брянской не сохранилось. В предыдущем, от 2 августа 1937 г. она писала: «Я вне себя от радости при мысли, что ты можешь приехать в Югославию; я уверена, что визу вам дадут очень скоро, и несомненно, что выступления И. А. будут приняты с энтузиазмом <...> Я полна надежд и горю желанием тебя видеть» (РАЛ. MS 1067/1601).

⁴ Письмо неизвестно.

⁵ Источник публикаций не установлен.

⁶ Возможно, речь идет о книге: *Зуров Л.* Поле. Роман. Париж: Книгоиздательство Объединения писателей; Дом книги, 1938.

483. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Венеция. 20 августа 1937 г.

Дорогая моя, сейчас (7 час. вечера, пятница) сажусь на пароход, плыву в Дубровник¹. Пиши мне пока на Струве² (Јаворска, 7, Београд, Yougoslavie). Крепко целую.

Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/138. Почтовая открытка с фотографией здания отеля и надписью: «Venezia — Hotel Europa & Britannia»; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Venezia, 20.VIII.37». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Бунин провел последнюю декаду августа 1937 г. в Югославии (Раб, Сплит, Дубровник, Белград, Загреб, Любляна). Поездка отражена в ряде писем П.Б. Струве к Бунину (*Бунин—Струве* (1968). С. 97–99), а также в газетных публикациях, см., в частности: *Рыбинский Н. И. А. Бунин в Югославии // Сегодня. 1937. 1 сентября. № 239. С. 2.*

² Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — экономист, историк, философ, публицист, критик, издатель, политический деятель. В эмиграции с 1918 г. Редактировал журнал «Русская мысль» (1921–1923), газету «Возрождение» (в 1925–1927 гг.), затем еженедельники «Россия» (1927–1928) и «Россия и славянство» (1928–1934). С 1928 г. жил в Белграде, был председателем отделения общественных наук Русского научного института, читал курс социологии в Белграде и Субботице.

484. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Раб. 21 августа 1937 г.

Дорогая моя, в Венеции 2 суток прошло незаметно, ездил на Лидо, без конца бегал по городу. Билет у меня от Кука¹ до сербск<ой> границы, но по ж<елезной> д<ороге> не поехал — по ж<елезной> д<ороге> сообщение с берегом ужасное, до Дубровника надо добираться долго и с мучениями. Поплыл на прекрасн<ом> сербском пароходе «Краль Александар I», завтра утром должен быть в Дубровнике. В Венеции с грустью вспоминал прошлое². Встретил Вольфсонов³. Целую и крещу тебя. Завтра сообщу, где усядусь, напишу в Венецию на poste restante, чтобы переслали мне твое письмо. Гроза всю ночь, дождь и холод.

Утро 21-го ав. 1937.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/139. На почтовой открытке, аналогичной предыдущей, но без почтовых штемпелей, посылалось в конверте. Место установлено по сопоставлению с п. 485.

¹ См. примеч. 6 к п. 386.

² Бунин был в Венеции в феврале 1904 г., затем вместе с В.Н. Буниной в марте 1909 г., марте 1910 г., ноябре 1912 г. и марте 1914 г. — каждый раз по пути на Капри или на обратном пути оттуда.

³ М.К. и Э.С. Вольфсоны.

485. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Сплит. 21 августа 1937 г.

21. VIII. 37.

Послал тебе нынче днем, в 12 ч. 45 м., в Раб'е письмо, дал его бармену, — единств<енный> человек, кое-как говорящий по-французски, — на пароходе (и каком прекрасном!) почтов<ого> ящика нет. В этом Раб'е (Раб) шел дождь, было оч<ень> скучно, бабы и девки (босые, совсем наши, но под черными зонтами) продавали плохой виноград и всякую кляповинку (раковинки и еще что-то), а скакать отсюда — три года скачи, никуда не докочаешь. *Сейчас 9 ч. вечера*, подходим к Split'у — отсюда письмо дойдет, верно, скорее, тут магистраль на Zagreb (хотя по этой магистрали надо ехать 300–400 километров чуть не сутки). Весь день с утра и до вечера дождь, серо и так пустынно, что я *ничего подобного за всю жизнь не видел — не преувеличиваю*: весь день шли между островами, — ино-

Л.Ф. Зуров, В.Н. Буннина.
Грасс, 1930-е гг.
(РАЛ)

гда огромными, — [но всегда невысокими] и берегом Сербии, и все это было поразительно однообразное, чередование холмов, каменных сплошь, еле покрытых чем-то редким, зеленоватым, мертвым, без единой души, без единого селенья. Сейчас море стало свободнее, лунная ночь, уже с более теплым ветром. Дубровник завтра в 7 часов утра — на него вся надежда — думаю, что все резко изменится.

Пиши, повторяю, в Дубровник — *poste restante* — и *поскорее* — и, если можно, *exgrès'*ом или по авиону.

Как ты? — беспокоюсь.

Крепко целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/140. Место установлено по содержанию.

486. В.Н. Буннина — И.А. Бунину Париж. 22 августа 1937 г.

22 августа 1937 г.

Дорогой мой, пересылаю тебе письма.

Я здорова, живу пока отшельницей. Была три раза в церкви. Сегодня М<арья> С<амойловна>¹ пригласила настойчиво завтракать. И еще настойчивее просила достать «Освобождение Толстого»², уверяет, что ты обещал им подарить. Стопка книг пришла, могу ли я из нее выдать им одну?

«Нет пророка в своем отечестве» — когда ты признаешь, что я понимаю в жизни не хуже, чем ты в искусстве?

«Как всегда, я прав», — говорил Юлий Алексеевич. Так вот, помнишь, я говорила: «А что, если Галя приедет без тебя?» — Ты даже не ответил мне на этот вопрос. А оказывается, я была близка к истине: Галя, если все будет благополучно, приезжает в Париж 2–3 сентября! И останется «до выхода перевода Мориака»³... Кто из нас знает жизнь? Она спрашивает: «Не помешаю ли Вам?» «Можно ли?» Я, конечно, написала, что «очень рады». К Марге приезжает мать⁴ в середине сентября. Видимо, жить с Наташей сразу не хочет. Галя просит меня тебя «очень, очень поблагодарить» за то, что ты «исполнил ее просьбу относительно книг».

Мне придется ей послать билет или деньги на него. Твой фельетон прошел⁵, «прочла с большим удовольствием»⁶, побывала в гловских местах!

Должна тебе сказать, что 20 fr. в день — это только при моей тихой жизни. Почта на круг обходится три франка в день, церковь, автобус. Я стараюсь ходить пешком. Вчера с Люрмелля⁷ (была у всенощной) возвращалась пешком после 11 ч. вечера. Я просидела у Матери Марии, она загатила меня к себе, показывала свою вышивку «Гайная вечеря» — очень хорошая. Видела портрет Гаяны⁸ — совсем мальчик. Пока из 20 фр. не выхожу, но при Гале будет труднее. Может быть, ты напишешь Ставрову⁹, чтобы он мне дал деньги твои за перевод, кажется, там 300 fr. Получил ли ты открытку, где я писала, что уже 202 f.

50 с. я заплатила за телефон. Пока я истратила 100 fr. + 200 = 300. Осталось 100 + 500 на книжке и 600 в «П<оследних> н<овостях>». Я стараюсь быть очень экономной, но из 20 фр. ничего не отложишь. Я все сама тебе перестирала, чтобы Mademoiselle работала меньше, заплатила ей 32 fr. + 16 = 48. Она выгладила все твое и вычистила спальню и кабинет. Я уже переставила стол и пишу на кухонном. Гале тоже все приготовила. Завтра m-Ne¹⁰ придет еще, нужно вымыть пол в кухне и в предбаннике, нужно мне выгладить кофточку, а выстираю я ее сейчас сама. Если бы я не стирала, то тех денег, кот<орые> ты оставил ей, не хватило бы. Как бы я хотела, чтобы ты пожил хоть одну неделю так, что больше 20 fr. ты *не можешь* тратить. Вот придет прачешник в среду, ему 15 fr. за салф<етки>, которыми утирались Степуны и комп<ания>, значит, я три дня могу тратить не по 20 fr., а по 15, если 10 на еду, то — как на все может хватать 5. Конечно, может, но жить нужно à la Лоллий¹¹... Сейчас я так и живу. Но при Гале как быть? То есть как ты хочешь, чтобы мы жили, как я сейчас или как «все», то есть — могли пойти на выставку, зайти в кафе, заглянуть на Montparnasse, в синема? Позвать к себе кого-нибудь? Мне все равно. Последнюю неделю лечусь виноградом. Лежу с грелкой. А ты?

От Лёни длинное, очень интересное письмо¹².

Живет он в Печерах в саду в летней избушке. Постель, письменный стол, стулья, на стенах карты, мешок, с которым он ходит на разведки, на столе рукописи (он ведет дневник археологический), кроки¹³, на полу керамика и древности.

Он работает, «как стахановец». У него помощник молодой студент¹⁴, сын доктора Розова¹⁵. Они ходят по болотам, борам, где много коз, лис. В одной деревне лиса всех кур утащила. А мужики воют от коз, утром и вечером объедают поля. Вот глухомань! Спят где попало. Раз заснули в бору, проснулись — гроза! Питаются плохо, без мяса!

Наконец, деньги им выдали, но они еще не получены, так как Вильде¹⁶ дал жене не такую доверенность, как надо.

Лёня свою книгу уже отдал в Таллине в набор¹⁷. Результатами очень доволен. Я боюсь одного, как бы он не заболел или не схватил малярии, а то пойдет далеко. В газетах о нем пишут: «Л. Зуров заинтересовал за границу сетями в Петсерском краю». «Научный поход на Петсерский край»... «Вот он Скобарь¹⁸, а ничего!»¹⁹

Они обнаружили племенную стоянку славян, большие курганы. Зарегистрировали 15 кург<анных> групп, каждую группу зарисовывают и обмеривают. Нашли языческий камень — малый жертвенник, русское население до сих пор приносит ему жертвы. На дне озера обнаружили древн<ую> утонувш<ую> рубленую топором, долбленную ладью. Пишет, что очень устал, а отдыхать некогда. Крестьянское население к ним относится хорошо. Молодежь помогает им.

Остальные члены экспедиции тоже довольны результатами. Э.Э. Малер²⁰ записала 6 больших тетрадей свадебных песен, заполнила 60 катушек фонографа. Приезжает из Базельск<ого> у<ниверсите>та проф. Ханшим²¹ — будет записывать музыкальные мелодии. Кондаковцы²² — Окуневы²³ и Андреев²⁴ тоже много сделали.

Лёню и Розова воодушевляет еще то, что под Псковом Академия наук тоже производит раскопки²⁵. Они называют себя «энтузиастами»...

Прочти это Петру Бернгардовичу²⁶, ему это интересно.

Сегодня в «Возр<ождении>» прочла, как Пэка ехал в Гренобль²⁷. Написано хорошо, хотя, вероятно, все преувеличено. Гале отсылаю этот номер.

Она пишет: «останусь, если Вы не уедете, дольше, чем в прошлом году». Тон ее письма очень милый.

Я рада, что она приедет, полагаю, что полмесяца полного одиночества мне будет достаточно. Вероятно, она будет работать. Между прочим, там в начале сентября съезд²⁸ — по ее словам, очень «тяжелое время», а потом приезжает «Маминька»²⁹.

Думаю, что если все будет так, как она предполагает, то в Рим мы поедим к декабрю³⁰. Это неплохо. Будь здоров, бодр. Христос с тобой. Сегодня молилась Серафиму Саровскому о всех вас.

Обнимаю.

Твой Рак-Отшельник.

Сейчас ванна и спать. Уже полночь.

Забегал Лоллий — читал мне свое произведение. Ничего, хорошо — «вали, брат, вали!!!»³¹.

Митюшка бывает у Мити³².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/160.

¹ М.С. Цетлина.

² См. примеч. 1 к п. 408.

³ Г. Кузнецова работала над переводом, который вышел лишь на следующий год: *Мориак Ф.* Волчица / Пер. Г.Н. Кузнецовой; Предисл. И.А. Бунина. Париж: Русские записки, 1938.

⁴ М.Ф. Степун.

⁵ В этот день был опубликован «вариант первого наброска» «Жизни Арсеньева»: *Бунин И.А.* Восемь лет // Последние новости. 1937. 22 августа. № 5993. С. 3.

⁶ Такую резолюцию оставляли на некоторых докладах и служебных записках русские императоры, наиболее часто употреблял ее Николай II, что стало предметом острот, см., например, в июньском номере журнала «Бич» за 1918 г.: «Б. царь упражняется в старом своем занятии — пишет без конца “прочел с удовольствием”».

⁷ Т.е. из церкви Покрова Пресвятой Богородицы (77, rue de Lourmel, Paris XVe), основанной матерью Марией (Скобцовой).

⁸ Старшая дочь матери Марии — Гаяна Дмитриевна Кузьмина-Караваева (1913–1936) умерла в Москве 30 июля 1936 г. от брюшного тифа (называли и другие причины смерти: дизентерия, туберкулез, неудачный аборт).

⁹ Перикл Ставрович Ставров (наст. фам. Ставропуло, 1895–1955) — поэт, прозаик, переводчик, редактор, общественный деятель, был знаком с Буниным еще с Одессы. С 1920 г. в эмиграции в Греции, с 1926 г. в Париже. Занимался художественными переводами. Совместно с Р. Блэрсом держал в Латинском квартале книжную лавку «*Sous la lampe*» («Под лампой»). Член Союза русских писателей и журналистов. С 1934 г. член правления, позже председатель Объединения русских писателей и поэтов.

¹⁰ М.Е. Imbert.

¹¹ Л.И. Львов.

¹² Письмо Л.Ф. Зурова к В.Н. Буниной из Печер от 15 августа 1937 г. (РАЛ. MS 1068/2092).

¹³ Кроки — план местности, наскоро сделанный путем глазомерной съемки.

¹⁴ Евгений Александрович Розов (1915–1944) — студент Тартуского университета (1936–1938, 1941), с 1941 г. в Красной армии, погиб на фронте.

¹⁵ Александр Евгеньевич Розов (1873–1942?) — врач, выпускник Томского университета, сельский врач в Ковенской губернии (с 1902), затем чиновник по особым поручениям Крестьянского поземельного банка (с 1908), участник Первой мировой войны и Белого движения, с 1919 г. в эмиграции в Эстонии, заведующий химико-бактериологической лабораторией Печорской уездной управы. Женат (с 1913) на Марии Альфонсовне Блезе.

¹⁶ Борис Владимирович Вильде (1908–1942) — этнограф, литератор, с 1919 г. в эмиграции в Эстонии, учился в Тартуском университете (1926–1927), член Юрьевского Цеха поэтов; с 1930 г. жил в Берлине, с 1932 г. в Париже, учился на историко-филологическом факультете Сорбонны и в школе восточных языков (с 1933), член Союза молодых поэтов и писателей, участник объединения «Круг» (1935–1939), сотрудник Музея человека (с 1937), участвовал в создании Музея Арктики. Ученик, сотрудник и зять французского историка Фердинанда Лота (Lot, 1866–1952), был женат с 1934 г. на его дочери Ирэн Лот. С началом войны призван в армию, попал

в немецкий плен, бежал; один из организаторов французского Сопротивления, арестован гестапо и 23 февраля 1942 г. расстрелян. Деньги на экспедицию были выделены министерством просвещения Франции и Музеем человека стараниями Б.В. Вильде. Подробнее об экспедиции см. в письме Л.Ф. Зурова к Н.Е. Андрееву от 1 января 1937 г. (*Андреев-Зуров*. С. 35–39). Об экспедиции Л.Ф. Зурова и Б.В. Вильде см. книгу «Missions du Musée de l'Homme en Estonie: Boris Vildé et Léonide Zouroff au Setomaa (1937–1938)» (red. T. Benfoughal, O. Fishman, H. Valk. Paris: Muséum National d'Histoire Naturelle Publications Scientifiques, 2017).

¹⁷ См. примеч. 6 к п. 482.

¹⁸ Домашнее прозвище Л. Зурова у Буниных. Обычно применяется к жителям Пскова и его окрестностей.

¹⁹ В.Н. Бунина перефразирует слова кучера, обращенные к юному Бунину по поводу напечатанного его стихотворения «Деревенский нищий» в журнале «Родина» (1887. № 20. 17 мая. Стб. 611–612): «На мосту, когда он <Бунин> шел от Пушешниковых к Туббе, его нагнал кучер Бахтеярова, ездивший на почту, и протянул журнал “Родина” со словами: / — Он — Иван Алексеевич, а ничего! / Это была первая рецензия человека из народа. Грамотный кучер просмотрел по дороге журнал» (*Муромцева-Бунина* (1989). С. 78).

²⁰ Эльза-Евгения (Елизавета) Эдуардовна Малер (Mahler, 1882–1970) — уроженка Москвы, с 1920 г. в Швейцарии, фольклорист, преподаватель (с 1938 профессор) русской литературы Базельского университета.

²¹ Имеется в виду Жак Самуэль Хандшин (Яков Яковлевич Гандшин, 1886–1955) — российско-швейцарский музыковед и органист. Уроженец Москвы, преподаватель (с 1915 профессор) Петербургской консерватории (среди его учеников по классу органа был С.С. Прокофьев), органист лютеранской церкви Св. Петра. С 1920 г. жил в Швейцарии, был органистом в Санкт-Галлене, Цюрихе и Базеле. С 1930 г. профессор музыки в университете Базеля. Автор работ о средневековой музыке, монографий о творчестве М.П. Мусоргского, К. Сен-Санса, И.П. Стравинского. (Справка И. Каренича.)

²² Ученики академика Никодима Павловича Кондакова (1844–1925) после его кончины основали в Праге Семинарий имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum), который в 1931 г. был преобразован в Археологический институт имени Н.П. Кондакова.

²³ Николай Львович Окунев (1886–1949) — историк искусства, профессор Новороссийского университета в Одессе (в 1917–1920 гг.). С 1920 г. в эмиграции в Югославии, преподавал в университете в Skopje, с 1923 г. в Праге, профессор Карлова университета (с 1925), руководитель Семинария византийского и восточнославянского искусства, действительный член Славянского института, основатель Архива и Галереи славянского искусства. Подробнее см.: *Янчаркова Ю.* Славянская коллекция профессора Окунева // *Родина*. 2006. № 4. С. 93–95. Его дочь Ирина Николаевна Окунева (в замуж. Расовская, 1913–1941) в то время готовила диссертацию по искусствоведению и была сотрудницей института имени Кондакова.

²⁴ Николай Ефремович Андреев (1908–1982) — историк, литературовед; с 1919 г. в эмиграции в Таллине, с 1927 г. в Праге, участник Seminarium Kondakovianum (с 1928), сотрудник (с 1931) и фактический директор (1939–1945) Археологического института имени Н.П. Кондакова.

²⁵ Многолетние работы по сохранению памятников старины в Псковской области вели экспедиции, которыми руководили выдающиеся специалисты в области археологии и реставрации, сотрудники Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) Константин Константинович Романов (1882–1942) и Николай Николаевич Черягин (1906–1942). Хотя в 1937 г. собственно раскопок не проводилось, однако в марте 1937 г. перед началом капитального ремонта Поганкиных палат во Пскове комиссия во главе с К.К. Романовым провела полное обследование здания, составляя рекомендации для ремонтно-восстановительных работ.

²⁶ П.Б. Струве.

²⁷ Н. Рошин ездил от газеты к парижским «витязям», которые в августе 1937 г. устраивали скаутские лагеря в горах под Греноблем. В.Н. Бунина имеет в виду его очерк, вышедший двумя неделями ранее: *Днепров Р. [Федоров Н.Я.] В черничных полях // Возрождение*. 1937. 13 августа. № 4091. С. 8. Ко времени написания письма Н. Рошин успел опубликовать в той же газете еще один материал: *Днепров Р. [Федоров Н.Я.] Два друга // Возрождение*. 1937. 27 августа. № 4093. С. 7.

²⁸ 6 сентября 1937 г. открывался ежегодный съезд национал-социалистической партии (традиционно в Нюрнберге).

²⁹ М.Ф. Степун.

³⁰ Определенных сведений о возможном переезде Буниных в Рим в 1937 г. нет; некоторые намеки присутствуют в следующем письме В.Н. Буниной (от 24 августа 1937 г.), где она пишет о квартире (в Риме?).

³¹ Из рассказа Бунина «Учитель» (1894).

³² Имеются в виду Д.А. Пушешников и Д.Н. Муромцев.

487. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 24 августа 1937 г.

24 августа 1937 г.

2 часа дня.

Дорогой мой Ив, сегодня получила от тебя два письма, от 21 авг<уста> утром и 21 VIII с парохода¹. Целую тебя за них.

Вчера я отослала тебе на адрес П<этра> Б<ернгардовича>² один пакет (заказным) с письмами к тебе, — есть из Рима. Квартиру всегда можно найти. Но нужно самим. И одно письмо мое, которое прошу П<этра> Б<ернгардовича> переслать тебе, как только он узнает твой адрес. Пакет же может тебя дожидаться в Белграде.

В письме есть новость: Галя хочет приехать к нам 2–3 сентября³. Спрашивает: можно ли? Я написала: очень рада. 29 авг<уста> высылаю ей или деньги, или билет. Я посоветовала ей узнать, не выгоднее ли ей купить самой билет ввиду выставки⁴. Жду ее решения. Твой фельетон прошел⁵. Очень хорош, и как мне захотелось в поле на дрожжах! В пятницу поеду в «П<оследние> н<овости>».

Комнаты ваши обе вычищены. В спальне я устроила очень уютно. Стол поставила против окна, как в кабинете твое кресло. Можно даже перетащить твой письменный стол, но, пожалуй, будет тесновато. Сундук стоит теперь у стены, смежной с моей комнатой. Между столом и стеной уставилась этажерка. Мне кажется, жить будет можно. Галя пишет, что если мы позволим, проживет дольше, чем зимой, до выхода книги ее перевода в свет⁶, а насколько я помню, она выйдет в декабре?..

Изменила она свое решение потому, что начинается съезд⁷, «когда жить очень трудно», а затем в середине сентября к Марге приезжает мать⁸.

Я прошу тебя написать Ставрову, чтобы он мне дал деньги за перевод твоего рассказа, 300(?) fr., кажется.

Сейчас я живу очень скромно, не трачу ничего на развлечение, вчера даже от Зайцевых пешком пришла, экономлю, как Лёня, и все же 20 fr. в день выходит. Зарезает почта: вчера заплатила 14 fr. 85 с. за марки при отправлении писем! Все живут за границей, а я отдувайся! А ты еще требуешь экспресса, авиона...

Mademoiselle ко мне уже не ходит, хотя она еще здесь. Уезжает 28 ав<густа> только. Она выгладила твоё бельё и убрала дом.

Погода прохладная. Я главным образом обращаю внимание на режим: хожу на цыпочках, ем виноград, лежу, беру ванны. Буду так до приезда Гали.

Уже заплатила 202 fr. 50 с. за телефон — до 15 июля. За газ еще не приходили получать.

Бываю в церкви. Завтракала у Цетлиных. М<арья> С<амойловна>⁹ настойчиво просит Толстого¹⁰. Ты получил пачку. Что мне делать? Вчера завтракала у Ельяшевич. Она вчера выехала к мужу. Ей сказали, что у него в желудке какое-то уплотнение — его снимали рентгеном. Он не знает. Навещаю мать Нат<альи> Иг<натъевны>¹¹. Она уехала в Витель¹².

Бориной сестре¹³ лучше, но Верочка извелась. Я боюсь за нее, а Боря не видит. И ничего нельзя сделать. При Джемсе¹⁴ нет никого до будущей недели.

Степуны были у Зайцевых. «Я хотел бы с Вами побыть в квартете»... Со мною не виделись больше. В субботу уезжают.

Обнимаю со всей нежностью. Храни тебя Бог.

Твой К.

Сегодня придет ко мне Мелитта¹⁵. Я люблю ее. Сейчас иду на почту с этим письмом.
Еще раз целую.

В Британию¹⁶ я тоже писала.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/161.

¹ См. пп. 484, 485.

² П.Б. Струве.

³ В.Н. Бунина уже писала Бунину об этом третьего дня. См. п. 486.

⁴ С 25 мая по 25 ноября 1937 г. в Париже проходила Всемирная выставка, в которой приняли участие 47 стран, в том числе СССР.

⁵ См. примеч. 5 к п. 486.

⁶ См. примеч. 3 к п. 486.

⁷ См. примеч. 28 к п. 486.

⁸ М.Ф. Степун.

⁹ М.С. Цетлина.

¹⁰ Т.е. экземпляр только что вышедшей книги Бунина «Освобождение Толстого», см. п. 486.

¹¹ Н.И. Михельсон.

¹² Город в провинции Вогезы, курорт с минеральными источниками.

¹³ У Б.К. Зайцева было две сестры: Татьяна Константиновна (в замужестве Буйневич, 1875–1938) и Надежда Константиновна (по 1-му мужу Буйневич, по 2-му мужу Донзель, 1878–1959). Вероятно, здесь речь о первой из них.

¹⁴ Неустановленное лицо.

¹⁵ М.Г. Левина.

¹⁶ В венецианский «Hotel Europa e Britannia», где останавливался Бунин.

488. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Белград. 26 августа 1937 г.

26. VIII. 37.

Милая, дорогая моя, меня буквально разрывают здесь на части¹, едва жив от усталости — и все-таки не дают ни минуты свободной. Подробно напишу после, сейчас только 2 слова — перед отъездом на обед, который дает в мою честь здешний Pen Club. *Завтра* с утра поездка (в дворцовом автомобиле) на место погребения короля Александра — 180 километров. Туда-назад. В пять — чай у Белича². В одиннадцать часов вечера — завтра же — выезжаю на Загреб-Любляну-Венецию. Что дальше — решу в дороге.

Пока крепко целую тебя.

Вчера получил от тебя много писем (через Струве).

Только нынче нет дождя и тепло, а то все холод и ливень.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/141. На почтовой бумаге Хотел Экселзиор, Београд. Место установлено по содержанию.

¹ См. описание визита: «Приезд И.А. Бунина, несмотря на свою неожиданность и кратковременность, явился крупным событием в культурной жизни Югославии. / Сербские газеты поместили его портреты и обширные интервью. Югославянский “Пэнклуб” в честь гостя устроил обед, а председатель сербской Академии наук А.И. Белич — чай <...>. Союз русских писателей и журналистов чествовал Нобелевского лауреата завтраком, на котором с речами выступили: П.Б. Струве, А.Л. Погодин, И.Н. Голенищев-Кутузов. / После отъезда Белграда, визита к русским соколам и в другие русские организации, И.А. Бунин совершил поездки в Опленач, к усыпальнице короля Александра, и на гору Авала, к могиле “Неизвестного солдата”» (Р. [Рыбин-

ский Н.] И.А. Бунин в Югославии // Иллюстрированная Россия. 1937. № 39 (645). 18 сентября. С. 3; заметка сопровождалась фотографией Бунина в саду Русской делегации в Белграде с А.И. Беличем, П.Б. Струве и К.О. Штрандтман).

² Александр Иванович Белич (Белић, 1876–1960) — сербский лингвист, член-корреспондент Петербургской академии наук (1910), председатель Сербской академии наук и искусств (1937–1960). Подробнее об отношении Бунина с А. Беличем см. публикацию А.В. Бакунцева в кн. 2.

489. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 26 августа 1937 г.

Четверг! 26 августа 1936 г.¹

Дорогой мой. Сейчас с вечерней почтой я получила твою открытку — *exprès*. К счастью, почта закрыта, а потому это письмо пойдет простым. Да куда спешить? В Дубровник я послала по авиону на *P.R.*² В Белграде у Петр<а> Берн<гардовича>³ ты найдешь большую корреспонденцию и мое письмо со всеми новостями.

Живу я аскетически во всех смыслах. Бываю только у больных матерей Нат<альи> Иг<натьевны>⁴ и Ф<аины> Ос<иповны>⁵. Один вечер часа полтора сижу у одной, другой — у другой — сегодня очередь Полины Львовны, матери Ф<аины> Ос<иповны>, и всего смешнее, что обе они Маргулиес. Чувствую себя хорошо. Слушаю целые концерты по радио, я научилась ловить и на длинных волнах и борюсь успешно с паразитами.

Сейчас увидела, что твоя открытка написана в понедельник, штемпель Белграда 24, то есть вторник, а на *Offenbach* она пришла в четверг 26 вечером! — ну стоило тратить деньги на экспресс!

От Гали было второе письмо. Завтра я ей заказываю билет и посылаю деньги на дорожные расходы.

Завтра уезжает *mademoiselle* на отдых. С будущего четверга буду ждать ее каждое утро, если она точнее не обозначит дня своего приезда.

У меня прямо монастырская чистота. Твою спальню ежедневно проветриваю, когда солнце. В ней стало очень уютно.

А мне вчера у Михельсон сказали, что в Дубровнике так хорошо, как нигде, я за тебя порадовалась, а тебя уже там нет, и след простыл.

Обо мне не беспокойся, я не скучаю и даже рада, что живу без всяких впечатлений — больше вглубь смотришь.

Тебе открытки от Слонима⁶: «Французский экземпляр послан издателям, но раньше октября ответов ждать трудно из-за каникул».

В Париже он будет 8–10 с<ентября>.

Адрес его: St Jean Cap Ferrat A<lpes> M<aritimes>.

Pension l'Ensoleillée.

Читаю «Путешествие Глеба». Написано хорошо, но очень несимпатичный этот самый Глеб и мать его. Понимаю, почему Верочке так тяжело было в Притыкине. От одного «сыночка» — тошнит!

Зайди в Ремингтон контора

Скоплянска 15.

Там служит Оля Исаева (Иловайская Ольга Дмитр<иевна>). Она веселая. Будет *очень* огорчена, если не зайдешь. Был ли у Брянских?

Чествование И.А. Бунина.

Белград, 26 августа 1937 г.

(РАЛ).

На обороте Бунин написал: «Београд (Сербия). Ресторан “Аквариум”. 26. VIII.1937 г.

Банкет Союза писателей в мою честь. Ив. Бунин».

Из письма Гали явствует, что ноябрь она надеется провести в Париже, — везет пальто Солдатского.

От Ляли⁷ очень хорошее серьезное письмо. Муж⁸ с ней жить не хочет. Девочку⁹ отдает, но только *не* к Кап<итану>¹⁰, она без девочки жить не может. Решила работать. От письма веет чем-то настоящим¹¹. Надо будет и ей помочь устроиться.

Кланяйся всем. Обнимаю тебя, мой путеше<с>тве<нник>!!

Не трать деньги на экспресс, ты не Стива Облонский¹²...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/144.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 1937 г.

² *Poste restante* — до востребования (*фр.*).

³ П.Б. Струве.

⁴ Н.И. Михельсон.

⁵ Ф.О. Ельяшевич.

⁶ Открытки неизвестны.

⁷ Е.Н. Жирова.

⁸ А.М. Жиров.

⁹ О.А. Жирова.

¹⁰ Н. Рошин.

¹¹ Последнее письмо от Е.Н. Жировой, сохранившееся в РАЛ, было от 16 августа 1937 г. (см. примеч. 2. к п. 482). В нем семейные настроения выражены следующим образом: «К Капитану, конечно, <А.М. Жиров дочь Олю> никогда бы не отдал. На меня он не сердится — во всем винит Капитана. Об этом мы не говорили, но я чувствую, знаю. Он уже решил, что наши с ним жизни разошлись — связь между нами только Олечка. Говорит со мной очень добро и спокойно. Сказал, что Олечку надо будет отдать через год в пансион для девочек, т.к. я — справиться с нею, содержать ее не могу. Сказал: если не можешь без нее — устройся с ней. Ему, конечно, иметь ее при себе — трудно. Очень бы хотела, дай Бог, — чтобы он устроил свою личную жизнь. Но я-то без Олечки не могу. Чувствую себя самкой, матерью, физически не могу, чтобы она была от меня оторвана. И не стыдно» (РАЛ. MS 1067/7679).

¹² См. примеч. 6 к п. 300.

490. И.А. Бунин и другие — В.Н. Буниной*Топола. 27 августа 1937 г.*

<А.И. Белич:> Глубокоуважаемая Вера Николаевна, нижеподписавшиеся, наслаждаясь обществом Ивана Алексеевича, шлют Вам сердечный привет и лучшие пожелания.

Преданный
А. Белич

Скрепил Ив. Бунин
27.VIII.37

<П.А. Струве:> Целую руки, П. Струве.

В. Штрандман¹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/142. Почтовая открытка с фотографией храма и надписью: «Задуж. Црква на Олленцу»; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Топола, 28.VIII.37».

¹ Василий Николаевич Штрандман (1877–1963) — дипломат, до революции секретарь российской миссии в Белграде (1911–1914), первый секретарь посольства в Риме (1914–1915). В 1919 г. был назначен правительством А.В. Колчака посланником в Белграде. Уполномоченный Российского общества Красного Креста в Югославии (1924–1934). См. также публикацию А.В. Бакунцева в кн. 2.

491. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 27 августа 1937 г.*

№ 6.

27 авг. 1937.

Драгоценный мой, сегодня тебе письмо от Спиридовича¹, хочет поднести тебе книгу о Распутине². Он получил премию за свои труды от Академии наук в Париже³. Письма его я не пересылаю тебе. Извещу его, что ты в отъезде, когда вернешься, тогда известишь его. Он хочет лично поднести тебе свой труд.

Сегодня совсем холодно. Надо надевать шерстяной костюм, а ты все говорил, когда мне его носить! Август на редкость холодный. Вот уж, действительно, старожилы не запомнят. Сегодня отправлюсь в «П<оследние> н<овости>» за твоим гонораром⁴. Отправлю Гале деньги, закажу билет. Надеюсь попасть ко всенощной, завтра Успение и конец поста. Так я никогда в жизни не постилась, чувствую себя прекрасно. Действительно, Павлик⁵ прав: «всякий несъеденный кусочек полезнее съеденного...» Боюсь, как бы тебя не закормили. Будь осторожен. Много не пей. Смотри, как пьют и едят другие, это гораздо полезнее и интереснее.

Я не думаю, чтобы ты долго остался. Хотя помни, что мадемуазель⁶ приедет *не скоро*, ведь она только сегодня уезжает, а потому не спешит. Конечно, мы и без нее справимся, но все же ты не будешь так «суанье»⁷, как при ней.

Мне все-таки жалко, что ты так мало покупался, если, конечно, ты купался и на Лидо, и в Дубровнике. Почему тебе всегда скучно одному? Я вот не скучаю, у меня не хватает времени на все, что хотелось бы сделать. Я понимаю, что матери Фаины Ос<иповны> скучно, ей 86 лет, и она не может ни читать, ни работать... Но ведь ты, слава Богу, можешь и читать, и писать, и ходить. Да, я забыла, у нее болят еще ноги, и ей трудно двигаться еще...

Ляля пишет⁸: «Книга И<вана> А<лексеевича> замечательная. Только часто недоумеваешь, он ли писал? Почему он пишет одно — а в жизни, в разговоре — другой? Видит так много, а в жизни другой? Доволен ли он сейчас своим выездом? Как себя чувствует?» Она, конечно, все принимает всерьез, когда ты говоришь. Не чувствует порой шутки. И ты не понимаешь, с кем как говорить надо. И не знаешь, не чувствуешь, какое впечатление и сам производишь, и своими словами. В этом большая твоя беда. Ведь каждый человек по-своему воспринимает тебя. Есть люди, которые всем пишут одинаковые письма, таков был папа. А есть, которые чувствуют адресата и пишут каждому так, чтобы быть им услышанным. Так и в разговоре. У каждого свой слух, свое ухо и особый талант всегда через это ухо доходить до сердца. А если дойдешь до сердца, то человек уже тебя понял, а понял, значит в какой-то мере твой.

Мы все не умеем говорить с другим так, чтобы доходили наши слова до сердца. Происходит это от невнимания к другому человеку. Если быть внимательным к тому, с кем общаешься, по возможности любовно, то не так уже и трудно подобрать ключ к его сердцу. Но большинство людей совсем не интересуется

тем человеком, с кем ведет беседу, а думает только о себе, о том, что ему в данный момент кажется важным. Не представляет впечатления от своих слов. Возьмем пример Капитана⁹ и Лялю. Капитан так увлекался своими декламационными порицаниями ее, что совершенно не заметил того впечатления, какое они производили на нее, не заметил, что последнее время она их не слушала, стараясь не слышать, думая лишь о том, чтобы только сдерживаться, молчать... И ты не понимал Лялю, говоря мне, что я не должна ей говорить все прямо. А ей нужно именно говорить все прямо, но не ругать, а наоборот в ней поддерживать веру в себя. Я думаю, что последнее разумное, нормальное ее письмо есть результат моих писем, где я не высмеивала ее, не бранила, наоборот, сочувственно относилась к ее философским стремлениям, но исходя из них говорила, что думаю об ее жизни, ибо поняла, в чем тут дело. Она, например, извиняется в своей любви к Оле¹⁰: «Чувствую себя самкой, матерью, физически не могу, чтобы она была от меня оторвана. И не стыдно». Конечно, Капитан сдурно говорил, что она «самка», и высмеивал это. И пишет: «Работать необходимо. Готовлюсь к этому, как к прыжку в ледяную воду: знаете, предварительно озноб, напряжения всего существа — надо прыгать, необходимо, а страшно...»¹¹

Прости за «философию». Обнимаю нежно.

Оля Жирова.
Босолей, 1938 г.
(РАЛ)

Твой Рак-Отш<ельник>.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/162.

¹ Александр Иванович Спиридович (1873–1952) — генерал-майор жандармерии, историк, литератор, общественный деятель. В первом браке муж М.А. Спиридович. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Павловское военное училище. В 1903–1905 начальник Киевского жандармского управления, до 1916 служил начальником личной охраны императора Николая II, затем начальником гарнизона и градоначальником Ялты. С 1917 г. в эмиграции в Берлине, с 1922 г. в Париже. Один из лидеров Русской монархической партии, автор ряда книг. Далее В.Н. Бунина кратко пересказывает его письмо к Бунину от 23 августа 1937 г. (РАЛ. MS 1066/5276).

² *Spiridovich A. Raspoutine*, 1863–1916. Paris: Payot, 1935.

³ В 1937 г. А.И. Спиридович стал лауреатом премии Французской академии за труды, изданные на французском языке.

⁴ См. примеч. 5 к п. 486.

⁵ В.Н. Бунина вспоминает своего брата П.Н. Муромцева.

⁶ М.Е. Imbert.

⁷ От *фр.* *soigné* — опрятен.

⁸ Далее приводятся выдержки из письма Е.Н. Жировой к В.Н. Буниной от 16 августа 1937 г. (РАЛ. MS 1067/7680).

⁹ Н. Рошин.

¹⁰ О. Жирова.

¹¹ Ср. примеч. 11 к п. 489.

492. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Канны. 30 августа 1937 г.

Сейчас, говоря с тобой по телефону, забыл сказать, что не лучше ли все-таки дать ей¹ мою спальню? Подумай. Во всяком случае надо *непрерывно* завесить двери (стеклянные) из кабинета в столовую и *весь* шкаф в кабинете дать ей пустым.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/143. Почтовая открытка с фотографией здания отеля «Le Grand Hotel, Cannes»; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Cannes, 30.VIII.37». Дата и место установлены по почтовому штампе.

¹ Имеется в виду Г. Кузнецова.

493. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 30 августа 1937 г.

1937 г. 30 августа.

Дорогой мой, главное забыла тебе сказать: Жозеф прислал письмо¹, в котором сообщил, что ни на одном ящике нет имени «мадам Кузнецов». Я описала ему ящик Галин: самый белый и крупный. У него три ящика под номерами: 1, 2 и 8. Я написала, что по-моему, восьмой. И просила, если все эти три особенности совпадут, выслать его, то есть, если самый белый, большой и номер 8. Ответа от него нет, это дает мне надежду, что я не ошиблась. Но было бы лучше, если бы ты навел справки. Узнать, Галин ли ящик, очень легко, если приподнять верхние доски, сразу много книг Мориака, я тоже это сообщила Жозефу. Жозеф теперь служит на заводе. А потому может приехать или вечером, или в праздник. Ты мог бы попросить его позвонить по телефону и поговорить с ним. Может быть, ты привез бы с собой две провансальские желтые тарелки, они нам здесь очень пригодились бы. А может

быть, он отправил бы тебе и кресло? Кроме того, может быть, ты Логиновой², конечно, через Жозефа, продал бы диваны и шкапы? Подумай обо всем.

Галя приедет не раньше пятницы, она написала: «выезжаю второго, третьего».

Вчера у меня были с прощальным визитом Степуны, я пригласила и Цетлиных, но был только Михаил Осипович. Угощала и чаем, и кофеом со всякими булочками. Разговор был легкий. Потом мы вышли все вместе. Я должна была пойти к Лёнину хозяину. Он обещал Лёне комнату дать³. Дорогой тоже вели разговоры на всякие темы. Они не знали, что Галя приезжает. Ф<едор> Ав<густович> посоветовал сходить «на немецкую оперу с ней». Теперь ведь в Париже наступает немецкая неделя⁴. Но дорого там очень...

Цетлины завтра уезжают в Лондон. Вернутся в десятых числах октября. Шурочка⁵ в Америку не поехала. Третьего дня отбыла в Италию. Валя⁶ уехал тоже в Италию, но в горы вчера, оттого М<арья> С<амойловна> и не была.

Михельсоны завтра возвращаются из Вителя. Мать уже выходит на воздух, но все же за нее страшно. Она удивительная женщина, ни одной жалобы я от нее не слыхала. Я навещаю ее через день. Бываю и у матери Ельяшевич. Вчера она пригласила меня завтракать. Угощала пирожками. Ищет квартиру. Будет жить с бывшей женой Корчемного⁷.

У Верочки⁸, говорят, вид еще стал хуже. Повторится история с Ольгой Александровной⁹! Ей не под силу ухаживать за больной. Не понимаю Бориса, как он это не видит, а потом будет в отчаянии, не хуже Шмелева.

Сейчас звонила мне Кина¹⁰, к ней приехала сестра Кира¹¹, заболела — что-то женское, лежит. Просила зайти, я обещала сегодня.

От Петра Ал<ександровича> сегодня открытка¹². Он доволен, а Михайловы разболелись: пили воду и ели все, что попало. Уехали в Витель¹³. Там вода слабее. У Берты, которая в Спа¹⁴, заболела мать, и она вместо лечения ухаживает за ней.

Видел ли ты Валю¹⁵?

Из банка никакого письма не было. Я все деловые письма, их, правда, почти нет, кладу к тебе в твой ящик на столе, прислана лишь фактура на книги.

Мне кажется, что тебе будет уютно. Правда, немного тесно.

Я живу очень хорошо. Почти все время дома. Нигде не была. А говорят, последнее время в Х<удоженственном> т<еатре> можно было быть за пять франков. Степуны были пять раз, два раза на «<Любови> Яровой» и дважды на «Анне <Карениной>»¹⁶. А я не знала, что можно так дешево, так и не пошла.

Я кончила свое лечение и с завтрашнего дня начинаю новую, рабочую жизнь. Пост мой кончился еще в субботу, так что стала опять всеядное животное.

Прочла у Пушкина из письма к жене: «у меня все дни на одно лицо»¹⁷, мне очень нравится это выражение, у меня — тоже. Мне кажется, что ты будешь мочь работать и здесь. Уверяю тебя, если захочешь, никто не будет мешать. У меня даже Лоллий¹⁸ был всего раз, да придет сегодня читать продолжение своего произведения. Днем вообще можно никого не принимать, а спать ложиться половина первого, тогда вечером можно немного и поразвлекаться. Погода здесь прохладная.

Обнимаю, дорогой мой, и жду.

Твой К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/163.

¹ Письмо неизвестно.

² См. примеч. 9 к п. 393.

³ С 11 января 1937 г. Л. Зуров жил в общежитии Русского очага по адресу: 43, rue François Gérard, откуда уехал в экспедицию в июне, а по возвращении в конце сентября поселился уже в «комнатах для общежития» при Союзе русских сестер милосердия им. Ю. Вревской по адресу: 18, boulevard Flandrin, Paris XVIe (*Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж: Librairie des Cinq Continents, 1973. С. 47–48), где жил до мая 1940 г.

⁴ «Немецкая неделя» проходила в Париже в рамках Всемирной выставки. См. примеч. 4 к п. 487.

⁵ А.Н. Прегель (см. примеч. 3 к п. 212) уехала в Америку вместе со своим вторым мужем Б.Ю. Прегелем несколько позже, в 1940 г. См. примеч. 6 к п. 700.

⁶ В.М. Цетлин. См. примеч. 3 к п. 254.

⁷ В. Корчемный (наст. имя и фам. Вениамин Матвеевич Блюменфельд, 1884–1939) — литератор, журналист.

⁸ Речь идет о болезни В.А. Зайцевой.

⁹ См. примеч. 8 к п. 432.

¹⁰ Ксения Андреевна Шевалье-Шантепи (Chevallier-Chanterpie, урожд. Нилус, 1892–1955) — дочь С.П. Нилус, подруга В.Н. Буниной с дореволюционных времен. В эмиграции в начале 1920-х гг. жила с мужем, Пьером Шевалье-Шантепи, в Югославии, к концу 1920-х гг. переехала в Париж.

¹¹ Кира Андреевна Шапилиотова (урожд. Нилус) — дочь С.П. Нилус, в эмиграции до Второй мировой войны жила вместе с родителями в Белграде.

¹² Открытка (точнее, две открытки, продолжающие одна другую) П.А. Нилуса от 22 августа 1937 г. сохранилась: РАЛ. MS 1067/5649.

¹³ См. примеч. 12 к п. 487.

¹⁴ См. примеч. 17 и 18 к п. 432.

¹⁵ В.Л. Голубовская.

¹⁶ С 7 по 25 августа 1937 г. в Париже проходили гастроли МХАТа, приуроченные ко Всемирной выставке (см. примеч. 4 к п. 487). Первоначальный план директора театра М.П. Аркадьева включить в репертуар гастролей «Анну Каренину», «Бориса Годунову» и «Воскресение» был изменен постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), а сам директор М.П. Аркадьев снят с должности, затем арестован и расстрелян. По личному решению Сталина вместе с «Анной Карениной» в Париже были показаны спектакли по пьесам М. Горького «Враги» и К. Тренева «Любовь Яровая». В итоге горячее ожидание встречи со знакомой труппой обернулось для русских парижан разочарованием. О гастролях МХАТа писали в эмигрантских изданиях: *Ходасевич В.* Художественный театр. Вечер первый: «Враги» М. Горького. Второй вечер: «Любовь Яровая» К. Тренева // Возрождение. 1937. 13 августа. № 4091. С. 5; *Любимов Л.* Советский актер // Возрождение. 1937. 13 августа. № 4091. С. 5; *Ходасевич В.* Художественный театр. Третий вечер: Анна Каренина // Возрождение. 1937. 20 августа. № 4092. С. 9; *Л.Л.* Советские актеры о себе [о выступлениях советских актеров (Хмелев, Топорков, Леонидов) участников гастролей, в советской печати с оценкой прошедших спектаклей, также приведены слова В.И. Немировича-Данченко] // Возрождение. 1937. 20 августа. № 4092. С. 5; *Ходасевич В.* Послесловие [Ходасевич подводит грустные итоги гастролей] // Возрождение. 1937. 17 сентября. № 4096. С. 9; *Яблоновский С.* Московский Художественный Театр. К его гастролям в Париже. Горьковский или Чеховский? // Иллюстрированная Россия. 1937. 14 августа. № 34 (640).

¹⁷ В письме от 30 октября 1833 г. А.С. Пушкин рассказал жене о своем времяпровождении в Болдине, добавив: «Вот тебе мой день и все на одно лицо» (*Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 10. С. 148).

¹⁸ Л.И. Львов.

494. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 1 сентября 1937 г.

1 сентября 1937 года.

Дорогой Ян, я сейчас в большом смятении: в полдень пришли рабочие и сказали, что должны укрепить в наших окнах леса, так как нужно поправлять крышу, которая течет. Я сначала воспротивилась. Они позвонили их архитектору, который пришел с консьержкой и сказал, что я не имею права не пускать, так как это для общего блага. Консьержка держала его руку. Пришлось согласиться. Меня уверили, что только одна створка в твоей спальне не

будет открываться, а на деле оказалось, что с каждой стороны закрыто по две, так что сейчас свет проходит только посредине. Рабочий сказал, что он будет приходить каждое утро и ежедневно в пять часов вечера, чтобы снимать и надевать эти створки. В моей комнате окно совсем закрыто. Уверяют, что эти работы будут продолжаться только две недели. С восьми до двенадцати и с часу до пяти часов вечера. А я только что все устроила: повесила гардины на дверь из столовой в кабинет. Пришел ящик книг. (Пришлось заплатить 68 ф. 50 с. за проезд, это очень дорого, по-моему, и дать на чай 2 ф. 50 с.) Я расставила все книги для Гали, и вдруг такая напасть! Что теперь делать? Во-первых, оставайся как можно дольше в Каннах, если только тебе не очень это трудно. Во-вторых, напиши Секонез¹ письмо. Хорошо, если бы какой-нибудь адвокат тебе повстречался. Скажи, что ты лишен возможности работать, что я должна жечь целый день электричество. Что они были обязаны предупредить нас заранее, что в нашей квартире они отнимают у нас две комнаты, что если бы мы знали, мы именно уехали <бы> на сентябрь, что не пригласили бы в гости как раз на этот месяц, словом, нужно, по крайней мере, с них взять за убытки. Я думаю, что если ты приедешь, то тебе нужно будет сделать кабинет в столовой, а в твоей спальне обедать и завтракать. Тогда напиши, и я перетащу твой письменный стол в столовую, а Гале поставлю тот, который ты купил в прошлом году. Утренний кофе мы можем пить каждая у себя. Спать ты можешь в столовой. Это время мы все равно будем жить без мадемуазель², работать сами, а потому можно будет устроиться так, чтобы тебе не мешать. Помещать Галю в столовую или твою спальню тоже не очень удобно. Спать в столовой ей будет светло. Я ведь драпри с окна повесила на дверь, а в спальне днем будет сумрачно. Но, впрочем, как ты хочешь.

Вчера виделась со Ставровым, получила 300 франков. Угостила их мороженым. Это единственный раз за все время «я предалась эксцессам», как говорит П.Б. Струве. Они Каннами не довольны. Очень рады, что в Париже. Бедная Лида³ все еще в больнице, ей сделали ужасную операцию вторую, вырезали часть кишок. Она, говорят, совершенная зеленая тень. Ноги стали, как руки, не держат ее. На днях перевозят ее в гостиницу, а затем на юг. Кельберин⁴ проявил максимум забот, его жена⁵ тоже. И Лиду везут к их родственникам. Рана у нее до сих пор не зажила. Будут делать третью операцию, когда она окрепнет. Чтобы уговорить ее на вторую операцию, хирург просидел, уговаривая ее, всю ночь. А третья операция — пересаживание кожи с ноги на рану.

Унбегаун⁶, оказывается, еврейка. Она не звонила или звонила, когда меня не было дома, а может быть, узнала, что ты не в Париже.

Михельсоны вернулись, но Ал<ександр> М<ихайлович> еще куда-то едет.

Почему ты мне не напишешь ничего? Чем ты занят? Ведь я больше знаю о тебе от Струве⁷, чем от тебя самого.

Если ты купаешься, то покупайся, ведь глупо же истратить столько денег, а даже не искупаться раз двадцать. Если меньше, то никакого действия. Виделся ли ты с Жозефом? Я не знаю, посылать ли мне деньги ему для Фостера⁸ и ему на аперитив?

Вот все мои новости. От Гали сегодня открытка. Билет и деньги она получила. Выезжает, если все будет благополучно, завтра, значит, Бог даст, в пятницу, <в> семь часов утра приедет в Париж, половина восьмого на Оффенбах.

Обнимаю, целую.

Твой К.

Приехала Кира Нилус, лежит, у нее сильное кровотечение. Я была у нее, она у Кины⁹. М<ожет> б<ыть>, придется делать операцию. Видела Пьера¹⁰, как он постарел, подсох. У Кины дочь 19-ти лет.

У Нилус тоже загородили окна, выходящие во двор! А их нет никого в Париже. Ужасные хамы эти Сиконезы¹¹.

Я написала, что мы посылаем билет в подарок. Галя пишет: «за подарок сердечно благодарю вас обоих»¹².

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/164.

¹ См. примеч. 2 к п. 437.

² М.Е. Imbert, ¹⁸⁷³ Лидия Давыдовна Червинская (1906 или 1907–1988) — поэтесса. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Париже.

⁴ Лазарь Израилевич Кельберин (1907–1975) — литератор. В эмиграции жил в Германии, затем во Франции. Член Союза молодых поэтов и писателей, секретарь редакции журнала «Числа» (1930–1934). Первым браком был женат на Л.Д. Червинской (в 1930–1936), вторым на Н.В. Оболенской (всего был женат четыре раза).

⁵ Наталья Владимировна Кельберина (урожд. Оболенская, 1910–?) — общественный деятель, сотрудник объединения «Православное дело».

⁶ Елена Ивановна Унбегаун (урожд. Мансурова, 1902–1992) — общественный деятель, жена Б.Г. Унбегауна.

⁷ Возможно, В.Н. Бунина имеет в виду открытку, посланную ей П.Б. Струве из Белграда 26 августа 1937 г., в которой, в частности, говорилось: «Хотя теперь “мертвый сезон”, но Ив<ан> Ал<ксеевич> здесь нарасхват, и я думаю, что он днями, проведенными в Белграде, будет [очень?] доволен» (РАЛ. MS 1067/7044).

⁸ См. примеч. 1 к п. 379.

⁹ См. примеч. 10 к п. 493.

¹⁰ Пьер Шевалье-Шантепи (Chevallier-Chantepie) — муж Кины (Ксении Андреевны).

¹¹ См. примеч. 2 к п. 437.

¹² Письмо неизвестно.

495. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Канны. 1 сентября 1937 г.

Выехать трудно — уезжает миллион народу. Выеду, верно, послезавтра, но утром или вечером — еще не знаю. Целую.

Среда.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/144. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Cannes, 1.IX.37». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

496. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Канны. 2 сентября 1937 г.

2. IX. 37.

Не сердись, голубчик, что я не писал тебе — уж очень замотали меня в Сербии, да и тут мотают — «поклонниц» оказалось без числа, да и много я езжу повсюду. Много я видел хорошего на своем веку, а приехал сюда — ахнул: уж как знаю Cannes, а ахнул — мало таких мест на земле! И какая погода, какое море, какой Эстерель! Да и Grand Hôtel — чудо! В Сербии, в день моего отъезда из Белграда, было получено извещение от Двора Князя Регента Павла, что он желает меня видеть, что в Любляну будет за мной прислан королевский автомобиль, а я взял да сбежал из Любляны: — *утром* извещения от Двора (он сейчас под Любляной) еще не было, я и воспользовался этим. Получил бы Савву 1-ой степени, да Бог с ними, с орденами

ми¹.

Повторяю, тут очень, очень хорошо, да пора, пора домой. Верно, завтра вечером или послезавтра выеду. Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/145. Место установлено по содержанию.

¹ В письме к П.М. Бицилли от 3 января 1938 г. Бунин объяснял свой поступок по-другому: «Я в Сербии простудился, — было что-то небывалое для такой поры в Сербии — “лютые” холода и дожди, и я не совсем погиб, только благодаря “лютой” сливовице, но все-таки сбежал оттуда, с великим сожалением не воспользовавшись и другим приглашением — Его Высочества Князя Павла — заехать к нему в Блэду» (*Бунин–Бицилли*. С. 146–147). В середине сентября 1937 г. Бунин послал через В.Н. Штрандтмана кн. Павлу одну из своих книг (см. письмо Штрандтмана к Бунину от 12 сентября 1937 г. — РАЛ. MS 1066/5210) и получил благодарственное письмо от кн. Павла (РАЛ. MS 1066/4549).

497. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Канны. 3 сентября 1937 г.

ARRIVE DEMAIN MIDI

Перевод с французского:

Приезжаю завтра в полдень.

Публикуется по оригиналу: РАЛ. MS 1066А/146. Телеграмма: место, число и время отправления: «Cannes. 3. 12.50»; почт. шт.: «Paris, 3.9.37». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

498. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 6 апреля 1938 г.

6 апреля 1938 г.

Дорогой мой, вчера получила экспресс и открытку¹, за что целую.

Живем мы хорошо, дружно, но только уж очень скромно. Всё дорожает. На днях была Верочка², я спросила, сколько у них выходит в день, она сказала «25 фр.», а потом, подумав, «нет, больше, теперь 30 фр.», а мы рассчитывали по 13, — забыли, как некоторые, о прачке и о других мелочах. Нужно сознаться, что никто не ропщет, но ни вина, ни синема и в помине нет, а mademoiselle и я даю 20 фр., а вчера она истратила всего 15, но ведь она готовит только одно блюдо! Но, конечно, и за это нужно Бога благодарить.

Вчера Лёня распекал нас, что мы много тратим, а резинового мешка купить не можем: «Я вас на 4 франка накормлю, а вы три женщины»... Сейчас принес мешок для воды, побежал покупать себе завтрак и на этот раз на одного купил больше, чем на 4 франка, расщедрился, по-видимому, потому что приглашен к Гефтеру на обед, после которого будет чтение его нового романа³. Гефтер звонил к нему три раза!.. Звал и Галю, звала ее и жена его, но Галя, испугавшись романа, отказалась, кроме того, у нас есть билеты на духовный концерт под управлением Денисова в церкви где-то около Пасси⁴.

Когда мы кончали завтракать, пришла Алла⁵. Она пробудет у нас до шести часов, когда ей нужно будет ехать на Гар де л'Эст⁶.

Я сразу ушла и легла, издали доносился их веселый смех, радостные голоса.

И.А. Бунин.
Май 1934 г.
(РАЛ)

Теперь она читает у Гали, которая, убрав кухню с Лялей, пошла купить пышечек для чая.

Ляля⁷ сейчас учится на машинке. Хорошо, что Лишин⁸ написал ее матери⁹.

Мадемуазель¹⁰ бывает теперь только два часа в день, чем не очень довольна. Сегодня, однако, пришла в пять, гладит твоё бельё.

Я начала читать Лишина¹¹. Занимательно. Но главное мое чтение сейчас Серафим Саровский. Редкая книга¹².

Читаю я ещё «Записи свящ<енника> Ельчанинова»¹³. Между прочим: «Истинная любовь переживает как измену и грех против любимого человека всякое наслаждение, всякое сильное впечатление, *пережитое врозь*, всякое общение с другими людьми — даже принятие пищи, приготовленное чужими руками.

В любви — действительное, реальное слитие воедино; отсюда и эта боль всякого разделения, всякого небытия воедино».

Как это верно. Драма в большинстве случаев оттого, что один любит по-настоящему, а другой лишен дара любить и искренне не понимает сетования своего партнера. Впрочем, это старая песнь.

Только что вернулась с прогулки, — посадила Аллу на 30 номер, потом обошла Мюет¹⁴, уже совсем тепло. Хороша, свежа зелень на деревьях, цветут каштаны. Обнимаю нежно.

Твой.

Галя очень заботится обо мне. Вообще, она стала другим человеком. Видимо, страдает от твоей холодности. «Он Ляле пишет нежнее, чем мне», — это, конечно, между нами. Скучает без тебя. Мы с ней часто говорим очень сердечно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/165.

¹ Не сохранились. Этот период в жизни Бунина документирован плохо. Это письмо написано, очевидно, во время его отъезда из Парижа.

² В.А. Зайцева.

³ Роман вышел на следующий год отдельным изданием: *Гейфтер А. Игорь и Марина*: Роман. Брюссель: Петрополис, 1939.

⁴ Духовный концерт хора студентов Богословского института под управлением И.К. Денисова в пользу церкви и безработных рюэльского прихода состоялся 9 апреля 1938 г. в Cinéma-Casino (Place des Petits Champs, Rueil).

⁵ Алла Сергеевна Головина (урожд. баронесса Штейгер; во втором браке Gillès de Pélichy, 1909–1987) — поэт, прозаик. С 1920 г. в эмиграции в Турции, затем в Чехословакии, участница пражского «Скита поэтов», с 1935 г. в Париже.

⁶ Gare de l'Est — восточный вокзал Парижа.

⁷ Примерно с этого времени Е.Н. Жирова и ее дочь Оля жили у Буниных.

⁸ Федор Николаевич Лишин (1901–1979) — брат Е.Н. Жировой (урожд. Лишиной). С 1920 г. в эмиграции в Тунисе, с 1923 г. во Франции. Корабельный гардемарин, художник.

⁹ М.К. Лишина.

¹⁰ М.Е. Imbert.

¹¹ Вероятно, речь идет о книге: *Лишин М.М.* На Каспийском море. Год белой борьбы. Прага, 1938.

¹² См. примеч. 7 к п. 501.

¹³ *Ельчанинов А.В., свящ.* Записи / Предисл. Т. Е. [Т.В. Ельчаниновой]. Париж: YMCA-Press, 1935.

¹⁴ La Muette — станция метро возле Chaussée de la Muette, переходящей в rue de Passy, Paris XVIe.

499. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Эльбинг. 21 апреля 1938 г.*

21. IV. 38. 4 часа дня.

До Ковно ехать еще 6 часов¹. Пока все слава Богу. Позавтракал — на франки вышло почти 100 фр.! Всех целую. (А завтракал слабо. Пил только пиво. Оч<ень> хочу есть).

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/147. Почтовая открытка с фотографией замка и подписью: «Marienburg/Wpr. — Hochschloß mit Dansker»; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Elbing, 21.4.38». Место написания определено по почтовому штемпелю. Эльбинг находится через станцию от Мариенбурга по пути в Ковно.

¹ 20 апреля 1938 г. Бунин отправился в Прибалтику с серией литературных вечеров. Посетил Каунас, Ригу, Даугавпилс, Тарту и Таллин. Поездка продлилась три недели (до 12 мая) и подробно освещена в книге: *Бакунцев (2012)*. В.Н. Бунина все это время оставалась в Париже, вместе с ней в квартире Буниных жили Г.Н. Кузнецова, Е.Н. Жирова с дочерью Олей.

500. И.А. Бунин — В.Н. Буниной и другим*Каунас. 22 апреля 1938 г.*

1938 г. 22 апр.

Милые мои, как меня встретили, увидите из прилагаемых вырезок¹, русских, — литовских не посылаю², ничего не поймете, и я сам ничего не понимаю. Хорошая гостиница — и адские цены, маленький номер, без ванны, а стоит 80 фр<анцузских> франков, быть же мне здесь до четверга: читаю в воскресенье и в среду³. Спал мало, занавески прозрачные, и все утро поклонники и журналисты! Сейчас еду во дворец президента — расписываться. В 5 встреча с литовскими писателями.

Целую. Напишите мне сюда — Hôtel «Metropolis», Kaunas, *Lithuanie*.

Все здесь *очень* приветливы, все говорят по-русски. Номер мой полон цветами.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/148. На почтовой бумаге Hotel «Metropolis», Kaunas. Фирменный конверт отеля; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16. France», адрес отправителя: «Exp. Jean Bounine»; почт. шт.: «Kaunas, 23.IV. 38».

¹ Ссылки на многие публикации о пребывании Бунина в Каунасе, Риге и др. см.: *Бакунцев (2012)*.

² В фонде И.А. Бунина (ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 4) отложились две вырезки из каунасской газеты «Lietuvos Žinios»: № 88 от 21 апреля 1938 г. и № 90 от 23 апреля 1938 г. Первая вырезка представляет собой сообщение о приезде Бунина в Литву; вторая — заметка о Бунине и литовский перевод его рассказа «Солнечный удар».

³ О чтении в воскресенье, 24 апреля см. п. 503; о чтении в среду, 27 апреля — п. 505.

501. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 23, 24 апреля 1938 г.*

23 апреля 1938 года.

10/23 апреля 1907 года!

Вот, дорогой мой, ровно 31 год тому назад мы пустились в путь с тобой и... все едем. Едем по ухабам, перевалам, плывем по морям. Сколько лет еще будем вместе? Одному Богу ведомо. Дай Господи подольше!

И.А. Бунин (в центре).

Ковно, апрель 1938 г.

(РАЛ)

Вчера и за выносом Плащаницы на Петеле, где очень хорошо поют, и сегодня за обедней на гие Дагу я горячо молилась за тебя.

Сегодня в доме суета, все четыре женщины за работой, — Праздник¹ встретим, как подбаёт. Твой Лисененок² вчера все утро стирал, да как хорошо! С ним беда случилась. Исповедовалась, а причаститься не удалось: заболела.

Бедная Галя замучилась с перепиской³ и не говела. Бывала только лишь на вечерних службах. Вчера после всенощной — Погребение Христа, — мы у Этуали встретили Серовых. Галя передала ему 50 фр., он обрадовался так, что стало весело.

Стол пасхальный у нас хороший. Галя уже давно не встречала Пасхи по-людски, а она ведь очень любит все это. Купила красивые тюльпаны, Ляля⁴ тоже радуется. С нами будет разговляться Конюсы⁵ и Малинин⁶ и, конечно, Лёня.

Когда поезд твой ушел и мы помахали ему вдогонку, Галя поехала домой, а мы с Лялей в церковь, и я после всенощной исповедовалась, а на другой день причащалась. Мой духовник мне дал читать книгу Серафима Саровского житие в 600 стр<аниц>⁷.

Очень я счастлива, что была почти на всех службах Страстной недели. Какая это радость! Все больше и больше понимаю Кат<ерину> Мих<айловну>⁸, ее восхищение действительно несказанной красотой! Особенно я люблю наши доморощенные эмигрантские церковки, в которых всегда священник хорошо читает.

24 апреля.

Вчера не успела докончить. Были у заутрени на гие Faisanderie⁹. Церковь была очень красиво убрана цветами. Отец Виктор служил проникновенно. Сказал хорошо слово. Ведь все удручены этой непонятной высылкой¹⁰. Лёня видел Суворина Бориса¹¹. Он прикладывался к Плащанице. Вид ужасный — башмаки рваные. Целый день Лёня не мог успокоиться. Очень всех их жаль, и как раз перед Светлым Праздником.

Разговены у нас вышли на славу. Хорошая была атмосфера. Прежде всего выпили за тебя.

Когда первый раз запели «Христос Воскрес», я молилась за тебя. В церкви все были взволнованно-грустны, и Галя, и Ляля. Обнимаю со всей нежностью, ненаглядный мой.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/166.

¹ В 1938 г. Пасха приходилась на 24 апреля.

² Домашнее прозвище Е.Н. Жировой.

³ См. примеч. 3 к п. 486.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Профессор математики Борис Юльевич Конюс (1904–1988) и его жена Т.С. Конюс (урожд. Рахманинова).

⁶ Михаил Владимирович Малинин (1900–1977) — ученый-египтолог. С 1923 г. в эмиграции в Праге, с 1925 г. в Париже. Преподавал в Католическом институте, заведовал библиотекой по египтологии в Collège de France. Позже возглавлял кафедру демотики и коптской филологии в Школе высших знаний при Парижском университете. Зять Л.А. Каминской, муж Т.С. Малининой (см. примеч. 4 к п. 413).

⁷ По-видимому, речь о дореволюционном издании Русского Пантелеймонова монастыря: *Левитский Н.М.* Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. М.: тип. И. Ефимова, 1905. 648 с. Эмигрантские книги о Серафиме Саровском были значительно меньше по объему: *Ильин В.Н.* Преподобный Серафим Саровский. Paris: YMCA-Press, 1925. 216 с.; *Архиепископ Вениамин (Федченков)*. Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский. Париж, 1933. 342 с.

⁸ Е.М. Лопатина.

⁹ См. примеч. 7 к п. 459.

¹⁰ В апреле 1938 г. французские власти готовили закон о борьбе с нежелательными иностранцами, и это бурно обсуждалось на страницах эмигрантской печати (см. регулярные сообщения под рубрикой «Высылка русских эмигрантов» на первых полосах «Последних новостей», начиная с 22 апреля 1938 г.). 5 апреля 1938 г. министр внутренних дел Франции подписал указ о высылке первой партии из 20 иностранцев, занимавшихся политической деятельностью (среди них пятеро русских эмигрантов: Б.А. Суворин, генералы А.В. Туркул, П.А. Кусонский, П.Н. Шатилов, Б.П. Кочкин). Извещения о высылке они получили 20 апреля. За первым списком последовал еще один, уже на 200 имен. Более 180 из них действительно были высланы. Правая печать объясняла столь странный набор выслаемых русских давлением Кремля, к политике которого все выслаемые относились враждебно и при расследовании дела Е.К. Миллера печатно обвиняли советы в похищении.

¹¹ Борис Алексеевич Суворин (1879–1940) — журналист, издатель, мемуарист. Сын издателя А.С. Суворина. В 1911–1917 гг. издавал в Петрограде газеты «Новое время» и «Вечернее время». С 1920 г. в эмиграции в Париже, редактор газеты «Вечернее время» (1924–1925), соредaktor (совместно с А.И. Филипповым) газеты «Русское время» (1925–1929). В 1938 г. выслан из Франции, жил в Югославии.

502. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 25 апреля 1938 г.

25 апреля 1938.

Дорогой мой, твое письмо с вырезками получила только сегодня. Очень были рады, что все идет хорошо. Дай Бог, чтобы и следующие города так же встречали тебя, только умоляю, будь умерен во всем. Одна монахиня спрашивала Серафима Саровского о посте. А он сказал, что всегда нужно есть так, чтобы оставалось место для Духа Святого. Помни и ты это, тогда будешь здоров, а ведь это главное.

Сегодня была у обедни, но попала только к концу. Я думала, что будет панихида по Врангелю, так писали в газетах, но, оказывается, нельзя служить панихиду на второй день Праздника, и она перенесена на 8 мая¹.

Утром зашла Ида со своими внуками, девочкой и мальчиком, детьми погибшего в горах Кириного мужа². Они живут в доме, где наша аптека. Кира работает над текстами латинскими и греческими, получает пока полторы тысячи франков в месяц. Ида, видимо, за няньку. Кроме того, они имеют дохода 35 <тысяч> франков в год с капитала. Ида обещала зайти сегодня вечером. Мы ведь с ней не видались года три.

Был Капитан³, вид у него плохой. Он написал рассказ, в котором вывел Лялю⁴ не в очень лестных красках. О том, что Ляля у нас, он не знает, мы даже от Миши⁵ это скрываем. Так лучше. Рассказ этот посвящен новой его пассии⁶. Довольно безвкусно. Но ведь в горе, несчастях проявляется человек. Вероятно, он страдает, что Ляля не с ним, хотя я уверена, если бы она была с ним, то ничего путного из этого не вышло бы.

Сегодня Ляля пошла на место в первый раз. Место лектриссы, что из этого выйдет, сказать еще нельзя. Молю Бога, чтобы хоть немного она там да зарабатывала бы. Голос у нее приятный, так что слушать ее можно. Это у французов. Правда, сегодня не очень удачное начало, третий день болезни.

Лёня вчера был у Конюс, мы не пошли, очень были все уставшими.

Там были Шаляпины Борис Фед<орович> с Марьей Викентьевной⁷. Пока там совет и любовь. Борис понравился. Очень напоминает отца движениями, простой и жизнерадостный, любит русские словечки «переплюнуть» и тому под<обное>. Жаден, М<арья> В<икентьевна> смотрит на него снисходительно, с улыбочкой. От Конюс они пошли в кафе вместе с Малининым и сидели там до 2 часов ночи. Был у Конюс и Косой⁸, промолчал весь вечер, может быть, надеялся встретить Лисененка, а он не пришел... Она не послушалась меня и поехала к Олечке, а отец ее увез куда-то⁹. Довольно грубо, конечно, ведь он знает, что она всегда приезжает по воскресеньям. Главный Лялин недостаток, что она не умеет себя ставить так, чтобы ее уважали.

Звонил вчера Михайлов. Обещал зайти навестить нас.

На первый день у нас был Николай Карлович¹⁰. Вид у него не очень хороший, хотя он бодрится. В среду они пригласили нас с Галей к себе. У них будет Легра¹¹.

Все-таки я устала. Хотя сегодня днем спала. Только утром ходила на рю Фэзандери¹², пешком и туда, и обратно. Галя выходила гулять: она, бедная, все стучит на машинке, вот безрадостная работа, «в поте лица зарабатывает хлеб»¹³...

Мадемуазель¹⁴ придет работать к нам только в среду, пока едим все холодное. Хватит и на завтра, и даже и на послезавтра. Я наварила много студню, который имеет успех.

Зернов уехал сегодня на десять дней на восток: Нанси, Страсбург и другие города.

Валя¹⁵ вернулась, Петруша¹⁶ еще в природе, Берта¹⁷ с матерью.

Сегодня вечером Ставров придет к Гале, будет читать ей экспозе¹⁸. Вот писали, не гуляли!

Христос с тобой, мой драгоценный. Пиши.

Целую тебя со всей нежностью.

Твой К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/167.

¹ Панихиды к десятилетию со дня кончины П.Н. Врангеля были отслужены 8 мая 1938 г. в Александро-Невском кафедральном соборе на rue Daru и в походной церкви Общества галлиполийцев, см.: Памяти ген. П.Н. Врангеля // Последние новости. 1938. 8 мая. № 6251. С. 3.

² См. примеч. 10–12 к п. 406.

³ Н. Рошин.

⁴ Е.Н. Жирова

⁵ Вероятно, М.О. Цетлин.

⁶ О каком рассказе идет речь, неясно.

⁷ Сын Ф.И. Шаляпина, художник и скульптор Борис Федорович Шаляпин (1904–1979) и его жена.

⁸ Анатолий Евгеньевич Величковский (1901–1981).

⁹ Т.е. А.Е. Величковский надеялся увидеть Е.Н. Жирову, а та поехала к дочери, которую увез А.М. Жиров.

Встреча И.А. Бунина.
Ковно, апрель 1938 г.
(РАЛ)

¹⁰ Н.К. Кульман.

¹¹ Жюль Легра (Legras, 1866–1939) — французский германист и славист, профессор университетов в Дижоне, Бордо и Париже, автор книг «La littérature en Russie» (Paris: Armand Colin, 1929), «L'âme russe» (Paris: Flammarion, 1934) и др.

¹² Вероятно, на службу в Церковь преп. Сергия Радонежского при Обществе галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie).

¹³ См. примеч. 3 к п. 486.

¹⁴ М.Е. Imbert.

¹⁵ В.Л. Голубовская.

¹⁶ П.А. Нилус.

¹⁷ Б.С. Нилус.

¹⁸ От *фр.* *exposé* — проспект, краткое содержание произведения.

503. И.А. Бунин — В.Н. Буниной и другим

Каунас. 25 апреля 1938 г.

25. IV. 38

Христос воскрес, дорогие мои. Вчера читал, весь театр сверху донизу (а он большой) был полон, принимали отлично¹. После этого меня повез к себе на дачу Добужинский. Нынче обедал (тут обед в 2 ч.) тоже за городом, у русских². А позавчера меня возили в одно богатое имение (верст 10 от Ковно), литовское. Радушие и обилие всего великое. Вообще, таскают меня порядочно, осыпают хвалами *выше* всякой меры. В четверг надеюсь быть в Риге: *Hôtel de Rome, Riga, Latvija*. Жду туда писем. Целую крепко.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/149. Почтовая открытка Hotel «Metropolis»; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Kaunas, 25.4.38».

¹ Вечером 24 апреля 1938 г. Бунин выступал в зале Литовского государственного театра с чтением своих воспоминаний о Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, Ф.И. Шаляпине, М. Горьком, А.И. Куприне, А. Дункан. Репортер каунасской газеты писал: «Публики послушать большого писателя собралось много. Весь зал Государствен-

ного театра был наполнен. <...> Контакт с аудиторией был установлен сразу, и публика живо реагировала на каждую остроумную мысль писателя, на каждый выразительный образ. Писателю много аплодировали» (Р. К. [Комаров Р.] Как рассказывает Ив. Бунин // Эхо. 1938. 24 апреля. № 111. С. 4).

² «Весь следующий день Бунин провел за пределами литовской столицы. Поэты В. Креве, Л. Гира, П. Вайчюнас и присоединившийся к ним М.В. Добужинский повезли его на юг страны — в Дзукию, Мяркине, Пярлойте. На обратном пути заехали к настоятелю костела, ксендзу, знакомому В. Креве» (Бакунцев (2012). С. 51).

504. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 28 апреля 1938 г.

28 апреля.

Дорогой мой, получили твою открытку с адресом в Ригу¹. В Ковно не писали, — письма наши не успели бы попасть в твои руки до отъезда. На Р<oste> R<estante> я послала тебе два письма, писала и Галя. Ляля² собирается все...

Вчера я с Лёней была у Кульман, Галя так устала от своей работы, что не могла идти, а легла спать. Там были и Зайцевы, тебя целуют.

Мы все, а особенно почему-то Лёня, радуемся, как тебя встречают и провожают. Я беспокоюсь, чтобы тебя не закормили... Ешь только *самое* вкусное.

Вчера за электричество заплатила 445 fr.! Ужас что такое! Доедаем пасхальный стол. Вчера в первый раз пришла m-elle³, которая тебе шлет ses compliments chaleureux⁴, варила зеленые щи, мы доели с ними яйца, а сегодня будет из кости не то борщ, не то гороховый суп с сосисками.

Доктор нашел меня в нормальном состоянии, немного низко давление, 11,5. Нежно целую.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/168. Почтовая открытка Hotel «Metropolis»; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine. Hôtel de Rome, Riga, Latvija», адрес отправителя: «V. Bounine. 1 rue Jacques Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 28.IV.1938». Год и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. п. 503.

² Е.Н. Жирова.

³ М.Е. Imbert.

⁴ свои теплые приветствия (*фр.*).

505. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Каунас. 28 апреля 1938 г.

28. IV. 38, 1 час дня.

Дорогая моя, через час уезжаю в Ригу. *Замучен* чествованиями. Читал с большим успехом, 2 раза театр был полон¹, а я-то получил в сущности грош. Вообще, я оказался насчет гонорара вполне идиот². Читайте «Сегодня», все будете знать про меня³. Беспокоюсь за тебя и за всех вас — от вас ни строки. Пишите (*exprès*) — Hôtel de Rome, Riga, Latvija. Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/150. Почтовая открытка Hotel «Metropolis»; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Kaunas, 28.IV.38».

¹ Второй творческий вечер Бунина (под названием «О любви») состоялся 27 апреля 1938 г. в зале кинотеатра «Метрополитен» (ныне Каунасский государственный драматический театр). Бунин прочел четыре своих рассказа: «Прекраснейшая солнца», «Кавказ», «Ида», «Про обезьяну» (позже печатался под названием «Молодость и старость»). Отзывы о вечере появились не только в «Сегодня», но и в местных, каунасских газетах, например: *Р. К. [Комаров Р.] Иван Бунин о любви // Эхо. 1938. 28 апреля. № 114. С. 1; То же // Литовский вестник. 1938. 28 апреля. № 114. С. 1.*

² См. примеч. 7 к п. 506.

³ О визите Бунина в Прибалтику «Сегодня» начала писать еще с 8 апреля 1938 г., а после приезда писателя посвященные ему отчеты, статьи, заметки, стихи печатались в газете практически ежедневно.

506. И.А. Бунин — В.Н. Буниной и другим^[P] Рига. 28 апреля 1938 г.

28. IV. 38.

Милые мои, нынче в 9 ч. 30 м. вечера (по здешнему в 10 ч. 30 м., потому что на латвийской границе часы переводятся на час вперед) приехал в Ригу. На границе меня встретила редакция «Сегодня», — (Мильруд, Пильский и проч^{ие})¹, — а на вокзале русские и латвийцы, поднесли несколько букетов чудесных роз, с которыми я опять дурачки стоял перед фотоаппаратами. На границе меня не только не осматривали, но сказали (чиновники), что «счастливы» меня «видеть». Гостиница оказалась отличная², старинная и дешевая: прекрасный номер с собственным нужником и ванной всего 7½ лат, т.е. 35 фр^{анцузских} франков, да и вообще все *вдвое* дешевле Литвы. Всю дорогу сюда видел бедный, русский пейзаж — равнины, избы с соломенными крышами — убожество! Телеги, лошади *под дугой*... Гуси, аисты... Босые бабы...³

Несколько русских угощали меня сейчас ужином — внизу, в ресторане: лососина, икра, английская горькая водка... Потом я сидел в баре — музыка, танцы, парижские туалеты...

Сейчас 3 ч. ночи, ложусь спать. Завтра читать⁴, после чего банкет в мою честь⁵. В субботу тоже банкет — от редакции «Сегодня». Дальше опять какие-то банкеты. Нелегко!

В Ковно Боркон⁶ получал с моих вечеров *по 15 тысяч франков франц^{узских}*, а я — по 1 500 фр. Недурно? Ему 30 000 фр., а мне — 3 000⁷!

Целую, пишите мне, пожалуйста, поскорей. Беспokoюсь.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/151. На почтовой бумаге Hôtel de Rome, Riga. Фирменный конверт отеля; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France», адрес отправителя: «Ехр. J. Bounine»; почт. шт.: «Riga, 4.5.38». Возможно, это конверт от другого письма. Место установлено по содержанию.

¹ На границе в Мейтене Бунин встречали трое, так что в разряд «прочих» попал лишь один незнакомый ему ранее молодой журналист Анатолий Кузьмич Перов (1907–1977).

² Бунин поселили в гостиницу «Рим», считавшуюся одной из лучших в латвийской столице.

³ Ср.: «...Хорошие дни Бунин провел в Каунасе — доволен, как его принимали в Литве, рад новым знакомствам, приобретенным там, с удовольствием рассказывает о живописных окрестностях города и вдруг обрадованно говорит мне, смотря в вагонное окно: / — Батюшки, да у вас с паровоза искры летят, — вы топите дровами! / И я понимаю, что говорят его сердцу эти летящие искры, о чем напоминают ему, как дразнят его воображение, куда переносят его в эту минуту» (*Пильский П.* В вагоне с Буниным // *Сегодня.* 1938. 29 апреля. № 118. С. 5).

⁴ Вечером 29 апреля 1938 г. Бунин читал свои воспоминания о знаменитых современниках в зале Русского театра Риги. Отзывы о вечере были самые разнообразные, вплоть до взаимоисключающих, см.: *Бакунцев (2012).* С. 61–66.

⁵ Банкет был устроен прямо в фойе Русского театра.

⁶ Жюль (Юлий Ильич) Боркон (Jules Borkon, 1896–1968) — импресарио, театральный деятель, кинопродю-

И.А. Бунин (в центре).

Рига, 1938 г.

(РАЛ)

сер. Уроженец Латвии, с 1923 г. жил в Берлине, с 1931 г. в Париже. Организовывал концерты в зале Плейель, гастроли М.А. Чехова в Париже, турне по Европе И.А. Бунина, И.С. Шмелева, клоуна Грока, выступления Саши Гитри, Мориса Шевалье и др. В 1935 г. был содиректором (с Л.Д. Леонидовым) Пражской группы МХТ. В 1950-е гг. был продюсером десятка фильмов с участием Жана Габена, Марины Влади и др.

⁷ Спустя годы литовский писатель, член Академии наук Литовской ССР К. Корсакас вспоминал, что после второго вечера, в ходе беседы с молодыми литовскими литераторами «Бунин прямо пожаловался, что его антрепренер беспардонно надул его. По договору он согласился оплатить только проезд из Парижа в Таллин <...>, мотивируя это тем, что Каунас — маленький провинциальный городок, в котором совершенно отсутствует культурная жизнь, что здесь никто не интересуется литературой, а тем более каким-то нобелевским лауреатом, что, мол, на литературный вечер Бунина явится едва человек двести. Теперь он сам убедился, что это наглая ложь, просто-напросто торгашеское жульничество» (*Корсакас К. Бунин в Каунасе // Советская Литва (Вильнюс). 1963. Кн. 9. С. 71*). См. также письмо Тэффи к Бунину от 20 февраля 1939 г., где она называет, по-видимому, Боркона «эксплоататором» (*Бунин-Тэффи (I). С. 412–413*).

507. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Рига. 30 апреля 1938 г.

30. IV. 38.

Вчера получил на poste-restante 3 письма, — 2 твоих и одно Галино (а также записочку Лисиненка¹). Драгоценная моя, страшно тронут всем, что ты мне пишешь, целую тебя со всей моей неизменной за 31 год любовью. Вспоминал тебя 23-го с благодарностью за всю нашу жизнь с тобой. Да сохранит тебя Господь.

Твой навсегда.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/152. На почтовой бумаге Hôtel de Rome, Riga. Место установлено по содержанию. На обороте Бунин дважды написал: «Вере».

¹ Е.Н. Жирова.

508. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 30 апреля 1938 г.*

30 апреля 1938 г.

Дорогой мой, сейчас 11 ч. утра получили твой экспресс из Риги¹. А то было немного беспокойно. Наши письма ты, конечно, нашел на P<oste> R<estante>, да я думаю, и в отель уже пришли.

Что сказать про нас? Живем — «умеем тратиться, умеем и сожматься». Сейчас второе.

Вчера были в Клубе «Писателей и читателей»² — был скетч: З<инаида> Н<иколаевна>³, Кельберин, Мережковский, Лида⁴, Иван⁵, Зайкович⁶ — артисты. Разговор о «Событии» Сирина и Сирина. Георгий Иванов сказал хорошо — «физически он блестящ, а человечески бездарен». Физически только нужно понимать — внешне писательски. Мережковский Сирина сравнивал с тобой. Жалел первого и отдал первенство тебе, т.к. у Сирина разложение, а у тебя Любовь к Миру.

Со мной говорил Смоленский⁷: «Не знаете ли Вы, в чем дело?» Я сказала, что не знаю. «Я ничего не помню, что я сказал или сделал». «Вот и не нужно доводить себя до того, чтобы не помнить», — ответила я, но так и не сказала ему ничего. Не сказала я и Лёне, что именно он сказал, он уже допытывался у последнего, в чем дело? Хочет тебе писать⁸. Вот видишь, я была права относительно М<арка> А<лександровича>⁹. Он был, целовал руки Лиле¹⁰. Она просила тебе передать свой привет, радость, что ты пьешь «русскую водочку», ешь «русскую икру». Хмара не пел, а говорил речь. Советовал писать сатиры: «Мало юмора, все мосты, да еще зачем лампа горит, а мне хочется, чтобы свистнули»...

Сегодня гости: у Ляли¹¹ Косой¹², у меня Кира¹³, у Гали Ивановы¹⁴ и Кедровы-Вечор¹⁵.

Я достала 50 фр. на машинку для Ляли. Вчера принесли ей ее. Она большая. Из места лектриссы ничего не вышло. Боже, какая она копуша! Галя порой из себя выходит. Галя кончила свою каторжную работу «с большими слезами»¹⁶. Очень утомлена, последнюю неделю она болела и не имела времени прилечь. Едва вчера уговорили с нами пойти в Клуб.

Врангель¹⁷ принесла книгу¹⁸. Были у нас третьего дня с мужем¹⁹. Она молодец! Очень помолодела, ей нельзя дать ее лет, да и пятидесяти...

Жаль, что нельзя букеты роз переслать нам.

Очень обидно, что ты продешевил²⁰. Вероятно, жена Боркона²¹ живет лучше меня.

Все тебя целуют. Я обнимаю с большой нежностью.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/169.

¹ См. п. 506.

² 29 апреля 1938 г. состоялась «четвертая встреча» Клуба писателей и читателей (18, bd Flandrin, XVIe), «учрежденного по инициативе русских писателей для постоянного, живого и свободного общения писателей и читателей».

³ З.Н. Гиппиус.

⁴ Л.Д. Червинская.

⁵ Возможно, И.С. Шмелев.

⁶ Борис Григорьевич Закович (1907–1995) — поэт. В эмиграции с 1920 г. в Литве, с 1923 г. в Париже. Входил в Союз молодых поэтов и писателей и литературный кружок «Кочевье». Близкий друг Б. Поплавского.

⁷ Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961) — поэт, прозаик, мемуарист. Воевал в Добровольческой армии, в 1920 г. эвакуировался из Крыма. В эмиграции в Тунисе, затем в Париже. Входил в Союз молодых поэтов и писателей и в литературное объединение «Перекресток».

⁸ Среди писем В.А. Смоленского Бунину такого письма нет (РАЛ. MS 1066/5243–5247).

⁹ М.А. Алданов.

¹⁰ Лиля (Елизавета Николаевна) Кедрова (1910–2000) — актриса театра и кино. С 1923 г. в эмиграции в Париже, играла в составе «пражской труппы» МХТ, снималась в кино. Жена Г.М. Хмары (в первом браке).

¹¹ Е.Н. Жирова.

¹² А.Е. Величковский, ¹³ К.С. Грар.

¹⁴ Г.В. Иванов и И.В. Одоевцева.

¹⁵ Пианист, певец Николай Николаевич Кедров (младший) (1905–1981) и его жена, певица Наталия Николаевна Вечор (Вечор-Кедрова) (1902–1986).

¹⁶ См. примеч. 3 к п. 486.

¹⁷ Л.С. Врангель.

¹⁸ *Врангель Л.С.* Далекое прошлое. Paris: YMCA-Press, 1934.

¹⁹ Николай Александрович Врангель, барон (1887–1961) — инженер путей сообщения. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Югославии, с 1924 г. во Франции. Работал в фирмах Шнейдера и Вестингауза. Профессор Русского высшего технического института в Париже (с 1931). Директор Французского автотранспортного общества «Северная звезда» (с 1932). Член правления ряда эмигрантских обществ и объединений (Русской академической группы, Национального объединения русских дипломированных инженеров, Объединения русских инженеров во Франции, Общества инженеров путей сообщения и др.).

²⁰ Ответ на сетования Бунина в п. 506.

²¹ Милица Владимировна Боркон (урожд. де Фавицкая, 1898–1976).

509. И.А. Бунин — В.Н. Буниной и другим

Рига. 30 апреля 1938 г.

30. IV. 38.

Милые мои, вчера читал тут первый раз¹. Второй буду в понедельник². 4-го выезжаю на одно чтение в Двинск — буду читать, выйдя прямо из вагона (приеду туда в 7 вечера, а чтение в 8), 5-го вернусь в Ригу и, вероятно, тотчас же поеду в Юрьев, где должен читать 9-го (один раз). В Ревеле чтение назначено 11-го. Из Ревеля выеду 12-го и поеду прямо в Шавли³: там тоже буду читать, хотя этого в контракте не было, — это выйдет 8-ое чтение, добавочное (за 1 000 франков). Из Шавли выеду 13-го Nord Express⁴ и надеюсь быть 14-го, в 10 ч. 45 утра в Париже⁴. Бомбардируют письмами из Гельсингфорса — зовут туда. Но — не поеду⁵. Труднее *того* заработка — чтениями — кажется, *ничего нет*. Вагоны, отели, встречи, банкеты — и чтения — актерская игра, среди кулис, уходящих к чертовой матери вверх, откуда несет холодным сквозняком. Страшно боюсь захворать. А для кого мучусь? Для себя, для славы? Я к ней туп. Мучусь не для себя.

Вчера театр был, дай Бог не сглазить, опять переполнен. Опять были цветы, которые отдаю горничным, — они задыхаются от счастья. После чтения был банкет. Множество речей, — *искренно* восторженных и необыкновенных по неумеренности похвал: кажется, вполне убеждены, что я по крайней мере Шекспир⁶. Целую вас всех.

Город отличный, вполне европейский, Ковно перед ним — Курск. И все *вдвое* дешевле. На еду за всю дорогу почти ничего не тратю — угощают.

Сейчас (в 5 часов) придет ко мне дядя Зурова⁷. Видел его на вокзале — оч^{ень} приятный. Завтра увижу Лишина⁸ — тоже понравился.

Пильский держится *очень* хорошо, пьет умеренно.

Нынче ужин в мою честь в «Сегодня».

Завтра богатые люди везут меня в автомобиле на взморье.

Собирайте «Сегодня» и «Сегодня вечером».

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/153. На почтовой бумаге Hôtel de Rome, Riga.

¹ См. примеч. 4 к п. 506.

² 2 мая 1938 г. Бунин прочитал в зале Русского театра свои рассказы о любви: «Сын», «Кавказ», «Про обезьяну» («Молодость и старость»).

³ Старое название г. Шяуляя.

⁴ Расписание было выполнено почти полностью (чтение в Шяуляе не состоялось, и 12 мая 1938 г. Бунин выехал из Ревеля в Париж), см.: *Бакунцев (2012)*. С. 73–93.

⁵ Литовская печать писала, что Бунин не поехал в Гельсингфорс потому, что власти Финляндии проявили к нему «неброжелательность» и не дали согласия на его приезд» (*Бакунцев (2012)*. С. 38).

⁶ Подробнее об этом см.: *Бакунцев (2012)*. С. 66–68.

⁷ Иван Ульянович Зуров. См. примеч. 8 к п. 304.

⁸ Возможно, Ф.Н. Лишин.

510. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Рига. 2 мая 1938 г.

Позавчера у меня был дядя Зурова — прелестный, грустный, трогательный, бедный и такой опрятный. Ужасно ранил мне сердце — принес от своей жены¹ и от себя мне и Вере 2 полотенца в подарок — все, что мог, конечно, от нищеты своей. Я чуть не заплакал.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/154. На почтовой бумаге «Hôtel de Rome, Riga». Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 509.

¹ См. примеч. 8 к п. 304.

511. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 3 мая 1938 г.

1938 г. 3 мая.

Дорогой, бесценный мой, спасибо за твои строки относительно нашей жизни.

Решили послать тебе экспресс. Ты не сообщаяешь, будешь ли заходить на R<oste> R<estante> в Эстонии. Напишем в Ревель завтра.

Сегодня была заупокойная пасхальная обедня. Я была на ней, подала и за всех твоих кровных родных. Это очень радостная панихида, священник в светлой ризе и Христос Воскрес! На кануне лежит красное яичко.

Галя уже сообщила тебе о «Ил<юстрированной> Р<оссии>»¹. Я говорила с Гордоном². Он увильнул: «Я ничего не знаю, я болен, все зависит от Хатисова³»... В 4 ч. буду говорить с Хатисовым.

Дороговизна растет с каждым днем. Живем очень скромно, и не хватает. Ты, конечно, не считаешь, когда даешь mademoiselle. Помнишь маленькие суммы, а когда даешь 100 фран., забываешь об этом. Мы уже не пьем вина, — бедная Галя страдает, но смиренно мирится с этим недостатком. Ляля⁴ без тебя много лучше, работает по дому. Конечно, ей будет очень тяжело уезжать от нас. Был бы диван, я стала бы спать в столовой. Лёня бывает. Очень доволен, что дядя понравился, так и просиял.

Мы нигде почти не бываем, а у нас все же иногда гости.

Прелестна дочь Иды⁵. Она нас всех восхитила чистотой, умом и привлекательностью. Как достойно она несет свое горе! Тебе она понравится. Такой молодой женщины я еще не встречала.

В субботу Косой⁶ надул. Просил позволения быть сегодня вечером. Опять Лисененок⁷ будет приготавливать торт — вид богатый, а дешево.

Читаю с наслаждением и восхищением книгу о Св<ятом> Серафиме. Там есть и об «Аглае»⁸, хорошо ты передал пейзаж тех мест.

Храни тебя Христос.

Все тебя целуют. Я обнимаю нежно.

Твой К.

Mademoiselle так и сияет, когда о тебе я рассказываю, шлет «ses compliments».

Галя, видимо, скучает без тебя.

Лёня всегда бросается к «Сегодня», жадно читает о тебе. Возмущается, что только русские круги тебя чествуют⁹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/170. На конверте «Exprès» адрес получателя: «Monsieur Jean de Bounine. Post Restante. Tallinn. Esti. Esthonie» (адрес зачеркнут красным карандашом), адрес отправителя: «V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 3.5.38», «Tallinn, 12.V.38», «Retour à l'envoyeur», «Tallinn, 16.VII.38».

¹ Журнал откликнулся на кончину Ф.И. Шаляпина некрологическим блоком, открыв его фрагментом из воспоминаний Бунина: *Бунин И.* О Шаляпине // *Иллюстрированная Россия*. 1938. № 19 (677). 30 апреля. С. 3–4. Очевидно, данная публикация не была согласована с автором, в связи с чем и вызвала его резкую реакцию. См. п. 516.

² Борис Абрамович Гордон (1881–1952) — купец 1-й гильдии, издатель, по образованию инженер-технолог, директор и владелец крупных табачных фирм, директор Русского общества пароходства и торговли, директор печатного дела «А.М. Гордон с сыном», владелец газеты «Приазовский край» в Ростове-на-Дону. В эмиграции жил в Париже, в 1931 г. купил у М.Л. Миронова журнал «Иллюстрированная Россия», издавал его с книжными приложениями до начала Второй мировой войны.

³ Александр Ованнесович (Иванович) Хатисов (Хатисян) (1874–1945) — армянский политический и государственный деятель. Городской голова Тифлиса (1910–1917), министр финансов и продовольствия Закавказской республики (1918), с октября 1919 г. министр иностранных дел Республики Армения. С 1920 г. в эмиграции в Париже, заместитель председателя, затем председатель Армянской национальной делегации. Участвовал в работе армянских общественных организаций в Париже. Сотрудничал в журнале «Иллюстрированная Россия».

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ См. примеч. 11 и 12 к п. 406.

⁶ А.Е. Величковский.

⁷ Е.Н. Жирова.

⁸ Рассказ Бунина (1916).

⁹ Действительно, латышские писатели и журналисты проявили к Бунину гораздо меньше интереса, чем их литовские и эстонские коллеги (см.: *Бакунцев* (2012). С. 59–72).

512. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Рига. 3 мая 1938 г.

3. V. 38.

Милая моя, вчера читал тут во 2-ой раз. Прилагаю об этом вырезку¹. Что раньше делал «официально», тоже узнаешь из вырезок. А моя «домашняя» жизнь все-таки ужасна: каждую минуту телефон снизу, от портье, — все посетители и посетительницы (нередко с цветами); было несколько поэтесс, восторженно-трогательных, совсем не похожих на парижских, свежих всячески, хотя и с крашеными губами — у некоторых; одна была вчера

особенно прелестна, — уходя, вся зарделась, быстро стерла краску с губ и порывисто поцеловала меня, охватив за шею рукой². Да, это тебе не Париж: «Подумаешь, какой генерал!»

Нынче утром, среди звонков, успел написать вам только открытку — куда мне писать в Tartu. Говорят, что там лучший отель — Grand Hôtel. Так что пишите, если хотите, на Grand Hôtel.

Завтра еду в 4 ч. дня в Двинск. Приеду туда в 7 ч. вечера, — почти прямо к чтению (в 8 ч.). Из Двинска выеду на другой день (в четверг 5-го), переночую в Риге (уже инкогнито — сил моих больше нет!) и в пятницу 6-го выеду утром в Tartu, где буду в тот же день в 3 ч. дня. Повторяю: в Tartu читаю 9-го. А 10-го выеду в Tallinn, где читаю 11-го (теперь уже всюду по одному разу). Думаю, что 12-го выеду уже домой. Остановлюсь ли для добавочного чтения в Шавли, еще неизвестно. Но если и остановлюсь, то только на одну ночь, чтобы на другой день в 6 утра сесть в Nord-Express.

Сейчас обедал (вернее, завтракал) с Пильским, наедине. Пьет он умеренно, держит себя отлично, — деликатен, умен, остроумен. Замечательно рассказывал про Ивановых³. Она, оказывается, в 33 году бросила его — решила выйти замуж за другого, богатого рижанина, развелась с Ивановым, да не вышла, — не удалось, — и, как видите, опять живет с ним, но уже не законной женой. Остальное не решаюсь писать — расскажу при свидании.

Сейчас пишу окончательный отказ на приглашение приехать в Гельсингфорс⁴. В Печоры, конечно, тоже не поеду.

Целую тебя, Галло и Ивана Петровича⁵. Я Ив<ану> Петровичу вчера писал. А что Пека⁶?

Довольно серо и *очень* холодно. Горит лицо, лоб — боюсь, что простудили!

Вчера вечером получил твое письмо от 30-го. Хорошо сказал Иванов про Сирина⁷!

Скуп я стал ужасно! И до слез обидно: сколько и тут, и в Литве, и в Эстонии издано переводов моих книг, оказывается! И — ни копейки⁸!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/155. На почтовой бумаге Hôtel de Rome, Riga. Место установлено по содержанию.

¹ ТР. [Пильский П.М.] Второй вечер Ив.А. Бунина // Сегодня. 1938. 3 мая. № 122. С. 6.

² Возможно, имеется в виду Татьяна Данииловна Ратгауз (в замужестве — Клименко, 1909–1993), актриса и поэтесса, дочь поэта Д.М. Ратгауза (1868–1937), которого Бунин знал лично. Впрочем, судя по письму от 3 мая 1938 г. Т.Д. Ратгауз к Э.К. Чегринцевой (1904–1989), ее подруге и тоже поэтессе, а также по ее позднейшим воспоминаниям, встреча с писателем произвела на нее тягостное впечатление (см.: Бакунцев (2012). С. 64–66).

³ Речь о Г.В. Иванове и И.В. Одоевцевой.

⁴ См. примеч. 5 к п. 509.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Н. Рошин.

⁷ См. п. 508.

⁸ Это нашло отражение и в газетных публикациях: «Смешанные чувства вызвал у меня тот факт, что мои книги вышли не только в Латвии, но и в Литве, и, как я слышал, в Эстонии, на местных языках... К сожалению, никому из переводчиков моих произведений и издателей и в голову не пришло спросить у меня разрешения на перевод, не говоря уж о “забытом” — гонораре» ([Б. л.] I. Vučina atsauksme par Latviju // Zemgales Balss (Jelgava). 1938. 5 maijs. № 100. Lp. 3. Цит. по: Последнее свидание: Материалы о посещении И.А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 году / Сост. Ю.Д. Шумаков. Таллин, 1992. С. 112. Пер. С.А. Журавлева).

513. И.А. Бунин — В.Н. Буниной и другим*Рига. 4 мая 1938 г.*

4. V. 38.

Милые мои, сейчас (в 3 ч. 50 м.) еду в Двинск; приехав туда, прямо из вагона на сцену, а кончив чтение, почти тотчас же, ночью, опять в вагон — еду в Tartu, где должен быть завтра в третьем часу дня. В Tartu (Grand Hôtel — пишите туда) пробуду до 10-го. 10-го еду в Tallinn, там читаю 11-го, а 12-го выезжаю в Париж, где должен быть 14-го утром (в 10 ч. 45 м.).

(В Шавли не еду.)¹

Крепко всех целую, сохрани вас Бог.

Погода светлая и довольно холодная.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/156. На почтовой бумаге Hôtel de Rome, Riga. С этим письмом была послана иллюстрированная открытка с видом Риги и надписью Бунина на лицевой стороне: «Рига 4.V.38 Ив.Бунин». Это письмо с открыткой было послано в конверте, находящемся при письме от 28 апреля 1938 г.

¹ См. п. 509 и примеч. 3 и 4 к нему.**514. И.А. Бунин — В.Н. Буниной и другим***Тарту. 6 мая 1938 г.*

6. V. 1938.

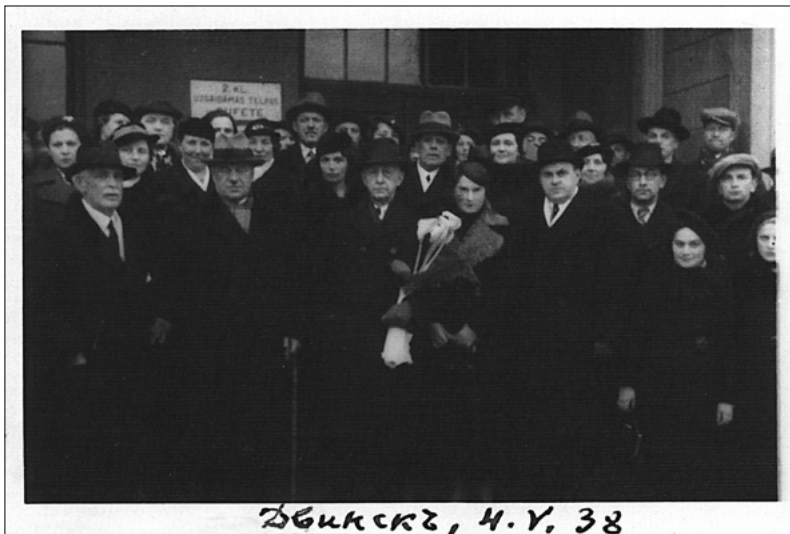
Дорогие мои, позавчера читал в Двинске¹ (по-теперешнему, по-латышски — Дау-гавпилс — совсем собачий брех); это такая глушь, что Ефремову впору, но театр новый, большой и публики было полным-полно, и принимали меня не только горячо, но даже с подношением цветов. После чтения был небольшой банкет² (на котором был священник, двоюродный брат³ Ладинского⁴ — Л^адинского, по его произношению), а после банкета я пошел прямо в поезд, в спальный вагон 3-го класса — иного класса нет, в 6 утра воротился в Ригу, проспав всего часа три, выпил на вокзале кофе и пересел в поезд, идущий в Тарту, ехал 7 часов, из которых спал еще часа три, так что явился сюда едва живой⁵, а тут опять всё, что полагается, — на вокзале всякие «представители», дамы с цветами и фотограф, потом они же и журналисты в гостинице, а вечером — посещение студенческого клуба⁶ (не пошел бы, была бы страшная обида). Теперь я, наконец, выспался, но сейчас опять были журналисты, «представители», потом поэтесса⁷, потом поэт⁸... Что я тут буду делать до отъезда (до вторника 10-го, ибо читаю только 9-го), и подумать страшно! Город довольно большой, но глушь великая — захолустный уездный город, [на холмах и в] мирный и тихий необыкновенно; очень, очень много деревянных домов типа петербургских дачных и таких же тощих, но довольно высоких деревьев, елок в палисадниках, и все это на пригорках и в оврагах. Вчера был на минуту у той поэтессы⁹, письмо которой послал вам из Риги, — живет с матерью и братом в таком нищем, труппном доме, что даже не во всякой слободе найдешь! А работает с утра до вечера и как весела!

Целую вас всех.

Ив.

Гостиница старая, уездная, у меня огромный номер с русскими горячими печками — их тут же и топят (торфом).

Ни ванны, ни горячей воды, служат горничные — ни слова по-русски, только по-немецки.

И.А. Бунин среди встречающих на вокзале.
Двинск, 4 мая 1938 г.
(РАЛ)

Дорого и здесь дьявольски: мой номер 8 крон, а крона стоит 8 франков! Рюмка водки — 70 центов, т.е. 5 фр. 60 с.! Ужас.

Всякая еда совсем *второсортная* — как всюду в этих краях: и в Литве, и в Латвии. Осел Зуров!

Бедность пейзажа — тоже как всюду — наводит тоску, скуку, небо создано для ворон. Серо, холодно, народ косолапый, морды белобрысые...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/157. На почтовой бумаге Grand-Hotell, Tartus.

¹ Творческий вечер Бунина под названием «О любви» состоялся в Даугавпилсе 4 мая 1938 г. в театре Дома единения.

² О вечере и банкете см.: А. [Формаков А.И.] Пребывание Ив.А. Бунина // Наш Даугавпилский голос. 1938. 6 мая. № 36. С. 2; АИФ. [Формаков А.И.] С И.А. Буниным: На чествовании И.А. Бунина // Наш Даугавпилский голос. 1938. 10 мая. № 37. С. 2.

³ Леонид Ладинский (1895–1978) — священник, митрофорный протоиерей, настоятель Александро-Невского собора в Даугавпилсе (с 1937). Во время войны директор самодеятельного театра (с 1942). В 1944 г. эвакуирован немецким командованием из Даугавпилса, работал в лагерях ди-пи в Германии, затем уехал в США, служил в юрисдикции Северо-Американской митрополии Русской Православной Церкви. Подробнее о нем см.: Гаврилин А. «Неизвестные» латвийские священники: о. Леонид Ладинский // Православие в Латвии: Исторические очерки. [Вып.] 9. Рига: Филокалия, 2011. С. 75–110.

⁴ См. примеч. 4 к п. 203.

⁵ Вероятно, по этой причине Бунин обошелся с встречавшими его на вокзале в Тарту «небрежно», что вызвало у них недоумение и обиду (см.: Шмидт В.В. Встречи в Тарту // ЛН. Т. 84. Кн. 2. С. 332).

⁶ Вечером 5 мая 1938 г. Бунин ненадолго заглянул в «конвент» Общества русских студентов Тартуского университета. Об этом визите и откликах на него см.: Бакунцев (2012). С. 78–79.

⁷ Возможно, имеется в виду Вера Владимировна Шмидт (1915–2000) — поэтесса, мемуаристка, педагог. В 1934–1941 гг. она училась на философском факультете Тартуского университета, позже, в 1945–1949 гг., там же преподавала, с 1949 г. работала школьной учительницей. С Буниным переписывалась в 1937–1944 гг. (ее письма Бунину см.: РАЛ. MS 1066/5191–5197). 5 мая 1938 г. Бунин вызвал ее запиской в ресторан «Kuld lōvi» («Золотой лев»), вечером провожал домой, на следующий день она читала ему свои стихи в «Гранд-отеле».

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ В.В. Шмидт.

515. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Тарту. 6 мая 1938 г.

6. V. 38. 7 ч. вечера (на самом деле — 5, потому что во Франции часы на час вперед, а потом нужно было перевести еще на час вперед — и так пошло везде). Распогодилось, много гулял по городу и настроился веселее, все показалось лучше. Город не уездный, а губернский, мощный булыжником, со многими старинными зданиями; на какой-то площади, — очевидно, главной, — старинный, низкий, с навесом на колоннах «гостинный двор», — магазины с разными весьма дешевыми товарами (говорю про вид, а не про цены). На прохожих много финских шапок. Меня тянут в Печоры — не поеду, будет холодно и утомительно от людей¹. Купил фитину² — у нас он стоит 14 фр., а здесь — 56! Сейчас звонила Карамзина³ (бывшая жена Ив. Дав. Гримма⁴), завтра приедет сюда, она живет где-то довольно далеко от Tartu⁵. Через час меня везут куда-то обедать.

Писем от вас нет уже давно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/158. Почтовая открытка; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Tartu, 6.V.1938». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Русская печать Эстонии по этому поводу писала следующее: «К сожалению, в Петсерский [от эст. Petseri — Печоры] край из-за недостатка времени в этот раз И<вану> А<лексеевичу> попасть не удастся» ([Б. н.] И.А. Бунин завтра приезжает в Таллин // Вести дня (Таллин). 1938. 9 мая. № 103. С. 1; [Б. н.] И.А. Бунин вчера приехал в Таллин // Русский вестник (Таллин). 1938. 11 мая. № 36. С. 2).

² Лекарственный препарат из жмыха, содержащий кальциево-магниевую соль фитиновой кислоты; употребляется для стимуляции кроветворения, улучшения костной ткани.

³ Мария Владимировна Карамзина (урожд. Максимова; по первому мужу Гримм, 1900–1942) — поэтесса, эссеистка. С 1920 г. в эмиграции в Праге, с 1927 г. в Тарту. Подробно о ней и ее взаимоотношениях с Буниным см.: Ковчег: Стихотворения, судьба, памятные встречи, письма И.А. Бунина к М.В. Карамзиной / Ред.-сост. Л. Глушковская. Таллинн: Эстонский культурный центр «Русская энциклопедия», 2008. См.: Письма <И.А. Бунина> к М.В. Карамзиной 1937–1940 / Предисл. и публ. А.К. Бабореко // ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 663–686. Письма М.В. Карамзиной к Бунину 1935–1940 гг. см.: РАЛ. MS 1066/3078–3125.

⁴ Иван Давыдович Гримм (1891–1971) — профессор, церковный и общественный деятель. Сын ректора Петербургского университета Д.Д. Гримма, участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1922 г. в эмиграции в Праге, с 1927 г. в Эстонии, преподавал в Тартуском университете.

⁵ М.В. Карамзина с семьей жила в шахтерском поселке Кивиыли (Kiviõli), на северо-востоке Эстонии, в 110 км от Тарту.

516. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Тарту. 7 мая 1938 г.

Нынче утром (7-го мая) послал Гале экспресс и открытки-экспрессы Струве и в «Ил<люстрированную> Р<оссию>». Я взбешен этими ворами донельзя¹ — я им покажу кузькину мать! Вчера ужинал у внука Булгарина² (барона Брамбеуса³) — богатая и прекрасная квартира, полная всякой старины⁴ (Булгарины — здешние, имели под Тарту знаменитый замок «Карлово»). Нынче много ходил по городу — погода чудесная и город уж совсем не такой,

как мне показался. Был на большом базаре — видел всё, что видел 20 л<ет> тому назад, — телеги, солома, мужики, бабы — и смотрел на всё на это *без всяких* чувств — точно вчера видел⁵. Стригся — тут стригут девицы! Целую. Нынче вечером у меня Карамзина⁶. 4 ч. дня. Франк летит вниз⁷ — я получаю за чтения все меньше, меньше — гроши.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/159. Почтовая открытка; адрес получателя: «M-me Bouinine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Tartu, 7.V.1938». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 1 к п. 511.

² Вячеслав Болеславович Булгарин (1881–1941) — общественный деятель, участник Белого движения, председатель Русского благотворительного общества в Тарту, тартуского отделения общества «Белый крест», член правления Русского общественного собрания в Тарту, внук Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859), унаследовал в Тарту фамильное имение Карлово.

³ Здесь Бунин ошибочно приписывает Ф.В. Булгарину псевдоним Барон Брамбеус, им подписывался Осип Иванович Сенковский (1800–1858).

⁴ По свидетельству современников, Бунин за ужином держался холодно, но оживился, когда В.Б. Булгарин показал ему свою коллекцию книг, журналов и альманахов пушкинской эпохи, см.: *Шумаков Ю.* Звезда над Прибалтикой // Последнее свидание: Материалы о посещении И.А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 году / Сост. Ю.Д. Шумаков. Таллин, 1992. С. 28.

⁵ В.В. Шмидт в своих воспоминаниях приводит разговор с Буниным об «извозчике с дугой», которого писатель заметил на одной из тартуских улиц. В конце этого разговора Бунин, по словам мемуаристки, сказал: «...извозчика с дугой я только в России видел. Давно». «Сказал не мне, а самому себе. А у меня сердце сжалось — не от жалости, а от какого-то другого, более пронзительного чувства» (*Шмидт В.В.* Встречи в Тарту // *ЛН.* Т. 84. Кн. 2. С. 333).

⁶ 7 мая 1938 г. М.В. Карамзина приходила к Бунину в отель читать свои стихи. В другие дни пребывания Бунина в Тарту они также виделись — на встречах и приемах.

⁷ Весной 1938 г. правительство Народного фронта, озабоченное оттоком капиталов за рубеж, решилось на очередную девальвацию франка. 4 мая совет министров Франции принял постановление о девальвации и последующей стабилизации своей валюты, на что парижская биржа «ответила, естественно, понижением курса франка» (Борьба за франк: После девальвации // Последние новости. 1938. 6 мая. № 6249. С. 1). К концу 1938 г. курс франка упал более чем на 60% по сравнению с его золотым паритетом 1929 г.

517. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Тарту. 8 мая 1938 г.

8 мая 1938.

Милая, дорогая, вчера, получив твое, Галино и Лялино¹ письма, послал Гале *exprès*. Теперь прошу и тебя о том же — насчет Гордона: поговори с его дочерью Милей², скажи, что она должна, во избежание крупного скандала, сказать отцу немедленно дослать тебе те 200 фр., которые не доданы «Ил<люстрированной> Россией» Гале³. Я так взбешен, так оскорблен дерзостью Гордона одурачить, обмануть меня, что действительно очень крупный скандал сделаю: обращусь и в Союз писателей, и в Государств<енный> суд и разошлю многим лицам, причастным к обществ<енным> и литературн<ым> кругам в Париже, письма, в которых буду называть Гордона вором, мошенником. Сейчас пишу Зеелеру. Пусть Миля постарается замять дело мирно. Кстати: помнишь, как этот негодяй хотел обокрасть Зурова⁴?

У меня посетитель за посетителем — поэтому кончаю. Да и пока нечего писать — я вам очень много писал.

Прилагаю вырезки⁵. Все шлю тебе их, дабы не везти с собой — боюсь, чтобы не было неприятностей в дороге по Германии — там не любят газет.

Крепко целую, храни тебя Господь.
 Сейчас опять еду — на чай — к Булгарину.
 Вчера ужинал у Мих. Анат. Курчинского⁶.
 Нынче опять оч^{чень} холодно, тучи и ветер.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/160. На бланке гостиницы Grand-Hotell, Tartus. Место установлено по содержанию.

¹ Е.Н. Жирова.

² Возможно, имеется в виду Елена Борисовна Гордон (1909–1988) — журналист; дочь Б.А. Гордона.

³ См. примеч. 1 к п. 511.

⁴ О чем конкретно идет речь, неясно; возможно, имеется в виду публикация: Пещеры / Очерк и фотографии Л. Зурова // Иллюстрированная Россия. 1936. 23 июля. № 31 (585). С. 12–13, 21.

⁵ В фонде Бунина (ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 4) отложилось 16 вырезок из эстонских газет: «Uus Eesti», «Maa Nääl», «Päevaleht», «Rahvaleht», «Uudisleht», «Rahva sõna», «Revalsche Zeitung». Все они издавались в Таллине. О пребывании Бунина в Эстонии писали также газеты «Deutsche Zeitung» (Tartu), «Postimees» (Tartu), «Esmaspäev» (Tallinn), «The Baltic Times» (Tallinn), «Сегодня», «Вести дня» (Таллин), «Русский вестник» (Таллин), «Старый Нарвский листок» (Нарва).

⁶ Михаил Анатольевич Курчинский (1876–1939) — юрист, общественно-политический деятель. Профессор Юрьевского университета (с 1915), затем преподаватель Петербургского университета и Александровского лицея, в 1921 г. вернулся в Тарту, основал Экономическо-статистический кабинет (в 1922), член Русской академической группы в Эстонии. Один из крупнейших в мире специалистов по юридическим проблемам национальных меньшинств и культурной автономии. В 1926–1929 и 1936–1938 гг. депутат эстонского парламента. В 1939 г. Бунин прислал чете Курчинских экземпляр французского перевода своей книги «Освобождение Толстого» (*Bouvine I. La Délivrance de Tolstoï / Traduit du russe par M. Slonim. Paris: Gallimard, s. d.*) с дарственной надписью: «Любови Александровне и Михаилу Анатольевичу Курчинским сердечно Ив. Бунин. 1.V.39 Paris» (личный архив ординарного профессора Тартуского университета Л.Н. Киселевой).

518. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Тарту. 8 мая 1938 г.

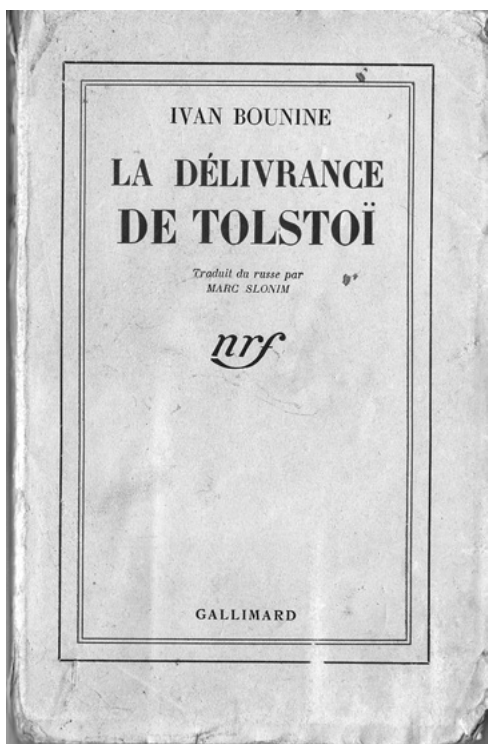
8. V. 38. 9 ч. вечера.

Нынче у меня первый вечер в одиночестве. Сижу в ресторане «Золотой лев»¹, ел тетерку с брусничкой, пью черное кофе (с лимоном — как принято здесь) — и мне очень грустно (как, впрочем, всегда).

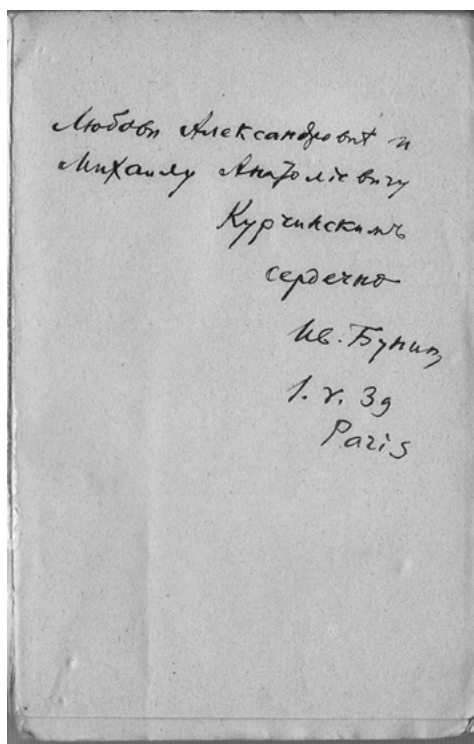
На обороте — ратуша.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/161. Почтовая открытка с цветной фотографией ратуши; адрес получателя: «M-me Bouvine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Tartu, 8.5.38».

¹ См. примеч. 7 к п. 514.

Обложка книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» на французском языке (Paris: Gallimard, 1939).
Личный архив Л.Н. Киселевой. Тарту

Дарственная надпись И.А. Бунина Л.А. и М.А. Курчинским на книге «Освобождение Толстого» (Paris: Gallimard, 1939):
«Любови Александровне и Михаилу Анатольевичу Курчинским сердечно Ив. Бунин, 1. V. 39. Paris».
Личный архив Л.Н. Киселевой. Тарту.

519. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 8 мая 1938 г.

8 мая
10 ч. в.

Дорогой Ян, сейчас антракт концерта Фуртвенглера¹, слушаем его, увы, по радио. Только что исполнили сюиту Равеля «Дафнис и Хлоя»², сильное влияние русской музыки Мусоргского и других. Приятно было слушать и сознавать, что влияние на французов не только Толстоевского, но и Кучкистов³.

Весь день я провела дома. Утром только ходила к обедне.

Вчера с Галей были у Иды⁴, где продали книгу для Ляли⁵ за 100 фр., причем я и не предлагала ее. Кира⁶ просто растрогалась Лялиной судьбой и дала такую сумму. Лёня обещает продать ее у Конюс.

Галя с Лоллием⁷ ездили в Аньер к Туроверову⁸, но он спал непробудным сном.

Целую нежно.

Твой

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/171 Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Jean de Bounine. Post Restante. Tallinn. Esti. Esthonic» (адрес зачеркнут красным карандашом), адрес отправителя: «V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 9 mai 38», «Tallinn, 16.VII.38», «Retour à l'envoyeur» (возвращение отправителю — *фр.*). Год и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Вильгельм Фуртвенглер (Furtwängler, 1886–1954) — немецкий дирижер и композитор.

² В 1909 г. С.П. Дягилев заказал Морису Равелю (Ravel, 1875–1937) музыку к балету на античный сюжет по либретто, написанному хореографом Михаилом Михайловичем Фокиным (1880–1942) на основе романа Лонга «Дафнис и Хлоя».

³ Имеются в виду русские композиторы, входившие в творческое содружество «Могучая кучка»: М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков, Ц.А. Кюи.

⁴ И.З. Александрова.

⁵ Е.Н. Жирова.

⁶ К.С. Грар.

⁷ Л.И. Львов.

⁸ Николай Николаевич Туроверов (1899–1972) — поэт, историк казачества, общественный деятель. Участник Первой мировой войны и Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Болгарии, затем в Сербии, с середины 1920-х гг. в Париже, служил в банке «DIAС». Основатель и хранитель (с 1930) музея Объединения лейб-гвардии Атаманского казачьего полка в Аньер-сюр-Сен.

520. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 9 мая 1938 г.

9 мая 1938.

9 ч. 40 м.

Дорогой мой, в доме еще тихо. Встала только я. Почта принесла твои два письма, — одно из них открытка¹. Вероятно, ты уже получил наши письма, мы все писали в Tartu и в Grand Hotel, и на P<oste> R<estante>.

Жаль, что не поехал в Печерск, — это все же настоящая Россия, бывшая Псковская губерния, там и типы славянские, а Tartu ведь всегда был нерусским городом².

11 часов утра.

Нас удивляет, что ты давно не имеешь от нас вестей. Все мы много раз писали тебе, все три.

Сейчас иду к Тате³, у меня обломался зуб, необходима коронка, иначе через несколько месяцев он погибнет. Не знаю, что делать? Коронка стоит теперь 250 фр.

Лёня вчера сказал со слов Струве⁴, что будто «Ил<люстрированная> P<оссия>» дошел 200 фр., но пока ничего не получили⁵.

Завтракаю у Шик⁶ для Крыжановской⁷. Взяла всего два билета. Потом поеду к Поляк⁸. Может быть, и ему всучу. А затем Лоллий⁹. Ему я уже продала у Черняка¹⁰, послала и Едвабникам¹¹. Madame¹² прислала мне вырезки о твоих выступлениях, — это очень мило.

Погода ясная, но с холодком.

Все мы целуем тебя.

Лёня возмущен на латышей, рвет и мечет¹³.

Да хранит тебя Бог!

Твой К.

Лисененок¹⁴ опять в заботах, где найти нору.

¹ См. пп. 514 и 515.

² Примерно в том же ключе М.В. Карамзина писала Бунину 17 сентября 1938 г.: «Мне жаль, что вы не побывали в Печорах. Я была там теперь в первый раз, монастырей в России видела много, но впечатление от Печор большое...» (*ЛН*. Т. 84. Кн. 1. С. 673).

³ Т.С. Малинина.

⁴ М.А. Струве в 1938 г. был сотрудником и одним из редакторов «Иллюстрированной России».

⁵ См. примеч. 1 к п. 511.

⁶ См. примеч. 16 к п. 226.

⁷ 13 мая 1938 г. М.А. Крыжановская устраивала в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe) «литературно-драматический вечер» с участием Е. Кедровой, Г. Хмары и других артистов. См. газетный отчет: *К. П-ов*. Вечер М.А. Крыжановской // *Последние новости*. 1938. 21 мая. № 6264. С. 5.

⁸ Соломон Григорьевич Поляк (1859–?) — врач, общественный деятель. До революции совладелец паровозно-торгового товарищества «Г.А. Поляк и сыновья» в Нижнем Новгороде. С 1920 г. в эмиграции в Берлине, с 1924 г. в Париже, занимался врачебной практикой.

⁹ Вечер Л.И. Львова с участием Женни Цвибак, Михаила Бенуа, Лили Метцль и ученицы балетной студии В.А. Трефиловой был устроен 19 мая 1938 г. в Международном архиве танца (Archives Internationales de la Danse, 6, rue Vital, Paris XVIe).

¹⁰ Предприниматель Иона Кронидович Черняк (1897–1966) и его жена Евгения Николаевна (урожд. Шелехова, 1898–1960).

¹¹ Юлия Арнольдовна Едвабник — общественный деятель, благотворитель. Жила в Риге, затем в США.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ См. примеч. 9 к п. 511.

¹⁴ Е.Н. Жирова.

521. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Тарту. 9 мая 1938 г.

9. V. 38. 11½ вечера.

Нынче читал — слава Богу, опять полный зал, оч^{ень} горячий прием, овации, цветы — и даже подношение — нечто серебряное¹. Днем эстонск^{ие} писатели чествовали меня обедом (по-нашему завтраком)². После чтения хотели русские и эстонцы чествовать ужином. Я уклонился с страшной любезностью, один ушел в ресторан. Сколько уже сидел за последние годы один, под музыку, по вечерам и ночам в чужих странах! И все меня считают счастливейшим! Та, — 37 лет, — муж которой учился с твоими братьями³, редкая по прелести, уму и поэтичности женщина*. Нынче пришла ко мне за кулисы — лицо горит, на глазах слезы, взяла мою руку, прижала к груди⁴... Да, есть все-таки женщины! От вас — ни звука, что значит? Я писал без конца, беспокоюсь. Завтра еду в Таллин. Всех целую.

Билеты до Парижа взяты.

* Я виделся с ней и позавчера, и вчера, и нынче.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/162. Почтовая открытка с цветной фотографией ратуши; адрес получателя: «Madame V. Bunine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Tartu, 10.V.38».

¹ 9 мая 1938 г. Бунин читал в театре «Ванемуйне» свои воспоминания о Ф.И. Шаляпине и Л.Н. Толстом, а во втором отделении рассказы «Кавказ» и «Про обезьяну». На память о Тарту ему подарили серебряный блокнот. См.: *Шмидт В.В.* Встречи в Тарту // *ЛН*. Т. 84. Кн. 2. С. 337–338.

² На этом обеде Бунин был представлен классику эстонской литературы А.-Х. Таммсааре (1878–1940) (см.: *Бакунцев* (2012). С. 83–84). Это событие нашло отражение в печати Эстонии (см.: [Б. н.] А.Н. Tammsaare tutvus Nobeli laureaadi I. Buniniga // *Päevaleht* (Tallinn). 1938. 10 mai. № 126. L. 5; [Б. н.] А.Н. Tammsaare lahkus Tartust //

Uus Eesti (Tallinn). 1938. 10 mai. № 128. L. 4; [Б. н.] Lokales // Deutsche Zeitung (Tartu). 1938. 11 Mai. № 105. S. 3; [Б. н.] Vene suurkirjanik I. Bunin // Rahva sõna (Tallinn). 1938. 13 mai. № 18. L. 1), а также в исследовательской и мемуарной литературе (см.: Шумаков Ю. Звезда над Прибалтикой. С. 29; Бакунцев (2012). С. 83–84; Sibul A. A.H. Tammsaare ise sõidust Tartusse ja I. Buninist // Keel ja Kirjandus (Tallinn). 1973. № 12. Lk. 753).

³ Второй муж М.В. Карамзиной Василий Александрович Карамзин (1885–1941) учился в Московской 5-й гимназии вместе с братьями В.Н. Буниной Всеволодом и Дмитрием Николаевичами.

⁴ После выступления М.В. Карамзина пришла к Бунину за кулисы вместе с другими поклонниками. Тремя неделями позже, в письме от 28 мая 1938 г. Бунин посетовал: «Как это удивительно, что мы больше никогда, может быть, не увидимся! Да и в те дни как мало я видел вас! Почему, например, не побыли мы с вами хоть полчаса после моего чтения, после того, как вы зашли ко мне за кулисы? (Никогда не забуду всего того очарования, которым вы были полны в ту минуту.)» (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 667).

522. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Ницца. 4 июля 1938 г.

4. VII. 38.

Вчера¹, дорогая моя, послал тебе ночью телеграмму².

Поскорее напиши мне.

Нынче был у Зайцевых³ и видел квартиру, которую нам предлагают. В некоторых отношениях *очень* хороша и по цене *редкая*. Есть совершенно всё, что нужно — и белье, и посуда, и т.д. Эти 100 ступенек надо брать, если идешь от Зайцевых. А если нет — обыкновенная улица, немного пологая, чистая и пустынная. Вид чудесный. Но беда та, что довольно далеко от центра города и *совсем* далеко от купанья.

Сейчас был в агентстве здесь, в Ницце: ни *одной* дачи в Симье! Предлагают квартиры в городе — тысячи по 2 в месяц! И всего 4 комнатки. Alors — в задницу Ниццу.

Завтра еду в Cannes.

Целую тебя и всех твоих дам.

Пиши немедленно — *poste restante, Poste Centrale, Nice*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/163. На почтовой бумаге Hôtel Continental, Nice. Место установлено по содержанию.

¹ 3 июля 1938 г. Бунин уехал из Парижа на юг в поисках замены «Бельведеру». Только в начале августа ему удалось с помощью Н.Б. Соллогуб снять квартиру на вилле «Доминант» с садиком в Босолее (Villa La Dominante, Beausoleil), рядом с Монте-Карло, и тогда он вернулся в Париж, где оставались В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова, М.А. Степун и Е.Н. и О. Жировы. В Босолее Бунины (когда вместе, когда по очереди уезжая в Париж) жили с конца августа 1938 г. до мая 1939 г., но продолжали искать более удобное жилье, на несколько месяцев возвращались в «Бельведер», пока не сняли 17 сентября 1939 г. виллу «Жаннетт» («Jeannette») в Грассе.

² Не сохранилась.

³ Н.Б. и А.В. Соллогубы снимали жилье в Монте-Карло по адресу: 22, rue Bellevue, Monte Carlo, Monaco.

523. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Ницца. 4 июля 1938 г.

Послал тебе в 6 ч. вечера exprès. Сейчас обедаю в старой Ницце (Marché aux Fleurs) «Chez Joseph»¹. Нечто изумительное! В кухне работают повара негры. Все стены увешаны портретами знаменитостей с надписями хозяину.

4. VII. 38.

<На обороте возле портрета:> *Хозяин* — сам Joseph².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/164. Почтовая открытка с рекламой заведения и фотографией хозяйина; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Nice, 5.VII.1938», «Paris, 6.VII.1938».

¹ «У Жозефа».

² Более подробно об этом Бунин рассказал в письме М.В. Карамзиной, написанном на карточке ресторана с портретом хозяйина: «Сейчас вечер 5 июля, я сижу в грязном и чудесном ресторанчике для простолюдинов старой Ниццы — и для снобов из парижской артистической богемы. <...> Запах чеснока и жареной на оливковом масле рыбы. В кухне работают два негра. Все просто и чудесно-свободно. Все время гремит радио — испанские песни с кастаньетами. Это очень к месту — очень много тут Испании, Италии — и того особенного, что есть старая Ницца. Я ел ravioli (итальянские пельмени) и жареного спрута. Множество почти голых, черных от загара, от купанья молодых женщин. / Хозяин. Очень типичный ниццар, плут и делец. / Это старая Ницца, “Marché aux Fleurs”, из кухни выход на море» (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 669).

524. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 5 июля 1938 г.

5 июля 1938 года.

Дорогой мой, все исполнено, как ты телеграфировал, и никаких следов не осталось¹. Хорошо, что быстро известил. Напрасно так беспокоишься. Все хорошо.

Нам всем было очень грустно в воскресенье после твоего отъезда.

Я пришла домой и, чтобы не предаваться печали, стала готовить обед и приготовила очень вкусное блюдо из телятины, которое обошлось мне всего 12 фр. — нет пророка в своем отечестве, — не признаешь ты во мне умения дешево и вкусно кормить, а на деле что выходит... Я скоплю еще из 40 фр. себе, и все очень сыты и довольны. Сделав обед, я почувствовала такую тоску за тебя, что решила отправиться к Гукасовым, где были только родственники, среди них Ирина², уже опять на сносях. Ждет младенца в ноябре. Очень довольная, похорошевшая — примета, что будет мальчик. Лето будет проводить с родителями, дочкой и мужем в Вогезах³ на даче. Кепиновым и Евг<ении> Самойл<овне>⁴ Марга очень понравилась. Елена Павл<овна>⁵ нашла ее даже женственной. Я поняла, что в вечере они помогут⁶. Меня оставили обедать. Вернулась домой в одиннадцатом часу. Застала всех за работой, что-то чинили, у Гали был *очень* грустный вид. Она потом мне говорила, что ей было очень тяжело весь день, и «вообще я его очень люблю, и Марга это знает»... «И я всегда очень без него скучаю»... Я думаю, что все образуется, как только начнется нормальная жизнь, то есть Марга устроится. Она, конечно, очень волнуется и тревожится, а тут еще мать⁷ донимает (это между нами). Но Дараган⁸ ободряет очень. Надеется и на турне, порой и довольно длительные. Словом, я думаю, да и уверена, что и Галя успокоится и станет работать. Она мне сказала: «как мне хочется писать». Я думаю, что она от нервно-сти, зря боялась... В воскресенье я уговорила их остаться ночевать, опять была вечеринка. Галя хорошо выпалась. Но я спала плохо, как-то волновалась за тебя, а вчера весь день сидела дома, — ждала письма, все валилось из рук. Вечером все изумлялись моему плохому виду, — при чем тут Залманов⁹...

Вечер провела одна, часа два лежала пластом, потом решала, чтобы утомиться, крестословицы.

Лисененок¹⁰ очень волнуется, поедет ли, даже опять давление понизилось, тревожится за тебя, все спрашивает: «Нет ли писем»...

Дом чист, все работают «на ять». Марга обещала вычистить квартиру пылесосом.

Сегодня с Галей едем за кроватью, тогда всем будет место. В воскресенье заходил Капитан¹¹. В среду едет к Оболенскому¹² в Савойю, 27 фр. пансион, ему уступка. Едет на автокаре. Красавица¹³ тоже направляется туда. Едут в один день. Денег у него после оплаты комнаты до 1 октября, вместе с моими — 2 500 фр. Он доволен и «бодро глядит вперед»!..

Ляля¹⁴ купила за 60 фр. синие туфли, 30 фр. ты дал, 30 — я из лотереи.

Целую нежно и обнимаю, мой Ненаглядыш.

Галя просит тебя очень поцеловать. Ляля спит, но, конечно, тоже целует со ждущими глазами.

Твой К.

Зайцевых целую.

Не огорчай меня, будь мудр и спокоен.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/173.

¹ Телеграмма не сохранилась, и из контекста неясно, о чем речь.

² Ирина Гукасова.

³ Горная область на северо-востоке Франции.

⁴ Е.С. Гукасова, жена П.О. Гукасова.

⁵ Елена Павловна Кепинова (урожд. Гукасова, 1891—1942) — жена Л.И. Кепинова.

⁶ Имеется в виду вечер М.А. Степун, который состоялся 15 ноября 1938 г.

⁷ М.Ф. Степун.

⁸ Ксения Федоровна Дараган (1884—1972) — певица, педагог. Руководитель оперной студии в Париже. Знакомая В.Н. Буниной и М.А. Степун.

⁹ Александр Соломонович Салманов (1875—1963) — врач, с 1921 г. жил в Германии, с 1936 г. в Париже.

¹⁰ Е.Н. Жирова.

¹¹ Н. Роцин.

¹² Вероятно, Владимир Андреевич Оболенский, князь (1869—1950), депутат I Государственной думы, член партии кадетов, публицист, автор мемуаров о Крыме времен Гражданской войны

¹³ Очевидно, новая знакомая Н. Роцина.

¹⁴ Е.Н. Жирова.

525. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Канны. 5 июля 1938 г.

Villa в Монте-Карло чистая редкость по всему *и по цене!* В Cannes¹ нет ровно ничего, в Cannes, возле бульвара Carnot, гнусности — квартирки по 2, по 3 тысячи в месяц. Ужасно огорчен! Буду искать еще. Целую.

Вторник.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/165. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Cannes, 5.VII.38», «Paris, rue Singer, 6.VII.1938». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Le Cannet (Ле-Канне) — город-курорт и коммуна на Лазурном берегу.

526. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 6 июля 1938 г.

№ 2.

1938 года 6. VII/23. VI.

Сегодня Аграфена-Купальница.

8 ч. 20 мин. утра.

Первое послано на адрес Зайцевых¹.

Твой экспресс², дорогой мой, достиг меня сегодня в 8 ч. утра. По-моему, он не спешил, хотя, конечно, неизвестно мне, в котором часу ты отправил его? А написал ты его еще в понедельник? Жду сегодня еще письма.

Дом еще спит, а я попробовала еще заснуть, да не могу. Пью лекарство. Не сглазить, кажется, помогает. Припадка больше не было, а в понедельник я весь день внутренне очень волновалась. Так что все заметили мой дурной вид. В письме, адресованном на Зайцевых, я уже тебе сообщала, что все исполнила чисто. О телеграмме никто не знает.

На хозяйство текущее за три дня истрачено 100 fr.

Уплачены еще долги, 26 за масло, Hauser, прошлая нед<еля> 20. 95, за чистку зимнего пальто 30 и за хлеб, прошлая <неделя> 13. 80 = 89 fr. 85. Платья еще не покупала, так как не знаю еще, где ты оснуешься?

Одну ночь наши дамы ночевали на «Week End»³, но с семи часов им соседи не дали спать, и Галя пришла в таком виде, что я уговорила их переселиться к нам, тем более, что тогда я почти избавляюсь от работы по дому. Марга отлично убирает комнаты и хорошо действует на Лялю⁴ в смысле деятельности. Тем более это стало удобным, что я таки кровать от Пэки⁵ перевезла и поставила ее Ляле, а в кабинете теперь два дивана, второй на месте шкапа, который передвинут к противоположной стене, а сундук стоит у ног Галиного дивана. Таким образом получилась диванная из твоей «Баллады»⁶.

Сегодня хотят взять пылесос и все вычистить.

Я же работаю теперь по Амаг'у⁷. Вчера с Нат<альей> Иг<натъевной>⁸ получили 1 400 fr. Поедем еще в четверг, так что до октября, а может быть, и ноября писатели будут обеспечены.

Лотерея пока дает около 400 fr., очень трудно мне одной, 24 fr. Ляля уже истратила на туфли: твои 30 fr. и 6 fr. у нее были — стоили они 60 fr.⁹

Вчера опять сидел Плахов¹⁰. Он едет теперь уже в Нормандию, в пансион за 28 fr.

У Гали вид плохой, хотя, когда я уговорила их переселиться к нам, она сразу ожила. Мне кажется, что у нее «комплекс» страха, и много от этого. Для такой природы всякая неизвестность очень мучительная. При свидании все расскажу.

Она просила меня тебя очень поцеловать.

Ляля со ждущими беспокойными глазами все спрашивает: «Нет еще письма от Ивана Алексеевича?» Марга, с которой она дружит, мне говорила, что она очень боится, что ты не возьмешь... Два дня она все стирает.

Вчера было волнение: Алексинская¹¹ без спросу объявила, что Марга поет на «чашке чая у сест<тер> мил<осердия> имени Вревской»¹². Я ей за это наложила по телефону, что немного развеселило всех трех моих дам.

Обнимаю тебя со всей нежностью. Жду распоряжений.

Твой К.

Ходасевичи будут жить в шалыпинском имении по 80 fr. пансион¹³.

Три дамы¹⁴ еще спят, но, конечно, будут благодарны за поцелуи и просят и в свою очередь передать их тебе.

За чемодан 50 fr. ты забыл сосчитать! Сегодня пойду к глаз<ому> врачу.

Пэку мы с Галей видим: счастлив, бодр, в кармане 2 500 fr.! За комнату уплачено!

Открытка пришла в девять, быстрее экспресса. Здесь холодно. Целую еще. В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/174.

¹ Речь о п. 524.

² См. п. 522.

³ Вероятно, гостиница или пансион. После этого неудачного опыта М. Степун и Г. Кузнецова поселились у Буниных.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Н. Рошин.

⁶ Незадолго до того написанный и опубликованный рассказ Бунина «Баллада» (датирован 3 февраля 1938 г.) начинался с описания: «Под большие зимние праздники был всегда, как баня, натоплен деревенский дом и являл картину странную, ибо состояла она из просторных и низких комнат, двери которых все были раскрыты напролет, — от прихожей до диванной, находившейся в самом конце дома. <...> черный ларь, спокон веку стоявший в ней» (Бунин И.А. Баллада // Последние новости. 1938. 20 февраля. № 6175. С. 3).

⁷ См. примеч. 9 к п. 399.

⁸ Н.И. Михельсон.

⁹ Ср. с п. 524.

¹⁰ Иван Никанорович Плахов (1894–1974) — казачий деятель, участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Париже. В 1937 г. избран атаманом Парижской казачьей станицы имени атамана А.И. Плахова.

¹¹ Татьяна Ивановна Алексинская (урожд. Евтихеева, 1886–1968) — общественный деятель, литератор. Жена Г.А. Алексинского. Гимназическая подруга В.Н. Буниной.

¹² Баронесса Юлия Петровна Вревская (урожд. Варпаховская, 1838 или 1841–1878) была сестрой милосердия полевого госпиталя Российского Красного креста в Русско-турецкую войну, скончалась от сыпного тифа. В Париже в 1920–1930-е гг. существовал Союз (очаг, община) русских сестер милосердия им. Ю. Вревской, устраивая различные мероприятия. О какой именно «чашке чая» идет речь в данном письме, неясно, возможно, она не состоялась или была перенесена.

¹³ В 1938 г. Ф.И. Шаляпин купил виллу «La Chanson» в 40 км к югу от Парижа, в которой после его смерти пытались устраивать пансион. Подробнее см.: Лебедева Е. Под Парижем, на вилле Шаляпина // Иные берега. 2013. № 2 (30). С. 90–93.

¹⁴ Г.Н. Кузнецова, М.А. Степун, Е.Н. Жирова.

527. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова, Е.Н. Жирова — И.А. Бунину

Париж. 7 июля 1938 г.

Письмо № 3.

7 июля 1938.

Дорогой мой, вчера вечером была от тебя открытка¹ с печальным известием о том, что в Каннах жить негде. Я сняла бы квартиру в Монте-Карло. Ведь вилла все же стоит ближе к морю, чем «Бельведер», а добирались, когда хотели, до него.

Вчера доставили чемодан с марками, <с> начаем вышло 55 фр. (о чемодане мы забыли, когда делали смету). Вчера вообще был дорогой день, платили Hauser`у, за хлеб, чемодан, прачешнику (40 фр.). Зато нет теперь долгов.

Сейчас говорила по телефону с Александром Михайловичем². Он находит, что ты зря переплачиваешь (за чек взяли 12 фр.). Нужно выписать фунты (10, 20), затем продать этот

чек и деньги положить на текущий счет во франках, тогда ты не будешь платить за каждый чек зря. Он мне менял чек.

Вчера у нас вечером были Ляля³ со своей хохлушкой⁴, которая сегодня уезжает. Угощали маседуаном⁵ из ягод (сами за обедом не ели их) и бутылка белого вина (продали все оставшиеся стеклянные литры), — это приятнее и дешевле чая. Петр Бернгардович⁶ приезжает на днях.

Погода была такая холодная, что надо было в квартире что-нибудь на себя накидывать. Сегодня ясно, солнечно, вероятно, начнутся жары.

Внутренняя наша жизнь идет ровно. Все работают, отношения у всех равные, много времени проводим все вместе. Ляля⁷ потерпела крах с Витишей⁸, несмотря на все ее усилия он так и не пошел к Серову, хотя она сама его хотела вести. Пока у них разрыв. Она очень волнуется, возьмешь ли ты ее на юг? Мечты о штанах... Все шьет что-то Олечке⁹...

В этом году везде будет дорого, а потому, может быть, самое разумное остановиться на *Monte-Carlo*, тем более, что там помесечно. Ты хочешь писать, — вид очень будет тебе помогать, то, что высоко — тоже хорошо. А до купания будем добираться, — ведь это всего месяц — недели три. Впрочем, ты поступаешь всегда по-своему.

Сейчас получил ты заказное письмо от Карамзиной¹⁰. Я с почтальоном отослала его в Ниццу на *р<oste> г<estante>*.

Ляля сейчас стирает твою пижаму, гладить ее будет Марга. Галя ушла на базар. Будут котлеты на весь день и вчерашний суп (*pot au feu*¹¹).

Сегодня после завтрака я или поеду по аморским делам¹², или отправлюсь к окулисту.

Платья я еще не покупала. Не знаю, какое, то есть для юга или другого места.

Храни тебя Бог.

Целую тебя со всей нежностью. Твой К.

<Г.Н. Кузнецова:> Милый, дорогой, мы живем все вместе, очень дружно, по крайней мере, до сих пор. Погода сегодня такая, что хочется только лежать на траве и ни о чем не думать. Мне очень было грустно в день Вашего отъезда — было в Вас что-то очень-очень горькое. Но, слава Богу, перемена обстановки, солнце, оживленные поиски виллы на Вас, как я и думала, действуют целительно. Господь Вас сохрани и благослови. Целую Вас и очень хочу, чтоб Вам было хорошо. Ваша Галя.

<Е.Н. Жирова:> Жду.....

Крепко целую. Ляля.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/175.

¹ См. п. 525.

² А.М. Михельсон.

³ А.П. Струве.

⁴ Екатерина Андреевна (Генриховна) Струве (урожд. Катугар, 1896–1978) — жена А.П. Струве. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Член Ассоциации Тургеневской библиотеки.

⁵ От *фр.* *масéдоine* — блюдо из свежих и слегка отваренных фруктов или ягод, пропитанных ароматическими сиропами.

⁶ П.Б. Струве.

⁷ Е.Н. Жирова.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ О. Жирова.

¹⁰ В письме от 16 июля 1938 г. М.В. Карамзина отвечала на открытку Бунина с описанием ресторана «Chez Joseph». См. примеч. 2 к п. 523.

¹¹ бульон с мясом и овощами (*фр.*); одно из самых известных и популярных горячих блюд традиционной французской кухни. Представляет собой, практически, два блюда в одном: мясной бульон и сваренную в нем говядину с овощами и приправами.

¹² См. примеч. 9 к п. 399.

528. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Канны. 8 июля 1938 г.

6 ч. вечера, 8. VII. 38.

Pas de chance¹, душа моя! И в Cannet, и в Cannes буквально все занято — «старожилы не запомнят» такого наплыва в эти края иностранцев! Нынче мне показывали 2 чудом уцелевшие дачки, — т.е. нет, квартирки в дачках: жара, теснота и по 1 500, 2 000 в месяц! В задницу! Оч^{чень} огорчен за тебя и за Лисененка², да что ж я поделаю? Развил энергию страшную — и вот ничего не выходит...

В Monte-Carlo — боюсь за тебя — высоко. Потом: грохот автомобилей внизу... Купанье у черта на куличках... Нет, и это в задницу. Кроме того — там только на терраске два-три деревца — все на припеке, все голо...

Я пробыл 3 дня в Ницце, был в Ментоне, видел дикого, черного от солнца Сирина, уезжающего в горы, к Соспелю³... Нынче приехал в Cannes с вещами, остановился в Grand Hôtel. Говорил по телефону с Vormes⁴ — воды там теперь и днем, и ночью сколько угодно. Завтра утром еду туда. Может быть, там найду что-нибудь. А нет — проеду, может быть, на океан... Или останусь на месяц в Фавьере⁵... Посмотрим.

Я загорел, посвежел, дай Бог не сглазить. Югом опять восхищен, не жалею, что поехал. Крепко целую тебя. Всем поклон.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/166. На почтовой бумаге Grand Café des Négociants, Cannes.

¹ Не везет (*фр.*).

² Е.Н. Жирова.

³ Соспель (Sospel) — кантон во Франции, входящий в состав округа Ницца (департамент Приморские Альпы). В июле 1938 г. В.В. Набоков с семьей из прибрежной Ментоны переехал в горы, но не в Соспель, а рядом, в Мулине, остановившись в гостинице «Отель де ля Пост» («Hôtel de la Poste»).

⁴ См. примеч. 3 к п. 295. Возможно, Бунин прямо говорил по телефону с Л. С. Врангель. См. примеч. 6 к п. 529.

⁵ В ля Фавьер (La Favière, район Vormes-les-Mimosas) на берег Средиземного моря уже с середины 1920-х годов съезжалась на лето большая русская колония.

529. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 10 июля 1938 г.

10 июля 1938 года.

3 часа дня.

Дорогой, милый мой, я так и ждала сегодня твоего звонка.

О моем здоровье не беспокойся. Слава Богу, за все время, как я стала проводить карлсбадское лечение¹, припадков не было. Для меня благо, что я не должна сейчас куда-нибудь ехать. 20 июля я пойду к Залманову, и он решит, что дальше делать.

Тебя *очень прошу* прожить еще хотя бы *три недели* и покупаться, а затем на август, сентябрь и, может быть, и октябрь мы куда-нибудь бы поехали, сняли бы что-нибудь. Или ты на юге где-нибудь присмотрел бы, не спеша, или под Парижем, ведь в сентябре многие будут уезжать с юга, даже с половины августа. Лисененка с детенышем² всегда можно взять с собой, если возьмем виллу, то будем жить вместе, если же в пансионе, то где-нибудь около в комнате. Если бы ты спокойно, до 1 августа, прожил в Каннах, то Ляля³ начала бы лечиться светом, — Лидия Абрамовна⁴ находит, что это ей *необходимо* (у нее сильные боли появились), хотя бы 10 просвечиваний, стоить это будет сто пятьдесят франков. Есть надежда, что тогда она будет работоспособной.

Галя очень смущена твоим «сердитым тоном». Я сказала, что ты раздражен на Врангель⁵, на то, что ничего не можешь найти⁶.

Мы живем вчетвером *очень хорошо*, делим работу. Мадемуазель ни разу не была приглашена на гастроли.

Марга сейчас гладит мне блузку, которую она вчера мне выстирала. С ней жить приятно. Но, конечно, она очень устала после сезона, и ей необходимо отдохнуть. Пока же она много работает с Дараган, которая возлагает большие на нее надежды, ты прав относительно ее голоса. Сейчас как раз она ей именно и сглаживает недочеты, которые явились из-за того, что Маргу в Нюрнберге кидали и в хвост, и в гриву. Дараган сказала мне, что Марга «почти гениальна». Галя же страшно нервничает, мне кажется, из-за тебя. Думаю (я теперь с ней не говорю о ваших отношениях), что она начинает понимать твое поведение и очень волнуется, а как начнет волноваться, так боли в легком. Видимо (это между нами), Марга временами не знает, что делать. Я думаю, что Галина нервность, Галин страх виноват во многом. Мы очень много времени проводим вместе, сейчас Марга гладит у Ляли и болтает с ней. Мне думается, что можно было бы всем жить где-нибудь на даче, и все бы сгладилось. Тут больше психопатии, чем чего-либо другого. Я послала тебе два письма в Ниццу р<oste> г<estante> Р<oste>Centrale⁷. Выпиши их, в одном есть приписка Гали. Вообще, все образуется, уверяю тебя. Будь только таким же милым, каким ты был весь июнь.

Представь, я очень тоскую по Павлику⁸. Во вторник Петров день. Может быть, буду причащаться.

Нилус спрашивает, куда ты дел стихи Федорова? *Не забудь ответить*⁹.

Напиши Алданову, чтобы он передал мне деньги от Ротфельда¹⁰, а он, дурак, боится, думает, что ты мне не доверяешь, а я все сделаю, как ты захочешь. Как быть с термом¹¹? Пришли мне все распоряжения свои.

С очками покончила, завтра будут готовы.

Чемодан готов, он стоит у твоего черного сундука.

Погода холодная, даже в тайере¹² мерзнешь, и это июль! Сбор на Мережковского¹³ идет слабо, новых поступлений не было.

На днях будет розыгрыш скатерти, денег собрано около 400 фр., м<ожет> б<ыть>, чуть больше. Я никого не вижу.

Спать последние дни ложусь до двенадцати, засыпаю под пение Ляли, у нее есть голосок, и цыганские романсы она поет выразительно.

Звонил Ставров, но мы не могли ему дать твоего адреса.

Звонил Слоним, через неделю он уезжает в отпуск.

Кончились наши субботы у Манухиной, они едут в Лихтенбергское Герцогство, а затем в Рагацу¹⁴. Им я завидую, хотя это лето, видимо, не для гор. Она подарила на прощанье мне книгу «L'Union à Dieu dans le Christ d'après les lettres de direction de Dom Marion par

Вилла «Бельведер».
Грасс, 1920-е гг.
(РАЛ)

Dom Raymond Thibaut¹⁵. Надпись сделали такую: «Nous ne sommes pas vraiment chez nous dans ce monde défini»¹⁶... «Elégies de Duine»¹⁷ Rainer Maria Rilke».

Помнишь сестру Терещенко Чайковскую¹⁸? Она теперь лечит молитвою. К ней обращаются даже врачи. Как много таинственного в жизни.

Ольга Львовна¹⁹ расцвела. Уже имеет автомобиль и сняла еще дом в полтора километра от своего превенториума. Ты бы написал ей, она ведь бывает, конечно, в Каннах, может быть, какой-нибудь дом знает? Ты ведь накупался бы, а мы и без купанья обошлись бы.

Михайлов чем-то очень занят. Ни разу не был, только звонил.

П.Б. Струве приедет только к 25 июля. Ляля²⁰ уехал с семьей к Голицыным²¹.

Михельсоны не знают, куда ехать, они хотели туда, где мы будем.

От Лёни давно ни строки, боюсь, как бы не заболел в такое лето²².

Получил ли ты заказное письмо от Карамзиной, я отправила его тоже в Ниццу р<oste>г<estante>.

Много ли здесь знакомых?

Как ты нашел Зайцевых? Отчего ни слова не написал о них? Изменилась ли Наташа, Андрей²³, поправились ли они все?

Обнимаю тебя со всей нежностью.

Все три дамы²⁴ тебе шлют привет.

Лисененок по целым дням возится с Олечкиным приданым, и глаза ее такие грустные, что сердце сжимается.

Галя будет тебе писать сама. Помни одно, — сейчас ее нельзя волновать.

Христос с тобой!

Твой К.

Сейчас иду к Лидии Абрамовне, туда же приглашены Марга с Галей, а Ляля едет в Кламар.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/176.

¹ Т. е. лечение минеральной водой из Карлсбада, помогающей, в частности, при болезнях пищеварительной системы и головных болях.

² Е.Н. Жирова с О.А. Жировой.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ Л.А. Каминская.

⁵ Л.С. Врангель.

⁶ См. следующее письмо: «Проклял Врангель, которая меня туда вытянула». Л.С. Врангель могла советовать Бунину приобрести дачу в Vormes-les-Mimosas, где строил дачи в расчете на русских эмигрантов купец Б.А. Швецов и где у нее самой был маленький участок.

⁷ Главпочтамт, до востребования (*фр.*).

⁸ П.Н. Муромцев.

⁹ Среди писем А.М. Федорова к Бунину сохранилась недатированная записка, посланная, видимо, вместе со стихами: «Вот, дорогой Иван Алексеевич, стихи, которые, вместе с поэмой, прошу тебя посватать “Совр<еменным> Зап<искам>”. Я никогда ничего туда сам не посылал. Только одну мою вещь Шмелев передал раз им без моей просьбы, но она была возвращена и справедливо. Может быть, этим вещам посчастливится» (РАЛ. MS 1066/2405). Ответ Бунина неизвестен, стихи Федорова в «Современных записках» не появились.

¹⁰ Может быть, здесь имеется в виду Жак Ройтфельд (1889–1999) — кинопродюсер, основатель кинокомпании «Les Productions Jacques Roitfeld», или один из его сыновей, Жорж (Георгий) или Владимир.

¹¹ плата за квартиру (*фр. terme*).

¹² От *фр. tailler* — женский костюм из жакета и юбки для путешествий, прогулок и визитов.

¹³ Вечер Д.С. Мережковского переносился (см. ниже в п. 558) и состоялся 22 ноября 1938 г. в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe).

¹⁴ Неустановленное место.

¹⁵ Вероятно, речь об издании: Paris: Desclée de Brouwer et Cie, 1937.

¹⁶ В этом мире мы определенно не у себя дома (*фр.*).

¹⁷ Французское название «Дуинских элегий» («Duineser Elegien», 1912–1922) Райнер Мария Рильке.

¹⁸ Неустановленные лица.

¹⁹ О.Л. Еремеева. См. примеч. 1 к п. 304.

²⁰ А.П. Струве.

²¹ См. примеч. 1 к п. 356.

²² Лето 1938 г. в средних европейских широтах было очень жарким и засушливым.

²³ Н.Б. и А.В. Соллогуб.

²⁴ См. примеч. 14 к п. 526.

530. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Канны. 10 июля 1938 г.

10. VII. 1938.

Дорогая моя, еще раз пишу тебе с ужасной грустью — жаль мне тебя, Лялю¹ и себя бесконечно — опять искал пристанища для нас повсюду, повсюду, до смертельного утомления — ровно ничего нигде — не только квартиры, но даже комнаты для одного меня! Неправдоподобно, но так! Кое-что показывали, но нечто поистине кошмарное по мерзости и цене!

Ездил в Vormes² — теперь это очень быстро и очень дешево — оторай³ — и там ничего! Проклял Врангель, которая меня туда вытянула...

Писем от тебя еще *ни одного* не получал — не имел адреса, был в разгоне и потому не вытребовал ни от Наташи⁴, ни из Ниццы, с *poste restante*. Очень беспокоюсь — как здорова, как вообще себя чувствуешь? Пиши мне сюда, *Le Grand Hôtel, Cannes немедля*.

Я решил отдохнуть здесь несколько дней, — м<ожет> б<ыть>, с неделю: комнатка прохладная, тихая — и дешевая: 60 франков. А обедать и ужинать буду у Месакуди, лавочка которого у ворот Grand Hôtel'я — у него на редкость дешево⁵.

А что же мы дальше будем делать? Очень подумай и напиши. Бог даст, скоро вернусь, а дальше что? Ужели сидеть в Париже? Правда, жить по отелям, по отельчикам и питаться черт знает чем еще ужаснее (не говоря уже о том, что эта мука стоит в конце концов дьявольски дорого), но и сидеть в Париже ужасно. Как же быть, как же быть?

Воображаю, что Ляля испытывает! Но — rien à faire⁶! Думает ли она все-таки куда-нибудь поехать? Напиши мне *обо всем*.

Целую тебя, дорогая моя, и всех.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/167. На почтовой бумаге Le Grand Hôtel, Cannes.

¹ Е.Н. Жирова.

² См. примеч. 6 к п. 529.

³ рельсовый автобус (*фр.* autorail).

⁴ Н.Б. Соллогуб.

⁵ См. также п. 411.

⁶ делать нечего (*фр.*).

531. В.Н. Буннина — И.А. Бунину

Париж. 11 июля 1938 г.

1938 г. 11 июля

4 ч. дня.

Письмо № 5.

Милый, дорогой мой, вчера послала тебе письма в Канн. Сегодня получила оттуда от 10. Вероятно, оно написано до нашего разговора по телефону.

Повторяю, что писала вчера: отдохни, покупайся, затем возвращайся, и мы тогда, в августе, найдем что-нибудь под Парижем и уедем месяца на два. Или же поищи что-нибудь в отдалении от моря. Если ты возьмешь 21 морское купание, то это будет вполне довольно.

Вчера были у Каминских, они переменили квартиру. Взяли в 4 комнаты. Только немного темна, так как она в первом этаже.

Потом я пошла к Мережковским, там кроме писателей и поэтов были Хмара с Лизой¹, у которой был очень трогательный вид, и она очень жалась ко мне. Ей, бедняжке, будут делать операции — аппендицит и что-то в женских органах. Она очень волнуется, боится. Хмара просил тебе напомнить, что ты обещал ему «Митину любовь». «Я хочу из нее кое-что сделать»...

У Зин<аиды> Ник<олаевны>² в комнате висели в заплатах, очень больших, искусно положенных, розовые подштанники, вероятно, напоказ повешены, — 2 ноября их вечер. Хмара будет исполнять сцены из его «Павла»³.

Вечером у меня была Нат<алья> Ив<ановна>⁴. Trois dames de Casbahs⁵ были на «Петре I»⁶. Остались довольны.

Сегодня я после обеда пойду ко всенощной, которая у галлиполийцев начнется в 7 ч. вечера⁷.

Вот уже и Петров день. Кончен у нас сенокос. Не за горами страдная пора.

Пересылаю тебе свое письмо, адресованное в Монте-Карло.

Сейчас у нас Мелитта⁸, разговаривает с Маргой. Галя пошла за хлебом. Ляля у девочки⁹, она вчера не доехала, — так плохо себя почувствовала. Она очень опечалена нашей неудачей, заботит ее и будущее, ей хочется *жить с Олечкой*, она, действительно, страдает.

Сейчас так холодно, что о «лете» не думаешь, в Клараме очень хорошо. Плахов еще здесь. Вчера весь день говорили наши дамы о Лялином имении¹⁰, но там слишком примитивно, и как ехать без мужчин?..

Завтра десятый день. Я дотянула. Но, если ты не прилетишь на следующие десять хотя бы дней, то надо будет заниматься. Не забудь, что за починку чемодана ты ничего не оставил, а я заплатила 55 fr. Да еще 25 за починку крана и трубы.

За все время я нигде не была, зато нет долгов. У Гали вид скверный, хотя она весь день лежала. Ей следовало бы пожить в горах без всякой заботы, где-нибудь в пансионе. Но без Марги она не поедет.

Вечер Марги будет, вероятно, в 20-ых числах октября¹¹.

Я чувствую себя хорошо, высыпаюсь. Встаю в 9 ч. утра.

Все тебя целуют.

Я обнимаю нежно. Отдохни. Не беспокойся.

Твой К.

Феничка¹² говорит, что около Берберовой есть свободные виллы¹³.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/177.

¹ Е.Н. Кедрова.

² З.Н. Гиппиус.

³ То есть из пьесы Д.С. Мережковского «Павел I» (1908).

⁴ Н.И. Кульман.

⁵ Называя так Г. Кузнецову, М. Степун и Е. Жирову, В.Н. Бунина обыгрывает заглавие романа П. Лоти «Les trois dames de la Kasbah» («Три дамы из Казбаха», 1884).

⁶ Имеется в виду фильм «Петр I» по роману А.Н. Толстого (реж. В. Петров, в гл. роли Н. Симонов), получивший приз на Всемирной выставке в Париже (1937).

⁷ Речь о всеночной в церкви Общества галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie).

⁸ М.Г. Левина.

⁹ Т.е. Е.Н. Жирова у дочери Оли.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду «ферма» А.М. Жирова в окрестностях Монтобана. В дневнике от 8 сентября 1939 г. В.Н. Бунина записывает: «Есть план ехать в Montauban — поселиться где-нибудь вблизи Жировского поместья». «Ферму Жировых» Бунины и Жировы посетят во время неудачного побега из Грасса в начале войны (см. запись В.Н. Буниной в дневнике от 19 июня 1940 г.). Затем Бунины вернутся в Грасс, а Жировы останутся и проведут на «ферме» все военные годы (до конца 1944 г.). См. РАЛ. MS 1067/410.

¹¹ См. примеч. 6 к п. 524.

¹² Ф.С. Шлезингер.

¹³ Н.Н. Берберова и Н.В. Макеев весной 1938 г. переехали из Парижа в деревню Лонгшен (Longchêne) в департаменте Seine-et-Oise, расположенную в 40 километрах к юго-западу от Парижа, где купили дом, в котором жили до лета 1947 г. Н.Н. Берберова писала Бунину 19 июля 1938 г.: «Пишу Вам, чтобы еще раз звать Вас к себе — не в гости, в кот<орые> непременно надо поехать, а просто в чудный, деревенский край, куда Вы можете отправиться в любой день — один или с милыми Вашими дамами, — и где своим появлением доставите мне и Н<иколаю> В<асильевичу> огромную радость. Если Вам хочется тишины и Вы не брезгуете жизнью чистой, простой (однако с клозетом!), довольно вкусной и отдохновенной, то прихватите с собой зубную щетку — может быть, проведете несколько дней, если понравится? А мы с Вами еще и постараемся прокатиться в окрестности, посмотреть, не сдает ли какой-нибудь герцог свое родовое шато, кот<орое> Вы могли бы снять, ему — на гордость, нам — на радость» (*Бунин–Берберова*. С. 50–51).

532. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Канны. 12 июля 1938 г.

12. VII. (Вторник) 38.

Милая моя, дорогая, получил все ваши письма. Нынче был в Грассе, у Жозефа и на Belvédère'e —

Объездил пол-Европы,
Решительно скажу,
Что лучше этой жопы
Нигде не нахожу!

И высота, и воздух, и тишина, и вид — нигде ничего подобного!

Живет там сейчас жена чехословацкого человека из легаций в Париже¹. «Счастлива была видеть меня» так, что задохнулась, умолила меня принять в подарок бутылку шампанского — да какого! Мумм, cordon vert²! 20-го сентября она уезжает — и вилла будет свободна... А, что ты думаешь? И опять всего за 5 тысяч в год. Ну, прибавь тысячу на подъем, на Фостера³ — итого всего 6 тысяч. Нигде нет таких цен, нигде!

Пиши кратко, ибо *возможно* (т.е. *может быть*, а не *наверно*), что завтра из Cannes уеду. По какой дороге, еще не знаю. М<ожет> б<ыть>, через горы. Так что — на всякий случай говорю — не дивись, что я скоро, даже, м<ожет> б<ыть>, *очень скоро* окажусь, Бог даст, в Париже.

*Дача возле Берберовой меня весьма заинтересовала*⁴. Наведи справки немедленно.

Целую тебя и всех.

Благодарю Г<алину> за письмо.

Купаться еще не купался. Вода, как лед. А солнечно, жарко, прекрасно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/168. На почтовой бумаге Le Grand Hôtel, Cannes. На конверте адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Cannes, 13.VII.38».

¹ Ср. п. 557.

² Марка французского шампанского. См. суждение о ней предреволюционных гвардейских офицеров: «В собрании пьют только Moum sec cordon vert. Прекрасная марка! Да, да... и от нее никогда никаких котов не бывает. Пей в своей жизни только Moum, только sec, и только cordon vert — всегда будешь в порядке» (*Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М.: Россия, 1991. С. 175*).

³ См. примеч. 1 к п. 379.

⁴ См. в предыд. письме. О поездке Бунина в Лонгшен в это время сведений нет.

533. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Биарриц. 31 июля 1938 г.

Вечер 31 июля 1938.

Приехал благополучно¹, дорогая моя. В пути было жарко, но весело — чудесная погода. Сперва шли равнины желтых жнивей и копен, очень ярких, очень похоже на Россию, потом пейзаж стал меняться — холмиться, а от Бордо шел сплошной, довольно низкий лес — ты это видела, помнишь. Но к вечеру пошли облака, — близость океана. Отель мой на самом берегу. Сейчас обедал и глядел в огромные окна на прибор, на синюю ночь — мрачно и ве-

личественно! Наш юг — совсем другой мир. Мои окна тоже на океан — он в 2 шагах. Ехал ничего себе — три милых спутника, англичане. Сейчас очень грустно и одиноко.

Завтра поеду в Гетари², искать пристанища там.

Напиши мне *поскорей* — пока на этот отель.

Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/169. На почтовой бумаге Hotel Lefèvre, Biarritz.

¹ Очевидно, Бунин продолжил поиск другого жилья. Сохранилась обложка путеводителя по Биаррицу и окрестностям из серии «Les Guides Bleus Illustrés» с пометой Бунина карандашом: «1.VIII.38 I.B.» (MS 1066A/299).

² Guéthary — поселение в Аквитании неподалеку от Биаррица.

534. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 16 сентября 1938 г.

16/3 сентября 1938 года.

6 ч. вечера.

Дорогой мой, только сейчас пришла в себя, выпалась и почувствовала, что могу написать письмо¹.

Дом я нашла в полном порядке, Галя вчера до 11 часов вечера его чистила, то есть спальню и ванну, чтобы все было «на ять». Она бледна, говорит, что именно утомилась вчера.

Завтра надеюсь повидать Михельсона, я уже звонила к ним, но Н<атальи> Иг<натьевны> дома не было.

Настроение тревожное, но не безнадежное, с ума сходит только Лоллий² и, кажется, по-настоящему. Написал Петру Бернгардовичу³ письмо, которое читал Гале. В нем он говорит, что «кончится тем, что он пойдет на войну, чтобы защищать правду» и еще что-то в этом роде. Кричал на Маргу, что война уже началась и еще что-то в этом роде. Он получил место Миши Струве, которого поперли из «Иллюстрированной России» как будто за то, что он уехал в отпуск, не прослуживши и года... Жаль его.

А ехали мы с большими приключениями и волнениями. Не знаю, чем все кончится. Херст⁴, видимо, или жулик, или его кто обжулил. Словом, все, что он говорил, оказалось брехней. «Садитесь или в вагон “аш” или “ель”». Подошел поезд, и никаких вагонов ни «аш», ни «ель». Носильщик нас попер в первый вагон после паровоза. Очень чистый, и самые обыкновенные пассажиры, только еще в двух купе дети или барышни из религиозного движения. Затем какой-то господин, с которым разговаривался Борис⁵, оказался, что его знают контролеры и который держал себя возмущенным на организаторов этих отправок <так!>. Нам сказали, что в поезде будет кто-то, кто нам даст билеты в обмен тех квитков, которые мы получили от Херста. Но «ни мамыши, ни трех рублей»⁶, никаких билетов, никакого представителя... Все волнуются, кроме меня, — вероятно, я все-таки очень поправилась, ибо одна сохраняла полное спокойствие. — Выясняется, что 80 человек едут, и ни одного билета, тот господин, который знаком с контролерами, говорит, что он 35 человек выпустит со станции Париж, мы попадаем в это число. Контролер сказал: не удивляйтесь, если железная дорога будет с вас взыскивать за проезд... Потребовал карты и переписал наши имена и адреса. На станции, действительно, нас выпустили. Но все было очень неприятно и дороже, так как, например, носильщик отказался ждать, и пришлось брать двух,

значит, платить вдвое, а часть пути нести самим, я тащила свой большой чемодан. Не знаю, что бы делала Ляля, если бы она так возвращалась с Олечкой⁷. Завтра я постараюсь повидаться с Богуславским⁸ и припугну его. Думаю, что они все-таки постараются дело уладить. Боря⁹ пойдет к Зеелеру. Он очень волновался, и ему была очень неприятна вся эта история. Стыдно перед французами, да и унижительно. Вообще, связываться с лагерями¹⁰ не следует никому. Я рада, что это видела. Они, видимо, торговали билетами тех, кто еще не возвратился. Хорошо, что мы сели в первый поезд, из которого высадили безбилетных в Марселе... Но ехать было хорошо: в купе французы, всего трое, все правые, очень милые люди, двое муж и жена, женаты пять лет, а любят друг друга и нежны, как молодожены. В войну не верят. Один знает русские дела прекрасно. Всю дорогу я ела и этим спаслась от усталости, ибо спала всего час-полтора, лежа на коленях у Верочки¹¹.

Купила еще ветчины и хлеба — сэндвич в Рафаэле¹² и выпила чаю. В Марселе купила эвиану¹³. Истратила 15 франков, 20 франков с носильщиками, да за автомобиль заплатила 15.

Завтракали вареным рисом и пюре, потом пили кофе с хлебом, маслом и сыром. К обеду будет суп, котлеты и компот. Галя вымыла мне голову, я взяла ванну, спала еще часа два. Надеюсь рано лечь и вообще вести правильный образ жизни. Я все-таки поправилась, — легко провела бессонную ночь, да еще внутренне волнуясь.

У Марги, видимо, болит солнечное сплетение. Боли в желудке. Она вчера, да и сегодня почти ничего не ест. Вероятно, очень волнуется.

Галя отвезла свой фельетон¹⁴ и передала Игорю Платоновичу¹⁵, он принял ее хорошо.

Вчера ночью мы с Верочкой острились, что заговляемся: правда, то и дело открывали чемоданы и предавались чревоугодию.

Погода чудесная: ясная, свежая!

У Берты очень опасно больна мать. Нилус вернулся, но я не видала его еще, как и Вали¹⁶.

Михайловы уже в Париже, звонили нашим вчера.

Манухины тоже, Т<атьяна> Ив<ановна>¹⁷ прислала мне письмецо, спрашивает, где я, просит написать.

Тэффи вернулась, но заболела, у нее небольшой жар. Вот бедная!

Наши слушают все сообщения по радио, покупают французские газеты¹⁸.

Боря¹⁹ был очень грустный сегодня утром, вид у него больной. Но он спал довольно много, сидя. Больше нас всех.

Как-то вы живете? Что Олечка? Весела ли Ляля? Бывает ли Наташа²⁰? Боря сказал, что он ей тоже напишет о нашем «Странном путешествии»²¹... Ну и русачи... Действительно, кажется, прав Кобылковский²², что все эти люди, занимающиеся камп-де-ваканс, жулик на жулике жуликом погоняет²³.

Между прочим, Херст имел в виду расписку, которую должен был дать Богуславский Ляле, насколько я помню, Ляля говорила, что он ей ничего не давал. Херст был крайне нервен и нелюбезен. Вероятно, ему предстоит немало неприятностей, особенно если не он виноват в том, что для нас не было билетов, но тогда кто же?

В Париже на вокзале многие были в большом волнении, особенно те, у кого был багаж, не знали, как его получить. Хорошо, что мы ничего не сдали, а все провезли в вагоне, а была и такая мысль, так как у Зайцевых чемоданы очень тяжелые, и Боре было очень трудно с ними возиться.

Мадемуазель²⁴ думает, что войны не будет, так как очень много денег капиталистов вложено в различные чехословацкие предприятия.

Песок уже привезен. Читал ли ты об этом в газетах²⁵?

Целую Лялю, целую и Олечку, читаешь ли ты ей сказки? Как она кушает, надеюсь, что скоро. Бывает ли Наташа?

Галя тебя целует, очень много о тебе расспрашивала. Марга шлет привет. Они просят передать поцелуй Ляле и Олечке.

Напиши мне, как ты себя чувствуешь, обнимаю нежно, дорогой мой, мы все никак не могли вспомнить, как говорил твой мужик о погоде²⁶. Напиши.

Храни тебя Бог. Поработай, пока можно. Я буду стараться вести правильный образ жизни, чтобы не потерять того, что приобрела за этот месяц.

Как ты провел время, когда мы расстались? В Рафаэле была чудная погода. Мы с Верочкой гуляли по набережной. Потом сидели в кафе.

По правде сказать, я ничего не понимаю, как можно сажать людей и не покупать для них билетов или, вернее, не предъявлять их.

Целую еще раз.

Твой К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/179. На конверте адрес получателя: «Monsieur J. Bounine, Villa “La Dominante”, Av. de Villaine. Beausoleil (A<ipes>M<aritimes>)», адрес отправителя: «V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Paris, 17 sept 38».

¹ Первое письмо В.Н. Буниной после отъезда из Босолея, где в августе 1938 г. была снята вилла “La Dominante” (avenue de Villaine, Beausoleil). Первоначально Бунины сняли виллу до 15 октября; потом срок был продлен, и они прожили на ней до мая 1939 г. Осенью 1938 г. Бунин остался там с Е.Н. и О. Жировыми. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова и М.А. Степун находились в это время в Париже.

² Л.И. Львов в это время часто бывал у Буниных (см. п. 537). Его тревога была связана с ожиданием большой европейской войны.

³ П.Б. Струве.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Б.К. Зайцев.

⁶ Слова из пьесы С.А. Найденова «Дети Ванюшина».

⁷ Е.Н. Жирова с дочерью Олей.

⁸ Возможно, Павел Александрович Богуславский (? –1958) — инженер путей сообщения. В эмиграции жил во Франции, участвовал в работе Союза русских инженеров. Член правления Национального объединения русских инженеров (1932). Генеральный секретарь Объединения русских инженеров во Франции (1934).

⁹ Б.К. Зайцев. Очевидно, В.Н. Бунина возвращалась в Париж вместе с Зайцевыми.

¹⁰ Имеются в виду *camp des vacances* — каникулярные лагеря. Возможно, знакомый Буниных устроил им билеты в вагоны, предназначенные для проезда групп отдыхающих. Судя по минимальным намекам в письмах В.Н. Буниной, это (должна) была (быть) группа детей русских эмигрантов из некоего религиозного объединения.

¹¹ В.А. Зайцева.

¹² См. примеч. 2 к п. 426.

¹³ «Evian» — минеральная вода, разливаемая из источников в окрестностях города Эвиан-ле-Бен (Évian-les-Bains) на южном берегу Женевского озера.

¹⁴ В редакцию газеты «Последние новости», однако фельетон Г. Кузнецовой появился лишь в следующем году.

¹⁵ И.П. Демидов.

¹⁶ В.Л. Голубовская.

¹⁷ Письма Т.И. Манухиной к В.Н. Буниной за 1938 г. в РАЛ не сохранились.

¹⁸ С начала сентября 1938 г. в Судетской области происходили столкновения живших там немцев с полицией, в результате чего было введено военное положение, над Чехословакией нависла угроза германской оккупации, а во Франции был объявлен призыв резервистов. В течение месяца между правительствами Германии,

Англии, Франции и Италии шли согласования, и 29–30 сентября были подписаны «Мюнхенские соглашения», разделившие Чехословакию между Германией, Польшей и Венгрией. Настроение В.Н. Буниной по этому поводу см. в п. 537.

¹⁹ Б.К. Зайцев.

²⁰ Н.Б. Соллогуб.

²¹ Так называлась повесть Б.К. Зайцева (1927).

²² Неустановленное лицо.

²³ Перефразированная цитата из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет» (т. 1, гл. 5).

²⁴ М.Е. Imbert.

²⁵ Газеты сообщали о принимаемых противопожарных мерах на случай бомбежек: «Префектура Сены и префектура полиции сообщают: завтра в Париже и во всем департаменте Сены каждому дому будет доставлено достаточное количество песка: четверть кубического метра на дом. Песок будет сложен в коридорах и во дворах домов, с тем чтобы владелец и консьерж перенесли его на площадку верхнего этажа. Владелец сам предписано поставить там лопату и ведро» (В Париже: Меры префектуры // Последние новости. 1938. 15 сентября. № 6381. С. 1).

²⁶ Возможно, имеются в виду разнообразные высказывания о погоде караульщика Якова Демидыча из рассказа Бунина «Божье древо» (1927).

535. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 17 сентября 1938 г.

Получил от Г<алины> письмо со счетом за телефон. Завтра перешлю его тебе и пишу Рудневу, чтобы он переслал деньги за Куприна тебе¹.

Целую, ждем письма.

Публикуется по распечатке с автографа: РАЛ. MS 1066А/184 (автограф неизвестен). Почтовая открытка. Дата и место установлены предположительно по содержанию.

¹ Речь о деньгах за некролог, который В.В. Руднев выпрашивал у Бунина с августа и в конце концов выпросил: *Бунин И.А.* Перечитывая Куприна // *Современные записки.* 1938. Кн. 67. С. 309–316. Еще не дождавшись выхода номера, который появился только в октябре, Бунин написал В.В. Рудневу 17 сентября 1938 г.: «Пришел счет за наш телефон. А денег у меня кот наплакал. Будьте же добры послать Вере Николаевне (она уже в Париже), если можно, *немедля*, то, что мне причитается за Куприна» (*Бунин—СЗ.* С. 918).

536. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 18 сентября 1938 г.

Дорогая моя, милая, получил твое письмо. В Cannes, проводив вас, не нашел ничего подходящего. Теперь все сижу за письменным столом. Ляля¹ ведет дом чудесно, чисто, без лености. Завтра напишу тебе больше.

Руднев пришлет тебе за Куприна² — заплати за телефон. Целую тебя, кланяюсь твоим дамам.

18. IX. 38.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/171. Почтовая открытка с сельским видом; адрес получателя: «M-me Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Monte Carlo, 19.IX.38».

¹ Е.Н. Жирова.

² См. п. 535.

И.А. Бунин в окне виллы «Бельведер».

Грасс, 1930-е гг.
(РАЛ)

537. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 19 сентября 1938 г.

Второе письмо.

1938 года 19 сентября.

Милый, дорогой мой, как я тебе писала, в субботу я завтракала у Михельсон. Александр Михайлович сказал, что, по его мнению, тебе ничего не надо делать, что все равно легко будет получать¹. Потом сказал, что он подумает и тогда скажет. Это была суббота, день, когда он катается на своей машине, и они меня пригласили ехать с ними. Сначала мы поехали в Шантийи к Штифтеру², который болен странной болезнью, нервов ноги, болел целый год и теперь на пути к выздоровлению. Мучился ужасно. Шесть месяцев не мог поднять ноги от матраса. Теперь медленно может ходить. Вилла прекрасная, со всеми удобствами, прямо гольф, дальше сосновый и лиственный лес. Сзади дома сад, огород, вернее земля под сад и огород. Посидели, осмотрели, выпили чаю и поехали. Решили к Гликбергам³, которые живут на западе от Парижа, а Штифтер на севере. Ехали часа три. Погода была изумительная, заря редкая: вспомнила наши глотовские поездки. Так было приятно и хорошо, как тогда, когда мы с тобой ездили в Жуан-ле-Пен⁴, только, конечно, в совершенно другом стиле: широкие горизонты, тишина, почти полное безлюдье, только иногда встречали или обгоняли засидевшихся дачников. Садики с осенними цветами, астрами, далиями⁵, георгинами...

У всех настроение тяжелое: у всех сыновья в призывном возрасте, но держатся все очень приятно. Данил Львович читает Пушкина и следит за звездами по звездному атласу. Дача Гликберг очаровательная. Она сделана из гаража, а потому напоминает художественный театр не то ибсеновской пьесы, не то гауптмановской. Большой сад, и я чуть ли не пятнадцать лет не видала над собой такого звездного, широкого неба, он мне назвал все созвездия, звезды, я даже разволновалась, увидя и Альдебаран, и Арктур, и Вега, и Капеллу, и северную корону, и Персея, Андромеду, Кассиопею, Орла, поднимающуюся Плеяду, Сириус появляется часа в четыре ночи, он говорил, что вскрикнул от красоты...

Вернулась домой в одиннадцать, — без ужина не отпустили, они ведь очень гостеприимные люди.

А дома нашла своих в расстройстве. Был Лоллий⁶ и Валя⁷, и Лоллий так стал пугать войной, так кричать, что Валя ушла, а Галя с ним поссорилась. Она сказала, что нужно щадить людей, — ведь у каждого есть близкие и чего пока разводить истерику, тогда он очень грубо закричал: я не хочу вас щадить, это сумасшедший дом. Галя потом плакала, а я думаю, что его скоро свезут, я еще не видала, сужу по тому, что он говорит. Например: «Я пойду на войну, летчиком, в окопы и там буду писать стихи, бороться против цинизма, за правду, впереди всех». «Что вы за ним не смотрите!» А смотреть-то и некому.

Вчера была у обедни. Горячо молилась за всех. Батюшка сказал очень хорошую проповедь. Вернулась пешком (я еще ни разу не ездила ни в метро, ни на автобусе). Позавтракали. Да перед церковью я с Галей ходила на базар. Купили по кусочку тендрона⁸ (телячья грудинка), цветной капусты, яблок для компота для обеда. Завтракали оставшимися котлетами и кофе. Потом я легла спать. Работать мне по дому пока не дают. Спала три часа. В это время звонила Тэффи. Обида, что я ей сразу не позвонила, хотела прийти, но я сказала, что иду к Кепиновым⁹, мне хотелось узнать их впечатления от Германии.

У Кепиновых кроме меня была одна дама, потом подошли внуки. Настроение тоже тяжелое, ведь Алек и Поль должны идти на войну. Евгения Самойловна¹⁰ для успокоения вышивает подушку для лотереи. Они не пустили меня без обеда. Я рассказывала им о своих путешествиях, смешила, так что они были довольны.

Все боятся надеяться, что на этот раз гроза минует, но, кажется, что это так, уж очень странно из-за судетских немцев взрывать Европу, но кто-то сказал, что ни в одной войне не было логики. Я, не сглазить, само спокойствие, ни с кем не спорю, а только обмениваюсь мнениями.

Сегодня утром еду в банк. Сейчас девятый час, я одна встала, стучу в маленькой комнате, куда поставила голубой диванчик, чтобы принимать кумушек, да и самой можно на мягком посидеть, почитать.

Башмаки в порядочном магазине за сто франков купить нельзя. Взгляну у Пилло¹¹, боюсь одного, чтобы не было того, что случилось с моими замшевыми, которые я купила перед балом, картон сбоку так впивается мне в ногу, что я не могу ходить в них, и они у меня лежат, хоть и шестьдесят франков я заплатила, а все же жаль, что зря.

В такой чистоте у нас никогда не была квартира. Я как-то вернулась с базара и застала, что Марга вытирает пыль в столовой, да так быстро, как настоящая немецкая горничная. В кухне пол всегда блестит, кто его моет, не знаю, мне они не позволяют ничего делать, да я пока отдыхаю от переезда.

Попроси Лялю¹² прислать мне адрес Богуславского. Мне не хочется обращаться к Григуле¹³, я хочу некоторое время по возможности сохранить свое инкогнито. Я думаю, что если мне не будет представлено требований от железной дороги, то я ничего не стану делать, а если будет, тогда подниму шум. Мне думается, что они замнут все, ведь понимают, что мы не оставим так, и тогда им будет очень несладко, вскроются все эти лагеря, камп де ваканс¹⁴. Зайцев хотел поговорить с Зеелером, так как они купили билеты в его банке¹⁵, и я буду действовать в соответствии с ними. Все-таки нужно Бога благодарить, что мы так хорошо доехали, из второго ведь поезда высаживали...

Кепинов меня вчера проводил до дому, он просил очень тебе кланяться.

Марга все нездорова, мне кажется, что у нее все на нервной почве, ей очень трудно быть безработной, а тут еще такое тревожное время. Они за это время очень много денег истратили на лекарства. Марга подала в М<осковское> Землячество просьбу, чтобы ей выдали ссуду в 300 франков, я уверена, что если она получит, то сразу поправится. Ведь так было с

Лёней. Мне тогда сказала Злата Давыдовна¹⁶, это все на нервной почве, вот получит деньги с вечера, и вы увидите, что он поправится. Так это и случилось. Ты не знаешь, как тяжело жить на чужой счет. Ты никогда, кажется, не жил, а потому и не можешь сочувствовать. А Галя изводится за нее, это понятно, а я за Галю. Стараюсь не выходить из бюджета, хотя иногда являются непредвиденные траты: я дала, уезжая, 15 франков Лоллию и просила его зайти и взять мою лампочку. Приезжаю, никакой лампочки. Захожу в магазин, она там меня дожидается. Пришлось заплатить 15 фр. А вечером он приносит ампулку и никакой сдачи, меня не было. Значит, на 15 франков мой бюджет понижается. Вчера купила соли, сегодня куплю кофе, все дорожает, впрочем, ты сам это знаешь. Покупаю фрукты главным образом для Гали, они фруктов уже давно не едят, а ты знаешь, что такое для Гали были фрукты... Живем же мы очень хорошо, несмотря на тревожное настроение, мы стараемся быть веселыми, острить. Если Лоллий перестанет бывать, это к лучшему. Ниночка¹⁷ уехала с матерью в Варшаву. Кажется (это секрет), она влюблена в молодого танцора, которому всего 19 лет! вот тебе и лорд!

У бедной Берты¹⁸ отдыха совсем не было. Мать сломала руку и бедро, и вместо Спа¹⁹ пришлось ее положить в клинику в Страсбург, теперь из-за событий ее перевезли в Нанси, а если будет нужно, то повезут не то в Лимож, не то еще куда-то вглубь страны. Очень ее жаль. Она скрыла от Петра и Вали²⁰ об этом несчастье, чтобы не портить им отдыха.

Как вы живете? Что Ляля? Как Олечка²¹? Поцелуй их от меня, скоро я напишу им. Мне вчера у Кепиновых сказали, что Женя²² так же ела, оказалось, что у нее аппендицит, и после операции, ей тогда было семь лет, она стала жевать нормально. А то тоже возьмет пищу в рот и сидит. Мне кажется, что Оле следует больше давать компактные вещи и то, что она любит, все равно тратятся деньги. И пусть Ляля покажет ее Сергею Михеевичу²³. Скажи ему, что я видела в церкви его Алешу²⁴, племянника, он бледный, но такой же милый.

Обнимаю тебя, мой дорогой, нежно. Целую крепко.

Твой

Публикуется по оригиналу (машинопись): РАЛ. MS 1067А/180.

¹ Очевидно, речь идет о получении денег по чекам в зарубежных банках.

² Не удалось найти сведений.

³ Банковский работник Даниил Львович Гликберг (1881–1952) и его жена Анна Степановна Гликберг.

⁴ В Жуан-ле-Пен (Juan-les-Pins), курортное место на Лазурном берегу близ Антиб, Бунины приезжали не раз, см., в частности, запись в дневнике В.Н. Буниной 8 августа 1929 г.: «Были в Juan-les-Pins. Видели Гофмана. Пили кофе. Много женщин в ружама. Много жирных загорелых мужчин. Впечатление неприятное. Хороши лишь броненосцы — пришел флот, — хорошо было в цвете к ним море и небо, — редкое зрелище летом...» (РАЛ. MS 1067/397). Две недели — с 17 по 31 июля — Бунины провели в Juan-les-Pin в 1931 г. (РАЛ. MS 1067/404).

⁵ от *лат.* dahlia — георгин.

⁶ Л.И. Львов.

⁷ В.Л. Голубовская.

⁸ От *фр.* tendron — грудинка.

⁹ Л.И. и Е.П. Кепиновы.

¹⁰ Е.С. Гукасова, жена П.О. Гукасова и мать Е.П. Кепиновой.

¹¹ Известная французская обувная фирма «Pilot».

¹² Е.Н. Жирова.

¹³ Возможно, Мария Владимировна Григуль (урожд. Кондратьева, 1887–1966) — жена офицера Корниловского ударного полка Петра Яковлевича Григуля (1892–1971), председателя Общества галлиполийцев.

¹⁴ См. примеч. 10 к п. 534.

¹⁵ В.Ф. Зеелер руководил банком «Crédit mutuel» до его закрытия в 1940 г.

¹⁶ З.Д. Браславская.

¹⁷ Возможно, Нина Григорьевна Львова (?–1958).

¹⁸ Б.С. Нилус.

¹⁹ См. примеч. 18 к п. 432.

²⁰ П.А. Нилус и В.Л. Голубовская.

²¹ Е.Н. Жирова и О. Жирова.

²² Неустановленное лицо.

²³ С.М. Серов.

²⁴ Не удалось найти сведений.

538. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 20 сентября 1938 г.

1938 года 20 сентября.

12 ч. 23 м. пополудни,

маленькая комната, красная пижама!

Письмо третье.

Дорогой мой, что же это такое, от вас ни строки, кроме двух слов на открытке Л.С. Гавронской¹⁵! Сегодня утром я получила 251 ф. 50 от Руднева, но счета, чтобы заплатить за телефон, не имею. Я уехала пять дней тому назад и ничего не знаю о вас.

Время очень тревожное, но как будто все обойдется, только Чехия очень пострадает. Ее принесли в жертву. Жаль ее, но если бы разразилась война, то могло быть еще хуже. Сейчас вошла Галя и сказала: «напишите Ивану Алексеевичу, что только что сказали по радио: войны не будет, мир выигран, но какой ценой...» Все-таки очень тяжело, вот уже верно: с сильным не борись²¹!

Взял ли ты напрокат радио? Возьми обязательно, это очень скрашивает жизнь.

Вчера я взяла деньги из банка, десять франков взяли за чек. Вечером я с Тэффи сидела в кафе, а потом ее проводила. Она все болеет, но, слава Богу, ходит. Своим курортом осталась довольна: чудно кормили и недорого, 35 франков, горячие ванны, видимо, помогли³. Зайцевых не видала еще, Верочка ей не дала знать, что они приехали. Видимо, там «разрыв дипломатических отношений»⁴. Я тоже их не видала, может быть, они очень устали с дороги, кроме того, ведь нужно чистить квартиру.

Сегодня я все утро дома. Вероятно, и днем никуда не пойду. Вечером всенощная, завтра большой праздник, Рождество Пресвятой Богородицы, поэтому не хочу уставать. Я стараюсь ежедневно спать после завтрака, как Олечка⁵. Вчера я чувствовала большое утомление, вероятно, первые дни жила на нервах. Кроме того, тревога и волнения политические сказывались на мне. Сама я очень спокойна, как когда-то была в молодости. Ем умеренно, ничего не пью, позднее половины первого ни разу не ложилась спать, чаще в 11 часов.

Марка Александровича⁶ не видела еще, а Полонского встретили в банке. Я была там с Галей. Он был напуган и уверен в войне. «Куда бежать?»⁷... А наш дом, включая и Валю⁸, сохранял надежду на мир.

Очень мне хочется знать, как вы живете? Галя и Марга как-то совсем незаметно работают по дому. Я только раз вымыла посуду, да и то потому, что им нужно было идти в гости к Маргиной подруге⁹, дочери московского доктора Гетье¹⁰. А то мне они никогда ничего не дают делать, Галя сегодня даже вымыла мою комнату, и все незаметно, быстро, точно между делом.

Вид у Гали плохой. Я стараюсь ее подкормить, незаметно, ибо она очень сейчас скромна. Марга не здорова, почти ничего не ест. Вчера я говорила с Титовым¹¹, он обещал мне

исполнить просьбу Марги и выдать ей ссуду из М<осковского> З<емлячества>, тогда будет легче, а то у меня ничего не остается на личные расходы. Но, ради Бога, ничего не пиши об этом, ибо и Марга, и Галя сейчас болезненно относятся, стараются как можно меньше есть. Комната в Очаге, где жил Лёня¹², им обещана в середине октября. Я не возражала, так как это совпадает с твоим желанием. Галя немного задета, что ты в открытке не послал ей «даже привета».

У меня грустная неделя. В пятницу год смерти Мити¹³, последний подсчет.. Тэффи, представь, мне кажется, я не ошибаюсь, сердечно относится к Гале. Она уговаривает ее писать, даже пьесу. И Галя ежедневно работает. Если ее фельетон напечатают, то будет еще легче, все-таки получит франков двести. Сейчас самое трудное время. У меня «воды много», а пить нечего — деньги есть, а больше 30 франков стараюсь не тратить, хотя иногда и приходится, когда нет кофе, соли или сахару. На автобусе я еще *ни разу* не ездила, два раза проехала на метро, в банк и обратно, так что ты не можешь меня упрекать в расточительности. Пришли скорее требование за телефон. Кстати, я говорила по нему всего несколько раз, а они никогда не говорят.

Вот, кажется, и все новости. Стараюсь быть спокойной, но все же очень беспокоюсь о тебе, о Ляле с Олечкой¹⁴, как вы живете?

Сегодня серо, идет дождь.

Обнимаю тебя с большой нежностью.

Твой К.

Даже не покупаю бумаги, а конверты дала Марга.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/181.

¹ Открытка неизвестна.

² Видимо, речь идет об объявлении итогов состоявшихся в Лондоне 18 сентября совместных консультаций Англии и Франции. Они согласились в том, что те территории Чехословакии, где основным населением являются немцы, должны отойти к Германии.

³ См. в письме Тэффи В.Н. Буниной лета (вероятно, конца августа) 1938 г.: «<...> я все хворала да хворала, и не было сил поправиться. Пришлось заложить жен и детей и поехать на поправку. Поехала я в крошечный курортник недалеко от Vichy. Недорого — пансион, конечно, в крошечной комнатке, но я в нее все-так влезла — 35 фр<анков>, и кормят хорошо. Начала брать ванны. Пробуду дней 12–15. Больше пороку не хватит. Да и то слава Богу, а то я совсем пропадала» (*Бунинь-Тэффи (I)*. С. 405).

⁴ Объяснение этому «разрыву» см. в том же письме Тэффи к В.Н. Буниной (см. предыдущее примеч.): «Поцелуйте от меня Верочку <В.А. Зайцеву>. Я ей писала (когда еще лежала больная), что хотела бы приехать в Монте-Карло. Она на это так зловеще промолчала, что я очень радуюсь невозможности этой поездки. Вот так друзья! Пригрели и обласкали больного и одинокого друга. Но я ведь пессимистка. Мне кажется, что так и должно быть» (*Бунинь-Тэффи (I)*. С. 405).

⁵ О. Жирова.

⁶ М.А. Алданов.

⁷ Яков Борисович Полонский (1892–1951) — библиофил и публицист, сотрудник газеты «Последние новости». Оказавшись после 1917 г. в эмиграции в Париже, в 1940 г. переехал в США. Военные годы провел в Ницце, где участвовал в подпольных антифашистских организациях, изготовлял поддельные документы. Был женат на сестре М.А. Алданова Л.А. Ландау.

⁸ В.Л. Голубовская.

⁹ Наталья Федоровна Любченко (урожд. Гетье, 1894–1973) — сестра милосердия Никольской общины, участник Первой мировой войны и Белого движения. Георгиевский кавалер. В эмиграции во Франции.

¹⁰ Федор Александрович Гетье (1863–1938) — терапевт, главный врач Басманной больницы, один из основателей и с 1910 г. главный врач Солдатенковской больницы для бедных. После революции лечащий врач Я.М. Свердлов, профессор Лечебно-санитарного управления Кремля, с 1919 г. семейный врач В.И. Ленина,

Оля Жирова с И.А. Буниным.
Грасс, 1939 г.
(РАЛ)

Л.Д. Троцкого и др., в 1920–1925 гг. заведующий правительственным санаторием в Химках, с 1926 г. заведующий терапевтическим отделением Боткинской больницы.

¹¹ Александр Андреевич Титов (1878–1961) — ученый-химик, общественный деятель. Профессор Парижского университета и Коммерческого института. Основатель и директор фармацевтического предприятия «Биотерапия». Активный участник ряда эмигрантских обществ и комитетов, председатель Московского землячества.

¹² См. примеч. 3 к п. 493.

¹³ Д.Н. Муромцев. См. примеч. 4 к п. 422.

¹⁴ Е.Н. и О. Жировы.

539. И.А. Бунин — В.Н. Буниной *Босолей. 21 сентября 1938 г.*

21. IX. 38.

Дорогой мой Седой, вчера получил от тебя второе письмо. Рад, что пока все слава Богу и ты порой развлекаешься. Я же сижу почти не вставая за письмен<ным> столом, и новостей у меня нет (кроме одной, — это между нами: был Адам Адамыч¹ и сделал Ляле² предложение, которое она, конечно, отвергла, сказав, что она как жена так дурна во всех смыслах, что и представить себе невозможно).

Надеюсь, что деньги от Руднева ты уже получила³, и посылаю тебе телефонные бумаги — заплати (думаю, что хватит).

Нынче думаю поехать в Ниццу — в библиотеку, м<ожет> б<ыть>, проеду в Cannes, надо опять заглянуть в агентства: боюсь, почти уверен, что квартиру над нами снимут — и тогда хоть беги, балкон и все окна ее над нашей площадкой на высоте 2 аршин, значит, мы окажемся совсем в чей-то чужой семье. Целую тебя, да хранит тебя Бог.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/172.

¹ Неустановленное лицо (упоминается в дневниках В.Н. Буниной, в том числе в послевоенные годы).

² Е.Н. Жирова.

³ См. примеч. 1 к п. 535.

540. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Босолей. 22 сентября 1938 г.*

Утром дал Ляле переслать тебе открытку Зурова¹ — отплывает 23-го из Ревеля в Антверпен, потом получил твое письмо (с письмами Ляле и Оле)². Сейчас купался — вода райская, море необыкновенной красоты. Бумажку телефонную тебе послал. Читаю Андреева³. Сирина? Еще кто кого!

22. IX.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/173. Почтовая открытка с цветной фотографией побережья у Монте-Карло; адрес получателя: «Madame Bouvine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Monte Carlo, 22.IX.38». Год установлен по почтовому штемпелю. См. вклейку, № 27.

¹ См. открытку Л. Зурова к В.Н. Буниной, в которой сообщается, что он 23 сентября 1938 г. из Ревеля через Антверпен едет в Париж (РАЛ. MS 1068/2108).

² Письма В.Н. Буниной к Е.Н. и О. Жировым неизвестны.

³ Бунин читал «Мои записки» Л.Н. Андреева (его признание в письме Б.К. Зайцеву от 22 сентября 1938 г. См.: *Андреев Н.* Бунин о Л. Андрееве // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1978. Кн. 131. С. 210) и, вероятно, сравнивал свою (и Л. Андреева) литературную молодость с расцветом таланта В. Набокова в 1930-е гг. В то же время он мог вспомнить давнюю статью Н.Е. Андреева, в которой тот противопоставлял Сирина эмигрантским писателям старшего поколения (*Андреев Н.* Сирина // *Новь*. Таллинн, 1930. № 3. С. 6).

541. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 24–25 сентября 1938 г.*

1938 г. 24 сент.

Дорогой мой, за телефон заплатила, Ольге Львовне¹ написала. Твою открытку «красочную»² получила. Рада, что у вас хорошо.

Посылаю тебе фишку — из банка³.

Василий Борисович⁴ советует запастись пока не поздно месяца на два мелкими купюрами. Он говорит, что в случае войны месяца два будет *невозможно* получать деньги⁵.

Теперь у меня на руках есть еще 10 дол<ларов>. 5 — Лёниных. Если хочешь их сохранить в наших руках, пришли мне за них по курсу дня.

Сейчас по радио сообщили, что дано 12 дней для очистки войсками чехов судетских областей. Значит, как будто 12 дней мы будем жить под дамокловым мечом. Вчера я была у Браславских⁶. Сначала Злата Дав<идовна> возила меня к Румпельмейеру⁷, а затем я у них обедала и провела вечер, они просили, так как у них на вечер были приглашены Кнуты⁸. Звали и Маргу с Галей, но Галя так себя чувствовала, что была не в состоянии пойти. А там было много народа, конечно, все французы с сионистским направлением, значит, в случае войны — все на фронт.

В доме у нас тревожно, на Галю жалко смотреть. Конечно, ей нужно усиленное питание, а уж о душевном ее состоянии и говорить нечего. Я мучаюсь, что не в состоянии кормить ее как надо, сама сократилась так, как только умею. За это время я только 4 раза ездила на метро, из которых два в банк по твоему чеку, и один раз на автобусе, — сегодня только купила себе книжку⁹. В день смерти (годовой) Мити¹⁰ пешком ходила в церковь Серафима Саровского, — это там, где Галя служила, — чтобы сохранить франка полтора. Но это все пустяки по сравнению с тем, что она испытывает, настоящая «пытка страхом». Завтра Маргу вызывают в префектуру. Зачем?

В четверг у нас обедал Илюша¹¹ — было *pot au feu*¹² и кисель. Был очень мил. Неожиданно сказал: «Галенька, хотите заработать 50 франк.?» Мы хором ответили: «Конечно». Поезжайте послезавтра на Лионский вокзал и встретьте Веру Осиповну¹³ (сестру Амалии, В.Б.). Она приедет из Аннеси, поезд приходит, кажется, в 10 ч. 30 м. вечера. — «Хорошо», — ответила Галя. Он дал ей 100 фр. — 50 ей, 50 на расходы, сказав, что остаток перейдет Вере Осиповне. Когда он ушел, Галя говорит: «А ведь я видела ее всего раз, вдруг не узнаю»... Я решила, что я поеду, главным образом, потому, что вид у Гали плохой и я могу ей помочь, тем более, что В<ера> Ос<иповна> должна думать, что встречают ее из-за расположения. Мне ее всегда жаль, она любит меня, и я легко могу заменить ей Илюшу, который уехал в деревню. Галя сначала протестовала, а потом согласилась, я сказала, что мне хочется проехаться по вечернему Парижу.

И мы в 9 ч. вечера отправились на 19 номере.

Пришлось ждать первого поезда 40 м., затем второго еще столько же. Устали. Наконец поезд подошел. Я встала у первого вагона второго класса, Галя пошла вперед. И она ее узнала «прежде всего по помятому букету, потом <по> растерянному носильщику, которому что-то говорила небольшого роста дама».

Когда из моего II класса все вышли, я пошла навстречу толпе и вдали увидела их. В<ера> Ос<иповна> страшно мне обрадовалась. Мы спросили, есть ли багаж. — Да, один сундук. А квитанция, тут она стала рыться в своем саке и вынула полоску — для *place réservée*¹⁴, потом стала уверять, что квитанция — это бумажка, приклеенная к билету. Пройдя контроль, мы остановились. (Носильщик попался очаровательный, не такой, как тот, когда мы приехали.) Мы стали рыться в ее сумке, никакой квитанции, и она то дает картинку, то серебряную бумажку от шоколадки, то еще что. Носильщик: *se n'est pas ça, madame*¹⁵. Она: «Никогда ничего не теряла»... Я предложила пойти посмотреть на багаж, не найдет ли она его. Пошли. Поискали. Нашли. Оказалось, не сундук, а чемодан, и не один, а два. Она перепутала. Носильщик другой посоветовал пойти по начальству. Пошли. Там спрашивают *cart'у*, оказывается, ее отправили без документов. Если бы было *carte d'ident<ité>*, то багаж выдали, а так нельзя. Сказали, что нужно пойти в *commis<ariat> de police*¹⁶ при вокзале. Пошли. Там мы застали кондукторов и комиссара за картами. Комиссар, любезный красивый человек, сказал, что без бумаг ничего сделать нельзя. Пусть приедет на следующий день, и ей выдадут, как только ее личность будет удостоверена. — А если квитанцию кто-нибудь найдет, то вещи могут пропасть? — «Успокойтесь, на квитанции нет, что это в Париже. Шансов мало. Никто не придет, кроме вас»... Мы решили ехать, а в понедельник, когда Илюша приедет, взять у него карту, чтобы В<ера> Ос<иповна> приехала за багажом. Вышли на улицу и наняли такси, поставив ее вещи, которые были с ней, и в эту минуту Вера Ос<иповна> говорит, развертывая квитанцию, «а это не она?» Мы все так и прыснули... Носильщик побежал за багажом. А когда уселись, она сказала: «Буду работать для писателей, переверну весь Париж»... и все в таком духе. Я тряслась от хохота. Довезли мы ее до ее пансиона в 12 ч. 15 м. Счетчик показал 41 фр., с «начаем» 50 фр., да носильщикам дали 17 франков. В кармане — ничего, и мы оттуда, — это почти *Avenue de Versailles* около Полонских, — драли пешком. Дома Марга в столовой. Мы с Галей съели по котлетке и по груше, — это я купила в день смерти Мити фунт за 2 f. 80 с., а вообще фруктов не едим. Когда Галя разделась и села на постель, у меня сжалось сердце — так она была утомлена...

Меня поражает ее безропотность, смирение. Все уверяет, что мы едим чудно, иногда я постою, что ты мало мне дал денег. Она застывает: «Нет, нет, он прав, надо еще благода-

рить его, что он так много делает». А вчера она сказала мне: «И<ван> А<лексеевич> может радоваться: мы попали в такое положение, что хуже нельзя». Я сказала, что ты человек большой, а потому едва ли будешь этому радоваться. Она: «Ну, дай Бог»...

Живу я с ними хорошо. Они стараются мне ничего не давать делать. Одно: мне тяжело на них смотреть, т.к. они обе очень страдают, и утешать нельзя: в случае войны положение будет драматическим. Все это я пишу тебе в уверенности, что ты им не передашь. Есть минуты в жизни, когда всякие мелочи должны уступить настоящим Божеским чувствам. Ведь если война случится, то неизвестно, где кто погибнет. Мне лично кажется, что войны не будет, такого мнения и Коковцев. Но собственно никто ничего не знает.

Частичная мобилизация коснулась Каминских: Татин¹⁷ муж, Марк Иловайский¹⁸, призван на линию Мажино¹⁹. Я вчера была у Лидии Абрамовны²⁰.

К нам вчера заходила Верочка²¹: купила новые башмаки, принесла винограду, я не ела его с Beausoleil'я. Башмаков тоже не купила. Сто франков, данные на башмаки, ушли на чистку серого теплого халата, черного костюма, и то, и другое я не чистила больше года, на панихиду, марки...

Не забудь, что в пятницу²² мои именины, — хорошо бы «мательницы на шаровары»²³, ведь в прошлом году я сделала себе вечернее платье, а дневное простое я не делала уже 3 года. Не знаю даже, в чем буду ходить, если вернусь в Beausoleil. Сейчас можно купить сравнительно дешево, а потом неизвестно, что будет. День мне обходится почти всегда около 30 франков.

Ну, не сердись. Мои именины будут накануне решительного дня²⁴. Вероятно, придут близкие, и мы посидим. Истрачу, как обычно, сделаю котлеты... Сегодня мы с Тэффи идем к Мережковским.

Обнимаю тебя, мой милый.

Целую Лялю и Олечку²⁵.

Твой, увы, Седой!

Вчера получила письмо от Мама²⁶. На днях отвечу.

Браславские тебя целуют, кланяются. Если войны не будет, обещают меня отвезти в ноябре к тебе на машине! Он говорит, что тебя ему недостает...

Нежно целую.
1938 г. 25 сентября.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/182.

¹ О.Л. Еремеева.

² См. п. 540.

³ Имеется в виду банковский формуляр или бланк (*fiche (фр.)*) — карточка, формуляр).

⁴ В.Б. Ельашевич.

⁵ Абзац отчеркнут на полях красным карандашом.

⁶ М.Л. и З.Д. Браславские.

⁷ Не удалось найти сведений.

⁸ Поэт Довид Кнут (наст. имя Дувид Меерович (Давид Миронович) Фиксман, 1900–1955) и его жена Ариадна Александровна Скрябина (1905–1944), принявшая в этом браке иудаизм и имя Сарра (Фиксман (Кнут)).

⁹ Имеется в виду carnet. См. примеч. 9 к п. 228.

¹⁰ Д.Н. Муромцев. См. примеч. 4 к п. 422.

¹¹ И.И. Фондаминский.

¹² бульон с мясом и овощами (*фр.*).

¹³ В.О. Гавронская.

¹⁴ плацкарта (досл.: зарезервированное место)

¹⁵ это не то, мадам (*фр.*).

¹⁶ полицейский участок (*фр.*).

¹⁷ Т.С. Малинина.

¹⁸ Марк Владимирович Иловайский (1909–1977) — инженер-электрик, поэт. С 1926 г. в эмиграции во Франции. Окончил Политехнический институт в Гренобле и Школу радио в Бордо. Работал инженером по производству радиоламп. В 1938 г. призван в ряды французской армии. Участник Второй мировой войны, сержант французской армии, командовал артиллерийской батареей. Позже участник Сопротивления.

¹⁹ Линия военных укреплений на границе Франции и Германии протяженностью 400 км, работы на которой продолжались до 1940 г.

²⁰ Л.А. Каминская.

²¹ В.А. Зайцева.

²² 30 сентября.

²³ Вероятно, домашнее присловье.

²⁴ 1 октября 1938 г. вступали в силу Мюнхенские соглашения о разделе Чехословакии, однако они были подписаны 29–30 сентября и 24 сентября (в день написания этого письма) В.Н. Бунина о них еще не знала. Вероятно, речь идет об ультиматуме Гитлера от 22 сентября в течение недели передать управление Чехословакией Германии, Польше и Венгрии.

²⁵ Е.Н. и О. Жировы.

²⁶ Имеется в виду письмо Е.Н. Жировой к В.Н. Буниной от 23 сентября 1938 г. с жалобами на нужду — нехватку денег, еды и одежды (РАЛ. MS 1067/7683).

542. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 27 сентября 1938 г.

Вторник 27 сент. 38 г.

Дорогая моя, милая, поздравляю тебя¹, обнимаю и целую от всей души — и ничего не понимаю: почему ты упорно молчишь? Это в такое-то время! Знаю, что и в Париже еще никто не знает толком, что будет завтра, но все-таки тебе есть о чем писать — ты ведь не в Beausoleil. И потом: что ты думаешь о том, что нам делать, если завтра исчезнет всякая надежда на мирный исход дел? У меня эта надежда уже начинает исчезать — немецкая душа свирепо любит распалиться, доходит до остервенения, распалаясь, и тогда уже готова лучше лопнуть, чем смирить себя. И не представляю себе, чтобы Гитлер мог *теперь* пойти на уступки — из-за этого сладострастия распаления и из-за скотского самолюбия. И что же остается делать? *Ему* продолжать уступать? Это становится невозможно уже просто психически — даже я начал это чувствовать. И вчера, и сегодня уже очень тревожусь, начинаю бояться: а вдруг даже не успеешь выскочить отсюда? Тут — ведь ты понимаешь, что мы почти в Италии — уже начали эвакуировать больницы, по словам Андрея² (который работает теперь *до полночи*, готовясь к возможной отправке его банка в Биарриц). Сейчас иду в свой сейф — опорожнять его. Пиши же немедля, *немедля поговори с Михельсоном* о переводе наших бумаг в Швейцарию.

Ляля и Олечка³ (которая все больше разбаловывается) тоже тебя целуют и поздравляют. Поклон Г<алине> и М<арге>.

P.S. Здешние итальянские подданные в ужасе: как война, прихлопнут все их имущество, а самих в кон<цен>тр<ационный> лагерь!

Живем все так же, пока, слава Богу, я все за столом.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/174.

¹ Бунин поздравляет жену с именинами. См. п. 541.

² А.В. Соллогуб работал в то время во французском отделении английского «Barclays Bank» в Монте-Карло.³ Е.Н. и О. Жировы.**543. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова — И.А. Бунину***Париж. 27 сентября 1938 г.*

27 сент. 1938 г.

Дорогой мой, пересылаю тебе письмо¹, оно было заказным.

Как хорошо, что я в Париже, иначе писатели не получили бы ничего, и Гале с Маргой было бы уж очень тяжело. Я считаю, что они в самом тяжелом положении из *всех*, кого я знаю, но они все же не поддаются панике, а держат себя с большим достоинством, не отказываясь даже от грошовых заработков, — только вид у Гали плохой. Что бы ни случилось, большое счастье, что я здесь.

А вокруг много трусости, себялюбия, эгоизма. Большинство думает о себе, и как это большинство несчастно, жаль на него смотреть. Но есть и настоящие люди, как например, Тата², а ее муж уже на линии Мажино³, Дараган⁴, даже Фаина Осиповна⁵, а Тэффи дре<й>-фит, лучше Мережковские, Илюша⁶...

Да, скончался Пети у себя в деревне⁷, там, кажется, и похоронят. Вероятно, он волновался в эти тревожные дни, и сердце не выдержало. Дараган говорила мне, что Софья Григорьевна⁸ его не переживет...

Я чувствую себя скорее хорошо. Иногда скучаю, что тебя нет рядом. Радуюсь, что ты вдали, работаешь.

Я сейчас читаю Мережковского «Павел»⁹, очень интересно и для меня надо. Только *любовь и ко всем*. И как это не созвучно со всем, и как это близко мне. Вчера были у все-нощной, ведь сегодня Воздвижение. Какая служба! Думала о тебе, как жаль, что ты себя лишаешь таких настоящих внежизненных переживаний.

17/30 IX надеюсь причаститься. Вечером у меня соберутся те, кто остались еще в Париже. М<ожет> б<ыть>, придет и Лёня. Воображаю, какое будет у всех настроение! Ведь это будет канун или великого несчастья, или большого облегчения, во всяком случае день исторический¹⁰.

Была у Таты, завтра запломбирует мне зуб, — выпала пломба. Она очень похудела и похорошела. Ее отец уехал в турне в Норвегию и Швецию.

Нилус просил тебе кланяться. Они все в Виши, мать Берты, видимо, умрет.

Михайлов, вероятно, сегодня зайдет. Они тоже куда-то едут.

Сейчас говорила с Любочкой Полонской, она тоже думает, как я, что «все образуется», пока никуда не едут. Алданов был в воскресенье, боится.

Сегодня вечером мы идем к Браславским.

Не утомляется ли Ляля¹¹? Она ведь может молчать. Часто ли бывает у вас *femme de ménage*¹²?

Целуй ее и Олечку¹³.

Твой Седой.

<Г.Н. Кузнецова.> Что же Вы совсем нас забыли? Такое тяжелое время, а Вы — ни словечка? Если только пишете — тогда слава Богу! Целую Вас крепко. В<ера> Н<иколаевна> о нас очень заботится, и вообще мы с ней живем очень дружно. Тут всюду паника, а собственно, причин еще нет. Целую Лялю и Олечку. Как они? Целую. Галя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/183.

¹ О каком письме идет речь, неизвестно.

² Т.С. Малинина.

³ См. примеч. 18–19 к п. 541.

⁴ К.Ф. Дараган.

⁵ Ф.О. Ельяшевич.

⁶ И.И. Фондаминский.

⁷ Эжен Пети скончался от разрыва сердца 27 сентября 1938 г. у себя в нормандском имении. Эмигрантская печать немедленно откликнулась сообщением о смерти: Кончина Е.Ю. Пети // Последние новости. 1938. 27 сентября. № 6393. С. 3. А месяцем позже появилась и большая статья: *Демидов И.* Друг России и русских (Памяти Е.Ю. Пети) // Последние новости. 1938. 8 ноября. № 6435. С. 3.

⁸ С.Г. Пети (1870–1966) пережила мужа на четверть века.

⁹ Книга из трилогии «Лица святых от Иисуса к нам»: *Мережковский Д.С.* Павел. Августин. Берлин: Петрополис, 1936.

¹⁰ См. примеч. 24 к п. 541.

¹¹ Е.Н. Жирова.

¹² домработница (*фр.*).

¹³ О. Жирова.

544. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 28 сентября 1938 г.

Среда 28 сен. 38 г.

Дорогой мой, сейчас получила твоё поздравительное письмо. Утром послала *expres* на имя Ляли¹. Вчера отправила тебе тоже письмо. Не писала два дня потому, что было очень неопределенно. У меня надежда на мирный исход стала исчезать только сегодня утром, хотя я верю в чудо, может, и «образуется».

Что нам делать? Я уже писала, что, м<ожет> б<ыть>, поселиться где-нибудь <в> Экс-Валенсе. Боюсь, что Швейцария нам будет не по средствам.

Мне кажется, что в случае войны, нам нужно где-нибудь съехаться в маленьком городке и обсудить. Если Лёня не будет сразу призван, он может меня проводить.

Сейчас я выехать к вам не могу из-за Гали. Мне порой кажется, что *гадалка ее права*. Я могу быть им прямо необходима 1–2 окт<ября>. Если же мир опомнится, и войны не будет, то будет по-старому.

Я не думаю, чтобы Италия выступила сразу. Можете ехать с остановками. Ведь за Ниццей, Каннами, например, в С<ент>-Раф<аэль>², еще не будет очень страшно.

Ляля должна списаться с мужем³, родными. Если мы будем во Франции, они могут быть с нами, а если мы решим в Швейцарию, то на этот случай ей нужно подумать⁴.

Пусть напишет мужу, чтобы он со мной поговорил.

Пришли мне денег, ведь неизвестно, как *мне придется ехать и одной ли?* Есть план, что М<арга> уедет к себе, есть план, что останется. Галю нельзя бросать, бесчеловечно. Вспоминаю свои слова: «без нас накажут». Жутко. Сердце разрывается. В церкви плачу, а дома бодр.

Обнимаю тебя, мой Ненаглядный.

Целую Лялю и разбалованную Олечку⁵.

А что, если ехать в Олечкину деревню⁶? Михельсоны в Швейцарии. В<асилий> Б<орисович>⁷ говорит, что бумаг не нужно переводить. Ответь мне относительно 10 дол<ларов>.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/184.

¹ Е.Н. Жирова.

² См. примеч. 2 к п. 426.

³ Имеется в виду, очевидно, бывший муж — А.М. Жиров.

⁴ Этот и следующий абзацы отчеркнуты на полях красным карандашом.

⁵ О. Жирова.

⁶ См. примеч. 10 к п. 531.

⁷ В.Б. Ельяшевич.

545. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 29 сентября 1938 г.

1938 г. 29 с.

Дорогой мой, со вчерашнего дня облегчение! Надежда на мир укрепляется¹. Вчера на улицах было вечером ликование. А утром все были сдержаны, серьезны, но бодры. Французы молодцы!

Вчера я, подавшись беспокойству, заказала у Наин² провизии, сегодня принесли на 80 fr. 70 с.! Кое-что обменяем теперь, так, например, какао на печенье, яйца, foie gras³, ибо все-таки завтра, вероятно, кой-кто будет, да уже мне сказали Алдановы, Полонские, Зайцевы, Тэффи, Дараган, Лидия Абр<амовна>⁴, м<ожет> б<ыть>, Кепинов, Тата⁵. Всем хочется собраться посидеть вместе.

Сейчас говорила с Зерновым. Он твердо уверен, что войны теперь не будет, а вчера «хотел записываться в армию».

От Лёни была вчера открытка, сейчас в Роттердаме, не знаю, когда приедет в Париж?

Сегодня раздаю деньги писателям за октябрь⁶.

Ельяшевич держится приятно. У них в случае войны в деревне жило бы 7 чел<овек> друзей. Франки⁷ уже там.

Успокой итальянцев, в случае войны лагерей не будет, знаю из солидного источника. Будут предлагать или возвращаться на родину, или сражаться на фронте. Лагеря обошлись бы очень дорого.

Меня теперь в шутку называют Чемберлен!!!⁸

Я уже получила подарки. Верочка серебряную цепочку для креста, чему я страшно рада. А Фаина Осиповна⁹ «вместо подарка» подарила мне свою шляпу, изумительно легка фетра. Я очень рада, так <как> у меня не доставало именно такой маленькой изящной шляпы.

Сегодня я хотела взять mademoiselle¹⁰ хоть на два часа, но Марга запротестовала и вымыла даже судно «на ять». Мне они не дают почти совсем работать, только стираю свое белье, да подметаю украдкой спальню. Я физически отдохнула. Лежу много. Верочка находит, что я поправилась. Позднее двенадцати не ложимся, чаще 10 ч. 30 — 11. Встаю в 8 ч. утра.

Что ты пишешь?

И.А. Бунин с Олей Жировой.
Грасс, 1940 г. (?)
(РАЛ)

Я думаю с понедельника ходить в Нац<иональную> библ<иотеку>. Мне тоже хочется работать. Гукасовы — старухи¹¹ и Ел<ена> Пав<ловна> Кеп<инова> уехали в Динар. Кепинов здесь.

В Париже сейчас просторно. Паники никакой.

Кто-то сострил, что Алек<сандр> Мих<айлович> убежал в Швейцарию за вторым légion d'honneur'ом¹².

Балуешь ли ты хоть иногда Лялю¹³? Она беспокоится, доволен ли ты?

Пэку¹⁴ еще не видала. Говорят, что он не очень хорошо себя чувствует.

Обнимаю тебя, мой золотой, Христос с тобой.

Целую Мама и Олечку-царевну¹⁵.

Твой Чемберлен.

Сегодня память твоей матери¹⁶, я о ней помолилась.

Вчера послала вам 2 письма.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/185.

¹ После ультиматума Гитлера 22 сентября (см. примеч. 24 к п. 541) в Чехословакии и Франции была объявлена мобилизация, и Гитлер выступил с идеей новых переговоров, «уточняющих» соглашения по Судетскому вопросу, на которых должны были присутствовать и представители Чехословакии. Со своей стороны, умиротворяющие заявления сделал премьер-министр Англии Н. Чемберлен, и ситуация внушила обывателям иллюзорную надежду. После переговоров, которые прошли в Мюнхене 29–30 сентября, Чехословакия (чьи представители были допущены только подписать протокол) оказалась разделена между Германией, Польшей и Венгрией.

² Очевидно, владелица лавки.

³ паштет из гусиной печени (*фр.*).

⁴ Л.А. Каминская.

⁵ Т.С. Малинина.

⁶ См. примеч. 9 к п. 399.

⁷ Философ Семен Людвигович Франк (1877–1950) и его жена Татьяна Сергеевна (урожд. Барцева, 1886–1984).

⁸ Вероятно, имеется в виду примиренческая роль премьер-министра Англии Н. Чемберлена в Судетском вопросе.

⁹ Ф.О. Ельяшевич.

¹⁰ М.Е. Imbert.

¹¹ Е.С. Гукасова и жена А.О. Гукасова.

¹² А.М. Михельсон был награжден орденом Почетного легиона.

¹³ Е.Н. Жирова.

¹⁴ Н. Рошин.

¹⁵ Е.Н. и О. Жировы.

¹⁶ Л.А. Бунина умерла в ночь с 15 на 16 июля 1910 г., см. в письме Бунина Е.И. Буковецкому и П.А. Нилусу от 16 июля 1910 г.: «Нынче рано утром получил от братьев телеграмму, что мать скончалась» (*Письма* (2). С. 146). В.Н. Бунина имеет в виду день ее именин, 29 сентября.

546. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Босолей. 30 сентября 1938 г.

30. IX. 38.

Вера, милая, ты несправима: опять вопли о деньгах! А давно ли ты уехала, и сколько я тебе дал? И на сколько времени? Разве не на месяц? И не сама ли ты устроила так, что я должен жить на 2 дома? Чем я виноват, что тебе нужно было будто бы до зарезу в Па-

риж? — Почему не прислал на 10 долларов? Потому что у меня осталось французскими деньгами всего 200 франков. Почему не слал по авиону чек? Потому что Андрей¹ сказал: «Очень возможно, что теперь ничто уже не дойдет». Вчера, слава Богу, все вдруг переломилось, но ведь я узнал это только вечером — да и то гадательно: с уверенностью только нынче утром. Почему не слал раньше, до предупреждения Андрея? Потому, что знал, что ты тратилась *всего дней десять* после отъезда отсюда — значит, должна бы иметь еще порядочно. Потому, что не думал, что нам придется съезжаться где-то в Эксе, что не сию же минуту начнут громить Париж. И потому, наконец, что в такие времена деньги нужно держать в железных клещах. *Сейчас* послать в подарок тоже ничего не могу: повторяю, — 2 квартиры, две кухни — и т.д.

Еще раз поздравляю и крепко целую тебя, очень жалко, что вынужден все это писать в твои именины.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/175.

¹ А.В. Соллогуб.

547. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 1 октября 1938 г.

Вчера в письме к Г<алине> послал тебе поспешное письмо, ехрèс, чтобы поскорее объяснить тебе кое-что. Целуем, ждем писем.

1. X. 38.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/176. Почтовая открытка с фотографией садов Монте-Карло; адрес получателя: «Madame Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Beausoleil, 1.X.38».

548. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 1 октября 1938 г.

1938 г. 1 октября.

Милый мой, начинаю сегодня день письмом тебе.

День моего Ангела отпраздновали. Было очень хорошо.

Утром — обедня, я причащалась. В церкви была Манухина, на обратном пути подарила мне 4 белые хризантемы.

Вернулась. Дома никого. М<арга> и Г<алина> были у Илюши¹. Г<алина> получила у него 22 фр. за работу. М<арга> говорила по делу с Вл<адимиром> Мих<айловичем>².

Я выпила кофе и легла отдохнуть.

Скоро они вернулись с подарками. Галя эту бумагу и пару сосисок, а Марга чашку для кофе, моей любимой формы.

Сели завтракать. Я принесла 3 пирожка от Тесленко³, они сосиски.

Потом легли спать. Я чуточку задремала. Потом стала читать об Августине. Я о нем ничего не знала. Интересно. Освещение, конечно, свое, Мережковского.

Звонок. Куриленко⁴ с большой корзиной фруктов, со словами: «Поздравляю, не знаю, приду ли вечером». А накануне она тоже зачем-то зашла. Я приняла ее в своем кабинетике, так как кто-то спал.

Она спросила что-то насчет именин и сказала: «Небось муж придет на этот день что-нибудь». Я: «Нет, едва ли, ибо письмо поздравительное имею, а подарка никакого». Она: «Ах, какой нахал! А мой-то⁵ бывало: еще накануне я пойду спать пораньше, а он мне из столовой: — Котя (он меня то Котя, то Катя), Котя, не спи. Я уже знаю, как 12 ч., так он является в спальню с поздравлением и подарком. Раньше меха, драгоценности, а здесь деньгами. Один раз цветы. Куда спрятать? Спрятал под кровать, а f<emme> de ménage⁶ увидела и кричит: “барыня, что это такое?” Он на нее цыкнул. Ну я поняла и сделала вид, что ничего не слыхала. Да, он у меня был умный!» — сказала она со вздохом.

Вот, действительно, не родись красивым, а родись кудрявым.

Вот тебе и Котя Куриленки⁷!

Потом, когда все встали после отдыха, мы с Галей пошли к парикмахерам и за покупками.

А когда вернулись, то увидели, что Марга все уже устроила, переставила диван, все вычистила, и кухню, и все комнаты.

Я опять легла — болело яблоко правого глаза, а они стали готовить: Галя котлеты, Марга сэндвичи.

В восьмом часу пришли Зайцевы, они боялись, что кто-нибудь их задержит, потом Зернов привез 2 бут<ылки> красного вина и ликеру Cherry Brandy, потом Куриленко, за ней Кепинов, Наташа Гетье⁸, дочь известного хирурга в Москве⁹, подруга сестры¹⁰ Марги, в которую когда-то был влюблен Кепинов, так что встреча приятная, были еще Дараган, Илюша¹¹, Марк Алекс<андрович>¹², Тэффи. Гетье принесла цветы, Тэффи сладкий пирог, два раза в вечер являлся Лоллий¹³, преподнес мне розу, его просили читать стихи. Он скромно прочел два стихотворения — «О счастье» и «День и ночь». Все были очень довольны и, несмотря на порой поднятые споры, настроение было у всех хорошее, и мне говорили, что такого вечера давно не проводили.

Ну вот, дорогой мой, наступил октябрь. Задания этого месяца: оживить Амауг¹⁴ и устроить концерт Марги¹⁵.

Я была бы очень рада, если бы ты продолжил свое пребывание на Vill'e La Dominante, чтобы туда вернуться.

Я счастлива, что ты работаешь.

Галя и Марга хотят в октябре переселиться на François Gérard¹⁶. Я писала уже, что я не возражаю, так как это совпадает и с твоим желанием.

Квартиру тогда запру до твоего или нашего возвращения.

Париж очень опустел, как обычно в августе songé¹⁷, но не rayé¹⁸.

Получила телеграмму из Виши от Нилус и Мазе¹⁹, значит, и она там.

Михельсон прижухнулись, даже Нат<алья> Иг<натъевна> не поздравила, а мы с ней хотели «праздновать». Или еврейские круги очень возмущаются.

Лёня прислал три открытки подряд²⁰, чтобы меня успокаивать. В последней пишет: 29 с<ентября> 1938. «Благополучно дошли до Роттердама. Проскочили. В немецком море было тревожно. В Гамбурге мы были последними. Все иностран<ные> пароходы бежали из Герман<ских> портов. В море нас контролировали. Встречали подводные лодки и крейсера. В Кильском канале шли под прожекторами». — Так что и он поволновался²¹. Жду его или сегодня, или завтра.

От Каллаш открытка²². Она в Париже. Вчера звонила в наше отсутствие.

Я, конечно, чувствую нервное переутомление. Я была всю прошлую неделю натянута, как струна. Старалась вокруг поддерживать дух и надежду. Как я понимаю ту мать, которая пришла на казнь сына с белым покрывалом...²³

Михайлов пришел поздно с Плюшкой²⁴. Он забыл и только вечером вспомнил в кафе и позвонил. Я пригласила его.

Забыл и Володя Злобин и очень жалеет; забыли, вероятно, многие и многие.

На два часа вчера я брала *mademoiselle*²⁵, так как пришлось кое-что взять у Куриленко, и я не хотела об этом заботиться, да и все мы были до крайности утомлены. Она пробывла часа полтора.

Что же ты не пишешь о долларах? Я уже потеряла выгодный для меня день, он дошел до 42. Напиши немедленно. Берешь ли ты их или нет? Мне необходимо их обменять. За газ и электричество еще не приходили, 400 фр. лежат в отдельной коробке.

Ну вот, мой драгоценный, вчера мне порою очень тоскливо без тебя было...

Да хранит тебя Христос.

Обнимаю с нежностью.

Твой Чемберлен.

Лялю с Олечкой²⁶ целую, им напишу завтра.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/186.

¹ И.И. Фондаминский.

² В.М. Зензинов.

³ Н.В. Тесленко с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1921 г. в Париже. Работал в банке, юрисконсульт-ом ряда предприятий, имел частную практику. Председатель Объединения русских адвокатов во Франции, с 1931 г. председатель Комитета помощи русским писателям и ученым. См. также примеч. 6 к п. 13.

⁴ Екатерина Николаевна Куриленко (урожд. Рождественская, 1879–1952) — парижская знакомая и соседка Буниных, жила в том же доме (1, rue Jacques Offenbach).

⁵ Муж Е.Н. Куриленко Николай Иванович Куриленко.

⁶ домработница (*фр.*).

⁷ Буниной нравилось произносить эту фамилию на французский манер, Куриленки, с ударением на последний слог.

⁸ См. примеч. 9 к п. 538.

⁹ См. примеч. 10 к п. 538.

¹⁰ Мария Августовна Степун.

¹¹ И.И. Фондаминский.

¹² М.А. Алданов.

¹³ Л.И. Львов.

¹⁴ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁵ См. примеч. 6 к п. 524.

¹⁶ Имеется в виду общежитие Русского очага по адресу: 43, rue François Gérard. См. примеч. 3 к п. 493.

¹⁷ отпуск (*фр.*).

¹⁸ оплачиваемый (*фр.*). В.Н. Бунина обыгрывает выражение *songé payé* — оплачиваемый отпуск (*фр.*).

¹⁹ Письма и телеграммы Б.С. и П.Н. Нилусов, а также Д.М. Мазе к В.Н. Буниной этого времени не сохранились.

²⁰ Письма неизвестны.

²¹ 31 октября 1938 г. Л.Ф. Зуров писал Н.Е. Андрееву: «Выбрался из Эстонии на торговом пароходе. В Гамбург попал в самое тревожное время. Думал, что в Северном море нас застанет война. Но все обошлось» (*Андреев-Зуров*. С. 52).

²² Открытка от М.А. Каллаш от 30 сентября 1938 г. (поздравление с именинами, расспросы о членах семьи и просьба отозваться) сохранилась: РАЛ. MS 1067/3045.

²³ Имеется в виду стихотворение «Der weiße Schleier» М. Гартмана в переводе М.Л. Михайлова (<1859>), героиня которого пришла на казнь сына в белом одеянии, которое должно было служить знаком помилования ее сыну и таким образом внушить ему мужество; пример «святой лжи».

²⁴ Возможно, О. Жирова.

²⁵ М.Е. Imbert.

²⁶ Е.Н. и О. Жировы.

549. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 1 октября 1938 г.

1 октября 1938 г.

Дорогой Ян, меня очень удивляет, что ты в день, когда весь мир ликует, пишешь такое неименное письмо! Ведь все разговоры о деньгах я подняла только тогда, когда ты стал спрашивать, что нам делать? Ведь шли слухи о принудительной эвакуации, о том, что наш *arrondissement* назначен в Бретань, поэтому я и писала, что мне нужен известный запас денег, может быть, трудно было бы ехать, например, в III-ем классе или пришлось <бы> нанимать автомобиль, да мало ли что еще. На жизнь нормальную я никаких денег не прошу больше. На месяц мне хватит. Ни разу за все 30 лет я не потребовала у тебя добавочной суммы, а как я эту сумму трачу, это «позвольте мне знать», так что я не понимаю, почему ты сердисься? А насчет подарка, — это ведь полшутя, если нет денег, то хоть десять марок можно было послать или еще какой пустяк. Лоллий не богаче тебя, а все же принес розу. Верочка серебряную цепочку на крест, дело ведь не в деньгах, а в памяти и внимании.

Ты *сам* меня стал спрашивать: что нам делать? Я и высказала некоторые планы. В глубине души хотя и таилась надежда на мир. Я была уверена, что 30 с<ентября> ты был в хорошем настроении¹ и моим письмам не придал никакого значения, так как они уже утратили смысл. И если и напишешь мне письмо, то в ином тоне или промолчишь. А ты в такой день радости писал злые письма. «Нехорошо, Иван Алексеевич, нехорошо!»

И зачем при такой бедности тратить деньги на экспрессы? Не все ли равно тебе, когда ты нас расстроил бы, в субботу или в воскресенье.

Меня больше всего огорчает твое бессердечие. Все, кто был вчера, все что-нибудь принесли, чтобы как-нибудь улучшить мой праздник, один ты никак его не отметил, кроме неприятных слов².

Тэффи сегодня была и диктовала Гале рассказ за плату. Все стараются ее ободрить, дать заработать, чтобы она могла вносить свой пай. Они, как получают что-либо, так сейчас же вносят в общий котел, но сейчас все очень подорожало.

А относительно долларов ты опять ничего не написал — 5 д<олларов> Лёниных, если не хочешь, то я продам другому или в банк. Буду ждать до вторника, среды.

А мне как раз утром вчера было очень тоскливо без тебя.

Думаю, что ты тоже за эти дни очень переволновался.

Целую всех.

В.Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/187.

¹ Хорошее настроение Бунина, видимо, должно было быть вызвано заключением Мюнхенских соглашений, которые отодвигали наступление войны. См. примеч. 18 к п. 534.

² Далее густо зачеркнуты три с половиной строки.

550. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 3 октября 1938 г.

З. Х. 38.

Милый, голубчик мой, не обижайся на меня, — я ведь до сих пор не могу привыкнуть, что в тебе, как в миллионах женщин, есть все-таки немножко Куриленки, а ты не можешь привыкнуть к тому, что я не могу, не умею делать праздничные «сюрпризики», подарочки. Деньги другое дело, но я тебе писал, что было *перед* твоими именинами, — нельзя было рисковать посылать даже чеки. А потом я писал тебе, что пришло — и вот посылаю, *сколько могу*: мне вот-вот посылать чуть не 2 тысячи налога, а к 15-му 2 тысячи за квартиру в Париже и еще 700 (а то и больше — верно, хозяин потребует опять за 2 месяца) за квартиру здесь. А наша здешняя жизнь? Между нами совершенно: Ляля¹ никуда в смысле трат! И свои деньжонки пропускает с невероятной быстротой и глупостью: например, зачем-то поправила свое стило — 40 франков! И на девочку тратилась так и пихала в нее «и сардинки, и шоколадные бомбы»² (помнишь «Хорошую жизнь»?) в таком количестве, что девочка слегла — лежит второй день, дрищет по 5 раз в день — колит — и нынче был доктор (25 фр.) и лекарств франков на 30 надо купить.

Вот. А теперь насчет Г<алины>: я больше не могу переносить, как она изводится, чахнет, выбивает гроши, недоедает, не смеет мечтать даже чулки купить (а воображаю, каковы они у нее сейчас и что будет вскоре, когда начнет таять все, чем запаслась она когда-то). Посылаю при сем чек на 1 000 франков — пусть она реализует его на *Rue Laffitte (дом № 26), в Banque Internationale de Commerce*³ — и возьмет себе 800 франков, а 200 передаст тебе, как мой «именинный подарочек». Из прилагаемой при сем записки к Г<алине>⁴ ты увидишь, на что я прошу ее употребить эти 800 франков.

А насчет долларов у тебя — что долбишь о них, когда я тебе написал уже, что *франков наличных у меня больше нету? Что ж мне — продавать свои доллары и фунты — и покупать твои*⁵? Крепко целую, Христос с тобой.

Рад, что именины прошли у тебя приятно. Сейчас получил 2 твои письма от 1-го окт<ября>⁶.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/177.

¹ Е.Н. Жирова.

² Бунин не вполне точно цитирует собственный рассказ «Хорошая жизнь» (1911), герой которого угощал сардинками даму, а сам, по словам матери, «ел он страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадные, и крендели, и слоёнки».

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ Записка не сохранилась или не известна.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

⁶ См. пп. 548, 549.

551. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 3 октября 1938 г.

З. Х. 38.

В 2 часа послал тебе *expres-remandé* — извести как можно скорей о получении — все-таки боюсь — чек.

И.А. Бунин и Оля Жирова.
Грасс, лето 1939 г.
(РАЛ)

¹ Е.Н. Жирова.

² Е.Н. и О. Жировы.

³ Н. Рошин.

Сейчас 5. Девочка лежит с розовым лицом, с блестящими глазами, очень тихая. Доктор сказал — колит, на лекарства, прописанные им, мам¹ потратила 60 фр. Недурно?

И думаю о себе: за что послал мне Бог в конце концов такую странную и горькую жизнь! Один, какая-то Ляля, какая-то девочка²... Недоставало еще ребенка в моем несчастном доме — того, чего я всю жизнь так боялся... за что, за что?

Ну, да «плакать не поможет».

Просит тебе кланяться, видя, что пишу письмо, — и плачет. Погуляла с Капитаном³!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/178.

552. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 4 октября 1938 г.

Дорогой мой, бесценный, сию минуту получила чек, Гали нет дома, очень ты утешил меня своим добрым порывом. Нежно за это тебя обнимаю. Одно огорчает, что ты думаешь, что твои траты не мои. Если бы ты видел, как я экономлю, ты удивился бы. Но что было делать, если я первое время перетратила. Я застала Маргу больной: колит. А в доме даже соли не было. Не знаю, как бы они пережили это время, если бы я не приехала. В дни тревоги у меня, да и у Марги, от волнения повышался аппетит, а Галя лишалась его. Затем, хотя маленькие, а все же сделаны запасы и кой-что лишнее, например, 2 коробки сардинок. Я хоть и была спокойна, но вокруг *так пугали*, что пришлось на всякий случай кой-чем запастись, хорошо еще, что не купила толстой бумаги, чтобы предохранить стекла от взрывов. Кой-что обменяла, например, эски-какао с молоком и сахаром, хочу попробовать обменять и часть муки. Ну теперь все на время обошлось. Я и насчет «подарочка» писала тебе только потому, чтобы дать понять, что мы в крайности, а писать не хотела, боялась, как бы ты Гале чего не написал.

Сегодня счастливый день: m-me Куриленки утром занесла ½ англ<ийского> фунта Марге, она ей очень нравится, вроде как за билет. Вероятно, она захотела сделать доброе дело в благодарность за мир. Марга сейчас же принесла их мне. Вообще у Марги есть очень много хорошего, желание меня покоить. Она искренне огорчается, что ничего не выходит из «романа ты, Галя и она». Она говорит, что ты ей *очень* нравишься. Я как-то все высказала им, знаешь мое мнение (*это все очень между нами*). Но ее положение сейчас очень трудное. Если концерт пройдет благополучно, то я думаю, все будет гораздо нормальнее.

Вчера Галя весь вечер плакала, реакция на пережитое, а главное, ночью был такой ураган и дождь, что окно в спальне поминутно распахивалось, а постель Гали подпрыгивала.

Сегодня, наконец, пришло письмо из Дрездена¹. Там была ужасная паника.

Лёня стал уравновешенным. Заходит ненадолго, но ежедневно. Очень ласков со мной. Расспрашивал о тебе. Просил кланяться. Сегодня был у Павла Ник<олаевича>², который остался очень доволен всем, что сделал Лёня. Про Мазона³ сказал, что он «сволочь и мерзавец». Командировка остается от Трокадеро⁴ в силе, только не дали денег, это дело Вильде-Лота⁵. Но, вероятно, Лёне заплатят за коллекции вышивок. У него покупали шведы, но он не продал. На будущее лето он, может быть, будет участвовать в экспедиции со шведами⁶. Несмотря на траты для Музея, он сберег из собранных денег 900 франков! Вот бы всем нам у него поучиться! Питался летом — хлебом, молоком и огурцами.

За 200 фр. благодарю. Куплю себе башмаки, — необходимо. Разочек съезжу на Монпарнас. За все время ни разу на свои деньги не была в кафе.

Твой седой Чемберлен. Целую.

Олечка выиграла скатерть!

Обнимаю, мой ненаглядный, целую в височек. Как мне жаль Олечку⁷. *Обязательно кормить киселем из красного вина*, но лить его *немного*.

Французский врач о киселе не имеет понятия, а Марга *им спаслась*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/188. Дата и место установлены предположительно по содержанию и сопоставлению с пп. 551 и 553.

¹ Письмо неизвестно.

² П.Н. Милноков, который помогал собирать средства на поездку Л. Зурова и 18 марта 1938 г. разослал знакомым письмо с просьбой поддержать археологические исследования в Печерском крае (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 22. Л. 24), в результате чего было собрано 4500 франков.

³ Андре Мазон (Mazon, 1881–1967) — французский филолог-славист, преподаватель Харьковского университета (1905–1909), секретарь Школы восточных языков в Париже (1909–1914), профессор Страсбургского университета (1919–1923), с 1924 г. профессор Collège de France, где занимал кафедру славянских языков и литератур, профессор (с 1937 руководитель) парижского Institut d'études slaves. Недобрые подозрения относительно А. Мазона оказались ложными. См. п. 556.

⁴ В.Н. Бунина вслед за Л. Зуровым называла так созданный в 1937 г. Музей человека (Musée de l'Homme), размещавшийся по адресу: Place du Trocadéro, XVIe. Его предшественник в 1878–1936 гг. носил название Этнографический музей Трокадеро (Musée d'Éthnographie du Trocadéro).

⁵ См. примеч. 16 к п. 486.

⁶ Эти планы не осуществились.

⁷ О. Жирова.

553. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 4 октября 1938 г.

1938 г. 4. X.

8 ч. 15.

Дорогой мой, сейчас с вечерней почтой получила от тебя письмо от 3 ок<тября> в 5 ч. В 6 ч. я послала тебе свое.

Если лечение не будет помогать, напиши Ольге Львовне¹, ведь у нее опыт огромный и хорошая медицинская культура.

Я очень жалею, что вообще не запросила ее, как кормить Олечку².

Я вчера почти всю ночь не спала и все думала о тебе, точно чувствовала, что ты в тревоге.

Бог даст, Олечка скоро поправится, и Ляля³ будет осторожнее кормить ее. Хороший ли доктор? Может быть, это и не колит, а просто расстройство?..

В Ницце есть русский доктор Дмитриенко⁴, но я на месте Ляли повидалась бы потом с Ольгой Львовной и попросила бы у нее совета. Можно узнать, когда она будет в Ницце, и там с ней повидаться.

Ты должен поддерживать Лялю. Бог даст, Олечка быстро поправится. Ужасно мне жаль ее, особенно, как ты описал ее. Бедный ребенок! Почитай ей сказку, если у нее нет жара.

Была Верочка⁵, когда пришло твое второе письмо, она думает, что это пустяки, хотела написать.

По улицам расклеивают афиши, в которых написано, что коммунисты говорят, будто Даладьё «вписал самую позорную страницу в историю Франции»⁶. В противовес предлагают всем женщинам Франции, близких которых не погубила война, «мобилизоваться» и требовать разгона коммунистич<еской> партии. С фонарей снимают темные колпачки уже, становится светлее.

Галя очень тронута, напишет тебе завтра, так как после бессонной ночи у нее голова плохо работает. А я скажу, что она как-то ожила после твоего письма⁷. (Это между нами.)

Вышел «Круг»⁸, скоро пошлю тебе. Кое-что есть интересное. Лида выступила с прозой. Петя⁹ — тоже.

О Лёне хорошая критика Мандельштама.

Зин<аида> Ник<олаевна> пишет о «Распаде атома».

Милый мой, не гневи Бога. Слава Богу, мы живы и здоровы и скоро, Бог даст, будем вместе.

Я по тебе очень часто скучаю, но не даю себе распускаться. Представь, не сглазить, я поправилась, могу лежать на левой стороне.

Вчера был настоящий грасский мистраль, за неимением пальмы рвал ставни!

Что мы знаем: «за что?» Нужно молиться. Мало разве мы грешим¹⁰!

Христос с тобой, мой драгоценный! Целуй Мамá и Олечку¹¹.

Обнимаю. Твой В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/189.

¹ О.Л. Еремеева.

² О. Жирова.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ Возможно, имеется в виду Надежда Сергеевна Дмитриенко (урожд. Острогорская, 1896–1967) — сестра милосердия. В 1916–1918 гг. находилась с русскими войсками во Франции. В 1918–1920 гг. работала в Британском и Американском Красном Кресте. В эмиграции жила в Ницце, работала сестрой милосердия.

⁵ В.А. Зайцева.

⁶ Эдуард Даладьё (Daladier, 1884–1970), будучи премьер-министром Франции, участвовал в подписании Мюнхенских соглашений. См. примеч. 18 к п. 534.

⁷ См. п. 550.

⁸ Речь о третьем выпуске альманаха «Круг» (Париж: Дом книги, 1938), в котором опубликованы упоминаемые ниже В.Н. Буниной материалы: рассказ «Ожидание» Л.Д. Червинской, «Краткая история Адама и Евы» П.М. Бицилли, статья З.Н. Гиппиус «Черты любви (доклад в О<бщест>ве “Зеленая лампа”): (о «Распаде атома» Г.В. Иванова)» и рецензия Ю.В. Мандельштама на роман Л.Ф. Зурова «Поле».

⁹ Очевидно, В.Н. Бунина ошибочно упомянула Петю вместо Володи, имея в виду отрывок из повести В.С. Варшавского «Амстердам».

¹⁰ Ответ на письмо Бунина (п. 551).

¹¹ Е.Н. и О. Жировы.

554. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 5 октября 1938 г.

5 окт. 1938 г.

Дорогой мой, я все время душой с тобой. Очень мне тебя жаль. Жаль, что ты не понимаешь главного. Почему ты считаешь свой дом «несчастливым»? Бог даст, Олечка¹ поправится. А разве не наполняется твое сердце счастьем, когда она посмотрит на тебя благодарно-ласковыми глазами, если ты ей сказку расскажешь или пустяк подаришь²?

Я очень благодарю тебя, что ты прислал чек Гале, — это поистине джентльменский жест и в основе своей очень добрый.

Ты знаешь, и давать людям, когда у них нет, тяжело, — ведь очень страшно задеть самолюбие, обидеть. А теперь мы более или менее на равных началах, хотя мы все время живем очень дружно, и, слава Богу, никаких трений не было, а времена были тяжелые.

Сегодня мы с Галей едем в банк, и я куплю сейчас же башмаки, чтобы не истратить на что-нибудь другое, а старые отдам в починку, — сегодня заметила, что подошвы протерлись.

Галя прямо ожила, она только боится, что могут подумать, что она *не* хочет работать. Она действительно все делает с большой охотой. Даже не позволяет мне мести мою комнату, выхватывает метлу.

Ей, конечно, очень трудно. Очень тебя прошу и впредь ничего даже не намекать из того, что я тебе пишу.

Сообщай мне об Олечке, как идет ее лечение.

Лида в своей вещи³ описывает лесбос, и через это она прошла. Вещь все же из сырого материала, до настоящего творчества она не поднялась, но много у нее верного в психике людей, их отношений. Она умна, но весь мир в ее Я, и эта ячность раздражает и порой утомляет.

Алексинская попала в переделку с обратным билетом, пришлось платить и ждать чуть ли не несколько дней. Огромное воровство, и все на свободе. Некоторые были без денег и оказались в очень тяжелом положении.

И зачем было связываться с русскими, когда можно было взять на вокзале билет *de vacances* с 50% скидкой и можно <было> возвращаться, когда хочешь и с каким угодно поездом. Говорят, что Херст целый год живет на эти деньги, а Ленц⁴ уже выстроил виллу. Кобылковский прав, говоря, что там жулик на жулике⁵.

Стало очень холодно, даже в квартире. Марга мне починила все пальто, так что я сэкономила на этом. Вообще она делает мне много.

Христос с тобой, мой ненаглядный.

Твой Седой.

Очень прошу тебя ничего резкого Г<алине> не писать, при свидании все объясню.

Очень важно, чтобы у нас была в настоящее время хорошая атмосфера.

Целую, обнимаю.

В.

Как Олечка отнеслась к своему выигрышу?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/190.

¹ О. Жирова.

² В.Н. Бунина продолжает отвечать на вопрос мужа в п. 551.

³ Речь о рассказе Л.Д. Червинской «Ожидание» (Круг. Кн. 3. Париж, 1938. С. 3–42).

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Об афере с билетами на поезд в Париж, которая затронула и В.Н. Бунину, см. п. 534.

555. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 6 октября 1938 г.

6. X. 38.

Милая моя, вчера вечером получил 2 твоих письма. Рад, что ты рада.

Квартиру над нами сняли. И там полы каменные — очень будет слышно, как будут ходить над головой. Боюсь, — слава Богу, что переедут только 15-го (муж и жена, бебе 3<-х> лет, но консьержка говорит, что спальня бебе над нашей кухней). Но все это пустяки, а вот это уже не пустяки: сейчас был хозяин с вопросом ко мне: «остаетесь ли вы на зиму, *до 15 мая*? Цена теперь 800 фр. за месяц». Что делать? Сказал, что напишу тебе, дам ответ в субботу или воскресенье. Во всяком случае *до 15 мая* не могу снять. Alors — пожалуйте вон. Все-таки немедля, ехргès'ом, напиши, что думаешь¹.

Еду нынче в Ниццу, проеду, верно, в Cannes, да, конечно, там ничего не найду. А если найду, то тоже будут требовать на всю зиму. И за какую цену? Во всяком случае не дешевле! Да, «Бельведер» дешевле всего. Но как мы там будем сидеть одни? Жозефа можно и не брать, — он дорог; можно femme², но *она* сколько будет стоить? Напиши. И потом: свободен ли «Бельведер»? Неизвестно.

Девочка³ нынче уже ходит.

Ляля⁴ (между нами!) хозяйство ведет *дорого*. А про нее и говорить нечего — разорилась на девочку (еще зубы ей пломбировала), за комнату заплатить не может (сейчас по крайней мере) — просит меня. Да и на девочку перебрала у меня немало — и забыла или делает вид, что забыла.

Целую, всем кланяюсь.

М<ожет> б<ыть>, мне вернуться в Париж? Но тогда крышка писанию!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/179.

¹ Бунины прожили в Босолее до мая 1939 г.

² femme de ménage — домработница (*фр.*).

³ О. Жирова.

⁴ Е.Н. Жирова.

556. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 7 октября 1938 г.

1938 г. 7 окт.
8 ч. 45 м. утра.

Я и здесь, дорогой мой, ложусь рано и встаю не поздно. Дом еще спит. Я люблю эту утреннюю тишину, это утреннее одиночество.

Люблю начинать день письмом к тебе.

Третьего дня мы с Галей ездили в банк и разменяли чек¹. Потом, разделив деньги, мы отправились за покупкой мне туфель туда же, где я купила зимой — замшевые с простой кожей. Купили шевровые, ручная работа, цена 142 fr. Они на все случаи, и для гуляния, и можно даже вечером. Кожа мягкая. Я их надела, так как шел <дождь>, и я боялась промочить ноги, и дошла в них легко. Мы, кроме метро, ходили пешком.

Мы зашли в кафе, и Галя спросила муссё², выпили за твое здоровье. Она внесла мне часть в хозяйство, купила чулки, пасту и еще какие-то мелочи. Ей необходимо купить подкладку под ее волчье пальто.

Она прямо ожила после твоего жеста и не только оттого, что получила деньги, а еще потому, что почувствовала, что ты не совсем ушел. У нее есть большая привязанность к тебе.

Была вчера Каллаш, одета с иголки, не зла, весела, выпускает какую-то книжку у Андерса³. Она провела лето в Jugà с Муратовой⁴, женой Пати⁵. Очень довольна, поправилась. Как-то успокоилась. Обещала принести рыжиков.

Была Кира⁶, Идина дочь. Говорила, что правые французы разде<ли>лись: одни очень недовольны миром, считают, что Франция должна была идти за Чехию, что Франция может остаться одна теперь, что Германия не победила бы. Другие счастливы миром.

Лёня рассказывает, что теперь маленькие государства не верят больше Франции и идут к Германии. Некоторые уверены, что Гитлер не пошел бы на войну, — уступил бы.

Вчера думала съездить на Монпарнас, но потом перерешила и в десятом часу легла в постель.

Ты ничего не пишешь, приходит ли к вам f<emme> de m<énage>? Ведь одной Ляле⁸ очень трудно, особенно в эти дни, когда больна Олечка⁹, да и сама она должна заболеть и лежать. Ведь ты Ляле ничего не платишь? Ты знаешь, сколько стоит домашний труд? Вспомни mademoiselle¹⁰. Самое дешевое — на всем готовом — 300 fr. в месяц. Ведь за комнату она платит сама. Тебе всегда кажется, что домашняя работа пустяки, она очень *тяжела и противна*, особенно когда за нее не получаешь денег. Мы здесь трое работаем, — я ведь легкое делаю, — кофе варю, иногда посуду вымою, и то Галя все не найдет времени написать новый рассказ, как я приехала. Сегодня она берет для стирки mademoiselle, так как ей лучше после пережитого *не уставать*. Я боюсь, что Ляля молчит, а ты не отдаешь себе отчета. Кто стирает твоё бельё? Я понимаю, что тебе трудно. Но ведь теперь уже не так долго, я вернусь, и будет *один* дом!

Вчера я заплатила за зуб Тате¹¹ 35 fr. Я пломбировала его в самые тревожные дни, ее муж¹² был уже на фронте, но я боялась, что, если все же война разразится, то я останусь с дуплом, а могу потерять зуб. Пломба у меня выпала еще летом.

Я мало кого вижу. У нас редко кто бывает. Лёня заходит, но не каждый день. У него сейчас большая работа по отчету экспедиции.

Он стал спокойным и еще более выдержанным. Ест мало, а вид хороший. Дома — рис. Если у нас, то умерен, тарелку супа, кусочек сала, а уже котлету не уговоришь. Принес вчера дыню. Нашел за полтора франка.

У него сейчас есть 700 фр. на всю зиму плюс тот или иной заработок, а он бодр, весел и спокоен. Гале же кажется, как и Ляле, что нужно сытно есть. И они не могут быть, как он, экономны, хотя и стараются. Он много привез для работы Милюкову, не по археологии¹³, а по разговорам.

В Трокадеро его встретили хорошо. Мазон к ним не имеет отношения. Его запросили только потому, что была Персин¹⁴. И он нагадил обоим, — дело Лота-Вильде¹⁵.

Сейчас 11 ч. 30 м., пришел твой экспресс. Разодрала конверт.

По-моему, *нужно оставаться на этой квартире*, но не дольше, чем до 15 марта, лучше, м<ожет> б<ыть>, до 15 февр<аля>, я думаю. Хозяин согласится. Пусть и Наташа поговорит.

Ведь ты уже стал писать там, а ведь это *самое важное*.

В Париже сейчас скучно, неприятно, да и преступно тебе прерывать то, для чего ты рожден.

А сколько будет стоить один переезд, даже в Ниццу, Канн.

Живем мы правильной там жизнью, а потому едва ли очень будут мешать, — рано встает. Если это французы, то будут тихи.

Главное то, что *ты уселся*. Это стоит очень многих денег. В начале ноября я вернусь, тогда все налажу.

Устрою для всех приятную жизнь.

Подумай, как тебе трудно за стол сесть, к свету приладиться! 800 fr. с Лялиной комнатой.

Кончаю, целую всех, радуюсь, что Олечка бегаёт, благословляю нанять.

Я очень по тебе скучаю, драгоценный мой!

Твой К.

Что Олечка? Целую тебя со всей нежностью. Что ты пишешь? Мне грустно, что я не знаю¹⁶.

Твой Седой.

Галя такого же мнения. Она целует тебя. М<арга> кланяется.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/191.

¹ См. п. 550.

² *vin mousseux (фр.)* — французское игристое вино.

³ Возможно, речь идет об очередном труде М.А. Каллаш под ее постоянным псевдонимом М. Курдюмов «Рим и Православная церковь» (Париж, 1939); издательство не указано, но книга распространялась через книжный магазин «Les Editeurs réunis» издательства YMCA-Press. Имеется в виду Павел Францевич Андерсон (1894–1985) — американский общественный и религиозный деятель, издатель, сотрудник YMCA-Press.

⁴ Екатерина Сергеевна Муратова (урожд. Урениус, в первом браке Грифцова, 1888–1964, по другим данным: 1891–1968) — переводчица. Вторая жена (с 1911) П.П. Муратова. В эмиграции жила в Германии, Италии, Франции.

⁵ П.П. Муратов.

⁶ К.С. Граф — дочь И.З. Александровой.

⁷ домработница (*фр.*).

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ О. Жирова.

¹⁰ М.Е. Imbert.

¹¹ Т.С. Малинина.

¹² М.В. Иловайский.

¹³ Отчет об экспедиции и привезенные материалы (негативы фотоснимков, собранные предметы) Л.Ф. Зуров сдал в Музей человека.

¹⁴ Неустановленное лицо.

¹⁵ См. примеч. 16 к п. 486.

¹⁶ В Босолее Бунин впервые за долгое время снова начал писать. Той осенью написаны рассказы «Муза», «Степа», «Поздний час», несколько стихотворений, закончена пятая книга «Жизни Арсеньева» «Лика». Написанное пересылалось Буниным в Париж, где его рукописи перепечатывали В.Н. Бунина и Г. Кузнецова. Очевидно, в ближайшие дни Бунин послал жене рукопись рассказа «Степа». См. ее отклик в п. 558.

557. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 8 октября 1938 г.

8. X. 38.

Милая моя, нынче уже суббота (а я послал тебе *expres* насчет квартиры в четверг) и уже 4 часа — от тебя еще нет <ответа>. Я запросил Grasse — «Бельведер» только что освободился — очевидно, с опозданием, ибо там жила жена чешского консула и ей некуда было выехать из-за страха войны¹. Просят за «Бельведер» 4 000 — до 1-го мая. Как решать, пока не знаю. Пока говорил с здешним хозяином — он вдруг предложил мне остаться до 15-го ноября и до этого срока решить, останемся ли мы у него после 15-го ноября. Этим я весьма доволен, а «Бельведер» можем взять с 15-го ноября. Напишу еще, когда получу твой ответ. А сейчас шлю это письмо — с приложением рассказика *для немедленной переписки в 2-х экземплярах*² (т.е. с копией) и присылки мне этих экземпляров тоже поскорей: писал кое-что другое (Арсеньева), да вдруг бросил на день — нужны деньги — и сразу навалил эту «Степу». Измазано, да при внимании можно все разобрать.

Девочка³ уже бегаёт, жару нет, да все еще расстройство желудка. Ляля⁴ больна обыкновенной болезнью, и каждый день приходит консьержка. Вообще, Ляли хватило ненадолго — видно, стала надоедать ей кухня и уборка — уже давно жалуется (до болезни). И *(это под великим от Ляли секретом*⁵!) недавно стала мне говорить, что она совсем без денег, «даже на папиросы нет!» — и чтобы я ей что-нибудь приплачивал за работу. Да, денег нет («я не имею права тратить из Олечкиных денег!») и откуда там тратить, *все* вбивает в нее *с прибавками от меня*, а я все-таки возмутился — да, пожалуйста, не думайте, что она так проста и, кроме того, что же это за камень мы навязали себе на шею! Ведь и так попала она в царство небесное, благодаря нашей квартире и всему моему, и сколько ее прокормление мне стоит? Да еще девочка — мало разве и моего идет на нее — все это — хлеб, молоко, супы, каши и т.д. — чье это? *И как нам теперь от этой Ляли отделаться??*

Письмо Г<алины> получил, целую ее. М<арге> и З<урову> поклоны.

Целую тебя, дорогая моя.

Твой форменный

идиот.

Смотрел еще квартиры и дачи в разных местах — в Ментоне, в Болье: 12, 15 тысяч за 6 месяцев!

См<отри> на обороте!

4 ч. 20 м.

*Сию минуту твой expres*⁶. Подумаю и о Грассе, и об этой квартире — только откуда ты взяла, что здешний хозяин согласится до 15 марта или даже до 15 февраля? И потом: а летом где будем? Опять сидеть в Париже?

Можно бы сделать так: до 15 ноября — здесь, потом приехать мне в Париж (снять «Бельведер») и после Рождества — в Грасс. Что думаешь?

О Ляле, — о ее труде: она мне с ребенком стоит франков **600** в месяц и еще жалование *платить ей я не могу, просто не могу*⁷. И *femme de ménage*⁸ обошлась бы мне гораздо дешевле.

¹ О своем посещении «Бельведера» и встрече с «женой чехословацкого человека из легаций в Париже» Бунин писал в п. 532.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ О. Жирова.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

⁶ Подчеркнуто красным карандашом.

⁷ Подчеркнуто красным карандашом.

⁸ домработница (*фр.*).

558. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 10 октября 1938 г.

1938 10 сент¹.

Драгоценный мой, сегодня в десять часов получила твое заказное письмо с рассказом². К часу дня я его переписала и ушла завтракать к Шик, куда была приглашена за несколько дней. Галя без меня докончила свой экземпляр³. Вернувшись от Шик, я отдохнула, потом перечитала свою «переписку» и, вложив оба экземпляра в конверт, мы с Галей отправились на почту, так как шли к Вере Осиповне⁴. Послала тебе экспрессом, так как знаю твою нетерпеливую натуру. Нужен ли оригинал? Дорого пересылать. Заказной экспресс стоит больше пяти франков! А для меня теперь пять франков большие деньги.

Мне рассказ понравился, очень хорошо написана Степа, очаровательное создание и какое животное, именно животное, ее герой. Хороша гроза, ночь. Но меня больше интересует, что ты пишешь в «Арсеньеве». Вот бы прислал, а я переписала бы, да и Галя тоже. Тут уже, может быть, и спешить так не надо, можно обойтись и без экспрессов.

Я очень рада, что до 15 ноября ты можешь во всяком случае спокойно работать. А потом? Я против Грасса зимой. Будет много дороже, чем на «Ла Доминантэ»⁵, отопление, кухня, а главное, зимой он нам во всяком случае не по силам, а всякая фама⁶ будет воровать и окажется дороже Жозефа. Приехать тебе в Париж? Жаль. Раз ты в таком запале, *нужно жертвовать* для него всем. Для меня же вторая половина ноября, декабрь и январь в Париже прямо может быть опасно. Сейчас еще сезон не начался. Я ложусь спать рано, нигде почти не бываю, а вечером пока нигде, почти не работаю по дому, зимой же это будет невозможно. И, может быть, для меня очень рискованно. В прошлом году я выкарабкалась, а теперь не знаю. Все-таки лишний год. А главное, ты. Опять позднее спанье. Монпарнас с угасающими поэтами, разговоры о нужде, недостатках, политике, нет, пожалей себя, свой талант, свою душу. Если ты очень соскучишься или устанешь, то ведь ты всегда среди зимы можешь на месяц, недели на три приехать в Париж. Может быть, кто-нибудь довезет на своей машине. Ведь на Рождество многие приедут на юг. Но, конечно, тебе с горы⁷ виднее. Мне кажется, что если ты хочешь, то можешь снять «Бельведер» с первого мая. И тогда летом посмотришь, можешь ты на нем жить или нет?

Теперь о Ляле⁸? Я знаю все ее недостатки, но в ней очень много хорошего, благородного. Кроме того, войди ты в ее положение, ведь действительно ее жизнь так сложилась, что у нее нет *ни копейки*, нет возможности купить пару чулок. Ведь самый маленький рабочий получает какую-то плату на руки. Если она берет займы, давай в счет так сказать жалования и записывай, чтобы у нее было бы сознание, что это *ее личные* деньги. В конечном итоге будет почти то же самое, но ощущение другое. Сделай это, пока меня нет. Когда я приеду, я, во-первых, буду сама работать, а во-вторых, предложу ей, чтобы она, если хочет,

несколько часов в день так или иначе зарабатывала себе на необходимое. Сколько ей присылает муж⁹ на девочку? И аккуратно ли? Я не видала его еще. Думаю повидаться с ним незадолго до своего отъезда сюда. Она очень радуется, что ты работаешь, говорит, что ты совсем другой человек, чем в Париже. Но пойми, что ей очень одиноко, и ее судьба очень тягостная, а потому всегда нужно в совместной жизни идти навстречу желаниям другого. Ты знаешь еще, почему я чувствую себя лучше? Потому, что я не должна просить ежедневно денег на расход. А если бы ты видел, как я экономна стала, ни разу не была у маникюрши, Марга мне делает это.

Вчера была с Тэффи у Мережковских. Туда пришел и Малявин¹⁰, едет в Стокгольм¹¹... Входит. Увидел Тэффи и сказал: «Я всегда и всем говорю, вот кому нужно дать премию — Тэффи, она пишет, не думая. От ума — это черт, а от души — это ангел, так всегда за всякой писательской спиной два дьявола и борются...» После этой тирады Дмитрий Сергеевич так и скис. Как тебе нравится, что черт и ангел у него дьяволы!

Видела Лиду¹², зубов не видно, но стало, как будто, ее лицо менее интересным. Вечер Мережковских будет в конце ноября¹³. Все сейчас отодвинулось из-за сентябрьских событий¹⁴. Целую тебя, Лялю и Олечку¹⁵. Галя целует. Марга и Лёня кланяются.

Твой Седой.

Сейчас иду с Маргой на базар. Галя сегодня отдыхает, у нее вчера болел бок, вчера было скверно, а сегодня «сухо, тепло и весело»! Завтра еду по делам Амора¹⁶ к Анне Степановне¹⁷.

Михельсоны вернулись, но я еще не видела их. У Фаины Осиповны¹⁸ умерла мать. Она в горе. Напиши ей два слова. Дом № 51 В-d de Beausejour. Похороны в деревне, где она и скончалась.

Еще раз обнимаю тебя, бесценный мой друг.

Храни тебя Христос.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/178.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 10 октября.

² См. п. 557. Рассказ вскоре был опубликован (с датировкой «5 октября 1938»): *Бунин И.* Степа // Последние новости. 1938. 23 октября. № 6419. С. 2.

³ Г. Кузнецова сделала еще одну машинописную копию того же рассказа.

⁴ В.О. Гавронская — одна из сестер А.О. Фондаминской.

⁵ Вилла «Доминант» («La Dominante») в Бослее, в которой Бунины снимали квартиру с садом.

⁶ От *фр.* femme de ménage — домработница.

⁷ Вилла «Доминант» находилась на горе над Монте-Карло.

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ А.М. Жиров.

¹⁰ Филипп Андреевич Малявин (1869–1940) — художник, академик живописи (1906). С 1922 г. жил в Берлине, затем в Париже и в Ницце.

¹¹ Ф.А. Малявин имел тесные связи со Скандинавией, не раз выставлялся в Дании и в Швеции, в Копенгагене у него было свое ателье. В ноябре 1938 г. состоялась его выставка в Esseltehuset в Стокгольме. Подробнее см.: *Ljunggren M.* Филипп Малявин в Швеции // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 42. http://sites.utoronto.ca/tsq/42/tsq42_ljunggren.pdf

¹² Л.Д. Червинская.

¹³ Вечер Д.С. Мережковского состоялся 22 ноября 1938 г. в зале Русской консерватории (26, avenue de Токуо, XVIe). В письме от конца декабря 1938 г. Тэффи сообщала В.Н. Буниной о финансовых результатах вечера: «Мережк<овские> набрали *хорошо*. Так мне говорили» (*Бунины–Тэффи (I)*. С. 407).

¹⁴ См. примеч. 18 к п. 534.

¹⁵ О. Жирова.

И.А. Бунин с Олей Жировой.
Грасс, конец 1930-х гг.
(РАЛ)

¹⁶ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁷ А.С. Гликберг.

¹⁸ Ф.О. Ельяшевич.

559. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 12 октября 1938 г.

12 окт. 1938 г.

Дорогой мой, вчера опустила тебе длинное письмо, но мне кажется, я забыла поставить (A<Ipes> M<aritime>). Если не получил, извести, и я повторю его.

Сейчас пришло за телефон 41 fr. 60 с. от 13 авг<уста> по 13 сент<ября>, так что часть падает на тебя. Последние дни в Париже мы говорили много, имей это в виду, когда будешь посылать деньги. Надеюсь, что ты не забыл о терме¹ и о том, что ты дал мне до 14 октября включительно.

Я с Гали беру 10 fr. в день, больше я не хочу, у нее столько прорех, что я предпочитаю сама ничего на себя не тратить, кроме самого необходимого. Пока это удавалось.

По ночам бывает тоска по тебе.

Сегодня всю ночь продумала о Степе, ты еще никогда такой прелестной девушки-ребенка не писал².

Я бы из нее сделала — повесть, роман! Какая у нее душа, какой дар любви заложен в ней! Обнимаю, целую.

Твой Седой.

Мы так торопились, когда отсылали «Степу», что не могли даже написать тебе буквально 2 слова.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/192. В начале письма напротив даты тем же карандашом, которым написан сам текст, вписаны инициалы «И. А.», сделанные, возможно, В.Н. Буниной.

¹ плата за квартиру (*фр.* *terme*).

² Речь идет о рассказе «Степа» См. pp. 557, 558.

560. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 13 октября 1938 г.

13. X. 1938 г.

Милый, дорогой мой, я вчера приняла ландышевые капли, — мне дала Галя, — и сердце пока не болит. Спала хорошо. Выспалась. Галя вчера нас угощала сипета на Успенской улице¹. Это перебило монотонность жизни.

Вчера я была у Анны Степановны². Волосы по-модному стоят «дыбом» — высокая прическа, отчего она кажется выше, к тому же она была в длинном пенюаре. С 1 ноября поступает на курсы сестер милосердия на случай войны. Странная она женщина! Дала мне на Амаур³ 250 fr.

Прочла за эти дни «Франциск Ассизский» Мережковского⁴. Интересно в связи Павел–Августин–Иоахим–Франциск. Иоахим — родился <в> 1132 году в Челико (Celico) в Калабрии. Одной из главных мыслей его будет соединение церквей. Родом он норманн из древнего, благородного и богатого дома. Он понял, что в судьбах христианского мира совершится «Вечное Евангелие» только тогда, когда две разделенные церкви соединятся в одну, Вселенскую.

Об этом святом я никогда не читала. Все очень интересно, но когда Д<митрий> С<ергеевич> пишет с восхищением о нищете Франциска, то испытываешь странное чувство — лучше бы он этим уж не так восхищался.

Сегодня пойду к Фаин<е> Ос<иповне>⁵ в 3 ч. 30 м. с визитом condoléance⁶, потом ко всеношной, — завтра Покров. Галя все утро писала фельетон, о чем, не знаю.

Вчера погода была летняя, я ходила в одном костюме днем. Сегодня серо, сейчас солнце пробило тучу.

Отослала тебе два письма, нераспечатанных. В английск<ом> просят тебя сообщить о влиянии Мопассана на тебя, твое творчество⁷.

Мне понравился фельетон Адамовича о «Тютчеве»⁸.

Сообщи, получил ли ты мое письмо от 11 октября⁹. Мне чудится, что я забыла поставить (*A<lpes> M<aritime>*)...

У нас почти никто не бывает «запросто».

Петр Александрович¹⁰ просил тебе сказать, чтобы ты непременно писал «Зимы», помнишь, ты давно хотел, еще на Капри, в Одессе об этом говорил. Ведь это можно в Арсеньеве.

Обнимаю тебя со всей нежностью, драгоценный мой, целую мамà и Олечку¹¹.

Твой Седой.

Париж 1 час 15 м. дня.

Сейчас будем завтракать: гороховый суп и quaker¹² и кисель.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/193.

¹ Имеется в виду кинотеатр «La Caméra», расположенный по адресу 70, rue de l'Assomption, Paris XVIe.

² А.С. Гликберг.

³ См. примеч. 9 к п. 399.

⁴ Вторая книга из трилогии «Лица святых от Иисуса к нам»: *Мережковский Д.С. Франциск Ассизский*. Берлин: Петрополис, 1938.

⁵ Ф.О. Ельяшевич, у которой скончалась мать.

⁶ соболезнование (*фр.*).

⁷ Письма неизвестны.

⁸ *Адамович Г. Тютчев // Последние новости. 1938. 6 октября. № 6402. С. 3; 13 октября. № 6409. С. 3.*

⁹ См. п. 558.

¹⁰ П.А. Нилус.

¹¹ Е.Н. и О. Жировы.

¹² Имеется в виду Quaker — марка овсяной каши.

561. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 14 октября 1938 г.

14. X. 38.

Очень, дорогая моя, огорчен и даже встревожен сообщением в твоём вчерашнем письме¹ о том, что ты себя начинаешь плохо чувствовать, — очень прошу, обратиться к хорошему доктору и полечись и бер<ег>и себя от лишних забот и волнений.

Деньги вышлю завтра.

Благодарю тебя и Галю за быструю переписку и быструю присылку — да, я нетерпелив — и не без оснований: в работе оконченное толкает меня к новому.

Ляля²... Ты забываешь, сколько я уже ей невольно «надарил»: за комнату я заплатил, на лечение девочки она выгадила половину *от меня*, нынче даю еще 100 фр. — взяла в долг у Наташи³, а отдавать нечем — скотина муж⁴ перестал присылать — ты поговори с ним, напрасно он надеется свалить⁵ и девочку на меня. Сочти, пожалуйста, сколько у меня выходит на эту Лялю с плачущим голосом — помимо ее содержания. *Консьержка тоже ходит теперь каждый день* — мыть, убирать Ляля давно бросила.

Вчера был в Грассе, сказал, что хочу снять «Бельведер» только с 1-го апр<еля> до 1 октября. Ответ от Рукье мне агентство обещало прислать возможно скорее.

«Арсеньев» только что еще начинается и неизвестно, что из этого выйдет: может, брошу окончательно. Я перечитал, исправил и дополнил все то, что было напечатано в «Совр<е-ренных> зап<исках>»⁶ — это большая работа. Затем нужно *вылезть* из этого всего прибавкой к нему кое-чего (для последнего завершения) — тогда только можно двинуться в *новый путь* — если, повторяю, пущусь в него⁷.

Ну, целую, спешу в город по делу. Поклоны.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/181.

¹ См. п. 558.

² Е.Н. Жирова.

³ Н.Б. Соллогуб.

⁴ А.М. Жиров.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

⁶ «Жизнь Арсеньева» публиковалась отдельными главами в «Современных записках» (1928. Кн. 34, 35, 37; 1929. Кн. 40; 1933. Кн. 52, 53), в более полном виде в книге: *Бунин И. Жизнь Арсеньева: Истоки дней*. Париж: Современные записки, 1930, включена в 11 том Собрания сочинений (Берлин: Петрополис, 1935).

⁷ Пятая книга «Жизни Арсеньева» вышла на следующий год отдельным изданием: *Бунин И. Лика*. Брюссель: Петрополис, 1939. Все пять книг под одной обложкой появились уже после войны: *Бунин И. Жизнь Арсеньева: Юность*. 1-е полн. изд. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

562. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 15 октября 1938 г.

15. X. 38.

Душа моя, вот это надо переписать¹ — в двух экземплярах: один на такой бумаге, на какой оригинал, — с тремя дырочками², — другой на хорошей³ для машинки. Посылаю деньги — купи: первое называется Omo Ring Book⁴, intérieur № 66, — может быть, есть на

Avenue Mozart, как выйдешь от нас, прямо почти за углом. М<ожет> б<ыть>, один экземпляр напишет Галя. *Купите свежее*⁵ ленты.

Если еще не закрыт какой-нибудь банк (иду сейчас в город), пошло часть денег нынче же, остальное в понедельник.

Жду твоего сообщения: всего сколько?

Написал почему-то несколько стих<отворений>. Вот два⁶. Прочти. Если интересно Г<алине>, дай ей (*но тайком*⁷). Целую.

Если бы ты знала, сколько идет у нас на фрукты!

О чем Г<алина> пишет новое? Опять немецкое⁸?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/182.

¹ Вероятно, в данном случае речь идет о втором (беловом) варианте рассказа «Степа». См. примеч. 2 к п. 558.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ Фирма канцелярских принадлежностей «Omo Ring Book».

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

⁶ Одним из этих стихотворений было, видимо, стихотворение «Ночь». До сих пор оно датировалось 1952-м годом по указанию Бунина на авторизованных машинописях (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 4. Ед. хр. 28; ИМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 40), предварявших две прижизненные публикации, предпринятые Буниным через 14 лет после этого письма (Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 28; *Бунин И. А.* Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953). Однако отклик В.Н. Буниной в п. 565 не оставляет сомнений в том, что здесь речь идет именно об этом тексте. Подробнее см.: *Двинатина Т.* Две ночи позднего И. Бунина (Еще раз о последних стихах) // Текст и традиция: Альманах. [Вып.] 4. СПб., 2016. С. 114–129. Другие известные стихотворения октября 1938 г. датированы второй половиной месяца: «Вечерний Ангел грустным звоном...» — 15 октября, «Ночью, в темном саду, постоял вдалеке...» — 16 октября, «Ты жила в тишине и покое...» — 18 октября, «Здесь клад зарыт. Здесь жутко: тайна, клад...» — 21 октября, «Панихида» — 22 октября. Таким образом, вопрос о том, что за второе стихотворение было послано Буниным с этим письмом в Париж, остается открытым.

⁷ Подчеркнуто красным карандашом.

⁸ См. примеч. 3 к п. 486.

563. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 16 октября 1938 г.

Послал вчера рукопись — и страшно боюсь — не пропала бы: писал начисто, копии нет! Напишите скорей о получении, успокойте.

И поспешил — не до конца исправил — совестно. [И так всегда, всегда глупости. Всех] Целую.

И стихи ни с того, ни с сего послал... До веку останусь шальной, видно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/183. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 561.

564. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 16 октября 1938 г.

16 октября 1938 года.

Дорогой мой, вчера получила твое письмо от 14 окт<ября>¹. Очень рада, что ты меня в этот день вспомнил, несколько минут провел со мной мысленно.

Не беспокойся, пожалуйста, о моем здоровье, я, слава Богу, чувствую себя сравнительно хорошо. После того раза сердце мое меня не беспокоило. Надеюсь, что это случайно.

Почему ты хочешь «Бельведер» снимать с первого апреля, а не с первого мая? Или хозяин согласен сдать «Ла Доминантэ» до апреля? В апреле в Грассе может быть и дождливо, и холодно. Да и Рукье, для его мышления: летний сезон май–октябрь, так что он дешевле будет просить, а то, почувствовав, что тебе важен лишний месяц, начнет опять всякие глупости предлагать. Ему ведь только сорвать лишний кусочек.

Меня очень манит провести зиму в Босолее, у меня чувство, что ты будешь работать. Самой мне тоже хочется усесться за письменный стол.

Меня удивило, что Жиров ничего не присылает. Я не видала его еще, жду, чтобы он мне позвонил. Мать Ляли² тоже хотела зайти, да так до сих пор и не зашла. Может быть, у него временная заминка, а потом он будет присылать. Он твердо ведь сказал тогда при мне Ляле, что на ребенка он давать будет, но только на ребенка. При случае я постараюсь все же с ним повидаться. Хорошо, если бы Ляля дала бы мне какое-нибудь поручение для Олечки³.

Нужно ли прислать тебе теплые вещи, я предпочла бы послать малой скоростью, чтобы с собой не возить лишнего. Мне кажется, что кое-что тебе скоро будет нужно. Какая у вас погода? У нас сравнительно тепло, я иной раз хожу в костюме, иногда под него поддеваю серую вязанку.

Да, я выиграла сто франков, и это было 14/1 октября! Мне очень приятно, так как билет мы покупали с Галей, то я ей купила перчатки, то есть дала деньги, а выбирала она сама себе. Она выбрала из толстой кожи, черные с белой строчкой, зимой они будут хороши. Сейчас еще в них слишком жарко. Я же себе купила замшевые черные элегантные, но они дешевле, так как «сольд⁴», последние пары из партии, кожа изумительно приятная, стоили они раньше 49 франков, а я купила за 29. Вид у меня теперь бывает иной раз очень элегантный. До 15 октября мы дотянули. Теперь уже живем в долг, то есть я беру из одной, отложенной на газ и электричество, коробочки, а затем туда взятое вложу, когда получу от тебя. У Гали еще, конечно, осталось, но у нее много всяких мелких нужд, подложить подкладку под шубу, все никак не соберется себе купить. Фиолетовое платье ей портнишка все вычинила, так что для каждого дня есть теплое. Теперь осталось ей еще купить вуальку, чтобы оживить старую шляпку. Она последние дни была на границе простуды, но, кажется, преодолела. Она покупает виноград сама.

В пятницу у меня были Каллаш, Верочка⁵, Лоллий⁶, Оля Бернацкая⁷ и еще кто-то. И у Лоллия с Каллаш произошел настоящий скандал. Каллаш кричала такие вещи, что Оля Бернацкая с ужасом выскочила и потом рассказывала Нат<алье> Ив<ановне>⁸, что она ничего подобного не видала. Заспорили о Розанове⁹. «У вас блошинное мышление»... «Вы опощяете Розанова»... в ответ кричит Лоллий. Скучно писать. Сцена была из Достоевского. Верочка умиротворяла: «Маша¹⁰, ведь ты в Бога веруешь»... «У тебя в доме в одном мешке и икона, и старая туфля, и всякая рухлядь»... Наконец вышла. У порога на лестницу: «Моя нога не будет бывать здесь»... Я перекрестилась. Но в среду я к ней пойду. Я думаю,

она выпила лишнего, — была из спирта сделанная водочка, — кроме того у нее был жар. Вчера мы очень смеялись, — у нас была Нат<алья> Ивановна.

Это время я часто хожу в церковь, сегодня, впрочем, не пошла, а села писать тебе.

Сейчас у меня начинается серьезная работа по концерту¹¹. Амором¹² занимаюсь все время, Бог даст, он не угаснет.

Целую тебя нежно и обнимаю крепко. Поцелуй Олечку и мамá¹³.

Галя тебя целует. Марга кланяется.

Кульманы приехали в понедельник. Они очень довольны были летом¹⁴.

Твой Седой.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1066A/194.

¹ См. п. 561. День рождения В.Н. Буниной по новому стилю; однако сама В.Н. Бунина в своих письмах и дневниках указывала разные даты своего рождения: 1 или 2 октября. По метрическому свидетельству В.Н. Бунина родилась 2 (14) октября 1881 г. (*Муромцева М.А.* Муромцевы и Дерюжинские. Моя семья. М.: НО «Издат. Центр Москвоведение», 2016. С. 376, 509).

² Мать Е.Н. Жировой М.К. Лишина.

³ О. Жирова.

⁴ От *фр.* *solde* — распродажа.

⁵ В.А. Зайцева.

⁶ Л.И. Львов.

⁷ Ольга Михайловна Бернацкая (1899–1971) — художница, жена журналиста Ивана Яковлевича Савича (1898–1949). С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1921 г. в Париже.

⁸ Н.И. Кульман.

⁹ Василий Васильевич Розанов (1856–1919) — религиозный философ, литературный критик, публицист.

¹⁰ М.А. Каллаш.

¹¹ Речь о предстоящем концерте М. Степун.

¹² См. примеч. 9 к п. 399.

¹³ Е.Н. и О. Жировы.

¹⁴ Н.К. и Н.И. Кульманы с конца июля 1938 г. отдыхали в Пиренеях, на курорте Ле-Булу (Le Boulou), см. открытку Н.И. Кульман В.Н. Буниной, написанную отсюда 29 июля 1938 г. (РАЛ. MS 1067/3565).

565. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 18 октября 1938 г.

18 ноября¹.

Дорогой мой, сегодня была Наташа² и принесла сто франков. Это очень кстати, так как от тебя до сих пор нет денег, и последние три дня жили на мои выигрышные деньги, то есть сто франков, кроме того, сегодня я заняла из газовых денег 50, у Лёни 20, у Гали 10.

Надеюсь, что завтра получу на терм³ — 2.232 fr. 50 и на мою жизнь.

Галя тебе все переписала на простой бумаге. Чует мое сердце, что ты еще перепачкаешь, и потому лучше подождать и переписать в 2-х экземплярах, когда ты снова прийдешь. Думаю, что ты меня одобришь на этот раз. Бумагу я купила в магазине *рю de Passy*, на Mozart не оказалось № 66. Ленты еще не переменяла.

Сегодня у меня был *five o'clock*. Петр Бернгардович⁴ пожелал посетить нас. На обед у меня не было средств, а они с Лялей⁵ подбирались...

Какой он очаровательный человек! Умница, и какая улыбка! Я подарила ему твоего «Толстого»⁶. Он попросил меня надписать. Я написала: «Дорогому П<етру> Б<ернгардовичу> не от автора»⁷.

Был Лёня, Наташа и Верочка⁸.

Поправила себе перо в конторе Parker. Стоило 15 фр.

Сегодня на Амаур⁹ получила 450 fr. Надеюсь, что он будет спасен. Вчера весь вечер работали с Нат<альей> Иг<натьевной>¹⁰, — писали письма.

Время очень трудное. Евреи хотят помогать только евреям, это понятно, но я все же надеюсь, что и меня они не обойдут.

Сегодня приходил за газ, за этот месяц меньше, сказал 110.

Имей в виду эту сумму, придет дней через десять. За электричество еще не брали.

Стало опять тепло. Жаль, что у меня нет блузки с длинными рукавами, хожу в костюме, рукам прохладно.

Очень мне понравились стихи, особенно... Ледяная ночь¹¹.

В Имке¹² идет большая работа, а поэтому тебе не отвечают. Я взяла два экземпляра, не дать ли второй Кульман, он что-то пишет о Толстом¹³.

Обнимаю нежно.

Твой Седой.

Лялю и Олечку¹⁴ целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/195. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 568.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 18 октября.

² Н.Б. Соллогуб.

³ плата за квартиру (*фр. terme*).

⁴ П.Б. Струве.

⁵ Е.Н. Жирова.

⁶ Имеется в виду книга Бунина «Освобождение Толстого» (Париж, 1937).

⁷ Сохранился ли данный экземпляр, неизвестно.

⁸ В.А. Зайцева.

⁹ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁰ Н.И. Михельсон.

¹¹ Имеется в виду стихотворение «Ночь» («Ледяная ночь, мистраль...»). См. примеч. 6 к п. 562.

¹² Издательство «YMCA-Press Publishing House», основанное в 1921 г. в Праге, с 1925 г. работало в Париже (11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris Ve).

¹³ Н.К. Кульман опубликовал книгу о Л.Н. Толстом еще до революции (СПб., 1903), в эмиграции печатал статьи о нем и выступал с лекциями, см., в частности: *Кульман Н. Толстой во Франции / Литературная газета (Литературно-художественное приложение к «России»)*. № 21 // Россия (Париж). 1928. 28 января. № 23. С. 3.

¹⁴ О. Жирова.

566. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 19 октября 1938 г.

19. X. 38.

Милая душа моя, посылаю и опять тороплю — перепишите поскорей¹. «Valeur déclarée»² потому, что шлю черновик — больше у меня ничего не осталось, страшно боюсь, как бы не пропало!

Всегда радуюсь твоим письмам и интересны они. Хороша Каллаш! Прислала мне длинное письмо³ — остроты, что живу с ребенком⁴ (который, кстати сказать, не так уж бесит меня, как могло показаться вам по моему письму к Гале — да и мамá⁵ тоже — только в полном негодовании я от ее мужа⁶ — прислал, наконец, но всего 300 франков).

14-го думал опять послать тебе подарочек, да ведь страшно подумать, что мне предстоит вот-вот! Квартиры, налоги!

Посылаю тебе пока 900 фр., сто тебе уже передала, верно, Наташа⁷.

Все сижу, просыпаюсь в 6, недосыпаю. Погода мягкая, влажная.

Переезжают они⁸? Пока не к чему, по-моему. Но как хотят. Эх, все еще страшно жалко мне ее. Бог даст, пройдет и это, а то мне все еще тяжело — нет-нет, да и вспомню, хоть и стыдно.

Целую и кланяюсь.

«Посл<едние> нов<ости>» сволочь, как всегда — что печатают, а ее нет⁹. Пригласили в комитет — опять юбилей Милюкова¹⁰. Согласился.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/185.

¹ См. примеч. 16 к п. 556. Вероятно, в данном случае речь идет о рассказе «Муза».

² объявленная ценность (*фр.*).

³ Письмо неизвестно.

⁴ О. Жирова.

⁵ Е.Н. Жирова.

⁶ Имеется в виду А.М. Жиров.

⁷ Н.Б. Соллогуб.

⁸ Г. Кузнецова и М. Степун.

⁹ О фельетоне Г. Кузнецовой для «Последних новостей» см. примеч. 14 к п. 534.

¹⁰ 28 января 1939 г. П.Н. Милюкову исполнилось 80 лет. Юбилейный комитет под председательством А.И. Коновалова назначил празднество на 22 марта, см.: 80-летие П.Н. Милюкова // Последние новости. 1939. 19 февраля. № 6537. С. 2. Бунина пригласили в комитет, по-видимому, письмом, которое не сохранилось.

567. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 21 октября 1938 г.

21 октября 1938 года.

12 часов дня.

Дорогой мой, прежде всего поздравляю тебя¹, радуюсь, как всегда, что ты живешь. Дай Бог тебе всяких радостей, успехов и душевного спокойствия. Грустно, что мы врозь. Но не живи, как хочется...

Не хочется тебя упрекать. Буду мягка: до сих пор не получила от тебя ни 900 франков, ни денег за терм², о которых я уже несколько раз писала. Вчера пришлось послать телеграмму³. Ничего не понимаю. Ты все пишешь о квартирных деньгах, значит, не забыл, а между тем ничего не присылаешь. Мне стыдно ходить мимо консьержки. Сама я вся в долгу. Ты прекрасно понимаешь, что 30 фр. в день едва-едва хватает. С 14 ок<тября> прошло семь дней. На три дня хватило из ста франков, что принесла Наташа⁴, а четыре дня? Значит, приходится брать из чужих денег, что всегда меня волнует. Я вчера от Каллаш пришла пешком, чтобы не истратить четырех тикеток⁵. Очень неприятно, но это пустяки в сравнении с термом. Мне иной раз кажется, что пропало письмо с чеком или ты ошибся адресом, словом, при моей очень напряженной жизни новое волнение, без которого можно было бы легко обойтись. Искренне пишу — ничего не понимаю, зачем ты это делаешь.

И.А. Бунин.
Париж, апрель 1937 г.
(РАЛ)

Это стыднее, чем если ушла любовница. В каком, значит, я положении. Ну, да Бог с тобой.

Вчера в первый раз за все время была на Монпарнасе. Было приятно. У всех почти свежий вид. Большинство было женщин: Лида⁶, Алла⁷, Женя Ставрова⁸, Татищева⁹. Сидели в Селекте¹⁰, потом у Доминика¹¹, где я позволила себе съесть только один соленый огурец... Отвез меня оттуда Браславский. Все тебе просили кланяться, особенно Лида и Алла. Жалели, что тебя нет с ними. Лида просила, чтобы ты ей написал относительно ее прозы в Круге¹². Был и Капитан¹³, и Машенька¹⁴ сияла. Спиро¹⁵ просил тебя спросить, не прилетишь ли ты ему, вернее, не разрешишь ли ты мне дать ему для перевода в Америку и здесь два твоих новых рассказа «Степу» и «Музу», он тотчас бы сел за перевод их. Извести меня об этом немедленно.

Вчера я завтракала у Каллаш, она меня угощала белыми грибами с большой котлетой, она ее готовит в закрытой кастрюле, очень было

вкусно, выпили мы по 2 рюмочки рябиновой. Потом виноград, кофе.

Была очень мила, о скандале ни слова¹⁶. Я завтракала у нее потому, что была поблизости, — продавала билеты.

Наши хотят переехать, главным образом, потому, что им трудно, особенно Гале, совмещать работу по дому с писанием. Кроме того, у нас много пыли, а пылесоса нет, а при легких Гали это, конечно, вредно. А главное, ведь туда нельзя переехать каждую минуту, нужно брать комнату, когда она освободится, 15 октября они уже отказались, так как «касса Знания была пуста»¹⁷... Галя вообще очень нервна и переутомлена, говорит, от хозяйства, но это ей, конечно, кажется, так как Марга много работала, да и я кое-что делала. У них, конечно, у обеих очень расстроены нервы, вероятно, сентябрьские события¹⁸ очень их им испортили. Я теперь стараюсь с ними не спорить. Сделаю вечер¹⁹, а там пусть они живут, как им хочется, чтобы потом не мучить себя... Хорошо, если бы <ты> еще Гале прислал хоть немного денег, к концу месяца у нее ничего не будет, и до концерта ей будет очень трудно, но только, ради Бога, ничего ей не пиши, что я тебя об этом просила. Они не умеют быть очень экономными, думаю, что им будет почти столько же стоить жить в общежитии, сколько и на квартире, особенно если сосчитать газ, электричество. Да и вдруг ты приедешь по делам, опять тебе будет тяжело, неловко. Это их желание. Я им ничего не говорила о том, что ты хочешь.

Храни тебя Христос, и разреши скорее мои недоумения относительно денег.

Твой

Целую мамá и Олечку²⁰. Денег прислал папа²¹ мало, — у него были какие-то неожиданные траты на машину. Пусть Ляля напишет, чтобы он отдал Наташе сто франков, которые она заняла у нее на болезнь Олечки.

Голубчик, у меня прибавился расход на почту, он не укладывается в 30 fr. в день. Бумагу с клеточками я купила из выигранных денег, считай, что это тебе подарок. Обнимаю. Сегодня завтракаю у Михельсона.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/196.

¹ В.Н. Бунин пишет это письмо ко дню рождения Бунина.

² плата за квартиру (*фр.* *terme*).

³ Не сохранилась.

⁴ Н.Б. Соллогуб.

⁵ Билет для проезда в городском транспорте.

⁶ Л.Д. Червинская.

⁷ А.С. Головина.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Дина Григорьевна Татищева, графиня (урожд. Шрайбман, 1906–1940) — третья жена Н.Д. Татищева. С 1922 г. в эмиграции во Франции, «муза» Б.Ю. Поплавского, хранительница его архива.

¹⁰ «Селект» («Le Select») — бар на Монпарнасе (99, bd du Montparnasse), который открылся в 1924 г. и вплоть до Второй мировой войны был одним из наиболее популярных мест встреч русских «монпарно».

¹¹ См. примеч. 12 к п. 437.

¹² Т.е. о рассказе Л.Д. Червинской «Ожидание» (Круг. Кн. 3. Париж, 1938. С. 3–42).

¹³ Н. Рошин.

¹⁴ Возможно, новая знакомая Н. Рошина.

¹⁵ П.С. Ставров.

¹⁶ См. п. 564.

¹⁷ Обиходное выражение, символизирующее банкротство; появилось после краха товарищеского издательства «Знание» в Петербурге. См. также п. 629.

¹⁸ См. примеч. 18 к п. 534.

¹⁹ 15 ноября 1938 г. в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe) состоялся первый парижский концерт М. Степун.

²⁰ Е.Н. и О. Жировы.

²¹ А.М. Жиров.

568. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 20 или 21 октября 1938 г.

Милая Вера, термы¹ не платят по месяцам — что за беда, что я опаздываю на несколько дней! Ведь знают, что мы не жулики, не нищие — и как давно живем. Не посылай, ибо ждал денег из Лондона², только что получил — перевел, все, что осталось там на текущем счету, сюда (в фунтах). Посылаю 2 500 — не помню сколько именно нужно, немедля напиши. Конечно, нужно *меньше* двух с половиной, но остальное держи про запас: как получу твое письмо, напишу тебе немедля — просьбу *немедля* сходить заплатить хоть немного в счет платы *налога* (2 шага от нас).

Я чувствую себя очень неважно — как-то душевно (да и телесно) переутомлен. Думаю, что через некоторое время после твоего приезда поеду в Париж, хоть на месяц — *буду жить тихо* и писать. Они³ мне не будут мешать — я буду жить в кабинете.

Целую, Христос с тобой.

Ляля⁴, правда, часто несносна. И содержание их *обеих* мне нелегко — вот опять те 300, что прислал Жиров, пошли на ее папиросы, на всякие игрушки девчонке и т.д.

Прилагаю повестку на счет налога. Пожалуйста, пойдти заплати эти 151 фр. — *Av<enue> Paul Doumer дом № 60⁵*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/186. Дата и место установлены предположительно по содержанию и сопоставлению с пп. 569 и 570. На обороте листа красным карандашом дважды написано: «Вере».

¹ плата за квартиру (*фр. terme*).

² Причина посылки денег из Лондона неизвестна.

³ Г. Кузнецова и М. Степун.

⁴ Е. Н. Жирова.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

569. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Босолей. 23 октября 1938 г.

23. X. 38.

Милая, дорогая моя, спасибо за поздравление¹. Только уж очень допекаешь ты меня упреками. Вчера, прочитав вечером твое письмо, весь вечер чувствовал себя грустно и неприятно.

Спасибо за скорую переписку. Ставрову я нынче напишу. Есть у тебя «Круг»?² Пришли, если можно.

Пришли какой-нибудь теплый картуз, да поскорее. В спальне на шкапу две коробки для шляп — так, кажется, в желтой (новой) мои картузы и шляпы. Есть картуз темно-желтый, ворсистый, с подкладкой теплой. Вот его и пришли. — Об остальном теплом (из белья и костюмов) подумаю, напишу после.

Когда же концерт³? Ты ни слова о нем. Верно, еще оч<ень> не скоро, и ты собираешься сюда в начале декабря.

Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/187.

¹ См. п. 567.

² См. примеч. 8 к п. 553.

³ См. примеч. 19 к п. 567, примеч. 15 к п. 570.

570. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 24 октября 1938 г.

24 октября 1938 г.

Дорогой Ян, сегодня получила деньги и твои письма¹.

Квитанцию консьержка отослала в Общество², и пришлось деньги посылать по почте, лишние пять франков! Кроме того, из-за этого я очень опоздала с концертом Марги, так как целую неделю сидела дома, боясь пропустить почтальона. Конечно, это тебя трогать очень не может, но меня волновало, портило настроение. Я сейчас живу очень напряженной жизнью, чему очень радуюсь. Вид у меня еще хороший и был бы еще лучше, если бы я зря не волновалась из-за ненужных вещей.

Вчера Алексей Матвеевич³ привез вещи Олечкины⁴. Часть отдам Наташе⁵. Часть привезу с собой. Может быть, вам уже нужны теплые вещи, тогда можно выслать все малой скоростью. Напиши и тогда укажи какие. Это будет дешевле, чем сдавать в багаж. Можно положить все в клеенчатую корзину.

Из-за сентябрьских волнений придется концерт Марги отложить, а потому мне придется приехать позднее, чем я думала, меня это очень огорчает, но ничего не поделаешь, —

слишком многие поздно приехали в Париж. Теперь всякий вечер делать очень трудно, а потому нужно иметь и время, и силы для этого. Есть целая группа людей, которые восстают против индивидуальных вечеров, так как такая масса беженцев, что нужно, по их мнению, помогать только скопом, то есть каждому давать пять копеек. Сейчас уже начались заседания и «помещение» билетов. Работа по Амору⁶ у меня почти закончена, осталось только двое, с которых следует мне получить.

Почему тебе кажется странным, что ты будешь платить Гале за переписку? Уверю тебя, что для нее это было бы приятнее, чем просто получать деньги, даже если бы ты мне платил, и я тратила их на свои нужды, на которые ты даешь мне все равно, то мне было бы приятнее, чем просить. Тут знаешь, что ты заработала, и тебе приятно.

Была вчера Рери⁷, обедала. Пополнела, успокоилась, помолодела. Приехала на побывку. Вернее, прилетела, до Рима на аэроплане, обратно от Рима тоже летит. Очень этим довольна. На поездку она заработала пятьдесят фунтов, да еще у нее в месяц имеется от дома 15 фунтов. Она пробудет здесь до начала декабря. Очень просила кланяться. Мы пили за твое здоровье. Очень хотела бы и тебя повидать. Может быть, заедет в Босолей.

Алексей Матвеевич и на меня, и на Лёню произвел очень хорошее впечатление, он говорил с Лёней о политике, потом рассказывал о своих днях под большевиками⁸. Я ему дала понять, что посланные деньги очень малы. Он сказал, что в настоящее время ему крайне трудно, так как у него срочные платежи по векселям, но что он скоро вышлет или уже послал, я не совсем поняла, так как он очень смутился и, видимо, мучился.

Я живу так тихо, без всяких впечатлений, что нечего писать. Впрочем, забыла, была на вечере поэтов⁹. Алла¹⁰ имела большой успех. В один голос несколько человек хвалили ее стихи. Читал и Смоленский, еще более трагически. Мамченко¹¹ под Гиппиус, во всяком случае она чувствовалась, Закович, Мандельштам о Чемберлене, за что ему попало от Смоленского. Прозу читал Ганский, что-то под Достоевского. Он женат на сестре Мандельштама, она поэтесса Штильман¹².

Уехала рано, увезла меня поэтесса Прегель, вместе с Лоллием Львовым, которого я звала пить чай, но спичек не оказалось, и мы посидели в маленькой комнате вдвоем, за рюмкой вина и за чтением его стихов, так что вечер поэтов у меня продолжался. Моих дам не было дома. Были там и Ивановы. Одоевцева долго всем показывала, выставляя руки вверх, свои дорогие перчатки, он немного посидел около меня. Пишет «Мертвые души в эмиграции». Чичиков ездит по эмиграции¹³.

Вчера Лёня у галлиполийцев¹⁴, куда заглянул на минутку, встретил Рощина, очень был на взводе, потолстел, обрадовался, вид нездоровый. Ни о ком не спросил. Я его так до сих пор и не видала.

Лёня звал его к себе на бал, он не пошел. Говорит, что вечеринка у галлиполийцев произвела на него тяжелое впечатление.

За квартиру нужно было заплатить:

	2232 ф. 60
отправка денег	650 и то по дешевому тарифу
консьержке	50
налог	150

	2439 10
Ты прислал	2500
	2439 10
	-----
	0 060 90

Значит, осталось 60 франков, на них куплю ленту, [а на остальное выпью когда-нибудь у Доминика за твоё здоровье рюмочку водки и закушу её чем-нибудь] остальное за телефон.

Целую вас всех.

Вчера очень много молилась за тебя в церкви, поставила твоему святому свечку. Была и у всенощной. «Только в церкви душой отдыхаю»...

Акомпанировать Марге будет Лабинский¹⁵, ему придется заплатить триста франков, но это марка. Он хвалит Маргин голос. У Марги на нервной почве экзема появляется то на ноге, то на ладонях. Только об этом не пиши, ради Бога. Галя тоже очень нервна была. Но Бог даст, все обойдется. Если концерт пройдет благополучно, то я уверена, Галя успокоится, начнет писать и, может быть, станет прежней.

Еще раз обнимаю тебя, мой дорогой, завтра опять хорошо помолюсь за тебя¹⁶.

Твой

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/197.

¹ См. пп. 568, 569.

² Очевидно, общество «La Séquanaise», которому принадлежал дом на rue Jacques Offenbach. См. примеч. 2 к п. 437.

³ А.М. Жиров.

⁴ О. Жирова.

⁵ Н.Б. Соллогуб.

⁶ См. примеч. 9 к п. 399.

⁷ Р.Г. Осоргина с 1938 г. жила в Палестине.

⁸ Вероятно, А.М. Жиров рассказывал о событиях своей жизни перед эмиграцией.

⁹ 22 октября 1938 г. Объединение русских писателей и поэтов устраивало в кафе «Grillon» (2, carrefour de l'Odéon, Ve) вечер, на котором Л. Ганский читал отрывки из романа «Второе рождение», а поэты — свои новые стихи.

¹⁰ А.С. Головина.

¹¹ Виктор Андреевич Мамченко (1901–1982) — поэт, журналист.

¹² Леонид Иосифович Ганский (наст. фам. Гатинский, 1905 или 1907–1970) был женат на Татьяне Владимировне Штильман (урожд. Мандельштам), сестре Ю.В. Мандельштама.

¹³ Такого произведения Г.В. Иванов не написал.

¹⁴ 23 октября 1938 г. в помещении Общества галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie, Paris XVIe) состоялся танцевальный вечер корниловцев, см. хронику: Последние новости. 1938. 23 октября. № 6419. С. 6.

¹⁵ Александр Иванович Лабинский (1894–1963) — пианист, дирижер. До революции хормейстер Мариинского театра. С 1921 г. в эмиграции в Берлине, с 1923 г. в Париже, выступал как солист и аккомпаниатор на концертах и благотворительных вечерах, дирижер и хормейстер Русской оперы (в 1927–1935), преподаватель Русской консерватории (с 1934). 15 ноября 1938 г. аккомпанировал М. Степун на ее первом парижском концерте в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe).

¹⁶ Именины Бунина по новому стилю в XX в. приходились на 25 октября. Память пророка Иоанна Предтечи установлена в честь перенесения 12 (23) октября 1799 г. привезенных с Мальты Иерусалимским орденом госпитальеров святынь, среди которых была десница Иоанна Предтечи, в придворную церковь Спаса Нерукотворного в Гатчине.

571. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 25 октября 1938 г.

25/12 октября 1938 г.

Милый мой, дорогой, сегодня целый день душой и воображением была с тобой¹.

Вечером получила твоё письмо. Это ты называешь, что я «допекаю тебя упреками»²... Если бы ты видел, как я живу и как я из всего стараюсь извлечь радость: иду ли по улице, по мосту, смотрю ли из окна автобуса, как горят всеми цветами огни вечернего Парижа, как я теперь малым довольна, ничего не требуя ни от судьбы, ни от тебя, и вечно благодарю Бога за все. Я не упрекала и не допекала тебя, а просто просила прислать скорее терм³, но теперь это уже ушло в прошлое. Налог заплачен.

«Круг»⁴ есть, я давно хотела тебе послать, да только думала, что тебе не до чтения. Завтра вышло и его, и картуз.

Концерт Марги назначен на 15 ноября, два раза меняли, сначала напечатали 2 XI, затем перенесли на 11, но оказался «front»⁵, и Дараган умолила перенести на 15. Меня это *очень огорчило*, жизнь моя здесь нелегкая, очень напряженная и полная лишений, но я от этого не очень страдаю, — скучаю по тебе и беспокоюсь только. Утешает лишь то, что часто бываю в церкви и что за это время могу помочь Лёне в его работах. Сейчас он пишет статью в шведский научный журнал⁶, очень интересную — свидетельские показания о священных камнях. Он за эти годы открыл их до тридцати. Но ему хочется больше всего писать роман.

Сегодня была в редакции⁷. Много наслушалась похвал о «Степе»: Миша⁸, Ладинский, Поляков, Вейдле. Даманская, которая была у меня вечером, хвалила очень. Устраивает вечер⁹. Просила у меня сто франков. Пришлось отказать.

Миша в форме. Вид здоровый, счастливый. Расстроен Капитаном¹⁰. У того опять запоры. Пьет. Утром землистый цвет лица, красные глаза. Влюблен в свою красавицу¹¹. Поселился где-то на куличках. Бывает у нее чуть не ежедневно. С мужем в хороших отношениях. Обижен, что я не известила его. А сам ни разу не позвонил Гале. За комнату в год платит 1 200 или 1 300 фр.! Но комната хорошая, лучше прежней. Ляля¹² может быть спокойна. Он рад, что она на юге.

Я надеюсь выехать 17 XI, если, конечно, не буду очень уставшей. Я стараюсь сделать так, чтобы перед самым вечером не утомляться. Я и теперь стараюсь лежать, когда можно. Как устану — боль в области сердца, если, например, долго иду. А дни такие, что ноги сами идут, трудно остановиться.

Печень, не слезить, тиха. Я мало и однообразно ем.

Пишу, лежа в постели. Уже ночь. Время, когда я часто тоскую по тебе. Чувствую, что ты даже рад, что мы не вместе. Но ты в этом не сознаешься. Как я теперь *все* знаю, иной раз даже жуть берет.

Миша у своей красавицы бывает ежедневно и счастлив, спокоен, ничего не пьет.

Сегодня опять звонил Ставров, но раз ты написал ему, то все в порядке.

Я как-то в церкви поняла, что значит «любите врагов ваших». И как раз в день твоего рождения об этом читалось в Евангелии.

Скажи Ляле, что апостол Павел говорил, «кто не работает, тот не ест», сам всю жизнь ткал материю, из кот<орой> делали палатки, даже ему писать было трудно — пальцы огрубели. Работают и птицы, выют гнездо, высиживают птенцов, кормят их, учат летать, и Христос не о работе говорил, а о накоплении богатств, жажде приобретения. Все святые работали, трудились.

Ну, целую Лялю и Олечку¹³ крепко. Обнимаю тебя.

Твой Седой отшельник!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/198.

¹ См. примеч. 16 к п. 570.

² См. п. 569.

³ плата за квартиру (*фр. terme*).

⁴ См. примеч. 8 к п. 553.

⁵ рабочий день между двумя праздничными днями, который также становится выходным (*фр.*).

⁶ Статья Л. Зурова «Поклонение камням, родникам и деревьям у сету и русских Печерского края» («Dugkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området») была опубликована в 1940 г. в шведском научном журнале «Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea» (оттиски хранятся в РАЛ. MS 1068/745–746).

⁷ Имеется в виду редакция газеты «Последние новости».

⁸ М.А. Струве.

⁹ Вечер А.Ф. Даманской с участием артистов А.Н. Богданова, Г. Хмары, Л. Гатовой состоялся 16 ноября 1938 г. в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe).

¹⁰ Н. Рошин.

¹¹ См. п. 567 и примеч. 14 к нему.

¹² Е.Н. Жирова.

¹³ О. Жирова.

572. В.Н. Буннина — И.А. Бунину

Париж. 26 октября 1938 г.

1938 г. 26 окт.

Дорогой мой, сегодня твое заказное письмо к Гале меня разбудило, я обрадовалась, думая, что это рукопись «Арсеньева», оказывается, слишком тонкое письмо, значит, вероятно, чек. Ты писал, что пришлешь ей денег.

Галя и Марга сейчас за городом в доме у матери Марии¹, им «сделали цену», завтра возвращаются. Мы не писали тебе об этом, боялись, что ты будешь тревожиться за меня. Но я чудно пожила одна. Скажу по секрету, самое лучшее — это жить одной. Я чуточку выровняла свой бюджет. При них выходит гораздо дороже, так как им нужно питаться, а я ем, что Бог послал, и для печени это, видимо, лучше. Они обе перед отъездом, неделю тому назад, были в таком нервном состоянии, и обе были нездоровы, у Гали стала болеть спина, грудь, кроме того она пришла в такое состояние, когда не может никого видеть, и ей кажется, что она камни ворочает, если вымоет посуду или подметет, а у Марги появилась хрипота, а главное, *нервная экзема*. Я возила ее к тетушке², и она ей тоже сказала, что это на нервной почве, посоветовала покой. Вот я и придумала. Это мне развязывало руки, надо было говорить по телефону, уламывать, чтобы приняли участие, при Марге мне это очень было делать трудно, она не привыкла к нашим обычаям и мучилась от всякого такого уговора. Теперь, не сглазить, я поставила дело на рельсы. Завтра будет у меня заседание — подписывать письма³. К некоторым я ездила и поеду еще. Если я взялась за это, нужно, чтобы все вышло хорошо, прилично. Лабинский, самый лучший аккомпаниатор, согласился «быть у рояля», это хороший показатель. Из двух источников слышала, что он находит Маргин голос «красивым», огорчен только, что концерт будет в зале на авеню Токио. Но что было делать, никто серьезно, кроме меня, не помог. Теперь каждый делает минимум, а максимум только я. Но я чувствую, что это *необходимо*.

Галя тогда успокоится, иначе будет плохо. Уверяю тебя.

Хочу дать тебе мудрый совет. Адресуй письма Гале на мое имя, — я их не буду читать. Думаю, что Галя против этого ничего иметь не будет, ты можешь даже заклеить самое письмо, только конверт надписывай мне. Маргу сейчас волнует всякая ерунда. По приезде расскажу. А ей нужно быть в форме. Все, что я пишу тебе, между нами. Впрочем, ты теперь меня не подводишь. Завтра, в четверг, они возвращаются.

Вчера хотела поговорить с И<горем> Пл<атоновичем>⁴ относительно Галиного фельетона, но не удалось, было какое-то совещание, и я не могла дожидаться, так как ко мне должна была прийти Марья Карловна, Лялина мама⁵. Видела на столе у Полякова твою «Музу». Не знаю, когда она пойдет⁶.

Через день ко мне приходит Лёня к завтраку, он приносит еду, это обходится на двоих 5 франков! И мы сыты. Но это с Лёней, с другими совсем другие цифры. Не знаю, что он принесет сегодня. Третьего дня принес по свиной ножке и капусты, потом мы выпили кофе. Конечно, это без хлеба, масла, и кофе пять франков. Дома он питается только рисом. Его деньги на исходе, а из Трокадеро, — может быть, и несколько тысяч он получит, — боюсь, получит только через месяц⁷. Он уже похудел. А приехал таким здоровым и помолодевшим, что любо было смотреть.

Я вчера была у мадам Доброй⁸, если хочешь, зайди к ней, спроси, какой у меня вид, она будет очень довольна, адрес ее 7 рю Бель-Есперо⁹. Квартира в пятом этаже. Она нашла, что я поправилась. Очень рада, что мы будем проводить зиму в Босолее. Она очень милая. Дала за билет сто франков и дала легко. Советую зайти, предлог есть. Она будет польщена. На Амор¹⁰ она дает 1 000 франков в год, а ведь ты председатель. Впрочем, не настаиваю, не настаиваю... Зовут ее Любовь Германовна.

Скоро приедет Наташа с Андреем¹¹, и вам будет веселее.

Храни тебя Бог, мой драгоценный, жду «Арсеньева». Мне очень хочется его переписывать. Ты не можешь представить, какая радость у всех, когда узнают, что ты опять сел за «Арсеньева». Вейдле вчера подошел ко мне, когда я сидела в кафе под «П<оследними> н<оветями>» с Мишей¹², и долго восхищался «Степой», весь просиял, когда я сказала, что ты взялся за «Арсеньева».

Я думаю, что самое трудное с концертом для меня сделано, и следующие две недели я буду работать немного и буду мочь привести дом в порядок.

Целую нежно, мой драгоценный. Правда ли, что ты написал пьесу¹³? В Париже очень сейчас «неуютно», как бы сказал Георгий Павлович¹⁴.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/199.

¹ Мать Мария (Е.Ю. Скобцова) под Парижем, в Нуази-ле-Гран (Noisy-le-Grand) организовала общежитие для одиноких женщин, куда, видимо, и ездили Г. Кузнецова и М. Степун.

² А.Е. Шварцман.

³ Речь идет о подготовке концерта М. Степун.

⁴ И.П. Демидов.

⁵ М.К. Лишина.

⁶ Рассказ был опубликован четыре дня спустя: *Бунин И.* Муза // Последние новости. 1938. 30 октября. № 6426. С. 2.

⁷ К концу года Л. Зуров получил все же от Министерства народного просвещения Франции деньги за экспедицию, о чем сообщил в письме Н.Е. Андрееву 5 января 1939 г. (*Андреев-Зуров*. С. 56).

⁸ Любовь Германовна Добрая (урожд. Барак, 1873–1955) — общественный деятель, благотворитель. Знакомая Буниной, участвовала во многих ее благотворительных проектах.

В.Н. Бунина.
Грасс, июнь 1936 г.
(РАЛ)

⁹ Очевидно, Л.Г. Добрая собиралась ехать на юг: rue Bel Respiro находится недалеко от железнодорожной станции Монако — Монте-Карло.

¹⁰ См. примеч. 9 к п. 399.

¹¹ Н.Б. и А.В. Соллогубы.

¹² М.А. Струве. Имеется в виду кафе Дюпона (Café Dupont) по адресу: 51, rue de Turbigo, Paris IIIe.

¹³ Возможно, Бунин написал шуточную пьесу, текст которой до нас не дошел. См. п. 577.

¹⁴ Г.П. Олейников.

573. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Босолей. 26 октября 1938 г.

26. X. 38.

Спасибо тебе, милая моя, за письма, пиши почаще, а то уж очень скучно. Стало прохладно, но еще можно немного потерпеть с теплыми вещами. О корзинке и не думай — куда же тащить такую громоздкую вещь! Не люблю этого. М<ожет> б<ыть>, Наташа¹ привезет мой шведский кожаный чемодан? В нем все необходимое для меня на холода. Когда

Наташа назад? Может отдать в багаж — я заплачу. Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/188. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Beausoleil, 27.X.38».

¹ Н.Б. Соллогуб.

574. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 27 октября 1938 г.

Драгоценный! Вчера мы с Лёней пересмотрели шляпники, и там ни одного картуза? Где его можно найти? В чемодане? А где ключ?

Вчера Галя с Маргой вернулись. Случилось чудо: за неделю они поправились, как будто прожили месяца два. И главное, не сглазить, успокоились.

Сегодня мы с Галей отправляемся в «П<оследние> н<овости>». Спасибо, что ты ей отдаешь гонорар за «Степу».

Я эти дни чувствую себя лучше. Уже переписала четверть из твоего последнего письма «Жизни Арсеньева». Очень сильно и хорошо начато. А когда ты пришлешь то, что переписала Галя?

«Музу» оба экземпляра переписала я, так как Галя была в деревне.

Спешу послать тебе эту цидулку и целую нежно.

Целую мамà и Олю¹.

Твой Седой.

27 окт. утро.
1938 г.

Лёня шлет тебе и Ляле² привет.
Галя напишет тебе длинное письмо.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/200.

¹ Е.Н. и О. Жировы.

² Е.Н. Жирова.

575. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 27 октября 1938 г.

Посылаю первую главу¹. Вторую вышло завтра ехргес'ом. Сейчас едем в «П<оследние> н<овости>» с Галей.

Чудесная эта глава. Только когда ты умрешь, ты все будешь видеть и слышать еще более прекрасное, чем здесь.

Целую твою гениальную бровь.

Твой Седой.

1938 г. 27. X.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/201.

¹ Вероятно, первая глава пятой книги романа «Жизнь Арсеньева» — «Лица». Ее публикация в «Современных записках» в 1933 г. началась сразу с третьей главы, две первые тогда оказались пропущенными. (Справка Е.Р. Пономарева.)

576. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Босoley. 28 октября 1938 г.

Вечер, пятница.

Получил, дорогая моя, вчера и сегодня твои письма (и от Г<алины>). Спасибо, что часто пишешь. Я уже переутомлен — сиденье, не вставая 2 мес<яца>! Картузы в шведск<ом> кожан<ом> чемодане. Ключи в столе или где-нибудь в коробке в шкапу. Ляля¹ замучила меня нелепой едой, ненужными покупками. 300 фр. мужа уже протрюкала. Плохо. Целую.

Здоровье мое оч<ень> неважно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/189. Почтовая открытка с фотографией теннисного корта Монте-Карло; адрес получателя: «Madame Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Monte Carlo, 29.X.38». Дата и место установлены по почтовому штемпелю, дата уточнена по содержанию: 28 октября — пятница.

¹ Е.Н. Жирова.

577. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 29 октября 1938 г.

29 окт. 1938.

Дорогой мой Дружок, посылаю тебе переписанное, Галя вышлет сегодня вечером. Она вчера весь день работала по дому, так как я писала. У Марги нехорошо сердце, а потому

ее уложили в постель по предписанию Серова. Хотела послать вчера первую главу, но передумала, так как лишний экспресс. Вообще у меня не хватает денег на почту и всякую пересылку.

Были в «П<оследних> н<овостях>». Хотели у тебя вычесть 300 франков, я упростила, чтобы вычли это с «Музы», так как деньги со «Степы» шли Гале. Кобецкий¹ на это согласился. Кроме того, я сказала, что ты теперь будешь печататься часто, и долг покроется быстро. Кобецкий говорил мне, что сотрудники обижаются, что у тебя такой большой долг. Галя получила 452 фр. 50. Сорок франков она отдала мне, так как была должна.

Сегодня иду к Зайцевым, чтобы попросить Наташу² зайти ко мне или позвонить по телефону, — сговориться, как им доставить твой чемодан. Где ключ от него? А как переслать вещи Ляли и Олечки³, то есть, что можно взять? Там есть наш зеленый сундучок, может быть, его малой скоростью? А где твой смокинг? Ты до вторника можешь мне экспрессом ответить, кажется, Соллогубы уезжают 1 ноября.

«Муза» твоя пойдет в воскресенье. Вот тип женщины, от которой всегда страдают мужчины, главное, молчаливое проведение своих желаний в жизнь. Хорошо она написана. Не знаю, что лучше: « Степа » или « Муза ». Они противоположны, как полюсы.

Была тетушка⁴. Лев Исаакович⁵ теперь увлекается, читает буддизм, вот тебе было бы интересно теперь с ним поговорить. Их зять Баранов⁶ едет в Аравию в экспедицию искать нефть. Будет жить в палатке. Наташа⁷ остается одна. Он уже ездил туда на 8 месяцев⁸.

Серов нашел, что у Марги болезнь нервной системы, то есть нечто вроде того, что было у Мити⁹, конечно, в начальной стадии и без Митиной подкладки. Он сказал, что « другие на Вашем месте кричат », болят межреберные нервы. Ты и об этом ничего не пиши.

Сейчас вечера делать русским очень трудно, так как евреи изнемогают от нужд всех беженцев. Сегодня еще прибавилось: Гитлер высылает польских евреев¹⁰. Горя так много, что ужас.

Я по-прежнему нигде без дела не бываю, только у Манухиной, да и то мы последние субботы отправляемся вместе ко всенощной, так будет и сегодня.

Вчера Лоллий Ив<анович>¹¹ читал письмо жены Бориса Григорьева¹². Ему, бедному, делают в Ницце операцию, — рак желудка. Лежит он в клинике «Бельведер» на бульваре Царевича. Она пишет накануне операции, во вторник, что он совсем безучастен, настоящего своего состояния он не знает. Делает ему хирург Пра¹³. Пишет, что никого нет близких у них на юге. Жаль очень и его, и ее. Сын¹⁴ держит экзамен в Париже.

У Марка Александровича больна очень мать¹⁵, уже при ней сестра милосердия. Вид у него растерянный.

Правда ли, что ты написал пьесу? Все мне говорят, но я не очень верю, кто же ее тебе переписывал¹⁶?

Говорят, что пьеса чепуховская, но Илюша¹⁷ в восторге!

Открытие театра 18 ноября «Вишневым садом»¹⁸, но я едва ли уже буду в Париже, да и после Художественного театра смотреть не очень хочется.

Обнимаю тебя нежно. Галя целует. Марга кланяется.

Твой Седой!

Ляле напишу сегодня. Скажи ей, что вся беда у нее с Олечкой, что она ее перекармливает. Напишу ей подробно о моем разговоре с Идой и Кирой¹⁹. Сейчас нет времени.

Целуй их.

¹ Яков Яковлевич Кобецкий (1883–1945) — журналист, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Сотрудник «Последних новостей» со дня основания, редактор отдела биржевой хроники.

² Н.Б. Соллогуб.

³ Е.Н. и О. Жировы.

⁴ А.Е. Шварцман, жена Л.И. Шестова, с детских лет дружила с В.Н. Буниной и находилась в родстве с семейством Муромцевых.

⁵ Лев Исаакович Шестов (наст. имя и фам. Иегуда Лейб Исаакович Шварцман, 1866–1938) — философ, литературовед, литературный критик. В эмиграции с 1920 г. в Париже. С 1921 г. член Русской академической группы в Париже, с 1922 г. профессор Института славяноведения.

⁶ Владимир Николаевич Баранов (1897–1985) осенью 1938 г. во второй раз отправился в южную Персию в качестве инженера с геологоразведочной партией, занимавшейся изысканиями нефтяных месторождений. См. фрагменты его писем Л.И. Шестову из экспедиции: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников*. Paris: La Presse Libre, 1983. Т. II. С. 176–179.

⁷ Наталья Львовна Баранова (урожд. Шварцман, 1900–1993) — инженер, дочь Л.И. Шестова, родственница и подруга Буниной.

⁸ В первую поездку В.Н. Баранов пробыл в южной Персии с осени 1937 до лета 1938 г.

⁹ Д.Н. Муромцев.

¹⁰ 28 октября 1938 г. были арестованы 17000 польских евреев, живущих в Германии. Гитлер приказал отправить их в Польшу, но Польша отказала им во въезде, и в результате они были заблокированы в приграничной деревне Сбажин (Zbąszyń).

¹¹ Л.И. Львов.

¹² Борис Дмитриевич Григорьев (1886–1939) — художник. С 1919 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Берлине, с 1921 г. в Париже. Письмо его жены Елизаветы Григорьевны (Георгиевны) Григорьевой неизвестно.

¹³ Не удалось найти сведений.

¹⁴ Кирилл Борисович Григорьев (1915–2001) — сын Б.Д. Григорьева.

¹⁵ Шифра Ионовна (Софья Ивановна) Ландау (урожд. Зайцева, ?–1938) — мать М. Алданова.

¹⁶ См. примеч. 13 к п. 572.

¹⁷ И.И. Фондаминский.

¹⁸ Русский театр открыл свой третий сезон 19 ноября 1938 г. «Вишневым садом» А.П. Чехова в постановке М.Н. Германовой.

¹⁹ И.З. Александрова и К.С. Грар.

578. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 31 октября 1938 г.

Вечер 31. X. 38.

Милая Вера, в третий раз пишу тебе нынче — сейчас с большим удивлением: давно ли я тебе послал 900 фр., и ты от Наташи получила 100 — и вот ты опять просишь. Ну что ж, возьми в «Посл<едних> нов<остях>», прилагаю записку, только скажи там, что уж больно строги они ко мне и ужели я у них уж в таких неоплатных долгах.

Целую. Не понял: что же будет это послано «par route»¹?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/190.

¹ букв.: по дороге (*фр.*), т.е. наземной почтой или «малой скоростью». См. п. 564, 570, 577, 660, 665.

579. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова — И.А. Бунину

Париж. 2 ноября 1938 г.

1938. 2 ноября.

10 ч. утра.

Драгоценный мой, вчера получила твой экспресс¹, сегодня два письма и открытку для Гали. За все целую и благодарю.

Если я когда-нибудь очень жалела твои деньги, то это теперь. А потому упреки напрасны. У меня еще не все истрачено. Ты прислал 1 000 фр., правда, недавно, но у меня были долги. Да и 32 фр. в день на все очень теперь мало, особенно, если ездешь на автобусах, я избегаю метро, проедешь, и заболит вокруг сердца. Нельзя очень экономить в еде из-за Гали. С нее я беру всего 10 фр. Я ни разу еще не была у маникюрши, всего три раза у парикмахера, и кроме башмаков, вуальки и 6 фр. за укорочение платья с широкими рукавами я на свои женские дела ничего не тратила. Но жизнь стала очень дорогой, вернее, франк упал. Ведь теперь 30 фр. = 20 фр. 1937 года, а ты мне 20 ф. оставлял, действительно, на меня только. Когда я одна, я могу очень экономить, но при Гале трудно, она требует, чтобы я сама ела то же самое, что и она, хотя по сравнению с прежним она тоже экономна. По вечерам мы почти всегда дома. За все время Галя была три раза в سینета, а я один. А кроме того, мои трудные дни, Бог даст, скоро кончатся, и я уже тебя не буду так «разорять». Впрочем, ты сам в душе знаешь, как мне тесно. Вот, например, сегодня 25 фр. за починку моих зимних туфель, — стало холодно ходить в шевровых, и 25 f. 80 c. за газету «Посл<едние> нов<ости>». «Возрождения» мы уже не покупаем, как и французских газет, — не по средствам. Иногда все же приходится взять mademoiselle², трудно мне мыть кухню, а Марга лежит в постели, — у нее расширение сердца, Чекунов³ запретил всякую физическую работу, не могу же я заставлять Галю мыть пол, ведь ты же Лялю⁴ освободил от этого. Голубчик мой, я очень тебя понимаю — жить на два дома не под силу, но это ведь кончится, Бог даст, 15 н<оября>. Я передам Марге деньги, и сама буду собираться в «путь-дорогу». Да ведь в эти 32 фр. входили и расходы по почте, а они немалые — письмо экспресс-заказное 5 фр. 40! А потом неожиданные гости, уведомляющие тебя о своем приходе по телефону, всегда нарушают бюджет. Я почти забыла вкус фруктов. А сколько у вас обходится день?! Сочти все. И ты увидишь, что я в экономии перещеголяла madame Кульман.

Я не поняла, что ты хочешь приехать теперь, так сказать, за мной. Это было бы большим для меня удовольствием. Но разве Ляля останется одна? На какие же деньги она будет жить? Конечно, может быть, это и можно устроить было бы. Кроме того, мои дамы еще у меня, и, значит, нет четвертого ложа. Насколько я понимаю, они едва ли будут жить на François Gérard⁵, ибо комнату, которую им предлагают, брать нельзя: окна с двух сторон, 4 окна, ходит ветер, а при Галиных легких это опасно. Сегодня Галя сказала: «сдайте нам комнату здесь, когда вы уедете, — вот у вас будут карманные деньги!» Мы посмеялись. У Гали вид стал опять плохой. Нервна очень.

Но если ты надумаешь, то знай, я буду очень рада, так как возвращаться одной в III-ем классе вещь нерадостная.

Вчера я была на могиле Мани⁶. У нее стоят цветы — хризантемы. Было очень грустно. Потом подошла к могиле Надежды Ивановны Алексинской, там русский деревянный крест, иконка, лампадка. За могилой уход. Завтракала я у Левиных.

Долг твой в «П<оследних> н<овостях>» около 2 000 фр. Кобецкий очень извинялся. А Могилевский мне сказал, когда я его просила на этот раз не вычитать 300 фр., так как мне

деньги нужны, — «Да вытащите с вашего текущего счета!» И когда я, вероятно, очень естественно воскликнула, что у меня нет его, он удивился: «Неужели все истратили?» Я сказала, что нет, но деньги, кажется, в бумагах, так что доставать их очень сложно. Он поверил, наконец, и позвал Кобецкого.

Погода у нас переменчивая — то ясно, то дождичек, уже осенний, начался грипп, правда, форма легкая.

У Марги было, да и есть еще воспаление нерва, она сильно страдала. Сейчас лучше. Чекунов надеется, что на концерте она будет выступать.

Сегодня Галя получила «Рус<ские> зап<иски>», жаль, что ты не прислал и за сентябрь⁷. Она не читала. Получил ли ты «Круг»⁸? Какое впечатление? Лида просила, чтобы ты написал об ее вещи.

Амор⁹ увядает, если бы я не приехала, то увял бы совсем уже. Я все же надеюсь, что он спасется. За ноябрь выдаем. На декабрь нужно еще поработать.

Марья Самойловна¹⁰ все еще в Лондоне, когда приедет, не знаю. Шурочка¹¹ мне прислала за билет на Маргу 100 фр. и очень милое письмо.

Сегодня я иду к Зайцевым завтракать, несу деньги, да, вероятно, им очень грустно без Наташи¹², а я ведь им родной человек.

Приехала Вера Рафаиловна¹³, она жила в Каннах, очень жалеет, что не знала, что ты в Босолее, она бывала в Монте-Карло.

Обнимаю, мой дорогой, целую Лялю и Олечку¹⁴. Сегодня зайду, чтобы поговорить с Жировым.

В Париже настроение очень тяжелое, — «все» заняты сбором на еврейские организации.

<Г.Н. Кузнецова:> С радостью прочла «Музу» — сколько в ней силы — именно силы, щедрости таланта, как хорошо все «природное» и сама Муза. Очень порадовалась на этот рассказ.

«Рус<ские> записки» получила и сегодня же начну читать. Последнее время очень неважно себя чувствовала — и душевно, и физически. Радуюсь, что Вы пишете. Да, нов.¹⁵, конечно, «умеют ненавидеть»! Целую крепко.

Галя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/203. На верхнем поле письма помета неизвестным почерком: «Получено 3.Х.1988».

¹ См. п. 578.

² М.Е. Imbert.

³ Иван Степанович Чекунов (1876–1956) — врач, специалист по внутренним и нервным болезням. Участник Первой мировой войны. С 1920 г. в эмиграции во Франции, член правления Общества русских врачей им. Мечникова. С 1936 г. товарищ председателя Комитета социальной помощи русским эмигрантам, работал в госпитале Валь-де-Грас. Лечил Буниных, Шмелевых, Зайцевых и др.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ См. примеч. 16 к п. 548, примеч. 3 к п. 493.

⁶ М.С. Брюан.

⁷ Видимо, Бунин послал в Париж номер «Русских записок» за июль или октябрь 1938 г. (последний открывался редакционным некрологом А.И. Куприну). С мая по декабрь 1938 г. (№№ 5–12) «Русские записки» публиковали «Повесть об отце» Вадима Андреева, которая должна была привлекать особое внимание Бунина.

⁸ См. примеч. 8 к п. 553.

⁹ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁰ М.С. Цетлина.

¹¹ А.Н. Прегель.

¹² Н.Б. Соллогуб.

¹³ В.Р. Мартынова.

И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова и В.Н. Бунина на пикнике.
1930-е гг.
(РАЛ)

¹⁴ Е.Н. и О. Жировы.

¹⁵ Из контекста непонятно, что именно сокращено: слово «новые» или слово «новости», имея в виду газету «Последние новости» — и то, что произведения Г. Кузнецовой долго не публикуют.

580. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Босолей. 3 ноября 1938 г.

Утро. З. XI. 38.

Дорогой мой Седой, что же вы не прислали мне *второй* экземпляр тех глав, которые начинаются словами: «Это было поздней осенью...» Это главы: I, II, III, IV — эта четвертая кончается словами: «так гадко мне стало от этого гроба — и после того в село уже не показывался...»¹

Пожалуйста, пришли как можно скорее.

Вчера Ляля² получила твое письмо. Напрасны все твои советы насчет Оли³ — упрямей Ляли я не видал осла!

От Жирова ни слуху, ни духу. Вполне животное! Верно, мне придется самому писать ему — *я его девчонку не буду содержать* — не кретин же я в самом деле! Не понимаю, как ты не возмущаешься на такую дикую вещь.

Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/191.

¹ Главы из «Жизни Арсеньева».

² Е.Н. Жирова.

³ О. Жирова.

581. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Босолей. 3 ноября 1938 г.*

З. XI. 38. 8 ч. вечера.

Был в Ницце, искал перо — прежнее сломалось — и работа моя последнее время была никуда: столько сил брало тугое, гадкое перо, что весь я уходил на борьбу с ним — и чувствовал себя бездарным идиотом. Больше лежал, читал — все Андреева. Несносный декламатор, памфлетист — и все-таки Горький, Куприн перед ним щенки.

Пишу новым пером — тоже неважно, но все-таки лучше. Сбыл старые, ломанные перья, так что новое взял за грош.

Опять пишу тебе нынче в 3-й раз, только что получив твое письмо от 2-го. <Конец страницы оторван.>

Благодарю Г<алину> за приписку.

Как ты поняла меня насчет моего приезда в Париж? Что я приеду только *на несколько дней* и опять уеду с тобой сюда? Нет, я думал приехать и отправить тебя на «Dominante», а самому побыть с месяц, с 1½. Иначе как же, правда, с этой самой Лялей¹?

Г<алина> хочет «снять» у нас комнату? Я ничего не имею против, чтобы они остались еще некоторое время без всякого снимания.

Чемодан получен. От Жирова опять ни строки. Нет, вон, вон его девчонку — ни с того, ни с сего взять на содержание выблюдка какого-то бугая Жирова — это идиотично до кошмара.

Целую мою дорогую.

Ты пишешь: «А сколько *ты* тратишь?» *Да ведь от этого-то я и кричу* — от этой стервы Ляли. А сам я сижу дома безвыходно.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS 1066A/192).

¹ Е.Н. Жирова.

582. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 4 ноября 1938 г.*

Дорогой мой, сейчас получила твои два письма¹. Очень прошу тебя не предпринимать никаких решений до моего приезда. Сейчас Жирова нет в Париже, он уехал в деревню², вероятно, хочет что-нибудь продать там. Он мне говорил, что его дела здесь очень плохи. Удивляюсь, что он ничего об этом не написал Ляле³, не сказал мне.

Целую, спешу отправить письмо.

Ждала от тебя исправленного экземпляра начала «Жизни Арсеньева».

Целую. Твой Седой.

4 ноя<бря>.

Публикуется по оригиналу (машинопись, подпись — автограф): РАЛ. MS 1067A/204. Год и место установлены по сопоставлению с пп. 572, 575, 580.

¹ См. пп. 580, 581.

² См. примеч. 10 к п. 531.

³ Е.Н. Жирова.

583. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 5 ноября 1938 г.

Утро.

1938 г. 5 ноября.

Дорогой мой, все твои три письма¹ получила. Вчера вечером послала записочку. Алексей Матвеевич уехал в деревню². Вернется через неделю. Я с ним тогда поговорю. Он поехал вспахать свой участок и засеять, т.к. в этом году он все же получил доход с своего имения. Конечно, непонятно, что он ничего не написал, но ведь он в конечном счете некультурный человек. Я уверена, что он будет платить. Сейчас временная заминка. Сейчас вообще очень тяжелое время для всех. Нужно его переждать. М<ожет> б<ыть>, он там у себя что-нибудь продаст. Я сказала ему, что Ляля³ должна Наташе⁴, пусть она напишет ему об этом, что она у нее взяла на болезнь и комнату. Пусть адресует в деревню. Повторяю, он производит впечатление порядочного человека и хорошего отца.

Чемодан переслала Мария Карловна⁵, т.к. он был отвезен к ней.

Не посылаю тебе глав I, II, III, IV, думая, что ты пришлешь мне исправленный экземпляр, но теперь буду сегодня и завтра их переписывать. В понедельник отошлю.

Если ты хочешь приехать в Париж надолго, то, может быть, лучше после моего возвращения, тем более, что ноябрь всегда гнилой месяц. Скажу одно — Париж мне радости не дал. Сейчас такое настроение, что ужас. Ждут тебя очень Браславские, они очень милые и к нам ко всем расположенные люди. У них будет в пользу одной еврейской больницы вечер в конце ноября или начале декабря⁶. Пригласили уже весь наш дом.

Марга очень страдала. Ей лучше. Галя два дня лежала пластом. Вчера пришлось взять mademoiselle на два часа. Я тоже переутомляюсь, но, Бог даст, десять дней вытану, там день, два отдохну и к вам. Но, если ты решишь приехать еще когда я в Париже, то я буду рада и этому.

За «Музу» я получила 300 фр. Могилевский сказал, что теперь будут вычитать по 100 фр., только печатай чаще. Все в восторге от твоих рассказов.

Потерпи еще немного, и я все выровню. Галя тоже не умеет быть экономной, как Берта⁷, Нат<алья> Ив<ановна>⁸, Ида⁹... Для этого нужны годы и годы.

Целуй Лялю и Олечку¹⁰. Обнимаю тебя со всей нежностью. Эта часть «Ж<изни> Ар<сеньева>» чудо как хороша!!!

Твой, увы, Седой.

Марге *очень не везет*, сегодня она должна была выступать в пользу «Нар<одного> Унив<ерситета>» и не может¹¹. Очень жаль. Зал большой!

В.Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/205.

¹ Сохранилось два письма: пп. 580, 581.

² А.М. Жиров. См. примеч. 10 к п. 531.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ Н.Б. Соллогуб.

⁵ М.К. Лишина.

⁶ М.Л. Браславский был членом правления Общества друзей еврейской народной амбулатории им. Темкина, которое время от времени устраивало благотворительные мероприятия. Состоялся ли этот вечер, неизвестно.

⁷ Б.С. Нилус.

⁸ Н.И. Кульман.

⁹ И.З. Александрова.¹⁰ Е.Н. и О. Жировы.

¹¹ Осенью 1938 г. Народный университет в Париже начал устраивать концерты. Первый из них, посвященный П.И. Чайковскому, состоялся 5 ноября 1938 г. в Salle Gaveau (45–47, rue La Boétie, Paris VIIIe). См. в газетном отчете: «Вместо заболевшей г-жи Степун — Э. Ортамберг сыграл с большой выразительностью “Меланхолическую серенаду” и “Канцонетту из концерта»» (Н. К. <Кнорринг Н.Н.> Вечер народного университета // Последние новости. 1938. 8 ноября. № 6435. С. 5).

584. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 5 ноября 1938 г.

Вечер 5. XI. 37¹.

Сейчас получил от Гали несколько листков переписанного — мой последний присыл. Благодарю ее. Милые мои, только прошу вас быть щедрее: присылать 2 экз. и не <на> такой бумаге, а на более плотной и с дырочками² — неужели ты не купила, — я просил, — и ведь ты еще получила (с «Посл<едних> нов<остей>») — что ж скупиться на бумагу и на марки? И еще: купи конвертов такого размера, чтобы входил лист переписанного, сложенный *только вдвое*, — иначе получается все мятое. Дописываю эту первую часть второго тома «Арсеньева» с отвращением; но делать нечего — надо добить эту часть. Я много в нее вписал нового — надо, чтобы вышел целый роман с этой выдуманной Ликой и чтобы ее образ был до конца понятен. Дальше писать — просто невозможно! Будет уже явная автобиография — к тому же уже всем известная. Не знаю, как быть.

Сию в кафе с Олечкой³ — трогательно! Пьет лимонад, счастлива и смущена. Как все-таки милые дети (а она все-таки милая) трогательны!

Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/193. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 572, 574, 575, 580 и 585.

¹ Описка Бунина, на самом деле 1938 г.² См. п. 562.³ О. Жирова.

585. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 7 ноября 1938 г.

7. XI. 38.

Получил нынче твое письмо с перепиской¹, драгоценный мой Седой. Насчет приезда в Париж еще ничего не решил. Подумаю, когда мне поехать. Мне все оч<ень> нездоровится — я устал от однообразия, очень устал, и, кроме того, все время терял кровь — ужасно иногда, хотя пью только пиво или изредка стаканчик вина.

Жиров все-таки форменный мерзавец — и что он может теперь поправить, если даже пришлет деньги? Все равно прошел уже целый месяц без его денег. И я совершенно не верю в его будущую аккуратность. Подожду еще немного, затем напишу ему сам начистоту. Мама² ни черта не может — воображаю, какими дохлыми словами она писала ему!

Эти дни лежит больна. Оттого я и гуляю, т.е. беру ее с собой, выходя перед вечером.

Чем больна Марга? Отчего Галя лежала? Ты пишешь всегда с загадочной недоговоренностью. Не пишешь также, каковы их дальнейшие планы. Или они и сами не знают ничего?

«Арсеньева» видеть не могу. Что надо сделать непременно и скоро — это издать роман с Ликой. Выйдет целая книжка, целый любовный роман. Вы переписываете по кусочкам — не можете судить, как это выйдет в целом. Будет, надеюсь, ладно.

Крепко целую, все время беспокоюсь о твоём здоровье. — Губишь ты себя!

Перечитывай мои письма, когда отвечаешь мне.

P.S. Очень жду 2-ой экз. глав I, II, III, IV³.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/194.

¹ См. п. 583.

² Е.Н. Жирова.

³ Отчеркнуто на полях красным карандашом.

586. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 7 или 8 ноября 1938 г.

Драгоценный мой, что же это такое: вчера получила назад письмо, написанное полмесяца тому назад. Ты не принял из-за того, что оно опущено было без марки, конечно, по рассеянности. Возвращаю его. Что странно, что за марки с меня не взяли. Кто же за них уплатил? Ничего не понимаю.

Марга была больна: 1) очень расширено сердце, 2) воспаление межреберных нерв<ов>, 3) нервная экзема до раны на ноге. Неделю лежала в постели. Лечили Серов, Чекунов, тетушка¹, Аитова² дала очень хорошую мазь. Страдала. Сейчас на ногах. Из-за пропущенной недели она теперь наверстывает. Ей запрещена всякая физическая работа. Да и сил сейчас на нее у нее нет, ведь во вторник ей целый вечер петь одной³. Сейчас идут непрерывные репетиции. Возили ее к тете Мане⁴. Одобрила. Галя, конечно, переутомляется. Ведь mademoiselle⁵ у нас бывает очень редко. Я тоже не могу почти работать, т.к. выношу на своих плечах главные труды по концерту, а при малых средствах это очень утомительно, так что дома стараюсь только лежать. Сейчас Галя на ногах и в бегах. Я стараюсь так или иначе облегчить ей, но это очень трудно. Два дня она пролежала пластом. Но теперь, Бог даст, отдохнет.

Со среды начну убирать дом. Он очень запущен. Собирать вещи свои, Лялины и Олечкины⁶. Думаю ехать днем. Одна ночью боюсь. Конечно, несколько дней отдохну. Может быть, разориться и взять спальное место? Да жаль денег. Я стала настоящей скрягой, хожу все в одном и том же нобелевском платье. Выгадываю всякий билет на автобус. Чувствую себя сравнительно хорошо. После вечера буду лежать несколько дней, это необходимо для сердца.

Не знаю, что тебе посоветовать относительно приезда сюда. Уж очень паршивое время: низкое серое время⁷, грипп ходит, да и я очень по тебе соскучилась. Опять, значит, разлука. И где нам с тобой встретиться, здесь или на юге? Уже реши сам. Настроение здесь у всех очень плохое. События никого не радуют. Равнодушие к нам большое почти у всех, кроме Тэффи, Нат<альи> Иван<овны>⁸ и Браславских, Зайцевых. Браславские очень хотят, чтобы ты у них был 20 д<екабря>, у них будет бридж в пользу еврейской больницы⁹. Но я думаю, будет очень скучно. Между нами, Аминад у них больше не бывает. В score с madame¹⁰.

О планах Марги и Гали знаю одно, они пока остаются у нас. Да сейчас и нет возможности думать о чем бы то ни было, кроме концерта.

У нас была Оленина-Д'Альгейм¹¹. Обедала. Пела. Гениальна! Она ценит Маргу. Говорит ей «ты». Прослушала ее. Дала указания, советы.

Вчера Галя купила себе чудную юбку, у нее разорвалась. А я достала ей красивый туалет¹².

Сейчас звонила Марья Карловна¹³. Она сегодня написала письмо Алек<сею> Мат<вевичу>, но она не знала, что он уехал в деревню¹⁴. Не знаю, вернулся ли. На днях выясню. Сегодня М<арья> К<арловна> зайдет ко мне.

Обнимаю тебя, мой дорогой, целую бедную мамà и Олечку¹⁵. Христос с тобой! В субботу будет 5 лет, как Павлик совершил над собой свое страшное дело¹⁶!

Твой В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/206. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 585.

¹ А.Е. Шварцман.

² Маргарита Николаевна Аитова (урожд. Бернштейн; в первом браке Маргулиес, 1876–1969) — доктор медицины, микробиолог, общественный деятель.

³ См. примеч. 19 к п. 567.

⁴ М.Н. Муромцева.

⁵ М.Е. Imbert.

⁶ Е.Н. и О. Жировы.

⁷ В.Н. Бунина, видимо, хотела написать «низкое, серое небо».

⁸ Н.И. Кульман.

⁹ В конце декабря 1938 г. Тэффи написала В.Н. Буниной: «Бридж у Браславских дал 20 тысяч. Было очень приятно (я одна арийка). Все трогательно любезны» (*Бунины–Тэффи (I)*. С. 407).

¹⁰ З.Д. Браславская.

¹¹ Мария Алексеевна Оленина д'Альгейм (1969-1970) — камерная певица (меццо-сопрано). С 1918 по 1959 гг. жила в Париже, концертировала до 1935 г.

¹² От фр. *tailleur* — костюм.

¹³ М.К. Лишина.

¹⁴ А.М. Жиров. См. примеч. 10 к п. 531.

¹⁵ Е.Н. и О. Жировы.

¹⁶ См. примеч. 5 к п. 279.

587. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Монте-Карло. 9 ноября 1938 г.

Ездил гулять на Cap Martin¹ — смотрел виллу сзади этих деревьев² — нечто изумительное, простое, прекрасное, старинное, 7 комнат — и всего за 8 т<ысяч> в год. Только не мебл<ированная>. Вот бы переехать сюда! 2 шага — море. А?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/195. Почтовая открытка с видом побережья Ментоны; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Monte Carlo, 9.XI.38». Дата и место установлены по почтовому штампу.

¹ Рокбрюн-Кап-Мартен (Roquebrune-Cap-Martin) — курорт на Лазурном берегу Франции.

² На лицевой стороне открытки на первом плане фотографии — высокие деревья, за ними вид на залив, Ментону и Альпы.

588. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной*Босолей. 9 ноября 1938 г.*9. XI. 38¹.

Плохо, милая моя, — приходится мне сдаться — положить перо — уже двух слов не могу связать от потери крови. Это началось уже с месяц тому назад, и я писал тебе, как я скверно себя чувствую, но ты никак не отозвалась на это, не обратила внимания на мои слова. Я пересиливал себя — все сидел за столом, хотя из этого совсем почти ничего не выходило. Теперь вижу, что надо оставить на время эти сиденья. Нынче ночью было нечто дикое — столько крови было! Сейчас утро, физически чувствую себя неплохо — чувствую, что больше крови не будет, но ужасно грустно: голова не работает, надо ждать восстановления сил.

Грустно еще и потому, что нынче *9 ноября*²: 5 лет тому назад в этот день судьба меня побалавала. Но потом взяла за это такую контрибуцию, что хоть трагический рассказ пиши³!

Целую тебя, всем кланяюсь.

Не вздумай беспокоиться о моем здоровье, — уверяю тебя, дай Бог не сглазить, что теперь дело пойдет на поправку. А то, что пропал месяц для писания, — с этим надо примириться.

Сохрани тебя Бог, дорогая моя.

Еще раз *настаиваю*⁴: добейся до Жирова! Требую, чтобы он взял девочку в Париж, — не могу, а если бы и мог, не позволил бы себе содержать ее дольше — и ему больше не верю, если он и пришлет что-нибудь.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/196.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ Бунин вспоминает о дне присуждения ему Нобелевской премии и о последующих потрясениях в его доме, связанных с романом между Г. Кузнецовой и М. Степун.

⁴ Подчеркнуто красным карандашом.

589. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной*Босолей. 9 ноября 1938 г.*

Вечер (10 ч.) 9. XI. 38.

Получил от Гали «Арсеньева» — передай ей мою благодарность.

Стоят совершенно необыкновенные по красоте лунные ночи, уже свежие, ясные. Луна высока так, что надо голову закидывать. Горы над нами и вокруг нас что-то неземное. И огни по их скатам, огни, рассыпанные везде внизу, и кипарис возле нашей прекрасной площадки лаковый, холодный блеск апельсиновых деревьев, блеск моря вдаль, далекие, переливающиеся огни Италии...

Целую, всем покойной ночи.

Помнишь, как в эту ночь, 5 л<ет> тому назад, звонили нам чуть <не> со всей Европы? Очень, очень больно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/197.

590. В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова — И.А. Бунину*Париж. 11 ноября 1938 г.*

11 ноября 1938 г.

Дорогой мой, только что переписала тебе твой прелестный отрывок об «отце»¹. Очень ты меня им тронул. Хорошо. Боюсь послать просто, скорее получил бы. Пошлю завтра экспрессом. Надеюсь, что у вас в воскресенье получают экспресс.

Дача, <о> которой ты пишешь в открытке, мне кажется очень приятной. Когда нужно решать об этом? Может быть, можно меня подождать? Едва ли сейчас будут снимать немобилированную виллу.

Твое здоровье все-таки меня очень беспокоит. Прикладываешь ли ты лед? Ты упрекаешь меня, что я будто не обращаю внимания на твои сообщения о здоровье. Но что я могу сделать издали? Уехать я не могла, приехать тебе в таком состоянии в Париж хуже, чем быть там на воздухе. Кроме того, у нас была одно время очень нервная атмосфера по понятным причинам. Сейчас вечера делать более, чем трудно, я сделала максимум, но результаты вовсе не так блестящи, как бы хотелось. В мире творится такое, что, конечно, многим не до вечеров и концертов. Ко мне, слава Богу, относятся еще хорошо, милостиво.

Сегодня я с волнением читала газету². Как это все же никто не крикнет: «Не могу молчать»... То, что делается, хуже этого не бывало. И все молчат... Ужас, ужас! Надо бы в мировом масштабе что-то предпринять. И нет людей, не с кем даже поговорить.

Я была у Нобеля³, он тебе кланяется, был мил, дал мне сто франков. Рассказывал, что Марта Людвиговна⁴ полтора года хотела лишиться себя жизни, так была подавлена смертью мужа⁵. Помнишь ли ты жену Нильса⁶, старшего ее сына? У него еще была жена, немочка, очень молоденькая. Так у нее сделалось после рождения второго ребенка что-то в мозгу, пришлось прибегнуть к трепанации черепа. Левая часть тела у нее в параличе, но и после операции паралич не прошел. Неизвестно, спасут ли ее или нет? Вот несчастье! И, видимо, это и отвлекло Марту Людвиговну от ее горя... Вот какая это несчастная семья. Сколько у них было всякого горя. И самого невероятного.

Посидела с Ререй, она была очень приятна. Числа 5 декабря едет обратно⁷, до Рима в поезде, а затем летит на авионе. Конечно, удручена всем, что происходит. Марка Александровича⁸ давно не видала.

Вера Рафаиловна⁹ все так же изящна и мила. Тэффи проявляет большую сердечность и к Марге, и к Гале. Заботится теперь о платье Марге, хочет дать свое. В ней два человека.

Я с радостью думаю о возвращении к тебе. Соскучилась, а ты, кажется, не очень.

Сегодня я почти весь день лежала. Последнюю неделю устала. Но зато не могу себя почти ни в чем упрекнуть. Обошла почти всех, кому можно было предложить билет. На письма не отзываются, а так давали охотно.

Галя очень нервна. Я хочу, чтобы она после концерта совсем отдохнула, полежала два дня, три. Трудно все делать самим, но ничего не попишешь, мадемуазель даже на два часа в день выдержать не можем. Пробовали. Она даже обиделась. Иногда они ходят обедать в столовку, а я куда-нибудь в гости, чтобы не убирать посуду, так как все очень утомлены. Марга репетициями, Галя всякими заботами, как и я. Но все скоро кончится. До 15 ноября я дотяну, а там буду уже без денег. Имей в виду, что мне нужно будет заплатить за газ и электричество и хотя бы часть за телефон. Теперь все, что ты пришлешь, пойдет только на меня, так как уже теперь они питаются на свой счет. Я очень счастлива, что могла помочь им. Многое я расскажу тебе при свидании.

Жиров в деревне, Марья Карловна¹⁰ написала ему туда. Он возвращается после 15 ноября. Мне кажется, что он порядочный человек, но только как-то запутался в денежных вопросах и теперь хочет распутаться. Девочку¹¹ он любит, а потому я надеюсь, что он ее не оставит. Вот и бросается во все стороны.

Христос над вами!

Обнимаю, драгоценный мой! Целую Лялю и Олечку¹².

Твой В.

<Г.Н. Кузнецова:> Очень хорошо написан отец! Несколько строк о нем со слов «И все стараюсь» и кончая «певучую романтичность сердца» — просто превосходно¹³!

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067А/207.

¹ Судя по приписке Г. Кузнецовой в конце данного письма, речь идет о фрагменте пятой книги «Жизни Арсеньева» (гл. XXX), в котором Арсеньев вспоминает своего отца. См. примеч. 13 к этому письму.

² Первые полосы газет в тот день открывались сообщениями о событиях «хрустальной ночи» в Германии, см., например: Еврейские погромы в Германии: Подожжены синагоги, разгромлены еврейские магазины // Последние новости. 1938. 11 ноября. № 6438. С. 1.

³ Г.Л. Нобель.

⁴ М.Л. Нобель-Олейникова.

⁵ Г.П. Олейников.

⁶ Возможно, Нильс Олейников (Nils Oleinikoff), сын М.Л. Нобель-Олейниковой и Г.П. Олейникова, в 1933 г., будучи подростком, он прислал Бунину открытку — поздравление с присуждением Нобелевской премии (РАЛ. MS 1066/4296). О его жене сведений найти не удалось.

⁷ Р. Г. Осоргина приезжала в Париж из Палестины.

⁸ М.А. Алданов.

⁹ В.Р. Мартынова.

¹⁰ М.К. Лишина.

¹¹ О. Жирова.

¹² Е.Н. и О. Жировы.

¹³ Г. Кузнецова имеет в виду следующий фрагмент: «И все стараюсь и не могу понять полностью, что он был за человек, — человек совсем особого века и особого племени, удивительный какой-то бесплодной и совершенной чудесной в своей легкости и разнообразности талантливостью всей своей натуры, живого сердца и быстрого ума, все понимавших, все схватывавших с одного намека, соединявший в себе редкую душевную прямоту и душевную сокровенность, наружную простоту характера и внутреннюю сложность его, трезвую зоркость глаза и певучую романтичность сердца» (Бунин (9). Т. 6. С. 286; кн. 5, гл. XXX).

591. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 12 ноября 1938 г.

12. XI. 38.

Получил, дорогая моя, твои письма вчера и нынче (сейчас, вечером). Спасибо за переписку, рад, что нравится. Не беспокойся за меня — я теперь здоров, только оч<ень> слаб, не могу писать. Сочти, сколько надо тебе выслать на всякие оплаты и на проезд. Есть дневной поезд — в 8 утра из Парижа, в М<онте->Карло приходит в 12 ч. (в полночь). Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/198. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Beausoleil, 14.11.38».

592. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Босолей. 16 ноября 1938 г.*

16. XI. 38.

Об отце¹ давно получил. Жду писем. Целую написавших мне открытку позавчера.

Жиров прислал, наконец, но всего 300 фр., кои эта самая Ляля² и замочит на ерунду в несколько дней, по своему обычаю и по своей бессовестности. Девчонку все время кормит сама, пихая ей в рот ложку. Упорней не видал!

С 15-го ноября хозяйин желает брать с меня 800, включая в это и плату за Лялину комнату. Ляля же твердит, что он с нее решил ничего не брать. «Подарил?» — «Да». — «Почему подарил?» — «Я не знаю». Она вполне идиотка.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/199. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Beausoleil, 17.11.38».

¹ См. примеч. 1 и 13 к п. 590.

² Е.Н. Жирова.

И.А. Бунин и В.Н. Бунина.

Грасс, 1930-е гг.

(РАЛ)

593. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Босолей. 16 ноября 1938 г.*

11 ч. вечера, 16. XI. 38.

Только что бросил тебе открытку. Сейчас был разговор с Лялей¹: за ее комнату надо завтра платить до 15 дек<абря> 180 ф. — ей нечем, те 300 фр., что прислал на днях муж, уже ухлопаны — «я должна Наташе² и по лавкам» — значит, забирала для себя и Оли³ — помимо тех 40 фр., что я даю в день. И опять прибавила, что ее труд по дому мною не оплачивается, как следует. Говорю: «*Может быть, но тогда вы мне просто не по средствам.* Я содержу вас и Олю, вы готовите кушанье, но ведь на меня *одного* и на себя с ней — *на двоих: я только треть.* И вот твердо вам говорю: *завтра же напишите мужу, чтобы он девочку взял, а вам, очевидно, надо тоже ехать в Париж — искать работу, лучше оплачиваемую.* У Кирилловой⁴ муж платил 450 фр. и плюс одевал и лечил девочку⁵, а здесь на все про все 300, да и то с пропусками в месяц, когда уже *все* ложится на меня». Вера, милая, *немедля скажи Жирову, чтобы выписывал девочку.* — Ляля, боюсь, не напишет. Из нашей затеи вышла ерунда.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/200. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Beausoleil, 17.11.38».

¹ Е.Н. Жирова.

² Н.Б. Соллогуб.

³ О. Жирова.⁴ Неустановленное лицо.⁵ Не удалось найти сведений.

594. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Монте-Карло. 17 ноября 1938 г.

17–XI. 1938.

Вчера послал тебе, милая моя, ночью открытку — не дивись ей, иного выхода нет. С Лялей¹ и с этой свиньей Жировым каши не сварить — я совершенно убедился в этом. Вот он за два месяца прислал 600 фр. — вместо 900: значит, 300 моих заглотнул — и, конечно, без отдачи. А из этих 600 что я получил? Ни копейки — кроме 100 фр., которые мне дала эта Ляля в сентябре. А 500 куда девала? На лечение девчонки (с ее зубами) франков 200; потом ей башмачки — *ненужные и цегольские* — 40 фр., себе башмаки около 100 — раз надела и навсегда (сама говорит) бросила: тяжелы, некрасивы; остальное — на ерунду: конфеты и игрушки девчонки и т.д. Да я ей дал за последний месяц 100 фр. на куренье. И вот она оказалась опять должна Наташе² и в какой-то лавке. И вчера мне заявила, что «сейчас» не может платить за комнату 180 фр. — значит, нынче плачу опять я (сперва несла дикую ерунду — «Хозяин решил с меня ничего не брать». — «Вы с ума сошли — почему?» — «Я не знаю». — «Да нет, он просто стал давать *общий* счет!» — «Я думаю, что вы ошибаетесь...») Нынче: «Вы решили, чтобы мы уехали в Париж по материальным соображениям?» — «Разумеется. Я вам вчера весь вечер долбил: дело не вышло, — оказалось, что я должен содержать *и вас, и девочку*, и тех денег, что вам присылает муж, вам не хватает даже на ваши личные и для девочки траты. И вы ухитрились прожечь на ерунду за 2½ месяца больше 1 000». Нынче ревет, но я непоколебим. «Зачем я не согласилась в Париже позировать голая!» — «Что же, вы бы позировали каждый день, круглый год и за сколько? Так, как вы сейчас живете, нужно тысячи полторы в месяц с прачкой, с газом, с электричеством, с бабой, которая убирает вашу кухню, с яблоками ранет, кот<орые> вы едите, с кучей винограда каждый день, с бананами, с вином для вас (я теперь не пью его, а вы “не можете не пить”) и т.д. — значит, ваша нагота и давала бы вам круглый год 1½ тысячи ежемесячно?» Кретин! Для девчонки ветчина, а я себе этого не позволяю, — да что я вообще сейчас позволяю себе? Ни единого раза даже в синема не был с самого приезда! Никаких медведей и вещей их не вези — я все равно их выживу.

NB Привези мне рыжую плюшевую шляпу (большие поля), она теплая. Она в коробках шляпных. И серый толстый *шведский* картуз — он в бумаге, в нафталине, кажется, *на дне* черного сундука.

Целую, всем кланяюсь. Как прошел вечер³?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/201. На почтовой бумаге Brasserie Pigal's, Monte-Carlo. На конверте «Exprès» адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Beausoleil, 19.11.38», «Paris, 21.11.38».

¹ Е.Н. Жирова.² Н.Б. Соллогуб.³ Речь о концерте М. Степун. См. примеч. 19 к п. 567 и п. 595.

595. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 17 ноября 1938 г.*

17 ноября 1938 г.

Милый и дорогой мой, наконец выбрала минутку написать тебе два слова. Слава Богу, моя миссия кончилась, и я теперь только ликвидирую то, что всегда приходится делать после всякого вечера — собирать деньги, платить по счету в магазин за буфет. Я уже многое сделала.

Концерт прошел вполне удачно, Марга оправдала затраченные мои силы на это дело¹. Пела хорошо. Голос ее, действительно, редкий, и даже знатоки это признают. Критика только касается исполнения. И тут мнения расходятся. Конечно, она рождена быть оперной певицей, и то, что она все-таки оказалась на высоте в камерном концерте, это большое достижение. Она не пела русских вещей более семи лет. Материально вечер дал хорошо. Две недели Марга жила уже на него, расходы по вечеру были большие, один Лабинский² взял четыреста пятьдесят франков, пришлось заплатить Дараган за пение в ее студии триста франков. Но все же у Марги осталось после вечера 3 000 фран. Это<го> может хватить на два месяца, даже если она кое-что себе купит, как например, черные башмаки, — у нее только коричневые. У Гали уже нет ни копейки. Она очень устала за это время, к тому же «заболела» и сегодня лежит.

Я еще не пришла в себя. Мне сделано тысяча комплиментов за мой организаторский талант. Все было очень прилично, хорошо. Вчера были на Даманской³. Гроб, а не вечер. А я бы и ее вечер могла сделать иначе. Марга, конечно, меня не подвела.

Теперь о том, сколько мне нужно денег: во-первых, до 15 ноября я дотянула. С 15<-го> живу в долг, значит, ты должен прислать мне из расчета 30 франков в день дней на десять, так как едва ли я могу от тебя получить деньги раньше понедельника, вторника, я хочу выехать в 8 часов утра в четверг, Лёня обещает меня проводить на вокзал. Затем мне нужно заплатить за телефон, август, сентябрь и октябрь, это 105 франков, за ноябрь уже заплатят «дамы»⁴... Потом газ и электричество, о газе я давно тебе писала, что сто двадцать, за электричество не знаю, но все же, вероятно, сто, затем мой билет. Придется один чемодан или сундучок сдать в багаж, так как у меня кроме своих вещей будут вещи Лялины и Олечкины⁵, думаю, что багаж пройдет даром, кажется, я могу 30 кило провезти. Билет, кажется, стоит, ты можешь узнать сам, франков 350, как получу деньги, так и куплю билет. Теперь каждый день все дорожает и дорожает. Помни, что нужно платить за такси и носильщику. Хочу перед отъездом больше лежать, чтобы быть сильной в дороге. Я должна Амору⁶, а потому могу эти деньги взять у тебя в начале декабря, чтобы послать их Лоло⁷.

Галя купила себе юбку, а подкладку так и не могла купить. Пришлось тратить на еду. Я еще в сентябре или начале октября могла на мои деньги и кормить, а уже со второй половины октября этого нельзя больше было делать. Кроме того, Марга была больна и много тратить ей пришлось на лекарства. Пока они остаются с твоего разрешения на квартире. Это все-таки дешевле. Галя надеется тоже зарабатывать: будет писать фельетоны, брать переписку. Маргу, может быть, будут куда-нибудь приглашать петь. Кашук⁸ взял ее адрес и номер телефона, он сказал, что, может быть, устроит ей гастроль в Голландию или Англию. Поживем, увидим. Вообще я по приезде тебе многое расскажу. Я очень рада, что увижу тебя именно на юге. Нужно мне привести в порядок мои некоторые рукописи, убрать дом. Сейчас я не могу, боюсь переутомиться, но дня через два начну работать. Мадемуазель⁹: у меня нет средств приглашать ее, а мне нужно еще многое себе постирать. Галя вчера ее

брала. Но сейчас Марга богаче меня. У нас обедала вчера Нат<алья> Ив<ановна>¹⁰, которая очень сердечно помогла нам. Она осталась довольна всем. Я счастлива, что все сошло хорошо. Я очень об этом молилась. Теперь моя миссия кончилась, и я не хочу ни о чем думать, кроме твоих дел.

Обнимаю, драгоценный мой, целую Лялю, Олечку.

Тв. С.

Ляле подробно напишу завтра.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/208.

¹ См. примеч. 19 к п. 567.

² См. примеч. 15 к п. 570.

³ См. примеч. 9 к п. 571.

⁴ Г. Кузнецова и М. Степун оставались жить в квартире Буниных.

⁵ Е.Н. и О. Жировы.

⁶ См. примеч. 9 к п. 399.

⁷ Л.Г. Мунштейн.

⁸ Михаил Эммануилович Кашук (1877–1952) — импресарио. Администратор Большого театра, владелец театральной кассы. С 1924 г. в эмиграции во Франции, импресарио Ф.И. Шаляпина. С 1941 г. в Нью-Йорке, где открыл театральное агентство по организации концертов и гастролей артистов.

⁹ М.Е. Imbert.

¹⁰ Н.И. Кульман.

596. В.Н. Бунина — И.А. Бунину Париж. 19 ноября 1938 г.

1938 г. 19 ноября.

Дорогой мой, вчера вечером получила ваши письма. У нас обедала Тэффи, которая, действительно, очень помогла концерту, и Марга ее «чествовала», конечно, в скромных размерах. Сегодня опять у нас начинается тихая, рабочая жизнь. Успех у Марги был, сужу и потому, что одна дама сделала мне «сцену» на rue de Passy, что я не продала ей билет... Первый случай в моей практике. Может быть, ей и удастся этим воспользоваться и кое-что еще заработать, но пока еще все в проектах, говорят о гастролях в Голландию, Англию. Пока, конечно, лучше помалкивать, а то сглазишь. Галя тоже полна надежд на писание. Поживем, увидим, я счастлива, что мое дело удалось. Чем больше живу, тем больше чувствую, что все нужно делать на сто %.

Сейчас я вся с вами, с радостью думаю, что в четверг уже буду с тобою. Я очень соскучилась. Ведь так надолго мы еще никогда не расставались.

Очень меня огорчило ваше взаимоотношение с Лялей¹. С Ал<ексеем> Мат<веевичем>² я увижусь сегодня или завтра, думаю, что он будет посылать назначенную сумму. Он очень хочет, чтобы девочка и Ляля жили у нас, а мать и брат на него будут наседать. У него была временная заминка. А позировать ню можно и в Монте-Карло. У меня есть на этот счет проект, м<ожет> б<ыть>, Ляля что-нибудь и найдет себе там, — ведь начнется скоро сезон. А Олечку³ нужно отдать в школу. Вообще до моего приезда ничего не решайте.

«Вот придет барин»⁴... Серьезно, при мне очень многое сладится. Я сокращу расходы и докажу Ляле, что можно кормить ребенка много дешевле. При мне работа у Ляли будет по ее силам. Сейчас в Париж ехать безумно. Найти занятий труднее, чем в прошлом году. Помощь

«благодетелей» уменьшается, так как бедствие, созданное Гитлером, бесконечно огромно. Я думаю, что в конце концов Олечку придется отдать в Кенси⁵, если даже Ал<ексей> М<атве-евич> и согласился бы на жизнь с Лялей, ибо едва ли у него будет возможность содержать семью при замашках Ляли, но сейчас Олечка еще мала, жаль в таком возрасте отдать ее в «казну», как мама говорила мне о своем детстве. Повторяю и прошу: подожди меня — «все образуется».

Я решила всем сказать, что уехала во вторник утром, и даже лишит себя вечера Мережковского⁶, чтобы в тиши провести этот вечер и среду. Все-таки я утомлена. Сегодня, слава Богу, выспалась, а то сон у меня был плохой. Сегодня хочу съездить на Монпарнас, но ненадолго. Прощусь со всеми.

Звонил Сири, просил продавать билеты⁷.

Писала Бакунина Гале — просила «довести до моего сведения», что она в «бедственном положении»⁸.

Надвигается писательский бал⁹.

Нужно спастись. А вообще здесь нудно, тускло, безрадостно.

Хмара написал тебе восхищенное письмо после «Степы», ему захотелось «сеновала и ядреной бабы»¹⁰. Напиши ему. Лиля¹¹ в Лондоне.

Обнимаю, твой Седой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/209.

¹ Е.Н. Жирова.

² А.М. Жиров.

³ О. Жирова.

⁴ Из стихотворения Н.А. Некрасова «Забывтая деревня».

⁵ В Кенси-сюр-Сенар под Парижем находился Русский пансион (школа-интернат для девочек).

⁶ См. примеч. 13 к п. 558.

⁷ 2 декабря 1938 г. В.В. Набоков устраивал свой авторский вечер в зале Социального музея (5, rue Las-Cases, Paris VIIe).

⁸ Письмо Е.В. Бакуниной неизвестно.

⁹ Бал прессы Союз русских писателей и журналистов устраивал 31 декабря 1938 г. в Salle Noche (9, avenue Noche, Paris VIIIe).

¹⁰ Письмо неизвестно.

¹¹ Е.Н. Кедрова.

597. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Босолей. 22 ноября 1938 г.

Утро 22-го ноября.

Милая моя, что же это в конце концов вышло? Этого и Гукасовы себе не позволяють. Твоя поездка обошлась в 3 000 франков! J'en ai assez!! Я идиот, но все-таки...

Письмо твое с подсчетом, сколько тебе нужно выслать, получил в субботу вечером, когда уже нельзя было ничего послать. Поэтому посылаю только сегодня — ведь вчера было воскресенье, на почте ни в Beausoleil, ни в Monte Carlo не принимали денег весь день.

Ты пишешь: «С 15 живу <в> долг — значит по 30 фр. за десять дней» — значит: 300. Затем: «105 фр. телефон, газ — 120, электричество — 100, билет — 350».

300 + 105 + 120 + 100 + 350

Сейчас полдень, банки закрыты до 2½. Если пошлю не сейчас, а после 2½, получишь деньги в четверг, а не в среду. Поэтому посылаю только то, что могу *сейчас*, что есть в кармане — только 900: за телефон и за газ (или электричество) платить не к спеху — вышло, когда приедешь, Гале — она заплатит.

Значит, выехать можешь спокойно — на все хватит.

Сейчас твои письма — мне и Ляле². «Ничего не решайте до меня». А чем же ты поможешь? Дело непоправимое, но ты обо мне мало думаешь — с одного вола десять шкур! Доколе же?

Жду и целую, крещу. Всем поклон.

Вышли *до отъезда* — *exrès* — «Последний час» — надеюсь, переписано? Надо немедленно слать в «П<оследние> нов<ости>»³ — я погибаю от трат.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/202. Год и место установлены по сопоставлению с пп. 594, 595 и 596.

¹ С меня хватит! (*фр.*).

² Е.Н. Жирова.

³ Рассказ был опубликован незамедлительно: *Бунин И.* Поздний час // Последние новости. 1938. 11 декабря. № 6467. С. 2.

598. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 23 ноября 1938 г.

1938 г. 23 ноября.

Драгоценный мой, получила я вчера твой экспресс¹, но была очень уставшей, ответа написать не могла. Смерть Льва Исааковича очень расстроила меня². Я была и в клинике — такого покойника не видела — успокаивал, когда мы сидели рядом. Похороны с раввином. Вчера его гроб опустили в могилу на кладбище рядом с Зайцевыми³. Народу было всего человек полтора, для такого человека мало! Тетушку⁴ жаль бесконечно, дочерей⁵ — тоже. Как странно, когда я видела его в последний раз⁶, то, уходя из его дома, я сказала Гале и Марге: он уже по ту сторону, потом о своем беспокойстве говорила и Михельсон, а он был на ногах, только сильно уставал. И был особенно очарователен в тот вечер. Я с ним с полчаса была глаз на глаз, — тетушка осматривала ногу Марги. Смерти он не боялся, — мы говорили о тревожных сентябрьских днях. «Только страшно за детей, внучек... молодых, а то ведь все равно, ну еще два года жизни...» Очень сетовал, что его не издают по-русски. Рассказывал о молодости, — он ведь хотел быть певцом, у него был прекрасный бас, который он потерял; о начале своей философской деятельности... Восхищался немецкими изданиями...

Болезнь Петруши⁷ тоже очень взволновала меня, да и до сих пор волнует. Тем<пература> и вчера была выше 39,7°. Говорят, что это последствие гриппа — отравление всех органов. Вероятно, пригласят француза, знаменитость, у них сестра 75 фр. в сутки, а у Берты⁸ сломана правая рука! Вот уж, действительно, «еврейское счастье» Юшкевича⁹.

Все эти события плюс переписка «Последний час», — который совершенно восхитил меня, — так это хорошо... (я подумала, что это последняя глава из «Жизни Арсеньева», а Галя не соглашается) — нарушили все мои расчеты, поэтому я приеду не в четверг вече-

М.А. Алданов, И.А. Бунин, С.В. Рахманинов.

1930-е гг.

(РАЛ)

ром, а в пятницу, иначе очень утомлюсь. Я вчера даже не могла пойти на вечер Мережковского¹⁰. Они собрали около 4 000 фр. Даманская около трех¹¹. Легла в десятом часу и часа два лежала без сна.

О пятнице ни единая чужая душа знать не будет, а потому, Бог даст, в четверг я весь день пролежу опять.

Я очень хочу тебя видеть, но нужно приехать в форме, чтобы опять работать. Боюсь затрепаться сегодня, а два дня легче.

Я все не могу привыкнуть, что ты не считаешь свои деньги нашими общими, ты все думаешь, что мне приятно тебя «разорять». Я ведь опять зажмусь.

Ляле¹² ехать некуда. Ал<ексей> М<атвеевич>¹³ еще может высылать 500 фр. в месяц. Без девочки¹⁴ ему легче зарабатывать, может раньше выезжать. Сейчас у него особенно трудный момент после последней поломки машины. За сто фр. Ляля *нигде* не найдет такой комнаты. У М<арьи> К<арловны>¹⁵ живет старший сын¹⁶. Тоже «еврейское счастье». Как получу деньги, так телеграфирую.

Обнимаю, твой Седой.

Адрес тетушки 19 Alfred Laurant Boulogne s<ur> Seine. Дочерей зовут Таня и Наташа¹⁷. Я — единственная здесь близкая ей кровная родственница¹⁸.

Целую, à bientôt¹⁹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/210.

¹ Сохранился конверт экспресс с почтовыми штемпелями: «Beausoleil, 19.11.1938», «Paris, 21.11.1938». (РАЛ. MS 1066/201A). Письмо не сохранилось.

² Л.И. Шестов скончался 20 ноября 1938 г.

³ Л.И. Шестов был похоронен на Новом кладбище Булонь-Биянкур. Сведений о Зайцевых найти не удалось.

⁴ А.Е. Шварцман — жена Л.И. Шестова.

⁵ Дочери Л.И. Шестова: Татьяна (1897—1972) и Наталья (в замужестве Баранова, 1900—1993).

⁶ См. п. 572.

⁷ П.А. Нилус.

⁸ Б.С. Нилус.

⁹ «Еврейское счастье» — название рассказа С.С. Юшкевича.

¹⁰ См. примеч. 13 к п. 558.

¹¹ См. примеч. 9 к п. 571.

¹² Е.Н. Жирова.

¹³ А.М. Жиров.

¹⁴ О. Жирова.

¹⁵ М.К. Лишина.

¹⁶ Ф.Н. Лишин.

¹⁷ См. примеч. 5 к наст. п.

¹⁸ О родственных связях В.Н. Буниной и А.Е. Шварцман сведений найти не удалось.

¹⁹ до скорого (*фр.*).

599. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 23 ноября 1938 г.

PARS VENDREDI MATIN VERA

Перевод с французского:

Уезжаю пятница¹ утро Вера

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/211. От руки на бланке для телеграмм; место отправления: «Paris», почт. шт.: «Beausoleil, 23.11.38». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ 25 ноября.

600. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 22 декабря 1938 г.

Четверг.

Дорогая моя, милая, доехал хорошо¹. До Авиньона лето, потом настоящая зима, в Париже холод собачий, боюсь захворать. Г<алина> говорит, что послала мне большое письмо еще в прошлую пятницу — очевидно, пропало?

Целую тебя и мамà и Поросенка².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/203. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa “La Dominante”, 25, Avenue de Villaine, Beausoleil, Alpes Maritimes»; почт. шт.: «Paris, 23. XII.38». Дата и место установлены по почтовому штемпелю, дата уточнена по содержанию: 22 декабря — четверг.

¹ 21 декабря 1938 г. Бунин уезжает в Париж, где в это время живут Г. Кузнецова и М. Степун. Он будет занят подготовкой к печати последней книги «Жизни Арсеньева» «Лица». Издание затянется и выйдет только через год: Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Ч. 2. Лица. Брюссель, 1939. В.Н. Бунина, Е.Н. и О. Жировы остаются тем временем в Бослоее. Бунин вернется туда 13 февраля 1939 г.

² Е.Н. и О. Жировы.

601. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 25 декабря 1938 г.

Поздравляю с праздником¹, дорогая моя, целую вас всех. Они² вчера зажгли елочку, подарили мне немецкого вина за 24 фр. Я угостил их курицей. Вечер провели дома. А что

у вас было? Не пишешь, беспокоюсь. Каплан³ предлагает издать, покрыть расходы и потом мне 10 проц<ентов>. Не решил, буду завтра говорить с «Имкой»⁴. Погода мрачная, ледяная. Немного почитал. Виделся только с Капланом, Алдановым и Зайцевым. Пиши поскорее.

Воскресенье.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/204. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa “La Dominante”, Av<enu> de Villaine, Beausoleil, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 26 dec 38». Дата и место установлены по почтовому штемпелю, дата уточнена по содержанию: 25 декабря — воскресенье.

¹ 25 декабря празднуется католическое Рождество Христово по григорианскому календарю, православное Рождество Христово так же празднуется 25 декабря, но по юлианскому календарю (7 января по григорианскому).

² Г. Кузнецова и М. Степун.

³ М.С. Каплан выступал посредником между Буниным и издательством «Петрополис».

⁴ Речь идет об отдельном издании пятой книги романа «Жизнь Арсеньева» — «Лица».

602. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 26 декабря 1938 г.

26. XII. 38.

И нынче нет от тебя письма. Сержусь и беспокоюсь.

Видел 2 раза Зурова — все у него пока слава <Богу>. Он сейчас написал тебе у нас письмо¹.

Завтра у меня окончательный разговор с Имкой².

Секретно:

Вчера водил наших дев в синема «Самета»³. Замечательные девы! Г<алина> села посредине — и *за весь вечер* даже лица ко мне не повернула, *ни единого слова* не сказала мне! А выйдя, тотчас ушла с М<аргой> вперед. И при этом они обе *очень спокойны: просто я не существую*. Такой тупости, такого идиотского свинства я в жизни моей не видал. И вполне довольны судьбой. А оборваны, запущены, как нищенки.

Целую тебя, Лялю и Свиненка⁴.

Г<алина> с самого моего приезда ровно ни о чем меня даже не спросила.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/205.

¹ В почтовой открытке В.Н. Буниной Л. Зуров, в частности, писал: «25-го был у Вадима Андреева, у Колюсов, у Киры (шлют Вам привет), у Иван<а> Алекс<еевича> и Гали. <...> Иван Алек<сееви>ч ведет переговоры с издателями. Он чувствует себя бодро. Галина работает. Перевела рассказ <...> Пишу Вам с rue Jacques Offenbach. <...> Работаю урывками. В комнате очень холодно. Бумага ледяная. Очень жаль, что Вас нет в Париже, дамский комитет работает истерически беспорядочно и бестактно. Как Вы живете? Что делаете эти дни? У Вас теперь много свободного времени. Можно хорошо поработать над рукописью и продолжать работу над московскими воспоминаниями» (РАЛ. MS 1068/2115).

² См. примеч. 12 к п. 565, п. 601 и примеч. 4 к нему.

³ См. примеч. 1 к п. 560.

⁴ Е.Н. и О. Жировы.

603. В.Н. Буннина, О.А. Жирова — И.А. Буннину

Босолей. 26 декабря 1938 г.

1939¹ г. 26 дек.
понедельник.

Дорогой мой, только вчера получила твою открытку от четверга².

Здесь тоже было очень холодно.

Праздники у нас невеселые, — больна Олечка³, т^о не высокая, 37,1–37,3, сегодня утром 38,9, но все-таки советуют позвать доктора, ведь скоро неделя, как она стала кашлять.

Вчера у нас обедали Соллогуб<ы>, принесли свою, оставшуюся еду от reveillon⁴. Я в 9 ч. пошла к Л.Г. Доброй, а они просидели до 11 ч. На reveillon⁵ у них была Ляля⁵, а я сидела дома, вернее, лежала в постели.

В среду Ляля с Соллогубами идут к Доброй, к ним приехали внучка и внук m-me Браславской, дети ее дочери, помнишь красавицу, которая перешла в христианство, мы видели ее на индусском обеде.

Олечка вчера диктовала тебе письмо. Я хотела написать: «целую Вас», она сказала: «Нет», и, зачеркнув букву «В», «целую тебя Ваня» и слово Ваня написала сама, как видишь. Настоящее кокетство!

Виделась с Ол<ьгой> Льв<овной>⁶. Она добра, энергична, деятельна. Говорила, что «Катю⁷ любит больше мужа, детей», что «ей без нее очень трудно и тяжело». У нее 22 ребенка. Дом не топлён, все окна настежь. Елка будет 8 янв<аря> во дворе... Советовала лечить Олечку — «пусть лежит с открытым окном», Ляля этому совету не последовала.

Ляля уверена, что когда ты пел про «рыжую даму, то думал о ней»... «Неужели вы не думали?» «И в голову не пришло, какая же вы рыжая?» — и я перекрестилась. — «Ну раз перекрестились, то значит правда», — сказала она тягуче. Она думает, что ты ненавидишь ее...

Письмо⁸ из «Дома книги» не пересылаю — ты уже, конечно, переговорил с ними.

Газет не имеем уже дня два, последний номер — четвертый. Узнай, в чем дело? А то без них совсем веселые праздники! Сегодня принесли три номера.

Напиши, как живете. Очень ли утомляется Галя? Приехала ли М<арья> С<амойловна>⁹. От нее открытка тоже сегодня¹⁰.

Мог бы ты сделать так: отдать в начале января Мережковским 300 фр., а сюда не присылать после первого за неделю. Л.Г. Добрая согласилась мне дать на Амор¹¹ в январе. Тогда выгадывается — пересылка. Я думаю, что ты пробудешь во всяком случае 3 недели в Париже.

Целую. Твой Седой.

Я переселилась в твою комнату. Олечка лежит в моей. Сегодня у нее перед завтраком тоже 36,8. В их комнате очень холодно.

Обнимаю. Твой В.

<О.А. Жирова рукой В.Н. Бунниной.> Дорогой мой Ваня, я тете Вере диктую. Я заболела, лежу в постели. И вот у нас стоит елка в доме, а не наружи. Мама¹² несла ее сама с базара. И тут ужасный холод тоже, так что все ходят в шубах, у кого есть (прибавила мама). Я сейчас ем и не рада, что в постели.

Мне раá Ноë!¹³ сегодня принес книжку и Красную сладкую, отгадайте, что? Прислал часы, потому что я была умница.

Я клею себе цепь на елку, разными цветами, синие, голубые, розовые, желтые, малиновые, красные. Жду от папа¹⁴ елочные украшения. Попроси, пожалуйста, по телефону у папы, чтобы он поскорей прислал елочные украшения.

Целую Галю и Маргу.

Твой, но не поросенок.

Если Вы мне еще раз напишете «поросенок», тогда я обижусь на Вас и никогда, никогда не буду Вам писать письмо.

<Рукой О.А. Жировой:> Целую тебя, Ваня. Оля.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/212. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 600.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 1938 г.

² См. п. 600.

³ О. Жирова.

⁴ праздничного ужина в сочельник (*фр.*).

⁵ Е.Н. Жирова.

⁶ О.Л. Еремеева.

⁷ Е.М. Лопатина умерла 18 сентября 1935 г.

⁸ Письмо неизвестно.

⁹ М.С. Цетлина.

¹⁰ Письмо неизвестно.

¹¹ См. примеч. 9 к п. 399.

¹² Е.Н. Жирова.

¹³ Дед Мороз (*фр.*).

¹⁴ А.М. Жиров.

604. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 27 декабря 1938 г.

Утро 27-го дек. 38 г.

И сегодня нет от тебя письма! Что с тобой?

Вижу, что на 2 дома *нельзя* жить — тут на дом нашел страшные расходы!

Посылаю тебе: на жизнь на 2 недели — 420 фр., на фам¹ на 2 недели — 100, на уголь на 2 недели — 100 (больше *не* могу!) и тебе на расходы мелкие — 100: итого 720.

Сохрани для меня (лучше всего вышли) «Eclairer de Nice»² за 29 декабря³.

Погода здесь чудовищная — снег, грязь, тьма, холод.

Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/206. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa “La Dominante”, 25, Av<enue> de Villaine, Beausoleil, A<lps> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Victor Hugo, 27 Dec.38».

¹ Т.е. на домработницу, от *фр.* femme de ménage.

² См. примеч. 4 к п. 331. См. также п. 611.

³ Абзац обведен красным карандашом.

605. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

*Босолей. 28 декабря 1938 г.*28 дек. 1939¹ г.

№ 2 письмо.

Дорогой мой, сейчас получила от тебя письмо. Сегодня твоего Поросенка² спустили с кровати, он очень сердится, что ты его называешь «поросенком». Она говорит: «если Ваня еще напишет “поросенок”, тогда я больше никогда не буду писать письмо». Елку уже давно купили, купили и свечи, а елочных украшений еще не прислал папá³.

Относительно «секретного» — ну да. Я тебя предупреждала. С этим следует примириться. И не обращать внимания. Слава Богу, что довольны. Будь мудр, как змий, и добр, как... и кроток, как голубь.

Вчера послала тебе письмо. Я все ждала денег. У меня осталось два франка, как раз дотянула до новой полочки, которую нужно тратить завтра, если не получу завтра денег, то придется заниматься, что я очень не люблю.

Пятьдесят франков, которые ты оставил на праздник, ушли на мою поездку в Ниццу, 8 дорога + 10 завтрак, потом купила бумаги для машинки — 22, ленту про запас — 14, немного конфет на 7 франков⁴. На первый день купила кусок мяса антрекот на 16 франков, ели два дня. Я эту неделю ем мясо. И точно Бог наказал — был маленький припадок, что-то с печенью. На первый день у нас обедали Соллогубы, принесли остатки от ревейона⁵, так что был сборный обед. Я рада была за Лялю⁶, что ее пригласили на ревейон, да еще подарили пятьдесят папирос.

Часто писать тоже трудно — каждая марка «три копеечки». Зачем ты прислал письмо Гольденвейзера⁷, его нужно передать Лоллию Ивановичу⁸. Почему он не послал моей подписи? Я ведь ее дала. Да это не важно. А ты дай. Возвращаю письмо, его передай Л<оллию> Ив<ановичу>.

Уголь у нас кончился, как и дрова. В квартире бывало так холодно, что я вспоминала Грасс в первые годы нашего пребывания там.

Ответь немедленно. Согласен ли ты, чтобы я со следующей недели тратила аморские⁹ деньги, а ты передавал бы соответствующую сумму по моему указу писателю? Лёня может снести Мережковским, Марга с Галей — Ремизову. Если ты останешься до 15, то это так и выйдет, а то пересылка денег, почтальон, все лишние франки. Если ты приедешь раньше, то и тогда не плохо — у тебя здесь будут деньги. Расписки от писателей пусть тебе передадут, и ты привези их мне, ведь мне придется ими рассчитывать. Дела Амора не блестящи, нужно еще привлечь людей. Сегодня я получила от новой «клиентки» 42 франка.

А относительно «нищенок», «запущенности», «оборванности»¹⁰, а сестры из Клозона? То же самое. И вот в этом я права. Иначе очень думали бы о внешности...

У кого ты был за пожертвованиями?

Чем кончился разговор с «Имкой»¹¹?

Мне Ольга Львовна¹² говорила, что ее дочь и зять¹³ умоляют ее хоть теперь переехать в Лимож. Предлагают заплатить все ее долги, снять для нее квартиру, а она даже от могилы не хочет уезжать... Призналась, что любила Катю больше мужа и детей! На свете все бывает. И все сложнее, чем думают люди. Разбери себя и ты поймешь, как все непонятно в тебе, вплоть до того, что ты накануне праздников уехал. Уверю, тебя никто не понимает. А между тем, для тебя это логично и ясно.

Жиров прислал Ляле денег. Лёнину открытку получила¹⁴. Напишу ему завтра. Передал ли ты Жирову Олечкино письмо?

Виделся ли ты с М<арьей> С<амойловной>? Был ли на Монпарнасе?

Ты очень краток. Я давно прошу писать мне, когда ты занят «си пуо»¹⁵.

Привези из Парижа полотенце, которое мне прислали дядя и тетя Лёни¹⁶.

Олечка прыгает и прячется за твою постель. Кричит. Она тут влюбилась в Гогу¹⁷, племянника Браславского, так что не знает, кто лучше, он или Андрей¹⁸. Ла донна е мобиле¹⁹...

Гуляю мало. Вчера с Наташей²⁰ немного прошлась. Мы ведь не можем вместе с Лялей никуда выйти. Сегодня она и Соллогубы идут к Добрым.

Дали 10 фр. — почтальону и 5 телеграфисту. Пока больше никто не требовал. Обнимаю тебя. Храни тебя Господь Бог.

Твой покинутый Седой.

Чувствую себя не очень хорошо. При малейшей работе — ослабеваю сильно, должна лечь. Вчера был доктор у Олечки. В легких ничего не нашли. Опять желудок. Дня два я за нее беспокоилась.

Отчего ты не сдерживаешь обещания: обещал в четверг послать мне деньги?

Ляля тебя целует. Обнимаю тебя.

Привет твоим дамам²¹. А в 5 ч. у Поросенка опять 37,3 подмышкой. Письмо Гольденвейзера²² пришло завтра.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/213. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 602.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 1938 г.

² О. Жирова.

³ А.М. Жиров. См. п. 603.

⁴ На полях напротив этих строк в столбик вычисления: $10+8+22+7=47$ фр.

⁵ См. примеч. 4 к п. 603.

⁶ Е.Н. Жирова.

⁷ Письмо Н.М. Гольденвейзера неизвестно.

⁸ Л.И. Львов.

⁹ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁰ См. п. 602.

¹¹ См. примеч. 12 к п. 565, п. 601 и примеч. 4 к нему.

¹² О.Л. Еремеева.

¹³ Неустановленные лица.

¹⁴ Открытка неизвестна.

¹⁵ Возможно, от *фр. si reu* — если мало.

¹⁶ См. примеч. 8 к п. 304 и п. 510.

¹⁷ Возможно, Гога Гинзбург. См. п. 608.

¹⁸ А.В. Соллогуб.

¹⁹ Женщина непостоянна (*ит.*). Первая строка арии герцога Мантуанского из оперы Джузеппе Верди «Риголетто» (1851) на либретто Ф.М. Пьяве.

²⁰ Н.Б. Соллогуб.

²¹ Г. Кузнецова и М. Степун.

²² Письмо не сохранилось.

606. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Босолей. 28–29 декабря 1938 г.*

28. XII. 1938.

Милый мой, сегодня вечером открытка от тебя с извещением, что выслал деньги¹. Спасибо, а то завтра я уже должна была заниматься. Благодарю тебя очень и за то, что ты посылаешь мне на мои мелкие расходы. Целую за это. Живем мы очень скромно и грустно, так как у Олечки² сегодня опять 37,3. Очень ее жаль, и мне это очень не нравится, лучше, когда жар, а потом понижение температуры. Мадам Браславская подарила ей чудесные две фуфайки, настоящие шерстяные по 22 франка, и Олечка в восторге: «не шерстят», надеемся, что они предохранят ее от простуды. Врач, другой, взял 20 фр., как я писала, не нашел у нее хрипов, думает, что повышение от желудка, прописал в очень малых дозах каломель³. Сегодня подействовал желудок хорошо. Очень жаль ее. Елка стоит, а когда ее разукрасят и зажгут, неизвестно, если папá⁴ не пришлет украшений, то возьмем у Наташи⁵, у них стоит елка в серебре, потом из разноцветной бумаги сама Олечка клеит цепи и гармоникки, очень хорошо. А сегодня я ей дала испорченный лист со словом «ликование», и она его написала сама, а не понимает, что это значит.

Сейчас Ляля⁶ у Добрых с Соллогубами. В доме прохладно. Половина одиннадцатого. Сейчас ложусь спать.

Сегодня опять привезли уголь. Хватает при такой топке как раз на неделю. Я живу в твоей комнате. В моей лежит Олечка. У них слишком холодно. Особенно в ветреные дни. Да это и удобнее, она ближе ко мне, когда Ляля уходит. А она стала тише.

Я не писала потому, что ждала от тебя известия, первое пришло в воскресенье. Я ответила, просила Лялю опустить, а она не успела, так как шла в синема с внучатами мадам Браславской, и пришлось опустить письма уже только вчера. В воскресенье я чувствовала себя плохо, трудно было писать. Потом был припадок, потом пришли Соллогубы, а вечером я пошла к Доброй. Почему ты так беспокоишься, «нет известий, хорошие известия». Что может с нами особенного случиться. А ведь писать совершенно не о чем.

Сегодня после обеда я одна пошла в горы, было очень хорошо: месяц, внизу огни Монако, ты все это представляешь. Прошла до моста, где разветвляются дороги, дальше было идти жутко, кончались дома... Ведь мы с Лялей вместе не можем выйти, больного ребенка даже с фамой⁷ опасно оставлять, а потому больше сижу дома. Ляля почти весь день ходит за ней, кроме того немного развлекается: ревейон⁸, синема, сегодня «вечерок», значит, не высыпается и валится с ног.

Сегодня я чувствовала весь день себя хорошо. Днем отдыхала, даже заснула, впрочем, спала и вчера. Вообще я днем сплю и припадок был у меня после сна, но припадок очень слабый, прошел в четверть часа. Только была слабость некоторое время, а вечером совсем было хорошо. На другой день чувствовала слабость, но это всегда. Сегодня я мяса уже не ела, только мясной суп. Завтра попробую рыбу. С воскресенья не была на базаре. Эти дни ходила Ляля, да и покупали не много. Олечка не ест эти дни мяса, а каши и кисели да пюре. Сажу поверх вязанки в своем халате, прохладно. Но это ничего.

Беспокоюсь, как бы ты не заболел. И выбрал же ты время для поездки! Ах, никогда-то ты меня не слушаешь. Вот тоже загадка. Почему? А болеть тебе там будет не очень хорошо! Будь осторожен. Одевайся теплей. Носи галоши. И старайся ко всему относиться философски. Помни, что всякий по-своему с ума сходит.

Я сейчас переписываю «Дни сочтенные» Ельцовой⁹. Нельзя, чтобы был один экземпляр, да еще такой, есть страницы, что я разбираю с лупой. Сколько там настоящего, подлинного, интересного, но много и ненужного, лишнего. Как особенно мне сейчас грустно, что ее нет. Как она все понимала и все воспринимала художественно, но в ней была большая наивность и невидения самого близкого. И, знаешь, она погибла бы без Ольги Львовны¹⁰ от страха, тоски, беспомощности. Целую, пора спать. Постараюсь это письмо послать завтра до 10 ч. утра. Получишь вечером.

Твой Седой.

Храни тебя Господь! Побывай, где можешь. Звонил ли ты к Браславским Моисею Лазаревичу и Злате Давидовне? Или они уехали? Говорил ли ты относительно книг?

Привет Марге, Гале и Лёне.

29 дек<абря>. Проспала до десяти. Значит, письмо не полетит, а поедет в поезде. Олечку спустили опять. Она прыгает. Я жду денег, а Ляля идет на базар.

Обнимаю. Твой В.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067А/214.

¹ См. п. 604.

² О. Жирова.

³ Минерал, хлорид ртути, в XIX в. употреблялся как желчегонное средство.

⁴ А.М. Жиров.

⁵ Н.Б. Соллогуб.

⁶ Е.Н. Жирова.

⁷ От *фр.* femme de ménage — домработница.

⁸ См. примеч. 4 к п. 603.

⁹ Речь идет о книге Е.М. Лопатиной (литературный псевдоним — К. Ельцова) «Дни сочтенные: Воспоминания, 1917–1923. Книга I: Революция» (РАЛ. MS 1069/18).

¹⁰ О.Л. Еремеева.

607. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 29 декабря 1938 г.

Утро четверга.

Наконец получил от тебя письмо. Позавчера подписал условие на издание книги с Блохом¹ из берлинского «Петрополиса», который соединился с «Имкой»². Вот что значит поехать — неожиданно сделал дело с ним (а то бы с жуликом Капланом). Буду получать 10 процентов. Вчера отдал половину рукописи в набор. Целую тебя, Лялю и Олечку³, которую благодарю за письмо. У меня насморк. Вчера обедал у Алданова. А то все дома.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/207. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa “La Dominante”, 25, Av<enue> de Villaine, Beausoleil, A<lpes> M<aritime>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 29.XII.38». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Яков Ноевич Блох (1892–1968) — журналист, переводчик, основатель издательства «Петрополис».

² См. примеч. 3 к п. 601. Речь идет об отдельном издании «Лики», вышедшем в марте следующего года (*Бунин И. А. Жизнь Арсеньева: Ч. 2. Лика. Брюссель, 1939*). После того, как в Берлине типография «Петрополиса» «потерпела крах» (см. п. 615), издательство переехало в Брюссель. См. издательский договор от 27 декабря 1938 г. (РАЛ. MS 1066/1924).

³ Е.Н. и О. Жирова.

И.А Бунин и М.А. Алданов.
Грасс, 10 августа 1936 г.
(РАЛ)

608. В.Н. Бунина и другие — И.А. Бунину
Монако. 31 декабря 1938 г.

31 января¹ 1938.

Поздравляем с Новым годом, мы уже начали встречать! Воображаю, что у вас сейчас! Целую.

Вера.
Л. Добрая
И. Браславская.
Ася Гинзбург.
Гога Гинзбург².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/215. На почтовой бумаге гостиницы Eden Hôtel, Monaco. Месяц и место установлены по содержанию.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 31 декабря.

² Неустановленные лица.

609. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 1 января 1939 г.

1. I. 1839¹.

Поздравляю тебя, драгоценная моя, с Новым годом. Поздравляю Лялю и Поросенка², рад, что он уже здоров. Звонил Жирову, чтобы

передать ему письмо, — его все нет. Позвоню завтра еще.

Гал<ина> и М<арга> сбились с ног последние дни, а тут еще у М<арги> нога болит — кровавая рана. Однако они обе работали прошлую ночь до 8 утра. Бал³ был безобразно люден, жара, как в бане. Свинство устроителей было изумительное. Пригласили «Мисс Р<оссию>»⁴ — и ни бокала ей вина и бросили ее одну — и она куда-то исчезла. Пригласили Троуя⁵, он приехал с невестой — *никто* и его не встретил, не дали даже им по стулу и ни капли вина. Я познакомился с ним, поговорил, в толпе стоя — потом и он исчез. Алданов на писательском столике сидел с женой, вина не спрашивал — все равно ему сказали, что он должен за бутылку белого вина (ординер!) 30 фр. — он заплатил и тотчас уехал. Меня заставили поздравлять публику с Нов<ым> годом — я поднялся на эстраду и сказал: «С новым годом. И так как мне не предложили даже стакана вина, с которым я бы вас поздравил, то на этом я кончаю». Молодым писателям не давали даже бутерброда — и они шатались голодные, кое-кто выпил водки и стал пьян, конечно. Яновского рвало⁶. Я вернулся домой в три, выпив бокала два за столом Муси Браславского. Все остальное тебе опишут подробно.

Письмо Гольденвейзера⁷ завтра Лоллию передам.

Зуров вчера много танцевал, бодр и весел.

Фунт падает. Поэтому, разменяв кое-что для посылки тебе, переворачиваюсь на ручки с «Посл<едних> нов<остей>» — и ни Мережковскому⁸, ни Ремизову по 300 фр. дать не могу. Жаль тебя огорчать, но что же делать⁹!

Сейчас вечер, еду в театр смотреть «Лес»¹⁰.

Все меня, дай Бог не сглазить, очень, очень хвалят за рассказы¹¹. Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/208.

¹ Описка Бунина, на самом деле 1939 г.

² Е.Н. и О. Жировы.

³ Бал прессы был устроен Союзом русских писателей и журналистов 31 декабря 1938 г. в Salle Noche (9, avenue Noche, Paris VIIIe). См. газетный отчет: «“Бал прессы”, устроенный Союзом русских писателей и журналистов под Новый год, прошел в чрезвычайно оживленной обстановке, собрав более 1000 посетителей. Царило непринужденное веселье» (*Л.Л. На балу прессы // Последние новости. 1939. 6 января. № 6493. С. 5*).

⁴ Евгения Павловна Дашкевич (1914–?) — после революции в эмиграции в Германии, с 1929 г. во Франции, работала манекенщицей. 17 июля 1938 г. стала победительницей конкурса «Мисс Россия». См.: *Иллюстрированная Россия. 1938. № 31 (689). 23 июля. С. 1, 12–13*.

⁵ Анри Труайя (Троуат, имя при рождении Лев Асланович Тарасов, 1911–2007) в 1938 г. стал лауреатом Гонкуровской премии.

⁶ Василий Семенович Яновский (1906–1989) довольно подробно изложил этот эпизод в воспоминаниях, в собственной версии, разумеется: «Даже в самый день бала мы еще выполняли сложные поручения в разных концах города. Синий мертвенный парижский день — из тех, что никогда французской школой живописи не был воспроизведен на полотне. Я и Смоленский мечемся по гастрономическим магазинам, собирая полударовую закуску. И в каждой очередной русской лавчонке Смоленский изрекает: / — Что же это, в самом деле, выпьем наконец... / — Неловко, — жмурюсь я в ответ. — Ведь придется отчитываться. / И мы чокаемся. Смоленский уверяет, что все это входит в графу расходов по разъездам. Он бухгалтер и должен понимать такие вещи в конце концов. / Мы расстались только вечером, чтобы привести себя в порядок. А когда приехали на бал к десяти часам, то Смоленский, несмотря на свой порхающий фрак, был уже на втором “взводе”. Я казался “больным” — по словам Зеелера. Сразу вышел конфуз с отчетностью. Марья Самойловна никак не могла понять, “почему издержано так много”. Начало не предвещало ничего хорошего. / А бал, по-видимому, протекал с обычным успехом. Бунин изящно закусывал, поглядывая на обнаженные плечи бывших и будущих дам; оркестр, кажется, Аскольдова, пел о невозвратном. / — Иван Алексеевич, не кажется ли вам, что мы профуфукали нашу жизнь? — спрашивал я с проникновенностью. / — Да, — миролюбиво соглашался Бунин. — Но что мы хотели поднять!.. / Иванов показывает на бритого человека в смокинге и шепчет: / — Вот самый бездарный мужчина в эмиграции. / Я хохочу: это Алехин. / Лифарь с братом покровительственно угощают пушкинистов шампанским. В общем, скучно. И вдруг я натякаюсь на Червинскую. / — Пойдем, я тебя угощу, — вдохновенно приглашаю ее и веду к буфету, где в белом кителе и колпаке возвышался уже сильно помятый Ш. / — Валерьян, — говорю я твердо, но чересчур громко, радуясь отчетливости своей речи. — Валерьян, два, понимаешь! — И показываю пальцами количество, чтобы не было ошибки. / Валерьян Александрович понял и налил два полных “бока” из-под пива — водкою. Мы с Червинской чокнулись. Впрочем, тут я заметил какое-то недоумение в умном взгляде поэтессы... Я честно осушил свой “бок” и, сообразив, что Червинскую такая порция убьет, отнял ее стакан, она успела только пригубить, и тут же по-рыцарски, жертвенно сам проглотил содержимое. Помню еще, что я собирался “плотно” закусить, чтобы противостоять хмелю, и ухватился за куриную ножку... Но здесь наступило затмение. / Как потом передавали многочисленные друзья и заступники, мне не дали упасть, а, подхватив под локти, повели, понесли через все залы, а я, судорожно держась за куриную четверть, плевал и охал. / В шикарных залах Noches в центре есть какая-то площадка, может, для большого оркестра... Туда меня положили — на виду у всех. Там я часа три отлеживался, как некое грозное предостережение ликующим внизу. / Время от времени Червинская, Адамович, Зуров, еще другие навдывались ко мне, давали технические советы. Впоследствии десятка два доброжелателей меня уверяли, что они меня спасали, поддерживали, укладывали» (*Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. Н.Г. Мельников. Комментар. Н.Г. Мельников, О.А. Коростелев. М.: Астрель, 2012. С. 330–332*).

⁷ См. примеч. 7 и 8 к п. 605.

⁸ В.Н. Бунина записала в дневнике 3 января 1939 г.: «Послано Мережковскому 300 fr.» (РАЛ. MS 1067/410).

⁹ См. предложение В.Н. Буниной в п. 605, чтобы Бунин отдал в Париже нуждающимся писателям по 300 франков, а она в Босолее потратит ту же сумму, взятую из денег, собранных для «Амора».

¹⁰ 1 января 1939 г. Русский театр в Salle du Journal (100, rue de Richelieu, Paris Ie) давал «Лес» А.Н. Островского в постановке А. Богданова. На следующий день газеты писали: «Вчерашнее представление комедии

Островского собрало переполненный зал и вновь прошло с совершенно исключительным успехом» (Русский театр // Последние новости. 1939. 2 февраля. № 6489. С. 3).

¹¹ Имеются в виду публикации последних рассказов Бунина «Степа», «Муза», «Поздний час».

610. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 3 января 1939 г.

3 января 1939 года,
утро.

Дорогой Ян, вчера получила твое новогоднее письмо¹. Спасибо за поздравление. Поросянок² опять возмущался: «Я ему напишу»... и стучал кулачком по столу. Потом согласился не возмущаться, если ты привезешь ему книжку со сказками. В Имке есть детские книги. Купи сборник, а то она измучивает меня просьбами рассказать. «Скажите имена сказок», а я и имена забыла. Хорошо бы Андерсена... Хорошо бы по-русски... Ее здоровье еще не в блестящем состоянии, вчера было опять 37,2. Сегодня 36,8. Видимо, опять вспыхнул колит. Очень ее жаль. Знаешь, она верит в реальность Деда Мороза. Верит, что это он принесет ей игрушки. Боится, что не принесет, и начинает хорошо есть. Елочка уже ею и мамá³ убрана. И Олечка в восторге восклицает: «Она блестящая, как золотая карета». Я под Новый год подарила ей эмалированный горшочек с красной полоской, она была в восхищении и поставила его под елку!

Слава Богу, Лялиной болезни⁴ приходит конец! Сегодня шестой день!

Видался ли ты с Кульманами? Ничего не пишешь и о Цетлиных. Какие их планы? Не приедут ли они на юг?

Тебе следовало бы заехать к тетушке⁵. Позвони Наташе Барановой, хотя узнай от нее, как она себя чувствует. М<ожет> б<ыть>, вы все съездили бы к ней. Ей ведь особенно сейчас тяжело.

Почему у вас работает madame Григуль⁶, а не mademoiselle Imbert?

Сегодня — веселый день. Чуть ветрено.

В доме у нас часто бывает холодно. Не люблю я юга зимой, особенно, когда ты уезжаешь — холодно и почти никаких радостей.

Наташа и Андрей⁷ на два дня уезжали на машине в Пера-Кава⁸. Они праздники проводили по-настоящему, как буржуи, а не как мы.

Мне жаль, что ты не согласился на обмен. Ведь, вероятно, ты еще останешься на неделю, а если и не останешься, то тоже должен менять, чтобы жить, так было бы разумнее сейчас разменять, раз фунт падает, да и платить за квартиру 15 ян<варя> надо. Зря придется тратить на почту, все равно, чьи деньги — все равно жаль. Я получаю ведь от Л.Г. Доброй 1 000 фр.

Как понравился «Лес»⁹?

Целую тебя нежно. Получил ли ты письмо с Кап Дайя¹⁰?

Ляля и Олечка целуют тебя, Маргу и Галю. Передай мой новогодний привет твоим мамам.

В.

Сейчас пришел посмотреть за электричество. За этот месяц — 60 фр. придет через неделю. Вот видишь. А там за газ, вероятно, скоро. Если бы ты послушался меня, то тебе не нужно было бы присылать, а теперь прошу прислать эти 60 фр. И зря платить за пересылку.

¹ См. п. 609.² О. Жирова.³ Е.Н. Жирова.⁴ Т.е. болезни Е.Н. Жировой.⁵ А.Е. Шварцман.⁶ Об этом В.Н. Буниной писала Г. Кузнецова. См. п. 611.⁷ Н.Б. и А.В. Соллогубы.⁸ Peïra Sava, высокогорный курорт в Приморских Альпах. 1 января 1939 г. В.Н. Бунина писала в дневнике: «Наташа и Андрей уехали в горы. Наташа удивительно хорошо умеет устраивать все, что хочет, добиваться, чтобы другой захотел того же, то есть заражать своим желанием. Это — тоже талант. Интересно в ней видеть черты ее родителей смягченными и ей на пользу» (РАЛ. MS 1067/410).⁹ См. примеч. 10 к п. 609.¹⁰ Cap-d'Ail — городок на Лазурном берегу, под Босолеем. Письмо неизвестно.**611. И.А. Бунин — В.Н. Буниной***Париж. 5 января 1939 г.*

5. I. 39.

Милая моя, новостей нет. «Лес» так себе¹. О Цетлиных тебе писала Г<алина>. О Григуль — тоже: m-lle² больна. Андерсена привезу. Возвращение мое зависит от корректуры: думаю, кончу к 15-му. 60 фр. вышло завтра. — Просил «Eclairеur», ибо у меня есть билета 2–3 монахской лотереи. Но в «Eclairеur» нет ничего о тираже, который был 28-го дек<абря>³. Где узнать результаты тиража? Спроси Наташу⁴. Вчера завтракал у Зайцевых. Дождь, дождь. Всех целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/209. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bouinine. 25, Av<enu> de Villaine. Villa “La Dominante”. Beausoleil, A<lres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 5.I.39».

¹ См. примеч. 10 к п. 609.² М.Е. Imbert.³ См. примеч. 4 к п. 331 и п. 604.⁴ Н.Б. Соллогуб.**612. И.А. Бунин — В.Н. Буниной***Париж. 6 января 1939 г.*

11½ вечера 6-го янв. 1939 г.

Целую тебя, мой дорогой Седой, как то проводите вы наш сочельник? Наши барышни дома, у Г<алины> болит бок, у Марги нога. Вчера вечером гулял с ними в городе, угощал в кафе. Нынче был в префектуре за загранич<ым> паспортом (обещали дать в понедельник), вечером обедал дома (съел одну рыбку), а они были в церкви. Когда пришли, опять вели со мной разговор, — тот же, что вчера: Марга хочет тебе писать — проситься в Beausoleil к нам, месяца на полтора, — конечно, с Галиной — говорит, что она погибает от усталости без воздуха, без солнца, хочет отдохнуть от Парижа — и мечтает выступить в Ницце — спеть концерт. На проезд деньги у них есть. Спросили меня — как я к этому отношусь? Я сказал, что ничего не имею против. И вот М<арга> хочет писать тебе — позволишь ли? Хотят, если согласишься, взять постель на прокат. Но если да, где их устроить? В столовой (а столовую перенести в салон)? Или в салоне? *Пишу тайно*. Обдумай. Мне их жалко.

Храни тебя Господь. Мне очень грустно, праздник, я один. Завтра обедаю у Иры Лидовой. Целую Лялю и Олю¹.

Был у меня Жиров — очень милая улыбка, застенчивый, порядочный. Капитан² толст, несвеж.

Г<алин> рассказ напечатали в «Сегодня»³. Еще 100 фр. получила с «Ил<люстрированной> России» за перевод⁴. Подала просьбу о пособии в Союз — бал дал *очень* много. (А за работу на балу им дали 400.)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/210. На почтовой бумаге Rotonde de la Muette, Brasserie.

¹ Е.Н. и О. Жировы.

² Н. Рошин.

³ Кузнецова Г. Молодость // Сегодня. 1939. 1 января. № 1. С. 7.

⁴ Труайя А. Шквал / Пер. Г. Кузнецовой // Иллюстрированная Россия. 1938. № 2 (712). 31 декабря. С. 5–8.

613. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 9 января 1939 г.

9. I. 39.

Почему не пишешь? *Беспокоимся*. Новостей нет. Зовут меня читать в Лондон, обещают, что заработаю тысячу пять¹. Но для этого надо сидеть тут еще недели две, да ехать, да возвращаться, т.е. быть дома к 1 фев<аля> приблизительно, *что мне вовсе не улыбается*. Что думаешь? Напиши.

Нынче еду в полицию за заграничным паспортом.

Вчера был в Галлиполийск<ом> собрании на балу². Скучно — как везде.

Целую. Что же Поросенок³?

Целую его и Лялю⁴.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/211.

¹ Поездка не состоялась.

² 7 января 1939 г. в помещении Общества галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie, Paris XVIe) состоялся танцевальный вечер, см. газетную хронику: Последние новости. 1939. 7 января. № 6494. С. 8.

³ О. Жирова.

⁴ Е.Н. Жирова.

614. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 10 января 1939 г.

10 янв. 1939 года.

Дорогой мой Ян, получила твое письмо. Отвечаю на поставленный вопрос утвердительно. Удивляюсь даже, что меня об этом ты спрашиваешь. Это дело только ваше.

Я сейчас измерила площади комнат, моя — равняется площади салона. Не лучше ли им будет в моей? Тогда нужно поставить шкаф в «предбанник», а на ту сторону диван. Ведь в салоне и столовой стеклянные двери, и я боюсь, что им будет неудобно, ведь на

дверях занавесок нет. Конечно, в столовой просторней, но зато стеклянные двери. Пусть решают сами.

Теперь относительно диванов. Взять на прокат дорого. Я помню, что Лёня платил около ста франков в месяц, и это было в 1930 году. Не лучше ли привезти два дивана из Грасса? Знакомый Ляли¹ Апполон² говорил мне, что он может это сделать. Наташа³ говорит, что если мы съедем, то можно у нее оставить или даже, вероятно, и на «Доминантэ».

Знают ли Галя с Маргой, что будут ходить поезда со скидкой в 50 процентов, первый пойдет 25 января. Пусть наведут справки, тогда им билет туда и обратно будет стоить 356 франков каждой.

Относительно концерта в Ницце у меня надежды мало, если не будет ангажемента. Кустарным способом едва ли можно будет устроить. Может быть, в Монте-Карло?

Мне тоже было очень грустно в сочельник. Я в церкви все время плакала. Уж если кому говорить об одиночестве, так это мне, и все не по моей вине. Но я уже не могу больше никого упрекать, ничего просить. Часто вспоминаю слова цыганки, как в воду глянула...

Из церкви вернулась около девяти. Разговелась колбасой, взяла в нашей эписери⁴ на два франка. На первый день обедали Соллогубы, и это вывело нас из бюджета, для нас был обед хороший, а для праздника *очень* скромный. Пришлось прачке за простыни за три раза заплатить 22 франка, так что сейчас опять «на манной каше», имей это в виду и не задерживай с присылкой. Жиров тоже не присылает. Дослал Ляле за декабрь, и на елку истратила она немного, но доктор и лекарства стоили дорого. В воскресенье у Олечки⁵ были гости, дочь лавочницы Мирэ, дочь консьержки Наташи, Югет, и Соня, пришлось Ляле купить им подарочки, дешевые, но все же, потом угощение. Олечка была счастлива и горько плакала, когда девочки уходили домой. Они декламировали, пели песенки, Ляля тоже спела им рождественскую песенку и, кажется, один раз была счастлива радостью Олечки. Елочка стоит в салоне, мы постелили ковер, стало очень уютно. Она под елкой устала все свои подарки и хорошо играет. Спит с выздоровевшей куклой, ставит на свою постель, — она в моей комнате, — постель куклы. Верит, что все ей принес Дед Мороз. Завтра к нам приедет Марья Самойловна⁶. Встреча в половине третьего в кафе де ла Пэ⁷, потом мы с ней погуляем и пойдём к нам чай пить, а может быть, и пообедает она у нас. Она тоже дарит Олечке куклу. Вообще у Олечки елочка настоящая. Вчера бабушка прислала книжки и разные подарочки, а Ляле немного денег.

Вчера днем и вечером я сидела с Цетлиными. Днем с М<арьей> С<амойловной>. Вечером с Мих<аилом> Ос<иповичем>. Было очень приятно. Это первый раз за все твое отсутствие я вышла вечером погулять. Мы стояли, ожидая их автобуса довольно долго, и я наслаждалась этим совершенно по-настоящему. Ты скажешь, почему ты одна не выходишь гулять? Мне теперь так бывает одной грустно и тяжело, что я стараюсь отвлекаться Олечкой, перепиской «Дни сочтенные»⁸. Часто хочется плакать, когда я одна. На людях обычно весела, так что о моем настроении никто и не подозревает. М<арья> С<амойловна> и М<ихаил> Ос<ипович> нашли, что у меня отличный вид. Впрочем, они меня не видали с лета.

Сейчас получила сто франков. Спасибо. Но ведь завтра я должна опять от тебя получить. Почему ты не прислал, только лишний раз платить почтальону, и дороже тебе будет стоить пересылка.

Что сказать о Лондоне? 5 000 фр. для нас большие деньги. Но я никогда не настаивала, чтобы ты зарабатывал, если тебе не по душе, а потому поступи, как хочешь.

Сейчас пришли платить за газ 144,20. В прошлый месяц было больше — 200 fr., в следующий раз, надеюсь, еще будет меньше.

Хорошо, что у меня были аморские⁹ деньги, а то у меня не было <бы> возможности заплатить за газ! И почему ты не исполнил моего предложения — заплатить Мер<ежковскому> и Рем<изову>¹⁰?

Ты меня оставляешь без *всякого запаса*. Мало ли что может случиться. Значит ты должен уже Амору 145 *фр.*

Олечка ничего не хочет больше тебе писать и поет: «Ванечка-дуришка, большой шалунишка»... Это за Поросенка. Посылаю размер ее ножки.

Целую. Ляля целует тоже. Олечка обижена и не целует!

Твой В.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067А/217.

¹ Е.Н. Жирова.

² Очевидно, водитель Аполлон Маркозович, упоминавшийся и далее.

³ Н.Б. Соллогуб.

⁴ От *фр. éricerie* — бакалея.

⁵ О. Жирова.

⁶ М.С. Цетлина.

⁷ Имеется в виду известное Café de la Paix, открытое в 1862 г. на площади Опера (2, rue Scribe, Paris IXe) и ставшее местом встреч парижской богемы. См., например, картину К. Коровина «Кафе де ла Пэ» (1906).

⁸ См. примеч. 9 к п. 606.

⁹ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁰ См. п. 605 и примеч. 8 к п. 609.

615. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 16 января 1939 г.

Дорогая моя, типография, куда была отдана моя книга, потерпела крах — вышел скандал с корректурой, только позавчера начал получать ее (из другой типографии)¹. Это первое, что меня задерживает. Второе — начался страшный насморк и моя обычная болезнь, такая, что избавь Бог. Думаю, что выеду числа 20-го. Посылаю 700 *фр.* за квартиру, а не 800 — я за *Жирова платить не буду*: он не шлет, ты пишешь — ну, и я не шлю. Новостей нет. Письма твои получены. Только нет твоего ответа Марге насчет ее какого-то письма к тебе (о приезде их на юг). Целую тебя крепко. Целую Лялю и Олю².

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/212. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa “La Dominante”, 25, Av<enu> de Villaine, Beausoleil, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 16 Janv. 39», «Beausoleil, 17.I.1939». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 2 к п. 607.

² Е.Н. и О. Жировы.

616. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 16 января 1939 г.

На квартиру послал, повторяю, не 800, а 700: *вынужден, заставил себя* сделать так, чтобы *подействовать* на Жирова (*слова* на него не действуют), — я его ребенка¹ содержать не буду: не может платить, пусть берет его — повторяю, повторяю! Я гибну от платежей, от расходов — нынче заплатил еще 2 300 за квартиру здесь — итого 3 000 *фр.* в один день! Да

газ, да электричество, да телефон, да фамы — и т.д. и т.д. С меня десять шкур сходит! Телеграфировать должна Л<яля>² Жирову.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/213. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa “La Dominante”, 25, Av<enu> de Villaine, Beausoleil, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 16.I.1939». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ О. Жирова.

² Е.Н. Жирова.

617. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 18 января 1939 г.

Дорогой мой Ян, сейчас получила открытку твою¹. Думаю, что 20<-го> ты не приедешь, имей в виду, что к 20<-му> я останусь без денег, как раз идет следующая неделя.

Второе, беспокоюсь о твоём здоровье. Лучше перегоди, а то можешь в дороге простудиться.

Жиров прислал деньги, пока 250 франков, Ляля² написала ему, чтобы он прислал за квартиру, что ты послал только 700 фр., мы как в воду глянули.

Письма от Марги я не получала, где она пишет о юге, получила открытку от Гали, и там ни слова относительно их приезда на юг. Я в ответ ей посоветовала приехать сюда. Вообще, что за глупость меня спрашивать. Если хотят, и если ты хочешь, то при чем я. Я и не хочу брать на себя никаких обязательств хозяйки, прежде всего потому, что я не хозяйка, а потому, повторяю, что, если им приехать хочется, то нужно ехать. Я уже писала все свои соображения о постелях. Олечка³ очень рада их приезду, Ляля, Наташа⁴ тоже. Думаю, что они проживут здесь с приятностью.

Сегодня мы в огорчении: у [Поросенка] Оли⁵ опять температура 37,5. Придется сегодня звать доктора. И такая атония, что поспорит с твоей! Жаль ее очень, я много времени отдаю ей, так как Ляля с ней не играет, и ей, бедненькой, очень скучно. Погода, как на грех, темная, дождливая. Зато стало теплее, а то в квартире бывало очень холодно, как иногда в Грассе.

Слава Богу, у Олечки был «бум-бум», сейчас опять померим температуру. У ней странно: рано утром в семь, половина восьмого всегда выше, чем днем и вечером. Спроси у Сергея Михеевича⁶.

Вчера я отпустила мамá⁷ смотреть фейерверк с Соллогубами, они ездили на чьем-то автомобиле, и Олечка молилась при мне и вместо «дяди Вани» сказала: «Ваня».

Олечка лежит на твоей постели с градусником. Она говорит: «Ваня в пятницу приедет, мы елку до него оставим». У нас остались еще свечки.

Вчера вечером красиво был иллюминирован дворец, одно время красным. Эффектно. Говорят, что в прежние годы было еще красивее. Из нашего сада было видно плохо, мешал дом.

Г.Н. Кузнецова.
Конец 1930-х гг.
(РАЛ)

Смерили: 36,9, сейчас половина двенадцатого. Ничего не понимаю!

Вид бледный, плохой.

Целую тебя, Маргу и Галю. Не забудь им сказать, что с 25 января есть дешевые поезда, чтобы они записались.

Олечка и Ляля вас всех целуют.

Твой Седой.

Кто вышел прав? Кто говорил, что ты никогда меньше месяца не проживешь в Париже?

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/218. Дата и место установлены предположительно по содержанию и сопоставлению с п. 615.

¹ См. п. 615.

² Е.Н. Жирова.

³ О. Жирова.

⁴ Вероятно, Н.Б. Соллогуб.

⁵ Имя вписано детским почерком вместо зачеркнутого слова «Поросенок», очевидно, рукой О. Жировой.

⁶ С.М. Серов.

⁷ Е.Н. Жирова.

618. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 18 января 1939 г.

Не понимаю, что с тобой, — никогда не делала ты таких глупостей, как теперь, насчет писем — все молчишь.

Здесь скучно, и гнусная погода, сижу поневоле (и нездоров), а тебе кажется, что тону в наслаждениях, а ты страдалница. Не ответила и Марге, и она, кажется, очень задета. — Тем более, что вопрос ее был щекотливый (хотя стала понимать, что ехать им совсем не на что).* Выеду, верно, в понедельник, во вторник (23 или 24-го). Жиров прислал, наконец, хоть за квартиру? — Книга моя будет вся набрана, вероятно, к субботе. Тут с меня за квартиру взяли еще прибавку — заплатил (с консьержкой) почти 2 800 фр. Целую.

18. I. 39.

* Да и где взять кровати?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/214. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 25, Av<enue> de Villaine, (“La Dominante”), Beausoleil. A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 18.I.1939».

619. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 20 января 1939 г.

Получила твою раздраженную открытку¹, а ждала денег.

Ты писал, что приедешь к 12, потом 15, поэтому я не писала. Марге ответила в день получения от нее письма.

Если ты денег не послал мне, то не посылай, а отдай Лёне 400 — сорок фр. отдам тебе, как приедешь, а 360 — за текущую неделю. Лёне напишу, что с этими деньгами делать, кому передать. Это сохранит франки всем.

Почему так набавили на квартиру? В октябре было 2 300...

Откуда ты взял, что я думаю, что ты «наслаждаешься»? Я этого не думаю.

Ни о каких страданиях я не писала, а только о неудобствах — каждое утро ждать денег и не вовремя ходить от этого на базар. Ты, вероятно, не здоров, и поэтому несешь и с Дону, и с моря. Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/220. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «V. Bounine, 25, Av<enue> de Villaine, Beausoleil, A1.M.»; почт. шт.: «Beausoleil, 20.I.39». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. п. 616.

620. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 20 января 1939 г.

Дорогой Ян, дорогой Ванюша, — сказала Олечка¹.

Что же ты нам к сроку не прислал денег. «Мы совсем бедные, как будто у нас нету сада, и у нас маленькая избушка, и денег ни одной копейки». Папа² тоже что-то запаздывает...

Серьезно: сегодня пятница, а ведь с четверга мы должны были жить уже на присланные тобой деньги. Взяли в долг уголь, заняла, чтобы купить мяса, счет в лавочке растет. Заняла, чтобы платить фамам³. Почему ты не согласился на мой проект, совершенно нет объяснений... Ведь ты сам решил, сколько ты будешь давать мне. Я больше не требую, но все же это не такая сумма, чтобы могло у меня оставаться.

«Мишка возле тети Веры сидит. Сегодня мне прислали голубой платок. А хотела прислать мне не платок, а куклу, и прислала платок». (Это Марья Самойловна⁴, а мне она подарила мандарины, чему я рада, так как я уже несколько дней не ем фруктов).

«Я стою возле тети Веры. Мы давно не ели рыбы. Я теперь сижу в Ванюшиной комнате сижу, я сижу на рундуке и таскаю его лекарства (нарочно)» — сказала она, лукаво улыбувшись.

Сейчас ее выпустили перед завтраком в садик. Вся температура ее объяснилась, оказалось, в ней был большой червяк... Говорят, что это и вызывает повышение температуры: «не опасно, но все же нужно принять энергичные меры, ибо это истощает очень». Она, действительно, очень изменилась, стала худенькой, бледной. Сейчас ей дают пить два раза перед едой горькую траву какую-то, первый раз она плакала, а второй выпила мужественно. Говорят, что почти у всех детей теперь это бывает. Вчера и сегодня температура нормальная. Но все праздники проболела, и мы ни разу никуда не пошли погулять.

Не забудь, что в понедельник ко мне придут за квартирной платой. Отдал ли тебе Жиров за комнату? Почему ты ничего не написал, что он говорил? После твоего отъезда он прислал 300 франков с императивной фразой: посылаю больше, чтобы сделали Олечке елку. Елку сделали не очень дорого, но зато деньги ушли на лечение и доктора и потом на покупки Ляли⁵, и теперь мы обе а сек⁶!

Вчера я сидела с Цетлиными в кафе де Пари⁷. Было приятно. Возвращаясь, восхитилась с какой-то первобытной силой Орионом и другими звездами на темном небе. Было очень приятно, хотелось идти куда-нибудь дальше, но как пойти совсем одной в глушь...

У меня ощущение, что я живу где-то в глухомани. По вечерам у нас в квартире очень холодно. С радостью ложишься в постель. Часто в 10 часов вечера. Сердца теперь не чувствую. На базар последнюю неделю ходила Ляля, да и не на базар, а в лавочку под нами.

Эти дни мистраль.

Читаю Жданова о Толстых⁸. Софью Андреевну вижу в совершенно ином свете, чем раньше. Как к ней несправедливы люди. Действительно была тяжелая и трагическая жизнь. И она не могла пойти за Львом Николаевичем, имея столько детей, мать, которую он воспитывал 20 лет, не могла предать интересы своих детей. В этом и была ее трагедия, из которой, как из всякой трагедии, нет выхода. Письма к сестре ее очень трогательны и хороши. И она, конечно, редко незаурядная женщина и от природы, и от работы над собой.

Привези с собой две простыни наших, если ты хочешь спать на нашем белье. Обязательно. И полотенце вышитое⁹.

А как планы Гали с Маргой? Приедут ли они сюда? Они ничего мне об этом не пишут.

Что ты решил с Лондоном? Цетлины сегодня выезжают в Париж. Будут тебе звонить. Я просила М<арью> Сам<ойловну> напомнить тебе о деньгах.

Целую и обнимаю тебя, мой драгоценный. Ляля и Олечка тебя целуют.

Твой Седой.

Сию минуту получила телеграмму¹⁰. Спасибо за 500 fr. Значит, все в порядке. Письмо все же посылаю.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/219. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 621.

¹ О. Жирова.

² А.М. Жиров.

³ От *фр.* *femmes de ménage* — домработницам.

⁴ М.С. Цетлина.

⁵ Е.Н. Жирова.

⁶ От *фр.* *à sec* — на мели.

⁷ Очевидно, имеется в виду *Café de Paris* — *Beausoleil Place du Casino, 98000 Monte-Carlo*.

⁸ *Жданов В.А.* *Любовь в жизни Льва Толстого*: В 2 кн. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928.

⁹ См. об этом в п. 605.

¹⁰ Не сохранилась.

621. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 20 января 1939 г.

Дорогой, сейчас получила телеграмму и пожалела деньги, истраченные на нее. Бегу на почту.

Во всяком случае спасибо. Целую всех.

В.

Почему 500 fr.? Я думала, что ты объяснишь на переводе, поэтому и бежала, сломя голову, но на переводе ни слова.

Еще раз благодарю.

Т.В.Б.

Жду объяснений.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/221. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Bounine. 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Beausoleil, 20.I.39». Дата и место установлены по почтовому штампу.

622. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Босолей. 24 января 1939 г.*

1939 г. 24 ян.

9 ч. утра.

Дорогой мой, напишу и побегу, чтобы до 10 ч. быть на почте и успеть это письмо послать с авионом. Вчера получила твое письмо¹, такое милое. Целую за него. Я отдала Ляле² 120 фр., данные тебе Алек<сеем> Мат<веевичем>³, у нее уже не было денег, а сегодня заедет доктор. Олечке⁴ лучше, уже прыгает. Надеемся, что она освободится от своих нахлебников.

Попроси Галю посмотреть, нет ли где-нибудь в шкапах туфель Лялиных шелковых с перемычкой и, если она найдет, то привези. М<ожет> б<ыть>, ей удастся поехать на бал в Ниццу с Соллогубами, а туфель нет. Она очень замучилась из-за ухода за Олечкой. За все время только раз съездила ко всенощной в Ментону. Если же тебе некуда положить, то попроси ее или Маргу прислать.

Мне очень жаль их, как они будут без тебя жить! Трудно им. Неужели Марга при своем голосе не может никак устроиться! Познакомился ли ты с М.А. Олениной?

Вчера была в Ницце, rendez-vous с Самойловой, было приятно. Они хотят переселиться в Уругвай, но им не дают постоянной визы⁵. Не мог бы ты позвонить к Зензинову и спросить его, не знает ли он пути, как хлопотать? Может быть, через Парчевского⁶? М<ожет> б<ыть>, Галя могла бы навести эти справки.

Ради Бога, из-за меня не спеши, я уже втянулась в эту жизнь и никакой скуки не испытываю, и когда получаю от тебя хорошее письмо, то совсем делается хорошо. Для меня расстояние не играет роли.

Как же решили Галя с Маргой относительно приезда? Ведь теперь проезд дешевый.

Погода стала лучше, а без тебя было очень плохо в конце декабря и в январе до самых последних дней. Вчера еще ветер чуть не унес твою черную бумагу со ставень. Фама⁷ все снова приколотила.

Ляля и Олечка тебя целуют, и ждет Олечка «от Ванюши письмо».

Целую Галю и Маргу.

Твой Седой!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/222.

¹ Не сохранилось.

² Е.Н. Жирова.

³ А.М. Жиров.

⁴ О. Жирова.

⁵ Ф.Я. и А.П. Самойловы перебрались в Аргентину лишь после войны, в 1950 г.

⁶ Константин Константинович Парчевский (1891–1945) — юрист, журналист, после революции в эмиграции в Париже, сотрудник «Последних новостей». В 1935 г., с 24 августа (№ 5266) по 21 декабря (№ 5385), опубликовал в газете цикл из 25 очерков под общим названием «В Парагвай». На следующий год выпустил книгу: *Парчевский К. В Парагвай и Аргентину*. Париж, 1936.

⁷ От фр. femme de ménage — домработница.

623. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 24 января 1939 г.*

24. I. 39.

Не сердись, пожалуйста, на меня, мой драгоценный Седой, — опять мой отъезд откладывается. Отлично знаю, как это может раздражать — напрасное ожидание приезда, но что ж я поделаю! Опять задержка с окончанием набора книги. Клянутся, что все будет кончено в четверг или в пятницу. Вот я и решил довести дело до конца — дожждаться исполнения этого обещания и выехать в субботу или в воскресенье. Я и сам измучился, но, повторяю, глупо сорваться с места, бросив книгу.

Насчет того, что я должен сделать с деньгами для «Амора»¹, не понял ясно. Немедля напиши точно.

Целую тебя, еду в типографию, потом к Блоху² — решать дело с обложкой и рассылкой книги, кому нужно.

Целую Лялю и Олечку³.

Кровь еще теряю. Ослабел.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/215.

¹ См. примеч. 9 к п. 399.

² См. примеч. 1 и 2 к п. 607.

³ Е.Н. и О. Жировы.

624. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Босолей. 25 января 1939 г.*

25. I. 39.

5 ч. 30 м.

Час назад, дорогой мой, я получила твой экспресс¹. Напрасно ты волнуешься из-за меня. Я совершенно спокойно жду твоего приезда и на оттяжку не раздражаюсь. Во-первых, я знаю, что такое типография, во-вторых, я занята, кончаю переписывать «Дни сочтенные» К. Ельцовой². Радуюсь, что удалось мне сделать для нее второй экземпляр. В-третьих, я рада, что ты задерживаешься, как раз Ляля³ больна, и мне было бы трудно одной, поэтому лучше, если ты приедешь не в воскресенье, фамы⁴ не бывает, и обычно в этот день мы не топим. Буду ждать тебя с понедельника. Полежи день, два перед отъездом, полежи со льдом.

Здесь стало теплее, сегодня в моем пальто (Солдатском)⁵ было уже утром на базаре жарко.

Относительно денег очень просто: передай деньги 400 франков (четыреста франков) Лёне, я напишу, что ему с ними делать. Завтра я должна от тебя получить 360 на текущую неделю, — эти деньги я возьму из тех, что у меня здесь, 40 фр. отдам тебе, когда приедешь. Из 500 — 360 взяла на хозяйство, 120 фр. отдала Ляле, 20 — у меня, получишь, по приезде.

Олечке, слава Богу, лучше, все эти дни температура нормальная, только бледна и еще худа. Не забудь сказки Андерсена — по-русски, конечно.

Новая игра: она сидит в кресле за едой — дядя Ваня, и старается есть быстро, а я Олечка — ем медленно. Она очень ждет тебя.

И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова, В.Н. Буннина, Л.Ф. Зуров.

Грасс, 1930-е гг.

(РАЛ)

Ляля сегодня приглашена к Соллогубам. Я уговорила ее пойти, кажется, будет выпивка. В первый день она еще может. Ей надо развлечься, а то ведь месяц она была «сестрой милосердия».

Где живет М<арья> С<амойловна>⁶, ведь у нее умер брат⁷, и я не знаю, куда ей нужно написать. Виделся ли ты с ней, а с Кульманами? Смотри! Съезди или пригласи.

Вчера утром я послала тебе письмо, где просила посмотреть, нет ли Лялиных шелковых туфель, и привезти их. Пришла Олечка⁸ и диктует: «Твой Поросенок сидит в кресле твоём и играет, что он дядя Ваня. Я соскучилась без Вани». Дома она всегда в красных туфельках.

Наведи справки относительно Уругвая⁹.

В.Н. Лоло¹⁰ с ума сошла: предлагает мне устроить дом для писателей и стать во главе этого учреждения. Вот дай палец, начнут требовать руку..

А мне хочется совсем другого — «удержать кое-что из виденного и слышанного».

Если бы мне кой-кого не хотелось бы видеть, то я совсем была бы довольна, да чтобы все здоровы были...

В Ницце было приятно ходить по ровному месту, и я прошла пешком до Bd Gambetta и обратно, — устала, а потом закачалось в темном автобусе, добралась до дому, проглотила обед и... в постель.

Обнимаю нежно, мой бесценный.

Твой Седой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/223.

¹ См. п. 623.

² См. примеч. 9 к п. 606.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ От *фр.* femme de ménage — домработница.

⁵ См. примеч. 5 к п. 277.

⁶ М.С. Цетлина.

⁷ Родной брат М.С. Цетлиной Михаил Самойлович Тумаркин скончался 17 января 1939 г.

⁸ О. Жирова.

⁹ Подчеркнуто красным карандашом.

¹⁰ В.Н. Ильнарская — жена Л.Г. Мунштейна (Лоло).

625. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 27 января 1939 г.

Пятница.

Драгоценная моя, получил твое письмо от 25-го. Приеду, Бог даст, — прочту «Дни» Ельцовой¹. *Деньги Лёне передал.*

Рад, что Поросенок² поздоровел и играет в меня. Спрошу насчет Уругвая³.

Дни провожу *сплошь* в чтении корректуры⁴. Завтра пришлют последние гранки. Ко вторнику, думаю, все кончу. Думал, что уже здоров, — нынче опять сильная кровь (хотя все меры принимаю). Но чувствую — это, кажется, последняя кровь. Ослабел ужасно. Нынче весь день читаю — черт понес (с Галиной и Маргой) к Кульману, а погода была адская. Горячо тебя целую, голубчик мой милый. Если ты не очень скучаешь, останусь здесь, верно, *до среды*. Целую милого Лисиненка и его Поросенка⁵.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/216. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 624.

¹ См. примеч. 9 к п. 606.

² О. Жирова.

³ См. п. 624.

⁴ См. примеч. 2 к п. 607.

⁵ Е.Н. и О. Жировы.

626. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 28 января 1939 г.

Суббота!

1939 г. 28 ян.

9 ч. 15 м.

Сегодня с вечерней почтой получила твое письмецо¹, ненаглядный мой. Очень беспокоюсь, как доедешь: тебе *нельзя подымать чемоданы*. Лежишь ли ты со льдом?

Беспокоит и Галя, — на что будет жить, когда ты уедешь?

Мне скучать некогда. Сегодня кончила «Дни сочтенные»², дня через два кончу исправлять описки. И тогда, Бог даст, и за свое примусь. Очень рада, что сделала эту работу.

Поросенок³ все-таки не совсем здоров, бледен, худ, папа⁴ задерживает деньги, а как без денег приглашать доктора, — мне кажется, что черви еще сидят. Она на режиме.

Значит, будем ждать, начиная с четверга. Отдохни перед отъездом.

Все целуем.

Твой

Привет Нилусам. Что они?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/224. Закрытое письмо «секретка»; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine. 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «Madame Bounine. Beausoleil, Av<enue> de Villaine, 25»; почт. шт.: «Monte Carlo, 29.I.39».

¹ См. п. 625.² См. примеч. 9 к п. 606.³ О. Жирова.⁴ А.М. Жиров.**627. И.А. Бунин — В.Н. Буниной***Париж. 28 января 1939 г.*

Суббота.

Вчера твое письмо Галине¹. Насчет денег все исполню. Чтобы Зуров приехал — я против. Да и он сам говорит, что это *невозможно* — говорит твердо. А я — за что я буду кормить его? Не могу, не могу.

NB! NB! Теперь главное: *тотчас же* отправься в Ниццу и возьми заграничный паспорт. Мне тут выдали в 2 дня — думаю, что и там так же. В Париже все серьезно говорят о войне — и *недаром*: читаешь газеты²? А если война, то, *все* говорят, разразится она совершенно неожиданно, без всяких предупреждений, молниеносно.

Наши дамы³ очень тревожатся. *Секретно*: нынче письмо от этой идиотки мамаша⁴ из Дрездена — «*дикое, как никогда*», по словам Галины: требует, вопит, бьется в судорогах, чтобы Марга немедленно ехала в Германию. За столом сама М<арга> сказала мне об этом.

— Как быть?

Я говорю — «не знаю».

Галина:

— Я тебя не пущу, умру, а не пущу!

Марга:

— А как же я *тут* буду? И на что жить?

Галина:

— Все равно! А если ты, то и я за тобой!

Я:

— На какие же средства?

Она:

— Да не могу же я, не могу, не могу оставить ее, да еще в такое время!!

Я хотел сказать: «Дура набитая, развращенная мной! Что ж, пешком пойдешь?» Но промолчал и ушел. Идиотка и грубая стерва по отношению ко мне (в смысле отсутствия деликатности). А ты говоришь!

Обнимаю и целую мою драгоценную.

Впереди у них — *ровно ничего*. Денег грош (от Зеелера только⁵). Ты советуешь Марге то, другое — везде мечется и всюду ни собачки⁶!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/217. Дата и место установлены по сопоставлению с п. 629.

¹ Письмо неизвестно.² Газеты в те дни были полны сообщений о падении Барселоны, мобилизации в Италии, формировании экспедиционного корпуса в Германии, а также отзывов о речи Гитлера, объявившего 1939 год решающим для судеб Европы.³ Г. Кузнецова и М. Степун.⁴ М.Ф. Степун.⁵ Возможно, пособие от Союза писателей.⁶ Домашнее присловье.

628. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 30 января 1939 г.

30. I. 39.

Милая моя, опять насморк! Вот проклятый город! Но это не остановило бы меня уехать. Главное то, что я опять начеркал, напутал в конце книги (дали уже последние страницы *в листах*) — мне *необходимо совершенно* видеть самому, точно ли исправят. Это раз, а второе — в четверг 2-го меня пригласил обедать Муся Браславский, и я согласился — мало ли что может быть! Значит, опять откладываю отъезд, мечтаю уехать в субботу или в воскресенье.

Нынче передал Зурову 400 фр. Еще нужно передать 300? Да? Напиши немедленно.

Очень соскучился по тебе — и по Лисиненку и по Поросенку¹.

Храни вас Бог, крепко целую.

Адреса Марии Самойловны² не знаю.

*Повторяю: немедленно возьми заграничный паспорт*³. Настроение тут в смысле войны скверное. Что будет — вероятно, *решится на этой неделе*.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/218.

¹ Е.Н. и О. Жировы.

² М.С. Цетлина.

³ Подчеркнуто красным карандашом.

629. В.Н. Бунина, О.А. Жирова — И.А. Бунину

Босолей. 30 января 1939 г.

1939 г. 30 янв.

Дорогой мой, получила утром твое письмо от субботы.

На паспорт у меня нет денег, поеду в Ниццу, когда ты приедешь. Подходит февраль, и я должна платить Лоло и Даманской, а у меня «касса Знания пуста»¹, Мережковскому передаст Лёня, а у меня была всего тысяча. Если ты в среду не выйдешь, то не забудь послать мне денег на следующую неделю, тогда присоедини и на паспорт. Если война разразится завтра, то все равно опоздала.

Относительно Лёни — я не думала, что он будет на твоём иждивении, — а он и подавно. Повторяю: «это мечты умирающей лошади»²... Я так привыкла жить вдали от людей мне близких, что разлука меня не очень мучает. Кажется временной...

Секретно.

Относительно М<арги> и Г<алины>. Конечно, и мне страшно за Маргу, если она вернется туда, а не только Г<алине>, которая, конечно, отчасти запугивает ее. Я на твоём месте поговорила бы с М<аргой> à deux³. Сказала бы, что ей возвращаться *опасно*. Муки матери? Но во-первых, много шансов, что если она вернется, то все равно *не* будет с матерью, а во-вторых, у всех, у кого были матери, все испили эту чашу страданий, и что раз она «сделала выбор», как писал ей ее брат⁴, то сомневаться *не следует, что ей делать*. Скажи ей, что страдает больше тот, кто молчит. Мой папа⁵ только и жил свиданием со мной, — мне писали, — а он сам ни разу не пожаловался на свою тоску. Мне от этого в конце концов было не легче, но все же я к нему не поехала, как не поехала к истинному страдальцу Мите⁶, который очень страдал, раз я соединила свою жизнь с тобой...

Г<алина> до сих пор ребенок, который не додумывает до конца, это ее самый большой недостаток. И ее очень жаль. *Я за нее очень беспокоюсь, она измучена очень!* Она ведь опять начала страдать. Лучше пусть М<арга> подумает, как ей устроиться на случай войны здесь. Я все же верю, что она с ее голосом не пропадет. Еще в Америку поедет.

Сегодня теплее.

Вчера Наташа с Андреем⁷ пришли вечером. Я уже легла и не вышла. Они с Лялей⁸ просидели до полночи, спорили: кто такой гений? Чем не притон пустословия.

Сейчас выпью чаю и пойду на почту.

Тебе письмо из Англии⁹. Я не пересылаю его.

Сегодня Жиров, слава Богу, прислал 200 фр. Ляле.

Олечка беспокоит, все худеет. Спроси Серова, может ли это быть от червей? Температура то нормальная, то повышается на две, три десятых. Измеряется дважды в день. Аппетита нет.

Читаю книгу Андреевского¹⁰. Как много тонкого в ней. Но он остановился на пороге христианства, оттого такие мысли о смерти.

Думаю, что это последнее письмо. *Привези мой образок Дмитрия Солунского, он висит у Гаши*¹¹. Я уже об этом писала Лёне. Этот образ из России.

Как твоё здоровье? Беспокоюсь, что ты будешь поднимать чемоданы. Отдай в багаж, если ты поедешь не в пульмане¹².

Целую Маргу и Галю.

Обнимаю тебя нежно.

Твой одинокий Седой.

Как здоровье Петра Александр<овича> и Берты Соломоновны¹³?

<О.А. Жирова рукой В.Н. Буниной.> «Ванюша! Спасибо за книжку, которую ты прислал. Я читаю ее. Твой Поросенок»...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/225.

¹ См. примеч. 17 к п. 567.

² Источник цитаты не установлен.

³ вдвоем (фр.).

⁴ Ф.А. Степун.

⁵ Н.А. Муромцев.

⁶ Д.Н. Муромцев.

⁷ Н.Б. и А.В. Соллогубы.

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ Письмо неизвестно.

¹⁰ *Андреевский С.А.* Книга о смерти: В 2 т. Берлин; Ревель: Библиофил, 1922.

¹¹ Подчеркнуто красным карандашом.

¹² Имеются в виду комфортабельные спальные железнодорожные вагоны, выпускавшиеся с 1864 г. фирмой «Пульман» (Pullman).

¹³ П.А. и Б.С. Нилусы.

630. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 1 февраля 1939 г.

1 февр. 1939 г.

Утро 8 часов.

Среда.

Дорогой мой, вчера вечером получила твое письмо, в котором ты сообщаешь о новой задержке¹. В этом случае мне необходимы деньги и на жизнь, и на паспорт, завтра я буду à sec². А завтра привезут уголь, у меня остались лишь деньги для Лоло, которые я им свезу в день, когда поеду заказывать паспорт, — ведь сегодня февраль. Если бы я знала, что ты останешься, то я устроила бы иначе.

Очень мне скучно без Библии, но понимаю, что везти ее тебе трудно. *Привези мне мой молитвенник*, он, кажется, на треугольнике, где образа в маленькой комнате, в красном переплете.

Не забудь взять *две простыни*, а то тебе придется спать на здешних. Возьми и полотенце, кот<орое> подарил дядя Лёни³.

Будь осторожен на обеде у Браславских. Хорошо, что ты выезжаешь не сразу после него.

Стало много теплее, ты опять избежал ночных холодов, которые гораздо хуже северных.

Спасибо, что передал Лёне 400 фр. Больше ему пока передавать не нужно.

Мне кажется, что войны сейчас не будет. Успокой Галю. А то она так и до туберкулеза дойдет. Надо именно теперь беречь свои силы. Мне жаль, что меня нет с ними, я как-то умею погашать панику, хотя это не мешает мне все обдумывать.

Если бы я была на моем месте и верила в войну, то я немедленно так или иначе устроила бы так, чтобы у меня была в руках известная сумма. Иначе все беспокойства блеф. Имей в виду, что если будет война, то нельзя будет *месяца два тебе*, например, *получить деньги из Англии*. Может случиться, что нельзя будет недели две ехать по жел<езной> д<ороге> и т<ак> далее, и т<ак> далее, поговори хоть с Ельшевичем на этот счет.

А ты бессмысленно торопишь меня с паспортом, а денег даже на это не шлешь.

Но мне думается, что опять «образуется», Бог даст.

Я здесь ничего не чувствую, хотя народу мало приезжего.

Целую тебя нежно.

Передай дружеский привет твоим дамам⁴ и скажи им словами Гете: «Мужество потерять, все потерять»⁵...

И Лисененок, и Поросенок⁶ (который сегодня прибежал ко мне в постель ни свет, ни заря, так как сделал бум, а мамá⁷ еще спала, и был ледяным, пришлось его отогревать своим телом) тебя крепко целую.

Твой Седой — Рак-отшельник.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/226.

¹ Видимо, п. 628.

² на мели (*фр.*).

³ См. об этом в п. 605.

⁴ Г. Кузнецова и М. Степун.

⁵ Афоризм Гёте (Кроткие ксении. VIII), восходящий к античному изречению.

⁶ Е.Н. и О. Жировы.

⁷ Е.Н. Жирова.

631. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 3 февраля 1939 г.*

Драгоценный мой Седой, нынче очень долго сидел в типографии (от нас верст сто) и все, наконец, кончил — в смысле моих указаний насчет последних поправок (их сделал много, особенно в конце). В понедельник, самое позднее во вторник, взгляну в последний раз на эти последние страницы, а в среду выеду — Бог даст, уже без новых откладываний.

Все последние дни тяжело болен (в третий раз) насморком. Сейчас (10 ч. вечера 3-го февр<аля>¹) еду на моск<овский> бал² с Г<алиной> и М<аргой> — М<арга> хочет развлечься, было опять сейчас какое-то оч<ень> тяжелое письмо от старухи³ из Дрездена.

Получена твоя телеграмма⁴. Что же делать? Надо обращаться в Париж, пусть Ницца обратится. М<ожет> б<ыть>, можно телеграммой? Поезжай, хлопочи.

Целую тебя, Лялю и Поросенка⁵.

Вчера обедал у Браславск<их>⁶.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/219. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

² 3 февраля 1939 г. Московское землячество отмечало Татьянин день традиционным балом в залах отеля «Лютетия» (Hôtel Lutétia, 43, bd Raspail, VIe). См.: *Милюков П.* Ко дню Татьяны // Последние новости. 1939. 3 февраля. № 6521. С. 3.

³ М.Ф. Степун.

⁴ Не сохранилась. Возможно, речь о получении заграничного паспорта (см. пп. 627, 628). Ср. п. 632.

⁵ Е.Н. и О. Жировы.

⁶ См. письмо Тэффи В.Н. Буниной от 4 февраля 1939 г.: «Недавно угощали нас обедом Браславские. Были Эльяшевичи, Зайцевы, Глясберги, да я. Но главное — был Иван Алексеевич. Говорили о литературе, и было приятным удивлением, что Браславские не только читают, но и думают и беседуют о прочитанном, и он (Моисей) говорил много дельного и даже тонкого. Кто бы подумал! <...> У Браславских за обедом пили за Ваше здоровье. Тост предложили хозяева» (*Бунины–Тэффи (I)*). С. 411–412).

632. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Босолей. 4–5 февраля 1939 г.*

1939 г. 4 февраля.

Милый мой, сейчас от тебя письмецо¹. Повторяю, что я написала Гале: «В Ницце хлопотать нельзя, можно хлопотать только в Париже, чтобы из Парижа префект прислал разрешение в Ниццу выдать, продолжить мне нансенский паспорт». Мне сказали, как я тебе писала, что я могу сама написать отсюда письмо к префекту (но я не знаю формы) или ты можешь, как муж, за меня в Париже испросить это разрешение. Тебе нужно съездить для этого в префектуру. Может быть, Д.Н. Бук<ион>² тебе поможет в этом. Но мне кажется, что сейчас не нужно пороть горячки, когда поеду в Париж, тогда и продолжу его.

Теперь, если ты приедешь в четверг, то прошу тебя дать только сто франков Лёне, если же ты опять на неделю останешься, то дай ему 300, я напишу ему, что с ними делать. Гале я подробно об этом пишу.

Очень рада, что вы поехали на Московское Землячество, и что твои дамы хоть немного развлеклись. Все-таки без всякого развлечения и отвлечения жить трудно, развивается тоска и полное неприятие мира, как это бывало и у Коли³.

Мне кажется, что ты приедешь не в четверг, а в будущую субботу.

А как ты думаешь ехать? Если Лоллий Иванович⁴ еще не взял туфли Ляли⁵, то не давай их, бал будет завтра, она не едет, а что его зря утруждать. Привезешь сам. Советую, если поедешь не с большим комфортом, хоть один чемодан отдать в багаж. Я за картонку заплатила всего шесть франков. Конечно, нужно отдать более легкий, хотя тебе вредно перевозить тяжелые чемоданы. (30 кило идут даром.)

Ну вот, кажется, все. Если что вспомню еще, припишу. Сегодня уже не буду выходить, опущу письмо завтра, но до твоего отъезда оно придет.

Был ли ты у Париско⁶? Что это у тебя за насморк? Может быть, опять нужно что-нибудь удалять. А что думает Михеич⁷?

Сегодня я для Амора⁸ опять получила деньги, поэтому я и могу опять переводить. Жду еще. За февраль я всем уплатила, кому должна была, завтра везу Лоло.

5 февраля.

Сегодня изумительное утро, какое только может быть в феврале, но мне оно как-то не нужно.

Сегодня у Олечки нормальная температура, и она веселенькая. Сколько она принимает лекарств, если бы ты знал! Но, видимо, надо напряженно бороться, чтобы освободить ее от ее постояльцев.

Привези, ради Бога, сказки Андерсена. Она просто замучила нас, мы сами Бог знает что выдумываем. Подумай, она нездорова со дня твоего отъезда!..

Шведский король прибыл сюда, то есть в Ниццу, вчера⁹. Следует и тебе на юг, — сезон открыт.

Храни тебя Матерь Божия.

Обнимаю.

Лисененок и твой Поросенок¹⁰, который больше похож на козочку, тебя целуют.

Твой Седой.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой и вставками): РАЛ. MS 1067A/227.

¹ См. п. 631.

² Неустановленное лицо. См. п. 635.

³ Н.А. Пушешников.

⁴ Л.И. Львов.

⁵ Е.Н. Жирова.

⁶ Парижский врач Париско. См. пп. 654, 655.

⁷ С.М. Серов.

⁸ См. примеч. 9 к п. 399.

⁹ Речь идет о приезде шведского короля Густава V (1858–1950), который ежегодно отдыхал на Французской Ривьере. Кроме того, в тот год внимание привлекла его остановка по пути в Ниццу в Берлине, где он 2 февраля встретился с германским руководством и наградил Германа Геринга Большим Крестом Ордена Меча. Густав V в 1933 г. вручал Бунину Нобелевскую премию.

¹⁰ Е.Н. и О. Жировы.

633. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 5 февраля 1939 г.

Воскресенье.

Милая, дорогая моя, мне тут осточертело, непрерывный дождь и скука, но корректура опять меня задерживает, — опять обман, — все кончу только во вторник, вероятно, — ско-

рее всего, в среду, а бросить ее не могу — тогда пропало дело (с посылками в Beausoleil) на месяц целый. Новостей нет. Деньги тебе послал (500 фр.) потому, что ты меня заела — все не хватает. Был Жиров, привез деньги за комнату. Крепко тебя целую, завтра напишу точнее, когда выеду. Целую Лялю и Поросенка¹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/220. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Е.Н. и О. Жировы.

634. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 6 февраля 1939 г.

Понедельник.

Милая душа моя, сейчас послал pneu¹ префекту парижскому, чтобы он дал свою autorisation² в Ниццу на предмет возобновления твоего паспорта. *Напиши ему и сама* — Monsieur le Préfet de Police de Paris — пусть тебе поможет Андрей³.

Поеду сейчас к Зилоти⁴ насчет билета. Если, Бог даст, буду здоров (сейчас чувствую себя, дай Бог не сглазить, нормально), выеду в четверг или пятницу. Извещу телеграммой точно.

Жалко мне наших дам⁵! Остаются без копейки!

Новостей нет.

Крепко тебя и всех целую. Очень соскучился.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/221. На конверте адрес получателя: «Madame V. Bounine, Villa “La Dominante” 25, Av<enue> de Villaine, Beausoleil, A<les> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 6.II.1939», «Beausoleil, 7.2.39». В начале письма В.Н. Бунина отметила: «Получила 7 февр. 1939 г.» Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ pneu, сокращение от *фр.* pneumatique — письмо, переданное по пневматической почте.

² autorisation (*фр.*) — согласие.

³ А.В. Соллогуб.

⁴ См. примеч. 3 к п. 399.

⁵ Г. Кузнецова и М. Степун.

635. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 7 февраля 1939 г.

1939 г. 7 февраля.

Вторник.

8 ч. вечера.

Дорогой мой Ян, сейчас получила твое письмо от понедельника¹.

Я не знаю, что ты написал префекту, а потому подожду тебя. Все равно до тебя я в Ниццу не поеду и вообще не понимаю этой спешки. Все равно визы здесь брать нельзя, да я очень устаю от поездок в Ниццу. А главное, может быть, и твоего письма достаточно. Попроси кого-нибудь узнать. М<ожет> б<ыть>, Букион тебе скажет.

Конечно, ты выйдешь в пятницу, но когда? утром или вечером?

Неужели ты оставишь Галю без копейки?..

Г.Н. Кузнецова, Б.К. Зайцев, Л.Ф. Зуров.
Май 1934 г.
(РАЛ)

ни Зеелеру. Нужна экстренная помощь. Бедная жена. Это мне сказала Наташа⁶, а Лоло, видимо, не знает, они ведь во вражде.

Я вижу его все в Анакапри⁷, как-то он особенно не подходил к этому прелестному уголку. Помнишь? А потом вспоминается он мне в ниццском соборе на коленях, усердно молящимся, ну а затем — в кружке на средах...

Я советовала Наташе написать Борису⁸, он ведь в правлении Союза.

Погода сияющая.

Итак, надеюсь, à bientôt⁹.

Все тебя целуют.

Твой Седой-Отшельник.

Спроси Петра Александровича¹⁰, кто из французских или русских художников писал амазонок, то есть женщин верхом на лошади.

Не забудь. Мне это нужно¹¹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/228.

¹ См. п. 634.

² Чье это письмо (Л.В. Кутателадзе, Л.Д. Червинской или Л.А. Каминской) и сохранилось ли оно неизвестно.

³ См. письмо Тэффи В.Н. Буниной от 4 февраля 1939 г.: «Гаяля переписывала мою пьесу. Теперь дам ей новую порцию переписки» (*Буниньы-Тэффи (I)*. С. 412). Речь идет, по-видимому, о пьесе Тэффи «Ничего подобного», премьера которой состоялась 9 апреля 1939 г.

⁴ Т.С. Конюс.

Сегодня письмо от Лидочки². Пересылаю тебе его.

Если мы с мая возьмем «Бельведер», то, может быть, Галя и Марга могут туда поехать и отдохнуть, ведь май и июнь не бывают очень жаркими месяцами. Я очень боюсь за здоровье Гали. Как ты находишь ее? Тэффи мне написала, что она дала ей вторую порцию переписки³.

Виделся ли ты с Цетлиными? А как Фондаминский, хочет ли он приехать на юг?

Олечке как будто лучше — сегодня весь день нормальная температура.

Попроси Галю или Маргу написать, как было на бале Московск<ого> Землячества. Был ли Лёня на нем, Конюс⁴?

Сегодня я уже перебирала свои рукописи, ведь почти 6 лет, как я к ним не притрагивалась... Как летит время.

Целую тебя, передай твоим дамам мой дружеский привет.

Вчера была у Лоло. Он изменился мало, а она сильно, похудела.

Очень плох Волжин⁵, — водянка головы.

Умирает в больнице. Денег ни гроша. Позво-

⁵ Вероятно, О.А. Израэльсон (псевд. Волжанин) — член литературного кружка «Среда». См. также примеч. 4 к п. 315.

⁶ Н.Б. Соллогуб.

⁷ Анакапри — город в Италии на острове Капри, где Бунины жили в марте 1913 г.

⁸ Б.К. Зайцев.

⁹ до скорого (*фр.*).

¹⁰ П.А. Нилус.

¹¹ После этих слов сделана помета рукой П.А. Нилуса: «Constantin Guis, рисунки, акварель “Гулянье в Булонском лесу”». Имеется в виду французский художник Константен Гис (Guys, 1802–1892), у которого была серия гуашей «Promenade au Bois de Boulogne» со сценами верховой езды.

636. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 9 февраля 1939 г.

Утро четверга.

Милая моя, получил сейчас твое письмо (с письмом Лиды¹). Почему не написала ничего о Грассе?

На юг едет *ужасно много* народу. Зилоти советует ехать только в воскресенье или в понедельник. Нынче решу, какой из этих дней.

Пишу 2 слова — Галя идет в город. Я плохо спал — ложусь.

Целую крепко. Все узнаю, что пишешь.

Лоллий² вчера уехал в Cannes.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/222. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 635.

¹ См. примеч. 2 к п. 635.

² Л.И. Львов.

637. И.А. Бунин и другие — В.Н. Буниной

Париж. 10 февраля 1939 г.

<М.А. Степун:> Дорогая Вера Николаевна!

Целую Вас и шлю Вам первой — самый сердечный привет после моего выступления на концерте «Старинного русского романса»¹. Мне очень жаль, что Вас не было. Кажется, как говорят, я пела прилично.

Еще раз целуем Вас.

Все выпили, кроме меня.

Ваша Марга.

<Г.Н. Кузнецова:> И я жалею, что Вас нет с нами, чтобы выпить сейчас в «Куполе» стакан вина вместе! Целую Вас и приветствую всех от души.

Ваша Галя

Целую. Ив. Б<унин>

<М.Л. Браславский:> Празднуем в Куполе Маргин концерт, пьем за Ваше здоровье!

Браславский

Р.С. Скоро бал молодых². Неужели тоже без Вас будем его делать?

<В.С. Яновский:> Дорогую Веру Николаевну любит В.С. Яновский. («Сопроле» 2 ч. ночи).

<Л.Д. Червинская:> Очень о Вас помним и жалеем, что далеко! Любящая

Лида Черв<инская>

Публикуется по автографу: PAJ. MS 1066A/223. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Véra Bouvine. Villa “La Dominante”, Avenue de Villaine, Beausoleil, A<pres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 10 fev 39». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ 9 февраля 1939 г. Народный университет устроил в Salle Gaveau (45–47, rue La Boétie, Paris VIIIe) вечер, посвященный старинному романсу и старинной мелодии XVIII и первой половины XIX вв. В газетном отчете репортер писал: «Вечер старинного романса собрал переполненный зал. Публика, заинтересованная этим концертом, не была разочарована. Концерт был очень интересен и с исторической, и с чисто музыкальной стороны. <...> Все исполнители, г-жа М.А. Степун, гг. М.А. Бенуа, Т.Ф. Казаков и Ю.А. Шор были на высоте своей задачи, по существу довольно трудной» (Н.К. Вечер старинного романса // Последние новости. 1939. 14 февраля. № 6532. С. 4).

² О каком бале идет речь, неясно.

638. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 10 февраля 1939 г.

1939 г. 10 февр.

Дорогой мой, получила твой экспресс, но стоило ли его посылать, тратить деньги, чтобы известить, что ты точно не знаешь, когда приедешь, ты, как Стива Облонский, любишь «faire jouer le télégraphe»!¹...

Жиров прислал только за комнату, а на жизнь Олечке² ничего. Позвони и скажи ему, что Ляля³ заняла у Наташи⁴, т.к. я же не могу на 30 фр. в день, которые ты мне даешь, кормить еще двух, и объясни ему, что ты даешь мне только на неделю. Он написал Ляле, что ты с ним был любезен, и она думает, что он решил, что это только она требует деньги.

Кроме того, нужен анализ «бума» Олечкинова, и это будет стоить сто франков, затем необходимо после этого позвать доктора, ведь если опять лечение прервется, то ребенка можно потерять, может развиться белокровие. Нужно во что бы то ни стало изгнать червей.

Сейчас особенно тесно у нас <с> деньгами. Сегодня пришлось заплатить за газ 132 фр. Не понимаю, почему такая сумма. Я просила, чтобы пришли посмотреть наш счетчик, он не в нашей квартире... У меня оказалось всего сто фр., у Ляли ни гроша. Боюсь, как бы ни пришли «за электричество».

Ничего не написала о Грассе. Да что же, ты знаешь мое мнение: летом жить там можно. Цена подходящая.

Кроме того, когда я писала письмо, то чувствовала себя дурно, — потом было три припадка!

Вероятно, права Наталья Игнатьевна⁵, — «нельзя жить и быть здоровой, когда только одни неприятности и не только нет развлечений, но и отвлечений»...

Ну да что обо мне говорить.

Если еще останешься, вышли денег, могут прийти за платой, за электричество.

Передай письмо Weller⁶ Гале или Марге, можно получить даром лекарство от него и за полцены пасту, это в Био-терапии. Берта Сол<омоновна>⁷ дала это письмо еще в прошлом году.

Целую всех.

Твой Седой.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/229.

¹ злоупотреблять телеграфом (*фр.*). См. у Л.Н. Толстого в романе «Анна Каренина» (Часть шестая. XXXI). См. примеч. 6 к п. 300.

² О. Жирова.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ Н.Б. Соллогуб.

⁵ Н.И. Михельсон.

⁶ Письмо неизвестно.

⁷ Б.С. Нилус.

639. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 10 февраля 1939 г.

Пятница, 5½ ч. вечера.

Милая моя, дорогая, я сейчас от Кука. Народу едет на юг очень много, посоветовали ехать в *понедельник*, в 12 ч. дня из Парижа, в 9 вечера быть в Марселе и там ночевать. Так я и заказал билет, завтра беру его. Пульман¹ очень дорого, и просидеть 14 часов в кресле очень тяжело. Значит, буду, Бог даст, в Монте-Карло во вторник, но в котором часу, еще не знаю: скорей всего, в полдень; точнее извещу завтра — посмотрю дома в путеводе.

Вчера Марга пела², — ничего себе, — потом мы были с Браславским на Монпарнасе, а часа в 3 ночи на рынке, в кабаке, ели луковый суп³. М<арга> и Г<алина> были в полном восторге. Нынче разговор за завтраком. Ноги у Марги в ранах, докторша сказала, что на юге все бы прошло в 10 дней. Положение их отчаянное. Денег у них 250 фр. Если бы я даже оставил что-нибудь, — все равно: что дальше? М<арга> бешено хочет на юг, к нам, убеждена, что в Ницце заработала бы концертом тысячи 2 или 1½. Говорит: «И если нам ехать, Галя, то немедля, а то и эти 250 проживем. И что тогда? На концерт в Париже у меня никакой надежды, и я больна, скоро свалюсь, если останусь тут! Если бы И<ван> А<лексеевич> дал на проезд, я бы ему вернула с концерта на юге». Я не знал, что сказать. А постели? Я бы мог с ними в 3-м классе, — тогда бы истратил на них всего 400. А назад? А кормить? Связывать себя вакансным поездом М<арга> не хочет.

Не знаю, что и делать! Напиши мне *exprès*. Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/224. На почтовой бумаге Le Select des Champs-Élysées. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 637 и 640.

¹ См. примеч. 12 к п. 629.

² См. примеч. 1 к п. 637.

³ Возможно, после Монпарнаса все отправились на рынок — Ле-Аль (Les Halles): во всяком случае, в декабре 1922 г., во время гастролей в Париже МХТ один из вечеров заканчивался именно там и именно луковым супом, см. в дневнике В.Н. Буниной от 18 декабря 1922 г.: «Потом стали уговаривать ехать в Халь и есть луковый суп. Станиславский сказал, что он поедет только в том случае, если поедем мы. Поехали: Станиславский, Гончарова, Ларионов, Книппер, Москвин, Маршак и еще кто-то и мы» (РАЛ. MS 1067/374).

640. В.Н. Буннина, О.А. Жирова — И.А. Буннину*Босолей. 11 февраля 1939 г.*

1939 г. 11 февраля.

Дорогой мой, четверть часа назад получила твое письмо¹.

Спешу ответить. Конечно, приезжайте все. Один—два дня я могу спать с тобой, Марга и Галя на моей постели. А затем или взять диваны напрокат, или из Грасса.

Думаю вообще, что им лучше взять комнату, где я спала, а теперь спит Олечка. Зеркальный шкаф мы вынесем в коридорчик.

Ляля² просит, чтобы ты сказал Алексею Матвеевичу³, чтобы он прислал скорее деньги и кроме обычной платы еще 200 фр. на анализ и доктора. У Олечки и сегодня маленькое повышение температуры. Ляля тоже нездорова, 37,6. Скажи настойчивым тоном.

В доме у меня меньше 100 фр. Пришлось вчера купить аспирина.

Целуем всех и ждем вас.

Твой Седой.

А может быть, взять им вакансный поезд, а назад поедем мы с Наташей для наших спортсменов и других дел?

Бегу на почту.

Олечка твоя шьет для куклы костюм белый весенний. Она говорит, что ее папá может вас привезти сюда, потому что он тоже приедет на юг повидать свою дочку, приедет только на рождение.

<О.А. Жирова:> Целую твоя Олечка.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/231.

¹ См. п. 639.

² Е.Н. Жирова.

³ А.М. Жиров.

641. И.А. Бунин — В.Н. Бунниной*Париж. 13 февраля 1939 г.*

Утро 13-го.

Милая моя, они не могут ехать сейчас.

Я выезжаю завтра (вторник) утром в 10 ч. и должен быть завтра же *вечером* в одиннадцать.

Всех целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/225. Почтовая открытка Expres; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 25 Avenue de Villaine, Beausoleil, A<pres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 13.2.39». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

642. И.А. Бунин — В.Н. Бунниной*Париж. 13 февраля 1939 г.*

ARRIVE DEMAIN MARDI ONZE HEURES SOIR TRAIN POULMAN

Перевод с французского:

Прибываю завтра во вторник одиннадцать часов вечера пульманом

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/226. На бланке телеграммы от руки; время и место отправления: «Paris. 13. 10-55»; адрес получателя: «M-me Bounine. Villa “La Dominante”. 25 Av<enue> de Villaine, Beausoleil»; почт. шт.: «Beausoleil, 13.2.39». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

643. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 19 апреля 1939 г.

Милая, дорогая моя, доехал благополучно, но, конечно, устал¹. Сейчас вечер вторника, у нас обедал Зуров. Я, посидев с ним, ушел в Ротонду² на свидание с Алдановым. В Париже увидал, что положение *очень* серьезное, что навряд удастся жить в Грассе, — м<ожет> б<ыть>, придется ехать куда-нибудь вроде Амбуаза... *или в Швецию*³. Завтра по этому делу буду совещаться с оч<ень> знающими людьми. М<аргу> и Г<алину> куда девать? И с Жир<овым> надо поговорить. Целую крепко вас всех.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/227. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 25, Av. de Villaine, Beausoleil, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, 19.IV.39». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Бунин уехал в Париж, думая на случай войны снять недалеко от него дешевую квартиру, отказавшись и от Грасса, и от квартиры в городе. На rue Jacques Offenbach тем временем живут Г. Кузнецова и М. Степун. В.Н. Бунина и Жировы — в Бослее.

² См. примеч. 2 к п. 405.

³ Иными сведениями о возможном переезде Буниных в Швецию мы не располагаем.

644. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 20 апреля 1939 г.

Четверг 20. IV. 39.

8 ч. вечера.

Сейчас от тебя письмо¹, милая моя, — и ни строки в нем от тебя! Что с тобой? Время слишком серьезное, чтобы вести себя так глупо.

Почти *все* настроены *очень* тревожно. Что делает правительство насчет охраны города и его возможной разгрузки, ты, верно, читаешь в «Посл<едних> новостях»². Что *нам* делать, прямо теряюсь. Многие запасаются и уже запаслись квартирами в провинции. Я, верно, завтра поеду посмотреть что-нибудь в Вандоме³ или в Орлеане⁴, в Блуа⁵. Ведь если война, в Грассе жить и думать нечего. *А когда она вспыхнет уже*, нигде ничего не найдешь. Надо присмотреть (по крайней мере) что-нибудь заранее. Все говорят: «Вам бы в Швецию — *единственное* безопасное место, но, конечно, это очень далеко и непомерно дорого». Aloors... Пиши скорее мне твои соображения.

Был у Серова — нос надо *непрерывно* оперировать⁶. Прописал кое-что для сердца. Ногу смотрел тоже — опасного не находит. Но я на днях покажусь Овену⁷.

Война может разразиться совершенно внезапно: повторяю — Ляля⁸ должна написать *немедленно* Жирову, чтобы прислал деньги *про запас* на вывоз девочки.

Целую и прошу писать как можно скорее и толковее. От Грасса отказываться, конечно, нельзя, не имеем права — но что ж делать — нельзя будет жить там — пропадут деньги: на пожаре всегда теряешь.

Целую Лялю и Плюшку⁹.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/228.

¹ Письмо не сохранилось.

² Французское правительство весной 1939 г. в ожидании войны принимало все новые законы об иностранцах: контроле за иностранными организациями, праве на убежище, воинской повинности и т.д.

³ Вандом (Vendôme) — город в департаменте Луар и Шер, примерно в 170–180 км к юго-западу от Парижа.

⁴ Орлеан (Orléans) — город примерно в 130 км к юго-западу от Парижа, административный центр департамента Луар.

⁵ Блуа (Blois) — город, расположенный в 30 км от Вандома и в 50 км от Орлеана.

⁶ Позже операция была отложена. См. пп. 651, 654.

⁷ Седрик Леонардович Овен (1888–1958) — врач-хирург. Попал во Францию в 1916 г. в составе Русского экспедиционного корпуса. В эмиграции жил в Париже. С 1935 г. доктор медицины. С 1936 г. ведущий врач госпиталя г. Вильжюиф, вел бесплатный прием в амбулатории Русского Красного Креста.

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ Е.Н. и О. Жировы. Далее будет фигурировать «Мишка» (п. 671), и вероятно, что «Плюшка» — это плюшевая игрушка (мишка), с которым О. Жирова себя идентифицировала, поэтому иногда встречается «он» (п. 651), а где-то почти «я».

645. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 20–21 апреля 1939 г.

20. IV. 1939 г.

8 ч. вечера.

В твоей комнате на постели с грелкой.

Дорогой мой, сегодня с вечерней почтой твоя открытка¹.

Советую ничьих советов особенно не слушать, а подумать серьезно самому. Швеция — глупость. Где деньги? Мне думается, что нужно снять под Парижем дом или квартиру в расстоянии двухчасовом или 2 ч. 30 м. — 3 ч., ближе Амбуаза.

Я не думаю, что война будет, если только она будет, будет длительная, ни у кого нет сил на такую войну.

Узнай, можешь ли ты отказаться от Belvédère'a, если после 28 IV войны не будет? Или все равно должен заплатить 2 500 фр. за весь сезон?

Что тебе может сказать Жиров? Если будет война, то его призовут. Скажи ему лучше, чтобы он прислал денег, — опять задерживает.

Мы уже убираемся, вернее, убиралась почти я. Ляля еще не здорова. Белье твое выстирано и уложено.

Был стекольщик. Посмотрел. Смерил. Обещал поискать, говорит, что стоит такое стекло дорого, но цены не сказал, — не знает еще. Зайдет на днях.

Ты забыл оставить деньги на консьержку и 50 фр. для Лоло². Отдал ли 300 фр. Тэффи³? За электричество я заплатила. Отложила за этот месяц за него, как и за газ 200 fr.

Ключ еще не отнесли в банк. Не спускалась и М.К.⁴ сегодня за выигрышами, так как весь день болит сердце, и я почти весь день лежу. Хорошо было бы прислать мне из Парижа ландышевых капель. Можно у Манухиных узнать, где их нужно купить.

Из агентства пришел ответ, что Belvédère освободится 30 апреля. А Жозеф молчит, что меня беспокоит. Ведь ты отослал ему письмо еще в воскресенье.

«Плюшка⁵ говорит, что если будет война, то мы все поедем в деревню и, конечно, папа».

«Я боюсь, что его убьют».

«А я хочу посмотреть на войну»...

«Я ни разу не видела войны».

«Плюшка лег и не дает мне писать».

«А здесь была революция?»

«Распускаю крылья» — это все болтает Олечка⁶, «надо было написать: Плюшка». «Вот тебе и первая революция!» — это Плюшка сказал, потому что увидел в рубашке дырку. «И Плюшка сказал еще Нике: чего га-га-га!», — когда она стала смеяться.

Плюшка разделся и нырнул под простыню. Надевает теперь свой зеленый капотик, в твоей же комнате.

Он был недоволен, что ты не махал рукой, когда как раз поезд уходил, даже в последнюю минуту.

«Целую тебя. Твой всегда любимый Плюшка, даже прелюбимый».

21. IV. 11 ч. 45 м.

Посылаю лист сегодня, чувствую себя хорошо. Опять не пришел четвертый номер⁷ и опять нигде не могу его достать, значит, много русских.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/232.

¹ См. п. 643.

² Л.Г. Мунштейн.

³ См. примеч. 5 к п. 651.

⁴ Возможно, М.К. Лишина — мать Е.Н. Жировой.

⁵ См. примеч. 9 к п. 644.

⁶ О. Жирова.

⁷ «Liste Officielle» Монтекарловской лотереи. См. п. 646.

646. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 22 апреля 1939 г.

Пожалуйста, пришли мне «Liste Officielle» Монтекарловской лотереи, — я тебя просил об этом, и ты знаешь, где его получить.

Суббота.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/229. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 25, Av<enue> de Villaine, (Villa “La Dominante”) Beausoleil, A<lpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 22.IV.1939». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

647. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 23 апреля 1939 г.

NB

1907 г. 10 апреля.¹

1939 г. 23/10 апреля

7 час. 30 мин. утра².

Сегодня проснулась, мой бесценный, в 6 ч. утра и прежде всего перекрестилась, чтобы ты был здоров!

Здравствуйте: — вышла твоя подружка! Вчера она села рядом и написала: «Ваня» очень хорошо, значит, скучает. Сейчас сидит над водой из чернослива и все болтает вместо того, чтобы пить. «Говори громко, когда ты пишешь. А как ты думаешь, что он теперь делает? Сидит и пишет?» — «Нет, спит». «Я его не подружка, а Плюшка!»³ — и засмеялась, откидывая голову назад и смотря в зеркало. «Даже если ты не про меня пишешь, то ты тоже громко говори», — всплеск руками и смешок.

Язык у нее сегодня, слава Богу, очень хороший.

«Он вспомнил, что ты раньше спал на этой постели и стал валяться по постели...» Вот какая любовь! «Плюшка сказал, чтобы ты, когда писал письмо, всегда бы писал: “целую тебя, Плюшка”, даже если бы ты писал: “целую всех”...»

Третьего дня, когда мы с Плюшкой поднимались по лестнице, нас <нагнал> полицейский, который со мной, улыбаясь, поздоровался, а Плюшка испугалась... Поверила, что о ней все известно.

Сейчас жду молодую *femme de ménage*⁴, утренняя уже не ходит, а эта на прошлой неделе была всего два раза. А у нас намочено кухонное белье и моя простыня. Я все загодя хочу убраться. Почти все чемоданы полны уже. Не знаю только, куда мы еще попадем.

Сейчас 11 ч., взяла ванну, час лежала, сейчас иду за мясом. Остальное принесла *femm'a*.

Купила вчера по случаю 23<-го> — баночку варенья, на вино не взойду⁵. Надеюсь, что ты выпьешь за мое здоровье сегодня. А может быть, и забудешь.

Целуют Плюшка и Ляля.

Я обнимаю. Храни тебя Христос и Божья Матерь.

Твой —

Когда будет операция⁶? И кто будет ее делать? Что сказал Овен?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/233.

¹ 10 апреля 1907 г. В.Н. Муромцева и И.А. Бунин отправились в первое совместное путешествие, и с тех пор отсчитывали начало общей жизни.

² Подчеркнуто красным карандашом, им же на полях поставлен знак «NB».

³ См. примеч. 9 к п. 644.

⁴ домработница (*фр.*).

⁵ См. примеч. 2 к п. 280.

⁶ См. примеч. 6 к п. 644.

648. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 24 апреля 1939 г.

Понед. 24. IV. 39.

Нынче получил еще 2 твоих письма¹. Третий день мучусь страшной болью в правой части лба, в правом глазу и в правом виске. Звонил Серову — говорит, «это от носа, *необходима* операция в ноздре»². Температура немного повышена, 37,2–37,3. Погода адская, ледяная. Платежи сыплются, как из рога изобилия — завтра платить за *одно электричество* 250 фр.: это не по вине М<арги> и Г<алины> — у нас, оказывается, *общий* счетчик с соседом — и то он платит дорого, то мы. Прошлый месяц Г<алина> заплатила всего 60 фр., — теперь 250! Значит, я *за кого-то* плачу, они же прошлый месяц электричества почти не жгли. Что за дикая, идиотская вещь! А все это я говорю к тому, что скоро я начну стекла бить под этим градом платежей по 2 домам — и твоих вечных скандалов, вечных

требований денег. *Твердо говорю: конец! Я просто больше отвечать даже не буду на твои скандальные вопли из-за денег.* Тебе вечно не хватает их, ты «умираешь с голоду» и т.д. — ну, что ж, это и есть бедность, а *мы очень, очень бедны* — и не нынче-завтра наступят страшные времена.

Я тебе оставил 3 300 фр.

Тут за *одну* квартиру заплатил 2 500 фр.

На днях должен отдать Вишняку 2 000 фр.³.

В середине мая надо платить налогу тысячи 1 500.

Затем: тут и на «Dominante» — газ, электрич<ество>, фамы⁴ — и т.д., и т.д.

Счоти! Сколько выходит? **Около 10 000 тысяч!!**⁵ Что же ты, как зверь, вечно готова рвать, рвать и с меня? «Послала бы Лялю и Олечку⁶ к Ольге Львовне, заплатили бы франков 700, а я бы с тобой поехала в Париж...» Да ты что, — в своем уме? 700 за Лялю, тебе на поездку сюда тысячи 2 — *и т.д., и т.д.* — перекрестись, ты с ума сходишь!

«Не оставил мне на случай войны...» Я тебе оставил 3 300: из них 1 500 — за «Бельведер», потом на переезд и т.д. — сколько у тебя остается? И ты с голоду умираешь? Ты меня будешь уверять, что на 30 франков в день нельзя вдвоем пропитаться?! Потом ты забываешь, что тебе оставлено на ½ месяца жизни на «Бельведере». А если бы война разразилась, ведь разве ты жила бы на «Бельведере»? Где же тут логика??⁷

Ну, да всего не напишешь. Одно говорю: *больше отвечать на твои денежные вопли просто не стану.* Не буду отвечать и на твои вопли прочие, т.е. насчет моего душевного злодейства, — есть люди и хуже меня, идеальных браков не бывает.

Пусть Ляля все-таки сама и немедля пишет Жирову. **Последний раз говорю:** я его девочку *кормить и перевозить с вагоном ее вещей, колясок и игрушек не стану.*

Снимать **сейчас** здесь я *ничего* не буду. Ехал с мыслью снять *под* Парижем, очень близко новую квартиру **вместо этой: оказалось**, что этого нельзя теперь делать: война может начаться и в конце лета, и осенью. В 2–3 часах езды тоже нельзя: а м<ожет> б<ыть>, войны не будет еще долго? *Сейчас, дай Бог не сглазить, все (на некоторое время, по крайней мере) успокоились:* как же я могу снять еще одну квартиру — т.е. держать **всего целых три**? Надо ждать.

Как пройдет жар, буду лечить нос и повидаю Овена.

NB! *Надеюсь, что выеду в Грасс дней через 10* — самое позднее.

Тэффи отдам. За Лялю 50 фр. я тебе отдал — ты забыла. За стекло вышло.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/230.

¹ См. пп. 645, 647.

² См. примеч. 6 к п. 644.

³ Месяц спустя, 29 мая 1939 г. Бунин писал М.В. Вишняку: «Я обещал Вам возратить в мае то, что я должен Павловскому. Но я веду сейчас с Павловским переговоры насчет издания у него книжки моих новых рассказов. Если мы договоримся с ним, мой долг ему пойдет в уплату за эту книжку. А не договоримся, пришло этот долг Вам» (Бунин–СЗ. С. 926). Видимо, это была своего рода ссуда, на которую Бунин в августе 1937 г. ездил в Италию и в Белград, см. далее в п. 650 ответ В.Н. Буниной: «Не виновата я и в 2 000 тысячах <так!>. Я до неприличия восстала, когда тебе и твои друзья всучивали эти деньги, и не я ездила на них в Белград».

⁴ От фр. femme de ménage — домработница.

⁵ Имеется в виду цифра 10000 фр., помимо трех нолей Бунин написал еще и словом «тысяч».

⁶ Е.Н. и О. Жировы.

⁷ Последние две строки абзаца на полях отчеркнуты двумя чертами и поставлен знак NB.

649. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 25 апреля 1939 г.*

25 апр.

Милая моя, дорогая, 23-го я хотел написать тебе очень хорошую записочку, но так болел лоб, что не мог. А 24-го получил 2 твоих письма¹, очень меня взволновавших этой вечной безжалостностью твоей ко мне насчет денег, и написал не то, что мне хотелось 23-го. Довольно резко написал и Жирову. Ему «трудно», а мне легко? Вчера весь день лежал с грелкой на голове и с небольшим (хотя чувствовал себя ужасно) жаром. Нынче (утро) мне легче, но я еще лежу. Температура пока нормальная.

Жду от тебя известий от Аполлона². А что же с Жозефом? Следовало бы попросить Лидочку³ съездить в Грасс и все узнать.

Крепко тебя целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/231. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 647.

¹ См. пп. 645, 647.

² Водитель Аполлон Маркозович.

³ Вероятнее всего, Л.В. Кутателадзе. См.: *Новые материалы* (3). С. 629.

650. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Босолей. 25 апреля 1939 г.*

25. IV. 1939. 8 ч. 23 м. вечер.

«Плюшка¹ спрашивает, как это нужно, Ника², его бранить, что он никого не целует, даже своего маленького, бедненького Плюшку. Мы ему интересно пишем, а он нам ничего. Ну-ка приезжай. Мы тебе покажем... что-то тебе будет!..»

Она очень взволнована. Сейчас воют сирены, и приказ везде тушить свет. Репетиция...

Получила сейчас твое письмо³ и не знаю даже, с чего начать. Хорошо ты отметил нашу дату. Спасибо.

Никакого общего счетчика у нас с соседом нет. У нас *тариф смешанный mixte*, а потому то дешево, то дорого. Позвоните к Натал<ье> Игн<атьевне>⁴ и спросите. Она со мной меняла счетчик и может дать хороший совет, скажите, что я указала на нее. Мадемуазель тоже знает все ходы и выходы. Нет ли утечки? Пусть придут и проверят.

А дальше пошла у тебя совсем ерунда.

Какие скандалы у тебе делаю? И какие требования денег? Не я требую, а жизнь.

Личные мои траты сравнительно с общими невелики, ты сам знаешь это. А общие, конечно, сверх возможности. Но в чем я могу себя сократить, я, по совести сказать, не знаю.

Не виновата я и в 2 000 тысячах⁵. Я до неприличия восстала, когда тебе и твои друзья всучивали эти деньги, и не я ездила на них в Белград⁶.

Я не меньше тебя горюю, что так много в этом месяце приходится платить. Но, повторяю, что я в этом меньше виновата, чем ты.

Я не отрицаю, что ты мне оставил

3 300 фр.

В одном конверте у меня лежат за виллу

1 500 это за три месяца!

В другом за газ и электр<ичество> за апрель 200 (м<ожет> б<ыть>, меньше, мы мало сняли)

За март я в день твоего отъезда заплат<ила> 75

На жизнь: еда, стирка, для чистки всякой — 900 — на месяц

На f<emme> de ménage⁷ (приходится эту неделю чистить основательно квартиру, работаем

втроем по 3–4 часа в день 300 — месяц

За разбитую посуду прикинули 125

Сегодня за один графин заплатила 22 ф.

Переезд. Аполлон⁸ согласился, великое счастье. У нас только наших с тобой 14 мест! Автомобиль отсюда 300 фр. (более ста километров ему придется сделать), а ж<елезная> д<орога> нас бы надорвала. Один твой чемодан чего стоит.

Консьержке я уже сказала, что дам, да и надо делать вид, что мы сюда вернемся.

50

-----
3 250

50 фр. Лоло⁹ ты мне *не отдал*, значит, я должна взять из этих же денег, то есть вот тебе все 3 300 фр. И никакого запаса!

А из каких денег платить за переноску вещей от Жозефа? А если нужно купить спиртовку, электр<ическую> кастр<юлю>?

Сегодня я истратила 5 фр. на alcool à brûler¹⁰, чтобы протереть окна очень быстро и хорошо, мыло, персил¹¹ 4.15, ведь нужно хорошо вымыть полы и т.д. Моя комната уже убрана, столовая наполовину.

Ни на доктора, ни на лекарства, ни даже на марки у меня денег нет, значит, доктору мы скажем, чтобы он не приезжал, лекарства я не купила, и марки покупаю все из тех же 30 фр., которыми мы с Лялей¹² должны питаться.

Я совершенно спокойно все это тебе сообщаю. Ты кричишь о бедности, а едешь в пульманском вагоне¹³, а я кроме III класса ничего не знаю. А потому бедность меня страшит меньше, чем тебя, я уже живу в бедности, не в нищете, а в бедности, это всякий скажет, кто видит мою жизнь. Спроси Наташу¹⁴. «У вас всегда I неделя!» (Поста).

Очень удобно уехать во время переезда, а затем кричать, если на этот переезд просят денег, даже не на переезд самый, а на то, что с ним связано.

Ликвидация мебелированной квартиры всегда стоит денег, у нас за год разбито не много, но вещи дорогие, например, кофейная чашка 7 ф. и чайная 9. Всего разбито 1 коф<ейная> и 2 чайных, недостает одного стакана, сломан нож, а он 20 фр. стоит, и т.д., графин.

Никогда я не писала, что за Лялю Ольге Львовне¹⁵ нужно было бы *платить 700 фр.* Я писала, что если бы мы 1 апреля бросили Beausoleil, то, даже если бы мы заплатили Ольге Львовне за Лялю (конечно, не 700, а, вероятно, 300), то вышло бы дешевле, если бы я поехала в Париж. Я и теперь это утверждаю. 700 + 200 <нрзб> + 200 f<emme> d<e> m<énage> + 900 еда = 2 000. Ляле даже 400 — 300 — 100 пап<а> = Проезд мой 700 = 900, я на себя не истратила 900. Но все это теоретически. И почему такое возмущение на меня понять трудно. Ведь, конечно, в тревожные дни мне ехать одной с ребенком было более чем тяжело. Я тебе говорила, уедешь в Париж, писать больше не будешь. Тебе следовало уехать к февралю и тогда ждать Лику¹⁶. Ну да что говорить.

А ты меня не запугаешь. Да и недолго мне при таком отношении пугаться.

О смерти думаю ежедневно, а иногда и ежечасно, и уж не так она меня пугает. Вы все отлично проживете и без меня.

Как кому могла, всем все давала, не много я за это получила. И хорошо. Меньше на душе груза обязанности перед людьми. Легче уходить.

Страданий тоже не очень боюсь. Я с ними сжилась. Самое тяжелое в моей жизни, что я живу с людьми не близкими по духу, отчего очень трудно идти по тому пути, по которому хотелось бы.

26. IV утро. Ночь почти не спала.

Ляля мужу писала несколько раз. Аполлон согласился, значит, за перевозку Лялиных вещей и Олечкиных¹⁷ он ничего не возьмет. А главное, без свое<го> мужчины переезжать с массой чемоданов нам было бы необыкновенно трудно, даже если бы не было никаких других вещей, кроме наших с тобой.

Надеюсь, что ты внимательно просмотришь все статьи расхода и поймешь, что я правильно просила еще на консержку, Лоло и стекло.

Жиров, вероятно, тоже возмущается, что Ляля просит, то на доктора, то на башмаки, то на переезд! А ты знаешь, как Ляля живет.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/234.

¹ См. примеч. 9 к п. 644.

² Так О. Жирова называла В.Н. Бунину.

³ См. п. 648.

⁴ Н.И. Михельсон.

⁵ Имеется в виду цифра 2000. В. Бунина помимо нолей дописала еще и слово «тысячах».

⁶ См. примеч. 3 к п. 648.

⁷ домработница (*фр.*).

⁸ См. примеч. 2 к п. 649.

⁹ Л.Г. Мунштейн.

¹⁰ денатурат (*фр.*).

¹¹ Чистящее средство.

¹² Е.Н. Жирова.

¹³ См. примеч. 12 к п. 629.

¹⁴ Н.Б. Соллогуб.

¹⁵ О.Л. Еремеева.

¹⁶ См. примеч. 2 к п. 607.

¹⁷ Т.е. вещей Е.Н. и О. Жировых.

651. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 26 апреля 1939 г.

Среда 26 апр. 39 г.

Дорогой мой Седой, нынче, дай Бог не сглазить, мне лучше, лоб не болит, жару пока нет. Но я, конечно, не выхожу еще, весь день лежу, поднялся только сейчас (шестой час вечера). Вчера вечером получил твое письмо (утреннее) от 24 апр<еля>. В монакской лотерее я ничего не выиграл¹, во французской (23-го апр<еля>) выиграл 11 франков. Никаких квартир и дач я не смотрел — ты теперь это знаешь, уже получила мои письма о моей болезни. У Овена тоже, конечно, не был. О какой операции ты все говоришь? Ведь только *на одну* я решусь — на носовую. Но вот она сама собой отсрочилась из-за моей болезни. В Париже

все теперь твердят, что войны *сейчас* не будет. Однако ждут, что скажет Гитлер послезавтра (28-го)². На что же обижен Жозеф? Не понимаю. Переезжайте 2-го. Что у тебя с сердцем? Звонил Манухиным — он даст мне твое лекарство на днях — я его *привезу* — если послать, боимся, выльется.

Жду вести, что ответил Аполлон³.

Где замок от мешка, не знаю — м<ожет> б<ыть>, в самом мешке?

Плюшку⁴ крепко целую, не писал ему потому, что болен. Как совсем поправлюсь, напишу.

Говорил с Тэффи — *очень* больна⁵; про деньги сказала — «это не к спеху, — когда поправитесь, принесете».

На переезд я тебе оставил. На консьержку — возьми из того, что у тебя — франков 50? — хотя не понимаю, за что ей давать? За стекло тоже заплати из своих — я не могу еще ехать в банк, пришлю тебе потом, в Грасс, когда съезжу. *Или сам привезу* — мне очень хочется выехать поскорей — как только увижу Овена и полечу нос.

Между нами. Разговор с Галиной:

Она: — Мы бы очень хотели недельки на 2, на 3 съездить в Грасс.

Я: — Как? Кататься на 3 недели и тратить на это большие деньги?

Она: — Но ведь мы не можем сидеть в Грассе, Марге надо думать серьезно о своей судьбе. Нам, очевидно, надо ехать в Германию.

Я: — Что-о?! Да ты с ума сошла? На какие же деньги ты поедешь туда? И на какие будешь жить там? И кто тебя туда пустит?

Она: — Мы можем сперва поехать в Дрезден, погостить месяц-другой у Степунов. Почему же меня не пустят?

Я: — А если война?

Она: — Войны может и не быть. А если и будет, что ж? Не все ли равно, где быть?

Это все было столь чудовищно, что я только руки поднимал к потолку от ужаса и изумления — и быстро замаял этот кошмарный разговор. Она идиотка и полусумасшедшая.

Крепко тебя целую, драгоценная, целую Лялю и Плюшечку.

Что-то опять горит голова — ложусь мерить температуру.

Померял — около 37. И слегка стала болеть голова — видно, от того, что сидел, писал, волновался.

Христос тебя храни, драгоценная моя.

Звонок — около 100 франков за газ!

Ливни, холод дикий!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/232.

¹ См. примеч. 7 к п. 645 и п. 646.

² 28 апреля 1939 г. А. Гитлер выступил на заседании рейхстага с правительственным заявлением, отвечая на письмо Ф. Рузвельта, в котором американский президент требовал от Гитлера заверения, что тот не нападет ни на одну европейскую страну, и предлагал переговоры по вопросу о разоружении. О речи было известно заранее, ее ждали многие, она широко транслировалась в Германии, США и десятках других стран, существенно подняв авторитет фюрера.

³ См. примеч. 2 к п. 649.

⁴ См. примеч. 9 к п. 644.

⁵ В апреле 1939 г. Тэффи писала В.Н. Буниной: «У меня зона перешла в полиневрит — воспаление нервов, болезнь длительная и мучительная. Лежать еще не менее трех недель. Обещают, что боли потом постепенно угмонятся» (*Бунины–Тэффи (I)*). С. 415–416).

652. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 27 апреля 1939 г.

27. IV. 1939 г.

1 час дня.

Дорогой Ян, спешу сообщить, что Алекс<ей> Матв<еевич>¹ прислал 400 фр., так что все в порядке.

Пришло письмо из агентства, мы можем въехать на Belvédère 2 апреля² в 15 ч. дня.

Пришло сегодня приглашение Ляле и Олечке³ на свадьбу к графине Капнист⁴ в воскресенье 30 апреля, 3 часа дня. Можешь представить волнение Олечки! Во-первых, свадьба, а во-вторых, увидит наконец своего крестного, Сережу Капниста⁵.

Я просила Галю переслать подушку — это необходимо. Нужно прямо на «Бельведер».

Почти все уже уложено. Адрес переведен.

Через ¾ часа придет фама⁶, и опять начнется работа. Погода ужасная. Дождь. Утром промочила ноги — текут и галоши, и туфли, а я не заметила.

Целуем. В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/235. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine. 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «Madame V. Bounine. 25, Av<енue> de Villaine, Beausoleil, (A<lps> M<aritimes>)»; почт. шг.: «Monte Carlo, 27.IV.39».

¹ А.М. Жиров.

² Описка В.Н. Буниной, на самом деле 2 мая.

³ Е.Н. и О. Жировы.

⁴ 30 апреля 1939 г. состоялась свадьба графа Дмитрия Алексеевича Капниста (1905–1975) и Натальи Константиновны Маслянниковой (1903–1972).

⁵ Граф Сергей Алексеевич Капнист (1915–2006) — коммерсант, коммерческий директор французской текстильной фирмы. Крестный отец О.А. Жировой.

⁶ От *фр. femme de ménage* — домработница.

653. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 27 апреля 1939 г.

Четверг 27. IV. 1939.

Милый, дорогой мой, получила сегодня твой экспресс¹, только что послала тебе открытку², понесла Ляля³, она пошла к зубному врачу, — у Олечки⁴ что-то вскочило на десне, — и понесла мои серые туфли к сапожнику.

У нас тоже холодно, сегодня топим, — не оставлять же уголь! Выстирали твою синнюю теплую вязанку. Выстирали и все покрывала дома. А за мой халат теплый прачка взяла всего 5 фр.! Я думала — дороже.

Я сегодня протерла зеркало шкапа, что стоит в коридорчике, и зеркала в ванне, ходила на почту и на базар, немного болит спина, но это даже приятно. Завтра едем в Ниццу, а послезавтра кончим уборку комнат, — в пятницу фама⁵ прийти не может, зато придет в

понедельник и вычистит кухню. Хозяин и консьержка у нее все спрашивают: вернемся ли сюда. Она говорит, что да.

Наш молдавский поезд почти совсем уложен. Не знаю, вместит ли его автомобиль? Я написала Аполлону Маркозовичу⁶, чтобы он захватил веревок. Ляля ничего не купила для укладывания. Я дала ей твой синенький чемоданчик и одну большую картонку, кое-что спрятала у себя из Олечкиных книг и игрушек, — у нас и без того со всякими вещами — мест двадцать пять!

Олечка так вся и просияла, когда я прочла ей слова о Плюшке⁷. Она, как-то утром проснувшись, сказала: «Я хочу, чтобы дядя Ваня скорее приехал, хотя он и гадкий — никого не целует!»

Гаяля мне писала, что они «с удовольствием бы приехали месяца на полтора» на «Бельведер», но ее пугает, что у них *нет денег*, даже карманных, против этого ведь действительно, ничего не возразишь, тем более она прибавляет «когда у И<вана> А<лексеевича> такие траты». Завтра увижу Лоло⁸, спрошу ее мнение о концерте Марги. Возможно ли еще его делать? А Мусоргский «мяукнул»⁹?

То, что ты пишешь далее, конечно, сумасшествие и полное отсутствие политического чувства ответственности. Но тут уж «ничего не поделаешь», как говорит твой Плюшка. Сегодня играли: я, Ника¹⁰, лежу на постели, а внизу на полу, на корточках Плюшка воет: «спроси, почему плачешь?» Спросила: «Папа уехал!..»

В детях хорошо то, что они отдаются всей душой, без всяких задних мыслей.

Взяли фотографии, ты очень испортил снимки своим картузом.

Сердце эти дни почти не болело. М<ожет> б<ыть>, это и не сердце, а межреберные мышцы. Но манухинские капли мне всегда помогают.

Меня очень интересует, что тебе скажет Овен.

А кто тебе будет делать носовую операцию?

Обнимаю тебя, целую нежно. Не волнуйся зря. У всякого своя судьба, и на все воля Божья.

Твой Седой.

«А Плюшка целует так, что не знает как!».

Скажи Гале и Марге, что очень хорошо протирать стекла денатуратом — литр стоит 5 фр. Это хватит на все окна и все зеркала. Быстро и чисто, а м<ожет> б<ыть>, и поллитра достаточно. Жаль, что раньше я этого не знала. Посоветовала Ляля. Одобрила фама. Главное, никакой грязи не остается, кроме тряпки.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/236.

¹ См. п. 651.

² Речь о п. 652.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ О. Жирова.

⁵ От *фр. femme de ménage* — домработница.

⁶ См. примеч. 2 к п. 649.

⁷ См. примеч. 9 к п. 644.

⁸ В.Н. Ильнарская.

⁹ О чем идет речь, неясно.

¹⁰ См. примеч. 2 к п. 650.

И.А. Бунин и И.В. Одоевцева (сидят), слева направо стоят: иностранный журналист, В.Н. Бунина, Е.Ф. Роговский.

Жуан-ле-Пен, март 1948 г. (РАЛ)

К фотографии приложена записка Бунина:

«Март 1948 г. Juan-les-Pins, Alpes Maritimes, "Русский дом". Я сижу рядом с писательницей Одоевцевой (женой поэта Г. Иванова). Стоят (справа налево): Е.Ф. Роговский (учредитель "Русского дома"), Вера Николаевна Бунина (моя жена) и иностр. журналист. Ив. Б.».

654. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 28 апреля 1939 г.

Утро 28. IV. 39.

Сейчас получил, дорогая моя, твое письмо от 26-го. Пока спешу тебе сообщить, что вчера послал тебе 300 фр. Затем — адрес агентства в Грассе, через которое мы сняли «Бельведер», с которым ты будешь принимать виллу с ее инвентарем и которому ты заплатишь 1 500 фр. (*взявши с него расписку*):

M-r Henri Courrin, Agence des Hivernants, 23, Bd du Jeu de Ballon.

В агентстве есть, конечно, телефон.

Мне лучше. Вчера был у [Аитова и Париско] двух докторов. Операции ноги мне делать не надо. Нос откладывается до осени. Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/233. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine. Villa "La Dominante", 25, Avenue de Villaine, Beausoleil, A<ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 28.IV.1939».

655. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 29 апреля 1939 г.

Суб. 29. IV. 39.

Вчера, милая моя, послал тебе открытку, где не назвал имена докторов, у которых был: был я у Аитова, чтобы и он, а не один Серов, осмотрел меня вообще, а в частности ногу:

он нашел, что я очень ослаблен потерей крови, и уговаривал меня осенью сделать всприскивание, которым лечат теперь геморрой, а насчет ноги сказал то же, что Серов: никакой опасности нет, и в хирурге нет никакой надобности, чулок (каучуковый) носить не следует; потом я был у Париско, — Аитов сказал, что Париско отличный доктор и гораздо лучше Серова по носовой части, потому что Серов очень отсталый доктор: Париско сказал, что боли у меня во лбу от синусита (но, слава Богу, не гнойного) и прописал лечение от него, которое я и начал делать, а операцию полипа отложил до осени, когда я (за лето) окончательно вылечусь от хронического насморка, которым я страдал всю зиму и сейчас страдаю.

ВВ Про все эти болезни — и расширение вен, и полип — пожалуйста, *не говори никому*.

Нынче мне в смысле боли во лбу опять хуже — опять холод, мрак и ливень.

Вечером мы все приглашены к Цетлиным, которые живут теперь на прежней квартире — на rue Nicolo¹.

ВВ Сними мой образок над постелью заранее — боюсь, что в последнюю минуту забудешь его. Сними, как получишь это письмо.

Мои дамы² все последние дни очень просили взять их *на все лето* на «Бельведер». М<арга> говорила, что на переезд и на карманные расходы она возьмет некоторую сумму у Михайлова — он ей сам предлагал это. Но вчера М<арга> получила от Степуна огромное письмо — вызов в Дрезден: мать³ все слабеет, — м<ожет> б<ыть>, скоро умрет — и т.д. М<арга> говорит, что помимо всего прочего, она боится ехать в Германию, «убеждена, что там все известно, — все ее сношения с евреями, — и может быть арест»; тем не менее, Г<алина> нынче мне сказала, что все-таки их (*их!!*) поездка в Германию опять стала под вопрос... что «надо серьезно подумать», что «от “Бельведера”, м<ожет> б<ыть>, надо будет отказаться...» Я сказал: «Ваше дело» — и больше ничего: кума пешей, кума легче.

ВВ Я выеду, вероятно, *в четверг или в пятницу*. В крайнем случае — *в воскресенье*.

Война, как будто, отдалилась.

Но все говорят, что точно ничего нельзя знать.

По Луаре, в Нормандии и в Бретани, говорят, *все* снято (на всякий случай).

Вчера мы были вечером в том доме, где живет Зуров, — был вечерок поэзии — читали «молодые» поэты и поэтессы⁴. Там была дочка⁵ Игоря Воинова⁶. Вечер начался в 11-м часу, а она с 8 сидела в комнате Зурова. Потом сидела с нами в зале, курила каждую минуту и пила красное вино, которым ее Зуров угощал. Я по всему их общению убедился на 90 процентов вероятности, что он ее уже обработал.

Целую тебя, мамá и Поросенка⁷.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/234.

¹ Парижский адрес М.С. и М.О. Цетлиных с начала 1930-х гг. 59, rue Nicolo, Paris XVIe.

² Г. Кузнецова и М. Степун.

³ М.Ф. Степун.

⁴ 28 апреля 1939 г. Клуб писателей и читателей устраивал в помещении Союза русских сестер милосердия им. Ю. Вревской (18, bd Flandrin, XVIe) вечер, на котором читали свои стихи И. Одоевцева, В. Корвин-Пиотровский, А. Присманова, В. Смоленский, Л. Червинская и др.

⁵ Елена (Ляля) Игоревна Воинова (р. 1922) — дочь И.В. Воинова от второго брака с Еленой Валериановной (урожд. Свенска, 1883–1955), с 1940 г. жена Валентина фон Мекса.

⁶ Игорь Владимирович Воинов (1885–1942) — писатель, поэт. Участник Белого движения. С 1920 г. в эми-

грации в Финляндии, с 1923 г. в Париже. Секретарь вел. князя Дмитрия Павловича. Член (в 1938 г. генеральный секретарь) Объединения русских писателей и поэтов. Член Кружка казаков-литераторов.

⁷ Е.Н. и О. Жировы.

656. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 29 апреля 1939 г.

Дорогой мой, сейчас получила 300 франков. Очень благодарю за них. Теперь все в порядке. Вчера в Ницце все-таки поистратилась. Но кое-что нашла из вещей, повидалась с Лоло¹, поговорила относительно концерта Марги. Она говорит, если ты выступишь, то можно его сделать даже и теперь. Видела и самого Лоло². Жирмунская нас отвезла к ним, — В<ера> Н<иколаевна>³ дала Ляле⁴ на свадьбу надеть синее пальто, — он постарел, лицо одутлое, на ногах стоит плохо. Ему, конечно, нужно где-нибудь пожить не на пыльной улице, чтобы окрепнуть, а для этого нужно им около тысячи. Вера Ник<олаевна> стала мучнистая и сильно постарела. Их жилец тоже, кажется, сдает, — задыхается. Но она молодец! «Есть еще порох в пороховнице»... Рассказывала подробно о болезни. Жуткая картина! Осталась должна 600 фр. в клинике. Розанов⁵ лечит бесплатно. А франц<узский> доктор определил воспаление легкого!..

Плюшка⁶ вчера была на седьмом небе: видела трех плюшек и четвертую живую в Ницце⁷. Оказывается, что они на колесиках с цепочкой, и когда за нее дергаешь, то открывается рот. Она долго рассматривала. А сегодня сказала: «Если бы Михайлов⁸ увидел их, то не удержался и купил»... Вот знание уже мужского сердца, она даст много очков вперед и мамá, и другим. Инстинкт у нее есть.

Я поразилась, как она верно взяла тон с тобой, обидевшись очень, что ты не взглянул на нее из вагона.

Она очаровала совсем Жирмунскую, так что та подарила ей сумочку, очень хорошенькую, конфет, переводные картинки. Она ей на вопрос: «Вы должны скоро уезжать», ответила: «Наших мужей нет, и мы можем вернуться, когда захотим!» Потом что-то им рассказывая и отвечая (они вдвоем ездили в автомобиле Жирмунской), сказала про М<аргу> и Г<алину> «наши барышни»⁹.

Потом мы ходили к Капнистам, но не застали их. Они живут в чудном месте около ул<ицы> St. Logent и от них мы прошли пешком до вокзала. До бульвара Цесаревича мне очень понравилось. Но, дойдя до Bd Gambetta, я почувствовала такую усталость (было почти 7 ч. в<ечера>), что предложила Ляле купить чего-нибудь и где-нибудь в кафе поесть, правда, истратила лишних 15 фр., зато отдохнули и дошли пешком сначала до вокзала, но, узнав, что поезда надо ждать целый час, пошли пешком к автобусу. Огни города веселили. Плюшка обращал внимание на отражения в свои три перехода: «Мамá, посмотри синенький огонек», а затем против Uniprix¹⁰, где освещено красным: «А здесь красный огонек!» Шел прекрасно, но в автобусе уже заснул.

Теперь живет свадьбой: «у меня в сердце что-то делается!» Сейчас они у дантиста. Сегодня мы делаем на два дня котлеты, и я наведу вчерашние траты. Завтра целый день буду одна! Это очень приятно. Подумаю. Кое-что запишу. Я чувствую себя душевно гораздо лучше. М<ожет> б<ыть>, потому, что есть живые занятия. Вчерашняя поездка мне доставила настоящее удовольствие.

Целую.

Твой Седой.

Плюшка так целует, что ты мне не написал, а сам-то обнимал.

Получили мы с тобой с надписью от Льва Германовича Баратца¹¹ (брата Доброй) его брошюру: *La question juive en U.R.S.S. (réponse à M. Georges Friedmann)*¹². Я напишу ему благодарность.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/237. Дата и место установлены по сопоставлению с пп. 652, 653 и 654.

¹ В.Н. Ильнарская.

² Л.Г. Мунштейн (Лоло).

³ В.Н. Ильнарская.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Георгий Михайлович Розанов (1906–?) — врач. Ассистент профессора М. Ширия в Париже (1934–1936). Практиковал в Виши. С 1937 г. врач англо-американской больницы в Ницце.

⁶ См. примеч. 9 к п. 644.

⁷ Речь идет о трех плюшевых медведях и одном игрушечном двигающемся медведе.

⁸ Имеется в виду П.А. Михайлов.

⁹ Возможно, с этого момента и Бунины стали иногда называть Г. Кузнецову и М. Степун «барышнями». См. воспоминания Н.В. Кодрянской (ЛН. Т. 84. Кн. 2. С. 342).

¹⁰ См. примеч. 3 к п. 383.

¹¹ Лев Германович Баратц (лит. псевд. Л. Германов, 1871–1961) — адвокат, журналист, коллекционер, меценат. Брат Л.Г. Доброй. Профессор Киевского коммерческого института. Один из директоров киевского отделения Русского банка внешней торговли. С 1923 г. в эмиграции в Берлине, с 1926 г. в Париже. Профессор Франко-русского института социальных и юридических наук и Русского коммерческого института. Коммерческий директор журнала «Иллюстрированная Россия». С 1936 г. жил в Монте-Карло.

¹² *Baratz L. La question juive en U.R.S.S. Réponse à M. Georges Friedmann. Paris, 1938.* Брошюра была ответом на книгу: *Friedmann G. De la sainte Russie à l'U.R.S.S. / Préface de Francis Jourdain. Paris: Gallimard, 1938.* Жорж Филипп Фридман (Friedmann, 1902–1977) — французский социолог-марксист, философ и писатель. Преподаватель лицея (1929–1931), профессор Технической художественной школы имени Буля (с 1934). В 1932–1936 гг. несколько раз ездил в СССР для ознакомления с советским опытом. В 1939–1940 гг. офицер французской армии.

657. И.А. Бунин — В.Н. Буниной и другим

Париж. 30 апреля 1939 г.

Воскресенье.

Дорогие мои, с новосельем!¹ Надеюсь, что переехали благополучно. Дай Бог всего хорошего.

Вчера мы были на вечеринке у Цетлиных, в обычной компании их друзей. Там я видел, Вера, доктора Залманова², говорил с ним о твоём здоровье. Он очень твердо сказал:

— Я прекрасно знаю сердце Веры Николаевны: пусть она не боится никаких сердечных болей — сердце у нее хорошее, здоровое. Когда бывают боли, пусть немедленно кладет на сердце грелку на 5 минут и примет одно комприме³ вот по этому рецепту.

Прилагаю рецепт.

Получила ли 300, что я тебе послал⁴?

Получила ли деньги за комнату Оли и мамá⁵ от Жирова? Он пишет мне, что послал⁶.

Целую вас всех.

Я все еще нездоров — тяжкий насморк, болит лоб (временами ужасно), кашель. Весь день лежу.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/235. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 655.

¹ Бунин посылает письмо в надежде, что оно застанет его домочадцев уже в Грассе, на вилле «Бельведер».

² А.С. Салманов.

³ От *фр.* comprimé — таблетка.

⁴ См. пп. 654, 656.

⁵ Е.Н. и О. Жировы.

⁶ См. п. 652. Письмо А.М. Жирова неизвестно.

658. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Босолей. 1 мая 1939 г.

1 мая 1939 г.

Дорогой мой, завтра, Бог даст, распрощаемся с «Dominante».

Сегодня сдали квартиру, заплатила за вещи хозяину 110 фр., да купила на 48 ф. 70, да стекло. Нет, жить в меблированных дорогих квартирах опасно, мы ведь сравнительно немного разбили — 2 чайные чашки 18 фр., 1 — кофейную 7 фр. он считал, как если бы он теперь покупал, хотя, конечно, покупать не будет, такого сервиза нет на Ривьере, за штопор взял 10 фр, за нож 17 f. 50 с., за сахарницу (крышка разбита) 25 фр. Обидно ужасно, но ничего не поделаешь, в смете я поставила 100 фр., ошиблась на 50.

Все уже заплатила, кроме газа, электрич<ства> и за три дня в épicerie¹. Теперь дрожу, увезет ли Аполлон² все наши вещи и нас? Много всего получилось. Ну да буду исхитряться. У нас почти совсем все уложено, многие чемоданы заперты, так что на завтра «последний удар кисти».

Вчера мамá и Олечка³ пировали на свадьбе. Вернулись после 10 ч. вечера вместе с Сережей Капнистом, и мамá, уложив Олечку, закатилась на всю ночь. Были они в трех «буатах»⁴, пили джин. Его здесь знают, делали цену, а где-то совсем ничего не взяли. Он — директор «Дон-Жуана»⁵. А здесь он был танцором. Мамá наверстала за одну ночь. Даже силы откуда-то явились, так что и мир стал лучше. Сегодня она сравнительно рано легла спать. Капнист у нас ночевал и завтракал. Приглашал меня в гости в «Дон Жуан». А в общем, жаль мальчика, ему всего 24 года, и ежедневно бессонная ночь!

Олечка сказала: он понравился и не понравился. Она ведь его воображала очень высоким «до неба», а он немного выше среднего роста. Конечно, он и не мог ответить ее фантазии — крестный отец! А вдруг обыденный молодой человек. Может быть, это ее первое большое разочарование — сама выдумала, как это большею частью бывает.

Не понимаю Степуна⁶, что за наивность! Неужели он не учитывает положение и то, что может из всего этого выйти? Но тут советовать нельзя.

Очень рада, что доктора нашли тебя в лучшем состоянии, чем ты думал. Но синусит мне не нравится. Нужно серьезно лечиться.

Образок твой давно спрятан.

Переменила лампочки, пришлось две купить.

Уже поздно. Я все не могу заснуть, — заботы. Кажется, все осмотрено. Олечка огорчилась, что картинка — Монте-Карло.

Обнимаю тебя. Твой Седой. Сижу в шубе, так холодно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/238.

¹ бакалея (*фр.*).² См. примеч. 2 к п. 649.³ Е.Н. и О. Жировы.⁴ boîte (de nuit) — ночное кафе, кабачок, кабаре (*фр.*).⁵ Вероятно, ночное кафе или клуб.⁶ См. п. 655.**659. В.Н. Бунина — И.А. Бунину***Босолей. 2 мая 1939 г.*2 мая
1 ч. дня.

Аполлон¹ уже здесь, завтракает в кухне, я уже поела и решила тебе написать. Опущу это письмо в Грассе, если получишь, то доехали. Машина закрытая. Весь вопрос, поместимся ли?

Сегодня сюрприз — газ не за месяц, а за полтора — 245! — сразу увеличилось, как перестали топить. Хорошо еще, что два дня мы топили, когда нужна была вода для стирки и мытья полов.

Электричество на 57 ф. 35 сан. за 17 дней. Так что почти пришлось заплатить около 100 фр. сверх сметы. Да, нам не по карману такие квартиры, как «Dominante»...

Погода ужасная: ветер, дождь, мрачно.

Посылаю тебе счет за стекло.

Замка от мешка не нашла, осмотрела все шкапы. Tant pis². Посылаю и список вещей.

Писем сегодня не было.

Как у вас? Что Марга? Неужели поедет к матери³? Я понимаю Галю, что он<а> в волнении. М<ожет> б<ыть>, у Ф<едора> А<вгустовича>⁴ какие-нибудь особенные связи?

Пора кончать. Пожалуйста, попроси Галю позвонить к Злобину или зайти к Мережковским и сказать, что в этом месяце деньги за Амор⁵ платит Фаина Осиповна⁶. Мне-то — никто не прислал, — объясняю военными волнениями.

Отдал ли Тэффи? Не забудь «в суматохе». Как она, бедная⁷?

Обнимаю нежно. Ляля и Олечка⁸ целуют всех. Привет твоим дамам⁹. Аполлон и молодая femme¹⁰ кланяются.

Т.С.

3 часа 15 м.

Пишу с почты Beausoleil, вероятно, в последний раз <в> жизни.

Для меня в машине места не оказалось. Еду на автобусах. Мамá с Плюшкой¹¹ сели рядом с Аполлоном. Все набито до отказа. Если бы еще одна вещь, нужно было бы везти ее отдельно. Вот еще неожиданный расход!

В.

Я рада, что еду одна. Хорошо думается. День прояснился. В Ницце куплю еды на вечер.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/239. Год и место установлены по содержанию.

¹ См. примеч. 2 к п. 649.² Ничего не поделаешь (*фр.*).³ М.Ф. Степун. См. п. 655.⁴ Ф.А. Степуна.⁵ См. примеч. 9 к п. 399.

⁶ Ф.О. Ельяшевич.

⁷ См. примеч. 5 к п. 651.

⁸ Е.Н. и О. Жировы.

⁹ Г. Кузнецова и М. Степун.

¹⁰ femme de ménage — домработница (фр.).

¹¹ Е.Н. и О. Жировы. См. примеч. 9 к п. 644.

660. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 5 мая 1939 г.

Письма из Грасса от тебя еще нет (было только то, что ты написала *при отъезде из Beausoleil*). Как устроились? Напиши, кроме того, *что надо послать, кроме подушки*¹? И можно ли послать подушку и пр. (напр., простыни?) малой скоростью? Лоб мой проходит *очень постепенно*. От 12 до вечера все еще побаливает. Выехать думаю во вторник 9-го. Всех вас целую.

5. V. 39.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/236. Почтовая открытка Exprès; адрес получателя: «Madame V. Bounine, Villa “Belvédère”, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 5.5.1939», «Grasse, 6.5.39».

¹ См. п. 652.

661. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 5 мая 1939 г.

Вечер 5 мая 1939.

Сейчас получил твое письмо, дорогая моя. Отвечу подробно завтра. Пока только вот что:

В кухне завтракать—обедать нельзя, не буду — жара, теснота, мука, мухи.

Мари Флери? Это значит, она будет стирать, шить, а готовить? Приготовит — и уйдет? Есть все холодное, тепленькое?

Нет, это что-то плохо! Не выйдет дело. Мыть посуду — ты будешь кричать...

Когда они¹ приедут? Не знаю. Да и поедут ли? Ждут чего-то решительного из Дрездена².

Целую тебя, Олю и мамá³.

Фаине⁴ звонил. Она *все* сделает.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/237.

¹ Г. Кузнецова и М. Степун.

² См. п. 655.

³ О. и Е.Н. Жировы.

⁴ Ф.О. Ельяшевич.

662. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 6 мая 1939 г.*

Суббота, утро.

Вчера вечером¹ забыл тебе написать, что надо немедленно позвать обойщика — повесить темные занавески на окнах моего «кабинета» (внизу, рядом со столовой, где я и буду, верно, спать).

Сейчас получил 2 (!) повестки на плату налога: на 1000 фр. и на 1900 фр. Ужас! В понедельник надо хлопотать по этому делу — о рассрочке и о разъяснениях. Поэтому во вторник, верно, не выеду. Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/238. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, Villa “Belvédère” (quartier de la Conrade), Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 6.V.1939», «Grasse, 7.5.39». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. п. 661.**663. И.А. Бунин — В.Н. Буниной***Париж. 6 мая 1939 г.*

Суббота 5 ч. дня.

Послал тебе открытку утром¹. Сейчас пишу потому, что получено оч<ень> успокоительное письмо от мамы Степун² — и они решили ехать в Грасс *на лето*. Попросят меня подождать их до среды или четверга. Делают у одного господина (после скажу, у кого) заем. Смущаются, что ты неласково пишешь о них. Напиши поласковой. Обе вдребезги замучены.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/239. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, Villa “Belvédère”, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 6.5.1939». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. п. 662.² Письмо М.Ф. Степун неизвестно.**664. И.А. Бунин — В.Н. Буниной***Париж. 8 мая 1939 г.*

Понедельник

8 мая 1939.

Милая моя, дорогая, мы не понимаем, что надо сделать с Марьей Сам<ойловой>¹ на счет денег Мережковским — пишешь оч<ень> неясно². Нынче разговаривал по телефону с Фаиной Осип<овной>³ — она деньги Мережковским *уже послала*.

Опять задерживаюсь: они просят меня ехать в воскресенье 15-го: — Галина должна «заболеть» в среду или в четверг и *боится ехать тотчас же*. Думаю, что придется сидеть тут до воскресенья. Не знаю, *как ехать?* Третий класс (а мы, конечно, поедем в третьем) есть в поезде, который отсюда выходит в 8 ч. *утра* и приходит в Cannes в 10 ч. *вечера*. Но как ехать из Cannes? Придется с Фостером⁴ (или поговори с кем-нибудь другим), но сколько он возьмет? Боюсь, дорого. Поговори, узнай — *и немедленно напиши*.

Холодно? Почему же не потопишь дом? Это необходимо, по-моему.

Где же думаешь их поместить? И где я буду спать, работать и вообще жить? Очевидно, внизу, в кабинете? Но как там насчет занавесок, чтобы мне было совсем темно спать? Потом — нужно мне туда поставить шкаф побольше. И умывальник? Как думаешь?

Здоровье мое лучше. Если останусь до воскресенья и нос будет в порядке, успею сделать операцию.

Я соскучился тут ужасно. И беспокоюсь о тебе. А ты мало пишешь. *Как окончательно устроились?*

Крепко тебя целую. Целую и мамá и Плюшку⁵.

Теперь — *в строжайшем секрете от моих дам*: Галина нынче утром вышла с запусками от слез глазами. Говорю: «Что такое?» Она отвечает: «Ради Бога тише, чтобы Марга не услышала, и поскорее уходите из кухни, чтобы она не подумала, что я говорю с Вами о ней — у нее это помешательство, что я шепчусь с Вами о ней и шепталась с Верой Николаевной». Я говорю: «Да что такое?» Отвечает: «У Марги опять приступ нервной болезни. Больна физически (спина, ноги) и душевно: страшные сны о матери⁶, страх, чем жить, дикий стыд, что она безработная, страх, что *все* будут — в том числе В<ера> Н<иколаевна> — говорить с ней на “Бельведере” о ее положении, о матери — и так далее...»

Вот. Потому и писал тебе: не трогай их, будь ласкова, пусть первое время не работают...

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/240. На почтовой бумаге *Taverne & Café Haussmann, Paris*.

¹ М.С. Цетлина.

² См. п. 659.

³ Ф.О. Ельяшевич.

⁴ См. примеч. 1 к п. 379.

⁵ Е.Н. и О. Жировы. См. примеч. 9 к п. 644.

⁶ М.Ф. Степун.

665. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 11 мая 1939 г.

Четверг, утро.

Дорогая моя, мы отправили малой скоростью тот сундучок, что был у нас с тобой в Швейцарии: там книги из Тург<еневской> библиотеки, подушка, 4 простыни, 4 салфетки (еще 2 возьмем с собой).

Говорили с Зуровым насчет Грасса: твердо сказал, *что ни в каком случае* не может поехать — работает тут в музеях, в библиотеках и т.д. Кроме того — тратит 1000 фр. на эту поездку и думать не может. (Твердо сказал, что если бы даже М<арга> и Г<алина> не ехали в Грасс, он все равно не поехал бы.)

Думку¹ и маленьк<ую> зеленую лампочку возьмем. Кастрюля послана в малой скорости.

(Все это мои ответы на твои письма от 8-го и 9-го).

Г<алина> и М<арга> *очень* просят поселить их в угловой, *Галининой*, комнате. Я тоже за это.

Лялю с Олей² я бы хотел поселить в Зуровской. Спать они могут *на одной* постели. («Сладок мед, да не по 2 ложки в рот»). Моя спальня наверху будет нужна нам с тобой.

Буров насчет воззвания о Тэффи сбрежал³. Писали, что она *в очень тяжком* состоянии и т.д.⁴

Галинин диван надо кое-как поправить. Не новый же покупать!

Теперь такая история: с нами едет Кодрянская⁵ (автор сказок, что переписывала Галина). Едет на 2, на 3 недели. Умоляет взять ее с собой — третьего класса не боится. Поселиться в Грассе хочет в Гранд Отеле — или в Cannes, в «Suisse». Но мы, может быть, поедем до Грасса в автомобиле, — ищем за 2 тысячи: наш проезд (на нас троих) будет стоить в 3-м классе (с мелкими расходами) 1 200 — Кодрянская дает остальное. И вот ищем машину. *Выедем в воскресенье или в понедельник*⁶. Завтра-послезавтра сообщу точнее. Крепко целую тебя и всех.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/241. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 664.

¹ См. пп. 652, 660.

² Е.Н. и О. Жировы.

³ О каком воззвании идет речь, установить не удалось.

⁴ В июне Тэффи писала В.Н. Буниной: «Без Вас, дорогая, дело мое остановилось. Нат<алья> Ив<ановна> всей душой рада, но она никого не знает, и у нее нет ходов» (*Бунинь-Тэффи (I)*. С. 418).

⁵ Наталья Владимировна Кодрянская (Codray; урожд. фон Гернгросс, 1901–1983) — писательница, автор сказок и «повестей для юношества». См. также примеч. 1 к п. 668.

⁶ Т.е. 14 или 15 мая.

666. И.А. Бунин — В.Н. Буниной Париж. 11 мая 1939 г.

Четверг
10 ч. вечера.

Нынче послал тебе (днем) *exprès*¹. Сейчас сбежал из дому — засела Наталья Ивановна². Перед этим был Жиров. Просит за то, что<бы> отвезти нас в Grasse, 2 300. Прочие просят 2 ½. Alors, это дело, вероятно, не выйдет, — придется ехать по жел<езной> дороге. Думаю, что выедем в воскресенье, ночуем в Марселе или Авиньоне. В Cannes приедем скорей всего часов в 6 вечера. Значит, думаю, нужен будет Фостер³. Завтра еще напишу.

Целую, тяжело писать — забыл пенсне.

Лялю⁴ *очень* целую.

Плюшку⁵ тоже.

Про комнаты я тебе писал. Ты пишешь иначе. Не знаю, как решить.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/242. На почтовой бумаге Au Parc De La Muette, Restaurant — Bar-Américain, Hôtel, Paris. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 664.

¹ См. п. 665.

² Н.И. Кульман.

³ См. примеч. 1 к п. 379.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ О. Жирова. См. примеч. 9 к п. 644.

667. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 12 мая 1939 г.

Пятница, 8 ч. вечера.

Сейчас был у нас некто Сычев, таксист, с которым мы уговорились ехать до Грасса. Машина у него просторная, цену взял ту, которую мы имели в виду. Спешу тебе это написать, голубчик мой, чтобы ты не брала Фостера¹. В воскресенье Сычев ехать не советует — много по дорогам едущего — и, главное, пьяного народа. Завтра напишу тебе подробнее, а сейчас бегу на прощальное свидание к Цетлиным. Значит, если Бог даст все будет благополучно, *выезжаем в понедельник, утром*, ночуем, верно, в Valence², а в Грассе должны быть *во вторник к вечеру*³.

Храни вас всех Бог, крепко целую.

Играет радио, у нас сидит Зуров.

Жиров, очевидно, связан с каким-то своим компаньоном.

Жиров за 2 тысячи ехать не может.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/243. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 664.

¹ См. примеч. 1 к п. 379.

² Valence (Валанс) — административный центр департамента Дром, расположен на берегу р. Рона в 480 км к юго-востоку от Парижа и в 100 км южнее Лиона. От него до Грасса надо проехать еще около 350 км.

³ Т.е. к вечеру 16 мая.

668. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 13 мая 1939 г.

Суббота, 5 ч. дня.

Написал тебе вчера вечером, мой дорогой Седой, что выезжаем *в понедельник утром* на машине до Грасса. В дороге ночуем, в Грассе надеемся быть во вторник вечером — вероятно, в 6, в 7, а может быть, и в 8 часов. Теперь подтверждаю все это¹. Очень хочется поскорее на юг, — как там ни холодно, все не Париж: здесь чудовищно — темно, дождь, холод.

Если вздумаешь пойти гулять, зайди в Гранд Отель — скажи, что во вторник вечером придет Кодрянская — пусть оставят комнату, приличную, но не дорогую, *окнами в сад*, а не на дороге. Если же Grand Hôtel закрыт, то куда ее? в «Printania»? Но она не хочет жить *с пансионом*. Впрочем, лишь бы ночевать, а там она найдет что-нибудь.

Был Жиров, привез всего 150 фр. Что же мне с ним делать?! Взвалил девочку на мои плечи!! Надо на что-нибудь решиться. Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/244. Дата и место установлены по сопоставлению с пп.664 и 667.

¹ См. описание поездки в мемуарном очерке Н.В. Кодрянской «Встречи с Буниным»: «Через несколько дней после знакомства с Буниным я узнала, что Иван Алексеевич, Галина Николаевна Кузнецова и Марга Августовна Степун собираются на юг, в Грасс, где их уже ждет Вера Николаевна. На предложение Галины Николаевны поехать с ними я с радостью согласилась. Наняв русского таксиста, мы рано поутру выехали из Парижа. Эта поездка осталась в моей памяти связанной с необыкновенно высоким синим небом, с быстро несущимися

мимо нас пейзажами. Живописно расположенные деревушки сменялись полями. Огромные тенистые леса напоминали Ивану Алексеевичу Россию. Он в духе, весел, разговорчив. <...> Переночевав в каком-то небольшом провансальском городке, мы снова двинулись в путь. В Грасс приехали вечером, когда на небо еще не вышли все звезды и длились темные сумерки. / На пороге дома, с зажженной лампой в руке, освещающей снизу вверх милое, приветливое лицо и стройную фигуру, нас встретила хозяйка дома — Вера Николаевна» (ЛН. Т. 84. Кн. 2. С. 341–342).

669. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 16 мая 1939 г.

Посылаю тебе копию моих расходов
с 17 IV по 16 V.

еда и мелкие расходы за месяц	900 fr.
femme de ménage ¹ (на квартире тоже по 3 ч. работала)	300
уплата на Dominante за разбитое и пор ^{<} ченное	358
мыло, спирт, кристо ² , наб ^{<} ор для стирки и чистки кварт ^{<} иры	15 fr.
консьержке	50
Ницца, мой автобус и два кафе	31
Долг Лоло ³	50
электричество за полтора месяца	138
газ " " " "	248
прачка	24
подметки к серым башмакам	24
лампочки 2 электр ^{<} ические	15
переезд (150 Ап ^{<} оллону) + 14 автоб ^{<} ус + 6 пиво и ветч ^{<} ина) 20 ф ^{<} ранков еда Ап ^{<} оллона ⁴	190
спиртовка	30
на чай угольщик ^{<} у	6
автобус мой в Бегюд ⁵	8
автобус мой в Рурэ ⁶	6
марки	27
за работу сыну Marie Fleury ⁷	10
черная бумага и кнопки	15
	<hr/> 2 467

Из этой суммы на Dominante ушло 612, да за электр[<]ичество и газ 280, да переезд 190.

Получила от тебя 1 800 + 300 = 2 100

= 367 + 4 = 371

За виллу заплатила 1 400, сто фр. может потребовать каждую минуту, они у меня.

Это долг в Амор⁸, я не считаю, что я истратила свои заветные, ведь всего не упомнишь. Одним почтальонам сколько передала. Я не ставлю тебе парикмахера. Ведь за месяц можно один раз причесаться, почтовую бумагу, да мало ли что.

Ляля⁹ получила 400 фр. и почти все истрачено на необходимое. Я иногда ем манную их кашу.

Жизнь вообще теперь дорога. Забыла, сегодня купила горшок еще для гречневой каши, 4 фр. Я думаю, что на юге можно жить только здесь.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/240. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 650, 652 и 658.

¹ домработница (*фр.*).

² Кристо — Crystaux de soude (сода).

³ Л.Г. Мунштейн.

⁴ См. примеч. 2 к п. 649.

⁵ Возможно, город-курорт на юге Франции Ла Бегюд-де-Мазенк (La Bégude-de-Mazenc).

⁶ Ле Рурэ (Le Rouret) — местечко недалеко от Грасса. См. примеч. 1 к п. 251.

⁷ О Marie Fleury (Мари Флери) см. примеч. 10 к п. 388. Биографические данные ее сына установить не удалось.

⁸ См. примеч. 9 к п. 399.

⁹ Е.Н. Жирова.

670. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 29 января 1940 г.

Понедельник.

Доехал, слава Богу, благополучно, но мучительно — народу туча¹. Париж ледяной, мокрый, гололедка, дождь. В квартире зато теплынь. Завтра иду к Аитову. Нилусы здесь. Целую тебя и всех.

Ив. Б.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/245. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine, Villa Jeannette, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>», адрес отправителя: «Exp. Bounine. 1, rue J. Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 29.1.1940». В начале письма рукой В.Н. Буниной поставлена дата: «29 I 1940», в конце сю же написано: «Получено 31 I 1940». Дата и место установлены по почтовому штемпелю и пометам В.Н. Буниной.

¹ Оставив В.Н. Бунину и домочадцев в Грассе, на снятой в сентябре 1939 г. вилле «Жаннетт», Бунин уехал в Париж по врачебным и финансовым делам. Вернулся в Грасс 16 февраля 1940 г.

671. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 30 января 1940 г.

30 января 1940

7 ч. 21 м. утра.

Твоя комната.

Электрический свет от зеленой лампы.

Погода серая, дорогой мой, вчера весь день моросил дождик. Вероятно, план ехать к Самойловым¹ не состоится, и жаль: я очень люблю бывать одна в доме. Впрочем, с переселением в твои комнаты я чувствую себя в полном уединении. Ко мне никто не заходит, иной раз заглянет Олечка² и, думая, что мне скучно, принесет в утешение кукол. Видаюсь со всеми за завтраком и обедом.

Расставшись с тобой, я села рядом с Фостером³, в машине было весело: Ляля⁴ пела одесские песенки, Олечка взвизгивала, дамы смеялись⁵. При выезде из Грасса купили они бутылку красного вина, и обед прошел оживленно.

В 8 ч. я поднялась к себе, села в кресло и, не отрываясь, связала куколке голубое платьице. Около двенадцати легла спать. Спала хорошо на своей подушке, — ведь все-таки я на ней провела много ночей в течение тридцати двух лет. О тебе не беспокоилась: ты ехал с комфортом, — предпочел его моему обществу, и, пожалуй, я тебе за это благодарна, — мне, действительно, полезно и приятно пожить в полной тишине и спокойствии, но последнее, конечно, далеко не полное: я беспокоюсь *очень* о тебе, как пройдет прижигание, как ты будешь переносить ночное одиночество, особенно теперь, когда тебе *вредно* пить. Надеюсь на Бога, что Он не оставит тебя. Читать на сон Евангелие, Апостолов.

А жизнь идет по своим законам: вчера пришли два человека со счетом за электричество (!) — *195 fr. 90 c.* Отдала из денег, оставленных на Розанова и Буте-газ, то есть Примо-газ⁶. Скажи это Лёне, и он будет смеяться, вспомнит, как на «Бельведере» всегда являлись за деньгами, когда ты уезжал. Галя говорит, что это и в Париже было то же самое. Картофель же к нам «все едет»...

Вчера было только два письма: Гале от Кодрянской, которая спрашивает, взято ли пианино? И мне от Бахрака⁷.

Вчера я весь день перебиралась, баба убрала и твою, и мою комнаты. В доме стало теплее, как и на дворе. Я вытопила твою комнату, весь день держала открытой ванну, и там стало совсем терпимо, — и я вся вымылась, отчего чувствую большую радость.

Ляля с Олечкой были у Пирс, которая очень жалеет, что не знала, что ты едешь в Париж, она что-то хотела передать Илюше.

Советую тебе не очень подробно рассказывать Жирову инцидент с Лялей, — ведь неизвестно, что она писала ему. Лучше сначала узнай. Скажи только, что причина — ревность⁸. Я ведь уже ему об этой черте характера Ляли говорила, а то он напишет, и опять будет в доме мерзость.

Марге, не сглазить, лучше. Остальные пока здоровы.

Сейчас восемь часов — тихо, и как я люблю эту утреннюю тишину дома. И какое счастье, что я могу *все* делать, не выходя из комнаты. Сегодня я дежурная, у меня еще полтора часа свободных. Храни тебя Царица Небесная. Обнимаю нежно. Целуй Лёню. Какой он стал?

Ника⁹.

Мишка¹⁰ все еще на железном пруте, Олечка не хочет его снимать.

Сегодня утром с удовольствием пила кофе с медом, вспомнила Москву 1918 — мед от Веселовского¹¹... Я утренний кофе пью в ванной.

Сейчас 9 ч. 30 м. Галя мне сказала, что вчера вечером по радио слышала о беспорядках в Петербурге и Москве, — может быть, это «начало конца». Напиши, что кто думает. Газета придет еще через полтора часа¹²!

Олечка очень трогательно спрашивала, когда я Ляле передавала известия эти, — «А что в Финляндии?»¹³

«Когда это жизнь лучшает?» — а ведь этот вопрос ставился еще до войны Великой¹⁴.

Пиши и проси Лёню писать, давай ему марки.

Еще раз целую нежно.

Твой К.

¹ Очевидно, к Ф.Я. и А.П. Самойловым собирались поехать Г. Кузнецова и М. Степун.

² О. Жирова.

³ См. примеч. 1 к п. 379.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Речь идет последовательно о Е.Н. Жировой, О. Жировой, Г. Кузнецовой и М. Степун.

⁶ Имеются в виду газовые компании «Butagaz» и «Primagaz» и счета от них.

⁷ Письмо А.В. Бахраха от 25 января 1940 г. — ответ на новогоднее поздравление от В.Н. Буниной — сохранилось (РАЛ. MS 1067/1231).

⁸ В ночь с 10 на 11 января 1940 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Скандал с Лялей — патологическая ревность к Олечке. Сцена — что я тихо, вполголоса рассказывала ей сказку, когда она была в кухне, а мы в столовой. Заявление, будто я говорила Олечке, чтобы она что-то скрыла от матери. Суший вздор! Я сказала, что Олечка солгала. “Ребенок лгать не может”, — нагло глядя, сказала она. “Значит, я лгу!” “Ребенок лгать не может!” О, дура жуткая! Я едва удержалась, чтобы ее не хватить чем попадя, и сказала: “Если вы говорите, что я лгу, то мы вместе жить не можем!”» (РАЛ. MS 1067/410).

⁹ См. примеч. 2 к п. 650.

¹⁰ См. примеч. 9 к п. 644 и примеч. 7 к п. 656.

¹¹ Имеется в виду Степан Борисович Веселовский (1876–1952) — историк, археограф, академик; в конце 1916 г. познакомился с Буниным и неоднократно с ним встречался в Москве.

¹² «Последние новости» не стали реагировать на эти слухи, а в ближайшем номере «Возрождения» появилась информация о беспорядках в СССР: «Последствия неудачной войны стали ощущаться вслед за Петербургом и в Москве. По сообщению “Таймса”, население страдает от недостатка пищевых продуктов и топлива. <...> Есть сведения, что уже происходят беспорядки в Москве и других городах» (Дела, толки, слухи // Возрождение. 1940. 2 февраля. № 4221. С. 1).

¹³ «Последние новости» и «Возрождение» этого периода были полны хроникой советско-финской войны.

¹⁴ Имеется в виду Первая мировая война.

672. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 31 января 1940 г.

Среда.

Видел 2 раза Зурова, видел Капитана¹, Алданова, Зайцева, отнес деньги Фаине². Был у Аитова, он сказал, что я ничего себе, слава Богу, обратил внимание на затвердение у меня на правой щеке и сказал, что я напрасно считал, что это порез от бритвы, — это родинка, которая может увеличиться — и которую надо прижечь, посоветовал доктора француза, к которому иду завтра. Целую тебя и всех.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/246. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine, Villa Jeannette, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>», адрес отправителя: «Exp. Bounine. 1, rue J. Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 1 Fevr. 40». Дата и место установлены по почтовому штемпелю, дата уточнена по содержанию: 31 января — среда.

¹ Н. Роцин.

² Ф.О. Ельяшевич.

673. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 31 января 1940 г.*

31 января 1940.

5 ч. дня

Дорогой мой, сегодня утром пришла твоя открытка¹. Очень рада, что Нилусы рядом. Я меньше о тебе беспокоюсь. Передай им поклон и приветы. Надолго ли они в Париже? Кого еще видел?

У нас, слава Богу, все благополучно. Привезли картофель. Елка разобрана. На днях салон вычистим.

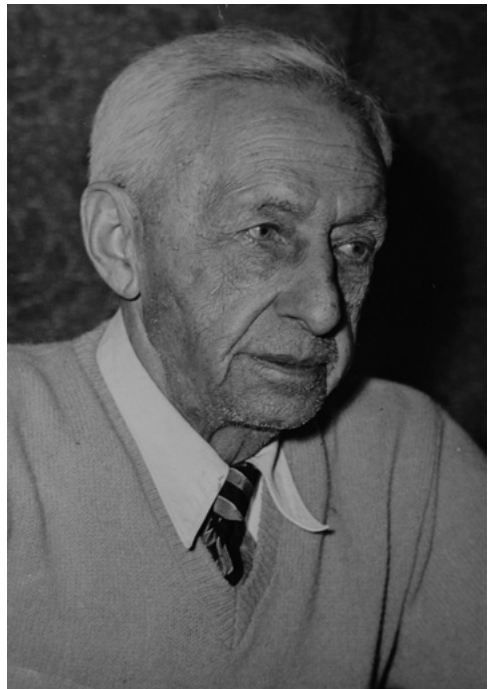
На дворе не то туман, не то облака спустились, но стало теплее. Я топила только один раз. Писем тебе нет. Видел ли ты Лёню? От него давно нет известий. Здоров ли он?

Олечка² удивлена, что ты ей отдельно ничего не послал. Завтра она напишет письмо. «Что это такое *всех!*»

Сегодня мы с нею гуляли. Мама³ пошла в Грасс и просила...

Я наслаждаюсь твоей комнатой и медом. Сегодня им угощала Олечку. Она очень радовалась, что это твой мед!

Целуем. Ника⁴.

И.А. Бунин.
Париж, 5 июля 1948 г.
(РАЛ)

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/242. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine, 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «V. Bounine. Villa Jeanette. Route Napoléon. Grasse (A<ipes> M<aritime>)»; почт. шт.: «Grasse, 1.2.40».

¹ Речь о п. 670.

² О. Жирова.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ См. примеч. 2 к п. 650.

674. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 1 февраля 1940 г.*

Четверг.

Нынче уже четверг, дорогая моя, а от тебя еще ни слова. Сейчас иду к доктору — кажется, придется из-за него остаться до 10-го фев<аля>. Иначе уехал бы в воскресенье — здесь так грустно, пусто и темно, что просто нет сил.

Целую тебя и всех.

Твой Ив.

Стерва Берта¹ хотела ко мне вселить 2 своих родных.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/247. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine, Villa “Jeanette”, Grasse, A<Ips> M<aritimes>», адрес отправителя: «Exp. Bounine, 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 1.П.1940». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Б.С. Нилус.

675. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 1 февраля 1940 г.

Четверг 1-го февр., 5 часов вечера.

Милая моя, дорогая, утром послал тебе открытку¹. В 2 ½ был у доктора. Он приставил к моей щеке, к нужному месту, медную палочку, подержал, надавливая — и все. Сейчас это место чуть-чуть горит, но он сказал, что завтра пройдет. В следующий четверг сделает это еще раз. Если Бог даст, в пятницу 9-го или субботу 10-го выеду. Крепко тебя целую. Всем поклон.

Сейчас иду в полицию — *большая* возня с продлением *sauf-conduit*².

Стоит доктор будет очень дорого — знаменитость.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/248. Год установлен по содержанию.

¹ См. п. 674.

² Пропуск, выдаваемый иностранцам для перемещения по стране и выезда за границу (*фр.*).

676. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Грасс. 2 февраля 1940 г.

1940 г. 2 февр.
Jeannette
Твоя комната
письменный стол.
5 ч. 25 м.

Здесь очень уютно, ненаглядный мой, все задернуто, только печка не топится да стол живет на свой лад, так, как было при тебе. В твоей комнате я чувствую себя хорошо, отъединенно от всех, точно живу в гостинице и встречаюсь с постояльцами только за *table'dot'om*. И отношения остальные — вежливо-безразличные.

Madame Brune¹ ушла, мамà с Олечкой² в <нрзб>, я идти отказалась, «горцы»³ после чаю, к которому Марга приготовила <нрзб> ушли на часок в свой <нрзб> заниматься французским языком, и в доме наступила такая тишина, что порой, действительно, можно <нрзб>.

Вчера мне удалил Tardieu⁴ зуб мудрости, у меня уже «*un petit abcès*»⁵ на нем был. Наркоз подействовал на меня сильно — слабость<?>, долгий сон с яркими нечеловечески<?> сновидениями и необычное расстройство печени, которое сегодня проявилось в недолгом припадке. Я, конечно, внутренне волновалась, как всегда волнуясь за тебя, хотя мне принесли очень утешительное относительно тебя письмо. Очень прошу тебя сделать прижигание, не откладываяй.

Сегодня пришла посылка от Шмидт с ее стихами⁶. Думаю, пересылать тебе не стоит. Прилагаю письмо из «Дома книги»⁷.

Умер Плак⁸ — это потеря в год 600 фр. на Аморе⁹, правда, 300 фр. за 1940 я успела получить, буду через приличное время просить у наследников, а пока одному из них напишу *condoléance*¹⁰.

Прошу тебя дать Ф<аине> Ос<иповне>¹¹ еще двести франков, которые я взяла из Амора на электричество, так как *grimo-gas*¹² может кончиться до твоего приезда, а те сто франков, что ты оставил мне на доктора, тоже могут понадобиться, не знаю, доберусь ли я до <нрзб>, но до окулиста доберусь, иначе я не могу пойти в синема<?>. Если ты передашь еще 200 фр. Фаине Ос<иповне>, то экономия на пересылку, а ведь ситуация такова<?>, что всякий франк жаль терять.

Живем мы скромно очень, твое отсутствие чувствуется, но цены растут, мешок картофеля не 50, а уже 60 фр.

За все время мы никого не видели. Все сгнули, и маркизы, и синьорины, и англичане, и пьянисты¹³.

Галя и Марга скучают явно, Мамá тайно.

Олечка все спрашивает: «Заходил ли Ванюша к папе?» Все хочет ему письмо писать. Волнуется, привезешь ли ты ей ее игрушки. Я написала Лёне, чтобы он выбрал ей книжку по-русски, можно и о животных. Дай ему на это денег. Она о тебе говорит с большой нежностью, — играет, что она твоя няня.

Завтра, если выглянет солнце, наши хотят нагрянуть на Самойловых, они почти два месяца не видались. А я благоразумно останусь дома.

От Добрай¹⁴ пока нет еще ответа о свидании, да и погода плохая. Сегодня утром солнце, а к 2-м часам дня — дождь. Ты уехал вовремя, солнце за эти дни только раз показалось!

Тебе шлют поклоны, приветы, поцелуи — выбирай, от кого что хочешь.

Кланяйся всем. Напиши о Пэке¹⁵, какой он? О чем говорили? Я одна смеялась, представляя тебя, Лёню, Пэку и Лоллия¹⁶ — вот так квартет!

Обнимаю со всей нежностью.

Храни тебя Иисус Христос.

Ника.

Виделся ли ты с Тэффи? Она по четвергам бывает в редакции¹⁷. Поцелуй ее от меня.

9 ч. 20 м. вечера.

После уборки посуды у меня сидели горцы. Угостила кофе. Затем пришла Мамá, посидела с полчаса.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/243. Письмо, написанное синими чернилами, сильно пострадало от воды, в ряде мест чернила были смыты полностью, в связи с чем некоторые слова остались неразобранными.

¹ Неустановленное лицо.

² Е.Н. и О. Жировы.

³ В.Н. Бунина стала так называть Г. Кузнецову и М. Степун, поселившихся в комнате на верхнем этаже виллы «Жаннетт».

⁴ Зубной врач в Грассе.

⁵ маленький нарыв (*фр.*).

⁶ Какие были присланы В.В. Шмидт стихи, неизвестно. См. примеч. 7 к п. 514.

⁷ Письмо не сохранилось.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁰ соболезнование (*фр.*).

¹¹ Ф.О. Ельяшевич.

¹² См. примеч. 6 к п. 671.

¹³ В дневнике Бунина 1940–1941 гг. несколько раз говорится о «маркизе», которой М. Степун давала уроки пения, например, в записи от 3 апреля 1940 г.: «Вчера Марга пела у маркизы. Человек 30 народу, из которых половина наша. Маркиза до ненормальности поглощена своим романом с Барсуковым, устроено было все как попало и необыкновенно глупо. Сбор жалкий. Мы туда и назад с англичанкой Хёрст из имения возле Маганьоска» (РАЛ. MS 1067/532). Кроме того, см. упоминания в письме В.Н. Буниной к М.С. Цетлиной от 27 апреля 1941 г. (*Бунины–Цетлины*. С. 300) и ее рассказ о том, как Г. Кузнецова и М. Степун познакомились в Каннах «с какой-то богатой люксембуржанкой, van Meersch, которую они разжалобили, причем в этой истории Марга проявила игру актрисы и добилась того, что там им отпускают по 1200 фр. в мес. на жизнь в Каннах» (*Полонский*. № 55. С. 294). Действие этого рассказа относилось, главным образом, к весне 1942 г., когда Г. Кузнецова и М. Степун окончательно покинули дом Буниных, переехав при помощи «маркизы» в Канны. Ср. в дневнике Бунина от 6 марта 1940 г.: «Визит — последствие вечера у маркизы Пескара <...>» (РАЛ. MS 1067/532).

¹⁴ Л.Г. Добрая.

¹⁵ Н. Рошин.

¹⁶ Л.И. Львов.

¹⁷ В январе 1937 г. Тэффи ушла из «Возрождения» и стала печататься в «Последних новостях».

677. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 3 февраля 1940 г.

Суббота.

Милая моя, наконец получил твою открытку¹ — и письма Марги и Гали. Рад, что пока все благополучно, слава Богу, у вас. Ваши все письма шли удивительно долго! Отвечу всем вам нынче перед вечером — сейчас еду завтракать с Кодрянскими². Целую тебя и всех. Поросенку³ напишу отдельно. Завтра жду к себе папу⁴.

Ив.

Вчера обедал с Михайловым и Мишей Струве у Капитана⁵. Капитан живет теперь на Vd Mugar (дом № 90). Толст он так, что страшно смотреть.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/249. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 673.

¹ См. п. 673.

² Имеются в виду Н.В. Кодрянская и ее муж Исаак Вениаминович Кодрянский (Jacques Codray, 1894–1980) — врач, бизнесмен, меценат, оказывал материальную помощь деятелям русского искусства. В 1940 г. Кодрянские переехали в США, но часто приезжали в Европу.

³ О. Жирова.

⁴ А.М. Жиров.

⁵ Н. Рошин.

678. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 3 февраля 1940 г.

3 февраля 1940 года.

Суббота.

Дорогой мой, проснулась около одиннадцати — заснула под утро. Было беспокойно за тебя. Получила твое письмо и две открытки. Олечка¹ в мелкие кусочки разорвала конверт, что ты ей отдельно не пишешь и даже не целуешь. Вчера она говорила: «Я очень скучаю по

Ванюше, а мамá² немного»... Напиши Жирову, чтобы завез ее игрушки, иначе у нее будет драма.

Сейчас солнце. Все уехали к Самойловым.

Получила письмо от Зин<айды> Ник<олаевны>³, очень хотят, чтобы ты зашел к ним. Зайди. Они очень несчастны. Дрожат, что Володю⁴ заберут, — останутся беспомощными. Узнай, выдали ли им деньги за январь 200 фр. из Амора⁵? Если нет, то выдай ты те, о которых я писала тебе, чтобы ты дал Фаине Ос<иповне>⁶ — возьми тогда расписки за октябрь 300, ноябрь 300 и декабрь 200 и январь 200 — можно одну на 1 000 фр. — октябрь-февраль⁷.

Пришло письмо от Hurst⁸, англичанки — приглашает тебя на 11 февраля, воскресенье, на завтрак, на будущей неделе заедет за ответом. Ты пишешь, что остаешься до 10, значит 11 II ты только приедешь. Можешь ли ты принять на этот день приглашение? Извести.

Горцы⁹ стали со мной очень любезны и заботливы. Кажется, наконец поняли, что я в их судьбе не виновата.

Живем скромно, но цены все растут и растут. Мogue¹⁰ уже 6 фр. Была взята лишь одна коробка. Не экономлю пока с маслом, мяса за всю неделю съедим на 51 фр. Картофель выбивает из бюджета — 60 фр. почти на месяц, а пришлось платить из двухнедельной полочки.

Десна зажила, уже не больно.

Кроме твоих писем, почта сегодня никому ничего не принесла.

Салон чист. Елка разломана. «Все проходит!»

От Доброй еще ответа нет, вероятно, медлит с назначением дня свидания из-за погоды.

Какое впечатление производит Лёня? Очень ли ему туго? Слава Богу, кое-что он получил за фотографии и рассказы в «Сегодня»¹¹.

Без тебя всем стало скучнее и сиротливее. А мне беспокойнее.

В квартиру нашу никого не нужно пускать. Скажи, что мы можем всегда приехать. Квартир в Париже много. Иначе зачем же мы ее держим и платим. А жить с чужими неизвестными людьми ни ты, ни я не любим. Скажи, что ты уже отказал Михельсону для его родителей.

Скоро придет милая фамма¹², будет гладить. Потом мы с ней уберем твою комнату, потом затопим плиту — сделаем большую котлету. А там и они подойдут.

Я погуляю по саду, посмотрю на воду, напишу Зин<айде> Ник<олаевне>. Почитаю о Истории Прав<ославной> Церкви, дошла уже до Синода, для разнообразия читать стала английский роман. Вязать не вяжу, — нет шерсти.

Храни тебя Христос.

Обнимаю, нежно целую.

Ника.

Помни: твоя няня¹³ очень огорчается, а это грех.

Работает ли у тебя mademoiselle¹⁴? Кланяйся ей.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/244.

¹ О. Жирова.

² Е.Н. Жирова.

³ Письмо неизвестно.

⁴ В.А. Злобин.

⁵ См. примеч. 9 к п. 399.

⁶ Ф.О. Ельшешевич.

⁷ Предложение жирно отчеркнуто на полях с двух сторон карандашом.

⁸ Херст — приятельница Л.В. Кутателадзе-Маркус. Письмо ее неизвестно.

⁹ См. примеч. 3 к п. 676.

¹⁰ треска (*фр.*).

¹¹ Л. Зуров в этот период опубликовал в рижской газете рассказы «Живые воды» (Сегодня. 1939. 24 декабря. № 355. С. 4) и «Обитель» (Сегодня. 1940. 11 февраля. № 41. С. 2). В дневниковой записи от 2 февраля 1940 г. В.Н. Бунина привела цитату из письма Л.Ф. Зурова от 30 января 1940 г.: «Получил из Риги чек — через Берн — швейцарскими франками. Рассказы мои напечатаны, но газет я еще из Риги не получил. Получил из Трокадеро 275 фр. за фотографии, посланные в Англию. Я получаю половину. Заплатил за квартиру» (РАЛ. MS 1067/410).

¹² От *фр.* femme de ménage — домработница.

¹³ Имеется в виду О. Жирова. См. п. 676.

¹⁴ М.Е. Imbert.

679. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 5 февраля 1940 г.

1940 г. 5 ф.

Дорогой мой, сегодня получила твое письмо от субботы¹. Жаль, что ты так лаконичен. В моей одинокой жизни письма играют большую роль. Погода все не радует, стало теплее, но сумрачнее.

Сегодня письмо от Нат<альи> Ив<ановны>² — Н<иколаю> К<арловичу> лучше, но, видимо, у них очень тяжелое материальное положение, и никого нет, — Бернацкие³ в Париже.

Сейчас иду к Tardieu, пломбировать второй зуб. Зажило у меня очень быстро, а вот у Ляли⁴ еще не совсем, а удаляли ей зубы раньше на неделю.

Получила чудесное письмо от Кины⁵. Она в Париже.

От Ф<аины> Ос<иповны>⁶ знаю, что завтра ты обедаешь у них с близкими людьми. Завидую.

Сегодня кончился було-газ⁷. Оставь Ф<аине> Ос<иповне> или Д<митрию> С<ергеевичу>⁸ дай 200 фр. Я взяла уже из тех денег.

Целую нежно.

Ника.

Олечка⁹ отправляется на журфикс¹⁰ к Пирс.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/245. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine, 1 rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «V. Bounine. Villa Belvédère <описка, на самом деле: Jeannette>. Route Napoléon. Grasse (Al<pes> M<aritimes>)»; почт. шт.: «Grasse, 5.II.40».

¹ См. п. 677.

² Н.И. Кульман 1 февраля 1940 г. писала из пригорода Парижа Breuil-Bois-Robert (Брёй-Буа-Робер): «Дорогая Вера Николаевна, спасибо большое за Ваше письмо и за заботу о наших денежных делах. Последние, конечно, довольно плачевны, но надеемся как-нибудь выпутаться. Главное, чтобы Н<иколай> К<арлович> был здоров. Он теперь, слава Богу, поправляется и уже начал выходить на короткие прогулки в сад, когда позволяет погода. Но температура все же каждый день немного повышается, хотя кашель уже прошел. Главное же теперь — плохое состояние сердца. <...> Поселок, в кот<ором> мы живем и в кот<ором> только 3 дома, где живут всего 8 человек (включая нас), в некоторые дни был совершенно отрезан от мира то снегом, то гололедицей. Морозы доходили до -20°, а снег лежал толстым пластом, как в России. В солнечные дни картина сада и леса была удивительной красоты, но любоваться приходилось только из окон. Я со времени болезни

Н<иколая> К<арловича> не выходила за пределы двора, да и то выходила на двор только по хозяйственным делам. С Н<иколаем> К<арловичем> 2 раза немного прогулялись по саду. Не могу оставить его одного» (РАЛ. MS 1067/3580).

³ М.В. Бернацкий и его жена Ольга Владимировна Бернацкая (урожд. Гамалея, 1879–1942). Сообщение о том, что «Бернацкие уже больше месяца живут в Париже», содержалось в письме Н.И. Кульман от 1 февраля 1940 г. (РАЛ. MS 1067/3580).

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ По всей вероятности, имеется в виду большое письмо К.А. Шевалье-Шантепи от 1 февраля <1940 г. — год определяется по упоминанию войны в Финляндии> (РАЛ. MS 1067/1860).

⁶ 3 февраля 1940 г. Ф.О. Ельшевич писала В.Н. Буниной: «Ивана Алекс<еевича> я нашла в хорошем виде. Пригласила его к нам на обед во вторник <6 февраля>. Будут Зайцевы, Мочульский и о. Киприан. Очень жалею о Вашем отсутствии. Непременно выпьем за Вас» (РАЛ. MS 1067/2134).

⁷ См. примеч. 6 к п. 671.

⁸ Д.С. Мережковский.

⁹ О. Жирова.

¹⁰ От *fr. jour fixe* — определенный день недели для приема гостей.

680. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 5 февраля 1940 г.

Понед. 5. II. 40.

Дорогая моя, вчера твоя открытка от 31-го, а нынче письмо от 30-го¹. Так что писать надо открытки — идут вдвое скорее. Слава Богу, что ты здорова. Лёня здоров вполне. Вчера у меня завтракал. Я ехал вовсе не с комфортом — я тебе писал, как. А приехав, не мог найти ни носильщика, ни такси — тащил вещи сам, спустился в метро, ехал с пересадками — теперь, чтобы ехать, напр., с Монпарнаса, надо ехать на Odéon, там пересесть на M<ichel> A<nge>-Molitor, с Molitor — на Ranelagh (Murette закрыт) — и все в таком роде. Мучительно трудны и долги передвижения, а погода ужас — мрак, льет дождь. Тетушка² из Парижа уехала. Завтра завтракаю у Алданова с Цетлиными, обедаю у Ельшев<ичей> с Зайцевыми. В квартире оч<ень> тепло. Выехать надеюсь в воскр<есенье> или в понед<ельник> (т.е. 11-го или 12-го), если получу к тому времени пропуск³. Позавчера у Корнилова⁴ меня угощали Кодрянские. Был у меня Жиров — оч<ень> милый. Привезет игрушки Оле⁵. Целую тебя и всех.

Одолел Лоллий⁶!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/250. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine, Villa “Jeannette”, Grasse, A<lpes> M<aritimes>», адрес отправителя: «Exp. Bounine. 1, rue J. Offenbach. Paris XVIe»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 5.II.1940».

¹ См. пп. 673, 671.

² Имеется в виду, вероятно, А.Е. Шварцман. См. примеч. 3 к п. 205.

³ См. примеч. 2 к п. 675.

⁴ См. примеч. 2 к п. 274.

⁵ О. Жирова.

⁶ Л.И. Львов. См. п. 537.

681. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Париж. 6 февраля 1940 г.*

Ma chère,

J'ai reçu de la part du journal «*Paris-Soir*» <la> lettre suivante:«Mr. J. Bounine, porteur de ce mot, qui est le grand écrivain Prix Nobel 1933, *collabore au journal "Paris-Soir"*».

Nous prions les autorités de bien vouloir lui faciliter sa tâche dans la plus large mesure du possible.

Rédaction du „Paris-Soir“».

Je t'embrasse.

J. Bounine

Paris, le 6 Février 1940.

Перевод с французского:

Дорогая,

Я получил от газеты «*Paris-Soir*» следующее письмо:«Предъявитель сего господин И. Бунин — знаменитый писатель, лауреат Нобелевской премии 1933 г., *сотрудник газеты "Paris-Soir"*».

Мы призываем власти оказывать ему всяческое содействие насколько возможно.

Редакция «*Paris-Soir*»».

Обнимаю.

И. Бунин

Париж, 6 февраля 1940.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/251. Почтовая открытка с фотографией Les Fontaines des Landowsky, Place de la Porte de St-Cloud; адрес получателя: «Madame Bounine, Villa "Jeannette", Grasse, A<lpes> M<aritimes>», адрес отправителя: «Exp. J. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16e»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 6.II.1940».

682. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Грасс. 7 февраля 1940 г.*

1940 г. 7 февраля.

К сожалению, милый мой, у нас в доме нет открыток¹, все равно придет на день позже. Все, слава Богу, здоровы. Туманы одолели.

Олечка² вся дрожала от радости, когда я читала твои скупые строки о папе³. Затем, услышав, что ты целуешь всех, затопала и плачущим голосом сердито сказала: «он должен меня отдельно целовать». Тут я сейчас же позвала мамá⁴. Больше я ее сегодня не видела, а сейчас половина пятого.

Сегодня потребовали не только за газ 114, но и залог за бидон 112. Превост⁵ согласился подождать за газ, взял лишь залог. Я боялась все отдать, а вдруг ты не приедешь в понедельник, а ты дал всего до воскресенья.

Ты ничего не пишешь о делах. Если ты удержишься *еще на неделю*, то одно прошу, не присылай денег по телеграфу, тогда 350 fr. отдай еще Файне Осиповне. Значит, если ты

уже отдал ей 200, будет всего тобою выплачено 1550 fr., а я эти 550 возьму из Амаур'а⁶ — 200 элект<ричество> и 350 на жизнь.

У Гали на лице написана тоска. Жизнь идет без всяких развлечений, «капитал не дозволяет»⁷.

Целую. Храни тебя Христос. Твой Ника.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/246.

¹ Ответ на предложение Бунина посылать открытки, т.к. они быстрее доходят. См. п. 680.

² О. Жирова.

³ А.М. Жиров.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ См. примеч. 9 к п. 399.

⁷ Из рассказа Бунина «Капитал» (1930).

683. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 8 февраля 1940 г.

8 февраля 1940 г.

1 ч. 45 м.

Дорогой мой, пришло сегодня письмо от Секонез¹:

6 Fevrier.

«Nous avons l'honneur de vous confirmer notre lettre du 8 Janvier et nous serions obligés de nous faire parvenir, par retour du courrier, *le montant de votre quittance du 1 Octobre 1931 établie suivant décompte indiqué aux termes de notre lettre précitée et s'élevant à Fr. 1.904,15*»²

Ничего не понимаю! Ведь ты послал деньги. Заранее благодарят!..

P.S. La même réduction vous sera accordée, sous les mêmes réserves, pour le terme Janvier–Mars 1940, dont la quittance s'élève en conséquence à la somme de Fr. 2.166,15 que vous voudrez bien nous adresser également³.

Разве ты не заплатил январского терма? Выясни все до отъезда.

Пришел чек в фунтах 295 сегодня.

«...dont vous voudrez bien nous accuser réception. Pour le bon ordre vous voudriez bien nous faire connaître votre nationalité ainsi que le numéro de votre passeport et les autorités par lesquelles il a été émi»⁴.

Ответь, что получил, им.

Галя и Марга идут к Лидочке⁵, именины матери.

Все так же туманно. Я все сижу дома. От Доброй⁶ нет вестей, вероятно, из-за погоды.

Олечка⁷ получила открытку, но что же ты в ней ее не поцеловал. Я не видала ее после, но думаю, она огорчилась.

Вчера мы вечером проходили мимо нашей церкви, она сказала: помолись, чтобы дядя Ваня скорей приехал и, подумав, прибавила, и привез игрушки от папы⁸...

Я получила письмо от Татьяны⁹ — отец ее был очень плох. Она в отчаянии. Вот несчастная, и здесь, и там больные. Теперь ему лучше.

Твою французскую открытку¹⁰ получила. Рада очень за тебя. Я беру ванны через день. У меня ровная температура и в комнате, и в ванной.

Читаю монографию об Георге V — интересно очень. «King's Grace» называется¹¹.

Стараюсь гулять, иногда по саду. Вчера пошла провожать нашу милую фаму¹², встретила мамá с Олечкой¹³ и вернулась, потом еще ходила по саду.

Сегодня выпалась. Думаю, вспоминаю Маню¹⁴ — день ее Ангела. Грустная жизнь у нее была последние годы¹⁵. Жаль ее очень. Какая у меня судьба: люди, меня любившие, или умерли, или живут далеко. Я завидую людям, умеющим требовать, настаивать, а я все уступаю, поэтому и камни образовывались, а теперь песок. За это время, впрочем, не было припадков. Жизнь моя почти санаторная, пишу «почти» потому, что питаюсь далеко не по-санаторски.

Пишу тебе ежедневно.

Обнимаю, крещу, да хранит тебя Христос.

Ничья Ника.

Сейчас выглянуло солнце.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/247.

¹ См. примеч. 2 к п. 437.

² 6 февраля. Мы рады подтвердить наше сообщение от 8 января, мы были бы признательны, если бы Вы нам прислали с обратной почтой сумму Вашего платежа до 1 октября 1931 г., установленную согласно счету, указанному в условиях нашего вышеупомянутого письма, и возросшей до 1904,15 франков (*фр.*). В годе, очевидно, описка, следует читать 1941 г.

³ Та же скидка Вам будет предоставлена на тех же условиях на январь–март 1940 г., квитанцию на сумму 2166,15 франков Вам следует переслать нам (*фр.*).

⁴ ...просим Вас подтвердить нам получение его. По установленному порядку, сообщите нам, пожалуйста, свою национальность и номер паспорта, и официальные инстанции, которые его выдали (*фр.*).

⁵ Л.В. Кутателадзе.

⁶ Л.Г. Добрая.

⁷ О. Жирова.

⁸ А.М. Жиров.

⁹ Вероятно, речь идет о недошедшем до нас письме художницы Т.Д. Муравьевой-Логиновой, отец которой в это время болел. См. письма к ней Бунина от 2 февраля, 2 марта и 2 мая 1940 г. с пожеланиями «здоровья Вашему папе» (Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой (1936–1961). УМСА-Press, 1982. С. 23 и др.).

¹⁰ См. п. 681.

¹¹ *Buchan J. King's Grace*. London: Hodder & Stoughton, 1935.

¹² От *фр. femme de ménage* — домработница.

¹³ Е.Н. и О. Жировы.

¹⁴ М.С. Брюан.

¹⁵ См. примеч. 9 и 12 к п. 198.

684. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 8 февраля 1940 г.

Четверг 8. П. 40.

Дорогая моя, получил твое письмо от 3-го и открытку от 5-го (нынче) утром¹. Напрасно упрекаешь меня, что мало пишу: ты знаешь парижскую жизнь на короткий приезд — одного повидать, другого, третьего и т.д. — иначе все обижаются. Потом: в полицию, к Гавронскому, к М-ме Гефтер², в банк, в редакции — последнее особенно — надо добыть хоть немного франков на жизнь... Сейчас от доктора — второе прижигание. В понедельник должен быть у него в последний раз. Значит, раньше вторника, среды не выеду. А ты, оказывается, зубы уже вырвала! Слава Богу, что благополучно.

Как живете? Ссоритесь? *Умоляю тебя — будь добра* — Марга и Галя так хорошо, так нежно писали о тебе! Целую тебя и всех.

Сейчас еду в полицию на Vd Exelmans — спешу³.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/252.

¹ См. пп. 678, 679.

² Мария Иосифовна Гайдебурова-Гефтер (1893–1976) — врач-офтальмолог; жена А.А. Гефтера. В эмиграции во Франции, имела свою практику. Работала в Русской амбулатории Красного Креста в Париже и Франко-русском госпитале в Вильжюифе.

³ Бунин ездил в полицию получать пропуск для поездки на юг. См. примеч. 2 к п. 675 и п. 685.

685. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 8 февраля 1940 г.

Вечер четверга

8-го февр. 1940 г. Париж.

Милая моя, нынче вечером я дома. Был в полиции и получил *sauf-conduit*¹ — должен выехать не позднее 16-го (но надеюсь выехать раньше). Был у Гавронского — сказал, что поправлять мои зубы надо основательно, — осенью, когда, Бог даст, переселимся в Париж. Очень прозяб за день, что-то горит голова, потому и сижу дома. Была Вера Зайцева и принесла мне письмо о. *Киприана*^{*2}, с которым (и с Мочульским и Зайцевыми) я обедал позавчера у Ельяшевичей³ и который очаровал меня⁴. Вот это письмо, от которого я прослезился и которое пусть будет всем нам побуждением к миру и любви между нами — по своему прекрасному и высокому тону:

«Дорогой и глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Вы, вероятно, удивитесь получению этого письма. Но, вернувшись сейчас вечером в свою келию, я не могу забыть Ваших последних слов сегодня у Ельяшевичей:

“*Батюшка, перекрестите меня, чтобы мне было легче жить*”. Вот я и пишу Вам, вспоминая Ваши слова. Пишу, чтобы сказать Вам о своих чувствах к Вам. Конечно, много раз приходилось Вам слышать слова восхищения Вашим талантом. Что может прибавить к Вашим литературным лаврам слово почитания из моих скромных уст? Давно люблю Вас литературно и высоко чту. Недавно с упоением прочитал Вашу “Лику”. Но, конечно, не об этом хочется Вам писать. Не о своем литературном преклонении. Мне хочется к Вам как-то по-человечески подойти. Несомненно, неоднократно Вас дарили словами дружбы и любви, и многих людей Вы к себе крепко привязали личными узами. Мне же хочется Вам сказать слово приветя от Пастыря к Человеку. Если это слово неуместно, то простите меня и забудьте его.

Но, слушая Вас сегодня, я испытал то же чувство, как и при чтении Вас, и несколько раз говорил себе: “Боже мой, сколько Ты дал этому человеку! Как Ты одарил его! Как он богат Тобою!” — Я восхищаюсь замыслом Божиим о Вас и думаю о том великом назначении Человека, которое дано всякому и с *особенной* силой запечатлено *на Вас*. Тихий отблеск Святой Славы озаряет вечернюю пору нашей жизни. И при свете этого вечернего Света Вашей Славы, Вы мне особенно близки, дороги, милы с христианской, душевной Точки Зрения.

Вы знаете, — на одном сельском кладбище в Нормандии я на одном кресте прочитал полустертую надпись:

“*Aime Dieu et vas ton chemin*”⁵.

Это простые в своей мудрости слова как-то пронзили меня и со многим нелегким в жизни меня примирили. И это тоже мне хотелось Вам сказать: “Любите Бога и идите своим путем”. Повторяю Вам слова одного московского юридического: “Не забывай Христа, и Он тебя не забудет никогда”. — Много сокровищ вложил Творец в Вашу душу, многим Вас украсил. И вот, глядя на эти дары, сияющие через Вас, прославляешь Бога в Вашем лице. Все мы — иконы Божии, образы Его и подобия; и надлежит в каждой такой иконе, в каждом человеке поклониться Его первообразу.

Простите меня за смелость, что отнял у Вас время чтением этого письма.

Сохрани Вас Господь. Заочно еще раз крещу Вас и с благословением Божиим остаюсь Ваш почитатель

с любовью Архимандрит Киприан».

Он высокий, сильный, смуглый. Много лет занимал какой-то высокий пост в Иерусалиме⁶. Прекрасные, темные глаза, черная борода, крепкая рука, которую я поцеловал с радостным умилением.

М<ожет> б<ыть>, во вторник еще раз увижусь с ним у Зайцевых.

Целую нежно и горячо тебя и всех — хотел бы, чтобы и они прочли это прекрасное письмо.

* Знаешь, как его фамилия? *Керн* — родственник Пушкинский⁷!

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/253.

¹ См. примеч. 2 к п. 675.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ См. примеч. 6 к п. 679.

⁴ Киприан (Константин Эдуардович Керн, 1899–1960) — архимандрит, богослов, историк церкви. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Белграде. Окончил богословский факультет Белградского университета (1925). Преподаватель Духовной семинарии в Битоле (1925–1927, 1931–1936). В 1927 г. был пострижен в монашество и рукоположен в иереи. С 1936 г. в Париже, профессор Богословского института (1936–1960).

⁵ Люби Бога и иди своим путем (*фр.*).

⁶ В 1928–1931 гг. архимандрит Киприан (Керн) был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме.

⁷ Оснований для того, чтобы говорить о принадлежности о. Киприана к одному из двух известных дворянских родов Кернов: английскому (из него вышел первый муж А.П. Керн Ермолай Федорович Керн, 1765–1841) или польскому, недостаточно, см.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XIVа. СПб., 1895. С. 960. Однако едва ли не важнее кровного родства для Бунина могла быть принадлежность самому пушкинскому миру: его собеседник был воспитанником Императорского Александровского (бывшего Царскоевельского) лицея. В «Памятной книжке лицейств. 1811–1917» в разделе «Список воспитанников на 1917–1918 учебный год» значится Константин Керн (LXXV курс, III класс) (см.: ИРЛИ. Ф. 157. № 125, л. 266). Этот класс уже не успел окончить полный курс: в мае 1918 г. Лицей закрыли. См. также: Некрасов С. Лицейская лира: Лицей в творчестве его воспитанников. СПб., 2007. С. 323. Став священником (в 1927 г.), о. Киприан каждый год 19 октября служил панихиду по Пушкину и всем другим умершим лицеистам. (Справка Т.И. Краснобородько.)

686. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Париж. 9 февраля 1940 г.

Пятница 9-го февр. 40 г.

Париж.

Послал тебе, милая, *exgrès* и 500 фр.

Сейчас ко мне придет Таня Муравьева. *Напиши мне немедля, что тебе привезти в подарок.*

Целую, храни тебя Бог.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/254.

687. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Париж. 10 февраля 1940 г.

10 февр. 40, суббота, 6 часов вечера.

Был у Гайдебуровой-Гефтер¹, нужно маленькое изменение в очках.

Говорил по телефону с Фанни² — деньги ей не нужны, Мережковским дано, расписки она тебе послала.

Был у Серова — просто так. Он оч<ень> похудел и постарел. Говорит, что твои припад-ки — следствие недостаточной циркуляции крови. Написал, что тебе надо принимать. Дал рецепт для Гали. Все, Бог даст, привезу.

Завтра еду с Зайцевыми к Цетлиным. В понедельник иду добывать билет. Поездов всего 2, народу — туча.

Зуров в добром здоровье и хоро<ше>м настроении.

Целую мою дорожую.

Ив.

Неужели еще не пришли деньги³?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/255.

¹ См. примеч. 2 к п. 684.

² Ф.О. Ельяшевич.

³ См. п. 686.

688. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Грасс. 10 февраля 1940 г.

1939¹ года 10 февраля

4 ч. 20 м.

Дорогой мой, сейчас получила копию письма отца Киприана². Читая его, плакала, у меня одно желание, если бы ты у него причастился. Если Бог захочет, то мое желание исполнится.

Я знакома с ним. Очень люблю его. Имею его книги. Он духовник Ляли³, Андруши Бакста, Зернова (моего⁴), — все от него в восхищении. Он — настоящий пастырь! Очень хорошо служит. Жаль, что теперь далеко, в Сергиевском Подворье.

Дома я одна. За обедом прочту всем это письмо. Вчера была в Ницце, завтракала с Доброй, ее братом⁵ и belle-sœur⁶ в Café de Paris, потом были в кафе под Аркадами, где пусто. Было приятно. Из-за дождя пришлось купить зонт, купила дешевый. Возвращалась домой в тумане. Начала вязать носки. Что же ты не целуешь отдельно Олечку⁷, она очень огорчается, ждет тебя с нетерпением! Открытку она получила. Утром я получила тоже письмо от четверга. Спасибо, что пишешь. Видаешь ли Лёну? Лоло оба⁸ больны и в нищете. В<ера> Н<иколаевна> оглохла. Ужас, ужас! Христос с тобою. Обнимаю.

Ника.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/230.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 1940 г.

² См. п. 685 и примеч. 4 к нему.

³ А.П. Струве.

⁴ Вероятно, В.М. Зернов. См. примеч. 5 к п. 217.

⁵ Л.Г. Барац.

⁶ невесткой (*фр.*).

⁷ О. Жирова.

⁸ Л.Г. Муншгейн и В.Н. Ильнарская.

689. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Париж. 12 февраля 1940 г.

Понедельник.

Милая моя, очень много народу едет на юг — добыл билет только на пятницу 16-го. Выезжаю в 8 ч. утра, приезжаю в Марсель в 10 вечера, там должен ночевать, из Марселя выехать в 7 ч. 35 утра в субботу и прибыть в Cannes в 11 ч. 12 м. Приезжайте за мной с Фостером¹. Был нынче еще раз у доктора, заплатил большие деньги. Целую тебя, Олечку² и всех, храни вас Бог. Сейчас иду на заседание к Мережковским — устраивается какое-то новое общество помощи писателям³.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/256. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine, Villa "Jeannette", Grasse, A<pres> M<aritimes>», адрес отправителя: «J. Bounine. 1, rue J.Offenbach. Paris 16e»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 12.II.1940». Дата и место установлены по почтовому штампу.

¹ См. примеч. 1 к п. 379.

² О. Жирова.

³ Что имеется в виду, неясно.

690. В.Н. Бунин — И.А. Бунину
Грасс. 13 февраля 1940 г.

13 февраля 1940 г.

Дорогой мой, получила пятьсот франков¹. Спасибо. Часть вложила в Амор², так как не знаю, сколько ты дал еще Ф<аине> Ос<иповне>²?

Вчера пришло и твое письмо, где ты Олечку⁴ целуешь в обе щежки⁵. Она пришла в восторг и письмо твое у меня отняла. По конверту узнала, что это от тебя, «он всегда подчеркивает», было подчеркнуто слово «Grasse». Когда я прочла твои слова к няне⁶, она сказала: «Наконец-то целует!»

Мамá учит ее сама два раза в день. Вот что значит страсть, — всякую лень переламливает. Я с Олечкой не бываю. За все время один раз ходила с ней гулять⁷.

В воскресенье очень приятно провели après-midi⁸ у miss Hurst⁹. Она оказалась еще очаровательнее. После чая сидели в ее салоне — пили коктейль, слушали граммофон, среди разных всяких песенок была пластинка, напетая Карузо¹⁰ — неаполитанская песнь. Когда я это слушала, я не вспоминала, я видела — Колю¹¹, Горького, Капри, пароход, старика-певца, Искию¹², незнакомую даму в отличном синем костюме, которому я завидовала... Мне

кажется, под эту пластинку я написала бы о тех счастливых днях. Я все никак не начну по-настоящему писать. И время есть, и слабости меньше, а все чего-то недостает в моей жизни, чтобы сесть и начать свои «беседы»¹³, вероятно, нет радости или необходимости насущной, так сказать, дамоклова меча.

Живем мы очень скромно, но все очень подорожало. Вкусовых радостей почти не бывает. Твое отсутствие и в этом все ощущают.

Думаю, что это письмо будет последним.

Храни тебя Христос и Матерь Божия.

Нежно обнимаю.

Ника.

Сегодня Галя с Маргой едут завтракать к Лидочке¹⁴. О Маркизе ничего не слышно, кроме того, что Маркиза с Маркюсей дружат¹⁵.

Барсуков¹⁶ тоже телеграмм больше не присылает. *C'est la vie*¹⁷.

Лёня давно не писал. Видитесь ли вы?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/248.

¹ См. п. 686.

² См. примеч. 9 к п. 399.

³ Ф.О. Ельяшевич.

⁴ О. Жирова.

⁵ Не сохранилось.

⁶ Имеется в виду О. Жирова. См. п. 676.

⁷ Видимо, последствия январской ссоры с Е.Н. Жировой. См. примеч. 8 к п. 671.

⁸ вторая половина дня (*фр.*).

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ Энрико Карузо (Enrico Caruso, 1873–1921) — великий итальянский тенор, неаполитанские песни были непременной составляющей его репертуара.

¹¹ Н.А. Пушешников.

¹² Искья (Ischia) — вулканический остров в Тирренском море, у западного побережья Италии.

¹³ Мемуарные очерки В.Н. Буниной выросли из обработки ее «одесского дневника» 1918–1920-х гг., которой она занималась в 1923–1925 гг. В 1929 — начале 1930-х гг. В.Н. Бунина написала ряд воспоминаний из писательской и художественной жизни 1910-х гг. для «Последних новостей», однако они были опубликованы только частично. Более поздние очерки, которые она называла «Беседками с памятью», печатались в «Новом журнале» в 1960–1961 гг. Однако в 1930–1940-е гг. «Беседками с памятью» она называла также и свои автобиографические записки, см., напр., запись в ее дневнике от 21 февраля 1941 г.: «Все думаю о продолжении “Беседы с памятью”. Хотелось бы написать по-настоящему — время последних классов и курсов, до которых я и дошла» (РАЛ. MS 1067/410).

¹⁴ Л.В. Кутателадзе. См. примеч. 3 к п. 649.

¹⁵ О «маркизе» см. примеч. 13 к п. 676. «Маркюсей» Бунины называли либо Часинг-Маркус (см. примеч. 2 к п. 311), либо ее родственницу (невестку?) Л.В. Кутателадзе (в замуж. Маркусу; см. примеч. 6 к п. 336); см. также п. 707.

¹⁶ Не удалось найти сведений. См. примеч. 13 к п. 676.

¹⁷ Такова жизнь (*фр.*).

691. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 17 апреля 1940 г.

4½ ч. 17. IV. 40, Grasse.

Очень беспокоился, как ты едешь, милая моя¹. Сейчас от тебя телеграмма, что доехала. Но как доехала? Небось, измучилась.

Парижская квартира И.А. и В.Н. Бунных.

Париж, 1961 г.

(ОГЛИМТ).

На обороте Л.Ф. Зуров написал: «Парижская квартира Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e. Столовая и кабинет. (Эти комнаты уже переданы управляющему домом.

Музейная мебель отправлена на склад). /

На первом плане: кресло Ивана Алексеевича, секретер Веры Николаевны.

В кабинете: стол В<еры> Н<иколаевны>, а на нем пиш<ущая> машинка “Remington-portable”.

На этой пиш<ущей> м<ашин>ке В<ера> Н<иколаевна> перепечатала все произведения Ив. Алексеевича.

Письменный стол Ив. А-ча. На камине — фотографии и портрет Л.Н. Толстого (подарок Ильи Львовича

Толстого). Фотографии, портреты и мелкие вещи я сложил в чемоданы. Л. Зуров.

28-го июля 1961 г. 1, rue Jacques Offenbach».

Нынче холод, ветер, сыро. М<арга> и Г<алина> ушли в синема. Я сейчас пойду, куплю на обед ветчины.

Целую тебя и Лёню.

Как только выйдешь с Offenbach на Mozart, сейчас за углом направо будет красильня, а за ней — писчебумажный магазин. Я там заказал перед отъездом из Парижа два (или 3 — не помню) пакета вот такой бумаги, как эта, на которой сейчас пишу тебе: Intérieur № 66² pour Otto-Ring-Book³. Зайди и возьми (думаю, что до сих пор эти пакеты целы). *Чтобы не дали тебе какую-нибудь другую бумагу*, захвати с собой это письмо и проверь, прежде чем брать, точно ли такую же тебе дадут⁴. То, что истратишь, вышлю тебе немедля — или сам привезу: зубы мои все хуже, нынче особенно болят.

Христос с тобой, пиши почаще.

Не откладывай брать — ведь все-таки могут продать, а скоро такой бумаги не будет.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/257.

¹ Получив известие о том, что у Л. Зурова обнаружен туберкулез, В.Н. Бунина срочно уехала к нему в Париж. 9 мая в Париж приедет и Бунин.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ См. примеч. 4 к п. 562.

⁴ Отчеркнуто на полях красным карандашом.

692. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 17 апреля 1940 г.*

17 апреля 1940 г.

5 ч. дня.

Дорогой мой, сейчас я одна и решила написать тебе.

В поезд села при помощи носильщика, едва уговорила его взять и мои вещи. Места не оказалось, но я с помощью хорошего начая в St. Raphaël¹ место получила в одном купе. Ляля² была права, говоря, что следует иметь лишние деньги в кармане. Но я обошлась, так как доехала с «пересадкой» на автобусах до avenue Mozart, не взяла и носильщика на вокзале в Париже. Купе состояло из милых людей. Ночью я спала часа два. Потом болела так голова, что сосед дал мне аспирину. Связала шапочку. Спас и коньяк, только мало.

Была у Лёни. У него завтракала. Щи из кислой капусты с кусочком мяса. Питается он не так, как следует. Очень мне обрадовался. Сегодня вечером он где-то обедает, и я могу лечь в 8 часов. О нем напишу завтра.

Берта³ взяла месяц тому назад маленькую тахту, mademoiselle⁴ она сказала, что ты разрешил. Mademoiselle очаровательна. Мы с ней только что пили кофе. Простыни не выстираны.

Целую всех. В.

Ты забыл мне дать фонарик. Пришли.

Чемодан доставлен.

Поезда эти всегда переполнены, поезда в 2 ч. 30 имеют много свободных мест, говорил мне носильщик.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/249. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine, Villa "Jeannette", Route Napoléon, Grasse, (Al<pes> M<aritimes>)»; почт. шт.: «Paris, rue Singer, 18.IV.1940».

¹ См. примеч. 2 к п. 426.

² Е.Н. Жирова.

³ Б.С. Нилус.

⁴ М.Е. Imbert.

693. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 18–19 апреля 1940 г.*

1940 г. 18 апреля

10 ч. 40 вечера.

Четверг.

Дорогой мой, прежде всего мне хочется тебя поблагодарить, что ты дал мне возможность поехать в Париж. Я давно себя не чувствовала так, как теперь — два целых дня атмосфера любви и приязни, радости и доброжелательства. Вчера Лёня в семь часов по дороге на обед к Оболенской¹ и Толстой-Милославской² опять забежал ко мне, пробыл до восьми, а я после его ухода сразу легла в постель и сразу заснула, проснулась около семи, взяла ванну, час после нее полежала в постели, потом вышла в коридор, увидела письмо: ответ на мое от Тат<ьяны> Сергеевны³. Очень милое. Сегодня она едет к мужу в Тур. Через неделю вернется. Приглашает к себе. Лёня ей тоже ничего не сказал, хотя был у нее в прошлое воскресенье. Пишет, что очень хочет меня видеть. У Бориса⁴ операция — синусит. Пишет: «постараюсь помочь, как могу». Меня сразу это обрадовало, успокоило. Вышла на

базар — купила $\frac{1}{4}$ lapin⁵, овощей, масла, зашла в полицию: нужно certificat domicile⁶. Вернулась домой. Пока мне его готовили, я готовила завтрак. В 10 ч. отправилась в церковь по метро, пропустила Trocadéro, пришлось ехать в Rond Point⁷, от Etoile пересадок нет, дошла пешком до rue Daqu. Служба постная, в нижней церкви⁸. Пришел Лёня в дождевике, а на дворе свежо. Вид довольный — письмо от Т<атьяны> С<ергеевны> с чеком и упреками: «могли бы у нас отдохнуть», «Вы, значит, нас не любите, если скрываетесь».

Купили в русской лавке мы еще четыре пирожка, какой-то закуски, бубликов, экто⁹ постного сахара. Лёня возмущался, что я много трачу, хотя платил он: «я вижу, вы весь бы магазин купили бы». Правда, мне кой-чего очень хотелось, но я ограничилась постным сахаром и бубликами. Доехали на 16 до place de Passy. Тут я отправилась в полицию. Выяснилось, что мне в Грассе не сделали отметки насчет выезда, послали <на> 15 rue Duban, и там поставили печать и сказали, что мне нужно за 10 дней хлопотать о выезде, могу жить, сколько хочу, раз я с 1920 живу на этой квартире. Сирена в полдень тоже по четвергам. Дома завтрак. Вина купить забыли. Лёне вредно. Pull'over в пору. Понравился.

Теперь о нем: вид якобы здоровый, но глаза необычные, t° нормальная, кашля нет, как и мокроты, что хорошо для окружающих, одышка — даже когда поднимается от нас к Куриленко¹⁰. Возбужден. Говорит, что к болезни и даже к смерти относится спокойно, хотя, конечно, в нее не верит, полон надежд и всяких проектов. Есть его заставлять нужно, боится деньги тратить, хотя Т<атьяна> С<ергеевна> очень мило его просит «хорошо обедать до отъезда». Он, конечно, недоедал: по неделям ел один суп из чечевицы и больше ничего. Затем очень его огорчило, что из Швеции не пришли деньги 2 500 фр. за статью и книгу «Древн<ий> путь»¹¹. Кроме того, промочил ноги и проболел недели две. Получил сегодня «путевку» в Санаторию Sanatorium de la Croix Rouge Russe à Oussoulex près Paulhaguet (Haute Loire) недалеко от St Etienne¹², Mademoiselle¹³ знает, очень хвалит, 600 м высоты.

Часа в три мы пошли к Серову.

Там все липовые пациенты — Лёня, Шмелев, Каллаш, Маркович¹⁴, которая нам рассказала свою занимательную жизнь, второй раз разводится и третий раз хочет выйти замуж... Расскажу о ней подробно.

Шмелев очень сдал. Какой-то тихий. Боли в желудке опять, что-то ему впрыскивают. Просил зайти, «всегда дома». Видимо, ему очень тяжело.

Серова долго не было. Сидели в его салоне и вели всякие разговоры.

Потом он приехал: завтрак в 4 ч. дня, принял Шмелева.

Пригласил меня. Он твердо думает, что Лёня поправится, как начнет есть и перестанет утомляться. Он, действительно, очень много работал и в Трокадеро, и над романом, и возится с Объединением¹⁵, и дома с хозяйством. Сер<ов> даже не понимает, откуда явились палочки, но думает, что в санатории ему придется пробыть *не два месяца*, как надеется Лёня, а месяцев пять. Я думаю, что это возбуждение и энергия у него туберкулезного порядка¹⁶, мне это, по правде сказать, не нравится. Как-то ненормально он не заботится о своем здоровье. Больше думает, чтобы я ела, чем он. Готовим мы пополам. Вечером он сварил суп из мяса. Но я забегаю вперед. Пока я разговаривала с Серовым, пришла Каллаш. Радость, восторги при встрече. Она больна — почки, сердце. Стояли, болтали. Наконец я сказала: «Пора хозяевам покой дать»... и мы ушли — в передней дети (это для Олечки¹⁷), два мальчика и девочка. Один мальчик кому-то сказал грубость, и его наказали, отняли барабан и ружье. Собачка у них белая. Я ее не боюсь, — она не пристаёт.

Купили провизии, Каллаш булочки, я — чаю (дома не оказалось) и пошли пить чай к нам. Заходил Нилус. Каллаш пригласила нас в воскресенье — испечет пирог. Она быстро ушла, не захватила фонарика.

Зашли к Куриленко за 2 булями¹⁸, ложками и солью. Разговор о Никоне, о болезнях.

О войне никто не говорит. Говорит о ней очередь у магазина угля и дров, закрытие нескольких линий метро, отсутствие мяса по понедельникам, вторникам и средам, упразднение некоторых автобусов.

Забыла фонарик — вышлите, глупо тратить деньги, когда у нас много, без батареи он легкий, забыла свою адресную маленькую книжку в голубом переплете, она мне *очень* нужна, прошу выслать — заказной бандеролью или посылочкой. Лялю¹⁹ прошу выслать мне фотографии и адрес Алекс<ея> Матв<еевича>²⁰, его тоже не нахожу.

Пока припадков не было.

Как вы все живете? Как сошел концерт Барсукова²¹?

Приветы, поклоны, поцелуй на выбор, кто что хочет.

Твой Ника.
12 ч. 15 м. ночи
19 апреля

Серов думает, что у Марги боли нервного происхождения, что надавило на нерв, и сильные боли.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067А/250.

¹ Н.В. Кельберина (урожд. Оболенская).

² Лидия Павловна Толстая-Милославская, графиня (?–1975) — преподаватель, общественный и церковный деятель. В эмиграции во Франции, жила в Париже. Многие годы была сестрой Сестричества при Свято-Александро-Невском кафедральном соборе, с 1920 г. заведовала церковно-приходской Четверговой школой при храме.

³ Т.С. Конюс в письме от 16 апреля 1940 г. писала: «Дорогая Вера Николаевна, Ваше письмо с известием о болезни Леонида Федоровича было очень неожиданным. Я и в мыслях не имела, что это могло с ним случиться. И отчего он ничего не говорил? Я видела Леонида Федоровича два дня тому назад — и он ни слова об этом не сказал. / 18-го я уезжаю к Борису в Tours. Вернусь домой, вероятно, через неделю. Очень хочу Вас увидеть и постараюсь помочь как могу» (РАЛ. MS 1967/3402).

⁴ Б.Ю. Конюс.

⁵ кролик (*фр.*).

⁶ справка о месте жительства, регистрация (*фр.*).

⁷ Сейчас это станция метро «Franklin D. Roosevelt».

⁸ Нижняя церковь во имя св. Троицы собора св. Александра Невского на rue Daru.

⁹ От *фр.*: hectogramme (сокращенно: hecto) — гектограмм, который равен 100 граммам.

¹⁰ См. примеч. 4 к п. 548.

¹¹ См. примеч. 11 к п. 230 и примеч. 22 к п. 233.

¹² Туберкулезный санаторий русского Красного Креста, существовал с 1930 г. до начала 1960-х гг.

¹³ М.Е. Imbert.

¹⁴ Мария Эдуардовна Маркович (урожд. Берген, 1873–1965) — оперная и концертная певица. Солистка Мариинского театра (1900–1917), профессор Петроградской консерватории (с 1917). После революции в эмиграции во Франции. Выступала в Русской опере князя А. Церетели и В. де Базиля. Профессор Русской консерватории в Париже (с 1933).

¹⁵ В 1937–1940 гг. Л. Зуров избирался председателем Объединения русских писателей и поэтов.

¹⁶ См. предисловие и примеч. 1 к п. 691.

¹⁷ О. Жирова.

¹⁸ От *boulet de charbon* (*фр.*) — угольный брикет (овальной формы).

¹⁹ Е.Н. Жирова.

²⁰ А.М. Жиров.

²¹ Возможно, пианист С. Барсуков. Он давал концерт в Париже 26 марта 1940 г., потом, видимо, и в Ницце. См. примеч. 13 к п. 676.

694. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 19 апреля 1940 г.

19. VI¹. 40.

Милая моя, вот какое письмо получил я нынче². Значит, M-m Hulbert³ еще не получила денег, насколько я понимаю. Банк, очевидно, понял меня так, будто я хочу, чтобы ей заплатили франками. Но ведь я этого нисколько не хочу — пусть заплатят фунтами. Только я не знаю точно, сколько это выйдет фунтов — 33 с чем-то, кажется? Узнай, пожалуйста, у Михельсона или у Цетлиных, *сколько именно (точно)?* Узнай и то, могу ли я приказать *теперь* банку сделать это? — Я *этого* в прилагаемом письме тоже не понимаю. И, *если могу*, как именно написать мне в банк? Я ведь в этих делах совсем идиот.

Получил я нынче и еще одно письмо — из Парижа — требование платить налог на мои «доходы» в 39 году — 1 736 франков! Да за парижскую квартиру пора платить! Погибаю!

Новостей у нас пока, кроме этих, нет. Целую тебя и жду письма.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/258. Месяц и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 695 и 702.

¹ Описка Бунина, на самом деле 19.IV.

² Письмо неизвестно.

³ Эдит Халберт (Edith Wareing Hulbert, урожд. Bardsley, 1868–1956) — владелица виллы «Жаннетт»; вдова скончавшегося там же в 1928 г. Генри Халберта (Henry Louis Powell Hulbert, 1872–1928).

695. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 20 апреля 1940 г.

20. IV. 40.

Сейчас получил твою открытку, дорогая моя. Огорчен, что так мучительно ехала. Передай М-Ше¹ мой поклон и просьбу — *немедленно* взять у Берты² наш диван — я никогда не давал ей никакого разрешения, возмущен ею страшно. Новостей нет пока. Нынче уж совсем жаркий день. Вчера послал тебе второе письмо, с письмом из Swiss Bank. В первом письме³ писал тебе, чтобы взяла бумагу в писчебум<ажном> магазине. Но, если можно, пусть мне лучше пришлют ее сюда *с наложенным платежом*. Все больше болят передние зубы. Целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/259. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e», адрес отправителя: «J. Bounine. Villa Jeannette. Grasse. A<ipes> M<aritime>»; почт. шт.: «Grasse, 20.IV.40».

¹ М.Е. Imbert.

² Б.С. Нилус.

³ См. п. 691.

696. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 20 апреля 1940 г.*

№ 1.

Новая историко-литературная газета ежедневная

Вести из Пасси

20 апреля 1940.

Суббота. 7 часов утра

Новости, толки, вести

Всем, всем, всем.

Утро вечера Бориса Зайцева¹ прошло с большим успехом и артистическим, и материальным. Валовой сбор больше 7 тысяч. Ему очистилось 4360 fr. Яблоновскому 2340 fr.; 300 fr. — расхода.

19 апреля в два часа дня было ликвидационное заседание по этому утру вечера.

Присутствовали Г.И. Шик, М.С. Цетлина, Ф.О. Ельяшевич, Н.И. Михельсон и всем известная Феничка в шляпе цвета бордо.

К концу заседания пришла В.Н. Бунина. Радость, крики, поцелуи. Обещание помочь. Чествование ее у Тесленко — кофе, пирожные, не-арийки — кулич, пасху.

Кульманы в Париже. Ник<олай> Карл<ович> уложен на 3 м<есяца>, что-то с сердцем. Нат<алье> Ив<ановне> предписано лежать 10 часов в день (!)

Приглашения: к Цетлиным (одна) к завтраку в понедельник, к Аитовым (с Лёней) к обеду в понедельник, к Шик (одна) к завтраку в воскресенье, к Каллаш (с Лёней) на пирог к 4 ч. в воскресенье², к Каминским во вторник вечером (с Лёней). Со среды — серьезное говение. — Пост с понедельника.

Мнения:

В.Б. Ельяшевич настроен оптимистически, особенно после войны с Норвегией.

— Лечение зубов. — Тата нашла, что болит зуб не под коронкой, а рядом. Начала лечить.

Письма: от С.Ю. Прегель — назначает свидание 22 апр<еля> понедельник 4 ч. в Café Colisée на Champs-Élysées (думаю, не состоится, увидимся у М<арии> Сам<ойловны>, они живут вместе).

Пне³ от Алданова — приглашение на вчера к нему ужинать — прочла ее в 10 ч., вернувшись от Ельяшевич (там мне дали кольцо и салфетку). Застала Лёню — ел наш rot au feu⁴. Весел.

Тема для фельетонов. Приезд к Ельяшевич в первый день войны семьи Зеелера в пять человек.

Видю собачек, Мусю и других. Их не боюсь.

Проводы в Перпиньян русского офицера — сначала у него на квартире — а затем на вокзале Аустерлиц. Среди провожающих Л.Ф. Зуров, вручивший горсточку русской земли, чем доставил увешанному орденами русскому воину великую радость.

Л.Ф. Зуров получил бумаги для санатории. Сегодня начинаются хлопоты о *sauf conduit*⁵ и исполнение всяких формальностей.

Встречи: с Михельсоном. Расстроен. Волнуется за сына⁶. Приглашение на завтрак.

Планы на сегодня.

Утром к Зайцевым.

Завтрак с Лёней дома.

Манухина.

А в 6 ч. должна телеф<онировать> М. Ал. <Каллаш>.

Всенощная.

Обедаем дома.

Хроника: Михайлов⁷ один едет на юг. Люсю Маршак⁸, родную племянницу В.Ю. Браславской⁹, разбил паралич, ей не более 43 лет.

У Браславских (Муси) родились внуки¹⁰.

Кампанари¹¹, друг Зайцевых и Кумонных<?>. Растратил деньги и пропал без вести. Жена¹² приехала из санатории, у нее последний градус чахотки, жила у Зайцевых. Деньги шоферские из гаража. Волнения, переговоры, наконец, жена решила пойти на квартиру и нашла труп мужа, покончившего с собой 29 дней тому назад, и 3 письма, ей, приятелю и консьержке.

Теперь жена уехала. Зайцевы сделали дезинфекцию.

Просьбы:

Прислать книжку с адресами.

Адрес Алексея Матвеевича¹³.

Фонарик.

Пасси при лунном свете мило, а Vois — сказочно.

Может быть, выйдет вечерний номер.

Прошу откликнуться жителей vill'ы Jeannette.

Редактор и издатель Ника.

Письмо от Яна¹⁴.

Сейчас зайду за бумагой.

Ехать было тяжело, но все забыто. Отдана ли машинка.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067/39.

¹ В газетной хронике не сохранилось отчетов об этом мероприятии, к тому времени эмигрантские газеты в Париже доживали свои последние дни (через месяц с небольшим они прекратят свое существование, после того как немцы войдут в Париж). 27 апреля 1940 г. М.А. Алданов писал Бунину: «Очень приятно прошло чтение Бориса Константиновича <Зайцева>: и читал он хорошо, и публики было много, и сбор хороший» (ОРЭУ. Gen 565).

² Об этом В.Н. Бунина уже успела сообщить мужу в обычном письме. См. п. 693.

³ См. примеч. 9 к п. 451.

⁴ «котелок на огне» (*фр.*), горячее блюдо традиционной французской кухни.

⁵ пропуск (*фр.*).

⁶ Не удалось найти сведений.

⁷ П.А. Михайлов.

⁸ Не удалось найти сведений.

⁹ Не удалось найти сведений.

¹⁰ Не удалось найти сведений.

¹¹ Лев Дмитриевич Кампанари (?–1940) — муж Е.Н. Кампанари, покончил с собой. К тому времени Бунин уже получил письмо от Б.К. Зайцева от 16 апреля 1940 г., в котором тот рассказывал о случившемся: «Помнишь ли ты Кампанари? Елена, его жена, уже 2 года в санатории (туберкулез). Он, оставшись тут один, запутался, запил, завел француженку и растратил 30 тыс. чужих денег. Елена давно чуяла, что дело плохо, — наконец, приехала сюда, остановилась у нас (прожила 10 дней). Лев Дм<итриевич> где-то “скрывался”. А когда Вера с Еленой поехали на прежнюю квартиру Кампанари, которую пришлось взломать, вот там Л.Д. и оказался. Мертвый. Три недели тому назад открыл газ» (*Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 11 (доп.): Письма 1923–1971 гг. С. 117*).

¹² Елена Николаевна Кампанари (ок. 1897–1955) — ближайшая подруга Зайцевых с дореволюционных времен. В Первую мировую войну сестра милосердия, георгиевский кавалер. В эмиграции в Париже художник по тканям, шляпница в ателье, с конца 1939 г. лечилась от туберкулеза.

¹³ А.М. Жиров.

¹⁴ См. п. 691.

697. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 21 апреля 1940 г.

№ 2.

21 апреля. Воскресенье

Новости Пасси

Вчерашний номер не вышел в свет по независимым от редакции причинам¹.

Всем, всем, всем.

Вести, толки, мнения.

*Nuit calme*²

В субботу утром.

Посещение Зайцевых. Радости, крики. Бодры, здоровы, веселы — успех вечера.

Новости: жена Кепинова³ в гипсовом корсете уложена на полгода, — девятый позвонок почти не существует. Вспомнили, что была автомобильная катастрофа, от которой они отделились, как им казалось, пустяками.

Наташе⁴ лучше. J.P.⁵ поправилась. Но Андрея⁶ угоняют из Парижа.

Завтра дома с Лёней и Лоллием⁷.

Посещение Манухиной. Беседа о Блаженном Августине и гностиках и других житейских делах в разрезе религиозном.

Всенощная 81 rue de la Faisanderie⁸.

Среди молящихся мы заметили:

М.Н. Сенютович⁹, Е.Н. Вышнеградскую¹⁰, Ниночку Вышнеградскую¹¹, Никиту Вышнеградского¹², Л.Ф. Зурова и друг<их>. Служба была изумительная с вербами и свечками. Прислуживали в белых стихарях Леша и Володя, семилетние мальчики, говевшие в первый раз. Леша — племянник Серого¹³. Оба очаровательные, один брюнет, другой блондин, и серьезны необыкновенно.

Дома обед — суп, свинина, апельсины.

В 9 ч. — Лоллий.

9 ½ — Алданов занят сбором для Гессена¹⁴.

От матери: взволнованность и слезы на глазах.

Воскресенье.

Михайлов — едет на юг. Приглашение на вторник обедать. Намерение познакомить нас с Клягиным¹⁵. Приятен, мил.

Обедня.

Среди присутствующих: Ив. Ив. Манухин, Т. Ив. Манухина, Л.А. Власова¹⁶ с мужем (сестра Серовой), М.Н. Сенютович, В.С. Яценко¹⁷ и другие.

Завтрак у Шик. Атмосфера дружеская.

Меню: селедка с картофелем, язык с горошком и картофелем, компот. Вина не было. Кофе.

В три дома.

Поход к Кульман.

Пешком и автобус 123.

Нат<алья> Ив<ановна>, похудевшая с испуганными глазами и измученным лицом.

Ник<олай> Кар<лович> в постели на три месяца. Бледный, худой. Тяжелое и грустное впечатление.

Пешком <к> Каллаш.

Настоящий раут. Батюшка Дмитрий Соболев¹⁸, опаздывающий ко всенощной. Катя Муратова¹⁹, Баклэ²⁰, Авалова²¹, Стронов²² профессор, Круп<?>²³.

Меню: пироги с рыбой и рисом, рыба под соусом томатным с картошкой. Белое вино. (В первый раз здесь.) Атмосфера любовно-веселая. Возвращение при луне пешком.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067/40.

¹ Имеется в виду «вечерний номер», заявлявшийся в предыдущем.

² Спокойная ночь (*фр.*).

³ Жена Л.И. Кепинова — Елена Павловна скончалась через два года от последствий аварии.

⁴ Н.Б. Соллогуб.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ А.В. Соллогуб во время Второй мировой войны мобилизован во французскую армию, направлен в офицерскую школу.

⁷ Л.И. Львов.

⁸ Церковь преп. Сергия Радонежского при Обществе галлополийцев (81, rue de la Faisanderie), действовала в Париже по этому адресу с 1932 по 1942 г.

⁹ Мария Николаевна Сенютович — дочь Николая Сенютовича, родственница семейства Вышнеградских.

¹⁰ Вышнеградская Елена Николаевна — вдова А.И. Вышнеградского.

¹¹ Не удалось найти сведений.

¹² Не удалось найти сведений.

¹³ Вероятно, имеется в виду С.М. Серов.

¹⁴ 27 апреля 1940 г. М.А. Алданов писал Бунину: «Получил известие о приезде Веры Николаевны, хотел ее повидать. Был у нее, долго разговаривали, она здорова и так же мила, как всегда. Видел я у нее и Зурова, и Л. Львова» (ОРЭУ. Ген 565). В связи с чем Алданов занимался сбором для Гессена, не удалось установить.

¹⁵ Александр Павлович Клягин (1884–1952) — инженер-технолог, предприниматель. В России служил в аппарате строительства железных дорог. В 1912–1914 гг. представитель Министерства путей сообщения во Франции и Бельгии. В эмиграции жил во Франции, принял французское гражданство. В начале 1940-х гг. познакомился с Буниными, помогал им деньгами. Позже Бунин написал предисловие к книге Клягина «Страна возможностей необычайных» (Париж, 1947).

¹⁶ Любовь Александровна Власова (рожд. Лихонина, 1901–1980) — сестра М.А. Серовой. Пела в хоре Галлополийской церкви.

¹⁷ Не удалось найти сведений.

¹⁸ Дмитрий Николаевич Соболев (1887 — 1961) — протоиерей. Участник Белого движения. В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. в Югославии, принял священство (1922), служил в сербских приходах. С 1925 г. во Франции, священник разных приходов в Лилле, Гренобле и др., с 1936 г. помощник настоятеля Трехсвятительского подворья в Париже.

¹⁹ Е.С. Муратова, жена П.П. Муратова.

²⁰ Не удалось найти сведений.

²¹ Возможно, княгиня Нина Ивановна Авалова (урожд. Миллер, 1897–1970) — член Братства Св. Иоанна Предтечи при храме Трех Святителей в Париже.

²² Не удалось найти сведений.

²³ Не удалось найти сведений.

698. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Канны. 22 апреля 1940 г.

22. IV. 40

Душа моя милая, еду в Ниццу к главному доктору (Carlotti) — еще горе — уже давно очень слезится левый глаз. Боюсь — что это значит?

Вчера получил твоё письмо, нынче еще. Пока сообщаю только, что фонарик не посылаю — дрянной, уже никуда не годится — alors, купи дешевенький. Книжку с адресами сейчас послал заказным.

Дивлюсь на чахотку Лёни¹ — ни кашлю, ни поту, ни жару — а палочки! Дай Бог не сглазить, дай Бог здоровья.

Жду ответов от тебя на мои письма.

Новостей нет. Г<алина> больна (обычно) и (обычно) зла. Да это, говорю, не новость. Вчера очень обиделась, что ты пишешь, что в Париже все к тебе добры (а в Грассе, мол, нет). Погода райская, на солнце оч<ень> жарко. Все зеленеет и цветет. Оля² очень мила —

единственная. А я — в некоторых отношениях (даже во многих), как Фауст: «и псу не жить, как я живу»³.

Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/260. На почтовой бумаге Grand Café des Négociants, Cannes. Место установлено по содержанию.

¹ См. предисловие, примеч. 1 к п. 691, п. 693.

² О. Жирова.

³ Слова Фауста из его первого монолога в переводе (1844) М.П. Вронченко.

699. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 22 апреля 1940 г.

22. IV. 1940.

Дорогой мой, бумагу купила¹, пока одну тетрадь, еще две выпишут.

Показывала Павл<у> Ал<ександровичу>² письмо. Он говорит, что ты должен написать так: «une somme correspondante comme valeur à six mille francs»³.

Когда ты приедешь? Может быть, с ним. У него есть проект более удобного сообщения.

Получила приглашение гостить в замок в Турэн⁴ к Каплинской⁵ на несколько недель. Нужно разрешение военных властей. Можем воспользоваться и посмотреть, где жить нам.

Надеюсь, что завтра ты вспомнишь обо мне. 33 года жизни вместе.

Обнимаю и целую с большой нежностью и благодарностью.

Не сглазить, любовная атмосфера продолжается⁶.

Стало тепло. Жарко днем в костюме.

Передай всем привет. Олечку⁷ поцелуй.

Начинаю говеть.

Твой ci-devant⁸ К.
а теперь ничья Ника.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/251.

¹ См. просьбу Бунина в п. 691.

² П.А. Михайлов.

³ сумму, по курсу соответствующую шести тысячам франков (*фр.*).

⁴ См. примеч. 6 к п. 432.

⁵ Письмо Р.С. Каплинской из Chateau de la Grille к В.Н. Бунинной от 18 апреля 1940 г. сохранилось, в нем она писала: «Дорогая Вера Николаевна, спасибо за открытку и приглашение, кот<орым> я, к сожалению, не смогу воспользоваться. Засела я здесь прочно, и делать мне сейчас в Париже нечего. Устроилась здесь на целое лето, а там видно будет. <...> Очень огорчилась, прочтя Ваше письмо, хотя лично не знаю Зурова. Буду Вам очень благодарна, если Вы напишете мне о себе и о нем. У меня к Вам большая просьба; я давно мечтала о том, чтобы пригласить Вас сюда погостить. Нужно только иметь разрешение на пребывание здесь, так как наш замок расположен в Touraine, кот<орый> на особом положении. Разрешение надо иметь от военных властей. Я была бы бесконечно рада, если бы Вам удалось получить разрешение и приехать сюда на несколько недель. Я сделала бы все от меня зависящее, чтобы Вы здесь хорошо отдохнули. Если это невозможно сейчас, то, может быть, позже. Вы всегда будете здесь желанной гостьей» (РАЛ. MS 1067/3222).

⁶ Имеется в виду более спокойное настроение в доме, пришедшее на смену натянутым отношениям предыдущих месяцев (см. п. 676).

⁷ О. Жирова.

⁸ бывший (фр.).

700. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 22–23 апреля 1940 г.

Двойной номер.

22–23 апреля.

Чистый понедельник и чистый вторник

Новости Пасси
 Ежедневная газета

Всем, всем, всем.

Тихо скончался с 21 на 22 в ночь Лазарь (Илья) Осипович Гавронский¹

Вести, толки, мнения, слухи

Понедельник, вторник, среда

Отсутствие мяса три дня, как и сладостей.

По вторникам закрыты булочные

Во всех храмах чудесные великопостные службы.

В Галлиполийской церкви² без певчих эти дни.

На Буало чудное пение.

Особенно хорошо исполнили «Да исправится молитва моя».

Народу эти дни мало.

В понедельник 22 апр.

Обед у Аитовых³ в семейном кругу. Лакей в белых перчатках. Меню: суп из legumov, три рыбки макро и бабки из макарон, апельсины и грецкие орехи.

Хозяин ругал Манухина и Залманова и тех, кто у них лечится, обзывал дураками и идиотами. Замечание: возражений не слушает.

Сын его на фронте⁴. Дочь красивая, медичка 3 курса, мобилизована⁵.

В Салоне слушали радио и из Москвы. Точно передают французское радио, конечно, в переводе.

Слушали Грига (Пер Гюнт). Потом пластинки Шаляпина — «2 гренадера», «В 12 ч. по ночам», «Вдоль по Питерской». В 10 ч. дали ликера — бенедиктин.

Около 11 — ушли.

Во вторник 23.

Преждеосвященная литургия в Храме на улице Буало.

Потрясающее впечатление «Да исправится молитва моя».

Вообще преждеосвящ<енная> обедня красоты потрясающей.
Народу на донышке. Знакомых никого.

Путешествие на виллу la Miche.
Пешком до porte de St Cloud к церкви.
№ 1 автобус.

Пешком до виллы Цетлиных.

Там смятение. М<ария> С<амойловна> и М<ихаил> Ос<ипович> едут на похороны И<льи> Ос<иповича>. Меня М<ария> С<амойловна> отговорила ехать. Завтрак на скорую руку. Назначение свидания в пятницу в 4 часа у La Fontain'a.

Моя беседа с С.Юл. Прегель. Получение 100 фр., обещание взять с брата⁶ или Шурочки⁷, и давать подписи.

Рассказы о выступлении Марги⁸. Реклама. Вообще я везде, где можно, очень хвалю recital⁹.

Использование телефона.

Кодрянские¹⁰ еще в отъезде.

Визит condoléance¹¹ к Е.С. Кянджунцевой¹². Когда говорит о муже, плачет. Уже чувствует будни горя.

Приход ее племянника «Арманьяка»¹³ Гукасова из «Возрождения».

Чай с черным хлебом и маслом, сдобным белым «стриктом», будто от Барталеса.

Сын его на фронте. Жена вся в работе по отсылке пасхальных посылок на фронт.

Разговоры о «текущем моменте», о Пэке¹⁴ — весел, толст, ловко «устроился», 5 дней в неделю бридж, иногда и с обедом...

Пешком по Longchamps до Галлиполийской церкви.

Всенощная на rue Faisanderie, среди трех присутствующих Л.Ф. Зуров.

Ушли до окончания. Зашли к кн. Оболенской¹⁵ — нужно отказаться было Лёне от обеда, перенести на четверг вечером.

Обед у Михайловых. Меню: сардинки, редиска, колэн под соусом, молодая картошка, спаржа, апельс<иновый> компот, хорошее красное вино.

Радио — Москва — сообщения — 6 симфония Чайковского.

Послезавтра Мигуэлло¹⁶ едет с утренним поездом. Ночевка в Марселе. В пятницу — Ницца, Grand' hotel, везет две картины.

Письмо от Олен<иной> D'Al<geym>. Предлагает свидание в пятницу 4 ч. 30 дня, как раз час свидания с М.С. <Цетлиной>. Предложу субботу.

Лёня получил «путевку», билет бесплатный.

Сбор для него буду делать, когда он уедет. Сейчас имею — только 150 fr.

Купил легкие желтые башмаки и 2 пары носок и галстук.

Носится с планом устроить экспедицию по изучению церквей в Бретани и Нормандии.

Моды:

Мадам Ельяшевич переделывает мне шляпы.

Мой костюм уже застегивается, как следует, не знаю, растянулся или я похудела еще.

Видом моим все довольны. Некоторые говорят, могу быть манекеном.
Шляпы все очень высокие спереди.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067/41.

¹ О его кончине было сообщено в газетах: «Лазарь (Илья) Осипович Гавронский, зубной врач, тихо скончался в ночь на 21 апреля 1940 г., о чем с глубокой скорбью извещает семья» (Последние новости. 1940. 23 апреля. № 6966. С. 1). Бунин узнал об этом из газет и написал В.Н. Буниной. См. п. 703.

² См. примеч. 8 к п. 697.

³ В.Д. Аитов и его жена (во втором браке) М.Н. Аитова.

⁴ Сергей Владимирович Аитов (1913–1941) — сын В.Д. и М.Н. Аитовых, лейтенант французской армии, погиб на фронте.

⁵ Не удалось найти сведений.

⁶ Борис Юльевич Прегель (1893–1976) — физик-атомщик, инженер, предприниматель, общественный деятель. После Второй мировой войны жил в Париже и Нью-Йорке, возглавлял радиевые и урановые компании. Член множества международных организаций, в частности, Совета директоров Литературного фонда, глава французского университета в Нью-Йорке, президент нью-йоркской Академии наук.

⁷ А.Н. Прегель, жена Б.Ю. Прегеля.

⁸ О каком выступлении М. Степун здесь идет речь, непонятно.

⁹ сольный концерт (*фр.*).

¹⁰ И.В. и Н.В. Кодрянские в 1940 г. переехали в США, но часто приезжали в Европу.

¹¹ соблезнование (*фр.*).

¹² Е.С. Кянджунцева — вдова Г.Г. Кянджунцева, скончавшегося незадолго до того.

¹³ Имеется в виду Арменак Павлович Гукасов (1887–?), сын нефтепромышленника и финансиста П.О. Гукасова, родного брата А.О. Гукасова, основателя и издателя газеты «Возрождение» (Париж, 1925–1940), в которой печатался Бунин. Е.С. Кянджунцева была родной сестрой жены П.О. Гукасова Евгении Самуиловны, так что А.П. Гукасов действительно приходился ей племянником.

¹⁴ Н. Рошин.

¹⁵ Из контекста непонятно, о какой именно Оболенской идет речь.

¹⁶ П.А. Михайлов.

701. В.Н. Бунина — И.А. Бунину Париж. 24 апреля 1940 г.

1940 г. 24. IV.

9 ч. утра.

Дорогой мой, проснулась в 6 ч. 30 м., в семь встала, выпила кофе. Взяла ванну. Час полежала. Оделась. Постелила постель. Просмотрела корреспонденцию — твое письмо. Так как я вчера вымела все комнаты, а *mademoiselle* вымыла пол в кухне (она бывает раз в неделю, я все же устаю в церкви, от ходьбы, а потому воздерживаюсь от очень тяжелой работы), то я имею час времени до обедни и хочу тебе написать и послать следующий выпуск «Новостей Пасси»¹.

С деньгами обхожусь: в дни, когда не ем дома, трачу на несъедобное. Так третьего дня заплатила *mademoiselle*² 10 fr. за работу в первый день моего приезда, — я была очень измучена, купила *Kiwi*³ для обуви 4 fr. 30 и 1 фр. за то, что мне вычистил башмачник туфли, я куда-то шла. Вчера весь день ела в гостях, купила книжку автобусных бил⁴, 10 fr. 50, метро два конца 2 f. 60 с., почт⁵ за твой присыл денег — 1. Стоит сейчас и церковь, но это из моих 50 с.

Сегодня весь день буду питаться дома, завтра исповедь и причастие в Клармарской церкви у о. Киприана⁵.

Очень расстроилась смертью милого Ильи Осиповича⁶. Жаль его. Но ты не отменяй своей поездки, его сын⁷, зная отношение отца к тебе, постарается все сделать, как следует. А работает он хорошо. Если хочешь, я съезжу к нему и переговорю. Это только тебе.

Что у тебя с глазом? Что моя машинка? Очень жалею, что *ее нет*.

Странные бывают люди: ударят и удивляются, если человек вскрикнет. Любовь вещь невесомая, и человек не виноват, если не может любить. Любовь, как вера, без дел мертва. Галя *ни разу* с мая месяца не пришла и не посидела у меня, впрочем, раз без тебя. Значит, нет потребности быть хоть иногда вместе, с глазу на глаз. Значит, душа человека не интересна, на что же злиться, что это чувствуешь. Ляля⁸, если бы любила меня, то была бы счастлива нашей общей любовью к Олечке⁹.

Как Лёня отличается от всех них. Он истинно родной.

Обнимаю нежно. Целую. Твой Ник.

Налог рассрочили, как ты хотел. 236 ф. внесла уже третьего дня.

В.

Я сказала, что ты раз мельком виделся с Ириной¹⁰, Мигуэлло¹¹.

Дай на пасхальный стол 100 фр. Иначе им¹² будет очень горько.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/252.

¹ См. предыдущее письмо.

² М.Е. Imbert.

³ Крем для обуви.

⁴ См. примеч. 9 к п. 541.

⁵ В 1940 г. о. Киприан Керн был назначен настоятелем церкви свв. Константина и Елены в Клараме.

⁶ И.О. Гавронский.

⁷ Виктор Лазаревич Гавронский, сын Ильи (Лазаря) Осиповича Гавронского, также был зубным врачом.

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ О. Жирова.

¹⁰ О ком именно (И.С. Волконской (урожд. Рахманиновой), И.С. Лидовой или ком-то еще) идет речь, трудно сказать. Ср. в дневнике Бунина от 31 августа 1940 г.: «Вчера был в Ницце. Завтракал, как всегда, в Эльзасск<ой> таверне, с безнадежной тоской в душе: вот [уже] еще год жизни прошел, и уже далекой кажется грустная прошлая зима, и нет несчастной, всегда бодро усмевающейся Ирины, и Цакни сидит в остроге (это с ними бывал я в этой таверне)» (РАЛ. MS 1066/532). А также ср. в дневнике В.Н. Бунинной от 15 марта 1939 г.: «Ляля <и>спекла вкусный пирог, Наташа с Ириной готовили маседуан и винегрет с рыбой» (РАЛ. MS 1067/410).

¹¹ П.А. Михайлов.

¹² Возможно, имеются в виду Е.Н. и О. Жировы.

702. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Грасс. 24 апреля 1940 г.

24. IV. 40.

Дорогая моя, милая, получены твои письма от 20 и 21-го¹. Рад, что тебе пока хорошо, но боюсь, что переутомишься. А главное — *что же ты ни слова о том, что тебе необходимо повидаться с кем-нибудь из докторов?* Я бы советовал Антова. И поговорить ты с ним должна *очень серьезно* — не молоденькая. Сходи, пока совсем не истрепалась по Парижу.

Что же тахта наша — взята у этой стервы²? Возьми немедленно.

М-не самые сердечные поклоны.

В Ниццу проездил даром — у Carlotti³ множество народу, нельзя было дожидаться приёма.

Кабинет И.А. Бунина.

Париж, 1961 г.

(ОГЛМТ)

На обороте Л.Ф. Зуров написал: «Постель. Смертное ложе Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. На стене фотографии: Ив. Алексеевича, матери Веры Николаевны, генерала Муромцева, С.А. Муромцева, братьев В.Н. и Н. Пушкиной. На стене висит большой портрет Ив. Алексеевича (работа художника Табу), на полках — книги и часть архива. Л. Зуров. 28-го июля 1961 г. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16e».

Насчет зубов жду ответа от Гавронского. Он человек разумный — м<ожет> б<ыть>, скажет, что в Париж ехать сейчас опасно. Так что когда мне ехать и ехать ли (а как не ехать?), неизвестно. Да и деньги меня пугают — сколько опять расходу!

А ты — что же думаешь — сидеть в Париже без конца?

Ехать мне отсюда с Михайловым? Да когда же это будет? Через месяц, через 2? Что у тебя в голове!

На Пасху приглашены на завтрак к Самойловым, на обед — к Лидочке⁴. Но ее письмо написано так, что скорее всего приглашен один я.

К письму из банка ты отнеслась небрежно. Пишешь всего 2 слова. А я не понимаю — м<ожет> б<ыть>, он уже заплатил нашей хозяйке? А ты и Михайлов как поняли? От хозяйки что-то больше ни слова — м<ожет> б<ыть>, уже получила?

Самые горячие мои чувства Кульманам⁵. И всем поклонись — кому нужно.

Про бумагу я тебе писал⁶. Пока достаточно и одного пакета, не бери больше.

Нынче опять холод и дождь. Еще пуще ноют зубы.

Все тебя целуют, Олечка⁷ особенно.

Мама⁸ опять в кашле и насморке.

О наших 33 годах⁹ вспомнил вчера ночью — с сильной нежностью о тебе, с великой благодарностью тебе. Мысленно о тебе молился. И все тщетно думал — что это такое —

прошлое? Как определить представление о нем? Храни тебя Божья Матерь, бесценный друг, целую тебя горячо и крепко.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/261.

¹ Возможно, пп. 696 и 697. См. также п. 699.

² О том, чтобы забрать диван у Б.С. Нилус, Бунин писал в п. 695.

³ Глазной врач. См. п. 698.

⁴ Л.В. Кутателадзе. См. примеч. 3 к п. 649.

⁵ Последние сведения о болезни Н.К. Кульмана см. в письме Н.И. Кульман к В.Н. Буниной от 1 февраля 1940 г. (примеч. 2 к п. 679); видимо, с тех пор Кульманы вернулись в Париж.

⁶ См. п. 691.

⁷ О. Жирова.

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ См. примеч. 12 к п. 221.

703. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Канны. 25 апреля 1940 г.

Только что отправил тебе вчера, душа моя, письмо¹, как принесла Г<алина> из города «Посл<едние> н<овости>» — «тихо скончался» Гавронский². Что же мне теперь делать?

Пишу из Cannes — был у глазного доктора: слезы в левом глазу от носа³. Нужна операция в носу.

Целую.

25. IV. 40.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/262. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e», адрес отправителя: «J. Bounine. Grasse. A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Cannes, 25.IV.40».

¹ См. п. 702.

² См. примеч. 1 к п. 700.

³ См. пп. 698 и 702.

704. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 25 апреля 1940 г.

25 апреля 1940 г.

Сейчас иду, дорогой мой, к 12 Еванг<елиям>¹.

Сегодня причащалась у отца Киприана в Кламарской церкви², кот<орая> стоит в саду. Сирень, розовое маленькое деревцо. Прелесть, прелесть! Какое счастье жить религиозной жизнью на Страстной, хотя мое счастье куплено дорогой ценой. Очень боюсь за Лёню, погода опять испортилась. Завтра утром пошлю Вам длинное письмо. Поеду только на вынос Плащаницы к 2 ч. дня опять в Кламар.

Все подобрили. Мигуэлло³, должно быть, уже кагит <?>.

Когда ты приедешь?

После отъезда Лёни начну «работать» по его делу⁴. Я почти всех перевидала. Сегодня днем спала, зато ночью 3 часа! Отец Киприан сказал, что Олечка⁵ должна уже исповедоваться. Целую всех и жду вестей с Jeannette.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/253. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine, Villa Jeannette, Grasse (Al<pes> M<aritimes>)»; почт. шт.: «Paris, 25.IV.1940».

¹ Речь о церковной службе 12 евангелий (другое название Утрени Великой пятницы), которая служится в Страстной четверг.

² См. примеч. 5 к п. 701.

³ П.А. Михайлов.

⁴ Видимо, В.Н. Бунина хотела собрать деньги на лечение Л. Зурова (см. п. 705), а также сообщения В.Н. Буниной о болезни Л. Зурова в письмах к знакомым: Т.С. Конюс, Р.С. Каплинской и др.

⁵ О. Жирова.

705. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 26 апреля 1940 г.

26. IV. 1940.

11 ч. 15 мин.

Дорогой мой, полчаса назад ушел Лёня, мы с ним закусили после всенощной, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Это, может быть, самая лучшая служба, красоты несказанной, почти все время у меня лились слезы. Были мы на Faisanderie, народу было немного, каждое слово слышала, читал отец Афанасий, новый священник¹, хорошо, хор пел отлично, а напевы божественны, над Плащаницей белая сирень, на Ней много цветов, я принесла анемоны в честь Грасса. Боже, чего ты себя лишаешь! Какого тонкого, самого высшего наслаждения! Не знаю, как благодарить Бога и тебя, что я эту Страстную провожу в Париже, бывая в церквях почти на всех службах. Вчера во время исповеди отец Киприан говорил о тебе. Я рассказывала о твоей матери. Он читает твои стихи, как «духовную книгу», молится, чтобы вернуть тебя к Церкви, считает твою душу религиозной.

Спасибо тебе за чудесные слова о наших 33 годах. Да, действительно, что такое прошлое? Его и нет, и оно вот тут.

Все эти дни я очень тоскую по тебе.

Я стараюсь не переутомляться, чувствую силы, — причастие всегда дает их. После ванны всегда лежу час, как советовал мне Залманов.

Как же я могу пойти к Аитову, когда ты не дал мне денег на доктора, — ведь из 20 фр. не выкроишь 50 за визит. Я уже должна Тате² за зуб 40 фр.

Тахта возвращена³.

Я очень рада, что ты не был у Carlotti⁴, ведь один уже раз он тебя зря напугал.

Что же ты решил насчет зубов? Напиши сыну⁵, зовут его Виктор Лазаревич, он, вероятно, в курсе дела. Сейчас, нам кажется, особой опасности нет. Помни, зубы для тебя *необходимы*.

После отъезда Лёни я должна собрать ему денег. Церковные службы утомляют меня, и если бы я еще занималась сбором, то это было бы вредно. Сколько на это понадобится

времени, сейчас не могу сказать. Сегодня мы с М<арьей> С<амойловной>⁶ в промежутке между службами обсуждали это дело, намечали «жертвы». Она очень сердечно относится к положению Лёни. С.Ю. Прегель тоже. Она при Зайцевых очень хвалила Лёню, говорила, что он единственный из молодых писателей с такой высокой моралью. Вообще, меня очень радует его репутация. Я была у княжны Оболенской⁷, так она его так хвалила и как писателя, и как человека, что «мало кто понимает, кто это»... А mademoiselle Imbert была у Васильевой⁸ и там графиня Толстая-Милославская⁹ до небес восхваляла Лёню... Я надеюсь ему собрать тысячи три.

Я серьезно отнеслась к письму из Банка. Показала Михайлову, он мне сказал, как ты должен написать. Павел Алек<сандрович>, вероятно, уже в Ницце. Спроси сам его. Ведь в таких делах понимает он?

Надеюсь, что ты бумагу получил¹⁰, за нее ты должен мне 28 фр. В магазине мне сказали, что если выслать налоговым платежом, то будет франков на восемь дороже, а может быть, просто не захотели рисковать.

За завтраней будем на rue Faisanderie, за обедней опять будем причащаться, но уже без исповеди, разговляться будем у Серовых, по всем вероятностям.

В понедельник приглашены к Конюс. Борис Юльевич прислал Лёне сердечное письмо¹¹.

Христос с тобой, мой ненаглядный.

Целую всех.

Твой Ник

Поцелуй от меня Олечку¹² трижды.

Были ли вы на концерте Барсукова¹³?

У Лёни в Норвегии пропали снимки на 750 фр.

Сегодня из Англии он получил 150 фр. за фотографии¹⁴.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/254.

¹ После того, как в 1939 г. о. Виктор Юрьев был назначен настоятелем Введенского храма в Париже (91, rue Olivier de Serres), новым настоятелем Церкви преп. Сергия Радонежского при Обществе галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie) в 1939–1941 гг. был игумен Афанасий (Александр Александрович Петров, 1892–после 1960), участник Первой мировой войны и Белого движения, начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1930–1931), настоятель русского православного храма в Каире (1932–1938).

² Т.С. Малинина.

³ См. п. 695.

⁴ См. пп. 698 и 702.

⁵ Речь о В.Л. Гавронском, сыне Л.О. Гавронского.

⁶ М.С. Цетлина.

⁷ Имеется в виду Н.В. Кельберина (урожд. Оболенская). См. примеч. 5 к п. 494.

⁸ С.Н. Васильева-Будакович. См. примеч. 2 к п. 240.

⁹ См. примеч. 2 к п. 693.

¹⁰ См. п. 691.

¹¹ Письмо неизвестно.

¹² О. Жирова.

¹³ См. примеч. 21 к п. 693.

¹⁴ Возможно, речь идет о фотографиях, сделанных Л. Зуровым во время его последней экспедиции.

706. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 24–26 апреля 1940 г.

№ 4 и № 5 — № 6

Новости Пасси
 ежедневная газета 24–25–26 апреля

Всем, всем, всем, всем.

Вести, слухи, толки

Заходил на рю Jacques Offenbach Пэка¹. Танту² не застал. Бросился к Лёне. Сидели в кафе. Узнал о болезни, взволновался. Просил звонить по телефону в газету.

В зубо-врачебном кабинете Таты³.
 Запломбирован зуб.

Моды
 В мастерской Фаины.
 Переделана по моде фетровая шляпа, падает на лоб.

Церковь на рю Faisanderie. Обедня и Всенощная. Служил отец Афанасий⁴.
 Среди молящихся М.Н. Сенютович.

Церковь в Клараме, напоминающая часовню на Валааме.
 Служит отец Киприан и Чертков⁵.
 Среди молящихся мы заметили Ф.Ос. и В.Б. Ельяшевичей, В.А. и Б.К. Зайцевых и О. Ходасевич⁶.

Завтрак у Ельяшевич.
 Меню: селедка, суп и пирог с рыбой и рисом, компот, кофе.

12 Еванг<елий> на рю de la Faisanderie.

Среди молящихся: Т.Ив. и И.И. Манухины, Е.Н. Вышнеградская с сыном, М.Н. Сенютович, Л.Ф. Зуров.
 Ужин у Каминских. Меню: селедка, винегрет, андив⁷. Чай с вареньем.

Вынос Плащаницы на рю Люрмель⁸.
 Среди молящихся: Ильин⁹, Мочульский, Фондам<инский>, Федоров, Ф.Ос. Ельяшевич, служил Клепинин¹⁰.

У всенощной с погребением: среди молящ<ихся> на рю Faisanderie: Манухин, Минаев¹¹, Зуров, М.Н. Сенютович, Григуль¹².

Фельетон.

Заметки о православных церквях в Париже.

За Страстную нам пришлось побывать в нескольких церквях и каждая имеет свое лицо от того, кто главным образом в ней бывает и от места, где находится.

Галлиполийская церковь отличается подтянутостью.

Особенно поразило сегодня на всенощной после того, как мы были на выносе Плащаницы у Матери Марии¹³. В первой церкви мужчины все с выправкой, многие в черных парах, выбриты, за обедней — дети с няньками, все чисто, светло; во второй почти все запущены с измученными интеллигентными лицами, многие расхлябисты. Тесноты нигде не было.

В церкви в Кламаре — аристократические лица, много женщин, есть и в тайном постриге, дети, церковь очаровательная, служит отец Киприан и Чертков, — тоже аристократы по крови. Хор поет хорошо из женских голосов.

Были и в нижней церкви на рю Дагу — народу было в тот день мало (18 апр<еля>), завтра надеемся отстоять обедню в верхней церкви — там публика смешанная, скорее буржуазная, и Корнилов¹⁴, и Коковцов, и Манухины, и Куриленко и много других, придает колорит и сестричество. Хор Афонского¹⁵ прекрасен.

Были мы раз и в Антоньевской церкви, больше всего в ней есть что-то от русских приходов. Церковь богатая, ризы, хор, все как подобает. Публика из бывших сановников, бывших чиновников, очень правых зубров.

В.Н.

Говорят, что Карташов сошел с ума, стал похож на ниццких правых людей, жид с языка не сходит.

Кодрянские не приехали.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067/42.

¹ Н. Рощин.

² Так Н. Рощин называл В.Н. Бунину, от *fr. tante* (тетя).

³ Т.С. Малинина.

⁴ См. примеч. 1 к п. 705.

⁵ Михаил Чертков — до революции земский деятель. В эмиграции православный священник во Франции, настоятель прихода в г. Пти Клармар. Принимал участие в работе Объединения «Православное дело».

⁶ О.Б. Ходасевич.

⁷ Бельгийский или французский андив — белый салат, листовой овощ.

⁸ См. примеч. 7 к п. 486.

⁹ Неясно, который из Ильиных имеется в виду, возможно, философ Владимир Николаевич Ильин (1890–1974).

¹⁰ Дмитрий Андреевич Клепинин (1904–1944) — иерей, общественный деятель. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Белграде, с 1925 г. в Париже. С 1937 г. священник. Один из основателей Объединения «Православное дело», настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы. Погиб в концлагере.

¹¹ Не удалось найти сведений.

¹² Возможно, М.В. Григуль.

¹³ См. примеч. 7 к п. 486.

¹⁴ Ф.Д. Корнилов.

¹⁵ Николай Петрович Афонский (1892–1971) — регент. Участник Первой мировой войны и Белого движения. В эмиграции в Германии, затем во Франции. С 1925 г. регент собора св. Александра Невского в Париже, где организовал Митрополичий хор, гастролировавший во многих странах и удостоенный множества наград.

707. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 28–29 апреля 1940 г.

Христос воскрес, дорогая моя, поздравляю тебя с Причастием и с Праздником, целую тебя и Лёню, желаю ему доброго пути¹ и здоровья.

У нас очень бедный пасхальный столик, — мне грустно смотреть. А все-таки чуть не сто франков ушло.

Понедельник. Вчера забыл опустить эту открытку. Завтракали у Самойловых, я обедал у Маркюс². Нынче едут туда М<арга> и Г<алина>.

Мама³ вдребезги истратилась — завтра принимает у себя Жако и художника⁴. Глупо чрезвычайно. Еще раз целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/263. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e», адрес отправителя: «Exp. J. Bounine. Villa Jeannette. Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Grasse, 30.IV.40». После черты в середине письма рукой В.Н. Буниной вписана дата: «29. IV. 1940». Дата и место установлены по почтовому штемпелю и помете В.Н. Буниной.

¹ Л. Зуров уезжал в Sanatorium de la Croix Rouge à Dussoulex près Paulhaguet (Haute Loire), где пробыл до октября 1940 г. См. п. 693.

² См. примеч. 15 к п. 690.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ Неустановленные лица.

708. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 30 апреля 1940 г.

30. IV. 40.

Милая моя, получил твое письмо от 26-го¹, а М<арга> твою открытку. Посылаю тебе 100 фр. — на долг Тате² и на Аитова, сходи к нему немедленно. О Михайлове ни слуху, ни духу. С Парижем не знаю, как и быть: 1) как я оставлю их тут одних? Не лучше ли мне ехать, когда ты приедешь? Чего тебе там сидеть? Сбор для Л<ёни>? Но ведь это можно сделать в *несколько дней*; 2) боюсь трат; 3) боюсь, — что-то будет в Париже...

Напиши мне, наконец, толком и твердо твои планы.

Рад, что тебе пока хорошо, но убежден, что чем больше ты будешь в Париже, тем больше измотаешься.

Целую, храни тебя Бог.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/264. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e», адрес отправителя: «Exp. J. Bounine. Villa Jeannette. Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Grasse, 30.IV.40».

¹ См. п. 705.

² Т.С. Малинина.

709. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Грасс. 2 мая 1940 г.*

2. V. 40.

Ты, верно, совсем замоталась — третий день от тебя ни строки.

Сейчас был в полиции насчет *sauf-conduit*¹. Обещали дать послезавтра (в субботу). Если поеду в Париж (все еще колеблюсь), то надеюсь выехать в понедельник 6-го или во вторник 7-го.

Погода ужас — дождь, холод.

Целую. Все тоже целуют и кланяются.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/265. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e», адрес отправителя: «J. Bounine. Villa Jeannette. Grasse, A<Ires> M<aritimes>»; почт. шт.: «Grasse, 3.V.40».

¹ См. примеч. 2 к п. 675.

710. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 3 мая 1940 г.*

3 мая 1940 года.

10 ч. 30 м. утра.

Драгоценный мой, получила твою открытку от 30 IV¹, а сегодня сто франков и очень за все благодарю.

Вчера я была у Серова, — Лёня взял мне *rendez-vous*² и дал денег. Серов нашел большое улучшение, дал лекарство укрепляющее и просил через 10 дней прийти. Сердце во всяком случае лучше, мне кажется, что-то ему не понравилось в печени, но, видимо, он надеется, что если я укреплю организм его лекарством и покойной жизнью здесь, то и печени станет лучше. Я здесь все же отдыхаю. Ни разу не было ни одного припадка. А все-таки я иногда и яйцо съедаю, и пашу с куличом отведываю, и Лёня уезжал...

Третьего дня я проводила его. Поезд отходил в 7 ч. 20 м. Милый Алексей Матвеевич³ отвез его и был ко мне очень внимателен. Подробности напишу Олечке⁴. Затем мы были у Лялиной мамы⁵. Она очень радушно и гостеприимно встретила меня. Подробности напишу Ляле. Сейчас спешу: едем к М<арье> Сам<ойловне>⁶ с Нат<альей> Иг<натъевной>⁷ — составлять письма к «благодетелям». Пока я собрала 800 фр.

Михайлов еще не уехал, отложил из-за дела, а я об этом узнала только вчера, встретившись с Эммой Франц<евной>⁸. Уезжает не сегодня-завтра.

Зубы тебе лечить *необходимо*. Рекомендуют Кострицкого⁹, он не хуже Ильи Осиповича¹⁰.

Где теперь опасно, один Господь знает. Здесь все спокойны.

Почему ты не хочешь наших оставлять одних? Они без меня будут чувствовать себя лучше, чем при мне. А тебе со мной дешевле, чем без меня. Я настолько отдохнула, что все время сама убираю комнаты, — *mademoiselle*¹¹ была у нас только два раза, за один заплатил Лёня ей 15 фр. Она стирала ему. Он бросил свою комнату¹². Вероятно, его оставят в санатории месяцев пять, так думает Серов. Часть чемоданов он отвез к Конюс, часть к нам. Я их все устала в свой плакар¹³, что против маленькой комнаты.

Мы сейчас с Ф<аиной> Ос<иповной>¹⁴ приводим в порядок аморские дела¹⁵, нужен отчет, чтобы получить пособие из Америки¹⁶. Это *очень* важно.

Первый день провели у Кульман, а потом у Керенского. Салон. Пасхальный стол. Квартира Цетлиных.

Нужно кончать, целую всех, Олечку особенно. Она всем очень нравится.

Обнимаю. Очень соскучилась по тебе.
Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/255.

¹ См. п. 708.

² Здесь: предварительная запись на прием к врачу.

³ А.М. Жиров.

⁴ О. Жирова.

⁵ Т.е. у матери Е.Н. Жировой М.К. Лишиной.

⁶ М.С. Цетлина.

⁷ Н.И. Кульман.

⁸ Э.Ф. Михайлова.

⁹ Сергей Сергеевич Кострицкий (?–1944) — врач-стоматолог. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем во Франции, держал зубоучебный кабинет.

¹⁰ И.О. Гавронский.

¹¹ М.Е. Imbert.

¹² Т.е. оставил свою комнату в общежитии Русского очага. См. примеч. 3 к п. 493.

¹³ От *фр.* placard — стеной шкаф.

¹⁴ Ф.О. Ельяшевич.

¹⁵ См. примеч. 9 к п. 399.

¹⁶ Очевидно, в кассу благотворительного общества «Амор» поступали средства из Америки.

711. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 3 мая 1940 г.

3. V. 40.

4 часа дня.

Был в Cannes, дорогая моя, — Cook¹ сказал, что навряд буду иметь place réservée² на вторник вечером — много народу едет! Завтра узнаю нечто окончательное.

И нынче нет письма от тебя.

Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/266. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e», адрес отправителя: «Exp. J. Bounine. Villa Jeannette. Grasse, A<|pes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Grasse, 3.V.40».

¹ См. примеч. 6 к п. 386.

² плацкартное место (*фр.*).

712. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 4 мая 1940 г.

4. V. 40.

Что с тобой? Чуть не неделя от тебя нет ни строки! Беспokoюсь и сержусь. Подозреваю, что ты уехала провожать Зурова в санаторию. Ты ведь форменно сошла с ума на нем.

Сейчас еду в Cannes, узнать, будет ли мне место на вторник вечером.

Cannes

Выезжаю в среду вечером. Ночь, *может быть*, проведу в Марселе. Тогда приеду в четверг в 10 ч. вечера.

Публикуется по автографу: PAJ. MS 1066A/267. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris XVIe», адрес отправителя: «J. Bounine. Villa Jeannette. Grasse, A<Ipes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Grasse, 4.V.40».

713. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 4 мая 1940 г.

4 мая 1940 г.

12 ч. 45 м.

Сию минуту получила твою открытку, вернувшись от обедни. Последний день раскрыты Царские Врата. Бесконечно рада, что ты приезжаешь. Очень соскучилась. Мне было бы удобнее, если бы ты приехал в среду. В этот день у меня ничего не назначено. А во вторник есть rendez-vous. Если приедешь во вторник, то телеграфируй, я их отменю.

У нас тоже погода переменчивая.

Алексей Матвеевич¹ очень просил его известить, когда ты приезжаешь. Он выедет тебя встречать. Можешь прямо ему дать телеграмму, но с расчетом, что он выезжает на работу в 5 ч. дня, а возвращается ночью.

Узнай в Каннах у носильщиков, на каком поезде меньше ездят, если ты не будешь иметь кушет².

От Лёни имею письмо длинное³: он помещен в комнате для трех, один француз, один русский, которому должна быть сделана операция — удаление трех ребер. Рядом палата с кашляющими. Нет совсем стола. Видимо, это производит тяжелое впечатление. Еда хорошая, лежанье, прогулки. (Лежать заставляют не сразу после еды, а через полчаса. Передай это Ляле⁴, а уж там знают.) В санатории 53 больных. Половина французов, а половина русских. Все это разорвало мне сердце. Я знаю Лёнину впечатлительность. Но все же, Бог даст, он там поправится. Круглые сутки открыты окна. Нужники старорежимные (!) Умывальные темные (!)

Если моя пишущая машинка *не* поправлена. *Привези*. Она очень мне нужна, приходится бегать по чужим домам.

Муза⁵ просит меня зайти, у нее девочка — тоже Муза⁶.

Обнимаю, целую тебя и Олечку, кто она теперь? Твоя мама? Сестрица или дочка⁷?

Ника.

P.S. Какие слухи об Италии⁸? Не привезти ли тебе что-нибудь сюда? Может быть, мой чемодан с рукописями и шубу?

PP.SS. Очень удобно было, как я послала багаж à domicile⁹.

Здесь все тебя ждут.

Большая работа по Амору¹⁰. Нужно сделать отчет, чтобы получить деньги от организаций¹¹. Мы с Ф<аиной> Ос<иповой>¹² уже начали его составлять.

Сегодня от Грюнберг¹³ получила для Лёни 200 фр. Пока собрала 1 000 фр. Разошлем после четверга, в четверг мы едем под Mantes¹⁴ с Нат<альей> Иг<натъевной>¹⁵ и М<а-

рьсей> С<амойловной>¹⁶. Ты тоже поедешь, конечно. Там будем завтракать. Пишу на почте.

В.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/256.

¹ А.М. Жиров.

² От *фр.* *couchette* — полка.

³ Письмо неизвестно.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Муза Васильевна Раскольников (урожд. Ивановская; во втором браке Канивез, 1913–2006) — вторая жена Ф.Ф. Раскольникова (1892–1939). Вместе с Раскольниковым осталась за границей, провела военные годы во Франции. Подробнее о ее отношениях с В.Н. Буниной см.: *Бунина–Раскольникова*. С. 463–478.

⁶ Муза Федоровна Раскольников (1940–1986) — дочь Музы Васильевны и Ф.Ф. Раскольникова, родилась двумя неделями ранее написания этого письма, 17 апреля 1940 г.

⁷ Прежде О. Жирова играла в то, что она няня Бунина. См. п. 676.

⁸ Италия вступила в войну 10 июня 1940 г.

⁹ домой (*фр.*).

¹⁰ См. примеч. 9 к п. 399.

¹¹ См. примеч. 16 к п. 710.

¹² Ф.О. Ельяшевич.

¹³ Александра Сергеевна Грюнберг (урожд. Кирова, 1888–1979) — актриса. Жена издателя и театрального деятеля Евгения Юльевича Грюнберга (1887–1964). В эмиграции во Франции, жила в Париже, входила в труппу Русского театра.

¹⁴ Mantes-la-Jolie (Мант-ла-Жоли) — город в 50 км к западу от Парижа.

¹⁵ Н.И. Кульман.

¹⁶ М.С. Цетлина.

714. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Грасс. 6 мая 1940 г.

Утро 6-го мая 40.

Сейчас получил твой *exrès* от 4-го¹. Имею билет и плацкарту на поезд в среду вечером в 6 ч. 25 м. Если будет сносно ехать, поеду прямо до Парижа, протерплю ночь и буду, Бог даст, в *четверг в 9 ч. утра*. А если нет, ночую в Марселе, выеду оттуда в 8 ч. утра и приеду в Париж в *четверг в 10 ч. вечера*². Так и написал Жирову. Сейчас М<арга> идет в город, посылаю с ней эту открытку, спешу. Беспокоюсь, начнет ли молодой Гавронский³ принимать меня немедленно по моем приезде. Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/268. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16e», адрес отправителя: «J. Bounine. Villa Jeannette. Grasse, A<lres> M<aritimes>»; почт. шт.: «Grasse, 6.V.40».

¹ См. п. 713.

² Так и вышло: Бунин приехал в Париж вечером 9 мая 1940 г.

³ В.Л. Гавронский.

715. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

*Париж. 24 марта 1947 г.*24 апреля¹ 1947 года.

Дорогой мой, только сегодня утром получила твою телеграмму², и с почтой. Не знаю, кто задержал ее?

Вернувшись домой, мы поужинали вместе с Наташей³ и Феничкой⁴. Выпили две бутылки вина и все за твое здоровье.

Ночь я почти не спала. Мысли были с тобой. Особенно беспокоилась около пяти часов, когда ты всегда просыпаешься.

Встала половина десятого. И сразу стала приводить в порядок твою комнату. Переставила диван. Большое кресло поставила около радиатора. Стало уютно. Все одобряют. Вычистила печку и затопила оставшимися дровами и растопкой, немного прибавив угля из кухни. Потом надела новый халат (Рерин⁵) и читала «Преступление и наказание», нахожу, что этот роман необыкновенно стройно написан, как-то не по-достоевски.

Ляля с Олечкой⁶ были у обедни, вернулись около двух. И мы позавтракали в моей комнате. Во время завтрака пришел Аитов, чтобы узнать, уехал ли ты. Я показала ему книгу для Добкевич⁷. Оказывается, ее зовут Софья Гаэтановна, я поправила ошибку.

Днем зашла Людмила Сергеевна⁸. Жалела, что тебя не застала, но радовалась, что ты уже на юге. При ней пришла Берта⁹. Оказывается, сестра Врангеля¹⁰ у нее гостила, вернее, приютилась, когда они с Валеи¹¹ были в Ренне во время немецкого нашествия.

Обедала я у Нилус, так как после ухода Врангель я заснула и проснулась только в восьмом часу.

Лёня не ночевал дома. Он решил пойти в лес в свободные часы и погулять, а ночью ведь опять у него был гараж¹². Сегодня пришел в половине одиннадцатого. Расспрашивал, как ты доехал до вокзала и как устроился на ночь. Он тоже, как и Олечка, высказал предположение, что это было подстроено¹³.

Как напишу письмо, так поеду к Тамаре¹⁴, она пригласила меня к завтраку, да и ногти делает.

Вчера я легла в 9 часов вечера. Встала половина девятого утра. Выспалась, хотя и хочется еще спать. Сегодня тоже лягу рано.

Напиши подробно обо всем. А главное, как ты кушаешь. Есть ли аппетит. Как проводишь ночи? Спишь ли днем? Я думаю, что от воздуха ты должен спать лучше. Слушайся Бориса Никандровича¹⁵. Кланяйся ему. И всем, кто о тебе заботится. Попроси Марию Ивановну¹⁶ исполнять всякие мелочи для тебя. Она ведь добрая и знает, что нужно. Надюшу¹⁷ поцелуй. Как ее здоровье?

У Ляли все болит голова.

Целую тебя со всей нежностью.

Храни тебя Матерь Божия.

Твой К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/273.

¹ Описка В.Н. Буниной, на самом деле 24 марта.

² С 23 марта до 31 мая 1947 г. Бунин жил в Русском доме в Жуан-ле-Пен. См.: его письмо к М. Алданову от 2 мая 1947 г. (*Бунин-Алданов* (1983). С. 172–173) и письмо к М. Цетлиной от 18 июня 1947 г. (*Бунины-Цетлины*. С. 322). Адрес Русского дома: Villa Le Fournel, Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, Alpes Maritimes. Телеграмма не сохранилась.

³ Возможно, Н.Б. Соллогуб.

⁴ Ф.С. Шлезингер.

⁵ Р. Г. Осоргина.

⁶ Е.Н. и О. Жировы.

⁷ С.Г. Добкевич — жена доктора Добкевича, лечившего И.С. Шмелева.

⁸ Л.С. Врангель.

⁹ Б.С. Нилус.

¹⁰ Ольга Александровна Врангель (1883–1967) — сестра Н.А. Врангеля.

¹¹ В.Л. Голубовская.

¹² В 1947 г. Л.Ф. Зуров и В.С. Варшавский работали сторожами в американском гараже в Париже.

¹³ Подстроена могла быть совместная поездка на юг Бунина и А.О. Гукасова, которому в этой ситуации выпала роль сопровождающего.

¹⁴ Вероятно, Тамара Туманова. См. примеч. 6 к п. 749.

¹⁵ Борис Никандрович Беляев (1880–1956) — врач, доктор медицины, специалист по внутренним болезням. Работал врачом в Русском доме в Жуан-ле-Пен.

¹⁶ М.И. Кутателадзе.

¹⁷ Н. Тэффи отдыхала в Жуан-ле-Пен в одно время с Буниным.

716. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 25 марта 1947 г.

25 м. 1947.

Дорогой мой, только что получила письмо от Бориса Никандровича¹, которое меня несколько успокоило. Видимо, многие явления у тебя были на нервной почве. Ради Бога, слушайся его и относись к своему здоровью серьезно.

Я еще не отдохнула, все клонит в сон, а ночью просыпаюсь, и охватывает тоска, но это тоже, конечно, от нерв<ов>.

Вчера была у Тамары², которая меня повезла к Володе. Он был крайне гостеприимен, угощал отличным коньяком. Его «Наташа» в Америке³. Тамара ездила к нему за деньгами. Он ей дает 12 000 фр. в месяц. Квартира хорошая, но она почти вся под или мастерской, или под выставкой абажуров, которые они изготавливают. Абажуры огромные, белые, с настоящими цветами под каким-то составом. Значит, не только Пантелеймонов это изобрел. Оттуда она довезла меня на такси.

У нее же квартирка маленькая: передняя, кухня, спальня и ванна. Значит, до войны Володя был не очень богат. Он пополнил и похорошел, нос не производит уже мистического впечатления.

Сегодня завтракала у Зайцевых. Очень было приятно. У них чисто и светло. Вернувшись, получила письмо от Б<ориса> Н<икандровича>⁴.

Пужинали рыбой, которую я сегодня купила, называется она гобией⁵, из нее Б<ерта> С<оломоновна>⁶ тебе сделала котлеты. И Ляля⁷ ее сжарила.

В банке я еще не была. Есть еще немного денег. Поеду завтра, так как к завтраку приглашена к Михельсон, к половине второго, так что успею съездить.

В пять часов отправлюсь к Зайцевым, чтобы с ними поехать в Кламар на «Стояние Марии Египетской», отец Киприан будет читать канон Андрея Критского. Он читает очень хорошо, поэтому я туда и еду, а то стоять и ничего не слышать, не разбирать слов очень скучно.

До субботы у меня завтраки разобраны: в четверг у мадам Симон⁸, в пятницу А.К. Бененсон заедет за мной на машине и повезет к себе, а вечером буду ужинать у Наташи Барановой, — тетушка⁹ сегодня прислала приглашение. Это хорошо, так как в пятницу короткая служба Похвалы Пресвятой Богородицы, и мне не нужно будет возиться в кухне, а у Барановых долго не сидят. Они переехали на новую квартиру, так это будет вроде новоселья.

Ляля что-то ищет, где-то бывает, жалуется, что плохо себя чувствует. Хотели пригласить на обед Болотова¹⁰, да у него грипп.

Сегодня, вероятно, перепишу тебе твой рассказ¹¹.

У Янушкевича¹² еще не была. Зайду на днях. Не знаю, сколько он возьмет. У меня много болит нижняя десна спереди.

Ляля тебя целует. Она сегодня дома. Я обнимаю со всей нежностью. Привет дружеский Надюше¹³ и Ставровым.

Прилагаю письмо Пэки, написанное для цензуры¹⁴, — ведь уж не такой же он пошляк! Целую. Спала хорошо.

Будь с Пэкой очень осторожен. Не давай ему никаких адресов. А лучше всего не пиши — болен.

Сижу за твоим столом и наслаждаюсь простором.

Опять стало холодно! Сплю под шубой.

Еще раз целую. Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/283. Месяц установлен по содержанию.

¹ Б.Н. Беляев 24 марта 1947 г. писал В.Н. Бунинной: «Многоуважаемая Вера Николаевна, Иван Алексеевич — рад успокоить Вас — провел хорошую ночь в вагоне на нижней лежанке. Проснулся у Марселя. На вокзале встретил его я и Ставров. Автомобиль (такси) был заранее заказан. Помещением Иван Алексеевич доволен, пищей тоже, сегодня он себя чувствует еще усталым и потому не пишет, а пишу я. Вчера, в первый же день его пребывания, приезжали к нему из Ниццы Алданов и Роговский. Я слежу, чтобы его не слишком утомляли гости. Утром я его выслушал и нахожу сердце более чем удовлетворительным. Хрипов в легких не нахожу, есть кое-какие бронхитические, застойных хрипов (от слабости сердца) нет никаких. Спал он у нас с 11 ч. в<вчера> до 3 ч. н<очи> хорошо, потом, проснувшись, покашлял немного, почитал, в 5 ч. у<тра> заснул и так проспал до 7 ч. у<тра>. Завтра он сам Вам напишет. Шумов в сердце нет, давление 15–8, пульс ровный. Целую Вашу руку и остаюсь уважающий и преданный Вам Б. Беляев» (РАЛ. MS 1067/1352).

² Т.М. Букуаран или Т. Туманова.

³ Неустановленные лица.

⁴ См. примеч. 1 к наст. п.

⁵ Вероятно, *gobie* — бычок (*фр.*).

⁶ Б.С. Нилус.

⁷ Е.Н. Жирова.

⁸ Возможно, Е.Ф. Залкинд-Симон. См. примеч. 7 к п. 718.

⁹ А.Е. Шварцман.

¹⁰ В.А. Болотов.

¹¹ Возможно, речь о рассказе «Полуденный жар», отданном в создававшийся тогда журнал и опубликованном через полтора года с датировкой «1947» (Возрождение. 1949. № 1. С. 47–49).

¹² Павел Александрович Янушевич (Янушкевич) — зубной врач, заведующий зуботехнической школой в Париже. В эмиграции во Франции, с конца 1940-х гг. в Перу.

¹³ Н.А. Тэффи.

¹⁴ Письмо Н. Рошина неизвестно.

717. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной Жуан-ле-Пен. 26 марта 1947 г.

Среда, утро.

Милая, дорогая моя, надеялся, что нынче будет письмо от тебя, а его нет, и это меня *очень обеспокоило*. Пожалуйста, напиши поскорей и пиши почаще — кратко, на открытках

хотя бы. Береги себя ради Бога всячески! В понедельник за меня писал тебе Беляев¹, я вчера послал тебе только несколько слов на открытке с видом² — подтверждение, что мне тут нравится — старый дом, у меня удобные комнаты (хотя в них еще не хватает письменного стола, кресла и комода, так что я еще не разобрался), кормят меня (я на особом режиме за приплату, еще не знаю, что это будет) хорошо — давали рыбу, тефтели, жаль только, что здесь трудно достать фруктов, есть только лимоны. Засыпаю рано, в одиннадцать, в двенадцатом, но в три, в четвертом просыпаюсь, долго кашляю, потом читаю и засыпаю часов в пять, но только до семи, до восьми, днем очень слаб, поэтому опишу тебе подробнее все, как наберусь побольше сил. Горячо тебя целую и повторяю: береги себя ради Бога. Прибавляю деловое:

1) Собирай и сохраняй «Новое рус<ское> слово»³, пришли мне большую пачку его с Каминской⁴.

2) Пришли 2 экземпляра моих «Избранных стихов»⁵.

3) В столовой на этажерке книги Алексея Струве — Достоевский, много томиков, и книжка Дрианского в переплете истрепанном — «Записки мелкотравчатого»⁶: *спрячь их, никому не давай ни на минуту и постарайся поскорее вернуть все это ему*, а я верну один томик Достоевского, какой взял с собой, заказной бандеролью.

4) *Вообще никому не давай трогать, брать мои книги* — очень прошу —

и 5) В письменном столе, в верхнем ящике направо, возьми старый, рваный желтый портфель и найди в нем мои контракты с издателями, а среди них *английский*, с Липманом (кажется)⁷ — *насчет издания им по-английски «Темных аллея»*, попроси прийти Михайлова и внимательно прочти с ним: *есть или нет в этом контракте пункт насчет издания «Аллея» в Америке*, — пункт, *лишающий* меня права *самостоятельно* продавать в Америку эти «Аллеи»⁸? Сделай это поскорее — я все-таки хочу продать в Америку «Аллеи», чтобы получить авансом 200 долларов — ведь мы безмерно тратимся!

Всеми делами по дому ведает здесь некто Николай Иванович Протасов⁹, по матери Бунин, бывший военный моряк, совершенно очаровательный человек (уже очень пожилой). Все мои документы и тикеты¹⁰ переданы ему — и вот нынче он принес мне *молочные* тикеты, которые, среди прочих, ты дала мне: оказывается, они негодны, так как в них недостает *верхней* частички: пришли ее поскорее.

Еще раз крепко целую, храни тебя Господь.

Целую Олечку и Мамá¹¹.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/269. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 718.

¹ См. примеч. 1 к п. 716.

² Открытка не сохранилась.

³ «Новое русское слово» — ежедневная газета (Нью-Йорк, 1910–2010), каждую неделю в газете помещался большой литературный раздел.

⁴ Абзац отчеркнут на полях карандашом.

⁵ Бунин И. Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929.

⁶ «Записки мелкотравчатого» Егора Эдуардовича Дрианского (1812–1872) впервые вышли отдельным изданием в 1859 г., неоднократно переиздавались (в 1883, 1906, 1930). Какое именно издание Бунин брал у А.П. Струве, неизвестно.

⁷ Речь идет, видимо, о Джоне Лемане (John F. Lehmann, 1907–1987), в 1930-е гг. сотруднике «Хогарт Пресс», а в конце 1940-х — 1950-х гг. самостоятельным издателем. В частности, он выпустил переводы Бунина «Dark

Интерьер столовой в парижской квартире Бунных.
Париж, 1961.
(ОГЛИМТ)

На обороте Л.Ф. Зуров написал: «Столовая. Постель. На этой постели Вера Николаевна отдыхала днем. (Все вещи из бунинских комнат отправлены на склад, но эту постель я подарил Ольге Жировой). На стене: шелковый платок из Дании, картина художницы Ольги Бернадской «Марокканский город» (1935 г.), платок из Копенгагена. Платки висят на африканском полотенце, сделанном из рафии. / Виден и стол. За этим столом сидели А.И. Куприн, А.Н. Толстой и академик Зелинский. Л. Зуров. 28-го июля 1961 г. 1, г. Jacques Offenbach».

Обратный путь взял у меня три четверти часа. Вернулась к десяти. Поела. И легла в постель. Читала «Преступление <и наказание>» Достоевского. Иногда билось сердце, и было жутко. Местами длинно, но не так, как в других произведениях.

В церкви было изумительно. Служба чудесная. Отец Киприан читает превосходно. Каждое слово доходит до сердца. Да и Канон Андрея Критского замечательный. А житие Марии Египетской необыкновенно волнует. Помнишь, например, как лев лапой роет ей могилу⁴? Все время думала о тебе, горячо молилась, иногда до слез. Пение там хорошее. Церковка маленькая с деревянным потолком, с толстыми коричневыми брусками, а стены тонкие. Свечей не было, только в руках у одного о. Киприана. Все время чувство жалости, что ты лишаешь себя какого-то неземного удовольствия, настоящей радости, которую только можно получать в церкви.

Ночью в три часа проснулась. Подумала, что и ты не спишь и, чтобы не расстраиваться, прочла еще две главы о Раскольнике. Проснулась в 10 ч. В 11 я уже ехала в банк. Внесла

«Avenues and Other Stories» (London, 1949) и «Memories and Portraits» (London, 1951), см. РАЛ. MS 1066/10293, 1066/10304.

⁸ Договор на «Темные аллеи», подписанный 19 июня 1946 г. (РАЛ. MS 1066/3614).

⁹ Николай Иванович Протасов (1880–1957) — капитан I ранга, педагог, общественный деятель. Участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Директор детской школы на вилле «Барон» в Каннах, затем директор школы Франко-русского общества. Секретарь Комитета помощи нуждающемуся населению в России и беженцам во Франции. После войны заведовал хозяйством в Русском доме в Жуан-ле-Пен.

¹⁰ ticket (*фр.*) — билеты, талоны (здесь: на товары, продукты).

¹¹ О. и Е.Н. Жировы.

718. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 27 марта 1947 г.

27 марта 1947 г.
Четверг 6 ч. вечера.

Драгоценный мой, письмо мое запоздало потому, что ты забыл оставить мне адрес, и мне пришлось бегать по знакомым и доставать его. Дала мне его Лидия Абрамовна¹.

Вчера я послала тебе заказное (первое было простое) с письмом Пэки².

Я стараюсь писать ежедневно, но вчера не успела, так как много времени взяло путешествие в Клармар³, потому что я захала за Зайцевыми. Они сказали к пяти. А вышли в шесть. Стояние началось половина седьмого, а кончилось в девять. Обратный путь взял у меня три четверти часа. Вернулась к десяти. Поела. И легла в постель. Читала «Преступление <и наказание>» Достоевского. Иногда билось сердце, и было жутко. Местами длинно, но не так, как в других произведениях.

В церкви было изумительно. Служба чудесная. Отец Киприан читает превосходно. Каждое слово доходит до сердца. Да и Канон Андрея Критского замечательный. А житие Марии Египетской необыкновенно волнует. Помнишь, например, как лев лапой роет ей могилу⁴? Все время думала о тебе, горячо молилась, иногда до слез. Пение там хорошее. Церковка маленькая с деревянным потолком, с толстыми коричневыми брусками, а стены тонкие. Свечей не было, только в руках у одного о. Киприана. Все время чувство жалости, что ты лишаешь себя какого-то неземного удовольствия, настоящей радости, которую только можно получать в церкви.

Ночью в три часа проснулась. Подумала, что и ты не спишь и, чтобы не расстраиваться, прочла еще две главы о Раскольнике. Проснулась в 10 ч. В 11 я уже ехала в банк. Внесла

2 000 фр. Получила по первому чеку. До сегодня жила на оставленные 500 фр. и на выручку от проданных бутылок, около двухсот франков.

Сегодня из чистки взяла свое пальто, полученное от Зеелера⁵. Вышло хорошее, заплатила 225 фр. Твой костюм будет готов на будущей неделе, тогда я тебе вышлю его по почте.

Открытки я твоей еще не получала. Получила лишь экспресс⁶. Целую за него. Все будет сделано, как ты хочешь.

Обо мне не беспокойся. Я очень осторожна. Стараюсь по вечерам бывать дома и рано ложиться, чтобы скорее прийти в нормальное состояние.

Сегодня я завтракала у Залкиных-Симон⁷. Это в двух шагах от нас. Вчера у Михельсон — тоже близко. Завтра Александра Карловна Бененсон заедет на своей машине за мной.

Молочную карточку пришла. Она у Кювилье⁸.

Фрукты я тебе вышлю. Это необходимо пока. Завтра же распорядюсь, чтобы послали прямо из магазина. Потом попрошу м-м Клягину⁹ взять с собой. Она обещала мне тебя навестить и мне написать, как она тебя найдет. Была со мной очень любезна по телефону. Сейчас она уехала в Швейцарию за Анни-Клэр¹⁰.

«Новое <русское> слово» пришло всего один экземпляр. Как соберу несколько экземпляров, так и пошлю тебе. Не стоит ждать Л<идию> Аб<рамовну>.

Книги твои я никому не даю.

Книги Струве ему возвращу скоро. Мне нужно к нему зайти по маленькому делу. Достать для Михельсон Блока¹¹.

Гостей я буду принимать в своей комнате, а в твоей буду сама жить.

С Михайловым сегодня же сговорюсь, чтобы он зашел, и тогда сейчас же пошлю тебе то, что ты просишь.

К Янушкевичу пойду завтра. Отнесу деньги. Спрошу, что это у меня? Побаливает нижняя десна впереди с левой стороны.

Олечка¹² сегодня у нас, но я видела ее только мельком. Не забывай присылать ей марки. Она увлечена ими.

Мама¹³ еще ничего не нашла. Но продолжает искать, но где, не знаю.

Лёня опять в гараже сегодня ночует¹⁴; его я вижу мало.

Мадемуазель¹⁵ заходит, один раз я оставила ее. Она выстирала мое белье, так как я чувствовала себя еще очень уставшей, да и ее было жаль, — сразу лишать маленького заработка.

У нас все перестали бывать. Никого из тех, кто провожал тебя, я еще не видела¹⁶.

Получил ли ты ампулы из Лондона от Гавронского¹⁷?

Как ты нашел Марка Александровича¹⁸? Кланяйся им.

Поцелуй Надюшу¹⁹ и Марию Ивановну²⁰. Кланяйся Б<орису> Н<икандровичу>²¹, Ставрову²² и Роговскому²³, когда он приедет. Как его здоровье?

Слушайся во всем Б<ориса> Н<икандровича>, мне кажется, что он очень хороший и умный врач, что не так часто встречается.

Все очень интересуются вестями о тебе. И все шлют тебе всякие приветы.

Ляля и Олечка²⁴ целуют. Я обнимаю тебя со всей нежностью.

Храни тебя Матерь Божия. Вчера я горячо молилась Пантелеймону Целителю и уповаю, что он поможет тебе.

Твой К.

Топить мы перестали. Сегодня даже на дворе очень тепло.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописными вставками): РАЛ. MS 1067A/257.

¹ Л.А. Каминская.

² В письме из Москвы от 20 марта 1947 г. Н. Рошин писал о своих первых впечатлениях в Советском Союзе и о восприятии Бунина в литературной среде: «После Ваших же разговоров и вырвавшись вообще из эмигрантского “воздуха”, я был совершенно огорошен тем, как Вы здесь не только известны и в почете, но славны. Здесь перечитывают каждую Вашу строку, здесь восторгаются Вами и любят Вас не только “старики” и люди среднего писательского возраста, но и литературная молодежь. И — в отличие от эмигрантов, — особенно высоко чтут Вашу поэзию. / “Песнь о Гайавате” выдержала не четыре издания, а гораздо больше. “Митина любовь” наделала в свое время немало шуму, найти у букинистов Ваше старое марксовское издание — редкая и счастливая удача, любая книга Ваша — украшение всякого “хорошего” дома, Ваши строки обязательны для всех хрестоматий, — и значит, имя Ваше входит в сознание поколений, — а Катаеву почему-то (это Вы скрыли от меня) попал в рукописи весь сборник “Темные аллеи”, и его уже знают и Федин, и Леонов, и все “первачи”». Далее шло описание первого обеда у Катаева: «Мы пили весь вечер, и Вам, отсутствовавшему, было отведено за столом место, мы чокались с Вами коньяком и виски, и потом В. П. пошел за шампанским, и мы выпили две бутылки за Ваше здоровье, за то, чтобы — как ни сложатся обстоятельства, — жилось Вам как можно лучше! / Часто встречаю людей, знавших Вас лично. Здесь, в Голицыне <там жил Рошин после приезда в СССР>, много рассказывали мне о Вас И.В. Жилкин, И.Ф. Попов, И.Н. Розанов, А.П. Юмашев-Юмашев, — в прошлом богатый человек, редактор журналов и издатель. Ему 74 года. Он слушал, когда Вы впервые читали “Петлистые уши”, и тогда сделал какое-то замечание, которым Вы, по его словам, воспользовались. Милейший старик, тонкий и культурный человек, говорящий по-французски, как мне и не снилось, владеющий немецким и английским языками, знающий Европу до малых подробностей, специалист по европейской литературе. Я привез с собой “Русский сборник” и Ваш “Речной трактир”. Он и там нашел возможность поправки и сказал мне: “Если будете писать И.А., передайте ему, что только католическая церковь может быть пуста. У нас всегда сидит где-то сторож. И.А. начинает забывать Россию”. / Милый, милый Иван Алексеевич, пишу Вам как самому близкому, самому любимому человеку. Пишу, как Фома, вложивший персты. Никого нет надо мной и, как всегда, никого и ничего я не боюсь и не боюсь. И вот, пишу Вам со всем напряжением чести моей и совести, — здесь все лучше, проще, честнее, шире и добрее, чем казалось нам из “прекрасного” далека. Строки эти, право, не “пропагандны”, они никуда Вас не зовут и ничем не прельщают. Вы всегда — большой русский человек, где бы Вы ни были, и это все знают. То, что не могу я лично встретиться и поговорить с Вами, — мое личное горе» (РАЛ. MS 1066/4828).

³ См. примеч. 5 к п. 701.

⁴ Имеется в виду эпизод из Жития преподобной Марии Египетской: после ее смерти в пустыне авва Зосима не мог выкопать могилу, и тогда появился огромный лев, который по слову Зосимы вырыл ров, в котором и было погребено тело святой.

⁵ Возможно, полученное из благотворительных посылок.

⁶ См. п. 717.

⁷ Елена Федоровна Залкинд (урожд. Федоровская, 1889–1968) — представитель второй волны эмиграции; знакомая семьи Муромцевых (отца и братьев В.Н. Буниной) по советской Москве. В эмиграции в Париже.

⁸ Майя Кювилье (Мария Павловна) (урожд. Михайлова, по матери Кювилье, в первом замужестве Кудашева, во втором Роллан, 1895–1985) — литератор, жена Р. Роллана.

⁹ Клэр — жена А.П. Клягина.

¹⁰ Вероятно, дочь Клягиных.

¹¹ Очевидно, имеется в виду том сочинений А.А. Блока.

¹² О. Жирова.

¹³ Е.Н. Жирова.

¹⁴ См. примеч. 12 к п. 715.

¹⁵ М.Е. Imbert.

¹⁶ Описание отъезда и самого поезда, в котором Бунин оказался вместе с А.О. Гукасовым см. в письме В.Н. Буниной к М.С. Цетлиной от 29 марта 1947 г. (*Бунини-Цетлины*. С. 318–321).

¹⁷ Еще один член большой семьи Гавронских (родной брат Ильи Осиповича и Амалии Осиповны), Яков Осипович Гавронский (1878–1948), врач и ученый-медик, химик-органик, эсер, публицист, в 1917 г. пресс-атташе российского посольства (Временного правительства) в Великобритании, жил в Лондоне, работал врачом, был женат на М.Е. Гавронской (урожд. Калмановской)¹⁸ М.А. Алданова.

¹⁸ Н.А. Тэффи, которая с середины марта тоже жила в Русском доме.

²⁰ Возможно, Мария Ивановна Кутателадзе (?–1951) — мать Л.В. Кутателадзе.

²¹ Б.Н. Беляев.

²² П.С. Ставров и его жена, художник-декоратор Мария Ставрова жили в Русском доме с февраля 1947 г. См. письмо В.Н. Буниной к М.С. Цетлиной от 29 марта 1947 г. (*Бунины–Цетлины*. С. 319).

²³ Евгений Францевич Роговский (1888–1950) — до революции помощник присяжного поверенного, член партии эсеров, в 1917 г. петроградский градоначальник, депутат Учредительного собрания, осенью 1918 г. товарищ председателя Уфимского Государственного совещания, товарищ министра внутренних дел, заведующий милицией в Омске, выслан за границу колчаковцами. В эмиграции «бизнесмен, пользовавшийся репутацией афериста и спекулянта», по характеристике Е.Г. Эткинда (Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. Иерусалим, 1992. С. 317). После войны директор Русского дома в Жуан-ле-Пен. См. о нем: *Звягин С.П.* Эсер Е.Ф. Роговский. Попытка реконструкции биографии // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества. Опыт уходящего столетия. Материалы конференции. Ч. 1. Омск, 2000. С. 113–120.

²⁴ Е.Н. и О. Жировы.

719. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 28 марта 1947 г.

28. III. 47.

Дорогой мой, пишу два слова.

У бабы была. Она сказала, что отыщет твой молочный тикет¹, и я тотчас пошлю его экспрессом.

Спала сегодня плохо, хотя легла в 12 ч. Может быть, оттого, что на ночь читала «Преступление» и нак<азание>». Как раз были жуткие сцены. Когда, например, в лунную ночь он поднимается по лестнице в квартиру старухи.

Что-то не приходит «Новое <русское> слово»... М<ожет> б<ыть>, будут его тебе прямо посылать?

Вчера от Хигерович звонила Михайлову. Он очень волнуется за Пушкаревых², кот<о-рых> выселяют из Франции³, вот несчастные! Он лежит больной, ему 68 лет... Я посоветовала написать Ржевскому⁴, — у него ведь связи.

Как ты себя чувствуешь, бесценный мой?

Далек ли нужник?

Вчера мы с Бертой⁵ все думали, как бы тебя снабжать фруктами. Особенно полезны яблоки.

У Михельсона 75% гемоглобина и 4 500 000 кр<овяных> шариков, и ему после завтрака дают яблоко. Если трудно жевать, можно его натереть теркой.

Лёня сегодня дома, шлет тебе привет. Они с Лялей⁶ так и кидаются на письма от вас. Беспокоятся о тебе.

Ляля целует. Не спали почти до пяти часов!

Обнимаю тебя, мой ненаглядный, нежно. Как обходишься без «часиков»?

Твой К.

Сегодня завтракаю у Бененсон⁷. Жду ее заезда.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/258.

¹ См. примеч. 10 к п. 717.

² Борис Германович Пушкарев (1879–1962) — юрист, артист-любитель. До революции присяжный поверенный в Харькове, в 1917 г. председатель Курской губернской земской управы. После революции арестован, находился в заключении, работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1946 г. бежал из Одессы

во Францию.

³ Высылка не состоялась, Пушкарёвы остались во Франции, с 1952 г. жили в Русском доме в Ницце.

⁴ Леонид Денисович Ржевский (1903–1986) — писатель второй волны эмиграции.

⁵ Б.С. Нилус.

⁶ Е.Н. Жирова.

⁷ А.К. Бененсон.

720. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 28 марта 1947 г.

28. III. 47.

Дорогой мой, пишу от Наташи Барановой¹, которая просит передать тебе поклон. Она написала своему мужу², который теперь в Тунисе, чтобы он выслал тебе апельсинов. Мне сегодня посчастливилось. Перед церковью заехала к Елькан³ (меня туда закинула Бененсон), и туда принес Петр Конст<антинович> Ив<анов>⁴ апельсины, и я у него купила и завтра их тебе пошлю. Ты должен как можно больше пить сок, и апельсиновый, и лимонный.

Обнимаю и целую. Всем шлю привет.

Твой К.

Париж. Рассказ⁵ переписала, завтра вышлю.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/259. Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur J. Bounine, Villa "Le Fournel", Chemin de Fournel, Juan-les-Pins (A<Ipes> M<aritimes>)», адрес отправителя: «M-me V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach. Paris 16»; почт. шт.: «Paris, 29.III.1947».

¹ Н.Л. Баранова.

² В.Н. Баранов.

³ Анна Морисовна Элькан (урожд. Абельман, 1899–1962) — литератор, общественный деятель. С 1925 г. в эмиграции во Франции. После войны хозяйка литературного салона, секретарь Объединения писателей и поэтов, председателем которого был тогда С.К. Маковский, занимавший две комнаты в ее большой квартире (14, rue de Tilsitt, VIIIe). Секретарь правления Объединения русских писателей и поэтов во Франции (1948–1956). Секретарь издательства «Рифма» (с 1949). Подробнее о ней см.: *Крейд В. Неточкин салон* (О салоне Анны Элькан) // Русские евреи во Франции. Кн. 1 / Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8). Иерусалим, 2001. С. 121–130.

⁴ Петр Константинович Иванов (1876–1956) — религиозный писатель, журналист, критик. Друг Буниных по дореволюционной Москве. В 1923 г. выслан из Советской России, жил в Германии, с 1924 г. в Париже.

⁵ Очевидно, речь идет о рассказе «Полуденный жар», авторская дата которого «1947».

721. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 29 марта 1947 г.

Ночь с пятницы на субботу.

Милая, дорогая моя, могу написать лишь несколько слов — слаб и умом, и волей, и физически *очень*. Думаю, что напрасно поехал — никакого пока улучшения, и ночью одиноко и страшно, и тревожусь за тебя. Письма твои (два)¹ получил. Вот уже сутки дикий мистраль. *В общем* питаюсь плохо, и траты *большие*. Роговский и тут наврал: не сто франков в день, а *двести*². Кроме того, за вторую *комнатку* — 2 тысячи в месяц, так что *нынче заплатил за месяц вперед всего 8 тысяч*. *И прикупаю*: лимоны, апельсины, стуженное молоко, вино (простое), и *все очень дорого*. А дают то колэн³ и картофель (который поливаю оливковым маслом, *тоже купленным очень дорого за свой счет*), то что-то из рубленного лилового

гадкого мяса. Кофе пью тоже пока *свое* — пока потому, что скоро его не будет, а будут ли давать *от дома* потом, не знаю. Тэффи на стол тоже очень жалуется⁴. Все это не исключает того, что обо мне очень заботятся — и доктор⁵, и Шиловская⁶ (подруга его жены), и заведующий хозяйством Протасов, о котором я тебе писал и который топит в моей спальне камин, а в комнатке рядом саламандру⁷ (очень воняющую каменным углем). Заботятся, да толку от этого не много: повторяю — питание для моего малокровия в общем говенное — жалкое по сравнению с тем, что я имел дома. Днем дремлю, ночью бессонница, кашель. Слаб так, что еще ни разу не вышел из дому. И тревога: деньги тают — и что дальше, откуда взять? У меня осталось уже всего 13 тысяч.

Целую тебя горячо, бесценная моя. Всему дому поклон.

P.S. Очень заботливы обо мне Ставровы — все прикупки делают они.

Читать нечего.

Да, еще зубы: *клянусь себя*, что не вырвал, все ноют, и не могу *ничего* в рот взять мало-мальски тугого, крепкого.

Вербов⁸ просил меня выписать от Гавронского из Лондона какие-то ампулы. Я Гавронскому написал еще из Парижа. Но забыл: надо *пить* эти ампулы или *вспрыскивать*? Спроси Вербова.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/270. Место установлено по содержанию. В начале письма рукой В.Н. Буниной вписаны даты: «с 28 на 29 марта 1947 г.»

¹ Видимо, пп. 718 и 719.

² Г.В. Иванов в письме Р.Б. Гулю от 10 марта 1955 г. вспоминал об этом в схожих тонах: «Ну, нет, это не русский дом Роговского. Я там жила в свое время за свой собственный счет. Было сплошное жульничество и грязь и проголодь» (Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль: Тройственный союз. Переписка 1953–1958 годов / Публ., сост., коммент. А.Ю. Арьева и С. Гуаньелли. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. С. 183).

³ От *фр. colin* — рыба семейства тресковых.

⁴ Первое впечатление Тэффи сразу по приезду было вполне положительным. 18 марта 1947 г. она писала Бунину: «Завтракала у себя в комнате, п<отому> ч<то> очень еще усталая. Завтрак был отличный! А я, Вы знаете, привередливая. Комната чистая, светлая, cabinet de toilette, все удобно и хорошо. Вид на пальмы и через них на море. В доме очень тихо, “не шелхнет, не прогремит”. Вообще все лучше, чем может представить наше разнузданное воображение. Одним словом — впечатление самое отрадное» (*Бунины–Тэффи* (2). С. 536).

⁵ Б.Н. Беляев.

⁶ С.Н. Шиловская. Есть письма С.Н. Шиловской к В.Н. Буниной 1950–1958 гг. (РАЛ. MS 1067/6592–6593).

⁷ la Salamandre — тип печки на дровах или каменном угле.

⁸ С.Ф. Вербов.

722. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 29 марта 1947 г.

Суббота 29. III. 47.

Драгоценный мой,
посылаю молочную карточку.

Сегодня утром от Зеелера получила две простыни и полотенце¹, которые пошлю тебе тем или иным способом.

Прилагаю геци² из банка.

Сегодня завтракала дома.

Завтра в 11 ч. придет Михайлов, и мы посмотрим договор³.

Погода серая.
 Ляля⁴ идет (внезапно) на почту, а потому кончаю.
 Целую со всей нежностью. Привет всем.

Храни вас всех Господь.

У Зеелера видела Гуля⁵ и Адамовича, с которым пришло тебе книги⁶.
 Они тебе кланяются.
 Как ты себя чувствуешь?
 Открытка твоя пропала.
 От тебя всего одно письмо.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/260.

¹ Очевидно, из раздач благотворительных посылок.

² квитанцию (*фр.*).

³ См. п. 717.

⁴ Е.Н. Жирова.

⁵ Роман Борисович Гуль (1896–1986) — писатель, журналист, публицист, историк, критик, мемуарист, общественный деятель. В эмиграции с 1920 г., жил в Берлине, с 1933 г. — в Париже, с 1950 г. — в Нью-Йорке, будущий редактор «Нового журнала».

⁶ В январе 1947 г. Г.В. Адамович и Бунин обсуждали в письмах предстоящую поездку в Жуан-ле-Пен (*Бунин-Адамович*. С. 55–56). По-видимому, Адамович собирался приехать туда вслед за Буниным, однако это не осуществилось. Книги В.Н. Бунина передала жене А.П. Клягина, которая в конце концов не поехала на юг и отправила их Бунину посылкой. См. пп. 726, 737 и 740.

723. В.Н. Бунина — И.А. Бунину Париж. 30 марта 1947 г.

30 м. 1947 г.

Драгоценный мой, вчера была у Левиных по делу Коли Любимова (Гольденвейзера) и там узнала, что Лев Исаакович, а потом и Виктория Владимировна¹ едут в Ниццу. Они обещали мне взять для тебя простыни, которые я получила от Зеелера. Посылаю на всякий случай и наволочку и одно полотенце². Они обещают тебя навестить, а если не соберутся, передадут Алдановым, и они их тебе привезут.

Сегодня был Мигуэлло³, и мы просмотрели английский договор⁴. Там сказано лишь, что эти книги могут продаваться в английской Империи, поэтому как будто на Америку они не имеют права. Мы решили, что я перепишу текст договора и перешлю его Марку Александровичу⁵, пусть он его внимательно прочтет, он ведь более опытный в этом деле, чем Михайлов.

Потом мы с П<авлом> А<лександровичем> и Феничкой⁶ отправились на рю Дарю. Там была панихида по Милюкове, о которой сообщалось по «пантыковой»⁷ почте, так как в газетах объявлена панихида по П<авлу> Н<иколаевичу> завтра в Церкви, что на Микель Анж⁸, где живет Серафим⁹, который, конечно, и будет ее служить. А ты знаешь, как мы его любим, а потому было решено накануне устроить другую в соборе. Боялись, что будет мало народа, но было больше ста человек. Приехал Коновалов¹⁰, постарел. Я с ним не знакома. Видела там Маклакова¹¹, Титова, Сергей Петровича¹², Гуля, Зеелера, Зайцевых, Васильеву¹³, Волкова, Сарача¹⁴, Ельяшевича, с которым и возвращались. Сегодня я завтракала дома с Лялей¹⁵, Марьей Карловной¹⁶ и Олечкой¹⁷. После завтрака я спала, а теперь в новом халате села за письма. Я за эту неделю никому, кроме тебя, не писала, — чувствовала большую душевную усталость.

О тебе думая непрестанно, ты всегда со мной. Беспокоюсь. За неделю имею от тебя одно письмо, от Беляева¹⁸ и от Тэффи¹⁹. Ей завтра напишу¹⁹.

Погода сегодня, как сказал Михайлов, благовещенская. Уже мягко и тепло, но нет жары.

Вчера отправила тебе апельсины, но, говорят, что в Монте-Карло можно достать все. Если хочешь, то я напишу Доброй²⁰, и она придет. А может быть, кто-нибудь из сожителей ездит в Монако и может тебе привезти фруктов. Ради Бога не экономь. Сейчас главное — прибавить в твою кровь шариков. Пришли ли ампулы от Гавронского и впрыскивают ли тебе их?

Сейчас я одна дома. Заехал Жиров и повез мамá и Олечку²¹ в гимназию. Сегодня там скаутское собрание. Ляля взяла дочь от Витязей²² по политическим соображениям и хочет, чтобы она вступила в скаутскую организацию.

По гостям ходить вкусно, но очень утомительно, и я рада была завтракать дома. Думаю, что следующую неделю буду отклонять приглашения. Одно отклонила — в среду опять была приглашена к завтраку м-м Михельсон, но я сказала Феничке, что я не могу. Посмотрела, как едят «хорошие господа», и знаешь, не завидую. Мне было бы каждый день скучно хорошо есть. Я на той неделе ела чудную свинину, мясо, курицу и телятину, а в лавках пустота, и мы пробавляемся рыбой. Вчера я купила довольно большую рыбу габиа²³, и сегодня мы ею питались, стоило это 75 франков, а Феничка на мясо истратила больше трехсот! И это на один завтрак...

Посылок²⁴ не приходило. Это жаль, — наши запасы почти истощились. Ляля пережарила зеленый кофе, и мы его пьем. А банку запечатанную я оставляю для тебя, если у тебя будет нехватка.

Конюс ждут в середине апреля. Я очень рада, что увижу ее. Расскажет о жизни за Окенаном. Ей, по слухам, не понравилось. Сейчас Лёня сказал, что Т<атьяне> С<ергеевне> не удалось достать билета...²⁵

Читаю вторую книжку «Прест<упления> и наказ<ания>». Все-таки опять героем ненормальный человек, очень чувствительный и с развитой совестью, а потому такие муки и страдания. Много думаю о твоих «Петлистых ушах». Хочется перечитать. Может быть, и прав Алданов, что это лучшее твоё произведение в том, конечно, отношении, что ты в нем сказал новое, до тебя никем не сказанное.

Лёня сегодня опять наслаждается своим положением «метра», «гуляет» у Стамболли²⁶. Очень спешил, как вернулся утром, так без всякого отдыха стал мыться, чиститься и айда до самого вечера. Спит он в дни гаражные²⁷ очень мало, а дома совсем не отдыхает.

Ляля сегодня рано заснула, но все же вид у нее очень скверный, и днем дремала. Вчера вечером у нее было 37. Она думает, что у нее, вероятно, был грипп. К Ристу²⁸ она второй раз не пошла и, вероятно, не пойдет. Конечно, она не очень хорошо питается, хотя я стараюсь, чтобы минимальный паек у нее был, пользуясь, что меня приглашают. После твоего отъезда я ничего не покупала «черного». Сахар, слава Богу, после тебя остался, а это главное. Завтра 1 апреля, значит, получим скоро масло. Ляля отправила коробки в деревню, тогда у нее куплю немного.

Очень тебя прошу не исполнять просьбы Али²⁹. Тебе это теперь легко, — ты болен!

Вечером буду писать письмо Марье Самойловне³⁰.

Только что ушла твоя любимица Е.А. Струве. Она взяла часть книг Достоевского и «мелкотравчатого»³¹, остальное я отнесу им в среду, где буду обедать.

Сегодня я обедала у Берты³² Она звала еще в синема, но я решила посидеть дома и написать письма.

Ляля тебе шлет «воздушный поцелуй», как говорила маленькая Олечка. Привет всем от нас.

Тебя, мой ненаглядный, обнимаю и целую со всей нежностью.

За обедом был спор, что лучше, Москва или Петербург... Все одно и то же, — никакая революция не помогла...

Твой К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописными вставками): РАЛ. MS 1067A/261.

¹ Л.И. и В.В. Левины.

² См. п. 722.

³ П.А. Михайлов.

⁴ См. п. 717.

⁵ М.А. Алданов.

⁶ Ф.С. Шлезингер.

⁷ Имеется в виду выражение «пантофлевая почта» — быстрая устная передача сведений от одного к другому.

⁸ «Русские новости», действительно, отозвались на годовщину смерти П.Н. Милюкова статьей В. Иноземцева и сообщением: «В четвертую годовщину со дня кончины Павла Николаевича Милюкова, в понедельник, 31 марта, в 6 час. 30 мин. вечера, в храме Знамени Божьей Матери на рю Микель-Анж будет отслужена панихида» (Русские новости. 1947. 28 марта. № 95. С. 3).

⁹ Митрополит Серафим (в миру Александр Иванович Лукьянов, 1879–1959) после смерти митрополита Евлогия (Георгиевского) был назначен Патриаршим Экзархом Западной Европы (1946–1949), в феврале 1947 г. во главе «парижской церковной делегации» посетил Москву.

¹⁰ А.И. Коновалов в 1924–1940 гг. был председателем правления редакции газеты «Последние новости», с 1925 г. — председатель Земгора. В 1941 г. уехал из Франции в США, в 1947 г. вернулся. См. также примеч. 10 к п. 566.

¹¹ В.А. Маклаков с 1924 г. был председателем Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций. С апреля 1927 г. возглавлял Центральный комитет по устройству дней русской культуры. В феврале 1945 г. посетил советское посольство в Париже в составе делегации русских эмигрантов.

¹² Сергей Петрович Мельгунов (1879/1880–1956) — историк и политический деятель, вначале кадет, с 1907 г. — энес («Партия народных социалистов»). В 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, с 1925 г. — в Праге, с 1926 г. — в Париже. В 1950–1954 гг. — редактор журнала «Возрождение».

¹³ С.Н. Васильева-Будакович.

¹⁴ Очевидно, Михаил Семенович Сарач (1909 или 1910–2000) — юрист, предприниматель, меценат, участник Сопротивления.

¹⁵ Е.Н. Жирова.

¹⁶ М.К. Лишина.

¹⁷ О. Жирова.

¹⁸ См. примеч. 1 к п. 716.

¹⁹ Ни это письмо Тэффи, ни ответное послание В.Н. Буниной не сохранились, см: *Бунины–Тэффи* (2). С. 477–584.

²⁰ По всей видимости, Л.Г. Добрая жила (хотя бы часть года) в Монако.

²¹ Е.Н. и О. Жировы.

²² В 1947 г. организация «Витязи», возникшая в 1928 г. как юношеский отдел Русского студенческого христианского движения, насчитывала в Париже 460 участников и имела отделения в Ницце, Гренобле и Бельфоре.

²³ Возможно, имеется в виду рыба кобиа.

²⁴ Очевидно, благотворительные посылки, которые иногда получали Бунины от различных организаций.

²⁵ С декабря 1946 г. Т.С. Конюс была у мужа в США.

²⁶ Вера Иосифовна Стамболи (1912–1996) — общественный деятель, предприниматель, артистка-любительница. Увезена в эмиграцию ребенком. В Париже работала в бакалейной лавке отца Иосифа Вениаминовича Стамболи (1877–1958), устраивала собрания литературного кружка, на которые приходил Л. Зуров. В 1946 г. организовала Союз ревнителей искусства (с 1947 г. Объединение молодых деятелей русского искусства).

²⁷ См. примеч. 12 к п. 715.

²⁸ Зубной врач Э. Рист.²⁹ В чем состояла просьба А.В. Бахраха, неизвестно.³⁰ М.С. Цетлина.³¹ См. примеч. 6 к п. 717.³² Б.С. Нилус.

724. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 31 марта 1947 г.

Утро 9 ч. 31 марта.

Сейчас, драгоценный мой, Лёня, разбудив меня, передал твой экспресс¹, который меня очень огорчил. Конечно, мистраль очень неприятная вещь, — все кажется хуже, чем есть, но в нем одно хорошо: он проходит, и я надеюсь, что это послание застанет уже тихую, ясную погоду.

Конечно, так, как ты питался дома, нигде не может быть, а еще когда под боком Берта Соломоновна², но зато ты жил без воздуха и в тесноте.

8 000 фр. тоже дешево по нынешним временам, так что не огорчайся. Бог даст, образуется. Кофе пришло, ты забыл взять банку, которую я предназначила тебе, мы с Лялей³ пережгли зеленый и пьем его.

Спасибо, что о тебе «хорошо все заботятся», — это ведь не так легко получить и за деньги, но, конечно, это — не дома. Я понимаю и очень болею за тебя, но, Бог даст, мы опять будем вместе, и тебе будет «кого ругать»... Сейчас допишу письмо М<арье> С<амойловне>⁴, сообщу, что у тебя осталось всего 13 000 фр.

Книги можно брать в канн<ск>ой церковной библиотеке, напиши отцу Николаю⁵, и он привезет тебе все, что ты хочешь. Заплати за чтение или дай немного на его бедных.

Сейчас позвоню Вербову, хотя помню, что нужно содержимое ампул от Гавронского впрыскивать. Говорила только что с Вербовым. Я права — нужно впрыскивать: если ампулы в 1 сантиметр, то 5 раз в неделю, а если в 2, то через день*. Он советует — переливание крови. Думает, что у тебя малокровие уже с полгода.

Б<ерта> С<оломоновна>, которая этой осенью выходила после операции свою belle-sœur⁶, советует тебе в день пить сок 3 апельсинов и двух лимонов. У нее было меньше шариков, чем у тебя.

Получила сейчас письмо от М<арка> Ал<ександровича>. Он пишет, что «ты порадовал его своим видом»⁷.

Христос с тобой.

Е.Н. Куриленко кланяется. Говорит, что молится за тебя.

Обнимаю, целую.

Твой К.

* Уколы нужно делать межмышечные, intermusculaire.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/262. Год и место установлены по содержанию.

¹ См. п. 721.² Б.С. Нилус.³ Е.Н. Жирова.⁴ М.С. Цетлина.⁵ Протоиерей Николай (Соболев), с 1947 по 1963 гг. настоятель Архангело-Михайловской церкви в Каннах.

⁶ невестку (фр.).

⁷ Из письма М.А. Алданова В.Н. Буниной от 28 марта 1947 г.: «Вчера опять был у Ивана Алексеевича. Он меня порадовал своим видом еще больше. Ругается, конечно, говорит, что напрасно уехал из Парижа, но я вижу, что он доволен, хотя без Вас ему скучно» (РАЛ. MS 1067/933–982).

725. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Жуан-ле-Пен. 1 апреля 1947 г.

Утро 1 апр. 47 г.

Получил сейчас (утро 1 апр<еля>) твой exprès от 30-го и письмо от 31-го¹, драгоценная моя, а кроме того заказной avion от Телешова², который переслал мне, очевидно, наш консьерж. Дивлюсь, как дошел этот авион — консьерж так грязно, едва видно, неразборчиво нацарапал мой здешний адрес! *Скажи ему, чтобы он все письма на мое имя передавал тебе*, а то может погибнуть какое-нибудь очень важное письмо.

Телешов пишет, что силы его слабеют, но что он работает весь день на службе, а вечером до полночи дома — что-то пишет, какие-нибудь мемуары, вероятно. [Он сообщает, что передал государств<енному> издательству мое согласие на издание сборника моих произведений по берлинскому их изданию, но что ответа от госуд<арственного> издательства еще не получил.]

Кофе пришли.

Две простыни тоже. *Но не больше*. Одна наволочка не мешает, но полотенце тут достаточно³.

От Гавронского еще ничего нет.

Стоит ли переписывать мой англ<ийский> контракт? Ведь это большой труд. Да ведь и ясно, что насчет Америки я свободен⁴.

В «Новости» ничего не посылаю⁵. Хотя получить 5 тысяч при нашей бедности очень хотелось бы.

Я тебе оставил два чека, каждый по 5 тысяч, и еще бумажку в 5 тысяч, итого 15 тысяч — думаю, что тебе это хватит на довольно долгое время. А я тут каждый день разоряюсь — *очень многое* прикупаю. Вот сейчас принесли 10 яиц — 150 фр., а почему *это я* должен их покупать? Часто дают рыбу (все колэн⁶) и салат, *но без масла* — почему это я должен поливать его маслом собственным? Дают какое-то подобие котлеты из рубленого мяса, в котором $\frac{3}{4}$ хлеба... Плохо! Но где найдешь лучше?

Спасибо тебе, драгоценная, за такие нежные письма.

Горячо целую тебя.

Твой Ив.

Хорошо, что написала Марье Самойловне⁷, что средства наши тают ужасно.

Счастье, что тут Ставровы. Все мне покупают они, очень вообще заботливы.

Погода все время очень холодная и мокрая. В маленькой комнате большой холод — салямандру нельзя топить — душит дымом⁸.

Да, Телешов пишет еще:

«Жена твоего племянника Н.А.⁹ очень заболела сейчас, и я не знаю, *успела ли*¹⁰ она написать тебе».

Что за болезнь? Верно, боится мне писать. Или что? «*Успела ли*»¹¹? Что это значит?

¹ См. пп. 723, 724.

² Письмо Н.Д. Телешова от 13 марта 1947 г., в котором он сообщал о том, что планировавшееся в ГИХЛ издание рассказов Бунина после его протестов (несогласованного содержания и т.д.) остановлено, опубликовано (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 632). В оригинале письма (РАЛ. MS 1066/5504) Бунин красным карандашом подчеркнул слова: «Жена твоего племянника *Николая* *Алексеевича* очень заболела сейчас, и я не знаю, успела ли она написать тебе ответ»; «Я ведь прожил долгую и хорошую жизнь» (на полях поставлен знак вопроса); «Гляжу на все спокойно и благодарными глазами». Ответ Бунина от 1 апреля 1947 г. см.: ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 633–634.

³ См. пп. 722, 723.

⁴ См. п. 717.

⁵ После январской публикации рассказа «Памятный бал» (Русские новости. 1947. 3 января. № 86. С. 5) Бунин прозы в газете в 1947 г. не печатал. См. также примеч. 17 к п. 757.

⁶ От фр. *colin* — рыба семейства тресковых.

⁷ М.С. Цетлина.

⁸ См. примеч. 7 к п. 721.

⁹ Клавдия Петровна Пушешникова (? — после 1973) — жена Н.А. Пушешникова, после смерти мужа в 1938 г. хранила дореволюционный архив Бунина; много лет работала в системе советской книготорговли (издательство «Работник просвещения», Москнига).

¹⁰ Подчеркнуто красным карандашом. См. примеч. 2 к наст. п.

¹¹ Подчеркнуто красным карандашом. См. примеч. 2 к наст. п.

726. В.Н. Бунин — И.А. Бунину

Париж. 1 апреля 1947 г.

1 апр. 1947 г.

Дорогой мой,

Посылаю тебе с т-те Клягиной две простыни, коробку кофе, наволочку и две книги твоих стихов. ¹ Я сегодня была у них, и она любезно согласилась взять пакет для тебя.

«<Новое> Русское слово», к сожалению, больше не приходит.

Сейчас пообедаю и отправлюсь опять к ним. Она с Сережей и Иваном¹ уезжает в Грасс на машине завтра в 8 ч. вечера.

Приедет к тебе. Хотела послать за тобой машину и просить завтракать на Vill'e Claire, но, я думаю, это рано.

Видела сегодня Маршака² — бриллианщика. Он просил тебе кланяться.

Надеюсь, что мистраль прошел, и ты чувствуешь себя много лучше.

Пришли ли ампулы?

Не тоскуй по ночам, — я всегда с тобой, да и Бог не оставит тебя. Читай на ночь Евангелие, Апостолов особенно. Сделай это для меня, и ты увидишь, как это будет хорошо.

Купила, наконец, с Тамарой³ ночные туфли 225 фр., — очень приятные, а то не в чем утром выходить в кухню, а еще холодно.

Получила bon⁴ на 2 пары чулок, — прислал Долгополов⁵, — это к<ак> нельзя кстати, — я сегодня сняла зимние, — совсем разорвались.

Кланяются тебе и Шики. Видела вчера.

Я сейчас одна дома, — не знаю, где кто. Лёню почти не вижу, Лялю⁶ мало. Вчера она получила курицу из их мест в подарок. Олечку⁷ взяла на обед.

Целую моего ненаглядного.

Твой К.

Вчера была Кодрянская, — все такая. В четверг иду к ней брать ванну, завтракать и

слушать сказки. Угощала я ее чечевицей.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/263.

¹ Очевидно, дети Клягиных.

² Александр Иосифович (Осипович) Маршак (1892–1975) — ювелир, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции во Франции, владелец ювелирного салона в Париже на rue de la Paix.

³ Возможно, Т.М. Букуаран (Бродская).

⁴ талон (*фр.*).

⁵ Николай Саввич Долгополов (1879–1972) — врач, общественный деятель, до революции член партии народных социалистов, в гражданскую министр здравоохранения в правительстве Деникина, в эмиграции служащий Земгора в Париже, после войны представитель в Европе американских русских благотворительных учреждений, и в частности Литературного и Кулаевского фондов.

⁶ Е.Н. Жирова.

⁷ О. Жирова.

727. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 2 апреля 1947 г.

2 апреля 1947 г.

Дорогой мой, бесценный, что написал тебе Николай Дмитриевич¹? Сообщи скорее. Очень интересно. От тебя за все время два письма. А открытка пропала. Очень жаль.

Вчера вечером отвезла посылку мадам Клягиной. Она была в темно-красном шелковом стеганом капоте. Очень любезна и мила. Она должна будет на другой день своего приезда поехать в Антиб за Аней-Клэр², которая гостит у тетки, и завезет тебе эту посылку. Удалось все уложить в коробку, хорошо, что я сохранила ее от огня.

Возвращалась долго берегом Сены. Очень было красиво и грустно. Почему-то в воде «флагов» не было, только яркие полосы и темные. Вспоминала наш первый июнь в Париже, связанный с Левым берегом, Сеной, ночными прогулками с Петром Бернгардовичем³. Как не похоже все на теперешнее настроение⁴. То время ушло в историю, и не все представят по-настоящему наши настроения, наше ощущение жизни. Помнишь поздний вечер на острове С. Луи, под развесистыми деревьями над темной Сеной?.. Шла и находилась в лирическо-поэтическом настроении. Потом метро, жара, и все пропало.

Сегодня письмо тебе от кого-то⁵, просьба фэр сюивр⁶, посылаю.

Третьего дня был Ельашевич, он через неделю переезжает окончательно на свою квартиру на рю Коньяк-Же. Рассказывал очень взволнованно, что перечитывал письма жены и детей и сжигал их, хотя по ним можно было многое восстановить. Говорил, что никого не любил, кроме Фаины Ос<иповны>, и все, чего он достиг, это от нее. Посидел часа два и в одиннадцать ушел. Я угощала его чаем с печеньем и каким-то кремом, который Ляля⁷ приготовила в честь курицы, и мне оставила.

Погода сегодня серая. Пойду за чулками. Авось дождя не будет. Еще прохладно. Сплю под шубой.

Сообщи поподробнее, как ты устроился. Дали ли тебе комод и кресло?

NB

Я почти кончила переписывать твой договор с Леманом об «<Темных> аллеях»⁸. Завтра вышлю экспрессом. Я внимательно перечитала его. Он распространяется лишь на *Британскую империю*. Покажи его Марку Александровичу, которому я тоже напишу⁹.

Все никак не найдем бабы, чтобы вычистить квартиру. Уж очень много пыли. Наташа¹⁰

обещала, да, видимо, или забыла, или та баба, о которой она говорила, занята. Очень досадно.

Я сплю в твоей комнате, а едим в моей. В твою я никого не пускаю. Гостей тоже принимаю, впрочем, они очень редки, тоже в моей. Алю¹¹ так и не видела. Может быть, он заходил, но не оставил следа.

Что ты скажешь о письме Пэки¹²?

Пришли ли ампулы, это меня очень беспокоит. И что тебе делают от малокровия? Нужно серьезно лечиться. А главное, пить как можно больше соков фруктовых¹³.

Сегодня я сравнительно выспалась, но все же еще не совсем. Конечно, и весна действует.

Лёня дал мне книгу Коровина о Шаляпине¹⁴. Написано живо, по-коровински. Оказывается, Шаляпин был не только скупой, но «<ск>редный» человек. У него в кармане было всегда только «три рубля»... И на угощение он «тароват не был»... Не отличался и храбростью. Кроме того, особенно в начале своей карьеры, отзывался «малограмотным»... Но талант был гениальный. Это его умение перевоплощаться хорошо отметил Коровин. *О деньгах он говорил постоянно, любимая тема, хотел завести фабрику и все в таком роде*¹⁵. Характер был ужасный, когда обедал дома, то вся семья не пророняла ни слова. Был нетерпим к мнению другого. Ссорился с кем только было возможно¹⁶.

Суп готов, надо завтракать. Обнимаю и целую тебя, мой ненаглядный, нежно.

Твой К.

Ляля¹⁷ и Лёня шлют привет. Они — дома.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/264.

¹ См. примеч. 2 к п. 725.

² Вероятно, дочь Клягиных.

³ П.Б. Струве. См., например, запись В.Н. Буниной в дневнике 15 июня 1920 г. (РАЛ. MS 1067/367).

⁴ Это и предыдущее предложения подчеркнуты на полях синими чернилами.

⁵ Письмо неизвестно.

⁶ От *фр.* faire suivre — переслать.

⁷ Е.Н. Жирова.

⁸ См. примеч. 7 и 8 к п. 717.

⁹ Против этого абзаца — вероятно, Буниным — на полях поставлен крест красным карандашом, а над абзацем — знак «NB» красной шариковой ручкой.

¹⁰ Вероятно, Н.Б. Соллогуб или Н.Л. Баранова.

¹¹ А.В. Бахрах.

¹² Письмо Н. Рощина неизвестно.

¹³ Против этого абзаца на полях также поставлен крест красным карандашом.

¹⁴ Константин Алексеевич Коровин (1861–1939) — живописец, театральный художник, педагог и писатель. С 1923 г. в эмиграции во Франции. Речь идет о его книге «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь» (Париж: Возрождение, 1939).

¹⁵ Подчеркнуто красной шариковой ручкой — вероятно, Буниным, при чтении письма.

¹⁶ Почти весь абзац подчеркнут на полях красными чернилами — вероятно, Буниным.

¹⁷ Е.Н. Жирова.

728. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 3 апреля 1947 г.

Четверг, 8 ч. утра.

Милая, дорогая моя, вчера получил от тебя апельсины, целую, благодарю, только не шли больше: *такие*, как парижские, и тут есть, а вот в Монако чудесные — мне раз милая Машенька¹ привезла. До сих пор еще не выхожу из дому — холодно, сыро (хотя второй день

Интерьер столовой в парижской квартире Буниных.

Париж, 1961 г.

(ОГЛИМТ).

На обороте Л.Ф. Зуров написал: «Столовая. Обеденный стол. Буфет, а на нем шотландский пейзаж “Скай”. Дубовый шкафчик Веры Николаевны, в котором она хранила часть архива Ивана Алексеевича. Он покрыт шотландским полотенцем. На шкафчике 2 русских шкатулки, 2 русских коробочки и деревянная ложка. Работа кустарей. Это подарки из Советского Союза. На стене — акварель русского художника Ясневича (1945 г.). Это портрет двоюродной бабушки Веры Николаевны.

Лицо двоюродной бабушки отличается муромцевской бледностью.

Ее унаследовала и Вера Николаевна. Л. Зуров. 28-го июля 1961 г. 1, г. Jacques Offenbach».

солнце), и доктор не советует выходить. Засыпаю теперь, дай Бог не сглазить, часов в одиннадцать, сплю с небольшими перерывами часов до 8, 9, кашляю меньше и реже, пью по утрам свежее сырое яйцо, апельсинный сок, ем грюер²... (все покупают мне Ставрова).

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/272. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Véra Bouvine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 4 avril 47». Дата и место установлены по почтовому штемпелю, дата уточнена по содержанию: 3 апреля — четверг.

¹ М.И. Ставрова.

² сыр грюйер (Gruyère).

729. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 3 апреля 1947 г.

Четверг.

Ничего нового, дорогая моя. Вчера послал тебе записочку. Пришло ужасно нежное письмо от Марги¹. Не нынче-завтра пошлю его тебе.

На дворе второй день серо, прохладно.

В понедельник едет сюда с Тamarой² Пантелеймонов³.

Передай письмо Олечке⁴ с очень редкой маркой⁵.

Целую.

За *все* время здесь выпил *ровно одну* рюмку коньяку.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/273. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Письмо неизвестно.

² Тамара Ивановна Пантелеймонова (урожд. Кристина, 1900–1979) — жена Б.Г. Пантелеймонова.

³ Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950) — ученый-химик, писатель. С 1930 г. в эмиграции в Германии, затем в Бейруте, Иерусалиме, с 1937 г. в Париже. О его взаимоотношениях с Буниным см.: *Трубилова Е.М.* И.А. Бунин, Н.А. Тэффи, Б.Г. Пантелеймонов: История дружбы // И.А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 195–206.

⁴ О. Жирова.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

730. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 4 апреля 1947 г.

*Пятница*¹.

Милая, драгоценная моя,
 посылаю тебе письмо Телешова². Нынче, дай Бог, не сглазить, проспал целую ночь спокойно (только просыпался для горшка). Пишу кратко — устал, писал длинное письмо Цвибаку об издании «Темн<ых> ал<лей>» в Америке у америк<анского> издателя³.

Сказала ли Кодрянской, чтобы устроила посылку Галине из Америки?

Марк Алекс<андрович>⁴ был у меня уже три раза.

Горячо тебя целую. Целую Олечку⁵, Нимфу⁶ и Лёню.

Твой Ив.

Идет Страстная Неделя — не переутомляй себя ради Бога!

Московск<ие> марки⁷ для Олечки.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/274. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

² См. примеч. 2 к п. 725.

³ Письмо неизвестно.

⁴ М.А. Алданов.

⁵ О. Жирова.

⁶ Е.Н. Жирова.

⁷ Вероятно, с письма Н.Д. Телешова.

731. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 4 апреля 1947 г.

4 апреля 1947.

Дорогой мой, тебе пришла вещевая посылка¹. Отрез серой для пальто материи, две рубашки (поношенные) военные, пара ботинок желтых, маленькая фуфайка и белые носки, скорее дамские.

Американцы скоро закроют гараж, где служит Лёня², чему я очень рада.

Тамара³ решила устроить ему вечер (закрытый) в студии Гржебиной⁴. Тот⁵ ей очень

помогает. Дала за билеты 1 000 фр. Она опять много зарабатывает. Я немного им помогаю. Иногда езжу с Тамарой, — Лука⁶ нас возит иной раз. Сделала полезные и для нас знакомства. Если будешь здоров и осенью сделаешь свой вечер, эти новые знакомства очень пригодятся. Были у Перникова⁷. Он очень просил тебе кланяться и был чрезвычайно любезен. Растолстел ужасно. Тамара находит, что я умею «разговаривать с евреями». Об этом никому не говори. Я больше *ни для кого не буду продавать*. Нужно о себе думать. Из писателей никто даже адреса не сообщит!

Сегодня была у Кодрянской — купалась, завтракала. Потом пошла за чулками — купила 2 пары по бонам⁸ по 47 фр. Это большое облегчение.

Ты прав: у меня 15 000 фр.

Бумажка не разменена, и один чек еще у меня спрятан.

Я купила 2 п<ары> чулок 94 фр.

Ночные туфли 225

Чистка пальто 225

---

544 fr.

Завтра возьму твой

костюм, тоже 250 fr.

790.

Янушевич⁹ ничего не хочет брать. Напиши ему два слова, и следовало бы подарить ему книгу, м<ожет> б<ыть>, взять у Зелюка¹⁰?

Очень меня порадовал Борис Никандрович¹¹, что ты «хорошо» проспал без снотворного ночь. Бог даст, «все образуется». И твои силы будут восстанавливаться. Сердце и легкие у тебя в порядке, а это главное, и кровь у тебя хорошая.

Попова (антикварша)¹² очень советует тебе для того, чтобы никогда больше не было у тебя крови, смазывать каждый вечер помадой Zilog. Видимо, она страдала тоже этой болезнью. Если у вас нельзя достать, то я тебе ее достану.

Посылаю тебе адрес Buhler'a, зубного врача-швейцарца¹³, кот<орый> нас лечил: T. 9.80.80 Palais Miramonte Bd Carnot Le Cannet у самой границы с Каннами.

Мы очень скромны в нашей еде. Ничего «*черного*». Я купила 1 kilo сахара, но это для тебя. Как кончишь коробку, так я тебе его пошлю. Платила 300 фр.

Готовим немного. Сегодня появилось мясо. На нас с Лялей¹⁴ взяли на 25 фр. За рыбу платила в последний раз 33 фр. Я часто бываю приглашаема, но иной раз отказываюсь. Утомительно. Да и время на это уходит. В среду отказалась от завтрака у Михельсон. Сегодня от обеда у Струве. Завтра со своими пайками придут Наташа¹⁵ и Феничка¹⁶, я поставлю бутылку вина. Одну я отнесла Борису¹⁷, когда у них завтракала. Но ты *не* должен экономить, помни, что пока что — ешь и пей соки плодов. Нигде дешевле не устроишься. А главное, такой врач рядом. Я думаю, что ты должен тратить 20 000 в месяц, во всяком случае в первый.

Обнимаю, целую, всем самый дружеский привет.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/265.

¹ См. примеч. 24 к п. 723.

² См. примеч. 12 к п. 715.

³ Т.М. Букуаран (Бродская) — знакомая Буниных по Грассу.

⁴ Вечер Л. Зурова прошел в помещении студии И.З. Гржебиной 26 апреля 1947 г. Вступительное слово произнес Г.В. Адамович.

⁵ Виктория Александровна Меркантион-Спири (урожд. Познер, 1911–2006) — деятель кино. Училась в Русской гимназии в Париже. С 1935 г. работала киномонтажером. С конца 1940-х гг. режиссер короткометражных и документальных фильмов. Затем была редактором и директором фильмов, работала с Витторио де Сика и Роже Вадимом. Знакомая Буниной. Подруга Т.М. Букуаран (Бродской). Тото — ее домашнее прозвище.

⁶ Люсьен Букуаран (Vousoigan) — муж Т.М. Букуаран (Бродской).

⁷ Осип Александрович Перников (1894–1952) — предприниматель, общественный деятель, благотворитель, литератор. В 1916 г. прикомандирован к Русской военной миссии во Франции. После революции жил в Париже. Основатель ряда крупных мореплавательных и туристических компаний.

⁸ талон (*фр.* bon).

⁹ См. примеч. 12 к п. 716.

¹⁰ Орест Григорьевич Зелюк (1888–1951) — издатель, журналист, сотрудник «Киевской мысли», «Одесских новостей», «Биржевых ведомостей». С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, коммерческий редактор русско-французской газеты «Вечерняя пресса». С 1923 г. в Париже, владелец типографии «Франко-русская печать».

¹¹ Б.Н. Беляев 1 апреля 1947 г. писал: «Многоуважаемая Вера Николаевна, очень рад сообщить Вам, что Ивану Алексеевичу значительно лучше. Не только (по отзывам тех, кто следит по наружной видимости, насколько И<ван> А<лексеевич> поправляется) такого впечатление “не врачебное”, но таков результат и моего сегодняшнего внимательного исследования сердца, легких и т.п. Сегодня ночью И<ван> А<лексеевич> просто “хорошо” спал, без снотворного, без кашля, без лекарства (*éphédrine + adrénaline*), прописанного мною (к которому И<ван> А<лексеевич> с успехом прибегает среди ночи); хорошо выпавшись с 11 часов веч<ера> вчерашнего дня и так — до 7 ч. утра сегодняшнего. Он съедает каждый день два сырых яйца (желток с *белком!*) из-под куры (от фермера) и сейчас сам попросил, чтобы ему утром давали квакер (хорошо размешанный, горячий)... значит, есть аппетит! Флюс прошел, когда можно будет, достанем от кого-нибудь из знакомых автомобиль, и я буду сопровождать И<вана> А<лексеевича> в Канн к зуб<ному> врачу-швейцарцу, которого И<ван> А<лексеевич> знает. Алданов был у него уже три раза, в последний раз вчера, привез ему вина белого (перед тем было красное) и “Бесов” Достоевского. <...>» (РАЛ. MS 1067/1353). Квакер — см. примеч. 12 к п. 560.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ См. примеч. 11 к наст. п.

¹⁴ Е.Н. Жирова.

¹⁵ Н.Б. Соллогуб.

¹⁶ Ф.С. Шлезингер.

¹⁷ Очевидно, Б.К. Зайцев.

732. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 4 апреля 1947 г.

Вечером в пятницу.

Душа моя, перечитал твое письмо от 27-го марта — и ужасно забеспокоился. Ты пишешь: «До сегодня жила на оставленные 500 *фр.* и на выручку от проданных бутылок...» Но ведь я тебе оставил 2 чека¹, каждый по 5 тысяч и кроме того бумажку в 5 тысяч² — бросил тебе при Бахраке — когда ругался с тобой! Или ты об этой бумажке в 5 тысяч забыла³? Немедля напиши, беспокоюсь.

Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/275. Дата и место установлены по содержанию.

¹ Подчеркнуто синим карандашом.

² Подчеркнуто синим карандашом.

³ Подчеркнуто синим карандашом.

733. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 5 апреля 1947 г.

5 апреля/23 марта 1947

Лидин день¹. Полдень.

Драгоценный, утром получила открытку твою, целую за нее.

Сейчас вернулась с покупками и из церкви. С нынешнего дня начинаю бывать на службах. Сегодня пришла к концу, т.к. надо было взять вина, масла, мяса и рыбы. Ни завтра, ни в понедельник не буду ходить на базар. Баба по случаю праздника² дала мне молока.

Надеюсь, в четверг буду причащаться³. На rue de la Tour⁴ на Пасху будет обедня непосредственно за Утреней, так что это два шага от нас, не то что было в прошлом году, когда мы с Лёней пешком прошли из нижней церкви на rue Daru⁵.

Вчера у нас был обед «междусообщик» с Олечкой⁶, Феничкой⁷ и Наташей⁸. Феничка принесла свинину, Наташа рыбу, я сделала картоф<ельный> салат и купила вяленую рыбу — очень дешевая и вкусная — хэдок⁹ — поставила бутылку красного вина, как и Наташа, и мы все пили за твое здоровье.

Куриленко потеряла все карточки, мы уже ходили заявить в Табас, чтобы никому не выдавали ее табак. А вернувшись домой, она получила свой портелек¹⁰ от консьержки, значит, честный человек поднял и отнес по адресу.

Сейчас вернулся J³¹¹, купил себе спальный мешок. Один будет заменять простыни, — у него никаких нет, — и другой с теплым одеялом для зимы.

Я больше не сплю под шубой, Лёня дал мне два одеяла своих. Они теплые. В квартире холодно, но мы не топим. Еще терпимо для нас.

Сейчас зашла тетушка¹². Она тебе кланяется. Тоже хочет ехать в «Le Fournel»¹³. Она кланяется тебе.

Мы идем вместе ко всеобщей с вербой¹⁴.

Нужно кончать. Целую нежно.

Храни тебя Христос.

Ляля и Олечка¹⁵ целуют.

Лёня три дня, вернее, ночи в гараже¹⁶.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/266. В начале письма на полях Бунин отметил: «Получил 7-го апр.»

¹ 5 апреля православная церковь чтит память св. мученицы Лидии Иллирийской.

² На 6 апреля приходилась католическая Пасха.

³ См. п. 736.

⁴ О какой церкви идет речь, неясно.

⁵ См. примеч. 8 к п. 693.

⁶ О. Жирова.

⁷ Ф.С. Шлезингер.

⁸ Н.Б. Соллогуб.

⁹ haddock — пикша (англ.).

¹⁰ Вероятно, соединение французского «porte-feuille» (кошелек, бумажник) и русского «кошелек».

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² А.Е. Шварцман.

¹³ Имеется в виду Русский дом в Жуан-ле-Пен.

¹⁴ По православному календарю 1947 г. 6 апреля было Вербное воскресенье, 13 апреля — Пасха.

¹⁵ Е.Н. и О. Жировы.

¹⁶ См. примеч. 12 к п. 715.

734. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 6 апреля 1947 г.

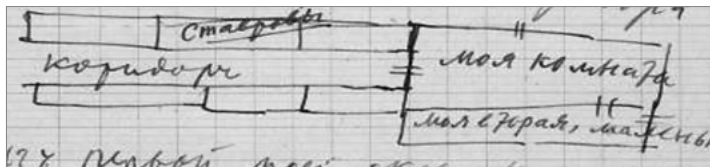
Воскресенье, Католическая Пасха 1947 г.

Вот уже полмесяца я здесь, драгоценная моя. Время идет ужасно быстро, а жить осталось так мало, что даже удивительно, — неужели вот-вот конец? А он вот-вот, а я как-то туп к этому — то ли от болезни и лекарств, то ли оттого, что уж тут ничего не поделаешь!

Говорят все, что вид у меня лучше, но чувствую себя, кажется, все так же, как в Париже. Иногда сижу за письменным столом, разбираю свои бумажки (и кое-чего не нахожу, — забыл взять, очевидно, — нет, напр., статьи о Шаляпине¹, — поищи у меня в столе, не пропала ли совсем, — нет странички с заглавием «Лита»², — тоже поищи в столовой... Больше лежу, читаю, прочел Достоевского «Дядюшкин сон», «Село Степанчи<ко>во» и $\frac{2}{3}$ «Бесов»³ — все совершенно чудовищно — дикая ахиня, лубочная неправоподобность, Ниагары блудословия — постыдный писатель, истерик, мошенник...

Часто заходят и сидят у меня Беляев, Ставровы, Тэффи, часто бывает Роговский. Я еще ни разу не был не только на дворе, но даже в других этажах дома. Я в верхнем, — по моему вкусу как раз — в тупике коридора.

Из первой моей окна на юг, из второй — на запад. Дом наш стоит в каком-то подобии не

то одичавшего парка, не то леса — заросли и множество великолепных старых деревьев — сосен, кедров, елей, пальм...

Устал, целую, дорогая моя.

P.S. Последние дни солнечно, но все еще очень прохладно.

Кормят сносно.

Кофе у меня осталось чуть-чуть, а купить здесь — ужасно дорого (говорят, кило не то 1000, не то 800) — не можешь ли прислать, если в Париже дешевле⁴.

Алданов, приехавший позавчера, сказал, что мне послано из Америки 250 дол<ларов>. Получила⁵?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/276. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с пп. 735 и 736.

¹ 12 апреля 1947 г. исполнялось 9 лет со дня кончины Ф.И. Шаляпина. Очевидно, Бунин начал работать над воспоминаниями о Шаляпине. Через год была напечатана его статья «О Шаляпине» (Новое русское слово. 1948. 11 апреля. № 13135. С. 2). Очерк «Шаляпин» вошел и в книгу Бунина «Воспоминания» (1950).

² Рассказ «Лита», написанный в 1943 г., при жизни Бунина не публиковался.

³ См. примеч. 11 к п. 731.

⁴ Абзац отчеркнут на полях красным карандашом.

⁵ Абзац отчеркнут на полях красным карандашом.

735. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 7 апреля 1947 г.

7 апреля 1947.

Благовещение.

Дорогой мой, откуда ты думаешь, что я забыла, сколько ты мне дал денег¹? Но я пока брать чек на первые пять тысяч через несколько дней, чтобы тратить меньше, — ведь деньги «с крылышками», как говорила твоя мать. За электричество уже заплатила 1 380 франков, вероятно, и в будущий раз придется платить много, так как он разделил на два или три раза, как я его просила, что ты пережег своим солнцем. Теперь мы жжем его мало. Лёни почти не бывает. У Ляли² маленькая лампочка. Я тоже не зажигаю почти никогда ламп над столом, а когда пишу за письменным, то горит только твоя, а в постели читаю со своей маленькой, примостив ее к буфету, и очень хорошо выходит. Теперь Страстная, и только сегодня к обеду придет Володя-Володя³, а то я всем сказала, что на Страстной только буду бывать в церкви и спать ложиться буду рано. Вчера я уже в 11 ч. была в постели.

Я еще не заплатила за налог. Может быть, отнести? Напиши. Михайлов был всего раз, и я забыла его тогда спросить о налоге, — мы все спешили на панихиду по Милюкову⁴, вернее, спешила Феничка⁵, а потом пришлось ждать.

Олечка⁶ сейчас вымыла в кухне пол лучше, чем Жанна⁷!

Посылаю тебе завтра то, что я переписала из твоего договора о «Темных аллеях»⁸, всего не нужно. На всякий случай покажи Марку Александровичу⁹.

Вчера я была у Глюгбергов¹⁰, как всегда, приняли очень радушно. Он читал вслух стихи Блока. Я принесла ему от Струве¹¹ один том — изборонок, стоит 300 франков, величина, как у нас в гостиной лежал Лермонтов, помнишь? В синем коленкоровом переплете? А Блок в голубом.

Сегодня зашла на минуточку к Раисе Григорьевне¹², застала Алю с Раевским¹³ за картой. Аля¹⁴ у нас *разу не был...*

Очень я рада, что ты его просьбы не исполнил¹⁵. Бог даст, не пропадем. Осенью тебе надо будет устроить вечер¹⁶, если ты хорошо поправишься и отдохнешь. Я ведь знаю, сама болела твоей болезнью, что вдруг начинаешь себя лучше чувствовать и, если быть разумным и вести правильный образ жизни, то через три недели — здоров! Очень прошу, клади после еды грелку, хотя бы один раз в день. Когда начнешь выходить, хотя бы первое время *гуляй до еды*, а после лежи с грелкой час, сам увидишь, как это будет хорошо. Нужно, чтобы ты не утомлялся после еды, тогда все будет хорошо усваиваться. Кушай чаще, как только захочешь. Не экономь.

Я очень молюсь за тебя. Сегодня вынула просфирку и за тебя, и за Тэффи, скажи ей. Бывает ли она в церкви? Или это от вас далеко?

Ходят ли автобусы?

Не беспокойся за меня. Я сплю хорошо. Ляля готовит, помогает и Олечка. В церкви можно сидеть, и я не очень утомляюсь. Вчера днем отдыхала, спала даже.

Видела Врангель¹⁷. Она просила тебя поцеловать. Спрашивала о комнатах. Они хотели

бы приехать на лето. Что для этого нужно сделать? Можно ли заранее заказать комнаты на такой-то срок?

Гликберг¹⁸ в мае по общественным делам отправляется в Америку, может быть, он перед этим будет на юге и увидится с тобой. Он очень просил тебе кланяться.

Успокойся, не волнуйся за меня. Я очень осторожна, пишу ежедневно. Была Вера Рафаиловна¹⁹, когда я уходила к Дижур, жалею, что не видела ее. Постараюсь увидеть ее завтра.

Олечка и Ляля тебя целуют. Лёня отсутствует, как всегда.

Передай привет от меня Беляеву, Ставровым, поблагодари их за заботу о тебе, и, конечно, Тэффи.

Обнимаю и целую тебя со всей нежностью.

Храни вас всех Матерь Божия.

Завтра вечером пойду к Каминским, спрошу, что она может взять.

Твой К.

Напиши сам Кодрянской о посылке Галине²⁰. 112-bis, rue Cardinet, Paris.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/267.

¹ См. п. 732.

² Е.Н. Жирова.

³ Неустановленное лицо.

⁴ См. примеч. 8 к п. 723.

⁵ Ф.С. Шлезингер.

⁶ О. Жирова.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ См. п. 717.

⁹ Против этого абзаца на полях поставлен крест красной шариковой ручкой.

¹⁰ Речь о Д.Л. и А.С. Гликбергах.

¹¹ А.П. Струве.

¹² Раиса Григорьевна Дижур (Dijour; урожд. Левина) — мать А.В. Бахраха.

¹³ Поэт Георгий Раевский (наст. имя: Георгий Авдеевич Оцуп, 1897/1898–1963) был одним из партнеров А.В. Бахраха по бриджу.

¹⁴ А.В. Бахрах.

¹⁵ См. примеч. 29 к п. 723.

¹⁶ Вечер был устроен 26 октября 1947 г. в Salle Chopin (8, rue Daru, Paris VIIIe).

¹⁷ Л.С. Врангель.

¹⁸ Д.Л. Гликберг.

¹⁹ В.Р. Мартынова.

²⁰ См. п. 730.

736. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 10 апреля 1947 г.

Великий Четверг.

10 апреля 1947 г.

Только что вернулась, драгоценный мой, из церкви после причастия, причащалась почти вся церковь, — я была на rue de la Tour¹.

Сегодня уезжает Лидия Абрамовна², я с ней посылаю кило сахару (у вас, говорят, это стоит 500 фр., а здесь 300 ф.) и свой кофе-санка³, взятый по тикетам⁴, потом письмо от Гали, адрес лица, пославшего тебе вещевую посылку, — очень хороший отрез на пальто и

две рубашки — поблагодари.

Все твои поручения исполню.

Кофе одно кило в железной коробке я послала тебе с m-те Клягиной еще на прошлой неделе. Попроси позвонить им по телефону и спросить. Еще не получила ничего из Америки.

Целую, обнимаю.

Твой К.

Сейчас едем за посылкой к Долгополову. Это наше спасение, у нас хоть шаром покати. Все, <что> можно будет послать тебе, пошлю, м<ожет> б<ыть>, с Левиным⁵.

Твой костюм готов сегодня. Пошлю, если будет оказия, а м<ожет> б<ыть>, по почте?

Вернулись из Земгора. Обычная посылка. Посылаю тебе кофе с Л<идией> Аб<рамовной>, а сахар передам Левину или не-жене⁶.

У нас пан⁷ с электричеством: перегнил шнур у столовой лампы, наш домашний электротехник сейчас чинит, поставил новые шнуры. Было короткое замыкание, и вчера мы ночь провели без света.

Посылаю пачку зел<еных> папирос — санка и папиросы — вместо красного яичка.

Храни вас всех Господь.

Сегодня <далее оставлено пустое место>.

Починка стоила 280 фр.! Зато шнуры белоснежные и, м<ожет> б<ыть>, от этой лампы и происходили панны?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/268.

¹ См. примеч. 4 к п. 733.

² Л.А. Каминская.

³ «Санка» — название растворимого кофе без кофеина, производство которого начал Л. Розелиус в 1903 г. в Бремене.

⁴ См. примеч. 10 к п. 717.

⁵ Л.И. Левин.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ от *rappe* (фр.) — авария.

737. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 10 апреля 1947 г.

10 апр. 47.

Милая, дорогая моя, сейчас пересматривал твои письма — и очень удивлен: пишешь 2-го¹ апр<еля>: «Завтра вышлю экспрессом тебе переписанный твой договор с Леманом». Но я его *до сих пор*² не получил! Потом: в твоих письмах от 4-го, 7-го и 8-го апреля (последнее получено нынче) нет *ни слова о письме*³ Телешова⁴, *которое я послал тебе экспрессом чуть не неделю тому назад*⁵! Что же это значит? Пропал экспресс?

Сейчас получил *посылкой* (от Клягина или Клягиной) то, что ты послала мне: коробка кофе, 2 книги «Избр<анных> стихов», 2 простыни, наволочку и полотенце. Об этом белье напрасно хлопотала, оно мне совсем не нужно, для меня тут есть достаточно, да навряд я тут пробуду долго, — скорей всего, вернусь в Париж не позднее середины мая: вот уже третья неделя, что я тут, а чувствую себя не лучше, чем в Париже, три последние ночи опять были плохи, — кашель, бессонница, сердцебиение при малейшем движении... Писал тебе: «питание сносное». Нет, не очень-то сносное, а для меня и совсем плохо, а прикупки

дороги и тоже плохи: ветчина всегда жесткая и не в меру соленая, грюер⁶ тугой, безвкусный, апельсинов нету... Почти всегда дают мне одно блюдо (супы тут совсем дрянь) — и все одно, все одно: грудка сухого картофеля (масло для дома уж совсем дорого — чуть не 1 000 фр. кило) и кусочка два мокрого колэна⁷ или две котлеты, тоже мокроватых, без масла, из розоватого мяса, а главное — из хлеба и картофеля... Ставровы идут сейчас в город, кончаю и крепко целую.

Деньги от М<арьи> С<амойловны>⁸ еще не получила?
Заплати маленький налог.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/277. Место установлено по содержанию.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ См. примеч. 2 к п. 725.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

⁶ сыр грюйер (Gruyère).

⁷ От фр. colin — рыба семейства тресковых.

⁸ М.С. Цетлина. См. пп. 724 и 725.

738. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 12 апреля 1947 г.

1947 г. 12 апреля.
Великая Суббота.

Христос Воскресе!

Поздравляю всех.

Драгоценный мой, получила твой экспресс от 10 IV¹ и очень огорчилась. Получила я его по дороге в церковь, где встретила Манухиных. Я сообщила о твоём состоянии Ив<ану> Иван<овичу>. Он сказал, что не удивляется, для кроветворения нужна высота. Я думаю, что если ты окрепнешь хоть немного, то, конечно, следует поехать куда-нибудь в горы на лето. Он думает, что и «в зелень хорошо», но море должно расслаблять. М<ожет> б<ыть>, удастся поехать и вдвоем? Конечно, так питаться, как дома, нигде нельзя. В пансионе, устроенном в имении Шаляпина², берут 600 фр. в день. Кормят хорошо. Может быть, тебе туда на месяц поехать? Поговори на этот счет с Лидией Абр<амовной>³, она летом едет туда.

Ты забываешь, что ты пишешь: забыл, что написал, что можно и не посылать договора⁴. Я тебе его посылаю, чтобы показать, что он переписан, конечно, не весь, т.к. следующие пункты не имеют значения для новой книги. Я думала, что я его уже послала с Л<идией> А<брамовной>, но сию минуту нашла на столе в конверте. Я в тот день была очень утомлена. Обедня с причастием, поездка в Земгор (не хотелось откладывать, тогда бы не смогла послать тебе кофе). Обо мне не беспокойся, — Лёня подарил к Пасхе свою получку, — так что я сегодня буду наслаждаться кофе с молоком и пасхой.

У нас тихо — кипит работа — мамá с Олечкой⁵ и Марьей Карловной⁶ творят. Идем все вчетвером на rue de la Tour⁷, будем с Лялей⁸ причащаться, — Олечка не совсем здорова. Леня идет в патриаршую церковь⁹, а разговляться будет у мо<ло>дых поэтов, вероятно, у Стамболи¹⁰.

Денег от М<арьи> С<амойловны>¹¹ не получала. Наведу справки через Феничку¹².

Буду сегодня в 12 ч. думать о тебе. Первое «Христос Воскресе» — тебе.

Твой К.

Наташа¹³ за меня убирает комнату. Такая милая.
Вчера пришло требован<ие> налога, все передала Михайлову.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/269.

¹ См. п. 737.

² См. примеч. 13 к п. 526.

³ Л.А. Каминской.

⁴ Видимо, это письмо не сохранилось. Об издательском договоре см. п. 717.

⁵ Е.Н. и О. Жировы.

⁶ М.К. Лишина.

⁷ См. примеч. 4 к п. 733.

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ Имеется в виду храм Трех Святителей. См. примеч. 3 к п. 432.

¹⁰ См. примеч. 26 к п. 723.

¹¹ М.С. Цетлина.

¹² Ф.С. Шлезингер.

¹³ Н.Б. Соллогуб или Н.Л. Баранова.

739. В.Н. Бунина — И.А. Бунину
Париж. 13 апреля 1947 г.

13 апреля 1947.
2 ч. 15 м.

Христос Воскресе!

Бесценный мой,

если есть счастье и радость, то это причастие в Святую Ночь. Благодарю Бога, что мне это удалось и в этом году.

Служили два священника, и оба замечательные люди. Одного ты знаешь, отец Сильвестр¹, — он служил панихиды по Зинаиде Николаевне², — молодой еще, с огненными глазами монах, другой отец Михаил³, священник белого духовенства, тоже настоящий пастырь, не из типа, которые бывают у Куриленко. Он химик, где-то работает, а в этой церкви служит по субботам — высокий, дородный с тонким прекрасным лицом.

Литургию они служили замечательно, как ты знаешь, при открытых Царских Вратах. Минутами было жутко, и все время радостно.

К чаше подошли почти все оставшиеся на обедню, единственную в году. Настроение было таково, что казалось, все проникнуто любовью. Молились все проникновенно. Вообще за последние недели я убедилась, что почти во всех церквях молятся не хуже, чем в России, — до войны так не молились. И наши церкви тоже все переполнены. Я давно так не волновалась, подходя к чаше, — не могу передать тебе, что я чувствовала.

А в самом начале, когда распахнулись белые двери и с горящими глазами ворвался в нежно-голубой ризе с трисвечником в белых цветах отец Сильвестр со словами «Христос воскрес», и все после тишины и таинственного молчания, как один человек, ответили «Воистину воскресе!», то жутко-радостное чувство охватило меня. Я была всеми помыслами с тобой и усердно молилась, чтобы ты понял, для чего стоит жить... Я теперь ничего, кажется, не боюсь, ни смерти, ни страданий, ни издевательств. И без *этого* я жить бы никак не могла. Как ты провел эту Святую Ночь? Я молилась Христу и Св. Пантелеймону

о тебе.

Наташа написала, что я «весела»⁴, — это не точно, я радостна, т.к. хорошо провела Страстную... Ляля не причащалась: очень устала, и они все 3 поколения⁵ ушли раньше.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/270.

¹ Иван Антонович Харунс (Харун, 1914–2000), уроженец Латвии, в начале 1930-х гг. пересехавший во Францию и в 1938 г. постриженный в монашество митрополитом Евлогием с именем Сильвестр, был известен как пастырь православных военнослужащих во Франции в годы войны и широкой просветительской деятельностью в послевоенный период, возглавлял Миссионерский отдел Западноевропейского Экзархата русских церквей Константинопольской церкви. С 1957 по 1962 гг. настоятель храма Христа Спасителя в Сан-Ремо. С 1963 г. епископ (с 1966 архиепископ) Монреальский и Канадский. Активный деятель Русского студенческого христианского движения (с 1963 по 1979 гг. председатель), член редколлегии «Вестника русского христианского движения». См.: *Струве Н.А.* Памяти Владыки Сильвестра (Харун) // Вестник Русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва, 2000. № 181. С. 278–280.

² З.Н. Гиппиус умерла 9 сентября 1945 г. Бунин присутствовал на домашней панихиде по ней (*Устами Буниных*. Т. 3. С. 179).

³ Возможно, протоиерей Михаил Бельский (Михаил Андреевич Юдин-Бельский, 1884–1963). Родился в г. Великие Луки, учился в Александровском военном училище, с 1904 г. состоял на военной службе, в 1920 г. был взят в плен поляками и оказался во Франции. Настоятель нескольких церквей в Ницце, Клаузоне и Париже, в том числе (с 1931 г.) Трехсвятительского подворья. Переводчик православного богослужения на французский язык. См.: *И. Х.* Протоиерей Михаил Андреевич Бельский (Некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 5. С. 26–27.

⁴ Н.Б. Соллогуб или Н.Л. Баранова. Письмо неизвестно.

⁵ Е.Н. Жирова, вместе с М.К. Лишиной и О. Жировой.

740. И.А. Бунин — В.Н. Буниной *Жуан-ле-Пен. 13 апреля 1947 г.*

13 апр. 47 г.¹

Христос воскрес! Целую тебя, драгоценная моя! И Олю, и мамá², и Лёню. Уже несколько дней нет писем от тебя (кроме того, что привезла Каминская). Писал тебе, что думаю, что кое-что ты не получила от меня, — напр., ехрèсс с письмом Телешева³. Впрочем, ты, верно, очень замоталась на Страстной, оттого и не написала о нем.

NB! *Погоди высылать мне синий костюм, что отдан в чистку, — м<ожет> б<ыть>, он и не понадобится мне.*

Погода все еще очень свежая, хоть и солнечная. Я все еще сижу у себя, только в полдень одеваюсь и сижу при открытом окне иногда целый час.

Опять кашли по ночам. Два дня была довольно сильная боль ниже поясицы, на этой костяной плоскости над копчиком. Доктор поставил горчичник. Нынче боль почти не чувствуется. Зато ночью была два раза кровь, хотя маленькая.

Не забудь, повторяю, заплатить маленький налог, требование на который было получено незадолго до моего отъезда⁴.

Поддала ли мою декларацию насчет моих доходов⁵?

Прислал письмо Клягин — болен, что-то нервное с лицом, лицо распухло, «как арбуз»⁶. М-ме⁷ в Grasse не поехала — твою посылку прислала по почте — дивлюсь, что дошла!

Еще раз целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/278. Место установлено по содержанию.

¹ Подчеркнуто простым карандашом (письмо написано черными чернилами).

² О. и Е.Н. Жировы.

³ См. примеч. 2 к п. 725.

⁴ Абзац отчеркнут на полях.

⁵ Напротив этого абзаца карандашом на полях поставлен крест.

⁶ Письмо не сохранилось.

⁷ Здесь, вероятно, имеется в виду жена А.П. Клягина.

741. В.Н. Буннина — И.А. Бунину

Париж. 13–14 апреля 1947 г.

13 апреля 1947 года

12 ч. 45 минут.

Христос Воскресе!

Встала, дорогой мой, сегодня в 10 ч. А легла в 4 утра. Сразу, быстро выпив кофе вместе с Марьей Карловной¹, съев опять яйцо, пасху и кулич, — стол у нас скромный, но все есть, даже цветы — гиацинты синие, Олечка² купила, и красные тюльпаны — их подарила Валя³, — я отправилась на почту, чтобы отправить тебе экспресс, т<ак> к<а>к вчера не выбрала времени, — много стирала и свое белье, и белые занавески на дверях. Внизу у лифта встретила Алек<сея> Матв<еевича>⁴, — он приехал с ночной работы, — я попросила отвезти на почту, так все устроилось в пять минут.

Вернувшись, я его угощала, он был голоден, так что пасхальный стол доставил ему удовольствие, тем более, что он дал тоже деньги на это.

14 IV Мария Египетская⁵ 12 ч. 30 м.

Вернулась из церкви — за этой обедней нас в детстве причащали. В церкви была Верочка⁶, она зашла ко мне. Попробовала «московскую, шоколадную» пасху, отведала кулича. Я прочла ей твои письма. Напиши им.

Вчера я днем в пять часов в первый раз в жизни была за Пасхальной вечерней, — очень тожественная и радостная служба. Всегда молюсь за тебя.

Сегодня я поняла, что я, вероятно, одна теперь в мире люблю тебя только за тебя самого и, если бы ты не был в славе, ни лауреатом, то, м<ожет> б<ыть>, любила бы тебя еще сильнее, т.к. ты больше был бы моим. Я всегда боялась твоей славы, — она отнимает тебя от меня. Это я чувствовала сегодня за обедней, и слезы были на глазах.

У нас стало теплее. Стоят ясные дни. Много деревьев в нежной зелени.

Верочке тоже понравилось в твоей комнате: стало уютнее и просторнее.

На ночь я читала «Детские страхи» Одарченко⁷, — он подарил мне «Орион», — нравится, — там есть и Сережа⁸.

Посылать ли тебе костюм? Mademoiselle Imbert починила жилетку, которая сзади была сильно разорвана.

Прилагаю тебе письмо от Graham⁹. Она тоже плохо воспитана, оказывается!

Сегодня от тебя не было весточки.

Лёня уже ушел на службу, вероятно, зайдет куда-нибудь. Мы видим его очень мало. Он тоже в Святую Ночь причащался.

Ляля и Олечка¹⁰ тебя целуют.

Привет всем пасхальный. Обнимаю.

Твой К.

Сегодня иду с визитом к Марье Карловне¹¹. Вчера была у Симон¹² вместе с Зайцевыми и Ельяшевичем. Он переехал. Все делает сам. Утомляется!!!

Лёня вернулся, он ходил поздравлять мать Конюс. Целует тебя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/271.

¹ М.К. Муравьева.

² О. Жирова.

³ В.Л. Голубовская.

⁴ А.М. Жиров.

⁵ 14 апреля отмечается преставление прп. Марии Египетской (522 г.).

⁶ В.А. Зайцева.

⁷ Юрий Павлович Одарченко (1903–1960) — поэт, художник, редактор. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Работал художником по тканям, в 1934 г. открыл модное ателье. В 1947 г. совместно с В. Смоленским и А. Шайкевичем выпустил литературный альманах «Орион», в котором были опубликованы, в частности, отрывки из автобиографической повести «Детские страхи» (повесть осталась незаконченной, опубликована в его посмертном сборнике 1983 г. «Стихи и проза», вышедшем под редакцией В. Бетаки).

⁸ Сергей Павлович Одарченко (1906–1981) — инженер, поэт, брат Ю.П. Одарченко. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Работал во Французской радиотехнической компании, затем в Генеральной компании беспроволочной телеграфии. В альманахе было опубликовано его стихотворение: *Одарченко С.* Натюрморт («На столе стакан разбитый...») // Орион. Париж, 1947. С. 21.

⁹ В.Н. Бунина имеет в виду письмо от Ирины Грэм (по мужу Graham; урожд. Sartini d'Albe, 1910–1996), видимо, встречавшейся с Буниным при посредстве Г.В. Адамовича в конце декабря 1946 г. и переехавшей в начале 1947 г. в США (см.: *Бунины–Адамович*. С. 54). Речь идет об одном из двух писем: от 18 марта 1947 г. (РАЛ. MS 1066/2862) или от 10 апреля 1947 г. (РАЛ. MS 1066/2863).

¹⁰ Е.Н. и О. Жировы.

¹¹ М.К. Лишина.

¹² Е.Ф. Залкинд-Симон.

742. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 14 апреля 1947 г.

Утро 14-го¹.

Милая, дорогая, сейчас exprès от тебя (от 13-го², с записочкой Наташи³ и с переписанными тобой выдержками из английского контракта). Рад, что ты была счастлива в церкви. Удивлен, что ты опять ни слова не пишешь о Телешове: я тебе сперва вкратце сообщил содержание его письма и то, что он написал о вдове Коли: «Вдова твоего племянника Н.А. *сейчас заболела и не успела* тебе написать»⁴. Потом я послал тебе exprès'ом все его письмо. И ты об этом молчишь! Но как же ты могла бы молчать, если бы получила от меня все вышесказанное? Ведь, по-моему, ясно, что она арестована! Значит *все* о Телешове пропало? А если пропало, то значит, что на почте мои письма читаются? Жду от тебя ответа на это. Целую. Две последние ночи спал, принимая кодеин.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/279. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 741.

¹ Подчеркнуто простым карандашом (письмо написано черными чернилами).

² См. п. 739.

³ Записка Н.Б. Соллогуб или Н.Л. Барановой не сохранилась.

⁴ См. примеч. 2 к п. 725.

743. И.А. Бунин — В.Н. Буниной*Жуан-ле-Пен. 14 апреля 1947 г.*

14-го, полдень.

Сейчас письмо от Пантелея¹: от Ирины Грэм пришли через него 2 посылки мне. Прими их. Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/280. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame V. Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 14 Avr. 47». Рядом с датой рукой В.Н. Буниной дописан месяц и год: «IV 1947». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Это письмо Б.Г. Пантелеймонова неизвестно.

744. В.Н. Бунина — И.А. Бунину*Париж. 14 апреля 1947 г.*

1947 г. 14 апреля.

10 ч. вечера.

Дорогой мой, опуская письмо (предыдущее) в ящик, я заметила, что не вложила послания от Graham¹, поэтому сегодня же пишу тебе вторично, чтобы завтра утром опустить.

Сейчас я одна дома — тихо, уютно. Сажу за твоим столом, под твоей лампой. Эти дни писем от тебя не было.

Только что ушел Жиров, не дождавшись своих. Я его покормила его рыбами и оставшимися макаронами. Завтра у него платеж — 8 000 франков, недостает 1 000 ф. еще, вот и будет до утра ездить. Наберет ли, еще не знает.

Мамá и Олечка² пошли поздравлять Головиных³ и там, вероятно, ужинали.

Лёня в гараже⁴. Он подарил мне еще кофию, узнав, что я все отослала тебе. Вот вы все считаете его скупым, а если бы ты видел — сколько он отнес своей крестнице⁵ продуктов: манной крупы, шоколада сладкого, шоколада горького, большой мешок конфект и еще чего-то — подарки пасхальные.

Олечка сегодня подмела столовую, а вчера спальню, мне кажется, на нее хорошо влияет то, что она — скаутка. Там обращено большое внимание и на моральную сторону. Она уже делала поход в St.Germain, где и ночевала.

Ляля⁶ так была вчера утомлена, что не открывала на звонки и... Володя–Володя⁷ не звонился!

Сегодня я днем ездила к Марье Карловне⁸, ох, как далеко она живет! Где-то около Сталинграда⁹ — это первое метро за Charelle, где она живет. Напробовалась я за эти два дня столько пасох, что боюсь за печень. Пост мне полезнее.

Забыла: написала ли тебе, что письмо Телешева я получила. На мой слух, Клавдюша¹⁰ «в местах не столь отдаленных», так понимает и Верочка Зайцева.

Передай всем мой пасхальный привет.

Обнимаю и целую тебя со всей нежностью.

Твой К.

Как нравится у вас Л<идии> Аб<рамовне>¹¹?

Получил ли ты «Заря всю ночь»¹²?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/272.

¹ См. примеч. 9 к п. 741.

² Е.Н. и О. Жировы.

³ Художник Александр Сергеевич Головин (1904–1968) и его жена поэтесса Алла Сергеевна (урожд. Штейгер, 1909–1987).

⁴ См. примеч. 12 к п. 715.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Е.Н. Жирова.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ М.К. Лишина.

⁹ В 1946 г. станция парижского метрополитена «d'Aubervilliers–Boulevard de la Villette» была переименована в «Stalingrad» в честь Сталинградской битвы.

¹⁰ К.П. Пушешникова.

¹¹ Л.А. Каминская.

¹² В.Н. Бунина перепечатала на машинке рассказ Бунина «Заря всю ночь» (1902, 1926).

745. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 15 апреля 1947 г.

15. IV. 47.

Милая, дорогая моя, получил твое письмо от 13 и 14-го¹. Спасибо, спасибо, горячо целую тебя.

А про Телешова ты опять ни слова.

И еще: пишешь, что прилагаешь письмо от Graham — и не приложила.

Твой Ив.

Повторяю: *костюм подожди посылать.*

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/281. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Véra Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 15 Avr. 47».

¹ См. п. 741.

746. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 16 апреля 1947 г.

16. 4. 47.

Получил твое письмо, дорогая моя, где ты наконец сообщаем, что письмо Митрича¹ ты получила. *Как можно скорее*² пошли *заказной бандеролью* «Темные аллеи» Цвибаку³:

Monsieur Jacques Zwibak,
114 West 70th Street,
New York City 23,
U.S.A.
Etats-Unis⁴

Если не найдешь книгу дома (в картонке на этажерке), купи у Зелюка

<Край открытки оторван.>

«Заря всю ночь» получил⁵.

Секретер В.Н. Буниной.
Париж, 1961 г. (ОГЛМТ)

На обороте Л.Ф. Зуров написал: «Любимый уголок Веры Николаевны. Ее секретер. Лампа с красным абажуром. Дорожная чернильница. Кожаный бьювар с копиями писем и деловыми заметками. Шотландская скатерть. Л. Зуров. 28-го июля 1961 г. 1, г. Jacques Offenbach, Paris 16».

дата: «17.IV.47». Дата и место установлены по почтовому штемпелю и помете В.Н. Буниной.

¹ Письмо В.Н. Буниной от 16 апреля не сохранилось.

² См. примеч. 4 к п. 731.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/282. Почтовая открытка Expres; адрес получателя: «Madame Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16», адрес отправителя: «Iv. Bounine. Villa le Fournel, Juan-les-Pins, A<lrpes> M<aritimes>»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 17. 4. 47».

¹ Н.Д. Телешов. См. п. 744.

² Подчеркнуто красным карандашом.

³ Бунин устраивал через Я.М. Цвибака издание «Темных аллей» в США. См. п. 751.

⁴ Адрес обведен красным карандашом.

⁵ См. примеч. 12 к п. 744.

747. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Жуан-ле-Пен. 17 апреля 1947 г.

Четверг.

Опять сплю неплохо, дай Бог не сглазить, дорогая моя. Получил твое письмо от 16-го¹. Ты, конечно, опять сбилась с ног из-за чтения Зурова²!

Немедля призови Михайлова и подай мою декларацию насчет моих доходов. Заплатила ли небольшой налог? Какие башмаки и рубашки прислали мне? Плохие? Целую тебя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/283. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Vera Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 18 Avril 47». В начале письма рукой В.Н. Буниной дописана

748. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Жуан-ле-Пен. 19 апреля 1947 г.

Суббота.

Статья о Шалапине¹ меня очень беспокоит — неужели пропала? Поищи, но, если найдешь, *пересылать мне не надо*.

Переписанный тобой рассказ давно получил².

Летом в горы³? А на какие деньги?

Повторяю: *займись налоговыми делами*.

Зеелер и К° — и Зайцев? Напиши мне подробно все новости насчет этого дела⁴.

Целую тебя, дорогая моя.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/284. Почтовая открытка; адрес получателя: «Madame Vera Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 19 Avr. 47». В начале письма рукой В.Н. Буниной дописана дата: «19.IV.47». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 1 к п. 734.

² См. примеч. 12 к п. 744 и п. 746.

³ См. п. 738.

⁴ С 19 апреля 1947 г. в Париже стала выходить газета «Русская мысль». В.Ф. Зеелер входил в ее редколлегию, Б.К. Зайцев стал ближайшим сотрудником. См. п. 749.

749. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Жуан-ле-Пен. 24 апреля 1947 г.

24. 4. 47.

Милая, драгоценная моя, нынче — сорок лет!¹ Молю Бога, чтобы дал Он нам с тобой еще побыть вместе в этой жизни! Бесконечно благодарю тебя за эти сорок лет!

О нашем быте все расскажет тебе Л<идия> А<брамовна>².

Лёнино печенье не присылай, береги до моего приезда. Спасибо ему, желаю успеха его вечеру³.

«Рус<скую> мысль»⁴ получил. Прилично, но слабо. А Шмелев опять о Горкине⁵! И как гадко, фальшиво, слащаво!

Что надписать на книге Тамаре Тумановой⁶? Я не имею о ней ни малейшего понятия. Напиши мне о ней.

С неделю тому назад раза три показывалась кровь. Написал Аитову. Отвечает: «сделайте два-три укола в Ницце или в Каннах». Пишу ему, что *тут* ни за что не решусь на это. Да, слава Богу, больше кровь не показывается.

От Михайлова сто лет ни строки. Что за наследство от дяди Ляли⁷ — не понял⁸.

Получила ли что-нибудь от Марьи Сам<ойловны>? Если получила, оставь себе *сколько* нужно, а мне *вышли немедленно 10 тысяч, остальное отвези в банк. Если не получила, то получи по прилагае<мо>му чеку 15 тысяч, из которых 5 оставь себе, а мне вышли десять. Но если получила, чек тотчас порви.*

Прочти это внимательно⁹!!

Деньги пошли мне так, чтобы мне принесли сюда, *на дом. Пиши на переводе разборчиво мое имя (Jean de Bouvine) и адрес*¹⁰.

Уже дней 5 спускаюсь в полдень в сад и сижу на солнце, но хожу по саду очень мало — еще не могу.

Целую крепко, крепко.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/285. Место установлено по содержанию.

¹ См. примеч. 12 к п. 221.

² Л.А. Каминская.

³ См. примеч. 4 к п. 731.

⁴ См. примеч. 4 к п. 748.

⁵ В первом номере газеты была начата публикация глав, позже включенных в «Лето Господне»: *Шмелев И.С. В Кремле на Святой // Русская мысль. 1947. 19 апреля. № 1. С. 1, 4.*

⁶ Тамара Владимировна Туманова (наст. фам. Захарова-Туманишвили, по присемному отцу Хасидович или Борецкая-Хасидович, 1919–1996) — балерина, актриса. С 1920 г. в эмиграции в Шанхае, с 1925 г. в Каире, затем в Париже. С 1932 г. балерина труппы Русского балета Монте-Карло. Позже уехала в США.

⁷ Е.Н. Жирова.

⁸ О чем идет речь, неясно. Очевидно, не сохранилось несколько писем с двух сторон, в которых и обсуждался этот вопрос.

⁹ Отчеркнуто на полях красным карандашом, последние два предложения абзаца подчеркнуты простым карандашом.

¹⁰ Подчеркнуто красным карандашом.

750. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 25 апреля 1947 г.

Пятница.

Милая моя, вышли мне *немедленно* (т.е. завтра же) *непропадающей* посылкой (м<ожет> б<ыть>, со страховкой?) пару белых *теннисных*¹ башмаков моих: их у меня две пары — так вышли *ту, что размером больше (она и новее)*². Лежат они, скорее всего, в черном моем большом сундуке или в шкапе возле окна, или в какой-нибудь из шляпных коробок. Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/286. Почтовая открытка *Exprès*; адрес получателя: «Madame Véra Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 25.4.47», «Paris, rue Singer, 26.4.1947». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

² Подчеркнуто красным карандашом.

751. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 29 апреля 1947 г.

29. IV. 47.

Милая моя, дорогая, вчера у меня была Виктория Владимировна¹, посидела со мной возле дома, в саду — я начал в полдень сходить туда, немного прогуливаюсь.

Возвращаю тебе тикет² — здесь он не годится, но, м<ожет> б<ыть>, ты еще успеешь им воспользоваться — поэтому и посылаю тебе *exprès*.

А теперь главное: я продал через Цвибака «Темн<ые> аллеи» в Америку (аванс — 300 дол<ларов>, передан Марье Самойловне³); издателю *немедленно* нужна моя фотографическая карточка для реклам: пошли ее *авионом*⁴ Цвибаку:

Monseur Jacques Zwibak,
114 West 70th Street, New York
City 23, U.S.A., Etats-Unis⁵

Цвибак пишет: «Выбирайте карточку такую, где Вы неотразимый...» Что же выбрать? Надо послать [небольшую] формата открытки — или [две разных того же формата] *немного*⁶ больше. Выбери [две, если и другая найдется, «неотразимая» (хотя бы и давняя, молодежная). Одну я могу тебе указать:] ту, где я в шляпе пестро-серой (довольно плотной), в пальто, худое, тонкое лицо. [Другую выбирай сама (но опять же формата открытки)] Такой портрет есть двух размеров — побольше и поменьше — возьми ту, что *побольше*⁷ и почище вышла. В *коридоре*⁸ найди и раскрой чемодан, полный моими портретами — из них и выбирай. Цвибак просит карточку «глянцевую» (т.е. гляцевитую), [но такой, верно, не найдешь, ведь «глянцевые» все плотные, больше размером, чем открытки] где же ее взять?

Целую, кончаю, спешат на почту. Твой Ив.

P.S. Лёня, верно, хорошо заработал⁹? *Получила ли 50 книг от Шуры*¹⁰?

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/287. Место установлено по содержанию.

¹ Возможно, В.В. Левина.

² См. примеч. 10 к п. 717.

³ М.С. Цетлина.

⁴ Подчеркнуто красным карандашом.

⁵ Адрес отчеркнут на полях красным карандашом.

⁶ Подчеркнуто красным карандашом.

⁷ Подчеркнуто красным карандашом.

⁸ Подчеркнуто красным карандашом.

⁹ Имеется в виду доход от вечера Л. Зурова 26 апреля 1947 г. См. примеч. 4 к п. 731.

¹⁰ А.Н. Прегель. Судя по дальнейшим письмам, речь не о настоящих книгах, а о деньгах. Предложение подчеркнуто красным карандашом.

752. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 29 апреля 1947 г.

29 апреля 1947 г.

7 ч. 30 м. утра. Вторник.

Бесценный мой, нет слов, чтобы передать тебе то, что я почувствовала, прочтя первые строки письма, привезенного Л<идией> А<брамовной>¹. Спасибо за них. Все эти дни живу нашим первым путешествием²: сегодня наш поистине сказочный Константинополь — Айя-София с белыми голубями, Герасим «будесь рассказывать», «лунная ночь на Босфоре» с топовыми огнями, столь прельщавшая меня в детстве и превзошедшая все ожидания, а завтра, действительно, Мраморное море! И как хорошо, что первое наше путешествие было все же к Гробу Господню, где я почувствовала, м<ожет> б<ыть>, впервые жуткий трепет и в то же время радость перед Христом. И как ты хорошо говорил о Нем в один из наших вечеров, вероятно, в первый, когда мы бродили по этому единственному в мире городу, вместившему в себя почти всю Библию, то есть Ветхий и Новый Заветы. Собственно, ты первый дал мне почувствовать Христа по-настоящему, если не считать детских тоже очень глубоких восприятий от папы Его. Но они ушли уже в те времена в подсознание. А какая радость, какое счастье иметь Его всегда в душе!

Не удивляйся, что я в такой ранний час пишу тебе. Я уже постелила диван. Скипятила воду. Выпила кофе, поставила на огонь чечевицу. Как приятно вставать рано! Большая легкость в теле и радость в душе. Легла вчера спать половина двенадцатого и сразу потушила свет. Сегодня солнечный день с дымчатыми облачками в зените. Ляля³ спит. Лёня еще не вернулся⁴.

Теперь отвечу на твое письмо.

1) Согласна с тобой о газете и о Михеиче⁵. Да, Кремль его, не мой Кремль, — огадил!

2) Тамара Туманова стала настоящей грузинской царевной, — очень хороша, тонка, в меру высока. Проста и естественна. Обожает мать. Муж⁶ — много старше ее, я видела его на портрете, американец, миллионер, говорят, бросил жену с двумя детьми. Тамара очень хорошая дочь и вообще приятная. Выступает в Опера⁷. Я не читала рецензий, но, говорят, мнения расходятся, — упрекают ее за американскую «сноровку», выражаясь вульгарно. Вот и все, что я могу тебе сказать о ней. Она, конечно, очень талантливая, очень работоспособная, и в детстве, когда она выступала, то меня всегда восхищало ее лицо, замечательная игра, мимика. По-русски говорит прекрасно. По-французски с американским акцентом.

3) Согласна, что уколы нужно делать в Париже. Приедешь, и мы с тобой съездим к твоему доктору. А ехать в Канны или Ниццу — только утомишься, да после истории с Тамарой⁸ я южных докторов опасуюсь!

4) Вчера от Каминских, после рассказов о быте фурнельском⁹, я зашла к Михайловым. Его еще не было дома. Посидела с Эммой¹⁰. У нее все еще не кончилась возня с ногой. Потом явился Мигуэлло¹¹, очень утомленный! Сказал, что написал тебе подробное письмо¹², — рассрочка на три раза: первый взнос 6 000 — 15 мая, второй — 15 июля и третий — 15 октября.

5) Наследство получает дядя Ляли от своего друга — американца. Размеры его неизвестны¹³.

6) От М<арьи> С<амойловны>¹⁴ — ничего. Думаю, что сейчас лучше ей ничего не посылать. Очень невыгодно. Тебе это может объяснить М<арк> А<лександрович>¹⁵.

7) Сегодня поеду в банк и вышлю сегодня же тебе 10 000, как ты просишь. Переводы всегда приносят на дом. М<ожет> б<ыть>, послать два по пяти тысяч? Я спрошу на почте, до какого количества приносят на дом, чтобы тебе не спускаться в город.

8) Но как быть 15 мая? Пришли, если можешь 6 000 fr. или, по крайней мере, пять, чтобы я могла внести первую часть налога и не осталось бы à sec¹⁶. Ты не беспокойся, я зря денег не трачу. Получила я посылку от Волконской¹⁷. Она помогла не тратить лишнего. Был шоколад, изюм, леденцы, заменяющие мне сахар. Я так и не купила его по «черному», как и масла. Немного похудела, чем довольна, а то черный костюм стал узок, а теперь хорошо.

Сегодня именины Лёни¹⁸. Попрошу его съездить со мной в банк. Он стал сговорчивым, «купцу не должен», а вчера еще из Мюнхена предложение¹⁹ — издать два романа и прислать рассказы для периодической печати... Письмо от переводчика, фамилия неизвестна, написано по-немецки, читала и Валя²⁰, хотя я и поняла содержание. Вот он и ходит именинником. Да и правда, после «слова» Адамовича многие стали на него смотреть иными глазами. Между прочим он сказал: «Можно любить или не любить Зурова, даже считать его скучным, но отрицать его нельзя»... Упомянул, что ты первый указал на него. Если бы он жил и издавался в России, то о нем писались бы рефераты и т.д.²¹ Сбор хороший. Он может бросить службу и сесть за роман «Зимний Дворец», которому, собственно, нужно дать «последний удар кисти». Но для этого необходима спокойная обстановка. М<ожет> б<ыть>, он уедет куда-нибудь.

Ляля переписала рассказ Одарченко²². Должна была получить 800 фр. Получила 200 f., а 600 замотал Смоленский! Одарченко обещал сегодня ей доплатить...

Ну, кажется, всю хронику нашей «маленькой жизни»²³ я сообщила тебе. Сейчас выйду за провизией и опущу письмо это.

Поцелуй Тэффи, привет Ставровым, Беляеву, Роговскому и Марку Алекс<андровичу> с Татьяной Марковной²⁴. Тебя обнимаю нежно и целую в гениальную бровку.

Твой К.

Спасибо за 5 000, но пока у меня еще есть деньги, я их начну тратить, когда иссякнут прежние.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/274.

¹ Л.А. Каминская. Речь о п. 749.

² См. примеч. 12 к п. 221.

³ Е.Н. Жирова.

⁴ См. примеч. 12 к п. 715.

⁵ Имеется в виду И.С. Шмелев. См. п. 749 и примеч. 5 к нему.

⁶ В 1944–1955 гг. Т.В. Туманова была женой голливудского сценариста и кинопродюсера Кейси Робинсона (Robinson, 1903–1979).

⁷ В 1947 г. Т.В. Туманова сезон танцевала в Парижской опере.

⁸ О чем идет речь неизвестно.

⁹ Имеется в виду жизнь в Русском доме, который находился по адресу: Villa Le Fournel, Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, Alpes Maritimes.

¹⁰ Э.Ф. Михайлова.

¹¹ П.А. Михайлов.

¹² Письмо неизвестно.

¹³ См. примеч. 7 и 8 к п. 749.

¹⁴ М.С. Цетлина.

¹⁵ М.А. Алданов.

¹⁶ на мели (*фр.*).

¹⁷ Речь о посылке от И.С. Волконской (она занималась благотворительностью).

¹⁸ Л. Зуров родился 18 апреля (1 мая) 1902 г., его именины были 29 апреля (по н.ст.) — день памяти мученика Леонида Коринфского.

¹⁹ Возможно, имеется в виду письмо от Е.Е. Малера (РАЛ. MS 1068/3590–3599).

²⁰ В.Л. Голубовская.

²¹ В.Н. Бунина пересказывает вступительное слово Г.В. Адамовича на вечере Л. Зурова 26 апреля 1947 г. Несколько лет спустя Адамович опубликовал статью о Л. Зурове, в основу которой явно легли мысли, высказанные во вступительном слове (если не сам текст в целом): «На “провинцию” в русском литературном Париже посматривали с поощрительной снисходительностью, в сущности ничего отсюда не ожидая, — и, вероятно, так же была бы встречена и повесть Зурова, если бы не обратил на нее внимания Бунин <...> Таланта у Зурова не отрицал никто и, с разными оттенками в суждениях, все согласились, что чутье и критическая проницательность Бунина его не обманули. <...> Живи мы в нормальные времена, в нормальной обстановке, какой-нибудь Кранихфельд или Львов-Рогачевский, в Москве или Петербурге, читал бы о Зурове, в числе прочих, публичные лекции, толковал бы о его типах и образах, а студенты и курсистки, расходясь, с жаром обсуждали бы слушанное» (*Адамович Г. Леонид Зуров // Новое русское слово. 1953. 29 ноября. № 15191. С. 8.*)

²² Вероятно, фрагмент повести «Детские страхи». См. примеч. 7 к п. 741.

²³ В.Н. Бунина обыгрывает название книги: *Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь*. Париж: Я. Поволоцкий и Ко, 1927.

²⁴ М.А. и Т.М. Алдановы.

753. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 29 апреля 1947 г.

29 ч. 11 ч. 45 м. вечера.

Сижу одна дома, дорогой мой, — и Ляля¹, и Лёня где-то в гостях.

Сегодня я прямо из банка пошла на почту и послала тебе два перевода по пяти тысяч. Так посоветовали в банке. Надеюсь, ты скоро их получишь.

Посылаю тебе «Русскую мысль». *Берберова взялась уже совсем не за свое дело — очень плохо написала*².

Борис описал «въезд» Верочки в Притыкино³. Какой он счастливый человек! Раз ему нравится, то никаких сомнений. Кроме себя ни до кого никакого дела. Я до Глеба этого до конца не чувствовала. Этот фельетон Михеича немного интереснее первого, но тоже фальшивых нот много⁴.

Лучше всех письмо Репина⁵, — другой масштаб!

Сейчас вернулся Лёня. Был у Адамовича. Говорит: «Хорошо поговорили». В четверг он у нас обедает, дамы опять будут проявлять свои кулинарные таланты во главе с Бертой⁶, — все делается вскладчину. В России это называется теперь «междусобойник»! Что за гнусное слово...

Вернулась Ляля. Получила за переписку еще 600 фр. Бедный Одарченко заплатил дважды, а Смоленский, вероятно, из-за этого не был на вечере Лёни...

Во время Лялиного отсутствия приходил Миша Струве. Приносил ей билет на вечер квартета Кедровых⁷. Сказал, что будет ее ждать до без четверти девять, а она... не пришла, просидела вечер у Волоховых⁸.

Теперь очень длинные хвосты за хлебом. Я сегодня около часа просидела в булочной. С 1 мая будут выдавать его вместо 350 — 250 гр. Это мало. Вообще, опять стало на улице у лавок много хвостов. Даже сегодня на почте я стояла полчаса! И опять все стали раздраженные, злые.

Прилагаю тебе письмо Ганшиной, Анны Карениной⁹. Лёня думает, что ее сына¹⁰ убили эстонцы. Он знает это место, Валки, граница Эстонии и Латвии. Вероятно, его туда послали как знающего эстонский язык. Он был высок, с золотыми волосами. Любил Россию и стремился туда. Его увезли большевики, вылечили, — он был туберкулезный, — и вот не уцелел. Лёне его очень жаль. Он знал его еще гимназистом.

Пора спать. Сегодня засиделась за газетой и за двумя письмами, скоро час.

Обнимаю, целую, милый мой, нежно.

Твой К.

Сегодня Либерман¹¹ получил американскую визу и очень огорчен, ехать не хочется.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/275. Дата и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 752.

¹ Е.Н. Жирова.

² В рецензии на литературный альманах «Орион» Н.Н. Берберова признала его «литературным событием», а о рассказе Бунина «Три рубля» писала: «В рассказе И.А. Бунина, помещенном в “Орионе”, есть момент, который может быть воспринят, как “слишком смелый”. Есть в этом рассказе, мастерски написанном, какая-то неподвижность, некоторая окостенелость, — и это гораздо более существенно. Как будто Бунин придерживается какой-то правды — не творческой, а житейской (огромная разница!) и эта правда его стесняет» (*Берберова Н.* «Орион». Литературный альманах // Русская мысль. 1947. 26 апреля. № 2. С. 6).

³ *Зайцев Б.К.* Везд Элли. Отрывок из романа «Путешествие Глеба» // Русская мысль. 1947. 26 апреля. № 2. С. 2–3.

⁴ Продолжение публикации глав, вошедших в «Лето Господне»: *Шмелев И.С.* В Кремле на Святой // Русская мысль. 1947. 26 апреля. № 2. С. 4–5.

⁵ В том же номере «Русской мысли» В.Ф. Зеелер опубликовал обращенное к нему письмо И.Е. Репина от 5 мая 1928 г. об истории написания им в Париже в 1874 г. портрета И.С. Тургенева.

⁶ Б.С. Нилус.

⁷ Н.Н. Кедров (старший) организовал и возглавил Петербургский Русский вокальный квартет, выступавший с концертами с 1898 г. в России и за рубежом. В эмиграции он воссоздал квартет, который стал называться «Квартет Кедрова». В 1929 г. в состав квартета вошел его сын Н.Н. Кедров (младший), который стал после смерти отца в 1940 г. продолжателем его дела. После Второй мировой войны Н.Н. Кедров (младший) возродил «Квартет Кедрова», просуществовавший до 1975 г. Основу репертуара ансамбля в эмиграции составляли богослужебные песнопения Русской православной церкви. См. также примеч. 1 к п. 302.

⁸ По-видимому, друзья семейства Лишиных с одесских времен, их сын Дмитрий (р. 1932) — друг детства О.А. Жировой.

⁹ Неустановленное лицо, письмо неизвестно.

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Александр Борисович Либерман (1896–1977) — пианист, педагог. С 1920 г. в эмиграции в Германии, с 1926 г. в Париже. Зарабатывал частными уроками, выступал с концертами. После оккупации немцами Парижа уехал на юг, открыл в Ницце музыкальную школу. Очевидно, в Ницце Бунин познакомился с А. Либерманом и нередко бывал у него в гостях. В августе 1942 г., когда немцы начали массовые аресты евреев, А. Либерман с женой Стефанией провел несколько дней в Грассе на вилле «Жаннетт» по приглашению Бунина. В 1947 г. Либерманы уехали в США.

754. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 30 апреля 1947 г.

Среда, 30 апр. 47 г.

Получил вчера твоё письмо от 28-го¹ (понед<ельник>, 6 ч. утра), дорогая моя. Нынче — туфли и чернослив и письмо от 29-го². Счастлив, что ты до сих пор с такой радостью вспоминаешь наше первое, чудесное странствие!

Читала ли, какую подлую и дикую по непонятности ахиною написала про меня в «Рус<ской> мысли» Берберова — *про «Три рубля»* в «Орионе»³? Наглая стерва и дура⁴!

Туманову ты опять ужасно хвалишь, но все еще не пишешь, что я написать должен на книге ей, — как ее зовут — даже этого не знаю. Жду.

Поздравляю Лёню с прошедшими именинами и с успехами!

Получил ящичек с превосходными апельсинами из Туниса. Отправитель: Ваганов⁵ — и только — адреса его нет. Как же мне его поблагодарить? Даже не уверен, кто это? Муж дочери Шестова? Если так — благодари от меня поскорее.

НВ⁶ Теперь главное — опять о деньгах: *где же, где?* эти «50 книг», что привезла Шура⁸? Если получишь, заплати *майский* взнос по налогу (6 000) и пришли мне *еще 5 тысяч* (*кроме тех десяти, какие, ты пишешь, уже выслала мне*)⁹: надо заранее купить спальный билет в Париж на самый конец мая, — хочу купить первый класс, а он стоит почти 5 тысяч, надо на расходы (на прикупки) в течение мая, надо заплатить вперед за май за житье на villa Le Fournel¹⁰ еще 3 тысячи (заплатил пока 5 тысяч).

Ну, Христос с тобой! Целую.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/288. Место установлено по содержанию.

¹ Не сохранилось.

² См. п. 752.

³ Бунин И. Три рубля // Орион (Париж). 1947. С. 36–40. См. примеч. 2 к п. 753.

⁴ Абзац отчеркнут на полях красной шариковой ручкой.

⁵ В.Н. Баранов. См. примеч. 6 к п. 577.

⁶ Знак НВ поставлен на полях красным карандашом.

⁷ Подчеркнуто красным карандашом.

⁸ А.Н. Прегель.

⁹ Подчеркнуто красным карандашом.

¹⁰ Т.е. в Русском доме в Жуан-ле-Пен.

755. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 5 мая 1947 г.

5 мая 1947 г.

1 ч. 15 дня.

Как напишу это письмо, бесценный мой, так пойду на почту, чтобы послать тебе пять тысяч. Шесть оставлю на налог. Кажется, немного больше. Спрошу у Михайлова. Очень обидно, что такая мизерная сумма, но ничего не поделаешь, — всегда люди теряют, когда в нужде.

С почты пойду на вынос тела тетки Глюкбергов¹. Очень обидно и досадно — трагическая история. Ей 83 года. Она была светской дамой, игравшая в покер, очень собой занимавшаяся. У нее были какие-то желудочные нелады, и врач прописал касторку. Она купила

ее и вместе нашатырь, т.к. иногда у нее кружилась голова. Из аптеки пошла к парикмахеру, затем зашла в магазин, где заказала шляпу.

Вечером, когда она ложилась спать, Анна Степановна (Глюкберги живут у нее в квартире) очень ее просила, чтобы она без нее не принимала касторки. Она обещала.

В половине восьмого утра раздался отчаянный крик. Бросились в ее спальню. Она стояла вся в мелкой дрожи и кричала: «Какой ужас!». Анна Степ<ановна>, не поняв, в чем дело, сказала: «Да, это очень неприятно, я же просила не принимать без меня»... Да нет, вскричала несчастная, — я приняла ложку нашатыря по ошибке!... И через два дня она после всяких мучений скончалась. А тут забастовка гробовщиков, и она дней пять оставалась в квартире... Сегодня назначен в 3 ч. 15 вынос. Я на него пойду.

Вчера Феничка² угощала меня Художественным театром — сцены из «Федора Иоанновича», «Вишневого сада», «Дна» и монолог Ивана Карамазова³.

Царь Федор Иоаннович произвел такое же, как и в ранней юности (я видела его гимназисткой) сильное впечатление. Очень хорош Москвин⁴, хороша и Книппер, и, вероятно, Лужский⁵–Шуйский, хуже Борис, думаю, Вишневский⁶, мне он никогда не нравился. А сцены из «Виш<невого> сада» меня поразили — выбрано было место, где Книппер (уже не молодая, — она очень изменилась, постарела) плачет в присутствии Лопухина. Господи, как Чехов мог это написать, и как мы не чувствовали фальши этой сцены! Ведь какая бы она ни была, но ведь помещица такого богатого имения должна была быть воспитанной женщиной, имевшей чувство собственного достоинства, не может разливать в три ручья в присутствии какого-то разбогатевшего мещанина... Тут полное незнание дворянской среды. Конечно, это бросилось в глаза потому, что показано было всего несколько сцен. И какое несоответствие с роскошью дома — какой-то дворец — с бытом живущих в нем. Сцены «На дне» тоже не понравились — ходульно, а главное, как говорил Тимковский, «зачем это написано?»⁷ И Качалов⁸ мне не понравился. Какой-то «цыганский барон»! А его монолог из «Братьев Карамазовых» удачен. И к Ивану он подходит. И слова настоящие. Перед сценой выступал Адамович со своим «словом». Говорил перед громкоговорителем⁹. Многие правильно. Но о многом он и понятия не имеет. Не так объяснял успех Худ<ожественного> т<еатра>. Совсем неверно характеризовал «Малый театр». И там были отличные режиссеры, Ленский¹⁰, например. Каллаш рвала и метала. Я успокоила ее тем, что сказала, «жаль, что не ты выступила».

А третьего дня была на балете Гржебиной¹¹. Последний номер из «Садко» прошел удовлетворительно. Был Абрамов и Яковлев¹². Зашли они и за кулисы. Я скорее оттуда ушла. Тамара с Лукой¹³ довели меня. Лёня был в гараже¹⁴.

Целую. Пора идти. Твой К.

Вчера зашла Наташа Баранова. Я поблагодарила ее за апельсины. Спросила: «сколько я за них должна?» Она ответила, что это подарок. Если ты хочешь, то можешь выписать. Идет три недели. Тогда пошли деньги.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/276.

¹ Не удалось найти сведений.

² Ф.С. Шлезингер.

³ 4 мая 1947 г. в Salle Pleyel (252, rue du Fbg St-Honoré, Paris VIIIe) состоялся вечер, посвященный Московскому Художественному театру. На вечере демонстрировался фильм о МХТ «Мастера сцены». Вступительное слово перед фильмом произнес Г.В. Адамович. См. его отзыв: *Г.А. Мастера сцены (Московский Художественный театр)* // Русские новости. 1947. 9 мая. № 101. С. 6.

⁴ Иван Михайлович Москвин (1874–1946) — актер, режиссер, с 1943 г. директор МХТ.

⁵ Василий Васильевич Лужский (наст. фам. Калужский, 1869–1931) — актер, режиссер, педагог, один из основателей МХТ. Василия Шуйского в «Борисе Годунове» играл с 1907 г.

⁶ Александр Леонидович Вишневецкий (наст. фам. Вишневецкий, 1861–1943) — актер, один из создателей МХТ. Исполнитель главной роли в «Борисе Годунове» с 1907 г.

⁷ Николай Иванович Тимковский (1863–1922) — писатель, участник телешоу «Сред». Рассказывая в мемуарах о «Средах», В.Н. Бунина упоминала «вопрос хмурого Тимковского, часто задаваемый после прослушанного рассказа: “Собственно, зачем это написано?”» (*Муромцева-Бунина (1989)*. С. 287).

⁸ Василий Иванович Качалов (наст. фам. Шверубович, 1875–1948) — актер, с 1900 г. в МХТ.

⁹ Т.е. в микрофон.

¹⁰ Александр Павлович Ленский (наст. фам. до 1897 г. Вервиццотти, 1847–1908) — актер, режиссер, педагог. С 1876 г. актер и режиссер московского Малого театра (с 1907 главный режиссер).

¹¹ 3 мая 1947 г. в Salle d'Iéna (10, avenue d'Iéna, XVIe) состоялся вечер Балетной студии Ирины Гржебиной.

¹² Неустановленные лица.

¹³ Тамара и Люсьен Букуаран (Boucoïran).

¹⁴ См. примеч. 12 к п. 715.

756. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 5 мая 1947 г.

Понедельник

3 часа дня.

Все получил, милая моя, — туфли, чернослив и 10 000.

«Русская мысль» не дошла. Писал Зайцевым, написал, что я очень возмущен «дикой и совершенно непонятной» кляповиной» Берберовой обо мне¹. В самом деле — какая наглая и злая стерва и дура!

Вчера Роговский, Тэффи и Беляев были в Монте-Карло, приглашены были туда директором русского балета на представление этого балета². Роговский страстно надеялся, что увидит там Шуру с мужем³ и что-нибудь получит на наш «Русский Дом», Тэффи тоже хотела повидать Шуру, но оказалось, что эти супруги позавчера уехали в Париж.

Очень рад, что получила 11 000. А то вряд ли хватило бы мне дожить тут до начала июня: я уже попросил Марка Алекс<андровича> сходить в Ниццу к Куку и заказать мне билет на какой-нибудь день между 1-м и 5-м июня⁴; Марк Алекс<андрович> будет у меня нынче или завтра с ответом Кука⁵.

Старый юрод-мошенник Ремизов еще прошлой осенью пустил слух, что он восстанавливает настоящий русский язык, испорченный на немецкий лад во времена Петра⁶. Нынче читаю в «Рус<ских> нов<остях>» статейку «Сизифа» (Адамовича) — пресерьезно пишет об этом мошенничестве⁷! До Ремизова, видите ли, русский язык был все-таки «серый»!

А Рощин-то каков (о том, как меня любят в России)⁸!

Погода очень портилась последние дни, нынче солнце, но оч<ень> холодный ветер. Все-таки я посидел с час на солнце.

Последние ночи ужасно мучит кашель, просыпаюсь каждые два часа, глотаю то то, то другое.

Кормят очень грубо приготовленной дрянью, две трети не доедаю, прикупаю ветчину, колбасу. Приходящая «femme»⁹ набитая дура и то и дело не приходит по 2, по 3 дня, комнаты иногда совсем не убираются или убираются к вечеру самой Шкловской¹⁰ (подругой Беляева), — бывшая большая барыня, — без которой этот «Рус<ский> Дом» совсем бы пропал, — равно как и без глухого старика Протасова, по матери Бунина. Роговский бьется, как рыба об лед, стараясь то там то сям сорвать какое-нибудь пожертвование на «Дом», но,

кажется, уже залез в неоплатные долги и дает на «Дом» мало. Жильцов тут сейчас человек пять, кроме меня и Тэффи, и все нищее старье.

Где ж мы будем жить зиму, если Бог даст жизни? Трагедия! *О Париже и думать нечего*. Сам это знаю, и Беляев говорит: «Это будет ваша гибель!» Целую тебя, драгоценная моя, Христа ради береги себя.

5 мая, понедельник

6 часов

Приехал Марк Александрович, привез мне билет в Париж на 1-ое июня, спальный вагон.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/289. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 754.

¹ Письмо Бунина Зайцевым от 30 апреля 1947 г. (Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 138. С. 171).

² О каком балете идет речь установить не удалось.

³ А.Н. и Б.Ю. Прегель.

⁴ Подчеркнуто красным карандашом.

⁵ 5 мая 1947 г. М.А. Алданов написал Бунину: «Только что побывал у Cook'a, заказал билет в спальном вагоне 1-го класса, обещали в понедельник днем дать ответ» (РАЛ. MS 1066/1469).

⁶ Видимо, речь идет о статье Б. Сосинского «Русские писатели во французской эмиграции» — рецензии на «Русский сборник» (Париж, 1946), в начале которой Бунин противопоставлялся Ремизову: «Сборник открывается статьей Г. Адамовича о Бунине и рассказом последнего “Зойка и Валерия”. Мы привыкли к нашему академику и единственному за полстолетия русскому писателю, увенчанному премией Нобеля, относиться с тем застывшим пиететом, за пределами которого уже никто не ищет какой-либо критики. Так естественно и простительно, что в статье, ему посвященной, центр тяжести лежит в больной проблеме эмиграции, которой Г. Адамович касается “мимоходом”, а на самом деле, сам того не замечая, автор коснулся мимоходом именно своей заглавной темы. О нашем “классике жизни”, которого скорее следовало бы назвать “классиком смерти” (“Зойка” и Валерия” тоже кончается смертью), действительно писать трудно. Как будто все, что можно было сказать, уже было сказано лет сорок тому назад Ю. Айхенвальдом, автором импрессионистских “Силуэтов русских писателей”, несмотря на утверждение Г. Адамовича, что лучшие книги Ив. Бунина написаны в эмиграции. <...> Пожалуй, лишь по прочтении “Зойки и Валерии” и тех рассказов, что появляются нынче здесь и в Америке, восторженный Айхенвальд уж никак не назвал бы Бунина “целомудренным”. <...> / Если с именем Бунина Адамович упоминает Пушкина, а Айхенвальд — Тургенева, то к писателю, следующему в “Русском Сборнике” непосредственно за “Зойкой и Валерией”, нас ведет другая родословная русской литературы: апокрифы, жития святых, Аввакум, Гоголь, Достоевский, Лесков, Розанов. С именем А. Ремизова в эмиграции принято соединять что-то чудное, непонятное, а для кое-кого и прямо возмутительное. Странно, что на Западе у такого сугубо русского писателя вы найдете больше поклонников, чем в нашей среде. Никак не может привыкнуть русский читатель к особому синтаксису Ремизова, не желая понять, что он им по-новому оживляет нашу серую, по иностранной грамматике Грота построенную фразу, что Ремизов фактически воскрешает русский природный лад речи» (Вестник. 1946. 19 июня).

⁷ В заметке для рубрики о русском языке Адамович приводил высказывание из статьи Б. Сосинского: «Никак не может привыкнуть русский читатель...», добавляя от себя: «Ополчившись с праведным возмущением и гневом на тот действительно серый, безличный, бескостный, бездушный язык, который принято у нас считать языком “литературным”, не подтачивает ли Ремизов основы и той организованной, проясненной русской речи, без которой Россия не могла бы стать Россией? Не ополчается ли именно на Пушкина?» (*Сизиф*. «Великий, могучий...») // Русские новости. 1947. 2 мая. № 100. С. 4).

⁸ Рассказ о том, насколько Бунин известен в СССР (см. письмо от 20 марта 1947 г. в примеч. 2 к п. 718) Н. Рошин продолжил в следующем, очевидно, только что полученном Буниным письме от 25 апреля 1947 г.: «Поэтическое имя Ваше, — особенно среди литературной молодежи, — исключительно высоко. Многие стихи Ваши помещены во всех учебниках литературы и, значит, на них воспитываются поколения русских людей, а “Песнь о Гайавате” — настольная книга в каждой культурной семье» (РАЛ. MS 1067/4829).

⁹ От *фр. femme de ménage* — домработница.

¹⁰ Не удалось найти сведений.

757. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 6 мая 1947 г.

Вторник 6 мая.

Получила твой экспресс, а может быть, и пне¹, как сказал мне мальчишка, который принес его. Тогда ты дал кому-нибудь, кто уезжал в Париж, и это пне было отправлено уже здесь сегодня.

Очень рада, что все дошло.

«Русскую мысль» я не послала, так как ты написал, что читал ее. Что я могу сказать тебе о Берберовой? Ты знаешь мое мнение о ней. Тебе труднее судить о людях, чем мне, так как с тобой... «лесть грубая, а приятно»... Опять какая-нибудь сплетня, а она теперь, возмнивши о своей знаменитости, на всех плюет. Зайцевы несколько не возмущены ее рецензией, — я видела их у Наташи², — они ничего о ней, то есть о рецензии не говорили, а Верочка³ очень заступалась за Нину, но по другому поводу. Кое-что из их разговоров с Наташей я уяснила себе поведение или, вернее, умонастроение Нины в известный период жизни. А теперь они расходятся или уже разошлись. Оказывается, это Нина, которая ходит дома в штанах, а Мина⁴ в юбке.

Ну Шуры⁵ и не достанешь. И не думаю, чтобы она была очень щедра. Теперь она, вероятно, занята своей выставкой, которую открывает 20 мая⁶. Тогда, Бог даст, увидимся.

Прилетела и Татьяна Сергеевна⁷, но ее я тоже не видела. Да и Лёня видел ее только раз в первый день. Она была под большим впечатлением от перелета.

Маня⁸, моя кузина, говорила, что нужно сначала себя уверить, что ты гений или красавица, а потом и другие в это станут верить, так и Ремизов со своим языком, вот Сизиф и поверил⁹.

А Пэке¹⁰ все же не пиши. Подальше от всех их. Будет лучше.

Хорошо ли тебе сидеть на солнце, лучше в тени. Меня твой кашель беспокоит. Тебе нужен сосновый бор, там бы он прошел.

Мы с Лялей¹¹ питаемся приблизительно, как ты в Грассе. В день съедаем по яйцу. Мяс нет. Едва сегодня достали картошку. Спасает эти дни замороженная морю¹². Хлеба теперь выдают всего 250 гр<аммов> в день¹³. В воскресенье будут закрыты булочные. Много спаржи, появились ягоды, но это все не для нас. Слава Богу, есть остатки из посылок. Одну я не распечатала, чтобы она вся пошла тебе. Но все же, если жить не только на тикеты¹⁴, как живем мы, то можно быть и сытым, и вкусно есть. Надеюсь, что в четверг Ельяшевич нас угостит, — празднует свое новоселье¹⁵. Будут Зайцевы, отец Киприан и я.

О будущем я не думаю. «Бог даст день, Бог даст пищу». Что-нибудь для зимы придумаем. На худой конец можно будет поехать и в Жуан-ле-Пен, если дом будет еще существовать.

Почему Ставровы жили бесплатно? Ведь они не в нищете. Я думаю, что летом в доме будет полно, нужно только, чтобы был «персонал» для уборки комнат, а на него брать с постояльцев.

Долго ли еще останется Тэффи? И как она себя чувствует? Радуюсь, что она могла съездить в Монте-Карло, значит, есть силы.

Сегодня был Аля¹⁶. Сказал, что тебе за стихи¹⁷ хотели заплатить 1 000 фр., а ты попросил семьсот. По-моему, не следовало тебе их посылать. Деньги у Али. Нужно ли тебе их пересылать или пусть он отдаст мне. Напиши об этом, или оставить их у него? Стихи мне нравятся. Всколыхнули прошлое.

Я последнее время почти весь день дома. Сегодня многое убрала вместе с мадемуазель, много теплых вещей, все посыпала нафталином и покрыла газетами. Заплатила ей 50 франков. Она, бедная, уже все путает, ничего не помнит.

Вчера вечером захотелось пройтись. И я пошла на часок к Струве. Там Андрияша¹⁸, сын Глеба, похож на отца, только милее. Весь в солдатских орденах. Молчаливый, что-то есть в нем и от Ади¹⁹. Показывал портреты матери, очень изменилась, не узнать, портреты сестер и детей старшей, у нее уже трое. У младшей сестры²⁰ Андрияши тип совершенно монгольский, лицо интересное.

Хочу к твоему приезду вычистить твою комнату. Наташа Баранова предлагает своего ом де менаж²¹, который берет 50 фран. в час, работает хорошо, и его можно пригласить на раз или два. Хочу, чтобы он вымыл пол, а то очень грязно. Тогда будет легче поддерживать чистоту. Всем очень нравится, как я устроила у тебя. Не знаю, понравится ли тебе. Целую.

Твой К.

Начинаю считать дни до твоего приезда. Когда приходит поезд? Мы встретим тебя с Алексеем Матвеевичем²².

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/277. Год и место установлены по содержанию и сопоставлению с п. 754.

¹ От *фр.* *pneu* — сокращенное название письма, присланного пневматической почтой.

² Н.Б. Соллогуб.

³ В.А. Зайцева.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ А.Н. Прегель.

⁶ Выставка Александры Прегель в Galerie de l'Élysée (69, rue du Fbg St-Honoré, VIIIe) открылась 22 мая 1947 г.

⁷ Т.С. Конюс.

⁸ М.С. Брюан.

⁹ См. примеч. 7 к п. 756.

¹⁰ Н. Рошин.

¹¹ Е.Н. Жирова.

¹² *могге (фр.)* — треска.

¹³ В «Русской мысли» (1947. 26 апреля. № 2) в заметке «Хлебный кризис» сообщалось: «Майский рацион установлен для категорий Е — 100 грамм, Ж1 — 200 гр., Ж2 — 300 гр., Ж3 — 325 гр., М и В — 250 гр.» Вообще, категории были: Е, J1, J2 — дети до 12; А — от 12 до 70, не работающие на тяжелой работе; Т — с 14 до 70, занятые на тяжелых работах; С — сельское хозяйство; V — старше 70. Что обозначали категории М и В — не ясно, можно предположить, что это были разновидности категории А. Но так или иначе Бунины получали продовольствие по категории тех, кто не был занят на тяжелой работе.

¹⁴ См. примеч. 10 к п. 717.

¹⁵ Куда переселился В.Б. Ельяшевич, установить не удалось.

¹⁶ А.В. Бахрах.

¹⁷ В газете появилось стихотворение Бунина «Дни близ Неаполя в апреле...» (Русские новости. 1947. 2 мая. № 100. С. 6).

¹⁸ Андрей Глебович Струве (р. 1924) — сын Г.П. Струве от первого брака с Юлией Юльевной Андре (1902–1991).

¹⁹ Вероятно, так названа мать А.Г. Струве.

²⁰ Нина Глебовна Струве.

²¹ от *homme de ménage* — домработник (*фр.*).

²² А.М. Жиров.

758. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 8 мая 1947 г.

Четверг, 8 мая.

Вложен чек¹.

Забыл, милая моя, написать насчет портрета. Ведь я на нем в серо-пестрой довольно плотной шляпе и в таком же пальто, черты лица тонкие? Если так, то можно послать, *no pri uslovi*², если этот портрет по размеру *не совсем большой*, а только немного шире и немного длиннее вот этого листка, на котором я сейчас пишу тебе: ведь если он *совсем большой*, то есть размера листа той бумаги, на котором обычно пишут на машинке, посылать жалко, — *в этом случае*³ лучше послать размера *carte-postale*⁴. Но каков бы он ни был, надо послать *avion-recommandé*⁵, купивши подходящий конверт.

Вчера я с нашим доктором ездил в Cannes к моему носовому, главному и горловому доктору. Он нашел, что полип в моей левой ноздре есть, — что Серов просто поковырял его и подло сорвал 1000 фр., — и приписывает мой кашель *главным образом* носу и в некотором отношении куренью, т.е. не никотину, а просто дыму, раздражающему гортань и ниже. Пока прописал капли для носа, которые будут сокращать полип, и микстуру для полоскания гортани. Обошлась эта поездка в 1000 фр., да предстоит, может быть, операция, да нужно опять усиленно питаться (потому что вчера ночью и нынче утром, в общем 3 раза была у меня очень порядочная кровь — верно, от утомления, от большого хождения, движения, волнения), да еще покупать много всяких лекарств, а из всего этого следует, что тебе придется прислать мне еще денег: я заплатил здесь за жилье и питание 8 тысяч, но это только до 24 мая, а надо будет платить еще от 24-го до 1-го июня, т.е. за 8 дней, значит больше 2-х тысяч, да отправить и застраховать багаж, да доехать на такси до станции Antibes (300 франков!!, а <это> 2 шага!!); кроме того, еду я отсюда в *первом* классе (один) потому, прежде всего, что в этом поезде — Calais-Méditerranée⁶ — уничтожен второй класс, оставлен только первый, и я заплатил за билет 5400. *Одним словом, пришли мне*⁷.

<Окончание письма не сохранилось.>

*Пришли мне 3-ий № «Рус<ской> мысли»*⁸.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/290. Год и место установлены по содержанию.

¹ Вписано красным карандашом.² Подчеркнуто красным карандашом.³ Подчеркнуто красным карандашом.⁴ почтовая открытка (*фр.*).⁵ заказное авиаписьмо (*фр.*).⁶ Скоростной поезд компании CIWL (Compagnie Internationale des Wagons-Lits), курсировавший между Кале и Сан-Ремо с конца XIX в.⁷ Подчеркнуто красным карандашом.⁸ Написано на полях первой страницы письма. Подчеркнуто красным карандашом.

759. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 12 мая 1947 г.

12. V. 47.

Беспокоюсь, драгоценная моя, — уже три дня нет от тебя писем, нынче получил от тебя только «Рус<скую> мысль».

У меня опять уже дня три кровь. (Слава Богу, нынче нет.) Скажи Аитову, что как Бог даст приеду — в среду или в четверг (3-го или 4-го июня) — хочу поехать с ним на новый экзамен и на укол к тому доктору. Все еще кашель по ночам — тоже нужно будет обратиться в Париже к специалисту хорошему.

Крепко целую.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/291. Место установлено по содержанию.

760. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Жуан-ле-Пен. 12 мая 1947 г.

12. V. 1947.

Милая, дорогая, пишу спешно, два слова: у меня есть в Швеции 200 крон — разузнай тайком, как их получить — понимаешь? Целую, спешу на почту.

У кого разузнать? Поищи поумней и поусердней.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/292. Место установлено по содержанию.

761. И.А. Бунин — В.Н. Бунинной

Жуан-ле-Пен. 14 мая 1947 г.

14. V. 47.

Не беспокойся, голубчик, — дай Бог не сглазить, крови нет уже двое суток.

Деньги получил, твое письмо, где, между прочим, пишешь о Ельяшевиче, тоже¹.

Кашель, — опять тьфу, тьфу! — много меньше — думаю, от лечения носа. Да, большой подлец Михеич²!

Марки — Олечке³. (Это московские — Капитан прислал известие, будто все-таки хотят выпустить меня «однотомником»⁴; адрес, верно, узнал от Телешова — я ему писал, приехал сюда.)

Целую тебя. Олю и мамá⁵ тоже.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066А/293. Место установлено по содержанию.

¹ Речь о п. 757.

² Здесь: С.М. Серов.

³ О. Жирова.

⁴ В конце 1945 — начале 1946 гг. Гослитиздат предполагал выпустить сочинения Бунина. Однако ни состав этого издания, ни редакция текстов, ни вопросы гонорара не были согласованы с Буниным, и после его горячих протестов, переданных, в частности, через Н.Д. Телешова, не позднее осени 1946 г. набор был рассыпан. Видимо, еще не зная об этом, Бунин как раз в это время просил уезжавшего в СССР Н. Рощина навести в Москве справки о возможности вернуться к обсуждению планов по изданию его сочинений. И Рощин, еще не зная, что вопрос об издании закрыт, в письме от 25 апреля 1947 г. сообщал Бунину: «Напишите мне, пожалуйста, и как можно подробнее о собрании Ваших сочинений, выпускаемых в Москве, — с кем была у Вас переписка, кто ведет издание, когда предполагается оно к выпуску. Генеральный секретарь Союза писателей А.А. Фадеев (вместе с Симоновым) на полтора месяца уезжал в Лондон, и без него ничего толком не мог я добиться. Знаю одно, что издается Ваш большой однотомник (в государственном литературном издательстве). Но может быть, это и есть тот большой “изборник”, о котором Вы мне говорили? Пожалуйста, напишите» (РАЛ. MS 1066/4829; отдельные строки этого фрагмента отчеркнуты на полях карандашом). Сохранилась рабочая верстка книги Бу-

нина «Избранные произведения» (Подгот. текста и сост. П.Л. Вячеславова и А.К. Тарасенкова. М.: ГИХЛ, 1945. 750 с.) в переплете (ГЛМ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 3).

⁵ О. и Е.Н. Жировы.

762. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 14 мая 1947 г.

14 мая 1947 года.

Дорогой мой, ты уже получил мои письма. Я последние дни писала тебе часто. Всегда бывает промежуток из-за воскресенья. Не беспокойся, я здорова, только похудела. Это хорошо, могу выстирать свой корсет. Грасский оказался впору, а прошлый год он мне был тесен. Первый раз за нашу разлуку я купила полфунта масла у Ляли¹ и только потому и купила, что это у Ляли. И теперь наслаждаюсь. А когда его нет, не страдаю. Такая уж у меня натура: есть — хорошо, нет — и не надо!

Сейчас пришла тебе посылка. Я оставляю ее до тебя нераспечатанной.

Получила письмо от Пантелеймонова². Он едет в Жуан-ле-Пен, спрашивает, не надо ли тебе чего передать. Ляля позвонит по телефону и поблагодарит его. Я предлагала ей съездить к нему и что-нибудь тебе послать, но она не хочет. А так как ты ничего не просишь, то лучше оставить лишнее для твоего возвращения.

Зачем мне звонить и говорить с Аитовым? И зачем тебе его беспокоить? Неужели я не могу с тобой туда ездить? Ведь ты теперь окреп. Пока подожду звонить. Когда приедешь, то тогда и позвоним.

В субботу придет человек и будет мыть стекла и карнизы в твоей комнате. У Киры³ взяла aspirator, чтобы уничтожить хоть на время пыль в нашей ночлежке. Потом приведу пол твой в порядок, чтобы было приятно тебе по возвращении жить в твоей комнате.

Завтра я пойду на концерт Гришина⁴. Он выступал на Лёнином вечере, и мы ему «мстим». Будет петь Чайковского. Это все же приятно. 23 вечер Раевского⁵. Получила приглашение и все же один билет продала, хотя меня и не просили, понимают, что после вечера Зурова я застрахована. Но была Вера Рафаиловна, и мы с ней сговорились прийти на него.

Вчера у нас была Феничка⁶. И ей было плохо. Что-то желудочное. Говорит, за завтраком была не совсем доваренная рыба. Завтра день ее рождения, и я приглашена к ним завтракать. У Михельсон гостит д-р Членов.

Вчера была у Наташи Барановой. Он⁷ опять где-то около Тулузы. Вместе со мной обедала тетушка⁸. Вид у нее хороший, походка молодая. Но плохо слышит. Наташа мне и дает своих людей, чтобы наконец вычистить нашу квартиру. Сегодня я сделала все нужные закупки для чистки.

Вчера звонил Грюнвальд⁹. Просил позволение приехать ко мне и продиктовать что-то. Значит, заработаю. Это тоже пойдет на чистку квартиры. Я больше не могу жить в грязи. А когда она будет чистой, то легче поддерживать порядок и чистоту. Я теперь почти ежедневно подметаю обе комнаты и коридор. По очереди с Лялей моем кухню. Но очень уж грязны стены.

Кажется, обо всем написала.

Все тебя целуют. Я обнимаю тебя со всей нежностью. Привет всем.

Завтра пойду платить первую треть налога. Михайлов до сих пор не принес налоговый лист. Сегодня ему позвоню. Скажу, что завтра сама зайду.

Сейчас ушел Марк Алекс<андрович>¹⁰. Приятно было его видеть. Рассказал про тебя, про Тэффи.

Получила твой экспресс. Попробую пойти к Аитовым. У них зять из нужного для тебя города¹¹. У М<арка> А<лександровича> никого нет там.

Пришла Олечка¹². У нее хорошие отметки. Но сама она похудела и побледнела. Питание стало хуже.

Пришла Наташа.

Обнимаю, целую.
Твой К.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописными вставками): РАЛ. MS 1067A/278.

¹ Е.Н. Жирова.

² Письмо неизвестно.

³ К.А. Шапилиотова.

⁴ 15 мая 1947 г. Российское музыкальное общество за границей устроило в Salle Debussy (8, rue Daru, Paris VIIIe) реситаль Григория Гришина, посвященный П.И. Чайковскому.

⁵ 23 мая 1947 г. состоялся вечер Георгия Раевского в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe).

⁶ Ф.С. Шлезингер.

⁷ Ее муж, В.Н. Баранов.

⁸ А.Е. Шварцман.

⁹ Константин Константинович фон Грюнвальд (1881–1976) — дипломат, историк, журналист. До революции сотрудник посольства в Берлине, чиновник Министерства финансов. С 1919 г. в эмиграции в Лондоне, управляющий делами Русского торгово-промышленного союза, с 1921 г. в Париже. Читал лекции в Русском народном университете, занимался литературной работой, журналистикой.

¹⁰ М.А. Алданов.

¹¹ Вероятно, имеется в виду Стокгольм. См. п. 760.

¹² О. Жирова.

763. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 16 мая 1947 г.

16 мая 1947 года.
8 ч. утра.

Милый, дорогой мой,

Твой экспресс¹ в несколько строк пришел как раз при Марке Ал<ександровиче>². Он помочь не может. Вчера я завтракала у Фенички³. Спрашивала у Ал<ександра> Мих<айловича>⁴, и они с Феничкой обещали все узнать, и, может быть, и выйдет. Подожду несколько дней. Потом обращусь к Вл<адимиру> Д<авыдовичу>⁵, хотя едва ли они что сделают. Попутно буду искать.

8 ч. утра, а я уже убрала кухню, вымыла пол и выстирала половую тряпку.

Сегодня иду платить налог. Мих<айлов> так и не удосужился принести налоговую бумагу. Придется за ней зайти. Я в точности не знаю сумму, что-то около шести тысяч. М<ожет> б<ыть>, немного больше.

Вчера была ликвидация последняя вечера Лёни: я была на концерте Гришина⁶, — он выступал у него 26 IV. Лёня не мог быть, и мне пришлось вручить за билеты деньги Гржебиной. Певец он серьезный, хорошая фразировка, но голос без всякого шарма. Музыкальный, прекрасная дикция. Но захватить не может. Нет ни чарующего тембра, ни силы, ни красоты голоса. Зала Дебюсси была полна. Я сидела с Наташей⁷. К концу пришла Ляля⁸, которая встретила очередного Володю⁹. Видела Серова. А вся остальная публика не знакома.

Вчера был день рождения Фенички, и меня пригласили к завтраку. Она размахнулась. Ее поклонник, с которым она не видалась сорок лет, ей присылает из Америки дорогие консервы. Были сардинки, тон¹⁰, язык, затем, это уже она достала, ростбиф с овощами и салатом, а на пирожное ананасы, — тоже от поклонника, — с клубникой. Затем кофе с шоколадным тортом, кроме меня были лишь Р.Б. Маршак¹¹ и Членов, гостящий у них. Ему 83 года. Подвижной, работоспособный по-прежнему, только очень похудевший, но очень милый. Завтрак прошел оживленно, говорили на всякие темы. Потом Маршак рассказывала, как обворовывают бриллиантщиков¹². Поразительная ловкость рук. Недавно на глазах Ал. Ос. Маршака и его приказчика покупатель спер драгоценный, очень дорогой камень. Эти воры настоящие фокусники!

Вчера было очень прохладно. Сегодня серо. Каштаны еще цветут.

Самая лучшая гитлеровская санатория в Давосе теперь в руках ОЗЕ¹³! За завтраком возмущались, что администрация ОЗЕ назначила себе большие оклады.

Пока все. Привет всем.

Целую нежно.

Твой К.

Вчера были днем Верочка¹⁴ и Васильева¹⁵. Зайцевы вечера не будут делать. Откладывают на осень¹⁶. Из газеты он еще ни гроша не получил. М<арк> А<лександрович> думал, что он редактор, — это неправда. За строку ему платят 5 фр. в проекте.

Твой Аля-Поликушка¹⁷ до сих пор денег мне не передал, а мне нужно.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/279.

¹ См. п. 760.

² М.А. Алданов.

³ Ф.С. Шлезингер.

⁴ А.М. Михельсон.

⁵ В.Д. Аитов.

⁶ См. примеч. 4 к п. 762.

⁷ Н.Б. Соллогуб или Н.Л. Баранова.

⁸ Е.Н. Жирова.

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ thon (*фр.*) — тунец.

¹¹ Вероятно, жена А.И. Маршака — Роза Борисовна Маршак.

¹² Имеются в виду ювелирные магазины.

¹³ Общество здравоохранения евреев (ОЗЕ) создано в России в 1812 г., во Франции с середины 1920-х гг. — организация работала под аббревиатурой OSE (Oeuvre de Secour aux Enfants — Дело защиты детей). Цель организации — забота о детях, здравоохранении и гигиене еврейского населения.

¹⁴ В.А. Зайцева.

¹⁵ С.Н. Васильева-Будакович.

¹⁶ Б.К. Зайцев не организовывал своего творческого вечера в 1947 г., а также не проводил его и в следующем году.

¹⁷ А.В. Бахрах, который в письме связывается с главным героем повести Л.Н. Толстого «Поликушка».

764. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 19 мая 1947 г.

19. V. 47.

Дорогой мой, сегодня авион от Марьи Самойловны¹. Она пишет: «Теперь я получила письмо от моего дорогого и милого Ивана Алексеевича от 6-го мая с просьбой послать

Вам 125 пакетов с разной едой. Как Вы знаете, наш с Вами друг Шура Ш.² сейчас здесь, но его отец с матерью в Париже. (М<арья> С<амойловна> стала писать по новой орфографии. В.³) То, о чем мне пишет Иван Алексеевич — эти пакеты с разной едой — попросите у них. Они люди очень отзывчивые, а я уж их здесь отблагодарю так, как они об этом с Вами сговорятся. Если они Вам откажут, напишите, и я буду искать других путей, другую оказию. Посылать почтой посылки — дорого». Она просит переслать свое письмо тебе, но я сделала выписку по интересующему тебя вопросу. Остальное — благодарность за мое «подробное» письмо. Просит, чтобы ты не сердился, что она тебе не отвечает на твое «милое письмо от 6 мая». Сообщает, что ты прислал ей «очень интересную вырезку Рощина из России»⁴ — вот и все!

Я думаю, что к Глаше⁵ (маме Шуры) пока не стоит обращаться, так, по крайней мере, думает Мигуэлло.

Когда приедешь, тогда и поговорим. На первое время у тебя еды хватит — две нераспечатанные посылки ждут тебя.

Мяса вчера не было, только консервы. Ляля⁶ приготавливает их с луком вкусно.

Вчера была у нас вечеринка: Адам Адамович⁷ с сестрой с ее приемными детьми. Редко прелестные люди, очень любящие друг друга. А младшая девочка будет несомненно замечательной женщиной, такое у нее лицо. Все «дети» музыкальны. Они под гитару пели. Кроме них, был приглашен Володя–Володя–Володя⁸. Пришел в новом сером элегантном костюме. Сидел долго. На мой слух — «из этой Крейцеровой сонаты» ничего не вышло.

Вчера кончил мыть и чистить окна, карнизы, а у меня и ковер, *homme de ménage*⁹. В комнате стало приятнее. Осталось натереть пол.

Три раза ко мне приезжал Грюнвальд. Заработала на чистку комнат пока половину. Есть еще переписка.

Сегодня иду к Нат<алье> Ив<ановне>¹⁰ — несу немного мороженой трески и бананового варенья. Пообедаем с ней. Я не была у нее со Страстной.

Поклоны, приветы, поцелуй на выбор.

Обнимаю тебя, мой ненаглядный.

Твой К.

А Бахрак и сегодня не принес денег, а мне они нужны.

Ивелич — Берберова — написал о «Новоселье» и ни слова о Лёне¹¹?. Какие-то сводит счета с нашим домом.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/280. В начале письма посередине страницы красным карандашом Бунин написал «Швеция» для памяти, т.к. в содержании письма идет речь о некоторой сумме денег, находящейся в Швеции (в связи с полученным письмом М.С.Цетлиной). См. п. 760.

¹ Письмо неизвестно.

² Александр Исаакович Шик и его родители И.Я. и Г.И. Шик.

³ Все письма И.А. и В.Н. Буниных друг другу написаны по старой орфографии. По ней же В.Н. Бунина приводит выдержки из письма М.С. Цетлин.

⁴ Видимо, одну из статей Рощина о Москве в «Русских новостях».

⁵ Г.И. Шик.

⁶ Е.Н. Жирова.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Вероятно, очередной кавалер Е.Н. Жировой.

⁹ домработник (*фр.*).

¹⁰ Н.И. Кульман.

¹¹ Л. Зуров опубликовал в журнале свои миниатюры, написанные в Изборске и Буживале: *Зуров Л. Семь рассказов // Новоселье. 1947. № 33/34. С. 46–49. Имеется в виду рецензия Н.Н. Берберовой «Новоселье № 33–34» (Русская мысль. 1947. 17 мая. № 5. С. 3. Подпись: Ивелич).*

765. И.А. Бунин — В.Н. Буниной

Жуан-ле-Пен. 21 мая 1947 г.

21 мая 47 г.

Получил твое письмо¹, милая, дорогая моя, — не знаю, как быть с родителями Шуры, — чем же будем жить? Ведь в банке у нас не так уж густо; но раз Михайлов не советует делать это *сейчас*... Хотя не было бы еще хуже завтра? *Поговори еще раз с Михайловым.*

Вчера приехали сюда, т.е. в наш «Дом», Пантелей²: вот и все новости. Привезли XV кн<игу> «Нового журнала» — читала рецензию на «Темн<ые> ал<леи>» Александровой³? Я прочел «Глеба»⁴ — в общем, ужасно! Кому все это нужно? Зачем написано? И с каким благоговением к своему творчеству! И опять Верочка! Опять!

На уколы я должен поехать *первый раз* во всяком случае *с Аитовым*. Пусть *оба* посмотрят меня. Я уже написал Аитову, что хочу поехать с ним 4-го или 5-го июня (в среду или в четверг).

Чувствую себя так себе. Кашель, дай Бог не сглазить, меньше.

Крепко целую.

Как же быть со Швецией⁵? Где Густя⁶?

Никому не давай из дому «Новый журн<ал>».

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/294. Место установлено по содержанию.

¹ См. п. 764.

² Б.Г. Пантелеймонов с женой.

³ Вера Александровна Александрова (урожд. Мордвинова, в замужестве Шварц, 1895–1966) — критик, литературовед, публицист. С 1922 г. в эмиграции в Берлине, с 1933 г. в Париже, с 1940 г. в США, сотрудник редакции журнала «Америка» (1946–1948), позже главный редактор издательства имени Чехова (1952–1956). Откликнулась рецензией (Новый журнал. Нью-Йорк, 1947. № 15. С. 295–296) на второе издание книги: *Бунин И. Темные аллеи*. Париж, 1946.

⁴ В этом же номере журнала Зайцев опубликовал VI–IX главы своего романа: *Зайцев Б. Путешествие Глеба // Новый журнал*. Нью-Йорк, 1947. № 15. С. 5–80.

⁵ Дополнительной информации о переводе денег Бунина из Швеции во Францию найти не удалось.

⁶ Г.Л. Нобель.

766. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 22 мая 1947 г.

22. V. 47.

Вознесение.

Драгоценный мой, сегодня ровно два месяца, как мы расстались. Время идет быстро. Осталось, надеюсь, до нашей встречи десять дней. Ты должен приехать в наш Духов день. А уезжаешь на нашу Троицу.

Сегодня я причащалась в церкви на Olivier de Serre¹, а сейчас позавтракала и сижу у Тамары², она живет против этой церкви.

Угощала печенкой и блинами, необыкновенно вкусными, помнишь, как она пекла их в «Жаннетт»?.. Она 2 июня уже поедет в St. Tropez. Значит, вы не увидите. Она целует тебя.

Сделала мне маникюр.

Сейчас поеду на вернисаж «Александры Прегель»³ — Alexandra Pregel œuvres récentes в Galerie de l'Élysée 69 Faubourg St. Honoré Paris VIII Bal. 27.87.

Посмотрим. Тамара говорит, что слышала, что не очень хорошо.

Была на выставке. Познакомилась с Прегелем⁴. Высокий, хорошо скроенный, довольно красивый буржуй. Шуточка округлилась лицом. Стала писать иначе. Чувствуется влияние Америки и в смелости, и в полном отсутствии, я бы сказала, духовности в ее картинах. Все ясно, просто и понятно. Только в двух натюрмортах есть легкость, граничащая с поэзией.

Ангелина⁵ опять стала красавицей — тип роковой женщины, трудно от нее оторвать глаз! В черном с огромной шляпой на голове. Сыншке⁶ ее уже семь лет!

Были уже критики французы. Публика не толпилась. Из русских Лёня⁷, Ладинский, Мариша Кривицкая⁸, m-me Маш⁹. Остальных я не знаю. Феничке¹⁰, кажется, приглашение не послано.

Ехала я от Тамары на автобусе, пол-Парижа проехала. Сначала скучными улицами, очень длинными, а затем через Сену — радость воды, потом пересекли Champs Élysées. Направо таял в солнце обелиск, налево пролет в Арке. И за это удовольствие 12 фр.!

Дома у Ляли¹¹ гости: Ирина Ковалевская¹², сестра Лильки Кедровой¹³, очаровательная женщина, и только что найденная родственница Ляли¹⁴, очень энергичная, чем-то мне напоминающая Маргу, но еще крепче женщина. С Лялей есть родственное сходство, но все тверже, крупнее, чувствуется в ней порода.

Целую нежно. Привет всем.

Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/281.

¹ Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы при Русском студенческом христианском движении (91, rue Olivier de Serres).

² Т.М. Букуаран или Т. Туманова.

³ См. примеч. 6 к п. 757.

⁴ Б.Ю. Прегель.

⁵ А.М. Доминик (Цетлина).

⁶ Аллен Павлович Кривицкий (р. 1940) — сын А.М. Доминик от первого брака с П.Р. Кривицким. Позже эндокринолог, доктор медицины (1973), профессор (1985), заведующий клиникой.

⁷ Л. Зуров.

⁸ Не удалось найти сведений.

⁹ Не удалось найти сведений.

¹⁰ Ф.С. Шлезингер.

¹¹ Е.Н. Жирова.

¹² Ирина Николаевна Ковалевская (урожд. Кедрова, 1904–1989) — певица, танцовщица, деятель культуры, общественный деятель. С 1923 г. в эмиграции во Франции. Участвовала в хореографических вечерах, концертах, пела в хоре Трехсвятительского подворья.

¹³ См. примеч. 10 к п. 508.

¹⁴ Не удалось найти сведений.

767. В.Н. Бунина — И.А. Бунину

Париж. 24 мая 1947 г.

24 мая 1947 года.

Драгоценный мой, получила сегодня твое письмо от 21 мая¹. Вчера Феничка² принесла мне долг в 10 т<ысяч> ф. Говорит, что отдаст скоро и остальное. Это меньше: предыдущий раз она заплатила 11 т<ысяч> ф. Конечно, Мигуэлло³ прав, но с другой стороны, что делать?

Аля⁴ отдал мне 700 фр. 200 из них я добавила за налог, 500 фр. стала тратить после 22 мая. Думаю, что мне придется взять еще полторы тысячи из «Феничкиных» денег, так как пошел уже третий месяц моей жизни без тебя. Осталось до твоего возвращения девять дней, а со вчерашнего дня десять. Дешевле, как на 200 франков кругом не обойтись, — ведь теперь минимум заработной платы 800 000 фр. в месяц, а я изворачиваюсь на шесть или на семь, но в это входит и чистка комнат, и всякие экстренные расходы. Марк Александрович был поражен, когда я сказала ему, что ты на два месяца оставил мне 15 000 фр. Я ничего лишнего не трачу, и едим мы очень скромно, даже более чем скромно. Но мне это настроения не портит.

Вчера я была, как впрочем и вся наша ночлежка, сначала на панихиде по Петру Александровичу⁵, а затем на вечере Раевского⁶. Была на панихиде и Кодрянская. Сначала мы, она, Лёня и я, дошли пешком до Колизея, там выпили вермута, — у нее было свидание там с мужем⁷, — как нарочно полил дождь, и они нас отвезли в консерваторию на своей машине. Мы пообедали в низке с Лёней, обед стоил 60 фр. с кусочком мяса, а затем пошли наверх. Зал был полон. Но доход, кажется, не очень большой. А успех громадный. Публике он пришелся по вкусу. Но, конечно, он не первый сорт. И уж слишком стиль «сутеню»⁸. А вот жена⁹ его настоящая, самый высший сорт женщины. Видела Ивелич¹⁰, постаралась с ней не здороваться. Зато Верочка¹¹ перед ней так и расстилась... Она увидела, что я заметила это, и сконфузилась.

Сегодня будет бурное заседание Зеелеровского общества¹². Правление и присные им хотят выгонять членов с красными паспортами. Тогда почему они не выгоняют тех, у кого французское подданство или греческое, или американское? Может быть, многим придется со скандалом уйти, и от Союза останутся рожки да ножки. Жаль, что Тэффи не будет. Может быть, ей удалось бы унять страсти. Шмелева они печатают на первой странице, а с Гингером¹³, например, сидеть не могут.

Сегодня ровно год, как некто сделал подлость со Скобарем¹⁴. Очень я советую Судорожному¹⁵ быть с ним крайне осторожным. *Есть на то очень серьезные причины*. Он ничего не делает даром, каждый шаг, конечно, взвешен. И если принять во внимание поведение Пэки¹⁶, то вывод сделать легко. Словом, я буду рада, когда Судорожный придет, я так ему и пишу.

Вчера Михеич¹⁷ познакомил меня с Холодной¹⁸. Она совсем не худая, какой была в прошлом году. Сетовала на тебя, что ты не хотел ее познакомить со мной. Михеич млеет возле нее. От Раевского пришел в такой восторг, что не пожалел сто франков и купил его книжку стихов.

Банин¹⁹ прислала тебе книгу «Жур Паризьен»^{20*} — я читаю. Это продолжение ее первой книги²¹. Такая же легкость пера. Но здесь я уже нахожу неточности, — описание Парижа с 25 года. Русских она не терпит, ненависть органическая — поработители! Теперь мне многое стало в ней понятно.

Рецензию Александровой²² я прочла сегодня, получив журналы. Ничего, хорошо, пусть пишет!

Нашей²³ Володя ежедневно делает уколы стрихнина. Вчера он был на Раевском. Угощал меня чаем с пирожным, а ее водкой. Сам попробовал и того, и другого. Я ему рассказала о выставке Шурочки²⁴, — это его все же волнует, что, конечно, понятно.

Во вторник в 9 часов мы с Лёней приглашены к Конюс, празднуется рождение Н.А. Рахманино<во>й, кажется, 70 лет²⁵!, которая недавно не то прилетела, не то приплыла из Нью-Йорка. Через два дня она уезжает в Швейцарию²⁶.

Погода стала прелестной. Тепло и тихо. Но надолго ли? А последнее время было даже холодно. Надеюсь, что июнь будет хорош, и ты будешь доволен. Теперь у тебя чисто, отчето кажется просторнее. Я раздвинула стол на одну доску, как тебе хотелось. Пока я живу в

твоей комнате. Свою заперла, так как она чистая после пылесоса, и мне хочется додержать ее до твоего приезда, да и убирать две комнаты труднее. А мне и одной довольно.

В воскресенье, то есть завтра, панихида по Николаю Николаевичу Таганцеву — уже год прошел²⁷!

Меня очень огорчает, что никак я не начну писать. Если дома сидишь, кто-нибудь да придет: сегодня Васильева²⁸ отняла два часа. На последней неделе пришлось много выходить. Вечер поэтов был во вторник²⁹. Читали очень много. Начал метр Ладинский в сером костюме, в коричневых замшевых башмаках, в желтом с черным в клетку галстуке. Он все же поэт. Поэт и Смоленский, и Лида Червинская, которая очень похорошела и успокоилась, стала какой-то иной, читал в первый раз и Чиннов³⁰, который тебя встречал не то в Риге, не то в другом лимитрофном³¹ городе, ничего, встретили его хорошо, но тоже и он о смерти, было странно: очень вылощенный и все о смерти!.. Присманова³², причесанная под Наталью Николаевну Гончарову, хорошевшая на кафедре, говорят, тоже настоящая поэтесса, читала о каких-то толчках³³, воспевала фам де менаж³⁴ — Марф и бранила — Марий³⁵. Читал стихи Оцупа папа Маковский³⁶, которому наша мама³⁷ стала нравиться, — подсел вчера к нам, чем вызвал недовольство Володи³⁸, который даже встал и ушел.

Обнимаю, целую и уже жду... Привет всем.

Твой К.

*) Надпись: A Ivan Bounine avec ma sympathie tartare. Vanine³⁹.

Публикуется по оригиналу (машинопись с рукописной правкой): РАЛ. MS 1067A/282.

¹ См. п. 765.

² Ф.С. Шлезингер.

³ П.А. Михайлов.

⁴ А.В. Бахрах.

⁵ Панихида служилась к четырехлетию со дня смерти П.А. Нилуса, скончавшегося 23 мая 1943 г.

⁶ См. примеч. 5 к п. 762.

⁷ И.В. Кодрянский.

⁸ От *фр.* *soutenu* — возвышенный.

⁹ София Александровна Раевская (Оцуп-Раевская, 1907–?) — художник, иконописец, журналист. Жена Георгия Раевского.

¹⁰ Н.Н. Берберова.

¹¹ В.А. Зайцева.

¹² См. примеч. 2 к п. 768.

¹³ Александр Самсонович Гингер (1897–1965) — поэт. С 1919 г. в эмиграции во Франции. Участник «Палаты поэтов», группы «Через», объединений «Кочевье», «Круг», «Перекресток», «Гатарапак», один из организаторов «Союза молодых поэтов и писателей». Автор пяти сборников стихов. Муж А.С. Присмановой. В 1946 г. они приняли советское гражданство.

¹⁴ Домашнее прозвище Л. Зурова. См. дневниковые записи В.Н. Буниной 25 и 27 мая 1946 г.: «Невероятная история. П<антелеймонов> отказался заплатить Л<ёне> вторую часть гонорара. Уверяет, что ничего не должен. Ничего не понимаю. Помню, как Лёня вернулся от него очень радостный и сказал нам, что он согласился на четыре тысячи, две заплатил, а вторую половину по выходе книги. А он утверждает, что он говорил о четырех тысячах раньше, когда еще Л<ёня> не сокращал. А между тем, как раз было наоборот. Л<ёня> после сокращения — я ведь переписывала — поднял вопрос о 4 000 франков. Что же, П<антелеймонов> был пьян? Или он ничего не помнит... Л<ёня>, конечно, в ярости. Ведь он-то не мог ошибиться. Скорее, П<антелеймонов> мог спутать — у него со многими счета, а у Лёни ведь только свой. / Был Аля. То, что П<антелеймонов> повторил свое утверждение и Яну, меня взволновало очень, так, что Ян испугался. Понятно, ведь Л<ёня> не уступит. Выйдет скандал, и как все скандалы, прежде всего отразится на здоровье Лёни. <...> Вернулся Ян. Пантелей-

монов платить не хочет. Говорит, что Зуров на него кричал, и что если он извинится перед ним, то тогда они, может быть, придут к тому или иному компромиссу» (РАЛ. MS 1067/420).

¹⁵ Домашнее прозвище Бунина с дореволюционных лет.

¹⁶ Н. Рошин.

¹⁷ Возможно, С.М. Серов.

¹⁸ Возможно, имеется в виду певица Генриетта Г. Колодная (Шапиро).

¹⁹ Банин (Banine; наст. имя Умм эль-Бану Мирза кызы Асадуллаева, 1905–1992) — писательница, мемуаристка. С 1920 г. в эмиграции в Турции, с 1924 г. в Париже. Занималась журналистикой, переводами. С Буниным ее познакомила Тэффи в 1946 г., после чего завязалась переписка. Письма Бунина Банин опубликовала в своих воспоминаниях о нем: *Ум-эль-Банин*. Последний поединок Ивана Бунина / Перев. с фр. Е. Зворыкиной // *Время и мы*. 1979. № 40. С. 5–57; № 41. С. 5–52. Ответные письма хранятся в архиве Бунина (РАЛ. MS 1066/1762–1769).

²⁰ *Banine. Jours parisiens*. Paris: René Julliard, 1947.

²¹ *Banine. Jours caucasiens*. Paris: René Julliard, 1946.

²² См. примеч. 3 к п. 765.

²³ Е.Н. Жирова.

²⁴ См. примеч. 6 к п. 757.

²⁵ Жена С.В. Рахманинова Наталья Александровна (урожд. Сатина) родилась 26 мая 1877 г.

²⁶ У Рахманиновых была вилла «Сенар» на берегу Фирвальдштетского озера. После смерти Бунина В.Н. Бунина там несколько раз гостила.

²⁷ Юрист и общественный деятель Николай Николаевич Таганцев (1873–1946) скончался 25 мая 1946 г.

²⁸ С.Н. Васильева-Будакович.

²⁹ 20 мая 1947 г. Объединение русских писателей и поэтов устроило в зале Русской консерватории (26, avenue de Tokyo, XVIe) второй (после войны) вечер поэзии. Помимо упомянутых В.Н. Буниной поэтов, читали свои стихи также Г. Адамович, Д. Монашев, Ю. Софиев, П. Ставров, М. Струве, Г. Раевский, Ю. Роголя-Левицкий, З. Шаховская.

³⁰ Игорь Владимирович Чиннов (1909–1996) — поэт, с 1922 г. жил в Риге, участник литературной группы «На струге слов» (1929–1931), с 1944 г. в Германии, с 1947 г. во Франции, с 1953 г. в Мюнхене, сотрудник радиостанции «Свобода», с 1962 г. в США, преподавал в американских университетах. О его встречах с Буниным в Риге упоминает Б.В. Плюханов: «Весной 1938 г. в Ригу приезжал И.А. Бунин. П.М. Пильский, друг Чиннова-отца (юриста, книжника, тогда уже покойного), познакомил Игоря Чиннова с Буниным, и Чиннов участвовал во всех встречах Пильского с Буниным» (*Плюханов Б.В. Поэт Игорь Чиннов // Блоковский сборник*. Вып. XII. Тарту, 1993. С. 196).

³¹ В общем значении — «пограничный», в более конкретном (здесь) «прибалтийский».

³² Анна Семеновна Присманова (наст. имя Анна Симоновна Присман, 1892–1960) — поэтесса. В эмиграции с 1921 г. (Берлин, затем Париж). Жена А.С. Грингера.

³³ А.С. Присманова читала стихотворение «Толчок» («Толчок идет издалека») из своей второй книги стихов «Близнецы» (Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1946).

³⁴ *femme de ménage* — домработница (*фр.*). Здесь: женщины, занимающиеся хозяйством.

³⁵ В.Н. Бунина имеет в виду стихотворение А.С. Присмановой «Сестры» («Когда, скрипя, стирается белье»), включенное вскоре в ее третью книгу стихов «Соль» (Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1949).

³⁶ С.К. Маковского называли папа Мако еще в редакции «Аполлона».

³⁷ Е.Н. Жирова.

³⁸ Неустановленное лицо.

³⁹ Ивану Бунину с моей татарской симпатией. Банин (*фр.*).

768. В.Н. Бунина — И.А. Бунину Париж. 28 мая 1947 г.

28. V. 47.

Драгоценный мой, мне уже трудно писать тебе: все кажется, вот-вот приедешь.

Комната твоя — как стеклышко. Пол натерт. Окно, зеркала и стекла вымыты, как и карнизы. Я сделала перестановку и уничтожила вид столовой. Лампу немного подняли

вверх. Думаю, что тебе будет приятнее, — точно новая комната. Вычинили и матрасы. Вчера видела Алексея Матвеевича¹, он в понедельник заедет за мной в 8 ч. 30 м., и мы поедем встречать тебя.

За эти дни самое главное — заседание в Союзе писателей². Так все было глупо, что стыдно вспоминать. *Пишу только тебе*. Оказалось, что Правление *не* знает устава³. Думало, что это эмигрантский союз, а Осоргин был с красным паспортом, а Ставров — грек, а сколько французов! есть один датчанин. Вообще затеяли исключать красбилетников, а их всего человек десять, на 137 членов общества. И это против устава. Идиотскую резолюцию предложил Борман⁴, сын Тырковой, которую и голосовали, прошла двумя голосами, голосование тайное, а их было гораздо больше, видимо, стало стыдно, уж очень все противозаконно. Борис сказал мне, что он был против этой затеи⁵, но Гуля не уймешь, Серг<ей> П<етрович>⁶ и он грозят, что уйдут. А если их <затея> восторжествует, то уйдут все, кто в Объединении, и в Союзе останется не очень много писателей во главе с Ниной⁷, хотя в этот вечер она была тиха и нема. Окаменелым сидел Карташов, и его притащили, видимо, наскоро записывали новых членов.

Было письмо от Гордона⁸, что в Голландии какой-то издатель соглашается заплатить, но очень мало. А если судиться, то нужно взять адвоката, дать аванс.

Я думаю, когда ты приедешь, то ты переговоришь с ним.

Привет всем.

Обнимаю, целую.
Твой К.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1067A/284.

¹ А.М. Жиров.

² 24 мая 1947 г. в зале Института биотерапии (Institut de Biothérapie, 5, rue Paul Barruel, Paris XVe) прошло общее собрание Союза русских писателей и журналистов, на котором секретарь Союза В.Ф. Зеелер огласил поступившее в правление предложение «исключить из Союза всех членов его, имеющих советское гражданство <...> его осудили, главным образом, члены Союза, не-советские граждане: В.Н. Бунина, А. Вельмин (председательствующий на собрании), Корвин-Пиотровский, Л. Зуров, А. Шик, В. Малянтович, В. Варшавский с большой убедительностью выступали против попытки провести черту между русскими, советскими и не-советскими, проживающими за границей» ([Б.н.] Покушение с негодными средствами // Русские новости. 1947. 30 мая. № 104. С. 5). Резолюция собрала 26 голосов за при 24 против и 2 воздержавшихся. Хотя по уставу для принятия подобной резолюции требовалось две трети голосов, непримиримые решили считать ее принятой, ограничившись простым большинством голосов. В знак протеста из Союза вышла большая группа писателей. Изменения в устав были внесены после выборов нового правления, на собрании 22 ноября 1947 г., после чего из членов Союза вышел еще ряд писателей, в их числе Г.В. Адамович, В.Н. Бунина, А.В. Бахрах, В.С. Варшавский, Л.Ф. Зуров, А.П. Ладинский, Ю.К. Терапиано, Г.И. Газданов. Через две недели письмом в правление о своем выходе из Союза заявил также Бунин. Подробнее см.: Русские новости. 1947. 13 июня. № 106. С. 5; 5 декабря. № 131; 26 декабря. № 134; Русская мысль. 1947. 26 апреля. № 2; 29 ноября. № 33.

³ Перевыборы правления Союза прошли двумя месяцами ранее, на общем собрании 16 марта 1946 г.: председателем был избран Б.К. Зайцев, товарищами председателя — С.П. Мельгунов и Р.Б. Гуль, казначеем и генеральным секретарем — В.Ф. Зеелер. Р.Б. Гуль с гордостью вспоминал, что были провалены все просоветские кандидатуры: «А когда мы перешли к голосованию — к выборам Правления, оказалось, что советчики биты: шестьдесят четыре голоса за нас, за свободу слова и сорок пять — за советчиков. <...> Одним словом, все осталось по-старому, чему я был рад и что тоже было, конечно, ударом по кагебешной политике в отношении эмиграции, как массовый отказ эмигрантов от получения советских паспортов для возвращения “на Родину”» (Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. В 3 т. / Предисл. и аннот. указ. имен. О.А. Коростелева. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. Т. 3: Россия в Америке. С. 139).

⁴ Аркадий Альфредович Борман (1891–1974) — журналист, общественный деятель; сын А.В. Тырковой-Вильямс. С 1920 г. в эмиграции в Лондоне, затем в Париже. Корреспондент английской «Daily Telegraph», сотрудник «Возрождения», «Часового» и др. В 1951 г. уехал в США.

⁵ Б.К. Зайцев писал Бунину 26 января 1948 г.: «В мае 47 года я действительно был против того, чтобы заваривать кашу. Правление и не заварило. Не от его имени поднят был этот вопрос. Правлению подали заявление (об изменении устава 23–24 (точно не помню) члена Союза, — ни моей, ни Зеелера подписи там не было. Решило же Общее Собрание. Но с мая многое изменилось» (*Зайцев–Бунины (1980)*. С. 177).

⁶ С.П. Мельгунов.

⁷ Н.Н. Берберова.

⁸ Письмо неизвестно.

769. И.А. Бунин — В.Н. Буниной
Жуан-ле-Пен. 29 мая 1947 г.

Четверг.

Итак, дорогая моя, буду, Бог даст, в Париже в *понедельник*¹ *утром в 9 ч. 30 м.* От тебя почему-то нет нынче письма уже несколько дней — последнее было от 24-го мая², а нынче уже 29-ое. Нет и «Рус<ской> мысли». Целую тебя и надеюсь, что ты меня встретишь с Алексеем Матвиечем³.

Твой Ив.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS 1066A/295. Почтовая открытка Exprès; адрес получателя: «Madame Véra Bounine, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16»; почт. шт.: «Juan-les-Pins, 29.5.47», «Paris, rue Singer, 30.5.1947». Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

¹ 2 июня 1947 г.

² См. п. 767.

³ А.М. Жиров.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

- ДРЗ — Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва).
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Рукописный отдел (Москва).
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел (Санкт-Петербург).
- ОГЛМТ — Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (Орел).
- ОРЭУ — Отдел рукописей Эдинбургского университета (Великобритания) (Edinburgh University Archives. Edinburgh. Great Britain).
- РАЛ — Русский архив в Лидсе (Великобритания) (Leeds Russian Archive. Leeds. Great Britain).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- FSO — Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Archiv (Bremen. Deutschland) (Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете. Архив (Бремен. Германия).

Печатные источники

- Адамович–Иваск* — Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // *Дiaspora: Новые материалы* / Отв. ред. О. Коростелев. Париж; СПб.: Atheneum — Феникс, 2003. Вып. V. С. 402–557.
- Андреев–Зуров* — «Только Вы поймете следующий текст...»: Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / Сост. И.З. Белобровцева, Е.Н. Андреева // *Балтийский архив*. Таллин, 2013. Т. XIII. С. 35–56.
- Бабореко (2004)* — Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 458 с.
- Бакунцев (2012)* — Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. 156 с.
- Бицилли–СЗ* — «“Современные записки” все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них»: П.М. Бицилли / Публ. и примеч. М.А. Бирмана и М. Шрубы; Вступ. ст. М.А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 479–646.
- Бунин (9)* — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова и др. М.: Художественная литература, 1965–1967.
- Бунин (8)* — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000.
- Бунин–Алданов (1983)* — Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / Публ. А. Зверса // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1983. № 152. С. 153–191.
- Бунин–Бальмонт* — Письма К.Д. Бальмонта И.А. Бунину / Вступ. заметка Ж. Шерона. Публ. и примеч. Р. Дэвиса и Ж. Шерона // *С двух берегов*. Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 22–81.

- Бунин–Берберова* — Переписка И.А. Бунина и Н.Н. Берберовой (1927–1946) / Вступ. ст. М. Шраера; Публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. С. 8–108.
- Бунин–Бицилли* — Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) / Вступ. ст. Т. Двинятиной; Публ. Т. Двинятиной и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. С. 109–178.
- Бунин в русской периодической печати* — «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисл., подгот. текста и примеч. Д. Риникера // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О.А. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 402–563.
- Бунин–Зайцевы (1979)* — Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. Нью-Йорк, 1979. № 134. С. 173–186; № 136. С. 127–140; № 137. С. 124–141.
- Бунин–Зуров (1)* — «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; Публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О.А. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 232–284.
- Бунин–Зуров (2)* — «Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Ленья»: переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым. Часть II (1933–1953) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; Публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. С. 179–224.
- Бунин–Набоков* — В.В. Набоков и И.А. Бунин: Переписка / Вступ. ст. М.Д. Шраера; Публ. и примеч. Р. Дэвиса и М. Шраера // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 167–219.
- Бунин–СЗ* — «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; Вступ. ст. О.А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 697–932.
- Бунин–Степун* — Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1975. № 118. С. 120–128.
- Бунин–Струве (1968)* — Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / Публ. Г.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. New York, 1968. Т. 2. С. 61–109.
- Бунина–Ландау* — «Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера». (Из переписки В.Н. Буниной и Т.М. Ландау) / Публ. Е. Рогачевской // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О.А. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 367–401.
- Бунина–Миллиоти* — Письма Н.Д. Миллиоти к В.Н. Буниной (1927–1958) / Вступ. ст. и прил. К. Триббла; Публ. К. Триббла и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. С. 398–462.
- Бунина–Раскольников* — Пономарев Е. Нет ни красных, ни белых...: М.В. Раскольников и В.Н. Бунина // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. С. 463–478.
- Бунины–Адамович* — Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О.А. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 8–164.
- Бунины–Сазонова* — «Драгоценная скупость слов»: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / Вступ. ст. К. Триббла; Публ. К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. С. 267–397.

- Бунины–Тэффи (1)* — Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1920–1939 / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер; Вступ. ст. Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы / Отв. ред. В. Аллой. Париж; СПб.: Atheneum — Феникс, 2001. Вып. I. С. 348–421.
- Бунины–Тэффи (2)* — Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1939–1948 / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы / Отв. ред. О. Коростелев. Париж; СПб.: Atheneum — Феникс, 2001. Вып. II. С. 477–584.
- Бунины–Тэффи (3)* — Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1948–1952 / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер; Вступ. ст. Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы / Отв. ред. О. Коростелев. Париж; СПб.: Atheneum — Феникс, 2002. Вып. III. С. 536–626.
- Бунины–Ходасевич* — Переписка И.А. и В.Н. Буниных с В.Ф. Ходасевичем (1926–1939) / Вступ. ст., публ. и коммент. Д. Малмстада // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О.А. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 165–219.
- Бунины–Цетлины* — Новое о Буниных: (Письма И.А. и В.Н. Буниных к М.О. и М.С. Цетлиным) / Публ. Н. Винокур // Минувшее: Исторический альманах. М.; Париж: Феникс, 1992. Вып. 8. С. 282–328.
- Внутриредакционная переписка СЗ* — Внутриредакционная переписка / Публ. и примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 135–917.
- Горький. ПСС. Письма* — Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997–.
- Жизнь Арсеньева (1952)* — Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. 390 с.
- Жизнь Бунина (1958)* — Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина: 1870–1906. Париж, 1958. 172 с.
- Зайцев (11)* — Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 11 т. / Сост., вступит. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 1999–2001.
- Зайцев–Бунины (1980)* — Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М. Грин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 140. С. 157–181.
- Зуров–СЗ* — «Напечатали за все время только 2 отрывка — и сколько в этих журналах за эти годы было напечатано ерунды»: Л.Ф. Зуров / Публ., вступ. ст. и примеч. И.З. Белобровцевой // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 873–908.
- Кузнецова (1995)* — Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. 416 с.
- Летопись (1)* — Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Том 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.
- Летопись (2)* — Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Том 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.
- Летопись Шаляпина* — Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаляпина: В 2 кн. Л.: Музыка, 1984.
- ЛН* — Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. / Академия наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1973.
- Марченко (2007)* — Марченко Т.В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. 632 с.
- Муромцева-Бунина (1989)* — Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина, 1870–1906. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1989. 512 с.

- Новые материалы (3)* — И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. III. «...Когда переписываются близкие люди». Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун, 1934–1961 / Сост., подгот. текста, коммент. Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2014. 714 с.
- Осоргин–СЗ* — «Я — профессионал дикий и злобный, ни в какой мелочи не уступающий»: М.А. Осоргин / Публ., вступ. ст. и примеч. А.А. Данилевского // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 4. С. 343–431.
- Письма (1)* — Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, И.А. Костомаровой, Л.Г. Голубевой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.
- Письма (2)* — Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007. 830 с.
- Полонский* — Иван Бунин во Франции. Дневник Я.Б. Полонского / Вступ. ст. Е. Эткинда // *Время и мы*. 1980. № 55. С. 266–302; № 56. С. 279–304.
- Публицистика* — Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. 640 с.
- Русская печать в Риге* — Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997. Кн. I–V.
- Степун–Бунин* — Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину / Вступ. ст. К. Хуфена; Публ. и примеч. Р. Дэвиса и К. Хуфена // *С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом* / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 82–166.
- Темные аллеи (1946)* — Бунин И.А. Темные аллеи. Paris: La Presse Française et Etrangère; O. Zeluck, 1946. 328 с.
- Тыркова–Бунин* — Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / Вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // *С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом* / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 327–369.
- Устами Буниных* — Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982.
- Хазан (2010)* — Хазан В. «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни» (материалы к портрету Михаила Цетлина) // *Вокруг редакционного архива «Современных записок»* (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–103.
- Хроника. Франция, 1920–1940* — Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция, 1920–1940: В 4 т. / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. М.: ЭКСМО, 1995–1997.

Условные обозначения

АМ — авторизованная машинопись.

ЧА — черновой автограф.

ЧМА — черновая машинопись с рукописной правкой и частично написанным от руки текстом.

◇ — как в основном тексте.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составил С.Н. Морозов

І. Портреты Бунина

Живопись

- П.А. Нилус. Портрет И.А. Бунина. Одесса, 1918 г. Картон, масло. ОГЛМТ. Ф. 14. № 1278 оф — вклейка, № 14
- Н.Л. Кащевский. Портрет И.А. Бунина. Париж, 1928 г. Холст, масло. ОГЛМТ. Ф. 14. № 2033 оф — вклейка, № 22
- А.И. Прегель-Авксентьева. Портрет И.А. Бунина. Париж, 1930-е гг. Холст, масло. ОГЛМТ. Ф. 14. № 13159 оф — вклейка, № 23

Фотографии

- И.А. Бунин. Москва, 1887 г. ОГЛМТ. Ф. 14. № 1276 оф — с. 30
- И.А. Бунин. Озёрки, 11 сентября 1888 г. ОГЛМТ. Ф. 14. № 710 оф — с. 42
- И.А. Бунин. Москва, 1903 г. РАЛ. MS 1066/6226 — вклейка между с. 4 и 5
- И.А. Бунин. Одесса, 1903 г. РАЛ. MS 1066/6223 — с. 89
- И.А. Бунин. Петербург, 1907 г. РАЛ. MS 1066/6229 — с. 267
- И.А. Бунин после избрания академиком. Москва, ноябрь 1909 г. РАЛ. MS 1066/6186 — с. 459
- И.А. Бунин в коляске рикши. Цейлон, март 1911 г. РАЛ. MS 1066/6236 — с. 165
- И.А. Бунин. Москва, осень 1912 г. ОГЛМТ. Ф. 14. № 3758 оф — с. 285
- И.А. Бунин. Москва, 1916 г. ОГЛМТ. Ф. 14. № 8967 оф — с. 473
- И.А. Бунин. Середина 1910-х гг. РАЛ. MS 1066/6238 — с. 113
- И.А. Бунин. Москва, 1917 г. РАЛ. MS 1066/6240 — с. 305
- И.А. Бунин. Одесса, апрель 1919 г. РАЛ. MS 1066/6168 — с. 571
- И.А. Бунин. Висбаден, сентябрь 1921 г. РАЛ. MS 1066/6249 — с. 578
- И.А. Бунин. Париж, 1925 г. РАЛ. MS 1066/6255 — с. 610
- И.А. Бунин. Грасс, 1929 г. РАЛ. MS 1066/6189 — с. 183
- И.А. Бунин. Конец 1920-х гг. РАЛ. MS 1066/6189 — с. 203
- И.А. Бунин. Париж, апрель 1930 г. РАЛ. MS 1066/6247 — с. 680
- И.А. Бунин. Грасс, 1931 г. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 686
- И.А. Бунин. Канны, 21 июля 1933 г. РАЛ. MS 1066/6309 — с. 705
- И.А. Бунин. Грасс, 10 ноября 1933 г. РАЛ. MS 1066/6186 — с. 780
- И.А. Бунин. Париж, ноябрь 1933 г. РАЛ. MS 1066/6317 — с. 787
- И.А. Бунин. Стокгольм, декабрь 1933 г. РАЛ. MS 1066/6319 — с. 809
- И.А. Бунин. Париж, январь 1934 г. РАЛ. MS 1066/6322 — с. 871
- И.А. Бунин. Май 1934 г. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 902
- И.А. Бунин. Прага, 1936 г. РАЛ. MS 1066/6373 — с. 862

- И.А. Бунин. Париж, апрель 1937 г. РАЛ. MS 1066/6378 — с. 978
И.А. Бунин. Париж, ноябрь 1937 г. РАЛ. MS 1066/6186 — с. 252
И.А. Бунин в окне виллы «Бельведер». Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6187 — с. 941
И.А. Бунин. Париж, 5 июля 1948 г. РАЛ. MS 1066/6380 — с. 1069

Групповые фотографии

- Ю.А. Бунин и И.А. Бунин. Москва, 1894 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 733 оф — с. 43
И.А. Бунин (в центре) с А.М. Федоровым и Л.К. Федоровой. Ялта, 1900-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 713 оф — с. 395
И.А. Бунин и С.А. Найденов. Москва, 1900-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 736 оф — с. 403
И.А. Бунин и В.Н. Муромцева. Москва, весна 1907 г. РАЛ. MS 1066/6566 — с. 365
В.Н. Муромцева и И.А. Бунин. Москва, 1907 г. РАЛ. MS 1066/6569 — с. 371
И.А. Бунин и Н.А. Пушешников. Глотово, 1907 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8969 оф — с. 382
В первом ряду: В.Н. Муромцева, Н.А. Пушешников, во втором ряду: М.П. Миловидова, И.А. Бунин, в третьем ряду А.С. Черемнов, неизвестная. Клевка, 1912 г. РАЛ. MS 1066/7141 — с. 525
В.Н. Бунина и И.А. Бунин. Амбуаз, 1922 г. РАЛ. MS 1066/6570 — с. 583
З.Н. Гиппиус, М.О. Цетлин, В.А. Злобин, В.Н. Бунина, неизвестные, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский. Амбуаз, 1922 г. РАЛ. MS 1066/7197 — с. 597
О.А. Шмелева, В.Н. Бунина, И.А. Бунин, И.С. Шмелев. Грасс, 4 октября 1923 г. РАЛ. MS 1066/7489 — с. 601
И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, С.С. Юшкевич. Канны, 1926 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 729 оф — с. 622
Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин, Н. Роцин. Грасс, вилла «Бельведер», 1927 г. РАЛ. MS 1066/7434 — с. 639
И.А. Бунин, В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова, Н. Роцин. Грасс, 1929 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 596/11 оф — с. 655
Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин, В.А. Зайцева, Б.К. Зайцев, Н.Б. Зайцева, В.Н. Бунина. Конец 1920-х гг. РАЛ. MS 1066/6189 — с. 661
В.Н. Бунина, И.А. Бунин, В.Н. Ладыженский. Грасс, конец 1920-х гг. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 669
Ф.А. Степун, И.И. Фондаминский, И.А. Бунин, И.П. Демидов. Грасс, 1920-е гг. РАЛ. MS 1066/6186 — с. 673
Т.М. Ландау, М.А. Алданов, В.Н. Бунина, И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова. Грасс, конец 1920-х гг. РАЛ. MS 1066/6189 — с. 736
И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова, Н. Роцин. Грасс, 1931 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 596/6 оф — с. 689
И.А. Бунин и Ф.А. Степун. Грасс, 1931 г. РАЛ. MS 1066/7509 — с. 698
И.А. Бунин и Г.Н. Кузнецова. Начало 1930-х гг. РАЛ. MS 1066/6189 — с. 729
Л.Ф. Зуров, Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин, М.А. Алданов. Грасс, конец 1920-х гг. РАЛ. MS 1066/6189 — с. 743

- Л.Ф. Зуров, Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин, Г.В. Адамович, В.Н. Бунина. Грасс, начало 1930-х гг. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 753
- И.А. Бунин и Г.В. Адамович. Грасс, начало 1930-х гг. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 763
- Г.Н. Кузнецова, Н. Роцин, В.Н. Бунина, И.А. Бунин. Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 773
- Чествование И.А. Бунина в редакции газеты «Последние новости». М.С. Цетлина, В.В. Вейдле, А.П. Ладинский, Е.В. Ратнер, А.А. Поляков, И.А. Бунин, П.Н. Милоков. Париж, 15 ноября 1933 г. РАЛ. MS 1066/7257. — с. 795
- Встреча И.А. Бунина на вокзале. Стокгольм, 5 декабря 1933 г. РАЛ. MS 1066/6186 — с. 800
- С. де Шессен, Г.Н. Кузнецова, Я.М. Цвибак, И.А. Бунин, В.Н. Бунина, И.М. Троцкий, А.Р. Троцкая, М. де Шессен. Стокгольм, 16 декабря 1933 г. РАЛ. MS 1066/6192 — с. 823
- Чествование И.А. Бунина на празднике святой Люции. В.Н. Бунина, С. де Шессен, И.А. Бунин, Люция (Анна-Луиза Берг). Стокгольм, декабрь 1933 г. РАЛ. MS 1066/6192 — с. 850
- Встреча Нового 1934 года в доме князей Кугушевых. Сидят: Л.Ф. Зуров, И.А. Бунин; стоят: неизвестный, А.М. Кугушева, Г.Н. Кузнецова, В.Н. Бунина, Н. Роцин, А.А. Кугушев. Грасс, 1934 г. ОГЛМТ. Ф. 14. № 596/7 оф — с. 864
- И.А. Бунин и М.А. Алданов. Грасс, 10 августа 1936 г. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 1016
- Чествование И.А. Бунина. Белград, 26 августа 1937 г. РАЛ. MS 1066/7574 — с. 893
- И.А. Бунин (в центре). Ковно, апрель 1938 г. РАЛ. MS 1066/7576 — с. 904
- Встреча И.А. Бунина. Ковно, начало мая 1938 г. РАЛ. MS 1066/7577 — с. 907
- И.А. Бунин среди встречающих на вокзале. Двинск, 4 мая 1938 г. РАЛ. MS 1066/7578 — с. 917
- И.А. Бунин (в центре). Рига, 1938 г. РАЛ. MS 1066/7579 — с. 910
- И.А. Бунин и Оля Жирова. Грасс, лето 1939 г. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 960
- Оля Жирова с И.А. Буниным. Грасс, 1939 г. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 946
- И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова, В.Н. Бунина, Л.Ф. Зуров. Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 1029
- М.А. Алданов, И.А. Бунин, С.В. Рахманинов. 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6188 — с. 1007
- И.А. Бунин и Г.Н. Кузнецова. Грасс, начало 1930-х гг. РАЛ. MS 1066/6188 — с. 175
- И.А. Бунин и В.Н. Бунина. Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6188 — с. 1001
- И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова и В.Н. Бунина на пикнике. 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6188 — с. 992
- И.А. Бунин с Олей Жировой. Грасс, конец 1930-х гг. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 970
- И.А. Бунин с Олей Жировой. Грасс, 1940 г. (?) РАЛ. MS 1066/6191 — с. 953
- И.А. Бунин и И.В. Одоевцева (сидят), слева направо стоят: иностранный журналист, В.Н. Бунина, Е.Ф. Роговский. Жуан-ле-Пен, март 1948 г. РАЛ. MS 1066/6186 — с. 1054

II. Книги Бунина с дарственными надписями

- Обложка книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» на французском языке (Paris: Gallimard, 1939). Личный архив Л.Н. Киселевой. Тарту — с. 921
- Дарственная надпись И.А. Бунина Л.А. и М.А. Курчинским на книге «Освобождение Толстого» (Paris: Gallimard, 1939). Париж, 1 мая 1939 г. Личный архив Л.Н. Киселевой. Тарту — с. 921

III. Документы и личные вещи Бунина

- Герб рода Буниных. Копия из Родословной книги, выданная И.А. Бунину Русским генеалогическим кружком 29 ноября 1925 г. РАЛ. MS 1066/1229 — вклейка, № 1
- Чернильница И.А. Бунина. 1910-е гг. ОГЛМТ. Ф. 14. № 748 оф — вклейка, № 2
- Перьевая ручка И.А. Бунина. ОГЛМТ. Ф. 14. № 6570 оф — вклейка, № 8
- Серебряное кольцо для салфетки, подаренное И.А. Бунину в день 25-летия его литературной деятельности. Москва, 1912 г. На одной стороне выгравирована монограмма «ИАБ» и дата «28.X.1912», на другой стороне: «На память от 1-го Московского женского клуба». ОГЛМТ. Ф. 14. № 2012 оф — вклейка, № 6
- Серебряный подстаканник И.А. Бунина. 1912 г. ОГЛМТ. Ф. 14. № 23070 оф — вклейка, № 7
- Ваза-яхта, подаренная поклонниками И.А. Бунину в день 25-летия его литературной деятельности. Москва, 1912 г. Серебро, хрусталь, на борту гравировка: «Вера», на парусе выгравированы монограмма «ИБ» и дата «28/X 1912». ОГЛМТ. Ф. 14. № 4411 оф — вклейка, № 9
- Четки, принадлежавшие И.А. Бунину. 1910-е гг. ОГЛМТ. Ф. 14. № 3781 — вклейка, № 10
- Пробковый шлем И.А. Бунина. 1910-е гг. ОГЛМТ. Ф. 14. № 747 оф — вклейка, № 11
- Коробка для табака. 1910-е гг. ОГЛМТ. Ф. 14. № 12234 оф — вклейка, № 12
- Курительная трубка И.А. Бунина. 1910-е гг. ОГЛМТ. Ф. 14. № 12231 оф — вклейка, № 13
- Нобелевский диплом И.А. Бунина. Стокгольм, 1933 г. РАЛ. MS 1066/1349а — вклейка, № 15
- Нобелевская медаль И.А. Бунина, лицевая сторона РАЛ. MS 1066/1349b — вклейка, № 16
- Нобелевская медаль И.А. Бунина, оборотная сторона РАЛ. MS 1066/1349b — вклейка, № 17
- Серебряная солонка, подаренная И.А. Бунину русскими почитателями. Стокгольм, 1933 г. На лицевой стороне выгравирована монограмма «ИБ», на обороте гравировка: «От русских в Стокгольме в память 19¹⁰/₁₂ 33». ОГЛМТ. Ф. 14. № 23072 оф — вклейка, № 18
- Серебряный поднос, подаренный И.А. Бунину русскими почитателями. Стокгольм, 1933 г. На нижней стороне гравировка: «Ивану Алексеевичу Бунину от русских в Стокгольме в память 19¹⁰/₁₂ 33». ОГЛМТ. Ф. 14. № 23073 оф — вклейка, № 19
- Поздравительный адрес И.А. Бунину. Либава, 1934 г. Обложка. РАЛ. MS 1066/5544 — вклейка, № 20
- Поздравительный адрес И.А. Бунину. Либава, 1934 г. Начало текста — вклейка, № 21
- Карманные часы И.А. Бунина. РАЛ. MS 1066/9945 — вклейка, № 24

Кольцо И.А. Бунина с изображением центральной части герба рода Буниных. РАЛ. MS 1066/9926 — вклейка, № 25

План квартиры Буниных, выполненный Л.Ф. Зуровым. 2 июля 1961 г. РАЛ. MS 1066/1394 — вклейка, № 28

IV. Портреты родственников и современников Бунина

А.Н. Бунин. Ефремов, 1880-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 4871 оф — с. 53

Л.А. Бунина. Ефремов (?), 1890-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 716 оф — с. 52

Ю.А. Бунин. Полтава, начало 1890-х гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 7450 оф — с. 62

Н.Д. Телешов. Москва, 1897 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 721 оф — с. 389

А.Н. Цакни (Бунина). Одесса, 26 сентября 1898 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 7427 оф — с. 353

М.А. Бунина. Елец, конец 1898 г. РАЛ. MS 1066/7263 — с. 429

Е.А. Бунин. Москва, 1900-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 3759 оф — с. 69

В.Н. Муромцева (крайняя слева) в группе знакомых. Москва, 1900-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 4420 оф — с. 356

М.М. Зайцев. Портрет В.Н. Муромцевой. Москва, 1900-е гг. Холст, масло. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 2363 оф — вклейка, № 4

Е.И. Буковецкий. Портрет В.Н. Муромцевой. Одесса, конец 1900-х гг. Холст, масло. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 1279 — вклейка, № 3

В.Н. Муромцева. Москва, 1900-е гг. РАЛ. MS 1066/6398 — с. 352

С.Н. Пушешникова. Елец, 1900-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 7444/1 оф — с. 393

А.П. Чехов. Ялта, 1901 г. С дарственной надписью И. Бунину. РАЛ. MS 1066/7136. — с. 233

Коля Бунин. Одесса, 1902 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 1030 оф — с. 354

Коля Бунин. Одесса, 1904 г. РАЛ. MS 1066/7122 — с. 141

В.Н. Муромцева. Москва, 1908 г. РАЛ. MS 1066/6402 — с. 425

Н.А. Муромцев. Под Москвой на даче, 4 августа 1915 г. РАЛ. MS 1066/7326 — с. 376

В.Н. Муромцева, М.А. Ласкаржевская, Н.А. Пушешников, С.Н. Пушешникова, Коля Ласкаржевский. Глотова, 14 августа 1915 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8975 оф, 7441/2 оф — с. 479

П.Н. Муромцев. Москва, 1910-е гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 4423 оф — с. 467

В.Н. Муромцева. Одесса, 1919 г. РАЛ. MS 1066/6406 — с. 545

Ю.А. Бунин. Москва, 1918 или 1919 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8976 оф — с. 551

Е.И. Ласкаржевский. 1918 или 1919 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 1267 оф — с. 561

М.С. Цетлина. Шантильи, 1920-е гг. РАЛ. MS 1066/7533 — с. 591

В.Н. Бунина. Париж, 1926 г. РАЛ. MS 1066/6409 — с. 614

Г.Н. Кузнецова. Грасс, 1926 г. РАЛ. MS 1066/6774 — с. 628

В.Н. Бунина. Париж, начало 1927 г. РАЛ. MS 1066/6411 — с. 631

Г.Н. Кузнецова. Грасс, конец 1920-х гг. РАЛ. MS 1066/6789 — с. 645

М.А. Ласкаржевская. Ростов-на-Дону, конец 1920-х гг. РАЛ. MS 1066/7264 — с. 746

- Е.А. Бунин и Н.К. Бунина (сидят) с детьми — Маргаритой и Арсением. Ефремов, начало 1930-х гг. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 20059 оф — с. 648
- В.Н. Бунина. Стокгольм, декабрь 1933 г. РАЛ. MS 1066/6430 — с. 816
- В.Н. Бунина. Стокгольм, декабрь 1933 г. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 837
- Г.Н. Кузнецова и В.Н. Бунина. Стокгольм, декабрь 1933 г. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 843
- Люция — актриса Анна-Лиза Берг. Стокгольм, декабрь 1933 г. РАЛ. MS 1066/7100 — с. 857
- Г.Н. Кузнецова. Грасс, 19 марта 1934 г. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 879
- Г.Н. Кузнецова, Б.К. Зайцев, Л.Ф. Зуров. Май 1934 г. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 1038
- В.Н. Бунина. Грасс, июнь 1936 г. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 986
- Оля Жирова. Босолей, 1938 г. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 895
- В.Н. Бунина. Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6188 — с. 712
- Г.Н. Кузнецова. 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6188 — с. 720
- В.Н. Бунина. Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6188 — с. 723
- Г.Н. Кузнецова. Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 767
- Л.Ф. Зуров, В.Н. Бунина. Грасс, 1930-е гг. РАЛ. MS 1066/6190 — с. 886
- Г.Н. Кузнецова. Конец 1930-х гг. РАЛ. MS 1066/6191 — с. 1023

V. Памятные места и виды

- Почтовая открытка с видом отеля «Квисисана» на Капри с пометой И.А. Бунина. Капри, 1912 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 4045 оф — вклейка, № 5
- Почтовая открытка с видом Марсея. РАЛ. MS 1066A/26 — вклейка, № 26
- Почтовая открытка с видом Монте-Карло. РАЛ. MS 1066A/173 — вклейка, № 27
- Вилла «Бельведер». Грасс, 1920-е гг. РАЛ. MS 1066/6192 — с. 932
- Парижская квартира И.А. и В.Н. Буниных. Париж, 1961 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 9312/2 оф — с. 1084
- Кабинет И.А. Бунина. Париж, 1961 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 9312/1 оф — с. 1099
- Интерьер столовой в парижской квартире Буниных. Париж, 1961. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 9312/5 оф — с. 1114
- Интерьер столовой в парижской квартире Буниных. Париж, 1961 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 9312/4 оф — с. 1128
- Секретер В.Н. Буниной. Париж, 1961 г. ОГЛИМТ. Ф. 14. № 9312/3 оф — с. 1144
- Мемориальный парижский кабинет И.А. Бунина в Музее И.А. Бунина в Орле. Современное фото. ОГЛИМТ — вклейка, № 29
- Канторка В.Н. Буниной из парижской квартиры. Современное фото. ОГЛИМТ — вклейка, № 30

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
---------------------------	---

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ И НАБРОСКИ

ПОЭЗИЯ

Стихотворения 1885–1898 гг.

<i>Подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова . . . . .</i>	10
К Ф** («Я люблю Ваши милые глазки...»)	11
«В стужу, в лютые морозы...»	11
«Степи с Половцем сжигал...»	12
«С полезным можешь сочетать!..»	12
Стансы к К** («Тебе, тобою вдохновенный...»)	13
«Вокруг пылающих костров...»	13
«Но только, что ночь поднимала...»	13
Покинутая вилла («Бегут вдруг от лавров душистых...»)	14
«Сумерки деревню тихой пеленою...»	14
«И как потом бледна, грустна...»	15
«И сердце вдаль куда-то мчится...»	15
«Нету мне ни в чем отрады...»	16
«Спит река, одетая молчанием...»	16
Призыв («Только скроется солнце за дальней горою...»)	16
«Как волшебю хороши вы...»	17
Зимняя ночь («Воет и плачет порывистый ветер...»)	17
«Нонче день такой скучный и пасмурный...»	17
«Спит лес. Темно; лишь <нрзб>...»	18
«Я сегодня всю ночь не засну...»	18
«И забыл и тоску и печаль!..»	18
«А помнишь? Светало. Все утром до...»	18
«Качели высокие в чаще садовой...»	19
«Теплым дыханием ветер проснувшийся...»	19
«Темно-лиловой прозрачной грядою...»	19
«Как цветы расцветают и вянут...»	19
«Много я жарко любил...»	19
«Чтоб весне, все от сна пробуждающей...»	20
«Лишь взглядишь, углубись ты в красоты ея...»	20
К Д*** («Тебе сорвал, тебе принес...»)	20
«Любезный крестник! поздравляю...»	21

«Когда тоскую я порою...»	22
Жалобы елей («Я в лесу. Тихий вечер ложится...»)	22
«Порою при солнце на водах...»	24
«Отчего так природа печальна?..»	25
Весенние порывы («Прочь гнетущие заботы!..»)	25
Картинка («Серп луны почти сгоревший...»)	27
«Широкие полосы света...»	27
«За годом канет в вечность год...»	28
К** («Взгляд твой мне всего милей...»)	29
«Так сладки они!..»	29
«Темнеет запад, угасая...»	29
«Коль уныла душа, коль страдания в ней...»	29
«И слетят снова светлые грезы...»	30
«Нет! Нету пределов...»	30
«Пепельным дымом опять расстилается...»	31
«Я с каждым днем смотрю на мир...»	31
«Красавиц стройных рой прелестный...»	31
«Я не завидую тому...»	32
(Посв. А.В. Р-ой) «Весна пришла, – придет опять и лето...»	32
«Отчего весел я, хоть и пасмурен день...»	33
«Солнце вышло на небо высоко...»	34
«Клавиши рояля тихо напевали...»	35
«В узкую, длинную тучку скрывается...»	36
«В нем надежда есть святая...»	36
Заветная песня («Эту песню я в детстве певал...»)	36
(посв. А.В.Р.) «Милый друг, не дивись, что в объятьях твоих...»	37
Одинокая ель («Ветвистая елка в лесу выростала...»)	38
«И нега блаженная грез золотых...»	38
«Слышишь? Вопли и рыдания...»	39
«Но у жизни благородной...»	39
«Когда в минуты раздраженья...»	39
«Если любить – значит с горем расстаться...»	40
«Какая глупость! Боже мой!..»	41
«Для чего любить людей, природу...»	41
«В глубокою полночь я был...»	42
Из «Ночной песни»	
I. «Настала ночь. Все быстрые ключи...»	43
II. «И все же я вас благодарю...»	44
III. «Настала ночь. И вот, как ключ в холодном камне...»	44
«Молчаньем землю обнимая...»	44

Повесть «Увлечение»

Подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова 46

Неоконченные рассказы**I. Рассказы круга «Темных аллей».**

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева 79

На постоялом дворе 86

О. Никон. 94

Дура 101

Сказка про солдата 104

Иволга 105

К «Иволге» 112

Лизок 114

Раиса 119

Замужество 121

Княжна Сайтанова 124

<Натурщица> 125

II. <Смерть в Ялте>.

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева 128

Наброски

Предисловие Е.Р. Пономарева 132

I. Отдельные наброски.

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева 138

II. <Путешествия на Цейлон>

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева 164

[Из записок о Цейлоне (1911 г.)]. 166

<Туманная полоска земли...> 167

III. Наброски, тематически близкие роману «Жизнь Арсеньева»**1. Папка «К “Жизни Арсеньева”. Том второй “Дни и годы”».**

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева 169

2. Отдельные листы.

Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева 218

<И натура моя с рожденья...> 221

<и этих постыдных слов...> 222

<Дальнейшие годы уже туманятся...> 224

<И идут дни за днями...>. 225

<<Je ne vis que roug éstige...> 226

<как резко чернеют они на нем...> 228

3. <План-конспект продолжения романа «Жизнь Арсеньева»>. <i>Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева</i>	230
4. Папка «Юг». <i>Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева</i>	239
IV. Наброски, тематически близкие книге «Темные аллеи». <i>Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева</i>	263
1. Папка «Женщины, девушки, девочки»	268
2. Листы «К Парижу»	290
3. Папка «Спят в одной комнате...»	297
4. <Зимняя ночь...>	303
5. Замыслы рассказов	
Его записки	306
К «Лейб-гусару Муравьеву»	308
К «Скарятину»	310
К «Аничке»	310
V. Наброски, тематически близкие книге «Воспоминания». <i>Подготовка текста, предисловие и примечания Е.Р. Пономарева</i>	311

Неоконченные литературно-критические статьи

<i>Подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова</i>	323
Поэзия и отвлеченное мышление	324
<О поэзии В.Я. Брюсова>	326

ПИСЬМА

Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной 1906–1947 гг. <i>Предисловие Т.М. Двинятиной, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой.</i> <i>Подготовка текста и примечания Г.З. Брэдли, Т.М. Двинятиной,</i> <i>Р.Д. Дэвиса, О.А. Коростелева, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой</i>	351
Часть 1. Переписка 1906–1917 гг.	374
Часть 2. Переписка 1922–1947 гг.	577
Список условных сокращений.	1170
Указатель иллюстраций	1174

Литературное наследство / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. — М., 1931–. — ISSN 0130–3627

Том 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с., ил. — ISBN 978-5-9208-0565-2
DOI: 10.22455/978-5-9208-0565-2

В первой книге 110 тома «Литературного наследства», посвященного И.А. Бунину, публикуются неизвестные ранние стихотворения и проза писателя, его неоконченные литературно-критические статьи и большой блок переписки. С выходом данной книги вводятся в научный оборот практически все неизвестные ранее художественные тексты И.А. Бунина: ранние стихотворения (в том числе неоконченные и наброски), впервые появляющаяся в печати повесть «Увлечение», рассказы круга «Темных аллей», наброски и неоконченные рассказы, наброски и планы второго тома романа «Жизнь Арсеньева». Больше половины книги занимает уникальная переписка И.А. и В.Н. Буниных, в которой зафиксирована почти вся их совместная жизнь. Книга содержит большое количество иллюстраций, многие из которых публикуются впервые.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Научное издание

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том сто десятый

в четырех книгах

И.А. БУНИН
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
КНИГА ПЕРВАЯ

Редакторы

Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов

Технический редактор

А.З. Бернштейн

Корректор

Е.Н. Сченснович

Подписано в печать 26.03.2019.

Формат 70×108¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Печ. л. 75,0. Усл. печ. л. 103,6 + цвет. наклейка. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а

Тел.: (495) 690-05-61, 691-23-01

Отпечатано с электронного макета

ISBN 978-5-9208-0565-2

9 785920 805652

